

Невскій пр., № 6.

ОГЛАВЛЕНИЕ „НИВЫ“ ЗА 1893 ГОДЪ.

I. Романы, повѣсти, рассказы. стихотворенія, драматич. произвед. и пр.

	СТРАН.
Африканск. рождеств. Раз. Ганнемана	230
Благость. Акrostихъ въ прозѣ	260
Былая весна. Стих. Медвѣдскаго	611
Вегетарианка. Разск. (пер. съ нѣм.)	706
Великій изобрѣт. Разск. Родериха	546
Вечеръ. Стих. Бобрищева-Пушкина	348
Во льдахъ. Миниатюра А. Желѣзнова	188
Воля судьбы. Историч. ром. въ 3 част.	
Кн. М. Н. Волконскаго. 150, 174, 198,	
222, 246, 270, 294, 318, 342, 366,	
390, 414, 438, 462, 486, 510, 534,	558.
Въ горахъ на побѣдѣ. Стих.	450
Въ чемъ счастье? Индѣйск. раз.	1175
Вы не придете вновь. Стих. Лонскаго	197
Горсть брильянт. Быль. Кн. М. Н. Волконскаго	1170
Да здравств. республика! Миниатюра.	651
Дарыя д'Анжуккина и банкирскій теноръ безъ граціи. Пов. В. И. Немировича-Данченко. 1038, 1061, 1085, 1114,	1138
Дѣв встрѣчи. Миниатюра.	1027
Десять минутъ. (Изъ монол. Коклена).	499
Джентатура. Пов. гр. Е. А. Саласа 2, 30, 54, 78, 102,	126
Дипломатич. сочинительство. Разск.	423
Дѣло о контрактѣ. Разск. Твѣна	1046
Если женщина захочетъ. Ком. Булацеля	114
Желаніе дофина. Разск.	139
Золотые сны. Стих. В. Величко	975
Зюлейка. Стих. Н. Р.	577
Избавица Аллаха. Легенда Уманца	686
Изгнанники. Стих. Мережковскаго	1123
Искатель приключ. Пов. І. Ясинскаго. 797, 817, 839, 861, 885, 910, 938, 966, 990,	1014
Казненный Ибрагимъ. Турецкій разск.	399
Ключъ врага милосерднаго. В. Н.-Д.	92
Констанцій Гиньяръ. Раз. Ришпена	378
Крестъяне. Разск. Ларсена	162
Лента. Разск. О. Чюминой	180
Леченіе слуха. Разск.	494
Любишь?... Стих. Лукьянова	831
Между жизнью и смертью. Раз. Лилла	518
Мертвое поле. Стих. І. Ясинскаго	372
Молитва. Стих. Зарина	207
Мэръ Чампионъ-Сити. Разск. М. Твѣна	187
На берегъ моря... Стих. Іевлева	60
На кливерѣ. Разск. Бозра	1094
На маякѣ. Разск. Тавастьерна	975
Наступленіе Велик. поста. Раз. Аенскаго	138
Не вспоминай. Стих. Лукьянова	183
Незнакомка. Разск. П. Бурже	254
Не могу я слышать Стих. Фета	90
Неразлучное. Раз. Н. Дѣбровскаго 8, 42	60
Невольодовой. Стих. Розенгейма	606
Ни франка въ карманѣ. Раз. Шульте	847
Новогодніе планы молодой дѣвушки. Раз.	11
Опоздалъ. Разск. Уилькинса	326
Осенъ. Стих. Порфирова	876
Очерки порубежной жизни. Моргана	610
Пасхальная ночь. Фантазія Аенскаго	302
Первый блинъ да комомъ. Полевскаго	111
Перчаточникъ. Новелла Саломона	996
Подъ Рождество. Свят. разск. Тхоржевск.	1195
Подъ розов. блескомъ. Раз. Е. Дубровиной	348
Полю, успокойся... Стих. Федорова	1128
Помогли! Стих. Лукьянова	909
Понугай сосваталь. Раз. В. Банда	90
Побѣдъ идетъ! Разск. Мьерса	204
Призракъ. Р. Н.-ы	236
Приндите ко мнѣ Стих. Львовой	631
Пропанцій челоуѣкъ. Разск.	542
Прощаніе. Стих. Де-Лазари	786
Пьеретта. Повѣсть Жипа	823
Пѣвецъ. Стих. Мережковскаго	1
Разсыпался смѣхомъ ребенка. Стих. Фета	90
Расплатился. Разск.	1071
Салфиръ Миріиѣв. Сказ. Кота Мурлыки	470
Свѣтлый праздникъ на позиціи. Разск. Вѣрунина	303
Сильный челоуѣкъ. Ром. К. Орловскаго 578, 598, 617, 644, 657, 677, 697, 717, 738, 759,	782
Скажи мнѣ мидая... Стих. Порфирова	847
Сколько думъ... Стих. Талина	652
Скорбная вѣрба. Раз. П. Н. Полевскаго	282
Сонъ въ зимнюю ночь. Свят. разск.	1204
Старая гувернантка. Разск. Зейделя	870

	СТРАН.
Страничка. Рожд. разск. Кн. Голицына-Муравлина	1194
Страстная седмица. Стих. Сафонова	276
Сѣрый день. Стих. Мережковскаго	686
Телефонистка. Раз. Бертгольда	807
Тетрадка старая... Стих. Р. Н.	389
Три желанія. Восточный разск.	894
Тѣни минувшаго. Стих. А. Доде	1200
Тяжелый долгъ. Разск. Марша	1019
Увядшія фіалки. Разск. Терье	1123
Удача. Разск. М. Твѣна	63
Улыбка. Разск.	567
Утро Свѣтъ. Праздн. Разск. Желѣзнова	306
Ученый слонъ. Стих. В. Величко	110
Фишка. Разск. А. Цѣхановича	666
Цѣбты. Стих. Мережковскаго	750
Челоуѣкъ на берегу моря. Раз. Бретъ-Гарта	786
Шляпа. Монологъ	331
Языкъ животныхъ. 2 абиссинск. разск.	870
Я помню утро... Стих. Червинскаго	330

II. Біографіи и характеристики

ко вѣсмъ помѣщеннымъ 144 портретамъ (см. отдѣлъ XIV: Живопись, рисунки и портреты).

III. Этнографія, археологія и культурно-историческіе очерки.

Аккерманъ, городъ	851
Алтай. Очеркъ Мако.	84
Батумъ. Пожаръ 9 ноября	1130
Бури сѣвернаго полушарія	607
Бухара прежде и нынѣ. Пст. очеркъ	94
Бухара. Очеркъ Пясецкаго	1046
Въ вѣчномъ городѣ, очеркъ	255
Вѣна во время конгресса. Пст. очеркъ	183
Геокъ-Тепе. Очеркъ	980
Георгиевскій монастырь	452
Дарьяльская крѣпость. Очеркъ	236
Женскіе клубы Нов. Св. В. Макъ-Гах.	259
Законоспасскій монастырь. Очеркъ	188
Занте, О-въ, (землегрѣсеніе)	406
Казань и ихъ тактика	420
Кашинъ, городъ	571
Книгопечатаніе въ Черногоріи	686
Коневедскій монастырь	613
Коринѣйскій каналъ. Очеркъ	832
Коронован. Ихъ Величествъ (десятилѣт.)	476
Костюмъ во Франціи, измѣнен. Оч.	972
Культура древней Америки. Очеркъ	36
Ладога. (Древности). Очеркъ В. Ч.	651
Либавскій коммерческій портъ. Очеркъ	868
Ліу-Кіу, архипелагъ	424
Манасти, верховья рѣки. Очеркъ	727
Мелла, городъ	1154
Мечеть Сулейманіе въ Стамбулѣ	1014
Музыка въ Японіи. Очеркъ	670
Начало общ. увеселеній въ Россіи.	
Очеркъ Ширяева.	1178
Новгородск. старина. Оч. Тюменева	586
Нѣжнѣе и его людей. Очеркъ	895
Обществен. работы въ Россіи. Очеркъ	46
Одна изъ царицъ др. Египта. Очеркъ	744
Пасхальн. обряды, обычан и повѣрья. Оч.	307
Печенгскій монастырь на Мурманѣ	358
Полярная экспедиція, (новая). Оч. И. Б.	687
Празднованіе 900-лѣтія Черниг. епарх.	474
Представленія, пантомимическ. Оч. Л. К.	118
Путешествіе Шпри. (Письмо изъ Америк.)	916
Путеш. по Іеллоустонскому національному парку.	158
Пчеловодный музей въ Сиб.	707
Римскій центурионъ. К. Маривэ	283
Самаркандъ, городъ	452
Славянск. благотвор. общ. (25-лѣтіе).	504
Сто лѣтъ назадъ. Историч. очеркъ	258
Стрѣльня, городъ	612
Таганрогъ. Очеркъ Измайловича	946
Тѣни соврем. Іерусал. Оч. Стар.-Паломн.	276
Чикаго, городъ. Очеркъ	638
Шаллаунъ, замокъ въ Штиріи	547

IV. Естествознаніе.

Бабочка, исполнинская	772
Волось, выпаденіе. Оч. Вольтке	844
Гальванизмъ. Очеркъ Бердрова	871
Гибель міра. Очеркъ	979
Животныхъ, самозащита. Оч. Вольтке	403
Животныхъ, укрощеніе и дрессировка	373
Изъ жизни небесныхъ тѣлъ. Оч. Клейна	1147
Кабаны. Очеркъ	237
Кашалотъ и несцы. Очеркъ	452

Лошадь, нильская, и иантера. Очеркъ	1180
Марево. Очеркъ	149
Носъ. Гигиенч. оч. Нидергефера	330
Огненный зайцъ. Оч. Аленицина	14
Опоссумъ и земляная бѣлка. Очеркъ	356
Оптический обманъ. Очеркъ	522
Орелъ хватающій щуку. Очеркъ	18
Субъективныя явленія здороваго зрѣнія.	163
Теплота челоуѣка. тѣла. Оч. Паркнера	543
Флинтъ-пугачъ. Очеркъ	1052
Электричество въ домашн. обиходѣ	1022

V. Новая изобрѣтенія и технологія.

Автоматъ-гильюдѣлатель	955
Пантографъ Марея	1002
Пожарный снарядъ, новый	855
Телавтографъ	454
Циркуль-дѣлитель	385

VI. Архитектура и скульптура.

Ермакъ, статуя Антокольскаго	428
Несторъ, статуя Антокольскаго	332
Памятникъ Импер. Алекс. II въ Москвѣ	550
Христосъ, статуя Антокольскаго	355

VII. Современность.

Выставка, академическая, въ Сиб.	238
Выставка, архитектурная, въ Сиб.	18
Выставка, гигиенч. въ Сиб. 567, 590, 787,	827
Выставка, передвижная, въ Сиб.	213
Выставка въ Чикаго, 235, 500 502, 523, 747, 919,	951
Выставка И. И. Шишкина	96
Гибель броненосца „Русалка“	876
Государственный переворотъ въ Сербіи	406
Законъ о ростовщичествѣ	631
Прѣбыван. Ихъ Велич. въ Москвѣ	527, 550
Пріемъ русск. моряк. во Франціи, 955,	982
Путешествіе В. К. Владим. Алекс. и В. Кн. Маріи Павловны за границу	516

VIII. Литературный альбомъ.

Ангелъ Смерти, М. Ю. Лермонтова	68
Анджело, поэма Пушкина	652
Ворисъ Годуновъ, Пушкина	854
Бояринъ Орша, Лермонтова	1152
Вій, повѣсть Гоголя	901
Гаральдъ, баллада Жуковскаго	16
Записки охотника, Тургенева	771
Золотой яблущокъ, Пушкина	92
Остаръ, стих. Пушкина	46
Причинна, Шевченко	979
Сказка о царѣ Салтанѣ, Пушкина	260
Ценкъ и Гальдіона, Жуковскаго	525

IX. Статьи разнаго содержанія.

Внодемы въ Петербургъ	1207
Даръ Прометея. Очеркъ	767
Золота и серебра, добыч. Оч. Вольтке	498
Игрушки. Очеркъ Адамовича	1203
Изъ исторіи денегъ въ Россіи. Оч. Адамовича	804
Изъ процесс. о волшебствѣ. Оч. Адамовича	1050
Куреніе въ прошломъ. Оч. Адамовича	891
Литерат. бесѣды. А. И. Введенскаго 10, 398, 475, 604,	750
Наше движеніе на востокъ. Очеркъ	450
Новая побѣда надъ водною стихіею. Оч.	784
Орденъ, русскіи, праздники	1098
Оспонриваніе въ Россіи. Оч. Ширяева	1068
Намиръскій походъ 1892 г. Тагбева	1074, 1092, 1120, 1146
Письмо А. В. Кольцова	837
Политическ. отнош. Россіи къ Франціи	899
Попытка хрон. еванг. соб. Стар.-Паломн.	207
Путешествіе двухъ велосипедистовъ	66
Рождество Христово въ рис. Иванова	1210
Собаки, военныя и санитарныя. Оч.	922
Столы и скамьи, учеб. Оч. Брандта	446
Студія скульптора. Очеркъ	947
Три письма Грибоѣдова къ Амбургеру	777
Урожай 1892 года. Очеркъ	164

X. Искусство.

Стр. 22, 49, 73, 97, 121, 145, 168, 192, 215, 241, 263, 288, 311, 335, 360, 384, 409, 456, 479, 1103	
--	--

XI. Научныя и техническія нозости.

Стр. 359, 383, 408, 433, 455, 479, 505, 529, 574, 614, 634, 654, 694, 734, 856, 881, 903, 1056, 1079, 1103, 1130	
--	--

XII. Парижскія моды.

Съ Января по Декабрь—ежемѣсячно; съ 302 гравюрами модъ, 343 чертеж. выкроекъ въ

натур. велнч., 367 рис. рукод. и выпил. раб. п. массою софг. и рецент. по хозяйству.

XIII. Тиражи выигрышей Госуд. Банка.

56	тиражъ 1-го займа 2 Января 1893 г.	50
54	" 2 " 1 Марта 1893 г.	265
7	" Дворянск. Б. 1 Мая 1893 г.	457
57	" 1 займа 1 Июля 1893 г.	655
55	" 2 " 1 Сент. 1893 г.	835
8	" Дворянск. Б. 1 Ноябрь. 1893 г.	1033

XIV. Живопись, рисунки и портреты.

Аделап. О. К., контр-адмиралъ	901
Агелъ, иеромонахъ	905
Автоматъ-пильщикъ Пьерро-Минно	961
Адауровъ, П. Е.	693
Адресъ отъ рабоч. Либ. порта	685
Актерманская крѣпость. Видъ	840
Александра, принцесса Уэльская	1021
Александръ I, король Сербіи	408
Александръ III, Государь Императоръ	469
Алексѣевъ, П. А., Моск. гор. голова	288
Алксипъ, американскій велосипедистъ	68
Алькимовичъ, В. М., шт.-капитанъ	1007
Альфредъ, герцогъ Сакс.-Коб.-Готскій	793
Америка, древняя 36, 38—39, 42	
Ангелъ Смерти, Лермонт. Рис. Штейна	56
Андреяло, Пушкина. Рис. Соломо	645
Андржапъ. Центральн. базаръ хлопка	29
Анна Австрійская	969
Антонипъ, епископъ Псковск. и Порх.	1129
Аптоничъ, А. Я., тов. мин. фин.	593
Апхутинъ, Алексѣй Николаевичъ	813
Арестъ богатаго марапа. Кар. Маймана	497
Артиллерія (кошная) на походѣ	600
Ассамблея при Петрѣ В. Рис. Дм.-Оренб.	1172
Ауэръ, Л. С., профессоръ	877
Ахшарумовъ, Николай Дмитриевичъ	833
Бабочка, исполненная. Рис. Клемана	765
Бабушкинъ праздникъ. Карг. Корзухина	393
Баку. Ханскій дворецъ	1124
Балаклавск. Георгіев. монаст. 2 рис. 449—452	
Балъ "Торж. мира". Рис. Козатинскаго	240
Басаргинъ, Владим. Григорьевичъ	456
Батистини, Маттѣя	384
Батузь. Пожаръ 9 ноября	1129
Бекетовъ, А. Н., профессоръ	956
Белимарковичъ, генералъ	408
Бивуакъ въ уроч. Джюсъ-Агачъ	721
Благость. Карг. Шокогорта	261
Влаикъ откр. письма, содерж. 20 псалм.	856
Вогдановичъ, Н. О.	1180
Богъ съ шнуръ—отпусти. Карг. Вилевъ	380
Больше ребята. Карг. Ривіера	1100
Борги, Аделъ	384
"Борисъ Годуновъ", Пушкин. Рис. Земцова	848
Бояре, галицк., тащатъ на костеръ кола	829
Бояре у кл. Андр. Иоанн. Большого	1017
Бояринъ Орша, Лермонт. Рис. Штейна	1145
Боярыня. Рис. Рѣшпа 680, 681	
Боярышня. Рис. П. Лоренца	9
Брамсъ, Юганъ, композиторъ	232
Браслетъ и брошь, подарки русск. моряк.	960
Братецъ и сестрица. Рис. къ сказ. Гримма	1173
Броненосецъ "Три Святителя"	1077
Броненосецъ "Адмиралъ Ушаковъ"	1053
Будущій музѣ науки. Рис. Ц.	657
Вуровъ, М. Н., поручикъ	1007
Бурхановскій, Г. И., лейтенантъ	1007
Бухара. Чайная и резервуаръ . 1040, 41	
Бухарскій фокусникъ. Рис. Радомскаго	841
Бюлеръ, О. А., баронъ	877
Вагонъ-гостиница, на амер. жел. дорог.	573
Варшавъ, рынокъ за Жел. Брамю	365
Василій III диктуетъ записаніе	649
Вейбертъ, Пестръ Исаевичъ	96
Велосипедисты на Сем. плацу въ Сиб.	980
Венеціанскіе разносчики. Кар. Пассини	473
Верагуа, герцогъ	573
Вербъ-хлестъ, бей до слезы! Рис. Земцовъ	285
Вердеревскій, Н. Д., дир. пчелов. музея	709
Веселыя маски. Рис. Рободи	112
Весенній день. Рис. Нестеля	421
Весенній цвѣтокъ. Карг. Тумапа	301
Весна. Карг. Клода	325
Весна. Рис. Перро	437
Вечеръ въ Пиколовск. Ижкен. Учнд.	189
Вечеръ на хуторѣ. Рис. Ижакевича	788
Взрывъ адск. снар. во Франц. нал. деп.	1184
Вѣй, Гоголя. Рис. В. Маковского	893
Вильдъ, Г. П., директ. физич. обсерват.	528
Виндиггрей, князь	1105
Вишъ, Вице-адмиралъ	933
Видеоемскій алтарь и видъ зѣзда. 2 рис.	1196
Владиміръ Александровичъ, Вел. Кн.	512

Во время экзамена. Карг. Жоффруа	389
Возвращеніе въ лагерь. Рис. Соколовск.	597
Возвращеніе изъ школы. Карг. Глюкл.	581
Возвращеніе на родину. Карг. Виндмана	368
Возвращ. рыбака, съ ловли. Карг. Куріаръ	445
Возвращеніе съ шкипка. Рис. Броллинга	648
Воздвиженіе креста. Рис. Матѣева	825
Воли, истокъ, бл. дер. Волговерховье	509
Волики и др. животн. (сѣшани. общ.)	375
Вооруженный миръ. Скульпт. Кутанъ	932
Воронцовъ, Н. В., дир. Горн. Инст.	144
Вотъ онъ—Наполеонъ! Карг. Вилевальде	344
Встрѣча Пип. Максимил. съ Марією Бургундскою. Карг. Рейфенштейна	65
Вурмъ, В. В., профессоръ	877
Въ городѣ. Рис. Котляревскаго	800
Въ деревнѣ. Рис. Котляревскаго	801
Въ домашн. кругу. Карг. Кнута-Эквала	88
Въ поч. подѣ Нов. годъ. Рис. Шаховск.	13
Въ ожиданіи хозяйки. Карг. Пильсена	797
Въ океанѣ. Карг. Айвазовскаго	320
Въ опочивальнѣ. Карг. Лебедева	440
Въ переголку. Рис. Штейна	861
Въ царствѣ Микадо. Карг. Мура	989
Выдач. пеней въ казнач. Рис. Броллинга	12
Вѣтки званія! Рис. Каразина	57
Гагаринъ, Г. Р., князь	221
Гадалка. Карг. Винеа	948
Гаданье подѣ Нов. годъ. Рис. Ижакев.	5
Гадолитъ, А. В., генер.-отъ-артиллер.	72
Гастръ, уличный, въ дрем. Римѣ	485
Гальвашизмъ. 8 разныхъ приборовъ 874—75	
Гамлетъ Шигр. уѣз. Рис. Кравченко	761
Гарольдъ, балл. Жуковск. Рис. Волкова	4
Геокъ-Тене. 2 вида	976
Герцъ, Герцогъ Горскій	501
Герта. Карг. Андерса	737
Герценбергъ, Э. Ф., пасторъ	877
Гибель броненосца "Викторія"	672
Гипнопотамъ и пантера. Рис. Шнехта	1178
Глухаръ на току. Рис. Реннагеля	517
Говѣльщики въ ожиданіи духовника	201
Говѣльцъ, на пути въ село. Рис. Каразина	280
Гойнннгентъ-Гюне, А. Ф.	752
Голландская дѣвушка. Карг. Фехнера	909
Головачева, Е. Я. (Станицкій)	381
Гостя въ очаровѣ. Карг. Геблера	1097
Григорьевичъ, Дмитрій Васильевичъ	937
Григоровичъ, Д. В., въ своемъ кабри.	1005
Гумбертъ I, король Италійскій	405
Гуно, Шарль, композиторъ	61
Данпиловичъ, Г. Г., генер.-адъютантъ	733
Данте при дворѣ въ Равеннѣ	1024
Дарьяльская крѣпость. Акв. Червинск.	225
Дача, плодущая, на Темзѣ	677
Дашкова, Ек. Ром., княгиня	245
"Два брата", Рис. къ сказкѣ	708
Дворецъ Вел. Кн. главноком. въ Кр. с.	661
Дворецъ въ Дудергофѣ	661
Дворецъ въ Ораніенбаумѣ	717
Дерево, гигантское. (Пень)	477
Державинъ, Гавріилъ Романовичъ	625
Диксеръ, Р. Р., капитанъ I ранга	904
Добрые друзья. Карг. Гилдебрандта	1114
Докучъ, Л., сербскій министръ	457
Долговъ, В. А., мичманъ	1007
Домъ Наслѣдн. Цесарев. бл. Красн. с.	661
Домъ Вел. Кн. Николасъ, бл. Кр. с.	661
Домъ П. И. Чайковскаго въ Клину	1101
Домъ, татарск., въ Крыму (внутр. видъ)	1141
Дондуковъ-Корсаковъ, А. М., князь	432
Драгомпровъ, М. П., генералъ	813
Другъ въ пуждѣ. Карг. Рейхерта	400
Духовской, С. М., генер.-лейтен.	432
Дѣлска. Рис. Ижакевича	769
Дѣтн. Карг. Горохова	493
Дѣтн. Сидуэты Фирсовой	808
Евгенія, Императрица	969
Екатерина Медичи	968
Ермакъ. Статуя Антокольскаго	424
Ермоловъ, А. С., тайный совѣтъ	360
Ершовъ, П. Л., лейтенантъ	1007
Жена рыбака. Карг. Дейроля	133
Жница. Рис. Трутовскаго	745
Жозефина де-ла-Пажери	968
Задумалась. Карг. Блааза	541
Задумчивость. Карг. Сннбальди	837
Замокъ на стекл. горѣ	953
Занте. Видъ города	405
Запорожцы. Рис. Ижакевича	1121
Запорожцы на развѣдк. Рис. Штейна	53
За устройств. гнѣвѣшка. Рис. Шнехта	621
Заячья школа. Карг. Именца	185
Зебры и страусы. Рис. Шнехта	1000
Зима. Рис. Перро	1137

Зимній уборъ лѣса. Карг. Швейцера	205
Зимняя идилія. Карг. Шницбергера	1117
Зѣтн, бумажные въ Китаѣ. 4 рис.	853
Золотой плѣтушокъ, Пуши. Рис. Соломо	85
Зюлска. Карг. Понпа	577
Игнатъевъ, П. П., графъ	504
Игры, полевая, въ Сиб. Рис. Броллинга	660
Изъ временъ Медичи. Карг. Беккера	669
Изъ прошлаго. Карг. Корсена	417
Импровизаторъ. Карг. Гроба	828
Италійск. фокусникъ. Карг. Марка	1140
Иеллоустонск. паркъ. Разные виды и типы. 9 рис. 132, 134, 135, 158, 159	
Иенишъ, В. Х., канит. 2-го ранга	881
Иерусалимъ, типы. 5 рисунковъ 278, 279	
Иокай, Маврикій	1076
Кабаны. Рис. Кренсра	229
Кабипегъ П. И. Чайковскаго	1101
Кажется клеветъ! Рис. Томашевича	809
Казаки, возвращ. съ набѣга. Рис. Ижак.	917
Карлъ-Георгоу, герцогъ Баварскій	456
Карно, косможа	969
Карта полярныхъ странъ	691
Кашалотъ и песцы. Рис. Шнехта	441
Кашинъ. Видъ города	560
Квнтка-Оснопьянко, Г. О.	732
Кирилловъ, П. П., шт.-капитанъ	1007
Кливлендъ, президентъ С.-Ам. Шгат.	333
Кокшаровъ, Н. И.	48
Коневскій монастырь. Видъ	613
Конч. св. Еваліи. Рис. Уэтергауза	1045
Корабль "Императоръ Николай I"	901
Корветъ "Рында"	905
Коринскій каналъ. 3 рисунка 832—833	
Кочубей, Петръ Аркадьевичъ	73
Кошка! Карг. Штребена	1065
Крейсеръ "Адмиралъ Нахимовъ"	904
Кресло, тронное, работы Лизере	752
Крестины во Флоренціи въ средн. вѣка	725
Кречетниковъ (генер.) объявляетъ манифестъ Екатерины II	253
Кригеръ, А. Х., канит. I ранга	905
Критическое положеніе. Карг. Шницера	113
Кулонъ, Л., человекъ съ необычайно длин. бороδοю	121
Купальщики, маленьк. Карг. Дем.-Брет.	1001
Лавровъ, В. М., канит. I ранга	904
Лакомка. Карг. Каульбаха	705
Лееръ, Г. А., нач. акад. ген. шт.	1185
Леонтій, митроп. Моск. и Колом.	753
Либавъ, сооруженіе порта. 6 рис. 872—873	
Лисица въ своей семьѣ. Карг. Корреда	497
Лобачевскій, Н. И.	1057
Лодка "Терецъ"	905
Лозы, сборъ, на Дитфитѣ. Рис. Ижакев.	845
Лощинскій, М. О., канит. 2 ранга	905
Лысуха, схваченн. шукой. Рис. Шнехта	921
Льговъ ("Зап. охотн. Турген.) Рис. Кравч.	760
Лѣсная драма. Рис. Каразина	128
Лѣстница въ Зимнемъ дворцѣ въ Сиб.	912
Лѣсъ, собственноруч. офорть И. Шншк.	1
Лѣтній отдыхъ. Карг. Линнера	768
Лѣто. Рис. Перро	557
Любимый уголокъ. Рис. Писемскаго	720
Любовь и вѣрность. Карг. Эрельмана	181
Любящая мамаша. Рис. Пильца	1208
Майеръ, Г. К., мичманъ	1007
Майковъ, Леонидъ Николаевичъ	1080
Максимовъ, Александръ Яковлевичъ	1152
Макъ-Магонъ, маршалъ	1032
Маленькій разбойникъ. Карг. Мазотта	1169
Малороссійская дѣвочка. Карг. Бодар.	425
Маргарина, королева Италійская	403
Марево на островѣ Онтарио	149
Марія-Амалія	969
Марія-Ангуанетта	969
Марія Лещинская	969
Марія-Луиза	968
Марія Медичи	968
Марія Павловна, Вел. Княгиня	513
Марии, почт., С.-Ам. Соед. Шт.	381
Марсель. Франко-русс. празднества	1008
Маршровка новоб. Карг. Бахмансона	369
Масляница. Балат. на Цар. луку въ Сиб.	104
"Катап. на санкахъ въ дер.	105
Масляница пришла! Рис. Штейна	101
Матейко, Янъ	1057
Материнская гордость. Карг. Адама	257
Медаль въ воспомин. Абоискаго мира	732
Медаль въ честь русск. моряковъ Средней эскадры	933
Медвѣдь-сгрудокъ	375
Медвѣдь, ученый	374
Медвѣжонокъ на вальсѣ	377
Мелиа. Видъ города	1153

	СТРАН.		СТРАН.		СТРАН.
Мержеевский, И. П., профессоръ . . .	927	Пещера, сталактитовая, на Майоркѣ . . .	165	Стрѣлокъ изъ лука. Стат. Эберлейна . . .	1093
Мечень Сулейманіе въ Стамбулѣ . . .	1016	Пиллингъ, В. П., вице-адмиралъ . . .	168	Стрѣлына. Разные виды . . .	601
Мечъ п. пріяка. Карт. Конги . . .	233	Пири, путешественникъ, и его жена . . .	918	Суворинъ, Алексѣй Сергѣевичъ . . .	336
Милтонъ у Галилея. Карт. Гатти . . .	136	Плещеевъ, Алексѣй Николаевичъ . . .	932	Счастливая чета. Карт. Конти . . .	993
Молитва. Рис. Иаковича . . .	157	Плоды и овощи (сравнительн. величина) . . .	48	Съ визитомъ. Карт. Гельбана . . .	305
Морозъ 25°. Карт. Сверчкова . . .	537	Погребеніе Христа. Карт. Тини 272 —	273	Съ открытѣмъ навигац. Рис. Скорняк. . .	464
Москва. Больн. выходъ на Кр. крыльцо . . .	548	Погребеніе христ. мучен. въ катакомб. . .	200	Съ сушен. грибами въ гор. Рис. Писем. . .	152
Закладка памяти. Им. Алек. II . . .	549	Пожарный снарядъ Паули . . .	857	Сѣнокосъ. Рис. Дм.-Оршбургскаго . . .	701
Мод. пам. Алек. II. 2 рис. 552—553 . . .	553	Но зимнему пути. Рис. Юмудскаго . . .	40	Таганрогъ. Виды города . . .	940—941
Зайконоспаскій монастырь . . .	177	Полтавск. батал. Факсим. съ карт. Домон. . .	865	Тамбовъ. Зданіе для народн. чтенія . . .	1176
Похороны митроп. Леонтія . . .	773	Порванныя струны. Рис. Волкова . . .	153	Тарасъ Бульба. 2 рис. къ пов. Гоголя . . .	812
Церковь на Ходынскомъ полѣ . . .	693	Поповъ, Л. В., профессоръ . . .	1185	Татарка. Рис. К. . .	1085
Мостъ черезъ Манасъ . . .	721	Пословицы въ лицахъ. Силуэты Фирсов. . .	668	Татарка съ ребенкомъ. Карт. Платон. . .	397
Муму, пов. Тургенева. Рис. Табурина . . .	1025	Послѣдній вздохъ. Горельефъ Анток. . .	277	Телавтографъ. 3 рисунка . . .	453
Мученица. Карт. Эрнха . . .	1173	Послѣдній минутъ. Карт. Мослера . . .	561	Тигры, дрессированные . . .	377
Мысль. Скульптура Шапо . . .	932	Послѣдняя преграда. Рис. Штейна . . .	565	Тимашевъ, А. Е., генер.-адъютантъ . . .	145
На дорогѣ. Рис. Н. Карзинна . . .	176	Послѣ вѣстий. Карт. Галлегоса . . .	89	Тиндаль, Джонъ . . .	1157
На колок. въ Св. недѣлю. Рис. Ижак. . .	297	Постройка корабля во врем. Негра В. . .	744	Тихонравовъ, Николай Саввичъ . . .	1153
На конѣ. Рис. Брولлинга . . .	913	Повѣзъ моск. царя въ возр. съ ботом. . .	281	Толстой, Н. И., графъ . . .	852
Нансенъ, докторъ . . .	692	Праздниковъ праздникъ. Рис. Котляр. . .	309	Торжество мира. Карт. Фонгана 728 —	729
На перевозѣ. Рис. Трутовскаго . . .	64	Предательская шутка. Рис. Кауфмана . . .	461	Траппъ, Ю. К., академикъ . . .	264
Наполеонъ въ Тюльери. Карт. Дюма . . .	789	Предложеніе. Карт. Цехи . . .	569	Трифопо-Печенгскій монастырь . . .	363
Ца прогулку. Карт. Машара . . .	805	Предъ испанкой благородной.. Стих. . .		Труворовъ, А. Н., дир. Археол. вист. . .	453
На пресѣвѣ. Карт. Штрютцеля . . .	665	Пушкина. Рис. Соломко . . .	1064	Трудно жить на бѣл. св. Карт. Вуншъ . . .	785
На расвѣтѣ. Рис. Казанцева . . .	1073	Привалъ стрѣльцовъ на берегу Волги. . .	620	Труговскій, К. А., академикъ . . .	336
Наша прабабушка на рождеств. базарѣ . . .	1212	Приготовленіе гуся. Рис. Тюменева . . .	1037	Тулунскій рейдъ. Видъ . . .	933
Невѣста Ила. Рис. Штейна . . .	1116	Приготовлен. къ салѣ. Рис. Бреллинга . . .	1197	Тулунъ. Франко-рус. праздн. 957, 958, . . .	1029
Несторъ. Статуя Антокольскаго . . .	328	Продавецъ цѣтѣ. въ Помпѣ. Карт. Март. . .	401	Туманное пятно въ созвѣз. Андромеды . . .	1150
Несторъ, лѣтописецъ. Рис. Андреева . . .	945	Проломѣдъ, тайнал. Карт. Геесель . . .	256	Тургеневъ, Иванъ Сергѣевичъ . . .	757
Пагарскій водон. Карт. Айвазовск. . .	321	Протопоповъ, Н. Н., капит. 2 ранга . . .	1007	Тѣкъ, Викгоріа-Марія, принцесса . . .	501
Нидмашъ, К. Х., профессоръ . . .	877	Прощай! Карт. Гиллу . . .	209	Тѣтъ, Пинолитъ . . .	356
Никандръ, архіеп. Тульск. и Бѣлевск. . .	673	„Прычипа“ Шевиченко. Рис. Ижакевича . . .	973	Тюмени дрессированные . . .	377
Новгородъ. Разн. виды. 9 рис. 585, 587, 589, . . .	592	Птичьи горы въ Лашланди . . .	120	Тяжелю. Карт. Касаткина . . .	329
Новиковъ, М. Д., вице-адмиралъ . . .	653	Рабочіе прѣхавшіе въ Сиб. по удешевл. . .	345	Тяжелый трудъ. Карт. Шандта . . .	77
Новиковъ, Николай Павловичъ . . .	697	тарифу. Рис. Бреллинга . . .	345	Тяжелый шагъ. Карт. Шинльтера . . .	1089
Новое знакомство. Рис. Леблннга . . .	849	Развѣзавшіеся баппачокъ. Карт. Вейзера . . .	117	Уголокъ озера южн. стейей Азіи . . .	1000
Новый другъ . . .	1213	Раздача святой воды. Рис. Ижакевича . . .	41	Умница. Карт. Вагнера . . .	617
Нью-Йоркъ. Ледяной промыселъ . . .	93	Разсказъ о битвѣ. Карт. Іовановича . . .	1125	Факсимиле съ гравюры Гете . . .	384
Нѣжнѣй. Греческая церковь . . .	888	Раннее утро за городомъ. Карт. Котляр. . .	416	Фальшивая нота. Карт. Малтегаца . . .	580
Институтъ кн. Безбородко . . .	888	Ратьковъ-Рожиновъ, В. А., Сиб. гор. гол. . .	793	Фелдеръ, Ю. П., професс. живописц. . .	480
Памятникъ Гоголю . . .	885	Ревнивецъ. Рис. Малышева . . .	997	Филингъ-пугачъ. Рис. Бекмана . . .	1049
Оба удивленія. Карт. Могка . . .	965	Ристичъ, М., бывшій регентъ Сербіи . . .	408	Фойницкій, И. Я., профессоръ . . .	572
Обезьяна—канатный плясунъ . . .	374	Рождественская ночь въ лѣсу . . .	1205	Фонизинъ встрѣч. съ Ломоносовымъ . . .	208
Обоюдная услуга. Рис. Шаховскаго . . .	1061	Рождественскій сонъ. Карт. Розенберга . . .	1193	Фотобюсты. 2 рисунка . . .	481
Обѣдненный часъ. Карт. Трута . . .	977	Рождествен. утро. Бука! . . .	1209	Фотографическіе снимки съ 5 оборот. . .	857
Однокопѣ. Рис. Козачинскаго . . .	296	Рукавишниковъ, К. В., мос. гор. голова . . .	856	Фрегатъ „Память Азова“ . . .	904
Озеро, пещерное, на Майоркѣ . . .	161	Румынская пастушка. Карт. Вастага . . .	1048	Хазарск. военнопленн. на судѣ у эмпра . . .	1104
Опасуны и земли. Бѣлка. Рис. Шнехта . . .	357	„Русалка“, бронен. берегов. обороны . . .	880	Хлопова, Марія, невѣста царя Мнх. Оед. . .	521
Орелъ хвагающий шуку. Рис. Шнехта . . .	17	Рыбная ловля въ лѣтній вечеръ . . .	689	Христіанскіе мучен. Карт. Малтегаца . . .	920
Оржевскій, П. В., генер.-лейтн. . .	525	Рысь, захватывающая лоса. Рис. Шнех. . .	544	Христосъ. Статуя Антокольскаго . . .	349
Осгаръ, Пушкина. Рис. Соломко . . .	37	Рябишникъ, Н. Т., сказатель былинъ . . .	169	Художественн. критики. Карт. Манса . . .	949
Осеннее раздѣлье. Карт. Боденгаузена . . .	869	Саломъ, В. В., генералъ . . .	672	Хуалонгоръ, Сіам. кор. и его супр. . .	712
Осенъ. Рис. Перро . . .	817	Самара. Устройство бухты . . .	45	Цейксъ и Гальціона, Жук. Рис. Волкова . . .	520
Отправк. арбуз. на Волгѣ. Рис. Бреллинга . . .	889	Самаркандъ. Видъ города . . .	448	Цыгане, испанск., умол. кор. Филипп. III . . .	160
Отчаяніе амазонки. Карт. Люинъ . . .	628	Сандрильона. Карт. Гамбургера . . .	175	Цѣлг. Пантелеймонъ. Рис. Соломко . . .	992
Отъѣздъ Мар. Стюартъ изъ Франціи. . .		Сантандеръ. Видъ набер. послѣ взрыва . . .	1057	Цингелъ музыки. Карт. Штокса . . .	568
Карт. Лауффера . . .	32 — 33	Сахтебенъ, американск. велосипедистъ . . .	68	Чайковский, П. И., композиторъ . . .	1009
Павловъ, Е. В., профессоръ . . .	1156	Свадебные подарки. Рис. Ижакевича . . .	352	Часовня на Лактѣ, въ пам. подв. Петра В. . .	673
Пачаги для рабочихъ на Сиб. ж. д. . .	956	Сверчковъ, В. Т., д-ръ медц. . .	1007	Ченчи, Беатричи. Карт. Гвидо Ренн . . .	1069
Памятникъ Бернгу въ Петропавловскѣ . . .	501	Свиданіе Дмитрія Самозванца съ цар- . . .		Черниговъ. Разные виды . . .	472
Пантографъ Марелъ . . .	1004	царемъ Мареемъ . . .	896—897	Черный и бѣлый. Рис. Жанмера . . .	184
Парадельскъ, Теофрастъ . . .	1128	Свѣте Тихій! Карт. Макса . . .	269	Чикаго. 8 разныхъ видовъ города 637, . . .	747
Парамоу. 3 рис. Л. да-Виччи . . .	1002	Святая ночь... Рис. Ижакевича . . .	304	638, 640, 643, 700, . . .	
Парижъ. Статуя Клода Шанпа . . .	792	Свастополь. Высоч. смотръ флоту. . .	525	Чикаго. Виды выставки 353, 488—89, . . .	772
Парижъ. Франко-русскія празднества. . .	959, 981, . . .	Сейдъ-Абдулъ-Ахатъ-ханъ, эмиръ Бух. . .	24	748, 749, . . .	
Параходъ д-ра Писсена . . .	692	Сельская школа. Карт. Киселева . . .	536	Чистая душа. Рис. Макса . . .	197
Парги, универсальныя. 2 рисунка . . .	447	Семеновъ, П. П., сенаторъ . . .	213	Читалки и уставщикъ служажіе паннх. . .	688
Пасх. огонь (на кровлѣ Исаак. собора) . . .	293	Сергій (Св.) отказывается принять игу- . . .	224	Чухинъ, Г. П., капитанъ I ранга . . .	904
Пейзажъ. Карт. Ольдъ-Кромъ . . .	413	Синашко, Юлій Ивановичъ . . .	433	Шаллаунъ, замокъ въ Штири . . .	545
Первый менуэтъ. Карт. Энгеля . . .	533	Сіамъ. Дворецъ короля и пристань на . . .	712	Шалуны. Рис. Томашевича . . .	629
Петерб. Архитект. вист. Рис. Земцова . . .	20	р. Менамъ . . .	712	Шеллеръ, А. К. (А. Михайловъ) . . .	1032
Больн. при Алек. общ. сест. милос. . .	1156	Сказка о царѣ Салтанѣ, Соломко . . .	249	Шарко, Жанъ-Мартенъ, профессоръ . . .	773
Вречени. Троицк. мостъ. 2 рис. . .	337	Скальковский, А. А. . .	852	Шереметевъ, В. А., генер.-майоръ . . .	237
Выносъ тѣла В. А. Шеремет. . .	237	Скворецъ на вес. привольѣ. Рис. Шиндта. . .	465	Штейнгъ, О. О., профессоръ . . .	264
Выставка гитѣны и спасанія. . .		Скульптурныя работы. 7 рис. 947, 950—951 . . .	951	Штраухъ, А. А., академикъ . . .	813
9 видовъ 777, 780 — 781, 820 — 821 . . .	821	Славянской, К. О., профессоръ . . .	1185	Щелкуничъ. Рис. Р. Веле . . .	1204
Дешев. столовая г-жи ф. Валь . . .	713	Слоупъ-гилманъ . . .	373	Эдипъ. Сцены изъ трагедіи Софокла. . .	429
Дѣтскій садъ г-жи ф. Валь . . .	740	Смерть Норвежск. короля Ринга . . .	605	Элеватора, попова, постройка. . .	45
Еврейская синагога . . .	1181	Собаки, военн. и санитарн. 5 рис. 922—923 . . .	923	Электричество. 17 разн. прибор. 1022—1027 . . .	1027
Екатер. галалъ. Карт. Боголюб. . .	392	Соколовъ, Д. Д., дирек. Инст. гр. инж. . .	21	Энгельгардъ, Александръ Николаевичъ . . .	193
Зданіе Инст. гражд. инженер. . .	21	Соколы бѣгущіе лебеди. Рис. Карзинна . . .	248	Эндеръ, Эрнестъ Ивановичъ . . .	529
Знания сцены. Рис. Казачинск. . .	129	Сонъ св. Цециліи. Карт. Азамбра . . .	1149	Эоловы флейты, китайскія. 2 рис. . .	16
Оснопривнательное заведеніе . . .	1072	Софія, принцесса Базарская . . .	456	Эрнстъ, герцогъ Сакс.-Коб.-Готтсхей . . .	793
Отъѣздъ Бух. эмпра изъ крѣп. . .	144	Спасены! Карт. Морзона . . .	608, . . .	Эскадра, русская, на пути въ Ппрей. . .	1088
Пам. Алек. II у Алек. больш. . .	312	Спектакль нижн. чин. Моск. полка. 2 р. . .	69	Эскадра, русская, на пути въ Тулонъ. . .	925
Похороны. Чайковскаго. 2 рис. . .	1056	Снегакъ у Приселк. въ честь Бух. эм. . .	141	Это я! Карт. Уйса . . .	109
Пчеловодный музей . . .	709	Средиземн. море. Карт. Айвазовскаго . . .	341	Ювеналій, еписк. Курск. и Бѣгородск. . .	1104
Собран. дамъ въ залѣ Адмиралт. . .	1080	Старый ветеранъ. Карт. Парн . . .	137	Явленіе ангела настѣх. Рис. Цика . . .	1201
Чистка ягоди на Щукин. дворѣ . . .	741	Статуя свободы и гавань въ Нью-Йоркѣ . . .	317	Явленіе Богом. Св. Сергію. Рис. Андр. . .	864
Чтен. таблицъ у Сергіев. собора . . .	1096	Карт. Айвазовскаго . . .	317	Японъ, Ю. Э., профессоръ . . .	192
Петрушевскій, М. О., генералъ . . .	633	Стефанъ, Св. улекаетъ въ огонь Пама . . .	1148	Янъ, Л. Н., помощн. инженер.-механ. . .	1007
Петтенкоферъ (фонъ), профессоръ . . .	930	Стравинскій, В. А., лейтенантъ . . .	1007	Оеогность, архіеп. Новг. и Старорусс. . .	477
Печенгскій монастырь на Мурманѣ . . .	361	Стравинскій, лейтен. и группа матрос. . .	880		
		Странная минута. Карт. Рекнагеля . . .	173		

XXIV г.
№ 1

г. XXIV
1893

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО. №№ съ 6—10 рис. въ каждомъ и еженесячн. даров. прилож. 2 книги „СБОРНИКА“, „ПАРИЖСК. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 2 января 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕЖЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 25 к., съ перес. 30 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1893 г.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

въ „НИВѢ“ принимаются за
строку нонпарель (1/4 шпр.
стр.) въ Глав. Кон. Ред. по
1 руб. — Загран: для Франціи
у Agence Havas по 3 fr.; для
Австр., Герман. и Швейц. у Ru-
dolf Mosse по 2 марки 50 pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставк. въ Петер-
бургъ 5 р.
Съ доставкою въ Петер-
бургъ 6 р. 50 к.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл.
Н. П. Печковской, Петровск. Торг. лпп. 6 р.
Съ пересылкой въ Москву и другіе го-
рода Россіи 7 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 10 р.

На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.

На 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р. 50 к.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Особые приложенія при
„НИВѢ“ объявленій отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

При семъ № прилагаются: 1) **СБОРНИКЪ „НИВЫ“ ЗА ЯНВАРЬ.** 2) **СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ** на 1893 г., печатанный красками. 3) **„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“** за ЯНВАРЬ 1893 г. съ 30 рис. и отд. лист. съ 28 черт. выкр. въ натур. велич. и 36 рис. рукодѣльныхъ работъ.

ЛѢВЕЦЪ.

На солнцѣ выхожу изъ тѣни молчаливой,
По влажной колѣѣ невѣдомой тропы,
Туда, гдѣ въ полдень серія звенитъ
цать желтой шивой,
И золотомъ блестятъ тяжелые снопы.

Благослови, Господь, святое дѣло жизни,
Ихъ жатву мирную,—тебѣ угодный трудъ!
Жнецы родныхъ полей когда-нибудь
поймутъ,
Что не чужой и ты, лѣвецъ, въ своей
отчизнѣ.

Не праздна жизнь твоя, не лгутъ твои
уста:
Какъ жатва Господомъ дарованнаго хлѣба,
Святое на землѣ благословеніе Неба
И вѣчныхъ словъ твоихъ живая красота.

Какъ въ полдень свѣжести отрадной
духовенъ
На лискъ согбеннаго, усталого жнеца—
За безкорыстный трудъ и на главу лѣвца
Пошли, о Господи, Твое благословеніе!

Д. Мережковский.

Лѣсъ. Собственноручный офортъ (собств. „Нивы“) профессора И. Шишкина.

Джеттатура.

Новѣсть графа Е. А. Салиаса.

I.

Царица Адриатики, красавица Венеція переживала бурно-радостные дни...

Стояли июльскіе жары 1574 года, но вопреки обычной тишинѣ, всегда бывавшей за это время, теперь Canal Grande, безчисленные малые каналы, площадь Св. Марка, Пиаццета, набережная — „Рива Скиавони“, главная улица Мерсерія — все было особенно оживлено и шумно.

Толпы народа, простые cittadini или горожане, пришедшие contadini, а вмѣстѣ съ ними, запросто перемѣшавшись, и гордые патриции республики — все съ увлечениемъ, весело, криливо и суетливо сновали ишкомъ и въ гондолахъ по всемъ направленіямъ, отъ площади предъ базиликой Св. Марка и дворца Дожей, вплоть до дальнихъ лагунъ и до острововъ Лидо и Мурано.

Удивительная вѣсть подняла Венецію на ноги. Правительство республики, получивъ тайное извѣстіе отъ своего вѣнскаго посла о крупномъ событіи, продержало его подъ спудомъ цѣлую недѣлю въ силу важныхъ государственныхъ соображеній. По затѣмъ оно отрядило герольдовъ въ сопровожденіи своихъ збировъ и наемныхъ швейцарцевъ или ландскнехтовъ, объявить о событіи во всѣхъ главныхъ центрахъ города.

И всюду пробили барабанъ ландскнехта и прозвучала труба герольда. Начавъ съ площади предъ базиликой и моста Риальто, гдѣ вѣчно кишеть какъ муравейникъ торговый людъ, аборигены и иностранцы греки, турки и евреи, — герольды кончили островами, населенными простыми людьми, рыбаками или рабочими съ арсенала и со стеклянныхъ заводовъ, которыми славна и богата республика.

Вѣсть, взволновавшая патриціатъ и плебу Венеціи, волновала теперь и весь крещеный міръ.

Важное событіе совершилось въ Европѣ. Умеръ неожиданно и даже загадочно Французскій король Карлъ IX и престолъ по праву переходилъ къ его брату, Генриху, послѣднему члену дома Валуа.

Но этотъ принцъ былъ уже монархомъ. Онъ былъ избранъ королемъ Польскимъ и былъ въ это время въ Краковѣ. Кто же будетъ теперь „христианинѣйшимъ“ королемъ, спрашивала Европа.

Въ отвѣтъ на это пробѣжала вѣсть, что король Польскій тайно бросилъ чуждый ему тронъ и чуждую страну и, исчезнувъ, какъ бы пропалъ безъ вѣсти.

Было очевидно, что Генрихъ тайно и осторожно возвращается на родину, гдѣ ждетъ его мать-регентша, знаменитая Катерина Медичи, ревностная поборница учений Лойолы и Макиавелли.

Но какъ же дѣло патриціямъ и читадинамъ Венеціи до судьбы французскаго трона? — Событіе могло бы озабочивать только сенаторовъ и мудрецовъ республики, а затѣмъ высокочтимого, но безвластнаго дожа.

Особое второстепенное обстоятельство, не имѣющее политическаго значенія, взволновало и подняло на ноги весь патриціатъ и плебеевъ. Скрывшійся изъ Кракова Польскій король уже объявилъ себя Французскимъ королемъ въ Вѣнѣ и слѣшій въ дорогое отечество, но... окольнымъ путемъ. И по пути Генрихъ III посѣтитъ Венецію!.. Ни одинъ монархъ Франціи еще никогда не бывалъ среди мраморныхъ стѣнъ водяного города и поэтому попятно, что теперь Царица Адриатики, вѣрной союзницѣ христианскихъ королей и грозной соперницѣ султана, впервые предстоятъ случай при встрѣчѣ и пріемѣ такого высокаго гостя блеснуть своимъ могуществомъ и ослѣпить его своимъ богатствомъ и пышностью.

Прежде всего, всѣ правители многочисленныхъ провинцій и городовъ „Твердой земли“ — какъ называла

Венеція всѣ свои обширныя владѣнія — получили приказъ немедленно распорядиться и выслать въ столицу депутаціи и отрядъ мѣстныхъ наемныхъ войскъ для почетной встрѣчи короля. Затѣмъ всѣ галеры, галеассы и кокки — весь флотъ — сила и слава Венеціи — были снаряжены, вооружены и снабжены войсками какъ бы предъ началомъ новой борьбы съ султаномъ...

Одновременно главный государственный, по почетный и „мирный“ корабль, служившій лишь во дни торжествъ, знаменитый „Буцентавръ“ былъ отдѣланъ заново и весь вновь позолоченъ въ три дня. Всѣ мастера Венеціи трудились надъ нимъ отъ зари до зари.

Грандіозный дворецъ Фоскари на срединѣ Canal Grande былъ избранъ и разукраивался для иребыванія короля, а два сосѣдніе дворца Джустиніани предназначались для свиты его.

По полученіи извѣстія о томъ, что Генрихъ уже выѣхалъ изъ Вѣны, четыре сенатора съ многочисленной свитой отправились для встрѣчи его на самую границу республики. Вслѣдъ за ними Совѣтъ Десяти, въ полномъ составѣ, десять старѣйшихъ сенаторовъ и десять проведиторовъ или главныхъ управителей отдѣльныхъ управленій выѣхали въ ближайшій пунктъ „Твердой земли“ — мѣстечко Джуліано. Въ ихъ свитѣ было болѣе двухсотъ молодыхъ патриціевъ и тысячный отрядъ войска, чтобы пышнѣе проводить короля до Мурано, ближайшаго къ Венеціи большаго острова. Наконецъ пришло въ городъ извѣстіе, что король благополучно достигъ Джуліано и переправился на Мурано, гдѣ проведетъ ночь, а на утро предстоитъ его торжественный въѣздъ въ Венецію.

Покуда вся властная и знатнѣйшая часть патриціата собиралась пышно встрѣчать „христианинѣйшаго“ короля, тайный Совѣтъ „Трехъ“ засѣдалъ цѣлый день въ маленькой затѣ дворца Дожей, обсуждая важный вопросъ о предложеніи Генриху III новыхъ мѣръ и средствъ для совѣстной борьбы съ общимъ все усиливающимся врагомъ...

Но врагъ этотъ не Турція, не Исламъ, не корсары и пираты, не дикіе племена Африканскаго побережья...

Врагъ этотъ — исчадіе ада, ересь, обступающая Церковь!.. Наступаютъ очевидно страшныя времена, о которыхъ гласитъ Апокалипсисъ!.. Быть — можетъ, скоро конецъ свѣта, такъ какъ пришествіе Антихриста уже чувствуется многими праведниками. Все чаще стали появляться люди кощунственно относящіеся къ религіи, занимающіеся грѣховными науками, обладающіе какими-то таинственными талисманами, астрологи, кудесники, чернокнижники. А за ними еще цѣлый легионъ — простые легкомысленные люди или безродные шатуны, продавшие душу сатанѣ ради суетныхъ благъ міра сего.

Королева-регентша Франціи и покойный король Карлъ еще недавно доказали всему свѣту, что они твердо стоятъ на стражѣ Церкви Христовой. Одна ночь Св. Варооломея надолго укрѣпила вновь уже расшатанныя основы католичества и престола св. отца папы.

Генрихъ конечно останется вѣренъ традиціямъ своего дома и будетъ оплотомъ противъ врага Христова.

Такъ думали и разсуждали три властнѣйшихъ сановника.

Вѣдѣнію Совѣта или Суда „Трехъ“ подлежали всѣ дѣла, требующія соблюденія тайны, какой бы области управленія они ни касались. Часто это были дѣла Sant Officio или инквизиціи, т. е. преслѣдованіе и судъ еретиковъ, колдуновъ, вѣдьмъ и вообще наперсниковъ сатаны, которыми переполнился крещеный міръ.

Три члена высшаго суда, тайно избираемые изъ среды Сорока судей или Кварантіи, оставались часто неизвѣстны даже многимъ сановникамъ республики, не го-

вора уже о членах патрициата. Засѣдали они всегда въ маскахъ, чтобы судимые не могли ихъ знать въ лицо. И часто чередуясь съ другими по выбору, эти трое стали грозой и устрашениемъ всякаго подданнаго республики. Бывали случаи, что самъ дожъ трепеталъ предъ этой невѣдомой и пещидомой силой, а иногда становился жертвой ихъ тайнаго и мгновенно исполняемаго приговора.

Теперь Судъ Трехъ засѣдалъ весь день и, разойдясь ввечеру, постановилъ воспользоваться пребываніемъ Французскаго короля, чтобы заключить съ нимъ новый союзъ... Союзъ охранителей вѣры Христовой и истребителей слугъ Антихриста.

„Опираясь на могущественнаго монарха, инквизиціонный судъ въ республикѣ процвѣтетъ!“ рѣшили они.

II.

Въ эти же дни радостной сумятицы и праздничнаго оживленія, появилось въ Венеціи много знатныхъ чужестранцевъ. Обыкновенно лишь турки да греки, почти завладѣвшіе внѣшней торговлей республики, навѣщали ее; гости изъ христіанскихъ странъ Европы бывали рѣже. Теперь же вдругъ въ гостиницахъ появилось очень большое число именитыхъ и важныхъ путешественниковъ. Оставивъ свои экипажи и лошадей на Твердой землѣ, каждый прибылъ однако въ сопровожденіи цѣлой блестящей свиты.

Въ числѣ прочихъ явился, за два дня до прибытія Генриха Валуа, его придворный и вмѣстѣ съ тѣмъ палатникъ и любимецъ виконтъ Сольксъ-Таваннъ. Онъ остановился въ гостиницѣ близъ набережной Рива Скиавони, но соблюдалъ покуда строгое инкогнито, именуясь простымъ торговцемъ изъ Тревизы.

Въ день его пріѣзда, ввечеру, въ гостиницу явился незнакомецъ и пожелалъ видѣться съ пріѣзжимъ по дѣлу. Виконтъ принялъ гостя, именуясь купцомъ, но незнакомецъ объяснилъ, что хорошо знаетъ съ кѣмъ имѣть дѣло. Таваннъ, никому не открывшій ни дороги, ни въ Венеціи своего имени и положенія при дворѣ Генриха, былъ нѣсколько удивленъ.

— Не удивляйтесь, виконтъ, заявилъ гость на чистомъ французскомъ языкѣ. — Правительству республики извѣстно всегда многое, чего никто не знаетъ. Ему извѣстны, напримѣръ, всѣ подробности бѣгства короля изъ Польши. — И незнакомецъ, къ крайнему изумленію Таванна, рассказалъ ему, какъ Генрихъ покинулъ Краковъ. — Самыя важныя государственныя тайны разныхъ странъ Европы, мало даже извѣстныя на мѣстѣ, прибавилъ онъ, — хорошо извѣстны сенату Венеціи чрезъ его агентовъ. Что касается до Суда Трехъ, то каждый членъ его знаетъ все... Знать даже то, что извѣстно одному сатанѣ.

— Если вамъ не только извѣстно, кто я, но даже подробности нашего путешествія, отозвался виконтъ Таваннъ, — то я, конечно, скрывать не стану. И тѣмъ болѣе не считаю это нужнымъ, что мое инкогнито должно продолжаться только до завтра... Позвольте узнать, съ кѣмъ я имѣю дѣло и что вамъ угодно?

— Я кавалеръ ди-Аволо... Съ честью пошу этотъ меньшій изъ титуловъ и фамилію, древнѣйшую изъ всѣхъ, какія только есть въ Италіи.

— Вашъ титулъ доказываетъ, что вы не венеціанецъ?

— Нѣтъ. Я родомъ изъ Португаліи. Но я нахожусь на службѣ при здѣшнемъ правительствѣ, и когда минетъ закономъ установленный срокъ давности мѣстожителства — я натурализуюсь и стану подданнымъ республики.

— Que désire donc Monsieur le chevalier Di-Avoło? любезно, но нетерпѣливо выговорилъ Таваннъ, потому что незнакомецъ ему сильно не понравился своей вѣжливостью и какъ-бы хвастливо-развязной манерой держаться и говорить.

Кавалеръ ди-Аволо былъ довольно высокаго роста, но казался еще выше отъ черзчуръ худощаваго стана и узкихъ плечей. Лицо его было оригинально, черты были нѣсколько рѣзки, выраженіе въ черныхъ глазахъ почти коварно хитрое, а орлиный носъ, сильно загнутый, и тонкія губы, едва замѣтно, но постоянно подернутыя недоброй, жесткой усмѣшкой, придавали его взгляду еще болѣе отталкивающее выраженіе. Худое и острое лицо казалось еще острѣе отъ маленькихъ, сильно вздернутыхъ вверхъ усовъ и отъ бородки клиномъ, черныхъ, какъ смоль. Курчавая голова была не кругла, какъ у всѣхъ, а замѣтно продолговата... Руки и ноги казались тоже черзчуръ длинны сравнительно съ туловищемъ. Вдобавокъ, въ голосѣ ди-Аволо и въ особенности въ его смѣхѣ было тоже что-то жесткое и звенящее, будто металлическое. Костюмъ его, такой же, какъ у всѣхъ патрициевъ Венеціи, какъ и у всѣхъ дворянъ европейскихъ государствъ, былъ, однако, не цвѣтной, а изъ смѣси чернаго атласа и чернаго бархата.

На нетерпѣливый вопросъ Таванна его гость ухмыльнулся странно. Это была скорѣе гримаса, нежели улыбка.

„Какъ, однако, онъ дурень собой!“ невольно замѣтилъ мысленно виконтъ и прибавилъ:

— Будьте столь любезны немедленно и кратко сообщить мнѣ, по какому дѣлу вы являетесь?

— Я посланъ къ вамъ отъ Совѣта Трехъ! выговорилъ гость нѣсколько важно.

— Зачѣмъ?

— Я долженъ по порученію трехъ тайныхъ членовъ Кварантинъ, временно верховныхъ судей Венеціанской республики, состоять при его величествѣ королѣ, за все время его пребыванія здѣсь.

— Зачѣмъ?! повторилъ удивленно Таваннъ.

— Таковъ обычай Венеціи... При всѣхъ гостяхъ республики состоитъ одинъ уполномоченный Совѣта Трехъ.

— Я полагаю, что при королѣ будутъ состоять важные сановники, сенаторы, а не... не простые молодые люди, не имѣющіе высокаго званія... рѣзко замѣтилъ Таваннъ.

— Да. Явно будутъ состоять при королѣ наши главные и знатнѣйшіе патриции. Всѣ шесть прокураторовъ Св. Марка и въ томъ числѣ знаменитый старецъ Антоніо Нани; затѣмъ старѣйшіе адмиралы флота, наши герои, Контарини и Веньеро... Кромѣ того назначенъ къ королю нашъ именитый патрицій да-Понтэ, который — какъ это всѣмъ извѣстно — почитается нашимъ будущимъ дожемъ, и наконецъ вашъ хорошій знакомецъ, нашъ бывший посолъ во Франціи, Маркъ-Антоній Барбаро... Его когда-то нынѣшній король Генрихъ, будучи еще принцемъ, очень любилъ.

— Все это совершенно вѣрно и мнѣ уже извѣстно! нетерпѣливо и досадливо отвѣтилъ Таваннъ. — Позвольте узнать...

— Всѣ эти лица будутъ явно сопровождать повсюду его величество, перебилъ кавалеръ виконта. — Что касается до меня, то я долженъ находиться въ свитѣ съ вами и другими дворянами — тайно... Иначе говоря: никому не будетъ извѣстно, что я агентъ правительства.

— Зачѣмъ?! въ третій разъ вскрикнулъ Таваннъ.

— Ради безопасности короля.

— Это совершенно излишне. Французская свита — вѣрные тѣлохранители его величества. И покуда мы живы — ни въ Венеціи, ни гдѣ-либо ничто не можетъ грозить Генриху III. Поэтому я нахожу излишними заботы членовъ Суда или Совѣта Трехъ...

— Ни вы, ни я не можемъ этого вопроса рѣшить, выговорилъ ди-Аволо холодно, и доставъ изъ картона футляра свертокъ бумаги, подалъ его виконту. — Прочтите внимательно, — тихо прибавилъ онъ серьезно, а глаза его будто пронизывали Таванна.

Виконтъ Таваннъ зналъ хорошо итальянскій языкъ, какъ и всѣ придворные послѣднихъ королей дома

Литературный альбомъ. „Гаральдъ“, баллада В. А. Жуковского.

Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Волкова, грав. Ольшевскій.

„Передъ дружиной на конѣ Гаральдъ, боецъ сѣдой,
„При свѣтѣ полныя луны, въѣзжаетъ въ лѣсъ густой.“

Библиотека "Руниверс"

Гаданье подъ Новый годъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Ижакевича, грав. Шюблеръ.

Валуа. Благодаря значенію и вліянню на дѣла Франціи Катерины Медичи, вся французская аристократія говорила на ея родномъ языкѣ. Быстро прочтя бумагу, Таваннъ задумался и насупился.

Это была странная бумага... Полупредложеніе, полу-приказъ, съ угрозой въ случаѣ несогласія и неисполненія...

Бумага гласила, что кавалеръ ди-Аволо, состоящій въ качествѣ секретаря при „Трехъ“, назначается пребывать постоянно въ свитѣ короля въ силу тайнаго постановленія Совѣта, который надѣется и увѣрять, что эта просьба будетъ доложена королю виконтомъ Сольксъ-Таванномъ и одобрена монархомъ. Въ противномъ случаѣ правительство не можетъ отвѣчать за безопасность Французскаго монарха на венеціанской территоріи, такъ какъ она, подобно многимъ другимъ странамъ, переполнена злодѣями-гугенотами и другими еретиками и отщепенцами Церкви Христовой.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, члены Суда Трехъ просятъ держать въ строжайшей тайнѣ это назначеніе кавалера ди-Аволо и даже не вступать объ этомъ въ объясненія съ дожемъ, прокураторами и вообще съ кѣмъ-либо изъ венеціанскаго правительства.

Послѣднее требованіе показалось Таванну страннымъ.

— Стало-быть мы должны, сказалъ онъ, — держать это въ тайнѣ настолько, что даже не говорить о васъ съ самими посланными васъ?

— Его величество можетъ заговорить обо мнѣ съ старѣйшимъ сановникомъ республики, съ Антонио Нани... Но не прямо...

— Намекомъ? Это не дурно. А кромѣ Нани никому даже не намекать?

— Никому! Кто долженъ это знать—будетъ видѣть меня самъ и будетъ молчать. Впрочемъ, это все такая мелочь, что стоитъ-ли монарху Франціи обращать на это вниманіе.

— Совершенно вѣрно, но все-таки странно! воскликнулъ Таваннъ насмѣшливо.

— Согласны-ли вы? почтительно, но сухо спросилъ ди-Аволо.

— Поневолѣ—да... Но по прибытіи его величества я доложу... И тогда дамъ вамъ окончательный отвѣтъ.

— Однако, при встрѣчѣ короля, при его торжественномъ вѣздѣ позвольте мнѣ уже находиться съ вами...

Таваннъ пожалъ плечами и отвѣтилъ:

— Soit!..

Кавалеръ ди-Аволо раскланялся и вышелъ.

„Отвратительная фигура!“ мысленно проводилъ его виконтъ.

Выйдя отъ фаворита Генриха, кавалеръ ди-Аволо сталъ спускаться по лѣстницѣ, искоса озираясь по сторонамъ... Черезъ мгновеніе вслѣдъ за нимъ явился маленький человекъ въ лиревѣ и нагналъ его. Это былъ главный камердинеръ виконта, по имени Этьенъ.

— Начало... шепнулъ онъ, идя вплотную за кавалеромъ и будто почтительно провожая гости.

— Да, еще тише отозвался тотъ. — Что дальше?

— Пошли вамъ Богъ удачу.

— Нѣтъ. Не призывайте Его... Никогда не былъ Онъ милостивъ ко мнѣ... Скажите, что костюмъ?

— Все тотъ же, отвѣтилъ Этьенъ едва слышно.

Кавалеръ вышелъ, сѣлъ въ свою гондолу и кратко приказалъ гондольеру:

— Какъ всегда...

Гондола быстро двинулась серединой Canal Grande, но достигнувъ мѣста, гдѣ направо возвышался извѣстный въ Венеціи дворецъ съ маленькой башней, она остановилась. Гондольеръ держалъ лодку на мѣстѣ, тихо гребя противъ теченія. Дворецъ этотъ принадлежалъ герою республики, славному своими подвигами противъ турокъ адмиралу Контарини.

Прошла минута, и у окна второго этажа показалась замѣчательно красивая молодая дѣвушка, бѣлокурая, почти бѣловолосая, но съ серебристо-пепельнымъ отбѣнкомъ. Она нагнулась надъ цвѣтами у окна и начала будто поправлять ихъ, но ея большіе синіе глаза были робко устремлены на гондолу... Кавалеръ смотрѣлъ на дѣвушку и лицо его сразу преобразилось, стало радостно изволнованное...

Дѣвушка скрылась, а гондола двинулась далѣе по каналу.

Между тѣмъ виконтъ Сольксъ-Таваннъ, послѣ визита тайнаго секретаря Совѣта Трехъ, сидѣлъ у себя озадаченный. Онъ былъ изумленъ тѣмъ, что этотъ секретарь передалъ ему многія подробности послѣдшаго отъѣзда Генриха III изъ Польши. Какимъ образомъ кто-либо въ Венеціи могъ знать и донести правительству республики все то, что произошло нѣсколько дней передъ тѣмъ и могло быть извѣстно только свитѣ короля? А изъ всей этой свиты куда-ли онъ одинъ, Таваннъ, явился сюда...

III.

Выѣздъ Генриха III изъ Польши былъ настоящій побѣгъ, отчасти комическій. Современная ему Европа не скоро узнала подробности этого эпизода исторіи Рѣчи Посполитой.

Генрихъ Валуа, такъ же какъ его отецъ Генрихъ II и такъ же какъ его братья Карлъ и Францискъ, былъ подъ полнымъ вліяніемъ Катерины Медичи, яростной ханжи въ дѣлѣ религіи и коварной интригантки въ дѣлѣ политики. Управляя Франціей именемъ мужа и сыновей, замѣчательная своимъ умомъ и энергіей, женщина эта сумѣла заставить Польшу избрать ея сына Генриха на польскій престолъ и заставила его принять избраніе.

Принцъ отправился въ далекую и чуждую страну какъ въ ссылку, но взялъ съ собой многочисленную свиту молодыхъ людей, которымъ исторія дала вскорѣ особое наименованіе: *minions*.

„Миньонъ“ явл. фаворитъ, но равно „нѣжюпа“, равно „прелестникъ“, появился, такъ сказать, на свѣтъ въ Варшавѣ, но впослѣдствіи сталъ играть большую и видную роль во Франціи за все время правленія Генриха III.

Эти молодые придворные проводили время въ праздныхъ и глупыхъ забавахъ, въ ухаживаніи за женщинами ради похвалы.

Между тѣмъ сами миньоны корчили изъ себя изнѣженныхъ, кичились женственностью и женоподобіемъ, и только одна ихъ особенность не соответствовала тому, что они изъ себя изображали. Это была пресловутая и прославленная исторіей страсть ихъ къ смертельнымъ поединкамъ, ливившаяся послѣдствіемъ скуки отъ праздности и полнаго пресыщенія всѣмъ, а отсюда и искренняго презрѣнія къ жизни.

Всѣ миньоны были конечно замѣчательные поединщики или бреттеры, т. е. знали искусство владѣть шпагой въ совершенствѣ, и затѣмъ вскорѣ послѣ воцаренія Генриха III они, какъ своего рода „опрічники“ Франціи, стали грозой общества и народа. Дерзко оскорбляя все и всѣхъ — людей, нравы и обычаи отечества, они зря, безъ смысла и безнаказанно убивали всякаго подвернуващагося подъ руку... Поединки стали надолго заразой и карой Господней въ странѣ.

Вотъ именно подобнаго рода молодежь — будущіе миньоны Франціи — послѣдовали за принцемъ Валуа, отправившимся въ страну, гдѣ тоже всякій папъ-магнатъ „за словомъ въ карманъ не подѣзетъ“, а за саблемъ хвататься то и дѣло привыкъ.

Краткое время правленія новаго Польскаго короля было мирное въ политическомъ отношеніи, но бурное въ иномъ смыслѣ. Вся столица, а затѣмъ все королев-

ство вскорѣ же возненавидѣло дерзкихъ чужеземцевъ, надменно относившихся къ „варварамъ“-полякамъ и распоряжавшихся какъ въ покоренной странѣ...

Ссорамъ, стычкамъ, поединкамъ не было конца, и скоро въ столицѣ явились уже два яростно враждебные лагеря... Однако паны-магнаты одолевали, спуску не давали, и толпа миньоновъ начала рѣдѣть. Одни пали въ поединкахъ, другіе погибли на иной ладъ, мѣстный, „отъ батожья“ приверженцевъ и слугъ соперника-магната, третьи были высланы на родину королемъ за крайнее буйство, четвертые добровольно покинули Польшу, соскучившись по отечеству и семьямъ.

Послѣдніе были счастливы!

Какъ былъ бы счастливъ самъ монархъ, самъ новый избранникъ польскаго народа, если-бы онъ могъ тоже бросить фиктивные бразды правленія самовольнаго народа и тоже возвратиться на родину!

Близкій человѣкъ, наперсникъ и историкъ краткаго царствованія короля Польскаго изъ французовъ, засвидѣтельствовалъ потомству, что Генрихъ Валуа носилъ эту польскую корону „comme un roc sur sa teste“.

Пребываніе вдали отъ отечества истомило Генриха. Постоянно писалъ онъ матери, жалуясь на свою горькую участь, тоску, безвластіе и даже обиды, наносимыя ему его подданными.

Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ пальцы лѣвой руки короля носили слѣды укуловъ. Онъ оставилъ на родинѣ многихъ красавицъ, которыхъ любилъ и которыхъ его обожали. И теперь онъ ежедневно сочинялъ имъ страстные посланія, писанныя „его собственной кровью“, выпускаемою пглой изъ рукъ.

И вдругъ однажды, когда король находился въ Краковѣ, рано утромъ явился къ нему австрійскій посланникъ при его Дворѣ и передалъ ему письмо отъ императора Максимилиана съ извѣстіемъ о смерти его брата, Карла IX.

Черезъ часъ нарочный отъ Катерины Медичи, проскакавшій отъ Парижа до Кракова безъ остановки, вручилъ Генриху собственноручное письмо отъ матери, призывавшей его на престолъ Франціи, гдѣ она объявлена временно и уже вторично регентшей.

Въ сумерки явился другой гонецъ отъ регентши, посланный ранѣе перваго, но кружнымъ путемъ, и подтверждавшій все то же извѣстіе и то же приглашеніе явиться скорѣе въ отечество въ виду интригъ гугенотовъ и партизановъ короля Наваррскаго, Генриха.

Цѣлый день пробродилъ король Польскій какъ въ чаду отъ несказанно радостнаго извѣстія. Вечеромъ онъ созвалъ своихъ самыхъ близкихъ наперсниковъ и миньоновъ и заявилъ, что въ силу высшихъ государственныхъ соображеній надо покинуть предѣлы Польши немедленно...

— Когда же? спросили фавориты, въ числѣ десятка человѣкъ.

— Сегодня! отвѣчалъ Генрихъ.

И несмотря на увѣренія друзей, просьбы и совѣты ихъ не покидать государства, избравшаго его королемъ, Генрихъ стоялъ на своемъ.

— Если я сегодня не спасусь бѣгствомъ, то я никогда не буду королемъ Франціи, отвѣтилъ онъ. — Поляки задержатъ меня силой... надо.го.

Генрихъ былъ правъ. Поляки, потерявшіе еще недавно много времени въ поискахъ короля, попадали снова въ трудное положеніе — искать новаго охотника занять престолъ.

Несмотря на искусное соблюденіе тайны, магнаты, окружающіе короля, будто чули что-то особенное въ воздухѣ. Генрихъ приказалъ всѣмъ главнымъ польскимъ саповникамъ, которые находились въ Краковѣ, собраться къ нему тотчасъ, несмотря на поздній часъ ночи. Выйдя къ собравшимся магнатамъ въ полномъ траурѣ, король объявилъ имъ о смерти брата Карла IX, по при-

бавить, что онъ, наследникъ французскаго престола по праву и по закону, принадлежитъ сердцемъ и нравственно Польшѣ и ее не покинетъ.

И въ присутствіи всѣхъ обрадованныхъ этимъ рѣшеніемъ магнатовъ Генрихъ написалъ матери и отправилъ письмо, гдѣ узаконивалъ ее временное регентство и передавалъ свои права своему кузену, Генриху Наваррскому, изъ фамиліи Бурбоновъ.

Въ десять часовъ король, въ присутствіи многихъ лицъ, торжественно, съ обычнымъ цереміаломъ, занялся своимъ туалетомъ, раздѣлся и удалился въ спальню, отходя ко сну. Два пажка, какъ это бывало всегда, задержали занавѣсь его кровати и стали у дверей на часахъ.

Въ полночь Генрихъ и десятокъ ближайшихъ друзей его были уже за чертой города и скакали на коняхъ, какъ бѣгутъ развѣ только злодѣи, спасающіеся отъ суда и казни.

Съ этого мгновенія начался одинъ изъ самыхъ забавныхъ эпизодовъ исторіи.

Магнаты, будто чуявшіе игру и притворство короля, не дремали, т. е. не легли спать... Въ часъ ночи оберъ-камергеръ Двора, панъ Тенчинскій, пожелалъ, вопреки этикету, войти въ спальню, чтобы видѣть монарха въ постели... Дверь оказалась запертой и на голосъ придворнаго монархъ не откликнулся. Тогда дверь была взломана...

Черезъ часъ оберъ-камергеръ, нѣсколько пановъ-магнатовъ, а съ ними отрядъ въ двѣсти человѣкъ всадниковъ изъ числа всякаго рода придворныхъ, офицеровъ, простыхъ шляхтичей и дворцовыхъ слугъ были тоже на коняхъ и помчались вдогонку за коронованнымъ бѣглецомъ по дорогѣ на Вѣну.

Съ зарей отрядъ въ пять тысячъ всадниковъ, уже цѣлое вооруженное войско, помчался тоже по слѣдамъ перваго отряда.

Подданные ловили монарха! Объятые ужасомъ предъ пустымъ трономъ, который было такъ трудно замѣщать, они рѣшились на насиліе надъ личностью Генриха.

„Догнать, привезти и посадить на тронъ подъ арестъ!“

Бѣгство, погоня и поиски продолжались на протяженіи почти трехсотъ верстъ.

Генрихъ со свитой скакалъ почти безъ отдыха, почти не думая о нищѣ и снѣ...

Въ Освѣщимѣ бѣглецы были настигнуты. Погоня показала на холмѣ въ верстѣ отъ нихъ. Но они храбро перемахнули какую-то рѣчку вплавь и бросились въ лѣсъ... Здѣсь конь Генриха палъ, два коня изъ свиты пали тоже... Бѣжать, бросивъ трехъ своихъ на произволъ озлобленныхъ поляковъ, было невозможно...

Покуда Генрихъ и его друзья замѣшались, бродя въ чащѣ лѣса, Тенчинскій съ сотней своихъ всадниковъ тоже вплавь пересѣкъ рѣчку и, настигнувъ бѣглецовъ, окружилъ ихъ... И здѣсь, представъ предъ пойманнымъ королемъ, оберъ-камергеръ его съ отчаяніемъ воскликнулъ сохранныя исторіей слова:

„Serenissima Majestas, cur fugis?“

Генрихъ отвѣчалъ, что бѣжить во Францію занять престолъ предковъ и что святой долгъ призываетъ его въ дорогое отечество, которое не промѣняетъ онъ на сто польскихъ коронъ, и что только одно насиліе заставитъ его вернуться.

Здѣсь подданные уже собирались было употребить насиліе и грозили войскомъ, которое показалось на горизонтѣ...

Но, увы! На горе пановъ, случайное появленіе двухъ солдатъ около нихъ, среди лѣса, разрѣшило вопросъ... Солдаты были не въ польскихъ, а въ нѣмецкихъ мундирахъ. Король Польскій былъ настигнутъ за границей своего королевства, на землѣ Силезіи, и находился

уже подъ покровительствомъ императора Максимилиана. Пятидесятичное войско изъ Кракова конечно не имѣло права переступать границу Австрiи безъ нарушенiя международнаго права.

И Генрихъ Вадуа заявилъ, что, опираясь на личное желанiе и обѣщанiе заступничества императора Австрiйскаго, онъ „здѣсь же, въ чащѣ лѣса“, слагаетъ съ себя званiе Польскаго короля и объявляетъ себя королемъ Французскимъ.

Впрочемъ, еще долго послѣ того Генрихъ III именовался: Rex Franciae et Poloniae.

Вскорѣ Генрихъ былъ уже въ Вѣнѣ въ качествѣ монарха Францiи и продолжалъ свой кружной путь, ради осторожности, чрезъ австрiйскiя и итальянскiя владѣнiя.

Виконтъ Таваннъ явился въ Венецiю ранѣе своего короля и друга, чтобы приготовить многое для его дальнѣйшаго слѣдованiя. Разумѣется, здѣсь, въ Венецiи, онъ одинъ могъ знать подробности всего, чрезъ что прошли они съ королемъ, покинувъ ночью краковскiй дворецъ.

(Продолженiе будетъ).

„Неразлучное“

Рассказъ Николая Днѣпровскаго.

I.

Въ началѣ iюля 188* года, я ѣхалъ погостить мѣсяца на два въ Неразлучное — имѣнiе моей сестры въ С-ской губерни, расположенное верстахъ въ 12-ти отъ станцiи желѣзной дороги. Я бывалъ тамъ еще въ дѣтствѣ, когда мы всей семьей ѣздили въ Неразлучное, въ гости къ бывшему владельцу его — Семену Васильевичу Грудкову — покойному мужу моей сестры. Я, помню, всегда восхищался всѣмъ, что я тамъ видѣлъ: чистымъ и глубокимъ озеромъ, казавшимся мнѣ тогда безбрежнымъ, старымъ запущеннымъ садомъ, полнымъ гама, шпика и стрекотанья всякой пернатой и легокрылой твари, чуднымъ видомъ съ горы, на которой стоялъ старинный, низкий, широко и гостеприимно разстѣвшiйся деревянный домъ. Церепектива провести два мѣсяца въ этомъ благословенномъ уголкѣ, отдышаться деревенскимъ воздухомъ, поохотиться на тетеревей, которыхъ въ окрестностяхъ Неразлучнаго водилось вдоволь — настолько улыбалась мнѣ, что, подѣхавъ въ великолѣпное раннее утро къ станцiи, на которой надо было сойти, я чуть не бросился обнимать высокаго, бѣлоголоваго парня, вручившаго мнѣ записочку отъ сестры.

Предварительно онъ спросилъ меня:

— А вы, баринъ, не братецъ-ли Екатеринѣ Антоновнѣ будете?

Въ запискѣ сестра просила купить въ вокзальномъ буфетѣ разныхъ разностей „по прилагаемому списочку“, въ списочкѣ между прочимъ значилось: 2 фунта крахмалу и восьмьюшку сыпучки; мясныхъ припѣсковъ для Маруси на 15 коп., фунтъ гвоздей полутоеса и пр. Все это въ буфетѣ оказалось налицо. Буфетчикъ держалъ лавочку и видно торговалъ бойко, потому что въ лавочкѣ всегда былъ народъ и отсюда несся говоръ, переходившiй подчасъ въ ожесточенный споръ съ возгласами въ родѣ слѣдующихъ, дошедшихъ ко мнѣ въ этотъ разъ... „И я-ль тебя не уважилъ, Истратъ Борисычъ! намедни шкуру-то почестъ дарма тебѣ отдать, а ты мнѣ этакой малости не купишь!“ или: „Прижалъ ты насъ въ какъ, Истратъ Борисычъ, да и куражишься! Ни вѣсть сколько годовъ у тебя беремъ, а ты и приѣзду нисколько не купишь!“ или: — „У-у, чортъ гнутый, ты-же мнѣ полуштоха ешшо не поставилъ, а баранки спрашиваетъ!“ и т. п.

Получивъ отъ буфетчика корзину съ покупками, которую бѣлоголовый парень бережно привязалъ обѣими руками, сказавъ при этомъ: „Ого!“ и поспѣвъ къ выходу, я получилъ мой багажъ, дождался пока парень вернулся за нимъ и вышелъ на подѣздъ вокзала.

Тройка сытыхъ коренастыхъ лошадей, помѣстительный развалистый тарантасъ, широкая снѣга Родивона (такъ звали, оказавшись, бѣлоголоваго парня), уверенно и быстро прилаживающаго къ задку тарантаса мой чемоданъ — все имѣло такой отпечатокъ бодрости, свѣжести и силы, что вмѣстѣ съ великолѣпнымъ утромъ производило на меня такое же радостное впечатлѣнiе, какое долженъ испытывать школьникъ, проспавшiй нѣсколько часовъ въ душномъ классѣ и вырвавшiйся наконецъ на волю. Даже мой Русланъ, бѣлый сестеръ, спутникъ всѣхъ моихъ охотничьихъ походовъ, обѣжавъ нѣсколько разъ дворникъ, лошадей и тарантасъ и ткнувъ мимоходомъ мордою прямо въ губы Родивону, неосторожно нагнувшемуся въ его сторону при увязкѣ чемодана, ухмыляясь возлѣ меня на крылечкѣ и такъ посмотрѣвъ мнѣ въ глаза, словно хотѣлъ сказать: „Боже мой, какъ все тутъ хорошо.“

Конечно онъ былъ правъ.

II.

Наконецъ все было улажено, ухмыльсь. Тройка дружно взяла и покатила. Сначала дорога потряхивала, но когда повернули на широкую „большую дорогу“, обсаженную березамъ, — пошла прекрасная прямая, ровная, убѣгающая вдаль постепенно суживающаяся сѣрою лентою. По бокамъ потянулись полосы желтѣющей ржи вперемежку съ полосами мѣлкаго лѣсочка и ярко-зеленые ковры льна и овса. Вдали забѣлѣла церковь, потѣвѣ виднѣлся вѣтрякъ, неподвижно рас-топырившiй свои крылья, а между церковью и вѣтрякомъ

протянулась свѣтлая, серебряная полоска. Я зналъ, что церковь — это село Калачи, а свѣтлая серебряная полоска — Калачевское озеро, въ которомъ водились судаки. Я зналъ, что калачевцы зимою бойко торгуютъ рыбой и доставляютъ хороший доходъ калачевскому кабатчику Сысою Башендѣ. Зналъ я также, что калачевскiй сельскiй священникъ во время оно „все силы покладалъ“ на то, чтобы общество закрыло этотъ ненавистный ему кабакъ, какъ было на глазу сдѣланный на самомъ склонѣ холма, на которомъ стояла церковь. Подъ гостеприимнымъ кровомъ этого популярнаго на Русѣ учрежденiя очень часто застрѣвали усердные богомольцы, по дорогѣ въ церковь. Это была старая, упорная борьба, интересовавшая всѣхъ прихожанъ, разбиная ихъ на двѣ враждебныя партiи. Партiи эти, впрочемъ, всегда были численно не равномѣрны: гвельфы (такъ окрестилъ противъ-кабаковцевъ мѣстный острякъ, становой приставъ) всегда значительно уступали гибслинамъ (кабаковцы). Отецъ Никифоръ, 15 лѣтъ ведущiй эту борьбу, несмотря на всю свою энергiю, на трогательныя увѣщанiя, направленные къ умягченiю сердецъ паствы, съ сокрушенiемъ вынужденъ на слабость своей партiи и все падѣлся на лучшiя времена.

Мнѣ захотѣлось узнать, какъ теперь стоятъ дѣла по этому кабаковскому расколу.

— Что, Родивонъ, калачевскiй пошъ съ кабатчикомъ все еще не справился? обратился я къ своему возницѣ.

Родивонъ отвѣтилъ не сразу. Онъ сначала сдержалъ тройку, подобралъ подъ себя вожжъ, потомъ медленно передвинулся на козлахъ бокомъ ко мнѣ, быстро сдернулъ съ головы картузъ, почесалъ за ухомъ и, падѣвъ картузъ опять, бросилъ на меня веселый и плутоватый взглядъ и произнесъ медленно:

— А вы нешто слышали?

Я сказалъ, что бывалъ въ этихъ мѣстахъ и кое-что слышалъ. — Вотъ совсѣмъ было сладилось одно время, да пошча опять у нихъ пошло.

— Что-жъ такъ?

— Тутъ дѣло одно у нихъ вышло. Ну да обнаковенно, отецъ-то Никифоръ вѣдь никакаго озорства не допускаетъ, а тутъ такое завелъ, что и вовсе не пригоже.

III.

Возбудивъ такимъ образомъ мое любопытство, Родивонъ опять снялъ картузъ, порылся въ немъ, досталъ зарытанный за подкладкою картуза окуркъ махорочной папиросы, потомъ медленно полѣвъ въ карманъ, пошарилъ тамъ, добылъ спичку и сталъ закуривать.

— Что-жъ такое завелъ? спросилъ я.

— Да вы можете знаете Анютку Хасѣкинскую? протянулъ онъ.

Я сказалъ, что не знаю.

— Анютка, Васыки лѣсника дочка, — ну такъ изъ-за се вся штука и пошла. Ну обнаковенно, если бы Иванъ Сысонъ, сынъ-то кабатниковъ, въ нее не влюбимшись былъ, оно бы ничего, потому самая статья неподходящая, чтобы ему ее брать при такомъ-то капиталѣ; а онъ западиль одно: женюсь, да и женюсь! вотъ изъ того и вышло.

— Да что-жъ вышло-то? перебилъ я медлительное повѣствованiе Родивона.

— А, братъ, ты мой, вотъ какъ это у нихъ случилось. Иванъ Сысонъ, сынъ-то кабатника, по осени прошлаго года заведеннымъ порядкомъ поѣхалъ по деревнямъ лѣвъ скупать, ну, и заѣхалъ къ Васыкѣ. А краля-то къ ему и выходитъ.

Родивонъ глубоко затапулся и нахнулъ дымомъ. Я воспользовался паузой, чтобы спросить, какая краля.

— Да вотъ Анютка-то, Васыки Хасѣкинскаго дочка. Вѣдь она у насъ на всю округу кралей зовется, и именно, что краля; всѣмъ вѣла: изъ себя-это рослая, такая раскидистая, ну ни-п-сажая и писаная...

У Родивона видно не находилось словъ, чтобы выразить, какая писаная и раскидистая краля была дочь Хасѣкинскаго полѣсовщика. Во время разсказа о ней, онъ какъ-то перемѣнился: серьезное и апатичное лицо его, съ свѣтлымъ пухомъ

Боярышня. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Лоренца, грав. Бергъ.

усовъ и бороды, оживилось, глаза смотрѣли вдаль, чуть некрясь и пошуривались.

— Ну такъ вотъ, какъ увидалъ-то ее Иванъ Сысонецъ, такъ и остановился, и слова сказать не умѣлъ, только шапку снялъ, да глазъ съ нея не сводить. А она, обыкновенно, дѣвка не верченая, застыдилась и ушла батьку скликать, ну а сама не вышла. Ужъ Иванъ Сысонецъ тутъ съ Васькой и то и се, какъ молъ раньше я дочку твою не видать, да такая молъ она у тебя распригожанъ—ну, вовсе разныкъ малый. Наказалъ Васькѣ, чтобы самъ лѣтъ привозилъ къ нимъ въ Калачъ, да чтобы непременно съ дочкой прѣзжалъ. А Васька тоже мужикъ не дурень—ушрастелъ, она молъ у меня дома по хозяйству, пельзи дескать ей отлучиться, — и такъ Ивана Сысонецъ утѣшилъ, что тотъ ему на пятачекъ съ пуда дорожке супротивъ другихъ накиннулъ, только чтобы съ дочкой привозилъ.

Ну, съ этой поры и зачастилъ Иванъ Сысонецъ въ Хасѣнно: то ему надобность въ кузню (а Васька и кузню держитъ), то лыки, то ободья скупать—ну почестъ раза два въ недѣлю навѣщать сталъ и все у Васьки ему остановка выходить. А послѣ Спаса осенняго призо зта къ отцу—къ Башендѣ-то. Такъ, молъ, и такъ, засылай сватовъ къ Василью въ Хасѣнно, на дочкѣ его жениться хочу, да и шабань!

IV.

Тутъ Родивонъ смолкъ, поправилъ картузь и сталъ весьма триваться впередъ, собирая вожжи и направляясь на козлахъ. Наострѣчу намъ по дорогѣ двигалось облако пыли. Видно было мелькавшие сквозь это сѣрое облако какое-то красное пятно позади лошадиной головы надъ дугою и слышался стукъ быстро катищихся колесъ. Наконецъ, ясно можно было различить, что ѣдетъ телѣга парюю, и рядомъ съ сидѣлицею въ задкѣ телѣги женщиною въ красномъ платкѣ правитъ лошадыи, свѣсивъ ноги съ гради телѣги, крѣпкій, съ сильною просьдью, мужикъ, одѣтый въ бѣлый кафтанъ изъ грубой холстины. И не успѣвъ разглядѣть какъ слѣдуетъ ни мужика, ни женщину, по изъ-подъ нагнутого на лобъ красного платка въ меня на мгновѣніе уставились два большіе голубые глаза. Родивонъ снялъ картузь, мужикъ отвѣтилъ ему тѣмъ же и телѣга громыхая прокатилась мимо. Родивонъ повернулся на козлахъ, проводилъ глазами проѣхавшихъ и опитъ быстро и плутовато глянуть на меня.

— Вотъ они самые, легки на поминѣ, Васька съ дочкой. Должно на торги въ волость поѣхали: лыки почеча въ казенникѣ продають, такъ ужъ Васька Демьяновскій участокъ всегда за себя снимаетъ. Ну должно на торги и естъ, тамъ и Иванъ Сысонецъ всегда бываетъ.

— Ну что-жъ, отецъ-то, кабатчикъ, развѣ зауричился? навѣлъ я разсказчика на прежнюю тему.

— И-и-и! Какъ закрывать, какъ затопочеть! Ты, говоритъ сыну, хочешь осрамить меня на старости лѣтъ, мы, говоритъ, на такихъ, какъ твой Апютка, батраковъ своихъ женить можемъ, а при моемъ, говоритъ, званіи, да почетѣ, я такую голь перекатную въ домъ къ себѣ не возьму. И пошелъ, и пошелъ... А Иванъ Сысонецъ уперся, да и ну!

При этомъ Родивонъ опитъ повернулся и, оперевъ кнутовище въ крыло тарантаса, сильно налегъ на него, изобразая такимъ образомъ, какъ уперся Иванъ Сысонецъ.

— Такъ ничего у нихъ и не вышло?

— А то вышло, что Башендиха Ивану-то Сысонецу всю морду сметаной залила!..

При этомъ Родивонъ такъ искренно и радостно раскатился здоровымъ, молодымъ смѣхомъ, что я не могъ даже сразу повѣрить, чтобы этотъ флегматичный на видъ наренъ способенъ былъ такъ оживленно выражать свою радость по поводу столь грустнаго, для Ивана Сысоевича, обстоятельства. Даже Русланъ, задремавшій было, свѣсивъ голову за край тарантаса, вздрогнулъ отъ неожиданности и быстро поднявъ морду, удивленно глянулъ на Родивона сощмыи глазами. Я несколько засмѣялся съ.

— Какъ такъ?

— А такъ, что залила. Сталъ онъ на своемъ напирать, что молъ давно ужъ порѣшилъ, такъ она слушала, слушала,—а

старуха-то она, знаете, непочтительная, упрямая; какъ держала жбанъ со сметаной, масло бить собралась, такъ весь жбанъ ему въ рыло и выворотила.

И снова злорадный, раскатистый смѣхъ, и снова Русланъ, шевельнувъ головой, сонно моргнуть глазами.

— Ну, съ недѣлю у нихъ потомъ война шла, отца Никифора миритъ призывали; сколько безпокойства въ Калачѣхъ надылали—страсти! А Иванъ Сысонецъ одною съ парями и говоритъ: „А коли не хочешь дать родительскаго благословенія, говоришь, такъ мы и такъ обойдемся!“ Такъ и порѣшилъ, да къ отцу Никифору—проситъ. „Она, говоритъ, по своей охотѣ, а я ужъ въ возрастъ вошедши, не несмыселъ какой, самъ себѣ хозяйинъ, свою, значить, планиду самъ понимать могу; что мнѣ, говоритъ, батька въ этакое дѣлѣ, мнѣ съ ней жить, а не ему!“

Родивонъ рѣзко пошевелилъ вожжами, какъ бы одобряя всѣ доводы Ивана Сысоевича, и тарантасъ покатился шибче.

— Ну, отецъ Никифоръ этому случаю и радъ. Такихъ, молъ, итутъ законовъ, чтобы могъ тебѣ отецъ въ этомъ воспретить; я, говоритъ, согласенъ вѣнчать, такъ и скажи своему свеклыгѣ!

Какъ прослышалъ про это нашъ Башенда, такъ ища позлелѣлъ весь, да и говоритъ:

— Хотѣлъ я съ пономѣмъ въ ладу жить, а онъ вотъ какія штуки подиукаетъ, такъ теперь я-жъ его архіересемъ дойму!

Ну и пошло промѣжъ ихъ съ той поры попрежнему, просто глядѣть теперь другъ на дружку не согласны... Смѣхъ, см-Богу!..

— Ну и поженить?

— Итъ! какъ-то быстро, улыбаясь и мотнувъ головой, тонкимъ голосомъ выкрикнулъ Родивонъ.—Васька какъ узналъ про это, такъ и почалъ Ивана Сысоевича отпихивать, потому—что-жъ за користь ему, когда Башенда сына капиталу лишишь. Ёшь, браецъ, у насъ, Васька-то, мужикъ умный, ёшь, братъ, тоже на Ивана Ушаря расчетъ держитъ объ дочкѣ-то, да итъ. не туда тотъ глядитъ, чтобы въ законъ вступать.

V.

Я зналъ семью Ивана Ушаря; это была зажиточная, большая семья, но Ивана и помнилъ еще мальчишкомъ—Вашкой Ушаренкомъ, когда мы вмѣстѣ съ нимъ лазили по липамъ Перелучинскаго сада и добывали изъ гнѣздъ яйца дроздовъ въ старомъ липникѣ. Этому липнику сестра была обязана великолѣпнымъ медомъ, славившимся на весь уѣздъ чуднымъ цвѣтомъ и ароматомъ. Сестра всегда хваталась, что архіерей, пробовавшій ея медъ, когда, объѣзжая епархію, кушалъ у нея чай, съ тѣхъ поръ всегда присылаетъ къ ней за медомъ, называя его своимъ „неразлучнымъ утѣшеніемъ къ чаю“.

— А что Ушаревы? спросилъ я.—Должно быть всѣ повзросли, семья большая?

— А вотъ какія семьи, что какъ выйдутъ самъ-пятъ косятъ рѣчку, такъ ажъ зависть беретъ смотрѣть, какъ выжило орудуютъ. Ну у нихъ и земли довольно, лѣтось у графини 70 десятинъ въ Гредяишскомъ клину, что къ липѣ подошелъ, купили, такъ они теперь паны. Только Иванъ-то не болно расчитываться при землѣ оставаться, ёшь, браецъ, почча въ солдаты уйдеть, такъ я, говоритъ, со своимъ мастерствомъ въ Москвѣ получше здѣшняго заработаю. А онъ у насъ именьио что столаръ отичный, да и грамотенъ, братъ, здорово!

Мнѣ почему-то показалось, что и самъ Родивонъ имѣетъ виды на Апютку и мнѣ хотѣлось выяснитъ это обстоятельство.

— Ну, а ты, Родивонъ, не собираешься жениться? спросилъ я.

Родивонъ, сидѣвшій ко мнѣ въ полъ-оборота и глядѣвшій прищурясь на сверкающую на солнцѣ рыбъ неширокой, съ густо поросшими осокою берегами рѣчонки, которую намъ надо было переѣзжать, слегка потупился и сталъ ковырять кнутовищемъ мысокъ своего огромнаго сапога.

— Да мнѣ тоже на осень въ солдаты идтить, меня батька женить не собираетъ,—нехотя отвѣтилъ онъ, поднявъ голову, съкъ прямо и, собравъ вожжи, сталъ сдерживать тройку подъ гурку—къ мосту черезъ рѣчку. Своимъ неосторожнымъ вопросомъ я видно отбилъ у него охоту продолжать разговоръ, и онъ все вниманіе обратилъ на лошадей.

(Продолженіе будетъ).

Литературныя бесѣды.

И. А. Гончаровъ.

(Литературная характеристика).

Какъ извѣстно, Гончаровъ выступилъ на литературное поприще въ концѣ 40-хъ годовъ большимъ романомъ „Обыкновенная исторія“, въ которомъ рѣзкими и яркими чертами изображены два типическія представителя тогдашняго времени: провинціаль-идеалистъ, еще юный, не покусенный еще жизнью юноша, создающій въ своихъ представленіяхъ какой-то несуществующій міръ и оттого жестоко страдающій, и дидя его, значительный петербургскій чиновникъ, хорошо знакомый съ жизнью и не желающій разочаровывать племянника въ его пламенныхъ, но лишенныхъ всякой жизненной основы мечта-

нийхъ. Романъ поразилъ всѣхъ и глубокимъ содержаніемъ и удивительною отдѣлкою частностей; авторъ не допустилъ въ своемъ произведеніи никакихъ разсужденій и поспѣшій, а заставилъ изобразенныя имъ лица, дѣянія ихъ и событія говорить самихъ за себя. И Гончаровъ сразу завоевалъ себѣ общее вниманіе. Гениальный по чуткости русскій критикъ, Вѣлишскій призналъ дарованіе Гончарова высоко замѣчательнымъ, а произведеніе его—истинно художественнымъ. Прошло затѣмъ цѣлыхъ десять лѣтъ, прежде чѣмъ появилось новое произведеніе Гончарова—„Обломовъ“, изъ котораго напечатанъ былъ

въ одномъ изъ альманаховъ отрывокъ, именно „Сонъ Обломова“—также въ концѣ сороковыхъ годовъ. Эти десять лѣтъ прошли не даромъ для художника. „Обломовъ“ явился передъ читателемъ какимъ-то открытіемъ. Неподвижный, пассивный, совершенно безцѣльный на практическую благородную дѣятельность, Обломовъ своими типическими свойствами объяснилъ длинный рядъ явленій русской какъ исторической, такъ и современной жизни. Художественность описовки характеровъ, ихъ полная цѣлостность, полное согласіе всѣхъ ихъ во всѣхъ мельчайшихъ проявленіяхъ представляли такую чарующую прелесть, что въ Гончаровѣ признали дарованіе первостепенное, и другой знаменитый критикъ, Добролюбовъ, ярко освѣтилъ это общее впечатлѣніе своей извѣстной статьей: „Что такое Обломовщина“. Умственная и физическая лѣнь, столько въковъ державшая русское общество и народъ въ мрачѣ невѣжества, получила выраженіе въ художественномъ типѣ. Здѣсь не мѣсто входить въ объясненіе, насколько Обломовъ стоитъ въ противорѣчій съ такими историческими русскими лицами, какъ Петръ Великій, Домошовецъ и пр., полными энергіи, и съ такими проявленіями русской силы и энергіи, какъ во времена междоусобицъ, Отечественной войны и проч., и проч. Несомнѣнно одно, что Гончаровъ съ необыкновенной силой художественности изобразилъ черту русскаго характера, которая не можетъ не быть признана. И Гончаровъ занялъ мѣсто среди самыхъ знаменитѣйшихъ русскихъ писателей. Позднѣйшій романъ его „Обрывъ“ и еще нѣсколько произве-

деній не могли автору дать большей славы, чѣмъ та, которую онъ пользовался уже; но во всѣхъ этихъ произведеніяхъ были тѣ же гончаровскія черты огромнаго художественнаго таланта и большого, остраго, пронзительнаго ума. Какъ живая стоялъ передъ читателемъ вышедшій Гончаровымъ лица со всѣми своими характеристическими чертами, и говорятъ понышнѣмъ языкомъ о своемъ значеніи въ общественной жизни и въ жизни частной, въ отношеніяхъ съ тѣми, кто ихъ окружаетъ, близко стоять къ нимъ. Гончаровъ никогда не прибѣгаетъ къ понесеніямъ, столь обычнымъ даже въ художественныхъ произведеніяхъ, онъ просто даетъ образъ, какъ бы говори читателю: вотъ намъ человекъ, вотъ намъ его душевныя свойства, — судите его, какъ хотите. Но ярко освѣщенная фигура не допускаетъ, однако, произвола въ сужденіяхъ, читатель долженъ, не будучи слѣпымъ, понять хорошо это представленное ему лицо, видѣть сквозь его сущность—такъ ярко и полно отражено оно художникомъ. Гончаровъ принадлежитъ къ тѣмъ писателямъ, которые должны быть тщательно изучаемы. Читательская публика въ Гончаровѣ найдетъ одного изъ тѣхъ художниковъ, которые говорятъ сердцу и воображенію значительными и полезными образами. Гончаровъ—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей старой, хорошей школы литературной, въ которой еще можно найти спасеніе отъ всепожирающаго литературнаго разложенія, появившагося въ переживаемое нами время.

Арсеній Введенскій.

Новогодніе планы молодой дѣвушки.

Съ англійскаго М. Шеддингъ.

Понедѣльникъ.

Да, я рѣшилась, я непременно должна въ этомъ году опредѣлить мое призваніе и сдѣлать *что-то* особенное; *ничто* не-обязательное какъ будто говорить мнѣ, что во мнѣ кое-что кроется.

Почему бы мнѣ не сдѣлаться писательницей?

И увѣрена, что эта мысль восхищительна. Братъ Ида надѣясь говорилъ мнѣ, что все искусство писанія заключается лишь въ томъ, чтобы написать, подобно бисеру, одно къ другому массу малозначущихъ, но, по видимому, глубокомысленныхъ словъ и выраженій. Это объясненіе меня ободряетъ; я непременно постараюсь всѣми силами отличиться на литературномъ поприщѣ.

Разберемъ, напримеръ, мою первую фразу: она, кажется, прекрасно составлена. И не употребила въ ней ни одного грамматическаго правила и выскочила съ тѣмъ какъ будто нѣчто вы-сказала.

Только зачѣмъ это „нѣчто“, да еще два раза подъ-рядъ? Это кажется повтореніе, а я знаю, какъ ужасно повторять нѣсколько разъ подъ-рядъ одно и то же слово! Но пусть геній къ слави успѣетъ терпѣннѣе. И начинаю чувствовать ихъ уколы.

Стыдно и досадно, когда человекъ не можетъ высказать великой мысли рѣчью, свободно текущей отъ сердца, не прибѣгая къ тождеству. И глубоко презираю того, кто выдумалъ терминъ: „тождество“.

Однако какимъ другимъ словомъ могъ бы кто-нибудь (хоть самъ Шекспиръ) замѣнить это злоечастное „нѣчто“, которымъ я такъ удачно выразила мою мысль?

Пожалуй можно сказать: „по зрѣлому обезумѣнію я пришла къ заключенію, что теперь именно пастушій прелея перерога въ моей жизни. И рѣшилась выполнить свою задачу. Какимъ путемъ — я пока еще не знаю, но тайный голосъ говоритъ мнѣ, что мнѣ суждено занять видное мѣсто въ ряду общественнаго дѣятелей, и убѣждаетъ меня, что во мнѣ есть нѣчто... нѣтъ, на этотъ разъ я не хочу писать этого неспоеннаго „нѣчто“:—все убѣждаетъ меня, что во мнѣ несомнѣнно кроется большой талантъ“.

Впрочемъ и это мнѣ тоже вовсе не нравится! И думаю, изъ меня не выйдетъ хорошей писательницы. Пойду лучше снаги.

Вторникъ.

Увы!—Цѣлый день прошелъ, а я все еще не опредѣлила моего призванія!

Братъ Ида развѣлся, когда я ему сказала, что у меня есть призваніе. Онъ говоритъ, что всѣ женщины имѣютъ свое призваніе, но, къ сожалѣнію, только немногія его понимаютъ. Когда я спросила его, какое, по его мнѣнію, мое назначеніе въ жизни, онъ опять развѣлся и отвѣтилъ, что я очень скоро сама его найду. Прогнивший! Онъ обращается со мной, какъ съ глухимъ, капризнымъ ребенкомъ. Я ему принимаю это, я ему отплачу, когда сдѣлаюсь знаменитостью! Быть осмѣянной братомъ своей задушевной подруги,—можетъ-ли быть что-нибудь обиднѣе для умной женщины (я увѣрена, что я умна)!

Хочу прекратить знакомство съ Идой; тѣмъ болѣе, что мои артистическія занятія едва-ли позволятъ мнѣ тратить время на что-либо другое. Будущее мое рѣшено. И сдѣлаюсь художницей. И такъ отлично умѣю рисовать красками по методу Кенсингтона, и я увѣрена, что у меня положительно есть художественный талантъ.

И такъ посмотримъ: я буду рисовать. Что же я буду рисовать? Не изобразить-ли мнѣ какое-нибудь великое историческое событіе—например встрѣчу Франциска I съ Генрихомъ VIII?—Какой величественный сюжетъ! И полагаю, что сюжетъ его хорошо разработать.

Я думаю сдѣлать фигуры почти въ натуральную величину. Тогда можно придать болѣе вѣрное выраженіе лицамъ. Напримеръ, выраженіе благороднаго чувства удовлетвореннаго самозабвѣнія на лицѣ Франциска.

Я слышала, что Рафаэль дѣлалъ всегда предварительно маленькія наброски для своихъ фрескъ и Мадоннъ. Попробую. Вотъ это вѣрно будетъ Францискъ, это—Генрихъ: на мѣстѣ этихъ крестниковъ будутъ палаты, а этими волнистыми линиями, позади ихъ величествъ, обозначу придворныхъ и свиту. И тѣмъ, кажется, весь планъ готовъ; изобразимъ теперь Генриха. Его величество смотритъ, однако, слишкомъ свирѣло, точно голландская кукла; но это ничего, это все сгладится при наведеніи красокъ; и не могу такъ хорошо рисовать карандашомъ, какъ я рисую красками.

Теперь перейдемъ къ Франциску. Боже мой! Онъ вышелъ больше Генриха, а онъ долженъ быть нѣсколько позади Генриха! Какая досада, что придется вычистить Франциска! Впрочемъ, я не знаю никакой исторической причины, почему бы и Генриху не стоять позади Франциска; пусть такъ и будетъ! Теперь примусь за свиту. Этого рыцари нужно сдѣлать значительно меньше, такъ какъ онъ будетъ стоять поодаль отъ королей...

Ну вотъ и вознесъ съ этими масляными красками! Я пролила на себя скинцдаръ.

И какъ скверно пахнетъ этотъ скинцдаръ! Мнѣ кажется, что запахъ его очень вреденъ. Онъ разрушительно дѣйствуетъ на горло; я уже чувствую сухость по рту. Нѣтъ, брошу эту работу, и не могу быть художницей, если для этого мнѣ придется пахнуть дѣло со скинцдаромъ!

Прощай искусство, и надолго. Иду мыть руки и перемѣнить платье. И серьезно заболѣю, если останусь здѣсь дольше.

Нѣтъ, я не могу быть художницей!

Среда.

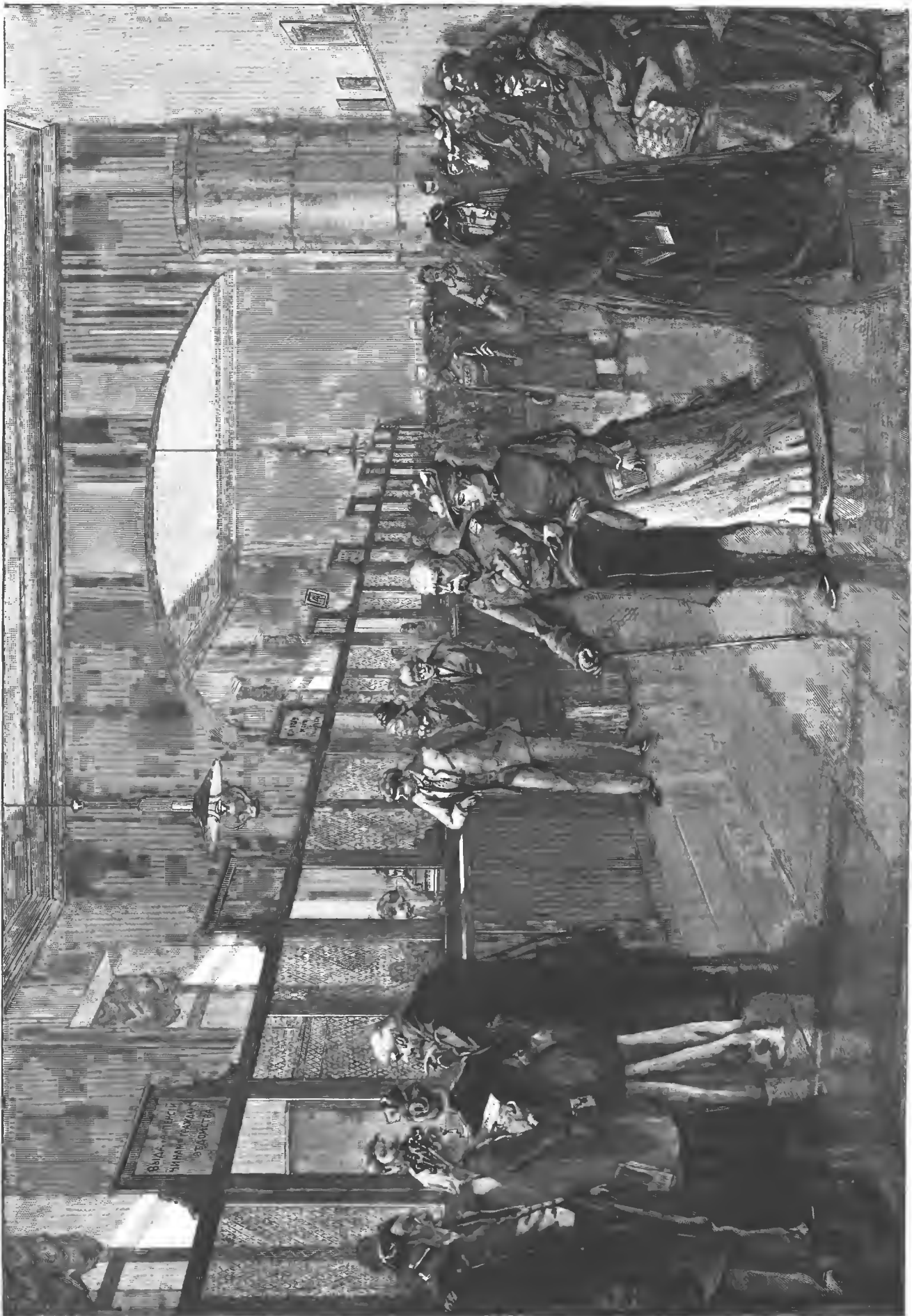
Мои двѣ неудачи совсѣмъ лишили меня энергіи. И жалко только, что рассказала о нихъ Идѣ; братъ си все трунитъ надо мной. Когда я сказала, что еще не нашла своего призванія, онъ развѣлся какъ всегда (у него такой отвратительный смѣхъ) и сказалъ, что этому онъ вполнѣ вѣритъ. На мой вопросъ: „почему вы такъ думаете?“—онъ отвѣтилъ: „потому что ужъ знаю бы, если бы это случилось“. Этотъ человекъ способенъ дѣлать дѣзвѣія замѣчанія, даже несмотря на мою дружбу съ его сестрой.

Мнѣ совсѣмъ не нравится, что Ида ему передаетъ все, что я ей рассказываю.

Сегодня я не чувствую вдохновенія, но я рѣшила не пропускать дня безъ попытки найти настоящій путь къ моему цѣлю.

И отчаянная мысль пришла мнѣ въ голову. Можетъ-быть, я сдѣлаюсь поэтессой!

Когда пошлетъ плачущая нѣга,
И луна сребристымъ свѣтомъ,
Въ рѣчѣхъ искрится приливъ,
Дѣла крадется съ...

Въ назначествѣ. Выдача пенсій въ началѣ мѣсяца. Ориг. рис (соств. „Нивы“) Г. Бролинга, грав. Пастушковичъ.

Въ ночь подъ Новый годъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Шаховского, авторитет Ангерера.

Съ чѣмъ? Здѣсь необходимо найти рѣшму съ „свѣтомъ“. Дѣва крадется съ... букетомъ... лорнетомъ... трещетомъ... браслетомъ...

Боже мой, вотъ опять Иднѣ братъ.

Да, я пишу. Но я положительно не понимаю, какое вы имѣете право спрашивать меня о томъ, что я пишу? Ну, да—стихи, я кажется открыла мое призваніе. Я написала вступительныя строфы моей будущей поэмы. Если я буду продолжать такъ же хорошо, то уже вы вы, или кто-либо изъ васъ не будете имѣть права смѣяться надо мной. Вы вотъ и теперь смѣетесь, но это совсѣмъ не пово. А вы думаете легко писать стихи! Да вотъ кстати, если вы ужъ такой умный, найдите мнѣ рѣшму на „свѣтомъ“? Что! Нѣтъ такой рѣшмы! О, вы жестокий, ненавистный человѣкъ. Это вы все виноваты. Вы всегда мѣшаете мнѣ и портите все, за что я ни возьмусь. Не помѣнай вы, я бы придумала прекрасную рѣшму.

Не хочу быть поэтомъ, не хочу быть ни чѣмъ, а съ вами никогда больше не буду разговаривать.

Четвергъ.

Единственное удовлетвореніе, которое я чувствую думая о вчерашнемъ днѣ, это то, что мнѣ удалось такъ отлично отдѣлать Иднѣ брата. Я не думаю, чтобы онъ опять принялся за свои насѣшки. Ида такая милая, такая добрая, ей, кажется, надобно поведеніе брата и она старается загладить его грубыя выходки; благодаря ей совѣту, я знаю, что мнѣ предпринять сегодня.

Она говоритъ, что если мнѣ не нравится литература и если я не могу выносить запаха скипидара, то почему бы мнѣ не попытаться счастья въ скульптурѣ, въ лѣпной работѣ.

Я непремѣнно должна совершить нѣчто важное въ жизни. Это мое твердое рѣшеніе. И если я доживу до восемнадцатаго дня рожденія—шестого будущаго мѣсяца,—не опредѣлю моего истиннаго призванія или назначенія, то я почувствую полное разочарованіе въ такой пустой, безцѣльной жизни. Я такъ полна энергіи, во мнѣ столько силы и честолюбія,—о, если бы мнѣ только удалось ихъ примѣнить!

Мамѣ была очень не любезна со мною въ теченіе этой недѣли и все твердила, что я попусту трачу время и деньги на разныя глупости, и что мнѣ нужно заняться штопаньемъ напашинныхъ носковъ; я знаю, она не дастъ мнѣ ни конфѣи больше. При всемъ должномъ уваженіи къ дорогой мамѣ, я не понимаю, какъ она можетъ заставлять меня штопать напашинныя носки. Сама она загнула въ себѣ всѣ высшія побужденія—такая милая женщина, какъ мамѣ—стала рабыней домашнихъ заботъ и штопанья; но по крайней мѣрѣ не должна же она желать и для дочери такого существованія.

Я знаю, что у скульпторовъ есть всегда ученики, которые исполняютъ всѣ работы; попрошу Иду помочь мнѣ. Она предоставила въ мое распоряженіе мезонинъ въ ихъ домѣ и притащила ведро гипсу. Мой выборъ палъ на нашу беби, она мнѣ послужитъ моделью. У беби очень красивая ножка и я рѣшила сдѣлать съ нея слѣпокъ сюрризомъ для мамѣ.

Беби очень добра и, кажется, не обращаетъ вниманія на то, что ей пришлось снѣть чулочки и вымазать ножки гипсомъ. Гипсъ, кажется, недостаточно густъ, но, я думаю, онъ все-таки окрѣпнѣетъ.

Какая прелестная дѣвочка беби. Она позволила мнѣ сдѣлать слѣпокъ съ ея милой, дорогой ножки. Я вылила ей на ножку весь гипсъ; не знаю еще какъ снѣть, но я увѣрена, что модель должна выйти хорошо. Я положила беби и дала ей нѣсколько леденцовъ, чтобы она лежала спокойно, пока высохнетъ гипсъ, и затѣмъ отошла къ окну, поботать съ Идой...

Оказалось, что я вмѣсто гипсу залила ножку беби цементомъ. Цементъ засохъ и его насилу отбили, испортивъ всю мою работу.

Мамѣ запретила мнѣ дѣлать какіе бы то ни было слѣпки.

Такъ обращаются въ нашей семьѣ съ гениемъ!

Пятница.

Мамѣ говоритъ, что если я непремѣнно хочу стать чѣмъ-нибудь, то должна сдѣлаться музыкантшей; тогда я никому не могу сдѣлать вреда, а она можетъ слушать какъ я играю. Она говоритъ—я должна упражняться по четыре часа въ день. Не хочу!—при всемъ должномъ уваженіи къ дорогой мамѣ—

не могу. Мамѣ сказала, что я должна слушаться и заперла меня въ гостиную. Она говоритъ, что я должна или стать музыкантшей или выйти и штопать напашинныя носки. Я лучше буду музыкантшей. Вотъ, наконецъ, я насильно вынуждена набрать себѣ занятіе. По со многими гениями поступили точно такъ же. Мамѣ, мнѣ кажется, хотѣть сдѣлать изъ меня учительницу музыки; но я хочу быть Годаромъ и играть передъ королевскими особами. Сыграю новый вальсъ, который Идохъ такъ нравился.

Какъ жестоки бываютъ матери! Сейчасъ мамѣ просунула голову въ дверь и сказала: если я не перестану играть этотъ вальсъ, она заставитъ меня штопать носки. Она говоритъ, что всѣ музыканты играютъ гаммы въ теченіе двухъ часовъ въ день и если я не отказалась совершенно отъ моего намеренія, я должна сейчасъ же начать играть гаммы.

Такъ и быть, буду играть гаммы—противное занятіе—только ужъ ни за что не стану играть минорныя гаммы.

Въ общемъ, однако, братъ Иды не такъ дурень; сегодня онъ кажется особенно милъ. А вотъ и онъ, куда это онъ идетъ? Что это—онъ повернулъ къ нашимъ воротамъ—онъ идетъ сюда! Скажу ему нѣсколько словъ въ форточку, тогда онъ не замѣтитъ, что я заперта.

Онъ спросилъ, позволятъ ли мнѣ мои артистическія занятія кататься на конькахъ? Я отвѣтила да, особенно сегодня утромъ. Какъ скоро я буду готова? Сейчасъ, черезъ.. вотъ опять мамѣ все испортила; она сказала ему, что я вообще вовсе не буду готова, такъ какъ я сдѣлаюсь артисткой и должна для этого упражняться по четыре часа въ день.

Нѣтъ, мамѣ, это невозможно, я отказываюсь. Я не хочу быть артисткой! Откройте дверь и дайте мнѣ всѣ носки, сколько у васъ ихъ есть, я скорѣе уйду, чѣмъ прикоснусь сегодня хоть разъ еще къ этому неспособному инструменту.

Я готова заплакать. Иднѣ братъ вытѣтъ съ мамой вошли въ комнату и оба смѣются надо мной. Я непремѣнно заплакала бы, если бы Иднѣ братъ не былъ такъ любезенъ сегодня. Что онъ сказалъ?—„Лучше сдѣлать нѣсколько ошибокъ, чѣмъ вовсе не стараться искать цѣли“.

Я просто не знаю что мнѣ теперь дѣлать. Мои родные разрушаютъ всѣ мои стремленія къ самостоятельной дѣятельности.

Суббота.

Заплатила напашинныя носки, и очень довольна. Было всего три пары—двѣ почти новыя и только одна съ протертой пяткой. Я чувствую себя даже счастливою пость этого. Мамѣ не хочется, чтобы я была ученой. Постараюсь быть хозяйкой, а со временемъ можетъ быть снова примусь за скульптуру. Я полагаю, что моя работа вышла бы очень удачною, если-бы въ ведрѣ вмѣсто цемента былъ гипсъ...

Иднѣ братъ стоялъ около меня и болталъ пока я штопала напашинныя носки. Онъ говоритъ, что это занятіе ко мнѣ очень идетъ. Мамѣ не было въ комнатѣ. Кажется онъ начиняетъ мнѣ теперь больше нравиться. Собственно говоря, онъ очень милъ и довольно красивъ. Онъ сказалъ, что напаше мое призваніе, но какъ разъ когда онъ подошелъ и наклонился къ моему плечу, чтобы сказать мнѣ свою мысль (это должно быть очень важное призваніе, потому что онъ, какъ мнѣ показало, началъ шопотомъ)—вошла въ комнату мамѣ и больше уже все время не выходила, такъ что я ничего не узнала.

Мнѣ хочется удивить его въ слѣдующій разъ, когда онъ придетъ; я скажу ему, что знаю, что онъ хотѣлъ сообщить мнѣ. Я увѣрена, что онъ хотѣлъ мнѣ предложить навѣщать большыя и бѣдныя, и я увѣждена, что такое доброе дѣло будетъ мнѣ по душѣ.

Сейчасъ же приведу въ исполненіе это намереніе. Возьму теплые чулки, которые мамѣ связала для вдовы Гунтеръ, и отнесу ихъ къ ней. Никакое легкомысленное замѣчаніе теперь меня не удержитъ. Это важное дѣло и я серьезно примусь за него. Итакъ иду...

Воскресенье.

Я встрѣтила брата Иды вчера, когда возвращалась отъ вдовы Гунтеръ. Онъ сообщилъ мнѣ то, что началъ говорить въ ту минуту, когда вошла мамѣ, и я думаю,—онъ вѣрно опредѣлилъ мое призваніе. Я скоро выхожу за него замужъ.

Огненный змѣй.

(Опытъ объясненія одного изъ народныхъ повѣрій).

Очеркъ проф. Е. Аленицина.

Существуетъ русское народное повѣрье о томъ, что изъ лица, спесеннаго пѣтухомъ, можетъ вылупиться дѣтенышъ—огненный змѣй. Если такое яйцо попадетъ доброму человѣку, который притомъ знаетъ, что это далеко не безобасный предметъ, то онъ его, конечно, уничтожитъ. Но иной недобрый мужикъ, готовый изъ-за прибыли продать душу, разумѣется, не упуститъ случая, разъ онъ понимаетъ значеніе находки и знаетъ, какъ нужно обращаться съ нею. Яйцо выпавшееся подъ мышкою и по истеченіи извѣстнаго времени изъ него выхо-

дитъ чудовищный птенецъ—песомѣнное отродье нечистой силы. Когда змѣй вырастетъ, онъ начиняетъ дѣйствовать. Дѣятельность его очень не широка и имѣетъ всегда одинъ и тотъ же характеръ: онъ крайне корыстолюбивъ и увѣетъ отъискивать и воровать деньги повсюду съ настоящею и страстью, принося ихъ домой, къ своему хозяину. Для хозяина, какъ понятно, пагубнасть прибыльная пора. Не сѣй, не жни, а только собирай: деньги валяются въ карманы самъ. Однако, горе жадному и разсѣянному человѣку, властвующему такимъ

денежнымъ воромъ. Змѣй служитъ хозяину только три года, и его необходимо извести до истечения третьяго года. Иначе онъ самъ задушитъ своего хозяина. Но если удастся извести его своевременно, то все змѣиная добыча, патаканная имъ додой, становится достояніемъ его воспитателя. Этимъ путемъ разжились, какъ увѣряютъ, не одинокіе мужики, ибо не разъ видали, какъ змѣй, разсыпая огненные искры, подлеталъ къ ихъ домамъ.

Это пародное повѣрье, на первый взглядъ безсмысленное, имѣетъ, однако, серьезныя основанія и притомъ въ общихъ существенныхъ своихъ частяхъ, т. е. въ реальности такъ-называемыхъ пѣтушнихъ яицъ и тоже такъ-называемыхъ огненныхъ змѣевъ.

Дѣйствительно попадаются куринныя яйца странной формы и страннаго образованія, резко отличающіяся отъ обыкновенныхъ.

Одно изъ подобныхъ яицъ я имѣлъ въ рукахъ, будучи еще мальчикомъ. Оно было обыкновенной величины, безъ слѣда известковой скорлупы. На тупомъ концѣ его имѣлось отверстие, изъ котораго съ одной стороны выступалъ бѣлокъ, а съ другой торчала согнутая на сторону перепончатая трубочка, погруженная книзнымъ концомъ въ бѣлокъ и расширившаяся воронкою внутри яйца. Можеть-быть эта трубочка была оторвана отъ оболочки яйца и случайно втиснута внутрь пашедшимъ ее. Изъ верхняго конца ея, оказавшагося оборваннымъ, тоже выступалъ бѣлокъ. На свѣтъ казался, что въ яйцѣ долженъ быть и желтокъ. Словомъ, яйцо имѣло такой видъ, какъ будто бы желтокъ и бѣлокъ обыкновеннаго яйца были заключены въ перепончатомъ мѣшочкѣ нормальной яйцеобразной формы, по вытиснутымъ на одномъ концѣ въ трубочку, можеть-быть, какъ сказано, въ двухъ мѣстахъ порванную, такъ что яйцо не было замкнуто.

Подобныя яйца чаще всего — спутники перепончатыхъ состояній организма птицы и результатъ пѣкаторыхъ аномалій въ немъ (какъ физиологическихъ, такъ, въ связи съ этимъ, и анатомическихъ), возникающихъ вслѣдствіе тѣхъ или другихъ причинъ, быть-можетъ — старости.

Дѣло въ томъ, что наблюденія внимательныхъ хозяевъ показываютъ, что иногда куры начинаютъ подъ старость пѣть пѣтухомъ и что у нихъ появляется на головѣ пѣтуший гребень. Въ 60-хъ годахъ вѣска дашня на этотъ счетъ были опубликованы извѣстными русскимъ зоологомъ, покойнымъ М. П. Богдановымъ, твердо установившимъ фактъ, что между тетеревами встрѣчаются особи, имѣющія вѣшній видъ пѣтуховъ (или тетеревовъ) и, тѣмъ не менѣе, представляющіяся, въ сущности, самками (или тетерками), — такъ-называемая пѣтухонерая самка *).

Если, однако, такія явленія возможны у дикихъ куринныхъ, отличающихся сравнительнымъ постоянствомъ организаціи и устойчивостью признаковъ, то при измѣчивомъ и подвижномъ организмѣ домашнихъ куръ, какъ и вообще домашнихъ животныхъ, позволяющемъ культуру множества породъ ихъ, это можеть случаться тѣмъ легче и чаще, и случаи пѣтухонерости куръ не могутъ возбуждать въ натуралиста особаго удивленія.

Такимъ образомъ, странная первая половина разсказаннаго повѣрья имѣетъ, очевидно, фактическое основаніе, при чемъ, помимо также, почему фактъ пріурочился къ представлению о пчистой силѣ. Когда для спокойнаго наблюдателя-хозяина или для натуралиста явленіе оказывается поддающимся объясненію, для людей необразованныхъ, а въ особенности на крестьянскихъ бабъ, къ вѣдѣнію которыхъ кура нормально относится въ хозяйствѣ, оно должно производить впечатлѣніе поразжающее, какъ пѣтухъ числительно превосходящее самую суть общаго здравыхъ понятій о жизни. Бабѣ, конечно, отнюдь неведомо, что стоящая передъ нею въ убранствѣ пѣтуха птица есть подлинная кура. Она судитъ по костюму, и для нея кура — безспорный пѣтухъ. И разъ этотъ пѣтухъ, вопреки всякому смыслу, кладетъ яйцо, то, дѣйствительно, для нея есть отъ чего прийти въ соблазнъ и заключить, что дѣло не просто. Необходимость объясненія и отысканія резонныхъ причинъ для явленія — сплошь и рядомъ вносилъ достаточный поводъ для созданія самыхъ фантастическихъ предположеній даже и у образованныхъ людей, а тѣмъ болѣе у необразованныхъ.

Сказаніе же о летающихъ огненныхъ змѣяхъ и особенно-стяхъ ихъ полета, въ сущности, имѣетъ, какъ сказано выше, опитъ-таки не фантастическія основанія.

Зная повѣрье о змѣѣ съ дѣтства, я очень долго считалъ его за чистую сказку. Но въ 1873 году, въ бытность мою въ Зауральской степи, напоминаніе объ этой сказкѣ стало повторяться для меня слишкомъ назойливо то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ, рѣшительно требуя вниманія къ себѣ. И казаки, и казачки, и крестьяне, и крестьянки часто упоминали о змѣѣ, какъ о вещи общезнаменитой и имѣющей за себя достовѣрныхъ свидѣтелей. Говорили увѣреннымъ тономъ лица, которыхъ нельзя было заподозрить ни въ легкомысліи, ни въ нетрезвости взглядовъ, ни въ умственной ограниченности, ни въ склонности къ фантастическому, ни въ понозловеніяхъ къ естественнотѣ.

преувеличеніямъ. Разсказывали простые здоровые люди, разсказывали просто, иногда упоминали лишь вскользь, какъ упоминается о бывшемъ дождѣ, снѣгѣ и т. д. И еще не встрѣтившись ни съ однимъ очевидцемъ, я сталъ догадываться и убѣждаться, по тѣмъ мелкимъ и неудовольнымъ чертамъ, которыя всегда бывають въ правдивомъ разсказѣ, — что я имѣю дѣло не съ измышлениемъ, а съ какимъ-то несомнѣннымъ фактомъ. Но съ какимъ? Пока выяснилось одно, что огненныхъ змѣевъ видаютъ въ Зауральской степи, какъ будто бы гораздо чаще, чѣмъ въ другихъ извѣстныхъ мѣстѣностяхъ Россіи. Собразавъ условія степи, я построилъ, наконецъ, объясненіе для себя и началъ пристально вслушиваться въ сообщенія о змѣяхъ.

Около этого времени, въ селѣ Карасинскомъ, Челябинскаго уѣзда, Оренбургской губ., была устроена свѣщенникомъ огномъ В. у себя дома метеорологическая станція, на которой онъ самъ велъ и наблюденія. Заѣхали въ село и познакомившись съ батюшкою, я коснулся, между прочимъ, въ разговорѣ и занимавшаго меня вопроса объ огненномъ змѣѣ и высказалъ свои догадки на этотъ счетъ.

— Вы правы, отвѣтилъ отецъ В. — Я самъ разъ видѣлъ его. По всего разъ, ѣхалъ я съ требую въ сосѣднюю деревню ночью... Вдругъ пучеръ мой крикнулъ, что летитъ змѣй... Гляжу, — по небу, дѣйствительно, несется что-то большое и свѣтлое, въ родѣ огненного шара, разбрасывая искры...

— Долго продолжалось явленіе?

— Пять, двѣ, три... нѣсколько секундъ. Я убѣжденъ, что это метеоръ, вѣрно и вы такъ же думаете.

Я говорилъ, наконецъ, съ очевидцемъ, со спокойнымъ наблюдателемъ, на котораго можно было положиться, и для меня стало очевиднымъ, что обширный и со всѣхъ сторонъ открытый горизонтъ степи представляетъ весьма благоприятное условіе для созданія повѣрья объ огненномъ змѣѣ, — условіе, чтобы число очевидцевъ было значительно, а стало быть, чтобы повѣрье было широко распространено, и увѣренность въ его основательности, — по крайней мѣрѣ, въ томъ, что касается реальности существованія змѣи, — была тверда. Въ горныхъ и лѣсистыхъ мѣстностяхъ на глаза можеть попадаться лишь часть тѣхъ метеоровъ, которые пролетаютъ по небу ближе къ землѣ, между тѣмъ какъ змѣевъ въ степи, горизонтъ почти весь передъ глазами наблюдателя, такъ что число замѣчаемыхъ метеоровъ должно быть сравнительно весьма велико. Такъ какъ далеко небо въ степи, сверхъ того, очень часто свободно отъ тучъ, — дожди и снѣга обыкновенно продолжаются немного дней подрядъ, смѣняясь устойчивою ясною погодою, — то это еще болѣе усиливаетъ строй удобныхъ условій для наблюденія метеоровъ.

Однако, видѣть самому метеоръ въ этомъ родѣ и убѣдиться, насколько онъ можеть произвести впечатлѣніе чего-нибудь живого, похожего на какого-нибудь змѣи, мнѣ не удалось до 22 апрѣля 1886 года.

Дѣло было въ С.-Петербургѣ, вечеромъ, около 9½ часовъ. Уже смеркалось, хотя нельзя сказать, чтобы ночь взяла перевѣсъ надъ днемъ. Вспышка яркаго свѣта, пролившагося съ улицы въ комнату, заставила меня взглянуть въ окно. И на потемнѣвшемъ небѣ моимъ глазамъ представилась своеобразно извивавшаяся, вспыхивавшая и сыпавшая искры огненная фигура. Вотъ быстро скользнула въ воздухѣ, внизъ по кривой линіи, огненная точка, разгораясь на ходу, увеличиваясь въ объемѣ, вздуваясь, разрывалась въ массу искръ, образующую какъ бы огненное облачко, и уменьшая при этомъ скорость движенія, — почти до остановки. Но изъ облачка искръ, падающихъ тухнуть почти съ тою же быстротою, какъ слѣды пылающаго пролетающихъ падающихъ звѣздъ, снова выскальзывала, падала книзу по кривой съ такимъ же изгибомъ, какъ и раньше, но направляясь уже немного въ другую сторону, такое же огненное тѣло, такъ же вспыхиваетъ и, замедливъ ходъ, превращается въ новое облачко искръ. Этихъ паденій огненной точки, порывовъ, — если угодно, шаговъ метеора, — было три или четыре, такъ какъ я увидѣлъ его не въ первый моментъ появленія. Исчезая, онъ оставилъ за собою на мгновеніе рои потухавшихъ искръ. Все явленіе продолжалось отъ полтора до трехъ секундъ. Метеоръ былъ виденъ съ Бассейной улицы (д. № 38) въ южной части неба, на высотѣ около 40—45 градусовъ надъ горизонтомъ и двигался, какъ казалось глазу, съ запада на востокъ, направляясь сверху внизъ. Линія пути въ общемъ была довольно полого. Ядро, когда метеоръ разгорался, вспыхивало яркимъ зеленымъ огнемъ, напоминавшимъ бенгальскій (по мнѣнію); масса же искръ свѣтила обыкновеннымъ огненно-краснымъ цвѣтомъ, притомъ не особенно яркимъ.

Метеоръ прошелъ по небу своимъ прилѣжками или, вѣрнѣе, крупными поворотами, въ горизонтальномъ направленіи дугу на глазъ въ 20—25 градусовъ.

Читатель, знакомый съ вообразимымъ порханьемъ чечетокъ или подорожничковъ, можеть составить себѣ по этому образцу приблизительное понятіе о характерѣ полета метеора. Какъ птица, сложивъ крылья, быстро падаетъ впередъ и внизъ и перерывающа это паденіе новымъ ударомъ распростертыхъ крыльевъ, такъ и метеоръ, вырвавшись изъ облачка искръ,

* Работы М. П. Богданова помѣщены въ "Трудахъ" перваго съѣзда русскихъ естественнотѣ.

быстро порывался книзу, но, разгораясь и увеличиваясь въ объемѣ, постепенно приостанавливалъ движеніе,—давая въ общемъ впечатлѣніе также своего рода порханія, но съ болѣе быстрыми и энергическими порывами вперед и съ болѣе рѣзкими и крутыми остановками. Для предубѣжденнаго глаза ничего не могло бы быть проще принять такую огненную фигуру за порхающаго дракона. И любопытно, что общепринятое изображеніе дракона, съ хвостомъ въ кольцахъ, становящихся все меньше и меньше къ концу хвоста, и довольно коренастаго въ плечахъ,—что усиливается еще оттопыренными крыльями,—можетъ быть прекрасно вписано въ контуръ каждаго изъ отдѣльных огненныхъ облачковъ, образовавшихся при порывахъ метеора вперед. Предлагаемый рисунокъ наглядно поясняетъ ходъ явленія и типъ этихъ облачковъ.

Явленіе это, во всякомъ случаѣ, вполне понятно, какъ въ общемъ, такъ и въ частности. Несомнѣнно, метеоръ былъ кусочкомъ твердаго вещества,—какъ и любая изъ падающихъ звѣздъ,—пришедшимъ изъ мірового пространства и съ огромною скоростью пронесшимся сквозь атмосферу до ближайшихъ къ землѣ, болѣе плотныхъ слоевъ ея. При полетѣ онъ раска-

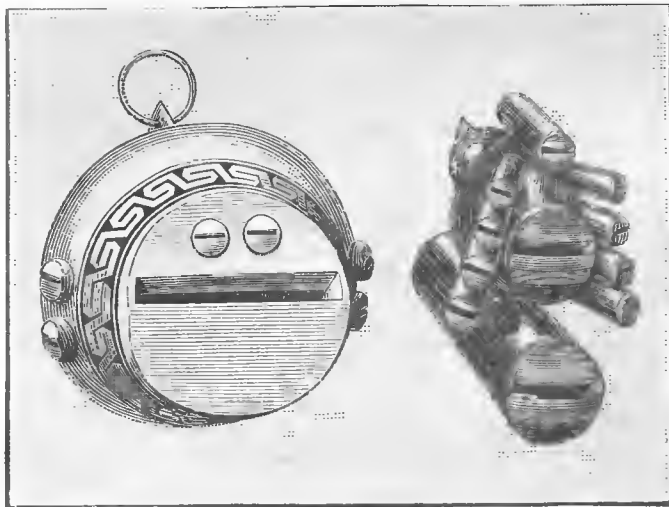
скорости и г. д., пока прилетѣвшая изъ небеснаго пространства частица не сгорѣла вполне,—не успѣвъ достигнуть поверхности земли. Едва ли можно сомнѣваться, что въ составѣ метеорита не было желѣза, ибо сильно разгоравшися и быстро потухавшія массы красныхъ искръ очень напоминали характеръ раскалыванія и потуханія частей желѣзной окалины. Зеленая же окраска ядра при вспышкахъ зависѣла, вѣроятно, отъ примѣси минерала, содержавшаго въ составѣ металлъ баріи.

Количество вещества въ метеоритѣ не должно было быть значительнымъ, иначе онъ пронизалъ бы атмосферу не отклоняясь отъ нормальной линіи своего пути, и не могъ бы задерживаться на ходу такимъ ничтожнымъ препятствіемъ, какъ образующееся въ теченіе мгновенія облачко собственныхъ паровъ:—очевидно, это могло быть лишь при небольшомъ вѣсѣ падавшей частицы.

Хотя метеоры этого типа, можетъ, быть и не часты, но во всякомъ случаѣ, они не представляютъ ничего необыкновеннаго, и мое наблюденіе яснымъ образомъ связывается съ наблюденіемъ отца В., когда его возникла опредѣленно засвидѣтельствованъ, что предметъ, летѣвшій по небу, былъ подлиннымъ огненнымъ змѣемъ.

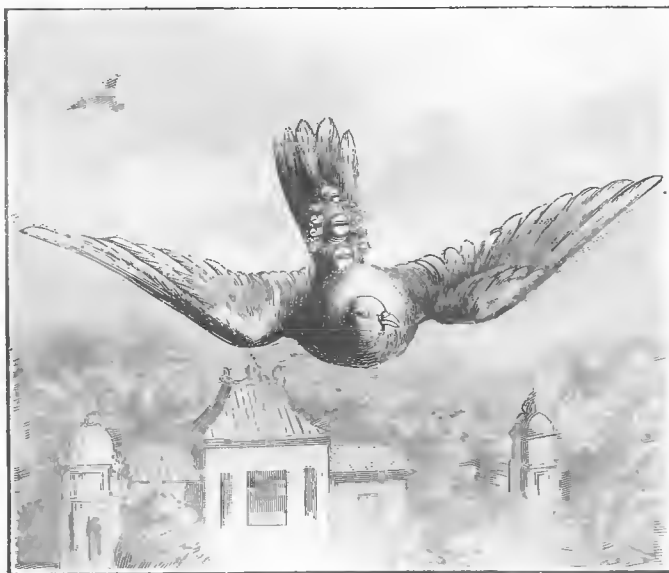
Нужно замѣтить при этомъ еще, что нашъ метеоръ казался чрезвычайно близко; онъ летѣлъ какъ будто бы почти надъ самою крышею противоположнаго дома и приближался къ ней,—какъ это и подобаетъ, по сказанію, огненному змѣю.

Такимъ образомъ, въ основу любопытнаго народнаго по-

Китайскія золотыя флейты для голубей.

лился, вслѣдствіе тренія о воздухъ, расплавился и загорѣлся, обращаясь при этомъ, отчасти, въ пары. Масса же паровъ, занимая все болѣе и болѣе объемъ, должна была встрѣтить также все болѣе и болѣе сопротивленіе своему поступательному движенію со стороны воздуха, почему движеніе огненной фигуры и замедлялось почти до остановки. Но при замедленіи ослаблялось теперь треніе влѣтѣвшаго въ атмосферу тѣла о воздухъ, температура его понижалась, горѣніе и образованіе паровъ уменьшалось, а стало быть уменьшался объемъ движущейся массы, и она снова получала возможность падать скорѣе. Но увеличеніе скорости, влекшее за собой тотчасъ же увеличеніе температуры, вызывавъ новую вспышку, новое образованіе паровъ, новое увеличеніе объема, новое уменьшеніе

Голубь на полетѣ съ китайской золотой флейтой.

вѣрля легли, какъ обнаруживается, два реальныхъ, хотя и совершенно чуждыхъ другъ другу факта.

Вмѣстѣ же ихъ связала, въ формѣ цѣльной, замкнутой въ себѣ и, отчасти, вравоучительной сказки, уже фантазия и творческое вдохновеніе, при чемъ создатели мѣта обнаружили живую наблюдательность и большую житейскую опытность. Весьма характеристично, напримѣръ, указаніе повѣствованія, что хозяинъ долженъ уничтожить змѣя прежде конца третьяго года подѣ страхомъ собственной гибели:—такъ и слышится въ этомъ намекъ на общечеловѣческую слабость извлечь изъ выгоднаго дѣла пользу до послѣдней капли, до опасности перейти нормальныя границы и получить возмездіе за свою жадность.

Къ рисункамъ.

Лѣсъ. Офортъ Шишкина. (Рис. на стр. 1).

Профессоръ пейзажной живописи Ив. Ив. Шишкинъ извѣстенъ не только въ нашей обширной отчечествѣ, но и далеко за предѣлами его, какъ превосходный живописецъ и неподражаемый рисовальщикъ и аквафортистъ. Гравированіемъ на мѣди крѣпкою водкой онъ началъ заниматься лѣтъ тридцать тому назадъ, въ бытность въ Цюрихѣ, гдѣ онъ занимался масляной живописью въ мастерской Коллера, отличнаго живописца животныхъ, картины котораго почитаются не уступающими по достоинству произведеніямъ извѣстѣйшихъ мастеровъ. Затѣмъ И. И. Шишкинъ работалъ подъ руководствомъ знаменитаго Калама. Помимо занятій живописью, онъ тогда же дѣлалъ замѣчательные рисунки перомъ. Но особенно дѣялись любителями и знатоками его офорты. Трудность воспроизведенія ихъ, требующая особой бумаги и чисто техническихъ приспособленій, долгое время допускала лишь отдѣльное печатаніе ихъ въ специальныхъ, роскошныхъ изданіяхъ. Желая устранивъ это неудобство, маститый художникъ не мало, но и не

безъ пользы, потрудился надъ принесяніемъ способа, который соединялъ бы въ себѣ достоинства мѣднаго офорта съ удобствомъ печатанія на обыкновенномъ станкѣ. Первые опыты его въ этомъ направленіи появились въ 1875 году, но они были еще несовершенными, и только теперь можно сказать, что задача разрѣшена блестятельно. Въ этомъ не трудно убѣдиться, любясь прелестнымъ офортомъ собственноручно протравленнымъ высокоталантливымъ профессоромъ для *Нивы* и помѣщаемымъ нами на первой страницѣ этого номера.

Литературный альбомъ. „Гаральдъ“, баллада В. А. Жуковскаго. (Рис. на стр. 4).

Въ числѣ стихотвореній, заимствованныхъ нашимъ поэтомъ В. А. Жуковскимъ изъ нѣмецкой литературы, есть баллада принадлежащая фантазіи поэта Уланда—„Гаральдъ“.—Старикъ Гаральдъ, въхавъ въ лѣсъ во главѣ своихъ храбрыхъ воязовъ, одинъ устоялъ отъ очарованія, которымъ завлекли остальныхъ лѣсные духи. Минувавъ лѣсъ, онъ одинъ побѣдилъ вра-

Морской орель, хватающий щуку. Рис. и грав. Ф. Шехтъ.

говъ. На возвратномъ пути ему захотѣлось напиться въ лѣсу. —

Но только жажду утопить,	И вѣки на утесѣ томъ,
Вдругъ обезпѣлъ онъ;	Главу склоня, онъ спитъ.
На камень сѣлъ, попиетъ glavой,	Сѣдые кудри, борода:
И погрузился въ сонъ,	У ногъ — конь и щитъ.

Художникъ намъ изобразилъ сцену, относящуюся къ началу стихотворенія: —

Передъ дружиной на конѣ
Гаральдъ, боецъ сѣдой,
При свѣтѣ полной луны,
Вѣвжасть въ лѣсѣ густой...

И вокругъ него поднимается таинственный хороводъ духовъ.

Гаданье. (Рис. на стр. 5).

Конечно разные обычаи, изъ которыхъ иные бываютъ иногда страшны и даже пелѣны, въ сущности — пустяки. Но, какъ хотите, пріятно сознание, что вотъ этого обычая держались не ты одинъ, а многіе люди, цѣлому народу свойственны, и выходишь словно изъ некоторой связи, духовное родство... Издавна заведено, напримеръ, гадать подъ Новый годъ или на Крещенье, — и вотъ этому невинному занятію предаются и въ богатой гостиной какого-нибудь важнаго дома въ столицѣ, и въ убогой избѣ, законченной и дышмой, въ далекой деревенской глуши. Намъ художникъ выбралъ сюжетомъ для своего рисунка новгородское гаданье, а мѣстомъ дѣйствія — крестьянскую пазбу. Принесли пѣтуха и курицу, разложили передъ ними зерно, золу, кольцо, кусочки хлѣба, монеты... и смотрятъ, какой изъ этихъ предметовъ клюнетъ птица сперва; если зерно — значитъ урожай будетъ хорошъ въ наступающемъ году; золу — наступитъ голодная година; кольцо — значитъ тотъ или та, на кого гадаютъ, женится или выйдетъ замужъ; кусочекъ хлѣба — быть богатству въ домѣ; монеты — торговля пойдетъ хорошо и т. д.

Боярышня. (Рис. на стр. 9).

„На вкусъ и на дѣвъ товарища пѣтъ“, говорить пословица и, въ то же время, какъ бы противорѣча ей, у людей, не только одной національности, но и одинаковаго общественнаго слоя и положенія, можно найти схожія понятія о прекрасномъ и прекрасномъ. Такъ, русской красавицѣ должны быть присущи: „лицо бѣлое, съ румянцемъ во всю щеку, очи ясныя, брови соболѣшныя, коса трубчатая, шея лебединая“, какъ поется въ русскихъ пѣсняхъ и, если намъ встрѣчается такая красавица, съ такими „пригѣтами“, то она намъ кажется знакомою, близкою, милою... Такою кажется и „боярышня“, личико которой пріятливо смотритъ на васъ съ талантливаго рисунка П. Лоренца, изображающаго одну изъ типовъ русской красавицы.

Въ Казначействѣ. Выдача пенсій въ началѣ мѣсяца. (Рис. на стр. 12).

Для того кто незнакомъ съ пенсіоннымъ дѣломъ Главнаго Казначейства конечно интересна картинка срочныхъ получений пенсій ветеранамъ государственной службы, особенно въ началѣ мѣсяца, когда скопляется здѣсь масса народа. Въ длинной галлерей второго этажа, выходящей окнами на Кирочную улицу, толнятся тогда цѣлыя тысячи мужчинъ, женщинъ, больныхъ, болѣею частью старцевъ, дѣвушекъ, чуть не дѣтей, съ довѣренностями отъ немощныхъ родителей, военныхъ съ поперечными погонами, на кистяхъ, и штатскихъ. Всѣ спѣшатъ пробраться поближе, каждый къ бухгалтеру того вѣдомства, въ которомъ протекла ихъ служба. Бухгалтеры помѣщаются за рѣшетками, впрочемъ еще недавно устроеными, завалены они пудовыми регистрами, и послѣ разныхъ сложныхъ отъѣтокъ и въ регистрѣ, и въ пенсіонной книжкѣ вручаютъ эту книжку пенсіонеру. Выдача денегъ производится также въ нѣсколькихъ кассахъ. Длинною вереницею тянутся получатели одинъ за другимъ, медленно подвигаясь впередъ, въ ожиданіи очереди. У кассира опять отѣтка, приложение и передача причитающихся денегъ стоящему рядомъ счетчику, который, провѣривъ кредитку, вручаетъ ихъ наконецъ по назначенію.

Въ недавнее время крайне неудобная давка какъ для пенсіонеровъ, такъ и для служащихъ устранена тѣмъ, что сроки получения мѣсячной пенсій распределены на каждый день всего мѣсяца. Пенсія выдается впередъ за мѣсяцъ, въ первые его дни, получающимъ ее въ минимальномъ — разнѣрѣ и затѣмъ, сообразно увеличенію разнѣра, постепенно въ послѣдующіе дни, такъ что получающимъ всею въ 1,000 руб. и болѣе приходится получать свою часть 1-го числа новаго мѣсяца за истекшій. Въ Главное Казначейство такимъ образомъ являются до 78,000 челов. ежемесячно, и общій расходъ Казначейства на пенсіонныя выдачи достигаетъ весьма почтенной миллионной цифры.

Въ ночь подъ Новый годъ. (Рис. на стр. 13).

Больше морозы выдались въ эту зиму. Днемъ и ночью на улицахъ ярко горятъ костры, привлекая къ себѣ всякій людъ, спящий по улицамъ. Не даромъ, однако, прозываютъ морозъ „молодцемъ русскимъ“: не страшнѣтъ онъ русскому

человѣку, который и въ сильную стужу не прочь пошутить надъ тѣмъ же морозомъ-краснымъ посомъ. И не обращая вниманія на этотъ морозъ, не обращая вниманія даже на то, что это не простая, будничная ночь, а новогодняя, когда во всѣхъ домахъ зажигаются огни и готовятся торжественная встрѣча Нового года. — Обычный уличный людъ, т. е. пѣвочки, пиццы и мальчишки, соберется около костра, и пойдутъ у нихъ смѣхъ и шутки. Иногда даже само начальство — господинъ городовой подходитъ сюда и стоитъ поодаль, боясь уронить свое достоинство слишкомъ благосклоннымъ участіемъ въ этихъ шуткахъ. И непременно здѣсь остановится мальчишка изъ лавки, посланный съ покупками для новогодняго ужина. Онъ видимо мало заботится о томъ, что покупки эти тамъ гдѣ-то нужны, что ихъ ждутъ въ петербургскомъ господѣ, до которыхъ ему тутъ, среди веселаго общества у костра, нѣтъ никакого дѣла.

Китайскія золотыя флейты для голубей.

(Рис. на стр. 16).

Намъ давно извѣстны такъ-называемыя золотыя арфы, состоящія изъ простаго деревяннаго ящика съ натянутыми металлическими струнами. Такой ящикъ помѣщается обыкновенно на открытомъ доступу вѣтра мѣстѣ, и вѣтеръ, заставляя колебаться струны, разыгрываетъ иногда цѣлая мелодія, исполненная необыкновенно прелестно. У китайцевъ существуетъ тоже нѣчто подобное. Только ихъ инструментъ не арфа, а флейта.

По-китайски такая флейта называется Шао-тце. Шао — значитъ свистящій, тце — механизмъ. Форма флейты различна. Ихъ дѣлаютъ изъ тонкаго и легкаго тростника, въ родѣ коротенькой трубочки съ обыкновеннымъ надѣломъ; иногда соединяютъ нѣсколько такихъ трубочекъ различной длины: флейту укрѣпляютъ на спинѣ голубя, и во время полета его получается рядъ звуковъ, по мнѣнію китайцевъ, весьма мелодичныхъ. Выбѣтъ съ тѣмъ звуки эти, охраняютъ голубей отъ нападенія на нихъ хищныхъ птицъ, которыя, весьма понятно, пугаются этой страшной музыки.

Морской орелъ, хватающій щуку. (Рис. на стр. 17).

Намѣтивъ съ вышины добычу, морской орелъ стремительно бросается внизъ и схватываетъ, иногда съ глубины трехъ-четырехъ футовъ, крупную рыбу, выныривъ въ нее когтями. Онъ вылетаетъ изъ воды такъ же быстро, какъ спускается туда, и уноситъ съ собою свою добычу. Моментъ этого картиннаго влета орла, схватившаго щуку, изображенъ на прекрасномъ рисункѣ талантливаго Ф. Шпехта.

Морской орелъ собственно обитатель морскихъ береговъ; иногда онъ отлетаетъ въ глубь материка, но и тогда держится около воды.

Извѣстный нѣмецкій натуралистъ Ленцъ былъ свидѣтелемъ однажды того, какъ такой орелъ схватилъ изъ рѣки огромнаго осетра, до того тяжелаго, что не былъ въ силахъ подняться съ нимъ, но и осетръ не могъ переступить его въ воду. Брошенный рыбы орелъ не былъ въ состояніи потому, что увязъ въ ея тѣло когтями. Онъ тащилъ такимъ образомъ осетра надъ самою поверхностью воды на протяженіи трехъ верстъ, пока наконецъ ихъ не поймали.

Архитектурная выставка. (Рис. на стр. 20).

Благодаря первому съѣзду русскихъ зодчихъ въ Петербургѣ, собравшемуся въ концѣ ноября, въ С.-Петербургскомъ Обществѣ архитекторовъ возникла прекрасная мысль устроить въ залахъ Академіи Художествъ художественную архитектурную выставку. Эта выставка, несомнѣнно, представляетъ для всякаго, интересующагося искусствомъ, выдающійся интересъ; она наглядна, если можно такъ выразиться, знакомитъ посетителя съ исторіей и постепеннымъ развитіемъ русской архитектуры, начиная съ тѣхъ первыхъ памятниковъ византийскаго искусства, которые дали начало русскому зодчеству.

Выставка распадается на два отдѣла: въ первомъ помѣщены архитектурные проекты современной русской архитектуры русскаго стиля; во второмъ, — и на нашъ взглядъ, самое важное и интересное, — рисунки и чертежи древняго русскаго зодчества. Такое расположеніе, а также и замѣчательная полнота, въ особенности нѣкоторыхъ отдѣловъ, позволяетъ намъ сразу ознакомиться съ ходомъ развитія русскаго зодчества. Начало разработки такъ-называемаго русскаго стиля было положено Топомъ, который въ тридцатыхъ годахъ скопировалъ проектъ Екатерининской церкви (у Калашкина моста), по образцу древнихъ московскихъ пятикупольныхъ соборовъ. По этому проекту была выстроена Екатерининская церковь, а собственноручный рисунокъ проекта былъ подаренъ Топомъ Императорской публичной библиотекѣ. Церковь эта и составляетъ, какъ сказано, поворотный пунктъ въ русской архитектурѣ. Вначалѣ дѣло представляло значительныя трудности, такъ какъ древне-русское зодчество было очень мало извѣстно. Основаніемъ изученія его послужили труды Горностаева и Рихтера; за ними пошли многіе другіе талантливые архитекторы: Даль, Павлиновъ, Сусловъ, Преображенскій, Соловьевъ, Леоновъ, Всеволодскій. Прекрасные рисунки всѣхъ

этих архитекторов съ памятниковъ древняго русскаго зодчества, разбланныхъ по Сѣверу Россіи и между Волгой и Окой. — находятся на выставкѣ. Тутъ мы найдемъ богатую коллекцію каменныхъ церквей, колоколенъ и звонницъ: отдѣльныя изображенія входныхъ воротъ, башенъ, часовенъ; детальныя рисунки оконъ, дверей, шлюзовъ, скамеекъ; коллекціи рисунковъ древнихъ деревянныхъ церквей. Гораздо бѣднѣе материалы по гражданской архитектурѣ.

Затѣмъ имѣется цѣлый рядъ работъ: — Ефимова (Поводъ-вичій монастырь), Кузьмина (Греческая церковь въ Петербургѣ и православная въ Парижѣ), Брюлова, Штакелшнейдера (дворецъ великой княгини Маріи Николаевны и многіе другіе), Горюстаева (иконостасъ въ Михайловскомъ дворцѣ), Резанова (дворецъ Великаго Князя Владимира Александровича), Кракау, Рахау, Монигетти, Кавоса, Богомолова, Бенуа и многихъ другихъ. Изъ новѣйшихъ проектовъ особеннаго вниманія на выставкѣ заслуживаютъ: проектъ гг. Котова и Преображенскаго—зданіе Московской думы, Померанцева—торговые ряды въ Москвѣ, Бенуа—церковь при Гусевской фабрикѣ г. Печаява-Малышева и профессора Паарланда—храмъ Воскресенія, воздвигаемый на мѣстѣ мученической кончины Царя-Освободителя. Громадный (21 футъ) акварель этого проекта исполнена въ совершенствѣ въ малѣйшихъ архитектурныхъ и художественныхъ деталяхъ.

Все это надо видѣть, чтобы наглядно убѣдиться какіе громадные шаги за послѣдніи пятьдесятъ лѣтъ сдѣлало русское зодчество. Труды нашихъ молодыхъ архитекторовъ, къ тому же, доказываютъ, что русское зодчество нисколько не остановилось на этомъ пути. Помимо собственно двухъ главныхъ отдѣловъ, состоящихъ изъ архитектурныхъ рисунковъ, при выставкѣ имѣются еще доподлинныя, устроенныя особо, въ зданіи Солиного городка. Здѣсь выставлены предметы нѣкоторыхъ относящихся къ постройкѣ и зодчеству ремеслъ и техническихъ работъ. Есть и скульптурныя произведенія. Что касается внѣшняго вида выставки, то его съ достаточною ясностью и подробностью передаетъ нашъ рисунокъ, изображающій характерныя черты различныхъ отдѣловъ и торжественный молебенъ при открытіи выставки.

Д. Д. Соколовъ, директоръ Института гражданскихъ инженеровъ Императора Николая I.

(Портр. на стр. 21).

Доримедонтъ Дориментовичъ Соколовъ, талантливѣйшій инженеръ, профессоръ и горячо любимый воспитатель юношества, пользуется издавна славой солиднаго ученаго по своей специальности, популярностью, любовью и уваженіемъ какъ среди товарищей-профессоровъ, такъ равно и среди сослуживцевъ и учащихся. Въ текущемъ году Д. Д. празднуетъ два юбилея—однимъ юбилей 50-ти-лѣтній своей alma mater, а другой—30-ти-лѣтній своей службы на педагогическомъ поприщѣ и учено-литературной дѣятельности.

Д. Д. Соколовъ родился въ 1837 году, первоначальное образованіе получилъ въ Вердерской гимназіи въ Берлинѣ; вышедъ—въ Институтъ, гдѣ блестяще окончилъ курсъ въ 1859 г. и записавъ на мармориной доскѣ. Онъ опредѣленъ былъ на службу въ строительную контору Министерства Императорскаго Двора, гдѣ ознакомился съ дѣлопроизводствомъ, повѣркую смѣтъ и технические отчеты. Ему же было поручено составленіе проекта предохраненія прудовъ Павловскаго парка отъ засоренія. Въ 1862 году удостоенъ званія инженеръ-архитектора и завѣдывалъ мостовыми передъ зданіями Министерства Императорскаго Двора и разработалъ проектъ перестройки Императорскаго фарфорового завода. Въ 1862 году былъ приглашенъ преподавателемъ геодезіи и исторіи архитектуры въ Строительное училище. Въ 1867 году ему предложено было занять должность преподавателя гражданской архитектуры.

Въ 1870 г., по случаю избранія Д. Д. профессоромъ по кафедрѣ гражданской архитектуры при Институтѣ инженеровъ путей сообщенія, въ которомъ и понынѣ онъ занимаетъ означенную кафедру, Д. Д. оставилъ службу по Министерству Двора. Въ 1872 г. последовало назначеніе его инспекторомъ классовъ Строительнаго училища, а въ 1877 г., при преобразованіи Строительнаго училища, Д. Д. назначенъ былъ инспекторомъ, ординарнымъ профессоромъ и членомъ совѣта означеннаго училища. Въ 1886 г. Д. Д. Соколовъ назначенъ директоромъ Института гражданскихъ инженеровъ и въ этомъ званіи состоитъ и понынѣ. Затѣмъ Д. Д. преподавалъ гражданскую архитектуру въ Николаевской инженерной академіи и въ Технологическомъ институтѣ. Съ 1886 г. состоитъ членомъ отъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ по постройкѣ коммерческихъ портовъ при Министерствѣ Путей Сообщенія, а съ 1890 г. членомъ совѣта того же Министерства.

Въ настоящее время Д. Д. имѣетъ чинъ тайнаго совѣтника. Общественная дѣятельность Д. Д. выразилась въ его непосредственномъ участіи при организаціи дѣла посылкѣ за границу, на товарищескіи средства, окончившихъ курсъ въ Институтѣ гражданскихъ инженеровъ, въ организаціи С.-Петербургскаго Общества архитекторовъ и въ качествѣ члена

оного, а равно при разработкѣ техническихъ вопросовъ, касающихся взаимнаго страхованія.

Изъ литературныхъ трудовъ Д. Д. отмѣтимъ нѣсколько изданій „Курсовъ гражданской архитектуры“ съ атласомъ чертежей; „Городская Александровская больница въ СПб.“ (имѣетъ въ названіи Богинца) съ атласомъ; „Отопленіе и вентиляція Андреевскаго собора въ СПб.“; „Описаніе перестройки Михайловскаго театра“ и другія. Кроме того, Д. Д. Соколовъ помещалъ свои статьи въ журналѣ *Зодчій, Журналъ Министерства Путей Сообщенія* и другихъ специальныхъ журналахъ.

А. Хвостовъ.

50-лѣтіе Института гражданскихъ инженеровъ Императора Николая I. (Рис. на стр. 21).

Ровно полвѣка тому назадъ, 17-го декабря 1842 года, блаженной памяти императоръ Николай Павловичъ, созная потребность въ людяхъ съ достаточнымъ техническимъ образованіемъ и настолько развитыхъ въ художественномъ отношеніи, чтобы они могли составлять проекты и производить работы публичныхъ зданій, повелѣлъ, чтобы существовавшій тогда Архитекторское училище и Училище гражданскихъ инженеровъ были соединены въ одно учебное заведеніе, наименованное Строительнымъ училищемъ. Въ теченіе пятидесятилѣтняго своего существованія училище подверглось существеннымъ преобразованіямъ, какъ въ своемъ составѣ и управленіи, такъ и въ системѣ учебнаго образованія. Въ историческомъ очеркѣ, изданномъ ко дню 17-го декабря 1892 года, очерчена подробно сущность этихъ преобразованій четырехъ періодовъ Строительнаго училища.

Въ настоящее время Институтъ гражданскихъ инженеровъ можетъ гордиться своимъ питомцемъ; имена многихъ изъ нихъ получили извѣстность не только въ Россіи, но и за границей.

За 50 лѣтъ существованія Строительнаго училища, нынѣ Института гражданскихъ инженеровъ, въ немъ окончилъ курсъ 1,020 человекъ, не считая вольнослушателей.

Въ институтѣ имѣется вѣдомогательная касса, изъ которой стипендіаты пользуются безпроцентными ссудами. Институтъ имѣетъ свою церковь. Въ 1892 году при ней устроена небольшая часовня, въ которой поставленъ образъ въ память чудеснаго избавленія отъ угрожающей опасности Государя Императора и Августѣйшей Семьи 17-го октября 1888 года.

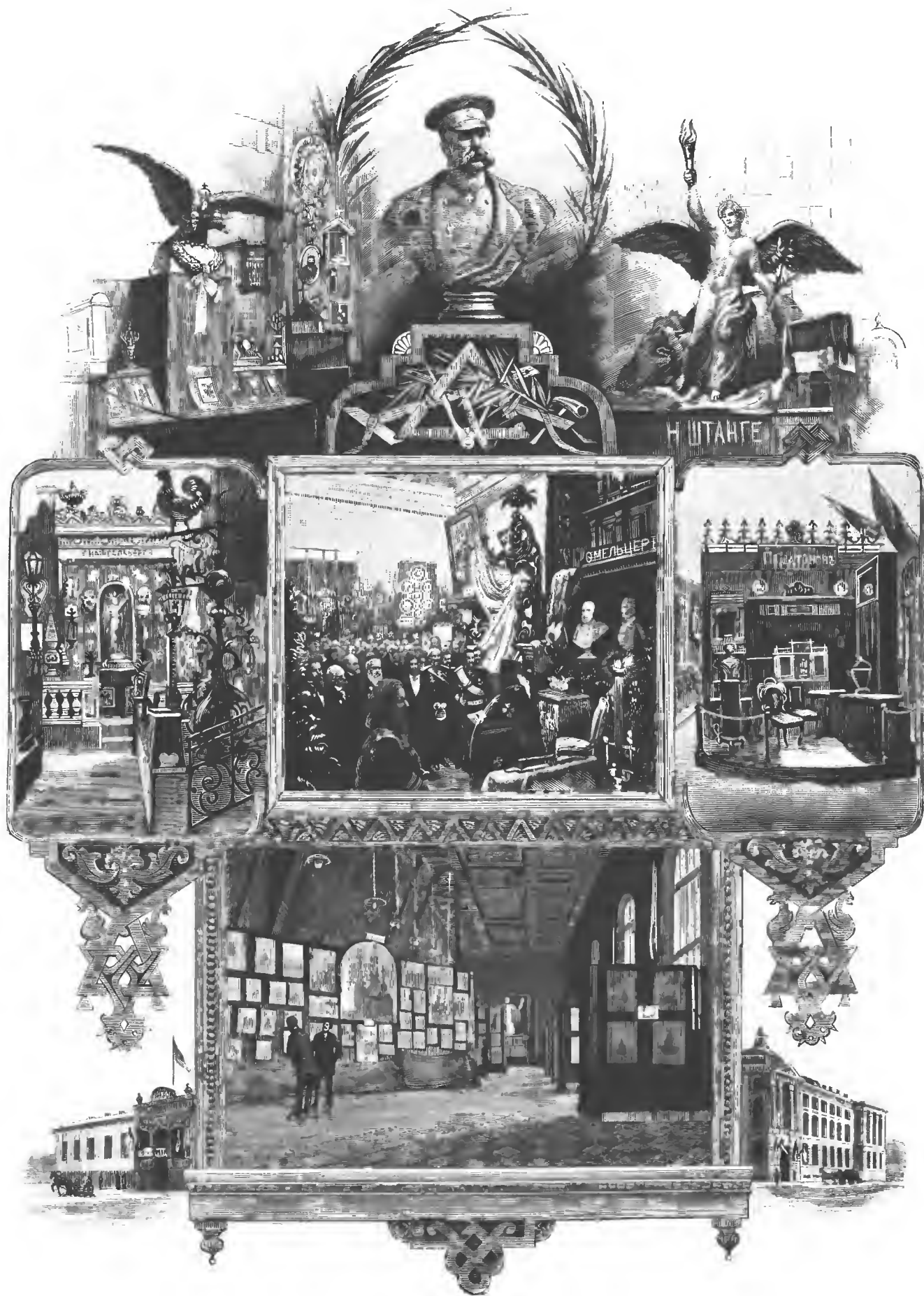
При институтѣ имѣется бібліотека, въ коей 5,170 томовъ книгъ и сочиненій разныхъ наименованій, 212 подлинныхъ рисунковъ (Бейне, Штакелшнейдера, Монигетти, Папафидипа, Претера, Чагина, Маргышова и другихъ) всего на сумму 32,165 р. 54 ½ коп. Изъ учебно-вѣдомогательныхъ учрежденій, институтъ имѣетъ: музей, кабинеты—физическій, минералогическій и геодезическій и химическую лабораторію. Имущество музея, кабинетовъ и химической лабораторіи оцѣнивается въ 12,170 руб. На нашѣмъ рисункѣ представлено „Новое зданіе“ института, возведенное фасадомъ на 2-ю роту Измайловскаго полка; оно освящено 17 декабря 1882 г. Оно назначено исключительно для учебныхъ цѣлей, какъ въ 3-хъ этажахъ его размѣщены: 4 аудиторіи, 5 чертежныхъ, 3 рисовальныхъ зала, бібліотека, физическій кабинетъ, актовый залъ и кабинеты: директора, инспектора и друг. Новое зданіе института соединено со старымъ зданіемъ теплымъ переходомъ; въ старомъ зданіи расположены: церковь, музей, химическая лабораторія и квартиры: директора и состоящихъ при заведеніи на службѣ. Новое зданіе освѣщается электричествомъ. Содержаніе института обходится въ 82,846 рублей.

Въ день юбилея, 17 декабря 1892 года, Институтъ гражданскихъ инженеровъ удостоился посѣщенія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы. Въ 12 часовъ высокопреосвященнымъ митрополитомъ Наладіемъ былъ отслуженъ торжественный молебенъ. Затѣмъ состоялся торжественный актъ, прочтена была Высочайшая грамота объ наименованіи, въ память Августѣйшаго Основателя его, Институтомъ гражданскихъ инженеровъ Императора Николая I. Въ память 50-ти-лѣтія института выбиты медали: для высокопоставленныхъ лицъ и преподавателей серебряныя, для учащихся—бронзовыя.

Сейдъ-Абдуль-Ахатъ-Ханъ, эмиръ Бухарскій.

(Портр. на стр. 24).

Посѣтившій нынѣ Россію, давно ожидаемый гость,—эмиръ Бухарскій, Сейдъ-Абдуль-Ахатъ-Ханъ—четвертый сынъ умершаго 31 октября 1885 года эмира Могафаръ-Эддина. Онъ родился въ 1857 году въ Кермине, гдѣ его отецъ, въ то время послѣдникъ бухарскаго престола, управлялъ этимъ бекствомъ. Мать нынѣшняго эмира Шаминамъ, родомъ персіянка, была любимой женою Могафаръ-Эддина. Скудное образованіе, какое получаютъ на Востокѣ даже мусульманскіе принцы, не послужило однако препятствіемъ для любознательнаго Ахата приняться за занятіе науками по собственному почину и широко пополнить влослѣдствіи свои знанія. Онъ постоянно и до сихъ поръ продолжаетъ заниматься научными предметами; такимъ образомъ Бухара, въ лицѣ Ахатъ-Хана, имѣетъ правителя просвѣщеннаго, имѣющаго вполнѣ европейское образованіе.

Архитектурная выставка при первомъ съѣздѣ русскихъ зодчихъ въ Петербургѣ.

По фотогр. генер. Насвѣтевича, рис. Земцовъ, грав. Хелмицкій.

I. Отдѣлы выставки въ зданіи „Соляного городка“.

Скульптурныя работы.

Цинновыя и металлическія украшенія.

Молебень при отырытіи выставки.

Предметы комнатной обстановки.

II. Выставка архитектурныхъ рисунковъ въ залахъ Императорской Академіи Художествъ.

Библиотека "Руниверс"

Двенадцати лѣтъ Мозафаръ-Эддинъ женилъ своего сына, а чрезъ 5 лѣтъ назначилъ окружнымъ начальникомъ въ Кермани, гдѣ принцъ Ахатъ прожилъ до смерти отца. Управляя бекствомъ, молодой принцъ сумѣлъ снискать всеобщее расположеніе, за милостивое и справедливое управленіе краемъ. Въ 1868 г. старшій сынъ Мозафара, Абдуль-Маликъ, подстрекаемый англичанами, возмущился противъ своего отца, но былъ разбитъ при содѣйствіи русскихъ войскъ и бѣжалъ въ Индію, гдѣ и проживаетъ нынѣ, получая пенсію отъ англійскаго правительства. Въ 1883 году, по смерти двухъ другихъ братьевъ, принцъ Ахатъ былъ посланъ своимъ отцомъ для присутствованія при Свидѣніи коронованія въ Москвѣ. Въ время пребыванія его въ этомъ городѣ, было пеходатайствовано Мозафаромъ официальное признаніе Сандъ-Абдуль-Ахата наслѣдникомъ Бухарскаго ханства, которымъ онъ благополучно управляетъ нынѣ, по смерти своего отца.

Изъ Бухары эмиръ выѣхалъ 7 декабря. 14-го онъ былъ уже въ Чарджуѣ. Посѣтивъ Асхабадъ, гдѣ видѣлся съ начальникомъ области, генераломъ Куропаткинымъ, эмиръ изъ порта Узунъ-ада отправился въ Баку на воспомъ пароходѣ каспійской флотиліи „Баку“. Свое путешествіе эмиръ совершаетъ со всею восточною пышностью. Онъ везетъ одного багажа до 2,000 пудовъ и сверхъ того 30 лошадей въ подарокъ. Часть груза (500 пуд.) отправлена еще въ концѣ лѣта, а 1,500 пуд. и лошади идутъ теперь отдѣльнымъ караваномъ. Изъ Баку эмиръ 18 декабря выѣхалъ въ Тифлисъ, откуда чрезъ Военно-грузинскую дорогу отправился въ Москву, и затѣмъ въ Петербургъ. Со

в р е м е н и
въѣзда эмира
въ Россію
при немъ со-
стоятъ: чи-
новникъ кан-
целяріи Тур-
кестанскаго
генераль-гу-
бернатора
ст. сов. Осдо-
ровъ, врачъ г.
Писаренко и
переводникъ
ротмистръ
Султанъ-Ас-
фендіаровъ.

Малолѣт-
ній сынъ эми-
ра, Тюръ-
Джанъ-
Миръ-Алиъ
также при-
былъ въ Рос-
сію вмѣстѣ
съ отцомъ,
к о т о р ы й
и предпола-
гаетъ оставить
его на воспитаніе въ Петербургѣ, помѣстивъ его въ Нахескій Его Императорскаго Величества корпусъ.

Для высокаго гостя отведены роскошные покои въ такъ называемой запасной половинѣ Зимняго дворца. Радужный приѣздъ, оказанный нашему гостю, и тѣ искреннія чувства, которыми питаютъ къ нему русскіе люди, вполне соответствуютъ легкимъ для насъ симпатіямъ къ Россіи самого Эмира, всегда относившагося къ нашему отечеству съ самою преданною дружбою.

Пребываніе эмира Ахатъ-Хана въ Петербургѣ продолжится около двухъ недѣль. Въ общемъ же эмиръ въ Россіи проведетъ около двухъ мѣсяцевъ.

Политическое обозрѣніе.

1892 г. прошелъ, и прошелъ, благодаря Богу, мирно. Правда, повсемѣстные вооруженія по-
стоянно напоминали о
цѣли ихъ, но твердость и
миролюбіе Державнаго
Вождя нашей родины
отгоняли грозный при-
зракъ войны.

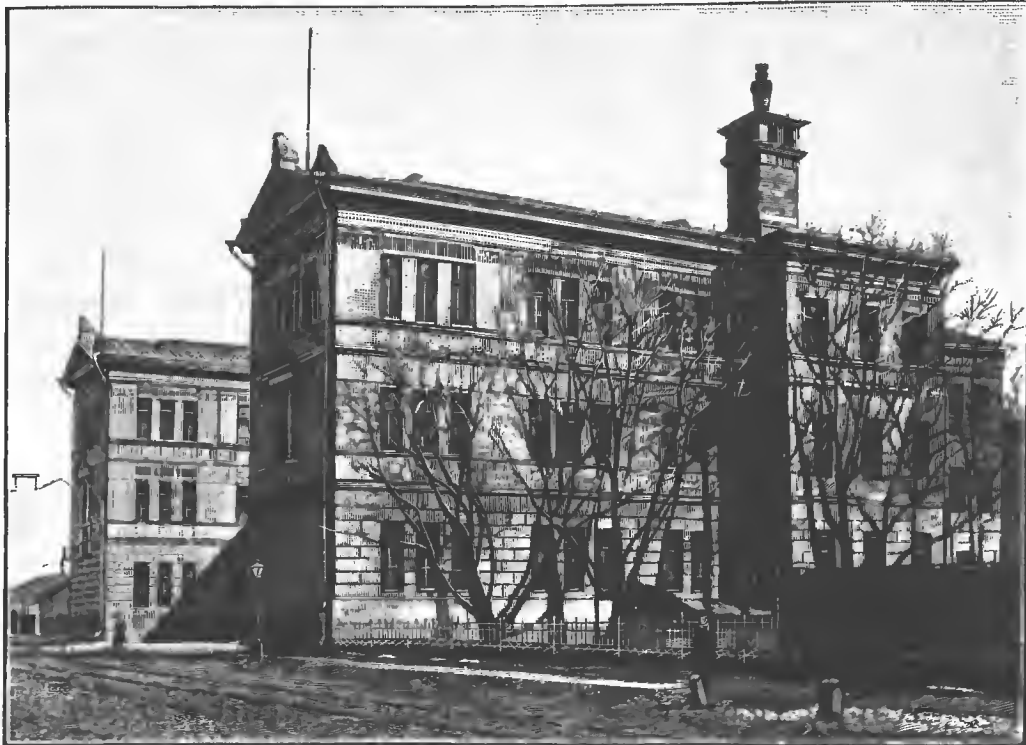
Для Россіи минувшій
годъ начался тяжело.
Неурожаи во многихъ гу-
берніяхъ породили не
мало бѣдъ и несчастій.
Но великъ Богъ земли
Русской и отзывчиво
сердце ея обитателей,
которые отъ мала до ве-
лика, безъ различія по-
ложенія и достоинства,
всѣ оказывали помощь,
кто чѣмъ могъ бѣдствующимъ братьямъ. Эта единодушная, всеобщая помощь дала возможность благополучно перенести бѣдствіе. Но бѣда въ одиночку не ходитъ. Вслѣдъ за неурожаемъ пришла лютая болѣзнь — холера. Своевременно и разумно приняты мѣры помогли справиться и съ этою бѣдой. Россія, оздоровленная и здоровая, встрѣчаетъ Новый годъ въ мирѣ и благополучіи.

обративъ всѣ свои силы на преуспѣваніе внутреннее, которое подъ неуклоннымъ и постояннымъ призоромъ Отца Русскаго народа, постоянно растетъ и крѣпнеть во славу нашей родины.

Сосѣди наши, Германія и Австрія, связанные тройственнымъ союзомъ съ Италіей, продолжали цѣлый годъ усиливать свой якобы оборонительный союзъ, вызывая порою неудовольствие своихъ здравомыслящихъ или не въ мѣру обремененныхъ подданныхъ.

Д. Д. Соколовъ, директоръ Института гражданскихъ инженеровъ Императора Николая I. (По поводу 30-лѣтней педагогической и учено-литературной дѣятельности).

Видъ зданія Института гражданскихъ инженеровъ Императора Николая I въ СПб. (по поводу 50-ти-лѣтія со дня основанія). Съ фог. Здобнова, грав. Шлипперъ.

Счастливым исходом двух войн к ряду, создал перенесенное положение Германии в Европу. Единственное желание удержать его вызвало неестественное напряжение сил и средств. Увеличивавшаяся мощь соседей с обеих сторон, смерть или удаление от дел лиц, создавших и долго поддерживавших могущество страны, отсутствие нужных руководителей действуют разлагающе на внутренние силы страны. Ровень партий растет с каждым днем все больше и больше и тяготеет к сепаратизму отдельных частей Германии все усиливается. Встречаются несбыточные до того случаи, когда внесенные правительством предложения не одобряются, как это было со школьным вопросом, или встречаются сильные противодвижения, что замѣтно при рассмотрении в рейхстаге нового военного законопроекта, который ожидается, быть может, участь школьного вопроса.

В Австрии ровень партий обостряется национальною разнородностью их. Угнетение славянских народностей и стремление овладеть их содействовало сплочению славян, которые, забыв домашние неурядицы, общими силами проявляют справедливый отпор немецким нападкам и просякам, и выставляют свои законные требования одинаковых прав с немцами и венграми.

Италия продолжает бедствовать в экономическом отношении и упорствует в своей привязанности к тройственному союзу. Министерство Криспи сменилось министерством ди-Рудини, которое в апреле месяца минувшего года уступило место министерству Джолитти, а положение страны не улучшается. За какой-нибудь пять лет потребление предметов первой необходимости уменьшилось от 4% до 20%; валовой доход железных дорог стал меньше на 9%. На-

сколько тому виною союз Италии с Германией и Австрией сказать трудно, но когда министерство Джолитти заявило, что Италия остается участницей союза, то оно сразу потеряло доверие палаты депутатов. Выражение этого доверия не повлекло однако падения кабинета, отставка которого не была принята королевом, и вызвало только распухание палаты.

Франция, как феникс возродившая из пепла, за двадцать два года достигла замѣтельного благосостояния. Мудрое правление заставило преклониться перед ней всех недругов республики. Если они и стараются временами поведать ей, забывая благополучие страны, то все-таки можно надеяться, что благоразумие и твердость правительства не содрогнется ни перед динамитными взрывами, ни перед клеветой и оскорблениями, которыми, щадя тело, убивают душу и честь своих жертв.

Выдающимся событием в Англии и Соединенных Штатах Америки был переход власти из одних рук в другие. Тут и там долго велась борьба и победа не без усилий досталась в Америке демократам, а в Англии либералам сторонникам великого старца Гладстона. Победа эта не останется без влияния не только на внутреннюю жизнь страны, но и отзовется на внешнюю политику. Победа Гладстона в Англии особенно радостно была принята в Чехии и других славянских землях, так как расположение Гладстона к славянам давно известно.

Другие страны цивилизованного мира в течение минувшего года стремились к своему благоустройству, исключая несчастной Болгарии.

Новый 1893 год застает Европу окутанною давнишним туманом неопределенности политических дел. Будем молить Бога, чтобы он развеялся мирно и благополучно.

Искусство.

Живопись и скульптура.

Иstekший 1892 год был довольно богат художественными приобретениями европейских музеев. В особенности важны приобретения были сделаны парижским Лувром, Лондонской Национальной галлереей и, отчасти, Берлинским музеем. Лондонская Национальная галлея приобрела три произведения: „Портрет“ венецианского художника Моретто (XV столетия), „Портрет Адмирала“ работы Веласкеца и „Послы“ Гольбейна, — одно из самых замѣтельных и совершенных произведений этого знаменитого художника. Существует однако сомнение, действительно ли „Портрет Адмирала“ принадлежит кисти Веласкеца? Портрет, бесспорно, замѣчательный, эффект темного костюма прекрасно выделяется на светлом фоне и вообще манера письма, несомненно, напоминает кисть Веласкеца. Однако, в „Портрете“ нет того, по временам рѣзкого реализма, который составляет отличительную черту испанского художника. Во всяком случае, эта картина принадлежит испанской школе XVII века и по манере письма близко подходит к стилю Веласкеца. Очень может быть, что она принадлежит кисти одного из учеников Веласкеца, и лишь исправлена им. Известно, что многие картины Веласкеца были писаны таким образом. В Петербургском Эрмитаже (а также в Мадриде и Лондоне) хранятся портреты, где головы были писаны самим Веласкецом, а остальное — учениками. Что же касается знаменитых „Послов“ Гольбейна, то здесь не может быть сомнения в подлинности: это одно из лучших произведений великого немецкого художника. Две фигуры, изображенные на этой картине, принято называть „послами“, но в сущности неизвестно, кто они. Один английский археолог утверждает, что эти два предполагаемые посла изображают двух курфюрстов — братьев Генриха и Филиппа. Он считает, что Гольбейн написал их портреты в промежуток времени между своим двумя пребыванием в Англии (на картине выставлена дата 1553 года). Один из них держит в руке свиток с гимнами Лютера; это — Генрих, известный фанатический приверженец реформы. Остеологические и физические инструменты, разбросанные на столе, принадлежат, по всей вероятности, Филиппу, младшему брату, который был известным ученым.

Берлинский музей приобрел одну картину Рембрандта, одну — Тербурга и одну — Рюндаля. Картина Рембрандта — простой эскиз, неимеющий особенного художественного значения; картина Тербурга — не хуже и не лучше многих других картин этого голландского художника; петербургский Эрмитаж владеет несколькими картинами Тербурга, имеющими более высокое художественное значение. Только пейзаж Рюндаля замѣчателен во всех отношениях. Известно, что Берлинский музей обладает самой богатой коллекцией пейзажей этого художника.

Более значительным слѣдует считать приобретение парижского Лувра. К нему прежде всего принадлежит маленькое панно „Богородица, держащая на руках Младенца Иисуса“. Богоматерь — в золотой парче на красном фоне, скрывающей отчасти другое одеяние темно-синего (с от-

ливом зеленого) цвета, украшенное сѣрым мехом и окаймленное золотым бордюром. На голову накинута такого же цвета покрывало, из-под которого видны блондинные волосы. Картина эта, вероятно, принадлежит французской школе XV века, но на ней замѣтно влияние фламандского искусства того времени. Другая картина, приобретенная Лувром, еще более замѣчательна. Это — „Собрание любителей“. Вокруг стола сгруппированы семь мужских фигур в костюмах первой половины XVII века. Посредине, прямо перед зрителем, сидит мужчина в изящном сѣром костюме, держа в руке струну, которую он старается натянуть на мандолину, лежащую на столе. Повидному, он что-то объясняет другим лицам, слушающим его. Все взгляды обращены, однако, не к нему, а в сторону зрителя, из чего можно замѣтить, что картина изображает не просто живописную сцену, а есть собрание портретов. Выставленная в настоящее время в луврской залѣ Лесюэра, эта картина представляет значительный художественный интерес. Она считается, по определению экспертов, картиной принадлежащей голландской школе. В ней замѣчательно то обстоятельство, что одних фигуры — французского типа, другие — испанцы, третьи — голландцы. С некоторыми однако вкряком можно заключить также, что эта картина принадлежит кисти французского художника Ленева. Из остальных картин, приобретенных Лувром (одна — Энгра, другая — Курбэ, третья — Беллоха, четвертая — Ворша, швейцарского художника XVIII столетия), только первая, Энгра, имеет некоторый интерес. Она была написана в 1816 году, в Риме. Это — женский портрет и может считаться одним из лучших портретов работы Энгра. — Луврский отдел скульптуры приобрел одно чрезвычайно интересное произведение; это — гипсовая модель памятника Наполеону I-му, сделанная Рюдю. Рюдю, как известно, принадлежал к тем республиканцам, которые считали Наполеона представителем первой французской республики. После того, как прах Наполеона был привезен во Францию, один из друзей Рюдю, Нуазе возымел мысль воздвигнуть памятнику императору в своем имени Факсен, близ Дижона. Этот памятник был исполнен Рюдю в 1847 году. Император лежит прикованный к скале, он покрыт широким плащом, который он приподнимает одной рукой. Это движение открывает голову императора, с закрытыми глазами, украшенную лавровым венком. У его ног умирает императорский орел.

Музей Штенделя во Франкфурте, кроме двух старинных картин немецкой школы, приобрел картину „Богородица с Иисусом и Иоанном Крестителем“, — это приобретение вызвало целую бурю в художественном мире. Картина была куплена в Милане у одной английской дамы. Директор музея Штенделя, Тодс заплатил за нее 12,000 флоринов и считал, что приобрел ее за безценок, потому что был уверен, что полотно это есть не больше не меньше, как знаменитая „Мадонна di Casalmaggiore“, шедевр Корреджо, описанный Вазари. Однако, художественный критик Людвиг заявил, что картина ничего не стоит и, конечно, ни в каком случае не принадлежит кисти Корреджо. Директор Берлинского музея, Боде, взял сторону Тодс; другие знатоки стали защи-

щать мнѣніе Лютцова. Съ обѣихъ сторонъ было наговорено много и дѣло кончилось тѣмъ, что Тодс отказался отъ директорства музея Штенделя. Вопросъ же о картинѣ такъ и не былъ рѣшенъ до сихъ поръ. По отзывамъ наиболѣе безпристрастныхъ знатоковъ, картина, по вѣнзъ признакамъ, принадлежащая къ пармской школѣ, но она до такой степени испорчена, что почти невозможно опредѣлить ея художественное достоинство.

В. Чуйко.

Театръ.

Последней новинкой на драматической сценѣ Алесксандринскаго театра въ 1892 г. была драма Бьернсона-Бьерисона „Марія Шотландская“, поставленная въbenefitг. Анозлонскаго, съ г-жей Савиной въ заглавной роли, и въ Москвѣ, на сценѣ Малаго театра, на второй день послѣ появленія ея въ Петербургѣ. Пьеса, строго говоря, не имѣла успѣха ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, чему причиной явились, во-первыхъ, неподготовленность нашихъ драматическихъ артистовъ къ пьесамъ съ серьезными литературными достоинствами (будто то пьеса русская или иностранная); они слишкомъ привыкли къ легкимъ комедіямъ новѣйшей формации; а во-вторыхъ—драма Бьернсона въ сущности не драма, а отдѣльные сцены; въ ней гораздо больше разговоровъ, чѣмъ дѣйствій, что составляетъ ахиллесову пятю драматическаго творчества этого писателя.

Бьернсонъ—мыслитель, а не драматургъ; сцена служить у него только фономъ для его картинъ; самыя же картины лишены того движенія, того развитія и парастанія страсти, которыя составляютъ обыкновенно суть всякаго драматическа-

го произведенія. Въ этомъ отношеніи грѣшна и „Марія Шотландская“, имѣющая большія литературныя достоинства. Бьернсонъ, въ противоположность Шиллеру, взялъ не послѣднія минуты великой трагической страданцы, какъ это сдѣлалъ итальскій поэтъ, а ранній и бурный періодъ ея жизни, именно до брака съ Вотвелемъ, періодъ, наименѣе обработанный въ драматической литературѣ; затѣмъ онъ задается не столько поэтическими картинками, вымысломъ, сколько воспроизведеніемъ страницъ исторіи и дѣйствительныхъ характеровъ взятой имъ эпохи.

Вотъ почему его Марія не идеализированная героиня, какъ у Шиллера, и не безлична, какъ у итальянскаго драматурга Альфиери („Maria Stuarda“): напротивъ, она у Бьерисона живое лицо, со всеми присущими ей историческими недостатками (къ сожалѣнію, достоинства ея мало обрисованы); но опъ ей дѣйствія никакого не даетъ; въ его Маріи нѣтъ рельефа. За то великолепно обрисованы характеры мужа Маріи, герцога Дарнлей, лорда Вотвеля и проновѣдника Покса, равно какъ и секретари Маріи, Давида Риччіо. Бьернсонъ взялъ нѣсколько отдѣльныхъ эпизодовъ (отношенія Маріи къ мужу, сцены съ Риччіо, появленіе Вотвеля, враждебное отношеніе лордовъ къ королевѣ); каждый изъ нихъ интересенъ самъ по себѣ, но въ цѣломъ они не даютъ матеріала для драмы; ея и нѣтъ въ пьесѣ Бьерисона, поставленной на нашей сценѣ роскошно въ смыслѣ костюмовъ и декораций. Исполненіе жъ слабо, въ особенности роли Маріи г-жей Савиной. При всемъ томъ интересно было видѣть эту пьесу на нашей сценѣ, совершенно отыкнушей отъ серьезныхъ произведеній.

В. Баскинъ.

С М Ъ С Ъ.

Полное солнечное затменіе ожидается 16-го апрѣля новаго стили. Оно будетъ видимо въ южномъ полушаріи. Большинство англійскихъ и американскихъ астрономовъ отправляется въ спеціальныя экспедиціи и устраиваетъ наблюдательные пункты. Затменіе совпадаетъ со временемъ наибольшаго скопленія пятенъ на солнцѣ и потому ожидаются богатые результаты отъ наблюденій надъ солнечной короной для объясненія свойствъ атмосферной оболочки свѣтила.

Улучшеніе телефона, можно сказать, съ каждымъ днемъ идетъ впередъ и попытки усовершенствовать этотъ аппаратъ достигаютъ благоприятныхъ результатовъ. Такъ, при значительности разстояній между нашими городами, въ коихъ устроены уже телефонныя сѣти, постройка особыхъ телефонныхъ линій для взаимнаго соединенія городовъ потребовала-бы крупныхъ затратъ, поэтому естественно возникъ вопросъ о томъ—не представляется-ли возможности воспользоваться для телефонныхъ сношеній существующими телеграфными линіями и проводами. Еще недавно техники были убѣждены въ невозможности такого рѣшенія задачи, такъ какъ при близости телефоннаго провода къ телеграфному, въ телефонѣ, вслѣдствіе индукціи, явственно слышится стукъ, производимый работой на телеграфныхъ аппаратахъ. Эти побочные звуки мѣшаютъ ясному воспроизведенію звуковыхъ впечатлѣній и крайне несприятно дѣйствуютъ на слухъ.

Нынѣ, однако, благодаря работамъ Вагъ-Рисслъберге (въ Бельгій), Гвоздева (въ Россіи) и другихъ изобрѣтателей, не подлежитъ сомнѣнію, что не только по проводу, подвѣшенному вблизи телеграфныхъ проводовъ, возможно говорить посредствомъ телефона, но даже можно включать телефонъ въ самый телеграфный проводъ, при чемъ одновременно съ передачей телеграфныхъ депешъ, могутъ быть ведены разговоры по телефону безъ всякаго пренятствія и помѣхи. Такіе результаты достигаются помощью сравнительно недорогихъ и немногочисленныхъ приспособленій у телеграфныхъ аппаратовъ и телефоновъ.

Такимъ образомъ вопросъ о соединеніи телефономъ отдѣльныхъ городовъ значительно упростился и, надо полагать, недалека то время, когда С.-Петербургъ будетъ имѣть сообщеніе по телефону съ Москвою, Москва съ Тулою, Орломъ, Курскомъ и т. д.

Высота горныхъ желѣзныхъ дорогъ. Выше всѣхъ подымается желѣзная дорога, проходящая по горѣ Ротгорнъ въ швейцарскихъ Альпахъ. Вершина этой горы достигаетъ 2351 метра надъ уровнемъ моря; рельсы же проведены на высотѣ 2252 метровъ. За ней слѣдуетъ Центральная Тихоокеанская дорога въ Сѣверной Америкѣ, избирающаяся мѣстами на высоту 2140 метровъ надъ уровнемъ моря. Затѣмъ слѣдуютъ въ послѣдовательномъ порядкѣ швейцарскія желѣзныя дороги по горамъ:

Нилзъ	2066 м.	Мюррепъ	1611 м.
Риги	1750 м.	Бреннеръ	1367 м.
Monte-Generoso	1639 м.	Сентъ-Готардъ	1155 м.

Желѣзныя дороги въ Китаѣ. Несмотря на сопротивленіе правительства Цесенной имперіи, одной англійской компаніи удалось все-таки въ 1885 г. получить разрѣшеніе на постройку первой желѣзнодорожной линіи, длиною всего около 32 верстъ, для потребностей одного рудника. Въ 1888 и 1889 гг. открылось движеніе еще по двумъ небольшимъ линіямъ въ Манджуріи, а теперь говорятъ уже о желѣзной дорогѣ въ 200 верстъ слишкомъ, которая должна соединить города Кантонъ и Као-Лангъ. Она составитъ

первый участокъ большой желѣзнодорожной линіи Кантонъ-Ханькау-Пекинъ. (г. в.)

Юбилей Галилея. 25-го ноября (7-го декабря) Падуанскій университетъ въ Италіи праздновалъ 300-лѣтній юбилей Галилея, то-есть, трехсотлѣтіе со дня вступительной лекціи, которую прочелъ въ этомъ университетѣ знаменитый математикъ и астрономъ. Въ теченіе 18-ти лѣтъ, проведенныхъ Галилеемъ въ Падуѣ, онъ сдѣлалъ важнѣйшія открытія свои. (г. в.)

Усовершенствованіе голубиной почты. Одно гимнастическое общество въ Италіи предприняло недавно рядъ интересныхъ опытовъ съ цѣлью выясненія удобства совмѣстныхъ дѣйствій велосипедиста и почтовыхъ голубей для быстрѣйшаго сообщенія крайне нужныхъ свѣдѣній и не терпящихъ оглачительства донесеній. Голуби помѣщаются въ кѣтку, набитую шерстью, укрѣпленную на шестѣ, прихваченномъ къ велосипеду. Такимъ образомъ увозятъ голубей на десятки верстъ и затѣмъ выпускаютъ ихъ изъ кѣтки. Черезъ нѣсколько минутъ они возвращаются въ голубятню.

Для дальнѣйшихъ опытовъ предполагается употреблять кѣтки изъ проволокаго желѣза, обшитыя холстомъ, и помѣщать въ нихъ по двѣ птицы. Удобство тапкихъ кѣтокъ въ томъ, что ихъ можно послѣ вылета голубей складывать и освобождать такимъ образомъ велосипедъ отъ излишней помѣхи его движеніямъ. Описанное усовершенствованіе, основанное на комбинаціи двухъ способовъ быстрого сообщенія, можетъ оказать большія услуги во время войны. (г. в.)

Добыча золота съ каждымъ годомъ прогрессивно растетъ: въ 1887 г. приблизительно добыто 150 т. рус. фунтовъ, въ 1888—155 т., въ 1889 г.—165 т., въ 1891 г.—почти 180 т. Въ 1890 году сумма добытаго золота распределяется такъ: на Сѣверо-Американскіе Штаты болѣе 45 т. ф., въ Австраліи 40 т., въ Россіи 30 т. и въ Трансваалѣ около 15 т. рус. фунтовъ.

Подводное освѣщеніе. Въ Тулонѣ сдѣланы были недавно опыты освѣщенія морского дна съ помощью электрическаго прибора, опущеннаго на дно въ гавани. Такимъ путемъ удалось освѣтить пространство въ 15 сажень, совершенно достаточное для излеченія подводныхъ растеній и животныхъ. (г. в.)

Въ Норвегіи собирается по подпискѣ сумма въ 60,000 кроунъ для постройки судна, представляющаго точную копію съ найденаго въ 1880 году въ Sandefjord'ѣ корабля Викинговъ. Построенный корабль предполагается отправить на выставку въ Чикаго. (в.)

Живой китъ на выставкѣ въ Чикаго. Для поимки его организуется теперь цѣлая экспедиція. Кита предполагаютъ привезти на буксирѣ рѣкой Св. Лавренція и помѣстить его на выставкѣ въ особомъ резервуарѣ. (г. в.)

Пространство земли въ Канадѣ считается почти въ 8½ милліоновъ квадратныхъ верстъ, почти на 1 милліонъ болѣе всѣхъ Соединенныхъ Штатовъ вмѣстѣ и въ восемнадцать разъ болѣе Германіи. Вотъ куда должны быть направляемы европейскіе переселенцы.

Искусственное окрашиваніе цвѣтовъ. Въ витринахъ парижскихъ цвѣточныхъ магазиновъ появились цвѣты совершенно особой окраски,—гвоздика ярко-зеленаго цвѣта.

Способъ окрашивать цвѣты въ зеленый цвѣтъ еще въ 1875 году открылъ М. Филонъ. Для этого достаточно погрузить ихъ въ сѣрный эфиръ, къ которому прибавлено немного амміака (около 1/10 всего объема). Герань, гвоздика, красная и розовая розы, погруженные въ этотъ растворъ, тотчасъ же получаютъ зеленую окраску темномѣднаго оттѣнка.

Окрашенные, однако, такимъ образомъ цвѣты почти тотчасъ же вянутъ и не могутъ сохраняться въ букетахъ. Такому увяданію не подвергается только гвоздика, окрашенная воднымъ растворомъ анилиновыхъ красокъ, проникшихъ въ цвѣтокъ по капиллярнымъ сосудамъ цвѣточного стебелька.

Нѣсколько цвѣтовокъ зеленой анилиновой краски, извѣстной въ продажѣ подъ именемъ малахитовой зелени, растворенныя въ водѣ, даютъ послѣ легкаго взбалтыванія очень яркій зеленый цвѣтъ. Въ приготовленный такимъ образомъ растворъ погружаютъ стебельки гвоздики, сдѣлавъ на нихъ предварительныя нѣсколько небольшихъ надрѣзовъ для болѣе легкаго проникновенія раствора; по прошествіи 12 часовъ бѣлые лепестки цвѣтка уже начинаютъ окрашиваться въ зеленый цвѣтъ; черезъ 48 часовъ весь цвѣтокъ — совершенно зеленый. Окраска производится еще быстрее у бѣлой сирени, которая превращается въ зеленую въ одну ночь.

Этотъ способъ окраски представляетъ интересъ также и въ научномъ отношеніи: фактъ проникновенія красящей жидкости въ стебелекъ и поднятія ея въ лепестки цвѣтка служитъ нагляднымъ доказательствомъ протѣкающаго постоянно въ растеніяхъ процесса всасыванія и поднятія соковъ по капиллярнымъ сосудамъ. Описанный здѣсь способъ искусственнаго окрашиванія былъ открытъ совершенно случайно: одна цвѣтощица, дѣлавшая искусственные цвѣты, бросила однажды въ воду, въ которую поставленъ былъ букетъ изъ натуральныхъ бѣлыхъ гвоздикъ, кусочекъ зеленой анилиновой краски, употребившейся ею для окрашиванія вѣничковъ въ искусственныхъ цвѣтахъ. На другой день она, не безъ удивленія, замѣтила, что лепестки бѣлой натуральной гвоздики покрылись зелеными пятнами.

Ш. Жираръ (Ch. Girard), ученый директоръ муниципальной химической лабораторіи, изслѣдовавъ эти цвѣты, тотчасъ-же появившіеся въ продажѣ, не замедлилъ разоблачить способъ ихъ фабрикаціи.

Подобными же способами можно получить и голубые и розовые цвѣты очень красиваго вида. Очень любопытны опыты, произведенныя въ этомъ отношеніи Гастономъ Тиссандье.

Стебель бѣлой сирени бытъ погруженъ въ водный растворъ эозина (d'éosine), налитого въ стеклянный сосудъ; по прошествіи 12 часовъ, бѣлая сирень получила прелестный блѣдно-розовый оттѣнокъ; такъ же окрашиваются жасмины и нарциссы. При употребленіи воднаго раствора голубой метиленовой краски удавалось получить голубую сирень.

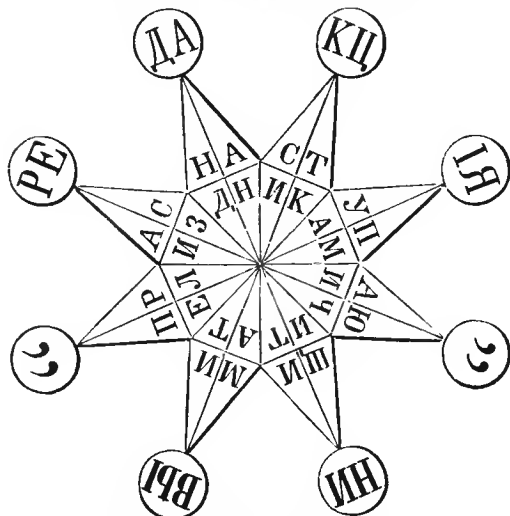
Когда цвѣтовокъ окрашенъ, его вынимаютъ изъ раствора, вымываютъ стебелекъ и ставятъ въ воду; какъ это дѣлаютъ съ обыкновенными букетами цвѣтотъ. Бѣлая сирень окрашивается очень легко, и съ очень небольшими поддержками. Съ помощью метиленовой синьки и эозина, можно получить прехорошенькій трехцвѣтный букетъ. Изъ анилиновыхъ красокъ малахитовая зелень даетъ самые лучшіе результаты. Ею окрашиваются не только бѣлые, но и другіе цвѣты. Отъ этой краски желтые жонкилы превращаются въ зеленовато-желтые жонкилы очень страннаго вида; фіолетовые анемоны становятся голубыми.

Интересно было бы вырывать краски, о которыхъ мы говорили, въ ростки цвѣтотъ еще сидящихъ въ землѣ; можетъ быть, удалось бы такимъ способомъ заранее окрашивать будущіе цвѣты этихъ растеній: опустивъ, напримеръ, голубую краску въ стебелекъ растущей розы, получили бы фіолетовые цвѣты. Здѣсь открывается обширное поле для изысканій и опытовъ.

(г. в.)

Сеидъ Абдуль-Ахатъ-Ханъ, эмиръ Бухарскій. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Рѣшеніе задачи „Звѣзда“.
(помѣщенной въ № 52 за 1892 г.)

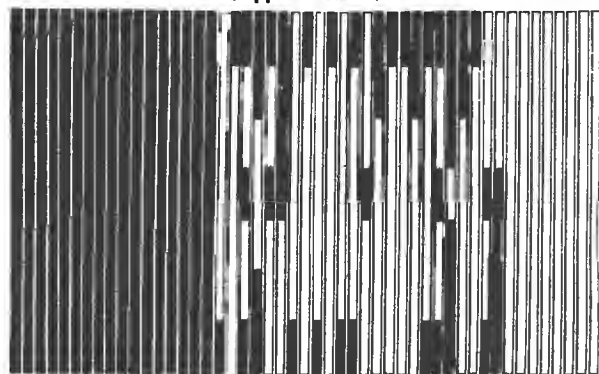
Слова: 1) Виллы, 2) Корецъ, 3) Юшя, 4) Ружье, 5) Нырки, 6) Дрова.

Съ наступающими праздниками.

читатели!

Редакция „Нивы“.

Задача № 1.

Данные 49 брусковъ сложить такъ, чтобы на нихъ можно было прочесть слово.

СОДЕРЖАНИЕ: Пѣвецъ. Стихъ Д. Мережковского. — Джеттатура. Новѣсть графа Е. А. Саласа. — „Неразлучное“. Разсказъ Николая Днѣпровскаго. — Литературныя бесѣды. И. А. Гоичаровъ. (Литературный характеристика). — Новогодніе планы молодой дѣвушки. Съ англійскаго М. Шеддингъ. — Огненный змѣй. (Опытъ объясненія одного изъ народныхъ повѣрій). Очеркъ проф. В. Алеминина. — Въ рисункахъ: Лѣсъ. Офортъ Шишнина (съ рис.). — Литературный альбомъ. „Гаральдъ“, баллада В. А. Жуковского (съ рис.). — Гаданье (съ рис.). — Боярышня (съ рис.). — Въ Назначенствѣ. Выдача пенсіи въ началѣ мѣсяца (съ рис.). — Въ ночь подъ Новый годъ (съ рис.). — Китайскія золотыя флейты для голубей (съ 2 рис.). — Морской орелъ и щука (съ рис.). — Архитектурная выставка (съ рис.). — Д. Д. Соколовъ, директоръ Института гражданскихъ инженеровъ Императора Николая I (съ портр.). — 50-лѣтіе Института гражданскихъ инженеровъ Императора Николая I (съ рис.). — Сеидъ Абдуль-Ахатъ-Ханъ, эмиръ Бухарскій (съ портр.). — Политич. обзоръ. — Искусство. — Сибирь. — Задача и рѣшеніе задачи. О подпискѣ на „Ниву“ 1893 г. — Объявленія. При семъ № прилагаются: 1) СБОРНИКЪ „НИВЫ“ за ЯНВАРЬ. 2) СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1893 г., печатанный красками. 3) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ЯНВАРЬ 1893 г. съ 30 рис. и отд. листъ съ 28 черт. выроемъ въ натур. велич. и 36 рис. рукод. работъ.

Издатель А. Ф. Маонсъ.

Редакторъ Ки. М. Н. Волковскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ литературы, политики и современной жизни

„НИВА“ 1893 г.

со многими бесплатными приложеніями и преміями.

Гг. подписчики «НИВЫ» получаютъ въ теченіе 1893 года:

52 №№

художественно-литературнаго журнала „Нива“, въ каждомъ № отъ 6—10 рис. и въ теченіе года около 1500 столбцовъ текста.

12 КНИГЪ

ежемесячнаго бесплатнаго литературнаго приложенія, подъ заглавіемъ „СБОРНИКЪ НИВЫ“, содержащихъ въ себѣ романы, повѣсти, рассказы, популярно-научныя статьи и проч. лучшихъ современныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей, изъ коихъ три книги (за АПРѢЛЬ, АВГУСТЪ и ДЕКАБРЬ) будутъ заключать въ себѣ собранія сочиненій

**М. В. Ломоносова,
Императрицы Екатерины II и
Д. И. Фонъ-Визина.**

Каждое собраніе сочиненій будетъ дано въ отдѣльномъ томѣ, подъ редакцію А. И. Введенскаго, съ портретами авторовъ гравированными на стали.

ГЛАВНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРЕМІЯ:

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ „НИВЫ“, заключающій въ себѣ:

10 КАРТИНЪ

исполненныхъ fac-simile по картинамъ извѣстѣйшихъ художниковъ, а именно: 1) „РУССКАЯ МОЛОДИЦА“, академика С. Ѳ. Александровскаго; 2) „ВЕЧЕРЪ НА НЕВѢ“, А. К. Бенгрова; 3) „ЗАПОРОЖЕЦЪ“, С. И. Ва-

сильковскаго; 4) „НАХОДКА“, Н. Н. Каразина; 5) „ЦАРЕВНА СОФІЯ ПОЛУЧАЕТЪ У ТРОИЦЫ ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ГОЛИЦЫНА“, К. В. Лебедева; 6) „ЮДИВЪ“, профессора Ганса Манарта; 7) „У ОКОЛИЦЫ“, профессора К. Е. Мановскаго; 8) „ГЕТМАНЪ“, И. Е. Рѣпина; 9) „ОХОТА НА ВОЛКА“, профессора Н. Е. Сверчкова; 10) „НА БАШТАНѢ“, академика К. А. Трутовскаго. Размѣръ картинъ 10 вершк. вышины и 8 вершк. ширины. Картины разошлются въ изящной напѣ, украшенной акварелью художника Н. Н. Каразина.

12 №№ бесплатнаго ежемѣсячнаго приложенія „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“, содержащихъ до 500 модныхъ гравюръ.

12 ЛИСТОВЪ

бесплатнаго ежемѣсячнаго приложенія рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ (около 600) и до 400 чертеней выкроекъ въ натуральную величину.

„СТѢННОЙ календарь“ на 1893 г. печатанный красками.

Въ прилагаемомъ при этомъ № Сборникѣ за Январь помѣщено послѣднее посмертное произведеніе

Ив. А. ГОНЧАРОВА.

Подписная цѣна см. на 1-й страницѣ.

Требованія просятъ адресовать въ С.-Петербургъ, въ главную контору журнала „НИВА“ (А. Ф. МАРКСУ), Невскій пр., № 6.

Каждый новый подписчикъ, когда-бы ни подписался, получаетъ всѣ вышедшіе №№ „НИВЫ“ со всѣми приложеніями, СБОРНИКОМЪ и пр.

РАЗСРОЧКА ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ за „НИВУ“ 1893 года допускается на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Въ два срока: При подпискѣ вносится 4 р. и къ 1-му Іюня 1893 г. 3 р.

2) Въ три срока: При подпискѣ вносится 3 р., къ 1-му Мая 1893 г. 2 р. и къ 1-му Августа 1893 г. 2 р.

При аккуратной высылкѣ взносовъ, журналъ будетъ высылаться со всѣми приложеніями и преміями—НАРАВНѢ съ годовыми подписчиками.

При коллективной подпискѣ гг. служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка и на болѣе льготныхъ условіяхъ (по особому соглашенію съ Редакціей), но за поручительствомъ казначеевъ или управляющихъ.

Только что вышло изъ печати и поступило въ продажу новое изданіе А. Ф. МАРКСА, въ СПБ.:

ИСТОРИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ И ПОВѢСТИ

П. Н. ПОЛЕВОГО,

украшенные множествомъ оригинальныхъ рисунковъ и виньетокъ художника

К. В. ЛЕБЕДЕВА.

Рисунки художника К. В. Лебедева, нашего извѣстнаго иллюстратора и большого знатока русской художественной старины, представляютъ собою 24 эстампа на мѣди и множество мелкихъ, въ высшей степени характерныхъ виньетокъ въ текстѣ, воспроизведенныхъ съ величайшимъ мастерствомъ совершеннѣйшими изъ современныхъ способовъ передачи художественнаго рисунка. Авторомъ книги П. Н. ПОЛЕВЫМЪ, глубокимъ знатокомъ нашего историческаго прошлаго, въ этой книгѣ собраны лучшіе изъ его историческихъ рассказовъ и повѣстей, живописующихъ домашній бытъ, нравы, обычаи и семейную жизнь нашихъ предковъ. Каждая страница этихъ рассказовъ проникнута ленимъ пониманіемъ характеровъ и типовъ древней Руси и полнымъ искреннимъ желаніемъ возвеличить имена тѣхъ дѣятелей, которые явились горячими защитниками православія и русской народности...

Цѣна этой книги, въ виду ея значительнаго объема (болѣе 450 стр., большого 8го) и роскошнаго изданія, назначается нами весьма умеренная: 5 р., съ пересылкой 5 р. 80 к.; въ красивомъ переплетѣ 6 р., съ пересылкой 7 р.

Для любителей роскошныхъ изданій мы напечатали особо „50 нумерованныхъ экземпляровъ“ на голландской бумагѣ. Въ этихъ экземплярахъ всѣ 24 эстампа на мѣди отпечатаны на китайской бумагѣ. Цѣна этихъ нумерованныхъ экземпляровъ 25 руб., съ перес. 26 руб.; въ роскошномъ полушпигелевомъ переплетѣ 28 руб., съ перес. въ ящикѣ 30 руб.

Съ требованіями обращаться въ контору журнала „Нива“, Невскій пр., № 6.

Государь Императоръ, по всеподданнейшему докладу Министра Внутреннихъ Дѣлъ, въ 26 день минувшаго ноября Высочайше соизволилъ на открытіе повсемѣстной по Имперіи подписки, для сбора пожертвованій въ пользу погорѣльцевъ м. Мира, Минской губ., вѣдѣнаго опустошеніемъ пожаромъ 9 августа сего года.

Учрежденный по распоряженію г. Минскаго Губернатора Комитетъ для сбора и распредѣленія означенныхъ пожертвованій, имѣетъ честь просить пожертвованій адресовать въ г. Новогрудокъ, Минской губ., въ Комитетъ по сбору пожертвованій въ пользу погорѣльцевъ м. Мира.

Предсѣдатель Комитета
А. Любимовъ.

„НЬЮ-ІОРКЪ“
Общ. Вз. Страх. Жизни.
Фондъ обезпеченія на 1 января 1892 г. Руб. 265.748.783.
Спеціальная гарантія для русскихъ страхователей составляетъ на 1 декабря 1892 г. Р. 2.714.072 23.
Сумма эта хранится въ Госуд. Банкѣ на имя Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. № 5653 (29)
Главн. Уполн. П. П. Меллеръ.

ХОРОШИЯ КНИГИ ПО ЗНАЧИТЕЛЬНО УДЕШЕВЛЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ!

Книжный магазинъ Гросманъ и Кибель. Москва, Петровскія линіи № 13, предлагаетъ въ совершенно новыхъ экземплярахъ: снимки съ картинъ Парижскаго Салона. Figaro Salon 1888 до 1892 года (5 дѣтъ) въ 6-3 руб. за годъ. Отдѣльные выпуски въ 1 р. — 50 к.

Французскіе классики: 1-я серия 9-я за годъ. въ 2 р. 50 к. — 1 руб. (Boileau, Bossuet, Fénelon, La Bruyère, La Fontaine, Pascal, Racine). 2-я серия, большой форматъ, въ 5 по 2 р. 50 к. за томъ. (Barthelemy, Corneille, Courier, Delavigne, La Fontaine, La Harpe, Montesquieu, Rousseau (съ исл.), Stael, Voltaire (съ исл.).

Saint-Pierre, Paul et Virginie av. 182 illustr. de Leloir въ 100 к. переплетъ въ 15 р. — 8 р. Theuriet Nos oiseaux av. 110 illustr. de Giamelli въ 15 р. — 8 р. Theuriet Vie rustique av. 118 illustr. de Lhermitte въ 15 р. — 8 р. D'après François Bouchet. 20 раскрашенныхъ картинъ этого знаменитаго художника въ 15 р. — 8 руб. № 6182

Memoires de Benvenuto Cellini, въ 10 рублѣй.

Goncourt, L'art du XVIII siècle. 2 томъ, въ 80 к. за 40 руб.

Pougin, Dictionnaire du théâtre въ 10 рублѣй.

Veccello. Costumes anciens et modernes. 2 томъ, въ 15 р. за 10 рублѣй.

Le Livre d'or de Victor Hugo въ 28 р.

Thausing. Albert Dürer, въ 20 за 10 р.

Ephrussi. Albert Dürer et ses dessins, въ 30 за 15 руб.

Die goldene Bibel (Das neue Testament) въ 35 за 12 рублѣй.

Album moderner Meister (24 фотографии) въ 30 за 15 руб.

Jaenicke, Grundriss der Keramik въ 25 за 12 р.

Иллюстрированный рождественскій календаръ, а также и календаръ книгъ по личнымъ подпискамъ, доставляемыхъ въ Москвѣ бесплатно; живущихъ въ провинціи просьбы высылать 43 коп. на пересылку этихъ каталоговъ.

Фирма презируется на всеобщихъ выставкахъ дѣтскими золотыми медалями и высшими знаками.

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ.
Косметина А. ЭНГЛУНДЪ.

Для чистоты и свѣжести лица: лицо остается всегда чистымъ. Цѣна банки 1 р. съ перес. 1 р. 50 к. Для предупрежденія подблѣкъ, прому обратитъ вниманіе на подписку А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли антикварскими товарами, Казанская, 12, и во всѣхъ вѣдѣмыхъ антикварскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи. — Главн. складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Баебейная ул., д. № 2.

**ЗА 5 РУБ.
ЗА 10 РУБ.**

КРАСИВО ПИСАТЬ (исподрукомъ лекцій корреспонденцій) въ 10 уроковъ. **ЗА УСПѢХЪ ГАРАНТІЯ.** Подробное объясненіе преподаванія высылается за 3 семимѣсячныя марки. Ш. № 6051 (3)

ДВОЙНОЙ ИТАЛІАНСКОЙ БУХГАЛТЕРІИ

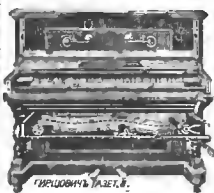
обучаю ИНОГОРОДНЫХЪ вполнѣ и основательно въ 2-3 мѣсяца. При окончаніи выдаю ученику СВИДѢТЕЛЬСТВО. Адресъ: Москва, Покровка, д. дѣр. Іоанна Предтечн, у Земл. пата. Учит. налгир. и бухгал. А. С. Шиманскому.

**ШЛИННОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
Н. ИГНАТОВОЙ и К^о.**

Изготовляютъ по заказамъ для модныхъ магазиновъ новыя кастаноры и соломенные дамскія и дѣтскія шляпы по послѣднимъ фасонамъ, а также переделываются старыя шляпы и чистятся.

Всегда имѣются для продажи готовые безъ отдѣлки дамскія и дѣтскія насторояныя и соломенные шляпы, а также икры, цвѣты, ленты, перья, ластики, карнасы, марлевая формы и тѣль для формъ, булавки и проч.

Москва, Рождественка, Нижній Кисельный пер., д. Владычскаго Тонарищ., кв. № 6-й.

МЕХАНИЧЕСКІЯ ПІАНИНО

на которыхъ руками можно играть какъ на обыкновенномъ пианино, а также посредствомъ верченія ручекъ исполнять артистически всѣ танцы, русскія пѣсни и оперныя пѣсни, цѣною въ 600, 650, 750, и 850 руб., рекомендуютъ

І. Ф. МЮДЛЕРЪ, 4-3

Москва, Петровка, домъ Волкова. Требуется иллюстрированный прейсъ-курантъ. Ш. № 5970

PAPIER FAYARD et BLAYN

Пластираль бумага, разрѣшенная Медицинскимъ Департаментомъ. Требуется съ этикетками Fayard et Blayn. Имѣются во всѣхъ лучшихъ аптекахъ. № 598 (16-8)

**ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ.**
Невскій просп. № 42. С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Рекомендуетъ часы собственнаго производства ПРУССКОЙ СИСТЕМЫ. Лицамъ, которымъ точный и вѣрный съ тѣмъ недорогой измѣритель ВРЕМЕНИ, составляетъ существенную необходимость, ручательство за вѣрность хода и прочность механизма на четыре года. ИЛЛЮСТРИРОВ. ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

ВАЖНО ДЛЯ МАТЕРЕЙ.

Вновь усовершенствованный профессоромъ Соколетомъ въ Вѣнѣ, аппаратъ для кипяченія и

СТЕРИЛИЗАЦИЯ МОЛОКА

есть одно изъ необходимыхъ приобрѣтеній для каждой матери. Онъ служитъ для безусловнаго уничтоженія всѣхъ болезнетворныхъ микро-организмовъ, какъ въ молокѣ, такъ и въ искусственныхъ смѣскахъ, употребляемыхъ для кормленія дѣтей. Печатное подробное описаніе раздается и высылается желающимъ безвозмездно и аппараты продаются по крайне пониженнымъ цѣнамъ.

ВЪ ГИГИЕНИЧЕСКОМЪ ОТДѢЛѢ МАГАЗИНА

Р. КЕЛЕРА и К^о, въ Москвѣ. Ш. № 6177

**АНГЛІЙСКІЕ
ДУХИ ВЫСОКАГО ДОСТОИНСТВА
ПРОБНЫЙ ФЛАКОНЪ 10 КОП.**
Парфюмерн. магазинъ Г. ПЮПА. Пассажъ № 52. С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
НАЗВАНІЕ ЛУЧШИХЪ ДУХОВЪ:

Зесь букетъ Жюкей клубъ Букетъ Императрицы Илангъ-Илангъ Майскій-Ландышъ Бѣлый геліотропъ. Бѣлая лилія Сирень перс. Лягушка Фаліа	Віолетъ де Парма Роза Люби меня Стенлей букетъ Iris Эдельвейсъ Жасминъ Ополонакъ Шипръ Букетъ де Царь	Бѣлая роза Милль-Флеръ Акація Гацинтъ Киссъ ме кивикъ Испанская кожа Свѣжее сѣно Черемуха Lilas Heuri Lotus.
--	--	---

ПРОБНЫЕ ФЛАКОНЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ НЕ МЕНЬШЕ 10 ФЛАКОНОВЪ ЗА 1 р. 40 к. съ пересылкой во всѣ города Россіи. (иномъ СИБИРИ.)

ФОТОГРАФИИ **ЛѢЧЕБНИЦА**
Студія, изъ жизни, и по моделямъ „Beautés“ и пр. — Самая большая и прекраснѣйшая коллекція въ мірѣ. Богатая образованная послѣдняя высылается за 5 р. Каталогъ, по 20 к. для страдающихъ ЗАПКАПЕМЪ и другимъ **Adolf Estinger Kunstverlag. Wien I. Hauptpostfach.** Корреспонденція: на нѣм., франц. вторн. и четв. отъ 10-ти час. утра до 1 ч. в. англійск. въ. № 6073 (8) див. Москва, Никитскій бул., д. Прибылова

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Ромъ-хрон. XVIII в. Вс. Соловьева. (116. Изд. 2-е. II. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.)

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ. Вс. Крестовскаго. П. Павлора „Петербургскіе Трубочки“. 3-е изданіе II. I р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

**ВЫБОРЪ
ИЗЪ
ШЕЛКОВЫХЪ
ТКАНЕЙ.
БАРХАТА И ПЛЮША
ВЪ РОЗНИЧНОМЪ МАГАЗИНѢ
БР. С. Г. ШЕЛАЕВЫХЪ
ВЪ МОСКВѢ.
ПАСАЖЪ СОЛОДОВНИКОВА,
№ 65, 66.**

С.-Петербургъ, Гостиный дворъ, Волыная Суровая линія, № 134. Продажа безъ запроса. Образцы высылаются Ш. № 6052 безплатно. 2-2

**Велосипеды англійскаго завода
„Гумберъ и К^о. Лмтд.“
лучшіе въ свѣтѣ!
предлагаютъ торговый домъ
Г. ЖЕМЛЮЧКА и К^о.
Москва, Неглинный просп., домъ Блжнній. Прейсъ-куранты — безплатно.**

**НОВЫЕ АНГЛІЙСКІЕ ДУХИ
Crab-Apple Blossoms**
эстра-концентрированы. Съ освежающимъ приятнымъ запахомъ, долго не выдыхающимся, и поэтому весьма экономные при употребленіи. Достаточно несколькихъ (3) капель. № 5970
Приготовилъ исключительно **THE CROWN PERFUMERY CO.**
177 New Bond Str. London. Продажа у всѣхъ главныхъ парфюмеровъ.

**МЫЛО
ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
ПРОВИЗОРЪ
А. М. ОСТРОУМОВА**
КУСОКЪ 30 КОП. ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
ДВОЙНОЙ КУСОКЪ 50 КОП.

Новое дѣтское изданіе Ф. Павленкова:
ПОДРУЖКА.
Книжка для маленькихъ дѣтей. Составила Востромъ. Съ 130 рис. Ц. 75 коп. Въ продажѣ 1 р. Въ переплетѣ 1 р. 30 к. Продаются у всѣхъ книгопродавцевъ, Главн. складъ въ книжномъ магазинѣ П. Лукошкова. (СНБ. Лент. пер., 2). М. № 61-8

**САМЫЙ
ОБШИРНЫЙ въ РОССІИ
СКЛАДЪ
ДѢТСКИХЪ КНИЖЕКЪ
и ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ
ПРОБНЫХЪ ДОМЪ
М. Блокъ**

ВѢСТНИКЪ Иностранной Литературы на 1893 г. съ доставкой и пересылкою **4 руб. въ годъ за 12 книгъ.**
Годъ 3-й. ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ. Подробное объявленіе высылается по требованіямъ немедленно, БЕЗПЛАТНО, а пробный № за 35 коп. марками. ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, въ Редакціи, Вѣрская, 16, соб и въ Конторѣ, Гостиный дворъ. Магазинъ Паштелева, № 63.

КРЫШКИ

для переноса, «НИВЫ», из лучшего английскаго колленора, съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками, на 1892 годъ, по необыкновенному образцу, 1 р., съ перес. 1 р. 60 к.

ФРАНЦУЗСКАЯ АЗБУКА

Чтеніе и Писмо.

Разговоръ по новому способу.

Съ 33-ми рисунками. Цѣна 50 коп.

Составилъ П. Мозеръ.

Складъ книгъ: Москва, Кузнецкій мостъ, Учебный магазинъ „Начальная Школа“ Е. П. Тихомировой. П. № 6184

СИБИРСКОЕ ТРИКО

чистой новой шерсти, 2 арш. ширины, отъ 1 р. 35 коп. арш., сукно (неворова), 1 р. 35 коп., по прочности и дешевизнѣ незаменимы для костюмовъ домашнихъ, рабочихъ, пошеи, охотничьихъ, для гг. чиновниковъ, контористовъ, техниковъ, земледельцевъ, врачей и проч.

Погороднымъ высылаются образцы и исполняются порученія на особые алыотныхъ условияхъ.

Магазинъ: СПб., Владимирская, № 6; Васил. Остр., 4-я линия, домъ 58; Рига, Вольн. Поняя улица, 15. № 653 10-9

НИШУАЛІА МАШИНА 25-7

РЕМИНГТОНА № 5

„НОВѢЙШАЯ ИЗЪ ВСѢХЪ СУЩЕСТВУЮЩИХЪ СИСТЕМЪ“

признана лучшей въ свѣтѣ. Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министертвахъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежденій, высылаются бесплатно. № 5996 Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва, С.-Петербургъ, Варшана, Одесса, Екатеринбургъ, Кокандъ.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ и НОТЪ

С.-Петербургъ, Большая Морская, № 34 и 40 Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарыина

рекомендуетъ въ большомъ выборѣ, по крайне умѣреннымъ цѣнамъ и лучшаго достоинства.

СКРИПКИ

по 2, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дорожѣ.

Смычки для скрипки по 50 к., 1 р., 1 1/2, 2, 3, 5, 10, 15, 20, 30 и 60 р.

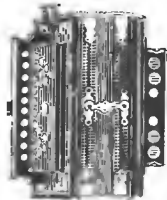
Футляры для скрипки по 3 1/2, 5, 7, 10, 15, 25, 40 и 60 р.

СТУПЫ, капиюды и всѣ другія принадлежности. Скрипки 3/4, 1/2 и 1/4 величины для дѣтей по тѣмъ же цѣнамъ и въ больши.

ВИОЛОНЧЕЛИ

по 20, 35, 50, 75, 100, 150 и 200 руб.

Смычки для виолончели по 2, 4, 6, 10, 15, 30 и 60 р.

ГАРМОНИИ

фабрики Кальбе, лучшія въ мірѣ:

Однорядныя въ 4, 5, 5 1/2, 6, 7, 7 1/2, 8, 8 1/2, 9, 10, 11, 12, 15, 20 и 25 руб.

Двухрядныя въ 12, 14, 15, 16, 18, 20, 25, 28, 30 р. и вишкія въ 22 руб.

Трехрядныя въ 60 р. и вишкія въ 30, 50 и 75 р.

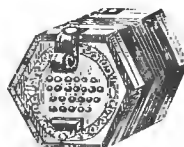
Губныя гармоніи по 30, 50 к., 1 р. и до р.

ГИТАРЫ

по 3, 5, 7, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 75, 100 и 125 р.

Гитары отъ 7 р. и дорожѣ имѣютъ механизмъ для струнъ).

АНГЛИЙСКАЯ КОНЦЕРТИНО

по 24, 30, 40, 55, 70, 85, 100, 125, 140, 160, 200 и дорожѣ.

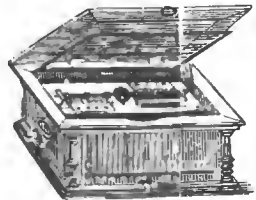
НАРОДНЫЙ ГАРМОНИФЛЮТЪ

въ 5, 17 и 23 р.

ПИАНО-МЕЛОДИКО.

Механическій музыкальный инструментъ со струнами, оригинально пѣвучій тонъ, похожій на тонъ оркестра изъ мандолинъ. Цѣна безъ нотъ 80 р. Ноты по 70 к. за метръ (=1 1/2 арш.).

СИМФОНІОНЫ

Съ ручкой, безъ нотъ 6 р. Ноты по 35 к.

Заводной, 40-тонн., безъ нотъ 16 руб. Ноты по 35 к.

Заводной, 60-тонн., безъ нотъ 30 руб. Ноты по 60 к.

Заводной, 84-тонн., безъ нотъ, 45 руб. Ноты по 75 к.

Заводной, 84-тонн., „Sublime Harmonie“, безъ нотъ 80 р. Ноты по 1 р.

Заводной, 100-тонн., „Sublime Harmonie Piceolo“, безъ нотъ 125 р. Ноты по 1 р. 50 к.

Новосты! Часы съ музыкой (съ механизмомъ въ 10-тонн., 15-тонн., 20-тонн., 25-тонн., 30-тонн., 40-тонн., 50-тонн., 60-тонн., 70-тонн., 80-тонн., 90-тонн., 100-тонн.), безъ нотъ, 250 р. Ноты по 1 р. 50 к.

Только что поступилъ въ продажу полный томъ

„НИВЫ“ 1892 г.

заключ. въ себѣ массу гравюръ и рисунковъ и болѣе 1,500 столбцовъ текста, состоящаго изъ множества романовъ, повѣстей, разсказовъ, стихотвореній, популярно-научныхъ статей и между прочимъ слѣдующихъ капитальныхъ произведеній: „Изъ приключеній Горуника въ Италію“, разск. А. Н. Майкова, „Служитель Бога“, истор. ром. въ 2 част. Гр. Е. А. Саласа, „Стратокъ Стебельцынъ“, пов. С. Н. Терпигорева (С. Атавы), „На берегахъ Невы и Темзы“, больш. ром. В. П. Желиховской, „Дора“, пов. Вас. И. Немировича-Данченко, „Зѣло до-садительное дѣло“, больш. истор. разск. П. Н. Полевого, „На Сикеморскихъ буграхъ“, ром. В. П. Желиховской, „Тюлений островъ“ (драма на морѣ) А. Я. Максимова и проч., и проч.

Къ этому тому бесплатно прилагается:

1) Двадцать большихъ книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, состоящихъ изъ романовъ, повѣстей, разсказовъ, стиховъ, научн. статей и между прочимъ слѣдующихъ выдающихся произведеній: очеркъ И. А. Гончарова, повѣсть Д. В. Григоровича, ист. разск. Сизова, разск. Г. П. Даклевскаго, разск. Н. Д. Маслова, разск. Вас. И. Немировича-Данченко, пов. кн. М. Н. Волконскаго, разск. П. Н. Полевого, пов. П. Д. Боборыкина, разск. гр. Е. А. Саласа, разск. И. Н. Потапенко, разск. Н. С. Лѣскова, разск. И. Щеглова, разск. кн. М. Н. Волконскаго и пр. Стихотворенія: А. Александрова, В. Величко, Д. Мережковскаго, К. Фофанова и др. Научная лѣтопись, задачи, игры, бібліографія, смѣсь и пр.

Четыре изъ этихъ книгъ заключаютъ въ себѣ полныя собранія сочиненій: И. И. Козлова, А. С. Грибоѣдова, А. И. Полежаева и А. В. Кольцова.

Каждое собраніе сочиненій издано въ видѣ отдѣльныхъ, совершенно самостоятельныхъ томовъ, съ портретами авторовъ, гравированными на стали Ф. А. Брокгаузомъ.

2) Художественный альбомъ „НИВЫ“, заключающій въ себѣ: исполненныхъ fac-simile по оригиналамъ 10 КАРТИНЪ, извѣстнѣйшихъ художниковъ, а именно: Айвазовскаго, Бекуа, Боголюбова, Дмитріева-Орехбургскаго, Зихеля, Котляревскаго, Кошелева, Лагорио, Маковского, Навозова. Размѣръ картинъ 10 верш. вышины и 7 1/2 верш. ширины. Картины выдаются въ изящной папкѣ, украшенной акварелью акад. С. Александровскаго.

3) 12 №№ ежемѣсячнаго приложения „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“, содержащихъ до 500 модныхъ гравюръ.

4) 12 ЛИСТОВЪ ежемѣсячнаго приложения рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ (около 600) и до 400 чертежей выкроекъ въ натуральную величину.

Цѣна полному экземпляру „НИВЫ“ со всѣми приложениями 5 р. На пересылку слѣдуетъ прилагать за 22 фута по почтовой таксѣ. Желающіе имѣть изданіе въ роскоши, колленор. переплетѣхъ, благополучно сверхъ этого прилагать: за переплетъ тома „НИВЫ“ 1 р. 50 к. и за 7 перепл. на „Сборникъ“ (3 перепл. на „Сборникъ“) и сочиненія Козлова, Грибоѣдова, Полежаева и Кольцова (4 перепл.) 1 р. 75 к. Пересылка переплетенныхъ экземпляровъ производится въ лѣткахъ, за которые взимается по 75 к. Такимъ образомъ переплетенный экземпляръ „НИВЫ“ за 1892 г. со всѣми приложениями, въ лѣткѣ, обойдется 9 р. Пересылка на счетъ заказчика.

А. Г. РУТЕНБЕРГЪ

въ Ригѣ

А. Г. РУТЕНБЕРГЪ въ Ригѣ
ПЕРВАЯ СИГАРНАЯ ФАБРИКА въ РОССИИ
СУЩЕСТВУЕТЪ СЪ 1839 ГОДА

Рекомендую новѣйшіе препараты высшаго качества моего собственнаго изобрѣтенія.

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

Шведскій зубной эликсиръ. фл. 80 к.
Шведскій зубной порошокъ кор. 50 к.
Шведская зубная паста. кус. 30 к.
Шведская амальгамовая вода фл. 75 к.

Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи.

Главный складъ: Демидовъ пер., № 1. СПб. Парфюмеръ І. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

НОВАЯ КНИГА: СПУТНИКЪ МЕЛЬНИКА-МЕХАНИКА.

Собраніе правилъ, таблицъ и практическихъ свѣдѣній для мельниковъ, строителей и владѣльцевъ мельницъ, монтеровъ и т. д. Сочиненіе С. Нотовича. Цѣна въ колленоровомъ переплетѣ 3 руб. 50 к., въ кожѣномъ - 3 р. 75 к., безъ перепл. 3 р. Изящное адресуютъ: Въ складъ мельничныхъ машинъ С. Нотовича въ Одессѣ, Базарная, № 66. Книга поступила также въ продажу въ книжныхъ магазинахъ „Новое Время“ и др.

П. № 5933 20-6

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИЖЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и Выдашь 9 ниверъ 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕН. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1893 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. №. 6.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
стороню нонпарейль (1/4 шир.
стр.) въ Глав. Кон. Ред. по
1 руб. — Загран.: для Франціи
у Agence Havas по 3 fr. для
Австр., Герман. и Швейц. у Ru-
dolf Mosse по 2 марк 50 pf.

Безъ доставки въ Не-
тербургъ 5 р.

Съ доставкою въ Не-
тербургъ 6 р. 50 к.

За границу, съ пересылкою 10 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Истровск. Торг. линіи. 6 р.

Съ пересылкой въ Москву
и другіе города Россіи . . . 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ СПб. 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.; на 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ СПб. 3 р. 50 к.,
съ перес. иногородн. 3 р. 50 коп.

Торговля хлопкомъ въ Россіи. Центральный базаръ (въ г. Андижанѣ, Ферганской области). Съ фот. Полонскаго, грав. Шлипперъ.

Джеттатура.

Повѣсть графа Е. А. Салиаса.

(Продолженіе).

IV.

Вечеромъ того дня, когда кавалеръ ди-Аволю посѣтилъ и удивилъ Таванна, площадь Св. Марка и всѣ улицы Венеціи были еще болѣе оживленны, шумны и переполнены толпами...

Казалось, венеціанцы — и патриции, и простой народъ—рѣшили совсѣмъ не ложиться спать въ ожиданіи торжества появленія Французскаго короля.

На углу площади, предъ базиликой и близъ главной улицы, Мерсеріи, подъ самой башней, гдѣ громадная машина двигаетъ двумя стрѣлками по циферблату, отбиваетъ гулко часы и оглашаетъ всѣ улицы и лагуны звучными мелодіями и воинственными маршами, помѣщалась лучшая и любимѣйшая въ городѣ „confiteria“, подъ выѣской, т. е. подъ изображеніемъ большого золотого льва.

И днемъ, и ночью — всегда бывалъ „Золотой Левъ“ переполненъ своими обычными и случайными посѣтителями. Здѣсь выпивалась всегда масса всякихъ напитков, проглатывалось страшное количество льдистаго мороженаго и сибѣгоподобнаго „granato“. Здѣсь же всегда шла безостановочная борьба во всевозможныя игры.

Карты, домино, бирюльки, кости, шашки и шахматы — все имѣло здѣсь своихъ приверженцевъ, представителей и часто замѣчательныхъ искусниковъ, перѣдко славившихся на всю Адриатику, на весь Аппенинскій полуостровъ и даже за предѣлами его...

На этотъ разъ „Золотой Левъ“ былъ биткомъ-набитъ, а вокругъ него по площади большимъ полукругомъ размѣстились гости на маленькихъ табуретахъ близъ маленькихъ столовъ... Нѣкоторые разсыпались просто по землѣ, сидя на коврахъ, по-турецки поджавъ ноги...

Востокъ былъ не далеко, съ нимъ издавна сносилась Венеція, много враждовала и боролась часто, но мирилась, дружила вновь и невольно перенимала его обычаи.

Такъ, по отношенію къ женамъ и дочерямъ патриции республики прямо подражали сынамъ полумѣсяца. Венеціанки сидѣли вѣчно во дворцахъ своихъ, показываясь только въ окнахъ и на балконахъ, а если появлялись въ гондолахъ, то всегда съ плотнымъ бѣлымъ вуалемъ на головѣ и лицѣ. Если же встрѣчались патриціанки пѣшкомъ въ улицахъ Венеціи, то лишь въ силу особо важнаго случая и крайней необходимости, какъ напримѣръ ради присутствія на торжественномъ богослуженіи въ соборѣ Св. Марка или ради посѣщенія супруги дожа — догарессы.

Конфитерія „Золотого Льва“, ярко освѣщенная тысячами съ потолка разноцвѣтными лампочками и фонариками, разставленными по столамъ, была окружена плотной толпой праздныхъ прохожихъ и зѣвакъ. Одни, наглядѣвшись до-сыта, отходили; другіе ихъ замѣщали...

Внутри конфитеріи и снаружи, равно, почти на всѣхъ столикахъ шла игра... Въ одномъ мѣстѣ стучали костями и домино, въ другомъ щелкали азартно картами... Лишь за нѣкоторыми столиками шла хотя упорная и страстная, но безмолвная и на видъ утрюмая игра. Это были игроки въ шахматы.

Вся Италия, вся Адриатическая республика, вся Венеція — любила и даже особо высоко чтала искусство шахматной игры.

„Игра мудрецовъ!“

Это было имя, присужденное древнѣйшей игрѣ.

На этотъ разъ въ одномъ изъ угловъ конфитеріи

была кучка знатныхъ патриціевъ, сидѣвшихъ полукругомъ около столика, за которымъ два соперника углубились надъ доской съ квадратиками и фигурами изъ слоновой кости двухъ цвѣтовъ. Среди общаго шума, гула и движенія, они одни, человѣкъ семь, будто не замѣчали окружающаго и забыли даже, гдѣ они находятся... Казалось, что между ними совершается что-то важное, чуть не священнодѣйствіе.

На это была впрочемъ особая причина. Одинъ изъ игроковъ, углубленный теперь надъ шахматами, былъ рѣдкій и всегда желанный гость Венеціи, своего рода знаменитость на всемъ полуостровѣ.

Не только почти всѣ посѣтители „Золотого Льва“ знали, кто въ этотъ вечеръ въ немъ пребываетъ, но даже нѣкоторые прохожіе изъ простонародья, оставивъ вливаніе предъ ярко освѣщенной конфитеріей, восклицали изрѣдка:

— Гляди, гляди, — Джакомо пріѣхалъ... Вонъ онъ!

— Гдѣ?

— А вонъ, въ углу. Джакомо Боббіо!

И ни разу не раздался ни одинъ голосъ съ вопросомъ: „кто такой Джакомо Боббіо?“ Если кто и не зналъ этого, то чувствовалъ, что опасно сдѣлать неуважительный вопросъ. Стыдно. Всѣ пожалуй разсмѣются.

Дѣйствительно, толстый и низенькій человѣчекъ, съ круглымъ, красноватымъ лицомъ, совершенно лысый, на видъ лѣтъ пятидесяти, но въ дѣйствительности всего 30-ти-лѣтній, былъ всякому извѣстенъ въ Венеціи.

Джакомо Боббіо, родомъ изъ Вероны и поэтому часто именуемый Giacomo il Veronese, былъ знаменитый шахматистъ.

Уже лѣтъ съ десять никто никогда нигдѣ не только во владѣніяхъ Венеціи, на Твердой землѣ, но нигдѣ на всемъ протяженіи полуострова, не могъ побѣдить Боббіо въ шахматахъ. Онъ игралъ часто противъ десятирехъ, игралъ съ завязанными глазами, держа партію въ памяти или воображеніи, и всегда побѣждалъ.

На этотъ разъ знаменитый Джакомо пріѣхалъ изъ Модены наканунѣ, чтобы поглядѣть на Французскаго короля, быть-можетъ и сразиться съ кѣмъ-либо изъ его свиты, а затѣмъ получить лестное приглашеніе во Францію.

Около полуночи всѣ посѣтители оторвались на минуту отъ своихъ занятій, бесѣдъ, споровъ или питій и мороженаго. Всѣ взоры обратились на новаго посѣтителя.

Въ конфитерію, медленно и гордо выступая, вошелъ высокій господинъ, элегантно одѣтый въ полный черный костюмъ. За нимъ шли два молоденькихъ лака и несли — одинъ его шпагу и перчатки, другой — небольшой ларецъ изъ перламутра, окованный серебромъ. Вошедшій былъ въ маскѣ...

Обычай, долго сохранявшійся въ Венеціи, носить маску на улицѣ уже начиналъ выходить изъ употребленія и замаскированные прохожіе появлялись все рѣже... За то всѣ знатные и высокопоставленные иностранцы, посѣщавшіе Венецію, строго придерживались этого обычая, когда имъ приходилось появляться на гуляньяхъ, въ театрахъ, кофейняхъ или разныхъ гідотто и другихъ увеселительныхъ мѣстахъ.

Вошедшій былъ очевидно важный иностранецъ. Въ конфитеріи тотчасъ же распространился слухъ — простая догадка, что гость, по всей вѣроятности, изъ свиты ожидаемаго на утро короля Франціи.

Незнакомецъ сѣлъ за одинъ изъ столиковъ, а лаки

стали за его стулом. Онъ спросилъ себѣ турецкаго шербета, льду и мятной воды и составилъ себѣ питье. Затѣмъ онъ яркими глазами, блестящими чрезъ дырочки черной бархатной маски, зорко и внимательно осматривалъ и оглядывалъ всѣхъ присутствующихъ. Маска скрывала его лицо лишь наполовину и постоянная топкая усмѣшка подъ вздернутыми усами, надменная и презрительная, невольно бросалась всѣмъ въ глаза. И всѣмъ равно не поправился этотъ замаскированный. Посидѣвъ молча съ четверть часа, незнакомецъ вымолвилъ рѣзкимъ голосомъ:

— Синьоръ Даль-Вермэ!..

Одинъ изъ сидѣвшихъ около Джакомо Боббіо и съ увлеченіемъ слѣдившій за партіей поднялъ голову и, какъ бы очнувшись отъ сна, не зная, называли-ли его дѣйствительно, или онъ ослышался.

— *Illustrissimo, signor Dal-Verme!* снова повторилъ замаскированный посетитель громче и какъ бы подсмѣиваясь. Таковъ былъ отгѣнокъ его голоса.

Названный обернулся, всталъ и приблизился. Это былъ одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ и богатыхъ патрициевъ республики, молодой человекъ двадцати шести лѣтъ, только-что зачисленный на службу республики и назначенный секретаремъ венеціанскаго посольства, вскорѣ отправлявшагося ко Двору Испанскаго короля.

Даль-Вермэ остановился передъ незнакомцемъ, смѣрилъ его съ головы до пятъ, и вдругъ непріятное чувство охватило его всего... Ему чувствовалось нѣчто необъяснимо гадкое и страшное, какъ будто онъ наступилъ на ядовитую змѣю.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ, будто оторопѣвъ.

— Я хочу вамъ сказать, что аллюкція, которую вы сочиняете теперь, очень недурна и вы напрасно тревожитесь. Она понравится и сенатору Джустиніани, и затѣмъ королю и всему Двору Мадрида.

Даль-Вермэ широко раскрылъ глаза.

Его занимала и смущала въ эти дни работа, данная ему посломъ, съ которымъ онъ собирался выѣзжать. Но ни что кромѣ него самого и его прямого начальства не знало объ этомъ. Какъ же могъ говорить объ этомъ незнакомецъ.

Онъ уже хотѣлъ задать ему этотъ вопросъ, когда замаскированный какъ бы бросилъ ему нѣсколько словъ, отъ которыхъ тотъ вспыхнулъ.

— Какая неосторожность и даже наивность уѣзжать и отправляться въ дальній путь человеку, у котораго такая красавица жена... Мало-ли что можетъ случиться въ отсутствіе мужа съ молодой женщиной.

— Съ синьорой Сильвіей Даль-Вермэ ничего случиться не можетъ! холодно отозвался молодой патрицій и, съ презрѣніемъ смѣривъ взглядомъ своего невѣдомаго собесѣдника, хотѣлъ отойти.

— Можетъ-быть... Не угодно-ли вамъ сыграть со мной въ домино? вдругъ вымолвилъ этотъ.

— Зачѣмъ? Вы замаскированы, и я нахожу, что играть...

— Я обещаю снять маску и даже назваться послѣ первой же выигранной вами пассы. Игра — шесть пассъ.

Даль-Вермэ не хотѣлось отрываться отъ наблюдений за игрой въ шахматы, но любопытство узнать, кто этотъ незнакомецъ, имѣющій свѣдѣнія о тайно сочиняемой имъ аллюкціи, т. е. обладающій даромъ провидѣнія, взяло верхъ. Молодой патрицій сѣлъ за его столикъ и приказалъ подать домино.

— Условіе простое: проигравшій всѣ шесть пассъ платитъ сто дукатовъ, заявилъ замаскированный. — Но если я проиграю хотя одну пассу — я сверхъ того снимаю маску, а расчетъ уже будетъ сдѣланъ по очкамъ. Одна лира за очекъ...

— Я согласенъ даже червонецъ за очекъ! отозвался патрицій.

— Нѣтъ. Я не хочу разорять васъ. Вѣдь всѣ пассы будутъ мои!..

V.

Домино были раздѣлены... Началась игра... Съ первой же пассы у незнакомца оказалось меньше очковъ... Съ каждой новой сдачей и пассой сумма очковъ все накапливалась у Даль-Вермэ. И наконецъ послѣ шестого раза въ его записи оказалось болѣе сотни очковъ, что бывало настолько рѣдко, что почти невѣроятно...

Даль-Вермэ досталъ кошелекъ, отсчиталъ червонцы и выговорилъ:

— Посмотримъ еще разъ — чья возьметъ!

— Вы желаете продолжать?.. Предупреждаю васъ, что вы со мною никогда не выиграете...

— Какой вздоръ!

— Никогда!.. Впрочемъ, давайте продолжать, во даромъ, чтобы только доказать вамъ это. Денегъ вашихъ мнѣ не надо. Поэтому мы сыграемъ полдюжины партій на условіе. Если я проиграю хотя одну — я опять-таки обещаю, что сниму маску и назовусь вамъ. Если вы опять проиграете всѣ шесть — вы обязуетесь... Что бы такое?.. Вы обязаны послѣзавтра представить меня красавицѣ Сильвіи, какъ своего побѣдителя... Не бойтесь... *«Neigeux au jeu — malheureux en amour!»* говоритъ французская пословица.

— Это нелѣпый закладъ. Зачѣмъ вамъ знакомиться съ моей женой? Что касается до пословицы — это тоже нелѣпый намекъ.

— Въ васъ говоритъ ревнивецъ-мужъ, собирающийся въ дальнее путешествіе! усмѣхнулся незнакомецъ. — И боящийся этихъ двухъ якобы нелѣпостей.

— Какой вздоръ! воскликнулъ Даль-Вермэ. — Я согласенъ...

Черезъ часъ времени всѣ шесть пассъ были сыграны. Патрицій игралъ сосредоточенно, расчетливо и осторожно и... проигралъ всѣ до одной, оставаясь каждый разъ съ огромнымъ количествомъ очковъ на рукахъ.

— Въ сущности тутъ нѣтъ ничего удивительнаго! выговорилъ Даль-Вермэ, послѣ минутной задумчивости. — Я играю порядочно въ домино, а вы — удивительно расчетливо и умно. Но на этотъ разъ вамъ тоже и везло почти nepостижимо... Это игра все-таки простая. Тутъ многое зависитъ отъ случая. Это не шахматы.

— А вы играете въ шахматы?

— Очень плохо... настолько-же скверно, насколько вотъ синьоръ Боббіо играетъ хорошо, даже дивно.

— Кажется онъ — шахматная знаменитость? улыбнулся кавалеръ. — Это любопытно...

— Джакомо Боббіо непобѣдимъ.

— Какіе пустяки! Охота повторять эту выдумку! разсмѣялся незнакомецъ.

— Что?! воскликнулъ Даль-Вермэ, почти оскорбленный этимъ смѣхомъ — презрительнымъ и грубымъ.

— Я вашему непобѣдимому Боббіо не дамъ взять у меня ни одной партіи.

— О! Это слишкомъ!.. вскричалъ Даль-Вермэ на всю кондитерію такъ громко, что всѣ обернулись.

И будто желая поймать неизвѣстнаго хвастуна на неосторожномъ словѣ и отомстить за свое поражение въ домино, патрицій смѣясь обратился ко всѣмъ, наполнявшимъ кондитерію:

— Signori... Прислушайтесь... Вотъ этотъ неизвѣстный посетитель сейчасъ мнѣ заявилъ, что онъ можетъ обыграть Боббіо.

Въ разныхъ мѣстахъ раздался искренній смѣхъ.

— Неправда, — я этого не говорилъ! спокойно вымолвилъ замаскированный.

— Какъ не говорили!? вскрикнулъ Даль-Вермэ и вставалъ, хватаясь за шпагу.

Отъездъ Маріи Стюартъ изъ Франціи. Съ карт. Е. Лауффера, грав. Клодъ.

Всѣ со вниманіемъ посмотрѣли на обонхъ. Начинаясь ссора и пахло поединкомъ.

— Вы не точно передаете мои слова, еще холоднѣе вымолвить замаскированный. — Я сказать, сеньоры, обратились онъ ко всѣмъ присутствующимъ, — что я положительно ни одной... понимаю — ни одной партіи сеньору Боббіо не дамъ у меня выиграть.

Въ кондитеріи сразу все оживило... Движеніе и голоса слились въ общій громкій гулъ.

— Какая дерзость!

— Какое самохвальство, благо подъ маской...

— Болтунъ-мальчуганъ!

— Слѣдовало бы его проучить!

Все это и многое еще болѣе рѣзкое, по сказанное тише, раздалось изъ-за всѣхъ столиковъ. Самъ Джіакомо Боббіо невольно оторвался отъ своей партіи и вопросительно озирался кругомъ.

Ему объяснили въ чемъ дѣло...

Боббіо обернулся къ незнакомому гостю въ маскѣ, поглядѣлъ, усмѣхнулся насмѣшливо, съ отѣикомъ добродушнаго презрѣнія, и хотѣлъ было снова занять свои партіи...

Но неизвѣстный гость быстро всталъ, подошелъ къ Боббіо и его партнеру и, сѣвъ около нихъ, выговорилъ глядя на доску:

— Я уже вижу по этой партіи... Ясно вижу. Вы, сеньоръ Боббіо, совершенно не умѣете играть въ шахматы... Посмотрите какъ нелѣпо и даже опасно стоитъ королева... Конь вашъ бездѣйствуетъ.

Джіакомо Боббіо съ изумленіемъ поглядѣлъ на подсѣвшаго къ нему незнакомца. Онъ удивлялся нахальству его...

— Позвольте мнѣ сдѣлать сеньору матъ въ пять-шесть ходовъ, обратилъ тотъ къ партнеру Боббіо.

И, получивъ позволеніе, незнакомецъ двинулъ туру, затѣмъ, послѣ хода Боббіо, сдѣлать шахъ конемъ и послѣ вторичнаго хода партнера сдѣлать шахъ королевой... Матъ сразу сталъ ясенъ самъ собой.

— Разумѣется, добродушно разсмѣялся Боббіо. — Я думать объ другомъ и просто не замѣтилъ.

— Позвольте съ вами сразиться, сеньоръ Боббіо? вымолвилъ замаскированный. — Три партіи... Изъ трехъ возьмемъ хотя бы одну, и я проигралъ.

Боббіо вытаращилъ глаза и разсмѣялся весело. Затѣмъ, насмѣшливо перетянувшись съ знакомыми, онъ принялъ вызовъ, не сказавъ ни слова, ибо зная, что выиграетъ всѣ три партіи.

Кругомъ усѣвшихся за шахматную доску соперниковъ собралось человѣкъ двадцать, и всѣ они презрительно поглядывали на незнакомца въ маскѣ, считая все одной потѣхой.

Первая партія длилась долго... Боббіо увидѣлъ и понялъ сразу, что имѣетъ дѣло съ очень сильнымъ противникомъ, и сталъ тотчасъ же играть осторожно. Однако вмѣстѣ съ тѣмъ какая-то непонятная ему тревога овладѣла имъ... Онъ былъ будто сконфуженъ, будто опасался заранѣе проиграть и чувствовалъ, что не можетъ вполне ясно обдумывать свои ходы. Никогда не бывало съ нимъ ничего подобнаго.

Незнакомецъ выступалъ тотчасъ же послѣ каждого хода Боббіо, не давая себѣ ни секунды, чтобы подумать. При этомъ онъ двигалъ пѣшкой или фигурой съ такой увѣренностью и твердостью въ рукѣ, что именно эти движенія его пальцевъ будто вліяли на опытнаго шахматиста Боббіо, будто раздражали его и поэтому мѣшали спокойно обдумывать игру.

Вскорѣ Боббіо увидѣлъ — прежде всѣхъ — что онъ уже на пути къ проигрышу.

— Да... Кончать не стоитъ! произнесъ онъ глухо. — Я вижу... Это случайность... Я не понимаю, какъ могъ я двинуть турой такъ опрометчиво. Отъ этого все произошло! Это случайность!

— Извините... заявить незнакомецъ. — Это не случайность. Это ваше неумѣніе играть. Я играю слабо. Но вы просто ступить не умѣете.

— Это слишкомъ! воскликнула нѣсколько человѣкъ въ разъ, уже гнѣвно оглядывая незнакомца.

— Сеньоры! Если Боббіо играетъ лучше всѣхъ въ Венеціи, заявить этотъ холодно, — оно не доказываетъ нисколько, что онъ хорошій игрокъ... Меня онъ никогда не обыграетъ.

— Я вотъ сейчасъ докажу противное! взволнованно и сердито сказалъ Боббіо.

— Никогда! твердо отозвался его противникъ.

И когда шахматы снова разставили, онъ прибавилъ:

— На этотъ разъ вы меня извините, сеньоръ Джіакомо, если я не буду столь же любезенъ и не затыкну партію, ради снисхожденія къ вамъ... Будьте внимательнѣе... Я буду играть серьезно и вамъ стыдно будетъ проиграть чрезъ десятокъ ходовъ.

Боббіо сдѣлалъ ходъ... Незнакомецъ тоже.

Боббіо, вмѣсто того чтобы подумать о томъ, какой странный ходъ выбралъ противникъ, подумалъ:

— Какая рука! Какіе пальцы!.. Крючковатые, какъ у лапы звѣря... У какого звѣря?.. Сдается, а вспомнить не могу...

Каждый изъ партнеровъ сдѣлалъ по десятку ходовъ. Вдругъ Боббіо приглядѣлся... и ахнулъ.

— Да я сумасшедшій! Я дуракъ! О чемъ я думалъ... Это невѣроятно!

— Чрезъ два хода матъ! твердо произнесъ замаскированный.

— Да... шепнулъ Боббіо и перемѣнился въ лицѣ.

— Вы достаточно хорошо играете, сеньоръ Джіакомо, насмѣшливо произнесъ его побѣдитель, — чтобы тягаться съ дѣтьми, но не съ взрослыми.

— Это случайность! воскликнулъ Боббіо отчаянно и совершенно растерявшись отъ волненія и гнѣва. — Меня до сихъ поръ никто не могъ обыграть во всей Италіи. Повторяю... Я разсѣянъ сегодня... Или это простая случайность.

— Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія! заявилъ кто-то изъ обступившихъ шахматный столикъ.

— Нѣтъ, signorі, зачѣмъ кривить душой, смущенно пропизисъ Далъ-Вермэ. — Я внимательно слѣдилъ за игрой. Джіакомо игралъ хорошо, но сеньоръ... Сеньоръ въ маскѣ играетъ просто чертовски умно и ловко. Восхитительно!..

— Я не вѣрю... Меня еще никогда никто... Я не понимаю... Я сейчасъ докажу... Давайте третью... Случайность не можетъ всегда... бормоталъ Джіакомо Боббіо, самъ себя не понимая.

— Извольте — третью... Будетъ все то же... заявилъ незнакомецъ просто и мягко, но рѣшительно.

Третья партія продолжалась очень недолго.

Боббіо снѣшилъ и дѣлалъ такіе ходы, что многіе изъ присутствующихъ вскрикивали:

— Что вы! Что вы! Развѣ это можно?!

— Джіакомо!.. Что съ вами?

— Вы глѣзете сами на шахъ...

— Нѣтъ, не шахъ. Извините... Матъ! заявилъ замаскированный.

Боббіо и вмѣстѣ съ нимъ всѣ присутствовавшіе ахнули.

— Ну, довольно... вымолвилъ незнакомецъ, собираясь вставать, но Боббіо остановилъ его.

— Я требую, сеньоръ, чтобы вы въ другой разъ дали мнѣ возможность доказать вамъ и всѣмъ, что все происшедшее сегодня — случайность.

— Извольте... Я буду здѣсь послѣзавтра.

— Завтра! воскликнулъ Боббіо.

— Нѣтъ. Завтрашій день... исключительный. Въздъ короля Генриха. Я занятъ весь день, съ утра до вечера.

— Хорошо. Послѣзавтра! сказалъ Боббіо.

Незнакомецъ поднялся съ мѣста и, оглядѣвшись презрительно на всѣхъ, обернулся къ Даль-Вермэ.

— До свиданія, signor! А вы, сеньоръ Даль-Вермэ, не забудьте своего условеннаго проигрыша. Постѣ-завтра днемъ я буду у васъ, чтобы быть представленнымъ красавицѣ Сильвин. Я буду тоже въ маскѣ и снѣму ее только въ ея присутствіи.

— Я буду ждать васъ, сурово и отчасти тревожно отозвался патрицій.

Незнакомецъ приказалъ пажу собрать въ пригоршню выигрышъ и двинулся изъ кондитеріи. Оба пажа послѣдовали за нимъ... Выйдя на площадь, онъ оглядѣлся, увидѣлъ нѣсколько бѣдняковъ, простыхъ рыбаей, и крикнуть имъ:

— Amici! Раздѣлите между собой...

И взявъ изъ рукъ пажа выигрышные у Даль-Вермэ червонцы, онъ бросилъ ихъ рыбакамъ.

Пройдя медленно площадь и плаццету, незнакомецъ достигъ „ривы“, гдѣ стояло множество гондолъ. Его собственная гондола ждала его. Гондольеръ, въ темной ливреѣ, отдѣланной серебромъ, принялъ своего патрона съ двумя пажами, ловко вскочилъ на корму и взмахнулъ весломъ. Гондола стрѣлой отлетѣла отъ гранитнаго берега и тотчасъ исчезла, утонувъ въ серебряномъ сіяніи канала, ярко озаряемаго полной луной.

— Молодецъ! заявилъ одинъ изъ толпившихся на набережной гондольеровъ.—Будто и не бывало! Исчезла какъ призракъ... А кто тутъ знаетъ, какъ зовутъ этого сотоварища?

Никто изъ гондольеровъ не откликнулся. Никто не зналъ молодца-сотоварища.

VI.

Всю ночь шумѣла Венеція... Улицы-коридоры не опустѣли ни на мгновеніе, площадь Св. Марка и въ особенноти Рива, были переполнены народомъ.

Причина этого была та, что многіе поселяне, прибывшіе съ Твердой земли поглазѣть на Французскаго короля, почевали на улицахъ. Поэтому всѣ площади Венеціи, вся мѣстность вокругъ базилики и вся набережная Скіавони были сплошь усыяны спавшимъ въ повалку народомъ.

Но едва только загорѣлся востокъ яркимъ пурпуромъ, какъ Венеція еще гуливѣ зашумѣла и загудѣла изъ конца въ конецъ.

Несмотря на раннее время, всѣ дворцы ожнш, всѣ патриціи тоже поднялись на ноги, вмѣстѣ съ солнцемъ.

Самъ глава республики, дожъ, и равно всѣ прокураторы—всѣ поднялись ранѣевоко.

Наступавшій день 18-е іюля—былъ день чрезвычайный въ аипалахъ Царицы Адриатики, день отмѣченный павѣи въ ея исторіи и воснѣтый поэтами Венеціи на трехъ языкахъ: французскомъ, итальянскомъ и латинскомъ.

Часовъ въ семь утра по водамъ Canal Grande летѣла стрѣлой гондола, на которую всѣ засматривались съ береговъ, а встрѣчные оборачивались и провожали ее глазами. Два гондольера, одинъ на носу, другой на кормѣ, грести размашисто и особенно мастерски... Кто сидѣлъ подъ маленькой каютой—было не видно, такъ какъ даже дверки ея были притворены...

Всѣхъ удивлялъ цвѣтъ гондолы... Венеція привыкла къ яркимъ цвѣтамъ водныхъ экипажей своихъ патриціевъ или къ простымъ сѣрымъ гондоламъ, паемнымъ, которыя, принадлежа бѣднякамъ занимавшимся извозомъ, не могли и не имѣли права по закону быть разукрашены.

Гондола, летѣвшая серединой канала, была странная, серебристо-черная, и вся сверкала будто чешуей, такъ какъ на ней не было ни одного отдѣльнаго чернаго или серебрянаго мѣста или предмета. Все сливалось въ одинъ суровый и страшный отблескъ.

Даже ливреи гондольеровъ преобразили ихъ въ какихъ-то рыбъ или змѣй...

Гондола миновала главный каналъ, проскользнула подъ аркой моста Ріальто, и тотчасъ же взявъ вправо, направилась прямо къ крыльцу стариннаго, но не казнатаго на видъ дворца.

Однако всякій венеціанецъ до послѣдняго нищаго или мальчугана знаетъ, чьи это, будто полинялыя и обветшалыя отъ долгаго вѣка палаты. Это было обиталище почти самаго именитаго, но уже маститаго патриція, почти девяностилѣтняго старца Антонио Нани.

Въ двадцать одинъ годъ отъ роду—не въ примѣръ прочимъ—началъ патрицій свое служеніе отечеству, тогда какъ ранѣе 25-ти лѣтъ никто этой чести не удостоивался. И за семьдесятъ лѣтъ прошелъ Нани всѣ должности, какія только существовали въ республикѣ. Былъ онъ совѣтникомъ и судьей Кварантіи, былъ провекиторомъ или главнымъ управителемъ арсенала, былъ провекиторомъ дѣлъ Твердой земли, былъ однажды въ числѣ пресловутыхъ и страшныхъ „Трехъ“, былъ три раза намѣченъ и чуть не избранъ на тронъ дожа.

Получивъ лѣтъ съ двадцать назадъ несмѣняемое званіе прокуратора Св. Марка, онъ оставался въ этой почетной должности до сихъ поръ.

Антонио Нани былъ съ юности сирота и холостякъ, и былъ извѣстенъ независимымъ, твердымъ духомъ, прямогою слова и дѣла, свѣтлымъ разумомъ и добрымъ сердцемъ. Онъ былъ равно извѣстенъ всей своей долгой, простой жизнью, не славной громкими гражданскими дѣланіями или воинскими подвигами, но полной благотворенія, защитой бѣдныхъ и слабыхъ, угнетенныхъ людьми или судьбой.

Торопливо и низко ломала шапку вся венеціанская чернь, когда проѣзжалъ въ гондолѣ или проходилъ улицами „eminentissimo e carissimo padre del popolo“, какъ звали Нани.

Гондола причалила ко дворцу старца, жившаго одиноко, но съ большой свитой юныхъ и пожилыхъ секретарей и помощниковъ по управленію прокуратурой Св. Марка. Изъ гондолы вышелъ и шагнулъ на каменные ступени высокій человѣкъ въ черномъ костюмѣ, но съ краснымъ беретомъ на головѣ.

Это былъ кавалеръ ди-Авѣло.

Когда объ немъ доложили патрицію, тотъ попросилъ гостя обождать въ главной пріемной, извиняясь раннимъ часомъ и приготовлениями къ туалету для торжественной встрѣчи короля.

Кавалеръ послалъ сказать сановнику, что самъ извиняется въ исключительно раннемъ визитѣ, но что особенно важное дѣло понудило его беспокоить старца въ такое неурочное время.

Черезъ полчаса съдой какъ луны и нѣсколько согбенный старецъ медленно вышелъ изъ своей спальни въ маленькую пріемную и приказалъ пажу просить гости къ себѣ.

Кавалеръ вошелъ. Но перейдя теперь изъ одной горницы въ другую, онъ будто преобразился. Вся обычная надменность его фигуры, и даже поступи, исчезла безслѣдно...

Къ старцу прокуратору являлся, казалось, самый ничтожный и даже угнетенный обстоятельствами бѣднякъ и скромный проситель.

Если Нани, видѣвшій передъ собой этого человѣка лишь во второй разъ, судилъ о немъ по его смиренному взгляду, его тихому, вкрадчиво-мягкому голосу и по всей его будто стыдливо-сжегившейся фигурѣ—то, конечно, опытный старецъ все-таки долженъ былъ неминуемо ошибаться въ своемъ сужденіи.

— Радъ гостю... Храни васъ Провидѣніе... сказалъ Нани, добродушно улыбаясь беззубымъ и впалымъ ртомъ.

Гость отозвался на привѣтствіе едва слышно, пробормотавъ что-то совершенно непонятное, и ухмыльнулся гримасой.

Онъ долженъ былъ, по обычаю, пожелать хозяину то же самое—охрану Божію,—но то, что онъ певникопроизнесъ, осталось невѣдомо.

— Я являюсь къ вамъ, эминенція, заявилъ кавалеръ, садясь противъ хозяина.—съ покорѣйшей просьбой.

— Говорите... Для слуги короля Франціи я готовъ на все...

— Окажите мнѣ покровительство, смиренно выговорилъ гость.

— Я не могу быть покровителемъ любимца могущественнѣйшаго изъ монарховъ Европы, отозвался Пани крѣтко.—Я могу быть только его помощникомъ, и если онъ пожелаетъ—его вѣрнымъ другомъ.

— Я хочу просить васъ, эминенція, сдѣлать для меня нѣчто очень простое и легкое для васъ, но крайне важное для меня. Вамъ извѣстно, что я еще очень недавно, за мѣсяцъ до отъѣзда короля изъ Польши, зачисленъ въ свиту. Однако за это короткое время монархъ успѣлъ оцѣнить мою преданность. Генрихъ III относится ко мнѣ милостивѣе, чѣмъ къ остальнымъ своимъ приближеннымъ. Но у меня народился, какъ это и должно было случиться, завистникъ и врагъ. Это первый фаворитъ, виконтъ Таваннъ, человекъ самолюбивый и коварный, вдобавокъ—будь сказано между нами—тайный гугенотъ... и стало-быть еретикъ.

— Это сужденіе не вѣрно, молодой человекъ! отвѣтилъ улыбаясь старецъ.—Гугенотъ—не еретикъ. Не

удивляйтесь! Вы не знаете прокуратора Антонио Пани! Для человека прожившаго на свѣтѣ чуть не столѣтіе, не существуетъ многихъ предразсудковъ его современниковъ. Для меня нѣтъ еретиковъ, какъ нѣтъ колдуновъ и вѣдьмъ. Гугенотъ мнѣ гораздо ближе, чѣмъ мусульманинъ или еврей.

— Но это ренегатъ истинной вѣры!.. воскликнулъ кавалеръ.

— Въ силу примиренія со своею совѣстью, произнесъ Пани строго и прибавилъ:—Впрочемъ, оставимъ это... Въ чемъ же заключается ваша просьба?

— Моя просьба... Помочь мнѣ получить патентъ на званіе капитана французскихъ войскъ. Вы спросите—какъ?.. Просто... При первой же бесѣдѣ съ королемъ, вы отнесетесь обо мнѣ съ похвалою и скажете, что я только и мечтаю, что объ этой чести... Король скажетъ слово Таванну, и чрезъ часъ патентъ будетъ написанъ на мое имя и подписанъ монархомъ Франціи.

— Странно!.. Я думаю, его величество не нуждается въ моей простой рекомендаціи вашей личности, т. е. его собственнаго любимца. Да и вамъ легче самому...

Ди-Аволю сталъ горячо доказывать противное.

— Повѣрьте, кончилъ онъ,—что все это такъ... Самому человеку гораздо мудрѣе о себѣ просить... А ваше одно слово...

— Извольте, отвѣтилъ наконецъ старецъ.—Мнѣ дѣйствительно ничего не стоитъ подобное...

Кавалеръ поблагодарилъ и, побесѣдовавъ о событіи дня, откланялся. Старикъ, оставшись одинъ, невольно подумалъ:

„Странно! Да и онъ какой-то странный, Богъ съ нимъ.“

(Продолженіе будетъ).

Нѣсколько словъ о культурѣ древней Америки.

Теперь, когда по случаю устройства всемірной выставки въ Чикаго взоры всего цивилизованнаго міра обращены на Америку, особенно интересно прослѣдить за ходомъ цивилизаціи, внесенной туда европейцами; но еще интереснѣе оглянуться на далекое прошлое этой части свѣта—прошлое, мало кому извѣстное, почти сказочное, и изъ сравненія прошлаго и настоящаго вывести заключеніе... увы!—не въ пользу европейской культуры. Мы праздновали открытіе Америки, чествовали память тѣхъ, кто пересадили цивилизацію Европы на эту новую почву; но справедливость требуетъ вспомнить о томъ, что потеряла Америка съ приходомъ въ нее европейцевъ. Кто сравнитъ теперешнее состояніе Центральной Америки съ тѣмъ, что было до Колумба, тотъ съ невольнымъ стыдомъ долженъ будетъ сознаться, что европейская культура, насильно навязанная народамъ Центральной и Южной Америки, не только не сдѣлала ихъ счастливѣе и не подвинула впередъ, но даже отбросила назадъ.

Повѣршія изслѣдованія по этой части мало извѣстны читающей публикѣ: далекое прошлое Америки, вслѣдствіе изолированности этой страны до Колумба отъ вліянія другихъ странъ, представляется какъ-бы малозначимымъ и мало понятнымъ; но въ этой-то обособленности и кроется живой интересъ для исторіи человѣческой цивилизаціи вообще.

Въ эпоху открытія Новаго Свѣта въ Центральной Америкѣ (Мексика, Юкатанъ, Гватемала и пр.) существовала уже высокая степенъ цивилизаціи, предполагающая долгое развитіе народовъ въ теченіе многихъ столѣтій. И эта культура возникла, это развитіе совершалось внѣ какихъ бы то ни было постороннихъ вліяній, само собою, въ противоположность всѣмъ остальнымъ странамъ древняго міра, которыя—какъ намъ извѣстно изъ исторіи—находились болѣе или менѣе въ обществѣ другъ съ другомъ, испытывая взаимное вліяніе въ области культуры и историческихъ событій. Культура древней Америки неопровержимо доказываетъ, что человѣческій умъ, независимо отъ всѣхъ извѣстныхъ намъ вліяній и при совершенно своеобразныхъ условіяхъ, можетъ придти къ тѣмъ же самымъ или подобнымъ выводамъ, какіе выработаны другими умамъ, при другихъ условіяхъ.

Когда испанцы явились въ Америку, они нашли тамъ народы, составившіе благоустроенныя государства и управле-

Храмъ въ Цайи.

ные королямъ, большіе города съ величественными храмами и дворцами, искусное времяисчисленіе, хорошія познанія въ астрономіи, высоко развитыя ремесла и тусземное, національное искусство. Самое могущественное изъ этихъ государствъ, государство ацтековъ съ ихъ знаменитымъ королемъ Монтезумой, извѣстно изъ исторіи завоеванія Америки Кортесомъ. Но

Литер. альбомъ. Сцена изъ „Осгара“ А. Пушкина. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) С. С. Соломко, грав. Ольшевскій.

далее въ глубь Центральной Америки, къ югу и востоку отъ Мексики, древне-американская культура достигла наивысшаго процвѣтанія и отсюда, повидимому, распространилась на соседнія страны. Это — полуостровъ Юкатанъ и области, граничащія съ нимъ на югъ и юго-западъ. Здѣсь живутъ туземцы племени *майя*, пѣкогда посетили древней цивилизаціи, теперь вырождающіеся и мало-по-малу вымирающіе подъ гнетомъ многовѣкового чужеземнаго ига. То немногое, что извѣстно объ историческомъ прошломъ этихъ народовъ, является результатомъ самоповѣйшихъ изысканій, такъ какъ исторія древней Америки была въ пренебреженіи почти четыреста лѣтъ.

Франциско-Фернандесъ де-Кордова первый посѣтилъ берега Юкатана; вторая экспедиція подъ предводительствомъ Хуана де-Грихальвы явилась туда вскорѣ послѣ первой; съ тѣхъ поръ извѣстія о высокой культурѣ новооткрытыхъ

съ видами городовъ, между двумя твердыми обложками; выдающіяся событія утѣковѣчались рѣзцомъ на камнѣ. Нахлынувшіе въ Америку изъ Испаніи искатели приключеній и добычи, грубые и цѣлѣжественные, огнемъ и мечемъ обращавшіе туземцевъ въ католицизмъ, усердно занялись уничтоженіемъ іероглифическихъ рукописей, казавшихся имъ «твореніемъ дьявола». Вслѣдствіе такого варварскаго гоненія на книги майевъ уцѣлѣло только три рукописи, хранящіяся въ европейскихъ бібліотекахъ; изъ нихъ одна — давшая самыя важныя открытія — въ Дрезденѣ.

Прежде на эти рукописи почти не обращали вниманія, считая ихъ ацтекскими; но съ тѣхъ поръ, какъ въ 1840 году американскій путешественникъ Стефенсъ открылъ въ чащѣ первобытнаго лѣса, на Юкатанѣ, развалины города съ дворцами и храмами, стѣны которыхъ покрыты такими же точно письменами, какія были въ книгахъ, эти послѣднія признаны за подлинныя рукописи майевъ, но счастливому случаю спасшіяся отъ испанскаго ауто-да-фе.

Особенно важно для науки то, что въ послѣднее время начали разбирать іероглифическія надписи на камняхъ разрушенныхъ городовъ и письма трехъ вышеупомянутыхъ рукописей. Несмотря на медленность и трудность работы вслѣдствіе крайней скудости матеріала, находящагося въ распоряженіи ученыхъ, «наука о майяхъ» все-таки достигла уже многого.

Мы узнаемъ, — преимущественно изъ изслѣдованій профессора Ферстемана въ Дрезденѣ, — что этотъ народъ былъ одаренъ необыкновенными математическими способностями. Они обладали очень искусною арифметическою системою, игравшею большую роль въ ихъ сложномъ времячисленіи. Основнымъ числомъ у майевъ было не *десять*, какъ у насъ, но *двадцать*: число пальцевъ на рукахъ и ногахъ (слѣды подобнаго счисленія существуютъ еще во французскомъ языкѣ: *quatre-vingt* — четыре раза 20 = 80). Числа до 5 выражались точками, 5 — черточкой, кратныя отъ 5 — соответственными количествомъ черточекъ. Числа выше двадцати изображались многозначнымъ числомъ, но отдѣльныя его цифры ставились не одна рядомъ съ другою, какъ у насъ, а одна надъ другою, причѣмъ стоящая одно надъ другимъ числа означали кратныя отъ 20; такъ напримѣръ, чтобы написать 149, ставили 9, надъ нимъ 7; то-есть $7 \times 20 = 140$, и еще 9 единицъ. Эта система, имѣющая много сходства съ нашей, требовала, разумѣется, особаго знака для нуля, и этотъ знакъ существовалъ. Такимъ образомъ майи въ счисленіи стояли далеко впередъ древнихъ римлянъ, неуклюжія цифры которыхъ совершенно не годились для арифметическихъ выкладокъ, не говоря уже о полномъ отсутствіи нуля. Но удивительнѣе всего самое послѣднее открытіе профессора Ферстемана, доказывающее глубинную астрономическую познаніи майевъ. Еще прежде замѣчено, что нѣкоторые ряды чиселъ въ одной изъ рукописей поразительно совпадаютъ съ извѣстными численными величинами, относящимися къ видимому обращенію Венеры. Теперь въ дрезденской рукописи Майя профессоръ Ферстеманъ нашелъ числовыя данныя, по которымъ видно, что мѣсяцъ у майевъ имѣлъ попеременно то 29, то 30 дней (какъ у древнихъ грековъ), и что это времячисленіе существовало рядомъ съ другимъ, очевидно древнѣйшимъ, по которому годъ дѣлился на промежутки времени въ 20 дней, имѣвшіе, вѣроятно, особое значеніе для религіознаго культа. Одинъ изъ вновь найденныхъ рядовъ чиселъ представляетъ раздробленіе 11,958 дней на 198 мѣсяцевъ, каждый въ 29 дней, 207 мѣсяцевъ по 30 дней и еще 6 високосныхъ дней. Вычисляя по этому точную продолжительность одного мѣсяца, приходимъ къ пзумительному выводу, что майи считали въ мѣсяцѣ 29,528 дней, ошибаясь только на 0,004 противъ настоящаго, синодическаго обращенія луны, равняющагося 29,53 дня. Какъ не проникнуться уваженіемъ къ высокой культурѣ народа, который, не имѣя, сколько намъ извѣстно, сложныхъ астрономическихъ приборовъ, какіе находятся въ нашемъ распоряженіи, достигалъ такихъ точныхъ выводовъ и, не прибѣгая къ дробямъ, умѣлъ выразить ихъ такимъ поистинѣ гениальнымъ образомъ въ цѣлыхъ числахъ! Какъ не пожалѣть о вѣззано и навсегда прерванной умственной работѣ народа, открытіе котораго европейцами было вмѣстѣ съ тѣмъ его гибелью.

До 1840 года археологія Америки еще только зарождалась, а Центральная Америка была не изслѣдованной страной, несмотря на то, что еще въ 1787 году среди первобытнаго лѣса въ

Страница изъ Дрезденской рукописи майевъ.

страшъ начали проникать въ Европу. Но это же и рѣшило ихъ участь: туземная культура должна была пасть передъ побѣдоноснымъ натискомъ испанскихъ завоевателей, и надъ многовѣковой исторіей цѣлой части свѣта навсегда опустилась завѣса, приподнимать которую начали лишь въ самое послѣднее время, благодаря немногимъ остаткамъ письменности древнихъ майевъ, уцѣлѣвшимъ отъ разрушенія испанцевъ. Да, Юкатанъ стоялъ на нѣсколько ступеней выше государства ацтековъ: майи не довольствовались изображеніемъ предметовъ для выраженія идей, но имѣли письмо, похожее на іероглифы древнихъ египтянъ, опередивъ въ этомъ отношеніи всѣ другіе народы Америки. Въ древнемъ Юкатанѣ, очевидно, письменность была широко распространена. Бумага для книгъ изготовлялась изъ волоконъ Агаве и имѣла пѣкоторое сходство съ бумагой китайцевъ и японцевъ. Исторія народа, мифологическія преданія, религіозныя предписанія культа, наконецъ календарь, писались краской на бумагѣ, складывавшейся подобно тому, какъ складываются теперешніе альбомы

Цифры отъ 1 до 15 по системѣ майевъ.

мексиканской провинціи Чіанасъ найдены развалины большого города Паленкъ, описаніе котораго проникло въ Европу гораздо позже. Начало археологіи Центральной Америки положилъ Стефенсъ, случайно открывъ на границѣ между Гондурасомъ и Гватемалой, близъ деревушки Копанъ, остатки тро-

мадного города, о существовании которого въ непроходимыхъ лѣсныхъ дебряхъ знали только туземцы. Въ это время не мало ученыхъ придерживалось еще мнѣнія, что въ древней Америкѣ не существовало никакой цивилизаціи, что туземцы были во всѣхъ отношеніяхъ дикарями, и что повѣствованія испанцевъ о культурѣ древней Мексики грѣшили преувеличеніемъ.

Въ Копанѣ Стефенсу представилось грандіозное зрѣлище: совершенно заглушенные пышною тропическою растительностью стояли полуразрушенные храмы съ широкими лѣстницами, огромными каменными алтарями и множествомъ статуй, по искусству выполненія напоминающихъ прекраснѣйшіе памятники древняго Египта. И все это возмалоено въ морѣ изумрудной зелени, перенуано лѣанами, скрыто отъ человѣческаго взора... Въковую тишину мертвого города нарушаютъ своими криками только обезьяны, прыгающія съ дерева на дерево и въ этой своеобразной обстановкѣ производящія самое фантастическое впечатлѣніе. Военнопленныя, связанные для насъ съ древнимъ Ри-

момъ и Аеп-памп, разумѣется не могутъ дать представленія о томъ, что происходило когда-то здѣсь, среди этихъ развалинъ, а между тѣмъ и здѣсь нѣкогда процвѣтали искусства, жили знаменитые ораторы, полководцы, государственные люди, блистала красота и слава, шла ожесточенная борьба самолюбій... Теперь все безслѣдно исчезло, и туземцы, жители соседнихъ деревушекъ, — простые потомки славныхъ предковъ, — на вопросъ Стефенса, кто строилъ эти зданія, отозвались наивными: „Quien sabe?“ — „Кто знаетъ?“

Послѣ Стефенса многіе другіе путешественники посетили эти области Центральной Америки, и большинство еще сохранившихся развалинъ изслѣдовано. Къ сожалѣнію, сырой и жаркій климатъ тропиковъ быстро производитъ свое разрушительное дѣйствіе, и не далеко то время, когда упадетъ послѣдняя стѣна. Число такихъ разрушающихся городовъ особенно велико на родинѣ майевъ, полуостровѣ Юкатанѣ.

Архитектура древнеамериканскихъ зданій напоминаетъ индусскую причудливостью формъ, павѣнной окружающею природой. Тѣмъ не менѣе встрѣчаются отдѣльныя зданія простого благороднаго стиля, понятие о которомъ можетъ дать помѣщаемый на стр. 36 рисунокъ развалинъ храма въ Пайи, приближающагося къ типу классическихъ храмовъ Греціи. Пирамидальная форма нѣкоторыхъ древнеамериканскихъ зданій дала поводъ сравнивать ихъ съ египетскими, но разница очень велика: египетскія пирамиды представляютъ самостоятельныя зданія значительной высоты, обыкновенно съ гладкими боковыми поверхностями, тогда какъ въ Америкѣ невысокая и очень широкая пирамидальная постройка имѣетъ видъ нагроможденныхъ одна на другую террасъ и служитъ подножіемъ собственному храму, какъ это мы видимъ на рисункѣ, помѣщенномъ на этой страницѣ.

О развитіи скульптуры древнихъ майевъ свидѣлствуютъ найденные въ Копанѣ идолы, вышиною около 4-хъ метровъ, — массивныя каменные фигуры, имѣющія видъ колоннъ; они выстѣ съ примыкающими къ нимъ алтарями покрыты удивительно тонкою рѣзбой (рисунокъ на страницѣ 42) и отнюдь не уступаютъ произведеніямъ индусской скульптуры. Не менѣе удивительны орнаменты и другія украшенія на стѣнахъ храмовъ, нѣкогда ярко раскрашенные.

Архитектурныя и скульптурныя произведенія майевъ замѣчательны всего болѣе тѣмъ, что въ выполненіи ихъ не участвовало желѣзо, совершенно не извѣстное ацтекамъ и майяамъ, —

фактъ въ высшей степени достойный вниманія, если принять въ соображеніе, что по повѣстнымъ изслѣдованіямъ древніе египтяне пользовались желѣзомъ за 3000 лѣтъ до Р. Х. Такіе факты способны сильно поколебать давно установившіяся взгляды на послѣдовательность ступеней культуры: каменный періодъ, бронзовый и т. д. Майи пользовались исключительно каменными и мѣдными орудіями; камень, замѣнявшій имъ желѣзо, былъ обсидіанъ, — вулканическая стекловидная масса, похожая съ виду на кремень и твердая какъ сталь.

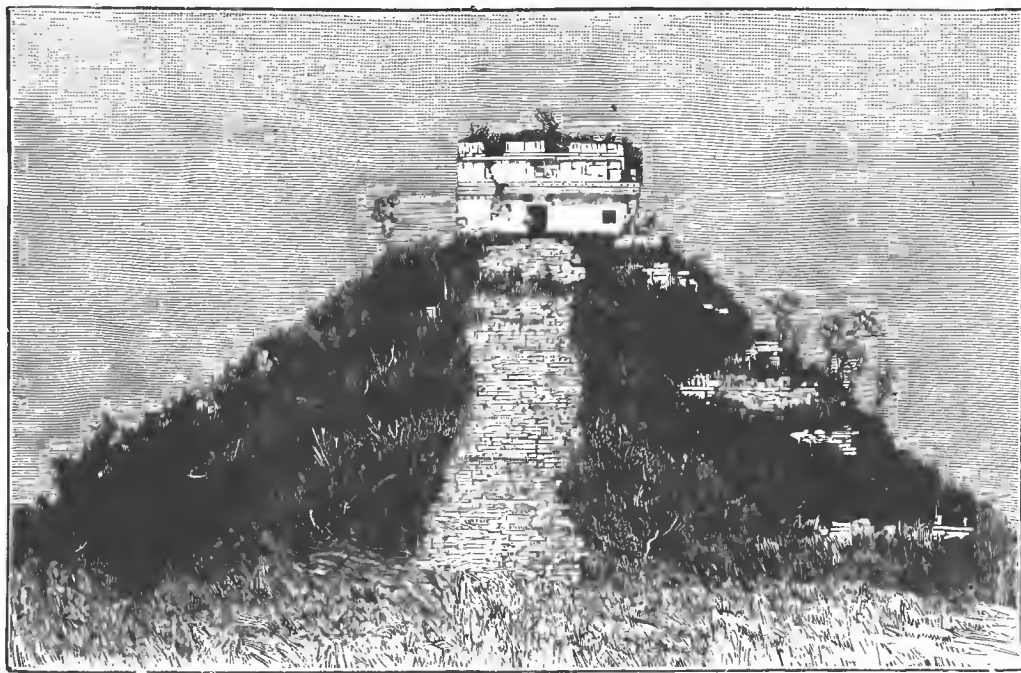
То немногое, что извѣстно объ историческомъ прошломъ майевъ, основано болѣею частью на показаніяхъ перуанскихъ писателей временъ завоеванія Средней Америки, но эти свѣдѣнія, къ сожалѣнію, очень скудны: Юкатанъ не привлекалъ вниманія перуанскихъ авантюристовъ — имъ всецѣло завладѣли колоссальныя богатства Мексики и Перу.

Государство майевъ было нѣкогда могущественною монархіей съ древней королевскою династіей Тутуль-Кейу, резиденціею которой былъ городъ Майяпанъ; развалины его, занимающія три

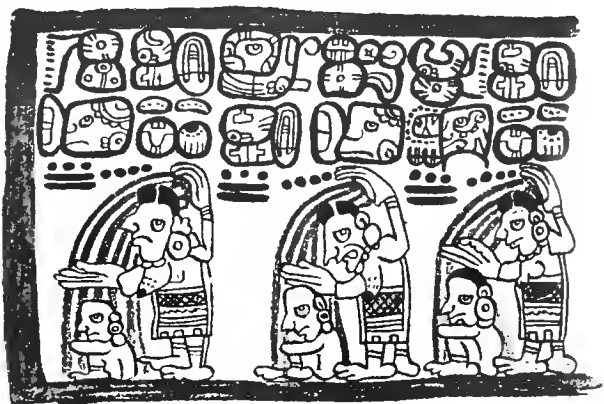
миліонъ окружности, находятся въ нѣсколькихъ часахъ пути отъ теперешней столицы Мерида. Вассальныя князья въ провинціяхъ съ теченіемъ времени становились все независимѣе, пока, наконецъ, лѣтъ за сто до прихода испанцевъ, не возсталъ противъ верховной власти и не разрушилъ Майяпанъ. Съ тѣхъ поръ въ странѣ не прекращались междоусобныя войны, и испанцамъ очень легко досталась побѣда надъ враждавшими между собою князьями.

Государственное устройство майевъ и ацтековъ имѣло много общаго: монархъ былъ облеченъ неограниченною властью и окружалъ себя большою пышностью; рядомъ съ нимъ существовало могущественное сословіе жрецовъ, руководившее умственнымъ жизнью народа; на ихъ обязанности лежало высшее образованіе юношества, зачатія наукъ, наконецъ, составленіе календаря, который въ жизни древнихъ майевъ игралъ очень большую роль.

Религія майевъ представляла нѣсколько въ высшей степени

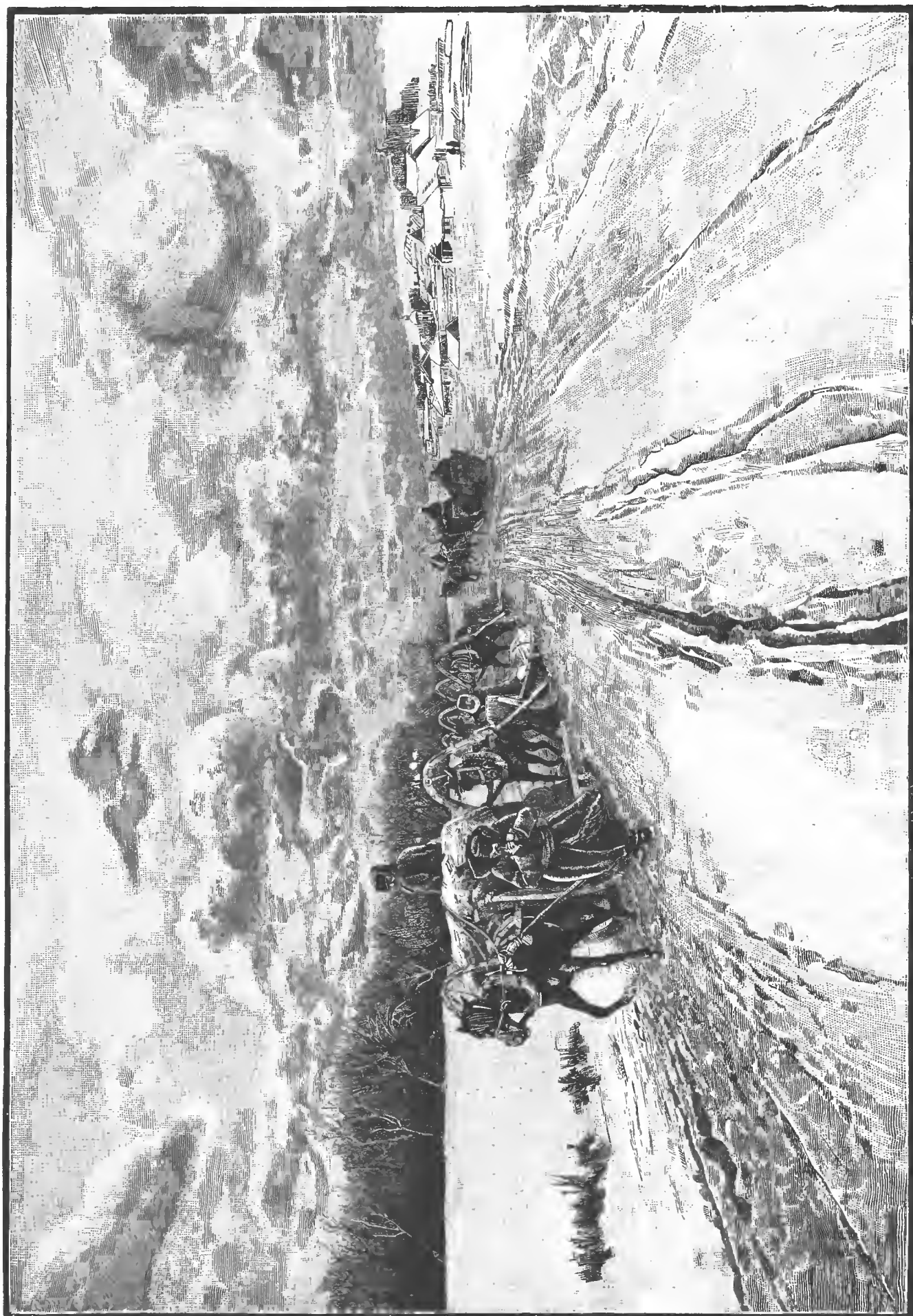

Типъ древне-американской пирамидальной постройки.

Крещеніе у майевъ по Мадридской рукописи.

странныхъ чертъ, давшихъ поводъ къ предположенію о нѣкоторомъ ея сходствѣ съ христіанскими началами. Майи чтли крестъ какъ религіозный символъ четырехъ странъ свѣта и какъ вѣрный указатель направленія вѣтра, по его отношенію къ ноготку, дождю и плодородію земли. Еще удивитель-

По зимнему пути. Ориг. рис. (собств. «Нивы») Юмудского, грав. Флюгель.

Раздача святой воды (6 января). Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Ижаневича, грав. Хелмницкий.

иже фактъ, что у майевъ практиковалось крещеніе дѣтей, истекавшее изъ совершенно христіанскаго воззрѣнія на необходимость очищенія отъ прирожденнаго грѣха; крещеніе вылилось въ обязанность всѣмъ до двѣнадцатилѣтняго возраста. Даже названіе этого акта у майевъ буквально значитъ: „родиться вновь“. Крещенію предшествовала исповѣдь дѣтей, послѣ чего жрецъ съ молитвой кропилъ ихъ водою. Существовали воспріимщики, игравшіе такую же роль, какъ и у насъ. Въ мадридской рукописи Майя находится изображеніе акта крещенія.

Сравненіе теперешняго Юкатана съ древнимъ государствомъ майевъ, какъ замѣчено вначалѣ, приводитъ къ заключенію не въ пользу современнаго положенія страны. Въ древности Юкатанъ—какъ и Мексика—былъ населенъ гораздо гуще, чѣмъ теперь. Тамъ, гдѣ теперь бѣдные деревушки, пѣкогда возвышались большіе богатые города; соответственно этому процвѣтала торговля и благосостояніе народа. До необычайности странно слышать, что въ древнемъ Юкатанѣ были широкія, мощныя дороги изъ города въ городъ, и это тамъ, гдѣ въ настоящее время проходятъ лишь протоптанныя мулами тропинки.

Характеръ древнихъ майевъ изображается испанскими писателями въ очень симпатичныхъ чертахъ; особенно много похвалъ выпадаетъ на долю женщинъ этого народа,—образцовыхъ жепъ и матерей. Темной стороной національнаго характера была чрезмѣрная склонность къ удовольствіямъ и опьяняющимъ напѣвкамъ. Существовали у майевъ и человѣческія жертвоприношенія, но гораздо рѣже, чѣмъ въ Мексикѣ, гдѣ послѣ каждаго войны приносились въ жертву богамъ тысячи плѣнныхъ. Домашняя жизнь была проста, воспитаніе дѣтей

Каменный идолъ въ Копанѣ.

„Неразлучное“.

Разсказъ Николая Днѣпровскаго.

(Продолженіе).

VI.

Мы поѣхали шибче. Скоро справа на горизонтѣ стала видна куна деревьевъ на горѣ, туманное очертаніе которой чуть струилось и колебалось въ воздухѣ, начавшемъ уже нагрѣваться подъ высоко всплывшимъ жаркимъ солнцемъ, при полномъ отсутствіи вѣтра. Я познналъ эту куну деревьевъ,—это неразлучническія липы, которыя всегда становятся видны, какъ только взѣдешь на горку, перебравшись чрезъ мостъ свѣтлой рѣчки Хицы, которую мы только что перѣѣхали.

Спустился нѣсколько времени, тройка свернула съ большой дороги на проселокъ. Потомъ по бревенчатой настилкѣ мы перѣѣхали плотину мимо мельницы и новой, недостроенной еще сукнодѣльни, и затѣмъ тарантасъ, наклонясь, обогнулъ гору по крѣпкой тѣмной дорогѣ и выѣхалъ на дворъ Неразлучнической усадьбы. Родивопъ лихо подкатилъ къ крыльцу. Меня ждали. Еще съ плотины я завидѣлъ на балконѣ, выходящемъ къ сторонѣ озера, бѣлое платье сестры и женщину съ ребенкомъ на рукахъ; теперь весь Катинъ „выводокъ“ встрѣтилъ насъ на парадномъ крыльцѣ. Ребятишки облѣпили меня, какъ только я слѣзъ на землю, и я едва освободился отъ нихъ, чтобы поздороваться съ сестрой. Даже новый, еще незнакомый мифъ, представитель нашего рода по женской линіи, подпрыгивая на рукахъ кормилицы и пуская отъ восторга слюни, тянулъ ко мнѣ свободную ручонку, такъ какъ другую онъ успешно сосалъ своимъ беззубымъ ротикомъ. И какія крѣпкія, здоровыя дѣтншкія росли у Кати въ этомъ прелестномъ Неразлучномъ Загорѣлыи, съ здоровымъ румянцемъ и быстрыми глазками, бойкія и шустрыя, въ чистенькихъ на этотъ разъ платицахъ и рубашкахъ, всѣ пятеро представителей „выводка“ были бы прекрасными экземплярами для любой выставки дѣтей, если-бъ кому-нибудь вздумалось устроить у насъ такую выставку. Старшая—Маруся—самая тихая изъ всѣхъ и самая, повидимому, разсудительная, сразу подѣзла въ тарантасъ и снѣлась выдвинуть изъ-подъ сидѣнья привезенную мною корзину: она знала, вѣроятно, что тамъ есть мясные припасы, для нея занесенные матерью въ „при-

тательно и строго. Торговля была самымъ уважаемымъ занятіемъ, ремесла процвѣтали. Майя славилась, напримеръ, изготовленіемъ замѣчательно красивыхъ тканей для одежды изъ пестрыхъ птичьихъ перьевъ, расположенныхъ въ видѣ мозаики; но и это искусство погибло вмѣстѣ со всею древнею культурой.

Христіанско-европейская цивилизація имѣла много времени—цѣлыхъ четырехъ вѣка—на то, чтобы загладить зло, нанесенное странѣ завоевателями. Однако Центральная Америка и до сихъ поръ стоитъ во многихъ отношеніяхъ ниже, чѣмъ до ея открытія. Национальное искусство, торговля, науки, развитіе техники—все умерло и не пробуждается къ новой жизни; вмѣсто этого въ продолженіе столѣтій ведется плохое хозяйство, плохая политика. Все, что возвышаетъ человѣка—въ пренебреженіи; варварство едва прикрыто вышнимъ лоскомъ европеизма, и въ результатѣ получается какая-то полувиллизиация.

Между тѣмъ, въ отношеніи естественныхъ богатствъ Центральная Америка и въ частности Мексика до сихъ поръ представляютъ обилій матеріалъ для культивированія и разработки. Сахарный тростникъ, какао, шерсть, индиго являются ея продуктами. Помимо того Мексика богата благородными металлами: золотомъ и серебромъ; въ ней находятся также свинецъ, ртуть и сѣра. Народонаселеніе Мексики составляетъ 1 миллионъ креоловъ, около 6000 негровъ, 4 миллиона смѣшанныхъ расъ,—метисовъ... Несмотря на природныя богатства страны, почти три четверти населеннаго населенія состоитъ изъ пролетаріевъ. Вотъ до чего въ настоящее время дошла страна, столь близкая, какъ мы видѣли, къ цивилизаціи въ далекомъ своемъ прошломъ!..

лагаемый списочекъ“. Но ни она, ни остальные, не знали, что въ той же корзинѣ, уже по собственному моему почину, для нихъ лежало нѣсколько тюриковъ орѣховъ, леденцовъ и всякихъ сластей. Когда это обнаружилось при распаковкѣ корзины, то шуму, визгу и восторгамъ не было конца, и Катя наконецъ увела меня на балконъ, съ котораго поджидала моего пріѣзда—попѣ меня чаемъ.

Столъ былъ заставленъ всякими прелестями. Чѣ за медь! Онъ какъ лютарь искрился на солнцѣ, пробравшемся косымъ лучемъ сквозь спущенную наусупу балкона, лѣниво сползалъ съ ложечки на хлѣбъ, испуская тонкій ароматъ; и такъ же лѣниво заплывало золотистою массою углубленіе, сдѣланное на блестящей его поверхности зачерпнувшимъ изъ вазочки ложечкою. Чѣ за сливки,—густыя, желтыя! Чѣ за чудный вкусъ во всемъ, что ни положишь въ ротъ въ это роскошное утро, въ прохладѣ этого свѣтлаго балкона, слушая ласковый голосъ доброй моей сестры!

VII.

Недѣли черезъ двѣ послѣ моего пріѣзда, сестра предложила мнѣ однажды пойти посмотреть, какъ работаетъ ея новая сукнодѣльня. Я охотно согласился ознакомиться съ сооруженіемъ мѣстнаго деревенскаго „техника“, Ивана Ушаря, „отличнаго столаря“, завѣдывавшаго всею строительною частью въ Неразлучномъ. Мы спустились съ горы, прошли по плотинѣ, по вдрагивающему бревенчатому накату, мимо гулко работающей мельницы, которая сама вся дрожала подъ мощными поворотами двухъ своихъ колесъ, бѣлой пѣной дробившихъ падающую на нихъ изъ жолоба воду, и подошли къ сукнодѣльнѣ.

Подходя еще можно было видѣть паръ, выходящій изъ всѣхъ щелей легкой тесовой крыши, слышался равномерный стукъ, плескъ воды и людской голосъ сквозь шумъ водяного колеса, которымъ работала сукнодѣльня. Мы вошли въ распахнутую настежь дверь и сразу, въ полумракѣ, я ничего не могъ разобрать; но, приглядѣвшись въ теплой, сѣрой атмосферѣ, я разсмотрѣлъ слѣва большой котелъ, вѣзанный въ

кубическую печь, въ которой трещалъ огонь, а справа, вдоль стѣны—нѣсколько бабъ. Онѣ, нагнувшись, быстро перебирали руками въ жолобъ, укрѣпленномъ на высотѣ аршина отъ земли. Передъ каждой бабой подымался и падалъ въ жолобъ широкій деревянный брусокъ, напоминалъ равномернымъ движеніемъ удары огромнаго песта, толкающаго что-то. Эти толчки поднимались силою шина, вдѣланнаго въ валь, и когда этотъ шина, совершивъ свою работу, отнускалъ толчею, она собственною тяжестью падала въ жолобъ, на лежащее въ немъ сукно, которое бабы, время отъ времени, поливали кипяткомъ изъ котла. Устройство „завода“ оказалось самое примитивное. Брызги теплой воды, разлетавшіяся изъ-подъ брусковъ при каждомъ ихъ ударе, поминутно попадали на руку, на щеку, на носъ.

— Ну что, обратилась ко мнѣ сестра,—какова фабрика?

Я отвѣчалъ, что фабрика прекрасная, но что я хотѣлъ бы видѣть самаго инженеръ-механика, моего друга дѣтства—Ивана Ушаря.

— А вотъ же онъ, прямо предъ тобой стоитъ, кивнула сестра въ лѣвый уголъ, къ печи.

Я посмотрѣлъ, и тутъ же изъ-за печи вышелъ въ свѣтъ, падавшій въ раскрытую сзади насъ дверь, высокій, плечистый малый, съ густою шанкою выющихся волосъ, подвизавшихся лычкомъ, съ сѣрыми умными глазами на тронутыхъ слегка оseo, но красномъ лицѣ.

Онъ поклонился.

— Что же, хорошо твоя машина работаетъ, Иванъ Шканоровичъ? спросила Катя.

— Ничего, ладно толчетъ, отвѣтилъ Иванъ, показывая рядъ сверкающихъ зубовъ, и, весело тряхиувъ своимъ кудрями, похлопалъ рукою по краю печи.

— А это чьи сукна моются?

— Покуда вотъ matka свои принесла, да хотѣлъ Васька лѣсникъ прислать, показывалъ, чтобы вода была готовая.

Взглядъ Ивана въ это время чрезъ мою голову устремился къ двери и въ ту же минуту въ сукномойнѣ будто потемнѣло. Мы съ сестрой сразу обернулись назадъ и она быстро подтолкнула локтемъ, какъ бы говоря: „смотри!“

Я и безъ того смотрѣлъ во всѣ глаза.

VIII.

На самомъ порогѣ двери стояла, придерживаясь рукою за притолку, средняго роста дѣвушка. Никогда раньше того я не видалъ такой стройной, красной крестьянки, такихъ большихъ, выразительныхъ голубыхъ глазъ подъ темными пушистыми бровями, съ едва замѣтнымъ изгибомъ, такого нѣжнаго, матоваго румянца щеки, такой непринужденной граціи въ ярко вырѣзывавшейся на свѣтломъ фонѣ, пропорціональной фигурѣ. Эта грація была видна и въ подъемѣ ея тонкой руки, и въ складкахъ пышнаго рукава ситцевой рубашки, составлявшей контуры развитой груди и мягкія очертанія стройнаго стана. Нѣсколько прядей темныхъ волосъ выбились изъ-подъ синяго платка и бросали на лобъ и щеки нѣжную тѣнь. Этотъ быстрый, чуть испуганный взглядъ сразу вспоминая мнѣ: да, я былъ увѣренъ, что предъ нами стоитъ „писаная краля“, дочка Хасѣкинскаго полѣсовщика. Мое безмолвное восхищеніе видно смугло ея, должно быть она поняла впечатлѣніе, которое произвела на меня ея красота, и застыдилась. Глаза опустившись, рука оставила притолку, едва замѣтная краска выступила на лбу, и она отступила назадъ, давая намъ дорогу. Мы вышли.

— Ты кажется пораженъ? обернулась ко мнѣ сестра, весело улыбаясь.

Я откровенно признался, что никогда не думалъ, чтобы въ такой невзрачной деревенкѣ, какъ Хасѣкино, могла скрываться подобная прелесть.

— И замѣть, въ ней что-то такое въ высшей степени благородное и достойное. И не ты одинъ. Знаешь, какъ-то разъ она зашла ко мнѣ съ ягодами, когда у меня обѣдалъ Чужаковъ—сосѣдъ мой по мѣстѣ,—такъ и онъ, вотъ такъ же, какъ ты, установился на нее, какъ гусь на молнію, да такъ и сидѣлъ, даже ложку до рта не донесъ, на полдорогѣ остановился и не шевелился!

Сестра смѣялась.

— Прелесть, прелесть! повторилъ я и оглянулся, чтобы еще разъ увидѣть красавицу.

Но ея ужъ не было. На порогѣ, спиною къ намъ, стоялъ Иванъ, подбоченясь, и видно разговаривалъ со стоявшими внутри.

Говоря и осматривая хозяйство, мы вернулись домой, и едва успѣли обѣдать, какъ горничная доложила, что „Иванъ Шканоровичъ барыню спрашиваетъ“. Сестра вышла къ нему, и чрезъ нѣсколько минутъ вернулась и сѣла за столъ.

— Что такое? поинтересовался я.

— Да это мой Вобанъ приходилъ благословляться—начинать рубку лѣса съ завтрашняго дня; вѣдь у меня назначенъ на срубъ Леушинскій клинъ. Пора самая неподходящая, по я никакъ не могу откладывать; весной опоздала, а бревна ужъ закуплены для осенней стройки. Такъ вотъ сегодня рабочіе собрались и завтра начнемъ рубить.

Въ Леушинскій клинъ мы ѣздили когда-то за рыжиками и малиной. Тамъ былъ прекрасный строевой сосеникъ, на который видно сильно позарился Тюринъ—нашъ предводитель.

— Да вѣдь у насъ Иванъ и охотникъ, онъ поставщикъ дичи къ моему столу, и если ужъ возьмется показывать тебѣ мѣста, то мы каждый день будемъ ѣсть тетерека, полюбила мнѣ Катя.— Постои, мы его сейчасъ сюда позовеиъ.

IX.

Вѣзли позвать Ивана. Онъ бокомъ пролѣзъ въ дверь, теперь ужъ безъ лычка на лбу, отыскалъ глазами образъ, перекрестился и тряхиулъ кудрями. Сестра налила ему большую рюмку водки, которую онъ бережно принялъ двумя пальцами лѣвой руки, опять сѣбно перекрестился, промолвивъ обычное „желаемъ здравствовать“, и медленно выпилъ.

— Какъ у васъ насчетъ тетеревей? спросилъ я его.

Иванъ вытеръ губы рукавомъ рубашки и слегка крякнулъ. Водка видно была крѣпкая; чуть замѣтные слезинки заставили его моргнуть нѣсколько разъ подъ-рядъ, послѣ чего его умные, сѣрые глаза быстро метнулись на Руслана, сидѣвшаго около моего стула и устремившаго, слегка скосявшись, пристальный взглядъ на кусокъ говядины, который Маруся смѣлась подносила на вилкѣ къ его носу.

— А тетеревей нынче, Иванъ Антоновичъ, сп-п-а! мотнулъ Иванъ головой.

По тутъ уже онъ окончательно усталъ на Руслана, который теперь замеръ предъ поднесеннымъ вилогну къ его носу мясомъ, ожидая команды „пиль“. Кормить его такимъ образомъ было любимое занятіе дѣтей. Наконецъ магическое слово сказано, и кусокъ моментально пережѣлся съ вилки въ ротъ собаки. Это произвело обычный эффектъ среди дѣтей и лицо Ивана расплылось въ широкую улыбку.

— Что-жъ, собачка у васъ по дичи ходитъ, или только зайцевъ гоняетъ?

— Она зайцевъ не гоняетъ, а только по дичи.

— Ну, ежели по дичи можетъ, такъ вы тетеревей тутъ, какъ грибовъ наберете,—такихъ собакъ у насъ тутъ нѣту; ходитъ тожъ моя по утямъ маленько, а тетеревей не понимаетъ. А съ этой наберете,—тетеревей пощечка урожай!

И онъ снова улыбнулся.

— Такъ когда же поидемъ?

— А ежели что, такъ и завтра можно. Вы до клина прѣѣзжайте, а оттуда и поидемъ, я къ тому времени рабочіхъ поставлю. — Вотъ и прекрасно, одобрила сестра. — Я велю запрячь тебѣ бѣгушки, Родионъ тебя и повезетъ.

На томъ и порѣшили. Поговорили еще немного, и Иванъ ушелъ.

X.

На другой день, часовъ въ пять утра, я былъ уже на мѣстѣ. Утро для охоты выдалось чудесное: немножко сѣреное, съ прохладнымъ вѣтеркомъ при небольшой росѣ, оно обѣщало не жаркій день, въ который тетерева не соберутся въ кучу, а нѣжятся себѣ на прогалинахъ, разбѣгшись по-одиночкѣ. Подлѣжая къ Леушинскому клину, мы услышали въ разныхъ мѣстахъ токанье тоноровъ, покрываніе и могучій трескъ п гулъ умирающаго дерева.

Глухая лѣсная дорожка понемногу терялась и, наконецъ, ѣхавъ дальше уже было некуда. Я слѣлъ, кликнулъ Руслана и пошелъ въ ту сторону, гдѣ акнулись на окликъ кучера. Не прошло и нѣсколькихъ сотъ шаговъ, какъ возлѣ меня сразу, словно изъ земли выросъ Иванъ. Онъ былъ въ короткомъ, подпоясанномъ ремешкомъ, зинурѣ, съ порывавшейся небольшой сумкой, видно самодѣльной работы, черезъ плечо; за спиной, торчмя вверхъ стволами, именно такъ, какъ никогда не носятъ ружье заправскіе охотники, закинута была плохонькая двустволка. Лицо его на этотъ разъ показалось мнѣ гораздо красивѣе, быть-можетъ благодаря совершенно повенному, съ блестящимъ козырькомъ картузу, изъ-подъ котораго упрямо лѣзли непослушные его кудри. Поздоровались.

— Экой способный денекъ-то Богъ послалъ! оглядѣлся Иванъ.

— Какъ же поидемъ?

— А вотъ сейчасъ тутъ будетъ край и выйдемъ на настово льдо; здѣсь наши рабочіе давеча выводокъ согнали—штукъ двѣнадцать говорить, да ужъ почестъ съ курицу, большіе.

— Когда давеча?

— Да вотъ-вотъ только что сюда шедши, ткнулъ онъ нѣсколько разъ рукою внизъ.—А такъ этакимъ манеромъ до казеннику и продвинемся, тамъ я еще выводокъ знаю, тоже штукъ восемь.

Помолъ. Скоро старый лѣсъ зарѣдѣлъ и кончился. Мы вышли на льдо. Невысокая, по густая трава, мѣстами круги низкаго осинника, пропастъ ягодника около старыхъ ивей, обиліе цѣпкаго „мышиннаго горонка“—все указывало, что не найти выводка по этимъ мѣстамъ стыдно.

Русланъ будто сразу понялъ это. Чуть склонивъ голову, неистово вилая своимъ пушистымъ „перомъ“, мелкой рысью пошелъ онъ круто влѣво, забралъ въ мѣру, оглянувшись на насъ и такимъ же манеромъ зарысѣлъ вправо, изрѣдка пофыркивая отъ забравшейся ему въ носъ росы, которую онъ сбивалъ морлою съ серебристой метелки. По самой побѣжкѣ его, по тому выниманію, съ которымъ онъ, замедляя ходъ, втягивалъ въ себя воздухъ, я уже видѣлъ, что онъ чувствуетъ присутствіе дичи и будто думаетъ: „здѣсь должно-быть! По такимъ-то мѣстамъ, да не быть!“ И точно были.

XI.

Сдѣлавъ нѣсколько вигзговъ вѣло и вираво, и пробѣгалъ впередъ пась, Русланъ вдругъ замедлилъ ходъ, приостановился совсѣмъ, и нѣсколько разъ потянулъ воздухъ. Я прибавилъ шагъ, Иванъ за мной. Русланъ быстро повернулъ голову, словно пригласивъ быть осторожнѣе, потомъ ступилъ шага четыре и ужъ окончательно потянулъ. Чуть-чуть приподнявъ уши, вытянувъ морду такъ, что носъ его словно заострился, онъ легко и плавно, не двигая корпусомъ, осторожно шелъ впередъ—будто плылъ въ густой, росистой травѣ; едва открывая и закрывая ротъ, какъ бы глотая неощутимый для пась запахъ, который не-удержимо влекъ его къ намѣченной гдѣ-то впередъ точкѣ, онъ продвинулся шаговъ двадцать.

Вдругъ онъ сразу остановился какъ вкопанный, устремивъ глаза въ траву немного впередъ себя. Я сталъ и залюбова-лся пмъ.

Словно пасѣченный изъ бѣлаго мрамора, вытянувшись и застывъ съ приподнятою для слѣдующаго шага лапою, въ на-приженной позѣ, такъ что весь верхній контуръ этого пзаван-ша, патиная съ паса и до кончика хвоста, представляла одну прямую линію, наклоненную къ землѣ, онъ не двигалъ ни однимъ волосомъ, только горящіе глаза говорили, что это не пзаваніе, а живое тѣло, которое все мгновенно оживится, какъ только разстояніе между нимъ и той точкой, изъ кото-рой исходила магнетизирующая его сила, увеличится. Я огля-нулся на Ивана. Тотъ стоялъ какъ околдованный, ружье по-прежнему за плечамъ, немного поблѣднѣвшій, съ слегка заку-савшей нижней губою, глаза впередъ въ Руслана. Очевидно онъ впервые видѣлъ стойку и былъ пораженъ. Въ этотъ мо-ментъ раздалось дружное, торопливое хлопанье нѣсколькихъ паръ крыльевъ и три крупные тетерева разомъ сорва-лись почти изъ-подъ самой морды Руслана; одинъ такъ близко метнулся мимо моей головы, что я несколько отстранился. Я вскинулъ ружье и выстрѣлилъ—промахъ. Въ ту же секунду сѣва, грузно хлопая крыльями и поквакивая, вылетѣла изъ куста старка и потянула наискось—мимо меня. Я прицѣлился, выдержалъ и спустилъ курокъ. Тетерка кувыркомъ упала въ траву и чрезъ минуту Русланъ уже несъ ее, высоко поднявъ голову, будто боясь замочить ее объ росу, и пугаясь въ травѣ.

— Что-жъ ты не стрѣлялъ? обернулся я къ Ивану.

По тотъ попрежнему стоялъ, какъ очарованный, глядя на Руслана, сложившаго свою пошу около меня и встряхиваю-щагося отъ росы.

— Ну, соба-а-ака! протянулъ наконецъ Иванъ, вдругъ ши-роко улынувшись и качая одобрительно головой.—Да я такую штуку отродясь не видалъ! Вѣдь скажи-жъ пожалуйста, а!.. Словно заколѣнѣла, и лапой показываетъ! Ну, штука! уди-влялся онъ.

— Да вѣдь это, братъ, всякая легавая дѣлаетъ.

Онъ нагнулся, поднялъ убитую птицу, осмотрѣлъ ее и сталъ привизывать къ своей сумкѣ.

— И сама принесла и кладетъ! Вотъ она барская-то охота въ чемъ важнѣе, медленно протянулъ онъ.—А мы-то только тогда и убьемъ, если старку подвабимъ. А вѣдь это-жъ погля-дѣть, такъ чудно! Сейчасъ тебѣ почула и повела, повела—и показываетъ!

Онъ опять закачалъ головой и хлопнулъ себя обѣими руками по бедрамъ.

— Ты ружье-то свое снмай, да взводи курки, сейчасъ опять подымемъ, училъ я его.

— Да ужъ теперь и приспособляюсь. Ну, штука! не унимался мой охотникъ.

Дѣйствительно, выводокъ оказался большой. Мы выбрали его почти весь, и когда оставили это мѣсто, то сѣтка давала уже плечу чувствовать свою тяжесть.

XII.

Иванъ оказался хорошимъ стрѣлкомъ и постоянно глядѣлъ и ласкалъ Руслана.

Пробродивъ потомъ даромъ часа два, мы подошли наконецъ къ казенному лѣсу; я порядочно усталъ отъ ходьбы по густой, дѣвской травѣ и предложилъ своему спутнику пріесть и за-кусить.

— А вы вотъ, баринъ, тутъ на опушкѣ посидите и заку-сите, а я сейчасъ вернусь, мнѣ маленько въ казенникѣ пройт-ти надо.

— Чтѣ это за казенникъ?

— Да Демьяновскій участокъ прозывается; у меня тамъ малое дѣло есть.

Я согласился, и Иванъ скоро скрылся въ лѣсу. Я приле-гъ на обсохшую отъ росы траву, разложивъ закуску, пригото-вленную дома еще съ вечера, и сталъ завтракать, поджидая моего охотника. Посидѣвъ съ полчаса, я окликнулъ Ивана. Подождать еще немного и соскучившись сидѣть на мѣстѣ, я всталъ, закинулъ ружье и, углубившись въ казенникъ, повер-нулъ вдоль опушки.

Скоро я попалъ на едва замѣтную тропку, на которой мохъ былъ обмятъ въ одномъ направленіи, словно бы тутъ волокомъ тапили что-то, и побрезъ по ней, такъ какъ она пзвивалась тоже недалеко отъ края.

Лѣсъ въ этомъ участкѣ рубился вѣроятно давно, потому что видѣвшіеся иногда изъ густого ли-тняка или были черны и густо усажены трутьякомъ. По сторонамъ засѣлъ сильный молодой лишнякъ, подъ ногами былъ свѣтло-зеленый мохъ, по которому пога ступала беззвучно, какъ по коврау. Кос-гдѣ темная зелень черничника скрывала свѣтлую зелень мха, и пзспили-черныя, крупныя какъ вишни, ягоды черники, словно глаза, смотрѣли на прохожаго. Было совершенно тихо. Русланъ плелся сзади, такъ близко ко мнѣ, что иногда наступалъ мнѣ на погу. Я шелъ такимъ образомъ съ четверть часа, какъ вдругъ, на крутомъ поворотѣ тропинки, увидѣлъ впередъ сѣ-рую фигуру человѣка, который стоялъ ко мнѣ спиной. По торчащему вверхъ ружью и по густымъ темнымъ кудрямъ я узналъ Ивана, но такъ какъ онъ заслонялъ отъ меня своего собесѣдника собою, то нельзя было видѣть, съ кѣмъ онъ раз-говаривалъ. Подлѣ, на мху, лежалъ пукъ свѣже-надраннаго корня. Но вотъ что-то красное мелькнуло изъ-за его плеча, и я несколько понатисился назадъ и остановился за деревомъ: отступать было поздно.

До меня ясно доносился слова разговора, который новиди-мому уже нѣкоторое время велся раньше. Говорилъ грудной женскій голосъ, говорилъ задорливо и громко.

— А чѣмъ же онъ не пригожъ по-твоему?

— Да пшито по тебѣ ихняя-то семья? донесся сдержан-ный, чуть прерывающійся голосъ Ивана. — Пшито сладко тебѣ будетъ отъ его приюжести, ежели тебя свекровь по-ѣдомъ-ѣсть каждый день будетъ?

— Чего-жъ она меня съѣстъ? Онъ, Ваня, меня въ обиду не дастъ, не больно-то ее бонтя, самъ знаешь.

— Бонтя! А про сметаю-то забыла?

Женщина тихо засмѣялась, и голосъ Ивана повеселѣлъ.

— Эхъ, Анюта, горе мое одно, что въ солдаты мнѣ итти, а то-бъ я силкомъ тебя выкрадъ и увезъ бы на край свѣта.

Я сразу сообразилъ, какое дѣло было у Ивана въ Демья-новскомъ участкѣ.

XIII.

— Ишь ты, пряткій! ласково раздался голосъ Анютки.—Да куда-жъ ты меня увезешь?

— Куда! Чо-жъ, окромя твоихъ Калачей и свѣтъ клиномъ сошелъ? Пшито въ Москву намъ дороги отсель заказаны?

— А батка-то какъ останется?

— И на батку хватитъ; вонъ Семка Устюжнѣ каждый мѣсяцъ почестъ десять рублей въ домъ плетъ, такъ неужли я хуже его руками-то владѣю! Ой, Анютка, отступись ты отъ свою кабатчика, ей-Богу отступись!

Въ голосѣ его звучала просьба.

— Да что ты ко мнѣ съ кабатчикомъ пристаешь, словно я подъ вѣнецъ иду? Слыхалъ, чай, что дѣло назадъ пошло, батка теперь и слышать не хочетъ меня за него отдавать.

— Батка-то знаю, что не хочетъ, а вотъ ты-то въ ѣмъ ко-роля треховаго нашла! протянулъ Иванъ съ какой-то неудер-жимой злобой.

— Охъ, Ваня! Нѣтъ, онъ мнѣ вовсе не любъ сталъ.

— Съ конхъ же это поръ не любъ-то, коли вонъ и намедни у васъ въ Хасѣкинѣ прохладжался?

— А вотъ съ конхъ-ли ни поръ, да не любъ! бойко прозвучалъ отвѣтъ.

— Анюта!..

Голосъ Ивана замеръ.

— Ну?

— А за меня-бъ пошла? едва разобралъ я.

Послѣдовала пауза. Я выглянулъ. Голова Ивана слегка на-гнулась; локтей его рукъ я уже не видалъ, а изъ-за кудрей выглядывалъ уголокъ красного платка. Потомъ я разслышалъ слово „солдаты“, произнесенное груднымъ голосомъ, и опять пауза. Я выглянулъ снова. Двѣ тонкія, загорѣлыя руки свѣ-шпвались съ плечъ Ивана и безсильно лежали на слегка сторбленной спинѣ его, а кудри уже рельефно съ обнхъ сторонъ выступали на фонѣ красного платка.

Былъ-ли это звукъ поцѣлуя, или какая-нибудь пичужка пискнула въ кустахъ, но мнѣ вдругъ ужасно стало неловко и какъ-то совѣстно, что я тутъ стою и подслушиваю, и подгля-дываю чужое счастье. Я осторожно отступилъ нѣсколько ша-говъ и повернулъ назадъ по тропинкѣ.

— О-го-го!.. гулко пронеслось въ эту минуту со стороны мѣста свиданія.

— Это батка кличетъ, разслышалъ я, уходя, голосъ Анютки и затѣмъ послышался плестъ поднимаемаго на плечи пика корня. Я пошелъ шибче и скоро вышелъ на опушку лѣса, недалеко отъ того мѣста, гдѣ отдыхалъ. Чрезъ нѣсколько ми-нутъ и Иванъ показался на краю лѣда и шелъ ко мнѣ.

— Что-жъ, отдохнули, баринъ? спросилъ онъ, глядя немного въ сторону.

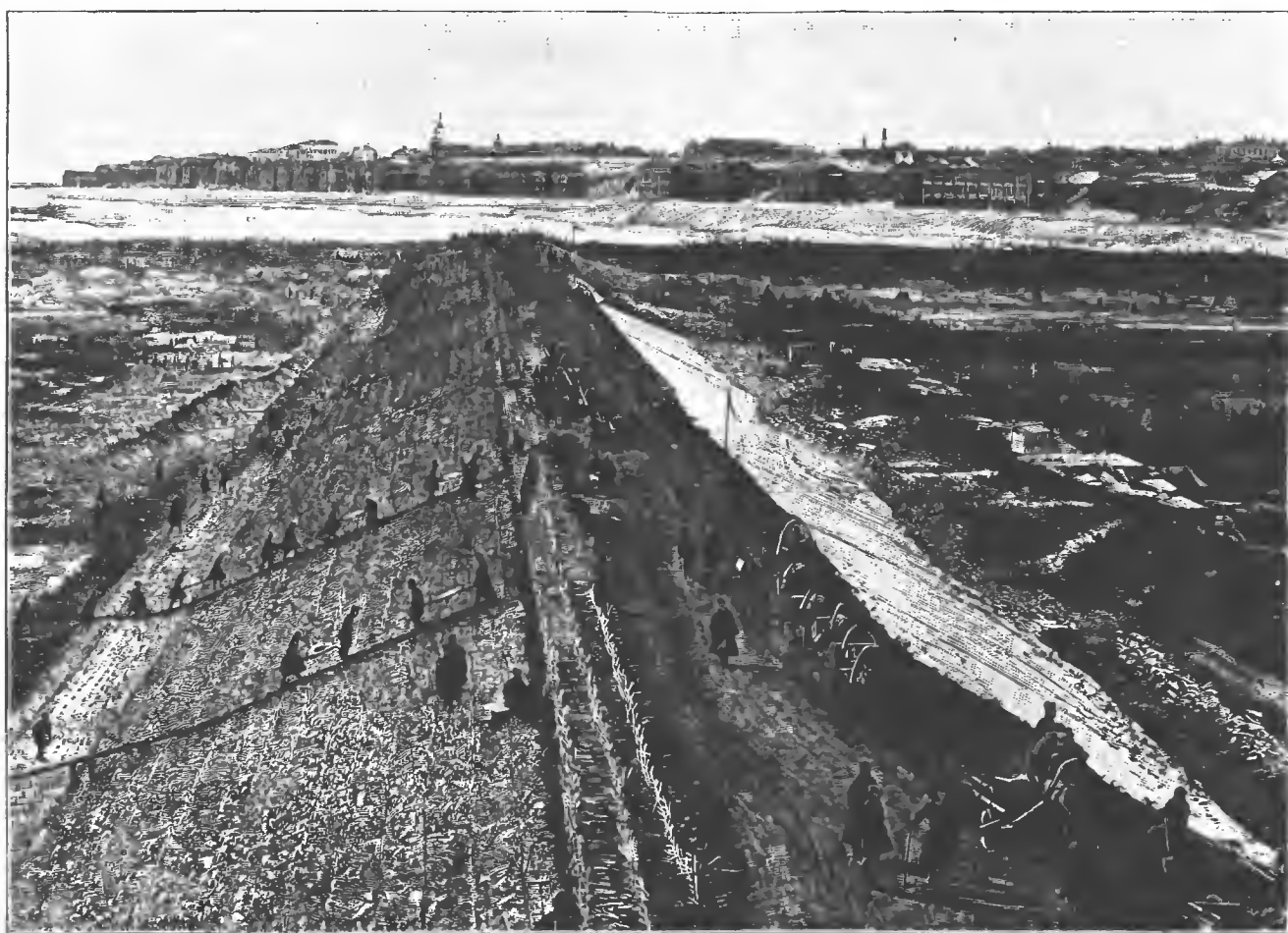
Я отвѣчалъ, что отдохнулъ, и мы пошли. Разбивъ еще вы-водокъ, мы вернулись къ лошади, я распрощался съ Иваномъ, привязавъ сѣтку къ передку дрожжекъ и поѣхалъ домой.

Я зналъ теперь, что на торгахъ Демьяновскій участокъ остался за Васькой, хасѣкинскимъ лѣсинкомъ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Общественные работы въ Россіи. Постройка новаго элеватора. Съ фот. Васильева, грав. Рашевскій.

Общественныя работы въ Россіи. Устройство новой Самарской бухты. Съ фот. Васильева, грав. Рашевскій.

Къ рисункамъ.

Центральный базаръ хлопка въ Андижанъ.

(Рис. на стр. 29).

Такъ-называемая Ферганская область образована, какъ извѣстно, указомъ 19 февраля 1876 года изъ присоединеннаго къ Россіи Коканскаго ханства и составляетъ часть Туркестанскаго генералъ-губернаторства. Орошаемая рѣкою Сыръ-Дарьей, область имѣетъ климатъ мягкій и изобилуетъ естественными богатствами: нефтью, каменнымъ углемъ, мѣлью, желѣзомъ, хлѣбными растеніями, фруктами, мареною и хлопкомъ. Изъ всѣхъ этихъ продуктовъ—хлопокъ является наиболѣе важнымъ для насъ, какъ готовый у себя дома матеріалъ для нашей мануфактуры, съ каждымъ годомъ развивающейся въ центральной Россіи. И дѣйствительно, въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ разведеніе хлопка въ Ферганѣ быстро расширяется съ каждымъ годомъ. Центральнымъ базаромъ по покупке и продажѣ хлопка является городъ Андижанъ. Около него сосредоточены и главнѣйшіе хлопкоочистительные заводы. Увеличивающійся наплывъ хлопка въ настоящее уже время побуждаетъ усовершенствовать эти заводы и построить новыя. Всего ихъ теперь до шестнадцати; машины поставлены американской конструкціи. Одинъ изъ заводовъ—паровой, очищающій въ сутки болѣе 2,000 пудовъ хлопка. Хлопокъ тутъ же прессуется и отправляется въ центральную Россію. Наша гравюра, исполненная по фотографіи Г. П. Полонскаго, наглядно изображаетъ то оживленіе, которое господствуетъ на Андижанскомъ базарѣ при отправкѣ хлопка, производимой въ теченіе круглаго года и особенно осенью, когда поспѣваетъ хлопокъ.

Отѣздъ Маріи Стюартъ изъ Франціи.

(Рис. на стр. 32 и 33).

Восьмого декабря прошлаго года исполнилось ровно 350 лѣтъ со дня рожденія Шотландской королевы Маріи Стюартъ.

Многочисленная участъ и полная приключеній жизнь ея во всѣ времена были предметомъ любопытства и участія, и не мало изслѣдованій и сочиненій посвящено жизни этой королевы. Но, несмотря на всѣ изслѣдованія, многое въ характерѣ этой замѣчательной женщины остается невыясненнымъ. Въ 1542 году Марія, спустя 8 дней послѣ своего рожденія, лишилась отца и была провозглашена королевою, подлѣ опекою матери своей, Маріи Лотарингской. Шестнадцати лѣтъ она вышла замужъ за дофина Франціи, который на слѣдующій годъ былъ провозглашенъ королемъ подлѣ именемъ Франциска II. Супружество это, блестящее и веселое, пронеслось какъ сонъ: черезъ 18 мѣсяцевъ Марія овдовѣла и покинула Францію не безъ сожалѣнія. Отѣздъ ея въ Шотландію изображенъ на нашей рисункѣ. Понятна ея печаль, когда ей приходилось покинуть благополучную страну, гдѣ она была такъ счастлива, и промѣнять ее на суровую Шотландію. Долгое время приписывали ей подлѣ прелести и непритворной чувствительности „*Adieu à la France*“. Впослѣдствіи стало извѣстнымъ, что ихъ авторомъ былъ Керлоу. Но, если эти стихи и не вышли изъ-подъ пера вдовствующей королевы, то все-таки очень вѣрно передавали настроеніе Маріи, какъ бы предчувствовавшей, что, покинувъ Францію, она отживетъ лучшую и блестящую часть своей жизни. По возвращеніи на родину, привязанность Маріи къ католицизму возбудила противъ нея многихъ изъ ея новыхъ подданныхъ, съ фанатизмомъ державшихся реформы. Желая заслужить народное расположеніе, она рѣшила выйти замужъ за шотландца, и въ 1565 г. Марія отдала свою руку молодому кузену Генриху Дарилею, у котораго кромѣ красоты не было ничего. Бракъ этотъ не былъ счастливымъ: Дарилей, ревнуя Марію къ ея секретарю и пансернику, итальянцу Давиду Риччіо, который въ дѣйствительности былъ только агентомъ папскаго престола, велѣлъ умертвить его на глазахъ самой королевы. Но и самъ Дарилей вскорѣ погибъ подлѣ развалинами своего дома, который былъ взорванъ. Молодую королеву считали причиною этой катастрофы. Подозрѣніе было вызвано тѣмъ, что три мѣсяца послѣ смерти втораго супруга, Марія выходила въ третій разъ замужъ за графа Ботвелли, котораго обвиняли въ убійствѣ Дарилея. Шотландцы, возмущенные своднымъ братомъ королевы, Мурресомъ, возстали, и Марія, взятая въ плѣнъ, была заключена въ замокъ Лохъ-Левенъ. Ей, однако, удалось оттуда бѣжать, и она удалилась въ Англію, рассчитывая найти пріютъ и защиту у Англійской королевы Елизаветы. Но Марія ошиблась. Елизавета считала ее для себя опасною: красивая, популярная въ народѣ и въ средѣ дворянства, Марія считалась многими законною наследницею англійскаго престола; поэтому, при первомъ удобномъ случаѣ, ее заключили въ темницу, гдѣ она протомилась 18 лѣтъ. Не разъ совершались попытки освободить Марію, но это только ухудшало ея участь, и въ 1587 году, подлѣ предлогомъ участія Маріи въ заговорѣ противъ Елизаветы, несчастная страдальца была казнена.

Литературный альбомъ. „Осгаръ“, Пушкина.

(Рис. на стр. 37).

„Осгаръ“ — одно изъ раннихъ произведеній Пушкина. Оно написано въ 1814 году. Въ немъ старый бардъ повѣствуетъ путнику въроломную любовь Мальвины.

Во цветѣ лѣтъ любилъ Осгаръ Мальвину...

Однажды, въ темну ночь зимы порой унылой,
Осгаръ стучится въ дверь красавицы молодой,
И шепчетъ: „Юный другъ, не медли, здѣсь твой милый!“
По тихо въ хижинѣ. Вновь робкою рукою
Стучитъ и слушаетъ: лишь вѣтры съ свистомъ вѣютъ. —
„Ужели спишь теперь, Мальвина?“ Мгла вокругъ,
Валится снѣгъ, вѣсы въ туманѣ леденѣютъ:
„Услышь, услышь меня, Мальвина, милый другъ!“
Опъ въ третій разъ стучитъ. Со скрипомъ дверь шатнулася;
Опъ входитъ съ трепетомъ: несчастный, что-жъ узрѣлъ?
Темнѣетъ взоръ его; Мальвина содрогнулась:
Опъ зрѣтъ—въ объятіяхъ измѣнницы Звигнелъ!
И ярость дикая во взорѣ закипѣла;
Нѣмѣетъ и дрожитъ любовникъ молодой;
Опъ грозный мечъ извлекъ—и ибѣтъ уже Звигнела,
И блѣдный духъ его сокрылся въ тѣмѣ ночной.
Мальвина обила несчастнаго колѣна,
Но взоры отвративъ: „живи!“ сказалъ Осгаръ;
„Живи, ужъ я не твой, презрѣнная мой измѣна,
Забуду, потушу къ невѣрной страсти жаръ“.
И тихо за порогъ выходитъ онъ въ молчаньи...

По зимнему пути. (Рис. на стр. 40).

Тонкій рисунокъ перомъ молодого художника г. Юмудскаго можетъ служить прекрасною иллюстраціею извѣстному стихотворенію И. С. Никитина „Ночлеги ямщиковъ“.

Далеко, далеко раскинулось поле,
Покрытое снѣгомъ, что бѣлымъ ковромъ...

Богъ знаетъ откуда, съ какимъ-то товаромъ
Обозъ по дорогѣ пробитой идетъ...

Въ овчинныхъ тулупахъ, въ коломенскихъ шапкахъ,
Съ обозомъ, и съ правой, и лѣвой руки,
Въ лаптяхъ и онучахъ, въ большихъ рукавицахъ,
Кряхти, пожимаясь, идутъ мужики...

Раздача святой воды. (Рис. на стр. 41).

Гравюра наша передаетъ композицію Г. Ижакевича: „раздача богоявленской воды въ церкви“. Русскіе люди знаютъ, что вода эта, принятая съ вѣрою, можетъ имѣть цѣлебное дѣйствіе и, запасшись ею на Богоявленіе (6 января), они сохраняютъ ее въ чистыхъ сосудахъ у образовъ. Примѣры нечленія большихъ богоявленскихъ водою приходилось слышать часто, и для вѣрующихъ это не можетъ показаться ни страннымъ, ни невѣроятнымъ. Истинная вѣра можетъ спасти отъ педуа не только душевнаго, но и тѣлеснаго, весьма часто связаннаго съ душевнымъ... Этой вѣрой исполненъ и нашъ русскій народъ, приходившій въ церковь съ благоговѣніемъ за святою водою...

Общественныя работы въ Россіи.

(Рисунки на стр. 45 и 48).

Такъ называемыя „общественныя работы“ были предприняты у насъ, какъ извѣстно, съ цѣлью дать заработокъ нуждающемуся въ неурожайныхъ губерніяхъ населенію. Въ Сборникѣ „Швы“ за декабрь прошлаго года мы дали подробную статью В. Баскина, касающуюся этого въ высшей степени благого дѣла нашего правительства. Напомнимъ, такъ сказать, благотворительной цѣли этихъ работъ, самый предметъ ихъ безусловно соответствовалъ насущнымъ потребностямъ страны. Благодаря имъ, проведены новыя шоссеыя дороги, отремонтированы грунтовыя, сооружены школы, элеваторы, хлѣбные амбары, устроены пруды, разработаны участки казенныхъ лѣсовъ и т. д., и т. д. Среди этихъ работъ одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ также между прочимъ устройство искусственной самарской бухты для стоянокъ и зимовки пароходовъ. За отсутствіемъ этой бухты, до настоящаго времени, пароходы, зимую въ отдаленныхъ затокахъ, вынуждены бывали обыкновенно пробѣгать порожнякомъ значительныя разстоянія, вслѣдствіе чего первый рейсъ совершалъ ими на десять дней поздне; во избѣжаніе этихъ неудобствъ и предпринято было сооруженіе бухты, гдѣ пароходы могутъ зимовать и быть ремонтируемыми.

Бухта устроивается, какъ видно на рисункѣ (стр. 45), въ ливнѣ между Оренбургской желѣзной дорогой и вѣтвью этой дороги; прямо видны хлѣбные амбары, расположенные вдоль рѣки; переднюю часть рисунка занимаетъ устройство дамбы,

главное назначеніе которой—защитить бухту отъ наводненій во время весенняго разлива рѣки. Дамба эта, во время фотографированія ея, не была еще окончена и поэтому правая половина еще не настала и рѣзко отличается отъ лѣвой, представляющей собой плотную сѣтку, назначеніе которой—задерживать и не пропускать воду. Затраты, сдѣланныя на это сооруженіе, будутъ возмѣщены казнѣ сборомъ съ пароходовладельцевъ за пользованіе бухтою; стоимость же ея опредѣлена въ 200 тысячъ рублей.

На другомъ затѣмъ рисункѣ на этой же страницѣ, изображенъ фундаментъ строящагося въ Самарѣ элеватора, вмѣстимостью въ 300 тысячъ пудовъ зерна; здѣсь мы имѣемъ дѣло съ типомъ *силоснаго* (закромнаго) элеватора.

Фундаментъ дѣлается изъ кирпича или бутового камня, по цементномъ растворѣ, для придачіи ему значительнаго сопротивленія давленію зерна и машинъ. Силосъ—это пѣчто въ родѣ чана, куда сыпается хлѣбъ; такихъ силосовъ въ элеваторахъ, вмѣстимостью въ 300 тысячъ пудовъ, бываеъ до 20. Корнусы, въ которыхъ помѣщаются силосы, будутъ имѣть 6 саж. ширины, 18 саж. длины и 9 саж. вышины. Кроме того, для такъ называемыхъ транспортеровъ будутъ сдѣланы подземныя галереи, углубленныя на полторы сажени подъ поверхность земли. За силосами помѣщается башня, на рисункѣ находящаяся передъ заднимъ строеніемъ, называемымъ котловымъ, такъ какъ въ немъ сосредоточены паровыя котлы.

Башня, вышиною въ 7 этажей, будетъ отдѣлена отъ корпуса брандмауэромъ для предохраненія отъ распространенія пламени въ случаѣ пожара. Съ правой стороны проходитъ желѣзная дорога и такимъ образомъ вагоны могутъ подойти къ самому элеватору для нагрузки и разгрузки ихъ. Съ лѣвой стороны на рисунокѣ видна гора, съ которой въ настоящее время спускаются матеріалы, привозимые для постройки элеватора. Приемъ и отпускъ зерна по желѣзной дорогѣ можетъ производиться съ обѣихъ продольныхъ сторонъ элеватора и притомъ по всей его длинѣ: для приема съ вагоновъ будутъ служить особо-устроенныя воронки въ числѣ 24-хъ штукъ, дозволяющихъ разгружать одновременно 12 вагоновъ; для нагрузки же вагоновъ—трубы, посредствомъ которыхъ можно одновременно нагрузить 24 вагона. Зерно, сложенное въ силосахъ, по мѣрѣ надобности, для его очистки, отправкѣ или провѣтриванія, можетъ быть высыпано посредствомъ нижнихъ спускныхъ рукавовъ, закрываемыхъ задвижками, въ нижніе транспортеры, которые приводятъ его къ элеваторамъ, а послѣдніе поднимаютъ наверхъ башни, а оттуда уже зерно распределяется по соответствующимъ рукавамъ.

Какъ извѣстно, заведывающій общественными работами генералъ Анненковъ также придастъ особенно важное значеніе работамъ оросительнымъ, т. е. устройству запрудъ и укрѣпленію береговъ рѣкъ; эти запытія предоставляютъ заработокъ населенію по возможности на мѣстѣ и приносятъ непосредственную пользу данной мѣстности въ хозяйственно-экономическомъ смыслѣ; они весьма просты, не требуютъ спеціальныхъ знаній и исполнѣ доступны по своей дешевизнѣ. Главное вниманіе при этомъ обращено на улучшеніе воднаго хозяйства, съ цѣлью вывести земледѣльца изъ состоянія вѣчнаго опасенія засухъ.

Для этой цѣли одною изъ серьезныхъ мѣръ служатъ задержаніе весеннихъ водъ въ прудахъ, оврагахъ, балкахъ и проч., а также искусственное накопленіе силъ, устройство валиковъ и защитъ и прочее. Въ десяти уѣздахъ уже производится въ настоящее время устройство запрудъ и, между прочимъ, двухъ метеорологическихъ станцій: въ Конь-Колодезѣ, при земской сельско-хозяйственной школѣ, гдѣ имѣются характерные овраги (въ Задонскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи) и въ с. Шовковомъ. Къ прѣзду генерала Анненкова, въ началѣ сентября прошлаго года, въ Конь-Колодезѣ устроена была выставка огородничества, на которой экспонировались продукты, полученные при посредствѣ искусственнаго

обводненія, и плоды, выросшіе при тѣхъ же почвенныхъ условіяхъ, но при обыкновенной поливкѣ полей. Въ Конь-Колодезѣ устроены каптажъ водъ съ обводненіемъ при помощи валиковъ и снѣжныхъ защитъ, съ примѣнисіемъ ихъ къ орошенію полей и огородовъ, и въ качествѣ движущей силы на крестьянскихъ мельницахъ. Результаты искусственнаго обводненія получились, какъ не трудно убѣдиться на рисунокѣ (стр. 48), поразительные. Величина плодовъ и овощей (рѣпа, морковь, капуста, рѣдька, огурецъ, дыня и др.), культивированныхъ при помощи искусственнаго орошенія, превосходить въ нѣсколько разъ величину продуктовъ, выращенныхъ при обыкновенныхъ условіяхъ поливки.

В. Б.

Н. И. Кокшаровъ. (Портр. на стр. 48).

21 декабря минувшаго года русская наука лишилась одного изъ выдающихся своихъ представителей, Николая Ивановича Кокшарова. 75 лѣтъ тому назадъ, 23 ноября, на хуторѣ своего дѣда со стороны матери, князя С. Д. Эрнстова, въ Томской губерніи, близъ крѣпости Усть-Каменогорской, увидѣлъ свѣтъ будущій знаменитый минералогъ. Отецъ его былъ горнымъ инженеромъ и быть-можетъ первыя познанія и любовь къ наукѣ сообщены юному Кокшарову въ минералогіи. 12-ти лѣтъ Кокшаровъ поступаетъ въ Горный Институтъ, въ которомъ онъ пробылъ 10 лѣтъ.

Послѣ окончанія курса въ 1840 г. Н. И. Кокшаровъ былъ назначенъ на службу въ уральскіе заводы и въ слѣдующемъ году сопровождалъ иностранныхъ геологовъ Мурчисона, графа Кейзерлинга и де-Вернеля по восточному краю Европейской Россіи и участвовалъ въ составленіи геологической карты, составленной этими учеными. Путешествіе не осталось безъ вліянія на направленіе всей послѣдующей дѣятельности покойнаго. Въ 1842 году, согласно Высочайшему повелѣнію, Н. И. отирается за границу, срокомъ на три года, для изученія геологій и палеонтологій; возвратившись оттуда, онъ занимаетъ мѣсто ренетитора въ Горномъ Корпусѣ и преподавателя металлургіи и горнаго искусства и читалъ лекціи по минералогіи и геогнозису въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1849 году онъ поступаетъ смотрителемъ Главной Физической Обсерваторіи и остается въ этой должности до 1852 года, занимая въ отсутствіе директора, А. Я. Кунфера, его мѣсто.

Въ 1855 году Н. И. Кокшаровъ утвержденъ былъ адъюнктомъ Академіи Наукъ, а затѣмъ избранъ экстраординарнымъ академикомъ въ 1858 г. и въ 1866 г. ординарнымъ.

Покойный съ 1865 года весьма долгое время состоялъ директоромъ (въ послѣднее время почетнымъ) Императорскаго Минералогическаго Общества, душою котораго онъ былъ и которое ему очень много обязано своей успѣшной дѣятельностью. Въ 1872 году онъ былъ сдѣланъ директоромъ Горнаго Института и занималъ эту должность 9 лѣтъ.

Ученныя заслуги его были почтены весьма многими учеными учрежденіями русскими и иностранными. Онъ былъ членомъ четырехъ иностранныхъ академій, 25 ученыхъ обществъ и докторомъ четырехъ университетовъ.

Изданные имъ на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ „Матеріалы для минералогіи Россіи“ (10 томовъ) совершенно справедливо поставили его въ ряды первыхъ ученыхъ Европы и списали ему всемірную извѣстность. Сочиненіе это представляетъ первое систематическое и замѣчательно обстоятельное описаніе русскихъ минераловъ. Кроме этого имъ были изданы „лекціи минералогіи“ и написано множество статей въ изданіяхъ Академіи, Минералогическаго Общества, *Горный Журналъ* и т. д.

Почти одновременно съ покойнымъ Н. И. Кокшаровымъ скончались еще два лица, Кочубей и Гадоминъ, не чуждые минералогіи и близкіе покойному горячею любовью къ наукѣ. Портреты этихъ лицъ будутъ помѣщены въ слѣдующемъ номерѣ *Нивы*.

Политическое обозрѣніе.

Новый годъ былъ встрѣченъ Западною Европою спокойно, съ надеждою, что существующая неясность положенія дѣлъ въ нѣкоторыхъ странахъ разъяснится.

Въ Римѣ, король принималъ поздравленія съ новымъ годомъ высшихъ государственныхъ сановниковъ, въ отвѣтъ на поздравленія депутацій отъ сената и палаты депутатовъ, сказалъ, что онъ счастливъ, что новый годъ начинается при наилучшихъ и надежнѣйшихъ видахъ на международныя отношенія Италіи; народъ можетъ спокойно посвятить свои силы всецѣло внутреннимъ интересамъ страны.

Въ Берлинѣ, молодой императоръ, во время приема корнусныхъ командировъ, являвшихся съ поздравленіемъ по случаю новаго года, сдѣлалъ только заявленіе о твердой рѣшимости въ проведеніи новаго военнаго законопроекта въ виду того, что осуществленіе проектировавшаго военной реформы является для Германіи необходимою въ военномъ и политическомъ отношеніяхъ.

Въ Парижѣ, 1 января, по случаю новаго года, президентъ

республики принималъ дипломатическій корнусъ. Памскій пунцій, отъ имени всѣхъ представителей, пожелалъ благополучія г. Карно и благоденствія благородной французской націи, занимающей столь важное положеніе среди всѣхъ народовъ. Г. Карно благодарилъ и сказалъ, что пожеланія мира и согласія отвѣчаютъ чувствамъ правительства французской республики, и онъ присоединяется къ нимъ отъ всего сердца. „Засвидѣтельствовавнное вами сочувствіе, присовокупляя президентъ,—имѣя дорого и правительство республики, сильное этимъ сочувствіемъ и полагаеся на благоразуміе Франціи, которая уважаетъ право и правду, съ спокойствіемъ смотритъ въ будущее“.

Дѣйствительно спокойно надо взирать на клеветническую оргію, охватившую Парижъ. Гнусныя нападки поражаютъ безъ разбора и часто безосновательно и подъ ударами ихъ рѣдко кто можетъ сохранить хладнокровіе и отказаться отъ всего лишь бы прекратить неистовство. Передъ давленіемъ массы инеципаций не могъ устоять даже кабинетъ и подальше от-

ставку. Но, къ счастью, не всѣ министры выдутъ изъ него, хотя кабинетъ и лишится Фрейсина, военного министра многопоработавшаго для силы и славы своей родины и вынужденнаго отказаться отъ портфеля вслѣдствіе намасковъ и угрозъ *Gaillols* и другихъ единомыслящихъ съ нимъ газетъ.

Многіе думали, что эти газеты вызовутъ чуть-ли не дѣлю революцію въ день открытія палаты съ сенатомъ и начала панамскаго дѣла. Принятые противъ того мѣры благополучно разсѣяли тревогу. Но все-таки 29 декабря въ окрестностяхъ Бурбонскаго дворца арестовано около 15 человекъ за отказъ разойтись. Послѣ полудня на площади Согласія собралось нѣсколько любопытныхъ и произведено нѣсколько арестовъ, тоже за отказъ разойтись.

Въ палатѣ депутатовъ первыя голосованія по избранію президента остались безъ результата. При второмъ голосованіи оказалось только 212 вотировавшихъ. Во время прохожденія мимо трибуны, нѣкоторые депутаты встрѣчены были враждебными манифестациями. Между Рувье и членомъ правой Бернисомъ произошло крупное столкновеніе. Легриссе и Перве де-Ларсанъ обмѣнялись сепкудантами.

Флоке отказался отъ кандидатуры въ президенты и Казимиръ Перье избранъ президентомъ палаты депутатовъ. Въ сенатѣ, тоже вторымъ голосованіемъ, избранъ президентомъ 162 голосами Леруайе.

Панамское дѣло началось, несмотря на отсутствіе Ферди-

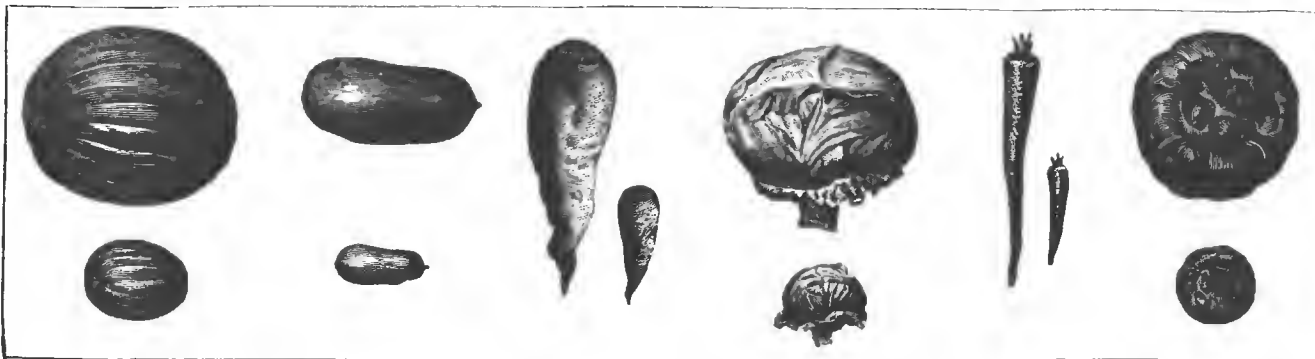

Н. И. Кокшаровъ († 21-го декабря 1892 г.). Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

несмотръ конституціи необходимъ для того, чтобы оградить Болгарію отъ послѣдствій иностранныхъ державъ, а ближайшимъ къ тому средствомъ является образованіе болгарской династіи, связанной родственными узлами съ древней европейской династіей. Вотъ почему Фердинандъ и вступилъ скоро въ бракъ. Исповѣданіе православной вѣры потому не признается обязательнымъ для ближайшаго преемника Фердинанда, что прежде всего я, какъ католичка, этому воспротивилась, затѣмъ потому, что въ непредвидѣнномъ случаѣ из-

необходимы. Лессенсъ присовокупилъ: „Мы улизали 600,000 франковъ Корнелию Герцу, мы сдѣлались жертвами настоятельныхъ просьбъ, поступившихъ со всѣхъ сторонъ и въ которыхъ никакъ нельзя было отказать, какъ нельзя не выпустить своихъ часовъ, когда у васъ ихъ требуютъ въ лѣсу“.

Измѣненіе болгарской конституціи Стамбуловымъ, которую считаютъ дѣломъ католицизма, находитъ должный отпоръ со стороны многихъ здравомыслящихъ патриотовъ и особенно со стороны духовенства. Пѣкоторый свѣтъ на причины, вызвавшія это измѣненіе, проливаетъ газета *Hirap*, гдѣ напечатанъ разговоръ, происходившій между принцессою Клементиною и однимъ венгерскимъ магнатомъ, въ недавнее пребываніе принцессы въ Буда-Пештѣ, проѣздомъ изъ Софіи въ Вѣну. Принцесса сказала: „Въ послѣднее время Болгаріи грозилъ крупный кризисъ; я и мой свмъ уже пришли къ рѣшенію оставить Болгарію навсегда. Пе-

Къ статьѣ „Общественныя работы въ Россіи.“ Наглядная разница въ величинѣ между плодами и овощами, культивированными при искусственомъ орошеніи и обыкновенной поливкѣ.

нанда Лессенса. Президентъ допросилъ Шарля Лессенса, который объяснилъ организацію панамскаго общества. Президентъ упрекнулъ Лессенса въ томъ, что тотъ обманывалъ публику, объявляя, что прорытіе канала обойдется въ 5½ милліоновъ. Лессенсъ возразилъ, что заключены были условія только относительно кубическихъ метровъ выемки, затѣмъ представилъ объясненія объ учредителяхъ общества и заявилъ, что отецъ его вложилъ въ дѣло больше денегъ, чѣмъ получилъ.

Когда президентъ сталъ настоятельно требовать объясненій объ употребленіи 600,000 франковъ по промессамъ на предъ-лители, несмотря на протесты генеральнаго адвоката, Лессенсъ заявилъ, что при внесеніи въ палату проекта выпуска выигрышныхъ облигацій, Байо, бывший министръ, имѣлъ арестованный, потребовалъ у него милліонъ, но такъ какъ проектъ не удался, то Байо получилъ всего 375,000.

На вопросъ о раздачѣ суммъ лицамъ, имена которыхъ остались неизвѣстными. Лессенсъ отвѣтилъ, что расходы это были

гнанія Фердинанда изъ Болгаріи отъ ничего отсюда не вынесъ бы, кромѣ православныхъ дѣтей. На требованіе Стамбулова, чтобы, по крайней мѣрѣ, было занесено въ конституцію, что виуки князя должны быть православнаго исповѣданія, я согласилась, принявъ въ соображеніе, что еще много воды утечетъ въ Дунай, пока у Фердинанда родятся внуки“.

Въ Америкѣ все еще не исчезла расправа Ливча; такъ, 24-го декабря прошлаго года толпа замаскированныхъ людей, человекъ въ пятьсотъ, напала на тюрьму въ Бекерсвиллѣ и захватила одного изъ заключенныхъ, который содержался за убійство одного изъ видныхъ мѣстныхъ гражданъ. Человекъ этого поименнаго толпою въ соседнемъ лѣсу. Семеро жандармовъ хотѣли воспрепятствовать этой самовольной расправѣ, но ожесточенная толпа вступила съ ними въ бой, при чемъ всѣ жандармы были перебиты. Изъ толпы убиты 25 человекъ и многіе ранены. Но на этомъ дѣло не окончилось; драка снова возобновилась съ жандармами и изъ толпы опять было убито до 25-ти человекъ. Къ мѣсту безпорядковъ посланы войска.

Искусство.

Театръ.

За пылѣйшій сезонъ на сценѣ московскаго Малаго театра имѣла огромный успѣхъ драма Сарду „Patrie“, озаглавленная въ русскомъ переводѣ именемъ главнаго героя „Графъ де-Ризооръ“. Ризоора игралъ г. Лепскій, жену его Долоресь—г-жа Ермолова, капитана Карлоо—г. Южинъ и герцога Альбу—г. Рыбаковъ.

„Patrie“ слѣдуетъ считать первой драмой, написанной Сарду на тему историческихъ событій; за ней послѣдовали „La Haine“, „Theodora“, „Ternidor“ и др.; во всѣхъ этихъ пьесахъ исторія служитъ прекраснымъ фономъ для разыгрывающейся личной драмы, или вѣрнѣе любовной; въ „Patrie“ дѣйствующія лица связаны съ исторической минутой—борьбой фламандцевъ, отстаивающихъ родину отъ изувѣрскаго деспотизма испанскаго короля въ лицѣ его кровожаднаго наместника „чудовища жестокости“, герцога Альбы. Дѣйствие происходитъ въ Брюсселѣ въ 1568 г.

Драма состоитъ изъ пяти актовъ. Первый происходитъ на рынкѣ „Старой бойни“, сюда приводятъ пѣнныхъ фламандцевъ; испанскіе солдаты обходятся съ ними очень грубо. Между пѣнными находится графъ Ризооръ. Приходитъ верховный начальникъ въ сопровожденіи своихъ помощниковъ и начинается „судъ“: кого отправляютъ на пытку, кого приговариваютъ къ повѣшенію или разстрѣливанію. Наступаетъ очередь Ризоора, обвиняемаго въ томъ, что онъ ужъ четверо сутокъ не былъ дома, слѣдовательно онъ принимаетъ участіе въ тайныхъ сходахъ. Вызванный, какъ свидѣтель, испанскій офицеръ Ринконъ, стоящій на постой въ домѣ графа Ризоора, утверждаетъ, что тотъ былъ дома, такъ какъ Ринконъ, пришедшій въ пьяномъ видѣ, дрался съ нимъ въ темнотѣ на лѣстницѣ, когда графъ выходилъ отъ своей жены Долоресь, и даже панесъ ему рану въ руку.

Такимъ образомъ графъ, дѣйствительно отлучавшійся изъ дому, узнаетъ, что у его жены кто-то былъ и по этой ранѣ онъ надѣется узнать, кто именно. Второе дѣйствіе происходитъ у графа. Между нимъ и его женой происходитъ бурное объясненіе; она признается въ своей измѣнѣ, но не выдаетъ имени возлюбленнаго. Дѣйствіе третье переноситъ зрителя въ помѣщеніе герцога Альбы. Этотъ актъ состоитъ изъ двухъ картинъ. Герцогу Альбѣ Сарду придаетъ черту, едва-ли исторически вѣрную (у Альбы было два сына, а не дочь), но интересную для драматическихъ его цѣлей,—безпрѣдѣльную любовь къ больной дочери Рафаэлъ; рядомъ съ неслыханными пытками и безочелюстными жестокостями кровопролитіями идутъ самыя пѣжныя отцовскія заботы о сиюминутной дочери, по просьбѣ которой онъ исполняетъ самыя невозможныя ея желанія, не исключая и помилованія, и прощенья, и даже прощенья тѣхъ, кто уже приговоренъ къ смертной казни. Этой чертой Сарду смягчаетъ звѣрскій характеръ знаменитаго герцога.

Альба занятъ своей дочерью въ то время, когда въ кабинетъ врывается капитанъ Карлоо, сообщающій, что онъ не въ состояніи исполнить приказа верховнаго начальника отобрать оружіе у городской милиціи и доставить его этой-же ночью въ городскую ратушу, такъ какъ вездѣ вопиютъ цѣни, преграждающія путь, и поэтому онъ проситъ разрѣшить снять цѣни. Альба соглашается и вслѣдъ за этимъ является Долоресь. Такъ какъ мужъ обещалъ убить ея возлюбленнаго, то, чтобы спасти его, она доноситъ на мужа, что онъ въ заговорѣ, и что этой ночью прибудетъ Вильгельмъ Оранскій, глава заговорщиковъ, что собраніе произойдетъ въ ратушѣ, что съ этой цѣлью одинъ изъ нихъ выхлопоталъ разрѣшеніе снять цѣни, и называетъ главныхъ зачинщиковъ. Альба дѣлаетъ распоряженія и приказываетъ привести Карлоо, котораго намѣревался предать смерти, такъ какъ именно благодаря ему сняты цѣни. Долоресь въ отчаяніи. Ея возлюбленный не кто иной, какъ Карлоо.

Вторая картина въ ратушѣ. Всѣ въ сборѣ и условливаются съ звонаремъ относительно сигнала для Оранскаго: бить набатъ, если все будетъ благополучно, и частые удары, какъ при погребальномъ звонѣ, если ему надо будетъ отступать. Между тѣмъ, Ризооръ по раненой рукѣ Карлоо узнаетъ, что его-то и любитъ Долоресь; но спасеніе отцизны прежде всего и поэтому онъ оставляетъ ему жизнь. Всѣхъ собравшихся настигаетъ Альба со своей свитой и велитъ подать сигналъ; звонарь для спасенія отечества даетъ знакъ отбоя. Въ четвертомъ актѣ Долоресь проситъ о спасеніи Карлоо; дочь герцога присоединяется къ ней и Альба соглашается дать ему пропускъ чрезъ границу, а также и Долоресь. Всѣхъ зачинщиковъ ведутъ на пытку въ „Трибуналъ крови“. Графъ Ризооръ беретъ съ Карлоо клятву, что онъ убьетъ того, кто открылъ тайну заговора Альбѣ, кто-бы онъ ни былъ.

Въ востѣдномъ актѣ, происходящемъ у Долоресь, Карлоо узнаетъ, что она предала всѣхъ въ руки Альбы и, видя товарищей, которыхъ ведутъ на эшафотъ и которые подозреваютъ его въ измѣнѣ, закалываетъ Долоресь, а самъ выбрасывается изъ окна. Жаль, что въ русскомъ переводѣ вынуждена сцена появленія у воротъ города принца Оранскаго, картина очень эффектная.

В. Басинъ.

Художественныя выставки.

Ныпѣшныя выставки двухъ петербургскихъ художественно-промышленныхъ школъ,—барона Штиглица и Общества поощренія художествъ,—даютъ поводъ предположить, что недалеко то время, когда, по отношенію къ художественно-промышленному образованію, городъ Петербургъ сравняется съ такими западно-европейскими центрами, какъ Берлинъ, Вѣна, Мюнхенъ, Парижъ, Лондонъ.

Съ точки зрѣнія расширенія художественнаго образованія въ особенности интересна выставка школы Общества поощренія художествъ. На выставкѣ особенное вниманіе посетителя обращаютъ на себя работы отдѣленій школы „Фарфороваго завода“, „Смоленскаго“ и „Ушаковскаго“. Тутъ, по преимуществу, выставлены работы по выжиганію на деревѣ, тисненію на кожѣ, рѣзбѣ по дереву и майоликѣ. Въ отдѣлѣ майолики достойныя вниманія работы въ русскомъ стилѣ, какъ-то майолическія коны съ лубочныхъ древнихъ картинъ, сюжеты изъ русскихъ былинъ и проч. Орнаменты, точно также, въ большинствѣ случаевъ являются примѣненіемъ древне-русскаго искусства. То же самое можно сказать и о другомъ, еще болѣе обширномъ и превосходно поставленномъ отдѣлѣ,—работѣ по рѣзбѣ на деревѣ. Этимъ отдѣломъ завѣдуетъ извѣстный художникъ рѣзчикъ Волковскій. Особеннаго сочувствія въ дѣятельности школы Императорскаго общества поощренія художествъ заслуживаетъ разработка и примѣненіе къ предметамъ художественной промышленности русскихъ древнихъ стилей. Это, какъ кажется, первый у насъ примѣръ школьной разработки русскихъ стилей въ примѣненіи къ предметамъ промышленности; слѣдуетъ надѣяться, что такой примѣръ не останется безъ послѣдствій.

Нѣсколько другого направленія придерживается школа барона Штиглица; въ этой школѣ разрабатываются и изучаются, по преимуществу, западно-европейскіе стили,—ренессансъ, среднихъ вѣковъ, Людовика XV, Людовика XVI, Емпи́е и проч. Какъ школьное пособіе, школа барона Штиглица имѣетъ въ этомъ отношеніи—богатый и превосходно составленный музей. Детальное знакомство съ этими стилями ученики получаютъ на лекціяхъ директора школы, г. Мессмахера. Судя по многочисленнымъ рисункамъ учениковъ, находящимся на выставкѣ школы, и дѣлаемыхъ тутъ же, въ классѣ, во время объясненія лектора, частью съ классной доски, частью съ указанныхъ оригиналовъ,—преподаваніе по этому предмету не оставляетъ желать ничего лучшаго. Тутъ ярко и тишино выступаетъ особенность всякаго стиля, а также выясняется и самое примѣненіе его въ томъ или другомъ случаѣ. Выставленные предметы художественно-промышленнаго производства самаго обращаютъ на себя особенное вниманіе, какъ результаты самаго преподаванія. Едва-ли не самымъ интереснымъ отдѣломъ въ этомъ отношеніи является отдѣлъ майолики въ крупныхъ архитектурныхъ формахъ. Въ особенности любопытны значительныя работы, исполненныя школой для дворцовъ: Аничковскаго, Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Владиміра и Павла Александровичей. Такія работы, требующія значительнаго совершенства въ технику, въ прежнее время исключительно исполнялись за-границей. Едва-ли не первая школа барона Штиглица, благодаря неутомимой дѣятельности ея директора, начала производить подобныя работы дома при участіи учениковъ и ученицъ, и, какъ видимъ на выставкѣ, достигла въ этомъ смыслѣ весьма значительныхъ результатовъ. Изъ другихъ крупныхъ работъ, исполненныхъ школой, нельзя не упомянуть о прекрасныхъ работахъ по разностильному воспроизведенію вѣстия и первой залы въ самомъ музеѣ барона Штиглица. Очень интересны также предметы классовъ гравированія, скульптуры, акварели и проч. Гравировальнымъ классомъ руководитъ г. Матъ, а скульптурнымъ—Чижовъ. По классу акварели очень педурны рисунки сгруппированныхъ предметовъ Штиглицкаго музея,—цѣльныхъ вазъ и другихъ сосудовъ.

В. Ч.

Смѣсь.

Потѣдна на Иматру. Извѣстный водопадъ Иматра, благодаря своему дѣйствительно живописному положенію, охотно посѣщается, и если кто удерживается отъ экскурсіи къ нему, то только вслѣдствіе большого неудобства сообщенія, въ особенности зимой. Нынѣ это устранено: на Иматру проведена желѣзная дорога и, вскорѣ послѣ открытія ея, послѣдовало открытіе новой гостиницы у водопада. Въ первый день Рождества приглашенные посѣтили ее и вынесли самое пріятное воспоминаніе какъ о самой потѣдкѣ, такъ и о гостиницѣ, откуда открывается превосходный видъ на Буоксу, освѣщенную въ темное время электричествомъ.

Воспламенившаяся звѣзда. Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ на небѣ было видно свѣгило, окутанное пламенемъ. Это было пламя водороднаго газа, горѣвшаго при весьма высокой температурѣ: Явленіе было замѣтно простымъ глазомъ. Согласно одной изъ гипотезъ, это огненное свѣгило—болѣзнь весьма значительныхъ размѣровъ, который попалъ въ космическое облако, частицы коего, притягиваемыя болѣзью, устремились къ нему навстрѣчу съ возрастающей скоростью. При встрѣчѣ съ болѣзью скорость частицъ равнялась 900 километрамъ въ секунду! Превращеніе движенія въ теплоту и произвело это огромное пламя, видимое отсюда на разстояніи милліоновъ и милліардовъ верстъ.

Явленіе это не составляетъ собственно новости. Оно было замѣчено впервые въ 134 году до нашей эры и описано египтянами и китайцами въ знаменитой энциклопедіи Ма-Туонъ-Ли. Затѣмъ подобныя наблюденія повторялись 24 раза. Замѣчательно, что большинство такихъ явленій обнаруживается въ млечномъ пути, гдѣ свѣтила болѣе тѣсно сплочены, что придаетъ еще болѣеую вѣроятность предположенію о звѣздныхъ столкновеніяхъ, выраженному нами выше.

Рѣшеніе ребуса на преміи № 49

(помѣщенного въ № 49 „Нивы“ 1892 г.).

Пороку ребусъ разгадать
Полегче, чѣмъ составить:
Не знаешь, что нарисовать
И какъ втушникъ поставить.
Чтобъ хоть немножко съ толку сбить
И спутать всю сноровку,
И полагаю бы предложить
Стиховъ перестановку...
Всѣ строчки переставлю я
Черезъ одну, для смѣха...
Затѣмъ желаю вамъ, друзья,
Полнѣйшаго успѣха!

Всѣхъ вѣрныхъ рѣшеній этого ребуса прислано отъ 1643 лицъ, именно отъ 523 гг. городскихъ С.-Петербургскихъ и 1120 иногородныхъ подписчиковъ, и изъ нихъ по жребію преміи пали на рѣшенія слѣдующихъ лицъ:

I. „Фаустъ“ Гёте:

1) Сергія Іосифовича Сѣдлаго, СПб. Изм. п., 1 р., д. 7. кв. 86,
2) Адама Петровича Собъщанскаго, Москва, Канцелярія Московскаго Гражданскаго Губернатора.

3) Полковника Н. Н. Савкина, Кіевъ, Печерскъ, Московск. ул., д. 26.
II. „Исторія Искупленія“ П. П. Гнѣдича:

4) Вяч. Нв. Шимановскаго, СПб., II. Ст., Большой просп., д. Овчинникова, № 38.40.

5) М. Д. Журавлева, Харьковъ, Земельный Банкъ.

III. „Въ Старой Москвѣ“, ром. гр. Саліаса, „Изяны волн“, ром. Н. Д. Маслова и „Искупленіе“, ром. Эберса:

6) К. Р. Медвѣдева, СПб., Берейская ул., д. 35/10, кв. 27.

7) Александра Александровича Саткевича, СПб.

8) Н. М. Александрова, Москва, Воспитательный домъ.

9) Павла Васильевича Алферьева, усадьба Борочекъ, ст. Горьлово, Яр. г.

10) Николая Ивановича Драго, Одесса, Городская Управа.

IV. „Разказы и очерки“ Вс. Соловьева, „Повѣсти и разказы“ П. П. Гнѣдича и „Разказы“ Н. Морскаго:

11) Опленгейма, СПб., Литейный пр., д. 6, кв. 5.

12) Василія Михайловича Родіонова, СПб., Министерство В. Д.,

13) Поручика Гринберга, Варшава, 3 Варш. крѣп. пѣх. баталіонъ.

14) Инспектора город. учил. А. Павлова, Вышній-Волочекъ.

15) Ивана Лукича Лепешова, Орелъ, Коммерческій Банкъ.

V. „Княжна Острожская“, „Касимовская невѣста“ и „Царь-дѣвица“, три ром. Вс. Соловьева:

16) С. С. Семенова, СПб.

17) И. Соболевъ, СПб., Орловскій пер., д. 2.

18) Поручика Александра Эдуардовича Фохтъ, Пермь, соб. д.

19) Викентія Фердинандовича Войткевича, Ростовъ на Дону.

20) П. Постникова, Рязань, Мужская гимназія.

VI. „Юный императоръ“, „Капитанъ гренадерской роты“ и „Навожденіе“, соч. Вс. Соловьева:

21) Михаила Николаевича Космынина, СПб. В. О. Тучкова наб., 2 уч., д. 12/17, кв. 11.

22) В. Г. Кравчука, СПб., Моховая ул., д. 11, кв. 22.

23) Маріи Ильинишны Окрашевской, Севастополь.

24) Евгения Степановича Листова, Симбирскъ, Окружный Судъ.

25) Библиотеки Вятскаго Управленія Госуд. Имущ., Вятка.

VII. „Шесть комедій“ П. П. Гнѣдича и „Двуногий волкъ“, ром. Н. Н. Каразина:

26) И. К. Кіяшкина, СПб.

27) г. Мысловскаго, СПб., Гороховая, д. 58, кв. 5.

28) Михаила Михайловича Дремджи, Бахчисарай.

29) А. М. Бурого, Березна, Черниг. губ.

30) Подпоручика А. А. Вольскаго, ст. Спасская Полисть, Повг. губ., 88 пѣх. Петровск. полкъ.

VIII. „Повѣсти и разказы“ Вс. Крестовскаго и „Гуттаперчевый мальчикъ“, пов. Д. В. Григоровича:

31) Д. А. Андреева, СПб., Мойка, Госуд. Контроль.

32) Петра Валеріановича фонъ-Крузе, СПб., Госуд. Банкъ.

33) Сергія Павловича Лебедева, Москва, Каретный рядъ, Б. Спасскій пер., церковн. д., № 30.

34) Каролины Жиги, м. Бѣлгородка, Волып. губ.

35) Василія Александровича Москвина, Вытегра, Олон. губ.

IX. „Альбомъ Нивы“ 1892 г.:

36) Евгения Петровича Аквилонова, СПб., Обводный кан., д. 17, Духовная Академія.

37) Дмитрія Георгіевича Молчанова, СПб., Уг. Подольской и Загороднаго, д. 2, кв. 8.

38) г. Адамовича, ст. Бѣлостокъ, СПб.-Вар. ж. д. Телеграфъ.

39) Владиміра Петровича Пундани, Казань.

40) Капитолины Дмитріевны Адамовой, ст. Орѣхово-Зуево, Влад. г. Гг. городскіе подписчики, на рѣшенія которыхъ пали преміи,

благодаря пожеланію за полученіемъ ихъ (подъ расписку) къ помѣщенію конторы „Нивы“ (Певскій, № 6), а гг. иногороднымъ подписчикамъ преміи высылаются почтою.

Имена остальныхъ гг. подписчиковъ, приславшихъ вѣрныя рѣшенія ребуса, вслѣдствіе ихъ многочисленности, редакція, къ сожалѣнію, напечатать не можетъ за недостаткомъ мѣста.

1 внутр. съ выигр. заемъ 1864 г.

56 тиражъ 2-го января 1893 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
4	48	5000	2528	50	500	5171	49	500	8320	11	500	10358	30	500	13055	16	5000	15487	36	8000
13	2	500	2596	29	500	5382	28	500	8604	21	500	10636	32	500	13060	6	500	15490	11	500
83	21	500	2667	16	500	5442	43	500	8673	11	500	10646	40	500	13079	2	500	15549	15	500
104	9	500	2699	3	40000	5666	25	500	8712	8	500	10651	24	500	13125	42	500	15579	13	500
115	49	500	2759	46	500	5854	18	500	8739	40	500	10870	44	500	13168	15	500	15618	43	500
129	12	500	2765	48	500	6198	6	500	8847	49	500	10876	3	500	13332	10	500	15628	44	500
133	15	500	2923	8	500	6212	27	5000	8871	28	1000	10889	37	500	13460	22	500	15639	14	500
202	32	500	2988	43	1000	6226	41	500	8951	18	500	10953	22	500	13678	46	500	15663	20	500
215	38	500	3007	24	500	6263	44	500	8964	22	500	10996	24	500	13684	47	500	15686	27	8000
235	41	500	3029	43	500	6367	27	500	8964	40	1000	11031	49	500	13686	48	500	15785	4	500
319	30	1000	3202	38	500	6453	30	500	8998	24	500	11085	47	500	13881	10	500	15806	39	500
345	20	500	3250	9	500	6569	6	500	9006	34	500	11098	17	500	13897	1	500	15821	25	500
366	6	500	3295	17	500	6744	15	500	9063	9	500	11175	29	500	13963	49	500	15831	16	500
395	12	1000	3309	5	500	6875	50	500	9088	1	500	11238	37	1000	13987	18	500	15919	48	500
469	21	500	3336	25	500	6920	41	500	9191	5	500	11334	22	500	14011	17	500	15930	17	500
526	50	500	3393	18	500	6957	46	500	9254	27	500	11385	22	500	14026	4	500	15949	46	5000
610	12	500	3488	16	500	7022	15	500	9338	24	500	11453	19	500	14053	16	500	15972	22	500
634	17	500	3506	36	1000	7099	12	500	9447	21	500	11503	8	10000	14354	12	500	15991	28	500
638	42	500	3594	27	500	7112	30	500	9507	38	500	11862	21	500	14362	24	5000	16000	10	500
716	32	500	3734	46	75000	7307	6	500	9513	4	500	12063	35	1000	14374	25	500	16008	18	500
912	30	500	3895	45	1000	7373	7	200000	9538	19	500	12071	35	500	14416	13	1000	16179	17	500
914	43	500	3921	18	500	7373	20	500	9547	28	500	12072	7	1000	14428	50	1000	16179	35	500
977	38	500	4208	38	500	7449	26	500	9572	47	25000	12175	47	500	14500	16	1000	16184	17	500
988	35	500	4230	31	500	7487	44	10000	9588	37	500	12194	50	500	14533	13	500	16190	46	500
1346	6	5000	4304	1	500	7576	39	500	9672	47	500	12269	29	500	14550	43	500	16224	7	5000
1370	6	5000	4527	7	1000	7651	17	500	9792	43	1000	12384	1	500	14582	6	500	16400	21	500
1645	33	1000	4530	14	500	7724	15	500	9848	18	500	12413	6	500	14601	2	500	16568	34	500
1673	6	500	4550	17	500	7789	23	500	9962	46	500	12571	10	500	14685	6	500	16594	26	500
1694	40	1000	4664	41	500	7897	18	500	10006	5	500	12596	34	500	14870	24	500	16607	28	500
1833	18	500	4704	8	500	7914	32	500	10064	31	500	12598	27	500	14905	6	500	16638	8	500
1865	9	500	4705	31	500	7928	2	500	10070	16	500	12615	8	500	14970	9	500	16674	20	500
1865	36	500	4888	27	500	7943	40	500	10136	15	500	12629	7	500	14977	32	500	16743	19	500
2319	1	500	4991	29	500	8013	28	500	10302	32	500	12655	3	500	15113	16	500	16743	41	500
2384	46	500	5006	4	500	8066	14	500	10311	47	500	12732	31	500	15178	15	500	16830	26	500
2454	9	500	5045	31	500	8067	7	500	10316	36	5000	12800	2	500	15231	43	1000	16915	13	500
2473	5	500	5045	41	500	8081	27	500	10343	25	500	12872	4	500	15259	13	500	16923	15	500
2489	39	500	5059	44	500	8145	41	500	10346	17	500	13002	42	500	15328	29	500	17147	38	500
2514	5	500	5389	38	1000	8301	40	500	10495	9	500									

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашенія:

15, 335, 363, 502, 736, 1099, 1267, 1349, 1868, 2695, 2710, 2807, 3117, 3170, 3624, 4249, 4311, 4717, 4738, 5042, 5218, 5235, 5546, 5674, 6124, 6143, 6172, 6478, 6679, 6814, 7014, 7049, 7220, 7447, 7582, 7901, 7922, 8460, 8670, 8678, 8769, 9280, 9475, 9559, 9672, 9930, 10086, 10408, 10484, 10788, 10751, 10797, 10803, 10846, 11729, 12005, 12031, 12137, 12406, 12499, 12576, 12305, 12376, 13315, 13377, 13504, 13787, 13789, 13812, 13934, 14113, 14276, 14505, 14751, 15185, 16059, 16563, 16887, 17351, 17363, 17364, 17408, 17536, 17586, 17729, 17827, 17919, 18014, 18065, 18375, 18692, 18739, 18769, 18789, 19089, 19306, 19335, 19403, 19793, 19902, 19951.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

ЦАРЬ-ДѢВЦА.

Вс. Соловьева.

Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этого обнима-етъ эпоху правленія и изложенія Царевны Софьи. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ коленкор. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

Д-ръ Волицийъ лечитъ парализма, бошня, грудныя болѣзни, ракъ и электротер. Пев-ский, № 7, кв. 5 Оты 2-3 и 6 7 2 ч. в.

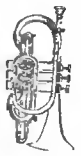
ГЛИЦЕРИНОВОЕ

МЫЛО

НА БЕРЕЗОВОМЪ СОКУ.

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Для чистоты лица. Цѣна 50 коп. Осте-регаться поддѣлокъ. Требовать под-писи А. ЭНГЛУНДЪ присылаи черни-лами. Получать можно во всѣхъ извест-ныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ то-роговляхъ Россійской Имперіи.

КОРНЕТЪ-А-ПИСТОНЫ

въ 12 р., 15 р., 20 р. и до 100 р

ФЛЕЙТЫ

отъ 2 до 60 руб.

и всѣ другіе духовые инструменты

всѣмъ въ большомъ выборѣ и по умѣрен-нымъ цѣнамъ. Ц. № 6006

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.

Москва, Петровка, д. Волкова.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣхъ инструментовъ—бесплатно.

НОВОСТЬ

необходимая каждой семьѣ:

ПОСОБНИКЪ КРОЙКИ.

Повозоброжденіи. ашарата, посредствомъ коего всякая дама, и не ухаживая кроить, можетъ скроить себѣ и дѣтямъ платье, такъ хорошо, какъ это не сдѣлаетъ ни одна портниха. Цѣна 6 р. Адресъ: СПб., Певскій, 4. Складъ новыхъ изобрѣтеній. Заказы исполняются немедленно. Ката-логъ (иллюстр.) всѣхъ изобрѣтеній и по-даровъ за 10 к. марку.

СОДЕРЖАНИЕ: джентатура. повесть графа С. А. Саласа. (продолженіе). — Пъ-сильно слово о культурѣ древней Америки (съ 6 рис.). — „Незрѣлое“. Раз-сказъ Николая Дитровскаго. (Продолженіе). — Къ рисункамъ: „Незрѣлое“ баг-ръ хлопна въ Андиканѣ (съ рис.). — Отъѣздъ Маріи Стюартъ изъ Франціи (съ рис.). — Литературный альбомъ. „Оскаръ“ Пушкина (съ рис.). — По зимнему пути (съ рис.). — Раздача святой воды (съ рис.). — Общественныя работы въ Россіи (съ 3 рис.). — Н. И. Кошаровъ (съ портр.). — Политическое обозрѣніе. — Искусство. — Съѣсъ. — Рѣшеніе ребуса на преміи. — Тиражъ выпущенъ въ Государственномъ Банкѣ. — 0 перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ Ни. М. Н. Волковскій.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Н. Н. Каразина. Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращаться въ Контору журнала „Нива“, а также и во всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцахъ.

УСОВЕРШЕНСТВОВ. ПАРИКИ

легки, изыщны и по отличію отъ со-бственныхъ волосъ.

Спеціально дамскій парикмахеръ

Генри ДЕТЬКРОА и К^о.

32, Певскій, домъ Католической церкви, бель-этажъ. № 6195

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. За условіями обра-ца, письменно: Генрихъ Блюмъ, С.-Петербургъ, Певскій, 59. 10-3

ПОВЕДЕНІЕ. Ром. изъ современ. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Къ свѣдѣнію гг. землевладѣльцамъ, экспортерамъ и торгующимъ хлѣбомъ.

На Рязанско-Уральской желѣзной дорогѣ для долгосрочнаго храненія мѣстнаго хлѣба до его отправленія по назначенію и для завоза транзитнаго хлѣба устроены элеваторы и склады.

Мѣстный хлѣбъ до отправления по назначенію принимается на долгосрочное храненіе въ элеваторы на станціяхъ: Козловъ, Рязскъ, Лебедянь и Данковъ, а также въ склады на станціяхъ: Козловъ, Богояв-ленскъ, Рязскъ, Александровская, Кораблино, Никитино, Тамбовъ, Разсказово, Платоновка, Ломо-вись, Краснослободскъ, Кирсановъ, Уметъ, Тамала, Сосновка, Беково, Ртищево, Салтыковка, Екатериновка, Лопуховка, Аткарскъ, Кологривовка и Саратовъ.

Транзитный хлѣбъ принимается на храненіе въ элеваторы на станціяхъ: Козловъ и Рязскъ, а также въ заводные склады, устроенные на станціяхъ: Козловъ, Александровская, Богоявленскъ, Рязскъ, Никити-но, Тамбовъ, Разсказово, Платоновка, Ломовись, Краснослободскъ, Кирсановъ, Уметъ, Тамала, Сосновка, Беково, Ртищево, Салтыковка, Екатериновка, Лопуховка, Аткарскъ, Кологривовка и Саратовъ.

На ряду съ открытіемъ дѣятельности складовъ и элеваторовъ Обществомъ Рязанско-Уральской дороги организована выдача сеудъ подъ хлѣбные грузы, какъ сдаваемые для непосредственнаго отправления по желѣзнымъ дорогамъ, такъ и сложенные въ склады и элеваторы Общества.

Такимъ образомъ и условія пріема хлѣба на храненіе въ склады и элеваторы, а равно правила выдачи сеудъ, опубликованы въ Сборникѣ тарифовъ Росс. жел. дорогъ и отпечатаны отдѣльными брошюрами, вы-сылаемымъ, по требованію, бесплатно Правленіемъ Общества (въ С.-Петербургѣ, по Мошкѣ, д. № 40).

Съ открытіемъ указанныхъ операцій землевладѣльцамъ, экспортерамъ и хлѣбоотропцамъ представлется возможность удобной подвозки грузовъ въ удобный для того время къ станціямъ Рязанско-Ураль-ской дороги для остановки ихъ въ складахъ и элеваторахъ въ ожиданіи выгодныхъ для сбыта хлѣба ры-ночныхъ цѣнъ, пользуясь при этомъ въ теченіе всего времени храненія хлѣба и доставки его по назна-ченію дешевыми и скорыми кредитомъ.

САРИНКА И САРИНСКАЯ ЧЕСУЧА

8-3 СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКАЦИИ Ц. № 6160
Пересылку тканей по заказамъ фирма Альбомъ съ образцами высылаются по-принимаетъ на свой счетъ. требованію бесплатно.
Адресъ: САРАТОВЪ, Торговому дому „БЕНДЕРЪ и СТЕПАНОВЪ“, въ Пассажѣ.

БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египет-№ 5907 скаго моста, домъ № 7-2. 26-23
Иллюстрированные прейсъ-курранты по вос-требованіямъ высылаются безвозмездно.

„ЧУДЕСНОЕ ВЪ НАУКѢ“

(ПОПУЛЯРНАЯ ФИЗИКА).

Болѣе 500 рисунковъ.

Соч. ЭМИЛЯ ДЕБО.

цѣна 33 руб.

„ЧУДЕСНОЕ ВЪ НАУКѢ“ представляетъ замѣчательный интересъ, какъ обстоятельное описаніе въ популярномъ изложеніи, иллюстрированномъ многочисленными рисунками, всего что сдѣлано въ настоящее время въ физической наукѣ. Въ короткій промежутокъ времени оно разошлось во Франціи въ количествѣ свыше 40,000 экз.

Складъ въ типографіи т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о. въ Москвѣ. ВЫПИСЫВАЮЩІЕ ИЗЪ СКЛАДА ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НЕ ПЛАТЯТЪ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“.

Съ приложеніемъ „Педагогическаго Листка“ для родителей и воспитателей.

Въ 1893 году „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ вступило въ 25-й годъ своего существованія. „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ ОДОБРЕНО Учебнымъ Комитетомъ Собственной Его Император-скаго Величества Канцеляріи по Ученіямъ Императрицы Маріи и Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ Заведеній, Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. ДОПУЩЕНО въ учебныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній. Въ составѣ редакціи принимаютъ близкое участіе А. П. Осиповскій и В. П. Осиповскіи. При журналѣ „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ издается „ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ“, большая часть статей котораго посвящена домашнему воспитанію, элементарному обученію и разработкѣ по-просовъ о чтеніи дѣтей. Въ „ПЕДАГОГИЧЕСКОМЪ ЛИСТКѢ“ помѣщается периоди-ческий указатель дѣтской учебной литературы.

Подписная цѣна на годъ съ пересылкою 6 р. За границу 8 р. На полгода 3 р. Издатель А. В. Борисовъ. СПб. Разъѣзжая, д. 3. Редакторъ Н. В. Голубовскій.

Вѣстникъ Иностранной Литературы на 1893 г. съ доставкой и пересылкою 4 руб. въ годъ за 12 книгъ. Годъ 3 й. ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ. Подробное объявленіе высылается по требованіямъ немедленно, БЕЗПЛАТНО, а пробный № за 35 коп. марками. ПОДПИСНА ПРИНИМАЕТСЯ въ С ПЕТЕРБУРГѢ, въ Редаціи, Вербейская, 16, соб. и въ Конторѣ, Гостиный Дворъ, Магазины Пантелева, № 63.

КРЫШКИ

для переплета „НИВЫ“, изъ лучшего англійскаго колленора, съ золотымъ тиснениемъ, печатанный красками, на 1892 годъ, по поздравительному образу, 1 р. съ перес. 1 р. 6 к.

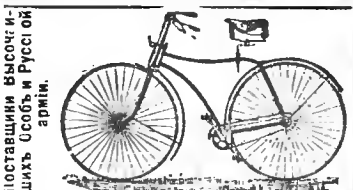
СИБИРСКОЕ ТРИКО

чистой новой шерсти, 2 арш. ширины, отъ 1 р. 60 коп. арш., сукно (неворова) 1 р. 35 коп., по прочности и дешевизнѣ незаменимы для костюмовъ домашнихъ, рабочихъ, повседневныхъ, охотничьихъ, для гг. чиновниковъ, контористовъ, техниковъ, помещиковъ, врачей и проч.

Ипогороднымъ высылаются образцы и исполняются поручения на особо льготныхъ условияхъ.

Магазины: СПб., Владимирская, № 6; Васил. Остр., 4-я линия, домъ 53; Рига, Большой. Новая улица, 15. № 6053 10-10

МЫЛО
ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
ПРОВИЗОРЪ
А. М. ОСТРОУМОВА
КУСОКЪ 30 КОП. ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
ДВОЙНОЙ КУСОКЪ 50 КОП.

Около 1000 велосипедовъ на складѣ. Кромѣ большинства выданныхъ болѣе 500 общепользуемыхъ нашими велосипедовъ.

САМЫЙ ОВШИРНЫЙ
ВЕЛОСИПЕДОВЪ.
Торговый домъ
(иснов. въ 1863 г.) **Ж. БЛОКЪ.**
МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава,
Л. № Бокандъ и Екатеринбургъ. 25-8
1892 Новый каталогъ 80 страницъ.
БЕЗПЛАТНО.

Поступило въ продажу новое роскошное изданіе А. Ф. Маркса:

ИСТОРИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ И ПОВѢСТИ

П. Н. ПОЛЕВОГО,

украшенные множествомъ оригинальныхъ рисунковъ и
выпестокъ художника **К. В. ЛЕБЕДЕВА.**

Появленіе въ свѣтъ настоящаго изданія было встрѣчено русскою выдающеюся прессою весьма лестными отзывами, такъ, между прочимъ, „Историческій Вѣстникъ“ за декабрь 1892 г. говоритъ о книгѣ слѣдующее:

„Давно уже не появлялось у насъ такой прекрасной во всѣхъ отношеніяхъ книги, какъ „Историческіе рассказы и повѣсти П. Н. Полевого“, изданные г. Марксомъ. По своей вышности, книга эта можетъ служить поспорить съ лучшими западными изданіями, а по своему внутреннему содержанию представлять отрадное явленіе для каждаго, кто любитъ русскую исторію.

„П. Н. Полевой давно извѣстенъ своимъ ученымъ и педагогическимъ трудами... На обширна историческаго романиста г. Полевого выступилъ всего года четыре тому назадъ и, по нашему мнѣнію, занимаетъ въ настоящее время одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ среди представителей этого рода литературы...

„Всѣ его романы, повѣсти и рассказы изображаютъ характеры историческихъ лицъ и картины быта не на основаніи фантазій и поверхностнаго знакомства съ источниками, а на основаніи тщательнаго изученія документовъ и строгой ихъ проверки. Важная заслуга г. Полевого заключается въ томъ, что онъ, въ формѣ легкихъ, живыхъ очерковъ, добросовѣстно популяризируетъ русскую исторію и, такъ сказать, невидимо и незлобно заставляетъ читателя пріобрѣтать, кромѣ массы полезныхъ свѣдѣній, правильный взглядъ на историческія событія и лица, и знакомить его не съ вымышленнымъ, а съ действительнымъ бытомъ стариннаго русскаго общества.

... Мы затрудняемся указать, который изъ рассказовъ лучший, потому что каждый изъ нихъ имѣетъ свои достоинства и свой интересъ. Въ общемъ же они даютъ рядъ правдивыхъ и яркихъ картинъ прошлой русской жизни, начиная съ XIV и кончая XVIII столѣтіемъ.

„Приложеніемъ къ книгѣ 24 гравированія на мѣди и болѣе 40 небольшихъ рисунковъ и выѣтокъ К. В. Лебедева выказываютъ во всемъ блескѣ дарованіе этого талантливаго художника и, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубокаго знатока бытовой обстановки дряней Руси. Въ этихъ картинкахъ, помимо художественности рисунка, все вѣрно до мелочей, и потому онѣ интересны не только для простыхъ любителей, но и для художниковъ, театраловъ и археологовъ. Ко всему этому, книга выпущена въ продажу по недорогой цѣнѣ, что дѣлаетъ еще болѣе чести ея издательству, г. Марксу“.

Цѣна этой книги, въ виду ея значительнаго объема (болѣе 450 стр., большого №) и роскошнаго изданія, назначается нами весьма умѣренной: 5 р., съ перес. 5 р. 80 коп.; въ роскошн. перепл. 6 р., съ перес. 7 р.

Для любителей роскошныхъ изданій мы печатали особо „50 нумерованныхъ экземпляровъ“ на голландской бумагѣ. Въ этихъ экземплярахъ всѣ 24 эстампа на мѣди отпечатаны на китайской бумагѣ. Цѣна этихъ нумерованныхъ экземпляровъ 25 руб., съ пересылкою 26 руб., въ роскошномъ полушпательномъ переплетѣ 28 руб., съ перес. въ ящикѣ 30 руб. Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива“, Невскій, № 6.

НОВѢЙШІЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

играющие посредствомъ верченія ручкой

ПИАНО-МЕЛОДИКО

Салонный органъ со струнами, играетъ всевозможныя пѣсни, имѣетъ очень пріятный мелодичный тонъ, сходный съ оркестромъ изъ маршмандовъ, и удобенъ, какъ для салонной музыки, такъ и для танцевъ. Цѣна безъ пѣсенъ 80 руб., пѣсенъ по 70 коп. за мѣсяцъ (около 1 1/2 арш.).

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ Салонный органъ съ голосами, играетъ различныя пѣсни, имѣетъ звуочный тонъ и очень удобенъ для танцевъ. Цѣна 65 р. Пѣсенъ по 1 р. 20 к., 2 р. 40 к. и дороже.

ФЕНИКСЪ-ОРГАНЪ Ручной органъ со стальными голосами и круглыми металлическими нотами. Цѣна 28 р. Пѣсенъ по 60 к.

ГЕРОФОНЪ Цѣна 24 рублевъ. Пѣсенъ по 50 коп.

АРИСТОНЪ-ОРГАНЪ усовершенствованный. Цѣна 22 р. Пѣсенъ по 50 к.

ДѢТСКІЙ АРИСТОНЪ 6 рублевъ. Пѣсенъ по 25 коп.

Списокъ пѣсенъ высылаютъ бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. — Москва, Кузнецкій м., домъ Захарыина.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ БЕРЛИНЪ,

представляетъ какъ новѣйшее произведеніе пыллага качества и въ богатой упаковке парфюмерію.

„BOUQUET Russe“.

Духи
ТУАЛЕТНАЯ ВОДА. Сапе.

Можно получить во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ магазинахъ, въ парижскихъ и у дрогистовъ. № 5505 (20).

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ (18)

Специалистъ хронометровъ, С.-Петербургъ, Невскій пр. № 52 прот. Публ. Библиотекы. Подробный иллюстр. прейскурантъ по востреб. безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 5808

Рекомендуемъ новѣйшие препараты высшаго качества моего собственнаго изобрѣтенія.

1. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

Вазелиновое туалетное мыло . кус. 30 к.
Вазелиновая жидкая пудра . кор. 60 к.
Вазелиновый кремъ-кремъ . бан. 35 к.
Вазелиновая помада . бан. 35 к.
Ландышевое молоко . фл. 1 р.

Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи.

Главный складъ: Дежневъ пер., № 1. Спб.

Парфюмеръ **Г. ГОЛЛЕНДЕРЪ.**

ВИНО

СЕН-РАФАЭЛЬ.

Вино Сен-Рафаэля превосходно на вкусъ.

Сохраняется по способу г-на Пастера.

На каждой бутылкѣ находится печать Россійской таможи.

Велосипеды англійскаго завода

„Гумберъ и К^о. Лмд.“

лучше въ свѣтъ!

предлагаютъ торговый домъ

Г. ЖЕМЧУЧКА и К^о.

Москва, Неглинный просп., домъ Еткиной.

Прейскурантъ—безплатно.

„НЬЮ-ІОРКЪ“

Общ. Вз. Страх. Жизни. Фондъ обезпеченія на 1 января 1892 г. Руб. 265.748.783.

Спеціальная гарантія для русскихъ страхователей составляетъ на 1 декабря 1892 г. Р. 2.714.072 23.

Сумма эта хранится въ Госуд. Банкѣ на имя Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. № 3653 (30)

Главн. Уполн. П. П. Меллеръ.

ФОТОГРАФИИ.

Студія, изъ жизни, и по моделямъ „Beautés“ и пр. — Самая большая и прекраснѣйшая коллекція въ мірѣ. Богатая образцовая послышка высылается за 5 р. Каталогъ по 20 к. Adolf Estinger Kunstverlag. Wien I Hauptpostfach. Корреспонденція: на нѣм., франц. и англійск. яз. № 6073 (91)

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ 6—10 РИС. ВЪ КАНДОМЪ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИЖЬ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модъ, рис.) и Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.
Выданъ 16 января 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕЖЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1893 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарейль (14 шир.
стр.) въ Глав. Кон. Ред. по
1 руб. — Загран.: для Франціи
у Agence Havas по 3 fr., для
Австр., Герман. и Швейц. у Ri-
dolf Mosse по 2 марки 50 pf.

Безъ доставки въ Петер-
бургъ. 5 р.
Съ доставкою въ Петер-
бургъ. 6 р. 50 к.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл.
Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин. 6 р.
Съ пересылкой въ Москву и другіе го-
рода Россіи. 7 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 10 р.
На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.
На 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р. 50 к.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“ со всѣми прилож., Сборникомъ. и пр.

Запорожцы на развѣдкахъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Р. Штейна. грав. Шюблеръ.

Джеттатура.

Повѣсть графа Е. А. Салиаса.

(Продолжение).

VII.

Въ такой исключительно торжественный день, какой переживала Царица Адриатики, наплывъ однако люди, которые будто не замѣчали повсемѣстнаго праздничнаго движенія и не раздѣляли его.

Три существа въ Венеціи не смыкали глазъ въ всю ночь и все утро были озабочены своими бѣдами. По странному совпадению, причиной этихъ заботъ трехъ лицъ былъ одинъ и тотъ же человекъ, недавно явившійся къ Таванну въ качествѣ тайнаго секретаря Соевѣта Трехъ, а къ прокуратору Пани въ качествѣ мишона короля Французскаго.

Всю ночь промучался молодой патрицій Даль-Вермэ. Замаскированный не выходилъ у него изъ головы. Молодой человекъ, недавно женатый, былъ страшно ревнивъ, къ тому же и суевѣренъ. Красавица Сильвия обожала мужа, но тѣмъ не менѣе была постоянно имъ подозрѣваема. Просьба замаскированного или вѣрнѣе закладъ въ игръ—быть представленнымъ женѣ Даль-Вермэ, сильно смутила ревнива.

На это было много причинъ. А главное, онъ и безъ того за послѣднее время, окончательно рѣшившись изъ честолюбія ѣхать съ посольствомъ въ Испанію, сталъ сумраченъ и раздражителенъ, какъ будто раскаиваясь, что рѣшился на долгую разлуку съ женой.

Обратившись, какъ дѣлывали многіе изъ его пріятелей, къ таинствамъ магіи, чтобы узнать свое будущее, Даль-Вермэ узналъ лишь одно худое. Старая Сибилла, колдунья, родомъ турчанка или еврейка, жившая въ лачугѣ около моста Риальто, предсказала ему потерю всего, что ему дорого, и прибавила, что видѣть много крови, а за нею монастырь, а за нимъ базилику Св. Марка и страшную тайну... Ведутъ кого-то казнить!

Даль-Вермэ вполнѣ былъ убѣжденъ, что какія бы бѣды ни приключились съ нимъ—онъ никакъ не можетъ заслужить казни, ибо не можетъ измѣнить своему отечеству и не можетъ сдѣлаться убійцей.

„Да и что общаго между казней и соборомъ? думалъ онъ.—Казни въ Венеціи совершаются тихо и тайно, въ темницѣ, а не всенародно предъ храмомъ Св. Марка“.

Встрѣча съ замаскированнымъ незнакомцемъ, случившаяся въ эти дни сомнѣній и раскаянія въ затѣянномъ путешествіи, еще болѣе смутила Даль-Вермэ и подлила масло въ огонь.

Все сказанное маской хотя и было загадочно, но понято прямо въ цѣлѣ. Познакомецъ ласкливо не совѣтовалъ разлучаться съ красавицей-женой и отправляться въ дальній путь.

Вдобавокъ ревнивецъ-мужъ, избѣгавшій принимать у себя часто даже друзей, такихъ же патриціевъ, какъ и онъ самъ, вдругъ, вслѣдствіе нелѣпаго заклада и проигрыша въ домино, обязался ввести къ себѣ въ домъ и представить женѣ чужестранца, никому невѣдомаго человека, быть-можетъ даже шатуна низкаго происхожденія, плебея изъ Франціи или Германіи.

Даль-Вермэ самъ себѣ не вѣрилъ, какъ могло все это случиться.

Второе существо въ Венеціи, которое болновало отъ собственныхъ думъ и которому было не до Гелриха III и всѣхъ готовящихся празднествъ—былъ шахматистъ изъ Вероны, добрякъ и весельчакъ Джакомо Боббіо. А вѣдь пріѣхалъ онъ ради этихъ празднествъ!..

Быть-можетъ въ первый разъ за послѣднія десять лѣтъ былъ теперь Боббіо не только озабоченъ и угрюмъ, но даже просто несчастливъ. Уже болѣе десяти лѣтъ,

какъ никто, нигдѣ, никогда не выигралъ у него ни одной партіи въ шахматы. И на всемъ пространствѣ Апеннинскаго полуострова, въ Сицилии и Сардиніи, и даже вдоль восточнаго побережья Адриатики—всюду былъ провозглашенъ *Il signor Giacomo Bobbio, „il Veronese“*—необходимымъ шахматнымъ игрокомъ.

И вдругъ здѣсь, въ Венеціи, накануне самыхъ торжественныхъ дней, когда онъ хотѣлъ отличиться особенно и заставить доложить о себѣ самому королю Франціи... вдругъ... нѣчто непонятное, невѣроятное... Кажется это не дѣйствительность! Это сонъ, отвратительный сонъ! Но пробужденіе все не приходитъ...

Боббіо вспоминалъ всѣ свои три партіи съ замаскированнымъ, всѣ ходы, и свои и своего противника, и видѣлъ, что могъ, даже долженъ былъ выиграть, а не проиграть... Онъ зналъ теперь всѣ свои промахи и ошибки... По отчего же тогда не видѣлъ онъ, что дѣлать, не понималъ и не предвидѣлъ плана своего противника... Какая-то слѣиота пашла на него, пограниченіе разума.

Боббіо мучался цѣлые часы и угѣшался минутами, что послѣзавтра обыграетъ незнакомца...

„Да... Но все-таки три проигранныя партіи останутся проигранными“, думалось ему.—„Что не вернешь! Три партіи за десять лѣтъ! И въ Венеціи, а не гдѣ-либо въ глуши Сициліи или въ какомъ-нибудь маленькомъ городкѣ или портѣ побережья Адриатики“.

Промучившись всю ночь безъ сна, Боббіо съ утра, даже не похвѣвъ, засѣлъ за громаднѣйшій фоліантъ. Этой древней рукописной книгѣ было по малой мѣрѣ двѣсти или триста лѣтъ. Она заключала въ себѣ чуть не подробную изъ вѣка въ вѣкъ исторію шахматной игры во всѣхъ странахъ міра, включая Іранъ и Китай.

Половина фоліанта заключала въ себѣ сборникъ мудрѣйшихъ шахматныхъ задачъ и рѣшеній знаменитыхъ игроковъ-мудрецовъ.

Давно Боббіо имѣлъ эту книгу и зналъ ее почти наизусть... Она была источникомъ его побѣдъ и его славы, и его счастья на землѣ. Но какъ много и часто ли справлялся Боббіо со своимъ другомъ фоліантомъ, всегда находилъ онъ въ немъ какое-нибудь новое сочетаніе ходовъ. И составивъ планъ, готовилъ себѣ новую блестящую побѣду—какого бы сильнаго противника ни послала ему судьба.

На этотъ разъ знаменитый и кровно оскорбленный „Veronese“ рѣшилъ заняться цѣлые два дня и придумать такую хитрую партію, которая бы, несмотря ни на какое умѣнье противника—доставила бы ему побѣду.

VIII.

Третье существо, воображавшее себя самымъ несчастнымъ среди всеобщаго оживленія, веселья и шума, была молодая дѣвушка, полу-ребенокъ...

Это была среброволосая красавица-венеціанка Анджелина Контарини, единственная и обожаемая дочь героя республики и знаменитаго адмирала, имя котораго было грозною тучкой за всѣ послѣднія войны и стало еще болѣе громко и славно послѣ знаменитой битвы при Лепанто. Юная патриціанка славилась своей красотой, своимъ свѣжно-бѣлымъ личикомъ, ясными синими глазами и самыми прелестными во всей Венеціи волосами. Анджелина была извѣстна въ родномъ городѣ подъ именемъ: „la biondissima“. А въ Венеціи это много значило. Поклоненіе бѣлокурымъ женщинамъ стало издавна почти культамъ всей Италіи.

Семнадцатилѣтняя дочь одного изъ первыхъ санов-

никовъ, крайне богатая повѣста, послѣдница двухъ дворцовъ на Canal Grande и многихъ другихъ въ помѣстьяхъ отца на Твердой землѣ, Анджелина Контарини имѣла все, чтобы быть самой счастливой дѣвушкой на свѣтѣ. Оставалось лишь найти человѣка, котораго бы она могла полюбить и назвать мужемъ.

Самъ Контарини, человѣкъ гордый и честолюбивый, всегда мечталъ объ избраніи въ дожи, но глава республики въ эти дни былъ еще настолько сравнительно молодъ и бодръ, что теперь не могло быть надежды пережить его. Похоронивъ уже почти совсѣмъ эти прежнія мечты и довольствуясь высокимъ званіемъ перваго адмирала Св. Марка, Контарини жилъ лишь своею любовью къ красавицѣ-дочери и грѣзами о ея будущемъ.

За послѣднее время юной Анджелинѣ, осаждаемой женихами, былъ представленъ молодой патрицій не особенно славнаго рода, но самъ отличившійся въ борьбѣ съ пиратами, вѣчными врагами Венеціи, славной и богатой своей торговлей.

Это былъ молодой Наоло Ридольфи, красивый и статный молодецъ, съ лицомъ, сожженнымъ солнцемъ отъ пятилѣтняго пребыванія и плаванія вдоль Африканскаго побережья и слегка обезображеннымъ рубцомъ на щекѣ отъ турецкой сабли.

Ридольфи, награжденный правительствомъ за свои подвиги, былъ назначенъ начальникомъ флотиліи галеевъ и собирался поить на лаврахъ въ родномъ городѣ... Разумѣется, послѣ пяти лѣтъ суровой жизни на кораблѣ и всякихъ лишеній, Ридольфи былъ не прочь коснуться пристани, жениться и устроиться.

Молодой человѣкъ сумѣлъ понравиться гордому Контарини, а затѣмъ отчасти и красавица Анджелина, въ которую истребитель пиратовъ влюбился сразу—стала милостиво прислушиваться къ рѣчамъ своей старухи-тетки, повѣствовавшей особенно часто объ Африкѣ, разбояхъ на морѣ, ущербѣ отъ нихъ республикѣ и о подвигахъ защитниковъ Венеціи вообще и одного изъ нихъ—въ особенности.

Рѣчь о свадьбѣ уже заходила. Контарини уже любилъ юнаго героя Ридольфи. Анджелина не прекословила и была равнодушно привѣтлива къ нему.

Вдругъ за послѣдніе дни все переѣкнулось. Юная венеціанка не захотѣла и слышать о бракѣ съ морякомъ, грозой пиратовъ, и ходила озабоченная.

Наступали дни празднествъ по поводу пріѣзда короля Франціи, всѣ венеціанки радостно готовили свои наряды, а Анджелина была крайне задумчива и раздражительна, иногда же подолгу стояла у окна и будто тревожно озиралась.

Красавицу уже нѣсколько дней занимала одна мысль: „Кто такой—тотъ высокій, черноволосый молодой человѣкъ, котораго она уже болѣе недѣлю видитъ постоянно проѣзжающимъ мимо ихъ дворца въ серебристо-черной гондолѣ, когда она, подобно всѣмъ патриціанкамъ, занята своимъ обычнымъ главнымъ занятіемъ: „золотить волосы“...“

IX.

Прошли вѣка, гордая Царица Адриатики собственно исчезла съ лица земли. Въ настоящее время сохранился лишь остовъ ея—чудные дворцы, храмы и сѣнь лагуны... По душамъ ея отлетѣла... Все оживлявшее эти дворцы легло подъ плитами кладбищъ и смѣшалось съ землей.

Но помимо чудныхъ жилищъ, говорящихъ объ этихъ исчезнувшихъ поколѣніяхъ, остались страницы, свидѣтельствующія о славѣ Венеціи, о подвигахъ ея сыновъ въ борьбѣ съ Востокомъ и о красотѣ ея дочерей.

Жива еще память о чудныхъ волосахъ венеціанокъ, которыя заслужили безсмертіе благодаря кисти Тиціана, Кальяри-Веронезе и иныхъ.

А между тѣмъ исторія почти молчитъ о томъ, какою дорогой цѣной пріобрѣталась венеціанкой эта красота волосъ золотисто и серебристо-пепельнаго цвѣта, восхищавшая современниковъ и внушавшая зависть гордымъ римлянкамъ и граціознымъ флорентинкамъ... Что значила чернокудрая красавица около блондудрой дочери лагуны...

Въ Венеціи, и въ ней одной, водились свѣтловолосыя красавицы, благодаря вѣкамъ изощренному искусству краситься... „*Il arte biondeggiante*“, возникшее съ незапамятныхъ временъ и процвѣтавшее нѣсколько столѣтій, не имѣло предѣловъ своего совершенствованія. И за каждое столѣтіе являлось нѣсколько красавицъ, обладавшихъ тайнымъ способомъ такой окраски, которая, восхитивъ Тиціановъ, дошла въ ихъ твореніяхъ до дѣсей послѣдующихъ вѣковъ.

Венеціанка изъ патриціата—дѣвочка, дѣвушка и замужняя женщина равно—проводила день почти въ заключеніи въ комнатахъ дворца и только восемнадцатое столѣтіе выпустило ее на улицу и на прогулку наравнѣ съ братьями и мужьями.

И всякое утро, цѣлое утро длиннаго празднаго дня патриціанка проводила въ томъ, что вымачивала голову отваромъ изъ смѣси самыхъ разнообразныхъ травъ, иногда минераловъ, зачастую даже ядовитыхъ веществъ, а затѣмъ выходила на балконъ или къ окну и садилась на солнцѣ сушить голову,—сушить и, главное, золотить или серебрить волосы лучами яркаго солнца, какъ вѣрила она наивно нѣсколько столѣтій.

При этомъ на голову надѣвалась сквозная полушапочка, полусѣтка „*Solana*“, чрезъ отверстія которой пропускались длинныя косы прядями.

И вотъ именно за этимъ занятіемъ часто видѣлъ Анджелину незнакомецъ. Онъ смотритъ на нее и хотя разстояніе отъ ея балкона и оконъ до воды довольно большое, тѣмъ не менѣе Анджелина каждый разъ будто чувствуетъ его взглядъ на себя... И каждый разъ какое-то странное ощущеніе производятъ на нее его острые, будто все пронизывающіе черные глаза... Онъ не красивъ... нѣтъ—онъ даже дуренъ! Но онъ ей нравится больше, чѣмъ многіе патриціи, славящіеся своей красотой. Онъ будто этими своими глазами заставляетъ относиться къ себѣ неравнодушно.

„Кто онъ такой?“ думала Анджелина цѣлые дни.— „И чѣмъ же это кончится?“ думала она иногда и ночью.

Молодая дѣвушка, не скрывавшая ничего отъ своей двоюродной сестры Сильвіи Даль-Вормэ, призналась ей въ неожиданномъ чувствѣ.

По совѣту Сильвіи она дала порученіе своей камеристкѣ и молочной сестрѣ, т. е. дочери ея бывшей кормилицы—постараться разузнать во что бы то ни стало чрезъ двухъ ея братьевъ: кто такой этотъ синьоръ, владѣлецъ серебристо-черной гондолы?

По стараніи камеристки Лукреціи не увѣнчались успѣхомъ. Узнать оказывалось невозможно не только имени синьора, но даже его мѣстожительства. Его гондола, пролетѣвъ по Большому Каналу или отчаливъ отъ набережныхъ Скиавони или Салута—будто исчезала въ синихъ водахъ Венеціи.

Наканунѣ пріѣзжа Французскаго короля между адмираломъ и его дочерью зашла рѣчь о нарядѣ для готовящагося у дожа параднаго пріема въ честь Генриха. На этотъ пріемъ Анджелина, конечно, уже имѣла приглашеніе отъ догарессы.

Юная красавица отнеслась къ этому вопросу такъ холодно и безстрастно, что умный Контарини заподозрѣлъ, что съ дочерью приключилось нѣчто. Онъ заговорилъ объ претендентѣ Ридольфи. Дочь выразилась объ немъ рѣзко, сравнивъ его съ морской акулой.

Контарини задумался надъ акулой, но разспрашивать дочь не сталъ.

„Время покажетъ и все объяснитъ!“ подумалъ онъ.

Литературный альбомъ. „Ангель Смерти“, М. Лермонтова. Смерть Ады.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Р. Штейна, грав. Шюблеръ.

Вѣтки звенятъ! Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Наразина, грав. Рашевскій.

Так пастушило утро торжественной встрѣчи короля Генриха, и прокураторъ, собираясь сопутствовать дождю на островъ Мурано, былъ озабоченъ, оставивъ дома дочь, печальную и объявившую, что она на вечерній праздникъ по приглашенію догарессы совсѣмъ не поѣдетъ...

И въ тѣ мгновенья, когда цѣлая флотилія готовилась отправиться навстрѣчу Генриху, а чуть не вся Венеція гудѣла собравшись на Ривъ и любясь гондолами, галеассами и галерами съ чуднымъ „Буцентавромъ“ во главѣ—юная среброволосая Angelina la Biondissima сидѣла грустная на своемъ балконѣ и думала глядя на опустѣвшій отъ пробѣжкихъ Canal Grande:

„Никого! Всѣ собрался туда. Въ Мурано... Стало-быть и онъ тоже... Предъ полднемъ онъ всегда пробѣжалъ уже вторично. А сегодня ни разу. Стало-быть, онъ ѣдетъ со всѣмъ патриціатомъ, стало быть, имѣетъ на это право? Стало-быть, не чужестранецъ, какъ увѣряетъ по догадкамъ Лукреція... Онъ венеціанскій подданный съ Твердой земли. Но кто же онъ?...“

X.

Утро это во дворцѣ Дожей и во всѣхъ дворцахъ патриціевъ прошло въ суетливыхъ приготовленіяхъ... Глава республики, прокураторы Св. Марка, сенаторы, совѣтники или мудрецы—все облачались въ свои парадныя одежды...

Пародъ съ самой зари загрузилъ большую площадь, Пиаццетту и всю набережную Скиавони такъ, что, казалось, аркады дворца Дожей, окруженного отовсюду, не сдержатъ напора шумной и пестрой толпы. Сборы, стоявшіе на часахъ у всѣхъ выходовъ и во всѣхъ воротахъ внутреннихъ дворишковъ дворца—не разъ прибѣгали къ помощи своихъ алебардъ. Наконецъ въ десять часовъ пародъ загудѣлъ и заколебался... Море людское изволновалось и волны побѣжали еще сильнѣе къ аркадамъ, воротамъ и дверямъ дворца... На это море будто вихремъ ударило долгожданное мгновеніе...

По главной мраморной лѣстницѣ, именуемой „Лѣстницей гигантовъ“, спускалась медленно и торжественно цѣлая блестящая вереница: все правительство и весь патриціатъ республики. Шествіе открывали сборы, за ними шли по четыре въ рядъ молодые патриціи, затѣмъ разные сановники, члены уголовного суда или Кварантинъ, затѣмъ сенаторы, а за ними самъ дождь, предшествуемый своимъ коллегіумомъ изъ шести прокураторовъ Св. Марка...

Шествіе замыкалось тоже отрядомъ сборовъ.

Торжественный ходъ выступилъ на Пиаццетту и, пройдя среди расколовшейся на-двое толпы, направился къ набережной. Здѣсь уже давно стоялъ „Буцентавръ“, сверкая золотомъ и пурпуромъ... На кормѣ его, подъ балдахиномъ съ пунцовыми занавѣсами, сіялъ высокий тронъ съ двумя меньшими по бокамъ... Весь корабль формы большого баркаса, безъ мачтъ, низкій посрединой, но съ сильно возвышающимися носомъ и кормой, былъ отдѣланъ и задрапированъ малиновымъ бархатомъ... Всѣ части, ничѣмъ не укрыты, сіяли позолотой. А пуще всего горѣлъ на высокомъ носу корабля, будто вставъ на дыбы, чтобы смотрѣться въ синія воды, огромный крылатый левъ, держащій въ могучей лапѣ книгу—евангеліе Св. Марка. Вокругъ льва, а равно и на кормѣ вокругъ балдахина надъ тропомъ развѣшались знамена и священные хоругви изъ собора. Вдоль двухъ бортовъ вытянулось двумя шеренгами съ полсотни гребцовъ въ золотистыхъ ливреяхъ съ государственнымъ гербомъ—тѣмъ же львомъ—на груди. Золотыя весла были подняты вверхъ, наподобіе ружей.

За „Буцентавромъ“ вплотную стоялъ не менѣе разукрашенный и красивый корабль, по меньшихъ размѣровъ и съ одной золотой мачтой. Это была парадная галера генералъ-капитана, главнаго начальника вене-

ціанскихъ водъ отъ Canal Grande и всѣхъ лагунъ до береговъ Твердой земли включительно.

На галерѣ, вопреки обыкновенію, было также устроено возвышеніе и стоялъ тронъ. Подобнаго еще никогда не видали венеціане, и догадкамъ не было конца.

Вслѣдъ за галерой генералъ-капитана и далеко кругомъ нея сверкала и пестрѣла сплошная плывущая масса, ослѣпляя глаза золотомъ, серебромъ и самыми яркими цвѣтами и красками... То была сотня гондолъ патриціата, тоже облекшихся въ свои парадныя одежды, каждая по цвѣту герба своего владѣльца... А гербъ этотъ, зачастую „говорящій“, напоминающій пароду страницу изъ славной исторіи республики—красовался на носу гондолы, а равно на груди гондольера.

Среди прочихъ видѣлся самый извѣстный и самый любимый народомъ гербъ фамилии Барбаро, изображавшій на простомъ бѣломъ полѣ одно кровавое пятно.

Далѣе за гондолами стояло двѣнадцать большихъ галеръ и двѣсти малыхъ галеассъ, разукрашенныхъ флагами.

Когда дождь и сановники остановились на краю набережной, изъ собора Св. Марка двинулась и приблизилась небольшая процессія. Это былъ нунцій св. отца папы, во главѣ епископовъ и духовенства, который послѣ обѣдни явился присоединиться къ торжеству.

Мощные и гордые властители Адриатики, весь наличный патриціатъ, дававшій республикѣ изъ среды своей и дожей, и сенаторовъ, и славныхъ полководцевъ, и героевъ на сушѣ и на морѣ—теперь все въ полномъ составѣ, цѣлой толпой стали предъ государственнымъ кораблемъ...

Послѣ краткаго молитвословія, нунцій размашисто благословилъ сверкавшій предъ нимъ „Буцентавръ“... Дождь подалъ знакъ...

Могучій крылатый левъ заколебался и корабль двинулся...

Пустой, съ однимъ гребцомъ...

Казалось, что левъ Св. Марка вдругъ ожилъ, взмахнулъ крылами и гордо шевельнулъ золотой косматой головой, будто чувствуя и понимая, что онъ теперь—и впервые—одинъ отправляется въ путь... Онъ одинъ встрѣтитъ съ привѣтствіемъ и приметъ на корабль высокого гостя республики, монарха Франціи...

Когда „Буцентавръ“ отошелъ отъ набережной, его мѣсто заняла галера генералъ-капитана и на нее вмѣстѣ съ шестью прокураторами и нунціемъ вошелъ дождь и занялъ приготовленный тронъ. Одновременно вдоль всей набережной Скиавони все сановники и патриціи сѣли въ свои гондолы...

И левъ Св. Марка, гордо глядя передъ собой съ „Буцентавра“ и держа въ мощной лапѣ евангеліе, будто повелъ за собой безконечную блестящую флотилію, сплошной массой покрывшую каналъ.

Любо снхихъ водъ вдругъ исчезло изъ глазъ народа, волны одѣлись въ золото, бархатъ и атласъ, и только тихонько, будто любовно, шевелили эту одежду на себѣ...

Король Генрихъ со свитой и съ сановниками республики, встрѣтившими его еще на берегу Твердой земли, ночевалъ на островѣ Мурано во дворцѣ Капелли, и рано утромъ собирался переѣхать ближе къ городу, на островъ Лидо. Въ семь часовъ утра явился посланный отъ правительства и передалъ виконту Таванну, что дождь, сенатъ и патриціатъ рѣшили привѣтствовать короля еще на Мурано и лезти его на Лидо полуофициально... Отсюда же, послѣ небольшой церемоніи представленія королю самыхъ главныхъ и выдающихся венеціанцевъ, начнется торжественный въѣздъ въ Венецію.

Гораздо позднѣе, около десяти часовъ, явился къ Мурано второй посланецъ и тоже обратился къ Таванну съ заявленіемъ, что дождь и вся знатная Венеція придутъ около полудня...

Это былъ недавній знакомецъ, фаворитъ Генриха,

тотъ же и такой же ему непріятный взглядомъ и по-
вадкой кавалеръ ди-Аволо.

Онъ объяснилъ, что посланъ прокураторіей преду-
предить королю о времени прибытія дожа со свитой, по-
въ то же время съ приказомъ отъ „Трехъ“ присоеди-
ниться къ свитѣ короля.

Таваннъ пожалъ плечами и отвѣтилъ сухо и коротко:
— Можете!

Онъ докладывалъ Генриху наканунѣ о странномъ
распоряженіи правительства Венеціи. Король отнесся
къ докладу равнодушно и отвѣтилъ тѣмъ же словомъ,
что когда-то сказалъ Таваннъ самому ди-Аволо:

— Soit!

Разумѣется, кавалеръ, тайный представитель тайныхъ
„Трехъ“, тотчасъ же удостоился чести быть предста-
вленнымъ, т. е. лишь названнымъ мопарху. Но онъ про-
извелъ на Генриха такое отталкивающее впечатлѣніе,
что король не могъ превозмочь себя. Не сказавъ ди-
Аволо ни слова, онъ отвернулся отъ него.

Четверть часа спустя Генрихъ улыбаясь замѣтилъ
любимцу:

— Таваннъ? Чтѣ бы сказали поляки, если бы всѣ мои
любимцы были похожи на этого дьявола?

— Какого дьявола, Sire?

— Di-Avolo или diavolo—одно и то же. И произно-
сится, и пишется одинаково по-итальянски.

— Правда! воскликнулъ Таваннъ.—Мнѣ на умъ не
пришло. Я произносилъ съ другимъ удареніемъ: Di-Avôlo.
Такъ, какъ онъ назвался мнѣ!

XI.

Загадочная личность, несмотря на косые взгляды
всѣхъ приближенныхъ Генриха III и на видимое пре-
небреженіе, высказанное самимъ королемъ—все-таки
примкнула къ небольшой блестящей свитѣ миньоновъ.
Всѣ при этомъ замѣтили съ нѣкоторымъ удивлені-
емъ, что эlegantный костюмъ венеціанца мелочами
и деталями своего покроя былъ похожъ болѣе на
одежду приближенныхъ короля, чѣмъ на одежду на-
трицевъ. Къ тому же костюмъ ди-Аволо былъ точъ-въ-
точъ копіей съ костюма Таванна. Они стали двойниками
по одеждѣ. Разумѣется, виконту это обстоятельство было
крайне непріятно, и онъ терпѣлся въ догадкахъ, какъ
могло оно произойти, тѣмъ болѣе, что, заказавъ себѣ это
платье въ Вѣнѣ, виконтъ надѣвалъ его въ первый разъ
ради торжественнаго дня.

На обоихъ, на виконта Таваннъ и на кавалеръ ди-
Аволо былъ атласный свѣтло-оранжевый костюмъ цвѣта
шауве съ отдѣлкой изъ темно-фіолетоваго бархата. На
ногахъ трико изъ обтяжку было фіолетовое, буффы на
бедрѣхъ оранжевыя, куртка, облегающая вилотную станъ,
по плени justaucorps, была также фіолетовая съ
черною атласной звѣздой во всю грудь, а епанча, па-
дающая съ плечъ и висѣщая за спиной, была бархат-
ная золотисто-оранжевая съ атласной фіолетовою под-
кладкой. Такой же маленький золотистый беретъ съ
чернымъ перомъ и съ узкой каймой дополнялъ ко-
стюмъ виконта, но разнился отъ берета кавалера, у
котораго перо было золотистое, а кайма фіолетовая.
По это была случайность...

Виконтъ Таваннъ, разумѣется, сердился и недоумѣ-
валъ какъ могъ ненавистный венеціанецъ скопировать
его новый костюмъ. Въ умыленномъ подражаніи не
было сомнѣнія въ особенностяхъ нотому, что беретъ свой
Таваннъ замѣнилъ лишь наканунѣ другимъ, а беретъ
кавалера былъ буквально воспроизведеніемъ берета
его, сдѣланнаго въ Вѣнѣ для новаго костюма.

Всѣ приближенные и миньоны подшучивали надъ
виконтомъ, поздравляли его съ его „petit frère“ и съ
его неожиданнымъ двойникомъ.

Шуткамъ и прибауткамъ вѣчно веселыхъ миньоновъ
не было конца. Къ тому же, подражаніе кавалера было

псумѣстно, цѣлѣно... Цвѣта костюма виконта, перваго
любимца короля, а равно бывшаго временно любим-
цемъ покойнаго короля Карла IX—имѣли свою при-
чину:—фіолетовый и оранжевый съ чернымъ счита-
лись полутраурными или demi-deuil...

Король былъ весь въ черномъ одеяннн, по съ легкимъ
фіолетовымъ отливомъ ради торжества и чтобы ока-
зать этимъ любезное вниманіе Венеціи. Сановники,
встрѣтившіе Генриха на Твердой землѣ, тотчасъ замѣ-
тили, что король одѣтъ по ихъ выраженію: „di ravonaazo“.

Виконтъ Таваннъ, ближайшее лицо къ королю, имѣлъ
право носить полутрауръ по его брату и своему быв-
шему королю.

Какой же смыслъ имѣлъ костюмъ венеціанца, кавал-
ера ди-Аволо?

— Il porte le deuil de ses chagrins! шутили миньоны,
кружась вокругъ кавалера и посмѣиваясь дерзко прямо
ему въ лицо.

Вскорѣ послѣ полудня свита короля вдругъ замѣ-
тила изъ окопъ дворца Канелли, что на горизонтѣ си-
ннихъ водахъ показалась блестящая полоса:—флотилія
изъ Венеціи была въ виду Мурано...

Свиданіе мопарха Франціи и главы республики про-
изошло на лѣстницѣ дворца... Генрихъ стоялъ на пер-
вой ступени... Дождь, сопутствуемый шестью прокурато-
рами, поднялся и приблизясь снялъ свою остроконечную
шапочку или уйю и сталъ на коѣнн... Генрихъ при-
тонулся рукой къ своему черному берету и поспѣшилъ
поднять старика...

Черезъ полчаса флотилія уже двигалась отъ Мурано
къ острову Лидо, но король ѣхалъ съ дождемъ на га-
лерѣ генераль-капитана, а „Буцентавръ“ шелъ впереди
слова пустой.

На Лидо послѣ молебствія въ маленькомъ храмѣ,
гдѣ нунцій въ сослуженіи съ епископами отслужилъ
молебенъ и благословилъ короля, всѣ перешли на пло-
щадь. Здѣсь, въ деревянной временной постройкѣ, слошъ
обитой сукномъ и бархатомъ, были представлены ко-
ролю по его желанію всѣ сановники Венеціи и даже
всѣ молодые патриции безъ исключенія.

И король любезнымъ вниманіемъ и мягко-гордой при-
вѣтливостью очаровалъ всѣхъ.

— Вотъ истинный монархъ! восклицали всѣ.

И только въ четыре часа флотилія двинулась отъ
Лидо въ Венецію.

Пловучая ярко блистающая и ярко пестряющая масса
разукрашенныхъ гондолъ, галессъ и большихъ га-
леръ представляла рѣдкое зрѣлище. Будто радуга съ
небесъ легла на лоно водъ...

„Буцентавръ“ шелъ впереди, но теперь онъ тоже
сталъ рѣдкимъ явленіемъ для самихъ венеціанцевъ, не
только молодыхъ, но и старцевъ. Ни одинъ изъ нихъ
не могъ возсоздать въ памяти своей что-либо подобное
и подходящее...

Подъ пунцовымъ балдахиномъ было три трона вмѣсто
одного... По бокамъ мопарха Франціи номѣщались
дождь и пунцій. Середина „Буцентавра“ была занята
лишь прокураторами и французской свитой короля.
Помимо главы государства и шести первѣйшихъ санов-
никовъ, ни одинъ патрицій не былъ конечно пригла-
шенъ на государственный корабль. Это было бы ока-
заніемъ слишкомъ большой чести.

А между тѣмъ на „Буцентаврѣ“ ѣхалъ одинъ чело-
вѣкъ, который не былъ прокураторомъ или сановни-
комъ Венеціи и не былъ французомъ. Кто же могъ это
быть? Это былъ кавалеръ Джіованни ди-Аволо. Но
какъ же могъ онъ очутиться на „Буцентаврѣ“? Его
присутствіе было послѣдствіемъ недоразумѣнія между
венеціанцами и французами, если только оно не было...
наводненіемъ! Ди-Аволо, озираясь на все и на всѣхъ,
ярко сверкала своими черными глазами и загадочно,
будто зловѣще, улыбался...

— Да... Я все могу! шепталъ онъ самъ себѣ на такомъ парѣчьи, которое никѣмъ не могло быть понято на всемъ „Буццетаврѣ“. А между тѣмъ тутъ были люди, которые въ сложности понимали всѣ европейскіе языки.

Когда флотилія, озаряемая уже заходящими солнцемъ, вошла въ лагуны Венеціи, общій видъ торжественнаго шествія по синимъ водамъ, подъ яснымъ сводомъ синяго неба былъ настолько ослѣпительно чарующимъ, что король не превозмогъ своего волненія... Озираясь на чудные блѣдно-розовые дворцы, будто выплывающіе на его глазахъ изъ зеркальных водъ, и на бесконечную радужную вереницу двигавшейся флотиліи, Генрихъ вдругъ воскликнулъ:

— Plût à Dieu que la Reine, ma mère, se trouvât avec moi pour jouir de ce spectacle sans pareil! *)

Когда флотилія вступила въ Большой Каналъ и, слѣдуя ко дворцу Фоскари, назначенному резиденціей короля, поравнялась съ Пиацеттой, съ обонхъ береговъ массы народа загудѣли:

— Viva Arrigo il Terzo!.. Viva il Re di Francia e di Polonia...

Этотъ пародный крикъ, огласившій всю Венецію и

оглашавшій ее затѣмъ нѣсколько дней, никогда болѣе на блѣдомъ свѣтѣ не раздавался и не повторялся, ибо никогда никто кромѣ Генриха Валуа не сочеталъ въ лицѣ своемъ древней Галліи и Рѣчи Посполитой...

Дождь съ главными сановниками проводить короля до подъѣзда дворца Фоскари.

Не сразу успокоилась Венеція и только далеко за полночь крѣпко и сладко уснула... Вечерніе часы прошли въ безконечныхъ разсказахъ. И патриціи, и всѣ плебей разсказывали домашнимъ, женамъ и дѣтямъ, о всемъ видѣнномъ и слышанномъ за этотъ знаменательный день 18-го іюля.

Чернь еще ввечеру очистила всѣ каналы, площади и улицы, городъ весь оустѣлъ, какъ рѣдко бывало, но за то до полуночи во всѣхъ дворцахъ, домахъ и даже лачугахъ гудѣлъ веселый говоръ. И прокураторъ, и сенаторъ, и патрицій, и простой цитадинъ, и даже послѣдній рыбакъ изъ лагунъ всѣ горячо повѣстовали, восторгаясь и волнуясь...

— Arrigo il Terzo! слышалось повсюду и будто заполонило и заняло теперь собой весь городъ.

(Продолженіе будетъ).

Стихотвореніе.

На берегъ моря выброшены волнами
Убогій чолпъ съ сѣтями рыбака.
Отломаны руль, и парусъ лоскутами
Чуть треплется порывомъ вѣтерка.

Кто-жъ тотъ пловецъ погибшій, волны, волны!
Но волны плещутъ, бьются и поютъ:
Имъ не до насъ — онъ такъ жизни полнъ! —
И о погибшемъ вѣсти не даютъ...

Что значить имъ людское наше горе?
У нихъ своихъ не перечесть даровъ.
Взгляни кругомъ: какъ много разныхъ море
На берегъ бросило прекрасныхъ жемчуговъ!

И жемчугъ бури даръ! И онъ волною
Взмѣнъ пловца былъ выброшенъ сюда...
Обычный торгъ межъ моремъ и землею,
Обычный торгъ — обычная чреда!..

М. Левлевъ.

„Неразлучное“.

Разсказъ Николая Днѣпровскаго.

(Окончаніе).

XIV.

Иванъ сталъ моимъ постояннымъ проводникомъ, и надо отдать ему справедливость — мѣста онъ зналъ отлично. Вздумаешь побаловать меня утками — сведетъ въ такое мѣстечко, гдѣ уткамъ нельзя не быть, и подлинно есть: скажешь ему про дупелей — онъ спроситъ, по какимъ мѣстамъ они водятся и какое у нихъ „обличье“, подумаетъ и приведетъ на дупелей. И такъ все. Рыболовъ онъ оказался страстный и Неразлучинское озеро по этой части знаетъ какъ свою хату. Вообще это былъ замѣчательно даровитый и способный человекъ, такъ что, познакомившись съ нимъ покороче, я вполне понялъ, почему во всякомъ дѣлѣ, за какое бы онъ ни взялся, всѣ сразу видѣли въ немъ знатока, къ которому всегда можно обратиться за совѣтомъ. При всякой работѣ его встречали весело, лица прояснялись, шутки и смѣшки слышались изъ той группы, къ которой онъ присоединялся. Наладить не идущій въ мѣру плугъ, пересадить косу такъ, чтобы она шла какъ по маслу, сообразить, чего не хватаетъ въ насѣчкѣ жернова, чтобы онъ ровно молотъ, пусить кровь запавшей лошади, расковать бьющаго задомъ жеребца, — все Иванъ, всюду Ивановъ совѣтъ — дѣльный, преподанный ласково и толково. Всюду ловко работаютъ его золотыя руки. Даже въ такомъ дѣлѣ, къ которому ему приходилось приступать въ первый разъ, съ поражающе тѣмъ видомъ человека, сразу попавшаго всю суть, который невольно заставляетъ уважать здравую русскую смѣлку. Сестра разсказывала мнѣ, какъ со съѣздъ по пѣмѣнью, тотъ же Чузаковъ, выписавъ себѣ изъ Москвы рапдаль, и когда рапдаль привезли со станціи, распаковали, собрали по чертежу и начали пробовать, онъ не „помелъ“. Билсъ-билсъ съ упрямымъ массивнымъ орудіемъ, унарился двѣ смѣны коней — не идетъ рапдаль да и только! Рѣшили отложить до другого раза. Вѣроятно, во время перевозки въ немъ что-нибудь погнулось, или чего-нибудь не хватало. Къ слѣдующему опыту пришелъ поглядѣть повнику и Иванъ. Когда опять, непрежнему, заморили одну смѣну лошадей и стали выгнать другую, онъ подошелъ, попробовалъ рукою в одинъ мѣстъ, въ другомъ, зашелъ со стороны дышла и, по-

глядѣвъ внимательно на валъ, вдругъ обратился къ Чузакову и заявилъ, что „ѣнъ и не пойдетъ“. Помѣщикъ удивился. Иванъ объяснилъ, почему онъ предполагаетъ, что „ѣнъ и не пойдетъ“, и Чузаковъ разрѣшилъ ему свезти рапдаль въ кузю и передѣлать что пужно. И Иванъ свезъ и передѣлалъ. Черезъ два дня рапдаль работалъ великолепно, легко и ровно катился по пашнѣ и мѣшалъ ее своими заблестѣвшими тарелками „въ пухъ“, по выраженію мужиковъ. Однимъ словомъ, для разносторонняго хозяйства сестры Иванъ Ушаръ являлся сокровищемъ. Онъ съ полнымъ правомъ могъ говорить Анюткѣ, что всюду зарабатываетъ не хуже другихъ, и та имѣла столь же полное основаніе вѣрить ему.

Даже Родивонъ, флегматичный на видъ, по оказавшійся первымъ пласуномъ и заплывалою на деревнѣ, несмотря на тайное недружелюбіе и зависть къ Ивану, въ чемъ я не однажды могъ убѣдиться изъ разговоровъ съ нимъ, когда онъ возилъ меня на охоту на пензѣбныхъ бѣгункахъ, — и тотъ не могъ устоять противъ общаго потока восхищенія Иваномъ Ушаремъ.

— Енъ, браецъ ты мой, смѣшнѣе, слышимъ смѣшнѣе, прямо сказать, что по всякому дѣлу у насъ первой! Ну, опять же и грамота ему далась здорово! всегда заканчивалъ онъ свою похвалу.

— Экая жалость, что ему въ солдаты нтъ придется, сказать и какъ-то однажды ему въ отвѣтъ.

— Что-жъ, въ солдаты, протянулъ Родивонъ, шевели вожжею, — понека отъ солдатчины нѣко не ослобонѣтъ, всѣмъ одна линія. Небось и на службѣ смѣшленные надобны. Вошь, говорятъ старики, что хорошіе люди и Богу пужны!

При этомъ онъ сокрушенно вздохнулъ и полѣзъ за писестомъ — крутить себѣ изъ газетныхъ „цыгарку“.

XV.

Онъ и не думалъ, что предсказалъ этимъ судьбу Ивана. И пужно же было, въ самомъ дѣлѣ, чтобы изъ всего населенія Неразлучнаго, изъ этихъ полутора сотенъ рабочаго народа, гдѣ были и слабые, и старые, и ни къ какому путиному дѣлу какъ слѣдуетъ неспособные люди, смерть неожиданно похитила именно его, всѣми любимаго, грамотнаго, съ золотыми руками, перваго во всякой работѣ, — Ивана Ушаря!

*) Если бы Господу было угодно, чтобы королева, мать моя, находилась теперь со мною, я могла бы любоваться этимъ несравненнымъ видомъ!

Композиторъ Шарль Гуно. Съ карт. Каролюса Дюрана, грав. Бодъ.

А между тѣмъ она выхватила испио его и какъ бы лишь па придачу, мимоходомъ, словно только нечаянно, съ разгоу, прихватила и младшаго его брата, едва перешедшаго 16-ти-лѣтній возрастъ парнишку. Вотъ какъ это случилось.

Въ самомъ началѣ августа, однажды утромъ, когда мы всей семьей сидѣли на балконѣ за утреннимъ чаемъ, грузный топотъ бѣгущаго по дорогѣ мимо сада человека привлекъ мое вниманіе. Сквозь рѣдкіе колья забора мнѣ видно было, что какой-то бородатый мужикъ въ бѣлой грязной рубахѣ съ разстегнутымъ воротомъ, безъ шапки, запылавшійся, бѣжалъ къ семейной избѣ и скрылся въ дверяхъ. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ опять появился въ той же двери вместе со старостой, Егоромъ Яковлевичемъ, который былъ бѣднѣе обыкновеннаго и, залетая на ходу ноги, безпокойно обдергивалъ свою ситцевую рубаху, направляясь къ дому. Оба они скрылись за уголъ и скоро староста появился въ дверяхъ балкона, тяжело переводя духъ. Изъ-за его плеча выставилась лохматая борода.

— Что случилось, Егоръ Яковичъ? встревожилась сестра.

— Несчастіе, барыня, съ трудомъ выговорилъ онъ.

— Что такое?

— Ивана Ушаря съ Гришкой деревомъ задавило.

— До смерти? спросилъ я.

— Иванъ и не дышать, а Гришка чуть дышать, какъ я побѣгъ, появилась лохматая борода.

Всѣ засуетились. Сестра распорядилась поспѣть за земскими врачами въ Дроздику за 15 верстъ. я же мигомъ одѣлся, при чемъ сестра насовала мнѣ въ карманъ какихъ-то пузырьковъ. и на бѣговыхъ дрожжахъ съ Егоромъ Яковлевичемъ и лохматымъ мужикомъ мы поѣхали въ Леушинскій клинъ, на мѣсто несчастія.

Худыя вѣсти доходятъ скоро. Когда мы выѣзжали изъ воротъ, то мимо насъ, пенсово гремя колесами, вскачь пронеслась телега, въ которой какой-то старикъ въ сдвинутой на затылокъ войлочной шапкѣ и съ треплющейся по вѣтру железовато-сѣдой бородой, стоя на козлы и держа въ лѣвой рукѣ за грядку телеги, правой нахлестывалъ концомъ вожжей бриклявую рыжую лошадку, которой правила плачущая баба. Я узналъ Никанора Ушаря—отца погибшихъ.

Мы поѣхали вслѣдъ за телегой, но она скоро скрылась за поворотомъ. Дорогою намъ попался спѣшно идущій паренъ, поравнявшись съ которымъ Егоръ Яковлевичъ сдержалъ лошадь.

— Что Гришка?

— Бытъ кончастся, Егоръ Яковичъ. Эка бѣда-то стряслась, Господи!

Паренъ утеръ не то слезы, не то потъ, струившійся у него по щекамъ.

— Да какъ же это ихъ угораздило? поинтересовался староста.

— Да они, видишь, хотѣли древо завалить, больше половины ужъ подрубилъ, ну, а сосна-то на ихъ бокъ такая комлистая, да видно подопрѣла съ другого-то краю, ну, и завалилась. Да и чудно, братецъ, завалилась-то! Ну, словно вотъ толкнулъ сѣ кто, почестъ и не христиану!

Паренъ, выпучивъ глаза и двинувъ отъ себя обѣими руками, пообразилъ, какъ толкнуло сосну.

— Ну?

— Ну, Ваньку-то поперекъ груди такъ къ землѣ и при-тиснуло, а Гришку атакимъ родомъ по головѣ сукотъ вдарило. Пожелъ прѣхали тутъ мужики, древо съ нихъ сволокли, а они почестъ и не живы. И чудно, братъ...

Но мы уже не слушали и ѣхали далѣе.

XVI.

Проѣхавъ докуда можно, мы слѣзли и пошли пѣшкомъ. Когда мы подходили къ мѣсту происшествія, то падали увидѣли между стволами сосенъ бѣлыя пятна рубахъ, сквозь торчащіе сучья и темную зелень срубленной сосны. Оттуда несся бабій вой и причитанье. Обогнувъ поваленное вѣтвистое дерево, мы подошли къ группѣ мужиковъ. Бѣлыя рубахи раздвинулись и я вошелъ въ кругъ.

Иванъ и Гришка оба лежали рядомъ. Надъ Гришкой, разметавъ жидкіе, выбившіяся изъ-подъ еползнаго на шею темнаго платка, сѣдоватые волосы, прижавъ къ погамъ лежащаго, была и причитала какая-то старуха, мѣрно покачиваясь изъ стороны въ сторону. Я догадался, что это—мать. Иванъ лежалъ павзничъ, безъ шапки, въ томъ же сѣромъ зипунѣ, широко разбросивъ руки, съ выпнутыми прямо ногами, обутыми въ лапти. Голова его темнаго склонилась на-сторону и широко раскрытые нумувшіяся сѣрые глаза недвижно уперлись въ спнее небо, словно бы смерть застигла его въ то мгновенье, когда онъ просилъ у этого Неба долгой и счастливой жизни. Густыя кольца его темныхъ кудрей рассыпались вокругъ бѣлаго лба на свѣтлой зелени мха; спокойное, мертвенной бѣлизны лицо выражало строгую и тихую думу, и если бы не легкая кровавая пѣна, выступившая на лѣвомъ, наклоненномъ къ зеленому ложу, углу приоткрытаго рта, то можно было бы

вообразить, что онъ просто себѣ раскинулся па прохладный мохъ и думаетъ безконечную думу, глядя въ спнее небо.

Гришка лежалъ шагахъ въ двухъ отъ брата, на лѣвомъ боку, въ такой позѣ, какую принимаетъ заснувшій посѣзъ утомительной упрямки рабочей, который какъ только ляжетъ и подложитъ ладонь подъ голову, согнувъ немножко ноги, такъ ужъ и спитъ свинцовымъ сномъ. Онъ изрѣдка подрагивалъ всѣмъ тѣломъ и равномерно всхрипывать, но этотъ предсмертный хрипъ видимо замиралъ, и Гришка кончался. Я нагнулся къ нему, взялъ его руку и пощупалъ пульсъ: пульсъ былъ почти незамѣтителъ. Тутъ только я увидѣлъ кровь, которая темной массой склеила его рыжеватые волосы и свѣжими потѣками помѣтила лежащую подъ головой руку. Мнѣ виденъ былъ его профиль, строгое очертаніе заострившагося носа, стиснутый ротъ, судорожно поджатые, безкровныя губы. Не было сомнѣній въ томъ, что ни одинъ изъ пузырьковъ, лежавшихъ въ моихъ карманахъ, уже не проявитъ цѣлебныхъ свойствъ своего содержимаго. Смерть доканчивала начатую работу и безсильные предъ нею люди стояли вокругъ покуривъ головы, безъ шапокъ, и тихо, будто боясь смутить вылетавшую душу, шептались подъ жалобный вой причитающей магери.

XVII.

Я оглинулся на толпу и тутъ только замѣтилъ Никанора Ушаря. Онъ стоялъ на козлы въ головахъ Ивана, и въ то время, какъ я взглянулъ на него, закрывалъ глаза своему сыну.

У Никанора глаза были сухи и красны, лицо безъ всякаго выраженія, а беззубый ротъ шевелилъ своимъ движениемъ сѣдую бороду, шепча что-то, должно быть молитву. Лѣвая рука, на которую онъ оперся, нагнувшись къ головѣ трупа, глубоко ушла въ мохъ и благодаря этому все худое тѣло его, угловатые очертаніемъ обринеовавшиеся на снѣгъ и на костявые плечи подъ холстомъ рубахи, какъ-то неестественно и безсильно перекосилось, какъ бы готовясь упасть. Эта старческая фигура была такъ жалка, такъ напоминала движенье и жизнь, что кризу смерти, казалось, слѣдовало бы раньше задѣть его—этого безнолезнаго, равнодушнаго къ ней старца, чтобы не дѣлать его свидѣтелемъ своей жестокой, нечелѣной работы.

Я выпустилъ руку Гришки; она грузно упала къ нему пабокъ, поддержала секунду неподвижно и потомъ медленно сползла впередъ и закрыла отъ меня его бѣдный профиль. Все тѣло его крупно дрогнуло раза два и хрипы смолкли. Кругомъ замелькали руки, творя крестное знаменіе, глаза поднимались къ Небу и послышался сдержанный говоръ: „кончилась!“, „упокой Господи!“

— О, Боже нашъ, Господи! внятно прошамкалъ беззубымъ ртомъ какой-то бѣлый какъ луиъ старикъ возлѣ меня, низко опуская лохматую голову.

Я вышелъ изъ толпы и пошелъ домой...

XVIII.

Этимъ лѣтомъ я опять былъ въ Неразлучномъ, и въ сопровожденіи вернуващагося „однолѣткою“ со службы Родивона какъ-то разъ бродилъ за тетеревами. На Пастуховомъ лѣдѣ изъ оушки казенника вырвался косачъ, котораго я прозвалъ, и пошелъ его разыскивать. Взогнавъ его еще разъ, я потерялъ наконецъ надежду овладѣть имъ и полѣзъ напрямикъ чрезъ густой молодой осинникъ, рассчитывая выбраться па дорогу. Идти становилось все труднѣе, частый прыжокъ запутывалъ ноги, цѣплялся тѣ за сѣтку, то за полы сюртука, и я едва продвигался впередъ. Наконецъ кусты кончились и я очутился прямо передъ болышимъ, сѣрымъ отъ времени, деревяннымъ крестомъ, склонившимся въ мою сторону. Тутъ же, возлѣ былъ широкій пенъ. Я нѣсколько разъ проходилъ этими мѣстами и никогда не замѣчалъ креста; къ чему стоитъ онъ въ этой глуши? Я окрикнулъ Родивона, тотъ подошелъ чрезъ нѣсколько минутъ.

— Что это за крестъ? спросилъ я.

— А развѣ-жъ вы не помните? Тутъ Ушаря въ деревомъ убило!

Я оглядѣлся. Этого мѣста никакъ нельзя было признать, до того измѣнили его человекъ и природа въ какія-нибудь 5—6 лѣтъ: вѣсто могучихъ, задумчиво гудящихъ сосенъ, кругомъ было ровное мшистое пространство, по которому вился чахлый, корявый безвѣньякъ. Я поглядѣлъ на пенъ и въ моей памяти, какъ живая, встала видѣнная когда-то картина: этотъ пенъ былъ тогда свѣжъ и бѣлъ, а вотъ тутъ лежали два теплыхъ трупа, а два старыхъ, ожившихъ свой вѣкъ человека, склонились надъ ними, покоряясь канризѣ слѣпой судьбы.

— Гдѣ же теперь Аютка Хаскинская? спросилъ я у Родивона.

Тотъ удивленно посмотрѣлъ на меня.

— Да вѣдь она-жъ теперь моя жена, баринъ. Я какъ изъ службы по жеребью воротился черезъ годъ, такъ она за меня и пошла. Да ужъ у насъ таперича двое ребятъ растутъ.

Я пожелалъ ему счастья.

У д а ч а *).

Рассказ Марка Твена. Переводъ съ англійскаго.

Дѣло было въ Лондонѣ, на банкетѣ въ честь одного изъ немногихъ героевъ, имена которыхъ украшаютъ англійскую военную исторію послѣдняго времени. По причинамъ, весьма, «прощемъ, понятнымъ, я не могу привести здѣсь подлиннаго имени и титула этого героя. Я назову его, положимъ, генералъ-лейтенантомъ, лордомъ Артуромъ Скорееби.

Онъ ехалъ передо мною. Имя его я слышалъ тысячи разъ послѣ того славнаго дня, когда оно впервые блестящею звѣздой заеяло надъ полемъ битвы въ Крыму и затѣло областью весь міръ. Съ какою жадностью я смотрѣлъ теперь во все глаза на этого полубога и читалъ въ чертахъ его лица исторію его величія. Какъ ясно отражалась въ нихъ—снѣжнотѣ, сдержанности, благородная серьезность, скромная порядочность, идеальная простота и отсутствие самоувѣреннаго сознанія своего величія, сознанія естии воехнщесно-устремленнхъ на него глазъ, полныхъ выраженія глубокаго и искренно-любовнаго поклоненія.

По лѣвую руку отъ меня ехалъ мой старый пріятель—пасторъ. Онъ провелъ свои молодые годы въ лагерѣ, на поляхъ битвъ и на каедрѣ Вульвичской военной школы. Когда я началъ распространяться передъ нимъ о восторженномъ пасторствѣ, которымъ былъ охваченъ, въ его глазахъ заеылся насмѣшливый огонекъ. Наконецъ, наклонившись къ моему уху, онъ проговорилъ шопотомъ, указывая глазами на героя праздника:

— А вѣдь, между нами будь сказано, онъ непроходимый дуракъ!

Этотъ отзывъ поразилъ меня етранино. Будь его предметомъ самъ Наполеонъ, или Сократъ, или Соломонъ, мое изумленіе не могло-бы быть болѣе искреннимъ. Однако въ двухъ отношеніяхъ я не могъ сомнѣваться ни капельки: его преподобіе было высоко правдивый человѣкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ большой знатокъ въ людяхъ. Выходило, что весь міръ ошибается относительно этого героя: онъ — дуракъ! Но какими путями успѣлъ мой пріятель — пасторъ, одинъ ереди всѣхъ — открыть эту тайну? Мнѣ чрезвычайно хотѣлось разъяснить этотъ вопросъ.

Скоро представился удобный случай удовлетворить мое любопытство, и вотъ что мой пріятель рассказывалъ мнѣ.

— Нѣтъ, сорокъ тому назадъ, какъ вамъ извѣстно, я былъ однимъ изъ преподавателей въ Вульвичской военной академіи. Какъ-то разъ мнѣ пришлось присутствовать при отвѣтѣ, который давалъ учителю исторіи своего отдѣленія молодой Скорееби — вотъ этотъ самый герой нашъ. Дѣло было незадолго до экзаменовъ. Всея классъ отвѣчалъ бойко и хорошо, а онъ?.. Боже мой! Онъ не зналъ ничего, ну, что называется — рѣшительно ничего. Онъ самодовольно стоялъ передъ учителемъ и съ самой наивной прееготовою давалъ чудовищные по глупости и невѣжеству отвѣты. Мнѣ стало жаль его. Я рѣшился призапѣть еъ нимъ. Оказалось, что онъ кое-что знаетъ изъ исторіи Цезаря. На пей мы и остановились. Увлеченною муштровкою — право, кажется, легче было-бы выучить танцевать собаку или лошадь — я добился наконецъ того, что онъ могъ отвѣчать на пѣкоторые вопросы по исторіи Цезаря. И что-же? Хотите вѣрете, хотите нѣтъ?—Скорееби выдержалъ евой экзаменъ превоеходно. Какимъ-то чудомъ, — случаете, выпадающая разъ въ 100 лѣтъ, — всея вопросы, которые были поставлены ему экзаменаторами, оказались именно вызубренными имъ ео мною.

Понетивъ, это было трогательно. Я присутствовалъ на экзаменѣ и все время дрожалъ за моего Скорееби, но онъ побѣдооно выходилъ изъ всѣхъ опасностей, евободно шагая черезъ препятствія, которыя воздвигали передъ нимъ не знавшіе нашего секрета экзаменаторы.

Однако, хотя онъ и прошелъ такъ ечаежливо экзаменъ исторіи, — ему грозила гибель въ пучинахъ математики. Я опять припалъ за него. Мнѣ удалось снова вбить ему въ голову шкоторый запасъ знаній, по вопросамъ, наиболѣе любимымъ профессорами. Представьте-же себѣ, — онъ получилъ первую награду!.. Да! Къ моему огорченію онъ получилъ первую награду, и ему была устроена шлая овація.

Съ педѣлю послѣ этого я не могъ успокоиться. День и ночь меня мучила совесть. Я не могъ допустить возможности того, что случилось. Вѣдь я, желая уберечь его лишь отъ познана провала, оказывалось, выдвинулъ его на дорогу блестящей карьеры, повысивъ и сопряженной еъ нимъ опасной отвѣт-

ственности. Естественный и единственно возмозный результатъ этого было не трудно предвидѣть: вмѣстѣ со своею отвѣтвенностью онъ, очевидно, долженъ былъ постигнуть такимъ образомъ потерю неудачу при первомъ-же серьезномъ испытаніи.

Какъ разъ къ этому времени разразилась война: началась Крымская кампанія. Скорееби былъ назначенъ въ чинѣ капитана въ полкъ, принадлежавшій къ дѣйствующей арміи. Несравненно болѣе достойные люди доживали до сѣдыхъ волосъ на тяжелой службѣ, не доходя до такого виднаго положенія. Но кто-же, Боже мой, могъ когда-нибудь подумать, что такая еерьзная отвѣтвенность будетъ возложена на такіа слабыа плечи? Ну, если-бы еще его назначили поручикомъ — туда-сюда! а то, подумайте только — капитаномъ! Представьте себѣ, на что я, въ концѣ концовъ, рѣшился, — я, который такъ люблю покой! Я разеуждалъ такъ: я причина этого пагубнаго недоразумѣнія; значить, на моей обязанности лежить устранить по возможности его послѣдствія. И я вынулъ изъ банка мой маленький капиталъ, накопленный годами экономіи, купилъ мѣсто капитана въ его-же полку, и мы отправились такимъ образомъ въ Крымъ вмѣстѣ.

И тамъ... о, Боже мой... Это было пѣчто невозможное!.. Ошибки?.. Да онъ ничего, кромѣ ошибокъ, кромѣ ужаснѣйшихъ пелѣностей, и не дѣлалъ. По никто не зналъ нашей тайны. Все смотрѣли на него, какъ на медальста пѣ Вульвичской академіи, и въ каждой его глупости видѣли недоступное для простыхъ смертныхъ вдохновеніе гения!.. И совершенно некрепно, увѣряю васъ... Малѣйшей изъ его ошибокъ было-бы достаточно, чтобы оыкновенный здравомыслящій человѣкъ пришелъ бы въ отчаяніе. Я проклиналъ себя и судьбу. По болѣе всего меня пугало то обстоятельство, что каждая новая глупость только уеиивала блескъ его репутаціи, и глядя на это я не разъ думалъ, что если такъ будетъ продолжаться, мой Скорееби залетитъ, пожалуй, такъ высоко, что когда истинна, наконецъ, откроется — произойдетъ всеевѣтныа скандалъ!..

А Скорееби, между тѣмъ, шелъ отъ чина къ чину. Нашъ полковникъ былъ убитъ и на его мѣсто назначенъ Скорееби. «Ну, рѣшилъ я, — теперь не долго ждать катастрофы! Теперь все пропало!»

Моментъ былъ въ высшей степени критическій. Союзники отступали по всей линіи. Нашъ полкъ занималъ чрезвычайно важную позицію. Всякая ошибка была-бы фатальною и могла повести къ поражению. Что-же, думаете вы, сдѣлалъ тутъ нашъ безсмертный Скорееби? Онъ передвинулъ полкъ и повелъ его въ атаку противъ севѣднаго холма, на которомъ не было и слѣда непріятеля! Уеиывавъ команду, я подумалъ: «Вотъ оно, наконецъ!»

Полкъ тронулся и очутился на вершинѣ холма раньше, чѣмъ это безразсудное движеніе было замѣчено и остановлено. И представте себѣ, что оказалось... За холмомъ были скрыты русскіе резервы! Вы, конечно, думаете, что мы были мгновенно уничтожены? Вы ошибаетесь! Русскіе подумали, что передъ ними вся англійская армія, перемедная въ наступленіе, — вѣдь нельзя-же было, въ еамомъ дѣлѣ, допустить, что одинъ полкъ, да еще въ такой моментъ, рѣшится на подобное движеніе! Послѣдовала паника. Русскіе бросились на свои еобственные линіи, прорвали свой побѣдоносный центръ, увлекли за еобою и его, — и пензѣжное, казалось, поражение союзниковъ обратилось такимъ образомъ въ блестящую побѣду. Маршалъ Капроберъ былъ изумленъ, пораженъ, восхищенъ... Онъ послалъ за Скорееби, объялъ его и украсилъ его грудь орденомъ тутъ-же, на полѣ битвы, въ присутствіи всей арміи.

Скорееби было приказано оодвинуться и поддержать наше правое крыло, — онъ, вмѣсто этого, двинулся впередъ и, черезъ холмы, пѣтью; по репутаціи блестящаго боеваго генерала, которую онъ приобрѣлъ себѣ въ этотъ памятный день, и слава его не померкнутъ, пока будутъ существовать историческіа книги.

Ему выпало на долю самое необычайное, феноменальное счастье. Онъ блисталъ во всѣхъ войнахъ нашего времени. Онъ въ продолженіе всей своей военной карьеры только и дѣлалъ, что глупости, но не было изъ нихъ, кажется, ни одной, которая не принесла-бы ему баронства, лордства или другой какой-нибудь награды. Грудь его всея увѣшана орденами: и каждый изъ нихъ — воспоминаніе какой-нибудь огромнѣйшей глупости. Взятые-же вмѣстѣ, они служатъ лучшимъ доказательствомъ той истины, что вѣрнѣйшее ередетво сдѣлать карьеру въ нашемъ мірѣ, это — родиться въ сорокѣ.

* *Необходимое примечаніе:* Рассказъ этотъ — не выдумка, а дѣйствительная исторія, рассказанная мнѣ однимъ пасторомъ, который 40 лѣтъ тому назадъ былъ профессоромъ въ Вульвичской военной школѣ. Онъ ручался мнѣ за достоверность этой исторіи.

На перевозѣ. Съ акварели (собств. „Нивы“) академika К. Трутовскаго, грав. Шюбгеръ.

Встрѣча императора Максимилиана его невѣстою, Марію Бургундскою. Съ карт. Л. Рейфенштейна, грав. Ватерманъ

Путешествіе двухъ велосипедистовъ изъ Европы въ Азію.

Корреспонденція „Пивы“ изъ Пекина. (Портреты на стр. 68).

Въ Пекинъ 22 октября, поздъ вечеръ, прибыли два молодые американца, гг. Сахтлебенъ и Алленъ, приехавшіе на велосипедахъ черезъ Европу, Малую Азію, Персію, наши среднеазиатскія владѣнія и Китай.

Въ гостиницѣ графа Кассини, нашего посланника при китайскомъ правительствѣ, мы удалось услышать изъ устъ путешественниковъ безыскусственный разсказъ о совершенномъ ими путешествіи.

Гг. Сахтлебенъ и Алленъ, окончивъ два съ половиною года тому назадъ курсъ въ Вашингтонскомъ университетѣ со степенью бакалавра, вздумали попутешествовать и посмотреть свѣтъ и людей. Не желая пользоваться обыкновенными средствами передвиженія, они рѣшили переехать материкъ Европы, Азии и Америки на велосипедахъ *). Прибывъ изъ Нью-Йорка въ Ливерпуль, они объѣхали Англію, Шотландію и Ирландію, перебрались во Францію и вдоль Ривьеры ехали въ Италію. Посѣтивъ главные итальянскіе города, они перекочевали въ Грецію и, исколесивъ страну классицизма и гүбока, явились въ Константинополь. На эти перѣзды, считая остановки, велосипедистами потрачено около года и хотя съ ними случались въ теченіе этого времени кое-какія приключенія, но, по ихъ собственному признанію, ѣзда по Европѣ не болѣе какъ дѣтская забава.

Пробывъ въ Константинополѣ нѣсколько недѣль для того, чтобы изучить по книгамъ страны, которыя они намѣревались посѣтить, и ознакомиться съ самыми необходимыми словами языковъ турецкаго, персидскаго, русскаго и китайскаго, Алленъ и Сахтлебенъ тронулись въ путь 3-го апрѣля 1891-го года со станціи Гайдартъ-Нама (малоазиатскій берегъ Босфора), на двухколесныхъ англійскихъ велосипедахъ „Shubertsafety“, вѣсомъ по 40 фунтовъ каждый. Они взяли съ собою двѣ фотографическія камеры, жестянку съ масломъ для смазки велосипедовъ, кое-какія мелочи въ чемоданчикѣ, географическія карты и 2 одеяла, — всего каждый изъ нихъ везъ, считая крайнее несложную одежду, около 30 фунтовъ.

Путешественники направились черезъ Измидъ, Ангору, Цезарею, Сивасъ, Кара-Хиссаръ въ Эрзерумъ. Въ Сивасѣ Сахтлебенъ заболѣлъ тифомъ и пролежалъ 3 недѣли въ безсознательномъ состояніи; здѣсь же они потеряли еще и другое несчастье: муть на постояломъ дворѣ сломала едущіе колеса одного изъ велосипедовъ и жѣсткие кузнецы не сумѣли его починить. Около Кара-Хиссара имъ пришлось перебираться въ бродъ черезъ потокъ, держа велосипеды на головахъ, причемъ они едва не были унесены теченіемъ. Въ Эрзерумѣ ихъ пригласили въ конакъ къ вали (губернатору), передъ которымъ они совершили нѣсколько эволюцій на велосипедахъ, возбуждая восторгъ собравшихся солдатъ и слугъ.

Прибывъ въ Баязетъ, смѣлые американцы поднялись на вершину Арарата (до нихъ взбирались туда только двое русскіхъ и двое англичанъ) и водрузили тамъ свой національный флагъ. Въ Малой Азіи путешественники испытали не мало непріятностей отъ собакъ-овчарокъ, пахотящихся во множествѣ въ турецкихъ деревняхъ; собаки, науськиваемые жителями, съ яростью бросались на путешественниковъ, стараясь ихъ укусить или етаснить съ велосипедовъ. Въ такихъ случаяхъ приходилось прибѣгать къ револьверамъ и отстрѣливать. Въ деревняхъ жители преслѣдовали ихъ криками „шайтанъ-арба“ (дьявольская телега), бросали камни и не позволяли остановиться; тутъ также нужно было пускаться въ дѣло револьверы, но не для стрѣльбы, а лишь въ видѣ угрозы. Иногда турки выказывали чрезвычайную любознательность — врывались въ помѣщенія, заглядывая въ путники, и подъ угрозой отнять велосипеды, заставляли ихъ кататься взадъ и впередъ по улицѣ. Само собою разумѣется, что такое панибратское катаніе приходилось не по вкусу велосипедистамъ, утомленнымъ дневнымъ перѣздамъ, но приходилось покоряться волеи-неволеи. Всего путешественниками сдѣлано, какъ показалъ циклометръ, обозначающій обороты колеса, отъ Гайдартъ-Нама до Баязета 1,035½ англ. миль, приблизительно 1,553 версты; ѣхали они только днемъ.

Въ Персіи неутомимые янки прослѣдовали черезъ города Хой, Тавризъ (здѣсь одинъ изъ нихъ заболѣлъ жестокою холерою), Казвинъ и въ началѣ августа прибыли въ Тегеранъ. Въ столицѣ Ирана велосипедисты пробыли около двухъ мѣсяцевъ, пользуясь гостепріимствомъ своего посланника и приглашеніями членовъ дипломатическаго корпуса. Хотя у нихъ было позволеніе китайскаго правительства, полученное еще въ Лондонѣ отъ представителя Пебесной имперіи, ѣхать черезъ Китай, но, уступая просьбамъ родныхъ и вѣдѣтіе практическихъ трудностей, они рѣшили ѣхать черезъ Туркестанъ и Сибирь и обратились въ Петербургъ за разрѣшеніемъ.

Въ виду приближенія зимняго времени и по совѣту посланника нашего въ Персію, г. Бюдова, путешественники выѣхали

изъ столицы Персіи 5 октября, направляясь въ Мешхедъ, гдѣ должны были выждать позволенія проникнуть въ русскіе предѣлы. Проѣхавъ благополучно, если не считать недоразумѣній при расчетахъ съ хозяевами караванъ-сараявъ (постоялый дворъ), черезъ Шахрудъ, Аббасабадъ и Пишануръ, они достигли Мешхеда. Здѣсь неустранимые американцы были приняты нашимъ генеральнымъ консуломъ г. Засовымъ, гостепріимствомъ коего пользовались нѣсколько дней. Не получая изъ Петербурга разрѣшенія въѣзда въ русскіе предѣлы, они, черезъ посредство консула, обратились къ начальнику Закаспійской области, генералу Куропаткину, который телеграммою разрѣшилъ имъ пріѣхать въ Асхабадъ. Отъ Мешхеда молодые люди поѣхали по вновь устроенному между нашими среднеазиатскими владѣніями и Персіею шоссе, черезъ Кучанъ, въ Асхабадъ.

По этому шоссе, показавшемуся имъ поелѣ бездорожья Анатоліи и Персіи паркетомъ, они покатались со скоростью 7½ миль (около 115 верстъ) въ день. До этого они дѣлали отъ 40 до 60 миль въ день, останавливаясь при закатѣ солнца. По словамъ ихъ, русская половина дороги, хотя и пересѣкаетъ горный хребтъ (Конетъ-дагъ), лучше устроена и содержитсѣ исправнѣе персидской. Вообще, Персія произвела на американцевъ впечатлѣніе запустѣнія, нищеты и упадка. Всего по Персіи они проѣхали 1,351½ миль (около 2,127 верстъ).

На другой день поелѣ прибытія въ Асхабадъ молодые туристы были приглашены на обѣдъ къ генералу Куропаткину, который обошелся съ ними чрезвычайно любезно и разрѣшилъ продолжать путь черезъ Туркестанъ. Въ виду невозможности ѣхать на велосипедахъ по сыпучимъ пескамъ, облегающимъ, какъ они передаютъ, даже желѣзнодорожное полотно, американцы отравились въ Бухару по Закаспійской дорогѣ въ особомъ вагонѣ, предоставленномъ въ ихъ распоряженіе. Прибывъ на станцію Бухара, путешественники, вопреки совѣту нашего дипломатическаго агента, г. Лессара, боявшагося за ихъ безопасность, поѣхали на велосипедахъ въ столицу эмира, отстоящую на нѣсколько верстъ отъ станціи. Поелѣ двухдневнаго пребыванія въ Бухарѣ, гдѣ они служили предметомъ жаднаго любопытства бухарцевъ, путешественники продолжали путь по желѣзной дорогѣ до Самарканда. Изъ этого города они, съ разрѣшенія генералъ-губернатора, покатились въ Ташкентъ, куда прибыли въ концѣ ноября и поселились сначала въ гостиницѣ, а затѣмъ переехали въ частный домъ.

Въ то время они еще не измѣнили своего намѣренія ѣхать черезъ Сибирь, къ тому же русскіе, съ которыми изъ приходилось бесѣдовать, скептически относились къ возможности проникнуть въ Китай. Въ виду этихъ соображеній, они обратились въ Петербургъ за надлежащимъ разрѣшеніемъ, которое вскорѣ получили. Около семи мѣсяцевъ пробыли Сахтлебенъ и Алленъ въ Ташкентѣ, гдѣ съ ними обращались какъ съ родными, хотя вначалѣ, будто бы, относились съ нѣкоторымъ недоверіемъ. Молодые американцы выучились немного по-русски, связались съ тамошнимъ обществомъ и вообще чувствовали себя какъ дома. О Туркестанѣ и нашихъ среднеазиатскихъ владѣніяхъ они отзываются съ восторгомъ, удивляясь порядку, благоустройству и парадующей подъ русскимъ владычествомъ цивилизаціи, представляющей полный контрастъ съ мрачными картинами Персіи и Анатоліи.

Въ началѣ мая Алленъ и Сахтлебенъ тронулись въ дальнѣйшій путь, направляясь въ г. Вірнѣй, черезъ Чимкентъ и Ауліе-ату. Въ Вірнѣи они пользовались гостепріимствомъ губернатора Семирѣчской области, генерала Иванова. Для нихъ, между прочимъ, устроена была джигитовка, превосходная, по ихъ словамъ, ѣзду извѣстныхъ южно-американскихъ „cow-boys“ и гаучосовъ.

Пребываніе въ Вірнѣи и знакомство съ русскимъ инженеромъ Гурде имѣло рѣшающее вліяніе на выборъ ими дальнѣйшаго маршрута. Гурде совѣтовалъ ѣхать черезъ Китай, говоря, что въ отношеніи топографическомъ они не встрѣтятъ препятствій, въ случаѣ же невозможности продолжать путь, они всегда могутъ повернуть на сѣверъ и ѣхать черезъ Сибирь. 4 июня американцы переехали пограничную рѣку Или и, поелѣ остановки для обѣда на казачьемъ посту въ Хоргосѣ, распростіались съ Россіею. По Средней Азіи путешественники совершили пробѣгъ въ 1,131 миль, приблизительно 1,697 верстъ, всего же отъ Константинополя до китайской границы они проѣхали 5,377 верстъ.

Въ Кульджѣ велосипедисты были приняты нашимъ консуломъ, г. Успенскимъ, предувѣдомленнымъ объ ихъ пріѣздѣ. Здѣсь, поелѣ нѣкоторыхъ колебаній, они окончательно рѣшили держать путь черезъ Китай. Въ Кульджѣ они пробыли около семи недѣль, собирая практическія указанія относительно предстоящаго пути и выжидая прибытія вышесланныхъ изъ Лондона черезъ Томскъ велосипедныхъ принадлежностей (сидѣній, цѣпей, масла для смазки). Велосипеды, на которыхъ они прибыли въ Кульджу, шли отъ Аоминъ, а потому сильно поиз-

* Оному изъ нихъ тогда было 22 года, а другому 24.

поехали. Въ виду трудности предстоящей дороги (до Пекина), они оставили всё лишнее вещи, сохранивъ, кроме одежды (рубашки, брюки и пояса) и двухъ одѣялъ, одну фотографическую камеру, жестянку масла для смазки велосипедовъ, пару револьверовъ, записныя книги, географическую карту и бритву (они поочередно брили другъ друга). Изъ тѣхъ вещей они захватили примочку для глазъ, антипринтъ и хининъ. Кроме русскихъ бумажныхъ денегъ, они запаслись пятью фунтами серебра въ кускахъ, а консулъ имъ снабдилъ ихъ чаемъ и сахаромъ. Всего каждый изъ нихъ везъ по 24 англ. фунта. Сами они въспли безъ одежды—одинъ 149 ф. 8 ун., другой—136 ф. 8 ун.

Первую ночь по выѣздѣ изъ Куляджи, велосипедисты ночевали въ киргизскомъ становищѣ въѣсть съ пастухами, которые отнеслись къ нимъ очень дружелюбно и угостили киргизскими чаемъ и бараньимъ жиромъ. Провожая ихъ, на другой день, киргизы показывали на шею, давая понять, что китайцы отрубятъ имъ голову. Впрочемъ, такіа же предостереженія они получали въ Куляджѣ и въ Вѣрномъ, а потому не обратили на это особеннаго вниманія. На четвертый день по выѣздѣ ихъ изъ Куляджи, отъ согрѣшеній на невозможной горной тропинкѣ, сломалось колесико (вокругъ котораго обернута цѣпь велосипеда) одного изъ велосипедовъ и продолжалъ путь оказался невозможнымъ. Неунывающие янки оставили велосипеды на храненіе въ киргизскомъ становищѣ и, захвативъ сломанное колесо, вернулись въ Куляджу.

Возвращеніе ихъ не возбуждало особеннаго удивленія всѣмъ увѣрены были, что они, испытавъ первыя трудности, откажутся отъ безразсуднаго намѣренія проѣхать черезъ Китай. Неустрашимые путешественники, однако, обманули эти предположенія и, направивъ съ помощью китайскаго кузнеца колесо, на другой же день поѣхали обратно до киргизской стоянки, гдѣ нашли велосипеды въ цѣлостн. Они продолжали путь черезъ Манасъ (здесь они зашлили свою обувь китайскими сапандями и носками, а фуражки круглыми китайскими фетрами), Урумчи, Гученъ и Баркузъ до Хами, сдѣлавъ до этого пункта 847 миль, около 1,271 версты. Нужно-ли говорить, что во всѣхъ этихъ городахъ съ полудиннымъ населеніемъ, путники возбуждали чрезвычайное любопытство; тысячи людей сбѣгались, чтобы увидѣть „самодвижущуюся машину“, „летающую тѣлѣгу“, „железнаго мула“—названія, данныя китайцами велосипеду. Обыкновенно, по прѣздѣ въ городъ, къ нимъ являлись посланцы отъ губернатора или главнаго мандарина съ приглашеніемъ въ ямынь *) пообѣдать и показать свое искусство въ ѣздѣ. Въ Урумчи для нихъ были даже приготовлены язды, служащій для войсковыхъ учений, и здесь они въ теченіе часа забавляли мандариновъ и толпы народа. Последній обыкновенно не довольствовался официальнымъ представленіемъ и, требуя повторенія, врывался на постоялый дворъ, вѣзая въ комнату и не давая иногда заснуть цѣлую ночь. Въ одномъ селеніи ихъ выпытали полуголыми изъ гостиницы и подъ угрозою смерти заставили ѣздить. Въ крайнихъ случаяхъ путешественники обращались къ властямъ и, желая спасти велосипеды отъ поломки, отдавали ихъ на храненіе въ ямынь до отъѣзда. Въ общемъ мандарины обращались съ ними любезно. Это объясняется тѣмъ, что большинство изъ нихъ было предупредительно изъ столицы о проѣздѣ двухъ заморскихъ людей на желѣзныхъ лошадяхъ и получило предписаніе принять мѣры къ ихъ охранѣ. Во многихъ пунктахъ, задолго до прѣзда велосипедистовъ, были расклеены официальные афиши, предупреждавшія жителей о прѣздѣ иностранцевъ и предписывавшія не дѣлать имъ зла.

Отъ Хами начинался Гобійскій пустыня съ рѣдкими кочевьями помадовъ. По словамъ Аллена и Сахтлебенъ, это была самая тяжелая часть пути, и здесь они нѣсколько разъ были на волосокъ отъ гибели. До этого имъ удавалось, хоть и не всегда, проводить ночь то въ юртѣ, то на постояломъ дворѣ—въ Гобійской же степи имъ зачастую приходилось ночевать подъ открытымъ небомъ, гдѣ-нибудь возлѣ колодца съ соленою водою. Дурное качество этой воды, до-нельзя загрязненной проходящими караванами верблюдовъ, было причиною того, что Алленъ заболѣлъ. Болѣзнь значительно ослабила его силы и задержала обонхъ путниковъ въ пустынѣ. Такъ какъ желудокъ его не въ состояніи былъ перенести китайской пищи—лешечекъ на кушутномъ маслѣ, лапши и другихъ произведеній китайской кухни, то товарищи снѣкъ для него нѣсколько сушарей-галетъ, коими онъ провѣлся во время болѣзни. Немаловажнымъ пищевымъ подспорьемъ служили имъ русскій чай (черный) и сахаръ, который они покупали у встрѣчныхъ каравановъ. У нихъ же они вымѣнивали на серебро русскія деньги, избѣгая тратить свой металлическій фондъ, необходимый для дальнѣйшаго пути. Въ Пекинѣ они привезли лишь маленькій кусочекъ серебра, не больше рубля. Русскія деньги можно размѣнять, по ихъ словамъ, до самаго Хами. Въ городахъ можно купить русскія спички и мыло. Мыла они потратили нѣсколько кусковъ, такъ какъ стирали одежду (единственную) довольно часто въ встрѣчныхъ потокахъ и колодцахъ. Вымывъ рубашку, они вѣшали ее на ручку велосипеда, гдѣ ее скоро высушивали стеной вѣтеръ.

*) Присутственное мѣсто, судъ.

Проѣхавъ Гоби, они черезъ Ашечжоу, Цзяюгуань, Сучжоу и Линчжоу добрались до Лань-чжоу-фу, главнаго города провинціи Гань-су, лежащаго на берегу Хуанъ-хэ. Въ Цзяюгуанѣ оканчивается Великая китайская стѣна, не представляющая, по словамъ путешественниковъ, ничего внушительнаго—это не болѣе, какъ земляной валикъ аршина два въ вышину. Не доѣзжая до Сучжоу, они, перебираясь въ бродъ черезъ рѣчку, были приветствованы на англійскомъ языкѣ китайскимъ мандариномъ, стоявшимъ на берегу. Мандаринъ оказался бывшимъ бельгійскимъ миссіонеромъ Силлигардомъ, нынѣ начальникомъ таможни въ Сучжоу. Силлигардъ ѣздитъ 20 тому назадъ сопровождать знаменитаго путешественника и сполога барона Рихтхофена во время его путешествій по Китаю. После отъѣзда Рихтхофена, Силлигардъ остался въ Сучжоу и поступилъ на китайскую службу. Силлигардъ, не забывшій англійскаго языка, оказалъ путникамъ широкое, но многіе китайское гостеприимство. На американцевъ онъ произвелъ впечатлѣніе постоянного китайца; онъ женатъ на китайкѣ, носитъ косу и китайское платье. Отъ Хами до Лань-чжоу-фу велосипедистами сдѣлано было 896¹/₂ миль, около 1,344 версты.

Изъ Лань-чжоу-фу Алленъ и Сахтлебенъ продолжали путь черезъ Шинь-лянъ-фу до Си-ань-фу (473²/₃ миль—741 верста). Въ Шинь-лянъ-фу у нихъ произошло столкновеніе съ хозяиномъ гостиницы, гдѣ они почевали, едва не кончившееся трагически. Почти во всѣхъ постоянныхъ дворахъ, гдѣ имъ приходилось останавливаться, китайцы, пользуясь ихъ беззащитностью и незнаніемъ языка, старались содрать съ нихъ лишнее. Нѣсколько энергическихъ жестовъ, угроза револьверомъ, а главное—быстрое бѣгство на велосипедахъ, спасали ихъ отъ неприятностей. На этотъ разъ хозяинъ гостиницы прибѣгъ къ обычной уловкѣ и, догнавъ не успѣвшихъ еще выѣхать изъ города путешественниковъ, остановилъ ихъ и держа велосипедъ за колесо съ бранью заявилъ, что данное ему серебро фальшивое. Во время начинавшагося спора собралась огромная толпа, которая, крича и угрожая, обступила туристовъ, при чемъ нѣкоторые схватились за велосипеды. Видя, что положеніе вещей становится серьезнымъ, одинъ изъ американцевъ схватилъ хозяина гостиницы за косу и отбросилъ его въ сторону; въ это время другой, держа револьверъ за дуло и пользуясь имъ какъ кистенемъ, нанеслъ удары направо и налево. Толпа отступила; вскопчивъ на велосипеды и бросившись въ образовавшійся промежутокъ, было дѣломъ нѣсколькихъ мгновеній, и послѣдній градъ камней не причинилъ велосипедистамъ серьезнаго вреда. Вообще револьверы оказали имъ немаловажныя услуги, хотя стрѣлять изъ нихъ пришлось только въ собакъ.

Отъ Си-ань-фу (главный городъ провинціи Шань-си) неустоимые американцы продолжали путь къ сѣверу, черезъ города Туинъ-гуанъ-тинъ, Шинь-лянъ-фу до Тай-юанъ-фу (главный городъ провинціи Шань-си), сдѣлавъ 502¹/₂ миль—753 версты. Въ названные города, по описанію путешественниковъ, крайне грязны, зловонны и на половину въ развалинахъ. Около Шинь-лянъ-фу хозяинъ постоялаго двора потребовалъ больше, чѣмъ было условлено, и туристамъ пришлось отбиваться отъ собравшейся толпы, угрожая револьверами. После этого пункта путники сбились съ дороги, что случалось и раньше, благодаря ложнымъ указаніямъ, даваемымъ китайцами, и напрасно проѣхали до Тай-юанъ-фу. Здесь они остановились для починки велосипеда. Однако кузнецъ не могъ справиться съ такою трудностью, и мандаринъ, заведующій телеграфомъ, прислалъ провозоку, которою и скрупили расклябанную машину.

Отъ Тай-юанъ-фу они направились черезъ Чжень-динъ-фу и Баодинъ-фу (главный городъ Джилгійской провинціи) и прибыли въ Пекинъ, сдѣлавъ 396¹/₂ миль. Всего въ предѣлахъ Китайской имперіи они проѣхали приблизительно 4,674 версты, а отъ Константинополя до Пекина ими сдѣлано около 10,051 версты.

Кромѣ холода, голода, жажды, утомленія и пазойливости или враждебности людей и собакъ, путешественники не мало страдали отъ укушеній москитовъ, комаровъ и насекомыхъ, коими изобилуютъ китайскіе постоянные дворы. Спать приходилось, да и то не всегда, на грязныхъ балахъ (лежанка изъ кирпича въ китайскихъ домахъ), покрытыхъ циновками, ревниво оберегая велосипеды, необходимыя вещи и небольшою запасъ серебра отъ вороватыхъ и вѣроломныхъ китайцевъ (въ китайскихъ домахъ пѣтъ замковъ, а часто и дверей). Отъ Куляджи до Пекина, т. е. въ теченіе 75 дней, велосипедисты не мѣняли платья, а для поддержанія чистоты купались въ встрѣчавшихся по дорогѣ рѣчкамъ и потокахъ.

Несмотря на совершенный ими неслыханный подвигъ,—такъ назовутъ это путешествіе люди знакомые съ азіатскими странами и населеніемъ,—Алленъ и Сахтлебенъ держатъ себя съ большою скромностью, приписывая успѣхъ предпріятія болѣе счастью, чѣмъ выказаннымъ имъ хладногровію, смѣлости, выносливости и энергіи. Рассказывая о пребываніи своемъ въ Туркестанѣ, они сознаются, что сильно сомнѣвались, чтобы русскія власти, оберегающія эту страну отъ нескромныхъ взоровъ иностранцевъ, позволили имъ пересечь границу. При этомъ они вспомнили попытку англійскаго велосипедиста Томаса Иена проникнуть въ средне-азіатскія владѣнія Рос-

сип, окончившуюся неудачей. Ивепъ, не найдя возможнымъ проѣхать черезъ Китай съ запада на востокъ, попытался сдѣлать наоборотъ, т. е. начать съ востока, но проѣхавъ немного отъ Кантона, былъ арестованъ китайцами и отправленъ въ Шанхай.

Изъ Пекина американцы отправились черезъ Шанхай въ

Японию. Изъ Японіи они намѣрепы переѣхать въ Санъ-Франциско и пересѣчь на велосипедахъ Соединенные Штаты до Нью-Йорка, пункта ихъ первоначального отправления. То, что остается сдѣлать—ничто въ сравненіи съ совершеннымъ.

И Коростовецъ.

Пекинъ, 24 октября 1892 года.

Къ рисункамъ.

Запорожцы на развѣдкахъ. (Рис. на стр. 53).

Кто не слышалъ про запорожцевъ, разгульных и лѣнивыхъ въ мирное время, неутомимыхъ и страшныхъ на войнѣ. Сѣчь, какъ рассказываетъ Гоголь, превосходно описанная казацкую волюницу въ „Тарасѣ Бульбѣ“, не любила затруднять себя военными упражненіями, когда не надо было воевать. Занимались казаки только стрѣльбою въ цѣль, да парѣдка конною скачкою и гоньбою за звѣремъ въ степяхъ и лугахъ. Во время мира „вся Сѣчь представляла необыкновенное явленіе: это было какое-то непрерывное пиршество, балъ, начавшій шумно и потерявшій конецъ свой“. По во время войны любившіе поблажничать и полѣниться запорожцы были неузнаваемы. Не даромъ сосѣди ихъ старались всячески заручиться ихъ расположеніемъ и не вызывали грозныхъ набѣговъ. Польскіе короли отдавали запорожцамъ города и признавали за ними всякія вольности. Съ 1589 года, когда начался непріязненный отношенія казаковъ къ Польшѣ, въ исторіи ея записано не мало кровавыхъ страницъ ужасныхъ поражений, нанесенныхъ запорожцами полякамъ при Трубежѣ, Альтѣ, Желтыхъ-Водахъ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Въ 1733 году запорожцы просили императрицу Анну Іоанновну принять ихъ „подъ свою высокую руку“. Съ этого времени пачинается упадокъ Сѣчи, которая окончательно уничтожена въ 1775 г. Екатериною Великою.

Рисунокъ Ральфа Штейна изображаетъ казацкую волюницу на развѣдкахъ, когда они изъ-за высокой травы зорко высматриваютъ непріятеля.

Литературный альбомъ. „Ангель Смерти“, М. Лермонтова. (Рис. на стр. 56).

Есть Ангель Смерти; въ грозный часъ
Послѣднихъ мукъ и разставанья
Онъ крѣпко обнимаетъ насъ;
Но холодинъ его любавья,
И страшнѣ видъ его для глазъ
Безыльной жертвы; и вольно
Онъ заставляетъ трепетать,
И часто сердцу больно, больно
Послѣдній вздохъ ему отдать...

Однажды „почти безъ чувствъ, почти безъ думъ“, лежала на ложѣ смерти „младая Ада“, подруга изгнанника Зорама.

У изголовья, пораженный
Боязью тайной, Зорама
Стоитъ, колѣнопреклоненный,
Тоской отчаянья томимъ...
Въ то время Смерти Ангель пѣжный
Летѣлъ чрезъ южный небосклонъ;
Вдругъ слышитъ ропотъ онъ мятежный.
Къ нещери подлетаетъ онъ.
Тоску послѣдняго мученья
Духъ смерти усаждаетъ хотѣлъ,
И на устахъ покорной Ады
Свой поцѣлуй впечатлѣлъ.

Но тутъ вдругъ Ангель Смерти почувствовалъ въ душѣ сожалѣнье.

Онъ отнялъ все у Зорама...

И Ангель Смерти, желая вознаградить страдальца, оживилъ

трупъ дѣвы, но не на радость Ады, какъ это помятъ всѣ, прочитавшіе превосходную повѣсть Лермонтова.

Вѣтки звенятъ. (Рис. на стр. 57).

Американцы Алленъ и Сахтлебенъ, проѣхавшіе по Европѣ и Азій на велосипедахъ. По фотографіи, снятой въ Пекинѣ въ день пріѣзда путешественниковъ, грав. Хелмицкій.

Точно хрусталамъ, послѣ оттепели наступившей сразу морозъ покрылъ ледяною корочкою вѣтви деревьевъ, которыя отъ тяжести необычнаго убора свѣспались книзу. Точно струйки воды блестяще обледѣлыя сучья на зимнемъ солнцѣ и при вѣтрѣ позвываютъ другъ о друга. Говорятъ, существуетъ повѣрье, что этотъ звонъ предвѣщаетъ добро или худо, смотря по тому, каковъ онъ, — и простой человекъ, пробираясь въ такую пору по лѣсу, чутко прислушивается, что скажутъ ему ледяныя вѣтки. Въ самомъ дѣлѣ, въ сугубомъ, морозномъ воздухѣ всякій звукъ дѣлается слышимѣе и чудится иногда какой-то необъяснимый звенящій гулъ, но всей вѣроятности давшій основаніе зародиться повѣрью о звенящихъ вѣткахъ.

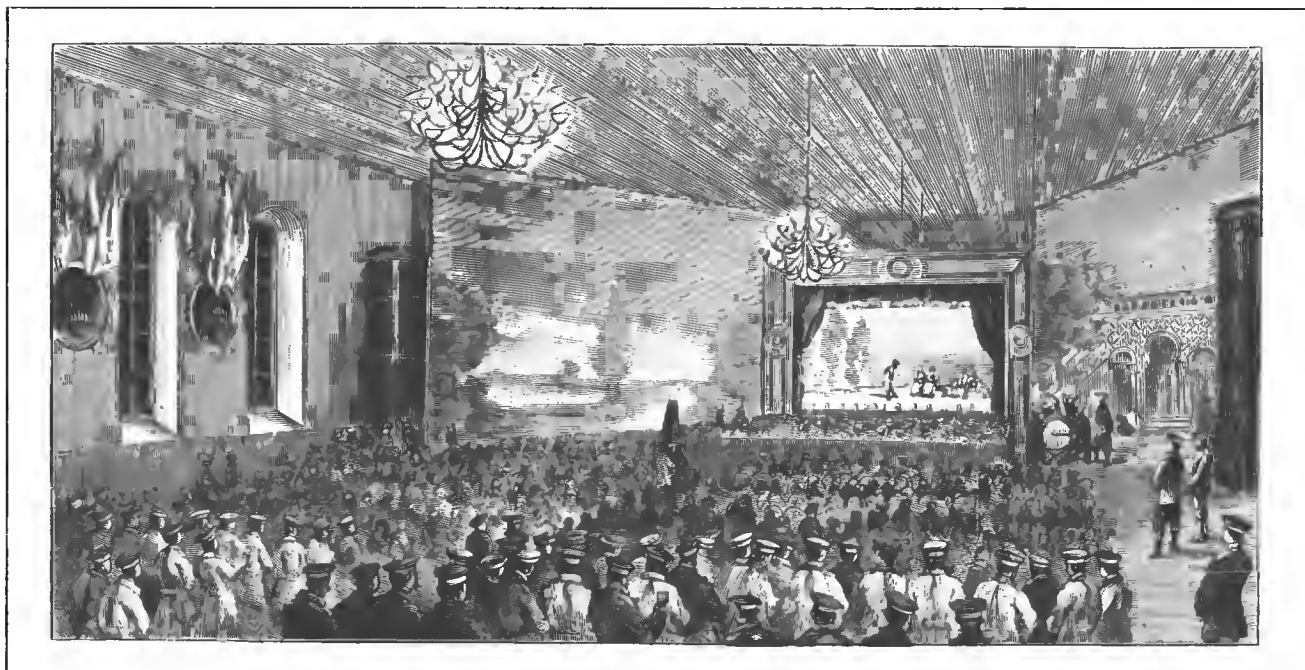
Шарль Гуно.

(Портр. на стр. 61).

Знаменитому автору „Фауста“ исполняется въ текущемъ году 75 лѣтъ; едва-ли ужъ можно ожидать чего-либо новаго въ эти годы отъ композитора, пишущаго уже 40 съ лишнимъ лѣтъ; и творческія силы имѣютъ свою предѣльную границу; тѣмъ болѣе, что со времени „Сенъ-Марса“, послѣдней его оперы, Гуно, кажется, ничего не готовитъ для своихъ многочисленныхъ поклонниковъ и почитателей. Да если-бы онъ и создалъ даже нѣчто гениальное, то все-же сдѣланное имъ до сихъ поръ имѣетъ свою опредѣленную физиономію и извѣстный музыкально-литературный цвѣтъ, который едва-ли измѣнится отъ новыхъ лавровъ, если-бы таковыя пришлось еще вѣсти въ его художественный вѣнокъ. Гуно въ предѣлахъ своей сорокалѣтней композиторской дѣятельности высказался весь, или, во всякомъ случаѣ, настолько ясно и опредѣленно, что итогъ ея можетъ быть выведенъ во всякое время.

И странное дѣло,—каждый разъ, когда заговоришь о Гуно, невольно какъ-то на первый планъ выступаетъ его опера „Фаустъ“; невольно забываешь обо всемъ, написанномъ Гуно до него и послѣ него, точно онъ только одного „Фауста“ и создалъ. А между тѣмъ это невѣрно; до „Фауста“, поставленнаго въ 1859 году, когда автору было 41 годъ (родился въ 1818 году въ Парижѣ), Гуно пробовалъ свои силы и на поприщѣ церковной музыки (мессы, кантаты, концерты), и симфоніи, и оперы, какъ драматической („Сафо“, хоры къ трагедіи Понсара „Улиссъ“, „Кровавая монахиня“ и др.), такъ и комической („Лекарь по неволѣ“ на сюжетъ Мольера того же названія). Да и послѣ „Фауста“ имъ написаны: „Филемонъ и Бавкида“, „Савская царица“, „Ромео и Джульетта“, „Сенъ-Марсъ“ и др.; мы называемъ только главнѣйшія его произведенія, разумеется.

Исключительное преимущество „Фауста“ между всѣми сочиненіями Гуно объясняется можетъ-быть тѣмъ, что въ этой оперѣ, какъ въ фокусѣ, отразились всѣ лучшія стороны громаднаго таланта его; не напиши онъ „Фауста“, остальные оперы, давшія только succès d'estime, не создали-бы ему имени первокласснаго композитора и даже, пожалуй, не выдвинули бы его на первый планъ между многочисленными современными французскими композиторами. И наоборотъ, напиши онъ только одного „Фауста“, слава его отъ этого не уменьшилась-бы. Мало того, когда слушаешь или переигрываешь какую-

Спектакль нижних чиновъ въ манежъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка.

Рис. съ натуры для „Нивы“ Г. Бrolлинга, грав. Хелмицкій.

Общій видъ манежа во время спектакля.

Сцена изъ водевиля „Школьный учитель“, въ исполненіи нижнихъ чиновъ.

Библиотека "Руниверс"

побудь его оперу, написанную до или послѣ „Фауста“, въ первомъ случаѣ говоримъ: тутъ виденъ будущій творецъ „Фауста“, а во второмъ случаѣ: авторъ „Фауста“ повторяется.

Не забудемъ при этомъ, что „Фаустъ“ не имѣлъ успѣха при первой постановкѣ, какъ и многія произведенія, которыя сразу не были оцѣнены публикой и критикой (напр. „Карменъ“ Бизе, ставшая въ настоящее время столь популярной); неуспѣху „Фауста“ на первыхъ порахъ изумлялись, впрочемъ, нечего: былъ живъ Мейерберъ, безгранично и по праву царившій на всѣхъ сценахъ, и на французскихъ въ особенности. Но вотъ постепенно начинаютъ прислушиваться къ этимъ чуднымъ звукамъ; сначала правится только третій актъ (въ саду); потомъ начинаютъ находить „весьма недурнымъ“ и четвертый; поемному прислушиваются къ первымъ двумъ дѣйствіямъ — и здѣсь кое-что находятъ хорошее и, наконецъ, вся опера становится *первоклассной*.

Послѣ „Фауста“ наибольшій успѣхъ имѣла опера Гуно „Ромео и Джульетта“, хотя она во многомъ составляетъ повтореніе своего предшественника и павѣрное считалась бы первой его оперой, если-бы не существовать все тотъ-же „Фаустъ“; по поводу сюжета „Ромео“ весьма мѣтко выразился Россини, когда его спросили, почему онъ не напишетъ оперы на эту тему: „это будетъ любовный дуэтъ въ пяти дѣйствіяхъ“. И дѣйствительно, по Гуно „Ромео“, который кетати въ скоромъ времени возобновляется на Марининской сценѣ для гастролирующей у насъ г-жи Фострежъ, есть въ сущности любовный дуэтъ, придающій всей оперѣ окраску монотонности. Еще меньше интереснаго представляетъ послѣдняя опера Гуно „Сенъ-Марсъ“, имѣвшая, какъ и „Ромео“, успѣхъ, благодаря обязательному имени автора, обожаемаго французской публикой, умѣющей, въ противоположность русской, цѣнить прежнія заслуги своихъ выдающихся дѣятелей.

И такъ, въ дѣятельности Гуно мы видимъ слѣдующія особенности: во-первыхъ, онъ не разбрасывался, какъ многіе современные композиторы, берущіеся за всѣ роды музыкальнаго письма. Во-вторыхъ, Гуно не насилывалъ своего творчества; онъ бралъ сюжеты, которые подходили въ характеру его дарованія и давалъ свои вещи вполне законченными, отдѣланными; въ его творчествѣ не видно слѣдовъ торопливости, какъ у многихъ другихъ, готовыхъ писать и по заказу, разъ это выгодно оплачивается, — и въ этомъ смыслѣ Гуно является служителемъ чистаго искусства. Кроме того, насколько павѣстно изъ его многочисленныхъ биографій, онъ всегда былъ чуждъ ullчнот рекламы и пономодной шумихи, на которыя такъ падки его сотоварищи (Массенэ и др.). Словомъ — это художникъ, который жилъ искусствомъ и для него. Его „Фаустъ“ остается цѣннымъ вкладомъ не только во французскую оперную литературу, но и въ обще-европейскую.

В. Баскинъ.

На перевозѣ. (Рис. на стр. 64).

Изумрудною пеленою раскинулся дугъ отъ самой рѣки до прилѣска, изъ-за котораго потянулся шершавый кустарникъ въ гору съ величавою церковью на вершинѣ. Издали запри-мѣтлѣя молодой лодочникъ, какъ къ перевозу приближалась молодая дѣвушка, за нею торопливо плелась ветхая старуха, — и усѣмлялись. Но чѣмъ ближе была дивчина къ перевозу, тѣмъ пасмурнѣе становилось лицо парубка, и когда она подошла къ лодкѣ и протянула руку, онъ только сурово посяматриваетъ на нее и грозно „бровями моргаетъ“, не обращая вниманія на уговоры засидѣвшейся въ лодкѣ женщины поторониться на другую сторону. Смущенно опустила дѣвушка ясныя очи книзу и покраснѣла, какъ маковъ цвѣтъ. А старуха богомолка „баба мудрая“ что-то тутъ разумѣетъ и лукаво улыбается.

Встрѣча императора Максимилиана съ невѣстой.

(Рис. на стр. 65).

Послѣдній рыцарь на тронѣ, какъ величаютъ Германскаго императора Максимилиана I, восемнадцатилѣтнимъ юношею женился, 6-го августа 1477-го года, на Маріи Бургундской, дочери и наследницы Карла Смѣлаго. Бракъ этотъ повлекъ за собою продолжительную войну съ Французскимъ королемъ Людовикомъ XI, домогавшимся Бургундіи. Супружество Максимилиана и Маріи не было продолжительнымъ и, оставивъ своему супругу двухъ дѣтей, Филиппа и Маргариту, Марія скончалась въ 1482 году за одиннадцать лѣтъ до вступленія своего супруга на Германскій престолъ. Свою поѣздку къ невѣстѣ со всѣми приключеніями счастливый Максимилианъ описалъ въ стихахъ подъ названіемъ *Theuerdank*, давнишхъ содержаніе для блестящей картинны Лео Рейфенштейна, гравюра съ которой помещена на стр. 65.

Спектакль нижнихъ чиновъ въ манежѣ лейб-гвардіи Московскаго полка. (Рис. на стр. 69).

Изобразительность и смѣлка русскаго человѣка давно вошли въ пословицу. Дѣйствительно, есть въ нашемъ характерѣ способность не только приноравливаться ко всевозможнѣйшимъ обстоятельствамъ, но иногда положительно, что называется, изъ ничего сдѣлать весьма многое. Эта яркая и типичная чер-

та русскаго человѣка въ особенности выразилась въ нашемъ солдатѣ: нѣтъ, кажется, затрудненія, изъ котораго бы онъ не вышелъ съ честью, и нѣтъ положенія, къ которому онъ не сумѣлъ бы приспособиться. И всегда онъ веселъ, никогда не унываетъ. Таковъ онъ на войнѣ, таковъ онъ и у себя дома. Эта домашняя, казарменная его жизнь не отпачается, какъ извѣстно, большимъ разнообразіемъ и, кажется, отнюдь уже не даетъ матеріала для веселья. А между тѣмъ посмотрите, какъ весело проводятъ нашъ солдатикъ въ казармахъ свободное отъ занятій время. Тамъ устраиваются даже балы и спектакли. Обыкновенно выбираютъ какой-нибудь праздникъ, рогатый напримеръ, и готовятъ къ нему. Представленіе состоитъ изъ изобрѣтенныхъ домашнихъ образомъ сценъ изъ военной жизни, или же изъ палубенныхъ, своеобразныхъ пьесъ собственно солдатскаго репертуара, въ родѣ „Царя Максимилиана“... Костюмы дѣлаются тоже домашнимъ способомъ. Эполеты — изъ фольги и цвѣтной бумаги, орденъ — изъ крышечки коробочъ отъ сардинъ и т. д. И, несмотря на это, кто видѣлъ такіе представленія, долженъ сознаться, что они вовсе не такъ плохи, какъ это можно подуматъ. Очень часто само начальство — офицеры принимаютъ такую затѣю солдатъ подъ свое покровительство и придаютъ ей разумнѣе болѣе осмысленное содержаніе. Такимъ образомъ устраиваются настоящіе солдатскіе спектакли, доставляющіе не мало удовольствія и зрителямъ, и самимъ актерамъ.

Лейб-гвардіи Московскій полкъ давно уже предоставляетъ для нижнихъ чиновъ своихъ развлеченія такого характера, и устраиваемые въ его манежѣ спектакли пользуются вполне заслуженной репутаціей.

Во время прошлыхъ праздниковъ и въ нынѣшнемъ сезонѣ былъ устроенъ спектакль въ манежѣ полка. Было исполнено оркестромъ и хоромъ нѣсколько музыкальных нумеровъ, а потомъ шли двѣ пьесы: извѣстный водеvilъ Каратыгина „Школьный учитель“ и комедія „На мирныхъ квартирахъ“. Особенно характеренъ былъ водевилъ, въ которомъ роль Галиматяса, учителя, игралъ уп-оф. Лушиковъ; Шарлотту, дочь его, — уп-оф. Помовъ, помощника мера — ряд. Молодцовъ; г-на Фриго, совѣтника префектуры — н. д. фел. Клещениковъ; вдовы Ша-муляръ — ряд. Аманъ; Патро, булочника — ряд. Крыловъ и т. д. Всѣ они были очень типично загримированы и прекрасно носили костюмы, какъ это видно на нашемъ рисункѣ, исполненномъ съ натуры, при тщательномъ соблюденіи всѣхъ подробностей. Въ верхней части рисунка изображенъ самый видъ манежа во время представленія.

А. В. Гадолинъ. (Портр. на стр. 72).

Прискорбную утрату понесла наша Императорская Академія Паукъ въ концѣ минувшаго года: павъ среди ея членовъ угасъ человѣкъ, полный силы и энергіи, человѣкъ съ добрымъ сердцемъ, прямымъ и честнымъ характеромъ, глубокой ученый, принявшій свои ученые изслѣдованія къ практической жизни, — не стало ординарнаго академика, генерала-отъ-артиллеріи Аксея Вильгельмовича Гадолина. Онъ скончался 15 декабря минувшаго года, 64-хъ лѣтъ отъ роду.

А. В. Гадолинъ родился 12 июня 1828 года, получилъ первоначальное воспитаніе въ Финляндскомъ кадетскомъ корпусѣ, а затѣмъ прошелъ полный курсъ въ Михайловской артиллерійской академіи. Съ раннихъ лѣтъ, почти съ производства въ офицеры въ 1847 году, онъ посвящалъ себя наукѣ и скоро приобрѣлъ въ ней выдающееся положеніе, какъ преподаватель и передовой дѣятель.

Ученые заслуги его рано обратили на себя вниманіе Академіи Наукъ. Въ 1867 году появились его „Выводы всѣхъ кристаллографическихъ системъ и ихъ подраздѣленій изъ одного общаго начала“ (*Записки Императорскаго Русскаго Минералогическаго Общества*, т. IX) и уже въ слѣдующемъ году „Выводы“ увѣнчаны были Ломоносовскою преміею. Кристаллографическія, минералогическія и геогностическія работы Аксея Вильгельмовича, отличающіяся богатствомъ новыхъ данныхъ, были по достоинству оцѣнены Академіею Наукъ; въ 1873 году она избрала его въ свои члены-корреспонденты.

Вислѣдствіи А. В. Гадолинъ отъ кристаллографіи перешелъ къ изслѣдованію такихъ явленій сѣвленія, которыя имѣли весьма важное значеніе въ артиллеріи. Сюда относятся масса его трудовъ чисто специальныхъ, изъ которыхъ многіе были переведены на французскій языкъ и напечатаны въ *Revue de Technologie militaire*, т. III 1863 г. Формулы, предложенныя Гадолинымъ, послужили основаніемъ для вычисленія и изготовленія орудій большого калибра какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ.

Практическія указанія, данныя Гадолинымъ на Пермскомъ пущечномъ заводѣ, прекратили случавшіяся на немъ до того времени отрывы казенныхъ частей орудій. Кроме многочисленныхъ научныхъ изслѣдованій А. В. Гадолина, коимъ онъ посвящалъ всѣ свои досуги, онъ, какъ профессоръ Артиллерійской академіи и Технологическаго института, составилъ нѣсколько руководствъ, имѣвшихъ значеніе самостоятельныхъ работъ. Къ числу такихъ руководствъ принадлежатъ: 1) Курсъ о горючихъ матеріалахъ и печахъ; 2) Технология дерева; 3) О приготвленіи пороха; 4) Курсъ о станкахъ для обработки

металла; 5) Курсъ о чугуно-литейномъ производствѣ, и многіе другіе.

Всѣ эти работы дали Гадолину извѣстность въ ученномъ мѣрѣ, и 5 декабря 1875 г. онъ былъ избранъ и утвержденъ экстраординарнымъ академикомъ по физикѣ.

Состоит профессоромъ и инспекторомъ классовъ Михайловской артиллерійской академіи и училища, инспекторомъ мѣстныхъ арсеналовъ и участвуя въ разныхъ комитетахъ по техническимъ артиллерійскимъ вопросамъ, Аксель Вильгельмовичъ не имѣлъ возможности посвящать себя наукѣ въ той мѣрѣ, какъ ему хотѣлось этого. Со вступленіемъ въ Академію Паукъ онъ намѣренъ былъ отказаться отъ должности инспектора арсеналовъ, чтобы имѣть возможность предаться своимъ ученымъ трудамъ. Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ сдать эту должность, вѣнхнула Турецкая война и ему пришлось остаться на своемъ мѣстѣ. По окончаніи войны, послѣдовавшія въ артиллерійскомъ вѣдомствѣ реформы также отвлекли Гадолина отъ ученыхъ работъ; но лишь только онъ могъ освободить себя отъ примыхъ своихъ служебныхъ обязанностей, какъ наука обогатилась новымъ его изслѣдованіемъ, помѣщеннымъ въ мемуарахъ Императорской Академіи Наукъ, „О законахъ намагнетности вѣтра“. Глубокія математическія познанія дозволили А. В. Гадолину подвергнуть подробному анализу вопросъ объ намагнетности вѣтра и вывести изъ него математическое выраженіе, применимое ко многимъ случаямъ. Этотъ трудъ Гадолина устанавливаетъ совершенно новое воззрѣніе на способы обработки явленій вѣтра въ данномъ мѣстѣ и представляетъ рѣшительный шагъ впередъ въ этой области. Эти совершенно новые выводы заставили Академію Паукъ выразить свое вниманіе къ ученымъ заслугамъ А. В. Гадолина избраніемъ его 1 декабря 1890 года въ ординарные академики.

Нѣтъ сомнѣнія, что ученый мѣръ и техника ожидали въ будущемъ многого отъ неутомимаго изслѣдователя, но рановременная кончина его пресѣкла всѣ надежды. Но само собою разумѣется, имя Акселя Вильгельмовича Гадолина не умретъ ни въ стѣнахъ Академіи Наукъ, ни среди учрежденій, въ которыхъ или онъ самъ, или черезъ своихъ многочисленныхъ учениковъ имѣлъ возможность свои теоретическіе выводы примѣнить къ практической жизни и ея потребностямъ.

А. Хвостовъ.

П. А. Кочубей. (Портр. на стр. 73).

Въ ночь на 22-е декабря минувшаго года, послѣ продолжительнаго тяжкаго недуга, окончился въ естественномъ мѣстѣ — е. Згуровка, Прилукскаго уѣзда, Полтавской губерніи, Пётръ Аркадьевичъ Кочубей, оплакиваемый своими бывшими крестьянами, для которыхъ онъ былъ отцомъ-бариномъ и учителемъ. Не говори уже о томъ, что покойный Пётръ Аркадьевичъ сплошь да рядомъ постукался своими интересами въ пользу своихъ крестьянъ, помогалъ имъ и словомъ и дѣломъ, онъ рациональными сѣльско-хозяйственными мѣрами упрочилъ ихъ хозяйство на многіе годы. Желая развить кустарное производство, П. А. Кочубей почти въ каждомъ своемъ имѣніи устроилъ на собственныя средства ремесленные школы для

кустарей, которые уже дали не мало хорошихъ столарей, саножниковъ, маляровъ и проч.

24-го декабря крестьяне с. Згуровки и другихъ деревень, принадлежащихъ П. А. Кочубею, несмотря на канунъ великаго праздника Рождества, явились, почти поголовно, отдать носящій долгъ горячо и искренно любимому пошлѣнику, котораго они въ этотъ день хоронили.

Покойный П. А. Кочубей происходилъ изъ славнаго дворянскаго рода знаменитаго Кочубея и принадлежалъ къ числу выдающихся русскихъ меценатовъ и крупныхъ общественныхъ дѣятелей. П. А. родился 17-го іюня 1825 г., въ городѣ Орлѣ, гдѣ его отецъ былъ губернаторомъ. Первоначальное образованіе получилъ въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, откуда былъ выпущенъ офицеромъ въ гвардейскую конную артиллерию; высшее образованіе П. А. Кочубей получилъ въ Михайловской артиллерійской академіи и закончилъ его за-границей, гдѣ онъ много занимался математическими науками, минералогіей и особенно химіей, слушая въ 1848 г. лекціи у знаменитѣйшихъ тогдашнихъ профессоровъ: Либиха и Шверъли.

По возвращеніи изъ-за границы, онъ нѣкоторое время былъ преподавателемъ химіи въ Михайловской артиллерійской академіи, а затѣмъ былъ назначенъ ординарнымъ къ его императорскому высочеству наслѣднику цесаревичу Александру Николаевичу; какъ только императоръ Александръ II возшелъ на престолъ, П. А. Кочубей былъ назначенъ къ его величеству флигель-адъютантомъ. Состоитъ еще при наслѣдникѣ цесаревичѣ, П. А., по порученію его высочества, предпринималъ поѣздки за границу съ научною цѣлью, для ознакомленія съ химическими лабораторіями Бельгіи и Германіи; по возвращеніи изъ было напечатано описаніе этихъ лабораторій съ атласомъ чертежей. Въ кружкѣ близкихъ П. А. лицъ созрѣла мысль объ учрежденіи Императорскаго Техническаго Общества. Въ 1867 году онъ былъ избранъ товарищемъ предсѣдателя, а въ 1873 году предсѣдателемъ этого учрежденія. Въмѣстѣ съ покойнымъ Н. В. Исаковичемъ, П. А. учредилъ музей прикладныхъ знаній. Обладая большимъ богатствомъ, Кочубей и самъ собиралъ коллекціи художественныхъ и научныхъ рѣдкостей. Особенно интересовался покойный минералогіей, и его коллекція минераловъ представляетъ одну изъ лучшихъ, существующихъ въ Россіи. Кочубей оохотился, не щадя своихъ средствъ, научныя экскурсіи по изысканію минераловъ и устроилъ въ 80-хъ годахъ, живя въ Петербургѣ, такъ называемыя „минералогическія пятницы“, на которыя собирались для научныхъ бесѣдъ горные инженеры во главѣ съ покойнымъ Кокшаровымъ. Кочубей былъ близкимъ другомъ Кокшарову, много содѣйствовалъ ему въ собираніи матеріаловъ по минералогіи и пережилъ нашего извѣстнаго минералога только нѣсколькими часами. За труды по минералогіи и за пожертвованія покойный былъ избранъ въ почетные члены Академіи Наукъ.

П. А. Кочубею покойнымъ государемъ императоромъ Александромъ II была подарена замокъ Мазены, гдѣ нѣкогда былъ замученъ его пращуръ. Замокъ этотъ и до сихъ поръ поддерживается въ первоначальномъ его видѣ.

А. Хвостовъ.

Разныя извѣстія.

ВЫСОЧАЙШАЯ ГРАМОТА

Его Свѣтлости, Эмиру Бухарскому, Сеидъ-Абдуль-Ахатъ-хану.

Во вниманіе къ постояннымъ заботамъ вашимъ о сохраненіи наилучшихъ отношеній управляемаго вами народа къ Россійской Имперіи и о благополучіи и усиленіи теченія взаимныхъ дѣлъ и въ изъясненіе особаго Намѣна къ вамъ благоволенія, препровождаемъ при семъ къ Вашей Свѣтлости брилліантовые знаки Императорскаго ордена Нашего святаго благовѣрнаго князя Александра Невскаго, для ношенія оныхъ по установленію.

Препровождаемъ къ вамъ навсегда благосклонны. На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ“.

Въ С.-Петербургѣ.
2-го января 1893 года.

— Въ пятницу, 1-го января, въ день Нового года и рожденія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексія Александровича, въ Зимнемъ Дворцѣ происходилъ Высочайшій выходъ.

— Въ воскресенье, 3 января, въ Мраморномъ дворцѣ совершенно святое крещеніе новорожденнаго Князя Императорской крови Его Высочества Олега Константиновича.

— 7 января отпразднована серебряная

свадьба Ихъ Высочествъ Принца Александра Петровича и Принцессы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургскихъ.

— Дѣйствительный тайный совѣтникъ М. П. Островскій, министръ Государственныхъ Имуществъ, назначенъ предсѣдателемъ Департамента законовъ Государственнаго Совѣта, съ увольненіемъ отъ прежней должности.

— Управляющій министерствомъ Путей Сообщенія А. К. Кривошеинъ утвержденъ въ должности министра Путей Сообщенія, а управляющій министерствомъ Финансовъ С. Ю. Витте — въ должности министра Финансовъ.

— Виленскому генералъ-губернатору, генералу-отъ-артиллеріи Каханову повелѣно быть членомъ Государственнаго Совѣта, а на мѣсто его назначенъ бывшій товарищъ министра Внутреннихъ Дѣлъ генералъ Оржевскій.

— Въ четвергъ, 31 декабря минувшаго года, Государь Императоръ изволилъ принять въ Гатчинскомъ дворцѣ, въ торжественной аудіенціи, вновь назначеннаго германскаго посла, генерала Вердера, который имѣлъ честь вручить Его Величеству свои вѣрительныя грамоты.

— Государственная роспись 1893 года сведена съ превышеніемъ обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами въ 13½ мил. р., а именно: доходовъ обыкновенныхъ 961,2 мил. руб., расходовъ 947,7 мил. руб.

Чрезвычайныхъ расходовъ назначено 92,8 мил. руб., которые покрываются частью предвидимыми избытками по обыкновенному бюджету, частью чрезвычайными ресурсами, а главнымъ образомъ должны быть покрыты кредитными операціями, т. е. займами, которыхъ предположено на 68,6 мил. руб. Весь же государственный бюджетъ балансируется въ цифрѣ 1,040½ мил. руб.

— За минувшій годъ въ кассу Высочайше утвержденнаго подъ предсѣдательствомъ Его Им. Высоч. Наслѣдника Цесаревича комитета поступило добровольныхъ пожертвованій 1.950,044 руб. 49 коп.

— Согласно Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта, съ выпускомъ съ табачныхъ фабрикъ издѣлій, кромѣ облагаемыхъ пониженнымъ бандеролемъ, постановлено взимать, независимо отъ акциза, уплачиваемаго за бандероли, дополнительный акцизъ, въ размѣрѣ двухъ рублей съ пуда, или пяти копѣекъ съ фунта заключающагося въ этихъ издѣліяхъ табаку, а со всѣхъ торговыхъ заведеній, обязанныхъ выдѣлять патенты, дающіе право на производство торговли табачными издѣліями, взимать дополнительный сборъ въ размѣрѣ половины дѣли снхъ патентовъ.

— Святѣйшій Синодъ призналъ необходимымъ для распространенія грамотности среди населенія: учредить въ каждомъ уѣздѣ дѣ

или болѣе двухклассныя церковно-приходскія школы, съ учительскими курсами и курсами сельскаго хозяйства, для приготовленія учителей въ школы грамоты.

— Съ начала текущаго года еженедѣльно опубликовываются въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* краткія свѣдѣнія о тѣхъ изъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Государственный Совѣтъ, которыя по сущности своей допускаютъ предварительное ихъ оглашеніе и имѣютъ выдающееся общее значеніе. Этими

путемъ устанавливается несомнѣнность только тѣхъ извѣстій о дѣятельности Государственного Совѣта до изданія и обнародованія законовъ, которыя появятся въ названномъ официальном органѣ, а достоверность всѣхъ остальныхъ извѣстій, появляющихся въ частныхъ изданіяхъ, останется на ответственности этихъ послѣднихъ.

— Съ 1 января открылъ свои дѣйствія вновь учрежденный въ Ростовѣ-на-Дону Кучеческій банкъ.

— По представленію Министерства Народнаго Просвѣщенія, ассигновано 29,000 руб., съ разсрочкою на нѣсколько лѣтъ, на изданіе историческихъ русскихъ памятниковъ.

— Императорское Русское Географическое Общество принесло Академіи Наукъ въ даръ всю свою этнографическую коллекцію.

— По сообщенію изъ Симферополя, въ Черномъ морѣ погибъ французскій корабль, шедшій изъ Константинополя въ Севастополь. Судьба команды не известна.

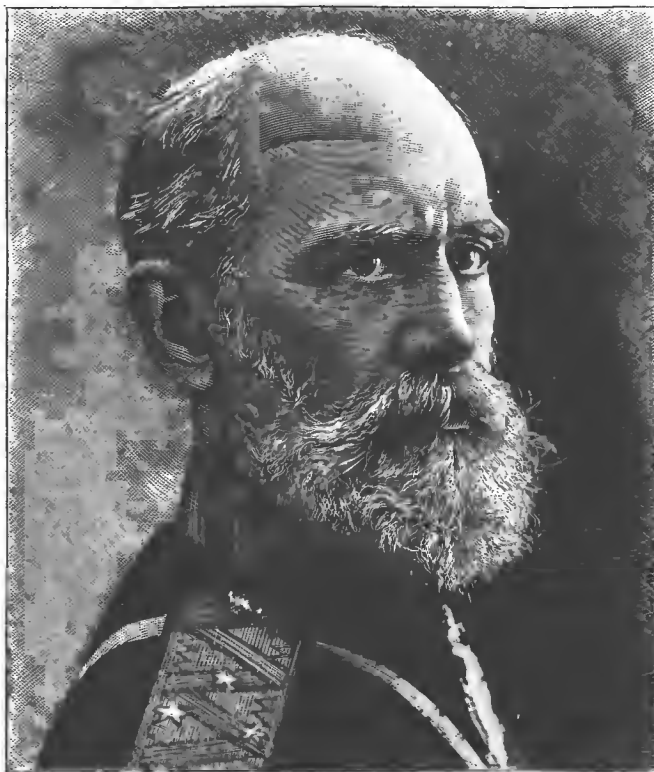
Политическое обозрѣніе.

Въ первомъ послѣ новаго года засѣданіи комиссіи для разсмотрѣнія военнаго законопроекта въ Берлинѣ, имперскій канцлеръ въ рѣчи, продолжавшейся два часа, обстоятельно изложилъ политическое положеніе. Къ сожалѣнію, рѣчь эта официально не передана, почему *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* сообщаетъ, что газетные отчеты о заявленіяхъ имперскаго канцлера въ военной комиссіи не достоверны и исключительно основаны на слухахъ. Въ отчетахъ этихъ много ошибокъ, а по отдѣльнымъ пунктамъ слова имперскаго канцлера прямо извращены. Такъ, относительно Даніи и особенно по вопросу объ отношеніяхъ Германіи къ Россіи выдается за взгляды канцлера то, что въ дѣйствительности было имъ изложено, какъ воззрѣнія враждебныхъ Германіи элементовъ за границею. Обращаясь черезъ нѣсколько дней къ критикѣ газетъ канцлерской рѣчи, та же газета говоритъ, что какъ порицанія, такъ и похвалы, расточаемыя газетамъ, смотря по взглядамъ каждой, по поводу заявленій имперскаго канцлера въ военной комиссіи, одинаково незаслуженны. Ни однимъ словомъ имперскій канцлеръ не намекнулъ на то, что иностранная политика Германіи считаетъ войну на два фронта фактическию необходимостью или, по крайней мѣрѣ, болѣе вѣроятною, чѣмъ въ предшествовавшіе годы. Точно также въ рѣчи нѣтъ никакихъ указаній, изъ которыхъ можно было бы вывести заключеніе, что германская политика когда-либо выступитъ на защиту чьихъ-либо интересовъ, кромѣ нѣмецкихъ.

Несмотря на заявленіе о неправомерности газетныхъ сообщеній и опроверженіе ихъ, въ Даніи рѣчь канцлера произвела еднѣнное впечатлѣніе. Въ засѣданіи фолькетинга докладчикъ финансовой комиссіи попросилъ у министра иностранныхъ дѣлъ объясненій относительно заявленій, сдѣланныхъ насчетъ Даніи графомъ Каприви въ военной комиссіи германскаго рейхстага и вызвавшихъ въ Даніи общее безпокойство. „Во всѣхъ партіяхъ, сказалъ докладчикъ,—возникло бы негодование, если бы въ Европѣ явилось подозрѣніе, будто Данія хочетъ быть простымъ членомъ коалиціи съ Франціей и Россіей или вообще думаетъ усвоить соображенія широкой политики“. Министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣчалъ, что, какъ пояснилъ ему германскій посланникъ, германское правительство не можетъ считать газетные отчеты за подлинную передачу заявленій имперскаго канцлера, тѣмъ болѣе, что отношенія имперскаго правительства къ правительству датскому вполнѣ дружественны и германцы желаютъ только сохраненія этого дружественнаго положенія. Нѣтъ также основанія предполагать, сказалъ германскій посланникъ,—чтобы въ Даніи смотрѣли на дѣло иначе. „Пользуясь этимъ случаемъ, прибавилъ министръ иностранныхъ дѣлъ,—чтобы повторить то, что не разъ уже было заявлено датскимъ правительствомъ: задача его состоитъ въ заботѣ о томъ, чтобы Данія при всякихъ возможныхъ разногласіяхъ между иностранными державами оставалась непремѣнно въ нейтральномъ положеніи. Такая небольшая страна, какъ наша, могла бы стать развѣ только прущкою великихъ державъ, если бы она легкомысленно приняла участіе въ европейскихъ ссоркахъ“.

Обращая вниманіе хотя бы на эту тревогу въ Даніи, можно думать, какъ говорятъ нѣкоторые органы печати, что опро-

вергаемыя мѣста рѣчи графа Каприви дѣйствительно были имъ произнесены въ пылу ораторскаго увлеченія, и затѣмъ,

Генераль-отъ-артиллеріи А. В. Гадоинъ († 15 декабря 1892-го г.).
Съ фот. Павловскаго, грав. Шюльеръ.

къ хладнокровію и единенію палаты. Брызги грязи стали попадать даже въ президента республики; это вызвало такое негодование, что всѣ вздохнули свободнѣе, узнавъ, что лѣвые сенаты увѣрили сегодня Рибо въ своемъ содѣйствіи и засвидѣтельствовали передъ главою государства чувства довѣрія и уваженія страны. Заявленіе Рибо, что правосудіе не останавливается ни передъ какимъ соображеніемъ, касающимся личности, обратило общее вниманіе.

Въ Каприві произошла перемена министерства. По этому поводу мы читаемъ въ *Times*: „Новый первый министръ, противникъ британскихъ реформъ, назначенъ безъ всякаго увѣдомленія британскаго дипломатическаго агента. Изъ этого слѣдуетъ, что хедивъ оспариваетъ право Англіи вмѣшиваться въ дѣла управленія Египтомъ. Правительственныхъ британскихъ чиновниковъ новые министры не признаютъ. Въ этомъ государственномъ переворотѣ туземцы усмотрѣли явный знакъ враждебности хедива къ Англіи“. Газета въ передовой статьѣ совѣтуетъ хедиву помнить судьбу, постигшую Измаила-пашу. Отъ словъ Англіи перешла къ дѣлу, и представитель ея Кромеръ обратился къ хедиву съ ультиматумомъ, въ которомъ потребовалъ, чтобы новое министерство было уволено въ 24 часа. Вслѣдствіе этого, къ вечеру послѣдовало увѣдомленіе, что, по особому желанію хедива, Факри-паша подаетъ въ отставку. На аудіенціи хедивъ указалъ Кромеру на неперытное положеніе, въ которомъ онъ, хедивъ, очутился бы, если бы Англія стала настаивать на назначеніи вновь Фемі-пашы. При этомъ хедивъ выразилъ готовность назначить Риза-пашу, и прибавилъ, что онъ искренно желаетъ дѣйствовать въ полномъ согласіи съ Англіей и будетъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ слѣдовать ея совѣтамъ, пока длится британская оккупация. Кромеръ отвѣчалъ, что, признавая примирительный характеръ предложенія хедива, принимаетъ его на своей страхъ, безъ предварительнаго сношенія съ правительствомъ.

Искусство.

Художество.

Огромным успѣхомъ пользовалась въ Парижѣ только-что закрышавшая выставка „Женскихъ искусствъ“ (Arts de la femme). Названіе это не совсѣмъ точно и вѣрно въ томъ смыслѣ, что дѣло касалось не только „женскихъ искусствъ“, т. е. предметовъ искусства, производимыхъ женщинами, но также и всѣхъ произведеній искусства, служащихъ украшеніемъ для женщинъ или употребляющихся ими.

Въ первомъ отдѣлѣ были артистически сгруппированы предметы искусства, производимые женщинами, по скульптурѣ, живописи, гравюрѣ и пр. Во главѣ этого отдѣла стоялъ комитетъ, состоящій изъ парижскихъ дамъ, подъ предсѣдательствомъ г-жи Кристофль. Комитетъ этотъ заботился о привлеченіи къ участію въ выставкѣ всѣхъ не-профессиональныхъ художницъ. Несмотря на всякаго рода затрудненія, комитету, однако, удалось привлечь болѣе двухсотъ экспонентовъ, между которыми многія оказались первоклассными и выдающимися художницами. Между прочимъ Г-жа Шарко (дочь доктора Шарко) представила нѣсколько предметовъ мебели, съ никурстациями въ флорентинскомъ стилѣ Возрожденія.

Во второмъ, очень разнообразномъ и богатомъ отдѣлѣ были собраны предметы комнатной обстановки и такъ называемая „articles des dames“. Тутъ были выставлены цѣлыя гостиныя, спальни, будуары. Предметы мебели, какъ-то: рабочіе столики, письменные столы, шкафы съ зеркалами, шифоньерки, *bonheurs du jour*, *secrétaires* и пр. представляли необыкновенное разнообразіе по формамъ, рисункамъ, стилямъ или материалу, изъ котораго были сдѣланы. Лонскіе фабриканты выставили прекраснѣйшую и единственную въ своемъ родѣ коллекцію шелковыхъ матерій. Синдикальная палата кружевъ города Кале организовала замѣчательную коллекцію кружевъ тридцати лучшихъ кружевныхъ фабрикъ этого города. Рядомъ съ фабричными кружевами находилось богатое собраніе ручныхъ кружевъ. Но въ особенности богатъ и разнообразенъ былъ отдѣлъ ювелирнаго искусства; тутъ всѣ лучшіе парижскіе дома выставили свои произведенія, которые славятся во всемъ мірѣ. Это была, такъ сказать, настоящая Голконда алмазовъ и драгоцѣнныхъ камней,—одинъ изъ удивительнѣйшихъ музеевъ.

Самымъ, однако, интереснымъ отдѣломъ оказался отдѣлъ историческій и ретроспективный. Первая группа этого отдѣла представляла графическую исторію женскихъ модъ и образцовъ женскихъ костюмовъ различныхъ временъ. Фотографическое заведеніе Брауна и К^о организовало отдѣльную группу, посвященную „Женщинѣ въ произведеніяхъ великихъ мастеровъ“. Тутъ находилась цѣлая коллекція фотографическихъ снимковъ съ произведеній живописи, изображающихъ женщинъ. Тутъ-же находились и портреты знаменитыхъ красавицъ: Джоконды, Юанны Арагонской, Форнарины, Колумбины, Люкреціи да-Пульчи, Люкреціи Торнабуони, Симонетты, графини Пальма д'Урбино, двухъ женъ Рубенса, мистриссъ Сиддонсъ, Рекамье и проч.

Не менѣе интересной оказалась группа образцовъ женскихъ костюмовъ, распределенныхъ въ хронологическомъ и этнографическомъ порядкѣ, оригинальныхъ и вновь воспроизведенныхъ; различныхъ матерій и кружевъ, вѣтъ и проч. Тутъ-же были воспроизведены цѣлыя историческія сцены, въ которыхъ женскій костюмъ игралъ первую роль. Такъ, была воспроизведена сцена „Жена великаго вассала съ прислужницами“ въ эпоху Карла VIII, составленная по миниатюрамъ; затѣмъ „Музыкальный вечеръ“, по рисункамъ Клузъ, характеризовавъ эпоху Франциска I. За этой сценой слѣдовали: „Сцена изъ жизни въ замкѣ“ въ царствованіе Генриха II, „Паванина, исполненная двумя дамами двора Генриха II“, „Ужинъ во времена Генриха IV“, „Уголокъ дворца“ (эпоха Людовика XIII), „Женщина дома“ и „Женщина въ свѣтѣ“ (обѣ сцены относящіяся къ эпохѣ Людовика XIV). Эпоха Регентства была представлена сценой „Отъѣздъ на охоту“. Эпоха Революціи была изображена сценой „Общественная прогулка“ съ живописными костюмами этого времени. Тутъ-же были подобныя-же сцены изъ временъ Первой имперіи, Реставраціи, Второй имперіи. Этотъ отдѣлъ составлялъ

настоящее нововведеніе и представлялъ выдающійся интересъ по разнообразію и живописности.

Столь-же интереснымъ и разнообразнымъ оказался отдѣлъ женскихъ причесокъ, устроенный специальнымъ комитетомъ парижскихъ куаферовъ. Этотъ отдѣлъ состоялъ изъ шестидесяти двухъ восковыхъ бюстовъ. Для пополненія этой коллекціи, комитетъ парижскихъ куаферовъ поручилъ талантливому моделеру Круильбуа вылѣпить изъ воску группу, представляющую франтиху XVIII вѣка, выходящую изъ посылковъ. Всѣ прически были скопированы съ лучшихъ картинъ, портретовъ и бюстовъ.

Въ отдѣленіи произведеній искусства, составившихъ собственность знаменитыхъ женщинъ, особенное вниманіе обращали на себя предметы, принадлежавшіе королевѣ Маріи-Антуанеттѣ (кровать, деревянный экранъ, печатка, китайскій фонарь, альманахъ 1778 года). Затѣмъ особенно интересовалъ публику: желѣзный лѣпелъ, принадлежавшій, по преданію, супругѣ царя Іоанна Грознаго; церковная мапья, принадлежавшая императрицѣ Маріи-Терези и нѣкоторые другіе предметы.

Вообще эта выставка была однимъ изъ выдающихся художественныхъ событій и, несмотря на то, оставила свои слѣды въ исторіи художественныхъ выставокъ, составившихъ одну изъ любопытнѣйшихъ особенностей нашего времени. В. Чуйко.

Театръ и музыка.

Репертуаръ нашей сцены обогатился, если не классическою пьесой, то пьесой классическаго автора; у насъ поставлена комедія испанскаго драматурга Лопе-де-Вега „Сѣти Фенизы“, въ переводѣ г. Бѣжецкаго, хорошо знакомаго съ испанскою литературой.

Лопе-де-Вега (1562 — 1635) считается, и не безъ основанія, создателемъ испанской драмы, несмотря на то, что ему предшествовалъ Сервантесъ, авторъ знаменитаго „Донъ-Кихота“, много писавшій и для сцены: пьесы Лопе-де-Вега, которыхъ другъ его, Монтальванъ, насчитываетъ до 1800, кромѣ религиозныхъ (числомъ до 400),

могутъ быть раздѣлены, приблизительно конечно, на пять группъ по своему характеру: 1) comedias de capa y espada (комедіи съ плащомъ и шпагой), 2) comedias historiales, 3) комедіи изъ обыкновенной жизни, 4) комедіи религиозныя и 5) autos sacramentales (комедіи священныхъ, мистерій); слѣдуетъ замѣтить, что терминъ „comedia“ употребляется авторомъ для всякаго рода пьесъ, какъ у насъ драма въ обширномъ смыслѣ слова, — и что каждая комедія дѣлится на три части (*jornadas*), дни, или по нашей терминологіи — акты, что не мѣшаетъ отдѣльнымъ дѣйствіямъ заключать въ себѣ нѣсколько картинъ.

Такъ, и „Сѣти Фенизы“ содержатъ въ себѣ три акта и пять картинъ (въ подлинникѣ ихъ девять). По своему характеру разсматриваемая пьеса должна быть отнесена къ третьей группѣ пьесъ, т. е. изъ обыкновенной жизни. Замѣтимъ кстати, что первыя три группы пьесъ могутъ считаться, по словамъ Тиккюра („Исторія испанской литературы“), достояніемъ и изобрѣтеніемъ самого Лопе-де-Вега и ни одинъ изъ родовъ этихъ пьесъ до него не существовалъ. Любовныя исторіи, дуэли, картины домашней жизни и вообще интрига въ обширномъ смыслѣ слова — вотъ главныя сюжеты, на которыхъ иращается интересъ пьесъ „изъ обыкновенной жизни“ въ родѣ „Сѣтей Фенизы“.

Центральной фигурой „Сѣтей Фенизы“ является женщина практическая, хищная, оцутывающая своихъ обожателей, но и сама попадающаяся въ когти коноко въ сѣти, ловко разставленныя однимъ ея поклонникомъ, котораго она обобрала. Кончается пьеса, какъ обыкновенно у Лопе-де-Вега, обращеніемъ къ публикѣ: „вотъ на чемъ пока заканчиваются похождения Фенизы“.

Этимъ „пока“ авторъ какъ бы говоритъ, что Фенизы моль не переведутся и что вѣроятно найдутъ другихъ ухаживателей, которыхъ не перестанутъ обирать, какъ только представится случай. Характеры пьесы прекрасно обрисованы, лица живыя и рѣчи ихъ до того остроумны, интересны и временами юмористичны, что невольно забывается о стариннѣ пьесы, насчитывающей уже добрыхъ 260 лѣтъ.

Петръ Аркадьевичъ Кочубей († 22 декабря 1892 г.).
Съ фот. Бруссе и К^о, грав. Шюльеръ.

Въ заключение — несколько извѣстій изъ музыкальнаго міра: — Въ Бергамо, на родинѣ композитора Доинцетти, образовался комитетъ подъ предсѣдательствомъ графа Джанфорта, для сооруженія памятника автору „Лучи“, „Дочери полка“ и др. оперъ. Открытіе памятника предполагается 25 сентября 1897 года, въ столѣтнюю годовщину рожденія Доинцетти. Въ Берлинѣ ставится въ королевской оперѣ балетъ А. Г. Рубинштейна „Виноградная лоза“ и опера его (одноактная) „Среди разбойниковъ“. Первый у насъ извѣстенъ только по отрывкамъ; а вторая совершенно неизвѣстна. Не странно ли, что произведенія нашего знаменитаго композитора даются раньше за границей, чѣмъ у насъ. Такъ, въ Лейпцигѣ недавно исполнялся, и съ большимъ успѣхомъ, его „Моисей“, тогда какъ мы его совершенно не знаемъ, кромѣ одного №, который исполнила недавно въ своемъ концертѣ г-жа Лавровская съ хоромъ; № этотъ и у насъ

очень понравился и даже былъ повторенъ. Это не единичный примѣръ: въ Гамбургѣ ставится его же опера „Дѣти стѣнъ“, тоже у насъ не идущая и мало кому извѣстная (это одна изъ первыхъ оперъ Рубинштейна, поставленная у насъ лѣтъ 40 тому назадъ и съ тѣхъ поръ нигдѣ не появляющаяся). Въ Парижѣ готовится къ постановкѣ въ будущемъ сезонѣ „Неронъ“, шедшій у насъ по-итальянски. Авторъ приглашенъ въ Парижъ для наблюденія за репетиціями и для дирижированія оперой. Успѣхи А. Г. Рубинштейна въ Германіи колоссальны. Третья опера Масканы „Братья Рамцау“ (первыя двѣ: „Cavalleria rusticana“ и „Amico Fritz“), поставленная въ театрѣ „Pergola“ во Флоренціи, имѣла успѣхъ, но не такой шумный, какъ первая его опера. Серьезная критика отмѣчаетъ въ „Рамцау“ много недостатковъ и сомнѣвается, чтобы успѣхъ этотъ былъ продолжителенъ. В. Б.

С М Ъ С Ъ.

Подарки эмира Бухарскаго, поднесенные Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ и другимъ Членамъ Августѣйшаго Дома. Въ числѣ этихъ подарковъ находится множество дорогихъ матерій и ковровъ—произведеній Бухары и, вообще, Востока: каракулевыя мѣха, золотыя чаши и блюда съ чернью, носса, усыпанные драгоценными камнями, серебряный сервизъ съ чернью, ожерелья съ драгоценными камнями, трости, осыпанные брилліантами, серебряныя эмальрованные ларцы и множество другихъ драгоценныхъ предметовъ. Особенно выдѣлились: сабля въ золотыхъ ножнахъ съ осыпаннымъ брилліантами эфесомъ, поднесенная эмиромъ Государю Императору, и шитый сплошь жемчужомъ зонтикъ для Государыни Императрицы, ручка котораго осыпана драгоценными камнями.

Затѣмъ эмиромъ приведены для подарковъ Высочайшимъ Особамъ 17 лошадей. Всѣ онѣ различныхъ породъ: текинской, туркменской, уратубенской и купрадской. Каждая изъ нихъ осѣлана туркменскимъ сѣдломъ, съ золотыми и серебряными кованными стремениами. Дорогіе бархатныя чапراки расшиты шелками и золотомъ; уздечки, нагрудники и нахвостники богато отдѣланы золотымъ наборомъ. Пѣкаторы изъ лошадей очень небольшого роста и напоминаютъ породу нашихъ южныхъ степныхъ лошадей, но всѣ онѣ отличаются замѣчательною выносливостію и быстротой, во время скачки какъ бы стелются по землѣ. Одинъ изъ предназначенныхъ для Государя Императора жеребцовъ, текинской породы, рыжій съ бѣлыми чулками на всѣхъ четырехъ ногахъ, считается лучшимъ скакуномъ Бухары, о которомъ бухарцы говорятъ, что „его догонитъ только одинъ вѣтеръ“. Лошадямъ еще не дано названій; всѣ онѣ поставлены на главной царской конюшнѣ. Для Государя Императора приведено собственно 5 лошадей: 2 жеребца рыжей масти, текинца, росту 2 аршина и 2 вершка, 1 жеребецъ караковой масти съ золотистой подпалиной, туркменской породы, сильная крѣпкая лошадь 2 аршинъ и 2 вершковъ росту, и пара сѣрыхъ жеребцовъ бухарской породы, росту около 2 аршинъ, всѣ по шести лѣтъ. Государынѣ Императрицѣ—3 лошади: 1 сѣрый жеребецъ туркменъ, росту 2 арш. 1 вершокъ, очень красивый изысканный скакунъ, и пара вороныхъ жеребцовъ бухарской породы небольшого роста. Одинъ изъ этихъ жеребцовъ очень добраго права, почти ручной и немного дрессированъ: дасть ногу, кладезь голову на плечо, съ замѣчательно умными глазами. Пастѣднику Цесаревичу—также 3 лошади: 1 рыжій безъ отыгива туркменъ, стройный, легкій, какъ бы точеный жеребецъ, 2 аршинъ съ небольшимъ росту, можетъ поспорить на скаку съ текинцемъ, подведеннымъ Государю Императору. Текинца, вѣроятно, назовутъ „Вѣтромъ“. а этого туркмена „Вѣтеркомъ“; затѣмъ—пара жеребцовъ меньшаго роста бухарской породы. Великимъ Князямъ Ксеніи и Ольгѣ Александровнѣ подведены пара пѣгихъ жеребцовъ бухарской породы очень добраго права. Великому Князю Георгію Александровичу—пара вороныхъ жеребцовъ уратубенской породы. На главной же конюшнѣ стоитъ пара темно-гнѣдыхъ жеребцовъ, предназначенныхъ для Великаго Князя Михаила Александровича. Такъ какъ всѣ лошади исключительно скакуны, то вѣроятно нѣкоторые изъ нихъ будутъ запрягаться въ тройкахъ на пристяжку; коренники же будутъ подобраны иноходцы. Бромъ этихъ 17 лошадей, эмиръ подарилъ по парѣ жеребцовъ Великимъ Князьямъ Владиміру и Алексѣю Александровичамъ и Михаилу Николаевичу.

Джентатура. Изъ всѣхъ образованныхъ націй, едва ли не самый суетливый народъ итальянцы, а изъ нихъ — неаполитанцы. *Джентатура*, или вѣрнѣе *тетатура*, — брошенный на васъ дурной взглядъ, считается у нихъ несомнѣннымъ признакомъ грядущаго несчастнаго событія.

Противъ дурного глаза или джентатуры итальянцы придумали одно средство. Они показываютъ человеку, способному на ихъ мнѣнію сгладить, руку, выпрямивъ указательный палецъ съ мизинцемъ и подогнувъ остальные. Пошеи при себѣ ручки, сдѣланной

изъ коралла и сложеной упомянутымъ образомъ, также считается предохраненіемъ отъ глаза.

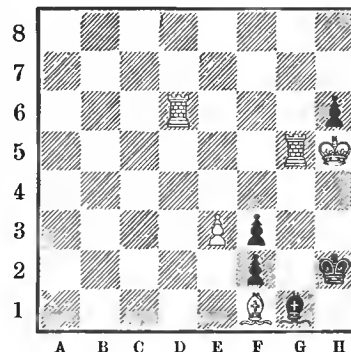
Американскій способъ нагляднаго объясненія. Одинъ изъ американскихъ профессоровъ астрономіи, объясняя въ своей лекціи слушателямъ громадное разстояніе неподвижныхъ звѣздъ отъ земного шара, придумалъ слѣдующій способъ, довольно рельефно изображающій величину цифръ, о которой идетъ рѣчь при этомъ случаѣ. Положимъ, сказалъ онъ, что возникла мысль о постройкѣ желѣзной дороги для соединенія земного шара съ неподвижною звѣздой, извѣстною подъ именемъ „а Кентавра“; положимъ далѣе, что для этого предпріятія нашелся капиталъ и что всѣ затрудненія при осуществленіи его устранены, такъ что движеніе по новой линіи открыто для публики. Запѣлющие желѣзною дорогою для привлеченія большаго числа туристовъ, которые захотѣли-бы воспользоваться новымъ средствомъ сообщенія, рѣшили довольствоваться самою ничтожною цѣною за провозъ, опредѣливъ таксу съ вагоновъ перваго класса по 2½ коп. за сто верстъ. Несмотря на эту умѣренную таксу, путешественникъ, желающій съѣздить до неподвижной звѣзды а Кентавра долженъ располагать весьма значительной суммою денегъ для того, чтобы купить себѣ билетъ перваго класса. Эта сумма равняется размѣрамъ всего государственнаго долга Великобританіи, составляя около 12,000 милліоновъ рублей. Положимъ, что билетъ купленъ и что туристъ, успѣвшій въ вагонѣ, обращается къ кондуктору съ вопросомъ о скорости движенія. Оказывается, что быстрота движенія составляетъ 100 верстъ въ часъ, включая сюда пребываніе на станціяхъ. „Когда же мы доѣдемъ до а Кентавра?“ спрашиваетъ пассажиръ. Отвѣтъ кондуктора: „По истеченіи сорока восьми милліоновъ шестисотъ шестидесяти трехъ лѣтъ, сударь.“

ШАХМАТЫ.

Задача № 2.

L. N. de Jong (Utrecht).

Черные.

Бѣлые.

Мать въ 3 хода.

Задача № 3.

C. Dunham (Washington).

Черные.

Бѣлые.

Мать въ 2 хода.

СОДЕРЖАНІЕ: Джентатура. Повесть графа Е. А. Салиаса. (Продолженіе). — Стихотвореніе. — „Неразлучное“. Разсказъ Николая Дитѣвскаго. (Окончаніе). — Удача. Разсказъ Маріи Тезна. Переводъ съ англійскаго. — Путешествіе духа велосипедистовъ изъ Европы въ Азію. Корреспонденція „Нивы“ изъ Некиа (съ портр.). — Къ рисункамъ: Запорозжы на развѣдкахъ (съ рис.). — Литературный альбомъ. „Ангель Смерти“. М. Лермонтова (съ рис.). — Вѣтки звенятъ (съ рис.). — Шарль Гунно (съ портр.). — На перевозѣ (съ рис.). — Встрѣча императора Максиміліана съ невестой (съ рис.). — Спектакль нижнихъ чиновъ въ манежѣ лейбъ-гвардіи Московскаго полка (съ рис.). — А. В. Гадоллинъ (съ портр.). — П. А. Кочубей (съ портр.). — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — Искусство. — Смѣсь. — Шахматы. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ Кн. М. Н. Волконскій.

БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7—2. 26—24
Иллюстрированные прейсъ-курранты по востребованію высылаются безвозмездно.

САРИНКА И САРИНСКАЯ ЧЕСУЧА

СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКАЦІИ. Ц. № 6160
Пересылку тканей по заказамъ фирма Альбомъ съ образцами высылается по требованію бесплатно.
Адресъ: САРАТОВЪ, Торговому дому „БЕНДЕРЪ и СТЕПАНОВЪ“, въ Пассажѣ.

САМЫЙ
ОБШИРНЫЙ В РОССИИ
СКЛАДЪ
ШВЕЙЦЕРСКИХЪ МАШИНЪ
ТОРГОВЫЙ
ДОМЪ
М. Блок
КАСАБА

СПУЩЕННЫМЪ ЭССЕНЦИЯМЪ
ВЪ ПОРОШКАХЪ
Н. С. БАРОМЕНСКАГО
ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНІЯ ИЗЪ СПУЩЕНЪ ВОДЫ ДОМАШНИМЪ
ПРОСТЫМЪ СПОСОБОМЪ РАЗНЫХЪ НАПИТКОВЪ
ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ПО ВКУСУ И ДЕШЕВИЗѢ

1. Английская горькая на 1 бут.	10 п.
2. Желудочная	10 "
3. Анисовая	10 "
4. Травяная	10 "
5. Полынная (абсентъ)	15 "
6. Хинная	15 "
7. Померанцевая	15 "
8. Ероуентъ (старин.)	30 "
9. Мятная	15 "
10. Лимонная	15 "
11. Рябиновая наливка	15 "
12. Вишневая наливка	15 "

Для приготовления ликеровъ замѣняющихъ
по вкусу лучшихъ заграничныхъ марокъ:

51. Бенедиктинъ (Моиахоръ) за бан.	75 к.
52. Розов., бан.	75 к.
53. Чайный, бан.	75 к.
54. Мараскинъ.	75 "
55. Абриотинъ.	75 "
56. Шартревъ.	75 "
57. Ванильный.	75 "

Продажа и представ. при конторѣ антек
и кондит. принадлежи. П. Н. Виноградова.
Москва, Рождественка, домъ
№ 2. Выписывающ. на 5 р.
и болѣе въ Европ. Россіи,
за пересылку не платятъ.

МЫЛО
ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
ПРОВИЗОРЪ
А. М. ОСТРОУМОВА
КУСОКЪ 30 коп. ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
ДВОЙНОЙ КУСОКЪ 50 коп.

ВАЖНО ДЛЯ МАТЕРЕЙ.

Вновь усовершенствованный профессоромъ Сонкетомъ въ Вѣнѣ,
аппаратъ для кипяченія и

СТЕРИЛИЗАЦИИ МОЛОКА

есть одно изъ необходимѣйшихъ приобретѣній для каждой матери. Онъ служитъ для
безусловнаго уничтоженія всѣхъ болѣзнетворныхъ микро-организмовъ, какъ въ молокѣ,
такъ и въ искусственныхъ смѣсяхъ, употребляемыхъ для кормленія дѣтей. Печатное
подробное описаніе раздается и высылается желающимъ безвозмездно и аппараты
продаются по крайне пониженнымъ цѣнамъ

ВЪ ГИГИЕНИЧЕСКОМЪ ОТДѢЛѢ МАГАЗИНА

Р. КЕЛЕРА и К^о, въ Москвѣ.

Ц. № 6177

EAU, PÂTE, POUDRE
DENTIFRICES
DOCTEUR PIERRE
DE LA
FACULTÉ DE MEDECINE
DE PARIS
EN VENTE PARTOUT

№ 6039 13-12

ФОТОГРАФИИ.
Студія, изъ жизни, и по моделямъ „Beautés“
и пр. — Самая большая и прекраснѣйшая
коллекція въ мірѣ. Богатая образцовая
носкина высылается за 5 р. Каталогъ по 20 к.
Adolf Estinger Kunstverlag. Wien I. Haupt-
postfach. Корреспонденція: на нѣм., франц.
и англійск. яз. № 6073 (10)

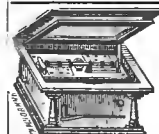
ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. За условіями
обращ. письменно: Генрихъ Блонкъ.
С.-Петербургъ, Невскій, 59. 10-4

Иллюстрированный каталогъ

сѣмянъ, растений, инструментовъ и пр. Сѣ-
мяноторговецъ и Садоводства Эдмунда Вас.
Кристера въ Кіевѣ, вышлетъ изъ печати и
разсыластъ по требованію бесплатно.
♦ Всѣ сѣмена отпускаются нами въ па-
кетахъ, на которыхъ изображены ириса
посѣва и ухода. ♦

№ 6198

НОВОСТЬ! СИМФО- НИОНЫ

Музыка. ящики съ перебивающ. нотами
Малые ручные безъ шестъ 6 р.
" заводные 16 р.
Ноты къ нимъ по 35 коп.
Большие 60-ти-тоновые безъ шестъ . . . 30 р.
" 84-хъ 45 р.
" Sublime Harmonie 80 р.
Ноты къ нимъ по 60 коп., 75 коп. и 1 руб.
Иллюстриров. преѣсъ-курantz и каталогъ
4-3 нотъ безплатно. Ц. № 6085

И. Ф. МЮЛЛЕРЪ.

Москва, Петровка, домъ Волкова.

КРАСКА

ДЛЯ ВОЛОСЪ

ПРИДВОРНАГО ПАРФЮМЕРА

АЛЕКСАНДРА ГЕРКЕ

окрашиваетъ въ черныя и коричневыя
прочный цвѣтъ, — смотря по надобности
свѣтлѣе и темнѣе. № 5924

Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

Главный складъ А. Энгельдъ, С.-Пе-
тербургъ, Бассейная, № 2. Получать
можно въ Высочайше утвержденномъ
русскомъ обществѣ торговли антекар-
скими товарами, Казанская, 12 и во
всѣхъ извѣстныхъ антекарскихъ и парфю-
мерныхъ торговыхъ Россійской Имперіи.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Вс. С. Соловьева.

Романъ - хроника XVII вѣка. Въ 3-хъ частяхъ. Изд. II.

Цѣна 2 руб., съ пересылкой 2 руб. 50 коп., въ колѣн. переплетѣ
2 руб. 75 коп., съ перес. 3 руб. 25 коп.

EAU DENTIFRICE
BALSAMIQUE DE LOHSE
БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.
Средство для полосканія рта, уничтожаетъ
запахъ во рту. № 5421 (21)
Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ под-
дѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
46, Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ
и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ ШКОЛЬНАГО ВОЗРАСТА

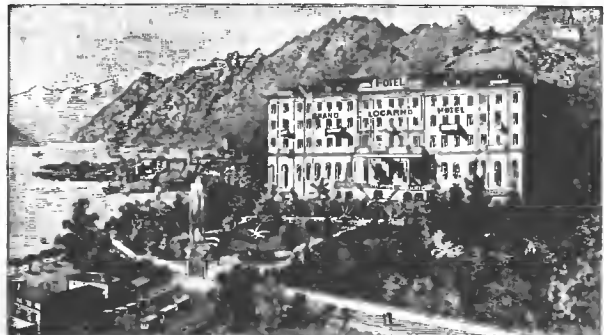
„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“.

Съ приложеніемъ „Педагогическаго Листка“ для родителей и воспитателей.
Въ 1893 году „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ астунаеть въ 25-й годъ своего существованія.
„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ ОДОБРЕНО Учебнымъ Комитетомъ Собственной Его Император-
скаго Величества Канцеляріи по Ученіямъ Императрицы Маріи и Главнымъ
Управленіемъ Военно-Учебныхъ Заведеній, Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. ДОПУЩЕНО
въ учебныя библиотѣки среднихъ учебныхъ заведеній. Въ составленіяхъ редакціи
принимаетъ близкое участіе А. Н. Острогорскій и В. П. Острогорскій. Пра журналъ
„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ издается „ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ“, большая часть статей
котораго посвящена домашнему воспитанію, элементарному обученію и разработкѣ асо-
просовъ о чтеніи дѣтей. Въ „ПЕДАГОГИЧЕСКОМЪ ЛИСТКѢ“ помещаются периоди-
ческій указатель дѣтской учебной литературы. № 6194 2-2

Подписная цѣна на годъ съ пересылкой 6 р. За границу 8 р. На полгода 3 р.
Владельцы Л. В. Борисовъ. СПб. Разѣзжая, д. 3. Редакторъ П. Б. Голышевскій.

PAPIER FAYARD ET BLAYN

Пластырная бумага, разрѣшенная Медицинскимъ Департаментомъ. Требуется съ этике-
тами Fayard et Blayn. Имѣется во всѣхъ лучшихъ аптекахъ. № 5980 (16-9)

LOCARNO

Станція Готтардской ж. д. у Лаго Маджоре
наилучшая и ближайшая

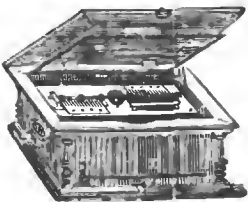
♦ ЗИМНЯЯ СТАНЦІЯ ♦
Общепризнанная всѣми медицинскими авторитетами и спеціально рекомендованная Коро-
лемъ. Бавар. Соѣзтъкомъ медицины, проф. д-ромъ А. Мартиномъ, какъ самая превос-
ходная въ Европѣ зимняя и весенняя станція. № 6199 6-1

Grand Hôtel Locarno.

Открытъ въ продолженіе всего года. — Наилучшимъ образомъ приспособленъ къ про-
живанію въ немъ зимою. — Лучшее мѣстопребываніе у Итальянскихъ озеръ.
Самая комфортабельная гостиница на континентѣ, въ замѣчательно красивой мѣст-
ности. Большой паркъ съ роскошной южной растительностью. Зимнія окна, центральное
отопленіе, изразцовые печи и камины во всѣхъ 200 номерахъ и залахъ — Дѣтченіе вило-
градомъ, — Швейцарскій врачъ. — Ванны. — Подземная машина. — Англійская и вѣнецкая
церкви. — Сообщенія на частныхъ пароходахъ и лошадяхъ. — Первокласные кухни и по-
гребъ. — Умѣренныя цѣны. — Проспектъ и описаніе, составленное проф. Мартиномъ, вы-
сылаются бешплатно владѣльцемъ. Balli.

СИМФОНІОНЫ.

По тону подходят къ швейцарскимъ музыкальнымъ инструментамъ; въсѣмъ вала — стальныя нотныя листы, которые легко мѣняются.

Съ ручной, безъ нотъ, 6 р. Ноты по 35 к. Заводной, 40 тонн., безъ нотъ, 16 р. Ноты по 35 к.

Заводной, 60 тонн., безъ нотъ, 30 руб. Ноты по 60 коп.

Заводной, 84 тонн., безъ нотъ, 45 руб. Ноты по 75 коп.

Заводной, 84 тонн., „Sublime Harmonie“ безъ нотъ, 80 р. Ноты по 1 руб.

Заводной, 100-тонный, „Sublime Harmonie Pissolo“, безъ нотъ, 125 р. Ноты по 1 р. 50 коп.

Новости Часы съ музыкой

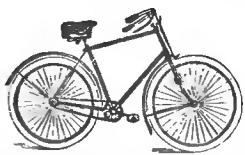
(съ механизмомъ 100-тоннаго симфоніона), безъ нотъ, 250 руб. Ноты по 1 р. 50 коп. Каталогъ нотъ для этихъ инструментовъ и иллюстрированный прейсъ-курантъ — бесплатно.

Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно.

По полученіи заказа приблизительно въ 10-дневный срокъ доставляется наложеннымъ платежомъ наложенно суммой.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо музыкальных инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

Велосипеды англійскаго завода „Гумберъ и К^о. Лмд.“

лучше въ свѣтѣ! предлагаются торг. домъ

Г. ЖЕМЛІЧКА и К^о. Москва, Неглинный просп., домъ Елениной. Прейсъ-курантъ — бесплатно.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Контора В. Б. ЖУКОВСКАГО сямъ честь избѣгъ довести до свѣдѣнія гг. хозяевъ, что она спеціально строитъ МЕЛЬНИЦЫ и съ ПЕРСОИНОВЫМИ ДВИГАТЕЛЯМИ „ЛАВА“ и искусственными ЖЕРНОВАМИ 1. ТРАППЪ не требующими ковки. Помощь пазитъ мельницамъ обходится около 1 коп. съ пуда; зданіе можете Мт. быть деревяннымъ. № 6197

Недобросовѣст. сообщ. по пера. требов. В. Б. Жуковский, СПбургъ, 10-я рота, 15.

пишущая машина 25 8

РЕМИНГТОНА № 5

„новѣйшая изъ всѣхъ существующихъ системъ“

признана лучшей въ свѣтѣ. Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд. Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительствъ и другихъ учреждений, высылается бесплатно. № 5996 Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва, С.-Петербургъ, Варшава, Одесса, Екатеринбургъ, Кокандъ.

Поступило въ продажу новое роскошное изданіе А. Ф. Маркса:

ИСТОРИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ И ПОВѢСТИ

П. Н. ПОЛЕВОГО,

украшенные множествомъ оригинальныхъ рисунковъ и въиетокъ художника К. В. ЛЕБЕДЕВА.

Появленіе въ свѣтъ настоящаго изданія было встрѣчко русскою выдающеюся прессою весьма лестными отзывами; такъ, между прочимъ, „Историческій Вѣстникъ“ говоритъ о книгѣ слѣдующее:

„Давно уже не появлялось у насъ такой прекрасной во всѣхъ отношеніяхъ книги, какъ „Историческіе рассказы и повѣсти П. Н. Полевого“, изданныя г. Марксомъ. По своей вѣншности, книга эта можетъ смѣло поспорить съ лучшими заграничными изданіями, а по своему внутреннему содержанию представляетъ отрадное явленіе для каждого, кто любитъ русскую исторію.“

„П. Н. Полевой давно извѣстенъ своимъ учеными и педагогическими трудами... На поприще историческаго романиста г. Полевой выступилъ всего года четыре тому назадъ и, по нашему мнѣнію, занимаетъ въ настоящее время одно изъ наиболее видныхъ мѣстъ среди предстателей этого рода литературы...“

„Всѣ его романы, повѣсти и рассказы изображаютъ характеры историческихъ лицъ и картины быта не на основаніи фантазіи и поверхностнаго знакомства съ источниками, а на основаніи тщательнаго изученія документовъ и строгой ихъ проверки. Важная заслуга г. Полевого заключается въ томъ, что онъ, въ формѣ легкихъ, живыхъ очерковъ, добросовѣстно популяризируетъ русскую исторію и, такъ сказать, невидимо и невольно заставляетъ читателя приобщаться, кромѣ массы полезныхъ свѣдѣній, правильнаго взгляда на историческія событія и лица, и знакомить его не съ вымышленнымъ, а съ дѣйствительнымъ бытомъ стариннаго русскаго общества.“

„Мы затрудняемся указать, который изъ рассказовъ лучший, потому что каждый изъ нихъ имѣетъ свои достоинства и свой интересъ. Въ общемъ же они даютъ рядъ правдивыхъ и яркихъ картинъ прошлой русской жизни, начиная съ XIV и кончая XVIII столѣтіемъ.“

Приложенныя къ книгѣ 24 гравированыя на мѣди картины и болѣе 40 небольшихъ рисунковъ и въиетокъ К. В. Лебедева выказываютъ во всемъ блескѣ дарованіе этого талантливаго художника и, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубокаго знатока бытовой обстановки древней Руси. Въ этихъ картинахъ, помимо художественности рисунка, все вѣрно до мелочей, и потому онѣ интересны не только для простыхъ любителей, но и для художниковъ, театровъ и археологовъ. Ко всему этому, книга выпущена въ продажу по недорогой цѣнѣ, что дѣлаетъ еще болѣе чести ея издателю, г. Марксу.“

Цѣна этой книги, въ виду ея значительнаго объема (болѣе 450 стр., большого 8го) и роскошнаго изданія, назначается нами весьма умеренная: 5 р., съ перес. 5 р. 80 коп.; въ роскош. перепл. 6 р., съ перес. 7 р.

Для любителей роскошныхъ изданій мы печатали особо 50 нумерованныхъ экземпляровъ на голландской бумагѣ. Въ этихъ экземплярахъ всѣ 24 эстампа на мѣди отпечатаны на китайской бумагѣ. Цѣна этихъ нумерованныхъ экземпляровъ 25 руб., съ пересылкою 26 руб., въ роскошномъ полушнуровомъ переплетѣ 28 руб., съ перес. въ лицикѣ 30 руб. Съ требованіями обращаться въ Контору журкала „Нива“, Невскій, № 6.

КРЫШКИ

для переплета „ННВМ“, изъ лучшаго англійскаго коленкора, съ золотымъ тисненіемъ, печатаннымъ красками, на 1892 годъ, по показанному образцу, 1 р., съ перес. 1 р. 60 к.

А. Г. РУТЕНБЕРГЪ

въ Ригѣ

СИГАРЫ, СИГАРЕТЫ, ТАБАКЪ, ТУРЕЦКІЙ И КРИКАНСКІЙ

А. Г. РУТЕНБЕРГЪ въ Ригѣ

ПЕРВАЯ СИГАРНАЯ ФАБРИКА въ РОССИИ

СУЩЕСТВУЕТЪ СЪ 1839 ГОДА

Можно получить во всѣхъ большихъ магазинахъ, или прямо съ фабрики. Прейсъ-нур. — бесплатно. № 575 20—26

„НЬЮ-ІОРКЪ“

Общ. Вз. Страх. Жизни.

Фондъ обезпеченія на 1 января 1892 г. Руб. 265.748.783.

Спеціальная гарантія для русскихъ страхователей составляетъ на 1 декабря 1892 г. Р. 2.714.072 23.

Сумма эта хранится въ Госуд. Банкѣ на имя Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. № 5653 (31) Главн. Уполн. П. П. Меллеръ.

Семь разъ удостоены первыя награды.

СКРИПКИ,

самыя лучшія и дешевыя въ настоящее время, неподражаемыя по тону и качеству, отъ 6—30 марокъ, знаменитыхъ мастеровъ — отъ 30—300 марокъ. Альты, віолончели, басы. Смычки 1/2—50 мар. Фугляры 3 1/2—40 мар. Цитры 16—300 мар. Гитары 6—50 мар. Превосходныя струны. Всѣ духовыя инструменты. Нѣмая скрипка для ученыхъ (собств. изобрѣт.). Мастерская для починки. Рекомендаций отъ Вильгельми, Саразате, Корз, Зингера и проч. Полнѣйшая гарантія. Прейсъ-курантъ бесплатно.

Бр. ВОЛЬФЪ.

Фабрика струнныхъ инструментовъ.

№ 6083 Крейцнахъ. 4 3

НОВАЯ КНИГА:

СПУТНИКЪ

МЕЛЬНИКА-МЕХАНИКА.

Собраніе правилъ, таблицъ и практическихъ свѣдѣній для мельниковъ, строителей и аладзителей мельницъ, мастеровъ и т. д. Сочиненіе С. Нотовича. Цѣна въ кожаномъ переплетѣ 3 руб. 50 к., въ кожаномъ — 3 р. 75 к., безъ переплета 3 р. Пятигорские адресуютъ: Въ складѣ мельничныхъ машинъ С. Нотовича въ Одессѣ, Базарная, № 66. Книга поступила также въ продажу въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ и др.

Ц. № 5933 20—7

СТРАХОВАНІЕ ПАССАЖИРОВЪ ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ.

Страховые билеты Общества „Россія“ продаются НА ВОКЗАЛАХЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ предъ отходомъ поѣздовъ и во всѣхъ агентствахъ этого Общества.

В. № 6201 8 1

АНГЛІЙСКІЕ
ДУХИ ВЫСОКАГО ДОСТОИНСТВА
ПРОВНЫЙ ФЛАКОНЪ 10 коп.
Парфюмер. магазинъ Г. ПЮПА. Пассажъ № 52.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
НАЗВАНІЕ ЛУЧШИХЪ ДУХОВЪ:

Эссенъ Букетъ	Віолетъ де Парма	Бѣлая роза
Жасминъ клубъ	Роза	Милль-Флеръ
Букетъ Императрицы	Лилия Мена	Анаци
Илангъ-Илангъ	Стедлей Букетъ	Гацинъ
Майскій-Ландышъ	Ирисъ	Киссъ ме квинъ
Бѣлый геліотропъ	Эдельвейсъ	Испанская кожа
Бѣлая лилія	Жасминъ	Свѣжее сыно
Сирень перс.	Орхидея	Черемуха
Лавандъ	Шипръ	Lilas Henri
Фиалка	Букетъ де Цааръ	Lotus.

ПРОБНЫЕ флаконы высылаются не менѣе 10 флаконовъ за 1 р. 40 к. съ пересылкою во весь городъ Россіи. (иномъ: СИБИРЬ)

XXIV г.
№ 4

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ

г. XXIV
1893

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 23 января 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1893 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

въ „НИВѢ“ принимаются за строку нонпарейль (1/4 шир. стр.) въ Глав. Кон. Ред. по 1 руб. — Заграница: для Франціи у Agence Havas по 3 fr.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 2 марки 50 pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургъ 5 р.

Съ доставкою въ Петербургъ 6 р. 50 к.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 10 р.

На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 н., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 75 н., съ перес. иногор. 1 р. 75 н.

На 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 н., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 н., съ перес. иногор. 3 р. 50 н.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особые приложенія при „НИВѢ“ объявлены отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“, со всѣми прилож.. Сборникомъ, и пр.

Тяжелый трудъ. Съ карт. Г. Шмидта, грав. Гейсманъ.

Джеттатура.

Повѣсть графа Е. А. Салиаса.

(Продолженіе).

ХП.

Въ продолженіе двухъ слѣдующихъ дней Генрихъ отдыхалъ отъ путешествія, всѣ торжества были отложены и король только явился съ неофициальнымъ визитомъ къ дожу и догарессѣ въ сопровожденіи лишь двухъ любимцевъ—виконта Сольксъ-Таванна и графа Певера. Затѣмъ онъ инокognito, вмѣстѣ съ ними же, но уже въ маскахъ, осматривалъ Венецію, съ замѣчательную базилику, замѣчательную тюрьму, соединенную съ дворцомъ „Мостомъ Вздоховъ“, и затѣмъ побывалъ въ гостяхъ у епископа Гримани, любителя и собирателя картинъ, превратившаго свой дворецъ въ настоящій музей рѣдкостей, статуй, оружія, монетъ, рукописей, а главное—рыцарскихъ доспѣховъ прежнихъ временъ, начиная съ эпохи Крестовыхъ походовъ.

За эти два дня, состоящій въ свитѣ короля кавалеръ ди-Аволо былъ свободенъ, и хотя вечеромъ во дворцѣ Фоскари бывали гости—знатѣйшіе венеціанцы, Таваннъ отклонилъ назойливое желаніе кавалера явиться тоже.

Вечеромъ перваго же дня пребыванія короля ди-Аволо незаметно и запросто, пѣшкомъ вышелъ изъ дому. Этимъ „домомъ“ теперь былъ дворецъ Джустициани, назначенный для свиты Французскаго короля. Тамъ кавалеру, присоединившемуся къ этой свитѣ, дали тоже комнату, но совершенно отдѣльно отъ всѣхъ миньоновъ. Гдѣ жилъ онъ прежде—зналъ лишь онъ одинъ.

Переодевшись въ черный костюмъ, накинувъ плащъ и надѣвъ маску, ди-Аволо отправился, умышленно кружа по маленькимъ улицамъ-коридорамъ города, въ самый глухой кварталъ Венеціи Кюджіа, населенный всякимъ сбродомъ. Здѣсь попался на глаза самый разнотелый людъ, въ томъ числѣ албанцы, тулинцы, турки, даже негры, и довольно большое количество евреевъ.

Кавалеръ ди-Аволо, дойдя до глухого переулочка, вошелъ въ маленькій домикъ среди двора съ высокими стѣнами. Хозяинъ этого жилища, восьмидесятилѣтній старикъ съ длинной сѣдой бородой, не скоро впустилъ его, предварительно окликнувъ трижды по имени: Джіованни.

Прийдя къ старику, кавалеръ около получаса почти не говорилъ съ нимъ, а перебиралъ какія-то вещи въ сосѣднемъ съ комнатою чуланѣ. Отобравъ что-то мелкое, онъ сложилъ все въ кожаный мѣшочекъ и, выйдя, сѣлъ противъ хозяина.

Старикъ, озаренный тусклымъ свѣтомъ маленькой, слегка коптившей лампы, былъ оригинально красивъ, благодаря своей большой серебряной бородѣ. На головѣ его была надѣта круглая черная ермолка, изъ-подъ которой падали вьющіеся сѣдые волосы, а на вискахъ двѣ длинныя сѣдые пряди, которыя, висая на щекахъ, закрывали уши. Длинный крючковатый носъ не портилъ лица его, и оно, благодаря большимъ голубымъ глазамъ, было уминое и доброе, но будто съ печатой задумчивости, врядъ-ли когда-либо покидающей это лицо. Такъ казалось...

— Ну, дядя Ааронъ... вымолвить ди-Аволо улыбаясь.—Еще...

— Какъ еще?... удивился старикъ.

— Да... еще. И по малой мѣрѣ двѣсти червонцевъ.

— Король вчера только пріѣхалъ и уже ты успѣлъ... началъ было старикъ, но кавалеръ перебилъ его:

— Пѣтъ, у меня еще на два дня хватитъ денегъ, но я не хочу приходить сюда... Развѣ можно ручаться, что кто-нибудь не станетъ подглядывать... Въ такихъ играхъ, какую я теперь затѣялъ, голова человека ви-

ситъ на волоскѣ... Кромѣ того, я долженъ завтра отдать Этьену пятьдесятъ червонцевъ...

— Ты говорилъ, что далъ ихъ ему еще въ Вѣнѣ.

— Память слаба у тебя, дядя Ааронъ. Да, я далъ Этьену въ Вѣнѣ тридцать дукатовъ, но всѣхъ было уговорено сто; изъ коихъ пятьдесятъ по пріѣздѣ короля въ Венецію и послѣдніе двадцать... при выѣздѣ... если... Если все удастся.

— Ничего не удастся! рѣзко и сурово произнесъ старикъ.

— Зачѣмъ такъ говорить! воскликнулъ кавалеръ.—Зачѣмъ смущать меня! Покуда все идетъ на ладъ. Все общасть неслыханный, блистательный успѣхъ.

Старикъ ничего не отвѣтилъ.

— Ну, давай деньги. Послѣдній разъ... больше не попрошу.

— Чтѣ мнѣ онъ... грустно отозвался старикъ.—Дѣло не въ деньгахъ. Твои же всѣ будутъ послѣ моей смерти... Только я боюсь, что все достанется не тебѣ, а Sant Officio... Ты, а за тобой и я, попадемъ къ нему въ ланы и сгнемъ въ тюрьмѣ...

— Вздоръ! Вздоръ, дядя Ааронъ!.. весело сказалъ ди-Аволо.—Не забудь, что твой Джіованни уже сталъ кавалеромъ, и сталъ секретаремъ Совѣта Трехъ, и сталъ любимцемъ Французскаго короля. А скоро онъ станетъ уже истиннымъ капитаномъ французскихъ войскъ, истиннымъ подданымъ и патрицемъ Венеціанской республики, будемъ богатышей Контарини „la biondissima“, а затѣмъ... сенаторомъ... прокураторомъ, пожалуй даже дожемъ...

П ди-Аволо громко разсмѣялся страннымъ смѣхомъ. Старикъ глубоко вздохнулъ.

— Одно скажу, Джіованни, шепнулъ онъ.—О подобной дерзости и ловкости я никогда не слыхивалъ... И это именно меня смущаетъ.

Кавалеръ ди-Аволо все-таки получилъ отъ старика два кошелка съ червонцами и, уложивъ въ тотъ же мѣшочекъ, надѣлъ маску и вышелъ. У перваго же мостика онъ нанялъ гондолу.

На другой день, рано утромъ, кавалеръ, уже въ другомъ, ярко-голубомъ костюмѣ, сидѣлъ въ пріемной во дворцѣ Дожей у дверей залы, гдѣ засѣдалъ всегда Совѣтъ Десяти.

Онъ уже приказалъ доложить о себѣ одному изъ членовъ Совѣта, который въ то же время былъ, по слухамъ, членомъ Совѣта Трехъ. Кавалеръ, благодаря своей ловкости, имѣлъ ясныя на это доказательства.

Человѣкъ на видъ не болѣе пятидесяти лѣтъ, высокий и плотный, чернобровый, съ румянцемъ на щекахъ и съ ярко-блестящими глазами тотчасъ же принялъ кавалера въ особой небольшой комнатѣ и сдѣлалъ лишь два шага впередъ навстрѣчу гостю.

Это былъ да-Понтъ, громко извѣстный и въ Венеціи, и за предѣлами республики семидесятилѣтній старикъ-патрицій, бывшій долго посланникомъ при разныхъ дворахъ Европы.

Указавъ гостю на табуретъ, патрицій величаво опустился въ свое большое, въ видѣ трона, кресло и вымолвилъ привѣтливо, но какъ-то особенно рѣшительно и гордо:

— Что привело васъ ко мнѣ, синьоръ кавалере?

— Важнаго, illustrissimo signor, я вамъ еще сообщить не могу. Новаго отъ Таванна я еще не имѣю ничего, заговорилъ ди-Аволо, стараясь быть какъ можно почтительнѣе и вѣжливѣе.—Сегодня я опять намерялся выкопту, и онъ мнѣ сообщилъ, что еще не получилъ отвѣта отъ монарха. Но онъ не сомнѣвается...

Вѣроятно въ день торжественнаго приѣма во дворцѣ... Или, быть-можетъ, и въ самый день отъѣзда... король соизволитъ оказать вамъ это вполне заслуженное отличіе...

Кавалеръ кончилъ и какъ бы не рѣшался продолжать рѣчь. Да-Понтѣ молчалъ и будто обдумывалъ слышанное.

— Изъ всѣхъ насъ, сурово заговорилъ патрицій, — только Барбаро, Фёскари и я — можемъ быть удостоены этой чести.

И снова наступила пауза.

— Я вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшаюсь снова напомнить вамъ, заговорилъ ди-Аволо отчасти робко.

— Мое обѣщаніе? перебилъ да-Понтѣ. — Будьте спокойны. Мое слово вамъ дано... И стало-быть считайте дѣло какъ бы конченнымъ... Но, скажите мнѣ... Я немного удивляюсь... Вы якобы любите Венецію... Я это понимаю. Но что заставляетъ васъ именно такъ поступать, а не иначе?... Вы фаворитъ могущественнаго монарха, другъ его перваго друга Таванна... Ваша будущность должна быть блестящая... Что дастъ вамъ республика? Ничего или слишкомъ мало. Оставаясь французомъ, вы можете даже вскорѣ при послѣ Франціи быть здѣсь же въ Венеціи.

Кавалеръ ди-Аволо сталъ краснорѣчиво и горячо доказывать, что онъ пользуется вниманіемъ короля Польскаго... Чѣмъ станетъ для него король Франціи — еще неизвѣстно. Бывали часто примѣры, что монархи отдаляли отъ себя всѣхъ лицъ, съ которыми были наиболѣе дружны и близки въ качествѣ наслѣдниковъ престола.

— Ну, это ваше дѣло!.. перебилъ да-Понтѣ сухо и видимо стараясь сократить бесѣду. — На меня вы можете рассчитывать. Ваша натурализація и поступленіе на службу республики — дѣло, повторяю вамъ, простое, зависящее отъ меня.

Черезъ нѣсколько минутъ ди-Аволо уже спускался по лѣстницѣ и выходилъ изъ дворца Дожей.

— Дерзко, дерзко, дерзко... повторялъ онъ себѣ поднось тревожнымъ шопотомъ. — А вѣдь удастся... Вся сила въ краткости пребыванія Генриха. Затянувшись его пребываніе здѣсь всякими торжествами — и всему конецъ! Ужасный!.. Даже предвидѣть нельзя — какой конецъ! Тотъ Совѣтъ, къ которому принадлежитъ этотъ самый да-Понтѣ — шутить не любить. Всякій долженъ трепетать передъ этимъ старикомъ, а я имъ играю, какъ куклой, какъ пѣшкой.

Выйдя на набережную Скиавони кавалеръ сѣлъ въ свою гондолу, надѣлъ маску и приказалъ ѣхать чрезъ каналъ, прямо къ церкви Санта-Марія дела Салута. Затѣмъ, обогнувъ мысъ на которомъ высился этотъ храмъ, онъ приказалъ гондольеру съ едва скрываемымъ чувствомъ довольства:

— Дворецъ Даль-Вермэ...

XIII.

Черезъ нѣсколько минутъ гость въ маскѣ всходилъ уже на крыльцо деорда. Къ нему навстрѣчу спустился хозяинъ и сурово встрѣтилъ его словами:

— Синьоръ, съ тѣхъ поръ что дворецъ этотъ существуетъ, никто не проникалъ въ него замаскированнымъ далѣе прихожей и лѣстницы.

— Условіе было, синьоръ, что я сниму маску въ присутствіи синьоры Сильвіи... отвѣтилъ кавалеръ.

— Я не могу отстунить отъ соблюденія вѣкового обычая, отозвался еще суровѣе патрицій. — Поэтому я попрошу синьору Даль-Вермэ выйти и принять васъ здѣсь. Обождите.

— Въ такомъ смыслѣ... Кавалеръ ди-Аволо къ вашимъ услугамъ. И назвавшись, гость снялъ маску... Даль-Вермэ пристально приглядѣлся къ лицу гостя, и будто встревожившись произнесъ глухо:

— Мы видались?... Хотя имя ваше я слышу впервые.

— Можетъ-быть, синьоръ...

— Мы гдѣ-то видѣлись!.. Когда-то... Давно... Съ вашимъ лицомъ соединяется для меня какое-то особое и странное воспоминаніе... Вы должны въ качествѣ иорядочнаго человѣка и гостя, — почти насильственно являющагося гостя — помочь мнѣ вспомнить.

— Вы ошибаетесь, синьоръ. Вы видѣли меня быть-можетъ вчера въ свитѣ Генриха...

— Правда! вскрикнулъ Даль-Вермэ. — На „Буцентаврѣ“. Но право... Право, мнѣ кажется... Еще что-то... Что-то давнишнее... Впрочемъ, извините меня... Коль скоро вы французъ и являетесь въ Венецію съ королемъ, то обстоятельства совершенно измѣняются... Прошу васъ сдѣлать мнѣ честь пожаловать...

Сочтя своего соперника по игрѣ въ домино за одного изъ приближенныхъ Генриха III, патрицій тотчасъ же перемѣнился въ обращеніи съ гостемъ, сталъ любезнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ думалъ:

„Французскій король и его свита неожиданно заѣхали въ Венецію, пробудутъ пять-шесть дней и уѣдутъ, чтобы никогда не вернуться. Зачѣмъ же ему нужно знакомиться съ женой!“

Сильвія, предпужденная мужемъ обо всемъ, ждала гостя нетерпѣливо и тревожно. Она задавала себѣ тотъ же вопросъ: зачѣмъ какому-то замаскированному изъ кондитеріи игроку въ домино и нахматы непремѣнно хочется быть ей представленнымъ. Онъ ставитъ это даже условіемъ игры. Вдобавокъ ревнивецъ-мужъ смущенъ всѣмъ этимъ и глупый капризъ неизвѣстнаго человѣка явится пожалуй мотивомъ домашнихъ бурь...

Когда гость явился предъ хозяйкой... лицо ея слегка измѣнилось, будто просвѣтлѣло. Для Сильвіи загадка была сразу разрѣшена... За то мужъ замѣтилъ эту перемѣну въ лицѣ и снова насупился. Ревность сразу заговорила.

— Кавалеръ ди-Аволо, представилъ патрицій гостя, и всѣ трое, отчасти стѣсняясь, молча сѣли. Кавалеръ заговорилъ первый и, странно глядя на Сильвію, объяснилъ, что онъ наполовину французъ и наполовину итальянецъ, но собирается стать подданнымъ Венеціанской республики. Сильвія смотрѣла на гостя какъ-то особенно. Чуткій и догадливый, благодаря крайней прирожденной подозрительности, Даль-Вермэ тотчасъ понялъ, что жена знаетъ этого человѣка и положительно не въ первый разъ видитъ его теперь.

Кавалеръ пробылъ только нѣсколько минутъ и откланялся. Казалось, ему только и нужно было исполненіе его прихоти — быть представленнымъ Сильвіи. Но едва онъ вышелъ и отъѣхалъ въ гондолѣ, какъ ревнивецъ обратился къ женѣ съ вопросами, которые она ждала.

— Кто это? Что это? Ты его знаешь?

— Да, — знаю, просто и кротко отвѣтила Сильвія. — Это тотъ самый незнакомецъ, про котораго я тебѣ говорила, котораго я видѣла изъ окна у моей двоюродной сестры и который сильно нравится Анджелинѣ. Онъ хочетъ очевидно чрезъ насъ познакомиться съ дядей Контарини. Вотъ вся разгадка, всего...

— Не правда! Я не вѣрю... воскликнулъ Даль-Вермэ.

И онъ тотчасъ же, какъ всѣ ревнивы-мужья, сочинилъ женѣ цѣлую исторію со всѣми подробностями — плодъ его воображенія и безумной ревности.

Однако понемногу Сильвіи удалось успокоить мужа. Она ссылалась на двоюродную сестру, которая все подтвердитъ...

— Хорошо. Ѣдемъ къ Анджелинѣ! рѣшилъ Даль-Вермэ.

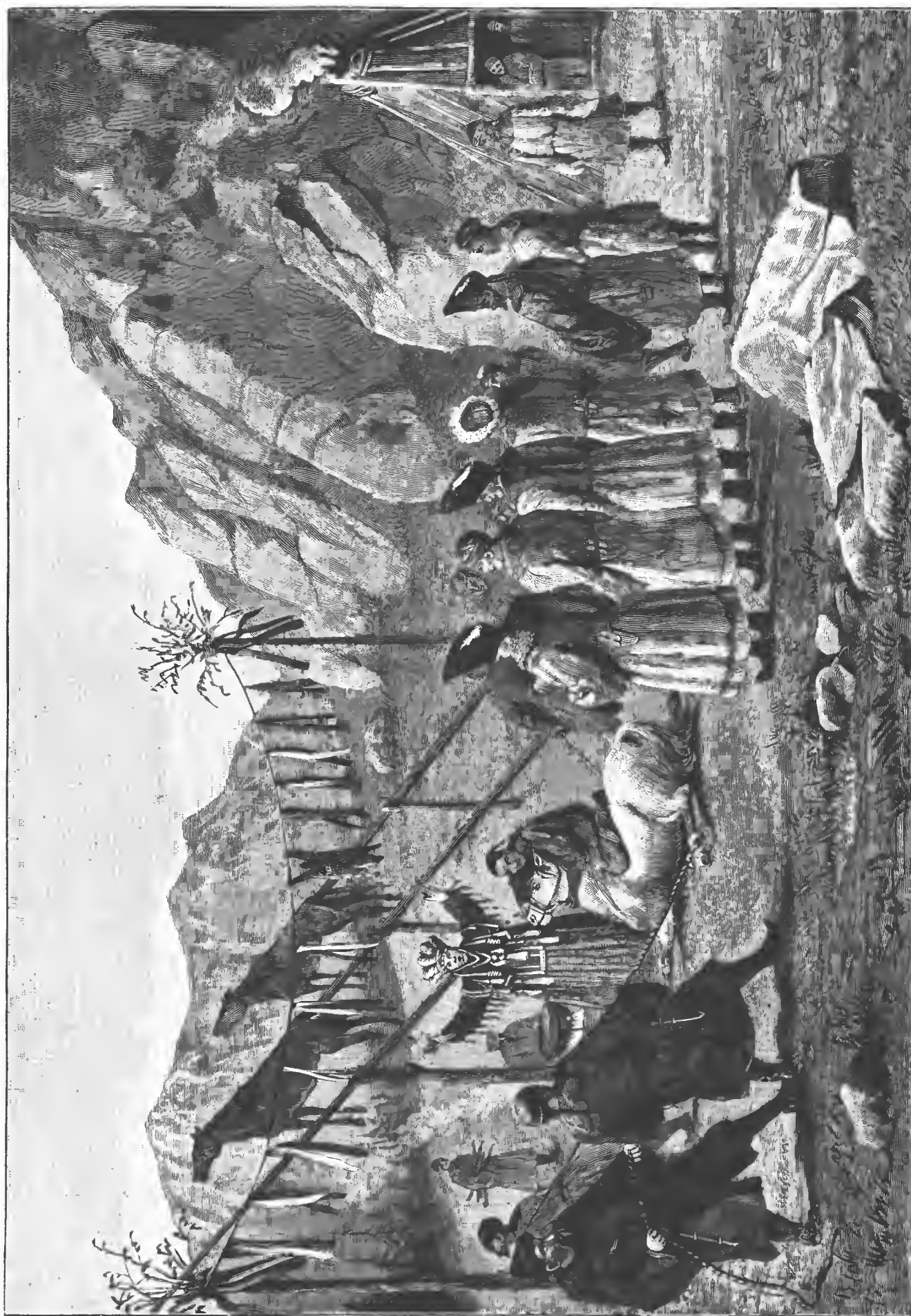
Разумѣется, чрезъ часть во дворцѣ Контарини „блѣкурѣйшая“ Анджелина не столько словами и увѣреніемъ, сколько своимъ счастливымъ и радостнымъ лицомъ подтвердила все сказанное Сильвіей. Дѣвушка была

Типы юго-восточного Алтая. На охотѣ за нозулями. По наброску художника А. Манѣ, рис. Земцовъ, грав. Рашевскій.

Типы юго-восточнаго Алтая. Винокурение. Способъ приготовления арана. По наброску художника А. Манѣ, рис. А. Земцовъ, грав. Рашевскій.

Типы юго-восточного Алтая. „Камланіе“ — жертвоприношеніе лошади.
По наброску художника А. Мако, рис. А. Земцовъ, грав. Рапперскій.

въ восторгѣ, узнать, что незнакомецъ оказался кавалеромъ, полу-итальянцемъ и очевидно интересующимся ею. Иначе зачѣмъ ему знакомиться съ Даль-Вермэ и его женой.

— Наконецъ-то!.. восклицала Анджелина, чуть не прыгая отъ счастья.

Молодой патрицій долженъ былъ поневолѣ успокоиться и перестать ревновать. Единственное что еще смущало его—было лицо кавалера. Они положительно гдѣ-то когда-то видѣлись. И давно—года три назадъ... или пять лѣтъ! По ди-Аволо вѣдь отрицаетъ это?.. Это не доказательство однако.

Даль-Вермэ оставилъ жену въ домѣ дяди и уѣхалъ. Сильвія и Анджелина разумѣется принялись за обсужденіе важнѣйшаго вопроса.

— Что же даѣе? сказали обѣ.

— Онъ вѣроятно будетъ просить тебя представить его моему отцу, сказала Анджелина.

— Да.

— И надо поскорѣе... Печего откладывать.

— Да. Поскорѣе... Ты знаешь мужа, вздохнула Сильвія.—Я не для тебя буду сѣднѣть.

— А для себя... Ради успокоенія ревниваца.

— Да. Поэтому помоги мнѣ и ты... объяснись съ дядей... Расскажи ему все.

И кузины условились, что Сильвія пригласитъ кавалера къ себѣ въ гости, а Анджелина съ отцомъ явятся сами собой, якобы нечаянно...

— Когда? спросила дѣвушка ликуя.

— Скорѣе! Скорѣе! ужъ весело отозвалась Сильвія,—ради своего ревниваго мужа, а не ради влюбленныхъ.

— Послѣзавтра.

— Послѣзавтра королевскій торжественный приѣмъ у дожа.

На это заявленіе Анджелина вскрикнула отчаянно.

— Что такое? испугалась Сильвія.

— И онъ тамъ будетъ съ королемъ!

— Конечно.

— А я отказалась ѣхать на это торжество. Отецъ ужъ заявилъ догарессѣ, что я больна и не буду.

— Ну, выздоровѣешь... и поѣдешь...

— А платье? Всѣ дамы должны быть въ бѣлыхъ платьяхъ. А у меня есть платья всѣхъ цвѣтовъ, кромѣ бѣлаго.

— Ну, для Анджелины Контарини авось найдется платье въ магазинахъ Мерсеріи, пошутила Сильвія и, расцѣловавшись съ двоюродной сестрой, онѣ пошли къ окнамъ, чтобы поглядѣть успѣлъ-ли мужъ прислать за ней ихъ гондолу.

Но обѣ кузины, подошедшія къ окну съ этой цѣлью, оторопѣли и не сговариваясь устремили глаза на середину Canal Grande.

Противъ дворца Контарини не летѣла, не шла... а просто стояла гондола... Такъ какъ ее влекло теченіемъ, то гондольеръ тихо работалъ весломъ и держалъ ее на одномъ мѣстѣ. Каюта или навѣсъ былъ снятъ, и въ гондолѣ сидѣлъ именно тотъ, о которомъ кузины только что проговорили цѣлый часъ.

При видѣ обихъ женщинъ—кавалеръ ди-Аволо поднялся въ гондолѣ, снялъ свой беретъ съ краснымъ перомъ и низко опустилъ съ нимъ руку. Это былъ поклонъ низжайшій, любезнѣйшій, но вмѣстѣ съ тѣмъ немногого фамиллярный.

Анджелина ярко вспыхнула. Сильвія обняла кузину и, несмотря на ея легкое сопротивленіе, вывела ее на балконъ.

Кавалеръ сказалъ что-то гондольеру и его гондола, будто сорвавшись съ мѣста, быстро описавъ полукругъ, подплыла подъ самый дворецъ и скользнула вдоль его стѣны.

— Какъ я счастлива, что имѣю право кланяться

кузинѣ синьорины Контарини, сказалъ ди-Аволо.—Но нѣчто дѣлаетъ меня несчастнымъ—неизвѣстность.

И ди-Аволо поглядѣлъ на Анджелину горящими глазами.

— Синьорица Анджелина, тихо вымолвила вдругъ Сильвія, перевѣшиваясь чрезъ перила, — еще никому не дала права пригласить ее въ шествіе, при торжественномъ приѣмѣ у дожа.

— Неужели я могу надѣяться, воскликнулъ ди-Аволо.

Анджелина не отвѣтила, но глаза ея, устремленные внизъ на гондолу и стоящаго въ ней—сказали больше чѣмъ простое: да.

— Я умру отъ петербѣнья!.. воскликнулъ ди-Аволо.—Я не доживу до этой минуты...

Женщины усмѣхнулись и исчезли съ балкона. Гондола быстро отчалила отъ стѣны дворца, а чрезъ нѣсколько минутъ другая гондола, бѣлая и голубая, приблизилась къ ея мѣсту. Въ ней былъ Даль-Вермэ, ворочавшійся самъ за своей женой.

XIV.

Въ тотъ же вечеръ кондитерія „Золотого Льва“ была переполнена еще болѣе обыкновеннаго.

Быть-можетъ это случилось отъ того, что и городъ былъ болѣе переполненъ прїѣзжими ради пребыванія монарха Франціи. Но, однако, была и другая причина. Всѣ обыкновенные посѣтители кондитеріи знали, что именно въ этотъ вечеръ должно было произойти въ ней вторичное любонитное состязаніе знаменитаго Джіакомо съ неизвѣстнымъ шахматистомъ, наканунѣ невѣроятно обыгравшимъ его.

— Онъ не явится! Это была случайность! Онъ не захочетъ срамиться и быть осмѣяннымъ. Онъ уже быть можетъ уѣхалъ!

Такъ разсуждали всѣ игроки въ разные игры, окружая Джіакомо Боббіо, сидѣвшаго въ углу и трепетно оглядывавшаго всякаго кто входилъ съ площади. Въ кондитеріи было уже много иностранцевъ, вѣроятно французовъ изъ многочисленной свиты Генриха.

Кто-то высказалъ соображеніе, сразу взволновавшее всѣхъ друзей Боббіо.

— Да. Конечно. Разумѣется... раздались голоса.

— Но это не честно. Это подло... Надо это заявить вслухъ. Пускай онъ услышитъ!

— Да, сказалъ Боббіо мрачно.—Пожалуй это такъ.

Соображеніе заключалось въ томъ, что невѣдомый соперникъ быть-можетъ находится уже въ кондитеріи и забавляется тѣмъ, что его всѣ ждутъ.

— Надо было тогда же заставить его снять маску! сказалъ кто-то.

Друзья Боббіо уже собирались заявить громогласно на всю публичку, что если незнакомецъ-соперникъ находится въ кондитеріи, то поступаетъ какъ подлый трусъ... Но въ ту же минуту въ дверяхъ появился Даль-Вермэ, пришедшій конечно съ той же цѣлью: поглядѣть на вторичный бой въ шахматы.

Всѣ обступили патрицію и передали ему свои соображенія и опасенія.

Даль-Вермэ оглянулся вокругъ себя, переглядѣлъ всѣхъ сидѣвшихъ и вымолвилъ улыбаясь:

— Его нѣтъ здѣсь.

— А развѣ вы его знаете?!

— Знаю. И отвѣчаю вамъ, что онъ запоздалъ и будетъ. Онъ болѣе того, что вы думаете. Онъ патрицій, но не Венеціи. Онъ носитъ титулъ кавалера.

Это извѣстіе разнѣ подѣйствовало на друзей Боббіо. Одни будто обрадовались, что имѣютъ дѣло съ дворяниномъ и порядочнымъ человекомъ, другіе были якобы недовольны и разочарованы, будто предпочитая чтобы побѣдитель Боббіо былъ изъ простыхъ.

Самъ Джіакомо сталъ задумчивѣе, чѣмъ былъ до тѣхъ поръ.

Когда куранты на башнѣ Мерсеріи пробилъ десять часовъ и проиграли далматинскую заунывную пѣсню, Джакомо Боббіо, все время приглядывавшійся къ дверямъ, вдругъ поднялся съ мѣста.

— Вотъ... Кажется онъ! выговорилъ Боббіо.—Руки его, тѣ же...

— Да, это онъ, сказалъ Даль-Вермэ.

По площади, наперерѣзъ, тихо и важно шелъ кавалеръ ди-Аволо, безъ маски, и направляясь къ кондитеріи, вошелъ въ нее чрезъ минуту при общемъ молчаніи и вниманіи. Онъ улыбаясь поклонился Даль-Вермэ, а затѣмъ Боббіо...

— Я къ вамимъ услугамъ, синьоръ, сказалъ онъ,—но если возможно, я бы просилъ васъ заранѣе согласиться только на двѣ партіи, ибо мнѣ не время. Я явился лишь потому, что хотѣлъ сдержать данное слово...

— Извольте, отвѣтилъ Джакомо весело, довольный появленіемъ противника.

— Итакъ, синьоръ Боббіо, какъ только я выиграю эти двѣ партіи—вы не будете просить отыграться и не будете меня задерживать.

— Увидимъ кто еще ихъ выиграетъ, сказалъ шахматистъ, садясь за столъ, но почувствовалъ вдругъ что его смѣлость и его увѣренность въ себѣ какъ бы хотятъ его покинуть.

„Пустое. Глухая трусость“, подумалъ онъ. „Найденный въ фоліантѣ дебютъ—замѣчательнъ по своей смѣлости и атакѣ!“

Шахматы были разставлены. Ди-Аволо и Боббіо поглядѣли другъ на друга и каждый подумалъ свое; одинъ улыбнулся, другой насунулся.

„Если бы ты зналъ чѣмъ именно—помимо умѣнія играть—я беру; ты, добрякъ и скромница, но человекъ самолюбивый и впечатлительный...“ подумалъ ди-Аволо улыбаясь и разглядывая пухлое и добродушное лицо Боббіо.

„Какая увѣренность! Какое спокойствіе! Престранный человекъ! Неужели я опять проиграю!“ уже взволновался Джакомо, дѣлая первый ходъ.

Вокругъ противниковъ успѣли вылотнуть любопытные и впереди всѣхъ, возлѣ кавалера, его новый знакомый, Даль-Вермэ. Нѣсколько десятковъ человекъ стали кругомъ и всѣ глаза были устремлены на шахматную доску.

Противники сдѣлали по шести ходовъ каждый, а времени сравнительно прошло много. На этотъ разъ кавалеръ обдумывать свои ходы, а лицо его было даже озабочено. Джакомо, напротивъ, выступалъ рѣшительно, изучивъ дебютъ. Причина была та, что кавалеръ не сразу понималъ ходы Боббіо... А Боббіо почти всѣ варианты успѣлъ разсмотрѣть уже заранѣе.

„Эта задача съ западней!“ подумалъ наконецъ ди-Аволо. „Надо разгадать прежде чѣмъ на половину попадешься въ нее“.

Оба сдѣлали еще по четыре хода... Присутствующіе были удивлены... Нѣкоторые стояли разиня ротъ. Игра любимица ихъ Джакомо была поразительна по своей странности.

„Что же это за дебютъ?“ недоумѣвалъ Даль-Вермэ и выстѣбъ съ тѣмъ ему чудилось, что кавалеръ на этотъ разъ непременно проиграетъ.

Послѣ еще одного хода конемъ, ди-Аволо задумался, облокотясь головой на обѣ подставленные руки... Онъ долго думалъ среди полной почти торжественной тишины въ кондитеріи. Никто не игралъ ни въ одну игру, и всѣ, даже вновь входившіе, присоединялись къ зрителямъ битвы двухъ шахматистовъ.

— А-а? тихо протянулъ вдругъ кавалеръ и глубоко вздохнулъ, такъ, какъ если бы вошелъ на крутую гору. Чувство удовольствія и облегченія явно сказались въ этомъ восклицаніи. Джакомо, весело глядѣвшій все

время, сталъ серьезнѣе. Это простое: „а-а!“, вырвавшееся у противника его, будто по головѣ налкой ударило. Ди-Аволо сдѣлалъ ходъ...

Публика ахнула...

— Что вы! Что вы! воскликнулъ невольно Даль-Вермэ.—Вѣдь вы теряете...

— Извините! громко и сердито произнесъ кавалеръ.—Говорить, совѣтовать, предупреждать... Мы здѣсь не дѣти.

Джакомо просіялъ и сдѣлалъ ходъ пѣшкой.

— Шахъ королевы! выговорилъ онъ дрогнувшимъ отъ удовольствія голосомъ.

Кавалеръ, насунувшись, передвинулъ королевю.

— Шахъ королевѣ! повторилъ Боббіо, двигая ладьей, и послѣ хода противника прибавилъ, идя вновь:—Шахъ королю и королевѣ!

Кавалеръ задумался на мгновеніе и наконецъ про-бормоталъ, закрывая короля конемъ:

— Что дѣлать! Прозѣвалъ!..

Иного исхода не было. Королева должна была, ради спасенія короля, погибнуть.

— Вѣрная супруга готова всегда на самопожертвованіе, пошутилъ кавалеръ, озираясь на всѣхъ, но Даль-Вермэ почему-то вспыхнулъ, будто принявъ эти слова за намекъ, обращенный къ нему.

Боббіо взялъ съ доски королевю противника, но приглядываясь при этомъ къ игрѣ нѣсколько озабоченно. Онъ какъ будто искалъ глазами что-то бывшее на доскѣ за мгновеніе назадъ и теперь сразу пропавшее безслѣдно. Онъ сдѣлалъ ходъ, но тотчасъ готовъ былъ замѣнить его другимъ.

— Шахъ королю! вымолилъ кавалеръ, передвигуя ладью изъ края въ край.

— Что?! Какъ?! вскрикнули двое зрителей.

Джакомо тоже ахнулъ и оторопѣлъ. Взглядъ его забѣгалъ... Поднявъ глаза съ шахматъ на противника, онъ совсѣмъ смутился. Кавалеръ сидѣлъ будто озабоченный и недовольный собой, но глаза выдавали его—они положительно смѣялись...

Глаза хохотали! Глаза эти помирали со смѣху надъ нимъ, Джакомо Боббіо, еще держащимъ взятую королевю въ потной отъ волненія рукѣ.

Боббіо отступилъ своимъ королевемъ.

— Шахъ королю! повторилъ кавалеръ, двигая офицера.

Боббіо уже невѣрной рукой вновь двинулъ фигурой.

— Шахъ королю! снова прозвучалъ голосъ ди-Аволо на всю кондитерію съ оттѣнкомъ, который говорилъ: „а вотъ сейчасъ и конецъ!“

Боббіо началъ мѣняться въ лицѣ... Глаза его бѣгали по доскѣ, какъ будто снова въ послѣдній разъ съ отчаяніемъ и безнадежностью искали это „нѣчто“ невидимое, потерянное или ускользнувшее по маповенію волшебника. Онъ двинулъ снова королевемъ.

— Ну, кажется, конецъ. Синьоръ ди-Аволо опять выигралъ! задумчиво проговорилъ Даль-Вермэ.

— Странно! Сейчасъ было наоборотъ, раздался голосъ изъ кучки зрителей.

И сразу всѣ заговорили.

— Не надо было брать королевю!..

— Разумѣется. Отъ этого все перевернулось.

— Хорошо теперь говорить...

— Онъ се пожертвовалъ...

Прошло минутъ пять. И еще два раза раздался голосъ ди-Аволо, монотонно произносившій:

— Шахъ королю!

Наконецъ, онъ тихо вымолилъ:

— Шахъ и матъ! И всегда такъ будетъ! Между нами двумя конечно, синьоръ Джакомо Боббіо, il Veronese!

Побѣжденный сидѣлъ блѣдный какъ смерть, съ потухшимъ взглядомъ и, казалось, старательно, но робко

приглядываясь къ лицу кавалера, будто что-то соображать.

— Какъ ваше имя? глухо вымолвилъ онъ наконецъ.— Синьоръ Даль-Вермэ сейчасъ позвалъ васъ, но я, кажется...

— Кавалеръ ди-Аволо! улыбнулся тотъ.

— Да... Конечно... Разумѣется! залепеталъ Джакомо глухимъ и безсознательнымъ голосомъ, какъ ребенокъ.

И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ думалъ:

„Но вѣдь можно произносить и съ другимъ удареніемъ и тогда... выходить...“

И шахматистъ изъ Вероны—богомольный, суевѣрный и робкій въ сферѣ всякихъ отвлеченныхъ вопросовъ—сидѣлъ за столикомъ, положительно не видя никого и ничего, будто теряя сознаніе, а губы его шевелились.

Онъ повторялъ про себя: „Pater noster...“

— Прикажете вторую? спросилъ кавалеръ.

— Нѣтъ! глухо отозвался Боббіо.—Нѣтъ! Вы... Вы...— И онъ не могъ выговорить.—Вы сильнѣе меня. Я это вѣкъ говорю! Я сознаюсь...

Ди-Аволо поднялся, усмѣхаясь... Публика разступилась, и онъ медленно направился къ выходу изъ кондитеріи.

Даль-Вермэ двинулся за нимъ, не обращая вниманія на то, что Боббіо что-то спрашивалъ у него... Многіе окружили побѣжденнаго „Веронезе“ и слышались слова утѣшенія, мало утѣшительныя.

— Что за бѣда!.. Онъ чужеземецъ! Все-таки изъ итальянцевъ никто васъ еще не обыгралъ!.. Въ другой разъ можетъ-быть...

Между тѣмъ патріцій нагналъ кавалера среди илюнади и окликнулъ его. Тотъ остановился.

— Мнѣ хотѣлось бы объясниться съ вами по поводу одного очень важнаго вопроса, сказалъ онъ.

— Извольте... По время и мѣсто вы выбрали несо-вѣтъ подходящія, любезно сказалъ ди-Аволо.

— Я буду кратокъ! Скажите... Вы пожелали быть представленнымъ синьорѣ Даль-Вермэ, моей женѣ, чтобы затѣмъ быть представленнымъ въ домѣ ея дяди, адмирала Контарини?

— Можетъ-быть...

— Какъ, можетъ-быть?! Я требую слово „да“, или слово „нѣтъ“.

— Хорошо... Пожалуй.

— Что?

— Я скажу: „Да“.

— Вы любите Анджелину? Вы желали бы... Вы надѣ-тесь на ея взаимность... потому что знаете, что она тоже...

— Я этого знать не могу, перебилъ ди-Аволо.

— Я вамъ заявляю, что она любитъ васъ! Вамъ только остается быть представленнымъ адмиралу и ему поправиться... И тогда...

— Что тогда? суровѣе спросилъ вдругъ кавалеръ.

— Дѣло будетъ лишь за вами... Скажите слово—и вы женихъ и мужъ Анджелины...

Кавалеръ молчалъ.

— Вы опасаетесь? Хотите, я помогу вамъ? Хотите, я все возьму на себя? горячо заговорилъ молодой патріцій, словно защищаясь или добиваясь какой-либо своей тайной цѣли. — Дня черезъ три-четыре, я обещаю вамъ, вы будете ужъ почти женихомъ синьо-

рины Контарини, la biondissima и въ то же время, если вамъ это не извѣстно — la riquissima... У Контарини огромное состояніе и одна дочь... Онъ еще недавно, за битву при Лепанто, получилъ семь кораблей, полныхъ всякой военной добычи. Повторяю, хотите стать женихомъ моей кузины чрезъ три-четыре дня... до отъѣзда короля. Вы послѣдуете за нимъ женихомъ, чтобы вернуться... или останетесь просто и тотчасъ, чтобы вѣнчаться. Хотите?

— Нѣтъ! выговорилъ кавалеръ тихо.

— Нѣтъ? глухо отозвался Даль-Вермэ вопросомъ.

— Нѣтъ!

— Какъ нѣтъ?

— Такъ. Я не понимаю вашего удивленія.

— Вы влюблены въ Анджелину?

— Немного... Да...

— Вы желали-бы быть ея обладателемъ?

— Жениться на ней... Конечно... Но не теперь... Не сейчасъ... Послѣ... позднѣе...

— Почему? вскрикнулъ Даль-Вермэ, уже давно измѣнившійся въ лицѣ отъ всякихъ терзаній на сердцѣ.— Почему? почему? повторилъ онъ.

— Этого я вамъ сказать не могу, холодно произнесъ ди-Аволо.—Со временемъ, я готовъ самъ просить вашей дружеской помощи... Положимъ, чрезъ мѣсяцъ или два.

— А теперь вы ее не любите и ничего не желаете... Отказываетесь отъ моего предложенія...

— Да.

— Послѣдній разъ! крикнулъ Даль-Вермэ внѣ себя.— Вы отказываетесь наотрѣзъ?

— Что съ вами, синьоръ?..

— Со мной?... со мной?... То, что я не мальчишка, не слѣпой, не дуракъ... Я все понимаю... Или понялъ теперь. Все это вполне ясно. Ясно какъ день. Такъ знайте, синьоръ кавалере, что всѣ Даль-Вермэ изъ рода въ родъ умѣли достойно носить шпагу...

— Моя-же шпага, синьоръ, еще никогда не проливала крови, кротко отвѣтилъ ди-Аволо.—Но я не понимаю васъ... Я благодарю васъ за лестное предложеніе и заявляю, что черезъ мѣсяцъ обращусь за вашей помощью...

— Сейчасъ или никогда!

— Это ребячество. Теперь это... невозможно...

— Почему? объясните...

— Никогда!

— Въ такомъ случаѣ... злобно произнесъ Даль-Вермэ.—Вашъ покорнѣйшій слуга... Я и моя шпага къ вашимъ услугамъ, если вы того заслуживаете и мнѣ ионадобится дать вамъ хорошій урокъ.

— Я извиняю на этотъ разъ вашу дерзость... холодно и спокойно отозвался ди-Аволо.

— Вы это, вѣроятно, дѣлаете всегда...

Кавалеръ повернулся и тихо двинулся отъ патріція, какъ-бы желая избѣгнуть скорѣе всего, что могло произойти.

Даль-Вермэ остался на мѣстѣ и собрался крикнуть: „Подлый трусъ!“ но воздержался и прошепталъ эти слова себѣ подъ носъ.

Затѣмъ онъ задумался и шепталъ:

— Нѣтъ, не ясно! Не ясно!

(Продолженіе будетъ).

Поѣздка по юго-восточному Алтаю.

Очеркъ художника А. Мако. (Рис. на стр. 80 и 81).

„А что, баринъ, ежели бы намъ вотъ тутъ на пчельникѣ остановиться, да отдохнуть маленько?“ говорилъ рослый коренастый мужикъ съ черной бородой, спутникъ мой. Звали его Иопъ; паренъ онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ хорошій — очень услужливый, зналъ весь Алтай, какъ свои пять пальцевъ, былъ хорошимъ промышленникомъ (охотникомъ) и зналъ каждую тропинку. У калмыковъ онъ пользовался почетомъ, даже водилъ съ ними компанію на промыслѣ (охотѣ) за пантами (весенніе рога марала), что съ русскими бываетъ довольно рѣдко. По-калмыцки говорилъ, какъ я по-русски; однимъ словомъ, для

меня — просто кладъ. Ыхалъ онъ на своемъ неизмѣнномъ Каркѣ, который послѣ своего полновѣснаго ханьина вотъ уже девятый годъ. Надо видѣть, а иначе ни за что не повѣришь, что на Алтаѣ требуется отъ промысловой лошади! Всѣ за-насъ на мѣсяцъ навьюченъ на ней: тутъ и крупа, и сухари, и мясо, и одежда, и охотничьи принадлежности, изъ которыхъ одно ружье нерѣдко вѣситъ до тридцати пяти фунтовъ. Подъ такой тяжестью приходится ей подниматься иногда часовъ пять, шесть на какой-нибудь бѣлокъ (вершина горы, часто и лѣтомъ покрытая снѣгомъ). Подо мной была его же

Литер. альбомъ. „Золотой пѣтушокъ“, А. Пушкина. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) С. С. Соломко, грав. Шюблеръ.

лошадь, хотя и помоложе, но тоже выдавшая всякие виды Алтай. Первоначально он мнѣ предлагалъ своего Карьку, но я, зная, что для него это было бы лишнее—отказался.

— Да гдѣ ты видишь пчельникъ? спросилъ я, вертась на конѣ и поглядывая впередъ.

— Да вонъ подъ уваломъ, вонъ рѣчки.

Смотрю, но ничего не вижу; пришлось взять бинокль...

— Ну, братъ, и чертовскіе же у тебя глаза!

— Да вѣдь я и не выдавши могу сказать, что тамъ пчельникъ, это вѣдь Будуша, моего пріятеля. Мы и за нимъ пошлемъ, да только онъ поди пьянъ теперь!

— Это почему же?

— А такое время теперь, вездѣ пьянство, и такъ до августа мѣсяца, теперь въ каждой юртѣ гонять изъ кобыльяго молока водку—аракъ по-ихнему прозывается.

— Это очень интересно,—надо будетъ посмотреть, и набросить карандашомъ.

— Да это въ каждой юртѣ увидите, да еще пить заставятъ; кто не пивалъ—противно; а главное дѣло, что оно теплое, ву и воняетъ порядкомъ, потому что, когда его заквашиваютъ, такъ кладутъ въ молоко бараний желудокъ.

— То есть какъ это желудокъ?

— Да такъ, зарѣжутъ барана, да всю требушину, такъ же мыши, и положить, даже мутить начнетъ, какъ вспомнишь.

— Такъ зачѣмъ же ты цвешь?

— Не пить никакъ нельзя, потому обидятся, да вѣдь и вамъ придется выпить для перваго знакомства, не отвертитесь.

Тутъ я увидѣлъ шагахъ въ трехстахъ живописно расположенный пчельникъ; подѣхали, подъ навѣсомъ разсѣдѣли, разобрались, развели огонь. Юнгъ сбѣгалъ на рѣчку за водой съ мѣднымъ чайникомъ, который и поставили къ огню; выпили по чаркѣ водки, закусили ржанымъ сухаремъ, и я растянулся на шерстяномъ одѣялѣ, положивъ подъ голову сѣдло. Усталость чувствовалась во всемъ тѣлѣ.

Переходъ мы сдѣлали—верстѣ шестьдесятъ. Я нарочно торопился, чтобы поскорѣе добраться до пастбищныхъ кочевковъ, и тамъ уже начать работать. И я не ошибся! Своеобразная, поражающая красота природы, и дичь, дичь безъ дорогъ, безъ торговли! Но какіе костюмы! Краски! Жаль только одного, что мнѣ не съ кѣмъ было похвалиться своими впечатлѣніями. Бывало, скажешь Юну: „посмотри-ка, братъ, вонъ на этого парня, что на пѣгомъ-то конѣ сидитъ“, и онъ вамъ отвѣтитъ: „чортъ-чортомъ; ежели кому съ непривычки увидѣть, пожалуй, болѣсть какую нажить можно; онъ и во снѣ привидѣтся“.

Улегшись, я закурилъ трубку и, смотря въ огонь, какъ потрескиваютъ сухіе березовыя полѣнья, чуть-чуть было не задремалъ, какъ вдругъ слышу конскій тонотъ по каменистой почвѣ, приподнялся и вижу, что молодой калмыкъ въ фиолетовомъ китайскомъ халатѣ съ широкими рукавами, надѣтомъ на голое тѣло, да большой мѣховой шапкѣ, съ ружьемъ чрезъ плечо, на сѣромъ, „пустромъ“ конѣ, выскочилъ изъ-за утеса. Вотъ онъ осадилъ коня, съ минуту посмотрѣлъ на насъ, затѣмъ такъ круто повернулъ его, хлестнувъ нагайкой, что его длинная коса съ кисточкой на концѣ, сдѣлала въ воздухѣ зигзагъ—и исчезъ. Мнѣ жаль было, что онъ такъ быстро скрылся, что даже въ памяти никакихъ подробностей не осталось; я сообщилъ это Юнгѣ, который былъ занятъ въ это время приготовленіемъ похлебки и мяса для шамлыка.

— Вы, баринъ, не печальтесь, сейчасъ пахлынутъ,—Будушъ стоитъ отсюда всего версты двѣ, отвѣчалъ онъ.

Слова его обрадовали—чрезъ какихъ-нибудь четверть часа раздался тонотъ, но уже не одного коня, а цѣлаго десятка; еще мгновѣніе, и мы увидѣли ѣдущаго къ намъ Будушу (онъ же и темпъ, т. е. староста). Не торопясь, но видимо горяча своего превосходнаго рыжаго коня, впередъ ѣхалъ онъ, а за нимъ, поодаль, подвигалась вся его свита въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, начиная съ засаленнаго шелковаго китайскаго халата и до рваннаго полушубка, сквозь дыры котораго видѣлось грязное тѣло. Не доѣзжая шаговъ пятинадцати, онъ остановился, дождался, пока вся его свита слѣзетъ съ лошадей и сплестъ его съ коня. Подойдя шаговъ на пять, онъ снялъ шапку, поклонился очень низко и остался въ такомъ положеніи.

Юнгъ меня уже ранѣе предупредилъ, что, если я желаю съ калмыками стоять не на официальной ногѣ чиновника, которыхъ они какъ огня боятся, то долженъ съ ними обходиться какъ можно ласковѣе. Принявъ все это во вниманіе, я пригласилъ Будушу сѣсть, и протянулъ ему руку. Будушъ набилъ трубку, раскурить ее и протянулъ мнѣ, а я ему свою,—это означаетъ обоюдный привѣтъ; остальные до такой фамильярности не были допущены. Махорка, пережванная съ березовой корой, оказалось мервѣйшимъ снадобомъ, но я все-таки курнулъ раза два и возвратилъ трубку, а онъ мнѣ мою. Тутъ онъ, повидимому, началъ разспрашивать Юна, кто такой я, откуда и т. д. и все, поглядывая на меня, кланялся; я же, въ свою очередь, не мѣшая имъ, началъ его разспрашивать. Ему было на видъ лѣтъ сорокъ пять. Здоровенный, жирный, съ буро-чернымъ цвѣтомъ кожи, скуластый, съ узкими, поставленными вкось, но-китайски, глазами и съ скудными призна-

ками бороды, черной, какъ смоль, онъ производитъ страшное впечатлѣніе. Вся голова его была острижена слишкомъ возможно коротко, исключая макушки, откуда спускалась длинная коса; на концѣ косы болталась большая шелковая съ золотомъ кисть. Весь его костюмъ состоялъ изъ китайскаго халата пѣжно-голубой шелковой матеріи, съ ярко-краснымъ большимъ воротникомъ. На боку у него висѣлъ ножъ на длинномъ ремнѣ въ мѣдной оправѣ; а сзади, за поясомъ, заткнуто было огниво, принадлежность каждаго калмыка. Ружье, которое съ него сняли его подчиненные, было поставлено поодаль, на сонки. Я спросилъ, чтобы мнѣ показали поближе это интересное оружіе и по осмотру оно оказалось ужаснымъ: фитильное, на погнутыхъ сонкахъ, а въ ложѣ дѣловое помѣщеніе для фитиля, пудъ и т. д. Послѣ оказалось, что одинъ стволъ этой пищали вѣсилъ двадцать два фунта, а стрѣлялъ Будушъ изъ него, какъ я убѣдился впоследствии, безъ промаха. Наконецъ я съ нимъ заговорилъ, конечно, чрезъ Юна. Онъ началъ разсказывать въ благодарности, что я его удостоилъ своимъ посѣщеніемъ и т. д., называя меня при этомъ большимъ чело-вѣкомъ.

Однакоже пора была и за ѣду приниматься: шамлыкъ былъ готовъ. Я вытащилъ флягу, вынулъ самъ и подаль всѣмъ калмыкамъ по очереди; а началъ ѣсть, пригласилъ также и ихъ. Тутъ Будушъ сдѣлалъ знакъ,—одинъ изъ калмыковъ вскочилъ, отступилъ отъ сѣда объемистую кожаную бутылку, вытащилъ изъ-за пазухи деревянную чашку и налилъ туда ужасно вонючую жидкость; Будушъ выпилъ ее сначала самъ, налилъ снова и, кланяясь, предложилъ мнѣ. Дѣлать нечего, выпилъ и я. Чтобы заглушить отвратительный вкусъ этой жидкости, пришлось выпить еще водки. Калмыки ѣли и пили, не стѣсняясь. Послѣ обѣда принялись они пить чай, до котораго большіе охотники, а въ антрактахъ продолжали выпивать свой аракъ, потомъ, опьянѣвъ очень скоро, начали прощаться съ извиненіями, обѣщая къ вечеру быть трезвыми и приготовиться къ охотѣ на козъ, которую Будушъ, зная, что я охотникъ, хотѣлъ для меня устроить. На лошадей онъ былъ, буквально, поднятъ и посаженъ. Выспавшись, напившись чаю, мы стали собираться на охоту. Я боялся, что Будушъ насъ надуетъ, но Юнгъ и мысли этой не допускалъ, говоря: „Калмыкъ никогда не надуетъ“.

Часовъ въ семь прѣхалъ нашъ Будушъ и съ нимъ человѣкъ тридцать калмыковъ, составлявшихъ очень эффектную группу, по костюмамъ и краскамъ. Я колебался, что дѣлать, браться-ли за краски или за ружье, но охотничья страсть преодолѣла. На мой вопросъ: „Неужели мы потащимъ весь свой багажъ съ собой?“ Юнгъ отвѣчалъ даже съ удивленіемъ: „Зачѣмъ? здѣсь оставимъ, не сумѣвайте, никто не потронетъ, этого здѣсь нѣтъ“. И дѣйствительно, я впоследствии убѣдился, что воровства калмыки не знаютъ.

Часовъ въ семь мы тронулись; послѣ двухчасовой ѣзды была сдѣлана остановка: не слѣзая съ лошадей, всѣ покурили, перетолковали, какъ слѣдуетъ. Рѣшено было раздѣлиться, такъ что мы, охотники, т. е. я, Будушъ и еще трое калмыковъ, поѣдемъ влѣво и поднимемся на перевалы; а остальные, избравъ загощицы, поѣдутъ вправо и угромъ, чуть свѣтъ, пока козы еще не залегли на дневной отдыхъ и легче поддаются гону, пачнутъ гнать сѣверные склоны снизу вверхъ.

Подъемъ, по случаю наступившей темноты, былъ очень труденъ. Приходилось пробѣгать такіа мѣста, что сдѣлавъ лошадь одинъ невѣрный шагъ—и костей не соберешь. Подъемъ продолжался часа два съ половиной.

Паконецъ Будушъ остановился и соскочилъ съ лошади. Рѣшено было тутъ почевать, не разводя огня; завернувшись въ одѣяло, сѣдо влѣсто подушки, я скоро заснулъ.

Погода была очень теплая, только къ утру начала пробираться меня дрожь; когда я проснулся, уже свѣтало; боясь, какъ бы загощицы не начали гнать ранѣе, чѣмъ мы займемъ перевалы, я разбудилъ всѣхъ.

Чрезъ четверть часа Будушъ показавъ мѣсто, гдѣ засѣлъ Юнгъ; мы же, прѣхавъ съ полверсты дальѣе, привязали въ чашѣ лошадей; Будушъ рѣшилъ сидѣть со мной вмѣстѣ, и я ему никакъ не могъ объяснить, что я этого не желаю и подозреваю, что онъ это сдѣлалъ потому только, что у меня была съ собой фляга. Остальные поѣхали дальнѣе. Засѣли мы за сваленное дерево; прошло съ полчаса, вдругъ Будушъ тычетъ меня въ бокъ и показываетъ внизъ; по сколько я ни напрягалъ свои глаза, вооруженные очками, слѣдя по направленію его грязнаго пальца,—ничего не могъ рассмотреть; онъ дернулъ меня за полу и мы стали спускаться, прицѣпясь за деревья и камни; прокравившись шаговъ со сто, я увидѣлъ, ниже насъ еще шаговъ на двѣсти, козла, преспокойно пасущагося въ высокой травѣ, такъ что видна была только одна спинка; подошли ближе не было никакой возможности, а потому я приложился и выстрѣлилъ изъ своей охотничьей берданки: козель сдѣлалъ прыжокъ и съ ревомъ, напоминающимъ хриплый лай собаки, пошелъ назадъ въ загонъ. Стрѣлялъ, дѣйствительно, было неудобно, но Будушъ покачалъ головой; я отыравился назадъ занимать свое мѣсто, а онъ остался на мѣстѣ выстрѣла. Не успѣлъ я занять свое мѣсто, какъ вышла на меня коза; я, видя, что она не сворачиваетъ, цѣлюсь въ нее не торопясь и

въ тотъ моментъ, когда нажалъ собачку, вижу, что коза падаетъ, но удержаться не успѣлъ и два выстрѣла грянули одинъ за другимъ. Оказалось, что Будушъ предупредилъ меня и выстрѣлилъ тоже по козѣ.

Долго еще ждали, енді на мѣстахъ; гдѣ-то вдали грянулъ еще выстрѣлъ и пошелъ отдаваться по ущелью. Наконецъ, прѣхалъ Іонъ, подавая издали голосъ. Черезъ полчаса еобралась вся компанія и начали свѣжывать козъ. Одинъ охотникъ-калмыкъ убилъ еще козла. При свѣжываніи съ осторожностью вытягиваютъ сухожиліе изъ погъ, и пользуются имъ вѣсто штокъ; всю кровь они собираютъ въ вынутый желудокъ, предварительно вытряхнувъ изъ него содержимое; кишки составляютъ лакомое блюдо. Кожа и мясо обѣихъ козъ было привязано намъ въ торока.

Вернувшись домой и давъ отдыхъ себѣ и лошадямъ, мы къ вечеру распрошались съ любезнымъ хозяиномъ и тронулись дальше, намѣреваясь въ два перехода достигнуть юрты зайсанга (князекъ, родовичъ) Темей, сына Куртча, хорошаго пріятеля моего спутника.

На одномъ перевалѣ чрезъ бѣлокъ, на самой вершинѣ, я увидалъ цѣлую кучу вѣтокъ и тутъ же стоявшую березку, разукрашенную ленточками, трыпочками и даже пучечками волосъ изъ конскаго хвоста. На вопросъ: что это такое? Іонъ мнѣ объяснилъ, что это жертва калмыковъ въ благодарность за благополучное достиженіе этого бѣлка, т. е. перевала на другую сторону.

Переночевавъ у ручейка, мы на другой день къ вечеру достигли юрты Темей Куртча. Она стоитъ на рѣчкѣ Шукетѣ, верстахъ въ шестидесяти отъ Катуня. Темей хотя и принялъ съ женой и взрослымъ сыномъ православіе, но въ сущности ничѣмъ не отличался отъ своихъ единоплеменниковъ. По прѣздѣ наместъ, его дома не было, но сынъ его тотчасъ же поскакалъ за нимъ; чрезъ часъ предсталъ предо мной маленькій человѣчекъ, на одинъ глазъ кривой, и до такой степени перепуганный, что слова сказать не могъ. Я ему просилъ передать, что я совсѣмъ не чиншникъ, а частное лицо, но онъ и этому, кажется, не повѣрилъ и даже забылъ обычное пріѣтствіе, и все стоялъ и кланялся. За часъ только онъ пустился въ разговоръ; оказалось, что онъ говоритъ по-русски, хотя и очень плохо.

Черезъ часъ прискакали человѣка четыре, тоже темги (старосты). Я объяснилъ имъ цѣль моего прѣзда, т. е. желаніе порисовать, какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ обычаи, чему они очень обрадовались, обратясь ко мнѣ съ вопросомъ, увидятъ ли ихъ, т. е. рисунки, Царь; я имъ объявилъ, чтобы ихъ не разочаровывать, что, можетъ быть, и увиждутъ.

Переночевали мы въ юртѣ. Юрта—это помѣщеніе, устроенное изъ жердей, крытое корой лиственницы; зимнее и лѣтнее ихъ жилище; посрединѣ очагъ, въ углубленіи; кругомъ его разостланы шкуры, на которыхъ и приходится сидѣть; къ правой сторонѣ отъ двери хозяйственныя принадлежности, а у самой стѣны сдѣлано возвышеніе, въ четверть аршина, на него настланы жерди и на нихъ положены кожаные переметныя сумы разныхъ цвѣтовъ; и чѣмъ болѣе этихъ сумъ, тѣмъ состоятельнѣе хозяинъ; иногда такія сумы они набиваютъ сѣномъ, какъ я замѣтилъ у Темей.

На другой день съ самаго утра, въ честь моего прѣзда, началось винокурение. Производится оно такимъ образомъ: молоко заливается въ кожаномъ мѣшкѣ, сдѣланномъ изъ шкуры жеребенка, которая епмается, безъ разрѣза на животѣ, гдѣ нужно спивается нитками изъ сухожилия козъ, надувается воздухомъ и прокачивается нѣсколько недѣль дымомъ. Она дѣлается настолько крѣпкой, что никакую жидкость уже не пропускаетъ. Когда молоко начнетъ бродить, его выливаютъ въ чугунный круглый котелъ, вмѣстимостью ведра въ три, накладываютъ двѣ деревянные крышки, въ которыя вѣданы двѣ выгнутыя трубки, тоже деревянные, вершка три въ діаметрѣ и съ аршинъ длиною; всѣ щели замазываются глиной. Подъ котлами поддерживается медленный огонь, а подъ трубкой подставляется сосудъ, куда и сбѣгаетъ воюющая, но способная опьянять, жидкость, называемая аракъ. Первую чарку выпилъ хозяинъ, а вторая была предложена мнѣ, я поднесъ ее къ губамъ, а потомъ передалъ сосѣду, прося его выпить за меня, и съ того времени уже всегда такъ и отбѣлывался.

Народу набралось, и ради меня, и ради свѣжей выпивки, очень много, такъ что я тотчасъ-же принялся за работу, но работалъ не въ юртѣ, а на солнцѣ. Починъ работы мнѣ пришлось сдѣлать съ зайсанга, который нарядился въ свой національный костюмъ, впрочемъ не отличающійся отъ обычной ихъ одежды. Они всѣ одѣваются или очень легко, въ китайскихъ халатахъ, или уже въ овчинныхъ тулупахъ, съ огромными лысыми воротниками, падающихъ на голое тѣло, кака-бы жара ни была. Работать я усердно, каждый день по два и по три этюда, и каждый день охотниковъ сниматься прибывало и прибывало. Женщины у нихъ всегда въ овчинныхъ тулупахъ, поверхъ которыхъ накрывается еще особой формы тюникъ изъ чернаго бархата, обшитый позументомъ; на головѣ преогромная баранья шапка, сдѣланная сверху къ затылку, верхъ кожаный, желтаго цвѣта съ красными разводами и съ леп-

тами саади. У женщины двѣ косы, а у дѣвушки игуку двадцать маленькихъ косичекъ, которые, какъ у той, такъ и у другой, украшаются деньгами и бѣлыми раковинками.

На третій день нашего пребыванія у Темей, Іонъ сообщилъ мнѣ, что завтра начнется *камлание* (богослуженіе), въ полверстѣ отъ насъ. Я попросилъ Темей сдѣлать распоряженіе, чтобы они, когда начнется празднیکъ, прислали намъ сказать. На другой день прискакалъ гонецъ съ вѣстью, что все готово и ждутъ только меня. Мы сейчасъ-же еѣли на лошадей и поѣхали. При встрѣчѣ, какъ обыкновенно это бываетъ, хозяинъ снялъ меня съ сѣдла и попросилъ въ юрту выкурить трубку; при куреніи я началъ разсипивать чрезъ переводчика, въ чемъ состоитъ предстоящій празднѣкъ,—мнѣ объяснили охотно. Кончивъ курить, мы вышли.

Передъ юртой на полянѣ стояли, вбитыя въ землю, четыре березки, совсѣмъ съ зеленою, по угламъ квадрата саженъ въ десять; къ каждой изъ нихъ было привязано по молодой рыжей лошади (какъ я потомъ узналъ, для этой цѣли нужны трехлѣтки), у всѣхъ у нихъ въ гривахъ и хвостахъ были вытѣнены ленты бѣлаго и краснаго цвѣта, а у одной въ гривѣ еще и нагайка,—это былъ признакъ того, что эта лошадь предназначалась для бога, т. е. ее пускали въ табунъ по окончаніи празднѣка и на нее уже никто не имѣлъ права садиться, даже и самъ хозяинъ; вторая назначалась для тады бога пополамъ съ хозяиномъ, но кромѣ его—никому; остальные двѣ должны были быть принесены въ жертву.

Обызъ (священникъ) былъ по виду вовсе не похожъ на человека: онъ былъ весь обвѣшанъ веревками, лентами, колокольчиками, различными погремушками и дощечками. На головѣ у него красовался колпакъ съ перьями хвостныхъ птицъ. Онъ всталъ лицомъ на востокъ, держа въ обѣихъ рукахъ по березовой вѣткѣ, а всѣ остальные размѣстились позади его въ рядъ. Передъ обызмомъ поставили сосудъ съ свѣжимъ кобылымъ молокомъ. Когда всѣ приготовленія были окончены, онъ началъ кривляться, неистово кричать, а когда кланялся, то ему всѣ вторили; такая церемонія продолжалась съ четверть часа; потомъ принесли деревянные плоскія чашки и обызъ началъ на все и вся плескать молоко, такъ что хотя табуны лошадей и коровъ стояли поодаль, но досталось и имъ. По окончаніи обрызгиванія началась ворожба: брали чашку молока, до краевъ наполненную, и ставили на крупъ привязанной, безъ того напуганной, лошади; та, перепугавшись еще болѣе, била задомъ и сбрасывала чашку,—по паденію чашки рѣшалась судьба хозяина лошади и его благосостоянія; если чашка падала вверхъ дномъ—означало неблагополучіе, если наоборотъ—хорошо. Поднимавшій чашку съ пола долженъ три раза обернуться. Тѣмъ и закончилось пока празднество до вечера.

Часовъ въ девять мы съ Іоной возвращались съ сосѣдней горы, куда поѣхали поохотиться на козъ; обогнувъ послѣднюю скалу, мы увидѣли около юрты, гдѣ былъ празднѣкъ, разложенные большіе костры и массу народа. Кругомъ большого огня сидѣло человѣкъ тридцать пять, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, въ праздничныхъ нарядахъ. У входа въ юрту, на разстланной кошѣ, стоялъ обызъ, съ большимъ бубномъ въ рукахъ, имѣющимъ аршина полтора въ діаметрѣ; справа и слева сидѣли два близкіе родственника хозяина. Обызъ правой рукой билъ въ бубенъ заячьей лапкой, вѣдланной въ деревяжку и увѣшанной кольцами и погремушками, съ такимъ остервенѣніемъ, что я невольно спросилъ Іона: „долго-ли онъ такъ вытерпитъ?“—и оказалось, что это продолжится до утренней зары.

Обызъ вертѣлся, прискакивалъ, оббѣгалъ кругомъ огня, неистово крича въ то же время; по крику эти и душу раздражающе вопли были не безъ смысла. Іонъ объяснялъ мнѣ ихъ значеніе.

Лицо обыза можно было видѣть только нарѣдка, такъ какъ онъ старательно его пряталъ во внутреннюю часть бубна, гдѣ былъ вѣдланъ деревянный штокъ съ мѣдными глазами. Послѣ полугорачасоваго камланія, обызъ въ изнеможеніи свалился; бубенъ, выпавшій изъ его рукъ, былъ подхваченъ однимъ изъ родственниковъ и поставленъ на мѣсто, для этой цѣли приготовленное, внутренней частью, т. е. подломъ, къ публикѣ. Тутъ произошла страшная суматоха. Обызъ лежалъ недвижимо около огня, на его лицѣ выражалось страданіе, глаза закатились, но на него никто уже не обращалъ никакого вниманія, за то надъ подломъ хлопотали очень усердно: дали ему въ ротъ аракъ, давали курить трубку, кланялись, уговаривали не гнѣваться на нихъ и т. д.

Но вотъ чрезъ полчаса обызъ пошевелился, тотчасъ-же вскочилъ на ноги, схватилъ бубенъ, и все пошло по-старому.

Общее впечатлѣніе камлы имѣетъ въ себѣ что-то сказочное, демоническое. Это такая картина для непривычнаго глаза, что далѣе я рѣшительно не могъ вытерпѣть,—я всталъ и вышелъ.

На слѣдующій день дѣлался приготовленія къ жертвоприношенію: наговъ на четырехъ въ сторонѣ отъ юрты, на полянѣ, были вбиты три толстыя жерди съ развилками сверху, аршина два съ половиной вышины; въ нихъ были положены въ наклонномъ положеніи три очень толстыя жерди, длиною

Въ домашнемъ кругу. Съ карт. Клути-Эквали, грав. Бонгъ.

Послѣ крестинъ. Сѣ карт. Галлегоса, грав. Бонгъ.

сажень девять, и чрезъ все это была протянута веревка, украшенная бѣлыми и красными лентами, а посреди ея, т. е. надъ средней жердью, висѣла заячья шкура, головой внизъ. Концы веревки были укрѣплены въ особо вбитыя жерди, вышиною сажень въ пять. Дале, къ востоку, куда шель наклонъ жердей, приготовлялся большой костеръ.

На ночное камланіе я не поѣхалъ, а на другой день, съ восходомъ солнца, былъ уже тамъ. Послѣ краткой молитвы всѣ сѣли на лошадей, отвязали одну и поставили головой къ средней наклонной жерди, укрѣпили ко всѣмъ четыремъ ногамъ ея по аркану, немного выше копыта; за нихъ взялись человѣка по два или по три; обызъ сталъ позади лошади, а къ головѣ сталъ ближайшій родственникъ хозяина. Женщинамъ при этомъ присутствовать не разрѣшася.

Когда все было готово, послѣдовала еще краткая молитва, а затѣмъ въ одинъ мигъ животное раздѣрули въ разные стороны, такъ что несчастная жертва животомъ и грудью вдругъ улеглась на землю, а ея ноги припились подъ прямымъ угломъ вправо и влево. Хрустѣніе переломанныхъ костей—позвните—я передать не въ состояніи.

При этомъ обрядѣ на морду, повыше ноздрей, надѣвается веревка, въ которую продѣвается палка, полъ-аршина длины, и ее начинаютъ закручивать, чтобы прекратить доступъ воздуха къ легкимъ. Видъ животного въ этотъ моментъ поистинѣ потрясающій: его голова поднята къверху, глаза какъ-бы вытѣзли изъ своихъ орбитъ, хвостъ торчитъ къверху суланомъ; но, когда лошадь его опуститъ, то это означаетъ, что смерть уже наступила...

Спасибо, по крайней мѣрѣ, и за то, что все это дѣлается очень быстро, такъ что сама процедура умерщвленія продолжается не болѣе минуты или полторы.

Потомъ лошадь кладутъ на-бокъ и начинаютъ снимать шкуру, при чемъ оставляютъ не снятымъ голову и ноги, начиная отъ копытъ книзу; затѣмъ навѣшиваютъ ее на наклонную жердь, такъ что эта картина производитъ такое впечатлѣніе, что какъ-бы лошадь поднимается къ небу.

Мясо ея сѣдается, а кости сжигаютъ на кострѣ. Пьянство повальное.

На праздникъ состоялась еще свадьба, т. е. одна дѣвушка, которой на видъ было не болѣе тринадцати лѣтъ, была украдена женихомъ и увезена. На мои разспросы, что слѣдуетъ далѣе, мнѣ рассказали: что отецъ ея не поѣдетъ въ домъ отца жениха, а будетъ, ради приличія скандалить и требовать какъ можно болѣе „калыма“, что жениха онъ не тронетъ, но помощниковъ его (сватовъ) возьметъ, раздѣнетъ до пояса, привяжетъ къ жердямъ и отстегаетъ нагайкой. Въ антрактахъ отца невесты угощаютъ аракомъ и разными кушаньями, а когда онъ отдохнетъ, то опять продолжаетъ свое дѣло, и такъ погода цѣлыя сутки. Придя къ окончательному рѣшенію насчетъ калыма, обиженный забираетъ обыкновенно рогатый скотъ, лошадей и уѣзжаетъ домой; тѣмъ свадьба и кончается. Иногда же родители сговариваются раньше и женятъ пяти и шести-лѣтнихъ дѣтей, даютъ имъ особую юрту и устраиваютъ все хозяйство. Нашъ хозяинъ, зайсангъ Темей, женился восьмью лѣтъ. При свадьбѣ никакихъ священнодѣйствій не производится.

При заболѣваніи кого-либо изъ семьи, призываютъ обыза, который первоначально надѣ большимъ камлаетъ въ юртѣ, но если это не помогаетъ, то ночью берутъ больного,—все равно, зимой или лѣтомъ,—кладутъ на лошадь поперекъ сѣдла, увозятъ версты за двѣ, раскладываютъ костеръ, а затѣмъ, покалавъ надъ нимъ, всѣ уѣзжаютъ домой, оставляя ему лошадь, и ждутъ его возвращенія. Если онъ не вернется, значитъ такъ рѣшено богомъ, и тогда приносятъ его въ юрту, но уже мертвого.

Подать калмыки платятъ шакомъ, т. е. мѣхамъ: бѣлкой, лисницей и соболемъ.

Кто имѣетъ возможность—совѣтую побывать на Алтаѣ и увѣренъ, что всякій любознательный человѣкъ останется доволенъ.

Предупреждаю, что ни комара, ни мошки тамъ не бываетъ, хотя отъ нихъ сильно страдаютъ наши сибирскія деревни.

Посмертныя стихотворенія

А. А. Фета.

I.

Разсыпаясь смѣхомъ ребенка,
Явно въ душу мою влюблены,
Пролетаютъ прозрачно и звонко
Надо мною блаженные сны.

И мгновенной охваченъ истомой,
Снова молодость чую свою,
Узнаю я и голосъ знакомый,
И побѣдный призывъ узнаю.

И когда этой пѣснѣ внимаю,
Окрыленный восторгомъ, не лгу,
Что я все безъ рѣчей понимаю,
И къ чему призываетъ—могу.

II.

Не могу я слышать этой птички,
Чтобы тотчасъ сердцемъ не вспорхнуть,
Не могу, наперекоръ привычекъ,
Какъ войдешь, хоть тайно не вздохнуть.

Ты не всныхнешь, ты не поблѣднѣешь,
Взоры полны тихаго огня,
Больно видѣть мнѣ, какъ ты умѣешь
Не видать и не слышать меня.

Я тебя невольно беспокою,
Торжество должна ты искупить:
На зарѣ безъ тучъ нельзя такую
Молодой и лучезарной быть.

Попугай сосваталъ.

Шутка Виктора Банда. Переводъ съ нѣмецкаго.

Оттомаръ Бауманъ былъ влюбленъ—влюбленъ по-уши.

Она была хороша какъ ангелъ. Всего только три раза видѣлъ онъ ее, но и этихъ трехъ мимолетныхъ встрѣчъ было достаточно. Его уже влѣкло къ ней непреодолимой силой.—Къ ней! и Оттомаръ горько усмѣхнулся.—Легко сказать, къ ней! Когда онъ даже не знаетъ, гдѣ она живетъ! Онъ даже не знаетъ, какъ зовутъ это ангельское существо! Въ первый разъ онъ ее увидѣлъ въ театрѣ—она сидѣла рядомъ съ какимъ-то сѣдымъ господиномъ—можетъ-быть отцомъ, а можетъ-быть и пѣтъ! Вторично онъ увидѣлъ ее въ циркѣ и снова вытѣсь съ тѣмъ же господиномъ съ сѣдой бородой. Въ третій разъ она только промелькнула мимо него въ экипажѣ, на парѣ прекрасныхъ вороныхъ лошадей, и опять въ обществѣ того же старика. Такимъ образомъ, всѣ свѣдѣнія о ней Оттомаръ сводилъ лишь къ тому, что она ангелъ, и что онъ безумно влюбленъ въ нее.

Разъ какъ-то, гуляя въ городскомъ паркѣ, Оттомаръ осматривательно смахнулъ пылью посовымъ платкомъ со скамейки, и уже отдернулъ фалды сюртука, готовясь опуститься на нее, какъ вдругъ чей-то хриплый голосъ произнесъ:

— Пошелъ вонъ!

Молодой человѣкъ испуганно оглядѣлся, но никого не было видно.

— Неужели мнѣ это показалось? пробормоталъ онъ, снова готовясь опуститься на скамью, но въ эту минуту тотъ же хриплый голосъ еще разъ проговорилъ:

— Пошелъ вонъ!

Оттомаръ собралъ все свое мужество и громко крикнулъ, обращаясь къ густой чащѣ елей:

— Кто тамъ?

— Маззурникъ! раздался насмѣшливый отвѣтъ.

Оттомаръ поднялъ голову,—голосъ ясно слышался сверху, и не замедлилъ пайти разгадку поразившаго его явленія. Въ густыхъ вѣтвяхъ бука пріютился сѣрый попугай, который своими блестящими глазками лукаво поглядывалъ на удивленнаго молодого человѣка.

— Здрррравствуй! Здрррравствуй! прокартавилъ онъ.

— Здравствуй! Здравствуй! отозвался Оттомаръ, смѣясь.— Молодецъ ты, какъ я посмотрю! Какъ же ты попалъ сюда, а? Какъ тебя зовутъ?

— Коко! Коко! отвѣчалъ попугай, спускался одной вѣткой ниже.

— Такъ вотъ что! Тебя зовутъ Коко? А не хочешь ли ты спуститься еще немножко, чтобъ я могъ взять тебя рукой?

— Маззурикъ! Маззурикъ! возразилъ Коко.

— Ай, ай, какой же ты певѣжа! разсѣялся Оттомаръ.

— Моя радость! заявилъ вдругъ попугай.

— Ну вотъ, видишь ли, это другое дѣло! Надо всегда быть вѣжливымъ. Однако, какъ же мнѣ поймать тебя? Не оставаться же тебѣ здѣсь. Пойди ко мнѣ, Кокочка, пойди, милый!

Оттомаръ протянулъ руку; попугай спустился еще ниже; онъ поворачивалъ и наклонялъ голову во все стороны, тщательно осматривая палецъ Оттомара; однако не рѣшался сѣсть къ нему на руку.

— Ну, пойди же ко мнѣ, моя радость! убѣждалъ его Оттомаръ.

Но Коко заставилъ просить себя очень, очень долго. Болѣе часу испытывалъ онъ терпѣніе Оттомара; наконецъ смягчился и сѣлъ къ нему.

— Ну, вотъ, Кокочка, давно бы такъ. Теперь я возьму тебя домой и покормлю, сказалъ Оттомаръ, пѣжно глади синю попугай, который охотно принялъ эту ласку и даже, въ видѣ благодарности, проговорилъ привѣтливо:—

— Маззурикъ!

Уже темнѣло, когда Оттомаръ вернулся домой.

— Что, принесли уже вечернюю газету? спросилъ онъ хозяйку, открывшую ему дверь.

— Нѣтъ еще, господинъ Бауманъ.—Но что это у васъ за прелестный попугай! Ахъ, какая прелесть!

И она протянула руку къ Коко, который сердито взерошилъ перья и прохрипѣлъ:—

— Вошь!

— Фи! Что за противная птица! воскликнула разгнѣванная хозяйка.—Надѣюсь, что вы не оставите его у себя, господинъ Бауманъ?

— Конечно нѣтъ. Я поймалъ его въ городскомъ паркѣ и вотъ именно хотѣлъ посмотреть въ газетахъ, пѣтъ ли о немъ публикаціи. Пожалуйста, какъ только подадутъ вечернюю газету, принесите ее мнѣ.

Хозяйка обѣщала исполнить его желаніе, и Оттомаръ вошелъ въ свою комнату. Коко тотчасъ же слегъ къ рукамъ и помѣстился на шкафу.

— Анна! Анна, гдѣ ты? закричалъ онъ, какъ бы нища кого-то въ комнатѣ.

— Анна? Это кто же? спросилъ Оттомаръ.—Можетъ-быть твоя госпожа?

— Моя радость! отвѣчалъ Коко и продолжалъ звать Анну.

Черезъ нѣсколько времени постучали въ дверь.

— Войдите! прокричалъ попугай, раньше чѣмъ Оттомаръ успѣлъ что-нибудь отвѣтить.

Вошла хозяйка, съ вечернею газетою въ рукахъ.

— Подумайте, какое счастье, господинъ Бауманъ! воскликнула она, вся красная отъ волненія.—Вѣдь вашего попугай зовутъ Коко?

— Коко! Коко! отвѣтилъ попугай самъ за себя.

— Обѣщаютъ двадцать марокъ награды! продолжала она взволнованно.—Двадцать марокъ за такую дрянь. Люди должно быть не въ своемъ умѣ. Добро бы еще проналъ жебедъ, или павянь, или наконецъ хоть гусь, котораго можно заарить, а то...

— Коко прекрасная птица, перебилъ Оттомаръ,—и стѣбитъ гораздо дороже, чѣмъ вы думаете. Дайте-ка сюда газету—гдѣ это?—да, вотъ: „Сегодня утромъ выслѣзъ хорошо говорящій сѣрый попугай; кличка—Коко. Тотъ, кто доставитъ его по адресу: Вилла Анна, Липовая аллея, № 6, получитъ 20 марокъ вознагражденія“.

— Липовая аллея, № 6, проговорилъ Оттомаръ въ раздумѣ, кладя газету на столъ.—Это у самого городского парка. Не опривитесь ли мнѣ сейчасъ же?

— Разумѣется, господинъ Бауманъ. Вѣдь не оставите же вы птицу на почъ у себя въ квартирѣ! волновалась хозяйка.—Да, чего добраго, тѣ еще опомнятся и пожалѣютъ двадцати марокъ... Экую уйму денегъ за такую...

— Вонъ, вонъ... перебилъ ее картавый голосъ попугай, и она, взбѣшенная, выскочила изъ комнаты.

Когда павочникъ подвезъ Баумана къ № 6 по Липовой аллѣ, было уже настолько темно, что Оттомаръ съ трудомъ могъ разобрать пачицы на дверяхъ. „Густавъ Вернеръ, раптъ“, прочиталъ онъ и дернулъ за ручку звонка. Дверь немедленно открылась.

— А, нашъ Коко! проговорилъ лакей, осмотрѣвъ предварительно Оттомара съ головы до ногъ.—Сейчасъ доложу о васъ барыни.

Оттомаръ вручилъ лакею свою карточку и, нѣсколько минутъ спустя, его ввели въ ярко освѣщенную гостиную.

Коко тотчасъ же почувствовалъ себя дома.

— Анна! Анна, гдѣ ты? принялся онъ кричать.

И, какъ только дверь открылась, попугай позвѣлъ на встрѣчу вошедшей хозяйкѣ и сѣлъ къ ней на плечо.

Оттомаръ поклонился.

— Извините меня, сударыня, что я рѣшился такъ поздно...

Но тутъ слова замерли у него на языкѣ. Лицо его вспыхнуло и глаза съ восторгомъ остановились на чудномъ видѣ-

ніи. Вѣдь это была она—она, обожаемая, единственная, та, которой принадлежали все его помыслы за послѣдніи пѣдѣли. И какъ хороша, какъ небесно-прекрасна она казалась теперь, вблизи! Но что же это? Она протягиваетъ эту ручку—маленькую, изящную, пѣжную какъ бархатъ; она обращается къ нему...

Но вдругъ она опустила рѣшницы. Взглядъ Оттомара ужъ слишкомъ явно выражалъ восхищеніе.

Къ счастью, Коко на радостяхъ болталъ безъ умолку.

И болтовня его помогла молодымъ людямъ овладѣть своимъ смущеніемъ.

Внѣ себя отъ счастья и блаженства вернулся Оттомаръ домой. Всю ночь напролетъ метался онъ безъ сна на своей постели и, какъ только забрезжило утро, всталъ и одѣлся, чтобы пойти освѣжиться утреннимъ воздухомъ.

Оттомаръ невольно направился на Липовую аллею. № 6 оказалась очень миленькимъ домикомъ, освѣненнымъ благоухающими цвѣтущими липами. Дикій виноградъ вился по его стѣнамъ и въ первыхъ косыхъ лучахъ утренняго солнца ярко горѣли золотыя буквы, гласившія „Вилла Анна“.

Гдѣ-то теперь она? Вѣроятно еще покоится сладкимъ сномъ, но гдѣ, въ которой комнатѣ? Выходитъ ли ея окно на улицу или въ садъ?

Но вотъ распахнулось окно, вотъ мелькнуло ея личико—это она, она сама!

Оттомаръ съ смущеніемъ снялъ шляпу, и молодая дѣвушка, слегка краснѣя, отвѣтила ему легкимъ наклоненіемъ головы. Оттомаръ не чувствовалъ подъ собою ногъ отъ радости.

На слѣдующее утро, въ тотъ же самый часъ, Оттомаръ снова раскланивался у окна красивой виллы, и Анна снова отвѣчала ему привѣтливомъ кивкомъ головы. Это повторялось изо дня въ день въ теченіе двухъ недѣль, пока, наконецъ, въ одно прекрасное утро, Оттомаръ не нашелъ все жалози на „виллѣ Анна“ смущеннымъ. Цѣлые часы прохаживался онъ въ этотъ день передъ домомъ, но не могъ замѣтить въ немъ никакихъ признаковъ жизни. И домъ, и садъ словно замерли. А когда и во все послѣдующіе дни оказалось то же самое, Оттомаромъ овладѣло мрачное отчаяніе. Что ему дѣлать здѣсь, въ этомъ городѣ, если онъ не можетъ видѣть ее?—Прочь, прочь отсюда! подсказывалъ ему какой-то внутренній голосъ, и Оттомаръ уложилъ свои вещи и въ тотъ же день уѣхалъ куда глаза глядятъ.

Поналъ онъ въ маленькій курортъ на Балтійскомъ морѣ и взялъ комнату въ отелѣ, на самомъ берегу, съ намѣреніемъ прожить тамъ нѣсколько дней. Онъ пріѣхалъ поздно вечеромъ и сейчасъ же легъ спать. На слѣдующее утро Оттомаръ приказалъ подать себѣ кофе на балконъ, куда выходила дверь изъ его комнаты, и когда кельеръ принесъ также потребованную имъ газету, готовился уже расположиться за кофеемъ съ газетою, какъ вдругъ услышалъ откуда-то снизу картавое: „Здрравствуй! Здрравствуй!“

Словно отъ удара электрической искры вскочилъ онъ съ мѣста, нагулся за перила балкона и увидѣлъ своего пріятеля Коко, привязаннаго маленькой серебряной цѣпочкой къ желѣзной рѣшеткѣ нижняго балкона.

— Здрравствуй! Здрравствуй! снова повторилъ Коко и въ отвѣтъ ему раздался изъ глубины комнаты внизу мягкій женскій голосъ:

— Здравствуй, милый Коко!

Оттомаръ чуть не вскрикнулъ отъ восторга: это былъ ея голосъ, голосъ Анны.

— Коко! Коко! закричалъ онъ съ балкона внизъ.

Коко прислушался. Онъ поворачивалъ голову во все стороны и наконецъ замѣтилъ кто зоветъ его.

— Маззурикъ! Маззурикъ! закричалъ онъ Оттомару.

— Фи, Коко! Какъ не стыдно браниться! послышался снова голосъ Анны.

— Моя рррадость! проговорилъ попугай.—Анна! Моя рррадость!

— Хочешь сахару? спросилъ тотъ же женскій голосъ.

— Урррра! Ура — уль, на крауль... радостно закричалъ попугай.

Показалась бѣлоснѣжная ручка, и Оттомаръ видѣлъ, какъ молодая дѣвушка протянула попугаю кусокъ сахару.

— Что надо сказать, попочка? спросила она.

— На крауль! отвѣчалъ Коко.

— Совсѣмъ пѣтъ, Коко! Что долженъ сказать попочка?

— Маззурикъ! Маззурикъ!

Анна засмѣялась.

— Надо сказать „благодарю“, проговорила она.

Но Коко остался на этотъ разъ при своемъ:—

— Маззурикъ! Маззурикъ!

И Оттомаръ невольно расхохотался.

Удивленная, Анна подошла къ периламъ, и густая краска залила ея лицо, когда она увидѣла Оттомара.

— Вотъ это называется удачей, проговорилъ молодой человекъ, здороваясь.—Такъ, безъ всякой цѣли пуститься въ путь и при первой же остановкѣ встрѣтиться съ вами!

— Давно ли вы пріѣхали? спросила Анна, чтобъ сказать что-нибудь.

Неожиданность смутила ее.

— Только вчера вечером! Однако, я полагаю, нам неудобно разговаривать так, снизу вверх. Спуститесь лучше в сад. Если позволите, и я...

Анна слегка кивнула головой и ушла с балкона. Оттомар тоже вошел в комнату; в это время раздался снова голос Кoko:

— Пошел вон, пошел вон! кричал он без умолку.

Желая узнать, у кого попочка так горячо оспаривает мфсто, Оттомар снова высунулся за решетку балкона и, к ужасу своему, увидал того же старого господина, с которым он в первый раз встретил свою Анну. Какей укрывал его пледом старик, вбродно, был болен.

Господин этот действительно оказался отец Анны. После первой же утренней прогулки, Оттомар был представлен ему и с тех пор проводил все время в обществе Анны и ее отца. В прогулках старик не мог принимать участия, вследствие своего ревматизма, — молодые люди, как это принято было, на водах, гуляли вдвоем, — но за то обедали все вместе, в комнате господина Вернера, и весь остаток дня и вечер проводили с ним.

Так прошло две недели.

Однажды Анна и Оттомар, возвращаясь по своему обыкновению с утренней прогулки, нашли комнату пустою — господина Вернера, при помощи лакея, отправившего на берег. Один Кoko оставался дома и печально сидел в углу, видимо чувствуя себя обиженным, что его оставили одного. Когда молодые люди вошли в комнату, он радостно вылетел из своего угла и сел на плечо Анны.

— Моя радость! Моя радость! принялся твердить он.

Кто твоя радость? спросил Оттомар.

— Анна! Анна! закричал Кoko.

Анна засмущалась. Оттомар приблизился к ней и начал потихоньку гладить спинку Кoko.

— Счастливец ты! проговорил он.

Анна вспыхнула и в смущении опустила глаза. Легкая дрожь пробежала по ее телу.

— Правду ли говорить Кoko, спросил Оттомар, беря молодую девушку за руку. — Или в вашем сердце найдется уголок и для другого?

— Пошел вон, пошел вон! закричал Кoko.

Но Оттомар не обратил внимания на слова попуга. Глаза Анны, казалось, слишком ясно говорили противное. Оттомар нагнулся и, сам не зная как, коснулся губами ее руки.

Маззурик! Маззурик! закричал Кoko.

Анна погрозила ему.

— Стыдно, Кoko, браниться! проговорила она вдруг. — Скажи лучше, как зовут его? Ведь я тебя учила. Скажи — как зовут его?

— Оттомарррр! Оттомарррр! послушно прокартавил попуга.

Глаза Оттомара засияли счастьем. Он протянул к ней свои руки.

Кoko испуганно слезть с плеча Анны и опустился на стол, посмотрел недоумевая и, словно поняв в чем дело, закричал вдруг:

— Анна! Оттомарррр! Уррррр!

В том же году состоялась свадьба Оттомара Баумана с хорошенькой, милой Анной Вернер... (с).

„Ключь врага милосердаго“.

Восточное сказаніе В. Н.-Д.

Караванъ шелъ въ пустынь... Солнце жгло. Золотые бугры песковъ пропадали въ ослѣпительной дали. Небо тонуло въ какомъ-то опаловомъ блескѣ. Висреди бѣлою извилистой линіей шла дорога... Ея собственно не было. Дорогою здѣсь казались остовы павшихъ верблюдовъ. Колодцы остались позади — пилигримы взяли съ собою воды на два дня. Только завтра они могли добратъ до оазиса съ чаклыми пальмами. Утромъ еще мерещились вдалекѣ чудныя марева съ синими водами, съ тѣмными роцями. Теперь и мракъ пропалъ. Все замирало подъ строгимъ взглядомъ безпощаднаго солнца... Сонно покачивались всадники, слѣдуя за проводникомъ. Кто-то запѣлъ, но въ пустынь и пѣсня падала на душу слезами. И пѣвній точасъ же смолкъ. Тишина. Только слышится равномерный шорохъ тонкихъ ногъ, погружавшихся въ песокъ, да шелестъ шелковыхъ занавѣсокъ, за которыми прятались отъ зноя смуглолицыя бедующи. Все замирало, дакъ и душа человѣческа! Но крайней мѣрѣ, — на пути встрѣтился каравану умирающій арабъ; рядомъ лежалъ загнашій коня, бѣлый на золотомъ пескѣ, всадникъ, завернувъ въ бѣлый бурнусъ голову, положилъ ее на бездыханное тѣло своего друга... Безстрастно проходили мимо верблюды. Никто изъ людей не повернулъ даже головы туда, гдѣ изъ-подъ бѣлаго шелка остро и жадно слѣдовало за ними взглядъ погибавшаго въ пустынь... Уже весь караванъ миновалъ его. Только старикъ, бѣжавшій позади, вдругъ сошелъ съ сѣдла и наклонился надъ арабомъ.

— Что съ тобой?

— Пить! только и могъ проговорить умирающій.

Старикъ посмотрѣлъ вслѣдъ каравану — онъ медленно подвигался въ ослѣпительную даль, никто не оглядывался назадъ. Старикъ поднялъ голову въ высоту и оттуда вдругъ почувдось ему что-то, какое-то вѣяніе, проникавшее въ его душу... Старикъ свилъ мѣхи съ водою... Обмылъ сначала лицо и ротъ умирающему, потомъ далъ ему сдѣлать глотокъ... другой.

Личо умирающаго оживилось.

— Ты изъ рода Омміадовъ?

— Да... отвѣтилъ старикъ.

— Я угадаю это по знаку на рукѣ твоей... Я изъ Элькамидовъ. Мы смертельные враги...

— Въ пустынь, предъ лицомъ Аллаха — мы только братья. Пей!.. Я старъ, ты молодъ. Пей и живи...

Къ рисункамъ.

Тяжелый трудъ. (Рис. на стр. 77).

Медленно ступая тащутъ два вола плугъ, глубоко бороздящій тучную пашню. Солнце пскадно печетъ, ярмо рѣжетъ выю, слѣпши тучею обѣяли бока, но животныя покорно выполняютъ тяжелый трудъ, парѣдка мыча, точно жалуютъ на свою горькую долю. По Госноду благословить этотъ трудъ!

Литературный альбомъ. „Золотой пѣтушокъ“,

А. Пушкина. (Рис. на стр. 85).

Сказки А. С. Пушкина могутъ служить неисчерпаемымъ

Умравшій жадно принялъ въ мѣхъ... Старикъ посадилъ его на своего верблюда...

— Потѣжай и расскажи своимъ о мѣстѣ одного изъ Омміадовъ.

— А ты?

— Мнѣ все равно жить осталось мало.

— Поѣдемъ вмѣстѣ.

— Нелзя. Верблюдъ малъ, онъ не выдержитъ такой тяжести.

Арабъ колебался. Но онъ былъ молодъ, его ждала слава и любовь... Онъ молча сѣлъ... Остановился...

— У тебя есть родные?

— Никого! отвѣчалъ старикъ.

— Прощай!

Оставшійся долго смотрѣлъ ему вслѣдъ... Онъ обманулъ своего врага. У старика были дѣти — но они славились какъ храбрые воины... Онъ уже не нуженъ былъ имъ.

Караванъ исчезъ въ ослѣпительной дали... Солнце жгло... Небо тонуло въ опаловомъ блескѣ. Старикъ завернулъ голову въ покрывало и легъ лицомъ къ землѣ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ.

Та-же пустыня. Тѣ-же золотые бугры. Тотъ-же караванъ шелъ назадъ. Такъ же пилигримы взяли въ послѣднемъ оазисѣ съ собою воды на два дня... Сонно покачивались всадники на утомленныхъ верблюдахъ, и вдругъ проводникъ остановился...

— Что тамъ? указалъ онъ вдалѣ.

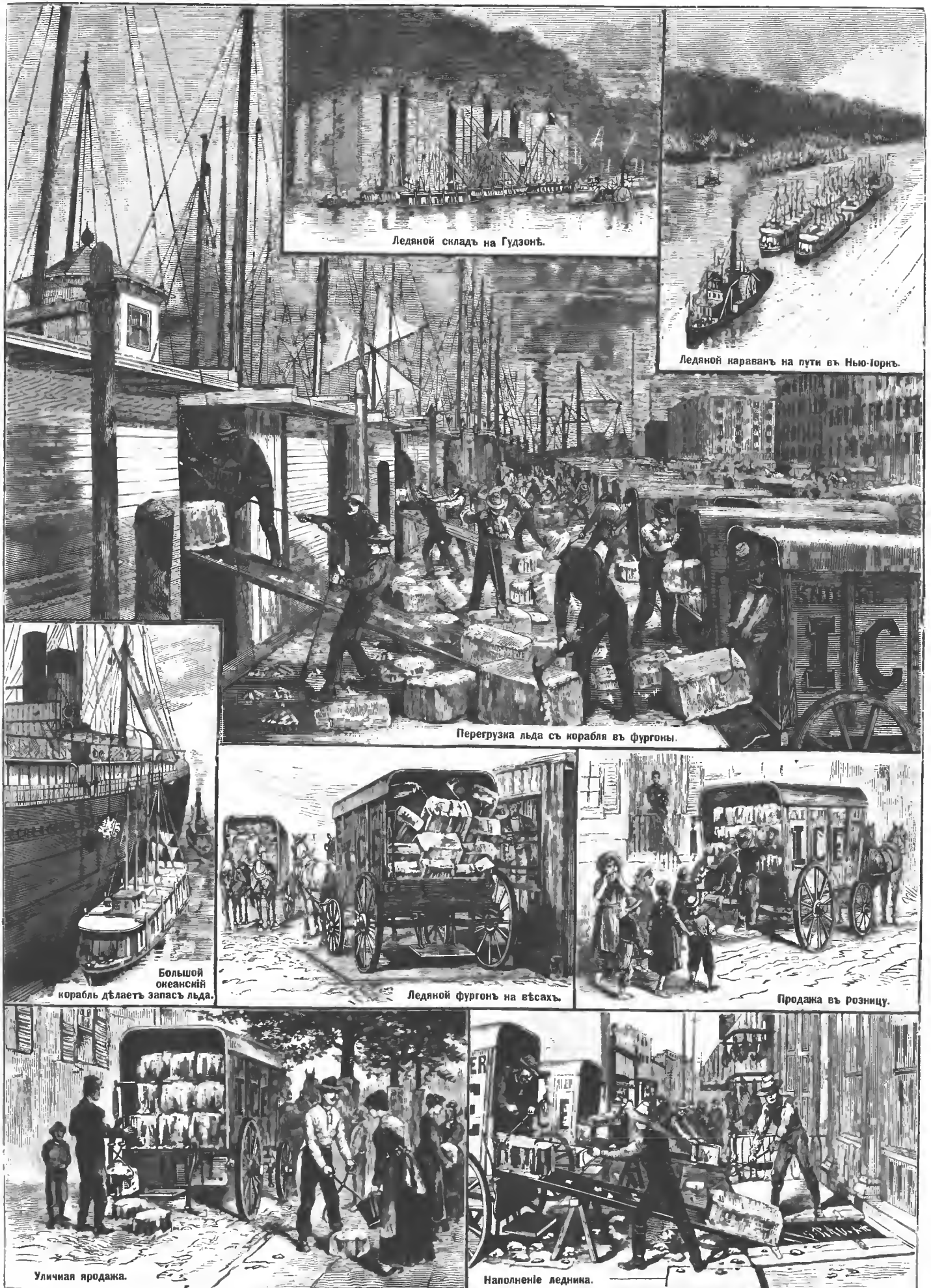
Нагнавшіе его пилигримы тоже въ изумленіи глядѣли туда... Тамъ, среди безконечныхъ песковъ, видна была зелень. Раскинувшись высоко, гордая пальма, межъ пышно поднявшихся кустовъ журчалъ источникъ, и веселый лепетъ прохладныхъ струй наполнялъ томную, зловещую тишину окружающей пустыни... Яркие цвѣты пѣклымъ благоуханіемъ своимъ точно ласковыми привѣтомъ встрѣчали утомленныхъ путниковъ.

У ручья лежало нетѣпное тѣло милосердаго старика. Его подняли, обернули въ шелковые покровы и повезли въ оазисъ его рода.

Арабы говорятъ, что новый источникъ забилъ здѣсь изъ глубочайшихъ нѣдръ земли по велѣнію Аллаха тамъ, гдѣ въ песокъ упало нѣсколько капель воды изъ мѣховъ стараго шейха. Бедунны зовутъ этотъ оазисъ теперь „ключемъ врага милосердаго“.

источникомъ для иллюстрацій и одна и та же сказка можетъ доставить цѣлый рядъ прелестныхъ рисунковъ. Въ прошломъ году, на страницахъ „Нивы“, Р. Штейнъ изобразилъ въѣздъ царя Додова съ Шамаханской царицей въ столицу. На этотъ разъ нашъ художникъ С. С. Соломо изобразилъ сцену въ палаткѣ той-же царицы, когда она вошла къ царю Додону.

Какъ предъ солнцемъ птица ночи, И потомъ недѣлю ровно,
Царь умолялъ, ей глядя въ очи, Покорясь ей безусловно,
И забылъ онъ передъ ней Околдованъ, восхитенъ,
Смерть обонхъ сыновей... Пировалъ у ней Додонъ...

Ледяной промыселъ въ Нью-Йоркѣ. По рис. съ ват. Н. У. Б. грав. Джемсъ.
Библиотека "Руниверс"

Въ домашнемъ кругу. (Рис. на стр. 88).

Прелестное и обаятельное впечатлѣніе производитъ на зрителя картина Клуэтъ-Эквалъ, гдѣ краснорѣчивѣе всякихъ словъ представлено, какъ уютно, спокойно и счастливо можетъ быть вечеркомъ въ кругу семьи. Отецъ отдыхаетъ, читая газету и, иногда, подолгу заглядываясь на свою самую младшую дочурку, которая торопливо кушаетъ кашку, покрывая на свою задорную сестренку. Выѣстъ съ нимъ-же залюбовался младшій сынъ, въ то время какъ старшая сестра, помогая своей матери въ хозяйствѣ, разставляетъ по столу посуду для предстоящаго ужина. Приближеніе его чувствуетъ и всеобщая любимица—лохматая собака, которая, помахивая хвостомъ и понюхивая воздухъ, ластится къ старшему сыну.

Послѣ крестинъ. (Рис. на стр. 89).

Крещеніе окончилось и, окруженная родными и знакомыми, счастливая и нарядная мать величаво выноситъ изъ церкви свое сокровище, утопнувшее въ цѣломъ морѣ кружевъ и багиста. На этотъ несложный сюжетъ испанскій художникъ Галлегосъ сумѣлъ талантливо нарисовать мастерскую картину изъ панаирной жизни, блестящей, какъ таинное солнце, и своеобразной, какъ мѣстные обитатели, въ ихъ пестрыхъ и богатыхъ нарядахъ.

Ледяной промыселъ въ Нью-Йоркѣ. (Рис. на стр. 93).

За послѣднее время въ Северо-Американскихъ Штатахъ получили значительное развитіе ледяной промыселъ. Въ особенности развитъ онъ въ Нью-Йоркѣ, гдѣ образовались цѣлыя промышленныя общества для добыванія льда. Ежегодно въ Нью-Йоркѣ привозится съ верховьевъ рѣки Гудзонъ и отчасти съ некоторыхъ сѣверныхъ озеръ до 60 милліоновъ пудовъ льду. Ледъ на мѣстѣ распиливается посредствомъ машинъ на кубы небольшихъ, удобныхъ для ручной переноски размеровъ и затѣмъ свозится въ особо устроенные ледяные склады на Гудзонѣ, откуда его везутъ въ Нью-Йоркѣ цѣлымъ караваномъ приспособленныхъ для этой цѣли баржъ, соединенныхъ между собою и буксируемыхъ пароходомъ. По пути, разумеется, часть льда таетъ, отчего въ трюмѣ постоянно стоитъ вода. Ее выкачиваютъ непрерывными, самодействующими, при помощи механизма вѣтряной мельницы, помпами. На набережной Нью-Йорка разгрузка идетъ прямо въ фурунны. Часть баржъ направляется къ большимъ океанскимъ судамъ, которыя дѣлаютъ съ нихъ необходимый запасъ льда для путешествій. Въ самомъ Нью-Йоркѣ торговля льдомъ идетъ весьма бойкая. Наполненные имъ фурунны, въ жаркое время, съ раннего утра до вечера спускаютъ по всемъ улицамъ. Весь находящійся въ фурунѣ ледъ опредѣляется особо устроенными для того вѣсами. Множество льда потребляется пивными и мясными лавками, но также часто пополяются льдомъ и подвалы частныхъ домовъ. Бѣдный людъ покупаетъ себѣ ледъ на улицахъ, прямо изъ фуруновъ, въ розницу, или же подбираетъ случайно упавшіе изъ фуруна осколки.

П. И. Вейнбергъ. (Портр. на стр. 96).

Въ прошломъ 1892 году исполнилось сорокалѣтіе литературной дѣятельности извѣстнаго писателя, замѣчательнѣйшаго переводчика на русскій языкъ многочисленныхъ великихъ произведеній иностранныхъ литературъ, Петра Исаевича Вейнберга.

Петръ Исаевичъ родился въ 1830 году, въ Николаевѣ, воспитывался въ Одесской гимназій, по окончаніи курса которой поступилъ въ Римскій-университетскій лицей, по юридическому факультету. Юридическія науки, однако не соответствовали стремленіямъ его, и онъ перешелъ въ Харьковскій университетъ, въ которомъ и окончилъ курсъ по историко-филологическому факультету, въ 1853 году. Еще студентомъ Петръ Исаевичъ выступилъ на литературное поприще переводами стихотвореній Виктора Гюго, которые и были напечатаны въ *Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ*. Въ 1854 году появилась въ Одессѣ книжка его оригинальныхъ и переводныхъ стихотвореній, и между ними переводъ одной изъ юншескихъ поэмъ лорда Байрона — «Оскаръ д'Альва». Окончивъ курсъ наукъ, Вейнбергъ служилъ въ Тамбовѣ, откуда его позвѣщенный псевдонимъ «Гейне изъ Тамбова». Въ 1858 году онъ оставилъ службу и переселился въ Петербургъ, чтобы всесильно отдаться литературной дѣятельности, и его оригинальные, большею частью юмористическія, и переводныя сти-

хотворенія стали появляться сначала въ *Библиотеку для чтенія*, *Иллюстраціи* и *Искры*, затѣмъ въ *Современникъ*, *Будильникъ* и другихъ журналахъ. Въ 1860 году, вмѣстѣ съ А. В. Дружининымъ, К. Д. Кавелинымъ и В. П. Безобразовымъ, Петръ Исаевичъ предпринялъ изданіе еженедѣльнаго журнала *Вѣкъ* и въ немъ помѣстилъ рядъ своихъ оригинальныхъ и переводныхъ стихотвореній подъ псевдонимомъ «Гейне изъ Тамбова» и статей прозаическихъ, подписанныхъ переводомъ имени и фамиліи автора: «Камень Виногоровъ» (Pierre Weinberg). Спустя годъ, *Вѣкъ* былъ переданъ Вейнбергомъ другой редакціи, и произведенія его стали опять появляться почти во всѣхъ, преимущественно петербургскихъ, журналахъ. Съ этого времени наступила плодотворнѣйшій періодъ дѣятельности Петра Исаевича. Въ прекрасныхъ переводахъ онъ знакомилъ русскую публику съ произведеніями Гейне, Гервега, Фаллерслебена, Шампесо, Ленау, Гудкова и другихъ. Еще раньше были переведены имъ «Отелло» и «Генрихъ VIII» Шекспира: теперь онъ прибавилъ къ нимъ пьесы великаго англійскаго драматурга: «Тимонъ Аѳинскій», «Венеціанскій купецъ», «Какъ вамъ будетъ угодно», «Конечъ—всему дѣлу вѣнецъ», «Видворскія проказницы», «Комедія ошибокъ» и «Безплодная успія любви»; кромѣ того онъ перевелъ трагедію Гудкова «Уріель Акоста», Лессинга «Натанъ Мудрый», поэмы Гейне «Бимми», Лопфелло «Евангелика», Ленау «Язвѣлка», комедію Шеридана «Школа злословія», трагедію Шелли «Ченчи» и множество другихъ крупныхъ и мелкихъ произведеній европейской поэзіи.

Въ концѣ 60-хъ и въ 70-хъ годахъ Вейнбергъ издалъ въ русскихъ переводахъ, изъ которыхъ многіе принадлежатъ ему самому, сочиненія Гёте въ 6-ти томахъ, сочиненія Гейне въ 12-ти томахъ, затѣмъ избранныя сочиненія Бёрье.

Дѣятельность Петра Исаевича не ограничивалась, однако, оригинальными стихотвореніями и переводами. Съ самаго пріѣзда въ Петербургъ онъ началъ писать библиографическія и друг. статьи, а позже печаталъ въ газетахъ и журналахъ не мало статей о различныхъ произведеніяхъ русской и иностранной литературы, о театрѣ, объ явленіяхъ общественной жизни и т. д., а также нѣсколько монографій, обнаруживающихъ его широкое знакомство съ иностранными литературами, каковы этюды о Гюго, Фрейлигратѣ и пр.

Въ 1868 году Петръ Исаевичъ получилъ мѣсто профессора русской литературы въ Варшавской Главной школѣ, позже переименованной въ университетъ. Въ Варшавѣ онъ и напечаталъ свой трудъ: «Историческія пѣсни объ Ивигъ Грозномъ». Въ 1873 году онъ снова переехалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу по вѣдомству Императрицы Маріи. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ преподавалъ русскую и иностранную литературу на женскихъ педагогическихъ курсахъ и одно время былъ инспекторомъ Коломенской женской гимназій. Во время педагогической дѣятельности онъ издалъ рядъ сборниковъ, имѣющихъ значеніе учебныхъ пособій: «Европейскій театръ», «Русскіе писатели въ классѣ», «Русская исторія въ поэзіи», «Европейскіе классики» и проч. Въ 1883 году Петръ Исаевичъ основалъ ежемѣсячный журналъ «Изящная литература», имѣвший назначеніе знакомить русскихъ читателей въ хорошихъ переводахъ съ лучшими произведеніями иностранныхъ писателей, старыхъ и новыхъ. Журналъ этотъ, который Вейнбергъ самъ издавалъ и редактировалъ, просуществовалъ до 1885 года включительно. Въ настоящее время Петръ Исаевичъ состоитъ приватъ-доцентомъ Петербургскаго университета по кафедрѣ всеобщей исторіи литературы.

Литературное значеніе Вейнберга основывается главнымъ образомъ на его переводахъ европейскихъ писателей, особенно Шекспира. Они именно доставили ему громкую извѣстность и почетное мѣсто среди русскихъ замѣчательныхъ писателей. Стихъ Вейнберга всегда чрезвычайно красивъ, звученъ и правиленъ: но что особенно замѣчательно, вмѣстѣ съ этими качествами онъ соединилъ въ переводахъ поразительную вѣрность духу и буквѣ подлинника. Нѣкоторые переводы его изъ Гейне, Ленау, Фаллерслебена, Гервега и другихъ нѣмецкихъ поэтовъ считаются превосходными; а комедіи Шекспира «Конечъ—всему дѣлу вѣнецъ», «Какъ вамъ будетъ угодно» и «Комедія ошибокъ», по мнѣнію лучшихъ цѣнителей, могутъ быть поставлены въ примѣръ всемъ переводчикамъ великаго англійскаго драматурга. Своею переводческою дѣятельностью Вейнбергъ оказалъ русской литературѣ серьезныя услуги, которыя надолго сохранятъ имя его среди имѣющихъ замѣчательныхъ литературныхъ дѣятелей русскихъ. А. В.

Бухара прежде и нынѣ.

Историческая справка.

Сопоставленіе прежняго состоянія Бухары съ нынѣшнимъ можетъ служить разительнымъ примѣромъ того огромнаго вліянія цивилизаціи, которое она можетъ имѣть на строй и жизнь государства. Въ сороковыхъ годахъ Бухара представляла чистый типъ азиатскаго деспотическаго царства. Всякій изъ близкихъ повелителя, навлекавшій на себя подозрѣніе въ несогласіи его системѣ управленія, былъ тотчасъ же устраи-

ваемъ. Чаще всего его заключали въ отвратительныя подземныя тюрьмы, очень распространенныя тогда въ Бухарѣ. Такимъ же образомъ поступилъ и царствовавшій въ то время эмиръ Сеидъ-Насеръ-Улла, дѣдъ нынѣшняго эмира. Всѣхъ приверженцевъ противной ему, сильной партіи онъ устрашилъ, и въ томъ числѣ Кунъ-Бегъ, Гакимъ-Бай и Аля-Бай. Во время правленія Сеидъ-Насеръ-Уллы Бухара занимала цен-

гратьное и главное мѣсто среди окружающихъ ее ханствъ. Поэтому вполне понятно, что на нее обратили вниманіе Россія и Англія. Англія захотѣла во что бы то ни стало подчинить своему вліянію эмира и возстановить его противъ Россіи. Въ ея проники, однако, остались безуспѣшны. Они даже окончили очень печально для дипломатическихъ агентовъ ея, полковника Штоддартъ и Конолли. Оба они поплатились жизнью за свою дипломатическую несомнѣнность и отчасти пренебреженіе къ правамъ и обычаямъ мѣстнаго населенія. Они вынесли мучительное тюремное заключеніе и остались пока въ живыхъ, благодаря лишь заступничеству русскаго дипломатическаго агента Бутенева. Штоддартъ былъ принужденъ перейти въ исламъ изъ страха.

Вслѣдъ за отъѣздомъ Бутенева, эмиръ Селѣ-Насеръ-Улла получилъ извѣстіе, что всѣ англійскія войска въ Афганистанѣ уничтожены. Полагая, что генеръ нечего бояться Англіи, онъ приказалъ, 17 іюня 1842 г., предать этихъ двухъ несчастныхъ англичанъ позорной казни на площади. Они были доставлены туда изъ тюрьмы. Первымъ былъ обезглавленъ полковникъ Штоддартъ. Затѣмъ началъ останавливаться, зная, что Конолли была обѣщана жизнь, если онъ приметъ мусульманство. Но Конолли, замѣтивъ это, презрительно проговорилъ: „Штоддартъ сталъ мусульманиномъ и вы все-таки его казнили. Я готовъ умереть“. Съ этими словами онъ хладнокровно подставилъ свою шею палачу, и тотъ однимъ ударомъ отделилъ голову отъ туловища.

Въ 1860 году, по смерти эмира, ему наследовалъ сынъ его, Селѣ-Моцаффаръ-Эддинъ-ханъ. Въ качествѣ опекуна несовершеннолѣтняго Кокандскаго хана, въ званіи преемника Тамерлана, сюзерена прочихъ ханствъ и, наконецъ, какъ ревнитель магометанской вѣры, онъ прижмутилъ въ 1865 году къ войнѣ кокандцевъ противъ генерала Чернышева. Войну эту эмиръ продолжалъ и съ преемниками Чернышева, генералами: Романовскимъ въ 1865 году, Крыжановскимъ и Мантейфелемъ въ 1867 году, графомъ Воронцовымъ-Данковымъ въ 1867 году и фонъ-Кауфманомъ въ 1886 году. Побѣды ихъ надъ эмиромъ привели къ заключенію мира, сломивъ окончательно воинскую гордость бухарцевъ. Съ этого времени начинаютъ устанавливаться дружественныя отношенія Россіи къ Бухарѣ. Мало-по-малу эмиръ убѣдился какъ въ безкорыстіи этихъ отношеній, такъ и въ силѣ и могуществѣ націй родины. Когда противъ него возсталъ его старшій сынъ и наследникъ Абуль-Меликъ-Кати-Тюръ, желая его низвергнуть съ престола, Россія, въ лицѣ генерала Абрамова, съ его отрядомъ, оказала ему дѣйствительное содѣйствіе, — возвратила ему вооруженной силой захваченныя у него владѣнія Шаръ-Сіабъ, Китабъ и Каспи. Это окончательно заставило его потерять всякую вѣру въ ложныя застраиванія Англіи по адресу Россіи. Послѣ всѣхъ этихъ событій, вмѣстѣ съ восшествіемъ на престолъ пылкого эмира, начинается для Бухары новый, свѣтлый, мирный періодъ ея жизни.

Эмиръ Селѣ-Абдуль-Ахатъ-ханъ вступилъ въ управленіе страной, находившейся въ жалкомъ, хаотическомъ состояніи. Его энергичный характеръ не уступилъ господствовавшему порядку вещей и далъ ему силы къ коренному преобразованію своего государства на началахъ гуманности и справедливости. Онъ обратилъ вниманіе на царившій въ странѣ взыточничество, казюкрадство, отягченіе народа непосильными нало-

гами и податями, странную несправедливость въ судахъ и на прочія извѣстныя государственнаго организма. Эмиръ Селѣ-Моцаффаръ-Эддинъ, отецъ его, вполне мирившійся со всѣми неурядицами въ странѣ, скончался 31 октября 1885 г. Съ этого времени началъ пылкій эмиръ, тогда молодой человѣкъ 28 лѣтъ, перестраивать государство на свой ладъ. На первыхъ же порахъ онъ встрѣтилъ энергическое сопротивленіе со стороны прежнихъ приверженцевъ своего отца и духовенства. Единственной его поддержкой была увѣренность въ томъ, что Россія поможетъ ему въ цивилизаторской дѣятельности, тѣмъ болѣе, что и ея дѣятельность въ Азіи имѣетъ именно такой же характеръ. Твердо уповая на Россію, онъ пренебрегъ всѣми угрозами со стороны самыхъ вліятельныхъ и ближайшихъ лицъ, онъ смѣло и безостановочно пошелъ по пути благотворительныхъ реформъ. Первымъ приказомъ такого рода было распоряженіе объ отбѣгѣ рабства на вѣчныя времена во всѣхъ провинціяхъ. Съ десяти тысячъ, болѣею частью персовъ, сняли тяжелыя оковы рабства. Второй его мѣрой былъ приказъ о доведеніи арміи до числа 13,000 чел., состоящихъ изъ 13 батальоновъ пѣхоты, 800 чел. артиллеріи со 155 орудіями, 2,000 регулярныхъ всадниковъ и 4 эскадрона кавалеріи. За этими двумя мѣрами послѣдовало распоряженіе о засылкѣ цыганъ (подземныя ямы и темницы), гдѣ томилась преступница и жертвы гнѣва властителей, и о засылкѣ и закладкѣ казнями сѣхъ-гары или кенне-ханс (черный кодезъ), служившей подземной Бастиліей, въ которой корчили отъ пытокъ несчастные заключенные. Въ связи съ этимъ была отменена пытка, а смертная казнь значительно ограничена. Помимо того, онъ предпринималъ массу мѣръ къ подъему народной нравственности путемъ запрещенія употребленія опиума и другихъ наркотическихъ растеній (Купара-Пама) и прекращенія безнравственныхъ плясокъ бачей (мальчишковыхъ). Затѣмъ были имъ изданы цѣлый рядъ приказовъ объ уничтоженіи взыточничества и ростовщичества, съ угрозою подвергать виновныхъ въ томъ наказанію и денежному штрафу. Такими образомъ эмиръ достигъ того, что населеніе убѣдилось-таки въ пользѣ его нововведеній и стало на его сторону. Приведя въ нѣкоторый порядокъ дѣла государства, эмиръ пожелалъ, въ 1886 г., чтобы Россія отравила въ Бухару своего specialнаго дипломатическаго агента, какъ знакъ особой милости къ нему Государя Императора. Желаніе его было исполнено, и таковымъ агентомъ былъ назначенъ Чариковъ, замѣненный потомъ извѣстнѣмъ изслѣдователемъ Центральной Азіи П. М. Лессаромъ.

Такими путемъ завязались торговныя сношенія Россіи съ Бухарой, и послѣдняя нашла мѣсто сбыта своихъ сырыхъ продуктовъ. Кроме того, благодаря прокладкѣ чрезъ Бухару Закаспійской жел. дороги, по всему рельсовому пути ея возникли селенія и фабрики для обработки бухарской шерсти и шелка. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Бухара соединилась телеграфной сѣтью съ Россіей. Все это скрѣпило какъ можно тѣснѣе отношенія Россіи къ Бухарѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ заставило всѣхъ перемѣнить воззрѣніе на Бухару, какъ на страну господства произвола и беззаконія. Бухара съ каждымъ днемъ растетъ выше и выше въ ряду окружающихъ ханствъ, и подъ управленіемъ такого энергичнаго и умнаго монарха, какъ пылкій эмиръ, она имѣетъ всѣ задатки къ будущему блестящему процвѣтанію.

Разныя извѣстія.

— 11-го января, въ 10 ч. 30 м. утра, Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ отбылъ за границу.

— 12-го января въ Зимнемъ Дворцѣ состоялся обѣдъ въ честь Бухарскаго эмира, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ.

— Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Комитета Министровъ разрѣшено учредить С.-Петербургское математическое общество, имѣющее цѣлью взаимное сближеніе лицъ, интересующихся высшей математикой, и обмѣнъ между ними мыслей, по вопросамъ означенной науки.

— Разработка вопроса объ уравненіи мужчинъ и женщинъ въ правахъ наслѣдства возлагается на особую, учрежденную при Министерствѣ Юстиціи, комиссію по составленію новаго гражданскаго уложенія.

— Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Комитета Министровъ поручено мнѣстру Внутреннихъ дѣлъ заключить съ Комитетомъ Добровольнаго флота новый договоръ о передачѣ флоту на пять лѣтъ содержанія срочнаго пароходства между Владивостокомъ и портами Камчатскаго и Охотскаго морей.

— Финляндское духовное управленіе, по

распоряженію Св. Синода, упраздняется и на его мѣсто учреждается Финляндская духовная консисторія, по образцу духовныхъ консисторій Имперіи.

— Академіи Наукъ пожертвована І. А. Крицкимъ найденная имъ въ 1875 г. тетрадь съ тремя неизвестными стихотвореніями Лермонтова.

— На 1893 годъ Академіи Наукъ, кроме ежегоднаго раздаваемыхъ наградъ и премій (Пушкинской, Ломоносовской, гр. Толстого и Уварова), назначила конкурсы на преміи: В. Я. Буяковскаго, Г. П. Гельмерсенъ, С. А. Грота и Одесской городской думы, въ общемъ на сумму 11,200 р.

— На должность ученаго секретаря конференціи Императорскаго Военно-Медицинской Академіи избранъ 9-го января извѣстный фیزیологъ, академикъ кн. П. Р. Тарханъ-Муравовъ (Тархановъ).

— Въ Москвѣ въ генералъ-губернаторскомъ домѣ открылась выставка собраннаго Ея Императорскимъ Высочествомъ Великою Княгиней Елизаветой Феодоровной образцовъ издѣлій женскаго труда г. Москвы и Московской губ. Всѣ эти образцы будутъ отправлены на всемірную выставку въ Чикаго.

— Императорскимъ московскимъ обществомъ для содѣйствія русскому торговому мореходству объявлено конкурсъ на премію имени Ихъ Императорскихъ Величествъ за лучшее сочиненіе: о мѣрахъ для развитія отечественнаго судостроенія, въ связи съ развитіемъ торговаго флота, при современномъ экономическомъ состояніи Россіи.

— Президентъ Французской республики прислалъ одесскому градоначальнику, генералъ-лейтенанту Зеленому, прекрасную вазу изъ севрскаго фарфора, въ знакъ признательности за радушный пріемъ, оказанный въ Одессѣ французскому военному судану „Петрель“.

— Одесская городская дума, 11 января, единогласно приняла предложеніе городского головы о присвоеніи управляющему Морскимъ министерствомъ, адмиралу П. М. Чихачову, званія почетнаго гражданина города Одессы.

— 11 января, скончался, на 74 году отъ роду, одинъ изъ славныхъ подвижниковъ Тоголѣба, инженеръ-генералъ Эдуардъ Павловичъ Тило.

— По С.-Петербургской губерніи сдѣлано распоряженіе, чтобы въ сельскихъ прихо-

дах на должность церковных старостъ по всѣмъ тремъ группамъ. Всѣхъ членовъ впродъ не избирались лица, содержащія питейныя заведенія или состоящія въ нихъ приказчиками.

— Вновь организованное С.-Петербургское общество взаимнаго вспоможенія на случай смерти въ настоящее время сформировалось

по всѣмъ тремъ группамъ. Всѣхъ членовъ 630 человекъ.

— Императорскимъ Человѣколюбивымъ обществомъ, по послѣднему его отчету, въ продолженіе года оказана помощь въ одномъ лишь Петербургѣ 35,700 лицамъ, на сумму 364,415 р. 92 к.

— Сибѣйная эпма доставила неожиданный большой заработокъ ближнимъ къ Петербургу крестьянамъ. До 3,000 человекъ было занято вывозомъ сѣна изъ столицы.

— По послѣднимъ свѣдѣніямъ, переходъ Балтійской желѣзной дороги въ казну отсроченъ до 1894 года.

Выставка И. И. Шишкина.

И. И. Шишкинъ, какъ извѣстно, принадлежитъ не только къ лучшимъ русскимъ пейзажистамъ—его можно считать однимъ изъ первыхъ пейзажистовъ въ Европѣ. Понятно, поэтому, что его выставка, только что открытая въ залахъ Академіи Художествъ, привлекаетъ многочисленныхъ посѣтителей и заинтересовала собою художественный міръ Петербурга. За послѣднее время г. Шишкинъ много работаетъ и какъ-бы подводитъ итоги всей своей художественной дѣятельности,—а работаетъ онъ на этомъ поприщѣ безъ

ковъ и въ полномъ значеніи слова реалистомъ. Я хочу сказать, что онъ не вноситъ, или почти не вноситъ своего личнаго поэтического чувства въ изображеніе природы, а ограничивался вѣрнымъ и возможно точнымъ воспроизведеніемъ ея особенностей; это былъ своего рода „научный“ пейзажъ, какъ его понимаетъ одна изъ англійскихъ школъ,—пейзажъ, гдѣ особенности того или иного рода растительности, характеръ почвы, даже условія климата выдвигаются на первый планъ и отодвигаютъ на второе мѣсто собственно художественное чувство. Такой пейзажъ имѣетъ огромныя преимущества, какъ изученіе природы, не только въ художественномъ смыслѣ, но даже и прямо въ научномъ, и если въ такомъ пейзажѣ сохранена полная гармонія между вѣрнымъ изображеніемъ природы и ея художественнымъ освѣщеніемъ, то такой родъ можетъ считаться образцомъ „трезваго“ пейзажа, изъ котораго исключены всѣ ложныя или чисто-вышшіе эффекты, вся мишура дешёвыхъ художественныхъ приёмовъ, все то, что восхищаетъ малообразованную въ эстетическомъ чувствѣ толпу и на что истинный знатокъ будетъ смотреть съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ. Такимъ, въ большинствѣ случаевъ, являлся г. Шишкинъ въ продолженіе своей дѣятельности.

Петръ Исаевичъ Вейнбергъ. Съ фот. Шапиро, грав. Шюблеръ.

Эта дѣятельность, поставивъ его на ряду первыхъ въ Европѣ пейзажистовъ, принесла собственно русскому искусству, кромѣ того, огромную, такъ сказать, педагогическую пользу. Г. Шишкинъ своимъ примѣромъ и своими художественными образцами показывалъ какъ слѣдуетъ изучать природу, съ какой добросовѣстностью необходимо вникать въ ея смыслъ, иногда таинственный и глубокий, и какой усидчивый трудъ, какую любовь нужно имѣть, чтобы сдѣлаться постигши вслѣдствіе художникомъ. Однако, даже г. Шишкинъ не всегда и не invariably выдерживалъ эту гармонію между точнымъ воспроизведеніемъ природы и собственно художественнымъ чувствомъ; въ его прежней дѣятельности преобладали, въ большинствѣ случаевъ, собственно вѣрное воспроизведеніе природы; вслѣдствіе этого его картины, при всѣхъ ихъ достоинствахъ, оставляли впечатлѣніе нѣкоторой сухости. Правда всегда поражала въ его картинахъ, но эта правда не была согрѣта индивидуальнымъ чувствомъ самого художника, задача котораго заключается не только въ томъ, чтобы правдиво изображать природу, но также комментировать ее, объяснять, дѣлать понятной и осмысленной.

Значительнымъ прогрессомъ въ этомъ отношеніи можно считать вторую манеру г. Шишкина, — манеру настоящаго времени. Переходъ къ ней можно было замѣтить уже довольно давно, — года три или четыре тому назадъ, когда г. Шишкинъ познакомилъ публику съ нѣкоторыми своими картинами, писанными не въ обычномъ своемъ тонѣ. Въмѣсто собственно лѣса, составлявшаго прежде какъ-бы исключительную спеціальность г. Шишкина, — онъ сталъ изображать эффекты тумана, воду, переливы свѣта и даже звѣрей въ лѣсу.

Постоянная любовь и неутомимая энергія нашего художника, постоянно возобновляющійся интересъ его къ изученію природы, составляютъ несомнѣнные признаки великаго таланта.

В. Ч.

Политическое обозрѣніе.

Его Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ отправился въ Берлинъ для пріусетствованія при бракосочетаніи принцессы Маргариты, сестры императора Германскаго, съ принцемъ Фридрихомъ-Карломъ Гессенскимъ.

Въ Берлинѣ Наслѣдникъ Русскаго престола прибылъ 12 ян-

варя въ 9½ часовъ вечера и былъ встрѣченъ императоромъ, принцами Генрихомъ и Фридрихомъ-Леопольдомъ и наслѣдникомъ герцогомъ Ольденбургскимъ, а также герцогомъ Эднбургскимъ и всѣми прусскими и многими иностранными августѣйшими особами. Когда поѣздъ остановился, почетная стража

взяла на караул, и хорь музыки исполнили русскій народный гимнъ. Императоръ и Цесаревичъ, бывшій въ мундирѣ своего Вестфальскаго гусарскаго полка, при лентѣ Чернаго Оrla, обнялись и облобызались другъ друга неоднократно. Велѣдъ затѣмъ Его Высочество поздоровался съ принцами и прослѣдовалъ вдоль фронта почетнаго караула. Съ вокзала, гдѣ находился также русскій посолъ графъ Шуваловъ, императоръ и Наслѣдникъ Цесаревичъ, несмотря на крупный дождь, прослѣдовали въ открытомъ парадномъ экипажѣ къ дому русскаго посольства, горячо привѣтствуемые на всемъ пути слѣдовавшими густыми массами публики. Императоръ проводилъ Его Высочество до дома русскаго посольства, гдѣ Августѣйшій Гость былъ встрѣченъ графиней Шуваловой. Въ тотъ же вечеръ императоръ Вильгельмъ еще разъ прибылъ въ русское посольство и пробылъ у Наслѣдника Цесаревича до 12 час. 45 мин. Наслѣдний герцогъ и наслѣдний великій герцогъ Веймарнскіе также сдѣлали вечеромъ продолжительные визиты въ русское посольство. Императоръ пожаловалъ Наслѣднику Цесаревичу орденскую цѣпь Чернаго Оrla. На другой день поутру Наслѣдникъ Цесаревичъ сдѣлалъ визиты императору, императрицѣ, членамъ прусскаго королевскаго дома и иностраннымъ высокимъ особамъ. Затѣмъ Его Высочество самъ принималъ визиты, а потомъ поѣхалъ къ имперскому канцлеру и оставилъ тамъ свою карточку. Послѣ полудня Наслѣдникъ Цесаревичъ съ королевемъ Саксонскимъ присутствовалъ на завтракѣ у императора.

Промаскировка торжества отвлекла вниманіе берлинцевъ отъ военнаго законопроекта, разсматриваемаго комиссіей. Несмотря на краснорѣчіе Каприви, не всѣ прониклись его убѣжденіями и противъ проекта раздается не мало голосовъ. Такъ, Рихтеръ и Бебель говорили противъ военнаго закона. Бюль заявилъ, что онъ дастъ согласіе на ассигнованіе средствъ только въ томъ случаѣ, если новыя налоги не касаются сельскаго хозяйства. Вожь центра Либертъ, также высказался противъ проекта, при чемъ заявилъ, что центръ желаетъ установленія двухгодичнаго срока службы, по законодательнымъ порядкомъ и при сохраненіи нынѣшней численности арміи по штатамъ мирнаго времени. Графъ Каприви отвѣтилъ, что Германія достаточно сильна для оборонительныхъ дѣйствій противъ Франціи, но не для войны на два фронта, и что на принятіе изъ всего законопроекта только статьи о введеніи двухгодичнаго срока службы правительство согласится не можетъ.

Во Франціи газеты, все сильнѣе барахтаясь въ грязи лбедъ и клеветъ, стали понадевать ея въ лицѣ, должествующихъ стоятъ выше всякихъ пзвѣтовъ. Къ счастью для страны, поусердствовавшіе журналисты оказались для нея иноплемениныи. Тѣмъ не менѣе, министръ Буржуа внесъ въ сенатъ проектъ о передачѣ суду исправительной полиціи лицъ, обвиняемыхъ въ оскорбленіи въ печати чужестранныхъ государей и пословъ.

Проектъ препровожденъ въ комиссію по дѣламъ печати. Еще до закрытія засѣданія сенатъ выслушалъ докладъ Траріе, который предложилъ вопиовать упомянутый законопроектъ. Разсмотрѣніе законопроекта признано неотложнымъ.

Въ Стокгольмѣ 6-го января состоялось открытіе шведскаго сейма въ тропной залѣ. Въ рѣчи короля сказано, что отношенія къ иностраннымъ державамъ остаются, попрежнему, наилучшими. Далѣе король заявляетъ о своей искренней дружбѣ къ Даніи, наслѣдний принцъ и принцесса которой присутствуютъ на церемоніи. Затѣмъ въ рѣчи объявлено о внесеніи требованія относительно ассигнованія суммъ на развѣстіе флота и на окончаніе въ 1894 году Сѣверной желѣзной дороги. Въ ожиданіи, пока будетъ закончено обсужденіе различныхъ налоговъ, вызываемыхъ недавно состоявшимся разрѣшеніемъ вопросовъ относительно народной обороны, король предлагаетъ употребить въ 1894 г. на означенные предметы прибыли шведскаго банка.

Попытка юнаго хедива не осталась безъ послѣдствій. Изъ Каира телеграфируютъ въ Лондонъ: „Несмотря на общесъ улучшение положенія, послѣдовавшее за опубликованіемъ соглашенія между хедивомъ и Кромеромъ, теперь опять опасаются за дальнѣйшій ходъ дѣлъ. Образъ дѣйствій хедива, поддерживающаго народныя демонстраціи, и заносчивое поведеніе его въ мечети и въ оперѣ успиваютъ возбужденіе въ низшихъ классахъ населенія и чувство близости между европейцами. Англійскіе чиновники считаютъ свое положеніе поколебленнымъ, а дальнѣйшія реформы — сомнительными. Англійскіе офицеры полагаютъ, что число англійскихъ оккупационныхъ войскъ, вѣроятно, будетъ увеличено“.

Съ другой стороны, пзвѣщаютъ, что султанъ поздравилъ хедива телеграммой, въ которой говоритъ, что посылаетъ ему въ подарокъ шестью лошадей, и что, согласно инструкціямъ Девэля, посолъ Ваддингтонъ вручилъ вчера лорду Розбери ноту по поводу внимательства Кромера въ египетскій кризисъ и заявилъ, что Франція не можетъ оставаться равнодушною въ виду этого проступка, который спосособъ нарушить независимость хедива и вредно повліять на положеніе, созданное въ Египтѣ договорами.

Въ заключеніе съ радостнымъ чувствомъ, для каждаго интересующагося дѣлами Сербіи и ея юнымъ государемъ, слѣдуетъ сообщить, что между родителями Сербскаго короля послѣдовало полное примиреніе. Поводомъ къ тому была, какъ говорятъ, телеграмма короля Александра, поздравившаго своего отца съ Новымъ годомъ, при чемъ въ ней было сказано, что король груститъ, проводя праздники вдаль отъ своихъ родителей. Извѣстіе о примиреніи съ неописаннымъ восторгомъ принято въ Сербіи.

Библиографія.

Историческіе очерки и рассказы С. Н. Шубинскаго. Изданіе третье, дополненное и исправленное, съ 52 портретами и иллюстраціями.

Настоящее, третье по счету, изданіе рассказовъ С. Н. Шубинскаго представляетъ собою явленіе весьма пріятное въ двойномъ смыслѣ: во-первыхъ, въ третьемъ изданіи эта книга является утронвившею въ объемѣ и въ интересѣ содержанія, во-вторыхъ — самое появленіе подобной книги третьимъ изданіемъ уже указываетъ на то, что публика ее цѣнитъ, покупаетъ и читаетъ съ большимъ интересомъ. Между тѣмъ, авторъ нпмало не старается приправлять свои рассказы никакими пикантными или пріимыми подробностями: онъ, видимо, выше всего цѣнитъ документальную историческую правду и все, что пзлагаетъ, пзлагаетъ просто, спокойно, серьезно и съ полнымъ знаніемъ всѣхъ деталей пзбрасываемой имъ картины. Передъ глазами читателя проходятъ одна за другою историческія личности и эпохи нашей исторіи прошлаго вѣка, который близко знакомъ С. Н. Шубинскому во всѣхъ подробностяхъ, сохраняемыхъ архивнымъ матеріаломъ и живыми, страстными страницами мемуаровъ и современныхъ записокъ. Авторъ

пользуется этимъ богатымъ матеріаломъ съ великимъ умѣнемъ и тактомъ: онъ нигдѣ и ничего не пересаливаетъ, не переполняетъ своего текста документальными отрывками въ кавычкахъ, не пересыпаетъ его изобильно пудобонопными старыми терминами, а всего даетъ въ мѣру и въ пору. Это чувство мѣры и составляетъ, по нашему мнѣнію, характерную отличительную черту всякаго положительнаго знанія...

Рассказы въ книгѣ С. Н. Шубинскаго расположены, по возможности, въ хронологическомъ порядкѣ. Одни изъ нихъ касаются характеристическихъ и біографическихъ подробностей, любопытныхъ и важныхъ для пониманія пѣкоторыхъ историческихъ дѣятелей прошлаго вѣка; другіе — прямо описываютъ пѣкторыя, давно исчезнувшія, черты быта и нравовъ; третьи передаютъ историческіе анекдоты, обставленные подробностями и необходимыми для пониманія ихъ комментаріями. Въ общемъ-же, глазамъ читателя представляется очень полная картина внутренней и домашней жизни нашихъ предковъ въ прошломъ столѣтіи — и въ этомъ слѣдуетъ искать объясненіе успѣха книги почтеннаго автора. Замѣтимъ отъ себя, что успѣхъ этотъ вполне заслуженный... П. Полевой.

Искусство.

Музыка.

Симфоническія собранія. *Alla-tempo — alie mores...* Русское музыкальное общество вынуждено было распустить свой оркестръ и обратиться за таковымъ къ дирекціи казенныхъ театровъ; съ перемѣною оркестра, перемѣнился и дирижеръ: отъ г. Ауэра дѣло перешло къ г. Крушевскому; послѣдній внесъ въ программы вечера направденіе, господствующее за кулисами. Тамъ знаменитаго А. Г. Рубинштейна не любятъ и оперъ его, кромѣ „Демона“, не ставятъ; это отношеніе къ нему тогчасъ же обнаружилось и въ симфоническихъ собраніяхъ. Достаточно сказать, что изъ его многочисленныхъ симфоническихъ произведеній сыграна была одна только вещь, а именно увертюра „Антоній и Клеопатра“, вещь сравнительно слабая, да и дапа была она въ концѣ вечера,

такъ сказать „для развѣзда“; насколько справедливо поступило общество по отношенію къ тому, кому оно почти всецѣло обязано своимъ существованіемъ, — предоставляется судить каждому.

Итакъ, первая жертва — любимецъ публики, первый въ мірѣ артистъ, авторъ слишкомъ 150 произведеній во всѣхъ жанрахъ композиціи, основатель Русскаго музыкальнаго общества и консерваторіи, А. Г. Рубинштейнъ, пользовавшійся вседѣ глубочайшимъ уваженіемъ и любовью публики и музыкантовъ... Всѣхъ собраній до настоящаго времени было восемь, въ которыхъ ужъ ясно обозначилось стремленіе завѣдывающихъ художественной частью. Два вечера было уделено отдѣльнымъ композиторамъ: первый — Листу, пятый — г. Паганини. Какъ ни интересно прослушать ораторію „Св. Елизавета“ перлага и музыку къ „Донъ-Жуану“ второго (послѣдняя шла нѣсколько разъ Великимъ постомъ и достаточно извѣстна нашей

публики), все же нужно сказать, что одно произведение в течение дняго вечера — несколько уютно. Задача таких вечеров — разнообразие знакомство с различными авторами различных школ: тогда публика к ним относилась с более живым интересом.

Другие шесть программ были в этом смысле лучше составлены: сюда входили и классики (Бах, Бетховен, Моцарт, Шумахер и др.), и современные композиторы, русские и иностранные. Из русских исполнены были здесь сочинения московских композиторов, гг. Симона и Аренского. Первый — начинающий, поставивший на сцене Большого московского театра оперу „Ролла“, имевшую некоторый успех, а второй уже неоднократно выступавший перед публикой в качестве симфониста и также поставивший в Москве свою оперу „Сон на Волге“; первый — воспитанник московской консерватории, второй — петербургский и состоявший в настоящее время профессором по классу теории и композиции в московской консерватории. Произведение г. Симона называется „Ночной смотр“ (симфоническая поэма на сюжет баллады Жуковского), а г. Аренского — сюитой, состоящей из нескольких частей. Оба произведения не отличаются глубиной и имели succès d'estime.

С иностранными сочинениями (Вагнера, Массене, Лалю, Шабри и др.) знакомил публику и приглашенный на два концерта известный парижский дирижер г. Ламурэ. Он однако оставил довольно неопределенное впечатление: он, конечно, прекрасный музыкант, отлично знающий свое дело и вносящий в исполнение много тонких штрихов, но от него ожидали гораздо большего, и вообще ему повредило во мнении публики его компартиот Ко-

лош, более понравившийся петербуржцам своим горячим темпераментом. Статьи о дирижерах. Кроме названных двух дирижеров (гг. Крушевского и Ламурэ), здесь появился г. Направник и имевший появиться г. Чайковский, которому, впрочем, будет удивлен целый вечер. Из них г. Крушевский является главным, так как все остальные — элемент случайный. Он образованный музыкант, старательный, но дирижирует без оживления; в нем нет того пера, который придает жизнь руководимой им армии.

Остается еще упомянуть о солистах; здесь появилась целая серия исполнителей и исполнительниц; тут были скрипачи (знаменитый г. Томсон, так блестяще заявивший свой талант в прошлом году, г. Вальгер), пианисты (г-жи Познанская, Маркова, гг. Зауэр, о котором мы писали в прошлом сезоне, Николаев и Ленин), виолончелисты (гг. Вержилович и Глен) и т. п. Между последними следует отметить артистов оперы от случайно появившихся программ; первые достаточно известны. Что касается вторых, то, признаться, мы были бы против участия в этих вечерах учеников консерватории, которым здесь не место. Наиболее выделялись из певцов две: г-жа Фрида, бывшая артистка нашей оперы, и г-жа Литвинова-Николуца, по всей вероятности, будущая prima donna нашей оперы. Молодой артист предстает дебют на Мариинской сцене. Г-жа Литвинова имела шумный успех и обнаружала хорошо обработанный голос, который она усовершенствовала в Италии; артистка эта — ученица нашей консерватории по классу г-жи Прецкой.

В. Б.

С М Ъ С Ъ.

Зимний корм для курь. Кто имел возможность зимой доставлять своим курам зеленый корм, тот мог заметить, что после того они раньше начинают нестись и вообще лучше растут и плодятся. Однако, такой корм в холодное время года довольно трудно: остатков овощей тоже не много; поэтому совет, который дает птицеводам один американский журнал, должен быть принят ими с благодарностью. Берут два ящика и наполняют их несомым и хлébным зерном; содержащее хорошо укладывают: ящики ставят в теплое место возле печки. Спустя четыре дня зерна (пшеницы, овса, ячменя) прорастают и пускают корешки. Тогда зерно высыпают или иным способом отделяют от зерен, которые оказываются в таком состоянии превосходнейшим зимним кормом для курь. Способом этим можно пользоваться и летом. Известное пространство земли засевают густо зерном, укладывают и закрывают досками. Когда зерна прорастут, доски снимаются, и пускают на это место курь.

Результаты введения поясного железнодорожного тарифа в Венгрии. Результаты эти лучше всего обнаруживаются при сравнении числа пассажиров, путешествовавших по венгерским железным дорогам до и после введения этого тарифа.

До введения нового тарифа.		После введения нового тарифа.	
Годъ.	Число пассажиров.	Годъ.	Число пассажиров.
1884:	6,900,000	1889:	16,200,000
1885:	7,600,000	1890:	19,000,000
1886:	7,000,000	1891:	28,300,000
1887:	6,200,000		
1888:	6,100,000		

Следовательно, до введения нового тарифа число железнодорожных пассажиров не только не увеличивалось, но даже в некоторые годы значительно сокращалось. С 1-го же августа 1889 г., когда стал действовать поясный тариф, число путешественников возросло из года в год в необычайной прогрессии. Всего три года применяется новый тариф, а число это успело уже увеличиться на 464%! При населении Венгрии в 16,500,000 жителей число пассажиров достигает 28,300,000! Вот до чего участились сношения отдельных жителей внутри страны.

Такое же повинный изумительное развитие показывают и доходы железных дорог. В пятилетие 1884—1888 гг., доходы эти колебались между 9½—10½ миллионами гульденов, а в последний год пред введения поясного тарифа составляли всего 9,705,000 гульденов. В 1891—1892 тарифном году собрано было железными дорогами Венгрии 18,320,000 гульденов: прирост, следовательно, определяется в 100%.

Приведенный здесь данные представляют для нас значительный интерес, так как в последнее время у нас возбужден вопрос о введении поясного тарифа на железных дорогах. Подобно тому, какой применялся у нас несколько лет тому назад при телеграфных сношениях, пока не удалось удешевить телеграфный сбор.

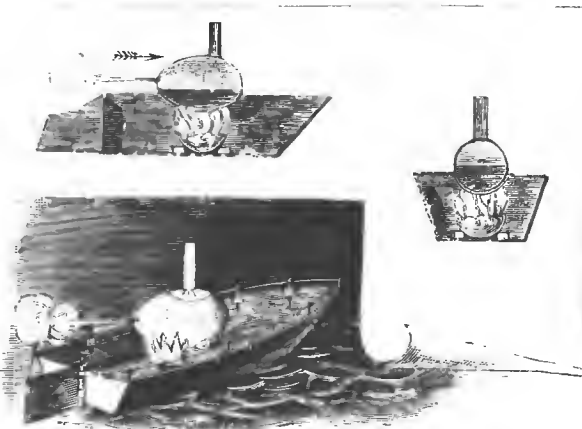
В Марокко довольно часто посещают гаремы европейск дамы. Одна из обитательниц такого гарема как-то была так испугана, что упала в обморок, когда приглашенная однажды дама неожиданно стала снимать перчатки. Паничная мавританка представила себя, что дама снимает с руки живую кожу. Нужно было много усилий, чтобы привести ее в чувство.

Насажение шелководства на юге России. Возле Николаева производят теперь одной компанией опыты разведения шелководных червей. Обозначается, что гусовое дерево в этих краях

растет хорошо, не требуя никаких особых забот. Если усилия общества увеличатся успехом, то местное население получит новый заработок, новый источник доходов. (г. в.)

Бумажный пароходъ.

Есть один давно известный опыт, производящий тем не менее всегда впечатление: в бумажной коробочке можно вскипятить воду. Для этого не требуется никаких особенных приспособлений. Просто нужно сложить из бумаги коробочку, налить в нее воды и держать дно ее над самым пламенем свечи: вода закипит, но бумага не загорится и не промокнет. То же можно продолжать и с яичной скорлупой, т. е. и в ней вскипятить воду. Разумеется, это кажется более вероятным, потому что скорлупа не что иное, как известка, которая хотя и способна обуглиться, но не воспламенится. При этом скорлупа настолько тверда, что может оказать известное сопротивление некоторому давлению пара. Пользуясь этим, можно устроить довольно забавный пароходик, в котором котел замкнется яичной скорлупой; для этого нужно продумать в яиче отверстие, высосать содержимое, и, наполнив водою, удержать яйцо на бумажной лодочке; затем нагреть воду до кипения, и, когда из отверстия пойдет пар, лодочка начнет двигаться вперед. В вид спиртовки под этим импровизированным котлом можно употребить тоже скорлупу со смоченной спиртом ватой.

ГОДЕРЖАНИЕ: Джеттатура. Повесть графа Е. А. Салиаса. (Продолжение). — Повесть по юго-восточному Алтаю. Очерк художника А. Мако (с 3 рис.). — Поэтические стихотворения А. Фета. — Попугай сосватал. Шутка Виктора Бвида. Перевод с немецкого. — „Ключь врага милосердого“. Восточное сказание В. Н. Д. — Къ рисунку: Тяжелый труд (с рис.). — Литературный альбом. „Золотой петушок“, А. Пушкина (с рис.). — В домашнем кругу (с рис.). — П. И. Вейнберг (с рис.). — Ледяной промысел в Нью-Йорке (с рис.). — П. И. Вейнберг (с портр.). — Бухарь прежде и нынѣ. Историческая справка. — Разные извѣстия. — Выставка И. И. Шишкина. — Политическое обозрѣние. — Библиографія. — Искусство. — Смѣсь. — Бумажный пароходъ (с рис.). — Объявления.

Печатать А. Ф. Мзрись.

Редакторъ Кн. М. Н. Волконскій.

**За ТРИ только
рубля**

высылаю съ первою
почтою

ЯЩИКЪ

содержащій необходимыя для
каждаго слѣдующія вещи,
какъ-то:

1) 1 механический инвентаризованный
штемпель (изъ настоящего каучука)
съ именемъ, отчествомъ и фамилией
заказчика (по желанію и съ короною).
2) Механич. карандашъ. 3) Механич.
перо. 4) Филонъ штемпельной праски.
5) 100 листовъ почтовой бумаги. 6)
100 штукъ конвертовъ для писемъ.
7) 25 штукъ перьевъ стада. 8) 25
листовъ почтов. бумагъ съ послон-
цами. 9) 3 ручки для перьевъ. 10)
3 карандаша. 11) 3 поздравитель-
ныхъ карточки. 12) 2 интересныхъ
фокуса. 13) Карманную чернильницу
металлическую. 14) 100 шт. картона
для визитныхъ карточекъ. 15) 100 кон-
вертовъ для визитн. карточекъ.

Цѣна за все вышеозначен-
ныя вещи лишь три рубля
(за пересылку уплачивается
при полученіи посылки).

По желанію при штемпелѣ мо-
жетъ быть изготовлена и сур-
гучная печать съ инициалами
заказчика. За что слѣдуетъ при
заказѣ приложить 6 штукъ 7 ко-
пѣчныхъ почтовыхъ марокъ.

При требованіяхъ прошу высылать
деньги и обозначать ими, отчество и
фамилию, которыя желаютъ помѣстить
въ штемпель, и указать точный адресъ
для высылки вещей почтою.

Требованія и деньги прошу высыл-
ать по слѣдующему адресу: въ гор.
НАРВУ (С.-Петерб. губ.

КУНЦУ

№ 6212

**Веніамину Давидовичу
МИХАЙЛОВСКОМУ.**

ПРИМѢЧАНІЕ: При заказѣ вышеозначен-
ныхъ вещей г-нъ Мухоморовъ сразу
оплатитъ, прилагается еще каждому по
одному портрету съ интереснымъ
секретомъ

БЕЗПЛАТНО.

ЛЕВИНСКІЙ и ГЮЗНІЙ

имѣютъ честь сообщить, что они доставля-
ютъ черную краску, которую печатаетъ
выдающійся журналъ „Нива“. № 2405

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣлательныхъ агентовъ. За условіями
обращ. извѣстно: Ген. ихъ Блохъ,
С.-Петербургъ, Невскій, 59. 10-5

КРАСИВО ПИСАТЬ

выучается всякій заочно (посредствомъ
перенесенія) въ 15 уроковъ
у ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФИИ

А. КОССОДО.

Методъ преподаванія на Парижской все-
мирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ зо-
лотой медали. № 6208 52-1

За 2 семиклассныя марки высылаются
пробное письмо и условія. Адресъ: Про-
фессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ
Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современ. жизни
Вс. Соловьева. II. 2 р., съ пер. 2 р. 70 к.

Къ свѣдѣнію гг. землевладѣльцамъ, экспортерамъ и торгующимъ хлѣбомъ.

На Рязанско-Уральской желѣзной дорогѣ для долгосрочнаго храненія мѣснаго хлѣба до его отправленія по назначенію и для захода транзитнаго хлѣба устроены элеваторы и склады.

Мѣстный хлѣбъ до отправления по назначенію принимается на долгосрочное храненіе въ элеваторы на станціяхъ: Козловъ, Ряжскъ, Лебедянъ и Данковъ, а также въ склады на станціяхъ: Козловъ, Богоявленскъ, Ряжскъ, Александровская, Коробино, Никитино, Хрущево, Тамбовъ, Разсказово, Платоновка, Ломовись, Краснослободскъ, Кирсановъ, Уметъ, Тамала, Сосновка, Беково, Ртищево, Салтыковка, Екатериновка, Лопуховка, Аткарскъ, Кологривовка и Саратовъ.

Транзитный хлѣбъ принимается на храненіе въ элеваторы на станціяхъ: Козловъ и Ряжскъ, а также въ завозные склады, устроенные на станціяхъ: Козловъ, Александровская, Богоявленскъ, Ряжскъ, Никитино, Тамбовъ, Разсказово, Платоновка, Ломовись, Краснослободскъ, Кирсановъ, Уметъ, Тамала, Сосновка, Беково, Ртищево, Салтыковка, Екатериновка, Лопуховка, Аткарскъ, Кологривовка и Саратовъ.

На ряду съ открытіемъ дѣятельности складовъ и элеваторовъ Обществомъ Рязанско-Уральской дороги организована выдача ссудъ подъ хлѣбные грузы, какъ сдаваемые для непосредственнаго отправления по желѣзнымъ дорогамъ, такъ и сложенные въ склады и элеваторы Общества.

Такса сборовъ и условія пріема хлѣба на храненіе въ склады и элеваторы, а равно правила выдачи ссудъ, опубликованы въ Сборникѣ тарифовъ Росс. жел. дорогъ и отпечатаны отдѣльными брошюрами, высылаемыми, по требованію, безплатно Правленіемъ Общества (въ С.-Петербургѣ, по Мойск., д. № 40).

Съ открытіемъ указанныхъ операций землевладѣльцамъ, экспортерамъ и хлѣботорговцамъ представляется возможность ружевой подвозки грузовъ въ удобнѣйшее для того время къ станціямъ Рязанско-Уральской дороги для останова ихъ въ складахъ и элеваторахъ къ ожиданію выгодныхъ для сбыта хлѣба рыночныхъ цѣвъ, пользуясь при этомъ въ теченіе всего времени храненія хлѣба и доставки его по назначенію дешевыми и скорыми кредитомъ.

№ 6190 3-2

**EAU, PÂTE, POUDRE
DENTIFRICES**

DOCTEUR PIERRE

DE LA
FACULTÉ DE MEDECINE
DE PARIS

EN VENTE PARTOUT

№ 6039 13-13

Карлъ Ивановичъ Вагнеръ,
Садовое заведеніе въ Ригѣ,

симъ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія любителей, что
КАТАЛОГИ СЪМЕНАМЪ и пр. НА 1893 г.
изданы и пересылаются по требованію безплатно.

№ 6203 3-1

401 503 358 353

**ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ 56-Й ПРОБЫ СЪ
искусственными БРИЛЛАНТАМИ:**

превосходными

№ 254. Золотое кольцо. Шт. 4 р. 90 к., 2 за 9 р. 55 к., 3 за 13 р. 90 к.

№ 353. Золотыя серьги. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 8 р. 90 к.

№ 358. Золотыя серьги на ниткахъ съ болыи. неуст. бриллантомъ.

Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 9 р. 40 к.

Товаръ № 401. Золотой браслетъ. Шт. 19 р. 75 к., 2 за 37 р. 80 к.

персн. № 307. Золотая брошка. Шт. 7 р. 55 к., 2 за 13 р. 90 к.

налож. платокъ № 503. Золотая булавка. Шт. 3 р., 2 за 5 р. 65 к.

С.-Петербургъ, БАЗАРЪ МАРОКЪ.

Невскій пр., № 20-31.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Н. Н. Каразина. Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 50 к. Обращается въ Понтору
журнала „Нива“, а также и ко всѣмъ извѣстнымъ книгопродавцамъ.

П. № 6178 4

Белоснежныя англійскія велос.
„Гумберъ и К°. Лмд.“
лучше въ свѣтѣ!
предлагаетъ торговый домъ
Г. ЖЕМЛІЧКА и К°.
Москва, Печальный пр., домъ Есиповъ.
Прейсъ-курanty—безплатно.

ТРЕБУЕТЪ НАСТОЯЩЕЕ МЫЛО

А. МОСТРОУМОВА

ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ

УТВЕРЖДЕН. ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ

ОСВѣдѣн. въ С.-Петербурѣ

ИСКУССТВЕННЫЕ ЖЕРНОВА
фабрики **І. ТРАППА**
не требуютъ ковки. Въ 2-3 раза про-
изводительнѣе другихъ жернововъ.
Главный представитель: **В. Б. Жуковский**
С.-Петербургъ, 10-я рота, д. № 6.

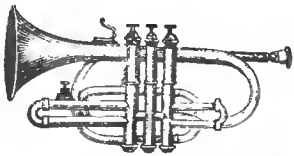
НОВОСТЬ!
ШТОПАЛЬНЫЙ АППАРАТЪ
чинить чулки, бѣлье, матерію и проч.
скоро и хорошо. Цѣна 1 р. Заванъ вы-
сылаются немедленно. Адресъ: С.-Петер-
бургъ, Складъ новыхъ изобрѣтеній, Не-
вскій, 4. Каталогъ (иллюстр.) всѣхъ изо-
брѣтеній и подаркомъ за 10 коп. марку

ЧТО МОЖЕТЪ СДѢЛАТЬ ИСКУССТВО
для поддержанія жизни и отдаленія смер-
ти? Д-ра медицины **А. И. Ильинскаго**. Ц. 1 р.
съ перес. № 6204 2-1

Нижинный магазинъ
Ө. А. БОГДАНОВА,
Москва, Петровскія линіи, 5.

Магазинъ вымѣщаетъ всевозмож. рус. книги.

**ВЫБОРЪ
ИЗЪЯЩНЫХЪ
ШЕЛКОВЫХЪ
ТАНЕЙ.**
БАРХАТА и ПЛЮША
въ розничномъ магазинѣ
Бр. С. Г. ШЕЛАЕВЫХЪ
въ москвѣ.
ПАССАЖЪ СОЛОДОВНИКОВА,
№№ 65, 66.
С.-Петербургъ, Гостиный дворъ, Бозланъ
Суровская линія, № 134.
Продажа безъ залоговъ. Образцы высылаются
бесплатно. № 6209 3-1

КОРНЕТИ-А-ПИСТОНЫ

хорошей заграничной работы въ 12, 15, 22, 35 и 35 руб.; собственной с.-петербургской фабрики въ 50, 60, 75 и 100 р.; знаменитой фабрики Courtois въ 90 р., 150 р. и 250 р.
Школа-самоучитель Баганца въ 1 1/2 и 2 1/2 р.

ФЛЕЙТЫ

хорошей заграничной работы въ 2, 4, 6, 9, 15, 20, 30, 40 и 50 руб.; собственной с.-петербургской фабрики въ 60, 75, 85, 120 и 160 руб. Флейты „модели Циммермана“, находящиеся въ употреблении у первых артистов, по 85 и 120 руб.
Школа-самоучитель Нелера по 1 1/2 и 2 1/2 р.

КЛАРНЕТЫ

въ 6 р., 10 р., 15 р., 20 р., 25 р. и 35 р. и собственной фабрики въ 45 р., 60 р. и 75 р.
Школа-самоучитель Нитцера по 2 1/2 и 4 р.

Также все другіе музыкальные инструменты и принадлежности въ громадномъ выборѣ.

Платежн. прейсъ-курантъ — бесплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ

ЦИММЕРМАНЪ

главное депо

музыкальных инструментовъ и нотъ:
С.-Петербургъ, В. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

ОРУЖЕЙНЫЙ МАСТЕРЪ Алексѣй Тимоничъ Грязновъ въ Тулѣ. Изготавливаетъ ружья и винтовки всевозможныхъ системъ, вдвое дешевле заграничныхъ, при чемъ нѣтъ не уступающія, за что удостоенъ многихъ наградъ. Точность и добросовѣстность исполненій съ ручательствомъ. Прейсъ-курантъ высылается. № 6202 3—1

НОВОСТЬ!

Необходима каждому

МИНУТНАЯ КУХНЯ.

Ново-изобрѣтенный приборъ, посредствомъ коего всякій можетъ сдѣлать себѣ купанье въ нѣсколько минутъ. Цѣна 40 коп. Заказы высылаются немедленно. Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ новыхъ изобрѣтеній, Невскій, 4. Каталоги (многочисленныя) всехъ изобрѣтеній и подарковъ за 10 коп. марку. № 6211

„НЬЮ-ІОРКЪ“

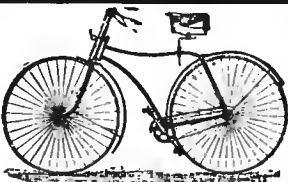
Общ. Вѣд. Страх. Жизни.

Фондъ обезпеченія на 1 января 1892 г. Руб. 265.748.783.

Спеціальная гарантія для русскихъ страхователей составляетъ на 1 декабря 1892 г. Р. 2.714.072 23.

Сумма эта хранится въ Госуд. Банкѣ на имя Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. № 5653 (32)

Главн. Уполн. П. П. Меллеръ.

Поставщикъ Высочайшихъ Особъ и Русской арміи.

Около 1000 велосипедовъ на складѣ. — Кроме большинства полковъ болѣе 500 офицеровъ пользуются нашими велосипедными.

САМЫЙ ОВШИРНЫЙ ВЕЛОСИПЕДОВЪ.

Торговый домъ **Ж. БЛОКЪ.**

(основ. въ 1863 г.)

МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Ц. № Бокандъ и Екатеринбургъ. 25—9

5982 Поавй каталогъ 80 страницъ.

БЕЗПЛАТНО.

Дозвол. цензур., СПб., 20 января 1893 г.

Поступило въ продажу новое роскошное изданіе А. Ф. Маркса:
ИСТОРИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ И ПОВѢСТИ

П. Н. ПОЛЕВОГО,

украшенные множествомъ оригинальныхъ рисунковъ и
выпоекъ художника **К. В. ЛЕБЕДЕВА.**

Появленіе въ свѣтъ настоящаго изданія было встрѣчено русскою выдающеюся прессою весьма лестными отзывами: такъ, между прочимъ, „НОВОЕ ВРЕМЯ“ говоритъ о книгѣ слѣдующее: „Надо отдать справедливость г. Марксу: онъ издалъ эту книгу очень изящно, съ вышестамп и картинками, нарисованными съ большимъ вкусомъ и знаніемъ русскихъ древностей молодымъ художникомъ, г. Лебедевымъ. Историческіе рассказы г. Полевого отличаются тѣмъ, между прочимъ, отъ цѣлой массы подобныхъ рассказовъ, что въ нихъ соблюдается историческая вѣрность фактовъ, такъ какъ авторъ прекрасно изучилъ ту эпоху, изъ которой черпаетъ свои рассказы. Притѣненны къ этимъ рассказамъ и рисунки являющіеся не празднымъ измышленіемъ, а служащія къ нимъ иллюстраціями, гдѣ вѣрно соблюдаются костюмы и другія бытовія особенности“.

Цѣна этой книги, въ виду ея значительнаго объема (болѣе 450 стр., большого 8°) и роскошнаго изданія, назначается нами весьма умеренная: 5 р., съ перес. 5 р. 80 коп.; въ роскошн. перепл. 6 р., съ перес. 7 р.

Для любителей роскошныхъ изданій мы печатали особо „50 нумерованныхъ экземпляровъ“ на голландской бумагѣ. Въ этихъ экземплярахъ все 24 заглавья на мѣди отпечатаны на китайской бумагѣ. Цѣна этихъ нумерованныхъ экземпляровъ 25 руб., съ пересылкою 26 руб., въ роскошномъ полушажневомъ переплетѣ 28 руб., съ перес. въ лижнѣ 30 руб. Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива“, Невскій, № 6.

САРИНКА И САРИНСКАЯ ЧЕСУЧА

8—5 СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКАЦИИ. Ц. № 6163
Пересылку тканей по заказамъ фирма Альбомъ съ образцами высылается по принимаетъ на свой счетъ. требованію бесплатно.
Адресъ: САРАТОВЪ, Торговому дому „БЕНДЕРЪ И СТЕПАНОВЪ“, въ Пассажѣ.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ

EAU DE LYS DE LONSE

Бѣлая и розовая вода для бѣлокурокъ. желтая вода для брюнетокъ.
Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

**МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ**

Придворный парфюмеръ, 46. Егерштрассе. Берлинъ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ
дрогистовъ Россіи. № 5420 (23)

LOCARNO Станція Готтардской ж. д. у Лаго Маджіоре наилучшая и ближайшая

Общезнаменитая аска медицинскими авторитетами и специально рекомендованная Королев. Бавар. Соѣдиненіемъ медиковъ, проф. д-ромъ А. Мартиниомъ, какъ самая превосходная въ Европѣ зимняя и весенняя станція. № 6199 6—2

Grand Hotel Locarno.

Открытъ въ продолженіе всего года. — Наилучшимъ образомъ приспособленъ къ проживанію въ немъ зимою. — Лучшее мѣстопребываніе у Итальянскихъ озеръ.

Самая комфортабельная гостиница на континентѣ, въ замѣчательно красивой мѣстности. Большой паркъ съ роскошной южной растительностью. Зимнія окна, центральное отопленіе, изразцовые печи и камины во всѣхъ 200 номерахъ и залахъ. — Лѣченіе ангиоградою. — Измѣнчивыя прачъ. — Ванны. — Подъемная машина. — Английская и итальянская церкви. — Сообщеніе на частныхъ пароходахъ и лошадяхъ. — Первоклассные кухни и погреба. — Умеренныя цѣны. — Проспектъ и описаніе, составленное проф. Мартиниомъ, высылаются бесплатно владѣльцемъ. Balli.

КРЫШКИ

для переплета „ННВ“, изъ лучшаго англійскаго календаря, съ золотымъ тисненіемъ, печатными красками, на 1892 годъ, по популярному образцу, 1 р., съ перес. 1 р. 60 к.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ (19)
Спеціалн. хронометровъ.
СПбурѣ, Невскій пр. № 52
прот. Изм. Публ. Библиотеки.
Подробный каталогъ, прейсъ-курантъ по востреб. безплатно. Пересылка на счетъ заказчика. Ручательство на 2 годъ. № 5808

ВИНО**СЕН-РАФАЭЛЬ.**

Вино Сен-Рафаэля превосходно на вкусъ.

Сохраняется по способу г-на Пастера.

На каждой бутылкѣ находится печать Россійской таможни.

Фирма премирована на европейскіхъ выставкахъ десятию золотыми медалями и ленточными знаками. Косметическіе спермацетовые, личные. № 5808

УТИРАЛЬНИКИ.

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.
При употребленіи спермацетовыхъ утиральниковъ, кожа лица дѣлается чистою. Удобное средство въ дорогѣ, гдѣ лицо особенно подвержено вредному вліянію пыли и вѣтра. Ихъ удобно всегда имѣть при себѣ. Цѣна начинъ 60 коп., съ перес. не менѣе двухъ лач. 2 руб., 4 лачи съ перес. 3 руб. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратитъ вниманіе на подпись А. Энглуна — красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли антикварными товарами, Казанская ул., № 12 и во всѣхъ извѣстныхъ антикварскихъ и парфюмерныхъ торговыхъ Россійской Имперіи. — Главный складъ для всей Россіи А. Энглуна, С.-Петербургъ, Бассейная ул., д. № 2

Складъ **Ж. БЛОКЪ**

Торговый домъ

Библиотека „Гуниверс“

XXIV г.

№ 5

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIV

1893

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ съ 6—10 рис. въ каждомъ и ежемѣсячн. даров. прилож. 12 книгъ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖСК МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн рис.)
Выдастъ 30 января 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1893 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

въ „НИВѢ“ принимаются за строку непарейль (1/4 шпр. строк.) въ Глав. Кон. Р-д. по 1 руб.—Загран.: для Франціи у Agence Havas по 3 fr.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 2 марки 50 pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургъ 5 р.
Съ доставкою въ Петербургъ 6 р. 50 к.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 10 р.

На 1 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.
На 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р. 50 к.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“ со всѣми прилож.. Сборникомъ и пр

Масляница пришла! Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Р Штейна, грав. Шюблеръ.

Джеттатура.

Повѣсть графа Е. А. Салиаса.

(Продолженіе).

XV.

Наступилъ наконецъ самый знаменательный и торжественный день... Глава республики долженъ былъ въ этотъ день официально принимать у себя высочайшаго гостя „Sa Majesté très Chrétienne“.

Цѣлые два дня непрерывно шли хлопоты и приготовления во дворцѣ Дожей. До трехсотъ слугъ хлопотали до полупочи и снова начинали суетню съ зарей, готовя шествіе на три тысячи челобѣтъ и празднество, какихъ еще не бывало въ Венеціи. Главные церемоніймейстеры Донато и Делла Пинья распорядились всѣмъ, при содѣйствіи и помощи полусотни молодыхъ патриціевъ знатнѣйшихъ фамилій.

День наступилъ яркій, но прохладный, съ легкимъ вѣяньемъ съ моря. Около полудня вся Рива переполнилась вновь толпами народа. Отряды зборовъ и ландкнехтовъ были еще съ утра разставлены, чтобы сдерживать толпы и охранять свободнымъ небольшое пространство на Пиацеттѣ отъ набережной до главнаго входа во дворецъ.

Сѣздъ на этотъ разъ долженъ былъ отличаться многочисленностью приглашенныхъ и особой роскошью одѣяній. Именно сегодня Венеція должна была похвастать и блеснуть предъ своимъ союзникомъ своею пышностью и своимъ богатствомъ.

Вѣдь извѣстно королю Франціи, какъ и всему міру, что въ республикѣ существуетъ особая власть, учрежденная за сто лѣтъ предъ тѣмъ. Особого рода проведиторы, именуемые „Proveditori alle Rompe“, должны строго блюсти и сдерживать тщеславіе патриціевъ въ дѣлѣ всяческаго украшенія своей одежды и въ особенности драгоцѣнными камнями. Вѣдь извѣстно равно всему міру, что въ дворцахъ Венеціи одного жемчугу накоплено столько за столѣтія, что пожертвовавъ имъ, въ случаѣ неудачной войны, можно создать и снарядить такой-же флотъ, какой имѣется въ водахъ и въ арсеналѣ республики.

Около трехъ часовъ начался сѣздъ. Къ Ривѣ причаливали безъ конца великолѣпныя гондолы, и изъ нихъ выходили патриціи въ яркихъ парадныхъ одѣяніяхъ, тяжелыхъ и длинныхъ до земли, съ мантиями на плечахъ.

Наконецъ пронесся слухъ, будто приближалъ откуда-то на Пиацетту, что король со свитой тоже двинулся уже изъ своей резиденціи. Дѣйствительно, вскорѣ показалась блестящая флотилія.

Пиацетта снова огласилась кликами: „Viva Arrigo il Terzo!“ Дожъ со своимъ коллегіумомъ вышелъ на лѣстницу Гигантовъ и ждалъ. Когда король со свитой причалилъ къ Ривѣ, дожъ спустился по гранитнымъ ступенямъ до послѣдней... Глава республики снялъ свою ярко-красную пойю... Онъ одинъ! какъ-бы за всю Венецію!.. Монархъ Франціи двигался чрезъ толпы народа, приподнявъ и держа въ рукѣ свой черный беретъ.

Встрѣтивъ высокаго гостя, дожъ проводилъ его до залы, гдѣ уже былъ накрытъ большой столъ, за который помѣстились прокураторы, посланники иностранныхъ державъ, всѣ десять членовъ Совѣта Десяти, старѣйшіе по лѣтамъ сенаторы, не моложе семидесяти лѣтъ, и всѣ приближенные короля. Генрихъ помѣстился на одномъ концѣ стола, на возвышеніи и лицомъ къ площади Св. Марка, имѣя около себя нунція и герцога Савойскаго, прибывшаго наканунѣ. Дожъ сѣлъ на противоположномъ концѣ стола, посадивъ около себя епископа-примаса республики и любимца Генриха, виконта Таванна. Въ числѣ свиты былъ за столомъ и кавалеръ ди-Аволо.

Сидѣвшіе невдалекѣ отъ короля самые именитые патриціи, прокураторъ старецъ Нани, тайный членъ Совѣта Трехъ, кандидатъ въ дожи да-Понтэ, и бывший посолъ во Франціи Барбаро, старались занимать Генриха. Имъ помогали адмиралъ Контарини своими свѣдѣніями.

Король интересовался блестящимъ состояніемъ, въ которомъ, по увѣренію всего свѣта, находился арсеналъ Венеціи — Палладіумъ республики.

— Во время послѣдней войны, заявилъ Контарини, — предъ сраженіемъ при Лепанто, Венеція могла, ваше величество, снаряжать и выпускать на воды по одной галерѣ въ день, и за сто дней выпустила сто галеръ съ пятнадцатью пушками каждая, при трехъ и четырехъстахъ матросахъ. Иногда ихъ выпускали съ тысячею кондотьеровъ или швейцарцевъ.

— Это почти невозможно! отозвался Генрихъ.

— Если ваше величество пожелаете, мы будемъ счастливы доказать сейчасъ, что можете сдѣлать арсеналъ Венеціи! сказалъ да-Понтэ. — Адмиралъ, можете вы ручаться, что покуда мы обѣдаемъ...

— Я сейчасъ прикажу! весело отозвался Контарини, перебивая.

Оба сапожника предложили Генриху отрядить въ арсеналъ одного изъ своихъ приближенныхъ съ тѣмъ, чтобы онъ выбралъ первый попавшійся въ докахъ остовъ галеры и, приказавъ ее готовить какъ бы въ бой, не отлучался бы ни на шагъ, чтобы видѣть все своими глазами.

— Покуда мы будемъ обѣдать, сказалъ Контарини, — галера будетъ приготовлена вполнѣ, снаряжена и спущена на воды Канала и, снабженная всѣмъ до послѣдней нитки, явится сюда въ полномъ вооруженіи, готовая сразиться противъ враговъ вашего величества.

Генрихъ выразилъ свое согласіе... Графъ Неверъ, самый молодой изъ свиты, былъ тотчасъ отряженъ въ арсеналъ съ подробнымъ наставленіемъ адмирала.

— Выберите любую пустую галеру изъ запасныхъ, сказалъ Контарини, — и прикажите снаряжать якобы для выступленія въ походъ. Когда она будетъ готова, вы сами на ней явитесь къ Пиацеттѣ... Надѣюсь, что менѣе чѣмъ чрезъ два часа вы доложите его величеству, что галера „Arrigo il Terzo“ стоитъ въ своихъ воинскихъ доспѣхахъ у Ривы.

Генрихъ поблагодарилъ за любезность наклопеніемъ головы.

Обѣдъ продолжался болѣе двухъ часовъ, но всѣ еще сидѣли за столомъ, когда у набережной Скиавони раздался залпъ изъ орудій.

Новорожденная галера „Генрихъ III“ салютовала своему патрону и шефу.

— Это вѣроятно! удивился король. — Во Франціи на это понадобилось бы по крайней мѣрѣ двѣ недѣли. У васъ первый флотъ въ мірѣ по количеству и качеству.

— Позвольте напомнить вамъ, ваше величество, сказалъ самодовольно да-Понтэ, — когда король Франціи Людовикъ Святой попросилъ у Венеціи помощи противъ невѣрныхъ, Венеція послала своему союзнику, чтобы высадить на берега Африки, десять галеасъ съ полусотней пушекъ каждая, а затѣмъ двадцать большихъ галеръ съ четырьмя тысячами конницы и десятию тысячами пѣхоты... И тогда уже Венеція обладала страшной морской силой, а нынѣ однихъ галеръ считается сто шестнадцать... Сто семнадцатая явилась сейчасъ подъ окна дворца. И пожелаемъ, чтобы галера „Генрихъ III“ была грозой оттомановъ и всѣхъ враговъ Франціи и Венеціи.

Покуда да-Поинтэ ораторствовалъ, кавалеръ ди-Аволо, сидѣвшій посреди стола, не спускалъ съ глазъ старца Аптоніо Нани, сидѣвшаго неподалеку отъ короля, рядомъ съ адмираломъ. Каждый разъ, что Нани заговаривалъ, кавалеръ пристально приглядывался къ нему... Когда же старецъ обращался къ Генриху или отвѣчалъ ему, ди-Аволо почти тревожно слѣдилъ за его губами и всячески, хотя тщетно, старался разслышать, о чемъ идетъ рѣчь. Почтительно тихій, по все-таки оживленный и гулкій разговоръ за столомъ не позволялъ ему разслышать ни единого слова.

Вскорѣ послѣ залпа изъ орудій новой, дѣйствительно замѣчательно быстро спущенной на воды и снаряженной галеры, обѣдъ кончился.

Генрихъ поднялся первый, дожъ послѣдовалъ его примѣру на другомъ концѣ стола, и все зашумѣло... Король направился, въ сопровожденіи дожа и прокураторовъ, въ малую залу, именовавшуюся *loggia*, по передъ тѣмъ подзвалъ къ себѣ знакомаго виконта Таванна.

Генрихъ былъ веселъ и, усмѣхаясь, быстро передалъ что-то любимцу... Виконтъ насупился... Генрихъ разсмѣялся и пожалъ плечами.

Когда король удалился, сопутствуемый главою и главными властителями республики, Таваннъ обратился къ одному изъ молодыхъ мильоновъ и приказалъ ему сейчасъ же разыскать въ толпѣ гостей кавалера ди-Аволо и пригласить его къ нему.

— Я буду ждать его на балконѣ, сказалъ Таваннъ и вышелъ подъ чудныя мраморныя аркады, огибающія дворецъ.

Черезъ полчаса однако онъ былъ уже среди цѣлой толпы, такъ какъ гости тоже кучками покидали горницы и залы и выходили полюбоваться видомъ переполненной народомъ Пиацетты.

XVI.

Когда кавалеръ вышелъ на террасу, то съ трудомъ разыскалъ виконта. Этотъ пригласилъ его слѣдовать за нимъ на самый дальній край, гдѣ было сравнительно свободно.

— Позвольте, *monsieur le chevalier*, заговорилъ Таваннъ, отдалясь отъ постороннихъ, — попросить васъ немедленно объясниться. Сейчасъ за обѣдомъ, сидя около короля, прокураторъ Св. Марка Нани, послѣ бесѣды объ Испаніи, о флотѣ, о султанѣ, вдругъ попросилъ его величество, безъ всякаго повода...

— Обратить свое монаршее вниманіе на меня?

— Да... И кромѣ того...

— Соизволить наградить меня выдачей патента на званіе капитана? любезно улыбаясь, продолжалъ кавалеръ.

— Хорошо понимаю, что вамъ все это уже извѣстно, *monsieur le chevalier*. Но все это не главное... Главное извѣстно-ли вамъ? А именно недоразумѣніе, которое происходитъ и котораго вы умышленный сочинитель, какъ я думаю.

— Я васъ не понимаю, *monsieur le vicomte*.

— Вы секретарь Совѣта Трехъ и тайный агентъ правительства республики при королѣ на время его пребыванія въ Венеціи? Такъ-ли?

— Я васъ не понимаю, тихо повторилъ ди-Аволо.

— Такъ-ли? Я васъ спрашиваю... Отвѣчайте.

— Конечно.

— А прокураторъ Св. Марка, именитѣйшій сановникъ республики, считаетъ васъ приближеннымъ короля и французомъ, находящимся въ свитѣ своего монарха. Своего!..

Ди-Аволо улыбнулся, вѣжливо, но почти снисходительно.

— Прокураторы Св. Марка, хотя и первые сановники республики послѣ дожа, заговорилъ онъ медлен-

но, — тѣмъ не менѣе имъ очень рѣдко извѣстны распоряженія членовъ Совѣта Трехъ и почти никогда не извѣстны въ лицо тайные слуги этого Совѣта.

— Какимъ образомъ?

— Точно такъ, виконтъ.

— Но если Нани, положимъ, не знаетъ, что вы на службѣ Венеціи, то почему онъ почитаетъ васъ прибывшимъ съ нами изъ Польши и французомъ?

— Онъ не виновенъ въ этомъ. Это я ему самъ сказалъ о себѣ.

— Но этой ложью, стало-быть, вы морочите всѣхъ и насъ, и венеціанскихъ сановниковъ?

— Миѣ это строго приказано пославшимъ меня прямымъ моимъ начальникомъ. А онъ больше, чѣмъ Нани... Больше чѣмъ самъ дожъ... Временно! По тѣмъ не мнѣ... Вы понимаете меня, виконтъ?

— Я понимаю намеки... Намъ это вдобавокъ извѣстно. По признаюсь, что все-таки вся эта комедія кажется...

— Кажется вамъ, виконтъ, безсмысленной или недостойной республики. Не смотрите на это такъ строго... Въдѣ это собственно пустяки.

— Какъ пустяки? воскликнулъ Таваннъ.

Кавалеръ хотѣлъ заговорить, по въ это мгновеніе въ толпѣ на Пиацеттѣ и среди гостей на всей террасѣ дворца произошло одинаковое движеніе. Всѣ устремили глаза на Каналь и край Ривы.

Таваннъ глянулъ по тому-же направленію, улыбнулся и сталъ любоваться новымъ зрѣлищемъ. Ди-Аволо вѣжливо ждалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ тоже пристально глядѣлъ на Каналь. Лицо его оживилось, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ сталъ будто отчасти волноваться.

Зрѣлище, привлекшее вниманіе всѣхъ гостей во дворцѣ, а равно всколыхнувшее толпы зѣвагъ на площади, было просто, но производило сильное впечатлѣніе.

По Большому Каналу двигалась громадная флотилія гондолъ и, покуда переднія приближались къ Ривѣ, послѣднія были еще невидимы за поворотомъ Канала къ мосту Ріальто. Всѣ эти гондолы, числомъ болѣе двухсотъ, одна богаче и ярче другой, стали нескончаемо причаливать по-очереди къ набережной, и изъ нихъ выходили и направлялись чрезъ Пиацетту ко дворцу лишь однѣ молодыя дѣвушки и дамы, одна красивѣе другой, въ снѣжно-бѣлыхъ, серебристыхъ платьяхъ, на которыхъ сіяли драгоценныя камни, алмазы и жемчугъ.

Патриціанки тихо, по двѣ и по три въ рядъ, пройдя среди народа, сдерживаемаго зѣбрами, входили во дворецъ прямо подъ угломъ террасы, гдѣ стояли Таваннъ и ди-Аволо. Оба они перевѣсилились черезъ перила и смотрѣли на вереницу красавицъ.

— Рѣдкое зрѣлище. Жалко, король не видитъ. Красиво... вымолвилъ Таваннъ и прибавилъ:— Впрочемъ и красивыхъ тоже много...

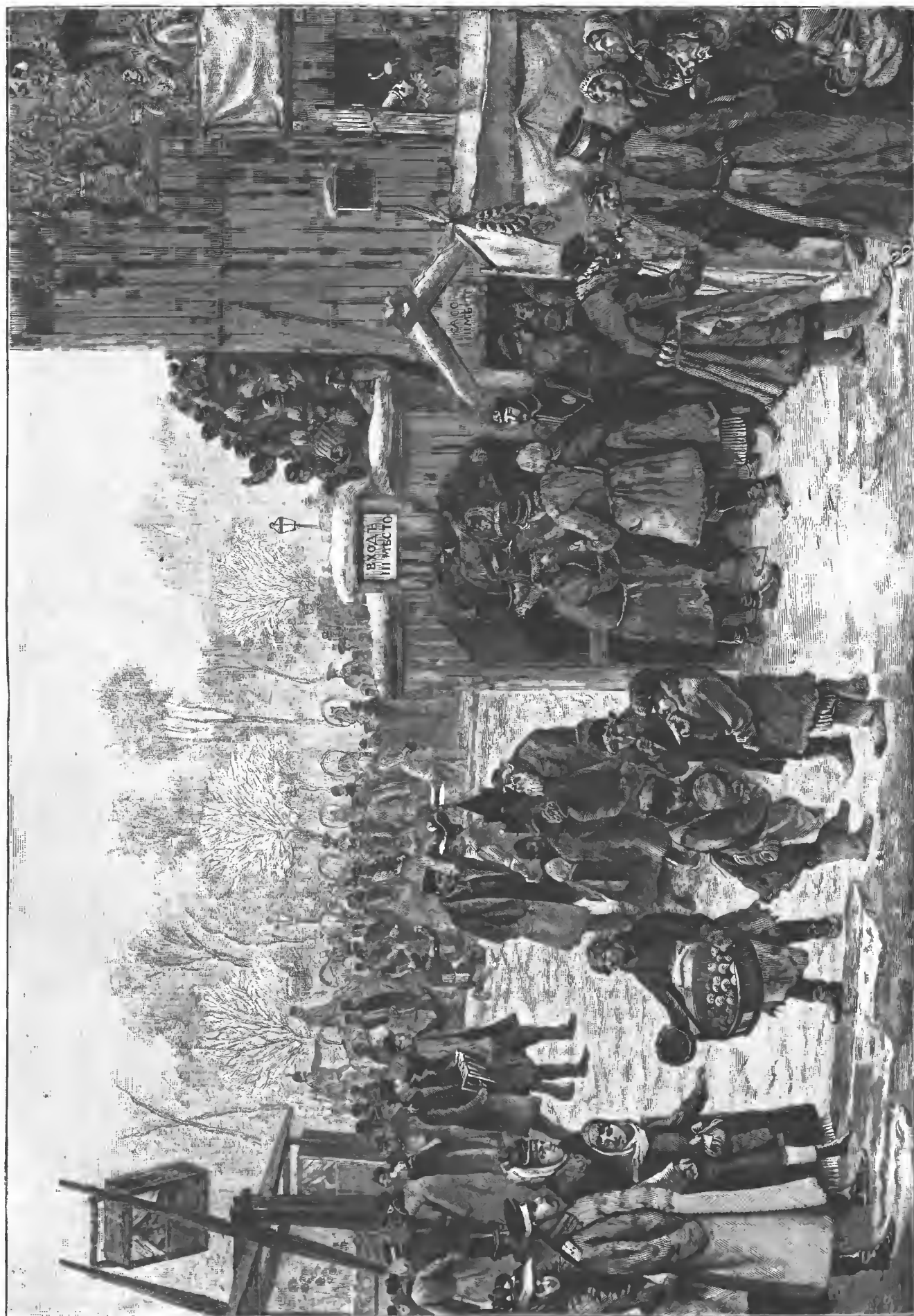
Кавалеръ окинулъ взглядомъ все это шествіе отъ аркады дворца вплоть до самаго берега, будто не находилъ того, что искалъ и что взволновало его. Глаза его были устремлены вдаль на Каналь, откуда все еще надвигались и все прибывали гондолы.

— Какъ ихъ много, тихо, будто себѣ самому, произнесъ Таваннъ.

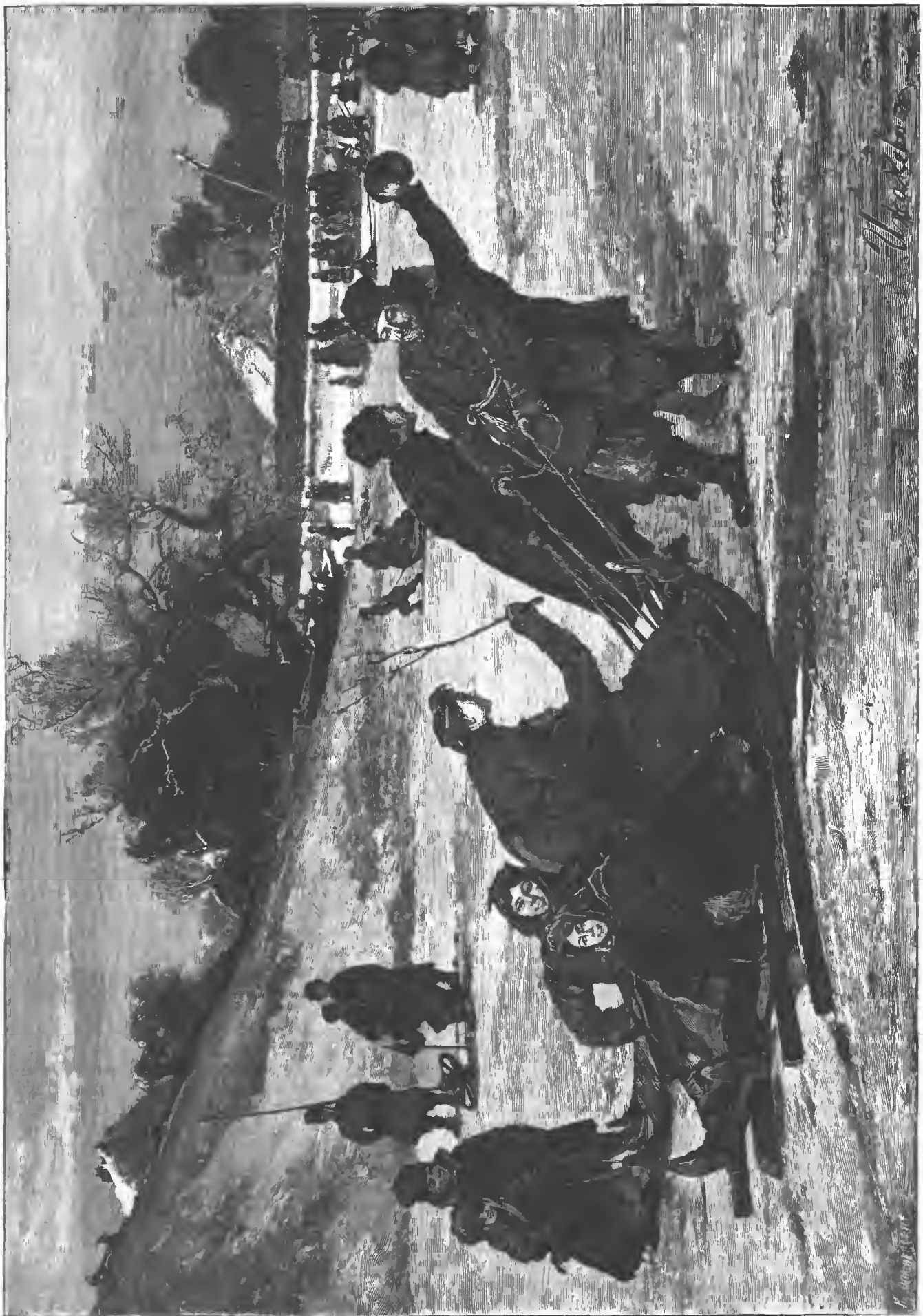
Дѣйствительно, уже болѣе сотни патриціанокъ насчитала толпа, иногда называя по фамиліи самыхъ красивыхъ, но гондолы все прибывали и все причаливали и выпускали безъ конца бѣлыхъ и бѣловолосыхъ юницъ и красавицъ.

И блестящая, сверкающая на солнцѣ бѣлизной и алмазами вереница все двигалась чрезъ Пиацетту и исчезала подъ аркой главнаго входа во дворецъ.

— Сколько-же ихъ? воскликнулъ наконецъ Таваннъ.— Говорили, будетъ двѣсти или триста... а тутъ

Масляница. Балаганы на Царицыномъ лугу въ Петербургѣ. Орг. рис. (собств. „Нивы“) Г. Бродлинга, грав. Шюблеръ.

Масляница. Катанье на санкахъ въ деревнѣ. Орг. рис. (собств. „Нивы“) и. Инаевича, грав. Отылевскаго.

больше. Но, однако, какъ много у васъ красивыхъ женщинъ въ Венеціи! прибавилъ онъ, обращаясь къ кавалеру.

Но ди-Аволо не слыхалъ словъ Таванна. Онъ весь обратился въ зрѣніе. Къ Ривѣ тихо причаливала богатая пунцовая и вся сплошь позолоченая гондола. Она рѣзко выдѣлялась отъ всѣхъ остальныхъ. И Таваннъ тоже невольно отличилъ ее въ массѣ другихъ гондолъ.

Изъ этой гондолы вышла молодая стройная дѣвушка и присоединилась къ другимъ.

— Кажется, и дама отличается отъ всѣхъ, какъ ея гондола, сказалъ Таваннъ, шуря глаза на Риву.

— Это дочь адмирала Контарини! выговорилъ ди-Аволо съ такимъ страннымъ звукомъ въ голосѣ, что виконтъ поглядѣлъ ему въ лицо.

Между тѣмъ тамъ, внизу на Ривѣ появленіе молодой патриціанки было тоже встрѣчено и отмѣчено народомъ.

— La biondissima! раздалось кой-гдѣ въ толпѣ.

— Синьорина Контарини!

— Не мало адмиралъ турецкихъ головъ снялъ!

— Да! Не мало за то и добычи досталось... Странный богачъ!

— La biondissima! повторялось повсюду навстрѣчу, а затѣмъ, при проходѣ юной красавицы, до самаго дворца.

— La biondissima Angelina! сказалъ кто-то на террасѣ, и слова эти долетѣли до Таванна.

— Правда! сказалъ онъ, смѣясь, и обратился къ ди-Аволо: — Вѣроятно, это прозвище именно этой синьорины?

— Да-съ, отозвался кавалеръ, будто смущаясь.

— Очень красива! очень!.. Да, красавица! шепталъ Таваннъ.

— Да! Сегодня... Особенно... Да... Сегодня она... началъ было ди-Аволо и смолкъ отъ внутреннего волненія.

Дѣйствительно, никогда Анджелины Контарини не была такъ чудно красива, какъ теперь. Быть-можетъ, и платье ея—бѣлое, тяжелое, изъ парчи, но не серебристое, а съ строгимъ матовымъ и отчасти опаловымъ отблескомъ, дѣлало ее еще юнѣе и граціознѣе на видъ. Или, быть-можетъ, масса крупнаго жемчуга, покрывавшаго ея корсажъ, своимъ мутно-молочнымъ отблескомъ дѣлала ея нѣжное личико еще бѣлѣе, свѣжѣе и ярче.

Нѣтъ! Не платье и не жемчугъ совершили какое-то преображеніе, сдѣлавъ изъ красивой дѣвушки настоящее волшебное видѣніе.

Что-же преобразило дѣвушку?

Счастье!

Да, Анджелины была безконечно счастлива въ этотъ день, лучшей, казалось ей, за всю ея жизнь. Она любила! Любила въ первый разъ... Сама не зная, какъ, съ какой минуты, почему и за что... Она давно любила неизвѣстнаго ей и невѣдомаго никому человѣка. И она мучилась, терзалась въ сомнѣніяхъ и боязливыхъ догадкахъ.

И вотъ наканунѣ душевная тьма разсѣялась... Какое-то колоссальное будто вдругъ снизошло на дѣвушку и даже будто обрушилось сразу и рассыпалось по ней и кругомъ нея, застилая собою все, весь міръ, людей, родного отца, дворецъ и Canal Grande... Все спуталось и слилось въ чудно-яркій, радужный хаосъ и круговоротъ, который поглотилъ ее и будто уносилъ... Ясно и вѣрно одно. Твердо стоитъ передъ ней, непоколебимо и неизмѣнно... „онъ!“ Онъ,—патрицій, а не плебей. Чужеземецъ, но говорящій на ея родномъ языкѣ и одинаковой съ ней вѣры. И, наконецъ, главное—онъ, любящій ее взаимно.

Развѣ все это не волшебство, не сказка, не пѣсня, не сонъ... которымъ бываетъ конецъ? Нѣтъ, это правда

и правда! А если все это правда, то возможно-ли теперь смотрѣть кругомъ себя тѣмъ-же прежнимъ глазами и все цѣпить тѣмъ-же разумомъ и тѣмъ-же сердцемъ... Развѣ можно быть той прежней Анджелиной?

Конечно, нѣтъ! Приходится подѣ необычно чуткіе и частые удары сердца будто переродиться!.. Надо сверкающими глазами говорить всему окружающему о своемъ перерожденіи.

И прелестное лицо Анджелины говорило, даже будто кричало толпѣ:

— Знаете-ли вы?... Нѣтъ, вы не знаете! Такъ знайте! Я счастлива, я люблю! Я люблю!..

Когда юная Контарини исчезла подъ аркадой дворца, бѣлая и блестящая вереница патриціанокъ все еще тянулась чрезъ Пиацетту, но виконтъ Таваннъ, проводивъ царицу всѣхъ остальныхъ красавицъ, повернувшись спиной къ площади и заговорилъ серьезно:

— Красавицы Венеціи насъ отвлекли отъ очень важнаго разговора, синьоръ ди-Аволо. Я вамъ говорить о недоразумѣніи относительно васъ. Вы паходите, что все это пустяки. Согласенъ, что важнаго государственнаго событія отъ всего этого произойти не можетъ. Но прошу васъ все-таки объяснить мнѣ, какимъ образомъ старикъ-сановникъ, занимающій важнѣйшую должность въ республикѣ, позволяеть себѣ и приказываетъ вамъ притворяться и лгать. Пустяками все это назвать невозможно.

— Да-съ... Все это если не пустяки, то, если вникнуть, самое обыкновенное явленіе. Въ чемъ собственно дѣло?... Монархъ Франціи является неожиданно и случайно въ Венеціи. Одинъ изъ самыхъ крупныхъ сановниковъ республики оказывается просто человѣкомъ или, какъ говорится, простымъ смертнымъ. Онъ, независимо отъ всякихъ государственныхъ соображеній и независимо отъ своего высокаго положенія, человѣкъ мелочный, алчный, завистливый и, наконецъ, человѣкъ, задыхающійся отъ честолюбія всю свою жизнь... Вся Венеція это знаетъ, и вы догадываетесь, о комъ я говорю...

— Да, синьоръ, но лучше называть... Да-Монтъ?

— Да-съ... Онъ знаетъ, какъ и всѣ, что король Франціи и Польши не уѣдетъ отсюда, не отличивъ или наградивъ, и не одаривъ широкой рукой многихъ и многихъ... Ему захотѣлось тоже имѣть свою долю изъ монаршихъ милостей. Это повсюду и вездѣ такъ! И было, и будетъ!.. Но какъ достигнуть цѣли? Нельзя же сказать королю: „наградите меня, ваше величество, отличите меня, я хочу вотъ чего...“ И хитрый старикъ-честолюбецъ придумываетъ простое средство, чтобы не упустить рѣдкій случай. Простое до глупости. Онъ отряжаетъ—якобы ради безопасности монарха отъ гугенотовъ—секретаря Совѣта, своего вѣрнаго слугу, своего вѣрнаго пса—скажу я. Пса, страха ради, ибо съ членомъ Совѣта Трехъ вообще не шутятъ. И онъ даетъ ему тайный приказъ... проситъ настойчиво фаворита короля, виконта Таванна, чтобы онъ постоялъ предъ королемъ о посвященіи его, стараго честолюбца, въ рыцари. Все это очень просто...

— Но зачѣмъ же онъ приказываетъ вамъ при этомъ называться французомъ, называться приближеннымъ короля и состоящимъ съ нами въ свитѣ... Это вѣдь дерзость!

— Чтобы никто, ни дожъ, ни сенаторы, никто не узналъ его затѣи. Впрочемъ, замѣтите, виконтъ, что я никому, кромѣ двухъ-трехъ лицъ, себя за состоящаго въ свитѣ вашей не выдавалъ.

— Но васъ совсѣмъ не знаютъ въ Венеціи, говорите вы? воскликнулъ Таваннъ.

— Да, меня мало кто знаетъ!

— И стало-быть всѣ считаютъ васъ въ свитѣ, и не знаютъ, что вы агентъ да-Монтъ.

— Это... вѣроятно... Но я, виконтъ, не виноватъ. Я человѣкъ подвластный...

— И вы хотите, чтобы въ виду всей этой комедіи да-Понтэ получилъ рыцарство, а вы, его слуга, званіе капитана...

— Патенты на это званіе выдаются и въ Испаніи, и во Франціи почти безъ разбора, съ крайней легкостью. Стоитъ только вамъ пожелать, и я буду осчастливленъ на всю мою жизнь... робко и даже грустно произнесъ кавалеръ.

Дрогнувшій голосъ его, унавившій и жалобный, поразилъ Таванна.

— Ну, вотъ что... *monsieur le chevalier*... вымолвилъ виконтъ послѣ минуты задумчивости.—Не обижайтесь... По я начинаю думать, что и это выдумка.

— Что-съ...

— То, какъ я сейчасъ васъ называлъ! тихо сказалъ Таваннъ.—Кавалеру патентъ капитана ни на что, собственно, не нуженъ.

— У меня нѣтъ, правда, документовъ... тихо и едва слышно выговорилъ ди-Аволо.—Нѣтъ никакихъ доказательствъ... И званіе капитана мнѣ замѣнить этотъ титулъ... Иначе мнѣ... Мнѣ жить нельзя!.. Если король уѣдетъ изъ Венеціи, не соизволивъ дать просимое мною, то... Да, на вашей душѣ, виконтъ, будетъ тяжкій грѣхъ. Я убью себя!..

Лицо и голосъ ди-Аволо глубоко подѣйствовали на Таванна своей искренностью.

— Убьете себя?.. Это такъ говорится! сказалъ онъ мягче, будто уступая чувству.

— Клянусь вамъ всѣмъ, что мнѣ дорого въ жизни! воскликнулъ ди-Аволо въ порывѣ искренняго отчаянія.—Другого исхода у меня нѣтъ. Или патентъ... который, собственно, не трудно получить, хотя бы зачисливъ себя въ кондотьеры... или самоубійство...

— Зачѣмъ же себя убивать, сеньоръ, когда достаточно поступить вообще въ наемныя войска любого государства?..

— Правда. Но вы знаете, что на это нужно время и нужна война... А мнѣ необходимъ патентъ сейчасъ... Не только чрезъ три-четыре года будетъ поздно, но даже чрезъ полгода онъ будетъ мнѣ не нуженъ.

— Вы любите?!.. Вы влюблены?! вдругъ спросилъ Таваннъ.

— Вы отгадали, виконтъ...

— И вамъ, чтобы только жепиться, необходимо это?..

— Да-съ...

— Ну, вотъ что, сеньоръ ди-Аволо... На ваше счастье, вы попали именно на Таванна, который былъ въ ранней молодости въ такомъ же затруднительномъ положеніи и былъ спасенъ принцемъ Генрихомъ. И онъ далъ себѣ слово помогать всегда чѣмъ можетъ всѣмъ влюбленнымъ... Патентъ на званіе капитана будетъ завтра же у васъ! Я вамъ даю слово...

— Благодарю васъ, виконтъ... вымолвилъ ди-Аволо, вспыхнувъ.

— Рыцарство же для старой лисы никогда!.. Передайте да-Понтэ, что его величество со дня перехода Польской границы и до сей минуты осажденъ повсюду подобнаго рода ходатайствами. И государь рѣшилъ, чтобы не уронить окончательно этой почести, отнынѣ посвящать въ рыцари съ крайней разборчивостью. Это, дѣйствительно, нужно... Здѣсь будутъ посвящены только двое изъ вашихъ патриціевъ.

— Позвольте мнѣ назвать ихъ... И клянусь вамъ честью, что я знаю это со словъ того же да-Понтэ, сказалъ кавалеръ. Это Барбаро и Фоскари.

— Правда, Барбаро, какъ бывший вашъ посолъ во Франціи, а Фоскари, какъ любезный хозяинъ, истратившій не мало денегъ для принятія короля въ стѣнахъ своего дворца. Однако пора... Всѣ уже вернулись въ залы...

И виконтъ Таваннъ двинулся съ террасы, раздумывая о томъ, какъ странно измѣнились его отношенія

съ этимъ подозрительнымъ кавалеромъ. Еще вчера онъ видѣть не могъ равнодушно крайне назойливаго и глупо надменнаго секретаря Совѣта Трехъ, а сегодня онъ готовъ помочь ему... Въ его личности было до сихъ поръ только одно отталкивающее, а теперь есть что-то пріятельское, или же очень жалкое, внушающее сочувствіе.

XVII.

Между тѣмъ во дворцѣ ожидалась вторая половина празднества въ честь монарха.

Въ большой залѣ, гдѣ всегда засѣдалъ сенатъ республики, все было еще за два дня вынесено, и вся зала очищена. Теперь въ глубинѣ было устроено возвышеніе, на которомъ стояли три трона, большой и два малыхъ по бокамъ. Съ высокаго потолка падали пушковые занавѣси великолѣннаго бархатнаго съ золотомъ балдахина...

Стѣны были увѣшаны огромными гобеленами съ символическими изображеніями различныхъ эпизодовъ изъ славной исторіи могущественной Царицы Адриатики.

Направо и лѣво отъ возвышенія и балдахина стояло только по нѣсколько десятковъ креселъ для самыхъ именитыхъ патриціевъ и для свиты короля. Направо, у самой стѣны, тоже на возвышеніи, было шесть рядовъ креселъ, при чемъ всѣ ряды постепенно возвышались одинъ надъ другимъ, и въ каждомъ было по пятидесяти мѣстъ.

Около шести часовъ изъ этой залы вышли церемоніймейстеры Донато и Делла-Пинья и доложили дожу, что все готово...

Чрезъ нѣсколько мгновеній, Генрихъ III, сопровождаемый дожемъ и герцогомъ Савойскимъ, прокураторами Св. Марка, нѣсколькими старѣйшими сенаторами и своей свитой, вошелъ въ залу. Переступивъ порогъ, онъ невольно приостановился.

Давно, казалось бы, привыкъ принцъ Валуа, а затѣмъ король Польскій, къ нынѣшности Двора Франціи и къ красавицамъ двухъ Дворовъ и двухъ странъ...

Тѣмъ не менѣе, теперь поклонникъ прекраснаго пола казался въ немъ мгновенно, и лицо Генриха оживилось поневолѣ...

Гдѣ были шесть рядовъ креселъ на возвышеніи, теперь была свѣжно-бѣлая, блестящая, серебристая масса красавицъ... Триста патриціанокъ, дамъ и дѣвушекъ не старше двадцати-пяти лѣтъ и не моложе пятнадцати— всѣ золотоволосыя или среброволосыя, всѣ съ чудными синими очами, были собраны здѣсь, чтобы поразить короля и подтвердить всецѣльную молву о красотѣ женъ и дочерей славныхъ воиновъ Адриатики.

Генрихъ занялъ свой тронъ, дожъ и герцогъ Савойскій помѣстились по бокамъ; остальные именитѣйшіе патриціи заняли мѣсто направо, свита короля и герцога лѣво отъ балдахина... Всѣ остальные гости, безъ различія званія и лѣтъ, и сенаторы, и молодежь, стали толпой вдоль свободныхъ стѣнъ.

Но чрезъ мгновеніе Генрихъ, улыбаясь, сказалъ что-то дожу и снова поднялся со своего трона, прося всѣхъ знакомъ не трогаться...

Въ залѣ наступила полная тишина. Всѣ ждали чего-то непредвидѣннаго.

И Генрихъ, озираясь кругомъ и какъ бы обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ, произнесъ слова занесенныя историкомъ въ анналы республики:

— Я хочу ближе насладиться благоуханіемъ цвѣтника, подобнаго которому я болѣе никогда въ жизни не увижу.

Генрихъ глянулъ на Таванна, и виконтъ быстро приблизившись, последовалъ за двинувшимся королемъ.

И принцъ, потомокъ принцевъ дома Валуа, внукъ Франциска I, для которыхъ красавица-женщина была за цѣлое столѣтіе божествомъ и предметомъ рабскаго

поклопении. перейдя залу, остановился въ полномъ очарованнн, какъ заколдованный. предъ сонмомъ трехсотъ блѣкоурыхъ красавицъ

И здѣсь были какъ-бы розданы королемъ пальмы первенства. Къ нѣкоторымъ пышно и величественно-красивымъ патрицанкамъ король обратился со страстно-вычурными выраженiями удивленiя и восторга. Къ другимъ, нѣжно и граціозно-красивымъ, король отнесся съ любезной и лестной шуткой.

— Oh, que vous feriez bien une reine de France! сказалъ онъ горделиво-красивой и могуче-стройной Лукреціи Джустиниани.

Цвѣтъ волосъ одной изъ юныхъ красавицъ, сидѣвшей въ первомъ ряду, тоже заставилъ короля, поневолю, отличить ее отъ другихъ.

— Вѣроятно вы, синьора, обратились къ ней Генрихъ,—такъ рано посѣдѣли отъ горя и жалости къ legionу несчастныхъ, губимыхъ вашимъ престестнымъ лицомъ.

Таваниъ шепнулъ что-то королю и онъ произнесъ улыбаясь.

— Васъ зовутъ „la biondissima“?.. Я не боюсь ошибиться, прибавивъ: del mondo.

Анджелина, смущаясь, отвѣтила что-то неслышное и потупилась предъ хищнымъ взоромъ Генриха.

— Навѣрное, за два года жизни вы одержали въ стѣнахъ Венеціи больше побѣдъ, чѣмъ вашъ отецъ за всю свою геройскую жизнь на моряхъ Венеціи, продолжалъ Генрихъ.

Оживленно и весело перемолвнившись съ самыми выдающимися красавицами, сказавъ каждой что-либо лестное, король вернулся на возвышеніе и, прежде чѣмъ опуститься на тронъ, онъ снова воодушевленно обратился ко всѣмъ:

— Я теперь еще болѣе преклоняюсь, Illustrissimi signori, предъ прославленной храбростью сыновъ республики за всѣ вѣка... Тѣ, кто имѣютъ такихъ женъ и такихъ невѣстъ, должны всесердечно любить жизнь и всесердечно бояться смерти..

Когда король сѣлъ, вся молодежь изъ толпы гостей направилась къ той же эстрадѣ красавицъ.. Вмѣстѣ съ ними двинулись со своихъ мѣстъ молодые люди свиты, графъ Неверъ, двое другихъ миньоновъ, а за ними поднялся ди-Аволо..

Красавицы, приглашаемыя кавалерами, стали покидать свои мѣста. Образовались пары... И, послѣ нѣсколькихъ минутъ суетни, началось медленное шествіе вереницей по-парно, подъ звуки скрытой музыки. Каждая пара подходила къ возвышенію и къ трону и, сдѣлавъ церемональный, медленный и низкій поклонъ монарху, удалялась..

Когда всѣ триста паръ поклонились королю, то раздѣлились на группы и медленно кружились... Затѣмъ вновь тихо шли онъ по залѣ вереницей... Это былъ танецъ—родоначальникъ всѣхъ танцевъ.

И въ эти минуты въ этой залѣ оказался одинъ непитый патрицій, который, слѣдя глазами за одной парой, не отрывая отъ нея взгляда ни на мгновенье. Лицо его выражало крайнее, хотя добродушное, изумленіе.

„Вотъ и разтѣснилось! Такъ, что еще темнѣе стало! сказалъ онъ, наконецъ, самъ себѣ. — Вотъ почему мой бѣдный Ридольфи прозванъ акулой. Но кто его побѣдитель—Венеція не знаетъ.“

Это говорилъ себѣ храбрецъ и простякъ адмиралъ Контарини, видя дочь, идущую въ парѣ съ незнакомымъ ему молодымъ человѣкомъ изъ свиты короля..

Сиюю восторгомъ лицо его юной Анджелины все сразу объяснило адмиралу и все счутало. Онъ недоумѣвалъ болѣе всего отъ главнаго и неразрѣшимаго вопроса:

„Вѣдь король и его свита здѣсь въ Венеціи только что появились... Когда же дочь уцѣла...“

Но адмиралъ вдругъ вспомнилъ, какъ на зло, что его покойная жена, тридцать лѣтъ назадъ, влюбилась въ него въ два часа времени, покуда шли регаты на Canal Grande, а чрезъ три дня онъ былъ уже ея женихомъ

Между тѣмъ, ди-Аволо и Анджелина разговаривали въ первый разъ въ жизни. Обычай допускалъ, чтобы патрицій пригласилъ незнакомую даму въ шествіе, замѣнявшее танцы, съ тѣмъ, чтобы послѣ быть представленнымъ формально семьѣ ея, но все-таки поступокъ ди-Аволо, въ его положеніи — былъ смѣлъ до дерзости. Анджелина была страшно взволнована, но не скрывалась, не потупилась. Счастье дастъ смѣлость, даже геройство

Ди-Аволо тотчасъ же прямо, страстно и рѣшительно сознался ей въ любви и умолялъ о возможности увидѣться гдѣ-либо и какъ можно скорѣе, чтобы объясниться вполнѣ

Анджелина согласилась безъ труда и обѣщала, что уприситъ двоюродную сестру Сильвію пригласить къ себѣ кавалера.. но не иначе, какъ тайно отъ мужа и отъ адмирала-отца.

— Почему тайно отъ мужа? спросилъ ди-Аволо

— Даль-Вермэ ни за что не согласится пригласить васъ къ себѣ прежде, нежели вы будете представлены моему отцу, сказала Анджелина.—Онъ захочетъ непременно, чтобы я вмѣстѣ съ нимъ прѣхала... А когда же это будетъ?.. Я не могу теперь сразу объясниться съ отцомъ.. Онъ добрый, но упрямый. Онъ на все соглашается, когда я прошу. На все! Но никогда—сразу. Но вы не смущайтесь.. Я все беру на себя. Я все устрою.. Я или умру, или добьюсь всего. Всего!

И дѣвушка болтала оживленно, страстно, и наивно, и дерзко вмѣстѣ... Бурная и предприимчивая патура адмирала Контарини, героя и храбреца — сказывалась часто и въ его дочери. А теперь сказала бурнѣе и порывистѣе, чѣмъ когда-либо..

Одновременно въ другомъ концѣ залы одна дама, проходившая въ шествіи со своимъ кавалеромъ, не разговаривала съ нимъ, была сильно озабочена и отчасти тревожно искала кого-то глазами среди ярко-пышной толпы

Это была Сильвія Даль-Вермэ... День этотъ и это торжество, для всѣхъ полные радости и веселья, для нея были пыткой.

Мужъ не любилъ выѣздовъ жены и появленiя ея въ свѣтѣ, и Сильвія всячески избѣгала этого сама, чтобы не раздражать безумно подозрительнаго ревнивца. На этотъ разъ, ради торжества въ честь короля, синьоръ патрицанкѣ, молодой красавицѣ и племянницѣ адмирала Контарини, можно было отказаться только подъ предлогомъ болѣзни, какъ и хотѣла было сдѣлать Анджелина.

Даль-Вермэ еще ранѣе многого страннаго. происшедшаго съ нимъ, благодаря встрѣчѣ въ кондитеріи, самъ рѣшилъ, что жена должна непременно присутствовать на пріемѣ короля дожемы.

Но затѣмъ, наканунѣ, Сильвіи замѣтила, что мужъ сталъ мрачнѣе, чѣмъ когда-либо. Вдобавокъ онъ упорно отрицалъ свое состояніе духа, не хотѣлъ объясниться и, наконецъ, на цѣлыя сутки исчезнуть изъ дома, появился только предъ тѣмъ, какъ ѣхать во дворецъ.

Сильвія, какъ и всѣ дамы, поѣхала одна, позднѣе... И здѣсь, когда всѣ дамы заняли свои мѣста на эстрадѣ и появился король и всѣ гости—Сильвія увидѣла своего мужа въ толпѣ патриціевъ, такого же мрачнаго и суроваго. Нѣсколько разъ взглядывала она на него и каждый разъ встрѣчала его взглядъ.. Ней казалось, что мужъ становится все страшнѣе, что лицо его будто блѣднѣетъ, глаза, устремленные на нее, необычайно сверкаютъ. Наконецъ, несмотря на все раз-

„Это я!“ Съ карт. Уйса, грав. Джемсъ.

стояніе, раздѣлявшее ихъ, большую залу, Сильвіи показалось разъ, что губы мужа шевелятся, и онъ будто шепчетъ или говоритъ самъ съ собой.

Въ ту минуту, когда король вернулся вторично на тронъ, и молодежь двинулась приглашать дамъ въ шествіе, Даль-Вермэ быстро, на глазахъ Сильвіи, исчезъ изъ залы. Напрасно, проходя, она искала мужа. Его не было нигдѣ...

Чистая помыслами женщина и вѣрная жена, наивно и простодушно любящая мужа, не догадывалась, въ чемъ дѣло, она была слишкомъ далека отъ того, что вымыслила и сочинила ревнивецъ-мужъ, во что твердо вѣрила и что ясно видѣла своими остѣвленными страстью глазами.

Даль-Вермэ видѣлъ, будучи въ залѣ, что жена, сидѣвшая ради своей скромности въ послѣднемъ ряду патриціанокъ, не спускаетъ глазъ съ того человѣка, который былъ для него — или живая загадка, или... Или давнишній любовникъ жены!

Да, это ясно, какъ день Вожій! Тутъ середины нѣтъ. Встрѣча въ кондитеріи, дерзкіе намеки, вызовъ играть въ домино и странный закладъ!.. Коварная, подлая, погупная выдумка для отвода глазъ о любви взаимной, его и кузины!.. И обманъ этотъ, самъ собою обнаруженный, доказанный рѣзкимъ отказомъ врага на предложеніе устроить его счастье съ Анджеллиной. Все, все до мелочей, доказываетъ несомнѣнно одно...

„Кавалеръ ди-Аволо влюбленъ въ Сильвію, а она въ него. И давно!.. Быть-можетъ онъ одинъ во всей Венеціи этого не зналъ. И многое, многое теперь стало ясно... Вотъ почему совѣтовала ему Сильвія ѣхать съ посольствомъ въ Испанію... По совѣтовала ли она? Она кажется всячески просила не пускаться въ дальній путь и страшилась долгой разлуки... Ну, такъ это было хитростью, лукавствомъ, игрой!..“

Эти мысли довели Даль-Вермэ до изступленія. Но былъ ли правъ онъ, что его жена не спускала глазъ съ кавалера ди-Аволо?—Правда, Сильвія все время попеременно взглядывала на мужа и взглядывала на другого человѣка, сидѣвшего рядомъ съ кавалеромъ, на молодого графа Невера. Она была грустно удивлена, найдя поразительно, необычайное сходство между нимъ и своимъ любимымъ братомъ, погибшимъ въ послѣднюю войну съ турками.

Когда шествіе кончилось, а король удалился и покинулъ дворецъ, во всѣхъ залахъ началось большое оживленіе, не стѣсняемое присутствіемъ высокаго гостя...

Двоюродныя сестры встрѣтились на террасѣ дворца, и Анджеллина бросилась къ Сильвіи съ страстными объятіями и поцѣлуями.

— Поклянись, что ты исполнишь одну мою просьбу, ради моего счастья! воскликнула la biondissima.

— Клянусь, тихо отозвалась Сильвія, улыбаясь и радуясь счастью влюбленной кузины.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Изъ восточныхъ мотивовъ.

Ученый слонъ.

І.
У шаха былъ ученый слонъ,—
Такой, какихъ ужъ нѣтъ въ подлунной:
Умѣлъ стрѣлять изъ ружей онъ
И на зуріѣ бречать двухствурной;
Шелками вышитъ могъ коверъ
И за фдою былъ опрятенъ;
Не тѣ, что слово: каждый взоръ,
Малѣйшій знакъ ему понятенъ!
А сколько грацій въ его
Поклонахъ, лѣстивыхъ и проворныхъ!
По мнѣнію шаха самого,
Слонъ былъ умнѣе всѣхъ придворныхъ!..
Сгорая ревностью къ слону,
Вельможи плакали, какъ дѣти...
Но въ чувствѣ ревности жену
Не превзойдетъ никто на свѣтѣ—
И вотъ, что молвила одна
Изъ очень многихъ женъ владыки:
— Болтать не выучишь слона,
Хоть ты и шахъ—и шахъ великій!..
— Чтѣ?!.. Мудрецовъ позвать сюда!..
Одинъ, сказавъ „нельзя“, запыкалъ,—
Другой... десятый!..—Не бѣда!
Искать другихъ!.. А этихъ—на колѣ!..
Всѣ разбѣжались!.. Въ царствѣ нѣтъ
Слѣда, нѣтъ запаха ученыхъ!..
Противень шаху бѣлый свѣтъ,
Владыка дни проводитъ въ стѣнахъ...

ІІ.
Но вотъ... пришелъ въ его страну
На видъ сомнительный бродяга
И хвастать началъ:—Я слону
Могу дать плавной рѣчѣ благо!..
И во дворецъ его ведутъ.
Онъ изложилъ условия кратко:
— Червонцевъ тысячу сто за трудъ
Прошу я въ качествѣ задатка,
Съ прислугой, съ утварью мнѣ домъ
Необходимъ,—въ томъ нѣтъ вопроса!
Въ мои бесѣды со слономъ
Никто совать не долженъ носа...
Преподаванье—мой секретъ!
Судья мой—Богъ и чувство долга!—
И я клянусь: чрезъ тридцать лѣтъ
Твой слонъ...—Ну, это слишкомъ долго!
Мнѣ скучно ждать! отвѣтилъ шахъ,—
Нельзя-ли, другъ, ускорить шага?!
И на пятнадцать годовъ
Сошлись владыка и бродяга...
Бродягѣ золото дано

И предпочтенье передъ всѣми;
Днемъ спать, а ночью пить вино,
Пить наслажденье, какъ въ эдемѣ...
Невидимъ слонъ: пора пришла
Въ плѣну томиться безысходно...
А спроситъ шахъ:—Ну, какъ дѣла?
Учитель молвитъ:—Превосходно!..

ІІІ.

Проходить мѣсяцы, года...
До срока лѣтъ уже не много.
Бродяги душу иногда
Терзаетъ тайная тревога;
На немъ порою пѣтъ лица
И лихорадкой блещутъ очи.
Въ людскую шахскаго дворца
Заходитъ онъ во мракъ ночи.
Онъ дружбой лестною даритъ
Начальство женской половины,
Но съ другомъ... мало говорить...
А слушать, видно, есть причины!..
И вотъ, въ одинъ прекрасный день,
Въ богочраемые чертоги
Онъ, весь дрожа, блѣднѣй, чѣмъ тѣнь,
Вошелъ—и бухъ владыкѣ въ ноги...
Мрачнѣе тучи грозовой
Сталъ шахъ-ниш-шахъ и рекъ сурово:
— Чтѣ? Лживый рабъ! Питомецъ твой,
Небось, не знаешь ни полслова!
Чего молчишь? вставай, холопъ!
Встань! отвѣчай немедленно!.. Ну—же!..
Бродяга бьетъ о плиты лобъ
И говорить, рыдая:—Хуже!..
— Чтѣ?! Умеръ слонъ? Что слышу я?!
О! За тебя мнѣ страшно вчужѣ!..
Бродяга плачетъ въ три ручья
И лишь рукою машетъ:—Хуже!..
Бродягѣ плохо: много взять
Рукой властителя жетѣзвой
Онъ за узурчатый халатъ:
— Ну, отвѣчай-ка, другъ любезный!..

ІV.

И началъ тотъ:—Мой ученикъ,
Твой слонъ, о мощный повелитель,
Твой слонъ—назъ гнусный клеветникъ,
Иль сумасшедшій сочинитель!
На-дняхъ посмѣлъ онъ молвить мнѣ:
(Одинъ мы были, слава Богу!)
„А шахъ-то знаетъ толкъ въ винѣ!
„Онъ тайно пьетъ—и даже много!
„Въ карманѣ ключъ отъ погреба

Шахъ носитъ, въ знакъ любви къ Пророку!..
Но шахъ, сконфуженный слегка,
Прервалъ:—Въ ученъ мало проку!
Ну, дальше чтѣ?! Да говори!
— А дальше... слонъ сказалъ недавно,
Тому назадъ всего для три,
Что шаха бьетъ жена исправно!..
— Не заикайся про жену!
Воскликнулъ шахъ, смутясь не мало:
Молчи, несчастный!.. Нѣтъ! Слону
Наука вовсе не пристала!..
А тотъ песеть:—Я обомлѣлъ
Вчера отъ рѣчи очень странной!
Слонъ молвилъ:—„Шахъ-то нашъ не цѣль,—
„У шаха глазъ одинъ стеклянный!..
Владыкой вновь бродяга взятъ
И брошенъ о-зель грузной тушей!..
Владыка рветъ на немъ халатъ:
— А ты не слушай! Ты не слушай!..

V.

Но вотъ, владыка утомленъ;
Избѣть порядочно бродяга...
И мыслитъ шахъ:—обязанъ слонъ
Утратить плавной рѣчѣ благо!
Но какъ тутъ быть: убить слона?
И жалъ, и передъ всѣми стыдно!..
Бродяги помощь вновь цужна!..
— Ну, встань! Тебѣ, вѣдь, не обидно?
Вѣдь, я шутилъ!.. Халатовъ дать
Тебѣ готовъ я цѣлыхъ десять—
Линь научи слона молчать!
Не то—везу тебя повѣситъ!
Ты знаешь, братъ, я не шушу:
Спишу, немедленно, жизни бремя!..
— Ну, что-жъ?! Прикажешь—отучу
Слона болтать,—но... нужно время!..
— О! Время! Тридцать лѣтъ бери!..
Но въ заключеніи одиночномъ
Слона отнынѣ ты запри—
И подъ замкомъ довольно прочнымъ!..
Условье вновь заключено:
Бродягѣ золото дано
И всякихъ благъ онъ удостоенъ!
Днемъ спать, а ночью пить вино,
Душой безоблачно-снвоемъ...
Навѣкъ слону пора пришла
Въ плѣну томиться безысходно...
А спроситъ шахъ:—Ну, какъ дѣла?!
Учитель молвитъ:—Превосходно!..

Василій Величко.

Первый блинъ да комомъ.

Рассказъ П. Н. Полевого.

Евстигій Кирилъчъ Куманикинъ въ городѣ Обрѣтенскѣ купецъ „первѣющій и богатѣющій“. Крупный ведетъ онъ дѣла, большими ворочаетъ капиталами и на всю губернію извѣстенъ своею умною оборотливостію, своею осторожностію въ предпріятіяхъ и своею щедростію на благотвореніе, конечно когда того обстоятельства требуютъ. Но есть у Евстигія Кирилъча и очень крупный недостатокъ: непохотѣна любовь къ единственному сыну его, Евламію Евстигійчу, малому очень недалекому, очень самомнителному и проникнутому преувеличенною любовью къ европеизму. На этого сына онъ ничего не жалѣлъ, лишь бы его „человѣкомъ сдѣлать“. И черезъ „зрѣлость“ его провелъ, и за границей два года сряду держалъ, и языкамъ иностраннымъ его обучалъ, и платилъ ему отъ лучшаго московскаго вортного выписывать, и о судьбѣ его дальнѣйшей озабоченъ: протанцилъ его съ великимъ трудомъ въ обрѣтенскіе городскіе головы, а въ послѣдній мѣсяцъ женилъ даже на дочери уѣзднаго предводителя дворянства. Переговаривая съ отцомъ невѣсты, наканунѣ свадьбы, о матеріальномъ положеніи будущихъ молодыхъ супруговъ, онъ сказалъ наярмникъ:

— Мы, сударь, вашей дочери щемъ, потому какъ она — дѣвица благородная и образованная. А что за нею приданого, кромѣ тряпья, ничего нѣтъ, такъ это для насъ наплевать-съ! Своего капитала достаточно сынуку удѣлимъ...

И удѣлилъ, и устроилъ молодымъ домъ какъ полную чашу, и налюбоваться не могъ на ту степенную и вѣскую важность, которую Евламію Евстигійчу отлично умѣлъ на себя накладывать. Бывало тотъ, вырядившись въ „смокингъ“, только что посланный изъ Москвы, въ бѣломъ атласномъ галстукѣ съ концами, заколотомъ крупною бриллиантовою булавкою, съ пробормомъ на затылкѣ, съ моноклемъ въ глазу и съ стурбулевой сигарой въ зубахъ, развалился передъ отцомъ на кушетку и читаетъ французскую газету; а Евстигій Кирилъчъ изъ другого угла комнаты поглядываетъ на него съ самодовольствомъ и говоритъ вполголоса пріятелю:

— Глянь-ка, братъ! Каковъ! Картина писаная... А притомъ и съ образованіемъ, не то что мы съ тобой, лыкомъ шитые. И на всякой музыкѣ гораздъ — любитель! Евлаша, а Евлаша! Какъ-бишь, эту самую оперу зналъ, которую ты въ послѣдній разъ въ Питерѣ-то слышалъ?.. Еще 25 рублей за кресло отдалъ?

— Эскаромонда! Звучно и важно произноситъ Евлаша.

— Ишь, какъ чисто выговариваешь!.. Эскра... Эскрала... Нѣтъ! шутъ ее деръ — не выходитъ!

— Да! вотъ тамъ какъ хорошо! отозвался сыночекъ на эти пошутки отца. — Захотѣлъ себя благородно потѣшить — въ оперу поѣхалъ... Захотѣлъ у себя гостей собрать на раутъ...

— На что собрать? переспросилъ Евстигій Кирилъчъ.

— На раутъ — такое собраніе съ угощеніемъ, а безъ танцевъ. Ну, и сейчасъ къ себѣ итальянцевъ пригласилъ, или музыканта какого, или актера, который о жпдахъ всякое смѣшное рассказываетъ... И всѣ смѣются, и всѣмъ занятно и весело! А тутъ, у насъ, въ этой берлогѣ Обрѣтенской — вотъ мы съ женой полгорода къ себѣ на блины позвали послѣзавтра... И будетъ это одна жратва — фу, гадость какая!

— Ничего не гадости! Коли блинъ хорошо пропеченъ и всего въ немъ положено въ пору, — и съ икоркой, и съ смѣточкомъ...

— Да все же это что? Животное наслажденіе — не больше! продолжалъ Евлаша. — И ничего къ этому не примышаешь такого, что бы и чувство облагораживало... Музыки, напимѣръ, хорошей или пѣнія высокаго гостямъ не преподнесешь...

— Такъ-то оно такъ; ну, а все-же, если блины удалісь, и подливочка есть шинчулая... Такъ и безъ музыки не душно.

Сыпъ скорчилъ гримасу, и, отвернувшись отъ отца, опять углубился въ чтеніе французской газеты.

Каково же было изумленіе, и даже, можно сказать, испугъ почтеннѣйшаго Евстигія Кирилъча, когда на другой день его возлюбленный сыночекъ вихремъ влетѣлъ къ нему въ комнату, — гдѣ и хозяйнѣ, и въ нѣсколько старшихъ, сѣдлыхъ конторщиковъ въ глубочайшемъ молчаніи степенно пощелкивали счетами, — и, не снимая шляпы, не выпуская изъ зубовъ сигары, съ маху заявилъ отцу:

— Ну, папаша, радуйтесь! И на нашей улицѣ праздникъ!

— Что?.. Что такое?

— Мавини къ намъ пріѣхали!.. Въ Одессу отсюда ѣдетъ...

— Постой, постой! Пойдемъ въ кабинетъ — тамъ переговорю! смущенно отозвался Куманикинъ. — А то какъ бы тутъ всѣхъ робятъ нашей болтовней не смутить.

И когда они вошли въ кабинетъ, онъ спросилъ у сына:

— А что же это за Мавиня такой? Знакомый твой, что-ли?..

— Мавини, а не Мавиня — какъ вы изволите говорить, съ досадой замѣтилъ Евлаша. — И онъ не мой знакомый, а европейская знаменитость! Первѣйшій въ настоящее время пѣвецъ!! Понимаете? И это намъ просто Богъ на шпанку посылаетъ!

Вотъ кто внесетъ въ наши блины облагораживающій элементъ... Ну, я, конечно, пригласилъ его на-завтра; сторговался съ автрепренѣромъ, который его въ Одессу везетъ.

— Чай здорово слупить, бестія?

— Совсѣмъ не чрезвычайно... 300 рублей запросилъ съ перваго слова; а на 250 — по рукамъ ударили...

— Это за что же собственно?

— За то, что онъ пріѣдетъ... Сдѣлаетъ намъ честь съ нами — за-просто, на блины. А потомъ споетъ намъ изъ своего любимаго репертуара двѣ-три аріи и романсы...

— И за это 250? Да ты, небось, ужъ и деньги отдалъ?

— Вотъ и расписка.

— Гм! Дороговыко... Ну, да ужъ если такая знаменитость...

— Помышлите, да вы поймите, какой эффектъ! Всѣ здѣшніе-то ужъ приглашены; и вице-губернаторъ тоже — онъ здѣсь на слѣдствіи... И я, признаться, телеграфировалъ въ губернію его превосходительству — всего, моль, три часа пути по желѣзной дорогѣ: такъ не соблагополите ли пожаловать?

— Ну, что-жъ? Конечно. Если его превосходительство пожалуетъ — тогда и 250 не жалко. Я вижу, что изъ тебя, Евлаша, прокъ будетъ.

— Хм! Ещѣ вы посмотрите, какую объ этихъ блинахъ Прохвостовъ статейку въ нашемъ „Листкѣ“ закатитъ!.. Въ столичныхъ газетахъ перепечатаютъ!

Дѣйствительно, вѣсть о пріѣздѣ знаменитаго пѣвца въ Обрѣтенскъ, по пути въ Одессу, молніей облетѣла весь городъ и произвела нѣчто въ родѣ волненія. Правда, его превосходительство отбѣжалъ любезной телеграммой и навѣщеніемъ, что никакъ не можетъ пріѣхать на „замѣчательный музыкальный фестиваль“; но все, что было въ Обрѣтенскѣ сановитаго, именитаго, богатаго и интеллигентнаго (а Обрѣтенскъ — городъ богатый и многолюдный!) — все это съѣхалось и собралось въ домѣ молодыхъ Куманикиныхъ, и когда слуга громогласно заявилъ, что „господинъ Мавини пожаловать изволитъ“ — всѣ взоры разомъ обратились къ дверямъ прихожей.

Черезъ минуту, въ залу вошелъ какой-то куркій, черномазый господичикъ, во фракѣ и бѣломъ галстукѣ — но всѣмъ признакамъ еврейскаго происхожденія. Онъ ступевался, уступая дорогу другому субъекту, средняго роста и очень невзрачной наружности. Плоское, рябоватое лицо его, съ нѣсколькими ситюпутымъ носомъ, было отѣшено довольно безпорядочною, всклооченной бородой. Темные волосы, спутанными длинными прядями спадали съ головы его почти до плечъ. Порядочное брюшко обозначалось довольно явственно изъ-подъ бѣлаго жилета и фрака, сшитаго пекладно и неуклюже...

— „Синьоръ Мавини!“ развязно отрекомендовалъ его еврейчикъ, указывая публикѣ на вошедшаго.

Всѣ шумно привѣтствовали незнакомца, а хозяйнѣ и хозяйкѣ подлетѣли къ нему съ двухъ сторонъ, подхватили его подъ руки — и пригласили всѣхъ гостей въ столовую.

Веселою гурьбою окружили гости великолѣпную закуску и сдѣлали ей надлежащую честь въ такой степени, что на время даже и Мавини былъ всѣмъ забытъ. Увлеченіе вождѣльными аппетита такъ овладѣло гостями, что въ толпѣ, окружившей закуску, среди стука ножей, вилокъ и тарелокъ, слышны были только хвалебныя рѣчи закускѣ.

Мавини обратилъ опять на себя вниманіе публики только тогда, когда хозяйнѣ и хозяйкѣ усадили его между собою и онъ, усердно раскланиваясь и прижимая руку къ сердцу, старался мынкой поблагодарить ихъ за чрезмѣрное радушіе.

— Вѣда его! По-русски-то ни слова! рассказываетъ кто-то изъ гостей. — Только со своимъ черномазымъ и перекидываетъ словечкомъ! А самъ отъ себя — ни-ни...

— Ну, нѣтъ, братъ! Куманикинское угощеніе и пѣмому языку развѣжетъ! замѣтилъ редакторъ мѣстнаго „Листка“, Прохвостовъ. — Послѣ блиновъ и онъ заговоритъ...

Всѣ были веселы и видимо довольны. Даже и Евстигій Кирилъчъ позабылъ о 250 рубляхъ, выброшенныхъ сыномъ на проѣзжаго итальянца, и находилъ, что блинное торжество было устроено Евлашей съ большимъ умѣньемъ.

— Евлаша мой, говорилъ онъ, послѣ многихъ возліаній, своему сосѣду-пріятелю, — малый съ головой, и въ люди выйдетъ... Потому повадка у него очень хороша... Опять же и образованность... Вѣдь вонъ, поди-жъ ты, Мавинию этого выдумалъ... И всѣмъ занятно — и точно, что и для чувства есть благородство... А другому, поди-ка, и въ голову не пришло-бы!

Наконецъ гости, сытые, отяжелѣвшіе отъ возліаній, охрипнувшіе отъ тостовъ въ честь заѣзжаго дорогаго гостя, шумно поднялись и поплелись въ гостиную, гдѣ хозяйнѣ уже съелісь около рояля.

Вотъ, наконецъ, и Мавини вышелъ на середину комнаты, и Евлаша, граціозно подхвативъ его подъ руку, пошелъ съ нимъ къ роялю. Прежде, чѣмъ сѣсть за рояль, Мавини обернулся къ публикѣ, и съ честью долгомъ отвѣтитъ ей обійей поклонъ, какъ-то особенно некрасиво встряхивая длинными прядями

Веселые маски. Ориг. рис А Рободи, грав. Л. Петт.

Критическое положеніе. С. карт. Э. Шницера, по фот. Упюнь грав. Іерике.

своих волосъ. Публика пришла въ неописанный восторгъ: зашлепывала, закричала „браво!“

Мазини еще разъ поклонился публикѣ и, сѣвъ за рояль, взялъ довольно цѣловѣй аккордъ... Евлаша замеръ за его спиной, готовясь перенорачивать страничку... Всѣ насторожились, всѣ жаждали услышать дивные звуки голоса знаменитаго пѣвца... Но... произошло нѣчто совсѣмъ необычайное. Мазини вдругъ наклонился къ нотамъ, близко, близко—и захрипѣлъ...

— Позвольте, снѣворъ Мазини! крикнулъ въ испугъ Евлаша.

Тотъ вдругъ очнулся, откинулся назадъ, потомъ не совсѣмъ твердо поднялся со своего мѣста и, обращаясь къ публикѣ, проговорилъ:

— Не виновать... Ей-ей, не виновать!.. Это не я обмануль... Это онъ обмануль...

— Кто обмануль? Чго такое? воскликнулъ Евлаша, побагровѣвъ отъ злости.

„Если женщина захочетъ, то поставитъ на своемъ“.

дѣйствующие лица:

Рожанскій, Михаилъ Аркадьевичъ — 35-ти лѣтъ.

Санечка—его сестра, 17-ти лѣтъ, пансіонерка.

Яковъ—слуга.

Дѣйствие въ Петербургѣ, въ квартирѣ Рожанскаго, въ наши дни.

Явленіе I.

Рожанскій, одинъ.

(При поднятіи занавѣсы сидитъ у стола, держитъ въ рукахъ письмо и грозно читаетъ).

„Милостивая Государыня! Къ величайшему моему сожалѣнію, я лишень возможности воспользоваться вашимъ любезнымъ приглашеніемъ обѣдать сегодня у васъ. Весьма важное дѣло требуетъ моего присутствія въ Москвѣ, куда я уѣзжаю сегодня вечеромъ, съ курьерскимъ, и откуда, не могу даже опредѣлить, когда вернусь... Примите мои и т. д. Михаилъ Рожанскій.“ (Беретъ конвертъ и надписываетъ адресъ). „Ея Сіятельству Графинѣ Софѣ Николаевнѣ Муромцевой. Галерная улица, собственный домъ.“ Вотъ и готово! Отлично! Теперь другое... „Мой дорогой, очаровательный другъ! Не нахожу словъ чтобы благодарить васъ за ваше милое и любезное приглашеніе. Ровно въ семь часовъ буду у васъ и лично скажу вамъ, какъ я всегда счастливъ, когда бываю съ вами...“ (Беретъ конвертъ и надписываетъ). „Ея Сіятельству Александровнѣ Шаторской. Малая Морская домъ № 19, кв. 3. (Взявъ оба письма въ руки, встаетъ и къ публикѣ). Одно—adieu pour toujours; другое—au revoir... до пріятнаго свиданія; въ одномъ—отставка, отказъ въ принятіи прошенія; въ другомъ—возобновленіе контракта!.. Великолѣпное дѣло! (Положивъ письма на столъ, уходитъ на авансцену). Нѣтъ-съ! какова мысль? Меня, понимаете, меня—женить? (пожимая плечами) чистое сумасшествіе! Эта мысль пришла въ голову любезнѣйшей моей сестрицѣ! да-съ! а я, былъ такъ слабъ, что чуть было не поддался!.. И кому? просто смѣшно сказать!.. Дѣвчонкѣ семнадцати лѣтъ... Пансіонеркѣ седьмого класса!.. Положимъ, я ее очень люблю... Насъ всего только двое и есть... Пристала она: женись, да женись! Я, чтобы отвязаться, и говорю: хорошо, хорошо, женись! Она дѣло приняла совершенно въ серъезъ, и, вотъ, сегодня мы должны съ ней обѣдать у графини Софьи Николаевны Муромцевой. Она вдова. Послѣ обѣда я долженъ сдѣлать формальное предложеніе! Только я не поѣду обѣдать!.. Мнѣ и такъ хорошо!

Явленіе II.

Рожанскій и Санечка.

Санечка. (Входя съ картинкой въ рукахъ). Здравствуй, Michel! (Присутствіе его въ лобѣ

— Атрапанерь!.. Опъ и лыжи павострилъ,—а мнѣ всего десять рублей отустилъ...

И опъ какъ-то безпомощно размахивалъ руками.

— Люди! Люди! Выведите его вонъ! зарѣжьте Евлаша, отскакивая отъ мнѣшаго Мазини, при общемъ хохотѣ гостей...

На другой день, между отцомъ и сыномъ происходило въ кабинетѣ весьма серьезное и секретное совѣщаніе.

— Ну, братъ Евлаша! Угостилъ—нечего сказать! говорилъ сыну расходившійся родитель. — Вѣдь я одному Прохвостову 300 рублей далъ, чтобы молчалъ объ этомъ въ своемъ *Листѣ*... Да это что! А вотъ тесерича—три года мнѣ губернаторъ павызывалъ площадь передъ соборомъ вымостить, а я все отлынивалъ... А теперь—вымошу! Самъ вызовусь! Ну, а это вѣдь 20,000 пахнетъ... Вотъ тебѣ и чувства облагородилъ! Нѣтъ, это, братъ, по-нашему называется: „первый блинъ да комомъ!“

Комедія въ одномъ дѣйствіи И. М. Булацель.

и, отойдя въ глубину, ставитъ картинку на столъ). Ужасно я устала! Цѣлое утро по магазинамъ бѣгала, потомъ зашла къ модисткѣ за шляпкой.

Рожанскій. И опять одна? Сколько разъ я тебѣ говорилъ, что не люблю, когда ты одна ходишь.

Санечка. Да и не одна, Миша; я съ Лизой ходила. Она меня до модистки проводила; тамъ шляпку еще кончали, я Лизу отпустила къ теткѣ, а сама осталась, чтобы подождать. Меня оттуда проводила Лизина сестра — она старшая мастерница, очень милая дѣвушка, такая скромная, тихая, хорошая... (Възвѣсивъ къ картинкѣ). А ужъ искусница какая, просто удивленіе! Посмотри, какую она мнѣ шляпку сдѣлала... чудо... восторгъ, что такое!.. Посмотри.

Рожанскій. Очень мило. Но у тебя есть вѣдь совсѣмъ новая шляпка, розовая?

Санечка. Вотъ новость! Шляпка, которую я уже два раза надѣвала къ графинѣ. Это не пріятно... тѣмъ болѣе, что сегодня званый обѣдъ... (Дѣлаетъ ему глубокій реверансъ). Но вашей милости, господня женихъ.

Рожанскій. (При послѣдней фразѣ видимо начинаетъ смущаться). Да, да, все это очень хорошо, но... но только я не знаю... право... какъ быть съ этимъ обѣдомъ?.. У меня, какъ парочно, сегодня, въ 7 часовъ, очень экстренное и пужное свиданіе... съ моимъ повѣреннымъ по дѣлу...

Санечка. Вашъ повѣренный подождетъ до завтра! Онъ мнѣ надоѣлъ, вашъ повѣренный!

Рожанскій. (Все болѣе смущаясь и становясь нерышительнѣй). Послушай, Санечка, ты такъ-таки не на шутку и непремѣнно хочешь меня женить? Развѣ мы не счастливы съ тобой и такъ, вдвоемъ?

Санечка. Очень счастливы!

Рожанскій. Такъ зачѣмъ же эта страшная фантазія непремѣнно меня женить? Зачѣмъ помѣнять наше положеніе? Не понимаю.

Санечка. Оно ничѣмъ особенно и не помѣнится, наше положеніе. Выѣсто двухъ, насъ будетъ трое, вотъ и все. Я давно знаю Софи. Она была со мной вмѣстѣ въ пансіонѣ; я только что поступила, а она была уже въ „большинхъ“.

Рожанскій. Вы, что же, эту комбинацію вдвоемъ придумали?

Санечка. Конечно вдвоемъ, и, повѣрьте, очень скоро,—въ полчаса!..

Рожанскій. Дѣйствительно, очень скоро... (Садится).

Санечка. Еще въ то время, когда были вмѣстѣ, въ пансіонѣ. Потомъ она вышла замужъ,—мы съ ней долго не видались, я и забыла! Ну, а теперь она овдовѣла; я все это вспомнила, переговорила съ ней, и... и теперь я тебя жени!

Рожанскій. Очень тебѣ благодаренъ! А какъ ты думаешь, не лучше-ли подождать немного? Ты подрастешь, я тебя выдамъ замужъ, и тогда насъ тоже будетъ трое...

Санечка. Глупости! Вотъ еще что выдумать! Ждать! Не хочу ждать!

Рожанскій. Мой повѣренный тоже того же мнѣнія, онъ тоже говоритъ, что лучше подождать...

Санечка. Вашъ повѣренный ничего не понимаетъ! Я его очень прошу, вашего повѣреннаго, въ мои дѣла не вмѣшиваться... (Подходитъ къ нему). Ты выслушай меня, Мишель! Мнѣ теперь семнадцать лѣтъ, слѣдовательно, раиѣ двухъ или трехъ лѣтъ, мнѣ пещего и думать о томъ, чтобы выйти замужъ, нельзя же прямо изъ пансіона подъ вѣнецъ, это не пріятно; между тѣмъ тебѣ теперь 35, ты, какъ говорится, въ самой порѣ; ну, а черезъ три года, когда тебѣ будетъ 38, ты уже будешь... (Останавливается въ нерешимости).

Рожанскій. Что буду?

Санечка. Какъ тебѣ сказать?.. Ты будешь... ну... того... немножко пересѣблѣй. Рожанскій. Что такое?.. Пересѣблѣй? Да что ж, дыни, что-ли? (Встаетъ и начинаетъ ходить).

Санечка. Посмотри, у тебя уже теперь совсѣмъ сѣдые виски, да и волосы тоже начинаютъ сѣдѣть...

Рожанскій. Пустяки! Волосы можно выкрашивать...

Санечка. Нѣтъ! Этого никакъ нельзя! Я обѣщала Софи мужа въ полномъ порядкѣ, безъ всякой фальсификаціи.

Рожанскій. Да, тебя слухая, можно подумать, что я въ самомъ дѣлѣ ни вѣсть, какъ старѣю?..

Санечка. Если хочешь, чтобы я правду сказала, то да! Повѣрь мнѣ, Michel, пора, даже и очень пора!

Рожанскій. Да для кого пора-то? Для меня, или для тебя? Мнѣ начинать сдѣлаться, что въ твоей настоячивости крестись какой-то умисель.

Санечка. Когда на то пошло, — ты не ошибся. У меня нѣтъ отъ тебя секретовъ, у меня, дѣйствительно, есть маленькій умисель.

Рожанскій. Ну такъ и зналъ!

Санечка. Ты помнишь, я очень часто рассказывала тебѣ про мою пансіонскую подругу, Вѣрочку Сошневу?

Рожанскій. Ну, помню!

Санечка. У нея есть братъ...

Рожанскій. А!

Санечка. Я познакомилась съ нимъ на одномъ изъ нашихъ пансіонскихъ баловъ, танцовала съ нимъ, и опъ сдѣлалъ мнѣ черезъ сестру свою предложеніе... Это было два года назадъ.

Рожанскій. Молодецъ! Время даромъ не тратить... Сколько ему лѣтъ?

Санечка. Въ сентябрѣ будетъ 19. Опъ въ нынѣшнемъ году кончатъ курсъ въ инженерномъ корпусѣ и выйдетъ офицеромъ въ гвардію, въ гусары. Онъ сказалъ своей сестрѣ, что находитъ меня вполне *compte il faut*, что я ему очень нравлюсь, что онъ любитъ меня, и что ни на комъ другомъ не женится, кромѣ меня...

лечь горничная и зовет насъ въ другую комнату — въ будуаръ... Хорошенькій такой, весь голубымъ кретономъ обитъ, и въ немъ такал пизенъкая, мягкая мебель... Прелесть какой будуаръ, чистая бомбоньерка!.. Пу, вотъ, мы вошли, а она лежитъ на козеткѣ въ бѣломъ пеньюарѣ, въ такой граціозной позѣ... Постою, я тебѣ сейчасъ покажу какъ... *(Бѣжитъ къ козеткѣ, Розанскій ее останавливаетъ).*

Рожанскій. Нѣтъ ужъ, пожалуйста, не показывай!

Сакечка. Не хочешь? Пу, не падо... Только мы вошли, поклонились, впереди она, мастерица, а я сзади, и въ рукахъ держу картонку, съ моею шляпкой. Здравствуйте, говоритъ, принесли шляпку? Показжите. Тутъ она увидѣла меня... Это, говоритъ, что за дѣвочка? Это, отвѣчаетъ мастерица, моя помощница. Хорошенькая, говоритъ она, и такъ ласково... а я все стою, молчу и разсматриваю ее. Она хорошенькая, Мишель, только глаза подкрашены уже слишкомъ!.. Вотъ стала она пригнѣять шляпку, зеркало велѣла себѣ подать, любуется въ него на себя, какъ вдругъ звонокъ, — дверь отворилась, и въ комнату вошелъ гусарскій офицеръ...

Рожанскій. *(Быстро).* Гусарскій офицеръ?..

Сакечка. Да, молоденькій такой, съ черными усиками и въ рпсе-пез. Подошелъ къ ней, поцѣловалъ ей руку и сѣлъ на табуретку. А, говоритъ она, — это ты, Борисъ? Здравствуй! Дай-ка мнѣ панпирску! Взяла она панпирску, закурила и все шляпкой любуется... и спрашиваетъ его: хороша моя шляпка? Да, говоритъ онъ, очень хороша! Пу, когда такъ, говоритъ она, а сама такъ хитро ему улыбается, когда такъ, то заплати за нее! Пу, онъ поморщился, однако, все-таки, сейчасъ пошелъ въ карманъ и вынулъ деньги... Сколько? спрашиваетъ. Семьдесятъ рублей! говоритъ мастерица. Онъ сейчасъ и отдаетъ, а она ему руку протянула, и онъ ее поцѣловалъ. Это ей братъ, Мишель, да? Вѣрно, братъ. Она ему все «ты» говорила, и онъ за шляпку заплатилъ? Братъ, да?

Рожанскій. *(Живо).* Да, да, братъ! Конечно, братъ... двоюродный!.. *(Стискиваетъ зубы)* братъ!

Сакечка. Пу, и такъ и думала! А потомъ она спросила, что у меня въ картонкѣ. Закажъ, говорю, шляпка для mademoiselle Розанской, говорю.

Рожанскій. Ты сказала свое имя?

Сакечка. Да, сказала! Что-жъ тутъ такого? А что, спрашиваетъ, хорошенькая эта Розанская?.. Хорошенькая, говорю... Да, вѣдь, она еще учится въ пансіонѣ, зачѣмъ ей такая шляпка? Парочно, говорю, заказывали, для свадьбы своего брата.

Рожанскій. *(Всплеснувъ руками).* Какъ? Такъ и сказала?

Сакечка. Сказала!.. Ей брата? спрашиваетъ... Какого брата? А сама вся такъ и встрепенулась. Это, говоритъ, невозможно! Глаза у ней такъ и забѣгали, такъ и забѣгали... Вы, говоритъ, ошибаетесь!.. Нѣтъ, говорю, не ошибаюсь, я ихъ отлично знаю, постоянно на барышню работаю... Нѣтъ, говоритъ, это невозможно! Это навѣрное другой! Который ему годъ? Да скорокъ пять лѣтъ, должно быть, говорю...

Рожанскій. *(Быстро).* Что ты врешь! Какія 45 лѣтъ. Мнѣ только будетъ 35.

Сакечка. Да постою, не перебивай! Скорокъ пять? говоритъ, пу, значитъ, это не онъ! Михаилу Аркадьевичу только 28... *(Рожанскому)* Мишка, Мишка, это ты парочно молодился, семь лѣтъ себѣ сбавлять!.. Увѣрю васъ, сударыня, говорю, что 45, сама барышня мнѣ говорила... Нѣтъ, говоритъ, это невозможно! Да вы его въ лицо знаете? Знаю! Узнаете его портретъ? Узнаю! Она это сейчасъ подбѣжала къ письменному столу, взяла съ него портретъ въ голубой плюшевой рамкѣ и подаетъ мнѣ.

Онъ? спрашиваетъ. Онъ-ст, говорю! только здѣсь они гораздо моложе кажутся!.. Какъ я сказала это, она какъ визгнетъ на всю комнату, какъ кипитъ портретъ твой на полъ, и пу его топтаетъ. Ахъ, онъ обмалчикъ, злодѣй! И чего, чего только ни наговорила. Борись, говоритъ, — это гусару-то, понимаешь? — отомсти за меня, слышишь, застрѣли его!.. Ахъ!.. умираю, умираю! и упала на отоманку. Знаешь, Мишель, какъ она хорошо умираетъ! такъ натурально, такъ натурально... И тебѣ сейчасъ покажу... *(Бѣжитъ къ козеткѣ).*

Рожанскій. Не падо, не падо! Ради Бога, ничего мнѣ не показывай! *(Въ сторону)* Двадцать тысячъ разъ самъ видѣлъ! Сама мнѣ показывала. Насмотрѣлся, довольно съ меня! Что-же дальше? *(Оттираетъ лицо).*

Сакечка. *(Обмалчивался или кто-то, садится на козетку)* Устала! Дай отдохнуть!

Рожанскій. *(Вставая, въ сильномъ разстроеномъ состояніи).* Надѣюсь, однако, что ты сейчасъ-же ушла, не осталась ждать, пока она воскреснетъ?

Сакечка. Мы сейчасъ-же уѣзжали... Я только успѣла поднять съ пола твой портретъ, — вотъ онъ. На, посмотри, какъ она тебя хорошо отдала! *(Вынимаетъ изъ кармана фотографическую карточку, сильно помитурю, и подаетъ ему).*

Рожанскій. *(Съ притворнымъ удивленіемъ).* Въ салонѣ дѣлѣ, моя карточка! Какъ она къ ней пошла? Удивляюсь, право! Я ее далъ моему повѣренному, на память!

Сакечка. Твоему повѣренному? Съ такой собственноручной надписью? *(Вырываетъ изъ рукъ и читаетъ на оборотѣ):* «Прелестной и обворожительной паядѣ отъ обожающаго ее рыбака». Странно! Это твой повѣренный — паяда?

Рожанскій. *(Видимо сильно сконфузившись).* Ничего нѣтъ страннаго... ровно ничего... Я подарилъ эту карточку... дочери моего повѣреннаго... моей крестницы!.. я ее всегда называю паядой... Пу, понимаешь? *(Въ сторону).* Кажется, я заврался, совсѣмъ заврался!

Сакечка. Да? Вотъ какъ! Можетъ быть! Во всякомъ случаѣ, я очень довольна сегодняшнимъ днемъ: я видѣла вблизи настоящую танцовщицу.

Рожанскій. *(Строго).* Довольно! Я долженъ тебѣ сказать, что нахожу твое поведение неприличнымъ! Слышишь: неприличнымъ!..

Сакечка. *(Дѣлая жалостливую мину и складывая руки).* Понимаю, сознаюсь и никогда больше не буду!

Рожанскій. Надѣюсь!

Сакечка. Ты меня прощаешь? Не серднись?

Рожанскій. Но въ пансіонѣ все-таки ты отправилась сегодня...

Сакечка. *(Жалобно).* Какъ? Сегодня-же въ пансіонѣ?

Рожанскій. *(Нисколько подумавъ).* Не сегодня, а завтра утромъ! *(Въ сторону).* Сегодня мнѣ некогда, надо скорѣе ѣхать исправлять дѣло! Могу сказать... разо-дожгла!

Сакечка. *(Въ сторону).* Слава Богу! Сегодня я еще на волѣ... Посмотримъ еще, чѣмъ возьмется!

Яковъ. *(Входя).* Графиня Софья Николаевна приказала кланяться и сказать, что будутъ ждать кунать, а за барышней сами въ четыре часа заѣдутъ кататься.

Рожанскій. *(Въ недоумѣніи).* Что такое?

Сакечка. Хорошо, хорошо, Яковъ! Ступай!

Рожанскій. *(Въ сторону).* Ничего не понимаю! Писалъ, что уѣзжаю въ Москву, а она... *(Громко Якову).* А на второе письмомъ отвѣтъ есть?

Яковъ. Никакъ нѣтъ-съ! Сказали, что не будетъ!

Рожанскій. Хорошо, ступай! *(Идетъ въ глубину за шляпой).* Прощай, Саня. Я уѣзжаю... Мнѣ нужно съѣздить, по дѣлу...

Сакечка. *(Въ сторону).* За отвѣтомъ! *(Громко).* Что же мнѣ дѣлать, Michel, когда Софи пріѣдетъ?

Рожанскій. *(Торопясь).* Пу и поѣзжай съ нею, куда хочешь!.. Прощай!..

Сакечка. *(Подбѣгая къ нему и обнимая его).* Милый, добрый, хорошій! Ты, значитъ, согласенъ? Да? Пу, дай мнѣ слово, что пріѣдешь обѣдать къ Софи? Пріѣдешь? Говори!

Рожанскій. И не думаю даже! Мнѣ некогда! Ты извинись за меня... скажи, что я... очень горюю, но что дѣла... очень важныя... что хотѣлъ ѣхать сегодня въ Москву... по что ѣду завтра...

Сакечка. *(Перебивая).* Вотъ и прекрасно! Завтра поѣдешь въ Москву, а сегодня можешь пріѣхать обѣдать къ Софи... это будетъ прощальный обѣдъ...

Яковъ. *(Входя).* Въ рукахъ у него большой, красный воздушный шаръ на веревочкѣ, а въ другой рукѣ причудливыхъ разноцвѣтныхъ конвертъ. Подаетъ все Розанскому... Изъ Малой Морской.

Рожанскій. *(Съ недоумѣніемъ смотритъ то на шаръ, то на конвертъ).* Что это такое? *(Яковъ уходитъ).*

Сакечка. *(Въ сторону).* Отвѣтъ! Все пропало! *(Подходитъ къ Розанскому и, взявъ шаръ за веревку, начиняетъ то опускать, то поднимать его).* Какъ это мило!

Рожанскій. *(Распечатываетъ конвертъ и вынимаетъ изъ него большого картонного полчишника. Изъ конверта выпадаетъ записка).* Вотъ тебѣ и разъ! Это что значитъ?

Сакечка. *(Бросаетъ шаръ, бѣжитъ къ брату, выхватываетъ у него полчишника и начиняетъ его дернати за веревочку Розанскій поднимаетъ записку, и, прочтя ее, стоитъ молча. Сакечка вырываетъ изъ его рукъ записку и, отойдя, громко читаетъ).* «Милостивый Государь! Посылаю вамъ, по случаю вашего отъѣзда, воздушный шаръ, на которомъ вы можете отіраться по вашимъ глупымъ дѣламъ. Посылаю вамъ также ваше изображеніе, которое можете подарить вашей невѣстѣ. Елена Шаторская». Воскресла! А я думала, что она умерла!

Рожанскій. *(Разведя руками).* Могу сказать: тонко!

Яковъ. *(Входя).* Графиня Софья Николаевна пріѣхали и ожидаютъ барышню въ каретѣ!

Рожанскій. *(Разомъ встрепенувшись).* Что? Кто? Графиня?

Сакечка. *(Якову).* Хорошо, сейчасъ! Скажи, что сейчасъ! *(Яковъ уходитъ).* Мишель, ты меня проводишь до кареты?

Рожанскій. *(Сердито).* И одна дойдешь.

Сакечка. Какъ же это? Ты самъ говоришь, что молодой дѣвушка одной не слѣдуетъ выходить.

Рожанскій. Пу, что прикажете мнѣ съ нею дѣлать? Она всегда права! Идемъ!

Сакечка. *(Быстро бѣжитъ за шляпкой и, возвратясь, бросается къ нему на шею).* Пу, идемъ же! Спасибо тебѣ. Ты вѣдь съ нами поѣдешь, да?

Рожанскій. *(Рѣшительно).* Поѣду, поѣду! *(Беретъ шляпу).* Только слышишь, съ уговоромъ: по Малой Морской не ѣхать!

Сакечка. Хорошо, хорошо! по Большой поѣдемъ!.. Идемъ же! *(Надвигаетъ шляпку и идетъ къ дверямъ).*

Рожанскій. *(Надвигъ шляпу).* Идемъ! *(Останавливается на авансценѣ, къ публикѣ).* Извѣстны видѣть? А? Что прикажете дѣлать? Женщина... А ужъ если женщина рѣшила...

Сакечка. *(Ототиснула было къ дверямъ, снова возвращается на авансцену, беретъ со подъ руку и доканчиваетъ фризю).* Такъ поставитъ на своемъ! Идемъ! *(Уводитъ его къ средней двери. Оба уходятъ. Занавѣсъ).*

К О Н Е Ц Ъ.

Развязавшійся башмачокъ. Съ карт. І. Вейзера, грав. Гедашъ.

Къ рисункамъ.

Масляница. (Рис. на стр. 101, 104, 105, 109, 112, 113 и 117).

Широкая Масляница, — честная и веселая боярыня, — всегда была любезною гостью у русского народа, который ее чествуетъ цѣлую седмицу.

Въ доброе старое время, въ воскресенье передъ Масляницей, совершалось „дѣйство страшнаго суда“. Передъ выходомъ на дѣйство, государь поутру обходилъ богадѣльни, тюрьмы и приказы, щедро раздавая милостыню престарѣлымъ, немощнымъ и заключеннымъ. „Дѣйство“ происходило въ Успенскомъ соборѣ, въ Москвѣ, или на площади за алтаремъ собора, гдѣ строились особые мѣста для царя и патріарха. Противъ патріарха возвышался на особомъ помостѣ или козлѣ, обитомъ краснымъ сукномъ, большой нагой съ иконою Богородицы и св. Евангелиемъ, столъ для освященія воды и особо икона „Страшнаго суда“. Самое дѣйство состояло изъ пѣнія стихиръ, освященія воды и чтенія Евангелія, послѣ чего патріархъ отиралъ губкою изображеніе Страшнаго суда и другія иконы. Оканчивалось дѣйство окропленіемъ святою водою окружающихъ и освященіемъ ихъ крестомъ.

На другой день справлялась встрѣча Масляной. До сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣти выходятъ съ утра на улицу и строятъ снѣжные горы, зазывая Масляницу. Тогда они вѣжутъ изъ соломы чучело и втаскиваютъ на гору. Когда горы устроены, дѣти сбѣгаютъ съ горы съ крикомъ: „Пріѣхала Масляница“. Взрослый людъ справляетъ встрѣчу посѣщеніемъ родныхъ, при чемъ стовариваются, какъ проводятъ время въ слѣдующіе дни, кого звать въ гости, гдѣ веселиться. Въ старину не потѣмнѣла въ широкую Масляницу значило жить въ горькой бѣдѣ и жизнь худо окончить. Съ этого дня въ богатыхъ домахъ начинаютъ печь блины, во многихъ мѣстахъ до сего времени сопровождается приготовленіе ихъ особыми обрядами и причитаіями.

Вторникъ Сырной недѣли въ народѣ величается „запрышамъ“. Въ этотъ день молодые люди, парни и дѣвочки приглашаются покусать блиновъ и покататься съ горъ, при чемъ молодые высматриваютъ себѣ невестъ, а дѣвушки суженыхъ.

Въ среду, называемую „лакомками“, тещи приглашаютъ зятя съ женою на блины. Угощеніе зятя тещею поется во многихъ пѣсняхъ, въ этотъ день распеваемыхъ на вечеринкахъ холостыхъ, при чемъ содержание пѣсни передается въ лицахъ, и наряженный мѣлѣкъ играетъ главную роль.

Въ широкій четвергъ начинается настоящій масляничный разгулъ. Съ этого дня и бѣдный людъ нечетъ блины и гуляетъ... На улицахъ проходятъ катанье и кулачные бои. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устраиваютъ шествія: возятъ мужика съ виномъ и казачами, корабль на саняхъ съ ярусами и спасами, разукрашенное бубенцами и лентами дерево и проч.

Пятница носитъ названіе „тещины вечерни“ и на нихъ зятя угощаютъ тещу. Для почета, приглашеніе дѣлаетъ накануне зять лично и поутру, въ пятницу, присылаетъ особыхъ позыватовъ.

Въ субботу, въ „золовкины посидѣлки“, молодая невеста приглашаетъ къ себѣ гостей.

Въ воскресенье проходятъ проводы Масляницы, которые справлялись въ старину съ разными обрядами. Въ этотъ день побывавшіе въ гостяхъ отдариваютъ радужныхъ хозяевъ, у которыхъ они веселились на Масляной. Вместе съ тѣмъ, въ виду наступающаго поста, просятъ прощенья другъ у друга, отчего и самый день называется „прощеньемъ“.

Въ городахъ на широкую Масляницу строятся балаганы, качели, горы. Погулять на нихъ любить не одинъ простой народъ; въ старину Петръ Великій вмѣстѣ съ офицерами качался на качеляхъ.

Въ Петербургѣ балаганы строились на Невѣ, противъ крѣпости. Съ начала нынѣшняго столѣтія балаганы стали строить на площади у Большаго театра. Лѣтъ черезъ тридцать они были перевесены на Адмиралтейскую площадь, гдѣ нынѣ разбитъ садъ. Тутъ дважды были страшные пожары. Одинъ въ 1837 г., когда сгорѣлъ балаганъ Лемака, при чемъ погибло много людей, и въ другой разъ ночью, въ 1872 году, на Святой недѣлѣ. Послѣ того балаганы строятся на Царицыномъ лугу, вдоль Лебяжьяго канала. Нашъ рисунокъ на стр. 104 изображаетъ неструю толпу у балагана на этомъ мѣстѣ.

Кромѣ увеселеній у балагановъ, устраиваются маскарады, которые, впрочемъ, по примѣру заграничному, бывають во всю зиму. Въ XVIII вѣкѣ на Масляной Москва помнитъ нѣсколько маскарадовъ, изъ которыхъ особеннымъ великолѣпіемъ отличались маскарады по случаю Ништадтскаго мира въ 1722 году и послѣ коронованія императрицы Екатерины.

За границей особенно часто бывають маскарады въ концѣ карнавала, который начинается въ день св. Епифанія, 6-го января, и оканчивается во вторникъ первой недѣли Великаго поста. Маскарады эти не только происходятъ внутри зданій, но во многихъ городахъ, Италіи, Франціи и Южной Америки въ концѣ карнавала они устраиваются на улицѣ. Грандіозныя процессіи съ тысячами масокъ, оживленные битвы цвѣтовъ, confetti, тоссоли составляютъ непремѣнную принадлежность ихъ. Въ Парижѣ особеннымъ оживленіемъ и своеобразіемъ отличаются маскарады въ Большой Оперѣ, гдѣ съ бѣлаго утра веселая толпа проводитъ время. Тутъ можно видѣть, какъ послѣ долгихъ упрямиваній грандіозная маска соглашается снять маску, и удивленный ухаживатель, при словахъ „это я“, узнать въ таинственной незнакомкѣ свою жену. Въ другомъ мѣстѣ, въ угрюмомъ уголкѣ, любительница потанцовать торопливо завязываетъ башмачокъ, чтобы снова пуститься въ плясъ, до той поры, когда объявятъ, что маскарадъ кончился, и надо отправляться домой. Не мало горькихъ минутъ приходится пережить всѣмъ, кто веселился, а быть-можетъ придется пережить и въ будущемъ, если случится такая-же бѣда, какаѣ постигла запоздалую ряженую, дѣйствительно, критическое положеніе которой передано на рисунокѣ на стр. 113.

Птичьи горы въ Лапландіи. (Рис. на стр. 120).

Скалистые берега Лапландіи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представляютъ изъ себя, если можно такъ выразиться, громадные птичьи сады. Тысячи, сотни тысячъ птицъ сидятъ на всѣхъ площадкахъ, выступкахъ, во всѣхъ расщелинахъ и углубленіяхъ; вокругъ нихъ цѣлая облака пернатыхъ слетаютъ сверху внизъ, или поднимаются къ облакамъ, кружатся и рѣютъ въ воздухѣ; другія плаваютъ по водной поверхности или ныряютъ въ холодныхъ волнахъ, вылавливая рыбу, которая водится въ изобиліи у береговъ. Среди пернатыхъ попадаются гагары чистки, разные виды кайръ и множество другихъ представителей полярныхъ птицъ. Разумѣется, такая богатая добыча не можетъ оставаться неприкосновенною. Наибольшимъ преслѣдованіямъ полярныя птицы подвергаются со стороны человѣка. Птицы истребляются огнестрѣльнымъ оружіемъ или ловятся живыми, при чемъ человѣкъ предохлѣваетъ исхообразимыя пренятствія. По чуть замѣтнымъ выступамъ взираются ловцы по огненнымъ скаламъ и спускаются на канатахъ, при чемъ, чтобы достигнуть вожделѣннаго мѣстечка и выбрать оттуда яйца или птенцовъ, ловцы раскачиваются на веревкѣ футовъ въ 50. Иногда послѣ сильнаго мороза птицъ попросту сдуваютъ вистрѣлами, и онѣ, бросаясь камнемъ со скалы въ воду, разбиваются о ледъ. Кромѣ людей, птицъ преслѣдуютъ и другіе хищники: вороны, чайки и большія рыбы. Но, несмотря на всѣ преслѣдованія и хищническое истребленіе, количество птицъ, повидимому, не уменьшается, и прибрежныя скалы, по-прежнему, покрываются тучами птицъ.

Человѣкъ съ необычайно длинной бородой.

(Рис. на стр. 121).

Въ природѣ все имѣетъ свой порядокъ, подверженный строгому закону, но и тутъ, какъ всегда, бывають исключенія. Помимо такъ-называемаго „уродства“, исключенія эти представляютъ часто феномены, въ которыхъ нѣтъ ничего, собственно, безобразнаго, но, тѣмъ не менѣе, они замѣчательны по своей необычности.

Къ числу такихъ феноменовъ принадлежитъ, между прочимъ, появившійся во Франціи Л. Кузонтъ, у котораго длина бороды доходитъ до изъ ряду вонъ выходящихъ размѣровъ. Когда ему было четырнадцать лѣтъ, борода у него отросла на тридцать сантиметровъ, и онъ тогда ужъ казался „старикомъ“. Черезъ шесть лѣтъ она достигла метра. Въ настоящее время Л. Кузонтъ 66 лѣтъ, и размѣръ его бороды 2,32 метра, такъ что онъ свободно можетъ обмотать ее два раза вокругъ шеи, какъ это показано на нашемъ рисункѣ.

Пантомимическія представленія.

Очеркъ А. Л.-Н.

Въ прежнее время, лѣтъ двадцать тому назадъ, однимъ изъ любимыхъ представленій у насъ на Масляной, на балаганахъ, была пантомима. Теперь это вывелось почему-то; а жалкіе—Право невниманія проказы нѣско и ловкіе прыжки арлекина были гораздо занимательнѣе тѣхъ дубочныхъ сценъ, которыя разыгрываются теперь на балаганахъ. Замѣнивъ собою пантомиму, имѣющую свою исторію и традиціи, современные балаганныя зрѣлища не дали рѣшительно ничего взамѣнъ ей.

Родной пантомимическій представленій считается древній Римъ. У грековъ пантомима была только аксессуаромъ танцевъ и никогда не достигала самостоятельнаго значенія. Совсѣмъ иначе развивалась она въ Римѣ.

Громадность амфитеатра, на ступеняхъ котораго помѣщалось десятки тысячъ зрителей, была первой побудительной причиной къ упрощенію, такъ сказать, словъ. Ихъ все равно могли слышать только тѣ, которые сидѣли близъ сцены,

остальные же вынуждены были догадываться о том, что говорится на ней. Слова были замешены своего рода либретто, которыми, правда, пользовалась только римская аристократия. Народная же толпа довольствовалась монологом хора, на обязанности которого лежало разъяснение сценического действия. Актеры превращены были в пантомимистов: лица их были закрыты маской, им пришлось приложить все старания, чтобы их позы и жесты были, по возможности, красноречивы и выразительны. Пантомимическая представления веками сдѣлались любимѣйшим зрѣлищем римскаго народа. Актеры-пантомимисты стали пользоваться особенным почетом толпы, их побиравались, у них заискивали даже знатные богачи. Изъ числа такихъ сценическихъ дѣятелей громкою славою пользовались, въ царствованіе Августа, Пилатъ и Батилій, первый—трагикъ, второй—комикъ. Римъ раздѣлился на двѣ партіи: одна признавала главой пантомимическаго искусства Пилата, другая—Батиліа. Съ первыхъ же дней эти двѣ партіи поклонниковъ стали враждовать между собою. Эта вражда стала принимать все болѣе и болѣе острый характеръ съ тѣхъ поръ, какъ Пилатъ и Батилій основали каждый свою пантомимическую школу. Страстные ученики одной школы, конечно, съ презрѣніемъ относились къ представителямъ другой. Ссоры, начинаемыя учениками, привлекали къ себѣ родителей, всныхивалъ рукопашный бой, и весь Римъ раздѣлялся на два враждебные лагеря, не останавливавшіеся даже передъ пролитіемъ крови своихъ собственныхъ гражданъ. Эти безпрерывныя побоища такъ надоели императору, что въ одинъ прекрасный день Батилій былъ подвергнутъ изгнанію изъ Рима. Тѣмъ не менѣе пантомима еще довольно долго оставалась въ модѣ у римлянъ. Они очень любили угощать своихъ гостей посты сытнаго обѣда такого рода представленіями. Съ упадкомъ Римской имперіи, пантомима, то глубоко-серьезная и поучительная, то веселая и сатирическая, начинала, подъ вліяніемъ общихъ условій, терять свой разумный характеръ и постепенно становится все болѣе и болѣе распушенной, цинично-грязной и разжигавшей грубые животные инстинкты толпы.

Когда Римская имперія распалась, стало распространяться христіанство, пантомима на время замерла, но въ ней слишкомъ много было здоровыхъ зачатковъ, чтобы она могла окончательно исчезнуть съ лица земли. Черезъ нѣсколько столѣтій она снова возродилась, появилась въ балаганахъ ярмарокъ, на сценахъ маленькихъ театровъ, всюду привлекала къ себѣ толпы зрителей. Въ Италіи пантомима, такъ сказать, окристаллизовалась въ своемъ персонажѣ. Добродушный и болтливый простакъ Кассандръ, его дочь, наивная и пѣвчая Коломбина, затѣмъ влюбленный въ нее Арлекинъ, самоудѣшнныи Поллишпель, весельчакъ Пьеро и иногда докторъ,—вотъ постоянный составъ персонажа всѣхъ возможныхъ итальянскихъ пантомимъ. Въ такомъ составѣ пантомима изъ Италіи перекочевала во Францію, вѣстѣ съ труппою актеровъ итальянцевъ. Это было въ 1577 году. Сначала актерамъ, между которыми былъ знаменитый Скарамуншъ, пришлось завоевывать себѣ снматіи публики. Только черезъ столѣтіе пантомимическіе спектакли вошли въ моду и стали любимымъ развлеченіемъ толпы. Самое слово „пантомима“ еще было ново въ 1670 году, когда Мольеръ впервые поставилъ свою пьесу „Amants magnifiques“; въ ней Мольеръ нашелъ нужнымъ дать опредѣленіе этому слову.

Итальянская пантомима вскорѣ была, конечно, замѣнена французской, по составу персонажа осталась все тотъ же. По-пятно, что французъ придавалъ каждому изъ этихъ дѣйствующихъ лицъ свой національный отпечатокъ. Особенно выдѣлялся Пьеро. Онъ сталъ злодѣемъ, способнымъ на всевозможныя преступленія; пѣтъ порока, который онъ не владелъ бы. Изъ веселаго онъ сталъ мрачнымъ, изъ наивнаго — лукавымъ, изъ добраго малаго—злымъ, коварнымъ, низкимъ, жаднымъ, лакомкой. Поллишпель также потерялъ значительныя измѣненія въ своемъ характерѣ. „Когда я хожу, то земля дрожитъ и звѣзды трясутся“, говоритъ французскій Поллишпель; это воплощеніе самоудѣшности, самохвальства и неуваженности къ людямъ. Въ его фигурѣ многое измѣнилось до неузнаваемости: выросло два горба, туловище изъ тонкаго стало толстымъ, одинъ только носъ, паноминирующій загнутый птичій клювъ, остался нетронутымъ. Менѣе другихъ подверглись переработкѣ типы Арлекина и Коломбины.

Куда бы итальянская пантомима ни перекочевала, всюду она становилась собственностью народа, который передѣлывалъ ее соответственно со своимъ національнымъ характеромъ. Поллишпель Англіи отразилъ въ себѣ, конечно, въ утрированномъ видѣ, нѣкоторыя изъ характерныхъ чертъ Донт-Джана Байрона; въ концѣ концовъ самое имя Поллишпеля передѣлалъ до неузнаваемости (Punch). Въ Германіи вѣстѣ Поллишпеля явился Гансвурстъ, разжирѣвшій пѣвецъ, съ пухлыми носомъ и лукавыми глазами, и т. д.

Въ XVIII столѣтіи, въ эпоху увлеченія классиками, въ Парижѣ пѣлся мимологическій балетъ, въ которомъ танцовали и играли въ маскахъ. Роль обозначалась характернымъ костюмомъ. Такъ, наприимѣръ, Ложъ носила платье съ маской, одна нога у нея была деревянная, а въ рукахъ она держала темный фонарь; Втеръ—платье съ перьями, на головѣ вѣтряная мельница и раздувательный мѣхъ въ рукѣ, и т. д.

Когда основана была въ Парижѣ Академія Музыкъ и французскій театръ началъ свои представленія, то изъ желанія дать этимъ учрежденіямъ особыя преимущества, могущія обезпечить ихъ существованіе, всѣмъ другимъ маленькимъ театрамъ ярмарки и бульваровъ запретили на сценахъ распѣвать и говорить. Конечно, это дало сильный толчокъ къ развитію пантомимы. На сценахъ шло нѣмое представленіе, а на особыхъ ярлыкахъ вывѣшивалось описаніе того, что не могло быть выражено мимикой.

Изъ числа пантомимическихъ актеровъ громкою извѣстностью пользовался Дебюро, затѣмъ Шарль Дебюро и Поль Леграндъ. Подъ вліяніемъ усилій этихъ-то трехъ лицъ, персонажъ итальянской пантомимы и потерялъ такую серьезную переработку. Извѣстный Шамфлёрн составилъ для нихъ цѣлый рядъ пантомимъ съ замысловатыми и сложными дѣйствіемъ. Таковы: „Пьеро въ Африкѣ“, „Пьеро — слуга смерти“, „Повѣщенный Пьеро“ и т. д.

Со смертью этихъ выдающихся артистовъ пантомима стала падать. Несмотря на это, въ настоящее время при англійскомъ дворѣ существуетъ еще труппа пантомимистовъ, а въ прошломъ году въ Парижѣ была сдѣлана попытка, пѣвшая вѣстѣ и на нашей петербургской, французской, сценѣ—возобновить пантомимическія представленія. Такимъ образомъ, интересъ къ упавшей было пантомимѣ, по видимому, возбуждается снова.

Разныя извѣстія.

ВЫСОЧАЙШИЙ РЕСКРИПТЪ,
данный на Имя Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича.

Ваше Императорское Высочество.

Прибывъ послѣ дальняго плаванія, въ предѣлы земли Русской, Вы, согласно повелѣнію Моему, положили во Владивостокѣ, въ 19-й день мая 1891 года, начало сооруженія предначертаннаго Мною сибирскаго желѣзнодорожнаго пути.

Нынѣ, назначая Васъ Предсѣдателемъ комитета сибирской желѣзной дороги, Я вѣрую, что Вы приведете это дѣло мира и просвѣтительской задачи Россіи на Востокъ къ концу.

Да поможетъ Вамъ Всевышній осуществить предпріятіе, столь близко принимаемое Мною къ сердцу, совмѣстно съ тѣми предположеніями, которыя должны способствовать заселенію и промышленному развитію Сибири. Твердо вѣрю, что Вы оправдаете надежды Мои и дорогой Россіи.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Искренно и отъ всей души любящій Васъ
АЛЕКСАНДРЪ.

С.-Петербургъ,
14-го января 1893 г.

— 18 января, утромъ, вернулся изъ-за границы Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ.

— 19 января въ Зимнемъ дворцѣ состоялся первый въ нынѣшнемъ сезонѣ большой балъ.

— Въ *Правит. Вѣстн.* опубликованъ тарифъ для перевозки сахара рафинада и сахарнаго неску отъ портовъ Чернаго моря до станціи Закавказской жел. дороги черезъ Батумъ.

— Дѣйствіе временныхъ правилъ, касающихся организаціи переселенія въ Южно-Уссурийскій край, съ 1893 года продолжено еще на 5 лѣтъ, въ теченіе которыхъ отъ казны ежегодно будетъ отпускатся для вспоможенія переселенію по 128,200 р.

— Въ виду того, что нѣкоторые банкирскіе дома и другія учрежденія коммерческаго кредита въ Россіи участвовали въ биржевой игрѣ на курсъ кредитнаго рубля. Министерство Финансовъ, 16 января, циркулярно запретило подобную биржевую спекуляцію подѣ страхомъ закрытія для виновныхъ въ томъ учрежденій всякихъ счетовъ въ Государственномъ Банкѣ, а въ крайнемъ случаѣ и болѣе рѣшительныхъ мѣръ.

— Министерство Внутреннихъ дѣлъ выписало изъ-за границы запасъ кристаллической карболовой кислоты для снабженія этимъ

средствомъ для дезинфекціи правительственныхъ и общественныхъ учреждений по заготовительной цѣнѣ.

— Министерство Государственныхъ Имуществъ, по ходатайству нѣкоторыхъ епархіальныхъ начальствъ, сдѣлало распоряженіе о безплатномъ отпускѣ лѣсныхъ матеріаловъ изъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ на постройку переклей-школы.

— Всѣ воспитательно-учебныя заведенія въ Прибалтійскомъ крайѣ въ концѣ призрѣваются дѣти старше 8-мѣсячнаго возраста, подчинены вѣдѣнію Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Въ Петербургскомъ Гдовскомъ и Ямбургскомъ уѣздахъ Петербургской губерніи, при церквахъ, не имѣющихъ правильно организованныхъ церковно-приходскихъ почительствъ, учреждаются братскіе союзы, съ цѣлью оказанія помощи наиболее нуждающимся прихожанамъ.

— Въ Петербургѣ учреждено, на средства частныхъ благотворителей, убѣжище для призреваемыхъ сиротъ, остающихся послѣ умершихъ по разнымъ несчастнымъ случаямъ родителей. Убѣжище состоитъ подъ надзоромъ и управленіемъ С.-Петербургскаго градоначальника.

Политическое обозрѣніе.

Прѣбываніе Его Высочества Наслѣдника Цесаревича въ Берлинѣ ознаменовано рядомъ чествованій Высокаго Гоеца. 14 января императоръ Германскій и Наслѣдникъ Цесаревичъ присутствовали на карусели, устроенной 1-мъ гвардейскимъ драгунскимъ полкомъ въ казармахъ полка. Во время заключительной картины карусели—прохождение всѣхъ кадрили—подкованъ музыка заиграла русскій народный гимнъ, всѣ присутствующіе встали съ мѣсто, офицеры салютовали, статскіе сняли шляпы. Императоръ и Наслѣдникъ Цесаревичъ приложили руки къ козырьку и такъ оставались до конца гимна.

Въ тотъ же день, Наслѣдникъ Цесаревичъ и посолъ графъ Шуваловъ присутствовали въ выѣздѣ съ императоромъ Вильгельмомъ и принцемъ Генрихомъ на заѣздѣ офицеровъ гвардейскаго имени Императора Александра полка. Императоръ Германскій провозгласилъ тостъ за Гоецударя Императора, а Наслѣдникъ Цесаревичъ—за здоровье императора Вильгельма. Командиръ полка предложилъ тостъ за Наслѣдника Цесаревича. Императоръ, въ своемъ тостѣ, сказалъ: „Единокротныя проявленія милости и живой интересъ, который всегда былъ оказываемъ Русскимъ Императоромъ своему полку, а также дружественное участіе въ радостныхъ событіяхъ моего Дома, которое выразилось въ нынѣшнемъ прибытіи къ намъ Наслѣдника Цесаревича, обязываютъ меня выразить самую горячую благодарность. Мы все видимъ въ Русскомъ Императорѣ не только Высочайшаго Шефа полка, не только благороднѣйшаго товарища, но, прежде всего, почитателя извѣстныхъ монархическихъ традицій, неоднократно доказанной дружбы и тѣсныхъ отношеній къ моимъ высокимъ предшественникамъ,—отношеній, которыя были въ прежнія времена запечатлѣны кровью русскихъ и прусскихъ полковъ на поляхъ битвъ, передъ лицомъ непріятеля. Поднимите бокалы и воскликните отъ всего сердца: „Ура, Его Величество Гоецударь Императоръ!“ Наслѣдникъ Цесаревичъ, поблагодаривъ, выпилъ за здоровье Германскаго императора и гвардейскаго гренадерскаго имени Императора Александра полка.

Относительно этого тоста *Hamburger Nachrichten* замѣчаетъ: „Тостъ этотъ воскрешаетъ въ памяти времена Вильгельма I и противорѣчить сужденіямъ о Россіи, которыя въ послѣдніе годы высказывались офиціозами, и даже въ высшихъ сферахъ“.

Замѣчательно также тостъ, провозглашенный императоромъ Вильгельмомъ на банкетѣ въ честь герцога Эдинбургскаго.

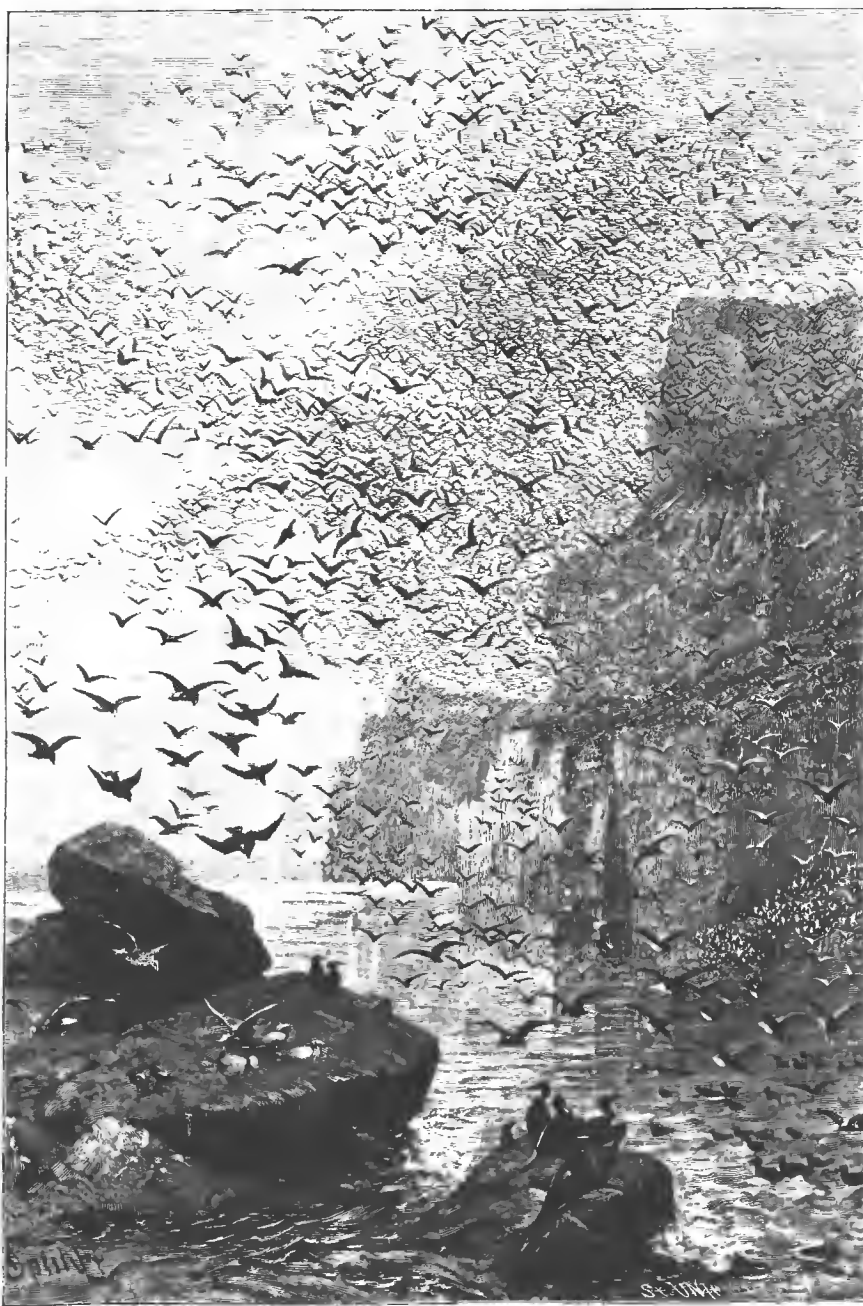
По словамъ *Weserzeitung*, императоръ якобы заявилъ, что: „Англійскій флотъ не только служитъ образцомъ для германскаго флота съ точки зрѣнія технической и ученой, но и герою британскаго флота. Нельсонъ и другіе, служили и будутъ всегда служить путеводными звѣздами для офицеровъ и командъ германскаго флота, который столько же исполненъ духа патриотизма, сколько его были исполнены посылатели этихъ славныхъ именъ. Хотя германскій флотъ предназначенъ, въ особенности, для обезпеченія мира, онъ, все-таки, если дѣло дойдетъ до войны, сумеетъ исполнить долгъ свой. И если

суждено быть тому, что англійскому и германскому флоту придется сразаться бокъ-о-бокъ съ общимъ непріятелемъ, то знаменитыя слова: „Англія увѣрена, что все и каждый исполнитъ свой долгъ“, сказанныя величайшимъ морскимъ героемъ Англіи передъ Трафальгарскимъ сраженіемъ, откликнутся въ патристическомъ сердцѣ германскаго флота“.

Военная коммисія рейхстага окончила общее обсужденіе военнаго законопроекта. Имперскій канцлеръ заявилъ, что проектъ предназначенъ вовсе не для противодѣйствія временной и острой опасности, а положенію дѣлъ, которое съ теченіемъ времени можетъ сдѣлаться опаснымъ. Канцлеръ приговорило, что, но убѣжденію союзныхъ правительствъ, страна можетъ выдержать требуемыя отъ нея тяготы.

Твердое и разумное управленіе французскаго министерства поминаетъ устѣхивающій за другимъ. Бюджеты, бывшіе въ разсмотрѣніи налагать, приняты ею, и внесенныя новыя законоположенія проходятъ вполнѣ благополучно. Изъ послѣднихъ обращаетъ на себя вниманіе законопроектъ о преемствѣ нападокъ на сберегательныя кассы, предложенный министерствомъ Вуржуа.

Въ Лондонѣ, 19-го января, открытъ парламентъ тропною рѣчью, въ которой сказано, что королева продолжаетъ, по-прежнему, поддерживать дружественныя отношенія ко всѣмъ державамъ, и что заявленія державъ вездѣ благопріятствуютъ сохраненію европейскаго мира. Далѣе сообщается, что рѣшеніе, послать, вѣлѣдвіе недавнихъ событій въ Египтѣ, небольшое подкрѣпленіе расположеннымъ тамъ британскимъ войскамъ, не обозначаетъ собою перемѣны ни въ политикѣ относительно Египта, ни въ завіреніяхъ Англіи объ оккупациі этого края. Ходивъ заявилъ, что онъ намѣревается сохранить въ силѣ существовавшее до сихъ поръ обыкновеніе предварительно совѣщаться съ британскимъ правительствомъ о политическихъ дѣлахъ. Затѣмъ тропная рѣчь извѣщаетъ о внесеніи законо-

Птичьи горы въ Лапландіи.

проекта, касающагося измѣненія правительственной системы въ Ирландіи, съ цѣлью дать правдцѣмъ удовлетвореніе, облегчить британскому парламенту его труды и обезпечить

единство и безопасность государства, а также о внесеніи проекта, направленнаго къ укороченію законодательнаго періода.

Искусство.

Выставка картинъ Л. Ф. Лагоріо.

Вследъ за выставкой И. И. Шишкина (въ Академіи Художествъ) открылась въ помѣщеніи Общества Поощренія Художествъ выставка Л. Ф. Лагоріо. Г. Лагоріо—однѣ изъ старѣйшихъ и, надо прибавить, талантливейшихъ нашихъ пейзажистовъ. Въ настоящее время онъ, по противоположному примѣру г. Шишкина, открылъ свою ретроспективную выставку, на которой красуются нѣкоторыя прежнія его картины (счетомъ девять), затѣмъ 58 акварелей и, наконецъ, 319 этюдовъ. Если выставка и не обнимаетъ всей, чрезвычайно плодотворной дѣятельности г. Лагоріо, то она, во всякомъ случаѣ, даетъ очень полное понятіе о характерныхъ особенностяхъ его таланта. Между картинами мы находимъ одну, написанную въ 1849 году,—въ сравнительно ранній періодъ дѣятельности нашего художника. Остальныя картины относятся или къ 1878 году (ба-

тисн. На настоящей выставкѣ онъ выставляетъ (на нашъ взглядъ, по преимуществу), какъ акварелистъ, и, надо отдать справедливость, выступаетъ въ чрезвычайно выгодномъ для себя свѣтѣ. Надо внимательно просмотрѣть эти акварели, чтобы убѣдиться, до какой степени совершенства, тончайшихъ переливовъ свѣта, гармоніи красокъ, прелести рисунка, можетъ дойти акварельная живопись подъ кистью такого пейзажиста, какъ г. Лагоріо. Коллекція его акварелей особенно интересна еще и въ томъ отношеніи, что зритель какъ бы путешествуетъ вмѣстѣ съ художникомъ, который, по мѣрѣ раскрытія новыхъ красотъ сѣверной природы, комментируетъ и объясняетъ ихъ.

Нашъ художникъ почти никогда не гоняется за красочными эффектами, избѣгаетъ яркихъ освѣщеній, необычайныхъ или рѣдко встрѣчающихся переливовъ свѣта и тѣни. Въ его произведеніяхъ тѣмныя, едва замѣтные оттѣнки цвѣтовъ сливаются въ очарова-

Л. Нуловъ, человекъ съ необычайно длинной бородой. По фотогр. грав. Тирія.

тальныя картины), или даже къ болѣе позднему времени (большіе пейзажи). Весьма замѣчательная коллекція акварелей, расположенныхъ въ хронологическомъ, если можно такъ выразиться, порядкѣ, представляетъ собою прекрасную, полную разнообразіемъ и интереса иллюстрацію путешествія г. Лагоріо по Финляндіи, Швеціи и Норвегіи; эта коллекція начинается видами города Выборга и кончается нѣсколькими картинами, писанными на вершинѣ Нордкапа. Огромное собраніе этюдовъ масляными красками, — въ большинствѣ случаевъ, очень маленькихъ размѣровъ, имѣетъ, по преимуществу, ретроспективный характеръ и обнимаетъ собою почти всю сорокалѣтнюю художественную дѣятельность маститаго художника.

Коллекція этихъ этюдовъ масляными красками въ высокой степени любопытна и поучительна для исторіи художественнаго развитія г. Лагоріо и тѣхъ творческихъ процессовъ, черезъ которые онъ прошелъ. Въ большинствѣ случаевъ, эти этюды—небольшіе, наскоро писанные наброски, служившіе г. Лагоріо, какъ памятникъ книжка, въ которой онъ записывалъ, такъ сказать, свои художественныя впечатлѣнія. По разнообразію мѣстностей, изъ которыхъ они взяты, можно приблизительно судить о томъ, какъ серьезно относился г. Лагоріо къ своей художественной дѣятельности, и какъ тщательно и добросовѣстно работалъ, собирая этотъ сырой матеріалъ. Г. Лагоріо, какъ извѣстно,—однѣ изъ лучшихъ и самыхъ талантливыхъ нашихъ маринистовъ (вмѣстѣ съ Айвазовскимъ и покойнымъ молодымъ маринистомъ Судковскимъ); несмотря однако на эту свою специальность въ пейзажной живописи, его этюды показываютъ, что онъ чрезвычайно внимательно и долготу изучалъ самыя разнообразныя стороны природы.

Акварели Лагоріо, расположенныя на выставкѣ послѣдовательно, — уже настоящія, вполнѣ законченныя художественныя произведенія. Наша публика мало знакома съ г. Лагоріо, какъ акварелистомъ. Онъ рѣдко выставялъ свои акварели и, по крайней мѣрѣ въ прежнее время, мало, какъ кажется, придавалъ значенія своей акварельной живо-

тельную гармонию и какъ бы охватываютъ васъ пѣшной, отчасти грустной, отчасти грандіозной сѣверной поэзіей. Таковъ именно талантъ г. Лагоріо, — робкій, щущій не сильныхъ эффектовъ, но сильно чувствующій гармонию въ колоритѣ, изучившій до мельчайшихъ подробностей воздушную перспективу и какъ бы отражающій на существенныхъ свойствахъ, — свойства и характерныя особенности сѣверной природы. То же впечатлѣніе, но только въ болѣе полной степени, даютъ зрителю большіе пейзажи масляными красками, которыхъ, къ сожалѣнію, очень немного на настоящей выставкѣ.

В. Чуйко.

Музыка.

Установившійся обычай праздновать Масляницу извѣстнымъ образомъ не однажды вдохновлялъ композиторовъ разныхъ эпохъ и національностей; мы ужъ не говоримъ о маскарадахъ, самой любимой и общепринятой забавѣ во время карнавала всѣхъ временъ; если перебрать все, написанное различными композиторами на тему о маскарадѣ, то пришлось бы, пожалуй, перерѣзъ цѣлыя бібліотеки партитуръ, и мы нашли бы очень много произведеній, тракующихъ музыкально, разумѣется, этотъ предметъ. Но и Масляница, въ тѣсномъ смыслѣ слова, тоже дала обильную пищу для вдохновенія. Нѣтъ надобности останавливаться на всѣхъ произведеніяхъ, но любознательный взглядъ на интересующій насъ вопросъ такихъ корифеевъ музыкальной литературы, какъ Шумани, Берліозъ, Свендсенъ, Стровъ и Римскій-Корсаковъ, т. е. представителей нѣмецкой, французской, норвежской и русской музыки.

По мнѣнію критика Амброса, только въ двухъ городахъ весело празднуется карнавалъ,—это въ Вѣнѣ и Парижѣ; что же касается Италіи, то тамъ въ настоящее время истиннаго веселья нѣтъ; однако Италіи мы обязаны „Римскимъ карнаваломъ“ Берліоза; „Парижскій“ же „карнавалъ“ Свендсена не можетъ дать яснаго понятія о томъ захватывающемъ весельи, которымъ одержимо

во время Масляницы население современного Вавилона. За то немелкий карнавал и, в особенности, австрийский обогатили музыкальную литературу замечательными произведениями. Не говорим уже о превосходных вальсах Штрауса и Лангера, рисующих настроение общества в это веселое время; сам Шуманиль дважды вдохновился карнавалом, и мы его имеем в двух сочинениях для фортепиано: „Carnaval“ и „Faschingsschwank aus Wien“, в которых главными действующими лицами являются все те известные фигуры Арлекина, Пьеро, Панталона, Коломбины и пр.

Но Шуманиль был одним из наиболее субъективных, если так можно выразиться, композиторов; он повсюду вносит свое „я“, и его личное настроение играет у него первенствующую роль: и в этих произведениях, на сцену выступают сам автор со своими грустными думами; среди общего веселья он ищет близких его сердцу героинь („Chiarina“ — Клара Вик, его жена; „Estrella“ — Эрестина фон-Фрикель, к которой он питал нежную страсть до женитьбы и др.). То же находим мы и в его „Faschingsschwank aus Wien“, где рядом с разными scherzino идет интермеццо, полное драматизма и говорящее о меланхолическом настроении самого композитора. Более объективными являются остальные композиторы, названные выше, и, в особенности, Берлиоз, которого можно назвать созерцателем в звуках. Он мало увлекается происходящим вокруг него и лишь живописует картины звуками; одна из таких картин — „Римский карнавал“.

Это пародная сцена во втором действии его оперы „Бешеную Челлини“, послужившая увертюрой к этому акту и исполняемая

отдельно от оперы. Композитор, получивший в парижской консерватории prix de Rome, жил несколько лет в Риме и имел возможность присмотреться к итальянскому карнавалу, в котором он видит разгул пестрой толпы и передает ее своим слушателям, сам однако несколько не воодушевленный этим разгулом.

Более странное впечатление оставляет „Парижский карнавал“ португальского композитора Свендсена, представителя сурового Севера, видимо непонимающего разгуливающих южных жителей с их горячими темпераментами. Это не „парижский карнавал“, каким переживает его население французской столицы, а масляничное время, которое пережил во Франции Свендсен, озадаченный происходившей перед ним картиной.

Совсем не то мы видим у русских композиторов; Масляница изображена во „Вражьей силе“ Сэрова (драма Островского „Не так живи, как хочешь“, сюжет которой разыгрывается на Масляной) и в „Ситыгучки“ г. Римского-Корсакова; один рисует нам почти современное веселье нашего народа, другой переносит свое действие в сказочный мир Берендеев (тоже сюжет Островского); один берет самое действительное, другой поэтизирует его. По сколько оживления в музыкальных картинах того и другого; можно пожалуй упрекнуть Сэрова в слишком густых красках, накладываемых им на выбранную картину; но сцена второго действия „Широкая масляница“ производит всегда поразжающее впечатление на публику. Не менее интересен и г. Римский-Корсаков, сцена Масляницы которого принадлежит к лучшим страницам „Ситыгучки“. Мы ограничились, говоря о карнавалах, лишь самыми выдающимися в музыке.

В. Баскинъ.

С М Ъ С Ъ.

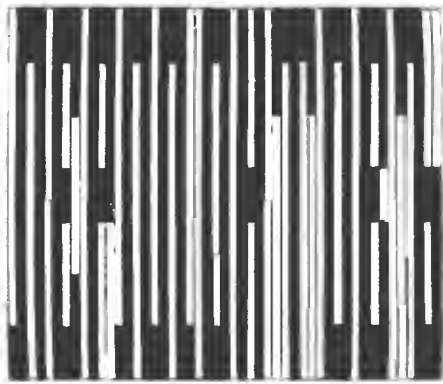
Замечательный коверъ. В „юстирной“ палате на монетном дворе в С.-Франциско ежегодно сжигается коверъ, на который всегда посыпается в комнату золотая пыль садится в течение года в таком количестве, что в нынешнем году из уничтоженной ткани добыли безпримѣрное количество золота, на сумму около 2600 долларов. (в.)

Наблюдения надъ движениемъ облаковъ. произведенныя въ одной американской обсерватории (въ штатѣ Массачусетсѣ), привели къ слѣдующимъ выводамъ. Зимомъ облака плаваютъ обыкновенно ниже, чѣмъ лѣтомъ. Въ кучевыхъ облакахъ замѣчается та особенность, что лѣтомъ основаніе ихъ ниже, чѣмъ зимой, а вершина — наоборотъ. Судя по скорости перемѣщенія облаковъ, слѣдуетъ заключить, что воздухъ движется зимомъ вдвое быстрее, чѣмъ лѣтомъ. Средняя скорость самыхъ высокихъ облаковъ достигаетъ зимомъ до 150 верстъ въ часъ, но наблюдали также скорость и въ 330 верстъ въ часъ. Эти цифры, въ сравненіи съ данными нашихъ обсерваторій, даютъ основаніе полагать, что въ Америкѣ воздушныя теченія верхнихъ слоевъ атмосферы обладаютъ большею скоростью, чѣмъ у насъ. Что касается направленія движенія облаковъ, то въ наиболѣе высокихъ слояхъ воздуха преобладаетъ восточное, а ниже 4000 метровъ высоты въ 90 случаяхъ изъ ста облака приходятъ изъ мѣстъ лежащихъ между юго- и сѣверо-востокомъ. Вблизи поверхности земли, а также въ перистыхъ и кучевыхъ облакахъ, господствующее направленіе — сѣверо-восточное, выше — юго-восточное. (г. в.)

Изъ-за океана. Корреспондентъ одной изъ столичныхъ газетъ сообщаетъ о сдѣланныхъ нашему извѣстному художнику проф. Айвазовскому оваціяхъ въ Нью-Йоркѣ. Къ приведеннымъ съ собою восьми картинамъ, въ нѣсколько недѣль онъ успѣлъ присоединить уже на мѣстѣ еще 14 оконченныхъ совершенно картинъ, изъ коихъ шесть большихъ размѣровъ. Публика приходитъ въ восторгъ отъ его „Ниагарскаго водопада“ съ радугой, рисующейся изъ-за водяныхъ испареній, вида „Бури на Атлантическомъ океанѣ“, извѣстно, что въ этомъ жанрѣ живописи у него нѣтъ соперниковъ. Выставилъ онъ, сверхъ того, „Первый восходъ солнца послѣ всемірнаго потопа“, съ горой Арааратомъ въдали, „Переходъ израильтянъ чрезъ Красное море“, виды Венеціи, Амазонки, Крыма, Кавказскихъ береговъ, Москвы зимомъ и еще разъ Ниагарскій водопадъ при солнечномъ закатѣ. На банкетѣ, устроенномъ въ его честь, по словамъ того же корреспондента, присутствовали всѣ мѣстные литературныя и художественныя знаменитости, до 500 человекъ.

Новый телеграфный кабель будетъ проложенъ въ скоромъ времени между Европой и Африкой. Онъ соединитъ городъ Марсель съ Ораномъ въ Алжирѣ. (г. в.)

Рѣшеніе задачи № 1 (помѣщенной въ № 1).

Рѣшеніе ребуса № 50 (помѣщенного въ № 50 за 1892 г.).

„Кто въ нуждѣ не бывалъ, тотъ ее и не знавалъ“.

Рѣшеніе задачи № 51 (помѣщенной въ № 51 за 1892 г.).

Начиналъ съ буквы О (внизу направо вошелъ Е) и отсчитывалъ каждую 7-ю букву, получивъ слѣдующую пословицу:

„Одна пчела не много меду натаскаетъ“.

Рѣшеніе ребуса № 52 (помѣщенного въ № 51 за 1892 г.).

„Неправдой нажитое въ прокъ не пойдетъ“.

СОДЕРЖАНІЕ: Дневнатура. Повѣсть графа Е. А. Саласа. (Продолженіе). — Изъ восточныхъ мотивовъ. Ученый слонъ. Стих. В. Величко. — Первый блинъ да комомъ. Разсказъ П. Н. Полевого. — „Если менцина захочетъ, то поставитъ на своемъ“. Комедія въ одномъ дѣйствіи И. М. Булацель. — Къ рисункамъ: Масляница (съ 7 рис.). — Птицы горы въ Лалландіи (съ рис.). — Человѣкъ съ необычайно длинной бородой (съ 2 рис.). — Пантомимическія представленія. Очеркъ А. Л.-Н. — Разныя извѣстія. — Политическое обозрѣніе. — Искусство. — Сибѣ. — Рѣшенія задачъ. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ

Редакторъ Кн. М. Н. Волконскій.

САРИНИКА И САРИНИСКАЯ ЧЕСУЧА

8-6

СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКАЦИИ.

Ц. № 6160

Пересылку тканей по заказамъ фирма Альбомъ съ образцами высылается по принимаетъ на свой счетъ. требованію бесплатно.

Адресъ: САРАТОВЪ, Торговому дому „БЕНДЕРЪ И СТЕПАНОВЪ“, въ Пассажѣ.

ТОЛЬКО 4 Р. 90 к.; 2 за 9 р. 55 к.; 3 за 13 р. 90 к.

ПРЕЛЕСТНОЕ ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО

56-ой ПРОБЫ

съ искусств. ПРЕВОСХОДНЫМЪ БРИЛЛАНТОМЪ.

Пересылаю наложеннымъ платежемъ. С.-Петербургъ, Невскій просп., № 20-31.

БАЗАРЪ МАРОКЪ

С.-Петербургъ, Невскій просп., № 20-31.

АНГЛІЙСКІЕ ДУХИ ВЫСОКАГО ДОСТОИНСТВА

ПРОВЫЙ ФЛАКОНЪ 10 коп.

Парфюмерн. магазинъ Г. ПЮПА. Пассажъ № 52. С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

НАЗВАНІЕ ЛУЧШИХЪ ДУХОВЪ:

Эссенция букетъ Жюкей клубъ	Віолетъ де Парма	Бѣлая роза
Букетъ Императрицы	Роза	Милль-Флеръ
Илангъ-Илангъ	Люби меня	Акація
Майскій-Ландышъ	Степленъ букетъ	Гіацинтъ
Вѣлль геліотропъ.	Ірисъ	Киссъ мѣткъ
Бѣлая лилія	Эдельвейсъ	Испанская кома
Сирень перс.	Масминъ	Сѣнное сѣно
Левкой	Олеопонакъ	Черемуха
Фіалка	Шипръ	Lilas Heuri
	Букетъ де Царь	Lotus.

ПРОБНЫЕ флаконы высылаются не менѣе 10 флаконовъ за 1 р. 40 к. съ пересылкой во все города Россіи. (кроме СИБИРИ)

П. № 6179 8-5

Велосипеды англійскаго завода
„Гумберъ и К^о. Лмтд.“
лучшіе въ свѣтѣ!
предлагаетъ торговый домъ
Г. ЖЕМЛЮЧКА и К^о.
Москва, Неглинный просп., домъ Ечкиной.
Прейс-курanty—бесплатно.

Фирма премирована на европейскихъ
выставкахъ десятью золотыми ме-
далями и многими знаками.

(6) **МИНДАЛЬНОЕ № 5914**

МЫЛЬНОЕ ТѢСТО

Приготовл. лаборат. А. ЭНГЛУНДЪ.

Миндальное мыльное тѣсто на бе-
резовомъ сокѣ, котораго обильная,
освѣжающая и приносящая благо,
выпущенъ въ свѣтъ, придаетъ ей эла-
стичность и мягкость; употребленіе
какъ мыло. Цѣна за кусокъ 35 к.,
съ пересыл. 6-ти кусковъ 2 р. 50 к.
Для предупрежденія поддѣлокъ, про-
шу обратитъ вниманіе на подписи
А. Энглуида красными чернилами
и марку С.-Петербургской Косметиче-
ской Лабораторіи. Получать мож-
но въ Высочайше утвержденномъ
русскомъ обществѣ торговли апте-
карскими товарами, Казанская, 12
и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ
и парфюмерныхъ магазинахъ Рос-
сийской Имперіи. — Главный складъ для
всей Россіи А. Энглуида, С.-Петер-
бургъ, Васильевая ул., д. № 2.

Новѣйш. механ. инстр. со струнами 80 р.
Поты за метръ (1½ арш.) по 70 коп.
ОРНЕСТРЪ-МАНОПАНЬ 60 руб.
Поты по 1 р. 20 к. и дороже.
ГЕРОФОНЫ 25 р. АРИСТОНЬ 20 р.
Поты по 1 р. 20 к. и дороже.
СЕРАФИНЫ 14 руб. Поты по 1 р. 20 к.
каждую нѣсу по 35 коп.

АРИСТОНЬ-МАЛЮТКА
безъ нѣсу 6 руб.
Пѣсы за каждую по 20 к.
Рекомендуется въ боль-
шомъ выборѣ

И. Ф. МЮЛЛЕРЪ.
Москва, Петровка, д. Волкова.
Иллюстр. прейс-курanty—бесплатно.
Каталогъ нотъ для механическихъ ин-
струментовъ—бесплатно. Ц. № 6068 3-8

КУЗЬМИЧЕВСКАЯ ТРАВА,

смолистый хаойникъ, въ цвѣтѣ, — извѣстенъ
единственно въ складѣ хвойника Н. А. Тетю-
хина въ г. Бузулукѣ, Самар. губ., д. Жуковой.
Цѣна за фунтъ 1 руб. Подроб. наставленіе
при посылкѣ; асылаю и влож. платежамъ.
ЧТО МОЖЕТЪ СДѢЛАТЬ ИСКУССТВО
для поддержанія жизни и отдаленія смер-
ти? Д-ра медицины А. И. Ильинскаго. Ц. 1 р.
съ перес. № 6204 2-2

Книжный магазинъ
В. А. БОГДАНОВА,

Москва, Петровскій линіи, 5.
Магазинъ высылаетъ всевозмож. рус. книги

Людв. Федоров. Шликэйзепъ

МОСКВА № 6217 5-1

Мясницкая ул., д. Ермановыхъ

рекомендуетъ: шародробители, кирпиче-
дѣлательныя и тофилы машины; прессы
для трубокъ съ раструбами, черпачки и бри-
кетеры; машины для выработки шпота и
огнеупорныхъ кирпичей; мѣшавки для рас-
творовъ. Изготавливаетъ планы печей.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. За условіями
обращ. писемъ: Генрихъ Блонинъ,
С.-Петербургъ, Невскій, 59. 10-6

ЗА 5 РУБ.
ЗА 10 РУБ.

КРАСИВО ПИСАТЬ выучивая ясл-
каго **ЗАОЧНО** (посредствомъ лекцій корреспондент-
УСПѢХЪ ГАРАНТІЯ. Подробное объясненіе преподаванія вы-
сылаю за 3 семиполѣтнихъ марки. Ш. № 6051 (4)

ДВОЙНОЙ ИТАЛІАНСКОЙ БУХГАЛТЕРІИ

обучаю **ИНОГОРОДНЫХЪ** вполнѣ и основательно въ 2-3
мѣсца. При окончаніи даю ученику **СВИДѢТЕЛЬСТВО**.
Адресъ: Москва, Покровка, д. церк. Іоанна Предтечн, у
Земл. вата. Учит. каллигр. и бухгал. А. С. Шиманскому.

ВАЖНО ДЛЯ МАТЕРЕЙ.

Вновь усовершенствованный профессоромъ **Сонклетомъ** въ Вѣнѣ,
аппаратъ для кипяченія и

СТЕРИЛИЗАЦИИ МОЛОКА

есть одно изъ необходимѣйшихъ приобрѣтеній для каждой матери. Онъ служитъ для
безусловнаго уничтоженія всѣхъ болѣзнетворныхъ микро-организмовъ, какъ въ молокѣ,
такъ и въ искусственныхъ смѣскахъ, употребляемыхъ для кормленія дѣтей. Печатное
подробное описаніе раздается и высылается желающимъ безвозмездно и аппараты
продаются по крайне пониженнымъ цѣнамъ.

ВЪ ГИГИЕНИЧЕСКОМЪ ОТДѢЛѢ МАГАЗИНА

8-4 **Р. КЁЛЕРА и К^о. въ Москвѣ.** Ц. № 6177

СТРАХОВАНІЕ ПАССАЖИРОВЪ ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ.

В. № 6201 8-2

Страховые билеты Общества „Россія“ вы-
даются во всѣхъ агентствахъ Общества и
также на вокзалахъ Главныхъ станцій желѣз-
ныхъ дорогъ предъ отходомъ поѣздовъ.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ БЕРЛИНЪ,

Егерштрассе, 46,

рекомендуетъ какъ наилучшее произведеніе высшего качества и въ богатой уна-
вож. парфюмеріи

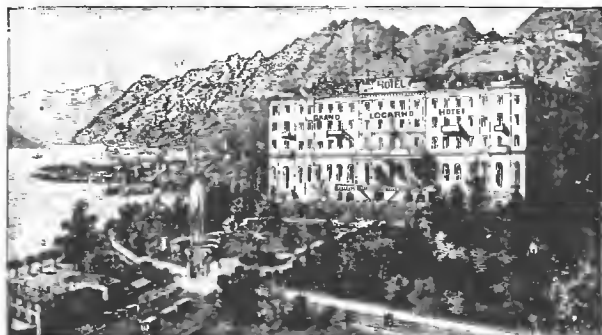
„BOUQUET Russe“.

Духи ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
ТУАЛЕТНАЯ ВОДА. Саше.

Можно получить во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ магазинахъ, въ парижскихъ
складѣхъ и у дрогистовъ. № 5505 (21)

PAPIER FAYARD et BLAYN

Пластинчатъ бумага, разрѣшенная Медицинскимъ Департаментомъ. Требуется съ этике-
тами Fayard et Blayn. Имѣется во всѣхъ лучшихъ аптекахъ. № 5089 (16-10)

LOCARNO • ЗИМНЯЯ СТАНЦІЯ •

Общепризнанная азіати медицинскими авторитетами и специально рекомендованная Коро-
лемъ Баааръ Союзникомъ медицины, проф. д-ромъ А. Мартиниомъ, какъ самая прево-
сходная въ Европѣ зимняя и всесезонная станція. № 6199 6-3

Grand Hôtel Locarno.

Открытъ въ продолженіе всего года. — Наилучшимъ образомъ приспособленъ къ про-
живанію въ немъ зимою. — Лучшее мѣстопробываніе у Италіанскихъ озеръ.
Самая комфортабельная гостиница на континентѣ, въ замѣчательной красной мѣсто-
ности. Большой паркъ съ роскошной южной растительностью. Зимнія окна, центральное
отопленіе, изразцовые печи и камины во всѣхъ 200 номерахъ и апартаментахъ. — Дѣленіе вино-
градомъ. — Итальянскій врачъ. — Ванны. — Подземная машина. — Англійская и итальянскія
церкви. — Сообщеніе на частныхъ пароходахъ и лошадей. — Первоклассные кухни и по-
гребы. — Умѣренныя цѣны. — Проспектъ и описаніе, составленное проф. Мартиниомъ, вы-
сылаются бесплатно вкладываемъ.

УСОВЕРШЕНСТВ. КЕРОСИНОВЫЕ ДВИГАТЕЛИ „СЛАВА“

прочной и солидной конструкціи (спе-
циально для Россіи). Навыгоднѣйшая экс-
плуатация. Недорогія цѣны. Прейс-кур-
anty по первому требованію.
В. Б. Жуковский, С. П. Буртъ, 10-я рота, 16

ЛЕМНИНГЪ и ГЮЗНИНЪ

имѣютъ честь сообщить, что они достава-
ютъ черную краску, которую печатается
иллюстрированный журналъ „Нива“ № 2405

Сом. агронома Я. Л. БОРОХОВИЧА.

1) „Рѣпа или Турнепсъ“ — „Нивинная рѣпа
(Stoppelrabe)“ какъ спасит. средство во
время неурожая хлѣбовъ и голода. 1893 г.
Ц. 20 к. № 6222

2) Причины регресса льноводства и льни-
ной промышленности въ Россіи. 1892 г.
Ц. 60 к.

3) О нашей торгово-промышленной по-
литикѣ (нѣтъпей и вступленіи) въ связи
съ вопросомъ о прогрессѣ и регрессѣ въ
дѣлѣ сельскаго и лѣснаго хозяйства. 1893 г.
Ц. 60 к.

Складъ изданій у автора: ст. Рудня, Мо-
гилевъ. Цѣны означены съ пересылкой.
Книгопродавцамъ обильная уступка. Высы-
лаются и налою, платежамъ или по получе-
ніи соотвѣт. колич. почт. марокъ.

КРАСИВО ПИСАТЬ

амушуетъ всѣмъ заочно (посредствомъ
переноски) въ 15 уроковъ
у ПРОФЕССОРА К. Л. ПИГРАФИИ

А. КОССОДО.

Методъ преподаванія на Парижской все-
мирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ зо-
лотой медали. № 6208 32-2

За 2 семиполѣтнихъ марки высылаются
пробное письмо и условія. Адресъ: Про-
фессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ
Одессѣ, Дербявичевскій, д. № 19.

ТРЕБУЙТЕ НАСТОЯЩЕЕ МЫЛО
АМОСТРОУМОВА
ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
УТВЕРЖДЕН. ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ
ОСВѢДѢН. ПОДЪЛЪ

Карлъ Ивановичъ Вагнеръ,
Садовое заведеніе въ Ригѣ,

имѣетъ честь довести до свѣдѣній лю-
бителей, что

КАТАЛОГИ СѢМЕНАМЪ и пр. на 1893 г.
изданы и пересылаются по требованію
бесплатно. № 6205 8-2

ВРАЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ

заведеніе въ Петербургѣ

для неравно-болѣзненныхъ и неуспѣвающихъ
дѣтей. Науки, ремесла и земледѣліе. Отд.
для сиротинъ. Пріемъ въ четвергъ и
воскресенье, 1-4 ч. дня. Выб. стор. Алек-
сандр. 15. № 6225

Врачъ-учредитель **Ив. Малайревскій.**

ЦАРЬ-ДѢВЦА.

Вс. Соловьева.

Ромъ-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ромъ этотъ обли-
чаетъ эпоху правленія и низложенія Царевны
Софій. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р.
50 коп., въ коленкор. переп. 2 р. 75 к.,
съ перес. 3 руб. 25 коп.

Только что вышел из печати:

МАЛЕНЬКИЙ ЛИСТЪ

Новый сборник 63 лек. по в. и танцев. в 2 и 4 руки, сост. Ю. Нателъ. 1 р. 50 к., в роск. переплетъ 2 р. 25 к.
ПОЭТИЧЕСКИЕ ОТРЫВКИ (Klavierproben). Алб. шест. средн. трудности в 2 руки, сост. А. Шефера, ор. 20 Гос. комп. изд. 1 р. 50 коп.

Юлий Генрих Циммерманъ
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40,
Москва, Кузнецкий м., д. Захарьина,
и во всехъ музыкальных магазинахъ.

НОВАЯ КНИГА: СПУТНИКЪ МЕЛЬНИКА-МЕХАНИКА.

Собрание правилъ, таблицъ и практическихъ указаний для мельниковъ, строителей и владельцев мельницъ, монтеровъ и т. д. Сочинение С. Нотовича. Цена въ голениковомъ переплетѣ 3 руб. 50 к., въ кож. переплетѣ 8 р. 75 к., безъ переплету 3 р. Издательство адресуютъ: Въ складъ мельничныхъ машинъ С. Нотовича въ Одессѣ, Базарная, № 66. Книга поступила также въ продажу въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Прогресса“ и др.

Ц. № 5933 20 8

КОНТОРА ИЗДАТЕЛЬСТВА

**П. К. Прянишниковъ и
В. Н. Маракуева**

выскажетъ бесплатно каталоги по народной и детской литературѣ, по сельскому хозяйству, техническимъ и научно-популярнымъ книжкамъ.

Каталоги выходятъ 3—4 раза въ годъ.
Адресъ: Москва, Прятневский пер., домъ Гусевыхъ. III. № 6216 3—1

PARFUMERIES

aux

**Violettes de Parme
ED. PINAUD**

Savon....aux Violettes de Parme

Essences...aux Violettes de Parme

Huile....aux Violettes de Parme

Poudre de Riz aux Violettes de Parme

37, BOULEVARD de STRASBOURG

PARIS

GRAND PRIX

EXPOSITION-PARIS 1889

ПШУНЦАН МАШИНА 25-9

РЕМИНГТОНА № 5

„НОВѢЙШАЯ ИЗЪ ВСѢХЪ СУЩЕСТВУЮЩИХЪ СИСТЕМЪ“

признана лучшей въ свѣтѣ. Пишетъ въ 8 разъ быстрее пера. Чистота, чистота и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительствъ и другихъ учреждений, высылается бесплатно. № 5996

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва. С.-Петербургъ, Варшава, Одесса, Екатеринбургъ, Ковидъ.

ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ“ 1892 г.

заключ. въ себя массу гравюръ и рисунковъ и болѣе 1.500 столбцовъ текста, состоящаго изъ множества романовъ, повѣстей, рассказовъ, стихотвореній, популярно-научныхъ статей и между прочимъ слѣдующихъ капитальныхъ произведеній: „Изъ приключеній Горюнина въ Италию“, разск. А. Н. Майкова, „Служитель Бога“, истор. ром. въ 2 част. Гр. Е. А. Салиаса, „Стратонъ Стебелычъ“, пов. С. Н. Терпигорева (С. Атавы), „На берегахъ Невы и Темзы“, больш. ром. В. П. Желиховской, „Дора“, пов. Вас. И. Немировича-Данченко, „Зло до-садительное дѣло“, больш. истор. разск. П. Н. Полевого, „На Сине-морскихъ буграхъ“, ром. В. П. Желиховской, „Тюлений островъ“ (драма на морѣ) А. Я. Максимова и проч., и проч.

Къ этому тому бесплатно прилагается:

1) Двѣнадцать большихъ книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, состоящихъ изъ романовъ, повѣстей, разск., стихотв., научн. статей и между прочимъ слѣдующихъ выдающихся произведеній: очеркъ И. А. Гончарова, повѣсть Д. В. Григоровича, ист. разск. Сизова, разск. Г. П. Данилевскаго, разск. Н. Д. Маслова, разск. Вас. И. Немировича-Данченко, пов. кн. М. Н. Волконскаго, разск. П. Н. Полевого, пов. П. Д. Боборыкина, разск. гр. Е. А. Салиаса, разск. И. Н. Потапенко, разск. Н. С. Лѣскова, разск. И. Щеглова, разск. кн. М. Н. Волконскаго и пр. Стихотворенія: А. Александрова, В. Беллечко, Д. Мрежковскаго, К. Фофанова и др. Научная лѣтопись, задачи, игры, библиографія, смѣсь и пр.

Четыре изъ этихъ книгъ заключаютъ въ себя полныя собранія сочиненій: И. И. Козлова, А. С. Грибоѣдова, А. И. Пележаева и А. В. Кольцова.

Каждое собраніе сочиненій падно въ видѣ отдѣльных, совершенно самостоятельныхъ томовъ, съ портретами авторовъ, гравированными на стали Ф. А. Брокгаузомъ.

2) Художественный альбомъ „НИВЫ“, заключающій въ себя: 10 КАРТИНЪ, пензенныхъ fac-simile по оригиналамъ, извѣстнѣйшихъ художниковъ, а именно: Айвазовскаго, Бенуа, Боголюбова, Дмитріева-Оренбургскаго, Зихеля, Котляревскаго, Колшелева, Лагорио, Маковского, Навозова. Размѣръ картинъ 10 вершк. вышины и 7 1/2 вершк. ширины. Картины выдаются въ издѣльной папкѣ, украшенной алмазными акад. С. Александровскаго.

3) 12 №№ еженѣщнаго приложения „ПАРИЖСКАЯ МОДЪ“, содержащихъ до 500 модныхъ гравюръ.

4) 12 ЛИСТОВЪ еженѣщнаго приложения рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ (около 600) и до 400 чертеней выкроекъ въ натуральную величину.

Цена полному экземпляру „НИВЫ“ со всѣми приложениями 5 р. На пересылку слѣдуетъ прилагать за 22 фута по почтовой тѣлѣ. Желательно имѣть изданіе въ роск. голеников. переплетѣхъ, благоудить смѣсь этого прилагая къ переплету тома „НИВЫ“ 1 р. 50 к. и за 7 перепл. на „Сборникъ“ (3 переплету) 1 р. 75 к. и сочиненія Козлова, Грибоѣдова, Пележаева и Кольцова (4 переплету) 1 р. 75 к. Пересылка переплетенныхъ экземпляровъ производится въ алмазкахъ, за которые взимается по 75 к. Такимъ образомъ переплетенный экземпляръ „НИВЫ“ за 1892 г. со всѣми приложениями, въ алмазкѣ, обойдется 9 р. Пересылка на счетъ заказчика.

**ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ
ЦИММЕРМАНЪ**
ГЛАВНОЕ ДЕПО
**МУЗЫКАЛЬНЫХЪ
ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.**
С.-Петербургъ, Большая Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнецкий мостъ, домъ Захарьина.

**РЕКОМЕНДУЕТЪ ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА
по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ:**

Скрипки	отъ 2 до 800 р.	Фисгармоніи лучшихъ американскихъ и французскихъ фабрикъ, а также извѣстнѣйшей фабрики Шидлера, рекомендованной Главнѣйш. Генералитетомъ, Листома и другими, отъ 85 до 1.200 руб.
Віолончели	20 " 500 "	
Мандолины	10 " 125 "	
Цитры	8 " 125 "	
Гитары	3 " 125 "	
Корнеты-а-пистонъ	12 " 250 "	
Флейты	2 " 160 "	
Кларнеты	6 " 75 "	

Разные механическіе музыкальные инструменты, играющіе посредствомъ вер-отъ 4 до 60 руб. и въскія отъ 22 до ченія ручки, отъ 6 до 600 руб.

**ЛУЧШИЯ ВЪ МІРѢ
ГАРМОНИИ
І. Ф. КАЛЬБЕ**
75 руб.

Прейсъ-курантъ бесплатно.

Выпущено Ф. ПАВЛЕНКОВЫМЪ новое изданіе:
УХОДЪ ЗА БОЛЬНЫМИ ДѢТЬМИ. Д-ра Перье.
Переводъ съ франц. подъ редакціей д-ра А. И. Добровольскаго. Ц. 50 коп. Прода-
ется во всѣхъ книж. маг. Главный складъ въ книж. магазинѣ Луковникова
(СПБ. Лешуковъ пер., д. 2). Мт. № 6214

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Романъ-хроника XVIII в. Всеволода Соловьева. СПБ. Изд.
2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

КРЫШКИ

для переплета „НИВЫ“, изъ лучшаго англійскаго голеника, съ золотымъ тисненіемъ, печатаннымъ красками, на 1892 годъ, по по-казанному образцу, 1 р. съ перес. 1 р. 60 к.

**БЕЗЪ ВРЕДА ВСЯКІЙ МОЖЕТЪ ТЕПЕРЬ
самъ себя брить нововозобрѣтенною
безопасною бритвою**

„СТАРЪ“

употребленія коей особенно облегчаетъ бритье, а съ гигиенической точки зрѣнія составляетъ дѣйствительно важное изобрѣтеніе, ибо каждый можетъ себѣ бриться. Бритва „Старъ“ выдѣлана изъ самой чистѣйшей шифрованной и маркизированной новѣйш. патентованной способомъ бѣлой стали. При каждой бритвѣ приложено объясненіе способа употребленія. Этого „Старъ“ имѣетъ такое громадное распро-страненіе во всемъ свѣтѣ, что фабрикантъ и изобрѣтатель въ „Америкѣ“ не успѣваетъ ихъ изготовлять. Цена съ перес. 5 руб.

ПЕРО - ФОНТАНЪ!

Въ перѣ находится стеклышій цилиндръ, который наполненъ чернилами и во время писанія чернила стекаютъ черезъ особенное внутреннее устройство на перо. Кончикъ писанія, на перо падаютъ каналы, чтобъ его можно было носить въ бумажникѣ или въ карманѣ. Перо выдѣлочное и поэтому не ржавѣетъ. Одного наполненія хватаетъ, если много писать, на два дня. № 6219

Цена 60 коп., съ пересылкой 1 руб.

СТАЛЬНАЯ ЛИНЕЙКА, цѣна 1 р. 50 к., очень поправилась, вновь получена. По желанію высылаю прейсъ-курантъ новос-тей. Конст. Мальмъ. Б. Морская, № 34. Отправка палоч. издателямъ.

Д-ръ Волицкій лечитъ наружныя, кожныя, грудныя болѣзни, ракъ и эмпиремъ. Пен-ский, 27, кв. 5 Отъ 2—3 и 6 7 1/2 ч.

**2-ой
ВЫГРЫШ-
НЫЙ**
взявъ, 1 марта ти-
ражъ, продаетъ на
условіяхъ дешевыхъ
и добросовѣстныхъ № 6223 5—1
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
59, Невскій, СПБ.

„НЬЮ-ІОРКЪ“
Общ. Вз. Страх. Жизни.
Фондъ обезпеченія на 1 января
1892 г. Руб. 265.748.783.
Спеціальная гарантія для русскихъ
страхователей составляетъ на 1
декабря 1892 г. Р. 2.714.072 23.
Сумма эта хранится въ Госуд.
Банкѣ на имя Министерства Вну-
треннихъ Дѣлъ. № 5633 (33)
Главн. Уполн. П. П. Меллеръ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИЖЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 мод., рис.) и
 Издастъ 6 февраля 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕН. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1893 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
 въ „НИВѢ“ принимаются за
 строку непарейль (4 шри-
 стран) въ Глав. Кон. Ред. по
 1 руб.—Загран.: для Франціи
 у Agence Havas по 3 фр., для
 Австр., Герман. и Швейц. у Ri-
 doll Mosse по 2 марн 50 pf.

Безъ доставки въ Петер-
 бургъ. 5 р.
 Съ доставкою въ Петер-
 бургъ. 6 р. 50 к.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл.
 Н. Н. Печковской, Петровск. Торк. лин. 6 р.
 Съ пересылкой въ Москву и другіе го-
 рода Россіи. 7 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 10 р.
 На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.
 На 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р. 50 к.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особымъ приложеніемъ при
 „НИВѢ“ объявленій отъ тор-
 говыхъ домовъ принимаются
 для иногородн. и городскихъ
 подписчиковъ по особому
 соглашенію.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“ со всѣми прилож.. Сборникомъ и пр.
 при семъ же прилагаются: 1) **СБОРНИКЪ „НИВЫ“ ЗА ФЕВРАЛЬ.** 2) **„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“** за ФЕВРАЛЬ
 1893 г. съ 38 рис. и отд. лист. съ 28 черт. выкр. въ натур. велич., 6 архитектурными рисунками печат. красками и
 27 рис. вышитыхъ работъ.

Сандрильона. Съ карт. Гарбургера, грав. Край.

Джеттатура.

Повесть графа Е. А. Салиаса.

(Окончание).

XVIII.

Покуда вся Венеция—патрициаты во дворцы, а плеба на Пиацетты и по всем улицам и каналам, принимающим ко дворцу, торжественно, шумно и радостно принимали редкого гостя республики, на самых краях города была мертвая тишина и полное безлюдье. Только дѣти да старухи оставались здѣсь дома, оживляя своихъ съ разсказами о чудесахъ...

На одномъ изъ дальнихъ кварталовъ-острововъ въ маленькомъ домикѣ, около церкви Анунциаты, сидѣли и бесѣдовали два человека, для которыхъ праздника Венеціи не существовало. Одинъ изъ нихъ, старикъ, хозяинъ дома и священникъ, почти никогда не переступалъ предѣловъ своего прихода. Другой, его гость и давнишній знакомый, уже во второй разъ явился сюда и вслѣдствіе особо важнаго невѣроятнаго приключенія забылъ и думать о Герихѣ III.

Вчера за полночь просидѣлъ онъ у священника, а сегодня снова пришелъ смущенный, встревоженный и будто больной отъ бессонныхъ ночей и отъ нравственныхъ терзаний.

Это былъ Джіакомо Боббіо, заходившій къ священнику ради утѣшенія и помощи. И лучше выбрать человека было нельзя.

Padre Paolo знала и почитала вся Венеция за его святую жизнь, христіанскія добродѣтели и готовность помочь всякому и словомъ, и дѣломъ. Часто видалъ народъ у пристани, гдѣ стояла маленькая и убогая церковь Анунциаты, не одѣвъ лишь наемныя, сѣренькія гондолы, а роскошныя гондолы первыхъ и знатнѣйшихъ патриціевъ.

Джіакомо Боббіо, послѣ вторичнаго состязанія съ невѣдомымъ иностранцемъ, окончательно былъ убитъ нравственно, не спалъ, не ѣлъ и былъ близокъ къ умопомѣшательству. Но теперь дѣло шло не о самолюбіи нерваго шахматиста всего Аппенинскаго полуострова...

Джіакомо зналъ и твердо вѣрилъ, что никто не можетъ его обыграть въ шахматы. И за десять лѣтъ этого не случилось.

Теперь загадочный человекъ, собственно никому близко неизвѣстный въ городѣ, сказывающійся—по словамъ Дали-Верма—французомъ, обыгралъ его, Боббіо, четыре раза. И обыгралъ поразительно! Онъ прежде лишилъ его, Боббіо, разума и сознанія и простого пониманія игры въ шахматы и затѣмъ уже обыгрывалъ, какъ взрослый ребенка...

А какъ имя этого незнакомца? Какъ самъ онъ назвался?

Страшно вымолвить истинному католику, боящемуся Бога и повинующемуся св. отцу Папѣ...

Это имя сразу поразило его, Джіакомо,—какъ же другіе, никто, не замѣчаютъ, не слышатъ и не чувствуютъ, кто около нихъ?...

„Di-Avolo развѣ не то же, что diavolo?“ невольно думалъ Боббіо, боясь произнести это вслухъ.

И, промучившись, онъ отправился къ знаменитому padre Paolo. И все разсказалъ священнику. Доказательства были ясны... Десять лѣтъ никто не обыгрывалъ Боббіо. А времена, какія наступили на свѣтѣ? А Лютеръ? Личина антихриста... А гугеноты?! А вѣдьма, которую весной поймали и утопили около Болоньи и которая потомъ летала чрезъ Адриатическое море три дня съ одного берега на другой. А колдунъ и чернокнижникъ Сонцоріо, котораго недавно судила Кварантия. Развѣ въ такія времена не можетъ врагъ челове-

ческій дойти до крайней дерзости, благодаря своимъ недавнимъ новымъ побѣдамъ надъ нечестивымъ міромъ.

Padre Paolo, узнавъ все обстоятельно объ этомъ приключеніи, былъ совершенно во всемъ согласенъ съ Джіакомо. Въ одномъ только расходились они. Боббіо считалъ своего соперника въ шахматахъ за самого сатану... Онъ это чувствовалъ, сидя противъ него, своимъ существомъ чувствовалъ.

Padre Paolo утверждалъ, что, благодаря благодати Господней, до этого дѣла на землѣ еще не дошло... Самъ сатана не является такъ, запросто, среди людей и ни въ какія игры играть не станетъ... Но конечно скоро и это будетъ! По мнѣнію священника, побѣдитель Боббіо былъ человекомъ, какихъ особенно много развелось на свѣтѣ. Онъ былъ безбожникъ, продавшій сатанѣ душу и дерзко взявшій даже имя царя тьмы.

Padre обещалъ подумать, разсудить и найти средство не только побѣдить слугу ада, но и отомстить его патрону.

Когда Джіакомо явился теперь къ священнику, старикъ посадилъ его за столъ, а затѣмъ принесъ маленькій ящичекъ и поставилъ его на столѣ.

— Вотъ что я, amico i figlio mio, придумалъ, заговорилъ Padre Paolo.—Давно тому назадъ, въ церкви Анунциаты было небольшое изображеніе изъ мрамора патрона нашего города, Святого Марка... Это изображеніе было боготворимо всей Венеціей и дѣлало чудеса... Однажды, невѣдомо какъ, по грѣхамъ нашимъ, это изображеніе было разбито въ мельчайшіе куски и само Небо откликнулось на это событіе, такъ какъ въ эту же ночь была надъ Венеціей гроза съ грохотомъ и небеснымъ огнемъ, подобныхъ которымъ и девятисто-лѣтніе старики заново не могли.

Вѣрующіе люди, дѣлавшіе богатые вклады въ храмъ, получили право брать себѣ частицы этой реликвіи, и вскорѣ въ храмѣ остались только двѣ или три частицы прежняго изображенія святого. Все это было давно... Теперь въ ризницѣ храма остается только одна священная и чудотворная частица... Вотъ она...

Padre Paolo открылъ ящичекъ и досталъ изъ него маленькую, въ вершокъ, мраморную ручку, всѣ пальцы которой были отбиты. Оставались только указательный палецъ и мизинецъ. Священникъ поцѣловалъ реликвію и передалъ ее Боббіо.

— Возьмите эту ручку... Надѣньте на себя, когда снова пойдете въ кондитерію... Я отвѣчаю вамъ, что слуга сатаны будетъ посрамленъ. Онъ изъ самолюбія снова пойдетъ на состязаніе, но будетъ чувствовать себя униженнымъ, будетъ мучиться и страдать возлѣ вѣсь, не зная и не понимая, что овладѣло имъ...

Джіакомо Боббіо просіялъ, слезы радости и благодарности наполнили его глаза.

Чрезъ нѣсколько минутъ онъ выходилъ отъ padre Paolo сияющій... и вѣрующій...

Когда шахматистъ явился на площадь Св. Марка, изъ дворца начался уже развѣздъ. Король уже былъ давно во дворцѣ Фоскари... На Ринѣ послѣ отъѣзда всѣхъ дамъ, прокураторовъ и именитѣйшихъ сановниковъ съ женами и дочерьми садилась въ гондолы бо- лѣе молодыя и менѣе важныя патриціи.

Боббіо, радостный и счастливый, хотѣлъ пройти мимо, но вдругъ остановился, какъ вкопанный. Въ числѣ молодежи, толпившейся у Ривы, онъ увидѣлъ двухъ весело и громко разговаривавшихъ молодыхъ людей, въ красивыхъ костюмахъ французскаго покроя.

— Опъ! вскрикнулъ невольно Джіакомо.

Одинъ изъ собесѣдниковъ былъ дѣйствительно кавалеръ ди-Аволо... Но Боббіо едва узналъ его...

„Слуга сатаны“ будто преобразился... Онъ ликовалъ, онъ сиялъ, онъ торжествовалъ! Что-то новое очевидно приключилось въ аду или съ нимъ.

XIX.

„Il Veronese“ смѣло подошелъ къ кавалеру, ожидая сразу смутить и даже сокрушить его одной своей близостью съ реликвіей на груди.

— А! синьоръ Джіакомо! Мой врагъ! воскликнулъ весело кавалеръ и, двинувшись навстрѣчу къ Боббіо, едва не обнялъ его.

— Я къ вамъ съ просьбой, заявилъ Боббіо изумляясь отчасти, что „слуга сатаны“ ничего не чувствуетъ...

И шахматистъ заявилъ кавалеру, что просить дать ему снова возможность отыграться.

— Когда угодно, *carissimo signore*, отозвался кавалеръ.

— Сегодня, въ девять часовъ.

— Это невозможно, отозвался ди-Аволо.—Я такъ усталъ за весь день... И такъ чудно-хорошо себя чувствую, радостно произнесъ онъ,—что непременно проиграю...

„А?! Вотъ оно! Дѣйствуетъ!“ подумалъ Боббіо, понявъ что слуга дьявола, котораго вѣроятно уже начало корчить отъ близости ручки Св. Марка, отбился, коварно изображая счастье и восторгъ.

— Вы боитесь! сказалъ Джіакомо таинственно. Вы чувствуете, что теперь... сегодня вы уже не тотъ...

— Да, я боюсь. Правда, синьоръ... Сегодня я дѣйствительно не тотъ человекъ! воскликнулъ кавалеръ.

Графъ Неверъ тоже любилъ шахматы. Узнавъ, что передъ нимъ первый по мнѣнью шахматистъ всей Италіи, и что кавалеръ все-таки обыгралъ его, графъ сталъ упрашивать ди-Аволо не отказать ему въ удовольствіи поглядѣть хотя бы одну игру.

— Ну извольте... согласился этотъ. Но я предупреждаю васъ, что проиграю.

— О, въ этомъ я не сомнѣваюсь! воскликнулъ обрадованный Боббіо.

— Мнѣ теперь не до обдумыванья ходовъ и всякихъ плановъ... весело объяснилъ кавалеръ.

— Это такъ и должно быть! строго сказалъ Боббіо, глядя въ глаза слуги сатаны и прижимая на груди рукою свою реликвію.

Кавалеръ разсмѣялся.

Черезъ четверть часа *il Veronese*, ди-Аволо, графъ Неверъ и еще два француза изъ свиты Генриха, а за ними десятокъ молодежи изъ патриціевъ были уже въ кондитеріи.

Вѣсть о новомъ состязаніи скоро облетѣла кондитерію и всю площадь... Многіе уже слышали накупивъ объ народившемся у Боббіо соперникѣ... Масса народа весело бросилась на любопытное и даровое зрѣлище.

Партія началась... Джіакомо Боббіо сталъ сосредоточенно серьезенъ, но спокоенъ. Кавалеръ радостно глядѣлъ на все и на всѣхъ, кромѣ доски и шахматъ... Партія продолжалась не долго... Боббіо не радовался. Лицо его выражало одно изумленіе... Онъ, Джіакомо, не только не старался хорошо играть, онъ подавался, онъ дѣлалъ глупые и пагубные ходы... И все-таки дѣло шло къ мату—его противнику.

Да, кавалеръ ди-Аволо игралъ какъ младенецъ, какъ неучъ, какъ пьяный, какъ безумный...

Всѣ кругомъ смѣялись промахамъ кавалера, а самъ онъ смѣялся громче всѣхъ, смѣялся до слезъ.

И никто не зналъ здѣсь, что это были слезы счастья! И какого счастья?—Съ страшнымъ трудомъ достигнутого, съ отчаянной дерзостью добытого, съ боя взятого у машини-судьбы...

Завтра онъ получитъ патентъ изъ рукъ виконта Та-ванна и станетъ капитаномъ французскихъ королевскихъ войскъ... Завтра же вечеромъ онъ войдетъ въ домъ, гдѣ будетъ ждать его она, его возлюбленная. До сихъ поръ онъ видалъ ее лишь на балконѣ и въ окнахъ ея дворца. А завтра, среди таинственного мрака ночи, они будутъ вдвоемъ и одни, благодаря помощи Сильвии. *La biondissima*, первая красавица Венеціи, дочь героя адмирала и креста, будетъ въ его объятіяхъ, какъ его невѣста...

— Шахъ и матъ! заявилъ Боббіо.

— Вы очень разсмѣшно играли, заявилъ Неверъ.

— Онъ вовсе не умѣетъ играть! раздалось въ толпѣ.

— Ступить не умѣетъ!

— Кто же пустилъ по Венеціи эту глупую шутку, что онъ игрокъ и обыгралъ Боббіо...

Кавалеръ ди-Аволо не смутился отъ проигрыша и весело объяснилъ:

— Я говорилъ, что проиграю...

— Еще одну... сурово заявилъ Боббіо.—Я вамъ даю впередъ койна.

— Отдайте королеву, Джіакомо! раздалось въ толпѣ зрителей.—И все-таки выиграете!

И вся толпа, напоявшаяся кондитерію, громко и насмѣшливо расхохоталась.

— Хотите еще одну на этихъ условіяхъ? спросилъ Боббіо, мѣря кавалера взглядомъ, какъ ничтожество.

— Извольте, разсмѣялся ди-Аволо.—Но я, право, согласенъ съ тѣмъ, что если вы мнѣ дадите и королеву, то все-таки я проиграю...

Вторая партія началась. Кавалеръ хотѣлъ было постараться играть внимательно и стало-быть освободиться отъ роя своихъ чудно радужныхъ мыслей и своихъ грѣзъ объ завтрашнемъ днѣ и всякихъ мечтаній о будущемъ, но затѣмъ онъ тотчасъ же черезъ три хода вдругъ рѣшилъ вслухъ:

— Ни за что!.. Я хочу проигрывать и проигрывать синьору Джіакомо. *Malheureux au jeu, heureux en amour!*...

Партія продолжалась при частыхъ насмѣшливыхъ замѣчаніяхъ зрителей.

Между тѣмъ, *патрицій ди-Аволо*, давно уже выѣхавъ на корабль изъ Венеціи, съ многочисленной свитой секретарей, уже давно въ Парижѣ, въ качествѣ посла Венеціанской республики. Онъ представляется монарху Франціи Генриху, уже пожилому, давно царствующему королю... Монархъ, ради многихъ заслугъ посла, воспользовался этимъ случаемъ. Онъ обнажилъ мечъ и собирается коснуться имъ плеча ди-Аволо... Но вмѣсто сакраментальныхъ словъ посвященія въ рыцари, Генрихъ говоритъ:

— Шахъ и матъ!

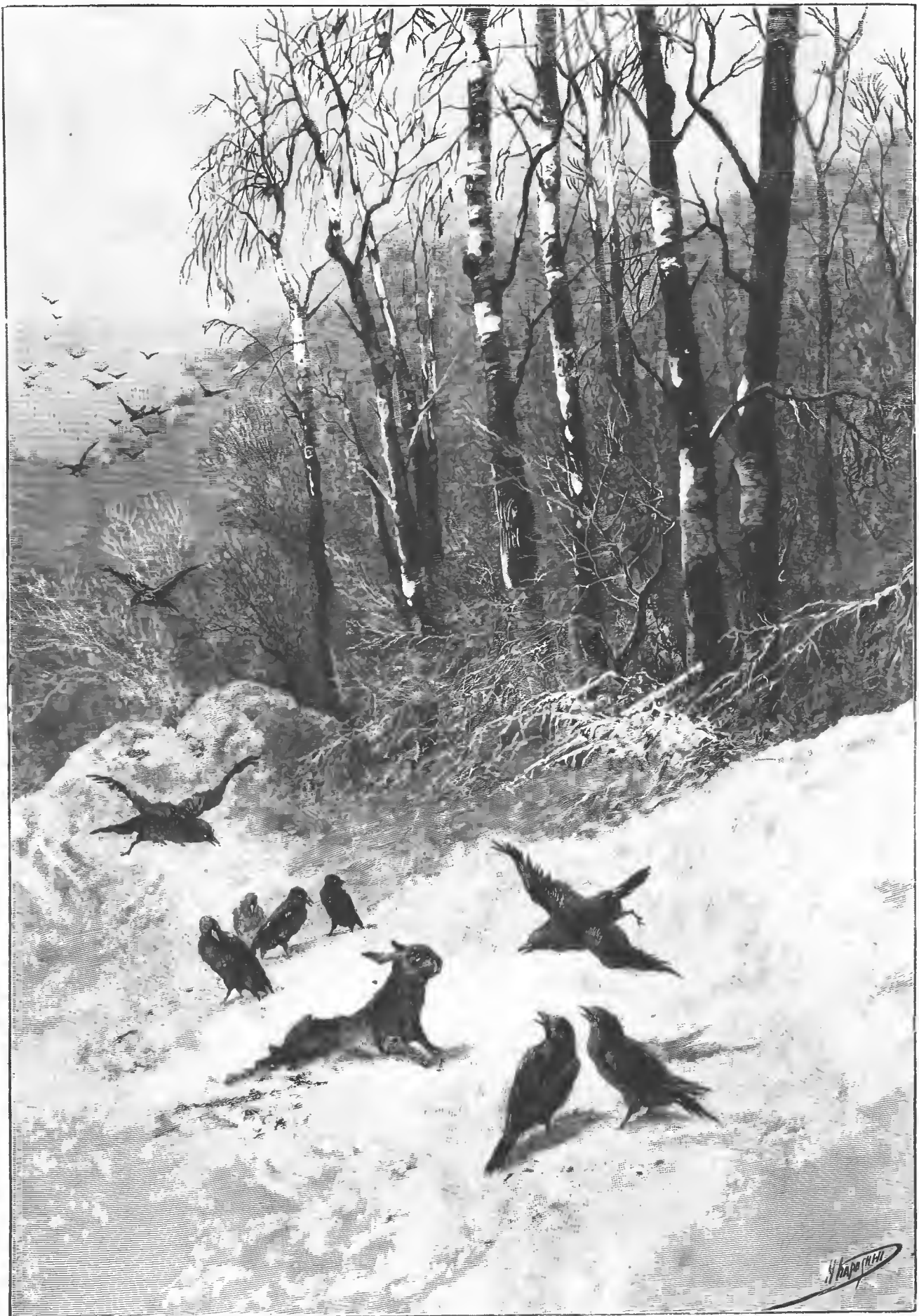
Нѣтъ, это не Генрихъ. Это Джіакомо Боббіо.

Покуда кавалеръ ди-Аволо забавлялъ публику въ кондитеріи, играя въ шахматы какъ малый ребенокъ, Анджелина тоже не владѣла собой отъ счастья, призапавшись во всемъ отцу.

Добродушный адмиралъ, обожавшій дочь, былъ смущенъ этою неожиданностью. За всю жизнь ему ни разу не пришло на умъ, что дочь вдругъ соберется замужъ за чужеземца. Вообще, подобнаго рода браки бывали большою рѣдкостью.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Контарини узналъ отъ дочери нѣчто, что подѣйствовало на него и расположило въ пользу неожиданнаго семейнаго событія.

Всѣ венеціанцы, сыны республики, гдѣ существовало только одно званіе патриція, или почетныя званія даваемая должностью, были напѣны на отличія другихъ государствъ, высоко цѣнили рыцарскіе ордена и стремились принадлежать къ нимъ и равно преклонялись предъ титулами, которыхъ не было въ отечествѣ.

Лесная драма. Ориг. рис. (собетв. „Нивы“) Н Каразина, грав. М. Рашевский.

Петербургская жизнь. Зимняя сцена. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) в Козачинского, грав. Шлипперъ.

Титулъ кавалера у молодого человека, влюбленного въ Анджелину, поколебать твердое рѣшеніе адмирала видѣть дочь замужемъ за соотечественникомъ. Общественное положеніе ди-Аволю, какъ любимца Французскаго монарха, дѣлало его тоже равней знаменитаго рода патриціевъ, къ которому принадлежалъ адмиралъ. Объ состояніи молодого француза Контарини не думалъ, потому что самъ былъ страшно богатъ.

Объявленіе дочери съ отцомъ привело къ тому, что Анджелина, еще болѣе счастливая, чѣмъ во дворцѣ, пошла спать, восторженно омытая...

Спала ли дѣвушка эту ночь, или только грѣзнила и бредила до самаго восхода солнца, она сама не знала. Она готова была поклясться, что снова видѣлась съ кавалеромъ, ѣхала съ нимъ въ гондолѣ, а потомъ шла въ шествіи, рука въ руку, по площади Св. Марка... Истребинный взглядъ Французскаго монарха преслѣдовалъ ее и пугалъ... Но la biondissima не боялась, потому что „онъ“ былъ около нея, готовый защитить отъ всего на свѣтѣ.

Рано утромъ Анджелина послала свою любимцу камеристку съ запросомъ къ двоюродной сестрѣ и тотчасъ получила отъ нея отвѣтъ, что мужъ ея въ духѣ и веселъ, собирается вечеромъ, съ другими патриціями, сопутствовать королю въ его вечерней прогулкѣ по городу, ради иллюминаціи, и что поэтому „условленное совершенно возможно“.

Было десять часовъ утра, оставалось цѣлыхъ двѣнадцать часовъ до условленнаго свиданія.

Анджелина не знала, доживетъ-ли до этого мгновенія.

XX.

Дворецъ Даль-Вермэ, какъ и большая часть дворцовъ патриціевъ, выходилъ фасадомъ на широкую „водяную“ улицу или на каналъ, но заднимъ дворикомъ и службами соприкасался съ узенькими переулками-коридорами города. Сами владѣльцы, по принятому обычаю, всегда покидали домъ и возвращались домой исключительно съ параднаго крыльца, омываемаго водами Адриатики. Пѣшкомъ ходить считалось постыднымъ. Можно было только гулять по площади Св. Марка, Пиацеттѣ или на Ривѣ Скьявони. Наоборотъ, прислуга всякаго дворца сообщалась съ городомъ исключительно черезъ дворикъ и переулки.

Въ этотъ вечеръ, когда вся Венеція ждала блестящей иллюминаціи всѣхъ зданій, дворцовъ и храмовъ, всѣхъ улицъ, каналовъ и даже дальнихъ острововъ и лагуны, городъ, какъ будто отдыхавшій за день, вдругъ проснулся и ожилъ при заходѣ солнца.

И вся Венеція загудѣла изъ края въ край, все живое высыпало на улицы и каналы глядѣть потѣшныя огни и видѣть проѣздъ высокаго гостя, Генриха, который, въ сопровожденіи дожа, прокураторовъ и многихъ патриціевъ, долженъ былъ объѣхать весь городъ, блистающій въ его честь.

Едва лишь закатилось солнце, какъ красивая гондола причалила къ дворцу Даль-Вермэ и изъ нея выскочила весело или порхнула какъ птица красивая молодая дѣвушка. Сильвія встрѣтила двоюродную сестру тоже веселой. И каждая заговорила о своей радости. Анджелина рассказала о своемъ благополучномъ объясненіи съ отцомъ и благодарила горячо Сильвію за ея помощь... за то, что сейчасъ произойдетъ... за устроенное свиданіе!

Сильвія была, казалось, не менѣе счастлива, ибо мужъ, неизвѣстно странный и зловѣще угрюмый за послѣдніе два-три дня, вдругъ измѣнился, сталъ веселъ, ласковъ съ женой, какъ давно уже не бывалъ, и теперь совершенно довольный отправился во дворецъ Фоскари, чтобы сопутствовать въ своей-же гондолѣ королю въ его прогулкѣ на „Буцентавръ“.

— И все-таки я боюсь... прибавила Сильвія.

— Чего? изумилась Анджелина.

— Боюсь,—чего?—не знаю... Я никогда мужа не обманывала.

— Но это не обманъ.

— Я ничего никогда не дѣлала безъ его вѣдома, кротко объяснила Сильвія.—Сегодня въ первый разъ... это...

— Свиданіе?.. Но вѣдь оно для меня. Это скорѣе обманъ моего отца, нежели твоего мужа. Наконецъ, чрезъ два-три дня — я невѣста...

— Знаю!.. Знаю!.. Но все-таки...

Сильвія однако не долго смущалась. Счастье юной кузины было слишкомъ велико и заразительно, чтобы кто-либо могъ тревожиться около нея. Вскорѣ-же, весело и лукаво смѣясь и перешептываясь, двоюродныя сестры, а съ ними въ заговорѣ и камеристка Лукреція—распустили всю домашнюю прислугу дворца, чуть не выгнали пачею всѣхъ—идти глядѣть иллюминацію. Даже одну хворую старуху, всегда сидѣвшую по вечерамъ у воротъ небольшого дворика, усеивающагося и теперь, Лукреція сумѣла выжить вонъ обманомъ.

Это было необходимо, такъ какъ кавалеръ ди-Аволю долженъ былъ, конечно, явиться во дворецъ не въ гондолѣ съ параднаго крыльца, а тайно одинъ, пѣшкомъ и чрезъ ворота дворика.

Солнце давно сѣло... Почная тьма уже спускалась на синія волны и блѣдно-розовые дворцы Венеціи... По городу гудѣлъ изъ конца въ конецъ и кое-гдѣ начали уже выплывать потѣшныя огни.

Скоро вся Венеція пылала, сверкала и искрилась, смотря въ зеркало водъ. И въ пучинѣ мимо-бѣгущихъ волнъ былъ свой такой-же праздникъ, въ ней были тоже опрокинутыя башни и дворцы и длинныя огненные столбы... И все это обманное, созданное искусствомъ человека, дрожало и колебалось, плыло и тонulo въ пучинѣ.

А развѣ сверкающая Венеція, ея пышно и пестро разодѣтый патриціатъ, сопровождающій короля, и золотой „Буцентавръ“, развѣ гулъ, смѣхъ и говоръ тысячъ народа, толпящихся вокругъ огней и костровъ, развѣ все это не опрокинется, какъ обманъ, и не унесетъ волною времени? Развѣ все это не потонетъ въ пучинѣ вѣковъ!?

Каждое мгновеніе вѣчно бѣгущаго времени уноситъ что-либо въ эту алчную и ненасытную пасть — имя которой: ничто.

За маленькой дверкой флигеля дворца Даль-Вермэ, въ темномъ сараѣ, гдѣ собранъ всякій хламъ, стоитъ человекъ, который никогда не бывалъ здѣсь.

Его истомила жажда самая мучительная... Жажда смерти... Онъ думаетъ только объ одномъ, какъ сейчасъ утолитъ ее...

И онъ не знаетъ, не чувствуетъ, что колеблющіяся огни Венеціи не успѣютъ еще потухнуть, обманные облики опрокинутыхъ храмовъ и дворцовъ будутъ еще весело дрожать и плыть въ волнахъ, а его уже не будетъ. Онъ не обманъ, не марево, а духъ, плоть и кровь — исчезнетъ прежде нихъ и такъ же быстро и легко, потому что тоже лишь одно мгновеніе вѣчно бѣгущаго времени унесетъ его...

Ослѣпленный безумной ревностью, Даль-Вермэ, почти лишенный разсудка и пониманія окружающаго, обманулъ жену въ это утро.

Вѣрный рабъ его, лакей, далматинецъ родомъ, помогать ему изо всѣхъ силъ съ той минуты, какъ бессмысленное подозрѣніе зашло ему въ душу.

Одинъ изъ лакеевъ, любимецъ Сильвіи, отлучился въ этотъ день изъ дому утромъ и побывалъ во дворцѣ Джустиніани. Далматинецъ слѣдовалъ за нимъ по пятамъ. Чрезъ часъ послѣ того, какъ клеветѣ доложили госпожѣ своей принесенный имъ устный отвѣтъ, онъ

былъ схваченъ... Онъ сознался. Его послали къ кавалеру ди-Аволо, который будетъ ввечеру у госпожи...

И послѣ вынужденнаго признанія посланецъ Сильвіи исчезъ безслѣдно, какъ ежедневно исчезали въ Венеціи люди, не только плебеи, но часто—патриціи.

Въ тѣ мгновенья, когда Сильвія и Анджелина ждали ди-Аволо въ опустѣвшемъ дворцѣ, Даль-Вермэ стоялъ на стражѣ своей чести, чтобы отомстить и наказать... Ослабленный своей бурной страстью, онъ даже не видѣлъ, не замѣтилъ и не зналъ, что ко дворцу подъѣзжала еще засвѣтло гондола и что жена не одна останется дома, не одна ожидаетъ тайнаго ночного гостя.

Наконецъ, среди свѣта и глѣза по всей Венеціи и почти полной тьмы и тишины на дворикѣ и во дворцѣ Даль-Вермэ—въ воротахъ показалась высокая фигура мужчины въ черномъ плащѣ и маскѣ...

Миновавъ ворота и внимательно оглядѣвшись, вошедшій двинулся къ большимъ дверямъ, гдѣ мерцалъ свѣтъ.

Но другая мужская фигура выросла на его дорогѣ.

— Ни шагу дальше! глухо произнесъ Даль-Вермэ такимъ сдавленнымъ отъ гнѣва голосомъ, что ди-Аволо сразу не узналъ владѣльца дворца.

Но остановившій его взмахнулъ обнаженной шпагой и крикнулъ:

— Защищайтесь!..

— Стойте!.. Одно слово!.. вскрикнулъ ди-Аволо, вмгъ понявъ недоразумѣніе.

— Защищайтесь или умирайте какъ собака! былъ отвѣтъ.

И шпага Даль-Вермэ слегка вонзилась въ грудь ди-Аволо. Онъ отскочилъ и тоже обнажилъ свою шпагу, чтобы не быть убитымъ тотчасъ.

— Умоляю васъ!.. Одно слово!.. Вы...

Но Даль-Вермэ не хотѣлъ да и не могъ слышать... Скрепящія шпаги уже звенѣли, будто взвизгивали и будто некрились.

Женскій крикъ раздался въ окнахъ...

Чрезъ мгновение одинъ изъ бывшихъ тоже вскрикнулъ и, опрокинувшись, грузно упалъ на землю... Онъ былъ пропеченъ насквозь...

Когда двѣ женщины, объята ужасомъ, выбѣжали во дворикъ, упавшій уже терялъ сознаніе и кончался...

А огни Венеціи, колеблемые морскимъ вѣтромъ, еще сверкали, обманные облики дворцовъ еще дрожали, сіяя къ мимо-плывущихъ волнамъ...

XXI.

Прошло два дня...

Французскій монархъ со свитой уѣзжалъ околю полу-дня на „Твердую землю“, соутѣвусмый снова всѣмъ патриціатомъ. Дождъ и прокураторы простились съ высокимъ гостемъ на островѣ Лидо.

Народъ проводилъ гостя тѣмъ-же кличемъ:

— Viva Arrigo il Terzo! Viva il Re di Francia e di Polonia!

Но послѣ проводовъ короля, долго шумѣвшая и волновавшаяся Венеція не стихла, а снова волновалась. Толпы народа цѣлые два дня тѣснились на площади Св. Марка и около дворца Дожей отъ зари до зари.

Много рода обстоятельство, необычайное и невѣроятное, подняло весь городъ на ноги. Прошелъ слухъ, а затѣмъ и подтвердился, что за время пребыванія короля Генриха, былъ въ Венеціи, присутствовалъ при всѣхъ торжествахъ и толкался повсюду среди патриціата и среди плебы, равно и во дворцахъ и на улицѣ...

— Кто-же?

— Оборотень! Слуга сатаны! Колдунъ! Мелкій бѣсъ, хитрый и дерзкій. Самъ царь тьмы и ада — самъ дьяволъ!

Такъ говорилось и передавалось повсюду... Но, разумѣется, молва народная, бѣгая по Венеціи, не могла рѣшить окончательно—кто-же „онъ“, смутившій теперь всеобщій покой и напугавшій всѣхъ—отъ стариковъ до младенцевъ.

Рѣшить кто „онъ“ — колдунъ или слуга сатаны — дѣло Кварантин или Sant Officio. Но гдѣ-же былъ погубившій себя однимъ невольнымъ ударомъ шпаги?

Выдававшій себя за кавалера ди-Аволо исчезъ безслѣдно. Одинъ увѣрили, что онъ исчезъ, какъ исчезаетъ всегда нечистая сила, т. е. непостижимо и необъяснимо... Другіе увѣрили, что Di-Avolo или diavolo уничтоженъ или очарованъ реликвіей и поэтому взятъ, какъ простой смертный, заключенъ въ тюрьму и уже судится Судомъ Трехъ.

И за эти дни пашелся одинъ человѣкъ, уже давно хорошо извѣстный Венеціи и ставшій теперь настоящей знаменитостью... Но всѣ бѣжали къ нему не затѣмъ, чтобы поглядѣть какъ онъ удивительно играетъ въ шахматы, а затѣмъ, чтобы послушать его искреннее, пылкое повѣствованіе о томъ, какъ онъ сокрушилъ дьявола, и посмотрѣть то, чѣмъ онъ сокрушилъ его.

И повсюду, на всѣхъ площадяхъ и перекресткахъ охотно повествовалъ Джакомо Боббіо обо всемъ, что съ нимъ приключилось, и набожно показывалъ маленькую мраморную ручку, частицу чудотворнаго изображенія Св. Марка, патрона республики и, стало быть, защитника всякаго венеціанца.

И многое, многое рассказывалъ „il Veronese“ помимо своего собственнаго приключенія.

Онъ первый донесъ Кварантин о присутствіи въ Венеціи слуги сатаны, подъ видомъ чужеземца, француза. И затѣмъ уже оказалось многое, чего и понять нельзя... Истинное дьявольское навожденіе...

Взятый збирями въ кварталѣ Riodgia и заключенный въ тюрьму, „онъ“ оказался и кавалеромъ, и французомъ, и португальцемъ, и венеціанцемъ, и любимцемъ короля Генриха, и секретаремъ Совѣта Трехъ, и агентомъ именитаго да-Монтэ, и капитаномъ французскихъ войскъ, и любовникомъ синьоры Сильвіи Даль-Вермэ, и женихомъ дочери адмирала Контарини, и гугенотомъ, и ереемъ, и племянникомъ простого ростовщика... И, выѣтъ съ тѣмъ,—ничѣмъ!.. Да, ничѣмъ!.. Все это было одно навожденіе! Онъ—слуга сатаны или самъ сатана, сокрушенный реликвіей Джакомо Боббіо, и сокрушенный разъ навсегда.

И многіе въ трепетѣ ужаса отъ того, что стало твориться на бѣломъ свѣтѣ, пожелали имѣть если не реликвію, то хотя-бы одинаковое-же изображеніе, вѣрное подобіе этой ручки съ двумя вытянутыми пальцами—указательнымъ и мизинцемъ.

„Онъ“ — смутившій Венецію, дерзновенно явившійся даже съ именемъ diavolo — исчезъ безслѣдно... Только именитый да-Монтэ и еще двое патриціевъ, составлявшихъ Судъ Трехъ за это время, знали кто „онъ“ и какъ кончилъ свои дни...

И затѣмъ все современное этому странному событію также безслѣдно исчезло съ лица земли... Осталась одна Царица Адриатики — красавица Венеція... Но царица только красотой, а не могуществомъ!

И осталось еще въ потомствѣ вѣрное подражаніе ручкѣ Св. Марка, при помощи которой всякій набожный итальянецъ, всегда имѣя ее при себѣ, всегда сокрушить сатану и агеловъ его!.. Ручка съ двумя вытянутыми пальцами—Джеттатура.

К О Н Е Ц Ъ.

Путешествіе по Йеллоустонскому національному парку.

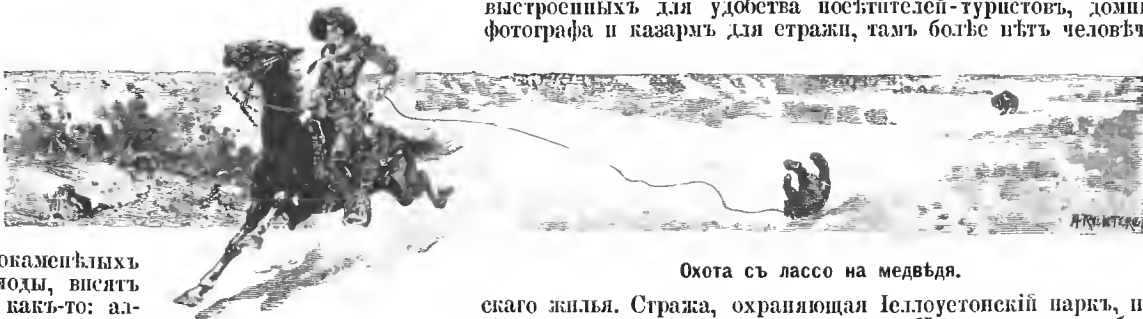
Очеркъ Павла Линдау. Переводъ Б. К.

Знаете-ли вы, что такое Йеллоустонскій національный парк? Йеллоустонскій паркъ находится въ срединѣ Скалистыхъ горъ, занимая сѣверо-западный уголъ Вайоминга и узкія полосы соседнихъ штатовъ Монтана и Идаго. Онъ лежитъ на высотѣ 7,000—8,000 футовъ надъ уровнемъ моря и занимаетъ поверхность въ 9,500 квадратныхъ километровъ.

Лѣтъ двадцать тому назадъ объ Йеллоустонскомъ паркѣ не знали ничего положительнаго, а существовали только сказки и преданія о чудесной странѣ посреди Скалистыхъ горъ, гдѣ на окаменѣлыхъ деревьяхъ, точно плоды, висятъ драгоценные камни, какъ-то: алмазы, рубины, сапфиры, смарагды въ величій грецкихъ орѣховъ, гдѣ висятся дымящіеся снѣговые горы и разстилаются горячія озера, изъ которыхъ бьютъ въ небеса громадныя столбы горячей воды. Такія баснословныя исторіи рассказали впервые одинъ изъ американцевъ, взятый въ плѣнъ индѣйцами и убѣжавшій оттуда. Его сочли за сумасшедшаго и, конечно, не придали значенія его рассказамъ.

Десять лѣтъ спустя два авантюриста-золотопрошарки въ неизвѣстную до тѣхъ поръ область теченія рѣки Йеллоустона. Хотя они и вернулись домой съ пустыми руками, за то тѣмъ удивительнѣе были принесенныя ими свѣдѣнія объ этой странѣ чудесъ. Это было въ концѣ шестидесятыхъ годовъ. Рассказы золотопрошарковъ придали больше вѣры, чѣмъ бѣжавшему отъ индѣйцевъ плѣннику, и по всей соседней странѣ распространились рассказы о чудесной землѣ. Эти толки дошли до правительства и, заинтересовавшись ими и побуждаемое общественнымъ мнѣніемъ, оно снарядило экспедицію для научнаго изслѣдованія неизвѣстной области, поставивъ во главѣ этой экспедиціи извѣстнаго геолога, профессора Гайдена.

Изслѣдованія этой экспедиціи показали, что толки, ходившіе объ этой странѣ, отнюдь не были вымыслами праздноуфаантазіи, но заключали въ

Охота съ лассо на медвѣдя.

секаго жилья. Стража, охраняющая Йеллоустонскій паркъ, находится подъ начальствомъ капитана. На этотъ постъ обыкновенно избираются образованные и энергичные офицеры, которымъ даются неограниченныя полномочія. Капитанъ имѣетъ право лично судить и наказывать всѣхъ нарушающихъ статьи закона объ Йеллоустонскомъ паркѣ, какъ-то: схваченныхъ на мѣстѣ преступленія воровъ дичи, браконьеровъ и порубщиковъ, селящихся на территоріи парка и проч.

Число большихъ гейзеровъ Йеллоустонскаго парка — здѣсь разумѣются тѣ, которые выбрасываютъ колоссальныя столбы воды на высоту отъ 50 до 200 футовъ — доходитъ до пятидесяти. Мелкихъ же гейзеровъ — безчисленное количество. Что касается до горячихъ ключей, которые раздѣляются на двѣ группы: съ известковымъ и кремнеземнымъ осадкомъ, то число ихъ колеблется между 5 и 10 тысячами. Цифра эта почти произвольная, ибо до сихъ поръ не существуетъ еще особой специальной карты Йеллоустонскаго парка.

Несмотря на то, что паркъ уже двадцать лѣтъ, какъ объявленъ національною собственностью, пути сообщенія съ нимъ находятся въ крайне жалкомъ состояніи, и суммы, ассигнованныя правительствомъ на потребности этой страны, очевидно, потрачены безо всякаго расчета. При открытіи Йеллоустонскаго парка на него возлагали большія надежды, какъ на будущій замѣчательный курортъ, гдѣ соединятся водно и карлсбадскіе источники, и ахенскіе сѣрные ключи, эвскій натръ и швальбахское желѣзо, и криспингенская поваренная соль, и другіе цѣлительныя источники и вещества. Надежды эти не оправдались, и вмѣсто страждущаго человечества паркъ посѣщаютъ исключительно только ученые, да любопытные туристы.

Однако, нельзя сказать, чтобы цѣлительныхъ ключей вовсе не было въ Йеллоустонскомъ паркѣ: свѣдущіе люди говорятъ совершенно противное. Конечно, этотъ вопросъ дѣло будущаго, что же касается до удобства путешествія по этой странѣ, то въ этомъ отношеніи много сдѣлала мѣстная администрація. Въ прекрасныхъ экипажахъ, на лошадей съ опытными кучерами можно объѣхать вдоль и поперекъ всю территорію парка. Весь объѣздъ парка продолжается отъ 4-хъ до 8-ми часовъ, смотря по желанію. На мѣстахъ остановокъ воздвигнуты незатѣйливые отели для туристовъ, не похожіе, конечно, на модные американскіе отели съ конфертами, балами и т. п., но напоминающие небольшіе деревенные баракы-лавки; столы, конечно, такъ же незатѣйливы, какъ и самыя отели, и часто просто невкусны; но чего же желать большаго въ этомъ пустынномъ уголкѣ міра, расположенномъ посреди Скалистыхъ горъ. Да, впрочемъ, проголодавшись послѣ долгаго утомительнаго пути, и за то скажешь спасибо, особенно когда доберешься до мягкой постели и слышишь, какъ тамъ за окномъ востъ выюга, а подъ землей идетъ постоянная вулканическая работа съ ея шумомъ, свистомъ и грохотомъ. Право, существующихъ тамъ удобствъ вполне достаточно для того, чтобы считать себя въ такіе минуты самымъ счастливымъ человекомъ на свѣтѣ.

Я отправился съ нѣсколькими спутниками въ Йеллоустонскій паркъ нѣмного раньше, чѣмъ начинался тамъ обыкновенно съѣздъ туристовъ, занесясь рекомендательными письмами къ тремъ важнѣйшимъ мѣстнымъ лицамъ, именно: къ начальнику стражи капитану Андерсону, содержателю отелей В. Джонсону и владѣльцу экипажей, въ которыхъ совершается путешествіе по всей территоріи парка. Послѣдній обладаетъ тремя стами упряжными и шестидесятью верховыми лошадьми и тридцатью экипажами, отъ 6 до 20 мѣстъ въ каждомъ. Такимъ образомъ, наше путешествіе было обставлено всевозможными удобствами. Погода, несмотря на раннее время года — мы осматривали паркъ въ май — стояла благоприятная и довольно теплая, только по утрамъ и вечерамъ было довольно свѣжо. Кромѣ пасту, дру-

Скалы изъ обсидіана и бобровое озеро.

тельныя известковыя формации, напоминающія своимъ видомъ ледяныя сосульки, постоянно измѣняющія свой видъ и положеніе, съ выходящими изъ нихъ теплымъ паромъ, и громадное количество горячихъ ключей и красивыхъ горячихъ озеръ, и гейзеры съ вырывающимися изъ нихъ гигантскими столбами горячей воды и пара, водопады, ущелья — словомъ, все, что рассказывалось объ этой чудесной странѣ, все представилось глазамъ пзумленныхъ изслѣдователей. Картина мѣнялась съ каждымъ днемъ: одинъ гейзеръ пропалъ, на мѣсто ихъ являлись новыя, одинъ ключъ и озеро высохли и взамѣнъ ихъ появились въ другомъ мѣстѣ вначалу бить новыя ключи и появлялись новыя озера. Все это побудило Гайдена внести на разсмотрѣніе правительства проектъ объявить Йеллоустонскій

Жена рыбака. Съ карт. Дейролла, грав. Бодъ.

гих путешественников не было, и потому можно себя представить, с каким вниманием принимали нас управляющие отелей, по большей части шведы и норвежцы, в течение восьми месяцев сидевшие здесь, буквально не видя живого человека.

Мы проникли в Йеллоустонский парк с северо-запада, от границы с Канадой, от лесистых берегов Puget-Sound'a, получающего воду из Тихого Океана через проливъ Juan-de Fuca. Мы перешли Каскадные горы и, после долгого пути по северной части Скалистых горъ, достигли наконец рудоносной Монтаны и прибыли на станцію Левингстонъ, лежащую на рѣкѣ Йеллоустонѣ. Отсюда идетъ утомительная дорога на лошадяхъ до самого севернаго угла Йеллоустонскаго парка.

По мѣрѣ углубленія съ сѣвера въ Йеллоустонскій паркъ, природа разкрываетъ постепенно передъ зрителемъ свои чудеса, передъ нами проходятъ точно въ панорамахъ величественныя картины, поражающія своею оригинальностью. Въ первый день нашего путешествія постепенно представились нашимъ глазамъ Мамоновы горячіе ключи, обычные вулканическія образования, какія всегда бывають въ странѣ гейзеровъ, маленькія озера и миниатюрные гейзеры, представлявшіе какъ бы крошечныя модели тѣхъ озеръ и гейзеровъ, которыя намъ предстояло увидѣть въ слѣдующіе дни. Такъ, въ кабинетѣ главнаго инженера, на фабрикѣ, мы видимъ маленькія модели фабричныхъ машинъ и затѣмъ уже, войдя на самую фабрику, поражаемся грандіозными размѣрами и грохотомъ работающихъ машинъ. Мы могли совершенно близко подходить къ крошечнымъ гейзерамъ и даже сами, ради забавы, устроили одинъ. Для этого надо было только воткнуть палку въ мягкую теплую почву дюйма на два, не болѣе, и подождать нѣсколько мгновений. Изъ отверстія сначала появлялся паръ, а затѣмъ брызгала струя горячей воды дюйма на два въ вышину. Съ каждымъ шагомъ въглубь парка, объемы озеръ и гейзеровъ увеличивались. Въ Норрисѣ, на широкой равнинѣ мы уже могли видѣть два значительные гейзера, изъ которыхъ подымались большія струи воды на, сравнительно, значительную высоту. На мѣстѣ третьей остановки, у рѣчки Firehole, находятся замѣчательные по свѣтовой игрѣ своей воды, такъ-называемые, пыльные гейзеры. И, чѣмъ дальше, тѣмъ величественнѣе стали попадаться гей-

Йеллоустонскимъ озеромъ, которое превосходитъ всѣ прочія горныя озера міра чрезвычайною прозрачностью своей воды и красивымъ мѣстоположеніемъ. Оно лежитъ на высотѣ 7,500 футовъ надъ поверхностью моря. Но, благодаря массѣ снѣга, покрывавшаго всѣ дороги, мы должны были отказаться отъ осмотра этого озера. Только такое путешествіе, какое совершили мы по Йеллоустонскому парку, можетъ во всей полнотѣ

Терраса Минервы (Мамоновы горячіе ключи).

развернуть предъ глазами его своеобразныя и чудесныя картины, начиная съ маленькихъ подготовительныхъ эскизовъ и набросковъ и кончая чарующими и величественными въ своей дикой красотѣ пейзажами.

Новый, проектируемый правительствомъ, путь черезъ Йеллоустонскій паркъ съ юга на сѣверъ, послѣ всего описаннаго, можетъ показаться варварствомъ въ глазахъ истиннаго любителя природы. И въ самомъ дѣлѣ, не значило-ли это, прочитавъ художественное поэтическое твореніе, снова начать читать его съ конца? Совершенный же нами путь отъ Монтаны изъ Левингстона черезъ „Райскую долину“ къ Циннабару очарователенъ, и на немъ разсыпано множество чудесъ.

Опъ тянется вдоль тѣнистой и шумливой въ этихъ мѣстахъ рѣчки Йеллоустона черезъ фантастически нагроможденные другъ на друга скалы, составляющія преддверья Grand Canyon'a и образующія въ среднѣ живописную долину, безъ преувеличеній названную „Райской“. Вся долина въ яркихъ зеленыхъ лугахъ и окружена чудною панорамой горъ. Отсюда стоитъ взглянуть на покрытыя снѣгомъ вершины горъ парка, подымающихся на 10,000 футовъ, на гордую гору Wasyburn, на причудливыя извивы горнаго хребта снѣговыхъ горъ и на гигантскую пирамиду „Электрической горы“.

Путь продолжаетъ идти по зеленымъ берегамъ Йеллоустона, и скалы, попадающіяся на пути, имѣютъ самую разнообразную форму. Вотъ вдали видѣется одна съ вершиною, положительно напоминающею собою голову сфинкса. И мѣсто остановки близъ этой горы носитъ названіе „Сфинксъ“. Далѣе подымаются и вырисовываются на небѣ вершины двухъ горъ, чрезвычайно похожія на профили человѣческихъ лицъ. Гайдеи называють ихъ: „Giants Face“ и „Old Man of the Mountain“. Еще далѣе высится гора „Devils Stide“, т. е. чортъ въ катокъ, съ огненнымъ ледянымъ скатомъ. Одна гора, благодаря краснымъ полосамъ на ней, названа „Киноварною“, подлѣ нея находится маленькое селеніе Циннабаръ, составляющее конечный пунктъ нашего пути.

Недалеко отъ него находится хижина старѣйшаго охотника

Терраса вѣловъ (Мамоновы горячіе ключи).

зеры, выбрасывающіе со страшнымъ шумомъ и грохотомъ громадные водяные столбы на высоту 200 и болѣе футовъ и окруженные цѣлыми облаками горячаго пара.

Наконецъ, послѣднимъ актомъ этой волшебной драмы природы являются Йеллоустонскія водонады, именно пнижніе, которые низвергаются съ высоты 350 фут. между двумя стѣнами скалъ въ неизмѣримую бездну. Бурная и величественная драма заключается идиллическимъ и мирнымъ эпизодомъ: громаднымъ

этой местности „Янки Джима“. Онъ живетъ здѣсь болѣе 30 лѣтъ и поселился здѣсь за 10 лѣтъ до первыхъ изслѣдователей. Это старикъ, 60-ти лѣтъ, съ суровымъ энергичнымъ лицомъ; на видъ онъ кажется старше своихъ лѣтъ. Онъ пользуется славой лучшаго охотника за медвѣдями, горными баранами, буйволами, антилопами и бобрами. Чѣмъ

только онъ не былъ на своемъ вѣку: и золотоискателемъ, и солдатомъ, и трапперомъ; онъ очень охотно и съ любовью рассказываетъ о своихъ удивительныхъ приключеніяхъ на дикомъ Западѣ, гдѣ онъ зарабатывалъ охотой порядочныя деньги. Мнѣнія о Янки Джимѣ среди жителей Йеллоустонскаго парка, впрочемъ, очень разногласны: одни считаютъ его хорошимъ и заслуживающимъ уваженія человекомъ, другіе — просто хвастуномъ и канальей.

Другихъ поселеній, кромѣ небольшихъ домишекъ-гостиницъ, между Левингтономъ и Циннабаромъ нѣтъ. Въ случаѣ наплыва туристовъ, просто разбиваются палатки. Населеніе состоитъ изъ охотниковъ, рыболововъ, погонщиковъ и каменотесовъ, по костюмамъ и правамъ, кажется, недалеко ушедшихъ отъ первобытнаго состоянія.

Видъ гейзера.

Въ Циннабарѣ намъ дали удобный шарабанъ, и мы направились прежде всего осмотрѣть Мамонтовы горячіе ключи. Тутъ произошелъ забавный случай. Мы говорили съ кучеромъ, безбожно ломая и коверкая англійскій языкъ, и онъ сначала отвѣчалъ намъ также по-англійски. Затѣмъ онъ заговорилъ чистѣйшимъ ирландскимъ языкомъ, чему мы несказанно обрадовались. Оказалось, что родители его ирландцы, переселившиеся въ Америку. По дорогѣ онъ указалъ намъ на берегу рѣки Gardiner дымящуюся лужу. Здѣсь горячіе ключи и гейзеры очень часто попадаютъ подлѣ холодной воды рѣки. Рѣки изобилуютъ форелями. Къ числу курьзозовъ Йеллоустонскаго парка принадлежитъ то, что здѣсь пойманную форель не надо варить въ котлѣ, а стоитъ только опустить въ любую горячую лужу. Такимъ же способомъ варятся здѣсь и яйца, но все, варимое подобнымъ образомъ, получаетъ противный привкусъ сыры. Нашъ проводникъ, квартирмейстеръ, церемоніймейстеръ и все что угодно, бравый Селзеръ изъ Такомы, предложилъ намъ показать опытъ съ форелью, но мы отказались.

На полпути попался намъ навстрѣчу молодой человекъ, вооруженный, верхомъ на лошади, державший въ рукахъ порядочный узелокъ. То былъ солдатъ мѣстной стражи. Онъ что-то крикнулъ намъ, и кучеръ остановилъ лошадей. Тутъ мы замѣтили, что изъ мѣшка выглядывало умиротворенное созданіе — маленький медвѣжонокъ. Оказалось, что солдатъ утащилъ его изъ берлоги, и медвѣдица долго гналась за нимъ. Во время его разсказа медвѣжонокъ строилъ смѣшныя гримасы и порывался кусать всѣхъ, кто его трогалъ. Вскорѣ солдатъ съ медвѣжонкомъ исчезъ за поворотомъ дороги.

Въ полдень мы прибыли на Мамонтовы горячіе ключи. Огелъ, высокій деревянный домъ въ американскомъ стилѣ, съ крытой верандой вдоль всего нижняго этажа, и съ шестиугольной башенкой наверху, былъ еще закрытъ. Мы помѣстились на крошечномъ постояломъ дворѣ, ютившемся подлѣ самаго отеля, и тотчасъ же послѣ обѣда вышли осмотрѣть окрестности. Мы находились въ обширной, окруженной со всѣхъ сторонъ горами, котловинѣ. Скатъ этихъ горъ поросли стройными слями и соснами. Почва котловины поражала своимъ бѣлоснѣжнымъ цвѣтомъ. Прямо передъ нами возвышалась среди этой котловины скала, въ видѣ колонны, валоминающей собою фригійскую шапочку,

отчего, вѣроятно, она и получила названіе „Liberty Cap“, такъ подходящее къ ней. Толщина ея внизу равнялась 20 футамъ, а высота 42. По мѣрѣ движенія впередъ, все легче и легче представляли передъ нами знаменитыя террасы Йеллоустонскаго парка, похожія болѣе на художественное произведеніе великаго архитектора, нежели на прихотливое созданіе природы. Террасы эти представляютъ собою исполинскую лѣстницу въ 10—12 ступеней, симметрично расположенныхъ другъ надъ другомъ.

На этихъ ступеняхъ образовалось множество водоемовъ различной величины и формы, напоминающихъ собою раковины разныхъ размѣровъ. Одни имѣютъ въ диаметрѣ всего одинъ дюймъ, другіе шесть-восемь футовъ; одни почти совсѣмъ плоски, другіе отъ 2 до 3 дюймовъ глубиною и, наконецъ, самыя большія имѣютъ глубину въ нѣсколько футовъ. Эти водоемы, по большей части, наполнены удивительно прозрачною горячею или теплою водой. Такъ какъ горячій ключъ лежитъ наверху террасы, на самой верхней ступенькѣ, то температура воды въ водоемахъ понижается, по мѣрѣ пониженія ступеней. Такъ, вода въ водоемахъ среднихъ ступеней уже только теплая, а на нижнихъ она уже дѣлается почти холодной, такъ что ее можно пить. Но пить воду въ области Йеллоустонскаго парка изъ его источниковъ надо съ большою осторожностью. Въ Левингтонѣ я встрѣтился съ двумя путешественниками, которые напились воды изъ свѣтлыхъ источниковъ парка. У одного моментально появилась сыпь на всемъ тѣлѣ, другой, напившись воды, содержащей красцы, почувствовалъ такую боль въ гортани, головѣ и желудкѣ, что едва могъ дышать и два дня пролежалъ въ постели. Источники со здоровою для питья водою отыщутся здѣсь, обыкновенно, надписями и стоящими подлѣ нихъ стаканами или ковшами. Изъ воды на верхнихъ ступеняхъ террасы подымается горячій паръ. Въ водоемахъ нижнихъ ступеней вода такъ прозрачна, что, ставъ надъ водоемомъ, можно видѣть все, что происходитъ на днѣ его: тамъ, посреди причудливой формы коралловъ, кишитъ цѣлый міръ маленькихъ полиповъ. Поверхность ступеней такъ отполирована водой и блеститъ на солнцѣ, что если отойти подальше отъ террасы, то кажется будто сверху внизъ струятся безконечныя потоки воды, чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Иллюзія водопада — полная!

Но не въ строеніи этихъ террасъ, какъ ни удивительно оно, не въ изяществѣ водоемовъ-раковинъ, стѣнки которыхъ иногда напоминаютъ собою тонкую рѣзную или лѣстную работу, заключается очарованіе, а въ неописуемой красотѣ колорита этихъ террасъ, который поражаетъ пѣжностью блеска и замѣчательною тонкостью переливовъ красокъ, достойныхъ кисти великаго художника. Преобладающими цвѣтами являются яркый, розовый, голубой, желтый и желтый — и все это въ замѣчательномъ сочетаніи между собою.

Отсюда мы отправились осматривать первый, лежащій на пути гейзеръ, посѣщій ныя перваго суперинтендента парка, полковника Порриса. Онъ

Пещерный гейзеръ въ дѣйстви.

открылъ знаменитый гейзеръ Йеллоустонскаго парка Эксельсиоръ и оказалъ правительству важныя услуги, продолживъ по парку удобныя дороги. Черезъ красивое ущелье, называемое „Золотыя ворота“, мы проникли къ замѣчательнымъ, въ геологическомъ отношеніи, обсидановымъ скаламъ и лежащему возлѣ нихъ бобровому озеру. Не останавливаясь здѣсь, мы двинулись далѣе, и, послѣ двухчасоваго пути сосновымъ лѣсомъ, передъ нами открылся во всемъ своемъ величій громадный водоемъ Поррискаго гейзера.

(Оконч. въ слѣд. №).

Мильтонъ у Галилея. Съ карт. А. Гатти, грав. Клоессъ.

Старый ветеранъ. Съ карт. Парл, грав. Бодъ.

Наступление Великого поста.

(Из далекаго прошлаго).

А. Аенскаго.

Какъ теперь помню я наступление Великаго поста въ нашей семьѣ. Мы жили въ бѣдномъ, малолюдномъ узкомъ городкѣ, широко раскинувшись на просторѣ по обоимъ берегамъ незначительной, но веселой рѣчки, составлявшей радость нашихъ лѣтнихъ дней. Семья наша была совсѣмъ простая, безъ всякихъ претензій на „европейское просвѣщеніе“: она крѣпко держалась „еще всѣхъ старинныхъ примѣтовъ и обычаевъ“. И Великій постъ производилъ всегда на насъ торжественное и нѣсколько мрачное впечатлѣніе. Наступаетъ, бывало, вечеръ „Прощенаго воскресенья“, и медленное теченіе нашей жизни становится строже и, пожалуй, величественнѣй. На улицѣ, правда, еще масляничный шумъ, звенятъ еще колокольчики и бубенцы (тогда это дозволялось по узкимъ городкамъ)—узкие люди сѣли на поспѣшкахъ покатаются по снѣжнымъ полямъ, уходящимъ отъ города во всѣ стороны чуть не до краевъ небесны. Положимъ, и завтра найдется въ городѣ не мало охотниковъ ономылиться послѣ масляныхъ кутежей,—обычай откуда-то занесенный и въ нашу глухую городокъ,—но мы хорошо знаемъ, вѣришь—чувствуемъ, что все это—только послѣдніе отголоски веселыхъ дней, а на самомъ дѣлѣ наступаютъ, уже наступили—дни великіе, дни служения Богу, дни молитвы, покаянія и душевнаго очищенія.

Становится поздно, скоро насъ и спать уложить. И вотъ наша старая-старая няня, хранительница преданій и всякой старины, беретъ насъ, меня и брата, за руки и говоритъ: „Идите прощаться съ папой и мамой“. Мы ужъ знаемъ, что это такое, и давно ждали этой минуты—прощаться и „прощенья“ въ грѣхахъ. Мы еще совсѣмъ малыши: мнѣ лѣтъ десять, брату—девять. Въ настоящее время десятилѣтній мальчикъ, въ большинствѣ случаевъ, уже серьезный резонеръ. Для него, пожалуй, это „прощанье“—„любобытны“, „достойный вниманія“, даже „изученія“, русской „народной“ обычаи, ясное свидѣтельство о которомъ оставилъ знаменитый европеецъ Маржеретъ, посѣтившій въ началѣ XVII вѣка Русь. Этотъ Маржеретъ самъ былъ „очевидцемъ“, какъ „русскіе посѣщаютъ другъ друга на Маслинницѣ, цѣлуются, прощаются, мирятся, если оскорбили кого-нибудь въ продолженіе года; и, встрѣясь даже на улицѣ, люди, совсѣмъ незнакомые, приветствуютъ другъ друга взаимнымъ поцѣлуемъ: „прости меня“, говоритъ одинъ; „Богъ тебя проститъ“, отвѣчаетъ другой. И современнаго мальчика поучаютъ, что „любобытны“ обычаи этого, такъ поразившія Маржерета, просвѣщеннаго европейца, собственно, ничего дурного въ себѣ не заключаютъ; напротивъ, можетъ заслуживать нѣкоторой похвалы...

Въ наши дѣтскіе годы, однако, мы ничего этого не знали. Мы идемъ къ отцу съ невольнымъ чувствомъ смущенія, какой-то общей, невѣдомой намъ самимъ, вины передъ нимъ. Мы невольно чувствуемъ, что во многомъ виноваты передъ отцомъ, что онъ не разъ и не два имѣлъ полное основаніе быть недовольнымъ нами. И вотъ мы, съ искреннимъ смиреніемъ и раскаяніемъ, кланяемся отцу, какъ того требуетъ „обычай“ и какъ насъ наставляла няня, въ ноги, говоря: „Прости, папа, если мы передъ тобой въ чемъ виноваты“. „Богъ проститъ, дѣтки“, говоритъ онъ, отрываясь отъ книги и глядя на насъ поверхъ очковъ, и потомъ съ ласковой улыбкой цѣлуетъ насъ. „Богъ проститъ; только смотрите, впередъ будьте умны; помните, что отецъ все для васъ дѣлаетъ, чтобы вы хорошими людьми вышли“. Мы, конечно, заранѣе знали, что ничего иного и выйти не могло, и все-таки уходили успокоенные, удовлетворенные, словно съ насъ тяжесть какая спала.

Прощанье съ матерью происходитъ проще. Она не допускаетъ насъ до исполненія всѣхъ подробностей обряда, а просто цѣлуетъ, крѣпко цѣлуетъ насъ. „Какіе у васъ грѣхи противъ матери“, говоритъ она. „Богъ съ вами, дѣтки, идите спать“. Прощаемся мы и съ мамой, и со всѣми домашними, которые уже сами подходятъ къ намъ въ удобную минуту. Но вотъ „прощанье“ кончено. Мы знаемъ, что и отецъ съ матерью будутъ просить другъ у друга прощенья, и всѣ остальные сдѣлаютъ то же. И кажется намъ, что во всемъ нашемъ домѣ, въ каждомъ уголкѣ его наступаетъ какая-то особенная, мирная тишина. Мы идемъ спать какіе-то обновленные, душевно-чистые. Намъ и хорошо, и жутко передъ длиннымъ наступающимъ временемъ, когда намъ придется исповѣдываться и причащаться.

Недалеко отъ нашего дома приходская церковь, и на другой день утромъ, уже довольно поздно, мы просыпаемся отъ колокольнаго звона. Протяжно звучитъ колоколъ, и звукъ его, печальный и однообразный, тянется долго-долго, постепенно ослабѣвая, и наконецъ замираетъ и терлется. Кажется, что онъ улетѣлъ куда-то въ безконечную даль, къ самымъ небесамъ, откуда прилетаютъ къ намъ ангелы-хранители;—а мы съ братомъ твердо вѣруемъ, что у каждого изъ насъ есть свой ангелъ-хранитель, который внушаетъ добрыя мысли и защи-

щаетъ насъ отъ злого духа. Мы знаемъ отлично, что сейчасъ, сію минуту онъ звонитъ колоколъ, и все-таки намъ кажется, что звукъ улетѣлъ—и не воротится. По вотъ новый ударъ—мы вздрагиваемъ, словно это что-то необыкновенное, неожиданное.

— А знаешь, Лѣля, говоритъ мнѣ братъ, садясь на своей постелѣ,—мнѣ кажется, что колоколъ зоветъ кого-то къ себѣ.

— Что-жъ, разсудительно отвѣчаю я:—онъ, дѣйствительно, зоветъ, чтобы люди шли каяться: на первой недѣлѣ всѣ говѣютъ и причащаются.

— Итъ, не то,—къ себѣ, говорю, зоветъ на колокольную: прозвонитъ—и ждетъ, точно прислушивается, не идетъ ли кто.

Но въ дѣтскую входитъ мать, и разговоръ нашъ прекращается; мы на первой недѣлѣ говѣемъ и должны идти съ нею слушать „часы“—великопостную будничную службу.

И вотъ мы въ церкви.

Мы съ братомъ любилъ ходить въ церковь только въ праздничные дни, когда она наполнялась разряженнымъ, съ веселыми лицами народомъ, а на блпросѣ такъ хорошо нѣли. Совершенно новые впечатлѣнія были теперь. Въ черныхъ ризахъ выходилъ священникъ на амвонъ, и строго звучитъ его коѣнопреклоненная молитва: „Господи, Владыко живота моего! духъ праздности, унынія, любоначала, празднословія не даждь мнѣ; онъ проситъ для себя и присутствующихъ „духа цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія, любви...“. Мы плохо понимаемъ слова молитвы, но она умиляетъ насъ. И какими преступными, тяжелыми грѣхами представляются намъ „праздность“ и „праздословіе“! Мы ихъ отлично понимаемъ, и такъ хочется, чтобы былъ въ насъ духъ „терпѣнія и любви“. И вся церковь, наполненная людьми, раздѣляетъ наши чувства; самые лица коѣно смотрятъ строже, суровѣе. Помню, не далеко отъ насъ молчалась какая-то блѣдая, сухощавая старушка съ измученнымъ лицомъ и съ глазами, полными слезъ; меня поразила она: столько горя, какой-то безгранничной печали было въ ея выраженіи и столько покорности и надежды на Того, Кто звалъ къ Себѣ „всѣхъ пуждающихся и обремененныхъ“, что я самъ, къ великому удивленію матери, не знавшей, что дѣлать со мною, горько расплакался... Далекая, но неизгладимая впечатлѣнія!

Въ концѣ недѣли мы съ братомъ идемъ исповѣдываться. Въ семьѣ нашей были не въ модѣ нравственные разглагоствования: мы не слышали никакихъ наставленій и правоученій; не знали мы въ ней и наставительныхъ книжекъ, въ которыхъ Лели и Саша, Артуры и Маргариты получаютъ соответствующія награжденія за добродѣтели и наказанія за пороки. Но въ ней сильнѣе былъ простой христіанскій духъ, человѣческое отношеніе къ ближнему, покорность Промыслу, особенно же, отсутствіе всякой гордости; напротивъ, всѣ только и говорили о своихъ грѣхахъ, заботились, чтобы какъ-нибудь не обидѣть кого, и когда ихъ самихъ обижали—на Бога возлагали отплату. „Богъ съ нами“, слышали мы перѣдко, — „а я имъ зломъ платить не стану“. Мы были малыя дѣти, росшія довольно одиноко, которыхъ предохраняли отъ всякихъ столкновеній съ окружающею жизнью. Тѣмъ не менѣе, мы считали себя, но примѣру старшихъ, великими грѣшниками, и исповѣдъ не въ шутку боялись. За то какъ же и отрадно было намъ, не въ первый разъ, между тѣмъ, убѣдиться, что для насъ въ ней ничего не было страшнаго.

Священникъ нашъ былъ тоже старинный человѣкъ, какихъ теперь и не бываетъ, кажется. Онъ былъ не особенно ученъ, хотя подчасъ любилъ вставить нѣсколько латинскихъ словъ—единственная, кажется, премудрость, уцѣлѣвшая въ его давно поблѣвшей головѣ отъ долготѣхнихъ мытарствъ въ старинной семинаріи. Но онъ былъ очень добрый человѣкъ. Маленькій, худенькій, быстрый въ движеніяхъ, онъ не внушалъ рѣшительно никакого сраха. Съ ласковой, серьезной улыбкой встрѣчалъ онъ исповѣдующихся, дѣлою кучею, дѣтей, клалъ на голову перваго понаважнаго зинтрахнѣ и прямо читалъ разрѣшительную молитву, ласково замѣчая, что у дѣтей грѣховъ не бываетъ, а что нужно только слушаться маменьки и отца и не грубить имъ...

Насъ съ братомъ онъ исповѣдывалъ отдѣльно, говорилъ, что знаетъ насъ за хорошихъ дѣтей и очень совѣтовалъ слѣдовать во всемъ примѣру папаша и мамаша, но его словамъ, людей рѣдкихъ. Но изъ этой короткой бесѣды мы выносили гораздо больше, чѣмъ дали бы намъ длинная наставленія. Съ какимъ свѣтлымъ чувствомъ радости возвращались мы домой!

Съ тѣхъ поръ прошли долгіе годы. Глухой провинціальный уголокъ успѣлъ сильно измѣниться. Черезъ него пролегаетъ большой рельсовый путь, въ немъ паритъ „просвѣщеніе“, возникаютъ и рѣшаются „вопросы“, и старинные обычаи исчезаютъ. Скоро и въ немъ понадобится свидѣтельство Марже-

рета для доказательства, что „ветарину“ водился в Россіи обычай прощанія въ послѣднее воскресеніе передъ Великимъ постомъ; и къ посту мы относимся уже съ нѣкоторымъ свободомысліемъ, свойственнымъ „просвѣщенному обществу“ конца XIX вѣка. Но мнѣ жалко нашей доброй старины, жалко тѣхъ чувствъ и впечатлѣній, которые испытывались при исполненіи

вѣковыхъ обычаевъ нашего городка. Сколько разъ, умудренный уже наукою и суровымъ опытомъ жизни, въ воспомина- нійхъ о нихъ я находилъ опору противъ зла и тлетворныхъ покушеній житейскихъ!.. И сколько мира, сожалѣнія о заблуж- деніяхъ людей и сознанія своихъ вину передъ ними вносили эти воспоминанія въ мою душу!..

Желаніе дофина.

Страницка изъ негласной исторіи французскаго Двора.

Переводъ Е. Бертенсонъ.

Маркиза Помпадуръ достигла въ то время верха своего могущества. Силою своего ума и неоспоримаго здраваго смысла подчинивъ себя Людовика XV, она властвовала надъ цѣлою Франціей. Ея милости заискивали придворные, министры и вельможи. Павлись на себя ея неудовольствіе — значило попасть въ Бастилію или Венсенскую тюрьму, гдѣ томилось много несчастныхъ жертвъ ея произвола, оскорбившихъ всемогущую фаворитку какимъ-нибудь насмѣшкой, злою эпиграммою на ея счетъ, наконецъ просто неосторожнымъ сло- вомъ.

Не склонялся передъ маркизой только сынъ короля, дофинъ, Людовикъ Французскій. Строгий къ себѣ и другимъ, онъ обладалъ многими качествами, которыхъ не доставало его отцу.

Король желалъ, чтобы даже принцы крови оказывали мар- кизѣ почести. Ей было пожаловано „право на табуретъ“, со- стоявшее въ томъ, что, представленная ко Двору, она могла сидѣть на красномъ бархатномъ табуретѣ вѣзъ короля, вмѣстѣ съ молодыми принцессами и старыми герцогинями. Въ пер- вый-же разъ, когда Помпадуръ воспользовалась этимъ правомъ, дофинъ такъ явно выказалъ фавориткѣ свое презрѣніе, что его отецъ пришелъ въ ярость и, на довольно продолжительное время, удалилъ его отъ Двора, сославъ въ замокъ Мёдонъ.

Съ своей стороны, маркиза и вся ея партія, во главѣ кото- рой стоялъ ея братъ, повоевавшій маркизъ де-Мариньи, сильно опасались дофина: не трудно было предвидѣть, что, въ случаѣ внезапной смерти Людовика XV, нѣхъ владычеству па- стунитъ очень быстрый конецъ, что многочисленныя пожелѣтья, роскошные дворцы, произведенія искусства, драгоценности и миліоны, полученные фавориткой отъ короля, будутъ конфи- скованы, а она сама, посаженная въ заключеніе, будетъ имѣть достаточное время на то, чтобы поразмыслить о превратности счастья.

Дофинъ былъ женатъ на Марин-Жозефѣ, принцессѣ Саксон- скаго Двора. 12 сентября 1751 года, къ всеобщей радости под- данныхъ, искренно уважавшихъ и любившихъ дофина, у мо- лодой четы родился сынъ — первенецъ, получившій титулъ герцога Бургундскаго.

Въ то время, во Франціи, вслѣдствіе неурожаа, была страш- ная дороговизна. Казна находилась въ самомъ жалкомъ состо- яніи. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ наступилъ голодъ. Бѣдняки шатались хлѣбомъ изъ отрубей съ примѣсью древесной коры.

Разъ маркизъ д'Аржансонъ обратилъ вниманіе на бѣдствен- ное положеніе народа, но король не желалъ думать о такихъ вещахъ, не желалъ, чтобы жалобы мѣшали ему веселиться, поэтому никто не смѣлъ докучать ему вторично, боясь на- влечь на себя его немилость.

По дофинъ большую часть своихъ доходовъ, довольно впро- чемъ ограниченныхъ, расходовалъ на помощь бѣднѣйшему классу населенія.

Между тѣмъ при Дворѣ шла все та же шумная, разгульная жизнь, а народу — по крайній мѣрѣ, прилично одѣтымъ па- рижскимъ гражданамъ — иногда доставалась, въ видѣ особой милости, честь созерцать дворцовыя церемоніи.

Ежегодно, начиная съ Тронцана дня, въ пышномъ коро- левскомъ дворцѣ въ Версалѣ давалось нѣсколько „публич- ныхъ“ обѣдовъ, то-есть его величество, король, вмѣстѣ съ знатнѣйшими кавалерами и дамами своего Двора, позволялъ кушать въ одной изъ парадныхъ залъ дворца, и добрые граж- дане имѣли туда доступъ. На приличномъ разстояніи, за рѣ- шеткой и подъ наблюденіемъ лакеевъ и солдатъ швейцарской гвардіи посѣтители могли смотрѣть, какъ его величество съ анкетомъ кумалъ лакомля блюда, самая пышная, какія только могъ придумать утонченный вкусъ.

Въ Тронцанъ день 1752 года Версалѣ представляли еще болѣе любопытное зрѣлище. Парижане пожелали видѣть герцо- га Бургундскаго, и было рѣшено, въ дни „публичныхъ обѣ- довъ“, выставить напоязъ маленькаго принца, чтобы добрый народъ могъ радоваться его цвѣтущему виду.

По окончаніи королевскаго обѣда, желавшіе видѣть герцога Бургундскаго были приглашены въ большой залъ дворца. Тамъ, посрединѣ, въ центрѣ круглой позолоченной рѣшетки стояла золоченая колыбель, въ которой на шелковыхъ подушкахъ лежалъ маленькій принцъ, грудной еще младенецъ. Ребенокъ то засыпалъ, то просыпался, то жалобно плакалъ, какъ всѣ дѣти, то весело забавлялся серебряной погремушкой. По тѣвую сторону колыбели, также за рѣшеткою, сидѣла на табуретѣ

кормилица принца, г-жа Совэ; по правую сторону помѣщалась на стулѣ его „губернантка“ де-Марсанъ.

У вѣхъ дверей стояли швейцарцы — дворцовая гвардія.

Посѣтители — болѣею частью, почтенные буржуа — востор- женно любовались красивымъ первенцомъ добраго дофина, желая ему счастья, здоровья, долголѣтія и мечтая о грядущемъ его славномъ правленіи ко благу Франціи.

По уходѣ публики, въ колыбели подъ одѣяльцемъ былъ най- денъ запечатанный пакетикъ, адресованный на имя Людо- вика XV. Печать изображала мертвую голову и двѣ скрещен- ныя кости.

Когда его вскрыли, внутри оказался ломтикъ хлѣба, кото- рымъ питались въ неурожайныхъ мѣстностяхъ. При немъ была приложена записка, неизвѣстный авторъ которой увѣ- щевалъ королѣ измѣнить свой безумно-расточительный образъ жизни въ виду того, что его бѣдные подданные, совершенно разоренные откупщиками и сборщиками податей, голодаютъ и принуждены ѣсть хлѣбъ, подобный присланному образцу.

Анонимное письмо привело Людовика XV и маркизу Пом- падуръ въ страшную ярость. Въ такой рѣзкой формѣ еще нѣкогда не озвѣлывался высказывать нѣмъ правду. Въ сравне- ній съ этимъ письмомъ, всѣ прочіе безчисленные памфлеты и сатиры производили впечатлѣніе невинной шутки.

Для обнаруженія виновника былъ произведенъ самый тща- тельный розыскъ, но безъ всякихъ результатовъ. Въ Версалѣ пріѣхалъ министръ полиціи, локвй Беррье. Онъ былъ увѣренъ, что письмо должно было быть положено раньше, такъ какъ никто изъ публики не могъ сдѣлать этого на глазахъ у вѣхъ. Подозрѣніе пало на кормилицу. Г-жа Совэ была женою одного изъ подчиненныхъ министра д'Аржансона. Маркиза Пом- падуръ была убѣждена, что исторія съ пакетикомъ направ- лена, главнымъ образомъ, противъ нея и, по всей вѣроятности, устроилъ ее д'Аржансонъ, которому маркиза не довѣряла и наденія котораго добивалась. Министръ не разъ уже отважи- вался дѣлать королю представленія по поводу бѣдственнаго состоянія народа.

Совэ была посажена въ Бастилію. Мужъ ея также угрожалъ арестъ, но онъ успѣлъ спастись бѣгствомъ. На допросахъ, веденныхъ опытнымъ судьей, бѣдная женщина запуталась въ показаніяхъ, хотя все время клялась въ своей невинности. По приказу короля и Помпадуръ, несчастная должна была подвергнуться пыткѣ.

Министръ полиціи, Беррье, сидѣлъ за письменнымъ столомъ, погруженный въ занятія, когда слуга доложилъ ему, что его спрашиваютъ какой-то неизвѣстный.

— Мнѣ кажется, добавить не рѣшительно слуга, — что этого неизвѣстный очень важное лицо...

Беррье быстро поднялся съ мѣста.

— Можетъ быть самъ его величество король?

— Пѣтъ, не онъ, но тотъ, кто за нимъ...

— Дофинъ?

— Я готовъ въ этомъ побожиться, сударь; я его узналъ, хотя онъ и пересѣдѣлъ.

Министръ направился въ переднюю. Тамъ стоялъ молодой человекъ, закутанный въ длинный плащъ съ капюшономъ. Беррье съ почтительнымъ поклономъ провелъ его въ свой кабинетъ.

— Здѣсь насъ никто не услышитъ? спросилъ посѣтитель, осматриваясь.

— Пѣтъ, *ваше высочество*.

— А, вы уже узнали меня.

— Какъ мнѣ не узнать надежду Франціи?

Принцъ сбросилъ съ себя плащъ. Прекрасное, умное лицо въ то время двадцатитрехлѣтняго дофина было блѣдно, грустно и озабочено.

— Чѣмъ могу служить вашему королевскому высочеству? началъ почтительно Беррье.

— Я тайно явился къ вамъ, чтобы переговорить по дѣлу бывшей кормилицы моего сына, бѣдной м-мъ Совэ, которая теперь въ Бастиліи. Считаете вы ее виновной?

— Я убѣжденъ въ ея виновности, отвѣчалъ, не колеблясь, министръ полиціи.

— А кого вы считаете ея соучастникомъ, инициаторомъ на- вѣстной исторіи?

— Пасчетъ этого лица я до сихъ поръ не имѣлъ ни ма- лѣйшаго подозрѣнія.

— До сихъ поръ? А теперь вамъ кажется, что вы его знаете?

— Мнѣ кажется, что я его угадываю.

— Это правда. Не даромъ вы славитесь проищательностью... Беррье поклонился.

— Прошу ваше высочество оказать мнѣ милость и впредь положиться на мою преданность.

— Бѣдная Совэ, сказала дофинь, помолчавъ,—не должна пасть жертвой своей вѣрности и преданности, я не допущу, чтобы ее замучили до смерти. Нельзя ли тайно освободить ее изъ Бастилии?

— Ваше высочество имѣете вліяніе на коменданта?

— Нѣтъ.

— Тогда, къ сожалѣнію, это невозможно.

— Принцъ вздохнулъ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ остается только одно, пойти къ отцу и во всемъ ему признаться.

— Сказать королю, что...

— Да, я скажу ему правду. Анонимное письмо написалъ я, и по моему приказанію г-жа Совэ положила пакетикъ въ колыбель моего сына. Я надѣялся хоть этимъ путемъ открыть глаза моему отцу, но, къ несчастію, ошибся. И я не хочу, чтобы Совэ еще дольше страдала изъ-за меня.

Беррье задумался. „Нужно помочь ему!“ рѣшилъ онъ. „Если я этого не сдѣлаю, между нимъ и его отцомъ произойдетъ разладъ, который можетъ погубить всю будущность Франціи“.

— Есть средство, заговорилъ онъ,—освободить г-жу Совэ изъ Бастилии такимъ образомъ, что вашему высочеству не будетъ необходимости компрометировать себя и подвергаться опасности.

— Какое средство? спросилъ дофинь.

— Продѣлка съ пакетикомъ должна быть повторена.

— Я васъ не совсѣмъ понимаю.

— Если подобный маневръ съ точно такимъ же пакетикомъ будетъ выполненъ въ Версаль во второй разъ, т. е. на будущей недѣль, то по всей вѣроятности г-жу Совэ освободятъ.

— Да, разумеется. Но теперешняя кормилица моего сына слишкомъ глупа и чужда, а г-жа Марсанъ я не доверю. Какимъ же образомъ незамѣтно положить пакетъ въ колыбельку?

— Продѣлка непременно должна имѣть характеръ... или, выражаясь точнѣе, она не должна оставить и тѣни сомнѣнія въ томъ, что выполнена кѣмъ-нибудь изъ посѣтителей.

— Да, и главное, чтобы подозрѣніе не пало на невинныхъ.

— Видите ли, ваше высочество, продолжалъ Беррье,—въ числѣ моихъ тайныхъ агентовъ есть чрезвычайно ловкіе люди, настоящіе мастера въ искусствѣ переодѣванія и во всевозможныхъ продѣлкахъ. Два такихъ субъекта, Бои и Дидье, изъ нихъ послѣдній бывший фокусникъ, въ совершенствѣ выполнить въ Версаль необходимый маневръ съ пакетикомъ. Одинъ на минуту привлечетъ на себя вниманіе всѣхъ присутствующихъ на церемоніи, другой воспользуется этой минутой, чтобы съ ловкостью жоуглера незамѣтно перебросить пакетикъ черезъ рѣшетку въ колыбель маленькаго герцога Бургундскаго...

Дофинь, видимо, почувствовалъ облегченіе, съ души его свалилась тяжесть, сильно мучившая его послѣднее время. Онъ поблагодарилъ министра, пожалъ ему руку и ушелъ, снова закутавшись въ свой плащъ.

Беррье немедленно приказалъ позвать къ себѣ своихъ агентовъ...

Снова въ Версальскомъ дворцѣ давался „публичный“ обѣдъ, и собралось много обывателей Парижа и другихъ мѣстъ, посмотреть на блестящую придворную обстановку.

Снова въ больномъ залѣ происходила публичная выставка маленькаго герцога Бургундскаго, и посѣтители пошли любоваться первенцомъ добраго дофина.

По обыкновенію, за порядкомъ наблюдали лакеи, у дверей стояло на часахъ нѣсколько швейцарцевъ; кромѣ того, былъ одинъ гвардейскій офицеръ.

У колыбели, въ которой спать принцъ, сидѣла, какъ прежде, г-жа де-Марсанъ, а по другую сторону новая кормилица.

Въ залѣ было около восьмидесяти посѣтителей. Среди нихъ стояло двое мужчинъ, съ виду почтенные буржуа Парижа. Одинъ, уже пожилой, стоялъ вѣчно отъ окружавшей колыбели золоченой рѣшетки, другой, помоложе, вправо.

Старикъ вдругъ поперхнулся и раскашлялся, молодой тихо и чрезвычайно натурально чихнулъ. Никому не могло придти въ голову, что это были условный знакъ.

— Тшш, господа! сказалъ офицеръ, понизивъ голосъ.— Не дозволяется нарушать сонъ великаго дитяти Франціи ни чиханьемъ, ни кашлемъ.

Вдругъ послышался стонъ, какой-то невнятный крикъ... Въ ту же минуту старикъ ушелъ на паркетный полъ, корчась въ судорожныхъ эпиплетическихъ конвульсіяхъ.

Этотъ случай, конечно, вызвалъ всеобщее замѣшательство. Г-жа де-Марсанъ и кормилица въ испугѣ поднялись со своихъ мѣстъ и подошли къ рѣшеткѣ. Посѣтители, за исключеніемъ чихнувшего молодого человека, съ участіемъ столпились около больнаго. Лакеи и швейцарцы также взглянули въ ту сторону. Въ продолженіе секунды снѣжіи малютка были оставлены безъ надзора.

Никто не замѣтилъ, какъ молодой буржуа послѣдно что-то вынулъ изъ своего бокового кармана и, вслѣдъ за тѣмъ, сдѣлавъ легкое движеніе правой рукой. Никто не видѣлъ, какъ плоскій четырехугольный пакетикъ ушелъ къ ногамъ принца на мягкой подушкѣ колыбели.

Офицеръ уже собирался потребовать къ больному королевскаго лейбъ-медика, какъ сквозь толпу протѣснился тотъ-же молодой человекъ и сказалъ: „Я знаю этого господина. Его принадождь скоро пройдетъ на свѣжѣмъ воздухѣ. Предоставьте мнѣ о немъ позаботиться, я цырюльникъ и хирургъ“. Ихъ отпустили...

Г-жа Марсанъ опять вышла въ колыбели герцога Бургундскаго запечатанный и адресованный на имя короля пакетикъ. На этотъ разъ печать изображала гарнію.

Пораженная находкой, она показала офицеру...

— Отыскать больнаго и цырюльника! крикнулъ онъ.—Арестовать обоихъ!

Но ни больнаго, ни цырюльника не было ужъ нигдѣ.—Они ушли вновь превратиться въ Бои и Дидье, агентовъ министера полиціи...

Это были они, переодѣтые.

Фактъ былъ налицо, исторія не могла остаться втайнѣ, и пакетикъ былъ препровожденъ королю. Въ немъ были опять кусокъ хлѣба и печатный памфлетъ на Помпадуръ.

Полиціи вновь было приказано укрѣпить всѣ усилія для отысканія злодѣевъ. Министръ полиціи и оба сыщика принимали въ этихъ усиліяхъ дѣятельное участіе.

Король приказалъ впредь не показывать народу маленькаго герцога Бургундскаго. Какъ судьи, такъ и король убѣдились, наконецъ, что г-жа Совэ невиновна. Ее освободили. Въ возмездіе за несправедливо причиненную ей обиду, король назначилъ ей довольно значительную сумму, дофинъ съ своей стороны—пожизненную пенсію. Мужъ ея, до тѣхъ поръ скрывавшійся, теперь вернулся, и счастливая чета зажила въ спокойствіи и довольствѣ.

Такъ исполнилъ Беррье желаніе дофина.

Къ рисункамъ.

Сандрильона. (Рис. на стр. 125).

Тотъ, кто пожелалъ на свѣтѣ и, въ особенности, пожелалъ, сознательно наблюдая жизнь, приглядѣвшись къ ней, тотъ долженъ былъ замѣтить, что въ жизни этой счастье чередуется съ несчастіемъ въ совершенно равновѣрной пропорціи. На первый взглядъ кажется это какъ будто ошибочнымъ, но вспомните, прослѣдите собственную судьбу, и увидите, что въ ней было соблюденіе замѣчательное равновѣсіе. Слѣдуетъ только быть безпристрастнымъ. Не судите также по другимъ—въ чужую душу трудно войти; прослѣдите на себѣ,—этого будетъ достаточно. Это старое, давно проверенное наблюденіе. Въ древнемъ Египтѣ говорили еще, что человекъ въ несчастіи является лишь кредиторомъ судьбы, и что она, рано или поздно, если разумѣется, онъ заслуживаетъ этого,—вернетъ ему евою долгъ. Известный разсказъ о Сандрильонѣ во многомъ обязанъ своею популярностью тому, что въ его основѣ лежитъ эта простая мораль, чтобы не сказать—истина. И часто она повторяется на нашихъ глазахъ, если только мы пожелаемъ замѣтить это. И та бѣдная дѣвушка, которая изображена возлѣ законченнаго

очага на картинѣ Гарбургера, невольно напоминаетъ Сандрильону. Можетъ-быть и для нея настанутъ въ будущемъ дни, болѣе свѣтлые, чѣмъ тѣ, которые она проводила, не зная отдыха, за вѣчной работой у маленькаго окна убогой каморки...

Лѣсная драма. (Рис. на стр. 128).

„Коня положили, да зайца уходилъ, говоритъ пословица,—не дорогъ конь, дорогъ зайцъ. Цѣна ему двѣ деньги, а бѣжать—сто рублей. Пока зайца убьютъ—вола съѣдятъ“. Такъ шутитъ русскій народъ, характеризуетъ охоту на зайца. Шутитъ также надъ перебѣдовавшими человекомъ, называя его „подстрѣленнымъ зайцемъ“. По тому, кто взглянетъ внимательно въ рисунокъ Н. Каразина, — не придетъ шутка на умъ. Сдержаніе очень просто, собственно говоря: — Раненый зайцъ ушелъ снаетней отъ преслѣдованія охотниковъ и, забравшись въ лѣную глушь, изнеможенный упалъ, чувствуя, что не можетъ дальше двигаться. Охотники, правда, не настигнутъ его, но это, все-таки, не спасетъ его отъ близкой смерти, предвѣстниками которой служатъ, между прочимъ, и вороны, слѣтѣвшія на готовую добычу...

Пребываніе Бухарскаго эмира въ С.-Петербургѣ. Спектакль на персидскомъ языкѣ въ честь его свѣтлости у А. В. Приселкова.
Ориг. рис. Г. Гроллинга. грав. Хезинскій.

Петербург зимою. (Рис. на стр. 129).

Кто хочет полюбиться Петербургом, тот должен вы-
браться для этого зиму, когда, олушенный снѣгомъ, онъ спра-
ведливо можетъ назваться столицей Сѣвера. Въ это время
жизнь въ немъ бьетъ ключемъ. Театры, балы и всевозможныя
увеселенія въ полномъ ходу. Въ домахъ вечеринки и друже-
ская бесѣда у огня; на улицѣ съ утра до ночи оживленіе,
чему не мало способствуетъ молодежь—русскій морозъ. Попы-
тки прекраснаго пола, онъ невольно заставляя снѣжить и
торопится. Уличная суета не прекращается и тогда, когда
короткій день смѣняется темнотою. На главныхъ улицахъ
вспыхиваетъ электричество, изъ магазиновъ, лавокъ польются
снопъ свѣта на мостовую. На улицахъ станутъ замѣтными
костры, около которыхъ грѣется оковѣвшій отъ холода людъ.
Только конькобѣжки не замѣчаютъ стужи и ловко выныска-
ваютъ вези на поверхности льда, себѣ въ удовольствіе и
для потѣхи зрителей.

Жена рыбака. (Рис. на стр. 133).

Молчаливая и спокойная, какъ море въ затишье, приходитъ
она, послѣ каждаго улова, въ городъ, откуда, распродавъ то-
варъ, возвращается домой, со своимъ сокровищемъ—ребенкомъ
на рукахъ, для котораго она и живетъ, и работаетъ, и кото-
рый улаживаетъ ей тяжелыя минуты ея трудовой жизни...

Мильтонъ у Галилея. (Рис. на стр. 136).

Древній университетъ въ Падувѣ праздновалъ недавно зна-
менательный юбилей: трехсотлѣтіе со дня назначенія туда Га-
лилея профессоромъ математики. Галилеемъ было тогда 28 лѣтъ
отъ роду, но онъ уже пользовался всемірною извѣстностью.
Открытія его росли все болѣе и болѣе. Онъ сдѣлалъ новыя
наблюденія надъ магнитомъ и, прослышавъ объ открытіи зри-
тельной трубы въ Голландіи, самъ изобрѣлъ въ 1609 г. этотъ
инструментъ, для изученія небесныхъ тѣлъ. Благодаря этому
замѣчательному изобрѣтенію Галилея, былъ данъ широкій
просторъ для познанія многого неизвѣстнаго въ явленіяхъ
природы и для кореннаго измѣненія научнаго воззрѣнія въ
этой, неподдававшейся изученію, области. Галилей былъ на-
значенъ Космою II Медичи, въ 1610 году, великогерцогскимъ
математикомъ и философомъ и, вѣдѣ за тѣмъ, приглашенъ
во Флоренцію. Въ 1633 г. отправился Галилей въ свое по-
мѣстье, около Флоренціи, и оттуда, въслѣдствіи полу-слѣпой,
полуглухой, мучимый ревматизмомъ, переселился въ Арцетри.
Но и здѣсь онъ не тратилъ времени попусту,—масса учени-
ковъ и друзей сходилась къ нему, чтобы слушать его научныя,
завлекательныя бесѣды. Когда Джонъ Мильтонъ, въ 1638 году,
на тридцатомъ году жизни, путешествовалъ по Франціи и
Италіи, онъ не преминулъ посѣтить и домъ знаменитаго
астронома. Пашъ рисунокъ (съ картины А. Гатти) изобра-
жаетъ Мильтона, находящагося въ комнатѣ Галилея и поль-
зующагося случаемъ наблюдать луну сквозь телескопъ. Певни-
цающее зрѣлище пронзаетъ на молодого человѣка подавляю-
щее впечатлѣніе: спадаетъ таинственная завѣса свѣдѣнія,
его глазамъ открывается безконечный, неизвѣданный міръ
отдаленнаго небеснаго свѣтила, рисующіяся смутными очер-
таніями горы, колоссальныя кратеры, таинственная тѣнь...
И возлѣ этого гениальнаго юноши, дышащаго молодостью и
силой,—70-лѣтній старецъ, дающій ему объясненія всего, что
тотъ видитъ чрезъ телескопъ на лунѣ и вообще на всемъ
звѣздномъ небѣ... Мильтонъ не можетъ оторвать своихъ восхи-
щенныхъ глазъ. Мало-по-малу разрѣшается передъ нимъ таин-
ственная загадка мірозданія... Кто знаетъ, можетъ быть въ
эти-то минуты и воспарилъ фантазія знаменитаго творца „По-
теряннаго рая“ для созданія этой дивной, великой поэмы...

Ветеранъ. (Рис. на стр. 137).

Было время, когда онъ былъ виднымъ конемъ и украшені-
емъ полка. Въ тѣ чудные дни онъ лихо носился на смотрахъ
и ученьяхъ подъ своимъ хозяиномъ—бравымъ офицеромъ, или
танцевалъ на мѣстѣ, когда стоялъ въ строю. Нерѣдко тогда
раздавались слова похвалы или удивленія статному коноу, и
хозяинъ его любилъ его за его красоту и добрый нравъ. Въ то
время его берегли и холмили. Но прошли красные дни: безпо-
мядное время состарило красавца. Его отравили въ деревню,
гдѣ онъ сперва ходилъ еще подъ верхомъ, а затѣмъ на немъ
стали возить дрова и воду. Наконецъ, онъ пересталъ быть
годнымъ и на то. Его пустили въ поле, на травѣ дожидать
своей вѣки. Тутъ, какъ-то, шли на маневры войска. Старый
конь, слыша конское ржанье и звуки полковой музыки, на-
сперва остановился, какъ въкопанный, а потомъ, точно старая
кокетка передъ молодежью, сталъ прихорашиваться, гармо-
вать и весело ржать. Но прошла конница, и старый конь снова
одрахла и осунулся.

Пребываніе эмира Бухарскаго въ Петербургѣ.

(Рис. на стр. 141 и 144).

Его свѣтлость Бухарскій эмиръ во время пребыванія своего

въ Петербургѣ былъ радушно принятъ нашимъ Дворомъ, по
призыву котораго и столичное общество отнеслось къ высо-
кому гостю съ тѣми горячими симпатіями, которыхъ онъ за-
служиваетъ. Въ честь его свѣтлости было устроено нѣсколько
празднествъ, и между прочимъ у А. В. Приселкова состоялся,
23 января, спектакль на персидскомъ языкѣ. Была постав-
лена комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ „Визирь хана Ленкоран-
скаго“, быстро, въ теченіе одной недѣли разученная и дружно,
безъ сфюлера, разыгранная слушателями учебнаго отдѣленія
восточныхъ языковъ при Азіатскомъ департаментѣ Министер-
ства Иностранныхъ дѣлъ.

Содержаніе этой оригинальной персидской комедіи слѣдую-
щее. При ханѣ Ленкоранскомъ состоитъ визирь миразъ Ха-
бибъ, облеченный неограниченнымъ довѣріемъ своего повелі-
теля. У любимой жены визира есть сестра, красавица Писа.
Влюбленная въ племянника хана, Теймура (героя пьесы), и
любимая имъ взаимно. Миразъ Хабибъ, между тѣмъ, чтобы за-
ручить еще болѣе болѣе расположеніемъ хана, прочитъ Пису
въ жены хану. Для этого ему нужно уронить Теймура въ гла-
захъ Писы, и вотъ онъ рассказываетъ ей, какъ онъ поборолъ
Теймура. Спрятанный за завѣскою Теймуръ слышитъ это,
бросается къ мѣрзѣ и кидаетъ его на землю. Оскорбленный
такимъ насильемъ, визиръ бѣжитъ съ жалобой къ хану, кото-
рый, разгнѣванный, велитъ предать Теймура казни. Стража
порывается его схватить, но герой пьесы отбивается отъ нея
и убѣгаетъ изъ ханскаго дворца. Ханъ посылаетъ вонювъ въ
погоню за бѣглецомъ, а самъ предпринимаетъ прогулку по
морю. На этомъ заканчивается третье дѣйствіе. Въ четвер-
томъ актѣ Теймуръ является въ домъ визира, чтобы угово-
рить Пису бѣжать вмѣстѣ съ нимъ. Тутъ постигаетъ его по-
гоня и хотеть его схватить. Завязывается борьба. Теймуръ
защищается. Въ это-то время получается извѣстіе, что ханъ
во время прогулки утонулъ въ морѣ. Пресмыкнувъ ему пародъ
провозглашаетъ Теймура, который на радостяхъ забываетъ
козни визира, прощаетъ его и женится на Писѣ.

Герой и героиня пьесы Теймуръ-ага (г. Шербатскій) и
сестра любимой жены визира Шах-Ханумъ (г. Лыткинъ)—
Писа Ханумъ (поручикъ Зундблатъ) талантливо и искусно
провели свои трудныя роли. Роль визира съ большимъ умѣн-
емъ исполнилъ г. Миллеръ. Всѣхъ дѣйствующихъ лицъ въ
пьесѣ 19. Исполнители неоднократно удостоивались аплоди-
сментовъ.

Всѣ участвовавшіе въ спектаклѣ были представлены эмиру,
который благодарилъ каждаго рукопожатіемъ и многими вы-
сказывалъ свое удовольствіе. Зрителей было болѣе 100 че-
ловѣкъ.

Декорации, костюмы и вообще вся обстановка пьесы, равно
какъ и богато убранная въ восточномъ вкусѣ сцена, были
изготовлены по специальному заказу. Для охлажденія темпе-
ратуры зала на обѣихъ сторонахъ сцены были поставлены два
ледяные обелеска, освѣщенные электричествомъ.

Участвующіе въ спектаклѣ студенты удостоились получить
отъ эмира по ордену Восходящей Звѣзды второй степені (знакъ
ордена—серебряный съ эмалевой надписью по-персидски).

Свободное отъ официальныхъ пріемовъ и выѣздовъ время
его свѣтлость посвящалъ обзору достопримѣчательностей сто-
лицы и посѣщалъ различныя казенныя, городскія и общес-
твенныя учрежденія, получая всюду указанія и объясне-
нія отъ самихъ начальствующихъ лицъ означенныхъ учреж-
деній.

На нашемъ рисункѣ, на стр. 144, изображенъ эмиръ выхо-
дящимъ изъ здания Монетнаго двора, у подъѣзда котораго его
свѣтлость ждетъ придворный экипажъ съ выѣзднымъ при-
дворнымъ лакеемъ.

28 января, его свѣтлость эмиръ Бухарскій уѣхалъ изъ Пе-
тербурга въ Кіевъ. Маршрутъ эмира слѣдующій: Кіевъ, Одесса,
Севастополь, Симферополь, Бахчисарай, Ялта, Оріанда, Лива-
дія и Феодосія. Затѣмъ черезъ Черное море на Батумъ, а от-
туда на Тифлисъ и Баку. Дальше путь эмира будетъ лежать
черезъ Каспійское море до Узунъ-Ада, а затѣмъ уже по За-
каспійской ж. д. до Бухары.

Н. В. Воронцовъ. (Портр. на стр. 144).

15 января 1893 г. скончался одинъ изъ самыхъ видныхъ
нашихъ ученыхъ и практическихъ дѣлателей, горный инже-
неръ Николай Васильевичъ Воронцовъ—директоръ Горнаго
института.

Обширная и блестящая дѣятельность Н. В. Воронцова бы-
ла трудомъ неустаннымъ и талантливымъ работникомъ. При чемъ
онъ настолько сливался съ дѣломъ, которое велъ, что со-
вершенно не имѣлъ времени и охоты выказывать себя пе-
редъ толпою и искать популярности,—симпатичная черта,
столь свойственная горнымъ инженерамъ старой закалки,
умѣвшимъ безшумно, но въ то же время и безупречно, нести
всю жизнь свои служебныя обязанности. Этимъ, вѣроятно, и
обусловливается, что имя Воронцова не сдѣлалось извѣст-
но популярнымъ, хотя онъ и занималъ съ 1863 года видныя
посты. Будучи назначенъ въ 1863 году строителемъ и на-
чальникомъ Перяскаго пушечнаго завода, онъ показалъ,

что Россіи можетъ выдѣлывать колоссальныя орудія ничуть не хуже заграничныхъ, бывшихъ долготѣ почти недостижимыми образцами.

Н. В. Воронцовъ родился 7 мая 1835 года въ Кутвинскомъ заводѣ, гдѣ отецъ его былъ артиллерійскимъ пріемщикомъ; въ 1845 году, сѣдователю, ребенкомъ, поступилъ въ Горный институтъ, бывший тогда закрытымъ учебнымъ заведеніемъ, какъ бывшіе кадеты екампіуса, и въ 1853 году выпущенъ съ чиномъ поручика.

Первое назначеніе, полученное Воронцовымъ, была командировка на практическія занятія на Златоустовскій оружейный заводъ, гдѣ черезъ годъ Н. В. Воронцовъ былъ сдѣланъ смотрителемъ одного изъ заводскихъ цеховъ. Здѣсь, въ самомъ началѣ его дѣятельности, Воронцову сильно повредило руку при случайномъ разрывѣ турбины, но это поврежденіе не имѣло серьезныхъ послѣдствій.—Н. В. Воронцовъ проеуджилъ въ Златоустѣ семь лѣтъ и настолько выдвинулся своими способностями, что въ 1860 году получилъ командировку за границу, для изученія практическо-заводской механики.

За границею онъ слушалъ курсы механики у извѣстнаго тогда профессора Реденбахера въ Карлсруэ, и затѣмъ посетилъ, изучая свой спеціальный предметъ, лучшіе механическіе заводы Германіи, Франціи и Бельгіи.

По возвращеніи въ Россію, онъ былъ командированъ, вмѣстѣ съ покойнымъ П. М. Обуховымъ, въ Златоустъ, для устройства тамъ сталелитейнаго завода; но строители не сходились во взглядахъ на дѣло, и тогдашній директоръ Горнаго департамента В. К. Рашетъ отнесся настолько внимательно къ принципамъ, за которые стоялъ Воронцовъ, что поручилъ ему составить проектъ новаго сталелитейнаго завода—Пермскаго, который, затѣмъ, ему же пришлось выстроить и пустить въ дѣйствіе.

Въ 1866 году появились первыя Воронцовскія стальныя орудія, 4 и 9-фунтовыя, блестящимъ образомъ обнаружившія свои отличныя качества въ 1870 году, когда во время пробъ въ С-Петербургѣ, они оказались способными выдерживать до 2.000 выстрѣловъ, при чемъ пальба производилась усиленными зарядами: орудія не разрывались, оказываясь гораздо прочнѣе лафетовъ, которые быстро портились при такой стрѣльбѣ, такъ что ихъ приходилось часто перемѣнять. Но отсутствіе на заводѣ тяжелаго молота для проковки большихъ болванокъ не позволяло приступить къ выдѣлкѣ орудій крупнѣе калибровъ. Постановкою такого молота Н. В. Воронцовъ озабочился въ 1869 году, и въ 1871 году была отлита, надѣлавшая въ свое время большого шума между специалистами и произведшая значительное впечатлѣніе въ Европѣ, 30.000-пудовая наковальня для него.

Теперь выдѣлка большескакалиберныхъ орудій стала возможною, и съ 1872 года Пермскій заводъ началъ выпускать также 6—9-дюймовыя пушки, хотя молотъ могъ проковывать болванки даже и для 14-дюймовыхъ орудій.

Въ 1876 году Н. В. Воронцовъ былъ назначенъ членомъ Горнаго Совѣта и Ученаго Комитета, оставивъ Пермскій заводъ въ состояніи полного развитія силъ и въ такомъ видѣ, что онъ могъ считаться безспорно одною изъ лучшихъ практическихъ металлургическихъ школъ, не только въ Россіи, но и на Западѣ.

Перѣздомъ Н. В. Воронцова въ Петербургъ воспользовался одинъ изъ его старыхъ друзей, извѣстный П. И. Путиловъ, еще съ начала 70-хъ годовъ звавшій на помощь своему заводу Воронцова.

Прійхавъ на новое мѣсто своего назначенія, Воронцовъ не имѣлъ основаній отказываться отъ предложенія Путилова и въ этомъ же году принялъ на себя управленіе его заводомъ. Онъ переустроилъ его запово, по-своему, устроилъ бессемерованіе, завелъ прокатку рельсовъ и значительно повысилъ продуктивность завода, доводя, напримѣръ, выдѣлку стальныхъ рельсовъ до 2.000.000 пудовъ.

Въ 1883 году, по ликвидацин дѣлъ П. И. Путилова, Воронцовъ оставилъ управленіе заводомъ; но, какъ человѣкъ, не могшій жить безъ живого дѣла, онъ увлекся разработкою вопроса о подѣздинахъ и узкоколейныхъ путяхъ, которому и отдавалъ все свое свободное время. Результаты, достигнутые имъ въ этомъ направленіи, весьма значительны, хотя далеко не всѣмъ его замысламъ суждено было осуществиться.

Въ 1885 году Воронцовъ былъ призванъ на важный и отвѣтственный постъ директора Горнаго института. Онъ оказалъ и здѣсь выдержаннымъ и увѣреннымъ хозяйномъ вѣреннаго ему заведенія. Такимъ образомъ, Н. В. Воронцовъ былъ не только практическимъ дѣлителемъ по своей специ-

альности, но отличался и какъ опытный администраторъ, и на попринцѣ руководителя образованіемъ молодежи находился на высотѣ задачи.

Умеръ Н. В. Воронцовъ отъ хронической болѣзни, окончившейся параличемъ сердца.

В. Аленицынъ.

Генераль-адъютантъ, генераль-отъ-кавалеріи

А. Е. Тимашевъ. (Порт. на стр. 145).

20-го января скончался одинъ изъ старѣйшихъ государственныхъ дѣятелей прошлаго царствованія, бывшій министръ Внутреннихъ дѣлъ, генераль-адъютантъ Александръ Егоровичъ Тимашевъ.

Покойный родился 3-го апрѣля 1818 года. Происходя изъ дворянъ Оренбургской губерніи, онъ принадлежалъ къ древнему роду, представители котораго упоминаются въ официальныхъ документахъ еще XVI вѣка. Окончивъ курсъ въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ и въ школѣ гвардейскихъ подпоручиковъ и юнкеровъ, А. Е. 27-го сентября 1835 г. поступилъ на службу унтеръ-офицеромъ въ лейбъ-гвардію Имѣйловскій полкъ, въ коемъ онъ былъ произведенъ 3-го декабря 1836 г. въ подпоручики. Затѣмъ, будучи переведенъ въ лейбъ-гвардію Гренадерскій полкъ, 6-го декабря 1837 года, имѣя всего девятнадцать лѣтъ отъ роду, былъ произведенъ въ прапорщики. 28-го августа 1840 г. былъ переведенъ въ Кавалергардскій Ея Величества полкъ, въ которомъ и числился по день своей кончины. Быстро уеиѣвая по службѣ, за отличіе А. Е. въ 1849 г. былъ уже произведенъ въ полковники. Обладая недюжинными художественными способностями, А. Е. поднесъ, въ томъ же году, въ Божѣ почившему государю императору Николаю I бюстъ покойнаго великаго князя Михаила Павловича, собственной работы, за что въ декабрѣ того же года былъ Высочайше удостоенъ табакерки, украшенной брилліантами съ вензелевымъ изображеніемъ государя императора. 22-го сентября 1855 г. произведенъ за отличіе по службѣ въ генераль-маіоры, съ назначеніемъ въ свиту Его Величества. Въ томъ же году А. Е. назначенъ начальникомъ штаба корпуса жандармовъ и управлющимъ III отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи, и вмѣстѣ съ тѣмъ, по званію управляющаго III отдѣленіемъ, назначенъ членомъ Главнаго управленія цензуры. 17-го апрѣля 1859 года А. Е. удостоился быть назначеннымъ генераль-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. 18-го января 1872 г. произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи.

Занимая послѣдовательно съ 1850 г. должности начальника штаба 3-го (впоследствии 2-го) резервнаго кавалерійскаго корпуса, 3-го армейскаго корпуса, А. Е. Тимашевъ, въ 1863 г., вступилъ во временное управленіе Казанскимъ, Пермскимъ и Вятскимъ генераль-губернаторствомъ, а въ 1867 г. получилъ назначеніе министра почтъ и телеграфовъ. Черезъ годъ, въ 1868 г., получилъ высокій постъ министра Внутреннихъ дѣлъ. Пробывъ въ должности министра Внутреннихъ дѣлъ десять лѣтъ, А. Е. былъ назначенъ 27 мая 1878 г. членомъ Государственнаго Совѣта. Покойный принималъ участіе въ кампаніяхъ 1844, 1849 и 1854—1856 гг. А. Е. имѣлъ всѣ высшіе Россійскіе ордена, до Владиміра I степени включительно.

Трудно перечислить количество иностранныхъ орденовъ, украшавшихъ грудь покойнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ почетныя званія члена различныхъ обществъ, почетныя гражданства городовъ, и т. п., бывшія послѣдствіемъ многотрудныхъ и чрезвычайно разнообразныхъ его обязанностей.

Лучшими и полнѣйшими выразителями всѣхъ заслугъ усопшаго должны быть безусловно признаны 2 рескрипта, данныя 18 іюня 1875 г. и 27 ноября 1878 г. на имя А. Е. въ Божѣ почившимъ императоромъ Александромъ II, и рескриптъ, данный 1 января 1888 г. нынѣ царствующимъ Императоромъ Александромъ III, въ сильныхъ и благоговѣющихъ словахъ обрисовывающіе свѣе тѣмъ полулѣтнюю службу покойнаго А. Е. Престолу и Отечеству.

Послѣдніе дни тяжелой болѣзни Александра Егоровича были озарены вниманіемъ Государя Императора, не разъ призывавшаго узнавать о ходѣ болѣзни А. Е. Государь Императоръ даже осчастливилъ больного полчасовой бесѣдою, при подавшемъ посѣщеніи. „Страданія мои большія, говорилъ умирающій,—но я ежедневно до слезъ бываю растроганъ тѣмъ вниманіемъ, которое мнѣ оказываютъ Государь и Государыня. Великій Князь Михаилъ Николаевичъ—прямой Начальникъ мой, и вообще соблазнованіе Августѣйшихъ Особъ Императорской Семьи“.

Разныя извѣстія.

— 25 января прибыли изъ-за границы Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Александровна Герцогиня Эдинбургская съ дочерью, ея высочествомъ принцессою Викторіею.

— 20 января Е. И. В. Великій Князь Сергій

Александровичъ давалъ у себя въ генераль-губернаторскомъ домѣ вечеръ для дворянства Московскаго уѣзда; на балу этомъ присутствовали Великій Князь Михаилъ Николаевичъ.

— Въ Правительственномъ Вѣстникѣ опубликовано Высочайшее распоряженіе съ

изъятіи изъ обращенія 25-ти милліоновъ рублей, обезпеченныхъ золотомъ, принадлежащимъ Государственному Банку, кредитныхъ билетовъ, изъ числа 150 милліоновъ, временно выпущенныхъ въ 1891—1892 гг.

— Къ 1 января 1893 г. капиталъ Общества

„Краснаго Креста“, предназначенный исключительно для оказания пособій увѣчнымъ воинамъ. достигъ 126,923 р. 77 к.

— За десятилѣтіе съ 1881 по 1890 г. въ Ригѣ присоединилось къ православію 983 человека, изъ нихъ 457 мужчинъ и 526 женщинъ. До присоединенія 718 человекъ были протестантами, 113 католиками, 88 старообрядцами. Большая часть присоединившихся, а именно 368 чел., крестьяне.

— Дебютировавшіе въ Маринскомъ театрѣ, въ оперѣ „Риголетто“, супруги Пиккалуга, — она въ партіи Джильды, а онъ — Герцога, — имѣли выдающійся успѣхъ у публики, переполнившей весь театр. О г-жѣ Литвиновой-Пиккалуга можно отнестись болѣе, чѣмъ съ похвалой. Она не только хорошая пѣвица, но и актриса. Мужъ ея, г. Пиккалуга, обладаетъ прекрасной сценической внѣшностью и прекраснымъ голосомъ (теноръ). Дебютантамъ пришлось многое повторять. Оба они будутъ приглашены, вѣроятно, на нашу сцену.

— Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* опубликовано о переименованіи города Дерпта — въ Юрьевъ и города Диплабурга — въ Двинскъ.

Директоръ Горнаго Института. Н. В. Воронцовъ († 15 января 1893 г.).
Съ фот. Юреша, грав. Шюблеръ.

Политическое обозрѣніе.

Самую интересною новостью прошлой недѣли было обнаруженіе австрійской правительственной программы. По во-

просамъ внѣшней политики въ программѣ этой заявлено относительно тройственного союза и дуализма, что правительство будетъ всѣми средствами сохранять и усиливать ихъ въ смыслѣ той внѣшней политики, которая одобрена также и делегациями. Правительство будетъ также содѣйствовать развитію боевыхъ силъ и настоитъ на томъ, чтобы нынѣшнія отношенія Австріи къ Венгрии были признаны за установленныя окончательно. Въ концѣ программы выражено ожиданіе, что составленіе парламентской коалиціи будетъ достигнуто путемъ учрежденія общаго комитета, который будетъ поддерживать постоянную связь съ правительствомъ.

Нѣмецко-либеральная партія, обсудивъ программу, приняла составленную въ рѣзкихъ выраженіяхъ резолюцію. въ которой прямо отвергаетъ коалицію съ груиною, занимающею противное нѣмецкимъ либераламъ положеніе въ основныхъ принципахъ.

Польскій клубъ, обсудивъ объявленную правительствомъ программу, постановилъ: сохраняя главные принципы своей преж-

ней дѣятельности, клубъ принимаетъ къ свѣдѣнію основанную на тронной рѣчи правительственную программу и заявляетъ свою готовность поддерживать правительство въ смыслѣ этой программы. Вносимые же въ рейхсратъ соответствен-

Пребываніе эмира Бухарскаго въ Петербургѣ. Отъѣздъ его свѣтлости изъ крѣпости послѣ осмотра Коннаго двора.
Съ фот. генерала Паскѣвича, грав. Рашевскій.

ные законопроекты клубъ предоставляет себѣ право обсуждать и рѣшать объективно.

Клубъ партіи графа Гогенварта принялъ резолюцію, въ которой высказаны серьезные сомнѣнія относительно цѣлесообразности различныхъ пунктовъ правительственной программы. Не имѣя пока никакого повода измѣнить образъ своего дѣйствія, по отношенію къ правительству, клубъ предоставляет себѣ также полную свободу при обсужденіи всѣхъ правительственныхъ проектовъ.

Южно-славянскіе депутаты рейхсрата на собраніи рѣшили отклонить правительственную программу.

Такимъ образомъ, желаемое правительствомъ коалиціонное большинство является отвергнутымъ всѣми партіями.

Газеты указываютъ на неупѣхъ правительственной программы. Либеральные органы подробно и съ особеннымъ удовольствіемъ распространяются объ этомъ и говорятъ, что рѣзкая резолюція, принятая клубомъ Гогенварта противъ названной программы, помѣшаетъ оваціямъ правительства по поводу предстоящей 70-ти-лѣтней годовщины рожденія графа Гогенварта.

Пока разсматривается въ Германіи новый военный законопроектъ, не безынтересно вспомнить, что Германіей въ 1888 г. построено вновь 4 броненосныхъ корабля, 8 броненосныхъ фрегатовъ, 2 корвета-крейсера, 5 обыкновенныхъ крейсеровъ и 3 вѣстовыхъ парохода. Въ проектѣ морского бюджета на 1893—94 г. требуется ассигновать суммы, необходимые для постройки еще 1 броненоснаго корабля, 2 броненосныхъ фрегатовъ, 1 корвета-крейсера, 2 обыкновенныхъ крейсеровъ, 2 вѣстовыхъ пароходовъ, 1 миноносца и 8 миноносковъ. На все это, со включеніемъ артиллерійскаго и минаго вооруженія, потребуется 52 милліона марокъ!

По поводу событій въ Египтѣ, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Девелль, отвѣчая, 21-го января, въ палатѣ депутатовъ на вопросъ Делафосса, сказалъ, что усиленіе англійскаго гарнизона въ Египтѣ не указываетъ ни на какое измѣненіе политики со стороны Англій и не измѣняетъ сдѣланныхъ ею увѣреній. „Франція—сказалъ министръ—не можетъ не интересоваться египетскими событіями. Султанъ и все Европа заинтересованы въ сохраненіи Суэзскаго канала подъ господствомъ хедива. Изъ словъ Гладстона вытекаетъ, что вопросъ объ эвакуаціи Египта можетъ быть подвергнутъ новому обсужденію; Франція согласится на это, подобно Англій, въ дружественномъ духѣ, но Англія, конечно, должна принять во вниманіе то, что если бы это временное положеніе дѣлъ стало стремиться сдѣлаться окончательнымъ, то оно могло бы послужить для Европы истиннымъ столкновеніемъ.

Судебныя пренія по Напавскому дѣлу въ Парижѣ 21 января окончены. Фердинандъ и Шарль Леессенъ приговорены къ 5-ти-лѣтнему тюремному заключенію; Коттэ, Фонтэнъ, Эйфель — каждый на два года. Кроме того, на всѣхъ ихъ наложенъ штрафъ по 3,000 фр., а на Эйфеля сверхъ того еще 17,000 фр.

Въ Вашингтонѣ, 26-го января, сенатъ утвердилъ заключенный между Соединенными Штатами и Россіей договоръ о выдачѣ преступниковъ.

Искусство.

Музыкальные юбилеи.

За послѣднее время въ музыкальномъ мірѣ пришлось почти подрядъ четыре юбилея: сорокалѣтній—г-жи Леоновой, два двадцатипятилѣтнія—г-жи Лавровской и г. Мельникова, и одинъ десятилѣтній—г. Архангельскаго.

Г-жа Леонова уже съ 1873 г. на казенныхъ сценахъ не поетъ. Поступивъ въ 1852 г. въ русскую оперу, она въ теченіе двадцати съ лишнимъ лѣтъ была украшеніемъ русской оперной сцены; пѣла въ „Жизни за Царя“ (Ваня), „Русалкѣ“ (Княгиня), „Рогнедѣ“, „Грозѣ“ (г. Кашнерова), „Кроакѣ“, „Трубадурѣ“, „Пророкѣ“, „Лозингритѣ“, „Борисѣ Годуновѣ“, „Вражбей силѣ“ (Спиридоновна; это одна изъ лучшихъ ролей маслитою ветераниши русской сцены) и др. Въ свое время г-жа Леонова считалась первоклассной звѣздой, и помняще ее на сценѣ до сихъ поръ съ восторгомъ отзываются о ней, какъ о замѣчательной драматической актрисѣ и пѣвицѣ. Она много концертировала на своемъ вѣку; бывала не только въ Европѣ, но и въ Азіи, и вездѣ производила фуроръ своимъ талантомъ. По возвращеніи изъ своего кругосвѣтнаго путешествія, г-жа Леонова, какъ большинство артистовъ, достигшихъ предѣльнаго возраста для сцены, стала преподавательницей пѣнія, то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ.

Вторая юбилярша ближе къ намъ по времени; г-жа Лавровская (княгиня Цертелева) продолжаетъ восхищать своимъ чуднымъ голосомъ и русскую, и иностранную публику уже двадцать лѣтъ, строго говоря, не находясь у дѣтъ, къ великому огорченію всѣхъ любителей русскаго искусства и всѣхъ многочисленныхъ поклонниковъ ея таланта. Трудно повѣрить, что г-жа Лавровская только четыре года (1868—1872) подрядъ служила на нашей Марининской сценѣ; она потому хотя и появлялась, но въ качествѣ гастролерши, на вѣсколькихъ спектакляхъ или же въ концертахъ; но собственно репертуара, по господствовавшимъ въ то время условіямъ, она не имѣла. И въ то время, какъ Европа рукоплескала нашей знаменитой пѣвицѣ, мы не имѣли другой такой артистки на сценѣ амбюа. Г-жа Лавровская пѣла Ваню, Рагмира, Фидель („Пророкъ“), Орфея, Амперисъ, Морозову („Опричникъ“, Чайковского), Княгиню („Русалка“) и др. партіи альтоваго репертуара и всегда съ колоссальнымъ успѣхомъ.

Артистка эта уже сошла со сцены (хотя она еще недавно пѣла въ московской Большой оперѣ) и довольствуется дѣятельностью профессорши въ консерваторіи.

Сомнѣтъ со сцены и другой любимецъ публики, извѣстный баритонъ г. Мельниковъ, дѣлую четверть вѣка украшавшій нашу лирическую сцену. Въ юбилейный спектакль онъ сѣлъ Руслана—свою коронную партію. Впрочемъ, трудно сказать, которая изъ 41 партій его обширнаго репертуара лучшая у него; его Борисъ, Мельникъ, Волыфрагъ, Кочубей („Мазена“), Фордъ („Виндзорскія кумушки“), Рылолетто, Бѣсъ и др.—все это цѣльные художественные типы, если смотрѣть на его исполненіе хотя бы только съ одной сценической точки зрѣнія; но если къ этому прибавить его превосходный голосъ, конкурировавшій одно время съ голосами европейскіхъ вокальныхъ свѣтилъ, какъ напр. Граціанинъ, Котопилъ, Падила и др., то совершенно понятна станетъ любовь къ нему публики и восторгъ ея на его бенефисъ, который отразднованъ былъ самымъ блестящимъ образомъ и публикой, наполнившей театръ, несмотря на крайне высокія цѣны, и артистами-товарищами, подпосившими юбилярю подарки, вѣнки, адреса и пр.; даже оркестръ встрѣтилъ г. Мельникова тушемъ.

Праздникъ этотъ останется надолго въ памяти всѣхъ присутствовавшихъ въ театрѣ. Пріятно видѣть, когда цѣнятся дѣйствительные таланты, посвѣтившіе всю свою жизнь русскому искусству, работавшіе для него, а не для разовыхъ и для мусированія лишь своего имени; г. Мельникова никогда не писали въ „красную строку“, получали онъ содержаніе весьма умеренное, сравнительно со своими заслугами предъ роднымъ искусствомъ, и всегда отличался своею скромностью, которая дѣлала его чрезвычайно симпатичнымъ человекомъ и такимъ же товарищемъ въ труппѣ.

Скромностью отличается и четвертый нашъ юбиляръ, г. Архангельскій, ставшій особенно любимымъ со времени его „историче-

Членъ Государственнаго Совѣта, генераль-адъютантъ, генераль отъ-навалеріи А. Е. Тимашевъ († 20 января 1893 г.). Съ фот. Левинскаго, грав. Шюблеръ.

скихъ концертовъ", которые онъ давалъ со своимъ хоромъ, знакомя публику съ лучшими произведеніями старинныхъ русскихъ и итальянскихъ мастеровъ хорового пѣнія. Десятилѣтній юбилей его состоялся

въ залѣ Дворянскаго Собранія при многочисленной публикѣ, собравшейся послушать приготовленную имъ къ этому дню ораторію Генделя „Израиль въ Египтѣ“ и почтить талантливаго регента.

В. Басинъ.

С М Ъ С Ъ .

Памяти И. А. Гончарова. Въ читальномъ залѣ бібліотеки Историческаго музея въ Москвѣ выставлена въ высшей степени интересная витрина съ вещами, принадлежавшими покойному И. А. Гончарову. Въ витринѣ помѣщены столовые часы, изъ чернаго мрамора, украшенные темнымъ бронзовымъ бюстомъ „Мариньки“, одной изъ героинь романа „Обрывъ“. Тутъ же находится небольшая записочка И. А. Гончарова, въ которой онъ свидѣтельствуетъ, что повѣсти „Май мѣсяцъ въ Петербургѣ“ и „Превращеніе судьбы“ подарены имъ въ августѣ 1891 года дѣвицѣ Еленѣ Карловнѣ Трейгугъ, для нанечатанія, въ ея пользу, сначала въ какомъ-нибудь журналѣ, потомъ въ общемъ собраніи его сочиненій. (Обѣ повѣсти были нанечатаны въ „Нивѣ“). Къ этимъ двумъ предметамъ присоединены два серебряные лавровые вѣнка. Въ самомъ непродолжительномъ времени эта цѣнная коллекція еще обогатится нѣкоторыми бумагами покойнаго писателя, которыя будутъ доставлены душеприказчикомъ усоннаго, М. М. Стасюлевичемъ.

Помимо этой коллекціи, въ архивѣ московскаго коммерческаго училища находится документъ, могущій служить очень цѣннымъ матеріаломъ для біографіи покойнаго И. А. Гончарова.

Документъ этотъ—прошеніе, ностунившее въ совѣтъ означеннаго училища въ 1890 г. отъ матери въ то время обучающагося въ этомъ училищѣ знаменитаго писателя, купеческой вдовы Авдотьи Матвѣевны Гончаровой, въ которомъ, между прочимъ, сказано, что „по разстройству коммерческихъ дѣлъ ея, Гончаровой, она, не въ состояніи будучи продолжать платитъ пансіонныхъ денегъ за сына своего Ивана Гончарова, проситъ совѣтъ уволить его изъ училища...“

Сердце невольно сжимается при чтеніи этого печальнаго документа... Еще одно безотрадное доказательство того, въ какихъ тяжкихъ оковахъ нужды находились въ дѣтствѣ и юности наши лучшія литературныя силы, гордость и слава нашей родины...

Животныя въ качествѣ пациентовъ. Сколько бы мы ни читали и ни слышали о симпатичныхъ чертахъ изъ жизни животныхъ, мы съ тѣмъ же интересомъ встрѣчаемъ каждое новое явленіе, позволяющее заглянуть глубже въ психику нашихъ безсловесныхъ друзей. Д'Обсонвилъ наблюдалъ въ Индіи слона, который былъ раненъ на войнѣ и каждый день ходилъ въ госпиталь за врачебною помощью. Какъ же его лѣчили? Рану каждый день прижигали, чтобы, по возможности, предупредить нагноеніе, особенно опасное въ жаркомъ климатѣ. Животное терпѣливо переносило болѣзненную операцію и позволяло повторять ее каждый день. При этомъ слонъ ни разу не сердился на хирурга, причинявшаго ему жгучую боль; онъ, очевидно, понималъ, что его мучитель вмѣстѣ съ тѣмъ его другъ, и что лѣченіе необходимо для его исцѣленія.

Другой, подобный этому, случай наблюдали у большой человѣкоподобной обезьяны, которая сильно страдала отъ испорченнаго глазнаго зуба. Приглашенный зубной врачъ нашелъ, что больную нужно прежде всего захлороформировать, и съ большимъ трудомъ посадилъ ее въ мѣшокъ по самую шею. Однако это удалось не вполнѣ: кромѣ головы осталась свободной рука, и пронзительный крикъ, жесты и гримасы пациентки чрезвычайно мѣшали врачу. Но, какъ только онъ вскрылъ нарывъ, покрывавшій часть большой челюсти, поведеніе животнаго совершенно измѣнилось: обезьяна охотно допустила освидѣтельствовать свой ротъ, спокойно подчиня-

лась выдергиванію больнаго зуба и удаленію еще одного корня, такъ что операція могла обойтись безъ приѣма наркотическаго вещества.

Изъ этого случая, краснорѣчиво говорящаго о терпѣнн и разсудительности животныхъ, видно еще и то, что они такъ же, какъ люди, подвержены зубной боли. Известно, что этотъ родъ болѣзни существовалъ раньше появленія на землѣ человѣка. Такъ, найдены болѣзненные зубы пещернаго медвѣдя (*Ursus spelæus*); животное это существовало задолго до нашего времени и встрѣчается только въ окаменѣломъ видѣ. Какой крикъ ярости долженъ былъ испускать этотъ исландецъ, когда его мучила зубная боль, трудно себѣ и представить.

Одна собака въ дракѣ съ кошками чуть было не лишилась глаза, глазное яблоко вышло изъ орбиты и висѣло лишь на зрительномъ нервѣ и нѣсколькихъ волокнахъ. Приглашенный ветеринаръ сперва нашелъ необходимымъ совѣтъ удалить поврежденный органъ, но, тронутый терпѣніемъ бѣднаго животнаго, рѣшился попробовать вставить глазъ на прежнее мѣсто. Осторожно, чтобы не повредить мускуловъ, взявъ онъ глазное яблоко въ руки, поднялъ верхнее вѣко и помѣстилъ глазъ въ его орбиту; потомъ, соображаясь со здоровымъ глазомъ, безъ большого затрудненія привелъ поврежденный глазъ въ его нормальное положеніе. Животное все время держало, по оно и безъ того оставалось спокойнымъ. Когда, по окончаніи операціи, собака была пущена на свободу, выраженіемъ ея радости не было конца: она бросалась то къ своему хозяину, то къ доктору, и обонимъ лизала руки. Въ настоящее время оперированный глазъ нельзя отличить отъ здороваго, и собака, при встрѣчѣ съ искуснымъ врачомъ, никогда не преминетъ выразить ему свою живѣйшую преданность и благодарность. (в.)

Щедрые покровители науки не переводятся въ Америкѣ. Недавно Томасъ Годкинсъ пожертвовалъ Лондонскому Королевскому институту 500.000 франковъ для содѣйствія научнымъ изслѣдованіямъ, а теперь Смитсонскій институтъ въ Вашингтонѣ получилъ отъ него для той же цѣли цѣлый миллионъ. (г. в.)

Маленькій Листъ. Музыкальной фирмой Юліи Генрихъ Циммерманъ выпущенъ новый сборникъ 63-хъ фортепианныхъ пьесъ и танцевъ для молодыхъ пианистовъ и пианистокъ. Сборникъ этотъ отличается особенно удачнымъ выборомъ пьесъ и не лишентъ разнообразнаго содержанія. Составленъ этотъ „Сборникъ“ известнымъ педагогомъ, покойнымъ Ю. Нагелемъ. Изданіе изящно; есть и въ роскошномъ переплетѣ.

Температуру лавы удалось наконецъ измѣрить итальянскому профессору Бартоли послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ. Задача была очень трудная, такъ какъ, во-первыхъ, наблюдатель долженъ оставаться на почтительномъ разстояніи отъ потока лавы, а, во-вторыхъ, невозможно вставить термометръ въ такую густую массу: Бартоли употребляетъ слѣдующій способъ. Онъ беретъ дуло пистолета и распиливаетъ его на двѣ половинки; затѣмъ онъ ихъ снова складываетъ и вбиваетъ въ дуло платиновый брусокъ. Все это укрѣпляется на концѣ длиннаго желѣзнаго шеста и вставляется на нѣть минутъ въ лаву. Платиновый брусокъ затѣмъ вынимаютъ и бросаютъ въ воду. По степени нагрѣванія послѣдней и заключаютъ, конечно приблизительно, о температурѣ платины, а, слѣдовательно, и накалившей ее лавы. Въ одномъ изъ мѣстъ ея выхода, на глубинѣ одного метра, найдены были температуры въ 1060, 990, 980 и 970 градусовъ. (г. в.)

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ

Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Оружіе, Церковная и домашняя утварь, Одежда, Украшенія и пр.

съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, въ популярномъ изложеніи

П. П. Гнѣдича.

Изд. А. Ф. МАРКА, въ СПБ.

Большой томъ, in quarto, въ два столбца, съ 430 прекрасно исполн. гравюрами—копіями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры. Цѣна брошюръ 6 руб., съ перес. 7 р., въ колѣнкоромѣ переплетѣ съ золот. тиснен. и 3-мя красками 7 руб., съ перес. 8 руб. 50 коп.

Съ требованіями обращаться въ контору редакціи журнала „Нива“: СПБ. Невскій проспектъ № 6: въ отдѣленіе конторы „Нивы“ Н. Н. Печеновой, въ Москвѣ д. Петровскихъ торгов. линій.

Эта книга имѣется также у всѣхъ известныхъ книгопродавцевъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Дипетатура. Повѣсть графа Е. А. Салиаса. (Продолженіе).—Путешествіе по Іеллоустонскому національному парку. Очеркъ Павла Линдзу. Переводъ Б. Н. (съ 6 рис.).—Наступленіе Великаго поста. (Изъ далекаго прошлаго). А. Аенскаго.—Желаніе дофина. Страничка изъ негласной исторіи французскаго Двора. Переводъ Е. Бертенсонъ.—Къ рисункамъ: Сандрильона (съ рис.).—Лѣсная драма (съ рис.).—Петербургъ зимою (съ рис.).—Жена рыбака (съ рис.).—Милтонъ у Галилея (съ рис.).—Ветеранъ (съ рис.).—Пребываніе эмира Бухарскаго въ Петербургѣ (съ 2 рис.).—Н. В. Воронцовъ (съ портр.).—Генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи А. Е. Тимашевъ (съ портр.).—Галлійскія вѣсти.—Политическое обозрѣніе.—Искусство.—Смѣль.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія. При семь № прилагается: 1) СБОРНИКЪ „НИВЫ“ за ФЕВРАЛЬ; 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ФЕВРАЛЬ 1893 г. съ 38 рис. и отд. листъ съ 28 черт. вынренъ въ натур. велич., и 6 архитектурными рис. печ. красными и 27 рис. вынренныхъ работъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Кн. М. Н. Волонскій.

**EAU DENTIFRICE
BALSAMIQUE DE LOHSE**
БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5421 (22)

Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

46. Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ЛЕВШИНЫ И ГИЗУЛИНЫ
имеют честь сообщить, что они доставляют черную краску, которую печатаются на иллюстрированном журнале „Нива“. № 2405

ЗОНТИКИ

изготовлены из громадных выборов на С.-Петербургской фабрике
В. С. ПИЖИНА.
Садовая ул., д. № 29. Прейс-курранты высылаются бесплатно. № 6229

ВИНО

СЕН-РАФАЭЛЬ.
№ 6191
10-3

Вино Сен-Рафаэль превосходно на вкус.

Сохраняется по способу г-на Пастера.

На каждой бутылке находится печать Российской таможни.

„НЬЮ-ЮРКЪ“

Общ. Вза. Страх. Жизни.

Фондъ обеспечения на 1 января 1892 г. Руб. 265.748.783.

Специальная гарантия для русских страхователей составляет на 1 декабря 1892 г. Р. 2.714.072.23.

Сумма эта хранится въ Госуд. Банкъ на имя Министерства Внутренних Дѣлъ. № 5633 (34)
Главн. Уполн. П. П. Меллеръ.

Фирма премирована на европейских выставкахъ десятию золотыми медалями и высшими званиями.

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ.

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Для чистоты и свѣжести лица; лицо остается всегда чистымъ. Цена банки 1 р., съ лувес. 1 р. 50 к. Для предупреждения подделокъ, прошу обратить вниманіе на подписи А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лаборатории. Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская, 12, и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговыхъ Россійской Имперіи. — Главный складъ для асовъ Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Бассейная ул., д. № 2.

ВИРТЕМБЕРГСКАЯ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВ. АКАДЕМИЯ

въ Гогенгеймѣ.

Д. № 6234 2-1

Лѣтній курсъ начинается въ понедѣльникъ, 17 апрѣля с. г. Программы и списки лекцій съ планомъ сельско-хозяйственнаго заведенія высылаются по желанію бесплатно.

КОРОЛЕВСКАЯ ДИРЕКЦІЯ АКАДЕМИИ

Гогенгеймъ, въ январѣ мѣс. 1893 г.

Vossler.

№ 6235 13-1

НОВАЯ КНИГА 2-1

(Л. Боровичъ). № 6226

„Фабричные паровые котлы, ихъ устройство и уходъ за ними“.

Ц. 2 р. 75 к. Складъ въ типографіи т-ва Кушнеръ и Ко въ Москвѣ. Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ.

Д-ръ Волицкій лечитъ иррегулярн. кожные, грудныя болѣзни, ракъ и электротер. Певскій, 57, кв 5 Оубъ 2-3 и 6 7 а ч в.

КРАСИВО ПИСАТЬ

выучивается всякій заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у ПРОФЕССОРА КАЛІГРАФИИ

А. КОССОДО.

Методъ премированъ на Парижской всемірной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ 30-лѣтней медали. № 6208 52 3

За 2 семиконечныя марки высылаются пробное письмо и условія. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

1 р. **НОВОСТЬ** 1 р.

КОРЗИНА-МЕТАМОРФОЗА

Пляшущая корзинка, складывающаяся въ 12 хозяйствен. предметовъ, кистей, для вырѣзки яицъ и овощей, для хлѣба, ламповый абакъ, тапачникъ и проч.

Заказы высылаются немедленно.

Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ новыхъ изобрѣтений, Певскій 4. Каталогъ асхъ изобрѣтений и подарковъ за 10 коп. марку.

Велосипеды англійскаго завода

„Гумберъ и К^о. Лмд.“

лучшіе въ свѣтѣ!

предлагаютъ торговый домъ

Г. ЖЕМЛІЧКА и К^о.

Москва, Неглинный протокъ, домъ Ежикова.

Прейс-курранты—бесплатно.

Къ свѣдѣнію гг. землевладѣльцамъ, экспортерамъ и торгующимъ хлѣбомъ.

На Рязанско-Уральской желѣзной дорогѣ для долгосрочнаго храненія мѣстнаго хлѣба до его отправления по назначенію и для закупа транзитнаго хлѣба устроены элеваторы и склады.

Мѣстный хлѣбъ до отправления по назначенію принимается на долгосрочное храненіе въ элеваторы на станціяхъ: Козловъ, Рязскъ, Лебедянъ и Данковъ, а также въ склады на станціяхъ: Козловъ, Богоявленскъ, Рязскъ, Александровская, Кораблино, Никитино, Хрущево, Тамбовъ, Разсказово, Платоновка, Ломовисъ, Краснослободскъ, Кирсановъ, Уметъ, Тамала, Сосновка, Беково, Ртищево, Салтыковка, Екатериновка, Лопуховка, Аткарскъ, Кологривовка и Саратовъ.

Транзитный хлѣбъ принимается на храненіе въ элеваторы на станціяхъ: Козловъ и Рязскъ, а также въ завожные склады, устроенные на станціяхъ: Козловъ, Александровская, Богоявленскъ, Рязскъ, Никитино, Тамбовъ, Разсказово, Платоновка, Ломовисъ, Краснослободскъ, Кирсановъ, Уметъ, Тамала, Сосновка, Беково, Ртищево, Салтыковка, Екатериновка, Лопуховка, Аткарскъ, Кологривовка и Саратовъ.

На ряду съ открытіемъ дѣятельности складовъ и элеваторовъ Обществомъ Рязанско-Уральской дороги организована выдача ссудъ подъ хлѣбные грузы, какъ сдаваемые для непосредственнаго отправления по желѣзнымъ дорогамъ, такъ и сложенные въ склады и элеваторы Общества.

Таксы сборовъ и условія пріема хлѣба на храненіе въ склады и элеваторы, а равно правила выдачи ссудъ, опубликованы въ Сборникѣ тарифовъ Росс. жел. дорогъ и отпечатаны отдѣльными брошюрами, высылаемыми, но требованію, бесплатно Иравленіемъ Общества (въ С.-Петербургѣ, по Мойкѣ, д. № 40).

Съ открытіемъ указанныхъ операцій землевладѣльцамъ, экспортерамъ и хлѣботорговцамъ представляется возможность гужевой подвозки грузовъ въ удобнѣйшее для того время къ станціямъ Рязанско-Уральской дороги для остановки ихъ въ складахъ и элеваторахъ въ ожиданіи выгодныхъ для сбыта хлѣба рыночныхъ цѣнъ, пользуясь при этомъ въ теченіе всего времени храненія хлѣба и доставки его по назначенію дешевымъ и скорымъ кредитомъ.

№ 6190 3-3

БИЛЬЯРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египет. № 6236 скаго моста, домъ № 7-2. 26-1

Иллюстрированные прейс-курранты по востребованію высылаются безвозмездно.

ТОЛЬКО 4 Р. 90 к.; 2 за 9 р. 55 к.; 3 за 13 р. 90 к.

ПРЕЛЕСТНОЕ ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО

56-ой ПРОБЫ съ искуств. ПРЕВОСХОДНЫМЪ БРИЛЛАНТОМЪ.

Переслано наложеннымъ платежѣмъ. **БАЗАРЪ МАРОКЪ** С.-Петербургъ, Невскій просп., № 20-31.

Поступило въ продажу у всѣхъ книготорговцевъ новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА:

ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ ПЕРЕДАЧА ЭНЕРГІИ

(передача силъ на разстояніе).

Г. Кавпа. Перевалъ съ 8-го англ. изданія Д. Голова. Съ 97 рисунк. Ц. 1 р. 60 к. Продается у всѣхъ книгопродавцевъ. Главный складъ въ магазинѣ П. Лукошикова (СНБ., Дешткова пер., 2). Мт. № 6230

Имѣемъ честь извѣстить многоуважаемыхъ гг. покупателей, что съ 1-го февраля 1893 г.

МАГАЗИНЪ

Мт. № 6231

МУЖСКОЙ И ДАМСКОЙ ОБУВИ

И. П. Павлова,

въ Большомъ Гостиномъ Дворѣ, по Суковной линіи, изъ № 31

ПЕРЕВЕДЕНЪ въ № 26 по той же линіи.

Съ почтеніемъ Наслѣд. Павловы.

НОВѢЙШІЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

играющие посредством верчения ручкой:

ПИАНО-МЕЛОДИКО.

Салонный органъ со струнами, играетъ всевозможные песни, имѣетъ очень пріятный, мелодичный тонъ, сходный съ оркестромъ изъ мажорныхъ, и удобенъ, какъ для салонной музыки, такъ и для танцевъ. Цѣна безъ пьесъ 89 руб., пьесы по 70 к. на метръ (около 1 1/2 аршина).

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ.

Салонный органъ съ голосами, играетъ различные пьесы, имѣетъ звуочный гонъ и очень удобенъ для танцевъ. Цѣна 65 руб. Пьесы по 1 р. 20 к., 2 р. 40 к. и дороже.

ФЕНИКСЪ-ОРГАНЪ.

Ручной органъ со стальными голосами и круглыми металлическими нотами. Цѣна 28 руб. Пьесы по 60 коп.

ГЕРОФОНЪ.

Цѣна 26 руб. Пьесы по 50 коп.

АРИСТОНЪ-ОРГАНЪ

Усовершенствованный. Цѣна 22 р. Пьесы по 50 коп.

ДѢТСКІЙ АРИСТОНЪ.

Цѣна 6 руб. Пьесы по 25 коп.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ и списки пьесъ высылаются **БЕЗПЛАТНО.**

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ

ЦИММЕРМАНЪ

главное депо

музыкальныхъ инструментовъ и нотъ:
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40
Москва, Кузнечій мостъ, д. Захаркина.

2-ой ВЫИГРЫШ-НЫЙ
заемъ, 1 марта тиражъ, продается на условияхъ денежныхъ и добросовѣстныхъ № 6223 5-2

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
№ 9, Невскій, СПб

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ (20)

Специалистъ хронометровъ.
СПбурѣ, Невскій пр. № 52
прот. Шмидт. Выблотека.
Подробный иллюстр. прейсъ-курантъ по востреб. безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 5818

Карлъ Ивановичъ Вагнеръ,
Садовое заведеніе въ Ригѣ,
симъ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія любителей, что

КАТАЛОГИ СѢМЕНАМЪ и пр. изъ 1893 г.
названы и пересылаются по требованію безплатно. № 6215 3-3

Поступило въ продажу новое роскошное изданіе А. Ф. Маркса:
ИСТОРИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ И ПОВѢСТИ

П. Н. ПОЛЕВОГО,

украшенные множествомъ оригинальныхъ рисунковъ и
выпоекъ художника **К. В. ЛЕБЕДЕВА.**

Появленіе въ свѣтъ настоящаго изданія было встрѣчено русскою выдающеюся прессою весьма лестными отзывами; такъ, между прочимъ, „НОВОЕ ВРЕМЯ“ говоритъ о книгѣ слѣдующее: „Надо отдать справедливость г. Марксу: онъ издалъ эту книгу очень изыщно, съ вышестками и картинками, нарисованными съ большимъ вкусомъ и знаніемъ русскихъ древностей молодымъ художникомъ, г. Лебедевымъ. Историческіе рассказы г. Полевого отличаются тѣмъ, между прочимъ, отъ цѣлой массы подобныхъ разсказовъ, что въ нихъ соблюдается историческая вѣрность эпохъ, такъ какъ авторъ прекрасно изучилъ ту эпоху, изъ которой черпаетъ свои разсказы. Признанные къ этимъ разсказамъ и рисунки являются не празднымъ измышленіемъ, а служатъ къ нимъ иллюстраціями, гдѣ вѣрно соблюдаются костюмы и другія бытовые особенности“.

Цѣна этой книги, въ виду ея значительнаго объема (болѣе 450 стр., большого 8°) и роскошнаго изданія, назначается нами весьма умеренная: 5 р., съ перес. 5 р. 80 коп.; въ роскошн. перепл. 6 р., съ перес. 7 р.

Для любителей роскошныхъ изданій мы печатали особо „50 нумерованныхъ экземпляровъ“ на голландской бумагѣ. Въ этихъ экземплярахъ всѣ 24 эстампа на мѣди отпечатаны на китайской бумагѣ. Цѣна этихъ нумерованныхъ экземпляровъ 25 руб., съ пересылкою 26 руб., въ роскошномъ полушлагре-повомъ переплетѣ 28 руб., съ перес. въ лицихъ 30 руб. Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива“, Невскій, № 6.

LOCARNO

Станція Готтардской ж. д. у Лаго Маджоре
наилучшая и ближайшая
банюющая и зимняя станція

Общепризнанный въ Европѣ медицинскими авторитетами и спеціально рекомендованная Коро-
лемъ, Бавар. Совѣтникомъ медицины, проф. докторъ А. Мартини, какъ самая превос-
ходная въ Европѣ зимняя и весенняя станція. № 6199 6-4

Grand Hôtel Locarno.

Открытъ въ продолженіе всего года. — Наилучшимъ образомъ приспособленъ къ про-
живанію въ немъ зимою. — Лучшее мѣстопребываніе у Итальянскихъ озеръ.
Самая комфортабельная гостиница на континентѣ, въ замѣчательно красивой мѣст-
ности. Большой паркъ съ роскошной южной растительностью. Звонія ограда, центральное
отопленіе, изразцовые печи и камины во всѣхъ 200 номерахъ и залахъ. — Лѣченіе вино-
градомъ. — Итальянскій врачъ. — Банни. — Подземная машина. — Английская и немецкая
церкви. — Соебщеніе на частныхъ пароходахъ и лошадей. — Перекладечные кухни и по-
гребъ. — Уютныя комнаты. — Проспектъ и описаніе, составленное проф. Мартини, вы-
сылаются безплатно владѣльцамъ. Balli.

Въ элеваторахъ Рязанско-Уральской желѣзной дороги на станціяхъ
Рязанскъ, Данковъ и Лебедянь съ 1 февраля с. г. вводятся, по примѣру
Козловскаго элеватора, обозначеніе хлѣба съ сортировкой его по сор-
тамъ, установленнымъ Комитетомъ по надзору за сортировкой хлѣба
въ элеваторахъ дороги; при чемъ въ документахъ, выдаваемыхъ эле-
ваторами въ принятіи на храненіе хлѣба, указывается сортъ хлѣба
по классификаціи.

Классификаціи эти вмѣстѣ съ нормальными образцами хлѣбовъ,
установленными тѣмъ же Комитетомъ, выставлены для обозрѣнія въ
главнѣйшихъ русскихъ биржахъ и элеваторахъ.

Введеніемъ этой операціи землевладѣльцамъ, хлѣботорговцамъ и эк-
спортерамъ значительно облегчается сбытъ и приобрѣтеніе хлѣба ну-
темъ купли-продажи его по образцамъ и сортамъ, указаннымъ въ
документахъ элеваторовъ, съ гарантіей со стороны элеваторовъ въ
отпускъ хлѣба, вполнѣ соответствующаго сорту, указанному въ доку-
ментѣ. Помимо того, вводимое въ элеваторахъ обозначеніе и сорти-
ровка хлѣбовъ открываетъ возможность заготовленія большихъ партий
совершенно однороднаго хлѣба, необходимаго при подрядахъ и по-
ставкахъ для интендантскаго вѣдомства и др.

Подъ сдаваемымъ въ элеваторы хлѣбъ Обществомъ дороги организо-
вана выдача, на весьма выгодныхъ для хлѣбовладѣльцевъ условияхъ,
долгосрочныхъ ссудъ, со взысканіемъ ихъ, по желанію владѣльца хлѣба,
на станціи окончательнаго назначенія хлѣба, если онъ вывозится изъ
элеватора по желѣзнодорожной дорогѣ.

Подробныя правила и таксы за услуги элеваторовъ, а равно правила
выдачи ссудъ опубликованы въ Сборникѣ тарифовъ и отпечатаны от-
дельными брошюрами, высылаемыми по требованію безплатно Прав-
леніемъ Общества (въ С.-Петербургѣ, по Мойкѣ, № 40).

КРЫШКИ

для переплета „НИВЫ“, изъ лучшаго англій-
скаго колѣнокора, съ золотымъ тисненіемъ,
печатанными красками, на 1892 годъ, по по-
казанному образцу, 1 р., съ перес. 1 р. 60 к.

**БЕЗЪ ВРЕДА ВСЯКІЙ МОЖЕТЪ ТЕПЕРЬ
самъ себя брить новозобрѣтенною
безопасною бритвою**

„СТАРЪ“

употребленіе коей особенно облегчаетъ
бритье, а съ гигиенической точки зрѣнія
составляетъ дѣйствительно важное изобрѣ-
теніе, ибо каждый можетъ ею бриться.
Бритва „Старъ“ выдѣлана изъ самой чи-
стой шифоновой и магнетизированной
новыми патентованными способами блѣдой
стали. При каждой бритвѣ приложено объ-
ясненіе способа употребленія. Этимъ
„Старъ“ напередъ такое громадное расстро-
йство, какъ во всемъ свѣтѣ, что фабрикантъ
и изобрѣтатель въ „Америкѣ“ не успѣваетъ
ихъ заготовить. Цѣна съ перес. 5 руб.

ПЕРО-ФОНТАНЪ!

Въ перѣ находится стеклянный цилиндръ,
который наполненъ чернилами и во вре-
мя писанія чернила стекаютъ черезъ осо-
бенное внутреннее устройство на перо.
Кончивши писаніе, на перо надвигаютъ
наполн., чтобы его можно было носить
въ бумажникѣ или въ карманѣ. Перо
высочайшее и поэтому не изнашивается.
Одного наполненія хватаетъ, если много
писать, на два дня. № 6219

Цѣна 60 коп., съ пересылкой 1 руб.

СТАЛЬНЫЯ ЛИНЕЙКИ, цѣна 1 р. 50 к.,
очень исправившіяся, вновь получены. По
желанію высылаю прейсъ-курантъ ново-
стей. Конст. Мальмъ, Б. Морская, № 34.
Отправка налож. платежомъ.

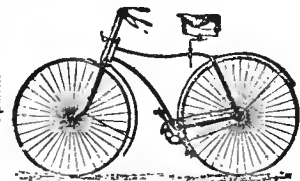
Людв. Федоровъ Шликэйзенъ

МОСКВА № 6217 5-2

Мясницкая ул., д. Ермаковыхъ

рекомендуетъ: шародробители, кирпиче-
дѣлательныя и торфяныя машины; прессы
для трубъ, съ расчистками, черепицъ и бри-
кетовъ; машины для выработки шпалотъ и
огнеупорныхъ кирпичей; мѣшалки для рас-
творовъ. Наготовленъ планы печей.

Поставщикъ Высочай-
шихъ Особъ и Русской
арміи.

Около 1000 велосипедовъ на складѣ. —
Кромѣ большинства полковъ болѣе 500 офи-
церовъ пользуются нашими велосипедами.

**САМЫЙ ОБШИРНЫЙ въ Россіи
ВЕЛОСИПЕДОВЪ.**

Торговый домъ **Ж. БЛОКЪ.**
(основ. въ 1868 г.)

МОСКВА. С.-Петербургъ, Одесса, Варшава,
П. М. Копанъ и Екатеринбургъ. 25-10
3982 Новый каталогъ 80 страницъ.
БЕЗПЛАТНО.

НАВОЗНЕНІЕ. Ром. изъ современной жизни
Вс. Соловьева. II. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXIV г. № 7

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

г. XXIV 1893

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО. №№ с 6—10 рис. въ каждомъ и ежемѣсячн. даров. прилож. 12 книгъ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 13 февраля 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕНЫ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1893 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
сторону нонпарейль (1/4 шир.
страницы) въ Глав. Кон. Ред. по
1 руб. — Загран.: для Франціи
у Agence Havas по 3 fr.; для
Австр., Герман. и Швейц. у Ru-
dolf Mosse по 2 марк 50 pf.

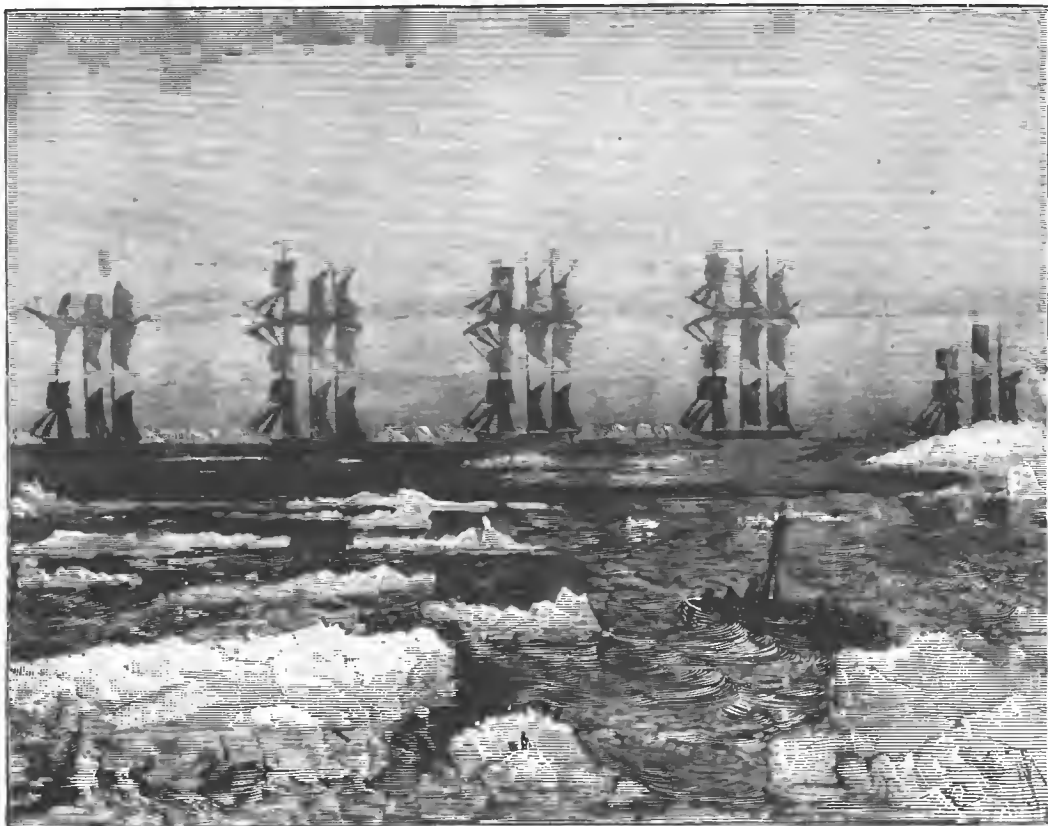
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петер-
бургъ 5 р.
Съ доставкою въ Петер-
бургъ 6 р. 50 к.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 10 р.
На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 н., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 75 н., съ перес. иностр. 1 р. 75 н.
На 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 н., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 н., съ перес. иностр. 3 р. 50 н.

ПРИЛОЖЕНІЯ
Особые приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“, со всѣми прилож.. Сборникомъ и пр.

Маревое.

Среди без-
граничныхъ
пустынь или
на безбреж-
ныхъ вод-
ныхъ про-
странствахъ
замѣчается
иногда осо-
бое явленіе,
позвѣстное
подъ назва-
ніемъ марева
или миража.
Въ отдаленіи
появляются
изображенія,
какъ бы на-
рисованныя
въ воздухѣ,
которыя затѣмъ
постепенно
исчезаютъ.
Сперва счи-
тали марево
обманомъ
зрѣнія. Ны-
нѣ объясня-
ютъ миражъ
сдѣйствіемъ
преломленія
лучей въ
воздухѣ,
наполнен-
номъ испаре-
ніями, когда
лучи откло-
няются отъ
первоначаль-
наго направ-
ленія, попадая въ воздушную среду иной плотности и отражаясь
въ ней, какъ въ зеркалѣ, предметы, находящіеся вѣдъ горизон-
та.

Маревое на озерѣ Онтарио. Рис. Мурей, грав. Пенз.

для марева начало исчезать и около двухъ часовъ соврѣшен-
но прекратилось.

Замѣчатель-
ное марево
наблюдалось
однажды на
одномъ изъ
великихъ
озеръ Сѣвер-
ной Америк-
ки, Онтарио.
Незадолго до
полудня,
близъ берега,
лежащаго къ
сѣверо-во-
стоку отъ го-
рода Освего,
стала появ-
ляться груп-
па кораблей,
которыя въ
полдень на-
считали до
13. Располо-
жены они бы-
ли въ рядъ, и
часть ихъ по-
сѣлась въ воз-
духѣ одни
надъ други-
ми, при чемъ
нѣкоторые
были опроки-
нуты на бокъ.
На поверхности
озера въ то
время ле-
жалъ лѣдъ,
со сторо-
ны канад-
скаго берега.
Послѣ полу-

Воля судьбы.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Кн. М. Н. Волконскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Князь Андрей Николаевичъ.

Несмотря на то, что старый князь Андрей Николаевичъ Проскуровъ, Рюриковичъ по происхожденію, былъ богатъ, знатенъ и, если не болѣе, то во всякомъ случаѣ не менѣе своихъ сверстниковъ обладалъ способностями къ службѣ,—онъ, достигнувъ солиднаго возраста, не сдѣлалъ карьеры. Ему просто не было счастья.

Только что начинала ему улыбаться судьба, какъ являлось непредвидѣнное обстоятельство, разрушавшее всѣ планы и надолго уносившее надежду на достиженіе желанной цѣли. И тѣмъ обиднѣе это было, что сначала ему повезло. Двадцати семи лѣтъ князь Андрей Николаевичъ, покровительствуемый Меншиковымъ, только что достигшимъ апогея своего величія съ воцареніемъ государыни Екатерины I—получилъ чинъ бригадира.

Все улыбалось ему, и онъ почти былъ увѣренъ, что счастье, въ лицѣ всесильнаго Меншикова, навѣки не измѣнитъ ему, лишь бы сумѣлъ угодить временщику.

Князь Проскуровъ и приложилъ къ тому всѣ старанія. Но императрица вскорѣ скончалась, а затѣмъ и Меншиковъ палъ, отправленный въ ссылку. Проскуровъ не былъ замѣшанъ въ его дѣло, но, какъ лицо, которому все-таки покровительствовалъ опальный, долженъ былъ уѣхать къ себѣ въ деревню. Ему намекали объ этомъ, и онъ, изъ боязни навлечь на себя еще болѣе тяжкія бѣды, не заставилъ себѣ повторять намека... Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, просьбъ и искательства, Проскурову удалось вернуться въ Петербургъ, но уже сорокалѣтнимъ бригадиромъ. Чинъ этотъ, завидный въ двадцать семь лѣтъ, теперь казался какъ-будто не совсѣмъ почтенъ, когда сверстники князя давно были уже генералами, а иные даже зазѣдали въ кабинетѣ.

Послѣ тринадцати лѣтъ деревенской жизни, Проскуровъ попалъ въ Петербургъ, въ самый разгаръ борьбы Волынскаго съ Бирономъ. Устроившись въ столицѣ, онъ старался осмотрѣться и рѣшить, откуда ждать ему столь желаемыхъ благъ. Биронъ былъ временщикомъ. Проскуровъ, видѣвшій силу Меншикова, который, несмотря на эту силу, все-таки не могъ устоять противъ пронскова враговъ, рѣшилъ, видя теперь всеобщую, хотя скрытую нелюбовь къ Бирону, что и этому временщику не миновать гибели, и примкнулъ къ Волынскому. Князь Андрей Николаевичъ рассчиталъ вѣрно, но не совсѣмъ,—Бирону суждено было пасть, но только не Волынскому предстояло побѣдить его. Волынский самъ палъ, казненный на площади. Проскуровъ не ждалъ на этотъ разъ даже намека, и самъ поспѣшилъ уѣхать поскорѣе въ деревню...

Скончалась императрица Анна Иоанновна. Черезъ три мѣсяца послѣ ея кончины правительницей Анной Леопольдовной сосланъ Биронъ. Проскуровъ снова ожилъ, снова полный надеждъ вернулся въ Петербургъ, нашелъ дорогу къ сильнымъ людямъ, и едва приготовился встрѣтить радостью обращенную будто къ нему на этотъ разъ улыбку счастья, какъ новый ударъ, новое разочарованіе: ноябрьскою темною ночью пesarевна Елисавета Петровна явилась въ казармы Преображенскаго полка и съ тремястами солдатъ арестовала правительницу, провозглашенную самодержавной императрицей... Сильные люди, на которыхъ надѣлся и въ которыхъ вѣрилъ Проскуровъ,—Минихъ, Остерманъ, Головинъ,—сосланы въ дальніе города, а самъ Проскуровъ отправленъ „вѣчнымъ“ бригадиромъ вновь въ свое имѣніе. „И все за то только, что „въ жилу“ не умѣлъ понасть...“ какъ говорилъ онъ.

Съ тѣхъ поръ, т. е. съ воцаренія Елисаветы Петровны, князь Андрей Николаевичъ жилъ уже безвыѣздно въ деревнѣ.

Поселившись однако безвыѣздно въ деревнѣ, онъ все еще въ глубинѣ души надѣялся, что настанетъ, наконецъ, и его время, и ждалъ этого времени, не замѣчая, что годы проходятъ, а самъ онъ старѣется. Въ особенности, это начало старости становилось въ немъ замѣтнѣе по увеличивающейся съ каждымъ годомъ ворливости и раздражительности.

Барскую усадьбу свою онъ устроилъ въ видѣ замка, окруживъ ее частоколомъ, валами и бойницами; открыто принималъ у себя только такихъ людей, которые бранили современные порядки, не пускалъ къ себѣ лицъ начальствующихъ; и, благодаря его богатству, это сходило ему, а главное—и ѣздили-то къ нему, въ сущности, люди самые смиренные, только прикидывавшіеся передъ княземъ недовольными, чтобы имѣть къ нему доступъ, потому-что всегда находили у него хорошій завтракъ и отборная вина. Князь Андрей Николаевичъ только и бывалъ въ духѣ, когда, сидя за столомъ и кивая дворецкому, чтобы тотъ подливалъ вина, слушалъ разговоры о томъ, какія тяжелыя времена, молъ, переживаются теперь.

Тогда Проскуровъ хмурилъ свои нависшія на глаза брови и одобрительно потряхивалъ чубукомъ... Онъ внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалось въ столицѣ, въ особенности же за наградами и повышеніями, и, встрѣтивъ въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* въ спискѣ награжденныхъ знакомую фамилію, выходилъ обыкновенно изъ себя, комкалъ газету, кидалъ ее, и становился несносенъ для окружающихъ. Иногда онъ старался совладать съ собой, и тогда заирался въ своемъ кабинетѣ. Но ничто не бѣсило его такъ, какъ возвышеніе Разумовскаго. Этого онъ уже никому простить не могъ, и даже въ порицаніи не терпѣлъ ненавистнаго имени.

Одного изъ гостей князь чуть не затравилъ собаками за то, что тотъ заговорилъ при немъ о Разумовскомъ, хотя и неодобрительно.

Андрей Николаевичъ не хотѣлъ примириться съ мыслью, что простой пѣвчій сталъ вдругъ вельможей, когда онъ, князь Проскуровъ, природный Рюриковичъ, сидитъ гдѣ-то у себя въ деревнѣ, съ чиномъ бригадира. Онъ всей душою ненавидѣлъ этотъ свой чинъ и такъ же комкалъ и бросалъ письма, не читая ихъ, если на адресѣ къ титулу было прибавлено „и бригадиру“... Проскуровъ говорилъ всѣмъ, что на чины онъ не смотритъ, и что не зачѣмъ ему имѣть ихъ, когда у него есть неотъемлемый княжескій титулъ прирожденный, котораго пожаловать нельзя. Въ Проскуровѣ, въ усадьбѣ жилъ въ штатѣ князя ученый итальянецъ, специально приглашенный для составленія родословной князей Проскуровыхъ.

II.

Найденышъ.

Къ 1739 году князь Андрей Николаевичъ, въ Петербургѣ, женился по любви, и пока все хорошо шло у него тогда относительно службы, былъ ласковъ съ женою и, казалось, души въ ней не чаялъ. Онъ ждалъ, что первымъ ребенкомъ у нихъ будетъ непременно сынъ,—продолжатель рода Проскуровыхъ, и такъ казался увѣренъ въ этомъ, что только и говорилъ о томъ, какъ онъ назоветъ сына, и какъ будетъ растить его и воспитывать. Родилась дочь. Князь заперся на недѣлю къ себѣ въ комнату, не пожелавъ видѣть ребенка, не пошелъ къ женѣ и отмѣнилъ приготовленное заранѣе угощеніе для дворовыхъ. На крестинахъ

онъ тоже присутствовалъ лишь официально и никакого пира не устроилъ.

Дѣвочку называли Ольгой.

Съ рожденіемъ дочери, Андрей Николаевичъ вдругъ охладѣлъ къ женѣ. Вскорѣ тутъ пошли служебныя не-пріятности. Положеніе Волинскаго, у котораго „искалъ“ Проскуровъ, казалось поколебленнымъ. Князя грызло предчувствіе, что онъ опять далъ промахъ.

Княгиня была женщина болѣзненная, худенькая. Она едва перенесла первые роды, и доктора сказали, что врядъ-ли у нея еще будутъ дѣти. Это оконча-тельно сразило Проскурова. Онъ долго не могъ при-мириться съ мыслью, что долженъ навсегда разстаться съ мечтою о сынѣ.

Отношенія его къ женѣ совершенно испортились. Домъ ихъ раздѣлился на двѣ половины, и князь изъ своихъ комнатъ иногда по цѣлымъ недѣлямъ не хажи-валъ на половину княгини.

Одинъ разъ, рано утромъ (князь Андрей Николае-вичъ только-что всталъ съ постели), въ парадныхъ большихъ сѣняхъ раздался крикъ младенца. Это былъ пастойчивый, заявлявшій свои права на жизнь, крикъ маленькаго существа, видимо оставленнаго на мило-сердіе добрыхъ людей. Проскуровъ, сидѣвшій въ это время за сбитнемъ, поднялъ голову, прислушался, сей-часъ же понялъ въ чемъ дѣло и велѣлъ принести къ собѣ ребенка. Было-ли въ этотъ день особенно весело на душѣ Андрея Николаевича, потому-что онъ полу-чилъ наканунѣ добрыя вѣсти о ходѣ борьбы Волин-скаго съ врагомъ его, или подкинутому ребенку было суждено найти кровъ въ домѣ Проскурова, но когда князь нагнулся надъ корзиной, гдѣ лежало дитя, то улыбнулся и проговорилъ:

— У-у, славный какой, да еще мальчикъ!..

Подкинутому мальчику было не больше нѣсколькихъ дней, но онъ словно понималъ, что судьба его зависить отъ настоящей минуты, пересталъ кричать и растя-нулъ свой беззубый ротикъ, широко раскрывъ удивлен-ные, черные большіе глаза.

Князь Андрей Николаевичъ окончательно разсмѣялся и рѣшилъ оставить мальчика у себя.

Словно въ нику женѣ, онъ устроилъ торжественныя крестины найденышу, далъ ему, въ честь Волинскаго, имя Артемія, и самъ занимался всѣми мелочами необ-ходимой для ребенка обстановки. Велѣлъ полъ въ дѣт-ской затянуть верблюжьимъ войлокомъ, люльку обить шелкомъ, сдѣлать нѣсколько шелковыхъ же покрывалъ и привезти изъ вотчины кормилицу, здоровую и краси-вую, полъ затянули, люльку обили, покрывала доро-гія сдѣлали, но не сдѣлали многого самаго необходи-мага, о чемъ князь не умѣлъ распорядиться—даже сивильниковъ не хватало, но Проскуровъ остался до-воленъ. Княгиня, занятая на своей половинѣ дочерью, не интересовалась найденышемъ, но князь иногда при-зывалъ ее и хвасталъ передъ нею мальчикомъ.

Кормилицу привезли, дѣйствительно, здоровую и кра-сивую, полъ затянули, люльку обили, покрывала доро-гія сдѣлали, но не сдѣлали многого самаго необходи-мага, о чемъ князь не умѣлъ распорядиться—даже сивильниковъ не хватало, но Проскуровъ остался до-воленъ. Княгиня, занятая на своей половинѣ дочерью, не интересовалась найденышемъ, но князь иногда при-зывалъ ее и хвасталъ передъ нею мальчикомъ.

Пока они жили въ Петербургѣ, можно было еще надѣяться, что особенное благоволеніе князя къ най-деннышу послужитъ мимолетнымъ занятіемъ, развлече-ніемъ и пройдетъ впослѣдствіи, какъ одна изъ бар-скихъ затѣй или прихотей. Но скорѣ дѣло оказалось гораздо болѣе серьезно. Какъ разъ въ это время слу-чилось паденіе Волинскаго, и Проскуровы, торопливо собравшись, уѣхали въ деревню.

Здѣсь, въ деревнѣ, очутившись безъ занятія, озлоб-ленный неудачею, князь Андрей Николаевичъ един-ственно съ кѣмъ былъ ласковъ—съ маленькимъ Арте-миемъ. Онъ какъ будто радовался, что этимъ дѣлаетъ больно женѣ. Онъ, видѣвшій для себя въ жизни однѣ только непріятности, казалось, готовъ былъ теперь пла-тить всему міру тѣмъ же, а такъ какъ до „всего міра“ ему не достать было, а возлѣ него находилось одно

только существо, способное понять и воспринять го-речь обиды—жена, онъ на ней и вымещалъ, должно-быть, всю свою злобу къ человѣчеству.

Однимъ изъ главныхъ орудій такой мести былъ под-кинутый ребенокъ, и князь съ рѣдкимъ терпѣніемъ нянчился, возился съ нимъ и подчеркивалъ свою не-любовь къ родной дочери и преувеличивалъ нарочно привязанность къ Артемію.

Княгиня принадлежала къ числу тѣхъ странныхъ женскихъ натуръ, которыя по понятной, особенной логикѣ, или, вѣрнѣе, отбросивъ всякую логику, съ не-объяснимой, тихой преданностью любятъ именно мужей-мучителей, безропотно покоряются имъ, боятся ихъ, но любятъ безответною, самоотверженною любовью.

Самые тяжелые годы начались для княгини, когда она должна была съ мужемъ поселиться надолго въ деревнѣ, послѣ воцаренія императрицы Елисаветы.

Проскуровъ попалъ тогда въ прямую опалу, конецъ которой трудно было предвидѣть. Въ иные дни, въ особенноти, когда изъ столицы приходили вѣсти о на-градахъ сверстниковъ князя, Андрей Николаевичъ до-водилъ свою жестокость съ женою до такого нравствен-наго варварства, что крѣпостные люди даже жалѣли ее. Княгиня, молча, терпѣла и плакала втихомолку. Проскуровъ не могъ видѣть слезъ и, при видѣ ихъ, приходилъ въ окончательное бѣшенство.

Между тѣмъ время шло, дѣти росли. Андрей Нико-лаевичъ выписалъ учителей и цѣлый ворохъ книгъ для Артемія, и самъ наблюдалъ за его воспитаніемъ. Онъ лично преподавалъ ему математику. Уроки эти послужили первымъ разъединеніемъ князя съ его ли-бищемъ. Сначала все шло хорошо, но скорѣ учителя сталъ выказывать нетерпѣніе, а ученикъ съ каждымъ днемъ—увеличивающуюся робость передъ нимъ, вслѣд-ствие которой, во время объясненій урока, смотрѣлъ на него лишь испуганными глазами и ничего не понималъ.

Артемій, однако, оказался способнымъ и толковымъ. Остальные учителя были довольны имъ, и самъ князь, когда бывалъ въ духѣ и не запугивалъ мальчика, могъ только хвалить его.

Несмотря на появившіяся теперь относительно Ар-темія, за неудачные уроки, вспышки гнѣва князя,—князь не переставалъ утрировать свое расположеніе къ нему, то нарочно говоря при женѣ, что вотъ, молъ, онъ не можетъ найти въ родной семьѣ своей утѣше-нія, а долженъ искать его въ чужомъ, найденышѣ, то обѣщая послѣ своей смерти, которой, вѣроятно, ждуть не дождутся, оставить все этому найденышу, а „княжну Ольгу“ лишить наслѣдства.

Несмотря на то, что Андрей Николаевичъ старался всяческимъ образомъ унижить дочь передъ Артеміемъ, видя, что это дѣйствуетъ на мать, онъ всегда назы-валъ ее „княжною Ольгою“, а Артемія „найденнымъ“.

Княгиня невыразимо страдала и отъ непрерывныхъ уколовъ мужа, и отъ того, что не могла или, какъ она думала, не умѣла угодить ему, не спала ночи, хворала постоянно.

Андрей Николаевичъ такъ привыкъ къ болѣзнен-ному состоянію жены, что, кажется, думалъ, иначе она и жить не можетъ, и что все это пустяки, ничего опас-наго нѣтъ, а есть только одно преувеличеніе и мни-тельность. Княгиня, однако, не только не преувели-чивала своего недуга, но, напротивъ, скрывала его, и иногда, чтобы сдѣлать пріятное мужу, черезъ силу выходила къ нему, къ гостямъ, и должна была улы-баться и пить во время тостовъ вино, котораго тер-пѣть не могла. Она не могла переносить постной пищи,—князю иногда приходила фантазія соблюдать вдругъ самый строгій постъ, и княгиня припуждала себя ѣсть непріятныя для нея блюда... Стоило ей вы-казать страхъ передъ лошадыю,—на другой же день ее сажали чуть-ли не насильно верхомъ и не спу-
1

Съ сушеными грибами въ городъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) академика Писемскаго. грав. Рашевскій.

Порванные струны. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Волнова, грав. Флюгель.

сказали съ сѣдла до тѣхъ поръ, пока она не падала изнеможенная. И много было подобныхъ, изводившихъ по каплѣ терпѣніе, энергію и здоровье бѣдной женщины, вещей. Проскуровъ каждый день ухитрялся найти что-нибудь новое.

Княгиня выдержала одиннадцать лѣтъ своей замужней, страдальческой жизни, на двѣнадцатомъ слегла, наконецъ, измученная, больная, и болѣзнь эта была послѣднимъ ея страданіемъ.

III.

Переломъ.

Только тогда опомнился князь Андрей Николаевичъ, когда было уже поздно, и дѣло оказалось непоправимымъ. Княгиня лежала при смерти. Чѣмъ дольше она перемогала свою болѣзнь, чѣмъ упорнѣе боролась съ нею и скрывала ее, тѣмъ сильнѣе эта болѣзнь подступила теперь своимъ послѣднимъ натискомъ и вдругъ сломила такъ долго крѣпившіяся силы измученной женщины.

Въ большой, заткнутой штофомъ спальнѣ проскуровскаго дома, на широкой кровати съ шелковымъ балдахинномъ, лежала неподвижная, безъ кровинки въ лицѣ, княгиня.

Со вчерашняго дня, послѣ того, какъ ее отсоборовали и причастили, она не сказала ни слова, и какъ легла на спину, такъ и оставалась, не мѣняя положенія, всю ночь. Никто не зналъ, въ памяти она или нѣтъ, страдаетъ-ли, или уже ощущеніе притупилось ея, знаетъ-ли, наконецъ, окружающее, или свѣтлое забылось, предшествующее той величественной тайнѣ, которую люди называли смертью, охватило ея существо, готовое встрѣтить свой мирный, тихій, непостыдный христіанскій конецъ, потому что много конца и быть не могло у несчастной княгини, искупившей всей своей жизнью предсмертныя свои муки.

Она лежала безъ движенія, и только по чуть замѣтному колебанію ея гофрированной бѣлой кофточки, да по рѣдкому движенію не плотно опущенныхъ вѣкъ можно еще было судить, что угасающая жизнь теплится въ ней.

Князь, не раздѣвавшійся и не ложившійся уже три ночи, стоялъ у постели, боясь, что вдругъ не увидитъ медленнаго движенія ея дыханія, къ которому онъ жадно столько разъ за эти дни прислушивался... И именно потому, что онъ боялся не найти этого дыханія—ему показалось, что его уже нѣтъ и что послѣднее движеніе жизни оставило больную...

Онъ въ ужасѣ,—не крикнувъ только потому, что дорого свела ему горло, — протянулъ руки къ ней и двинулся впередъ...

Она вдругъ подняла вѣки. Большіе черные глаза ея открылись и неподвижно уставились на князя, стоящаго тутъ, противъ, возлѣ...

„Сознаетъ ли она, видитъ ли, понимаетъ, простила она или нѣтъ?“ тревожно и сразу все одновременно пропеслось у князя...

И годами, десятками лѣтъ, цѣлою жизнью показались ему тѣ секунды, пока смотрѣли на него ея черные, осмысленные, безъ словъ говорящіе глаза... Да,—они были осмысленны и говорили безъ словъ, что она сознаетъ все, видитъ, понимаетъ и прощаетъ ему...

Губы ея шевельнулись и рѣзкимъ, внятнымъ, особеннымъ шопотомъ произнесли:

— Дѣвочку... Олю...

Олѣ шелъ уже одиннадцатый годъ. Отъ нея не скрыли болѣзнь матери, но пока думали, что больная въ сознаніи, ребенка увели, стараясь какъ можно сократить тяжелое впечатлѣніе. Оля могла уже понимать...

Кто пошелъ за Олей, когда ее позвала мать, и скоро ли привели ее — Андрей Николаевичъ не сознавалъ; онъ помнилъ только (и на всю жизнь запечатлѣлось въ немъ это воспоминаніе), какъ дѣвочка, серьезная, словно взрослая, безъ слезъ, съ страшно измѣнившимся,

осунувшимся, но красотою похожимъ на мать личикомъ, остановилась у высокой постели и упала на колѣни.

Мать сдѣлала слабое движеніе рукою, но рука не слушалась и бесильно упала опять. Князь положилъ ее на голову Оли и заглянулъ въ глаза жены, какъ бы желая узнать, то ли онъ сдѣлалъ, что нужно. Взглядъ черныхъ глазъ отвѣтилъ ему благодарностью...

Потомъ больная долго собиралась съ силами, и, наконецъ, губы ея снова шевельнулись, и чуть внятный на этотъ разъ шопотъ сказалъ:

— Лю...би... ее...

Князь не выдержалъ, закрылъ лицо руками, напрасно сился подавить сухія рыданія безъ слезъ...

IV.

Новая жизнь.

Съ тѣхъ поръ, т. е. со дня смерти княгини, прошло восемь лѣтъ.

Оля изъ ребенка стала взрослою дѣвушкой. Обращеніе съ нею отца послѣ смерти княгини рѣзко измѣнилось. Схороня жену, князь, въ особенности, первое время былъ очень ласковъ и мягокъ со всѣми окружающими. Онъ проводилъ теперь почти цѣлые дни въ комнатахъ дочери и занимался лишь одною ею. Недавній любимецъ его — Артемій былъ переведенъ во флигель, но учителя сначала остались у него.

Вскорѣ, однако, они развѣхались, найдя, что условія ихъ жизни въ княжескомъ домѣ теперь стали не выгодны. Новыми ихъ не замѣнили. Такимъ образомъ, Артемій, ровесникъ Ольги, рано оказался предоставленнымъ самому себѣ.

Жизнь мальчика, лишеннаго товарищей, была одинока, и это одиночество спасло его. Если онъ не имѣлъ благодаря ему, многихъ радостей дѣтства, то не имѣлъ также дурного примѣра. Скука и однообразіе проводимыхъ безвыѣздно въ усадьбѣ князя дней пристрастили его къ чтенію. Онъ рано научился забираться въ бібліотеку большого дома и тамъ, забытый иногда всѣми, просиживалъ часами, не отрываясь отъ книги. Онъ читалъ все, что попадалось ему подъ руку, и дѣтское воображеніе работало въ немъ и дополняло прочитанное и создавало чудныя картины, подъ вліяніемъ описываемыхъ въ романахъ событій или приключеній, разсказанныхъ путешественниками.

Среди книгъ, однако, часто попадались и болѣе серьезные, научныя. Артемій прочитывалъ и ихъ. Такимъ образомъ, когда вошелъ онъ въ юношескій возрастъ, онъ оказался не только не лишеннымъ образованія, но могъ считаться, вполнѣ, человекомъ, знающимъ многое.

Пришлось ему случайно выказать раза два свои познанія передъ княземъ, и Андрей Николаевичъ снова приблизилъ къ себѣ прежняго своего любимца, сталъ поручать ему кой-какія дѣла сначала, потомъ мало-помалу Артемій сдѣлался у него чѣмъ-то въ родѣ домашняго секретаря...

Князь свято исполнялъ завѣтъ умирающей жены — любить дочь, но благодаря его несчастному, испорченному житейскими неудачами, характеру—самая эта любовь являлась иногда тяжелою, деспотическою. И онъ никакъ не могъ наладить свои отношенія къ дочери такъ, чтобы между нимъ и ею существовала та ясность и простота дружбы и то довѣріе, которыя служатъ истиннымъ признакомъ истинной любви... Оля боялась отца болѣе, чѣмъ любила. Андрей Николаевичъ видѣлъ это, замѣчалъ, выходилъ изъ себя, дѣлалъ усилія побороть бушевавшую въ немъ желчь; иногда это ему не удавалось, и онъ раздражался всыншкою гнѣва, еще болѣе запугивавшею молодую дѣвушку. Онъ почти всегда въ такихъ случаяхъ все-таки умѣлъ совладать съ собою и приходилъ сейчасъ же къ дочери съ ласкою, но и ласкать не умѣлъ онъ...

Тяжелою была жизнь и для самого Проскурова, и для окружающихъ его.

Чѣмъ болѣе уходило времени со дня смерти княгини, тѣмъ слабѣе, разумѣется, становилось впечатлѣніе ея конца и тѣмъ тяжелѣе дѣлался нравъ Андрея Николаевича.

Но за послѣднее время у него явился новый предлогъ для безпокойства и новая причина для гнѣва. Оля вошла въ тотъ возрастъ, когда дѣвушка можетъ стать невѣстою. Это сразу почувствовалось въ воздухѣ. Старухи дворовыя, вздыхая и охая, по своимъ свѣтелкамъ, шопотомъ заговорили о томъ, что пора-де прискаты жениха красавицъ-княжнѣ. Сосѣди спрашивали другъ у друга: „за кого же, однако, можетъ выйти замужъ Проскуровъ“, и не находили ей достойной партіи въ околоткѣ. Толки эти не доходили до князя, но онъ и безъ нихъ не могъ не видѣть, что его Оля не вѣчная жилища въ его домѣ, и что близится то время, когда—не князь, не отецъ,—другой завладѣтъ всецѣло ея сердцемъ, которое (князь чувствовалъ это) и теперь не бьется для него такъ, какъ этого ему бы хотѣлось...

Смерть похитила у него одно любящее существо—и онъ, потерявъ его, только понималъ, какъ оно было дорого ему, а теперь ему грозила разлукою съ другимъ близкимъ, единственнымъ роднымъ существомъ—свадьба, и князь инстинктивно сталъ бояться этой свадьбы пуще смерти.

А между тѣмъ, не только въ домѣ Андрея Николаевича, не только сосѣди въ околоткѣ, но и въ столицахъ вспомнили, что у стараго князя Проскурова есть дочь на возрастѣ—наслѣдница всего его огромнаго состоянія... И вдругъ, у него и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ отыскались пріатели, старые знакомые, о которыхъ онъ и помнить забылъ, а теперь они писали ему вѣжливыя письма, спрашивали, какъ живетъ онъ, совѣтовали бросить затворничество въ деревнѣ, пріѣхать въ столицу, и намекали, что теперь-де можно устроить это его возвращеніе, чтобъ онъ только понадѣлся на нихъ и выразилъ бы согласіе, а они уже похлопочутъ и все устроятъ.

Проскуровъ сразу понималъ истинную причину побужденія этой пріизни старыхъ друзей. У каждаго изъ нихъ, какъ нарочно, оказывался взрослый сынъ, и онъ съ тайнымъ злорадствомъ отвѣчалъ на письма, что деревенскимъ житьемъ своимъ онъ доволенъ, что онъ старъ, что трудно ему подниматься на старости лѣтъ всѣмъ домомъ, а главное—не находить онъ нужнымъ тащиться въ столицу, когда ему и въ деревнѣ хорошо.

Какъ въ продолженіе всей жизни, такъ и теперь странно шутила судьба надъ княземъ Андреемъ Николаевичемъ: когда онъ хотѣлъ, желалъ жить въ Петербургѣ—обстоятельства заставляли его уѣзжать; теперь не было сомнѣнія въ томъ, что дорога ему въ столицы откроется свободно,—но онъ уже не имѣлъ охоты стремиться туда, потому что тамъ пугалъ его призракъ свадьбы дочери, для которой собственно и звали его туда.

Каждый человѣкъ мѣряетъ жизнь по своей собственной, и Проскуровъ не исключительнo изъ себялюбиваго страха—остаться одинокимъ—боялся выдать дочь замужъ. Онъ помнилъ свою жену и никогда не переставалъ винить себя, ея мужа, въ ея преждевременной смерти; а если самъ онъ, Проскуровъ, былъ таковъ, то что ожидаетъ его Олю въ замужествѣ?..

Чтобы рѣшиться отдать дочь, — для князя нужно было рѣшить почти невозможную задачу:—найти чело-*вѣка лучше самого себя!*.. и, въ силу этого, каждый, кто могъ разсчитывать на взаимность Ольги — становился вдвойнѣ непріятенъ ему.

Но пока въ письмахъ, получаемыхъ Андреемъ Николаевичемъ, были одни лишь намеки—они только доставляли ему удовольствіе писать язвительные отвѣты, скрытые подъ изысканно-вѣжливую форму.

Вскорѣ, однако, дѣло приняло болѣе серьезный оборотъ. Князь Голицынъ написалъ прямо, что онъ много

слышалъ о красотѣ княжны, что нельзя же дѣвушкѣ жить затворницей, что пора ея отцу подумать о женихѣ для нея, и что онъ, князь Голицынъ, помнитъ Андрея Николаевича — всегда ему любезнаго, и что у него есть сынъ, обладающій превосходными качествами.

Письмо было составлено, разумѣется, очень гладко, съ незамѣтными переходами, но смыслъ былъ болѣе, чѣмъ ясенъ.

Предложеніе казалось такимъ, надъ которымъ слѣдовало подумать. Сынъ князя Голицына являлся блестящей партіей во всѣхъ отношеніяхъ...

Андрей Николаевичъ отказалъ ему безъ долгихъ разсужденій. Онъ вышелъ изъ себя уже, не распечатавъ еще письма: на адресѣ стояло злополучное „и бригадиру“. Этого было достаточно, чтобы князь отнесся къ письму съ полнымъ предубѣжденіемъ. Узнавъ его содержаніе, онъ окончательно всплилъ. Желчь разлилась у него. Онъ три дня былъ боленъ...

Но это первое, поставленное ребромъ, приглашеніе расчистило почву для послѣдующихъ, и вскорѣ князь Андрей Николаевичъ долженъ былъ принять у себя, въ Проскуровѣ, чело-*вѣка*, о которомъ ему приходилось рѣшать, лучше ли онъ его самого...

V.

Женихъ.

Баронъ Ульрихъ фонъ-Эйзенбахъ, прожившій на родинѣ у себя послѣднія крохи значительнаго когда-то состоянія, бывшаго у его предковъ, пріѣхалъ въ Россію искать счастья. Здѣсь онъ хотя и нашелъ его, но все-таки это, казалось, не то, что онъ ожидалъ. Какъ бы то ни было, однако, баронъ Эйзенбахъ устроился въ Петербургѣ, женился на русской и прижилъ съ нею сына Карла...

Съ княземъ Проскуровымъ баронъ сошелся по службѣ и, вполнѣдствіи, сумѣлъ поддержать дружескія съ нимъ отношенія. Несмотря на то, что князь ссужалъ его даже деньгами иногда,—отношенія эти не испортились. Баронъ оказывался аккуратенъ и день въ день, часъ въ часъ платилъ свои долги.

Съ переѣздомъ князя въ деревню, баронъ находился съ нимъ въ постоянной перепискѣ, при чемъ никогда въ его письмахъ не было ничего, что могло бы раздражить Андрея Николаевича. Въ нихъ сообщались лишь свѣдѣнія всегда пріятныя князю,—который узнавалъ изъ этихъ писемъ о неудачѣ того или другого въ ходѣ пошедшаго лица и видѣлъ, что не одинъ онъ на свѣтѣ терпитъ немилость судьбы.

Всѣ порученія, какія нужно было исполнить для князя въ Петербургѣ, мелкія ли это были покупки или большія тяжёбныя дѣла — всѣ исполнялись обязательнымъ и аккуратнымъ барономъ, и исполнялись самымъ точнымъ образомъ.

Ни разу ничего не было забыто, ни одной тяжбы не проигралъ Андрей Николаевичъ, при посредствѣ своего пріятеля. Баронъ очень ловко давалъ понимать князю, при случаѣ, что онъ все-таки имѣетъ какое-нибудь значеніе въ столичномъ служебномъ мірѣ и что онъ не кто-нибудь, а потомокъ славнаго дворянскаго пѣмецкаго рода. Князь, благодаря этому, не считалъ его ниже себя, но, напротивъ, относился къ нему, какъ къ пріятелю, которому онъ даже многимъ обязанъ...

Итальянецъ, приглашенный княземъ для составленія родословной, былъ рекомендованъ тоже барономъ, и черезъ этого-то иностранца Эйзенбахъ имѣлъ аккуратно свѣдѣнія обо всемъ, что происходило въ Проскуровѣ.

Не даромъ, разумѣется, баронъ хлопоталъ для князя, держалъ на откупъ иностранца при немъ и ухаживалъ, въ продолженіе долгихъ лѣтъ, за старикомъ Проскуровымъ. Восемнадцать лѣтъ тому назадъ, на скромныхъ крестинахъ княжны Ольги — баронъ рѣшилъ: „Вотъ будущая жена моему Карлу!“ и съ тѣхъ поръ велъ правильную осаду для завоеванія своему Карлу счастья, гарантированнаго богатымъ приданымъ княжны.

Оль заболелся о сыгѣ, насколько хватало у него силъ. Карла наградила природа всѣмъ, чѣмъ только могла,—и умомъ, и молодцоватымъ видомъ, и красивымъ лицомъ. Объ одномъ только жалѣлъ его отецъ, что не можетъ оставить ему крупнаго состоянія—и старался замѣнить этотъ пробѣлъ, приготовивъ ему одну изъ самыхъ богатыхъ неслѣствъ въ Россіи. Само безвыѣздное житье Проскурова въ деревнѣ было на руку барону. Роскошь двора Елисаветы и наличной аристократіи въ Петербургѣ на глазахъ Эйзенбаха съѣдали цѣлыя состоянія, имущество же Проскурова лишь увеличивалось отъ его затворничества въ деревнѣ. Одиночество же этой затворнической жизни лишало барона конкурентовъ въ задуманномъ имъ дѣлѣ, потому что онъ зналъ навѣрное, что на письмѣ никто такъ не сумѣетъ подойти, какъ онъ, къ взысканному и своенравному князю.

У Андрея Николаевича была одна склонность, проявившаяся, сравнительно, недавно, но тѣмъ не менѣе съ необычайною силой, какъ всякая прихоть. Онъ полюбилъ цвѣты, въ особенности розы.

Баронъ долженъ былъ выписать и выслать ему цѣлую партію кустовъ.

Князь остался ими очень доволенъ и цѣлый уголъ проскуровскаго сада отдѣлилъ специально подъ розы. Онѣ разрослись и, покрытыя цвѣтами, представляли, дѣйствительно, прекрасный видъ, производившій совсѣмъ необычайное впечатлѣніе.

Весною того года, когда исполнилось Ольгѣ восемнадцать лѣтъ, князю понадобились еще какіе-то, совсѣмъ особенные сорта. Онъ написалъ объ этомъ барону.

Баронъ отвѣтилъ, что розы достанетъ онъ изъ императорскихъ оранжерей, что по нѣжности ихъ они требуютъ очень тщательной упаковки, а главное, перевозки, и доставить ихъ затруднительно, но, по счастью, сынъ его, Карлъ, намѣревается поѣхать въ Москву и по дорогѣ можетъ, если угодно, завезти посылку собственноручно къ князю...

Андрей Николаевичъ былъ поставленъ до нѣкоторой степени втупикъ этимъ письмомъ пріятеля. Въ письмѣ, разумѣется, не было и тѣни намека насчетъ какихъ-либо видовъ барона относительно княжны, однако старый князь сразу отнесся недовѣрчиво къ появленію у себя молодого человѣка. Но отказать было трудно. Проскуровъ понималъ, что вѣтъ причинъ обидѣть старика и всегда обязательнаго пріятеля. Къ тому же, неизвѣстно еще, каковъ собою этотъ молодой Карлъ фонъ-Эйзенбахъ, можетъ быть и некрасивъ, да и влюбленъ уже въ другую, да вовсе и не думаетъ о княжнѣ Проскуровой,—отчего же ему не пріѣхать?..

И Проскуровъ выразилъ согласіе свое видѣть у себя молодого Карла, который привезетъ ему новые сорта розъ. Тѣмъ не менѣе, сообщивъ старику барону о своемъ согласіи, Андрей Николаевичъ вналь на нѣсколько дней въ дурное расположеніе духа... Молчалъ за обѣдомъ, подолгу ходилъ по саду одинъ и, наконецъ, обливилъ разъ за столомъ, что вскорѣ-де къ нимъ пріѣдетъ изъ Петербурга „петиметръ“, — почему уже Проскуровъ заранѣе, не выдавъ его даже, пожаловалъ Карла Эйзенбаха въ петиметры—этого и самъ онъ не зналъ пожалуй вполнѣ основательно... Не зналъ также Андрей Николаевичъ, что главною цѣлью поѣздки барона Карла была не Москва, а именно Проскурово, куда онъ долженъ былъ заѣхать яко-бы по дорогѣ, но, на самомъ дѣлѣ, старый баронъ Эйзенбахъ, денежныя дѣла котораго были далеко не въ блестящемъ состояніи, съ большимъ трудомъ собиралъ сына въ эту поѣздку. Проскуровъ не зналъ, какихъ трудовъ стоило его пріятелю найти средства на этотъ случай для сына. Несмотря, однако, на затрудненія, все было сдѣлано съ умѣньемъ не только соблюсти извѣстные

выѣшшія приличія, но даже съ расчетомъ на нѣкоторое впечатлѣніе.

Карлъ ѣхалъ въ собственномъ весьма удобномъ и изящномъ экипажѣ, съ нимъ былъ замасъ щегольского платья, два лакея. Кромѣ розановъ, онъ везъ въ подарокъ князю буюаръ, за который, скрѣпя сердце, старикъ Эйзенбахъ заплатилъ хорошія деньги.

Все это было ставкою опытнаго игрока, разсчитавшаго на почти вѣрный выигрышъ и не жалѣющаго увеличить свой ударный, разсчитанный кушъ.

Эйзенбахъ сильно разсчитывалъ на свадьбу сына съ княжною Проскуровой. Свадьба эта не только могла поправить его дѣла, но позолотить обѣдѣвшій гербъ барона, и позолотить съ честью.

Такимъ образомъ, молодой баронъ Карлъ явился въ Проскурово блестящимъ гостемъ.

Его встрѣтили тутъ съ не меньшимъ достоинствомъ и тактомъ. Сейчасъ по пріѣздѣ, барона отвели во флигель, гдѣ были приготовлены для него комнаты. Почтительный дворецкій съ медлительными и важными движеніями явился къ нему спросить, не угодно-ли будетъ барону откушать у себя, потому что господа уже кончили обѣдъ, и князь Андрей Николаевичъ легли почивать послѣ обѣда. Проснувшись, князь приметъ барона черезъ два часа.

Проговоривъ все это, дворецкій откланялся, и баронъ могъ, если ему было угодно, сдѣлать честь разставленнымъ на кругломъ столѣ блюдамъ на серебряномъ подпосѣ. Флигель, отведенный подъ его помѣщеніе, былъ сплошь увитъ излучими растеніями, вѣтви которыхъ причудливымъ кружевомъ свѣшивались надъ окнами, пропуская сквозь свои тонкіе листья лучи солнца, заливавшіе широкій цвѣтникъ передъ флигелемъ.

Эйзенбахъ усталъ съ дороги и чувствовалъ голодъ, и съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ припался за вкусныя блюда...

Онъ ѣлъ, не спѣша, стараясь оглядѣться и оцѣнить ту роскошь, въ которую онъ попалъ теперь, и которая, можетъ быть, станетъ, со временемъ, его собственностью. Ему было пріятно чувствовать вокругъ себя прохладу уютныхъ комнатъ, уставленныхъ штофною мебелью и дорогими вещами; ему было удивительно, послѣ только-что испытанныхъ неприятностей и лишеній дороги, видѣть передъ собою столъ, за которымъ онъ сидѣлъ, отрѣзая золоченымъ ножомъ кусокъ паштета, которому позавидовалъ-бы король Франціи, палитъ вино изъ хрустальныхъ графиновъ и чувствовать ароматный, пѣкный, особенно во время ѣды, вкусный запахъ фруктовъ, поставленныхъ передъ нимъ въ хрустальной-же вазѣ, на причудливой серебряной подставкѣ.

„Этотъ князь, соображалъ баронъ, сидя за столомъ, — долженъ быть страшно богатъ, гораздо богаче, чѣмъ мы думали съ отцомъ“...

И онъ еще разъ въ душѣ рѣшилъ, что постарается, по возможности, вести себя умно и дальновидно, поотступая ни на шагъ отъ тѣхъ совѣтовъ, которые давалъ ему предусмотрительный отецъ, при отъѣздѣ...

Вставъ изъ-за стола, Эйзенбахъ началъ одѣваться, чтобы представиться князю. Камзолы, привезенные имъ съ собою и казавшіеся ему въ Петербургѣ довольно богатыми, теперь, послѣ видѣнной имъ въ Проскуровѣ роскоши, были едва только приличными, и самый роскошный нарядъ, про который онъ говорилъ отцу, что едва-ли стоитъ его дѣлать, ибо передъ княземъ необходима скромность, показался ему совершенно соответствующимъ.

Когда Эйзенбахъ одѣлся со всею тщательностью аккуратнаго человѣка, къ нему снова явился важный дворецкій съ докладомъ о томъ, что князь проснулся и ждетъ къ себѣ молодого гостя.

(Продолженіе будетъ).

МОЛИТВА. Рис. Іаковачи, грав. Мантелію.

Путешествіе по Йеллоустонскому національному парку.

Очеркъ Павла Линдау. Переводъ Б. Н.

(Окончаніе).

На громадной равнинѣ, поверхность которой равняется 6 квадратнымъ английскимъ милямъ, отовсюду поднимается бѣлый горячій паръ. Это и есть Норріейкій гейзеръ. Среди пара, заволакивающего равнину, глазъ различаетъ кое-гдѣ появляющіеся етолбы горячей воды, которые, взлетѣвъ на значительную высоту, падаютъ снова въ свои водоемы съ сильнымъ шумомъ. Вся почва ярко-бѣлаго цвѣта и чрезвычайно похожа на ледяную поверхность, въ моментъ оттепели. Посреди этого огромнаго водоема-гейзера подымается маленькій островокъ, а кругомъ водоема тлится холмъ, покрытый густымъ лѣсомъ. Вдали высятся ещѣговыя горы Норриса. Въ равнинѣ на каждомъ шагѣ видны елѣды дѣйствія вулканическихъ силъ, вся она устлана дырами, трещинами и углубленіями, въ которыхъ стоитъ вода и изъ которыхъ поднимается паръ. Концы лошадей оставляютъ въ мягкой почвѣ глубокіе слѣды; въ нѣкихъ мѣстахъ ихъ тотчасъ же наполняетъ выступившая изъ земли вода. Часто, когда мы приближались къ гейзеру, и вѣтеръ вдругъ начиналъ дуть въ нашу сторону, намъ поневолѣ приходилось принимать души довольно высокой температуры. Проводники отлично знаютъ мѣстность, такъ что объ опасности попасть въ гейзеръ и т. п. ничего и говорить. Конечно, можетъ внезапно появиться новый гейзеръ. Появленію, однако, новаго гейзера предшествуютъ неизменно опредѣленные признаки, такъ, сначала начинается все сильнѣе и сильнѣе идти паръ, затѣмъ уровень горячей воды поднимается въ этомъ мѣстѣ, далѣе епачала выбрызгиваютъ мелкія струи воды, и, наконецъ, подымается громадный водяной столбъ. Если къ этому прибавить, что въ опасныхъ мѣстахъ стоятъ надписи „Danger“ (опасность) и „Look out“ (оглянься!), то станетъ понятно, что путешественники совершенно застрахованы отъ опасныхъ случаевъ.

Насколько часто здѣсь появленіе новыхъ гейзеровъ, можно судить по тому, что въ теченіе трехъ недѣль, какъ разъ, передъ нашимъ прїѣздомъ, на поверхности въ 10—15 квадратныхъ метровъ образовалось шесть новыхъ гейзеровъ! Одинъ изъ нихъ бьетъ на значительную высоту и находится въ дѣйствіи почти полныя сутки — 20 часовъ. Вокругъ его образовалась твердая насыпь въ $\frac{3}{4}$ фута высоты. И все это дѣло нѣсколькихъ недѣль!

Здѣсь отчетливо слышны подземный шумъ и журчаніе вулканическихъ еилъ, порою, переходящіе въ страшный ревъ и грохотъ. Если прилечь ухомъ къ землѣ, то услышишь сильные подземные ритмическіе удары, и даже чувствуются ре-

торныхъ зачастую находитея гейзеръ, просто еказочна и не поддается никакому описанію. Когда лучъ солнца ударяетъ въ нихъ, то въ водѣ играютъ всѣ цвѣта радуги. Поверхность воды въ этихъ водоемахъ никогда не бываетъ спокойною, она вся дрожитъ, и снизу часто всплываютъ пузырьки. Вдругъ уровень воды начинаетъ быстро повышаться, она начинаетъ колыхаться, и изъ водоема взлетаетъ столбъ горячей

Температура воды въ во ел между 106 и 198 граду (41—92 Цельсія). Гайдентъ новую температуру 84 градуса

доемахъ колеблетсаи Фаренгейта прняия за сред- Цельсія.

Пещерный гейзеръ въ бездѣйствіи.

Единственными въ своемъ родѣ являются и здѣшніе пыльные гейзеры. Вмѣстѣ съ водой и паромъ они выбрасываютъ размельченные почти въ пыль камни. Все очарованіе этихъ гейзеровъ, какъ и всего остальнаго въ Йеллоустонскомъ паркѣ, состоитъ въ удивительной окраскѣ ихъ водоемовъ и радужномъ блескѣ выбрасываемой ими воды. Окрустность этихъ пыльных гейзеровъ называется „Mammoth Paint Pots“ и представляетъ собою неровную почву, устланную небольшими пирамидальными холмиками, похожими на кратеры вулкановъ.

Номѣщеніе въ гостиницѣ, на мѣстѣ остановки, намъ очень понравилось. Хозяинъ встрѣтилъ насъ очень радушно и тотчасъ же сталъ немолчно болтать. Еще бы! бѣднякъ провелъ здѣсь всю зиму самъ-другъ со своимъ старымъ котомъ! Надо было видѣть, какъ еуетился и хлопоталъ этотъ любезный шведъ (большинство содержателей гостиницъ, какъ я уже замѣтилъ раньше, — шведы) и все-таки въ концѣ концовъ накормилъ насъ не плохо.

Когда мы остановились на ночлегъ подлѣ Firchole, полная луна величественно выплывала изъ-за горъ, поросшихъ ееновымъ лѣсомъ. Хозяинъ и мои спутники заснули крѣпкимъ еномъ, а я вышелъ изъ дому. Только огонекъ въ окнахъ гостиницы свидѣтельствовалъ о существованіи людей въ этой грандіозной пустынѣ. Небо было совершенно ясно. Звѣзды слабо меркали, все небо топуло въ лунномъ блескѣ. Firchole, точно длинная серебряная змѣя, вилась по долинѣ и пропадала вдали. Все, казалось, заснуло тихимъ еномъ. Нѣтъ, только казалось... Тамъ, внизу, подземныя силы не знали покоя и ночью, и онѣ одиѣ не дремали въ эту чудную ночь.

Явственно слышались глухое ворчаніе и равномѣрные удары подъ землею, точно тамъ работали громадыя паровыя машины. То и дѣло вылетали столбы воды и бѣлаго пара, освѣщаемые луной. Стало свѣжо; я вернулся въ гостиницу и, усталый, бросился въ постель. Еще долго не могъ я заснуть, и долго раздавались глухіе подземные удары.

На другой день мы рано двинулись въ путь по берегу рѣки Firchole и, пройдя нѣбольшой хвойный лѣсъ, очутились въ крайне неприкѣтливой мѣстности. Предъ нами тянулась каменная, сѣраго цвѣта, равнина, на ней нѣрѣдка встрѣчались попадавшіе сюда какъ-то одинокія сосны и ели. Равнину эту кольцомъ окружали ещѣговыя горы, но скатамъ поросшимъ лѣсомъ. Пустынная и печальная мѣстность эта носитъ названіе „Hell's Half Acre“ (Адекая долина). Тутъ-то находится одно изъ красивѣйшихъ и величайшихъ горячихъ озеръ парка и недалеко отъ него колоссальнѣйшій гейзеръ міра. Озеро называется призматическимъ („Prismatic Spring“) и вполне оправдываетъ свое названіе. Уже издали

Эксцельсиоръ въ полной дѣятельности.

гуляриши колебанія почвы, точно гдѣ-то, внизу, въ гигантской кузницѣ, раздаются грозные удары молотовъ непоинновѣ- циклоповъ, сотрясающіе землю. Надо было торопиться къ мѣсту нашей третьей остановки на берегу рѣки Firchole; теперь мы въѣзжали въ настоящую область гейзеровъ.

Какъ чудно хороши горячія озера и пыльные гейзеры въ этой части Йеллоустонскаго парка. Красота водоемовъ, наполненныхъ прозрачною голубой или зеленою водою, на днѣ ко-

надъ нимъ видны цѣлая облаба пара, окрашенная въ самыя причудливыя цвѣта. По мѣрѣ приближенія, паръ теритъ свою окраску, зато виднѣются уже горячая вода озера сверкаетъ всѣми цвѣтами радуги. За озеромъ сейчасъ-же находится и знаменитый Эксельсиоръ. Изъ глухо шумящаго кратера поднимаются тучи пара. Все, что говорилъ я при описаніи другихъ гейзеровъ,—причудливая форма ихъ, замѣчательная окраска воды,—все соединено здѣсь въ грандіозныхъ, ужасающихъ размѣрахъ. Водоемъ гейзера представляетъ собою цѣлую бездну въ 330 футовъ длины и въ 220 футовъ ширины. Близко подойти къ нему невозможно, изъ-за сильнаго жара и горячаго пара, но, къ счастью нашему, онъ былъ въ покоѣ, и мы могли заглянуть въ его глубину. Она оказалась не очень значительною, всего 15—20 футовъ. Стѣны водоема изъ сѣраго, точно обледѣлаго, камня были усыпаны громадными трещинами. Во время изверженія Эксельсиора, цѣлые потоки воды стекаютъ по равнинѣ въ рѣчку Firehole.

Въ 1879 году суперинтендентъ края полковникъ Норрисъ, проѣзжая по долинѣ, услышалъ страшный шумъ и грохотъ. Онъ немедленно поскакалъ на мѣсто шума, и увидѣлъ Эксельсиоръ въ полномъ дѣйствіи. Страшныя изверженія этого гейзера, почти ежедневныя, относятся къ 1880—81 годамъ; съ тѣхъ поръ Эксельсиоръ замолкъ, и изверженія его стали чрезвычайно рѣдки, такъ что лишь немногіе туристы и путешественники послѣднихъ лѣтъ могутъ похвалиться тѣмъ, что видѣли Эксельсиоръ въ дѣйствіи. Судя же по описанію, составленному полковникомъ Норрисомъ, они должны быть грандіозны. Это всего лучше видно изъ сравненія. Большой гейзеръ въ Исландіи выбрасываетъ водяной столбъ въ 7 футовъ толщины на высоту 80—90 футовъ, тогда какъ водяные брызги Эксельсиора поднимаются на высоту 300 футовъ, а на высотѣ 100 футовъ водяной столбъ его просто баснословной толщины. Одинъ американецъ, наблюдавшій изверженіе Эксельсиора, опредѣляетъ толщину водяного столба его въ 25 футовъ, тогда какъ полковникъ Норрисъ, чаще видѣвшій изверженія гейзера, свидѣлствуетъ, что водяной столбъ его имѣлъ въ діаметрѣ отъ 60 до 70 футовъ! При изверженіяхъ Эксельсиора выбрасываютъ громадные обломки скалъ, одинъ изъ которыхъ, по словамъ Норриса, вѣсилъ болѣе 100 фунтовъ. Благодаря послѣднему обстоятельству, изверженія этого гейзера не были бы безопасны для слишкомъ смѣлыхъ наблюдателей. Зрѣлище изверженія Эксельсиора не имѣетъ себѣ подобнаго на земномъ шарѣ.

Осмотрѣвъ Эксельсиоръ, мы двинулись въ путь къ другимъ громаднымъ гейзерамъ Йеллоустонскаго парка, расположеннымъ въ бассейнѣ рѣки Firehole. Здѣсь, на прострѣтѣхъ двухъ квадратныхъ англійскихъ миль, находится до 50 гейзеровъ, уступающихъ Эксельсиору, по далеко оставляющихъ за собою большой Исландскій гейзеръ. Четыре изъ нихъ, меньшіе, „Девъ“, „Львица“, „Вѣрный“ и „Береговой“ гейзеры бьютъ почти на такую же высоту, какъ Исландскій, на 60—80 футовъ, „Гейзеръ-Баши“ бьетъ на высоту 100 футовъ, „Пензляшій“ на 150, „Большой Гейзеръ“ на 95—200, „Великанъ“ на 130—200, „Великолѣный“ на 200, „Улей“ на 200 и „Великанша“ на 250 футовъ! Изверженія ихъ не періодическія, по крайней мѣрѣ, наука еще не установила этого.

Сильнѣйшее впечатлѣніе оставляетъ гейзеръ, названный Гайдеомъ „Пензляшій“. Черезъ каждыя 55—65 минутъ онъ выбрасываетъ громадный столбъ горячей воды вылетѣ съ паромъ. До изверженія гейзеръ этотъ имѣетъ непривлекательный видъ. Сѣрый каменный водоемъ, и посреди его небольшое возвышеніе бѣлаго, какъ снѣга, цвѣта съ кратеромъ гейзера, изъ котораго выходятъ струи пара. Но вотъ приближается время изверженія. Раздается глухое ворчаніе, переходящее постепенно въ страшный грохотъ. Изъ кратера вылетаютъ маленькія струи воды всего на нѣсколько футовъ вышины. Черезъ двѣ минуты послѣ этого весь водоемъ начинаетъ дымиться, и вылетающія струи воды увеличиваются. Затѣмъ

снова пауза минулы въ двѣ, и снова водяной столбъ въ 20 футовъ высоты. Наконецъ, наступаетъ моментъ настоящаго изверженія, продолжающагося 4 минуты. Съ страшнымъ шумомъ и грохотомъ взлетаютъ къ голубому небу гигантскіе столбы горячей воды въ 150 футовъ высотой, окруженные облаками горячаго пара. Но вотъ изверженіе кончилось, и вода въ воронкѣ гейзера приняла чудную голубую, почти стальную окраску. Вся окрестность гейзера сразу перемѣнила свой привычный видъ. Во всѣхъ маленькихъ водоемахъ вокругъ гейзера появились небольшие озера выброшенной гейзеромъ воды, ярко блистающія на солнцѣ.

Дальнѣйшій путь къ замѣчательному обрыву Грандъ-Каніонъ и водопадамъ Йеллоустонскаго парка былъ заваленъ массами снѣга, такъ что мы должны были вернуться въ Норрисъ и отсюда двинуться къ Грандъ-Каніону другимъ, болѣе удобнымъ, чрезвычайно труднымъ путемъ черезъ горы. По мѣрѣ приближенія къ нему, предъ нами развергивалась дикая, но восхитительная мѣстность.

Между исполинскими скалами сѣтло-желтаго и красноватаго цвѣта, мѣстами голыми, мѣстами поросшими хвойнымъ лѣсомъ, извивается рѣчка, шумливая и бурная; грозно пѣнясь, она прыгаетъ черезъ многочисленныя пороги и подводные камни, образуя громадный водопадъ, низвергающійся съ высоты 350 футовъ. Затѣмъ нѣкоторое время, точно утомленная немощнымъ прыжкомъ, она покойно катится до новаго препятствія, и тутъ снова пѣнится и бунуетъ, точно разъяренный звѣрь. Чтобы полнѣе понять общее впечатлѣніе этой грандіозной картины, нужно представить себѣ, что надъ водопадомъ еще поднимаются громадные скалы отъ 1400 до 1500 футовъ высоты.

Жаль было оторваться отъ этого зрѣлища, но впереди ожидало насъ другое подобное. Мы направились къ „Lookout Point“. Это тѣшенна, подобная только что описанной. Къ сожалѣнію, закатъ догналъ и наступали сумерки, такъ что рискованно было ѣхать туда по трудному, небезопасному пути. Издали доносился до насъ грозный шумъ водопада. Громадный огненный дискъ солнца постепенно скрывался за горами. На высотѣ 1000 футовъ надъ нами черною точкою парилъ орелъ въ поднебесы. Мы поспѣшили въ обратный путь, чтобы къ ночи добраться до нашей стоянки.

Итакъ, осмотръ Йеллоустонскаго парка былъ оконченъ, мы посвятили ему цѣлую недѣлю. Къ счастью, все

время стояла благоприятная погода, но многое все-таки помѣшало намъ видѣть громадные снѣжные заносы; когда мы обратились въ обратный путь, ихъ уже начинали расчищать, такъ какъ приближалось обычное время путешествій въ Йеллоустонскій паркъ. Обратный путь къ Мамоновымъ горячимъ ключамъ отъ Грандъ-Каніона, частью, пришлось совершать подъ сильнымъ дождемъ, частью при ослѣпительномъ солнечномъ блескѣ. Уже мы оставили за собою обидѣнные скалы, какъ вдругъ внезапно поднялась буря. Страшный вѣтеръ поднималъ массы снѣга и билъ намъ въ лицо ледяными сосульками. Мы поспѣшили укрыться отъ этого снѣжнаго шторма въ ближайшемъ хвойномъ лѣсу. Когда буря кончилась, нашимъ глазамъ представилась безконечная снѣжная равнина, по которой мы двинулись впередъ. Прибывъ въ гостиницу у Мамоновыхъ горячихъ ключей, мы увидѣли новое величественное явленіе. Громадная дуга радуги сверкала чудными переливами на очистившемся отъ тучъ небѣ.

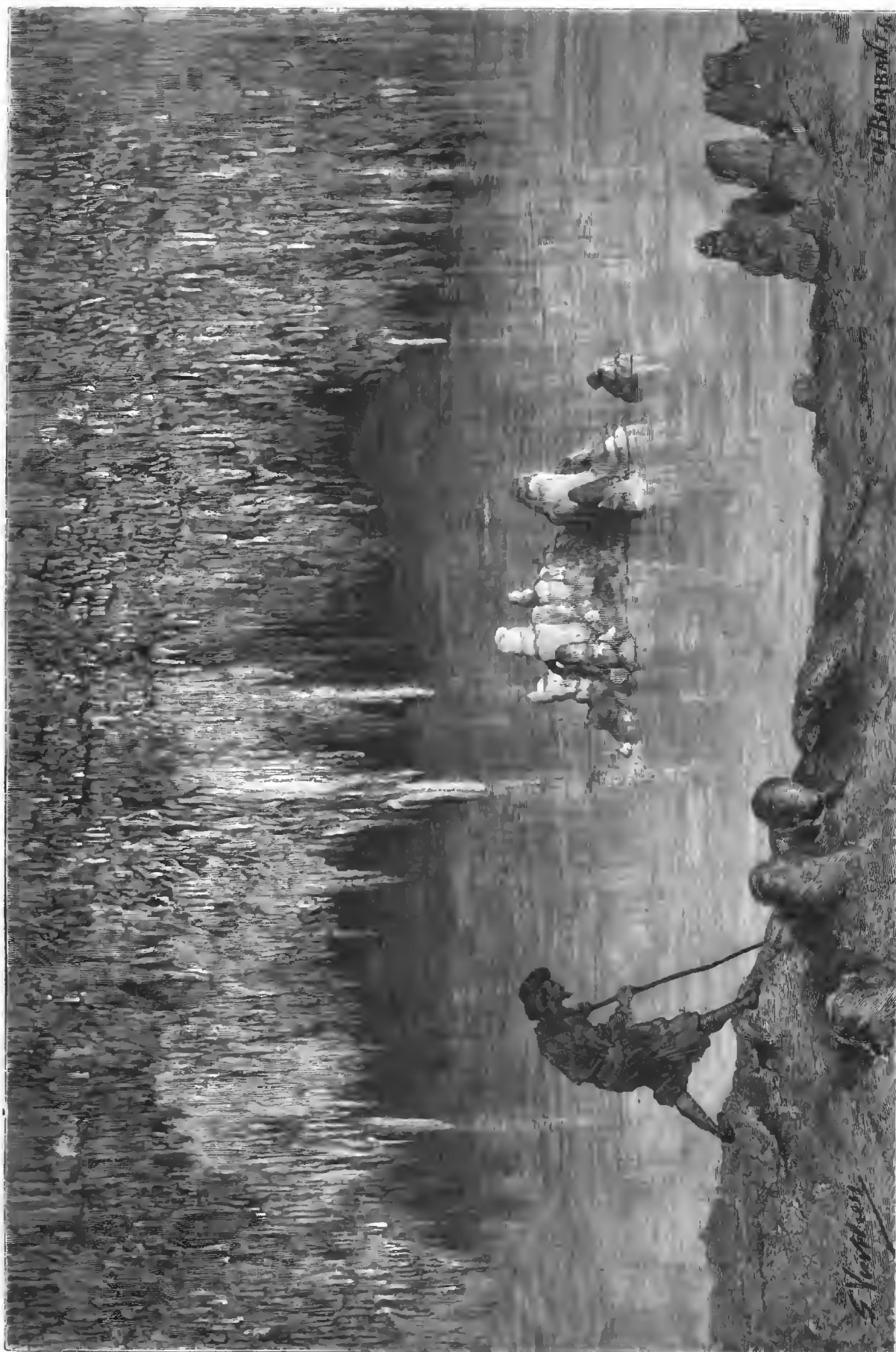
Этотъ знаменитый національный паркъ и зоологическій садъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, постигся нѣсколькими рѣзкими, чѣмъ въ предшествующіе годы. Въ 1891 году продолжавшаяся долго сырая погода удерживала путешественниковъ отъ посѣщенія этихъ мѣстъ, да и въ прошломъ году сезонъ начался очень поздно: отъ сильныхъ ливней дороги стали непроходимы, а причиненныя поврежденія потребовали обширныхъ работъ по ихъ исправленію. Въ настоящее время онъ законченъ, и дороги теперь снова приведены въ хорошее состояніе. Для удобства путешественниковъ не падать трудовъ и заботъ. Показ

Грандъ-Каніонъ.

Испанскіе цыгане, умоляющіе короля Филиппа III отменить указъ о ихъ изгнаніи. Рис. Е. Лонгъ, грав. Жоонаръ.

Пещерное озеро на Майоркѣ (Балеарскіе острова). Рис. Вюлье, грав. Барбаль.

гостиница, построенная у верхняго бассейна горячих источниковъ, удовлетворить самымъ измѣненнымъ требованіямъ въ этомъ отношеніи. Въ истекшемъ году опять было въ паркѣ много пожаровъ, но, благодаря принятымъ мѣрамъ предосторожности, они не причинили большого вреда. Число караульныхъ постовъ снова было увеличено, и предполагается даже усилить квартирующія въ паркѣ войска еще одной ротой пѣхоты, для того именно, чтобы за всѣми частями его можно было

установить одинаковый присмотръ. Количество буйволовъ доходить до 490. Въ южной части парка пайдею было еще нѣсколько лосей, но такъ какъ онѣ часто переходятъ границы охраняемой территоріи, то сдѣдуетъ опасаться ихъ истребленія. Лосей насчитываютъ теперь около 25.000 штукъ, но во время послѣдней суровой зимы погибло ихъ отъ двухъ до пяти тысячъ. Семейство медвѣдей быстро размножается, а также сильно увеличивается и количество антилопъ, бобровъ и многихъ другихъ животныхъ.

Крестьяне.

Карла Ларсена. (Переводъ съ датскаго).

I.

Крестьянинъ Соренъ Енсенъ съ батракомъ Енсомъ рубили деревья на опушкѣ лѣса. На дорогѣ, недалеко, показались, верхомъ, два жандарма. Они ѣхали шагомъ, не сѣша, остановились у стараго дуба, одинъ изъ нихъ слѣзъ и приблизъ къ дереву листъ красной бумаги. Потомъ они удалились такъ же медленно, какъ подъѣхали.

Крестьяне поняли, что это не къ добру.

— Объявленіе о Гансѣ Пирсенѣ! сказалъ Соренъ, подойди къ дубу и прочитай написанное на прибитомъ листѣ.

— Ишь перешелъ онъ имъ дорогу! Сто кронъ обѣщаютъ за его поимку.

Батракъ испуганно оглянулся, точно за его спиною стоялъ самъ Гансъ Пирсенъ.

— Да, ну? прошепталъ онъ.

— Ну, я-бъ и за двѣсти кронъ не пошелъ его ловить! сказалъ опять Енсенъ.—Да и наврядъ ли кто польстится на эти деньги... И кто могъ думать... Онъ сужилъ прежде у меня, славный былъ парень.

— Схватятъ они его, навѣрно схватятъ, подумалъ батракъ.

— Не продержаться ему долго при такой непогодѣ, точно угадалъ его мысль, проворчалъ Енсенъ.

Оба замолчали и снова принялись за работу.

Вернувшись домой, Соренъ Енсенъ разсказалъ обо всемъ женѣ.

— Господи помилуй! испугалась она.

— Ну, чего ты! Намъ онъ худа не сдѣлаетъ, успокоилъ ее Енсенъ.

— Чай онъ злой теперь, какъ въ тюрьмѣ-то посидѣлъ.

— Эхъ, славный былъ малый, сгинулъ... Затравить его, со свѣту сжечь этотъ каналья шведъ. Подѣломъ ему всадилъ Гансъ ножъ въ глотку...

Все это ничуть не успокоило жену Енсена. Ее такъ и трясло отъ страха.

— Смотри, не сблѣти дѣвкамъ, да людямъ. Енсу я ужъ наказалъ молчать.

Весь день просидѣла она въ горницѣ, боясь показаться на дворъ.

Подъ-вечеръ залаяла вдругъ цѣнная собака; затѣмъ смолкла. Кто-то прилащивалъ ее.

Жена Енсена вскопчила вся блѣдная.

— Ну, чего ты! прикрикнулъ на нее мужъ.

Онъ засвѣтилъ фонарь и вышелъ изъ горницы.

Посреди двора видѣлась темная фигура, и возлѣ терлась собака.

— Добрый вечеръ, хозяинъ! слышался прерывистый, дрожащій голосъ.

— Гансъ? неужто ты? воскликнулъ Соренъ и чуть было не выронилъ изъ рукъ фонарь.

— Да, я... Не бойся, хозяинъ, я тебя не обижу...

— Итъ... я... не то... знаешь, идн-ка ты по-добру по-здорову... сказалъ Соренъ.

— Мочи нѣтъ... да и морозъ крѣпокъ больно, прошепталъ Гансъ.

Забралъ Енсена.

Онъ вошелъ въ горницу къ перенуганной женѣ.

— Ну, смотри, Берта, ни слова. Что бы ни увидѣла—не дугайся... Надо такъ... строго проговорилъ Енсенъ и вышелъ вонъ.

Съ перенугу Берта не знала что дѣлать. Она бросилась къ окну. На дворѣ было темно, какъ въ могилѣ. Ни зги не видно. Вонъ мелькнула свѣтлая точка. Двигается. Да, это, вѣрно, Гансъ съ фонаремъ. Но куда же это онъ? Къ сараю, кажется. Такъ и есть. Господи, что ему тамъ приспичило въ пустой сарай лѣзть... Прошло нѣсколько мгновений. Вонъ изъ сарая назадъ задвигался фонарь. Въ его колеблющемся свѣтѣ теперь ясно обрисовывалась фигура Сорена. Онъ все приближался и приближался. Вонъ уже слышны его шаги. Онъ вошелъ въ кухню. Что-то шарить тамъ... Опять все стихло. Снова замелькалъ фонарь... Опять къ сараю... Теперь что-то очень ужъ быстро онъ движется... Вотъ и пропалъ.

Ее точно приковало къ мѣсту...

II.

Большой пустой сарай. Посреди столъ, по обѣимъ сторонамъ его скамьи... Въ трепетномъ свѣтѣ фонаря видѣются сидѣщіе за столомъ Енсенъ и Гансъ.

На столѣ—начатая бутылка водки, ломоть сухого хлѣба.

Гансъ съ жадностью уплетаетъ кусокъ мяса, держа наготовѣ въ рукѣ ломоть хлѣба.

— Выпей-ка, предложилъ Енсенъ.

Гансъ, не отвѣчая, продолжалъ торопливо ѣсть. Оба молчали.

Гансъ напилъ себѣ водки.

— На здоровье! сказалъ Енсенъ.

— Спасибо, хозяинъ. За все спасибо... Много ты мнѣ добра сдѣлалъ... Много красивыхъ дней видѣлъ я у тебя... Въѣкъ не забуду... Не то что другіе...

И, махнувъ рукою, Гансъ замолчалъ.

Оба задумались. Вѣтеръ вылъ и свистѣлъ на дворѣ. Мертвая тишина.

— Ну, пора на покой! проговорилъ Соренъ.—Вотъ солома, ложись. А завтра чуть свѣтъ—вылѣзай въ окошко, и марши. Понялъ? Доброй ночи!

Гансъ посмотрѣлъ на него.

— Слушай, хозяинъ, дай мнѣ съ тобой по душѣ поговорить...

— Тебѣ? Ну, говори... чего тебѣ?...

— Какъ знаешь, не могу... Не могу я больше такъ перебиваться... рѣшительно замѣтилъ Гансъ.

— Ну, вотъ что вздумалъ...

— Какъ же... Вездѣ меня ищутъ жандармы, точно пса бѣшеного... Въ Элленрупѣ, я видѣлъ, приблили они объявленіе обо мнѣ... Я сидѣлъ тогда, пригнанный, въ двухъ шагахъ отъ нихъ.

— Да, у насъ тоже прибито...

— И ты, хозяинъ, видѣлъ его?

Соренъ Енсенъ кивнулъ головой.

— И о наградѣ читалъ?

— Да, Гансъ.

— А вѣдь сто кронъ—большія деньги...

Енсенъ молчалъ.

— И, вѣдь, какъ легко получить ихъ, продолжалъ Гансъ.

— Хочешь выдавать себя, что-ли?

Гансъ не отвѣтилъ. Вдругъ онъ рѣшительно спросилъ:

— Знаешь что, хозяинъ. Хочешь получить ихъ?

Тотъ вопросительно взглянулъ на него.

— Вѣдь это такъ легко, повторилъ Гансъ.

— Нечего чепуху нести, возразилъ Енсенъ.—Ложись-ка лучше, да завтра сизаранку уходи прочь... Не ровенъ часъ, еще меня подведешь...

— Нѣтъ, право слово, хозяинъ, хочешь сто кронъ въ карманъ положить...

— Ничего я не хочу, озлился Енсенъ.

— Поминется мнѣ, тебя, хозяинъ, всегда зависть разбирала, глядя на теляжку у Енса Андерса... Вотъ заберешь деньги и купишь себѣ тоже такую теляжку... Все равно изловятъ они меня... Не долго мнѣ гулять...

— И солоно-жъ тогда придется тебѣ.

— Все равно... Я думалъ... Ты, хозяинъ, добрый, такъ...

Онъ остановился. Соренъ Енсенъ молчалъ.

— Отвези меня завтра къ нимъ... неожиданно проговорилъ Гансъ.

Енсенъ задумался.

— Ну... если ужъ на то пошло... такъ, твоя правда, лучше я тебя отвезу, чѣмъ кто-нибудь другой...

— Вотъ и ладно... Сговорились... Теперь можно и на покой... Сосну-ка послѣднюю ночку на волѣ... Прощай, хозяинъ.

— Прощай, Гансъ.

III.

На слѣдующее утро всѣ на деревнѣ уже знали, что Соренъ Енсенъ почью поймалъ на дорогѣ Ганса Пирсена.

На дворѣ запрягали телягу.

Гансъ Пирсенъ съ Сореномъ Енсомъ сѣли въ нее. На Гансѣ былъ надѣтъ тулупъ Енсена. Для себя Енсенъ взялъ тулупъ у соседа.

Они выѣхали молча на дорогу.

Лошадь мелкой рысцой бодро бѣжала, потряхивая головой.

Скоро показался городъ.

Вотъ они вѣхали въ него и направились прямо къ ратушѣ. Изъ ратуши выходилъ въ это время молодой чиновникъ, съ золотымъ позументомъ на фуражкѣ и съ портфелемъ подъ мышкой.

Крестьяне вылѣзли изъ теляги.

Соренъ Енсенъ подошелъ къ молодому чиновнику, сплѣ свою мѣховую шапку и смущенно проговорилъ:

— Вотъ я привезъ Ганса Пирсена.

— Какого Ганса Пирсена?.. Ахъ, да! Пирсена!

Быстрые молнии пустился онъ по широкой лѣстницѣ ратуши, распахнулъ дверь и закрычалъ таиннымъ громовымъ голосомъ, что было слышно даже на улицѣ:

— Убийца Пирсень здѣсь! Пойманъ!

Услышавъ это, изъ ратуши вышли двое какихъ-то господъ въ формѣ.

— Чего онъ такъ заоралъ, точно его змѣя ужалила? обратился Енсень къ Гансу.

Тотъ ничего не отвѣтилъ.

Двое господъ приближались къ Гансу.

— Прощай, хозяинъ, спасибо, большое спасибо тебѣ за все! сказалъ Гансъ.

— Спасибо и тебѣ, Гансъ! отвѣтилъ Енсень и протянулъ ему руку.

Тотъ ее крѣпко пожалъ.

Чинювникъ переглянулся въ изумленіи, и Гансъ Пирсень сталъ подниматься по лѣстницѣ.

Субъективныя явленія здороваго зрѣнія.

Очеркъ А. Л. Н.

Въ природѣ, которая такъ часто плѣняетъ насъ красотою сочетаній свѣта и тѣни, изумительнымъ подборомъ то яркихъ, то нѣжныхъ цвѣтовъ и ласкающей гармоніей звуковъ, на самомъ дѣлѣ, нѣтъ ни единого луча свѣта, ни полоски краски, ни намска на звукъ. Природа, вся цѣликомъ, погружена въ безпредѣльный мракъ, въ безконечное молчаніе. Въ ней есть только движеніе атомовъ и частицъ матеріи. Это движеніе производитъ то или другое раздраженіе первовъ нашихъ органовъ чувствъ, которое дѣйтельностью ихъ прерождается въ опредѣленное впечатлѣніе сознанія. Такимъ образомъ, мы имѣемъ полное право утверждать, что мы, такъ сказать, собственными руками одѣваемъ мрачную и нѣмую природу въ пышныя, блестящія и разноцвѣтныя одежды и влагаемъ въ уста пробудившейся красавицы беззаботно-веселую или грозно-гнѣвную рѣчь.

Но не станемъ слишкомъ преувеличивать значеніе нашихъ органовъ чувствъ: не забудемъ, что безъ движенія атомовъ и частицъ окружающей насъ вселенной въ нашемъ сознаніи не возникло бы ни одного представленія, т. е. не было бы и самого сознанія. Тѣ впечатлѣнія, которыя возникаютъ въ насъ, подъ вліяніемъ возбужденій, приходящихъ къ намъ извнѣ, мы будемъ называть объективными. Весьма часто то или другое объективное впечатлѣніе какого-либо изъ нашихъ органовъ чувствъ сопровождается такими явленіями, для которыхъ внѣ насъ не существуетъ соответствующихъ возбужденій: они только намъ кажутся, ихъ называють субъективными явленіями.

Въ этомъ очеркѣ мы хотимъ сказать нѣсколько словъ о субъективныхъ явленіяхъ, имѣющихъ мѣсто, исключительно, въ области нашего зрѣнія, притомъ нормальнаго, а не больного.

Вообразите темную комнату съ закрытыми ставнями. Въ одной изъ нихъ маленькое отверстіе, черезъ которое проходитъ лучъ свѣта. Если на пути этого луча вы поставите трехгранную призму, т. е. хрустальную подвѣску, которыми такъ любили въ старину украшать люстры и канделябры, то на стѣнѣ или на полу вы увидите цвѣтного „зайчика“, или спектръ изъ радужныхъ цвѣтовъ. Они ложатся полосами другъ за другомъ, края ихъ очерчены не рѣзко: одинъ цвѣтъ постепенно и незаметно переходитъ въ другой. Среди этихъ цвѣтовъ 7 кажутся болѣе яркими, болѣе насыщенными, ихъ называютъ основными цвѣтами спектра. Между ними помѣщается множество промежуточныхъ цвѣтныхъ полосъ, налегающихъ другъ на друга. Это заставляетъ прийти къ заключенію, что каждый лучъ солнечнаго свѣта состоитъ изъ безчисленнаго множества цвѣтныхъ лучей. Ньютоу показали, что соединеніе всѣхъ 7 основныхъ цвѣтовъ спектра даетъ бѣлый свѣтъ; соединяя же одну часть спектра въ одинъ цвѣтъ, а другую часть въ другой, онъ нашелъ, что сумма этихъ двухъ цвѣтовъ даетъ намъ тоже бѣлый свѣтъ. Такіе два цвѣта, которые въ суммѣ даютъ бѣлый, названы имъ дополнительными цвѣтами. Красный и зелено-синій цвѣта извѣстнаго отгѣнка дополняютъ одинъ другой; разсматривая бѣлый предметъ сквозь красное, зеленое и синее стекло, сложеныя вѣстѣ, увидимъ этотъ предметъ почти бѣлымъ, но слабѣе освѣщеннымъ. Оранжевый и синій, фиолетовый и желтый и т. п. цвѣта суть дополнительные. Соединяя цвѣтные лучи спектра, Гельмгольдъ пришелъ къ замѣчательному выводу, что бѣлый цвѣтъ можетъ быть составленъ изъ двухъ или трехъ цвѣтныхъ лучей множествомъ различныхъ способовъ.

Задняя поверхность глазного яблока покрыта изнутри, такъ называемой, *сетчатой* оболочкой. Она состоитъ изъ развѣтвленной зрительнаго нерва. Близу середины этой оболочки находится небольшое желтое пятно, въ которомъ кончики первовъ принимаютъ форму, напоминающую колбу, поэтому и называются *колбочками*. Эти-то колбочки и передаютъ нашему мозгу цвѣтныя впечатлѣнія. Обладаетъ-ли колбочка способностью передавать лучи всѣхъ цвѣтовъ, или только нѣкоторыхъ, или же только какого-нибудь одного цвѣта, такъ что одни колбочки передають, напримѣръ, только красные лучи, другія — зеленые, третьи — синіе и т. д., — это остается пока нерѣшеннымъ. Гипотеза Юнга-Гельмгольда, что въ желтомъ пятнѣ существуютъ колбочки только трехъ родовъ: первая — передающія красные лучи, вторая — зеленые и третья — фиолетовые, оказалась далеко не удовлетворяющей всѣмъ научнымъ требованіямъ, хотя и въ высшей степени просто и остроумно объяснила многие факты.

Чтобы понять вполнѣ причины происхожденія случайныхъ явленій зрѣнія, слѣдуетъ разсмотрѣть два состоянія зрительнаго аппарата. Первое состояніе — это, когда глазъ только-что получилъ свѣтовое впечатлѣніе, или, какъ говорятъ физиологи,

когда сѣтчатая оболочка сохраняетъ еще положительный свѣтовой слѣдъ. Что дѣйствительно, влѣдъ за прекращеніемъ свѣтового вліянія, возбужденное состояніе зрительнаго аппарата еще продолжается нѣкоторое время, — въ этомъ насъ убѣждаютъ многие факты. Посмотрите на свѣчку, горящую въ темной комнатѣ, затѣмъ быстро закройте глаза рукой, но такъ, чтобы положеніе головы и глазъ не измѣнилось и чтобы рукой не придавливать глазныхъ яблокъ; тогда вы увидите на темномъ фонѣ пламя свѣчки; черезъ нѣсколько мгновений этотъ субъективный образъ исчезнетъ. Продолжительность сохранения свѣтового слѣда довольно значительна, а именно около 1,4 секунды, по наблюденіямъ Плато. Этимъ свойствомъ нашихъ глазъ объясняются многие явленія. Мы не можемъ, напримѣръ, видѣть быстро перемѣщающагося предмета; такой предметъ оставляетъ на сѣтчатой оболочкѣ рядъ положительныхъ слѣдовъ, которые, сливаясь, производятъ впечатлѣніе, какъ бы получаемое отъ сплошной полосы. Если въ темной комнатѣ махать рукой съ кусочкомъ горящаго угля, то мы увидимъ огненные полосы и круги. По въ томъ случаѣ, когда быстро движущійся предметъ будетъ освѣщаться на очень короткое время, въ теченіе котораго онъ не успѣетъ перемѣститься, тогда предметъ покажется остановившимся и ясновидимымъ въ своихъ очертаніяхъ. Курьерскій поѣздъ, мчащійся на всѣхъ парахъ, почта, при блескѣ молніи, кажется стоящимъ неподвижно, и т. д.

Цвѣтные лучи оставляють слѣды различной продолжительности. Если взглянуть на солнце и затѣмъ закрыть глаза, то на темномъ полѣ зрѣнія выступитъ сначала бѣлый свѣтовой кругъ, затѣмъ цвѣтъ его станетъ зеленовато-голубой, потомъ синій, фиолетовый или розовый и, наконецъ, сѣро-оранжевый. За этимъ періодомъ свѣтовой слѣдъ исчезаетъ окончательно, если глазъ не былъ утомленъ. При утомленіи же зрѣнія положительный свѣтовой слѣдъ смѣняется отрицательнымъ.

Что-же слѣдуетъ понимать подъ словомъ „утомленіе зрѣнія“? Подъ этимъ словомъ понимають пониженіе раздражительности сѣтчатой оболочки. Когда она не испытала сильнаго возбужденія, то, какъ мы видѣли, она сохраняетъ это возбужденіе въ теченіе нѣкотораго времени; затѣмъ, когда проходить этотъ періодъ, сѣтчатая оболочка слабо отвѣчаетъ или даже совсѣмъ не отвѣчаетъ на такое-же раздраженіе, приходящее извнѣ. Тутъ, такъ сказать, наступаетъ короткая и, притомъ, не полная, а односторонняя слѣнота.

Вотъ опыты, которые разъясняютъ сказанное.

Положите передъ собой листъ сѣрой бумаги, а на него маленький кусочекъ (кружокъ, квадратъ и т. д.) бѣлой; смотрите на этотъ кусочекъ одну минуту, затѣмъ пальцемъ сбросьте его съ листа. Тогда вы увидите, что то мѣсто, которое было занято кусочкомъ бѣлой бумаги, теперь окрашено въ темно-сѣрый цвѣтъ, болѣе темный, чѣмъ окружающій его фонъ. Это субъективное явленіе мы можемъ объяснить только утомленіемъ зрѣнія. Сѣрый цвѣтъ бумаги происходитъ отъ того, что она поглощаетъ довольно много свѣтовыхъ лучей, бѣлая-же отражаетъ почти всѣ лучи, падающіе на нее. Когда мы смотрѣли на кусочекъ бѣлой бумаги, то извѣстное мѣсто сѣтчатой оболочки получало сильное раздраженіе отъ этихъ отраженныхъ лучей, между тѣмъ какъ остальная часть этой оболочки получала только слабое возбужденіе отъ немногочисленныхъ лучей, отражаемыхъ сѣрымъ листомъ. Первая часть оболочки утомилась, остальная нѣтъ. Когда мы сбросили бѣлый кусочекъ съ листа, то теперь на утомленное мѣсто зрительной оболочки стало попадать лучей гораздо меньше. Такое раздраженіе въ данномъ случаѣ является слишкомъ ничтожнымъ, и зрительный нервъ только отчасти передаетъ его мозгу, поэтому-то мѣсто, прежде занятое кусочкомъ бѣлой бумаги, теперь кажется болѣе темнымъ, чѣмъ окружающее его поле.

Если-бы мы на листъ сѣрой бумаги положили не бѣлый кусочекъ, а черный, то, сбросивъ его пальцемъ, увидѣли-бы его мѣсто болѣе бѣлымъ, чѣмъ листъ сѣрой бумаги. Черный цвѣтъ предмета происходитъ отъ того, что онъ поглощаетъ всѣ падающіе на него лучи. Здѣсь утомленной оказалась-бы вся поверхность сѣтчатой оболочки, за исключеніемъ того мѣста, которое было занято чернымъ кружечкомъ. Остальное попятно.

Въ недавнее, сравнительно, время, въ Петербургѣ, да и въ другихъ городахъ не мало забавлялись рисунками, построенными на такихъ-же началахъ, какъ и выше приведенные опыты. Портреты знаменитыхъ людей: Гамбетты, Бисмарка, Скобелева и друг., рисовались на бѣломъ листѣ бумаги такимъ образомъ, что все то, что на фотографическомъ портретѣ было въ свѣту,

здесь покрывалось черной краской, а все темное — оставалось белым. Если на такое изображение смотреть 1—2 минуты и затем перенести взгляд на потолок, конечно, слабое освещенный, тем белым местом изображения, то на потолке наблюдатель увидит это изображение, но уже с надлежащим распределением света и тени. Чтобы вполне понять это явление, заметим, что слабоосвещенный потолок здесь играет ту же роль, какую выполнял в двух предшествующих опытах лист белой бумаги.

Но если на такой же лист мы положим цветной кружочек, то, сбросив его пальцем, увидим его место окрашенным в дополнительный цвет. Положим, что кружочек был, например, красного цвета. В этом случае соответствующая часть светящейся оболочки была утоплена исключительно красными лучами, т. е. ей не пошла возбудимость красными лучами. Поэтому, по удалении кружка, из-за света, падающего теперь на всю поверхность светящейся оболочки, утопленное место последней раздражается всеми лучами, за исключением красного, т. е. дополнительными к нему — зелено-голубыми.

Таким же образом объясняются, так называемые в физике, субъективные цвета, окрашенные тени и прочее. Вот несколько интересных примеров.

Возьмем пурпурово-красный лист бумаги и на нем наклеим узкую, непременно узкую, полоску светло-серой бумаги. При взгляде на такой лист, мы заметим, что полоска окрашена дополнительными цветом, т. е. зеленым. Если же возьмем зеленое поле, то края полоски примет розоватый

цвет, и т. д. Явление это произойдет, если цветной лист вместе с белой полоской прикрыть тонкой папиросной бумагой. Мы сказали, что полоска должна быть непременно узкой; если сделать ее широкой, то будут окрашены в дополнительный цвет только края ее.

Если пропустить свет через краевое стекло, поставленное перед белым листом бумаги, и прийти на него с тонкой палочкой, то тень покажется не темной, как бы следовало ожидать, а зелено-голубой, и проч.

В заключение укажем еще на одно субъективное явление, которое, вместе с некоторыми другими, остается до сих пор непонятным.

Если смотреть на небо, или на какой-либо другой светлый фон, притом, по возможности, на одну точку его, и довольно быстро водить перед глазами рукой с растопыренными пальцами, то перед наблюдателем в поле его зрения, в месте, соответствующем желтому пятну зрительной оболочки, выступает рисунок, в виде точки или легкой чечетчатой точки. Этот субъективный образ очерчен очень слабо, большей частью, в горизонтальном направлении шире, чем в вертикальном. Впереди его особенно ясно видно маленькое кольцо, которое, очевидно, соответствует углублению, имеющемуся в светящейся оболочке. Заметим, что мерцание света не есть необходимое условие для того, чтобы увидеть перед собой внутренность собственного своего глаза. При постоянном голубом свете некоторым удавалось видеть часть желтого пятна их глаза.

Урожай 1892 года.

Предшествовавший прошлому году неурожай, столь тяжело отозвавшийся на многих губерниях России и державший в состоянии напряженного внимания к нуждам пострадавших русское правительство и общество в течение почти десяти месяцев, бесспорно должен был возбудить серьезный интерес к тому, какой урожай хлебов придется на долю следующего 1892 года и даст ли он возможность отдохнуть потерпевшему населению.

Последние официальные данные показывают, что чистый остаток всех хлебов (кроме картофеля), исключившего обмена для 1892 года, в 60 губерниях Европейской России (без финляндских губерний) определяется в 1.774.186.500 пудов, что составляет приблизительно по 21,4 пуда на душу обоим пола сельского населения.

В 1891 же г. чистый остаток был вычислен в 1.335.760.800 пудов, при чем на душу сельского населения приходилось приблизительно по 17,2 пуда.

Стало быть, остаток от урожая прошлого года превышает остаток 1891 года на 438.425.700 пудов, а остаток на душу сельского населения больше на 3,7 пуда.

Но отдаленным полосам, которые принято различать в Европейской России по географическим, экономическим, отчасти, племенным и пр. отличиям, разный чистый остаток, а стало быть и положение населения относительно достаточности или недостаточности средств к продовольствию, а также излишек хлеба свыше продовольственной потребности, определяется наглядно следующими двумя таблицами:

Губернии:	Чистый остаток хлеба на душу в пудах.		Разница относительно 1891 г.
	1891 г.	1892 г.	
Центральная земледельческая (Курская, Орловская, Тульская, Рязанская, Тамбовская и Воронежская)	11,73	15,46	+3,73
Средневожжская (Саратовская, Симбирская, Пензенская, Казанская, Нижегородская)	9,32	16,16	+6,84
Нижневожжская (Самарская, Оренбургская, Астраханская)	4,77	22,69	+17,92
Новороссійская (Вессарабская, Херсонская, Таврическая, Екатеринославская и Область Войска Донского)	39,08	42,83	+3,75
Югозападная (Подольская, Киевская, Волынская)	24,08	20,20	-3,88
Малороссійская (Харьковская, Черниговская, Полтавская)	20,40	18,18	-2,22
Московско-промышленная района (Владимирская, Московская, Калужская, Тверская, Ярославская и Костромская)	16,47	14,80	-1,67
Белороссійская (Могилевская, Минская, Витебская, Смоленская)	16,27	20,60	+4,33
Приуральская (Вятская, Пермская и Уфимская)	12,57	22,78	+10,21
Сверная (Вологодская, Архангельская)	13,96	14,80	+0,84
Приозерная (Озоевская, Новгородская, С.-Петербургская и Псковская)	17,51	15,67	-1,84
Литовская (Виленьская, Ковеньская и Гродненская)	16,51	17,61	+1,10
Прибалтийская (Лифляндская, Курляндская и Эстляндская)	23,06	21,23	-1,83
Привислинская (Варшавская, Калишская, Кельцкая, Ломжинская, Люблинская, Петровская, Плоцкая, Радомская, Сувальская и Сидзевская)	18,19	25,93	+7,74

Согласно принятой Центральным статистическим комитетом нормы необходимого для продовольствия количества хлеба в 13 пудов на душу:

Губернии:	Излишек свыше продовольственной потребности в 1892 г.	
	на душу:	на все насел. в общем:
Центральная земледельческая	2,46 пуд.	31 милл. пуд.
Средневожжская	3,16	30 "
Нижневожжская	7,09	40 "
Новороссійская	29,83	220 "
Югозападная	7,29	53 "
Малороссійская	5,18	34 "
Московско-промышлен. района	1,90	14 "
Белороссійская	7,50	39 "
Приуральская	9,78	74 "
Сверная	1,90	3 "
Приозерная	2,67	8 "
Литовская	4,64	17 "
Прибалтийская	8,23	15 "
Привислинская	12,69	86 "

664 милл.

Таким образом, за исключением всего количества хлеба, необходимого на обеспечение полей и на продовольствие сельского населения, остается еще на остальные потребности страны и в запас на будущее время всего 664 миллиона пудов.

Очевидно, стало быть, что прошлогодний урожай несколько не напоминает урожая 1891 года, так как, в общем, хлеба не только достаточно для обеспечения полей на следующий год и для продовольствия, но, сверх того, в каждой из перечисленных частей России оказывается больше или меньше значительный свободный остаток, могущий идти в продажу, — при чем даже в северных губерниях он составляет около 3 миллионов пудов.

На сколько резко различие прошлогоднего урожая от предыдущего, это легко представить себе, если вспомнить, что в 1891 году в губерниях крайнего Севера хлеба едва доставало на продовольствие и не доставало — в центральных земледельческих по 1,27, в средневожжских — по 3,68, в нижневожжских — даже по 8,23 и в приуральских по 0,43 пуда на душу, так что правительство должно было прибегнуть к решительным мерам, чтобы поддержать население, перемещивши еда массы хлеба из свободного остатка в Кавказском крае и в других местах Европейской России, где, как, например, в югозападных, поворооссійских и малороссійских губерниях, урожай был очень удовлетворителен, — при чем также и в губерниях московско-промышленного района, белорусских, приозерных, прибалтийских и привислинских хлеба было не только достаточно для себя, но были и излишки.

Затем, урожай 1892 года отличается замечательною равномерностью распределения, что составляет резкое отличие его от урожая предыдущего года. В 1891 году неправильность распределения и была характерною особенностью урожая: в то время, когда северо-западные губернии России и, отчасти, южные, имели урожай, с избытком достаточный на нужды продовольствия, бедствие обрушилось на губернии юго-восточные. В прошлом же году урожай распределился так, что чистый остаток на душу от 15 до 25 пудов приходится на огромное большинство губерний. Исключениями, в лучшую сторону, являются еще более благополучные губернии: Орен-

Сталактитовая пещера на островѣ Майоркѣ (Балеарскіе острова). Рис. Вюлье, грав. Барбанъ.

бургекая, для которой чистый остаток на душу определяется въ 42,63, а свободный—въ 29,63 пуда), Уфимская (чистый остатокъ—26,66, свободный—13,66 пуда), Екатеринославская (чистый остатокъ—59,08, свободный—46,08 пуда), Таврическая (чистый остатокъ—71,99, свободный—58,99 пуда), Херсонская (чистый остатокъ—34,39, свободный—21,39 пуда), Курляндская (чистый остатокъ—26,47, свободный—13,47 пуда), Область Войска Донского (чистый остатокъ—41,83, свободный—28,83 пуда) и семь изъ деелити привислинскихъ губерній (за исключеніемъ Кѣлецкой, Сѣлецкой и Петроковской), въ которыхъ чистаго остатка причитается отъ 25,64 до 35,70, а стало-быть, свободного—отъ 12,64 до 22,70 пуда на душу. Исключенія же въ худшую сторону представляютъ губерніи: Тульская, Рязанская, Воронежская, Казанская, Нижегородская, Астраханская, Владимирская, Московская, Калужская, Архангельская, Олонекская, С.-Петербургская, Ковенская и Петроковская, гдѣ чистый остатокъ отъ урожая прошлаго года не достигъ 15 пудовъ на душу.

Такимъ образомъ, изъ 60 губерній Европейской Россіи размѣръ чистаго остатка на душу въ 14 губерніяхъ превышаетъ 25 пудовъ, достигая (въ Таврической губерніи) даже свыше 71 пуда, а въ 14 оказывается ниже 15 пудовъ; стало-быть, онъ приходится между 15 и 25 пуд. въ дѣлѣхъ 32 губерніяхъ, чѣмъ и выражается болѣе или менѣе отчетливо протяженіе той части Россіи, въ которой достаточный урожай распредѣлился ея правильною равномерностью.

Въ общемъ, стало-быть, прошлый годъ долженъ считаться въ отношеніи сбора хлѣба и обезпеченія продовольствія благополучнымъ, хотя, въ частностей, есць мѣстности, которыя должны вѣдаться съ недородомъ.

Это, именно, губерніи: Тульская, въ коей недочетъ въ чистомъ остаткѣ до 13 пуд. на продовольствіе, составляетъ 1,67 пуда на душу, при 1.364.900 душъ селскаго населенія обоего пола; Рязанская, гдѣ этотъ недочетъ выходитъ въ 1,49 пуда при 1.832.300 душъ; Воронежская, въ которой недочетъ достигаетъ 2,79 пуда на душу при 2.636.600 душъ населенія, безъ городовъ, и Калужская, гдѣ онъ равняется 2,83 пуда на душу при 1.136.000 душъ селскаго населенія.

Изъ нихъ въ особенности тяжелымъ должно считаться положеніе трехъ губерній центральнаго земледѣльческаго района, — Тульской, Рязанской, Воронежской, въ которыхъ неурожай продолжается уже другой годъ сряду и въ которыхъ онъ рѣзко оказывается, какъ относительно, пбо, въ годы, предшествовавшіе 1891-му, хлѣба собиралось здѣсь съ избыткомъ достаточно, такъ, въ двухъ изъ нихъ, и абсолютно, потому что недочетъ на продовольствіе на душу и въ 1891 году въ Рязанской до-

стигаль 3,46, а въ Воронежской—даже огромной цифры 10,33 пуда на душу.

Но имѣя въ виду, съ одной стороны, размѣры свободнаго остатка хлѣбовъ въ Россіи, простирающагося свыше 664 милл. пуд., а при болѣе точномъ вычисленіи свыше даже 675 милл. пуд., съ другой же, что потерявшій отъ недорода губерніи окружены прилегающими къ нимъ мѣстностями, гдѣ урожай вноситъ удовлетворительнъ и доукаетъ значительный свободный избытокъ,—слѣдуетъ придти къ заключенію, что дѣло помощи нуждающимся губерніямъ,—задача легкая, еравнительно съ тою, которая предстояла правительству въ 1891 году.

Далѣе, недостатокъ въ хлѣбѣ (на продовольствіе) оказывается тоже въ губерніяхъ: Астраханской (по 6,87 пуда на душу), Архангельской (8,14 пуда), Московской (4,12 пуда) и Олонекской (2,92 пуда). Но эти губерніи вообще производятъ мало хлѣба, такъ что недостатокъ его на собственное продовольствіе для нихъ—явленіе нормальное, почему продовольствіе привознымъ хлѣбомъ здѣсь дѣло установавшееся и получившее издавна правильный порядокъ, такъ что въ нихъ вопроса объ урожаѣ или неурожаѣ въ прямомъ смыслѣ бытъ не можетъ: онъ сводится къ вопросу лишь о болѣе или меньшей дороговизнѣ хлѣба.

Вотъ существенныя и болѣе крупныя черты, характеризующія нашъ прошлогодній урожай хлѣбовъ, на основаніи цифръ Центрального Статистическаго Комитета. Безъ сомнѣнія, эти цифры даютъ весьма успокоительныя указанія, и смыслъ положенія дѣла опредѣлится еще рѣзче въ томъ же самомъ направленіи, если вспомнить, что когда въ 1891 году свободный остатокъ хлѣба въ Россіи (безъ Кавказскихъ губерній) вычитывался въ 238 милл. пуд.,—въ 1892 году онъ оказался до 675 милл. пуд. слишкомъ, т. е., почти въ 3 раза болѣе.

Въ заключеніе, необходимо упомянуть объ урожаѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя явились въ 1891 году запасною житницей для значительной части страдавшаго отъ недорода населенія, а именно на Кавказѣ. Статистическое обследованіе Кавказскихъ губерній въ томъ порядкѣ, какой требуется Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ, въ видахъ пріданія вѣрнѣ собираемымъ даннымъ однородности, дѣло пока новое. Позднее прібытіе матеріаловъ позволило Комитету сообщить свѣдѣнія только по губерніямъ Кубанской и Ставропольской и по Терской области. Но и эти указанія даютъ ясное понятіе, что надежды на чрезвычайную хлѣбородность Кавказа не преувеличены: чистый остатокъ вѣхъ хлѣбовъ на душу въ трехъ губерніяхъ вмѣстѣ составляетъ 68,85 пуд., что даетъ свободный остатокъ по 53,93 пудовъ на душу; всего-же около 130 миллионъ пудовъ.

Къ рисункамъ.

Съ сушеными грибами въ городъ. (Рис. на стр. 152).

Одно изъ не послѣднихъ мѣстъ въ поемомъ столѣ занимаютъ грибы, которые у насъ въ Россіи употребляютъ въ пищу съ охотою и въ изобиліи. Сборъ и приготовленіе грибовъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, напр. Костромской, составляютъ значительную отрасль крестьянскаго хозяйства. Если замѣтить, что сборъ ихъ не труденъ, и стоишь заготовленія въ прокъ незначительна, а цѣна за фунтъ хорошихъ бѣлыхъ грибовъ доходитъ до рубля, то приготвленіе грибовъ должно считаться доходною статью въ крестьянскомъ быту. Нашъ рисунокъ изображаетъ дѣвчонку, простека, отирающуюся на рынокъ въ городъ съ сушеными грибами.

Порванные струны. (Рис. на стр. 153).

Жалобно прозвучали струны и разорвались. Въ этомъ звукѣ слышался не то предемертный вздохъ, не то крикъ сожалѣнія о будущей судьбѣ безпріютнаго музыканта. Одинокій, бездомный и непонятный жизнью, онъ сидитъ погруженный въ невеселыя думы, что ея нимъ теперь будетъ, когда единственный источникъ его существованія такъ внезапно пересталъ существовать...

Молитва. (Рис. на стр. 157).

Блаженъ, кто молится въ минуту счастья,
Кто съ Богомъ сердце такъ сумѣлъ едружить,
Что Божья мысль свититъ въ немъ радости и страсти
И можетъ ихъ порывъ безумный укротить!

Графиня Е. П. Растопчина.

Испанскіе цыгане, умоляющіе короля Филиппа III отменить указъ объ ихъ изгнаніи. (Рис. на стр. 160).

Испанскіе цыгане, до настоящаго времени еще уцѣлѣвшіе въ нѣсколькихъ поселкахъ около Гренады, представляютъ собою рагу замѣчательно краевую и отличаются ото вѣхъ остальныхъ цыганъ Европы замѣчательною правильною чертою лица и удивительною стройностью и соразмѣрностью тѣлосложения. Мѣстныя изсѣдователи утверждаютъ, что эти отличительныя черты испанскихъ цыганъ, въ значительной

степени, зависятъ отъ того, что, въ отдаленномъ прошломъ, ихъ предки подчинились ближайшему вліянію испанскихъ мавровъ, часто вступали ея ними въ брачныя союзы. Затѣмъ, когда мавры были побѣждены и изгнаны изъ Испаніи, въ тѣ жестокія времена преобладанія еуровой Инквизиціи, — дошелъ наконецъ чередъ и до несчастныхъ цыганъ, кочевавшихъ на всемъ пространствѣ пенанскаго Юга и Юго-Запада. Уже издавна истые пенанцы смотрѣли на нихъ ея презрѣніемъ, и само духовенство етаралось вѣми силами оправдать и поддержать въ своей наствѣ это негуманное чувство; несмотря на то, что они, уже въ XVI вѣкѣ, вѣ были христианами, пенанская Церковь вышла почему-то пужнымъ отлучить ихъ отъ всякаго общенія ея вѣрующими и, подѣ страхомъ смертной казни, воспретилъ имъ переступать порогъ христианскихъ храмовъ. Наконецъ, въ правленіе слабаго короля Филиппа III, вполнѣ поддаваагося вліянію духовенства и, въ особенности, кардинала Гонзалеса. Инквизиція добилась того, что король подписалъ жестокій указъ объ изгнаніи цыганъ изъ Испаніи. Художникъ избралъ для своей картины тотъ трогательный моментъ, когда король Филиппъ III и кардиналъ Гонзалесъ сходятъ съ крыльца Санта-Аннунціаты въ Вальядолидѣ, а за ними слѣдуетъ и молодая королева, супруга Филиппа, которая, вылетѣ со святой своей, видна вдаль, сквозь пролеты вѣншей галлерей, окружающей храмъ. У послѣдней ступени, на выходѣ съ церковной палерти, короли и кардинала встрѣчаютъ нестра и оживленная группа цыганъ, пришедшихъ умолить короля объ отменѣ жестокаго указа. Одни изъ нихъ уже сложили шею на колѣни, другіе — юноши, старцы, женщины и дѣти — готовы также упасть къ стопамъ своего владыки, во ворахъ, котораго видно колебаніе и нерѣшительность, между тѣмъ какъ кардиналъ Гонзалесъ, непреклонный въ своемъ рѣшеніи, вѣми силами старается склонить короля на свою сторону.

Въ заключеніе не мѣшаетъ замѣтить, что, по увѣренію самаго художника, сохранившемуся въ его „Воспоминаніяхъ“, вѣ историческія лица, участвующія въ картинѣ, еписаны имъ съ современныхъ портретовъ, сохранившихся въ Мадридской галлерей, а типы цыганъ набросаны ея ихъ потомковъ, ва-кимъ-то чудомъ уцѣлѣвшихъ донынѣ въ окрестностяхъ Гренады.

П.

Пещеры на островъ Майоркѣ. (Рис. на стр. 161 и 163).

Майорка—самый большой изъ Балеарскихъ острововъ, принадлежащихъ Испаніи. Лежитъ къ востоку этого государства въ Средиземномъ морѣ. Надѣленный прекраснымъ климатомъ, онъ извѣстенъ превосходными плодами, винами, оливковымъ масломъ и свиньями, составляющими главныя отрасли промышленности 180,000 жителей острова. За последнее время онъ сталъ извѣстенъ замѣчательными подземными пещерами „Дракона“, которыя тянутся на много верстъ, близъ города Манакоръ. Пещеры расположены въ землѣ, принадлежащей донъ-Хосе Моратеса. Извѣстность ихъ распространилась послѣ того, какъ два испанца изъ Барселоны, въ апрѣлѣ 1878 г., заблудились подъ землей и, только благодаря случаю, были найдены, послѣ шестнадцати-часоваго пребывания подъ землею, трактирщикомъ, у котораго они остановились. Мѣсто, гдѣ ихъ нашли, называется и до сихъ поръ „гротъ отдыха заблудившихся“. Cueva del descanso de los extraviados. Кромѣ этого мѣста немало и другихъ залъ, пещеръ, гротовъ, озеръ носятъ разныя названія и причудливыя прозвища. Такъ, тамъ есть гротъ еосисокъ (Cueva de los salchichones), озеро еугтанни (lago de la yutana), входъ въ чистилище (Bajada del Purgatorio) и множество другихъ. Наши гравюры изображаютъ пальмовую залу (Salon de la Palmera), гдѣ посреди спускается громадный сталактитъ, видомъ похожій на пальмовый стволъ, и озеро утѣхъ (Lago de los Delicias) со сводомъ, похожимъ на театральную декорацию. Одни изъ туристовъ, чуждакъ-англичанинъ, вздумалъ выкупаться въ одномъ изъ подобныхъ озеръ, но вода оказалась настолько холодною, что гордый сынъ Альбиона послѣ купанья былъ, по его словамъ, вынужденъ долго танцевать, чтобы согрѣться.

К. П. Пилкинъ. (Порт. на стр. 168).

Недавно моряки чествовали, самымъ сердечнымъ образомъ, председателя Морского технического комитета и члена Адмиралтействъ-Совета, вице-адмирала Константина Павловича Пилкина, по случаю полувековой службы его въ офицерскихъ чинахъ.

К. П. происходилъ изъ дворянъ С.-Петербургской губерніи. Отецъ его, генералъ-майоръ Павелъ Федоровичъ Пилкинъ, въ свое время былъ также однимъ изъ выдающихся морскихъ офицеровъ и пользовался всеобщею любовью и уваженіемъ. Константинъ Павловичъ родился 21 декабря 1824 года, службу началъ гардемаринномъ въ январѣ 1841 г. и въ слѣдующемъ году былъ произведенъ въ мичманы, а въ 1849 г.—въ лейтенанты.

Во время Крымской войны, находясь на фрегатѣ „Аврора“, въ Тихомъ океанѣ, К. П. принималъ участіе въ отраженіи нападенія англо-французской эскадры на портъ Петропавловскъ, а также участвовалъ въ сраженіи при заливѣ де-Кастри. За отличіе въ этихъ дѣлахъ К. П. былъ награжденъ орденомъ св. Владимира 4-й степени съ мечами и бантомъ и произведенъ въ капитанъ-лейтенанты. Въ 1857 г. онъ былъ назначенъ старшимъ офицеромъ на корабль „Константинъ“; съ 1859 г. К. П. постепенно командуетъ уже самъ судами: шхуной „Комнасъ“, клиперомъ „Абрекъ“, на которомъ К. П. совершилъ 5-ти-лѣтнее кругосвѣтное плаваніе, изъ коего уже вернулся, произведеннымъ за отличіе, капитаномъ 1-го ранга. Въ продолженіе этого долгаго плаванія К. П. не разъ пришлось выказать свои обширныя познанія въ морскомъ дѣлѣ и проявить свои дарованія. По возвращеніи изъ плаванія, во время Высочайшаго смотра, клиперъ „Абрекъ“ былъ найденъ въ столь блестящемъ состояніи, что К. П. было объявлено Монаршее благоволеніе, а въ слѣдующемъ году пожалована аренда. Въ 1869 г. онъ вновь удостоился Монаршаго благоволенія за чрезвычайно быстрое приведеніе въ боевую готовность и изготовленіе къ плаванію командуюемой имъ батареи „Кремль“. Въ томъ же году К. П., еще въ чинѣ капитана 1-го ранга, получилъ выдающееся назначеніе: командующаго отрядомъ судовъ въ Тихомъ океанѣ. По возвращеніи въ 1872 г. въ Кроштадтъ, К. П. опять удостоился Монаршаго благоволенія за отличное состояніе по всѣмъ частямъ судовъ, находившихся подъ его командой. Въ томъ же году онъ былъ произведенъ въ контръ-адмиралъ съ назначеніемъ капитаномъ надъ кроштадтскимъ портомъ. На этомъ важномъ и отвѣтственномъ посту, несмотря на то, что не долго занимать его, К. П. успѣлъ выказать способности

дѣльнаго администратора. Въ 1874 г. онъ былъ назначенъ состоять при управляющемъ Морскимъ Министерствомъ, а въ 1877 году занялъ постъ заведующаго минной частью на флотѣ. Съ этого момента начинается наиболѣе плодотворная дѣятельность маститаго юбиляра, неразрывно связавшая его имя съ исторіей миннаго дѣла въ Россіи.

Въ 1883 году К. П. былъ произведенъ въ вице-адмиралы, а въ 1886 году назначенъ старшимъ флагманомъ балтійскаго флота и получилъ орденъ Бѣлаго Орла. Затѣмъ, командуя практической эскадрой, К. П. въ 1888 году получилъ почетное званіе председателя Техническаго Комитета. Въ 1889 году онъ былъ назначенъ членомъ Адмиралтействъ-Совета, съ оставленіемъ въ должности председателя Техническаго Комитета, и въ томъ же году получилъ орденъ Св. Александра Невскаго.

За время своей долгой и плодотворной дѣятельности Константинъ Павловичъ принималъ участіе въ различныхъ коммисіяхъ, а во время отсутствія въ 1890 и 1892 гг. управляющаго Морскимъ Министерствомъ исполнялъ его обязанности. Имя Константина Павловича пользуется также неизвѣстной любовью и уваженіемъ въ морскомъ обществѣ. Подписанные уважаютъ въ немъ строгаго, но чрезвычайно справедливаго начальника, близко вникающаго во всякое дѣло и потому умѣющаго оцѣнить по достоинству и заслуги другихъ.

А. Х.

Иванъ Рябининъ. (Портр. на стр. 169).

Въ Олонецкомъ краѣ еще сохранились въ народной памяти наши стародавнія былинны. Въ настоящее время одинъ изъ лучшихъ былинщиковъ-сказателей, Иванъ Трофимовичъ Рябининъ, прибылъ въ Петербургъ и скрываетъ и поетъ свои былинны столичной интеллигентной публикѣ, а также и въ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ—крестьянинъ Олонецкой губерніи, Петрозаводскаго уѣзда, деревни Гаринцы, находящейся на берегу Онежскаго озера, въ 60-ти верстахъ отъ Петрозаводска. Онъ сынъ извѣстнаго сказателя Трофима Григорьевича Рябинина, 21 годъ тому назадъ пѣвшаго свои былинны въ Географическомъ и Славянскомъ обществахъ и награжденнаго за пѣніе серебряной медалью. До 32 лѣтъ Иванъ Рябининъ (ему теперь 48 лѣтъ) жилъ вмѣстѣ со своимъ отцомъ, отъ котораго и воспринялъ пѣсенный матеріалъ, заключающійся въ 14-ти былинкахъ и трехъ духовныхъ стихахъ. Въ настоящее время у И. Т. Рябинина въ семьѣ женатый насмѣлокъ и двое дѣтей; насмѣлокъ и дѣти грамотные (самъ же Рябининъ неграмотный раскольникъ безпоповщинской секты), но, повидимому, дѣти не пойдутъ по стопамъ отца. Вообще, съ развитіемъ грамотности, у крестьянъ ослабѣваетъ интересъ къ пѣнію былинъ. Сказатели обыкновенно поютъ былинны тогда, когда плетутъ и чинятъ сѣти или когда чинилотъ лужину, при чемъ присутствующіе хранятъ безмолвную тишину. Въ маргѣ 1892 г. И. Т. Рябининъ пѣлъ у бывшаго Олонецкаго губернатора М. М. Веселкина, послѣ чего съ нимъ познакомились преподаватель словесности Олонецкой гимназіи Н. Т. Виноградовъ, по желанію котораго Рябининъ пѣлъ свои былинны въ мѣстныхъ мужской и женской гимназіяхъ и затѣмъ въ концерты Н. Т. Виноградовъ, при посредствѣ Т. И. Филиппова, И. П. Хрущева и председателя этнографическаго отдѣла Географическаго Общества, В. И. Ламаксаго, выхлопоталъ разрѣшеніе пріѣхать съ И. Рябининымъ въ Петербургъ, куда они и прибыли 30-го минушаго декабря. Здѣсь Рябининъ приглашаютъ парасхватъ; конечно, за свое пѣніе онъ всюду получаетъ приличное вознагражденіе, но ралеодъ уже усталъ и подумываетъ вернуться въ родную деревню. Питеръ ему не понравился, да и голоса у него не хватаетъ, а главное, съ непривычки ему, по его словамъ, „стѣснительно“. Онъ выходитъ, обыкновенно, съ виду очень спокойный, степенно кланяется, садится за столъ, и медленно, параспѣвъ, начинаетъ „сказывать“ свои былинны. На слушателей онъ производитъ сильное впечатлѣніе. На нашемъ портретѣ онъ изображенъ именно въ привычной для него при пѣніи позѣ.

Отецъ Рябинина знаетъ больше былинъ. Всѣ онъ записаны Пав. Ник. Рыбниковымъ. Сыны-Рябинины поетъ пѣкоторыя изъ былинъ иначе и добавляетъ новыми стихами. Иванъ Рябининъ знаетъ наизусть болѣе 6,000 стиховъ. Уже по этому одному можно судить, какою феноменальною памятью обладаетъ нашъ ралеодъ.

А. Хвостовъ.

Разныя извѣстія.

— 29 января прибылъ въ С.-Петербургъ послѣдній князь Черногорскій Данилъ.

— 31 января въ Концертномъ залѣ Зимняго дворца состоялся третій балъ, на которомъ присутствовали Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Александровна Герцогиня Эдинбургская съ дочерью, принцессою Викторією, послѣдній князь Данилъ Черногорскій и ихъ высочества герцогъ юганъ-Альбертъ Мекленбургъ-Шверинскій съ супругою.

— Государь Императоръ, 15 января, Высочайше соизволилъ назначить вице-председателемъ комитета Сибирской желѣзной дороги дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Бунге.

— За послѣднее время состоялся рядъ узаконеній, касающихся переустройства горной части въ Имперіи. Административныя учрежденія по этой части на Уралѣ, въ Кавказскомъ краѣ и въ Сибири преобразованы, а для южной Россіи создано самостоятельное управленіе.

— Въ *Правительствѣ*. Вѣстникъ опубликовано Высочайшее распоряженіе о подчиненіи училищъ, сосѣдствующихъ при римско-католическихъ церквахъ въ Имперіи, вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Архангельскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ открытъ конкурсъ на соисканіе преміи имени русскаго мореплавателя Пахтусова, учрежденной для поощренія частнаго русскаго труда по гидрографіи и развитію русскаго мореходства и промышлен-

ности на Новой Землѣ, въ Карскомъ морѣ и восточнѣе. Премія—400 р.

— 31 января въ Москвѣ происходило освященіе храма во имя Смоленской Божіей Матери.

— Въ виду громадной пользы, приносимой сестрами милосердія страдающему человечеству, Общество „Краснаго Креста“ увеличило число сестеръ милосердія и учредило недавно въ Витебскѣ, Митавѣ и Херсонѣ новыя общины сестеръ милосердія.

— Управление казенныхъ желѣзныхъ до-

рогъ сдѣлало распоряженіе, чтобы съ 10 февраля с. г. лица бѣднаго состоянія, отправляющіяся на пастеровскія станціи для леченія отъ укушенія бѣшенными животными, перевозились по специальнымъ желѣзнымъ дорогамъ въ вагонахъ III класса за плату со скидкой 75 проц. съ нормальнаго тарифа. Для этого требуется предьявленіе свидѣтельства мѣстныхъ административныхъ властей или земствъ, удостоверяющихъ самый фактъ укушенія и бѣдственное положеніе укушеннаго.

— Съ 15 февраля вступаютъ въ силу два

тарифа: первый — для отправки древеснаго угля со всѣхъ станцій Московско-Нижегородской желѣзной дороги въ Москву, второй — для отправки картофельной палочки отъ станцій Ростовъ Московско-Ярославской желѣзной дороги въ Петербургъ, въ размѣрѣ 19,97 съ пуда за все разстояніе.

— Въ Куростровскомъ селеніи, Холмогорскаго уѣзда, Архангельской губерніи, на родинѣ М. В. Ломоносова, 8 января происходило освященіе новаго зданія Ломоносовскаго сельскаго училища.

Политическое обозрѣніе.

Приговоръ суда надъ панамекою администраціею произвелъ въ Парижѣ громадное впечатлѣніе. Правда, многіе находятъ его суровымъ, особенно, по отношенію къ старому Лессенсу, но всеобщее недовольство присуще за послѣднее время парижанамъ, не могущимъ разобраться въ неистовой газетной травлѣ. Съ недовольствомъ было встрѣчено извѣстіе, что слѣдственная власть освободила отъ судебного преслѣдованія нѣкоторыхъ бывшихъ министровъ и сенаторовъ, заподозрѣнныхъ во взяточничествѣ. „Публика, пишетъ *Fresse*, не пойметъ тонкихъ юридическихъ мотивовъ обвинительной камеры, въ силу которыхъ одни лица, замѣшанные въ панамскомъ дѣлѣ, не привлекаются къ судебной ответственности, а другіе привлекаются“.

Недовольство существующимъ порядкомъ вещей выпудило Кавеньяка, 27-го января, сказать правдивое слово, которое было, какъ что-то новое и спасительное, единодушно принято всей палатой. Кавеньякъ говорилъ, что достигнутые результаты недостаточны и не могутъ удовлетворить общественное мнѣніе. Затѣмъ Кавеньякъ внесъ формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ.

Въ отвѣтъ на эту рѣчь Рибо заявилъ, что правительство исполнило свой долгъ, какъ ни былъ онъ тяжелъ. Рибо прибавилъ, что онъ думаетъ о необходимости умалить вліяніе финансовой силы во вѣщихъ дѣйствіяхъ страны. Рѣчь Рибо также была встрѣчена сильными рукоплесканіями. Рибо заявилъ, что онъ принимаетъ предложенную Кавеньякомъ формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, которая и принята большинствомъ 446 голосовъ противу 3. При этомъ палата постановила большинствомъ 367 голосовъ противу 102 республиковать рѣчь Кавеньяка.

Въ Берлинѣ, 2-го февраля, въ засѣданіи рейхстага статс-секретарь по иностраннымъ дѣламъ Маршалъ заявилъ, что *Kreuzzeitung* утверждаетъ, будто появившіяся въ русскихъ, враждебныхъ Германіи, газетахъ статьи пишутся на основаніи свѣдѣній, получаемыхъ изъ здѣшняго русскаго посольства. „Я не могу не выразить, замѣтилъ Маршалъ,—по этому поводу своего глубокаго сожалѣнія и считаю такое заявленіе лишенною всякаго основанія инсинуаціей и грубымъ нарушеніемъ уваженія къ представителю иностранной державы.“

Гладстонъ внесъ въ палату общинъ билль объ ирландской автономіи, при чемъ, среди необычайнаго энтузіазма своихъ сторонниковъ, произнесъ рѣчь, продолжавшуюся два часа. Гладстонъ началъ съ заявленія, что дѣль билля — установить законъ, регулирующий исключительно ирландскія дѣла. Парламентъ будетъ состоять изъ двухъ палатъ: верхней палаты изъ 48 членовъ и нижней палаты изъ 103 членовъ. Члены верхней палаты избираются на восемь лѣтъ, члены нижней на пять лѣтъ. Вице-король, который не долженъ принадлежать ни къ какой политической партіи, назначается на шесть лѣтъ. Далѣе въ билль предлагается учрежденіе исполнительнаго комитета тайнаго совѣта Ирландіи; на дѣлѣ комитета этотъ будетъ кабинетомъ вице-короля. Въ Вестминстерѣ засѣдать будутъ ирландскіе депутаты въ числѣ 81; депутаты эти не могутъ принимать никакого участія въ голосованіяхъ по предложеніямъ и законопроектамъ, касающимся исключительно великобританскихъ дѣлъ. Нынешняя полиція въ Ирландіи постепенно упраздняется и замѣняется полиціею, состоящею подъ принципіальнымъ управленіемъ. Въ общеперекисныхъ расходахъ Ирландія будетъ участвовать на началахъ справедливости. Свою

рѣчь Гладстонъ закончилъ заявленіемъ, что настоящій билль усилитъ славу, могущество и единство имперіи.

Standard, Morning Post, Daily News и *Times* осуждаютъ этотъ билль, признавая его непрактичнымъ. Валлійскія газеты ставятъ принятіе билля объ ирландской автономіи въ зависимость отъ принятія билля объ отдѣленіи церкви отъ государства въ Валлісѣ.

Принцъ Фердинандъ Кобургскій помолвленъ съ принцессою Маріей-Луизой Пармской. Марія Бурбонская считается богатой невѣстой; ея отецъ получилъ, по наслѣдству, все состояніе графа Шамбора. Едва ли, однако, невѣста Фердинанда получитъ большое приданое; у нея 13 братьевъ и сестеръ; отецъ невѣсты, герцогъ Пармскій, обставилъ свое наслѣдство очень подробными и стѣснительными для наслѣдниковъ условіями, во избѣжаніе слишкомъ мелкаго дробленія имуществъ пармскихъ герцоговъ.

Искусство.

Женскія художественныя произведенія на выставкѣ въ Чикаго.

У нашихъ дамъ возникла прекрасная мысль: устроить на предстоящей всемірной выставкѣ въ Чикаго отдѣлъ женскаго художественнаго труда въ Россіи. Произведенія русскихъ женщинъ, отправляемыя теперь въ Чикаго, состоятъ изъ различныхъ крестьянскихъ костюмовъ, вышивокъ, плетеній, кружевъ, ковровъ, стекляннаго производства, работъ изъ кожи и рѣзбы на деревѣ.

Отдѣлъ кружевъ можно считать не только самымъ богатымъ и разнообразнымъ, но въ то же время и весьма замѣчательнымъ. Тутъ

собраны кружева Маріинской школы кружевницъ въ Петербургѣ, находящейся подъ покровительствомъ Государни Императрицы, затѣмъ кружевные работы, исполненныя подъ руководствомъ А. Н. Нарышкиной, и богатое собраніе кружевъ кустарнаго производства различныхъ губерній, но національнымъ рисункамъ и орнаментамъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ золотое съ жемчугомъ кружево для платья Императрицы, исполненное ученицами Маріинской школы, а также возобновленіе нижегородскаго кружева изъ орловъ, окаймляющее скатерть, выполненную по образцу одной скатерти временъ Алексѣя Михайловича. Весьма замѣчательна коллекція вышивокъ иглой и плетений г-жи Шабельской по стариннымъ рус-

скимъ рисункамъ; и особенно любопытно украшеніе на дверь, воспроизводящее одинъ барельефъ палатинской капеллы въ Палермо XII вѣка; рисунокъ изображаетъ двухъ павиновъ, стоящихъ по сторонамъ пальмы и протягивающихъ къ ней одну лапу; это—арабскій рисунокъ византійской работы. Но части ковровъ особеннаго вниманія заслуживаютъ ковры Маринской школы и А. Н. Парышкиной; между ними особенно замѣчательны: коверъ Императрицы по золотому фону съ рисункомъ одной заставки московскаго рукописнаго евангелія XVI вѣка и подушка Государя на серебряномъ фонѣ въ древне-русскомъ стилѣ и техники. Г-жа Парышкина отправляетъ на выставку нѣсколько чрезвычайно любопытныхъ ковровъ, вытканыхъ въ ея тамбовскомъ имѣніи: два ковра—по ри-

сунокъ рисункамъ; и особенно любопытно украшеніе на дверь, воспроизводящее одинъ барельефъ палатинской капеллы въ Палермо XII вѣка; рисунокъ изображаетъ двухъ павиновъ, стоящихъ по сторонамъ пальмы и протягивающихъ къ ней одну лапу; это—арабскій рисунокъ византійской работы. Но части ковровъ особеннаго вниманія заслуживаютъ ковры Маринской школы и А. Н. Парышкиной; между ними особенно замѣчательны: коверъ Императрицы по золотому фону съ рисункомъ одной заставки московскаго рукописнаго евангелія XVI вѣка и подушка Государя на серебряномъ фонѣ въ древне-русскомъ стилѣ и техники. Г-жа Парышкина отправляетъ на выставку нѣсколько чрезвычайно любопытныхъ ковровъ, вытканыхъ въ ея тамбовскомъ имѣніи: два ковра—по ри-

Сказатель былины Иванъ Трофимовичъ Рябининъ.
Съ фот. Здобнова, грав. Шюблеръ.

сункамъ „Остромирова Евангелія“ и „Святославова Сборника“; третій—по образу черемисскихъ народныхъ вышивокъ Владимірской губерніи, и четвертый—по образцу одной заставки молдавано-валахійскаго евангелія XVI вѣка. Изъ числа стекляннхъ предметовъ укажемъ на работы двухъ дамъ: Е. М. Вемъ и Т. В. Съмечкиной. Г-жа Вемъ отправляетъ въ Америку цѣлую, довольно разнообразную коллекцію сосудовъ золотистаго цвѣта со старинными русскими орлами. Г-жа Съмечкина выставила большое окно для зданія русскаго отдѣла на выставкѣ въ Чикаго. На этомъ окнѣ изображенъ русскій воинъ верхомъ, въ желѣзныхъ доспѣхахъ, а рядомъ съ нимъ—боярыня XVII столѣтія. Рисунокъ этого окна принадлежитъ художнику В. М. Васнецову.

Но самымъ замѣчательнымъ отдѣломъ по своимъ художественнымъ достоинствамъ является бесспорно отдѣлъ рѣзбы на деревѣ. Въ этой отрасли художественно-промышленнаго труда наши художники въ самомъ дѣлѣ достигли большого совершенства и ихъ произведенія—въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія—обратятъ на себя вниманіе американцевъ. Среди этихъ вещей весьма любопытенъ большой шкафъ, выставленный г-жею Съмечкиной. Идею шкафа оригинальна: онъ предназначенъ специально для сочиненій графа А. Н. Толстого (на русскомъ и иностранныхъ языкахъ), а поэтому онъ украшенъ снаружи множествомъ портретовъ нашего великаго писателя; всѣ эти портреты выполнены посредствомъ выжиганія по дереву. Въ этихъ превосходныхъ портретахъ А. Н. Толстой является

въ самыхъ разнообразныхъ видахъ и въ различныхъ эпохи своей жизни: молодымъ человѣкомъ, въ мундирѣ артиллерійскаго офицера, человѣкомъ среднихъ лѣтъ, затѣмъ пожилымъ, то въ штатскомъ сюртукѣ, то въ блузѣ рабочаго, то въ крестьянской рубашкѣ, пашущимъ въ полѣ съ двумя бѣлыми лошадьми. Между портретами находится, между прочимъ, видъ дома въ Исои Полянѣ со стороны сада. По самой срединѣ шкафа—большое факсимиле подписи нашего писателя. Изъ другихъ произведеній рѣзбы на деревѣ слѣдуетъ указать на весьма замѣчательныя входныя двери для русскаго отдѣла въ Чикаго; рѣшетка этихъ дверей изображаетъ барельефные орнаменты Юрьевскаго монастыря (XII вѣкъ); она исполнена изъ пробнаго дерева, позолоченнаго червоннымъ золотомъ и выжженаго, въ видѣ сплошной массы рисункомъ, г-жами Шабельской, Дубасовой, Олсуфьевой, Подшивовой и кн. Е. А. Волконской. Также хороши и замѣчательны церковныя царскія врата изъ дерева, выставленныя г-жею Дурново, въ стилѣ царскихъ воротъ Саввинскаго Звенигородскаго монастыря. Въ этихъ вратахъ особенно интересно то, что г-жа Дурново замѣнила старинную русскую рѣзбу кружевомъ, которое она позолотила, положивъ подъ него, въ качествѣ подкладки, красную фольгу; по сторонамъ—орнаменты изъ олова и позолоченныя. Въ такомъ же родѣ и входныя двери г-жи Васильчиковой.

Эта выставка промышленно-художественнаго женскаго труда обращаетъ на себя особенное вниманіе двумя обстоятельствами. Во-первыхъ, почти всѣ безъ исключенія выставленные предметы носятъ на себѣ печать русскаго стариннаго стиля и въ большинствѣ случаевъ воспроизводятъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ древне-русскіе образцы, не только не извѣстные за границей, но мало извѣстные даже въ Россіи. Во-вторыхъ, въ этихъ произведеніяхъ обнаруживается настоящее самобытное творчество, въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова, безъ малѣйшихъ признаковъ какой-либо подражательности. Старинный стиль послужилъ для этого творчества только художественнымъ матеріаломъ, которымъ наши художники воспользовались широко и свободно, придавая своимъ произведеніямъ характеръ народнаго русскаго искусства.

В. Чуйко.

С М Ъ С Ъ.

Общества хорового пѣнія уже давно существовали въ Петербургѣ, но всѣ они были специально нѣмецкія, вполне замкнутыя въ себѣ. Таковыми должно признать общество „Liedertafel“, существовавшее уже недавно 50-лѣтіе своего существованія, „St.-Petersburg Verein“, „Sing-Academie“.

У насъ было учреждено „С.-Петербургское общество хорового пѣнія“, но занятія въ немъ продолжались не долго.

Нынѣ, па-дняхъ, это общество возобновило въ Петербургѣ свою дѣятельность (въ помѣщеніи Владимірскаго городского училища) и широко открыло двери своимъ любителямъ хорового пѣнія. Два раза въ недѣлю происходятъ въ обществѣ собранія его членовъ, въ которые принимаются лица обоаго пола. Помимо того, тамъ производится обученіе чтенія нотъ (сольфеджіо) и церковнаго пѣнія, и, такимъ образомъ, можно надѣяться, что общество, наконецъ, дастъ возможность многимъ связнымъ голосамъ получить должную выработку и стать вполне опытными пѣвцами.

Вопросъ, относящійся къ исторіи телефона. Въ 1802-мъ году французскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ былъ генералъ Эдувиль (Hédouville). Нѣкоторые бумаги, относящіяся къ его дѣятельности въ С.-Петербургѣ въ первое время царствованія императора Александра Павловича, были найдены въ послѣднее время въ ХХІХ-мъ томѣ „Архива князя Воронцова.“ Между этими бумагами мы встречаемъ письмо французскаго дипломата къ Алек-

сандру Романовичу Воронцову, занимавшему въ то время мѣсто канцлера. Въ письмѣ (стр. 405) идетъ рѣчь о нѣкоторыхъ проектахъ, исполненіе которыхъ французскій дипломатъ предлагалъ русскому правительству. Въ третьемъ пунктѣ письма сказано: „При семъ приложень проектъ механизма, посредствомъ котораго представляется возможность бесѣдовать на весьма значительномъ разстояніи“ (Le prospectus d'un cylindre parlant et d'un téléphone domestique, par le moyen desquels on peut se parler à de grandes distances). Очевидно, тутъ говорится о чемъ-то похожемъ на телефонъ. Цѣна снаряда, какъ полагалъ генералъ Эдувиль, составила-бы сумму въ тысячу рублей, не считая ящика для улаковки снаряда (sans compter le prix du meuble, qui le renfermerait). Французскій дипломатъ прибавляетъ, что три члена французской академіи (Institut National) составили въ качествѣ экспертовъ записку объ этомъ изобрѣтеніи, одобряя оное, и что изобрѣтатель поваро механизма—сынъ французскаго поеннаго инженера, пользовавшагося общимъ уваженіемъ. Спрашивается: каковъ былъ механизмъ, о которомъ говорилъ Эдувиль въ своемъ письмѣ отъ 8 октября 1802-го года? Насколько онъ состоитъ въ связи съ телефономъ позднѣйшаго времени? Намъ неизвѣстно, какъ отнесся канцлеръ А. Р. Воронцовъ къ предложенію французскаго дипломата. Было бы любопытно сравнить насчетъ этого изобрѣтенія въ архивѣ „Institut National.“ Во всякомъ случаѣ, „механизмъ, посредствомъ

которого можно бесѣдовать на весьма значительномъ разстояніи,“ явился нѣсколько десятилѣтій позже. Изобрѣтеніе электрическаго телефона происходило въ 1860-мъ году; изобрѣтателемъ былъ Филлипъ Рейсъ въ Фридрихсдорфѣ, близъ Франкфурта-на-Майнѣ; немногимъ позже профессоръ Вейнгольдъ въ Хемницѣ (въ 1870 г.) былъ изобрѣтателемъ, такъ-называемаго, „Bindfaden-Telephon.“ Загѣмъ послѣдовали усовершенствованія, благодаря усиліямъ нѣкоторыхъ техниковъ, какъ-то: Вель, Ватсонъ, Эдисонъ, Юль (Hughes), Сименсъ, Гельмгольцъ и пр. Практическое примѣненіе этого изобрѣтенія началось не ранѣе, какъ въ 1877-мъ году (въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Германіи). Въ юду усилій повѣншаго времени не лишне вспомнить о первой попыткѣ рѣшенія этой задачи въ самомъ началѣ девятнадцатаго вѣка. (А. Б.)

Къ свѣдѣнію сельскихъ хозяевъ. Во время жестокихъ морозовъ, господствовавшихъ въ концѣ 1891 г. въ Сѣверной Америкѣ и доходившихъ до —18 и 20°, одинъ фермеръ близъ С.-Франциско придумалъ слѣдующій простой и дешовый способъ предохранить свой будущій урожай отъ вліянія такихъ сильныхъ холодовъ. Все поле свое онъ покрылъ трубами, размѣстивъ ихъ въ 6 метрахъ (8,4 аршина) другъ отъ друга. По трубамъ этихъ онъ провѣлъ керосинъ изъ резервуаровъ, вмѣщающихъ отъ 400 до 500 литровъ (отъ 32 до 40 ведеръ). Въ различныхъ мѣстахъ устроены были желѣзные пріемники, къ которымъ вливаюиіеся керосинъ и сжигался. (Сильное пламя и густой дымъ, получаиіеся при этомъ, повышали тотчасъ же температуру окружающаго воздуха и почвы. Каждый пріемникъ сжигалъ около 4 1/2 литровъ (3 1/2 кружки) въ часъ. Расходъ керосина для нагрѣванія одного гектара (немного больше нашей десятины) земли не превысилъ 70 франковъ (28 рублей по курсу). Все же устройство этихъ приспособленій обошлось въ 250 франковъ (100 рублей) на десятину. (Г. В.)

Электрическая желѣзная дорога соединитъ въ скоромъ времени Чикаго съ С.-Луи, главнымъ городомъ сѣвернаго шага Миссури. Будущимъ лѣтомъ одинъ участокъ дороги будетъ уже открытъ для движенія. Скорость поѣздовъ достигнетъ на этой линіи до 150 километровъ (около 140 верстъ) въ часъ. Если, дѣйствительно, удастся ввести въ ходъ такіе скорые поѣзда, то все сколько-нибудь значительные города сдѣлаются центромъ множества расходящихся во все стороны электрическихъ дорогъ, которыя дадутъ возможность

горожанамъ проживать постоянно за городомъ, на дачѣ или въ деревнѣ, прѣзжая въ городъ лишь для совершенія своихъ дѣлъ. Это, конечно, къ высшей степени улучшить невозможныя теперь условія городской жизни. Надо надѣяться, что примѣръ Америки пойдетъ себѣ подражателей и въ нашемъ отечествѣ. (Г. В.)

Ребусъ. Задача № 4.

СОДЕРЖАНІЕ: Марево (съ рис.).—Воля судьбы. Историческій романъ въ трехъ частяхъ. Кн. М. Н. Волонского. Ч. I.—Путешествіе по Геллоустонскому національному парку. Очеркъ Павла Линдау. Переводъ Б. К. (Обончаніе) (съ 3 рис.).—Крестыне. Карла Ларсена. (Переводъ съ датскаго).—Субъевтинныя явленія здороваго зрѣнія. Очеркъ А. Л.-К.—Урожай 1892 года.—Къ рисункамъ: Съ сухими грибами въ городъ (съ рис.).—Порванные страны (съ рис.).—Молита (съ рис.).—Испанскіе цыгане, умоляюще короля Филиппа III отнѣнить узавъ обѣ ихъ изгнаніи (съ рис.).—Пещеры на островѣ Майоркѣ (съ 2 рис.).—К. П. Пиликинъ (съ портр.).—Иванъ Рыбинскій (съ портр.).—Разная плѣхія.—Политическое обозрѣніе.—Искусство.—Смѣсь.—Ребусъ.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Писатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Кн. М. Н. Волонскій.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 25 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

ИЗЪЯНЫ ВОЛИ.

Романъ въ 3-хъ частяхъ

Н. Д. МАСЛОВА.

Изданіе А. Ф. Маркса, въ СПб.

Большой, издѣно изданный томъ, въ 371 стр., убористой печати, въ красивой обложкѣ, съ вынѣткою худож. Р. Штейна. СПб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к. съ перес.

Настоящ. трава Кузьмича, самъ свѣтъ, отборн., ради конкуренціи, цѣны знач. уменьш.: 1 ф.—50 к.; 5 ф. по 45 коп.; 10 ф.—35 к., 20 ф.—20 к.; пудъ 6 р.; цѣвъ. хв. 1 р. ф. Прил. наст. Пшу аген. Вузудукъ, Сам. г., гл. сек. хв. пот. поч. гражд. Р. Н. Бутеминскаго.

КРАСИВО ПИСАТЬ

выучивается всѣмъ **заочно** (посредствомъ переноски) въ 15 уроковъ у **ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФИИ А. КОССОДО.**

Методъ премірованъ на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. № 6208 52-4. За 2 семиконечная марка высылаютъ пробное письмо и условія. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

Велосипеды англійскаго завода „Гумберъ и К°. Лмд.“

лучшіе въ свѣтѣ! предлагаются торговый домъ

Г. ЖЕМЛИЧКА и К°.

Москва, Неглинный просп., домъ Ежиной. Прейсъ-куррантъ—бесплатно.

СЕРПИКА И СЕРПИСКАЯ ЧЕСУЧА

8-7 **СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКАЦИИ.** Ц. № 6160. Пересылку тканей по заказамъ фирма Альбомъ съ образцами высылаются по принимаетъ на свой счетъ. Требованію **БЕЗПЛАТНО.** Адресъ: САРАТОВЪ, Торговому дому „БЕНДЕРЪ и СТЕПАНОВЪ“, въ Пассажѣ.

Изданіе Ф. Павленковымъ и поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ:

4-Й ТОМЪ ПОЛН. СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ ДИККЕНСА.

Въ составъ его входятъ романы: 1) Крошка Дорритъ и 2) Больныя ожиданія. Томъ I: Давидъ Копперфильдъ. Томъ II: Домъ и сынъ. Томъ III: 1) Холодный домъ и 2) Поѣздъ о двухъ городахъ. Томъ IV печатается. Цѣна каждого тома, равная 75 журнальнымъ листамъ,—1 руб. 50 коп. Гл. складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луконникова (СПб. Лешуконъ пер., № 2). Мт. № 6243

ТОЛЬКО 4 Р. 90 к.: 2 за 9 р. 55 к.; 3 за 13 р. 90 к.

ПРЕЛЕСТНОЕ ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО

съ искусств. ПРЕВОСХОДНЫМЪ БРИЛЛІАНТОМЪ

Пересылаю наложеннымъ платанымъ. **БАЗАРЪ МАРОКЪ** С.-Петербургъ, Невскій просп., № 20—31.

2-й г. „ДОМОСТРОЙ“ 2-й г.

Журналъ даетъ въ сжатой и общепонятной формѣ практически-испытанные соопыи по всѣмъ отраслямъ домоводства, хозяйства, животноводства и охоты, притомъ своеобразно, когда совѣты эти могутъ получить немедленное примѣненіе. Выходитъ еженедѣльно (50 №№ въ годъ) въ объемѣ 1—2 печатныхъ листовъ, не считая печатныхъ приложений, съ полезными чертежами и рисунками. При вышедшихъ до 24 янв. 4 №№ разосланы: 1) Отрывной календарь. 2) Панетъ съ ярлыками. 3) Образцы иглоу. 4) Два нуса резины.

Подписная цѣна со всѣми приложениями: на годъ (съ 1-го января) 6 р., на 8 мѣсц. 4 р., на 6 мѣс. 3 р., на 4 мѣс. 2 р., на 2 мѣс. 1 р.

Журналъ за 1892 г. можно получить (безъ приложений) за 3 р. съ пересылкой. Адресъ: Москва, Большая Дмитровка, д. Денисово. Ц. № 6238 Редакторъ-издатель Л. П. Сабанѣевъ.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣлательныхъ агентовъ. За условіями обрат. извѣстно: Генрихъ Блонъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59. 10-7

СКРИПКИ отъ 2—100 р.
ГИТАРЫ 3—75 р.
БАЛАЛАЙКИ 1—20 р.
МАНДОЛИНЫ 10—75 р.
ЦИТРЫ 8—75 р.
а также всѣ остальные струнные инструменты и принадлеж. реком.
И. Ф. МЮЛЛЕРЪ,
Москва, Петровка, д. Волкова. Требуете иллюстратр.
Ц. № 5965 прейсъ-куррантъ. 4-4

ТРЕБУЙТЕ НАСТОЯЩЕЕ МЫЛО
АМОСТРОУМОВА
ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
УВРАЖД. ПРАВИТЕЛЬСТВА
ОСНОВАНІЕ ПОДЪЛОЖЬ

Гѣмъ разъ удостоены первыхъ наградъ.

СКРИПКИ, самыя лучшія и дешевыя въ настоящее время, неодолеваемые по тону и качеству, отъ 6—30 марокъ, знаменитыхъ мастеровъ—отъ 30—200 марокъ. Альты, виолончели, басы. Смычки 1 1/2—50 мар. Фугляры 3 1/2—40 мар. Цитры 16—300 мар. Гитары 6—50 мар. Превосходныя струны. Всѣ духовные инструменты. Нѣмая скрипка для ученья (соств. изобрѣт.). Мастерская для починки. Рекомендаціи отъ Вильгельми, Саразате, Сора, Сингеръ и проч. Полнѣйшая гарантія. Прейсъ-куррантъ бесплатно.

Бр. ВОЛЬФЪ.
Фабрика струнныхъ инструментовъ. № 6083 Крейцнахъ. 4-4

**2-ой
ВЫИГРЫШ-
НЫЙ**
заем, 1 марта ти-
ражи, продажа на
условиях денежных
и добросовестных № 6223 5—8
**БАНКИРСКИЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,**
50, Невскій, СПб.

КОПИРКА ПОДПИСКИ!
на 18 годовое издание музыкального
журнала для фортепиано

„ЗА РОЯЛЕМЪ“

Годовое издание содержит въ себя 12
облож. тетрадей, около 400 страниц—
ежемес. по 1-й тетради, и будет заклю-
чать въ себя громадный выборъ хоро-
ш. и новыхъ соч. знаменит. авторовъ для
фортепиано въ 2 и 4 руки, романсы и танцы.
Держась общаго знаменит. авторовъ
содѣйствовать въ журналѣ моему, имѣю
возможность помѣщать въ немъ самыя
хорош. пьесы, что мнѣ даетъ надежду
полнѣе удовлетворить желанію моихъ ува-
жаемыхъ подписчиковъ.

Въ „Зрѣніи“ огромнаго количества му-
зыкальн. пьесъ, годов. подписчики полу-
чаютъ въ концѣ года безплатную премію—
Альбомъ салон. пьесъ или Альбомъ тан-
цевъ или Собраніе романсовъ.

Подс. цѣна за годов. изд. съ премією
и пересылкою 6 руб.

Подписка принимается въ конторѣ ре-
дакціи „За родема“, Матвѣевская, соб-
орн., въ Ригѣ. № 6244

Редакторъ и издатель В. ф. Зеценъ.

**НОВАЯ КНИГА:
СПУТНИКЪ
МЕЛЬНИКА-МЕХАНИКА.**

Собрание правилъ, таблицъ и
практическихъ свѣдѣній для мель-
никовъ, строителей и владѣль-
цевъ мельницъ, монтеровъ и т. д.
Сочиненіе С. Нотовича. Цѣна въ
коленкорномъ переплетѣ 3 руб.
50 к., въ кожаномъ — 3 р. 75 к.,
безъ переплета 3 р. Писательские
адресуютъ: Въ складъ мельнич-
ныхъ машинъ С. Нотовича въ
Одессѣ, Базарная, № 66. Книга
поступила также въ продажу въ
книжныхъ магазинахъ „Новаго
Времени“ и др.

Ц. № 5933 20—9

№ 4711.

**РОЗОВОЕ
ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО.**

Самое бѣжное глицериновое мыло,
ПРОЗРАЧНОЕ

КАКЪ ХРУСТАЛЬ

благодаря своимъ отличнымъ качествамъ,
приобрѣло большую извѣстность.

Высокое содержаніе глицерина, эконо-
мн. вѣдѣніе обилія пѣны, пѣный за-
пахъ розы—вотъ качества, отличающія
это мыло въ высокой степени.

Издѣлія № 4711 можно получить въ
лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ
магазинахъ Россіи и за границей.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ!

КУЗЬМИЧЕВСКАЯ ТРАВА

бѣлая, выше котораго сорта не бываетъ,
для леченія во все время года. 1 руб.
фунт. безъ пересылки. Высылаю съ наложен-
нымъ платежемъ.

Адресъ: г. Вуззукъ, главн. складъ при
Публичной библиотекѣ, Николаю Петровичу
Матвѣеву (иниціатору распространенія Кузь-
мичевской травы). № 6239

ГЛИЦЕРИНОВОЕ

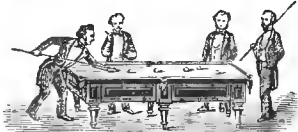
МЫЛО № 593

(6)

НА БЕРЕЗОВОМЪ СОКУ.

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Для бѣжести лица. Цѣна 50 ноп. Осте-
регаться поддѣлокъ. Требуется под-
пись А. ЭНГЛУНДЪ красными черни-
лами. Получать можно во всѣхъ извѣст-
ныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ
торговляхъ Россійской Имперіи.

ЛЕВШИНСЪ и ГЮЗНИНЪ
имѣютъ честь сообщитъ, что они доставля-
ютъ черную краску, которою печатается
иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ЗОНТИКИ

заготовлены въ громадномъ выборѣ на
С.-Петербургской фабрикѣ

В. СІВХИНА.

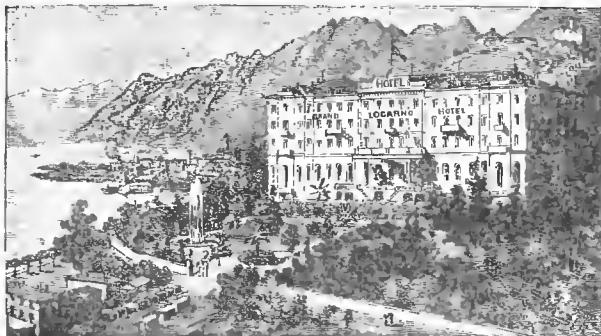
Садовая ул., д. № 29. Прейсъ-курранты
высылаются безплатно. (2) № 6229

БИЛЬЯРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египет-
ск. № 6236 скаго моста, домъ № 7—2. 26—2

Иллюстрированные прейсъ-курранты по вос-
требованіямъ высылаются безвозмездно.

LOCARNO

Станція Готтардской ж. д. у Лаго Маджоре
наилучшая и близайшая

♦ **ЗИМНЯЯ СТАНЦІЯ** ♦

Общепризнанная въ Европѣ медицинскими авторитетами и спеціально рекомендовавшая Коро-
лемъ Бавар. Совѣтъ медиковъ, проф. докторъ А. Мартини, какъ самая превосходная
зимняя и весенняя станція. № 6199 6—5

Grand Hôtel Locarno.

Открытъ въ продолженіе всего года.—Наилучшимъ образомъ приспособленъ къ про-
живанію въ немъ зимою.—Лучшее мѣстопребываніе въ Итальянскихъ озеръ.

Самая комфортабельная гостиница на континентѣ, въ замѣчательно красивой мѣст-
ности. Большой паркъ съ роскошной южной растительностью. Зимнія окна, центральное
отопленіе, плавающие печи и каминъ во всѣхъ 200 номерахъ и залахъ.—Дѣленіе вино-
градомъ.—Швейцарскія прач.,—Ванны.—Подземная машина. Англійская и швейцар-
ская кухни.—Сообщеніе на частныхъ пароходахъ и лодкахъ.—Первоклассныя кухни и по-
гребы.—Умѣренная цѣна.—Проектъ и описаніе, составленное проф. Мартини, вы-
сылаются безплатно владѣльцамъ. Balli.

**EAU, PÂTE, POUDRE
D'ENTIERICES**

DOCTEUR PIERRE

DE LA
**FACULTÉ DE MEDECINE
DE PARIS**
EN VENTE PARTOUT

№ 6238 13—2

Насимовская ивѣста. Ист. ром. въ 3 ч., соч. Вс. Соловьева. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к., съ пер-
2 р., въ бол. пер. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 75 к.

ЧИТАЙТЕ!
ЧИТАЙТЕ!
ЧИТАЙТЕ!

МЕДАЛЬОНЪ - ШТЕМПЕЛЬ

Практичная и необходимая
вещь для каждаго человѣка!

**ИНТЕРЕСНЫЙ, ПОЛЕЗНЫЙ
и НЕДОРОГОЙ.**

ПОЛЕЗНО!

ПРАКТИЧНО!

Медальоны съ штемпелями мож-
но назвать „прекрасное съ полез-
нымъ“. Весьма красивы при цѣ-
почкахъ съ чагами и содержатъ
въ себѣ штемпель имени, отече-
ства, фамиліи, мѣстожительства,
или званія; дома, въ дорогѣ, на
службѣ, въ гостяхъ, гдѣ бы ни
быть, имѣя на цѣпочкѣ своихъ
часовъ это необходимое украше-
ніе—медальонъ, легко воспользо-
ваться находящимся въ немъ штем-
пелемъ, чтобы огнечатать свои
письма, конверты, квитанціи, кар-
точки и мног. друг. Штемпель
свободно легко выплывается и
обратно вставляется; подушка съ
краскою для штемпеля тоже всег-
да находится въ медальонѣ.

Цѣна съ флакономъ краски:
Никел. медальонъ гладкій 1 р.

„ „ съ укр. 1 р. 20 к.

Золоч. съ прелест. отдѣлк. 1 р. 80 к.

Хорошій картонъ, на которомъ
можно эстамп. штемпелемъ самому
отпечатать себѣ визитныхъ кар-
точекъ, имѣется пѣною въ 40 и 60 к.
за 100 штукъ, которыя по требо-
ванію могутъ быть высланы вмѣ-
стѣ съ штемпелемъ.

При заказѣ прошу четкимъ по-
черкомъ написать имя, отчество
и фамилію, которыя желаютъ по-
мѣститься въ штемпель, и адресъ
куда выслать.

Заказы съ деньгами (вмѣсто ко-
пѣекъ можно высылать почтовы-
ми марками) прошу посылать по
адресу: въ гор. НАРВУ, Сиб. губ.

КУЩУ

**ВЕНІАМИНУ ДАВИДОВИЧУ
МИХАЙЛОВСКОМУ.**

Примѣчаніе. При одновремен-
номъ заказѣ четырехъ медальо-
новъ-штемпелей, пятн. таковой
высылается безплатно. № 6243

ЧИТАЙТЕ!
ЧИТАЙТЕ!
ЧИТАЙТЕ!

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИЖЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модъ рис.) и
Выданъ 20 февраля 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕН. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1893 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ		ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:		ПРИЛОЖЕНІЯ.	
въ „НИВѢ“ принимаются за строку ионпарейль (1/4 шир. стран) въ Глав. Кон. Ред. по 1 руб. — Загран.: для Франціи у Агенса Navas по 3 фр., для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 2 марки 50 пф.		Безъ доставки въ Петербургъ.	5 р.	Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. П. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин.	6 р.
		Съ доставкою въ Петербургъ.	6 р. 50 к.	Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи.	7 р.
		За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд.			
		На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.			
		На 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р. 50 к.			
		Особымъ приложеніемъ при „НИВѢ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.			

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“ со всѣми прилож.. Сборникомъ и пр.

Страшная минута. Съ карт. Рекнагеля, грав. Ротъ.

Воля судьбы.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе).

VI.

Дипломатическій разговоръ.

Карлъ Эйзенбахъ былъ введенъ дворецкимъ въ большой кабинетъ стараго князя.

Князь сидѣлъ у окна на креслѣ. Рядомъ съ нимъ стоялъ столикъ, на которомъ въ чинномъ порядкѣ помѣщались очки, табакерка, платокъ, фарфоровая саксонская чашка съ крышкой, стопка золотообрѣзной бумаги и карандашъ.

Князь имѣлъ обыкновеніе встѣдъ за послѣбѣденнымъ сномъ одинъ оставаться у себя въ кабинетѣ у окна нѣкоторое время, въ продолженіе котораго часто дѣлалъ на отдѣльныхъ листкахъ замѣтки. Часть этихъ замѣтокъ вручалась управляющему и заключала въ себѣ распоряженія по обширнымъ дѣламъ и хозяйству князя, часть переносилась непосредственно со столика въ секретный ящикъ бюро съ тѣмъ, чтобы не быть вынутыми оттуда.

Никто не смѣлъ своимъ появленіемъ нарушать это молчаливое „сидѣніе“ князя у столика, и если въ рѣдкихъ случаяхъ Андрей Николаевичъ звалъ кого-нибудь къ себѣ въ это время, то дѣлалъ это только въ силу важныхъ и исключительныхъ причинъ.

Такимъ образомъ, для Карла Эйзенбаха было нарушено одно изъ обыкновеній. Проскуровъ хотѣлъ поскорѣе увидѣть, каковъ былъ, на самомъ дѣлѣ, сынъ его пріятеля, заранѣе обозванный уже имъ „петиметромъ“, и насчетъ дѣйствительной цѣли посѣщенія котораго можно было догадываться.

И когда показался въ дверяхъ кабинета молодой гость, большіе, строгіе, выпуклые глаза князя остановились на немъ съ любопытствомъ.

Несмотря на то, что Андрей Николаевичъ, умѣвпый часто однимъ словомъ, съ перваго-же взгляда охарактеризовать человека, явно смотрѣлъ на Карла Ульбиха фонъ-Эйзенбаха, съ тайнымъ желаніемъ подмѣтить въ немъ какую-нибудь черту для прозвища, — блестящій внѣшній видъ красиваго молодого человека не могъ подать ему для этого никакого повода.

Карлъ былъ высокъ, строенъ, хорошо сложенъ. Его парикъ и платье ловко сидѣли на немъ. Лаковые башмаки съ пряжкой, на красныхъ каблукахъ, красиво облегли узкую ногу. Кружево его манжеты отличалось вкусомъ, хотя было весьма просто. Онъ стоялъ передъ княземъ почтительно, но безъ подобострастной робости. Нельзя сказать, чтобы красивое лицо его съ полными румяными губами казалось съ перваго-же раза симпатичнымъ, но производимое впечатлѣніе было все-таки скорѣе благопріятно.

Карлъ зналъ это и потому спокойно такъ стоялъ передъ княземъ, хотя это внѣшнее спокойствіе все-таки стоило ему извѣстнаго усилія, чтобы подавить въ себѣ не робость, но нѣкоторое бленіе сердца, при видѣ этого внушительнаго, отдѣланнаго подъ темный дубъ, богатаго кабинета и старика-князя, сурово, строго и испытующе глядящаго на него.

Карлъ чувствовалъ, что сѣрые глаза князя словно хотятъ заглянуть, пронизавъ его насквозь, въ самый тайникъ его души, и старался не позволить этого, спокойно и почтительно выдерживая обращенный на него взглядъ.

— Ну, познакомимся, проговорилъ наконецъ князь. — Подойди сюда—сядь. Что отецъ, здоровъ?.. а?..

Карлъ подошелъ, чуть замѣтно улыбаясь. Улыбка эта невольна явилась у него, потому что онъ зналъ теперь, что первый и самый серьезный искусь выдержанъ: князь не понималъ его...

Онъ отвѣтилъ, не торопясь, объ отцѣ, потомъ сказалъ, что всю дорогу берегъ розы, доставленные, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ полной неприкосновенности, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ Проскурова принять привезенный имъ отъ отца въ подарокъ бюваръ.

Князь благодарилъ, кивая головою. Относительно розановъ онъ сказалъ: — „Спасибо, потомъ пойду посмотрю“, и, принявъ бюваръ, съ удовольствіемъ поглядѣлъ на него.

Мозаиковый бюваръ, сдѣланный на заказъ, съ огромнымъ гербомъ Проскуровыхъ посрединѣ, видимо, очень понравился Андрею Николаевичу.

Старый баронъ зналъ, чѣмъ угодить пріятелю.

Князь положилъ бюваръ рядомъ съ собою на столикъ и, кладя его, замѣтилъ, что онъ словно по мѣркѣ сдѣланъ, по тѣмъ листкамъ, на которыхъ онъ имѣлъ обыкновеніе набрасывать свои замѣтки.

Карлъ сидѣлъ, скромно опутивъ глаза, будто не замѣчая явнаго удовольствія князя, который не считалъ нужнымъ скрывать это удовольствіе.

— Ну, а ты что-же, служишь? заговорилъ опять Андрей Николаевичъ, слегка морщась при словѣ „служишь“...

Карлъ глубоко вздохнулъ и съ подчеркнутымъ сожалѣніемъ отвѣтилъ, что служитъ.

— И хорошо идешь по службѣ?

— Очень хорошо... Мнѣ вотъ уже третье мѣсто предлагаютъ и повышеніе! опять отвѣтилъ Карлъ съ прежнимъ спокойствіемъ.

Князь нахмурился, но Эйзенбахъ не смутился. Онъ зналъ, что дѣлалъ.

— Вотъ какъ! отрывисто проговорилъ князь. — А тебѣ и двадцати трехъ лѣтъ еще?

— Двадцать три будетъ въ августѣ...

— Молодой да изъ раннихъ! подхватилъ Проскуровъ. — Что-жъ, при комъ изъ сильныхъ руку имѣешь? Тонъ князя становился съ каждымъ словомъ недовольнѣе.

— Относительно протекціи пожаловаться не могу, но долженъ сознаться, что и служба мнѣ извѣстна до мельчайшей подробности и, по мѣрѣ силъ, я стараюсь... вотъ, недавно графъ...

— Ну, и дай Богъ вамъ! вдругъ перебилъ Проскуровъ и, нахмутивъ брови, отвернулся къ окну и забарабанилъ по подоконнику пальцами.

Эйзенбахъ молчалъ.

— Въ чины выйдете, пожалуй къ намъ, маленькимъ людямъ, въ начальство попадете, такъ не забудьте вашими милостями... продолжая глядѣть въ окно, усмѣхнулся князь.

— Я никогда не выйду въ чины! тихо проговорилъ Эйзенбахъ.

Князь быстро взглянулъ на него удивленно.

— Что такъ? спросилъ онъ не столько словами, сколько взглядомъ и всѣмъ движеніемъ своимъ.

— Развѣ на службѣ умѣютъ цѣнить истинныя заслуги? въ свою очередь усмѣхнулся Карлъ. — Тотъ не большой омытъ, который я имѣлъ, и тотъ убѣждаетъ меня, что лишь искательство и извѣстная ловкость даютъ возможность подвигаться впередъ, но, могу васъ увѣрить, князь, съ жаромъ вдругъ закончилъ баронъ, что каждый истинно достойный человекъ долженъ бѣжать изъ того омыта, который въ столицахъ называютъ службой.

Почти за пятьсотъ верстъ отъ Петербурга, Карлъ, увѣренный, что начальство, которому такъ недавно еще, уѣзжая, онъ говорилъ совершенно противное, не

услышать его, могъ позволить себѣ сказать это, чтобы выпустить передъ княземъ первую ракету хитро обдуманной, вмѣстѣ съ отцомъ, блокады.

Съ перваго-же шагу Карлъ увидѣлъ, что расчетъ не только оказался вѣренъ, но результаты превосходятъ ожиданія.

Дѣйствительно, не могъ не обрадоваться, видѣвній одинъ только неудачи по службѣ, князь, словамъ молодого человека, который, напротивъ, идетъ блестяще и все-таки убѣжденъ, что служба, не давшаяся Проскурову,—омутъ, его-же долженъ избѣгать всякій достойный человекъ!..

Улыбка снова освѣтила лицо князя. Отвѣтомъ барона онъ такъ остался доволенъ, что, взявъ большую щепотъ табаку, подмигнувъ гостю, зажмурился и втянулъ ее.

— Такъ ты говоришь, что служба все равно, что кумовство да дружба? проговорилъ онъ.

Карлъ, который никогда не говорилъ этого, по которому сейчасъ-же замѣтить, что князь снова начинаетъ говорить ему „ты“, наклонилъ голову и тоже улыбнулся.

— Ну, а если не служить, такъ что-же дѣлать, а?.. весело снова спросилъ Проскуровъ.

— Я судить объ этомъ не берусь, князь, вообще, по личное мое желаніе при первой возможности ходатайствовать передъ государыней объ увольненіи съ тѣмъ, чтобы, если у батюшки будутъ средства, купить помѣстье и заяться имъ... И вдругъ Карлъ съ приливомъ везаннаго краснорѣчія (внезапнымъ оно было для князя, потому что Карлъ всю дорогу обдумывалъ, какъ и что онъ будетъ говорить) сталъ объяснять, что истинное призваніе дворянъ не на службѣ, а именно въ деревнѣ, что не одинъ онъ, но большинство дѣльной современной молодежи уважаютъ тѣхъ людей, которые посвятили свою дѣятельность землѣ, и предъ которыми они преклоняются и хотятъ подражать которымъ... И Эйзенбахъ сейчасъ-же объяснилъ, почему онъ и большинство молодежи такъ думаютъ: — Безъ служилыхъ людей земля просуществовать, а безъ земли служилые люди—нѣтъ!—и что вся гордость и надежда Россіи заключается въ истинныхъ дворянахъ, живущихъ на землѣ и въ годину бѣдъ... дѣющихъ на зовъ своего государя, чтобы песты уже тогда дѣйствительную службу... Вотъ истинно великіе люди, вотъ примѣръ, достойный подражанія...

И долго говорилъ краснорѣчивый Карлъ фонъ-Эйзенбахъ, приводилъ историческія справки, латинскія цитаты, металъ громы и журчалъ, какъ ручеекъ, постоянно, однако, слѣдя за впечатлѣніемъ, производимымъ на стараго князя.

А Проскуровъ слушалъ, не перебивая. Рѣчь ловкаго барона, словно чарующая музыка, ласкала его слухъ. Согнутая спина его выпрямлялась и голова гордо закидывалась назадъ.

Указъ Петра, относительно обязательности службы для дворянъ, давно приучилъ общественное сознаніе къ тому, что вѣдь этой службѣ нѣтъ спасенія, и что человекъ не служащій—почти ничего не стоитъ. Такъ думали всѣ, такъ думалъ и князь, страдавшій своимъ деревенскимъ житьемъ и ревниво оберегавшій, для виду разумеется, это страданіе отъ постороннихъ глазъ, но чувствовавшій его тѣмъ сильнѣе.

И вдругъ теперь ему свидѣтельствуютъ, что, напротивъ, вся сила, вся суть въ людяхъ, живущихъ „на землѣ“, что они составляютъ главное, и что удивленіе князя—есть почетное удивленіе, замѣтное даже въ Петербургѣ, и вотъ молодежь желаетъ подражать ему и мечтаетъ не о той карьерѣ, которая не удалась князю, но о жизни, которую онъ ведетъ.

Значитъ, не одинъ князь завидуетъ другимъ, но есть много людей, которые завидуютъ его положенію. Это

открытіе, это удовлетвореніе, послѣ долгихъ лѣтъ тайнаго униженія—тайнаго, потому что гордый всегда по виду князь Проскуровъ внутренно лишь раздражался имъ,—не могло не подѣйствовать особенно радостно на старика.

„Такъ вотъ какъ! думалъ онъ, пристально смотря въ ясные и, пожалуй, наивные глаза барона. — Вотъ какъ! Ну, не дуракъ-же ты!.. молодецъ!..“

И вдругъ легкая тѣнь пробѣжала по лицу князя: Андрей Николаевичъ давно научился не сразу довѣрять людямъ, отыскивая всегда загадочную причину ихъ словъ и дѣйствій. Сначала, повидимому, такой причины въ настоящемъ разговорѣ не могло быть у Карла, но потомъ вдругъ у князя мелькнула мысль: а что если „мальчишка“ морочитъ его, имѣя виды на княжну, его дочь?..

„А вотъ мы это сейчасъ выяснимъ“, подумалъ снова Проскуровъ и ласково обратился къ гостю:

— Ну, я очень радъ былъ познакомиться, милости прошу пожить, завтра дочь мою увидишь. Ты долго намѣренъ остаться у насъ?

Карлъ, вполне владѣя собою, отвѣтилъ, что благодарить за честь, но едва-ли ему будетъ возможно представиться княжнѣ, такъ какъ онъ намѣренъ завтра рано утромъ ѣхать дальше, и просить князя позволенія откланяться ему сегодня вечеромъ, а завтра на зарѣ приказать приготовить для него лошадей.

Проскуровъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

Повидимому, у Карла никакихъ заднихъ мыслей не было. Какъ ни странно показалось оно князю, но приходилось вѣрить.

— Ну, очень жаль, сказалъ онъ, — а дочь сегодня уѣхала на цѣлый день со старой нянюшкой въ монастырь; ужинай одни будемъ... Такъ завтра, значить, ѣдешь?

И какъ внимательно ни вглядывался Андрей Николаевичъ въ лицо молодого барона, ни одно движеніе мускула этого лица не выдало Карла.

— Да, мнѣ нужно ѣхать завтра рано утромъ, повторилъ онъ.

VII.

Рискованная ставка.

Князь не солгалъ, сказавъ, что Ольги не было дома. Она уѣхала за пять верстъ въ монастырь на цѣлый день. Тамъ была погребена покойная княгиня, и монастырь былъ единственнымъ мѣстомъ, куда отпущала Андрей Николаевичъ свою дочь.

Ужинъ былъ накрытъ въ маленькой семейной столовой князя.

За столомъ, кромѣ хозяина и его гостя, былъ знакомый Карлу, рекомендованный его отцомъ Проскурову, итальянецъ, не подавшій, однако, виду, что существуютъ между нимъ и Эйзенбахами какія-нибудь сношенія, и молодой человекъ, съ которымъ князь обращался какъ со своимъ, называя его просто Артемиемъ.

Карлъ зналъ, что это былъ воспитанникъ князя, а теперь его секретарь, но и съ нимъ познакомился, какъ съ человекомъ, совсѣмъ ему неизвѣстнымъ.

Князь Андрей Николаевичъ былъ въ самомъ лучшемъ расположеніи духа и такъ веселъ, какъ давно не виданъ его домашніе.

Онъ, видимо, всѣми силами хотѣлъ показать Карлу, что тотъ имѣлъ полное основаніе считать лучшей участью человека на землѣ—жизнь „деревенскаго затворника“ и поэтому и шутилъ, и смѣялся, какъ будто вполне довольный своею судьбою.

Карлъ, въ свою очередь, игралъ роль неподражаемо. Впрочемъ, онъ могъ отъ души хвалить барское и беззаботное житье Проскурова. Если-бы ему сейчасъ предложили отказаться отъ всякаго служебнаго самолюбія, а взамѣстъ этого дали-бы этотъ роскошный домъ, эту толпу слугъ въ золоченыхъ ливреяхъ и богатство Про-

На дорогѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Каразина, грав. Шюблеръ.

Законоспасскій монастырь въ Москвѣ. Съ фот. Ошита, грав. Шлещеръ.

скурова, да лучше этого онъ ничего и придумать не могъ-бы.

И снова два-три намека, сдѣланные во-время, ласливая похвала, сказанная кетати, и наивно, словно случайно вырвавшееся признание барона жить навсегда въ деревнѣ, произвели на князя свое впечатлѣніе и отлѣтились въ его памяти.

Изъ-за стола всѣ встали веселые и довольные.

Карлъ, прощаясь, благодарилъ князя за гостепріимство и ушелъ къ себѣ во флигель съ веселымъ, улыбающимся лицомъ человѣка, у котораго вся душа наружу, чистая и непорочная, какъ мечта дитяти.

Но придя къ себѣ въ спальню, молодой Эйзенбахъ не скрывалъ уже волненія и безпокойства, весь вечеръ тревожившихъ его и искусно скрываемыхъ.

Онъ торопливо раздѣлся, велѣлъ уложить свои вещи, посмотрѣлъ аккуратно-ли сложенъ новый его нарядъ и, отославъ накононецъ слугъ и надѣвъ полотняный плафрокъ, сѣлъ было писать отцу, но съ первыхъ же строкъ увидѣлъ, что писать ему еще нечего.

Сегодня день весь былъ очень удаченъ. Карлъ чувствовалъ, что поправился старому князю, и поправился такъ, что не ожидалъ этого. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ понималъ, что игра, которую онъ велъ, была очень опасная игра, въ продолженіе которой каждую минуту можно было потерять все. И теперь именно Карлъ переживалъ одну изъ такихъ минутъ: положимъ, онъ поправился князю. Тотъ не разгадалъ его. Карлъ велъ себя отлично. Но не извѣстно было — поправился-ли Карлъ князю настолько, чтобы тотъ задержалъ его въ Проскуровѣ, якобы по своей и противъ его, Карла, воли. Баронъ рискнулъ, сказавъ, что ему нужно ѣхать завтра, и попросивъ лошадей рано утромъ. Съ одной стороны, это было отлично и убѣдило князя окончательно, что гость его ни на что никакихъ видовъ не имѣетъ. Но съ другой—этотъ ходъ казался способнымъ сразу разбить всѣ надежды и планы. Если завтра утромъ Карлу дадутъ лошадей — онъ долженъ будетъ ѣхать, и тогда трудно найти предлогъ для возвращенія, и прощай всѣ мечты, расчеты и, главное—расходы, сопряженные съ этой поѣздкой. Но за то, если князь вдругъ пожалѣетъ такъ сразу отпустить пріятнаго себѣ гостя и не прикажетъ давать лошадей, тогда кампанія почти выиграна. Дальнѣйшее пойдетъ какъ по маслу—Карлъ зналъ себя и надѣлся на себя... Онъ думалъ, однако, что князь за ужиномъ скажетъ ему, чтобы онъ остался въ Проскуровѣ и отложилъ завтрашній свой отлѣздъ. Но этого не случилось, и Карлъ, вспоминая, какъ весь вечеръ сегодня онъ ждалъ и ловилъ, не обратится-ли князь къ нему съ предложеніемъ погостить подольше, чувствовалъ, что безпокойство неизвѣстности и сомнѣнія овладѣваетъ имъ все больше и больше... Онъ ходилъ скорыми шагами по комнатѣ, и то ему казалось, что все уже потеряно, и ясно было, что нѣтъ причинъ князю задерживать его, и онъ раскаивался въ своемъ слишкомъ рискованномъ поступкѣ; то, наоборотъ, ему приходило въ голову, что вѣдь каждую минуту одинаково рисковалъ онъ, каждую минуту взбалмошный старикъ-князь могъ разсердиться на него, и просьба о лошадяхъ такой же рискъ, какъ и всякій другой, и все зависитъ отъ судьбы.

Въ то самое время, когда Карлъ не могъ подумать о себѣ у себя во флигелѣ, тревожась и безпокоясь о томъ, что будетъ завтра,—въ угловой комнатѣ большого дома, служившей и кабинетомъ, и спальней князя, Андрей Николаевичъ поворачивался съ боку на бокъ на широкой кровати, тоже страдая бессонницей отъ вереницы мыслей, тѣснившихся въ его головѣ.

Сначала онъ долго думалъ о Карлѣ, и тѣмъ больше думалъ о немъ, тѣмъ больше нравился ему Карлъ.

— Славный, славный малый, бормоталъ князь, имѣв-

шій привычку иногда вслухъ произносить то, что было у него на умѣ.

И онъ съ удовольствіемъ вспоминалъ, какъ Карлъ умио, смѣло и послѣдовательно доказывать, что непавистная ему до сихъ поръ жизнь въ деревнѣ была лучшимъ удѣломъ избранниковъ счастья.

Тутъ и самолюбіе князя было польщено, и являлось сознаніе, что не даромъ прожиты имъ годы, долгіе и скучные.

И Андрей Николаевичъ удивлялся, какъ раньше ему не приходило этого въ голову. Онъ не подозрѣвалъ, что пужень былъ для него именно вѣншій толчокъ, свидѣтельство посторонняго лица, чтобы направить его мысль на самоутѣшеніе. И первый разъ въ жизни Проскуровъ, если не почувствовалъ себя виолнѣ счастливымъ, то, во всякомъ случаѣ, примиреннымъ съ судьбою. Это примиреніе было настолько пріятно ему, что онъ, хотя и зналъ, что отъ волненія заснуть не можетъ, все-таки боялся, чтобы сонъ не сожмнетъ ему глазъ, такъ хорошо ему казалось теперь наяву и такъ радовался онъ проявившемуся у него сознанію благополучія.

И Андрей Николаевичъ медленно перевернулся на другой бокъ.

Новыя, совсѣмъ новыя мысли внезапно охватили его, какъ будто, переѣхивъ положеніе тѣла, онъ почувствовалъ внутри себя тоже переворотъ, словно въ немъ пробудился другой совсѣмъ человѣкъ, и этотъ другой человѣкъ сталъ разсуждать совершенно неожиданно такимъ образомъ: „я не хочу отдать Ольгу ни за кого замужъ, потому что боюсь ея несчастья и боюсь лишиться ея, чтобы не остаться одному; но почему я до сихъ поръ воображалъ, что нельзя устранить этихъ препятствій? Если найдется человѣкъ молодой, красивый, приличный, съ хорошимъ именемъ, который пожелаетъ остаться въ деревнѣ навсегда, тутъ у меня, на моихъ глазахъ, и составитъ счастье дочери, то развѣ не одну лишь радость принесетъ мнѣ это?.. Я съ нею не расстанусь тогда, и самъ уже буду слѣдить за отношеніями къ ней мужа, лишь бы нашелся такой человѣкъ“.

И князь, не признаваясь себѣ въ этомъ, чувствовалъ, что человѣкъ такой нашелся уже—Карлъ Эйзенбахъ... Онъ былъ красивъ собою, гордъ дворянскимъ именемъ древняго своего рода и казался настолько благоразумнымъ, что могъ, если присматривать за нимъ, явиться идеальнымъ мужемъ.

Князь былъ увѣренъ, что всѣ эти мысли приходятъ ему сами собою, что самъ онъ соображаетъ и дѣлаетъ выводы, и не отдавалъ себѣ отчета, что всѣ его соображенія подсказаны разговорами ловкаго барона, который, благодаря урокамъ отца своего, зналъ, что никогда не нужно убѣждать человѣка прямыми доводами, если это не пустой разговоръ, но въ дѣлѣ серьезномъ нужно направить только его мысли такъ, чтобы самъ онъ пришелъ къ желаемому убѣжденію, и тогда это убѣжденіе будетъ несокрушимо и твердо.

Какъ видно, старый баронъ Эйзенбахъ зналъ слабости человѣческаго сердца.

Карлъ при этомъ оказался понятливымъ ученикомъ, и разсужденія князя невольно катились какъ снѣжный комокъ по подставленной ему плоскости, и комокъ этотъ разрастался и увеличивался. Князь видѣлъ уже себя главою семьи, счастливымъ, окруженнымъ внуками и внучками, которыхъ онъ любитъ, балуетъ, и которые души не чаютъ въ своемъ милomъ дѣдушкѣ.

И при этой мечтѣ ему такъ показался мнѣ и дорогъ его проскуровский домъ и садъ, такъ захотѣлось ему дожить до тѣхъ поръ, пока онъ увидитъ этотъ скучный и тихій до сихъ поръ домъ оживленнымъ новою жизнью родныхъ, близкихъ ему существъ, что одно уже предвкушеніе этой радости дѣлало его почти счастливымъ.

И съ тихой, радостной улыбкой заснуть старый князь въ эту ночь. Никогда не спалось ему такъ покойно.

На другой день солнце встало безъ облачка. Утро было прекрасное, тихое.

Карлъ съ вечера велѣлъ разбудить себя на зарѣ. И только-что человѣкъ его вошелъ въ комнату — Карлъ открылъ глаза и первымъ дѣломъ послалъ узнать, готовы-ли лошади.

Человѣкъ пошелъ исполнять его приказаніе.

Быстро, нетерпѣливо началъ одѣваться Карлъ, безпрестанно поглядывая на дверь, въ ожиданіи извѣстія.

А что какъ ему скажутъ, что все готово къ его отъѣзду? Что дѣлать тогда, какъ поступить?.. Тогда выхода не будетъ—придется ѣхать...

Наконецъ, въ дверяхъ явился лакей.

„Ну, такъ и есть, мелькнуло у Карла, — все кончено...“

— Его сіятельство, проговорилъ лакей, почтительно склонивъ голову, — просятъ барона пожаловать закусить съ ними на террасу...

— А лошади? спросилъ Карлъ.

— На конюшнѣ не сдѣлано никакихъ распоряженій...

Лицо Карла озарилось торжествующей улыбкой. Въ ней блеснула радость, смѣнившая его волненіе, радость, настолько же сильная, насколько было сильно это волненіе.

Судьба ему благопріятствовала: рискованная ставка казалась выиграна.

VIII.

Встрѣча.

Пославъ сказать своему гостю, что онъ зоветъ его къ себѣ на террасу, князь Андрей Николаевичъ прошелъ на половину дочери.

Онъ зналъ, что она вернулась вчера послѣ ужина изъ монастыря цѣлою и невредимою.

Ольга встрѣтила его уже причесанная и одѣтая. Князь боялся, что вчерашняя поѣздка утомить ее, но, къ удовольствію своему, увидѣлъ, что на хорошенькомъ личикѣ Ольги не было замѣтно и тѣни утомленія.

Тонкія, дѣвственно очерченныя губы ея такъ же, какъ всегда, улыбнулись ему при встрѣчѣ. Голубые глаза были ясны, и матовый румянецъ игралъ на щекахъ.

— Экая ты у меня красавица, проговорилъ Проскуровъ, взявъ дочь обѣими руками за голову и нѣжно и осторожно цѣлуя ее въ лобъ.

Ольга стала рассказывать ему о вчерашней поѣздкѣ, передала благословеніе и поклонъ игуменѣ, принесла привезенную князю просфору и, видя, что отецъ въ рѣдко хорошемъ расположеніи духа, разговорилась, рассказывая. Она не могла никогда рассказывать спокойно, быстро увлеклась, щеки ея разгорались и глаза блестѣли... Князь всегда любилъ смотреть на нее въ такія минуты, но сегодня оживленіе Ольги, которое очень мило къ ней, какъ будто доставляло ему особенное удовольствіе... Онъ любовался ею, не слушая того, что она говоритъ, занятый своими, зародившимися вчера съ вечера у него, мыслями.

— Вы какъ-то, батюшка, говорили, спросила вдругъ Ольга, — что къ намъ долженъ пріѣхать... какъ это называется... неметришь...

Легкая тѣнь пробѣжала по лицу князя.

— Ну, однако, пойдемъ, проговорилъ онъ вставая и, взявъ дочь за талію, повелъ ее внизъ.

Войдя въ большую залу съ хорами, князь пріостановился и, придерживая дочь, показалъ ей кивкомъ головы на широкое окно, выходившее на террасу.

На уставленной тепличными деревьями террасѣ былъ накрытъ столъ для утренняго завтрака, и прямо въ рамкѣ окна, у стола, виднѣлась красивая и бравая фигура Карла Эйзенбаха.

— Ты видишь его? спросилъ князь у Ольги.

Она молча взглянула въ окно, потомъ съ какимъ-то испуганнымъ удивленіемъ перевела глаза на отца.

— Приглядишься къ нему—онъ мнѣ нравится, произнесъ князь отчетливо и ясно, голосомъ, которымъ отдавалъ приказанія.

— Онъ мнѣ нравится, еще разъ повторилъ онъ и вышелъ на террасу.

Ѣдомъ Проскуровъ имѣлъ обыкновеніе вставать съ восходомъ солнца, и все домашніе должны были слѣдовать его примѣру.

Вслѣдствіе этого у стола, кромѣ Эйзенбаха, были въ сборѣ и все остальные.

— А хороший денекъ сегодня будетъ! весело говорилъ князь, здороваясь съ ожидавшими его прихода на террасѣ и искоса взглядывая на дочь.

Онъ старался незамѣтно прослѣдить, какъ она встрѣтитъ Карла.

— Олюшка, обернулся онъ къ ней, — это баронъ Карлъ фонъ-Эйзенбахъ, сынъ стараго моего пріятеля... Ты сюда сядь, сказалъ онъ Карлу, показывая на мѣсто сирава отъ себя.

Лакеи отодвинули стулья и подставили ихъ гостямъ.

Ольга сѣла по лѣвую сторону отца, противъ Эйзенбаха. Дальше за столомъ помѣстились Артемій и итальянецъ.

Недавнее оживленіе ея, которымъ только-что любовался Андрей Николаевичъ у нея въ комнатѣ, совершенно вдругъ исчезло, вмѣстѣ съ румянцемъ на ея щекахъ. Она казалась теперь блѣдною и смущенною и сидѣла, опустивъ глаза, словно къ смерти приговоренная.

Князь не могъ не замѣтить этой внезапной перемѣны въ ней.

— Что съ тобою? полутихо спросилъ онъ ее, когда сѣли за столъ.

Ольга вздрогнула и провела рукою по лицу.

Но счастью, Карлъ нашелся. Онъ заговорилъ о красотѣ княжескаго сада, чистосердечно сознаваясь, что никогда въ жизни не видалъ ничего подобнаго.

Проскуровъ обернулся къ нему и заговорилъ.

Эйзенбахъ очень ловко сталъ поддерживать разговоръ, но почти не спускалъ глазъ съ Ольги въ это время.

Когда сегодня его пришли звать на террасу, онъ понималъ, что увидитъ ее, и, подумавъ, сейчасъ же обесудилъ, какъ держать себя съ нею.

Итальянецъ писалъ его отцу, что княжна очень красива. Карлу это было извѣстно, но, и зная о красотѣ ея, онъ все-таки былъ удивленъ, когда увидѣлъ ее.

Передъ его глазами была теперь не одна красота, но вся женственная прелесть сосредоточилась въ этой красотѣ, чтобы приковать къ себѣ и взгляды, и мечты человѣка, у котораго способно еще биться сердце.

Съ перваго же взгляда на князя, Карлу стало ясно, о чемъ тотъ думалъ сегодня ночью и о чемъ можно было уже догадаться по отсутствію приказанія о лошадяхъ на конюшнѣ.

Карлъ не проронилъ ни одного взгляда князя, ни одного хотя бы легкаго движенія лица его. Онъ видѣлъ и хорошее расположеніе духа Андрея Николаевича, и легкое движеніе его бровей, когда Ольга вдругъ поблѣднѣла, и особенную ласковость къ себѣ Проскурова, — ласковость, сильно увеличившуюся со вчерашняго вечера.

„Все прекрасно!“ подумалъ Карлъ и рѣшилъ, что онъ можетъ, не обинуясь, выказывать свое восхищеніе передъ Ольгой. Князь этимъ не останется недоволенъ.

И дѣйствительно, князь, разговаривая съ молодымъ гостемъ, все время чувствовалъ направленіе его глазъ, которыхъ тотъ не сводилъ съ княжны.

Андрей Николаевичъ не долженъ былъ сомнѣваться, что она нравится барону, да иначе и быть не могло.

Что касается Ольги, то онъ сначала попробовалъ объяснить ея смущеніе первымъ впечатлѣніемъ новаго знакомства съ чужимъ молодымъ человекомъ.

„Вѣдь не бросится же ей ему на шею, мысленно утѣшалъ себя князь. — Что-жъ, она, какъ и слѣдуетъ дѣвушка — скромна, вотъ и все...“

Но вмѣстѣ съ тѣмъ что-то внутри его говорило ему, что въ опущенныхъ глазахъ Ольги и, въ особенности, въ блѣдности, покрывавшей ея лицо, есть нѣчто еще, кромѣ скромности и застѣнчивости: страхъ не страхъ, но во всякомъ случаѣ недружелюбное чувство къ Карлу.

Откуда оно могло появиться?

Но на этотъ вопросъ напрасно старый князь старался отвѣтить себѣ.

Молодой Эйзенбахъ какъ будто ничего не замѣчалъ и, казалось, слова восторга такъ и готовы были сорваться у него съ языка.

Онъ такъ былъ увлеченъ, что не могъ сосредоточить ни на чемъ остальномъ своего вниманія; словно машинально, не замѣчая того, что онъ дѣлаетъ, въ разсѣянности, онъ, кончивъ цѣлую тарелку съ простоквашей, вынулъ стаканъ сливокъ, потомъ наложилъ варенцу; съѣвъ варенецъ, принялся за варенье.

„Ну, аппетитъ!“ невольно подумалъ итальянецъ, слѣдя глазами за Карломъ.

Ольга ничего не ѣла, продолжая сидѣть, опустивъ глаза. Въ ней видимо происходила какая-то необъяснимая тревога.

— Да что ты, устала со вчерашняго? опять спросилъ ее князь.

Она хотѣла отвѣтить, но губы ея задрожали и подбородокъ затрясся...

На этотъ разъ ученый итальянецъ пришелъ ей на помощь.

— Княжна, сказалъ онъ на дурномъ русскомъ языкѣ, — можетъ-быть нездорова...

— Ты нездорова? испуганно переспросилъ ее князь.

— Да... а впрочемъ нѣтъ... такъ... голова...

— Хочешь, Іосифъ Александровичъ принесетъ тебѣ капли?

Итальянецъ, котораго собственно звали Джузеппе Торриччолли и который въ Россіи привыкъ откликаться на имя Іосифа Александровича, сдѣлать движеніе встать. На его попеченіи была домашняя аптека князя.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо, поспѣшно проговорила Ольга, и, наливъ себѣ стаканъ воды, выпила его почти залпомъ.

Благодаря этому происшествію съ княжною, за столомъ сидѣли не долго.

Князь поднялся первымъ и, когда всѣ встали сейчасъ же за нимъ, онъ, уже уходя, въ дверяхъ, какъ бы только-что вспомнивъ, обернулся къ Карлу и проговорилъ, улыбаясь:

— А я и забылъ тебѣ сказать, что лошадей не велѣлъ тебѣ закладывать; развѣ въ деревню пріѣзжаютъ гостить на одинъ день?.. Ты говоришь, у тебя дѣла въ Москвѣ?

Карлъ смотрѣлъ на князя въ нерѣшимости, что отвѣтить ему.

Но князь не далъ ему говорить.

— Такъ дѣла подождутъ, продолжалъ онъ, пригибаясь къ Карлу и взявъ его новыше локтя. — Подождутъ вѣдь, а?

— Мнѣ-ли не послушаться васъ, князь! отвѣтилъ Карлъ съ такимъ выраженіемъ преданности и покорности, что Андрей Николаевичъ разсмѣялся тихимъ, радостнымъ смѣхомъ и похлопалъ барона по плечу.

— Ну, ну, хорошо, сказалъ онъ, — поживемъ — увидимъ...

И старый князь особенно бодрыми и скорыми шагами направился къ себѣ, насвистывая что-то военное.

Въ приемной, смежной съ кабинетомъ, его уже ждали приказчики, бурмистры и конторщики съ докладомъ, но, прежде чѣмъ позвать ихъ, Андрей Николаевичъ велѣлъ лакею доложить княжнѣ, что онъ проситъ прійти ее къ себѣ.

(Продолженіе будетъ).

Лента.

(Изъ петербургскихъ эскизовъ).

О. Чюминой.

I.

— Что намъ дѣлать, Даша, если не найдется лента подъ цвѣтъ платья? сказала Инна Сергѣевна, повернувшись отъ зеркала, въ которомъ она любовалась своимъ изображеніемъ, къ портнихѣ, черноглазой дѣвушкѣ въ модной прическѣ и красиво синтомъ платьѣ. Портниха укладывала въ картонку корсажъ изъ вѣжнаго, блѣдно-голубого фуляра съ бѣлыми цвѣточками.

Инна Сергѣевна была миловидная блондинка, съ большими сѣрыми глазами, и питала особенное пристрастіе къ голубому цвѣту, помня правило: „le bleu c'est le fard des blondes“.

— Да, трудновато будетъ подобрать, цвѣтъ-то ужъ очень вѣжливый, отозвалась портниха.

— Тетя привезла мнѣ этотъ фуляръ изъ Парижа, у насъ такіе вѣжные цвѣта очень рѣдки. Досадно будетъ... И такъ обдумала этотъ костюмъ: платье должно быть совсѣмъ простенькое, genre bébé... совершенно въ духѣ моей роли.

— Нельзя-ли положить, въ случаѣ чего, бѣлую ленту? не смѣло освѣдомилась портниха, но Инна Сергѣевна рѣшительно отвергла это предложеніе: бѣлая лента будетъ похожа со сцены на колени коръ.

— Такъ жаль, прибавила она, — что я не могу поѣхать сама, боюсь совсѣмъ простудиться передъ спектаклемъ. Я просила Леонида Петровича.

— Ужъ они всѣ французскіе магазинны и весь Гостиный обѣдутъ, улыбнулась Даша съ легкимъ отѣнкомъ фамильярности, которая показывала ея близость къ дому.

Уложивъ корсажъ, она подошла къ барышнѣ съ заискивающей улыбкой и съ нѣскольکو смущеннымъ видомъ.

— А что, барышня, заговорила она, — нельзя мнѣ посмотреть на вашъ спектакль? Ужъ очень хочется видѣть васъ въ этой роли.

— И въ платьѣ своей работы? улыбнулась Инна Сергѣевна. — Хорошо, я вамъ припущу билетъ, спектакль назначенъ окончательно на 19-е. Только постарайтесь.

— Покорнѣйше васъ благодарю, барышня, просіяла Даша, — ужъ вы знаете, я для васъ всегда готова... Вотъ какъ знаменитостью будете, такъ ужъ не придется мнѣ шить вамъ платья.

— Ну, до этого еще далеко, полувадохнула Инна Сергѣевна. — Да и у васъ самой будетъ къ тому времени свой магазинъ на Морской. Серьезно, Даша, у васъ есть стиль, — онъ рѣдко встрѣчается у русскихъ портнихъ.

— Ужъ не хвалите, засмѣялась Даша. — Такъ я завтра найду. До свиданія, барышня.

По уходѣ Дашин, Инна Сергѣевна подошла къ зеркалу, поправила растрепавшіяся отъ припѣрки волосы и прошла въ сосѣднюю комнату, нацѣвляя первыя строфы изъ аріи Ленскаго: „Что день грядущій мнѣ готовить“ съ тѣмъ своеобразнымъ, отчетливымъ произношеніемъ гласныхъ, съ той широкой манерой пѣнія, которыми отличался знаменитый теноръ столичной оперы, кумиръ множества меломановъ. Инна Сергѣевна, посѣщавшая курсы извѣстнаго профессора пѣнія, итальянца, была также изъ числа поклонницъ этого тенора. Ученицы маэстро дѣлились на два лагеря: одни были почитателями тенора, другіе восхищались красивымъ баритономъ, дебютировавшимъ недавно съ большимъ успѣхомъ.

Инна Сергѣевна происходила изъ богатой когда-то семьи, подвергшейся съ теченіемъ времени „оскуднѣнію“, и послѣ смерти отца она жила съ матерью на нескію и на кое-какіе остатки прежняго величія, въ видѣ присылки изъ имѣнія. Мать и дочь занимали хорошенькую квартиру въ 5 комнатъ на Николаевской, съ кабинетомъ для Инны Сергѣевны, обтянутымъ неизбѣжнымъ блѣдно-голубымъ кретономъ, съ пнянымъ испещреннымъ столикомъ и массою цвѣтовъ. Былъ у нихъ абонементъ въ оперѣ и во французскомъ театрѣ, и спл въ креслѣ 12-го ряда, Инна Сергѣевна мечтала о томъ времени, когда она будетъ дебютировать на этой самой сценѣ въ партіи Маргариты. Она рѣшила заранѣе, что выступить не въ какой-либо иной, а именно въ этой партіи.

Любовь и вѣрность. Съ карт. О. Эрестьянъ, по фот. Уніонъ грав. Герики.

II.

Нина Сергеевна пришла к столу, чтобы написать записку, но тут раздался звонок, и через минуту в комнату вошел пожилой, элегантно одетый господин, с седыми бакенбардами и золотым ринсе-пез на крупном носу. Это и был Леонид Петрович, когда-то важный сановник, оставшийся не у дел и будирующий „превосходительство“. Он был другом покойного отца Нины Сергеевны и почтительно ухаживал за ней на правах старого знакомого.

— Здравствуйте, Леонид Петрович. Ну, что, напил? встретил его дѣвуха, у которой он любезно поцѣловал руку.

— Я съѣдал все возможное и не возможно, развел руками сановник. — Обѣзидил все магазины, но не знаю, угодили-ли...

Леонид Петрович вынул из свертка и медленно развернул широкую блѣдно-голубую ленту, с изящными серебряными арабесками.

— Прелесть! воскликнула Нина при первом взгляде на ленту, но тут же лицо ее помрачилось.

— Не подѣл! прибавила она с сожалѣніем, приложив к лентѣ образчик фуляра.

— Неужели! смутился Леонид Петрович. — Она подходила болѣе всѣх, и приказчик уверил меня, что это — одинъ цѣлѣ, тотъ-же отгѣнокъ.

— Совсѣмъ нѣтъ, петириѣливо прервала Нина. — Видите, лента гораздо желтѣе.

— Да, да, правда, очень замѣтно, вдруг согласившись, вторил растерявшийся Леонид Петрович.

— По это ничего, она пригодится мнѣ к другому платью, попыталась она утѣшить Леонида Петровича, но он не утѣшился и скоро уѣхалъ.

Едва дверь успѣла затвориться за нимъ, какъ раздался снова звонок, и въ комнату быстро вбѣжала пріятельница Нины, контраalto, Варя Деметьева, брюнетка с бойкими карими глазами и вьющимися, коротко остриженными, какъ у мальчика, волосами, будущій Ваня и Ратмиръ.

— Что это у тебя лицо, какъ у Травяты въ послѣднемъ актѣ? заговорила она. — Корсажъ сидитъ не хорошо или спектакль отгѣнелъ?

— Ни то, ни другое. Скажи лучше, какъ ты зашла теперь, когда тебѣ нужно быть на урокъ?

— Не до урока теперь. — Я какъ только узнала — сейчас же к тебѣ...

— Разсказывай же скорѣе. Этакая противная манера тянуть.

— Сейчас... Зашла я, возвращалась отъ маэстро, къ Алябьевымъ — отдать ноты. Заговорили о театрѣ. Вдругъ старшая меня спрашиваетъ, буду-ли я послѣзавтра на „Онѣггнѣ“. „Конечно, говорю я, вѣдь это за пышнѣйшій сезонъ первый выходъ Дальмера въ „Ленскомъ“. — „А знаете, говоритъ она, что Онѣггнѣ поетъ Леоновъ, и что Савельевы и Крюгеръ подносятъ ему вѣнокъ?“ Подумай только, поднести ему вѣнокъ при Дальмерѣ!.. Я конечно сейчас же к тебѣ... Неужели мы допустимъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! съ живостью прервала ее Нина. — Мы должны также поднести Дальмеру вѣнокъ.

— Я то же самое думаю... Разумѣется, поднесемъ. Какой? Гдѣ заказать?

— Слушай, — Нина выпрямилась и говорила почти вдохновенно, — я еще не могу выходить. Поѣзжай къ Эйлерсу и закажи. Надо что-нибудь особенное... Вѣнокъ долженъ быть громадный, съ его инициалами изъ незабудокъ... Денегъ есть? перешла она въ другой тош.

— Есть; вчера получила 30 р. за уроки.

— У меня тоже есть—вотъ и отлично. Поѣзжай сейчасъ.

— Ленту надо, сказала Варя, уже надѣвавшая шапочку.

— Ленту?! радостно воскликнула Нина. — Я чуть было не забыла... Посмотри — на.

И она развернула передъ восхищенными глазами Вари голубую съ серебромъ ленту.

— Откуда она у тебя? Вотъ прелесть! воскликнула Деметьева. — Теперь мы уѣдемъ Савельевыхъ! Никогда они не закажутъ подобнаго вѣнка.

Нина разсказала ей все, и Варя, получивъ ленту, полетѣла въ магазинъ, зараиѣе торжественно побѣду надъ врагомъ.

III.

Второй актъ „Евгенія Онѣггнѣ“ только-что окончился. Зала, залитая электричествомъ, представляла блестящую, оживленную картину. Увеличенный цѣны привлекли, какъ всегда, массу публики; тутъ были и постоянные любители музыки, и публика бѣль-этажа, являвшаяся сюда не столько для оперы, сколько для того, чтобы показать туалеты отъ Ворта и брильянты; была и такая публика, которая носѣпаетъ оперу только для того, чтобы сказать знакомымъ, не видѣвшимъ „Отелло“:

— Ахъ, какъ хорошъ былъ вчера Дальмеръ! Сколько изящества и какал школа!

Среди наиболѣе заинтересованныхъ спектаклемъ была и Нина съ подругой, обѣ очень нарядныя, въ свѣтлыхъ платьяхъ и съ блестящими отъ оживленія глазами.

— Смотри, Нина, Савельевы и Крюгеръ здѣсь, въ восьмомъ ряду налѣво, проментала Варя, сбрасывая ринсе-пез съ носа.

— Гдѣ, гдѣ? встрепенулась Нина, но едва успѣла она разглядѣть, какъ занавѣсъ поднялся для картины бала у Лариныхъ. Подъ звуки стариннаго, какого-то подпрыгивающаго вальса по сценѣ кружились пары въ костюмахъ начала шестнадцатаго столѣтія. Обѣ дѣвухи напряженно слѣдили за представленіемъ... Вотъ Онѣггнѣ, то насмѣшливо дорпирующій провинціальное общество, то небрежно напѣвающій любезности Ольгѣ; вотъ Ленскій, который, весь блѣдный отъ ревности, сверкающими глазами слѣдитъ за соперникомъ... Оба артиста были особенно въ ударѣ и видимо каждый изъ нихъ желалъ первенствовать, а публика, какъ нарочно, принимала обоихъ одинаково горячо. Сцена вызова прошла превосходно, и въ отвѣтъ на холодную дерзость Онѣггнѣ, Ленскій кинулъ ему свою фразу: „А вы—безчестный соблазнитель!“ съ такой энергіей, такъ сильно и горячо, что она вызвала взрывъ аплодисментовъ. Когда занавѣсъ опустился, вызовы, крики и рукоплесканія слились въ какой-то хаосъ; несмотря на антрактъ, публика не выходила, напротивъ, она столпилась у барьера, нестово крича и аплодируя. Артисты вышли на вызовъ вмѣстѣ, и въ ту-же минуту въ рукахъ у капельмейстера появился лавровый вѣнокъ, который онъ подаль просившему отъ торжества баритону. Теноръ, оставивъ его руку, хотѣлъ уйти, но тутъ, надъ сфлдерской будкой поднялся другой, громадный, съ инициалами изъ незабудокъ и съ голубой лентой, вѣнокъ. При олушительныхъ рукоплесканіяхъ публики вѣнокъ этотъ былъ переданъ тенору. Партію его была точно наэлектризована, и большинство публики присоединилось къ ней; тенора вызывали solo; не только мужчины, но и дамы кричали: bravo, grazia, благодарю! Варя и Нина, снявъ перчатки, аплодировали изо всѣхъ силъ; выходя чуть-ли не десятый разъ раскланиваясь съ публикой, онъ замѣтилъ эти молодые, сіявшіе восторгомъ лица и съ улыбкой поклонился имъ...

— Онъ замѣтилъ насъ, онъ намъ кланится... шепнула совершенно счастливая Нина подругѣ.

По окончаніи спектакля масса молодежи хлынула къ подѣлу артистовъ; обѣ подруги также были тутъ, и имѣли удовольствіе видѣть тенора, садившагося въ карету, куда лакей подаль ему и знаменитый вѣнокъ...

IV.

Прошло около двухъ недѣль. Вѣнокъ продолжалъ красоваться на почетномъ мѣстѣ, надъ каминномъ въ роскошной пріемной тенора. Какъ-то утромъ, вставъ нѣсколько ранѣе обыкновеннаго, онъ, сидя въ креслѣ, прилебывалъ чай, пробѣгая газетъ, воспѣвавшій ему хвалы, когда ему доложили о пріѣздѣ знакомой вѣнцы. Это была примадонна меццо-сопрано, почтенная мать семейства, извѣстная въ кругу товарищей своими экономическими наклонностями. Поговоривъ о дѣлѣ, за которымъ она пріѣхала, она перевела рѣчь на театральныя новости и тутъ въ первый разъ она замѣтила красовавшійся надъ каминномъ вѣнокъ.

— Какая оригинальная лента, сказала она и даже встала съ мѣста, чтобы лучше разсмотрѣть ее. — Знаете что? Вѣдь у васъ она даромъ запылится, подарите ее мнѣ. У меня на этой недѣлѣ дѣтскій костюмированный вечеръ, и моей дочери пужна для костюма какъ разъ такал лента.

— Пожалуйста возьмите, сказалъ теноръ, сдерживая легкую улыбку, — а вѣнокъ пора выкинуть, онъ уже начинаетъ осмѣиваться.

Примадонна поблагодарила и скоро уѣхала, увозя въ своемъ плюшевомъ сакѣ голубую ленту.

Лента эта произвела большой эффектъ на костюмированномъ вечерѣ. На слѣдующій день, прибирая вещи барышни, бойкая горничная сѣ Настя замѣтила, что кушакъ былъ залитъ въ двухъ мѣстахъ лимонадомъ и придралась къ этому случаю, чтобы вывести его, подѣ предлогомъ, что онъ очень поидеть къ ей новому голубому камешковому платью. Дѣвочка въ припрыжку побѣжала въ залу, гдѣ мать ея была поглощена разучиваніемъ новой партіи, и та петириѣливымъ движеніемъ прогнала ее, сказавъ, что она можетъ дѣлать все, что ей угодно, но чтобы только она не смѣла мѣшать... Такимъ образомъ лента перешла въ законное владѣніе Наси, которая обновила ее на именинномъ вечерѣ у своей сестры, бывшей замужемъ, за табачнымъ писаремъ. Общество собралось самое избранное; тутъ былъ, между прочимъ, и молодой франтъ-фельдшеръ, ухаживавшій за Пастей, но все еще не рѣшавшійся разстаться со своею свободой. Появленіе Наси, причисленной по модѣ и нанудренной парижской пудрой ея барыни, въ новомъ платьѣ съ роскошнымъ кушакомъ — произвело сенсацию, и фельдшеръ былъ ослѣпленъ. Онъ цѣнилъ въ женщинахъ вкусъ и „образованность“, и никогда еще Наси не казалась ему такой интересной и похожей на барышню.

— Какія вы нарядныя, Настасья Прокофьевна, проговорила съ любезной ужимкой одна изъ дамъ, — и кушакъ какой чудесный... Гдѣ это вы достали?

— Это изъ Парижа, отвѣтила скромно Настя, — барыня мнѣ подарила. Она у меня такал добрая, массу вещей передарила...

— Скажите, протянула гостья.

— Барыни такъ ужъ цѣнятъ меня, что сказать невозможно,

продолжала Настя, но фельдшеръ галантно прервалъ ее. Оперившись одной рукой на стулъ, и небрежно играя свободной рукою цѣпочкой отъ часовъ, онъ сказалъ, низко наклонивъ къ ней свою напомаженную голову:

— Позвольте доложить вамъ, Настасья Прокофьевна, что не одна ваша барышня умѣетъ цѣпить и любить столь достойную особу.

— Можно-ли вѣрять кавалерамъ? вздохнула Настя, поправляя свои длинные, рыжія, прекрасно вычищенные перчатки.

Разговоръ принялъ сентиментальное направленіе, и къ концу вечера фельдшеръ сдѣлалъ предложеніе; свадьба была назначена на Красную горку, а постъ праздниковъ Настя промѣнила у знакомой еврейки свой кушакъ на тюль для подвѣсочной фаты. Соціальное положеніе жениха дѣлало необходимымъ вѣнчальный нарядъ со всѣми его аксессуарами.

У.

Въ холодное январское утро, за недѣлю до масляницы, обѣ пріятельницы сидѣли въ кабинетикѣ Нины; между ними шелъ оживленный разговоръ объ оперѣ вообще и о тенорѣ въ особенности, когда горничная доложила о приходѣ еврейки, желающей видѣть барышню.

— Это еще что за знакомство? засмѣялась Варя, — ужъ не деньги-ли ты берешь подлѣ прощиты?

— Не смѣйся, она очень полезная женщина: я покупаю у нея французскія перчатки за половинную цѣну. Мужу ея, служившему когда-то инсаремъ, отецъ мой оказалъ какую-то услугу, и она, по старой памяти, заходитъ къ намъ иногда съ товаромъ. Позовите ее, Таня, — обратилась она къ горничной.

Черезъ минуту въ комнату вошла пожилая женщина въ старомодномъ салонѣ, съ умилыми глазами и улыбкой. Она держала въ рукахъ большой картонъ.

— Здравствуйте, мадамъ Зальманъ, встрѣтила ее Нина, — есть что-нибудь новое?

— Какъ-же не быть? Гхорошему товару есть для такому гхорошему барышню... Вгодно посмотрѣть? И она, открывъ картонъ, быстро принялась выкладывать изъ него ленты,

цвѣты, кружева, перчатки и проч. Барышни взяли по нѣскольку паръ перчатокъ, но все пересмотрѣли, по свойственной имъ слабости къ такимъ вещамъ.

— А это что такое? спросила Нина, увидѣвъ подлѣ кускомъ кружевъ что-то голубое.

— А это — лента, очень великолѣпная лента на кушакъ, затонированная еврейка, развернуть ее передъ глазами подругъ, у которыхъ, при видѣ ея, вырвался одновременно крикъ изумленія.

— Откуда она у васъ? не безъ волненія спросила Нина.

— Мы покупали ее у одного дѣвнца, камеръ-медхенъ. Ихній барыня, жвѣстная пѣвица aus Orega подарила ей эту ленту...

Барышни снова пересглянулись, какъ будто желая сказать: „вотъ куда попала наша лента!“ а затѣмъ Нина объявила еврейкѣ, что покупаетъ у нея кушакъ. Получивъ деньги, мадамъ Зальманъ уложила свой товаръ и удалилась съ изъясненіями благодарности.

— Затѣмъ ты купила ее? спросила Вѣра подругу, когда она осталась одна.

— И ты спрашиваешь? Хотя онъ ее подарилъ этой неспособной пѣвицѣ, а она — своей горничной, но все-таки она была у него, въ его квартирѣ. Я оставлю ее у себя на память и пріобщи къ прочимъ „реликвіямъ“.

— Интересно, будутъ-ли когда-нибудь сохранять наши ленты? вздохнула будущій Ратмиръ.

— Пстой! воскликнула вдругъ Нина, не обращая вниманія на восклицаніе, — пстой, у меня явилась идея! Я разрѣжу эту ленту на куски и завтра-же на курсахъ раздамъ ихъ всѣмъ его поклонникамъ... Не надо быть эгоисткой...

Вѣра пришла конечно въ восторгъ отъ этого намѣренія...

У самой Нины, въ шкатулкѣ ея, выскочилъ съ прочими „реликвіямъ“, которыми были фотографія извѣстнаго русскаго артиста въ роли Гамлета, перчатка jeune-premier французскаго театра, цвѣтокъ, брошенный въ толпу итальянскимъ трагикомъ, и тому подобныя драгоценности — хранился и кусокъ ленты, украшавшей вѣнокъ знаменитаго тенора.

Не вспоминай!..

Стихотвореніе А. Луньянова.

Твоею вызвана улыбкой

Моя счастливая слеза...

И миновавшая гроза

Была печальною ошибкой...

Не вспоминай взаимныхъ мукъ:

Не только счастье земное,

Но даже солнце золотое,—

И то измѣнчиво, мой другъ!

Страничка изъ исторіи нашего вѣка.

Вѣна во время конгресса.

(По запискамъ современниковъ).

Конгрессъ первоначально долженъ былъ открыться 1-го августа и продолжиться самое большее два мѣсяца; но обстоятельства совершенно пзмѣнили эти соображенія, при чемъ не послѣднюю роль играла привлекательность увеселеній. Официально конгрессъ дліялся съ 20-го сентября 1814 по 10-е іюня 1815 г., то-есть почти девять мѣсяцевъ.

Вѣна въ то время насчитывала въ своихъ стѣнахъ не болѣе ни менѣе, какъ сто тысячъ иностранцевъ. Два императора—Русскій и Австрійскій, и четыре короля—Пруссскій, Баварскій, Виртембергскій и Датскій; множество владѣтельныхъ герцоговъ и князей, и еще больше сапожниковъ и знаменитостей, съѣхавшихся сюда въ качествѣ зрителей: все это знатное общество шло въ столицѣ Австріи самое широкое гостепріимство, — обстоятельство, не мало способствовавшее упроченію за вѣнцами славы „величайшаго радушія“.

Безконечный рядъ празднествъ открылся совмѣстнымъ въѣздомъ Русскаго государя Александра I, съ его супругою и великимъ княземъ Константиномъ, и Прусскаго короля Фридриха Вильгельма III, съ принцессою Вильгельмою и Августою. Императоръ Францъ, въ сопровожденіи всѣхъ эрцгерцоговъ, генералитета и первыхъ государственныхъ чиновъ, пріѣзжавшихъ обоимъ монархамъ на лѣвомъ берегу Дуная, у тогдашняго Таборскаго моста. Тысяча четырехъ пушечныхъ салютовъ, звонъ всѣхъ церковныхъ колоколовъ и радостные клики многотысячной толпы народа встрѣтили высокихъ гостей. Если къ этому прибавить блескъ парадныхъ мундировъ князей, сапожниковъ и почетнаго конвоя, пестроту толпы, и падъ всѣмъ этимъ блескъ сентябрьскаго солнца, то, дѣйствительно, это было достойное начало великолѣпныхъ торжествъ, которыя въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ не давали перевести духъ вѣнскому обществу.

Все ликовало кругомъ. На променадахъ, гласисахъ и, особенно, на Пратерѣ сновали пѣшеходы и всадники, — дипломаты, министры, военные; казалось, вся Вѣна жила въ чадѣ какого-то силошного гигантскаго праздника.

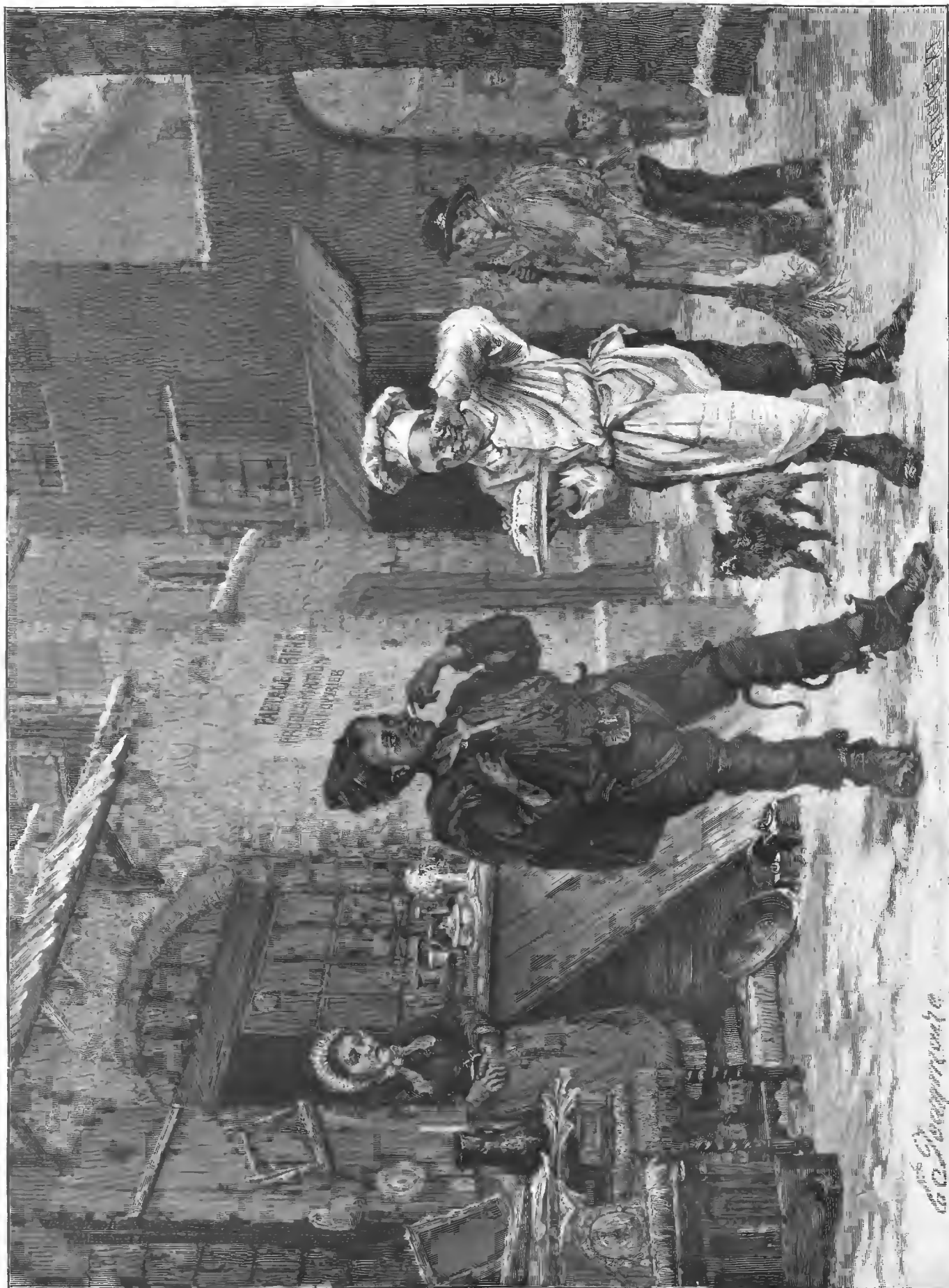
Иностранцы скоро заняли всѣ свободныя помѣщенія въ городѣ. Дамы болѣею частью находили себѣ пріютъ въ женскихъ монастыряхъ; многіе важныя сапожники должны были жить въ предмѣстьяхъ. Цѣны на квартиры вскорѣ сдѣлались баснословными; лордъ Кэстлри, напримѣръ, одинъ изъ англійскихъ уполномоченныхъ, платилъ за свою квартиру въ одномъ частномъ домѣ 500 ф. стерл. (около 5,000 рублей) въ мѣсяцъ. Соотвѣтственно этому вздорожали жизненные припасы и, вообще, всѣ товары. Въ особенности, поднялась цѣна на топливо, такъ что среди зимы, еще къ тому же необычайно суровой, въ цѣлой Вѣнѣ нельзя было найти дровъ *).

Чиновики должны были получать увеличенное содержаніе, чтобы существовать при всеобщей дороговизнѣ. Отсюда можно себѣ представить, какими переборами было отягчено государственное казначейство. Зато для промышленности это было время небывалаго процвѣтанія.

Приблизительное понятіе объ огромныхъ издержкахъ двора можно себѣ составить изъ того, что императорскій столъ въ продолженіе всего конгресса обходился ежедневно въ 50,000 гульденовъ. Императоръ Францъ заказалъ для своихъ гостей не болѣе, ни менѣе, какъ триста новыхъ экипажей. Придворному вѣдомству конгрессъ стоилъ тридцать милліоновъ гульденовъ. Въ виду такихъ расходовъ, невольно является вопросъ, согласовалась-ли подобная расточительность съ серьезными цѣлями конгресса въ то время, когда ужасныя войны еще такъ недавно требовали величайшихъ человѣческихъ и денежныхъ жертвъ, когда старыя раны еще не зажили, и государство было близко къ банкротству!

Извѣстный своимъ остроуміемъ престарѣлый фельдмаршалъ принцъ де-Линъ сдѣлалъ по этому поводу замѣчаніе, облетѣвшее всю Вѣну: „Европа теперь въ Вѣнѣ. Конгрессъ не идетъ впередъ, а танцуетъ. Что до меня, присутствующаго здѣсь, лишь въ качествѣ добродушнаго зрителя, то я буду для себя

*) Благодаря этому, въ Вѣнѣ впервые введено оглошеніе торфомъ.

Черный и бѣлый. Рис. Э. Жанмэръ, грав. Герике.

Заячья школа. Съ карт. Именеца, по фот. Унионъ грав. Герике.

«требовать, въ видѣ вознагражденія, только новую шляпу *), такъ какъ моя уже износилась отъ безпрестанныхъ поклоновъ высокимъ особамъ, которыхъ дюжинами встрѣчаешь на углу каждой улицы».

Вопросъ о перемѣнѣ и первенствѣ между монархами былъ единодушно рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что первенство принадлежало старшимъ по возрасту. Говорятъ, это предложилъ императоръ Александръ, и, сообразно съ этимъ, всѣ присутствовавшіе государи распредѣлились въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Виртенбергскій король (родился въ 1754 г.), 2) Баварскій король (1756 г.), 3) Датскій король (1768 г.), 4) Австрійскій императоръ (1768 г.), 5) Пруссійскій король (1770 г.), 6) Русскій императоръ (1777 г.).

На официальной конференціи государи не являлись лично, но присылали своихъ уполномоченныхъ.

Два первыхъ большія празднества носили, по преимуществу, военный характеръ. Первое торжество было посвящено воспоминанію о Лейпцигской битвѣ 18-го октября. Самой выдающею частью этого праздника былъ исполненскій банкетъ, на которомъ пировало 16,000 воиновъ въ обществѣ всѣхъ государей. Прекрасная осенняя погода позволяла оставаться на воздухѣ до поздней ночи; многочисленные зрители по-своему также принимали участіе въ празднествѣ, которое, благодаря этому, слѣдалось исполнѣ народнымъ.

При совершенно другой обстановкѣ происходило большое *празднество мира*, ареной котораго былъ гласисъ между Замковыми и Шоттенскими воротами. Въ парадѣ участвовалъ весь военный гарнизонъ; на первомъ планѣ—такъ часто отличавшіеся въ послѣднихъ бояхъ полки Шварценбергскихъ уланъ и кирасиры великаго князя Константина. Войска составили карре, на одной сторонѣ котораго помѣстились монархи со своею блестящею свитой. Въ центрѣ была разбита палатка въ видѣ храма, и въ ней великолѣпно разукрашенный алтарь.

Здѣсь совершалъ литургію князь-архіепископъ Вѣны, князь Гогенвартъ, въ сослуженіи всего придворнаго духовенства. Это было, точно, поразительное зрѣлище, когда по сигналу, данному залпомъ артиллеріи, всѣ присутствующіе—монархи, принцы, генералы, солдаты, даже дамы, помѣщавшіеся полукругомъ на возвышенностяхъ мѣстахъ передъ палаткой,—всѣ разомъ опустились на колѣни. Въ заключеніе хоръ изъ первыхъ артистовъ города запѣлъ молебень, и къ этому пѣнію безъ всякаго условнаго знака присоединились всѣ присутствующіе. Пушечные залпы и звонъ всѣхъ городскихъ колоколовъ еще болѣе усиливали торжественное впечатлѣніе минуты.

Когда, послѣ недолгой отлучки въ Пештъ, монархи снова вернулись, въ императорскомъ дворцѣ былъ данъ маскированный балъ, на который приглашенные должны были явиться въ domino или въ характерныхъ костюмахъ. Вся знать собралась въ залахъ дворца.

На слѣдующій вечеръ то же общество посѣтило Кертнер-торскій театръ, гдѣ была блестяще исполнена ораторія Генделя «Сотвореніе міра». Отъ партера до галлерей театръ буквально былъ устланъ орденскими звѣздами, что дало поводъ генералу Теттенборну замѣтить: «Когда виднѣть это множество крестовъ, звѣздъ и лентъ, то можно подумать, что находишься въ присутствіи величайшихъ людей всѣхъ временъ». Въ отвѣтъ на это французскій дипломатъ Булгаринъ сказалъ: «Выдающіеся отличія растутъ на вершинахъ пирамидъ; достигать ихъ могутъ только два рода существъ: орлы—и позволяющіе гады...»

Въ то время театры вообще усердно посѣщались публикою. Императоръ усиливъ персоналъ обоихъ придворныхъ театровъ многими заграничными знаменитостями.

Трудно описать всѣ безчисленные празднества, каждое въ отдѣльности. Каждый вечеръ давались балы и спектакли, днемъ же сходились на Бастіонъ. Здѣсь можно было видѣть прогуливающимся руку объ руку императора Александра съ его любимцемъ Евгеніемъ Богарне, пасынкомъ Наполеона; славнаго полководца, эрцгерцога Карла, съ принцемъ Вильгельмомъ Пруссійскимъ, сдѣлавшимся образцомъ юношеской доблести (позже—германскій императоръ); виднаго кронпринца Виртенбергскаго съ барономъ фонъ-Штейнъ; кронпринца Баварскаго (позже король-меченатъ Людвигъ I) съ фельдмаршаломъ княземъ Вреде. Здѣсь-же показывался баварскій форетъ-юнкеръ фонъ Дрѣ—на изобрѣтенномъ имъ самокатѣ, названномъ по его имени «дрезиной»,—прототипъ современнаго велосипеда.

Между гуляющими по Бастіону никогда не замѣчали только двухъ особъ: Генца—«правую руку Меттерниха», и Вильгельма фонъ-Гумбольдта, прусскаго министра. Этому не мало удивлялись, такъ какъ оба эти лица почти никогда не пропускали веселыхъ собраний.

Австрійская императрица любила устраивать въ своихъ апартаментахъ театральныя представленія; особенное пристрастіе она питала къ «живымъ картинкамъ», сюжеты которыхъ заимствовались изъ мифологіи или романтическихъ савъ, а постановка сопровождалась исполненіемъ композицій Гайдна.

Изъ всѣхъ придворныхъ увеселеній великолѣпнѣйшими были

безспорно маскированные балы,—такъ называемые «редуты». Главная ихъ привлекательность состояла въ томъ, что они собирали красивѣйшихъ женщинъ того времени, а въ нихъ, разумеется, недостатка не было.

«Два событія»,—шутливо замѣтилъ де-ла-Гардъ,—«занимали тогда умы: судьба Саксонскаго королевства и—карусель», рыцарская игра, которая должна была состояться въ императорскомъ зиннемъ манежѣ. Это празднество должно было быть однимъ изъ самыхъ интересныхъ; цѣлыми недѣлями всѣ съ лихорадочнымъ рвеніемъ собирали рисунки и описанія знаменитыхъ каруселей при Людовикѣ XIV, и рѣшено было превзойти великолѣпіемъ самого «Roi-soleil». Однако, раннее постановки каруселей, въ императорскомъ дворцѣ былъ данъ такъ называемый «Концертъ-монстръ». Въ одной изъ самыхъ большихъ залъ, такъ называемой «государственной», разставлено было болѣе ста роялей, и лучшіе виртуозы сообщали исполняли на нихъ концертныя произведенія. Знаменитый капельмейстеръ придворной оперы, Салерн, дирижировалъ этимъ исполненіемъ оркестромъ. По правдѣ сказать, этотъ музыкальный шумъ былъ далекъ отъ музыки; но въ то время выбивались изъ силъ, чтобы придумать какое-нибудь оригинальное и неожиданное развлеченіе. Хорошій вкусъ скоро долженъ былъ притупиться въ этомъ множествѣ развлеченій, одно лучше другого. «Увеселительный комитетъ», составившійся изъ младшихъ эрцгерцоговъ и поставленный въ затрудненіе необходимостью постоянно придумывать что-нибудь новое, падалъ на мысль устроить соколиную охоту, которая бы соединила гостей конгресса въ императорскомъ увеселительномъ замкѣ въ Лаксенбургѣ. По крайней мѣрѣ, это подходило къ средневековому характеру самого замка и его окрестностей.

За этимъ послѣдовалъ народный праздникъ въ Аугартенѣ, удостоенный присутствія монарховъ, которые, разумеется, явились въ сопровожденіи своей обычной блестящей свиты. Ветераны послѣднихъ войнъ, въ числѣ четырехъ тысячъ, получили особое приглашеніе, и имъ было предложено роскошное угощеніе, на счетъ частной императорской кассы. Составляя въ бѣгѣ, восточныя ристалища смѣшались множествомъ другихъ упражненій въ силѣ и ловкости. Почетный призъ за стрѣльбу по птицамъ, предназначенный самому искусному изъ отряда тирольскихъ стрѣлковъ и состоявшій изъ золотого бокала, достался сыну Андрея Гофера. На особую арену давала представленіе трушья берейторовъ де-Бахъ. Въ заключеніе поднялся огромный воздушный шаръ, которымъ управлялъ аэронавтъ Краскевицъ. Послѣ въ своей лодочкѣ надъ головами многочисленной публики, онъ махалъ флагами тѣхъ націй, которыя участвовали въ конгрессѣ. Послѣ игры сънъ за столъ, и начался ниръ-горой подъ звуки нѣсколькихъ оркестровъ, а затѣмъ въ четырехъ фантастически разубранныхъ палаткахъ исполнялись народные танцы представителями всѣхъ австрійскихъ національностей. Вечеромъ паркъ освѣтился пятьюдесятью тысячами цвѣтныхъ фонариковъ и былъ сожженъ великолѣпный фейерверкъ. Праздникъ завершился общимъ баломъ, который продолжался до самаго утра. Вся Вѣна была въ эту ночь иллюминирована и приветствовала шумными оваціями монарховъ, возвращавшихся около полуночи вѣшкомъ по оживленнымъ улицамъ города.

25-го ноября Русскій императоръ праздновалъ тезоименитство своей сестры Екатерины Павловны, вдовствующей герцогини Ольденбургской. Торжество происходило во дворцѣ русскаго посланника, князя Разумовскаго. Всѣ высочайшія особы явились сюда принести свои поздравленія. Празднество носило преимущественно русскій характеръ. Особенный успѣхъ имѣла русская пляска, исполненная одною придворною дамою императрицы Елизаветы. Потомъ разыгрывалась лотерея, тогда только-что введенная въ моду. Кронпринцъ Виртенбергскій выигралъ драгоцѣнный соболѣй плащъ, и тотчасъ же преподнесъ его царичѣ бала. Герцогиня Ольденбургская отдала его розой, которая была приколота къ ея корсажу. Въ тотъ-же вечеръ была объявлена помолвка ея высочества съ кронпринцемъ Виртенбергскимъ. Торжество кончилось лишь на другой день, завершившись роскошно сервированнымъ завтракомъ въ 11 часовъ утра.

Среди вихря удовольствій случилось одно печальное событіе. 13-го декабря скончался восьмидесятилѣтній фельдмаршалъ принцъ де-Линъ,—«послѣдній представитель галантнаго столѣтія». За нѣсколько дней до смерти онъ еще острѣлъ, говоря, что хочетъ доставить пресыщенному всевозможными развлеченіями конгрессу еще одно блестящее зрѣлище—фельдмаршальскихъ похоронъ. И шуточное предсказаніе сбылось. Съ необыкновенною пышностью, въ сопровожденіи 18.000 пѣхоты, тѣло фельдмаршала было перевезено изъ его дома, на Мэльерскомъ бастіонѣ, сначала въ Шоттенскую церковь, потомъ въ заранѣе приготовленный имъ самимъ мавзолей въ собственномъ его имѣніи на Каленбергѣ.

Такъ кончился 1814 годъ. Наканунѣ Нового года былъ великолѣпный балъ у графини Цини. Когда пробило полночь, графиня Пааръ обратилась къ своему кавалеру, императору Александру, съ остроумнымъ поздравленіемъ, въ которомъ выразила стремленіе народовъ къ всеобщему миру. Затѣмъ, при звукахъ туша, исполнявшагося духовымъ инстру-

*) Въ противоположность политическимъ требованіямъ вознагражденія со стороны тѣхъ государствъ, которыхъ ограбилъ Наполеонъ.

ментами, и восторженных криках: „ура!“, монархи принимали поздравления остального общества, послѣ чего прерванный полонезъ возобновился.

Изъ числа посѣдовавшихъ затѣмъ празднествъ можно еще отмѣтить большой шикшикъ въ Аугартенѣ, устроенный по инициативѣ адмирала Сиднея Смита. Устройство обѣда въ великолѣпномъ залѣ Аугартенскаго замка было поручено ресторатору Яну. Цѣна входного билета опредѣлена въ три голландскихъ дуката, а билетъ на посѣббденный балъ стоилъ десять гульденовъ. Въ пять часовъ начался обѣдъ, въ которомъ принимали участіе монархи и знатнѣйшія особы. Незадолго до окончанія обѣда случился комическій эпизодъ. Одинъ изъ кельнеровъ Яна началъ обходить гостей съ золотой тарелкою, собирая плату за обѣдъ. Русскій императоръ и Датскій король уже заплатили; кельнеръ обратился къ королю Баварскому. Максъ-Иосифъ опустилъ руку въ боковой карманъ, потомъ въ другой, обшарилъ все свои карманы, и ничего не нашелъ. Между тѣмъ, невозможный кельнеръ, въ своей выжидающей позѣ, съ протянутою тарелкою, не трогается съ мѣста. Король умоляющимъ взоромъ смотритъ на своего камергера, графа Рехберга; но тотъ на другомъ концѣ стола занятъ разговоромъ съ Гумбольдтомъ и не замѣчаетъ затруднительнаго положенія своего государя. Наконецъ, надъ Баварскимъ королемъ сжался императоръ Александръ и, при поднявшемся со всѣхъ сторонъ смѣхѣ, къ которому присоединился самъ Максъ-Иосифъ, предоставилъ въ его распоряженіе свой кошелекъ.

Тѣмъ временемъ „конгрессъ“ въ собственномъ значеніи этого слова, двигаясь черепашьимъ шагомъ, пришелъ къ тому, что 3 января 1815 года былъ подписанъ трактатъ, по которому Австрія, Англія и Франція заключали между собою союзъ съ цѣлью взаимной поддержки. „Этотъ союзъ былъ высшимъ пунктомъ всеобщаго напряженнаго состоянія“, пишетъ Бернгагенъ фонъ-Энзе въ своихъ запискахъ. Событія вскорѣ показали, что это напряженное состояніе было не напрасно.

Празднества, между тѣмъ, попрежнему слѣдовали одно за другимъ.

Наступилъ карнавалъ, и среди его праздниковъ особенно выдѣлился большою балъ въ залѣ Ангелона—самомъ блестящемъ увеселительномъ помѣщеніи тогдашней Вѣны—балъ, на который монархи и высшіе сановники явились incognito; дайте—

необыкновенно блестящая и дорого стоявшая санныя прогулка въ Шенбруннѣ, гдѣ на льду замковаго пруда состоялся костюмированный балъ; наконецъ, еще одинъ балъ, данный англійскимъ посланникомъ, лордомъ Стюартомъ, въ день рожденія своей королевы. Все участвовавшее явилось на этотъ балъ въ костюмахъ времени королевы Елизаветы.

Такъ веселились до самой весны. Тогда—7 марта—на политическомъ горизонтѣ сверкнула молнія, за которою слѣдовалъ скоро долженъ былъ послѣдовать громовой ударъ: въ этотъ день въ Вѣну пришло извѣстіе, что 26 февраля Наполеонъ оставилъ островъ Эльбу, и что его видѣли направлявшимся къ северу съ военнымъ отрядомъ изъ шести кораблей. Читая въ дневникѣ Генца объ этомъ знаменательномъ вторикѣ 7 марта, можно подумать, что въ высшихъ кругахъ событію не придали большого значенія. Но, на самомъ дѣлѣ, впечатлѣніе было чрезвычайно сильное, какъ, разумеется, легко себѣ представить. Къ полудню извѣстіе уже облетѣло всю Вѣну. Достоинъ замѣчанія то обстоятельство, что во всѣхъ слояхъ общества, до самаго низшаго, не только точно, но и поняли, что новая война съ Наполеономъ неизбежна, но и обнаружили воинственный пылъ, выраженіемъ котораго явилась извѣстная фраза Гумбольдта: „Превосходно! Это насъ оживитъ!“

10 марта прискакалъ курьеръ изъ Генуи съ извѣстіемъ, что Наполеонъ уже высадился во Франціи и побѣдоносно шествуетъ вперёдъ.

Конгрессъ дѣйствительно ожилъ.

13 марта опубликовано постановленіе, по которому дѣйствія Наполеона предавались торжественному осужденію, а самъ онъ объявлялся виѣ закона. 25 марта подписанъ между Австріею, Пруссіею и Россіею договоръ, въ силу котораго эти три державы взаимно обязывались къ войнѣ противъ „генерала Бонапарте“.

Теперь уже конгрессъ сѣвшилъ закончить свои занятія. Слѣдовавшіе за 7 марта немногія празднества носили характеръ прощальныхъ. Иностранные государи возвращались въ свои резиденціи и къ своимъ арміямъ. Уполномоченные старались на послѣднихъ конференціяхъ придти къ взаимному соглашенію, насколько это было возможно, и наконецъ конгрессъ официально закрылся знаменитымъ союзнымъ актомъ Германіи, 9 июня 1815 года. А для Наполеона уже готовилась историческая драма, которая должна была кончиться кровавымъ дѣломъ Ватерлоо.

Е. Б.

Мэръ Чампьюнъ-Сити.

(Рассказъ изъ американскихъ нравовъ, Марна Твена).

Творцы и создатели городовъ на дальнемъ Западѣ, какъ извѣстно, народъ удивительно ловкій и ушлый. Мое первое личное знакомство съ этимъ любопытнымъ типомъ,—и притомъ въ лицѣ одного изъ самыхъ блестящихъ его представителей,—произошло въ конторѣ „Ширококрылаго Орла“, гостиницы пограничнаго городка, носившаго пыльное имя „Центрополиса“. За столомъ, недалеко отъ меня, сидѣлъ господинъ, занятый серьезной, повидимому, бесѣдой съ молодымъ денетльменомъ, котораго звали, какъ я узналъ изъ домовою книги „Ширококрылаго Орла“, Альджернонъ Фитцджеральдъ Болбертонъ.

— Идаль, оченъ жаль, мистеръ Болбертонъ, что у васъ нѣтъ времени, чтобы посѣтить Чампьюнъ-Сити, говорилъ онъ, покачивая головою,—вы бы сами увидѣли!..

— Да!.. прерывалъ его тотъ.—Но что дѣлать! Миѣ надо спѣшить въ Англію. Я возьму участіе въ вашемъ городѣ и безъ этого... Наконецъ, вы вѣдь мэръ, и вашего слова, надѣюсь, вполне достаточно..

— Это, конечно, такъ. Я — мэръ.. Но все же... Чрезъ 10 дней у насъ наступаютъ новые выборы, по мое избраніе вполне обезпечено.

Разговоръ между моими сосѣдями продолжался, и я видѣлъ, какъ мэръ Чампьюнъ-Сити передалъ мистеру Болбертону какой-то внушительный на видъ документъ, касавшійся, какъ впоследствии я узналъ, сдѣлки о покупкѣ нѣсколькихъ участковъ земли во вновь устраниваемомъ городкѣ Чампьюнъ-Сити. Бесѣда шла вполголоса, и до меня доносились лишь отрывочныя фразы. Но и изъ нихъ можно было получить нѣкоторое представленіе объ изумительно быстромъ ростѣ города. Такъ, между прочимъ, мэръ говорилъ англичанину, что на слѣдующемъ собраніи городского совѣта будетъ разсматриваться вопросъ о водопроводѣ.

— ...Подумайте только, мистеръ Болбертонъ! Городу нѣтъ еще и года,—и уже... водопроводъ!..

— Да!.. пробурчалъ въ отвѣтъ флегматичный британецъ, прихлебывая изъ своего стакана какую-то бурюю жидкость.

Десять дней спустя я, оставивъ Центрополисъ, направился дальше и дальше на западъ. Ночь уже давно спустилась на прерію и окутала своимъ темнымъ покровомъ все кругомъ. Я уже давно совершенно потерялъ дорогу и подвигался вперёдъ наугадъ. Но вотъ вдали привѣтливо заблестѣла какой-то огонекъ. Еще немного,—и мой мулъ наконецъ допоздъ до этого огонька. Я очутился передъ жалкой, наскоро сколоченной, деревянной постройкой, одиноко торчавшей посреди безгранич-

наго простора преріи. Гостепріимная дверь распахнулась, и я увидѣлъ передъ собою—кого же?—мэра Чампьюнъ-Сити. Онъ не узналъ меня. Съ недоумѣніемъ спрашивалъ я себя, что онъ дѣлаетъ въ этой пустынѣ, вдали отъ города, мэромъ котораго онъ состоитъ. Но задавать ему какіе-нибудь вопросы на этотъ счетъ я считалъ слишкомъ нескромнымъ, а онъ самъ не считалъ нужнымъ разъяснить мое недоумѣніе.

Гуксъ—таково было его имя—оказался пресвѣтлымъ малымъ, и часъ передъ сномъ мы провели чрезвычайно пріятно. Затѣмъ онъ предоставилъ мнѣ одну изъ двухъ комнатъ его палатки на курыхъ ножкахъ,—и скоро я заснулъ крѣпкимъ сномъ утомленнаго путника.

Уже подъ утро меня разбудилъ звукъ голосовъ въ сосѣдней комнатѣ, и нѣкоторые, дошедшіе до моего уха фразы такъ заинтересовали меня своей странностью, что я—грубный человекъ—не могъ побѣдить своего любопытства, подкрался къ двери и посмотрѣлъ въ замочную скважину.—Гуксъ былъ одинъ въ комнатѣ.

— Пора, однако, кончать, сказалъ онъ, обращаясь къ самому себѣ.—Мистеръ Гуксъ, потрудитесь подсчитать голоса и сообщить результаты выборовъ.

Тутъ Гуксъ вынулъ изъ стоявшей на столѣ оловянной кружки листокъ бумаги.

— Мистеръ Гуксъ, сказалъ онъ, опять обращаясь къ самому себѣ,—вы вновь единогласно избраны мэромъ Чампьюнъ-Сити. Поздравляю васъ, сэръ.

И Гуксъ пожалъ себѣ руку.

— Ну-съ, мистеръ Гуксъ, сказалъ онъ послѣ непродолжительной паузы.—Еще одно маленькое дѣльце. Я знаю, что время теперь, для дѣла необычное, но что прикажете дѣлать?—миѣ нужно завтра рано уѣхать, чтобы успѣть повидѣться съ однимъ изъ покупателей участковъ земли въ нашемъ городѣ. Такъ не соберете-ли вы сейчасъ же городской совѣтъ, чтобы окончательно порѣшить вопросъ о водопроводѣ? А?..

— Прекрасная идея, сэръ! сказалъ мистеръ Гуксъ.—Городской совѣтъ собранъ. Объявляю засѣданіе открытымъ.

Тутъ мистеръ Гуксъ произнесъ краткое, но въ высшей степени убѣдительное резюме аргументовъ въ пользу устройства водопровода и закончилъ его предложениемъ принять условія, предлагаемыя образовавшимся для веденія этого дѣла синдикатомъ. Оппозиція не оказалось, и предложеніе было единогласно принято.

— Теперь я посоветовалъ-бы вамъ, мистеръ Гуксъ, про-

должалъ онъ, написать мистеру Голбертону. Сообщите ему о вашемъ избраніи, о рѣшеніи совѣта по вопросу о водопрводѣ и обратите его вниманіе на то, что, если онъ не упуститъ рѣдкаго случая и не замедлитъ отвѣтомъ—со вложеніемъ надлежащаго чека, конечно—вы сумѣете гарантировать ему желаемое число участковъ по 25 долларовъ за каждый.

Тутъ же было написано письмо, и собраніе было распушено. Мэръ Чампбонъ—Сити, освободившись, наконецъ, отъ городскихъ дѣлъ, зажегъ огонь и поставилъ на него кастрюлю съ добрымъ кускомъ мяса, которое скоро начало соблазнительно шипѣть.

Я былъ пораженъ въ высшей степени... Не шипѣніемъ мяса, конечно, а всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ за стѣною. Я былъ, сравнительно говоря, новичкомъ на Западѣ... Я не могъ не высказать Гуксу, довольно-таки сдержанно, моего удивленія и негодованія. Немного погодя, Гуксъ позвалъ меня за-втракать.

— Гуксъ! сказала я горячо, предварительно поѣвъ.—Что же это такое? Вѣдь вы, оказывается, мошенникъ!

Мои слова, повидимому, очень мало подѣйствовали на него.

— Можетъ быть, я и мошенникъ, спокойно отвѣчалъ онъ.— Но не лжесъ. Я сказалъ Голбертону только правду. Я—мэръ; я, выѣхавъ съ тѣмъ, и городскихъ совѣтъ, и его предсѣдатель, и синдикатъ. Все это—правда. Это не вся правда,—но и только. Въ двадцать четыре часа населеніе Чампбонъ-Сити увеличилось на 100%. Вчера я былъ здѣсь одинъ; сегодня—

насъ двое. Надо будетъ прибавить это къ письму. Или нѣтъ?.. Вы, можетъ быть, не останетесь?.. Вы, кажется, бойкій паренъ. Мыѣ нуженъ партнеръ; и если вы...

— Всякій, кто присоединился-бы къ вашему мошенническому дѣлу, былъ-бы отъявленнымъ прохвостомъ... перебилъ я грубо.

— Согласны вы быть такимъ прохвостомъ? безъ малѣйшаго смущенія продолжалъ онъ.

— Нѣтъ! отвѣчалъ я.

Мэръ поднялся съ табуретки, на которой сидѣлъ.

— Мистеръ Гуксъ, сказалъ онъ.—Вы были недавно назначены начальникомъ полиціи, для очищенія города отъ всякихъ нежелательныхъ элементовъ. Не правда-ли?—Да, сэръ, отвѣчалъ онъ себѣ, послѣ короткой паузы.—Прекрасно, сэръ, снова заговорилъ онъ, и въ голосъ его послышалась угрожающая нотка.—Надѣюсь, вы понимаете, что если такіе нежелательные элементы медлятъ убираться изъ вашего города, то ихъ безъ церемоній выкидываютъ за его предѣлы, какъ дохлыхъ котятъ; не правда-ли, сэръ?—И начальникъ полиціи началъ снимать сюртукъ и засучивать рукава рубашки, обнаружившіе прекрасно развитые мускулы на его рукахъ... Двѣ минуты спустя я покинулъ единственный домъ Чампбонъ-Сити и усиленно потогналъ своего лѣшняго мула, желая убраться, какъ можно скорѣе, подальше отъ негостеприимнаго города.

Все населеніе города грозило мнѣ вслѣдъ своимъ единственнымъ кулакомъ.

Во льдахъ.

Миниатюра А. Желѣзнова.

„Вотъ уже полгода, какъ мы затерты льдами. Громады прозрачнаго льда, мѣстами покрытаго снѣгомъ, накренили на-бокъ корабль, и онъ стоитъ, словно падаетъ, безмощно подымая къ небу свои темныя, запылившія мачты. Направо видна бѣлая широкая поляна, устланная буграми твердаго снѣга. Налѣво—причудливые узоры высокихъ льдинъ, висящихъ надъ бездной блестящей бахромой, отливающей на солнцѣ яркими алмазами, кажутся фантастическими великанами, стерегущими доступъ къ полюсу. Солнце, не сходящее съ горизонта, блѣдно, точно устало. Торжественную, зловѣщую картину представляетъ это зимнее море.“

„Вчера мы покинули корабль. Пошли отыскивать забытую дорогу или заблудившагося эскимоса, или какую-нибудь деревеньку. Вѣтъ больше ничего. Холодъ сковываетъ члены. Смерть грозная, холодная, какъ эти льдины, медленно подступаетъ къ сердцу... Снастись!.. Куда?.. Всюду безконечная равнина снѣга или стѣны снѣгаго льда... Только стан морскихъ птицъ на льдинахъ оживляютъ вдали эту мертвую землю... Я шагаю еще бодро. Олепя шкура, въ которую я зашнѣ, еще не промерзла насквозь. Мои острога рѣжутъ твердую кору снѣга... Я чувствую, что силы мои слабѣютъ. Въ душѣ какое-то непонятное безволеіе... Голодь...“

„Сегодня, къ вечеру, умерло двое матросовъ. Ихъ похоронили... Тяжелая сцена. Ожесточенные, измученные голодомъ, морча совершили мы печальный обрядъ. Помолились каждый про себя и разошлись. Никто не плакалъ... Первый разъ въ жизни я испыталъ страхъ смерти... Я понимаю, что снасенья нѣтъ. Это сознаніе хуже самаго конца... Мы набрели на покинутое кочевье эскимосовъ. Слѣды отъ стоянки еще не успѣли стлаться. Осталась ободранная юрта; мѣстами наляглись обрывки стѣй и обломки всякаго хлама... Всю ночь

я писалъ свой дневникъ... Мнѣ такъ много нужно сказать людямъ, и такъ мало, кажется, остается жить...“

„Ночь прошла. Ноги не движутся отъ слабости,—меня везутъ на саняхъ мои спутники... Бѣдные люди. Когда, послѣ смерти, мы встрѣтимся, вы простите мнѣ, что я привелъ васъ къ этой снѣжной могилѣ... Боже Милосердый! Я умираю съ полною вѣрой, что моя смерть не остановитъ другихъ на пути къ грозному полюсу. Друзья! Если Богъ васъ снасестъ изъ этой свободной темноты, и вы увидите мою жену и дѣтей, передайте имъ мое послѣднее благословеніе... Люди не оставляйте ихъ. Не могу писать больше... Душатъ слезы...“

„У-у!.. Какъ холодно! Сегодня, 11 июня. Тамъ, на землѣ, цвѣтетъ пыльное лѣто. Солнце блещетъ на ясномъ небѣ. Голубыя рѣки таинственно и беззвучно гонятъ свои студеныя струи подъ лѣдными пальмами. Весело и радостно щебечутъ птицы. Въ разросшихся кустахъ прячется кегуру. На простомъ коврѣ сочныхъ травъ пасутся кони. Молодой работникъ, утомленный, садится обѣдать за деревянный столъ и цѣлуетъ свою голубоглазую хозяйку. Здоровьемъ и молодостью дышетъ вся улыбающаяся, раскраснѣвшаяся личико... Ахъ, Джейнъ, Джейнъ! Прощай, моя Джейнъ!..“

Въ полдень онъ умеръ. На снѣжномъ бугрѣ навалены черепъ и кости околѣвшихъ собакъ. Надъ ними поставленъ крестъ изъ обломанныхъ досокъ. Никто не видалъ больше этой могилы... Стерлась-ли она съ лица земли, или все еще блѣдный лучъ солнца тускло глядитъ на пожелтѣвшіе кости и сѣверный вѣтеръ сдуваетъ снѣгъ съ обетшалаго креста?..

Въ Лондонѣ, на Ватерлооской площади, стоитъ памятникъ. Плотный морякъ, съ необычайно энергичными чертами лица, безстрашно глядитъ вдали. На каменномъ пьедесталѣ вырѣзана надпись: „Джонъ Франклинъ“.

Къ рисункамъ.

Страшная минута. (Рис. на стр. 173).

Статный и граціозный олень и по сіе время является заманчивою дичью для охотника; только прежде ихъ водилось больше, а теперь рѣдко кому достается насладиться охотою на оленя: его берегутъ для знатныхъ лицъ. Лѣтомъ олень ходитъ преимущественно по возвышенностямъ и только зимою свисается въ долины. Въ это время охота считается самою пріятною. Бродя стадомъ, онъ представляетъ легкую дѣль для охотника, и горе ему, если обманетъ его необыкновенное чутье, если падъ его головой просвиститъ неожиданная пуля... Все пропало. Куда только дѣлалъ его смѣлливость, его осторожность... Страхъ, безконечный страхъ за жизнь свою и жизнь семьи овладѣваетъ всѣмъ его существомъ. Настала страшная минута... Снасенья нѣтъ... Бѣжать... И стрѣлой, не зная куда, лишь бы укрыться, мчится прочь вся оленья семья отъ выстрѣливающей ея врага-охотника... И ловко скользя оленю по снѣжнымъ сугробамъ, не разбирая ни шей, ни обломанныхъ бурею сучьевъ..

На дорогѣ. (Рис. на стр. 176).

Затихъ и заснулъ дремучій лѣсъ. Молчаливо стоятъ высокія деревья, убранныя въ серебро морозомъ. Холодно. Рыхлый снѣгъ заперомъ все кругомъ, и тяжелыя сани глубоко въ немъ вязнутъ. Неожиданное появленіе ихъ нечаянно нару-

шить лѣсное безмолвіе: спугнуть на вѣткѣ бѣлку, которая пробѣжитъ по стволу, осыпая шией, или выпонить длинноухаго бѣляка изъ-подъ куста, и онъ понесется черезъ дорогу подальше въ чащу отъ нарушителей лѣснаго покоя.

Законоспасскій монастырь. (Рис. на стр. 177).

Въ вышнемъ номерѣ *Нивы* мы помѣщаемъ изображеніе одной изъ тѣхъ немногихъ обителей Московской Руси, которыя представляютъ собою памятники церковной древности, важной не только по своему значенію въ исторіи русской Церкви, но и по той роли, которую Законоспасская обитель играла въ исторіи русскаго просвѣщенія. Всякій русскій человѣкъ, когда-либо проживавшій черезъ Москву, конечно, бывалъ на Никольской улицѣ, а потому и не можетъ не знать расположеннаго на самой серединѣ ея Законоспасскаго монастыря, который возвышается высокая окружѣя главы своихъ храмовъ надъ крышами низкихъ старинныхъ домиковъ Никольской улицы, въ двухъ шагахъ отъ готическихъ стѣнъ бывшей *Печатной палаты* (нынѣшней синодальной типографіи). Но не всякому, при взглядѣ на эти главы, на обширный монастырский дворъ, обсаженный деревьями, приходило въ голову, что онъ видитъ нескладъ собою обитель, восставшую десятки поколѣній русскаго юношества и, въ томъ числѣ, гениальнаго помора, Михаила Васильевича Ломоносова.

Вечеръ въ Николаевскомъ Инженерномъ училищѣ. По наброску С. С. авторгипія Демчинскаго.

Вот краткая история обители. Монастырь Заиконоспасский был основан в 1660 году, по указу царя Алексея Михайловича, боярином князем Феодором Феодоровичем Волконским. Первоначально, по храму во имя Всемилостиваго Спаса, он получил название Старого Спасского, *что на Песках*; но впоследствии, по месту расположения своего *за иконнымъ ридомъ* на Никольской улице (считая отъ Кремля), монастырь стал называться *Заиконоспасскимъ*.

При патриархе Иове сюда, въ стѣны гостепріимной обители, было переведено Ртищевское духовное училище (изъ Андреевскаго монастыря) и здѣсь-же, впоследствии, преобразовано въ Московскую славяно-греко-латинскую академію. Юный царь Феодоръ Алексѣевичъ усиленно заботился о расширеніи и усиленіи этого высшаго (въ тогдашней Руси) учебнаго заведенія, въ которомъ воспитывались дѣти лучшихъ семействъ московскихъ гражданъ и даже сыновья многихъ бояръ. По желанію царя Феодора, преподавателями въ эту академію были вызваны изъ Греціи весьма извѣстные въ то время ученые греки, братья Духуды (Іоанникій и Софроній). Впоследствии академію управлялъ знаменитый своєю ученостію Стефанъ Яворскій. Духовная академія, въ которую прежняя славяно-греко-латинская была преобразована, существовала въ Заиконоспасскомъ монастырѣ до 1814 года, когда она, наконецъ, была переведена въ Троице-Сергіевскую лавру. Съ тѣхъ поръ въ Заиконоспасскомъ монастырѣ помѣщается Московская духовная семинарія; архимандритъ монастыря есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ректоръ семинаріи.

Здѣсь, въ концѣ первой четверти XVIII вѣка, воспитался и первый русскій ученый академикъ, Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Придя пѣшкомъ въ Москву, онъ, черезъ какого-то дальняго родственника (со стороны матери), получилъ возможность поступить въ младшій классъ академіи, которую онъ въ своихъ писемкахъ и воспоминаніяхъ называетъ просто „Спасскою школою“, прекрасно передавая тягостное положеніе 17-ти-лѣтняго юноши, попавшаго въ кружокъ мальчишекъ, которые дразнили его „великовозрастностію“ и называли „большакомъ“.

Въ настоящее время Заиконоспасскій монастырь находится въ оскуднѣи. И главный храмъ его, и гробницы погребенныхъ въ немъ именитыхъ людей земли Русской требуютъ давно уже обновленія, на которое обитель, кажется, не имѣетъ средствъ.

П.

Любовь и вѣрность. (Рис. на стр. 181).

Привязанность собаки къ человѣку вѣкъ извѣстна. Она стережетъ его домъ и стада и оберегаетъ его самого. Существуетъ множество разказовъ о преданности собаки ся хозяину, котораго она спасала отъ вѣрной гибели. Такой вѣрный другъ изображенъ на картинѣ Эрельманъ, возлѣ своей госпожи. Онъ ласково смотритъ на нее своими умными глазами, въ которыхъ свѣтителъ безпредѣльная вѣрность, а сама маленькая дѣвочка эта можетъ служить олицетвореніемъ нѣжнаго, чистаго чувства любви.

Черный и бѣлый. (Рис. на стр. 184).

Извѣстная пѣсенка про трубочиста, въ которой поется, что „хоть лицомъ онъ черенъ, но душою чистъ“, можно думать, сложена не про того шалуна, который изображенъ на стр. 184. Безъ стѣсненія запустилъ онъ свой грязный палецъ въ сливочный пирогъ и съ наслажденіемъ облизываетъ его, къ немалому горю повара, и удивленію случайныхъ свидѣтелей недоброй шалости трубочиста.

Заячья школа. (Рис. на стр. 185).

Рисунокъ Ф. Хименеса можетъ быть названъ страницей изъ животнаго эпоса въ картинахъ. Подобно тому, какъ пародіе наблюдательность и вымыселъ заставляли дѣйствовать животныхъ, какъ людей, въ сказкахъ и басняхъ, или какъ остротливый талантъ сатирика изобличаетъ людскіе недостатки и пороки на звѣряхъ, такъ и художники иногда рисуютъ аллегорическія изображенія людей подъ видомъ животныхъ. Каульбахъ старшій, Гравиль, Рандонъ и не мало другихъ прославились рисунками въ этомъ родѣ, къ которому можно причислить и полную юмора картинку Хименеса.

Вечеръ въ Николаевскомъ Инженерномъ училищѣ. (Рис. на стр. 189).

Каждую зиму въ продолженіе бальнаго сезона въ Петербургѣ устраиваются балы и въ панихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Морской корпусъ, Императорскій лицей, Инженерное училище, и въ послѣднее время Училище Правовѣдѣнія собираютъ въ свои залы петербургское общество, которое очень охотно посѣщаетъ эти вечера, посѣщеніе которыхъ особенный характеръ, благодаря оживленію, внесенному молодыми хозяевами. 4 февраля состоялся одинъ изъ такихъ баловъ въ Николаевскомъ Инженерномъ училищѣ. Прекрасное помѣщеніе юнкеровъ (какъ извѣстно—бывшій дворецъ императора Павла Петровича) было убрано растеніями, статуями и прекрасно исполненными видами русскихъ краѣностей.

Танцы происходили въ двухъ залахъ, которыя и изобра-

жены на нашемъ рисункѣ. Гости входили по главной лѣстницѣ Инженернаго замка, застланной коврами, черезъ бібліотеку Инженерной академіи и училища, въ которой находится замѣчательные плафоны. Въ своемъ художественномъ убранствѣ юнкера показали очень много вкуса и большое умѣнье.

Инженерные балы всегда отличаются своей обстановкой, весельемъ и радушіемъ своихъ хозяевъ. Освѣщенные электрическимъ свѣтомъ залы, полные веселящейся молодежи, изъли очень привлекательный видъ. Подъ конецъ бала юнкера поднесли дамамъ на память серебряные жетоны.

Профессоръ Ю. Э. Янсонъ. (Портр. на стр. 192).

31 января, скоропостижно, отъ разрыва сердца, скончался заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета и Александровскаго Лицея, по кафедрѣ политической экономіи и статистики, членъ-корреспондентъ Императорской Академіи Наукъ, членъ Статистическаго Совѣта Министерства Внутреннихъ дѣлъ, докторъ политической экономіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Юліи Эдуардовичъ Янсонъ.

Покойный родился въ Кіевѣ 5 ноября 1835 года. Блестяще окончивъ курсъ гимназій, Ю. Э. поступилъ въ Кіевскій университетъ на медицинскій факультетъ. Но занятія въ анатомическомъ театрѣ слишкомъ сильно дѣйствовали на его нервы, и онъ рѣшился перейти поэтому на историко-филологическій факультетъ, который онъ и окончилъ со степенію кандидата въ 1855 г., имѣя всего 20 лѣтъ отъ роду. Но богато одаренная натура покойнаго не могла этимъ удовольствоваться. Ю. Э. сталъ изучать математическія науки и увлекся статистикой, разработка которой находилась тогда у насъ еще въ зачаткѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сильно интересовался медициной, великое значеніе которой онъ постоянно признавалъ до конца своей вѣчно угаданной жизни. Въ 1860 г. онъ началъ читать лекціи въ Горьковскомъ Земледѣльческомъ институтѣ. Въ 1864 году институтъ этотъ былъ переведенъ изъ Горька въ С.-Петербургъ, и Ю. Э. также былъ переведенъ въ столицу. Тутъ представился ему широкій просторъ для развитія его блестящихъ способностей.—онъ занялся научными изслѣдованіями, и черезъ годъ по прибытіи въ Петербургъ уже получилъ степенъ магистра политической экономіи за представленную имъ въ университетъ и блестяще защищенную диссертацию „Теорія ренты Рикардо“. Своими выдающимися работами Ю. Э. обратилъ на себя вниманіе Русскаго Географическаго Общества, которое въ 1868—69 гг. поручило ему занятія изслѣдованіями по хлѣбной торговлѣ. Возложенное на него порученіе было имъ исполнено со свойственными покойному неутомимымъ усердіемъ и выдающимся талантомъ. Въ 1870 г. Ю. Э. защитилъ въ С.-П. университетѣ диссертацию „О направленіяхъ въ научной обработкѣ правѣнственной статистики“ и былъ удостоенъ степеніи доктора политической экономіи. Съ тѣхъ поръ Ю. Э. весь отдавался статистикѣ. По этому, очень еще юному, но имѣющему для человѣчества великое значеніе предмету, онъ выпустилъ дѣльный рядъ капитальныхъ трудовъ, завершившихъ знаменитымъ его сочиненіемъ „Теорія статистики“. Этотъ трудъ произвелъ сенсацію не только у насъ, но и въ Европѣ, и былъ удостоенъ 29 декабря прошлаго года Академіей Наукъ полной преміи имени графа Д. А. Толстого и золотой медали. Ю. Э. преподавалъ статистику въ С.-П. университетѣ, Александровскомъ Лицѣ, Лѣсномъ институтѣ и на Высшихъ женскихъ курсахъ. Много лѣтъ онъ состоялъ деканомъ юридическаго факультета. Въ 1873 г. Ю. Э. былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ, въ 1876 г. произведенъ въ дѣйств. статск. совѣтники.

Покойный Ю. Э. создалъ статистическое отдѣленіе С.-Петербургской Городской Управы и руководилъ имъ вплоть до самой смерти. По особому, выработанному имъ, плану, были произведены переписи населенія нашей столицы въ 1881 и 1890 гг.

Это не былъ узкій теоретикъ или кабинетный ученый, знавшійся лишь съ одними цифрами и математическими выкладками. Его цифры—были живыя цифры. Въ старшія покойнаго ученаго вели лишь къ тому, чтобы воочию цифровыми данными показать все нутро общества, и путемъ все тѣхъ же цифръ находить средства для ихъ удовлетворенія. Неоднократно на своихъ лекціяхъ онъ совѣтовалъ своимъ слушателямъ не пренебрегать статистикой, а вникать поглубже въ ея великую цѣль—служенія на пользу общества, облегченія обществѣ нуждъ путемъ ихъ регистрованія. „Статистика есть наука объ обществѣ“, такъ начиналъ свои лекціи покойный профессоръ. Покойный не искалъ популярности ни среди общества, ни среди своихъ слушателей. Его многочисленныя труды, его плодотворная и многотрудная дѣятельность, говори сами за себя, доставили покойному несудящую славу лучшаго русскаго, и даже европейскаго статистика, память о которомъ на долгіе годы сохранится въ душѣ глубоко чтявшихъ его товарищей и искренно благодарныхъ его учениковъ.

И. Эйзенъ.

А. Н. Энгельгардтъ. (Портр. на стр. 193).

3-го февраля, въ с. Климовѣ, Бѣльскаго уѣзда, Смоленской

губернии, находящиеся в 30 верстах от ст. Ирцево Московско-Воронежской желѣзной дороги, в семейномъ склепѣ похороненъ Александръ Николаевичъ Энгельгардтъ, скончавшійся 21-го января, в собственномъ имѣніи, с. Батищевъ, Дорогобужскаго уѣзда, Смоленской губернии.

А. П. Энгельгардтъ знали многіе, и многіе у него учились. Это былъ одинъ изъ первыхъ пионеровъ, позаботившихся о томъ, чтобы главный источникъ нашего богатства—земля не истощалась, и чтобы земли совершенно безплодныя, такъ-называемыя „подзолы“, удобрить и превратить въ плодородныя нивы.

Совокупность сельско-хозяйственныхъ опытовъ Н. А., изложенныхъ въ его книгѣ „О хозяйствѣ въ Сѣверной Россіи“, 1888 года; рядъ статей о фосфоритахъ, представляющихъ цѣлую систему хозяйства, — систему общую для сѣверной (печерноземной) Россіи. Пріимчивые фосфоритные удобрения растутъ съ каждымъ годомъ; создается цѣлая отрасль промышленности — производство фосфоритной муки; и можно съ увѣренностью сказать, что этому удобренію суждено играть колоссальную роль въ хозяйствѣ печерноземной полосы. Значеніе трудовъ А. П. по сельско-хозяйственнымъ вопросамъ было признано и оффициально при жизни покойнаго.

Императорское Вольно-экономическое общество присудило ему золотую медаль и избрало его въ почетные члены. Министерство Государственныхъ Имуществъ въ 1891 году, въ награду за двадцатипятилѣтніе труды, выдало А. П. 5,000 руб. и поручило производство опытовъ надъ различными удобрениями. Работая надъ отчетами министерству о достигнутыхъ результатахъ, А. П. и скончался внезапно отъ паралича сердца.

Александръ Николаевичъ Энгельгардтъ происходилъ изъ стараго дворянскаго рода, родился 1-го іюля 1832 года, въ с. Климовѣ. Получивъ прекрасную домашнюю подготовку, онъ былъ опредѣленъ въ Михайловское артиллерійское училище, а затѣмъ поступилъ въ Артиллерійскую академію, гдѣ и прошелъ съ успѣхомъ полный курсъ наукъ. Службу свою А. П. началъ въ Главномъ Артиллерійскомъ управленіи, сперва въ качествѣ штабъ-офицера, завѣдующаго искусствомъ, а затѣмъ въ теченіе десяти лѣтъ былъ главнымъ интендантомъ при казенномъ заводѣ, продолжая въ то же время изученіе металлургіи и посѣщая съ этой цѣлью лекціи въ корпусѣ горныхъ инженеровъ. Въ 1855 году А. П. былъ командированъ за-границу, для изученія крушковаго сталелитейнаго производства; командировка эта дала ему возможность познакомиться со многими иностранными учеными. Съ этого времени А. П.

занимался специально химіей. Первые химическія работы были имъ сдѣланы подъ руководствомъ знаменитаго химика Зинина. Занятія химіей навели А. П. Энгельгардта на мысль объ учрежденіи химической лабораторіи. Его новыя работы и труды по химіи дали ему извѣстность не только въ Россіи, но и въ Европѣ.

Къ этому времени относится изданіе, первое въ Россіи, спеціальнаго *Химическаго Журнала*, издателемъ котораго были А. П. Энгельгардтъ и П. Соколовъ; имъ-же была, на собственные средства, открыта частная химическая лабораторія,—все это имѣло значеніе въ смыслѣ оживленія химическихъ изслѣдованій и распространенія новыхъ воззрѣній на земледѣліе въ Россіи. Въ 1-66 г. А. П. Энгельгардтомъ, во время его командировки въ Орловскую, Курскую и Воронежскую губерніи, для изслѣдованія залежей фосфоритовъ, обнаружены неисчерпаемыя залежи этого драгоцѣннаго минерала. Самые лучшія воспоминанія покойный сохранилъ о пребываніи своемъ, въ качествѣ профессора химіи, въ только что устроенномъ тогда Земледѣльческомъ институтѣ въ Лисноѣ. Преподававшее химіи здѣсь было поставлено образцово. Имъ же, по его плану, была устроена при институтѣ лабораторія, которой институтъ можетъ гордиться. Не только устройствомъ лабораторіи институтъ обязанъ А. П. Энгельгардту, но и въ организаціи по широкому плану самого института, самое дѣятельное и выдающееся участіе принадлежитъ безспорно покойному,—его талантамъ, его энергіи, его умѣнію соединить практическое, житейское дѣло съ глубокой научно-научной постановкой вопроса.

А. П. Энгельгардтъ, еще въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, сталъ печатать въ *Артиллерійскомъ Журналѣ* свои спеціальныя техническія статьи о литьѣ орудій. Затѣмъ, въ 60-хъ годахъ, А. П. началъ принимать участіе и въ общей литературѣ, помѣщая въ различныхъ журналахъ и газетахъ популярныя статьи по естествознанію и агрономіи. Особенно широкую извѣстность приобрѣли его „Письма изъ деревни“, писанныя имъ изъ с. Батищева, изъ этого заброшеннаго когда-то пустыря, который въ теченіе десяти лѣтъ А. П. преобразилъ въ цвѣтущее, образцовое имѣніе, обратившееся въ опытную станцію по сельскому хозяйству. Наши хлѣбороды постоянно обращались къ А. П. за совѣтами и указаніями, въ которыхъ покойный никому никогда не отказывалъ; сюда же многіе пріѣзжали учиться, и отсюда вышло немало хорошихъ агрономовъ, разлѣзшихъ почти по всему нашему обширному отечеству.

А. Х.

Разныя извѣстія.

— Въ четвертъ, 11 февраля, на первой почтѣ пошла, Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица приказанія для министровъ въ Александровскую лавру, а также почтѣли Петровавловскій соборъ.

— 9 февраля, Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица съ Ихъ Императорскими Высочествами Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великою Княжною Ксению Александровною, Герцогиня Эдинбургская съ дочерью, принцессою Викторіею, Великая Княгиня Марія Павловна и герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій съ супругою посѣтили помѣщающіяся въ Императорской академіи художествъ выставки произведеній профессоровъ Антокольскаго и Шишкина. Государь Императоръ изволилъ приобрести одинъ изъ пейзажей проф. Шишкина.

— 11 февраля, въ 6 часовъ пополудни, послѣдній князь Даніилъ Чернигорскій выѣхалъ по Варшавской желѣзной дорогѣ за границу.

— За прошлый, 1892 годъ, окладныхъ сборовъ по губерніямъ и областямъ Россіи поступило въ Министерство Финансовъ 111.110.000 руб. Въ 1891 году этотъ сборъ равнялся 102.940,000 руб.

— *Правительств. Вѣстникъ* сообщаетъ результаты окончательныхъ университетскихъ испытаній, произведенныхъ особыми комис-

сіями (Общій уставъ университетовъ 1884 г.) въ теченіе 1889, 1890, 1891 и 1892 гг. Въ 6 университетахъ: С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ, Киевскомъ и Новороссійскомъ, результаты эти оказались слѣдующіе:

	Получило 1-й степ.	дипломы: 2-й степ.	не выдержало экзаменовъ:
1889 г. . .	237	262	148
1890 „ . .	482	560	402
1891 „ . .	658	770	291
1892 „ . .	480	438	433

Наибольшее число экзаменовавшихся приходится на долю С.-Петербургскаго университета. Во всѣхъ университетахъ юристы занимали по числу первое мѣсто.

— Въ послѣднемъ засѣданіи совѣта С.-Петербургскаго университета избраны почетными членами послѣдняго высокопреосвященные: Палладій, митрополитъ С.-Петербургскій и Ладожскій, и Іоаннскій, митрополитъ Киевскій и Галицкій.

— Библіотека Московскаго Историческаго музея обогатилась недавно двумя цѣнными пожертвованіями: очень рѣдкимъ изданіемъ „Русскій Лицевыя Анокаліи“ академика О. П. Буслаева, съ альбомомъ, и обширною библіотекой извѣстнаго слависта А. А. Котляревскаго, переданною сыномъ покойнаго—Н. А. Котляревскимъ.

— Общій валовой доходъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ, съ 1-го января по 1-е декабря истекшаго года, распредѣлился въ 258.610,399 руб., менѣе 1891 года на 1.795,562 р., или на 0,7%. Уменьшеніе послѣдовало также и относительно поверстнаго дохода—на 118 р. Наибольшее пониженіе дохода имѣло мѣсто на Юго-Западныхъ дорогахъ—на 4.123,760 р.; наиболѣе замѣтное увеличеніе дохода постигло на Владикавказской желѣзной дорогѣ—1.638,811 руб.

— Въ засѣданіи 10 февраля Тарифнымъ комитетомъ (при Департаментѣ желѣзнодорожныхъ дѣлъ при Министерствѣ Финансовъ) разрѣшенъ весьма важный для сельскаго хозяйства нашего южнаго и юго-западнаго края вопросъ о пониженіи желѣзнодорожныхъ тарифовъ на перевозку отгружаемыхъ за границу чрезъ Ливанскій портъ овцевъ по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ къ Ливаву до 11 коп. съ вагона и версты на большихъ разстояніяхъ (при условіи нагрузки въ одинъ вагонъ, двухъ-ярусный, до 140 штукъ овцевъ).

— На островѣ Чегель, въ Каспійскомъ морѣ, между Астраханью и Петровскомъ рѣшено организовать каторжныя колоніи для преступниковъ изъ урочекъ въ Закавказьи, Туркестанскаго края и Каспійской области, не переносящихъ суроваго климата Сахалина.

Политическое обозрѣніе.

Пана Левъ XIII отпраздновалъ 7 февраля пятидесятилѣтній юбилей свой нахождения въ епископскомъ санѣ. Въ этотъ день восьмидесятитрехлѣтній пана служилъ угрозъ въ соборѣ Св. Петра мессу, на которой присутствовало болѣе 60,000 чело-вѣкъ, горячо привѣтствовавшихъ юбиляра при вступленіи и выходѣ его изъ собора. Пана имѣлъ бодрый видъ и благоговѣлъ

народъ громкимъ голосомъ. Порядокъ на площади Св. Петра поддерживали королевскія войска въ парадной формѣ.

Русско-германскій торговый договоръ встрѣчаетъ значительное сопротивленіе со стороны аграрной партіи въ Германіи. Протнводѣйствіе проникло въ наладу денуативъ прусскаго сейма и въ рейхстагъ. Налата, обсуждая негнцію противъ за-

ключенія русско-германскаго торговаго договора, приняла предложение Дембовекаго о томъ, чтобы правительство повѣло въ союзномъ совѣтѣ въ томъ смыслѣ, чтобы при предстоящихъ переговорахъ о торговомъ трактатѣ съ Россіей были широко охранены интересы сельскаго хозяйства, сообразно опыту, сдѣланному при заключеніи торговыхъ договоровъ съ Австріей, Италіей и Швейцаріей.

По толкованіямъ вѣстныхъ газетъ, германская аграрная партія своею оппозиціею противъ торговаго договора съ Россіей намѣрена вынудить у правительства различныя уступки. Неблагоприятные результаты торговаго договора съ Австріей вовсе не обусловливаются невыгоднымъ для Германіи изложеніемъ договора, а общимъ застоємъ въ дѣлахъ.

Министерство Рибо во Франціи едва успѣваетъ отражать направляемыя противъ него нападки, запросы и предложія. 4 февраля Радикаль Ле-дэ сдѣлалъ запросъ объ общей политикѣ кабинета и, между прочимъ, сказалъ: „Существуетъ лига лѣваго центра и присоединившихся къ республикѣ консерваторовъ, имѣющая цѣлью завладѣть властью и измѣнить военныя, школьныя и финансовыя законы“. Послѣ рѣчей радикала Мильрана, упрямившаго правительство напавшимъ дѣломъ, и социалиста Лафарга, Кавеньякъ сдѣлалъ разъясненія о своей послѣдней рѣчи, и затѣмъ на трибунѣ появился Рибо. Въ своей рѣчи Рибо напомнилъ, что, вступая въ управленіе, онъ просилъ содѣйствія всѣхъ республиканцевъ. „Благодаря единенію республиканцевъ, говоритъ онъ,—исчезла смѣлость тѣхъ, кто угрожалъ Франціи паденіемъ республики; страна съ довѣріемъ ждала окончанія дѣла, которое послужило предлогомъ къ кампаніи и процессу, имѣющему цѣлью восстановление чести и вновь необходимому. Тебѣ отъ насъ требуютъ, чтобы мы разрушили это единеніе“. Далѣе Рибо отвергаетъ предложенное Мильраномъ сближеніе съ социалистами и буланжистами. Рибо отвергаетъ также и сближеніе съ такъ называемыми центрами. „Кабинетъ, говоритъ онъ,—правитъ со всѣми вѣстѣ; республиканская партія не хочетъ быть въ

плѣну ни у какой группы“. Ораторъ протестуетъ противъ упрековъ въ томъ, будто кабинетъ находится подъ вліяніемъ Клемансо или крайней лѣвой. Въ заключеніе Рибо напомнилъ о томъ, что совершено во Франціи за 15 лѣтъ и что Франціи не можетъ не цѣнить, несмотря на недавнюю тучу, которая, впрочемъ, начинается расходитьсѣ. Дерулежъ, который говорилъ послѣ Рибо, прямо нападалъ на министра президента, упрескалъ его въ томъ, что у него собственно нѣтъ никакой политики, и выводилъ отсюда заключеніе о необходимости перемѣнить существующія учрежденія. Членъ лѣваго центра Дешанель жаловался, что страшно управлять при содѣйствіи крайней лѣвой, которая подаетъ голоса противъ всѣхъ кабинетовъ. Президентъ конституціонной правды, Миу говорилъ въ томъ смыслѣ, что страна выскжется противъ республиканскаго сосредоточенія. При этомъ ораторъ осуждалъ военный и школьный законы и требовалъ либеральной, исполненной терпимости и открытой республики. Затѣмъ внесено было нѣсколько формулъ перехода къ очереднымъ дѣламъ, и палата, большинствомъ 315 голосовъ противъ 186, приняла предложенную Лагомъ и принятую Рибо формулу слѣдующаго содержанія: „Палата, до вѣрня правительства въ дѣлѣ поддержанія демократическихъ законовъ и упроченія чистоты республиканской политики, переходитъ къ очереднымъ дѣламъ“.

Утреннія газеты единогласно заявляли, что застѣдшіе нѣсколько не замѣнили положенія, да оно и не могло замѣниться, такъ какъ для всякаго безпристрастнаго наблюдателя ясно, что царству радикаловъ и ошортунистовъ наступилъ конецъ, и что новая умѣренная республиканская партія возникаетъ сама собою и уже наконецъ писемъ Кавеньяка. Въ дворцовой церкви въ Шварцау совершено 6 февраля обрученіе принца Кобургскаго съ принцессою Маріей-Луизой, при чемъ обручальныя кольца были благословлены фюрстенбургскимъ аббатомъ. По желанію пармской герцогской фамиліи, бракосочетаніе состоится, вѣроятно, 29 марта въ Вилла-Панноре, близъ Виа-Реджіо.

Профессоръ Юлій Эдуардовичъ Янсонъ († 31 января 1893 г.).
Съ фот. Шамиро, грав. Шюблеръ.

при чемъ обручальныя кольца были благословлены фюрстенбургскимъ аббатомъ. По желанію пармской герцогской фамиліи, бракосочетаніе состоится, вѣроятно, 29 марта въ Вилла-Панноре, близъ Виа-Реджіо.

Искусство.

Товарищества артистовъ.

Съ наступленіемъ Великаго поста, зимній сезонъ считается оконченнымъ, и обыкновенно начинаютъ устраиваться „Товарищества артистовъ“ на лѣтній сезонъ. Но товарищества—товариществамъ рознь, въ этомъ отношеніи нужно рѣзко различать зимнія отъ лѣтнихъ, какъ по характеру, такъ и по составу и добытымъ ими результатамъ. Такъ-называемыя зимнія товарищества въ провинціи представляютъ собою соединеніе людей, неимѣющихъ матеріальныхъ средствъ, оставшихся безъ ангажемента, за отсутствіемъ у насъ солидныхъ антрепренеровъ. Артисты эти на авось соединяются въ группу, на авось начинаютъ дѣло и въ большинствѣ случаевъ остаются при этомъ „авось“; будетъ публика посѣщать театръ—будетъ обѣдъ и полечекъ; не станетъ ходить—придется сложить позитки и искать далѣе гдѣ-нибудь пріюта. Такихъ бездомныхъ и безпріютныхъ артистовъ особенно много въ провинціи между драматическими актерами.

Въ большинствѣ случаевъ эти артисты служатъ искусству, чтобы ѣсть, а не бѣдѣть—чтобы служить искусству; имъ приходится играть лишь то, что даетъ сборы. Начали, скажемъ, съ Шекспира и Шиллера, публика почему-либо осталась холодна къ классикамъ. Печального дѣла, надо взяться за оперетку; вчерашній Гамлетъ превращается въ Париса, Король Лиръ въ Калхаса, а Дездемона въ Прекрасную Елену. Не понравилась оперетка—берутся за современную комедію и повѣдную драматургію; если это не помогло, прибѣгаютъ къ послѣднему явию спасенія—къ гастролерамъ, а ужъ послѣ нихъ остается только перекочевать въ другой городъ, и тамъ снова начать свои опыты. Смотришь, зимній сезонъ прошелъ, насталъ Великій постъ, когда играть нельзя, и остается только надѣяться на лѣтній сезонъ; но тутъ новая бѣда, угрожающая еще больше, чѣмъ зимняя пора; гроза идетъ изъ столицъ, гдѣ уже обра-

зовались лѣтнія товарищества артистовъ. Это совсѣмъ другой типъ товарищества.

Это люди сытые, обеспеченные, получающіе круглый годъ жалованье, пріѣзжающіе съ громкимъ для провинціальной публики титуломъ „артистовъ Императорскихъ театровъ“, имѣющимъ свое обаяніе. Они объявляютъ всего пять-шесть спектаклей за мѣсяцъ впередъ; репертуаръ этотъ у нихъ отлично сыгранъ; они не ставятъ того, что можетъ правиться публикѣ, а то, что у нихъ готово. На худой конецъ они рискуютъ только своими дорожными расходами. Цѣль ихъ поѣздки—не хлѣбъ, имъ этого не нужно, а слава и лишній деньги; деньги даже за то время, которое имъ полагается для отдыха (и за которое они получаютъ жалованье, чтобы отдохнуть), хотя едва-ли слѣдуетъ считать „отдыхомъ“ постоянныя разѣзды, суету, сопряженную съ ними, первое напряженіе во время спектаклей, жизнь въ провинціальныхъ гостиницахъ и проч.

Единственнымъ исключеніемъ, насколько намъ извѣстно, является артистъ нашей драматической труппы, г. Далматовъ, по принципу не вступающій ни въ какія лѣтнія товарищества. Когда является группа столичныхъ артистовъ въ какой-нибудь городъ, разумеется, сборы прекрасны, публика въ восторгѣ, артисты, получающіе хорошие пай на свою долю, счастливы; одни только мѣстные провинціальные агтеры, чаявшіе лѣтомъ какъ-нибудь поправить свои дѣла послѣ зимняго краха, въ отчаяніи отъ нашего „старшаго брата“, отнявшаго у него кусокъ хлѣба и надежду на него, ибо съ отъѣздомъ „свѣтлыхъ“ никто ужъ, навѣрное, въ театръ не станетъ заглядывать, что бы тамъ ни давали; да и за мѣсяцъ до ихъ пріѣзда мѣстные обыватели не посѣщаютъ театра въ ожиданіи свѣтлыхъ. Вѣднй русскій актеръ! Обижаетъ тебя „старшая братія“ лѣтомъ; остается только опять падѣяться на зиму... Печальное существованіе!

В. Басинъ.

На выставках гг. Антокольского и Премацци.

Открывшаяся на прошлой неделе выставка скульптурных произведений г. Антокольского составляет, — можно сказать, — художественное событие в Петербурге. Большинство выставленных ныне произведений не было до сих пор известно в России и появляется в первый раз в Петербурге. Выставка состоит из семнадцати статуй и бюстов, между которыми первое место занимают статуи Синозы, Нестора и Ермака. Сильное впечатление производит мраморная статуя Синозы (в натуральную величину). Художник для характеристики Синозы взял, по его словам, плату из письма философа из Ольденбурга: „Прохожу мимо человеческих золь потому, что они мешают мне служить идее Бога“. И Антокольский сумел выразить, насколько это было доступно скульптуре, печать философской мысли на лице великого мыслителя. Гораздо менее выразительно лицо Нестора (статуя из мрамора), сидящего в одежде монаха за столом и пишущего свою летопись. Лицо Нестора выражает безстрастие монаха, изнедавшего жизнь, переставшего чему-либо удивляться и равнодушно записывающего события эпохи; статуя, очевидно, навеяна знаменитым монологом Пушкина: „Еще одно последнее сказание и летопись окончена моя“. Совершенно в другом роде колоссальная бронзовая статуя Ермака. Спокойная самоуверенность завоевателя Сибири, какое-то неподдельное ухарство, смелость, сила, с характером некоторого величия во всей фигуре и в лице, придает особенный интерес этой колоссальной статуе, составляющей положительное украшение выставки. Г. Антокольский в своем „Ермаке“ сумел избежать аффектации, столь часто встречающейся в подобного рода сюжетах, и придать фигуре характер бескусусственной простоты, при красоте линий и позы. Таким же выражением величия и простоты отличается и бронзовый горельеф Ярослава Мудрого, изображенного почти по поясу и утвержденного как бы на пьедестале, на толстой книге „Русской Правды“. Помимо этих, если можно так выразиться, исторических статуй, на выставке г. Антокольского есть несколько произведений, отличающихся в нашем художестве глубокого психолога. К такого рода произведениям принадлежат: Мефистофель (бронзовая статуя), Офелия (горельеф из мрамора), Ангел (надгробный памятник ребенку) и „Не от мира сего“ (христианская мученица). Пастоящий Мефистофель есть не более, как бронзовое повторение известной мраморной статуи, находящейся в Эрмитаже. Мне кажется, что в мраморе статуя значительно выигрывает, хотя и в мраморе в статуе замечается отблеск преувеличенной злобы, насмешливости, ядовитости, поражающих свою искусственностью. Удивительно художественно исполнен надгробный памятник ребенку. Ангел со спущенными крыльями, полужа, покоится на опустевшей детской кроватке; тихое, ясное выражение на лице ангела, прелестная, детская граня форм придает этой статуе неизъяснимую прелесть. Также хороша и Офелия, изображенная горельефом из мрамора; это — грациозная головка мечта-

Александр Николаевич Зингельгардт († 21 января 1893 г.).
С фот. грав. Шюблер.

тельной дѣвушки на фоне, изображающем камыши; какой-то задумчивой позой и грустью вѣет от этого прелестного горельефа. Позой и красотой выражения обращает на себя внимание другой мраморный горельеф „Головы Иоанна Крестителя“ на блюде.

Желаю ознакомить читателей с новыми произведениями Антокольского, экспонировавшими на его выставке (прежние достаточно известны), мы поместим своевременно на страницах *Нивы* несколько снимков с выдающихся статуй его работы послѣднего времени.

Наибольший интерес несомненно представляет вторая группа произведений пастоящей выставки, принадлежащая изображению Христа. Тут мы имеем четыре статуи различного достоинства: бронзовая статуя Спасителя для надгробного памятника, Христос перед судом народа, — редукция известной статуи из мрамора, Христос, укрощающий бурю на море (из гипса, проект для маяка) и „Послѣдний вздох“ (Христос на кресте). „Христос, укрощающий бурю“ несколько театрален; „Спаситель для надгробного памятника“ мало выразительно, но „Послѣдний вздох“ представляет собой замѣчательное произведение скульптуры, — могущее быть одним из лучших украшений какого-либо художественного собрания. — Кроме этих произведений, на выставке г. Антокольского есть еще два бюста: Н. С. Тургенева (из воска) и великого князя Николая Николаевича Старшего (из гипса). Бюст Тургенева, на мой взгляд, не вполне удачен, — сходство сохранено только приблизительно. Впрочем, и все другие бюсты Тургенева, какие нам случалось видеть, тоже неудачны. Лицо Тургенева — одно из тех лиц, выразительность которых почти неуловима. Зато бюст великого князя можно считать шедевром портретной скульптуры.

Общество поощрения художеств открыло посмертную выставку акварелей Премацци. В свое время, в шестидесятых годах, Премацци считался одним из лучших наших акварелистов; он пользовался широкой известностью и в России, и за границей, и постоянно получал заказы от Членов Императорской Фамилии, от Английской королевы Виктории и королевы Виртембергской Ольги Николаевны, а также и от многих аристократических домов. Лучшими его акварелями считаются прелестные виды Италии, Кавказа и Крыма; в них солнечные эффекты поразительны по живописности. Премацци был также одним из талантливейших художников по перспективной живописи; его внутренние виды Эрмитажа и некоторых Императорских дворцов, виды комнат в доме барона Штиглица — считаются своего рода шедеврами. Премацци любил сильные эффекты несколько на итальянский манер, но едва ли у него были соперники по части пейзажа, освещенных солнцем. Пастоящая выставка его акварелей дает достаточно полное понятие о манере и таланте Премацци, хотя она далеко не полна. Устроители выставки, конечно, не могли собрать всех произведений художника, которые неутомимо трудился в течение своей полувековой деятельности, и акварели которого разбросаны по всей Европе и России.

В. Ч.

С М Ъ С Ъ.

Скрытые силы почвы. Свойства почвы во многих случаях имеют большое значение для людей на ней живущих.

Особенного интереса заслуживает обезвреживающая сила почвы. Прежнее дѣленіе вредных веществ, угрожающих человеческой жизни, на минеральные, растительные и животные яды, уступило место новому дѣленію на два больших класса. Прежде всего различают яды *органические*, — крошечные живые существа, производящие в нашем организме заболевания; имь противопоставляются все раньше известные ядовитые вещества под общим названіемъ *химических* ядовъ, несмотря на то, что одни, как напр. мышьяк, принадлежатъ къ минераламъ, другія, какъ стрихнинъ, получаютъ изъ растений.

Въ настоящее время известно, что почва способна распространять живыхъ болѣзнетворныхъ организмовъ, известные предѣлы. Слой почвы дѣйствуетъ какъ фильтр; малые организмы, какъ бактерии, грибки плѣсени и инфузоріи, застреваютъ въ самыхъ верхнихъ слояхъ почвы. Чемъ глубже въ почву, тѣмъ меньше зародышей микроорганизмовъ; уже на глубинѣ одного метра число ихъ очень не велико, а на глубинѣ нѣсколькихъ метровъ почва обыкновенно

свободна отъ зародышей. Этотъ фактъ имѣетъ несомненно высокое значеніе для гигиены, такъ какъ благодаря фильтрующему процессу, вода очищается отъ вредныхъ веществъ, оздоравливается. Источники и глубокие колодцы болѣею частью доставляютъ здоровую воду для питья, если принять мѣры къ тому, чтобы стоки изъ людскихъ жилищъ туда не изливались. (в.)

Нѣсколько англійскихъ и американскихъ капиталистовъ учредили общество для погашения находящагося въ дѣйствиіи извѣстнаго вулкана Пококатецеля въ Мексикѣ, извѣщаго въ вышину 5400 метровъ (болѣе 5 верстъ). Общество намѣрено приобрести его для эксплуатаціи сѣры, находящейся въ огромныхъ размѣрахъ въ его кратерѣ. Добытая изъ вулкана сѣра помощью электрической дороги будетъ свезена въ долину; равнымъ образомъ, общество поставило себѣ цѣлью добыть и свезти ледъ находящийся на вершинѣ горы. Прежній владѣлецъ этого вулкана, хотя и въ малыхъ размѣрахъ, но все-таки добывалъ уже изъ него сѣру; новые же предприниматели намерены грандіозный планъ добычи сѣры — понятно, если только не будетъ имѣть ничего противъ этого самъ вулканъ Пококатецель.

Книга Флатё, хранящаяся в Копенгагенской королевской библиотеке, будет перевезена в Чикаго на время всемирной Колумбийской выставки специально предназначенным для того американским военным судном. Это редкое произведение относится к XIV веку и заключается в себя повествование королевских саг, перемежающаяся с пейзажами. Оно состоит из двух томов и написано на фрагментах замечательно красивых персиков и снабжено искусно, прямо-таки художественно исполненными заглавными буквами (заглавными). Оно написано, полагать, между 1370 и 1380 гг., следовательно, болше, чѣм за сто лѣтъ до открытiя Америки. Авторы его—два пейзажиста пастора. Магнус Торгальсон и Ян Тидарсенъ, жившие на островѣ Флатё въ Бредефордѣ, являлись въ западной части Исландiи. Самое интересное въ этомъ древнемъ сочиненiи то, что тамъ въ сагу объ Олафѣ Триглавомъ повествуется о томъ, что Олафъ и его сынъ Лейфъ Спасивомъ, впервые открывшемъ Америку. Въ 986 г. открылъ Олафъ Исландiю на западѣ и открылъ Гренландiю, сынъ же его Лейфъ, впоследствии получившiй прозвище «Спасивомъ», снова вернулся въ Исландiю и отсюда направился въ Норвегiю. Тамъ его склонили Олафъ Триглавъ къ принятию христіанства. Лейфъ сталъ христіаниномъ и рѣшился отправиться въ Гренландiю для обращенiя ея жителей въ христіанство, но на пути туда онъ былъ отбросенъ бурей на югъ отъ Гренландiи, гдѣ онъ открылъ въ 1000 г. неислѣбную долготу, гораду и назвалъ ее Винландiей (нынешній Лабрадоръ). Такимъ образомъ, Лейфъ открылъ Америку почти за 500 лѣтъ до того, какъ Колумбъ вступилъ впервые на берегъ этой колоссальной части свѣта. На специальной выставкѣ Колумба, особой отъ Чикагской всемирной выставки, будетъ чествоваться и Лейфъ, какъ первый, открывшій Америку; для этого-то и будетъ доставлена въ Чикаго означенная книга Флатё. Давнее министерство народного просвѣщенiя, послѣ того какъ американское правительство гарантировало сохранность книги, уже выразило свое согласіе на ея отправку. При книгѣ, какъ бы въ видѣ снѣжка, отправится докторъ Йоннъ Адгеленскіи университетъ. Dr. Рудмундсонъ, въ поддержку котораго по путешествію калло на себя американское правительство. На выставкѣ эта книга будетъ помѣщаться въ специально устроенномъ для нея помѣщенiи, у входа Мюнхгауза, гдѣ ее и теперь и почто будетъ охранять особая прислуживающая стража.

Электрический газъ. Въ Шарифельдѣ, штатъ Массачусеттъ (США), Америка) посредствомъ нагрѣванiя маселъ приводится въ газообразное состояніе. Это достигается слѣдующимъ путемъ: чрезъ одинъ изъ металловъ, представляющихъ дурной проводникъ электричества, пропускается электрический токъ; металлъ накаливается и будучи приведенъ въ соприкосновеніе съ масломъ, обращается его въ газообразное состояніе. Огромное преимущество этого новаго способа получения газа заключается въ дешевизнѣ этого газа, цѣна которому колеблется между 26 и 30 коп. за 1000 куб. англ. футовъ. Главнымъ образомъ, электрический газъ долженъ быть и, конечно,

будетъ применяться при производствѣ стали и вообще въ горюхихъ дѣлахъ, такъ какъ онъ много можетъ замѣнить генераторный газъ.

Металлизация матерій. Помимо непроходимости и нестерпимости, генеръ сдѣлалъ попытку сообщитъ каплямъ еще одно очень важное свойство, а именно оберечь шерстяныя и другія матеріи отъ разрушительнаго вліянія бактерий. Французскій ученый Морискуръ достигъ этого слѣдующимъ путемъ. Разнаго рода шерстяныя и льняныя матеріи, фланель и т. д. погружаются на часъ времени въ кипящую массу, состоящую изъ четырехъ килограммовъ (9,76 фунта) мѣднаго купороса, 1 килограммъ (2,44 фунта) едвой кислоты и 1000 литровъ (81,3 ведра) воды. Послѣ этого ткани претерпеваютъ или скатываются и подвергаются обмывкѣ. Полученныя такимъ образомъ металлизированныя матеріи мало-по-малу утрачиваютъ свои цѣнные свойства только отъ стирки, почему и слѣдуетъ ихъ время отъ времени подвергать новой металлизациі скаланнымъ способомъ.

Освѣщеніе земли съ аэростатовъ. Сдѣланныя у насъ попытки въ этомъ направленiи оказались очень удачными. Съ высоты 600 метровъ, пестмира на густой туманъ, удалось освѣтить пространство въ 500 метровъ въ діаметрѣ снопомъ электрическихъ лучей силою въ 5000 свѣтъ. Съ высоты же 150 метровъ можно прямо освѣтить цѣлую верету.

(г. в.)

ШАХМАТЫ

подъ редакціей Э. С. Шифферса

Задача № 5.

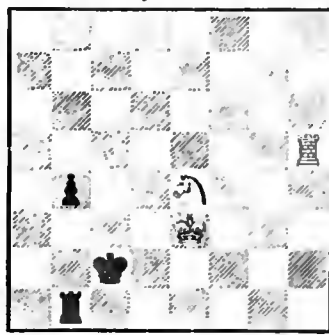
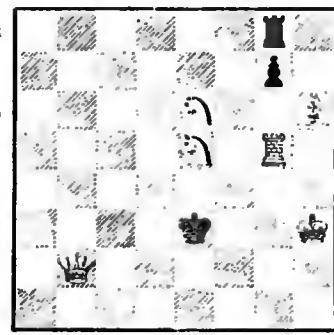
Задача № 6.

S. Loyd (New-York).

Ю. И. Бергера (Грaцъ).

Черные.

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

Бѣлые начинаютъ и играютъ.

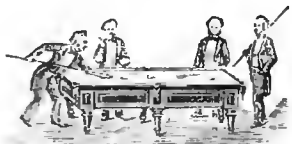
О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала «Ива» проситъ своихъ гг. подписныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежшй печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ. Воля судьбы. Историческій романъ въ трехъ частяхъ Кн. М. Н. Волконскаго. Ч. I. (Продолженіе).—Лента. (Надъ петербургскіе званья). О. Чюминной.—Не вспоминай! Стих. А. Луцкннова.—Страницка изъ исторіи нашего вѣна. Вѣна во время конгресса. (Надъ петербургскіе званья).—Мать Чампльонъ-Сити. (Разсказъ изъ американскихъ преданій, Марна Тенан. Во льдахъ. Миллора А. Желѣзнова.—Къ рисункамъ: Страшная минута (съ рис.). На дорогѣ (съ рис.).—Занкоопасный монастырь (съ рис.).—Любовь и вѣрность (съ рис.).—Черный и бѣлый (съ рис.).—Заячья шкура (съ рис.).—Вечеръ въ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ (съ рис.).—Ю. З. Янсонъ съ портр.).—А. Н. Знелъгардъ съ портр.).—Разныя новеллы.—Политическое обозрѣніе.—Песенникъ.—Смѣсь.—Шахматы.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Печатно А. Ф. Маршъ.

Генераторъ Кн. М. Н. Волконскій.

БИЛЬЯРДНАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Енисей-
№ 6236 ската моста, домъ № 7—2. 26—2
Иллюстрированные прейс-курanty по по-
срѣбованіямъ высылаются безвозмездно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 2-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ

съ 1-го мая 1893 г. по 1-е мая 1894 г.)

„ВѢСТНИКЪ ВОЛОТОНПРОМЫШЛЕННОСТИ“

и ГОРНЫХЪ ДѢЛЪ ВОЛОТОННО.

Журналъ имѣетъ выходить, попрежнему, 2 раза въ мѣсяцъ, въ размѣрѣ, отъ одного до двухъ печатныхъ листовъ, емлемъ въ томъ числѣ и картинъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:—I. Общее обозрѣніе.—II. Горное и заводское дѣло.—III. Прикладныя: минералогія, геологія, географія.—IV. Исторія, хозяйственно и статистика добывающаго и горнаго дѣла вообще.—V. Механика заводнаго дѣла.—VI. Горное законодѣленіе.—VII. Ученія и разсужденія правительственныя.—VIII. Новое и извѣстны.—IX. Финансовое положеніе горнаго и заводнаго дѣла.—X. Корреспонденціи.—XI. Почтовый отдѣлъ.—XII. Библиографія.—XIII. Справочный отдѣлъ.—XIV. Объявленія.

Въ упомянутое содержаніе журнала войдутъ какъ оригинальныя статьи, такъ и переводы. Все лучшее, уже появившееся на иностранныхъ языкахъ или могущее появиться, составили, по возможности, необходимый матеріалъ журнала. Статьи, помѣщаемыя въ журналѣ, будутъ изложены общедоступно.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Г-мъ пересылкой или доставкой изъ гдѣ-либо: 7 руб., на полгода—4 руб., на 3 мѣсяца—2 руб. 50 коп., на 1 мѣсяцъ—1 рубль.

Подписка принимается въ Томскѣ: Г-мъ въ книжномъ магазинѣ Н. П. Макушина и 2) въ конторѣ редакціи журнала (Завѣдующій редакціей, домъ Г. Н. Камаръ въ С.-Петербургѣ—въ главномъ конторѣ Комиссіонера казенныхъ горныхъ заводовъ, Матвѣ Морская, д. № 9; въ Иркутскѣ—въ редакціи «Восточнаго Обозрѣнія».

Редакторъ-Печатель Гери. Шж. П. С. Рейгоускій.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ **БЕРЛИНЪ.**
Егерштрассе, 46,
рек-мен (усть какъ новѣйшее произведеніе высшего качества и въ богатой упаковке парфюмерно)

„BOUQUET Russe“.
Духи
ТУАЛЕТНАЯ ВОДА.
ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
Сапе.

Можно получить во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ магазинахъ, въ парижскихъ-скихъ и у дилетантовъ. № 5005 122

Reichner's Fettmilder

ЖИРНАЯ ПУДРА РЕЙХНЕРА.

Пудра для вечера и дня, незаметная на кожѣ! Кошмическое средство для улучшенія красоты кож! Цѣна коробки 1 рубль!

Театральная гримировка! В. № 6258 10—1

Имѣется во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

А. РЕЙХНЕРЪ въ Берлинѣ, поставщикъ Бельгійскихъ Императорскихъ театровъ.

Главный складъ для всей Россіи: у В. Аураха, Коллежская, № 18. С.-Петербургъ.

Библиотека "Руниверс"

ВИНО
СЕН-РАФАЭЛЬ.
№ 6101 10-4

Вино Сен-Рафаэль превосходно на вкус.
Сохраняется по способу г-на Пастера.

На каждой бутылке находится печать Российской таможни.

Вышло новое издание **Ф. ПАВЛЕНКОВА:**
ИСТОРИЯ
ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И. КАРНО.

Переводъ съ франц. подъ редакціей и съ предисловіемъ Р. П. Семигоровскаго. Около 400 страницъ. Цѣна 1 рубль. М. № 6231

ТРЕБУЙТЕ НАСТОЯЩЕЕ МЫЛО
АМОСТРОУМОВА
ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
УЛ. ПЕРВОМАЙСКАЯ, 32

ОСТЕРГАТСКАЯ ПЕЧАТНИЦА

СЪМЕНА

хлѣбная, травяная, огородная, цвѣтучая, древесная и проч. лучшего качества и испытанной всѣхъ жесть на собственной контрольной станціи.

Полный иллюстрированный каталогъ на 1893 г. съ подробными поясненіями и правилами культуры овощей и цвѣтущихъ, а также въ устройствѣхъ огородовъ, двѣтучихъ, парниковъ, теплицъ и проч. строгий, желающимъ получить высылается бесплатно. Ц. № 6259

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Н. В. ЛИСИЦЫНА Сыновей
Москва: 1) Петровка, д. Пенскаго; 2) Мясницкая, д. Пѣгова.
Пашъ Торговый Домъ никакихъ складовъ и агентствъ въ другихъ городахъ, кромѣ Москвы не имѣетъ.

КРАСКА
ДЛЯ ВОЛОСЪ
ПРИДВОРНАГО ПАРФЮМЕРА
АЛЕКСАНДРА ГЕРКЕ

окрашивается въ черный и коричневый прочный цвѣтъ, — смотря по надобности свѣтлѣе и темнѣе. № 5924

Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

Главный склады: А. Энгельндъ, С.-Петербургъ, Басейная, № 2. Подкупить можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли антикарскими товарами, Казанская, 12 и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговыхъ Россійской Имперіи.

ВЫБОРЪ
ИЗЯЧНЫХЪ
ШЕЛКОВЫХЪ
ТКАНЕЙ.
БАРХАТА И ПЛЮША
ВЪ РОЗНИЧНОМЪ МАГАЗИНѢ
Бр. С. Г. ШЕЛАЕВЫХЪ
ВЪ МОСКВѢ.
ПАССАЖЪ СОЛОДОВНИКОВА,
№ 65, 66.

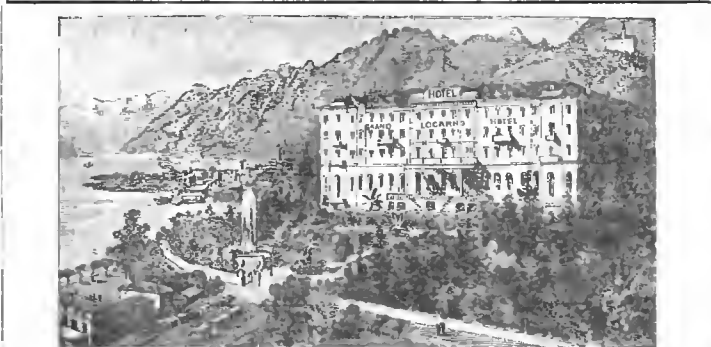

С. Петербургъ, Гостиный дворъ, Большая Суворовская линія, № 134.
Продажа безъ запроса. Образцы высылаются по 3-2

НАВОНДЕНИЕ. Ром. изъ современн. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Д-ръ Волицкій лечитъ наружные, кожные, трудныя болѣзни, ракъ и элистротер. Певскій, 57, кв. 5 Отъ 2—3 и 6—7, 2 ч. в.

КАПИТАНЪ
ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ.
Ром.-хрон. XVIII в. Вс. Соловьева. Изданіе 3-е. СПб. 1886 г. Ц. 2 руб., съ пересылкой 2 руб. 50 коп.

LOCARNO ♦ **ЗИМНЯЯ СТАНЦІЯ** ♦
Общезнаменитая всѣми медицинскими авторитетами и специально рекомендованная Королен. Бавар. Сѣвѣтникомъ медицины, проф. докторъ А. Мартеномъ, какъ самая превосходная въ Европѣ зимняя и весенняя станція.
№ 6199 6—6

Grand Hotel Locarno.
Открытъ въ продолженіе всего года. — Наилучшимъ образомъ приспособленъ къ проживанію въ немъ зимою. — Лучшее мѣстопребываніе у Итальянскихъ озеръ. Самая комфортабельная гостиница на континентѣ, въ замѣчательно красивой мѣстности. Большой паркъ съ роскошной изюбой расцвѣтучестью. Зимній садъ, центральное отопленіе, изразцовые печи и каминъ во всѣхъ 200 номерахъ и залахъ. — Издѣлія виноградарства. — Извѣстнѣйшій врачъ. — Ванна. — Подъемная машина. — Английскія и французскія кухни. — Сообщеніе на чужихъ пароходахъ и лодкахъ. — Первоздѣльное кухли и погребъ. — Укреплѣнная цѣпь. — Проспектъ и описаніе, составленное проф. Мартеномъ, высылаются бесплатно владѣльцамъ.

EAU, PÂTE, POUDRE
DENTIFRICES

DOCTEUR PIERRE
DE LA
FACULTÉ DE MEDECINE
DE PARIS
EN VENTE PARTOUT

НЬЮ-ГОМЪ
оригинальная, американская усовершенствованная
ШВЕЙНАЯ МАШИНА
Къ "НЬЮ-ГОМЪ", въ Оранжъ (шт. Массачусеттс, Сѣв. Америка) пользуется всемірно извѣстностью: проста, прочна, изящна; отличается: высочайшимъ руковомя, новыми удобными регуляторочъ для натяженія нити и проч. Работаетъ легко, быстро и безъ шума; даетъ чистую, ровную, 2-мя нитками шитью строчку; употребляетъ прямую садовую вставляющуюся (безъ мѣры) иглу; годна для домашнего и ремесленного употребленія; шьетъ всѣ: отъ тончайшей иглы до толстѣйшаго сукна.

ГАРАНТИЯ ВЪ ЛѢТЪ
Прейс-куррантъ и описаніе по требованію.

Складъ и контора "НЬЮ-ГОМЪ", Москва, Мясницкая, д. Сытовыхъ.
Главный представитель для всей Россіи: Высоч. утвержд. Товарищество **"Работникъ"**.
№ 1248 Москва, Петербургъ, Кіевъ и Ташкентъ. 10—1

ЖЕНЩИНЫ И МУЖЧИНЫ
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатаются иллюстрированный журналъ "Нива". № 2405

НОВАЯ КНИГА 2—2
(Л. Боровичъ). № 6226

„Фабричные паровые котлы, ихъ устройство и уходъ за ними“.
Ц. 2 р. 75 к. Складъ въ типографіи т—ва Кушнеревъ и Ко въ Москвѣ. Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ.

КУЗЬМИЧЕВСКАЯ ТРАВА
Эфедра Кузьмина. Отборная выхитъ сорта 1 р. Обмысленная 50 к. фунтъ; съ прилож. наставленія. По жел. налогъ платятъ. При требованіи за наличныя деньги 10 ф.—скидка 40 и 20 к. г. ф. Пудами 6 р.
Въ магазинѣ П. М. Новикова, г. Бузулукъ, Сам. г. № 6253
Пріому обращаться загрыми выхитми

ПРИГЛАШАЮТЪ
дѣлательныхъ агентовъ. За условіями образц. высылкою: Генрихъ Блонкъ, С.-Петербургъ, Певскій, 59. 10—8

НОВОСТЬ!
Всѣмъ можетъ быть полезенъ безопасною бритвою

„ФЕНИКСЪ.“
Бритва эта изъ лучшей стали и не притупляется. Въ два мѣсяца нами продано около 2000 штукъ. Цѣна 4 р. Занавы высылаются немедленно. Единственное Агентство: С.-Петербургъ, Складъ новихъ изобрѣтений, Певскій 4. Каталогъ (иллюстрир.) всѣхъ изобрѣтений и подарковъ (за 10 к. марку. № 6255

ОРУЖЕЙНЫЙ МАСТЕРЪ Алексѣй Тимофеевичъ Грязновъ въ Тулѣ. Изобрѣтатель ружья и винтовки всевозможныхъ системъ, одное дѣлоде заграничныхъ, на въ чемъ не уступаюшій, за что удостоенъ многихъ наградъ. Точность и добросовѣстность исполненій съ ручательствомъ. Прейс-куррантъ высылаются. № 6202 3—2

Людв. Осетровъ, Ш. пикэйзень
МОСКВА № 6217 5—4

Мясницкая ул., д. Ермаковыхъ
рекомендуютъ: шародробители, кирпичедѣлательныя и торфяныя машины; прессы для трубъ, съ расрубками, черенцы и брикетеры; машины для выработки пашота и огнеупорныхъ кирпичей; и въладѣи для расгворовъ. Подготовлены планы чечей.

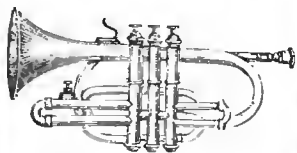
Ш. № 6170 8 8

Велосипеды американскаго завода
„Гумберъ и К°. Ингл.“
лучшіе изъ свѣтлѣ
предлагаются торг. домъ
Г. ЖЕМЛИЧКА и К°.
Москва, Неглинный просп., домъ Екшиной.
Прейс-куррантъ—бесплатно.

САМЫЙ
ОБШИРНЫЙ ВЪ РОССІИ
СКЛАДЪ
ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ
Торговый домъ
М. Блокъ
СВЯТА

КОРНЕТИ-А-ПИСТОНЫ

хорошей заграничной работы въ 12, 15, 22, 25 и 35 руб.; собственной г.-петербургской фабрики въ 30, 60, 75 и 100 р.; значительной фабрики Courtois въ 90 р., 150 р. и 250 р. Школа-самоучитель Баганца въ 1 1/2 и 2 1/2 р.

ФЛЕЙТЫ

хорошей заграничной работы въ 2, 4, 6, 9, 12, 20, 30, 40 и 50 руб.; собственной г.-петербургской фабрики въ 60, 75, 85, 120 и 160 руб. Флейты „модели Цинмермана“, находящаяся въ употреблении у первых артистов, по 85 и 120 руб. Школа-самоучитель Келера по 1 1/2 и 2 1/2 р.

КЛАРНЕТЫ

въ 6 р., 10 р., 15 р., 20 р., 25 р. и 35 р. и собственной фабрики въ 45 р., 60 р. и 75 р. Школа-самоучитель Нитцера по 2 1/2 и 4 р.

Также въ другие музыкальные инструменты и принадлежности въ громадномъ выборѣ.

Н. Шлегель, прейс-курантъ — бесплатно.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ
ЦИММЕРМАНЪ

главное депо
музыкальных инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, В. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнецкий мостъ, д. Захарьина.

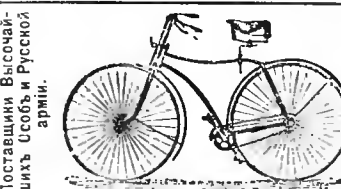
2-ой
ВЫГРЫШ-
НЫЙ
банкнотный домъ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
59, Невскій, СПб.

РУКОВОДСТВА

№ 6249 ДЛИН 2-1

ДИЛЕТАНТОВЪ

высочайше пошехонск. Типография Товара.
П. П. Кухаревъ, в 120 в. Москва.
Donjean. Офортъ ц. 75 в. ♦ В. Восточная
жизнь ц. 75 в. ♦ Забавный. Выдаются
по дереву ц. 75 в. ♦ Дубовскій. Выдаются
по дереву и тинку ц. 65 коп. ♦ Buuffier.
Рисованіе пастелью ц. 50 в. ♦ Lahnek. За-
писки по дереву ц. 65 в. ♦ Roux. Трагиче-
скаго фотопортр ц. 65 в. ♦ Klinka. За-
писки по фарфору и стеклу ц. 1 рубль.
Colson. Сним. копій съ книгъ, съ книгъ ц. 60 в.
B. in. Фотоинструменты ц. 50 коп. ♦ Simons.
Раскрашен. фотограф. картонки, фотоинстру-
менты, ф. аппараты, ф. аппараты ц. 50 в.

Поставщики Высочай-
шихъ Особъ и Русской
арміи.

Около 1000 велосипедовъ на складѣ.
Бромъ, большинство велосипедовъ 500 офи-
церовъ пользуются нашими велосипедными.

САМЫЙ ОБШИРНЫЙ въ Россіи
ВЕЛОСИПЕДОВЪ складъ

Торговый домъ **Ж. БЛОКЪ**.
(основ. въ 1863 г.)

МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава,
Ц. К. Косаки въ Екатеринбургъ. 25 11
5982 Новый каталогъ 80 страницъ.

БЕЗПЛАТНО.

Дополн. издур. СПб., 17 февраля 1893 г.

УРБАИНЪ

L'URBAINE

УРБЭНЪ

ОШЕСТВО СТРАХОВАНИЯ ЖИЗНИ
ВЫСОЧАЙШЕ
допущенное
къ дѣятельности въ Россіи
2-го Іюня 1889 года.
ГЛАВНОЕ АГЕНТСТВО
для Россіи,
С.-Петербургъ — 13, Невскій, 13.
Особые дополнителіи гарантіи для
застрах. въ Россіи.
Агентства во всѣхъ больш. гор. Россіи.
1) Заложъ въ 500.000 р. впе-
сенный въ Государств. Банку.
2) Специальный резервный фондъ, и
3) Специальный запасъ капиталъ,
хранящийся непркосновенно въ
Государственномъ Банку.
Нашъ дѣятельный Общество установ-
ленъ постоянный факторскій над-
зоръ за дѣятельностью.
Удѣлы участъ въ прибыли Общ-
ства предоставляются застрахованнымъ
каждому участку.

УРБАИНЪ

ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ

Россійск. Церкви, такоо Покровскіхъ и Славянскіхъ и Мѣсто-отличныхъ подвижн. благо-
честіи, 2-е изд. 12-ти мѣсяц. 4.150 страницъ. изобрѣт. Сост. А. Н. Му-
равьевъ. Ц. 8 р. Тожъ въ розничн. золотопр. перепл. ц. 12 р. Продается у А. С.
Семенина, Симеоновская ул., д. собств. № 9. Вниманію, за переплату не платитъ.

Въ элеваторахъ Рязанско-Уральской желѣзной дороги на станціяхъ
Ряжскѣ, Данковѣ и Лебедянѣ съ 1 февраля с. г. вводится, по примѣру
Колтовскаго элеватора, обозначеніе хлѣба съ сортировкой его по сор-
тамъ, установленнымъ Комитетомъ по надзору за сортировкой хлѣба
въ элеваторахъ дороги: при чемъ въ документахъ, выдаваемыхъ эле-
ваторами въ принятіи на храненіе хлѣба, указывается сортъ хлѣба
по классификаціи.

Классификаціи эти вывѣсты съ нормальными образцами хлѣбовъ,
установленными тѣмъ же Комитетомъ, выставлены для обозрѣнія въ
главнѣйшихъ русскихъ биржахъ и элеваторахъ.

Введеніемъ этой операціи землевладельцамъ, хлѣботорговцамъ и эк-
спортерамъ значительно облегчается сбытъ и приобрѣтеніе хлѣба пу-
темъ купли-продажи его по образцамъ и сортамъ, указаннымъ въ
документахъ элеваторовъ, съ гарантіей со стороны элеваторовъ въ
отпускѣ хлѣба, вполне соответствующаго сорту, указанному въ доку-
ментѣ. Помимо того, выдѣленъ въ элеваторахъ обозначеніе и сорти-
ровка хлѣбовъ открываетъ возможность изготовленія большихъ партій
совершенно однороднаго хлѣба, необходимаго при подрядахъ и по-
ставкахъ для интендантскаго вѣдомства и др.

Потѣ сдѣлаемъ въ элеваторахъ хлѣбъ Обществомъ дороги организо-
вана выдача на весьма выгодныхъ для хлѣбовладельцевъ условіяхъ,
дешевизныхъ ссудъ, со высвѣщеніемъ ихъ, по желанію владельца хлѣба,
на станціи окончательнаго назначенія хлѣба, если онъ вывезенъ изъ
элеватора по желѣзной дорогѣ.

Подробныя правила и таксы за услуги элеваторовъ, а равно правила
выдачи ссудъ опубликованы въ Сборникѣ тарифовъ и отпечатаны от-
дѣльными брошюрами, высылаемыми по требованію бесплатно. Присла-
нныя Обществу (въ С.-Петербургѣ, въ Москвѣ, № 10).

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ.

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ
Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВЪНЪ

го вѣнны на кожу. Цена флакону 1 р. 65 в.; Бѣлосное мыло 35 в. и 50 в. кусокъ; Омо-
лаждающее средство-кремъ 1 р. Упаковки и перес. въ Европ. Россіи 70 в., въ Азіатск.
1 р. Главный складъ для всей Россіи у В. АУРИХА, въ С.-Петербургѣ, Колодезская,
№ 18. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарск. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Изданіе А. Ф. Маркса, СПб., Невскій, 6.

БЕЗЪ ВРЕДА ВСЯКІЙ МОЖЕТЪ ТЕПЕРЬ
самъ себя брить новобобрѣтенною
безопасною бритвою

„СТАРЪ“

употребленіе коей особенно облегчаетъ
бритье, а съ гигиенической точки зрѣнія
составляетъ дѣйствительно важное изоб-
рѣтеніе, ибо каждый можетъ ею бриться.
Бритва „Старъ“ выдѣлана изъ самой чи-
стой шифоновой и магнетизированной
новымъ изобрѣтеннымъ способомъ блан-
тажи. При каждой бритвѣ приложено объ-
ясненіе способа употребленія. Эту
„Старъ“ имѣть такое громадное распро-
страненіе по всемъ свѣту, что фабрикантъ,
изобрѣтатель въ „Америкѣ“ не успѣваетъ
ихъ изготовлять. Цена съ перес. 5 руб.

ПЕРО-ФОНТАНЪ!

Въ перѣ находится стеклянный цилиндръ,
который наполненъ чернилами и во время
писанія чернила стекаютъ черезъ осо-
бенное внутреннее устройство на перо.
Кончивши писаніе, въ перо надвигаютъ
капсюль, чтобы его можно было писатъ
въ бумажникъ или въ карманѣ. Перо
подолженное и постою не ржавѣетъ.
Одного наполненія хватаетъ, если много
писать, на два дня. № 6219

Цена 60 коп., съ пересылкой 1 руб.

СТАЛЬНЫЯ ЛИНЕЙКИ, цѣна 1 р. 50 в.,
очень поправившіяся, много полученных. По
желанію высылаю прейс-курантъ новос-
тей. Конст. Мальмъ, В. Морская, № 34.
Отправка налож. платятся.

ЭЛЕОПАТЬ

Пр. БИШУНЕНЬ

Провизоръ Кинунень.

Простѣе обращать вниманіе на клеймо
въ сѣромъ стѣклѣ каждого флакона. Про-
визоръ Кинунень.
Главный складъ: Демидовъ пер., № 1.

ЗОНТИКИ

заготовлены въ прозадномъ выборѣ на
С.-Петербургской фабрикѣ
В. СПѢХИНА.
Садовая ул., д. № 29. Прейс-курантъ
высылается бесплатно. (3) № 6229

КРАСИВО ПИСАТЬ

выучивается всѣмъ заочно (посредствомъ
лическихъ) въ 15 уроковъ.
у ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФИИ
А. КОССОДО.

Методъ презировавъ на Парижской все-
мирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ 30-
лѣтней медаліи. № 6208 52-5
За 2 геникопеченія марки выдѣляется
пробное письмо и условія. Адресъ: Про-
фессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ
Одессѣ, Дербасовская, д. № 19.

МИНИАТЮРН. АХРОМАТИЧ. БИНОКЛЬ

со шкуръ, въ замшевомъ чехлѣ. 8 р. 50 в.
съ пер. въ Евро. Россіи, въ Азіат. 9 р. 50 в.
„Лилипутъ“ удобно помѣщается въ карманѣ
жилета или между пуговицами мужья и шолъ,
забываетъ, какъ для воды, охоты, путеше-
ствія или театра, большіе и тяжелые биннокль.
2-1 **Е. КРАУСЪ** и 100. № 6236

Спеціальн. фабр. оптич. инструментовъ
Парижъ, Rue de Bondy, 32.
ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ для Россіи
С.-Петербургъ, Мойна, № 42.

Подарокъ прейс-кур. оптич. и фотограф. при-
боръ, высыл. каждый за семидесять коп. марку.

Тип. А. Ф. Маркса, Сп. Подъяч., № 1.

Библиотека „Руниверс“

XXIV г.

№ 9

г. XXIV

1893

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ съ 6—10 рис. въ каждомъ и еженесячн. даров. прилож. 12 книгъ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис. и цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.).
Выданъ 27 февраля 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1893 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ дост. въ Петерб. 5 р.	Съ дост. въ Петерб. 6 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торг. линія 6 р.	Съ перес. въ Москву и др. города Россіи 7 р.	За границу. 10 р.
-----------------------------------	---------------------------------------	--	---	--------------------------

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“, со всѣми прилож.. Сборникомъ и пр.

Чистая душа. Рис. Г. Макса, по фот. Альбертъ и К^о грав. Геданъ.

Вы не придете вновь.

(Посв. А. Ф. Н.)

Вы не придете вновь, дни радостей минувшихъ,

Минувшей юности заветныя мечты;

Такъ, поздней осенью безвременно заснувшихъ

Цвѣтовъ осеннихъ вновь не явятся листы.

Другіе расцвѣтутъ роскошнѣй и милѣе,

И будетъ взоръ ихъ вновь мнѣ душу улаживать,

И будетъ можетъ быть при нихъ мнѣ веселѣе,

Но прежнихъ никогда мнѣ вновь не увидать.

Н. Лонскій.

Воля судьбы.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Кн. М. Н. Волконскаго. (Продолженіе).

IX.

Что она скажетъ?

Ольга вошла къ отцу, вполнѣ уже оправившись и стараясь казаться попрежнему веселою и беззаботною.

Трудно было понять, откуда и какъ эта, воспитанная въ четырехъ стѣнахъ проскуровскаго дома, дѣвушка могла научиться въ нужную минуту владѣть собою съ тѣмъ особеннымъ, гибкимъ, чисто-женскимъ тактомъ, который способенъ провести самую опытную наблюдательность.

— Ты, правда, нездорова? участливо, нѣжно обернулся къ ней навстрѣчу князь, ходившій по кабинету и ожидавшій ее въ безпокойствѣ.

— Да нѣтъ, батюшка, какъ бы шутя, проговорила Ольга. — Это, должно-быть, отъ цвѣтовъ — слишкомъ сильно пахло ими на террасѣ...

— Отъ цвѣтовъ? недоувѣрчиво протянулъ князь и глубоко вздохнулъ.

Она опять вспомнила о своей покойной княгинѣ, которая, вѣроятно, сумѣла бы разгадать причину тайной тревоги дочери... а онъ вотъ не можетъ...

И это внутренне обидѣло его и вызвало то непріятное стѣсненіе въ груди, которымъ обыкновенно обозначалось у него начало проявленія гнѣва.

— Ну, а баронъ понравился тебѣ? спросилъ онъ опять.

Ольга слегка дрогнула.

Она не отвѣтила.

Князь такъ все хорошо обдумалъ вчера, въ его мечтахъ такую прекрасною слагалась ихъ общая жизнь въ Проскуровѣ, и, главное, ему все это такъ казалось возможно, что онъ какъ-то обходилъ мыслями самое существенное препятствіе, т. е., что если баронъ не понравится Ольгѣ?

Но Андрею Николаевичу столько неудачи было въ расчетахъ его въ продолженіе жизни, что трудно было ждать ужъ и тутъ опять новаго промаха... И вдругъ, съ первыхъ же шаговъ, дѣло имѣло видъ не совсѣмъ ладный...

И отъ одной возможности допущенія ошибки желчь князя начала подниматься.

Глаза его сузились, лобъ сморщился, и онъ, близко подойдя къ стоявшей передъ нимъ, молча, дочери, подставилъ ухо къ самымъ ея губамъ и рѣзко, крикливо проговорилъ:

— Чтѣ ты говоришь, а? Не слышу.

Ольга продолжала молчать. Подбородокъ ея снова затрясся, глаза наполнились слезами. Она готова была разрыдаться.

Андрей Николаевичъ опомнился.

Трудно ему было подчасъ владѣть собою, но на этотъ разъ онъ совладалъ.

Онъ понялъ, что пошелъ напроломъ, силой, тамъ, гдѣ только можно было добиться чего-нибудь лаской, и, круто повернувшись, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, стараясь успокоиться.

— Ну, погоди... дочка... Прости... погорячился... Иди къ себѣ... иди... сказалъ онъ, наконецъ, тихимъ голосомъ, неувѣренно подымая руку, чтобы приласкать дочь.

Эта близость ласки обрадовала Олю. Она, по впечатлѣніямъ дѣтства, помнила припадки гнѣва отца и боялась ихъ какою-то сверхъестественною, неуправляемою боязнью, и съ тѣмъ болѣею радостью и довѣріемъ она готова была теперь обнять его и въ слезахъ, при его рѣдкой для нея ласкѣ, высказать, можетъ-быть, все, чтѣ у нея на душѣ.

Но князь боялся за себя.

— Иди!.. опять крикливо произнесъ онъ. — Иди, говорю тебѣ!..

И, отстранивъ руку рѣзкимъ движеніемъ, онъ опять зашагалъ по кабинету.

Ольга неслышно скользнула изъ комнаты.

Долго въ этотъ день бурмистры и приказчики ждали, пока князь стапелъ ихъ звать по одному къ себѣ, и прислушивались изъ пріемной къ мѣрнымъ шагамъ Андрея Николаевича по кабинету...

А онъ ходилъ и соображалъ, ища себѣ успокоенія. И такъ какъ онъ хотѣлъ себѣ пайти его, то и доводы приходили ему на умъ утѣшительные.

„Въ самомъ дѣлѣ, разсуждалъ князь, — съ чего мнѣ это пришло въ голову?— (Вотъ что значитъ судьбой не быть избаловану—вездѣ сомнѣваешься).— Да вѣдь если бы она оставалась равнодушною — такъ вѣдь хуже-бы было... конечно хуже... и развѣ можно было спрашивать такъ прямо; — какая-же дѣвушка скажетъ?.. Ну, первый разъ въ жизни видѣть молодого человѣка... не могла-же она камнемъ сидѣть.. а выказывать радость было-бы неприлично“.

И чѣмъ дольше думалъ Андрей Николаевичъ, тѣмъ болѣе опять, какъ вчера, успокаивался, находя, что рѣшительно не было причинъ ему выходить изъ себя.

Не было сомнѣнія, что Ольга понравилась съ перваго-же взгляда барону. А она?—да чего-же ей еще... Онъ и ловокъ, кажется, и уменъ, и красивъ, и имя имѣетъ... да гдѣ-же сыскать еще такого молодца!..

И, къ своему удивленію, подначальные князя, когда онъ наконецъ призвалъ ихъ къ себѣ, вмѣсто ожидаемаго гнѣвнаго на сегодня приказа, который обыкновенно слѣдовалъ за долгимъ хожденіемъ барина по кабинету,—получили, напротивъ, милостивое разрѣшеніе всѣхъ дѣлъ.

Карлъ, безпрекословно подчинившійся волѣ князя и тѣмъ еще болѣе выигравшій въ его глазахъ, написалъ подробно отцу и остался жить въ Проскуровѣ, ожидая дальнѣйшихъ событій.

Главное препятствіе было пройдено—старый князь оказался на сторонѣ ловкаго и дальновиднаго молодого человѣка. Но въ отношеніи Ольги баронъ положительно не зналъ, какъ ему подойти.

Онъ, выдавшій на своемъ вѣку виды, понималъ, что сразу вступитъ въ какія-бы то ни было объясненія являлось болѣе чѣмъ опаснымъ. Сначала все должно было если не рѣшиться, то, во всякомъ случаѣ, подготовиться посредствомъ того непереводаемаго языка любви, который при помощи взгляда, выраженія, интонаціи совершенно обыкновенныхъ, повидному, словъ, — говорилъ яснѣе всякихъ объясненій, и затѣмъ эти объясненія должны были подтвердить только то, что давно уже жило въ дунѣ обѣихъ сторонъ.

Чѣмъ чаще видалъ Ольгу Эйзенбахъ, тѣмъ сильнѣе становилось его вполнѣ искреннее чувство къ ней.

Но, какъ ни старался разгадать онъ задумчиво-грустный взглядъ Ольги—трудно было подмѣтить въ немъ не только отвѣтъ на это чувство, но даже легкій проблескъ надежды, что можетъ явиться этотъ отвѣтъ хоть современемъ.

Ольга была вѣжлива съ гостемъ отца, говорила съ нимъ, но какъ-бы нехотя, и если смотрѣла на него, то тѣмъ холодно-стальнымъ взглядомъ, которымъ умѣютъ смотрѣть женщины на непамятного имъ человѣка. Истиннымъ влюбленнаго Карлъ чувствовалъ весь скрытый смыслъ этого взгляда,—такъ же далекій отъ поэмы любви, какъ далека была Ольга отъ проявленія нѣжности къ красивому барону.

Онъ напрасно ломать голову—о томъ, чѣмъ могъ онъ провиниться передъ нею?

Но, съ самаго своего прѣзда, онъ не видѣлъ ни разу на лицѣ ея ни оживленія, ни веселости.

Онъ спрашивалъ у Торичіоли, всегда-ли она такая. Итальянецъ качалъ головою и говорилъ, что за послѣднее время просто не узнаетъ княжны.

Карлъ пробовалъ всѣ средства ухаживанья, не разъ примѣненные имъ и увѣнчившіяся успѣхомъ: то опъ, какъ въ первый день знакомства ихъ, въ первый день ихъ встрѣчи утромъ на террасѣ,—старался показать, что до того занятъ ею, что не замѣчаетъ ничего кругомъ,—то, напротивъ, прикидывался равнодушнымъ и дѣлалъ видъ, что не обращаетъ на нее вниманія, потомъ заводилъ разговоры умные, горячіе, поэтичные, рассказывалъ исторіи, полныя страсти, но Ольга слушала его разговоры и исторіи съ видимымъ терпѣніемъ притворной любезности, пугалась, когда онъ подчеркивалъ свое къ ней вниманіе и вздыхала свободнѣе, когда онъ не замѣчалъ ее.

Старый князь, обдумавшій положеніе и успокоившій себя тѣмъ, что рано или поздно дѣвушка не можетъ остаться равнодушной къ исканіямъ честнаго, порядочнаго и красиваго молодого человѣка, удерживалъ у себя влюбленнаго барона и—въ ожиданіи исполненія своихъ грѣзъ—строилъ новые планы будущей жизни, еще заманчивѣе прежнихъ.

Когда сильно желаешь чего-нибудь, то невольно вѣришь, что желаніе сбудется, и невольно готовъ истолковать все въ пользу этого своего желанія. Такъ и князь, ослѣпленный своими мечтами и неспособный къ тому наблюденію посредствомъ инстинкта, которымъ владѣлъ Карлъ, благодаря своему чувству, не видѣлъ холодности Ольги и вѣрилъ, что, напротивъ, она уже начинаетъ интересоваться молодымъ Эйзенбахомъ.

Съ отцомъ Карла онъ поддерживалъ все это время дѣятельную переписку.

Старый баронъ отвѣчалъ ему немедленно и съ вѣрной оказіей. Онъ также писалъ сыну, сообщая ему вкратцѣ, что пишетъ ему князь, и дѣлая наставленія Карлу, какъ держать себя и какъ вести къ благополучному окончанію такъ блестяще начатое дѣло.

Относительно „молодой дѣвушки“, какъ онъ называлъ Ольгу въ своихъ письмахъ, старикъ Эйзенбахъ почти не сомнѣвался: „ты у меня такой славный мужчина, писалъ онъ Карлу, что не только запертую въ захолустѣ княжну, но и петербургскую дѣвицу сумѣешь обуздать и послушною сдѣлать...“ и какъ-бы для того, чтобы придать еще болѣе храбрости Карлу, отецъ добавлялъ, что его отсутствіе въ Петербургѣ замѣтно, и объ немъ скучаютъ нѣкоторыя персоны.

„Славный мужчина“ былъ польщенъ этими похвалами и одобреніемъ, но все-таки не находилъ пути, дабы, по выраженію отца, „запертую княжну обуздать и послушною сдѣлать“.

Наконецъ, черезъ три съ половиною недѣли своего пребыванія въ Проскуровѣ, Карлъ получилъ отъ отца радостное извѣстіе, что старый князь прислалъ въ Петербургъ письмо, въ которомъ дѣлалъ болѣе чѣмъ прозрачныя намеки и звалъ старика барона къ себѣ въ деревню погостить.

Ясно было, что Андрей Николаевичъ затѣвалъ формальное сватовство.

Карлъ понималъ, что долѣе терять времени нечего, и рѣшилъ во что бы то ни стало объясниться съ Ольгой.

Х.

Соловьиная пѣснь.

Карлъ сидѣлъ съ письмомъ отца въ рукахъ у окна своего флигеля. Передъ нимъ за разбитымъ подъ окнами цвѣтникомъ виднѣлась часть проскуровскаго сада, устроеннаго княземъ въ первые годы его пребыванія въ деревнѣ.

Садъ этотъ былъ большой, со множествомъ перекрещивающихся дорожекъ и аллей, лабиринтъ которыхъ молодой Эйзенбахъ успѣлъ уже изучить за время своего трехнедѣльнаго пребыванія въ гостяхъ у князя.

Отъ цвѣтника у флигеля, окруженаго подстриженными на голландскій манеръ деревьями, шли клумбы другого большого цвѣтника, примыкавшаго къ террасѣ главнаго дома.

Дальше виднѣлось начало первой аллеи, терявшейся затѣмъ въ глубинѣ высокихъ липъ. Направо, узкой змѣйкой вилась дорожка, въ самый красивый уголъ сада, засаженный розанами и кончавшійся обрывомъ у рѣки.

Былъ тотъ часъ вечера, когда солнце еще не закатилось совсѣмъ, но сумерки постепенно наплыли уже и сгустили тѣни въ чащѣ деревь. Жаркій день смѣнялся теплымъ вечеромъ. Воздухъ былъ такъ хорошъ, что Карлу жалъ казалось отойти отъ окна.

Старый князь сегодня сказалъ за обѣдомъ, что у него много дѣла, и что онъ вплоть до ужина не выйдетъ изъ своего кабинета.

У Карла оставалось свободныхъ часа полтора. Онъ думалъ было пойти погулять, но какой-то внутренній голосъ словно шепталъ ему, что некуда теперь идти, что рано идти и что слѣдуетъ остаться у окна, чтобы дышать этимъ легкимъ, пахучимъ воздухомъ и смотрѣть, какъ медленно лиловые сумерки охватываютъ все кругомъ, давая предметамъ волшебныя, фантастическія очертанія.

И сегодня это тихое, вечернее погруженіе природы въ сонъ, особенно было вѣрно.

Никогда тѣни не казались такъ глубоко прозрачны, никогда отблескъ потухающихъ лучей не переливался въ высокомъ небѣ такими причудливыми красками и никогда почему-то не дышалось Карлу такъ легко, какъ сегодня.

Вдали, должно быть у рѣки, пѣлъ соловей, и откликъ его пѣсни словно наполнялъ собою дрожащій истомою, влажный, но теплый воздухъ.

И вдругъ Карлъ приподнялся со своего мѣста, н, высунувшись въ окно, внимательно сталъ вглядываться передъ собою... Тамъ, передъ нимъ, отъ большого дома, между клумбъ цвѣтника, шла, не торопясь, спокойною, увѣренной походкою Ольга.

Баронъ сдѣлалъ усиліе, чтобы приглядѣться еще—не обманываютъ-ли его глаза:—нѣтъ—онъ не ошибся, это была, дѣйствительно, она. Она шла опустить голову. Онъ узналъ ея голубое платье и косыночку.

Ольга, миновавъ цвѣтникъ, направилась не по главной аллѣ, а по дорожкѣ къ розанамъ. Она была одна. Сама судьба, казалось, давала Карлу возможность переговорить съ нею и при самыхъ подходящихъ условіяхъ. Но выйти изъ флигеля съ тѣмъ, чтобы нагнать ее на дорожкѣ, было рискованно и опасно. Она могла повернуть назадъ, къ дому, и тогда случай былъ-бы упущенъ. Карлъ сейчасъ-же сообразилъ это.

И предусмотрительный даже въ увлеченіи, баронъ немедленно составилъ планъ необходимаго дѣйствія. Самое лучшее было спуститься низомъ и короткой дорогой достичь обрыва, подняться къ розанамъ и пойти навстрѣчу княжнѣ, сойдясь съ нею, какъ-бы случайно.

И, не теряя минуты времени, Карлъ схватилъ шляпу и почти выбѣжалъ изъ флигеля съ противоположной цвѣтнику стороны его...

Быстрою, увѣренною походкою подвигался Карлъ впередъ, перебираясь по сухимъ отъ росы мѣстамъ. Хотя избранный имъ путь значительно сокращалъ разстояніе, но все-таки нельзя было терять времени, потому что приходилось сторониться отъ кустовъ и выбирать дорогу такъ, чтобы мокрая трава не слишкомъ замочила-бы башмаки и чулки... Неловко было показаться княжнѣ въ неряшливомъ видѣ...

Погребеніє христіанських мучениковъ въ катакомбахъ. Съ карт. Ленефей, грав. Клоосъ.

Говѣльщнки въ ожиданіи духовника. Орлг. рпс. (собств. „Нивы“) Ижакевича, грав. Хелмшкій.

Благодаря этому, Карлъ достигъ обрыва позже, чѣмъ онъ думалъ. Если Ольга ускорила-бы шагъ—она могла дойти уже къ розанамъ. Но назадъ Карлу уходить не было основанія. Онъ надѣялся къ тому-же, что княжна продолжала идти такъ же медленно, какъ и вначалѣ, когда онъ видѣлъ ее изъ окна.

Достигнувъ кустовъ наверху, онъ остановился. Ему послышалось движеніе за ними. Ольга была здѣсь.

„Скоро однако!“ мелькнуло у Карла.

Теперь ему было-бы неловко прямо вытѣзать изъ кустовъ, и онъ рѣшилъ не слышно пробраться на дорожку и выйти оттуда къ Ольгѣ. Только сначала ему хотѣлось удостовѣриться, она-ли это была здѣсь. Онъ осторожно, чуть дыша, раздвинулъ вѣтки кустовъ... Сладкимъ, густымъ, пахучимъ ароматомъ розановъ пахло на него... Небольшая площадка открылась его глазамъ, и, взглянувъ туда, Карлъ замеръ отъ удивленія, неожиданности и вдругъ поднявшейся злобы.

Ему сразу все стало ясно...

На площадкѣ на скамейкѣ сидѣлъ Артемій, молодой воспитанникъ князя; Ольга подходила къ нему, съ трудомъ переводя духъ отъ быстрой ходьбы...

— Долго ждалъ? спросила она, приблизившись къ скамейкѣ, и, привычнымъ движеніемъ любимой и счастливой этою любовью дѣвушки, опустила обѣ руки на плечи Артемія...

Онъ, вмѣсто отвѣта, обхватилъ ее талію, а другой рукой взялъ ее руку и прижалъ къ своимъ губамъ.

— Долго-ли ждалъ? проговорилъ онъ наконецъ,—да теперь мнѣ ужъ казалось, что ты никогда не придешь ко мнѣ...

И снова онъ прижался губами къ ее рукѣ...

Дрожь прибѣжала по спинѣ Карла, въ вискахъ застучала прихливающая кровь; одно мгновеніе у него мелькнула сумасшедшая мысль—кинуть впередъ, но онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и прилегъ къ землѣ, не смущая жадныхъ, завистливыхъ глазъ съ того, что происходило передъ нимъ.

Нужны были почти сверхчеловѣческія усилія, чтобы не выдать себя несчастному Карлу.

— Погоди, сказала княжна,—дай мнѣ сѣсть, я слишкомъ торопилась идти... И она опустилась на скамейку рядомъ съ Артеміемъ.—Ну, отчего-же *теперь* тебѣ показалось, что я не приду...

Артемій вздохнулъ.

— Теперь—другое, Оля!..

— Отчего-же другое, отчего?—я тебѣ говорю, что изъ всего этого ничего не выйдетъ, ничего онъ не добьется отъ меня... ему надоѣстъ здѣсь жить, онъ уйдетъ, и все пойдетъ по-старому.

Теперь, когда она сѣла, Карлу было видно въ полъ-оборота ея оживленное счастье лицо, дышавшее еще невиданной Карломъ прелестью.

Артемій снова вздохнулъ, опустивъ голову:

— И какъ все хорошо было, Оля, до сихъ поръ!

— И потомъ будетъ хорошо... ты увидишь, я знаю... Послушай—мало ему развѣ петербургскихъ красавицъ, ну что ему во мнѣ... развѣ онъ не найдетъ лучше меня...

Артемій улыбнулся и отрицательно покачалъ головою...

„Боже мой, Боже мой, думалъ Карлъ,—какъ она хороша, какъ она хороша!“

И онъ вспомнилъ петербургскихъ красавицъ, про которыхъ говорила Ольга, набѣленныхъ и наумиженныхъ, и та-же улыбка, что у Артемія, скользнула по его губамъ...

— Ты замѣтилъ, продолжала Ольга,—я дѣлаю все, чтобы казаться ему дурною—и одѣваюсь хуже, и глупости говорю...

Артемій, счастливый этой преданностью любви, разсмѣялся тихимъ смѣхомъ.

— Да развѣ это возможно, сказалъ онъ сквозь смѣхъ,—что бы ты ни дѣлала, ты все-таки останешься красавицей... милая моя, милая...

И Карлъ, стиснувъ отъ бѣшенства зубы, снова увидѣлъ, какъ Артемій взялъ ее за талію, а она прижалась къ нему, видимо желая, если не словами, то лаской разсѣять его безпокойство.

— И потомъ я не знаю, началъ Артемій,—но иногда мнѣ приходится въ голову, что вдругъ...

И онъ заппулся...

— Чтѣ—вдругъ? переспросила Ольга.

— Ты—разлюбишь меня...

— И тебѣ это не стыдно думать?... не стыдно тебѣ, а?...

Въ ея голосѣ слышалась шутка, но Артемій дѣлался все серьезнѣе.

— Право, я иногда сравниваю себя съ нимъ и чувствую, что онъ лучше меня.

Теперь, казалось, очередь разсмѣяться была за Ольгою.

— Кто, проговорила она,—кто лучше тебя?—эта петербургская кукла, этотъ баронъ съ вывороченными глазами? Ты замѣчалъ, какъ онъ иногда на меня смотритъ—мнѣ всегда смѣшно, когда онъ начинаетъ ворчать бѣлками.

Но, не договоривъ, она вдругъ вздрогнула.

— Чтѣ съ тобой? спросилъ Артемій.

Ольга, вытянувъ шею, прислушивалась.

— Нѣтъ ничего,—мнѣ показалось, точно шорохъ, вѣрно птица.

Карлъ чуть не выдалъ себя. Пальцы его сжались судорожно, и онъ сдѣлалъ невольное движеніе впередъ.

— Конечно, птица, отвѣтилъ Артемій,—кому-же быть теперь—вѣдь князь сказалъ, что не выйдетъ до ужина, итальянецъ—въ библиотекѣ.

— А петербургскій баронъ?

— Кажется, пишетъ письмо къ родителямъ.

— Ну вотъ, видишь, значитъ, это время наше, мое, и ты мой... Ну что-же, все еще не вѣришь... не успокоился...

— Ахъ, Оля,—вотъ ты сейчасъ пазвала барона петербургскою куклой, значитъ, если-бы онъ былъ иной, лучше чѣмъ есть, ты-бы тогда...

„Проклятый мальчишка, найденышъ!“ бѣшено стиснувъ зубы, думалъ Карлъ, которому было слышно какое слово...

— Ну еще, еще что? перебила Ольга.—Ахъ, какой ты смѣшной и милый... Да будь онъ въ десять разъ лучше, чѣмъ ты представить себѣ можешь—я и тогда не промѣняла-бы тебя... довольно?..

Замолкнувшій соловей, отголосокъ пѣсни котораго слышалъ, выходя изъ дому, Карлъ, снова началъ пѣть гдѣ-то близко, гулко, точно только-что почуявъ возлѣ шопотъ любви и торжась привѣтствовать его своею пѣснью.

Это былъ хорошій нотный соловей, чисто продѣлавшій починъ съ оттолчкой, послѣ котораго онъ сдѣлалъ два колѣна и рассыпался дробью, раскатился, заппенкалъ, протянулъ, перешелъ въ звонкій свистъ, защелкалъ гусачкомъ и разлился безконечною трелью.

Артемій и Ольга притихли. Она положила ему на плечо голову, прислушиваясь къ пѣнію... Эйзенбахъ едва себя сдерживалъ, чтобы не вырваться изъ сада. По счастью, онъ понималъ, что, выскочивъ, онъ ничего не выиграетъ, что, напротивъ, ему нужно притаиться теперь, несмотря на то, что пытка его была невыносима... И онъ, молча, давалъ себѣ клятвы въ томъ, что счастливый Артемій дорого заплатитъ ему за испытываемыя имъ муки...

Время для него казалось теперь вѣчностью.

А они нарочно, словно дразня его, сидѣли счастливые, упоенные своимъ счастьемъ, и соловей дразнилъ его своей пѣснью, и вечеръ охватывалъ его томною нѣгой.

„Господи, да долго-ли они будут сидеть так?“ думалъ Карлъ, чувствуя, что силы и послѣдній остатокъ благоразумія измѣняются ему, и онъ готовъ уже кинуться впередъ, чтобы задунить этого Артемія.

— Ты слышишь, заговорила Ольга,—эту пѣсню?—слышишь, милый?.. Ну, такъ вотъ такъ же, какъ хороша эта пѣсня, такъ же, какъ хорошъ этотъ вечеръ, и мѣръ Божій, и жизнь моя—такъ же мнѣ хорошо съ тобою, и клянусь тебѣ, что или ты, или никто... никого мнѣ не надо, кромѣ тебя одного... я люблю тебя...

И соловей, будто желая засвидѣтельствовать и подтвердить эту клятву, съ особенной силой и прелестью завелъ новую пѣсню...

ХІ. Отецъ.

Карлъ, шатаясь, вернулся въ своей флигель; но онъ выдержалъ до конца, не выдавъ себя ни однимъ неосторожнымъ движеніемъ и не пропустивъ ни одного слова изъ подслушаннаго разговора Артемія съ Ольгой.

„Такъ вотъ оно что! соображалъ онъ,—такъ вотъ причина ея смущенія при знакомствѣ, вотъ гдѣ тайна ея обращенія со мною!.. Но что-же дѣлать теперь?“

Карлъ однако чувствовалъ, что немедленнаго отвѣта на этотъ вопросъ онъ дать себѣ не можетъ, и что нужно прежде всего ему успокоиться, чтобы обдумать, какъ поступать дальше.

Голова его горѣла, тѣло дрожало, какъ въ лихорадкѣ, дыханіе прерывалось.

Онъ чувствовалъ, что переживаетъ одну изъ тѣхъ минутъ, когда люди, вполне здоровые и владѣющіе полнымъ разумомъ, способны вдругъ потерять его.

Карлъ рѣшилъ сказатьсь больнымъ и не выходить къ ужину. Онъ, дѣйствительно, былъ совсѣмъ боленъ...

Онъ призвалъ къ себѣ человѣка, чтобы тотъ помогъ ему раздѣться; но явившійся на его зовъ человѣкъ положилъ, что дворецкій приходилъ изъ большого дома сказать, что князь Андрей Николаевичъ проситъ немедленно барона къ себѣ, какъ только они вернутся съ прогулки.

Карлъ взглянулъ на него недоумѣвающими, разсѣянными глазами.

— Что ты говоришь? спросилъ онъ, поднося руку ко лбу.—Какой князь, куда онъ зоветъ меня?..

— Князь Андрей Николаевичъ, пояснилъ лакей.— Они желаютъ васъ видѣть до ужина, къ себѣ приказали просить.

— Да, къ себѣ... машинально повторилъ Карлъ.

И такъ же машинально взялъ поданную ему лакеемъ шляпу и пошелъ къ князю.

Никогда онъ такъ сильно, какъ теперь, не любилъ Ольгу, т. е. никогда она ему не нравилась такъ, какъ теперь, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ненавидѣлъ ее.

Онъ шелъ по знакомой дорогѣ въ кабинетъ стараго князя, не давая себѣ хорошенько отчета, что идетъ туда. Мысли его были заняты все еще только-что видѣннымъ; передъ затуманившимися глазами были Ольга и Артемій, а въ ушахъ звучала соловьиная пѣснь, подъ которую Ольга произносила свою клятву.

Онъ опомнился нѣсколько тогда лишь, когда увидалъ себя въ кабинетѣ у князя.

Андрей Николаевичъ сидѣлъ у стола, перебирая бумаги.

Онъ, наморщивъ лобъ и пригнувъ слегка голову отъ мѣшавшей ему видѣть въ глубину комнаты зажженной на столѣ восковой свѣчи, всматривался, чтобы разглядѣть, кто вошелъ.

— А, это ты... ласково проговорилъ онъ.—Что, гулять ходилъ?

— Вы меня звали? спросилъ Карлъ, чувствуя, что голосъ измѣняется ему.

Князь опять поглядѣлъ въ его сторону, точно не узнавая его голоса.

Эйзенбахъ постарался остаться въ тѣни.

— Да, я тебя звалъ, началъ князь,—и по очень серьезному вопросу...

Онъ взялъ большую щепотъ табаку и нотянулъ его съ тѣмъ особеннымъ удовольствіемъ, которое служило у него признакомъ, что вещи, которыя онъ намѣревается сказать—будутъ пріятныя вещи.

— Вотъ что, мой милый, надобно тебѣ знать, что съ перваго же дня твоего пріѣзда ты понравился мнѣ, и оттого я удержалъ тебя у себя... Теперь узналъ тебя ближе и еще болѣе полюбилъ...

„Боже, какъ я могъ бы быть счастливъ!“ подумалъ, невольно вздохнувъ, Карлъ.

— Ты говоришь что-нибудь? спросилъ князь.

— Нѣтъ, я слушаю.

— Ну, вотъ, такъ задерживалъ я тебя не даромъ. Жить въ Проскуровѣ нравится тебѣ?

— Да, нравится.

— Ты, кажется, не прочь отъ деревенской жизни?

— Нѣтъ, я очень люблю ее.

— И могъ бы не выѣзжать изъ деревни долго?

— Да, чуть слышно подтвердилъ Карлъ.

Онъ понималъ, къ чему клонились эти вопросы князя. Онъ понималъ, что счастье жизни его должно было рѣшиться сегодня, и именно сегодня князь началъ разговоръ объ этомъ, почти сряду послѣ того, какъ Карлъ могъ воочию убѣдиться, что счастье не суждено на его долю. Если бы зналъ Проскуровъ, что испытываетъ теперь Карлъ—онъ не говорилъ бы такъ ласково-спокойно. Эта его ласковость и пріятливость увеличивала только страданія молодого человѣка.

А князь, довольный своими мечтами и довольный тѣмъ, что пора приводить ихъ въ исполненіе, не сѣмша разсказывать, что онъ въ перепискѣ съ отцомъ Карла рѣшилъ многое: что старикъ-баронъ выѣдетъ на-дняхъ изъ Петербурга, и что если Карлъ не знаетъ въ чемъ дѣло, то „многое“ это заключается въ сватовствѣ Карла къ княжнѣ, для чего-де и ѣдетъ сюда баронъ Эйзенбахъ.

— Батюшка твой, вѣроятно, писалъ тебѣ о нашихъ предположеніяхъ (со мной можешь говорить безъ обиняковъ), продолжалъ князь.—И сдѣла-ли, я думаю, ты будешь несчастливъ...

Карлъ молчалъ. Князь истолковалъ это молчаніе по-своему.

— Затѣялъ я нашъ разговоръ, сказалъ онъ,—для того, чтобы узнать, отчасти, твои мысли и спросить, каково относится, на твой взглядъ, къ тебѣ твоя будущая невѣста... Я знаю, что дочь моя никогда не выйдетъ изъ моей воли, но, понимаешь, мнѣ бы хотѣлось полного счастья между вами, мнѣ бы хотѣлось услышать отъ тебя самого, что она будетъ счастлива съ тобою, потому что только тогда я буду спокоенъ окончательно, чтобы прожить остатокъ дней своихъ въ ненарушимой радости.

— Этого быть не можетъ... вырвалось вдругъ у Карла, несмотря на то, что раскаяніе, зачѣмъ онъ сказалъ это, тутъ же охватило его.

И если бы князь призвалъ его къ себѣ завтра, не сейчасъ послѣ сцены въ саду, если бы у Карла было время одуматься, приготовитьсь, тогда бы князь не услышалъ отъ него ни за что этихъ несчастныхъ словъ. Теперь же Карлъ былъ застигнутъ врасплохъ.

— А почему это, сударь мой? спросилъ вдругъ въ одинъ мигъ измѣнившійся князь.

Онъ, словно оцѣтнися, приподнялся на крестѣ и внился въ Карла блестящими, сразу налившимися кровью, глазами.

Гдѣ-то, въ глубинѣ души князь предчувствовалъ, что мечты его не сбудутся, что тяготящая падъ нимъ немилость судьбы не измѣнится и на этотъ разъ, и вотъ, при словахъ Карла „этого не можетъ быть“, со всею

силою вдругъ поднялось у князя это сознание вѣчной неудачи.

Да, и на этотъ разъ расчетъ былъ неосуществимъ, какъ всегда.

Но отчего, кто или что помѣшаетъ ему?

И князь теперь желалъ лишь узнать причину, разбивавшую его надежды.

— Почему это, сударь мой, спрашиваю я васъ? кричалъ князь, не помня уже себя.

Только теперь увидѣлъ Карлъ, что значили эти страшные припадки гнѣва Проскурова, про которые онъ слышалъ отъ отца. Только теперь увидѣлъ онъ, до чего можетъ дойти человекъ, еще за минуту передъ тѣмъ ласковый и спокойный.

— Мнѣ вашъ батюшка писалъ, что вы всѣмъ сердцемъ рады, а теперь, что же это?.. Да говорите же... что-нибудь..

— Я, князь, радъ, заговорилъ вдругъ оробѣвшій Карлъ. — Я, князь, про себя ничего не говорю, но княжна..

— Ну, ну, что княжна?.. Что княжна?..

— Можетъ-быть у нея найдется другой избранникъ сердца..

Князь уналъ въ кресла и откинулся на спинку.

— Другой, избранникъ сердца!.. Ахъ ты, шутъ гороховый!.. Да откуда же взяться этому избраннику?.. Въ Петербургѣ у васъ дѣвки бѣгаютъ на свободѣ, а здѣсь кого увидишь княжна Проскурова, кого, спрашиваю я? Итальянца, да Артемія... Что-жъ, она въ Артемія влюбилась что-ли?..

И князь расхохотался

Карлъ стиснулъ между колѣнъ руки такъ, что пальцы его хрустнули.

Андрей Николаевичъ вдругъ оборвалъ свой смѣхъ, и, словно ужасомъ, пораженный удивленіемъ, обернулся къ Карлу

— А,—тебѣ не смѣшно?.. Что-жъ ты не смѣешься?.. Въ Артемія?.. проговорилъ онъ — Что-жъ, развѣ это мыслимо?..

И, точно догадываясь уже по новому молчанію Карла, что для судьбы ничего нѣтъ немыслимаго, князь, ударяя въ ладоши, закричалъ Артемія.

Онъ зналъ, что тотъ долженъ былъ находиться въ приемной

Дверь отворилась, и на порогѣ показался Артемій.

Онъ былъ блѣденъ, но держался прямѣ обыкновен-

наго. Голова его не склонилась, глаза глядѣли открыто и прямо. Онъ точно выросъ въ эту минуту.

Баронъ сидѣлъ напротивъ, съежившись и втянувъ голову въ плечи.

Старый князь поднялся со стула, большими шагами подошелъ къ Артемію и, схвативъ его за руку, подтащилъ къ барону.

— Скажи ему, что онъ лжетъ! заговорилъ онъ, рѣзко выкрикивая слова.—Онъ говоритъ, т. е. не говоритъ онъ, а молчитъ... думаетъ... подозрѣваетъ, что Ольга... что ты... Пойми ты... скажи ему, что это ложь...

Князь совсѣмъ задышался.

Артемій опустилъ глаза. Онъ долженъ былъ отвѣтить. Онъ не могъ смолчать.

И онъ отвѣтилъ:

— Баронъ говоритъ правду.

Андрей Николаевичъ отскочилъ, точно громовый ударъ разразился надъ нимъ.

Онъ нѣсколько разъ перевелъ съ трудомъ духъ, силъ проговорить что-то.

— И... и она? наконецъ проговорилъ онъ.

— Я сегодня, самъ своими глазами видѣлъ, произнесъ баронъ отчетливо и ясно,—какъ этотъ молодой человекъ сидѣлъ съ княжною въ саду, гдѣ розы... Я не могъ ошибиться.. И я слышалъ весь ихъ разговоръ...

Злора, при видѣ Артемія, увлекла его, и онъ снова не могъ удержаться.

Нѣсколько мгновений въ комнатѣ было слышно только рѣдкое и тяжелое дыханіе старика. Онъ сидѣлъ въ неловкой, случайной позѣ на креслѣ, и лишь изрѣдка руки его судорожно вздрагивали.

— И это... заговорилъ онъ наконецъ,—за всѣ мои заботы... за всю ласку мою... За то, что я берегу ее... берегу... для того, чтобы найденышъ, безъ роду и племени, осмѣлился... ее... княжну Проскурову... Вонъ! вдругъ закричалъ князь въ сторону Артемія.—Вонъ, и чтобъ на глаза мнѣ не показываться!.. Убью!..

Артемій стоялъ блѣдный, съ затрясшейся нижнею челюстью, но на крикъ князя онъ не выказалъ испуга, покорно повернулся и вышелъ

Князь опять всталъ, подошелъ къ Эйзенбаху, и отвѣсивъ низкій поклонъ, проговорилъ

— Виповать, сударь—ваша правда, кажется. Но оставьте теперь меня одного.

(Продолженіе будетъ).

Поѣздъ идетъ!

Разсказъ Мьерса.

I.

На дебаркадерѣ среднегерманскаго промышленнаго города К. царилъ необыкновенное оживленіе; повсюду толпились дѣти, занявъ не только всѣ пассажирскія комнаты и платформу, но даже дѣстницы и коридоры вокзала.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ почтенный старикъ, большой другъ дѣтей, оставилъ по завѣщанію довольно значительный капиталъ, на проценты съ котораго каждый годъ долженъ былъ устраиваться дѣтскій пикникъ для всѣхъ школъ города К. на станцію Вальдбергъ, мѣсто рожденія завѣщателя. Тамъ, вблизи вокзала, въ буковомъ лѣсу, предлагалось угощеніе не только дѣтямъ, но и взрослымъ, желавшимъ принять участіе въ прогулкѣ.

Промкій возгласъ станціоннаго служителя и звонъ колокольчика напомнили объ осторожности тѣмъ, кто тѣснился на платформѣ. Въѣхалъ длинный экстренный поѣздъ. Въ минуту онъ былъ осажденъ дѣтьми. Авторитету учителей и учительницъ съ трудомъ удавалось возстановить порядокъ; всѣ вагоны переполнились дѣтьми. Кондукторъ тщательно пробовалъ надежность дверныхъ замковъ, чтобы кака-нибудь дверь дорогою не распахнулась. Учителя и учительницы занимали мѣста возлѣ своихъ питомцевъ, нѣкоторые еще стояли у дверей, укачивая мѣста опоздавшимъ

— Фрейлейнъ Агнеса! Фрейлейнъ Агнеса! звали изъ одного вагона отдѣленія маленькія дѣвочки.—Идите къ намъ, мы оставили для васъ такое хорошее мѣсто, въ самомъ углу!

— Подождите! кивнула имъ молодая дѣвушка лѣтъ двадцати

съ небольшими. — Не тѣснитесь такъ у окна, чтобы кто-нибудь изъ васъ не выналъ. Мнѣ нужно еще кое-о-чемъ позаботиться.

Каріе глаза молодой учительницы, казалось кого-то искали на платформѣ. Вдругъ она подошла къ человеку, стоявшему у самаго сигнальнаго колокола и мрачно наблюдавшему за веселой суетой. Она протянула ему руку и сказала

— Ты не ѣдешь, Францъ?

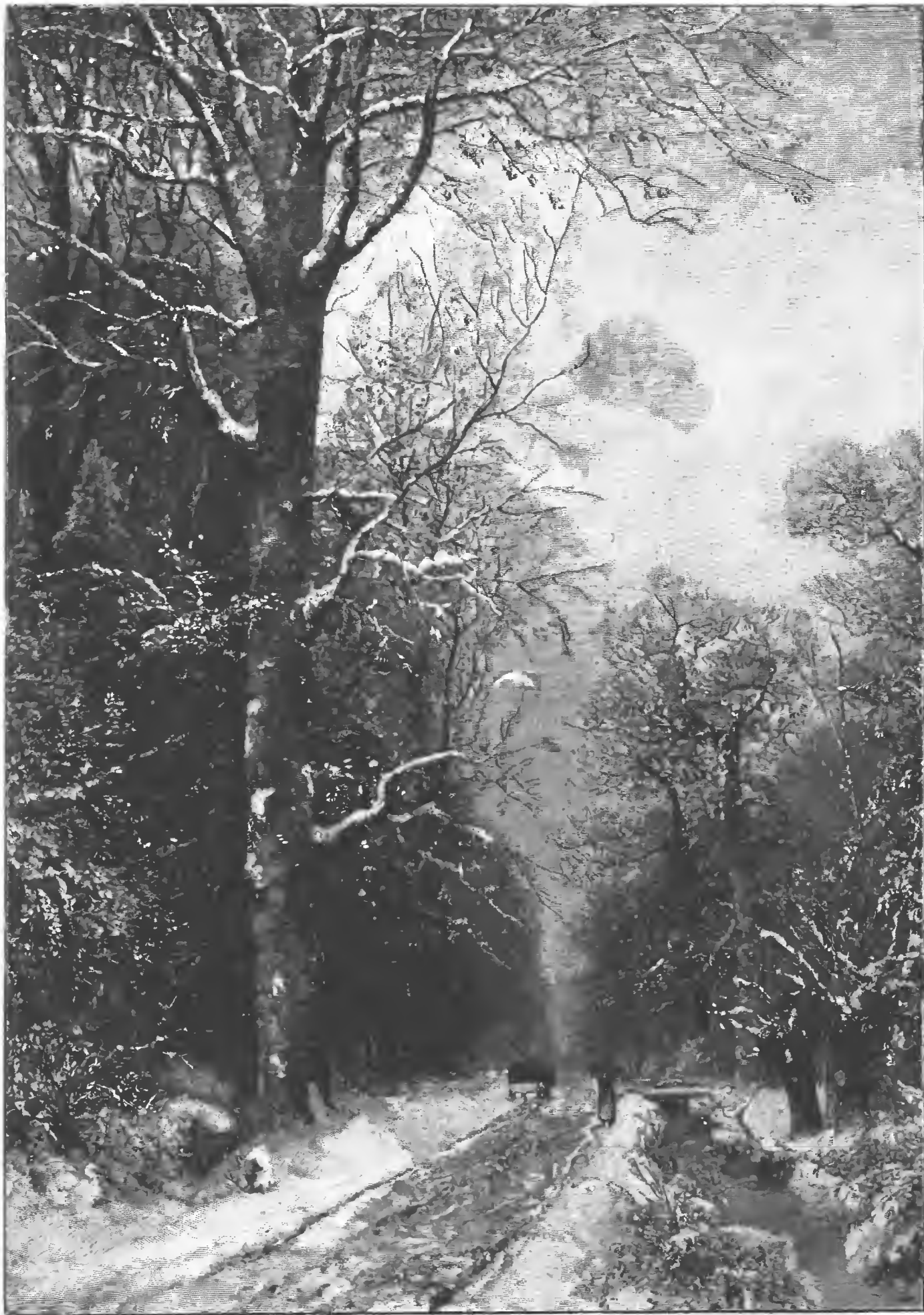
Молодой человекъ поднилъ глаза, насмѣшливая улыбка скользнула по его лицу.

— Чему я обязанъ честью говорить съ вами, фрейлейнъ? сказалъ онъ — Будьте осторожны, не то вы повредите себѣ въ глазахъ всѣхъ этихъ почтенныхъ людей и можете, чего добраго, лишиться вашей драгоценной должности. Вы знаете, я отвергнутъ обществомъ, вы сами были такъ любезны, написали мнѣ это третьяго дня.

— Францъ! укоризненно сказала молодая учительница — Зачѣмъ говорить такъ?—Я только предостерегла тебя, считая это своею обязанностью. Ты началъ борьбу, которая тебѣ не по силамъ; но мнѣ и въ голову не приходило утверждать, что ты отвергнешь общество. Если въ письмѣ я употребила обидныя для тебя выраженія, прости меня! намѣреніе у меня было хорошее

Францъ припужденно засмѣялся.

— Всѣ они это говорятъ. Удивительно, какъ люди мною интересуются! Лучше-бы ихъ интересовала правда и справедливость. Къ сожалѣнію, не рабская душа у меня, и за свои

Зимній убір лѣса. Съ карт. Швейцера, грав. Гейеръ и Кирзе.

права я положу жизнь. И буду бороться, хотя-бы мне это стоило жизни.

— И не жаль тебе тех, кто жалеть тебя? Ведь были-ж у тебя друзья, близкие...

— Хороши друзья! знаю я их... один только и есть порядочный, да и тот пьяница...

— Ну вот видишь—и как можешь ты, в самом деле порядочный человек, пользовавшийся всеобщим уважением, водиться с пьяницей...

— И сам я пьяница теперь, и должен его держаться, как товарища по несчастью; ведь и с ним поступили несправедливо. Он по крайней мере понимает меня. Мы с ним одного поля ягода...

Раздавшийся в эту минуту второй звонок прервал разговор молодых людей.

— Я должна садиться! сказала Агнеса. — Ты не поедешь, Франц?

— Что мне там делать? Оставь меня, уйди... ты свободна совсѣм. Я вернул тебе твое слово, потому что теперь, когда мне не повезло в жизни... я не считаю себя в правѣ брать на свою ответственность твою судьбу...

И, не договорив, он отвернулся и быстро зашагал по направлению выходной двери вокзала.

Раздался свисток, и поезд тронулся.

II.

Франц Борхарт по профессіи был выдающимся техником, но на службѣ ему не повезло. Начальнику его понадобилось занимаемое Борхартом мѣсто для дальняго своего родственника, и он удалил его, придравшись къ какой-то бездѣлцѣ.

Франц попытался доказать неправоту своего начальства. Большинство, въ принципѣ, отдавало ему справедливость; но въ какъ-то при этомъ покачивали головой, и никто не рѣшался открыто высказаться въ его пользу. И мало-по-малу отъ него стали сторониться, чтобы не навлечь на себя неудовольствія сильныхъ міра сего, и, въ концѣ концовъ, молодой человекъ сталъ совершенно одинокъ. Единственный пріятель еще не оставлялъ его, но этого человека Агнеса справедливо называла пьяницей. Онъ прежде служилъ чиновникомъ и за негодностью былъ уволенъ.

Напрасно Агнеса употребляла все усилія, чтобы остановить бѣднаго Франца. Молодая дѣвушка знала, что онъ создалъ себѣ невозможное положеніе не только въ городѣ, но во всемъ горномъ округѣ, и потому совѣтовала ему искать должностъ въ другомъ мѣстѣ, гдѣ его не знали, и тамъ забыть напрасную ему обиду.

Онъ отвѣтилъ ей тѣмъ, что вернулъ ей ее слово, объясняя разрывъ нежеланіемъ вовлечь ее въ свое несчастье. Онъ объявилъ ей въ письмѣ, что они больше не увидятся. Но онъ пришелъ-таки сегодня въ вокзалъ, гдѣ—онъ зналъ—встрѣтитъ ее при отходѣ поезда. Онъ не надѣялся, что она съ нимъ заговоритъ, и теперь, когда она не побоялась открыто показать ему свою симпатію, его сердце, испытывавшее за послѣднее время столько горечи, забило радостію.

Вернувшись домой, Францъ Борхартъ еще разъ перечелъ письмо, полученное отъ Агнесы нѣсколько дней тому назадъ. Въ этомъ письмѣ она повторяла свою просьбу оставить безнадѣжную борьбу, и еще разъ совѣтовала ему избрать для своей дѣятельности другое мѣсто и пріятіе за работу, которая одна только способна дать забвеніе прошлаго и умнотвореніе; наконецъ, она напоминала, что деньги, на которыхъ онъ жилъ теперь, могутъ придти къ концу.

Опасенія ея были слишкомъ основательны: денегъ было мало. Что будетъ, когда изсякнутъ послѣднія крохи—ему было не ясно. Помощи ждать неоткуда.

III.

Праздникъ на станціи Вальдбергъ кончился. Съ нѣслями, въ вѣнкахъ изъ дубовыхъ листьевъ и полевыхъ цвѣтовъ, дѣти толпами возвращались на станцію и размѣщались по вагонамъ. Они были еще веселѣе и шумливѣе, чѣмъ утромъ; личики разругивались, глаза сіяли весельемъ; радостное настроеніе дѣтей передалось и взрослымъ: все казалось веселымъ и довольнымъ.

Локомотивъ пыхтѣлъ и шипѣлъ, выпуская изъ трубки пара. Кочегаръ подобросилъ въ огонь еще угля и взглянулъ на старшаго машиниста, который стоялъ на платформѣ, разговаривая съ начальникомъ станціи. Повернувшись снова къ машинѣ, кочегаръ нечаянно задѣлъ правымъ плечомъ за рычагъ регулятора, рычагъ подскочилъ, паръ со свистомъ ударилъ во все кланы, и локомотивъ двинулся съ мѣста. Кругомъ закричали. Кочегаръ былъ молодой человекъ, почти мальчикъ... Онъ растерялся, бросился на платформу, машинистъ кинулся къ локомотиву, но поздно—никѣмъ не управляемый поездъ помчался на всѣхъ парахъ со станціи...

Начальникъ станціи рѣшилъ отправить вдогонку запасной локомотивъ. Но пріеде чѣмъ локомотивъ этотъ былъ переведенъ съ запаснаго пути на главный, умышленный поездъ былъ уже на такомъ разстояніи, что догнать его оказалось немыслимо. Онъ шелъ полнымъ ходомъ. Котель былъ полонъ воды,

на огонь подброшены свѣжіе угли; поездъ могъ безостановочно мчаться по крайней мере три четверти часа. Продолжая идти тѣмъ же ходомъ, онъ могъ достигнуть станціи К. въ двадцать минутъ; но К. была конечною станціей пути. Такимъ образомъ, если не удастся поймать поездъ, катастрофа была неизбежна.

Единственное, что могли сдѣлать на станціи отправления, это телеграфировать въ К. и на два промежуточные полустанка, что поездъ идетъ безъ машиниста, и что нужно во что бы то ни стало его задержать.

Телеграмма произвела въ К. потрясающее дѣйствіе. Напрасно тамошній начальникъ станціи старался скрыть панику: въ нѣсколько минутъ оно распространилось въ толпѣ, ожидавшей на платформѣ и въ залахъ прібытія своихъ близкихъ. У каждого изъ этихъ людей было въ зловещномъ поездѣ дорогое существо—ребенокъ, жена, сестра, братъ или невеста.

Сначала сотни собравшихся на станціи точно застыли въ безмолвномъ ужасѣ, но молчаніе тотчасъ же смѣнилось безпорядочными криками о помощи, плачемъ, дикой бѣготней и суетой. Между тѣмъ изъ города продолжали прибывать, для встрѣчи поезда, новыя лица; узнавая ужасную новость, они присоединялись къ общему отчаянію. Немногіе, сохранившіе присутствіе духа, бросились въ станціонное бюро, чтобы спросить начальника станціи, что онъ намѣренъ предпринять.

Влѣднѣй отъ ужаса, чиновникъ, не успѣвая отвѣчать на вопросы, съ трудомъ пробрался сквозь толпу направишихъ на него людей и бросился къ платформѣ, остальные служащіе невольно столпились вокругъ своего начальника; они точно должны были составить одинъ твердый пунктъ, одну опорную группу, въ этомъ хаосѣ людей, обезумѣвшихъ отъ ужаса. Даже при условіи освобожденія всѣхъ рельсъ отъ запасныхъ вагоновъ и слѣдованія поезда по самой длинной "глухой вѣтви" рельсоваго пути, задержать поездъ было невозможно. Онъ долженъ былъ всею своею тяжестью слетѣть по откоосу внизъ къ вокзалу и, достигнувъ васыни въ концѣ пути, разбиться въдребезги.

— Слыньте песокъ! раздался вдругъ чей-то возгласъ.

Никто не зналъ, откуда шло приказаніе, но сотни рукъ уже протянулись за пескомъ, устилавшимъ промежутокъ между шпалами; все бросилось сыпать песокъ на рельсы. Если удастся покрыть рельсы слоемъ песка на протяженіи нѣсколькихъ сотъ метровъ, это затормозитъ ходъ поезда и, быть можетъ, остановить его. Но эта кополивая работа требовала времени, а времени было мало. Со второго промежуточнаго полустанка уже пришла депеша: "Экстренный поездъ, безъ машиниста, прошелъ полнымъ ходомъ. Задержите!"

— Хорошо имъ телеграфировать: "задержать!"

Хотя паника въ этотъ разъ была не нова, она, тѣмъ не менѣе, вызвала новый взрывъ отчаянія. Женщины попадали на колѣни; кричали, плакали, суетились...

Вдругъ на платформѣ появился человекъ съ топоромъ въ рукахъ; это былъ Францъ Борхартъ. Онъ бросился къ бочкамъ, сложеннымъ въ концѣ платформъ. Въ этихъ бочкахъ былъ запасъ американскаго топленнаго сала.

— Посуду сюда! крикнулъ Францъ.—Жиръ на рельсы, это единственное средство задержать поездъ!

Онъ выбилъ дно у нѣсколькихъ бочекъ. Его примѣру послѣдовали сначала недовѣрчиво, но потомъ работа закипѣла...

Однако, Францъ Борхартъ, повидимому, самъ не надѣялся на удачу и не вѣрилъ успѣху. Онъ вдругъ исчезъ незамѣтно.

IV.

Никто не видѣлъ, какъ онъ бросился бѣжать вверхъ по откоосу отъ станціи. Онъ бѣжалъ, едва переводя духъ, мысли его путались, онъ, казалось, сошелъ съ ума, но на самомъ дѣлѣ онъ зналъ, что дѣлать:—

Нѣсколько выше того мѣста, гдѣ кончался откоосъ, рельсы шли по прорытой для уменьшенія подъема горы ложбинѣ, и надъ ними былъ пѣшеходный мостикъ. Подъ нимъ долженъ былъ сейчасъ пройти зловещный поездъ, и Францъ рѣшился прыгнуть съ этого мостика на локомотивъ. Не было почти никакихъ вѣроятій, что это удастся ему—онъ шелъ на вѣрную смерть. Но что значила для него теперь жизнь! Единственно дорогое для него существо, то, чѣмъ еще красна могла быть эта жизнь, должно погибнуть!...

Все быстрѣе и быстрѣе мчится Францъ. Ему виденъ уже мостъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вдали клубится ужъ дымъ приближающаго поезда. Послѣднее усиліе—и Францъ влетѣлъ по ступенямъ мостика, перешагнулъ черезъ перила и повисъ на рукахъ.

Онъ съ трудомъ перевелъ дыханіе; онъ слышитъ шумъ колесъ, чувствуетъ, какъ дрожитъ земля. Еще мгновенье,—горячій дымъ изъ трубы локомотива ударилъ ему въ лицо... Францъ соскользнулъ съ моста. Тяжело рухнуло его тѣло на угли тендера, словно тысячи искръ брызнули вдругъ передъ его глазами, и онъ потерялъ сознание...

На станціи К. съ платформы завидѣли поездъ.

— Сойдите съ рельсъ! раздались голоса.—Поездъ идетъ!..

Но смятеніе было такъ велико, что люди, стоявшіе сами на рельсахъ, кричали громче всѣхъ и не двигались съ мѣста. Ихъ нужно было силою тащить долой.

На вершинѣ откоса былъ виденъ ухъ локомотивъ. Поѣздъ все ближе и ближе... Вотъ онъ несется по откосу внизъ, по направлению къ станціи, навстрѣчу неизбежной гибели. Она близка, эта гибель, неминуема, ужасна и неизбежна...

И вдругъ — молчаніе, толпа затихла, какъ-бы пораженная ударомъ молніи...

Пронзительный свистокъ локомотива... Стало-быть на машинѣ есть кто-то, кто овладѣлъ ею и можетъ справиться. Слышнѣ скрипъ туго натягиваемыхъ тормазовъ; все медленно спускается по откосу тяжелая масса поѣзда, и, достигнувъ обмозанныхъ жиромъ рельсъ, останавливается...

На площадкѣ тендера стоялъ весь въ дыму и копоти, съ окровавленными лицами, Францъ Борхартъ.

Тысячеголосный крикъ радости огласилъ воздухъ. Всѣ бросились къ поѣзду. Начались объятія, слезы, поцѣлуи. Никто уже не надѣялся встрѣтить прибывшихъ живыми.

V.

Францъ Борхартъ лежалъ въ глубокомъ обморокѣ. Сотрясение мозга и рапы на головѣ и лицѣ были гораздо тяжелѣе, чѣмъ можно было думать въ первую минуту. Только нечеловѣческое напряженіе силъ, только сознаніе, что отъ его энергій зависѣло предотвращеніе несчастья, придали ему силъ,

и онъ остался въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній на ногахъ, чтобы совершить дѣло спасенія.

Онъ лежалъ навзничъ, и его окровавленная голова почти, безъ признаковъ жизни, покоилась на колѣняхъ мертвенно-блѣдной Агнесы; вокругъ нихъ суетились два врача. Часъ спустя Францъ Борхартъ, все еще безъ сознанія, былъ доставленъ въ больницу. Повидимому, онъ долженъ былъ поплатиться жизнью за свой безумно-отважный поступокъ.

Но молодость и крѣпость сложенія Франца взяли свое. Ему еще суждено было испытать въ жизни счастье.

Во всемъ городѣ не было семьи, которая-бы не была ему обязана жизнью кого-нибудь изъ близкихъ. Онъ предотвратилъ несчастье, спасъ сотни человѣческихъ жизней, избавилъ множество людей отъ горя, заботъ и страданій.

Общественное настроеніе въ К. круто повернулось въ пользу Борхарта. Даже управляющій горнякъ округомъ, отнюдь не расположенный къ уступчивости, призналъ себя виноватымъ. Рождественника своего онъ не выгналъ, но Борхарту обѣщали предоставить, когда онъ выздоровѣетъ, мѣсто лучше прежняго.

Общее ликование встрѣтило золотую медаль, присланную Францу изъ резиденціи „за спасеніе“; по настоящиму торжествомъ была свадьба Франца и Агнесы. На этой свадьбѣ присутствовалъ весь городъ.

Молитва.

Съ вѣрой воскресшею, съ чистымъ моленіемъ,
Прежней горячей мольбой
Я приклоняюсь съ благоговѣніемъ
Передъ иконой святой.

Господи! часто въ безумныхъ волненіяхъ,
Въ вихрѣ позорныхъ суетъ
Я забывалъ о святыхъ отроченіяхъ,—
Мракомъ казался мнѣ свѣтъ...

Господи! часто сомнѣнія смутныя
Душу тревожатъ мою,
Часто кумиры,—кумиры минутныя
И на землѣ создаю...

Господи! часто мечты вдохновенныя,—
Отблескъ небесныхъ огней,
Я расточалъ за порывы презрѣнныя
Необходимыхъ страстей!..

Но я молю, мнѣ прости заблужденія.
Ронотъ неволи моей.—
Все за священный порывъ умиленія
Передъ святыней Твоей!

Самъ же Ты мысль мнѣ вложилъ непокойную.
Сердце наполнилъ огнемъ,
Душу любовью и страстію знойною
Съ грезой о счастьѣ мною...

Такъ погаси это пламя сомнѣнія,
Сердца порывы смирн,—
И я почую тогда возрожденіе
Въ отблескѣ новой зари!

И предъ святыней Твоей величавою
Нинѣ упаду я во прахъ,
И не смѣю уже пѣсню лукавою
Звукъ молитвъ на устахъ!

Ведоръ Заринъ.

Попытки хронологіи евангельскихъ событій.

(По Ф. Фаррару, Е. Стапферу, Мунку, Киперту и др.).

Старога Паломника. (Карта на стр. 212).

Было бы легкомысліемъ предполагать, что благовѣстующія евангелистами событія не имѣютъ внутренней связи и составляютъ явленія случайныя, зависящія отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, встрѣчавшихся на жизненномъ пути Великаго Учителя. Дѣло посланничества Сына Божія не могло совершаться иначе, какъ по предначертанію премудраго Провидѣнія, и направлялось по божескому плану къ цѣли искупленія рода человѣческаго мученическою смертію на Крестѣ. Забота о систематическомъ изложениі великихъ событій должна была казаться далеко не существенною первымъ избранныкамъ Иисусовымъ. Недоступныя дотолѣ уму человѣческому истины представлялись имъ величайшею гранью между царствомъ мрака и началомъ царства вѣчнаго Свѣта, воссіявшаго надъ человѣчествомъ. Такія указанія времени, какъ: „во дни Ирода“, или „случилось Ему въ субботу“, или „приблизжался праздникъ опресноковъ“, „за шесть дней до Пасхи“ и т. п. считались достаточными для цѣли ихъ повѣствованій. Если сами ученики и апостолы, жившіе въ непосредственномъ общеніи съ Иисусомъ, только исподволь прониклись Его ученіемъ и только около послѣдняго времени земной Его жизни стали основательно познавать всю глубину Его проповѣдей, то другіе современныя писатели, язычники, находившіеся внѣ страны, освѣщенной стопами Богочеловѣка (кроме развѣ Іосифа Флавія, какъ іудея родомъ) и до конхъ окольными путями, можетъ-быть, доходили смутныя вѣсти о необычайномъ явленіи человѣка и совершаемыхъ имъ дѣлахъ въ ищтожной провинціи Малой Азіи, — могли лишь инстинктивно судить о значеніи совершавшагося въ Иудеѣ, такъ или иначе высказывая свои взгляды и не видѣть надобности заносить въ анналы числа, мѣсяцы и годы того или другого событія, долетавшаго до ихъ слуха.

Поэтому, почти двѣ тысячи лѣтъ спустя, въ наше время, хронологія ихъ и послѣдовательность только составляютъ

предметъ изслѣдованій, задачу, на которую окончательный отвѣтъ впередъ, въ будущемъ болѣе или менѣе отдаленномъ. Но ученые изслѣдователи начинаютъ приходить къ заключенію, что рѣшеніе вопроса достижимо, и прилагаютъ къ тому не мало усилій.

Народъ іудейскій жилъ двойною жизнью: религіозною и гражданскою, и ихъ годъ религіозный отличался отъ года гражданского. Первый начинался весной, второй шесть мѣсяцевъ спустя, или первый мѣсяцъ левитовъ былъ седьмымъ гражданского и назывался *нисанъ* (Исх. XII, 1, 2): „И сказалъ Господь Моисею и Аарону въ землѣ Египетской, говоря: мѣсяцъ этотъ да будетъ у васъ началомъ мѣсяцевъ, первымъ да будетъ онъ...“ Нисанъ соотвѣтствовалъ половинѣ марта и первой половинѣ апрѣля (приблизительно). Вотъ названія слѣдующихъ: 2-й церковный и 8-й гражданскій былъ *іаръ* (апрѣль-май), 3—9 *сиванъ* (май-іюнь), 4—10 *тамузъ* (іюнь-іюль), 5—11 *абъ* (іюль-августъ), 6—12 *элулъ* (августъ-сентябрь), 7—1 *тишри* (сентябрь-октябрь), 8—2 *мисхеванъ* (октябрь-ноябрь), 9—3 *кислевъ* (ноябрь-декабрь), 10—4 *тебетъ* (декабрь-январь), 11—5 *шеватъ* (январь-февраль) и 12—6 *адаръ* (февраль-мартъ). Всѣ они были лунные, продолжались 29 съ половиною дней (29 дней 12 часовъ 44 минуты и 3 секунды), слѣдовательно короче нашихъ. Кто первый замѣчалъ лунный серпъ въ лучахъ заходящаго солнца—спѣшилъ донести синедріону; синедріонъ, по установленному обряду, провозглашалъ съ этого момента первый день новаго мѣсяца. При тучахъ или несчастіи поволуніе могло быть не замѣчено, тогда кончавшійся мѣсяцъ длился тридцатый день, вечеромъ коего уже обязательно начинался первый новаго мѣсяца, ибо наблюденіе за появленіемъ новолунія было уже безцѣльно. Въ первомъ случаѣ мѣсяцъ считался *неполнымъ* (печетнымъ), во второмъ *полнымъ* (четнымъ). Мѣсяцы и сутки, слѣдовательно, начинались вечеромъ и двадцать четыре часа дня считались отъ захода солнца

Юноша Фонвизинъ встрѣчается у И. И. Шувалова съ Ломоносовымъ.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Крокова, грав. Мультаповскій.

„Прощай!“ Съ карт. А. Гиллу, по фот. Брауна, грав. Доши.

до захода, а не от двенадцати ночи, как у нас. Годъ состоялъ, значить, изъ 12 мѣсяцевъ въ 29 или въ 30 дней; такихъ, какъ у насъ, въ 31 день, не было. Оказывался въ концѣ года недочетъ, который пополнялся снисдріономъ искусственно, по соображенію съ состояніемъ температуры и времени жатвы. Слѣдуетъ замѣтить, что, по закону Моисея, праздники приурочивались, такъ сказать, къ земледѣльческимъ періодамъ: такъ, Пасха должна была совпадать съ началомъ жатвы, Пятидесятница съ ея окончаніемъ, праздникъ Кушей начинался по собраніи плодовъ и всякихъ сельскихъ произведеній. По Талмуду, во второй половины *тишири* (сентябрь-октябрь) въ теченіе двухъ мѣсяцевъ производились посѣвы, слѣдующіе два мѣсяца (т. е. во второй половины *кислева*, весь *тебетъ* и первая половина *шебатъ*) считались зимними, да-лѣе, тѣмъ же порядкомъ, два слѣдующихъ — концомъ зимы, затѣмъ два мѣсяца происходила жатва, два мѣсяца — лѣто и два послѣднихъ канікулы, отдохновеніе. Ячмень созрѣвалъ прежде другихъ хлѣбовъ, поэтому первый церковный мѣсяцъ писанъ долженъ былъ совпадать съ началомъ жатвы ячменя; если же въ концѣ послѣдняго церковнаго мѣсяца, *адара*, по года стояла холодная, ячмень не созрѣлъ, жатву приходилось ждать около мѣсяца — снисдріонъ прибавлялъ къ году тринадцатый мѣсяцъ — *всадаръ* (второй адаръ); тогда число дней въ году достигало иногда 384. Ясно теперь, сколько представляется трудностей для сравнительнаго времяисчисления.

Пасха, по закону, должна была начинаться непременно 15-го писана, праздновалась семь дней. Пятидесятница — въ пятидесятый день послѣ 16 писана. Если этотъ мѣсяцъ и слѣдующій, *йаръ*, были исполнены, то Пятидесятница падала на седьмое число *савана*; если оба были полные — на шитос, если одинъ полный, другой неполный — на шестое. Очевидно, все зависѣло отъ случайности, а это составляетъ разумѣется страшную путаницу для исчислений. Прибавимъ еще, что етъки дѣлились, какъ нынѣ, на двадцать четыре часа. Ночь дѣлилась на четыре части: 1-я отъ 6 до 9 час. — вечеръ, 2-я отъ 9 до 12 — глубокая ночь, 3-я отъ полуночи до 3 — пѣніе пѣтуха, *алектрофоніе*, 4-я отъ 3 до 6 — утро, *прои*; пятая часть вечера считалась первымъ ночью, седьмой утра — первымъ днем; девять утра — третьимъ днем. „*Быль часъ третій и расписи Ею*“ (Марк. XV, 25). Полдень — шестымъ часомъ. „*Въ шестомъ же часу настала тма и продолжалась до часа девятого*“ (Марк. XV, 33), т. е. до трехъ пополудни.

Пришла въ вниманіе, что евангелистъ Іоаннъ болѣе другихъ останавливается на послѣднемъ времени жизни Іисуса, и усматривая большую точность въ изложеніи событій, послѣдователи приходятъ къ заключенію, что опредѣленіе времени кончины Его представляется болѣе легкимъ, чѣмъ другихъ событій, и оно можетъ служить исходною точкою для исчисленія времени сихъ послѣднихъ.

Изъ передаваемого тремя евангелистами слѣдуетъ, что Іисусъ распятъ былъ въ самый день Пасхи, изъ словъ же евангелиста Іоанна — наканунѣ сего дня: „*Но какъ тогда была пятница, то иудеи, дабы не оставить тѣла на крестѣ въ субботу*“ (XIX, 31). Слѣдовательно, какъ Пасха, мы знаемъ, праздновалась 15 писана, то числомъ кончины Іисуса было или 14, или 15 писана. Если у четырехъ евангелистовъ по одинаковыя утвержденія въ этомъ отношеніи, то все они единогласно повѣствуютъ, что распятіе совершенно въ пятницу, а воскресеніе было на третій день (послѣ пятницы, или въ первый день недѣли, по-нашему — въ воскресный). И такъ, кончина Іисуса послѣдовала или 14, или 15 писана, по, безъ всякаго сомнѣнія, въ пятницу.

Въ теченіе длиннаго періода лѣтъ той эпохи (по точнымъ астрономическимъ вычисленіямъ) изъ тѣхъ годовъ, въ концы эти числа падали на пятницу, можно остановиться на 30-мъ или 33-мъ нашей эры. Обращаясь къ одной изъ такихъ пятницъ ранѣе 30-го года, пришлось бы заключить, что Іисусъ былъ распятъ на двадцатомъ году жизни, а послѣ 33-го года мы удалены бы настолько, что распятіе приходилось бы на сорокалѣтній возрастъ Іисуса. И такъ, достовернѣйшими годами должны быть признаны 30-й или 33-й. Если примѣнять календарь XIX вѣка къ тому времени, то въ 30-мъ смертная казнь Іисуса падаетъ на пятницу 7 апрѣля н. ст., а въ 33-мъ на пятницу 3 апрѣля.

Пытливые умы идутъ далѣе, стараются опредѣлить, который изъ этихъ двухъ годовъ ближе къ дѣйствительности.

У св. Іоанна (II, 20) иудеи говорятъ: „*Сей храмъ строился сорокъ шесть лѣтъ*“. Постройка храма, какъ извѣстно, была окончена лишь нѣскольکو лѣтъ спустя, слѣдовательно эти слова нужно понимать такъ, что работы постройки начались 46 лѣтъ тому назадъ. По свидѣтельству Іосифа Флавія, онъ начаты были Иродомъ въ восемнадцатый годъ его царствованія. Воцарился же онъ весною 717 г. отъ осн. Рима (37 до Р. Хр.). 18-й годъ царенія поэтому начался въ 734 и кончился въ 735 (19-й до Р. Хр.). Прибавивъ къ этому 46 лѣтъ, получимъ 781-й годъ (28 по Р. Хр.), совпадающій съ началомъ Іисусовой мессіанской дѣятельности, годъ первой іудейской пасхи, на которую „*пришелъ (Іисусъ) въ Іерусалимъ и нашелъ, что въ храмъ продавали...*“ (Іоан. II, 13, 14). Вторую за тѣмъ пасхою, на коей присутствовалъ Іисусъ, была упоминаемая тѣмъ же еван-

гелистомъ въ VI гл. ст. 4, слѣдовательно на 29 году нашей эры и, наконецъ, *третья*, на которую указываетъ Іоанномъ въ XIII гл. ст. 1, была въ 30 году, т. е. падаетъ на одинъ изъ двухъ вышеозначенныхъ годовъ, признанныхъ болѣе близкими къ истинѣ.

Къ такому же рѣшенію приводитъ и сопоставленіе стиховъ 23-го съ 1-мъ въ третьей главѣ ев. Луки: „*Іисусъ, начиная свое служеніе, былъ лѣтъ тридцати*“. Когда? на это отвѣчаетъ ст. 1-й: „*въ пятидесятый же годъ правленія Тиберія-Кесаря, когда Понтий Пилатъ начальствовалъ въ Иудеѣ*“. Этотъ 15-й годъ былъ именно 781-мъ отъ Рима или 28-й нашей эры. Проконсулъ же Пилата продолжался съ 26 по 36 годъ.

Все это доказываетъ, что богословы думаютъ прямымъ и вѣрнымъ путемъ въ своихъ изысканіяхъ.

Годъ Рождества Христова пока опредѣляется тоже приблизительно. Если, по словамъ ев. Луки, было „*около 30 лѣтъ*“ Іисусу въ 28 г. христіанской эры, то Онъ долженъ былъ родиться *около* двухъ лѣтъ ранѣе начала нашего лѣтосчисленія, т. е. въ 731 году отъ осн. Рима. Затѣмъ, какъ по еван. Маттею и Луку, такъ и по Талмуду, Рождество Христа относится къ концу царствованія Ирода Великаго. Современный историкъ Іосифъ Флавій, къ сожалѣнію, относитъ смерть Ирода то къ 736, то 732 и даже къ 753 годамъ. Сомнѣніе увеличивается, по большинству ученыхъ, на основаніи нѣмыхъ данныхъ, приурочивать смерть Ирода къ первому изъ этихъ годовъ.

Время народной перенесен въ правленіе Сиріею Сульпиція Квирина, о которой упоминаетъ ев. Лука, также представляетъ трудности для точнаго опредѣленія года Рождества Спасителя. Изъ дѣяній Апостоловъ (V, 37) и словъ Іосифа Флавія слѣдуетъ, что народная перепись была произведена въ 760 году. Хотя евангелисты и именуютъ ее первую въ правленіе Квирина (Лука II, 2), но есть предположеніе, что Квириній былъ два раза легатомъ Сиріи, и первый разъ около 750—752 годовъ; упоминаемая Лукою могла быть первую въ этотъ періодъ времени. Слѣдовательно, Рождество Христово можно, съ большимъ вѣроятіемъ, отнести къ 749 или 750 годамъ; а изъ этого будетъ уже слѣдовать выводъ, что Іисусъ родился тремя-четырьмя годами ранѣе начала нашего лѣтосчисленія и распятъ на тридцать третьемъ году жизни.

На основаніи этихъ данныхъ опредѣляется приблизительно время другихъ евангельскихъ событій. Служеніе человечеству Іисуса Христа продолжалось около двухъ съ половиною лѣтъ, отъ конца 27-го по апрѣль 30-го года. Мыслие нѣкоторыхъ, что оно ограничивалось однимъ только годомъ, опровергается многими мѣстами евангелій, — изъ свидѣтельства ев. Іоанна (II, 23, VI, 4 и XIII, 1) является очевиднымъ, что Іисусъ бывалъ въ Іерусалимѣ послѣдовательно на трехъ праздникахъ іудейской пасхи.

Итакъ, хронологія евангельскихъ событій представляется почти несомнѣнною въ слѣдующемъ порядкѣ: Въ 749 или 750 г. отъ осн. Рима, рождается въ Вноелемѣ Іисусъ, *Іешуа* — по-еврейски, *Ἰησοῦς ὁ Ναζωραῖος* — въ Евангеліяхъ, *Раваи Іешуа Назарѣ*, какъ позже именуютъ Его ученики. Иродъ Великій умираетъ, мѣсяцъ спустя — по однимъ источникамъ, три года позже — по другимъ. Младенецъ живетъ въ Назаретѣ у родителей. Ему уже девять лѣтъ при низложеніи Архелая и назначеніи прокураторовъ въ Иудею. При первомъ прокураторѣ Копоніи двѣнадцатилѣтній отрокъ присутствуетъ первый разъ въ Іерусалимскомъ храмѣ.

781 годъ отъ осн. Рима или 28-й нашей эры считается началомъ Его учительской дѣятельности. Къ концу 27-го года или къ первымъ мѣсяцамъ 28-го слѣдуетъ отнести Крещеніе, сорокадневное искушеніе и постъ и первое чудо въ Канѣ Галилейской. Послѣ краткаго пребыванія въ Капернаумѣ, Іисусъ направляется въ Іерусалимъ къ Пасхѣ 781 года (для болѣея наглядности путешествіи Іисуса въ Палестинѣ помѣщаемъ ниже карту путей Его). Къ этому пребыванію во святомъ градѣ относится очищеніе храма и ночная бесѣда съ Никодимомъ. На лѣто Онъ возвращается въ Галилею и пребываетъ въ Назаретѣ. Въ концѣ лѣта, вѣроятно, въ сентябрѣ, Онъ снова появляется въ Иудеѣ на праздникъ Кушей. Позже, въ декабрѣ, направляется обратно въ Галилею чрезъ Самарію. Бесѣда съ самаритянкою у колодца Іакова, очевидно, происходила зимою: „*Не говорите ли вы, что еще четыре мѣсяца и наступитъ жатва*“, а жатва обыкновенно начиналась въ концѣ апрѣля. Съ прибытіемъ въ Назаретъ, наступаетъ нѣкоторое затишье въ Его посланнической дѣятельности. Онъ отъѣзжаетъ домашнимъ заглазіямъ среди близкихъ родныхъ. Въ мартѣ слѣдующаго (782-го) года Іисусъ во святомъ градѣ на праздникъ Пуримъ (14—15 адара). Пуримъ въ этомъ году приходился на четвергъ 17-е или пятницу 18-е, если предыдущій мѣсяцъ былъ *неполный*, или на пятницу 18-субботу 19, если тотъ былъ *полный*. Испытаніе разслабленнаго у Вноелемъ совершенно въ субботу, 19 марта. По возвращеніи въ Галилею, Онъ оставляетъ Назаретъ и поселяется въ Капернаумѣ, большомъ городѣ на пути каравановъ изъ Египта въ Сирію, на сѣверо-западномъ берегу Тиверіадскаго озера. Изъ Назарета въ Капернаумъ восемь-десять часовъ прямого пути, но Іисусъ направляется чрезъ Магдалу, лежащую южнѣе, на западномъ берегу озера. Переночсвавъ тутъ, рано утромъ онъ шествуетъ чрезъ Вно-

санду въ Капернаумъ. На пути у берега Онъ призываетъ къ Себѣ Симона и Андрея, нѣсколько далѣе Иакова Заведеева и Иоанпа. Два дня спустя по оставленіи Назарета Онъ въ окрестности Капернаума. На другой день была суббота, слѣдовательно изъ Назарета Онъ выбылъ въ четвергъ, а въ пятницу призвалъ Симона и первыхъ учениковъ. Въ субботу проповѣдывалъ въ синагогѣ капернаумской. Къ этому времени относятся: исцѣленіе тещи Симона и многихъ страдавшихъ различными болѣзнями (Марк. I, 30—34, Луки IV, 38—41, Мате. VIII, 14—17). На другой день (въ воскресенье) *„утромъ, вставъ весьма рано, вышелъ и удалился въ пустынное мѣсто и тамъ молился“* (Марк. I, 35—38). Всю слѣдующую недѣлю Онъ посѣщаетъ разныя мѣстности Галилеи, *„уча въ синагогахъ и проповѣдуя Евангеліе“* (Мате. IV, 23). *„И пошелъ о Немъ слухъ по всей Сиріи“* (ст. 24). Онъ окруженъ нѣсколькими преданными Ему учениками. Власть іерусалимскія смущаются предвидимою опасностью, учреждается зоркій надзоръ за Нимъ. Мытари совѣщаются съ галилейскими фарисеями, Его уже видѣвшими и знавшими. Зарождается въ умахъ обвиненіе Иисуса въ нарушеніи закона Моисеева.

Если вѣрно заключеніе ученыхъ богослововъ, что упоминаемая ев. Лукою (VI, 1) *„суббота, первая по второму дню“*, есть суббота, на которой мы остановились, то она падаетъ на 9 апрѣля; предыдущая слѣдовательно была 2-го. Слѣдуетъ за тѣмъ недѣлю, исполненную великаго значенія въ жизни Спасителя міра. Въ первый день, послѣ молитвы на горѣ, Онъ избираетъ двѣнадцать Апостоловъ (Марк. III, 13 и слѣд.), произноситъ изумившую весь народъ проповѣдь о блаженствахъ. Сіе происходило, вѣроятно, къ сѣверо-западу отъ Капернаума, гдѣ идетъ рѣка вѣчно-зеленѣющихъ холмовъ; и происходило въ теченіе нѣсколькихъ дней, что явствуетъ изъ повѣствованій о семъ евангелистами. Впервые зарождается идея основанія Церкви, коей етолнами должны быть двѣнадцать Апостоловъ. Вскорѣ за тѣмъ Онъ *„проходитъ по городамъ и селамъ“* (Луки VIII, 1—3) Галилеи, сопутствуемый Апостолами и *„нѣкоторыми женщинами, Марією Магдалиною, Иоанною, женою Хузы“* и др., посылаетъ Апостоловъ проповѣдывать царствіе Божіе (Луки IX, 2). Являются къ Нему два ученика отъ Иоанна съ вопросомъ: *„Ты ли тотъ, который долженъ прійти?“* (Мате. XI, 3). Вскорѣ до Иисуса доходитъ вѣсть объ убійствѣ Предтечи, и о томъ, что Иродъ Антипа повелѣлъ слѣдѣть за Нимъ. Переплывъ озеро, Онъ удаляется въ окрестности Внесанды Юліевой. Народъ слѣдуетъ за нимъ и хочетъ провозгласить Его Царемъ. Онъ велитъ Апостоламъ оставить его и отплыть обратно въ Капернаумъ. На другой день проповѣеена Имъ въ синагогѣ длинная проповѣдь о хлѣбѣ жизни (Иоан. VI.).

Наступилъ наконецъ моментъ разительнаго перелома Его учительскихъ усилій. Народъ какъ-бы отрекается отъ Него. Онъ окруженъ только двѣнадцатью. Чувствуется неумолкаемая неизбежность мученической кончины. Иисусъ категорически о томъ говоритъ Апостоламъ и удаляется на сѣверъ. На пути къ Кесаріи Филипповой, Онъ ставитъ Петру два вопроса: что думаетъ о Немъ народъ и что думаютъ они, апостолы? До сего момента Онъ проповѣдывалъ Царствіе Божіе, теперь Онъ называетъ Себя ученикомъ Своимъ Именемъ. Продолженіе ученія въ Галилеѣ стало уже невозможнымъ, слѣдовало забыть главныхъ центровъ. Онъ направляется въ страны Тирскія и Сидонскія, хотя окончательная встрѣча съ злоумышляющими Его врагами неизбежна, такова воля Отца, — и Онъ возвращается въ Іерусалимъ на праздникъ Кушей. Въ этомъ году праздникъ падалъ на 15-е тисри, по нашему календарю на вторникъ 11 октября (29-го года), а послѣдній великій день праздника (Иоанн. VII, 37) на 19 или 20 октября. Во всякомъ случаѣ суббота 15-го была среднимъ днемъ праздника, и въ этотъ именно день *„вошелъ Иисусъ во храмъ и училъ“* (Иоан. VII, 14). — Ко времени между праздниками Кушей и праздникомъ Обновленія относятся нѣкоторые событія и дѣянія Иисуса, приводимыя ев. Лукою, напр.: *избраніе семидесяти учениковъ*, и посланіе ихъ *по два предъ лицемъ своимъ во всякій городъ и мѣсто, куда Самъ хотѣлъ идти* (X, 1). По оставленіи Капернаума, когда народъ отчуждался отъ Иисуса въ послѣднее полугодіе земной жизни посѣтилъ много города и мѣстечки. Все, повѣствуемое ев. Лукою въ главахъ X, XI, XII и XIII происходило, вѣроятно, осенью 29-го года до дней праздника Кушей. Когда же приближались дни влѣтнія Его отъ міра, Онъ восхотѣлъ идти въ Іерусалимъ (Лука IX, 51).

Праздникъ Обновленія, о которомъ говоритъ ев. Иоаннъ (X, 22), длился восемь дней, начинался 25 кислева (въ 29 году отъ 19—20 декабря по 27—28). Событія, павшія мѣсто отъ октября до апрѣля, сообщаются евангелистами Иоанномъ и Лукою.

Послѣ сего праздника Иисусъ удаляется въ страну Заіорданскую. Нѣтъ свѣдѣній о происходившемъ въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ 30-го года. Изъ главы XI ев. Иоанна узнаемъ о кратковременномъ Его пребываніи въ Виваніи, потомъ Онъ шествуетъ въ Ефронъ или Ефраимъ близъ Вефилы, на границѣ Іудей и Самаріи, возвращается въ послѣдній разъ въ Галилею и, простясь наконецъ съ нею, направляется по Перей околѣтельно въ Іудею, чрезъ Іерихонъ, гдѣ происходитъ встрѣча съ Закхсеемъ мытаремъ, и снова посѣщаетъ Виванію. Вечеря,

приготовленная Ему въ домѣ Лазаря, Мары и Маріи была *за шесть дней до Пасхи* (I. XII, 1) и именно въ субботу 1-го апрѣля 30-го года (9 день исана).

Наступаетъ, такъ правильно именуемая пынѣ, Страстная седмица. Въ воскресенье 2 апрѣля совершается торжественный въѣздъ въ Іерусалимъ; вечеромъ Иисусъ возвращается въ Виванію въ сопровожденіи двѣнадцати (Марк. XI, 11). Въ этотъ день 10-й исана по закону Моисея избирается одноплѣтній агнецъ для закланія его во храмъ, въ день 14-й вечеромъ (Исходъ XII, 3—6). Не имѣется никакихъ данныхъ, на основаніи коихъ можно было-бы сказать, что то плъ это происходило въ понедѣльникъ 3 или во вторникъ 4 апрѣля, по плѣтъ сомнѣній, что тѣ дни Онъ проводилъ во храмѣ, а когда время было позднее (Марк. XI, 11) удалялся въ Виванію или въ одно изъ уединенныхъ мѣстъ горы Елеонской. Повидимому, въ эти послѣдніе дни нѣкоторые мѣры предосторожности считались Имъ нужными. *Сказавъ сіе, Иисусъ отошелъ, и скрылся отъ нихъ* (I. XII, 36), т. е. отъ вопрошавшаго его народа. Онъ не мыслитъ стремиться къ избавленію отъ смерти, въ такомъ случаѣ Онъ посѣтилъ-бы возвратиться въ Галилею или куда-нибудь далѣе, но не желалъ и ускорить конца, отдавался добровольно и преждевременно въ руки враговъ.

Надобно полагать, что именно во вторникъ вечеромъ, возвращаясь на Елеонской горѣ и взирая на блестящіе златомъ кровли и шипы храма, озареннаго алхими лучами заходящаго солнца, Онъ произнесъ вѣщія слова о кончинѣ міра и разрушеніи Іерусалима! Всю среду Онъ пожелалъ провести въ Виваніи между членами палубеннаго Имъ семейства и Апостолами. Направляясь туда, Онъ, по выраженію одного изъ краснорѣчивѣйшихъ англійскихъ проповѣдниковъ, — шелъ въ глубокомъ молчаніи, которое превыше всякой рѣчи, окруженный учениками... Полный мѣсяцъ поднимался изъ-за горы и заливалъ своимъ серебромъ зслень и листву древесную, яркорожанжевый вечерній свѣтъ еъ каждою минутою блѣднѣлъ, нерливался въ мертвенно-серебристый ночного свѣтила. Такъ точно блѣднѣлъ въ тѣ мгновенія яркій полдень Его учительской жизни, уступаая передъ властно-надавившеюся черною тучею мученичества и постыдной смерти разбойника!

Четвергъ 13 или 14 исана (6 апрѣля 30) былъ послѣднимъ днемъ Его служенія человечеству. Онъ посылаетъ Петра и Иоанна въ Іерусалимъ приготовить Паху. По предположеніямъ нѣкоторыхъ указанъ былъ домъ Іосифа Аримафейскаго или Марка. Послѣ полудня, когда прибылъ туда Иисусъ, все было готово. Происходила-ли Вечеря 13 или 14 числа, по указанной выше причинѣ, остается вопросомъ неразрѣшимымъ. По текстамъ Евангелій Маттея, Марка и Луки слѣдовало-бы предположить 14-е. Но тогда является предположеніе, что смертная казнь совершена 15, т. е. въ самый день великаго праздника; въ етоль торжественный день исполненіе смертнаго приговора и допустить невозможно. Призывая же болѣе достовернымъ 13-е число по указанію ев. Иоанна, съ коимъ ехидается и составители Талмуда, встрѣчаемъ другое неразрѣшимое сомнѣніе; въ такомъ случаѣ Паха Иисуса предшествовала двадцатью четырьмя часами іудейскому. Установленіе Иисусомъ христіанской пасхи прежде ветхозавѣтной вполне возможное предположеніе, но заблаговременное приготовленіе ея двумя учениками рѣшительно не мыслимо потому, что необходимое для сего закланіе агнца во храмъ 13-го числа, 24 часами рапѣе рока, установленнаго закономъ для всего народа, было-бы такимъ святотатственнымъ дѣяніемъ, на которое никогда не рѣшился-бы евиенникъ. Поэтому изъ этой диллемы представляется исходъ болѣе возможный такой, что Иисусъ былъ раснѣтъ 15-го, въ первый день ветхозавѣтнаго праздника. При страстной ожееточенности и ослѣпленіи Его враговъ, это предположеніе болѣе возможно, чѣмъ публичное, явное нарушеніе закона Моисеева во храмѣ.

По установленіи Евхаристіи, происходитъ послѣдняя поучительная бесѣда съ учениками, которую читаемъ въ гл. XIV, XV, XVI и XVII у ев. Иоанна. — Около полудни Иисусъ, сопутствуемый ими, пройдя по улицамъ уныннаго города къ Овчіймъ воротамъ, сходитъ къ Кедронскому потоку и останавливается у подножія Елеонской горы. Тутъ въ Геосима-скомъ саду неспытываются Имъ мученическая скорбь и тяжкія душевныя страданія, вызывающія такое необычайное явленіе, какъ кровавый потъ на потомленномъ челѣ Его! Онъ — въ рукахъ враговъ, Его ведутъ въ жилище человека нервосвищенника Анны, номинально сохранявшаго этотъ титулъ; домъ его тутъ же по близости на горѣ, и затѣмъ къ Каіафу. Ночью въ спедіонѣ составляется приговоръ, а въ пятницу, 7 апрѣля, рано утромъ Онъ приведенъ уже къ Пилату, въ мощенную залу преторіи; прокураторія помѣщалась близъ башни Автоіи, остатки фундаментовъ которой видны по настоящее время; потомъ Онъ веденъ къ Ироду Антипѣ, прибывшему по обыкновенію на еврейскій праздникъ въ Іерусалимъ и жившему, вѣроятно, въ Цеварсийонѣ или Агриппеіонѣ, одномъ изъ роскошнѣйшихъ дворцовъ, построенныхъ Иродомъ Великимъ. Наступаетъ исполненіе безчеловѣчнаго приговора. Его ведутъ за городскія стѣны на сѣверо-западъ отъ города. Тутъ въ углу, почти прямою, образуемымъ древнею городскою стѣною и построенною позже Ездрую и Нееміею по возвращеніи изъ

и тѣла Вавилонскаго, — находится какъ черепъ голый, небольшой холмъ или каменная глыба, окруженная садами, между бопми вблизи находится и садъ Иосифа изъ Аримаѳен съ вповъ извѣщеннымъ склепомъ для членовъ его семейства. Распятый въ девять часовъ утра, Онъ испускаетъ духъ въ три пополудни.

Въ шесть вечера Пречистое Тѣло снято со креста и положено въ означенной усыпальницѣ.

Слѣдующія за тѣмъ событія евангельскія опредѣляются безъ труда: Воскресеніе Христово — на 9 апрѣля, Вознесеніе — на 18 мая, первая христіанская Пятидесятница — 28 мая 30 года.

Къ рисункамъ.

Чистая душа. (Рис. на стр. 197).

Габріэль Максъ, извѣстный нѣмецкій художникъ, хорошо извѣстенъ въ Россіи, въ особенности своимъ „Перукотворственнымъ образомъ“. Его картины отличаются, помимо мягкаго, ровнаго письма, всегда интереснымъ названіемъ и выраженіемъ фигуръ, обыкновенно женскихъ. Лица ихъ, оченъ пѣжны и прозрачны, пропущены какою-то грустью и задумчивостью. Эти-же свойства присущи и его картинѣ „Чистая душа“, тонкая граюра съ которой украшаетъ первую страницу настоящаго номера.

Погребеніе христіанскихъ мучениковъ.

(Рис. на стр. 200).

То было страшное время для христіанъ. Среди жестокихъ гоненій росло страстное воинство Христово, безропотно неся свой крестъ во имя Иисуса Христа. Послѣдователи повой вѣры были недружелюбно встрѣчены приверженцами существовавшей религіи и ихъ ученіе было объявлено недовольственнымъ и преступнымъ. Какъ сасілеги, они предавались всяческому нападкамъ и гонѣніямъ: заключались въ темницы, были осуждены на крестную смерть или отдавались звѣрмъ на съѣденіе въ циркахъ. Первое ужасное гоненіе поднялъ на нихъ Неронъ, обвинявъ христіанъ въ пожарѣ Рима. Ихъ подвергали страшнымъ мученіямъ и надругательствамъ: зашивали въ звѣринныя шкуры и травлили псами, какъ разсказываетъ Тацитъ, или обливали смолою, привязывали къ крестамъ и жгли вмѣсто факеловъ. Больше трехъ вѣковъ продолжались преслѣдованія, и въ эти времена христіане, гонимые со свѣта, въ Римѣ и другихъ мѣстахъ, искали спасенія подъ землею, во мракѣ катакомбъ. Тамъ скрытно собиравшись они, справляли свои требы во славу Бога живого, тамъ-же и хоронили своихъ братьевъ, которыхъ не мало гнѣло за вѣру.

До сего времени подземныя кладбища этихъ мучениковъ посѣщаются и въ одномъ Римѣ ихъ насчитываютъ болѣе 25-ти.

Въ ожиданіи духовника.

(Рис. на стр. 201).

Насталъ Великій постъ. Наступило время молитвы и покаянія. Церкви переполнены говѣльщиками, которые въ горячихъ молитвахъ скорбятъ о грѣхахъ своихъ. Только „многими скорбями подобаетъ войти въ царствіе небесное“ (Дѣян. 14, 22), и дѣйствительно, сколько раскаяній и печалей можно прочесть на лицахъ многихъ, когда они отправляются на исповѣдь. Придутъ пораньше въ церковь, подадутъ, что могутъ, отъ средствъ своихъ на церковный причтъ и терпѣливо ожидаютъ выхода духовника, со страхомъ за свои прегрѣшенія и съ надеждою на прощеніе ихъ Всеблагимъ Отцомъ Небеснымъ.

Зимній уборъ лѣса.

(Рис. на стр. 205).

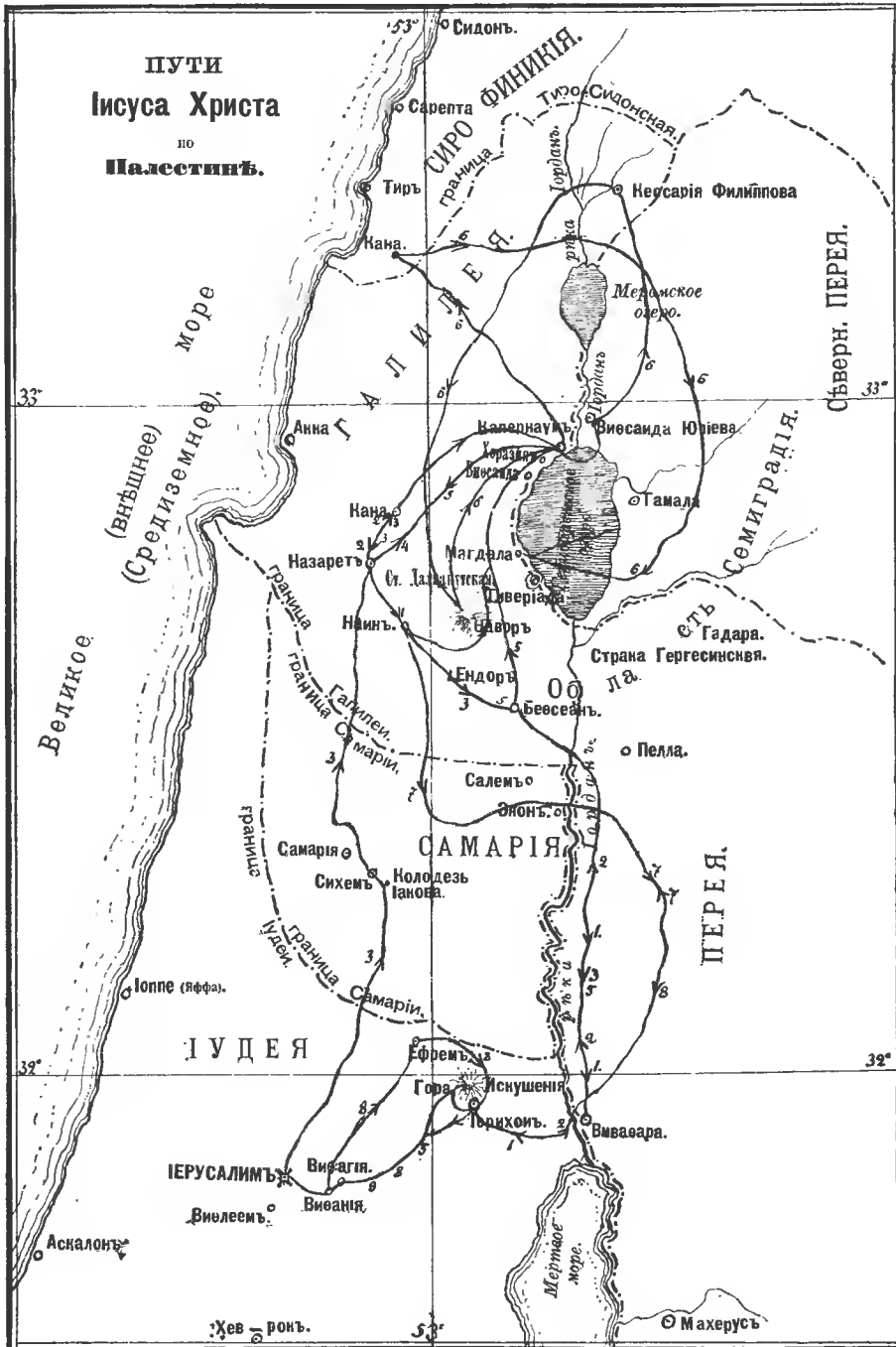
При взглядѣ на эту, исполненную поэзіи картину, невольно вспоминаются стихи Тютчева:

Чародѣйкою зимою
Околдованъ лѣсъ —
И подъ снѣжной бахромою,
Неподвижною, пѣ-
мюю,
Чудной жизнью оги-
блеститъ.
И стоитъ онъ,
околдованъ,
Не мертвецъ и не
живой —
Сномъ волшебнымъ
очарованъ,
Весь опушанъ, весь
окованъ
Легкой цѣпью пу-
ховой.
Солнце зимнее-ли
мещетъ
На него свой лучъ
косой —

Въ немъ ничто не затрепещетъ —
Онъ лишь вспыхнетъ и заблещетъ
Ослѣпительной красой.

Юноша Фонвизинъ встрѣчается у И. И. Шувалова съ Ломоносовымъ. (Рис. на стр. 208).

„Въ бытность мою въ университетѣ, пишетъ Фонвизинъ въ

1 и 2 пути: Назаретъ, Вивавара, пустыня, обратно: Вивавара, Кана, Капернаумъ, Назаретъ. 3. Къ первой пасхѣ: Назаретъ, Иерусалимъ, обратно: по Иудеѣ и Самаріи (Самаритянка у нолодца Іанова), Кана и Назаретъ. 4. Въ онрестн. Капернаума: Назаретъ, Капернаумъ и въ его онрестностяхъ. 5. Къ празду. Пуримъ: Капернаумъ, Назаретъ, Наинъ, Виванія, Иерусалимъ; обратно въ Капернаумъ. 6. Въ отдаленныхъ странахъ Галилеи: Капернаумъ, Вивсаида Юліева, Капернаумъ, Страны Тиросидонскія, Область десятиградія, страна Далманутская, Вивсаида Юліева, Кесарія Филиппова, г. Ваворъ, Капернаумъ. 7. Капернаумъ, граница Самаріи, Иерусалимъ, обратно чрезъ Перею. 8. Перея, Иерусалимъ, Виванія, Ефремъ и Иерихонъ. 9. Послѣдняя пасха и Крестная назнь: Иерихонъ, Виванія, Иерусалимъ.

своихъ запискахъ, — учились мы весьма безпорядочно. Ибо съ одной стороны причиною тому была ребяческая лѣзвость, а съ другой стороны перадрѣны и пьянство учителей. Арифметическій нашъ учитель пилъ смертную чашу; латинскаго языка учитель былъ примѣръ злонравія, пьянства и всѣхъ подлыхъ пороковъ; по голову имѣлъ преострую и, какъ латинскій, такъ и русскій языкъ зналъ очень хорошо...

„Тогдашній нашъ директоръ вздумалъ ѣхать въ Петербургъ и везти съ собою нѣсколько учениковъ для показанія основателя университета плодовъ сего училища... Я не знаю, какими образомъ попалъ я и братъ мой въ сіе число избранныхъ учениковъ. Директоръ съ своею супругою и человѣкъ десять пасъ, малолѣтнихъ, отправились въ Петербургъ зимою...“

Это было первое, по словамъ Фонвизина, путешествіе его. По прибытіи въ Петербургъ остановились они съ братомъ въ домѣ дяди. Черезъ нѣсколько дней Фонвизинъ съ товарищами былъ представленъ куратору университета (Н. И. Шувалову, гдѣ встрѣтился съ Ломоносовымъ.

„Онъ спросилъ меня, говоритъ Фонвизинъ, — чему я учился? „По-латыни“, отвѣчалъ я. Тутъ началъ онъ говорить о пользѣ латинскаго языка съ великимъ, правду сказать, краснорѣчіемъ...“

Прощай!

(Рис. на стр. 209).

Тихо и привѣтливо сверкало море подъ золотыми лучами солнца, когда рыбацкая лодка, подгоняемая попутнымъ вѣтеркомъ, отошла отъ берега. Въ ней сидѣли отецъ съ сыномъ, котораго онъ недавно сталъ брать съ собою и приучать своему ремеслу. Но вѣтеръ крѣпчалъ, солнце скрылось за тучи, палетѣлъ шквалъ, и заходили бѣшенныя волны. Сильнымъ порывомъ вѣтра опрокинуло лодку, но долго, держась за нее, боролись съ волнами несчастные. Подъ конецъ, силы ихъ стали слабѣть, и въ безнадежномъ усніи привлекъ къ себѣ отецъ свое дѣтище, чтобы въ послѣднемъ лобзаніи сказать „прощай“ на вѣчную разлуку.

Н. П. Семеновъ.

(Портр. на этой стр.).

Ровно пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, 6 февраля 1843 года, поступилъ на государственную службу, въ Министерство Юстиціи, Николай Петровичъ Семеновъ, нынѣ сенаторъ, тайный совѣтникъ.

Н. П. принадлежитъ къ старинному роду дворянъ Рязанской губерніи. Родился онъ въ апрѣлѣ 1823 года. Получивъ домашнюю подготовку подъ наблюденіемъ матери, онъ поступилъ въ Царскосельскій лицей. По выходѣ изъ лицей, поступивъ на службу, онъ, въ то же время, слушаетъ курсъ естественныхъ наукъ въ Петербургскомъ университетѣ, въ особенности, интересуясь ботаникой. Въ 1846 году онъ получилъ назначеніе въ Ярославль исправлять должность товарища председателя Уголовной Палаты и, спустя нѣсколько лѣтъ — губернскаго прокурора. Къ концу сороковыхъ годовъ (въ декабрѣ 1849) онъ пожалованъ званіемъ камеръ-юнкера. Въ

январѣ слѣдующаго года Н. П. переведенъ въ Вильну на должность губернскаго же прокурора. Здѣсь Н. П. занялся изученіемъ края и его языка. Въ 1855 году вышле сборникъ его переводовъ нѣкоторыхъ произведеній Мицкевича („Брымскіе советы“, первыя четыре главы „Конрада Валленрода“ и другія). Трудъ этотъ удостоенъ Академіей Паука Пушкинской преміи. Въ маѣ 1853 года Н. П. назначенъ въ Правительствующій Сенатъ за оберъ-прокурорскій столъ, и затѣмъ, съ іюля 1857 по 1868 годъ, занималъ должность оберъ-прокурора. Въ 1868 году (21 августа) Н. П. возведенъ въ званіе сенатора, въ которомъ онъ состоитъ и по сіе время; въ послѣднее время онъ присутствуетъ въ первомъ общемъ собраніи. Къ періоду отъ 1857 по 1868 годъ, относится плодотворнѣйшая полоса государственной дѣятельности Николая Петровича: онъ принималъ дѣятельное участіе въ работахъ по „освобожденію крестьянъ“. Н. П. напечаталъ обширный трудъ по этому предмету („Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. Хроника дѣятельности комиссій

по крестьянскому дѣлу“). На Н. П. Семенова было возложено веденіе дневника комиссій по работамъ освобожденія, въ который входило все, что происходило, какъ первая мысль, какъ предположеніе и какъ ясно сформировавшееся убѣжденіе въ засѣданіяхъ членовъ этихъ комиссій; сюда же вошло все то, что не вносилось, въ печатные и официальные журналы. Вотъ изъ этихъ-то дневниковыхъ записей и составились томы обширнаго труда нашего автора. О томъ, что ведется эти записи, было извѣстно покойному императору, и государь поощрялъ этотъ трудъ, желая видѣть его продолженіе вплоть до окончанія великаго дѣла.

Кромѣ занятій государственныхъ, Н. П. посвящалъ также время занятіямъ научнымъ. Изучивъ флору Вилеской, Московской, Ярославской и Рязанской губерній, онъ собралъ большой гербарій, который оказывалъ великую услугу профессору Ципгеру при его трудѣ „Сборникъ свѣдѣній о флорѣ средней Россіи“ (1886 года, М.). Видя неудобство не имѣть подъ рукой ботаническаго словаря по отечественной флорѣ, въ своемъ чтеніи въ Обществѣ Садоводства о „О значеніи и задачахъ ботаническаго словаря, каталоговъ и прейсъ-курантовъ“, Н. П. возбудилъ вопросъ о необходимости создать русскую ботаническую номенклатуру, установивъ родовыя и видовыя названія растений на рускомъ языкѣ. Въ скоромъ времени послѣ этого чтенія Николай Петровичъ издалъ большой трудъ: „Русская номенклатура наиболее извѣстныхъ въ нашей флорѣ и культурѣ и нѣкоторыхъ общеупотребительныхъ растений“ (Изд. Имп. Росс. Общ. Садоводства 1878. СПб.).

Перу Николая Петровича принадлежитъ масса статей, имѣющихъ частью практическое значеніе, частью теоретическое.

Д. М—въ.

XXI-я передвижная выставка.

Вопреки обычаю, установившемуся уже довольно давно, на открывшейся недавно XXI передвижной выставкѣ русскій пейзажъ играетъ значительно менѣе выдающуюся роль, чѣмъ онъ игралъ прежде, зато жанръ преобладаетъ. Пейзажъ не богатъ количествомъ, но среди произведеній пейзажной живописи настоящей выставки, безъ сомнѣнія, не мало найдется картинъ, заслуживающихъ серьезнаго вниманія. Мелья, напримѣръ, не отгнѣтитъ картинъ одного изъ лучшихъ нашихъ маринистовъ, г. Боголюбова. Его „Екатерининскій каналъ вечеромъ“ изображаетъ намъ извѣстный уголокъ Петербурга въ такомъ чудесномъ поэтическомъ освѣщеніи, какое

рѣдко приходится наблюдать петербуржцамъ; къ счастью, истинные художники имѣютъ божественный даръ видѣть то, что рѣдко могутъ видѣть простые смертные. Въ этомъ именно и заключается одна изъ важнѣйшихъ заслугъ искусства. Эта мысль пришла мнѣ въ голову, когда я стоялъ передъ картиною г. Свѣтославскаго и любовался его превосходнымъ пейзажемъ „Москва, Василій Блаженный“. Г. Боголюбовъ изобразилъ намъ поэтическій уголокъ Петербурга, г. Свѣтославскій сдѣлалъ еще лучше: онъ намъ далъ удивительно характерный и, пожалуй, еще болѣе поэтический уголокъ Москвы. Представьте себѣ мостъ на Москвѣ-рѣкѣ съ разно-

шерстной, живописной толпой зимой: къ мосту примыкает одна из узких московских улиц, — и что въ родѣ кривою переулочка, обставленнаго невзрачными домами, составляющими, какъ кажется, исключительную принадлежность Москвы. Надъ этими домами высятся другіе, цѣлой громадой, теряющейся вдаль, — а надъ ними, въ утѣшеніи туманѣ виднѣются причудливо-характерныя главы живописнаго Васьки Блаженнаго. Поистинѣ волшебное зрѣлище, переданное на полотнѣ талантливаго художника въ чудесныхъ гармоническихъ тонахъ. Съ такимъ же удовольствіемъ, я могу указать и на пейзажъ г. Дубовскаго: „Видъ монастыря“. Тема — самая простая: два монаха; вырвавшіеся изъ пыльных келій монастыря, отправились на берегъ моря и, утѣвшись на камнѣ, предаются созерцанію морской, необъятной широты. Въ пейзажѣ главную роль, разумѣется, играетъ чудесно написанное море, съ его величавымъ спокойствіемъ, съ его безконечнымъ разнообразіемъ, съ волшебнымъ переливомъ красокъ и свѣта. И г. Волковъ, въ шести пейзажахъ, находящихся на выставкѣ, обнаружилъ обычный свой талантъ, столь хорошо извѣстный нашимъ любителямъ. Въ особенности, хорошъ, по поэтическому чувству, его „Листопадъ“; это умирание природы, поистинѣ, величаво и обаятельно. Также хорошъ и пейзажъ г. Степанова, „Лѣсной перевалъ“. Присланные на этотъ разъ пейзажи г. Ендогуровымъ менѣе удачны, чѣмъ прежнія его работы; но и среди нихъ найдутся картины, достойныя вниманія, напримѣръ, „Въ заливѣ Алячю“ или „Вечеръ“. Не могу также не обратить вниманія читателей на пейзажъ г. Холодовскаго: „На всѣхъ парахъ“. По всего не перечислишь.

Между многочисленными произведеніями жанровой живописи, разумѣется, на первомъ мѣстѣ стоятъ работы г. В. Маковского. На нынѣшней выставкѣ экспонировано пять его картинъ, изъ которыхъ двѣ — портреты; остальные три — прелестны по характернымъ типамъ, изображеннымъ художникомъ. Изъ нихъ лучше слѣдуетъ считать небольшую картинку „За щелочью“, но она, очевидно, не окончена и представляется не болѣе, какъ начатымъ эскизомъ. Г. Мясоедовъ выступилъ съ картиной довольно большихъ размѣровъ, со множествомъ фигуръ и съ нѣсколькими загадочнымъ названіемъ „Новыя истины“. Картина изображаетъ большую комнату вечеромъ — очень элегантно. У дивана, на которомъ расположились дамы (между которыми есть очень хорошенкія), стоитъ небольшой круглый столикъ съ лампой, слабо освѣщающей комнату; за столикомъ сидитъ молодой блондинъ, чело-вѣкъ и читаетъ рукопись; вокругъ, въ живописныхъ группахъ, сидятъ слушающіе; внимательно всматриваясь въ лица этихъ слушающихъ, не трудно узнать въ нихъ многихъ изъ нашихъ художниковъ и ученыхъ; я, по крайней мѣрѣ, узналъ гг. Менделѣва, Ге, Ярошенко и еще нѣсколькихъ. Эти портреты сдѣланы прекрасно, да и вообще картина отличается пріятнымъ колоритомъ и мягкими тонами. Но какія „новыя истины“ изрекаетъ, по рукописи, молодой чело-вѣкъ — неизвѣстно. Я боюсь, конечно, ошибиться, но, судя по нѣкоторымъ признакамъ, думаю, что не далеко буду отъ правды, если скажу, что „новыя истины“ г. Мясоедова — не болѣе, какъ очень старыя и давно извѣстныя истины, проповѣдуемыя графомъ Л. Н. Толстымъ. Въ данномъ случаѣ, такую истину можете быть, напримѣръ, послѣдняя статья Л. Н. — озаглавленная „Первая ступень“. Изъ картинъ другихъ извѣстныхъ художниковъ слѣдуетъ упомянуть о картинѣ г. Ярошенко „Похороны“. Г. Ярошенко изобразилъ заглохшее деревенское кладбище зимой; изъ-за свѣта кое-гдѣ торчатъ кусты; по дорожкѣ идетъ женщина съ гробикомъ въ рукахъ, рядомъ съ нею — пожилой мужчина съ открытой головой, нѣсколько поодаль, за ними, сторо-жъ съ лопатой. Несмотря на эту сентиментальную посылку, картинка производитъ мало впечатлѣній. Гораздо съ большимъ дра-

матизмомъ написана картина г. Касаткина „Тяжело“. „Весна“ г. Клода обращаетъ на себя вниманіе тихой грустью молодой женщины, стоящей у открытаго окна; въ этой картинѣ много поэзіи и правды. Нельзя не упомянуть также и картину г. Лебедева „Въ опочивальнѣ“, по красивому рисунку и пріятному колориту; и другія картины, доставленныя г. Лебедевымъ на выставку: „Старикъ“ и „Вдова“, заслужать, конечно, одобренія публики. Очень хорошо „Прощеніе“ г. Кишиневскаго: въ простонародномъ трактирѣ, за грязнымъ столомъ, старый отставной солдатъ пишетъ прошеніе для стоящей тутъ-же бабы: вдали — прилавокъ съ напитками. Въ томъ же родѣ: „Письмо отъ сына“ г. Загорскаго, „Лихая свекровь“ г. Максимова, „Письмо отъ кормилицы“ г. Зощенко. Къ малепенькимъ вещамъ, но прекрасно написаннымъ, принадлежатъ также: г. Бодаревскаго „Малороссійская дѣвочка“ и г. Горохова „Дѣти“. Первая представляетъ прекрасную головку южнаго типа, а вторая — дѣтскую идиллію безъ затѣй, но талантливо схваченную. Вообще, нельзя сказать, чтобы наши жанристы были богаты „идеями“: въ большинствѣ случаевъ, они берутъ сцены или совершенно безсодержательныя, или же слишкомъ обыкновенныя, мало интересныя. Кого, напримѣръ, можетъ заинтересовать „Урокъ музыки“ г. Головина, или „Въ катакомбахъ“ г. Бѣльева, или, наконецъ, „Дебютантка“ г. Пастернака; къ тому-же, послѣдняя картина не только плоха по композиціи, но и плохо выполнена. На мой взглядъ, однако, лучшая изъ жанровыхъ картинъ нынѣшней выставки принадлежитъ кисти г. Архипова: „Пѣтапамъ“, при очень сочной, широкой, эскизной техникѣ, талантливый художникъ даетъ намъ цѣлый рядъ очень характерныхъ, правдивыхъ типовъ арестантовъ и солдатъ; съ той непосредственной и жестокой правдой, которая составляетъ, какъ кажется, отличительную черту нашего художественнаго реализма.

Картины на болѣе высокія темы даютъ намъ только два художника: г. Суриковъ выставилъ „Исцѣленіе слѣплого Иисусомъ Христомъ“, и г. Пестеровъ — „Слава въ вышнихъ Вогу и на земли миру, въ чело-вѣчѣхъ благоволеніе“ (эпизодъ изъ юности преп. Сергія Радонежскаго). Едва-ли можно назвать картину г. Сурикова удачной; торжественности евангельскаго момента не чувствуется въ картинѣ; ликъ Христа мало выразителенъ, а исцѣляемый, на колѣняхъ передъ Христомъ, изображаетъ на своемъ лицѣ нѣчто въ родѣ восторженнаго удивленія, замѣтивъ, что отъ простого прикосновенія руки Спасителя къ его глазамъ онъ прозрѣлъ. Къ тому-же, живопись груба и краски не привнесены въ гармонию. Не лучше и картина г. Пестерова: преп. Сергій етоитъ среди сада въ состояніи экстаза, у ногъ его лежитъ волкъ; и садъ, и фигура святого лишены своеобразной красоты и написаны слабо, какъ по рисунку, такъ и по колориту.

Портреты (ихъ много) принадлежатъ кисти гг. Бодаревскаго, Ге, Кузнецова, В. Маковского, Ярошенко, Перова, Сѣрова и Рѣпина. Лучшіе портреты: портреты П. А. Костычева и Н. И. Пеструнцевыхъ, работы г. Ге; П. П. Чайковскаго — Кузнецова, А. А. Ауэрбаха — Ярошенко и, въ особенности, Рѣпина: портреты Великаго Князя Константина Константиновича, Спасовича и два женскихъ портрета: „Осенній букетъ“ и „На охотѣ“. Г. Спасовичъ изображаетъ во фрискѣ со значкомъ присяжнаго повереннаго въ петлицѣ, произносящимъ рѣчь передъ судомъ; поза нѣсколько натянутая, но живопись прекрасна по силѣ и выразительности.

Вообще, настоящая передвижная выставка, не представляя особенно выдающихся предметовъ искусства, свидѣлствуетъ, что художественный уровень русской живописи продолжаетъ быстро подыматься и совершенствоваться. Между нашими художниками, правда, мало замѣчается исканія новыхъ художественныхъ идеаловъ, но, надѣмся, и это придетъ современемъ.

В. Чуйко.

Разныя извѣстія.

— Государь Императоръ и Государыня Императрица говѣли на первой недѣлѣ Великаго поста и въ субботу, 13-го февраля, Ихъ Величества причащались Св. Христо-выхъ Тѣлъ, въ церкви Собственнаго Его Императорскаго Величества дворца.

— 15-го февраля Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица посѣдили для поздравленія ея высочество герцогиню Елисавету Мекленбургъ-Шверинскую, по случаю дня ея рожденія.

— 18-го февраля Ихъ Величества и Особы Императорской Фамиліи присутствовали на панихидѣ по въ Бозѣ почивающимъ Императорамъ Николаѣ I и Александрѣ II въ Петропавловскомъ соборѣ.

— Съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, сооруженъ и открытъ 19-го февраля бюстъ въ Бозѣ почивающаго Императора Александра II передъ зданіемъ

городской Александровской больницы, въ память 19-го февраля 1861 года.

— На основаніи Высочайше утвержде-наго, 13-го ноября 1892 года, положенія Комитета Министровъ, окончательнымъ срокомъ для обмѣна государственныхъ кредитныхъ билетовъ прежнихъ образцовъ 50 р., 25 р., 10 р., 5 р., 3 р. и 1 р. достоинствъ, выпу-щенныхъ на основаніи Высочайшаго Указа 13-го февраля 1868 года, а равно и 25 р. билетовъ, выпущенныхъ на основаніи Вы-сочайшаго Указа 20-го октября 1880 года на-значено 1-е мая 1894 года. По истеченіи этого срока, кредитные билеты прежнихъ образцовъ не будутъ приниматься въ казен-ныя платежи и необязательны къ обращенію между частными лицами.

— Въ 1891 году Государственный Банкъ съ девятью конторами, 81 постояннымъ и шестью временными отдѣленіями, произвелъ

по всѣмъ своимъ финансовымъ операціямъ оборотовъ на сумму 29.144.262,863 р. 12 к. Къ 1-му января 1891 года, государственныхъ кредитныхъ билетовъ въ народномъ обра-щеніи состояло на сумму 1.046.295,384 руб. Въ теченіе года выдано кредитныхъ билетовъ, взаменъ поступившихъ, на 1.229.599,895 р.; временно выпущено кредитныхъ билетовъ образца 1866 года на сумму 75.000,000 р. и къ 1-му января 1892 г. оставалось въ на-родномъ обращеніи кредитныхъ билетовъ на сумму 1.121.295,384 руб.

— Пулковская обсерваторія приступала къ печатанію каталога свыше 5,000 звѣздъ, составленнаго г. Ромбергомъ по наблюдені-ямъ съ 1874 по 1880 г.

— Въ Симбирскѣ, во второй половинѣ января состоялось открытіе безплатной на-родной бібліотеки-читальни, имени П. А. Гончарова.

Политическое обозрѣніе.

Въ Парижѣ и за предѣлами его всеобщее вниманіе обращено на новаго президента сената, на мѣсто престарѣлаго Леруайе, Жюль Ферри.

Вступая въ должность президента, онъ произнесъ 15 фев-раля рѣчь, въ которой выразилъ сенату благодарность за оказанную набравіемъ честь. „Этимъ, сказалъ Ферри, поло-

женъ конецъ моему долгову непытанію". Далѣе онъ высказалъ похвалу парламентской республикѣ, которая, по его словамъ, приобрѣла въ Европѣ могущественныхъ и цѣнныхъ друзей. Франціи пужна гармонія, а не столкновения между властями. Затѣмъ Ферри упоминаетъ о примирительной роли сената, сказавъ, что сенатъ никогда не станетъ ни орудіемъ раздора, ни ретрограднымъ органомъ. Республика, заключилъ Ферри, должна быть открыта для всѣхъ. Умѣренныя республиканскія газеты одобряютъ рѣчь Ферри. Умѣренность этой рѣчи свидѣлствуетъ, что Ферри вернулся къ политической дѣятельности съ примирительными намереніями и съ желаніемъ не дѣлать изъ сената ни рычага дѣйствія, ни орудія розни. Даже *Radical* и *Figaro* находятъ что Ферри говорилъ благоразумно. Радикальныя газеты упрекаютъ Ферри въ томъ, что онъ не обнаружилъ своей политики и что онъ падаетъ монархистовъ и *rallies* и остается непрежнемъ вождемъ политики сопротивленія. Консервативныя органы полагаютъ, что особаго значенія рѣчь не имѣетъ. Ферри торжествуетъ свою побѣду скромно, онъ еще боится общественнаго мнѣнія. Даже противники хвалятъ прекрасную и умѣренную рѣчь Ферри, изобилующую воззрѣніями дѣйствительнаго государственнаго человека. Особенно указываютъ на фразу, что республика не составляетъ собственности какой бы то ни было секты или группы, хотя бы состоящей изъ ея основателей, а существуетъ для того, чтобы принимать въ свои ряды всѣхъ благонамѣренныхъ людей.

Въ Берлинѣ, 16 февраля, при обсужденіи въ рейхстагѣ бюджета министерства иностранныхъ дѣлъ, социалистъ Бебель возбудилъ вопросъ о рѣшеніи судьбы Эльзасъ-Лотарингіи международнымъ третейскимъ судомъ. Имперскій канцлеръ возразилъ, что если бы такой судъ постановилъ, что Германія должна возвратить имперскую область, то германскій народъ ни за что такому рѣшенію не подчинился бы, а скорѣе пролилъ бы послѣднюю каплю крови. Затѣмъ графъ Мирбахъ

обсуждалъ вопросъ о торговыхъ договорахъ, при чемъ высказалъ на видъ, что обязательство сохранять въ силѣ поппенныя таможенныя пошлины въ теченіе двѣнадцати лѣтъ можетъ имѣть крайне роковыя послѣдствія. Въ виду этого онъ проситъ правительство охранить сельское хозяйство отъ пониженья пошлинъ по отношенію къ Россіи. Имперскій канцлеръ указалъ на различныя противорѣчивыя заявленія Мирбаха по этому дѣлу, вѣдѣніе чего онъ не считаетъ возможнымъ руководствоваться ими при мѣропріятіяхъ правительства.

Агентство Гаваса сообщило, что 16-го февраля болгарское правительство получило по телеграфу извѣстіе отъ депутатавъ тырновскаго округа, что население, раздраженное образомъ дѣйствій митрополита Климента и словомъ его, произнесеннымъ въ день рожденія принца Фердинанда, заключило митрополита въ монастырь и требуетъ теперь замѣны его другимъ лицомъ.

Совершенно иначе это событіе передаетъ агентство Рейтера. По его телеграммѣ, послѣ службы, во время которой митрополитъ Климентъ сказалъ слово, къ квартирѣ митрополита отправилась депутация отъ жителей, чтобы протестовать противъ его заявленій. Климентъ, обратившись къ собравшейся передъ его квартирою большой толпѣ народа, сказалъ, что онъ рѣшилъ продолжать агитацію. Вслѣдъ за тѣмъ Климентъ арестовали и отправили въ Петро-Павловскій монастырь. Пѣсколько членовъ собранія и бургомистры Тырнова и другихъ городовъ подписали телеграмму къ Стамбулову, въ которой просятъ правительство считать Климента окончательно смѣненнымъ.

На другой день послѣ этого печальнаго событія болгарскій министръ иностранныхъ дѣлъ Грековъ подписалъ съ представителемъ юридическихъ интересовъ герцога Пармскаго договоръ о бракѣ принца Фердинанда Кобургскаго съ принцессою Маріею-Луизой. Бракный договоръ этотъ будетъ представленъ на утвержденіе великаго народнаго собранія, которое должно принять постановленіе объ измѣненіи конституціи.

Искусство.

К. Ю. Давыдовъ.

14 февраля исполнилось четыре года со дня смерти бывшаго директора Петербургской консерваторіи, одного изъ первыхъ виолончелистовъ въ Европѣ и весьма выдающагося русскаго композитора, К. Ю. Давыдова. Племянникъ его, небезызвѣстный дирижеръ, г. Давыдовъ, взялъ на себя управленіе концертомъ, составленнымъ, главнымъ образомъ, изъ произведеній Давыдова (кромя нихъ, исполненъ былъ рѣдко у насъ даваемый „Requiem“ Шумана); сборъ съ концерта долженъ идти въ пользу стипендіи имени покойнаго композитора. Изъ солистовъ здѣсь выступили: ученикъ Давыдова, пользующійся большими симпатіями публики, г. Вержбиловичъ, извѣстная артистка г-жа Раабъ, нѣкоторые ученики консерваторіи и баритонъ г. Л. Я. Вечеръ этотъ, состоявшійся въ залѣ Дворянскаго Собранія, какъ по программѣ, такъ и по цѣли своей, является выдающимся и даетъ намъ поводъ сказать нѣсколько словъ о Давыдовѣ, да кстади и почтилъ память его.

К. Ю. Давыдовъ много потрудился на пользу развитія русскаго музыкальнаго дѣла, въ особенности, за время его директорства въ консерваторіи, кромѣ того, что онъ образовалъ цѣлый рядъ блестящихъ виолончелистовъ и оставилъ послѣ себя нѣсколько музыкальных произведеній, имѣющихъ большую цѣнность. Писанію онъ, конечно, могъ уделить лишь рѣдкіе досуги, послѣ безчисленныхъ занятій, въ качествѣ главы музыкальной *almae matris*, профессора по классу виолончели и исторіи музыки, профессора по классу *d'ensemble*, одно время дирижера симфоническихъ собраній Русскаго Музыкальнаго Общества, частныхъ уроковъ и пр. Разумѣется, что много сочинить онъ не могъ, но и оставленное имъ въ разныхъ жанрахъ писаніе свидѣлствуетъ о безспорномъ его талантѣ, о всестороннемъ музыкальномъ образованіи, о художественномъ вкусѣ.

Карлъ Юлевичъ родился въ Курляндской губерніи и получилъ высшее образованіе въ Московскомъ университетѣ по математиче-

скому факультету. Спартную любовь къ музыкѣ онъ обнаружилъ съ самыхъ малыхъ лѣтъ. На виолончели онъ учился у извѣстнаго въ то время Шуберта, а для усовершенствованія поѣхалъ, по окончаніи курса наукъ, къ Гауптману въ Лейпцигъ, гдѣ и былъ вскорѣ приглашенъ профессоромъ въ мѣстную консерваторію. Артистическое путешествіе по Европѣ было цѣлымъ рядомъ триумфовъ для этого первокласснаго артиста и доставило ему имя одного изъ первыхъ европейскихъ виолончелистовъ. Съ образованіемъ консерваторіи у насъ, въ 1862 г., Давыдовъ былъ приглашенъ профессоромъ по исторіи музыки, а потомъ и по классу виолончели. Въ 1875 г. онъ былъ избранъ директоромъ консерваторіи и состоялъ въ этой должности до 1887 г.; за это время К. Ю. образовалъ пріютъ для бѣднѣйшихъ ученицъ и содѣйствовалъ основанію вспомогательной кассы музыкальныхъ художниковъ. Этотъ человекъ дѣлалъ добро всякому, кто къ нему только обращался за чѣмъ-либо.

Но память о немъ, какъ о человѣкѣ рѣдкой доброты и объ артистѣ, могутъ сохранить лишь тѣ, которые непосредственно приходили съ нимъ въ столкновение или слышали его игру; для потомства остаются лишь доброе имя его и произведенія. Изъ послѣднихъ въ программу концерта, о которомъ мы говоримъ, вошли: романсы, оркестровыя вещи и отрывокъ изъ четвертаго концерта для виолончели съ оркестромъ; въ каждомъ произведеніи его, будь это романсъ,—маленькаго объема вещьца, или сюита (изъ пяти частей), виденъ музыкантъ, живущій своимъ, т. е. музыкальнымъ, идеалами; онъ нигдѣ не стремится къ оригинальничанію, замѣняющему многими современнымъ композиторамъ вдохновеніе; кромѣ того, нужно прибавить, что всѣ его шесы проникнуты какою-то особенной мягкостью и теплотой. Основательно изучивъ корифеевъ музыкальной литературы, Давыдовъ въ своихъ произведеніяхъ не является подражателемъ ихъ, а лишь ставитъ ихъ, какъ образецъ. Особенный интересъ представляютъ его виолончельные концерты (ихъ четыре), которые должны считаться вкладомъ въ эту литературу.

В. Баскинъ.

Смѣсь.

Подарки папѣ Льву XIII. Президентъ Французской республики, г. Карпо, подарилъ папѣ Льву XIII, по случаю его юбилея, двѣ великолѣпныя севскія вазы, вышиною въ 1 метръ 10 сантиметровъ, исполненныя въ стилѣ XV вѣка, весьма изящныя и художественныя. На темно-голубомъ фонѣ этихъ вазъ, у подножія и сверху, золотые бордюры, по бокамъ золотыя листья и лозы. У подножія каждой вазы красуются надписи: „Карно, президентъ Французской республики, его святѣйшеству Льву XIII“. Эти вазы украсятъ соборъ ватиканскую бібліотеку, гдѣ уже находятся подобныя же вазы Карла X (Льву XII), Макъ-Магона и Гревъ (Нію IX). (х.)

Косметики въ Вѣнѣ. Одинъ вѣнскій торговецъ косметиками высчиталъ, что въ Вѣнѣ ежегодно потребляется прекраснымъ поломъ 73,730 килограммъ пудры (килограммъ равенъ 2 фунтамъ 42 золотникамъ), 42,705 килограммъ румянъ и бѣлизъ, 23,356 килограммъ чернаго фиксажа для бровей, 18,250 килограммъ губной

помады, 10,865 килограммъ глицерина и 5,775 килограммъ колы-крема. Жаль очень, что не высчитано, сколько всѣ эти косметики стоятъ, сколько въ Вѣнѣ женщинъ и сколько приходится каждой изъ нихъ ежегодно расходовать денегъ на румяна и бѣлизу. (х.)

СОДЕРЖАНІЕ: Вы не придете вновь. Стихъ. Н. Лонскаго.—Воля судьбы. Историческій романъ въ трехъ частяхъ. Кн. М. Н. Волноисаго. Ч. I. (Продолженіе).—Поѣздъ идетъ!.. Разсказъ Мьерса.—Молитва. Стихъ. В. Зарина.—Попытки хронологіи евангельскихъ событій. Старога Паломнина (съ картою).—Къ рисункамъ: Чистая душа (съ рис.).—Погребеніе христіанскихъ мучениковъ (съ рис.).—Въ ожиданіи духовника (съ рис.).—Зимній уборъ льса (съ рис.).—Юноша Фонвизинъ встрѣчается у И. И. Шувалова съ Ломоносовымъ (съ рис.).—Прощай! (съ рис.).—Н. П. Семеновъ (съ портр.).—XXI-я передвижная выставка.—Разныя извѣстія.—Политическое обозрѣніе.—Искусство.—Смѣсь.—О подпискѣ на Сказки. собранныя братьями Я. и В. Гриммами.—Объявленія.

Объявление о подпискѣ на новое роскошное изданіе:
„ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛІОТЕКА НИВЫ“.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ (1893) БУДЕТЪ СОДЕРЖАТЬ

СКАЗКИ,

собранныя братьями Я. и В. ГРИММАМИ.

ПЕРЕВОДЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ П. Н. ПОЛЕВОГО.

Иллюстраціи П. ГРОТЪ-ІОГАННА.

24 выпуска, каждый—въ роскошной обложкѣ; по одному выпуску черезъ каждыя двѣ недѣли.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

еликій русскій поэтъ Пушкинъ, слушая, уже въ зрѣломъ возрастѣ, сказки своей няни, восхищался ими и говорилъ: „Что за прелесть эти сказки—каждая изъ нихъ есть поэма!“ И въ то же самое время, въ письмѣ къ брату, добавлялъ: „по вечерамъ слушаю сказки, и тѣмъ дополняю недостатки моего воспитанія!“—Слѣдовательно, самъ Пушкинъ признавалъ не только совершенство формы народной сказки, но и ея глубокое воспитательное значеніе.

Послѣ русскихъ сказокъ, неисчерпаемо-богатыхъ, наши сосѣди-германцы обладаютъ наиболѣе изобильною сокровищницею сказокъ, которая нашла себѣ превосходныхъ собирателей, въ лицѣ знаменитыхъ нѣмецкихъ ученыхъ, братьевъ Якова и Вильгельма Гриммовъ

Дѣйствительно, не многія книги пользовались всюду такимъ громаднымъ и постояннымъ успѣхомъ, какъ этотъ классическій сборникъ произведеній народнаго творчества. И не удивительно! Едва заглянемъ въ него и перевернемъ нѣсколько страницъ, какъ уже передъ нами начинаютъ нескончаемую вереницею проноситься легкіе и высоко-поэтическіе образы „Спящей красавицы“, „Снѣгурочки“, беззавѣтно-

преданнаго Іоганна, чудодѣевъ-карликовъ и грозныхъ великановъ, игривыхъ фей и русалокъ, величаво-важныхъ сказочныхъ королей и королевъ... И мы поддаемся обаянію сказокъ, мы углубляемся въ чтеніе,—мы оторваться не можемъ отъ книги!

Другою важною стороною такой книги, какъ сборникъ братьевъ Гриммовъ, является ея общепонятность, общедоступность для всѣхъ возрастовъ, всѣхъ сословій, всѣхъ классовъ общества, всѣхъ состояній... Ихъ съ одинаковымъ удовольствіемъ будетъ читать и простолюдинъ, и знатный, и бѣднякъ, и богатъ, и юноша, и старецъ... А въ смыслѣ семейнаго, домашняго чтенія—это настоящій кладъ, особенно по тому „воспитательному“ значенію народныхъ сказокъ, на которое такъ опредѣленно указываетъ Пушкинъ. Нравственная основа сказокъ безукоризненно-чиста; мораль ихъ проста и немногосложна: истина, добродѣтель, прилежаніе, вѣрность чувству долга—всегда торжествуютъ; порокъ, лѣнь, неправда—всегда несутъ заслуженное наказаніе. Вотъ почему эти сказки и нравѣются намъ такой освѣжающей, ободряющей духъ, что и самая жизнь наша, со всѣми ея невзгодами, начинаетъ казаться намъ болѣе привлекательною. Великая мудрость народная, одинаково просвѣчивающая въ основѣ всѣхъ сказокъ сборника братьевъ Гриммовъ, учить насъ не желать многого, не стремиться за счастьемъ вдаль, а находить его у себя подъ рукою—у своего семейнаго очага...

Въ виду такого значенія „Сказокъ, собранныхъ братьями ГРИММАМИ“, нами предпринято нынѣ это

НОВОЕ РОСКОШНОЕ ИЗДАНІЕ,

переполненное массою рисунковъ талантливаго художника П. Гротъ-Іоганна.

Многіе художники и до него пытались воспроизвести сказочные образы этой сокровищницы, но никому доселѣ не удавалось проявить въ иллюстраціи къ сказкамъ такого богатства фантазіи, такой даровитости и силы,

Сбразецъ иллюстраціи въ текстѣ.

какъ П. Гротъ-Юганну: въ немъ прекраснѣйшее художественное дарованіе сочеталось съ чуткою отзывчивостью, столь необходимой для осмысленнаго изображенія неуловимыхъ сказочныхъ сюжетовъ, — а потому и можно сказать, что онъ своей глубоко-обдуманной, художественной иллюстраціей еще выясилъ значеніе классическаго сборника братьевъ Гриммовъ.

Съ своей стороны, мы сдѣлали все, чтобы придать изданію достойную его содержанія виѣшность въ отно-

Сказка о добромъ молодцѣ, который страха не зналъ.

«... Парень схватилъ топоръ, раскололъ однимъ ударомъ наковальню и защемилъ въ нее бороду старика...»

пени шрифта, бумаги и т. д. а назначимъ умеренную цѣну, какъ мы полагаемъ, мы сдѣлали это роскошное изданіе вполне доступнымъ для каждаго.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Наше иллюстрированное роскошное изданіе сборника Сказокъ братьевъ Гриммовъ выйдетъ въ свѣтъ въ 24-хъ изящно-брошюрованныхъ выпускахъ.

Стоимость каждаго выпуска—50 коп., а съ перес. 70 коп.

Подписная цѣна на все изданіе: безъ доставки 12 р., съ доставкой и пересылкою 14 р.

Для удобства гг. городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ, мы открываемъ подписку на это роскошное изданіе съ разсрочкою платежа на три, четыре и шесть сроковъ.

На три срока:			На четыре срока:			На шесть сроковъ:		
безъ доставки	съ перес.		безъ доставки	съ перес.		безъ доставки	съ перес.	
при подпискѣ . .	4 руб.	5 руб.	при подпискѣ . .	3 руб.	4 руб.	при подпискѣ . .	2 руб.	3 руб.
черезъ 2 мѣсяца .	4 "	5 "	черезъ 2 мѣсяца .	3 "	4 "	черезъ 2 мѣсяца .	2 "	3 "
" 4 "	4 "	5 "	" 4 "	3 "	4 "	" 4 "	2 "	3 "
" 6 "	4 "	5 "	" 6 "	3 "	4 "	" 6 "	2 "	3 "

Для гг. служащихъ допускаются еще болѣе льготныя условія, при коллективной подпискѣ за ручательствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ. За подробностями просимъ обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“.

Приблизительно черезъ каждыя двѣ недѣли будетъ выходить въ свѣтъ по одному выпуску.

Подписка на это изданіе принимается въ главной конторѣ журнала „Нива“, въ СПБ., Невскій. № 6. и во всѣхъ книжныхъ и эстампныхъ магазинахъ.

Только что вышедшій первый выпускъ высылается каждому, кто желаетъ ознакомиться съ этимъ прекраснымъ изданіемъ, за 50 коп. почтовыми марками.

А. Ф. МАРКСЪ, Издатель журнала „НИВА“.

ЛЕПНИКЪ и ГИЗНИКЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405.

БИНТЫ ДЛЯ УСОВЪ

придаютъ неправильно растущимъ усамъ въ 10 минутъ красивый видъ и фасонъ, высылаются за 1 р. 10 к. нт. съ наложен. платежомъ. Адресъ: въ Москву У. Пильцъ.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Вс. Соловьева.

Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ описываетъ эпоху правленія и низложенія Царевича Соф. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ коленкор. переп. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

Отъ Главнаго Склада

Лѣкарственной травы „КУЗЬМИЧА“.

Высокій сортъ трава Кузьмича, смолесто-бальзамическаго свойства. Цѣна 1 руб. за фунтъ. Пр. травъ подробное наставленіе.

Адресъ: г. Бузулука, Самарской губерніи, въ складъ хвойника, Сергію Зиновьевичу Орлову. Посылаю и налож. платеж. № 6280

НАВОЖДЕНИЕ. Ром. изъ современ. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ДЛЯ РЫБНОЙ ЛОВЛИ

Крючки изъ бронзы-алюминія, въ пять разъ крѣпче стальныхъ, образцы высылаются за двѣ 7-ми коп. марки, вмѣстѣ съ подробнымъ прейс-курantomъ. Доставка Моск. Рыб. Общ. Н. Глазуновъ. Москва, Столешниковъ пер., д. № 8.

ПОЧТОВЫЯ МАРКИ

100 разн. мар.—30 к., 150 р. м.—50 к., 200 р. м.—1 р., 265 р. м.—1 р. 50 к., 300 р. м.—2 р. 25 к., 500 р. м.—5 р. 1000 р. м.—20 р.—Марки на выборъ. Принимаю заказы. № 6263 Английскій магазинъ 3—1 Р. НЕШЕЛЬ. Вознесенскій пр., 10, между Больш. и Малою Морскою, С.-Петербургъ.

8 Р. КЪ ПАСХѢ. 8 Р.

ДЛЯ ДѢТЕЙ И ВЗРОСЛЫХЪ

Новый выпущенный, станокъ по дереву и металлу. Выпускается легко и совершенно вертикально, а потому м.б. управл. и неужившимъ. Заказы высылаются немедленно. Единствен. производство: С.-Петербургъ, Невскій, 4. Складъ новыхъ изобрѣтений. Высылаются налож. платежомъ. Каталогъ (иллюстр.) всѣхъ изобрѣтений и подарковъ за 10 к. марку.

КОНТОРА ИЗДАТЕЛЬСТВА

П. К. Прянишниковъ и В. Н. Маракуева

высылаютъ бесплатно каталоги по народн. и дѣтской литературѣ, по сельскому хозяйству, техническимъ и научно-популярнымъ книжкамъ

Каталоги выходятъ 3—4 раза въ годъ. Адресъ: Москва, Пятницкій пер., домъ Гуськова. Ш. № 6216 3—2

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ СРЕДСТВО

для смягченія кожи рукъ и лица.

Цѣна 35 коп.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. Ш. № 6271 14—1

КУРОРТЪ И МОРСКОЕ КУПАНЬЕ

ПЕРНОВЪ

Лифляндской губерніи.

Сезонъ съ 20 мая по 31 августа.

Подробнѣйшія свѣдѣнія безплатно чрезъ

Купальную Комиссію.

№ 6276 4—1

Иодисто-соляное КУПАНЬЕ ГАЛЛЬ. Верхняя Австрія.

Самая крѣпкая іодистая соль на континентѣ, противъ золотухи и всѣхъ общихъ и специальныхъ болѣзней, при которыхъ іодъ служитъ важнымъ лечебнымъ средствомъ. Превосходныя лечебныя приспособленія (купанья и минеральныя воды, водолечение, вдыханіе, массажъ, кефиръ).

Весьма благоприятныя климатическія условія. Железнодорожная станція. Путь чрезъ Линцъ на Дунай. СЕЗОНЪ съ 15-го мая по 30-е сентября.

Подробныя программы на разныхъ языкахъ высылаются безплатно

Н. № 6273 4—1

Лечебное управленіе купанья ГАЛЛЬ.

PAPIER FAYARD ET BLAYN

Пластичная бумага, разрѣшенная Медицинскимъ Департаментомъ. Требуется съ этикетками Fayard et Blayn. Продаются во всѣхъ лучшихъ аптекахъ. № 5983 (16—12)

EAU DENTIFRICE BALSAMIQUE DE LOISE

БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ. Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5421 (23)

Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

46. Егерштрассе. Берлинъ, придворн. парфюмеръ.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ГАНЦОВАЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ

для взрослых и детей 12—1
выучивает добросовестно, дешево и
коро. Переговоры до 12 ч. дня.
Загородный просп., д. № 26, кв. № 41.

РУКОВОДСТВО

П. № 6249 ДЛЯ 2-2

ДИЛЕТАНТОВЪ

высылает немедленно: Типография Товар.
П. Н. Куннеревъ и Ко въ Москвѣ.
Donjean. Офортъ ц. 75 к. ♦ В. Восточная
шпатель ц. 75 к. ♦ Забравский. Выжигание
по дереву ц. 75 к. ♦ Дубовский. Живонисъ
по майонизу и глянцъ ц. 65 коп. ♦ Bouffier.
Рисование пастелью ц. 50 к. ♦ Lahnek. Жи-
вонисъ по дереву ц. 65 к. ♦ Roux. Травление
металловъ (фотогр.) ц. 65 к. ♦ Klinke. Жи-
вонисъ по фарфору и стеклу ц. 1 рубль. ♦
Colson. Сним. копій съ фот. способ. ц. 60 к. ♦
Blin. Фотоминиатура ц. 50 коп. ♦ Simons.
Раскрашивание фотогр. картонокъ, фотомини-
атура, ф. живонисъ, ф. акварель ц. 50 к.

Фирма премпрована на европейскихъ
выставкахъ десятию золотыми ме-
далями и выставками знаками.

Косметические спермацетовые,
лицные № 5808

(6) УТИРАЛЬНИКИ.

Косметина А. ЭНГЛУНДЪ.

При употреблении спермацетовыхъ
утиральниковъ, кожа лица дѣлается
чистой. Удобное средство въ дорогѣ,
гдѣ лицо особенно подвержено влія-
нію пыли и вѣтра. Ихъ удобно всегда
имѣть при себѣ. Цѣна пачки 60 коп.,
съ перес. не менѣе двухъ пач.
2 руб., 4 пачки съ перес. 3 руб.
Для предупрежденія поддѣлокъ, про-
шу обратить вниманіе на подписи
А. Энглундъ—красными чернилами и
марку С.-Петербургской Косметиче-
ской Лабораторіи. Получать можно
въ Высочайше утвержденномъ рус-
скомъ обществѣ торговли аптекар-
скими товарами, Казанская ул., № 12
и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ
и парфюмерныхъ торговыхъ Рос-
сийской Имперіи. Главн. складъ
для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Пе-
тербургъ, Басейная ул., д. № 2.

И. Г. КАРЛСОНЪ ВЪ ВОРОНЕЖѢ.

СКЛАДЪ СЪМЯНЪ

превосходнаго качества и безукоризненной
вѣсноты.

**ОВШИРНЫЙ ДРЕВЕСНЫЙ
ИШТОЛНИКЪ.**

По заявленію высылаются немедленно:
1) большой иллюстрированный каталогъ
всякаго рода съмянъ, 2) иллюстрированный
каталогъ тенячныхъ, оранжерейныхъ и
комнатныхъ растений безплатно и 3) за
25 коп. почт. марками самый большой, бо-
гатый и обстоятельный въ Россіи, изданіи
иллюстрированный въ текстъ множествомъ
рисунковъ, каталогъ плодовыхъ и декора-
тивныхъ деревьевъ и кустарниковъ.
Произведенія фирмы удостоены множе-
ствомъ наивысшихъ наградъ на большихъ
Россійскихъ и Международныхъ выставкахъ.
При заказахъ прилагается безплатно руко-
водство по культурѣ огородныхъ и цвѣ-
точныхъ растений. № 6265

СТУДЕННЫЙ ЭССЕНЦИЙ
въ порошкѣхъ
Н. С. БАРОМЕНСКАГО

для приготовления изъ очищен. воды домашнимъ
простымъ способомъ разныхъ напитковъ
замѣчательныхъ по вкусу и дешевизнѣ

1. Английская горькая на 1 бут. 10 п.
2. Желудочная 10 "
3. Анисовая 10 "
4. Травяная 10 "
5. Польная (абсентъ) 15 "
6. Жинная 15 "
7. Померанцевая 15 "
8. Ерофеевская (старин.) 30 "
9. Мята 15 "
10. Лимонная } Новость 15 "
11. Рабинская палинка 15 "
12. Вишневая палинка 15 "

Для приготовления лимонировъ замѣчательныхъ
по вкусу лучшихъ иностранныхъ марокъ:

51. Бенедиктинъ (Монахоръ) за бан. 75 к.
52. Розов., бан. 75 к. 55. Чайный, бан. 75 к.
53. Мараскивъ. 75 к. 56. Абрикотинъ. 75 к.
54. Шартрезъ. 75 к. 57. Ванильный. 75 к.

Продажа и представ. при копторъ аптекъ
и водит. принадлежн. П. Н. Виноградова,
Москва, Рождественка, домъ
№ 2. Выписывающъ на 3 р.
и больше въ Европ. Россіи,
за пересылку не платятъ.

БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО
ДРА ЛЕНГИЛЯ
въ ВѢНѢ
для БѢЛЫХЪ СМЯЧЕНІЙ
и ЧИСТОТЫ
КОЖИ, ЛИЦА
и РУКЪ

Придаетъ Кожи Свѣжій Видъ,
рекомендуется какъ
Хорошее Туалетное Мыло
Настоящее только за подписью
Василия Аурихъ въ С.Пургу

ЕДИНСТВЕННАГО АГЕНТА
для Россіи.

МЕХАНИЧЕСКІЯ ПИАНИНО
на которыхъ руками можно играть какъ на обыкновенн.
пiano, а также посредствомъ верченія ручья исполнять
артистически всѣ танцы, русскія пѣсни и оперныя пѣсни,
цѣною въ 600, 650, 750, и 850 руб., рекомандуетъ

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ,
Москва, Петровка, домъ Волкова.
Требуйте иллюстрированный прейсъ-курantz. Ц. № 5970

НЬЮ-ГОМЪ
оригинальная, американская усовершенствованная
ШВЕЙНАЯ МАШИНА
Къ „НЬЮ-ГОМЪ“, въ Оранжъ (шт. Массачусеттс, Сѣв.
Америка) пользуется всемірно извѣстностью; проста,
прочна, изящна; отличается: высокими рукавомъ, новымъ
удобнымъ регуляторомъ для натяженія нити и проч. Ра-
ботаетъ легко, быстро и безъ шума; даетъ чистую, ровную,
2-мя нитками шитую строчку; употребляетъ прямую само-
вставляющуюся (безъ мѣрки) иглу; годна для домашнего
и ремесленного употребленія; шьетъ все: отъ тончайшей
кисеи до толстѣйшаго сукна.

ГАРАНТИЯ ВЪ ЛѢТЪ.
Прейсъ-курantz и описаніе по требованію.
Складъ и коптора „НЬЮ-ГОМЪ“, Москва, Мясницкая, д. Сытовъхъ.
Главный представитель для всей Россіи:
Высоч. утвержд. Товарищество „Работникъ“.

П. № 6248 Москва, Петербургъ, Кіевъ и Ташкентъ. 10-2

САРИШКА И САРИШКАЯ ЧЕСУЧА
СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКАЦИИ. Ц. № 6160
Пересылку тканей по заказамъ фирма Альбомъ съ образцами высылаются по
принимаетъ на свой счетъ. требованію безплатно.
Адресъ: САРАТОВЪ, Торговому дому „БЕНДЕРЪ и СТЕПАНОВЪ“, въ Пассажѣ.

**EAU, PÂTE, POUDRE
DENTIFRICES**

DOCTEUR PIERRE

DE LA
FACULTÉ DE MEDECINE
DE PARIS
EN VENTE PARTOUT

Людв. Федоров. Шликэизентъ
МОСКВА № 6217 5-5
Мясницкая ул., д. Ермановыхъ
рекомендуетъ: шародробители, кирпиче-
дѣлательныя и торфяныя машины; прессы
для трубъ съ раструбами, черпачки и бри-
кеттеры; машины для выработки пазовъ и
огнеупорныхъ кирпичей; мѣшалки для рас-
творовъ. Изготавливаетъ планы печей.

**НОВАЯ КНИГА:
СПУТНИКЪ
МЕЛЬНИКА-МЕХАНИКА.**
Собраніе правилъ, таблицъ и
практическихъ свѣдѣній для мель-
никовъ, строителей и владѣль-
цевъ мельницъ, монтеровъ и т. д.
Сочиненіе С. Нотовича. Цѣна въ
коленкоромъ переплетѣ 3 руб.
50 к., въ кожаномъ — 3 р. 75 к.,
безъ переплетъ 3 р. Изящное
адресуютъ: Въ складъ мельнич-
ныхъ машинъ С. Нотовича въ
Одессѣ, Базарная, № 66. Книга
поступила также въ продажу въ
книжныхъ магазинахъ „Новаго
Времени“ и др.
Ц. № 5933 20-10

ТРЕБУЙТЕ НАСТОЯЩЕЕ МЫЛО
ПРОБЫТЕ
АМОСТРОУМОВА
ГОЛОДНОЙ ПЕРХОТИ
УТВЕРЖЕН. ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ
РОССІИ

ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ ПОДДѢЛОКЪ!
КАУЧУКОВЫЙ
МОЗОЛЬНЫЙ ПЛАСТЫРЪ
А. ВЕРГГОЛЬЦА.
Продается во всѣхъ лучшихъ аптекахъ,
аптекарскихъ и резинковыхъ магазинахъ.
Главное депо: Невская аптека магистра
А. Берггольца. Невскій проспектъ 68, въ
С.-Петербургѣ. № 6262 11-1
Цѣна коробки 40 коп.

**2-ой
ВЫГРЫШ-
НЫЙ**
заемъ, 1 марта ти-
ражъ, продается на
условіяхъ дешевыхъ
и добросовѣстныхъ № 6223 5-5
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
59, Невскій, С.П.

№ 4711.
**РОЗОВОЕ
ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО.**
Самое пѣжное глицериновое мыло,
ПРОЗРАЧНОЕ
КАКЪ ХРУСТАЛЬ
благодаря своимъ отличнымъ качествамъ
пріобрѣло большую извѣстность.
Высокое содержаніе глицерина, эконо-
мія въздѣствіе обилія пѣны, пѣжый за-
пахъ розы—вотъ качества, отличающіе
это мыло въ высокой степени.
Издѣлія № 4711 можно получать въ
лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ
магазинахъ Россіи и за границей.
ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ ПОДДѢЛОКЪ!

ФИСГАРМОНИИ

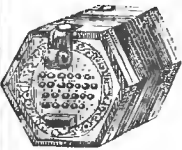

лучших французских, американских фабрик и фабрик Шидмайера, рекомендованная Главным Генеральным, Листом и др.

в 85, 100, 125, 180, 140, 150, 160, 170, 180, 190, 200, 225, 250, 275, 300, 325, 350, 400, 450, 500, 550, 600, 700, 900, 1000 руб. и дороже.

Самоучитель для фисгармоний 2 рубл. Играть на фисгармонии можно научиться легко.

АНГЛИЙСКОЕ КОНЦЕРТИНО.

небольшой инструмент, очень приятного тона с полной хроматической гаммой, на котором можно легко научиться играть.

СОПРАНО 48-тонная в 24, 30, 40, 55, 70, 100, 125, 140 руб. и 56-тонная в 200 и 225 р. и дороже.

БАРИТОНЫ 48-тонные в 85, 100 и 225 руб.

Самоучитель Ротштейна 2 руб.

Иллюстрир. прейс-куррантъ — бесплатно.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо

музыкальных инструментов и нотъ. С.-Петербургъ, В. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкий мостъ, д. Захарьина.

Рекомендуемъ новѣйшія препараты высшаго качества моего собственнаго изобрѣтенія.

И. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

Вазелиновое туалетное мыло . . . кр. 30 к.
Вазелиновая жирная вода . . . бор. 60 к.
Вазелиновый кремъ-кремъ . . . бан. 35 к.
Вазелиновая помада . . . бан. 35 к.
Ландышевое мыло . . . фл. 1 р.

Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи. Главный складъ: Демидовъ пер., № 1. Сиб.

Парфюмеръ И. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

КРАСИВО ПИСАТЬ выучивается всѣмъ заочно (посредствомъ перепечатки) въ 15 уроковъ у ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФИИ

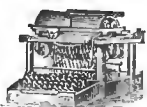
А. КОССОДО.

Методъ презентованъ на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ 30-лѣтней медали. № 6208 52-6

За 2 семиклѣбныя марки высылаются пробное письмо и условія. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дерибасовскій, д. № 19.

ЗОЛ. МЕДАЛИ. благодарности короля Эллиновъ и др. Въ 6 уроковъ выучиваются писать красиво и скоро заочно. За двѣ 7 коп. марк. высылаю условія и пр. письма. Одесса, проф. № 6261 кал. Нондариусъ. 6-1

ПЕЧАТАЮЩАЯ МАШИНА 25-11

РЕМИНГТОНА № 5

„НОВѢЙШАЯ ИЗЪ ВСѢХЪ СЪЩЕСТВЕННЫХЪ СИСТЕМЪ“

признана лучшей въ свѣтѣ. Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд. Прейс-куррантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительствъ и другихъ учреждений, высылаются бесплатно. № 5996 Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва, С.-Петербургъ, Варшава, Одесса, Екатеринбургъ, Кокандъ.

Поступило въ продажу новое роскошное изданіе А. Ф. Маркса: ИСТОРИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ И ПОВѢСТИ

П. Н. ПОЛЕВОГО,

украшенные множествомъ оригинальныхъ рисунковъ и вышестокъ художника К. В. ЛЕБЕДЕВА.

Появленіе въ свѣтъ настоящаго изданія было встрѣчено русскою выдающеюся прессою весьма лестными отзывами; такъ, между прочимъ, „НОВОЕ ВРЕМЯ“ говоритъ о книгѣ слѣдующее: „Надо отдать справедливость г. Марксу: онъ издалъ эту книгу очень изящно, съ вышестками и картинками, нарисованными съ большимъ вкусомъ и знаніемъ русскихъ древностей молодымъ художникомъ, г. Лебедевымъ. Историческіе рассказы г. Полевого отличаются тѣмъ, между прочимъ, отъ цѣлой массы подобныхъ разсказовъ, что въ нихъ соблюдается историческая вѣрность эпохъ, такъ какъ авторъ прекрасно изучилъ ту эпоху, изъ которой черпаетъ свои разсказы. Приятныя къ этимъ разсказамъ и рисунки являются не празднымъ измышленіемъ, а служатъ къ нимъ иллюстраціями, гдѣ вѣрно соблюдаются костюмы и другія бытовые особенности“.

Цѣна этой книги, въ виду ея значительнаго объема (болѣе 450 стр., большого 8°) и роскошнаго изданія, назначается нами весьма умеренная: 5 р., съ перес. 5 р. 80 коп.; въ роскош. перепл. 6 р., съ перес. 7 р.

Для любителей роскошныхъ изданій мы печатали особо „50 нумерованныхъ экземпляровъ“ на голландской бумагѣ. Въ этихъ экземплярахъ всѣ 24 страницы на мѣди отпечатаны на китайской бумагѣ. Цѣна этихъ нумерованныхъ экземпляровъ 25 руб., съ пересылкою 26 руб., въ роскошномъ полушнурковомъ переплетѣ 28 руб., съ перес. въ ящикѣ 30 руб.

Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива“, Невскій, № 6.

СТРАХОВАНІЕ ПАССАЖИРОВЪ ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ.

В. № 6201 8-4

Страховые билеты Общества „Россія“ выдаются во всѣхъ агентствахъ Общества и также на вокзалахъ Главныхъ станцій желѣзныхъ дорогъ предъ отходомъ поѣздовъ.

ВАЖНО ДЛЯ МАТЕРЕЙ.

Вновь усовершенствованный профессоромъ Сонлетомъ въ Вѣнѣ, аппаратъ для кипяченія и

СТЕРИЛИЗАЦИИ МОЛОКА

есть одно изъ необходимѣйшихъ приобрѣтеній для каждой матери. Онъ служитъ для безусловнаго уничтоженія всѣхъ болезнетворныхъ микро-организмовъ, какъ въ молокѣ, такъ и въ искусственныхъ смѣскахъ, употребляемыхъ для кормленія дѣтей. Печатное подробное описаніе раздается и высылаются желающимъ безвозмездно и аппараты продаются по крайне пониженнымъ цѣнамъ.

ВЪ ГИГИЕНИЧЕСКОМЪ ОТДѢЛѢ МАГАЗИНА Р. КЕЛЕРА и К°, въ Москвѣ. П. № 6177

ПРОДАЮТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ:

ЗА РАМПОЙ. п. п. Гнѣдича. Повѣсть. Ц. 1 р. 50 к. М. № 6270

СЕМНАДЦАТЬ РАЗСКАЗОВЪ. Его-же. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

НОВЫЕ РАЗСКАЗЫ. Его-же. Два тома. Ц. каждого 1 р.

СКАЗКИ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ. Вас. Немировича-Данченко. Цѣна 2 руб.

АНГЛИЙСКІЕ ДУХИ ВЫСОКАГО ДОСТОИНСТВА ПРОВНЫЙ ФЛАКОНЪ 10 КОП.
Парфюмерн. магазинъ Г. ЛЮПА. Пассажи № 52. С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
НАЗВАНІЕ ЛУЧШИХЪ ДУХОВЪ:

Эссенция Букетъ	Вiolette de Parma	Белла роза
Жокей клубъ	Розада	Милль-Фаръ
Букетъ Императорск.	Люби меня	Амаль
Иланъ-Иланъ	Степной букетъ	Гладиолъ
Майскій-Ландышъ	Ирисъ	Кисель медовый
Белый геліотропъ	Эдельвейсъ	Испанская роза
Бѣлая лилія	Жасминъ	Сыбирскъ сѣно
Сиренъ перс.	Олеопанскъ	Черемуха
Левкой	Шипръ	Lilas Heart
Фиалка	Букетъ де Царь	Lotus.

ПРОБНЫЕ ФЛАКОНЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ НЕ МЕНѢЕ 10 ФЛАКОНОВЪ ЗА 1 р. 40 к. съ пересылкой во весь городъ Россіи. (иномъ СИБИРИ)

БЕЗЪ ВРЕДА ВСЯКІЙ МОЖЕТЪ ТЕПЕРЬ САМЪ СЕБЯ БРИТЬ НОВОИЗобрѢТЕННОЮ БЕЗОПАСНОЮ БРИТВОЮ

„СТАРЪ“

употребленіе коей особенно облегчаетъ бритье, а съ гигиенической точки зрѣнія составляетъ дѣйствительно важное изобрѣтеніе. ибо каждый можетъ себѣ бриться. Бритва „Старъ“ выдѣлана изъ самой чистой шифональной и магнетизированной новѣйшій натѣнованной способомъ Фабри сталли. При каждой бритвѣ приложено объясненіе способа употребленія. Этого „Старъ“ нѣтъ такое громадное распространѣніе во всемъ свѣтѣ, что фабрикантъ и изобрѣтатель въ „Америкѣ“ не успѣваетъ ихъ заготовлять. Цѣна съ перес. 5 руб.

ПЕРО - ФОНТАНЪ!

Въ перѣ находится стеклянный цилиндръ, который наполненъ чернилами и въ перѣ писанія чернила стекаютъ черезъ особенное внутреннее устройство на перо. Кончикъ писанія, на перо надѣвають канюль, чтобы его можно было носить въ бумажникѣ или въ карманѣ. Перо выключенное и поэтому не ржавеетъ. Одного наполненія хватаетъ, если много писать, на два дня. № 6219

Цѣна 60 коп., съ пересылкой 1 руб.

СТАЛЬНАЯ ЛИНЕЙКА, цѣна 1 р. 50 к., очень поправившаяся, вновь получена. По желанію высылаю прейс-куррантъ новостей. Конст. Мильмъ. Б. Морская, № 34. Отправки налож. платежомъ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ (1)
Специальность хронометровъ. С.-Петербургъ, Невскій пр. № 52 прот. Имя. Публ. Библиотеки. Подробный иллюстр. прейс-куррантъ по востреб. бесплатно. Переписка на счетъ на-заванія. Ручательство на 2 года. № 6283

КНИЖКИ

всеговозможныя, русскія, высыл. немедленно

Книжный магазинъ

О. А. БОГДАНОВА.

Москва, Петровка, Петровскія линіи № 5.

Принимается подписка на всѣ рус. журналы и газеты по цѣн. редакцій. № 6274 18-3

МИНИАТЮР. АХРОМАТИЧ. БИНОКЛЬ

Безъ фирмы и фабрич. надписи поддѣлка.

со шнуромъ, въ замшевомъ чехлѣ. 8 р. 50 к. съ пер. въ Евр. Росс. 9 р., въ Азіат. 9 р. 50 к. „Лилипутъ“ удобно помѣщается въ карманѣ жилета или между пуговицами мундира и вполне замѣняетъ, какъ для поля, охоты, путешествія или театру, болѣе и тяжелые бинокли. 2-2

Е. КРАУСЪ и К°. № 6256

Специальн. фаб. оптич. инструментовъ

Парижъ. Rue de Bondy, 32.

ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ

С.-Петербургъ, Мойка, № 42.

Иллюстр. прейс-кур. оптич. и fotogr. при-

быт. высыл. каждый за семикоп. поч. марку.

PARFUMERIES aux Violettes de Parme ED. PINAUD
Savon.... aux Violettes de Parme
Essences... aux Violettes de Parme
Huile... aux Violettes de Parme
Poudre de Riz aux Violettes de Parme
37, BOULEVARD de STRASBOURG PARIS
GRAND PRIX EXPOSITION-PARIS 1889

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЪ ПРИЛОЖ. 12 КНИЖЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и Выдастъ 6 марта 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕЖЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цена этого № безъ Сборника 20 к., съ пер. 25 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1893 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за-
стройно нонпарейль (1/4 шир.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
1 руб.—Загран.: для Франціи
у Agence Havas по 3 fr., для
Австр., Герман. и Швейц. у Ru-
dolf Messe по 2 марки 50 pf.

Безъ доставки въ Петер-
бургъ. 5 р.
Съ доставкою въ Петер-
бургъ. 6 р. 50 к.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл.
И. И. Печковской, Петровск. Торг. лин. 6 р.
Съ пересылкой въ Москву и другіе го-
рода Россіи. 7 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 10 р.
На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 50 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.
На 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р. 50 к.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“ со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.
при семъ же прилагаются: 1) **СБОРНИКЪ „НИВЫ“ ЗА МАРТЪ.** 2) **„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“** за МАРТЪ 1893 г.
съ 34 рис. и отд. лист. съ 25 черт. выкр. въ натур. велич. и 37 рис. руководѣльных работъ.

Князь Григорій Григорьевичъ Гагаринъ.

Въ Шателро, во Франціи, скончался 18-го января сего года оберъ-гофмейстеръ Высочайшаго Двора князь Григорій Григорьевичъ Гагаринъ, бывшій въ 60-хъ годахъ вице-президентомъ Императорской Академіи Художествъ. Покойный пользовался извѣстностью, какъ изслѣдователь византийской живописи и архитектуры и основатель древне-христіанскаго музея въ Академіи Художествъ.

Князь Г. Г. родился 29 апрѣля 1810 г. Дѣтство свое до 13-лѣтняго возраста онъ провелъ при родителяхъ въ Римѣ, гдѣ отецъ его былъ посланникомъ, и Парижѣ. Затѣмъ онъ былъ номѣдентъ въ Collegio Tolomei въ Сиенѣ, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1826 г.

Тутъ онъ много рисо-
валъ съ натуры, ра-
боталъ, между прочимъ,
и подъ руководствомъ
знаменитаго Брюллова,
и приобрѣлъ привычку.

Бывшій вице-президентъ Имп. Академіи Художествъ, князь Г. Г. Гагаринъ
† 18-го января 1893 г.). По фот. Денъера, грав. Шкелеръ.

ставшую впоследствии — запо-
нить всѣ свои впечатлѣ-
нія на бумагу. Въ 1832
году князь Гагаринъ
пріѣхалъ въ Россію и
поступилъ на службу
въ Министерство Ино-
странныхъ дѣлъ.

„Вѣрный своему обы-
кновенію, какъ пере-
даетъ сынъ покойнаго, —
онъ однажды сталъ ри-
совать обійи видъ Пе-
тропавловской крѣпо-
сти; въ увлеченіи онъ
не замѣтилъ, что это
занятіе показалось по-
лиціи подозрительнымъ.
Вдругъ онъ увидать себя
окруженнымъ коман-
дою солдатъ: подъ кон-
воемъ повели отца къ
коменданту крѣпости и
подвергли допросу. Пе-
доразумѣніе выяснилось
и отца тутъ же выпу-
стили на свободу. Вско-
рь его причислили къ
посольству въ Констан-
тинополь. Подъ силь-
нымъ впечатлѣніемъ
мечети Ай-Софій, впер-
вые поразившей его ве-
личіемъ византийскаго
искусства, онъ страстно
предался изученію этого
стиля, отыскивая въ
окрестностяхъ Царь-
Града слѣды прежнихъ

греческих храмовъ. Чувствуя непреодолимое влеченіе къ искусству и желая всецѣло предаться изученію древнихъ памятниковъ, имѣющихъ сродство съ византійскими, отецъ не разъ предпринимать верхомъ путешествія по Малой Азии. Затѣмъ онъ получилъ назначеніе въ Мюнхенъ, откуда, по личному желанію государя Николая Павловича, былъ переведенъ въ Петербургъ. По столичная жизнь его не удовлетворяла, и онъ отпросился сопровождать барона Гана на Кавказъ. Новый край, новыя впечатлѣнія. Всюду онъ заглядывалъ, всюду рисовалъ. Однажды въ Дагестанѣ завязалась перестрѣлка между нашими и чеченцами. Подъ прикрытіемъ горной батареи отецъ сталъ набрасывать картину стычки. Въ увлеченіи работой, онъ не замѣтилъ, что батарея снялась съ позиціи и что онъ очутился совершенно одинъ. Вдругъ увидѣлъ онъ, что предводитель чеченцевъ, съ поднятымъ кинжаломъ и гиканьемъ, набѣгаетъ на него. Едва успѣвъ сложить походный альбомъ, схватилъ онъ винтовку и мѣткимъ выстрѣломъ въ лобъ уложилъ горца. Это произошло на глазахъ у всѣхъ. Подбѣжали солдатики и стали его качать, а начальство доносило объ этомъ государю Николаю Павловичу. „Такому молодцу стыдно не носить военнаго мундира“, сказалъ государь и велѣлъ записать его поручикомъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ. Такимъ образомъ, отецъ совершенно случайно сдѣлался военнымъ.

„Состоя затѣмъ при военномъ министрѣ, князѣ Чернышевѣ, онъ сопровождалъ его при ревизіи Кавказа. Здѣсь онъ принялъ участіе въ схваткахъ съ горцами и собралъ массу рисунковъ изъ военнаго быта, которые отчасти вошли въ составъ „Caucase Pittoresque“. Третье пребываніе на Кавказѣ продолжалось съ 1849 до 1856 года. Тутъ онъ занялся изученіемъ церкви Грузинъ, которая заинтересовала его сродствомъ съ византійскими памятниками. Всѣ эти работы тоже вошли въ составъ „Caucase Pittoresque“. Въ то же время имъ были разукрашены стѣны Сіонскаго кафедральнаго собора фресковою живописью и внутренность городского театра въ Тифлисѣ. Для послѣдняго онъ завелъ маленькую фабрику панье-машъ, гдѣ формировались арабо-мавританскіе орнаменты, помощью которыхъ онъ превратилъ зрительную залу въ родъ Гренадской Альгамбры. Въ своемъ описаніи Кавказа Дюма-отецъ го-

воритъ, что нигдѣ не видѣлъ болѣе красиваго театра. Нынѣ этотъ театръ болѣе не существуетъ: онъ сгорѣлъ въ семидесятыхъ годахъ. Къ той же эпохѣ относятся планы, составленные отцомъ, для строящихся на Кавказѣ штабныхъ церквей. Отецъ оставался на Кавказѣ до окончанія крымской войны, принимая живое участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, происходившихъ въ то время въ Карской области.“

За свои военные подвиги на Кавказѣ князь Г. Г. получилъ многія отличія: былъ назначенъ флигель-адъютантомъ, произведенъ въ чинъ ротмистра, и затѣмъ полковника и былъ награжденъ орденами св. Анны 2 ст. съ короною и св. Владимира 4 ст. съ бантомъ. Въ 1855 г. князь Гагаринъ былъ назначенъ состоящимъ при президентѣ Академіи Художествъ, великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ. Въ первое время по пріѣздѣ въ Петербургъ, покойный занялся украшеніемъ дворца Августейшаго президента (нынѣ зданіе Государственнаго Совета). До сихъ поръ живопись замѣчательно сохранилась во дворцѣ и вызываетъ невольное удивленіе всѣхъ, кто хотя разъ осматривалъ зданіе Государственнаго Совета. Въ 1858 г. Г. Г. былъ произведенъ въ генералъ-майоры свиты Его Величества. Будучи съ 1859 г. по 1872 г. вице-президентомъ Академіи Художествъ, князь Гагаринъ особенно заботился о томъ, чтобы художники историческія картины пріобрѣтали археологическія и историческія знанія, а архитекторы знакомились съ византійскимъ и древне-русскимъ стилемъ. Покойному принадлежитъ роскошное хромофотографическое изданіе „Изображеній изъ св. Евангелія“, нѣсколько другихъ художественныхъ изданій и сочиненіе подъ заглавіемъ „Русскимъ строителямъ о родникѣ русскаго искусства“, написанное къ первому съѣзду русскихъ зодчихъ. Въ 1849 г. покойный былъ избранъ въ дѣйствительные члены Общества поощренія художниковъ, а въ 1872 г. — въ почетные члены Академіи Художествъ.

Портретъ, помѣщаемый нами, относится ко времени назначенія князя Г. Г. Гагарина вице-президентомъ Академіи Художествъ.

Покойный похороненъ 25-го января въ своемъ имѣніи Карачаровѣ, при церкви села Сучковъ, Корчевскаго уѣзда Тверской губерніи. Церковь эта очень красива и украшеніемъ своимъ обязана покойному князю.

Воля судьбы.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе).

ХІІ.

Сеньоръ Торичіоли.

Вѣсть о княжескомъ гнѣвѣ съ быстротою молніи разнеслась по усадьбѣ, и дворовые, по опыту знавшіе, каковъ бывалъ разсерженный князь, притаились и притихли, запрятались по своимъ конурамъ, чтобы хоть случайно не попасть на глаза грозному барину. Дворецкій, давно не видѣвшій гнѣва Андрея Николаевича и знавшій, что припадокъ будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дольше былъ свѣтлый промежутокъ, дрожалъ заранѣе, въ ожиданіи, когда господа выйдутъ ужинать.

На его счастье, никто не явился къ столу. Въ этотъ вечеръ некому было вспомнить о тѣхъ въ Проскуровѣ.

Карль, придя къ себѣ, легъ на кровать, не раздеваясь, и, заложивъ руки за шею, долго лежалъ такъ, съ усиліемъ стараясь разобрать спутавшіяся нити мыслей и придти въ себя послѣ свалившихся такъ неожиданно на его голову несчастій.

Только-что происшедшее объясненіе съ княземъ было у него какъ въ туманѣ. Хотя онъ и обвинялъ себя за излишнюю, можетъ быть, горячность, но обсуждая теперь дѣло со всѣхъ сторонъ, приходилъ къ убѣжденію, что трудно было поступить иначе. Все равно, рано или поздно, истина должна была выйти наружу, и то, что произошло сегодня — неминуемо произошло бы тогда...

Долго лежалъ у себя Карль, пока, наконецъ, въ дверяхъ показалась голова лакея.

— Иосифъ Александровичъ проситъ барона, можетъ-ли онъ войти къ нему?.. доложилъ лакей.

— Т. е. онъ ко мнѣ пришелъ? переспросилъ Карль.

— Да, онъ здѣсь...

— Просите.

Итальянецъ являлся теперь въ Проскуровѣ человѣ-

комъ, котораго болѣе всѣхъ остальныхъ желательно было видѣть Эйзенбаху.

Торичіоли вошелъ. Карль поднялся ему навстрѣчу. — Вы знаете, что случилось? спросилъ Карль по-нѣмецки.

Торичіоли владѣлъ этимъ языкомъ довольно свободно. — Слышалъ, отвѣтилъ онъ. — Если бы вы видѣли, что тамъ происходило...

И итальянецъ качнулъ головою въ сторону большаго дома.

— А что?

— На половинѣ княжны. Князь отправился къ ней, и въ бѣшенствѣ была минута, что онъ чуть не убилъ ее. Я тамъ былъ съ каплями. Я его удержалъ прямо за руку.

— А она что?

— Она молчитъ. Сѣла въ уголокъ и застыла, не дрогнетъ...

Карль прошелся по комнатѣ.

— Плохо дѣло, сеньоръ Торичіоли, проговорилъ онъ.

Итальянецъ вздохнулъ.

— Да, баронъ, не хорошо.

— Я думаю, что все кончено. Выхода нѣтъ... Нужно уѣзжать.

— Значитъ, всѣ ваши хлопоты и мои пропадутъ даромъ? возразилъ итальянецъ.

— А вамъ сколько обѣщано отцомъ въ случаѣ, если свадьба состоится?

Торичіоли вздохнулъ:

— Пять тысячъ единовременно и пенсія отъ вашего имени, проговорилъ онъ.

— Вознагражденіе хорошее, улыбнулся Карль. — Ну, теперь придется вамъ забыть о немъ.

— А развѣ вы хотите бросить дѣло, это ваше окончательное рѣшеніе?

Карлъ, на ходу, остановился передъ итальянцемъ.
— А какъ же поступить ипаче? спросилъ онъ.
— Нужно поискать сначала какого-нибудь исхода...
— Ищите.

И Карлъ опять заходилъ по комнатѣ.

— Припадокъ гнѣва князя пройдетъ скоро, началъ рассуждать Торичіоли, — тогда онъ будетъ къ вамъ опять ласковъ... Вы не виноваты ни въ чемъ. Нужно побѣдить молодую дѣвушку—вотъ вся задача.

— Побѣдите, побѣдите!.. процѣдилъ сквозь зубы Карлъ.—Легко сказать это—побѣдите...

Нужно было видѣть Карла въ эту минуту, чтобы судить, каковъ былъ этотъ человекъ, когда маска добродушія спадала съ него. Лицо его рѣзко измѣнилось, движенія были отрывисты, бѣшенство горѣло въ глазахъ. Казалось, онъ готовъ былъ на все рѣшиться, чтобы достигъ желанной цѣли.

— Нужно стараться, проговорилъ итальянецъ.

Карлъ нетерпѣливо взмахнулъ руками.

— Развѣ я не старался, развѣ я не дѣлалъ все отъ меня зависящее въ продолженіе этихъ трехъ недѣль?.. Можно провести старика-отца, но чувства дѣвушки не обманешь...

— Эхъ, вздохнулъ вдругъ Торичіоли,—если бы былъ я свободенъ дѣйствовать...

Видно было, что ему и хотѣлось, и вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлось говорить то, что онъ думалъ.

Искра надежды мелькнула въ глазахъ Карла.

— Вы имѣете какой-нибудь планъ? живо спросилъ онъ.—Слушайте: если княжна будетъ моею—кромѣ пяти тысячъ и пенсій, я обещаю вамъ заемное письмо въ пятьдесятъ тысячъ.

— Пятьдесятъ тысячъ! повторилъ Торичіоли.—Пятьдесятъ тысячъ!..

— Да, и цѣнный подарокъ въ день свадьбы еще... Говорите, что вы придумали?..

— Средство довольно старое, но тѣмъ не менѣе всегда дѣйствительное...

Карлъ сѣлъ по другую сторону стола и внимательно уставился на итальянца.

— У насъ, въ Италиі, продолжалъ тотъ,—есть много секретовъ... Когда-то я занимался кое-чѣмъ... Можно молодой дѣвушкѣ дать нѣсколько капель...

Карлъ рѣзко всталъ и махнулъ рукою, не желая долѣе слушать.

— Я думалъ, у васъ есть что-нибудь болѣе серьезное, сказалъ онъ разочарованно.

И снова заходилъ.

Тонкія губы итальянца растянулись въ улыбку.

— Неужели баронъ думаетъ, что я ему говорю про тѣ эликсиры, корешки и нашенгиванія, которые якобы способны приворожить дѣвушку къ кому-нибудь или заставить ее полюбить?.. Нѣтъ, баронъ, Джузеппе Торичіоли никогда не занимался шарлатанствомъ... Ему извѣстны рецепты болѣе дѣйствительные и знанія болѣе точныя...

— Что-же это, ядъ, что-ли? переспросилъ Карлъ, становясь снова серьезнымъ.

— Зачѣмъ ядъ, разсмѣялся Торичіоли,—нѣтъ, напротивъ, самый жизненный напитокъ... Въ нашихъ интересахъ, чтобы молодая дѣвушка жила и благополучествовала, а молодого человека, который намъ мѣшаетъ, и безъ того, не медля, ушлиотъ куда-нибудь очень далеко... Постѣ случившагося сегодня, онъ намъ не опасенъ...

— Ну, такъ я не понимаю, перебилъ Карлъ.

— Очень просто. Молодого человека ушлиотъ, въ этомъ нельзя сомнѣваться, и вы останетесь хозяиномъ положенія, вы будете одни здѣсь, и тогда-то нѣсколько капель извѣстной мнѣ настойки могутъ оказать свое дѣйствіе...

— Да что же это за настойка?.. нетерпѣливо пере-

билъ Карлъ.—Что же, заставивъ ее выпить ваши капли, вы вольете въ ея сердце любовь ко мнѣ?..

Торичіоли снова улыбнулся.

— Любовь, отвѣтилъ онъ,—пожалуй—да, но именно къ вамъ—нѣтъ, этого сдѣлать я не въ силахъ, хотя довольно и того, что мои капли возбуждаютъ въ ней такую страсть, такое желаніе страсти, что никто не уберезетъ ее, и сама она побороетъ себя не будетъ въ силахъ, а такъ какъ кромѣ васъ никого она болѣе подходящаго возлѣ себя не увидитъ, то и рада будетъ кинутся вамъ на шею.

— Вотъ оно что! протянулъ Карлъ.—Но это ужасно!.. Вѣдь это все равно, что украсть ея сердце.

— Но зато это вѣрно, спокойно проговорилъ Торичіоли.

Карлъ задумался.

— Да, ужасное, но вѣрное средство—это правда, сказалъ онъ, наконецъ, произнося вслухъ то, что было у него на умѣ.

И онъ заходилъ по комнатѣ.

— Но если я, заговорилъ онъ опять,—составлю ея счастье, я сдѣлаю все, чтобы она видѣла въ жизни одну только радость... Сеньоръ Джузеппе, я говорю вамъ, что она не раскается въ потерѣ этого безроднаго найденыша... Я люблю ее...

— Тѣмъ лучше, подтвердилъ сеньоръ Джузеппе, принимая вполне эгоистическую самоувѣренность барона.

Всѣ влюбленные на одинъ ладъ. И всѣ они думаютъ, что рай только въ ихъ шалашѣ.

— И у васъ есть готовымъ этотъ эликсиръ?

Торичіоли поморщился.

Въ душѣ его, видно было, промелькнуло что-то неприятное, словно тяжелое воспоминаніе, какой-то призракъ прошлаго, которому онъ не хотѣлъ позволить возродиться.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ,—нѣтъ, у меня нѣтъ готовыхъ капель, ихъ нужно сдѣлать... а главное, вспомнить пропорцію, снова вычислить ее... Сегодня которое число?

— Девятое іюня, кажется...

— Странно, какъ бы говоря самъ съ собою, произнесъ итальянецъ поводя плечами,—ровно девятнадцать лѣтъ тому назадъ я въ послѣдній разъ долженъ былъ примѣнить свое искусство... Много времени прошло съ тѣхъ поръ...

Но Карлъ былъ занятъ своими соображеніями и воспоминанія сеньора Джузеппе его не интересовали.

— А много времени вамъ понадобится, опять спросилъ онъ,—чтобы составить капли?

— Если найду всѣ необходимые матеріалы, то не дѣли двѣ—самое большее три...

— Долгій срокъ! сказалъ Карлъ.

— Какой вы нетерпѣливый!

— Тутъ дѣло не въ нетерпѣннѣи, а въ томъ, что разсерженному князю вдругъ можетъ придти фантазія завтра велѣтъ мнѣ приготовить лошадей... Теперь я вижу его характеръ.

— Скажитесь больнымъ, лягте въ постель—я буду дѣлать видъ, что лѣчу васъ. И вы только выиграете въ глазахъ князя тѣмъ, что такъ потрясены, что даже заболѣли.

— Сеньоръ Торичіоли, вы умный человекъ! проговорилъ Карлъ, улыбаясь.

— Господинъ баронъ, вы очень любезны! въ тош ему отвѣтилъ итальянецъ.

— Значитъ, по рукамъ?

На лицѣ сеньора Джузеппе еще разъ явилась его особенная улыбка. Онъ улыбался всегда одиѣми губами, глаза у него оставались серьезны,—какъ это бываетъ у людей или очень несчастныхъ, или на совѣсти которыхъ лежитъ какой-нибудь упрекъ за прошлую жизнь.

XIII.

Suum cuique.

— Нѣтъ, господинъ баронъ, не совѣмъ еще по ру-

Св. Сергій отказывается принять игуменство. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) акад. Шаховского, грав. Шюблеръ.

Дарьяльская крѣпость. Съ акварелл В. Червинскаго, грав. М. Рашевскій.

камъ, остановилъ Торичіоли Карла, когда тотъ для заключенія условія протянулъ ему руку.

— Въ чемъ-же дѣло? удивился Карлъ.

— Дѣло въ томъ, что вознагражденіе, которое вы мнѣ предлагаете, слишкомъ мало.

— Слишкомъ мало!? вамъ мало пятидесяти тысячъ?..

— Вотъ, видите-ли, съ разстановкой проговорилъ итальянецъ,—я рискую ужъ слишкомъ многимъ.

Карлъ пожалъ плечами.

— На мой взглядъ—рѣшительно ничѣмъ. Никто не можетъ узнать. И въ моихъ, и въ вашихъ интересахъ хранить тайну, а никому кромѣ насъ она не извѣстна.

— Да, но... вотъ тутъ что: я долженъ нарушить одно обѣщаніе... больше обѣщанія—клятву...

— Какую клятву, сеньоръ Джузеппе?

— Данную мною ровно девятнадцать лѣтъ тому назадъ...

— Ну, это эпизодъ, значить, изъ древней исторіи; можно легко забыть то, что было девятнадцать лѣтъ тому назадъ.

— Согласитесь, однако, баронъ, что изъ-за пятидесяти только тысячъ нарушить клятву...

— Сеньоръ Торичіоли, вы, разумѣется, рассказываете мнѣ сказки про ваши клятвы.

— Которымъ вы можете вѣрить или нѣтъ, подхватилъ итальянецъ, но вѣдь вы должны получить за княжною около милліона,—неужели вамъ жаль увеличить мою долю?

— Этотъ аргументъ болѣе рационаленъ, сказалъ, подумавъ, Карлъ;—но капли уже будутъ поднесены вами, я ни во что не вмѣшиваюсь... Сколько приемовъ вы должны дать?

— О! достаточно одного—въ пять или шесть капель.

— Вотъ дорогой напитокъ, улыбнулся Карлъ, — по двадцати тысячъ капля... Что-же вамъ угодно, заемное письмо?

— Простую записку, которую вы подпишете.

И условіе было заключено.

Прошло три дня. Старый князь сидѣлъ, запершись, у себя въ кабинетѣ и никого не пускалъ къ себѣ, кромѣ камердинера. По словамъ этого камердинера, Андрей Николаевичъ не ложился вовсе, проводя все время въ креслахъ у окна. Онъ не спалъ и ничего не ѣлъ.

Страшная сцена, происшедшая въ комнатѣ Ольги, когда старый князь явился туда послѣ разговора съ барономъ, такъ подѣйствовала на Ольгу, что она слегла.

Отецъ ни разу не спросилъ о ней. Онъ безпокоился только о себѣ и о новомъ ударѣ, которымъ поразила его судьба.

И ударъ этотъ былъ чувствительнѣе всѣхъ прежнихъ для себялюбиваго князя. Князь Проскуровъ, весь вѣкъ свой гордившійся своимъ титуломъ, потому что кромѣ этого нечѣмъ было гордиться ему, князь Проскуровъ, высокомерно отвергнѣй предложеніе князя Голицына и другихъ завидныхъ жениховъ, долженъ былъ сознать, что найденышъ завладѣлъ сердцемъ его дочери! Это, поистинѣ, казалось ужаснымъ.

Но Ольга не была виновата въ томъ, что полюбила Артемія. Чувству не прикажешь, и когда любовь ея перестала быть тайной, когда разсерженный отецъ грозилъ ей монастыремъ, упрекалъ въ неблагодарности и клялся сжить со свѣту негоднаго мальчишку—она твердо вынесла всю сцену, но затѣмъ не выдержала. Здоровье ея всегда было плохо. Слабенькая, рожденная отъ болѣзненной матери, проводившая свое дѣтство въ вѣчномъ страхѣ передъ отцомъ—она выросла нервнымъ, впечатлительнымъ ребенкомъ. Ей случалось жаловаться на грудь: она не могла, не задыхаясь, двигаться скоро... Пока отецъ берегъ ее, она чувствовала себя хорошо, но достаточно было перваго-же сильнаго нравственнаго потрясенія, чтобы некрѣпкія силы ея надломились.

Артемій сидѣлъ, по приказанію князя, въ своей ком-

натѣ, подъ ключемъ, безвыходно. Участь его была рѣшена. Его отираляли въ дѣйствующую армію солдатомъ.

Одинъ Торичіоли еще надѣялся, что все уладится, лишь-бы поскорѣе уехали Артемія.

Перспектива ста тысячъ придавала ему бодрости, и онъ не хотѣлъ допустить и въ мысляхъ, что это, опьянившее его уже заранѣе, богатство ускользнетъ отъ него.

Онъ горячо взялся за свое дѣло. Вытащилъ запечатанныя книги, къ которымъ давно не прикасался, сдѣлалъ выкладки, отыскалъ на днѣ своего сундука коробку съ засохшими корешками и къ удовольствію своему убѣдился, что все, что нужно ему, было налицо. Оставалось набрать розовыхъ лепестковъ для эссенціи.

Мнимо-больной Карлъ лежалъ у себя во флигелѣ, скучая своимъ положеніемъ и отчасти раскаяваясь уже, что представился больнымъ, такъ казалось несносно проводить весь день у себя въ неволѣ.

Онъ спрашивалъ у Торичіоли, нельзя-ли ему выздоровѣть, говорилъ, что ему скучно, но тотъ принесъ ему изъ библіотеки груду книгъ для развлеченія и сказалъ, что выздоравливать рано, потому что самое лучшее сдѣлать это днемъ позже того, какъ старый князь, отсидѣвшись у себя въ кабинетѣ, выйдетъ отсюда, тѣмъ болѣе, что къ тому времени и Артемія ушли уже, по всей вѣроятности.

Карлъ проклялъ въ несчетный уже разъ Артемія и остался лежать, попробовавъ утѣшить себя книгами, которыхъ вообще не долюбивалъ.

Ему попался подъ руку одинъ изъ безнравственныхъ романовъ, довольно многочисленныхъ въ литературѣ XVIII вѣка, и онъ сталъ читать его не безъ интереса.

Въ этомъ случаѣ онъ дѣлалъ только то, что дѣлало почти все общество его времени.

Романъ подходилъ къ развязкѣ, и Карла очень занимало, женится въ концѣ концовъ герой или нѣтъ, когда вдругъ, на самомъ интересномъ мѣстѣ, раздались въ сосѣдней съ спальнею Карла комнатѣ быстрые шаги и, распахнувъ широко дверь, вбѣжалъ растерянный и самъ на себя не похожій Торичіоли. Онъ былъ безъ шляпы, парикъ сбился слегка у него на-бокъ... и дрожащими руками онъ силился растегнуть камзолъ на груди...

— Что такое, что съ вами? проговорилъ Карлъ, приподымаясь на постели.

Итальянецъ махнулъ рукой и, въ изнеможеніи, не опустился, но просто упалъ на повалившійся ему стулъ и испуганными, широко открытыми глазами уставился на Карла.

Онъ тяжело дышалъ, точно ему пришлось бѣгомъ пробѣжать цѣлую версту.

— Это невѣроятно, непостижимо, это выше моего пониманія, но, между тѣмъ, я видѣлъ его... я видѣлъ собственными глазами...

Карлъ испугался: Торичіоли, казалось, съ ума сошелъ.

— Да вѣдь какъ видѣлъ, вотъ не дальше пяти шаговъ, продолжалъ, все еще едва переводя духъ, итальянецъ. — Мнѣ нужны были розы... я рвалъ ихъ и вдругъ вижу онъ идетъ по дорожкѣ... Онъ. это онъ былъ, я не могъ не узнать его,—за девятнадцать лѣтъ лицо его не измѣнилось нисколько, какъ будто время совсѣмъ не оставило на немъ слѣдовъ... и какъ разъ теперь, когда я чуть было не нарушилъ...

— Да кого вы видѣли? возвышая голосъ, перебилъ Карлъ, которому невольно передавался ужасъ Торичіоли, видимо, потерявшаго голову.

— Да, я видѣлъ... Вотъ, возьмите назадъ, я не слуга вамъ... нѣтъ, не надо... возьмите вашу записку... рвите ее... я ни за что, ни за какія деньги... Ахъ, баронъ... баронъ!..

И, говоря это, итальянецъ растегивалъ свой камзолъ, досталъ висѣвшій на груди у него полотняный мѣшечекъ и, выхвативъ изъ него расписку Карла, бросилъ ее ему.

— Что съ вами, кого вы видѣли, наконецъ, дьявола что-ли? разсердился баронъ.

— Не знаю, можетъ-быть... можетъ-быть... но только это почти сверхъестественно... Я наклонился надъ кушетомъ, подымаю голову... и вижу...

Торичіоли не договорилъ. Онъ замеръ почти на полусловъ, остановивъ глаза на окнѣ.

Эйзенбахъ взглянулъ за нимъ туда-же. Сквозь частую сѣтку оконной рамы видѣлся цвѣтникъ; между подстриженными деревьями, по дорожкѣ, на которой видѣлъ Карлъ въ памятный ему вечеръ Ольгу, шелъ теперь къ большому дому человѣкъ не высокаго роста, коренастый, мускулистый, бодрою и твердою походкой.

Онъ шелъ увѣренно, просто, вопли владѣя тѣмъ, что называютъ „видной осанкой“.

Одѣтъ онъ былъ, скорѣе, скромно, но коричневый кафтанъ его прекрасно сидѣлъ на немъ, ноги, обуты въ башмаки дешевой кожи, казались не велики, — признакъ породы, — и широкополая шляпа красиво отбѣляла его выразительное, нѣсколько смуглое лицо. Парика онъ не носилъ, и черные волосы его темнѣли издали.

— Кто-же это? спросилъ опять Карлъ.

Но Торичіоли не слышалъ этого вопроса, и снова не отвѣтилъ.

Карлъ не сталъ настаивать долѣе.

Мало-по-малу, медленно, Торичіоли пришелъ въ себя. Онъ выпилъ воды, отеръ платкомъ блѣдный свой лобъ и глубоко вздохнулъ.

— Т. е. если, заговорилъ онъ, — за минуту передъ тѣмъ мнѣ-бы сказали, клянусь всѣми святыми... голову свою заложить... я-бы не повѣрилъ, что это могло случиться... Откуда ему понасть сюда?..

Эйзенбахъ повернулся на кровати.

— Ну, стойте, сказалъ онъ наконецъ, видя, что теперь можно говорить съ итальянцемъ, — чего-же вы такъ испугались? Что случилось особеннаго въ томъ, что вы увидѣли этого господина—воскресъ онъ что-ли? Были вы увѣрены, что онъ умеръ?

— Пѣтъ.

— Ну, такъ что-жъ тогда? Это вашъ соотечественникъ, какъ его зовутъ?

— Comte Soltikoff.

Карлъ пожалъ плечами.

— „Comte Soltikoff“, повторилъ онъ, — это русская фамилія „графъ Солтыковъ“, по всей вѣроятности, проѣзжій или, можетъ-быть, новый сосѣдъ здѣшній, подѣхалъ къ княжескому парку и вышелъ погулять... Вы давно знакомы съ нимъ?

— Да... да... все еще разбѣнно повторялъ Торичіоли, — да, тутъ нѣтъ ничего особеннаго, все это можетъ быть очень просто... Soltikoff — русская фамилія... но девятнадцать лѣтъ тому назадъ въ Генуѣ, и теперь вдругъ здѣсь... Нѣтъ, это очень странно...

— Значить, это вашъ давнишній знакомый, вы пойдете къ нему?

Торичіоли испуганно глянулъ въ лицо Карлу.

— Рег бассо, баронъ! Я останусь лучше съ вами, отвѣтилъ онъ и спустился на окнахъ, яко-бы отъ солнца, шторы.

XIV.

Новый гость.

Только-что Торичіоли успокоился немного, выразивъ намѣреніе остаться въ комнатѣ Карла, какъ появился лакей. Итальянецъ съ новымъ испугомъ взглянулъ на него.

— Тамъ васъ спрашиваетъ дворецкій, доложилъ лакей, обращаясь къ Торичіоли.

„Такъ и есть!“ подумалъ итальянецъ. Но дѣлать было нечего, онъ вышелъ къ дворецкому.

Дворецкій, Иванъ Пахомычъ, угождавшій князю съ самаго поселенія его въ деревнѣ и очень гордившійся

этимъ, былъ человѣкъ весьма обстоятельный, спокойный и не лишенный своего рода такту.

— Іосифъ Александровичъ, началъ онъ, когда къ нему вышелъ Торичіоли, — тамъ иностранный господинъ пришелъ и проситъ доложить о немъ князю, а вы сами изволите знать, какія обстоятельства теперь, — къ князю подойти невозможно... Я на себя не могъ взять рѣшенія...

Дворецкій Иванъ Пахомычъ говорилъ съ тою полупочтительною фамиллярностью, съ которою имѣетъ обыкновеніе обращаться высокопоставленная прислуга не къ господамъ, но къ людямъ, стоящимъ близко къ нимъ.

Торичіоли, давно привыкшій къ этой фамиллярности, не обратилъ на нее вниманія, тѣмъ болѣе теперь, когда мысли его всецѣло были заняты совершенно другимъ.

— Надобно вамъ сказать, Іосифъ Александровичъ, продолжалъ Иванъ Пахомычъ, разводя руками, — что этотъ господинъ явился съ черезъ садъ, довольно странно...

— Положимъ, тутъ можетъ и не быть ничего страннаго, сказалъ Торичіоли, невольно повторяя то, что только-что ему говорилъ Карлъ. — Этотъ господинъ, вѣроятно, или пріѣзжій или новый сосѣдъ князя — гулялъ... зашелъ въ садъ...

И Торичіоли замаялся, потому что изъ показавшагося сначала правдоподобнымъ соображенія Карла, теперь, какъ-то не выходило ничего убѣдительнаго.

— Онъ сказалъ свою фамилію, фамилія его русская? спросилъ итальянецъ.

— Пѣтъ, иностранная.

— Иностранная?

— Онъ говоритъ, что онъ докторъ.

— Докторъ? Какъ-же онъ называетъ себя?

— Докторъ Шеннингъ.

Торичіоли вздохнулъ свободнѣе. Онъ помялъ, что человѣкъ, котораго онъ зналъ въ Генуѣ подъ именемъ графа „Soltikoff“, не желаетъ, чтобы его узнавали здѣсь.

„Тѣмъ лучше“, подумалъ итальянецъ.

— Вы сказали ему, что князя нельзя видѣть? спросилъ опять онъ.

— Да, но онъ проситъ остаться въ домѣ. Я ему говорю, что безъ князя нельзя. А онъ говоритъ: такъ доложите князю!

И Иванъ Пахомычъ снова развелъ руками.

— Я ужъ и не знаю, какъ быть, Іосифъ Александровичъ? добавилъ онъ. — Какъ угодно, а вы выйдите, поговорите съ нимъ, я на себя одного не могу взять этого дѣла.

Торичіоли остановился въ нерѣшимости. Онъ чувствовалъ, что долженъ идти, что скрыться все равно некуда, и что трудно будетъ выпроводить внезапнаго гостя, если онъ захочетъ остаться.

И Торичіоли быстро взвѣсилъ всѣ обстоятельства за и противъ.

Строго говоря, бояться ему было нечего. Человѣкъ, явившійся подъ именемъ доктора Шеннинга, не желаетъ быть узнаваемъ; условіе, заключенное съ Карломъ, нарушено. Въ продолженіе девятнадцати послѣднихъ лѣтъ своей жизни Торичіоли не можетъ упрекнуть себя ни въ чемъ.

И итальянецъ рѣшился.

— Я сейчасъ! сказалъ онъ и вернулся въ комнату Эйзенбаха.

Карлъ лежалъ попрежнему на кровати и ждалъ возвращенія итальянца, уставившись на дверь нетерпѣливыми глазами. Любопытство его было задѣто.

Торичіоли только высунулся въ дверь и быстрымъ шопотомъ проговорилъ:

— Такъ помните, баронъ, что я не слуга вамъ

больше, что между нами нѣтъ никакого условія и что я вернулъ вамъ вашу записку.

И, не дожидаясь отвѣта, онъ снова исчезъ.

Докторъ Шеннингъ ждалъ въ большихъ надеждахъ, когда вернется дворецкій, сказавшій ему, что пойдетъ посоветоваться относительно его просьбы.

Онъ спокойно стоялъ у окна, и во всей фигурѣ его было столько самоуверенности въ томъ, что онъ дѣлалъ, что становилось понятно, почему Иванъ Нахичъ не отказалъ ему сразу, а нашелъ удобнымъ посоветоваться съ итальянцемъ, какъ ему поступить.

Торичиоли вошелъ съ крыльца въ сѣни. Докторъ обернулся къ нему. Глаза ихъ встрѣтились. Но ни одинъ мускулъ неподвижнаго лица доктора не тронулся, онъ бровью не шевельнулъ, и его остановленный на итальянца взглядъ не выражалъ ничего, кромѣ ожиданія.

Казалось, онъ не только не узналъ его, но просто никогда не видѣлъ до сихъ поръ и не подозрѣвалъ, откуда явилось это смущеніе Торичиоли, и что значитъ его растерянный, тревожный видъ.

„А можетъ-быть это просто сходство, можетъ-быть, радостно подумалъ Торичиоли, — память обманываетъ меня... и въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ не можетъ сохраниться такъ въ продолженіе девятнадцати лѣтъ... да, конечно“...

И онъ смѣясь поглядѣлъ на доктора

— Я имѣю удовольствіе говорить съ управляющимъ князя? спросилъ тотъ на ломаномъ русскомъ языкѣ

„Голосъ какъ будто тотъ“, снова мелькнуло у итальянца

— Нѣтъ, я живу у князя, отвѣтилъ онъ по-нѣмецки, — не въ качествѣ управляющаго. Но, что вамъ угодно?

— Я прошу гостепріимства въ этомъ богатомъ домѣ. Мнѣ сказали, что это домъ князя Проскурова; я прошу гостепріимства князя.

— Но князь никого не можетъ принять теперь.. его нельзя беспокоить.

— Я и не желаю беспокоить князя, но прошу лишь, чтобы мнѣ было позволено отдохнуть.

— Это невозможно!

Докторъ улыбнулся.

— Развѣ обычное въ Россіи радушіе чуждо дому князя?

Иванъ Нахичъ стоялъ важно и серьезно, переводя глаза съ доктора на итальянца, какъ будто стараясь узнать смыслъ непонятнаго разговора на чуждомъ ему языкѣ.

Онъ видѣлъ, что докторъ что-то сказалъ итальянцу такое, что тотъ замаялся.

— Иванъ! вдругъ раздался голосъ стараго князя, — кто это такой и что ему нужно?

Князь Андрей Николаевичъ стоялъ на верхней ступенькѣ снускавшейся въ сѣни внутренней лѣстницы.

Онъ первый разъ, послѣ случившагося три дня тому назадъ, шелъ гулять въ садъ.

XV.

Докторъ Шеннингъ.

Вѣроятно это было слѣдствіемъ трехъ безсонныхъ ночей и перваго утомленія князя Андрея Николаевича, но съ нимъ случилось очень странная вещь:

Когда онъ, намѣреваясь пойти гулять, вышелъ на гѣстницу и наткнулся въ сѣняхъ на иностраннаго доктора, просящаго гостепріимства, — онъ, должно быть, заговорилъ съ нимъ и пригласилъ идти за собою, потому что полное и ясное сознаніе окружающаго вернулось къ нему только въ саду, когда онъ шелъ по дорожкѣ, по которой имѣлъ обыкновеніе ходить. Рядомъ съ нимъ шелъ докторъ Шеннингъ. Они разговаривали.

Какъ это случилось, что вотъ они очутились вмѣстѣ, въ саду, разговаривая, этого старей князь отчетливо не помнилъ, хотя и понималъ, что особенно удивитель-

наго тутъ ничего не было: онъ вышелъ сегодня первый разъ изъ кабинета, утомленный физически и нравственно. Весьма естественно, въ первую минуту онъ могъ почувствовать нѣкоторую слабость, затменіе, и не помнить, что и какъ говорилъ. Потомъ свѣжій воздухъ отрезвилъ его, и онъ пришелъ въ себя.

Какъ бы то ни было, но докторъ былъ рядомъ съ нимъ и держалъ себя такъ увѣренно и просто, какъ будто такъ и слѣдовало тому быть.

Князь повѣрилъ его увѣжденному виду и подумалъ только про себя, что „плохо дѣло, — старость приходитъ, если ужъ онъ забывать сталъ“...

Разговоръ у нихъ шелъ по-нѣмецки...

— Прекрасно у васъ здѣсь, хвалилъ докторъ князя его садъ и цвѣтникъ, видимо доставляя этимъ большое удовольствіе Андрею Николаевичу, который былъ въ сущности очень радъ поговорить теперь съ лицомъ совершенно постороннимъ. Докторъ, случайно заброшенный въ Проскурово и, конечно, совершенно чуждый всему, что здѣсь произошло три дня тому назадъ, являлся вполне такимъ лицомъ. Кромѣ того — бывають люди, въ обществѣ которыхъ чувствуешь себя лучше, сильнѣе и крѣпче, словно они электризуютъ васъ исходящими отъ нихъ симпатическими токами. И докторъ Шеннингъ былъ именно такимъ человекомъ, и въ его обществѣ Проскуровъ чувствовалъ себя лучше.

Онъ, стараясь отвлечь свои мысли отъ надвигавшагося на него и заполонившаго его безпокойства, показывалъ доктору цвѣтникъ и дѣлалъ предположенія, какъ онъ разобьетъ клумбы въ будущемъ году, и какъ это будетъ еще красивѣе, чѣмъ теперь...

— Да, согласился докторъ, — при желаніи, разумеется, все можно сдѣлать, хотя ваши клумбы такъ хороши теперь, что едва ли мыслимо распланировать еще лучше.

Князь приостановился и взглянулъ на доктора изъ-подъ своихъ сѣдыхъ нависшихъ бровей.

Какъ это всегда бываетъ, когда человѣкъ поглощенъ чѣмъ-нибудь — ему кажется, что разговоръ затрогиваетъ именно его большое мѣсто; такъ и теперь князь видѣлъ, что, несмотря на его стараніе говорить о совѣтахъ постороннихъ его горю вещахъ, все-таки сейчасъ же дѣло зашло о „неполнотѣ желаній“, т. е. о томъ, что составляло самую суть его несчастья

— Да, но вотъ говорить, что если сильно желаешь чего-нибудь, то оно непременно сбудется.. отвѣтилъ Андрей Николаевичъ. Онъ говорилъ уже не о цвѣтникахъ, но о томъ, о чемъ мучительно думалъ въ продолженіе трехъ послѣднихъ дней.

Докторъ, въ свою очередь, пристально поглядѣлъ на него.

— Дѣло въ томъ, улыбнулся онъ, — что нужно *имѣть* желать, нужно знать, какимъ путемъ направить свою волю, и тогда это замѣчательное наблюденіе опыта — явится непреложною истиной, — въ противномъ случаѣ произойдетъ совершенно обратное, и человѣкъ вѣчно будетъ встрѣчать все идущее въ разрѣзъ его желаніямъ, и никогда они не удовлетворятся.. Мукъ Тантала не простой, бессмысленный мучъ, не сказка, придуманная для забавы дѣтей, — нѣтъ, это можетъ быть одна изъ аллегорій важнѣйшаго откровенія.. Человѣкъ, не способный управлять своей волей, — обреченъ на то, что вода будетъ сама, какъ у Тантала, убѣгать отъ его горячихъ, жаждущихъ, воспаленныхъ губъ...

Воленіе снова охватило князя, но онъ съ радостію ощутилъ, что это не было волненіе гнѣва.

— Умѣть желать, умѣть желать! повторилъ онъ, — но хорошо сказать это, а какъ выполнить? — какъ научиться этому?

— Жизнь научить.

— Ну, а если есть люди, которые въ продолженіе всей жизни не могли научиться этому...

— Значитъ, въ ихъ жизни не было ничего такого,

Кабаны. Ориг. рис. Хр. Кремеръ, по фот. Берл. Общ. грав. Тирке.

чего бы имъ слѣдовало *желать* по-настоящему, значить, судьба все сдѣлала, чтобы они были счастливы, и желанія ихъ были излишни, не нужны... себялюбивы...

Этотъ послѣднее слово Шеннига, какъ каленымъ желѣзомъ, обожгло Андрея Николаевича, но, къ его удивленію, этотъ ожогъ имѣлъ цѣлебное, успокаивающее свойство...

— А развѣ могутъ быть желанія не себялюбивыя? спросилъ онъ...

— Не только могутъ, но они должны быть, отвѣтилъ докторъ.

Князь задумался.

„Да, словно заговорилъ въ немъ какой-то внутренній, вдругъ только-что пробудившійся голосъ, — неожиданность измѣнить твои расчеты, и судьба разрушить твои планы — если не положить конецъ страстямъ, конецъ себялюбію... Ты вѣришь въ свою силу, а, глядишь—камешекъ, попавшійся на твоей дорогѣ, сильнѣе тебя... и такъ во всемъ...“

И этотъ тайный голосъ—былъ результатомъ всей жизни князя. Онъ это почувствовалъ теперь.

Они продолжали идти молча, обходя во второй уже разъ большой цѣвѣтникъ... Флигель, гдѣ жилъ Карлъ,

былъ направо отъ нихъ. Они подошли къ флигелю. Князь вспомнилъ про Карла и вспомнилъ, что ему сказали, что молодой человѣкъ боленъ.

— У меня тутъ больной, сказалъ онъ, указывая на флигель,—видимо желая дать понять доктору, что хочешь его оставить на нѣкоторое время, чтобы зайти къ больному.

— Можетъ быть я могу быть полезенъ? спросилъ Шеннигъ.

Князь недовѣрчиво поглядѣлъ на него.

— Такъ вы... вы, дѣйствительно, докторъ? рѣшился онъ спросить...

Шеннигъ опять улыбнулся той увѣренной улыбкой, которая такъ шла къ его непоколебимому спокойствію, выдержанной, исполненной достоинства, манеръ держать себя.

— Съ какой же стати я бы говорилъ вамъ неправду, отвѣтилъ онъ и назвалъ извѣстную нѣмецкую академію, давшую ему ученую степень.

Имя академіи окончательно убѣдило князя.

— Въ такомъ случаѣ — зайдемте вмѣстѣ, пригласилъ онъ.

(Продолженіе будетъ).

Африканскій родственникъ.

Рассказъ Карла Ганнемана. (Переводъ съ нѣмецкаго).

I.

— Можете говорить, что хотите, а я утверждаю, что безъ денегъ нашъ братъ представляетъ полное ничтожество, жалкій нуль, и больше ничего... говорилъ молодой коммерсантъ Эмиль Дюбуа своимъ пріятелямъ, зашедшимъ къ нему послѣднѣе вечеромъ.

Пріятели эти были—писатель Генрихъ Гольмъ и живописецъ Августъ Шольцъ. Всѣ трое были сверстники и приближались къ тридцати годамъ.

— Развѣ мы не видимъ, продолжалъ ораторствовать Дюбуа,—тысячи бѣдняковъ, не только имѣющихъ желаніе разбогатѣть, но стремящихся къ богатству съ болѣзненной энергіей, и имъ, все-таки, не удается достигнута завѣтной цѣли...

Генрихъ Гольмъ, который былъ писатель, сидѣлъ, задумчиво устремивъ передъ собою неподвижный взглядъ. Бесѣдовали, собственно, Дюбуа съ Шольцемъ.

— Нѣтъ, вдругъ заключилъ Дюбуа,—знаете, чѣмъ увеличить собою число нищихъ, я лучше покопчу разомъ со всей этой канистелью—по крайней мѣрѣ—пулю въ лобъ и готово... Вотъ мое послѣднее слово...

И онъ съ такой силой стукнулъ стаканомъ, что ножка стакана отлетѣла, и пуниръ расписался по столу.

— Ну, ну, не такъ сердито! сказалъ писатель, вызванный изъ задумчивости.—Если ужъ ты дошелъ до такого отчаянія, такъ у меня есть средство помочь тебѣ встать на ноги.

— Что-жъ это за средство? переспросилъ Дюбуа недовѣрчиво.

— А вотъ пусть одинъ изъ насъ выдастъ себя за богача и ведетъ себя такъ, какъ будто это правда.

— Глупости! воскликнулъ Шольцъ.

— Но какая же цѣль въ этомъ? сказалъ Дюбуа.

— Какъ какал? Ты же самъ говоришь всегда, что богатство открываетъ доступъ въ свѣтъ. Напримѣръ, кругленькое наследство сейчасъ придастъ человѣку значеніе, а все остальное придетъ само собою.

— Я не понимаю, къ чему ты ведешь? Развѣ у тебя есть наследство въ виду? проговорилъ насмѣшливо художникъ.

— У меня нѣтъ, но, можетъ-быть, найдется у кого-нибудь изъ васъ?

— Ну, что до меня касается, возразилъ художникъ,—то я не имѣю въ этомъ отношеніи и тѣни какой-нибудь надежды; иначе, я бы уже давно надѣлалъ долговъ. Къ несчастью, судьба не позаботилась снабдить меня „американскимъ“ дялюшкой.

— Значитъ, остается Дюбуа, котораго я, впрочемъ, и имѣю въ виду съ самаго начала, заключилъ Гольмъ.

— А знаешь-ли, вѣдь ты на этотъ разъ попалъ въ точку, проговорилъ тотъ.—Мнѣ въ дѣтствѣ приходилось слышать, правда, не о дялюшкѣ, а о кузенѣ, который, если не ошибаюсь, отправился въ Трансвааль къ бозраамъ и съ тѣхъ поръ такъ и сплутъ.

— Ну, чего же лучше! воскликнулъ Гольмъ, смѣясь.—Этого только и нужно для нашей комедіи. Этотъ кузенъ, богатый трансваальскій фермеръ и старый холостякъ, умереть у насъ и оставить тебя единственнымъ наследникомъ своего состоянія, достигающаго полумилліона марокъ.

— Гм, недурно! замѣтилъ Шольцъ.

— Но, однако... началъ было Дюбуа.

— Никакихъ *но*, сдѣлай милость! перебилъ Гольмъ.—Ты плакался на свою бѣдность, а мы постараемся стряхнуть ее съ тебя. Тебѣ остается только смириться.

— Я согласенъ съ Гольмомъ! рѣшилъ художникъ.

— Ну, какъ хотите! Если это вамъ доставляетъ удовольствіе, такъ я не хочу пренятствовать. Но я все-таки не понимаю, какая будетъ моя роль въ этой исторіи?

— Твоя? Никакой! сталъ объяснять Гольмъ.—Сиди только спокойно и не мѣшай намъ дѣйствовать. Ты будешь маріонеткой, которую мы будемъ дергать за ниточки.

— Благодарю за комплиментъ, сказалъ Дюбуа, но разсмѣялся.

— Тамъ комплиментъ или нѣтъ, а ты у насъ будешь наследникомъ. И тогда можешь доказать на дѣлѣ, сумѣешь-ли ты воспользоваться благоприятнымъ случаемъ и стать на ноги. Значитъ,—рѣшено?

— Рѣшено!

Молодые люди весело смѣялись своей выдумкѣ; отъ души чокнулись за трансваальскаго кузена, существовавшего только въ ихъ фантазіи. Они разошлись поздно вечеромъ, не увѣренные, въ самую дѣлѣ, хорошенько, останется-ли ихъ затѣя шуткой, или изъ нея выйдетъ что-нибудь.

II.

Было уже около десяти часовъ, когда Дюбуа проснулся на слѣдующее утро, точно послѣ пріятнаго сна, въ которомъ онъ видѣлъ себя наследникомъ богатаго кузена, и съ весьма непріятнымъ сознаніемъ сильной головной боли.

Одѣваясь, онъ глянулъ случайно на небранную миску отъ пушша и пустые стаканы, и лучъ сознанія мелькнулъ въ его головѣ.

— Да, сталъ припоминать онъ,—вчера были Гольмъ съ Шольцомъ и навязали мнѣ какого-то африканскаго кузена... Въ это время послышался изъ передней голосъ хохотки:

— Дома-то они дома, а только не вставали! Вѣдь они вчера никуда и не уходили, а до самаго утра просидѣли съ пріятелями. Все пили за здоровье стараго, богатаго родственника моего-то молодого барина; онъ, знаете-ли, умеръ скорострѣльно. Такъ ужъ баринъ-то, конечно, немного разстроенъ и потому спитъ еще. А впрочемъ, если ужъ вамъ очень желательно повидать его и поздравить, такъ войдите, ничего.

Вслѣдъ затѣмъ постучали въ дверь, и на несомѣстномъ любезномъ „войдите“, появилось шестеро человѣкъ. Они пришли поздравить молодого человѣка съ неожиданнымъ полученіемъ богатаго наследства, при чемъ каждый старался перешеголать другого въ сердечности и искренности поздравленій. Всѣ шестеро были давнишними знакомыми Дюбуа.

Въ первую минуту онъ смотрѣлъ на нихъ въ полномъ недоумѣніи, забывъ о данномъ пріятелямъ обѣщаніи встрѣчать спокойно все, что случится.

Онъ сталъ было говорить, что не сомнѣвается въ искренности поздравленій и пожеланій, и сердечно благодарить за нихъ, но долженъ признаться, что вся эта исторія съ наследствомъ крайне ему непріятна...

— Неприятна? перебилъ его одинъ изъ посѣтителей.—Конечно, въ извѣстномъ смыслѣ, я съ вами согласенъ. Но, прошу васъ вѣрить, что ни одинъ изъ насъ не имѣетъ въ виду

злоупотребить тѣмъ, что ему стало извѣстно ваше новое положеніе.

— Еще бы, подтвердилъ другой, — вы можете быть увѣрены, что мы далеки отъ мысли воспользоваться вашимъ кредитомъ или чѣмъ-нибудь подобнымъ.

— Во всякомъ случаѣ, мы постараемся молчать объ этомъ дѣлѣ, вышлся третій, — чтобы вы не могли упрекнуть насъ, что наша болтовня навлекла на васъ цѣлый градъ просительныхъ писемъ.

— Да, право-же, господа, вы ошибаетесь, не утерпѣлъ Дюбуа, — увѣряю васъ, что это послѣдство...

— Виноваты, перебилъ его одинъ изъ посѣтителей, довольно пожилой господинъ, — но я прекрасно помню вашего уважаемаго родственника. Онъ былъ небольшого роста, худощавый, съ большими бакенбардами и едва замѣтной лысиной и всегда носилъ синіе очки.

Дюбуа оставалось только пожать плечами.

Но когда двое другихъ гостей объявили тутъ же, что присутствовали при самомъ отпугиваніи пресловутаго кузена въ Африку, Дюбуа долженъ былъ признать, что отрицать смерть родственника и полученіе послѣдства было бы напраснымъ трудомъ. Онъ сложилъ оружіе.

Шестеро знакомыхъ, наконецъ, удалились. Дюбуа бросился на диванъ и громко расхохотался. Головная боль прошла у него совершенно.

— Ну, и заварили же кашу милые пріятель! говорилъ онъ. — Погодите, придите только, я заставлю васъ самихъ расхлебывать ее!

Но пріятели не появились. Въмѣсто нихъ явился совсѣмъ иной посѣтитель, и вовсе не пріятный даже посѣтитель, — портной, которому Дюбуа оставался долженъ за послѣднюю, сшитую имъ пару 65 марокъ.

Дюбуа принялъ его, какъ всегда принимаютъ портныхъ, которымъ должны, т. е. очень любезно, и просилъ подождать, разумеется, уплаты долга...

— Помилуйте, господинъ Дюбуа, заговорилъ тотъ, — стѣнитъ-ли вспоминать о такихъ пустякахъ. — Я вовсе не за тѣмъ пришелъ, чтобы напомнить вамъ о долгѣ, а просто думаю себѣ: г. Дюбуа навѣрное понадобится теперь черная пара?

— Черная пара? За чѣмъ это? спросилъ Дюбуа. Онъ забылъ въ эту минуту о послѣдствѣ.

— Да по случаю траура по вашему родственникѣ.

— Увѣряю васъ, г. Лезанъ, это ошибка.

— Гм, мы знаемъ, что знаемъ, отвѣчалъ портной, хитро улыбаясь. — Совершенно понятно, что вы не желаете разглашать дѣла, боясь приставаній просителей, и потому не будете больше говорить объ этомъ, а позвольте снять съ васъ мѣрочку.

И на этотъ разъ не помогли никакія возраженія.

Черная пара была заказана.

Дюбуа рѣшилъ обѣдать дома, боясь натолкнуться въ ресторанѣ на новыя поздравленія. Изъ той же болтовни, — онъ написалъ своему принципалу, что вынужденъ уѣхать по семейнымъ обстоятельствамъ и просить извинить его недѣльное отсутствіе.

Написавъ и отославъ письмо, онъ взялся за книгу, чтобы разогнать какъ-нибудь то состояніе неловкости, въ которомъ онъ чувствовалъ себя съ утра.

Но не тутъ-то было. Вскорѣ явилась хозяйка съ извѣстіемъ, что какой-то господинъ желаетъ его видѣть.

Дюбуа велѣлъ выпустить господина.

Господинъ оказался хозяиномъ дома, гдѣ они жили.

— Милостивый государь, началъ онъ, расшаркиваясь, — прежде всего позвольте вамъ откомендоваться. Мое имя Блокъ. До меня дошли слухи, что вы располагаете большими капиталами и намѣрены приобрести домъ. Я же, между тѣмъ, вынужденъ обстоятельствами продать свой и отдаю его почти даромъ, за 60,000 марокъ. Сосѣдъ мой, г. Дёрингъ, велѣ уже со мною переговоры, но еще не далъ рѣшительнаго отвѣта; я же не имѣю возможности ждать, я долженъ имѣть въ рукахъ навѣнную сумму не позже, какъ черезъ двѣ недѣли, хотя бы не наличными, а надежными векселями. Для васъ 60,000 марокъ ничего не составляютъ; купите у меня домъ?..

Дюбуа нѣсколько мгновеній растерянно смотрѣлъ на посѣтителя, какъ бы недоумѣвая, не лишился ли тотъ разсудка; потомъ громко расхохотался:

— Да вѣдь это чушь, г. Блокъ! Вы смѣетесь надо мной!

— Нисколько, г. Дюбуа, нисколько, серьезно возразилъ домовладѣлецъ. — Я говорю совершенно серьезно и, какъ ни странно кажется вамъ мое предложеніе...

— Дѣйствительно, странно, перебилъ Дюбуа. — Мнѣ, купить вашъ домъ! Да у меня нѣтъ никакого желанія покупать домъ! вдругъ сказалъ онъ.

— Но вѣдь вы можете перепродать его, подхватилъ Блокъ. — Домъ стоитъ несравненно больше. Вы сдѣлаете выгодную аферу.

Дюбуа задумался; въ немъ проснулся коммерческій духъ. Блокъ былъ правъ: 60,000 марокъ за такой прекрасный домъ — это даромъ. Онъ съ радостью далъ бы за него 80,000, если бы только имѣлъ ихъ.

Что за заманчивая перспектива открывалась передъ нимъ! Будь у него только 60,000 марокъ!

А Блокъ продолжалъ, между тѣмъ, убѣждать его. Онъ, какъ въ чаду, плохо сознавалъ, что, собственно, говорилъ ему этотъ Блокъ, и что онъ отвѣчалъ ему, но когда Блокъ ушелъ, — Дюбуа помнилъ, что онъ пришелъ къ какому-то заключенію.

— Нѣтъ, это ужъ слишкомъ! проговорилъ себѣ вслухъ Дюбуа, проводивъ хозяина дома. — Это ужъ ни на что не похоже...

Ему больше всего хотѣлось выместить свой гнѣвъ на тѣхъ, кто затѣялъ эту глупую шутку. Но, что съ нихъ взять?

Дюбуа былъ увѣренъ, что онъ теперь просто-на-просто отречется отъ всего. Онъ, дѣйствительно, вѣдь оказался марionеткой въ ихъ рукахъ. Они разгласили эту исторію о послѣдствѣ. Правда, онъ со своей стороны честно сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы разоблачить мистификацію, и вина не его, если никто не хочетъ вѣрить ему...

И вотъ снова стучатся въ дверь, появляется хозяйка, со слезами на глазахъ и краснымъ отъ волненія лицомъ.

— Господинъ Дюбуа, начинаетъ она плаксиво причитывать, — нечего сказать, хорошія вещи приходятся объ васъ слышать! Вы получаете послѣдство въ нѣсколько милліоновъ...

Дюбуа тяжело вздохнулъ лишь: — полмилліона марокъ уже выросли въ нѣсколько милліоновъ!

— Потомъ, хотите купить у Блока домъ и выѣхать отъ меня! Отъ меня, когда я васъ любила, какъ родного сына, и все для васъ дѣлала, ровно мать!..

Дюбуа по опыту знаетъ, что краснорѣчіе хозяйки неудержимо, и не пытается остановить его.

— Я и не думалъ получать никакого послѣдства, говоритъ онъ только.

— Что такое? Господинъ Дюбуа, вы, кажется, прежде не имѣли привычки лгать!

— Я и теперь не лгу, г-жа Шютцъ. Вся эта исторія съ послѣдствомъ не болѣе, какъ шутка моихъ...

— Вы меня не проведете, г. Дюбуа, это потерянный трудъ. Мнѣ еще покойный старикъ говаривалъ: „Катерина, я знаю, что тебя не проведешь; у тебя глаза на мѣстѣ!“ Такъ и вамъ меня не провести, г. Дюбуа...

Дюбуа чувствовалъ себя, какъ въ бреду...

III.

Обрадованный скорой продажей дома, Блокъ, по всей вѣроятности, не замедливъ подѣлиться счастливой новостью съ сосѣдомъ, Дёрингомъ, торговавшимъ у него домъ. По крайней мѣрѣ, сосѣдъ этотъ не замедливъ лично явиться къ Дюбуа.

И онъ казался очень сердитымъ, когда его впустили.

— Господинъ Дюбуа, началъ онъ, заранѣе ужъ раздражаясь, — какимъ образомъ это могло случиться, что вы приобрѣли домъ, такъ сказать, у меня изъ-подъ носу и оставили меня между двухъ стульевъ?

„Ага! вздохнулъ съ облегченіемъ Дюбуа. — Слава Богу, дѣло идетъ не о послѣдствѣ, а о покупке дома... я сейчасъ же разъясню, что эта покупка существуетъ только въ пылкой фантазій Блока“.

Но ему не поправилась нежножко грубая манера Дёринга, и онъ съелъ нужнымъ возразить:

— Я долженъ прежде всего просить васъ...

— Извините, г. Дюбуа, перебилъ его тотъ, — если мои слова покажутся вамъ не совсѣмъ вѣжливыми; но я человѣкъ прямой... Къ тому же висящая продажа дома, естественно, поразила меня. Положимъ, я самъ виноватъ, потому что предлагалъ Блоку только 50,000 марокъ, расчитывая, что онъ уступитъ. Мнѣ этотъ домъ просто необходимъ. Видите-ли, я намѣренъ перестроить его для фабрики, соединивъ съ моимъ собственнымъ домомъ. Мнѣ онъ необходимъ, во всякомъ случаѣ, и такъ какъ, по словамъ Блока, онъ уже принадлежитъ вамъ, то я предлагаю переуступить мнѣ его за 80,000 марокъ. Согласны вы отдать мнѣ его за эту цѣну?

Дюбуа невольно схватился за ручки кресла. У него въ глазахъ зазеленѣло. Заработать 20,000 марокъ, сдѣла на мѣстѣ и не пошевеливъ пальцемъ, когда онъ, въ качествѣ конторщика и комм-вожера, при усиленной работѣ, получалъ не болѣе 1,500 марокъ въ годъ! Перспектива была, поистинѣ, заманчива, и вся исторія съ послѣдствомъ представилась ему въ другомъ, лучшемъ свѣтѣ. Онъ вдругъ сталъ серьезенъ.

— Извините меня, господинъ Дёрингъ, заговорилъ онъ постѣ нѣкотораго раздумья, — если я не дамъ вамъ сейчасъ рѣшительнаго отвѣта. Это дѣло требуетъ зрѣлаго обсужденія...

И онъ просилъ Дёринга подождать отвѣтомъ до завтра — восьми часовъ утра...

— Я явлюсь, господинъ Дюбуа, явлюсь непременно, и надѣюсь получить ваше согласіе, говорилъ тотъ, прощаясь и очень какъ-будто даже довольный...

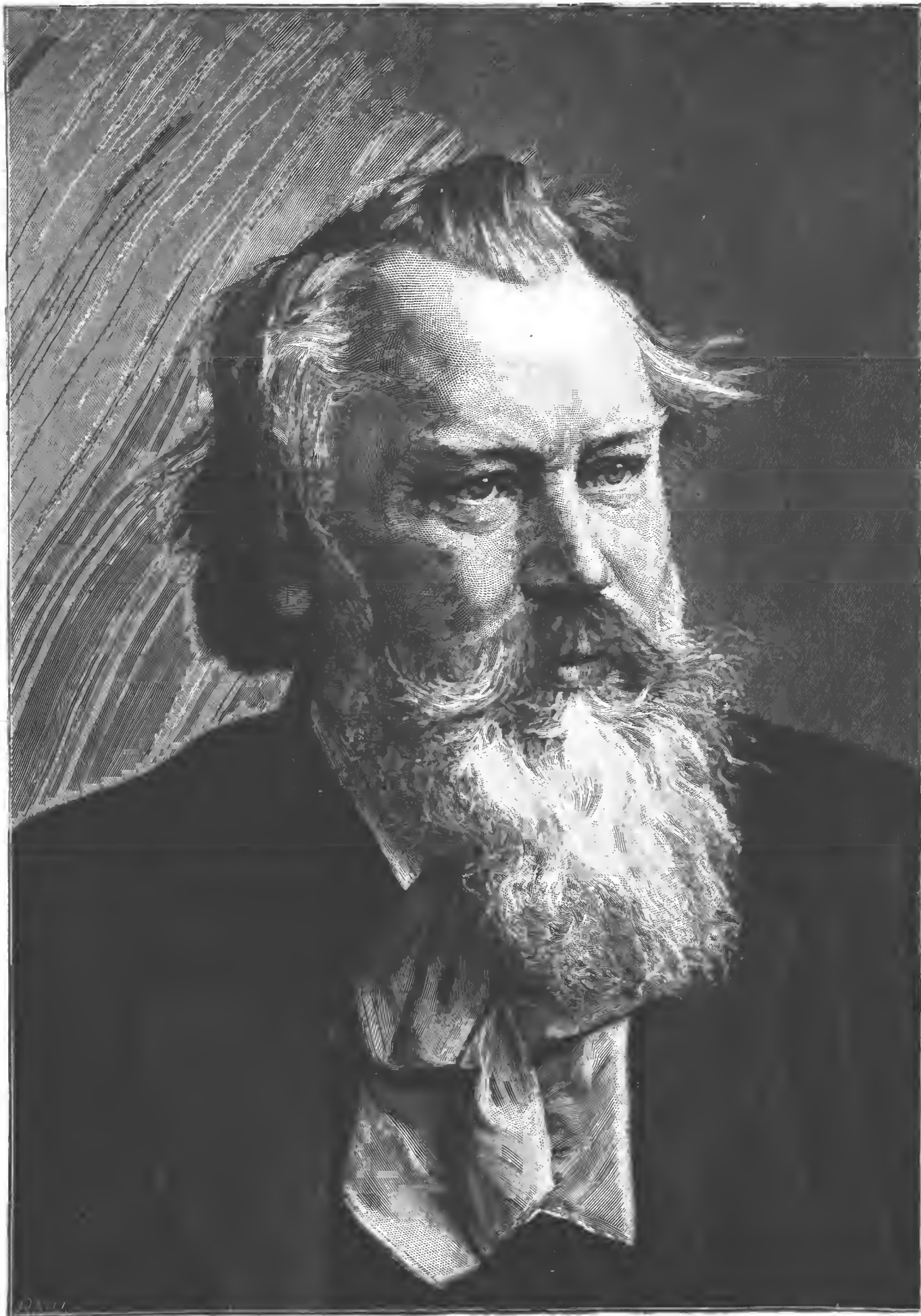
Настроеніе молодого человѣка совершенно измѣнилось. Онъ громко разсмѣялся и сталъ барабанить пальцами какой-то маршъ по расписаннымъ морозомъ оконнымъ стекламъ...

Ровно въ восемь часовъ на другое утро явился къ нему Дёрингъ.

— Ну, что? былъ его первый вопросъ. — Могу я надѣяться?

Дюбуа, какъ бы раздумывая, почесалъ себѣ голову.

— Гм, проговорилъ онъ нерѣшительно, — я долженъ сказать

Композиторъ Юганъ Брамсъ (по поводу 60-лѣтія его рожденія). Съ фот. грав. Пѣиз.

Мечъ и прялка. Съ карт. Т. Копти, грав. Кантагалли.

вамъ, г. Дёрнигъ, что, въ сущности, вовсе не имѣлъ намѣренія покупать домъ ради тѣхъ непріятностей, которыя часто приходится имѣть съ жильцами; но г. Блокъ такъ усиленно просилъ меня, что я, наконецъ, согласился и купилъ его домъ. Перепродать его теперь мнѣ было бы не совсѣмъ пріятно: скажутъ, пожалуй, что я занимаюсь спекуляціей. Начиная уже съ самого г. Блока...

— Итъ, итъ, никто этого не скажетъ, г. Дюбуа, съ живостью перебилъ его Дёрнигъ. — А г. Блокъ мнѣ, чѣмъ кто-либо, потому что вамъ итъ никакой надобности сообщать ему о нашемъ соглашеніи. Вѣдь вы только оказываете мнѣ одолженіе, и въ благодарности за то, къ 20,000 марокъ я готовъ накинуть еще 1,000. Согласны вы?

— Ну, дѣлать нечего, возразилъ Дюбуа со вздохомъ, хотя въ душѣ былъ въ восторгѣ отъ выгодной аферы. — Я принимаю ваше предложеніе.

— Я былъ въ этомъ увѣренъ, а потому захватилъ съ собою и кучую. Будьте добры подписать ее. Что же касается до денегъ, то я выдамъ вамъ вексель на банкирскую контору Опенгеймера во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, и онъ будетъ покрытъ въ теченіе трехъ дней.

Молодой человѣкъ кивнулъ головой въ знакъ согласія и подписалъ купчую на домъ, владѣльцемъ котораго онъ еще не былъ, такъ какъ не скрѣпилъ свою-то покупку, какъ слѣдуетъ. Чтобы обезпечить себя въ этомъ отношеніи, онъ тотчасъ по уходѣ Дёрнига отправился къ Блоку, который уже ждалъ его съ петиціей, и совершилъ всѣ формальности по покупке дома.

— Такъ какъ я въ настоящее время не располагаю требуемой суммой, сказалъ онъ небрежно при прощаніи, — то будьте добры получить эту бездѣлицу въ педѣльный срокъ по моему ордеру на банкирскую контору Опенгеймера во Франкфуртѣ.

Блокъ поклонился въ знакъ согласія. Человѣкъ, называвшій 60,000 марокъ бездѣлицей, внушалъ ему невольное уваженіе.

IV.

— Вотъ такъ штука! раздумывалъ Дюбуа, вернувшись въ свою квартиру и съ удовольствіемъ потирая руки. — Вотъ это я называю аферой! 21,000 марокъ!.. Мнѣ и во снѣ никогда не снилось, чтобы я могъ когда-нибудь расплатиться подобною суммой! Все дѣло не въ томъ, что мы есть, а въ томъ, чѣмъ кажемся! Надо только умѣть пускать людямъ пыль въ глаза...

Онъ сѣлъ къ письменному столу и въ раздумьи опустилъ голову на руки.

Черезъ нѣсколько времени онъ взялся за перо и написалъ письмо банкиру Крузе во Франкфуртѣ, отъ котораго имѣлъ получить 200 марокъ, все свое состояніе, завѣщанное какой-то отдаленной родственницей. Онъ просилъ у банкира совѣта, какимъ образомъ выгодно ему помѣстить нѣкоторые фонды. Не даже какъ черезъ децъ пришелъ слѣдующій отвѣтъ:

„Милостивый государь!

„Мы получили ваше уважаемое письмо въ ту минуту, когда заканчивали выпускъ испанскаго займа. Такъ какъ эти бумаги въ настоящее время сильно повышаются, — сегодня курсъ на нихъ 105,75, — то мы, поставивъ себѣ правиломъ преслѣдовать выгоду нашихъ кліентовъ, удержали часть за вашу счетъ, на сумму 5,000 дуро (21,000 марокъ). Ожидая вашихъ дальнѣйшихъ распоряженій, мы приносимъ вамъ наши искреннія поздравленія по случаю павѣстнаго вамъ счастливаго событія. Примите увѣренія въ глубокомъ почтеніи, съ которымъ имѣемъ честь быть.

Ф. Крузе и Коми.“

Письмо это, какъ громомъ, поразило молодого человѣка, и онъ невольно выпустилъ его изъ рукъ. Хотя Дюбуа уже нѣсколько свылся со своимъ новымъ положеніемъ, онъ вовсе не хотѣлъ рисковать такимъ образомъ суммой, полученной только благодаря счастливой случайности. И какъ могло притти Крузе въ голову, что онъ располагаетъ такими деньгами? Онъ немедленно написалъ банкиру, что не имѣетъ такихъ денегъ, такъ какъ ничего не получилъ изъ Трансвааля. Отвѣтъ не заставилъ себя ждать.

„Усматривая съ сожалѣніемъ изъ вашего уважаемаго письма, что вы не имѣете довѣрія къ предложеннымъ нами бумагамъ, мы немедленно продали половину вашихъ акцій. Такъ какъ эти бумаги успѣли между тѣмъ сильно подняться въ курсѣ, то продажа дала на вашу долю 16,000 марокъ прибыли. Въ виду того, что повышеніе продолжается, мы, разсчитывая на ваше согласіе, рѣшились удержать для васъ оставшіяся акціи. При семъ прилагаемъ списокъ нѣмецкихъ фондовъ, въ которые вы наиболѣе выгодно можете помѣстить свое состояніе. Относительно вашего наслѣдства, мы позволимъ себѣ замѣтить, что необходимыя въ этомъ случаѣ формальности всегда требуютъ много времени, а потому мы вполне готовы открыть вамъ кредитъ на тѣ суммы, которыя могутъ вамъ понадобиться.“

У Дюбуа закружилась голова. Вотъ еще 16,000 марокъ, которыя онъ получаетъ, не двинувшись съ мѣста. Онъ уже чувствовалъ себя богатымъ человѣкомъ. Со всѣхъ сторонъ его осыпали поздравленіями, со всѣхъ сторонъ ему предлагали кредитъ.

Чтобы съ одной стороны избавиться отъ излишнихъ разговоровъ, а съ другой, желая привести въ ясность свое дѣйствительное положеніе, онъ поѣхалъ во Франкфуртъ къ своему

банкпру, который принялъ его съ величайшей предупредительностью.

— Будьте такъ добры сказать мнѣ, г. Крузе, обратился онъ къ банкиру, — какую сумму составятъ теперь купленные на мою долю бумаги?

— Это не трудно вычислить, отвѣтилъ Крузе. — 5,000 дуро по семидесяти, считая дуро въ 4 марки 30 пфенниговъ — это составитъ отъ 84 до 100,000 марокъ. Вы могли-бы получить значительно больше, если-бы не отнеслись такъ холодно къ испанскому займу. Я позволю себѣ замѣтить, что вы поступили въ этомъ случаѣ не по-коммерчески. Вѣдь вы не могли предположить, что мы предложимъ вамъ сомнительныя бумаги!

— Извините меня, возразилъ Дюбуа, — это было сдѣлано не по недовѣрію, а изъ принципа, въ силу котораго я неохотно спекулирую на иностранныхъ бумагахъ.

— А между тѣмъ ваше наслѣдство заключается не только въ иностранныхъ, но даже въ не европейскихъ бумагахъ, замѣтилъ банкиръ съ улыбкой.

— Гм... поэтому я и не считаю его вѣрнымъ, возразилъ молодой человѣкъ. И чтобы не останавливаться на неудобномъ для него предметѣ разговора, онъ поспѣшно прибавилъ: — Вы писали мнѣ объ одномъ банкѣ, акціи котораго, какъ видно изъ сегоднешняго бюллетеня, идутъ на повышеніе.

— Да, но онѣ не могутъ дать вамъ большой прибыли.

— Это все равно.

— Конечно, конечно; при вашемъ состояніи!..

— Во всякомъ случаѣ я желалъ-бы образовать изъ этой суммы небольшой капиталъ и помѣстить его куда-нибудь. Не можете-ли вы посоветовать мнѣ что-нибудь въ этомъ отношеніи?

— Съ удовольствіемъ. Я рекомендую вамъ наши пятипроцентныя, которыя приносятъ въ настоящее время семь процентовъ. Это составитъ вамъ годовой доходъ въ 16,000 марокъ. Вы можете получить бумаги завтра-же, если пожелаете довѣрить намъ эту операцію.

— Само собою, г. Крузе, вы знаете, что я имѣю къ вашему дому величайшее довѣріе.

Банкиръ поклонился.

— А пока у меня есть къ вамъ еще одна просьба, г. Крузе! проговорилъ Дюбуа, краснѣя, и остановился.

— Что такое? привѣтливо спросилъ банкиръ. — Вѣроятно, вамъ предстоитъ какой-нибудь платежъ, и вы не располагаете въ данную минуту требуемой суммой?

— Вотъ именно, г. Крузе. Я имѣю, положимъ, векселя на Опенгеймера, но имѣ срокъ только черезъ три дня.

— Мы совершенно къ вашимъ услугамъ, какъ я уже имѣлъ удовольствіе замѣтить. Сколько вамъ будетъ угодно? 10, 20, 50 тысячъ марокъ?

— О, нѣтъ! Въ такой суммѣ я пока не нуждаюсь. 5,000 марокъ въ банковыхъ билетахъ будетъ совершенно достаточно.

— Вы ихъ получите тотчасъ-же.

Банкиръ велѣлъ позвать кассира и, поручивъ ему выдать названную сумму, проводилъ Дюбуа до дверей съ любезными поклонами.

V.

Съ достопамятнаго дня, когда Дюбуа сталъ такъ внезапно наслѣдникомъ несуществовавшего кузена, прошло двѣ недѣли.

Онъ уже нанялъ себѣ просторную квартиру, обмѣлировалъ ее съ большимъ вкусомъ, нанялъ лакея и рѣшилъ завести экипажъ.

Закуривъ сигару, и сигару хорошую, гаванскую, и удобно расположившись въ мягкомъ креслѣ, Дюбуа съ улыбкой перебиралъ въ головѣ событія послѣднихъ дней.

„Право, думалъ онъ, самодовольно улыбаясь, — если вспомнить все, что случилось, можно подумать, что это сказки изъ „Тысячи и одной ночи!““

Но его размышленія были прерваны приходомъ лакея, который доложилъ, что два господина, называющіе себя Гольмомъ и Шольцомъ, желаютъ видѣть господина Дюбуа.

— Проси, проси, Фридрихъ! воскликнулъ съ живостью Дюбуа. — Наконецъ! продолжалъ онъ, вставая навстрѣчу пріятелямъ и пожимая имъ обѣимъ руки. — Наконецъ-то я васъ вижу.

— Ты прости, голубчикъ, заговорилъ писатель нѣсколько сконфуженно. — До насъ дошли слухи о послѣдствіяхъ нашей глупой шутки, и мы сдѣлали все возможное, чтобы разоблачить ее, но никто намъ не вѣрилъ. Мы боялись уже, что причинили тебѣ непріятности.

— Непріятности! разсмѣялся Дюбуа. — Однако, садитесь и не стойте такъ у дверей.

Писатель только тутъ оглядѣлъ комнату.

— Однако ты не дурно устроился!

— Какъ видишь! возразилъ Дюбуа. — А во всемъ виноватъ африканскій родственникъ! Да, старикъ во-время приказалъ долго жить!

— Перестань врать глупости! воскликнулъ Шольцъ. — Мы и безъ того жалѣли, что выдумали эту плоскую шутку, а ты теперь, кажется, самъ ей вѣришь!

— Да, почти. Въ сущности, я только сумѣлъ воспользоваться ея послѣдствіями. Но я расскажу вамъ все это за стаканомъ вина, если вы сдѣлаете мнѣ удовольствіе отобѣдать со мной.

Кстати, Генрихъ, я ужъ говорилъ съ однимъ книгопродавцемъ. Онъ согласилъ издать твой романъ. И о тебѣ, Августъ, я хлопоталъ; ты скоро получишь нѣсколько заказовъ.

— Вотъ за это спасибо, воскликнулъ писатель, а художникъ, какъ пастоящій пѣмецъ, съ чувствомъ обнялъ пріятеля.

Во время обѣда Дюбуа разсказалъ молодымъ людямъ, какія послѣдствія имѣла ихъ путка съ африканскимъ родственникомъ.

— Во всякомъ случаѣ, тебѣ повезло; тысячи другихъ ничего-бы не сдѣлали на твоемъ мѣстѣ! сказалъ Гольмъ.

— Какъ-бы то ни было, замѣтилъ Шольцъ, — вѣдь скоро должно открыться, что африканскій родственникъ былъ только геросмъ хорошо придуманной басни.

— Пускай себѣ! Все, что я имѣю теперь—мое. И все это, только благодаря рекламѣ и тому, что я казался богатымъ человекомъ, заключилъ Дюбуа.

— Да, мѣръ принадлежить королю глупцовъ. Шиллеръ былъ правъ, сказавъ это, со вздохомъ проговорилъ писатель. — Только ты, пожалуйста, не принимай это на свой счетъ.

Нѣсколько свѣдѣній о всемірной выставкѣ въ Чикаго.

Въ Чикаго, въ Джексонъ-паркъ, на всемъ протяженіи котораго будеть помѣщаться всемірная выставка, шли въ теченіе всей зимы, несмотря на стоявшіе тамъ холода, дѣятельныя приготвленія, продолжающіяся и до сихъ поръ съ чисто-американской энергіей. Точно по маювѣнію волшебнаго жезла явились нѣзъ земли колоссальныя зданія, пастоящіе дворцы, поражающіе своими размѣрами и разнообразными характерами стилей. Въ пастоящее время давно ужъ построены всѣ выставочныя зданія, предназначенныя для того, чтобы вмѣстить подъ своей причудливой кровлей главныя отдѣлы выставки. Съ каждымъ днемъ работы дѣлаются все сильнѣе и сильнѣе, такъ какъ до открытія выставки, назначеннаго на 1 мая, остается сравнительно не много времени. Высказывается даже сомнѣніе въ томъ, что работы будутъ окончены къ сроку. Но главный директоръ выставки Дависъ не отчаивается и обѣщаетъ открыть выставку въ-время. Американцы хотятъ оправдать знаменитыя слова кардинала Ришелье: „никогда не говори: нельзя!“ и доказывать, что нѣтъ ничего невозможнаго...

Распределение экспонатовъ по отдѣламъ давно уже началось и вмѣстѣ съ этимъ уже изготавляется офиціальныи каталогъ выставки.

Если работы въ отдѣлахъ и затянулись, то во многомъ виноваты сами экспоненты: своимъ опаздываніемъ и несвоевременнымъ доставленіемъ заведующимъ отдѣлами всѣхъ необходимыхъ матеріаловъ, они парализуютъ быстрый ходъ ихъ работы.

Теперь уже окончательно рѣшенъ одинъ изъ самыхъ важныхъ выставочныхъ вопросовъ — о присужденіи наградъ. Сформировано жюри изъ 659 членовъ, раздѣленное на 13 отдѣловъ. Каждый отдѣлъ будетъ присуждать по большинству голосовъ награды по своей спеціальной отрасли и состоятъ среднимъ числомъ изъ 50 членовъ. Недовольные рѣшеніемъ жюри, экспоненты могутъ апеллировать къ особымъ выборнымъ, которые должны будутъ производить дознаніе о сдѣланной оцѣнкѣ экспонатовъ недовольныхъ и постановить окончательное рѣшеніе. Въ отдѣлѣ женскаго труда, который обѣщаетъ быть на выставкѣ очень богатымъ, женщины войдутъ въ составъ соответствующаго жюри.

Что касается вышнихъ и внутреннихъ декоративныхъ украшеній выставочныхъ зданій, то и въ этомъ американцы умудрились сдѣлать не только большой, но прямо-таки необычайный шагъ впередъ. Въ то время, какъ художники, пишущіе фрески на стѣнахъ выставочныхъ зданій, ревностно работаютъ надъ созданіемъ цѣлыхъ аллегорическихъ картинъ, маляры прибѣгаютъ къ поистинѣ замѣчательно остроумному и простому способу для исполненія своихъ цѣлѣвыхъ работъ.

На страшной высотѣ они должны покрыть потолоки колоссальныхъ выставочныхъ зданій масляной краской. Для этой цѣли они устроили подвижную помость, на которой помѣщается двое маляровъ. Вмѣсто обычной кисти, въ рукахъ у нихъ конецъ длиннѣйшаго рукава (въ родѣ пожарнаго), на которомъ насажено сверху сѣтло, какъ у лейки. Краска наливается внизу въ бочку и насосомъ, помощью электрической силы, накачивается по рукаву въ недосыгаемую высь и брызжетъ цѣлымъ снопомъ мелкихъ струй въ потолокъ зданія. Опытная рука маляра водить этой импровизированной кистью. Когда окрашено нѣкоторое пространство,—помощь перекачивается, опять приводится въ дѣйствіе электрической двигатель, и работа возобновляется.

Такимъ образомъ, въ сравнительно очень короткое время, самое незначительное число рабочихъ безъ всякихъ усилій совершаетъ этотъ поистинѣ исполинскій трудъ.

Каждый день желѣзная дорога привозитъ цѣлые ряды вагоновъ съ предметами экспонатовъ выставки. Пока трудно спе разбраться во всей этой массѣ, но разборка идетъ непрерывно день и ночь.

На выставкѣ будутъ фигурировать между прочимъ цѣльныя

— Я и не думаю!

— А все-таки тебя будутъ называть проходнымъ и рыцаремъ наживы, засмѣялся художникъ.

— Пускай себѣ! Что мнѣ за дѣло до людскихъ толковъ. Совѣтъ моя ни въ чемъ меня не упрѣкаетъ, и, что бы ни говорили, я все-таки буду пользоваться въ обществѣ уваженіемъ, какъ человекъ получающій 20,000 марокъ годового дохода. А мнѣ больше ничего и не надо.

Пріятель разошелся въ самомъ пріятномъ расположеніи духа.

Какъ и слѣдовало предполагать, правда скоро открылась. По это нисколько не помѣшало ничему. Напротивъ того.

— Ему посчастливилось! говорили одни.

— Онъ спекулировалъ на глупость толпы! замѣчали другіе.

— Онъ проходимецъ! говорили завистники. — Но, надо отъ дати сиравадность, искусно повелъ дѣло...

— Онъ гений, говорили дѣльцы,—и далеко пойдетъ!..

(С.)

историческія реликвіи. Къ числу ихъ принадлежатъ: знамя, подъ сѣвью котораго побѣдоносно шествовали чрезъ Перу войска Пизарро и мечъ завоевателя Мексики, Кортеса.

Въ своемъ желаніи выдѣлать Колумбійскую выставку изъ ряда ся всемірныхъ предшественницъ, въ неуклонномъ своемъ стремленіи къ тому, чтобы привлечь къ себѣ весь мѣръ, американцы вполне оправдали свою славу „практичныхъ янки“. Для этой цѣли они прибѣгли къ слѣдующему способу:—

Кассонъ, заведующій „бюро публичнаго комфорта“, издалъ, на время выставки, таблицу таксированныхъ цѣнъ за комнату и столъ. Составлена эта таблица была слѣдующимъ путемъ: выставочнымъ управленіемъ было учреждено названное бюро, съ цѣлью обсеречь пріѣзжихъ на выставку отъ дороговизны. Тысячамъ гражданъ Чикаго, отдающимъ въ наемъ комнаты, разослано бюро циркуляры съ требованіемъ обозначить цѣны, которыя тѣ намѣрены взимать за комнаты въ предстоящее лѣто. Получивъ со всѣхъ концовъ города огромное количество цѣнъ, бюро смогло установить среднія и объявило слѣдующую таксу:

		Въ день.	
		Долл.	Пенс.
Небольшая комната на 1 чел.	1	1	35
Побольше	2	2	12
„	3	2	70
„	4	4	15
„	5	5	50

Благодаря этой таксѣ, исчезаетъ всякая возможность обмана п эксплоатаціи пріѣзжихъ, при сдачѣ комнатъ. Поистинѣ, такса не распространяется на большіе гостиницы и отели. Помимо того, то же бюро для удобства публики устраиваетъ на выставкѣ разнаго рода салоны для дамъ, туалетныя комнаты, парикмахерскія, помѣщенія для хранения багажа, для чистки сапогъ, кіоски для продажи газетъ, почтовой бумаги и марокъ, телеграфныя и телефонныя бюро, цѣлый штатъ стенографовъ и писцовъ на пишущихъ машинахъ и т. д.

Телеграфное дѣло въ Америкѣ сосредоточено въ рукахъ частныхъ лицъ и агенты ихъ постоянно находятся при прибитіи паромовъ, предлагая принять на себя за 1½—2 руб. отправку телеграммы къ вашимъ роднымъ о благополучномъ нашемъ переѣздѣ черезъ оксанъ.

Изъ Нью-Йорка идутъ четыре желѣзнодорожныхъ пути въ Чикаго, по которымъ слѣдуетъ масса разныхъ скорыхъ, почтовыхъ и другихъ поѣздовъ. Въ гостиницѣ есть агенты этихъ желѣзныхъ дорогъ, у которыхъ можно покупать билеты.

Отъ Нью-Йорка до Чикаго 36 часовъ ѣзды. Только поѣзда-молніи идутъ 25 часовъ. Цѣна за поѣздъ 26 долл.—52 руб. Довѣрчивость американцевъ просто изумительна. На вокзалѣ, напр., не взвѣшиваютъ пассажирскаго багажа, а прямо записываютъ его вѣсъ, по указанію самихъ пассажировъ.

Въ самомъ Чикаго можно остановиться въ гостиницѣ, но, помимо дороговизны (3—5 и болѣе долл. въ день), это еще не выгодно потому, что каждый, занимающій комнату, обязанъ обѣдать въ гостиницѣ-же. Поэтому лучше всего снятъ за 1—1½ долл. въ день лишь помѣщеніе въ меблированныхъ домахъ, пансіонахъ (Boarding-houses) и частныхъ квартирахъ, тѣмъ болѣе, что весь день пріѣзжій будетъ, понятно, проводить на выставкѣ. Всѣ эти педорогія помѣщенія можно найти въ южной части Чикаго, близъ выставки.

Вообще, въ Чикаго не слѣдуетъ стѣсняться разстояніемъ. Проѣздъ на разнаго рода конныхъ, какатныхъ, электрическихъ желѣзныхъ дорогахъ стоитъ баснословно дешево.

Въ Чикаго разбросано по городу болѣе 6000 ресторановъ, въ которыхъ, болѣею частью, можно за педорогую плату получить хорошую и сытную пищу. Кстати, у американцевъ отъносительно пищи свособразное раздѣленіе дня: первый завтракъ, второй завтракъ, полдникъ, обѣдъ и, наконецъ, ужинъ. Вотъ, собственно, какъ слѣдуетъ провести день:—

Въ квартирѣ своей или въ отелѣ вы требуете себѣ утрепнее кофе. Затѣмъ отправляетесь къ стоящему на ближайшемъ углу чистильщику сапогъ (въ Америкѣ ни на частной квартирѣ, ни въ гостиницѣ не чистятъ сапогъ). Затѣмъ уже на выставкѣ или гдѣ-нибудь въ ресторанѣ, за 25 цент. (50 к.), вы сможете получить сытный. Горячій завтракъ, а за 50 цент. вамъ подадутъ завтракъ, способный удовлетворить самый изысканный вкусъ. Позавтракавъ, можно смѣло, безъ всякаго голода, дожидаться обѣда въ 5—6 ч. Онъ стоитъ 50 цент.—1 дол. Питаньи зато тамъ очень дороги.

Пужно при этомъ замѣтить, что въ Америкѣ деньги имѣютъ другую цѣнность, чѣмъ у насъ. Это происходитъ оттого, что тамъ единичной монетой принятъ долларъ, вдвое превышающій нашъ рубль. Поэтому тамъ относительно все вдвое дороже.

Призракъ

Опытъ современной баллады Р. Н.—ы.

Онъ рѣшилъ кончить съ этою жизнью, исполненной тревогъ, лишений и страданій. Онъ ничего не нашелъ въ ней, въ этой жизни. Онъ видѣлъ вокругъ себя много богатыхъ людей, а самъ былъ бѣденъ. Онъ такъ желалъ быть счастливымъ, но счастье не давалось ему. И онъ рѣшился умереть, чтобы кончить съ этою жизнью, исполненной тревогъ, лишений и страданій.

Все было готово. Ему казалось, онъ обдумалъ малѣйшую подробность. Смерть должна была наступить мгновенно, безъ боли, безъ страха, охватить его, словно тихій и счастливый сонъ, дать ему первую минуту счастья въ жизни, потому что она будетъ и послѣднюю минутой его горестной жизни. Ему казалось, что все было готово, и онъ обдумалъ малѣйшую подробность.

Но въ самый этотъ мигъ, котораго онъ ждалъ и дождался, наконецъ, сѣрый туманъ окуталъ все кругомъ, и прямо противъ него, у шкафа, на томъ стулѣ, гдѣ—онъ помнилъ—лежали высокой грудой книги хлмнн,—показался лиловый безформенный образъ, очертаній котораго онъ не могъ разобрать, потому что сѣрый туманъ окуталъ все кругомъ въ самый тотъ мигъ, котораго онъ ждалъ и дождался наконецъ.

Это былъ призракъ, настоящій призракъ, прозрачный и безтѣлесный. Ни на стѣнѣ, ни на полу, куда падала тѣнь отъ стула, на которомъ сидѣлъ этотъ призракъ, не было видно его тѣни, какъ будто на стулѣ у шкафа никого не было.

— Напрасно ты думаешь, что умеръ, потому что видишь меня. Я являюсь передъ смертью всѣмъ, рѣшившимъ закончить съ собою, и пришелъ за тобой, сказалъ призракъ, настоящій призракъ, прозрачный и безтѣлесный.

По даннымъ нами свѣдѣннмъ можно составить приблизительный расчетъ, что собственно будетъ стоить жизнь, т. е. самое необходимое, на выставкѣ, разумѣется, не считая покупокъ. Что же касается самаго пути, то въ этомъ отношенн можно воспользоваться услугами пароходныхъ обществъ, специально устраивающихъ свои рейсы для лицъ, отправляющихся на выставку.

Лучше быстросходные океанскіе пароходы принадлежатъ линн Гамбургъ—Нью-Йоркъ. Каюта на такомъ пароходѣ съ полнымъ содержаннмъ стоитъ на одного около 700 руб. Но въ ней можетъ помѣститься до четырехъ человекъ. Если ѣхать четверомъ, то придется доплатить еще около 150 р.; такимъ образомъ, каюта на четверыхъ стоитъ 850 руб. или 212 р. 50 к. съ человека.

Призракъ не лгалъ: онъ, дѣйствительно, былъ живъ еще, потому что вдругъ проблескъ сознанія явился у него, и онъ подумалъ, а что если счастье суждено ему именно на тотъ остатокъ жизни, котораго онъ хочетъ лишиться себя?—онъ полагалъ, что въ жизни ничего не осталось ему, но, на самомъ дѣлѣ, оставалась надежда. Онъ медлилъ и задумался. Призракъ не лгалъ: онъ, дѣйствительно, былъ живъ еще, потому что могъ *идти*.

— Что-жъ ты медлишь? сказалъ опять призракъ, — право, каждый мигъ у меня на счету. Или ты вызвалъ меня понапрасну? Вотъ уже двѣ минуты, какъ ждешь меня другой такой же несчастный, какъ ты...

Но онъ ничего не отвѣтилъ, и призракъ сказалъ ему опять.

— Что-жъ ты медлишь? Тогда захотѣлось ему узнать, кто былъ этотъ другой несчастный. Онъ не сомнѣвался, что это былъ такой же, терпѣвшій въ жизни лишенія бѣднякъ, какъ самъ онъ.

— Итъ, это не бѣднякъ, сказалъ призракъ,—меня ждетъ человекъ, которому все было дано въ жизни, все, что онъ желалъ только, но все-таки ему показалось мало этого, и онъ пришелъ къ тому же, что и ты. Вотъ кто этотъ несчастный, о которомъ желаешь узнать ты...

„Неужели это правда? сталъ думать онъ.—Неужели все несчастье мое заключается не въ лишеннхъ, и земныя блага не могутъ утѣшить человека?“

И призракъ поблѣднѣлъ въ глазахъ его и исчезъ, а онъ остался жить и узналъ, что несчастье его заключалось вовсе не въ лишеннхъ, и понималъ, что земныя блага не могутъ утѣшать человека.

Къ рисункамъ.

Святой Сергій отказывается принять игуменство.

(Рис. на стр. 224).

Кто изъ православныхъ съ ранняго дѣтства не слышалъ имени великаго Святого старца, прославленнаго Господомъ. Кто въ разныхъ, столь неизбежныхъ въ земной жизни бѣдствнхъ и скорбнхъ, кто не обращался къ его молитвенной помощи? Его Святое Имя, какъ великаго молитвенника и заступника земли Русской, Имя Преподобнаго Сергія Игумена Радонежскаго и всея Россн Чудотворца пронеслось по всему необъятному пространству нашей родины.

Тамъ, гдѣ былъ прежде дремучій лѣсъ, наполненный звѣрями, въ настоящее время красуется знаменитая Свято-Троицкая Сергіевская лавра, основанная Преподобнымъ, не мало помогавшая своимъ молитвами, а также и материальными средствами въ годныя народныхъ бѣдствнхъ.

Началомъ этихъ великолѣпныхъ храмовъ и многочисленныхъ построекъ обители была срубленная убогая деревянная церковь во Имя Св. Живоначальныя Троицы и келнйка, срубленная руками Угодника Божія Преподобнаго Сергія. И вотъ теперь изъ конца въ конецъ земли Русской стала пзвѣстна обитель Преподобнаго Сергія. Къ петлѣннымъ мощамъ Угодника Божія стекаются сотни тысячъ православныхъ, ищущихъ его богатыхъ молитвъ.

Глубоко чтнли Преподобнаго Сергія и его современники, такъ—за счастье считали бесѣдовать съ нимъ и московскіе первосвятители Алексій и Кипріанъ; даже самъ великодержавный князь Дмитрій Ивановичъ не рѣшился выступить противъ почтеннхъ Мамаевыхъ, не испросивъ благословенія смиреннаго старца. Но ни почести царскія, ни милости первосвятителей московскихъ не давали гордости вселиться въ кроткую душу Преподобнаго. Онъ, какъ истинный Слуга Христовъ, хранилъ завѣщаніе Спасителя ученикамъ, когда тѣ спорили о томъ, кому почитаться бдннмъ изъ нихъ. Понималъ то, что Господь сказалъ имъ: „цари господствуютъ надъ народами, и

владычюще ими благодѣтелями называются. А вы не такъ, но кто изъ васъ больше, будь какъ меньшій, и начальствующій, какъ служащій“ (отъ Лк. 22 гл., 25 и 26 ст.).

На нашемъ рисункѣ представленъ тотъ моментъ, когда Преподобный Сергій, къ удивленню всѣхъ, отказывается отъ предлагаемаго ему Св. Алексіемъ, митрополитомъ Московскимъ, сана игумена въ основанной имъ обители.

А. Зыбинъ.

Дарьяльская крѣпость. (Рис. на стр. 225).

На всемъ, болѣе чѣмъ тысячеверстномъ, протяженн главнаго Кавказскаго хребта находится кѣлый, почти непрерывный рядъ котловинъ и высочайшихъ горъ съ вершинами, покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ. Есть въ немъ всего лишь два прохода съ сѣвернаго склона на южный, чрезъ ущелья Дарьяльское и Гурнузское. Первый идетъ отъ Владикавказа до Тифлиса, а второй отъ Ардона до Кутанса. Послѣдній отыскалъ только лѣтъ тридцать тому назадъ, а проходъ чрезъ Дарьяльское ущелье пзвѣстенъ уже сотни лѣтъ, и въ 1767 году Грузинскій царь Ираклій II первый разъ провелъ тутъ нашъ отрядъ, шедшій на помощь Имеретинскому царю Соломону, воевавшему тогда съ турками. Событіе это имѣло въ понятнхъ всего закавказскаго населенія роковое для него значеніе, такъ какъ среди него держалось повѣрье, что народъ, перешагнувшій чрезъ Кавказскій хребетъ, сдѣлается повелителемъ всего Востока; осуществленн же такого пророчества никто не вѣрилъ. Правда, слышно было, что между Владикавказомъ и Анапуромъ, гдѣ живутъ осетны, существуетъ сообщеніе, сначала троппкамъ по карнизу, высѣченному на скалистомъ и обрывистомъ берегу Терека, а потомъ чуть-ли не по отвѣсному подъему Гудаура до перевала на южный склонъ, и что путь этотъ переходили только выдающіеся смѣльчаки да охотники за туромъ, такъ какъ кромѣ крайней опасности, созданныхъ природою, пужно было еще и остерегаться нападенія лезгинъ. Зная все это, никто и не вѣрилъ, чтобы такой проходъ, находившійся во владѣннхъ царя Грузинскаго

и ему лишь навѣстный, могъ служить ключемъ къ Кавказу. Но царь Ираклій, доведенный до отчаянія напоромъ мусульманъ, грозившихъ его царству и соседнему съ нимъ императорскому насильственнымъ обращеніемъ въ исламъ, указалъ на этотъ проходъ графу Тотлебену, а тотъ, съ отрядомъ въ нѣсколько тысячъ человекъ, воспользовавшись имъ, блистательно доказалъ на дѣлѣ, что для русскихъ войскъ нѣтъ ничего невозможнаго. Отрядъ шелъ почти цѣлый мѣсяцъ, преодолевая неимоверныя трудности; люди во многихъ мѣстахъ на рукахъ своихъ несли пушки. Этотъ походъ былъ чудомъ для населенія Закавказья, а намъ онъ послужилъ трасою, по которому пошли съ нашими войсками Бурнашевъ, Лазаревъ, Гуляковъ и другіе; когда же Грузія окончательно слѣзлась съ Россіей, мы стали постепенно устранивать тутъ Военно-Грузинскую дорогу, и въ настоящее время она представляетъ собою одно изъ замѣчательнѣйшихъ сооружений инженернаго гения и искусства. Дарьяльская крѣпость, пзображенная на нашемъ рисункѣ, была построена во времена Кавказской войны съ горцами и служила оплотомъ Военно-Грузинской дороги отъ ихъ нападеній на проѣзжающихъ; въ настоящее время въ ней расположена казачья сотня, отбывающая полицейскую службу по охраненію пути черезъ

Свиты Его Импер. Величества генералъ-майоръ В. А. Шереметевъ, командиръ Собственного Его Имп. Велич. конвоя († 17 февраля 1893 г.). Съ фот. Ясвонна, грав. Шюблеръ.

бываетъ очень опасенъ, когда на него нападаютъ.

Юганъ Брамсъ. (Портр. на стр. 232).

Югану Брамсу, знаменитому германскому композитору.

Дарьяльское ущелье отъ бродяжническаго элемента.

Кабаны.

(Рис. на стр. 229).

Кабанъ, къ огорченію охотниковъ, но къ немалому удовольствію сельскихъ хозяевъ, постепенно исчезаетъ въ Европѣ. Сѣвернѣе 55° широты онъ уже болѣе не попадаетъ. Въ Германіи изрѣдка и поодиоцкѣ встрѣчаются кабаны на Шварцвальдѣ и Испинскихъ горахъ. Часто можно встрѣтить кабана въ южной Россіи, Привисляскомъ краѣ, Галиціи, Венгріи, Греціи и Испаніи. Въ Азіи кабаны нападаютъ въ утѣренной полосѣ Сибири и въ Китаѣ до Гималаевъ. Также часто кабаны встрѣчаются въ Сѣверной Африкѣ.

Длинною взрослый кабанъ бываетъ до 6 футовъ, а вышиною его у загривка 3 фута. Всѣмъ попадаются кабаны до 13 пудовъ. Обыкновенно, цвѣтъ этихъ животныхъ черный, а сѣрые, рыжіе, бѣлые или пестрые кабаны считаются рѣдкостью. Осторожный и бдительный, кабанъ является заманчивою дичью для охотника. Не трогая человека, когда тотъ проходитъ мимо него, кабанъ

Выносъ тѣла В. А. Шереметева изъ Сергіевскаго всей артиллеріи собора. По фотогр. генер. Насвѣтевича, грав. Хелмидцій.

исполняется въ этомъ мѣсяцѣ шестьдесятъ лѣтъ, — періодъ, когда художникъ можетъ считать свою карьеру сдѣланной; но всей вѣроятности, въ Германіи, гдѣ его обожаютъ, будутъ устроены разныя музыкальныя фестивали по этому случаю. У насъ Брамсъ хотя не пользуется такою популярностью, тѣмъ не менѣе заслуживаетъ, чтобы сказать о немъ нѣсколько словъ. Онъ родился въ Гамбургѣ въ 1833 году; музыкальное образованіе получилъ у Марксена въ Альтонѣ; въ 1847 году впервые выступилъ, въ качествѣ пианиста, но безъ особеннаго успѣха; первая попытка сразу ему показала, что онъ не виртуозъ *rag excellence*. На двадцатомъ году жизни онъ познакомился съ Шуманомъ, которому почти всецѣло и обязанъ своей музыкальной репутацией; Шуманъ первый заговорилъ о немъ въ своемъ журналѣ *Neue Zeitschrift für Musik*, назвавъ его своимъ „примымъ преемникомъ“. Этотъ лестный отзывъ, конечно, обратилъ на Брамса вниманіе всѣхъ музыкантовъ.

Но такъ какъ у самого Шумана была масса враговъ въ музыкальномъ мірѣ, то вражда эта перенесена была и на автора „Нѣмецкаго реквиема“, „Венгерскихъ танцевъ“ и другихъ произведеній, — и Брамсу пришлось довольно долгое время прозябать въ неизвестности, пока, наконецъ, названный сейчасъ „Requiem“ не заставилъ публику и даже враждебныхъ ему музыкантовъ увѣрять въ его выдающійся композиторскій талантъ. Тогда только обратились къ прежнимъ его произведеніямъ и стали ихъ, мало-по-малу, продуцировать въ квартетныхъ и симфоническихъ собраніяхъ; такимъ образомъ, постепенно завоевывалъ эстраду за эстрадой, Брамсъ добился той пѣвѣстности, которая остается неоспоримой за нимъ въ настоящее время въ Германіи. Но первоначальныя его шаги на композиторскомъ поприщѣ мало обрали на себя вниманія, хотя нѣкоторыя его произведенія (фортепианные вещи и романсы) были уже напечатаны въ Лейпцигѣ еще въ 1854 г., чрезъ годъ послѣ знакомства съ Шуманомъ. Знакомству его съ пѣвѣстнымъ вейгерскимъ скрипачемъ Ремени еще въ 1849 г. Брамсъ обязанъ своимъ лучшимъ произведеніемъ — „Венгерскимъ танцамъ“, мотивы которыхъ онъ у него позаимствовалъ; Брамсъ въ Венгрію никогда не жилъ; въ 1862 г. онъ пріѣхалъ въ Вѣну для исполненія своихъ камерныхъ произведеній и съ тѣхъ поръ здѣсь поселился. Между 1872 и 1874 гг. онъ явился дирижеромъ концертовъ „Gesellschaft der Musik-Freunde“; но потомъ и отъ этой публичной дѣятельности отказался, посвятивъ всѣ свои досуги композиторскимъ занятіямъ.

Онъ культивируетъ преимущественно камерную и симфоническую музыку, хотя большимъ успѣхомъ пользуются также въ Германіи его пѣсни. За оперу онъ не принимался. У него есть секстеты, квинтеты, квартеты, трио, симфоніи, увертюры, концерты для фортепиано съ оркестромъ, концерты для скрипки, романсы и пр.

Но во всемъ этомъ у него техника дѣла беретъ верхъ надъ фантазіей, творчествомъ. Тѣмъ не менѣе, Брамсъ, воспитанный на традиціяхъ Бетховена, въ настоящее время имѣетъ такую же пѣвѣстность въ Германіи, какъ Верди — въ Италіи. Сень-Сансъ — во Франціи, Рубинштейнъ и Чайковский — въ Россіи.

В. Б.

Мечъ и прылка. (Рис. на стр. 233).

Въ доброе старое время, когда мужъ, опоясанный мечемъ, уходилъ на войну, жена занималась хозяйствомъ и прыла на прылкахъ. Мечъ былъ необходимъ мужчине, а безъ прылки не могла обойтись ни одна хозяйка. Отсюда до сего времени въ геральдикѣ мечъ означаетъ мужской родъ, а прылка — происхожденіе по женской линіи. На нашемъ рисункѣ представлено прощаніе молодого воина со своей убитой горемъ женой, позабывшей въ отчаяніи про свою прылку.

В. А. Шереметевъ. (Портр. и рис. на стр. 237).

17-го февраля скончался скоропостижно, отъ разрыва сердца, командиръ Собственнаго Его Императорскаго Величества кон-

вой, Свѣты Его Величества генералъ-майоръ Владиміръ Алексѣевичъ Шереметевъ. Еще въ этотъ день, за часъ до смерти, покойнаго видѣли на улицѣ; вернувшись домой, онъ почувствовалъ боль въ рукѣ и въ груди; явился приглашенный докторъ и посоветовалъ впрыснуть морфій, но пока ходили за медикаментами Владиміръ Алексѣевичъ скончался. Покойный, послѣ крушенія Царскаго поѣзда, 17-го октябрия, былъ сильно нервно потрясенъ, и боль въ рукѣ у него осталась еще съ того времени. Покойный былъ вѣрный и преданный слуга Царевъ, и смерть его сильно огорчила всѣхъ Членовъ Императорской Фамиліи. Въ 4 часа 20 минутъ дня скончался В. А. Шереметевъ, а въ 5 часовъ того же дня Ихъ Императорскія Высочества Государь и Государыня и Ихъ Императорскія Высочества Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великая Княжна Ксенія Александровна постигли вдову покойнаго; въ 6^{1/2} часовъ, во время первой семейной нахихиды, присутствовали въ домѣ покойнаго Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Владиміръ Александровичъ съ супругой Великой Княгиней Маріей Павловной, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ съ сыновьями, Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Александровна Герцогиня Единбургская съ дочерью, Герцогиня Лейхтенбергскіе. Въ 10 часовъ вечера въ домъ покойнаго прибыли вторично Ихъ Императорскія Высочества.

Женатъ покойный былъ на графинѣ Еленѣ Строгоновой, дочери покойной Великой Княгини Маріи Николаевны; у него отъ этого брака осталось двое дѣтей — сынъ и дочь. Смерть В. А. Шереметева вызвала пскреннее сожалѣніе въ обществѣ. Покойный былъ всегда щедрымъ благотворителемъ; ежедневно доверенный его человекъ развозилъ отъ него пособия бѣдному люду, котящемуся на окраинахъ столицы. На всѣхъ панхихадахъ, которыя служились въ квартирѣ покойнаго у его гроба, а также на отиѣваніи и заупокойной литургіи въ Сергеевскомъ всей артиллеріи соборѣ присутствовали Высочайшія Особы. По окончаніи отиѣванія, Государь Императоръ, Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великіе Князья, министры Императорскаго Двора и лица Свѣты, принявъ гробъ, вынесли его изъ собора. Государь Императоръ поддерживалъ гробъ съ правой стороны у плечевъ. При звукахъ „Коль славетъ наниъ Госиодъ въ Сионѣ“, гробъ былъ поставленъ на печальную колесницу. (Моментъ, этотъ изобразенъ на нашемъ рисункѣ, стр. 237).

Смертные останки покойнаго В. А. Шереметева провожали пѣшкомъ до вокзала Николаевской желѣзной дороги Его Императорское Высочество Князь Евгенийъ Максимиліановичъ Романовскій Герцогъ Лейхтенбергскій и Ихъ Высочества Принцы Александръ Петровичъ и Петръ Александровичъ Ольденбургскіе. По прибытіи на вокзалъ, была отслужена придворнымъ духовенствомъ литія, и гробъ, залитый цѣпкомъ, поставили въ траурный вагонъ; къ отходу поѣзда прибылъ на дебаркадеръ Николаевского вокзала Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ. Для преданія тѣла землѣ, въ имѣніе, село Покровское, за Москвой, уѣхали вдова покойнаго Елена Григорьевна Шереметева съ сыномъ и депутацией отъ конвоя. Тѣло покойнаго В. А. сопровождалъ по Николаевской желѣзной дорогѣ Его Высочество Принцъ Петръ Александровичъ Ольденбургскій.

А. Х.

Торжество мира. (Рис. на стр. 240).

Среди общественныхъ костюмированныхъ баловъ за нынѣшній сезонъ въ Петербургѣ особенно выдѣлился балъ, устроенный въ залѣ Дворянскаго Собранія, въ пользу недостаточныхъ учениковъ Императорской Академіи Художествъ, и названный „торжествомъ мира“. Торжество мира выражалось въ декоративной обстановкѣ зала и въ большой эффектной процессіи, поставленной художникомъ А. А. Чпкиннымъ.

Общій характеръ украшенія зала, самой процессіи и костюмовъ публики подробно передаетъ нашъ рисунокъ, помещенный на стр. 240.

Академическая выставка.

Нынѣшняя Академическая выставка въ настоящемъ году особенно богата количествомъ, но и качественно она представляетъ значительный интересъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Пейзажъ, какъ и всегда, преобладаетъ. Изъ девяти выставленныхъ г. Клеверомъ пейзажей, пять или, даже, шесть написаны въ обычной его манерѣ зимняго пейзажа съ вѣчнымъ краснымъ закатомъ солнца; другія его картины, на лѣтніе мотивы — гораздо интереснѣе, въ особенности, одна: „Водяныя лиліи“. И г. Мещерскій, въ свою очередь, не мало потрудился для нынѣшней выставки; между нѣсколькими картинами, выставленными имъ, нѣкоторыя, какъ напр. „Въ полдень“, „Отъ берега“, невольно обращаютъ вниманіе красотой мотивовъ и совершенствомъ техники. „Сумерки наступаютъ“ г. Крачковскаго написаны въ обычной манерѣ этого художника, но прекрасны по исполненію. Картины г. Крыжника менѣе удачны на этотъ разъ. Очень миленькая картинка г. Цюглинскаго „Въ тѣни березъ“. По пейзажный перлъ нынѣшней выставки, безспорно, принадлежитъ г. Айвазовскому; его „Средиземное море“ — превосходно.

Г. А. Свѣдомскій, попрежнему, разрабатываетъ мотивы изъ древнеримской жизни; его „Ворота Вольтерры въ Этруріи“ обращаютъ на себя вниманіе прекрасною скомпонованной группой плѣнныхъ рабовъ, проходившихъ черезъ ворота Вольтерры; многія фигуры этой группы очень характерны и типичны. Менѣе удачна другая его картина „На развалинахъ дворца Нерона въ Аніумѣ“. Его братъ, г. П. Свѣдомскій, выставилъ „Ярилину ночь у древнихъ славянъ“. По свѣтовому контрасту эта картина заслуживаетъ вниманія; это — иѣчто въ родѣ хоровода дѣвѣтъ, пляшущихъ вокругъ пылающаго огня; нѣкоторыя фигуры очень граціозны, но, вообще, картина написана довольно небрежно. Г. Бакаловичъ прислалъ одну картину „Пари за гладіатора“; нѣкоторыя фигуры гладіаторовъ очень удачны.

Болѣе содержательна и болѣе значительна картина г. Маймана „Арестъ богатаго марака во время совершенія имъ обряда ветхозавѣтной Пасхи“. Это эпизодъ изъ временъ иквизиціи въ Испаніи. Марака, официально исповѣдующіе католическую вѣру, втайнѣ продолжали придерживаться вѣры отцовъ. Картина изображаетъ

одно из таких празднеств ночью; во время празднования, сбиря нивизиции врываются в комнату и арестуют присутствующих. Другая картина, обращающая на себя внимание публики, принадлежит молодому художнику, г. Котляревскому; она называется „Раннее утро за городом“: мы видим широкую сибирскую поляну, с одной стороны окаймленную густым лесом; раннее утро только что брезжит; по дороге мчатся лихая тройка, возвращающаяся, конечно, из какого-нибудь загородного гуляния, между тем как плохо одетая баба плетется пешком в город, втройно, за заработком. Контраст очень удачно схвачен; кроме того, и пейзаж картины прекрасен. К „зимним“ картинам следует отнести также несколько очень талантливых картин г. Сверткова, между которыми особенно хороша картина, названная им „Морозъ въ 25°“. Очень характерны также маленькія картинки г. Нестерова и картина г. Степанова „Ширь у Лауры“ из пушкинского „Каменного гостя“. Менее удачна другая картина г. Степанова — аллегорическая. Из жанровых картин большого размаха следует в особенности указать на картину г. Саксена „Компрометированный“. По композиции, это одна из лучших картин нынешней выставки: въ ярко освещенной лампами комнате, за столом, на котором разбросаны игральные карты, сидят несколько человек и смотрят на господина во фраке, стоящего у стола со сконфуженным и злым лицом, который смотрит на уходящую даму. Это — столь хорошо всем известная „Карточная драма“. Также интересна картина г. Корзухина „Бабушкинъ праздникъ“. Лицо священника, только что окончившаго молебенъ и теперь сидящаго на диванѣ съ почтенной старушкой, очень симпатично. Вообще, группировка фигуръ прекрасна и общий колоритъ картины приятен. Очень миленькая и прекрасно написанная картинка „Изъ прошлаго“ г. Коренева: солдатъ-нищий рассказываетъ мальчику, лежащему передъ нимъ на травѣ, о своихъ военныхъ подвигахъ. Картина г. Наумова „У камеры мирового“ очень недурна по композиции, но краски рѣзки и типы довольно шаблонны. „Молодые“ г. А. Маковского мало представляютъ интереса, но молодой художникъ, повидимому, обѣщаетъ быть хорошимъ колористомъ. Очень типична и хороша по замыслу картина г. Винциана „Возвращение

на родину“; въ характерныя фигуры своей картины г. Випциманъ сумѣлъ вложить много истиннаго, хотя и сдержаннаго чувства. Къ такимъ же талантливымъ жанрамъ слѣдуетъ отнести и „Сельскую школу“ г. Киселева.

Большая картина г. Карелина „Алеша Поповичъ“ мало удачна по технике и очень условна; этотъ условный родъ живописи едва ли имѣетъ будущее; а въ данномъ случаѣ условность заключается въ томъ, чтобы изобразить сказочный характеръ народнаго героя; этотъ сказочный характеръ изображается художникомъ довольно странными приемами техники, въ которыхъ нѣтъ рельефа и хоть сколько-нибудь яркаго колорита. Значительно лучше и по технике, и въ особенности, по композиціи картина г. Шаховского „Утро Великаго Воскресенія“ (на молитву „Ангель вопіе“). Это, какъ кажется, единственная картина со строго выдержаннымъ религіознымъ содержаниемъ, въ строгомъ и благородномъ стилѣ.

Нынешняя выставка не отличается богатствомъ военныхъ и батальныхъ картинъ. Къ нимъ принадлежатъ картины гг. Ковальскаго, Блиннова, Лебедева, Дмитріева-Оренбургскаго и Розена. Картина г. Розена „Штурмъ Гонсептала 24 сентября 1790 года“ очень талантлива и производитъ сильное впечатлѣніе; это одинъ изъ эпизодовъ перехода Суворова черезъ Алыш. Но миниатюрныя картинки изъ военнаго быта наполеоновской эпохи г. Виллевалде, какъ всегда, и на нынѣшній разъ первенствуютъ и обращаютъ на себя вниманіе чудесной техникой и характерными типами. Между нѣсколькими картинками г. Виллевалде особенно хороши: „Богъ съ нимъ, отпусти“ и „Вотъ онъ, Наполеонъ“. Можно удивляться нестоящей фантазіи г. Виллевалде.

Очень симпатична, какъ всегда, головка г. Платонова „Цыганка“ и, въ особенности, „Татарка съ ребенкомъ“. Портретовъ на нынѣшней выставкѣ не много; лучший изъ нихъ принадлежитъ кисти г. Липгардта и г-жи Зарудной-Кавось. Въ скульптурномъ отдѣленіи особенное вниманіе обращаютъ на себя: „Весна“ г. Баха (статуя изъ гипса) и портретныя статузки г. Гинцбургга: В. В. Верещагина, генерала Струкова, Н. А. Римскаго-Корсакова и композитора П. И. Чайковского.

В. Чуйно.

Политическое обозрѣніе.

Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* напечатано правительственное сообщеніе, въ которомъ говорится: „Императорское Правительство неоднократно имѣло случай заявлять о взглядахъ своихъ на совершавшіяся въ болгарскомъ княжествѣ перевороты, и на тѣ начала, конми руководствуются въ своей политической дѣятельности софійскіе правители со времени захвата принцемъ Кобургскимъ княжеской власти. Нынѣ, по возвращеніи принца Фердинанда изъ заграничной поѣздки, вышеупомянутые правители предполагаютъ приступить къ созванію великаго народнаго собранія, для измѣненія 38-й статьи тырновскаго устава, обезпечивающей принадлежность къ Православной вѣрѣ князя Болгарскаго и его потомства, за исключеніемъ лишь перваго избраннаго князя. Такимъ образомъ, подготавливается посягательство на одну изъ основъ, присущихъ болгарской національной жизни — посягательство противъ народной вѣры, коей болгаре столькими обязаны въ своемъ прошлѣмъ“.

Указавъ затѣмъ, что среди населенія самой Болгаріи попытка эта вызываетъ энергическіе протесты, а экзархъ болгарскій обратился съ представленіями въ Софію, правительственное сообщеніе продолжаетъ:

„Въ виду вышеизложеннаго, Императорское Правительство выражаетъ искреннее желаніе, чтобы возвысившіеся голоса болгарскаго духовенства и благомыслящихъ гражданъ послужили предостереженіемъ для всѣхъ болгаръ, безъ различія партій, и устранили опасность, которая грозитъ всякому народу, готовому вступить на путь отреченія отъ вѣковыхъ и самыхъ священныхъ своихъ преданій. Императорское Правительство убѣждено, что задуманный нынѣ поворотъ въ духовной и политической жизни княжества не можетъ сопровождаться благоприятными результатами и ведетъ лишь къ бѣдственнымъ послѣдствіямъ въ будущемъ, путемъ внутренняго разлада и глубокихъ нравственныхъ недоразумѣній“.

Въ Парижѣ началось въ судѣ съ присяжными дѣло о подкупѣ должностныхъ лицъ компаній Панамы.

На бышемъ 17 февраля парадномъ банкетѣ бренденбургскаго провинціального сейма и въ этомъ году императоръ Вильгельмъ произнесъ застольную рѣчь. „Наше время, сказалъ императоръ, любитъ обращать взгляды на прошедшее и дѣлать сопоставленія съ существующимъ, часто къ невыгодѣ послѣдняго. Тѣ, кто имѣетъ возможность озираться назадъ на такое славное прошлое, какъ наше, хорошо поступаютъ, если выводить изъ этого поученіе. Надежды мои направлены къ росту и упроченію отечества внутри и къ уваженію его имени. Тогда мы спокойно сможемъ сказать: „Мы, нѣмцы, боимся Бога и больше никого въ мірѣ““.

20-го февраля въ Капитоліи Вашингтона состоялась церемонія водворенія новаго президента. Кливлэндъ произнесъ рѣчь, въ которой выставилъ на видъ, что устойчивость и постоянство валюты имѣютъ для Америки чрезвычайно важное значеніе. Онъ падѣется, что по этому предмету будутъ изданы мудрые и полезные законы. Тѣмъ временемъ правительствомъ сдѣлаетъ все возможное, чтобы поддерживать кредитъ страны и предупредить финансовыя бѣдствія. Кливлэндъ высказался затѣмъ противъ премій и субсидій и заявилъ, что несправедливости, заключающіяся въ тарифной системѣ, должны быть устранимы, и что должно быть дозволено устанавливать налоги, лишь въ случаѣ необходимости увеличить доходы казны.

Изъ Занзибара сообщаютъ, что 21 февраля, вечеромъ, умеръ отъ водяной занзибарскій султанъ. На берегъ тотчасъ же были высланы 250 британскихъ матросовъ, которые и поставлены карауломъ у дворца. Сынъ султана Калиль, успѣвъ проинкнутъ во дворецъ заднимъ ходомъ, пытался закрыть изнутри дворцовыя ворота, однако, по требованію британскаго консула, сдался и отведенъ подъ конвоемъ въ собственный его домъ. Британскій консулъ провозгласилъ султаномъ Гамиду Банъ-Твайна, двоюроднаго племянника Баргаша, умершаго въ 1888 году.

Разныя извѣстія.

— Въ Именномъ Высочайшемъ указѣ г. Министру Финансовъ, отъ 22-го января сего года — сказано: „Признавъ полезнымъ, по представленію вашему, въ Особомъ Комитетѣ разсмотрѣнному, усилить наличность Государственнаго Казначейства, сократившуюся, вслѣдствіе удовлетворенія нуждъ, вызванныхъ неурожаемъ 1891 года, а равно обезпечить средства, необходимыя для покрытія предусмотрѣннаго по росписи на 1893 годъ превышенія расходовъ надъ доходами, повелѣваемъ произвести для указанной цѣли внутренній заемъ на нарицательный капиталъ

въ сто миллионѣвъ (100.000.000) рублей кредитныхъ“.

— 26-го февраля, въ день Рожденія Его Императорскаго Величества Государа Императора Александра Александровича, въ Исаакиевскомъ кафедральномъ соборѣ была отслужена божественная литургія, а послѣ литургіи было совершено благодарственное молебствіе.

— 24-го февраля, Ихъ Императорскія Величества посѣтили выставку картинъ въ Императорской Академіи Художествъ.

— 23-го февраля, на Дворцовой и Развод-

ной площадяхъ состоялся парадъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи и 1-й и 2-й бригадамъ 1-й гвардейской кавалерійской дивизіи, а 25-го февраля, въ одиннадцать часовъ утра — военно-учебнымъ заведеніямъ, и остальнымъ находящимся въ Петербургѣ войскамъ.

— Объявлена благодарность отъ Августѣйшаго Ея Императорскаго Величества Имени протоіерею крошадтскаго Андреевскаго собора отцу Іоанну Сергіеву, за благотворительное усердіе его на пользу елабужскаго Александринскаго дѣтскаго пріюта.

„Торжество мира“ — балъ, устроенный въ пользу недостаточныхъ учениковъ Императорской Академіи Художествъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Козачинскаго, грав. Шюблеръ.

Библиотека "Руниверс"

— Учебная часть Внутренней Киргизской орды подчинена ведению Казанского учебного округа.

— Съ выѣзшей весны въ Крыму устраи-

вается лѣчебная станція для слабыхъ здоровѣемъ воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ и военныхъ училищъ.

— 20-го февраля, исполнилось 10 лѣтъ со-

дня основанія въ Петербургѣ „Общества почтовыхъ домовъ“. Въ домахъ общества за 10 лѣтъ имѣлъ почной приростъ 1.960,452 чело-
вѣка.

Искусство.

Петербургъ посѣтилъ пользующійся въ Италіи и Америкѣ большою извѣстностью трагикъ г. Эммануэль; артистъ этотъ выступилъ у насъ въ роляхъ Гамлета, Фигаро, Отелло, Лира и Ромео. Наибольшій успѣхъ имѣлъ онъ въ роляхъ Лира и Отелло, и, въ особенности, въ послѣдней.

Г. Эммануэль пользуется заслуженной репутаціей уже лѣтъ двадцать пять. Что отличаетъ г. Эммануэля отъ другихъ его сотоварищей, пріѣзжавшихъ къ намъ,—это ансамбль и обстановка. Обыкновенно гастролеры набираютъ самую жалкую труппу для того, чтобы самымъ выдѣлиться; у г. Эммануэля, судя по ансамблю въ „Свадьбѣ Фигаро“,—все артисты очень хороши; особенно выдѣлялась между ними милостивая и талантливая г-жа Рейтер, исполнительница Офелии, Сюзанны, Дездемоны, Корделии и Джульетты; она также имѣла у насъ успѣхъ, и выдающийся въ первыхъ двухъ роляхъ. Кроме того, прекрасна обстановка шестъ; костюмы не только приличны, но роскошны. Г. Эммануэль отправляется, какъ намъ передавали, въ Москву и въ Варшаву, а отсюда въ Берлинъ.

Въ февралѣ (23 числа) исполнилось двадцать пять лѣтъ артистической дѣятельности директора Московскаго филармоническаго общества и „Музыкально-драматическаго училища“ при немъ, П. А. Шостаковскаго; юбилей этотъ былъ очень торжественно отпразднованъ музыкальными кружками нашей первопрестольной, помпѣщей юбиляра, когда онъ только-что начиналъ свою дѣятельность въ

1867 г. Окончивъ свое музыкальное образованіе, начатое въ Петербургской консерваторіи, въ Берлинѣ, подъ руководствомъ славившагося въ то время Кулака, г. Шостаковскій былъ приглашенъ покойнымъ Н. Г. Рубинштейномъ профессоромъ по классу фортепiano въ Московскую консерваторію. По выходѣ изъ нея, онъ вступилъ въ число директоровъ „Общества любителей музыкальнаго и драматическаго искусства“, дававшее время отъ времени свои концерты, которыми и дирижировалъ нынѣшній юбиляръ; въ то же время онъ открылъ свою собственную музыкальную школу.

Въ 1883 г. насталъ для этого общества весьма благоприятный моментъ: оно перешло подъ покровительство великаго князя Николая Николаевича, получило новый уставъ, въ силу котораго оно переименовано въ „Филармоническое“ и взяло въ свое вѣдѣніе школу г. Шостаковскаго. Съ этого, именно, времени начинается особенно плодотворная дѣятельность юбиляра на почвѣ развитія музыкальнаго дѣла въ Москвѣ; общество это, мало-по-малу, становится конкурентомъ русскому музыкальному обществу, его собранія посѣщаются публикой не менѣе, чѣмъ симфоническія, а „Музыкально-драматическое училище“ является прямо соперникомъ консерваторіи. Значеніе этого училища, во главѣ котораго стоитъ г. Шостаковскій, еще больше увеличилось, когда въ 1886 г. оно получило права, сравнявшія его съ правами консерваторіи во всѣхъ подробностяхъ. Все это достигнуто было неутомимымъ трудомъ, энергіей и талантомъ его директора.

В. Басинъ.

Смѣсь.

Примѣненіе открытія Пастера къ шелководству. Въ Бруссѣ (въ Малой Азіи) и окрестностяхъ ея шелководство за послѣдніе два года достигло большого развитія. Объясано оно этимъ замѣчательному открытію Пастера, который нашелъ способъ отличать здоровыхъ шелкопрядовъ отъ больныхъ и указалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что дальнѣйшее распространеніе болѣзни шелкопрядовъ червей, даже таинъ, которая десяти лѣтъ тому назадъ грозила совершеннымъ уничтоженіемъ шелководству, можетъ быть задержана, если употреблять въ дѣло исключительно лички здоровыхъ бабочекъ. Оригинальное впечатлѣніе производитъ на посѣтителя училище шелководства въ Бруссѣ. Повсюду надъ микроскопами сидятъ простые крестьянскіе мальчики и разсматриваютъ лички шелкопрядовъ. Въ одномъ углу комнаты лежитъ куча маленькихъ мѣшочковъ изъ тонкой хлопчатобумажной матеріи; въ каждомъ изъ нихъ находится мертвый шелкопрядъ вмѣстѣ съ положенными имъ личками. Работающіе въ школѣ мальчики бросаютъ такую мертвую бабочку въ ступку и растираютъ ее съ небольшимъ количествомъ воды. Взявъ отсюда каплю, они помѣщаютъ ее на стеклышко и съ помощью микроскопа разсматриваютъ въ ней черныя пятна, производящіе болѣзнь шелкопрядовъ. Для полученія шелка отбираютъ лички только такихъ бабочекъ, которыя послѣ микроскопическаго изслѣдованія оказались совершенно здоровыми. Со времени открытія школы въ 1886 году уже около 40 крестьянъ купили себѣ микроскопы и теперь проводятъ свои вечера за выборкой личекъ, годныхъ для шелководства. Такимъ образомъ, открытіемъ ученаго пользуются теперь въ практической жизни многіе бѣдные люди, большая часть которыхъ не умѣетъ даже читать и писать.

Успѣхъ не заставилъ себя долго ждать. Торговля шелкомъ въ Бруссѣ теперь снова достигла прѣжшаго состоянія. А еще недавно погибшія тутовья деревья считались тысячами, и затѣвать поны насажденія никому и въ голову не приходило, пока крестьяне не научились пастеровскому способу въ Брусской школѣ. Теперь же шелководные черви до того размножились, что уже не хватаетъ для ихъ выкорма листьевъ шелковичныхъ деревьевъ, и грузы этихъ листьевъ закупаются въ настоящее время по цѣнѣ, въ десять разъ превышающей прежнюю. Успѣхи производства явствуютъ лучше всего изъ слѣдующихъ чиселъ: въ 1888 году собрано было 710.000 кило шелка, въ 1891-мъ—808.700, а въ истекшемъ сборъ превысилъ 2.700.000 кило. Въ окрестностяхъ Бруссы, а также въ другихъ мѣстахъ Малой Азіи, посажено вновь много тутовыхъ деревьевъ, и тысячи людей занялись теперь шелководствомъ. Заслуга въ этомъ благомъ дѣлѣ принадлежитъ управляющему департаментомъ государственныхъ доходовъ въ Константинополѣ, англичанину Кайларду, стараніемъ котораго была устроена въ Бруссѣ школа шелководства.

(г. в.)

Оригинальное зданіе. Въ Чикаго строится теперь громадная гостиница, которая будетъ имѣть форму слона. На крышѣ этого зданія, рассчитаннаго на помѣщеніе 700 пріѣзжихъ, на высотѣ 70 метровъ отъ поверхности земли, будетъ устроена обсерваторія.

Австралійскія сельди. Одинъ англійскій естествоиспытатель нашелъ недавно въ иѣкоторыхъ рѣкахъ Новаго Южнаго Валлиса (въ Австраліи) прѣсноводныхъ сельдей со слѣдующей интересной особенностью. На спинѣ у нихъ помѣщается такой же рядъ пластинокъ, какой встрѣчается только у ископаемыхъ сельдей давно

минувшихъ временъ жѣлового и нижне-третичнаго періода: интересный случай выживанія очень древней формы животнаго.

(г. в.)

Кружевной кустарный промыселъ весьма распространенъ по русскимъ деревнямъ. Во многихъ селеніяхъ, особенно зимю, все почти поголовно женское ихъ населеніе, начиная чуть ли не съ 8—10-лѣтняго возраста, и большая часть мальчиковъ (въ прошедшую зиму плело не мало и мужиковъ) сидятъ надъ кружевными подушками и плетутъ кружева. При существующихъ нынѣ мѣстѣхъ условіяхъ сбыта (прежде чѣмъ понасть въ магазины столицъ и большихъ городовъ, кружева проходятъ черезъ цѣлую систему скупщиковъ-комиссіонеровъ, внакъ не менѣе 3—4, начиная съ деревенскихъ торговыхъ-ростовщицъ, кулаковъ-лавочниковъ, и каждый изъ нихъ беретъ себѣ не малый барышъ) и цѣнахъ, только самыя опытныя и искусныя кружевницы, просидѣвъ, не разгибаясь, цѣлый день за далеко не легкой работой, съ трудомъ вырабатываютъ копейку 6, при чемъ керосина еще сожгутъ копейки на 2; менѣе же опытныя часто не вырабатываютъ и цѣну нитокъ, употребленныхъ на плетеніе; чаще всего нитки берутся въ долгъ за бѣснослонно высокую цѣну у тѣхъ же деревенскихъ торговыхъ-ростовщицъ, въ счетъ будущаго кружева, которое потомъ берется ими же буквально за безцѣнокъ, съ зачетомъ еще цѣны взятыхъ нитокъ, а часто и другаго товара, забраннаго въ ихъ лавочнахъ.

Но теперь, мало-по-малу, эти ненормальныя условія встрѣчаютъ, къ счастью, противодѣйствіе. Такъ, въ Елецкомъ уѣздѣ устроена П. А. Огаревой школа кружевницъ, подъ руководствомъ опытнаго и интеллигентнаго лица. При школѣ производится пріемъ на наличныя деньги отъ окрестныхъ, исключительно, недостаточныхъ и бѣдныхъ кружевницъ только выполнѣ хорошаго кружева по самымъ разнообразнымъ, очень красивымъ стариннымъ и современнымъ образцамъ, розданнымъ имъ отъ школы. Это доброе дѣло не осталось безъ послѣдствій, и много лицъ петербургскаго хорошаго общества обращаются къ посредству школы для полученія кружевъ, изъ первыхъ, такъ сказать, рукъ. Сравнительно недорогая цѣна кружевъ, по ихъ достоинству, дѣлаетъ то, что кружева вмѣстѣ съ расходами на пересылку обходятся дешевле, чѣмъ можно купить ихъ по рыночной цѣнѣ. Желавшіе ближе ознакомиться съ этимъ дѣломъ могутъ обратиться за свѣдѣніями къ завѣдующей Паленскимъ училищемъ кружевницъ, Александрѣ Богдановнѣ Панинѣ, г. Елецъ, село Пальна. Всѣ нужныя свѣдѣнія, а равно образцы кружевъ и прейсъ-курарты ихъ высылаются безплатно по первому требованію.

СОДЕРЖАНІЕ: Князь Григорій Григорьевичъ Гагаринъ (съ портр.)—Воля судьбы. Историческій романъ въ трехъ частяхъ Кн. М. Н. Волконскаго (Продолженіе).—Африканскій родственникъ. Рассказъ Марла Ганнемана. (Переводъ съ нѣмецкаго).—Нѣсколько свѣдѣній о всемирной выставкѣ въ Чинго. — Призраки. Опытъ современной баллады Р. Н.—Къ рисункамъ: Святой Сергіи отъзывается принятыи игуменство (съ рис.).—Дарьяльская ирѣпость (съ рис.).—Набавы (съ рис.).—Юганъ Брамсъ (съ портр.).—Мечъ и прапна (съ рис.).—В. А. Шереметевъ (съ портр. и рис.).—Торжества мира (съ рис.).—Академическая выставка.—Политическое обозрѣніе.—Разныя извѣстія.—Искусство.—Смѣсь.—Объявленія.

При смѣ. № прилагается: 1) СБОРНИКЪ „НИВЫ“ за МАРТЪ; 2) „ПРИНЦИПІА МО.Ы“ за МАРТЪ 1893 г. съ 34 рис. и отд. листъ съ 23 черт. выкроенъ въ натур. велч. и 37 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ Кн. М. Н. Волконскій.

ФИСГАРМОНИИ

лучших
француз-
ских, аме-
риканских
фабрик и
фабрик Шид-
мьера,
рекомендо-
ванных

Главачемъ,
Гензельтомъ,
Листомъ и др.
въ 85, 100,
125, 130, 140,
150, 160, 170,
180, 190, 200,
225, 250, 275,
300, 325, 350,
400, 450, 500.

550, 600, 700, 900, 1000 рублей и дороже.
Самоучитель для фисгармоний 2 р.
Играть на фисгармонии можно научиться
легко.

Иллюстрир. прейс-курantz — бесплатно.

**ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ
ЦИММЕРМАНЪ**

главное дело
музыкальных инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнецкий мостъ, д. Захарьина.

ПОЧТОВЫЯ МАРКИ

100 различн. мар.—30 к., 150 р. м.—50 к.,
200 р. м.—1 р., 250 р. м.—1 р. 50 к., 300
р. м.—2 р. 25 к., 500 р. м.—6 р. 1000 р. м.—
20 р.—Мурен на выборъ. Принимаю заказы.
№ 6263 Английский магазинъ 3—2
Р. НЕШЕЛЬ. Вознесенский пр., 10, между
Больш. и Малой Морской. С.-Петербургъ.

БИНТЫ ДЛЯ УСОВЪ

придающие неувядающимъ растущимъ усамъ въ
10 минутъ красивый видъ и фасонъ, вы-
сылаются за 1 р. 10 к. шт. съ наложен-
нымъ платежемъ. Адресъ: въ Москву У. Иныцъ.

КНИГИ

всевозможныя, русскія, выслы. немедленно
Книжный магазинъ

Ө. А. БОГДАНОВА.

Москва, Петровка, Петровскія лини № 5.
Принимается подписка на всѣ рус. журналы
и газеты по цѣн. редакцій. № 6271 18—4

И. И. КАРПОВЪ
(составитель руководства)
СКЛАДЪ
ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ
С. П. Б. ЗАГОРОДНЫЙ ПР. Д. 2.

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ 56-Й ПРОБЫ СЪ превосходными БРИЛЛИАНТАМИ:

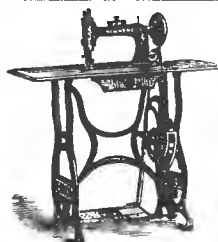
искусственными
№ 254. Золотое кольцо. Шт. 4 р. 90 к., 2 за 9 р. 55 к., 3 за 13 р. 90 к.
№ 353. Золотыя серьги. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 8 р. 90 к. № 6289 10—1
№ 358. Золотыя серьги на винтикахъ. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 9 р. 40 к.
№ 401. Золотой браслетъ. Шт. 19 р. 75 к., 2 за 37 р. 80 к.
№ 307. Золотая брошка. Шт. 7 р. 55 к., 2 за 13 р. 90 к.
№ 503. Золотая булавка. Шт. 3 р., 2 за 5 р. 65 к.
Товаръ пересылаю наложеннымъ платежемъ.
БАЗАРЪ МАРОКЪ
С.-Петербургъ,
Невский просп., № 20—31.

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ.

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВЪНЪ.

его влияния на кожу. Цѣна флакону 1 р. 65 к.; Бензоевое мыло 35 н. и 50 н. кусокъ; Упо-
момага (лучше кольцо-крема) 1 р. Улановка и перес. въ Европ. Россіи 70 н., въ Азіатск.
1 р. Главный складъ для всей Россіи у В. АУРИХА, въ С.-Петербургѣ, Колокольная,
№ 18—19. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарск. магазин. и аптекахъ Россіи.

НЬЮ-ГОМЪ

оригинальная, американская усовершенствованная

ШВЕЙНАЯ МАШИНА

Къ „НЬЮ-ГОМЪ“, въ Оранжъ (Шт. Массачусетъ, Сѣв.
Америка) пользуется всемірною извѣстностью; проста,
прочна, изящна; отличается: высокими рукавомъ, новымъ
удобнымъ регуляторомъ для натяженія нити и проч. Ра-
ботаетъ легко, быстро и безъ шума; даетъ чистую, ровную,
2-мя нитками шитую строчку; употребляетъ прямую само-
устанавливающуюся (безъ мѣрки) нитку; годна для домашняго
и ремесленнаго употребленія; шьетъ все: отъ тончайшей
кисеи до толстѣйшаго сукна.

ГАРАНТИЯ 5 ЛѢТЪ.

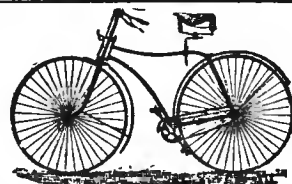
Прейс-курantz и описаніе по требованію.

Складъ и контора „НЬЮ-ГОМЪ“, Москва, Мясницкая, д. Сытовыхъ.
Главный представитель для всей Россіи:
Высоч. утвержд. Товарищество „Работникъ“.
П. № 6248 Москва, Петербургъ, Кіевъ и Ташкентъ. 10—8

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Ром.-хрон. XVIII в.
Вс. Соловьева. СПб. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ
перес. 2 р. 50 к.

ДЕШЕВО И ИЗЯЩНО.

Элегантнымъ особамъ къ празднику Пасхи
роскошный скорпіизъ въ футлярѣ яйцъ
последняго ПАРИЖСКОЙ новости: брошь,
браслетъ и серьги изъ накладки. золота
съ поддѣлы. бриллиант., не мѣняющими
своего вида и имѣющими блескъ настоящ.
бриллиант.; всѣ три вещи высылаются за
1 р., 6 р., 8 р., 10 р. и 15 р., тоже золо-
тыя за 25 р. по почтѣ съ налож. плате-
жемъ при получении задатка въ 20% стои-
мости. Перес. и упак. на счетъ заказчика.
Съ требов. просить обращаться въ Торг.
Домъ АЛЕКСАНДРЪ и К°, поставщ. арт.
Имп. Театровъ, СПб., Пассажъ, № 36.

Употреб-
ляется для
мытья ко-
жи, лица и
рукъ.
Способъ упо-
требленія.
При приго-
товленіи
этого баль-
зама глав-
ное внима-
ніе обра-
щено на то,
чтобы въ
составъ
опаго во-
шли бы
исключи-
тельно ве-
щества, не
оказываю-
щія дурна-
го вліянія на кожу. Цѣна флакону 1 р. 65 к.; Бензоевое мыло 35 н. и 50 н. кусокъ; Упо-
момага (лучше кольцо-крема) 1 р. Улановка и перес. въ Европ. Россіи 70 н., въ Азіатск.
1 р. Главный складъ для всей Россіи у В. АУРИХА, въ С.-Петербургѣ, Колокольная,
№ 18—19. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарск. магазин. и аптекахъ Россіи.

Около 1000 велосипедовъ на складѣ.
Кромѣ большаго полкова болѣе 500 офи-
церовъ пользуются нашими велосипедными.
САМЫЙ ОБШИРНЫЙ въ Россіи
ВЕЛОСИПЕДОВЪ.

Торговый домъ **Ж. БЛОКЪ.**
(основ. въ 1883 г.)
МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава,
П. № Кокандъ и Елатеринбургъ. 25—12
5982 Новый каталогъ 80 страницъ.

БЕЗПЛАТНО.

НОВѢЙШЕ

РОМАНСЫ

Ю. Блейхмана

автора любим. ром. „Ты по-
любишь ли?“, „Нѣтъ весны“ и др.
Только что вышли изъ печати:
№ 11) Мелодія.—60 н. № 12)
Мнѣ снилось.—50 к. № 13) Я
не знаю тебя.—50 н. № 14)
Нанъ давно не дышала я про-
хладной волей.—50 к.

Всѣ для средняго голоса. № 11 и 13
кромѣ того и для высокаго голоса.

Всѣ романсы Чайковского, Губинштейна,
Кюи, Дюссанаго, Шефера и пр.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 40.
Москва, Кузнецкий м., д. Захарьина.

Высылка немедленно.

ИЗВѢЩЕНІЕ.

Правленіе ВЫСОЧАЙШЕ утвержд. ТОВАРИЩЕСТВА
табачной фабрики

А. Н. БОГДАНОВЪ и К°.

имѣетъ честь довести до всеобщаго свѣдѣнія, что производство фа-
брики, сокращенное вслѣдствіе бывшаго въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ по-
жара, съ 20-го сего февраля

ВНОВЬ ВОЗСТАНОВЛЕНО

въ прежнихъ размѣрахъ и всѣ заказы исполняются безъ замедленія.

При этомъ Правленіе присовокупляетъ, что имъ приняты всѣ мѣры
къ постоянному улучшенію вырабатываемыхъ издѣлій, изъ коихъ осо-
бому вниманію Гг. курящихъ

№ 6285

рекомендуются:

ПАПИРОСЫ: Альфа, Директорскія и Принцесса. 10 шт. 10 к.
Турецкія, Гостинныя и Дюбекъ 10 „ 6 „
Спортъ, Восточныя, Василень и Калачъ 10 „ 5 „
Пальма, Элегантныя, Славянскія и Дюронныя. 10 „ 3 „

ТАБАКЪ: Барскій въ 48 к. ф. Трапезонъ въ 1 р. Самсонъ въ 1 р. 20 н.
Кремъ, Султанскій и Самсонъ отборн. въ 1 р. 44 к. Перси-
чанъ и Халисъ въ 2 руб. Босфоръ и Халисъ въ 2 р. 20 н.
Дюбекъ въ 2 р. 40 к. и выше до 10 р. за фунтъ.

СИГАРЫ: Трабуносъ—1 р. за 100 шт. Кабаносъ—1 р. 20 н. за 100 шт.
Пушки—2 руб. за 100 шт. Гладіаторъ—3 руб. за 100 шт.
Реформъ—4 р. за 100 шт. и выше до 10 руб. за 100 шт.

ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА

ДУХИ: „ПЕРСИДСКАЯ СИРЕНЬ“

„ЛЮБИ МЕНЯ“
„КОРИЛОПСИСЪ“
„ИСПАНСКАЯ КОЖА“
„КОНЕЦЪ ВѢКА“.

НОВОСТЬ! Прелестная туалетная
вода „О-де-БРОКАРЪ“

ФАБРИКИ

Брокартъ и К°.

Невскій, д. 30, СПб. № 6287 3—1

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ СРЕДСТВО

для смягченія кожи рукъ и лица.

Цѣна 35 коп.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфю-
мерныхъ магазинахъ.

III № 6271 14—2

САМОУЧЕБНЬЕ ИСТОЧНИКОВЪ ДОХОДА

въ 2-хъ частяхъ, съ 2-мя табл. чертеней.

Руководство въ быстрому самоучению безъ учителя № 6284 изъ 14 разл. занятий

ПРИНОСЯЩИХЪ на каждое лицо ЕЖЕМЪСЯЧНО

отъ 50 до 250 р.

не требующихъ капитала, быстро изучаемыхъ, лег-
кихъ, доступныхъ всякому возрасту и полу.

Соч. А. МИХАЙЛОВЪ.

Цѣна съ пересылкой: За мари и налож. плат.

Денегъ 50 к. не высылать.

Требования адресовать въ Харьковъ, Кулачскій пер. д. Лапши-
на, у подполковника Александра Дмитриевича Золотницкаго.

КРАСИВО ПИСАТЬ

выучается великій заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФИИ

А. КОССОДО.

Методъ преподаванія на Парижской все-
мирной выставкѣ 1889 г. а удостоенъ 30-
лѣтней медалью. № 6208 52-7

За 2 семиконечныя марки высылаются
пробное письмо и условія. Адресъ: Про-
фессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ
Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

ЖЖЕННЫЙ КОФЕ
Тверская,
противъ Саввиного
подъ аркой
А. И. ПИЩЕВЪ,
въ Москвѣ.
Кофе по рецепту
П. П. ПИЩЕВЪ
наложеннымъ платежомъ
высылается
бесплатно
Л. ФОРШТРЕМЪ
ЕЖЕДНЕВНО СВѢЖИЙ.

П. № 6288 10-1

ЛЕННИНГЪ и ГИЗНИНЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставля-
ютъ черную краску, которую печатается
въ иллюстрированный журналъ "Нива". № 2405

ЛУЧШИЙ ПОДАРОКЪ КЪ ПАСХѢ:

ТОЛЬКО 5 руб.

Высылается настоящий фотографическій
аппаратъ съ треножникомъ, не игрушка,
который каждый, даже ребенокъ, можетъ сни-
мать съ натуры портреты, виды, ланд-
шафты и проч., съ пробными снимками и
руководствомъ. Адресъ: С.-Петербургъ.
Складъ новыхъ изобрѣтеній, Неваскій пр., 4.
Занавѣсы немедленно. Каталогъ всѣхъ изо-
брѣтеній за 10 к. марку. № 6286
Высылается наложеннымъ платежомъ.

Фирма премирована на европейскіхъ
выставкахъ десятью золотыми ме-
далями и высшими орденами.

(7) МИНДАЛЬНОЕ № 5914
МЫЛЬНОЕ ТѢСТО

Приготовл. лаборат. А. ЭНГЛУНДЪ.
Миндальное мыльное тѣсто на бе-
резовомъ сокѣ, котораго обильная,
освѣжающая и пріятная пѣна, вни-
мательна въ кожу, придаетъ ей нѣж-
ность и мягкость; употребляется
какъ мыло. Цѣна за кусокъ 35 к.,
съ пересыл. 6-ти кусковъ 2 р. 50 к.
Для предупрежденія поддѣлокъ, про-
шу обратить вниманіе на подпись
А. Энглундъ красными чернилами
и марку С.-Петербургской Космети-
ческой Лабораторіи. Получать мож-
но въ Высочайше утвержденномъ
русскомъ обществѣ торговли апте-
карскими товарами, Казанская, 12
и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ
и парфюмерныхъ торговыхъ Россій-
ской Имперіи. — Главнымъ складомъ для
всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петер-
бургъ, Васильевъ ул., д. № 2.

Въ элеваторахъ Рязанско-Уральской желѣзной дороги на станціяхъ
Рязанскъ, Данковъ и Лебедянъ съ 1 февраля с. г. вводится, по примѣру
Козловскаго элеватора, обезличеніе хлѣба съ сортировкой его по сор-
тамъ, установленнымъ Комитетомъ по надзору за сортировкой хлѣба
въ элеваторахъ дороги; при чемъ въ документахъ, выдаваемыхъ эле-
ваторами въ ириятіи на храненіе хлѣба, указывается сортъ хлѣба
по классификаціи.

Классификаціи эти вмѣстѣ съ нормальными образцами хлѣбовъ,
установленнымъ тѣмъ же Комитетомъ, выставлены для обозрѣнія въ
главнѣйшихъ русскихъ биржахъ и элеваторахъ.

Введеніемъ этой операціи землевладѣльцамъ, хлѣботорговцамъ и эк-
спортерамъ значительно облегчается сбытъ и приобрѣтеніе хлѣба пу-
темъ купли - продажи его по образцамъ и сортамъ, указаннымъ въ
документахъ элеваторовъ, съ гарантіей со стороны элеваторовъ въ
отпускѣ хлѣба, вполне соответствующаго сорту, указанному въ доку-
ментѣ. Помимо того, вводимое въ элеваторахъ обезличеніе и сорти-
ровка хлѣбовъ открываетъ возможность заготовленія большихъ партій
совершенно однороднаго хлѣба, необходимаго при подрядахъ и по-
ставкахъ для интендантскаго вѣдомства и др.

Подъ сдаваемымъ въ элеваторы хлѣбъ Обществомъ дороги организо-
вана выдача, на весьма выгодныхъ для хлѣбовладѣльцевъ условіяхъ,
долгосрочныхъ ссудъ, со взиманіемъ ихъ, по желанію владѣльца хлѣба,
на станціи окончательнаго назначенія хлѣба, если онъ вывозится изъ
элеватора по желѣзной дорогѣ. № 6232 3-3

Подробныя правила и таксы за услуги элеваторовъ, а равно правила
выдачи ссудъ опубликованы въ Сборникѣ тарифовъ и отпечатаны от-
дѣльными брошюрами, высылаемыми по требованію бесплатно Правле-
ніемъ Общества (въ С.-Петербургѣ, по Мойкѣ, № 40).

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ

EAU DE LYS DE LOHSE

Бѣлая и розовая вода для блѣлыхъ, желтая вода для брюнетокъ.

Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.

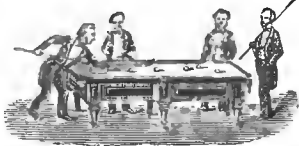
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ
дрогистовъ Россіи. № 5420 (25)

БИЛЬЯРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египет-
№ 6236 скаго моста, домъ № 7-2. 26-3

Иллюстрированные прейсъ-курanty по вос-
требованіямъ высылаются безвозмездно.

EAU, PÂTE, POUDRE
DENTIFRICES

DOCTEUR PIERRE
DE LA
FACULTÉ DE MEDECINE
DE PARIS
EN VENTE PARTOUT

№ 6235 13-5

ПЕРВЫЙ
Ревельскій Разсадникъ

домашней птицы

предлагаетъ

ЯЙЦА ДЛЯ ВЫСЛѢЖИВАНІЯ

асѣхъ породистыхъ домашнихъ птицъ, при-
чемъ замѣняетъ неоплодотворенныя яйца
бесплатно аа свѣжія.

Для болѣе близкаго ознакомленія съ моимъ
разсадникомъ домашней птицы, прошу
немедленно требовать „Новый иллюстри-
рованный каталогъ“, который содержитъ 70-ю
иллюстраціи въ текстѣ и представляетъ
собой, по полнотѣ содержанія и точному
исполненію рисунковъ, единственный до
сего времени существующій въ мірѣ кта-
логъ, когда либо издававшійся при разса-
дникахъ домашней птицы.

Высылка и доставка каталога
производится бесплатно.

Евгеній Юльяновичъ Блокъ,
Ревель. Ц. № 6277

Д-ръ Волицкій лѣчитъ наружныя, кожныя,
грудныя болѣзни, ракъ въ электротер. Нев-
скій, 57, кв. 5. Отъ 2-3 я 6-7 1/2 ч. в.

ВИНО

СЕН-РАФАЭЛЬ.

Вино Сен - Рафа-
эль превосходно
на вкусъ.

Сохраняется по
способу г-на
Пастера.

На каждой бутылкѣ находится
печатъ Россійской таможи.

КОРНЕТЪ-А-ПИСТОНЫ
въ 12 р., 15 р., 20 р. и до 100 р.
ФЛЕЙТЫ
отъ 2 до 60 руб.

и всѣ другіе духовые инструменты
реком. въ большомъ выборѣ и по умѣрен-
н. № 6006 нымъ цѣнамъ 4-4

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.

Москва, Петровка, д. Волкова.
Иллюстрированный прейсъ-курantъ всѣхъ
инструментовъ—бесплатно.

Объявление о подпискѣ на новое роскошное изданіе:
„ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛІОТЕКА НИВЫ“.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ (1893) БУДЕТЪ СОДЕРЖАТЬ

СКАЗКИ,

собранныя братьями Я. и В. ГРИММАМИ.

ПЕРЕВОДЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ П. Н. ПОЛЕВОГО.

Иллюстраціи П. ГРОТЪ-ІОГАННА.

24 выпуска, каждый—въ роскошной обложкѣ; по одному выпуску черезъ каждыя двѣ недѣли.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

Великій русскій поэтъ Пушкинъ, слушая, уже въ зрѣломъ возрастѣ, сказки своей няни, восхищался ими и говорилъ: „Что за прелесть эти сказки—каждая изъ нихъ есть поэма!“ И въ то же самое время, въ письмѣ къ брату, добавлялъ: „по вечерамъ слушаю сказки, и тѣмъ дополняю недостатки моего воспитанія.“—Слѣдовательно, самъ Пушкинъ признавалъ не только совершенство формы народной сказки, но и ея глубокое воспитательное значеніе.

Послѣ русскихъ сказокъ, неисчерпаемо-богатыхъ, наши сосѣди-германцы обладаютъ наиболѣе изобильною сокровищницею сказокъ, которая наша себѣ пресокрываетъ собирателей, въ лицѣ знаменитыхъ нѣмецкихъ ученыхъ, братьевъ Якова и Вильгельма Гриммовъ.

Дѣйствительно, не многія книги пользовались всюду такимъ громаднымъ и постояннымъ успѣхомъ, какъ этотъ классическій сборникъ произведеній народнаго творчества. И не удивительно! Едва заглянемъ въ него и перевернемъ нѣсколько страницъ, какъ уже передъ нами начинаютъ исходить легкіе и высоко-поэтическіе образы „Спящей красавицы“, „Снѣгурочки“, беззавѣтно-преданнаго Іоганна, чудодѣевъ-карликовъ и грозныхъ великановъ, шривихъ фей и русалокъ, величаво-важныхъ сказочныхъ королей и королевъ... И мы поддаемся обаянію сказокъ, мы углубляемся въ чтеніе,—мы оторваться не можемъ отъ книги!

Другою важною стороною такой книги, какъ сборникъ братьевъ Гриммовъ, является ея общепонятность, общедоступность для всѣхъ возрастовъ, всѣхъ сословій, всѣхъ классовъ общества, всѣхъ состояній... Ихъ съ одинаковымъ удовольствіемъ будетъ читать и простолюдинъ, и знатный, и бѣднякъ, и богачъ, и юноша, и старецъ... А въ смыслѣ семейнаго, домашняго чтенія—это настоящій кладъ, особенно, по тому „воспитательному“ значенію народныхъ сказокъ, на которое такъ опредѣленно указываетъ Пушкинъ. Нравственная основа сказокъ безукоризненно-чиста; мораль ихъ проста и немногосложна: истина, добродѣтель, прилежаніе, вѣрность чувству долга—всегда торжествуютъ; пороки, лѣность, несправда—всегда несутъ заслуженное наказаніе. Вотъ почему эти сказки и навѣваютъ на насъ такой оживляющей, ободряющей духъ, что и самая жизнь паша, со всѣми ея невзгодами, начинаетъ казаться намъ болѣе привлекательною. Великая мудрость народная, одинаково просвѣтляющая въ основѣ всѣхъ сказокъ сборника братьевъ Гриммовъ, учитъ насъ не желать многого, не стремиться за счастьемъ вдаль, а находить его у себя подъ рукою—у своего семейнаго очага...

Въ виду такого значенія „Сказокъ, собранныхъ братьями ГРИММАМИ“, нами предпринято нынѣ это

НОВОЕ РОСКОШНОЕ ИЗДАНІЕ,

неполное массою рисунковъ талантливаго художника П. Гротъ-Іоганна.

Многіе художники и до него пытались воспроизвести сказочные образы этой сокровищницы, но никому доселѣ не удалось проявить въ иллюстраціи къ сказкамъ такого богатства фантазіи, такой даровитости и силы, какъ П. Гротъ-Іоганну; въ немъ прекраснѣйшее художественное дарованіе сочеталось съ чуткою отзывчивостью, столь необходимой для осмысленнаго изображенія неуловимыхъ сказочныхъ сюжетовъ,—а потому и можно сказать, что онъ своей глубоко-обдуманной, художественной иллюстраціей еще возвысилъ значеніе классическаго сборника братьевъ Гриммовъ.

Съ своей стороны, мы сдѣлали все, чтобы придать изданію достойную его содержанія вѣрность, въ отношеніи шрифта, бумаги и т. д., а назначеніемъ умѣренной цѣны, какъ мы полагаемъ, мы сдѣлали это роскошное изданіе воистинѣ доступнымъ для каждаго.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Наше иллюстрированное роскошное изданіе сборника Сказокъ братьевъ Гриммовъ выйдетъ въ свѣтъ въ 24-хъ издѣлкахъ-сборнорванныхъ выпускахъ.

Стоимость каждаго выпуска—50 коп., а съ перес. 70 коп.

Подписная цѣна на все изданіе: безъ дост. 12 р., съ доставкою и перес. 14 р.

Для удобства гг. городскихъ и иногороднихъ подписчиковъ, мы открываемъ подписку на это роскошное изданіе съ разсрочкою платежа на три, четыре и шесть сроковъ.

На три срока:			На четыре срока:			На шесть сроковъ:		
	безъ доставки	съ перес.		безъ доставки	съ перес.		безъ доставки	съ перес.
при подпискѣ . .	4 руб.	5 руб.	при подпискѣ . .	3 руб.	4 руб.	при подпискѣ . .	2 руб.	3 руб.
черезъ 2 мѣсяца .	4 " "	5 " "	черезъ 2 мѣсяца .	3 " "	4 " "	черезъ 2 мѣсяца .	2 " "	3 " "
" 4 " "	4 " "	4 " "	" 4 " "	3 " "	3 " "	" 4 " "	2 " "	3 " "
			" 6 " "	3 " "	3 " "	" 6 " "	2 " "	3 " "
						" 8 " "	2 " "	3 " "
						" 10 " "	2 " "	3 " "

Для гг. служащихъ допускаются еще болѣе льготныя условія, при коллективной подпискѣ за ручательствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ. За подробностями просимъ обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“.

Приблизительно черезъ каждыя двѣ недѣли будетъ выходить въ свѣтъ по одному выпуску.

Подписка на это изданіе принимается въ главной конторѣ журнала „Нива“, въ СПб., Невскій, № 6, и во всѣхъ книжныхъ и эстампныхъ магазинахъ.

Только что вышедшій первый выпускъ высылается каждому, кто желаетъ ознакомиться съ этимъ прекраснымъ изданіемъ, за 50 коп. почтовыми марками.

А. Ф. МАРКСЪ, Издатель журнала „НИВА“.

При этомъ № прилагаются 2 объявленія: 1) для гг. иногородн. подписчиковъ (за исключ. Московскихъ) прейсъ-курантъ чайнаго магазина Н. Е. Ниселева въ Москвѣ; 2) для гг. городскихъ подписчиковъ (получающихъ журналъ черезъ почту) объявленіе отъ Дирекціи водопода „Иматра“.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 мод. рис. и Цѣна этого № 15 р., съ перес. 20 к. Выдаѣт 13 марта 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕВЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Открыта подписка на „НИВУ“ 1893 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Въ „НИВѢ“ принимаются за статью копирейль (1/4 шпр. строк.) въ Глав. Кон. Ред. по 1 руб. — Загран. для Франціи у Agence Havas по 3 fr.; для Австр. Герман. и Швейц. u Rudolf Mosse по 2 марки 50 pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургъ 5 р.

Съ доставкою въ Петербургъ 6 р. 50 к.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 10 р.

На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.

На 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р. 50 к.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. 6 р.

Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин.

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особые приложенія при „НИВѢ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“, со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова.

Екатерина Романовна, дочь генераль-аншефа Р. И. Воронцова, родилась 17-го марта 1743 года въ С.-Петербургѣ, въ началѣ царствованія императрицы Елизаветы Петровны, и, подобно всѣмъ дѣвицамъ тогдашняго высшаго круга, получила домашнее образование весьма поверхностное (какъ она сама о томъ пишетъ въ своихъ мемуарахъ). Отецъ выдать ее замужъ очень рано: едва только минулъ ей 16-й годъ, какъ уже ей представленъ былъ женихъ ея, князь М. И. Дашковъ. Въ замужествѣ, однакоже, ей пришлось быть недолго: въ 1761 году она овдовѣла (слѣдовательно, на 18-мъ году) и рѣшилась посвятить себя воспитанію своего единственнаго сына. По ея горячей, энергической и сильной натурѣ не могла еще довольствоваться скромною домашнею дѣятельностью молодой матери: — вынужденная, по своему положенію, бывать при Дворѣ, она невольно увлеклась тою борьбою придворныхъ партій, которая въ началѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія приняла очень рѣзкій характеръ, и стала одною изъ сторонницъ Екатерины.

Екатерина, вступивъ на

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова (по поводу 150-лѣтія со дня ея рожденія). По старинному портрету граф. Шюблеръ.

престолъ, наградила орденомъ св. Екатерины и сдѣлала ее статсъ-дамою своего Двора. Однакоже, положеніе Екатерины Романовны при новомъ Дворѣ, въ скоромъ времени, поколебалось. Въ 1769 году княгиня покидаетъ Петербургъ и въ теченіе трехъ лѣтъ, до 1772 года, странствуетъ по Германіи, Франціи и Англіи. Всюду останавливаясь надолго и основательно изучая языкъ и нравы страны, княгиня Дашкова, въ эти годы, полагаетъ прочную основу своему весьма обширному, разнообразному и солидному образованію.

Не надолго возвратившись въ Россію въ 1772 году, княгиня, держась постоянно вдали отъ Двора и почти не заѣзжая въ Петербургъ, прожила въ отечествѣ не болѣе трехъ лѣтъ, и въ 1775 году снова выѣхала за границу для окончанія воспитанія своего сына, который окончилъ, по желанію матери, полный курсъ наукъ въ Эдинбургскомъ университетѣ (1779 г.), при чемъ и сама Екатерина Романовна находилась въ посольскихъ сношеніяхъ и перепискѣ со всѣми современными учеными знаменитостями Англіи и Франціи. Въ теченіе семи

лѣтъ, проведенныхъ, во время этого второго путешествія, въ Европѣ, княгиня успѣла по нѣскольку лѣтъ прожить въ Лондонѣ и Парижѣ, и посѣтила мимоходомъ Швейцарію и Италію. Только уже въ 1782 году она окончательно возвратилась въ Россію и рѣшилась даже поселиться въ Петербургѣ, гдѣ должна была озаботиться о дальнейшей судьбѣ и служебной карьерѣ своего сына.

Въ этотъ разъ, пріѣздъ Екатерины Романовны въ Россію былъ какъ нельзя болѣе кстати для императрицы Екатерины, которая искала около себя и не находила дѣтеля, достаточно образованнаго и надежнаго для занятія одного важнаго и отвѣтственнаго поста. Умная и тонко-образованная Екатерина, вѣдавшая въ разрѣшеніе нѣкоторыхъ литературно-научныхъ вопросовъ и постоянно интересующая изученіемъ русской словесности и языка, въ то же самое время не могла не видѣть, что именно съ этой стороны Академія Наукъ оказывается чрезвычайно-слабою и дѣлаетъ весьма немногое. Постоянно и зорко слѣдя за своимъ бывшимъ другомъ во время ея многолѣтнихъ странствованій, Екатерина видѣла и знала, какой огромный запасъ свѣдѣній княгиня Дашкова пріобрѣла за это время и захотѣла дать ей такое почетное положеніе, о которомъ княгиня не могла и мечтать. Въ 1783 году, императрица назначила Екатерину Романовну *директоромъ* Академіи Наукъ и сверхъ того *председателемъ* особой „Россійской Академіи“ (21 октября), которая предназначалась специально для всесторонняго изученія русскаго литературнаго языка и слога.

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова горячо принялась за свое новое дѣло. Она, при открытіи Россійской Академіи, привѣтствовала молодое, зарождающееся учрежденіе блестящею рѣчью (21 октября 1783 г.). Въ этой рѣчи она поставила широкія задачи, предлежащія къ исполненію Россійской Академіи, и намѣтила свою долю участія въ ея будущихъ работахъ. Какъ какъ вскорѣ послѣ этого Академіей былъ выработанъ весьма обстоятельный планъ обширнаго „Словари Россійской Академіи“, а самыя работы по словарю были распределены между членами Академіи, то и сама Екатерина Романовна взяла на себя нѣкоторую долю этихъ работъ и исполнила ее весьма добросовѣстно. Сверхъ того, во время управленія Академіей (въ 1783 и 1784 гг.), Дашкова успѣла издать шестнадцать томовъ журнала „Собесѣдникъ любителей Россійской словесности“. Дашковой удалось даже и императрицу Екатерину привлечь къ сотрудничеству въ „Собесѣдникѣ“. Но вся эта полезная и спокойная дѣятельность, опять-таки благодаря неосторожности самой Екатерины Романовны и ея нежеланію сообразоваться съ обстоятельствами—была вдругъ нарушена самымъ неожиданнымъ образомъ. Княгиня Дашкова допустила печатаніе при Академіи извѣстнаго произведенія княгини: „Видимъ“. Эта трагедія (исторія ея слишкомъ извѣстна, и потому мы не станемъ повторять ее здѣсь) навлекла страшный гнѣвъ императрицы на автора и на Дашкову, которая, по мнѣнію Екатерины, могла не допустить появленіе ея въ свѣтъ. Дашкова, покинувъ свой постъ при Академіи, уѣхала изъ Петербурга и поселилась въ Москвѣ, гдѣ, мало-по-малу, собирався довольно обширный кружокъ лицъ, недо-

вольныхъ современнымъ порядкомъ. Здѣсь проводила Екатерина Романовна зиму, а потомъ жила въ своей подмосковной, селѣ Троицкомъ. Такъ прожила она, среди уединенія и любимыхъ своихъ занятій чтеніемъ и литературныхъ упражненій, до самой кончины Екатерины, съ которой Дашкова, послѣ вторичнаго разрыва, никогда болѣе уже не видалась.

По вступленіи на престолъ императора Павла I, Дашкову постигла въ Москвѣ неожиданная опала. Екатерина Романовна въ 1796 году была лишена званія статсъ-дамы и пожалованнаго ей ордена, и въ то же время ей было воспрещено вѣздъ въ обѣ столицы и приказано жить безвыѣздно въ деревнѣ, но не въ подмосковной, а въ одной изъ глухихъ и отдаленныхъ деревень ея сына, въ Повгородской губерніи. Княгиня сама пожала, до нѣкоторой степени, увѣковѣчить память о своей ссылке, и, по ея желанію, нарисованъ былъ ея портретъ-картина, на которой она сама изображена въ темномъ платьѣ и высокомъ чепцѣ за занятіями у столика, въ простой набѣ, съ рѣшетчатыми окнами. Этотъ портретъ-картина, распространенный въ видѣ гравюры на мѣди, пользуется извѣстностью между нашими собирателями произведеній русскаго гравировальнаго искусства.

Суровая опала и ссылка, въ наиболѣе рѣзкой своей формѣ, продолжалась однакоже не особенно долго; императрицѣ Маріи Теодоровнѣ удалось, наконецъ, уговорить своего супруга, чтобы онъ дозволилъ княгинѣ переселиться сначала изъ повгородской деревни въ одну изъ калужскихъ вотчинъ, а потомъ—и въ Москву. Здѣсь княгиня Дашкова прожила еще лѣтъ двѣнадцать, и постоянно занимала первенствующее положеніе въ средѣ высшаго московскаго общества. Княгиня Е. Р. Дашкова въ Москвѣ и скончалась, 4 мая 1810 года.

Литературная дѣятельность Екатерины Романовны довольно обширна. Бромъ непосредственнаго участія въ трудахъ по *Словари Россійской Академіи* и въ *Собесѣдникѣ любителей Россійской словесности* (о которомъ мы упоминали выше), княгиня Дашкова помѣщала свои статьи, оригинальныя и переводныя, въ слѣдующихъ журналахъ: въ *Невинномъ упражненіи* (1762—1763 гг.), въ *Опытѣхъ Трудовъ воляго Россійскаго собранія* (1784 г.), въ *Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ* (1786—1796 гг.), въ *Другѣ Просвѣщенія* (1804—1806 гг.). Между прочимъ, въ бумагахъ ея сохранилась и одна комедія, подъ заглавіемъ „Токсікоковъ или человекъ безхарактерный“, въ которой комментаторы видятъ намеки на ея непріязненные отношенія къ Л. А. Нарышкину. Въ послѣдніе годы жизни, живя въ деревенской глуши и въ Москвѣ, княгиня озаботилась о составленіи своихъ мемуаровъ. Эти мемуары, довольно не-последовательныя и неравномѣрные въ изложеніи, Екатерина Романовна разсказывала и отчасти даже диктовала одной изъ своихъ приближенныхъ—англичанкѣ г-жѣ Вильмотъ, съ которой жила неразлучно въ послѣднія 10—15 лѣтъ жизни. Англичанка увезла ихъ съ собою въ Англію, и тамъ англійскій подинникъ ихъ былъ напечатанъ въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія. Мемуары заключаютъ въ себѣ много любопытнаго и важнаго для характеристики тина русской свѣтской женщины прошлаго вѣка.

п.

Воля судьбы.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе).

XVI.

Мнимо-больной.

Карлъ со своей постели мнимаго больного видѣлъ черезъ окно, какъ противъ его флигеля остановился старый князь вмѣстѣ со страннымъ гостемъ, появленіе котораго такъ напугало Торпчиоли, вернувашаго ему его расписку и вдругъ отказавшагося отъ задуманнаго плана. Карлъ видѣлъ также, какъ они поговорили съ княземъ и потомъ вмѣстѣ повернули во флигель.

„Зачѣмъ онъ ведетъ его ко мнѣ?“ удивился Карлъ, въ первую минуту рѣшившій было поскорѣ одѣться, чтобы выйти къ князю, но сейчасъ же передумалъ это, потому что лучше было, если Андрей Николаевичъ воочію убѣдится, что онъ, дѣйствительно, боленъ и лежитъ. И Карлъ постарался придать лицу какъ можно больше унынія и грусти, полузакрывъ глаза, натянулъ на себя одѣяло и, въ знакъ своей слабости, склонилъ голову на сторону.

Едва успѣлъ онъ принять соответствующую позу, какъ дверь отворилась и вошелъ старый князь.

— Лежите? проговорилъ онъ,—мнѣ сказали, что вы больны, значитъ, серьезно больны?..

Андрей Николаевичъ опять говорилъ Карлу „вы“.

„Плохой знакъ!“ подумалъ тотъ.

Князь вошелъ очень храбро, но, войдя, замѣтно сожалѣлъ уже, зачѣмъ пришелъ сюда, потому что, собственно, не имѣлъ ничего сказать Карлу. Онъ понималъ однако, что встрѣча ихъ все-таки необходима, и пошелъ къ Карлу...

— Благодарю васъ, князь, слабымъ голосомъ отвѣтилъ баронъ,—мнѣ Торпчиоли давалъ лѣкарство—онъ находитъ, что это пройдетъ...

Карлъ говорилъ одно, а думалъ совершенно другое: онъ думалъ о томъ, какую имѣетъ связь этотъ графъ, какъ его называлъ итальянецъ, — Soltikoff—и старый князь, разглаголюющій съ нимъ по саду, и самъ, наконецъ, Торпчиоли... Карлъ находился еще подъ впечатлѣніемъ появленія и ухода перебѣдовавшагося итальянца...

— Итальянецъ—не докторъ, отвѣтилъ князь,—не посылать ли за настоящимъ?

— О, нѣтъ, не надо! поспѣшно перебилъ Карлъ.

— Отчего же? а то вотъ проѣзжай есть... говорить, онъ тоже докторъ—пусть посмотритъ...

И князь вернулся къ двери и впустилъ въ комнату Шёнинга.

Онъ распоряжался, какъ хозяинъ, потому что привыкъ считать хозяиномъ въ Проскуровѣ только себя...

Удивленіе Карла росло. Тотъ, кого князь называлъ „докторомъ“ и впустилъ сейчасъ, — былъ только-что итальянцемъ показанъ Карлу подъ именемъ графа Sol-tikoff...

„Что за чепуха?“ недоумѣвалъ баронъ...

Но Шёнингъ, или тотъ, кого называли такъ, быстро приблизился къ его постели, окинулъ его сосредоточеннымъ, внимательнымъ взглядомъ и посмотрѣлъ прямо въ самые глаза его. Карлъ невольно опустилъ вѣки. Казалось, ему заглянули въ самую душу и поняли всѣ его помыслы...

— Цвѣтъ лица—прекрасный, сказалъ Шёнингъ.

Онъ попробовалъ голову Карла, тронулъ его руку—Карлъ растерялся такъ отъ того тона, которымъ докторъ сказалъ, что у него прекрасный цвѣтъ лица, что не успѣлъ опомниться и высказать сопротивление осмотру...

— Да онъ здоровъ, проговорилъ вдругъ Шёнингъ.

— Какъ здоровъ? переспросилъ князь.

— Совершенно здоровъ, могу васъ увѣрить, даже излишней мнительности нѣтъ,—это простое притворство...

Карлъ вскочилъ на постели. Рѣзкія слова доктора взорвали его.

— Что-жъ я лгу, что-ли? почти крикнулъ онъ.

Куда дѣвались его слабость, его безсильный голосъ; кровь прихлынула къ его щекамъ, и по всей его энергичной фигурѣ теперь сразу могъ всякій убѣдиться, что онъ, дѣйствительно, совсѣмъ здоровъ.

Докторъ молча обернулся къ князю, какъ бы приглашая его оцѣнить эту метаморфозу въ больномъ.

— Но съ чего-жъ бы ему притворяться? проговорилъ князь.

— Я не знаю, отвѣтилъ докторъ, пожавъ плечами,—я не знаю даже, кто этотъ молодой человѣкъ, но не могу не сказать того, что вижу... Поищите: вѣроятно, есть причина, зачѣмъ ему нужно притворяться...

— Я баронъ Карлъ фонъ-Эйзенбахъ, бѣшено, не помня себя, продолжалъ Карлъ,—меня, слава Богу—знаютъ... и я не позволю какому-нибудь проходивцу, назвавшемуся чужимъ именемъ, оскорблять меня... Вы не больше, какъ проходимецъ — неизвѣстно откуда взявшійся... Слышите, и убирайтесь вонъ отсюда...

Князь едва сдерживалъ себя, чувствуя уже приступъ своего гнѣвнаго припадка и стѣсненія въ груди...

Онъ не сомнѣвался уже, что болѣзнь Карла была мнимая, и смутно даже понималъ, зачѣмъ баронъ разыгрывалъ комедію... и если это было (какъ пришло въ голову князю) для того, чтобы разжалобить Ольгу, то онъ могъ, пожалуй, допустить это, но чтобы въ его присутствіи молодой человѣкъ, почти мальчишка, забился до того, что осмѣлился оскорблять человѣка — этого онъ не могъ допустить...

— Извольте, государь мой, замолчать... рѣзко проговорилъ онъ.

Карлъ опомнился слегка.

Шёнингъ оставался, попрежнему, невозмутимъ и спокоенъ.

— Напрасно вы меня оскорбляете, тихо проговорилъ онъ,—вы не знаете сами, что дѣлаете, и змѣя укуситъ не меня, а васъ...

Это невозмутимое спокойствіе Шёнинга и тихій, но отчетливый, голосъ подѣйствовали на Карла, какъ масло на огонь.—Онъ затрясся отъ злости...

Съ перваго же взгляда этотъ таинственный докторъ сталъ антипатиченъ ему.

— Вы меня извините, князь, обратился онъ къ Андрею Николаевичу,—но если я, по мнѣнію этого господина, мнимый больной, то я могу засвидѣтельствовать, что

онъ—онъ мнимый докторъ, да... Торичіоли мнѣ показлъ его въ окно, когда онъ проходилъ по саду и называлъ графомъ Солтыковымъ, котораго онъ зналъ девятнадцать лѣтъ тому назадъ въ Генуѣ...

Ни одна черта не двинулась въ лицѣ доктора. Онъ остался, какъ и былъ, и лишь въ глазахъ промелькнула у него искра, когда Карлъ назвалъ его „Солтыковымъ“, но этой искры не могли замѣтить ни Карлъ, ни старый князь... Онъ стоялъ, опершись рукою на спинку кровати Карла, и глядѣлъ поверхъ его головы, какъ будто то, что говорилъ Карлъ, не касалось его вовсе...

— Меня могли назвать какъ угодно—но это еще ничего не доказываетъ... опять пожалъ онъ плечами.

Андрей Николаевичъ поднялся со своего мѣста.

— Милости прошу, обратился онъ къ Шёнингу, и, не сказавъ ни слова Карлу и даже не взглянувъ на него, вышелъ изъ комнаты вмѣстѣ съ докторомъ.

Карлъ схватился за голову.

Такъ хорошо начатое пмѣ дѣло—кончилось такимъ постыднымъ посрамленіемъ.

„А все этотъ Торичіоли, подумалъ онъ,—и нужно было связываться съ нимъ... да и я не выдержалъ... глупо... теперь все кончено...“ И вдругъ, къ ужасу своему, Карлъ замѣтилъ, что записка, которую ему бросилъ, убѣжавъ, Торичіоли, и которую онъ забылъ спрятать, лежала на столикѣ у самой кровати, повернутая кверху надписанной стороной...

Съ того мѣста, гдѣ сидѣлъ князь, прочесть текста, казалось, было немислимо, — это Карлъ сейчасъ же сообразилъ и успокоился; но этотъ докторъ—онъ могъ ли видѣть?

И Карлъ быстро спустилъ ноги, вдѣлъ ихъ въ туфли и, подойдя къ спинкѣ кровати, оперся на нее рукою, совершенно такъ же, какъ это дѣлалъ докторъ. Только что онъ всталъ на мѣсто, какъ ему прямо бросилось въ глаза то, что было написано на этомъ несчастномъ клочкѣ бумаги:

„Обязуюсь внести сеньору Джузеппе Торичіоли сто тысячъ рублей, если княжна Ольга Андреевна Проскурова станетъ баронессой фонъ-Эйзенбахъ“...

И Карлъ съ отчаяніемъ вспомнилъ, какъ онъ кричалъ, что онъ самъ баронъ фонъ-Эйзенбахъ,—этому доктору, который въ ту самую минуту, можетъ быть, читалъ эту записку...

И не теряя долѣе времени, баронъ схватилъ со стола трутъ и огниво, высѣкъ огонь, раздулъ, приложилъ сѣрничку, зажегъ свѣчу и, скомкавъ бумагу, поднесъ ее къ пламени.

Бумага, корчась и чернѣя, вспыхнула синимъ пламенемъ и медленно превратилась въ пепелъ...

„Ну, теперь пусть доказываетъ!“ успокоился Эйзенбахъ.

Выйдя отъ Карла вмѣстѣ съ докторомъ, князь Андрей Николаевичъ пошелъ въ большой домъ съ такимъ видомъ, какъ бы предлагая Шёнингу слѣдовать за собою.

„Призвать итальянца, сдѣлать онъ въ умѣ какъ бы выкладку,—и свести ихъ съ докторомъ; если бароновскія слова правда—выгнать“...

„А можетъ, баронъ и вретъ!“ пришло ему также въ голову...

И придя наверхъ, онъ попросилъ Шёнинга подождать въ приемной, а самъ прошелъ въ кабинетъ и велѣлъ позвать къ себѣ Торичіоли.

Обстановка кабинета, въ которую вернулся Проскуровъ, и которая, особенно, за послѣдніе три дня, опротивѣла ему—не произвела на него удручающаго впечатлѣнія. А этого онъ боялся. Напротивъ,—прогулка, видимо, принесла ему пользу. Онъ чувствовалъ себя бодрѣе...

Торичіоли явился приниженнымъ и смущеннымъ.

Соколь, бьющій лебедя. Ориг. рис. (собетв. „Нивы“) Н. Каразина, грав. Рашевскій.

Литературный альбомъ. „Сказка о царѣ Салтанѣ“, А. С. Пушкина. Превращеніе лебеди въ царевну.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) С. С. Соломко. грав. Шюблеръ.

Чтобы попасть въ кабинетъ князя, ему пужпо было пройти черезъ приемную, гдѣ находился докторъ.

— Вы видали когда-нибудь этого доктора? спросилъ князь.

Итальянецъ заморгалъ глазами и, дѣлая всевозможные отрипательные жесты и головою, и руками, носнѣшно отвѣтилъ:

— Никогда я раньше не видалъ доктора, — никогда...

— А баронъ Эйзенбахъ говоритъ, что вы указывали на него, какъ на вашего знакомаго въ Генуѣ... и тамъ онъ, будто бы, носилъ другую фамилію.

Итальянецъ задержался сильнѣе.

— Ахъ, нѣтъ! господинъ князь, — я не говорилъ этого, продолжая убѣдительно размахивать руками, заговорилъ Торичіоли, — я только сказалъ, что зналъ девятнадцать лѣтъ тому назадъ — дѣйствительно, въ Генуѣ — человека, очень похожаго на доктора Шеннинга, — но это былъ не онъ...

— Вы увѣрены въ этомъ...

— О, да! — тѣмъ болѣе, что тотъ господинъ былъ, приблизительно, на видъ тѣхъ же лѣтъ, что теперь докторъ...

— Ну, хорошо, такъ подите проведите доктора въ одну изъ комнатъ, предназначенныхъ для гостей... Андрей Николаевичъ приостановился немного и затѣмъ вдругъ скороговоркой добавилъ: — а потомъ, велите завтра утромъ приготовить лошадей для молодого барона. Онъ завтра ѣдетъ...

И движеніемъ бровей князь показалъ итальянцу, что онъ можетъ идти, и что возражать ему нечего...

Торичіоли вышелъ въ приемную и, согнувшись и извиваясь, сталъ просить „господина доктора“ слѣдовать за нимъ.

Но тотъ, прежде чѣмъ сдѣлать это, вынулъ изъ карманнаго портфеля сложенную вчетверо бумагу и сказалъ, подавая ее итальянцу:

— На всякій случай, будьте добры, показать это князю...

Проводивъ доктора до избранной для него комнаты и оставшись одинъ, Торичіоли немедленно развернулъ данную ему для князя бумагу.

Это оказалась засвидѣтельствованная русскими властями копія и переводъ съ диплома академіи, выданнаго на имя доктора Шеннинга...

XVII.

Двѣ дѣвушки.

Больная Оля сидѣла у себя въ комнатѣ. Она сильно перемѣнилась. Блѣдныя щеки ея ввалились, глаза неподвижно останавливались на первой попавшейся точкѣ. Она не могла плакать, хотя слезы принесли бы ей утѣшеніе.

Первый разъ третьяго дня отецъ напомнилъ себя ей такимъ, каковъ онъ былъ во времена ея дѣтства, когда она жила въ вѣчномъ страхѣ и за себя, и за мать.

Смерть почти замученной на ея глазахъ матери стояла теперь передъ нею во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ своего леденящаго кровь ужаса.

Неужели и ей суждено было такъ же умереть? Неужели она должна будетъ проститься съ этой мілою для нея до сихъ поръ жизнью и со своимъ дорогимъ, радостнымъ чувствомъ любви? Ей запрещали любить — значитъ, не хотѣли, чтобы жила она, потому что она не могла жить и не любить.

Она полюбила человека, котораго знала съ дѣтства, который самъ любилъ ее, и они были такъ счастливы, такъ чисто, безгранично счастливы до сихъ поръ.

Они не думали и никогда не говорили между собою о будущемъ, они никогда не строили плановъ: настоящее казалось имъ такъ прекрасно, что печего было уходить отъ него даже въ мысляхъ... И вдругъ все это оборвалось такъ грубо, неумолимо, безповоротно... Оля

чувствовала и понимала, что выхода нѣтъ изъ ея положенія, что нечего и думать о благополучномъ исходѣ.

Черезъ горничную свою — Дуняшу — она знала уже о томъ, что Артемія отправляютъ... Она знала нравъ отца и не сомнѣвалась, что рѣшенія его нельзя измѣнить...

Но и въ себѣ, въ своемъ самочувствіи, она не могла ошибиться тоже... Въ пей, во время гнѣвнаго припадка отца, словно оборвалось что-то, и, помимо нравственнаго страданія, она заболѣла физически, силы ея унали... Она была очень плоха...

Дуняша, принимавшая горячее участіе въ своей госпожѣ и служившая ей съ тою особенною, безграничною преданностью, которая свойственна только людямъ, съ дѣтства привязаннымъ, — ухаживала за Олей, не спала ночи и, казалось, умереть была готова для нея...

Оля, несмотря на свою слабость, не лежала въ постели, но проводила дни въ креслѣ, безпомощно облокотясь на его спинку и инстинктивно, по-часту и подолгу, останавливая свои широко открытые глаза на окнѣ, выходящемъ въ садъ... Она ждала, что Артемій, можетъ-быть, пройдетъ мимо, можетъ-быть ей удастся если не сказать съ нимъ нѣсколько словъ, то хотя увидѣть его...

Потомъ ей сказали, что его занерли; но она, уже по привычкѣ, все продолжала смотрѣть въ окно... Дуняша понимала этотъ упорный, молчаливый, но, тѣмъ не менѣе, краспорѣчивый взглядъ своей княжны, и въ тотъ день, когда старый князь, „отсидѣвшись“, какъ называли въ домѣ, вышелъ, наконецъ, изъ своего кабинета, она, принеся въ комнату Ольги подносъ съ обѣдомъ, остановилась въ отдаленіи, ожидая, пока княжна заговоритъ съ нею.

— Нѣтъ, не хочу... проговорила Ольга, отстраняя слабымъ движеніемъ руки подносъ отъ себя. — Что ты, Дуняша?

— Да что, барышня, — сердце надрывается, на васъ гляючи... Бѣдная вы моя... И въ голосѣ беззаботной въ дни веселья черноглазой Дуняши, первой затѣйницы въ хоровахъ и играхъ, сводившей съ ума первостатейныхъ кавалеровъ дворни, слышались теперь неподдѣльныя слезы. — Барышня мілая... вотъ что я придумала... завтра попроситесь на балконъ, внизъ, посидѣть, — такъ, будто воздухомъ подышать, а я тѣмъ временемъ раздобуду ключъ отъ комнаты Артемія Андреича; когда, послѣ обѣда, все успокоится, Артемій Андреичъ и можетъ спуститься въ садъ... появили?..

Не улыбка, но тѣнь улыбки мелькнула по блѣднымъ губамъ Ольги. Эта заботливость расторопной Дуняши, эта внимательность, выразившаяся въ пониманіи того, что было нужно Ольгѣ, — приласкала ее, а ей такъ нужна была ласка въ эти тяжелые дни...

— Какъ же ты достанешь ключъ? спросила Ольга.

— Ужъ это мое дѣло. Онъ у Ивана Пахомыча. Ивану Пахомычу князь приказали соблюдать Артемія — то Андреича и такъ настрого, — чтобы ни-ни-ни... Ну, а Иванъ Пахомычъ вчера Сергѣя посылалъ вмѣсто себя обѣдъ относить Артемію Андреичу, потому что мы всѣ его на смѣхъ подняли (я нарочно это завела), что, молъ, на старости лѣтъ, изъ дворецкихъ въ острожные сторожа попалъ, въ родѣ, то-есть, тюремщика. Ему это обидно показалось. Ну, вотъ онъ и препоручилъ Сергѣю. Если завтра то же сдѣлаетъ, такъ Сергѣй, уходя, двери-то не запереть... Я ему ужъ объ этомъ говорила...

— А Сергѣй не выдастъ? спросила княжна.

Дуняша увѣренно, самодовольно усмѣхнулась, опутивъ глаза...

— Сергѣй-то!.. да не жить ему послѣ этого на свѣтѣ, если онъ такое сдѣлаетъ...

И яркій румянецъ покрылъ ея щеки.

Ольга вспомнила, что ей давно было извѣстно,

что молодой буфетчикъ Сергѣй заглядывается на ея Дуняшу.

И невольно пришла ей въ голову параллель между собою и этой преданной ей дѣвушкой, счастливой еще теперь такъ же, какъ была счастлива сама Ольга такъ недавно.

И Ольга тяжело и глубоко вздохнула.

— Полноте, барышня, проговорила Дуняша, какъ бы понявъ вздохъ княжны и извиняясь за свое ненарушенное счастье, — полноте... Все, Богъ дастъ, къ лучшему устроится... Все хорошо будетъ...

— Нѣтъ, Дуняша, нѣтъ... быстро перебила Ольга, — и не говори... Это только хуже... чему-жъ тутъ устроится...

Но Дуняша продолжала говорить:

— Нѣтъ, барышня, говорила она, — съ чего же быть не по-нашему — за что на вашу долю напасти пойдутъ... Слава Богу, вы никого не обидѣли, за что же Господь васъ обижать станетъ... И посмотрите, пройдетъ время, и какъ еще заживете-то...

Несмотря на то, что слова Дуняши были самыми обыкновенными, избитыми словами утѣшенія, и Ольга не хотѣла слушать ихъ, ей все-таки доставили они хотя минутную долю спокойствія.

Хоть на минуту она забыла о гнѣвѣ отца; но это была именно только минута.

„Не бывать тебѣ за найденышемъ, не бывать этому сраму; ты осрамила родъ князей Проскуровыхъ!..“ снова зазвучали въ ушахъ Ольги гнѣвные рѣчи князя, которыми напугалъ онъ ее третьяго дня...

Ольга вздрогнула всѣмъ тѣломъ.

— А что батюшка? спросила она.

— Сегодня вышли первый разъ изъ кабинета. Въ саду гуляли... заходили *во флигель*... а потомъ приказали итальянцу везти лошадей къ завтраму приготовить... баронъ петербургскій уѣзжаютъ...

Ольга не выказала къ этому извѣстію никакой радости. Теперь для нея было рѣшительно все равно, — останется ли Карлъ здѣсь, или уѣдетъ.

— Теперь у насъ новости, начала опять Дуняша. — Докторъ иностранный явился, — вѣрно, васъ лѣчить будетъ.

И Дуняша стала рассказывать княжнѣ про доктора.

XVIII.

Болѣзнь Ольги.

На другой день, рано утромъ, Карлу, предупрежденному уже итальянцемъ о необходимости его отъѣзда, подали лошадей, и онъ, не откланившись князю, уѣхалъ.

Андрей Николаевичъ извинился передъ нимъ возобновившимся яко-бы нездоровьемъ и приказалъ Торичіоли передать барону, что весьма сожалѣетъ, что не можетъ видѣть его.

Передъ отъѣздомъ Карлъ попробовалъ попытаться вывѣдать у итальянца причину, почему онъ такъ испугался этого доктора, котораго уже самъ онъ, Карлъ, ненавидѣлъ всей душой, и узнать все-таки, кто онъ, — Soltikoff или другой кто-нибудь, но Торичіоли упорно настаивалъ, что въ первую минуту ошибся, обманулся сходствомъ, и тщательно избѣгалъ разговора объ ихъ условіи относительно капель, какъ будто этого условія и не бывало между ними.

Карлъ, въ свою очередь, скрылъ отъ него свою неосторожность съ запиской, которую, по всѣмъ вѣроятіямъ, прочиталъ странный докторъ.

Они разстались довольно холодно, но, разставшись съ итальянцемъ, Карлъ почувствовалъ нѣкоторое облегченіе, заключавшееся въ сознаніи, что онъ во-время былъ удержанъ обстоятельствами отъ поступка, способнаго лечь упрекомъ на его совѣсть.

Проходя изъ флигеля въ большой домъ, чтобы выйти

на крыльцо къ экипажу, Карлъ взглянулъ на окна комнаты Ольги. Они были завѣшаны шторами.

— Больна? переспросилъ князь Андрей Николаевичъ, когда на сдѣланный имъ въ первый разъ за три дня вопросъ объ Ольгѣ, подававшій ему одѣваться камердинеръ отвѣтилъ, что княжна нездорова.

„Штуки... штуки...“ сейчасъ же пришло въ голову князю, — „взоръ все...“

— А петербургскій — уѣхалъ? спросилъ онъ опять отрывисто.

— Уѣзжаютъ, доложилъ камердинеръ, изучившій уже лаконическій разговоръ барина и понявшій, что его спрашиваютъ о баронѣ.

Проскуровъ кивнулъ головой въ знакъ того, что все идетъ, какъ нужно.

Но извѣстіе о болѣзни Ольги все-таки обезпечило его. Ему было, какъ будто, немпожко стыдно за то, что онъ не догадался осведомиться о ней раньше. Она могла, пожалуй, дѣйствительно, захворать, по такъ какъ тогда бы этотъ стыдъ былъ вполне справедливымъ, онъ сейчасъ же постарался себя увѣрить, что она притворяется.

Онъ поднялъ голову и, глянувъ на лакея, снова проговорилъ:

— Докторъ, что?

— Давно уже встали и гулять ушли... отвѣтилъ камердинеръ.

— Вернется — ко мнѣ позвать.

Докторъ Шеннингъ понравился вчера князю.

Онъ понравился ему главнымъ образомъ тѣмъ, что не шарлатанилъ вчера, не сталъ лѣчить здороваго Карла съ тѣмъ, чтобы потомъ похвалиться своимъ искусствомъ, а какъ увидѣлъ, что человекъ здоровъ, такъ и сказалъ.

Такого доктора еще князь не видывалъ.

„Молодецъ, подумалъ онъ, — во всякомъ случаѣ, если она притворяется — то онъ узнаетъ. Это все, что нужно...“

И, въ ожиданіи доктора, онъ сѣлъ писать въ Петербургъ, для того чтобы ускорить отставку Артемія въ солдаты.

Къ нему пришли спросить, можетъ-ли княжна, которой хочется воздуха, выйти на террасу?

Онъ поднялъ голову и пожалъ плечами:

— Конечно, можетъ — я ее не запираю.

Лично онъ не шелъ къ дочери, опасаясь себя самого и новой вспышки гнѣва.

Докторъ Шеннингъ, который, видимо, имѣлъ обыкновеніе вставать очень рано, вышелъ, какъ доложилъ лакей князю, гулять, но не въ садъ, а направился по дорогѣ, ведущей къ большому петербургско-московскому тракту, находившемуся верстахъ въ пяти отъ усадьбы князя Проскурова.

При соединеніи дороги съ трактомъ, стояла проскуровская деревня.

Баронъ Эйзенбахъ, выѣхавшій изъ Проскурова, видѣлъ черезъ окно своей кареты, какъ шелъ этотъ человекъ легкою, привычною къ ходьбѣ, походкою, опираясь на свою высокую палку. Карлъ узналъ доктора Шеннинга и пожелалъ отъ всей души провалиться ему сквозь землю. Поровнявшись съ докторомъ, онъ нарочно откинулся въ глубину кареты и закрылъ глаза.

Но Шеннингъ не обратилъ никакого вниманія на обгонявшую его карету, продолжая идти впередъ.

Прогулка его продолжалась довольно долго. Часа черезъ три только вернулся онъ въ Проскурово, такъ что этого времени было достаточно ему, чтобы дойти до деревни и вернуться назадъ.

Несмотря однако на разстояніе, довольно значительное, которое ему пришлось сдѣлать, утомленія не было замѣтно въ немъ, и онъ бодро и мѣрно, не замедляя шага, вернулся въ усадьбу черезъ садъ.

Миновавъ цвѣтникъ, Шёнингъ приблизился къ ступенямъ террасы, на которой сидѣла уже Ольга, пользуясь благоприятнымъ, теплымъ днемъ.

Она сидѣла въ креслѣ, окруженная подушками. Матовая блѣдность ея милаго, дѣвственно-прекраснаго лица почти не отдѣлялась отъ бѣлизны полотна подушки. Голова, закинута назадъ, не шевелилась. Ротъ полуоткрылся, руки безсильно и безжизненно опустились.

Она сидѣла съ открытыми глазами, но, казалось, передъ ними для нея было совсѣмъ другое, — не терраса, не садъ, а образы безпокойной, мучившей ее грѣзы.

— Бѣдное дитя! вырвалось у Шёнига, при видѣ Ольги, — бѣдное... Неужели и у ней есть уже свое горе?

Онъ сразу своимъ опытнымъ глазомъ увидѣлъ, что передъ нимъ одна изъ тѣхъ нервныхъ, рѣдко впечатлительныхъ натуръ, всякое ощущеніе которыхъ какъ бы удваивается живущимъ въ ихъ душѣ огнемъ, и если это ощущеніе сильно, внезапно, то вспышка этого внутренняго огня можетъ быть смертоносна.

Ольга страдала, — это было ясно безъ словъ. Шёнингъ понялъ, что передъ нимъ была княжна, дочь князя Проскурова.

На шумъ его шаговъ Ольга подняла голову и, увидѣвъ передъ собою чужого, незнакомаго человѣка, сдѣлала невольное движеніе къ распушеннымъ своимъ волосамъ, чтобы закрыть ихъ руками.

— Не бойтесь меня, не бойтесь, внушительно, тихо, но поспѣшно проговорилъ Шёнингъ. — Званіе доктора позволитъ мнѣ видѣть васъ такъ, какъ вы есть... Я не сдѣлаю вамъ зла.

И онъ протянулъ къ ней руку.

Спокойный видъ Шёнига, улыбка, съ которою онъ смотрѣлъ на нее, — вызвали въ Ольгѣ невольное довѣріе къ этому доктору, о которомъ она слышала уже черезъ Дуняшу.

— Такъ это вы — пріѣзжій докторъ? спросила она.

Шёнингъ поднялся по ступенькамъ террасы.

— А вы, — княжна? спросилъ онъ въ свою очередь.

Ольга улыбнулась ему въ отвѣтъ.

Ей казалось, что ея горе такъ велико, такъ всеобъемлюще, что все и всѣхъ наполняетъ собою, и что всякій человѣкъ, съ которымъ приходится говорить ей — долженъ непременно знать обо всемъ, или, по крайней мѣрѣ, при одномъ взглядѣ на нее, догадаться, что происходитъ въ ея измученной тоскою душѣ.

А докторъ смотрѣлъ на нее такъ кротко, съ такою ласкою, съ такимъ участіемъ, словно преданный другъ, способный не только сказать ей слово облегченія, но и облегчить ея тоску. И потому-то она улыбнулась ему доверчиво и почти радостно. Отецъ, самый близкій для нея по крови человѣкъ, никогда такъ не смотрѣлъ на нее.

— Вы нездоровы, вы больны? спросилъ опять Шёнингъ, — скажите мнѣ, — можете быть, я помогу.

Ольга слабо покачала головой.

— Нѣтъ, вамъ не помочь мнѣ, — будь вы самый искусный докторъ... Такъ я здорова, кажется — но боль моя здѣсь, глубоко, глубоко...

Она крѣпко прижала свою маленькую руку къ груди...

— Всѣ наши физическія боли, или большинство ихъ, отвѣтилъ Шёнингъ, — имѣютъ причиной нравственное страданіе... У васъ было какое-нибудь горе?

Ольга молчала.

Докторъ внимательно слѣдилъ за нею. Вдругъ онъ сдѣлалъ шагъ впередъ и поднялъ правую руку. Ольга испуганно обернулась къ нему, не понявъ его внезапнаго и немножко рѣзкаго движенія.

„Боже, онъ что-то хочетъ дѣлать со мною!“ тревожно мелькнуло у ней, и ей также вдругъ стало страшно быть наединѣ съ этимъ чужимъ, совсѣмъ чужимъ человекомъ, потерявшимъ уже свою первоначальную ласко-

вость и ставшимъ строгимъ, непреклоннымъ, подчиняющимъ себя ея волю. Въ особенности глаза его казались страшны и строги.

Онъ зачѣмъ-то медленно проводитъ рукою — все ближе и ближе къ ней, сверху внизъ. Дуняша пошла обѣдать — не вернется. Ольга одна. Позвать, крикнуть!.. Но она не можетъ ни позвать, ни крикнуть — языкъ ея пѣмбеть... А онъ что-то дѣлаетъ надъ нею, и она не можетъ противустоять ему.

— Не бойтесь... слышитъ она успокоительный шопотъ. — Вѣрьте, не боритесь со мною, слушайте меня.

И онъ настойчиво, неотступно дѣлаетъ свои странныя движенія рукою. Но онъ, во всякомъ случаѣ, не злой — онъ добрый, да... Ольгѣ хорошо становится... Тепло разливается по ея тѣлу, вѣки сами собою закрываются. И вдругъ, словно она въ воду канула — ее охватилъ тихій, нѣжный сонъ. Шёнингъ сдѣлалъ надъ нею еще нѣсколько пассовъ, потомъ наклонился. Ольга спала. Теперь она была въ полной власти Шёнига, въ полномъ его подчиненіи. Онъ оглянулся кругомъ. Они были одни.

Лицо Ольги, за минуту передъ тѣмъ измученное тоскою и тревогой — казалось спокойнымъ, тихимъ. Она недвижно лежала, закинувъ голову на подушку, словно наслаждаясь охватившимъ ее земное, тѣлесное существо покоемъ.

Шёнингъ снова нагнулся къ ней.

— Вы слышите меня? спросилъ онъ.

Онъ зналъ, что она должна его услышать, по ему нужно было, чтобы она отвѣтила.

И она отвѣтила:

— Да!

— Вѣрите-ли вы мнѣ, что я не хочу вамъ зла, что для вашего блага, и только для него, я сдѣлалъ то, что сдѣлалъ.

Улыбка явилась на губахъ Ольги.

— Да, да... отвѣтила она.

— Ну, теперь отвѣчайте. Можете вы видѣть свою болѣзнь, причину ея?

— Я знаю ее... я знаю... я и на-яву ее знаю.

— Можетъ-быть вамъ въ питьѣ дали какія-нибудь капли — припомните...

Она слегка качнула головой.

— Нѣтъ, мнѣ ничего не давали.

— Тѣмъ лучше, — значить причина другая, какая-жъ она?

— Я люблю, сказала Ольга...

— Дальше?

— Я вижу отца. Какой онъ строгій. Онъ бѣдный. Онъ не знаетъ, что, запрещая мнѣ счастье, онъ губитъ меня. Но онъ не измѣнитъ своей воли... Ахъ!.. Что я вижу!.. Мнѣ жаль себя!.. Я вижу гробъ, бѣлый, глазетовый... И я лежу въ немъ... Цвѣты... Всѣ плачутъ... И онъ плачетъ, а сдѣлать уже ничего нельзя. Ничего. Нѣтъ, я хочу жить... За что?.. Развѣ жизнь не хороша... Я люблю жизнь. Не надо этого гроба...

На безстрастномъ лицѣ Шёнига промелькнула тѣнь состраданія.

— Такъ ищите средства, сказалъ онъ.

— Его нѣтъ. Если не дадутъ мнѣ счастья... только оно одно спасетъ меня.

— Ищите. Постарайтесь найти.

— Нѣтъ.

Шёнингъ опустилъ голову...

Ему жаль было ея молодости и красоты, ея первой дѣвственной любви, свидѣтельство силы которой онъ только что видѣлъ, и онъ захотѣлъ помочь, по мѣрѣ своихъ силъ, этой дѣвушкѣ, душевную драму которой случайно узналъ онъ, попавшій въ домъ ея отца, вовсе не для того, чтобы входить въ тѣсную жизнь этого совсѣмъ сторонняго для него дома.

— Вы хотите спросить меня еще что-то? проговорилъ Ольга.

Столітє присоединенія Волини и Подоліи къ Россіи. Объявленіе генераломъ Кречетниковымъ манифеста императрицы Екаторины II. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Р. Штейна. грав. Шоблеръ.

Шёпнигъ глянулъ ей въ лицо.

— Вы, значить, можете слѣдить за моею мыслью?..

— Конечно... отвѣтила Ольга съ новой улыбкой. какъ будто ее спрашивали о вещахъ, о которыхъ совсемъ не слѣдовало спрашивать.

— Хорошо. Тогда говорите, что вы видите?

— Я вижу дорогу... поля по сторонамъ... Пойдите, я знаю эту дорогу—она наша. Она ведетъ въ Проскуровскую деревню на трактъ... вотъ деревня... трактъ... я вижу много народу... Что это?.. солдаты верхомъ... офицеры... кареты... одна, другая, третья... Какъ онъ

красивы!.. какія дамы сидятъ въ нихъ... какъ скоро ѣдутъ онѣ... сколько золота блеститъ на солнцѣ... вскачь, вскачь все... Но вотъ первая карета останавливается...

Но докторъ не далъ договорить ей. Времени терять ему было некогда.

Черезъ нѣсколько минутъ Ольга проснулась на террасѣ одна. Она помнила, что познакомилась съ докторомъ, что онъ на нее произвелъ отличное впечатлѣніе, но, какъ она заснула и что видѣла во снѣ— этого она уже не знала.

(Продолженіе будетъ).

Незнакомка.

Поля Бурже. (Переводъ съ французскаго).

Въ чемъ разгадка этого маленькаго романа? Я его скорѣе прочувствовалъ, чѣмъ прослѣдилъ. Его, пожалуй, создала моя фантазія. *Chi lo sa?*.. И все-таки я часто думаю о немъ, чаще даже, чѣмъ о событіяхъ своей собственной жизни, особенно, когда на дворѣ темно, какъ теперь, когда хмурая осень застигла небо и проникла въ сердце, для котораго тоже есть и своя лазурь, и свои тучи... Я помню тогда ясно, точно это вчера было, первую изъ трехъ встрѣчъ, послужившихъ канвою моему смѣлому воображенію...

Я ѣхалъ въ Германію слушать оперы Рихарда Вагнера. Времени у меня было много, и я рѣшилъ не торопиться. Первая моя остановка была въ Нанси. Тамъ находится знаменитая картина Делакруа, изображающая смерть Карла Смѣлаго. Налюбовался я на картину, осматривалъ затѣмъ музей и, проходя чрезъ красивую, беззловую площадь съ ея дворцами, фонтанами, статуей, золочеными рѣшетками, я завернулъ въ густой, зеленый садъ, который примыкалъ къ ней; въ знойный лѣтній день это былъ живописный оазисъ, полный тѣни и прохлады. Въ немъ почти не было гуляющихъ, но если бы они и толпились подъ густыми, развѣсистыми деревьями, вдоль велени аллей, то и тогда, мнѣ кажется, я замѣтилъ бы *изъ*. Я слѣдилъ за ними съ тѣмъ особеннымъ интересомъ, какой бываешь, обыкновенно, связанъ въ нашей памяти только съ близко знакомыми лицами. Да и въ самомъ дѣлѣ... Развѣ эти лица—особенно, одно изъ нихъ—не были мнѣ давно знакомы?—Да, безусловно, да—не разъ они являлись мнѣ въ часы моихъ долгихъ мечтаній...

Она, нѣжная и граціозная брюнетка, была одѣта въ одинъ изъ тѣхъ дорожныхъ костюмовъ, которые съ перваго взгляда обнаруживаютъ общественное положеніе ихъ обладательницы. Есть какое-то искусство утонченной простоты, которое всегда будетъ доступно только свѣтской женщинѣ, пока будутъ свѣтскія женщины. На ней былъ костюмъ изъ англійской клѣтчатой матеріи и короткій, стального цвѣта, лифъ, едва обрисовывавшійся стройный станъ. Ея прямой воротничокъ, длинный галстукъ, вышитыя перчатки и тонкіе лакированные башмаки очень шли къ ней, несмотря на то, что не совсемъ соответствовали своей серьезностью чисто женственной прелести ея глазъ и улыбки...

О, эти чудные глаза, — въ нихъ однихъ заключался цѣлый романъ, страстный и таинственный! То были глаза любящей женщины, и они заставили меня, противъ моей воли, слѣдить за ними. Это были глаза, полные жизни. Я не помню ихъ цвѣта, я видѣлъ лишь ихъ взглядъ. Они были отуманены счастьемъ. И лицо сіяло этимъ счастьемъ, и счастье свѣтилось въ блаженно-нѣжной улыбкѣ... Она опиралась на его руку, и замѣтно было, какъ каждое ея движеніе обдавало ее нѣжнымъ волненіемъ. Она не была молода, и хотя красота ея сохранилась вполнѣ, одно выраженіе ея лица обнаруживало разницу приблизительно лѣтъ на десять между нею и тѣмъ, съ кѣмъ шла она теперь и кого, повидимому, любила такъ сильно и страстно. Ему на взглядъ можно было дать около 25 лѣтъ. Тонкій, немного блѣдный, онъ, казалось, весь дышалъ радостью. Его движенія были мягки, любящій взоръ искалъ ея взора, его ласковая улыбка отвѣчала ея улыбкѣ.

Они шли, и я слѣдилъ за ними, желая угадать, что за тайное свиданіе привело ихъ сюда, въ этотъ провинціальный садъ. По звуку ея голоса, урывками доносившагося до меня, се легко было принять за англичанку.

Они шли, то ускоряя, то замедляя шагъ, поглощенные своей бесѣдой и не замѣчая невольнаго шпіона, который неотступно слѣдилъ за ними и завидовалъ, отъ всей души завидовалъ ей, этой незнакомкѣ, за то безграничное счастье, которое она испытывала... Да, это была зависть, но зависть честная...

Прошло четыре года съ тѣхъ поръ, четыре года, въ теченіе которыхъ я наблюдалъ не мало человѣческихъ лицъ и копался въ питательной жизни многихъ. Меня подстрекало къ этому странное любопытство къ чужому чувству, любопытство, которое не успокаивается съ годами, а все увеличивается и увеличивается.

Однажды вечеромъ—это было лѣтомъ—я сидѣлъ въ креслахъ одного парижскаго театра и смотрѣлъ въ бинокль на публику. Шло пятое представленіе модной въ то время оперетки, и я не могъ найти во всей этой людной залѣ ни одного знакомаго лица, которое улыбнулось бы мнѣ встрѣчною улыбкой...

Вдругъ я, какъ-то невольно, обратилъ вниманіе на ложу, въ которой сидѣло двое: мужчина—лѣтъ пятидесяти, тяжелый, плотный, съ жесткими, не въ мѣру серьезнымъ, лицомъ, и дама... Гдѣ я видѣлъ эту красивую головку, опирающуюся на руку, заткнутую въ перчатку? Гдѣ я видѣлъ эти чудные глаза, эти густые, темные волосы? Но въ этихъ волосахъ мѣстами серебрилась сѣдина, синева окаймляла уже ея глаза и рѣзко очерченный развѣтъ рта не складывался въ улыбку счастья, какъ тогда, когда величавый садъ древняго города ласкалъ ее своєю тѣнью... Да, это была она, и, несмотря на годы, несмотря на выраженіе усталости во всѣхъ ея чертахъ, я узналъ подъ закрытой плечомъ лицо той женщины, за которой я слѣдилъ когда-то спокойнымъ, добродушнымъ и умленнымъ взглядомъ.

Съ кѣмъ же она была теперь здѣсь, на пятомъ представленіи оперетки? Какъ тогда я не сомнѣвался, что она гуляла подъ-руку съ тѣмъ, кому принадлежали всѣ ея мысли и чувства, такъ не сомнѣвался я теперь, что она успѣла выйти замужъ и была около своего мужа. Съ особымъ любопытствомъ, серьезно всматривался я въ этого человека. Ея присутствіе возлѣ него ничуть, повидимому, не трогало его. Хладнокровно, какъ-то безразлично опершись обоими локтями на красный бархатный барьеръ ложи, онъ тоже осматривалъ залу и время отъ времени дѣлалъ свои замѣчанія; ватмѣ, откинувшись на спинку кресла, зѣвалъ, и давая себѣ даже труда приложить ко рту свою широкую и крѣпкую руку. Никто не заходилъ въ ихъ ложу во время антрактовъ; очевидно, они были иностранцы.

Она была такъ печальна, казалась такой усталой, была такъ чужда всякой радости, она, которую я видѣлъ сіяющей и восторженной, что я невольно подумалъ о молодомъ человѣкѣ, котораго она, повидимому, когда-то любила. Гдѣ онъ? Что съ нимъ теперь? Умеръ, или уѣхалъ, или измѣнился? Разлучили-ли ихъ неизбежная могила, или оторвала ихъ другъ отъ друга воля судьбы, еще болѣе неизбежная, неумолимая? Нѣтъ, и она первая бросила его. Она не была въ томъ возрастѣ, когда покидаютъ, ея душа не была способна на это.

Я сталъ вспоминать романъ, который родился когда-то въ моемъ воображеніи. Предо мной мелькнули послѣднія главы его, гдѣ наступала разрывъ, гдѣ все, что было сердцу радостнаго, превращается въ источникъ непрерывныхъ страданій. Мнѣ удалось вѣрно освѣтить тѣ ужасныя минуты, когда женщина то падаетъ, то отчаивается, а милый ея сердцу человекъ не можетъ ни обнаружить, ни скрыть перемены въ своемъ чувствѣ.

Наблюдательность имѣетъ свои счастливыя и несчастныя случайности—чаще счастливыя, потому что тотъ, кто хочетъ видѣть, — видитъ много вещей, незамѣтныхъ большинству. Много времени потратилъ я, сидя за столикомъ ресторана, забившись въ уголъ вагона или стоя на панеліи улицы, словомъ, всюду, гдѣ только можно было наблюдать; не мало убилъ я часовъ, раздумывая и дѣлая заключенія о характерѣ и судьбѣ людей только по особой краскѣ въ ихъ лицѣ или складкѣ ихъ улыбающихся губъ, по манерѣ прищуривать глаза или по звуку ихъ голоса, по жестамъ, костюму... Иногда мнѣ это удавалось, иногда нѣтъ.

Я ѣхалъ въ Англію. Палуба корабля уже напоминала мнѣ лондонскіе вокзалы по оригинальности костюмовъ и по багровому цвѣту лица нѣкоторыхъ пассажировъ. Не мало, вѣрно, стакановъ портвейну опорожнили эти подданные ея британскаго величества. Около одного изъ такихъ джентльменовъ я замѣтилъ и сразу узналъ молодого человека того, котораго встрѣтилъ я въ Нансійскомъ паркѣ съ моею несчастною незнакомкой. Онъ почти не измѣнился. Только усы его сдѣлались немного гуще... Возлѣ него сидѣла женщина, совсемъ молодая, блондура и хорошенькая, по ея красота была

красота юности. Из-за которой уже виднѣлась грядущая жестокость и сухость лица. Глаза ея были голубые, а голубые глаза, какъ бы они ни были полны иѣжности и ласки, все-таки всегда холодны, леденяще холодны. Врядъ-ли коснется когда-либо этихъ глазъ и отразится въ нихъ свѣтлая волна чувства. Она не обращала почти никакого вниманія на него, но въ каждомъ его движеніи было замѣтно желаніе поправиться ей. По всемъ признакамъ, она была его женой.

Я не могъ знать ни его имени, ни его жизни, ни даже его родины, но я зналъ навѣрно, что любимъ онъ былъ тогда, въ Писп, а не теперь. Онъ, видно, и не подозревалъ этого. Впрочемъ, если онъ, дѣйствительно, любилъ это холодное и

красивое дитя, то счастливе-ли онъ около нея, чѣмъ возлѣ той, которая любила его болѣе, чѣмъ могъ ее любить онъ? И вотъ о ней, объ этой любимѣей его когда-то женщи-нѣ, я начинаю думать всегда въ холодные, темные дни. Хотѣлось бы мнѣ еще разъ въ жизни встрѣтиться съ нею, чтобы она открылась мнѣ въ томъ, что никому, безъ сомнѣнія, она не могла высказать, и что я бы выслушать съ затаеннымъ волненіемъ, даже съ благоговѣніемъ. Я знаю, — я никогда ихъ не услышу, но долго я буду дружелюбно, ласково относиться къ тѣмъ страданіямъ, которые я могъ бы понять и, быть можетъ, успокоить... Писпѣвственный другъ неизвестной подруги, которая никогда его не узнаетъ!..

Въ вѣчномъ городѣ.

(По поводу пятидесятилѣтняго юбилея папы Льва XIII).

Цѣлый рядъ великолѣпныхъ празднествъ, начавшихся въ Римѣ 19-го февраля и долженствующихъ окончиться только въ маѣ мѣсяцѣ, празднествъ по случаю пятидесятилѣтняго посвященія папы Льва XIII въ епископскій санъ, придастъ въ настоящее время особенный интересъ „вѣчному городу“. Десятки тысячъ богомольцевъ стекаются туда теперь со всѣхъ концовъ цивилизованнаго міра, и это стеченіе будетъ увеличиваться съ каждымъ днемъ, по крайней мѣрѣ, до первыхъ дней Страстной недѣли, потому что, по случайному совпаденію, самый разгаръ юбилея папы приходится на Страстную недѣлю, празднованіе которой въ столицѣ католическаго міра отличается необычайнымъ торжествомъ и привлекаетъ въ Римъ всегда огромное количество католическихъ богомольцевъ. Государи всего міра принимаютъ торжественное участіе въ этомъ праздничнѣ-юбилей, желая выразить такимъ образомъ особенное вниманіе и глубокое почтеніе папѣ Льву XIII отъ своего имени и отъ имени управляемыхъ имъ націй. Германскій императоръ послалъ въ Римъ отъ своего имени генерала Лоа. Представителемъ англійской королевы Викторіи на юбилей папы является одинъ изъ католическихъ кардиналовъ-англичанъ. Франція участвуетъ на юбилей въ лицѣ своего представителя, г. Лефебръ де-Бегена, французскаго посла при Ватиканѣ; кромѣ того, по случаю юбилея, прибыли въ Римъ парижскій архіепископъ, кардиналъ Ришаръ и графъ де-Мэнъ. Представителю Россіи было поручено вручить папѣ отъ имени своего правительства подарки и передать поздравленіе. Уже и теперь Римъ сдѣлался какимъ-то страннымъ, международнымъ городомъ, на улицахъ котораго говорятъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Стеченіе публики такъ велико, что цѣлы, напримѣръ, на квартиры вздоржали до нечистоты; многие изъ туристовъ поселяются въ окрестностяхъ Рима или въ ближайшихъ городахъ, предпочитая чуть ли не ежедневно ѣздить по желѣзной дорогѣ въ Римъ и возвращаться оттуда, лишь бы только не платить баснословныхъ цѣнъ за всякую мелочь.

Все это тѣмъ болѣе понятно, что для европейскаго туриста, привыкшаго къ комфорту, Римъ, за весьма малыми исключениями, представляетъ мало привлекательнаго. Римъ и вообще разочаровываетъ человѣка, являющагося туда въ первый разъ. Мы такъ много съ дѣтства слышали о вѣчномъ городѣ, о его памятникахъ древности, о церкви Св. Петра, о Ватиканѣ, объ искусствѣ Возрожденія, что въ нашемъ воображеніи, мало-по-малу, возникаетъ совершенно особенный, идеальный Римъ, имѣющій весьма мало общаго съ настоящимъ, дѣйствительнымъ Римомъ. И тѣмъ не менѣе, несмотря на это первое, неирѣдкое впечатлѣніе, производимое вѣчнымъ городомъ на новичка, вы вскорѣ привыкаете, любопытство беретъ верхъ надъ усталостью, вы не только примиряетесь съ Римомъ, но и увлекаетесь имъ. Римъ, несомнѣнно, довольно грязный и мрачный городъ, но въ немъ нѣтъ ничего вульгарнаго и пошлаго. Величіе и истинная красота, какъ и вездѣ, рѣдки въ Римѣ, но почти все, что вы видите — достойно вѣсти живописца, и, въ концѣ концовъ, шатаясь по узкимъ и грязнымъ улицамъ, вы забываете буржуазную посредственность даже такихъ „столицъ міра“, какъ Парижъ.

Римъ построенъ на холмахъ, что придаетъ улицамъ необыкновенное разнообразіе и типичность: смотря по той или иной наклонности, дома различными образомъ освѣщаются на фонѣ голубого неба. Затѣмъ, почти всѣ предметы, встрѣчаемые вами, носятъ на себѣ печать эперги и силы; церкви, монастыри, обелиски, колоннады, фонтаны, статуи, — все это является симптомомъ интенсивной, усиленной жизни; тутъ все — или матеріальная, или умственная побѣда. На римскомъ монахѣ точно отражается ослабленный отблескъ среднихъ вѣковъ. Римская статуя рѣшительно не подходитъ ко вкусамъ современнаго буржуа. Церковь, — даже іезуитская церковь, бывшая на вишнѣй эффектъ и слабую декорацию, — все-таки является какъ бы символомъ грозной корпорации. Тѣ, которые создали и монаха, и статую, и церковь, очевидно, оставили неизгладимый слѣдъ въ исторіи, слѣдъ аскетизма или могущества. Съ другой стороны, контрасты этого единственнаго въ своемъ родѣ города безконечны и разнообразны: выходя изъ бойкой, оживленной улицы, вы вступаете въ грязный переулочекъ, съ растущей травой по сто-

ронамъ, почти лишанный домовъ и окаймляемый длинной, чуть ли не въ четверть версты, стѣной, покрытой мхомъ; отъ времени до времени вы видите желѣзную дверь подъ низкими каменными навѣсомъ: это — секретный входъ въ огромный садъ, составляющій принадлежность какого-нибудь дворца. Вы повертываете навѣс и попадаете въ грязную улицу, переполненную лавочками со всякой ветошью и тряпичью, гдѣ кишатъ оборванные продавцы и покупатели, между которыми шныряютъ голодные собаки, выискивая что-нибудь съѣстного въ кучахъ мусора. Этотъ грязный переулочекъ, обыкновенно, оканчивается рѣзнымъ порталомъ церкви. Затѣмъ, опять тянутся пустынные улицы, мрачныя и грязныя. И вдругъ, сквозъ открытую дверь или ворота вы видите цѣлую рощу лавровъ, столѣтнихъ дубовъ, множество статуй среди бьющихъ фонтановъ. Базаръ, гдѣ продаютъ овощи и фрукты, окружаетъ великолѣпную античную колонну; баракъ съ навѣсомъ изъ краснаго зонта пріютился у фасада развалинъ древняго храма, затѣмъ — рядъ великолѣпныхъ построекъ и церквей, съ цѣлыми полянами роскошной зелени. Въ общемъ, Римъ можно было бы сравнить съ мастерской художника, того старика-художника, въ оборванномъ балахонѣ, съ длинной, нечесанной шевелюрой, который нѣкогда, въ дни своей юности, обладалъ великимъ талантомъ, а теперь бранится со своими кредиторами.

И въ самомъ дѣлѣ, отличительный характеръ „вѣчнаго города“ — это характеръ художественнаго заустѣнія. Едва-ли можно представить себѣ то огромное количество величайшихъ произведеній искусства, которыми заполненъ Римъ. Безконечный рядъ громаднѣхъ залъ Ватикана наполненъ античными статуями; то же самое вы встрѣчаете въ Канитоліи. Множество дворцовъ римской знати образуютъ галереи, въ которыхъ собраны произведенія величайшихъ мастеровъ живописи и скульптуры. Произведенія Рафаэля находятся тутъ же, въ этомъ старомъ Ватиканѣ, который со стороны площади Св. Петра кажется почти безформенной, но громадной и величественной, каменной массой. Вы входите во дворъ, окруженный самыми разнообразными зданіями, со множествомъ маленькихъ оконъ, придающихъ зданію видъ тѣлцны. Затѣмъ подымаетесь по лѣстницамъ, утомляетесь и, наконецъ, вступаете въ громадную залу, расписанную фресками. Ихъ такъ много, этихъ фресокъ, что глазъ не находить на чемъ ему остановиться. Вотъ „Сраженіе Константины“, скопированное Рафаэлемъ, но выполненное красками его ученикомъ Джулио Романо; краски поблекли и пожелтели. Вы идете по длинному портнику, гдѣ должны быть арабески Рафаэля: отъ сырости онѣ почти совсѣмъ исчезли. И такъ почти во всемъ...

Въ настоящее время, ради празднествъ папскаго юбилея, Римъ почиился и, такъ сказать, приободрился. Со всѣхъ концовъ Италіи, изъ Германіи, Австріи, Венгріи, Франціи и даже изъ Ирландіи прибыли пилигримы на эти празднества. Всѣ отели, пансіоны, меблированные комнаты и частныя квартиры оказались переполнены пріѣзжими. Движеніе въ городѣ началось съ пяти часовъ утра въ первый день празднествъ, хотя богослуженіе должно было начаться всего лишь въ девять часовъ. Около восьми закрыли двери собора, потому что больше нельзя было впускать туда народъ. Полиція распорядилась прекрасно. Порядокъ на Тибрскомъ мосту и на Пиаццѣ передъ соборомъ былъ соблюденъ образцовый. Несмотря на весьма незначительную ширину улицъ, движеніе экипажей все время шло по нимъ безпрерывно. На площади Петра полиція пропускала къ собору только лицъ, имѣвшихъ билеты.

Внутренность собора была богато украшена красными и золотыми тканями, покрывавшими пилястры, нерла и трибуны. Направо отъ главнаго входа былъ поставленъ высокій барьеръ, за которымъ возвышались мѣста для народа. Мужчины пріѣзжали во фракахъ или въ мундирахъ, дамы — въ черныхъ платьяхъ безъ шляпъ. Было выдано 50,000 билетовъ, собственно, для публики, а если прибавить къ этому почетныя приглашенія, да еще свиту папы, служащихъ въ Ватиканѣ и наскую гвардію, то можно смѣло сказать, что соборъ вмѣстѣ въ себя въ этотъ день около 70,000 человекъ.

И вся эта толпа ждала съ напряженіемъ появленія процессіи изъ соединяющаго соборъ съ Ватиканомъ особаго

Тайная проповедь. Съ карт. В. Гестель, грав. Реддеръ.

Материнская гордость. Ст. карт. Юл. Адама, грав. Герике.

хода. Этому процессией должна была начаться церемония. Наступило наконец девять часов, половина десятого, и вдруг, как волна, из края в край толпы процессии оглушительный грохот аллодисментов — обычное выражение приветствия на Западе. Нану несли на золотом кресле. Облеченный в парчу, в тиару на совершенно съедой голов, Лев XIII величественно выдвинулся над всею толпою. Его ослепили огромные онахала из белых страусовых перьев. У алтаря папа спял тиару и папскую епископскую митру. Во время богослужения, он все время оставался на виду у всех. Хоры, по обычаю католического служения, сопровождалась музыкой. Хор папских певчих помещался за главными алтарем. Музыканты и ученики монастырских школ находились на галереях, опоясывающей купол. Несшие с высоты пение и музыка производили удивительное впечатление.

Когда папа, кончив богослужение, двинулся в процессию обратно в Ватикан, снова раздались оглушительные привет-

ствия и крики: „e viva. e viva il papa re“ („да здравствует папа-царь“).

Среди этих восторженных проявлений народных чувств, произошел один из самых торжественных моментов появления папы перед народом — благословение врывающихся. Папа поднял руки вверх, все смолкло, и затряс трескающее „amen“ пронеслось по толпе, и новый взрыв рукоплесканий и криков „e viva“...

Разъезд почетных гостей тоже представлял интересное зрелище. Кардиналы в своих красных мантиях, монахи в ризах, черных, коричневых, синих, фиолетовых и ярко-красных, монахи в длинных вуалях и белых плерезах, другие — в длинных, ослепительно, оставляли собор, увозя принесенные ими хоругви и знамена. На дорогих черных бархатных туалетах дамы сверкали брильянты. Папские гвардейцы, в своих блестящих, шитых золотом, мундирах, стройными рядами направлялись в Ватикан, а за ними шли привратники с алебардами... Картина была поистине великолепная.

Сто летъ назадъ.

Присоединение Волыни и Подолия къ Россіи отъ Польши.

Историческая справка. (Рис. на стр. 253).

Положение Россіи въ послѣдніе годы, предшествовавшіе второму раздѣлу Польши, было болѣе, чѣмъ затруднительное. Съ одной стороны песконнасы войны съ Турціею, которую Англія и Франція постоянно травили на Россію изъ своихъ узкихъ, корыстныхъ видовъ; съ другой стороны, развившееся на Западѣ революціонное движеніе, страшно напугавшее всѣхъ европейскихъ монарховъ и находившее себѣ кос-как-е отголоски въ разрозненной, разслабленной и обезображенной внутренними несогласіями Польшѣ. Съ третьей — внутрення неурядицы и страшные недочеты въ финансахъ, вызывавшие необходимость постоянно содержать наготовѣ большія арміи, разбросанныя вдоль всей южной, юго-западной и западной границы Россіи. Притомъ, императрица Екатерина видѣла, что Польша и поляки, и даже посаженный ею на польскій престолъ Станиславъ - Августъ Попятовскій, завѣряя императрицу въ своей преданности и уваженіи, въ то же время, при первомъ удачномъ случаѣ, готовы всѣми силами вредить Россіи и играть „въ руку“ ея зависливымъ сосѣдямъ — Австріи и Пруссіи. Принявъ все это въ соображеніе, императрица Екатерина рѣшилась дѣйствовать и принять на себя инициативу въ дѣлѣ, которое составило дѣль всѣхъ вождѣй Пруссіи. Чтобы развязать себѣ руки для свободнаго дѣйствія въ Польшѣ, императрица рѣшилась, какъ можно скорѣе, закончить затянувшуюся Турецкую войну — и вотъ 17 января 1792 года въ Варшавѣ была получена страшная вѣсть о подписаніи въ Яссахъ мирнаго договора между Россіей и Турціей. Вся — вѣщая отъ короля и до послѣдняго шляхтича — поняла, что замѣренье съ Турціей дастъ полную возможность Россіи дѣйствительно вступить въ польскія дѣла и положить конецъ тому дикому и разнузданному безначалію, которое царилъ во всей Польшѣ, раздираемой борьбою политическихъ партий. Но никто не ожидалъ таго, что дѣло пойдетъ такъ быстро, какъ оно пошло.

Грозныя вѣсти о военныхъ успѣхахъ революціонной Франціи и твердое убѣжденіе въ невозможности успокоить Польшу собственными средствами, вотъ что побудило Екатерину приобратить себѣ въ Пруссіи король союзника для войны съ Франціею, вознаграждая его заранѣе за эту войну частью Польскихъ владѣній, смежныхъ съ Пруссіей. Въ ноябрѣ 1792 года, прусскій посолъ въ С.-Петербургѣ, графъ Гольцъ представилъ карту Польши, гдѣ отмѣченъ былъ участокъ, желаемый Пруссіею. „Тогда Ея Величество (по свидѣтельству очевидца) протянула черту на картѣ Польской, для показанія того удѣла, который предназначался къ Всероссійской Имперіи, и позволила утвердить оную своеручною подписью“.

Черта была проведена отъ восточной границы Курляндіи, мимо Пинска, черезъ Волынь къ границамъ австрійской Галиціи. Черта была проведена не наобумъ: Екатерина послѣднее время усердно занималась древне-русской исторіей. Она даже неоднократно выражала сожалѣніе, что не всѣ исконно-русскія области войдутъ въ составъ Россіи, что въ чужихъ рукахъ останутся даже многіе стольные города знаменитыхъ Русскихъ князей; но она не скрывала надежды на то, что современемъ ихъ можно будетъ вымѣнять у Австріи на Турецкія области.

Окончательно выработавъ планъ раздѣла, Екатерина представила выполненіе его тонкому и весьма искусному дипломату — Сиверу, который умѣлъ самыя неурядицы дѣла обрабатывать къ обоюдному удовольствію. Въ весьма энергичномъ рескриптѣ, отправленномъ Сиверу, государыня заявила, что „по испытанности прошедшаго и по настоящему расположенію вещей и умовъ въ Польшѣ, т. е. по неспособности и вѣтренности сего народа, по доказанной его злобѣ и ненависти къ намъ, а особливо по извѣстившейся въ немъ склонности къ разврату и неистовствамъ французскимъ, мы въ немъ никогда не будемъ имѣть ни спокойнаго, ни безопаснаго сосѣда“.

иначе какъ приведемъ его въ сущее безспіе и немогущество“, — а посему, заручившись особымъ соглашеніемъ съ Пруссіею — „рѣшились на дѣло, которому началомъ и концомъ предлогаемъ изъавить земли и грады, нѣкогда Россіи принадлежавшіе, единоплемениками ея заселенные и созданные и единую вѣру съ нами исповѣдающіе, отъ соблазна и угнетенія, имъ угрожающихъ“.

Основанную на этомъ рескриптѣ декларацію Россіи Сиверъ подалъ на сеймѣ 1793 года въ Гродно. Онъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ, тѣмъ болѣе, что прусскія войска были готовы вступить въ смежныя польскія области, а русскіи войска Польша была переполнена. На этомъ сеймѣ послѣдовало то знаменитое *тѣмное* засѣданіе, на которомъ депутаты Рѣчи Посполитой думали, что сунуться „отмолчать“ свои земли. Но Сиверъ объявилъ, что не выпуститъ изъ залы ни депутатовъ, ни короля, пока они не заговорятъ. Пробыло полночь — молчаніе; пробило три часа утра — молчаніе. Наконецъ, одинъ догладивый депутатъ, Анквичъ изъ Кракова, крикнулъ: „молчаніе есть знакъ согласія“. Сеймовый маршалъ Бѣлинскій, конечно, обрадовался такому неожиданному обороту дѣла и трижды повторилъ вопросъ: „уполномочиваетъ-ли сеймъ сеймовую комиссію на безусловное подписаніе договоровъ о раздѣлѣ съ Пруссіей и Россіей?“ — Отвѣтомъ было опять гробовое молчаніе. Тогда Бѣлинскій объявилъ, что „рѣшеніе состоялось единогласное“. И 25 сентября договоръ былъ окончательно подписанъ.

Но, въ сущности, самое присоединеніе отошедшихъ отъ Польши земель къ Россіи совершилось гораздо ранѣе этого знаменитаго „тѣмного“ засѣданія и его дѣтскихъ пріемовъ для защиты цѣлости Польскихъ владѣній. Уже 27 марта, на основаніи распоряженій, присланныхъ изъ Петербурга, въ станѣ русскихъ войскъ при мѣстечкѣ Полонномъ, былъ торжественно прочитанъ манифестъ генералъ-ашефа Кречетникова „о присоединеніи польскихъ областей къ Россіи, по Высочайшему повелѣнію“. Въ этомъ манифестѣ, который приказано было прочесть во всеуслышаніе во всѣхъ церквяхъ и всюду „въ подлежащихъ мѣстахъ“ выставить для всенароднаго чтенія, отчетливо и ясно были опредѣлены и указаны всѣ новодѣлы, побудившіе Россію ко второму раздѣлу Польши. Не менѣе отчетливо, точно и ясно были указаны и предѣлы того пространства, которое „Государыня соизволяетъ нынѣ брать подъ державу свою и присоединить на вѣчныя времена къ Имперіи своей“.

Далѣе, Кречетниковъ, „какъ учрежденной надъ оными отъ Ея Величества генералъ-губернаторъ“, обнадѣживалъ всѣхъ новыхъ вѣроподданныхъ Ея Величества „ея священнымъ именемъ и словомъ“ въ полной свободѣ вѣроисповѣданія и въ полной общественной безопасности. Въ свою очередь, „всѣ и каждый, начиная отъ знатнѣйшаго дворянства, чиновниковъ и до послѣдняго крестьянина“, обязывались принести императрицѣ торжественную присягу въ вѣрности. Тому, кто-бы не захотѣлъ присягать и принимать русскаго подданства, давался трех-мѣсячный срокъ на продажу имущества и добровольный выѣздъ „въ границы“. Духовенство „вышнее и ниже“ обязывалось присягнуть первое, для примѣра остальнымъ, и, со дня принятія присяги, должно было ежедневно поминать при богослуженіи „Ея Императорское Величество и дражайшаго ея сына и наслѣдника“.

„Такъ произошелъ второй раздѣлъ Польши“, — замѣчаетъ нашъ историкъ Соловьевъ, — „доказавшій прежде всего, что въ Польшѣ не было народа... Оказалось слѣдствіе того, что въ продолженіе вѣковъ народъ молчалъ, а шумѣлъ только шляхетскій сеймъ, говорившій красивыя рѣчи...“

Мы скажемъ болѣе: народъ молчалъ и охотно подчинялся новымъ русскимъ порядкамъ, предвидя, что онъ, наконецъ, успокоится и вздохнетъ свободно отъ польской неурядицы подъ мощнымъ скипетромъ Россійскаго Государства.

Женские клубы Нового Свѣта.

(Корреспонденция „Нивы“ изъ Америки В. Манъ-Гаханъ).

Въ одной изъ нью-йоркскихъ воскресныхъ газетъ появилось мнѣ недавно слѣдующее интересное сообщеніе изъ далекаго Санъ-Франциско: „Здѣсь устраивается женскій клубъ совершенно новаго характера; клубное помѣщеніе нанято въ дѣловой, торговой части города, и число членовъ ограничено 200-ми женщинами. Въ клубѣ этомъ не предполагается ни литературныхъ митинговъ, ни дебатовъ на высшіи темы, ни дамскихъ завтраковъ, а просто членамъ будетъ предоставлено нѣсколько помѣстительныхъ уютныхъ комнатъ, обставленныхъ покойною мебелью, шкапами и столами съ книгами и журналами, для того чтобы туда можно было зайти поспѣть, отдохнуть и провести часть-другой въ знакомомъ обществѣ.

Устройство такого клуба въ Санъ-Франциско рѣзко и сразу показываетъ разницу между женщинами западныхъ и восточныхъ народовъ. На Западѣ женщины смѣютъ устраиваться, какъ имъ удобно. Совершенно иное происходитъ на Востока. Тамъ женщину всецѣло поглощаетъ прямое стремленіе во что бы то ни стало сдѣлаться интеллигентной, или хотя-бы казаться такою. Попадаются, правда, блестящіе исключенія—женщины, увѣренно и неуклонно пробивающія себѣ дорогу къ публичной цѣли, на пути-ли филантропій или служенія интересамъ ихъ болѣе слабыхъ сестеръ; но эти исключенія являются лишь подтвержденіемъ общаго правила. Какимъ только мукъ не выносятся американка, чтобы имѣть право похвастаться только „интеллектуальными стремленіями“—intellectual pursuits!..

На первыхъ порахъ американки Востока способны русскаго человека поразить своимъ прилежаніемъ и любознательностью. Чѣмъ только досужія эти женщины ни задаются! какихъ только программъ себѣ ни выдумываютъ, стремясь къ вожделѣнному идеалу „интеллектуальности“!

Во Франціи, гдѣ еще не совсѣмъ утрачено искусство de faire la conversation, женщинамъ есть возможность, не проявляя никакой къ тому подготовки, блистать умомъ, остроуміемъ и даже запалѣмъ въ свѣтскихъ гостиницахъ, гдѣ такой разговоръ всегда найдетъ себѣ въ собесѣдникахъ поддержку.

Но въ американской жизни этой рамки не найти. Faire la conversation здѣсь совершенно не умѣютъ и даже рѣдкій человѣкъ знаетъ, что это такое. Американскіе мужчины, за самыми громкими исключеніями, ничего рѣшительно не читаютъ, кромѣ газетъ и журналовъ. Они разговариваютъ почти исключительно о политическихъ и экономическихъ злобахъ дня и вѣчно объ одномъ и томъ-же: никому въ голову не приходитъ прочесть прошлагодня нумеръ журнала, какія-бы интересныя статьи въ немъ ни были. Женщины читаютъ гораздо болѣе мужчинъ; но, страшное дѣло, прочитанное отнюдь не волнуетъ ихъ, не возбуждаетъ ихъ воображенія, а просто заучивается въ память ихъ для справки на будущія времена.

„Интеллектуальность“, какою она проявляется въ Америкѣ, не только не обуславливаетъ увлеченія, хотя-бы, идей, но, напротивъ, идетъ въ разрѣзъ со всякимъ увлеченіемъ.

Ареною для наиболѣе виднаго проявленія интеллектуальности американокъ служатъ ихъ клубы. Женскіе эти клубы въ восточныхъ штатахъ всегда ставятъ себѣ цѣлью умственное совершенствованіе, возможно обширное и возможно удобное-приспосабливаемое.

Въ простѣйшей своей формѣ клубъ есть ни что иное, какъ кружокъ женщинъ, которыя собираются для изученія того или другаго литературнаго или историческаго предмета. Берутъ, напримеръ, сочиненія Шекспира, Исторію Англіи Елизаветинской эпохи, произведенія Толстого, Ибсена. Собираются въ нарочно устроенномъ для того помѣщеніи или попеременно у членовъ кружка, въ извѣстныя дни или вечера. Случается, что кружокъ задается мыслью просвѣтиться насчетъ странъ заграничныхъ, и, въ такомъ случаѣ, назначаетъ себѣ темами Китай, Францію, Англію, Россію, Италію и инныя страны.

Предположимъ, напримеръ, что клубъ задается мыслью изучать Ибсена. Предсѣдательница читаетъ клубу списокъ переводныхъ произведеній Ибсена, спрашивая, кто что предпочитаетъ изучать. На изученіе полагается срокъ въ двѣ-три недѣли, по истеченіи-же этого срока, члены клуба поочередно представляютъ на собраніяхъ своего кружка докладъ о прочитанномъ. Такъ какъ каждая дама добросовѣтнѣйшимъ образомъ изучаетъ лишь ей одной порученное произведеніе Ибсена, то ей и въ голову не приходитъ оснаживать какія-бы то ни было заявленія другихъ членовъ: собранія проходятъ въ примѣрномъ мирѣ и согласіи, и, въ концѣ концовъ, всѣ представляютъ благодушному сознанию того, какъ много онѣ приобрѣли свѣдѣній въ пемовѣрно-короткій срокъ, и какъ мало стоило имъ это труда: всего одну-другую книжку прочитать, да за нѣсколько собраній доклады другихъ слушать...

Въ иныхъ кружкахъ или клубахъ женщинъ каждое собраніе ознаменовывается чтеніемъ какого-нибудь мемуара или болѣе или менѣе претенціознаго очерка, а не то и поэмы, написанной для даннаго случая кѣмъ-либо изъ членовъ: декорумъ

тутъ царитъ ледеишій—не зѣваетъ никто, а многія, какъ это ни странно, находятъ удовольствіе въ слушаніи этой жестокой писательской „любительской“ страши.

Гораздо интереснѣе другихъ представляются мнѣ женскіе клубы, доставляющіе себѣ роскошь путешествія (мысленнаго) по различнымъ частямъ свѣта, не выѣзжая изъ роднаго города или поселка. Достигаются эти чудесные результаты слѣдующимъ образомъ: надумывается, скажемъ, клубъ совершить путешествіе по Россіи, и пойдутъ жаркіе сборы. На созваніи предварительномъ собраніи миссисъ А** беретъ на себя обязанность происхожденіе и исторію русской народности; миссисъ В** обязуется изучить русскую литературу; В**—географическое положеніе Россіи; Г**—экономическія условія страны; Д**—народныя предразсудки и обычаи; Е** и нѣкоторыя другія—русскіе города; остальные-же обязуютъ вышкнутъ въ сущность русской религіи и т. д. Численность отдѣловъ ограничивается, въ сущности, лишь числомъ членовъ клуба.

Второй фазисъ сборовъ въ путешествіе состоитъ въ томъ, что каждая дама бѣгаетъ по библиотекамъ, собирая матеріалъ для изученія порученнаго ей послѣдованію отдѣла, читаетъ соотвѣтственныя книги, разсираниваетъ о Россіи всѣхъ, кто что-либо можетъ о ней знать,—и всѣ эти сообщенія и свѣдѣнія складываютъ въ помѣстительной памяти своей или записываютъ въ книжку на черныи день—или, бѣшь, на тотъ день умственного просвѣтленія клуба насчетъ Россіи, который назначенъ черезъ нѣсколько недѣль.

Мнѣ самой не одинъ разъ пришлось выдерживать набѣги и осады по всѣмъ правиламъ искусства со стороны любознательныхъ дамъ, одержимыхъ рвеніемъ сбора свѣдѣній о Россіи. Набѣги эти тѣмъ ужаснѣе, что производятся они сообща тремя-четырьмя членами клуба, которые, поочередно, осыпаютъ васъ просьбами и вопросами, какъ картечью, не давая вамъ даже передохнуть: „Дорогая миссисъ М., мы къ вамъ съ просьбою: расскажите намъ все, что можете о Россіи,—мы собираемъ всѣ свѣдѣнія о вашей странѣ къ нашему заведенію, которое состоится черезъ недѣлю въ четвергъ...“— „Но, о чемъ-же, собственно, вамъ надо меня разспросить?“— „Да обо всемъ рѣшительно: расскажите намъ все, что сами знаете о Россіи. Сколько тамъ провинцій?... Правда-ли, что люди, проѣзжая мимо церквей, выходятъ изъ экипажей и колятся и становятся передъ церковью на колѣни?... А сколько миллионъ рабовъ освободилъ вашъ царь?... Вѣдь въ этомъ опъ примѣру Линкольна послѣдовалъ?... Но какъ-же это ихъ не задавать пробажающіе, если они на колѣняхъ на улицѣ стоятъ?... Скажите намъ хоть нѣсколько словъ по-русски: мы постараемся прислушаться, къ какой семьѣ языковъ вашъ языкъ принадлежитъ... Какъ русскую печать читаютъ, справа лѣво?... Неужели итъ? я думала, всѣ восточныя языки такъ читаются... А кака у русскихъ національная кухня?... Страшно, что у васъ совсѣмъ не сврейскій типъ... Звали-ли вы въ Россіи Толстого?... Скажите, пожалуйста, какъ-бы вы вкратцѣ опредѣлили экономическое положеніе Россіи?... Будетъ-ли и въ этомъ году голодъ?... О, небо! безъ пяти четыре, въ половинѣ пятого поѣздъ отходитъ въ Оранжъ, а намъ еще надо будетъ переодѣться и поспѣть на обѣдъ общества Осушенія болотъ... До свиданія, до свиданія, дорогая миссисъ М**! вы намъ без-оставили вашей бесѣдой величайшее удовольствіе, а клубу безочечную пользу!.. Смотрите-же, не забудьте: первый вечеръ поѣздки по Россіи назначенъ черезъ недѣлю въ четвергъ, въ восемь часовъ вечера—ждемъ васъ непременно“.

Наступаетъ, наконецъ, вожделѣнный вечеръ „путешествія“, обыкновенно, путешествія по такой обширной, малозвѣстной и своеобразной странѣ, какъ Россія, распределяется вечера на два, а не то и на три. При докладахъ, обыкновенно, показываютъ соотвѣтствующія тумашныя картины.

Размѣры настоящаго очерка не позволяютъ мнѣ вдаваться въ описаніе многочисленныхъ профессиональныхъ, политическихъ или филантропическихъ клубовъ и ассоціацій американокъ Востока: они-же притомъ и не подходятъ подъ рубрику описываемыхъ кружковъ умственного саморазвитія, которому имѣютъ возможность предаваться одиѣ досужія женщины.

Не мѣшаетъ, однако, сказать нѣсколько словъ о первомъ, но возникновеніи и по успѣху, клубѣ женщинъ въ Соединенныхъ Штатахъ, о Нью-Йоркскомъ Sorosis, который года три-четыре тому назадъ праздновалъ свое совершеннолѣтіе—21-ю годовщину своего основанія. Вначалѣ клубъ этотъ былъ тоже клубомъ самосовершенствованія и самосоужденія талантами своихъ собственныхъ членовъ. Но съ теченіемъ времени клубъ этотъ разросся чрезвычайно, и въ настоящее время насчитываетъ много сотенъ членовъ, въ числѣ которыхъ много актрисъ, авторовъ и, въ особенности, просто богатыхъ женщинъ: принадежать къ Sorosis стоить значительныхъ денегъ. Главная и самая выдающаяся для постороннихъ людей функція Sorosis состоитъ въ торжественныхъ завтракахъ по подпискѣ, на которые зачастую собираются члены, приглашая на нихъ

капихъ-либо именитыхъ заѣзжихъ иностранцевъ или какихъ-нибудь свѣтилъ мѣстнаго артистическаго міра. Помимо этихъ немногихъ приглашенныхъ, присутствуютъ одні только женщины; завтраки эти всегда происходятъ въ отдѣльныхъ залахъ самыхъ дорогихъ ресторановъ, вина за ними никакого никогда не допускается, но все-же завтраки обходятся не дешевле рублей одиннадцати или двѣнадцати съ куверта; длится они три-четыре часа и заключаются серіей снѣчей, записанныхъ сельтерской водой Apollinaris и заѣданныхъ массою дорогихъ сластей и фруктовъ.

Клубъ Sorosis дѣятельно занимается филантропіей за свой счетъ; при немъ учреждены постоянные комитеты: комитетъ по благотворительности, комитетъ по литературѣ, по искусству, по хозяйственной части, по распространенію трезвости, комитетъ изысканія средствъ, комитетъ по приемамъ, комитетъ увеселеній и проч. — всѣхъ не стоитъ и перечислять. Члены всѣхъ этихъ комитетовъ, опять-таки, все женщины до-

сужія и богатые. дѣлаютъ массу дѣла, вѣчно что-то псалмодуютъ, устраиваютъ; по все это какъ-то никогда ничѣмъ не проявляется на ходѣ окружающей ихъ жизни; правда, что снѣчи, произносимые на завтракахъ Sorosis, исходятъ изъ гостастаи, но серьезныхъ обсужденій они отнюдь не вызываютъ, развѣ только какой-нибудь юмористъ, репортеръ газеты, потѣшитъ читателей добродушно-забавнымъ отчетомъ о высокихъ стремленіяхъ, которые краснорѣчиво высказываются элегантными дамами Sorosis послѣ вкуснаго завтрака, отпиваго у нихъ полднѣ драгоцѣннаго ихъ времени. Ни одинъ, притомъ, репортеръ не преминетъ въ разсказѣ своемъ упомянуть о фактахъ шляпокъ и костюмовъ членовъ и гостей Sorosis, какъ о самомъ краснорѣчивомъ и основательномъ доводѣ противъ злостныхъ инсинуаций ихъ недоброжелателей, утверждающихъ, будто Sorosis представляетъ собою сборище „снѣчныхъ чулковъ“.

Нью-Йоркъ. Февраль 1893 г.

Благость.

Акростихъ въ прозѣ.

(Къ рис. на стр. 261).

Великій царь, древній пророкъ, Соломонъ говорилъ: Ымъ съ веселіемъ хлѣбъ твой и пей вино твое въ радости сердца, когда Богъ благоволитъ дѣламъ твоимъ, а мы, совершенно забывая душу свою, въ суетѣ мірской, Недовольные земными благами, словно увѣрены, что ангелъ небесный сможетъ сохранить помимо насъ эту душу, сохранить ее отъ грѣха и соблазна, которые обременяютъ неразумныхъ, не понимающихъ словъ пророка: живые знаютъ, что умрутъ, а мертвые ничего не знаютъ, доброму и злему участь одна: зло въ сердцѣ ихъ, въ жизни, а послѣ того они отходятъ къ умершимъ.

Къ рисункамъ.

Соколы, бьющій лебедя. (Рис. на стр. 248).

Не та дичь и не тѣ картины грезились охотнику въ былыя времена. Онъ норовилъ не бекасовъ, дупелей и тетеревятъ пощелкивать; итѣ, онъ мечталъ, конечно, о томъ, какъ на борзыхъ конѣ съ добрымъ соколомъ онъ выйдетъ полевать, — гусей, бѣлыхъ лебедей, да сѣрыхъ утицъ, журавлей и цапель бить. И вотъ ѣдетъ онъ на своемъ „борзыхъ“, и соколъ, въ клубочекъ убранный, на рукѣ сидитъ, — ѣдетъ онъ и полями, и перелѣсками, и порослями... Птичій гвалтъ слышится и съ далекой рѣки, и изъ дрема, полнаго разныхъ ямъ, рытвинъ, озерковъ и луговъ: слышны и криканье селезней, и куличій свистъ; изрѣдка палетить откуда-то будто гоготъ стада гусиного. Но чуткое ухо давно отличило въ этомъ гвалтѣ музыкально-звенящій, юющій, мелодическій звукъ, похожій по переливамъ, по не поинѣжности, на звукъ трубы. Лебеди! И дѣйствительно, изъ-за перелѣска на фонѣ безоблачной лазури выдѣлилась бѣлая фигура, и скользнула по небу, медленно и плавно замахивая могучими крыльями. Ближе! Скорѣй долой клубочекъ съ сокола. Зорко оглянувшись ясными глазами опытный хищникъ тверды небесную и, почувшавъ свободу, азартно рванулся, описывая круги, къ лебедю. Увидала и гордая птица опасность грозную, торопливѣе ударила крыльями, начала закрывать все больше и больше вверхъ. Но бывалый соколъ въ нѣсколько приемовъ настигъ ее, подъ крыло ударилъ съ размаху, и, кувыркаясь и опрокидываясь, заскользилъ лебедя на землю...

Литературный альбомъ. „Сказка о царѣ Салтанѣ“,

А. С. Пушкина. (Рис. на стр. 249).

Кто не читалъ этой прекрасной сказки Пушкина и кто не узнаетъ сцены, изображаемой на рисункѣ С. С. Соломко: — „Князь у снѣга моря ходитъ, съ снѣга моря глазъ не сводитъ; глядь — поверхъ текущихъ водъ лебедь бѣлая плыветъ: — „Здравствуй, князь ты мой прекрасный, что-жъ ты тихъ, какъ депь несчастный? Опечалился чему?“ Говоритъ она ему... Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ: „Грусть-тоска меня съѣдаетъ — люди женятся; гляжу, не женатъ лишь я хожу“... Далѣе князь говоритъ, что есть на свѣтѣ царевна, и описывать ее красоту. Лебедь отвѣчаетъ: „Да, такая есть дѣвица, но жена не рукавица: — съ бѣлой ручки не стряхнешь и за поясъ не заткнешь; услугу тебѣ советомъ — слушай: обо всемъ объ этомъ пораздумай ты путемъ, не раскаться-бъ потомъ.“ Но князь божится, что все обдумалъ и готовъ идти хоть за тридевять земель за царевной. Лебедь тутъ, вздохнувъ глубоко, молвила: — „зачѣмъ далеко? — Знай, близка судьба твоя, вѣдь царевна эта — я!“ Тутъ она, взмахнувъ крылами, полетѣла падъ волнами и на берегъ съ высоты опустилась въ кусты, встрепетулась, отряхнулась и царевной обернулась...

Все это не значитъ, что обѣщана намъ жизнь, полная наслажденій, что мы должны беречь плоть свою. Пить, онъ велитъ трудиться въ потѣ лица не съ озлобленіемъ, не съ негодованіемъ, а съ радостью, съ удовольствіемъ. Когда человѣкъ радостенъ — онъ удовлетворенъ, и къ ближнимъ ласковъ и добръ, и счастье-емъ озаряетъ ихъ умиленные души.

Блаженны ходящіе въ Богѣ и благоговѣяно внемлющіе Святому велѣнію, — быть довольными и счастливыми, ибо есть счастье: три слова, три понятія чудотворная даютъ Миръ и Благость. Нужно найти ихъ.

Тайная проповѣдь. (Рис. на стр. 256).

Женщина — первая въ жизни проповѣдница. Какъ мать, она съ первымъ лепетомъ ребенка научаетъ его молиться и при первомъ разумнѣнн внушаетъ догматы вѣры. Чѣмъ искреннѣе вѣруетъ она, чѣмъ горячѣе любитъ свое дитя, тѣмъ глубже западаютъ сѣмена вѣры въ чуткое сердечко малютки, у котораго вносѣдствіи съ любовью преподавая вѣра окрѣпнеть и умножится. Какъ жена — женщина научить мужа въ минуты жизненныхъ невзгодъ перенести съ кротостью и терпѣніемъ удары судьбы и надѣяться на милость Отца Небеснаго; а въ минуты счастья и отрады она вмѣстѣ съ мужемъ поблагодаритъ въ горячей молитвѣ Вседоблагого Творца. Въ трудныя годы гоненій за вѣру, женщина нерѣдко своимъ примѣромъ поддерживаетъ слабыхъ и смущаетъ гордыхъ. Она съ настойчивостью и упорствомъ хранитъ въ себѣ свою вѣру и на зло противникамъ ученія распространяетъ свѣтъ его. Одною изъ выдающихся проповѣдницъ, понесшей страданія и смерть за свои убѣжденія, была Анна Энско (Aynscough), жившая въ царствованіе Генриха VIII Англійскаго, въ началѣ XVI вѣка. Въ эту пору въ Англію стало проникать Лютерово ученіе, встрѣтившее прежде всего яраго противника въ лицѣ самого короля, который написалъ сочиненіе противъ него.

Анна Энско, увлеченная этимъ новымъ ученіемъ, принялась усердно распространять тезисы Лютера. Схватенная и посаженная въ тюрьму, она, послѣ продолжительныхъ истязаній, была сожжена; вмѣстѣ съ нею были казнены и ближайшіе ея сподвижники: пасторъ Николасъ Вельманъ, придворный Джонъ Лафелсъкъ и портной Джонъ Адамсъ. Одну изъ проповѣдей Анны Энско представилъ на своей картинѣ фламандскій живописецъ Виллемъ Геетсъ, гдѣ вдохновенную проповѣдницу окружаютъ большая толпа слушателей, на лицахъ которыхъ можно прочесть различныя впечатлѣнія тайной проповѣди. Какъ видно, на убогий и непривѣтливый чердакъ собрались, не стѣсняясь различіемъ званія, и простолюдины, и придворные, и монахи, чтобы послушать краснорѣчивую проповѣдницу. У входа на лѣстницѣ сидитъ дѣвушка, на сторожѣ, прислушиваясь, не идетъ-ли кто посторонній.

Материнская гордость. (Рис. на стр. 257).

У Юлія Адама, прозваннаго Рафаэлемъ кошекъ, нѣтъ плохихъ и неинтересныхъ картинокъ. Любое изъ его произведеній, хотя въ нихъ встрѣчаются кошки, и только кошки, невольно привлекаетъ къ себѣ и заставляетъ залюбоваться тѣмъ искусствомъ, съ какимъ художникъ передаетъ этихъ граціозныхъ и лукавыхъ животныхъ. На нашей гравюрѣ — старая корзина подъ деревомъ, и въ ней кошка съ тремя котятками. Но какъ прелестны эти шаловливые зѣрки около своей матери, въ глазахъ которой ясно свѣтится гордость своимъ потомствомъ.

Благодѣль:
Вѣра, Любовь, Надежда. Библиотека "Руниверс"
Съ карт. Пюкгорстѣ, грав. Шанпьерѣ.

Академикъ Ю. К. Траппъ. (Портр. на стр. 264).

24 февраля сего года праздновалось пятидесятилетіе учено-учебной и служебной дѣятельности академика и заслуженнаго профессора, магистра фармаціи, совѣщательнаго члена медицинскаго совѣта Министерства Внутреннихъ дѣлъ, непремѣннаго члена Военно-медицинскаго ученаго комитета, тайнаго совѣтника Юлія Карловича Траппа.

Ю. К. родился въ г. Маріампольш, Суважской губерніи, 8 сентября 1814 г. въ семьѣ аптекаря, и получилъ первоначальное образованіе въ Тильзитской гимназіи. Окончивъ курсъ гимназіи, онъ посвятилъ себя фармацевтической дѣятельности. Съ этой дѣлью онъ прошелъ курсы фармаціи въ Варшавскомъ врачебномъ управленіи и затѣмъ поступилъ въ Императорскую медико-хирургическую академію, гдѣ и окончилъ съ отличіемъ курсъ со степенью провизора 1-го отдѣленія. 24 февраля 1843 г. Ю. К. опредѣлился на службу въ Медико-хирургическую академію, въ качествѣ лаборанта химіи. По прошествіи пяти лѣтъ, онъ получилъ степенъ магистра фармаціи и назначенъ исправлять должность адъюнкты-профессора фармаціи и химіи, въ каковой должности и былъ утвержденъ въ слѣдующемъ году. Въ 1856 г. Ю. К. уже получилъ званіе ординарнаго профессора фармаціи, фармацевтической химіи и фармакогнозіи. Предметы эти, несмотря на свою нѣкоторую сухость, въ талантливомъ и живомъ пажоженіи Ю. К. интересовали и привлекали не только обязательныхъ, но и многихъ необязательныхъ слушателей. Выдающаяся его педагогическая дѣятельность была увѣнчана въ 1868 г. почетнымъ званіемъ академика и въ 1873 г. — заслуженнаго профессора. Педагогическое поприще Ю. К. оставилъ въ 1877 г. и въ томъ же году былъ избранъ непремѣннымъ членомъ военно-медицинскаго комитета. Съ 14 іюня 1858 г. онъ состоитъ совѣщательнымъ членомъ медицинскаго совѣта.

Ученые труды Ю. К. Траппа, выдающіеся по своей научности, пажѣтны и высоко цѣнятся не только у насъ, въ Россіи, но и въ Западной Европѣ. Своими работами по анализу ядовъ онъ приобрѣлъ себѣ почетное и слабое имя во всемъ научномъ мѣрѣ. За всѣ свои многочисленные (до двадцати) труды Ю. К. былъ удостоиваеми многократно награжденъ въ почетные члены болѣе, чѣмъ двадцатью русскими и 6 иностранныхъ ученыхъ обществами. Кенигсбергскій университетъ призналъ Ю. К. докторомъ естественныхъ наукъ. Въ теченіе своей полулѣтней учено-служебной дѣятельности онъ былъ награждаеми многими знаками отличія до ордена Св. Александра Невскаго включительно.

Профессоръ музыки Ѳ. Ѳ. Штейнъ. (Портр. на стр. 264).

Наша консерваторія понесла большую утрату: 24 февраля умеръ одинъ изъ старѣйшихъ и заслуженнѣйшихъ профессоровъ ея, Ѳедоръ Осдоровичъ Штейнъ, состоявшій слишкомъ двадцать лѣтъ сначала преподавателемъ, а потомъ и профессоромъ первой степеніи по классу фортепьяно. Ѳ. Ѳ. Штейнъ умеръ на 74 году жизни и большую половину ея провелъ въ Россіи, куда онъ впервые прибылъ въ 1836 г. Исключая рѣдкія поѣздки за границу, гдѣ онъ концертировалъ въ разныхъ городахъ Европы, покойный все время жилъ въ Россіи, проявляя свою художественную дѣятельность на поприщѣ виртуозномъ и, главнымъ образомъ, педагогическомъ. Онъ преподавалъ не только въ консерваторіи, гдѣ его классъ считался первымъ, но и въ Смольномъ институтѣ и въ Ивановскомъ дѣвичьемъ училищѣ, гдѣ онъ въ теченіе одиннадцати лѣтъ былъ инспекторомъ музыкальныхъ классовъ.

Покойный Штейнъ родился въ Альтопѣ, около Гамбурга, въ 1819 г.; отецъ его состоялъ органистомъ въ мѣстной церкви. Замѣтивъ въ мальчикѣ рѣдкія музыкальныя способности, отецъ сталъ заниматься съ нимъ на роялѣ. Восемь лѣтъ Штейнъ уже путешествовалъ по Европѣ съ отцомъ, давалъ концерты въ Лейпцигѣ, Дрезденѣ, Берлинѣ, Гамбургѣ и другихъ городахъ и приводилъ въ восторгъ своихъ слушателей. О немъ, какъ объ особенно даровитомъ мальчикѣ, писалъ самъ Шуманъ въ своей „Neue Zeitschrift für Musik“, гдѣ онъ, преимущественно, отмѣчалъ въ немъ импровизаторскій талантъ. Закончилъ Штейнъ свое музыкальное образованіе у пажѣтнаго органиста Вейса въ тридцатыхъ годахъ въ Копенгагенѣ, у котораго онъ

учился на средства Датскаго короля Фридриха VI; онъ неоднократно бывалъ приглашаеми ко двору на дѣтскія игры, устраивавшіяся ея королевскими высочествомъ принцессою Каролиной (впослѣдствіи королева).

Въ 1836 году Ѳ. Ѳ. Штейнъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ сразу обратилъ на себя вниманіе тогдашняго музыкальнаго міра, какъ виртуозъ и импровизаторъ; но климатъ не позволилъ ему тогда остаться въ Петербургѣ; тяжелая болѣзнь заставила его переселиться въ Ревель. Здѣсь онъ организовалъ общество камерной музыки, въ вечерахъ котораго онъ принималъ самое дѣятельное участіе; кромѣ того, онъ здѣсь основалъ свои фортепьянные классы. Между 1846 и 1847 гг. онъ жилъ въ Стокгольмѣ, гдѣ также продолжалъ свою артистическую дѣятельность рядомъ съ педагогической. Въ 1855 г. онъ концертировалъ то въ Парижѣ, то въ Гамбургѣ; годъ одинъ онъ жилъ въ Гельсінгфорсѣ, гдѣ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовью, какъ артистъ и прекрасный человѣкъ; затѣмъ съ 1872 г. былъ приглашенъ профессоромъ нашей консерваторіи, и съ этого времени безвыѣздно находился въ Петербургѣ.

Въ продолженіе своей, слишкомъ двадцатилѣтней педагогической дѣятельности, Ѳ. Ѳ. Штейнъ выпустилъ цѣлый рядъ выдающихся артистовъ, изъ которыхъ многие пользуются прекраснымъ реноме въ нашемъ музыкальномъ мѣрѣ; таковы, напр., г. Дубасовъ, получившій премію на международномъ конкурсѣ, устроенномъ у насъ А. Г. Рубинштейномъ, г. Блаженфельдъ, состоявшій въ настоящее время старшимъ преподавателемъ въ консерваторіи; пианисты гг. Николаевъ (получилъ при окончаніи курса въ видѣ преміи рояль), Листовицкій, Штейнъ, Миклашевскій, или г-жи Шмеманъ, Махарина и др. Покойный имѣлъ право считать своихъ учениковъ и ученицъ въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ онъ давалъ уроки, сочинялъ. Штейнъ за послѣднее время ужъ рѣдко выступалъ, въ качествѣ солиста, но игра его всегда отличалась замѣчательною чистотой, мягкостью, тонкостью фразировки. Особенно хорошо игралъ онъ сочиненія классиковъ: Баха, Генделя, Скарлатти, Бетховена, Моцарта и др. Слышавшіе его, какъ импровизатора, отзываются съ восторгомъ и объ этой сторонѣ дарованія покойнаго профессора нашей консерваторіи.

Насколько онъ пользовался любовью своихъ учениковъ и уваженіемъ товарищей по консерваторіи и, вообще, по искусству, можно было судить по напихидѣ; квартира его до того была переполнена почитателями, что многимъ пришлось стоять на лѣстницѣ и на улицѣ; весь нашъ музыкальный мѣръ былъ тутъ налицо. На похоронахъ было народу еще болѣе; между прочими можно было замѣтить члена Государственнаго Совѣта, сенатора Н. И. Стояновскаго, начальника Юридической академіи генералъ-лейтенанта Бобровскаго и многихъ другихъ, занимающихъ важныя посты, кромѣ представителей артистическаго міра. Пасторъ французской реформатской церкви, г. Кротгъ, сказалъ надъ прахомъ покойнаго прекрасное слово, въ которомъ охарактеризовалъ почтенную дѣятельность усюннаго труженика на пользу искусства, упомянувъ при этомъ о Штейнѣ, какъ о человѣкѣ замѣчательно гуманномъ, отзывчивомъ и очень добромъ. „Почившій оставилъ, закончилъ проповѣдникъ, — свѣтлое, ничѣмъ незапамятное имя работника, артиста и человѣка; вся его жизнь можетъ служить примѣромъ, какъ должно работать человѣку, желающему принести пользу обществу, и какъ должно относиться къ своимъ обязанностямъ“.

Масса вѣнковъ была возложена на печальную колесницу; тутъ были вѣнки: „отъ дирекціи Петербурскаго Русскаго музыкальнаго общества“, „отъ Московскаго отдѣленія Русскаго музыкальнаго общества“, „отъ товарищей по Петербургской консерваторіи“, „отъ благодарныхъ ученицъ Ивановской дѣвичьей школы“, „отъ Петербургской музыкальной школы“, „отъ учащихся въ консерваторіи“ и цѣлая масса вѣнковъ съ лентами отъ частныхъ его учениковъ и ученицъ. Въ день похоронъ Ѳ. Ѳ. Штейна занятій въ консерваторіи не было. Всѣ, знавшіе покойнаго, сохраняютъ о немъ самыя лучшія воспоминанія, какъ о человѣкѣ рѣдкой доброты, какъ о замѣчательномъ педагогѣ, образовавшемъ цѣлую плеяду талантливыхъ пианистовъ, и какъ о выдающемся виртуозѣ.

В. Басинъ.

Политическое обозрѣніе.

Дѣло о подкупахъ панамскаго компаніею производить удручающее впечатлѣніе.

Изъ лицъ, получившихъ деньги отъ Панамы и пажѣ судимыхъ, бывший министръ Банго сознался, что взыскъ взятку въ 375,000 франковъ. Другіе подсудимые, Бераль, Дюг-де-ля-Фонкнери, Роброль, Друсть не отрицаютъ того, что они получали деньги отъ Панамскаго общества, но объясняютъ эти посылки не въ смыслѣ взятки. Шарль Лессенсъ въ своихъ показаніяхъ старался разъяснить хищеніе панамскихъ денегъ, при чемъ оказались замѣшанными въ этомъ дѣлѣ Флокъ, Клемансо, Ранкъ и даже Фрейсина. Не малое впечатлѣніе произвело показаніе жены одного изъ обвиняемыхъ и администра-

торовъ злополучнаго общества, Коттю. Она говорила на судѣ, что начальникъ сыскной полиціи, Суанури, пригласилъ ее къ себѣ, стараясь отъ нея получить показанія противъ депутатовъ правды. Эти дѣйствія Суанури, которыя, впрочемъ, были опровергнуты, заставили выйти въ отставку министра юстиціи Буржуа, и, вообще, панамское дѣло вызвало не мало запросовъ и едва не послужило причиной министерскаго кризиса, если бы палата, болѣшинствомъ 297 голосовъ противъ 228, не вотпировала принятую правительствомъ формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ: „Палата, принявъ рѣшеніе предоставить правосудію дальнѣйшій ходъ дѣла, одобряетъ завѣщенія правительства и переходитъ къ очереднымъ дѣламъ“.

Это заседание палаты 2 марта, продолжавшееся до 8½ час., было особенно оживленным. Кризис удалось предотвратить, несмотря на горячие нападки правой и булалжистов. Буржуа много аплодировали; Рибо постоянно прерывали; Кавеньяк пытался повторить свою первую речь, но, оставленный центром, он сматился и скопировать свое предложение; словом, республиканское единение еще раз восторжествовало.

В Берлине 24-го февраля рейхстаг окончил второе чтение бюджета морского ведомства. Все кредиты, испрашивавшиеся на постройку новых судов, вычеркнуты рейхстагом, согласно предложению, сделанному на этот счет парламентом комиссии.

Через два дня военная комиссия рейхстага отклонила подавляющим большинством голосом второй параграф военного закона, т. е. ту часть его, которая касается сформирования пехоты, полевой артиллерии и обоза; остальная часть параграфа отклонена была точно также. Затем отвергнут был и параграф первый, относящийся к численности армии по штатам мирного времени.

Вслед за ванадками на русско-германское торговое соглашение, стали раздаваться голоса в пользу него. Так, за договор высказались Мюнхенская, Кассельская, Кенигсбергская и Билефельдская торговые палаты.

Из Бухареста телеграфируют: „Во время рвениях препий в палатѣ депутатов о церковной политикѣ, депутатъ Асбогъ

утверждать, что Тисса въ свое время просилъ дипломатическимъ путемъ налу, чтобы онъ предписалъ католическому духовенству Венгрии поддерживать его. Тисса, министерство, и, дѣйствительно, тогдашніе парламентскіе выборы дали Тиссе крупное большинство. Коломанъ Тисса съ негодованіемъ опровергалъ обвиненія, но убѣдительныхъ противъ нихъ доказательствъ привести не могъ.

Извѣстіе, будто султанъ отвѣтилъ на письмо принца Фердинанда съ извѣщеніемъ объ его помолвѣхъ — невярно. Султанъ, несмотря на обращенныя къ нему просьбы, отказался отвѣчать.

Въ Вѣнѣ появилась небольшая брошюра, подъ заглавіемъ: „Кое-какія критическія замѣтки на издачныя въ Софіи тайныя документы“. Въ брошюрѣ приводятся нѣсколько ошибочныхъ историческихъ датъ, что и подтверждаетъ подложность документовъ. Между прочимъ, въ сборникѣ напечатано письмо г. Зиновьева къ русскому консулу въ Рущукѣ, отъ 20 февраля 1884 г., гдѣ о графѣ Шуваловѣ говорится, какъ о послѣ при берлинскомъ дворѣ, тогда какъ графъ былъ назначенъ на этотъ постъ лишь въ апрѣлѣ 1885 года. Затемъ встрѣчается письмо г. Зиновьева къ г. Хитрово отъ 2-го мая (ст. ст.) 1888 г., въ которомъ сообщается, что русскій посолъ въ Берлинѣ извѣстилъ статсъ-секретаря Гирса о рѣшеніи императора Вильгельма II пріѣхать въ Россію, а извѣстно, что императоръ Фридрихъ III скончался 15 июня 1888 г. По этимъ ошибкамъ можно судить о стряпнѣ Якобсона.

Разныя извѣстія.

— 1 марта, въ день кончины въ Бозѣ почивающаго императора Александра II, Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица и Ихъ Императорскія Высочества Паслѣдникъ Цесаревичъ, Великія Княгиня, Великая Княжна и Великіе Князья слушали заупокойную литургію въ Петропавловскомъ соборѣ.

— 2 марта, въ день празднованія восшествия на Всероссийскій Престолъ Его Императорскаго Величества, въ Псаакіевскомъ соборѣ, послѣ Божественной литургіи, было совершенно благодарственное молебствіе. Въ соборѣ присутствовали на богослуженіи Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья.

— 3 марта Ихъ Императорскія Высочества посѣтили помѣщающуюся въ залахъ Императорскаго общества ноощренія художествъ выставку картинъ общества русскихъ акварелистовъ.

— 2 марта, въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, послѣдовало открытіе новаго управленія промышленными училищами, въ

которомъ вѣдуются всѣ дѣла, касающіяся хозяйственно-административной, учебной и воспитательной части высшихъ, среднихъ, низшихъ техническихъ и ремесленныхъ училищъ и мореходныхъ классовъ.

— 1 марта отбыли по Варшавской желѣзной дорогѣ ихъ высочества герцогъ Іоганнъ-Альбертъ Мекленбургъ-Шверинскій съ супругою герцогинею Елисаветою.

— Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* опубликовано Высочайше утвержденное 24 февраля с. г. положеніе о комитетѣ Сибирской желѣзной дороги.

— Въ № 27 *Собранія узаконеній и распоряженій Правительства*, 27 февраля 1893 года, напечатано Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта объ измѣненіи постановленій устава о воинской повинности, касающихся призывного возраста новобранцевъ, времени ихъ призыва и разверстки призываемыхъ.

— Распоряженіемъ министра Внутреннихъ Дѣлъ по почтовой части отъ 12 февраля

сего года разрѣшено выдавать заказныя отправления, денежные и цѣнные пакеты и посылки по предъявленіи новѣстокъ, на которыхъ личность получателей, неизвестныхъ учрежденію почтово-телеграфнаго ведомства, засвидѣтельствована не исключительно полиціей или начальствомъ лицъ, служащихъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ, какъ требовалось до сего времени, но и нотаріусомъ, мировымъ судьей, земскимъ начальникомъ, волостнымъ правленіемъ и прочими правительственными или общественными учрежденіями и должностными лицами, съ приложеніемъ присвоенной имъ по закону печати не только сургучной, какъ было до сихъ поръ, но и мастичной.

— Въ засѣданіи Императорскаго вольно-экономическаго общества, 25 февраля, золотая медаль имени А. О. Погосскаго единогласно присуждена г. Мамину-Сибиряку за представленный имъ въ комитетъ грамотности беллетристическій рассказъ „Зимовье на Студеной“.

Искусство.

Японская выставка въ Парижѣ.

Несмотря на значительный интересъ къ японскому искусству въ Европѣ, до сихъ поръ не было еще ни одной японской выставки, и только на-дняхъ такая выставка открылась въ Парижѣ (въ залѣ галлерей Дюронъ-Рюэля), благодаря инициативѣ и дѣятельности г. Бинга,—одного изъ восторженныхъ поклонниковъ японцевъ.

На выставкѣ этой экспонированы только произведенія астамной живописи, да и то не въ ея цѣлости и историческомъ развитіи, а лишь двухъ японскихъ художниковъ—Утамару (1754—1806) и Гирошигэ (1797—1858). Но несмотря на эту крайнюю неполноту, едва-ли дающую хотя-бы слабое представленіе объ японскомъ искусствѣ, выставка имѣетъ значительный не только специально-художественный интересъ, но и общій.

Утамаро — жанристъ, отчасти, въ стилѣ французскаго жанра XVIII вѣка, нѣчто въ родѣ японскаго Грѣза, только значительно болѣе разнообразный. Онъ восторженный поклонникъ женщины и посвятилъ себя почти исключительно ея изображенію. Въ его цѣлѣныхъ эстампахъ поразительнѣе всего глубокое пониманіе женской граціи, элегантности, въ которой существенную роль играетъ богатство и красота матеріи, гармонія драпировокъ, красота фигуры. Это,—если можно такъ выразиться,—необыкновенно талантливое примѣненіе законовъ декоративнаго искусства къ формамъ человѣческаго тѣла.

Въ то время, какъ Утамаро — почти исключительно жанристъ, Гирошигэ можно назвать, по преимуществу, пейзажистомъ. По оба художника такъ разнообразны, что всѣ подобныя рубрики и классификаціи къ нимъ мало примѣнимы. У Гирошигэ, напримѣръ, пейзажъ преобладаетъ, но во всѣхъ его пейзажахъ всегда видны фигуры,—иногда цѣлыми массами; хотя эти фигуры крошечны, — по въ нихъ такъ много художественной правды, онѣ такъ типичны, что перестаютъ быть аксессуаромъ пейзажа и выступаютъ на первый планъ. Въ его цѣлѣныхъ эстампахъ мы то и дѣло встрѣчае-

мъ съ людьми всевозможныхъ сословій, богатыхъ и бѣдныхъ, красивыхъ и уродливыхъ, и у каждаго изъ нихъ онъ отличаетъ опредѣленную индивидуальность и характеръ. Художникъ показываетъ намъ ихъ на улицахъ Іеддо, передъ блестяще освѣщенными театрами, въ баркахъ на рѣкѣ или въ морѣ, по пустыннымъ дорогамъ. Въ особенности, Гирошигэ замѣчательнъ въ сценахъ, гдѣ на первый планъ выступаютъ массы, толпа; во временахъ, въ его эстампахъ въ видѣе сотни, тысячъ различныхъ фигуръ, но детали сохранены съ поразительной точностью, безъ малѣйшаго ущерба общей гармоніи и цѣлому.

В. Ч.

Боккерини.

Въ прошломъ мѣсяцѣ исполнилось сто — нѣтьдесять лѣтъ со дня рожденія Луиджи Боккерини, одного изъ первыхъ виолончелистовъ своего времени и автора цѣлой литературы квартетной и камерной музыки.

Достаточно сказать, что Боккерини написалъ 43 тріо, 91 квартетъ, 112 квинтетовъ и много другихъ сочиненій для смычковыхъ инструментовъ, чтобы убѣдиться, прежде всего, въ плодovitости этого музыкальнаго писателя; плодovitость, по словамъ Шумана, первый признакъ таланта, — и все же ему пришлось, какъ Моцарту и Шуберту внослѣдствіи, испытать нужду, голодъ и холодъ, и въ концѣ концовъ, даже не пользоваться той извѣстностью у современниковъ, какой онъ, во всякомъ случаѣ, заслуживалъ, и какъ передовой человѣкъ своего времени, и какъ представитель искусства. На Боккерини смотрѣли, какъ на человѣка, способнаго забавлять музыкой; музыканты въ то время составляли принадлежность знатныхъ дворовъ и стояли на одномъ уровнѣ съ поварами, лакеями, шутами и прочей челядью, необходимой для вишняго блеска. Паятъ герой занимать, по тогдашнимъ понятіямъ, наименѣе выгодное мѣсто, — онъ служилъ при дворѣ испанскаго короля Карла IV и пользовался милостью даже королевы.

Несмотря на итальянскую свою фамилію, онъ почти весь вѣкъ

свой проведъ въ Мадридѣ, а жилъ онъ съ 1743 г. по 1805 годъ. Такимъ образомъ, Боккерини является современникомъ Гайдну, Моцарту и Бетховену, хотя онъ о нихъ не зналъ, какъ и они объ его существованіи. Тогда не было еще никакихъ музыкальных собраний, гдѣ исполнялись бы произведенія разныхъ композиторовъ; пути сообщенія находились въ первобытномъ состояніи, разъѣзжающихъ артистовъ и профессиональных концертантовъ не было; такъ, Гендель попалъ въ Лондонъ и весь вѣкъ свой прожилъ тамъ; такимъ же образомъ и Боккерини, попавъ въ Мадридъ и обративъ на себя вниманіе своей чудной игрой на виолончели и въ качествѣ композитора, способнаго доставить удовольствіе своей музыкой въ минуты пріятнаго отдыха сильныхъ міра, остался здѣсь до конца жизни, несмотря на то, что послѣднія далеко не была сладка; судьба была довольно-таки жестока къ нему.

Достаточно привести слѣдующій характерный фактъ изъ его жизни, чтобы составить себѣ понятіе о ней и о тѣхъ правахъ, которые господствовали въ высшихъ слояхъ тогдашняго общества. Король Карлъ IV самъ любилъ музицировать и игралъ на скрипкѣ. Извѣстно, что онъ отличался рѣдкой физической силой. Разъ какъ-то разыгрывался новый квартетъ Боккерини, при чемъ король игралъ первую скрипку, а авторъ—виолончельную партію; король нѣсколько разъ ужъ высказался, что партія его слишкомъ трудна; дрожащій авторъ молчитъ, не смѣя возразить ни слова; наконецъ, король вскричалъ: „Какая отвратительная музыка! Самый дурной ученикъ можетъ лучше писать!“ Оскорбленный композиторъ не вытерпѣлъ и выскочилъ замѣтить: „Чтобы судить объ этомъ, надо, по меньшей мѣрѣ, быть музыкантомъ“. Вскочивъ въ бѣшенствѣ, король схватываетъ несчастнаго автора за воротъ и тащитъ къ окну, чтобы выпихнуть его на улицу,—и Боккерини навѣрно попалъ бы въ жизнь, если бы не вступилась за него присутствовавшая при этомъ королева: „Во имя религіи и изъ уваженія къ вашему сану—не убивайте этого несчастнаго!“ Король ономнилъ и бросилъ его въ другой уголъ комнаты. Вотъ при какихъ условіяхъ иногда приходилось работать такимъ талантамъ, какъ Боккерини, произведенія котораго до сихъ поръ продолжаютъ увлекать публику и вызывать восторгъ музыкантовъ-спеціалистовъ.

Смѣсь.

Лошадь - воздухоплаватель. Въ знаменитомъ въ Германіи циркѣ Корти-Альтгофъ въ программу представленій входитъ теперь интересный номеръ — поднятіе лошади на воздушномъ шарѣ. Происходитъ это слѣдующимъ образомъ. Съ потолка цирка спускается прикрѣпленный особымъ образомъ сверху воздушный шаръ, къ которому привѣшена гондола. Въ гондолу, опираясь на передніи ноги, садятся выдрессированная лошадь; для большей надежности ее привязываютъ за трензеля къ краямъ гондолы. Спокойно смотря на зрителей и какъ бы ожидая поднятія шара. Нѣсколько человѣкъ, находящихся на аренѣ цирка, натягиваютъ проволочные канаты, и шаръ, мѣрно и плавно колеблясь въ воздухѣ, начинаетъ подниматься вмѣстѣ со своимъ четвероногимъ воздухоплавателемъ. Для большаго эффекта двое прикрѣпленными къ гондолѣ канатами раскачиваютъ ее еще болѣе. Животное сохраняетъ полнѣйшее спокойствіе. Въ заключеніе, къ шару, увѣшанному патронами съ бенгальскимъ огнемъ, приближаютъ шесть съ горящими фитилями. Бенгальскій огонь вспыхиваетъ и опоясываетъ весь шаръ разноцвѣтнымъ пламенемъ, ищутъ, понятно, его не ка-

саясь. Несмотря на всю свою выдрессированность, лошадь, при видѣ этого, приходитъ въ сильное волненіе, раздуваетъ ноздри, настораживаетъ уши, слеза ей принимаютъ лихорадочный блескъ, и она ждетъ — не дождется окончанія этого оригинальнаго представленія. При громкихъ рукоплесканіяхъ публики опускаютъ шаръ, но воздухоплаватель не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на эту овацію и съ радостнымъ ржаньемъ крупную рысью направляется въ свою конюшню.

Ребенокъ, оставленный въ поѣздѣ Царскосельской желѣзной дороги, прибывшемъ въ Павловскъ 28 февраля, вечеромъ, встрѣтилъ сочувствіе къ своей печальной судьбѣ въ чужихъ ему людяхъ—служащихъ Павловскаго вокзала. Дѣло произошло такимъ образомъ. Когда всѣ пассажиры уже разошлись, и кося, по заведенному обычаю, кондукторъ, передъ тѣмъ какъ перевести поѣздъ на запасный путь, сталъ обходить вагоны, вдругъ, въ одномъ изъ вагоновъ третьяго класса, онъ услышалъ какой-то пискъ... Его это страшно поразило, — онъ сталъ внимательно осматривать вагонъ. Пискъ раздался снова... Онъ пошелъ на него, и замѣтилъ въ углу вагона свертокъ, въ которомъ что-то барахталось. Оказалось, что въ немъ лежалъ двухнѣдѣльный младенецъ мужского пола, бурно проявлявшій признаки жизни и настойчиво предъявлявшій на нес свои человѣческія права... Растерявшійся кондукторъ препроводилъ свою находку въ контору вокзала. Тамъ приняли въ ребенка серьезное участіе. Первымъ деломъ его напоили молокомъ, а затѣмъ

сдали на ночь въ мѣстную больницу. Служащіе въ Павловскомъ вокзалѣ выразили желаніе воспитать ребенка на общій счетъ и возмѣстить ему своими заботами и попеченіями хотя бы нѣсколько то, чего онъ былъ такъ безжалостно лишень брошенными его на произволъ судьбы родителями, и наименовали его „сыномъ Павловскаго вокзала“.

Сѣверное сіяніе необычайной силы наблюдалось въ Архангельскѣ 23-го февраля сего года. Оно началось въ 7 часовъ 35 минутъ вечера при слабомъ южномъ вѣтрѣ и при температурѣ—12° Ц., появившись въ сѣверо-восточной четверти горизонта, въ видѣ двухъ дугъ, изъ которыхъ первая, въ самой верхней части, поднималась на 12 градусовъ выше горизонта, вторая — на 35 градусовъ; между этими дугообразными блѣдыми, фосфоресцировавшими полосами вскорѣ стали появляться отдѣльные лучи. Эти лучи, сначала рѣдкіе, дѣлались чаще, загорались сильнѣе и сильнѣе, выше поднимались къ зениту, и затѣмъ какъ бы выстрѣливали, быстро двигаясь за зенитъ, и обратно. Затѣмъ картина сразу перемѣнилась, получилось зрѣлище, невиданное не только здѣсь, въ Архангельскѣ, но и на Нордкапѣ, и въ Гаммерфестѣ, и въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ, и у Карскаго моря.

Появились блѣдныя, чаще яркорозовыя языки, какъ бы огненные, со всѣхъ сторонъ небосклона, вспыхивавшіе и быстро, волнообразно, поднимавшіеся отъ горизонта къ зениту, словно подъ земною поверхностью былъ разложенъ исполинскій костеръ, и пламя, вырываясь изъ-за краевъ горизонта, окружало со всѣхъ сторонъ землю. Ночь была безоблачная, лунная, но сила сѣвернаго сіянія

затмевала, по временамъ, даже сіяніе луны, которая въ такія мгновенія казалась блѣднымъ дискомъ. На другой день сіяніе повторилось и продолжалось до часа ночи 24-го февраля, когда появилось новое явленіе, тоже крайне рѣдкое въ этихъ мѣстахъ, видѣнное только разъ въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ, и то въ несравненно слабѣйшей формѣ. Сѣверное сіяніе появилось только въ

Анадеминъ Ю. Н. Траппъ (по поводу пятидесятилѣтія ученой дѣятельности). По фот. грав. Шюблеръ.

Профессоръ музыки В. В. Штейнъ († 24 февраля 1893 г.). По фот. грав. Шюблеръ.

зенитъ въ видѣ пснолинской буквы **Е**, обращенной однимъ концомъ на сѣверо-западъ, другимъ—на востокъ, и изъ згой буквы полились лучи и полосы свѣта. Полосы эти и лучи отличались сильнымъ блескомъ, но были слабо окрашены, рѣдко слегка розоваты, болѣе же желтоваты, а въ зенитъ имѣли ржавчато-коричневый цвѣтъ. Явленіе продолжалось до 2-хъ часовъ ночи.

Состязаніе въ ѣздѣ. По случаю всемірной выставки въ Чикаго,

тамъ состоится состязаніе въ ѣздѣ верхомъ на дистанцію 1,400 англійскихъ миль (2,100 верстъ). Участниками этого состязанія будутъ пастухи изъ Небраски и Дакоты, въ числѣ трехсотъ человѣкъ. Состязаніе начнется изъ Дидвуда, города въ южной Дакотѣ, а окончится у дворца штата Небраски, на выставкѣ въ Чикаго. Призы назначены на сумму въ 1,500 долларовъ; кромѣ того, будетъ выдана золотая медаль. Начало состязанія назначено на 15-е мая. (х.)

2 внутр. съ выигр. заемъ 1866 г.

54 тиражъ 1-го марта 1893 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
52	1	500	2728	46	500	4766	29	8000	7650	19	1000	9911	1	500	12562	23	500
10	48	500	2742	40	500	4799	34	500	7745	10	500	9960	21	500	12614	27	500
410	44	500	2768	15	500	4815	50	500	7750	38	500	10156	18	50	12630	29	500
427	5	500	2842	43	500	4818	43	500	7792	18	500	10239	25	500	12637	21	500
536	35	500	3004	16	500	4988	23	500	7798	16	500	10261	40	500	12661	1	1000
717	39	500	3022	12	500	5066	84	5000	7896	30	500	10403	13	1000	12689	14	500
764	19	500	3034	14	500	5178	46	500	7939	7	10000	10483	42	500	12703	50	500
817	24	500	3096	5	500	5185	2	500	7946	37	500	10820	47	1000	12724	33	500
944	34	500	3134	13	500	5241	32	500	8060	25	5000	10845	27	5000	12761	45	500
1148	8	500	3262	46	500	5386	34	500	8142	15	1000	10950	26	500	12806	41	500
1219	48	5000	3276	43	500	5667	1	500	8153	35	500	11041	37	500	13033	49	500
1245	32	500	3305	21	500	5797	39	500	8235	40	500	11133	30	500	13052	21	500
1311	35	500	3313	27	500	5810	41	500	8301	18	500	11256	49	500	13064	9	500
1354	13	500	3381	34	500	5983	12	500	8325	23	500	11273	26	500	13089	3	500
1357	21	500	3527	7	500	6096	40	500	8532	31	500	11576	25	500	13158	34	500
1535	16	500	3542	22	500	6132	10	500	8546	8	500	11587	38	500	13188	19	500
1558	21	500	3632	7	500	6152	4	500	8748	48	500	11595	8	1000	13205	13	500
1591	16	500	3723	16	1000	6371	25	500	8755	6	500	11601	23	500	13270	41	500
1704	35	500	3747	6	500	6477	32	500	8756	31	500	11635	17	500	13294	1	500
1734	35	500	3768	10	500	6399	1	500	8766	19	500	11648	6	500	13316	43	40000
1748	37	500	4059	22	500	6623	1	500	8771	7	500	11657	33	500	13396	41	500
1764	13	500	4065	17	500	6685	8	500	8778	8	500	11742	45	500	13543	6	500
1774	23	500	4111	11	500	6761	48	500	8790	49	500	11748	40	1000	13634	15	500
1894	22	500	4121	32	500	6762	18	500	8809	22	500	11758	41	500	13704	27	8000
1973	44	500	4186	48	8000	6788	15	500	8897	15	500	11803	8	500	13743	2	500
2022	35	500	4194	18	500	6791	31	500	8953	19	1000	11932	37	500	13759	28	10000
2031	25	5000	4309	48	500	6802	12	500	8964	38	500	12061	4	500	13764	28	500
2063	49	500	4413	38	500	6827	15	500	9032	26	500	12090	41	500	13772	29	500
2124	12	500	4531	7	500	6838	40	500	9092	11	500	12111	46	500	13816	44	500
2185	6	500	4551	48	500	6992	16	500	9093	27	500	12194	15	1000	13836	8	500
2202	41	500	4588	16	500	7002	28	500	9166	37	500	12199	10	1000	13887	43	500
2365	32	500	4603	9	500	7033	33	500	923	3	21	12216	35	500	13901	41	500
2421	25	500	4614	48	500	7225	15	500	9293	9	5000	12253	12	500	13957	14	500
2434	10	1000	4642	20	500	7404	2	500	9536	48	500	12325	31	10000	14037	8	500
2568	35	500	4664	11	500	7412	22	500	9575	37	500	12329	9	500	14082	16	1000
2659	20	500	4690	47	500	7419	35	500	9678	45	500	12409	12	500	14161	41	500
2714	23	800	4741	41	500	7444	2	500	9840	12	500	12532	38	500	14179	28	500
2715	13	500	4758	40	500	7524	36	500	9859	21	500						

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашенія:

137, 373, 468, 611, 649, 1524, 1553, 2057, 2189, 2490, 2498, 2532, 2737, 3037, 3289, 3333, 3514, 3536, 3567, 3785, 3842, 4349, 4951, 4976, 5063, 5251, 5273, 5487, 6411, 6788, 6896, 6973, 7256, 7875, 7879, 7895, 8123, 8176, 8187, 8307, 8497, 8523, 8543, 8952, 9290, 9477, 9602, 9816, 9905, 10544, 10562, 10625, 11301, 11464, 11788, 11826, 11833, 12023, 12049, 12096, 12321, 12368, 12726, 12840, 12982, 13005, 13107, 13470, 13511, 13530, 14143, 14210, 14391, 14504, 14747, 15064, 15187, 15415, 15689, 15745, 15815, 16055, 16413, 16585, 16686, 16695, 16718, 16977, 17359, 18062, 18088, 18331, 18352, 18383, 18407, 18553, 18744, 19362.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Книгиня Екатерина Романовна Дашкова (съ портр.).—Воля судьбы. Историческій романъ въ трехъ частяхъ Кн. М. Н. Волконскаго. (Продолженіе).—Незнакомка. Поля Бурне. (Переводъ съ французскаго).—Въ вѣчномъ городѣ. (По поводу пятидесятилѣтняго юбилея папы Льва XIII).—Сто лѣтъ назадъ. Присоединеніе Волыни и Подолія къ Россіи отъ Польшы. Историческая справка (съ рис.).—Женскіе клубы Нового сѣвѣ. (Корреспонденція изъ Америки В. Мань-Гарана).—Благодѣ. Анростихъ въ врозѣ (съ рис.).—Къ рисункамъ: Соколъ, бѣошій лебедь (съ рис.).—Литературный альбомъ. „Сказна о царѣ Салтантѣ“, А. С. Пушкина (съ рис.).—Тайная проповѣдь (съ рис.).—Материнская гордость (съ рис.).—Академикъ Ю. К. Траппъ (съ портр.).—Профессоръ музыки Н. В. Штейнъ (съ портр.).—Политическое обозрѣніе. —Разныя извѣстія. —Искусство. —Смѣсь. —Тиражъ выиграней въ Государственномъ Банкѣ. —О перемѣнѣ адреса. —Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Кн. М. Н. Волконскій.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ.

Ром.-хрон. XVIII в. Вс. Соловьева. СПб. 1886 г. Ц. 2 руб., съ пересылкой 2 руб. 50 коп.

ПОЧТОВЫЯ МАРКИ

100 различн. мар.—30 к., 150 р. м.—50 к., 200 р. м.—1 р., 265 р. м.—1 р. 50 к., 300 р. м.—2 р. 25 к., 500 р. м.—5 р. 1000 р. м.—20 р.—Марки на выборъ. Принимаю заказы. № 6263. Англійскій магазинъ 3—8. Р. НЕШЕЛЬ. Вознесенскій пр., 10, между Больш. и Малой Морской. С.-Петербургъ.

И. № 6302 12-1

Велосипеды англійскаго завода „Гумберъ и К°“ Лмтд. „лучше въ сѣбѣ“ предлагаетъ торговый домъ Г. ЖЕМЛИЧКА и К°. Москва, Неглинный пр., домъ Еукиной. Прейсъ-куррантъ—бесплатно.

ГУТАВЪ ЛОЗЕ БЕРЛИНЪ, Егерштрассе, 46,

рекомендуетъ какъ новѣйшее произведеніе высшаго качества и въ богатой унаковѣ парфюмерію

„BOUQUET RUSSE“.

Духи ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО Сапе.

Можно получить во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ магазинахъ, въ парикмахерскихъ и у дрогистовъ. № 5505 (23)

ЛЕВНИНГЪ и ГЮЗНИНЪ ЦАРЬ-ДѢВЦА. Вс. Соловьева. Ром.-хрон. XVII вѣка. въ 3-хъ ч. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

„ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ“

БЮГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Въ составъ ея войдутъ біографіи 200 лицъ. Каждому изъ нихъ посвящается особая книжка объемомъ отъ 80 до 100 и болѣе страницъ, снабженная портретомъ. Къ біографіи путешествіи, художниковъ и музыкантовъ прилагаются кромѣ того карты, снимки съ картинъ и ноты. Ежемѣсячно выпускается 4 книжки.

До 25 февр. 1893 г. вышли слѣдующія 100 біографіи: Андерсенъ, Аристотель, Байронъ, Бэконъ, Бѣльскій, Беранже, КАРЛА БЭРА, Боккаччо, Бомарте, Боткина, Дюроу, Бруно, Рих. Вагнера, ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ, Волкова (основателя рус. театра), Воронцовыхъ, Гвизде, Гарвея, Гарибальди, Гарины, Гегеля, Гейне, Гете, Гладстона, Глинки, Говарда, Гоголя, Григорія VII, А. Гумбольдта, Гуса, Гутенберга, Гюго, Даламбера, Данте, Дарвина, Демидовыхъ, Дефо, Джаннера, Дикенса, Достоевскаго, Кальвина, Каразина (основателя харьк. университета), Карейла, Келлера, Колумба, Конфуція, Козлова, Конерника, Крамского, Крылова, Кюве, Лауазье, Лангласа и Эйлеръ, Лермонтова, Лессинга, Линнѣя, Линкольна, Линнея, Лобова, ЛОННЪ, ЛОМОНОСОВА, ЛЯЙБЕЛЯ, Мейербергера, Микель-Анджело, Милла, Мицкевича, Моцарта, Томаса Мора, Моцарта, Никона, Новикова, Пьютона, Паскаля, ПЕ. ТАЛОУЦИ, ПИРГОВА, ПОТЕМКИНА, Пржевальскаго, Прудона, Пушкина, РАБЛЕ, Рафаэля, РИШЕЛЬЕ, Сакія-Муни (Будды), Салтыкова, Свинфа, Савванскаго, В. Скотта, Спаранскаго, Стэнли, Теккерея, Уатта, Фарадея, Фейнманна, Франклина, Цингели, Шиллера, Шопенгауэра, Шопена, ШУМАНА, Эдиссона и Морса, Джорджъ-Элиота.

Жирными заглавными буквами обозначены біографіи, вышедшія за послѣдніе мѣсяцы. Главный складъ изданія въ книж. магазинѣ П. Луковникова (Сиб. Лептуковъ пер., 2). Вышедшія книжки продаются по 25 коп. во всѣхъ книжныхъ магазинахъ безразлично.

PARIS

GRANDS MAGASINS DU

Printemps

NOUVEAUTÉS

Envoi gratis et franco

du catalogue général illustré, renfermant toutes les modes nouvelles pour la SAISON d'ÉTÉ, sur demande affranchie adressée à

MM. JULES JALUZOT & Cie
PARIS.

Sont également envoyés franco, les échantillons de tous les tissus composant nos immenses assortiments, mais bien spécifier les genres et prix.

Expéditions dans tous les Pays du Monde

Tous les renseignements nécessaires à la bonne exécution des commandes, ainsi que les conditions d'expédition, sont indiqués dans le Catalogue.

INTERPRÈTES DANS TOUTES LES LANGUES

№ 6306 3-1

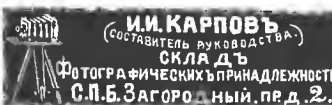
для приготовления из очищенной воды домашним способом способом разрыхления налитой воды

1. Английская горькая на 1 бут.	10 к.
2. Желудочная	10 "
3. Анисовая	10 "
4. Травяная	10 "
5. Похмельная (абсент)	15 "
6. Хмельная	15 "
7. Померанцевая	15 "
8. Ерошеня (старин.)	30 "
9. Мятная	15 "
10. Лимонная	15 "
11. Рибинская наливка	15 "
12. Вишневая наливка	15 "

Для приготовления динировъ ваннъ въ ванну по вкусу лучшей заграничной марки:

51. Бевелитинъ (Мопахоръ) за бан.	75 к.
52. Розов., бан.	75 к.
53. Чайный, бан.	75 к.
54. Мараскинь.	75 к.
55. Абрикотинъ.	75 к.
56. Шартезъ.	75 к.
57. Ванильный.	75 к.

Продажа и предств. при конторѣ аптеки и кондит. принадежн. П. Н. Виноградова, Москва, Рождественка, домъ № 2. Выписывающъ на 5 р. и больше въ Европ. Россіи, за пересылку не платятъ.

Фототехническая принадлежность С. П. Б. Загородный п. д. 2.

Фирма изобретена на европейск. выставкахъ десятью золотыми медалями и высшими знаками.

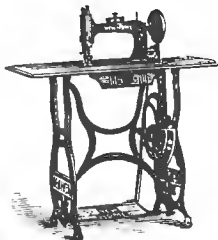
БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ.

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Для чистоты и свежести лица: лицо остается всегда чистымъ. Цѣна бочки 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подпись А. Энглундъ красными чернилами и мѣрку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли вѣсковыми товарами, Кавказская, 12, и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россійской Имперіи. — Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Бессѣевъ ул., д. № 2.

PAPIER FAYARD et BLAYN

Пластичная бумага, разрѣшенная Медицинскимъ Департаментомъ. Требуется съ этикетками Fayard et Blayn. Издается во всѣхъ лучшихъ аптекахъ. № 598 (16-13)

НЬЮ-ГОМЪ

оригинальная, американская усовершенствованная

ШВЕЙНАЯ МАШИНА

Къ „НЬЮ-ГОМЪ“, въ Оранжъ (Шт. Массачусетс, Сѣв. Америка) пользуется всемірно извѣстностью; проста, прочна, изящна; отличается: высокими рукавомъ, новымъ удобнымъ регуляторомъ для натяженія нити и проч. Работаетъ легко, быстро и безъ шума; даетъ чистую, ровную, 2-ми нитками шитую строчку; употребляетъ прямую саво-эставляющуюся (безъ мѣрки) иглу; годна для домашнего и ремесленного употребленія; шьетъ все: отъ тончайшей кисеи до толстѣйшаго сукна.

ГАРАНТИЯ 5 ЛѢТЪ.

Прейсъ-куррантъ и описаніе по требованію.

Складъ и контора „НЬЮ-ГОМЪ“, Москва, Мясницкая, д. Сытовыхъ.

Главный представитель для всей Россіи:

Высоч. утвержд. Товарищество „Работникъ“.

П. № 1248

Москва, Петербургъ, Кіевъ и Ташкентъ.

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ

СРЕДСТВО

для смягченія кожи рукъ и лица.

Цѣна 35 коп.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

П. № 6271 14 3

СТРАХОВАНІЕ ПАССАЖИРОВЪ

ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ.

В. № 6201 8-5

Страховые билеты Общества „Россія“ выдаются во всѣхъ агентствахъ Общества и также на вокзалахъ Главныхъ станцій желѣзныхъ дорогъ предъ отходомъ поѣздовъ.

Leichner's Fettmilder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.

Пудра для вечера и дня, незаменима на кожѣ! Косметическое средство для улучшенія красоты кожи! Цѣна коробки 1 рубль!

Театральная гримировка! Цѣна коробки 1 рубль!

Жирный румяна, бѣлла. Карандашъ для бровей.

Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ Бельгійскихъ Императорскихъ театровъ.

Главный складъ для всей Россіи: у В. Аурихъ, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

SINAPISME RIGOLLOT

Горчичники РИГОЛЛО или Горчичная Бумага.

ПРИНЯТЫ ВО ВСЕМЪ СВѢТѢ. — Требуется подпись изобрѣтателя Р. RIGOLLOT, отпечатанной краснымъ цѣткомъ на каждомъ листѣ и на каждой коробкѣ. № 6303 НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ. 10-1

Продается оптомъ Р. RIGOLLOT et Cie, 24, avenue Victoria, Парижъ.

„КАПРИЗЪ НЕВЫ“

„Мюсъ“ Духи „Капризъ Невы“
„Мюсъ“ Мыло „Капризъ Невы“

ПОСЛѢДНЯЯ НОВОСТЬ
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ

ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

Препараты „КАПРИЗЪ НЕВЫ“ отличаются прекрасными достоинствами и изготовлены для вы-

ставки въ ЧИКАГО. Ц. № 6381

СКЛАДЫ: С.-Петербургъ, площадь Александринскаго театра, 9. Москва, Никольская, д. Шереметева. В-ршава, Новый Свѣтъ, 37, и въ лучшихъ магазинахъ Имперіи.

PARFUMERIES

IXORA

ED. PINAUD

Savon... à l'IXORA

Essences... à l'IXORA

Huile... à l'IXORA

Poudre de Riz à l'IXORA

37, BOULEVARD de STRASBOURG

PARIS

GRAND PRIX

EXPOSITION-PARIS 1889

КАТАЛОГЪ
на 1893 г.

БЕСПЛАТНО.

АНГЛІЙСКІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ

старѣйшей фабрики

компаніи РУДЖЪ Ковентри

съ новостями на 1893 годъ.

Представители для всей Россіи

Ц. № 6299 торговый домъ

АВАЧИНЪ и ОРДОВЪ.

Москва, Мясницкая, д. Сытова.

Казачье охот. № 1 и 20 руб.
Киргизское 30 р. Черкесское 25 руб.
и 40 руб. Английское 25 и 30 руб.
Дамское замш. 35 и 40 руб.
свиной кожи 50 р. б.

СЪ ДЛА

ФАБРИКИ М. и И. МАЛЫШЕВЫХЪ

въ САРАТОВѢ.

Всѣ сѣдла съ уздечками и остальн.

полн. прнбор. Всѣ съ унпор. 30 и

40 ф. Пр.-Кур. илл. ЗАДВѢ 7к. марки.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ!

КАУЧУКОВЫЙ

МОЗОЛЬНЫЙ ПЛАСТЫРЬ

А. БЕРГГОЛЬЦА.

Продается во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ и резиновыхъ магазинахъ.

Главное депо: Невская аптека магистра А. Берггольца, Невскій проспектъ 68, въ С.-Петербургѣ. № 6262 11-2

Цѣна коробокъ 40 коп.

БИНТЫ ДЛЯ УСОВЪ

придающіе неправильно растущимъ усамъ въ 10 минутъ красивый видъ и фасонъ, вы-
сылаются за 1 р. 10 к. шт. съ наложн.

илл. жекемъ. Адресъ: въ Москву У. Пильца.

Къ Пасхѣ!

ПРАКТИЧНЫЕ ПОДАРОКЪ:

Аппаратъ для прѣ-
зентъ и обмѣтыванія

пестель 3 р. ♦ Што-
пальный выправитъ

1 р., чинитъ чулки

полотно, матерію и

пр. ♦ Всемирная ном-

инца, содержащая 6

необходимыхъ прав-

метовъ, 1 р. 50 коп.

Единств. Агентство:

СНБ. Складъ новыхъ изобрѣтений, Пет-

ербургъ, 4. Занавы исполняются немедленно.

Каталогъ (иллюстрир.) всѣхъ изобрѣт. и

подарковъ за 10 коп. марку.

ГЛАВ. СКЛАДЪ, МОСКВА

У Л. Я.

СТОЛКНУВЪ.

КРУПНИКЪ

для

УНИЧТОЖЕНІЯ

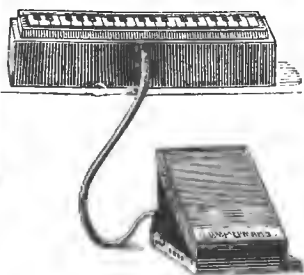
КРЫСЪ и МЫШЕЙ

ПРО ФРОНШТЕЙНЪ

ПРОДАЕТСЯ ВЪЗДѢ

по 30 и 50 к.

ФУРКАСОВС. ПЕР. Г. ОБИДИНО

НАРОДНЫЙ ГАРМОНИФЛЮТЪ.

Новѣйшій общедоступный музыкальный инструментъ, заключающій въ себѣ органы полной хроматической гаммы от 2-й до 4-хъ октавъ. Голоса приводятся въ движение вдуваніемъ воздуха на № 3950-отомъ, на № 3956 и 3958 можно играть безплатно.

3950. въ 2 октавы 5 р.
3956. „ 3 октавы, съ ножн. педалью. 17 р.
3958. „ 4 „ 23 р.
Самочителъ Маковского 1 руб. 2 тетради нотъ его же по 1 руб. Иллюстрированный прейсъ-курантъ въсѣхъ инструментовъ безплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо
музыкальных инструментовъ и нотъ:
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнец. мостъ, д. Захарьина.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ (2)
Специалистъ хронометровъ.
СПбурѣ. Невскій пр. № 52
прот. Им. Публ. Библиотеки.
Подробный иллюстр. прейсъ-курантъ по востреб. безплатно.
Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 6263

КРАСИВО ПИСАТЬ
изучается асскій заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ
у **ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФИИ**
А. КОССОДО.
Методъ преподаванія на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ 30-лѣтней медали.
За 2 семиконечныя марки высылаются пробное письмо и условія. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

ЭЛЕОПАТЬ

Пр. КИНУНЕНЪ
ДЛЯ ВОЛОСЪ.
ЭЛЕОПАТЬ Кинуненъ находится для продажи во всѣхъ больш. аптекахъ и космет. магазинахъ. Цѣна фла. содерж. 120 грамъ 1 р. 50 н. безъ перес.
№ 6260 (2)

Провизоръ Кинуненъ.
Просьба обращать вниманіе на нлеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона. Провизоръ Кинуненъ.
Главный складъ: Демидовъ пер., № 1.

КИШУНЦАН МАШИНА 25-12

РЕМИНГТОНА № 5
„новѣйшая изъ всѣхъ существующихъ системъ“
признана лучшей въ свѣтѣ. Шитье въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствъ и мног. правительствъ. и частныхъ учрежд. Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительствъ и другихъ учреждений, высылаются безплатно. № 5993
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва, С.-Петербургъ, Варшава, Одесса, Екатеринбургъ, Кокандъ.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЕЛЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ ПЕРВЫЙ ВЫПУСКЪ новаго роскошнаго періодическаго изданія, подъ названіемъ: „ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА НИВЫ“.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ (1893) СОДЕРЖАЩІЙ ВЪ СЕБѢ:

СКАЗКИ,

собранныя братьями Я. и В. ГРИММАМИ.

переводъ подъ редакцію **П. П. ПОЛЕВОГО.**

Иллюстраціи **П. Гротъ-Юганна.**

24 выпуска, каждый — въ роскошной обложкѣ; по одному выпуску черезъ каждыя двѣ недѣли.

Изданіе **А. Ф. МАРКСА** въ С.-Петербургѣ.

Цѣна за все изданіе (24 выпуска) 12 руб., а съ пересылкою иногороднымъ 14 руб.

Допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ:

На три срока:		На четыре срока:		На шесть сроковъ:	
безъ доставки	съ перес.	безъ доставки	съ перес.	безъ доставки	съ перес.
при подп. . 4 р.	5 р.	при подп. . 3 р.	4 р.	при подп. . 2 р.	3 р.
черезъ 2 м. . 4 „	5 „	черезъ 2 м. . 3 „	4 „	черезъ 2 м. . 2 „	3 „
„ 4 „ . 4 „	4 „	„ 4 „ . 3 „	3 „	„ 4 „ . 2 „	2 „
		„ 6 „ . 3 „	3 „	„ 8 „ . 2 „	2 „
				„ 10 „ . 2 „	2 „

Для гг. служащихъ допускаются еще болѣе льготныя условія, при коллективной подпискѣ за ручательствомъ гг. назначенъ и управляющихъ. За подробностями просимъ обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“.

Подписка на это изданіе принимается въ главной конторѣ журнала „Нива“, въ СПб., Невскій, № 6, и во всѣхъ книжныхъ и эстампныхъ магазинахъ.

Только что вышедшій первый выпускъ высылается каждому, кто желаетъ ознакомиться съ этимъ прекраснымъ изданіемъ, за 50 коп. почтовыми марками.

КУРОРТЪ И МОРСКОЕ КУПАНЬЕ

ПЕРНОВЪ

Тифлидской губерніи.

Сезонъ съ 20 мая по 31 августа.

Подробнѣйшія свѣдѣнія безплатно чрезъ

Купальную Комиссію.

№ 6276 4-2

Поступила въ продажу по всѣхъ книжныхъ выразкахъ изданная **Ф. ПАВЛЕНКОВЫМЪ**

ИСТОРИЯ

НОВѢЙШЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

А. Скабичевскаго.

Мт. № 6298

2-е изданіе, исправленное и дополненное, ц. 2 руб.

ВАЖНО ДЛЯ МАТЕРЕЙ.

Вновь усовершенствованный профессоромъ Сонслетомъ въ Вѣнѣ, аппаратъ для кипяченія и

СТЕРИЛИЗАЦИИ МОЛОКА

есть одно изъ необходимѣйшихъ приобрѣтеній для каждой матери. Онъ служитъ для безусловнаго уничтоженія всѣхъ болезнетворныхъ микро-организмовъ, какъ въ молокѣ, такъ и въ искусственныхъ смѣскахъ, употребляемыхъ для кормленія дѣтей. Печатное, подробное описаніе раздается и высылаются желающимъ безвозмездно и аппараты продаются по крайне пониженнымъ цѣнамъ

въ **ГИГИЕНИЧЕСКОМЪ ОТДѢЛѢ МАГАЗИНА**

Р. КЁЛЕРА и К^о, въ Москвѣ. ц. № 6177

АНГЛІЙСКІЕ
ДУХИ ВЫСОКАГО ДОСТОИНСТВА
ПРОВНЫЙ ФЛАКОНЪ 10 коп.
Парфюмерн. магазинъ **Г. ПЮПА.** Пассаажъ № 52.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
НАЗВАНІЕ ЛУЧШИХЪ ДУХОВЪ:

Здесь букетъ
Жюкей клубъ
Букетъ Императрицы
Илангъ-Илангъ
Майскій-Ландышъ
Бѣлый геліотропъ.
Бѣлая лилія
Сирень перс.
Левкой
Фиалка

Віолетъ де Парма
Роза
Люби меня
Стенлей букетъ
Ірисъ
Эдельвейсъ
Жасминъ
Ополонансъ
Шипръ
Букетъ де Цааръ

Бѣлая роза
Милль-Флёръ
Арація
Гіацинтъ
Киссъ ме кивъ
Испанская роза
Свѣжее сѣно
Черемуха
Lilas Heuri
Lotus.

Пробные флаконы высылаются не менѣе 10 флаконовъ за 1 р. 40 к. съ пересылкою во всѣ города Россіи. (кроме Сибиріи)

ТРЕБУЙТЕ НАСТОЯЩЕЕ МЫЛО

АМОСТРОУМОВА

ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ

УТВЕРЖДЕН ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ

МАРКА ЗАКЛЮЧЕНА

ОСТЕРГАНСКОЕ ПЕЧАТЛО

Агентъ англ. зав. **КВАДРАНТЬ**.
Орловскій, СПб.,
181, Фонтанка.
Велоспеды отъ
131 р. Дюлон.
отъ 169; дружин.
отъ 176 (проѣхать въ
безъ починки. Журн. „Велоспедъ“ 92 г.);
дамск. 188, гоночн. 201, трехколес. муж-
скіе и дамскіе 1—2—3—8-хъ мѣст. Въ
принадлежи. Теперь по курсу 50% дешевле.
Каталоги высыл. безплатно.

12 ЯЩЪ ИЗЪ МЫЛА
различныхъ цвѣтовъ
въ изящныхъ коробкахъ
отъ 50 к. коробка.
Большой выборъ разныхъ новостей
А. Сіу и К^о.
16, Невскій пр., 16
(рядомъ съ магазиномъ Топетъ).

!•НОВОСТЬ!•
практично-экономическія
ГАЗОВЫЯ СВѣЧИ
„КОЛУМБЪ“
Даютъ бѣлое яркое пламя и
сильный свѣтъ — въ 4 газ. рож-
ка; горитъ второе свѣтлѣе стеа-
риновыхъ и вдвое дешевле ихъ,
сжигая малое колич. бензина;
кладъ — въ домашн. экономію.
Всѣ др. свѣчи въ сравненіи съ газовыми —
нечисты. Газов. свѣчи вѣсятъ въ любой под-
свѣчникъ и при розкошн. никкел. составѣ —
изящное украшеніе въ домѣ, а во разнообраз-
примѣненію: на туалеты, шпанино, писма и
т.д. Столы и др. нозеф. — незамѣнимы.
Пара свѣчей съ перес. лишь 3 р. Адресъ: Вар-
шава, Хладная — 17. Съ требою, просимъ
обращ. къ Г. Афанасьеву.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЪ!

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 12 Марта 1893 г.

Артистич. завед. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяческ. № 1.

Библиотека "Руниверс"

XXIV г.
№ 12

г. XXIV
1893

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖСН. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис. и
Выдаеъ 20 марта 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕЖЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1893 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку нонпарейль (1/4 шир.
страницы) въ Глав. Кон. Ред. по
1 руб. Заграница: для Франціи
у Адессе Navas по 3 fr.; для
Австр., Герман. и Швейц. у Ri-
dolf Mosse по 2 марк 50 пф.

Безъ доставки въ Петер-
бургъ 5 р.
Съ доставкою въ Петер-
бургъ 6 р. 50 к.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл.
Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин. 6 р.
Съ пересылкой въ Москву и другіе го-
рода Россіи 7 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 10 р.

На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 25 к., съ перес. иногор. 1 р. 25 к.

На 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р. 50 к.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

„Свѣте Тихій!..“ Съ карт. Г. Макса, грав. Пенз.

Воля судьбы.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе).

XIX.

Правда доктора.

Шёнингъ прошелъ отъ Ольги прямо къ князю, который встрѣтилъ его очень любезно, усадилъ противъ себя и протянулъ ему табакерку. Но докторъ отказался отъ табаку.

— Я просилъ васъ придти, сказалъ князь, — имѣя въ виду просьбу къ вамъ. У меня дочь больна.

— Да, я знаю, отвѣтилъ Шёнингъ. — Я только что видѣлъ княжну на террасѣ и осмотрѣлъ ее... она не хороша...

„Ой—вреть!“ подумалъ князь.

— То-есть, чѣмъ-же не хороша, государь мой?..

— Болѣзнь ея можетъ перейти въ сухотку. Я не имѣю права скрывать этого передъ вами.

Князь безпокойно задвигался на мѣстѣ.

— Въ сухотку, вы говорите, въ сухотку... такъ, вѣдь, это... можетъ чѣмъ-же кончиться—это, значить, серьезно?

— Да, это серьезно! подтвердилъ докторъ.

— Что-же нужно дѣлать, въ Москву, въ чужіе края везти ее... лѣчить?..

— Нужно уничтожить причину, корень ея болѣзни. У нея было какое-нибудь нравственное потрясеніе?

Князь рѣзко двинулъ плечомъ и забарабанилъ пальцами по ручкѣ кресла.

Шёнингъ ждалъ отвѣта.

— А что мнѣ докажетъ, государь мой, что слова ваши справедливы, и что это вѣрно? вдругъ, оборачиваясь, рѣзко спросилъ князь, глянувъ въ упоръ на доктора.

— Т.-е., что вѣрно? переспросилъ тотъ.

— А то, что болѣзнь княжны, моей дочери, такъ опасна?

Шёнингъ поднялся со своего мѣста.

— Княжна, отчеканивая каждое слово, произнесъ онъ, — не вынесетъ своей болѣзни, если не уничтожить той нравственной причины, отъ которой происходитъ ея недугъ. И это такъ же вѣрно, какъ то, что черезъ полчаса къ вамъ придетъ извѣстіе о томъ, что сегодня сюда, въ этотъ домъ, будутъ великая княгиня съ великимъ княземъ.

Андрей Николаевичъ, какъ былъ — такъ и привскочилъ со своего мѣста.

Онъ еще не могъ разобрать, не насмѣшка-ли это надъ нимъ.

Но Шёнингъ былъ серьезнѣе обыкновеннаго.

— Та-акъ-съ, протянулъ старый князь, — ну, на этой штукѣ меня не поймаете-съ... не таковский... разсчитали, государь мой, но плохо—плохо разсчитали, говорю я вамъ... И Андрей Николаевичъ, пригибаясь впередъ, отчеканилъ, роняя слово за словомъ: — Намъ, помѣщикамъ, извѣстно, что великій князь съ супругою изволятъ прослѣдовать сегодня по тракту въ Москву — но нигдѣ они останавливаться, окромя путевыхъ дворцовъ государыни императрицы, не будутъ въ дорогѣ, и никакихъ встрѣчъ дѣлать не дозволено. А посему они сегодня пройдутъ мимо. Да и никогда у частныхъ персонъ Высокія особы не останавливаются — все-съ это предусмотрено, и существуютъ особые дворцы. Вотъ и все-съ... извините, что потревожилъ васъ... простите — тутъ вотъ дѣла у меня.

И князь, поклонившись, опустился на кресло и взялся за бумаги въ знакъ того, что считаетъ разговоръ оконченнымъ, и продолжать онаго не намѣренъ.

Докторъ все съ тѣмъ-же, свойственнымъ ему, невозмутимымъ спокойствіемъ тихо повернулся и вышелъ.

Судя по словамъ, которыми князь заключилъ свой разговоръ съ Шёнигомъ, не было сомнѣнія, что доктору этому немедля подадутъ лошадей для выѣзда изъ Проскурова.

И дѣйствительно, Андрей Николаевичъ, окончивъ свои запятія въ кабинетѣ, готовъ былъ призвать дворецкаго, чтобы приказать ему заложить лошадей для Шёнига. Но каково-же было удивленіе князя, когда изволнованный дворецкій почти бѣгомъ влетѣлъ къ нему и, торопясь и глотая слова, сталъ докладывать, что верхомъ пріѣхалъ съ тракта офицеръ, для того, чтобы предупредить князя Проскурова, что къ нему прибудутъ сейчасъ великій князь, княгиня и свита. Съ колесъ у кареты великой княгини соскочила шина, а потому время, которое необходимо, чтобы поправить ее — высокіе гости проведутъ въ усадьбѣ князя, находящейся, по счастливой случайности, вблизи мѣста происшествія.

Это извѣстіе такъ поразило само по себѣ Андрея Николаевича, что онъ не имѣлъ даже времени удивиться еще болѣе поразительному предупрежденію доктора Шёнига, только что имъ полученному.

Богатый домъ Проскурова, съ цѣлымъ рядомъ всегда готовыхъ комнатъ для гостей, съ кладовыми, полными всякихъ запасовъ, съ оранжереями заморскихъ плодовъ, набитый многочисленною прислугою, — былъ однимъ изъ тѣхъ барскихъ русскихъ домовъ, въ которыхъ не приходилось, въ случаѣ нужды, вино курить и пиво варить — всего было вдоволь.

И, словно по волшебству, вытянулся въ большой залѣ длинный столъ, покрытый голландскою скатертью, уставленный винами въ серебряныхъ жбанахъ и вазами съ фруктами.

Забѣгали разодѣтые въ яркіе кафтаны лакеи. На кухняхъ застучали ножи.

Все поспѣло во-время, и князь Андрей Николаевичъ въ шитомъ золотомъ кафтанѣ встрѣчалъ съ непокрытой головою своихъ гостей на крыльцѣ.

Князь чувствовалъ себя точно во снѣ. Тихая до сихъ поръ усадьба его вдругъ наполнилась блестящею толпою, способною ослѣпить и привычнаго къ ней чело-вѣка своими камнями, шелкомъ, перьями, кружевами...

Все было весело, смѣялось, шутило, было исполнено радости.

Только великая княгиня, Екатерина Алексѣевна, казалась грустною, и благодаря-ли этой своей грусти или иному чему, но рѣзко выдѣлялась изъ всей этой блестящей толпы. На ней было платье менѣе роскошное, чѣмъ у остальныхъ, но никто ловчѣе ея не носилъ своего платья... Она была не высока ростомъ, но всѣ остальные какъ-то уничтожались передъ нею, казались ниже ея. Красивое лицо ея привлекало къ себѣ не только красотою, но на немъ лежала печать несомнѣннаго ума и энергіи — качествъ, которыхъ не было замѣтно въ маловыразительномъ, суживающемся къ подбородку, лицѣ ея мужа. Выдавшіеся впередъ, словно онъ испугался когда-то и застылъ въ этомъ выраженіи, глаза его, — черные, большіе, казались безжизненны и не притягивали къ себѣ. Взглядъ великой княгини, напротивъ, проникалъ въ самую душу, и чуть замѣтная складка между бровями служила признакомъ развитія мысли и раннихъ думъ.

Когда сѣли завтракать, сразу можно было увидѣть, что въ великокняжеской семьѣ существуютъ два совершенно противоположные лагеря. Это было ясно и по разговору, и по привычкамъ.

Молодая Екатерина Алексѣевна, прежде чѣмъ сѣсть за столъ, обратилась въ передній уголъ и набожно сдѣлала крестное знаменіе; великій князь, хохоча и шути, подскочилъ къ своему стулу и, какъ-то сбоку перешагнувъ черезъ него, сѣлъ и тотчасъ-же принялся ѣсть и пить, наливая себѣ вина полные стаканы.

Князь Проскуровъ не садился за столъ и, въ качествѣ хозяина, переходилъ, наблюдая за угощеніемъ.

Завтракъ у князя Проскурова былъ хорошъ, вина вкусны, общество многочисленно, и разговоръ завязался, поэтому, интересный.

— Пить, что касается меня, говорилъ великій князь, — то, конечно, я не вѣрю, но много есть на свѣтѣ страннаго... Я вотъ самъ скажу про себя, со мною была исторія...

И онъ началъ рассказывать исторію, которую, обыкновенно, повторялъ послѣ выпитаго вина, о томъ, какъ онъ, будучи восьмилѣтнимъ мальчикомъ, былъ посланъ отцомъ, герцогомъ Гольштинскимъ, противъ банды цыганъ и какъ побѣдилъ ихъ чудеснымъ образомъ.

На всѣхъ лицахъ играла скрытая улыбка въ продолженіе этого невѣроятнаго рассказа, слышаннаго большинствомъ присутствующихъ уже много, много разъ.

Екатерина низко опустила голову и потупилась. Краска нѣсколько разъ яркимъ румянцемъ заливала ея щеки... Какъ ни старалась она скрыть это, но замѣтно было, что ей и больно, и обидно за мужа.

Но Петръ Ѳеодоровичъ, красный отъ выпитаго вина, блестя влажными глазами, продолжалъ свой рассказъ, не обращая вниманія ни на общую неловкость присутствующихъ, ни на сконфуженный видъ жены.

Только, когда онъ кончилъ и водворилось непріятное молчаніе, онъ какъ будто понималъ, что что-то не совсѣмъ ладно, и обратился къ хозяину дома, какъ къ человѣку новому и не слыхавшему еще никогда исторіи о цыганахъ:

— Князь, а князь... какъ васъ зовутъ тамъ?

— Проскуровъ... подсказалъ Андрей Николаевичъ.

— А! — ну, все равно, что вы скажете о моемъ рассказѣ?

Князь развелъ руками.

— Удивительно, ваше высочество, но сегодня мнѣ трудно удивляться чему-нибудь — послѣ того, что случилось со мною.

Всѣ обернулись въ его сторону.

Великая княгиня подняла на него глаза.

— Это интересно, сказалъ кто-то.

— Что-же съ вами случилось? спросилъ великій князь, довольный, что, въ пику женѣ, которая, по его мнѣнію, всегда вела себя такъ, чтобы поставить его въ неловкое положеніе, онъ вовсе не конфузится и держитъ себя молодцомъ.

— Счастіе высокаго посѣщенія, отвѣтилъ Проскуровъ, — которымъ я удостоенъ сегодня, благодаря случаю — было предсказано мнѣ утромъ.

— Что-жъ, это добрый пророкъ, подхватилъ великій князь, — я-бы желалъ, чтобы у насъ почаще ломались шины, чтобы имѣть такой пріемъ, завтракъ, а главное, вино... у васъ славное вино, князь... заключилъ Петръ Ѳеодоровичъ и налилъ себѣ еще полный стаканъ шипучаго.

— Вы слишкомъ милостивы ко мнѣ, государь, поклонился князь низкимъ, ниже поясного, поклономъ.

— Кто-же этотъ пророкъ? спросилъ, сдвигая брови, Чоглоковъ, жена котораго была приставлена къ великой княгинѣ императрицею, и который тоже наблюдалъ и самъ за „малымъ дворомъ“.

— Докторъ, поспѣшилъ отвѣтить князь, — его фамилія Шенингъ.

— Славная фамилія! замѣтилъ великій князь, — а гдѣ-жъ онъ?

Князь старался предупреждать желанія своего высокаго гостя.

— Прикажете позвать его, ваше высочество? живо спросилъ онъ.

— Ахъ, да, прикажите, сказала одна изъ фрейлинъ, — это, вѣроятно, очень интересно. Говорятъ, въ Германіи эти союзы тайные есть — я убѣждена, что онъ членъ такого союза, а я никогда не видѣла ихъ...

Андрей Николаевичъ кивнулъ дворецкому, тотъ, понывъ съ полуслова, побѣжалъ за докторомъ.

Дверь раскрылась, и на порогѣ появился докторъ Шенингъ. На немъ былъ тотъ-же, что и вчера, коричневый кафтанъ, та-же простая обувь, и такъ-же, какъ вчера и, очевидно, какъ всегда, былъ спокоенъ его видъ... Казалось, подъ этимъ простымъ и скромнымъ одѣяніемъ являлся не бѣдный докторъ предъ лицо владѣтельныхъ особъ, но одинъ изъ сильныхъ міра сего входить въ общество, знакомое ему и привычное. Въ немъ не было замѣтно и тѣни волненія, охватившаго всѣхъ въ Проскуровѣ, не исключая и стараго князя, съ минуты пріѣзда гостей. Онъ приближался, не ускоряя шага, и, подойдя къ столу, сдѣлалъ почтительный поклонъ, исполненный достоинства.

Но только великая княгиня улыбкой и наклоненіемъ головы отвѣтила на этотъ поклонъ. Остальные, и въ особенности, великій князь, смотрѣли на вошедшаго, какъ на предметъ любопытства, словно онъ былъ не человѣкъ, а вещь изъ кунсткамеры.

Петръ Ѳеодоровичъ перегнулся, закинувъ руку за спинку стула, и, полураскрывъ ротъ, точно очень удивился, что докторъ такой-же, какъ и всѣ остальные люди.

— А что-же, онъ ничего... вслухъ проговорилъ онъ, не стѣсняясь.

Великая княгиня закусилла губу. Съ ея природнымъ тактомъ распознаванія людей, она увидала сразу въ докторѣ достойнаго человѣка.

И мужъ ея уже оскорбилъ этого человѣка ни за что, ни про что своимъ обращеніемъ.

— Вы, говорятъ, предсказатель, магъ, волшебникъ? продолжалъ Петръ Ѳеодоровичъ, обращаясь къ доктору.

Старый князь смотрѣлъ въ это время на Шенинга, сверкая глазами, будто всѣмъ существомъ своимъ хотѣлъ сказать ему:

„Посмѣй у меня только быть не почтительнымъ — такъ я тебя въ щепки изломаю“.

Но докторъ, не теряя своего хладнокровія, тихо отвѣтилъ:

— Я ни то, ни другое, ни третье, ваше высочество.

— Ну, а все-таки нашъ пріѣздъ, случай съ нами предсказали?

— Да.

— Какимъ-же образомъ?

— Вамъ угодно испытать?

Петръ Ѳеодоровичъ расхохотался.

— Я не настолько глупая голова, чтобы вѣрить вашимъ дурацкимъ бреднямъ.

— Но все-таки это интересно, сказала Екатерина, чтобы смягчить послѣднія слова великаго князя.

— Да вотъ, подхватилъ опять тотъ, — это совсѣмъ по женской части... намъ, мужчинамъ, разумѣется, интереснѣе выпить стаканъ добраго вина... ну, а имъ заниматься гаданьемъ. Вы можете поворожить моей женѣ?

Шенингъ взглянулъ на Екатерину.

Вся эта сцена, видимо, была непріятна ей.

— Да, пожалуйста, проговорила она.

— Если ея высочеству угодно будетъ, отвѣтилъ докторъ, — въ такомъ случаѣ я попрошу ея высочество пройти со мною въ сосѣднюю гостиную. Я могу только исполнить ея волю безъ постороннихъ свидѣтелей.

Екатерина поднялась со своего мѣста.

— Я готова, сказала она и добавила, обращаясь къ Чоглокову, вполголоса по-французски: — я думаю, вы не будете ничего имѣть противъ, если я избавлю

Погребение Христа. Съ карт. Г. Тиши, грав. Фрюгауфъ.

этого человека отъ любезностей великаго князя, а насъ всѣхъ отъ непріятной сцены.

Чоглоковъ поклонился, въ знакъ согласія.

— Только я попрошу ваше высочество оставаться не долго, проговорилъ онъ.

Екатерина сдѣлала знакъ Шёнингу слѣдовать за ней.

Остальные, когда встала великая княгиня, тоже поднялись изъ-за стола и перешли на террасу, гдѣ уже были приготовлены сласти и наливки, и Петръ Ѳеодоровичъ, несмотря на присутствіе дамъ, потребовалъ себѣ трубку и закурилъ свой кнастеръ...

Войдя въ гостиную, Екатерина быстро обернулась къ Шёнингу и, смягчая свои слова ласковой улыбкой, проговорила ему:

— Я падѣюсь, что вы удовольствуетесь тѣмъ, что я увела васъ, чтобы избавить отъ непріятнаго разговора, и не станете, въ самомъ дѣлѣ, играть передо мной комедіи съ какими-нибудь предсказаніями...

— Если я рѣшился обезножить ваше высочество, отвѣтилъ докторъ, тономъ своего голоса извиняясь, что перебилъ рѣчь великой княгини, — то, повѣрьте, имѣлъ къ тому болѣе серьезныя причины.

И, говоря это, онъ досталъ изъ грудного кармана своего камзола сложенное и запечатанное письмо и подалъ его Екатеринѣ.

Несмотря на то, что они были совсѣмъ одни, она невольно оглянулась по сторонамъ, не смѣло протянула руку къ письму и недовѣрчиво осмотрѣла его.

На печати она узнала гербъ принцессы Ангальтъ-Цербстской, а въ почеркѣ адреса—руку своей матери.

И, не сомнѣваясь болѣе, она быстро распечатала и начала читать.

„Графъ Симонъ де-Сенъ-Жерменъ, писала ей мать по-французски,—передастъ тебѣ это письмо и расскажетъ, какъ обо мнѣ, такъ и обо всемъ, чего не успѣю я досказать тебѣ въ этомъ письмѣ. Довѣрься ему. Онъ не только преданный другъ мнѣ, но и тебѣ можетъ быть вѣрнымъ и добрымъ помощникомъ...“

Екатерина, пораженная неожиданностью, подняла глаза на стоявшаго передъ ней человека, молва о которомъ изъ Парижа глухо уже дошла до Петербурга, и о которомъ ей приходилось уже слышать дивныя вещи.

— Такъ вы, сказала она,—графъ...

— Симонъ де-Сенъ-Жерменъ, снова поклонился онъ.

— И вы для меня пріѣхали изъ Парижа?

— Исключительно для васъ, ваше высочество. Принцесса, ваша матушка, говорила мнѣ о тѣхъ затрудненіяхъ, которымъ подвергается ваша переписка съ нею, о томъ надзорѣ, подъ которымъ держатъ здѣсь ваше высочество... какъ въ замкѣ...

— Хуже замка—я окружена соглядатаями, за каждымъ движеніемъ моимъ слѣдятъ. Я не могу сдѣлать, буквально, шагу... Императрицы не видно мѣсяцами... И достаточно, чтобы въ комъ-нибудь замѣтили преданность ко мнѣ, дружбу, даже въ людяхъ—сейчасъ ихъ удаляютъ отъ меня... Вблизи меня нѣтъ друзей...

— Но это не значитъ, чтобы ихъ не было вовсе, сказалъ графъ, подчеркивая свои слова.

— Я это вижу, улыбнулась Екатерина,—и, кажется, узнала одного изъ нихъ сегодня.

Она протянула ему руку, которую графъ поднесъ къ своимъ губамъ.

— И въ котораго вы можете вѣрить, ваше высочество, сказалъ онъ.

— Благодарю васъ, я вѣрю... Представьте себѣ, мнѣ даже не позволяютъ переписываться съ матушкой. Письма къ ней составляются въ иностранной коллегіи, и я могу лишь ставить на нихъ свою подпись; мнѣ запрещено дѣлать какую-нибудь приписку... Мнѣ сказано, что канцлеръ Бестужевъ лучше знаетъ, о чемъ и какъ должна писать великая княгиня. Но они забываютъ, что этотъ

ихъ канцлеръ не можетъ знать, какъ хотѣла бы писать дочь къ матери...

Имя Бестужева было произнесено такъ, что графъ спросилъ:

— А ваше высочество считаете канцлера своимъ врагомъ?

— И однимъ изъ самыхъ непреклонныхъ.

— Не отдавайтесь этому чувству вражды. Оно ошибочно.

Брови Екатерины сдвинулись.

— Какъ, вы хотите, чтобы я не имѣла ничего противъ Бестужева, отъ котораго я терплю, можетъ быть, больше, чѣмъ отъ другихъ... Вы этого не знаете, а я тутъ это чувствую.

— Вѣрьте, ваше высочество, что въ Парижѣ хорошо освѣдомлены обо всемъ, что касается вашего положенія здѣсь. Канцлеръ временно дѣлаетъ вамъ притѣсненія, чтобы показать свою силу и выгоду союза съ нимъ. Но онъ слишкомъ уменъ и дальновиденъ, чтобы не стать на вашу сторону, если вамъ угодно будетъ выказать къ тому желаніе.

Екатерина задумалась. Ей весело было и пріятно сознавать, что она, за минуту еще передъ тѣмъ чувствовала тамъ, за столомъ, себя совершенно покинутой, среди людей, съ которыми ничего не имѣетъ общаго,—вдругъ видитъ, что гдѣ-то далеко, въ Парижѣ, заботятся о ней, знаютъ мельчайшія подробности отношеній къ ней окружающихъ и думаютъ за нее.

— Да, сказала она,—мнѣ этого не приходило въ голову—попробую. Можетъ быть. А то бываютъ минуты, что теперешняя жизнь просто неможуту дѣлается...

— Если будетъ очень тяжело, продолжалъ Сенъ-Жерменъ,—обратитесь къ императрицѣ и попросите ее отпустить васъ домой. Она этого не сдѣлаетъ, но къ вамъ станетъ относиться ласковѣе... Впрочемъ, обо всемъ этомъ вамъ принцесса пишетъ въ письмѣ—постарайтесь только, чтобы его не увидали у васъ.

— О! объ этомъ будьте покойны! увѣренно произнесла Екатерина.—Но какъ же вы пробрались сюда, почему вы знали, что мы будемъ здѣсь... или это одна изъ тайнъ графа Сенъ-Жермена?

Онъ весело улыбнулся.

— Повѣрьте, ваше высочество, что все, что я дѣлаю, очень просто и, главное, естественно. Оно не похоже только на то, къ чему привыкла толпа. И она удивляется тому, чего не знаетъ... Вотъ и все. Я долженъ былъ перемѣнить имя, чтобы явиться въ Россію. Я ѣхалъ въ Петербургъ, но на дорогѣ узналъ, что вы отправляетесь въ Москву, и свернулъ по проселкамъ наперерѣзъ вамъ. Я рассчиталъ, что мы должны съѣхаться въ имѣніи здѣшняго князя. Вашъ кучеръ былъ заранѣе подкупленъ для того, чтобы сказать въ условленномъ мѣстѣ, что лопнула шина, и дальше ѣхать нельзя. Сегодня утромъ я былъ въ деревнѣ и распорядился относительно условленнаго знака... Не было сомнѣнія, что вы остановитесь въ усадьбѣ...

— И увижу васъ, чтобы высказать вамъ свою благодарность, добавила Екатерина.—Но я боюсь, что наше „гаданье“ покажется тамъ (она кивнула на террасу) слишкомъ продолжительнымъ. Увижу-ли я васъ еще?..

— Я долженъ ѣхать завтра утромъ назадъ.

— Въ такомъ случаѣ, все-таки, до свиданія.

Онъ отвѣтилъ ей новымъ поклономъ.

Она направилась къ двери.

— Графъ! вдругъ остановилась она, и легкая краска смущенія зарумянила ея щеки.—Простите мнѣ одинъ вопросъ—вамъ дорого стоило подкупить кучера?

— Ваше высочество, зачѣмъ вамъ знать это?

— Чтобы вернуть вамъ расходы...

Новая улыбка явилась на лицѣ графа.

Онъ опустилъ руку въ карманъ своего бѣднаго коричневаго камзола и досталъ оттуда цѣлую горсть брильянтовъ.

— Вы видите, что у меня еще хватитъ на подкупъ не одного только кучера... Желаю вамъ счастья, ваше высочество...

Про графа Сентъ-Жермена говорили, что онъ облагаетъ тайной искусственно воспроизводить брильянты чистѣйшей воды.

Екатерина вспомнила это.

И не сказавъ больше ни слова, но еще разъ кивнувъ, съ особенною, только ей свойственной, улыбкой, своему новому другу, она вышла изъ комнаты.

XX.

Неожиданный пріемъ, оказанный Проскуровымъ великому князю и свитѣ, вышелъ столь блестящимъ, что Андрею Николаевичу оставалось только самому удивиться, какъ это все было хорошо. Самый придирчивый человѣкъ не могъ бы сдѣлать никакого замѣчанія. Гости были очень довольны пріемомъ.

Великій князь и великая княгиня благодарили хозяина. Но все-таки Андрей Николаевичъ могъ свободно вздохнуть только тогда, когда вся эта блестящая толпа сѣла въ экипажи и лошади тронулись. До самаго конца нельзя было ручаться, что непривычная ко Двору прислуга Проскурова не сдѣлаетъ какой-нибудь неловкости, или мало-ли что можетъ произойти, но за-то, когда все кончилось, вздохъ довольства и радости вырвался изъ груди стараго князя, долго стоявшаго на крыльцѣ и не спускавшаго глазъ съ удалявшагося поѣзда.

Кузовъ послѣдней кареты исчезъ изъ виду, и князь повернулся, чтобы идти въ домъ.

Часы, которые онъ пережилъ, были такъ хороши, такъ лстили его болѣзненному самолюбію, что онъ, нарочно подымаясь тихими шагами по лѣстницѣ къ себѣ наверхъ, медлилъ, чтобы продолжить удовольствіе вынесенныхъ впечатлѣній и не сейчасъ окунуться снова въ ту разладицу, которая явилась теперь въ его домѣ и которая должна охватить его, едва лишь войдетъ онъ въ кабинетъ.

Тамъ онъ снова изъ чарующаго міра блеска и двора очутится въ мірѣ непріятностей, гдѣ этотъ неблагоприятный Артемій, больная дочь и неудавшееся сватовство ея съ сыномъ стариннаго пріятеля...

Но не успѣлъ онъ дойти до кабинета, какъ уже долженъ былъ сводить свои счеты съ этимъ міромъ.

Въ пріемной его ждалъ тотъ, кого онъ зналъ подъ именемъ доктора Шеннига.

— Вѣрите-ли вы теперь моимъ словамъ? встрѣтилъ докторъ князя вопросомъ.

Князь крѣпко провелъ рукою по лбу.

— Ну, да, государь мой. Что же вы хотите?..

— Я говорю о вашей дочери...

— Да, да... Все это очень удивительно, заговорилъ Андрей Николаевичъ съ разстановкой.—Да... И великая княгиня назвала васъ удивительнымъ человѣкомъ... Да—вы говорили, что болѣзнь Ольги серьезна?..

— Очень серьезна, князь.

Андрей Николаевичъ хмурился съ каждымъ словомъ.

— Но она все-таки молода, натура ея можетъ выдержать... я надѣюсь, проговорилъ онъ.

— Натура ея слишкомъ впечатлительна, и въ этомъ все несчастіе—причина болѣзни ея нравственная. Она любитъ. Только свадьба съ любимымъ человѣкомъ можетъ спасти ее... Я это повторяю вамъ, какъ отцу, который, вѣроятно, не захочетъ смерти единственной своей дочери.

Руки князя, помимо его воли, начали конвульсивно сжиматься.

— Да знаете-ли вы, что вы говорите? вдругъ подступилъ онъ.—Знаете-ли вы, что она выдумала... Она, дочь князя Андрея Николаевича Проскурова, выду-

мала заразиться амурнымъ сумасшествіемъ къ найденшю, къ человѣку безъ роду, безъ племени, за котораго нельзя отдать ее...

Онъ съ трудомъ перевелъ духъ...

Докторъ пожалъ плечами.

— Вамъ приходится, въ такомъ случаѣ, выбирать между самолюбіемъ и жалостью къ дочери, жизнь которой въ вашихъ рукахъ, возразилъ онъ спокойно.

Князь чувствовалъ, что это спокойствіе, съ которымъ говорили съ нимъ—дѣйствуетъ на него внушительно.

Неужели, въ самомъ дѣлѣ, ему приходилось выбирать между жизнью и смертью дочери?..

И вдругъ ему такъ ясно, такъ отчетливо-правдиво вспомнились послѣднія минуты жены, какъ она, блѣдная, лежала неподвижно на кровати, и какъ онъ слѣдилъ за чуть замѣтнымъ колебаніемъ ея гофрированной сорочки, боясь не увидѣть его... И Оля, дочь его Оля... такъ же угаснетъ на его глазахъ... И начнутся тѣ страшныя муки отчаянія и горя, которыя онъ пережилъ уже однажды.

И старый князь, тяжело дыша, безсильно опустился на одинъ изъ стульевъ, вытянутыхъ въ струнку по стѣнѣ пріемной.

— Да развѣ другого исхода быть не можетъ? почти съ мольбою въ голосѣ спросилъ онъ.

Докторъ, внимательно слѣдившій за внутренней борьбою князя, отвѣтилъ, сжавъ брови:

— Ни въ какомъ случаѣ не можетъ!..

Андрей Николаевичъ закрылъ лицо руками.

— Ну, хорошо! вдругъ, вставая, проговорилъ онъ, какъ человѣкъ твердо рѣшившійся.—Хорошо, если ей суждено умереть—пусть, но имени своего она не опозоритъ... Не одинъ князь Проскуровъ умиралъ за честь этого имени и встрѣчалъ, не дрогнувъ, свою смерть. Если ей суждено—пусть... До сихъ поръ наше княжеское имя носилось съ достоинствомъ, для котораго жертвовали жизнью наши предки... Пусть и она пожертвуетъ—значить, такова судьба...

Голосъ его былъ слабъ; руки его дрожали, и челюсть ходила изъ стороны въ сторону.

— И это ваше послѣднее слово, князь? спросилъ докторъ.

— Да, послѣднее. Оставьте меня...

— Но вы позволите еще разъ мнѣ пройти въ комнату больной?

— Ахъ, идите, куда хотите, хоть къ...

И не договоривъ, князь взялся за голову и бросился въ кабинетъ, съ силой хлопнувъ за собою дверью.

Весь этотъ день, за исключеніемъ времени, проведеннаго ею на террасѣ, Ольга просидѣла въ своей комнатѣ, куда къ ней изрѣдка доносился отдаленный гулъ великокняжескаго пріема.

Дуныша, въ отчаянной борьбѣ между собственнымъ любопытствомъ и преданностью своей барышнѣ, то бѣгала внизъ посмотреть на небывалыхъ гостей, то являлась къ Ольгѣ съ разсказами.

Ольгѣ казалось временами, что гдѣ-то, когда-то, какъ будто она видѣла эти кареты и все тѣ, о чемъ передавала ей Дуныша; но гдѣ, какъ и когда—она не могла себѣ дать рѣшительно никакого отчета, хотя все-таки ей чудилось, что это было ужъ какъ-то.

Среди своихъ разсказовъ, однако, Дуныша не забывала о самой Ольгѣ. Она сообразила, что поднявшаяся въ домѣ суматоха болѣе чѣмъ удобна для свиданія Артемія съ Ольгой, и старалась добыть завѣтный ключъ, подъ которымъ сидѣлъ молодой человѣкъ.

Но всѣ люди, и дворецкій, и буфетчикъ—Сергѣй сбились съ ногъ и забыли объ Артеміи.

Только когда гости уѣхали, вспомнили, что съ утра никто не былъ у заключеннаго, хотя Дуныша и напоминала о немъ, но ея не слушали.

Наконецъ она, пугнувъ буфетчика Сергѣя вѣчною

Послѣдній вздохъ. Горельефъ проф. Антокольскаго, по фотогр. грав. Мультановскій.

мѣсяцы. По съ приближе-
ніемъ іерусалимскаго сезо-
на, или, говоря правильнѣе,
мѣсяцевъ паломничества (съ
половины сентября по ке-
нецъ пасхальной недѣли) го-
родъ точно отъ тяжелаго сна
пробуждается, толпа на ули-
цѣ растетъ и къ Великому
посту становится, особенно,
въ базарные дни, такъ зна-
чительна, что несчастному
паломнику, волею-неволею,
приходится работать больше
локтями, чѣмъ ногами, что-
бы пропихать гогочущую на
всѣхъ парѣяхъ, орущую
полудикую пародную массу.
Если вѣрить историкамъ, во
время земной жизни Иисуса
Христа, въ теченіе мѣсяца
пшесана, къ еврейской пасхѣ
въ Іерусалимъ стекалось ото-
всюду изъ отдаленнѣйшихъ
странъ болѣе миллиона на-
рода. Конечно, такой не-
значительный, по простран-
ству, городъ, каковъ всегда
былъ Іерусалимъ, не могъ
вмѣщать этихъ массъ. При-
бывшіе располагались лаге-
ремъ вѣхъ городскихъ стѣнъ,
на Елеонѣ и прилегающемъ
къ нему холмѣ съ сѣвера
(лагерь Назоресъ или Малая
Галилея), вдоль сѣверной
стѣны около Іереминной пе-
щеры и Дамасскихъ воротъ
(баб-эль-Амудъ), на пыльномъ
„русскомъ пустырь“, и на западъ между двумя
громадными водовмѣстни-
щами биркетъ-эль-Султанъ
и биркетъ-Мамилъ. Теперь
большинство прѣзжизнъ, са-
мо собой, христіанскіе па-
ломники, а между ними—
русскій православный людъ.
Меньшинство является для
торговли; занимаются пре-

Армянская женщина.

усердіе малыхъ сихъ, нуж-
но прослѣдить шагъ за ша-
гомъ, начиная съ момента
сборовъ и добыванія уволь-
нительнаго паспорта, въ пу-
ти по нашимъ отечествен-
нымъ пространствамъ, иног-
да изъ самыхъ сѣверныхъ
губерній, часто изъ Сибири,
по четыремъ морямъ, въ
удушливомъ трюмѣ, до Яффы.
Сколько труда, усталости,
терзанія, неправды, насилья
выносятся ими... ради чего?
Ради души, обѣтой святою
вѣрою! Присмотритесь къ
русскому крестьянину на іе-
русалимскихъ базарахъ. Ту-
рецкій полицейскій — запѣ-
тит — въ длинномъ спя-
немъ сюртукѣ и убитомъ по-
зузомъ нижнего платья,
съ ятаганомъ, работаетъ
глубокою бамбуковою палкою
направо и нѣтъ, по сдѣ-
лааннымъ плечамъ ара-
бскъ и полуголыхъ мальчи-
шскъ, оставляя на память
о себѣ полосы, какъ отъ
раскаленного желѣза: тотъ
же запѣтитъ снисходительно
смотреть на нашего мужи-
ка или бабу; рѣдко перена-
деетъ отъ нихъ бакшишъ-та-
ричка, но онъ, при случаѣ,
всегда имъ услужитъ или ука-
жетъ, что нужно. И на база-
рѣ овечьему тулуну или
какой-нибудь мотушкѣ (отъ
мотаться, мотается), преиму-
щественно передъ другимъ,
скорѣе удастся выторговать,
хоть грошкѣ... Говорю не
о тѣхъ восточныхъ базарахъ,
обязательно привлекающихъ
иностранцевъ, какъ констан-
тиннопольскій въ Стамбулѣ,
а о двухъ площадяхъ у Яфф-
скихъ и Дамасскихъ воротъ,
куда три раза въ недѣлю

Продавщица цвѣтовъ

имущественно арабы и греки, а от-
части жители близлежащаго Вилле-
ма. Въ эти арабы, эти греки — по-
томцы католическихъ іезуитскихъ и
протестантскихъ благотворительныхъ
учебныхъ заведеній Сиріи, Палести-
ны и другихъ частей Малой Азіи.
Они лакированы quasi-европейской
цивилизацией, одѣты по-европейски,
говорятъ, кромѣ своего природнаго,
съ грѣхомъ пополамъ, на француз-
скомъ языкѣ и англійскомъ, иногда
даже снисходительно отвѣчаютъ по-
русски... но мысль у нихъ одна —
спустить грошовую вещь за полтину.

Какъ вообще на Востоке, и въ Іе-
русалимѣ вся жизнь — на улицѣ. Про-
жившему долгіе лѣтніе и зимніе мѣ-
сяцы, какъ вѣхъ города, такъ и по
сосѣдству съ храмомъ Воскресенія,
такъ сказать, на самой площадѣ у
входа въ этотъ храмъ, присутство-
вавшему почти на всѣхъ религіозныхъ
и національныхъ празднествахъ, про-
цессіяхъ и великихъ обрядахъ, не
трудно было наглядѣться на всевоз-
можные типы, начиная отъ вѣдѣу-
щаго, чопорнаго идеала европеиза-
англичанина до голаго чернобронзо-
ваго абиссинца.

По общему вниманію, расположенію
и спмнатію, безспорно, привлека-
ютъ простые русскіе паломники. Въ
Іерусалимѣ значеніе ихъ и сила
не въ подавляющей ихъ численно-
сти, среди другихъ христіанскихъ
поблудцевъ, а въ несокрушимой силѣ
вѣры ихъ, простыхъ сердецъ, къ нмѣ-
влекущей туземцевъ. Чтобы понять

Дѣвушка изъ Виллема.

затеродные феллахи и оседлые бедняки привозят всякую живность, огородные овощи: цветную капусту, лук, картофель, артишоки, бобы, салат, огромные беззубые огурцы и, смотря по времени года, — абрикосы, персики, арбузы, дыни; наконец, апельсины, лимоны, гранаты, виноград, инжир (вишняя ягода), сахарный тростник и пр., где наваливаются возы топлива, в вид корей, отслуживших службу виноградных лоз, ишеничных отрубей для корма ослов, сло- вых и сосновых шишек для растопки и т. п. С восхо- дом солнца тут подымается крик, гам, шум Содома... Из-за копейки между продавцом и покупателем плетъ та-

Слѣпой нищій.

кая безыгодная брань, что со стороны можно принять, что дѣло идетъ о кровномъ оскорбленіи; но деньги улачены, то- варъ принятъ, и оба расстаются, какъ давнишніе друзья. Все, что заваливаетъ эти площади, доставляется въ города на спинахъ двухъ существъ: осликовъ и женщинъ. Въ то время, какъ у насъ департаментскій инсаръ, сопровождая свою даму, считаетъ своей священной обязанностью нести какой-нибудь ея узелокъ, свертокъ, или даже зон- тикъ, тутъ встрѣчаются въ базарной утѣ дѣльныя вереницы женщинъ, съ страшными вязанками хворосту или ульями за спиной, съ тяжеловѣсными кувшинами на головѣ, босая, въ длинныхъ спинахъ рубахахъ и грязныхъ полотняныхъ покрывалахъ, съ лицами, изуродованными аляповатой татуировкой. Рядомъ съ этими, поистинѣ, выюными животными, идетъ величаво, размахивая праздными руками и поносятъ балахо- номъ, ся суиругъ; на немъ если не сапоги, то широкия крас- ные туфли-шлепанцы, бѣлая рубаха, съ засунутымъ за кушакъ кишадомъ, или съ подвѣшеннымъ пожомъ и какими либо ными металлическими значками, на головѣ — пестрая, желтая, а иногда и зеленая чалма. У феллаха черты лица благообразны, иногда красивы; они смуглы, почти оливковаго цвѣта, бо- рюда, брови — черныя, глаза маленькіе, но блестящіе, проп- зываютъ. Страшный, отвратительный контрастъ изъ — сдѣяніе у городекихъ воротъ дѣлыми грубыми проказерьями. Чело- вѣкъ съ канатами, вѣсто перовъ, способенъ содрогнуться отъ ужаса при видѣ этихъ несчастныхъ.

Женскую красоту славятся — виолесемейскій типъ и, изъ армя- нокъ — преимущественно, обитательницы Яффы. Дѣйствительно, нельзя не любоваться симпатичнымъ, открытымъ взглядомъ молодой виолесемейки, этого олицетворенія жизнерадостности, чистоты душевной, правды. Все это читается въ чертахъ ея лица, въ ясномъ, улыбающемся взглядѣ черныхъ, какъ уголь, большихъ глазъ. Одѣты онѣ съ нѣкоторымъ даже кокетствомъ, очень красиво; на замужней — высокій кокошникъ или, скорѣе, клубокъ, покрытый длиннымъ бѣлымъ покрываломъ, спуска- щимся сзади до сгиба коленъ. На лбу и на шеѣ тяжеловѣсныя ожерелья серебряныхъ рублевиковъ и австрійскихъ старин- ныхъ талеровъ; все онѣ славятся, можно сказать, еванге- лическою правдивостью. Красота армянской женщины — иного рода. У нея правильныя черты лица, большіе глаза, съ длин- ными рѣсницами, классическій носъ и разрывъ рта; но все это производитъ впечатлѣніе чего-то недосказаннаго, затаспаннаго, неодушевленнаго, какъ прекрасное пзаяніе, вышедшее изъ мастерской древняго греческаго художника. Ихъ костюмъ пышнѣе, безукоснѣе, точно рассчитанъ на эффектъ; на состоя- тельныхъ всегда напизана и напизана цѣлая масса золотыхъ съ драгоценными камнями ожерелій, фероньерокъ, браслетовъ, брошекъ и т. п. Особенно охотно шеголяютъ онѣ, являясь, въ праздники, въ храмъ Воскресенія, где откупаютъ мѣста, устраи- ваютъ себѣ локни на возвышенныхъ и видныхъ мѣстахъ, ме- жду массивными илестрами, поддерживающими великолѣп- ный чугунный куполъ надъ ротондой кувукли (часовня гроба Господня). Вотъ гдѣ, особенно, въ великіе праздники: въ день Православия (первое воскресенье Великаго поста), въ Вербное воскресенье, въ субботу Страстной недѣли и въ великую ночь Христова Воскресенія собираются всевозможные восточные типы Аравіи, Синаи, Іемена, Месопотаміи, Сиріи, Арменіи, Курдистана... и свѣтъ откуда... Тутъ уже не до молитвы!

А вотъ когда:

Бьетъ одиннадцать. Бросаю на интересной главѣ Фаррара, лишьну, одѣваюсь. Я опоздалъ... а потому — иду одинъ. Выхожу на Яффское шоссе. Боже, что за прелесть — іерусалимская почва!

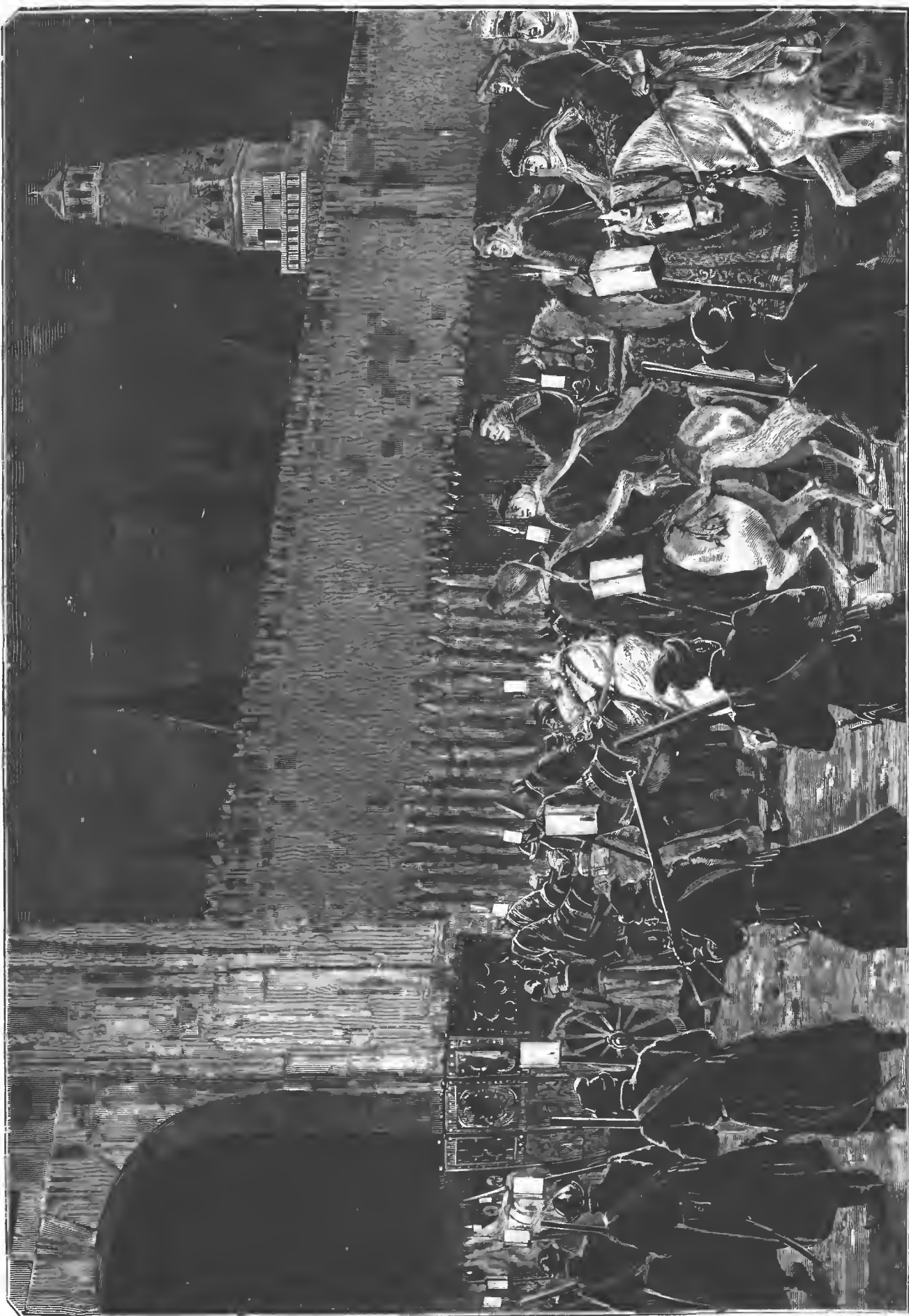
Какъ легко ды- шится, что за раз- долье для легкихъ! Тихо, не шелестятъ листья на де- ревахъ, пусто... Почва не проглядываетъ. Черная нелена го- ритъ яхонтами и рубинами. Мир- ада звѣздъ. По- перекъ, во весь воображаемый ку- полъ, стелется бѣ- лесоватый, точно взрытый, млечный путь. Вотъ нашъ русскій Стожаръ, советъ уже легъ на сѣверѣ, точно какой-то опроки- нутый тропь, ря- домъ Малая Мед- ведница, съ едва виднѣющейся По- лярной звѣздой: вотъ своеобраз- ный Сатурнъ, блестящій Юпитеръ... Бездна необъят- ной вселенной — развѣ это не под- готовленіе, не па- строеніе къ пред- стоящей молитвѣ. Поворотъ въ Яфф- скихъ воротахъ, два- три тусклые фонаря плохо освѣщаютъ путь. Тихонько спуска- юсь по отлогимъ ступенямъ хареть- зъ-Халиль. Мѣст- ность такъ знако- ма, что тебѣ не помѣха. Вотъ тутъ, въ стѣнѣ, знаю, пиша, въ которой едва вытянуться можетъ ночной сторожъ, звонко раздастся его храпъ... спускаюсь, поворачиваю... подъ своды Патриархіи... наконецъ, — площадь храма. Врата на зам- кѣ, и ключъ давно въ карманѣ власти пѣющихъ. По власти здѣсь и багшиши. Патриаршіи кавасы, гремя будагой по дра- м- римымъ плитамъ, проводятъ ко входу въ кувуклю. Зав-

Турецкій полицейскій.

Говѣльщики изъ дальней деревни на пути въ село. О; ил. рис. (собств. „Нивы“) К. Наразина. грав. М. Гашевскій.

Поездъ Московской царицы, возвращающейся въ Кремль съ богомоля.
По старинной гравюрѣ, рис. (собств. "Нивы") Сафонова. Грав. Флюгель.

тра всѣмъ русскимъ памятное 2-е марта. На высокомъ золотомъ тронѣ, противъ входа, маститый патриархъ Никодимъ; у мраморныхъ скамей, вдоль помоста ко входу, — консулы и свита въ нарядныхъ мундирахъ, нѣсколько дамъ...

Пробираюсь мимо, къ самому входу. Слава Богу, — не совѣмъ опоздалъ. Раздается: „Благослови, блаженнѣйшій Владыко!“ — начинается литургія... Царскій праздникъ и литургія Воскресенія!.. Вотъ часъ прекрестней, душевной молитвы...

Скорбная верба.

Историческій набросокъ П. Н. Полевого.

Мартовскій, яркій и довольно теплый денекъ свѣтилъ и еяла надъ Москвою Бѣлокаменную; съ крышъ текло и капало; большія темныя лужи всюду стояли на улицахъ; мутныя ручьи бѣжали съ холмовъ къ Пеглинной, къ Москвѣ и Яузѣ, и ихъ неумолкаемое журчанье, вмѣстѣ съ веселымъ чиликаньемъ воробьевъ подъ стрѣхами и въ садахъ, должно было всѣмъ москвичамъ напоминать о наступленіи весны, етоль жгучей послѣ морозовъ суровой и продолжительной зимы 1611 года. Но и весна красная не радовала, послѣ всѣхъ тяжкихъ испытаний и грозныхъ событій послѣдняго времени.

— Что дѣлать завсегда? Безголовые всѣхъ насъ одолѣло! толковали москвичи, толпясь на торжахъ и базарахъ. — Безъ царя и Дума боярская не много сдѣлаетъ!

— Да еще и Дума-то какова! Кромѣ Мстиславскаго, да еще двоихъ-троихъ бояръ, всѣ силошъ измѣнники, предатели, королю Польскому да чорту Думу продали! Не даромъ же святѣйшій отецъ, патриархъ Ермогенъ, отъ этой Думы, какъ отъ нечисти сторонится!

— Ужъ это вѣстимо: „блаженъ мужъ иже не идеть на советъ нечестивыхъ“.

— А правда-ли, братцы, будто святѣйшаго патриарха Лихи проклятые за приставы взяли?

— Сказываютъ, будто правда... Потому ужъ оченъ злы на него за тѣ грамоты, что онъ велѣлъ честью по церквамъ... Ну, вотъ будто бы и не допускаютъ къ нему ни миряны, ни духовныхъ...

— Да какъ же смѣютъ они? Какъ смѣютъ-то! раздавались въ толпѣ голоса. — Кто имъ волю далъ?

— Кто волю далъ? — поясняя толпѣ старый, сѣдой торговецъ, почтенной наружности. — Измѣнники волю дали! Внутили пана Гостѣвскаго, вмѣстѣ съ гетманомъ, въ Москву, дали ему записать польскими да нѣмецкими наемниками и Кремль, и всѣ башни Бѣлаго города — ну, вотъ они надъ нами пананами и стали! Патриархъ имъ не любъ — не въ ихъ руку гнѣтъ — они его за приставы... Изъ бояръ кто не угодить — и его куда-жс...

— Да долго-ли же намъ это терпѣть! замутила толпа на разные лады. — Вѣдь мы не Гостѣвскому съ гетманомъ присягали, а польскому королевичу Владиславу, да и то, коли онъ православье приметъ!..

— Ну, это, братцы, еще улитка ѣдетъ, когда-то будетъ!.. Мы королевичу присягали, а король Жигимонтъ отъ своего имени указы шлетъ и бояръ помястными жалуетъ...

— Чего съ ними разговаривать!.. Перебить ихъ всѣхъ, какъ собакъ — и вся недолга!.. завопило нѣсколько голосовъ въ толпѣ около почтеннаго, сѣдова торговца.

— Нѣтъ, братцы, безъ отца-патриарха, да безъ его приказа, мы ихъ нечистой крови пролить не дерзнемъ!.. Вотъ, Богъ дастъ, послѣзавтра, въ Вербное Воскресенье, какъ онъ послѣдуетъ на ослати изъ Кремля къ Покровскому собору, такъ тутъ его увидимъ и умолимъ, — пусть намъ укажетъ, какъ намъ быть, пусть намъ развяжетъ руки... Пусть благословитъ управиться съ врагами Церкви Христовой!.. Тогда шнос дѣло!

— Вѣрно, вѣрно говорить дядя Семенъ! послышались болѣе спокойныя возгласы. — Тутъ, на всенародномъ-то множествѣ, во время шествія съ вербою, пусть только слово скажетъ отецъ-патриархъ — отъ Ляховъ и драху не останется! Вѣдь въ этотъ великій день не токма-что вся Москва въ Кремль, да на Красную площадь сбѣжится, а еще изъ всѣхъ деревень подмосковныхъ почитай столько же народу въ городъ сбегается... Вотъ тогда-то...

Рѣзкій звукъ трубъ и барабановъ, раздавшійся за поворотомъ улицы, заставилъ толпу смолкнуть. Изъ-за угла, выступая стройными рядами на торговую площадь, еъ барабаннымъ боемъ и музыкой, шли два полка польскихъ ратниковъ. Закованные въ желѣзо, вооруженные съ ногъ до головы, подобранные молодецъ къ молодцу, уеатые нолькіе воины сурово смотрѣли на разеупившуюся передъ ними толпу народа, бросая на все недоброе взгляды изъ-подъ своихъ шишаковъ. Солнце играло на стволахъ ихъ мушкетовъ, вскинутыхъ на плечо; весенній вѣтерокъ пралъ ихъ рваными знаменами, и звяканье оружія вторило ихъ мѣрному, тяжелому шагу.

— Стоябавши, собаки! послышались голоса въ толпѣ. — Разъ по два въ дѣсь со своими хоругвями по городу-то ходить!..

— И снать въ доснѣхахъ, не раздѣваясь, не покладая оружія... Боятся, чтобы врасплохъ ихъ не застали!..

— Ну, вотъ посмотримъ, что-то Вербное Воскресенье намъ принесетъ?

Слухъ о томъ, что въ городѣ замѣтно сильное броженіе, что къ торжественному празднованію Вербнаго Воскресенія гото-

вится въ народѣ что-то недоброе — страшно перенормило пана гетмана и его военныхъ товарищей. Долго толковали они между собою, какъ имъ поступить, что предпринять, ради предосторожности? Огнѣннѣй церковный обрядъ — значило озлобить москвичей; запретъ доступъ въ Китай и Бѣлый-городъ, занявъ ворота ихъ сильною стражею — было небезопасно, потому что сразу могло вызвать волненіе, и тогда отряды польской стражи очутились бы между двухъ огней, потому что шассеніе Бѣлаго-города и Китая-города могло подняться, какъ одинъ человекъ... Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, которые продолжались далеко за полночь, съ субботы на воскресенье, папы-братъ порѣшили, что имъ слѣдуетъ сосредоточить всѣ свои силы въ Кремль и на Красной площади — главныхъ мѣстахъ дѣйствія священной процессіи.

— Ни въ Кремль, ни на Красную площадь не слѣдуетъ допускать ни одного человека! рѣшено было на советѣ. — Улицы, выходящія на площадь, загородить полками и въ каждую направить по двѣ пушки. Такъ же точно окружить войсками — пѣхотой и конницей соборъ Покровскій и спускъ на Москворѣчку, а всѣ ворота въ Кремль запретъ, кромѣ Фроловскихъ, и со стѣнъ Кремля на площадь направить всѣ орудія!

Согласно этому рѣшенію, уже на разсвѣтѣ, нѣмецкія и польскія дружины обширнымъ кругомъ охватили громадную площадь, Покровскій соборъ и всѣ подступы къ Кремлю. Орудія, обращенныя жерлами вдоль улицъ и готовые разить наступающія толпы, грозно выдвигались изъ густыхъ рядовъ пѣхоты и конницы, обставленной группами пушкарей и зашишниковъ, державшихъ въ рукахъ зажженные фитили. У конницы сабли были на-голубъ; у пѣхоты мушкеты, опертые дуломъ на желѣзные рожны, готовы были къ огненному бою... Всѣ были на мѣстахъ, когда началась въ Кремлевскихъ соборахъ перевозка, предшествовавшая выходу шествія изъ Успенскаго собора.

Вотъ изъ соборнаго храма, съ великимъ трудомъ, патриарше слуги и стольники вынесли большое дерево, украшенное зелеными бумажными листьями и такими же разноцвѣтными цвѣтами, увѣшанное яблоками, пшеномъ, смоквами и финиками. Вынесли, укрѣпили его въ крестовины, обмотавши цвѣтнымъ сукномъ, и поставили на двои санн, раззолоченныя, разукрашенныя, запряженныя шестерикомъ бѣлыхъ коней, въ богатомъ уборѣ. Подъ деревомъ стояли пять огроковъ въ бѣлой одеждѣ. За санями размѣстились хоры соборныхъ пѣвчихъ и причты различныхъ церквей въ праздничныхъ ризахъ, съ кадильницами, хоругвями и иконами. Богъ, наконецъ, отвязали отъ рѣшетки и осли (т. е. лошади, прикрытую попоной и наголовной кантурой изъ бѣлой матеріи) и подвели къ соборному крыльцу, съ котораго, опираясь на посохъ и на руку своего боярина, сходилъ самъ государь-патриархъ — высочій, суровый, маститый старецъ.

Окинувъ съ крыльца пламеннымъ взглядомъ ряды духовенства и небольшую кучку бояръ, отвѣшавшихъ ему низкіе поклоны, онъ произнесъ громкогласно:

— Гдѣ царь вашъ, бояре, который еще въ прошломъ году велъ осли мос подъ-уздцы?

Князь Гундуковъ, который избранъ былъ боярами вестн ося патриаршее, приблизился къ старцу съ поклономъ и почтительно принялъ поводъ изъ рукъ патриарша боярина.

— Гдѣ же народъ, гдѣ вѣрніи мои, гдѣ толпы меня при- вѣтствующія, яко Христа, и ликующія, и веселящіяся празднику Ваиъ?

Онъ опять обвелъ своимъ суровымъ и вопрошающимъ взглядомъ безмолвныхъ бояръ, грустно понурившихъ головы, и, какъ бы отвѣчая самъ на свой вопросъ, добавилъ:

— Вижу только предателей, продавшихъ душу дьяволу, а Церковь Христову латинянами!

Тутъ онъ занесъ ногу въ стрема, сѣлъ, по обычаю, въ сѣдло бокомъ, — и шествіе двинулось, оглашая пустыя улицы Кремля нѣмымъ священнымъ нѣспоушій. Въ Фроловскихъ воротахъ пришлось шествію протѣсниться еквозъ густые ряды польско-литовской пѣхоты, которая молча и съ усмѣшкой поспраивала на чуждый, незнакомый церковный обрядъ.

Патриархъ Ермогенъ, выйдя изъ-подъ воротъ на площадь, думалъ хоть здѣсь увидѣть народъ: онпирался лѣвою рукою на златокованное Евангеліе, онъ правую приговаривая благословлять толпу, всегда шумною волною окружающую шествіе въ былые годы. Но ожиданія его обманулись: и онъ, и все духовенство очутились среди пустой площади, обставленной всюду по краямъ живою етѣной шнозмой рати, закованной въ желѣзо. Нигдѣ, даже въ улицахъ, примыкавшихъ къ площади, не видать было ни души: грозныя приготовления Ляховъ всѣмъ внушили опасенія; москвичи боялись ихъ коварства и сидѣли по домамъ. Городъ словно вымеръ весь...

Опустивъ свою благословляющую десницу, маститый старецъ грустно пошпикъ головою.

— Некого и благословить мнѣ, некому раздать вѣтви освещенной Вайи!

Но уныніе не надолго овладѣло мощною душою Еρμοгепа. Возвращаясь обратно отъ Покровскаго собора въ Кремль, патриархъ обратился къ князю Гундуру:

— Иду подъ затворы, и положу храненіе устамъ моимъ. Но скажи отъ меня вѣрнымъ моимъ, да не оскудѣваютъ духомъ, да соединятся душами и тѣлами на борьбу съ невѣрными!

Римскій центуріонъ.

Эклога К. Марива.

Его ввели внутрь двора. Было часовъ около 10 утра. Весь судъ производился съ изумительною, неестественною поспѣшностью. Во дворѣ суда собрали солдаты. Безъ шпихъ нельзя было обойтись при совершеніи казни, и эти солдаты, подкупленные и подзадориваемые еврейскими князьями и старѣйшинами, стали бить Осужденного.

Такъ же, какъ и ночью во дворѣ первосвященника, Его били по головѣ, плевали на Него, надѣли на голову Его вѣнокъ изъ терновника и ударили тростью по вѣткамъ, чтобы шпихи крѣпче впились Ему въ голову. Такъ же, какъ и ночью, римскіе солдаты смѣялись падъ Нимъ, называя Его царемъ, и, ставовясь на колѣни, кланялись Ему, повторяя лишь то, что ночью дѣлали іудейскіе аристократы.

Но послѣ этого истязанія (въ теченіе послѣднихъ 13 часовъ Его били три раза) Онъ такъ ослабѣлъ, что дальѣе терзать Его было не безопасно.

Когда Его повели на казнь, Онъ еле могъ идти, силы измѣнялись Ему, а крестъ нести, какъ хотѣли заставить Его, — было немислимо... Онъ пронесъ его нѣкоторое время и усталъ подъ его тяжестью... и крестъ пришлось нести Симону Киринейскому.

Пародъ, забывъ, что завтра великая суббота, а сегодня день молитвы, кричалъ и бѣжалъ за Нимъ.

Тутъ были и враги Его, и люди, равнодушные лично къ Нему; были и такіе, которые жалѣли Его, одинъ просто, какъ человѣка, другіе, какъ праведника, третьи, — какъ пророка. Были въ толпѣ и торжествующіе князья, и старѣйшины іудейскіе, и тамъ же люди униженные, сердца которыхъ разрывались и все же разорваться не могли, — Его ученики и послѣдователи...

Его распили. Но и тутъ заправили этой казни, іудейскіе аристократы, не пожалѣли Его, по ихъ понятіямъ, уже безсильнаго. Они мстили Ему, имъ было не до жалости, и, зная, какъ насмѣшка дѣйствуетъ, вообще, на человѣка, они собиравшись въ группы и говорили: „другихъ спасать, а Себя не можетъ спасти...“

Имъ хотѣлось, какъ можно болѣе, отягчить Его послѣднія минуты, и, казалось, они достигли своего желанія. Онъ вдругъ проговорилъ: „Боже Мой, за что оставилъ Ты Меня?“

Аристократы ликовали, и пародъ еврейскій — глумался, грубая чернь, видя примѣръ своихъ учителей и ученыхъ, ликовала, выѣстъ съ нимъ, и римскіе солдаты, на которыхъ все еще дѣйствовалъ еврейскій деньги, тоже...

Но между ними, этими солдатами, были и такіе, которые не одобряли совершающейся казни.

Центуріонъ, котораго звали Логгинъ, съ тяжелымъ чувствомъ состраданія, тоски и порицанія наблюдалъ за Распинаемымъ, Его послѣдователями, Его Матерью, пробравшеюся къ самому кресту, за своими подчиненными и еврейскою толпою.

Человѣкъ богатый, имѣвшій номѣсты вблизи Каппадокіи, хорошо образованный, онъ былъ лично извѣстенъ кесарю и славился въ высшихъ и низшихъ слояхъ общества, между своими и покоренными, необычайной честностью, неподкупностью и прямою.

Стоя напротивъ креста, онъ старался теперь помнить лишь одно, что главное достоинство воина — безирекословное повиновеніе начальству — и, потому, молча, не запрещаая и не останавливая, смотрѣлъ на то, какъ солдаты бросали жребій, дѣлили одежды и впоили Распятаго. Но онъ зналъ, что двое изъ его подчиненныхъ, такъ же, какъ и самъ онъ, съ возмущеннымъ духомъ присутствовали тутъ, при этой казни, и, чѣмъ долѣе стоялъ онъ, чѣмъ внимательнѣе наблюдалъ за всѣмъ происходившимъ, тѣмъ болѣе росло у него что-то въ душѣ, что-то сложное, тревожное и, вмѣстѣ, новое, широкое, благородное и прекрасное, открывавшее какіе-то невидѣнные доселѣ просторы. Когда, въ полдень, настала тьма и не прошло отъ трехъ часовъ понолуица, а въ три часа сдѣлалось землетрясеніе, и Распятыи испустилъ духъ, въ душѣ язычника слышалось просвѣтленіе.

Теперь уже онъ не могъ молчать, никакая военная дисциплина не могла удержать его, и онъ, съ двумя подчиненными, громко исповѣдалъ начало и суть того, что впоследствии стало вѣрою многихъ народовъ. Онъ называлъ Казненнаго Сыномъ Божиимъ *).

*) Еванг. Марка, гл. 15, ст. 39.

Скажи имъ: еще не Господь хранить градъ, все трудается страгунѣи.

— Скажу! Все скажу, государь-патриархъ! прошепталъ глубоко-тропнутый князь Гундурувъ.

Два дня спустя, 19 марта, вся Москва, какъ одинъ человѣкъ, возстала противъ поляковъ, и, при помощи подоспѣвшаго ополченія Ляпунова, осадила ихъ въ Кресты и Кутафь-городѣ: началось великое дѣло освобожденія Москвы и всей Руси отъ наглыхъ пришельцевъ и насильниковъ.

Между тѣмъ іудейскіе старѣйшины не дремали. Смерть на крестѣ часто наступала на вторые, третьи и четвертые сутки и происходила не столько отъ самой казни, сколько отъ соединенныхъ съ ней страданій и голода — и старѣйшины пришли просить правителя, чтобы искусственнымъ образомъ ускорить смерть казненныхъ. На слѣдующій день была великая суббота — память освобожденія евреевъ отъ рабства египетскаго, и не годилось, чтобы видъ казненныхъ портилъ впечатлѣніе праздника.

Правитель согласился. У римлянъ было въ обычай ускорять, изъ состраданія, крестную смерть, прощая мечемъ сердце казненныхъ, и на этотъ разъ прокураторъ не увидѣлъ въ просьбѣ евреевъ ничего предосудительнаго.

Заручившись разрѣшеніемъ, торжествующая іудейская знать послала еще вопновъ *) на мѣсто казни съ приказаніемъ перерубить голени у распятыхъ.

Воины исполнили приказаніе, пошли за-городъ и, придя на Любое мѣсто, передали приказаніе центуріону. Тотъ безирекословно велѣлъ привести приказаніе въ исполненіе, и солдаты стали перерубать голени у мучившихся и стонавшихъ разбойниковъ. Лишивъ жизни сначала одного, потомъ другого, они подошли подъ конецъ къ безмолвному Иисусу и, къ удивленію своему, замѣтили, что Онъ вписъ на крестѣ тихо, недвижно, потому что былъ уже мертвъ.

Надобности перерубать голени, т. е. уродовать тѣло, не окзывалось, но все же необходимо было исполнить приказаніе начальства, убѣдиться, что Онъ уже мертвъ, чтобы живымъ не снять Его со креста.

И вотъ, во исполненіе военного долга, одинъ изъ воиновъ, кто говорилъ, самъ Логгинъ, мечемъ пронзилъ ему ребра. Брызнула кровь и вода, и одна изъ капель попала на глаза центуріона...

Наступилъ вечеръ, все было совершенно: пасхальный Агнецъ принесенъ въ жертву, и люди, не вѣдавшие того, что они сотворили, стали спѣшить домой, чтобы ѣсть, какъ повелѣлъ Моисей, — одѣтыи по-дорожному, препоясанными, — непорочныхъ ягнятъ, съ горькими травами.

Логгинъ тоже вернулся въ Іерусалимъ. Тамъ, у крестовъ, остались только тѣ, которые должны были хоронить тѣла казненныхъ...

Хоронили ихъ, обыкновенно, очень поспѣшно сами-же совершавшіе казнь, т. е. наемники правительства, и потому Иосифъ изъ Аримаеи, узнавъ, что Онъ уже умеръ, поторопился просить, какъ милости, чтобы ему позволили честно похоронить тѣло Распятаго. Какъ членъ еврейскаго совѣта, т. е. человѣкъ знатный, онъ имѣлъ болѣе надежды на успѣхъ своего ходатайства передъ прокураторомъ и, дѣйствительно, добился исполненія своей просьбы. Правитель сначала только не повѣрилъ, что Онъ уже умеръ, но, призвавъ къ себѣ центуріона Логгина и узнавъ отъ него подробности смерти Иисуса, онъ разрѣшилъ уважаемому члену еврейскаго совѣта взять тѣло Казненнаго...

Настала суббота — день отдыха отъ всѣхъ дѣлъ; но еврейская знать не отдыхала. Узнавъ объ Иосифѣ Аримаеискіи, который до сихъ поръ скрывалъ, что онъ послѣдователь Иисуса, аристократы не могли быть спокойными. Всякія подозрѣнія и козни рождались въ ихъ умахъ, и, несмотря на день седьмой, посвященный Господу Богу, они пошли вновь тревожить правителя своими онасеніями.

Выслушавъ ихъ, прокураторъ прогнѣвался. Они съ ранняго утра ятпичи не давали ему покоя, заставили его сдѣлать то, за что совѣсть унекаетъ его вторые сутки, воспоминаніе о чемъ — онъ знаетъ это — всю жизнь будетъ теперь преслѣдовать его, и онъ съ досадою отвѣтилъ имъ: „Вы имѣете стражу,“ т. е. „я со вчерашняго еще дня предоставилъ ее вамъ, въ ваше распоряженіе, дѣлайте, какъ хотите, какъ знаете, оставьте меня“.

И вновь удовлетворенная еврейская знать приказала легионамъ, отъ имени правителя, стеречь тѣло Иисуса, чтобы ученики не украли Его, приказала имъ идти скорѣе, торопиться къ саду Иосифа Аримаеискаго.

Центуріонъ отнравился исполнять свою сторожевую обязанность — на него, особенно, было возложено порученіе охранять садъ до третьяго дня.

*) Еванг. Іоанна, гл. 19, ст. 32.

Солдаты могли еще быть подкуплены, могли пропустить Его учеников в пещеру, и тогда могли выйти всякія осложненія, но на Логгина нельзя было подумать этого. Онъ былъ самъ богатъ, и честность его стояла выше подобныхъ подозрѣній, и іудеи, во многихъ словахъ растолковавъ ему, въ чемъ дѣло и чего надо опасаться, просили его неукоснительно исполнить свой долгъ. Логгинъ слушалъ, не говоря ни слова. Съ нимъ за это время произошло нѣчто необычайное.

Онъ долго страдалъ глазами, и вотъ теперь, послѣ того, какъ кровь Распятаго попала ему на глаза, онъ чувствовалъ, что прошла боль, исчезло воспаленіе.

Но онъ самъ, по человечеству, сомнѣвался въ происшедшемъ, молчалъ о немъ, стараясь приписать печальное какинъ-нибудь другимъ причинамъ, и только упорно и внимательно слушалъ наставленія и объясненія старѣйшинъ. Онъ чувствовалъ, что ему предстоитъ великое дѣло, онъ самъ хотѣлъ провѣрить себя и все видѣнное, и рѣшился, не ради іудейской знати, но ради того, что проходило у него на душѣ, неуспѣшно стеречь и садъ, и пещеру, и печать, возложенную на камнѣ...

Прошла суббота, и не случилось въ этотъ день ничего неожиданнаго. Въ саду было тихо и пусто. Наступилъ разсвѣтъ перваго дня недѣли, и вдругъ сдѣлалось великое землетрясеніе *). Логгинъ и солдаты пали отъ страха на землю, но они, единственно, они — язычники, видѣли это воскресеніе.

Сами ученики и послѣдователи Христа не знали о немъ, даже не ожидали его **), какъ не знали они и того, что еврейскіе начетники и первосвященники, научившіе писаніе, ожидали чего-то, и поставили римскихъ воиновъ охранять пещеру, гдѣ лежало тѣло Распятаго, Которому надлежало воскреснуть, если Онъ былъ Мессія. Не слышала и Марія Магдалина ничего о центуріонѣ и стражникахъ и, выйдя ночью изъ дома, какъ только миновала суббота, всю дорогу отъ города до еяда Иосифа безноклалась о томъ, кто поможетъ ей отвалить камень отъ гроба. Ей, жепищи, немисливо было едѣлать это одной. И вотъ, когда увидѣла она, что камень отъ гроба отваленъ — она подумала, что враги похитили тѣло Распятаго, и, заливаясь слезами, побѣжала назадъ въ городъ. Между тѣмъ центуріонъ и солдаты съ великой поспѣшностью пошли въ Иерусалимъ и тамъ стали рассказывать и во дворцѣ, и евреямъ о случившемся.

Іудеи ужаснулись. Такъ вотъ Онъ Мессія, не могущеевственный повелитель міра, какъ хотѣлось народной гордости, тиславию и сребролюбю, а Царь другого Міра, Распятый на крестѣ! Нѣтъ, нѣтъ, это не можетъ быть, не должно быть! Этого нельзя допустить! И они стали давать еще денегъ римскимъ солдатамъ, а Логгина и двухъ легіонеровъ, отказавшихся брать деньги, возненавидѣли, какъ Самого Распятаго...

„Вокрестъ Христосъ, воскресъ! Я это, мы это видѣли! съ восторженностью очевидно твердилъ Логгинъ, — какъ же вы хотите, чтобы я молчалъ?“ И вокругъ центуріона собиравшись толпы, слушали его и начинали вѣрить.

Христосъ, между тѣмъ, еталъ являться своимъ ученикамъ. Молва о Его воскресеніи все болѣе распроетранялась. Еврейская аристократія неистовствовала. Она собиралась, обшудала мѣры, какіи можно предпринять, чтобы задуть въ началѣ религиозное, всенародное, всесловное движеніе. Напуганный, слабодушный, сбитый съ прямого пути прокураторъ принималъ участіе въ іудейскихъ совѣщаніяхъ. Ему растолковали старѣйшины и еврейскіе ученые, что вѣра въ Распятаго и Вокрестнаго грозитъ такимъ переворотомъ, передъ которымъ не устоитъ ни одинъ земной царь и правитель. Всѣ будутъ стерты, смты съ лица земли, и прокураторъ повѣрилъ, такъ какъ факты, казалось, подтверждали эти опасенія.

Центуріонъ Логгинъ, уважаемый до сихъ поръ всѣми, какъ честный солдатъ, ласкаемый кесаремъ, достигннй высокаго военного достоинства, вдругъ оказался чѣмъ-то въ родѣ напѣивка.

Послѣ 16 марта онъ сложилъ съ себя военное званіе, и вмѣстѣ съ двумя подчиненными, также покинувшими легіоны, сталъ вести уединенную жизнь, отказываясь отъ общенія съ прежними знакомыми.

За нимъ и его товарищами начали слѣдить... Оказалось, они вошли въ сношеніе съ учениками Распятаго и, принявъ отъ нихъ крещеніе, собрались куда-то. Дѣйствительно, бывший центуріонъ отправился въ Каппадокію проповѣдникомъ. Тогда еврейская аристократія стала убѣждать прокуратора набавиться отъ Логгина. Но евреямъ было легко сказать „набавиться!“ На самомъ дѣлѣ, какъ было набавиться отъ человека, не сдѣлавшаго ничего предосудительнаго и лично извѣтнаго кесарю? Вѣдь, это былъ не безправный іудей!

Однако, напуганный еврейскими учеными, напуганный собственными наблюденіями, прокураторъ рѣшился усилить надзоръ на Логгина. Логгинъ тѣмъ временемъ проповѣдывалъ въ Каппадокіи, и проповѣдь его, какъ очевидно, была такъ искренна, горяча и вдохновлена, что въ скоромъ времени почти вся Каппадокія приняла новую вѣру. Тогда гнѣву еврейской аристократіи не етало границъ.

*) Еванг. Маттея, гл. 28, ст. 2. Есть основаніе предположить, что слова эти записаны въ Евангеліе Апостоломъ со словъ самого Логгина.

**) Еванг. Іоанна, гл. 20, ст. 9.

Старѣйшины и архіерен негодовали на прокуратора за то, что онъ допускаетъ проповѣдь, собиравшись, клаяи, поносили его за малодушіе, по вмѣстѣ съ тѣмъ они чувствовали, что это малодушіе даетъ надежду на возможность подкупа.

Нужно было только не скупиться, и іудейскіе аристократы, какъ ни дорого могло это стоить имъ, рѣшились жертвовать своими личными средствами для достиженія цѣли.

Прокураторъ не устоялъ... Прошло нѣкоторое время, и доносъ, написанный подъ диктовку іудеевъ, былъ посланъ Тиверію.

Бывшій центуріонъ обвинялся въ государственной измѣнѣ, обвинялся въ томъ, что онъ царемъ не признаетъ Римскаго императора, а наметъ себѣ какого-то иного Царя и етарается привлечь къ Нему народъ.

Тиверій, послѣ возстанія противъ него рейнскихъ и дунайскихъ легіоновъ, особенно былъ строгъ къ „вольнодумцамъ“ въ войскахъ, и іудеи разсчитали вѣрно, посылая подобный доносъ.

Пришелъ отвѣтъ съ мрачной, окруженной рифами, скалы, гдѣ заточился кесарь, и еврейская знать вздохнула евоободно. Тиверій велѣлъ отрубить голову государственному измѣннику, еврею же убѣдили правителя, что голову эту послѣ казни необходимо привезти въ Иерусалимъ для удоевѣренія. Въ Каппадокію отправлены были легіонеры, бывшие подчиненные Логгина, съ приказаніемъ отсѣчь ему голову мечемъ, если онъ не отречется отъ своего Царя и не принеетъ жертвы народнымъ божествамъ.

Бывшій центуріонъ въ это время жилъ въ мѣстѣ своего отца, безсознательно готовясь поетомъ и молитвою къ участи, которая не замедлила послѣдовать...

Перемѣна жизни такъ же, какъ и перемѣна одежды, сильно отозвалась на его внѣшности. Мало кто могъ бы въ немъ теперь узнать прежняго воина. И дѣйствительно, посланные за нимъ солдаты не узнали его. Онъ же, получивъ откровеніе, что ему предстоитъ мученическая кончина, съ свѣтлымъ челою и ласковой улыбкой, пошелъ навстрѣчу легіонерамъ. Не зная, гдѣ именно живетъ ихъ бывший начальникъ, солдаты, встрѣтивъ его, обратились къ нему съ просьбой указать имъ домъ Логгина. Наступалъ вечеръ, и Логгинъ, видя утомленіе воиновъ, шедшихъ изъ Иерусалима, вмѣсто отвѣта, проеелъ ихъ зайти въ его домъ отдохнуть, обѣщая имъ на утро указать жилище того, кого они ищутъ. Воины согласились. Логгинъ ввелъ ихъ въ домъ своего отца и приказалъ елугамъ устроить для гостей ующеніе. Всю вечеръ провели солдаты за роскошной трапезой. Вино развѣвало имъ языки, и они рассказали радужному хозяину, зачѣмъ они посланы, по, тотчасъ епохватившее, молли его хранить тайну... Логгинъ кротко улыбался. Узнавъ же отъ солдатъ, что, кромѣ него, нѣтъ повѣстно казнить и двухъ друзей его, онъ вышелъ изъ-за трапезы и, тайно отъ гостей, послалъ гонца за енодвижниками своими.

Настала ночь, и солдаты, утомленные дорогой, заснули. Тогда Логгинъ началъ молиться. Духъ его евѣталъ; ни страха, ни жалости расетаться съ жизнью онъ не испытывалъ. Напротивъ, душа его евалае изъ тѣсной, земной темницы, неземной восторгъ наполнялъ ее, и когда, ноутру, елуги доложили ему, что тѣ, за которыми онъ посылалъ ночью, тутъ, что они пришли, онъ вышелъ къ нимъ и, обнявъ, привѣтствовалъ ихъ: „Радуйтесь! скажалъ онъ, — наступилъ часъ всеелія вашего и моего, и нашего освобожденія. Сегодня мы вмѣстѣ предетамемъ предъ Господомъ нашимъ, передъ Христомъ, смерть Котораго, и погребеніе, и воскресеніе мы видѣли! Радуйтесь!“ Затѣмъ онъ передалъ имъ все слышанное отъ легіонеровъ и ввелъ ихъ въ домъ свой, гдѣ воины, проспавшись, уже ожидали хозяина, обѣщавшаго указать имъ жилище, когда апоетоль указалъ имъ на себя, сказавъ, что онъ и есть тотъ центуріонъ, сложившій съ себя свое военное званіе, котораго они ищутъ.

Они не хотѣли вѣрить, чтобы это былъ ихъ бывший начальникъ, и, емущенные нежданностью, смущенные, что имъ придется лишиться жизни того, кто накормилъ, пріютилъ, обогрѣлъ и обласкалъ ихъ, они рѣшили отказаться еполнить данный имъ приказъ; но Логгинъ еопротивился этому. Онъ раскрылъ передъ ними душу свою, рассказалъ, какъ онъ съ друзьями видѣлъ воскресеніе Христа; разекавалъ, какъ они волаюбили Вокрестнаго всей душою и молли *послатъ* его скорѣе къ Господу, Котораго давно онъ жаждетъ видѣть.

„Вы ничѣмъ болынымъ, лучшимъ не можете отплатить мнѣ за мое гостеприимство“, твердилъ Каппадокіеіі проповѣдникъ.

Воины колебались, но Логгинъ съ друзьями одѣлся въ бѣлыя, погребальныя одежды призвать домашнихъ, поговорилъ съ ними, велѣлъ похоронить тѣло свое на холму, недалеко отъ дома, простился со етими, и, преклонивъ колѣна, подетавилъ голову подъ мечъ. Друзья его послѣдовали его примѣру.

Головы ихъ скатились на землю. Воины взяли голову своего бывшаго начальника, положили ее въ мѣшокъ и принесли въ Иерусалимъ.

Еврейскіе князья и старѣйшины съ нетерпѣніемъ ждали ихъ возвращенія. Убѣдившись, что принесенная ими голова

„Верба-хлёсть, бей до слезь!“ Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Земцова, грав. Пястускевич.

дѣйствительно—Логгиня, они выбросили ее въ сорное мѣсто за городомъ, куда свозились нечистоты. Долгое время голова эта лежала тамъ, засыпанная мусоромъ и грязью, и только впоследствии обрѣла ее истинною—одна слѣпая, несчастная, испытанная горемъ вдова, которой Логгинъ явился во снѣ *).

Слѣпая собственными руками разрыла кучу, нашла голову, тихонько приложила ее къ устамъ и получила исцѣленіе, какъ

Къ рисункамъ.

Свѣте Тихій! (Рис. на стр. 269).

Кто внимательно вслушивался, стоя въ церкви, въ наѣвъ и слова православныхъ молитвъ, того не можетъ не поразить удивительное соотвѣтствіе этого наѣва и этихъ словъ съ душевнымъ настроеніемъ молящагося. Кажется, лучше выраженія для охватывающаго человѣческую душу въ эти минуты чувства—будь то радостный или печальный обрядъ,—и придумать нельзя. Кто не испытывалъ, напримѣръ, до слезъ иногда доходящаго умиленья, при торжественно-прекрасномъ пѣніи „Свѣте Тихій!“. Пѣніе это одно изъ олицетвореній, если можно такъ выразиться, молитвы въ словахъ и музыкѣ, точно такъ же, какъ полная выраженія картина Макса можетъ до нѣкоторой степени служить олицетвореніемъ въ живописи молитвеннаго настроенія.

Положеніе во гробъ Иисуса Христа.

(Рис. на стр. 272 и 273).

Подробное воспоминаніе о дняхъ страданія на землѣ Господа нашего Иисуса Христа читатели найдутъ въ помѣщаемой, въ настоящемъ номерѣ, эклогѣ „Римскій цестуріонъ“,—Иосифъ Аримафскій, узнавъ о смерти Спасителя и выпросивъ у Пилата отдать ему тѣло Искушителя для погребенія, послѣшилъ купить длинный кусокъ тонкаго полотна и сплелъ тѣло Христа съ креста. Къ нему присоединился въ этомъ свитомъ дѣлъ Никодимъ, и они убрали полотно смирною и алоемъ. Мѣстомъ погребенія была усыпальница, высѣченная въ скалѣ Иосифомъ въ своемъ саду. Туда, слѣпая окончить все до заката солнечнаго, и положили благоговѣнно тѣло Спасителя, омывъ Его и уснадивъ благовоицами, а истерзанные члены обвить пеленами.

Это и изображалъ съ большимъ чувствомъ въ своей картинѣ Гансъ Тиш.

Послѣдній вздохъ. (Рис. на стр. 277).

Ни въ какой другой отрасли искусства художникъ не стѣсненъ такъ при творествѣ своимъ матеріаломъ, какъ въ скульптурѣ. Скульптура исключительно можетъ воспроизводить только линіи и формы, и вся задача скульптора заключается въ красивомъ сочетаніи этихъ линій и формъ. Поэтому въ скульптурѣ наиболѣе употребительны или одиночныя фигуры, или же составленныя изъ нихъ группы. Составить сцену изъ отдѣльныхъ другъ отъ друга фигуръ для скульптуры возможно лишь въ барельефѣ, но барельефъ, вслѣдствіе своей плоскости, не можетъ дать простора художественному творчеству, и потому относится скорѣе къ такъ-называемымъ „орнаментамъ“, чѣмъ къ истиннымъ произведеніямъ искусства. Горельефъ, т. е. такое скульптурное произведеніе на плоскости, фигуры на которомъ значительно выдаются впередъ, даетъ болѣе простора, разумѣется, для художника, хотя и имъ пользуются сравнительно рѣдко. Г. Антокольскій, однако, весьма счастливо воспользовался своею темой для горельефа. По гравюрѣ, помѣщенной на стр. 277, можно судить о самой техникѣ исполненія и экспрессіи этой новой работы нашего скульптора, экспонированнаго свои произведенія на особой выставкѣ въ Петербургѣ, о которой мы дали уже подробный отчетъ въ свое время и передачу лучшихъ образцовъ которой мы начинаемъ нашею гравюрой въ настоящемъ номерѣ...

Говѣльщики на пути въ село. (Рис. на стр. 280).

Въ жизни русскаго человѣка каждый годъ бываетъ знаменательною пѣдѣля говѣнья. Въ теченіе ея онъ всецѣло отдается молитвѣ и раскаянію о содѣянныхъ грѣхахъ. Особенно замѣтно такое усердіе въ крестьянскомъ быту. Въ немъ, если вѣтъ въ деревнѣ престола, говѣльщики отправляются въ ближайшее село и тамъ, иногда цѣлою семьею, говѣютъ всю недѣлю, исповѣдаются и причащаются. На нашемъ рисункѣ изображено такое переселеніе говѣльщиковъ въ ближайшее село.

Возвращеніе царицы съ богомолья. (Рис. на стр. 281).

Поѣздки царицъ и царевенъ на богомолье по московскимъ и подмосковнымъ обителямъ не даромъ носили на официальномъ языкѣ XVIII вѣка названіе „походовъ“. Это были, дѣйствительно, цѣлые походы, для выполнения которыхъ приходилось поднимать на ноги массу великаго служилаго люда, въ нѣсколько сотъ человѣкъ, снаряжать огромный штатъ придворныхъ, состоявшій изъ мужскаго и женскаго персонала, назначать опредѣленный путь по такимъ-то и такимъ-то улицамъ города

физическихъ, такъ и нравственныхъ своихъ страданій. Съ этого дня ее покинула тоска по незабвеннымъ ея усоніямъ. Она вдругъ поняла, какъ самъ Логгинъ, что эта жизнь только переходъ, дорога къ другому, лучшему существованію, поняла, что самыя горести посылаются часто людямъ не въ наказаніе. а, какъ сказала Христосъ про слѣпорожденнаго: „чтобы на нихъ явилась милость Божія“, чтобы они познали Истину...

или по такой-то дорогѣ, и, въ послѣднемъ случаѣ, назначать для царицы или царевны поѣзда особые *стабы* (т. е. мѣста остановокъ). Какъ въ этихъ *стабахъ*, такъ и по всему пути, принимались весьма тщательныя мѣры предосторожности, главнымъ образомъ, съ тою цѣлю, чтобы ни одинъ посторонній (въ особенности мужской) глазъ не могъ бѣдующихъ на богомолье видѣть. Ради достиженія этой цѣли, поѣзды царицъ и царевенъ ограждали не только многочисленною женскою свитою, сопровождавшею тяжелыя царскія коляски верхами, но и весьма сильною военною охраною, состоявшею изъ стрельцовъ и *жильцовъ* (особый придворный стражъ), которые окружали поѣздъ со всѣхъ сторонъ непроницаемою стѣною. Но и этого казалось мало: при остановкахъ поѣзда въ селахъ или въ стѣнахъ обителей, царевны и царицы, при выходѣ изъ повозокъ, проходили въ предназначенное имъ жилище помѣщеніе позади особыхъ тяжелыхъ (большую частью красныхъ) суконныхъ прикрываній или занавѣсовъ, которые раскидывались на ихъ пути и поддерживались руками царицыной или царевниной служки. Точно такъ же и, присутствуя при богослуженіи, царицы и царевны стояли въ церкви, никому незримыя, подъ балдахинами, съ трехъ сторонъ прикрытымъ сукномъ.

Женская свита, сопровождавшая царицъ и царевенъ, состояла изъ ихъ постельницъ и комнатныхъ боярышень, подъ непосредственнымъ начальствомъ и надзоромъ старшихъ, ближнихъ боярынь, заведывавшихъ и казною царскою. Между тѣмъ какъ старыя боярыни ѣхали въ повозкахъ, молодыя боярыни и боярышни гарцовали кругомъ ихъ на коняхъ, сидя верхомъ по-мужски, на обыкновенныхъ черкесскихъ сѣдлахъ. Такъ рассказываютъ намъ очевидцы, изъ иноземцевъ, долго жившихъ въ Москвѣ по торговымъ или посольскимъ дѣламъ. При этомъ иноземцы прибавляютъ, что свита царицъ и царевенъ состояла изъ женщинъ очень красивыхъ и миловидныхъ, хотя и значительно вредившихъ своей красотѣ слишкомъ обильнымъ употребленіемъ румянъ и бѣлизъ. Иноземцы описываютъ намъ даже довольно подробно оригинальный костюмъ этой женской свиты, состоявшій изъ широкаго верхняго плаща и круглой (войлочной) шляпы съ большими полями, которая подвязывалась у подбородка цвѣтными лентами, поверхъ убруса, окутывавшаго голову.

Художникъ изобразилъ на основаніи вышеуказанныхъ данныхъ возвращеніе царицына поѣзда съ богомолья въ то время, когда онъ въѣзжаетъ въ Кремлевскія ворота. Тутъ и царицына карета, уже въѣзжающая подъ тяжелые своды поротъ, и коляска старая боярыни-казначей, и веселая свита молодыхъ боярынь—окруженная густою цѣпью стрельцовъ съ ружьями и фонарями. Бытовая картинка, напоминающая о давно-минувшемъ... П.

„Верб-а-хлѣстъ — бей до слезъ!“ (Рис. на стр. 285).

Старинный обычай будить спящихъ, утромъ въ Вербное воскресенье, вѣтками вербы соблюдается у насъ по всей Россіи, начиная отъ двorca и кончая бѣдною деревенскою хатой.

Всюду въ этотъ день дѣти слѣшать раньше встать, одѣться скорѣе другихъ и идти приговаривать, похлестывая осторожно вербой: „верба-а-хлѣстъ — бей до слезъ“ или „верба красна—бьетъ напрасно, верба бѣда—бьетъ за дѣло“... И сколько шума, веселья и возни вызываетъ это, въ особенности, въ беззаботной дѣтской жизни...

Нашъ художникъ на своемъ рисункѣ изобразилъ одну изъ такихъ сценъ. Старшей сестрѣ удалось встать раньше другихъ, и вотъ она, къ общему удовольствію, будитъ младшихъ братьевъ, а старушка-няня смѣется, можетъ быть вспоминая и свое далекое, невозвратное дѣтство.

Н. А. Алексѣевъ. (Порт. на стр. 288).

Въ Москвѣ скончался, 11 марта, московскій городской голова, потомственный почетный гражданинъ Николай Александровичъ Алексѣевъ.

Покойный погибъ отъ руки убійцы. 9-го марта, за два часа передъ выборами, новохонерскій мѣщанинъ Андріановъ, психически больной, явившись въ пріемную городского головы, въ качествѣ просителя, на вопросъ Н. А., что ему нужно, выхватилъ изъ кармана револьверъ и, выстрѣливъ два раза въ Н. А., тяжело ранилъ его въ животъ. Н. А. Алексѣевъ, несмотря на искусно сдѣланную ему проф. Клифасовскимъ операцію, несмотря на тщательныя старанія лучшихъ московскихъ врачей и заботливый уходъ окружавшихъ его, въ страшныхъ мученіяхъ, но съ полнымъ сознаніемъ скончался на

*) Житіе Свѣтого, 16-го октября, „Челси Милан“.

рукахъ своей семьи и преданныхъ и чтившихъ его близкихъ друзей и сослуживцевъ. Покойный умеръ на 41 году жизни.

Передъ зданіемъ Думы, гдѣ покойный находился все время, стояли съ ранняго утра и до поздняго вечера толпы народа.

Восемь лѣтъ управлялъ Н. А. городскимъ хозяйствомъ Москвы. Благодаря, главнымъ образомъ, его стараніямъ, Москва обогатилась многими капитальными сооруженіями, возведенными за время его дѣятельности. При немъ введена была улучшенная система водоснабженія, совершенно пмѣнившая къ лучшему санитарныя условія Москвы. Благодаря покойному, были сооружены въ Москвѣ городскія бойни, перестроены заново торговые ряды. Путемъ долгихъ, упорныхъ стараній, Н. А., наконецъ, удалось провести проектъ канализаціи Москвы. Много труда вложилъ покойный на развитіе дѣла начального образованія. Помимо того, что онъ способствовалъ открытію и прсобразованію болѣе 30 городскихъ училищъ, Н. А. пожертвовалъ для Рогожскаго городского училища образцовое, благоустроенное зданіе. Покойный сдѣлалъ массу преобразованій и въ медицинской части, значительно имъ улучшенной. Краснорѣчивымъ доказательствомъ этого служатъ устроенные при немъ, и благодаря ему, хирургическій баракъ при первой городской больницѣ, Серпуховское отдѣленіе для секретныхъ больныхъ, психіатрическая лѣчебница, а также и,

въ Москвѣ, на дачѣ Носва, лѣчебница для душевнобольныхъ, построенная, благодаря особенно горячсму содѣйствию Н. А., на частныя средства. То, чего не могли сдѣлать въ теченіе десятка лѣтъ, было сдѣлано Н. А. въ очень короткое время. Онъ досталъ необходимыя средства и, спустя двѣ недѣли, лѣчебница уже могла открыть свои двери для больныхъ. Когда, въ 1887 г., городскому самоуправленію, вслѣдствіе уничтоженія приказа обществсннаго призрѣнія, были переданы больницы и богадѣльни, въ которыхъ лѣчилось и призвѣвалось болѣе 5000 человекъ, покойный, съ большою личною заботливостію, сумѣлъ быстро упорядочить ихъ. Кроме того, его энергичная дѣятельность проявилась и въ отношеніи другихъ частей городского хозяйства.

Въ ознаменованіе заслугъ покойнаго, Московская дума единогласно постановила принять похороны Алексѣева на счетъ Москвы, ходатайствовать о разрѣшеніи совершить отпѣваніе въ храмѣ Христа Спасителя, возложить серсбриный вѣнокъ, присутствовать на похоронахъ въ полномъ составѣ думы, поставить въ залѣ засѣданія думы портретъ Н. А. Алексѣева, во весь ростъ, выразить вдовѣ и матерн покойнаго глубокое соболѣзнованіе и, съ цѣлью увѣковѣченія памяти покойнаго, ассигновать изъ городскихъ суммъ 200,000 рублѣй на дѣла благотворенія.

Разныя извѣстія.

— 8 марта, Нхъ Императорскіи Величества изволили посѣтить Императорское воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ, С.-Петербургскій вдовій домъ и С.-Петербургскій Александровскій институтъ, а 10-го марта—Николаевскій сиротскій институтъ.

— 9 марта, Его Величество Государь Императоръ изволили принимать, въ торжественной аудіенціи, испанскаго посланника, графа де-Виллагонзало маркиза де-ла-Скала, который имѣлъ честь вручить Его Величеству знаки испанскаго ордена Золотого Руна, пожалованнаго Испанскою королевой-регентшею Его Императорскому Высочеству Великому Князю Владиміру Александровичу.

При аудіенціи, во время которой Государь Императоръ Собственнолично изволили возложить на Его Императорское Высочество Великаго Князя Владиміра Александровича знаки ордена Золотого Руна, изволили нахо-

диться кавалеръ сего ордена Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Николай Александровичъ.

— 6 марта, Августѣйшая Покровительница перваго дамскаго художественнаго кружка, Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елисавета Теоодоровна посѣтила открывшуюся 7 марта выставку кружка, въ Николаевскомъ дворцѣ.

— Начальникъ штаба Московскаго военнаго округа, генералъ-лейтенантъ Духовской назначенъ пріамурскимъ генералъ-губернаторомъ, командующимъ войсками пріамурскаго военнаго округа и войсковымъ наказнымъ атаманомъ пріамурскихъ казачьихъ войскъ.

— Министерствомъ Финансовъ, по соглашенію съ главнымъ управленіемъ почтъ и телеграфовъ, сдѣлано распоряженіе объ откритіи съ апрѣля сберегательныхъ кассъ

при почтово-телеграфныхъ конторахъ въ Туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ.

— Въ текущемъ 1893 году выставки верховыхъ лошадей, 4—6 лѣтъ, будутъ происходить въ г. Елисаветградѣ 25 апрѣля, въ Великокняжеской станицѣ, области Войска Донскаго, съ 31 августа по 2 сентября, въ Вильнѣ 5 сентября и въ Тифлисѣ 1 мая.

— Въ теченіе Великаго поста въ шести волостныхъ сходахъ С.-Петербургской губерніи установлены штрафы за пьянство. Штрафы эти должны быть обращены въ пользу мѣстныхъ церквей и на улучшеніе содержанія церковно-приходскихъ школъ.

— Петербургъ увѣковѣчилъ память М. И. Глинки наименованіемъ одной изъ своихъ улицъ „Глинкинскою“ и постановкою мраморной доски на домѣ въ Эртелевомъ переулкѣ, въ которомъ провелъ послѣдніе дни своей жизни творецъ „Жизни за Царя“ и „Руслана“.

Политическое обозрѣніе.

Жюль Ферри скончался 5 марта въ 6½ часовъ вечера отъ болѣзни сердца, которою страдалъ со времени покушенія на его жизнь въ январѣ 1888 г. Тогда револьверная пуля сплюснулась у ребра, копнузивъ нижнюю часть сердца. Смерть этого важнаго политическаго дѣятеля произошла не менѣе впечатлѣніе, какъ и внезапное избраніе Ферри въ президенты сената.

Совѣтъ министровъ предложилъ палатамъ, чтобы похороны Ферри состоялись на государственныи счетъ, и палата, большинствомъ 296 противъ 170, ассигновала на этотъ предметъ 20,000 фр. Противъ проекта гонорилъ только членъ правой Бодри д'Ассонъ. Затѣмъ палата рѣшила, что въ день похоронъ Ферри засѣданія не будетъ. Въ сенатѣ вице-президентъ Мелинъ произнесъ короткую похвальную рѣчь въ память Ферри.

Дѣло о подкупахъ панамскаго компаніею окончено. Присяжные вынесли, 9 марта, утвердительный отвѣтъ относительно виновности Блондена, Лессенса и Байо и отрицательный относительно Фонтана, Савлеруа, Берали, Дюге-де-ла-Фоконверн, Гоброна и Пру. Вслѣдствіе такого рѣшенія присяжныхъ Лессенсъ и Блонденъ, въ виду смягчающихъ ихъ вину обстоятельствъ, приговорены къ заключенію въ тюрьмѣ; Лессенсъ на одинъ годъ, а Блонденъ на два года; Байо приговоренъ къ лишенію гражданскаго чести, къ заключенію въ тюрьмѣ на пять лѣтъ и къ 750,000 фр. штрафа. Сверхъ того, Байо, Блонденъ и Лессенсъ приговорены, по требованію гражданскихъ истцовъ, къ возмѣщенію убытковъ, размѣръ которыхъ будетъ установленъ государствомъ, и къ уплатѣ 375,000 франковъ ликвидатору панамской компаніи Мошикуру. Прочіе подсудимые оправданы. Въ бесѣдахъ съ газетными корреспондентами, Андриэ и Дезагэ заявили, что вчерашнимъ приговоромъ суда положенъ панамскому дѣлу концъ. Республиканскія газеты отзываются о вердиктѣ присяжныхъ съ одобреніемъ, находя, что онъ выторкиваетъ изъ этого дѣла республику, прскращаетъ сплетни и свидѣлствуетъ, что общественному мнѣнію надобно устроить политическихъ скапдаловъ.

Нѣкоторые изъ газетъ признаютъ, однако, что оправданіе парламентскихъ дѣятелей возлагаетъ отвѣтственность на правительство, которое обязано объяснить, на какомъ основаніи оно требовало возбужденія преслѣдованія противъ нихъ. Радикальные органы говорятъ, что теперь слово должно быть предоставлено избирателямъ. Консервативныя газеты вообще порицаютъ вердиктъ, признавая сго, во всякомъ случаѣ, какъ бы неудачею для правительства.

Въ военной комисіи германскаго рейхстага окончено 5-го марта второе чтеніе военнаго законопроекта. Центръ внесъ контръ-предложеніе къ правительственному законопроекту; въ предложеніи этомъ численность мирнаго состава арміи, устанавливаемая правительственнымъ проектомъ въ 492,068 человекъ, низводится, на срокъ до 30-го октября 1898 года, до 420,031 человекъ. Беннгсенъ предложилъ опредѣлить численность мирнаго состава въ 462,000 человекъ и постановить, чтобы кадры 123 батальоновъ были сформированы лишь на то время, пока будетъ дѣйствовать двухлѣтній срокъ службы въ вѣхотѣ. Имперскій канцлеръ заявилъ, что предложеніе центра принято быть не можетъ, а предложеніе Беннгсена, хотя и сходится съ основною мыслью правительства, но не удовлетворяетъ военнымъ требованіямъ. Что касается покрытія издержекъ, прибавилъ канцлеръ,—то правительство приметъ и другія предложенія на этотъ счетъ изъ среды парламента. По окончаніи чтенія, военная комиссія отвергла военный проектъ большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ шести, принадлежавшихъ консерваторамъ. Затѣмъ комиссія отвергла всѣ прочія предложенія.

Младочехи внесли, 5-го марта, въ рейхстагъ предложеніе о введеніи въ Австріи общаго избирательнаго права. По вычисленію *Народныхъ Листовъ*, въ виду преобладанія славянскихъ народностей въ Австро-Венгріи, указанныя въ предложеніи 400 депутатовъ должны состоять изъ 245 славянъ, 145 вѣмцевъ и 11 итальянцевъ. Славянскіе депутаты распределяются такъ: 92 чеха, 63 поляка, 52 русскихъ, 21 словенецъ, 12 сербо-хорватовъ и 4 румына.

Искусство.

Итальянская опера.

Для наших итальянцев Великий пост, равно как и для иностранных артистов, является настоящей масленицей; каждый годъ въ это время они могутъ вдоволь насладиться звуками Беллини, Доницетти, Верди первого періода его творчества и пр., и притомъ въ исполненіи первоклассныхъ артистовъ, въ родѣ г-жи Зембрихъ и гг. Маркони, Котони и др. Въ нынѣшній сезонъ выдвинулись еще г-жа Дарклъ и, въ особенности, г. Батистини, превосходный баритонъ, пользующійся большимъ репеемъ въ Италіи. О старыхъ знакомцахъ говорить не станемъ, а скажемъ два слова о новыхъ, чтобы перейти къ репертуару. Г-жа Дарклъ—хорошая пѣвица, къ сожалѣнію, злоупотребляющая сценической игрой. Мы слишкомъ привыкли къ человѣческой, естественной передачѣ и остаемся обыкновенно холодными ко всему увеличенному, шаржированному. Но голосъ ея хорошій, который производитъ выгодное для артистки впечатлѣніе. Г. Батистини—настоящій представитель искусства bel canto и по художественнымъ приемамъ напоминаетъ весьма часто Мазини; то же безконечное дыханіе, та же манера давать звукъ, такой же громадный голосъ, однако же ласкающій слухъ въ forte, какъ и въ piano; словомъ, это пѣвецъ, способный вскружить голову многимъ поклонникамъ, — что и случилось у насъ. Въ „Гамлетѣ“, въ которомъ онъ дебютировалъ, онъ менѣе понравился, чѣмъ въ „Маріи де-Роганъ“, гдѣ онъ имѣлъ колоссальный успѣхъ, — что совершенно понятно: здѣсь главная задача не въ созданіи типа, а въ иѣнии, въ мастерской вокализаци. Мы называли сейчасъ „Марію-де-Роганъ“; такими повинками изобилуетъ весь репертуаръ дававшихся оперъ, за исключеніемъ, впрочемъ, „Гугенотовъ“, которые невозможно были поставлены въ театрѣ „Акваріума“ (во многихъ отношеніяхъ), и „Донъ-Себастьянъ“ Доницетти, шедшаго въ Петербургъ въ первый разъ.

„Донъ-Себастьянъ“ написанъ 50 лѣтъ тому назадъ и трактуется эпизодъ изъ жизни этого Португальскаго короля, павшаго въ войнѣ съ магометанами въ Африкѣ, при Альказаръ-Квивирѣ. Но въ оперѣ, конечно, онъ влюбленъ въ африканку Зайду, которая спасаетъ его отъ смерти въ благодарности за то, что онъ ее освободилъ отъ смертной казни; конечно, знаменитый авторъ „Луизіады“, поэтъ-солдатъ Камозенъ, въ дѣйствительности, облагодѣлствованный этимъ королемъ, обожавшимъ поэта, превращенъ въ молодого цвѣтущаго здоровья солдата (по исторіи Камозенъ потерялъ зрѣніе въ одномъ изъ сраженій въ Индіи); конечно, Себастьянъ не умираетъ на полѣ сраженія, а отъ руки злого регента, строящаго козни королю, отъ которыхъ всячески старается спасти его вѣрный Камозенъ, подготавлиющій бѣгство Себастьяну вмѣстѣ съ Зайдой; словомъ, мы тутъ имѣемъ оперное либретто со всѣми атрибутами grand spectacle'я.

Если, однако, примемъ во вниманіе время созданія этой оперы для парижской Большой сцены,—если вспомнимъ, что это было время, когда такіа произведенія, какъ „Вильгельмъ Тельъ“ Россини, „Робертъ-Дьяволъ“ Мейербергера и „Идиотка“ Галеви,—положили новое начало опернымъ требованіямъ,—если мы все это сообразимъ и прибавимъ, что для Доницетти задача была далеко не изъ легкихъ, то пужно будетъ признать, что авторъ „Себастьяна“ показалъ себя здѣсь въ совершенно новомъ фазисѣ и, во всякомъ случаѣ, съ выгодой для себя стороны. Въ „Донъ-Себастьянѣ“ оркестру отведено

уже гораздо больше мѣста, чѣмъ въ другихъ его операхъ; здѣсь много эффектныхъ сценъ (похороны короли); участіе народа значительно больше; введены танцы и балеты; опера написана въ пяти дѣйствіяхъ вмѣсто обычныхъ трехъ и пр. Опера, однако, для нашего времени уже устарѣла.

В. Баскинъ.

Выставка Общества акварелистовъ.

Только что открывшаяся выставка Общества акварелистовъ составляетъ тринадцатую очередную выставку и доказываетъ, что общество акварелистовъ растетъ и мало-по-малу приобретаетъ все болѣе важное значеніе въ русскомъ искусствѣ. За последнее время это одна изъ самыхъ богатыхъ, количественно, выставокъ, бывшихъ въ Петербургѣ; кроме того, она весьма замѣчательна въ художественномъ отношеніи. Обозрѣвая массу художественныхъ произведеній (522) настоящей выставки, нельзя не видѣть, что наша

акварель (въ различныхъ своихъ видахъ) расширяется по содержанію и принимаетъ самые разнообразныя типическія приемы, благодаря обогащенію акварельной палитры новыми красками и веществами. Само собой разумѣется, что пейзажъ составляетъ главную часть, — и притомъ, лучшую, — настоящей выставки. Иначе, впрочемъ, и быть не можетъ; акварель особенно удобна для выраженія мягкихъ свѣтовыхъ эффектовъ, прозрачности воздуха, пѣжной игры свѣта и тѣни, влажности паровъ. Но кромѣ пейзажа, настоящая акварельная выставка интересна еще (я бы сказалъ: по преимуществу) нѣкоторыми прекрасно исполненными портретами.

На нынѣшній разъ г. Бенкендорфъ, между прочимъ, выставилъ двѣ прекрасныя копии большихъ размѣровъ: копию съ картины Мурильо „Св. Антоній Падуанскій“ (съ оригинала Берлинскаго музея) и копию съ фресокъ Tie pollo (оригиналъ въ Palazzo Labbio въ Венеціи); обѣ копии замѣчательны вѣрностью въ передачѣ оригиналовъ и прекраснымъ колоритомъ. Изъ довольно многочисленныхъ портретовъ слѣдуетъ указать на

портреты гг. Александровскаго, Парланда, Соломки (его портретъ Сарры Бернаръ—очень характеренъ и эффектенъ), Боброва, г-жи Бемъ (портретъ г. Искова), А. Соколова и нѣкоторые другіе. Самые удачныя портреты принадлежатъ безспорно г. Александровскому, между которыми особенно выдается совершенствомъ техники, сходствомъ и прекраснымъ, мягкимъ колоритомъ портретъ Его Имп. Выс. Великаго Князя Владиміра Александровича (во весь ростъ). Акварельный жанръ настоящей выставки не отличается ни разнообразіемъ, ни интересомъ сюжетовъ; среди нашихъ акварелистовъ мало найдется жанристовъ по темпераменту и по свойствамъ таланта; большинство ихъ ограничивается „этюдами“, а въ особенности „головками“; чуть-чуть сложный сюжетъ, въ пѣсколько фигуръ, представляется большою рѣдкостью.

Нѣтъ никакой возможности перечислить всѣ выдающіеся пейзажи настоящей выставки. Въ этомъ родѣ на выставкѣ встрѣчаются работы вполне замѣчательныя, способныя украсить какую угодно выставку. Вообще, можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что акварельная выставка настоящаго года является несомнѣннымъ доказательствомъ того, что наша акварельная живопись стоитъ на ряду съ французской и англійской, въ особенности, въ отдѣлѣ пейзажа.

В. Чуйно.

Московскій городской голова Н. А. Алексѣевъ († 11 марта 1893 г.).
Съ fotogr. Конарскаго, грав. Шюблеръ.

С М Ъ С Ъ.

Метеорологическая обсерваторія университета Св. Владиміра предприняла рядъ изслѣдованій грозъ и осадковъ въ губерніяхъ, прилегающихъ къ Дунаю и его притокамъ, и обращается къ лицамъ, имѣющимъ въ означенныхъ губерніяхъ по-

стоянное жительство, съ просьбою не отказать въ своемъ участіи этому полезному дѣлу производствомъ наблюдений. Наблюденія надъ грозями и осадками тѣмъ удобнѣе, что не требуютъ приборовъ. Исключеніе представляетъ опредѣленіе количества выпавшаго

дождя, снѣга, града и прочихъ осадковъ, дѣлаемое помощью особаго прибора, называемаго дождемѣромъ, стоимость котораго, впрочемъ, очень не велика. Наблюдения надъ грозами очень не сложны. Главное, на что надо обращать вниманіе при наблюденіи, это — опредѣленіе по вѣрнымъ часамъ (въ часахъ и минутахъ) времени перваго грома (начало грозы), ближайшаго разстоянія грозы отъ мѣста наблюденія и послѣдняго грома (копецъ грозы), а также были-ли дождь или градъ во время грозы или пѣтъ. Слѣдуетъ также отмѣчать силу молніи, грома, дождя и грома (по впечатлѣнію, на наблюдателя производимому), обозначая ее тремя баллами: 0 (очень слабо), 1 (умѣренно) и 2 (очень сильно). Грозою называется явленіе лишь въ томъ случаѣ, когда молнія сопровождается громомъ; молнія безъ грома относится къ зарницамъ, надъ которыми также желательно производить наблюденія. Для теоріи и статистики грозъ важно, чтобы отмѣчалась каждая гроза, бывшая въ мѣстѣ наблюденія. Никакъ не слѣдуетъ также пропускать первой грозы, которая въ нашихъ странахъ бываетъ въ мартѣ и апрѣлѣ. Наблюдения надъ осадками также крайне не трудны. Слѣдуетъ ежедневно отмѣчать видъ и продолжительность осадка (начало и конецъ) въ часахъ и минутахъ, а также помощью дождемѣра каждый день утромъ измѣрять количество выпавшихъ въ теченіе предыдущихъ сутокъ осадковъ. Обсерваторія высылаетъ всѣмъ желающимъ подробныя правила производства наблюденій и бланки для записыванія ихъ. Наполненные записями бланки, по прошествіи каждаго мѣсяца, возвращаются въ обсерваторію для обработки. Сотрудники сѣти получаютъ бесплатно всѣ изданія обсерваторіи, а также, отъ времени до времени, по мѣрѣ надобности, и другія статьи и книги, касающіяся изслѣдуемыхъ явленій. Адресъ: Кіевъ, метеорологическая обсерваторія университета.

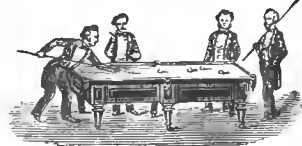
СОДЕРЖАНІЕ: Воля судьбы. Историческій романъ въ трехъ частяхъ Кн. М. Н. Волонскаго. (Продолженіе). — Страстная седмица. Стихотвореніе Сергія Сафоновъ. — Типы современнаго Иерусалима. Изъ записной книжки Старого Паломника (съ 5 рис.). — Снобская верба. Петричскій набросокъ П. Н. Полевого. — Римскіе центурионы. Эпиграмъ К. Маривъ. — Изъ рисунковъ. Свѣтъ Тихій! (съ рис.). — Положеніе во гробъ Иисуса Христа (съ рис.). — Послѣдній вздохъ (съ рис.). — Говѣльничина и пути въ село (съ рис.). — Возвращеніе царицы съ богомолья (съ рис.). — Вѣра хлѣстъ — бѣй до слезы! (съ рис.). — Н. А. Алексѣевъ (съ портр.). — Разныя извѣстія. — Политическое обозрѣніе. — Искусство. Итальянская опера. Выставка Общества акварелистовъ. — Снѣгъ. — Шахматы. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ Кн. М. Н. Волонскій.

БИЛИАРДНАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Тронцкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7—2. 26—4
Иллюстрированные прейс-курanty по востребованію высылаются безвозмездно.

ВИРТЕМБЕРГСКАЯ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВ. АКАДЕМИЯ въ Гогенгеймѣ.

Лѣтній курсъ начинается въ понедѣльникъ, 17 апрѣля с. г. Программы и списки лекцій съ планомъ сельско-хозяйственнаго заведенія высылаются по желанію бесплатно
КОРОЛЕВСКАЯ ДИРЕКЦІЯ АКАДЕМИИ
Гогенгеймъ, въ мартѣ мѣс. 1893 г. Vossler.

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ.

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ.

го вліянія на кожу. Цѣна флакону 1 р. 65 к.; Бензойное мыло 35 к. и 50 к. кускомъ; Оплошадка (лучше нольдъ-крема) 1 р. Упаковка и перес. въ Европ. Россіи 70 к., въ Азіатск. 1 р. Главн. складъ для асеей Россіи у В. АУРИХА, въ С.-Петербургѣ, Колодзкая, № 18—19. Имѣется во всѣхъ парфюмер. и аптекарск. магазинахъ и аптекахъ Россіи

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ 56-Й ПРОБЫ СЪ

искусственными БРИЛЛІАНТАМИ:
превосходными

№ 254. Золотое кольцо. Шт. 4 р. 90 к., 2 за 9 р. 55 к., 3 за 13 р. 90 к.
№ 353. Золотыя серьги. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 8 р. 90 к. № 6289 10—3
№ 358. Золотыя серьги на виткахъ. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 9 р. 40 к.
№ 401. Золотой браслетъ. Шт. 19 р. 75 к., 2 за 37 р. 80 к.
№ 307. Золотая брошка. Шт. 7 р. 55 к., 2 за 13 р. 90 к. **БАЗАРЪ МАРОКЪ**
№ 508. Золотая булавка. Шт. 3 р. 2 за 5 р. 65 к. С.-Петербургъ,
Товаръ пересылаю наложеннымъ платежѣмъ. Невскій ярос., № 20—31.

ШАХМАТЫ

подъ редакціей Э. С. Шифферса.

Задача № 7.

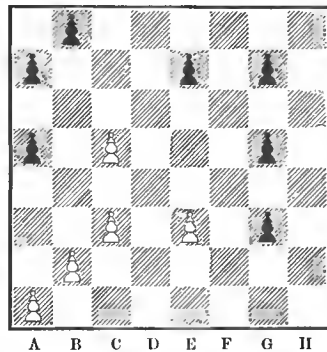
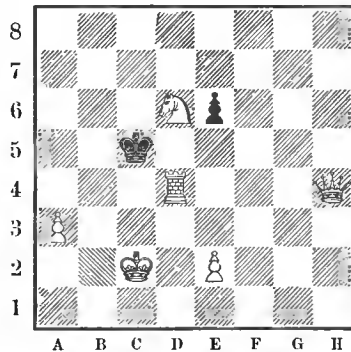
Задача № 8 (шашечная).

Н. Gottschall (Halle).

Изъ „Dahlem“.

Черные.

Черныя.

Бѣлые.

Бѣлыя.

Матъ въ 3 хода.

Бѣлыя начинаютъ выигрывать.

Рѣшенія задачъ, помѣщенныхъ въ № 3 за 1893 г.

№ 2. L. N. De Jong (Utrecht). Матъ въ 3 хода.

1. Л. g5—g3, Кр.: g3; 2. Л: h6; 3. Л: f7.
1. ... Кр. h1, 2. Л. d1; 3. Л. c4.

№ 3. C. Dunham (Washington). Матъ въ 2 хода.

1. С. c5—a7; 2. Матъ различными способами.

Вѣрныя рѣшенія прислали: обѣихъ задачъ: Л. Лидскій (Люблинъ); В. Н. Покровский (Москва); А. П. Суслиновъ, Е. В. Бородаевскій (Харьковъ); А. А. Ильинъ (Нижег. Новгородъ); Ф. Горрь (м. Калюсъ, Подольск. губ.); Б. Л. Меркуловскій (ст. Пюсса Варшав. ж. д.); Д. А. Гофманъ (Синферополь). № 2. — А. Меньшиковъ (СПБ.).

№ 3. — Ш. Баумштейнъ (Придубин, Полтавск. губ.); Н. Филипповъ (Темпръ-Ханъ-Шура); И. Ф. Вельцъ (Кіевъ).

МАГАЗИНЪ

БРИЛЛАНТОВЫХЪ

№ 6321

ЗОЛОТЫХЪ

ВЕЩЕЙ

ХР. БЮЛЕРЪ

преемникъ К. Бокъ.

С.-Петербургъ,
Большая Морская,
д. № 9.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Н. Н. Каразина. Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращаться въ Контору журнала „Нива“, а также и во всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцахъ.

НОВАЯ КНИГА:

Полное собраніе сочиненій

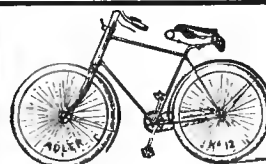
Т. Н. ГРАНОВСКАГО

третье доволѣнное изданіе, ц. за 2 части четыре рубля.

Съ требованіемъ обращаться къ г. Шен-сортъ по 1 руб. фунтъ съ прилож. подроб. нину (Москва, Историческій музей, у Пивер-инсталинъ). Не смѣш. съ одиофамиліями. снхъ аоротъ). П. № 6311

ТРЕБУЙТЕ

брошюру г. Мартанскаго, стирнашаго Кузьминскую траву, по которой можно опредѣлить цѣлебную траву отъ негодной. Брошюра предлагается выписывающимъ траву непосредственно изъ склада Ивана Игнат. Матафеева въ Бузулукѣ, Сам. губ. Продается цѣлебный илгу, годна для домашняго и ремесленнаго употребленія; пьетъ все: отъ тончайшей ииен до толстѣйшаго суина.

Гейнрихъ Клейеръ, велосипеды „Орель“
Франкфуртъ н/М. (отдѣлен. въ Гамбургѣ).

Спеціальная фабрика знаменитыхъ 24—2

велосипед. „Орель“.

На всемірной выставкѣ въ Чингао въ группѣ 83.

Плюстр. прейс-курanty за 10 ноп. марку.

НЬЮ-ГОМЪ

оригинальная, американская усовершенствованная

ШВЕДСКАЯ МАШИНА

К. „НЬЮ-ГОМЪ“, въ Ораніи (Шт. Масачусетс, С. Ш. Америка) пользуется всемірною извѣстностью; проста, прочна, изящна; отличается: асимметрич. рукоятомъ, новымъ удобнымъ регуляторомъ для натяженія нити и проч. Работаетъ легко, быстро и безъ шума; даетъ чистую, ровную, 2-ми нитками шитую строчку; употребляетъ прямую самовставляющуюся (безъ мѣрки) иглу; годна для домашняго и ремесленнаго употребленія; пьетъ все: отъ тончайшей ииен до толстѣйшаго суина.

ГАРАНТИЯ 5 ЛѢТЪ.

Прейс-курanty и описаніе по требованію.

Складъ и контора „НЬЮ-ГОМЪ“, Москва, Мясницкая, д. Сытовыхъ. Главн. представитель для всей Россіи: Высоч. утвержд. Товарищество „Работникъ“.

Москва, Петербургъ, Кіевъ и Ташкентъ.

10—5

ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ И ВОСПИТАТЕЛЕЙ.
За половину цѣны, именно въсѣго 4 р. 80 к.
за 2 руб. 40 коп., съ перес. 3 руб.
24 раскрашенныя картины для нагляд-
№ 6314 наго обученія. 2-1
закрывающія въ себѣ около 600 предметовъ,
съ названіями на 5-ти языкахъ; въ пакѣтъ
3 руб. 20 коп., въ кошечкѣ съ волос.
оттисками и наклеенной картинѣ на картонѣ
4 руб., перес. 80 коп. Высылать за налич-
ный или съ наложен. платеж. книги, магаз.
3. Колинскаго въ Варшавѣ, Маршалск. 122.

КАТАЛОГИ
на 1893 г.
АНГЛИЙСКІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ
старѣйшей фабрики
компаніи **РУДЖЪ** Ковентри
съ новостями на 1893 годъ.
Представители для всей Россіи
Ц. № 6249 торговый домъ 8-2
АБАЧИНЪ и ОРЛОВЪ.
Москва, Мясницкая, д. Сытова.

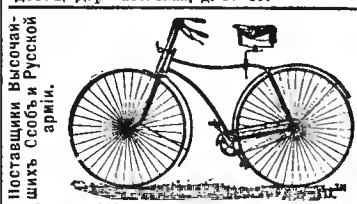
МИНИАТЮРН. АХРОМАТИЧ. БИНОКЛЬ
ЛИЛИПУТЪ

со шнуръ. въ замшевомъ кошелькѣ. 8 р. 50 к.
съ пер. въ Евр. Росс. 9 р., въ Азіат. 9 р. 50 к.
„Лилипутъ“ удобно помѣщается въ карманѣ
жилета или между пуговицами мушкетера и впол-
нѣ замѣняется, какъ для полн. охоты, путеше-
ствія или театра, большою и тяжелою бинокли.
2-1 **Е. КРАУСЪ и К°** № 6310
Спеціалн. фабр. оптич. инструментовъ
Парижъ. Rue de Bondy, 32.
ЕДИНСТВЕННЫЙ Складъ для Россіи
С.-Петербургъ, Мойка, № 42.
Плостр. прейс-кур. оптич. и фотогр. при-
бор. выскл. каждый за семп-кон. поч. марку.

КРАСИВО ПИСАТЬ
выучивается всѣмъ заочко (посредствомъ
переноски) въ 15 уроковъ
у **ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФИИ**
А. КОССОДО.

Методъ препровождъ на Парижской все-
мирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ зо-
лотой медали. № 6308 32-9
За 2 семиполѣчныхъ марокъ высылаются
пробное письмо и условія. Адресъ: Про-
фессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ
Здессѣ, Дерibasовская, д. № 19.

Поставщики Высочай-
шихъ Сибир. и Русской
армій.
Около 1000 велосипедовъ на складѣ.
Кромѣ большинства полковыхъ болѣе 500 офи-
церовъ пользуются этими велосипедами.
САМЫЙ ОБШИРНЫЙ въ Россіи складъ
ВЕЛОСИПЕДОВЪ.
Торговый домъ **Ж. БЛОКЪ.**
(основ. въ 1868 г.)
МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава,
Ц. № 6040 и Екатеринбургъ. 25-13
5982 Новый каталогъ 80 страницъ.
БЕЗПЛАТНО.

Страхование отправляющихся въ г. Чикаго НА ВСЕМИРНУЮ ВЫСТАВКУ или ѣдущихъ вообще въ Сѣверную Америку.

Страхованія путешественниковъ въ Сѣверную Америку отъ всякаго рода несчастныхъ слу-
чаевъ, могущихъ приключиться на морѣ и на сушѣ, принимаются въ Правленіи Страховаго Общества
„Россія“ (С.-Петербургъ, Большая Морская, 37) и во всѣхъ его агентствахъ.

Примѣръ. За страхованіе на 4 мѣсяца въ 10,000 рублей на случай смерти и 10,000 рублей
на случай инвалидности страховой взносъ составляетъ 47 рублей. 2-1

Страхованія этого рода можно заключать на суммы отъ 1,000 до 100,000 рублей. В. № 6322

**EAU, PÂTE, POUDDRE
DENTIFRICES**

DOCTEUR PIERRE
DE LA
FACULTÉ DE MEDECINE
DE PARIS
EN VENTE PARTOUT

ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА
ДУХИ: „ПЕРСИДСКАЯ СИРЕНЬ“
„ЛЮБИ МЕНЯ“
„КОРИЛОПСИСЪ“
„ИСПАНСКАЯ КОЖА“
„КОНЕЦЪ ВЪКА“.

**НОВОСТЬ! Прелестная туалетная
вода „О-де-БРОКАРЪ“**
ФАБРИКИ

Броккаръ и К°.

Невскій, д. 30. СПб. № 6287 3-3

**ТОВАРИЩЕСТВА
„ГИГИЕНА“
ДИЗОЛИНЪ
ДЕЗОДОРИЗАЦИОННАЯ**

Жидкость
Разр. (СПБ. Врачеб.
Управ. Прод. въ лучш.
аптек. магаз.
Оптов. продажа въ
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ
ЛАБОРАТОРИИ
СПБ. площ. Александринск. театра, 9.
Москва, Никольская, д. Шереметьева.
Варшава, Новый Свѣтъ, 37. 8-1

ГЛАВ. Складъ МОСКВА
У Л. Я. СТОЛКИНДЪ.

КРУПНИКЪ
УНИЧТОЖЕНІЯ
КРЫШКА И МЫШЕЙ
ПРОФРОНТЕЙНЪ
ПРОДАЕТСЯ ВЪСѢДЪ
по 30 и 50 к.
ФУРКАСОВС. ПЕР. Д. ОБЪЕДИНЕН

◆ НОВОСТЬ ◆
необходимая каждой семьѣ:
◆ Аппаратъ для прорѣзанія и обме-
тыванія петель 3 руб. ◆ № 6315
Заказы высылаются немедленно,
можно и наложеннымъ платежемъ.
Единственное Агентство: СПб. Складъ
Новыхъ Изобрѣтеній. Невскій, 4. Ка-
талогъ всѣхъ изобрѣтеній и подар-
ковъ за 10 коп. марку.

ТЕЛЕГРАММА!
Парижъ (22-го февраля 1893 г.)
Веломе побилъ всемирный рекордъ
Г. Пашо 116 миль (174 версты) въ
6 часовъ на велосипедѣ
Компаніи **РУДЖЪ** въ Ковентри.

ШОКОЛАТЪ
Фабрики „Естукъ“
НАХОДЯТСЯ
ВО ВСѢХЪ
ГОРОДАХЪ
РОССІИ

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ СРЕДСТВО

для смягченія кожи рукъ и лица.

Цѣна 35 коп.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфю-
мерныхъ магазинахъ. III. № 6271 14-4

EAU DENTIFRICE BALSAMIQUE DE LOISE

БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полосканія рта, уничтожаетъ
запахъ во рту. № 5421 (24)

Во избѣжаніе часто встречаемыхъ въ продажѣ под-
дѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

46. Егерштрассе, Берлинъ. придворн. парфюмеръ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ
и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ФИСГАРМОНИИ

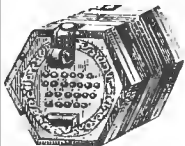

американ-
скія, фран-
цузскія и
фабрики
Шпайсе-
ра, реко-
мендуемъ
Главачемъ
Гензель-
томъ, Ли-
стомъ и
др. въ 85,
100, 110,
125, 130,
140, 150, 160, 170, 180, 190, 200, 225,
250, 275, 300, 325, 400, 450, 500, 550, 600,
700, 800, 1000 руб. и дороже.

Самоучитель для фисгармоніи Шахе 2 р.
Играть на фисгармоніи можно выучиться
легко.

Иллюстрированный прейс-куршт фис-
гармоній—**бесплатно**.

АНГЛІЙСКОЕ КОНЦЕРТИНО,

небольшой ин-
струментъ оче-
приятного тона
съ полной хро-
матической гаммою,
на которомъ мож-
но легко выучить-
ся играть.

СОПРАНО 48-тонный въ 24, 30, 40,
55, 70, 100, 125, 140 руб. и
дороже, 56-тонный въ 200 и 225 р.

БАРИТОНЫ 48-тонные въ 85, 160
и 225 руб.

Самоучитель Ротштейна 2 руб.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо
музыкальных инструментовъ и нотъ:
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина

ЛЕЙНИНГЪ и ГЮЗНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставля-
ютъ **черную краску**, которою печатается
иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2450

ЗОЛ. МЕДАЛИ, благодарности ко-
роля Эллиона и
др. Въ 6 уроковъ выучиваю писать красиво
и скоро **заочно**. За двѣ 7 коп. марк. вы-
сылка условия и пр. письма. Одесса, проф.
№ 6261 кал. Кочидарисъ. 6-3

Только что вышли изъ печати и разосланы подписчикамъ
ВТОРОЙ И ТРЕТІЙ ВЫПУСКИ
нового роскошнаго періодическаго изданія, подъ названіемъ:
„ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА НИВЫ“.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ (1893), СОДЕРЖАЩІЙ ВЪ СЕБѢ:

СКАЗКИ,
собранныя братьями Я. и В. ГРИММАМИ.

ПЕРЕВОДЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ П. П. ПОЛЕВОГО.

Иллюстраціи П. Гротъ-Юганна.

24 выпуска, каждый — въ роскошной обложкѣ; по одному выпуску черезъ каждыя двѣ недѣли.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

Цѣна за все изданіе (24 выпуска) 12 руб., а съ пересылкою иногороднымъ 14 руб.

Безъ доставки въ Москвѣ (въ Конторѣ Н. Н. Печковской) — 13 руб.

Допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ:

На три ерока:		На четыре ерока:		На шесть ероковъ:	
безъ	съ	безъ	съ	безъ	съ
доставки	перес.	доставки	перес.	доставки	перес.
при подп. .	4 р. 5 р.	при подп. .	3 р. 4 р.	при подп. .	3 р. 4 р.
черезъ 2 м. .	4 " 5 "	черезъ 2 м. .	3 " 4 "	черезъ 1 м. .	2 " 3 "
" 4 " .	4 " 4 "	" 4 " .	3 " 3 "	" 3 " .	2 " 2 "
		" 6 " .	3 " 3 "	" 5 " .	2 " 2 "
				" 7 " .	2 " 2 "
				" 9 " .	1 " 1 "

Для гг. служащихъ допускаются еще болѣе льготныя условія, при коллективной подпискѣ за ручательствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ. За подробностями просимъ обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“.

Подписка на это изданіе принимается въ главной конторѣ журнала „Нива“, въ СПб., Невскій, № 6; въ Москвѣ, въ Конторѣ Н. Н. Печковской, а также во всѣхъ книжны и эстампныхъ магазинахъ.

Желающимъ ознакомиться съ изданіемъ, 1-й выпускъ „Сказокъ“ высылается за 50 коп. почтовыми марками.

Каждый новый подписчикъ получаетъ изданіе полностью, т. е. начиная съ 1-го выпуска.

ПОДАРОКЪ НА ПАСХУ.

Изданія А. Ф. МАРКСА въ СПБ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ И ПОВѢСТИ

П. Н. ПОЛЕВОГО,

украшенные множествомъ оригинальныхъ рисунковъ, вышестокъ и 24 мя эстампами на мѣди художника К. В. Лебедева, извѣстнаго иллюстратора и знатока русской старины.

Авторомъ книги, П. Н. Полевымъ, въ этой книгѣ собраны лучшіе изъ его историческ. разсказовъ и повѣстей, живописующихъ домашній бытъ, нравы, обычаи и семейную жизнь нашихъ предковъ.

Книга представляетъ собою большой изданный томъ (болѣе 450 стр. in 8°), на лучшей веленовой бумагѣ. СПб. 1893 г. Ц. 5 р., съ пересылкой 5 р. 80 к., а въ роскошномъ переплетѣ, перепл. 6 р., съ перес. 7 р.

То же изданіе, отпечатанное на лучшей голландской бумагѣ (эстампы на китайской бумагѣ) 25 р., съ перес. 26 р., въ полушпигелѣ, перепл. 23 р., съ перес. 30 р.

съ требованіями просить обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“, Невскій просп. № 6, въ СПб.

Большое роскошно иллюстрированное изданіе

ГѢТЕ

„ФАУСТЪ“

обѣ части, переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ

ЭНГЕЛЬБЕРТА ЗЕЙБЕРТЦА,

исполненными знаменитыми гра-

верами: Адрианомъ Шлейхомъ,

Альгейеромъ, Зигле и др.

Цѣна въ роскошномъ переплетѣ (шпигелѣ) съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., для подписчиковъ „Нивы“ 35 р., пересылка за 35 фунт. по разсрочкѣ.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ

Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Оружіе, Церковная и домашняя утварь, Одежда, Украшенія и пр. и пр.

съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, въ популярномъ изложеніи

П. П. ГИЛЬДИЧА.

Большой томъ, in quarto, въ 2 столбца, съ 430 прекрасно исполн. гравюрами—копіями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.

Цѣна брошюр. 6 р., съ перес. 7 р.; въ коленк. переплетѣ съ золот. тисп. и 3-мя красками 7 р., съ перес. 8 р. 50 к.

Для подписчиковъ „Нивы“ 5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 50 к., въ пер. 6 р. 50 к., съ пер. 7 р. 50 к.

ОРУЖЕЙНЫЙ МАСТЕРЪ Алексѣй Тимо-
феевичъ Грязновъ въ Тулѣ. Изготовляетъ
ружья и винтовки всевозможныхъ системъ,
идею дешево заграничныхъ, ни въ чемъ
имѣя не уступающія, за что удостоенъ мно-
гихъ наградъ. Точности и добросовѣстности
исполненій съ ручательствомъ. Прейс-ку-
рантъ высылается. № 6203 3-3

ГЛИЦЕРИНОВОЕ

МЫЛО

№ 593
(7)

НА БЕРЕЗОВОМЪ СОКУ.
Косметина А. ЭНГЛУНДЪ.

Для чистоты лица. Цѣна 50 коп. Остере-
гаться поддѣлокъ. Требуется под-
пись А. ЭНГЛУНДЪ красными черни-
лами. Получать можно во всѣхъ извѣст-
ныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ
торговляхъ Россійской Имперіи.

НАИЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ НА ПАСХУ.

Фирма существуетъ съ 1848 г.

БЕРИТЕ ВАШИ ГЛАЗА!

Знаюшія съ извѣстностью.

Очки и пенсне въ оправѣхъ изъ настоящаго накладкиго
золота (Double d'or). Оправы эти, сильно отличаясь въ
цвѣтѣ отъ массовыхъ золотыхъ, имѣютъ видъ настоя-
щей мас. золотой изысканной работы.

Цѣна съ перископическими (Périscope) стеклами, выс-
шаго качества, шлифованными согласно научнымъ вычи-
стениямъ, съ проверенными правильными фокусами,

укрѣпляющими зрѣніе, съ пересылкой 4 руб. Оправа изъ французскаго золота 3 руб.,
изъ чистаго никелина 2 р. 50 к.

При заказѣхъ обозначать, какія требуются стекла, для близорукаго или дальновиднаго,
на какомъ разстояніи заказчикъ ясно разбираетъ предметы, употребившись-ли имъ уже
ранѣе стекла, то какой № и сколько лѣтъ?

Адресъ: Я. Вурцельдорфъ, оптикъ-механикъ, г. Варшава, Королевская ул., № 49-8.
Высыл. наложен. платежемъ. Прейс-курштъ **бесплатно**. № 6319

БИНТЫ ДЛЯ УСОВЪ

№ 6274 ПОВАЯ КНИГА: 18-5
ВОСПОМИНАНІЯ ЮРІЯ АРНОЛЬДА.
3 вып. съ портрет. автора, ц. 5 руб. с. Въ
извѣстн. кн. магазинахъ. Складъ въ нини-
мномъ магаз. В. А. БОГДАНОВА, Москва,
Петровка, Петровскія линіи, 5. Магаз. выс-
всеговозможн. русск. книги.

ВИНО

СЕН-РАФАЭЛЬ.

Вино Сен-Рафа-
эль превосходно
на вкусъ.

Сохраняется по
способу г-на
Пастера.

Па каждой бутылкѣ находится
печатъ Россійской таможни.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни
Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

XXIV г.
№ 13

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIV
1893

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖСН. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 мод., рис. и
Выданъ 27 марта 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕЖЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1893 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарейль (1/4 шир.
страницы) Глав. Кон. Ред. по
1 руб. — Загран.: для Франціи
у Agence Havas по 3 fr.; для
Австр., Герман. и Швейц. у Ru-
dolf Mosse по 2 марки 50 pf.

Безъ доставки въ Петер-

бургъ

5 р.

Съ доставкою въ Петер-

бургъ

6 р. 50 к.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд.

10 р.

На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.

На 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р. 50 к.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. 6 р.

И. П. Печконской, Петровск. Торг. лиц. 7 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе го- 7 р.

рода Россіи 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особые приложенія при
„НИВѢ“ объявленій отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“, со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

Пасхальный огонь. (Свѣтильникъ на кровлѣ Исаакіевского собора въ С.-Петербургѣ).
Ориг. рисун. (собств. „Нивы“) Р. Штейна, грав. Мультановскій.

Воля судьбы.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Нн. М Н. Волконскаго.

(Продолженіе).

XXI.

Графъ.

Цѣль, для которой явился въ Проскурово, подъ именемъ доктора Шёпинга, пріѣхавшій изъ Парижа, графъ Сень-Жерменъ—была достигнута имъ вполне.

Онъ видѣлся съ дочерью принцессы Ангальтъ-Цербстской—великою княгиней, передалъ ей письмо отъ матери, говорилъ съ нею. Это было все, что ему нужно.

Но, попавъ въ усадьбу князя Андрея Николаевича, онъ наткнулся здѣсь на совершенно постороннюю ему драму любви молодой княжны, которая не могла не вызвать въ немъ чувство живѣйшаго состраданія.

И онъ сдѣлалъ все, что могъ, для этой дѣвушки. Зная по опыту, что такія исключительныя натуры, какъ она, приведенныя въ состояніе искусственнаго сомнамбулизма, никогда не ошибаются относительно своей болѣзни и средствъ, которые могутъ излѣчить ихъ,—онъ не могъ сомнѣваться, что княжна, дѣйствительно, не переживетъ насилія надъ своимъ чувствомъ.

Онъ говорилъ съ отцомъ, предупреждалъ его, но встрѣтилъ въ старомъ князѣ или разительный примѣръ болѣзненнаго самолюбія, или же, несмотря ни на что—недовѣріе къ своимъ словамъ.

Нельзя было, однако, оставлять несчастную дѣвушку безпомощною.

Но что же оставалось дѣлать?

Графъ явился къ ней въ комнату и, оставшись съ нею одинъ, возобновилъ утренній сеансъ, такъ легко ему давшійся. На этотъ разъ Ольга впала въ забытье еще скорѣе.

Когда онъ заставилъ ее говорить,—она уже почувствовала его намѣреніе.

— Пить, пить, слабо проговорила она, — не надо этого...

Онъ былъ серьезенъ и сосредоточенъ—ответственность, которую онъ бралъ на себя въ эту минуту, была громадна.

— Когда вы будете разбужены, проговорилъ онъ своимъ особеннымъ, внятнымъ и раздѣльнымъ голосомъ,—вы должны забыть свое чувство.

Она тяжело вздохнула.

— Слышите-ли?

Казалось, вся сила воли его была въ этомъ „слышите-ли“. Тутъ звучало и приказаніе, и просьба, и повелѣніе.

Въ лицѣ ея ясно отражалась происходившая въ ней борьба.

— Это единственный выходъ, продолжалъ онъ. — Вѣдь, вы знаете, это единственный выходъ...

Губы ея задвигались и задрожали.

— Лучше... лучше... прошептали онъ.

Онъ понималъ, что она хотѣла сказать „лучше смерть“.

Дальше продолжать ея мученіе казалось жестоко.

Онъ нагнулся надъ нею и дунулъ ей въ лицо.

Теперь она была впрѣ опасности. Она не любила, не смѣла любить больше...

Другого исхода, кромѣ этого, нельзя было найти.

Изъ комнаты Ольги графъ прошелъ прямо къ себѣ, долго не могъ дозваться дворецкаго, и когда тотъ, наконецъ, пришелъ къ нему—просилъ передать князю свою благодарность за гостепріимство, щедро наградивъ слугъ и, взявъ свою трость и шляпу, направился черезъ садъ, какъ пришелъ.

За садомъ, черезъ небольшое поле, начинался лѣсокъ, на противоположной опушкѣ котораго должна была ждать графа его карета.

Графъ прошелъ садъ, пересѣкъ поле и вошелъ въ лѣсокъ, прохладный отъ вечерней свѣжести, спускавшейся уже на землю...

Онъ оглянулся, чтобы послѣдній разъ посмотреть на красивую усадьбу князя Проскурова, и вдругъ остановился: внутренний голосъ словно шепнулъ ему, что онъ не исполнилъ всего до конца въ Проскуровѣ, что ему оставалось еще что-то...

Прямо на него не то бѣжалъ, не то шелъ молодой человекъ, безъ шапки, безъ трости... видъ его былъ растеряный, и шаги не тверды, но нервно-быстры...

Онъ, словно, или догонялъ кого-то, или самъ хотѣлъ уйти отъ погони.

Сначала, Сень-Жерменъ думалъ, что это посланный за нимъ почему-нибудь, но сейчасъ же увидѣлъ свою ошибку...

Молодой человекъ быстро приближался къ нему; лицо его было искажено внутреннимъ страданіемъ, глаза, широко открытые, какъ будто, не видали того, что было передъ нимъ...

По платью и, главное, по манерамъ онъ не былъ похожъ на простолюдина, — но среди господъ графъ тоже не видѣлъ его у князя... Онъ слышалъ, однако, о „найденныѣ“, о томъ, кого любила Ольга, и догадался, кто этотъ молодой человекъ.

Артемій, дѣйствительно, шелъ прямо на него и почти столкнулся съ нимъ...

Графъ схватилъ его за руку...

Артемій вздрогнулъ и, увидѣвъ передъ собой чужого, незнакомаго человека, взглянулъ на него, будто, спрашивая, врагъ онъ ему или другъ. Онъ готовъ былъ обрадоваться, если встрѣтился съ врагомъ.

— Что съ вами? спросилъ Сень-Жерменъ...

Въ голосѣ его прозвучало участіе. Артемій понялъ, что ему не хотятъ зла, и дернулъ руку.

— Пустите меня... пустите... что вамъ за дѣло...

— Чтѣ съ вами, что вы дѣлаете? переспросилъ графъ.

Артемій стиснулъ зубы и, нараспашку стараясь освободиться отъ крѣпкихъ тисковъ, въ которыхъ была его рука—самъ не зная того, что говоритъ,—ответилъ:

— Гуляю...

Графъ улыбнулся.

— Такъ не гуляютъ, сказалъ онъ,—посмотрите, на что вы похожи... зачѣмъ этотъ ножикъ у васъ въ рукѣ?..

Артемій какъ бы удивленно поглядѣлъ на свою руку, сжимающую судорожно небольшой складной ножикъ.

— Что вы затѣяли? продолжалъ графъ,—вы сумасшедшій,—вѣдь, не попадѣсь я вамъ на дорогѣ—вы готовы были кончить съ собою...

Артемій злобно дернулся весь.

— Ну, и пусть—вамъ-то какое дѣло,—вѣдь, себя, не васъ...

— Если бы вы знали, возразилъ Сень-Жерменъ, покачивая головою,—тѣ, что вы говорите! Милый мой,—самоубійство совѣтъ не то, совѣтъ не то великое таинство, которое мы называемъ смертію... Знаете ли вы, что человекъ, пасивно превратившій свое тѣло въ трупъ, не кончитъ съ земною жизнью. Смерть нельзя заставить притти по собственному желанію... Большаго я не могу вамъ сказать, но вѣрьте мнѣ, вѣрьте...

Не столько эти слова, странныя по своему таинственному смыслу, но убѣжденіе, съ которымъ они были сказаны, подѣйствовало на Артемія... онъ не тѣ, что опомнился, нѣтъ, скорѣе былъ ошеломленъ еще болѣе, но растерянные мысли его направились въ другую сторону, и онъ оказался застигнутымъ врасплохъ...

На его блѣдномъ лбѣ выступили крупныя капли пота, въ глазахъ потемнѣло, и пожикъ выпалъ изъ рукъ...

— Смерть, смерть, говорили, между тѣмъ, Сентъ-Жерменъ, — она есть освобожденіе, котораго мудрый, конечно, желаетъ скорѣе для своего духа, но нужно заслужить его, это освобожденіе, нужно перенести назначенное испытаніе земное — тогда она придетъ во-время, лучезарная и свѣтлая, и не испугаетъ своимъ ужасомъ...

Отчетливо, ясно, слово за словомъ, Артемій не понималъ того, что говорили ему, но общее впечатлѣніе этой, звучащей сознаемъ правды, рѣчи — невольно оставалось въ немъ...

На мгновеніе онъ какъ бы одумался и удивленно глянулъ въ лицо графу прямо въ упоръ, но потомъ рванулся опять и еще съ большею силой...

— Да пустите меня, крикнулъ онъ, — что вамъ отъ меня нужно, кто вамъ далъ право, — кто вы... почему вы знаете, что будетъ со мною... а если и будетъ что-нибудь, то какъ бы оно страшно ни было — все-таки лучше, чѣмъ здѣсь...

И между ними завязалась борьба, въ продолженіе которой Артемій, со стиснутыми зубами, съ налившимися кровью глазами и краснымъ отъ вздутыхъ жилъ лицомъ, напрасно силился освободить свои руки. Графъ успѣлъ взять его и за другую руку. Артемию казалось, что этотъ человѣкъ обладаетъ сверхъестественною, желѣзною силой... Онъ надрывался изъ послѣдняго, онъ бился, какъ только могъ, но его держали, словно шутя, безъ малѣйшаго напряженія, и, несмотря на это — не было возможности ему вырваться...

Графъ твердо и неумолимо держалъ его, не поддаваясь, зная, что физическое утомленіе служить самымъ лучшимъ средствомъ для того, чтобы утихло нравственное страданіе, и онъ ждалъ, пока бившійся въ его рукахъ Артемій выбьется изъ силъ...

— Пустите, снова заговорилъ Артемій, чувствуя, что ослабѣваетъ, и въ голосъ его вмѣсто угрозы зазвучала просьба, — пустите, ради Бога, — если вы когда-нибудь любили, если вы чувствовали хоть разъ въ жизни состраданіе, пустите меня, я никому не хочу зла... пустите...

Онъ едва уже могъ двигаться — эта неравная борьба отняла у него послѣднія силы...

— Я пушу васъ, услыхалъ онъ въ отвѣтъ, — если вы терпѣливо захотите меня выслушать... потомъ... потомъ вы будете свободны дѣлать, что вамъ угодно...

Ноги Артемія подкашивались уже, благодаря усталости и перенесенному имъ душевному потрясенію...

Онъ тяжело дышалъ, и вдругъ, подчиняясь, какъ послушный ребенокъ, позволилъ провести себя нѣсколько шаговъ и усадить на попавшійся большой камень, обросшій мохомъ.

Графъ сѣлъ рядомъ съ нимъ.

— Духъ возмущенія, началъ онъ, — духъ злобы и безпорядка силенъ — кто противъ этого, — но на то человѣку и дана воля, чтобы онъ могъ руководить собою. Жизнь не можетъ состоять изъ одного лишь пріятнаго — хотя бы ужъ потому, что, не будь ничего ему противоположнаго — нельзя бы было различить и эту пріятность. Уничтожьте долины, и не будетъ горъ. И до тѣхъ поръ свѣтъ будетъ способенъ производить впечатлѣніе на глазъ, пока будетъ существовать соответствующая ему тѣнь. У васъ есть горе — побѣдите его, но не будьте настолько малодушны, чтобы дать ему побѣдить себя. Человѣку, собственно, все дано для счастья, но онъ долженъ заслужить его, долженъ завоевать. Мы несчастны тогда лишь, когда сами создаемъ себѣ наше несчастье. Всякое же горе, незаслуженное, какъ испытаніе, поразившее насъ — это кредитъ судьбы, въ силу котораго она щедро заплатитъ впоследствии счастьемъ. Но нужно заслужить его. Мы пи-

чего не получимъ, если сдѣлаемъ къ тому усилія. Испытаніе — вотъ великое слово жизни! — Жизнь — это змѣя, вѣчно чреватая и вѣчно сама себя пожирающая...

Артемій слушалъ, опустивъ голову, крѣпко сжавъ усталыя руки между колѣнъ и, почти не моргая, уставившись внизъ...

— Да, проговорилъ онъ, — но когда все противъ васъ, когда все противодѣйствуетъ вамъ...

Тихая улыбка промелькнула на губахъ графа.

— Только и можно, отвѣтилъ онъ, — опереться тогда, когда вы встрѣчаете противодѣйствіе, и чѣмъ оно сильнѣе, тѣмъ тверже должны вы стать...

Артемій вдругъ поднялъ голову и не только съ удивленіемъ, но съ чувствомъ близко подходящимъ къ восхищенію посмотрѣлъ на этого человѣка, съ которымъ такъ же трудно было бороться на словахъ, какъ побѣдить его въ борьбѣ физической...

— Послушайте, заговорилъ онъ, — я не знаю, кто вы и откуда, но, можетъ быть, потому мнѣ и легче сказать вамъ все, что я не зналъ васъ до сихъ поръ и, вѣроятно, никогда не увижу — послушайте: я любилъ дѣвуху... въ ней для меня была вся жизнь, все счастье... Я съ дѣтства не имѣлъ существа мнѣ близкаго. У каждаго человѣка есть отецъ, мать, родные... у меня не было никого — тотъ, кто якобы замѣнялъ мнѣ отца, на самомъ дѣлѣ, занимался мной, какъ игрушкой; его отношенія ко мнѣ были прихотью, — да, только прихотью. Я рано понялъ это. Я рано понялъ, что у меня нѣтъ самаго необходимаго для ребенка — любви ко мнѣ... И вотъ, послѣ долгихъ лѣтъ одиночества, я ощутилъ, наконецъ, свѣтъ и теплоту этого незнакомаго мнѣ чувства. До тѣхъ поръ меня некому было и мнѣ было некого — любить... И этотъ свѣтъ дала мнѣ моя жизнь, моя радость, та, о которой не смѣлъ я думать. Ей стало жаль меня...

Артемій говорилъ, самъ не зная, откуда у него берутся слова. И ему было легко, и ему хотѣлось теперь говорить...

Онъ разсказалъ подробно всю исторію своей любви съ Ольгой, ихъ случайныя, потомъ условленныя встрѣчи, ихъ объясненіе, счастье, планы и мечты, и потомъ, какъ эти планы рушились, какъ ему жестко и сурово напомнили, что онъ ничто; оскорбили, заперли, и какъ, наконецъ, сегодня онъ вырвался изъ своей тюрьмы, чтобы увидѣться съ нею...

— Сидя взаперти, продолжалъ Артемій, — мнѣ нѣсколько разъ приходило въ голову кончить все, кончить съ собою; но я отгонялъ эту мысль. Я вспоминалъ про нее, и ея чувство удерживало меня. Я былъ любимъ и любилъ ее, и надежда не оставляла меня... Я долженъ былъ жить для нея... Сегодня мы увидѣлись въ первый разъ послѣ разрывшейся надъ нами грозы. И сегодня я уже не нашелъ въ ней и тѣни прежняго ея чувства. Что произошло, что съ нею сдѣлали — не знаю, но только прежняго для нея не существуетъ теперь, она дѣлаетъ видъ, что не помнитъ ничего — какъ будто я былъ для нея всегда чужимъ человекомъ.

— А-а! сдѣлалъ Сентъ-Жерменъ, — вы недавно, вы сейчасъ только что видѣлись съ нею?..

— Да, и думалъ, что, выбѣжавъ отъ нея, я убѣгу отъ жизни, въ которой мнѣ ничего больше не остается... но вы меня удержали...

Артемій схватился за голову. Опять въ немъ поднялось, закипѣло, разрослось и охватило его всего съ новымъ, неожиданнымъ приливомъ отчаянія, когда онъ, разсказывая, вспомнилъ то, что только-что происходило въ комнатѣ Ольги...

— Зачѣмъ вы меня удержали! вскрикнувъ, почти крикнулъ онъ, — зачѣмъ... все равно, мнѣ не жить, я не могу жить теперь...

Графъ зналъ, что косвенной, невольной, именно ро-

Одинокій. Ориг. рис. (собетв. „Нивы“) В. Козачинскаго, грав. Шюблеръ.

На колокольнѣ въ Свѣтлую недѣлю. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Ижакевича, грав. Шюблеръ.

ковой причиною отчаянія этого человѣка быть онъ самъ, но онъ не могъ иначе поступить съ Ольгой, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не долженъ былъ оставить погибнуть того, любить котораго онъ запретилъ ей.

— Нѣтъ, вы будете жить! сказалъ онъ Артемію и снова насильно посадилъ его рядомъ съ собою.

XXII.

Исторія графа.

Если больному человѣку рассказать о томъ, какъ испытывали такую же, какъ у него, боль—другіе люди, то ему, по свойственной нашей природѣ слабости, не то что станетъ легче, но, во всякомъ случаѣ, боль эта покажется ему менѣе острою.

Графъ Жерменъ, обладавшій, кажется, ключемъ не только всѣхъ слабостей, но и силы человѣческой,—зналъ, какимъ образомъ слѣдуетъ говорить съ людьми, находящимися въ положеніи подобномъ Артемію.

— Вы думаете, обратился онъ къ нему,—что горе ваше таково, что и нѣтъ ему равнаго, и что нѣтъ ему другого исхода, кромѣ того, что вы придумали въ своемъ сумасшествіи... да, въ сумасшествіи, потому что вы опьянены теперь страстью и, можетъ быть, погибли бы, не случись того препятствія, которое вы считаете для себя безысходнымъ горемъ. Вотъ чтѣ было со мною:—я тоже сумасствовалъ, или почти сумасствовалъ, и былъ, можетъ-быть, наканунѣ погибели... и я любилъ такъ же, какъ вы...

Артемію услышавъ немного приглядѣлся къ своему собесѣднику, который ужъ казался ему выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ людей. Это былъ человѣкъ, точно, лишенный страстей, лишенный житейскихъ желаній, человѣкъ, въ устахъ котораго признаніе въ испытанной имъ когда-то любви было тѣмъ болѣе странно, что оно совсѣмъ не подходило къ нему...

„Да, я долженъ, мелькнуло у Сентъ-Жермена,—сдѣлать это признаніе—я все-таки должникъ теперь этого человѣка...“

— Я думаю, моя любовь, продолжалъ онъ,—вѣрите то, что мы называемъ этимъ именемъ, была не менѣе сильна, чѣмъ ваша, и свиданія, и улыбки казались не менѣе прекрасны... Я пользовался полной взаимностью... Она была вдова, слѣдовательно, совершенно свободна. Казалось, не было никакого препятствія. Ему неоткуда было явиться. Въ одинъ вечеръ все измѣнилось. Обманомъ ее опоили, и человѣкъ, опившій ее, опозорилъ. Между нами легъ ея позоръ, наше чувство было осквернено. Она не могла относиться ко мнѣ по-прежнему и, въ отчаяніи, хотѣла наложить на себя руки. Мнѣ удалось спасти ее, но любви нашей нельзя было очистить,—и этого она не могла простить себѣ и, несмотря ни на что, уѣхала на свою далекую родину...

— Но вы могли найти все-таки своего оскорбителя... сказалъ Артемію.

— Я и нашелъ его. Я зналъ его. Это былъ несчастный молодой человѣкъ, сынъ богатыхъ, но разорившихся родителей,—молодой человѣкъ, стоявшій на порогѣ къ гибели...

— Вы могли отомстить, значитъ!..

Графъ опустилъ голову и задумался.

— Местъ, местъ, проговорилъ онъ, наконецъ, послѣ долгаго молчанія,—местъ есть удовольствіе, которое мы доставляемъ себѣ, сдѣлавъ зло человѣку, который намъ сдѣлалъ злое... Но есть удовольствіе большее: направить на добро злого и потеряннаго человѣка...

Уже не удивленіе, но какой-то страхъ удивленія охватилъ Артемію.

— Неужели вы могли простить, неужели вы имѣли полную возможность мести и простили...

— Я не простилъ, спокойно отвѣтилъ графъ,—но я предпочелъ большее удовольствіе меньшему... Отомстить я имѣлъ возможность, можетъ-быть, болѣе и сильнѣе, чѣмъ кто-нибудь, но я былъ въ силахъ за-

ставить злого человѣка вернуться на путь истинный и постарался сдѣлать это...

— И что же, вернулся онъ, сталъ онъ лучше?..

— Я думаю, что да. Впрочемъ, вамъ объ этомъ можно знать лучше меня...

Артемію раскрыть большіе глаза.

— Мнѣ? переспросилъ онъ.

— Да, вы знаете этого человѣка—онъ вамъ извѣстенъ. Это Джузеппе Торичіоли.

— Торичіоли?!—этотъ скромный и тихій итальянецъ, нашъ итальянецъ, который живетъ теперь у князя?

— Да, вашъ итальянецъ, который живетъ теперь у князя...

— Но развѣ онъ былъ способенъ на такой поступокъ?

— Какъ видите—былъ способенъ. Впрочемъ, тогда, въ Генуѣ, онъ былъ на девятнадцать лѣтъ моложе и чувствовалъ себя совсѣмъ иначе... Тогда онъ жилъ, не трудясь, проживая послѣднія крохи своего наслѣдства...

— Торичіоли, Торичіоли! качая головой, проговорилъ Артемію,—кто бы могъ ожидать этого!.. Сколько лѣтъ я знаю его, и могу васъ увѣрить, что ничего не замѣчалъ за нимъ дурного...

— Ну, вотъ видите ли... значитъ, я былъ правъ. Онъ могъ начать новую жизнь, выйдя изъ той обстановки, въ которой былъ. Я поставилъ ему условіемъ удаленіе изъ Италіи...

— Да, да—онъ сталъ другимъ человѣкомъ, подтвердилъ Артемію.

— Можетъ быть, не совсѣмъ еще, улыбнулся графъ,—но теперь, навѣрное, уже станетъ...

— Да, да, повторялъ растерянно Артемію,—мысли его окончательно путались и съ поразительной быстротой мѣнялись одна за другою...

Графъ всталъ со своего мѣста.

— То, что я вамъ сказалъ, проговорилъ онъ,—не должно быть извѣстно никому. Когда почувствуете особенно сильный приливъ своего горя, вспомните о моемъ разсказѣ. Ваше несчастье еще очень поправимо. Она жива, она не принадлежитъ никому и можетъ снова полюбить васъ. Терпите—будущее вознаградитъ васъ...

И онъ простился съ Артеміемъ, который, пораженный, продолжалъ сидѣть неподвижно на своемъ камнѣ...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Семилѣтняя война.

Зиму 1758 года король Пруссій провелъ въ новыхъ, напряженныхъ и дѣятельныхъ приготовленіяхъ къ продолженію войны, которая для него была почти вопросомъ жизни или смерти.

Правда, его главнѣйшій врагъ—Австрія была уже истощена неудачами прежнихъ двухъ лѣтъ, и императрица Марія-Терезія тайно желала мира. Но Франція, боясь остаться одинъ на одинъ противъ Англіи и Пруссіи, снова разожгла самолюбіе честолюбивой монархини.

Въ Россіи господствовало два противоположныя теченія:—наслѣдникъ престола явно выказывалъ свои симпатіи къ Фридриху II; императрица-же Елизавета Петровна питала къ нему неизмѣримую ненависть.

Ухудшившееся, одно время, здоровье государыни поправилось, и военныя дѣйствія Россіи были возобновлены.

Такимъ образомъ, къ веснѣ 1758 года противъ Фридриха готовы были двинуться съ трехъ разныхъ сторонъ три союзныя арміи, далеко превышавшія своею численностью его собственную.

Но, несмотря на это, все-таки для Прусскаго короля было много преимуществъ на его сторонѣ:—австрійскіе корпуса, набранные изъ молодыхъ солдатъ различныхъ національностей, не имѣли единства въ своихъ пикетныхъ чинахъ,—что-же касается высшихъ, то тамъ этого единства было еще менѣе, благодаря

вѣчными штригамъ отдѣльныхъ начальниковъ и военнаго совѣта.

Разладница была полная.

О французской арміи графъ Клермонъ, назначенный ея главнокомандующимъ, являсь на мѣсто своего назначенія, писалъ Людовику XV: — „Я нашелъ войска вашего величества раздѣленными на три весьма различныя части: — первая находится на землѣ и состоитъ изъ воровъ и разбойниковъ, покрытыхъ рубищемъ, — вторая зарыта въ землю и, наконецъ, третья — лежитъ въ госпиталяхъ. Ожидая повелѣнія, не отвести-ли мнѣ первую часть за Рейнъ, прежде нежели она присоединится къ двумъ послѣднимъ частямъ?...“

Русская армія, страдавшая отъ отсутствія провіанта, одежды и обуви, была ввѣрена начальству генерала Фермора, полководца, — не талантливаго и не очень осмотрительнаго.

Самый же существенный недостатокъ у насъ ощущался въ офицерахъ, о присылкѣ которыхъ въ дѣйствующую армію то и дѣло просили главнокомандующіе.

Несмотря, однако, на лишенія и трудности, облегчить которыя генералъ Ферморъ оказался не въ силахъ, наша армія пошла снова занимать восточную Пруссію, чтобы обратить ее, согласно данному ей предписанію, въ русскую провинцію.

Генералъ Ферморъ еще въ январѣ вступилъ въ Кёнигсбергъ, и прусскія правительственныя мѣста этого города присягнули на вѣрнопопданство Россіи.

Кампанія началась, и русскіе со свойственнымъ имъ терпѣніемъ, пастойчивостью и твердостью шли впередъ. Пруссія осталась за нами.

Графъ Дона былъ отгѣсненъ за Одеръ.

Въ августѣ самъ Фридрихъ двинулъ свои полки противъ русскихъ, оказавшихся противниками болѣе серьезными, чѣмъ онъ предполагалъ.

Говорятъ, что человѣкъ, рѣшившійся однажды на самоубійство, въ случаѣ неудачи, никогда къ нему не возвращается. Исключенія, разумѣется, бываютъ, но на этотъ разъ Артемій не составилъ такого исключенія...

Загадочныя слова незнакомаго человѣка, понавшагося ему на дорогѣ, когда онъ хотѣлъ сдѣлать свой послѣдній шагъ въ жизни, — заставили его задуматься... Кромѣ того, его посылали на войну, почти на вѣрную смерть, и оставалось только идти ей навстрѣчу. Артемій пошелъ.

Передъ отъѣздомъ своимъ онъ не пытался болѣе увидѣться съ Ольгой.

Старому князю не трудно было устроить записку въ полкъ бывшаго своего воспитанника, и Артемій, подъ фамиліей Проскуровскаго, былъ записанъ въ армейскій Тарасовскій пѣхотный полкъ.

Самъ Андрей Николаевичъ отправлялъ его и, призвавъ къ себѣ на прощанье, постарался казаться ласковымъ.

— Вотъ, на возьми, — Богъ съ тобой... сказалъ онъ Артемію, супувъ ему въ руку набитый кошелекъ, — пригодится...

Въ кошелькѣ оказалось двѣсти рублей...

Но все это: прощанье съ княземъ, кошелекъ его, отъѣздъ изъ Проскурова — прошло для Артемія, какъ въ туманѣ, какъ во снѣ... Очнулся онъ лишь, когда очутился въ совершенно новой, непривычной ему обстановкѣ военной жизни.

Онъ сразу попалъ въ самую кипень походной, тревожной дѣятельности, и дѣятельность эта волей-неволей всецѣло поглотила его.

Роту велъ капралъ, старый человѣкъ, обстрѣлянный и опытный, выдававший еще при Ставучанахъ турецкія пули. Офицеръ, ротный командиръ, въ началѣ кампаніи получилъ повышеніе, и замѣнить его, кромѣ капрала, — было некому...

Съ появленіемъ въ ротѣ Артемія, — онъ сразу былъ замѣченъ. Образованный, смѣлый, исполнительный Артемій, разумѣется, выдѣлился среди остальныхъ солдатъ очень скоро. Сначала, онъ былъ тихъ и молчаливъ, не сходясь ни съ кѣмъ, но потомъ мало-по-малу втянулся въ походную жизнь и по-походному, въ буквальный смыслъ слова, получилъ повышеніе.

На одномъ изъ переходовъ сержантъ ихъ роты заболѣлъ и слегъ. Артемій сталъ на его мѣсто. Сержантъ не возвратился, и должность осталась за Артеміемъ.

Никто въ ротѣ не зналъ его прошлаго, никому онъ не рассказывалъ своихъ горестей, но все видѣли, что молодой ихъ товарищъ перенесъ въ жизни многое, и что, какъ ни скрываетъ онъ это, — трудно ему тянуть солдатскую ляжку, и не къ такой обстановкѣ привыкъ онъ.

И солдаты, и капралъ жалѣли его и любили. Часто у Артемія навертывались слезы отъ простой и чисто-сердечной, заботливой ихъ ласки. Но чѣмъ ласковѣе обходились съ нимъ, тѣмъ строже относился онъ къ себѣ и къ своимъ обязанностямъ...

Подъ Кюстриномъ Тарасовскій полкъ стоялъ въ задней линіи, далеко отъ города. Русскіе, на пути къ Берлину, обложили Кюстринъ и вели его осаду безпощаднымъ бомбардированіемъ. Осажденные вылазокъ почти не дѣлали, и на передней позиціи у насъ были расположены только войска, необходимыя для прикрытія артиллеріи. Тарасовцы не попали въ прикрытіе.

Была середина августа, начиналась осень, и дожди выпадали чаще. Палатка, въ которой жилъ Артемій, то и дѣло промокала насквозь, но онъ не обращалъ на это вниманія.

Сколько разъ капралъ совѣтовалъ ему приказать солдатамъ устроить себѣ землянку (самъ капралъ жилъ въ землянкѣ), но Артемій отвѣчалъ, что ему ничего не пужно.

На седьмой день сидѣнія у Кюстрина, Артемій лежалъ на своей, сколоченной изъ двухъ досокъ койкѣ, въ палаткѣ, полотно которой промокло до того, что нельзя было притронуться къ нему. Артемій по опыту зналъ, что если задѣть его — то такъ и полетѣтъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ задѣлъ, цѣлая струя воды. И онъ лежалъ, стараясь не ворочаться и не двигаться. Цѣлую недѣлю они ничего не дѣлали, только жили въ мокрыхъ палаткахъ. Для солдатъ эта недѣля была отдохомъ, но для Артемія она казалась гораздо тяжелее похода... Внутренность палатки мало-по-малу темнѣла. Спустился вечеръ. Дождь пересталъ капать. Съ правой стороны палатки слышались знакомые голоса солдатъ, сосѣдей Артемія. Онъ давно изучилъ ихъ. Одинъ бравый, молодой, краснолицый солдатъ, Ѳеодоръ, никогда и пигдѣ не унывавшій, предлагалъ разложить костеръ.

Остальные не соглашались. Это было каждый вечеръ такъ. Собственно, никто не хотѣлъ идти за хворостомъ, хотя Ѳеодоръ и не просилъ никого этого дѣлать, но протестующіе противъ костра — боялись все-таки, что онъ можетъ попросить идти. Дѣло кончалось, обыкновенно, тѣмъ, что Ѳеодоръ шелъ самъ за хворостомъ, и костеръ все-таки зажигали. Такъ было и на этотъ разъ... Ѳеодоръ уходилъ, потомъ вернулся, потомъ слышалась подъ его шутки возня солдатъ надъ сваленнымъ хворостомъ; — высѣкли огонь, и пламя затрещало, освѣтивъ одну сторону палатки колеблющимся, сначала, не укрѣпленнымъ, но быстро покраснѣвшимъ, какъ зарево пожара, свѣтомъ.

— Вотъ важно! слышался веселый голосъ Ѳеодора, какъ будто все его счастье зависѣло отъ того, что загорится костеръ или нѣтъ, и онъ былъ теперь вполне счастливъ, потому что костеръ загорѣлся...

Артемій грустно улыбнулся. Чего-бы онъ ни далъ теперь, чтобы быть такимъ же вотъ, какъ Ѳеодоръ, и радоваться вмѣстѣ съ нимъ.

За что, въ самомъ дѣлѣ, изъ него сдѣлали съ дѣтства

полубарина, развили, научили понимать и чувствовать—для чего?—для того, чтобы онъ могъ больше ощущать страданіе своего горя... и тѣхъ лишений, которыя приходилось переносить ему...

Одинъ... онъ былъ одинъ на свѣтѣ, т. е. снова одинъ, и это казалось еще ужаснѣе, потому что судьба, какъ на зло, чтобы дразнить его, дала отвѣдать ему счастья съ тѣмъ, чтобы потомъ рѣзко и грубо отнять даже всякую надежду на это счастье...

Сколько разъ въ перестрѣлкахъ съ непріятелемъ онъ ждалъ и искалъ, чтобы одна изъ жужжавшихъ вокругъ него пуль задѣла его и покончила съ нимъ; но ему даже и тутъ не везло. Бывало, онъ нарочно высовывался, нарочно лѣзъ впередъ, въ самую горячую схватку—ни разу непріятельскій штыкъ не тронулъ его, ни одна пуля не задѣла.

Солдаты считали его отчаяніе храбростью, и ему было стыдно, когда онъ видѣлъ на ихъ лицахъ граничащее съ восхищеніемъ одобреніе къ себѣ... Если-бы они знали, что онъ чувствовалъ тогда!—если-бы кто-нибудь могъ знать, что онъ чувствовалъ теперь, лежа въ своей палаткѣ и, почти, безмысленно слѣдя за мерцаніемъ краснаго пламени костра!..

— Ну, сударикъ,—а я къ тебѣ съ новостью!.. послышался голосъ капрала, который, наклонясь, входилъ въ палатку.

Съ этимъ ласкательнымъ прозвищемъ „сударикъ“—произносимымъ съ отгѣнкомъ какой-то жалостливой иѣжности,—всѣ въ ротѣ обращались къ Артемію.

Капралъ вошелъ, и сейчасъ-же случилось то, чего боялся Артемій:—капралъ задѣлъ головою за полотно, и оно протекло.

— Экъ, вѣдь, говорилъ тебѣ, пусть ребята землянку выкопаютъ, такъ нѣтъ-же...

Это опять бывало каждый вечеръ. Капралъ входилъ, задѣвалъ полотно и начиналъ говорить про землянку. Но сегодня новость, съ которою онъ пришелъ, видимо, была, дѣйствительно, новостью важною, потому что онъ, не договоривъ, пріѣхалъ къ Артемію и началъ медленно пабивать свою трубку.

— Что? или отступаемъ? спросилъ Артемій.

— Это новость старая—отступить мы должны, потому что король Фридрихъ на насъ двинулся, отвѣтилъ старикъ съ такою важною, словно не генералъ Ферморъ, а онъ самъ командовалъ русскими войсками...

— Ну, такъ что-жъ еще?..

— А то, что поздравляю васъ, сударикъ, съ новымъ ротнымъ командиромъ... вотъ что...

И капралъ, раскуривъ трубку, зажалъ ее зубами и отвернулся....

Артемій приподнялся со своего мѣста.

— Какъ-же это такъ, какъ ротный командиръ?.. откуда?..

Онъ до того уже усѣлся сжиться съ маленькимъ міромъ своей роты, такъ, какою она была, со старымъ капраломъ, котораго всѣ, какъ его „сударикомъ“,—звали „дядей“, до того этотъ міръ сталъ для него своимъ, близкимъ, нераздѣльнымъ, что всякое новшество казалось невозможнымъ въ немъ. И первое чувство, охватившее Артемія при извѣстии, сообщенномъ ему, было чувство горькой обиды за себя и за всю роту. То-же самое, видимо, чувствовалъ и капралъ, то-же почувствуютъ завтра и солдаты, когда узнаютъ, что у нихъ теперь новый, немимо „дяди“,—начальникъ...

— Съ чего-же это назначили вдругъ? снова спросилъ Артемій, онъ хотѣлъ добавить—развѣ не довольны ротой? но не добавилъ.

— Пріѣхалъ изъ Питербурха, изъ гвардіи—молодчикъ, проговорилъ капралъ.—нужно-же куда-нибудь, ну вотъ и назначили—только не долговѣченъ онъ. Я такъ думаю, что до перваго настоящаго дѣла...

— Отчего-же такъ?

— Да ужъ по всѣмъ примѣтамъ—штука парадная—нашей жизни не выдержитъ... а, можетъ, и уходится... заключилъ вдругъ капралъ, махнулъ рукою и замолчалъ.

— Вы какъ-же это узнали, видѣли что-ли?..

— Писарь пріѣхалъ, сказывалъ давеча, и что офицеръ къ намъ объявился новый, а потомъ самого меня на ферму позвали...

Въ каменномъ домѣ брошенной иѣмцами, хозяевами, фермы и ея службахъ помѣщался полковой командиръ съ офицерами.

— Что-же, говорили съ нимъ?

— Говорилъ. Велѣлъ завтра чѣмъ свѣтъ на ученіе роту собрать... маршировать, должно, учить будетъ... Прошелъ бы съ нами—тогда-бы и училъ... шутка сказать, ученіе...

— А какъ зовутъ его?..

— Кого, офицера-то?—фамилія нѣмецкая... въ прошломъ вотъ году пруссака побѣду одержалъ...

— При Лейтенѣ, сталъ вспоминать Артемій.—Росбахъ...

— Росбахъ, не Росбахъ, а какъ-то похоже...

— Ужъ не Эйзенбахъ-ли? переспросилъ Артемій.

— Эйзенбахъ и есть... Онъ самый... а ты что-же, сударикъ, знаешь его что-ли, что такъ удивился...

Артемій долго оставался, молча и неподвижно опершись на руку, въ неловкой и случайной позѣ, какъ привсталъ...

Извѣстіе оказывалось еще болѣе страшнымъ и неожиданнымъ...

— О одного Эйзенбаха я знаю... проговорилъ онъ, наконецъ.—Черный онъ, глаза черные!

— Черные... вѣрно, онъ и есть... ну, дѣла!—что-жъ твой-то, котораго ты знаешь, хорошъ онъ?..

Артемій не отвѣтилъ. Онъ не слыхалъ вопроса.

Еще когда только капралъ сказалъ, что къ нимъ назначенъ новый ротный командиръ, ему словно что-то кольнуло въ сердце, и гдѣ-то глубоко мелькнуло предчувствіе, не Карлъ-ли это... Теперь Артемій не сомнѣвался.

— Ну, дѣла! повторилъ капралъ, видя, что странное происходитъ съ его „сударикомъ“.—Что-же, али у васъ раньше съ нимъ какія непріятности были?..

Но Артемій вдругъ приподнялся и быстро заговорилъ:

— Вотъ что, дядя, заговорилъ онъ,—нужно людямъ сказать, что завтра смотръ, нужно, чтобы приготовились... вы бы распоряженія сдѣлали...

Старикъ понялъ, что лучше оставить Артемія одного.

— Да чего смотрѣть-то—смотрѣть, вѣдь, нечего... близокъ свѣтъ—исходили, а тутъ, пѣ вотъ, на парадъ выходъ... курамъ на смѣхъ... сказалъ онъ, поднимаясь.—Ну, до свиданья, сударикъ...

И онъ, не торюясь, вышелъ изъ палатки.

Артемій тихо опустился на сырое и жесткое свое изголовье. Костеръ пылалъ, поирежнему, и красный свѣтъ его съ пробѣгавшими тѣнями дыма дрожалъ на просвѣчивающемъ полотнѣ. Солдаты, слышавшіе, должно быть, разговоръ въ палаткѣ печальства, притихли и шептались...

Мало-по-малу шопотъ ихъ сталъ затихать—они улеглись. Вѣроятно, долго лежалъ такъ Артемій, но сознаніе времени исчезло для него, потому что онъ думалъ все объ одномъ и томъ-же, и все та же мысль возвращалась къ нему:—Эйзенбахъ, тотъ самый Карлъ Эйзенбахъ, который пріѣхалъ, перевернулъ и нарушилъ тихое счастье Артемія—снова долженъ былъ столкнуться съ нимъ и стать теперь его начальникомъ. Что онъ былъ врагомъ Артемія—это казалось несомнѣнно. И Артемію вспомнились слова, сказанныя ему въ лѣсу—въ тотъ день, когда онъ чуть не копчилъ съ собою: „Местъ есть удовольствіе; но существуетъ другое, высшее удовольствіе—постараться сдѣлать изъ злого человѣка—добраго...“ И вспомнился ему ясно, во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, этотъ

Весенній цвѣтокъ. Съ карт. П. Тумана, грав. Кезебергъ.

день, жаркій, лѣтній, и трава, на которую уронить опъ свой ножикъ, и камень, на которомъ они сидѣли — и такъ это было далеко-далеко... и какъ теперь все другое... и сырость кругомъ, и мокреть...

— Федоръ, а Федоръ! послышался за палаткой голосъ одного изъ замолкшихъ солдатъ.

Федоръ зашевелился.

— А? спросилъ онъ соннымъ голосомъ.

— А вѣдь Фридрихъ-то по-русски Федоръ будетъ, сказывали, и выходить, братецъ, что, какъ настоящаго въ полонъ забережъ—такъ тебѣ первое мѣсто... потому ты тоже Фридрихъ...

Федоръ обидѣлся.

— Толкуй тоже—мало, что говорятъ... И, гротко зѣвнувъ, онъ задвинулся и снова затихъ.

„Да, думалъ Артемій,—изъ злого сдѣлать добраго...

но вѣдь онъ только врагъ мнѣ, но неизвѣстно еще злой-ли онъ человѣкъ... Что-жъ, онъ полюбитъ ее (а ее нельзя не полюбить), вотъ и все... это такъ понятно... И какъ это странно—тутъ-же гдѣ любовь—тамъ и злоба... Какъ это все вмѣстѣ идетъ... Сплетается...

И ему хотѣлось, чтобы Карлъ непременно оказался злымъ по отношенію къ нему, чтобы онъ, Артемій, могъ изъ него постараться сдѣлать добраго человѣка — и тутъ же онъ внутренне смѣялся надъ собою, сознавая себя ничтожнымъ подчиненнымъ, лишеннымъ всякой возможности сдѣлать что-нибудь человѣку, въ рукахъ котораго онъ всецѣло находился...

Но молодое воображеніе его все-таки играло, и онъ, волнуясь, долго не могъ заснуть, ожидая завтрашняго утра, когда произойдетъ ихъ встрѣча съ Карломъ.

(Продолженіе будетъ).

Пасхальная ночь.

Фантазія

А. Аенскаго.

Весь охваченный впечатлѣніями пасхальной заутрени вернулся я домой, не думая никуда идти и ничего не ожидая у себя. Въ моемъ воображеніи съ живостью ясновидѣнія еще блесгѣлъ тысячами огней огромный храмъ; величавая фигура митрополита, въ золотыхъ ризахъ, передъ открытыми царскими вратами, благословляла народъ, кругомъ—радостныя лица, и на всѣхъ устахъ: „Христосъ воскресъ!“ Я былъ утомленъ, наскоро раздѣлся и легъ спать. Но въ окно моей комнаты чуть-чуть брезжилъ сквозь опущенную штору предутренній полусвѣтъ, съ улицы слышалось шумное движеніе—и мнѣ не спалось. Какое-то странное какъ бы предчувствіе томило меня, расневеливая первы, смутныя, широкія картины разсѣивавшихся въ воображеніи. Возбужденіе во мнѣ росло. росло... Я не выдержалъ и всталъ. Меня тянуло вонъ изъ дому, опять въ ту же ликующую толпу, какъ море, глухо волновавшуюся въ храмѣ и вокругъ него.

Не помню, какъ очутился я на улицѣ,—но передо мной былъ не Петербургъ. Въѣсто каменныхъ громадъ, сіяющихъ окнами, и шумной толпы, я видѣлъ кругомъ себя мертвую бѣлую пустыню, уходящую во всѣ стороны въ сумракъ глухой безлунной ночи, а надо мною торжественно раскидывалось молчаливое небо, ярко блесгѣвшее звѣздами, и, чуть-чуть мерцая въ далекой мглѣ, склонялись почти къ самому горизонту „стожары“. „Что за странность!“ промелькнуло у меня; „вѣдь, они въ это время года въ полночь уже заходятъ,—неужели же нѣтъ еще 12 часовъ?“ И точно, полночи еще не было. Гдѣ-то вдали, на краю бѣлой равнины, показались огоньки, и при нихъ свѣтъ слабо обрисовывались формы, должно быть, какой-нибудь деревенской колокольни. То горѣли, очевидно, по обыкновенію, лампы на окнахъ ея.

Я чувствовалъ себя необыкновенно легко, какъ будто былъ ужъ не тяжелое и грубое тѣлесное существо, а свободный духъ, не стѣсненный ни временемъ, ни пространствомъ. Во мнѣ вспыхнуло вдругъ страстное желаніе быть въ это мгновеніе не здѣсь, не въ этомъ, какъ мнѣ казалось, незнакомомъ мнѣ, но близкомъ, родномъ уголкѣ коренной Россіи, а гдѣ-нибудь далеко-далеко, на краю свѣта. „Вотъ“, думалъ я, „хорошо бы улѣтѣть теперь за всю обширную Сибирь, на берега Великаго океана, гдѣ, однако, живутъ все тѣ же родные русскіе люди и слышится наша же родная рѣчь, гдѣ простираться къ небесамъ золотыя главы нашихъ православныхъ церквей и сегодня, въ эту торжественную ночь, какъ и у насъ въ Петербургѣ, освѣщенные тысячами огней, оглашаются величественнымъ пасхальнымъ пѣніемъ. Но какаго-то невидимаго, повидимому, старалась предупредить мои желанія. Я вдругъ услышалъ грозный шумъ морского прибоя вдали, и вслѣдъ за первой, замѣченной мною, колокольней, освѣтилась другая, третья...

Вывало отъ меня, къ востоку, простиралось безграничное водное пространство, почти подо мною лежалъ большой городъ, метавшийся огнями; къ нему съ запада пѣса свои волны вскрывавшаяся многоводная рѣка, и близо устье ея тѣснились къ берегамъ корабли. Я понималъ, что это оксангъ, что рѣка эта—Амуръ, и городъ—Никольскъ. Я невольно сталъ смотрѣть на востокъ, туда, гдѣ за широкимъ проливомъ, Татарскимъ, лежалъ островъ Сахалинъ, но русскому народу названію—Соколинный. мрачное мѣсто суровой каторги. И тамъ, думалъ я, среди отверженцевъ общества, руки которыхъ обогрѣны кровью ближняго, сегодня прогнѣна радость. Но востокъ свергалъ въ ночной тмѣ только грозныя валами вѣчно безпокойнаго моря, и я ничего большаго не увидѣлъ...

Стожары спрятались уже наполовину за горизонтъ, и вдругъ, разрывая ропотъ прибоя, бухнулъ въ воздухъ пушечный вы-

стрѣлъ. И маленькія съ той высоты, на которой я находился, фигурки людей, со свѣчами въ рукахъ и съ торжественными возгласами, стали появляться изъ всѣхъ церквей города. Я не только видѣлъ, но и слышалъ въ смутной дали звонъ колоколовъ и пѣніе „Христосъ воскресъ!“ Весь городъ, казалось, сливался въ одномъ великомъ чувствѣ радости и безконечной благодарности къ Творцу вселенной.

Но городъ мелькнулъ передо мною и съ страшною быстротою помчался отъ меня къ востоку. Звѣзды остановились въ своемъ медленномъ теченіи. Прямо на сѣверѣ неподвижно мерцали нѣтъ ясныхъ звѣздъ Кассіопеи, какъ огромная, растянута, французская буква W, и, сколько разъ я потогъ ни взглядывалъ на нихъ, онѣ оставались неизмѣнно все на томъ же мѣстѣ. А надо мною, внизу, быстро проходила твердая земля, представляя мнѣ повсюду все одну и ту же величавую сцену людской жизни. Необразимые лѣса и огромныя равнины дикихъ полей прерывались, по временамъ, человѣческими жилищами, и тамъ, гдѣ была церковь, торжественно звучали колокола, восторженное пѣніе „Христосъ воскресъ!“ Христосъ воскресъ!“ мимолетными, отрывочными звуками долетало до меня, и на церковной паперти видѣлись люди съ свѣчами и хоругвями.

Проходили минуты, часы. Равнодушная природа жила своею обычной жизнью. Небо закрывалось, по временамъ, тучами, падалъ мокрый снѣгъ, моросилъ мелкій весенній дождь. И снова звѣзды появлялись на небѣ, и такъ же неподвижно, какъ прежде, сверкали на сѣверѣ нѣтъ яркихъ звѣздъ Кассіопеи. Тузанъ застигала цѣлая мѣстности. Рѣки съ шумомъ несли зимній покровъ къ морю или бурно текли туда же, къ далекому Сѣверу, уже свободнымъ, заливая поля, разрушая нлody человѣческихъ усилій и одновременно оплодотворяя нивы къ предстоящему лѣту. Огромныя сибирскія озера шумно вздымались черныя волны, поднимаясь палору разгуливавшегося вѣтра, или тихо, едва колеблясь, лѣниво лежали въ своихъ берегахъ, какъ бы съ любовью прислушиваясь къ призыву звуку весеннихъ ручейковъ, отовсюду несшихъ въ нихъ бурливую воду. По вся жизнь природы, ея тишина и буря, ея нахмуренное или, наоборотъ, веселое лицо, были безслышны противъ человѣка, и сдѣла повсюду представлявшаяся мнѣ пасхальная торжества казалась столь же ненужною, какъ бы неподвижной, какъ неподвижны оставались надо мною, предо мною и повсюду кругомъ величавыя очи небесныя,—звѣзды.

Не знаю, сколько часовъ пробылъ я въ моемъ созерцаніи. Но мнѣ, въ концѣ концовъ, захотѣлось къ людямъ изъ моего воздушнаго уединенія. И я тотчасъ же очутился передъ бѣдной, промерзшей лачужкой, съ окнами, которыми были покрыты еще ледяными цвѣтами. Въ избушкѣ я услышалъ скорбный женскій плачъ, горькій, полный отчаянія, и дѣтскій крикъ. Сквозь стекло я увидѣлъ тамъ умирающаго человѣка, быть-можетъ, кормильца и единственную опору семьи. Въ другомъ, столь же бѣдномъ, жилищѣ я услышалъ стоны; тамъ приходилъ въ нашъ грѣшный и печальный міръ новый человѣкъ... Да, міръ оставался, попрежнему, полнымъ скорбей и относительныхъ радостей. Пѣть, лучше въ эту великую ночь смотрѣть на него съ высоты, какъ смотрятъ на него вѣчныя звѣзды. И я мгновенно опять былъ высоко въ воздушномъ пространствѣ. И снова замелькали мимо меня разнобразныя картины земной поверхности, снова холодная природа приняла меня въ свои безучастныя объятія. На сѣверѣ теперь сіялъ огромный прекрасный кругъ свѣта, изъ котораго, какъ ланы хищнаго звѣря, тянулись къверху огромныя свѣтлые столбы, то вытягиваясь до высоты стоящихъ надо мною

звѣздъ, то снова сокращаясь. Вслихавос, роскошное сѣверное сіяніе было предо мною. На змѣѣ, среди людского міра, сие-на измѣнялась. Въ тѣ нѣсколько минутъ, которыя я пробылъ въ глухой сибирской деревнѣ, полночь ушла отъ меня на востокъ, и я присутствовалъ уже не при выходѣ торжественныхъ процессій изъ храма; они успѣли уже обойти вокругъ деревни и приближались къ наперти, чтобы снова вступить въ нихъ. Но все такъ же торжественно звучали колокола и слышались тѣ же слова въ людскихъ устахъ: „Христосъ воскрес! Христосъ воскрес!“ Быстро проходили эти картины на Востокъ, и тѣмъ болѣе приближался я къ роднымъ мѣстамъ, къ Европейской Россіи, тѣмъ села становились чаще, и процессіи мелькали предо мною почти непрерывной чередой. Я мысленно сталъ называть города, которыя мнѣ хотѣлось бы видѣть, и рядъ ихъ свѣтлой полосой скользилъ мимо.

Болѣе шести часовъ смотрѣлъ я съ высоты на огромный пространства Русской земли. И вотъ, мимо меня прошла длинная полоса горъ, тинувшихся прямо съ юга на сѣверъ, къ тѣмъ пяти звѣздамъ, которыя, прихотливо мерцая въ холодномъ воздухѣ, неподвижно смотрѣли мнѣ прямо въ лицо. „Уральскій хребетъ!“ подумалъ я. Начиналась Европейская Россія. Видъ земной поверхности все болѣе и болѣе измѣнялся. Теперь уже видѣлись не отдаленныя села, а вся безконечная равнина, безъ перерыва, заливалась свѣтомъ нахалыхъ огней, и рядъ процессій, при быстромъ движеніи земли, сливался въ моихъ глазахъ въ одну непрерывную картину. Города отбѣгали только болышою скученностью свѣта. Куда я ни обращалъ взоръ,—на сѣверъ, югъ, западъ и востокъ,—всюду мелькали передо мною скученныя полосы людей, обходящихъ храмы. Для моего изощреннаго уха нѣмѣ

прсвратилось въ непрерывный звукъ, могучій и вслпщественный и безконечно огромный, какъ сама Святая Русь. Перерывный звонъ несея со всѣхъ сторонъ, наполняя торжественными звуками всю вселенную. Казалось, вся родная земля встала, какъ одинъ человѣкъ; казалось,—это не было простое собраніе единичныхъ существъ, соединенныхъ исторіей въ одно великое государство, а какое-то единое, великое существо, дышащее одною мыслію и сплосъ.

Москва... И Москва въ торжественномъ блескѣ говорила со мною своими „сорока-сороками“ мѣдныхъ голосовъ. Но вотъ, наконецъ, мелькнули послѣдніе звучащіе храмы, подомной началъ проходить въ мертвомъ молчаніи города, съ ярко-освѣщенными улицами.

Я вспомнилъ, что за границей въ этомъ году празднованіе Пасхи—не одновременно съ празднованіемъ ея въ Россіи...

„Домой!“ подумалъ я,—въ Исааіевскій соборъ. И я очутился снова въ многолюдной толпѣ, только-что вошедшей въ великолѣпный храмъ за крестнымъ ходомъ.

Въ соборѣ нѣтъ огромный стройный хоръ; но звуки его сливались въ мой душѣ съ торжественнымъ пѣніемъ всего безконечнаго великаго Русскаго царства, были только продолженіемъ той вереницы звуковъ, которая прошла передо мною отъ конечныхъ восточныхъ предѣловъ сего...

— Пиколой Васильчъ! Пиколой Васильчъ! кто-то звалъ меня.

Я оглянулся; но никто не обращалъ на меня ни малѣйшаго вниманія во всемъ соборѣ.

— Пиколой Васильчъ! Господишъ пришелъ, васъ спрашиваютъ, кто-то снова настойчиво приставалъ ко мнѣ.

Я снова оглянулся и—проснулся.

СВѢТЛЫЙ ПРАЗДНИКЪ НА ПОЗИЦІИ.

Быль изъ воспоминаній о войнѣ 1877—78 г. Ив Вѣрунина.

Разбитая на-голову армія Сулеймана-паши разсыпалась по разнымъ направленіямъ—къ Адрианополю, Константинополю и Босфору. Небольшая часть оставшихся башибузуковъ ушла въ Радонскія горы, гдѣ разбросано много „помаковъ“ *) деревень; засѣла тамъ и, по окончаніи войны, произошла возстаніе въ средѣ помаковъ. Но извѣстіе объ этомъ возстаніи передавалось пока только, какъ слухъ, не основанный ни на какихъ фактическихъ данныхъ.

Въ то время балканская весна 1878 года стояла въ полномъ разгарѣ: сады, поля, Радонскія вершины и долины—все было покрыто ярко-зеленью. Благодатная теплыня вызывала радостное настроеніе въ предчувствіи Великаго праздника. Былъ Страстной четвергъ!

Пашъ стрѣлковый батальонъ стоялъ въ городѣ Станимакѣ, противъ главнаго ущелія Радонскихъ горъ. Въ то время, мы отдыхали послѣ тяжелой войны и ничего не дѣлали. И офицеры, и солдаты были совершенно свободны отъ боевыхъ трудовъ.

Мы (офицеры) рѣшили пойти въ греческую церковь и помолиться. Но греческое богослуженіе, сходное съ нашимъ по обрядности, все-таки для насъ было малопонятнымъ. Душа и сердце болѣзненно сжимались отъ скорби и жалости, что мы не въ Россіи и обречены встрѣтить Свѣтлосъ Христово Воскресеніе—во время начавшейся оккупациі!.. Вдругъ командира нашего батальона внезапно вызвали изъ церкви. Говорить—казакъ пріѣхалъ съ донесеніемъ и, кромѣ того, съ какимъ-то сообщеніемъ прібыли изъ подгорной деревни болгарскіе гопцы. Вскорѣ и насъ всѣхъ попросили въ квартиру батальоннаго командира. Оказалось, что горцы и башибузуки, ровно въ 12 часовъ ночи подъ „Великдень“, **) обѣщались напасть на село Талытахъ, сжечь его и вырвать всѣхъ братушекъ, женъ ихъ и дѣтей. Это обѣщаніе свое горцы выразили въ прокламаціи, наклепленной тайно на церковныя ворота. Ужасъ обуялъ братушекъ, и вотъ они отправили въ нашъ отрядъ посольныхъ съ просьбою о немедленной помощи. Казакъ, въ свою очередь, привезъ изъ шкита донесеніе, что одиночные люди замѣчены на ближайшихъ Радонскихъ вершинахъ, окаймляющихъ главное ущелье.

На маленькомъ „военномъ совѣтѣ“, въ квартирѣ начальника, было рѣшено—одной ротѣ стрѣлковъ немедленно-же выступить въ село Талытахъ, лежащее у подножія горъ, въ 12-ти верстахъ отъ города Станимака. Бросили жребій—и рѣшилась боевая участь первой роты. Собрались мы въ походъ почти по трясинѣ и съ тревожными думами двинулись въ всеслышъ путь.

Тяжелая ночь! Не видно ни зги. Въмѣсто обычныхъ приготовленій къ празднику—мы готовились, въ случаѣ надобности, костьми лечь на бранномъ полѣ.

Съ разсвѣтомъ мы вступили въ болгарское селеніе. Вос-

торгамъ и радости жителей не было конца: они плакали отъ умиленія

„Освѣтивъ“ мѣстность, т. е. принявъ всѣ мѣры наружнаго охраненія, мы расположились на новой стоянкѣ боевымъ бивакомъ.

Въ селѣ болгары готовились къ празднику. Для нашихъ стрѣлковъ привезли изъ Станимака вина, водки, пропоровъ, аицъ и какое-то подобіе пасхи. Прибылъ и взводъ артиллеріи, т. е. два орудія, подъ командою безусаго прапорщика, и полсотни казаковъ. Составился небольшой отрядецъ изъ трехъ родовъ оружія, подъ общимъ начальствомъ нашего капитана; капитанъ былъ уполномоченъ на самостоятельныя военныя дѣйствія, въ зависимости отъ обстановки и боевыхъ условій. Но о бунтовщикахъ не было никакихъ свѣдѣній: они нигдѣ не появлялись. Только передъ вечеромъ, съ ближайшаго шкита доставили въ Талытахъ двухъ братушекъ, убитыхъ турками по дорогѣ въ Станимакъ. Рассказывали, что казаки погнались было за разбойниками, но тѣ скрылись въ заросшихъ густымъ кустарникомъ горныхъ буеракахъ. Братушки были застрѣлены крупною дробью „волчатникомъ“. Потомъ оказалось, что горцы охотились на болгаръ, выстрѣливая изъ кустовъ свою добычу. Они и не грабили братушекъ, а только „уничтожали“ ихъ.

Приближалась полночь. Темень страшная, хоть на небѣ и вышвѣдло. Болгары не спятъ: женщины готовятъ праздничныя яства, а мужчины приготавливаются къ самозащитѣ: осматриваютъ старинныя свои кремневые „пушки“ (ружья), ятаганы, ножи, нисолсты. Русскіе нѣтъ на бивакѣ: они всѣ на позиціи и на сторожевыхъ постахъ, шкитахъ и сскретахъ. Всѣ приготвились къ бою. Орудія заранѣе были наведены на ближайшіе пути наступленія. Для успокоенія братушекъ—рѣшили: ровно въ 12 часовъ ночи пропозвести три боевые свѣщенно-салютационныя орудійныя выстрѣла: дать знать, что „Христосъ воскресъ“. Болгарская церковь была занерта и темна со всѣхъ сторонъ. Мы посмотрѣли на часы—ровно 12.

— Дѣнадцатъ, господа! сдавленнымъ голосомъ пробасилъ капитанъ.

— Да, дѣнадцатъ... беззвучно какъ-то повторили и мы, и сразу почувствовали, какъ у каждого словно что-то шевельнулось въ груди.

— Первое! громко скомандовалъ артиллерійскій прапорщикъ.

Грянулъ густой орудійный выстрѣлъ и эхомъ загрохоталъ по Радонскимъ вершинамъ. На одной изъ нихъ ярко вспыхнула какъ-бы крупная звѣзда, и свѣжее эхо отбѣгло оттуда объ удачномъ разрывѣ гранаты. Мы сияли шапками и перскрестились.

— Второе! скомандовалъ артиллеристъ.

Снова вся окрестность дрогнула, и снова загудѣла орудійная граната. Волною повторило эхо нашъ привѣтъ православной странѣ.

— Первое! снова раздалась команда.

И третья граната понеслась по Радонскому ущелью, и разорвалась въ густомъ сумракѣ ночи.

*) „Помаки“—омусульманившіеся болгары, приверженцы ислама.

**) Такъ болгары называютъ Свѣтлое Воскресеніе.

Святая ночь. Орлг. рпс. (собств. „Нивы“) Ижаневича, грав. Шюблеръ.

Съ визитомъ. Съ карт. Гельбана, грав. Болъ.

— Христосъ воскрес! снявъ фуражку, торжественно проговорилъ капитанъ. И всѣ мы похристосовались.

— Христосъ воскрес, братцы! обратился капитанъ въ ту сторону, гдѣ были солдаты. Въ густой темнотѣ послышался шорохъ, и оттуда раздалось: „Восстину воскрес, вамъ скородіе!“

— Похристосуйтесь, братцы, между собою! громко приказалъ начальникъ, и въ темнотѣ снова задвигались, зашептались и раздались троекратныя лобзанія „сѣрыхъ“.

Такъ, на боевой позиціи наступилъ Свѣтлый праздникъ. Вокругъ все было спокойно. Ни съ казачьихъ пикетовъ, ни со сторожевыхъ пѣхотныхъ постовъ—никакихъ донесеній не было: значить, впереди все обстояло благополучно. Только къ утру, казачій разъѣздъ наткнулся въ ущельи на одного вооруженнаго турка, какъ видно, желавшаго съ разсвѣтомъ тайно высмотрѣть наши силы и боевое расположеніе. Турокъ этотъ заявилъ на допросѣ, что въ Радонскихъ горахъ идетъ „форменное“ возстаніе горцевъ, ничего не знающихъ о заключеніи мира: султанъ не присылалъ имъ еще „коишъ“ со своего ультиматума, освященнаго печатью правовѣрныхъ.

Подъ казачьимъ конвоемъ пѣхотнаго отряда въ Станимакъ, а оттуда его препроводили опять въ горы и отпустили на всѣ четыре стороны. Говорятъ, что турокъ съ умиленіемъ благодарилъ препровождавшаго и потомъ освободившаго его казачьяго сотника, на добрыя намѣренія котораго онъ вовсе не рассчитывалъ. Турку отдали даже все его вооруженіе!

До утра мы всѣ были, что называется, на чекъ: авось, нѣтъ-нѣтъ, да и нагрянутъ азіаты! Но утро настало ясное, доброе и теплое. Тишина кругомъ—несомнѣнная. Видно, въ Свѣтлое Воскресеніе и природа ликовала вмѣстѣ съ успокоившимися братушками!

— Искусъ выдержали всѣ порядочный! громко сказалъ начальникъ отряда.

— Слава Богу, что благополучно окончилось все! отвѣтили мы. Солдатики сняли шапки и стали креститься.

— Вотъ такъ это лямка на Великдень. Такого у насъ дома никогда не бывало! произнесъ одинъ изъ нихъ.

Показавшееся изъ-за Радонскихъ горъ солнышко мягко и нѣжно освѣтило, словно ласкала, всю нашу долину, глубокое дефиле, лежавшее впереди, и болгаръ, собравшихся на площади, суетившихся около выставленныхъ праздничныхъ столовъ. Изъ церковной оградѣ, съ крестомъ и святою водою, вышелъ священникъ; на площади воцарилась мертвая тишина. По окончаніи богослуженія, къ „галеому капитану“ (на-

чалышку отряда) прибыла депутация, испрашивавшая разрѣшенія—дозволить солдатамъ и всѣмъ „капитанамъ“ вмѣстѣ съ ними разговѣться.

Сняли лишніе пикеты и сторожевые посты, оставивъ только необходимыя; восстановили дневную очередь боевого служебнаго наряда, — и всѣ свободные отъ службы отправились на болгарское разговѣнье.

Разныхъ яствъ было приготовлено много. Тамъ были и жареные бараны, и поросята, составлявшіе рѣдкость, такъ какъ турки не терпѣли свиней,—и куры: сыръ, молоко, яйца, сметана, блины (сладкій пирогъ) и все, чѣмъ кто богатъ. Но пашки не было ни у кого. Краснаго и бѣлаго вина нашлось въ ламахъ предостаточно.

Раздѣлившись по семействамъ, наши солдатики стали христосоваться съ братушками: и братушки просто бросались къ нимъ съ радостными объятіями. Успѣвъ въ кругъ по-турецки наши стрѣлки, размѣстились артиллеристы и казаки, сѣли и сами братушки.

Въ два часа дня началось въ церкви торжественное богослуженіе. Церковь не вмѣстила всѣхъ молящихся, и пѣхъ много стояло на дворѣ, въ церковной оградѣ. Болгары плакали, плакали отъ радости... Молились и наши солдатики о благополучно проведенной ночи подъ Свѣтлымъ праздникомъ!

Богослуженіе продолжалось не болѣе часу... Странно было слышать праздничный благовѣстъ: вмѣстѣ обычнаго у насъ колокольнаго зова, съ болгарской церковной колокольной раздалась частые удары по деревянной доскѣ—что-то въ родѣ набата. Турки запрещали братушкамъ имѣть на церквахъ колокола (разрѣшалась только деревянная или чугунная доска). По окончаніи богослуженія въ церкви, всѣ жители вышли на нашу боевую позицію и просили показать имъ стрѣльбу изъ орудій. Начальникъ отряда велѣлъ сдѣлать три шрапнельные выстрѣла, и орудія загромыхали. Толпа болгаръ вздрогнула... Но потомъ, смѣясь, вернулась опять на площадь, гдѣ затѣяла ужъ народный болгарскій плясъ „коло“ (въ родѣ нашего хоровада, но только не замкнутымъ кругомъ—а въ одну линію) подъ музыку—двухъ, такъ называемыхъ, „козъ“.

Братушки веселились до поздняго вечера. На ночь мы опять выступили на боевую позицію, и такъ продолжалось ровно три ночи. Затѣмъ, насъ смѣнили другіе стрѣлки. Мы отслужили свое...

Такъ провели мы Свѣтлое Христово Воскресеніе въ боевой позиціи...

Утро Свѣтлаго праздника.

Разсказъ А. Желѣзнова.

Принцъ Людовикъ Бонапартъ Конде былъ арестованъ 16-го октября 1860 года. Его вмѣстѣ съ Шатильонами, покровителями протестантовъ, замышляли на собраніе генеральныхъ чиновъ, и здѣсь онъ открыто принялъ сторѣну гонимыхъ протестантовъ, былъ схваченъ и заключенъ въ Орлеанскую тюрьму. Его обвиняли теперь въ участіи въ заговорѣ Амбаза, то есть въ покушеніи на жизнь Гизовъ и на низложеніе самого короля... Напрасно онъ, зная, что нѣтъ противъ него никакихъ уликъ, оправдывался и защищался...

Самъ маршалъ, тотъ самый маршалъ Сентъ-Андре, котораго Людовикъ считалъ другомъ, доброжелателемъ, покровителемъ, предалъ его въ руки враговъ. Положимъ, ему нельзя было пойти противъ всѣхъ, онъ вс могъ осудиться Гизовъ, исконныхъ противниковъ протестантизма, и предалъ несчастнаго Людовика.

Все преклонилось передъ ними, торжество было на ихъ сторонѣ... Можетъ быть—не будь этого недавняго друга, Сентъ-Андре, ставшаго такъ неожиданно врагомъ—не было бы и этой тюрьмы, одиночества и униженія... Но тогда не было бы, можетъ быть, для Людовика и той радости и счастья, которая единственно поддерживала его силы здѣсь, гдѣ онъ былъ, казалось, забытъ всѣми, одинокій, оставленный...

Но самъ онъ, въ душѣ, не чувствовалъ и не создавалъ этого одиночества—съ нимъ жила любовь его, чистая, святая, воспоминаніе о которой заставляло забыть все окружающее. Онъ любилъ и зналъ, что любитъ,—между ними было давно сказано все, они понимали другъ друга, и Людовикъ вѣрилъ, что они раздѣлены для того только, чтобы сойтись вновь, для того только, чтобы свиданіе ихъ было еще радостнѣй первой ихъ встрѣчи. Все равно, пусть это свиданіе будетъ здѣсь, въ этомъ мірѣ, исполненномъ лжи, предательства и неправды, или въ томъ, другомъ, лучшемъ, загробномъ мірѣ, о которомъ говоритъ религія устами краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ—все равно, они встрѣтятся, и эта встрѣча будетъ радостна и прекрасна. Онъ вѣрилъ въ этотъ будущій міръ и вѣрилъ, что, если здѣсь придется пострадать ему за правое, чистое, честное дѣло—тамъ для него, въ этомъ мірѣ, въ который онъ вѣрилъ, будетъ уготована радость, будетъ уготованъ свѣтъ и тишина, какъ и для нея, которая прекрасна и недорочна, какъ ангелъ на землѣ... и она станетъ и тамъ его чистымъ, милымъ ангеломъ...

Онъ любилъ дочь человѣка, предавшаго его, маршала Сентъ-

Андре,—Анну. Ненависти, злобы не было у него къ этому человеку, не потому, что это былъ отецъ любимой имъ дѣвушки, но потому, что онъ никого не могъ ненавидѣть, онъ слишкомъ любилъ свою Анну и любовь эта всецѣло поглотила его...

Былъ первый день Свѣтлаго праздника. Весеннее, радостное солнце едва проникло сквозь узкое окошко тюрьмы, пробито такъ высоко въ стѣнѣ, что въ него не было видно ничего, кромѣ маленькаго кусочка синяго, безоблачнаго неба... Но это небо было такъ же свѣтло и ясно, какъ свѣтло и ясно было на душѣ Людовика. Вчера ночью, въ двѣнадцать часовъ, онъ не спалъ и думалъ о ней, объ Аннѣ. Онъ слышалъ, какъ на колокольной тюремной церкви звонили, особеннымъ, торжественнымъ, праздничнымъ благовѣстомъ... И ему пріятно было думать о ней въ эту минуту, и пріятно сознавать то, что она тоже, вѣрно, думаетъ о немъ и мысленно радуется вмѣстѣ съ нимъ Свѣтлому празднику...

И теперь, въ это свѣтлое весеннее утро, когда не только люди, но и природа торжествуютъ великій праздникъ обновленія, онъ былъ увѣренъ, что она, какъ вчера у пасхальной заутрени, вспоминаетъ о немъ, и тюрьма, и заключеніе его не могутъ раздѣлить ихъ.

Кругомъ было тихо въ тюрьмѣ. Рано утромъ безмолвный сторожъ, все тотъ же, всегда одинаковый, не пріодѣвншійся даже для праздника и даже для праздника не измѣнившій своего вѣчно угрюмаго выраженія (лицо его всегда было словно каменное), принесъ въ оловянной чашкѣ какое-то мѣсиво, которымъ кормили арестованныхъ, и къ которому Людовикъ не притронулся сегодня, и когда дверь на своихъ ржавыхъ петляхъ затворилась за сторожемъ съ обычнымъ скрипомъ—все смолкло, какъ всегда... Толстыя стѣны тюрьмы не пропускали даже звуковъ.

Но Людовикъ радъ былъ этой тишинѣ. Благодаря ей, ему легче было унести далекъ, далекъ своими мыслями... Онъ сидѣлъ неподвижно на соломѣ своей койки, и только, когда случайно сорвавшаяся капля отъ натекшей на сводчатомъ потолкѣ сырости падала на плиты каменнаго пола, Людовикъ безсознательно вздрагивалъ и снова погружался въ свою задумчивость.

И вдругъ онъ поймалъ себя почти на сумасшедшей мысли,—ему захотѣлось сейчасъ, сію минуту, имѣть доказательство того, что Анна помнитъ и любитъ его поирожному, такъ-же, какъ онъ помнитъ и любитъ ее.

Онъ загадалъ — если сейчасъ, сію минуту, какая-нибудь птица, что бывало иногда, прилетитъ и сядетъ на его окошко и прочликаетъ ему (онъ думалъ, что для него, ради него чирикаютъ птицы, прилетавшія на его окошко), тогда... тогда Анна помнитъ и любить его...

Но, какъ онъ ни прислушивался — все было тихо по-прежнему.

Вдругъ у двери, или за дверью раздался какой-то непривычный шумъ. Первую минуту Людовикъ подумалъ, что это мыши; но звукъ повторился и яснѣе, — желѣзо стукнуло — отодвигали засовъ. Щелкнулъ замокъ, и въ рамкѣ неожиданно распахнувшейся двери появился, вмѣсто тюремщика — молодой, красивый, блестящій офицеръ королевской стражи.

Людовикъ, въ своей тюрьмѣ, успѣлъ уже отвыкнуть отъ этого блеска оружія и галуновъ, хотя сравнительно такъ недавно еще эти-же самые мундиры преклонялись передъ нимъ на балахъ и празднествахъ. И именно потому, что онъ зналъ это преклоненіе — онъ понималъ, что явившійся теперь къ нему офицеръ пришелъ не съ извѣстіемъ о свободѣ, не для того, чтобы выпустить его изъ тюрьмы.

Офицеръ стоялъ гордо и прямо на высокомъ порогѣ двери и протягивалъ что-то Людовикъ.

Тотъ, какъ сидѣлъ, не вставая, взглянулъ на офицера, взглянулъ на то, что протягивали ему — это былъ зелѣный бархатный пакетъ, обвязанный золотымъ шнуромъ съ кистями.

„Письмо!.. мелькнуло у Людовика, — письмо, неужели отъ нея письмо... неужели ради Свѣтлаго праздника она добилась разрѣшенія написать мнѣ... Больше никому мнѣ писать... никому, кромѣ нея...“

И онъ вскочилъ со своего мѣста, и, самъ не зная какъ, подошелъ къ офицеру, почти выхватилъ у него пакетъ и дрожащими руками сталъ развязывать шнуръ.

Офицеръ не проронилъ ни слова, онъ улыбнулся только, и медленно повернувшись, исчезъ съ порога.

Дверни петли опять зашлись, дверь стукнула, и послышалась возня задвигаемыхъ засововъ, но Людовикъ забылъ и объ офицерѣ, и обо всемъ; онъ не сомнѣвался теперь, что письмо было отъ Анны — онъ сразу узналъ ея духъ — отъ зеленаго бархатнаго пакета такъ и пахнуло Анной, молодостью, радостью и прелестью. Онъ разорвалъ бархатъ. Письмо было написано ея рукою.

И вдругъ, прочтя первую строку, онъ безсильно опустился, почти упалъ на свою койку. Онъ не хотѣлъ вѣрять глазамъ, но глаза не обманывали его. Въ своемъ письмѣ Анна писала:

«Я вамъ советую, принцъ Людовикъ, приготовиться къ смерти, для васъ ужъ не можетъ быть средствъ къ защитѣ. Вѣрите мнѣ: всѣ желающіе вашей смерти друзья государства. Всѣ заговорщики власть взятые, не болѣе виноваты, чѣмъ вы. Я знаю, что тѣ, которые изъ истинной, похвальной преданности нашему королю обвинили васъ въ этомъ гнусномъ преступленіи, всѣ люди извѣстные мнѣ своею честностью и не могутъ быть подкуплены. Смѣло говорю, что слишкомъ привязана къ престолу и не могу не раздѣлять общаго презрѣнія къ вамъ, для того, чтобы ртытисъ долѣе скрывать отъ васъ то, что вы заслуживаете. Ваша казнь не составляетъ тайну теперь. Будьте увѣрены, принцъ, что всѣ негодяи, какъ вы, вѣроятно, называете въ душѣ честныхъ людей, которые васъ обвинили, посадивъ въ тюрьму, достойны высшей награды и похвалы; вы-же, измѣнникъ, достойны смерти, которую вамъ готовятъ. Я понимаю вполне: ваша безконечная гордость упряметъ васъ, что одна ваша честность только породила такое множество враговъ, а не ужасные, гнусные и тяжелье пороки и преступленія, которые виною вашей погибли. О, — не признавайтесь если хотите, но все-таки никакъ не избежите обвиненія

въ участіи въ заговорѣ. Никто не въ состояніи — думаете вы, какъ безумный, въ порывѣ самоуверенности, обвинить васъ въ этомъ. Не забывайте, принцъ, помните — правосудіе скоро отомститъ вамъ за насъ всѣхъ и за меня.

А. Сентъ-Андре.

И ова, она была противъ него! — И ова поддалась вліянію отца, и ее успѣли убѣдить и поставить въ число враговъ его... Большую казнь, большую пытку трудно было придумать. — Лучше было бы, если-бъ жили ему вытягивали и жгли на угляхъ, — онъ перенесъ бы эту пытку, которую онъ давно ждалъ, удивляясь, почему палачи щадятъ его, но оказалось, что они щадятъ для того, чтобы подвергнуть пыткамъ еще болѣе сильной, мучительной, безжалостной и безчеловѣчной... У нихъ, очевидно, давно было заготовлено это письмо, давно они задумали свое истязаніе, но ждали, нарочно ждали дня Свѣтлаго праздника, и въ этотъ день прислали ему это письмо... И съ страннымъ, необъяснимымъ свойствомъ человека, испытывающаго нравственное страданіе, Людовикъ читалъ и перечитывалъ это письмо, словно, чѣмъ болѣе, чѣмъ обиднѣе колото оно его, тѣмъ было лучше ему, пріятнѣе... Онъ точно на зло кому-то растравлялъ свою душевную боль и сраданіе... Мысли его путались... голова горѣла... въ ушахъ и въ вискахъ стучало, словно молотомъ... А онъ смотрѣлъ на письмо, и точно что-то подговаривало его: „еще, еще и еще...“ И онъ еще разъ читалъ и перечитывалъ... Должно быть, такъ люди сходятъ съ ума, такъ люди дѣлаются сумасшедшими... Не можетъ радость смѣнить такъ внезапно отчаяніе и горе... или, въ самомъ дѣлѣ, въ жизни радость сменяется перазрывно съ горемъ и страданіемъ... Людовикъ понималъ истинный смыслъ письма и, понявъ его, вдругъ удивился, какъ могъ онъ, любящій и любимый, сомнѣваться въ своей Аннѣ, въ милой, радостной, веселой Аннѣ... Письмо слѣдовало читать черезъ строку и тогда все было ясно: „Я вамъ советую, принцъ Людовикъ, писала Анна на самомъ дѣлѣ, — приготовиться къ защитѣ. — Вѣрите мнѣ: всѣ желающіе вашей смерти болѣе виноваты, чѣмъ вы. Я знаю, что тѣ, которые обвинили васъ въ этомъ гнусномъ преступленіи, всѣ подкуплены. Смѣло говорю, что слишкомъ привязана къ вамъ, для того, чтобы рѣшиться долѣе скрывать отъ васъ тайну теперь. Будьте увѣрены, принцъ, что всѣ негодяи, которые васъ обвинили, посадивъ въ тюрьму, достойны смерти, которую вамъ готовятъ. Я понимаю вполне: ваша честность только породила такое множество враговъ, которые виною вашей погибли. О, — не признавайтесь въ участіи въ заговорѣ. Никто не въ состояніи обвинить васъ въ этомъ. Не забывайте, принцъ, помните меня. А. Сентъ-Андре“.

И снова и жизнь, и радость, и счастье вернулись къ бѣдному Людовикъ... Никогда ему не приходилось, да и едва-ли кому-нибудь кромѣ него случалось — пережить болѣе счастливое, болѣе радостное утро Свѣтлаго праздника.

Анна Сентъ-Андре, не имѣя возможности пропикнуть въ тюрьму къ принцу и зная, что для его спасенія необходимо было, чтобы онъ ни подъ какимъ видомъ не признавался въ своемъ участіи въ заговорѣ Амбуаза, написала ему свое письмо, составленное, на первый взглядъ, такъ, что люди, заключившіе принца, съ охотою передали ему это письмо.

Послѣ полученія письма, Конде упорно заперся во всемъ окончательно, процессъ его затянулся на долгое время, пока, наконецъ, со смертью Франциска IV, герцога де-Гизъ потерялъ прежнее свое значеніе и могущество.

На престолъ вступилъ братъ покойнаго короля, малолѣтній Карлъ IX. Подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній, дѣло Конде приняло совершенно иной оборотъ. Правившая государствомъ мать короля, Екатерина Медичи, въ душѣ ирая католичка, ради того, чтобы освободиться отъ давленія Гизовъ, временно перешла на сторону Бурбоновъ, и, благодаря этому, былъ прощенъ, между прочимъ, и принцъ Людовикъ Конде. Онъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы на волю, гдѣ его ждала не только свобода, но и завоеванное незаслуженными страданіями счастье...

Пасхальные обряды, обычаи и повѣрья.

„Праздниковъ праздникъ“, день, когда христіане вспоминаютъ „Воскресеніе изъ мертвыхъ Спасителя міра“, освобожденіе Имя человечества отъ власти грѣха, возрожденіе надежды на вѣчное спасеніе, на будущее вѣчное райское блаженство, потерянный грѣхонадеи́емъ первого человека, — этотъ день не могъ не отразиться сильно и глубоко на жизни и обычаяхъ народовъ. По преданіямъ русскаго народа, пасхальная недѣля — время радости не только для живыхъ, но и для душъ умершихъ. Народъ вѣритъ, что, на всѣ дни Святой недѣли, „отецъ лжи и грѣха“, сатана лишается всей своей власти надъ людьми: связанный онъ лежитъ въ аду, въ то время какъ Христосъ сходитъ на землю и пavidимо присутствуетъ при торжествѣ вѣрующихъ въ Него; души грѣшниковъ,

содержимыя до послѣдняго суда въ темныхъ и мрачныхъ мѣстахъ, на пасхальные дни выводятся изъ пшхъ и испытываютъ временную радость. Радость и торжество живыхъ выражается въ христосованіи. Встрѣчаясь другъ съ другомъ, вѣрующіе обмѣниваются великою вѣстью, напоминаніемъ другъ другу, что „Христосъ воскресъ“, обнимаютъ другъ друга и цѣлуютъ, забывая всѣ взаимныя обиды, и мѣняются эмплемою, вѣщимъ знакомъ надежды на будущее воскресеніе изъ мертвыхъ.

Обычай мѣняться крестными яйцами восходитъ до глубочайшей древности. Яйцо, какъ результатъ жизни въ таковой „мертвой“, неподвижной формѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ обмѣняющійся возстановленіе изъ себя новой жизни, есть, дѣйстви-

тельно, самая подходящая эмблема воскресения: сегодня он мертв, но в нем таится скрытая жизненная сила. Во времена темного язычества и всяческих предрассудков, яйцо почти у всех народов было как-бы изображением творческой силы природы, или являлось и они при различных торжествах и употребляли при религиозных обрядах; вся вселенная представлялась некоторым из них вышедшей из яйца. Христианские предания говорят, что обычай христосоваться яйцами восходит и в Церкви Спасителя к первым векам: есть, например, легендарное сказание, что Мария Магдалина, явля к римскому императору Тиверию, прежде чем начать проповедь христианства, поднесла ему яйцо, как эмблему, поясняющую ее учение. Первому, полуживому на Пасху, освященному яйцу народ придает особенное значение, называет его „пасхальным яйцом“ и сохраняет целый год, до нового христосования. Взяв, например, что если такое яйцо перекинуть через загоревшийся огонь или избу, то пожар потухнет. Но мѣстамъ, существует также повѣрье, что съ этимъ яйцомъ въ первый день праздника, во время заутрени, можно отличить козлу: онъ будетъ казаться стоящимъ спиною къ алтарю. Вѣра въ освобождение, въ пасхальные дни, душъ умершихъ, даже грѣшныхъ, отъ темной, враждебной человѣчеству силы, поясняетъ обычай христосоваться съ покойниками. Въ некоторыхъ мѣстахъ нашего отечества поныѣ соблюдается обычай — въ первый или второй день Святой недѣли ходить на могилы родственниковъ и зарывать на этихъ могилахъ пасхальные, освященные яйца; умершимъ на Святой недѣлѣ кладется, въ некоторыхъ мѣстахъ, личко въ руку.

Всю Святую недѣлю, съ обѣда до вечера, раздастся со всехъ колоколовъ торжественный звонъ; звонять, конечно, кто пожелаетъ. Но въ представлѣніяхъ народа торжествуютъ

не только люди, а и природа вся принимаетъ участіе въ радости человѣчества. Не у одного русскаго народа, а, напр., и у простолюдиновъ Ирландіи существуетъ убѣжденіе, что въ Свѣтлое Христово Воскресеніе *солнце играетъ* на небѣ при восходѣ. Взрослые мужчины поднимаются на колокольни, женщины и дѣти идутъ на пригорки или вѣшаютъ на крыши домовъ, чтобы видѣть этотъ торжественный и радостный восходъ солнца. Удрученный вѣчною пажубою и заботою о хлѣбѣ пасущимъ, крестьянинъ ищетъ въ этомъ сочувствіи къ себѣ природы — предзнаменованій будущаго. Если солнце появляется на чистомъ небѣ и *играетъ*, то пахарь ждетъ хорошаго лѣта, обильнаго урожая и счастливыхъ свадебъ. Не прочь онъ съ помощью обрядовъ и привлечь къ себѣ счастье при столь удобномъ случаѣ. Старушки, при появленіи солнца въ Свѣтлый праздникъ, уминаются съ золота, серебра и съ краснаго яичка, въ надеждѣ разбогатѣть и помолодѣть; старики-же расчесываютъ свои посѣдѣлыя волосы, причитая: „сколько на головѣ волосковъ, столько-бы было и внучатъ“.

Было-бы излишне говорить здѣсь о пасхальныхъ кушаньяхъ, довольно всѣмъ извѣстныхъ, стоящихъ въ связи съ пасхальнымъ агнецомъ и опрѣснками еврейской пасхи. Но укажемъ на любопытную особенность обычая, распространеннаго, главнымъ образомъ, въ Бѣлоруссіи, а также въ Болгаріи, — зарывать въ пашню кости теленка, ягненка, поросенка или птицы, освященныхъ на Пасху, съ цѣлью предохранить засѣянный хлѣбъ отъ града.

Проспать заутреню въ Свѣтлый праздникъ считается дѣломъ совсѣмъ нехорошимъ. Провипившихся такимъ образомъ, по обычаю, въ понедѣльникъ или во вторникъ Святой недѣли, обливаютъ холодною водою или купаютъ; самое утро вторника въ некоторыхъ мѣстахъ носитъ поэтому названіе „купальща“.

N.

Къ рисункамъ.

Пасхальный огонь. (Рис. на стр. 293).

Настала ночь наканунѣ Свѣтлаго праздника. Затишій было, съ наступленіемъ сумерекъ, городъ около полуночи ожилъ: по улицамъ пѣшкомъ и въ экипажахъ слышать богомольцы въ храмы Божіе услышать давно-жданнаго слова „Христосъ воскресъ“. Въ ожиданіи этой торжественной минуты, городъ принарядился, повсюду выставлены флаги, зажжены плашки. На четырехъ углахъ крыши Исаакіевского собора вспыхнули громадные свѣточы, однажды въ годъ зажигающіеся въ торжественную Пасхальную ночь.

Одинокій. (Рис. на стр. 296).

Прошло семь недѣль Великаго поста. Наступилъ Свѣтлый праздникъ, и каждый спѣшитъ подѣлиться съ близкими и знакомыми радостною вѣстью. „Христосъ воскресъ!“ говорятъ одинъ, и пѣть отвѣчаютъ: „Восстани воскресъ!“ Тяжело бываетъ людямъ, которымъ въ одиночествѣ не съ кѣмъ подѣлиться этими словами, и имъ недостатокъ и довольство не могутъ замѣнить радости подѣлиться своими чувствами въ такіе дни.

На колокольнѣ сельской церкви въ Пасхальную недѣлю. (Рис. на стр. 297).

У всехъ православныхъ народовъ существуетъ обычай проявлять свою радость въ праздникъ Воскресенія Христова тѣмъ или инымъ видимымъ способомъ. У насъ на Руси древле эта радость проявляется колокольнымъ звономъ при нашихъ церквяхъ въ продолженіе всей Пасхальной недѣли. Двери колоколенъ открыты въ продолженіе цѣлой недѣли для стараго и малаго, не только въ нашихъ сельскихъ церквяхъ, но и въ городскихъ и столичныхъ — всякому открытъ туда свободный доступъ.

На нашемъ рисункѣ и изображенъ тотъ моментъ, когда на колокольню сельской церкви, во время Пасхальной недѣли, забрала дѣти, молодцы и молодки, чтобы позвонить въ колокола. Имъ нужно видѣть, съ какимъ усердіемъ и радостью работаютъ это юные звонари. Одинъ мальчуган старается звонить въ большій колоколъ и, какъ видно, напрягаетъ все усилие, чтобы ударить въ тактъ другому юнцу, старающемуся стройно перезванивать въ другіе, меньшіе колокола. Но стройный звонъ имъ не удается, какъ видно они звонятъ — кто въ лѣсъ, кто по дрова... Одной молодкѣ такъ нецѣлится и оглушительный этотъ безтактный перезвонъ, что она зажала себѣ уши руками, чтобы только не слышать эту музыку. На паробка же, стоящаго рядомъ съ ней, перезвонъ этотъ производитъ, какъ видно, противоположное впечатлѣніе: онъ, видимо, съ удовольствіемъ слушаетъ и съ улыбкою на лицѣ слѣдитъ за старшимъ добровольцевъ-звонарей; у одного изъ нихъ отъ палашнаго усердія свалилась даже шапка съ головы. Тутъ-же, возлѣ звонарей, сидитъ на полу молодка, и мальчишка, съ улыбкою на лицѣ, слѣдитъ за стараніемъ своихъ товарищей, а другимъ юнцамъ, какъ видно, уже надобно слушать безгол-

ловый звонъ, и они, уходя съ колоколенъ, оборачиваются и смотрятъ на колокола, какъ-бы опасаясь за ихъ цѣлость.

Вообще, на рисункѣ характерно и наглядно представлена колокольная сельской бѣдой церкви въ Пасхальную недѣлю, съ ея даровымъ звонарями-любителями и ихъ пріезжими слушателями и слушательницами.

A. 3.

Весенній цвѣтокъ. (Рис. на стр. 301).

Павелъ Туманъ извѣстенъ не въ одной только Германіи, какъ высокодаровитый художникъ. Снимки съ произведеній его многими тысячами расходятся по бѣлу свѣту.

Туманъ родился въ Чаксдорфѣ въ Лауницѣ въ 1834 году. Первые уроки рисованія преподавалъ ему отецъ, бѣдный сельскій учитель. Но скудные его средства лишали возможности дать сыну должное художественное воспитаніе. На пятнадцатомъ году мальчикъ былъ отданъ работать въ картографическое заведеніе Фасминга въ Гюгау. Здѣсь черезъ цѣлый рядъ лишений удалось Туману скопить кой-какія деньжошки и на нихъ отправиться въ 1853 г. въ Берлинъ и поступить въ академію. Вскорѣ молодой художникъ покинулъ Берлинъ и переселился въ Дрезденъ, гдѣ онъ посѣщалъ профессора Э. Гюбнера. Зарабатывая себѣ средства къ жизни литографскими работами и изготовленіемъ рисунковъ на деревѣ для иллюстрированныхъ изданій, Туманъ достигъ въ нихъ большого совершенства. Его иллюстраціи къ Молитвѣ Господней, къ „Пѣснямъ Гейне“ и Шампессо, и множество другихъ рисунковъ составляли прочную извѣстность художнику. Не меньше извѣстностью пользуются его картины, всегда прекрасно и мягко написанныя, съ красивыми фигурами, часто въ античной жизни. Къ числу удачныхъ его работъ должна быть отнесена и его картина „Весенній цвѣтокъ“, гравюру съ которой читатель найдетъ на стр. 301.

Святая ночь. (Рис. на стр. 304).

Какое пріятное, радостное чувство даетъ каждому вѣрующему христіанину Святая пасхальная ночь! Съ ранняго дѣтства до глубокой старости эта ночь воспоминанія Воскресенія Спасителя міра пробуждаетъ и оживотворяетъ душу каждого и, какъ бы отдѣлая отъ всего тлетворнаго, земнаго, соединяетъ всехъ, даже и недруговъ, въ одно общее единеніе любви и мира. Чье сердце не пробудится при торжественномъ пѣснопѣіи: „и другъ други обмыжѣ, рече: братіе! и ненавиждимы насъ простимъ вся воскресеніемъ?“ И дѣйствительно, посмотримъ вокругъ, какъ объединяетъ эта Святая ночь и богатаго, и бѣднаго, знатнаго и незнатнаго, князя и простолюдина во что-то одно неразрывное цѣло. Не даромъ предъ страданіями Своими за жизнь міра Господь молился Отцу Своему Небесному: „да будутъ все едино: какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино; да уверуетъ міръ, что Ты послалъ Меня“ (Еванг. Іоанна 17 гл., 21 ст.). Какимъ примиреніемъ дышатъ слова вселенскаго отца и учителя Церкви Іоанна Златоуста: „И такъ, въ войдѣніи въ радость Господа Нашего; и первые и вторые получите награду; богатые и бѣдные ликуйте другъ съ другомъ; воз-

Праздниковъ праздникъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Котляревскаго, грав. Шюблеръ.

держимые и нерадивые почтите этотъ день, постившіеся и не постившіеся веселитесь нынѣ. Трапеза обильна, насыщайтесь всѣ; телецъ великъ, никто пусть не уходитъ голоднымъ; всѣ наслаждайтесь пирушествомъ въры; всѣ пользуйтесь богатствомъ благости. Никто пусть не жалуется на бѣдность, ибо открылось общее царство". И дѣйствительно, эта почъ даетъ радость каждому...

На нашемъ рисункѣ представленъ моментъ, какъ, по окончаніи пасхальной литургіи, пѣвъ сельской церкви, при занятии утренняя зарѣ, народъ расходится по домамъ. Посмотришь на эти радостныя и довольныя лица, невольно сердцемъ переносясь въ дѣтство, когда приходилось жить въ деревнѣ, среди этихъ простыхъ людей, на которыхъ особенно какой-то радостный отпечатокъ кладетъ пасхальная почъ.

А. Зыбинъ.

Съ визитомъ. (Рис. на стр. 305).

Праздники. Хорошіе знакомые навѣщаютъ другъ друга, дѣлаютъ визиты, но дѣлаютъ ихъ съ такою обрядностью и торжественностью, что иногда узнать тѣхъ же лицъ, когда они бывають другъ у друга заиросто, невозможно. На нашемъ рисункѣ бесѣдуютъ двѣ подруги, но видимо бесѣда мало интересуетъ обѣихъ, и гости такъ и хочется поскорѣе уйти, быть можетъ, опять дѣлать скучные и чопорные визиты...

Праздниковъ праздникъ. (Рис. на стр. 309).

„Праздниковъ праздникъ, торжество есть торжество“ поетъ клиръ при пасхальномъ богослуженіи, и дѣйствительно—великій праздникъ Пасхи, праздникъ духовнаго обновленія, совпадающій съ днями радостной, свѣтлой весны, является и самъ радостенъ и свѣтелъ. Какъ весна... Радуетъ и старъ, и младъ, и старъ, и младъ привѣтствуютъ другъ друга, говоря „Христосъ воскресъ“, каждому „дорого личко въ Христовъ день“, и каждый старается разговѣться освещенною у заутрени пасхой и куличемъ. Города и селенія оживаютъ, и праздничное

веселіе особенно становится радостнымъ въ этотъ день праздника праздниковъ...

Открытие памятника императору Александру II.

(Рис. на стр. 312).

Въ память 19 февраля 1861 г., состоялось въ Петербургѣ освященіе и открытіе памятника въ Божѣ почившему императору Александру II, сооруженнаго С.-Петербургскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ и поставленнаго передъ фасадомъ Александровской больницы. Въ болыпичной церкви было совершено Никандромъ, епископомъ Нарвскимъ, въ сослуженіи съ многочисленнымъ духовенствомъ, молебствіе. Первѣе началось богослуженіе преосвященный Никандръ произнесъ глубоко прочувствованное слово, въ которомъ въ яркихъ чертахъ обрисовалъ свѣтлый, незабвенный образъ въ Божѣ почивающаго Царя-Освободителя и высказалъ, что, въ цѣломъ ряду благодѣлій народу императора Александра II, Александровская больница для крестьянъ и рабочихъ неразрывно связана съ его именемъ. Во время богослуженія пѣлъ извѣстный хоръ Архангельскаго. Смолкли торжественныя звуки „Тебѣ Бога хвалимъ“, и все духовенство, въ бѣлыхъ ризахъ, съ крестами и хоругвями, въ сопровожденіи всѣхъ присутствовавшихъ, направилось къ памятнику. Здѣсь была отслужена литія. Преосвященный обошелъ памятникъ при пѣніи: „Спаси, Господи, люди Твоя“. Затѣмъ была одернута завѣса, и глазамъ присутствовавшихъ предсталъ бюстъ Царя-Освободителя. Бюстъ вылитъ изъ бронзы по превосходной модели проф. Лаврецаго и помѣщенъ на высокомъ гранитномъ пьедесталѣ, на трехъ сторонахъ котораго сдѣланы слѣдующія надписи: на лицевой—„Императору Александру II, основателю больницы;“ на правой—„сооруженъ городскимъ общественнымъ управленіемъ въ 1892 г.“ и на лѣвой—„больница основана въ память 19 февраля 1861 г.“ Преосвященный окропилъ памятникъ св. водою. Массы народу любовались пѣдали на эту живописную и торжественную картину.

Разныя извѣстія.

— 15-го марта, Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица посетили Казанскій соборъ, гдѣ молились у чудотворной иконы Божіей Матери; отсюда Ихъ Величества проѣхали въ Петропавловскій соборъ, гдѣ поклонились гробницамъ въ Божѣ почивающихъ Родителей. На другой день, 16-го марта, Ихъ Величества, въ сопровожденіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Наслѣдника Цесаревича, Великаго Князя Михаила Александровича и Великихъ Князей Ксеніи Александровны и Ольги Александровны, изволили отбыть изъ Петербурга на югъ Россіи. Ихъ Величества въ путешествіи сопровождаются: фрейлины Государыни Императрицы, г-жа Озерова и графини Голенищевы-Кутузовы, министръ Императорскаго двора генералъ-адъютантъ графъ Воронцовъ-Дашковъ, командующій Императорскою главною квартирою генералъ-адъютантъ Рихтеръ, генералъ-адъютантъ Червинскій и лейбъ-хирургъ Его Величества Гиршъ.

— По повелѣнію Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, изъ состоящихъ въ его распоряженіи остаточныхъ суммъ Особаго комитета передано въ учрежденій по Высочайшему повелѣнію при статсъ-секретаріатѣ Великаго Княжества Финляндскаго комитетъ для сбора пожертвованій въ пользу обитателей восточныхъ губерній Финляндіи, пострадавшихъ отъ неурожая, 50,000 рублей на благотворительную помощь нуждающимся, вслѣдствіе неурожая минувшаго года въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ.

— Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ опубликовано Высочайшее повелѣніе о распространеніи на Юрьевскій учебный округъ общихъ узаконеній о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Въ № 35-мъ „Собранія узаконеній и распоряженій правительства“ опубликовано постановленіе объ изыятіи изъ обращенія еще 25 милліоновъ рублей кредитныхъ билетовъ изъ числа 150 милліоновъ, временно выпущенныхъ въ 1891 и 1892 гг.

— Учебное заведеніе въ Новой-Александріи преобразовано въ высшее учебное заведеніе, подъ названіемъ „Института сельскаго хозяйства и лѣсоводства“. Курсъ 4-лѣтній. Институтъ заключаетъ въ себѣ два отдѣленія: сельскохозяйственное и лѣсное. Плата за ученіе опредѣлена въ 25 рублей за полугодіе. Окончившіе курсъ института съ отличіемъ получаютъ званіе агронома или лѣсовода 1 разряда, другіе—2 разряда. Въ составъ института входят: директоръ, 11 профессоровъ, 11 адъюнктовъ, 11 ассистентовъ и 4 преподавателя.

— Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ разрѣшено, по ходатайству одесской управы, открыть ей общественныя работы для нуждающихся селеній, съ направлениемъ этихъ работъ весной на истребленіе сусликовъ.

— Петербургъ обогатился новымъ, весьма симпатичнымъ по своимъ цѣлямъ и задачамъ, благотворительнымъ обществомъ, подъ названіемъ „Ясли“. Общество поставило себѣ цѣлью открывать въ разныхъ частяхъ го-

рода убѣжища для малолѣтнихъ дѣтей бѣдныхъ жителей столицы, преимущественно, рабочаго класса, въ то время, когда родители ихъ заняты поденными работами въ домѣ.

— 13-го марта объявленъ тарифъ для отправокъ рыбы красной и частичковой всякой, кромѣ соленой и упакованной въ бочки и банки, отъ Ростова до С.-Петербурга, въ поѣздахъ большой скорости, въ размѣрѣ 56,27 копѣйки съ пуда за все разстояніе, безъ взиманія государственнаго сбора.

— Недавно появился первый номеръ „Ученыхъ записокъ Императорскаго Юрьевскаго университета“.

— Комиссія по изысканію мѣръ къ предупрежденію въ Россіи сѣпоти постановила организовать летучіе отряды съ врачами во главѣ; эти отряды должны будутъ отыскивать больныхъ съ цѣлью оказанія имъ врачебной помощи. На первое время будутъ сформированы 4 такіе отряда. Они начнутъ свою дѣятельность предстоящимъ лѣтомъ.

— Въ ночь на 15-е марта (въ 11 час. 40 м.) скончался всѣми любимымъ и уважаемымъ мастигой представитель Даниѣ въ Петербургѣ генералъ Кьеръ. Запимая такое выдающееся мѣсто, какъ постъ датскаго посланника въ Петербургѣ, онъ держалъ себя всегда чрезвычайно просто и относился ко всѣмъ съ рѣдкимъ добродушіемъ. Смерть эта произвела глубокое впечатлѣніе въ петербургскомъ обществѣ. Вдова покойнаго была удостоена личнымъ посѣщеніемъ Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Политическое обозрѣніе.

Въ Копенгагенѣ, 17-го марта, депутація отъ датскаго „общества мира“ поднесла королю адресъ за подписью 244,118 лицъ, въ томъ числѣ 94,000 избирателей въ риксдагъ. Ораторъ депутаціи напомнилъ, между прочимъ, королю, что въ 1863 и 1870 гг. онъ былъ противъ войны. Король высказалъ въ своей отвѣтной рѣчи, что онъ раздѣляетъ желаніе, чтобы войны прекратились и чтобы споры разрѣшались третейскимъ судомъ, но считаетъ очень труднымъ достигнуть этого. „Поэтому—прибавилъ король—было-бы безполезно, если-бы я взялъ на себя починъ въ этомъ дѣлѣ. Если-бы во главѣ этого движенія стала великая европейская держава, то король и правительство Даниѣ непременно пошли-бы за нею слѣдомъ“.

Въ засѣданіи французской палаты депутатовъ, 11-го марта, раздался послѣдній раскатъ грома панамской бури, и можно думать, что послѣ того наступитъ затишье. Въ этотъ день об-

суждался запросъ Миллеву по панамскому дѣлу, въ которомъ требовались объясненія о Герцѣ и о дѣйствіяхъ Клемансо, Флока и Фрейсина по дѣламъ панамской компаніи. Буржуа отвѣчалъ, что онъ исполнилъ печальный долгъ, требуя возбужденія судебного преслѣдованія противъ извѣстныхъ членовъ парламента, возвращеніе которыхъ въ палату онъ съ радостью привѣтствуетъ. Министръ присовокупилъ, что всѣ мѣры къ арестованію Артона уже приняты; что же касается выдачи Герца, то состояніе его здоровья не позволяетъ вызвать его въ англійскій судъ. Буржуа оспариваетъ основательность доказательствъ, приводимыхъ въ обвиненіе извѣстныхъ политическихъ дѣателей, и говоритъ, что ничего, собственно, не доказано противъ нихъ. Противники республики стремятся поддерживать агитацію до выборовъ, по республиканцы сумѣютъ разтроить эти проски. Простой переходъ

къ очереднымъ дѣламъ, принятый правительствомъ, вотируютъ поднятиемъ рукъ.

Вслѣдъ затѣмъ, членъ правой Казеновъ де-Прадипъ прочелъ въ палатѣ проектъ резолюціи, требующей распушенія палаты, при чемъ потребовалъ, чтобы обсужденіе резолюціи было признано неотложнымъ. Рибо заявилъ, что республиканцы не боятся идти навстрѣчу странѣ, счеты будутъ сведены въ свое время, и правая нисколько не потеряетъ, если подождетъ, потому что страна понимаетъ дѣла панамской агитаціи. Палата предварительнымъ вопросомъ отвергла, большинствомъ 314 голосовъ противъ 200, проектъ резолюціи.

Совершенно неожиданно, 18 марта, разразился во Франціи министерскій кризисъ. Причиной этого былъ измѣненный сенатомъ проектъ бюджета на 1893 г. Дѣло приняло рѣшительный оборотъ, благодаря требованію Рибо выдѣлить въ особый законопроектъ налогъ на напитки и выразить довѣріе палаты къ министерству. Палата большинствомъ пяти голосовъ (247 противъ 242) отклонила выдѣленіе налога на напитки. Тогда Рибо заявилъ, что министерство выходитъ въ отставку. Отставка министерства была принята президентомъ. Палата ассигновала одинъ временный кредитъ.

На мѣсто умершаго Жюль Ферри въ президенты французскаго сената выбранъ 15 марта, большинствомъ 172 голосовъ, Шальмелъ-Лакуръ. Этому другу Гамбетты нѣтъ 66 лѣтъ. Началъ онъ свою дѣятельность профессурою; при Наполеонѣ подвергся изгнанію. Публика его хорошо знаетъ, какъ одного изъ главныхъ сотрудниковъ „Revue des Deux Mondes“. Онъ былъ затѣмъ депутатомъ, посланникомъ въ Швейцарію, министромъ иностранныхъ дѣлъ (въ 1883 г.) и вице-президентомъ сената. Недавно онъ былъ избранъ въ члены французской академіи. Вступая въ отравленіе должности президента сената, Шальмелъ-Лакуръ долго говорилъ съ похвалою о Ферри, потомъ распространился о роли сената и о приносимой имъ пользѣ, признаваемой всѣми просвѣщенными республиканцами. „Франція — присовокупила ораторъ — ждетъ отъ сената еще большаго, она надѣется, что сенатъ, внимательно слѣдя за потребностями въ экономическихъ и нравственныхъ условіяхъ общества, воспользуется своимъ богатымъ опытомъ для того, чтобы, по соглашенію съ правительствомъ, приступить къ разрѣшенію настоятельныхъ вопросовъ.“

15 марта въ Лондонѣ состоялся совѣтъ либеральныхъ членовъ парламента, на которомъ Гладстонъ высказался по поводу затрудненій, встрѣчаемыхъ имъ со стороны его противниковъ, точно предчувствуя ихъ нападенія. Въ заключеніе Гладстонъ сказалъ, что признаетъ невыгоды того, что либеральною партіей руководить такой старикъ, какъ онъ, но остается на своемъ посту въ виду того, что опирается на содѣйствіе преданныхъ сотоварищей. Онъ опасается, что силы его уже почти совсѣмъ исчерпаны, однако, ради исполненія долга, будетъ дѣлать все, что можетъ. И дѣйствительно, на другой день, въ палатѣ общины, бывшій консервативный министръ по ирландскимъ дѣламъ Бальфуръ предложилъ выразить правительству порицаніе за его ирландскую политику, особенно, за освобожденіе преступниковъ. Гладстонъ возражилъ, что приведенные доводы отнюдь не оправдываютъ подобнаго предложенія. Палата, большинствомъ 319 голосовъ противъ 272, отвергла предложеніе Бальфура. Такое голосованіе говорить за успѣхъ будущихъ предпріятій Гладстона, и „можно предвидѣть, говорить „Journal de S.-Petersbourg“, что эта побѣда усилитъ смѣлость престарѣлаго премьера, который, несмотря „на упадокъ своихъ силъ“, какъ самъ онъ выразился, примется, вѣроятно, съ новымъ подъемомъ духа за исполненіе того, что онъ считаетъ своимъ долгомъ.“

Въ засѣданіи австрійскаго рейхсрата, 10 марта, младочехъ Вашатый сказалъ, что ускореніе постройки желѣзныхъ дорогъ въ Восточной Галиціи и Подоліи является легкомысленнымъ вызовомъ по адресу Россіи. Вашатый постоянно упоминалъ въ своей рѣчи о „галицкихъ русскихъ“, при чемъ полки всякій разъ прерывали его криками „русинь!“

Искусство.

Ораторія Гайдна.

Ораторія Гайдна „Семь словъ Спасителя на Крестѣ“ никогда не исполнялась въ Петербургѣ, и мы знакомство съ нею обязаны г. Архангельскому, поставившему ее въ бенефисъ своего хора, состоявшаго въ залѣ Кредитнаго общества. Изъ пяти ораторій Гайдна, написанныхъ имъ подъ влияніемъ ораторій Генделя, съ которыми Гайднъ познакомился во время вторичнаго своего пребывания въ Лондонѣ, наибольшей популярностью пользуются: „Сотвореніе міра“ и „Времена года“, остальные три: „Авраамъ и Исаакъ“, „Возращеніе Товія“ и „Семь словъ Спасителя“ гораздо рѣже исполняются, — въ особенности, послѣдняя, дающаяся, обыкновенно, въ четвергъ на Страстной. Она была вызвана въ свѣтъ слѣдующимъ обстоятельствомъ.

Одинъ каноникъ въ Кадиксѣ, въ концѣ XVIII вѣка, объявилъ конкурсъ за лучшую ораторію на слова Спасителя на Крестѣ; она должна была состоять изъ семи частей и соответствовать семи отдѣльнымъ произведеніямъ, изъ которыхъ каждое выражало бы чувства Распятаго на Крестѣ. Одинъ только Гайднъ удовлетворилъ требованіямъ конкурса и написалъ музыку для солистовъ (сопрано, альтъ, теноръ и басъ), хора и оркестра въ семь частей: „Отче, прости имъ бо не вѣдаютъ, что творятъ“, „Поистинѣ тебѣ реку, ты нынѣ же будешь со Мною въ раю“, „Жено, жено, се Сынъ Твой, а Ты, се Матерь Твоя“, „Боже, Боже, всѣхъ оставилъ МЯ еси“, „Жажду“, „Свершилось, свершилось“ и „Отче, въ руки Твои предаю духъ Мой“. Но Гайднъ къ нимъ прибавилъ послѣднюю часть „И нѣтъ Христа“ и предпослалъ два оркестровыхъ вступленія къ двумъ частямъ, на которыя распадается вся ораторія.

Гайднъ, строго говоря, не чувствовалъ особеннаго призванія къ духовной музыкѣ, — что онъ и самъ прекрасно сознавалъ, хотя онъ и былъ искренно паломникомъ католикомъ и, обыкновенно, не начиналъ писать своихъ произведеній безъ обычнаго произнесенія: „In nomine Domini“. Когда ему, однажды, сдѣлали замѣчаніе, что его церковная музыка не заключаетъ въ себѣ глубокаго настроенія, онъ отвѣтилъ: „Я не умѣю иначе. Какъ чувствую, такъ и пишу. Когда я думаю о Богѣ, сердце мое такъ полно радости, что ноты сами собой бѣгутъ съ пера моего. И если Богъ далъ мнѣ такой ясный духъ, то Онъ, вѣроятно, проститъ мнѣ, что я Ему служу въ этомъ самомъ духѣ“. Въ этихъ словахъ сказало все духовное міросозерцаніе великаго автора „Сотворенія міра“; онъ, дѣйствительно, смотрѣлъ на все жизнерадостно, съ полной душевной благодарностью Создателю за все, ниспосланное ему на землѣ.

Вотъ причина, почему его духовныя произведенія носятъ скорѣе праздничный характеръ, чѣмъ глубоко-религіозный, скорѣе благодарственный, чѣмъ страдальческій. И въ рассматриваемой ораторіи въ болѣе значительной степени чувствуется драматическое и лирическое настроеніе, чѣмъ духовное; музыка очень красива, отлично звучитъ, мѣстами есть сила и выразительность, но въ ней мало патетическаго, мало того, что будитъ религіозное чувство. Совершенно другимъ характеромъ отличается послѣдняя часть, прибавленная Гайдномъ къ предложенной задачѣ: „И нѣтъ Христа“, текстъ которой трактуетъ: „О, содрогнись, Голгова, Онъ умеръ

тамъ, на высотахъ твоихъ. Затмися солнце, восстаньте мертвецы: земля, гдѣ спите вы, вся кровью облита, и пр.“ Но въ музыкѣ иллюстрирующей эти раздирающія душу слова, Гайднъ какъ бы радуется за избавленіе Спасителя отъ мукъ земныхъ, — и въ этомъ нельзя не видѣть подтвержденія къ приведеннымъ выше его словамъ, въ которыхъ виденъ скорѣе музыкантъ-симфонистъ, чѣмъ такой авторъ церковной музыки, какъ Бахъ или Гендель.

Во всякомъ случаѣ, знакомство съ этимъ капитальнымъ произведеніемъ Гайдна, — къ тому же мало кому извѣстнымъ, — было очень интересно, и въ этомъ большая заслуга г. Архангельскаго, относящагося съ любовью къ своему дѣлу; тѣмъ болѣе это было умѣстно, что ораторія „Семь словъ Спасителя“ и по времени какъ разъ подошла, — предъ Страстной недѣлей. Исполненіе было очень тщательное, — и какъ хоръ съ его регентомъ во главѣ, такъ и солисты, — г-жи Груничъ и Бертенсонъ и гг. Демченко и Матчинскій, — имѣли большой успѣхъ.

В. Баскинъ.

Выставка дамскаго художественнаго кружка.

Настоящая выставка раздѣлена, по примѣру прежнихъ лѣтъ, на три отдѣла. Въ первомъ помѣщены работы по фарфору, дереву, шелку, назначенныя въ продажу; во второмъ — вещи, назначенныя въ лотерей; наконецъ, въ третьемъ — картины и рисунки, назначенныя въ продажу. На выставкѣ дамскаго кружка царствуетъ необыкновенное оживленіе, не бывающее на другихъ выставкахъ. На ней — очень мало предметовъ, на которыхъ не выставлена цѣна, т. е. непродавшихся.

Первый отдѣлъ, самый интересный и лучший. Нѣкоторыя художественныя работы по шелку, дереву, фарфору достойны вниманія. Наши дамы, какъ кажется, особенно прилежно занимаются подобнаго рода работами и, надо отдать справедливость, въ нихъ онѣ обнаруживаютъ талантъ. Нѣкоторыя изъ этихъ работъ, принадлежащихъ г-жамъ Гревеницъ (шкаты съ цвѣтами и живописью), Винклеръ (этажерка), Флинтъ („Мечты“, копія съ Кюзеля), Тишиной, Кельчевской (стоянокъ съ живописью по фарфору), Паскевичъ, Розенъ (пано съ птицами), Соломьинской (ящикъ Vernis Martin), Вохиной, Штрамъ, — прекрасны и достойны украшать собой гостиную.

Второй отдѣлъ представляетъ необычайную пестроту. Тутъ встрѣчаются и корзинки, и рисунки, и акварели, и выжиганіе, и живопись по фарфору, и даже скульптурные опыты. Въ этомъ отдѣлѣ участвуютъ, кромѣ дамъ, и мужчины, напр. Лагоріо, Дмитріевъ-Кавказскій, Алексѣевъ, Овсянниковъ, Верещагинъ (академикъ), Бобровъ, Крыжидикъ, Егоровъ, Костинъ, Копелевъ, Чехъ и другіе. Большинство рисунковъ и акварелей этихъ художниковъ, между которыми встрѣчаются и громкія имена, являются, разумеется, очень интересными, но такъ какъ этотъ отдѣлъ состоитъ изъ вещей, специально назначенныхъ въ лотерей, то не мудрено, что господа художники, желая участвовать въ добромъ дѣлѣ, жертвовали то, что находилось у нихъ подъ руками, т. е. этюды, эскизы, наброски и проч. мелочи, имѣющія только относительное художественное значеніе. Большаго вниманія достойны произведенія дамъ. Г-жа Куріаръ, напримѣръ, выставила интересный пейзажъ, г-жа Константинова — двѣ хорошенькія акварели, г-жа Самокишъ —

Судковская—женскую головку, г-жа Блашке—видъ монастыря орпиготокъ близъ Ревеля, баронесса Врангель—этюдъ женской головки, кингшия Цмеретинская—живопись по фарфору, г-жа Семечкина—прелестнаго мѣлсика, г-жа Баранова—хорошенькую вазочку.

Третій отдѣлъ исключительно посвященъ живописи масляныхъ красками и акварелью. Онъ очень не великъ по размѣрамъ и помѣщается въ одной комнатѣ. Г-жа Куріаръ — председательница кружка, имѣющая вполнѣ заслуженную извѣстность, какъ талантливая пейзажистка, — участвуетъ на выставкѣ многими своими работами. Г-жа Куріаръ экспонировала цѣлыхъ одиннадцать картинъ. Изъ которыхъ нѣзъ нихъ — неоконченные наброски, за то другія достойны таланта художницы и обращаютъ на себя вниманіе. Между этими послѣдними произведеніями нельзя не отмѣтить или по выполнению или по сюжету „Изображеніе Лурдской Богоматери въ Бретани“, „Возвращеніе съ рыбной ловли“, „Охотники“, „Старая улица въ Сали-де-Беарнъ около Біарица“, „Видъ Нанта“. Всѣ эти произведенія прекрасны по колориту. Г-жа Константинова тѣ же усердно поработала для настоящей выставки. Ея „Осень“ — очень кра-

сивый пейзажъ, недурна также, по замыслу и по выполнению, картинка, которую талантливая художница назвала „Какъ бывають лѣтомъ“. Г-жа Блашке обращаетъ на себя вниманіе мастерскимъ выполнениемъ. Изъ восьми пейзажей баронессы Врангель самыми удачными и талантливыми, по нашему мнѣнію, оказываются: „Кузница“, „Мельница въ Бретани“, „Берегъ Финляндіи“. Г-жа Ламалская выставила прекрасный портретъ Великой Княжны Ксении Александровны: это — миниатюра на слоновой кости. Г-жа Паше выставила нѣсколько мелкихъ, по талантливымъ работъ. Нѣкоторые пейзажи г-жи Розенбахъ, и въ особенности, „Затѣшье“, „Крымъ“, „Въ Лужскомъ уѣздѣ“, обращаютъ на себя вниманіе пріятной техникой. Не дуренъ портретъ А. В. Моллера работы г-жи Срезневской. Если не ошибаюсь, на выставкѣ нѣтъ ни одного жанра; историческая и релігіозная живопись тоже отсутствуют; затѣмъ, по временамъ встрѣчаются „этюды“ и „головки“, потомъ — два портрета, много изображеній цвѣтовъ и фруктовъ, а все остальное пейзажи. Дамы, повидному, специализируются въ пейзажѣ. Это, какъ кажется, та именно область живописи, къ которой онѣ имѣютъ наибольшую склонность, и которая больше всего отзвѣчаетъ ихъ таланту. Во всякомъ случаѣ, русскія дамы въ живописи, несомнѣнно, начинаютъ играть роль, которая, слѣдуетъ надѣяться, будетъ все больше и больше расти. Вотъ почему нельзя не пожелать, чтобы дамскій художественный кружокъ расширился и сдѣлался бы, въ концѣ концовъ, центромъ, вокругъ котораго наши художницы могли бы группироваться. Первые шаги въ такомъ дѣлѣ, конечно, трудны, но они приносятъ свои плоды.

В. Чуйко.

Смѣсь.

Установленіе пасхалии было сдѣлано на Никейскомъ Вселенскомъ Соборѣ, до котораго Пасха праздновалась различно. Восточные христіане праздновали Пасху въ тотъ день, на который приходилась Пасха еврейская; западные же — отложили этотъ праздникъ до слѣдующаго воскресенья. Никейскій соборъ постановилъ, что пасхальное торжество должно имѣть мѣсто въ первое воскресенье послѣ новолунія, слѣдующаго за 20-мъ марта. Такимъ образомъ, Пасха не можетъ быть раньше 22-го марта, т. е. когда новолуніе приходится на 21 число, а на другой день — воскресенье, — и не позже 25-го апрѣля, т. е. въ томъ случаѣ, когда новолуніе приходится на 20 м. г. Христіанская Пасха, вромъ того, не должна совпадать съ еврейской.

День воскресенія. Замѣчательно, что съ самой глубокой древности и до нашего времени седьмой день считался священнымъ у большинства народовъ. Различныя причины, релігіозныя, историческія и т. д., вносили, разумѣется, особенности въ характеръ самаго празднованія этого дня, но самая суть, т. е. всеобщая потребность отличія седьмого дня отъ прочихъ, оставалась неизмѣнною. Число семь для опредѣленія послѣдовательности дней взято, какъ извѣстно, не случайно; оно получилось отъ раздѣленія луннаго двадцати-восьми-дневнаго мѣсяца на четыре части, по четвертямъ луны, и соответствовало въ древности числу планетъ, числу цвѣтовъ спектра и числу тоновъ гаммы. По астрологич. каждый день президировался особою планетою: понедѣльникъ — Луной, вторникъ — Марсомъ, среда — Меркуріемъ, четвергъ — Юпитеромъ, пятница — Венерой, суббота — Сатурномъ. Воскресенье было посвящено Солнцу. Во французскихъ названіяхъ дней недѣли до сихъ поръ сохранилась эта связь дней съ планетами. Для христіанскихъ народовъ съ седьмымъ днемъ недѣли связано воспоминаніе о величайшемъ событіи — Воскресеніи Христовомъ. Установленіе въ этотъ

день молитвенныхъ собраний для вѣрующихъ относится къ самому раннему времени христіанства. Со временъ Апостольскихъ христіане стали собираться для общей молитвы по воскресеньямъ. Самыя древнія обычай, собственно, празднованія воскресенія, были довольно просты: — вѣрующіе сходились для чтенія священнаго писанія и назидательныхъ бесѣдъ, проводили нѣкоторое время въ этомъ благочестивомъ занятіи, и затѣмъ каждый шелъ къ своей работѣ. Въ 321 году, императоръ Константинъ ввелъ болѣе строгое соблюденіе праздника. Онъ запретилъ въ воскресенье для занятія всякими дѣлами, юридическими, коммерческими и служебными. Только земледѣльцы могли продолжать свои работы въ полѣ, если это было для нихъ необходимо. Позднѣйшій законъ 425 года запрещалъ по воскресеньямъ всякія представленія и зрѣлища. Наконецъ, къ восьмому вѣку мало-помалу требованія различныхъ узаконеній относительно воскресенія дошли до того, что день этотъ сталъ для христіанъ тѣмъ же, чѣмъ суббота для евреевъ. Въ наше время такое строгое соблюденіе воскресенья практикуется

только у англичанъ. Ничего нѣтъ скучнѣе и мрачнѣе, какъ извѣстно, англійскаго города въ воскресный день. Не только магазины и лавки, но даже рынки, гдѣ продается провизія, закрыты. На улицахъ шароду почти не замѣтно. Всѣ сидятъ по домамъ. Оживленія никакого. До чего доходитъ щепетильность англичанъ въ этомъ отношеніи, можетъ служить доказательствомъ фактъ, происшедшій въ Глазговѣ въ 1853 году: священники отказались крестить ребенка одного кондуктора при омнибусѣ, который поддерживалъ сообщеніе между Глазговымъ и Биллестопомъ, потому только, что кондукторъ не оставлялъ своего дѣла по воскреснымъ днямъ...

Изображеніе Воскресенія Христова. Пользуясь безусловной свободой, царящей въ европейскомъ искусствѣ, современные художники въ картинахъ релігіознаго содержанія часто позволяютъ себѣ болѣе или менѣе значительныя отступленія отъ текста Св. Писанія. Это бываетъ, по преимуществу, съ картинами, имѣющими предметомъ Воскресеніе Христово. Въ виду этого обстоятельства, лѣтъ десять тому назадъ въ Римѣ было издано нѣчто въ родѣ наставленія о томъ, какъ слѣдуетъ, съ точки зрѣнія католической Церкви, изображать Воскресеніе. Это печатное наставленіе называется „Analecta juris pontificis“. „Тѣло Иисуса, — говорится въ этомъ наставленіи, — должно отличатся совершеннѣйшей красотой, лучезарной и возвышенной. Необходимо избѣгать полной наготы; можно прикрыть, напримѣръ, тѣло красной мантией. Точно такъ же слѣдуетъ непремѣнно изображать раны, причиненныя гвоздями и копьемъ. Кто не видѣлъ изображеній Воскресенія, въ которыхъ, въ то время какъ Иисусъ возносится на небо, воины хватаются за оружіе? Изображали даже лающую собаку! Другая

Открытие памятника императору Александру II у Александровской больницы въ память 19 февраля. Съ фот. ген. Насвѣтевича, грав. Шюблеръ.

ошибка — изображают гробъ, похожій на наши могилы, съ опрокинутой плитой; Иисусъ выходитъ изъ гроба, ставя одну ногу вѣ его. Евангеліе и святыя отцы учатъ насъ, что Иисусъ Христосъ, воскресая изъ мертвыхъ, не имѣлъ нужды опрокидывать плиту; онъ вышелъ, не трогая плиту и безъ малѣйшаго шума. Плита-же была отодвинута потомъ ангеломъ. По временамъ изображаютъ вонюхъ спящими около гроба: это не правдоподобно, ибо строгость римской дисциплины не допускала этого. Не слѣдуетъ точно такъ же изображать Богоматерь среди женъ, пришедшихъ ко гробу: Евангеліе ничего объ этомъ не упоминаетъ, а Отцы Церкви формально опровергаютъ это. — Подобнаго-же рода ограниченія существуютъ и въ Православной Церкви: Кіево-Печерская лабра обнародовала изображеніе, долженствующее служить руководствомъ и образцомъ для художниковъ, при изображеніи Воскресенія Христа.

Съ другой стороны, еще въ XVIII вѣкѣ, знаменитый энциклопедистъ Дидро, разбирая картину художника Брена, писалъ: „Эта картина плохо скомпонована, и ея тусклый колоритъ не эффектенъ и не представляетъ сильныхъ контрастовъ. Развѣ это блестящій и лучезарный колоритъ Бога, выходящаго изъ гроба, побѣдившаго смерть и грѣхъ?.. Когда предметъ изображенія сверхъестественъ, ему слѣдуетъ оставить все то, что въ немъ есть чудснаго“...

Орудія страстей Господнихъ обыкновенно изображаются у насъ на пасхальныхъ яйцахъ. Изображенія эти выскабливаютъ пощипкомъ на окрашенномъ въ красную краску яйцѣ. Въ повѣй-

шее время стали украшать пасхальные яйца, различными способами, цвѣтами и картинками, но прежде для такого украшенія считались приличными исключительно слѣдующія изображенія:—крестъ, плащъ съ перукотвореннымъ образомъ, копье, цѣпи, трость съ губкой, терновый вѣнецъ, связка прутьевъ, чаша, дискъ (въ воспоминаніе сребренниковъ Иуды), мечъ апостола Петра, лѣстница, гвозди, молотокъ, вервие, фонарь (Іоанна 18, 3), клещи, надпись „INRI“ и раскрытая рука (Іоанн. 19, 3).

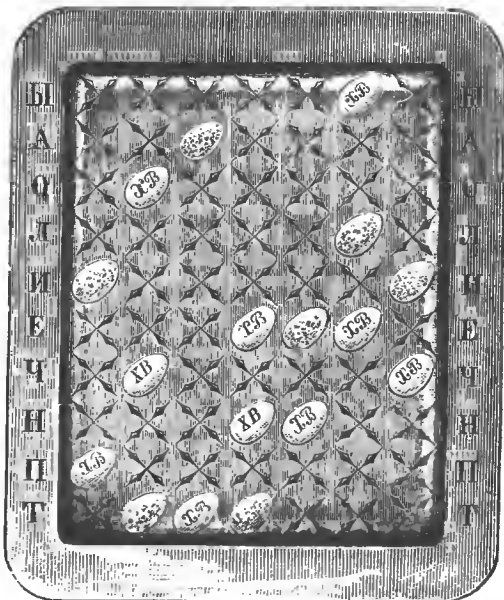
Православный соборъ въ Варшавѣ. Недостатокъ въ православныхъ храмахъ въ Царствѣ Польскомъ ощущается уже давно, и давно принимаются мѣры къ постройкѣ тамъ новыхъ церквей, на что правительствомъ ассигнуется ежегодно соотвѣтствующая сумма. Пылъ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра Внутреннихъ Дѣлъ, разрѣшены и добровольныя пожертвованія на сооруженіе православнаго собора въ Варшавѣ. Вслѣдствіе сего, департаментомъ Государственнаго Казначейства сдѣлано распоряженіе по всемъ казначействамъ Имперіи о безпріятельномъ приѣмѣ пожертвований, которые будутъ вноситься на вышеозначенный предметъ.

Народныя загадки и присловья о яйцѣ. „Въ одной квашнѣ двѣ присишки“. „Бочка безъ обручика, въ ней ниво да вино не смѣшаются“. „Полна бочка вина—ни клепокъ, ни дна“. „Катится бочка—пѣтъ на ней ни сучечка“. „Подъ ледкомъ—ледкомъ сонтъ чашечка съ медкомъ“. „Даль дураку личко—что покатило, то и разбилось“. „Краденое яйцо школяру слаще“. „Хитрый человекъ изъ варенаго яйца живого цыпленка добудетъ“. „Курица яйцо спела, да кудахъ-тахъ-тахъ“...

Пасхальная задача—криптограмма № 9.

Н. В. П.

Требуется прочесть привѣтствіе, припавъ во вниманіе форму, положеніе буквъ и буквъ, разставленныхъ на краяхъ подноса.

Пасхальная задача № 10.

Тузловище. 5. 10. 2. 4. 8.
Хищный забрь. 1. 6. 13. 14.
12. 16.
Городъ въ Мекленбургѣ-Шверинѣ.
2. 10. 4. 5. 6. 12. 8.
Рядъ сизоглизовъ. 15. 6. 13. 3. 5. 10.
Игра. 4. 14. 13. 15. 10.
Подземное млекопитающее. 12. 2.
10. 5. 8.
Тайна. 11. 14. 12. 2. 14. 5. 16.
Спархъ для процѣживания. 7. 3.
5. 10.
Городъ Ярославской губ. 13. 6.
11. 5. 10. 9. 8.
Политическая партія въ Англіи.
5. 6. 13. 3.
Жезлъ Вахуса. 5. 3. 13. 7. 8.
Мужское имл. 9. 3. 12. 5. 6. 2. 16.
Часть свѣта. 9. 6. 15. 5. 10. 12. 8.
Учитель краснорѣчія. 13. 3. 5. 10.
2. 16.
Поле битвы сарбовъ съ турками
въ 1889 г. 12. 10. 7. 11. 10. 9. 6.
Отаага. 13. 3. 15. 12. 8.
Одинъ изъ царей персидскихъ. 12. 3. 2. 16.
Богъ древнихъ германцевъ. 5. 6. 13. 8.
Мужинъ отецъ. 4. 9. 14. 12. 10. 2. 16.
Архитектурный стиль. 2. 6. 12. 10. 12.
12. 6.
Вѣчно зеленый кустарникъ. 9. 14. 2. 14.
11. 12. 8.

1	16	15	14	13	12	11	10	9	8	7	6	5	4	3	2	1
16	15	14	13	12	11	10	9	8	7	6	5	4	3	2	1	16
15	14	13	12	11	10	9	8	7	6	5	4	3	2	1	15	16
14	13	12	11	10	9	8	7	6	5	4	3	2	1	14	13	14
13	12	11	10	9	8	7	6	5	4	3	2	1	13	12	11	13
12	11	10	9	8	7	6	5	4	3	2	1	12	11	10	11	12
11	10	9	8	7	6	5	4	3	2	1	11	10	9	8	10	11
10	9	8	7	6	5	4	3	2	1	10	9	8	7	6	9	10
9	8	7	6	5	4	3	2	1	9	8	7	6	5	4	8	9
8	7	6	5	4	3	2	1	8	7	6	5	4	3	2	7	8
7	6	5	4	3	2	1	7	6	5	4	3	2	1	7	6	7
6	5	4	3	2	1	6	5	4	3	2	1	6	5	4	6	6
5	4	3	2	1	5	4	3	2	1	5	4	3	2	1	5	5
4	3	2	1	4	3	2	1	4	3	2	1	4	3	2	4	4
3	2	1	3	2	1	3	2	1	3	2	1	3	2	1	3	3
2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	2	2
1	16	15	14	13	12	11	10	9	8	7	6	5	4	3	2	1

Знаменитый бактериологъ. 12. 6. 1. 16.
Городъ въ Болгаріи. 7. 3. 11. 5. 10. 9. 6.
Карточная игра. 9. 3. 15. 5. 16.
Древній Финикійскій городъ. 5. 3. 2. 8.
Вино. 1. 14. 13. 14. 4. 16.
Вѣтеръ въ Италіи. 15. 3. 13. 10. 12. 12. 6.
Трагедія Сумарокова. 1. 10. 2. 14. 9. 8.

По нахожденіи означенныхъ словъ, слѣдуетъ въ помѣщенной выше таблицѣ замѣнить цифры соотвѣствующими имъ найденными буквами. Затѣмъ, начиная съ центральной кѣтки (цифры 1) нужно читать буквы въ послѣдовательномъ порядкѣ цифръ по какимъ угодно направленіямъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Воля судьбы. Историческій романъ въ трехъ частяхъ Нн. М. Н. Волконскаго. (Продолженіе). — Пасхальная ночь. Фантазія А. Аенскаго. — Свѣтлый праздникъ на позиціи. Быль изъ воспоминаній о войнѣ 1877—78 г. Ив. Вѣрунина. — Утро Свѣтлаго праздника. Разсказъ А. Желѣзнаго. — Пасхальные обряды, обычаи и повѣрья. — Къ рисункамъ: Пасхальный огонь (съ рис.). — Одинокий (съ рис.). — На колокольнѣ сельской церкви въ Пасхальную недѣлю (съ рис.). — Весенній цвѣтокъ (съ рис.). — Святая ночь (съ рис.). — Съ визитомъ (съ рис.). — Праздничное празднѣніе (съ рис.). — Открытые памятники императору Александру II (съ рис.). — Разныя извѣстія. — Политическое обозрѣіе. — Искусство: Ораторія Гайдн. Выставка дамснаго художественнаго кружка. — Смѣсь. — Задачи. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ Нн. М. Н. Волконскій.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ

EAU DE LYS DE LOHSE

Бѣлая и розовая вода для бѣлокурыхъ, желтая вода для brunetокъ.
Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ
дрогистовъ Россіи. № 5420 (261)

PAPIER FAYARD ET BLAYN

Пластырная бумага, разрѣшенная Медицинскимъ Департаментомъ. Требовать съ этикетами Fayard et Blayn. Имѣется во всѣхъ лучшихъ аптекахъ. №5989 (16—14)

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ

Вс. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе.
Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ
СРЕДСТВО

для смягченія кожи рукъ, и лица.

Цѣна 35 коп.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфю-
мерныхъ магазинахъ. Ш. № 6271 14—5

КАЗАЦИОНЕ ОХОТ. № 1-й 20 руб.
Киргизское 30 р. Черкесское 25 руб.
и 40 руб. Английское 25 и 30 руб.
Дамское замш. 35 и 40 руб.
Свиной кожи 50 р. б.

СЪЕДА
ФАБРИКИ М. И. МАЛЫШЕВЫХЪ
въ САРАТОВѢ.

Всѣ съѣда съ уздечками и ослатки.
полн. прибор. Всѣ съ уполор. 30и
40 ф. Пр.-Кур. илл. за двѣ 7к. марки.

СТАНКИ
для ВЫПИЛИВАНІЯ

рукою и ногою, по дереву и металлу, съ
принадлежностями. ♦ Деревянные 3 р. ♦
Железные 5 р. ♦ Томе съ махиномъ ко-
леса, новейшей конструкции, 8 р. ♦ Ан-
глийские, кожые (New Rogers) 15 р. ♦
Закзсы высылаются немедленно, можно
наложеннымъ. Адресъ: С.-Петербургъ,
Складъ новыхъ изобрѣтений, Песковъ 4.
Каталогъ всѣхъ изобрѣтений и подарковъ
за 10 коп. марку. № 6329

для РОДИТЕЛЕЙ и ВОСПИТАТЕЛЕЙ.
За половину цѣны, именно вмѣсто 4 р. 80 к.
за 2 руб. 40 коп., съ перес. 3 руб.

24 раскрашенными картинками для нагляд-
ности, № 6314

паго обученія, 2-2
закрывающія въ себѣ около 600 предметовъ,
съ названіями на 5-ти языкахъ; въ нарис-
3 руб 20 коп., въ колѣнокъ съ золот.
оттисками и наклеенной картинѣ на картонѣ
4 руб., перес. 80 коп. Высылаются за налич-
ныя или съ надосен. платеж. книжки. магаз.
3. Коллесаго въ Варшавѣ, Маршалк. 122.

Рекомендуемъ новѣйшіе препараты высшаго
качества моего собственнаго изобрѣтенія.

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

Шведскій зубной эликсиръ. . . фл. 80 к.
Шведскій зубной порошокъ . . . кор. 50 к.
Шведская зубная паста. . . кус. 80 к.
Шведская аминисовая вода . . . фл. 75 к.

Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и
косметическихъ магазинахъ Россіи.
Главный складъ: Демидовъ пер., № 1. СПБ.
Парфюмеръ І. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

ЛЕННИНГЪ и ГИЗНИНЪ

имѣютъ честь сообщить, что они достаютъ
изъ чернилу краску, которую печатается
изъ юстированный журналъ „Нива“. № 2450

ЭЛЕОПАТЬ
Пр. КИНУНЕНЪ

для ВОЛОСЪ.

ЭЛЕОПАТЬ Ки-
нунена находимъ
для продажи
во всѣхъ больш.
антек. и космет.
магазинахъ. Цѣна
фл. содерж. 120
граммъ 1 р. 50 и
безъ перес.
№ 6260 (3)

Провизоръ Кинуненъ.

Простѣе обращать вниманіе на илеймо
въ самомъ стеклѣ каждого флакона. Про-
визоръ Кинуненъ.

Главный складъ: Демидовъ пер., № 1.

Гейрихъ Клейеръ, велосипеды „Орелъ“
Франифуртъ и/М. (отдѣлен. въ Гамбургѣ).

Спеціальная фабрика знаменитыхъ 24-3
велосипед. „Орелъ“.

На всемирной выставкѣ въ Чикаго въ группѣ 83.
Иллюстр. прейсъ-курантъ за 10 коп. марку.

ВАЖНО ДЛЯ МАТЕРЕЙ.

Вновь усовершенствованный профессоромъ Сонслетомъ въ Вѣнѣ,
аппаратъ для кипяченія и

СТЕРИЛИЗАЦИИ МОЛОКА

есть одно изъ необходимѣйшихъ приобрѣтений для каждой матери. Онъ служитъ для
безусловнаго уничтоженія всѣхъ болѣзнетворныхъ микро-организмовъ, какъ въ молокѣ,
такъ и въ искусственныхъ смѣскахъ, употребляемыхъ для кормленія дѣтей. Печатное
подробное описаніе раздается и высылаются желаемымъ безвозмездно и аппараты
продаются по крайне пониженнымъ цѣнамъ.

въ ГИГИЕНИЧЕСКОМЪ ОТДѢЛѢ МАГАЗИНА
Р. КЕЛЕРА и К^о, въ Москвѣ. П. № 6177

СТРАХОВАНІЕ ПАССАЖИРОВЪ ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ.

В. № 6201 8-6

Страховые билеты Общества „Россія“ вы-
даются во всѣхъ агентствахъ Общества и
также на вокзалахъ Главныхъ станцій желѣз-
ныхъ дорогъ предъ отходомъ поѣздовъ.

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ 56-й ПРОБЫ СЪ
искусственными **БРИЛЛАНТАМИ:**

№ 254. Золотое кольцо. Шт. 4 р. 90 к., 2 за 9 р. 55 к., 3 за 13 р. 90 к. № 6289 10-4
№ 353. Золотая серьга. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 8 р. 90 к.
№ 358. Золотая серьга на винтикахъ. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 9 р. 40 к.
№ 401. Золотой браслетъ. Шт. 19 р. 75 к., 2 за 37 р. 80 к.
№ 307. Золотая брошка. Шт. 7 р. 55 к., 2 за 13 р. 90 к.
№ 503. Золотая булавка. Шт. 3 р. 2 за 5 р. 65 к.

БАЗАРЪ МАРОКЪ
С.-Петербургъ,
Невскій просп., № 20-31.

Товаръ пересылаю наложеннымъ платежемъ.

НАШЕ КЛЕЙМО

ФАБРИЧНОЕ.

Имѣемъ честь обратить вниманіе уважаемой публики на то, что въ
продажѣ встрѣчается обувь, имѣющая на подошвѣ клеймо очень сход-
ное съ нашимъ. Такъ какъ мы отвѣчаемъ только за обувь нашего
производства, то намъ желательно ближе познакомить публику съ на-
шимъ фабричнымъ клеймомъ, утвержденнымъ Департаментомъ Ману-
фактуръ, которое помѣщаемъ выше, и

два
поддѣльные,

которые были помѣщены на обуви чужого производства. Клейма эти
очень схожи съ нашимъ, почему мы и просимъ, каждаго покупателя
нашъ товаръ, обращать вниманіе на разницу таковыхъ. № 6337

Товарищ. СПБ. Механ. Производ. Обув.

ЗАВОДЪ огнеуп. кирпича для доменныхъ,
нагарочныхъ, коксовыхъ, домовыхъ и др.
печей. Экспортъ огн. глины и шпата. Пр.-
кур. нис. немедленно. Ст. Часовъ-Нръ Донец-
кой ж. д. Владиміру Плещееву. № 6328 2-1

КТО желаетъ нѣтъ для своихъ глазъ очинъ
съ хорошими стеклами, которыя укрѣ-
пляютъ зрѣніе, рекомен. оптик. маг. Я. Вур-
цельдорфъ, Варшава, Королев. ул., № 49/8.

ПО СЛУЧАЮ

продается имѣніе въ Крыму яблонъ Чернаго
моря, виноградникъ, фруктовый садъ, лѣсъ,
домъ съ хорошею мебелью, экипажи и всѣ
постройки, за 25.000 руб. № 6330

Узнать: Москва, Кудрино, д. Мол-
чанова, кв. 44.

ГЛАВНОЕ ДѢЛО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ (3)
Специалистъ хронометровъ.
СПбурѣ, Невскій пр. № 52
прот. Имп. Публ. Библиотеки.
Подробный иллюстр. прейсъ-
курантъ по востреб. безплат-
но. Переписка на счетъ ма-
газина. Ручательство на 2 года. № 6283

Английскіе велоси-
педы завода
Зингеръ и К^о.
рекомендуетъ
ГЕНРИХЪ
ЖЕМЛИЧКА.
Москва, уголь Тверской и Старого Га-
вельнаго пер., д. Фалцъ-Фейнъ, маг. № 19.
Высылаются прейсъ-куранты. (1)

Д-ръ Волицкій лечитъ наружныя, кожныя,
грудныя болѣзни, ракъ вѣ электрот. Пен-
сий, 57, кв. 5 Отдѣ 2-3 и 6 7-10

КРАСИВО ПИСАТЬ
выучивается вслѣдъ заочно (посредствомъ
переноски) въ 15 уроковъ
у **ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФИИ**
А. КОССОДО.

Методъ премірованъ на Парижской все-
мирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ 30-
лѣтней медали. № 6208 52-10

За 2 семиконечныя марки высылаются
пробное письмо и условія. Адресъ: Про-
фессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ
Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

ТРЕБУЙТЕ НАСТОЯЩЕЕ МЫЛО
ПРОИЗВОДА
АМОСТРОУМОВА
ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
УТВЕРЖД. ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ
МАРИИ САИНСКИ
ОСТЕРГАУСЪ, РЕДАКТОРЪ.

ТЕЛЕГРАММА!
Парижъ (22-го февраля 1893 г.)
Беконне побилъ всемирный рекордъ
Г. Пашо 116 миль (174 версты) въ
6 часовъ на велосипедѣ

Компани РУДЖЪ въ Новентри.

ВЕЛОСИПЕДЫ разные.
Кресла на колесахъ
для больныхъ; исправ-
леніе, новыя части и
принадлежности для
велосипедовъ.
Спеціальное велосипедное заведеніе
І. А. ЦИММЕРМАНЪ.
По Мойкѣ, домъ Вейде, № 49, по дворѣ, у
2-1
Полицейскаго моста. П. № 6327
Лѣтомъ: Въ Царскомъ Селѣ, Отдѣленіе.

УДОЧКИ
и всѣ вообще принадлежности для рыб-
ной ловли получены изъ Англіи изъ боль-
шого выбора въ маг. С. И. Дойникова
Невскій просп.,
Милитинъ рядъ, № 27.
С.-Петербургъ.
Иллюстрированный прейсъ-курантъ ры-
боловныхъ принадлежностей
высылаются безплатно.

ПАВЕЛЬ БУРЕ
В. № 6331
6-1

поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, на Невскомъ просп.,
д. 23. Москва, по Б. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственнаго фабрики
съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.
Новый иллюстр. прейсъ-курантъ высыл. по требован. безплатно.

НЬЮ-ГОМЪ
оригинальная, американская усовершенствованная
ШВЕЙНАЯ МАШИНА
К^о „НЬЮ-ГОМЪ“, въ Оранжѣ (Шт. Массачусеттс, Сѣв.
Америка) пользуется всемирною извѣстностью; проста,
прочна, изящна; отличается высокимъ рукавомъ, новыми
удобными регуляторами для натяженія нити и проч. Ра-
ботаетъ легко, быстро и безъ шума; даетъ чистую, ровную,
2-мя нитками шитую строчку; употребляетъ прямую са-
мостоятельную (безъ шнѣрки) иглу; годна для домашняго
и ремесленного употребленія; шьетъ все: отъ тончайшей
кисеи до толстѣйшаго сукна.

ГАРАНТИЯ 5 ЛѢТЪ.
Прейсъ-курантъ и описаніе по требованію.
Складъ и контора „НЬЮ-ГОМЪ“, Москва, Мясницкая, д. Сытовъ.
Главный представитель для всей Россіи:
Высоч. утвержд. Товарищество „Работничекъ“.
Москва, Петербургъ, Кіевъ и Ташкентъ.

PARIS
GRANDS MAGASINS DU
Printemps

NOUVEAUTÉS

Envoi gratis et franco

du catalogue général illustré, renfermant toutes les modes nouvelles pour la SAISON d'ÉTÉ, sur demande affranchie adressée à

MM. JULES JALUZOT & Ce
PARIS.

Sont également envoyés franco, les échantillons de tous les lissus composant nos immenses assortiments, mais bien spécifier les genres et prix.

Expéditions dans tous les Pays du Monde

Tous les renseignements nécessaires à la bonne exécution des commandes, ainsi que les conditions d'expédition, sont indiqués dans le Catalogue.

INTERPRÈTES DANS TOUTES LES LANGUES

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

В. № 6226 В. ГЕНА въ Ивѣ 8-1

**ОХРАНИТЕЛЬНАЯ
МАРКА.**

изъ грецихъ орѣховъ.
Безвредное средство для быстрого окрашивания волосъ и бороды въ черный, русый, темно и свѣтло-каштановый цвѣтъ.
Цѣна за флак. 3 р. съ пер. въ Евр. Росс. Главный складъ для Россіи у В. Аурихъ въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.

БИНТЫ ДЛЯ УСОВЪ

придающіе неправильно растущимъ усамъ въ 10 минутъ красивый видъ и фасонъ, высылаются за 1 р. 10 к. шт. съ наложен. платежемъ. Адр.: въ Москву У. Пильцъ.

АНГЛІЙСКІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ

старѣйшей фабрики

компани **РУДЖЪ** Ковентри

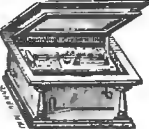
съ новостями на 1893 годъ.

Представители для всей Россіи

Ц. № 6299 торговый домъ

АБАЧИНЪ и ОРЛОВЪ.

Москва, Мясницкая, д. Сытова.

**НОВОСТЬ!
СИМФО-
НИОНЫ**

Музыкал. лѣтніи съ переизмѣн. нотами
Малые ручные безъ пьесъ . . . 6 р.
" заводные . . . 16 р.
" Ноты къ нимъ по 35 коп.
Большіе 60-ти-тонные безъ пьесъ . . 30 р.
" 84-хъ . . . 45 р.
" Sublime Harmonie . . . 60 р.
Ноты къ нимъ по 60 коп., 75 коп. и 1 руб.
Плотирировъ, прейс-курантъ и каталогъ.
4-4 итѣ—бесплатно. Ц. № 6235

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.

Москва, Петровка, домъ Родкова

КУРОРТЪ И МОРСКОЕ КУПАНЬЕ

ШЕРНОВЪ

Лифляндской губерніи.

Сезонъ съ 20 мая по 31 августа.

Подробнѣйшія свѣдѣнія бесплатно чрезъ

№ 6276 4-3

Купальную Комиссію.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Б. АЛЬТШВАГЕРЪ.

Невскій просп. № 42. С.-Петербургъ.

Рекомендуетъ часы собственнаго производства ПРУССКОЙ СИСТЕМЫ. Лицамъ которымъ точный и вмѣстѣ съ тѣмъ недорогой измѣритель времени, составляетъ существенную необходимость, ручательство за вѣрность хода и прочность механизма на четыре года. ИЛЛЮСТРИР. В. ПРЕЙС-КУРАНТЫ ВЫСЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

„КАПРИЗЪ НЕВЫ“

ДУХИ — „Капризъ Невы“
О-ДЕ-КОЛОНЪ „Капризъ Невы“
МЫЛО — „Капризъ Невы“

„Мюскъ“ Души ПОСЛЕДНІЯ НОВОСТИ „Мюскъ“ Мыло
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ И О-ДЕ-КОЛОНЪ

ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

Препараты „КАПРИЗЪ НЕВЫ“ отличаются прекрасными достоинствами и изготовлены для вы-

ставки въ ЧИКАГО. Ц. № 6281

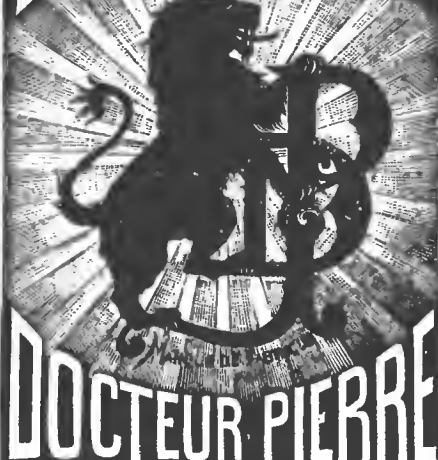
С.К.А.Д.М.: С.-Петербургъ, площадь Азева-Сандрикего театра, 9.

Невскій, 69.

Месна, Никольская, д. Шереметьева.

Варшава, Новый Свѣтъ, 37, и въ лучшихъ магазинахъ Имперіи.

**EAU, PÂTE, POUDRE
DENTIFRICES**

DOCTEUR PIERRE
DE LA
FACULTÉ DE MEDECINE
DE PARIS
EN VENTE PARTOUT

№ 6285 13-8

**АНГЛІЙСКІЕ
ДУХИ ВЫСОКАГО ДОСТОИНСТВА
ПРОБНЫЙ ФЛАКОНЪ 10 коп.**
Парфюмерн. магазинъ Г. ПЮПА. Пассажъ № 52.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
НАЗВАНІЕ ЛУЧШИХЪ ДУХОВЪ:

Эссенъ букетъ
Жюкей-клубъ
Букетъ-императрицы
Илангъ-Илангъ
Майскій-Ландышъ
Бѣлый гелотропъ.
Бѣлая лилія
Сирень перс.
Левкой
Фіалка

Віолетъ де Парма
Роза
Люби меня
Степелъ букетъ
Iris
Эдельвейсъ
Жасминъ
Ополонъкъ
Шипръ
Букетъ де Царь

Бѣлая роза
Милль-Флеръ
Акація
Гіацинтъ
Киссъ ме вивіъ
Испанская кожа
Свѣжее сыно
Черсмуха
Lilas Heuri
Lotus.

Пробные флаконы высылаются не менѣе 10 флаконовъ за 1 р. 40 к. съ пересылкой во весь городъ Россіи. (иномъ: Сибиріи)

Казанск. сѣдо. № 1, расхо-
по тисненое — выдано
нанной кожи, съ ушко-
и

остальн. полн. приборомъ 20 р. Тоже № 2—

16 р. Пересылка по ж. д. 2 руб. Почтою за

30 фунт. Фабрика М. и И. МАЛЫШЕВЫХЪ,

Саратовъ. Прейс-кур. выс. за двѣ 7 к. марки.

П. № 6302 12-3

Велосипеды англійскаго завода

„Гумберъ и К^о. Лнтд.“

лучше въ свѣтѣ!

предлагаетъ торговый домъ

Г. ЖЕМНИЧКА и К^о.

Москва, Печинный просп., домъ Ежиной.

Прейс-курanty—бесплатно.

КРАСКА

ДЛЯ ВОЛОСЪ

ПРИДВОРНАГО ПАРФЮМЕРА

АЛЕКСАНДРА ГЕРКЕ

оправиваетъ въ черный и коричневый
прочный цвѣтъ, — смотря по надобности
свѣтлѣе и темнѣе. № 5924

Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

Главный складъ А. Зиглаундъ, С.-Пе-
тербургъ, Бассейная, № 2. Получать
можно въ Высочайше утвержденномъ
русскомъ обществѣ торговли аптекар-
скими товарами, Казанская, 12 и во
всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфю-
мерныхъ торговыхъ Россійской Имперіи.

ЦВѢТОЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОНЪ
УДОСТОЕННЫЙ
СЕРЕБРЯНОЙ МЕДАЛИ
НА ВСЕРОССІЙСКОМЪ
ВЫСТАВЛѢ 1882 г.

А. СІУЧКО
ПАРФЮМЕРА
ВЫСШАГО КАЧЕСТВА
МОСКВА.
ПРЕЙС-КУРАНТЫ ВЫСЛАЮТСЯ БЕЗЪ ПЛАТНО.

КОНТОРА ИЗДАТЕЛЬСТВА

П. К. Прянишниковъ и

В. Н. Маракуева

высылаютъ бесплатно каталоги по народ-
ной и дѣтской литературѣ, по сельскому
хозяйству, техническихъ и научно-попу-
лярныхъ книгъ

Каталоги выходятъ 3—4 раза въ годъ.

Адресъ: Москва, Пятницкій пер., домъ

Гуськова. III. № 6216 3-3

ГЛАВ. СКЛАДЪ МОСКВА

У Л. Я.

СТОЛКНДЪ.

КРУПНИКЪ

УНИЧТОЖЕНІЯ

КРЫСЪ И МЫШЕЙ

ПРОФРОНШТЕЙНЪ

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ

ПО 30 И 50 К.

ФУРКАСОВС. ПЕР. Д. ОБЫИНОЙ

ОСТЕРЛЕЧЪ ПОДЪДОРОЖЪ

№ 6131 (9)

ШОКОЛАТЬ

ФАБРИКИ СЕСТУКЪ

ПРЕДОСТАВЛЯЕМЪ

НАШЕЙ

МАРКѢ

НАХОДЯТСЯ

ВО ВСѢХЪ

ГОРОДАХЪ

РОССІИ

ПОДАРКИ НА ПАСХУ.

Издания А. Ф. МАРКСА в СПБ.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАЗСКАЗЫ И ПОВЕСТИ П. Н. ПОЛЕВОГО,

украшенные множеством оригинальных рисунков, вышито в 24 мя эстампами на мѣди художника К. В. Лебедева, известного иллюстратора и знатока русской старины.

Авторомъ книги, П. Н. Полевого, въ этой книгѣ собраны лучшіе изъ его историческ. разсказовъ и повѣстей, живописующихъ домашній бытъ, нравы, обычай и семейную жизнь нашихъ предковъ.

Книга представляетъ собою большой изящно изданный томъ (болѣе 450 стр., в 8°), на лучшей веленой бумагѣ. СПб. 1893 г. Ц. 5 р., съ пересылкой 5 р. 83 к., а въ роскошномъ переплетѣ, перепл. 6 р., съ перес. 7 р.

То же изданіе, опечатанное на лучшей голландской бумагѣ (эстампы на каліграфической бумагѣ) 25 р., съ перес. 26 р., въ полушпигир. перепл. 24 р., съ перес. 30 р.

Большое роскошно иллюстрированное издание
ГЕТТЕ

„ФАУСТЪ“

обѣ части, переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ

АНГЕЛЬБЕРТА ЗЕЙБЕРТЦА, исполненными знаменитыми граверами: Адрианомъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле и др.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шпигиреномъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., для подписчиковъ „Нивы“ 35 р., перепл. за 35 фунт. по разстоянію.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ

Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Оружіе, Церковная и домашняя утварь, Одежда, Украшенія и пр. и пр.

съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, въ популярномъ изложеніи

П. Н. ГНѢДИЧА.

Большой томъ, в quarto, въ 2 столбца, съ 430 прекрасно исполн. гравюрами—копіями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.

Цѣна брошюр. 6 р., съ перес. 7 р.; въ колен. переплетѣ съ золот. тисн. и 3-мя красками 7 р., съ перес. 8 р. 50 к.

Для подписчиковъ „Нивы“ 5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 50 к., въ пер. 6 р. 50 к., съ пер. 7 р. 50 к.

съ требованіями просить обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“, Невскій поспл. № 6, въ СПБ.

ФИСГАРМОНИИ

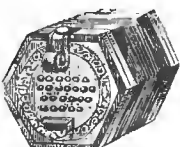

американскія, французскія и русскія фабрики Шимайера, рекомендованы Главачемъ Гензелемъ. Листомъ и др. въ 85, 100, 110, 125, 130, 140, 150, 160, 170, 180, 190, 200, 225, 250, 275, 300, 325, 400, 450, 500, 550, 600, 700, 800, 1000 руб. и дороже.

Самозвучитель для физгармоніи Пахе 2 р. Играть на физгармоніи можно выучиться легко.

Иллюстрированный приѣздъ-куртанъ физгармоній—бесплатно.

АНГЛІЙСКОЕ КОНЦЕРТИНО,

небольшой инструментъ очень пріятнаго тона съ полной хроматической гаммою, на которомъ можно легко выучиться играть.

СОПРАНО 48-тонный въ 24, 30, 40, 55, 70, 100, 125, 140 руб. и дороже, 56-тонный въ 200 и 225 р.

БАРИТОНЫ 48-тонные въ 85, 160 и 225 руб.

Самозвучитель Роттшайна 2 руб.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо музыкальных инструментовъ и нотъ: С.-Петербургъ, Б. Морская, д. № 34 и 40, Мисская Кузнечій мостъ, д. Захарыча.

№ 6274 ПОВЫЯ КНИГА: 18-6
ВОСПОМИНАНІЯ ЮРІЯ АРНОЛЬДА.
3 вып. съ портрет. автора, ц. 5 руб. с. Въ издѣтѣ, въ магазинѣ. Склада въ книжномъ магаз. О. А. БОГДАНОВА, Москва, Петровка, Петровскій дворъ, 5. Магаз. вые, всевозможн. русск. книги.

ИЗДАТЕЛЬ МАШИНА 25 13

РЕМИНГТОНА № 5

„новѣйшая изъ всѣхъ стѣствующихъ системъ“

признана лучшей въ свѣтѣ. Пишетъ въ 3 раза быстрѣ пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежденій. Прейс-куртантъ, содержа многочисленныя отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается бесплатно. № 599, Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва, С.-Петербургъ, Варшава, Одесса, Екатеринбургъ, Кокандъ.

Только что вышелъ изъ печати и разосланъ подписчикамъ

ТРЕТІЙ ВЫПУСКЪ

нового роскошнаго періодическаго изданія, подъ названіемъ:

„ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА НИВЫ“.

годъ первый (1893), содержащій въ себѣ:

СКАЗКИ,

собранныя братьями Я. и В. ГРИММАМИ.

ПЕРЕВОДЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ П. Н. ПОЛЕВОГО.

Иллюстраціи П. Гротъ-Юганна.

24 выпуска, каждыи—въ роскошной обложкѣ; по одному выпуску черезъ каждыя двѣ недѣли.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

Подписка продолжается и каждый новый подписчикъ получаетъ изданіе полностью, т. е. начиная съ 1-го выпуска.

Цѣна за все изданіе (24 выпуска) 12 руб., а съ пересылкою иногороднымъ 14 руб. Безъ доставки въ Москвѣ (въ Конторѣ Н. Н. Печковской)—13 руб.

Допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ—4 руб., къ 1-му мая—2 р., къ 1-му іюня—2 р., къ 1-му іюля—2 руб., къ 1-му августа—2 руб., къ 1-му сентября—1 руб. и къ 1-му октября—1 рубль.

Подписка на это изданіе принимается въ главной конторѣ журнала „Нива“, въ СПБ., Невскій, № 6; въ Москвѣ, въ Конторѣ Н. Н. Печковской, а также во всѣхъ книжн. и эстампныхъ магазинахъ.

Желающимъ ознакомиться съ изданіемъ, 1-й выпускъ „Сказокъ“ высылается за 50 коп. почтовыми марками.

ДЛЯ УХОДА ЗА ЗАРАЗНЫМИ БОЛѢЗНЯМИ
можно съестъ рекомендовать слѣдующіе предметы:

Грѣлки для желудка наполняются кнѣпкомъ, резиновая 5 р., металлическая 2 р. 50 к.

ПОВЯЗКА ДЛЯ ЖИВОТА

изъ толстой байки 1 р., изъ двойн. байки 2 р.

Для согревающихъ компрессовъ

бываетъ покрытый резиновымъ цементомъ за аршинъ 1 р. 50 к.

Готовый согревательный компрессъ съ войлокомъ Присница для желудка 4 р. 50 к.

ЖЕЛУДОЧНЫЙ ЗОНДЪ

изъ полированной резины для высокихъ клистировъ 1 р. 50 к.

КРУЖКА ЭМАРКА

съ кнѣпкомъ и гарнитурой, эмалиров. 3 р. 75 к.

Стеклопая 2 р., складн. резинов. 3 р. 75 к.

НАБОРЪ Д-РА ОПЕНГЕЙМА

состоящій изъ всѣхъ предметовъ для вливанія жидкостей подъ кожу и высокихъ клистировъ 6 р.

НАБОРЪ Д-РА КОВЫЛИНА 5 р.

СТЕКЛЯННЫЙ ШПИРЦЪ

съ иглами, для впрыскиванія подъ кожу, большой 5 р., малый 1 р. 50 к.

МАКСИМАЛЬНЫЙ ТЕРМОМЕТРЪ

для измѣренія температуры тѣла, достаточно 5 минутъ, 1 р. 50 к.

ГЕРМЕТИЧЕСКІЙ КЛОЗЕТЪ

легко переносимый 12 р.

ГЕРМЕТИЧЕСКОЕ ВЕДРО

для испражнений, съ эмалиров. внутр. 9 р.

для грязнаго белья прогнѣй заразы 6 р.

ПОДКЛАДНОЕ СУДНО

вафельное 1 р. 25 к., эмалиров. 2 р. 50 к.

ПУЛЬВЕРИЗАТОРЪ-ДЕЗИНФЕКТОРЪ

для дезинфекціи комнатнаго воздуха, обмыпанія стѣнъ, потолковъ, мебели, кроватей и пр., большой съ 6-ю рожками для брызганія, казанаръ и пр. 33 р.; средній съ 4-мя рожками для приговора и пр. 10 р.; малый съ 1-мъ рожкомъ для домашн. употребленія 3 р.

Рожки у этихъ пульверизаторовъ не перестаютъ по надобности, отъ самой тонкой пыли до крупной струи.

РУЧНОЙ ГИДРОПЪЛЪТЪ

для обмыканія стѣнъ и потолковъ и проч. мѣдный 10 р., никомый 2 р. 50 к.

НАБОРЪ ДЛЯ АПТЕКИ НА ФАБРИКАХЪ И МАСТЕРСКИХЪ,

составленный согласно обязательному постановленію С.П. Столнчаго по фабричнымъ деламъ, присутствія 8 р.

РЕЗИНОВОЕ ПОЛОТНО

для подстилки на кровать 1 р. 50 к. и 1 р. за аршинъ.

ПЕРЕДНИЙ РЕЗИНОВЫЙ

съ рукавами, длинный 8 р., безъ рукав. 3 р.

СЪКЛАДНЫЯ НОЖИ

на ножкахъ 12 р., безъ ножекъ 10 р.

Респираторъ Куршмана 8 р.

Колпачъ резиновый для головы 50 к.

Перчатки резиновыя 1 р. 50 к. за пару.

Щетка кокосовая для растираній 75 к.

Перчатка со щеткою для растираній 1 р. 75 к. за штуку.

Повязка для санитаровъ и фельдшеровъ съ краснымъ крестомъ 1 р. 50 к.

ПОРОШОКЪ ВОТОВА

безъ запаха, уничтожаетъ всякое зловоніе, 25 к. за фунтъ.

Приборъ для домашняго приготвленія паровой ванны,

при помощи котораго каждый можетъ во всякое время у себя въ комнатѣ, на своей же постели, быстро довести себя до сильнѣйшей испарины, 25 р.

Какъ и всѣ прочіе хирургическіе и переносимые предметы. № 6338

КОНСТАНТИНЪ МАЛЬМЪ.

Складъ резиновыхъ товаровъ

БОЛЬШАЯ МОСКОВСКАЯ, № 34.

Господыи иногороднымъ отправляю съ надобными платажемъ.

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО
Д-РА ЛЕНГИЛЯ
въ вѣнѣ
для БѢЛЫХЪ, СМЯЧЕНІЯ
и ЧИСТОТЫ
КОЖИ, ЛИЦА
и РУКЪ

Тридаеи Кожеи Соижеи Вудъ,
рекомендуется какъ
Хорошее Туалетное Мыло
НАСТОЯЩЕЕ ТОЛЬКО ЗА ПОДПИСЬЮ
ВАСИЛІА АУРИХЪ въ С.-ПЕТУРЪ

ЕДИНСТВЕННАГО АГЕНТА
для Россіи.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ съ 6—10 рис. въ каждомъ и еженѣсичн. даров. прилож. 12 книгъ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖСН. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн рис. и Ц. этого № безъ Сборника 20 к., съ пер. 25 к.)
 Выдаеъ 3 апрѣля 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫНРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) / разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Открыта подписка на „НИВУ“ 1893 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

въ „НИВѢ“ принимаются за-
 строку нонпарейль (1/4 шир.
 стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
 1 руб.—Загран.: для Франціи
 у Agence Havas по 3 fr.; для
 Австр., Герман. и Швейц. у Ru-
 dolf Mosse по 2 марки 50 pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петер-

бургѢ 5 р.

Съ доставкою въ Петер-

бургѢ 6 р. 50 к.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 10 р.

На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ П.-бургѢ 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.

На 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ П.-бургѢ 3 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р. 50 к.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл.

Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лпн. 6 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе го-

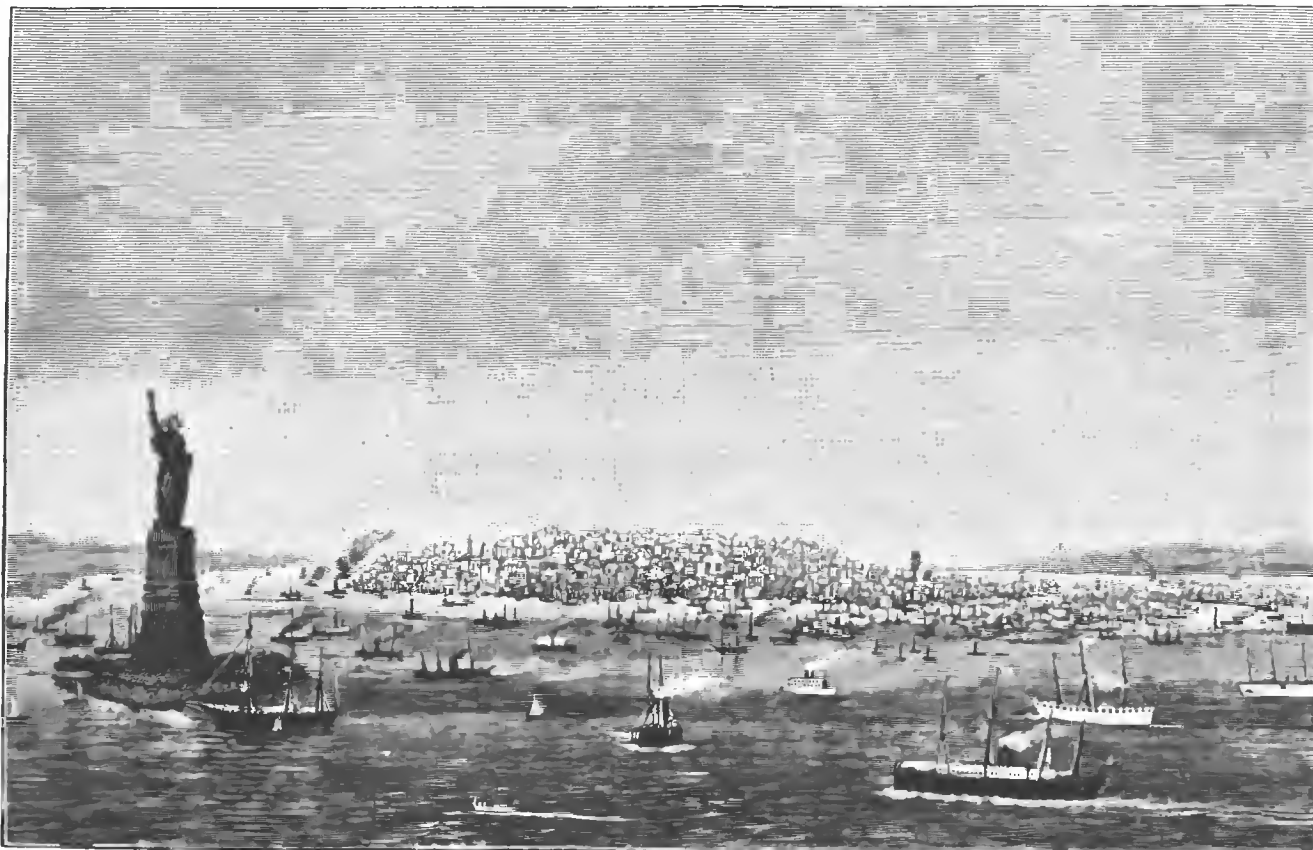
рода Россіи 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особыя приложенія при
 „НИВѢ“ объявленія отъ тор-
 говыхъ домовъ принимаются
 для иногородн. и городскихъ
 подписчиковъ по особому
 соглашенію.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“, со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

При семъ № прилагаются: 1) СБОРНИКЪ „НИВЫ“ ЗА АПРѢЛЬ (СОЧИНЕНІЯ ЛОМОНОСОВА); 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за АПРѢЛЬ 1893 г. съ 26 рисунками и отд. лист. съ 28 чертеж. выкр. въ натур. величину и 22 рис. вышитыхъ работъ.

Выставка картинъ проф. И. Н. Айвазовскаго. „Статуя Свободы и гавань въ Нью-Йоркѣ.“ Съ фот. грав. Рашевскій.

Воля судьбы.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Кн. М. Н. Волконскаго. (Продолжение).

II.

Ротный командиръ.

Пусть всякій замѣтитъ и прослѣдитъ на себѣ, какъ судьба сталкиваетъ, обыкновенно, человека, при самыхъ различныхъ обстоятельствахъ жизни, все съ тѣми-же самыми людьми, словно ему заранее отмежеванъ извѣстный кругъ общества, въ которомъ онъ долженъ вращаться. И во встрѣчахъ этихъ нѣтъ ничего страннаго, напротивъ, онѣ неизбѣжны, такъ должно быть со всѣми, такъ было съ Артемиемъ и съ Карломъ.

Карлъ фонъ-Эйзенбахъ, вернувшись изъ Проскурова съ полною неудачей относительно своего сватовства, поразилъ неожиданнымъ прїѣздомъ своимъ отца, со всѣмъ уже готового лично отправиться въ путь, въ имѣнныя князя. Старикъ Эйзенбахъ былъ такъ удивленъ, вдругъ увидѣвъ сына, что въ первую минуту не повѣрилъ своимъ глазамъ.

Когда-же онъ узналъ причину возвращенія Карла и увидѣлъ, что на свадьбу его съ княжною надѣялся нечего — онъ пришелъ въ отчаяніе настолько, насколько можетъ, однако, придти въ отчаяніе солидный человекъ, какимъ былъ старый баронъ фонъ-Эйзенбахъ.

— Ты знаешь, милый Карлъ, сказалъ онъ наконецъ сыну послѣ долгаго обсужденія, — что нѣтъ такого случая, изъ котораго нельзя было бы выйти... И я нашелъ выходъ...

Карлъ всегда вѣрилъ мудрости отца, и потому сейчасъ же выказалъ полную готовность повиноваться.

Старый баронъ объяснилъ свой планъ, который заключался въ томъ, что Карлъ долженъ былъ ѣхать въ дѣйствующую армію, гдѣ можно, казалось, легко выдѣлаться, потому что офицеровъ было мало. Къ тому же, Карлъ изъ гвардіи сразу могъ быть назначенъ ротнымъ командиромъ.

Разъ рѣшеніе было принято, приведеніе его въ исполненіе не откладывалось. Баронъ принялся хлопотать. Хлопоты оказались не трудными. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Карлъ не особенно торопился ѣхать. Положеніе молодого, цвѣтущаго и виднаго (онъ сталъ снова въ глазахъ окружающихъ молодымъ, цвѣтущимъ и виднымъ) офицера, отправляющагося на войну, нравилось ему. Постигшая его неудача сразу же забылась, когда стало извѣстно, что онъ ѣдетъ въ дѣйствующую армію. Наконецъ онъ уѣхалъ.

Только подъ Кюстриномъ нагналъ онъ русскую армію. Его назначили въ Тарасовскій полкъ. И вотъ, явившись на мѣсто новой своей дѣятельности, онъ намѣревался ретиво приняться за нее...

Онъ уже заранее обѣщалъ себѣ, что тамъ покажетъ имъ, какъ это все нужно сдѣлать.

Его интересовала рота. И онъ приказалъ капралу на другой день собрать роту, чтобы посмотреть ее и познакомиться съ нею.

Приказаніе было исполнено. Люди надѣли мундиры, вычистили амуницію, и въ то время, когда остальные роты собирались къ котламъ, откуда уже несся паръ разваренной каши — выстроились въ ряды, въ ожиданіи новаго ротнаго командира.

Ровно въ назначенный часъ появился Карлъ фонъ-Эйзенбахъ, блестя своею новою, почти съ иголочки, формою, эполетами и ботфортами.

Онъ сразу хотѣлъ завести строжайшую дисциплину, и потому нарочно назначилъ такой часъ для смотра, въ который солдаты, обыкновенно, ѣли.

„Дядя“ скомандовалъ „смирно“. Карлъ подошелъ къ фронту, поздоровался и оглядѣлъ людей. Разумѣется, они всѣ стояли совсѣмъ не такъ, какъ слѣдуетъ: ни

стойки, ни даже порядочнаго равенія... Этотъ старый капраль распустилъ роту — сержантъ ничего не дѣлаетъ... И Карлъ взглянулъ на сержанта.

Артемій стоялъ, вытянувшись и прямо глядя передъ собою. Онъ узналъ Карла еще издали, видѣлъ, какъ тотъ обвелъ ихъ всѣхъ глазами, какъ взглянулъ на него, и видѣлъ тотъ мигъ, когда Карлъ узналъ его.

Карлъ, дѣйствительно, сейчасъ же узналъ Артемія, лицо котораго вѣзало въ его памяти. Какъ ни поразительна, какъ ни неожиданна была эта встрѣча, но чувство весьма понятнаго удивленія въ Карлѣ быстро уступило мѣсто другому чувству, и это другое чувство было не совсѣмъ, но почти радостью или, вѣрнѣе, какимъ-то радостнымъ удовлетвореніемъ. Изъ-за этой одной минуты ихъ неожиданной встрѣчи стоило прїѣхать въ дѣйствующую армію.

Еще вчера, когда Карлъ узналъ, что сержанта его роты зовутъ по фамиліи Проскуровскій, его поразило это, но онъ подумалъ, что тутъ просто совпаденіе.

Но теперь онъ видѣлъ передъ собою живого Артемія — такимъ, каковъ онъ былъ, и какимъ онъ видѣлъ его тогда, въ саду, среди благоухающихъ розъ, счастливаго свиданіемъ съ Ольгой, когда эти же розы безпощадно кололи своими острыми шипами его судорожно сжимавшія ихъ руки, когда соловей пѣлъ и дразнилъ его, и разрывалъ ему сердце на части.

И это воспоминаніе со всею болью еще живого оскорбленія охватило Карла, и вся злоба поднялась въ немъ. Глаза ихъ встрѣтились, и словно искра пробѣжала между ними.

Карлъ сдѣлалъ большой шагъ впередъ, прямо на Артемія.

— Какъ стоишь? крикнулъ онъ, подступая. — Голову... плечи... Рано въ сержанты попалъ... молодъ еще, такъ я тебя выучу...

И говоря это, Карлъ чувствовалъ, что его такъ и подмывало говорить дальше.

Артемій стоялъ, не шелохнувшись.

И какъ бы для того, чтобы показать, что онъ знаетъ самъ, что спрашиваетъ, потому что знаетъ службу, онъ продолжалъ:

— Уставъ извѣстенъ тебѣ, а?.. Помнишь, что въ немъ про сержанта сказано?.. — И, забравъ глубоко грудью воздухъ, онъ отчеканилъ, словно по писанному: „На немъ лежитъ зѣло многое дѣло въ ротѣ; того ради нужно, чтобы онъ дослуженъ былъ отъ нижняго чина, дабы знати могъ всѣ свои надлежащія поступки...“

„А самъ-то ты дослуженъ?“ подумалъ Артемій.

И вдругъ ему стало неудержимо смѣшно, потому что онъ подумалъ о томъ, какъ сегодня вечеромъ солдатъ Федоръ, котораго „обижали“ Фридрихомъ, будетъ представлять эту сцену и вертѣть таліей, такъ же вотъ, какъ баронъ, и говорить, грубо, но похоже подражая его голосу.

Эйзенбахъ видѣлъ въ лицѣ Артемія насмѣшку и, чувствуя угрюмо устремленный на себя взглядъ остальныхъ людей, тупо смотрѣвшихъ на него, какъ на человека, который хочетъ ихъ учить чему-то, когда они знаютъ уже самое главное въ жизни, т. е. какъ люди умираютъ, — какъ будто понять, что его щеголеватый мундиръ, а главное — не менѣе мундира щеголеватая горячность, не совсѣмъ-то умѣстны здѣсь; но это было лишь минутное просвѣтлѣніе, которое онъ счелъ за слабость и поспѣшилъ заглушить въ себѣ.

Онъ глянулъ опять на Артемія.

Въ глазахъ Артемія такъ и свѣтилась улыбка.

Отступившая было злоба Карла снова нахлынула и съ большею еще силою, потому что былъ перерывъ. Сердце забилося у него, дыханіе сперлось, въ глазахъ потемнѣло...

— Ты... задыхаясь, сквозь зубы, проговорилъ онъ, — ты смѣяться надо мной...

И рука его съ сжатымъ кулакомъ поднялась наотмашь.

Щеки Артемія вдругъ стали совсѣмъ бѣлыя, бѣлыя, какъ мѣль.

Рука Карла опустилась. Онъ опомнился.

Злобный порывъ прошелъ, но не прошла ревность Карла къ службѣ... Онъ заставилъ солдатъ маршировать, и напелъ, къ своему ужасу, что они совсѣмъ этого дѣлать не умѣютъ, а просто идутъ въ ногу, путемъ опыта выработавъ положеніе для тѣла самое удобное на ходу и совсѣмъ не такое, какое требовалось при маршировкѣ съ поднятіемъ въ три приема ноги на гвардейскихъ парадахъ.

Онъ сталъ учить, какъ слѣдуетъ дѣлать маршировку въ три приема.

Остальныя роты—пообѣдали, убирали уже котлы, а седьмая, которою командовалъ Карлъ, все еще ходила по счету, подымая какъ можно выше ногу. Люди повиновались, но ихъ озлобленные, голодные лица, съ зло поджатыми губами, не предвѣщали ничего добраго для своего начальника.

Звукъ-ли барабана, отъ котораго Карлъ успѣлъ отвыкнуть за время дороги, или доносившійся грохотъ ядеръ бомбардировки Кюстрина, или желаніе заглушить свою злобу, или все это вмѣстѣ—возбуждали Карла къ усиленной дѣятельности, и онъ изъ кожи лѣзъ, обучая голодныхъ солдатъ и воображая, что этимъ сразу забираетъ роту въ руки, потому что показываетъ, какой онъ есть, на самомъ дѣлѣ, строгій начальникъ.

Выстрѣлы со стороны Кюстрина становились все чаще и чаще; наши, принявшись за дѣло, не уставали, и эти гулки, доносившіеся издали, выстрѣлы, къ которымъ привыкло уже ухо солдатъ, какъ мельникъ къ стуку жернова,—были для Карла первыми, слышанными имъ, настоящими выстрѣлами, т. е. такими, которые посылались не для того, чтобы разрушить искусственную цѣль, а для того, чтобы убить какъ можно больше людей.

Но Карлъ не видалъ этихъ убитыхъ людей, и потому отдаленный грохотъ ядеръ, бой барабана и бряцаніе оружія солдатъ были для него полными поэзіи звуками войны и дѣйствовали возбуждающе.

Онъ командовалъ, горячился, показывалъ, и забылъ уже о времени.

Но его расчету еще много надо было „поработать“ надъ ротою, чтобы привести ее въ болѣе или менѣе приличный видъ, какъ вдругъ ему пришлось скорѣе, чѣмъ онъ думалъ, убѣдиться, чѣмъ была, на самомъ дѣлѣ, его рота.

Съ фермы прискакалъ адъютантъ, съ приказаніемъ немедленно сниматься и идти.

Адъютантъ казался сильно взволнованъ, и на лицѣ его была уже замѣтна та тѣнь внушительной серьезности, которая является у военныхъ передъ началомъ настоящаго дѣла, и серьезность эта сейчасъ же передавалась окружающимъ.

„А, что — сраженіе, мы идемъ въ сраженіе?“ блестя глазами и, какъ новичокъ, радуясь, думалъ Карлъ и, вѣроятно, спрашивалъ объ этомъ у адъютанта, потому что тотъ отвѣтилъ ему:

— Нѣтъ, пока еще не идемъ, а отступаемъ.

— Да, отступаемъ, согласился Карлъ и оглянулся на капрала.—Я думаю, люди успѣютъ пообѣдать еще? нѣсколько сконфуженно спросилъ онъ.

Капралъ махнулъ рукою и отвѣтилъ только:

— Эхъ, ваше высокоблагородіе!.. Но въ этомъ отвѣтъ

было сказано многое: „Мы васъ потѣшили, говорилъ этотъ отвѣтъ, — голодные промаялись, все сдѣлали по вашему, не мѣшайте же теперь и намъ...“

И, словно получивъ отъ ротнаго командира приказаніе, капралъ сталъ дѣлать распоряженія.

Въ постоянной борьбѣ походной жизни, у этихъ людей выработались совсѣмъ иные приемы команды, болѣе простые и ясные, чѣмъ это требовалось уставомъ.

Карлъ, всегда гордившійся своимъ знаніемъ устава, которое ставилось въ примѣръ другимъ, обыкновенно,—увидѣвъ теперь вдругъ передъ своими глазами такое, чего онъ никакъ-бы не могъ предполагать; солдаты его роты вдругъ разбѣжались съ крикомъ и шумомъ, произошла какая-то сумятица, кажущаяся безтолковщина, хотя старый капралъ все время распоряжался и, должно быть, все понималъ,—и вдругъ, какъ-бы по волшебству, всѣ палатки исчезли, куда-то спрятались, и люди снова выравнялись въ ряды... со всѣхъ сторонъ кругомъ шли и двигались солдаты, и не успѣвъ Карлъ опомниться, какъ мѣсто, занятое только что лагеремъ, опустѣло, и самъ онъ, Карлъ, съ своей ротой шелъ уже въ рядахъ выбравшагося на дорогу полка.

„Однако они вѣдь не бѣли“, подумалъ онъ снова и, поглядѣвъ на солдатъ, удивился ихъ бодрому и выносливо покорному виду, съ которымъ они шли, забывъ, разумѣется, наставленія размѣреннаго, считаннаго шага.

III.

Первое дѣло.

Выступленіе застало Карла врасплохъ, и послѣ перваго-же перехода онъ не могъ уже разобрать, куда дѣвались его вещи... Денщикъ его куда-то исчезъ. Карлу сказали, что онъ, вѣроятно, въ обозѣ. Эйзенбахъ рѣшилъ потерпѣть до завтра, но на другой день ихъ опять повели, они шли лѣсомъ, перебрались черезъ овраги и, наконецъ, остановились. Карлъ узналъ, что они располагаются на позиціи, что король Фридрихъ соединился съ графомъ Дона противъ нихъ, что пруссаки, вѣроятно, будутъ атаковать, и что вещи его находятся въ обозѣ, отправленномъ къ Клейнъ-Камину и расположенномъ тамъ вагенбургомъ.

Названіе „Клейнъ-Каминъ“ знали, но, гдѣ именно былъ онъ, указывали различно.

Карлъ „пока“ рѣшилъ обойтись какъ-нибудь безъ вещей, потому что не хотѣлъ оставлять роты безъ себя. Состояніе этого „пока“ было истиннымъ выраженіемъ его теперешняго положенія. Такъ же, какъ онъ рѣшилъ вещи оставить пока, рѣшилъ онъ не приводить пока въ ясность отношеній своихъ къ Артемію, своему подчиненному.

Эйзенбахъ въ первый разъ еще чувствовалъ себя „наканунѣ сраженія“ — и не понималъ, что всѣ, которые окружали его, чувствовали себя такъ не только сегодня, но давно уже привыкли къ этому, потому что въ продолженіе похода всегда находились наканунѣ дѣла.

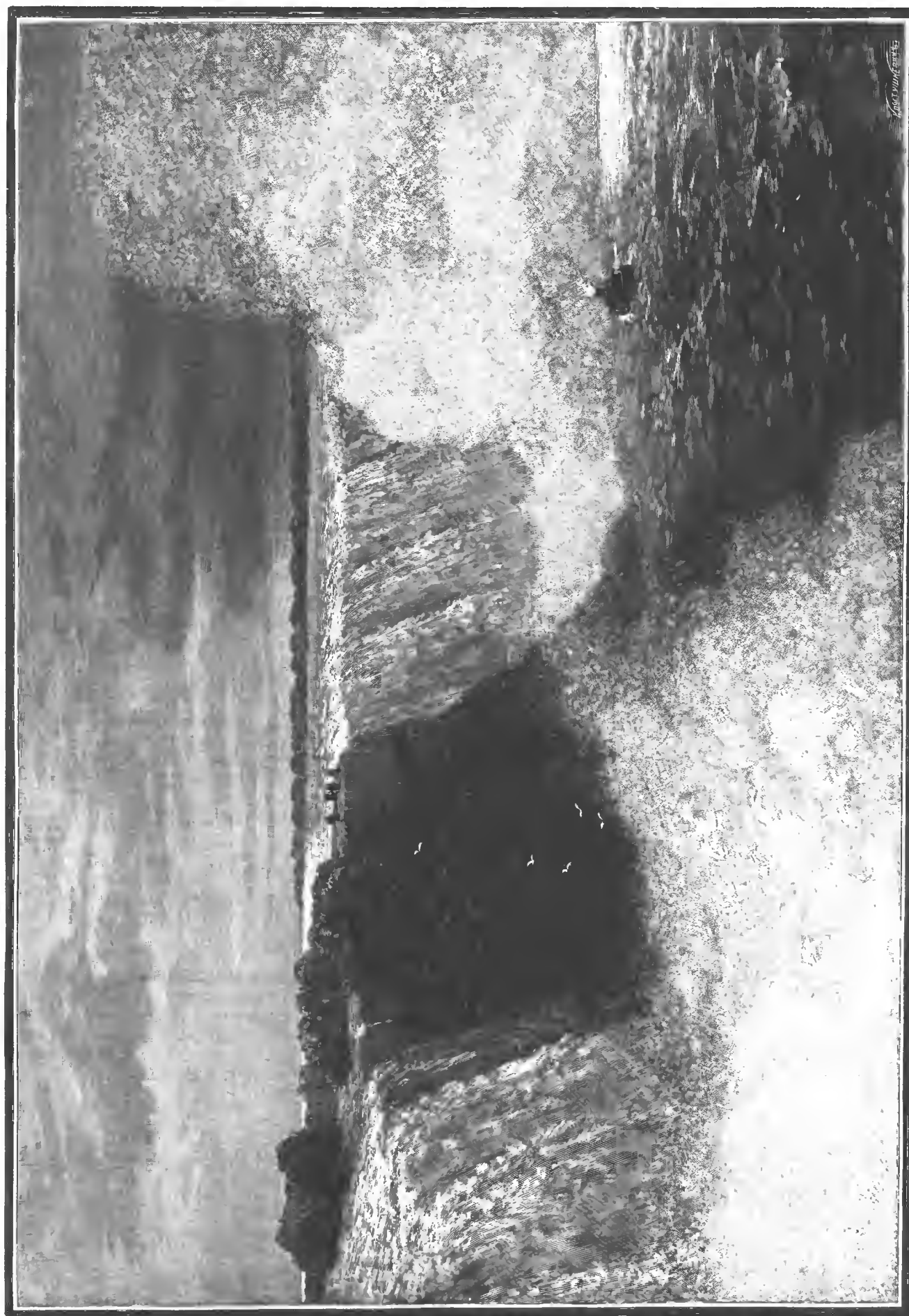
Двадцать четвертаго августа новаго стиля, съ девяти часовъ утра, послышались первые выстрѣлы съ непріятельской стороны.

Седьмая рота тарасовцевъ, которою командовалъ Карлъ, пришла на мѣсто ночью, и, когда разсвѣло, очутилась на небольшомъ возвышеніи—мѣстность кругомъ была болотистая. Сзади виднѣлся большой лѣсъ; впереди было селеніе, занятое непріателемъ.

Карлъ, увѣрявшій, что любить все дѣлать обстоятельно, постарался узнать у адъютантовъ и прочихъ офицеровъ нашу позицію. Оказалось, что мы ночью перемѣнили фронтъ, что войска наши расположены продолговатымъ четверугольникомъ, и что такая позиція выработана практикой нашихъ войскъ съ Турціей... Одни говорили, что все это очень хорошо, другіе, напротивъ, упрекали Фермора, зачѣмъ онъ не помѣшалъ обходному движенію Прусскаго короля, влѣдствіе чего намъ пришлось снѣшно мѣнять фронтъ, и позиція на-

Выставка картинъ проф. И. К. Айвазовскаго. „Въ океанѣ“. Съ фот. грав. Рашевскій.

Выставка картинъ проф. И. Н. Айвазовскаго. „Ніагарскій водопадъ“. Съ фот. грав. Пастушкевичъ.

ша оказалась разрѣзанною двумя оврагами. Карлъ узналъ также, что Тарасовскій полкъ находится на правомъ крылѣ. Все это ему казалось очень важно, и онъ, съ своей стороны, высказалъ адъютанту соображенія относительно позиціи. Онъ думалъ также, что ему придется воодушевлять или поддерживать духъ своей роты, но сейчасъ же почувствовалъ, что тутъ и безъ него все пойдетъ ладно. Онъ почувствовалъ это, хотя не желалъ показать, и въ душѣ удивлялся, какъ спокойно, съ задумчивыми, серьезными и рѣшительными лицами, солдаты и ихъ старый капралъ устраивались, не заботясь объ остальномъ, на томъ мѣстѣ, которое было отведено имъ, можетъ быть, для того, чтобы найти тутъ смерть.

Съ Артеміемъ онъ не сказалъ ни слова, но все время, куда бы ни смотрѣлъ, видѣлъ его и слѣдилъ за собою, стараясь показать, что онъ не труситъ, что онъ такъ же храбръ, какъ этотъ счастливый соперникъ его, съ которымъ „потомъ“ онъ будетъ еще имѣть время свести свои счеты. Карлъ сердился на себя за свою выходку и горячность подъ Кюстриномъ. Онъ понималъ, что произвелъ дурное впечатлѣніе на роту. Но если бы онъ зналъ, что они такъ скоро двинутся, развѣ поступилъ бы такъ? И онъ былъ увѣренъ, что сегодня на дѣлѣ докажетъ противное, доказавъ свою храбрость имъ.

На линіи непріятельскихъ огней чаще и чаще вспыхивали клубы сѣраго дыма и съ страннымъ, совсѣмъ другимъ, чѣмъ на ученьяхъ и экзерциціяхъ, гуломъ подымались кверху; тамъ вдругъ видѣлся высоко, точно повѣшенный на мгновеніе въ небо, черный дискъ ядра, и потомъ все исчезало, и снова съ раскатомъ, какъ изъ огромной трубы, вылетали сѣро-молочные клубы... Наши отвѣчали откуда-то съ боковъ и снизу.

Карлъ, волнуясь, нетерпѣливо ходилъ, чувствуя, что *началось*, и ожидая, когда же очередь дойдетъ до нихъ, до него, потому что значеніе этихъ гулкихъ, дымныхъ ударовъ ему не было еще совсѣмъ ясно.

Тамъ, подъ Кюстриномъ, они были совершенно понятны: мы бомбардировали городъ; но вѣдь тутъ города нѣтъ, тутъ сраженіе,—гдѣ же врагъ, гдѣ непріятель, съ которымъ ему нужно будетъ „схватиться“?

„Вѣрно, еще рано“, успокаивалъ себя Карлъ, поглядывая, съ какимъ равнодушіемъ курилъ свою коротенькую трубочку капралъ, присѣвшій на попавшійся ему камень.

Немолчный грохотъ нашихъ и непріятельскихъ орудій не только продолжался, но и усиливался все болѣе и болѣе. Уже добрыхъ полчаса, не уставая, стоялъ этотъ гулъ, волненіе Карла росло. Онъ разъ двадцать обошелъ расположеніе своей роты и, казалось, уже такъ изучилъ, такъ запомнилъ всѣ подробности этого мѣста, и камень, гдѣ сидѣлъ капралъ, и помятый кустъ, который сначала ему не нравился, потомъ понравился, и опять успѣлъ надоесть. Карлу надоѣло ждать.

„Да что же это долго такъ будетъ?“ нетерпѣливо спрашивалъ онъ. Ни адъютанты, ни начальство, показывавшіеся изрѣдка сначала, не пріѣзжали больше. Казалось, седьмую роту забыли тутъ, на холмикѣ.

Эйзенбахъ готовъ былъ идти на врага, жертвовать жизнью, отчего-жъ его никто не посылалъ впередъ, отчего же никто не идетъ на него. Такъ глупо—стоять и не знать, что дѣлать. И хуже всего было то, что Карлъ чувствовалъ, что капралъ, и Артемій, и солдаты даже откровенно знали, что имъ дѣлать. Это-то и было обидно, но Эйзенбахъ скорѣе далъ бы разрубить себя на части, чѣмъ спросить у капрала: „что же это?“ И онъ продолжалъ ходить, съ сознаніемъ полнаго своего достоинства, гордо закинувъ голову, какъ бы говоря: погодите, дойдетъ дѣло до *настоящаго*, увидимъ, — *онъ* или я. Подъ этимъ „онъ“ подразумѣвался, разумѣется, Артемій.

„Онъ или я... онъ или я...“ мысленно повторялъ Карлъ, когда вдругъ, совершенно неожиданный для него и новый звукъ гдѣ-то близко, близко потрясъ воздухъ, что-то шлепнуло тяжело, словно ухнуло... и запахъ перемѣненной селитры, смѣшанный съ испареніемъ нагрѣтаго металла, сдѣлался ощутительнѣй.

— Нацѣлилъ! сказалъ чей-то голосъ и капралъ пошелъ къ Карлу.

— Ваше высокоблагородіе, нужно людямъ сказать лечь,—на насъ навели... проговорилъ онъ.

— Да, да, нужно лечь, согласился Карлъ, не сознавая хорошенько всего ужаса спокойныхъ словъ капрала „на насъ навели“.

Солдаты легли, но Карлъ, молодцовато оправляя шарфъ и мундиръ, ходилъ между ними, словно не желая понимать того, о чемъ говорили ядра, шлепнувшія два раза очень ужъ близко отъ роты.

— Ваше высокоблагородіе, сказалъ ему капралъ, — вамъ бы тоже прилечь...

Карлъ нетерпѣливо дернулъ полу мундира.

— Молчать, не разговаривать!.. вдругъ, совершенно неожиданно для себя выкрикнулъ онъ, и тутъ же подумалъ: „глупо, очень глупо сердиться...“ Но все-таки онъ сердился и, главнымъ образомъ, на себя за то, что все еще никакъ не могъ наладить своихъ отношеній къ ротѣ...

Въ это время откуда-то справа къ зычному гулу, утомившему уже съ утра ухо, присоединилась вдругъ мелкая перекатная трескотня, точно груды тонкихъ досокъ повалили въ яму...

„Что это?“ опять удивился Карлъ, не узнавая ружейнаго огня...

Въ воздухѣ зажужжали протяжно, жалобно и весело быстрыя, словно пчелы, безпokoйныя, пули...

„Только не кланяться, только не кланяться...“ повторялъ себѣ Карлъ, дѣлая усиліе подавить всякое поползновеніе нагнуться...

„Пора и намъ начинать“, рѣшилъ онъ, наконецъ, и подалъ команду.

Онъ весь былъ въ волненіи. Солдаты, напротивъ, дѣлали свое дѣло съ какимъ-то непонятнымъ спокойнымъ трудолюбіемъ, съ тѣмъ самымъ выраженіемъ, съ которымъ мужикъ наваливается на соху и ворочаетъ ее всѣмъ существомъ своимъ.

Дѣло разгоралось, но было еще въ самомъ началѣ. Врагъ, очевидно, подходилъ, но изъ-за застилавшаго теперь все кругомъ дыма никого и ничего не было видно...

„Ну, поскорѣй бы ужъ, поскорѣй!“ повторялъ себѣ Карлъ, сознавая свое бездѣйствіе и готовый умереть отъ нетерпѣнія...

Съ непривычки, отъ запаха порохового дыма, отъ безсонной ночи, отъ треска и грохота жаркаго дѣла, отъ радости такъ быстро и неожиданно попасть въ сраженіе и, главное, отъ того, что онъ съ утра ничего не ѣлъ и не пилъ, Карлъ, мало-по-малу, пришелъ въ состояніе, близкое къ опьянѣнію, когда голова начинаетъ кружиться, и мысли путаются, и всякое движеніе захватываетъ духъ...

Онъ совершенно ужъ бессмысленно твердилъ теперь свое: „поскорѣй бы ужъ...“ ходилъ, кричалъ, поднимая руки, воображая, что ободряетъ солдатъ, и не замѣчалъ, что старикъ-капралъ сталъ уже относиться къ нему опять съ тѣмъ же дѣловитымъ презрѣніемъ, съ которымъ онъ сказалъ ему предъ самымъ выступленіемъ:

— Эхъ, ваше высокоблагородіе!..

— Эй, сударикъ, что у васъ спятъ тамъ! покрикивалъ капралъ.

И какой-то голосъ отвѣчалъ ему, но Карлъ не узнавалъ уже, что это былъ голосъ главнаго его врага—Артемія. Онъ пересталъ слѣдить за нимъ и за собою...

Онъ все еще думалъ, что все, что происходитъ вокругъ него—не сраженіе, а такъ, начало, прелюдія, и ждалъ, когда же будетъ настоящее, ждалъ каждую минуту и каждую минуту обманывался. По пьяный восторгъ его не становился отъ этого меньше. Ружейные залпы трещали, гулъ стоялъ въ воздухѣ отъ пушечныхъ выстрѣловъ, солнце поднялось высоко, и осеннее, сырое утро смѣнилось жаркимъ, почти лѣтнимъ днемъ. Карлъ привыкъ уже къ свисту и жужжанію пуль и не думалъ о томъ, чтобы „не нагибаться“. Волненіе его настолько усилилось, что онъ не замѣчалъ этого свиста и не замѣтилъ, какъ одинъ изъ солдатиковъ, будто по своей надобности, отдѣлился отъ строя и убижалъ, сильно махая рукою.

Это былъ раненый.

И самъ Карлъ тоже взмахнулъ рукою, какъ это часто онъ дѣлалъ уже сегодня, и вдругъ почувствовалъ, что на этотъ разъ ему махнется особенно благоприятно. Рука у него, словно сама собою, такъ легко заходила вверхъ и внизъ и потомъ изъ стороны въ сторону, что онъ придерживалъ невольно ее другою, лѣвою рукою, и пальцы этой лѣвой руки попали во что-то мокрое, склизкое и теплое... Карлъ оглядѣлъ пальцы. Они были въ крови.

„Гдѣ-жъ я могъ выпачкаться?“ мелькнуло у него—и сейчасъ же прошло, потому что онъ понималъ, что онъ раненъ—и какъ только онъ понималъ это,—страшная боль защемила ему руку.

Онъ чувствовалъ уже потерю крови, чувствовалъ, что она отливаетъ отъ его вдругъ похолодѣвшихъ щекъ и отъ сердца; сердце словно захлопнулось, ноги подкосились, и, блѣдный, онъ упалъ на согнутыя колѣни...

Когда онъ открылъ опять глаза—то же горячее солнце свѣтило сквозь облако сѣраго, вонючаго порохового дыма, и тотъ же трескъ и гулъ, который былъ и прежде, стоялъ кругомъ.

Карлъ не только узналъ этотъ трескъ и гулъ, но, ему казалось теперь, что съ самаго рожденія, съ дѣтства, всю жизнь вокругъ него немолчно такъ гудѣло и трещало. Кто-то наклонился надъ нимъ.

„Я умираю“, рѣшилъ Карлъ и хотѣлъ сказать объ этомъ тому, кто наклонился надъ нимъ, но узнавъ Артемія. Артемій хлопоталъ возлѣ него, сдѣлалъ ему перевязку и привелъ въ чувство. Тяжелѣе этой встрѣчи для Карла трудно придумать, трудно найти было что-нибудь. Заботливость Артемія не тронула его. Напротивъ, новый приливъ бѣшенства охватилъ его и, стиснувъ зубы, онъ силился сказать:

— Пошелъ, пошелъ...

Артемій дѣлалъ видъ, что не слышитъ, а можетъ быть, и на самомъ дѣлѣ, не слышалъ, что ему говорили, потому что, склоненный на одномъ колѣнѣ надъ Карломъ, онъ все время слѣдилъ за тѣмъ, что происходитъ тамъ, въ рядахъ его роты, распознавая ходъ дѣла своимъ привычнымъ уже къ перестрѣлкѣ ухомъ и чутко слѣдя по этому, насколько было необходимо его присутствіе среди солдатъ.

Въ тотъ самый мигъ, когда Карлъ открылъ глаза, Артемій почувствовалъ, что теперь онъ тамъ болѣе нуженъ, чѣмъ здѣсь, возлѣ Карла, и быстро поднялся. Солдаты уже вскопили на ноги и скрывались въ дыму, бросившись внизъ съ возвышенія на показавшагося, очевидно, непріятеля. Артемій кинулся къ нимъ. Эйзенбахъ видѣлъ, какъ онъ вдругъ оставилъ его, и, съ трудомъ поднявшись на здоровую руку, постарался глянуть ему вслѣдъ; но когда онъ поднялся, на мѣстѣ, гдѣ лежали солдаты, никого уже не было... дымъ... дымъ—кругомъ вездѣ былъ дымъ, застилавший все,—и небо, и землю, и самую жизнь...

Und dann Punctum... вспомнилъ почему-то Карлъ слова, которыми обыкновенно кончалъ ему диктовку учитель въ дѣтствѣ, и снова, обезсиленный, упалъ на землю...

IV.

Полковое знамя.

Фридрихъ II, лично предводительствовавшій своими войсками, успѣлъ произвести подробную рекогносцировку и положилъ атаковать правое наше крыло съ главными своими силами. Онъ выдвинулъ впередъ свои батареи, и онѣ открыли огонь, чтобы подготовить атаку.

Въ полдень прусскій авангардъ, подъ начальствомъ Мантейфеля, двинулся на русскихъ. Движеніе это сначала было успѣшно; но, по мѣрѣ наступленія, авангардъ слишкомъ отдѣлился отъ остальной массы батальоновъ, а русскіе ударили на Мантейфеля съ фронта и фланга, заставивъ отступить съ большими потерями.

Въ это время кавалерія пруссаковъ обошла въ тылъ русскимъ и, въ свою очередь, нанесла имъ значительный вредъ. Пѣхота наша была окружена со всѣхъ сторонъ. Ферморъ былъ увлеченъ отступленіемъ кавалеріи и только вечеромъ примкнулъ снова къ арміи, которая оставалась, такимъ образомъ, безъ настоящаго главнокомандующаго. Но и въ прусскихъ рядахъ происходило не малое разстройство. Нѣсколько разъ самъ король, не безъ труда, собиралъ вернувшіеся изъ линій огня безпорядочныя толпы своихъ солдатъ и, возстановивъ порядокъ, снова вводилъ ихъ въ дѣло. Въ срединѣ дня на правомъ нашемъ крылѣ сами пошли въ атаку. Пруссаки, не дождавшись удара, побѣжали. Сраженіе опять казалось проиграннымъ для Фридриха, но снова спасла его кавалерія. Она была подъ предводительствомъ знаменитаго Зейдлица. Говорятъ, онъ самъ понесся вдоль фронта, когда, въ началѣ своего движенія, конные его полки засуетились было, встрѣченныя русскою картечью... Уставшія лошади ихъ едва могли идти галопомъ. По отвага генерала дала такой подъемъ духу солдатъ, что они, несмотря ни на что, врѣзались въ ряды русской пѣхоты, и тутъ произошла одна изъ тѣхъ рукопашныхъ свалокъ, которыя еще разъ доказали, что русскихъ можно истребить, но побѣдить нельзя. Въ отвратительной позиціи или, вѣрнѣе, безъ всякой позиціи, окруженные непріятелемъ, не на своей, а на чужой землѣ, изъ-за которой приходилось имъ драться, лишенные главнаго начальника, русскіе дрались до смерти, до послѣдней капли крови. И только наступившая вечерняя мгла прекратила кровопролитіе.

Всѣ эти движенія, атаки и отступленія были, разумѣется, возстановлены впоследствии, когда по отдѣльнымъ рассказамъ, болѣе или менѣе правдоподобнымъ, составили, какъ обыкновенно составляются такіе описанія,—приблизительный контуръ битвы, расцвѣтивъ его, можетъ быть, и произвольными красками. Для самихъ участниковъ все дѣло представлялось совершенно иначе.

Для нихъ, для этихъ участниковъ, не могло быть послѣдовательности и порядка тамъ, гдѣ главнымъ основаніемъ, самую суть являлось наиболѣе безпорядочное, идущее въ разрѣзъ со всякою законою послѣдовательностью жизни, дѣло—убійство себя равнаго.

Для того, чтобы рѣшиться на это, нужно извѣстнаго рода помѣшательство, омыаніе, а когда дѣйствуетъ человекъ помѣшанный, или пьяный, то не можетъ быть, само собою, никакого порядка.

Этотъ необычный, ненормальный безпорядокъ губительства, разрушенія, убійства и смерти, для котораго необходимо приведеніе себя въ восторженное, сумасшедшее, омыанное состояніе отваги, начался для седьмой роты тарасовцевъ, главнымъ образомъ, съ того момента, когда они, увидѣвъ передъ собою, сквозь потянувшійся по вѣтру пороховой дымъ, синіе прусскіе мундиры, побѣжали на нихъ, а Артемій, оставивъ раненаго Карла, кинулся за ними.

Это была первая атака авангарда Мантейфеля, отбитая русскими.

Тарасовцы показали себя. Но не успели они оправиться, не успели оглядеться и увидать, что они сдвинулись сами, и что сдвинулись с ними, — как на них, откуда-то сзади, налетела неприятельская конница, и они стали отбиваться от конницы.

В эту минуту для Артемия, у которого давно пересохло во рту, и который от усталости не чувствовал уже ног и рук, не существовало ни войны, ни сражения, ни общих движений, для него все сосредоточилось в наскокившем на него кирасирском офицере, который хотел его растоптать лошадей или убить палашом, и он, Артемий, уверенный, что пошел искать для себя смерти, все-таки не позволил этого сдвигаться и, ворочая ружьем, уходил и кирасира, и его лошадь. Это было не первое уже убийство, которое он делал на войне, но, несмотря на некоторую привычку, — в первую минуту проблеск сознания готов был проявиться у него.

— Молодца, сударик... услышать он ободряющий голос дяди-капрала, и этот голос снова опьянил его, и он снова кинулся вперед, очертя голову.

Пригорюнь, на котором с утра была расположена рота, и где остался раненым молодой офицерик-командир, — был потерян давно. Весь вид местности изменился от разбросанного по ней оружия, валившихся зарядных ящиков, колес... и главное — неподвижно, в различных и самых невозможных позах, лежащих людей, искаженных и изуродованных.

Артемий помнил, что ему вдруг пришло на мысль, зачем это они лежат так? Но он, не отвлекая, сейчас же постарался прогнать этот вопрос от себя.

Потом его ужасно поразил солдат Оедоръ, которого в рот дразнили „Фридрихом“. Этот Оедоръ, раненный в голову, вернулся с перевязкой снова в ряды и очень весело объяснил, что „не вытерпел“... душа его не стерпела.

— Пруссаки нынче очень обозлились, говорили солдаты, — много народу попортить.

И, несмотря на то, что они сами и были тем же народом, которого должен был „попортить“ пруссаки, они все-таки не унывали, сбивались в кучу на зов сигнала и отбивались от неприятеля.

Это было совсем уже к вечеру. Остатки Тарасовского полка, сильно пострадавшего за день, держались вместе. Напряжение боя стало ослабевать, канонада артиллерии звучала тише. Почти на каждом шагу нога скользила, попадая в замаслившуюся человеческой кровью грязь. И к ободряющим, дерзким звукам выстрелов присоединились стоны раненных.

По этой изменившейся, ужасной в своем своеобразии музыке сражения опытное ухо старых служаек чувствовало уже, что в людях начинается наступать отрезвление, и дело близится к концу.

И тут только почти у каждого из оставшихся в живых зашевелился вопрос, кто выйдет победителем?

Несмотря на то, что тарасовцев осталась десятая часть, — они твердо были уверены, что если победа не на их стороне, то, во всяком случае, она и не на стороне врага.

Дело шло к концу, но оно еще не кончилось, и все зависело от последнего натиска, последнего решающего удара.

И начальствующие, и солдаты, и старый капрал, и Артемий понимали это. И вот снова показались перед ними синие мундиры прусской пехоты.

Раздалась команда. Все, как один человек, по-

чувствовали, что нельзя подпустить к себе пруссаков, ждать их, но нужно самим идти навстречу и паликом ответить на их натиск. Но потому-ли, что команда раздалась неуверенно (офицеры боялись, послушают ли ее солдаты), или усталость превзошла сознание необходимости двинуться вперед, но в первую минуту что-то похожее на замешательство произошло в рядах. Это была, однако, именно только одна минута. Известный всему полку Василий Карпов, тот самый Василий Карпов, который на походе, когда солдаты, изнемогая, вязли по колено в грязи, — выскакивал вперед, надев на себя два ранца, один на грудь, другой на спину, и с этой двойной тяжестью начинал впереди пехоты, прищелкивая, выбирать присядку, так что остальные наперерыв начинали лезть вперед, чтобы посмотреть на него, — этот Василий Карпов выскочил теперь первым туда, к синим мундирам, и за ним бросились тарасовцы, энергия и сила которых притупились было, как притупилось оружие их.

Никогда еще не выпадало на их долю столько рукопашных свалок, как сегодня.

Артемий ничего уже не помнил и, потеряв всякое сознание, отмахивался и дрался, как будто бы отмахивался и дрался совсем не он, а совсем другой человек, а сам он был где-то далеко, далеко. Опять кровь, опять крики, опять кирасир, как утром, который хочет растоптать его. И вдруг Артемий опомнился, словно он никак не мог сообразить, откуда перед ним взялся опять кирасир, когда они бросились за Василием Карповым на пехоту, и когда он утром убил уже кирасира.

Но кругом, со всех сторон, торчали лошадиные морды и блестящие латы немецких всадников, пробравшихся сквозь интервалы своей пехоты.

Артемий, среди свалки, ясно представилось дорогое, честное знамя их полка, высоко поднятое кверху там, где дрались всего ожесточеннее. Верх знамени покачивался, как макушка срубленного дерева, и оно рухнуло, быстро склонившись.

„Вот оно!“ мелькнуло у Артемия, — „все пропало... все...“

И то, что за весь день ему не приходило в голову, то есть, что он до сих пор только чудом остается в живых, теперь схватило его за сердце, и он перестал сомневаться, что давно желанный конец близок, что все конечно... И как только он решил это — страшный, беспощадный удар в голову сшиб его с ног, и в глазах потемнело...

Тарасовцы могли выдержать последний приступ вражеской пехоты, но когда ее сменила кавалерийская атака, им осталось только умереть возле своего знамени.

Противиться долее было сверх человеческих сил.

Небольшое селение Цорндорф, расположенное к северо-востоку от Кюстрина, по дороге в Сольдин, и решительно ничем не замечательное до 25 августа 1758 года, мирно и честно ведшее торговлю с окрестными городами и местечками, вдруг получило, после этого числа, историческую известность. Вокруг него легло около пятнадцати тысяч русских и немцев.

Упорный бой этот при Цорндорфе не принес побед ни той, ни другой стороне. Ночью, с 26 на 27 число, Фермор обошел левый фланг пруссаков и соединился со своим обозом у Клейн-Камина. Фридрих расположился у Тамселя. В этом расположении обе армии оставались до 31 августа. Затем Фермор отступил к Ландсбергу, а Фридрих возвратился в Саксонию.

(Продолжение будет).

XXI передвижная выставка. „Весна“. Сь карт. Бар. М. П. Клодта (искл. право воспроизв. принадл. „Нивѣ“), грав. Шюблеръ.

Опоздалъ.

Рассказъ Уильямса. (Переводъ съ англійскаго).

Мѣстечко Лейденъ состояло, по преимуществу, изъ коттеджей, и каждый изъ этихъ коттеджей былъ построенъ по одному и тому же образцу. Впрочемъ, строго говоря, тутъ замѣчалось два, вѣсколько различныя, типа. Въ одномъ—входная дверь помещалась съ правой стороны и выходила на галлерею, покрытую общей крышей съ домикомъ и занимающую третью его часть; въ другомъ—галлерея тянулась по фасаду дома, и входная дверь была посрединѣ.

Всѣ коттеджи были вымазаны бѣлой краской и украшены ярко-зелеными ставнями. Передъ каждымъ изъ нихъ былъ разбитъ цвѣтникъ. Клумбы были обсажены буксомъ и имѣли причудливую форму сердецъ, треугольниковъ и розетокъ. Любимыми и наиболее красивыми цвѣтами считались въ Лейденѣ анютины глазки, розовая и турецкая гвоздика.

Много лѣтъ тому назадъ, нѣкто Айрамъ Стронгъ возвелъ въ этомъ мѣстѣ три фабричныя зданія, для производства грубой обуви, которую носятъ американскіе рабочіе. Онъ и не подозревалъ, что въ то же время кладетъ основаніе новому городу. Онъ выбралъ это мѣсто для своей фабрики, единственно вълѣдствіе близости желѣзной дороги и удобнаго сообщенія съ городомъ, отстоящимъ на шестьдесятъ миль отсюда. Сначала рабочіе пріѣзжали изъ соседнихъ мѣстечекъ по желѣзной дорогѣ, но потомъ это надоело имъ, и они, одинъ за другимъ, стали строить собственные домики,—вблизи фабрики. Такъ возникъ Лейденъ. А. построилъ коттеджъ по образцу В., а В. по образцу Г. Всѣ они выкрасили свои постройки въ бѣлую краску, пріѣхали ставни ярко-зеленаго цвѣта и разбили передъ домиками садики, а за домиками—огороды. Мало-по-малу появилась и церковь, и лавка, и почтовая контора, и Лейденъ сталъ настоящимъ, вполне округлившимся, городкомъ.

Это было очень давно. Съ тѣхъ поръ фабрика успѣла перейти въ руки наслѣдниковъ Айрама, а самъ онъ жилъ только въ памяти потомковъ. Дѣло шло теперь не такъ хорошо, какъ прежде. Работали не торопясь, потихоньку, исподволь, безъ прежняго шума и суеты, и рабочіе имѣли досугъ и побаловать, и побалагурить на свободѣ. Впрочемъ, обстоятельство это нисколько не уменьшало ни довольства, ни благоденствія лейденцевъ. Заработка хватало на удовлетвореніе ихъ скромныхъ потребностей, и они жили въ свое удовольствіе. Только случалось какъ-то, что и на самомъ характерѣ лейденцевъ отразилась медленность и вялость ихъ работы. „Не торопясь, какъ лейденцы“, стали говорить въ соседнихъ, болѣе дѣятельныхъ, мѣстечкахъ. Тѣмъ не менѣе, каждый день, въ семь часовъ утра, изъ заднихъ дверей коттеджей выходило, отъ стараго до малаго, все мужское населеніе городка, и съ каждымъ днемъ глубже протанцовало и безъ того хорошо протанцованнаго тропинки, къ зданіямъ фабрики.

Мужчины мирно и тихо трудились цѣлыми днями въ мастерскихъ, а женщины, оставаясь дома, содержали въ чистотѣ бѣленькіе коттеджи, стирали объѣды, мыли бѣлье и шили. Въ часы отдыха, мужчины ходили на галлерею, у лавки Баркера, гдѣ сплетничали и толковали о политикѣ, а женщины переговаривались съ соседками черезъ заборъ.

И въ Лейденѣ, какъ и вездѣ, люди умирали. Были коттеджи, изъ заднихъ дверей которыхъ хозяинъ давно уже не выходилъ больше на протанцованную тропинку.

Въ одномъ изъ такихъ домиковъ жила вдова Марта Брустеръ съ дочерью Маріей. Ихъ коттеджъ принадлежалъ къ тому типу, въ которомъ галлерея шла по переднему фасаду. Каждое лѣто онѣ обивали ее трехцвѣтными выюнками и садили въ своемъ садикѣ налюбленные лейденцами цвѣты. Чисте и веселѣ брустерскаго же было домика во всемъ мѣстечкѣ. Вдовѣ Брустеръ было почти восемьдесятъ лѣтъ, а дочери ея, Маріи, около шестидесяти. Онѣ жили вдвоемъ, съ тѣхъ поръ какъ Джакобъ Брустеръ умеръ и пересталъ ходить на фабрику. Это случилось лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Покойный глава семейства оставилъ имъ бѣленькій коттеджъ и кругленькій капиталецъ въ сберегательной кассѣ, потому что вся семья Брустеровъ работала и копила деньги всю свою жизнь:—женщины брали обшуровывать ботинки на домъ, мужчины работали на фабрикѣ, и ни одинъ центъ не издерживался безъ предварительнаго зрѣлаго обсужденія.

Когда умеръ старикъ Брустеръ, общее мнѣніе въ Лейденѣ было таково, что Давидъ Эммонсъ женится на Маріи. „Давидъ можетъ отдать свой домъ вънаѣмъ и жить съ Маріей и ея матерью“, говорили лейденцы, съ предупредительною заботливостью выспинываясь въ чужія дѣла. Но Давидъ не сдѣлалъ ни того, ни другого. Какъ и за двадцать пять лѣтъ передъ тѣмъ, онъ каждое воскресенье, ровно въ восемь часовъ вечера, направлялся къ дому Маріи Брустеръ, одѣтый въ свое лучшее платье, въ туго накрахмаленномъ бѣломъ галстукѣ и съ букетикомъ въ петлицѣ; но на этомъ дѣло и оканчивалось. Онъ не выказывалъ ни малѣйшаго намѣренія прівести въ исполненіе остроумный планъ лейденцевъ, клонящійся къ его и Маріи счастью.

Сама Марія, повидному, ничуть не тяготилась тѣмъ, что осуществленіе ея надеждъ откладывалось въ такой долгій личикъ, и лейденцы, по совѣсти, не могли пайти повода жалѣть ее за такую медлительность ея обожателя. Трудно было встрѣтить болѣе веселую и довольную женщину. Веселость у ней такъ и была ключомъ.

Вдова Брустеръ была слишкомъ стара и слаба, по Маріи, непремѣнно, обшуровывала ботинки для фабрики; а Давидъ Эммонсъ, которому стукнуло уже всѣ шестьдесятъ, работалъ на фабрикѣ, какъ и въ дни своей юности. Онъ былъ высокій старикъ, съ добродушнымъ лицомъ и бахромой сѣровато-желтыхъ волосъ вокругъ подбородка; голова его была совсѣмъ плынная. Въ прежніе годы, онъ былъ, говорятъ, красивъ, но почему-то надъ нимъ всегда слегка подсмѣивались, хотя и любили его. „Ужъ это самый неторопливый изъ неторопливыхъ всѣхъ“, говорили въ околоткѣ. Всѣмъ извѣстная острота глаза, что онъ ходитъ часъ до дому своей возлюбленной и принужденъ выходить изъ своего дома ровно въ семь часовъ, чтобы послѣтъ къ восьми.

Давидъ зналъ, конечно, объ этихъ насмѣшкахъ, но принималъ ихъ добродушно. Онъ самъ готовъ былъ смѣяться надъ собой вмѣстѣ съ остальными, но было что-то трогательное въ томъ, какъ бы извиняющемся, тонѣ, съ которымъ онъ говорилъ: „я право не знаю, почему это такъ выходитъ. Должно быть, я ужъ отъ роду лишень способности дѣлать что-нибудь во-время. Придется кому-нибудь ходить за мной и подталкивать меня сзади“.

Давидъ имѣлъ собственный коттеджъ,—одинъ изъ тѣхъ, въ которыхъ галлерея была съ правой стороны. Онъ жилъ совершенно одинъ. Позади его домика было съ полъ-акра земли, на которой онъ разбилъ огородъ. До и послѣ фабричной работы, въ роспетыя утра и вечера, онъ прилежно копался въ своихъ грядкахъ, среди зелени кукурузы и бобовъ. Если Давидъ Эммонсъ отличался медлительностью, то этого отнюдь нельзя было сказать о взращиваемыхъ имъ злакахъ. Ни одинъ огородъ въ Лейденѣ не могъ похвалиться болѣе роскошной растительностью. Кукуруза у него колосилась и картофельныя грядки одѣвались бѣлыми цвѣтомъ несколько не хуже, а, пожалуй, лучше, чѣмъ у другихъ.

Его можно было назвать почти вегетаріанцемъ, такъ какъ пищу его составляли, по преимуществу, произведенія собственнаго огорода. Огородъ Давида поставлялъ также все необходимое количество овошей для его возлюбленной и ея матери. Нѣсколько разъ въ недѣлю, съѣды видѣли, какъ Давидъ Эммонсъ, съ корзиной зелени на рукѣ, медленнымъ шагомъ направлялся къ коттеджу Брустеровъ.

Но и Марія не оставалась въ долгу,—каждую субботу, на кухонномъ столѣ Давида появлялось изрядное количество хлѣба и пироговъ, тщательно прикрытыхъ чистыми, бѣлыми полотенцами. „Вотъ идетъ Марія съ печенками къ Давиду“, говорилъ весь Лейденъ, глядя изъ окна, какъ она осторожно шла съ корзинкой по улицѣ.

Среди молодого, не останавливающегося ни передъ чѣмъ, населенія Лейдена не мало было толковъ и предположеній о томъ, въ какой формѣ выражается двадцатипяти-лѣтнее ухаживаніе старыхъ влюбленныхъ. Въ ходу ли между ними обычныя проявленія любви—нощлупъ, пѣжныя рукопожатія?

Нѣкоторые, особенно безшабашныя, головы позволяли себѣ даже явное неприличіе: подсматривать въ окна брустеровской гостиной. Но они всегда видѣли Давида, чопорно и чинно сидящимъ на скользкомъ волосяномъ диванѣ, а Марію—у стола, медленно покачивающемся въ плетеной качалкѣ. Но, можетъ быть, случалось, что Марія вставала съ качалки и садилась на скользкій волосяной диванъ, ближе къ Давиду? Вопросъ этотъ такъ и оставался первичнымъ; но мы можемъ сказать утвердительно, что этого никогда не бывало. Было что-то глубоко комичное и, въ то же время, трогательное во времяпровожденіи двухъ влюбленныхъ. Всѣ внѣшнія условія церемоннаго свиданія въ гостяхъ соблюдались такъ же строго, какъ и двадцать пять лѣтъ тому назадъ, когда Давидъ Эммонсъ впервые бросилъ застѣнчивый, влюбленный взглядъ своихъ добрыхъ голубыхъ глазъ на краснощекую, живую Марію. Каждое воскресенье знойю, вечеромъ, въ гостиной Брустеровъ затапливался каминъ—лампа, какъ только смеркалось, зажигалась круглый годъ—и Марта Брустеръ уходила пораньше спать, чтобы не мешать „молодымъ людямъ поспѣть вдвоемъ“. Съ годами бесѣды эти становились все короче. Нѣжное чувство не въ состояніи уже было бороться со сномъ, и, самое позднее, въ десять часовъ лампа въ гостиной Маріи потухала, и Давидъ направлялъ свои стопы къ дому.

Лейденцамъ очень хотѣлось узнать, договаривался ли когда-нибудь Давидъ до чего-нибудь рѣшительнаго, или его природная медлительность брала верхъ и здѣсь, какъ во всемъ дру-

гомъ. Долго это составляло неразрѣшимую загадку. Но вдова Брустеръ, съ лѣтами, стала болѣзлива и однажды призналась сосѣдкѣ, замедливъ къ ней посидѣть, въ отсутствіе дочери, что „Давидъ еще не сдѣлалъ предложенія“. Она предполагала, что рано или поздно это должно случиться, и, по ея мнѣнію, оно было бы лучше; хотя, съ другой стороны, Марія несколько не сокрушалась объ этомъ, и въ сущности, можетъ быть, хорошо и такъ; только, по временамъ, она боялась, что не доживетъ до свадьбы, если „молодые люди не поторопятся немного“. Потомъ старуха намекнула на какое-то свѣтло-сѣрое шелковое платье, которое Марія купила очень выгодно, по случаю, лѣтъ двадцать тому назадъ, когда изъ цѣлѣбныхъ словъ Давида она заключила, что онъ намѣренъ произнести рѣшительное слово; даѣе, старуха проговорила, что платье было передѣлано заново, лѣтъ десять тому назадъ, когда Марія снова показало, что дѣло идетъ къ желаемому концу. Сосѣдка ушла домой, не помня себя отъ восторга, такъ какъ, благодаря искуснымъ маневрамъ, ей удалось даже взглянуть однимъ глазкомъ на самое свѣтло-сѣрое платье.

И дѣйствительно, Марія не принимала слишкомъ близко къ сердцу медлительность Давида въ этомъ важномъ дѣлѣ. Она была слишкомъ веселаго характера, слишкомъ занята и слишкомъ поглощена вседневными заботами, чтобы тосковать и возмущаться. Сентиментализмъ былъ мало присущъ ея натурѣ, и чувство ея къ Давиду было чисто практическое. Представительница слабого пола, она тѣмъ не менѣе была сильнѣе характеромъ своего поклонника, и въ ея привязанности къ нему было скорѣе что-то материнское. Если се и отгорчало нѣсколько такое долгое ухаживаніе и откладываніе свадьбы, то именно ради той покровительствующей заботливости, которая составляла основную черту ея любви. Подождемъ, когда давно-давно, прочась въ одно изъ воскресеній, Давидъ произнесъ нѣсколько несвязныхъ словъ, заставившихъ Марію предположить, что близится рѣшительная минута, сердце ея радостно забилось. Тогда-то она и купила знаменитое сѣрое платье.

Много лѣтъ спустя, сердце ея снова забилося, но уже не съ прежнею силою! На этотъ разъ, въ одинъ изъ воскресныхъ вечеровъ, Давидъ ночью сдѣлалъ ей предложеніе. Это было, когда она передѣлала платье заново.

По временамъ, она доставала это платье, чтобы полюбоваться имъ; иногда она даже прихѣпляла его передъ зеркаломъ, старалась представить себя рядомъ съ Давидомъ, ново-брачной, улы, нѣсколько увядшей, но тѣмъ не менѣе горячо любимой и счастливой...

Она и теперь любовалась иногда своимъ вѣнчальнымъ платьемъ, но уже съ нѣкоторымъ отѣнкомъ грусти, съ тѣхъ поръ, какъ стала все болѣе и болѣе овладѣвать ею увѣренность, что ей никогда не придется надѣть его. Грусть эта, попрежнему, относилась не столько къ ней самой, сколько къ Давиду. Она замѣчала, что онъ становится старъ, и его одинокая жизнь, безъ теплаго участія любящей женщины, наполняла сердце ея состраданіемъ и печалью. Она уже не ограничивала своихъ заботъ о немъ субботними приношеніями, но еженедѣльно чистила и приводила въ порядокъ его маленькій домикъ и чинила его бѣлье.

Когда, въ одно изъ воскресеній—она замѣтила на праздничномъ сюртукѣ Давида большую дыру, принявшую такіе размеры, вслѣдствіе отсутствія заботливой женской руки, она, по уходѣ его, занялась горькими слезами. И это разорванное воскресное платье на ея ухаживательнѣ почему-то сильнѣе и чувствительнѣе подѣйствовало на нее, чѣмъ всѣ долгіе годы собственнаго тоскливаго ожиданія.

По мѣрѣ того, какъ время шло, Марія все чаще и чаще съ грустью провожала глазами жалкую фигуру старика, еще медленнѣе прежняго возвращавшагося къ своему жилищу. Она съ недоумѣніемъ, но всегда съ искреннимъ сочувствіемъ, думала о томъ, какимъ образомъ онъ можетъ предпочитать свою уединенную, безотрадную жизнь, свой непривѣтливый, безиолнвнй уголокъ тѣмъ заботамъ и попеченіямъ, которыми онъ могъ бы быть окруженъ на старости лѣтъ. Она была глубоко убѣждена, что единственная причина тому — неисправимая медлительность ея поклонника, какъ въ этомъ, такъ и во всемъ остальномъ. Въ любви его она не сомнѣвалась ни минуты. Другія на ея мѣстѣ, можетъ быть, попытались бы сами ускорить дѣло; но Марія, съ той деликатностью, которая нѣмало болѣе свойственна практическимъ, нежели пылкимъ натурамъ, потеряла бы всякое уваженіе въ себѣ, если бы рѣшилась на что-нибудь подобное.

И такъ, она продолжала спокойно и весело относиться къ жизни, попрежнему обшуровывала башмаки, хотя пальцы ей утратили былую гибкость,—утождала старухъ-матеръ, которая съ каждымъ днемъ слабѣла и впадала въ младенчество, и дѣлала все, что могла, для благоденствія своего бѣднаго, нерѣшительнаго поклонника.

Когда Давиду исполнилось семьдесятъ лѣтъ, а ей шестьдесятъ восемь, она подарила свое свѣтло-сѣрое шелковое платье

одной бѣдной невѣстѣ, дочери ея двоюродной сестры. Молодая дѣвушка была красива, любима и счастлива, но, при своей бѣдности, не могла и помышлять о такомъ великолѣпнѣ, какъ шелковое вѣнчальное платье.

Отсылая свое сокровище, Марія съ любовью погладила шуршащія шелковыя складки и пролила нѣсколько слезъ о себѣ и Давидѣ. Но когда одна слезинка упала на блестящую, свѣтлую матерію, она тотчасъ же перестала плакать; лицо ея приняло заботливое выраженіе: она стерла посонымъ платкомъ предательскую слезу и подержала матерію передъ свѣтомъ, чтобы убѣдиться, не осталось-ли пятна.

Почему-то случилось, что Марія нѣсколько иначе стала относиться къ Давиду послѣ того, какъ подарила свое вѣнчальное платье. До сихъ поръ она неволью чувствовала нѣкоторое смущеніе передъ нимъ, которое вызывало извѣстную сдержанность и осторожность въ обращеніи. Въ особенностяхъ при постороннихъ. Но, когда платье было подарено, всякая мысль о замужествѣ исчезла, а вмѣстѣ съ нею и всякая пеловкость и смущеніе. Марія была необычайно крѣпка и здорова для своихъ лѣтъ; на видъ, между нею и Давидомъ можно было предположить гораздо большую разницу. Теперь она не довольствовалась уже субботними хлѣбками и пирогами, но открыто, не стѣсняясь, несла Давиду нѣмало и цѣлый горячій обѣдъ. Каждый день, приведя собственный домъ въ порядокъ, она шла прибирать домъ Эммонса. Она рѣшила, что онъ будетъ жить, въ послѣдніе дни своей жизни, весь необходимымъ ему комфортомъ. А что наступалъ, дѣйствительно, послѣдніе дни — было очевидно. Давидъ кашлялъ и двигался такъ медленно отъ слабости и болѣзни, что остряки выражали сомнѣніе, успеетъ-ли онъ дойти до Маріи Брустеръ раньше послѣдьянка вечеромъ.

Въ одно изъ воскресеній, онъ остался у Маріи немного дольше обыкновеннаго. Часы пробили десять. Тогда онъ поднялся съ мѣста и сказалъ, какъ говорилъ каждое воскресеніе, въ теченіе столькихъ лѣтъ: „кажется, мнѣ пора и домой, Марія!“

Она помогла ему надѣть пальто и застегнула воротникъ. Противъ обыкновенія, Давидъ остановился на минуту въ дверяхъ, точно собиравшись сказать что-то, но не рѣшаясь.

— Марія!

— Что, Давидъ?

— Я становлюсь старъ, какъ вы видите. Въ знаеги, что я всю жизнь отличался медлительностью. Я никогда не могъ побороть этого свойства. Есть вещи, до которыхъ я такъ и не успѣлъ договориться...

И разбитый голосъ старика дрогнулъ отъ волненія.

— Да, Давидъ, я все знаю. Я знаю, что вы не могли побороть себя. Но я на вашемъ мѣстѣ не стала бы мучить себя изъ-за этого.

— Вы ни въ чемъ не упрекаете меня, Марія?

— Нѣтъ, Давидъ.

— Прощайте, Марія.

— Прощайте, Давидъ. Я принесу вамъ завтра чего-нибудь горяченькаго къ обѣду.

На слѣдующее утро она торопилась кончить свои дѣла по хозяйству, чтобы скорѣе идти къ Давиду,—она словно предчувствовала что-то недоброе,—какъ вдругъ громко постучали въ дверь. Марія отворила и увидѣла занхавшагося мальчика, сына ближайшихъ сосѣдей Давида.

— Мистеръ Эммонсъ заболѣлъ и желаетъ васъ видѣть, сказалъ мальчикъ.—Я бѣжалъ за молокомъ, когда онъ постучалъ въ окно. Отецъ мой и мать уже тамъ, и докторъ тоже. Мать вслѣла сказать вамъ, чтобы вы шли какъ можно скорѣе.

Новость быстро облетѣла все мѣстечко. Всѣ знали уже, куда съѣздитъ Марія, когда увидѣли, какъ она бѣжала по улицѣ, съ непокрытой головой и развѣвающимися по вѣтру сѣдыми прядями волосъ. Какая-то женщина даже всплакнула.

— Бѣдняжка, проговорила она, всхлиывая,—бѣдняжка!

Возлѣ котѣджа Давида уже успѣла собраться толпа. Марія быстро прошла черезъ кухню и вошла прямо въ небольшую спальню Давида. Въ комнатѣ находился докторъ и нѣсколько человекъ сосѣдей. Увидѣвъ Марію, Давидъ протянулъ ей руку и слабо улыбнулся. Потомъ онъ умоляюще взглянулъ на доктора и перевелъ глаза на остальныхъ. Докторъ нонялъ его; онъ сказалъ нѣсколько словъ присутствующимъ, и всѣ, одинъ за другимъ, вышли изъ комнаты. Тогда старикъ обернулся къ Маріи.

— Поскорѣе, прошепталъ онъ.

Марія наклонилась къ нему.

— Дорогой Давидъ! проговорила она, и морщинистое лицо ея дрогнуло.

Онъ взглянулъ на нее съ какимъ-то недоумѣвающимъ выраженіемъ своихъ помутившихся глазъ.

— Марія, сказалъ онъ жалкимъ, хриплымъ голосомъ, похаживая скорѣе на шестѣ вѣтра по сухой рѣцѣ,—Марія, я... умираю, но... я всю жизнь собирався... просить... вашей руки.

(С.)

Выставка скульптурных произведений профессора Антокольского. „Несторъ“, мраморная статуя.
Съ фот. грав. Шюблеръ.

XXI передвижная выставка. „Тяжело“. Сь карт. Н. Касаткина (исключ. право воспр. принадл. „Нивъ“), грав. Пучъ.

Стихотвореніе

Ф. Червинскаго.

Я помню утро: вихрь неожиданный,
Волной нахлынувъ безуханной,
Срывая вѣтви и листы,
Влачилъ ихъ вдаль—въ пыли, во прахѣ—
И нисли хилые цвѣты
Къ сырой землѣ, въ тоскѣ и страхѣ.
И вихрь, натѣшившись, затихъ.
Покровы неба заблестали,

Лѣсъ ожилъ.—Изъ могилъ своихъ
Цвѣты измятые не встали...
Что мнѣ неожиданный твой привѣтъ?—
Часъ пробить, —и померкъ твой свѣтъ,
И не властна ты надо мною...
И рѣчи пѣжныя твои
Не оживятъ цвѣтовъ любви:
Они повержены грозой.

Носъ.

Гигиеническій очеркъ Э. А. Нидергегера.

Несмотря на поразительные успѣхи врачебнаго искусства, сдѣланные въ послѣдній десятилѣтія, — мы еще очень далеки отъ его послѣдняго слова. Попробуемъ, наука бессильна въ цѣломъ рядѣ болѣзней, не поддающихся пока врачеванію.

Краснорѣчивымъ примѣромъ этого можетъ служить система современнаго лѣченія водобоязни.

Не мало писали за и противъ прививки по способу Пастера, а въ итогѣ, пока, оказывается мало пользы отъ такого способа лѣченія. Изъ письма одного миссіонера, жившаго въ дебряхъ Африки, и случайно вычиталъ, наприимѣръ, что готтенты успѣшно излѣчаютъ подобныхъ больныхъ селезенкою бѣснаго звѣря, которую укушенный долженъ съѣсть въ сыромъ видѣ. То же самое, впрочемъ, совѣтуется уже въ Талмудѣ. Наконецъ, и у насъ нѣкоторые знахари лѣчатъ успѣшно отъ водобоязни внутренностями убитаго бѣснаго животнаго, главнымъ образомъ, селезенкою, которая для этой цѣли сушится, а затѣмъ растирается въ порошокъ.

Въ настоящее время избрали особый, новый путь лѣченія: безцѣльное и къ тому безплодное лѣченіе на-авось все болѣе оставляютъ. Стараются сперва найти причины болѣзни, а затѣмъ уже ихъ искоренить, или, по крайней мѣрѣ, обогрчить. Успѣхъ этого способа лѣченія уже даетъ себя чувствовать. Въ видѣ примѣра этому, укажемъ на лѣченіе одышки. Вѣроятно, кто-либо изъ читателей, къ сожалѣнію, самъ страдаетъ одышкою или наблюдаетъ у другихъ внезапные приступы ея. Эта болѣзнь, ужасная уже потому, что до послѣдняго времени почти не знали средствъ для борьбы съ ней, — теперь во многихъ случаяхъ поддается вполне излѣченію.

Одышка, по причинамъ, ее вызывающимъ, бываетъ двухъ родовъ. Иногда причиною ея бываетъ заболѣваніе грудныхъ частей; такого рода одышкѣ удавалось излѣчивать и прежде. Чаще же причины ея были неизвѣстны и до послѣдняго времени не поддавались выясненію, а потому если и излѣчались отъ нея, то лишь случайно. При такихъ обстоятельствахъ сваливали все на „дурвѣ“, и называли этотъ родъ одышки первичной. Въ повѣйшее время открыли истинную причину первичной одышки, — это, именно, нашъ носъ.

На носъ смотрѣли, пока, только, какъ на украшеніе нашего лица. Въ остальномъ на носъ не обращали вниманія, пока онъ не причинялъ какой-либо боли. Теперь убѣдились, наконецъ, что онъ причина не только первичной одышки, — онъ считается теперь виновникомъ и массы другихъ болѣзней.

Само собою, разумеется, что носъ намъ данъ не только для красоты; его обязанности въ жизни человека, въ отправленияхъ нашего тѣла — весьма разнообразны. Для легкихъ онъ представляетъ то же, что ротъ для желудка. Носъ дѣлаетъ удобовоспринимаемымъ для легкихъ — воздухъ, составляющій ихъ необходимое питаніе. Прежде всего носъ очищаетъ вдыхаемый воздухъ. Для этой цѣли остоу носа животныхъ и человека состоитъ изъ хрящевидныхъ и костныхъ частей, формой своей напоминающихъ нѣсколько раковину и называющихся потому „носowymi раковинами“. Вся носовая полость выстлана слизистой оболочкой, въ которой лежатъ обонятельные нервы. Для получения въ этомъ узкомъ пространствѣ болѣе поверхности соприкосновенія съ воздухомъ, слизистая оболочка непрерывно должна пухнуть, и, дѣйствительно, измѣтъ, множество складокъ. Послѣднія, во извѣстнаго могущаго произойти отъ ихъ переищенія нѣкотораго, а, подчасъ и полного заслоненія пути воздуха, при выдыханіи и вдыханіи удерживаются посредствомъ костныхъ подпорокъ — носовыхъ раковинъ. Слѣдуетъ еще прибавить, что новорожденные дѣти долгое время, исключительно, дышатъ (вдыхаютъ и выдыхаютъ воздухъ) носомъ: то же самое наблюдается у вполне развитыхъ животныхъ, особенно, во время сна: наприимѣръ, у собакъ. Носъ поглощаетъ въ огромномъ количествѣ посещающа въ воздухѣ пыль. Слѣды ея вы увидите на вашемъ носовомъ платкѣ, если высморкаться утромъ послѣ сна, послѣ бала, или, наконецъ, послѣ поѣздки по пыльной, грунтовой дорогѣ. Вдыхаемый носомъ воздухъ, проходя по извилистымъ носовымъ раковинамъ, очищается отъ примѣсей твердыхъ

частицъ, посидшихъ въ облакахъ пыли и осѣдающихъ на слизистой оболочкѣ. Пыль же для легкихъ — то, что для желудка плохо переваренная пища.

Въ носу затѣмъ воздухъ увлажняется и нагревается, почти до температуры тѣла, съ тѣмъ болѣею силой, чѣмъ болѣе разниа между температурой воздуха и тѣла. Сухой и холодный воздухъ тоже вреденъ для легкихъ; поэтому дышашіе лишь ртомъ все страдаютъ простудными болѣзнями горла или легкихъ: нѣвцы, наприимѣръ, избѣгаютъ говорить на улицѣ, особенно, зимою, чтобы не вдыхать холоднаго воздуха ртомъ; при сильномъ насморкѣ, т. е. при заслоненіи дыхательныхъ путей носа, и спящій съ открытымъ ртомъ, утромъ, послѣ сна, трудно откашлять мокроту. Нашъ органъ обонанія, такимъ образомъ, выѣтъ съ тѣмъ исполняетъ нѣсколько функций: очистительную, воздухонагревательную и увлажнительную. Представимъ себѣ теперь, что произойдетъ, если пройдетъ въ носѣхъ суженъ, благодаря наростамъ (полипамъ) или разбуханію слизистой оболочки, составляющему первую степень носоваго, хроническаго насморка, — или если пройдетъ этотъ чрезмѣрно расширенъ исчезновеніемъ (атрофированіемъ) слизистой оболочки (вторая степень хроническаго насморка).

Въ томъ и другомъ случаѣ результатъ тотъ же: въ первомъ — застываетъ мѣсто носа — ротъ, а во второмъ — воздухъ притекаетъ въ легкие непосредственно. Стало-бытъ, оба раза легкія получаютъ недостаточное подготовленный воздухъ, что подчасъ вызываетъ въ нихъ сильное раздраженіе.

Одно изъ явленій такого раздраженія и представляетъ такъ называемая, первая одышка. Притомъ все дѣло въ отраженіи, рефлективномъ движеніи, т. е. безсознательномъ, невольномъ сокращеніи мышцъ, которое было вызвано какимъ-нибудь возбужденіемъ. Подобныя движенія дѣлаемъ мы помногу ежедневно. Когда насъ, наприимѣръ, во снѣ безнокомтъ муха (раздраженіе кожи — органа осязанія), мы безсознательно ее отгоняемъ. Когда яркій свѣтъ вдругъ коснется нашихъ глазъ (раздраженіе чувства зрѣнія), мы невольно мгновенно ихъ закрываемъ. Еще примѣръ: если какое-либо ѣдкое вещество (наприимѣръ, табакъ) раздражитъ чувство обонанія, или если чѣмъ-нибудь пощекотать слизистую оболочку нашего носа, то неминуемо, несмотря на все усиліи, это должно вызвать у насъ сотрясеніе грудобрюшной преграды, что въ общепити называется чиханіемъ. Припомнимъ при этомъ, что нѣкоторые весьма легко отчихиваются, а другіе — довольно трудно. У многихъ людей дѣятельность рефлекса вызывается, вообще, весьма легко и по поводу такихъ даже раздраженій, которыя на другихъ не оказываютъ ровню никакого вліянія. Такъ, многие, страдающіе болѣзью носа, страдаютъ также судорожнымъ и весьма мучительнымъ кашлемъ, при которомъ всякаго рода способы лѣченія, особенно излюбленное смазываніе горла, не даютъ ровню никакого облегченія. Совершенно иные результаты получились тогда, когда въ такихъ случаяхъ принимались за лѣченіе носа: по мѣрѣ выздоровленія этого органа, и кашель самъ собою постепенно прекращается: поэтому его правильно называли рефлективнымъ кашлемъ. Нѣкоторые не переносятъ запаха розъ, фіалокъ и, по преимуществу, свѣжаго сѣна: у нихъ послѣ этого появляются головная боль, кашель, даже приступы сильнѣйшей одышки (ѣвное удушье). Перечисленные примѣры говорятъ въ пользу того, что этотъ родъ одышки является причиною болѣзни носа.

Нѣкоторые ученые усматривали здѣсь чисто-механическую причину: затрудненное или даже вполне прекращенное дыханіе носомъ, при чемъ ротъ временно выполняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и отправление носа. Другіе предположали расширение воспаленія слизистой оболочки носа по зѣву и горлу до тончайшихъ развѣтлений дыхательныхъ путей въ легкихъ. Но ни то, ни другое объясненіе не сходится съ новѣйшими открытіями. Многочисленными опытами доказана тѣсная связь между нервами слизистой оболочки носа и тѣми нервами, которые управляютъ дыхательною дѣятельностью легкихъ. Первопричиной, такимъ образомъ, опять-таки являются нервы. У многихъ лицъ, при раздраженіи слизистой оболочки носа, напри-

помощью введения зонда, наблюдалось одновременное сокращение мышц, какъ дыхательнаго горла, такъ и легкихъ и грудно-брюшной преграды. Если вспомнить, что въ легкихъ мышцы обхватываютъ тончайшія развѣтвленія дыхательныхъ путей, то намъ станетъ понятнымъ, что ихъ сокращеніемъ вызывается ибѣто въ родѣ припадка удушья. Впрочемъ, въ сущности, это явленіе не что иное, какъ болѣе усиленное чиханіе. То, что въ опытахъ искусственно достигается зондомъ, при дѣйствительныхъ заботѣваніяхъ обуславливаютъ—хроническій насморкъ или носовые полипы, постоянно раздражающіе слизистую оболочку носа и вызывающіе время отъ времени припадки удушья. Захватываніе духа, слѣдовательно, является здѣсь лишь слѣдствіемъ замедленнаго, или, точнѣе—продленнаго чиханья. Одно только утѣшеніе: къ счастью, при массѣ подобныхъ носовыхъ болѣзней, сравнительно мало сопровождается ихъ одышкою. Можно лишь предположить, что въ этихъ случаяхъ имѣется расположеніе и вмѣстѣ съ нимъ извѣстная воспримчивость ко всякаго рода раздраженію. И дѣйствительно, числовые данныя многихъ специалистовъ подтверждаютъ, что подобнымъ припадкамъ одышки подвержены особенно первые и истеричные люди.

Для многихъ другихъ случаевъ, однако, данное объясненіе неправильно, или, по крайней мѣрѣ, недостаточно. Причиной является опасное отравленіе угольною кислотою. Какъ извѣстно, человекъ вдыхаетъ кислородъ и выдыхаетъ другой газъ—углекислоту. Изъ легкихъ кислородъ попадаетъ въ кровь, которая его разноситъ по всему тѣлу. Проникая, такимъ образомъ, во всѣ ткани и соединяясь съ ихъ составными веществами, окисляя ихъ—онъ сообщаетъ имъ жизнеспособность. Какъ негодное вещество, выдѣляется при этомъ углекислота, которая скопится въ легкихъ и оттуда выталкивается при выдыханіи. Какъ проникновеніе кислорода, такъ и выдѣленіе углекислоты совершаются равномерными переходами духа. Разъ нарушается эта правильность, является недостатокъ въ воздухѣ; по это не столько зависитъ отъ недостаточнаго количества кислорода, сколько отъ накопленія углекислоты. Такъ, напримѣръ, печка, очищенная отъ золы, топится лучше и дольше, даже если тяга, т. е. притокъ воздуха (кислорода), значительно уменьшена, чѣмъ сильно загоренная печка, при полной тягѣ—въ послѣдней огонь плохо горитъ и скоро тухнетъ. Углекислота—сильный ядъ для животной жизни: отъ ея накопленія въ тканяхъ неминуемо

должно постѣдовать отравленіе. Постѣднее наиболѣе сильно обнаруживается въ головѣ, въ мозгу,—центрѣ всѣхъ жизненныхъ отправленій. Углекислота направляетъ свое губительное дѣйствіе отъ мозга на сердце. Удары его замедляются. Наконецъ останавливаются при страшныхъ судорогахъ. Наступаетъ мгновенная смерть. Такъ безжалостно, стремительно, къ счастью, не поступаетъ, болѣею частью, природа: напротивъ, она не разъ предупреждаетъ человека разными признаками, предоставляя ему, такимъ образомъ, возможность своевременно принять мѣры къ защитѣ.

При накопленіи углекислоты въ большомъ количествѣ въ мозгу, напримѣръ, при скоромъ бѣгѣ, раздражается именно дыхательный центръ, т. е. то мѣсто, гдѣ берутъ начало нервы, поддерживающіе дыханіе. Такое раздраженіе слышнѣе напрягаетъ эти нервы, и это сказывается въ усиленномъ, или, иначе говоря,—въ болѣе глубокомъ дыханіи. Благодаря сему, уравнивается снова объемъ газовъ, вслѣдствіе выдыханія углекислоты въ болѣеомъ количествѣ. Не трудно вывести изъ этого обратное заключеніе: извѣстныя обстоятельства могутъ вызвать припадки удушья, а именно, когда будутъ существовать безпрестанно дѣйствующія условія для накопленія углекислоты. Понятно, если дыханіе носомъ долго задерживаются, переводъ духа долженъ стать неправильнымъ. Вначалѣ воли страждущаго будетъ этому стараться воспрепятствовать, постепенно, однако, она будетъ ослабѣвать; тогда наступитъ не полный обмѣнъ газовъ,—накопленіе углекислоты, слѣдствіемъ чего будутъ, какъ выше изложено, припадки одышки.

Всѣ эти немногосложныя данныя составляютъ цѣнный результатъ долгихъ, многолѣтнихъ трудовъ выдающихся специалистовъ по этому предмету. Понятно, они вызвали цѣлый переворотъ въ лѣченіи одышки. Вмѣсто безцѣльнаго употребленія старыхъ и новыхъ средствъ, прибѣгаютъ теперь къ оперированію носа. Дѣйствительно, выпиманіе носового полипа даетъ подчасъ просто поразительные результаты: пропадаетъ глупость, прекращается насморкъ, дѣлаются совершенно неощутимы головныя и глазныя боли (при хроническихъ носовыхъ катарактахъ—насморкахъ)—вслѣдствіе необходимости болѣе продолжительнаго лѣченія, послѣдствія этого способа лѣченія проявляются не сразу). Къ тому, открыли въ коканитѣ вещество, которое дѣлаетъ боли при подобныхъ операціяхъ почти нечувствительными. При этомъ полипы, обыкновенно, срѣзаются почти мгновенно раскаленной платиновой проволокой (гальванокаустикой).

Ш л я п а.

Монологъ.

..Я женатъ. И женился я недавно, благодаря странной, даже очень странной причинѣ. Хотите знать причину эту?—Отдайте!—Шляпа... Да, простая шляпа, которая ничѣмъ не отличалась отъ другихъ шляпъ, купленныхъ въ хорошемъ магазинѣ... самая простая шляпа... Дѣло было въ томъ, что получилъ я приглашеніе на вечеръ. Хозяйка мнѣ прислала премилую записку, на которую нельзя было отказать отказомъ. Я собрался. Пріѣзжаю—множество гостей; меня встрѣчаютъ привѣтствіемъ, очень милымъ, и къ этому привѣтствію хозяйка добавляетъ:—

— Надѣюсь, сегодня вы не поскучаете у насъ. Я ручаюсь вамъ за это...

Я радъ не скучать вечеръ. Иду, здороваюсь со знакомыми, иду комнаты, гдѣ поставлены карточные столы. (Паметь хозяйки ясенъ—она приготовила для меня интересную партію). По карточнымъ столамъ нигдѣ пѣть, и пѣть надежды, что ихъ поставятъ... Впечатлѣніе испорчено. Я начинаю сомнѣваться въ томъ, что мнѣ будетъ весело. Но слова хозяйки все-таки интересуютъ меня. Я жду и вижу, что всѣ остальные тоже ждутъ, всѣхъ интересуетъ та-же тайна, что и меня. Очевидно, каждому изъ гостей шепнули то же самое. Мы ходимъ и стараемся улыбаться, не заводимъ длинныхъ разговоровъ ни объ искусствахъ, ни о политикѣ, словомъ, стараемся показать, что готовы для воспріятія того удовольствія, которое ожидаетъ насъ... Наконецъ, загадка разъясняется... Всѣ гости толпятся въ залу. Я за ними... Въ залѣ—крышка у рояля поднята, у клавишей сидятъ дѣва „уважаемыхъ“ лѣтъ и, видимо, ждетъ чего-то... Неужели будутъ танцевать?—Но я давно, я никогда не танцую...

Пѣть—танцевать не будутъ. По залѣ пробѣгаютъ замѣтныя ропоты:—„музыкально... музыкально-литературный вечеръ...“ Хозяйка въ восторгѣ. Она открыла тайну, объяснила „сюрпризъ“ и очень весело улыбается. Всѣ лица возлѣ нея тоже улыбаются, но совсѣмъ не такъ, какъ она, а неестественно, дѣланно; а тѣ, кто стоитъ подалѣе—корчатъ гримасы. Я тоже корчу гримасы, потому что стою далеко, у самой притолки двери... Дѣва у клавишей беретъ аккорды—ничего, довольно смѣло... Неужели она прать будетъ?.. Впрочемъ, отчего-жъ ей и не прать, въ самомъ дѣлѣ?.. У рояля появляется, однако, другая—не дѣва, а дѣвица, молоденькая, хорошенькая, съ черненькими глазками и розовымъ дѣвственнымъ ротикомъ... Она, не конфуясь, оглядываетъ публику и уверенно начинается пѣть... Она, право, поетъ недурно,—и голо-

сокъ у ней есть; но вдругъ мнѣ дѣлается невыразимо смѣшно... ужасно смѣшно. Я не виноватъ, что дѣвица вмѣсто „1“ произнеситъ „р“, а вмѣсто „р“—„1“...

„То было ланною весной...“ поетъ она, а мнѣ смѣшно... Я стараюсь удержаться, боюсь взглянуть на кого-нибудь... Боюсь, что тутъ, возлѣ меня, стоитъ близкій знакомый, родственникъ поющей дѣвицы... Я стараюсь не слушать, но въ ушахъ такъ и звучитъ:

Въ тѣни безлѣзъ то биро...
Глуба наступша поуту
Еще не шра звонко...

Дѣвица поетъ и жеманится... Я чувствую, что не выдержу, и, не ожидая ничего добраго отъ вечера, хочу уйти, какъ можно скорѣе, совсѣмъ уйти... Идти, однако, подходить къ концу... „Рюбрю тебя... рюбрю...“ выводитъ дѣвица. Я не выдерживаю, фыркаю, но, по счастью, раздаются аплодисменты (всѣ рады, что она кончила)—и мой смѣхъ заглушенъ, и я громко кричу „браво“, даже не „браво“, а „бравва“—и аплодирую вмѣстѣ съ другими... Я боюсь одного,—чтобы кто-нибудь не крикнулъ „бисъ“, и чтобы дѣвица не начала новую пѣсню... Но, видимо, счастье не совсѣмъ оставило меня—дѣвица стремительно бросается въ объятія хозяйки, и ихъ окружаютъ, шаркаютъ и, очевидно, говорятъ комплименты. Вмѣсто дѣвицы у рояля появляется столъ, на столѣ—графинъ, стаканъ и свѣчи. Начинаю смотрѣть на эти предметы, какъ на орудія пытки. Говоръ въ залѣ умолкаетъ. Къ столу подходитъ высочій господинъ, плѣшивый, сухой... на носу очки... Боюсь спросить, кто это такой, чтобы не выказать своего невѣжества, если вдругъ господинъ окажется знаменитостью... Вѣроятно, это какой-нибудь профессоръ. Я не ошибся—онъ, дѣйствительно, профессоръ... Онъ говоритъ что-то, и до меня долетаетъ слово „лекція“. Начиная ненавидѣть профессора и рѣшительно хочу уходить. Стараюсь вспомнить только, куда дѣлать свою шляпу... Я положилъ ее на колонку въ углу залы, противоположномъ тому, гдѣ стою... Теперь я помню это. Смотрю, какъ пробраться туда,—оказывается, это трудно, невозможно: около колонки, какъ нарочно, усьлись барышни плотною стѣной,—однѣ только барышни,—пробраться нельзя, неловко; попросить передать—тоже... Профессоръ принимается читать... Я смотрю на мою шляпу. Она лежитъ на колонкѣ слегка въ бокъ; кажется, достать только ее—и я свободенъ, я счастливъ... Но это немисливо...

„Индивидуальность, читаетъ профессоръ,—конкретнаго слу-

чая...“ Миѣ грустно... Напрасно силуюсь я, сдерживая зѣвоту, думать о чемъ-нибудь другомъ, веселомъ... Въ голову назойливо, неотвязно дѣлаетъ мысль о шлнѣ, и глаза невольно останавливаются на ней... „По отношенію ко всемъ модальностямъ...“ продолжаетъ профессоръ тѣмъ самымъ голосомъ, какимъ читальщикъ читаетъ неаппиръ по покойникѣ. Первый разъ въ жизни я начинаю испытывать соблазнъ воспользоваться чужой собственностью... Взять, украсть чужую шлну; но боюсь, что поймать, уличить, и, все равно, одинъ скандалъ только выйдетъ... И снова смотрю на мою шлну, какъ влюбленный только можетъ смотреть на предметъ своихъ затасанныхъ грѣзъ и мечтаній...

Если-бъ могъ я въ эту минуту стать безплотнымъ духомъ и невидимкою пробраться туда, гдѣ лежитъ она, моя шлна, съ какой бы радостью, съ какимъ восторгомъ я схватилъ бы ее, и какъ бы счастливо былъ этимъ!—Я никогда не любилъ своей шлны такъ, какъ въ эту минуту...

„Тамъ, на улицѣ“, думаю я подъ мѣрный голосъ профессора, все еще пѣвнй про „индивидуальность конкретного случая“— „тамъ хорошо, и воздухъ весенній чистъ, напоенъ пѣжными запахами распутившихся почекъ: тамъ свобода, тамъ жизнь, тамъ пѣтъ ни профессора, ни барышни, загорочившихъ проходъ къ моей шлнѣ...“ а она, голубушка, все попрежнему лежитъ, наклоненная немного въ бокъ, не шелохнувшись, словно ей и дѣла нѣтъ до тѣхъ мученій, какія я испытываю...

Не знаю, долго-ли читалъ профессоръ, но миѣ казалось—ужасно долго... Наконецъ онъ кончилъ... Ну, думаю, встану, сдѣлаю перерывъ, и тогда я свободенъ... Но барышни не шелохнулись, точно превратились въ спящихъ сказочныхъ дѣвъ, упорно охранявшихъ мою шлну. Да и всѣ остальные сидѣли на своихъ мѣстахъ... Я взглянулъ на часы. — половина десяти-го! — о Боже!—всего лишь полчаса прошло съ тѣхъ поръ, какъ начался этотъ „вечеръ“, а миѣ казалось, что давно было за полночь...

Послѣ чтенія профессора, дѣва, аккомпанировавшая дѣвицѣ, снова подошла къ роялю и прела что-то длинное, предлинное и очень скучное — оказалось свое сочиненіе: потомъ вышелъ юноша, очень взволнованный, блѣдный, въ бѣломъ галстукѣ съ широкими концанъ, и все хотѣлъ хорошенько палатить — прочесть: „Вотъ и фонтанъ...“ по много разъ сбиваясь и снова съ выраженіемъ повторилъ: „Вотъ и фонтанъ, вотъ и фонтанъ...“ Многие дѣлали видъ, что это ничего не значитъ, но я... я смотрѣлъ на мою шлну...

Я понимаю вполне теперь, что значили танталовы муки... нѣтъ, впрочемъ, никогда Танталъ не испытывалъ ни голода, ни жажды, равныхъ моему желанію — достать теперь мою шлну!..

Но и профессоръ, и дѣва, и дѣвица, и молодой человекъ оказались еще нѣтъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что послѣдовало послѣ пѣтъ:—самъ хозяинъ дома сталъ читать второе дѣйствіе пѣтъ драмы, собственно имъ написанной... Это второе дѣйствіе должно было служить „гвоздемъ“ вечера... Тоска моя по шлнѣ дошла до крайнихъ предѣловъ... Была минута, когда я хотѣлъ кинуться къ ней на проломъ... и все-таки не кинулся... и продолжалъ лишь смотрѣть на нее...

Я былъ разбитъ, уничтоженъ: воздухъ залы давилъ меня, дышать было нечѣмъ. И вдругъ, о радость!— кругомъ меня зашумѣли, встали, заговорили, музыкально-литературный вечеръ кончился—хозяинъ дома дочиталъ второе дѣйствіе своей драмы... Я вздохнулъ съ облегченіемъ, я дождался, наконецъ, минуты, когда могъ добраться до своей шлны... Но тутъ, неожиданно, подошелъ ко миѣ усатый полковникъ, почтенный, свирѣпый на видъ, видимо не любившій шутокъ и ободянный вечеромъ, и, сдвинувъ брови, строго спросилъ меня по-французски:

— Милостивый государь мой, я слѣдилъ за вами весь вечеръ, и весь вечеръ вы не спускали глазъ съ моей дочери...

Я оробѣлъ.

— Съ какой... дочери... почему дочери?... невольно переспросилъ я.

— Ну, да, съ моей дочери, которая сидѣла тамъ, вонъ у колонны, а вы въ упоръ смотрѣли на нее... Кто вамъ далъ поводъ компрометировать такъ молодую дѣвушку?..

И взглянуть еще разъ въ ту сторону, гдѣ была моя шлна: тамъ у колонны, дѣйствительно, сидѣла прехорошенькая барышня съ измученнымъ скукою личикомъ.

— Извините, заговорилъ я,—это шлна... простая... шлна...

— Какая тамъ шлна!.. при чемъ тутъ шлна... я вамъ говорю, моя дочь...

Полковникъ горячился, я видѣлъ, что возраженія напрасны сегодня, и обѣцать прѣхать завтра къ нему съ объясненіями.

На другой день я сдержалъ слово — поѣхалъ къ нему, повторилъ свой визитъ, погрозъ еще... еще... и вотъ теперь я женатъ... и счастливъ: у меня премилая жена, которую я люблю, и прекрасный тесть, богатый, добродушный, со связями и положеніемъ, и вдобавокъ ко всемъ своимъ достоинствамъ — вдовецъ...

Къ рисункамъ.

Выставка картинъ И. К. Айвазовскаго.

(Рисунки на стр. 317, 320, 321).

Профессоръ живописи И. К. Айвазовскій настолько извѣстенъ по своему таланту, что говорить въ настоящее время о талантѣ этого значило-бы повторить давно и много разъ сказанное. Обративъ на себя вниманіе своими художественными способностями въ раннемъ возрастѣ, И. К. Айвазовскій быстро завоевалъ себѣ мѣсто среди выдающихся художниковъ не одной только Россіи—и съ тѣхъ поръ неутомимо продолжаетъ трудиться на поприщѣ горячо любимого имъ искусства. Несмотря на свои годы (ему теперь около 76 лѣтъ), И. К. обладаетъ полною силой своего таланта, и обычная энергія его не унадеетъ до сихъ поръ, доказательствомъ чему служатъ не только постоянные участіе маститаго профессора на ежегодныхъ академическихъ выставкахъ, но и самостоятельныя выставки, устраиваемыя имъ, время отъ времени, для своихъ картинъ.

Одна изъ такихъ выставокъ недавно привлекла къ себѣ петербургскую публику въ залы Николаевскаго дворца.

Выставка эта, состоящая изъ пяти картинъ, представляла тѣмъ большій интересъ, что мастерскою кистью нашего художника были переданы на полотнѣ впечатлѣнія послѣдней поѣздки его въ Америку, изъ которой онъ только что возвратился. Мы помѣщаемъ въ настоящемъ номерѣ гравюры съ трехъ изъ этихъ пяти картинъ: „Гавань Нью-Йорка“ (стр. 317), „Въ океанѣ“ (стр. 320) и „Ниагарскій водопадъ“ (стр. 321). „Гавань Нью-Йорка“ съ неподражаемой правильностью передаетъ впечатлѣніе вида, открывающагося на огромный городъ съ моря и на широкій водный просторъ, усеянный парусными и океанскими судами, вѣчно сплывающими, мѣняющимися, какъ стеклышки въ калейдоскопѣ, вокругъ неподвижно-величавой, колоссальной статуи Свободы—одного изъ чудесъ Новаго Свѣта... Это впечатлѣніе шири, жизни и движенія, поражающихъ всякаго подлѣзжающаго къ Нью-Йорку, передано мастерски и составляетъ главное достоинство картины.

Видъ Ниагарскаго водопада много разъ служилъ темою для художественныхъ произведеній, и много художниковъ брались за этотъ сюжетъ. Кому съ дѣтства не знакомъ этотъ водопадъ, по многочисленнымъ снимкамъ и гравюрамъ, появившимъ въ учебники и географическіе атласы, но можно смѣло сказать, что всѣ эти снимки и даже большинство прежнихъ картинъ не даютъ и тѣни намека на то художественно-реальное изо-

браженіе, которое сумѣлъ дать въ своей картинѣ И. К. Айвазовскій. Главнй эффектъ онъ, какъ видно и по нашей гравюрѣ, основать на удивительно схваченномъ и подмѣченномъ своеобразномъ рисункѣ облаковъ водяныхъ брызгъ, подымающихся на страшную высоту, словно паръ ключомъ клокочущаго котла. Если долго и пристально смотрѣть на картину—впечатлѣніе получается похожее на оптичскій обманъ: кажется, кажется, что эта масса бѣлой пѣны и брызгъ оживаетъ, движется, рыбитъ въ глазахъ, что передъ вами не мертвые краски и полотно, но движущаяся панорама, или сама дѣйствительность.

Что касается „океана“, то тутъ нашъ художникъ вполне, всецѣло, такъ сказать, въ своей сферѣ и, сколько разъ онъ ни брался за кисть, чтобы изобразить дивную картину морскихъ волнъ, всегда умѣлъ въ нихъ находить новыя красоты и новыя сочетанія абрисовъ и красокъ. Свѣзый, дивный размахъ, движеніе и жизнь, удивительные перепады свѣта и тѣни, прозрачность и чистота красокъ—вотъ отличительные признаки художественныхъ твореній Айвазовскаго, давно заслужившаго по праву названіе величайшаго „поэта моря“.

Весна. (Рис. на стр. 325).

Талантливый живописецъ баронъ Михаилъ Петровичъ Клодтъ, сынъ извѣстнаго скульптора П. Клодта, уже шестой годъ къ ряду украшаетъ своими произведеніями передвижную выставку. На ней двѣ его картины. Одна, небольшого размѣра, „Забора“, приобрѣтена Ея Величествомъ Государынею Императрицею и изображаетъ молодую труженицу съ труднымъ ребенкомъ; другая, значительно больше,—молодую монахиню, залюбовавшуюся изъ окна чуднымъ весеннимъ днемъ. Въ голубомъ небѣ звенитъ жаворопокъ, свѣжая изумрудная зелень ковромъ стелется по землѣ и бахромой унизываетъ вѣтви деревьевъ, въ прозрачной тѣни которыхъ еще прохладно, но привольно. И улетѣла она мыслями далеко-далеко отъ темной кельи, и, быть-можетъ,

...Сердце билось живѣй,
При видѣ солнца и полей...

„Несторъ“. (Рис. на стр. 328).

По отысканъ всѣхъ знатоковъ искусства, статуя Нестора особенно удалась г. Антокольскому. Спокойное, почти безсрастное лицо нашего перваго лѣтописца, углубленное въ размышленія о „дѣлахъ давно минувшихъ дней“, изображенное

Новый президент Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Кливлендъ. По фот. грав. Рюддокъ.

безъ, мѣтшею аффектаціи, съ удивительною простою, представляя собою лучшій образецъ „исторической“ скульптуры. Г. Антокольскій, видимо, много размышлялъ надъ этимъ труднымъ сюжетомъ и выразилъ необыкновенно удачно характеръ монаха-лѣтписца, съ его старческой фигурой и чудеснымъ вдумчивымъ лицомъ.

„Тяжело“. (Рис. на стр. 329).

Художникъ имѣлъ очень удачно задумалъ свою картину: молодой мастеровой повредилъ себѣ руку и частью голову. Въ лицѣ его еще вѣдливо страданіе; его выпустили изъ больницы не вполне оправившимся. Работать онъ не можетъ, пока не зажиетъ рука, а работать нужно для того, чтобы жить... Сестра его, повидимому, сама труженица-мастерица, напрасно утѣшаетъ его тѣмъ, что готова подѣлиться съ нимъ зарабатываемыми ею грошами: но онъ знаетъ, что грошей этихъ едва-едва хватаетъ на ея собственное прокормленіе... Лица въ картинѣ прекрасны, но художникъ сумѣлъ выразить въ нихъ то „человѣческое“, которое лучше всякой красоты придаетъ смыслъ и значеніе человѣческому лицу.

Гроверъ Кливелендъ. (Портр. на стр. 333).

4 марта Гроверъ Кливелендъ сталъ во главѣ управленія Соединенныхъ Штатовъ. Мы сообщали біографическія свѣдѣнія о немъ прошлую осенью, когда стало извѣстнымъ, что онъ будетъ избранъ въ президенты страны. Кливелендъ—во второй разъ президентъ Северо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ—замѣтилъ Гаррисона, который, въ свою очередь, четыре года тому назадъ, былъ президентомъ послѣ Кливеленда. Вашингтонъ, гдѣ совершается торжество передачи власти, еще задолго до 4 марта наполнился тысячами прѣзжнихъ. Наканунъ этого дня новый президентъ прѣхалъ въ Вашингтонъ съ женою и ребенкомъ и остановился въ гостиницѣ. 4 марта, къ 12 часамъ, въ большой залъ сената, въ Капитоліи, собрались члены дипломатическаго корпуса, верховный судъ, члены сената и палаты, а галлерей наполнились публикою, среди которой замѣчались большіе дамы. Послѣ 12 часовъ, когда въ залѣ всѣ мѣста были заняты, за исключеніемъ одного мягкаго краснаго кресла, такого же, на какомъ возлѣ сѣдѣлъ Гаррисонъ,—предсѣдатель сената, вице-президентъ Морисонъ, спускающійся молоткомъ и произнесъ: „Вновь избранный президентъ идетъ!“, и при громѣ ружонесканій вошелъ Кливелендъ въ залъ. Послѣ обычной церемоніи, Кливелендъ и Гаррисонъ уѣхали въ Вѣдлий домъ, откуда, послѣ завтрака, Гаррисонъ отправился на родину, въ Индианополисъ, а Кливелендъ присутствовалъ при прохожденіи войска, милиціи и депутацій на площади у Капитолія. Парадъ продолжался 4 часа, и, несмотря на отвратительную погоду, Кливелендъ пробылъ на трибунѣ до конца его. Вечеромъ въ Pension-Office состоялся балъ, и тѣмъ и закончилась перемѣна правительства въ Северо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

Академикъ живописи Константинъ Александровичъ Трутовскій. (Портр. на стр. 336).

Съ кончиной академика живописи Константина Александровича Трутовскаго, послѣдовавшей 18 сего марта, журналъ нашъ лишился одного изъ самыхъ цѣнныхъ и талантливыхъ сотрудниковъ по художественному отдѣлу. К. А. по праву считался однимъ изъ первыхъ русскихъ жанристовъ-реалистовъ, и сѣло можно сказать, что его картины, неоднократно помѣщавшіяся въ нашемъ журналѣ, извѣстны нашимъ читателямъ и не разъ приводили навѣрное многихъ изъ нихъ въ восхищеніе, помимо художественнаго выполненія, своей неподдѣльной простою и задумчивостію.

К. А. родился 28 января 1826 года въ Курскѣ: дѣтство же годы провелъ онъ въ отцовскомъ имѣніи въ Харьковской губ., Ахтырскаго уѣзда, въ деревнѣ Поновѣ-Семеновкѣ. Покойный принадлежалъ къ старинному дворянскому роду. Склонность свою къ рисованію онъ проявилъ въ раннемъ дѣтствѣ и приобрѣлъ ее, повидимому, по наслѣдству отъ отца, который, въ свободное отъ военной службы время, любилъ заниматься живописью и поощрялъ сына къ тому же. Въ 1839 г. К. А. былъ опредѣленъ въ Николаевское Инженерное училище. Въ училищѣ всѣ свои досуги отъ занятій онъ посвящалъ рисованію. Случай заставилъ начальство училища обратить вниманіе на его выдающіяся способности къ художественному творчеству. На одномъ изъ экзаменовъ К. А., сидя на задней скамьѣ, набросалъ карикатурные портреты директора и экзаменаторовъ. Инспекторъ училища замѣтилъ это и тутъ же представилъ эти рисунки самому директору. Тотъ былъ такъ восхищенъ исполненіемъ и вѣрностью этихъ портретовъ, что, вмѣсто ожидаемаго должнаго возмездія, послѣдовало приказаніе инспектору обратить вниманіе на несомнѣнный талантъ К. А. и предоставить ему въ распоряженіе всѣ принадлежности, нужныя для рисованія. По окончаніи курса въ училищѣ, К. А. остался при немъ въ качествѣ репетитора и получать, такимъ образомъ, возможность посѣщать въ то же время Академію Художествъ. Онъ сначала, какъ и всѣ тогда въ Академіи, занимался историческою, классическою живописью, но вскорѣ

посвятилъ себя исключительно изображенію сценъ народнаго быта. Этому жанру онъ остался вѣренъ до послѣднихъ дней своихъ. Посѣщеніе въ 1849 г. Малороссіи, вызванное смертію его матери, было главной причиною того, что онъ сталъ жанристомъ-реалистомъ и, почти исключительно, народнымъ, малороссійскимъ. Вскорѣ послѣ того, выйдя въ отставку, онъ поселился въ деревнѣ Яковлевкѣ, Обоянскаго уѣзда, Курской губерніи. Въ 1853 г. онъ написалъ три картины „Уѣздная лавочка“, „Коробочка“ и „Стѣной музыкантъ“ и нѣсколько акварелей. Онъ имѣлъ большой успѣхъ въ Москвѣ, куда привезъ ихъ К. А., и доставили ему званіе свободнаго художника. Въ 1858 г. К. А. прѣхалъ въ Петербургъ, былъ сочувственно и радушно принятъ членами художественнаго собранія, сталъ выставлять свои картины на академической и передвижной выставкахъ. Въ 1861 г. за выставленную имъ на академической выставкѣ картину „Хороводъ“ онъ получилъ званіе академика. Въ 1857 г. К. А. былъ избранъ членомъ королевскаго бельгійскаго общества акварелистовъ. Въ теченіе десяти лѣтъ, съ 1871 по 1881 г., покойный состоялъ инспекторомъ училища живописи, ваянія и зодчества въ Москвѣ. По оставленіи этой должности, К. А. поселился въ деревнѣ, гдѣ онъ и скончался на 68 году отъ роду.

Покойный написалъ огромную массу картинъ, акварелей и рисунковъ. Картины его стали до того извѣстны, такъ близки были народному духу, что снимки съ нѣкоторыхъ изъ нихъ помѣщены даже на ситцахъ... Картины покойнаго фигурировали на выставкахъ въ Парижѣ, Антверпенѣ и на всероссійской выставкѣ въ Москвѣ. Имѣются и его литературные труды,—это литературныя воспоминанія, помѣщенные въ *Художественномъ журналѣ* (1882 г.) и воспоминанія о Ѳ. М. Достоевскомъ—въ *Русскомъ Обзорникѣ* (1893 г.).

Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ. (Портр. на стр. 336).

20 сего марта исполнилось тридцать пять лѣтъ литературной и публицистической дѣятельности Алексѣя Сергѣевича Суворина. А. С. родился 11 сентября 1834 г., въ селѣ Коршевѣ, Воронежской губерніи, Бобровскаго уѣзда. Когда былъ открытъ въ Воронежѣ Михайловскій кадетскій корпусъ, 8 ноября 1845 г., однимъ изъ первыхъ поступилъ въ него А. С. Получивъ въ немъ свое первоначальное воспитаніе, А. С. опредѣлился въ спеціальныя классы Дворянскаго полка, откуда онъ вышелъ, окончивъ курсъ, въ 1853 г. Тутъ въ немъ проснулись его литературныя наклонности, выразившіяся въ самомъ началѣ въ неудержимой страсти къ чтенію. Затѣмъ у него явилась мысль составить словарь выдающихся людей. Для этого ему пришлось познакомиться съ сочиненіями нѣлаго ряда авторовъ, на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, такъ что, хотя онъ и не довелъ своего словаря до конца, но все-таки весь этотъ трудъ принесъ ему неоцѣненную услугу въ отношеніи его литературнаго образованія. По выходѣ изъ училища, А. С. рѣшилъ осуществить свое заветное желаніе—поступить въ университетъ, и подать прошеніе объ увольненіи изъ военной службы. Получивъ увольненіе, онъ, однако, за недостаткомъ средствъ, вынужденъ былъ вмѣсто поступленія въ университетъ, отправиться въ свое родное село, къ своимъ родителямъ, кое-какъ перебивавшимся на незначительную пенсію. Тамъ А. С., выдержавъ экзаменъ на учителя уѣзднаго училища, поступилъ въ Бобровское уѣздное училище преподавателемъ исторіи и географіи. Къ этому времени принадлежатъ его первые литературные опыты. Съ 1858 г. онъ начинаетъ посылать свои беллетристическія произведенія въ разныя изданія; такъ, произведенія его были помѣщены въ *Модѣ, журналѣ для свѣтскихъ людей*, затѣмъ въ *Леселинскѣ*. Въ 1860 г., перейдя учителемъ въ Воронежъ, А. С. сблизился съ извѣстнымъ поэтомъ И. С. Никитинымъ, и благодаря этому онъ еще ревностнѣе занялся литературой. Онъ состоялъ сотрудникомъ въ *Русской Речи*, до ея прекращенія. Въ 1863 г. въ *Отечественныхъ Запискахъ* были напечатаны два его произведенія: „Отверженный“ и „Аленка“. Съ 1863 г. А. С. сталъ постояннымъ сотрудникомъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* В. Ѳ. Корна, въ которыхъ онъ и составилъ себѣ громкую свѣтлость своими талантливими фельетонами, разсказами и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ А. С. сотрудничалъ въ *Русскомъ Инвалидѣ* и съ 1869—1872 г. въ *Вѣстникѣ Европы*. Съ 1872 г. А. С. началъ издавать свой „Русскій календарь“. Въ 1876 г. А. С. приобрѣлъ вмѣстѣ съ В. И. Лихачевымъ право на изданіе газеты *Новое Время*, а въ концѣ 1878 г. сталъ издавать эту газету единолично. Въ 1880 г. началъ онъ издавать журналъ *Историческій Вѣстникъ*. Кромѣ того, вмѣстѣ съ переходомъ *Новаго Времени* въ исключительно собственность А. С., былъ имъ основанъ и книжный магазинъ *Новаго Времени*. А. С. издалъ цѣлый рядъ цѣнныхъ и полезныхъ изданій, классическихъ произведеній русскихъ и иностранныхъ авторовъ.

Виды Петербурга. Новый временной Троицкій мость.

(Рис. на стр. 337).

Въ виду того, что городское управленіе съ Высочайшаго соизволенія постановило замѣнить существовавшій деревянный

планктонный Троицкий мостъ черезъ Цеву—железнымъ, означенный мостъ былъ разведенъ. Но для того, чтобы не лишить обывателей Петербургской стороны и Каменного острова прямого сообщенія съ центромъ города, было рѣшено временно навести разведенный Троицкий мостъ въ другомъ, ближайшемъ мѣстѣ набережной Цевы. Работы по сооруженію

замедлились вслѣдствіе того, что, за замѣненіемъ мѣста, пришлось мостъ удлинить и значительно сдѣлать выше.

На нашихъ рисункахъ изображены видъ самаго моста и головная его часть у Петропавловской крѣпости. Потемнѣвшая Нева готова уже вскрыться,—вѣрный признакъ наступающей весны въ Петербургѣ.

Политическое обозрѣніе.

Новый французскій кабинетъ сформированъ окончательно въ слѣдующемъ составѣ: Дююи—президентъ совѣта министровъ и министръ внутреннихъ дѣлъ, Девелль—министръ иностранныхъ дѣлъ, Петраль—финансовъ, Гэрентъ—юстиціи, Пуанкарре—народнаго просвѣщенія и исповѣданій, Луазильонъ—военный, Ренше—морской, Виетъ—общественныхъ работъ, Терриеръ—торговли, Виже—земледѣлія, Делькассе—колоній.

23-го марта (4-го апрѣля), вечеромъ, новые министры собрались въ первый разъ на совѣщаніе въ помѣщеніи министерства народнаго просвѣщенія. Послѣ этого совѣщанія Дююи отправился въ Елисейскій дворецъ для доклада президенту Карно о составѣ кабинета.

Въ Вѣнѣ, 17-го марта, совѣтъ общеніиерскихъ министровъ, подъ предсѣдательствомъ императора, окончательно установилъ редакцію всѣхъ законопроектовъ, подлежащихъ внесенію въ делегаціи. Въ военномъ бюджетѣ на будущій годъ расходы на пѣхоту, кавалерію и артиллерію рѣшено оставить въ той же нормѣ, какъ и въ нынѣшнемъ году.

Въ Лондонѣ опубликована Бѣлая Книга, въ которой встрѣчаются интересные документы о недавней вспышкѣ самостоятельности въ Египтѣ. Такъ, въ ней содержится донесеніе лорда Розберри къ лорду Кроммеру отъ 16-го февраля. Резюмируя новѣйшія событія въ Египтѣ, лордъ Розберри говоритъ, что если бы представленія Англіи противъ образа дѣйствій хедива оказались безуспѣшными, то такой образъ дѣйствій имѣлъ бы дальнѣйшія и притомъ болѣе серьезныя послѣдствія. Послѣдствія эти были предупреждены тѣмъ, что хедивъ

взялъ обратно свое рѣшеніе, но все-таки цѣлью слишкомъ рѣшительно предполагать, что всякая опасность затрудненій въ будущемъ устранена. Отзывать британскія войска невозможно; мѣра эта могла бы подвергнуть опасности европейцевъ, и страна сдѣлалась бы вновь театромъ смутъ, что привело бы къ новому вмѣшательству, о формѣ котораго безполезно пока распространяться. Вотъ почему Англія должна держаться и впредь нынѣшней политики. Могутъ наступить событія, вслѣдствіе которыхъ будетъ признано цѣлесообразнымъ взвѣсить—слѣдуетъ ли приступить къ новымъ совѣщаніямъ съ союзникомъ и великими державами. Въ настоящее же время безполезно обсуждать, какія предложенія придется сдѣлать въ такомъ случаѣ. Безусловно вѣрно только то, что Египетъ не можетъ освободиться отъ европейскаго контроля, который можетъ даже оказаться строже и непріятнѣе нынѣшняго.

Въ Бернѣ національный совѣтъ предложилъ союзному совѣту заняться обсужденіемъ вопроса о томъ, не слѣдуетъ-ли Швейцаріи взять на себя починъ въ созывѣ международной конференціи по вопросу объ охраненіи въ военное время зданій, предназначенныхъ для цѣлей народнаго образованія и богоуслуженія, а также для храненія научныхъ и художественныхъ коллекцій.

1-го апрѣля новаго стили, въ день рожденія князя Бисмарка, бывшій канцлеръ въ Фридрихсруэ принималъ много депутацій, явившихся съ поздравленіями, и получилъ множество телеграммъ, въ томъ числѣ отъ великаго герцога Мекленбургскаго и принца-регента Баварскаго.

Разныя извѣстія.

— 19-го марта, въ 9 часовъ утра, Императорскій поѣздъ благополучно прибылъ въ Севастополь, гдѣ Ихъ Величества встрѣтилъ Великій Князь Георгій Александровичъ. Государь Императоръ, Государыня Императрица, Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великіе Князья Георгій и Михаилъ Александровичи и Великія Княжны Ксенія и Ольга Александровны перешли на пароходъ „Эрикликъ“, который въ 10 часовъ снялся со швартововъ и направился въ Ялту, куда и прибылъ того же 19-го марта въ 5 ч. 10 м. пополудни.

— Государственныхъ доходовъ съ 1-го января 1892 по 1-е января 1893 г. поступило внутри Имперіи и за границею: обыкновенныхъ 968.537,000 и чрезвычайныхъ 195.596,000,

а всего 1.164.133,000 руб. За тотъ же періодъ времени произведено государственныхъ расходовъ: обыкновенныхъ 598.466,000 руб. и чрезвычайныхъ 150.320,000 руб.; на платежи по займамъ израсходовано 242.048,000 руб.

— Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ утверждены уставы восьми вновь учреждаемыхъ потребительныхъ обществъ въ городахъ губерній: Новгородской, Костромской, Московской, Лифляндской, Петроковской, Саратовской и Екатеринбургской.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу опредѣленія Святѣйшаго Синода, Высочайше соизволилъ, 6-го февраля сего года, на распространеніе узаконенія,

7-го августа 1851 года, объ охранительномъ, при сельскихъ церквяхъ, звонѣ, и на церкви, находящіяся по берегамъ морей и озеръ Ладожскаго и Онежскаго, съ тѣмъ, чтобы звонъ на колокольняхъ сихъ церквей производился не только въ метели и вьюги, но и во время тумановъ и всякой насмущности, закрывающей морской берегъ.

— Несостоятельный должникъ А. А. Зипгеръ, содержавшій банкирскую контору подъ фирмою „А. Зипгеръ и К^о“, признанъ конкурсомъ злостнымъ банкротомъ.

— При раскопкахъ, вызванныхъ ремонтными работами въ Бахчисарайскомъ дворцѣ, открыты двѣ подземныя комнаты древнѣйшихъ ханскихъ временъ.

Библиографія.

Очерки Кавказа. I. Поѣздка на Кавказъ осенью 1888 г. Съ 41 рисунк. В. С. Кривенко. Сиб. Тип. А. С. Суворина. 1893. Ц. 2 р.

Книга В. С. Кривенко принадлежитъ къ тѣмъ, которыя составляютъ пріобрѣтеніе для литературы соответствующаго предмета. Путевыхъ „замѣтокъ“ и „впечатлѣній“ выходитъ, въ настоящее время особенно, не мало, но среди нихъ книга г. Кривенко *отъко выдѣляется своимъ серьезнымъ смысломъ, ничего не теряя отъ того въ увлекательности и красотѣ изложенія*. Это—не описаніе только встрѣченнаго на пути,—красотъ природы, мимолетныхъ встрѣчъ и наблюденій. Авторъ разсматриваемыхъ очерковъ смотритъ на все, что подпадало подъ его наблюденіе, глазами серьезнаго человѣка, отмѣчаетъ государственное значеніе странъ, по которымъ онъ проѣзжалъ, знакомитъ съ ихъ исторіей и географическими своеобразностями, указываетъ ихъ нужды общественныя и т. д.; а рядомъ съ этимъ передъ вами возникаютъ и художественно обрисованныя мѣстности, своеобразная жизнь населенія, типы, поражающіе оригинальностью, мѣстные костюмы. Прекрасно

исполненные рисунки дополняютъ яркое впечатлѣніе, которое даетъ уже одно описаніе.

Поѣздки автора на Кавказъ совпали, къ тому же, съ пребываніемъ на этой окраинѣ Царственной Семьи, и ему пришлось увидѣть явленія жизни исключительныя. „Богатое прошлое, интересное настоящее (странъ Кавказа) и, наконецъ, рядъ торжествъ по поводу пріѣзда Царской Семьи, все это даетъ столько разнообразнаго матеріала, что у путешественника... кавказскія впечатлѣнія просятся на бумагу“, говоритъ авторъ, и книга его вполне соответствуетъ этимъ словамъ. „На заглавномъ листѣ своей книги“, заключаетъ авторъ въ предисловіи, „я ставлю I, предполагая вынудить впоследствии вторую часть, въ которой постараюсь сгруппировать историческія данныя о Кавказѣ.“ Нужно искренно пожелать, чтобы доброе намѣреніе автора не осталось проектомъ, тѣмъ болѣе, что исторія Кавказскихъ странъ богата поэтическими и величавыми страницами, и въ умѣлыхъ рукахъ г. Кривенко она несомнѣнно получитъ высокій интересъ для читателей.

Искусство.

Художники-символисты.

Символическое движеніе въ искусствѣ возникло, по крайней мѣрѣ, въ опредѣленныхъ формахъ, сравнительно, недавно, — съ прошлаго года, если не ошибаюсь,—когда была устроена въ Парижѣ выставка скульптуры и живописи эстетическаго общества „Розень Крейцеровъ“ (Rose-Croix). Инициаторомъ этого эстетическаго движенія оказался Сартъ Пезаданъ, извѣстный писатель, мистикъ.

Онъ основалъ въ прошломъ году въ Парижѣ „Эстетическое Розень-Крейцерство“ и выставку картинъ художниковъ-символистовъ. Но что такое символисты въ искусствѣ?—Художники-реалисты (т. е. все искусство, начиная съ Рафаэля) изображаютъ предметъ такимъ, какимъ онъ намъ кажется, т. е. съ точки зрѣнія идеалистовъ, они изображаютъ не дѣйствительность (по существу предмета), а ту иллюзію, которую онъ въ насъ вызываетъ. Но если это такъ,—говорятъ символисты,—

то искусство находится на ложной дороге; истинное искусство должно изображать ту сущность, которая скрыта под иллюзией, — сущность, которая, по Платону, есть истинная действительность, а все остальное — не больше, как иллюзия, тень. Другими словами, истинное искусство (символизм), должно быть вышедшим, чувственным или этого, конечно, нужна особенная способность, нечто в родъ ясно-видения, или таинственного проникновения въ самую сущность предмета, минуя видимость. Такие организации редки, но они есть, — утверждают символисты. Съ этой точки зрения, предметы, т. е., говоря отвлеченно, различные комбинации линий, плановъ, тѣней, цветовъ образуютъ какъ бы особаго рода мистическій языкъ. Въ такомъ искусствѣ цѣлью является не прямое воспринимание предмета, а его идея (въ платоновскомъ смыслѣ), какой-либо субъективной мечты, какой-либо абстрактной мысли. Такое произведение искусства есть совершенно *новое существо*, безусловно живое, потому что оно является результатомъ деятельности души художника, и даже больше — двухъ душъ: души художника и души природы. Поиствуя, что созерцание такого произведенія искусства, если оно разумѣется, принадлежитъ талантливому художнику, должно въ зрителѣ произвести известнаго рода эмоцію, вызвать въ немъ известные чувства, идеи, соответствующія чистотѣ и глубинѣ его собственной души.

Такова, въ самыхъ общихъ чертахъ, теорія художественнаго символизма, которому посвятила себя цѣлая группа молодыхъ французскихъ художниковъ, возмущенныхъ реалистическимъ искусствомъ. Еще раньше, Моро, Пуви де-Шаванъ и англійскіе до-рафаэлисты работали единично въ этомъ направленіи, утверждая, что истинная традиція была извращена Рафаэлемъ, что, слѣдовательно, надо вернуться къ традиціямъ Перуджино, Джотто, Фра-Анжелико. Современные символисты идутъ еще дальше, — они прямо ведутъ свое происхождение художественное отъ художниковъ Ассиріи, Египта, Индіи, Японіи и среднихъ вѣковъ. Первымъ инициаторомъ этого движенія былъ Поль Гогенъ (Gauguin), — живописецъ, рѣзчикъ на деревѣ, орнаментистъ, керамистъ. Это, несомнѣнно, очень талантливый человекъ, хотя чрезвычайно эксцентричный; его произведенія — это какъ бы застывшая мечта съ какими-то дикими порывами, иногда совершенно непонятными. Описание его картинъ и скульптурныхъ произведений — совершенно невозможно: ихъ надо видѣть, чтобы имѣть понятіе. Впрочемъ, такова участь и всѣхъ символистовъ. Можно только сказать, что впечатлѣніе, производимое этими произведеніями, чрезвычайно глубоко, хотя современный зритель ощущаетъ какую-то неловкость, видя, до какой, почти невѣроятной, степени эти художники пренебрегаютъ техникой и намѣренно искажаютъ формы. Другимъ инициаторомъ символизма былъ Оділонъ Редонъ: его литографіи производятъ въ зрителѣ какой-то кошмаръ; онъ точно разрываетъ передъ нами завѣсу всѣхъ тѣхъ тиней, которые мы скрываемъ въ душѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ показывае намъ страшныя, мрачныя, безформенныя загадки существа и, точно, говоритъ намъ, что слѣдствіе всякаго человѣческаго знанія есть ужасъ безконечной ночи.

Вокругъ этихъ двухъ художниковъ группируется теперь цѣлая школа символистовъ.

Смѣсь.

Отчего облака парятъ? — Новѣйшими изслѣдованіями несо-

мѣнно установлено, что туманъ состоитъ не изъ пузырьковъ, но изъ водяныхъ шариковъ или капелекъ. Эти послѣднія разсматриваются въ микроскопъ и измѣрены. Англичанинъ Дайнсъ нашелъ, что непрозрачный лондонскій туманъ состоитъ изъ капелекъ, имѣющихъ въ діаметрѣ отъ 0,016 до 0,127 миллиметра; между тѣмъ нѣмецъ Асманъ на Брокенѣ опредѣлилъ величину діаметра одной такой

капельки въ 0,008 — 0,035 миллиметра. Изъ подобныхъ-же, то меньшихъ, то большихъ капелекъ состоятъ и посягающія надъ нами тучи. Австрійскій метеорологъ А. фонъ-Франкъ, во время переходовъ по горамъ, часто находился въ поясѣ облаковъ и говоритъ, что эти водяныя капельки онъ могъ различать простымъ глазомъ, даже на разстояніи двадцати сантиметровъ, откуда выводилъ величину ихъ діаметра въ 0,02 мм. Вѣсъ одного такого водяного шарика нѣсколько превышаетъ одну десятиллионную грамма. Какъ эти шарики ни микроскопичны, они все-таки тяжелѣе воздуха. Почему-же они не опускаются всегда къ землѣ, почему они такъ часто и подолгу носятся въ воздухѣ и даже, отъ времени до времени, поднимаются въ высъ? А. фонъ-Франкъ объясняетъ это явленіе въ *Метеорологическомъ Журналѣ* тѣмъ, что каждая изъ этихъ водяныхъ капелекъ окружена слоемъ водяного пара, а такъ какъ паръ легче воздуха, то онъ поднимаетъ каплю и удерживаетъ ее въ висѣющемъ положеніи. Когда солнце нагрѣетъ облака, слой пара вокругъ каждой отдѣльной капельки увеличивается, балластъ становится меньше:

облака поднимаются въ высъ. Напротивъ того, слѣдствіе охлажденія, они опускаются, такъ какъ тогда паръ, сгущаясь, образуетъ жидкую воду. Сообразно съ этимъ объясненіемъ, водяныя шарики не что иное, какъ крошечныя аэролаты, а тучи представляютъ собою скопленія такихъ безконечно малыхъ аэролатовъ, которыхъ цѣлыя сотни тысячъ въ одномъ кубическомъ метрѣ облака.

Вспомнимъ при этомъ одинъ историческій фактъ. Когда братья Монгольфьеры, болѣе ста лѣтъ тому назадъ, хотѣли изобрѣсти воздушный шаръ, они старались образованіемъ дыма и другими способами подражать облакамъ и изобрѣли — *монгольфьеръ*, первый аэролатъ; природа тутъ осталась имъ неизвѣстна. Какъ странно, что черезъ сто лѣтъ наука пытается объяснить нареніе тучъ существованіемъ безчисленнаго множества крошечныхъ аэролатовъ!

Сбереженія. — Несмотря на то, что французы въ знаменитомъ Панамскомъ дѣлѣ и въ другихъ случаяхъ потеряли напрасно груды денегъ, склонность къ бережливости въ нихъ, по видимому, еще не угасла. Теперь и нравительство начало ее поощрять, впрочемъ, нѣсколько своеобразно: въ школахъ лучшимъ ученикамъ, въ видѣ награды, даютъ уже не хорошія книги, какъ прежде, а книжечку сберегательной кассы со вкладомъ въ нѣсколько франковъ. (в).

Телеграфное движеніе. — Въ 1891 году въ Европѣ было переслано 207,595,000 телеграммъ, въ остальныхъ частяхъ свѣта 58,422,000; въ общей сложности 296,017,000. Для доставки этихъ денежнъ работало въ Европѣ 102,050 аппаратовъ, на другихъ континентахъ 71,000, итого 171,050. Соответственно этому каждый европейскій аппаратъ пересылалъ въ среднемъ 2,054 денежи, каждый не европейскій — только 1,245 телеграммъ. Въ теченіе вышеприведеннаго года въ Европѣ при телеграфѣ занималось 67,465 человекъ, въ остальныхъ частяхъ свѣта 31,000, въ общей сложности 98,465. (в).

Туркестанскія пословицы. Не выбирай жену въ праздникъ,

Академикъ живописи Н. А. Трутовскій († 18 марта 1893 г.).
(съ фот. грав. Шюблеръ).

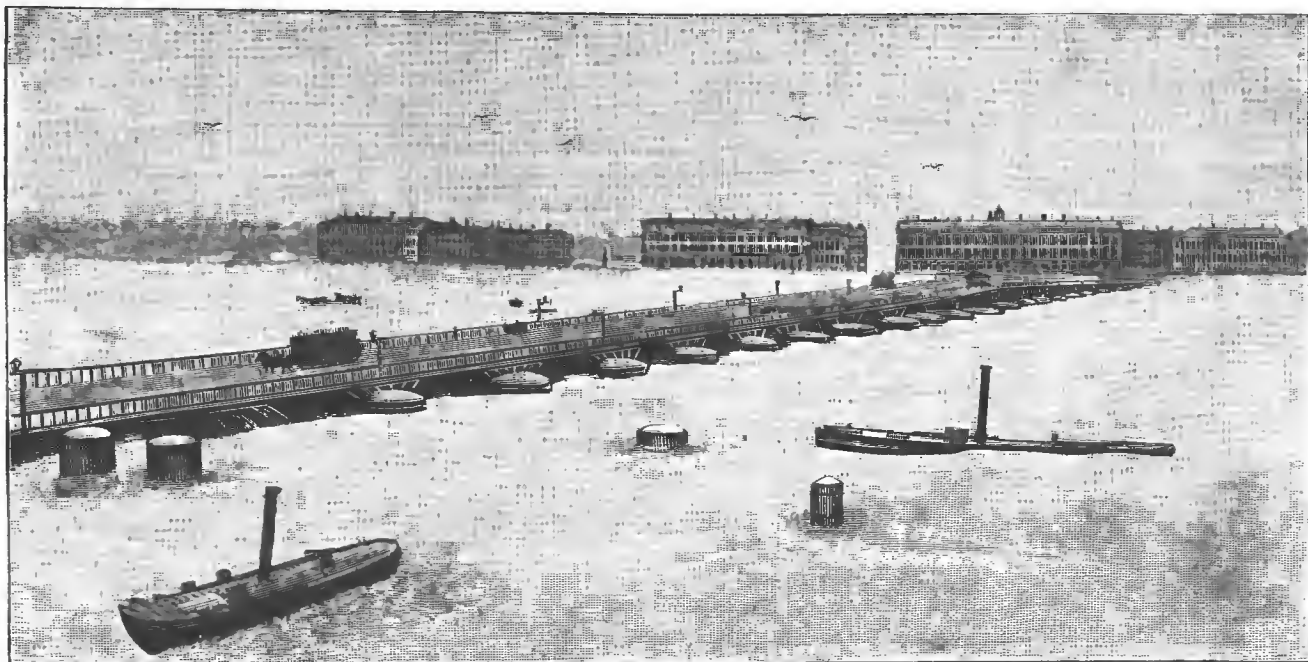

А. С. Суворинъ (по поводу 35-лѣтія литературно-публицистической деятельности). По фот. Шандро, грав. Шюблеръ.

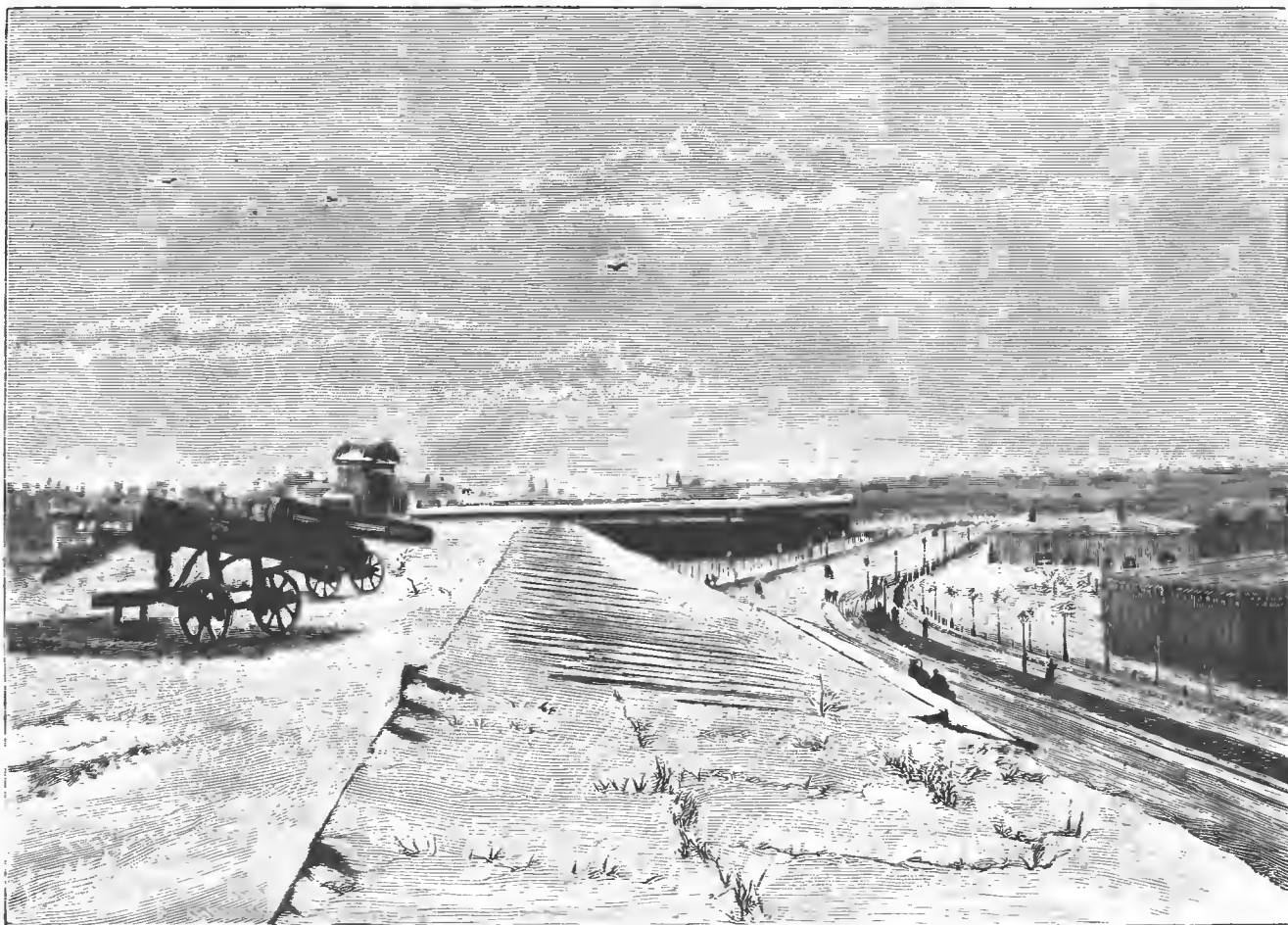
а лошадь во время дождя.—Два ножа не помѣщаются въ одной ножнахъ, двѣ любви—въ одномъ сердцѣ.—Не покупай коня по совету его хозяина, а жену по отзыву холостяка.—Когда бѣднякъ покупаетъ яйца, онъ не находитъ въ нихъ желтка.—Не тогѣ врачъ,

бывать.—Послѣ того, какъ непріятельское войско удалось, число героев вдругъ возрастаетъ.—Рана отъ меча заживаетъ, отъ языка—никогда. (Б.)

Новое топливо. Одна лондонская фабрика въ настоящее время

Виды Петербурга. Временной Троицкій мостъ. Съ фот. генерала Насвѣтевича, грав. Рашевскій.

Виды Петербурга. Временной Троицкій мостъ. Дополнительная его часть у крѣпостного вала. Съ фот. генерала Насвѣтевича, грав. Рашевскій.

кто выльчнваетъ, но скорѣе тотъ, кто уже самъ хвораетъ.—Завязывать знакомства легко, прекращать ихъ трудно.—Дѣлай, что мудрецъ говоритъ, но не дѣлай того, что онъ дѣлаетъ.—Не захлопывая за собою въ сердцахъ дверь того дома, гдѣ ты еще намѣреваешься

изготавливать изъ приведенной въ твердое состояніе нефти кирпичики, которые годятся для частнаго употребленія и для промышленныхъ цѣлей. Этотъ новый продуктъ, какъ слышно, горитъ въ пять разъ жарче каменнаго угля и обходится на 10% дешевле:

такъ напримеръ, корабль, запасающийся для извѣстнаго плаванія тысячу тоннъ угля, пройдетъ то же пространство, имѣя въ трюмѣ только 200 тоннъ нефтяныхъ кирпичиковъ. Нефть обрабатывается въ соединеніи съ извѣстными химическими веществами, составляющими 15% всей массы. (б.)

Лакомства у разныхъ народовъ. Говорятъ, о вкусахъ не спорить, и въ самомъ дѣлѣ, для иныхъ является лакомствомъ то, что другіе и есть не станутъ. Такъ, напримеръ, туземцы Нового Южнаго Валлиса лакомятся кашею и жаркимъ изъ нѣкоторыхъ видовъ ночныхъ бабочекъ; у непривычныхъ кушанье это вызываетъ сраданія, но въ послѣдствіи желудокъ привыкаетъ къ нему, и человѣкъ начинаетъ есть бабочекъ съ наслажденіемъ. На берегахъ Спенсеровскаго залива распространено жеваніе сухой травы съ

сидящими на ней живыми личинками и куколками муравьевъ извѣстной породы. Индѣйцы Британской Гвіаны наслаждаются разными гусеницами и личинками, жуками, червями, муравьями, мясомъ крысъ, обезьянъ и крокодиловъ. Тегулки въ Патагоніи и туземцы Сандвичевыхъ и Маршалльскихъ острововъ съ величайшимъ удовольствіемъ ѣдятъ насекомыхъ. Жители Золотого Берега ставятъ выше всего на свѣтѣ полудлинную рыбу. Арабскіе бедуны кививаютъ за завтракомъ по чашкѣ растопленнаго коровьяго масла. Гренландцы очень любятъ гнилую оленину, тюленину и загнившій китовый хвостъ. Бонго въ Центральной Африкѣ охотно ѣдятъ разложившіеся остатки отъ львиной добычи, находимые въ чашѣ львовъ; наконецъ, наши европейскіе гастрономы, какъ извѣстно, очень любятъ рыбчиковъ, загнившихъ... (х.)

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Англійскіе велосипеды завода
Зингеръ и №.
рекомендуетъ
**ГЕНРИХЪ
ЖЕМЛИЧКА.**

Москва, уголь Тверской и Старого Ар-
зетнаго пер., д. Фалыц-Фейтъ, маг. № 19.
Высылается прейсъ-куррантъ. (2)

ДУБОВЫЙ ПАРКЕТЪ

съ пастинкою: наклеивой отъ 20 руб., „мас-
сивный“ отъ 15 руб. кв.д. с. Лѣс. и парк.
вав. на Волгѣ, Казан. губ. С. С. Замятин-
на. Контора: Москва, Мясницкая ул., Фу-
расовск. пер., д. Рахманова. Доставка и уста-
новка во все города Имперіи. № 6342

БИНТЫ ДЛЯ УСОВЪ

придающіе правильно растущимъ усамъ въ
10 минутъ красивый видъ и фасонъ, вы-
сылаются за 1 р. 10 к. шт. съ наложен-
нымъ платежемъ. Адресъ: въ Москву У. Нильцъ.

ЗОЛ. МЕДАЛИ, благодарность ко-
роля Эдмунда и
др. Въ 6 уроковъ выучиваю писать красиво
и скоро заочно. За двѣ 7 кон. марк. вы-
сылаю условія и пр. письма. Одесса, проф.
№ 6261 кал. Конидарисъ. 6-3

КУМЫСЪ СТЕПЕКОВЫЛЬНЫЙ

15 кон. бут., на хуторѣ Алексѣя Тихоновича
Елизавѣ, въ 10-ти вер. отъ ст. Гамалѣвка,
Оренбургской ж. д. За подробностями про-
шу обращаться письменно. № 6345

5 Р. КРАСИВО ПИСАТЬ выучиваю всякаго **ЗАОЧНО** (по-
средствомъ лекцій корреспон-
денцій) въ 10 уроковъ. **ЗАУСПѢХЪ ГАРАНТІЯ.** Подробное объясненіе прило-
женіемъ высылкаю за 3 семиполтеничныя марки. № 6341 26-1

10 Р. ДВОЙНОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ БУХГАЛТЕРІИ
обучаю **ИНОГОРОДНЫХЪ** школо и основательно въ 2-3 мѣсяца. При оконча-
ніи выдаю ученику **СВИДѢТЕЛЬСТВО.** Адресъ: Москва, Покровка, Учит. нал.
и бух. А. С. Шиманскому.

НЬЮ-ГОМЪ

оригинальная, американская усовершенствованная
ШВЕЙНАЯ МАШИНА

К „НЬЮ-ГОМЪ“, въ Оранжѣ (шт. Массачусетсъ, Сѣв.
Америка) пользуется всемірною извѣстностью; проста,
прочна, изящна; отличается: высокимъ рукавомъ, новымъ
удобнымъ регуляторомъ для натяженія нити и проч. Ра-
ботаетъ легко, быстро и безъ шума; даетъ чистую, ровную,
2-мя иголками шитую строчку; употребляетъ прямую сако-
воставляющуюся (безъ мѣрки) иглу; годна для домашняго
и ремесленнаго употребленія; шьетъ все: отъ тончайшей
тканси до толстѣйшаго сукна.

ГАРАНТИЯ 5 ЛѢТЪ.

Прейсъ-куррантъ и описаніе по требованію.

Склады и контора „НЬЮ-ГОМЪ“, Москва, Мясницкая, д. Сытовыхъ.
Главный представитель для всей Россіи:
Височ. утвержд. Товарищество „Работинскъ“.
П. № 6248 Москва, Петербургъ, Киевъ и Ташкентъ. 10-7

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ 56-Й ПРОБЫ СЪ

искусственными
превосходными **БРИЛЛАНТАМИ:**
№ 254. Золотое кольцо. Шт. 4 р. 90 к., 2 за 9 р. 55 к., 3 за 13 р. 90 к.
№ 353. Золотыя серьги. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 8 р. 90 к. № 6289 10-5
№ 358. Золотыя серьги на винтахъ. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 9 р. 40 к.
№ 401. Золотой браслетъ. Шт. 19 р. 75 к., 2 за 37 р. 80 к.
№ 307. Золотая брошка. Шт. 7 р. 55 к., 2 за 13 р. 90 к.
№ 503. Золотая булавка. Шт. 3 р., 2 за 5 р. 65 к.
Товаръ пересылаю наложеннымъ платежомъ. С.-Петербургъ, Невскій просп., № 20-31.

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ

СРЕДСТВО

для смягченія кожи рукъ и лица.

Цѣна 355 коп.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфю-
мерныхъ магазинахъ. Ш. № 6271 14 6

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ.

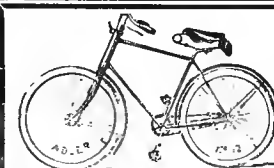

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВЪНЪ

го вліянія на кожу. Цѣна флакону 1 р. 65 к.; Березовое мыло 35 н. и 50 н. кусокъ; Опо-
номада (лучше кольцо-крема) 1 р. Упаковка и перес. въ Европ. Россіи 70 к., въ Азіатск.
1 р. Главн. складъ для всей Россіи у В. АУРИХА, въ С.-Петербургѣ, Колокольная,
№ 18-19. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарск. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Иодисто-соляное КУПАНЬЕ ГАЛЛЬ. Верхняя Австрія.

Самая прѣкрасная іодистая соль на континентѣ, противъ золотухи и всѣхъ общихъ и
спеціальныхъ болѣзней, при которыхъ іодъ служитъ важнымъ лѣчебнымъ средствомъ.
Превосходныя лѣчебныя приспособленія (купальня и минеральныя воды, водолѣ-
ченіе, вдыханіе, массажъ, кефиръ).
Восьма благопріятная климатическая условія. Железнодорожная станція. Путь че-
резъ Линцъ въ Дунай. СЕЗОНЪ съ 15-го мая по 30-е сентября.
Подробная программа на разныхъ языкахъ высылается безплатно
К. № 6273 4-2 Лѣчебное управленіе купанья ГАЛЛЬ.

Гейнрихъ Клейеръ, велосипеды „Орель“
Франфуртъ н/М. (отдѣлен. въ Гамбургѣ).

Спеціальная фабрика знаменитыхъ 24-4

велосипед. „Орель“.

На всемірной выставкѣ въ Чикаго въ группѣ 83.
Вѣломтр. прейсъ-куррантъ за 10 коп. марку.

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.

Пудра для вечера и дня, незамѣтная на кожѣ! Косметическое средство для улуч-
шенія красоты кожи! Цѣна коробки 1 рубль! В. № 6258 10-3

Театральная гримировка!
Жирная румяна, бѣлѣла. Карандаши для бровей.

Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ Бельгійскихъ Императорскихъ театровъ.
Главный складъ для всей Россіи: у В. АУРИХА, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Б. АЛЬТШВАГЕРЪ.
Невскій просп. № 42. С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Рекомендуетъ часы собственнаго производства ПРУССКОЙ СИСТЕМЫ.
Лицамъ, которымъ точный и вѣрный счетъ въ недорогой измѣ-
ритель времени, составляетъ существенную необходимость, а
ручательство за вѣрность хода и прочность механизма на четыре года.
ИЛЛЮСТРИРОВ. ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

КРАСИВО ПИСАТЬ

выучивается всякий **заочно** (посредством переписки) въ 15 уроковъ у **ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФИИ А. КОССОДО.**

Методъ премированъ на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ 30-й медалью. № 6208 52—11
За 2 семиконечныя марки высылается пробное письмо и условия. Адресъ: Профессору каллиграфии Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

ВИНО

СЕН-РАФАЭЛЬ.

Вино Сен-Рафаэль превосходно на вкусъ.

Сохраняется по способу г-на Пастера.

На каждой бутылкѣ находится печать Россійской таможи.

АНГЛИЙСКИЕ ВЕЛОСИПЕДЫ

старѣйшей фабрики компании **РУДЖЪ** Ковентри

съ новостями на 1893 годъ. Представители для всей Россіи П. № 6298 торговый домъ **АБАЧИНЪ и ОРЛОВЪ.** Москва, Мясницкая, д. Сытова.

Фирма премирована на европейскихъ выставкахъ десятью золотыми медалями и высшими знаками. Косметические спермацетовые, личные № 5898

УТИРАЛЬНИКИ.

Косметина **А. ЭНГЛУНДЪ.**

При употребленіи спермацетовыхъ утиральниковъ, кожа лица дѣлается чистою. Удобное средство въ дорогѣ, гдѣ лицо особенно подвержено вліянію пыли и вѣтра. Ихъ удобно всегда иметь при себѣ. Цена пачки 60 коп., съ перес. не менѣе двухъ пач. 2 руб., 4 пачки съ перес. 3 руб. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подпись **А. Энглундъ** — красными чернилами и марку **С.-Петербургской Косметической Лаборатории.** Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская ул., № 12 и во всѣхъ известныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговыхъ Россійской Имперіи. — Главный складъ для всей Россіи **А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Басеинная вл., д. № 2.**

ВЕЛОСИПЕДЫ разные. Кресла на колесахъ для больныхъ; исправленіе, новыя части и принадлежности для велосипедовъ.

Спеціальное велосипедное заведеніе **Г. А. ЦИММЕРМАНЪ.**

По Мокшѣ, домъ Вейдле, № 49, во дворѣ, у 2-го Полицейскаго моста. П. № 6327. Летопись: Въ Царскомъ Селѣ, Отдѣленіе.

ЗАВОДЪ отпечатки кирпичъ для доменныхъ, магнезитныхъ, коксовыхъ, домовыхъ и др. печей. Экспортъ огн. глины и шамота. Пр. кур. вые немедленно. Ст. Часовъ-Иль Донецкой ж. д. Владиміру Плещеву. № 6328 2—21

L'URBAINE
(УРБЭНЪ)
ОБЩЕСТВО СТРАХОВАНИЯ ЖИЗНИ
ВЫСОЧАЙШЕ
допущенное
къ дѣятельности въ Россіи
2-го Іюня 1889 года.
ГЛАВНОЕ АГЕНТСТВО
для Россіи,
С.-Петербургъ, — 13, Невскій, 13.
Особая дополнительная гарантія для
агентовъ въ Россіи.
Агентства во всѣхъ больш. гор. Россіи.
1) Залогъ въ 500,000 р. имущественный въ Государств. Банкѣ.
2) Специальный резервный фондъ.
3) Специальный запасъ капитала, хранящийся консервационно въ Государственномъ Банкѣ.
Подавляющее Общество установило истинный фактически сравнительный контроль.
Платить участію въ прибыляхъ Общество предоставляетъ застрахованнымъ совершенно льготно:
Клибъ болѣе или менѣе случай платить экстраординарные проценты.
Въ случаѣ полной неспособности въ трудъ въ теченіи 2—3 лѣтъ Общество выдаетъ 1/4 застрахов. капитала какою застрахованному ежегодно, и по истеченіи 1/4 по наступленіи срока жизни.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ **БЕРЛИНЪ,**
Егерштрассе, 46,

примечаетъ какъ новѣйшее произведеніе на такого качества и въ бѣлой упаковке парфюмерію

„BOUQUET Russe“.

Духи

ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО

ТУАЛЕТНАЯ ВОДА.

Сапе.

Можно получить во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ магазинахъ, въ парикмахерскихъ и у дрогистовъ. № 5505 (24)

**EAU, PÂTE, POUDRE
DENTIFRICES**

DOCTEUR PIERRE

DE LA
FACULTÉ DE MEDECINE
DE PARIS
EN VENTE PARTOUT

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. За условіями обрац. письменно: Генрихъ Блоккъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59. 12—1

ЛЕННИНГЪ и ГИЗНИНЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2450

Велосипеды англійскаго завода „Гумберъ и К°. Лмтд.“

лучшіе въ свѣтѣ!

предлагаютъ торговый домъ

Г. ЖЕМЛЧКА и К°.

Москва, Неглинный просп., домъ Екимова.

Пріебы-курорты — безплатно.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН №№ съ 6—10 рисъ въ каждомъ и ежемѣсячн. даров. прилож. 12 книгъ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЬ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и
Выданъ 10 апрѣля 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕН. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1893 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарейль (1/4 шир.
стр.) въ Глав. Кон. Ред. по
1 руб. — Загран.: для Франціи
у Agence Havas по 3 fr., для
Австр., Герман. и Швейц. у Ru-
dolf Mosse по 2 марк 50 pf.

Безъ доставки въ Петер-
бургъ.

5 р.

Съ доставкою въ Петер-
бургъ.

6 р. 50 к.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 10 р.

На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.

На 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р. 50 к.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл.
П. Н. Печконой, Петровск. Торг. лпн.

6 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе го-
рода Россіи.

7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“ со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

Выставка въ Импер. Акад. Художествъ. „Средиземное море“. Съ картъ проф. И. К. Айвазовскаго, грав. Флюгель.

Воля судьбы.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе)

V.

Вдали военныхъ стоновъ.

Принцесса Иоганна-Елизавета Ангальтъ-Цербетская, выдавъ свою дочь за наследника Русскаго престола, думала сначала, что будетъ играть роль при дворѣ императрицы Елизаветы; но ожиданія ея не оправдались. Государыня скоро была восстановлена противъ нея, и въ этомъ были виноваты отчасти придворныя интриги, а отчасти и сама принцесса. Какъ-бы то ни было, но она должна была покинуть Россію. Положеніе ея дочери тоже становилось тяжелѣе съ каждымъ днемъ. Онѣ могли спосылаться только при помощи окольныхъ, иногда очень рискованныхъ, путей.

За послѣднее время великая княжна примирилась съ канцлеромъ Бестужевымъ, прежнимъ врагомъ своимъ, и онъ, какъ предупреждалъ ее, при ихъ странномъ свиданіи, графъ Сентъ-Жерменъ, дѣйствительно, оказался для нея преданнымъ другомъ.

Принцесса Елизавета, думая, что это она устроила бракъ своей дочери, во что бы то ни стало хотѣла и дальше играть политическую роль. Маленькій Цербетъ казался слишкомъ тѣсенъ для этого. Въ Петербургѣ ей не повезло, и она поселилась въ Парижѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что должна была бѣжать изъ охваченной губительной войною Германіи.

Несмотря на то, что въ этой войнѣ гибла французская армія, а государственная казна едва выдерживала сумасшедшіе расходы короля, король этотъ „le bien-aimé“, какъ его называли, Людовикъ XV, окруженный блестящимъ дворомъ и еще болѣе блестящими женщинами, проводилъ дни въ свое удовольствіе.

И сезонъ 1758 года начинался въ Парижѣ такъ же весело, какъ и въ предыдущіе годы.

Въ старинной залѣ, построенной ровно семьдесятъ лѣтъ тому назадъ извѣстнымъ Обрѣ, начались представленія французской комедіи.

Все было изящно и дышало уважаемой стариной въ этой залѣ, гдѣ ложи передавались по наследству, какъ родовая собственность.

И актеры, которые играли тамъ, были уважаемые, солидные актеры, и пьесы ставились солидныя, принадлежавшія перу авторовъ съ громкимъ именемъ.

У принцессы Иоганны, разумѣется, была своя ложа въ театрѣ. Она вела широкую, барскую жизнь въ Парижѣ, хотя средства ея были далеко не велики, но они покрывались кредитомъ, которымъ пользовалась принцесса, какъ мать русской великой княжны.

На первомъ представленіи давали „Цинну“ Корнейя. Весь Парижъ съѣхался сюда, не столько ради интереса къ самой пьесѣ, восхищаться которою было уже принято, сколько ради того, что ѣхали въ театръ всѣ, чтобы показать себя и доказать свой вкусъ и понимание литературныхъ произведеній.

Принцесса сидѣла въ своей, отдѣланной наподобіе маленькой гостиной, ложѣ и гордо оглядывала изъ ея амбразуры полную блестящею толною залу.

Мужчины, въ шитыхъ золотомъ кафтанахъ, блестя брильянтами, въ числѣ прочихъ, искали глазами и ея ложу, чтобы издали привѣтствовать поклономъ принцессу.

Она отвѣчала медленнымъ наклоненіемъ головы и снова застыла въ красивой, изученной передъ зеркаломъ, позѣ.

Принцесса принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, на которыхъ годы не имѣютъ вліянія, и которыя, кажется, никогда не могутъ состарѣться. Она умѣла

одѣться и, главное, умѣла съ искусствомъ, достойнымъ большого художника, пользоваться модою употребленія бѣлизы и румянъ...

И до сихъ поръ напудренные маркизы двора Людовика XV встрѣчали съ удовольствіемъ ея выразительные, искусно подведенные, глаза, но на всѣхъ ихъ эти глаза смотрѣли одинаково строго и холодно.

И вдругъ равнодушное выраженіе принцессы измѣнилось слегка:—къ удивленію своему, она увидѣла въ залѣ рѣдко показывавшагося въ театрѣ графа Сентъ-Жермена.

Его нельзя было не увидѣть и не замѣтить даже среди той блестящей толпы, которая его окружала. Спокойная, невысокая, но сильная и мужественная фигура его рѣзко выдѣлялась. Какъ ни были богаты наряды остальныхъ, но ни у кого не былъ кафтанъ расшитой богаче, ни у кого не блестѣли такъ брильянты, какъ у него, и никто не держалъ себя съ большимъ достоинствомъ, чѣмъ этотъ извѣстный и вмѣстѣ съ тѣмъ неизвѣстный „всему“ Парижу таинственный человѣкъ.

И онъ, подобно другимъ, сталъ оглядывать ложи, одну за другою, и почти ни одной не пропустилъ безъ поклона.

Принцесса ждала, когда онъ обернется въ ея сторону. И когда графъ поклонился ей, она быстро пѣсколько разъ махнула къ себѣ раскрытымъ вѣеромъ. На условномъ языкѣ того времени это значило, что она приглашаетъ графа къ себѣ въ ложу. Онъ почти-точно опустилъ ниже голову, въ знакъ покорности.

— Чѣмъ мы обязаны видѣть въ театрѣ сегодня такого рѣдкаго гостя, какъ вы, встрѣтила принцесса входящаго въ ея ложу Сентъ-Жермена.—Надѣюсь, вы останетесь у меня въ ложѣ весь вечеръ?

— Я на это рассчитывалъ, принцесса, улынулся графъ, опускаясь на бархатную табуретку, съ видомъ человѣка, который находится въ дружескомъ, пріятномъ ему обществѣ.

Они говорили по-французски.

Въ французскомъ произношеніи графа, владѣвшаго въ совершенствѣ почти всѣми европейскими языками, чуть замѣтно слышался нѣмонскій акцентъ, вслѣдствіе чего думали, что онъ тамошній уроженецъ, и даже называли отцомъ его нѣкоего Ротондо, сборщика податей въ Санъ-Джермано, въ Савойѣ. Другіе считали графа Сентъ-Жермена за португальскаго маркиза Бетмара, и за испанскаго іезуита Аймара, и за эльзасскаго еврея Симона Вольфа, и даже, наконецъ, за побочнаго сына вдовы Испанскаго короля Карла II.

Но, на самомъ дѣлѣ, никто никогда не могъ узнать ни происхожденія, ни настоящихъ лѣтъ таинственнаго графа. Самъ онъ никогда не говорилъ ни о своемъ рожденіи, ни объ условіяхъ, въ которыхъ воспитался.

Несмотря однако на неизвѣстность и таинственность, которыми окружалъ себя Сентъ-Жерменъ, а, можетъ быть, именно вслѣдствіе этой неизвѣстности, совершенно непроницаемой, онъ не только былъ принятъ въ лучшее общество Париза, но и при дворѣ, былъ лично извѣстенъ королю Людовику XV, и не одному ему—самъ Фридрихъ II относился къ нему, какъ къ человѣку необыкновенному.

Въ гостиной принцессы Цербетской графъ былъ принятъ, какъ свой, какъ лицо, оказавшее ей не одну дружескую услугу.

Въ Парижѣ онъ жилъ, не стѣсяясь въ средствахъ, и обладалъ такимъ множествомъ драгоценныхъ камней,

какъ будто владѣлъ секретомъ произвольнаго ихъ воспроизведенія.

Но зачѣмъ онъ жилъ тутъ, иногда вдругъ исчезая на нѣкоторое время и появляясь потомъ вновь, что дѣлалъ, какія его были цѣли,—оставалось такою же тайною, каковъ былъ каждый шагъ его, и каково было, между прочимъ, появленіе его въ театрѣ, удивившее принцессу.

Она нѣсколько разъ взглядывала на него въ продолженіе дѣйствія, желая узнать, какъ относится онъ къ пьесѣ, но, какъ всегда, ничего не могла прочесть на его неподвижномъ, словно каменномъ, лицѣ.

— Вамъ не нравится Корнель? спросила она въ антрактѣ.

— Нѣтъ, напротивъ, отчего же,—очень забавно, отвѣтилъ графъ, не улыбаясь.

— Забавно, протянула принцесса,—вамъ забавенъ Корнель?

— Ну, разумѣется. Прежде всего эти костюмы очень смѣшны,—римляне, настоящіе римляне сидятъ у себя дома, запросто, въ торжественныхъ позахъ,—добро-бы еще у нихъ было что-нибудь особенное, ну, я не знаю—полный атріумъ гостей, что-ли... а то такъ, запросто, за портикомъ. Право, пройдетъ лѣтъ сто, и насъ на сценѣ будутъ изображать за утреннимъ завтракомъ, сидящими вотъ въ этакихъ кафтанахъ, съ орденами, звѣздами и драгоценными камнями, какъ рисуютъ насъ на портретахъ.

Принцесса разсмѣялась.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказала она,—это, должно быть, забавно будетъ.

— И потомъ, продолжалъ графъ, морщась, какъ будто непріятное воспоминаніе коснулось его,—Цинна былъ однимъ изъ самыхъ антипатичныхъ людей.

Юганна взглянула на него.

Про графа Сень-Жермена рассказывали, что будто онъ живетъ уже нѣсколько вѣковъ и былъ свидѣтелемъ событій, происходившихъ задолго до Рождества Христова, что вызывало во многихъ суевѣрный страхъ къ нему.

— Вы говорите, графъ, перебила она,—иногда о людяхъ, жившихъ очень давно, словно были знакомы съ ними—мнѣ всегда жутко это слышать.

Графъ пожалъ плечами.

— Я никогда не утверждалъ, принцесса, что видѣлъ Цинну, или что-нибудь подобное, отвѣтилъ онъ серьезно.

— Да, но вы все-таки говорите такъ, что станвится жутко—повторяю вамъ. Будемте лучше говорить о другомъ.

И какъ бы для того, чтобы переменить разговоръ, она облокотилась на барьеръ ложи, оглядѣла залу и проговорила, качнувъ головою:

— Какая толпа!

И по тому, какъ она произнесла эти слова, видно было, что ей доставляло удовольствіе смотрѣть на эту толпу и чувствовать, что на нее самос тоже смотреть.

— Вамъ нравится? спросилъ графъ.

— То есть, что нравится—это общество, театр?

— Да, вдругъ заговорилъ онъ,—это общество,—театръ... А между тѣмъ, подумайте, въ то время, какъ мы сидимъ съ вами здѣсь, сколько народу испытываетъ самую вопіющую нужду—цѣлая Германія обята войной,—тамъ люди гибнутъ.

— О, о! перебила принцесса, вы начинаете говорить банальныя вещи, дорогой графъ.

— Банальныя!—пусть, но согласитесь—онѣ справедливы.

— Можетъ быть; однако, противъ вашей философіи существуетъ другая,—философія маркизы (и принцесса понизила голосъ, какъ всѣ понижали его, когда гово-

рили о маркизѣ Помпадуръ)—„послѣ насъ—хоть потопъ!“ пояснила она.

— Да,—и будетъ потопъ, помяните мое слово—и потопъ ужасный, кровавый.

— Кстати о войнѣ, сказала принцесса,—оттуда получены очень радостныя вѣсти: дѣла фельдмаршала Дауна идутъ отлично. Французская армія, послѣ того какъ Клермонъ сдалъ начальство Контаду, оказываетъ чудеса, и русскіе, если не разбили, то почти разбили самого короля при Цорндорфѣ, или что-то въ этомъ родѣ.

— Радостныя вѣсти! повторилъ Сень-Жерменъ,—какъ будто съ войны могутъ приходить радостныя вѣсти! Тамъ, гдѣ есть побѣдитель, есть и побѣжденный, и у обоихъ ихъ нѣсколько тысячъ убитыхъ!

Эти возраженія графа, возраженія, поставленные довольно рѣзко, начинали немножко сердить принцессу, и она, съ чисто-женскою способностью сводить разговоръ на личности, поспѣшила замѣтить ему:

— Однако, графъ, несмотря на свою проповѣдь, вы же сами явились сегодня въ театрѣ.

Сень-Жерменъ скосилъ слегка губы въ сторону, какъ будто онъ ждалъ этого замѣчанія и былъ доволенъ теперь, что не ошибся, что оно будетъ сдѣлано.

— Ахъ, принцесса, сегодня я въ театрѣ, завтра—на войнѣ, смотря гдѣ мое присутствіе необходимо, отвѣтилъ онъ.

— А!—значить, вы даже въ театрѣ являетесь по дѣлу.

— Не я одинъ, принцесса.

— Ну, и это дѣло, для котораго вы явились сегодня сюда?..

— Вамъ хочется узнать?

— Да, я хочу знать, зачѣмъ, несмотря на то, что люди, можетъ быть, *гибнутъ* теперь, и вся Германія обята войной,—графъ Сень-Жерменъ все-таки явился въ театрѣ, проговорила съ легкой насмѣшкой принцесса.

— А хотя бы для того, чтобы показать ея свѣтлости принцессѣ Юганнѣ, отвѣтилъ графъ, не замѣчая подчеркнутыхъ словъ,—вонъ того старика, который пробирается между креселъ.

— Вы не шутите, графъ? уже серьезно переспросила принцесса, взглядывая въ того, на кого ей указывали.

Это былъ совсѣмъ разслабленный, едва двигавшійся, старикъ, судя по одѣвию, болѣе чѣмъ богатый, а по манерамъ принадлежавшій видимо къ обществу, которое принцесса Юганна знала наперечетъ въ Парижѣ, и тѣмъ болѣе была удивлена, что до сихъ поръ не встрѣчалась съ этимъ старикомъ.

— Вы его знаете? обернулась она къ Сень-Жермену.—Вѣрно, онъ недавно здѣсь,—должно быть, это иностранецъ?

— Да, онъ иностранецъ,—итальянскій маркизъ принадлежить къ извѣстной въ Италіи фамиліи Каулучи. Его судьба довольно странная. Въ молодости онъ имѣлъ огромное состояніе, которое очень скоро прожилъ,—потомъ бѣдствовалъ большую половину жизни и, наконецъ, подъ старость, пережилъ болѣе молодыхъ своихъ родственниковъ и снова соединилъ въ своихъ рукахъ значительное богатство.

Графъ, оставивъ прежній полусутиливый тонъ, говорилъ теперь совершенно серьезно, и принцесса внимательно слушала его.

— Онъ женатъ? спросила она.

— Вдовецъ, и теперь совсѣмъ одинокъ.

— Куда же онъ дѣваетъ свои деньги, онъ скупъ и копитъ ихъ, или его обворовываютъ?

— Ни то, ни другое. Онъ хочетъ еще жить и пользоваться удовольствіями жизни...

— И онъ явился въ Парижъ, чтобы здѣсь прожить остатокъ дней такъ, какъ умѣютъ это дѣлать только въ Парижѣ? улыбнулась принцесса.

Выставка въ Импер. Акад. Художествъ. „Вотъ онъ—Наполеонъ!“ Съ карт проф Г. Виллевальде, грав. Шюблеръ.

Рабочіе, прїѣхавшіе по поѣзду съ удешевленнымъ тарифомъ въ СПБ., по Никол. жел. дорогѣ.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Г. Броллинга, грав. Флюгель.

— Онъ явился сюда, отвѣтилъ, тоже унываясь, Сень-Жерменъ,—чтобы увидѣть меня и кунить секретъ возстановленія молодости и долгой жизни. Ему сказали, что я владѣю этимъ секретомъ.

Въ это время занавѣсъ поднялся, и началось слѣдующее дѣйствіе, но разговоръ слишкомъ интересовалъ принцессу Иоганну, чтобы прекратить его ради пьесы.

— Знаете, графъ, сказала она, отходя въ глубину ложи,—я тоже слышала много разъ, что вы обладаете этимъ секретомъ, но никогда не рѣшалась спросить васъ,—неужели это правда?

Графъ пожалъ плечами.

— До нѣкоторой степени, принцесса; если не вполне могу я возстановить молодость человѣка, то, во всякомъ случаѣ, пожалуй, въ состояніи удвоить года его жизни.

Глаза Иоганны блеснули.

— Неужели,—такъ это правда? повторила она, не замѣчая, что отъ волненія безцеремонно беретъ графа за локоть.—Какой же это секретъ, какая цѣна ему?

— Цѣна тѣхъ усилій, которые самъ человѣкъ будетъ дѣлать для достиженія цѣли. Если меня спросятъ: какъ удвоить года жизни? я отвѣчу:—бросьте городъ, бросьте его соблазны, ѣшьте, только чтобы утолить голодъ, и пейте, только чтобы утолить жажду; ступайте въ поле, работайте мускулами, вставайте рано поутру, умывайтесь каждый день ключевою водою, содержите въ самой строгой опрятности себя, свое платье и свое жилище и имѣйте настолько силы воли, чтобы стать выше мелкихъ житейскихъ неприятностей и не волноваться ими. Не дѣлайте зла.

— И только? спросила принцесса.

— О, это очень много, отвѣтилъ графъ.

Иоганна отвернулась и замолчала. Все это она знала, что говорилъ Сень-Жерменъ, и все это было не то, чего она хотѣла. Она и теперь не вѣрила, что онъ говоритъ искренно. Она была убѣждена, что у графа есть рецептъ эликсира, или состава, способнаго сразу, черезъ нѣсколько пріемовъ, вернуть человѣку молодость, но только онъ не желаетъ сообщить ей объ этомъ.

— Да, наконецъ протянула она, качая головою,—но это слишкомъ просто, слишкомъ просто.

— Это просто, перебилъ графъ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрно,—въ мірѣ нѣтъ ничего необыкновеннаго. И зачѣмъ искать другого, если не хочется испытать этого простого средства.

— И что же, вы и этому старому маркизу Каулучи пропишете то же средство, графъ?

— Я ему, вѣроятно, ничего не пропишу, потому что едва ли мнѣ придется увидѣться съ нимъ.

— Вы ѣзжаете?

— Сегодня въ ночь.

— Значитъ, вы пришли проститься со мною?

— Да, принцесса. И еще для того, повторяю, чтобы показать вамъ здѣсь стараго маркиза.

Принцесса опять помолчала.

— Что же, этотъ маркизъ можетъ быть нуженъ зачѣмъ-нибудь мнѣ или Лотти? доверчиво спросила она, окончательно уже примирившись съ мыслью, что графъ не хочетъ сообщить ей своего секрета.

Лотти было имя, которымъ она привыкла звать дочь, ставшую уже теперь великою княжною Екатериною Алексѣевною, но для нея, матери, оставшуюся все-таки прежнею Лотти.

— Нѣтъ, возразилъ графъ,—на этотъ разъ это услуга или помощь, которую я жду отъ васъ, принцесса. Мнѣ необходимо ѣхать сегодня. А между тѣмъ, очевидно, дни этого старика сочтены. Желая продолжить ихъ, онъ, несомнѣнно, попадетъ въ руки шарлатановъ,

и они ускорятъ его смерть. Онъ едва ли будетъ живъ, когда мнѣ можно будетъ вернуться въ Парижъ.

— При чемъ же тутъ я, и что я могу сдѣлать, не понимая еще ничего, но, видимо, готовая заранѣе исполнить просьбу графа, отвѣтила Иоганна.

Она знала, что этотъ человѣкъ не можетъ попросить о чемъ-нибудь дурномъ.

Сень-Жерменъ вынулъ изъ бокового кармана своего кафтана сложенную вчетверо бумагу.

— Больше ничего, принцесса,—взять эту бумагу и хранить ее у себя пока. Можете прочесть ее, если хотите.

— А потомъ? спросила она.

— А потомъ—ждать случая, когда старикъ Каулучи подишетъ ее. Онъ долженъ это сдѣлать.

— Ну, а если такого случая не представится?

— Тогда въ томъ не будетъ вашей вины, принцесса. Но будьте увѣрены, что случай такой будетъ.

И графъ, вставъ со своего мѣста, низко и почти-тельно поклонился принцессѣ, прощаясь съ нею.

Она взяла его бумагу.

— Куда же вы ѣдете теперь, графъ? спросила она,—или это тоже тайна?

— Туда, гдѣ люди *гибнутъ*, отвѣтилъ онъ, въ свою очередь, подчеркивая теперь это слово, и, поклонившись еще разъ, онъ вышелъ изъ маленькой ложи принцессы.

VI.

Въ Кёнигсбергѣ.

Наступленіе русскихъ войскъ на Берлинъ было оставлено сраженіемъ при Цорндорфѣ, и Ферморъ отступилъ къ Кольбергу, подъ которымъ, осаждая его, провелъ около мѣсяца, но безуспѣшно.

Затѣмъ, приближеніе графа Доны заставило насъ вернуться въ Пруссію и Польшу, гдѣ, въ виду близкихъ уже холодовъ, мы расположились на зимнія квартиры.

Сосредоточеніемъ нашей арміи сталъ, какъ и въ прошломъ году, богатый, старинный Кёнигсбертъ, превратившійся въ русскій военный городъ.

Здѣсь распорядились русскіе генералы, русскіе часовые несли службу въ замкѣ и у городскихъ воротъ; на готическихъ домахъ постройки ганзейскихъ временъ появились русскія надписи тамъ, гдѣ были наши полковые дворы. Въ числѣ ихъ былъ одинъ и Тарасовскаго полка. Но самый полкъ, послѣ Цорндорфа, существовалъ только по инерціи. Убитыхъ и раненыхъ было гораздо больше, чѣмъ оставшихся въ живыхъ.

Многихъ и храбрыхъ, и честныхъ товарищей потеряли тарасовцы, но (и это было самое главное) они потеряли также свое полковое знамя.

И остались послѣ отчаяннаго Цорндорфскаго боя—полковой командиръ, нѣсколько человѣкъ офицеровъ, не болѣе полусотни солдатъ, и это былъ уже не полкъ, а остатки *бывшаго* Тарасовскаго полка, потерявшаго свое знамя и съ честію легшаго костями возлѣ него. Тѣ, которые остались, остались случайно, и никто не сомнѣвался, что и они готовы были бы лучше умереть, чѣмъ пережить своихъ товарищей и стать случайными людьми, которыхъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, расформируютъ по другимъ полкамъ.

Ходили слухи, что новаго знамени прислано не будетъ, что на мѣсто тарасовцевъ изъ Россіи придетъ другой полкъ, а ихъ комплектовать больше не станутъ.

Но пока ничего еще не было извѣстно опредѣленнаго. Полковой писарь приладилъ двѣ комнаты подъ канцелярію, вывѣсилъ надписи, что здѣсь, молъ, полковой тарасовскій дворъ, и готовая уже прекратиться жизнь полка билась еще здѣсь ослабѣвающимъ съ каждымъ днемъ пульсомъ. Полковой командиръ продолжалъ, правда, писать рапорты по начальству и получать на нихъ отвѣты, но все чувствовалъ, что это продолжится

не долго, и что тарасовцевъ оставляютъ пока въ покоѣ потому, что есть дѣла болѣе неотложныя, по устройству и размѣщенію войскъ въ городѣ на зиму.

Наконецъ, когда войска были расквартированы и устроена походная церковь, въ первое же воскресенье было приказано явиться туда всѣмъ начальствующимъ и офицерамъ.

Пятое сентября, день именинъ государыни, войска провели въ походѣ, и поэтому должны были теперь служить царскій молебень.

Полковые писаря знали уже, что изъ Петербурга наканунѣ были получены предписанія съ курьеромъ, и что, вѣроятно, послѣ обѣдни, станутъ извѣстны интересныя новости.

Большинство, кромѣ тарасовцевъ, ждало награды, отличій и повышеній.

Старый дядя, капралъ седьмой роты, не пошелъ въ церковь.

— Не могу идти на люди, душа болитъ, объяснилъ онъ Оедору, занявшему послѣ Артемія мѣсто сержанта.

— Эка, дядя, отвѣчалъ тотъ, — въ церковь-то... Нешто это на люди?..

— А то какъ-же, — вѣдь тамъ будутъ. Лучше одинъ дома помолюсь.

И, недовольный упрямствомъ Оедора, дядя покачалъ головою:

— Всѣмъ ты хорошъ, Оедоръ, а все-таки далеко тебѣ до сударика. Жаль обѣднягу. Вотъ будь онъ — онъ бы понялъ, почему даже въ церковь тяжело идти нашему брату... а ты сомнѣваешься.

Оедоръ взглянулъ на капрала исподлобья и, чтобъ доказать, что онъ тоже понимаетъ, отвѣтилъ:

— Да что-жъ, я вѣдь чувствую... и Артемія Андреича тоже жалѣю.

— Ты не его, себя съ нами жалѣй. Ему, можетъ, лучше, чѣмъ намъ съ тобою теперь, такъ-то.

И капралъ, крѣпко закусивъ на сторону свою коротенькую трубочку, отвернулся, съ видомъ, что и говорить-то не стоить.

Въ церковь онъ не пошелъ, но въ воскресенье утромъ, до конца обѣдни, явился на полковой дворъ, предчувствуя, что сегодня должна рѣшиться судьба полка.

Тарасовцы занимали домъ разореннаго войною нѣмецкаго купца. Въ самомъ дому были отведены квартиры для полкового командира, адъютанта, старшаго офицера и канцеляріи, а для солдатъ устроили казарму въ бывшемъ при домѣ товарномъ складѣ.

На дворѣ, у крыльца командира, стоялъ денежный ящикъ, и возлѣ него мѣрно прохаживался часовой. Дворъ былъ вычищенъ и усыпанъ пескомъ. Дежурный вѣстовой вертѣлся возлѣ дверей канцеляріи; у импровизированныхъ казармъ устроили скамеечки; словомъ, дворъ имѣлъ вполне военный видъ, но только на немъ не производили учений, и, по вечерамъ, у казармъ не слышно было пѣсенъ.

Дядя-капралъ, выйдя на дворъ, присѣлъ на скамеечку, безпокойно поглядывая на ворота, откуда должно было прійти изъ церкви начальство.

Октябрьскій день не казался холоднѣе, несмотря на то, что по ночамъ бывали ужъ заморозки, но, къ полудню, не потерявшее еще свою силу солнце нагрѣвало воздухъ настолько, что можно было надѣвать верхнее платье нараспашку.

Первыми пришли адъютантъ и два молодые офицера, при взглядѣ на которыхъ у капрала невольно мелькнуло воспоминаніе о ротномъ командирѣ, прѣхавшемъ подѣ Кюстриномъ изъ Петербурга и такъ скоро окончившемъ свое боевое поприще.

Карла Эйзенбаха такъ же, какъ Артемія, считали въ числѣ убитыхъ.

Офицеры остановились посрединѣ двора, громко разговаривая. Они были сильно взволнованы.

— Неизвѣстность хуже всего, говорилъ одинъ, сильно размахивая руками. — Я понимаю, ужъ если думать, такъ пусть и раскассируютъ.

Видимо, ему это слово пришлось, и онъ повторилъ его.

— Я положительно теряюсь, возразилъ адъютантъ, — неужели изъ Петербурга такъ-таки и нѣтъ ничего относительно насъ?..

— Можетъ быть, замѣтилъ другой офицеръ, — генералъ не хотѣлъ, сряду послѣ награды, сообщать неприятныя вещи.

— А ты замѣтилъ полкового командира? На немъ лица не было все время. Я думалъ, одну минуту, что онъ свалится.

— Да, онъ не хорошъ, и измѣнился какъ...

— Но все-таки генералъ былъ съ нимъ любезенъ.

— Эхъ!.. Да любезность эта хуже сердца. Словно милостыню подастъ, Христа ради.

Къ этимъ первымъ тремъ стали подходить остальные, возвращавшіеся изъ церкви, и тоже высказывали свои впечатлѣнія.

Дѣло было въ томъ, что генералъ, послѣ молебна, поздравлялъ счастливецъ, получившихъ награды, съ монаршею милостью, относительно же тарасовцевъ не обмолвился ни словомъ, какъ будто ихъ и не было вовсе. Офицеры видѣли, правда, какъ онъ поздоровался съ ихъ полковымъ командиромъ, но, повидимому, и ему не сказалъ ничего, такъ какъ командиръ не далъ приказанія собираться имъ. Собрались же они на полковой дворъ сами собою, потому что идти одному къ себѣ домой каждому изъ нихъ не хотѣлось. Въ такія минуты, которыя они переживали теперь, необходимо было быть вмѣстѣ, въ своей, еще не распавшейся, но готовой уже распасться, полковой семьѣ.

И они пришли къ себѣ на дворъ и, такъ какъ идти дальше было некуда, остановились здѣсь въ ожиданіи полкового командира.

Мало-по-малу образовалась вокругъ нихъ толпа старыхъ солдатъ, которые не разъ бывали съ ними въ неприятельскомъ огнѣ и потому чувствовали ту общую близость, которая устанавливается между людьми, дѣлившими вмѣстѣ опасность.

Эта близость позволяла теперь, не нарушая дисциплины, подойти и слушать имъ.

Подождалъ тоже и дядя.

Ждали полкового командира.

— Идетъ... идетъ... слышалось, наконецъ, въ толпѣ.

И видный полковникъ, съ сѣдѣющими большими усами, показался въ воротахъ. Знакомая тарасовцамъ, обыкновенно, прямая, видная фигура его, съ гордо и смѣло закинутою головою, казалась теперь сгорблена, и взглядъ недавно еще быстрыхъ и оживленныхъ глазъ совсѣмъ потухъ. Полковникъ шелъ тихими, короткими шагами. Онъ былъ блѣднѣе еще, чѣмъ всѣ послѣдніе дни.

Увидѣвъ собравшихся на серединѣ двора полковыхъ, видимо, ожидавшихъ его прихода, онъ сморщился, какъ отъ новой физической боли, и направился къ нимъ, словно нехотя, подчиняясь необходимости сдѣлать это.

„Ну что-жъ, и эту тяжесть вынесу еще“, говорилъ онъ всѣмъ существомъ своимъ, и видомъ, и взглядомъ, — „все равно, рано или поздно, необходимо мнѣ сказать вамъ“.

И по одному этому его виду всѣмъ стало ясно то, что онъ долженъ сказать имъ.

— Все кончено, проговорилъ упавшимъ голосомъ полковой командиръ, подходя, — генералъ получилъ предписание. Послѣ обѣдни онъ призвалъ меня къ себѣ, чтобы сказать, что новаго знамени не будетъ намъ прислано. Въ Петербургѣ и самимъ генераломъ не доволны, и награды были даны такъ ужъ.

Полковой командиръ замолчалъ: молчали и всѣ остальные, потому что сказать было нечего.

Участь Тарасовскаго полка рѣшилась.

Наступила та тяжелая, давящая тишина, которая вдругъ охватываетъ людей въ первую минуту извѣстiя о кончинѣ любимаго и близкаго человѣка.

Всѣ опустили голову, притаивъ дыханiе, и только теперь, когда уже нельзя было сомнѣваться въ томъ, что случилось всѣмъ какъ будто ожидаемое, почувствовали, что до этой минуты они все-таки надѣялись на что-то, все-таки ихъ не покидала мысль о возможности иного исхода.

— Эхъ, не то больно, заговорилъ вдругъ снова полковой командиръ, и голосъ его снова дрогнулъ,—не то больно, что придется разстаться намъ другъ съ другомъ и искать, какъ бездомнымъ, пристанища но другимъ полкамъ; не то больно, что это безпримѣрный случай,—но такова воля государыни, а то больно, что наше знамя, свитыя наша попали въ чужія, вражескія руки. Кончатся война, илѣнныхъ вернуть, а не вернуть нашего знамени. Повѣсятъ его куда-нибудь на показъ, на позоръ намъ, и хранить будутъ, и десятки лѣтъ пройдутъ—внукамъ и правнучкамъ нашимъ показывать его будутъ: на, вотъ, смотрите,—у насъ, въ иѣмецкой землѣ, есть русское знамя. А чье оно, кто не уберечь его?—тарасовцы... Вотъ что больно.

И полковникъ не могъ договорить, губы его дрожали, и онъ закрылъ рукою глаза.

Въ заднихъ рядахъ толпы въ это время произошло какое-то странное движеніе, и послышался говоръ, рѣзко нарушившій тишину.

Полковникъ поднялъ голову.

Ряды военныхъ разступились передъ нимъ, и прямо къ нему выходилъ изъ-за нихъ кто-то, въ совершенно непонятномъ иѣмецкомъ платьѣ, почти въ лохмотьяхъ. Блѣдный, худой, дрожащій отъ холода, онъ трясуцимися руками разбиралъ свои лохмотья на груди и доставалъ что-то, и доставъ, подавалъ ему.

Бредъ это былъ или дѣйствительность, но то, что подавали полковнику,—было оторванное отъ древка полковое знамя. Онъ, не иѣря глазамъ своимъ, не понимая, не ожидая этой радости, больше, чѣмъ радости, больше всякаго счастья,—взялъ его въ руки. Да,—это было ихъ знамя...

— Вотъ оно, вотъ оно... повторялъ блѣдный чело-

вѣкъ въ лохмотьяхъ,—не безплотный, благотѣльный духъ или гений, но совсѣмъ живой, хотя, правда, едва державшійся на ногахъ отъ усталости и болѣзни чловѣкъ.

— Кто ты, откуда? выговорилъ, наконецъ, полковникъ.

— Артемій Проскуровскій, сержантъ седьмой роты, отвѣчалъ тотъ.

Многіе свои узнали его раньше, несмотря на страшную переимѣну, пронесенную въ немъ. Но въ первый мигъ смотрѣли не на него, а на то, что онъ спасъ и принесъ какимъ-то чудомъ.

И всѣ, отъ полковника до послѣдняго солдата, чувствовали, какъ вдругъ забилося ихъ сердце новой, неожиданной жизнью, словно воскресъ въ немъ мертвецъ, котораго они готовы были уже похоронить.

И чѣмъ сильнѣе было ихъ горе передъ тѣмъ, тѣмъ сильнѣе казалась ихъ радость.

— Что-жъ ты раньше, раньше? спрашивалъ полковникъ, но сейчасъ же понявъ, по виду Артемія, что тотъ только теперь, очевидно, добрался до Кенігсберга и прямо явился на полковой дворъ, почувствовать, что невольный упрекъ его неумѣстелъ и, безъ дальнихъ словъ, обнялъ и поцѣловалъ Артемія. Но едва онъ разжалъ свои руки, какъ шею Артемія обхватили другія, крѣпкія, старческія объятія.

— Голубчикъ, сударикъ, родной мой, силится выговорить сквозь слезы старый капралъ, обнимая своего сержанта.—А мы думали, что тебя и въ живыхъ иѣтъ, голубчикъ.

Капралъ, какъ только появился Артемій, протискался къ нему и ждалъ этой минуты, когда онъ обниметъ своего сударика.

И отъ одного къ другому сталъ переходить, счастливый ласкою столькихъ людей, Артемій, и всѣ находили ему ново: ласковое слово, и каждый по-своему выражалъ свою радость.

„Что они съ ума сошли!“ подумалъ невольно, приостановившись, вошедшій случайно на тарасовскій дворъ, молодой артиллерійскій офицеръ, не понимая, что случилось.

Но когда и ему, постороннему, рассказали, въ чемъ дѣло, онъ подошелъ къ Артемію и крѣпко пожалъ его руку

(Продолженіе будетъ)

Вечеръ.

Стихотвореніе А. В. Бобрищева-Пушкина.

Посмотри, какъ солнце тихо
Гаснетъ, прячась, за горою,
Какъ подернулась рѣка вся
Зыбью, точно чешуею;
Какъ прозрачнѣе воздухъ чистый,
Въ вѣтеркѣ какая влага...
Какъ ползутъ лѣсные духи
Изъ глубокаго оврага...

Какъ вверхъ, въ сосновой рошѣ,
Все полно волшебной мглою,
Какъ вдали костры рыбацкіе
Загорѣлись надъ рѣкою.
Посмотри, какъ наша лодка
Пролагаетъ слѣдъ волнистый,
Какъ съ небесъ въ рѣчную бездну
Смотритъ мѣсяцъ серебристый...

Лодъ розовымъ блескомъ.

Разсказъ Е. Дубровиной.

Снова настала весна, снова жизнь воцарилась на улицахъ города, и кровь быстрой побѣжала по жиламъ, и въ сердцахъ проснулась жажда любви, счастья, радости.

Стоя у окна своей хорошенькой комнатки, чистой и бѣлой, какъ то облако, что блѣжитъ по лазурному небу, Вѣрочка Тѣшишева смотритъ въ садъ, наблюдая пробужденіе природы. Въ комнату врывается смолистый ароматъ развернувшихся тополей; полуодѣтыя лны тихо клваютъ другъ другу нарядными верхушками и шепчутъ что-то неясное, иѣжное, какъ первый, робкій шопотъ любви. Мглистыя, темныя сумерки ласково окутываютъ землю, и розовый блескъ зари ложится на бархатистый зеленый лугъ.

Сердце Вѣрочки тихо, тихо сжимается; къ глазамъ подступаютъ жгучія, скорбныя слезы. Ей хочется дать имъ волю,

но не хочется, чтобы ихъ видѣлъ кто-нибудь, а, въ особенности, старушка-лнн: встревожится, начнетъ разспрашивать, утѣшать. Утѣшать! Точно можетъ утѣшить что-нибудь, когда впереди ничего нѣтъ свѣтлаго, ничего такого, чѣмъ бы манила жизнь.

Накинувъ на плечи теплый платокъ, Вѣрочка вышла въ садъ и, почувствовавъ себя на свободѣ, дала волю и слезамъ, и думамъ, вызвавшимъ эти слезы.

Прошлое воскресло... Незабвенное, милое прошлое!

Точъ-въ-точъ такъ же и тогда розовѣла зари, и тѣ-же длинныя тѣни расплазались по влажной, пахучей землѣ. Прозрачныя облака розовѣли перламутровымъ блескомъ, и блѣдно-лиловое небо опрокинулось надъ пробуждавшейся отъ долгой спячки землей...

Выставка скульптурных произведений проф. М. М. Антокольского. „Христосъ“.
Съ фот. грав. Флюгель.

Все, все такъ-же, какъ было тогда. Только она сама измѣнилась, да такъ измѣнилась, какъ будто не годъ, а годы пропеслись надъ ея головой. Тогда въ душѣ пробуждались, а теперь засыпали надежды, и радость, улетѣвъ за звучнымъ хоромъ пернатыхъ, не вернулась съ ними обратно съ благословеннаго Юга.

Поцѣлуй, клятвы, восторги! Куда ушло это все?

Такъ-же ярко горитъ закатъ, какъ годъ тому назадъ, но не прежняя, счастливая улыбка, а горькая усмѣшка лежитъ на побѣдѣвшихъ губахъ.

Годъ прошелъ. Только годъ! Жизнь заканчивается, едва начавшись. Вѣрочка слыхала, что любовь приходитъ не одинъ разъ, что въ девятнадцать лѣтъ нельзя ставить крестъ надъ собою. Но она чувствуетъ всею своимъ молодымъ существомъ, что такъ, какъ Гришу, она уже никого не полюбитъ, никому не поверитъ такъ, какъ ему вѣрила.

Ей хочется смерти, потому что у нея смерть въ душѣ. „Гриша!.. Гришенька!“ звучитъ и внутри, и кругомъ ея, слышится ей вездѣ и всегда. Высокая, мужественная фигура молодого человѣка склоняется къ ней свою красивую, черную голову, и горячія алія губы снова прижимаются къ ея губамъ. Какъ тогда... ну, совсѣмъ, совсѣмъ, какъ тогда, въ тотъ вечеръ, въ этомъ самомъ саду, въ этотъ самый часъ.

О, какъ помнитъ она тотъ вечеръ! Все помнитъ, все, до послѣдняго взгляда его, до послѣдней улыбки. Годы пройдутъ, десятии лѣтъ, а она все будетъ помнить его, тотъ первый и послѣдній вечеръ ея блаженного, чуднаго счастья.

Какъ неожиданно оно подошло, такъ и ушло неожиданно!

Вѣрочка давно любила его; всегда любила, какъ казалось ей. Еще совсѣмъ маленькая дѣвочка, въ пансіонѣ м-лле Спирклеръ, она нетерпѣливо ждала субботы, чтобы ѣхать домой со старушкой няней, которую мать всегда присылала за нею, и—увидѣться съ Гришей, приходившимъ домой изъ конскерскаго училища. Онъ былъ нахлѣбникомъ у ея матери и много рассказывалъ Вѣрочкѣ о своей семьѣ, богатыхъ помѣщикахъ, на югѣ Малороссіи. Онъ рисовалъ Вѣрочкѣ пирамиды и пирамиды, которыхъ она никогда не видала, читалъ ей Гоголя, пугалъ ее „дядей Виемъ“ и называлъ ее, въ шутку, своей пѣвчей.

— Когда ты вырастешь, говорилъ онъ,—я буду уже офицеромъ, и свезу тебя къ моей мамѣ. Ты увидишь наши бѣлые мазапки съ вишневыми садиками, послушаешь наши хохлаки и пѣсни. Хочешь, я спою тебѣ „Гриця“? Это, вѣдь, меня такъ зовутъ: „Грицю“—значитъ—Гриша. Когда ты будешь большая, то непременно влюбишься въ меня, будешь меня ревновать къ нашимъ „дивчинамъ“ и споешь мнѣ такую пѣсенку.

И онъ пѣлъ ей „Ой не ходи, Грицю, переводя непонятныя для нея мѣста. Вѣрочка приходила въ ужасъ отъ такой ревности, которая идетъ даже на убійство, и серьезно говорила, что она этого не могла бы.

— Развѣ можно убивать того, кого любишь? вопросомъ отвѣчала она. — Мнѣ кажется, я бы тебѣ все могла извинить, Гришенька.

Онъ презрительно вздергивалъ губу, на которой чернѣли пробивающіеся усики, и обрывалъ ее убійственно-холоднымъ приговоромъ.

— Дѣвочка! говорилъ онъ.—У васъ, петербургскихъ барышень, въ жилахъ течетъ не кровь, а вода. Нѣтъ, я не хочу такой жены. Наши украинки—огонь! Глаза—какъ вишни свѣзлы, губы алія, лица смуглыя, румянецъ такъ и горитъ во всю щеку. Она и сама умереть, и другого убить за любовь! Вотъ какая женщина мнѣ нужна, а не кисло-сладкая столбчатая барышня.

Привезенный въ Петербургъ десятилѣтнимъ, Гриша и въ глаза не видѣлъ этихъ „украинокъ“, но ему хотѣлось пустить нить въ глаза Вѣрочкѣ, стать въ ея глазахъ мужчиной,—и онъ цѣлолзалъ фразы, и съ удовольствіемъ наблюдалъ, какъ блѣднѣло личико дѣвочки отъ его хвастливыхъ рѣчей, и слезы навертывались на мпыхъ, кроткихъ глазахъ.

Три года тому назадъ Вѣрочка кончила курсъ пансіона, и мать отправила ее за-границу съ одной родственницей для изученія языковъ. Гриша безъ нея вышелъ въ офицеры и, надевая свой повенскій, блестящій мундирчикъ, вздохнулъ о томъ, что Вѣрочка не увидитъ его.

„И пуговицы, и погони, пожалуй, потемнѣютъ до ея пріѣзда“, съ сожалѣніемъ подумалъ онъ.

Когда они встрѣтились, Гриша былъ уже вполнѣ ожившимся офицеромъ. Вѣрочка не узнала его, онъ не узналъ ее. Любовь вспыхнула сразу, вѣрочка, пробѣжала, какъ по пороховой ниткѣ, отъ одного сердца къ другому—и мгновенно зажгла ихъ. Вмѣсто прежнихъ, дѣтски-свободныхъ, отношеній, возникли новыя, робкія, смущенныя. Оставаясь вдвоемъ, молодые люди молчали, инстинктивно чувствуя, что о пустякахъ говорить стыдно, да и не хочется, а о томъ, что имъ на heart чувствовало, говорить нельзя. Оба были рады, когда tête-à-tête ихъ прерывался, и оба досадовали, что не воспользовались имъ для того, чтобы высказаться.

Любовь свѣтилась въ ихъ глазахъ, въ ихъ улыбкахъ. Щеки вспыхивали румянцемъ. Къ сердцамъ прилила кровь, ускоряя ихъ бѣшеніе. Но уста молчали, какъ скованныя...

И вотъ насталъ, наконецъ, день прощанья: Гриша получилъ отпускъ и ѣхалъ повидаться съ родными.

Какъ помнила Вѣрочка этотъ день! Помнила даже платье, которое надевала для него, зная, что онъ любить это платье, хорошенькое платьице изъ бѣлаго батиста, съ сиреневыми мушками и бантиками.

— Грустно мнѣ разставаться съ вами, Катерина Григорьевна, сказала Гриша матери Вѣрочки, разлѣпно мѣшая ложечкой въ стаканъ давно уже растаявшій сахаръ.

При этомъ онъ такъ выразительно поглядѣлъ на Вѣрочку, что она поняла: съ ней ему было грустно разстаться.

— Не надолго расстаемся, Григорій Васильевичъ...

— Нѣтъ, ради Бога, не величайте меня! Для васъ—я всегда останусь Гришей.

И опять Вѣрочка поняла, что это для нея онъ всегда будетъ „Гришей“, и, наскоро выпивъ свой чай, предложила ему—пройтись съ нею по саду.

Онъ быстро всталъ изъ-за стола, обрадованный, взволнованный, умиляясь передъ ея рѣшимостью, мысленно возводя эту рѣшимость чуть не въ геройство. Она хотѣла проститься съ нимъ безъ свидѣтелей, она давала ему возможность вылить передъ нею такъ долго молчавшее, такъ утомившееся молчаніемъ сердце!

„Умища моя! Умища!“

И вотъ тутъ, у этой самой рѣшетки, гдѣ она стояла теперь такая грустная, блѣдная, тогда было впервые сказано все между ними... Первые слова вырвались трудно, смущенно, скованныя цѣпью привычной сдержанности. Но тѣ, что полились за ними, уже не знали удержа, и смѣнились клятвами въ вѣчной вѣрности, въ вѣчной любви, поцѣлуями.

Заря догорала въ свѣтло-лиловомъ небѣ, когда они вернулись къ матери, держась за руки...

— Давно ужъ благословила васъ, милые, и не разъ молилась за васъ обоимъ вмѣстѣ, отвѣчала Катерина Григорьевна.— Еще когда оба вы были дѣтьми, я рѣшила, мысленно, что вамъ не уйти другъ отъ друга. Ужъ такіе друзья были, такіе друзья!

И любовь, и материнское благословеніе, „навѣки перушиное“, все рухнуло, задавленное временемъ, разлукой и—огненными глазами какой-нибудь „украинки“, въ жилахъ которой течетъ „кровь, а не вода“.

Вѣрочка такъ и рѣшила, что тутъ не обошлось безъ украинки. Бывали минуты, когда она начинала понимать смыслъ хохладкой пѣсенки, гдѣ дѣвушка отравляетъ „Грицю“ за то, что онъ полюбитъ другую.

„Ой не ходи, Грицю,
На вечерницы,
Во на вечерницы,
Дівки чарівниця“,—

предупреждаетъ она своего милого; а потомъ варить зелье, которымъ отравляетъ его.

„Отъ тобі, Грицю, така заплата:
Четыре доски гробовыя,
Да темная хата.
Нехай винь знає, нехай вѣдає,
Нехай двухъ разомъ Гриця не кохає“,—

пѣла Вѣрочка, и слезы выступали на ея глазахъ, а въ добромъ сердечкѣ зарождалось совсѣмъ новое чувство, глухой, безознательной злобы и ревности.

— Полно тебѣ убиваться, Вѣруня, говорила ей мать.— Вѣдь, еще ничего не извѣстно... мало ли что можетъ мѣшать ему пріѣхать?... Дѣла какія-нибудь... Наконецъ, можетъ быть, родители не желаютъ вашего брака...

— Ахъ, мама, какъ ты странно защищаешь его! Неужели онъ такая тряпка, что даже написать мнѣ не можетъ? Нѣтъ, онъ просто забылъ меня... а, можетъ быть, даже и увлекся тамъ кѣмъ-нибудь... Ну, что-жъ,—Богъ съ нимъ! Съ чего ты взяла, что я убиваюсь? Неприятно, конечно, быть оставленной невѣстой, но, чтобы убиваться... Нѣтъ, ты меня не знаешь, мама,—я слишкомъ горда и самолюбива, чтобы тосковать о человѣкѣ, который могъ такъ легко и скоро забыть меня.

Она всѣми силами скрывала свою тоску отъ матери; ее обижало, что мать легко относится къ ея горю. Это, въ самомъ дѣлѣ, было странно: такая любящая, заботливая, ласковая, Екатерина Григорьевна Тинишева, какъ будто, не понимала, что должна чувствовать дочь, оскорбленная въ своемъ лучшемъ, первомъ чувствѣ. Иногда она даже, какъ будто, дразнила ее, говорила, что, можетъ быть, все поправится, что нечего отчаиваться, пока она не получитъ отъ него письма, гдѣ онъ самъ скажетъ, что не вернется къ ней, что разрываетъ со своимъ прошлымъ. Одинъ только разъ Вѣрочкѣ показалось, что мать страдаетъ съ нею вмѣстѣ; но и это было какъ-то странно, загадочно. И Вѣрочка не знала, какъ ей понять и слова, и чувства матери.

Это было такъ: Вѣрочка вернулась отъ одной пріятельницы, бывшей въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Гришей, и, не раздѣваясь, прошла въ комнату матери. Лицо ея было блѣдно и извѣствовало; глаза—красны отъ только что пролитыхъ слезъ.

— Ну, вот, мама, теперь уже пять больше никаких сомнений, возбужденно сказала она, и голос ее звучал, как надтреснутый. — Я была у Мани Левинной, и она рассказала мне, что Григорий Васильевич бросил службу, поступил в земство, и сватается к какой-то богатой помещице. Мама говорит, что его родители окончательно разорены, и потому он не мог жениться на такой бедной девушке, как я.

Губы Вѣрочки конвульсивно подергивались; казалось, вот-вот слезы брызнут из ее глаз. Мать посмотрела на нее, и на лице ее выразилась борьба: она как будто хотела что-то сказать, даже открыла рот для этого, но вместо этого только крепко закусила себя губы...

— Я бы, на твоём месте, не вѣрила никаким слухам, пока любимый мною человек *сам* не напишет бы мне, что женится. А ты всему вѣришь, кто бы что ни сказал тебе. Удивляюсь я вам, современным девушкам! Любить вы не умеете, не умеете вѣрить так, как мы вѣрили нашим женщинам и мужьям.

В голосе Екатерины Григорьевны звучало раздражение и, вместе с ним, легкая, чуть слышная насмешка.

— Мама! встревожилась Вѣрочка. — Ты что-то знаешь о Грише?

Мать посмотрела на нее, усмехаясь.

— Как же не знать, когда я от тебя слышу, что он негодяй, что он разлюбил тебя, изменил давнему слову, женится на другой... Вот только это и знаю.

— По *тебе*, сама, почему-то не вѣришь, чтобы он мог это сделать?

— Я только *ему* повѣрю, когда он напишет.

Мать говорила таким загадочным, таинственным тоном и была так спокойна сама, что в Вѣрочке снова воскресли какие-то надежды. Но дни шли за днями, не принося ни писем, ни вѣстей. Вѣрочка давно уже знала на-память единственное письмо Гриши, написанное им с дороги, полное любви, ласки, золотых надежд на счастье с нею.

Куда ушло это все? Как могло так скоро уйти?

«Он человек безхарактерный, утѣшала себя Вѣрочка. — Родители не согласились на его брак с бедной девушкой, и постигли женить его, чтобы оградить от меня. Оттого он и не пишет, что ему трудно сознаться в своем безволии. Но он любит меня, я уверена, и тоскует, бедный, не меньше, чем я тоскую».

Объяснение было правдоподобно, и все-таки несколько утѣшало. С матерью Вѣрочка больше не говорила об этом: ее раздражала усмешка матери и упорное нежелание смотреть в глаза истины. Она выѣзжала, принимала у себя подруг, даже в любительских спектаклях участвовала, но такса ее не проходила; напротив, она как будто крѣпла с течением времени.

Къ веснѣ эта тоска доросла до странного напряжения. Природа пробуждалась, птицы запѣли веселые пѣсни, зашумело синее небо в просвѣты листвы. Этот ужас контраста убивал Вѣрочку. Все труднее ей было скрывать свою тоску от матери.

И вот наступило 9-е мая, день, когда Гриша простился с нею и впервые открыл ей свое сердце. Это был день именин покойного отца Вѣрочки; к дорогой памяти присоединилась теперь другая память, другая тризна.

Не сомкнув глаз всю ночь, Вѣрочка заснула только къ утру, проспавшись, узнала, что мать на весь день отправилась въ Колпино, служить пансионку по мужу.

— Отчего же она меня не разбудила? спросила Вѣрочка свою старую няню.

— Она видѣла, что у тебя всю ночь огонь горѣлъ. «Пушай, — говорит, — поспи; въ *другой* съ ней съѣзжу».

«Милая мама! Она помнить, какой это день, и нарочно оставила меня одну, чтобы я могла выплакаться», догадалась Вѣрочка.

Она воспользовалась своей свободой: заперлась в своей комнатѣ, и плакала так, что у нее опухли глаза и съ худѣвшего личика сбѣжал послѣдний румянец.

Завѣшав зарю прогнала ее въ садъ.

«Скоро мама вернется. Надо освѣжиться, чтобы не поразить ее убитымъ видомъ моимъ. О, Гриша, Гриша! Что ты сдѣлалъ со мной!»

Она вздрогнула отъ громкаго звонка въ передней и быстро сбѣжала со ступенекъ террасы, на бѣгу крикнувъ: «Никого дома пѣтъ, няня!»

«Еще чужой кто-нибудь... Запирать... разговаривать... Пѣтъ, не могу!»

Птицы рѣяли въ воздухѣ, купались въ розовомъ блескѣ зари, и оглашали садъ своимъ звонкимъ переклѣпкамъ. Еще часъ — и замолкнутъ ихъ пѣсни, потухнетъ заря, и серебристый рогъ мѣсяца засвѣтится на блѣдно-оранжевомъ небѣ. За часомъ пройдетъ другая часть, за сутками — другая сутки, — и возвратится весна-краса, даря все новые наряды землѣ, все новыя радости птицамъ, насѣкомымъ, букашкамъ, червямъ... Только

человекъ, вѣнецъ мірозданія, еще слыше почувствуетъ свою скорбь въ этомъ окружающемъ его блескѣ природы, и не дастъ она ему ни утѣхи, ни радости, не вернетъ счастья, разбитаго житейской грозой.

Вотъ она, та самая рѣшетка, у которой онъ сказалъ ей, что любить ее, и обнять, и цѣловать такъ, что она и теперь чувствовала на своемъ лицѣ прикосновеніе его горячихъ губъ.

Облокотившись на рѣшетку, Вѣрочка закрыла руками лицо; слезы бѣжали изъ глазъ, скатывались по тонкимъ пальчикамъ и терялись въ ткань платка.

«Ой не ходи, Грицю,
Ты на вечернюю» —

раздалась гдѣ-то вдали знакомая пѣсня.

Вѣрочка вздрогнула... выпрямилась...

«Что это? Галлюцинація слуха?»

Пѣсня затихла.

«Я начинаю сходить съ ума», подумала Вѣрочка, и громче зарыдала отъ жалости къ самой себѣ.

— Вѣруся!.. Голубочка!

Двѣ сильные руки оторвали ее отъ рѣшетки и прижали къ горячей груди, гдѣ радостно билось любящее, вѣрное сердце.

— Гриша!.. Ты?..

Слезы горя смѣшались слезами радости. Оторвавшись отъ своего жениха, Вѣрочка увидела мать, стоявшую поодаль и вытиравшую катившіяся по щекамъ слезы.

— Мама! Вернулся! Любить!

— Да онъ куда и не уходилъ, Вѣруня. Это мы все его ворились... Иначе его отецъ не соглашался на вашъ бракъ.

— И ты... ты согласилась меня мучить, мама?

— Мне не оставалось ничего другого. Съ меня взяли честное слово ничего не говорить тебе. Я дамъ тебѣ прочесть письмо его отца. И онъ правъ, Вѣруня: только то хорошо, что хорошо кончается. Пока они провѣряли тебя, я провѣряла Гришу, и теперь за твоё счастье не боюсь.

— А за *мое*, мама? спросилъ Гриша, обнимая старушку.

— Ну, за твоё-то я никогда не боялась, зная мою дѣвочку.

Они вернулись домой счастливые, радостные. За чаемъ, накрытымъ на террасѣ, какъ *тогда*, Екатерина Григорьевна отдала дочери письмо отца Гриши.

«Если вы желаете своей дочери прочнаго счастья, писалъ старикъ, — вы согласитесь на мое предложеніе — отложить на годъ ея свадьбу съ моимъ сыномъ. Гриша слѣшкомъ молодъ, чтобы можно было на него положить, и я назначаю этотъ искъ столько же для него, сколько для нея. Я ждалъ мою жену шесть лѣтъ, уѣхалъ на службу въ Сибирь и даже не переписывался съ нею за этотъ длинный промежутокъ времени. Когда мы женились, ей было 25 лѣтъ, мне — 30. И дай Богъ нашимъ дѣтямъ такого счастья, какое выпало мнѣ на долю. Я человекъ крѣпкій и на вѣтеръ словъ не бросаю. Чтобы удержатъ здѣсь Гришу, я совѣтую ему бросить военную карьеру, поступить на службу въ земство, учиться сельскому хозяйству и обратиться въ дѣльнаго помещика. Имѣнье у насъ — золотое діо и обезпечитъ не только ихъ, а и дѣтей ихъ. И такъ, сударыня, выбирайте.

«Вашъ слуга

Василій Драготинъ».

— Какое чудное письмо, мама! Я понимаю, почему ты согласилась мучить меня. О, Гриша, какъ я люблю твоего отца! восторженно говорила Вѣрочка, и счастливыя, благодарныя слезы бѣжали по ея щекамъ, разгорѣвшимся прежнимъ румянцемъ.

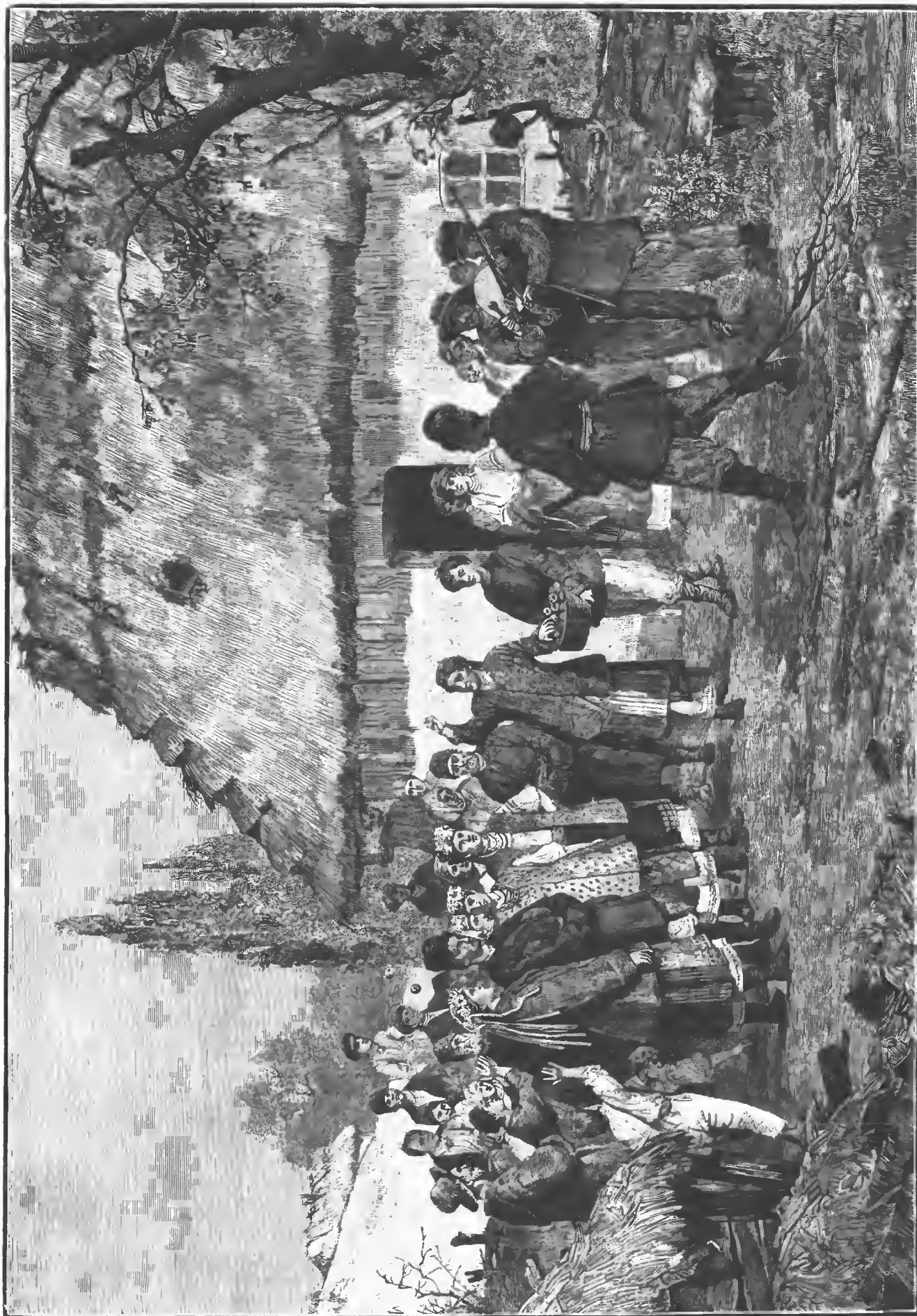
Послѣ чаю они вышли въ садъ. Заря погасла, и серебристый рогъ мѣсяца плылъ по чистому небу, озаряя своимъ волшебнымъ свѣтомъ садъ. По аллеямъ расползлися длинныя тѣни.

— Какъ *тогда*, Гришенька, совѣтъ, совѣтъ, какъ тогда, шептала счастливая дѣвушка, склоня къ плечу жениха утомленную волненіемъ и радостью головку.

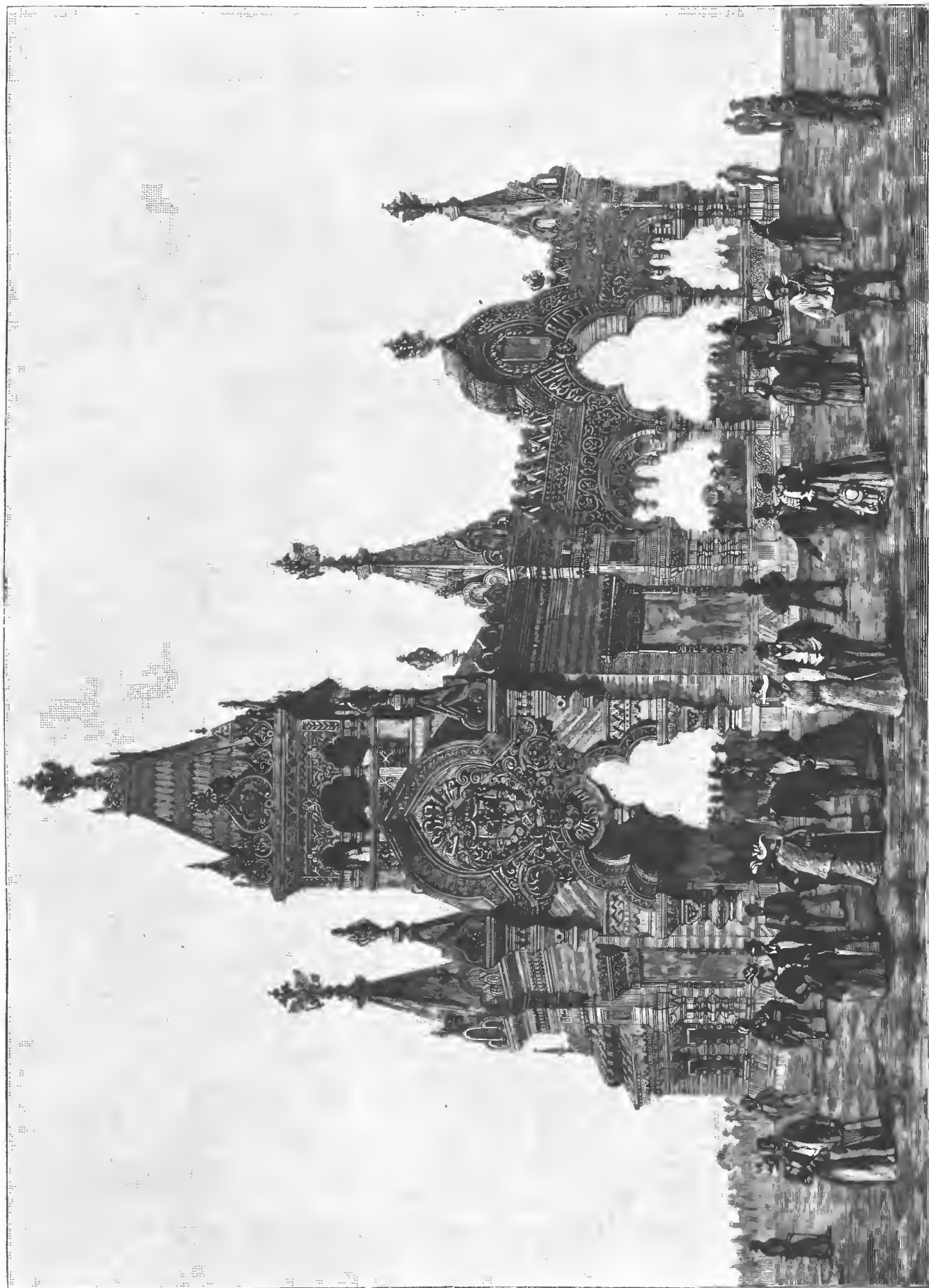
— Пѣтъ, лучше, чемъ тогда, милая! А впереди-то сколько у насъ такихъ вечеровъ и ночей! Наше счастье началось подъ розовымъ блескомъ зари; пусть оно уберетъ намъ всю жизнь розами, Вѣрочка.

Черезъ недѣлю они вѣнчались въ скромной приходской церкви, окруженной зеленой оградой изъ березъ и пахучихъ тополей. Приданое Вѣрочки, и даже ея подвѣчное платье, было уже готово у предусмотрительной матери, твердо вѣрившей, что женихъ ждать себя не заставитъ — долгие опредѣленные дни.

Они вѣнчались послѣ вечерни, въ часъ заката, когда вся церковь тонула въ томъ веселомъ розовомъ блескѣ, подъ которымъ и зародилось, и возвратилось, и увѣчалось на всю жизнь ихъ молодое, розовое счастье.

На красную горку. Свадебные подарки. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Ижаневича, грав. Флюгель.

Всемирная Колумбійская выставка въ Чикаго. Главный входъ Русскаго отдѣла, по проекту архитектора Ропета.
Рис. Григорьевъ. Грав. Гашевскій.

Ипполитъ Тэнъ.

Очеркъ.

Французская литература понесла дѣйствительно значительныя, непоправимыя потери въ сравнительно незначительный промежутокъ времени: въ октябрѣ прошлаго года умеръ Ренанъ, а въ мартѣ нынѣшняго Франція хоронила Тэна. Каковы бы ни были оговорки, которыя можно было бы сдѣлать относительно идей, проповѣдываемыхъ этими мыслителями, — одно остается несомнѣннымъ: это были писатели, въ истинномъ смыслѣ слова, великіе, — великіе своими выдающимися, первоклассными дарованиями, своею преданностью наукѣ и высшимъ интересамъ человѣчества, своими капитальными трудами, совершившими переворотъ въ исторической наукѣ, своимъ громаднымъ влияніемъ, своими возвышенными, хотя, можетъ быть, и односторонними, воззрѣніями.

Какъ мыслитель, Тэнъ имѣлъ огромное (хотя не всегда благотворное) влияние на современную французскую литературу, науку, философію. Его можно считать виновникомъ новаго направленія, принятаго французскимъ искусствомъ; онъ чрезвычайно сильно вліялъ на французскую литературу, — до такой степени, что представители современнаго реализма, съ Зола во главѣ, считаютъ его, — не совѣтъ, впрочемъ, справедливо, — своимъ духовнымъ отцомъ. Самъ Зола признаетъ, что именно Тэну онъ обязанъ идеей, что всякое существо есть не болѣе, какъ продуктъ среды, въ которой оно живетъ. Известно, что Зола построилъ на этой идеѣ всю серію своихъ романовъ „Rougon-Macquart“. По Тэнъ находилъ цѣльнымъ такое примѣненіе его философскихъ взглядовъ и всегда относился проницательно къ натуралистическому роману. Вліяніе этого онъ былъ главнымъ противникомъ кандидатуры Зола въ „безсмертные“. Тэнъ, вообще, относился очень скептически къ продуктамъ современной французской литературы, и поэтому не писалъ ничего о писателяхъ, находящихся въ живыхъ.

Съ появленіемъ Тэна, даже самый спиритуализмъ пересталъ коситься на естествознаніе. Исторія обязана ему новымъ методомъ, психологическимъ, который съ успѣхомъ начинаетъ примѣняться къ философій исторіи не только во Франціи, но также въ Германіи, Италіи и Англіи. Собственно, въ философій онъ примыкаетъ къ позитивизму и синтозизму. Во многомъ онъ раздѣляетъ идеи Джона Стюарта Милля и въ своей книгѣ „Объ умѣ и познаніи“ (переведенной по-русски г. Стреховымъ) онъ чрезвычайно удачно примѣняетъ результаты и выводы англійской школы экспериментальной психологіи къ самымъ запутаннымъ и загадочнымъ вопросамъ философій. Въ этой книгѣ онъ изложилъ главѣйшія свои философскія воззрѣнія. Но, конечно, истинное значеніе Тэна не столько въ его философскихъ идеяхъ, хотя и онѣ представляли много оригинальнаго и своеобразнаго. Для насъ онъ особенно интересенъ своимъ литературнымъ талантомъ. Его умъ отличается необыкновенной асиостью; это чисто французскій умъ, ясный, послѣдовательный, съ блестящимъ воображеніемъ, богатый выводами, нѣсколько пристрастный къ метафорическимъ выраженіямъ, къ цвѣтистости, но, во всякомъ случаѣ, увлекательный, не теряя при этомъ своей серьезности и глубины. Тэнъ — болѣе содержательный, чѣмъ кто-либо изъ современныхъ европейскихъ писателей. Въ своей эстетикѣ, на основаніи многочисленныхъ, чрезвычайно удачно выбранныхъ, примѣровъ, Тэнъ старается выделить все то, что есть общаго во всѣхъ произведеніяхъ искусства, и все то, что ихъ отличаетъ другъ отъ друга, и отъ всѣхъ другихъ произведеній человѣческаго ума. Дѣлаетъ онъ это для того, чтобы прійти къ асиому пониманію сущности искусства. Онъ приходитъ къ заключенію, что произведеніе искусства имѣетъ цѣлью ярко обнаружить существенный характеръ предмета. Указывая затѣмъ на мѣсто искусства въ человѣческой жизни, онъ признаетъ, что оно одновременно и возвышенно, и популярно, что оно обнаруживаетъ все высокое, и выражаетъ это понятно для всѣхъ. Переходя затѣмъ къ условіямъ возникновенія произведенія искусства, Тэнъ говоритъ, что произведеніе искусства опредѣляется общимъ состояніемъ умовъ и нравовъ окружающей среды. Тэнъ въ искусствѣ не знаетъ идеаловъ (хотя и говоритъ о нихъ), по крайней мѣрѣ, не знаетъ идеаловъ въ платоновскомъ смыслѣ; искусство для него есть психологическій результатъ жизни человѣчества, и оно тѣмъ цѣннѣе, чѣмъ глубже оно воспроизводитъ психическую жизнь извѣстной эпохи, народа, расы, человѣчества. Такимъ образомъ, возникаетъ сама собой классификація произведеній искусства. Въ примѣненіи къ литературѣ, ее можно выразить слѣдующей лѣстовницей: на самой низшей ступени находится карикатура, пародія, модная литература; далѣе идетъ романъ эпохи романтизма, — онъ выражаетъ собою психическое состояніе общества въ нѣсколько десятковъ лѣтъ; далѣе, мы встречаемъ такіа имена, какъ Эврипидъ, Кальдеронъ, Расинъ, въ которыхъ олицетворяется цѣлая эпоха; потомъ мы видимъ Эсхила, Данте, Шекспира, въ произведеніяхъ которыхъ выразилась цѣлая національность и вся національная культура; наконецъ, на высшей ступени находится Гомеръ, Данте, Библия, Нibelунги и

тотъ же Шекспиръ, какъ выразители самыхъ глубокихъ основъ челоѣческой натуры.

Не разъ пробовалъ Тэнъ примѣнять этотъ взглядъ на дѣлѣ. Самое блестящее, однако, примѣненіе его было имъ сдѣлано въ „Исторіи англійской литературы“. Это замѣчательное сочиненіе не есть книга, которую читаешь, чтобы познакомиться съ фактическими данными предмета, это, въ точномъ смыслѣ слова, философія въ дѣйствіи, тѣмъ болѣе интересная и значительная, что она открываетъ совершенно новыя горизонты уму. Тэнъ обнаруживаетъ тутъ поразительное знаніе англійской литературы, огромную эрудицію, удивительное воображеніе, широкій синтезъ, сильную логику, языкъ точный и сильный. Самъ Тэнъ считалъ это сочиненіе не столько исторіей, въ собственномъ смыслѣ слова, или собраніемъ біографій писателей, сколько примѣненіемъ новаго метода, который онъ подробно и обстоятельно изложилъ въ „введеніи“. Въ этомъ введеніи онъ задался цѣлью сдѣлать нѣть исторіи положительную науку. Съ этою цѣлью онъ не удовлетворяется тѣмъ, что изучаетъ писателей и поэтовъ извѣстной исторической эпохи. Онъ идетъ далѣе. „Существуетъ, — говоритъ онъ, — извѣстная система въ чувствахъ и идеяхъ челоѣческихъ, и эта система имѣетъ своей основной пружиной нѣкоторыя общія черты, извѣстный складъ ума и сердца, общій людямъ одной расы, вѣка или страны. Въ минералогіи, какъ бы различны ни были кристаллы, все-таки они происходятъ отъ нѣкоторыхъ простыхъ формъ; точно такъ же и въ исторіи, — какъ бы ни были различны цивилизаціи, онѣ все-таки происходятъ отъ нѣкоторыхъ простыхъ формъ. Однѣ объясняются первичнымъ геоморфическимъ элементомъ, другія — первичнымъ психологическимъ. Для того, чтобы схватить общность минералогическихъ породъ, необходимо сперва изучить вообще твердое вещество, его углы и грани, и замѣтить всѣ безчисленныя измѣненія, на которыя оно способно. Точно такъ же, если вы хотите проникнуть въ общность историческихъ видоизмѣненій, разсматривайте сначала душу челоѣческую вообще, въ ея двухъ или трехъ основныхъ свойствахъ; вы замѣтите тѣ главныя формы, которыя она можетъ представить“. Тэнъ оченъ точно и ясно помѣтилъ тѣ пункты, которые необходимы для изслѣдованія въ этомъ смыслѣ извѣстнаго дѣятеля или извѣстнаго народа. Принимаясь изучать того или иного поэта, онъ прежде всего изучаетъ три главныя причины, которыя болѣе всего на него вліяли: расу, среду и эпоху. По его мнѣнію, челоѣкъ не только создаетъ событія, но и самъ создается событіями. Къ этимъ тремъ главнымъ причинамъ присоединяются, кромѣ того, и другія, точно такъ же оста- вляющія свой отпечатокъ на нравственной и умственной физиономіи поэта, — религія, искусство, философія, государство, семья, — элементы, которые образуютъ въ системѣ Тэна то, что онъ называетъ „взаимной зависимостью“. Легко представить себѣ, какой интерес представляетъ собою исторія литературы, написанная съ этой точки зрѣнія.

Эту же самую точку зрѣнія Тэнъ примѣнилъ къ исторіи французской революціи въ обширномъ сочиненіи, которое было его послѣднимъ трудомъ и которое, къ несчастію, онъ оставилъ неоконченнымъ, „Origines de la France contemporaine“. Разсматривая общій характеръ французской исторіи, зависящій отъ національнаго характера, вѣдѣнъ роль въ XVII столѣтіи дворянства, духовенства и буржуазіи, показавъ на блестящихъ примѣрахъ, какъ быстро разлагалась французская монархія Бурбоновъ, и какія были причины этого разложенія, онъ переходитъ къ революціи, какъ къ неизбежному слѣдствію всего прошлаго. Онъ показываетъ, какою путемъ восемнадцатый вѣкъ, благодаря своей социальной философіи, своему строю общества, своимъ гуманитарнымъ стремленіямъ, привелъ голодающій народъ къ возстанію. Затѣмъ начинается, собственно, психологія революціи. Эту психологію Тэнъ представляетъ, какъ повальное безуміе, вскоряченное вѣками, какъ хаотическое броженіе несознанныхъ народныхъ элементовъ, которое рубитъ съ плеча, безъ толку, безъ смысла, вѣковыя учрежденія и водворяетъ въ обществѣ анархическій хаосъ, который исчезаетъ только тогда, когда всѣ составныя части этого хаоса другъ друга уничтожаютъ. Нѣсколько лѣтъ тому, профессоръ Герье далъ превосходное резюме этого сочиненія въ „Вѣстникѣ Европы“. Въ томъ видѣ, въ какомъ я только что высказалъ основную мысль Тэна, она можетъ показаться, на первый взглядъ, странной и голословной. Но въ нѣсколькихъ словахъ нельзя резюмировать цѣлое историческое сочиненіе, наполненное подробностями и имѣющее глубокую философскую подкладку. Волюнъ этого не достигъ даже г. Герье въ цѣломъ рядѣ большихъ статей, посвященныхъ этой книгѣ. Ее необходимо читать въ подлинникъ, слѣдить за аргументаціей автора, видѣть, какъ одна картина, воспроизводящая жизнь эпохи съ необыкновеннымъ блескомъ, сменяется другою, не менѣе блестящею, затѣмъ третьей, четвертой и т. д.; нужно слѣдить за характеристиками главныхъ

дѣятелей революціи: Людовика XVI, Маріи-Антуанеты, Кекера, Мирабо, Мара, Дантона, Робеспьера, Таллена; нужно прислушаться къ философскимъ выводамъ автора, который резюмируетъ лишь то, что онъ разсказалъ раньше... Это сочиненіе, при своемъ появленіи, вызвало, однако, цѣлую бурю во французской печати. На первыхъ порахъ не было замѣчено важное значеніе научнаго метода, — совершенно новаго, — метода необычайной сложности и трудности. За то всѣхъ поразили выводы Тэна, и, надо признаться, поразили неправильно: Тэна стали обвинять въ отступничествѣ отъ прежнихъ политическихъ убѣжденій, которыхъ, онъ, однако, никогда не высказывалъ; монархисты оказались недовольны тѣмъ, что Тэнь сваливаетъ на монархію Бурбоновъ вину революціи, находя, что именно монархія Бурбоновъ своимъ режимомъ ускорила катастрофу: республиканцы были оскорблены тѣмъ, какъ отзывался Тэнь о ихъ кумирахъ, Мара, Робеспьерѣ, Кутонѣ и др.; наконецъ, и бонапартисты были возмущены той характеристикой Наполеона, которую Тэнь сдѣлать въ послѣднемъ своемъ томѣ.

Принцесса Матильда, которая, во времена второй имперіи, покровительствовала Тэну и была съ нимъ дружна, послѣ появленія его характеристики Наполеона I, послала ему свою карточку съ надписью: Р. Р. С. (pour prendre congé). Тэнь былъ искренно огорченъ тѣмъ, что принужденъ былъ разойтись съ принцессой Матильдой и, однажды, выходя изъ засѣданія академіи выѣхалъ съ Ренаномъ, сказалъ ему объ этомъ. „Что дѣлать, отвѣчалъ Ренанъ, — я принужденъ былъ пооскориться съ еще болѣе знаменитой дамой“. — Съ кѣмъ? — Съ католическою церковью“.

Альфонсъ Додэ, желая дать понятіе о терпѣнн и проицательности Тэна, разсказываетъ, что однажды, во время прогулки въ одномъ публичномъ саду, Тэнь встрѣтилъ мальчика, который бѣжалъ, раскрывъ руки и протянувъ ихъ къ заходящему солнцу, кричалъ: „*Voilà, soleil! Voilà, soleil!*“ Тэнь остановился въ раздумьи, стараясь объяснить значеніе этихъ восклицаній. Онъ долго думалъ, но все-таки нашелъ объясненіе: мальчикъ думалъ, что солнце было *bon Dieu*; онъ игралъ съ нимъ въ прятки и кричалъ на своемъ несовершенномъ дѣтскомъ языкѣ: „*Bon Dieu, soleil! Bon Dieu, soleil!*“

Тэнь былъ не только свѣтскій человѣкъ, но и блестящій собесѣдникъ, — когда хотѣлъ. По его разговоръ имѣлъ особенный отблескъ и походилъ на своеобразный допросъ. Онъ ставилъ каждому изъ своихъ собесѣдниковъ опредѣленные вопросы насчетъ вещей, въ которыхъ считалъ ихъ болѣе всего свѣдущими. Онъ доводилъ такой вопросъ до возможныхъ предѣловъ, пока ему не удавалось получить извѣстную сумму свѣдѣній, вполне обстоятельныхъ и совершенно ясныхъ. Тогда

онъ группировалъ ихъ и извлекалъ изъ нихъ съ необыкновенной легкостью какое-нибудь общее заключеніе, часто неожиданное и глубокое. Большую же часть дня онъ проводилъ въ безусловномъ уединеніи въ своемъ кабинетѣ или въ саду, читая книги, очень извѣстныя и мало волюющія, какъ напечатать, „Комментаріи“ Цезаря. Его непрерывное познаніе обнимало всѣ факты, всѣ вопросы. А такъ какъ онъ самъ держался строгой нескрепости въ малѣйшемъ своемъ словѣ, то никогда не заподозривалъ ничьего чистосердечія, даже тогда, когда отвѣты имѣли странный и даже мало правдоподобный характеръ. Такое отсутствіе недоверія доходило порой до наивности. Онъ питалъ какое-то особенное пристрастіе къ мемуарамъ, принимая ихъ, каковы бы они ни были, за неоспоримые документы. Такимъ образомъ, онъ входилъ, по временамъ, въ заблужденія, почти трогательныя; нельзя, напримѣръ, не удивляться той важности, которую Тэнь приписывалъ извѣстнымъ мемуарамъ Бенвенуто Челлини. Точно такъ же, изучая Наполеона, онъ не распознавалъ качества тѣхъ мемуаровъ, которыми пользовался: онъ замѣтываетъ у Буріенна или у г-жи Ремиза множество чертъ, подлинность которыхъ сомнительна, или которыя просто-на-просто сочинены.

Взвѣсивъ этого, онъ находилъ, что слѣдуетъ провести демаркационную линію между человѣкомъ и писателемъ; одинъ отдаетъ свои книги на судъ публики, другой хочетъ сохранить себя для своихъ близкихъ, для немногихъ друзей и для самого себя. Репортеры онъ держалъ отъ себя въ сторонѣ съ ревнивой заботливостью. Одинъ только разъ Тэнь отступилъ отъ своей обычной сдержанности: онъ принялъ одного изъ репортеровъ и, въ его присутствіи, неосторожно обзвалъ Виктора Гюго: „національнымъ гвардейцемъ въ бреду“. Это милое словечко подняло такую бурю, что Тэнь вынужденъ былъ самъ встать за перо и заявить, что онъ признаетъ себя отвѣтственнымъ только за статьи, снабженныя его подписью.

Всѣ друзья Тэна необыкновенно цѣнили въ немъ человѣка. Воюю, между прочимъ, говорить о немъ: „Моя жизненная карьера ставила меня не разъ лицомъ къ лицу съ титулованными особами, передъ которыми я склонялся, согласно требованіямъ этикета, не всегда увлекаемый, однако, къ тому силою моей независимой воли. Но передъ Тэномъ, этимъ скромнымъ профессоромъ, и его психологической фигурой, я впервые почувствовалъ мощную силу уваженія, заставляющую преклонить передъ нимъ голову ниже, чѣмъ онъ того желаетъ: передъ нимъ я ощутилъ впервые неизъяснимый и сладкій трепетъ, какъ передъ такимъ человѣкомъ, который возвышаетъ своего собесѣдника уже тѣмъ однимъ фактомъ, что онъ съ нимъ разговариваетъ“.

Къ рисункамъ.

„Средиземное море“. (Рис. на стр. 341).

Картина проф. И. К. Айвазовскаго „Средиземное море“ явилась однимъ изъ украшеній послѣдней выставки въ Императорской Академіи Художествъ. Картина эта служила еще разъ новымъ подтвержденіемъ того, что мы говорили въ прошломъ номерѣ по поводу произведеній нашего маститаго художника, талантъ котораго не только не ослабѣваетъ, но, напротивъ, съ каждымъ разомъ, съ каждою новою картиною проявляется все съ большею и большею силой. При взглядѣ на эту картину, невольно приходитъ на память стихотвореніе Майкова:

„Какое утро! Стихли громы,
Широко лется солнца лучъ,
Горятъ серебряные комы
За горы уходящихъ тучъ...
Какое утро!.. Море снова
Пріемлетъ свой зеркальный видъ,
Хотя вдоль лона голубого
Тяжелый вѣдохъ еще бѣжитъ“.

„Вотъ онъ — Наполеонъ!“. (Рис. на стр. 344).

Заслуженный профессоръ академіи Б. Н. Виллевальде родился въ 1818 году и такимъ образомъ дѣтство его и юность прошли подъ впечатлѣніемъ, если можно такъ выразиться, живыхъ, свѣжихъ воспоминаній объ эпохѣ Наполеоновскихъ войнъ. Поэтому весьма понятно, что нашъ художникъ часто обращается за сюжетами къ этой неополненной необычайнаго интереса эпохѣ и, надо отдать ему справедливость, передаетъ эти сюжеты съ неподражаемою тщательностью и искусствомъ. На этотъ разъ онъ взялъ весьма оригинальную тему. Русскіе солдаты, — перенесшіе страшную тягостъ похода, участвовавшіе, можетъ быть, не въ одномъ сраженіи — и знавшіе, что они дерутся противъ Наполеона, который представлялся имъ или какимъ-то лицомъ собирательнымъ, или сказочно-мнѣеескимъ существомъ, въ котораго, какъ разсказываетъ солдатикъ у Толстого въ „Войнѣ и мирѣ“, „Платовъ два раза брать. Слова не знаетъ. Возьмешь, возьмешь: вотъ на те въ рукахъ перебежеся птицей и улетишь...“ эти самые солдаты, дойдя до загадочнаго городка, видятъ гипсовый бюстъ Наполеона и съ

любопытствомъ разглядываютъ его, говоря: „Такъ вотъ онъ — Наполеонъ... ишь тоже вѣдь человѣкомъ смотреть...“

Въ картинѣ очень хороша экпрессія лицъ, какъ самихъ солдатъ, такъ и окружающихъ ихъ дѣтей, въ свою очередь, разсматривающихъ невиданныхъ ими русскихъ людей...

Прибытіе рабочаго поѣзда. (Рис. на стр. 345).

Съ конца марта и начала апрѣля каждый годъ въ Петербургѣ стекается рабочій людъ на лѣтнія занятія. Большинство изъ тѣхъ, кого мы видимъ лѣтомъ въ городѣ, настилающихъ мостовыя, строящихъ дома, нагружающихъ и разгружающихъ суда, — пришлый народъ изъ деревень, который, съ наступленіемъ холодовъ, вновь отправляется на родину. Такъ какъ такихъ рабочихъ пріѣзжаетъ много множество по Николаевской желѣзной дорогѣ, то ихъ перевозятъ въ особыхъ поѣздахъ, гдѣ берутъ удешевленную плату за проѣздъ, $\frac{3}{4}$ копѣйки съ версты. Прибытіе рабочаго поѣзда въ столицу представляется изъ себя картину, какую не встрѣтишь при приходѣ другихъ поѣздовъ. Нашъ художникъ г. Бродягинъ зарисовалъ нестройную и шумную толпу такихъ пассажировъ, добравшихся до столицы на заработки въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ.

„Христосъ“. (Рис. на стр. 349).

Проф. Антокольскій назвалъ новую свою статую, гравюру съ которой мы помѣщаемъ на стр. 349, „Христосъ, укрощающій бурю“. — Христосъ, какъ видно, идетъ по волнамъ съ крестомъ въ поднятой рукѣ. Само собою разумѣется, что на первый взглядъ кажется это несообразнымъ, потому что идея о крестѣ, какъ эмблемѣ христіанства, могла явиться только послѣ крестныхъ страданій Христа. Но несообразность эта, однако, кажущаяся лишь. Дѣло въ томъ, что тутъ намъ представлена, въ лицѣ Христа, аллегорія христіанства, помощью креста укрощающаго бурю страстей человѣческихъ. Нужно замѣтить при этомъ, что крестъ, освѣщенный страданіями Христа и ставшій символомъ христіанства, и раньше служилъ одною изъ священныхъ эмблемъ. Египетскіе мудрецы для разрѣшенія таинственной загадки египетскаго пѣднх эмблемы, въ которой заключался ключъ этого разрѣшенія. Весьма зна-

менательно, что эта эмблема, это основание всей мудрости древняго Египта, имѣла изображеніе, весьма сходное съ крестомъ. У евреевъ кабалистовъ буква Т (тау), форму которой получить крестъ, если снять съ него прибитую въ головахъ надпись, имѣла существенное значеніе въ ихъ наукѣ. Какъ эмблема, крестъ часто изображается въ христіанской живописи въ рукахъ Іоанна Крестителя.

На красную горку. (Рис. на стр. 352).

„Красною горкой“ называется Ооминъ пошедьникъ, мѣстами вторникъ, а мѣстами и вся Оомина недѣля или цѣлыя двѣ и три недѣли послѣ Пасхи. Собственно „красная горка“ — пора поминокъ родителей, но у насъ давно ужъ съ этимъ временемъ соединилось предѣставленіе о свадьбахъ, наиболѣе многочисленныхъ на „красную горку“ послѣ долгаго перерыва поста. На нашемъ рисункѣ изображена одна изъ свадебныхъ сценъ въ Малороссіи, когда, по обычаю, родители брачующихся одаряютъ народъ, сообразно, разумѣется, своимъ средствамъ.

Главный входъ русскаго отдѣла на Колумбійской вы- ставкѣ.

(Рис. на стр. 353).

Весь русскій отдѣлъ размѣщается въ 12 различныхъ павильонахъ, раскинувшихся по берегу озера Мичигана. Въ главномъ изъ нихъ, мануфактурномъ (внутри), устроенъ прилегаемый фасадъ входа въ русскій отдѣлъ.

Фасадъ своею лицевою стороною выходитъ на главную (среднюю) аллею павильона, имѣющую въ своемъ сводѣ до 30 саж. вышины. Съ угла устроенъ входъ или вестибюль, перекрытый расписными по золотому фону сводами, съ двумя расписными спайными стеклами. Одно изображаетъ боярина и воеводу на конѣ, другое — молодыхъ боярина и боярыню. Живописныя работы художницы Т. Б. Сѣмечкиной. Съ лѣвой стороны вестибюля помещается комната для бюро генеральнаго комиссара, выходящая своими двумя расписными, орнаментальными и спайными окнами на примыкающую поперечную аллею павильона. Надъ вестибюлемъ возвышается башня (около 8½ саж.), съ открытою въ ней галерейкою. Средняя арка лицевой стороны постройки также служитъ входомъ въ отдѣлъ.

Весь этотъ фасадъ, по рисункамъ архитектора И. Ропета, исполненъ отдѣльными частями здѣсь въ Петербургѣ плотничнымъ мастеромъ Евграфомъ Никаноровымъ. Несмотря на невѣроятно короткий срокъ (начала работу въ послѣднихъ числахъ декабря прошлаго года), весь фасадъ, со всѣми его безчисленными рѣзными колонками, карнизами, кокошниками, гребешками, былъ оконченъ, разобрать и доставить на сборный пунктъ къ 5 февраля 1893 г. Для сборки его на мѣстѣ въ Чикаго отправлены 10 чел. плотниковъ, болѣею частью тѣ же, которые ѣздили въ Копенгагенъ для сборки и постановки на мѣстѣ фасада русскаго отдѣла выставки 1888 года.

Стоимость постройки и постановки на мѣстѣ фасада со всѣми его декораціями около 18—20 тысячъ рублей.

Ипполитъ Тэнъ. (Портр. на этой стр.).

Мы посвящаемъ въ настоящемъ номерѣ отдѣльный очеркъ этому замѣчательному человеку Франціи, здѣсь же сопровождаемъ портретъ его слѣдующими биографическими подробностями:

Ипполитъ-Адольтъ Тэнъ (Taïne) родился въ Вузье (Арденскій департаментъ) 21-го апрѣля 1828 года. Блестящимъ обра-

зомъ окончивъ Lycée Bonaparte въ 1847 г., онъ въ слѣдующемъ, однимъ изъ первыхъ, поступилъ въ Нормальную школу. Его первоклассныя способности, его оригинальный, серьезный умъ, его обширныя знанія и, наконецъ, его нравственный характеръ до такой степени выдѣляли его изъ среды учащихся, что профессора, обращаясь къ нему, называли его не иначе, какъ „monsieur Taïne“. Въ школѣ Тэнъ выбралъ своею спеціальностью философію, но для профессора философіи онъ не считался достаточно правотѣрнымъ. Вслѣдствіе этого онъ рѣшился конкурировать на степень доктора словесности, и для своей диссертации выбралъ сюжетомъ философію басевъ Лафонтена. Выбравъ съ другой диссертацией, — „De personis Platonis“, это были два первые литературные труда Тэна. Кафедры въ Парижѣ онъ, однако, не получилъ и нѣкоторое время, — тѣтъ пять или шесть, — принужденъ былъ довольствоваться скромною педагогическою дѣятельностью въ провинціи. Эта дѣятельность слишкомъ мало удовлетворяла его, — онъ вышелъ въ отставку, поселился въ Парижѣ и посвятилъ себя

литературѣ. Изъ первыхъ его трудовъ наиболѣе характерной является книга „Les philosophes français du XIX siècle“. Это — рядъ чрезвычайно остроумныхъ и ѣдкихъ этюдовъ о французскихъ электикахъ, къ которымъ Тэнъ относится вполне отрицательно. Другое сочиненіе Тэна, доставившее ему громкую извѣстность, было „Опытъ характеристикъ Тита-Ливія (Essai sur Tite Live)“, оно было увѣнчано французской академіей. Въ 1864 году, благодаря покровительству принцессы Матильды, Тэнъ былъ назначенъ профессоромъ исторіи искусства и эстетики въ школѣ изящныхъ искусствъ. Съ тѣхъ поръ его жизнь текла самымъ мирнымъ путемъ, укладываясь по образцу большинства французскихъ ученыхъ, въ тихой семейной жизни, среди ученыхъ работъ и рѣдкихъ выѣздовъ въ свѣтъ. Онъ работалъ постоянно и неутомимо, изредка печатая свои новые труды и никогда не участвуя, даже косвенно, въ полемикѣ, которая неизмѣнно возникала по поводу каждого изъ этихъ трудовъ, лишь по привыч-

Ипполитъ Тэнъ († 21 февраля 1893 г.). По портр. Л. грав. Шюблеръ.

къ и по обязанности посѣщая засѣданія французскаго института (академіи наукъ по отдѣлу словесности), дѣйствительнымъ членомъ котораго (однимъ изъ сорока, такъ называемыхъ „бессмертныхъ“) онъ былъ избранъ, послѣ смерти Ломени, въ 1878 году. Какъ бы ради отдохновенія отъ своихъ ученыхъ, специальныхъ трудовъ, Тэнъ отъ времени до времени писалъ большіе критическіе этюды, посвященные французскимъ или иностраннымъ великимъ писателямъ и печатавшиеся въ *Revue des deux Mondes*. Эти этюды въ отдѣльномъ изданіи составили два тома его „Essais de critique“. Его лекціи по исторіи искусства и эстетики не были изданы цѣлкомъ, но вышли въ сокращенномъ пересказѣ, сдѣланномъ самимъ Тэнъ, подъ заглавіемъ „Философія искусства“ и „Объ идеалѣ въ искусствѣ“. Капитальнѣйшимъ его трудомъ остаются: „Объ умѣ и познаніи“ (два тома), „Исторія англійской литературы“ (пять томовъ) и пять большихъ томовъ „Origines de la France contemporaine“. Это послѣднее сочиненіе, къ сожалѣнію, не окончено. Тэнъ умеръ отъ сахарной болѣзни 21 февраля 1893 г.

Опоссумъ и земляная бѣлка. (Рис. на стр. 357).

Опоссумъ или сумчатая крыса (*Didelphus virginiana*) водится въ густыхъ лѣсахъ Сѣверной Америки, начиная отъ Мексики до Пенсильваніи и до большихъ Канадскихъ озеръ. Его непріятный, сильно напоминающій крысу, видъ, его жесткая сѣрая шкура и длинный голый цѣпкій хвостъ производятъ невольное отталкивающее впечатлѣніе. Кроме того, это животное, ради своей защиты, испускаетъ въ минуту опасности отвратительный, въ родѣ чесночнаго, запахъ и напосигъ

Опоссумъ и земляная бѣлка. По эскизу Ф. Шехта, рис. А. Шехтъ, грав. Шрейберъ.

большой вред похищением домашней птицы. Опоссумъ, подобно всемъ животнымъ своего рода, ведетъ уединенную, отшельническую жизнь и рыщетъ за добычей больше по ночамъ. Птицы и птицы яйца составляютъ его излюбленную пищу. Лѣтомъ въ густомъ, почти непроходимомъ, лѣсу въ избыткѣ находятъ онъ себѣ добычу; иное дѣло зимой. Тихо и осторожно пробирается онъ по талому снѣгу, обнюхивая землю, не попадется-ли какой-нибудь живности. Вотъ онъ попалъ на свѣжій слѣдъ тетерева или бѣлки; подышалъ рыло кверху и фыркаетъ, наконецъ, рѣшился и снѣгъ по избранному пути съ немовѣрной быстротою. Вотъ онъ остановился, щелкаетъ и, очевидно, находится въ нерѣшимости, куда идти, такъ какъ предметъ его преслѣдованія сдѣлалъ значительный прыжокъ или задалъ козѣно прежде, чѣмъ опоссумъ попалъ на свѣжій его слѣдъ. Онъ выпрямляется, на минуту приподымается на заднія лапы, оглядывается, похаетъ и пускается рысцою дальше. Вотъ онъ остановился у ствола большого дерева. Онъ обходитъ вокругъ огромнаго ствола, по покрытымъ снѣгомъ корнямъ... Вдругъ онъ замѣчаетъ между ними отверстіе. Одинъ мигъ, и онъ проскальзываетъ въ него. Проходитъ нѣсколько минутъ. Наконецъ, онъ является—въ зубахъ у него задушенная бѣлка. Онъ лѣзетъ съ ней на дерево. Медленно подымается онъ; вотъ онъ уже минуется первыя вѣтви—это будетъ слишкомъ на юру; онъ лѣзетъ поэтому выше, чтобы укрыться въ густыхъ вѣтвяхъ. Здѣсь онъ спокойно усаживается, цѣпляется хвостомъ за вѣтку и раздираетъ острыми зубами несчастную бѣлку, придерживая ее всегда передними лапами...

Земляная бѣлка или бурундукъ (*tamias*) меньше обыкновенной бѣлки и вмѣстѣ со своимъ четырехдюймовымъ хвостомъ, величиной около десяти дюймовъ. Бурундукъ чисто дневное животное—всю ночь онъ проводитъ въ норѣ. Но сонъ его очень чутко. Почувявъ, благодаря своему сильно развитому обонянію, врага, онъ прибѣгаетъ къ своей ловкости и своимъ острыми зубамъ и никогда не продаетъ дешево своей жизни. На нашемъ рисункѣ талантливаго Фр. Шехта можно также замѣтить, какъ рьяно защищалъ свою жизнь бурундукъ по включенной шерсти опоссума.

Алексѣй Сергѣевичъ Ермоловъ. (Портр. на стр. 360).

Вновь назначенный Управляющій министерствомъ Государственныхъ Имуществъ Алексѣй Сергѣевичъ Ермоловъ родился въ 1847 г. въ городѣ Тифлисѣ. По окончаніи курса въ Императорскомъ Александровскомъ Лицѣ, А. С. поступилъ слушателемъ въ бывшій С.-Петербургскій земледѣльческій институтъ, откуда вышелъ въ 1870 году со степенью кандидата сельскаго хозяйства. Въ институтѣ А. С. Ермоловъ работалъ въ химической лабораторіи, подъ руководствомъ проф. А. П. Энгельгардта, преимущественно надъ изслѣдованіемъ фосфоритовъ. Къ этому времени относятся первые литературные труды его, помѣщенные въ журналѣ „Сельское хозяйство и лѣсоводство“, „О добычѣ, переработкѣ и употребленіи кругляковъ: фосфорнокислой известной (фосфоритовъ) во Франціи“ (1867 г.) и „Новыя изслѣдованія фосфоритовъ“ (1870 г.); послѣдняя статья заключала въ себѣ результаты изслѣдованія подробно изученныхъ авторомъ залежей фосфоритовъ въ губерніяхъ Тамбовской и Воронежской. Затѣмъ имъ помѣщенъ былъ цѣлый рядъ статей по разнымъ вопросамъ сельскаго хозяйства въ журналѣ „Сельское хозяйство и лѣсоводство“, въ „Земледѣльческой газетѣ“, въ „Трудахъ Вольно-Экономическаго Общества“ и т. п., а также переведено на русскій языкъ извѣстное сочиненіе Жоржа Вилла „Химическія удобрения“. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ А. С. Ермоловъ составилъ подробную программу теоретическихъ и практическихъ псытаній для рѣшенія вопроса объ удобреніи почвы, которая послужила основаніемъ для производства опытовъ удобренія въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, и помѣстилъ въ „Земледѣльческой Газетѣ“ рядъ писемъ „Съ черноземной полосы“, въ которыхъ сообщалъ о своихъ наблюденіяхъ и результатахъ своей практической сельскохозяйственной дѣятельности въ Воронежской губерніи. Къ тому же времени относится изданная имъ брошюра „О высшемъ сельскохозяйственномъ образованіи въ Россіи, въ его отношеніяхъ къ сельскохозяйственному дѣлу“. Въ 1873 г. А. С. Ермоловъ составилъ, по порученію Министерства Государственныхъ Имуществъ, для Вѣской всемірной выставки, брошюру на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Recherches sur les gisements de phosphate de chaux fossile en Russie“, а по окончаніи выставки издалъ (въ 1875 г.) подробное описаніе сельскохозяйственнаго ея отдѣла, подъ заглавіемъ „Сельско-хозяйственное дѣло Европы и Америки на Вѣской всемірной выставкѣ 1873 г. и въ эпоху ея“. Въ службѣ вступилъ А. С. Ермоловъ сперва причисленнымъ къ Министерству Государственныхъ Имуществъ въ 1867 году, оттуда перешелъ въ Министерство Финансовъ въ 1871 году, съ этого времени А. С. Ермоловъ опубликовалъ рядъ работъ, преимущественно, по вопросамъ о различныхъ сельскохозяйственныхъ техническихъ произведеніяхъ, а именно „О винокурении изъ стеблей кукурузы“, „О водоблываніи свекловича въ Россіи“, „О различныхъ системахъ взиманія налога на сахаръ въ Европѣ“, „О развитіи картофельнаго винокурения въ Россіи“, „О кавказскомъ винодѣліи“ и т. д. Въ 1878 году, для Парижской всемірной

выставки, А. С. Ермоловъ составилъ, по порученію Министерства Государственныхъ Имуществъ, брошюру на французскомъ языкѣ „Notice sur les céréales de la Russie“, а для бывшаго въ томъ же году въ Парижѣ международнаго сельско-хозяйственнаго конгресса, на которомъ онъ присутствовалъ, въ качествѣ представителя Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества, систематическое описаніе Россіи подъ заглавіемъ: „Mémoire sur la production agricole de la Russie“. Въ 1879 году А. С. Ермоловъ былъ сдѣланъ старшимъ редакторомъ статистическаго отдѣла департамента земледѣлія и сельской промышленности Министерства Государственныхъ Имуществъ, въ то же время оставаясь на службѣ по Министерству Финансовъ, гдѣ, по департаменту неокладныхъ сборовъ, онъ съ 1871 года послѣдовательно проходилъ должности ревизора, начальника отдѣленія, вице-директора и директора. Въ 1881 году А. С. Ермоловъ былъ назначенъ членомъ ученаго комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ, каковую должность занималъ до октября 1892 года, когда былъ назначенъ на постъ товарища министра финансовъ. Въ 1880 г. на А. С. Ермолова было возложено главное руководство экспедиціею для изслѣдованія овцеводства въ Россіи, въ которой принимали участіе, кромѣ него, гг. Филбертъ, Левшинъ, Гилдичъ, Левитскій, Цехъ и проф. Бомъ. Результаты этого изслѣдованія послужили главнымъ матеріаломъ для выпущеннаго затѣмъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ изданія въ VIII томахъ, подъ общимъ заглавіемъ: „Изслѣдованія состоянія овцеводства въ Россіи“, главнаго редактіа этого изданія также была возложена на А. С. Ермолова. Въ 1879 году имъ составленъ капитальный трудъ „Организація полевого хозяйства“, вышедшій въ 1891 году вторымъ изданіемъ, въ значительно переработанномъ и дополненномъ видѣ. Съ 1890 г. А. С. Ермоловъ ведетъ сельскохозяйственную хронку въ журналѣ „Русское Обозрѣніе“, первая серія его этуодъ, помѣщенныхъ въ этомъ журналѣ, вышла въ 1891 году отдѣльнымъ изданіемъ, подъ общимъ заглавіемъ: „Современные сельскохозяйственные вопросы“. Съ назначеніемъ директоромъ департамента неокладныхъ сборовъ, А. С. Ермоловъ поставилъ себѣ задачею, по возможности, возобновить нарушенную связь между винокурениемъ и земледѣліемъ; опубликованный въ 1890 году законъ о мѣрахъ къ поддержанію сельско-хозяйственной винокурения является результатомъ его стремленій въ этомъ направленіи. Съ 1886 по 1888 годъ, А. С. Ермоловъ состоялъ вице-президентомъ Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, А. С. Ермоловъ былъ избранъ гласнымъ и почетнымъ мировымъ судьей Вобровскаго уѣзда Воронежской губерніи. А. С. Ермоловъ состоитъ почетнымъ членомъ обществъ: Императорскаго Вольно-Экономическаго, Императорскаго Московскаго сельскаго хозяйства, Полтавскаго, Воронежскаго и другихъ сельскохозяйственныхъ обществъ. Въ 1892 году вышла книга „Неурожаи и народное бѣдствіе“, отпечатанная безъ обозначенія имени автора; она принадлежитъ перу А. С. и въ свое время была отмѣчена критикой съ самой лестной стороны. Въ 1892 году ученый комитетъ Министерства Государственныхъ Имуществъ присудилъ А. С. Ермолову большую золотую медаль за особые заслуги по сельскому хозяйству, а въ 1880 году такую же медаль А. С. получилъ отъ Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества; отъ французскаго правительства А. С. имѣетъ за свою сельскохозяйственную дѣятельность орденъ „Médaille agricole“.

Такимъ образомъ, вся предшествующая государственная дѣятельность и многочисленные ученые-литературные труды Алексѣя Сергѣевича даютъ право гордо надѣяться, что онъ, обласченный новымъ довѣріемъ Монарха, явится исполнѣмъ достойнымъ избранникомъ на свой высокій постъ.

Печенгскій монастырь на Мурманѣ.

(Рис. на стр. 361).

Дальше всѣхъ русскихъ монастырей ушла на Сѣверъ Печенгская обитель, и стоитъ она въ самой глуши Лапландіи, на окраинѣ русскаго государства, у „Студенаго моря“, близъ Норвежской границы, почти на 70° с. ш.

Въ XVI вѣкѣ уроженецъ г. Торжка, сынъ священника, по имени Митрофанъ, въ иночествѣ Трифонъ, пришелъ въ дикую Лопъ. Черезъ пять лѣтъ къ нему приходятъ сюда иноки Феодоритъ, знавшій лопарскій языкъ и имѣвшій, вполнѣдствіи, довольно важное значеніе при Московскомъ дворѣ. Они совѣстно предпринимали великое дѣло обращенія лопарей въ христіанство, при чемъ каждый беретъ себѣ отдѣльную часть Лапландіи: Феодоритъ просвѣщаетъ Кольскихъ лопарей, а Трифонъ идетъ дальше на западъ. 20 лѣтъ употребили великіе подвижники на просвѣщеніе лопарей, живя между ними „въ прегорчайшей пустынѣ“, какъ говоритъ Курбскій, „питаясь кореньями и зельемъ“. Проводивъ слова Божія дикарямъ, стоило немалыхъ трудовъ пр. Трифону. Его проповѣдь все болѣе и болѣе привлекала слушателей, но проповѣдникъ не могъ крестить новообращенныхъ, ибо самъ не имѣлъ священническаго сана. Вмѣстѣ съ Феодоритомъ отправился онъ въ Повгородъ къ архіепископу Макарію, который пострѣлъ Трифона въ мо-

нашество, а Осодорита рукоположилъ въ санъ іерея и благословилъ ихъ на постройку церквей въ Ланландіи и на крещеніе новообращенныхъ. Собравъ пожертвованія благочестивыхъ людей на святое дѣло, возвратились они въ свою пустыню и на берегу р. Печенги основали монастырь во имя Пресвятыя Живоначальной Троицы. Вслѣдъ затѣмъ они крестили разомъ 2,000 лопарей съ женами и дѣтьми въ одинъ день. Печенгская обитель быстро росла и крѣпла. Уже въ 1572 году мы находимъ свидѣтельства о томъ, что въ то время въ Печенгѣ было 50 человекъ братіи и до 200 богомольцевъ. Изъ монастыря сѣзжались богомольцы и кунцы изъ Холмогоръ, Каргополя и Шунь.

Одновременно съ основаніемъ Печенгской обители, весь нашъ дальній Сѣверъ получаетъ первенствующее значеніе въ глазахъ Московскаго правительства. Москва собирала всѣ свои силы, чтобы пробиться къ морю, искала доступа на всемирный рынокъ, свободнаго пути для сношеній съ Западною Европой, а тутъ вдругъ, неожиданно, чрезъ далекій, малозвѣстный Сѣверъ открывается самъ собою естественно и свободно этотъ желаемый, искомый путь. Кому неизвѣстны обстоятельства экспедиціи Ченстера?

Несмотря на личное вниманіе и заботы государей Московскихъ, монастырю грозила тяжелая участь. 15 декабря 1583 года скончался его основатель пр. Трифонъ, а черезъ 7 лѣтъ и самая обитель была сожжена, разграблена и разрушена до основанія норвежскими разбойниками, умертвившими всѣхъ иноковъ обители. Послѣ разгрома монастырь былъ переведенъ въ Колу; но здѣсь онъ терять свое значеніе, идетъ къ упадку и закрывается, по указу императрицы Екатерины II, въ 1764 г.

Краткая, но богатая знаменательными для Россіи событіями исторія монастыря и сохранившаяся о немъ въ народѣ память навели на мысль, при празднованіи трехсотлѣтія г. Архангельска въ 1883 году, возобновить Печенгскую обитель; въ Архангельскѣ былъ открытъ комитетъ для сбора пожертвованій. Государь Императоръ соизволилъ послать въ монастырь священ-

ническія одежды, русское правительство оказало дѣятельную поддержку, дѣло постройки было передано Соловецкому монастырю, и обитель въ 1885 году возникла.

Прежде того надъ мошами пр. Трифона стояла ветхая приходекая церковь, построенная въ годъ Полтавы, въ 1709 году, и домикъ священника. Построены монастырскія службы, кухня, погребъ, скотный дворъ, корпусъ для братіи, разведены огороды. Монастырь стоитъ верстахъ въ 40 отъ моря. Вслѣдствіе этого въ Лодейной бухтѣ, гдѣ весной останавливается пароходъ, выстроены деревянный домъ для пріюта богомольцевъ, для пріема клады и почтовой корреспонденціи. Отъ этого дома, на разстояніи 14 верстъ, уже проложена конная дорога къ монастырю, по которой лѣтомъ перевозятся богомольцы и кладъ въ колесныхъ экипажахъ. Въ настоящее время братіи и богомольцевъ проживаетъ въ обители 43 человекъ. Обитель устроила кирпичный заводъ, имѣя въ виду постройку каменнаго храма. Въ близлежащихъ колоніяхъ монастыремъ открыта школа.

Въ настоящее время въ хозяйственномъ при Святейшемъ Синодѣ управленіи, съ разрѣшеніи г. Синодальнаго оберъ-прокурора, принимаются пожертвованія на сооруженіе храма и друія настоятельныя нужды Трифоно-Печенгской обители.

Желающіе могутъ направлять свои пожертвованія и посылки хозяйственному управленію, адресуя письма и посылки въ г. Колу, Архангельской губерніи, для передачи настоятелю Трифоно-Печенгскаго монастыря.

Нужды новостроившаго Трифоно-Печенгскаго монастыря велики и разнообразны, а наличныя средства малы и скудны. Но смиренныя иноки не поддаютъ духомъ, обогрѣвая себя твердою надеждою, что на святой Руси, крѣпкой вѣрою, благочестіемъ, любовью къ храмамъ Божиимъ и святымъ обителямъ и ревностію о ихъ благоустройствѣ и благоустроеніи, найдутся родители о пустынной и бидной, на дальнемъ Сѣверѣ, обители преподобнаго Трифона и потянутся оказать ей посильную помощь во имя Христа Спасителя нашего и Его угодника преславаго Трифона.

Разныя извѣстія.

1 апрѣля, въ Ливадіи, была принята Ихъ Императорскими Величествами и приглашена къ Высочайшему завтраку Сербская королева Наталія.

— Статсъ-секретарь, сенаторъ, временноуправляющій Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, тайный совѣтникъ Веняковъ назначенъ 28 марта с. г. членомъ Государственнаго Совѣта и произведенъ, за отличіе, въ дѣйствительные тайные совѣтники, съ оставленіемъ въ званіяхъ статсъ-секретаря и сенатора.

— Статсъ-секретарь, управляющій Кабинетомъ Его Величества, тайный совѣтникъ Петровъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, съ оставленіемъ въ званіи статсъ-секретаря.

— Военный министръ призналъ необходимымъ, въ видахъ воспитательно-педагогическихъ, для огражденія воспитанниковъ военноучебныхъ заведеній, при проѣздѣ ихъ по же-

лезнымъ дорогамъ, отъ вреднаго вліянія публики, проѣзжающей въ вагонахъ III класса, разрѣшить означеннымъ воспитанникамъ, въ томъ числѣ инкерамъ всѣхъ военныхъ училищъ, камеръ-пажамъ и пажамъ специальныхъ классовъ Пажескаго Его Императорскаго Величества корпуса, при переѣздахъ на собственный счетъ, помѣщаться въ вагоны II класса.

— Министерство Юстиціи обратилось циркулярно ко всѣмъ предѣлителямъ окружныхъ судовъ съ предложеніемъ принять мѣры къ точному соблюденію воторіумами ст. 2167, ч. 1, т. X св. зак., запрещающей заключеніе договоровъ на поставку въ извѣстный срокъ железнодорожныхъ акцій.

— Морское ведомство, по примѣру прежнихъ лѣтъ, сдѣлало въ текущемъ году заказъ кустарямъ на желѣзные и стальные пѣдѣлы для Кронштадтскаго порта, Кронштадтскаго пароходнаго завода, адмиралтей-

скихъ и ижорскихъ заводовъ и Ревельскаго и Владивостокскаго портовъ.

— Въ Св. Синодѣ состоялось постановленіе объ открытіи въ Сибирѣ двухъ новыхъ самостоятельныхъ епископскихъ кафедръ, въ Акмолинской и Забайкальской областяхъ; онѣ будутъ выдѣлены изъ предѣловъ нынѣшнихъ Томской и Иркутской епархій.

— На капиталъ 50,000 рублей, пожертвованный П. А. Каздаевымъ дворянину С.-Петербургской губерніи, рѣшено учредить шесть стипендій въ Екатерининскомъ дворянскомъ воспитательномъ заведеніи. Стипендіямъ этихъ будетъ испрошено разрѣшеніе именоваться „воспитанниками Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича“.

— Въ Казанскомъ соборѣ въ Великую Субботу и въ Пасхальную утренихъ свѣчныхъ ящиковъ выдано было всего 33,092 свѣчи, въ томъ числѣ 10,843 трехкопечныхъ и 50 рублевыхъ.

Научныя и техническія новости.

— Въмѣсто магніа при фотографіяхъ снимаемыхъ фотографіи предлагаютъ сжигать мелко истолченный порошокъ алюминія (такъ называемую алюминіевую бронзу) въ смѣси съ сѣрнистой сурьмою и бертолетовой солью (въ пропорціи 21,7 : 13,8 : 64,5), что гораздо дешевле: фунтъ порошка магніа стоитъ около 12 рублей, алюминіевая же бронза около 5 рублей.

— Понимая ученыхъ и техниковъ приготовить чистый алмазъ искусственнымъ путемъ увѣнчались, кажется, успѣхомъ. Муассану (Moissan) удалось получить нѣсколько мелкихъ кристалликовъ алмаза, помѣщая сжатый въ желѣзномъ цилиндрѣ уголь въ расплавленное при 3000° желѣзо и, затѣмъ, быстро охлаждая всю эту жидкую массу въ водѣ, а потомъ на воздухѣ. Уголь, отвердѣвая подъ страшнымъ давленіемъ также отвердѣвающаго и потому сильно сжимающагося желѣза, кристаллизуется въ видѣ кристаликовъ настоящего алмаза.

— Новое тщательное изслѣдованіе табачнаго дыма, сдѣланное недавно двумя вѣстными профессорами химіи, опровергло высказанное ранѣе предположеніе, что въ табачномъ дымѣ содержатся пары синильной кислоты, очень сильнаго яда. Опытъ сдѣланный надъ 200 гавайскими сигарами, дымъ пропусксклся чрезъ рядъ флаконовъ, наполненныхъ жидкостями, которыя должны были поглощать различныя составныя части дыма. Синильной кислоты анализомъ не обнаружено.

— Въ Южной Америкѣ, у верховьевъ рѣки Ориноко, открыты теперь громадныя лѣса каучуковыхъ деревьевъ. Добыаемый изъ нихъ каучукъ гораздо лучше привозимаго изъ Бразиліи.

— Для бронзирования гипсовыхъ фигурокъ предлагаютъ слѣдующій способъ. Надо распустить 50 граммовъ салинаго мыла въ 200 граммахъ теплой воды и прибавить туда растворъ 15 граммовъ мѣднаго купороса въ 50

граммахъ теплой воды. Получающійся при этомъ осадокъ слѣдуетъ промыть водой, высушить и смѣшать съ терпентинной эссенціей. Покрывая этимъ составомъ гипсовыя фигурки дѣлаются совсѣмъ похожими на бронзовыя.

— Итальянскій профессоръ Сяби изобрѣлъ способъ накалывать и плавить желѣзо, не прибѣгая къ дѣйствию жара. Онъ беретъ кусокъ желѣза щипцами, которые соединены проволокой съ электрической батареей, и опускаетъ его въ растворъ поташа. Электрическій токъ разлагаетъ поташъ, появляется пламя загорѣвагося водорода, а желѣзо раскаляется до краснаго и бѣлаго каленія.

— Въ Дрезденѣ заступаетъ теперь международная санитарная конференція по вопросу о борьбѣ съ холерой эпидеміею. Представителями отъ Россіи командированы тайный совѣтникъ Юнинъ и директоръ Медицинскаго департамента Министерства Внутреннихъ дѣлъ А. Р. Рагозинъ.

Политическое обозрѣніе.

Изъ Бѣлграда, 2 апрѣля, телеграфъ принесъ слѣдующее извѣстіе: вечеромъ регенты и министры приглашены были во дворецъ ужинать. Въ концѣ ужина король Александръ, поблагодаривъ регентовъ за труды, объявилъ, что отнынѣ онъ бережетъ власть въ свои руки. Регенты протестовали, но маршалъ двора пригласилъ регентовъ и министровъ въ сосѣдній залъ, гдѣ они задержаны. Народъ ликуетъ; передъ дворцомъ громадные овалы; король Александръ благодарилъ съ балкона за преданность и объявилъ, что отнынѣ онъ будетъ блюстителемъ конституціи и народныхъ правъ. Король отправился въ соборъ, сопровождаемый народомъ. Войска, которымъ приказано было не отлучаться изъ казармъ, приведены были къ присягѣ; къ домамъ регентовъ и бывшихъ министровъ приставлены военные караулы. Составъ кабинета: Докичъ—министръ-президентъ и министръ просвѣщенія, Франасовичъ—военный, Вупчъ—финансовъ, Милославлевичъ—внутреннихъ дѣлъ, Андра Пиколчъ—иностранныхъ дѣлъ и управляющій министерствомъ юстиціи, подполковникъ Станковичъ—публичныхъ работъ, Рама Милосевичъ—торговли.

Интересныя свѣдѣнія приводитъ *Temps* объ англійскомъ управленіи въ Египтѣ, сословъ арабской газеты *Аль-Моайодъ*, издаваемой въ Каирѣ. Газета эта приводитъ цѣлый рядъ случаевъ, доказывающихъ, на основаніи судебныхъ приговоровъ, что съ тѣхъ поръ, какъ полиція въ Египтѣ перешла въ руки чиновниковъ-англичанъ—при полицейскихъ дознаніяхъ, по поводу разныхъ дѣлъ, постоянно прибѣгаютъ къ разнообразнымъ пыткамъ: такъ, напр., подозреваемого въ совершеніи чего-либо преступнаго (не исключая воровства) распинаютъ на крестѣ, вытягивая руки и ноги помощью веревокъ, и при этомъ поджариваютъ руки и ноги горящими углями. Самые факты пытки безусловно и бесспорно доказаны на судѣ, но виновники пытокъ—англичане—остаются безнаказанными, и судъ безсиленъ противъ нихъ. Напротивъ, одно изъ орудіи пытки—la courbache, по-арабски „курбахъ“—ременная плеть, изъ кожи гинопотама—введенная англичанами въ египетскую армію, получаетъ, при британскомъ управленіи, все большее и большее употребленіе во всѣхъ родахъ ихъ административнаго управленія.

Новое французское министерство, составленное частью изъ прежнихъ членовъ наднаго кабинета, отчасти изъ новыхъ людей, повсюду считается временнымъ, переходнымъ. Изъ четырехъ новыхъ людей, вошедшихъ въ составъ кабинета

Дюкинъ, только одинъ былъ прежде министромъ, а именно Петраль, который завѣдывалъ финансами въ кабинетѣ Флокэ. Петраль принадлежитъ къ умѣренной фракціи радикальной партіи. Новый министръ народного просвѣщенія Пуанкарре еще молодой человекъ—ему всего 32 года. По профессіи онъ адвокатъ, но политическимъ убѣжденіямъ—умѣренный республиканецъ. Несмотря на свою молодость, Пуанкарре слыветъ въ политическихъ кругахъ за весьма талантливаго человека, и, вообще, ему прочатъ блестящую карьеру. Министру торговли Терриэ лѣтъ подъ сорокъ. Онъ принадлежитъ къ радикальной партіи, былъ прежде податнымъ инспекторомъ, затѣмъ сталъ заниматься журналистикою въ Дре, поналъ въ генеральный совѣтъ департамента и всего два года тому назадъ тѣмъ же департаментомъ избранъ былъ въ депутаты. Въ палатѣ Терриэ приобрѣлъ извѣстность, преимущественно, горячностью, съ которою онъ отстаивалъ протекціонистскія начала. Министръ юстиціи Герэнъ хотя и состоитъ уже довольно давно сенаторомъ, но до сихъ никакою извѣстностью, какъ политическій дѣятель, не пользовался. Герэнъ—умѣренный республиканецъ, и по профессіи—адвокатъ изъ Карпантра.

Программу будущихъ дѣйствій новое министерство объявило въ деклараціи, прочитанной въ палатѣ и въ сенатѣ, 25 марта: „Правительство сознаетъ затруднительность положенія дѣлъ, но не питаетъ опасеній въ виду того, что въ странѣ господствуетъ полное спокойствіе и непрерывное довѣріе къ республикѣ. Недавнія событія, вопреки усиліямъ извѣстныхъ группъ, не коснулись ни республиканскаго строя, ни отечества и не нарушили издавна установившейся за ними репутаціи честности и чести.“ Далѣе въ деклараціи министерство проситъ палату немедленно вотировать бюджетъ и выражаетъ надежду, что между

обѣими палатами состоится соглашеніе и, что удастся избѣгнуть ассигнованія новаго временнаго кредита, при чемъ правительство будетъ имѣть возможность во-время внести бюджетъ на 1894 годъ. Эта декларація была выслушана довольно сочувственно въ палатѣ, но очень холодно въ сенатѣ. Къ коллегѣ своему Герэну, новому министру юстиціи, которому поручено было чтеніе деклараціи, господа сенаторы отнеслись даже враждебно. Это видно изъ того, что только пятеро изъ нихъ послали Герэну свои визитныя карточки, всѣ прочіе воздержались.

Эта декларація была выслушана довольно сочувственно въ палатѣ, но очень холодно въ сенатѣ. Къ коллегѣ своему Герэну, новому министру юстиціи, которому поручено было чтеніе деклараціи, господа сенаторы отнеслись даже враждебно. Это видно изъ того, что только пятеро изъ нихъ послали Герэну свои визитныя карточки, всѣ прочіе воздержались.

Искусство.

Новая опера Леонкавалло.

„Паяцы“—новая опера Леонкавалло, поставленная у насъ впервые послѣ ея большаго успѣха за границей (Вѣна, Берлинъ, Дрезденъ, Лейпцигъ и др.) и у насъ—въ Варшавѣ и Москвѣ. Мы видѣли эту оперу въ Миланѣ, во время ея перваго появленія на сценѣ театра Dal-Verme, гдѣ она, строго говоря, имѣла только succès d'estime, несмотря на участіе въ ней знаменитаго Мореля. „Паяцы“ (Pagliacci) имѣютъ уже свою „исторію“: опера написана четыре года тому назадъ и подана авторомъ на конкурсъ, устроенный извѣстнымъ музыкальнымъ издателемъ Сондзоньоло; музыкальное жюри долгое время колебалось, кому изъ двухъ композиторовъ—Леонкавалло или Масканьи,—отдать первую премію; многие были на сторонѣ автора „Паяцовъ“, но „Сельская честь“ Масканьи болѣе удовлетворяла

главному требованію конкурса,—опера должна была быть одноактная; произведеніе же Леонкавалло состоитъ изъ двухъ дѣйствій съ прологомъ. Такимъ образомъ, этотъ авторъ получилъ вторую премію на конкурсѣ. Сюжетъ оперы не новъ, но все-таки интересенъ. Прологъ разъясняетъ идею пьесы, состоящую въ томъ, что и актеръ человекъ,—любящій, страдающій, ревнующій и пр. Инбретто написано самимъ композиторомъ, и, какъ утверждають, въ основу фабулы положенъ фактъ, случившійся въ Калабріи въ 1865 г. Дѣйствіе и происходитъ въ Калабріи, во время праздника Успенія. Народъ ожидаетъ пріѣзда странствующей труппы комедіантовъ. Постѣдніе появляются. Въ повозкѣ сидятъ Недда, жена паяца Каньо, играющая Коломбину; кромѣ ея мужа, находится здѣсь Тоньо и Пене. Тоньо, любящій Недду, хочетъ помочь ей выйти изъ возка, но получаетъ отъ мужа пощечину. На шутки толпы по этому поводу Каньо

заявляет, что только на сценѣ онъ наказываетъ Арлекина палкой, когда застаётъ его у Коломбыни, но что въ жизни онъ расшачивается иначе.

Эти слова производятъ свое дѣйствіе на Педду. Тоньо продолжаетъ преслѣдовать Педду, но она награждаетъ его хлыстомъ, за что Тоньо общается ей огомстить при первомъ случаѣ, который тутъ же и представляется. Недда дожидается Сильвіо; эту сцену подсматриваетъ Тоньо и приводитъ мужа, который бросается съ ножомъ сперва на Сильвіо, но тотъ успѣваетъ скрыться, а потомъ на жену. Его удерживаетъ однако Тоньо, советуя узнать прежде имя возлюбленнаго. Пене заявляетъ, что пора начать представленіе, и возбужденный Каньо, ненавидящій въ эту минуту театръ, гдѣ онъ долженъ за деньги забавлять толпу, убѣгаетъ на сцену. Во второмъ актѣ на глазахъ зрителей происходитъ самая драма: мужъ (на сценѣ, во время представленія комедіи) требуетъ отъ жены имени счастливаго соперника, Недда, конечно, не хочетъ назвать его; Каньо входитъ все въ большую и большую ярость; толпа аллодируетъ за реальную, естественную игру. Наконецъ, дошедши до изступленія,

на", заявляетъ со сцены Тоньо.

На этотъ сюжетъ Леонкавалло написалъ и музыку, въ которой временами проглядываетъ пенидѣльное чувство; не будучи широкимъ мелодистомъ, композиторъ находитъ иногда подходящія краски для выраженія того или другого настроенія; его стиль пока—если только можно говорить о собственномъ стилѣ по одному произведенію,—аріозно-речитативный; но у него есть увлеченіе; таковы обѣ нѣсенки, или, вѣрнѣе, монологи Каньо, и въ особенности, въ первомъ актѣ въ заключительной сценѣ („Смѣйся, няцъ“). Лиризмъ Леонкавалло проявляется въ немногихъ мѣстахъ, но, видимо, авторъ къ нему не чувствуетъ особеннаго влеченія; такова *balattella* Педды, вспоминающей о матери; впрочемъ, сюжетъ настолько сжатъ, что и мѣста мало для лирическихъ изліяній. Стремленіе къ драматическому выраженію посредствомъ речитативовъ—преобладающая черта въ данной работѣ этого композитора. Аріозо, и очень недурная, есть въ партіяхъ Сильвіо, Пене и Тоньо. Хорамъ авторъ старается придать оживленный характеръ; моменты для этого выбраны весьма удачные: праздничное время, представленіе комедіи

Трифано-Печенгскій монастырь на Мурманѣ. По старинной гравюрѣ грав. факсимиле Флягель.

Каньо закалываетъ жену на сценѣ; изъ толпы вырывается Сильвіо на сцену, чтобъ спасти ее; мужъ узнаетъ въ немъ человѣка, котораго любила его жена, и заодно убиваетъ и его. „Комедія конче-

и пр. Въ оркестровкѣ видно вліяніе Вагнера, да и героямъ своимъ Леонкавалло придаетъ характеристики въ видѣ *Leitmotiv*’овъ.

В. Басинъ.

С М Ъ С Ъ.

Крысы. „Незадолго до гибели шведскаго парохода „Готенбургъ“ близъ острова Ст.-Мэри, у берега Португербленда“, пишетъ одинъ очевидецъ, „я вмѣстѣ съ нѣсколькими другими лицами отравился на это несчастное судно. Когда мы къ нему приближались, намъ казалось, будто оно въ полномъ порядкѣ выходитъ изъ гавани, съ тою только разницею, что на палубѣ не было видно ни души. На самомъ дѣлѣ, судно давно уже было покинуто людьми и близилось къ своему концу. Едва мы успѣли взобраться на палубу, какъ подверглись такому панадешію, что одни изъ насъ носились укрыться въ такелажѣ, другіе прыгнули обратно въ лодку. Крысы во множествѣ, какого я не видѣлъ во всю свою жизнь и никогда болѣе не хотѣлъ бы видѣть, толпы большихъ голодныхъ крысъ жадно бросились къ намъ навстрѣчу; у многихъ были уже отгнѣдены хвосты. Ихъ были цѣлыя тысячи, а изъ глубей дрихлаго судна продолжали выходить все новыя и новыя. Визгъ этихъ отвратительныхъ животныхъ раздиралъ уши. Наконецъ, мы себѣ отрубили по куску каната, завязали ихъ узлами, и какъ бѣшеные начали хлестать по падавшимъ на насъ звѣркамъ; только такимъ образомъ намъ удалось пробиться сквозь нихъ въ лодку къ остальнымъ товарищамъ. Но крысы, казалось, предчувствовали свою близкую гибель; онѣ сотнями взбирались на свѣшавшіеся съ палубы канаты, стараясь прыгнуть за нами въ лодку, такъ что мы съ трудомъ избѣжали ихъ нашествія. Когда мы отчалили и плыли по открытому морю, страшный визгъ и пискъ долго еще раздавался намъ вслѣдъ. Постѣ этого, повидимому, нѣтъ основанія предполагать, что голодные крысы пожираютъ другъ друга, иначе сильнѣйшія могли бы утолить голодъ мясомъ болѣе слабыхъ, чего изъ вышеприведеннаго случая не видно.“ (Б.)

Средство отъ нервнаго сердцебіенія. Одинъ французскій врачъ сообщаетъ въ „*Journal de Santé*“ средство, какъ почти мо-

ментально остановить слишкомъ сильное сердцебіеніе: нужно низко нагнуть голову и безсильно свѣсить руки, чѣмъ вызывается мгновенный, но скоропреходящій приливъ крови къ верхнимъ частямъ тѣла. Во всѣхъ случаяхъ чисто нервнаго сердцебіенія это движеніе восстанавливаетъ нормальныя функціи сердца. Дѣйствіе указаннаго средства будетъ еще вѣрнѣе, если при этомъ задержать дыханіе. (В.)

Цѣна земли въ центрѣ Лондона. На-дняхъ въ такъ-называемомъ Лондонскомъ Синѣ, близъ Англійскаго государственнаго банка, продавались съ аукціона нѣсколько участковъ земли, и на нихъ цѣна была столь необычайно высокая, что сами англійскія газеты выразили по этому поводу удивленіе. За сравнительно небольшіе участки платили по 150,000 и 200,000 фунтовъ стерлинговъ или, какъ вычисляютъ мѣстныя газеты, по 50 фунтовъ стерлинговъ за квадратный футъ и по 2 милліона фунтовъ стерлинговъ за акръ. Въ переводѣ на русскія деньги и русскую мѣру, за десятицу выходитъ 51,000,000 рублей. Цѣна, дѣйствительно, грандіозная, но вокругъ того же Лондона раскинуто нѣсколько парковъ съ чудными рощами, называемыми „легкія Лондона“, т. е. то, чѣмъ Лондонъ дышитъ; эти рощи не продаются ни за какіе милліоны.

Одну изъ самыхъ богатыхъ общинъ составляютъ обитатели острова Джеркиль (близъ Нью-Йорка). Этотъ островъ, населенный исключительно милліонерами, былъ приобретенъ клубомъ нью-йоркскихъ, бостонскихъ и филадельфійскихъ капиталистовъ, бѣднѣйшія изъ которыхъ имѣетъ около 80,000 рублей годового дохода. (Б.)

Нѣмой торгъ. Приводимъ интересный разсказъ Геродота о существовавшемъ въ древности на западномъ берегу Африки нѣмымъ торгѣ, происходившемъ безъ личныхъ сношеній торговцевъ: „Караегеніе—какъ извѣстно, значительная торговая нація—разсказываютъ объ одномъ африканскомъ племени на ту сторону Герку-

лесовых Столбовъ (Гибралтарскаго пролива), что когда они приѣзжали съ товарами въ страну этого племени, то по выгрузкѣ товаровъ на берегъ, они немедленно возвращались на свои корабли и производили сильный дымъ. На этотъ сигналъ на берегъ являлись гусемцы, кланились въприземленныхъ кораблей столько золота, сколько имъ казалось соответственнымъ, и удалялись. Снова приходили кароагенине и сморгали, покрываетъ ли золото стоимость ихъ товаровъ; если количество золота казалось имъ удовлетворительнымъ, они забрали его и сядили на свои корабли, въ противномъ случаѣ, не трогали его до тѣхъ поръ, пока африканцы не прибавляли еще золота. Достойна вниманія при этомъ нѣмощъ торгъ обоюдная честность продавцевъ и покупателей: негры не уносили товаровъ раньше, чѣмъ были удовлетворены, бытъ можеть, очень большія требованія кароагенинъ; эти послѣдніе не скрывались вмѣстѣ со своими товарами и золотомъ.

По сообщенію одного путешественника этотъ замѣчательный видъ торговыхъ сношеній существовалъ еще въ нынѣшнемъ столѣтіи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Судана и Суматры. (В.)

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Оренбургъ, Ф. П. Кор-нову. Интересующій васъ свѣдѣніи о Массонахъ можете найти въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: В. Опошнина. „Нѣсколько историческихъ свѣдѣній о Франк-Массонахъ“. СПб. 1883 г. (небольшая брошюра, но тщательно составленная съ указаніемъ на литературу предмета); М. Логанова. „Повикова и Шварцъ“ М. 1858 г. и „Повикова и Московскіе Мартинисты“, М. Панинъ. „Материалы для исторіи Массонскихъ ложъ“ („Вѣстникъ Европы“ 1873 г.). — С. Ешевскій „Московскіе Массоны, 1780—1789 г.“ („Русскій Вѣстникъ“ 1864—65 г.). — П. Пекаревскій „Дополненія къ исторіи Массонства въ Россіи XVIII ст.“ СПб. 1869.

Москва, Шелепановскому. У васъ есть чувство и, повидимому, природная способность къ стихосложенію. Будьте очень осторожны въ выборѣ книгъ для чтенія. Читайте Пушкина, Гоголя, Некрасова, Мел, Майкова, Полонскаго, Алексѣя Толстого... Одно изъ вашихъ стихотвореній будетъ напечатано.

ПАВЕЛЬ БУРЕ

поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, на Невскомъ просп., д. 23. Москва, по Б. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнечкаго моста. БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода. Новый иллюстрир. прейсъ-куррантъ высыл. по требован. бесплатно.

Гейнрихъ Клейеръ, велосипеды „Орель“ Франкфуртъ н/М. (отдѣлен. въ Гамбургѣ).

Спеціальная фабрика замѣнителъ 24—5

велосипед. „Орель“.

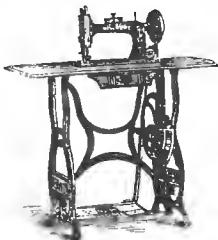
На всемирной выставкѣ въ Чикаго въ группѣ 83. Иллюстр. прейсъ-куррантъ за 10 коп. марку.

SINAPISME RIGOLLOT

Горчичники РИГОЛЛО или Горчичная Бумага.

ПРИНЯТЫ ВО ВСЕМЪ СВѢТѢ.—Требовать надписи изобрѣтателя Р. RIGOLLOT, означенной краснымъ пятномъ на каждомъ листѣ и на каждой коробкѣ. № 6803 ПАХОДЯТСЯ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ. 10—2

Продается оптомъ Р. RIGOLLOT et Cie, 24, avenue Victoria, Парижъ.

НЬЮ-ГОМЪ

оригиналь, американская усовершенствованная ШВЕЙНАЯ МАШИНА

Къ „НЬЮ-ГОМЪ“, въ Оранжъ (Шт. Массачусеттс, Сѣв. Америка) пользуется всемирною извѣстностью; проста, прочна, изящна; отличается: высокимъ рукавомъ, новымъ удобнымъ регуляторомъ для натяженія нити и проч. Работаетъ легко, быстро и безъ шума; даетъ чистую, ровную, 2-мя нитками шитую строчку; употребляетъ прямую саво-вставляющуюся (безъ мѣрки) иглу; годна для домашняго и ремесленнаго употребленія; шьетъ все: отъ тончайшей кисеи до толстѣйшаго сукна.

ГАРАНТИЯ 5 ЛѢТЪ.

Прейсъ-куррантъ и описаніе по требованію.

Складъ и контора „НЬЮ-ГОМЪ“, Москва, Мясницкая, д. Сытовыхъ. Главный представитель для всей Россіи:

Высоч. утвержд. Товарищество „Работникъ“.

Н. № 6248 Москва, Петербургъ, Киевъ и Ташкентъ. 10 8.

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО
ДРА ЛЕНГИЛА
въ ВѢНѢ
для БѢЛЫХЪ, СМЯЧЕННЫХЪ
и ЧИСТОТЫ
КОЖИ, ЛИЦА
и РУКЪ

Придастъ Коже Свежей Видъ,
рекомендуется какъ
Хорошее Туалетное Мыло
НАСТОЯЩЕЕ ТОЛЬКО ЗА ПОДПИСЬЮ
ВАСИЛА АУРИХЪ въ С.-ПЕТБУРГѢ

ЕДИНСТВЕННАГО АГЕНТА
для Россіи.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№ „Нивы“, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полную годовую подписную плату за „Ниву“ 1893 года, озаботиться своевременными срочными взносами слѣдуемыхъ съ нихъ денегъ. Г.г. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероля, подъ которымъ получается ими „Нива“.

СОДЕРЖАНИЕ: Воля судьбы. Историческій романъ въ трехъ частяхъ Кн. М. Н. Волконскаго. (Продолженіе).—Вечеръ. Стихотвореніе А. В. Бобричева-Пушкина.—Подъ розовымъ блесномъ. Разсказъ Е. Дубровиной.—Ипполитъ Тэнъ. Очеркъ.—Къ рисункамъ: „Средиземное море“ (съ рис.).—„Вотъ онъ — Наполеонъ!“ (съ рис.).—Прибытіе рабочаго поѣзда (съ рис.).—На красную горку (съ рис.).—Главный входъ русскаго отдѣла на Колумбійской выставкѣ (съ рис.).—Ипполитъ Тэнъ (съ портр.).—Опосумъ и земляная бѣлка (съ рис.).—А. С. Ермоловъ (съ портр.).—Печенгскій монастырь на Мурманѣ (съ рис.).—Разныя извѣстія.—Научныя и техническія новости.—Политическое обозрѣніе.—Искусство. Новая опера Леонавалло.—Смѣсь.—Заявленіе.—Почтовый ящикъ.—Объявленія.

Печатать А. Ф. Марисъ.

Редакторъ Кн. М. Н. Волконскій.

БИНТЫ ДЛЯ УСОВЪ

придающие неправильно растущимъ усамъ въ 10 минутъ прасивый видъ и фасонъ, вы-
сылаются за 1 р. 10 к. шт. съ наложен.
платежемъ. Адр.: въ Москву У. Пилыцъ.

Обмѣнъ душетовъ монетъ. Адресъ:
П. В. Калугинъ, Алапаевскъ,
Пермской губерніи. № 6351

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни
Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

КУРОРТЪ И МОРСКОЕ КУПАНЬЕ

ПЕРНОВЪ

Лифляндской губерніи.

Сезонъ съ 20 мая по 31 августа.

Подробнѣйшія свѣдѣнія безплатно чрезъ

№ 6276 4—4

Купальную Комиссію.

EAU DENTIFRICE BALSAMIQUE DE LONSE

БАЛЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полосканія рта, уничтожаетъ
запахъ во рту. № 5421 (25)

Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ под-
дѣловъ, требовать на этикетѣ полную фирму:

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

46. Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ
и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

„КАПРИЗЪ НЕВЫ“ ДУХИ — „Капризъ Невы“
О-ДЕ-КОЛОШЪ „Капризъ Невы“
МЫЛО — „Капризъ Невы“

„Мюсъ“ Духи послѣднія новости „Мюсъ“ Мыло
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ и О-де-нолонъ

ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

Препараты „КАПРИЗЪ НЕВЫ“ отличаются пре-
красными достоинствами и изготовлены для вы-
ставки въ ЧИКАГО. 15—4

СКЛАДЫ: С.-Петербургъ, площадь Александринскаго театра, 9.
Невскій, 69.
Москва, Никольская, д. Шереметева.
Варшава, Новый Свѣтъ, 37, и въ лучшихъ магазинахъ Печеріи.

АНГЛІЙСКІЕ
духи высокаго достоинства
ПРОБНЫЙ ФЛАКОНЪ 10 коп.
Парфюмерн. магазинъ Г. ПЮПА. Пассажъ № 52.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
НАЗВАНІЕ ЛУЧШИХЪ ДУХОВЪ:

Эссъ букетъ Жюкей клубъ Букетъ императрицы Илангъ-Илангъ Майскій-Ландышъ Бѣлый геліотропъ. Бѣлая лилія Сирень перс. Левкой Фіалка	Віолетъ де Парма Розада Люби меня Стенлей букетъ Iris Здѣльвейсъ Жасминъ Опононзъ Ширпъ Букетъ де Царь	Милль-Флѣръ Акація Гіацинтъ Киссъ ме квинъ Испанская кожа Свѣжее сыно Черемуха Lilas Heuri Lotus.
--	---	---

ПРОБНЫЕ флаконы высылаются не менѣе 10 флаконовъ за 1 р. 40 к.
съ пересылкой во весь городъ Россіи. (кроме СИБИРИ)

3-й ВЫИГРЫШ- НЫЙ

(Дворянский) вагон,
1 мая тираж, про-
даетъ на условіяхъ
дешевыхъ и добросовѣстныхъ

БАНКИРСКИЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,

59, Невскій, СПБ. (4-2)

1 марта с. г. на билетъ II вайма
сер. 02031 № 25, купленный въ Банк.
Домъ съ задаткомъ 20 руб., палъ
выигрываетъ въ 5000 рублей.

Англійскіе велоси-
педы завода
Зингеръ и №.
рекомендуетъ
ГЕНРИХЪ
ЖЕМЛИЧКА.

Москва, уголъ Тверской и Старого Га-
зетнаго пер., д. Фалитъ-Фейнъ, маг. № 19.
Высылаются прейсъ-курантъ. (3)

КРАСИВО ПИСАТЬ

выучивается всякій заочно (посредствомъ
переноски) въ 15 уроковъ
у **ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФИИ**
А. КОССОДО.

Методъ презентованъ на Парижской все-
мирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ 30-
лѣтней медали. № 6208 52-12
За 2 семикопѣчныхъ марки высылаются
пробное письмо и условія. Адресъ: Про-
фессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ
Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. За условіями
обращ. письменно: **Генрихъ Блокъ.**
С.-Петербургъ, Невскій, 59. 12-2

СТРАХОВАНИЕ ПАССАЖИРОВЪ ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ.

В. № 6201 8-7

Страховые билеты Общества „Россія“ вы-
даются во всѣхъ агентствахъ Общества и
также на вокзалахъ Главныхъ станцій желѣз-
ныхъ дорогъ предъ отходомъ поѣздовъ.

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ 56-Й ПРОБЫ СЪ

искусственными **БРИЛЛАНТАМИ:**

№ 254. Золотое кольцо. Шт. 4 р. 90 к., 2 за 9 р. 55 к., 3 за 13 р. 90 к.
№ 353. Золотыя серьги. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 8 р. 90 к. № 6239 10-6
№ 356. Золотыя серьги изъ лентисахъ. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 9 р. 40 к.
№ 401. Золотой браслетъ. Шт. 19 р. 75 к., 2 за 37 р. 80 к. **БАЗАРЪ МАРОКЪ**
№ 307. Золотая брошка. Шт. 7 р. 55 к., 2 за 13 р. 90 к. С.-Петербургъ,
№ 503. Золотая булава. Шт. 3 р., 2 за 5 р. 65 к. Невскій просп., № 20-31.
Товаръ пересылаю наложеннымъ платежомъ.

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ СРЕДСТВО

для смягченія кожи рукъ и лица.

Цѣна 35 коп.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфю-
мерныхъ магазинахъ. III № 6271 14-7

PAPIER FAYARD ET BLAYN

Листырная бумага, разрѣшенная Медицинскимъ Департаментомъ. Требуется съ этике-
тами Fayard et Blayn. Имѣется во всѣхъ лучшихъ аптекахъ. №589 (16-15)

УПРАВЛЯЮЩИИ № 6350
имѣиетъ, хорошій земледѣлецъ, специалистъ
по лѣсничеству, огородничеству и садоводству
(счетоводъ), ищетъ соответствующее мѣсто.
Есть аттестаты. Адресъ: М. Эрманинъ. Петерб.
стор. Каменно-остр. пр. 13, кв. 9. СПб.

УДОЧКИ
и всѣ вообще принадлежности для рыб-
ной ловли, полученные изъ Англіи въ боль-
шомъ выборѣ въ маг. С. И. Дойникова
Невскій просп., № 27.
Милютинъ рядъ, С.-Петербургъ.
Иллюстрированный прейсъ-курантъ ры-
боловныхъ принадлежностей
высылается бесплатно.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ
В. № 6326 В. ГЕНА въ Вѣнѣ 8-2
изъ грецкихъ орѣховъ.
Безвредное сред-
ство для быстрого
окрашивания во-
лосъ и бороды въ
черный, русый,
темно и свѣтло-
каштановый цвѣтъ.
Цена за флак. 3 р.
съ пер. въ Евр.
Росс. Главный
складъ для Россіи
у В. Аурихъ въ С.-
Петербургѣ. Ко-
локольная, 18.

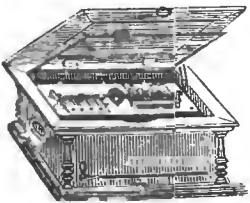
ТОВАРИЩЕСТВА
„ГИГИЕНА“
ЛИЗОЛИНЪ
ДЕЗОДОРИЗАЦІОННАЯ
жидкость
Разр. СПб. Вричел.
Унрав. Прод. въ лучш.
аптек. магаз.
Оптов. продажа въ
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ
ЛАБОРАТОРИИ
СПБ. площ. Александринск. театра, 9.
Москва, Школьная, д. Шереметьева.
Варшава, Новый Свѣтъ, 37. 8-2

Фирма презентована на европейскіхъ
выставкахъ десятию золотыми ме-
далями и высшими знаками.
(8) **МИНДАЛЬНОЕ** № 5914
МЫЛЬНОЕ ТѢСТО
Приготовл. лаборат. А. ЭНГЛУНДЪ.
Миндальное мыльное тѣсто на бе-
резовомъ сокѣ, котораго обильная,
освѣжающая и пріятная цѣна, вы-
печивалась въ кожу, придаетъ ей неж-
ность и мягкость; употребляется
какъ мыло. Цена за кусокъ 35 к.,
съ пересыл. 6-ти кусковъ 2 р. 50 к.
Для предупрежденія поддѣлокъ, про-
шу обратить вниманіе на подпись
А. Энглундъ красными чернилами
и марку С.-Петербургской Космети-
ческой Лабораторіи. Получать мож-
но въ Высочайше утвержденномъ
русскомъ обществѣ торговли апте-
карскими товарами, Казанская, 12
и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ
и парфюмерныхъ торговыхъ Россій-
ской Имперіи. — Главный складъ для
всей Россіи А. Энглундъ, С.-Пете-
бургъ, Бассейная ул., д. № 2.

PARFUMERIES
IXORA
ED. PINAUD
Savon..... à l'**IXORA**
Essences.... à l'**IXORA**
Huile..... à l'**IXORA**
Poudre de Riz à l'**IXORA**
37, BOULEVARD de STRASBOURG
PARIS
GRAND PRIX
EXPOSITION-PARIS 1889

СИМФОНІОНЫ.

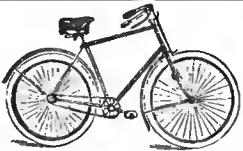
По тону подходят къ швейцарскимъ музыкальнымъ инструментамъ; въ то же время эти инструменты не только не портятся, но и долго служатъ.

Съ ручной, безъ нотъ, 6 р. Ноты по 35 к.
Заводной, безъ нотъ, 6 р. Ноты по 35 к.
Заводной, 60 тонн., безъ нотъ, 30 руб.
Ноты по 60 коп.
Заводной, 84 тонн., безъ нотъ, 45 руб.
Ноты по 75 коп.
Заводной, 84 тонн., „Sublime Harmonie“, безъ нотъ, 80 р. Ноты по 1 руб.
Заводной, 100-тонный, „Sublime Harmonie Piccolo“, безъ нотъ, 125 р.
Ноты по 1 р. 50 коп.
Новости! Часы съ музыкой (съ механизмомъ 100-тонного симфоніона), безъ нотъ, 250 руб. Ноты по 1 р. 50 коп.
Списки пьесъ для симфоніоновъ, а также иллюстрированные прейсъ-куранты всѣхъ инструментовъ бесплатно.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо
музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнец. мостъ, д. Захарьина.

Велосипеды англійскаго завода
„Гумберъ и К° Лтд.“
лучшіе въ свѣтѣ!
предлагаютъ торговый домъ
Г. ЖЕМНИЧКА и К°.
Москва, Неглинный просп., домъ Ечкиной.
Прейсъ-куранты—бесплатно.

ЭЛЕОПАТЬ

Пр. КИНУНЕНЪ

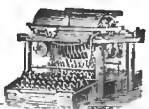
ДЛЯ ВОЛОСЪ.
ЭЛЕОПАТЬ Кинунена находится для продажи во всѣхъ больш. аптекахъ и космет. магазинахъ. Цена фл. содержитъ 120 граммъ 1 р. 50 н. безъ перес.
№ 6260 (4)

Провизоръ Кинуненъ.

Проситъ обращать вниманіе на нлеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона. Провизоръ Кинуненъ.

Главный складъ: Демидовъ пер., № 1.

ПИСЬМАЯ МАШИНА 25—14

РЕМИНГТОНА № 5

„НОВѢЙШАЯ ИЗЪ ВСѢХЪ СЪЩЕСТВЕННЫХЪ СИСТЕМЪ“

признана лучшей въ свѣтѣ. Писать въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд. Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленные отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылаются бесплатно. № 5996
Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва, С.-Петербургъ, Варшава, Одесса, Екатеринбургъ, Ковидъ.

Только что вышелъ изъ печати и разосланъ подписчикамъ
ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫПУСКЪ
нового роскошнаго періодическаго изданія, подъ названіемъ:
„ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА НИВЫ“.

годъ первый (1893), содержащій въ себѣ:

СКАЗКИ,

собранныя братьями Я. и В. ГРИММАМИ.

переводъ подъ редакцію П. П. ПОЛЕВОВАГО.

Иллюстраціи П. Гротъ-Юганна.

24 вып., каждый—въ розк. обложкѣ, по одному вып. черезъ каждыя двѣ недѣли.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

Подписка продолжается и каждый новый подписчикъ получаетъ изданіе полностью, т. е. начиная съ 1-го выпуска.

Цена за все изданіе (24 выпуска) 12 р., а съ пер. иног. 14 р.
Безъ доставки въ Москвѣ (въ Конторѣ Н. П. Печковской)—13 р.
Допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ:
при подпискѣ 4 руб., къ 1-му мая—2 р., къ 1-му іюня—2 р.,
къ 1-му іюля—2 руб., къ 1-му августа—2 руб., къ 1-му сентября—1 руб. и къ 1-му октября—1 рубль.

Подписка на это изданіе принимается въ главной конторѣ журнала „Нива“ въ СПб., Невскій, № 6; въ Москвѣ, въ Конторѣ Н. П. Печковской, а также во всѣхъ книжн. и эстампныхъ магаз.

Желающимъ ознакомиться съ изданіемъ, 1-й выпускъ „Сказокъ“ высылаются за 50 коп. почтовыми марками.

Только что вышло изъ печати и поступило въ продажу новое изданіе
А. Ф. МАРКСА въ СПб.:

СОЧИНЕНІЯ**М. В. ЛОМОНОСОВА**

Подъ редакціей А. И. Введенскаго. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ Ломоносова, гравированнымъ на стали П. Ф. Дейншигеромъ въ Мюнхенѣ. Изданіе изданный томъ in 8° (352 стр.) на лучшей бумагѣ. СПб., 1893 г. Ц. 1 р., а съ пересылкою 1 р. 30 к., въ роскошномъ переплетѣ 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 60 к.

Настоящій томъ заключаетъ въ себѣ полное собраніе исключительно литературныхъ произведеній Ломоносова, въ которыхъ онъ является творцомъ русскаго литературнаго языка.

Тексты произведеній Ломоносова, которые были напечатаны при его жизни, тщательно сверены по послѣднему при немъ изданію 1757 года, внимательно исполненному имъ самимъ.

Съ требованіями на книгу слѣдуетъ обращаться въ СПб.—г. въ Контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

Чтобы дать возможность покупателямъ яснѣе познакомиться съ обувью нашего производства, мы рѣшили выпустить

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ,
который съ конца апрѣля мѣсяца и будемъ высылать покупателямъ по требованію бесплатно.

Въ мѣстности, гдѣ нашъ обув. къ продажѣ не имѣется, мы высылаемъ руководство для снисканія мѣрки.

Фабричное нлеймо.

ТОВ. СПБ. МЕХ.

ПРОИЗВ. ОБУВИ.

С.-Петербургъ.

Обведи. кан. 134.

№ 6349

ДЛЯ УХОДА ЗА ЗАРАЗНЫМИ БОЛЬНЫМИ

имѣю честь рекомендовать слѣдующіе предметы:

Губка для желудка
наполняется Випатомъ, резиновая 5 р.,
металлическая 2 р. 50 к.
ПОВЯЗКА ДЛЯ ЖИВОТА

изъ толстой байки 1 р., изъ двойн. байки 2 р.
Для согрѣвающихъ компрессовъ
батистъ покрытый резиновымъ цементомъ
за аршинъ 1 р. 50 к.

Готовый согрѣвательный компрессъ
съ войлокомъ Приклада для желудка 4 р. 50 к.

ЖЕЛУДОЧНЫЙ ЗОНДЪ
изъ латунной резины для высосанъ кли-
стировъ 1 р. 50 к.

КРУЖКА ЭСМАРКА
съ кинжуромъ и гарнитуромъ, эмальеровъ 3 р. 75 к.
стеклянная 2 р., эмальеровъ, 3 р. 75 к.

НАБОРЪ Д-РА ОШЕНГЕЙМА
состоящій изъ всѣхъ предметовъ для вливанія
жидкостей подъ кожу и высосанъ кли-
стировъ 8 р.

НАБОРЪ Д-РА КОВЫЛИНА 5 р.
СТЕКЛЯННЫЙ ШПИРИЦЪ

съ прокладками для вливанія подъ кожу,
большой 5 р., малый 1 р. 50 к.

МАКСИМАЛЬНЫЙ ТЕРМОМЕТРЪ
для измѣренія температуры тѣла, достаточно
5 минутъ, 1 р. 50 к.

ГЕРМЕТИЧЕСКІЙ КЛЮЗЕТЪ
легко переносимый 12 р.

ГЕРМЕТИЧЕСКОЕ ВЕДРО
для испражнений, съ эмальеровъ, внутр. 9 р.
для грязнаго белья противъ заразы 6 р.

ПОДКЛАДНОЕ СУДНО
фарфоровое 1 р. 25 к., эмальеровъ 2 р. 50 к.

ПУЛЬВЕРИЗАТОРЪ-ДЕЗИНФЕКТОРЪ
для дезинфекціи комнатнаго воздуха, обмы-
ванія стѣнъ, потолковъ, мебели, кроватей и пр.,
большой съ 6-ю розжигами для больницы, ка-
вармы и пр. 33 р.; средней съ 4-мя роз-
жигами для privato и пр. 10 р.; малый съ 1-мъ
розжигомъ для домашн. употребленія 8 р.

Розжиги у этихъ пульверизаторовъ переста-
вляютъ по надобности, отъ самой тонкой
и до грубой струи.

РУЧНОЙ ГИДРОПЪЛЪЗЪ
для обмыванія стѣнъ и потолковъ и проч.
мѣдный 10 р., цинковый 2 р. 50 к.

НАБОРЪ ДЛЯ АНТЕЧНИ НА ФАБРИКАХЪ И
МАСТЕРСКИХЪ,

составленный согласно обязательному поста-
новленію СПб. Слѣдующаго по фабричнымъ
дѣламъ присутствія 8 р.

РЕЗИНОВОЕ ПОЛОТНО
для подстилки на кровати 1 р. 50 к. и 1 р.
за аршинъ.

ПЕРЕДНИКЪ РЕЗИНОВЫЙ
съ русавиной, длинный 8 р., безъ рукав. 3 р.

СКЛАДНЫЯ НОСИЛКИ
на ножкахъ 12 р., безъ ножекъ 10 р.

Респираторъ Куршмана 3 р.
Колпачъ резиновый для головы 50 к.

Перчатки резиновые 1 р. 50 к. за пару.
Щетка коновальная для растираний 75 к.

Перчатки со щетною для растираний 1 р. 75 к.
за штуку.

Повязка для санитаровъ и фельдшеровъ
съ красными крестоми 1 р. 50 к.

ПОРОШОКЪ ЗОТОВА
безъ запаха, уничтожаетъ всякое зловоніе,
25 к. за фунтъ.

Приборъ для домашняго приготавленія
паровой ванны,

при помощи котораго каждый можетъ во ве-
лкое время у себя въ комнатѣ, на своей же
постели, быстро довести себя до сильнѣйшей
психики, 25 р.

Казъ и всѣ прочіе хирургическіе и невро-
логическіе предметы. № 6338

КОНСТАНТИНЪ МАЛЬМЪ.

Складъ резиновыхъ товаровъ
БОЛЬШАЯ МОСКВА, № 34.

Господамъ инородцамъ отправляю съ по-
ложеніемъ платонъ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ (4)
Специалистъ хронометровъ.

СПбурѣ, Невскій пр. № 52
прот. Им. Публ. Библиотеки.

Подробный каталогъ, прейсъ-
курантъ по востреб. безплатно.

Перевѣлка на счетъ ма-
газина. Ручательство на 2 года. № 6283

ЛЕШИНСКЪ и ГЮЗНГЪ

имѣю честь сообщить, что они доставля-
ютъ черную краску, которою печатается
иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2450

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДЪЛОЖЪ!

КАУЧУКОВЫЙ
МОЗОЛЬНЫЙ ПЛАСТЫРЪ

А. БЕРГГОЛЬЦА.

Продается во всѣхъ лучшихъ аптекахъ,
аптекарскихъ и резиновыхъ магазинахъ.

Главное депо: Невская аптека магістра
А. Берггольца, Невскій проспектъ 68, въ
С.-Петербургѣ. № 6262 11—3

Цена коробки 40 коп.

XXIV г.
№ 16

г. XXIV
1893

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис. и
Выданъ 17 апрѣля 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № 15 к., съ пер 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1893 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

въ „НИВѢ“ принимаются за
строку нонпарейль (1/4 шир
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
1 руб. — Загран.: для Франціи
у Agence Havas по 3 fr.; для
Австр., Герман. и Швейц. у Ri-
dolf Mosse по 2 марк 50 pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петер-
бургъ 5 р.
Съ доставкою въ Петер-
бургъ 6 р. 50 к.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл.
П. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин. 6 р.
Съ пересылкой въ Москву и другіе го-
рода Россіи 7 р.

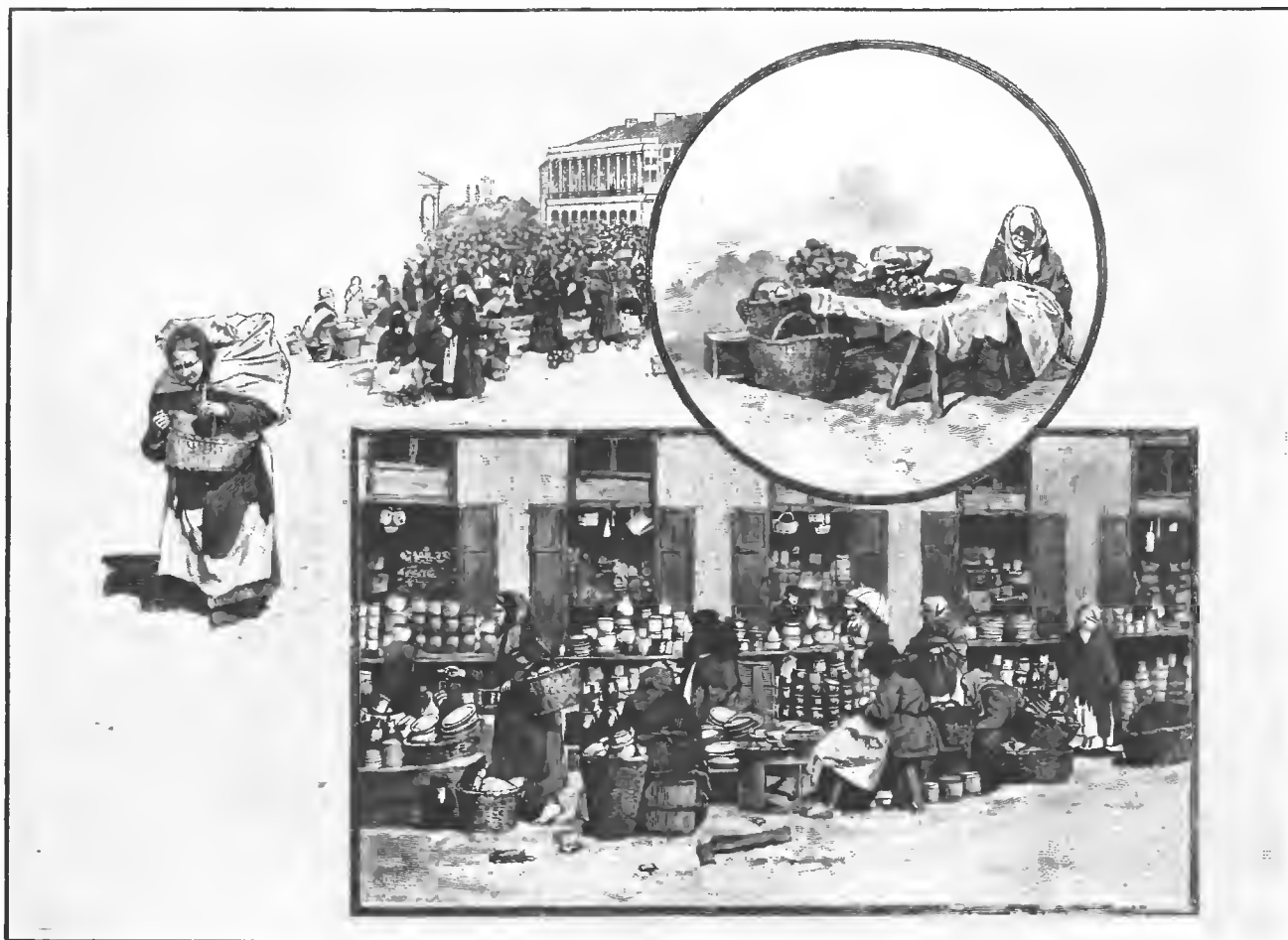
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 10 р.

На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 н., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 75 н., съ перес. иногор. 1 р. 75 н.
На 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 н., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 н., съ перес. иногор. 3 р. 50 н.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особые приложенія при
„НИВѢ“ объявленій отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“, со всѣми прилож.. Сборникомъ и пр.

Рынокъ за „Желѣзною Брамою“ въ Варшавѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Е. Малышицаго, грав. Флюгель.

Воля судьбы.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолжение).

VII.

Старый знакомый.

На другой день всеобщей новостью дня было спасение знамени Тарасовскаго полка сержантомъ седьмой роты. Весь Кёнигсбергъ только и говорилъ объ этомъ, рассказывая цѣлыя исторіи, какъ все это случилось, какъ, будто бы, во время битвы, Артемій, раненый въ голову, прикрытъ знамя своимъ тѣломъ и тутъ же потерялъ сознание, потомъ, придя въ себя, снялъ знамя съ древка и допоздъ съ нимъ до стога сѣна, въ которомъ спрятался и провелъ въ немъ около двухъ дней безъ пищи, боясь выйти, чтобы не встрѣтить неприятельскій развѣздъ. Потомъ онъ снялъ съ убитаго нѣмецкаго солдата мундиръ и, переодѣтый, явился въ Цорндорфъ. Благодаря знанію его нѣмецкаго языка, это переодѣванье удалось ему. Здѣсь онъ смѣнилъ мундиръ на лохмотья и, подъ видомъ нищаго, разореннаго войной крестьянина, сталъ пробираться къ Кёнигсбергу, заболѣлъ по дорогѣ, слегъ, но, лишь только былъ въ силахъ идти дальше,—пошелъ, полубольной, и явился въ свой полкъ какъ разъ въ ту минуту, когда полковой командиръ объявилъ своимъ подчиненнымъ полученное изъ Петербурга извѣстіе. Онъ спасъ не только знамя, но и весь полкъ. Главное основаніе, канва этихъ слуховъ была, разумѣется, справедлива, но подробности передавались различно, и, благодаря этимъ прибавкамъ и дополненіямъ, подвигъ Артемія росъ въ устахъ щедрой на преувеличеніе, какъ въ хорошую, такъ и въ дурную сторону, молвы. Въ данномъ случаѣ нельзя ничего было найти дурного, и имя Артемія окружили ореоломъ славы героя... Наиболѣе близкіе къ нему люди, товарищи по полку, не знали, чѣмъ отблагодарить его, и старались всѣми силами своею заботливостью показать ему, какъ они цѣнятъ то, что онъ сдѣлалъ для нихъ, для себя, для всего полка. Рѣшили, что въ казармѣ больному Артемию будетъ неудобно, а въ госпиталѣ—еще хуже, выхлопотали ему разрѣшеніе помѣститься на частной квартирѣ, прискакали комнату у благородной нѣмецкой вдовы, фрау Зонненширмъ, и устроили тамъ Артемія. Всѣ расходы на его содержаніе офицеры приняли на свой счетъ. Самъ генералъ прислалъ ему доктора. Кромѣ того, стали было собирать по подпискѣ деньги въ его пользу, но отъ этого Артемій отказался наотрѣзъ. Въ полковомъ денежномъ ящикѣ хранились его сто восемьдесятъ три рубля, сданные имъ, при прибытіи въ полкъ, изъ двухсотъ, полученныхъ отъ князя, при отѣздѣ изъ Проскурова. Онъ просилъ только выдать ему, на всякій случай, половину этихъ денегъ.

Какъ только Артемій очутился въ жарко-натоленной комнатѣ фрау Зонненширмъ, легъ на чистое бѣлье широкой, мягкой и удобной кровати, получить возможность ѣсть каждый день, не стѣсняясь, обѣдъ и завтракъ, приготовленный искусными руками доброй нѣмки,—словомъ, вошелъ болѣе или менѣе въ тѣ обычныя для него когда-то условія, въ которыхъ жилъ съ дѣтства и которыхъ былъ лишенъ столько времени,—перенесенныя имъ лишенія сейчасъ же дали себя знать, и болѣзнь его перешла въ форму кризиса. Онъ слегъ и находился нѣсколько дней въ безпамятствѣ, въ бреду, но молодость, крѣпкая натура и старательный уходъ взяли свое, и Артемій началъ поправляться.

Старый капралъ былъ при немъ неотлучной сидѣлкой. Выздоровленіе шло, однако, довольно медленно. Заботы и ласки, которыми теперь окружали Артемія, радовали его, потому что онъ видѣлъ теперь, что не

весь ему свѣтъ чужой все-таки, и есть люди, есть цѣлая даже семья, полковая семья, которой онъ близокъ. Но могло ли это вознаградить его за понесенную имъ потерю Ольги? Она, она одна нужна была ему, онъ все еще любилъ, мало того,—онъ любилъ больше прежняго, и съ каждымъ днемъ тоска его росла. Онъ проводилъ безсонныя ночи, ворочаясь съ боку-на-бокъ на своей постели и перевертывая на разные лады свою жаркую подушку, и въ продолженіе этихъ почей все думалъ и думалъ объ ней, объ одной лишь ней. Иногда становилось ему такъ тяжело, такъ безвыходно, что онъ хотѣлъ искусственно обратить свое выздоровленіе на ухудшеніе, сдѣлавъ что-нибудь противъ предписаній доктора: не принималъ лѣкарствъ, не ѣлъ, что, впрочемъ, ужасно огорчало фрау Зонненширмъ, воображавшую, что это она не умѣетъ угодить своему постояльцу...

Разъ какъ-то, когда ему особенно было не по себѣ, душевно не по себѣ, онъ рѣшилъ открыть окно, чтобы его охватило свѣжимъ, холоднымъ воздухомъ, ибо докторъ предписывалъ ему именно не простудиться.

Но только-что онъ хотѣлъ привести въ исполненіе свое намѣреніе, какъ въ дверь его комнаты постучали.

— Войдите, отвѣтилъ Артемій, быстро отскакивая отъ окна, увѣренный, что это или дядя, или кто-нибудь изъ полковыхъ пришелъ навѣстить его.

Но дверь отворилась, и на ея порогѣ, вмѣсто капрала, появилась тоже знакомая Артемию, хотя и сильно измѣнившаяся, фигура Торичіоли.

— Вы узнаете меня? проговорилъ онъ.

Артемій сейчасъ узналъ итальянца, хотя тотъ сильно охудѣлъ; а главное—теперь глаза его безпрестанно перебѣгали съ одного предмета на другой, какъ бы боясь встрѣтить взглядъ человѣка, съ которымъ онъ говорилъ.

Артемій много, много разъ въ мечтахъ своихъ перебиралъ случаи, при которыхъ онъ имѣлъ бы возможность получить хоть какое-нибудь свѣдѣніе объ Ольгѣ, и мечты эти были иногда очень сложны и фантастичны, но никогда ему не приходило въ голову, что онъ можетъ встрѣтиться съ Торичіоли. Онъ какъ-то, въ этихъ своихъ мечтахъ, совершенно забылъ объ итальянцѣ.

Но теперь, когда тотъ стоялъ передъ нимъ, сумасшедшія надежды зашевелились въ душѣ Артемія. Ему, испытавшему такъ недавно удачу, увѣнчанную такимъ блестящимъ образомъ, казалось уже, что чудеса частію непрерывно посылаются на его долю (такъ всегда бываетъ), и что ничего невысказаннаго нѣтъ:—Ольга вспомнила о немъ, упростила отца, князь простилъ, князь согласенъ и послалъ Торичіоли разыскивать его.

— Вы... ко мнѣ... сюда? задыхаясь отъ волненія, заговорилъ Артемій, протягивая обѣ руки навстрѣчу гостю.

Торичіоли, видимо, тронутый его радостью, и принимая ее за свой личный счетъ, съ грустною улыбкою покачалъ головою.

— Ну, идите же сюда, садитесь, продолжалъ Артемій, все еще радуясь и блещя глазами.

Торичіоли вошелъ неуверенно, какъ чужой, при-
выкшій къ отказу, къ недружелюбію, будто не вѣри, что его посѣщеніе можетъ быть кому-нибудь пріятно.

Артемій удивленно посмотрѣлъ на него, тутъ только замѣчая, до чего измѣнился старый его знакомый.

— Что съ вами?... Вы больны были?... Вы теперь больны? спросилъ онъ опять.

— Ахъ, что со мною и не спрашивайте, отвѣтилъ Торичіоли.

„И голосъ измѣнился какъ!“ съ новымъ удивленіемъ подумалъ Артемій.

— Да и вы сильно измѣнились, сказалъ итальянецъ, въ свою очередь.

— Да... я боленъ... но это ничего... вы изъ Проскурова, вы отъ князя... вы давно уѣхали, долго искали меня?..

Торичіоли вздохнулъ.

— Я уѣхалъ изъ Проскурова почти вскорѣ послѣ вашего отъѣзда, а потомъ ни разу туда не возвращался. Я былъ далеко...

И Артемій неожиданно точно упалъ на землю съ неба, куда, было, занесли его вдругъ возникшія надежды.

— Значитъ, вы... ничего... не можете сообщить мнѣ... что княжна... что тамъ всѣ?... упавшимъ голосомъ произнесъ онъ, не сознавая хорошенько того, что говорить.

Торичіоли опустился на стулъ.

— Я не знаю ничего рѣшительно о нихъ, отвѣтилъ онъ,—когда я уѣзжалъ, она еще больна была—я думалъ, напротивъ, что вы имѣете какія-нибудь свѣдѣнія, и зашелъ къ вамъ узнать.

Но по той неестественности, съ которою онъ сказалъ это, видно было, что пришелъ онъ вовсе не для того, чтобы узнать о Проскуровѣ, о которомъ, видимо, и думать забылъ вовсе. Онъ самъ замѣтилъ это и замолчалъ.

Артемію и обидно стало, и стыдно самому передъ собою, зачѣмъ онъ вдругъ обрадовался такъ сначала, чтобы еще болѣе внезапно быть разочарованному.

„И съ чего это я взялъ, съ чего взялъ?“ мысленно повторялъ онъ себѣ, глядя уже на итальянца, какъ на чужого человѣка совсѣмъ.

— Ахъ, если бы вы знали, началъ тотъ, и въ голосѣ его послышалась уже искренность,—какъ вы сейчасъ чуть не сдѣлали меня совсѣмъ счастливымъ! Я думалъ, что это вы *мнѣ* обрадовались такъ. Послушайте: я вчера, случайно, заговорилъ съ однимъ изъ русскихъ солдатъ, спросилъ его—не знаетъ-ли онъ что-нибудь о васъ. Это оказался солдатъ вашего полка, и онъ показалъ мнѣ, гдѣ вы живете. Я сегодня шелъ къ вамъ, я думалъ, я ждалъ, что, авось, хоть вы, по старому знакомству, здѣсь, на чужой сторонѣ, примете меня съ радостью, и, въ первую минуту, я думалъ, что не ошибся, но теперь вижу, что вы думали: не привезъ ли я вамъ какихъ-нибудь извѣстій... и готовы были обрадоваться имъ, а не мнѣ.

Краска покрыла щеки Артемія. Онъ вовсе не хотѣлъ обидѣть итальянца, а между тѣмъ разочарованіе его было слишкомъ сильно, чтобы могъ онъ скрыть его, и ему стало жаль Торичіоли.

— Нѣтъ, что-же... замаялся онъ, не зная, что отвѣтить.—А вы, видно, послѣ Проскурова, много потеряли... испытали тяжелого...

Торичіоли быстро поднялъ голову.

— Неужели вы не знаете, какъ тяжело быть одному! проговорилъ онъ.

До этой минуты Артемій все еще смотрѣлъ на Торичіоли такъ, какъ привыкаютъ люди смотрѣть на кого-нибудь съ самаго дѣтства. Артемій съ тѣхъ поръ почти, какъ начиналъ себя помнить, помнилъ „ученаго“ итальянца, именно какъ ученаго, имѣвшаго свои опредѣленные занятія въ домѣ князя; чистаго, довольно аккуратнаго и всегда одинаковаго. И вдругъ, теперь, словно новость, открылось ему, что, вѣдь, и этотъ человѣкъ не машина, а человѣкъ, способный чувствовать совершенно такъ же, какъ самъ онъ, Артемій, и еще болѣе несчастный, чѣмъ онъ, потому что впереди у него не было ничего,—ни надежды, ни желаній.

И совершенно другимъ уже голосомъ, голосомъ, въ которомъ звучало участіе, Артемій спросилъ:

— А вы давно въ Кёнигсбергѣ, какъ-же вы попали сюда?..

— О! какъ я попалъ сюда—это еще ничего, но я не знаю, какъ я выберусь отсюда... Однако я помѣшалъ вамъ, кажется, обѣдать? добавилъ вдругъ Торичіоли, кивнувъ на поставленные на столѣ фрау Зонненширмъ супъ и жареную говядину, къ которымъ Артемій не притрогивался.

— Нѣтъ, мнѣ не хочется, отвѣтилъ онъ,—а, можетъ быть, я могу предложить вамъ?..

Торичіоли согласился такъ быстро, какъ это можетъ сдѣлать человѣкъ только очень голодный. Онъ придвинулъ къ себѣ тарелку, налилъ супу и началъ ѣсть не только съ удовольствіемъ, но почти съ жадностью.

— Ну, какъ я радъ все-таки, заговорилъ онъ, вдругъ повеселѣвъ и чуть-ли не одновременно поднося ко рту одною рукою ложку съ супомъ, а другою—хлѣбъ,—какъ я радъ, что нашелъ васъ, а то никого,—ни души... Вы говорите, что нездоровы, но это пройдетъ, о, это пройдетъ...

— Но какъ-же вы попали въ Кёнигсбергъ? опять переспросилъ Артемій.

Тарелка съ супомъ быстро пустѣла.

— Какъ я попалъ сюда?

— У васъ развѣ вышли непріятности съ княземъ, какъ-же онъ отпустилъ васъ послѣ столькихъ лѣтъ службы...

— Да, и непріятности были... вообще, у меня пошло все вверхъ дномъ послѣ того, какъ... какъ явился въ Проскурово этотъ докторъ... да... это до вашего еще отъѣзда было... впрочемъ, вы, вѣроятно, не видѣли его...

Торичіоли замаялся, не зная, какъ сказать о томъ, что Артемій былъ подъ замкомъ въ то время.

Но тотъ сразу понялъ все. Онъ узналъ уже, что итальянецъ называетъ „докторомъ“ того самаго человѣка, имя котораго было неизвѣстно Артемію, но тайную повѣсть любви котораго и участіе въ ней Торичіоли онъ зналъ.

— Ну? сказалъ Артемій съ нескрываемымъ интересомъ.

— Говорить все? вдругъ спросилъ Торичіоли, положивъ ложку.

Артемій смотрѣлъ на него добрымъ, соболѣзующимъ взглядомъ.

„Неужели долгіе года вполне безупречной жизни не могутъ изгладить сдѣланнаго когда-то промаха!“ думалъ онъ, глядя на Торичіоли. И странно—чѣмъ дольше онъ глядѣлъ на него, тѣмъ жалче казался ему этотъ человѣкъ, и, помимо всего, онъ чувствовалъ, что испытываетъ теперь къ итальянцу какую-то особенную жалость.

„Ничего нѣтъ мудренаго—я знаю его съ дѣтства“, заключилъ Артемій.

Торичіоли рѣшительно качнулъ головою.

— Да, я расскажу вамъ все... началъ онъ.—Слушайте—вы думаете, я даромъ жилъ у князя Проскурова, въ его имѣніи, именно у этого князя, а не у другого... нѣтъ, тутъ длинная, запутанная исторія... но я вамъ расскажу ее... я вамъ расскажу, потому что молчать больше не въ силахъ...

„Я знаю ее!“ чуть не сорвалось у Артемія.

Торичіоли приостановился, какъ-бы ожидая, что Артемій хочетъ ему сказать что-то, но тотъ продолжалъ хранить молчаніе.

— Вотъ, видите-ли, я долженъ вамъ сказать, что въ Генуѣ, въ Италіи я любилъ одну русскую... нѣтъ, это слишкомъ тяжело, перебилъ онъ самъ себя,—довольно вамъ знать, что и она, и я должны были разстаться... она не любила меня... Мы развѣхались. Но я узналъ, что у нея родился ребенокъ, мой ребенокъ... мальчикъ

Выставка въ Импер. Акад. Художествъ. „Возвращеніе на родину“. Съ карт. О. Винцмана, грав. Цуцъ.

Выставка въ Импер. Акад. Художествъ. „Маршировка новобранцевъ“. Съ карт. Банмансона, грав. Мультиановскій.

или дѣвочка,—я не зналъ и до сихъ поръ не знаю... Но, странное дѣло, я люблю этого ребенка, люблю больше всего на свѣтѣ... Да это не мудрено: кромѣ него, никого у меня нѣтъ, родители мои отказались отъ меня, о нихъ я не могъ имѣть никакихъ свѣдѣній. По вѣсѣмъ вѣроятіямъ, они умерли. Родственниковъ я никогда не зналъ. Женщина, которую я любилъ, не любила меня...

„Да, а меня когда-то любили“, съ болью въ сердцѣ мелькнуло у Артемія.

— Но я, продолжалъ Торичіоли,—я поѣхалъ отыскать ее, для того, чтобы увидѣть, узнать своего ребенка... Когда я явился въ Россію, я послѣ долгихъ хлопотъ нашелъ мать моего ребенка оставившею свѣтъ: она постриглась въ монастырѣ. И знаете, каковъ этотъ монастырь былъ?—Торичіоли нагнулся почти къ самому уху Артемія, боясь, что стѣны услышатъ его слова.—Этотъ монастырь былъ тотъ самый, въ который ѣздилъ молодая княжна Ольга такъ часто, тотъ самый, который расположенъ недалеко отъ Проскурова. Вотъ почему я напился къ князю въ библиотечкаръ, и вотъ почему я жилъ столько лѣтъ въ Проскуровѣ...

Торичіоли перевелъ духъ, но сейчасъ-же, какъ-бы боясь остановиться, продолжалъ:

— Но, несмотря на то, что я былъ такъ близко отъ нея, въ теченіе всѣхъ этихъ лѣтъ, несмотря на всѣ мои просьбы, мольбы, заклинанія, письма и подсылы—она никогда не соглашалась не только сообщить мнѣ, гдѣ находился мой, т. е. *нашъ* ребенокъ, но даже видѣть меня не хотѣла, ни говорить со мною... Я ее видѣлъ разъ въ монастырской церкви, она прошла мимо въ своемъ черномъ одѣяніи. Послѣ этого она прислала мнѣ сказать, что если я еще разъ осмѣлюсь явиться въ церковь, или, вообще, сдѣлаю хотя какой-нибудь ложный шагъ—она обратится къ императрицѣ, и меня вышлютъ изъ Россіи. Я зналъ, что она была въ силахъ добиться этого, и долженъ былъ повиноваться. Я однако надѣялся, что она сжалится надо мною; но эта надежда оказалась исполнѣ напрасною. Приходилось искать самому... Я-бы давно это сдѣлалъ, но для этого требовались деньги, и большія деньги, а ихъ у меня совсѣмъ не было. Я копилъ свое жалованье, но это казалось каплею въ морѣ... и вдругъ тамъ, въ Проскуровѣ, явилось одно обстоятельство...

Торичіоли снова пріостановился. Онъ, въ продолженіе всего разсказа, ни разу не взглянулъ въ лицо Артемія. Теперь онъ опустилъ совсѣмъ глаза.

— Артемій Андреичъ! сказалъ вдругъ Торичіоли, первый разъ въ жизни называя его такъ.—Я, можетъ быть, виноватъ передъ вами, или, вѣрнѣе, могъ быть виноватъ... Но тогда мнѣ вдругъ предлагали сумму, при помощи которой я могъ начать свои самостоятельные поиски... Я чуть было не рѣшился... но какъ разъ въ то время пріѣхалъ тотъ человѣкъ въ Проскурово, странный, во власти котораго я нахожусь всецѣло. Я чувствую, что онъ можетъ сдѣлать все, что захочетъ. Онъ явился подъ другимъ именемъ, чѣмъ я зналъ его, онъ встрѣтился со мною, какъ съ незнакомымъ, казалось, онъ ничего не сдѣлалъ противъ меня, но послѣ его появленія жизнь моя рѣзко измѣнилась. Съ княземъ пошли непріятности одна за другою, я долженъ былъ оставить его домъ. Но я оставилъ домъ князя, правда, съ нѣкоторою надеждой—въ день отъѣзда мнѣ прислали изъ монастыря записку: вотъ она. Я зналъ, что и этого было много, что большаго, какъ-бы я ни добивался, не сообщать мнѣ.

И онъ досталъ сложенную записку и подалъ ее Артемію.

Твердою рукою на ней было написано: „Тотъ, кого вы ищете, находится въ Германіи. Если захотите, то нападете на его слѣды“.

— И вы нашли его? спросилъ Артемій.

Торичіоли опять отрицательно покачалъ головою.

— Я добрался сюда, могъ существовать, пока у меня оставались еще сбереженія отъ жалованья... потомъ попалъ въ Кенигсбергъ, и теперь сижу здѣсь безъ ничего... продалъ все, что возможно...

— Но за всѣ года, возразилъ невольно Артемій,—что вы провели у князя, у васъ должна была образоваться порядочная сумма... можетъ быть, она ушла на поиски?

— Да, на поиски, вздохнувъ, отвѣтилъ Торичіоли, какъ-то загадочно.—И если-бы, добавилъ онъ вдругъ,—вы сегодня не накормили меня, то я былъ-бы вторые сутки не ѣвши...

— Неужели? удивился Артемій.—Что-же вы прямо мнѣ не сказали. Если вамъ такъ нужны деньги, я могу вамъ ссудить немного.

Вся исторія бѣднаго итальянца и, въ особенности, его признаніе въ своемъ голодѣ,—не самое признаніе, по видѣ искренности, съ которою онъ сдѣлалъ его, сильно подѣйствовали на Артемія, и онъ отъ души теперь желалъ помочь ему, чѣмъ могъ.

Онъ всталъ со своего мѣста, подошелъ къ кровати, вынулъ изъ-подъ подушки кيسъ съ деньгами и, раздвинувъ кольца, высыпалъ въ горсть золотыя монеты.

— У васъ есть деньги! заговорилъ Торичіоли съ какимъ-то особеннымъ оживленіемъ.—У васъ столько есть денегъ! О, дайте ихъ мнѣ, дайте ихъ мнѣ всѣ, я вамъ черезъ недѣлю верну въ десять разъ больше.

Артемій болѣе чѣмъ удивленно взглянулъ на него, какъ-бы недоумѣвая, шутить надъ нимъ Торичіоли, за минуту передъ тѣмъ говорившій, что ему ѣсть нечего, или онъ просто рехнулся.

— Вы смотрите на меня, заговорилъ тотъ опять,—и думаете, можетъ быть, что я съ ума сошелъ. Пѣтъ, это вѣрно, что я говорю вамъ. Вотъ, видите-ли, мнѣ для моего дѣла нужны деньги; вы понимаете, что мнѣ много денегъ нужно, и достать мнѣ необходимо ихъ... и я иду... Вамъ я скажу, если вы дадите мнѣ теперь свое золото... при его помощи я dokonчу опыты, которые несомнѣнно уже удадутся на этотъ разъ, и тайна философскаго камня будетъ въ нашихъ рукахъ... Понимаете?

Теперь Артемію стало ясно, на какія изысканія и поиски ушли сбереженія Торичіоли.

VIII.

Камень философъ.

„Бѣдный, бѣдный человѣкъ!“ думалъ Артемій, глядя на итальянца, который такъ и уставился жадными, разгорѣвшимися глазами на его золото.

— И неужели вы думаете, что это возможно? спросилъ онъ, не скрывая своей недовѣрчивой улыбки.—Неужели вы думаете, что возможно все-таки найти этотъ сказочный камень?

— Не только думаю, но увѣренъ въ томъ, отвѣтилъ Торичіоли, улыбаясь, въ свою очередь, какъ человѣкъ, удивляющійся слѣпотѣ и неразумію другого.

Артемій снова сѣлъ къ столу и положилъ деньги передъ собою.

Ему хотѣлось и помочь, и образумить бѣднаго итальянца.

— Вспомните, Іосифъ Александровичъ, началъ онъ,—сколько людей сошли на этомъ съ ума, сколько жизней было загублено даромъ и потрачено труда; это слишкомъ старая штука, чтобы въ наше время поймаются на нее.

У Торичіоли было готово уже возраженіе:

— Слишкомъ старая штука! Много потрачено труда! Вы думаете, я не знаю этого, я ничего не читалъ, не изучалъ ничего? Нѣтъ, именно потому-то, что я знаю предыдущія ошибки, я и не могу впасть въ нихъ вновь. Я нашелъ истинный путь, и, понимаете мое положеніе, теперь, еще одинъ только опытъ, еще одно успіе, и

завтра я богатѣйшій человекъ въ мірѣ. Завтра мнѣ все доступно. У меня все готово, все предвидѣно, только-бы достать денегъ на этотъ послѣдній опытъ, который, клянусь вамъ, долженъ удался. Онъ не можетъ не удался!

Артемій пристально смотрѣлъ на итальянца, невольно удивляясь тому непоколебимому убѣжденію, съ которымъ говорилъ тотъ.

— Вотъ видите-ли, продолжалъ Торичіоли, придвигаясь къ столу и кладя на него обѣ руки.—Вотъ видите-ли: прежніе алхимики настоящее и истинное превращеніе металловъ искали въ разныхъ противныхъ самой природѣ металловъ вещахъ. Разумѣется, это было сумасшествіе... они думали найти его въ человеческой крови, въ птичьихъ яйцахъ, перьяхъ; другіе брали для этого ядовитыхъ животныхъ, третьи хотѣли добыть философскій камень изъ растений и изъ вина при помощи дигерировки его... Все это вздоръ. Дѣйствительное превращеніе заключается въ двухъ вещахъ: въ сѣрѣ (сульфурѣ) и ртути. Они, соединенные вмѣстѣ, составляютъ основное существо всѣхъ металловъ, и изъ нихъ, если совершить послѣдовательно и аккуратно шесть степеней работы, выйдетъ чистое золото.

— Меркурій—это ртуть? спросилъ Артемій, который, вслѣдствіе-ли болѣзненной своей слабости и впечатлительности, или цѣлага ряда волненій, испытанныхъ сегодня и до, и послѣ прихода Торичіоли, чувствовалъ, что не можетъ относиться къ его словамъ съ тѣмъ хладнокровнымъ равнодушіемъ, какъ вначалѣ.

— Да, подхватилъ итальянецъ,—меркурій есть духъ и тѣло. Никакой металлъ нельзя привести въ солнце (такъ мы называемъ золото) безъ помощи меркурія, но самый меркурій можно привести и въ золото, и въ серебро безъ помощи другихъ металловъ, но все дѣло зависитъ отъ чистоты работы... и чтобы въ ней не было ошибки...

— И вы думаете, что ваша работа безошибочна?

— Я довелъ ее до шестой, послѣдней степени. Я говорю вамъ: въ томъ-то и дѣло, что нужно еще одно усиліе; понимаете—послѣднее. Если вы придете ко мнѣ, я покажу вамъ все и объясню подробности. Дайте только мнѣ возможность кончить, и тогда вы тоже будете обладать великою тайной.

Артемій молчалъ.

— Артемій Андреевичъ! (въ голосѣ Торичіоли послышались и мольба, и упрекъ, и настойчивое требованіе). Артемій Андреевичъ! Подумайте только. Чего вамъ недостаетъ до полного счастья въ жизни? Вы любите дѣвушку. Я знаю это и жалѣю васъ. Такимъ, какъ вы есть теперь, можете-ли вы рассчитывать на то, чтобы сбылись ваши тайныя желанія и надежды? Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ, потому что за васъ не отдадутъ ее. Ну, а представьте себѣ, если вы будете обладать несмѣтными сокровищами, если золото—сыплетъ его горстями—никогда не будетъ переводиться у васъ, тогда вамъ станетъ все доступно. Вы можете по болѣзни (съ деньгами все возможно) освободиться отъ военной службы, уѣхать въ Италію, тамъ у насъ можно купить хоть графскій титулъ, и явиться въ Россію блестящимъ эчеленца — человекомъ равноправнымъ князю Проскурову...

Артемій глубоко вздохнулъ. Перспектива, которую рисовалъ Торичіоли, была слишкомъ заманчива. Она могла поколебать кого угодно.

„А что если попробовать! подумалъ онъ. — Что-жъ, куда мнѣ эти деньги... А вдругъ и въ самомъ дѣлѣ!“

— Вы подумайте! подхватилъ Торичіоли, замѣтивъ колебаніе Артемія. — Подумайте только, я хочу васъ сдѣлать счастливымъ человекомъ въ мірѣ, а вы сомнѣваетесь. Я, помню васъ, можете быть, найду возможность кончить свои опыты, и тогда... Что вы будете

чувствовать тогда? Пожалѣвъ эти несчастныя деньги теперь, вы теряете въ будущемъ свое счастье.

— Я денегъ не жалѣю. Что-жъ деньги... проговорилъ Артемій.

— Ну, такъ тогда дайте, дайте мнѣ ихъ! Я вамъ говорю, что ваше счастье зависитъ теперь отъ васъ самихъ, и если вы упустите случай...

Артемій всталъ со своего мѣста и заходилъ по комнатѣ.

Мысли его безпорядочно бѣжали въ головѣ одна за другою. „Неужели, дѣйствительно, было возможно то, что сулилъ Торичіоли... это сумасшествіе; но съ другой стороны—развѣ даромъ столько людей, и въ числѣ ихъ были люди умные, ученые,—занимались этимъ открытіемъ... И вдругъ, въ самомъ дѣлѣ, секретъ въ рукахъ итальянца!“

— Да, возьмите! рѣшилъ вслухъ Артемій.—Возьмите эти деньги, мнѣ не жалъ ихъ!

Торичіоли затрясся отъ радости.

— О! воскликнулъ онъ.—Я не благодарю васъ, потому что завтра, самое большое послѣзавтра вамъ придется благодарить меня; вы это увидите, вы это увидите...

И говоря это, итальянецъ поспѣшно, словно боясь, что Артемій раздумаетъ и измѣнить свое рѣшеніе, забралъ деньги, схватилъ шляпу и выбѣжалъ изъ комнаты.

Послѣ его ухода, Артемій долго стоялъ неподвижно, напрасно сiliaсь привести въ порядокъ свои спутанныя мысли.

Прежде всего его поражала одна странность: второй разъ въ жизни, въ самый тотъ моментъ, когда онъ рѣшался на отчаянный шагъ—какъ тогда въ лѣсу и какъ теперь, когда онъ подошелъ къ окну, чтобы открыть его и высунуться на холодный воздухъ,—явилась передъ нимъ неожиданная помѣха, и помѣха эта была связана съ исторіею Торичіоли... Это было странно, но онъ не останавливался, впрочемъ, долго на этой странности. Артемій не могъ понять, что ни у кого не работаетъ воображеніе такъ, какъ у влюбленныхъ. А самъ онъ былъ влюбленъ и только что натолкнувшись на новый путь мечтаній неудержимо понесся своимъ воображеніемъ, которому, чтобы разыграться, пужно было лишь прицѣпиться къ чему-нибудь. А тутъ было не чѣмъ фантазировать. А вдругъ и, правда, онъ будетъ обладать такими сокровищами, что цѣлый міръ можно купить на нихъ... Вѣдь это могущество, огромное могущество... да, тогда все возможно... и какъ этотъ итальянецъ вдругъ такъ хорошо придумалъ, купить графскій титулъ, явиться въ Россію... Нѣтъ, быть этого не можетъ... А отчего не можетъ быть... вѣдь, спасъ-же онъ знамя... и всѣ его полюбили и всѣ любятъ его. И Артемій любилъ себя въ эту минуту и свою Ольгу, и въ мечтахъ его она любила, и они были счастливы...

Навѣстившій вслѣдъ за тѣмъ Артемія докторъ нашелъ, что здоровье его значительно улучшилось, и велѣлъ ему принять еще приемъ послѣдняго лѣкарства, которому онъ, разумѣется, приписалъ перемѣну здоровья своего паціента, не подозрѣвая, что больному стало лучше оттого, что нравственное состояніе его измѣнилось. Артемій, дѣйствительно, повеселѣлъ потому, что ему была дана теперь надежда, хотя, правда, безумная, почти сумасшедшая, но все-таки надежда.

На другой день онъ ждалъ Торичіоли съ нетерпѣніемъ. Но тотъ не явился. Прошелъ еще день. Итальянецъ не приходилъ. Артемій началъ беспокоиться. Онъ поздно вспомнилъ о томъ, что не спросилъ у Торичіоли, гдѣ его можно найти. Теперь приходилось ждать—и только. Ожиданіе это становилось несносно. На третій день, наконецъ, утромъ принесли записку, въ которой итальянецъ сообщалъ свой адресъ и говорилъ,

что все идетъ превосходно, и чтобы Артемій не безпокоился. Артемій упросилъ доктора выпустить его, и въ первый-же выходъ свой, обманувъ дядю, который хотѣлъ придти, чтобы проводить его на прогулку, отправился одинъ къ Торичіоли.

Когда онъ попалъ къ итальянцу, когда тотъ показалъ свою комнату, превращенную въ лабораторію, показалъ ему результаты первыхъ опытовъ, развернулъ книги и, все время рассказывая, читать изъ нихъ выдержки, когда, наконецъ, передъ глазами Артемія воочию затеплился огонекъ подъ ретортой, въ которой должно было совершиться таинственное превращеніе — мысли его, при видѣ всего этого, окончательно спутались, и онъ оказался побѣжденнымъ, совсѣмъ перешедшимъ на сторону алхиміи.

Съ этихъ поръ, сжигаемый лихорадкой нетерпѣнія, онъ каждый день спѣшилъ въ лабораторію, помогать, чѣмъ могъ, толокъ, растиралъ и слушалъ уже слова Торичіоли, какъ слова оракула.

Удивительно, откуда брались у него силы, но онъ чувствовалъ себя уже бодрѣе и почти здоровѣе. Особенное дѣйствіе произвели на него книги. Тамъ казалось все такъ правдоподобно, ясно изложено, хотя и очень туманнымъ языкомъ, но все-таки ясно, если только найти ключъ къ пониманію. Артемій съ нѣсколькихъ словъ Торичіоли уже считалъ себя обладателемъ этого пониманія. Первыхъ денегъ, данныхъ имъ для опытовъ, разумѣется, не хватило. Шестая степень работы оказалось самою сложною. Для нея понадобился особенный сосудъ и еще, и еще расходы. Артемій (не прошло и десяти дней занятій его алхиміей) снова обратился съ просьбою о выдачѣ ему изъ его денегъ пятидесяти рублей. Но теперь это его уже не смущало. Торичіоли поддерживалъ въ немъ, какъ огонь подъ своею ретортой, увѣренность и надежду на золотыя горы въ будущемъ.

Дѣло шло къ концу октября. Спѣтъ еще не выпалъ, но становилось уже холодно. Артемій шелъ вечеромъ домой отъ Торичіоли, кутаясь въ свой теплый плащъ и тревожимый тѣмъ-же чувствомъ ожиданія, которое жило въ немъ все послѣднее время, о идущемъ, — что, можетъ быть, завтра появится въ ретортѣ обѣщанный книгами сипій дымокъ, такъ нетерпѣливо ожидаемый и должноствующій служить признакомъ окончанія работы.

Артемій самъ не замѣтилъ, какъ быстро заразился онъ своимъ увлеченіемъ, и какіе глубокіе корни оно

пускало въ немъ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ.

Вернувшись домой, онъ засталъ фрау Зонненширмъ, противъ обыкновенія, не спящую. Въ сѣ комнатѣ горѣлъ огонь. Она, очевидно, слышала, какъ пришелъ онъ, и сейчасъ-же постучала къ нему въ дверь.

— Я васъ ждала, отвѣтила она на вопросъ Артемія, отчего она не легла и здорова-ли она.—О, да, я совсѣмъ здорова, продолжала фрау Зонненширмъ,—я васъ только ждала.

— Что-же, есть какія-нибудь новости?

— О, пѣтъ! господинъ капралъ заходили и очень жалѣли, что васъ опять дома пѣтъ... но, главное: вамъ письмо принесли.

— Какое письмо? Кто принесъ, господинъ капралъ принесъ?

— О, пѣтъ — господинъ капралъ раньше были, а письмо принесъ совсѣмъ другой человекъ. Онъ былъ совсѣмъ закрытъ своимъ плащомъ, и я лица не видѣла его.

— Гдѣ-же это письмо?

— Вотъ оно, вотъ оно...

И фрау Зонненширмъ достала изъ кармана передника сложенную въ письмо бумагу.

Артемій прочелъ адресъ, написанный совершенно незнакомой рукою. Тѣмъ не менѣе это былъ его адресъ, и полное его имя и даже воинское званіе были обозначены совершенно ясно на нѣмецкомъ языкѣ. Письмо было запечатано странною печатью, на которой виднѣлось кольцо, образованное изъ змѣи, кусающей свой хвостъ, а въ срединѣ кольца — была пентаграмма съ обращенною кверху вершиной.

Фрау Зонненширмъ, отдавъ письмо, заявила, что пойдеть теперь спать, потому что ей это очень хочется, и ушла.

„Отъ кого-бы это могло быть?“ подумалъ Артемій, распечатывая.

Письмо заключало въ себѣ всего нѣсколько строкъ:

„Если хотите,—было написано въ немъ на нѣмецкомъ языкѣ,—увидѣться съ человекомъ, съ которымъ бесѣдовали вы нѣсколько времени тому назадъ въ Проскуровскомъ лѣсу, то будьте $\frac{3}{14}$ будущаго ноября, къ восьми часамъ вечера, по слѣдующему адресу“.

И вмѣсто адреса на письмѣ былъ изображенъ планъ улицы, гдѣ жилъ Артемій, и отъ его дома стрѣлкою показанъ путь, куда ему слѣдовало идти.

Вмѣсто подписи стояли три латинскія буквы: C. S. G.

(Продолженіе будетъ).

Мертвое поле.

Вѣютъ знамена,

Копья трепать,

Съ моря и Дона

Стрѣлы летятъ.

Воины смѣлы,

Грозенъ ихъ вождь.

Падаютъ стрѣлы

Съ шумомъ, какъ дождь.

Всволодъ ярый

Вихремъ летитъ,

Сыплеть удары,

Шлемы дробить.

Гдѣ ударять

Буй-туръ мечемъ—

Горе летаетъ

Алчымъ орломъ.

Хмурятся тучи:

Всволодъ палъ,

Витязь могучій.

Мутенъ Каятъ.

Надъ берегами

Сонной рѣки

Птицы крылами

Кроютъ полки.

Смерть новоселье

Править средь нихъ:

Мрачно веселье

И пиръ ся тихъ.

Взрыты копытомъ,

Смяты поля—

И по убитымъ

Плачетъ земля!

І. Ясинскій.

Искусство укрощенія и дрессировки животных.

Переводъ съ нѣмецкаго.

Вѣдь намъ со школьной скамьи знакомъ трогательный разсказъ о римскомъ рабѣ Андроклѣ, убѣжавшемъ отъ своего жестокаго господина и скрывшемся въ одной пещерѣ Ливійской пустыни, гдѣ онъ столкнулся со львомъ, страдавшимъ отъ запозы въ погѣ. Андроклъ вынулъ ему запозу, заживилъ рану, и съ этихъ поръ левъ не только сдѣлался его защитникомъ, но раздѣлялъ съ нимъ въ теченіе трехъ лѣтъ свою добычу, а когда рабъ былъ пойманъ и, отданный на растерзаніе дикимъ звѣрямъ, по волѣ случая, очутился на аренѣ цирка передъ тѣмъ же львомъ, животное тотчасъ же узнало своего благодѣтеля и легло у его ногъ. Эта трогательная исторія можетъ считаться однимъ изъ древнѣйшихъ и наиболѣе блестящихъ доказательствъ искусства укрощенія звѣрей.

Чрезвычайно счастливымъ укротителемъ животныхъ былъ извѣстный въ древности Орфей, звуками кнѣары заставлявшій самыхъ свирѣлыхъ хищниковъ по-

слушно ложиться у своихъ ногъ; къ числу выдающихся мастеровъ на этомъ поприщѣ можетъ быть причисленъ Генрихъ Левъ, за которымъ прирученный имъ на Востокѣ левъ слѣдовалъ до самаго Брауншвейга. Левъ этотъ умеръ на гробѣ своего господина голодной смертью.

Такимъ образомъ, искусство укрощенія животныхъ существовало еще въ древности, и современные укротители могутъ со справедливой гордостью оглянуться на цѣлый рядъ всемирно извѣстныхъ предшественниковъ и учителей, мастеровъ своего дѣла, въ жилахъ которыхъ текла кровь нѣвцовъ и князей.

Искусство укрощенія животныхъ—стоявшее въ древности на такой высокой степеніи развитія, что львы и тигры были домашними животными императорскихъ дворцовъ—за послѣдніе нѣсколько десятковъ лѣтъ воскресло съ новою поразительною силою и сдѣлало такіе успѣхи, что не можетъ не интересовать каждого.

Обыкновенно предполагаютъ, что укротитель—особенно, если онъ имѣетъ дѣло съ большими хищными животными—долженъ быть Геркулесомъ по сложенію и мускульной силѣ. Этотъ взглядъ совершенно невѣренъ: маленький, незначительный, слабосильный человекъ въ данномъ случаѣ можетъ сдѣлать то же самое, что и великанъ, такъ какъ для укрощенія дикихъ животныхъ нужна не физическая сила, но, главнымъ образомъ, терпѣніе—безконечное, невообразимое, неслыханное терпѣніе, настоящее ангельское терпѣніе, и рядомъ съ нимъ тщательное изученіе характера всей породы и каждого отдѣльнаго животного. Грубая сила ничего не достигнетъ, и тѣ господа, которымъ удастся посредствомъ страха на нѣсколько минутъ ошеломять животное и принудить его къ слѣпому повиновенію, никогда не могутъ быть увѣрены въ своей безопасности. Напротивъ того, для настоящаго искусства укро-

тителю, добивающемуся своей цѣли, всѣ самыя сильныя и свирѣлыя животныя, за исключеніемъ несчастныхъ случайностей, почти безопасны. Такой укротитель умѣетъ обращаться съ животными, онъ къ нему привязаны и держатъ себя относительно него, какъ дѣти; дѣйствительно, какъ и странно это звучитъ, животныя по характеру и поведенію кажутся живо напоминаютъ дѣтей. При такомъ положеніи вещей, казалось бы, укрощать животныхъ очень не трудно; на самомъ дѣлѣ, однако, — это какъ разъ наоборотъ. Укрощеніе чрезвычайно трудно по той причинѣ, что для него не существуетъ никакихъ правилъ, предписаній, никакихъ теоретическихъ приѣмовъ, даже самой большой опытности не достаточно; укротитель долженъ съ каждымъ отдѣльнымъ экземпляромъ, такъ сказать, начинать съзнова, создавая особую примѣнительную къ нему систему воспитанія. Если-бъ намъ пришлось съ какою-нибудь лекціей объ искусствѣ укрощенія животныхъ, мы начали бы такъ: „Искусство укро-

Слонъ-гимнастъ.

щенія животныхъ распадается на два отѣла: первый — прирученіе, второй — дрессировка. При прирученіи пужно сообразоваться больше всего съ характеромъ животного; при дрессировкѣ играть главную роль его смышленость; приручить можно почти всѣхъ звѣрей, дрессировать — лишь немногихъ...“ Вотъ все, что можно сказать съ точки зрѣнія теоріи.

Но какими же образомъ дѣлать ручными такихъ хищниковъ, какъ, напр., левъ, тигръ? На это дастъ отвѣтъ разсказъ одного знаменитаго укротителя о самомъ блистательномъ успѣхѣ всей его карьеры; я позволю себѣ привести здѣсь мою встрѣчу съ знаменитымъ укротителемъ Мартини за годъ до его смерти.

Мартини, французъ по происхожденію, жилъ тогда богатымъ рантье въ Оверни, близъ Амстердама. Я засталъ его за прививкою розъ въ саду его виллы. Старикъ имѣлъ видъ отставнаго англійскаго полковника, пятачугаго и важнаго Краснопощека горничная-голландка, въ крылатомъ бѣломъ чепцѣ, подвела меня къ нему.

— Господинъ Мартини? началъ я.

— Къ вашимъ услугамъ.

— Я приступаю къ дѣлу безъ обиняковъ, сударь: я пріѣхалъ сюда специально съ тѣмъ, чтобы узнать отъ васъ нѣкоторыя интересныя приключенія изъ вашего замѣчательнаго прошлаго. Не скрою, что мое желаніе подѣлиться ими съ читателями газеты ***, корреспондентомъ которой я состою.

— Очень жаль, но это невозможно, отвѣчалъ очень сдержанно старый джентльменъ, — очень жаль.

— Невозможно?

— Совершенно невозможно. Я въ настоящее время пишу свою біографію, въ этомъ году она уже будетъ кончена, и я бы не хотѣлъ, чтобы кто-нибудь другой выбралъ у меня изъ пирога всѣ изюмины и преподнесъ ихъ публикѣ. Умные черные глаза сѣдовласаго господина при этомъ очень проникательно смотрѣли на меня сбоку. — Вы это поймете, сударь.

— Я совершенно хорошо понялъ и не стану больше утруждать васъ. Мое обѣщаніе, повидимому, настронило старика на болѣе дружескій ладъ.

— Разрѣшите мнѣ, однакоже, продолжать я, — задать вамъ одинъ вопросъ, который давно меня интересуетъ. Какіе при-

мы существуютъ для того, чтобы приручить, напиримѣрь, дикаго тигра и выдрессировать его?

— Да, если-бъ я могъ сказать это, я зналъ-бы очень много.

— Но, вѣдь, вы достигли знаменитости, именно благодаря прирученію тигровъ. Вообще, вы первый занялись этимъ дѣломъ, до васъ никому не удавалось приручать тигровъ.

— Тигровъ во множественномъ числѣ — это не вѣрно, съ горячностью возразилъ старикъ, — я дрессировалъ одного тигра.

— Какими же средствами вы пользовались?

— Я вошелъ съ нимъ въ дружбу, и это произошло такъ: въ то время я былъ еще совсѣмъ молодымъ человекомъ, волтижеромъ по призванію, и мой маленькій балаганъ стоялъ какъ разъ рядомъ съ большимъ звѣринцемъ Ванъ-Акена въ Раумбургѣ на Заалѣ. У меня было очень много свободнаго времени, и цѣлый день слонялся въ звѣринцѣ Ванъ-Акена и забавлялся со звѣриями; въ особенности, мнѣ нравилась одна обезьяна, которую я часто кормилъ винными ягодами.

„Однажды, — продолжалъ разсказывать Мартини, повидимому, совершенно забывъ, что я корреспондентъ, — я только что протянулъ къ обезьянѣ руку съ парой ягодъ, какъ вдругъ изъ стоявшей рядомъ кѣтки послышалось злобное ворчанье, и огромный королевскій тигръ замахнулся на меня своею исполинскою лапой, незаметно просунувъ ее сквозь рѣшетку; онъ неминуемо опрокинулъ бы меня на землю, стой я на одинъ дюймъ ближе къ кѣткѣ. Страхъ, перепуганный мною при этомъ, такъ меня раздосадовалъ, что я изъ всей силы сталъ бить тигра свищомъ; наблюдателемъ моей трости и побилъ его такъ основательно, что онъ съ воемъ и ревомъ отекочилъ отъ

рѣшетки и сталъ бѣсноваться, какъ безумный. Можетъ быть, я и не ударилъ бы его, если-бъ въ тотъ самый день не испыталъ большого волненія. Дѣло въ томъ, что я по уши влюбился въ дочь Ванъ-Акена.

Собравшись съ духомъ, я отправился къ нему, пріодѣвшись, какъ могъ, чтобы просить руки m-lle Ванъ-Акенъ. Богатый Ванъ-Акенъ смѣялъ меня глазами съ головы до ногъ. „Любезный другъ“, отвѣчалъ онъ мнѣ, „Ванъ-Акенъ не отдастъ своей дочери за канатнаго плясуна, единственная собствен-

ность котораго — ящикъ съ мишурными нарядами и десять локтей пологна для палатки. Вышейте стаканъ воды, молодой человекъ, это вамъ будетъ полезно“. Съ этими словами гордый господинъ меня оставилъ.

„Я выпилъ стаканъ воды и пошелъ искать развлеченія въ звѣринцѣ. На другой день послѣ моего столкновенія съ тигромъ, я опять утромъ былъ въ звѣринцѣ, далъ обезьянѣ лакомства, и снова, какъ въ прошлый разъ, тигръ, вѣроятно, изъ зависти, замахнулся на меня лапой; я далъ ему

Обезьяна — канатный плясунъ.

Ученый медведь.

Смѣшанное общество.

тотъ-же урокъ, что и наканунѣ. Выраженіе глазъ его, съ которымъ онъ уставился на меня, начало необыкновенно интересоваться мною. Я нѣсколько дней не ходилъ въ звѣринецъ и потомъ подошелъ прямо къ клеткѣ тигра, чтобы узнать, помнитъ-ли онъ меня. Тигръ, по-видимому, уже зналъ мои шаги, его глаза засверкали, какъ только я появился передъ клеткой; онъ бѣшено хлесталъ хвостомъ о деревянные стѣны, сощелъ и испускалъ потрясавшій ревъ. Тутъ внезапно пришла мнѣ странная мысль приручить этого тигра, тщеславное желаніе подчинить себѣ этого заклятого дикаго врага. Выбѣгъ съ тѣмъ мнѣ захотѣлось показать Ванъ-Аксу, что я умѣю не только жонглировать шарами и танцевать на бутылкахъ, рисовались въ моемъ воображеніи и другія картины, — картины счастья, смѣло достигнутыхъ цѣлей. Главный сторожъ звѣринца, старый швейцарецъ — его звали Пардусъ — былъ моимъ пріятелемъ; благодаря чему я имѣлъ свободный доступъ въ звѣринецъ. Такимъ образомъ, я явился туда каждое утро и приучалъ тигра къ своей наружности, желая заставить его забыть побой; это удалось мнѣ поразительно быстро. Я цѣлыми часами говорилъ съ нимъ самымъ мягкимъ, кроткимъ тономъ, приносилъ ему отъ времени до времени, въ видѣ лакомства, кусочки мяса, и въ три мѣсяца — все это время я слѣдовалъ со своимъ балаганомъ за звѣринцемъ Ванъ-Акса — успѣхи были такъ велики, что тигръ, завидѣвъ меня, ласково ворчалъ и бралъ изъ моихъ рукъ мясо. Скоро я уже могъ почесать ему голову, а когда я дружески говорилъ съ нимъ, онъ закрывалъ глаза и ложился у самой рѣшетки, точно желая быть какъ можно ближе ко мнѣ. Теперь я уже началъ считать возможнымъ большой, послѣдній шагъ.

— Пардусъ, сказать я въ одно прекрасное майское утро — мы были тогда въ Майницѣ, недалеко отъ Рейнскихъ садовъ — окажите мнѣ одну большую услугу и сообщайте, что ни одна душа ни слова не узнастъ изъ того, что я предпринимаю!

— Если вы не потребуете отъ меня ничего дурного, почему бы мнѣ и не исполнить вашей просьбы? сказалъ старикъ — Но, прежде чѣмъ сказать „да“, я долженъ знать, что вы отъ меня требуете?

— Вы должны пустить меня какъ-нибудь въ клетку тигра.

— Пардусъ даже отскочилъ отъ меня.

— Вы, должно быть, сошли съ ума, Мартини! Любовь лишила васъ разсудка! испуганно воскликнулъ старый сторожъ. — Если вы во что бы то ни стало хотите лишить себя жизни, бросьтесь лучше въ Рейнъ и не подводите меня, старика! Я поспѣлъ и сосварился между этими звѣрами, но еще никто при мнѣ не затѣвалъ такого безумія. Тигръ растерзаетъ васъ въ первую же минуту.

— Онъ этого не сдѣлаетъ, Пардусъ. Я его приручилъ къ себѣ, и совершенно въ этомъ увѣренъ. Теперь нужно только вооружиться мужествомъ, и если вы меня не пустите въ клетку, я войду туда сплю, что, конечно, можетъ быть для меня очень опаснымъ.

„Долго пришлось мнѣ уговаривать сторожа, пока онъ, наконецъ, согласился отворить дверь въ задней стѣнѣ клетки и впустить меня. Вѣдьяга дрожалъ отъ страха, какъ онъ потомъ мнѣ рассказывалъ, и стоялъ по ту сторону деревянной выдвижной двери, держась одной рукою за засовъ, чтобы тотчасъ же открыть дверь, если я позову на помощь; въ другой рукѣ онъ имѣлъ, на всякій случай, тяжелый желѣзный пруть. Старикъ не могъ видѣть того, что происходило въ клеткѣ.

„Когда я, быстро отворивъ дверь, вошелъ въ клетку, тигръ очень испугался, забился въ уголъ и оттуда пристально смотрѣлъ на меня. Я, по-видимому, совершенно беззаботно прислонился къ двери. Теперь тигръ глухо ворчалъ и весь насторожился, словно ожидая врага. Онъ прішелъ для прыжка, но не прыгалъ. Такъ какъ я продолжалъ спокойно стоять, то и онъ оставался въ своемъ углу, не покидая оборонительнаго положенія, сердито ворча и оскаливъ зубы. Черезъ нѣсколько секундъ я тихо стукнулъ въ стѣнку, и Пардусъ быстро выпустилъ меня. Старикъ былъ блѣденъ, какъ смерть, и вытиралъ со лба холодный потъ.

— Видите, тигръ ничего мнѣ не сдѣлалъ. спокойнѣе оботрелся я къ нему.

Сторожъ только покачалъ головой и ушелъ.

Черезъ двѣ недѣли я повторилъ свое посѣщеніе клеткѣ; тигръ велъ себя враждебно, какъ въ первый разъ. Послѣ этого я ежедневно заходилъ въ клетку, и уже отваживался

Бѣлый медвѣдь — стрѣлокъ.

ласково заговаривать съ животнымъ. Тигръ съ каждымъ момъ поощеніемъ становился спокойнѣе и доверчивѣе. Поетъ десятого визита я зашелъ такъ далеко, что тигръ, по моему приказанію, ложился на полъ; тогда я рискнулъ, въ награду за послушаніе, дать ему кусочекъ мяса. Это возымѣло превосходное дѣйствіе, тигръ, при моемъ появленіи, уже ложился у моихъ ногъ, чтобы получить свою награду, и не хотѣлъ вставать, пока я не давалъ ему мяса. Я увидѣлъ себя вынужденнымъ отъ времени до времени лишать его этого лакомства. Вначалѣ у насъ съ нимъ возникали изъ-за этого большія несприятности, такъ какъ животное, въ случаѣ отказа, дѣлалось раздражительнымъ и непослушнымъ. При помощи большого терпѣнія, ласковаго уговариванія и почесыванія за

ушами, я, наконецъ, пришелъ и здѣсь къ цѣли: скоро тигръ слѣдовалъ за мною, какъ собака, безо всякой награды. Я обращался съ нимъ, какъ съ большимъ, неуклюжимъ, легко раздражающимся и такъ же легко успокаивающимся ребенкомъ, и, въ концѣ концовъ, достигъ всего.

„Въ продолженіе всего времени дрессировки, Нардусъ стоялъ по ту сторону глухой стѣны клѣтки, держась рукою за задвижку.

„Однажды я велѣлъ ему задвинуть дверь вполноту на заовъ и подойти къ клѣткѣ со стороны рѣшетки. Я уже довелъ тигра до того, что онъ ложился на полъ и позволялъ мнѣ на себя садиться.

„Когда Нардусъ это увидѣлъ, онъ испустилъ крикъ ужаса

и въ вслѣдствіе волненія поспѣшилъ къ семейству Акенъ, которое, обыкновенно, поутру сидѣло въ столовой за кофе. Старикъ въ ужасѣ крикнулъ присутствовавшимъ: „Скорѣй, скорѣй къ тигру! Господинъ Мартинъ въ клѣткѣ тигра! Ничего болѣе онъ не могъ выговорить.

„Всѣ въ ужасѣ вскочили съ мѣстъ, думая, что случилось несчастье, и бросились къ клѣткѣ; въ числѣ прибѣжавшихъ была и м-м-е Ванъ-Акенъ.

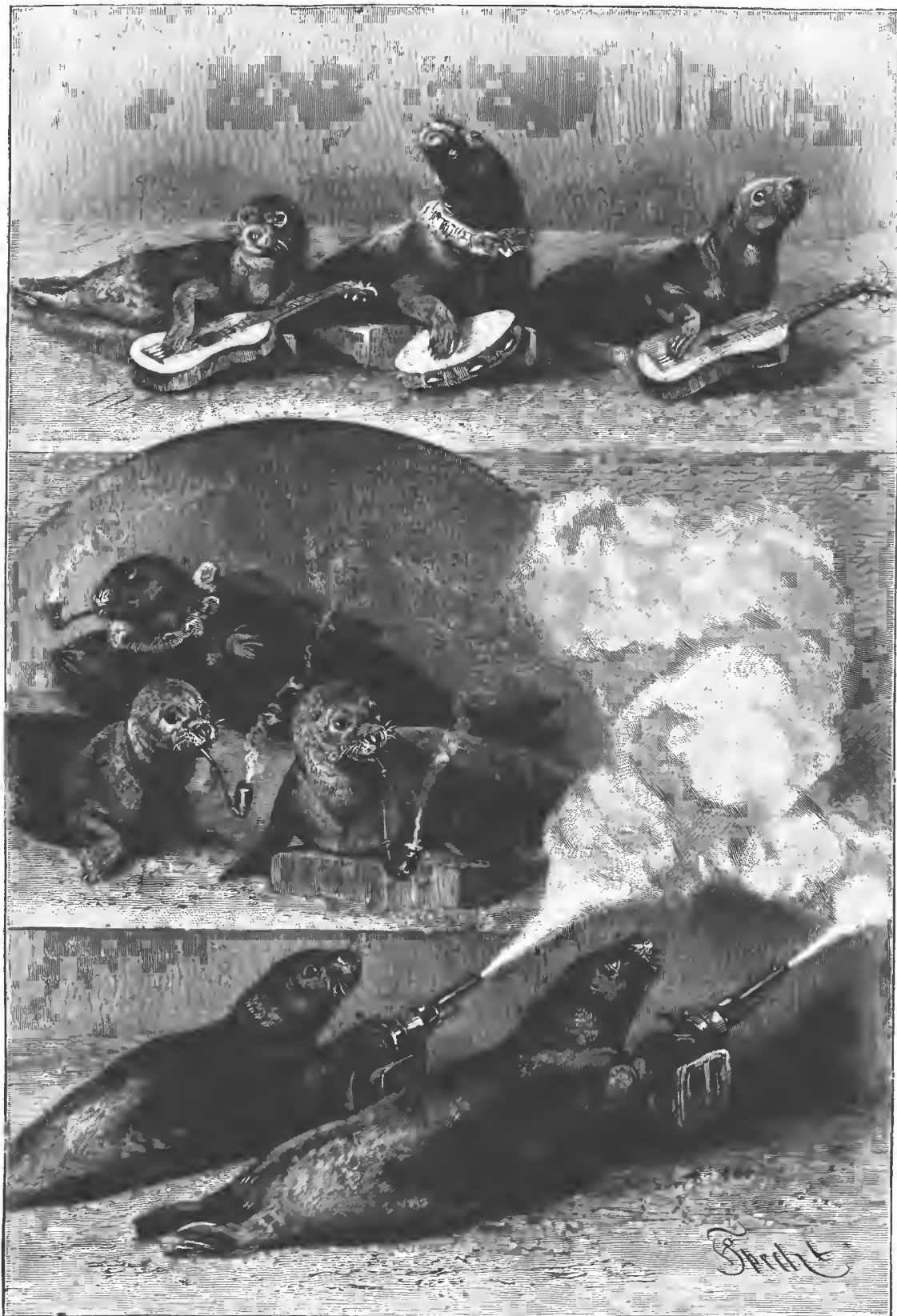
„Они остановились, какъ вкопанные, видя меня сидящимъ на тигрѣ. Ихъ удивленію не было предѣловъ, когда я началъ играть съ страшнымъ хищникомъ, какъ съ собакой.

„— Думаете-ли вы теперь, господинъ Ванъ-Акенъ, что я въ состояніи прокормить жену и дѣтей? обратился я ко все еще безмолвствовавшему содержателю звѣринца.

„Въ результатъ было то, что полгода спустя я женился на м-м-е Акенъ. Видите, сударь, вотъ какъ приручаютъ тигровъ, то-есть такъ я приручилъ одного изъ нихъ. Выводить изъ этого какое-либо правило нельзя, для другого кого-нибудь эта исторія могла бы плохо кончиться“.

Я поклонился съ легкой улыбкой.

— Ловко однако! воскликнулъ, смѣясь уже, Мартинъ, — я и не замѣтилъ, что все разсказать вамъ, теперь вы мою болтовню отгадаете въ печать, и моя книга будетъ только повтореніемъ!.. А все оттого, что я не умѣю держать языкъ за зубами!

Дрессированные тюлени.

Медвѣженокъ на вальсѣ.

дуютъ своему призванію лишь въ возрастѣ между семнадцатью и тридцатью годами, стало-быть, въ расцвѣтѣ молодости и красоты. Къ почтеннымъ матронамъ тигры, львы, медвѣди и гіены не настолько любезны, чтобы дать себя приручить. Для укротителей возрастъ не имѣетъ значенія. Мартини, Дагезель, Фиамоли, почти шестидесяти лѣтъ, еще давали блестящія доказательства своего искусства.

Волковъ и гіенъ приручать, относительно, не трудно, при всемъ томъ съ ними укротитель никогда не можетъ быть увѣренъ въ своей полной безопасности: при случаѣ, эти животныя всегда готовы укусить такъ же, какъ подвергающіеся дрессировкѣ большія собаки. Подобныя необъяснимыя выходки этихъ поелѣдиныхъ проиходятъ, по всей вѣроятности, отъ ихъ очень живого темперамента и большой нервности.

Слонъ очень податливъ и позволяетъ себя приручить въ теченіе нѣсколькихъ дней; дрессировка слоновъ, при большомъ умѣ и замѣчательномъ усердіи этихъ животныхъ, относительно, легка. Подозрительна у этихъ умныхъ толстокожихъ только легко возбудимая мстительность — совсѣмъ особенная черта характера слоновъ.

Домашнія и ручныя животныя, также обезьяны, верблюды и сурки, разумѣется, не имѣютъ надобности въ укрощеніи, ихъ только дрессируютъ; безконечное терпѣніе здѣсь всегда приноситъ желанные плоды. Во всѣхъ породахъ животныхъ есть умные и глупые, попятливые и тупые субъекты. Дикія животныя прежде всего должны быть сдѣланы ручными; послѣ этого укротитель можетъ перейти къ дрессировкѣ. Между ними онъ натѣкается на такіе дикіе, не поддающіеся укрощенію, экземпляры, что, во избежаніе потери времени и труда, ихъ приходится оставлять въ покоѣ.

Существуетъ ходячее

Мы кое-какъ это уладили и разстались друзьями.

Вотъ какими образомъ приучаютъ тигровъ; то же можно сказать и обо всѣхъ остальныхъ животныхъ. Сила и фигура атлета тутъ ни при чемъ; это доказываютъ многочисленные укротительницы, въ большинствѣ случаевъ, дѣвушки пѣкнаго сложенія, достигающія необычайныхъ усѣховъ въ дѣлѣ укрощенія дикихъ животныхъ, безъ сомнѣнія, въ силу того, что женщины, вообще, имѣютъ больше терпѣнія и кротости, — послѣднюю, по крайней мѣрѣ, въ голосѣ. — чѣмъ мужчины. Нельзя не обратить вниманія на тотъ фактъ, что укротительницы животныхъ сдѣ-

мины, что для дрессировки пользуются, преимущественно, теми животными, которыя родились въ неволѣ. Это несправда: лишь пойманныя на свободѣ молодыя животныя, въ возрастѣ до четырехъ лѣтъ, могутъ быть успѣшно приручены и дрессированы. Тигры, леопарды, львы, сѣрые медвѣди остаются ручными на всю жизнь; тогда какъ прирученный бѣлый медвѣдь, перешагнувъ двухлѣтній возрастъ, становится такимъ злымъ и опаснымъ, что уже никогда больше нельзя давать съ нимъ „представленій“: онъ и въ свои добрыя минуты — нервное, ненадежное животное. Дрессированные тюлени въ старости, то-есть послѣ трехгодичной службы, также дѣлаются упрямыми, дикими и глупыми. Они забываютъ свои штуки; хотятъ, такъ сказать, жить процентами съ нихъ, при чемъ дѣлать невѣроятно много. Вообще, большая часть дрессированныхъ ручныхъ и дикихъ животныхъ только въ молодости исполнѣ хорошо продѣлываетъ выученные ими фокусы; они оказываютъ укротителю услуги только въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, послѣ чего должны быть замѣнены другими, молодыми. Поэтому быть укротителемъ — ремесло тяжелое и часто неблагоприятное.

На велосипедѣ.

Опасная эквилибристика

Специалисты этого дела различают два рода дрессировки хищных животных—дикую и ручную. Первая происходит в узкой клетке; здесь животное только гоняют из одной стороны тесной клетки в другую, при чем оно, по необходимости, прыгает через обручи, кнутовища, шесты и т. п. При такой дрессировке часто играет большую роль страх перед проволоочной сетью; укротитель среди подобных образом дрессированных животных никогда не чувствует себя безопасным, остается в клетке короткое время и своей уход должен, обыкновенно, прикрывать выстрелом из пистолета, что каждый раз оглушает и запугивает зверей. Этот род дрессировки, обратный по неумению считать ниже «ручного укрощения».

Действительно, высшая степень укрощения достигается только при ручной дрессировке, когда укротитель без всякого оружия, железных шестов и проволоочных плетей, совершенно спокойно и дружелюбно общается со всевозможными дикими и ручными животными в общей их клетке, напоминающей, по размерам, белый решетчатый дом, среди этой толпы животных возятся с тиграми, львами, собаками, медведями, позволяют животным играть друг с другом, а сам только принимает за четвероногих «детишек», как учители за учениками. Один из величайших мастеров в деле укрощения животных — Август Мерман, совладелец цирка Гагенбек.

Мерман, как известно, показывает в одной испанской клетке львов, тигров, ельфов медведей, собак, одного белого медведя и леопардов; в руке он держит только маленький хлыстик. Каждое животное имеет свое отдельное сиденье; Мерман вызывает животных поочередно с их скамеечек и заставляет их подбегать к различным штукам; так, дог и тигр выскочат на велосипед, черный медвежонок бегает на вальсе, королевский тигр на шарфе, леопард и тигр выскочат качаясь на качелях, белый медведь стреляет из пистолета и т. п. Мерман рассказывает между опасными жонглерами, как будто это кролики и овечки, и свирепые звери повинуются ему, по малейшему знаку хлыста. Он держит себя так удивительно спокойно, даже флегматично, что не раз уже давали многим повод утверждать, будто до начала и во время представления им дают скрытый в кусках мяса опиум, или дают им подкожные впрыскивания морфия.

Разумеется, это — сказка, выдуманная совершенными профанами, так как подобное опыление животных могло бы иметь для них настолько роковые последствия, что в непродолжительном времени они бы погибли, и потому это средство во всех отношениях было бы невыгодно. Кроме того, опыление таким образом животного заблуждало бы все, чему его учили, и в своем возбужденном состоянии могло бы быть чрезвычайно опасным для укротителя. Мерман громко размахивался, когда я рассказал ему об этом слухе. Я выразил желание познакомиться со способом его сношений с животными, и укротитель пригласил меня сначала присутствовать на представлении, а потом прийти на другой день рано утром в цирк, когда перед репетицией звери могли играть друг с другом, под его наблюдением.

Я последовал приглашению. Представление состояло из вышесказанных номеров и было очень интересно. Но игры зверей между собою и обращение с ними Мермана было замечательнее всего, что я когда-либо видел.

Огромные тигры, львы, леопарды, один за другим были выведены им с ошейниками из своих одиночных клеток и пущены в общую. Животные вели себя, действительно, как играющие дети, веселые, добродушные, лишь от времени до времени, проявляя в своих движениях естественную им мощь. Все они отлично ладили друг с другом — чрезвычайно трудная задача искусства укрощения — гонялись один за другим, как ежасшедшие, прыгали друг через друга, ошешивая огромные дуги, опрокидывали друг друга, или же разбегая приседали для прыжка, некоторым образом готовились к нему и — прыгали мимо. При этом они нередко сталкивались в воздухе и с оглушительным шумом падали на дощатый пол; случалось, что какой-нибудь лев или тигр, подкараулив двух других, врывался в самую середину играющих,

и тогда возникала невообразимая и очень забавная возня; в конце концов, виделось только какой-то клубок из хвостов, лап и голов. Все это происходило совершенно мирно, никто не кусался, не царапался; Мерман спокойно стоял в клетке, руководя бегущей игрой и только остерегался, чтобы кто-нибудь не падал и не опрокинул его, так как это опасно. Если беспорядок переходил за пределы дозволенного, или где-нибудь послышался сердитое ворчание, Мерман тотчас же вмешивается и разлучает задорных, разумеется, осторожно пробираясь между ними, чтобы не получить случайного удара лапой. Он отыскивает среди общей сумятицы самого необузданного или того злоумышленника, который затеял драку не на шутку, и несколько секунд водит его за ошейники, после чего тот, обыкновенно, приходит в себя; если же он и после этого не успокаивается, Мерман на несколько минут привязывает его к решетке. Однако эта последняя мера наказания редко бывает необходима; в общем, Мерман обращается со страшными хищниками так добродушно и обходительно, словно это веселая толпа детей, пользующаясь своею рекреацией между уроками в школе. Конечно, когда приближается время их кормления, — зверей тогда разлучают и каждого отдельно привязывают к решетке на его всегдашнем месте — им бросают на завтрак большой кусок мяса с костями, добродушие только что весело играющих между собою животных исчезает с быстротою молнии, и у решетки перед вами дикие, необузданные, бешено рвущиеся с цепи хищники. Мерман остерегается тогда подходить к ним слишком близко. Они ворчат, режут и, пожирая мясо, бросают вокруг себя злобные взгляды. «Это зависть к пище», сказал мне Мерман, — «и при этом животные, подобно людям, становятся очень несимпатичны; зато в другое время они совершенные дети, легкомысленные, задорные дети, охотно играющие и не очень-то охотно работающие. Смотрите», прибавил укротитель, стройный, худощавый, больше красиво, чем криво, сложенный господин, — «всего этого я достиг терпением, снисходительностью и любовью, а также самым тщательным изучением характера каждого отдельного животного. Никогда еще со мною не случилось чего-либо опасного, и, вероятно, не случится. Я боюсь, разве, только слишком большой любви к животным. Однажды один лев вздумал со мной поиграть и лапой очень сильно и дружелюбно ударил меня по плечу; я отлетел вперед шагов на шесть. Удар, сам по себе короткий и слабый, нанесший мягкую часть лапы, потряс меня, как сильный электрический ток; я чувствовал его довольно долго. Другой раз один тигр, прыгая, задел мой ногу, и я должен был несколько дней пролежать в постели: благодаря неловкости тигров, я как-то получил еще одну или две царапины, которые трудно заживали и довольно сильно болели, так как когти их велики и остры. Укушен я был только один раз, при дрессировке дятлиных догов. Это все, что я могу сообщить о пережитых мною опасностях. В прошлом году у меня околошли от дурного мяса почти все дрессированные животные; в десять месяцев я выдрессировал этих новых зверей так, как вы видите. Когда понимаешь дело, оно совсем не так трудно», кончил он с улыбкою.

— Да, когда его понимаешь, повторил я. — Не каждый может научиться этому делу?

— Нет, только немногие, подтвердил скромный Мерман, — и это, собственно говоря, удивительно. Мне всегда казалось, что оно должно удаваться каждому; однако, когда люди, занимающиеся укрощением, — а таких очень много, — должны показать результаты, тогда оказывается, что они ничего не достигли.

— Следовательно, искусство укрощения животных, видимо, требует особого таланта?

— Таланта? — Мерман покачал головою. — Может быть, сказал он, — но гораздо больше, как мне кажется, мягкого, решительного характера, большого, не легко приобретаемого, знания животных — и прежде всего ангельского терпения.

Так кончилось мое посещение цирка Гагенбек, во время рекреации животных, — посещение, давшее мне возможность видеть самое лучшее, что до сих пор достигнуто в области этого искусства, и этим мы закончим наш маленький очерк укрощения и дрессировки животных.

Констанций Гиньярь.

Рассказ Ришпена.

Супруги Гиньярь, женатые по любви, страстно желали иметь сына. Как будто это маленькое, столь желанное существо хотело сдлаться родительским сюрпризом — оно явилось на свет на месяц раньше положенного срока. Роды стоили матери жизни; а отец, не в силах перенести этой потери, с отчаяния повесился.

*

Констанций Гиньярь был примитивным, но несчастным ребенком. В школе он, то и дело, переносил наказания, им не заслуженные, получал удары, предначеченные дру-

гим, заботясь случайно в дни самых серьезных экзаменов. К концу курса, за пять, неизвестно, почему, установилась репутация ханжи и убогого. На выпускных экзаменах он вынул товарища, дав ему списать свой латинский перевод, но, получая этот перевод обратно, был поиман, признан виновным в списывании и уволен из заведения.

*

Такие печальные дебоши в жизни очень дурно отразились на душевной натуре. Но Констанций Гиньярь обладал

возвышенной и честной душою и, убежденный в том, что добродетель рано или поздно вознаграждается, решил победить свою несчастную судьбу даже геройством.

Он поступил в одну банкпрекую контору, которая сгорела на другой же день. Во время пожара, видя своего хозяина в пошлом отчаянии, Гиньарь бросился в огонь, чтобы спасти кассу. Сняв волосы, разрыв руки, он, с опасностью жизни, добрался до шкафа, взломал его и вытащил оттуда все ценные бумаги.

Но огонь сжег их тут же, в его руках. А когда он выскочил из огня, два полицейских схватили его за воротник. Через месяц суд приговорил его к пяти годам тюремного заключения, за покушение на кражу, во время пожара, ценных бумаг, не подвергавшихся никакой опасности в сгораемом шкафу.

В центральной тюрьме, где его поместили, произошел бунт. Желая спасти тюремного сторожа, он остановил его во время бегства, но так неудачно, что сторож тут же был убит преследовавшими его арестантами. За это Гиньарь сослали на двадцать лет в каторжные работы. Но, сильный своей невинностью, он бжал с места ссылки, вернувшись во Францию под другим именем, и, думая, что ему удалось победить судьбу—принялся снова делать добро.

Однажды, на каком-то гулянии, он увидел, как лошади, запряженные в карету, понесли. Карета испременила пошла бы в овраг, но Гиньарь бросился передь лошадьми; ему сломало ребро и ногу, развозило кисти правой руки—но надежде экипажа было предотвращено. Только лошади повернули в сторону гулявшей публики и, пока остановились, раздавили старика, двух женщин и трех детей. В карете же никого не было.

Этот случай отбил у Констанция Гиньара охоту к подвигам, и он решил делать добро скромно, помогая пензенным беднякам. Но деньги, которые он посылал бедным матерям, пропивались их мужьями в кабаках; фуфайки и куртки, которые он раздавал рабочим, привыкшим к холоду, развели между ними только простуду; брошенный щенок, которого он принял, вырос и искал на улице шесть человек; рекрут, которого он принял, чтобы освободить от военной службы многообещающего молодого человека, продал неприятелю планы трех укреплений.

Тогда Констанций Гиньарь решил, что деньги делают больше зла, чем добра, и что, вместо разврата филантропии на мелочь, лучше ее сосредоточить на одном существе. Он усыновил молоденькую сиротку, прекрасную собой, но с кротким и добрым сердцем, и воспитал ее с вниманием и любовью настоящего отца. Увы! он был к ней так добр, так самоотвержен, так ласков, что в один прекрасный день она бросилась к нему на шею с самым страстным призывом к любви. Он попробовал убить ее в том, что, относясь к ней все время, как к дочке, он считал бы самым ужасным преступлением уступить искушению, которое она ему предлагала. Он отчески указал ей, что она принимается за любовь простое пробуждение чувств, и обещал немедленно отыскать ей мужа, достойного ее.

На следующий день он нашел ее у порога своей комнаты, с ножом в сердце.

После этого Констанций Гиньарь отказался от роли благодетеля и поклонялся, что вред, вместо того, чтобы делать добро, он будет только препятствовать другим делать зло. За несколько времени до этого, он случайно узнал про преступление, задуманное одним из его приятелей. Он мог бы довести на него; но предпочел помогать преступлению, не выдавая преступника. Для этого он выжидал в дло, ознакомился со всеми самыми сокровенными его планами и ждал окончательного момента, чтобы все разстроить. Но негодий, которого он берет, все понял отлично и обещал делать так, что преступление было совершено, преступник спасся, а Констанций Гиньарь арестован.

Речь прокурора против Констанция Гиньара была шедевром красноречия и логики. Он припомнил всю жизнь обвиня-

емого, его жалкое детство, его наказания, исключение из школы, дерзость первого покушения на кражу, отвратительное участие в бунте центральной тюрьмы, побег с каторги, возвращение во Францию под чужим именем. Особенно, начиная с этого места, прокурор достиг высшей степени судебного красноречия. Он заклеил этого лицемера добродетели, этого развратителя честных семейств, который, чтобы воспользоваться женами, посылал мужей в кабаки пропивать его деньги; этого ложного благодетеля, который домогался, посредством вредных подарков, создать себе дешевую популярность; это чудовище, скрытое под маской филантропа. Он с ужасом указал на уточенную непорочность этого негодяя, дававшего приют былым собакам, чтобы потом выпускать их на народ; этого демона, любившего зло для зла, готового себя изувечить, оставившая вбывших лошадей, и для чего?—чтобы с адской радостью видеть, как эти лошади несутся в толпу людей и давят стариков, женщин, и в чем невинных детей! О, такой изверг на все способен! Без сомнений, он совершил много преступлений, которых мы не знаем и никогда не узнаем. Есть тысячи оснований думать, что он был сообщником этого предателя солдата, паятеля нм, для того, чтобы продать Францию. Что касается до этой бедной сиротки, которую он воспитал, и которую нашли однажды убитой у его двери—кто другой, кроме его самого, мог ее зарезать? Это убийство было, наверно, кровавым эпизодом одной из этих гнусных драм, полных позора, распутства и гримас.—драм, которые даже страшно шевелить! После столько подвиги, не зачтут даже наставать на последнем преступлении. Здесь, несмотря на безысходную отрицание обвиняемого, узник налич. Поэтому нужно осудить этого человека со всей строгостью законов. Всякое наказание будет здесь недостаточно. Помните, что вы вместе дело не с обыкновенным преступником, а с гением преступления, с одним из тех чудовищ лицемерия и лукавства, которые заставляют почти сомневаться в добродетели и отчаиваться за человечество!

После такой речи, защитник Гиньара мог только ссылаться на безумие. Он старался, сколько мог, указывать на различные патологические аномалии, много говорил о „неврозе зла“, представил своего клиента невыносимым мажором и кончил речь тем, что подобным преступникам место в больнице, а не на эшафоте. Констанций Гиньарь был единогласно приговорен к смертной казни.

Добрые люди, сделавшие свирепым от ненависти к преступлению, были в восторге от радости и встретили приговор аплодисментами.

Смерть Констанция Гиньара была, как и его детство, примечательная, но несчастная. Он взмог на эшафот без страха и сожаления, с лицом не менее спокойным, чем совет, с покорным видом мученика—принимая все за откупное скот. В роковую минуту, зная, что палач был человеком бедным и многосемейным, Гиньарь тихонько шепнул ему, что он сделать его наследником всего своего состояния; благодаря этому, растроганный палач, лишь после трех неудачных попыток, отрубил голову своему благодетелю.

Три месяца спустя, один из друзей Констанция Гиньара узнал, вернувшись из дальнего путешествия, о печальном конце этого честного человека, достоинства которого ему одному были хорошо известны. Чтобы поправить, насколько было в его силах, несправедливости судьбы, он выхлопотал дозволение, заказал великолепный мраморный памятник и написал эпитафию своему другу. На следующий же день он умер от разрыва сердца. Но так как заказ уже был оплачен заранее, то памятник был поставлен. Только рабочий, вырезавший эпитафию, взялся исправить одну букву, плохо написанную в рукописи. И честному бедняку, столько выстрадавшему при жизни, пришлось и после смерти лежать с такой рекомендацией:

*Здесь погребен
Констанций Гиньарь,
ничтожный человек *).*

Къ рисункамъ.

Рынокъ за „Желѣзной Брамой“. (Рис. на стр. 365).

Рынокъ за „Желѣзной Брамой“ въ Варшавѣ представляеть изъ себя чрезвычайно своеобразную и оживленную картину, какой не встрѣтитъ въ другихъ русскихъ городахъ. Расположенный на площади, на которую выходитъ главная аллея Саконскаго сада, онъ носитъ названіе за „Желѣзными воро-

тамъ“ или „Брамой“, хотя самихъ воротъ уже не существуетъ. Площадь окружена лавками и лавочками, въ которыхъ торгуютъ евреи, а на средину ея собираются торговцы, преимущественно, изъ мѣстныхъ поселенъ, со всякою живностью. Эта пестрая и подвижная толпа живо изображена художникомъ Малышевскимъ на его рисункѣ.

*) „Homme de rien“ вместо „homme de bien“.

Выставка въ Импер. Акад. Художествъ. „Богъ съ нимъ—отпусти!“ Съ карт. проф. Г. Виллевальде, грав. Шлишеръ.

Возвращение на родину. (Рис. на стр. 368).

Не веселыя думы вызывает картина Винимана, гдѣ только и лицъ, что старикъ-крестьянинъ и молодая, блѣдная дѣвушка. Быть-можетъ, потихоньку отъ родныхъ ушла она въ шумный городъ, въ погоню за счастьемъ; быть-можетъ, кромѣ горя, ничего ей не пришлось испытать, а теперь, съ разбитымъ сердцемъ и несбытymi надеждами, воротилась она подл родной кровли. Но не веселъ ея приходъ, — матери нѣтъ: она умерла съ горя по пропавшей дочкѣ; старикъ-отецъ одряхлѣлъ, и теперь, всматриваясь въ блѣдную женщину, едва можетъ признать въ ней свою дочь.

Маршировка новобранцевъ.

(Рис. на стр. 369).

При проходѣ изъ одной залы въ другую въ Академіи Художествъ неуютно помѣстилась небольшая картинка Бакмансона „Маршировка новобранцевъ“, которую и не вслѣдъ замѣтить, благодаря ея невыгодному мѣсту; но, замѣтивъ ее, невольно передъ нею останавливаешься. Нельзя не улыбнуться, глядя на неуклюжія фигуры молодыхъ новобранцевъ, а, быть-можетъ, и призадуматься надъ тѣми усиліями и трудами, послѣ которыхъ изъ неуклюжихъ мужиковъ выходятъ brave и видные солдаты.

„Богъ съ нимъ, отпусти!“

(Рис. на стр. 380).

Въ pendant къ картинѣ маслитаго баталиста В. П. Виллевалде „Вотъ онъ—Наполеонъ“, помѣщенной въ № 15, мы даемъ въ настоящемъ номерѣ другую его картину „Богъ съ нимъ, отпусти!“, гдѣ съ обычною нашему художнику тщательностью изображены казаки и башкиры, забывшіе въ пылѣ безобиднаго непріятеля, котораго одинъ изъ нихъ предлагаетъ отпустить.

Евдокія Яковлевна Головачева.

(Портр. на этой стр.).

30-го марта тихо скончалась въ преклонномъ возрастѣ одна

изъ талантливыхъ писательницъ, сотрудница нашего журнала, Евдокія Яковлевна Головачева.

Родители покойной, оба артисты Александринскаго театра, Яковъ Григорьевичъ и Анна Матѣевна Брыскіе, имѣли обширныя знакомства въ литературномъ мірѣ, и Е. Я. само собою стала вращаться въ этомъ мірѣ и настолько сроднилась и сблизилась съ нимъ, что, подобно сестрѣ своей, вышедшей за Андр.

Ал. Красевскаго, избрала себѣ въ мужья тоже литератора, а именно, известнаго писателя Ив. Ив. Панаева. Еще болѣе предаваясь Е. Я. литературнымъ занятіямъ съ 1848 г., когда мужъ ея вмѣстѣ съ поэтомъ П. А. Некрасовымъ стали издавать имѣвшій въ свое время такое огромное значеніе журналъ *Современникъ*. Тутъ ей пришлось сталкиваться съ такими крупными силами нашей литературы, какъ Тургеневъ, Григоровичъ, Добролюбовъ, Огаревъ, Герценъ, В. Стѣцовъ и друг., и для всѣхъ она находила радужное слово, всякого она умѣла согрѣть своимъ пріятнымъ обращеніемъ. На литературное поприще впервые выступила она романомъ „Семейство Тальниковыхъ“, посвятивъ характеръ воспоминаній и представлений вѣрную картину ея дѣтства. Романъ этотъ помѣстила она въ *Иллюстрированномъ альманахѣ* 1848 г., приложенномъ при *Современникѣ*, подл псевдонимомъ „П. Станицкій“. Бѣлинскій очень сочувственно отзывался о первомъ ея трудѣ; обществу романъ этотъ также очень понравился. Послѣ того были напечатаны въ *Современникѣ* еще два романа: „Три страны свѣта“ и „Мертвое озеро“, написанные ею въ сотрудничествѣ съ П. А. Некрасовымъ, при чемъ въ „Мертвомъ озерѣ“ сотрудничество Некрасова ограничилось лишь составленіемъ самаго плана. Въ позднѣйшее время она выпустила еще нѣсколько весьма интересныхъ романовъ: „Домашній адъ“ и „Романъ въ Петербургскомъ полусвѣтѣ“, и цѣлый рядъ разсказовъ, изъ которыхъ въ *Нивѣ* помѣщены были: въ 1888 году — „Исторія одного таланта“, въ 1889 — „Дворяшка“, въ 1891 — „Нѣтухъ“ и въ нынѣшнемъ году — „Си-

Евдокія Яковлевна Головачева (Станицкій) († 30 марта 1893 г.). Съ фот. Лауриерта, грав. Шюблеръ.

сотрудничествѣ съ П. А. Некрасовымъ, при чемъ въ „Мертвомъ озерѣ“ сотрудничество Некрасова ограничилось лишь составленіемъ самаго плана. Въ позднѣйшее время она выпустила еще нѣсколько весьма интересныхъ романовъ: „Домашній адъ“ и „Романъ въ Петербургскомъ полусвѣтѣ“, и цѣлый рядъ разсказовъ, изъ которыхъ въ *Нивѣ* помѣщены были: въ 1888 году — „Исторія одного таланта“, въ 1889 — „Дворяшка“, въ 1891 — „Нѣтухъ“ и въ нынѣшнемъ году — „Си-

1 центъ. Темно-голубая. Колумбъ у новаго материка. (По В. Поуэлю).

2 центъ. Темно-лиловая. Высадка Колумба на материкъ (По Вандерлинну. Въ ротондѣ Капитолия въ Вашингтонѣ).

3 центъ. Зеленая. Адмиральское судно Колумба. (По испанской гравюрѣ).

4 центъ. Голубая. Каравеллы Колумба „Св. Марія“, „Пинта“ и „Нина“. (По венесійской гравюрѣ).

5 центъ. Коричневая. Колумбъ, излагающій свое ходатайство передъ Изабеллой (По Бронжу въ Пиза-Горскемъ Метрополитанскомъ музее).

6 центъ. Лиловая. Встрѣча Колумба въ Барселонѣ. (По барельефу Р. Роджерса на бронзовыхъ дверяхъ въ Капитолий въ Вашингтонѣ).

10 центъ. Черно-коричневая. Колумбъ представляетъ докладъ королю. (По Л. Грегори).

15 центъ. Темно-зеленая. Разсказъ Колумба о своемъ путешествіи. (По Р. Баллоа въ Мадридѣ).

30 центъ. Красно-коричневая. Колумбъ въ Ла-Рабидѣ. (По Р. Мозо).

50 центъ. Темно-синяя. Отославаніе Колумба. (По А. Г. Гитону въ Капитолий въ Вашингтонѣ).

1 долларъ. Карпичная. Изабелла закладываетъ драгоценности. (По М. Дегрентъ въ Мадридѣ).

2 доллара. Коричнево-красная. Колумбъ въ цѣхъ. (По Лейце).

3 доллара. Желто-зеленая. Колумбъ посѣтъ третьяго путешествія. (По Ф. Юверъ).

4 доллара. Карминъ. Портреты Колумба и Изабеллы.

5 долларовъ. Черная. Медаль съ профилемъ Колумба между аллегорическими изображениями Америки и Свободы.

Юбилейныя почтовые марки Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

роты". Въ *Историческомъ Вѣстникѣ* нѣсколько лѣтъ тому назадъ были помѣщены воспоминанія Евд. Як., вышедшія затѣмъ отдельными изданіями.

Юбилейныя почтовые марки Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. (Рис. на стр. 381).

По случаю празднованія 400-лѣтія открытія Америки, Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты выпустили въ свѣтъ особыя почтовые Колумбовы марки, которыя будутъ дѣйствительны въ теченіе всего 1893 года, а съ 1 января 1894 г. онѣ будутъ снова замѣнены прежними обыкновенными марками.

Другія американскія государства также издали марки въ честь Колумба; такъ, между прочимъ, Аргентина выпустила такія марки дѣйствительныя лишь на 1 день (12 октября 1892 г.). Но марки Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ далеко превосходятъ всѣ остальные во всѣхъ отношеніяхъ. Всѣхъ марокъ 15, разныхъ цѣнностей, отъ 1 цента до 5 долларовъ. Марки эти являются замѣчательными по своей художественности миниатюрными гравюрами съ знаменитыхъ картинъ, воспроизводящихъ главные моменты жизни и дѣятельности Колумба и находящихся, большей частью, въ бѣломъ домѣ (дворцѣ президента) въ Вашингтонѣ. Помимо своего значенія для собирателей марокъ, эти Колумбовы марки имѣютъ значеніе для всѣхъ желающихъ сохранить воспоминаніе о великомъ празднествѣ 400-лѣтія открытія Америки. Вполнѣ понятно, поэтому тотъ колоссальный успѣхъ, который встрѣтилъ эти марки при ихъ появленіи. Въ первый день въ одномъ только городѣ Чикаго было продано болѣе миліона марокъ въ 1 центъ и около 800.000 марокъ въ 2 цента.

Г-жа Адель Борги и г. Маттіа Батистини.

(Портр. на стр. 384).

Г-жа Борги года два тому назадъ жила въ Петербургѣ и оставила прекрасное о себѣ впечатлѣніе, какъ образцовая исполнительница партіи Карменъ въ оперѣ Бизе того-же названія. Петербургъ перевидѣлъ много Карменъ, не исключая и Ферри-Джермано, но такого законченнаго тина, какой дасть г-жа Борги, никто изъ ея предшественницъ не давалъ: это и было своеобразное, самостоятельное, выдержанное отъ начала до конца.

Многіе не соглашались съ ея толкованіемъ этой героини, нѣмѣ находили Карменъ отталкивающей, не имѣющей въ себѣ ничего симпатичнаго; и дѣйствительно, ея Карменъ такова; но надо видѣть съ какимъ мастерствомъ, съ какимъ артистическимъ увлеченіемъ и съ какой законченностью во всѣхъ деталяхъ исполняетъ ее г-жа Борги: каждое движеніе ея, каждый жестъ, каждый взглядъ говорить о Карменъ; болѣе художественной отдѣлки трудно и требовать отъ актрисы; для такого созданія нужны первоклассный сценическій талантъ, громадная опытность и творческая жила; всѣми этими данными и обладаетъ г-жа Борги. Темперамента она горячаго, южнаго; вышность вполнѣ подходящая къ данному типу; мимика выработана превосходно; танцуетъ она прекрасно, передавая малѣйшіе оттѣнки національных испанскихъ танцевъ, такъ какъ она долгое время жила въ Испаніи, гдѣ, собственно говоря, и сценическую карьеру сдѣлала.

Г-жа Борги не изъ тѣхъ пѣвицъ, вся слава которыхъ зиждется только на голосѣ, какъ, напримѣръ, Патти, Зембрихъ, Мазини и др.; она скорѣе принадлежитъ къ типу артистовъ, которыхъ надо брать цѣлкомъ, со всѣми ихъ достоинствами и недостатками; у нея талантъ беретъ верхъ надъ голосомъ, въ которомъ есть недостатки, напримѣръ, нѣкоторая снота, но она умѣетъ имъ владѣть, да и недостатокъ этотъ не такъ бросается въ глаза при ея исполненіи Карменъ. Въ другихъ роляхъ (напр., въ „Миньонѣ“), гдѣ требуется прежде всего пѣвица, г-жа Борги нѣсколько терпитъ.

Г. Батистини обладаетъ чуднымъ баритономъ и чрезвычайно легко продѣлываетъ своимъ голосомъ такіа-же чудеса,

какъ Мазини своимъ теноромъ; дыханіе г. Батистини такъ же безконечно, и владѣетъ онъ своимъ громаднымъ голосомъ въ совершенствѣ: баритонъ его изъ высочайшихъ, а тембръ его—ласкаетъ слухъ. Вотъ и причина его огромнаго успѣха у насъ и вездѣ, гдѣ онъ ни икъ, и гдѣ онъ ни будетъ пѣть; у насъ онъ выступилъ въ „Гамлетѣ“, „Марин-де-Роганъ“ и „Эрипѣ“. Для казенной сцены, гдѣ ему данъ дебютъ, онъ избралъ роли въ „Риголетто“ (тутъ ужъ можно будетъ судить и о драматическомъ его дарованіи), „Фаустѣ“ и въ „Севильскомъ цирюльницѣ“.

В. Басинъ.

Гравюра Гёте. (Рис. на стр. 384).

Таланты часто сопутствуютъ другъ другу, или, вѣрнѣе, бываетъ, что талантъ стремится вылиться не по одному, а по нѣсколькимъ путямъ, при чемъ, обыкновенно, одинъ изъ нихъ и становится настоящимъ для данной личности, тогда какъ другіе глосуютъ или являются побочными. Такъ, поэты обнаруживаютъ иногда, рядомъ со способностью къ поэтическому творчеству, значительныя способности къ живописи и музыкѣ, философы бывають въ то же время поэтами и г. д. Перѣдко эта особенность таланта является причиною того, что личность въ молодости направляется въ своей дѣятельности вовсе не по той дорогѣ, которая оказывается впоследствии дѣйствительнымъ ея путемъ. Естественно, если мы встрѣчаемъ такое явленіе и у столь крупной силы, какъ Гёте, — особенно, когда вспоминаемъ кипучую живость его неутомимой натуры, требовавшей непрерывнаго и разнообразнаго дѣла.

Въ „Wahrheit und Dichtung“ творецъ „Фауста“ указываетъ самъ, что онъ „и рисовалъ, и гравировалъ“. На Гётевской выставкѣ въ Лейпцигѣ, въ 1849 году, были поставлены также двѣ его гравюры, и еще въ 1828 году, при жизни поэта, Карлъ Бухеръ писалъ о Гёте, какъ о граверѣ.

Недавно въ Лейпцигѣ сдѣлана случайно важная находка въ этомъ направленіи: двѣ прекрасно сохранившіяся мѣдныя доски, гравированныя Гёте, которыя отыскались въ послѣдствѣ одного частнаго лица: послѣдники передали ихъ въ бібліотеку города Лейпцига.

Это — два небольшихъ напдана, гравированные съ пейзажей Александра Тиле. Одинъ изъ нихъ Гёте посвятилъ своему отцу, а другой — своему другу, доктору Христиану Готфриду Герману. Они исполнены въ 1768 году, такъ какъ Гёте увлеклся гравированіемъ и учился ему, въ бытность свою студентомъ въ Лейпцигѣ. Въ его письмѣ къ одному изъ друзей, Берншу, писанномъ въ послѣдній годъ его студенчества (26 апрѣля 1768 года), прямо сказано: „Вотъ тебѣ пейзажъ, — первый намятникъ моего имени и первый опытъ въ этомъ искусствѣ“. Тилевскими оригиналами Гёте пользовался, вѣроятно, въ галлерей Сахтера, двери дома котораго были гостеприимно открыты для лицъ занимавшихся искусствомъ.

Оттискъ съ досокъ было сдѣлано, но всей видимости, не много, ибо даже у самого Гёте въ позднѣйшіе годы были оттиски только одного изъ этихъ пейзажей, именно — посвященнаго Герману.

Несмотря на небольшое умѣнье 18-ти-лѣтняго гравера владѣть грабтихелемъ, пейзажи Гёте съ перваго же взгляда обнаруживаютъ въ авторѣ большой вкусъ и умѣнье художественно трактовать предметъ, — особенно, посвященный отцу, который болѣе удаченъ: свѣтъ и тѣнь противопоставляются другъ другу гармонически; манера передавать скалы обнаруживаетъ глазъ, ясно видящій характерныя особенности предметовъ; партіи деревьевъ легки и отчетливо отдѣлены, на водѣ перваго плана чувствуется зеркальность и зыбь. Изображенія людей удовлетворительны гораздо менѣе; хотя расположеніе свѣтовъ на стоящемъ передъ водопадомъ человѣкѣ эффектно и правильно, но зато сидящая фигура показываетъ, что молодому граверу пейзажъ приходился несравненно болѣе по вкусу и по средствамъ, чѣмъ человѣческія фигуры.

Намъ рисунокъ представляетъ снимокъ-факсимиле съ того изъ напдановъ, который былъ посвященъ Гёте-отцу. В. А.

Разныя извѣстія.

— 6-го апрѣля, въ Большомъ Ливадійскомъ дворцѣ состоялся Высочайшій завтракъ, къ которому снова была приглашена Сербская королева Наталія со свитой.

— Пхъ Императорскія Высочества Великій Князь Владиміръ Александровичъ и Великая Княгиня Марія Павловна отправились 4-го апрѣля за границу.

— Наканунѣ праздника Св. Пасхи, Его Величество Государь Императоръ пожертвовалъ на поддержаніе народной столовой и чайной въ Ялтѣ 300 руб.

— Государь Императоръ, во всенародно избранному доводу министромъ Финансовъ ходатайства директора Императорской Публичной бібліотеки, Всемилостивѣе соизволилъ пожаловать ей средства изъ суммъ Государ-

ственнаго казначейства на покупку собранія рукописей, принадлежавшаго академику О. И. Буслаеву и извѣстнаго всѣмъ занимающимся нашею древнею литературою, какъ изъ многочисленныхъ трудовъ самого бывшаго владыцы, такъ и изъ сочиненій и изданій другихъ лицъ.

— Въ *Кронштадтскомъ Вѣстникѣ* напечатано письмо о. Иоанна Сергіева (Кронштадтскаго), въ которомъ онъ опровергаетъ приписываемую ему молитву, появившуюся въ обращеніи во многихъ мѣстахъ Россіи. Молитва эта заканчивается слѣдующими словами: „Кто сію молитву имѣетъ, долженъ передать ее 9-ти человѣкамъ и хотя разъ въ день долженъ читать ее съ вѣрою, и тогда избавленъ будетъ отъ всякаго зла и бѣдствія.“

и если не исполнить, то подвергнутъ будетъ злу и бѣдствіямъ“. „Объявляю, пишетъ о. Иоаннъ Сергіевъ, — что эта молитва недостойная своего названія — не моя молитва, а произведеніе невѣжественнаго, и ужъ никакъ не богословскаго ума, потому что обращеніе къ Святой Троицѣ въ ней относится къ одному лицу Христову. Эта молитва одна изъ тѣхъ апокрифическихъ, отреченныхъ, невѣжественныхъ произведеній темнаго люда, которыя обращаются съ давнихъ поръ въ средѣ его, въ томъ родѣ, какъ „Сонъ Богородицы“ и сказаніе о свѣтѣ небесномъ, найденномъ въ камнѣ, упавшемъ съ неба въ св. градъ Іерусалимъ. Отрицаю всякую солидарность съ этой фальшивой, безтолковой молитвой“.

— Администраціи лютеранскихъ школъ

нѣмецкихъ колоній циркулярно объявлено, что назначеніе и увольненіе учителей этихъ школъ предоставлено исключительно вѣдѣнію мѣстныхъ директоровъ народныхъ училищъ (до сихъ поръ это зависѣло отъ пастора и приходскихъ совѣтовъ).

— 1-го апрѣля Балтійская желѣзная дорога перешла въ казну. Завѣдываніе эксплуатациіею дороги поступило въ управленіе казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Мѣстное управленіе дороги остается на станціи Балтійской желѣзной дороги.

— Съ 1-го (13-го) апрѣля текущаго года

вступили въ силу новыя тарифы для отпавки: льна, кудели, пеньки, канатной пряжи, льняной и пеньковой пакли, конопатки, востриги, костры, обмела и оческовъ льняныхъ и пеньковыхъ — со станцій русскихъ желѣзныхъ дорогъ до главнѣйшихъ станцій дорогъ нижеслѣдующихъ государствъ: Бельгіи, Франціи, Нидерландовъ, Австріи и Германіи. Издачныя новыя тарифы замѣняютъ дѣйствующіе тарифы русско-нѣмецко-бельгійско-французскаго и русско-австрійскаго товарныхъ прямыхъ сообщений.

— Въ послѣднее время крестьянки нѣко-

торыхъ приходоѣвъ Полтавской губерніи начали особенно охотно посѣщать по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ сельскія школы для усвоенія, какъ религіозныхъ, такъ и другихъ полезныхъ въ крестьянскомъ быту знаній, а также для участія въ церковномъ пѣніи. По праздникамъ въ помѣщеніяхъ школъ собирается по 200 чел. и ведутся чтенія и бесѣды, подѣ наблюдениемъ законоучителей.

— Въ продолженіе года въ Петербургѣ совершено, какъ видно изъ полицейскихъ отчетовъ, 196 самоубійствъ, изъ нихъ 160 приходится на долю мужчинъ и 36—на долю женщинъ.

Политическое обозрѣніе.

Бѣлградскій переворотъ поразилъ всѣхъ своею неожиданностью, но въ то же время былъ единственнымъ исходомъ изъ затруднительнаго положенія, въ которое Сербію повергла борьба партій.

Переворотъ совершился въ ночь на 2 апрѣля. 1 апрѣля, вечеромъ, регенты и министры приглашены были во дворецъ узникать. Въ концѣ узника король Александръ, поблагодаривъ регентовъ за труды, объявилъ, что отнынѣ онъ беретъ власть въ свои руки. Регенты протестовали, но маршалъ двора пригласилъ регентовъ и министровъ въ соседній залъ, гдѣ они были задержаны. Объявивъ себя совершеннолѣтнимъ, король Александръ тотчасъ образовалъ министерство подѣ предѣлительствомъ Докича. Войска, которымъ приказано было не отлучаться изъ казармъ, приведены были къ присягѣ; къ домамъ регентовъ и бывшихъ министровъ приставлены военные караулы. Народъ ликуетъ; утромъ передъ дворцомъ громадный овалъ: король Александръ благодарилъ съ балкона за преданность и объявилъ, что отнынѣ онъ будетъ блюстителемъ конституціи и народныхъ правъ.

По поводу этихъ событий *Journal de St. Pétersbourg* пишетъ: «Наши получены изъ Бѣлграда очень неожиданныя извѣстія. Извѣстно, до какой степени положеніе Сербіи стало смутнымъ и неопредѣленнымъ. Регентство, которое, согласно конституціи, должно было состоять изъ трехъ членовъ, состояло всего изъ двухъ. Скупщина, гдѣ было почти столько же либераловъ, сколько радикаловъ, благодаря крайнему избирательному давленію, составлена была, послѣ выхода радикаловъ, извѣстными уже образомъ и извѣстными средствами. Радикалы оставили еголицу и вернулись въ свои округа, предѣлительно протестовали противъ нарушенія конституціи, а либералы собирались приступить къ законодательству въ собраніи, состоявшемъ изъ нихъ исключительно, и которое, будучи сформировано такимъ образомъ, не представляло собою ни пожеланій, ни интересовъ совокупности націи. Вражда партій достигла апогея, неудовольствіе было общее, и среди возбужденныхъ, такимъ образомъ страстей можно было опасаться взрыва серьезныхъ смутъ.

«Въ виду такихъ, болѣе чѣмъ маткихъ, условий, его величество король Александръ рѣшился на актъ силы и мудрости, который внезапно положилъ конецъ столько же прискорбному, сколько опасному порядку вещей. Король провозгласилъ себя совершеннолѣтнимъ и взялъ власть въ свои руки. Оба регента, гг. Ристичъ и Белларковичъ, были устранены, и либеральное министерство Авакумовича замѣнено кабинетомъ подѣ предѣлительствомъ г. Докича, президента государственнаго совѣта, при чемъ въ составъ кабинета вошли нѣсколько бывшихъ министровъ, испытанныхъ уже на дѣлѣ. Скупщина рас-

пущена королевскимъ указомъ, гласившимъ, что она не могла быть составлена соотвѣтственно постановленіямъ конституціи. Общія выборы назначены на 18-е мая, а новое собраніе соберется 1-го июня.

«Вся эта важная эволюція произошла совершенно спокойно, изъ чего можно вывести заключеніе, что она отвѣчаетъ желаніямъ народа и принесетъ пользу интересамъ страны. Армія съ энтузіазмомъ присягнула на вѣрность юному королю, и населеніе Бѣлграда горячими овациями приветствовало „благой починъ“ его величества. У насъ, въ Россіи, гдѣ за свободнымъ внутреннимъ развитіемъ Сербіи, въ смыслѣ мира и прогресса, слѣдуетъ съ такою сильною симпатіею, не могутъ, конечно, не питать искренняго желанія, чтобы подѣ цитомъ юнаго государя, явившаго нынѣ актъ мудрой и мужественной рѣшимости, вчерашнее событіе содѣйствовало успокоенію и благоденствію соплеменнаго народа, обременнаго нашей имперіи своимъ освобожденіемъ и своею независимостью».

30-го марта, въ Брюсселѣ, учредительное собраніе, большинствомъ 165 голосовъ противъ 26, отвергло предложеніе Эмансона о введеніи всенароднаго голосованія. Затѣмъ палата отклонила различныя предложенія, относящіяся къ пересмотру конституціи, и отложила засѣданіе.

Постановленіе это вызвало сильное возбужденіе по всей странѣ, поощряемое сториными всенароднаго голосованія. Въ столицѣ Бельгіи шайки бунтовъ бродили по улицамъ, учиняя всяческія безчинства. Въ провинціяхъ, во многихъ мѣстахъ, рабочіе забастовали и открыто сопротивлялись властямъ. Не обошлось безъ дракъ, кровопролитія и динамитныхъ взрывовъ. Возбужденіе стало понемногу утихать, только послѣ принятія собраніемъ, большинствомъ 119 голосовъ противъ 14, предложенія депутата Писсена, по которому вводятся всенародныя поода голоса, съ распространениемъ на всѣхъ неопороченныхъ по суду бельгійскихъ гражданъ, достигшихъ 25-ти-лѣтняго возраста, съ тѣмъ, чтобы извѣстныя категоріи этихъ гражданъ пользовались не однимъ, а нѣсколькими голосами (по своему семейному и имущественному положенію).

Пріемъ Степана Стамбулова Австрійскимъ императоромъ толкуется на разные лады иностранными газетами. *Neue Freie Presse* доказываетъ въ передовой статьѣ, что пріемъ Стамбулова въ Вѣнѣ вовсе не имѣетъ значенія демонстраціи противъ кого-бы то ни было, а просто представляетъ собою интересный эпизодъ, свидѣтельствующій, что Австро-Венгрія относится съ неизмѣннымъ доброжелательствомъ къ самостоятельному развитію Болгаріи. «Уже однимъ тѣмъ— говоритъ газета— что Стамбуловъ явился на пріемъ не въ парадной формѣ, а въ обыкновенномъ платьѣ, устраненъ былъ даже и съ вѣнчанной стороны великій демонстративный характеръ пріема».

Научныя и техническія новости.

— Для предохраненія желѣза отъ ржавчины предложена теперь краска подѣ названіемъ „Lender's Paint“. Слѣдуетъ желѣза толкутъ въ мельчайшій порошокъ, разводятъ его льнянымъ масломъ и прибавляютъ лаку. Полученное тѣсто, когда надо его употребить въ дѣло, превращаютъ въ жидкую смѣсь, разбавляя его льнянымъ же масломъ; небольшая примѣсь глѣта способствуетъ скорѣйшему высыханію состава. Составу этому, подмѣшивая въ него краску, можно придать любой цвѣтъ. Смазывая этой краской листовое желѣзо, можно предохранить его отъ дѣйствія холодной и горячей воды, щелочныхъ и кислотныхъ жидкостей, амміака-сѣрнистаго водорода и даже соляной кислоты.

— Денару въ Лондонѣ удалось получить широкія значительныя количества жидкаго кислорода. Жидкость эта прекраснаго голубого цвѣта.

— Американецъ Генри сдѣлалъ чашу неслыханно изъ бумаги. Ходъ ихъ замѣчательно

правильный: въ теченіе двухъ лѣтъ ошибка не составляла и одной минуты въ мѣсяцъ.

— Если растворъ коллодія въ смѣси спирта и зюра смѣшать въ извѣстной пропорціи съ рициновымъ масломъ и канадскимъ бальзамомъ, а затѣмъ полученную смѣсь высунуть на стеклышней пластинкѣ въ толщъ нагрѣтаго до 50° воздуха, то получается вещество, которое, по словамъ изобрѣтшаго его недавно г. Эбштейна, имѣетъ всѣ свойства стекла (твердость, прозрачность, стойкость противъ дѣйствія солей, щелочей и кислотъ), обладая въ то же время гибкостью. Если прибавить къ этому тѣлому стеклу окиси цинка, то получается родъ искусственной слоновой кости.

— Для полученія флуоресцирующей бумаги предлагаютъ слѣд. рецептъ: 500 граммовъ бѣлаго чистаго желатина растворяютъ въ 2 литрахъ горячей воды, прибавляютъ 1,5 миллиграмма смѣси сѣрнистаго кальция (это то есть флуоресцирующее вещество) съ

небольшимъ количествомъ висмута и, наконецъ, 50 граммовъ глицерина. Въ теплую еще жидкость опускаютъ бумагу два раза и выставляютъ ее на солнце на нѣсколько секундъ. Послѣ того бумага свѣтитъ прекраснымъ фіолетовымъ свѣтомъ въ теченіе 40 часовъ. Высушенный составъ хорошо покрываетъ лакомъ.

— Людямъ, у которыхъ руки всегда пошныя, совѣтуютъ вытирать ихъ по три раза въ день слѣдующимъ составомъ: борной кислоты—5 граммовъ, буры и салициловой кислоты—по 15 граммовъ, спирта—30 граммовъ. Все это вещество, дезинфицирующія кожу.

— Въ сельскомъ хозяйствѣ найдено средство для искорененія черноты: поле надо глубоко перекопать и засѣять обыкновеннымъ клеверомъ, повторяя эту процедуру 2 или 3 года.

— Американецъ Hahl рекомендуетъ, въ качествѣ приправы къ корму свиней и лошадей

смѣсь древесной золы съ обыкновенной солью въ пропорціи 3 къ 1; это, по его утверждению, предохраняетъ животныхъ отъ заболѣваній.

— Опыты, произведенные въ одномъ изъ

помѣстій Сѣвернаго департамента Франціи, доказали, что колючій *терновникъ* такъ же хорошо подготавливаетъ почву къ посѣву хлѣбовъ, какъ люцерна, клеверъ и тому подобныя растенія: подобно имъ это дикорастущее, ни-

чего не стоящее растеніе обогащаетъ почву, на которой оно растетъ, и воздухъ, въ которомъ оно находится, большимъ количествомъ азота, самаго необходимаго пищевого вещества для злаковъ.

Искусство.

Художественныя драгоценности Малороссіи.

19 марта г-жа Половцова прочитала нѣчто въ родѣ лекціи о

ловцова сказала нѣсколько словъ о такъ-называемомъ „Мазениномъ городкѣ“, около Батурина. Въ настоящее время на мѣстѣ Мазенина городка, вмѣстѣ съ остатками сильнаго укрѣпленія, находится боль-

Маттіа Батистини. Съ фот. Монгабоне, грав. Шюблеръ.

Адель Борги. Съ фот. Бр. Карбини. грав. Шюблеръ.

малоизвѣстныхъ художественныхъ уголкахъ Малороссіи, при чемъ иллюстрировала свое изложеніе туманными картинками. Чтеніе г-жи Половцовой было, дѣйствительно, интересно, тѣмъ болѣе, что почтенная лектриса познакомила петербургскую публику съ такими художественными драгоценностями, которыя были до сихъ поръ не только мало извѣстны, но даже почти совсѣмъ неизвѣстны.

Прежде всего, г-жа Половцова показала фотографическій снимокъ развалинъ такъ-называемой, „Юрьевской божницы“, выстроенной, какъ извѣстно, въ XII вѣкѣ Юріемъ Долгорукимъ въ г. Остра, Черниговской губерніи. Уцѣлѣлъ фундаментъ божницы и нѣкоторыя другія части. „Божница“ представляетъ прекрасный образецъ стариннаго византийскаго стіля, но главный ея интересъ заключается въ стѣнной живописи и орнаментахъ, прекрасно сохранившихся и — что рѣдко случается — не поврѣжденных неумѣлымъ реставрированіемъ. Г-жа Половцова во время своего чтенія выставила снимки со стѣнной живописи „божницы“, сдѣланные очень тщательно на калькѣ. Докладчица пришла къ выводу, что живопись „божницы“ не только однородна съ живописью и мозаиками Кіево-Софійскаго собора, но мѣстами даже превосходитъ ее своимъ художественнымъ исполненіемъ. Вообще „божница“ сохранилась довольно хорошо, а если пострадала, то только вслѣдствіе хищничества окрестныхъ жителей, которые въ теченіе многихъ лѣтъ таскали изъ нея кирпичи, потому что — какъ говорятъ они — на этихъ кирпичахъ особенно удачно пекутся блины. Затѣмъ, г-жа По-

шой прекрасный садъ, съ фруктовыми деревьями, и двѣ ямы, составляющія отверстія подземныхъ ходовъ, соединявшихъ городокъ съ Батуриномъ. Что же касается до самаго Батурина, то въ настоящее время эта бывшая столица малороссійскихъ гетмановъ

представляетъ большое село съ двумя церквами. Въ прежнее время онъ былъ сильно укрѣпленъ. Въ одной изъ церквей Батурина, г-жа Половцова разыскала старинное, очень интересное евангеліе, которое, какъ утверждаетъ докладчица, было принесено въ даръ однимъ изъ ея предковъ, Симеономъ Половцемъ, въ одинъ изъ храмовъ мѣстечка Вѣлой Церкви, Кіевской губерніи. На одной изъ первыхъ страницъ этого евангелія жертвователю сдѣлать надпись — не отдавать этого евангелія никому, а если кто его возьметъ, то будетъ ему „анаома“. По мѣстному преданію, Мазена нарушилъ этотъ заветъ и приказалъ перепести евангеліе въ Батурина. Строка объ „анаомѣ“, по его же приказанію, была тщательно выскоблена, но, какъ видно, это обстоятельство не спасло Мазену отъ анаомы. Въ Батуринѣ же находится въ большомъ запустѣніи дворецъ послѣдняго гетмана, графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго. Дворецъ этотъ и теперь еще поражаетъ своимъ великолѣпіемъ, но особеннаго художественнаго интереса онъ не имѣетъ. Вѣдѣнаго вниманія стоить надгробный памятникъ графа Разумовскаго, скончавшагося, какъ извѣстно, въ 1803 году. Онъ похороненъ подъ мавзольемъ прекрасной работы; но, въ сожалѣнію, неизвѣстно, кто изъ тогдашнихъ скульпторовъ исполнилъ этотъ мавзоль.

Фансимиле съ собственной гравюры Гёте. Фотогипія Демчискаго.

Самую интересную, впрочем, частью доклада г-жи Половцовой была история статуи князя Иосифа Понятовского, работы знаменитого Торвальдсена. В настоящее время эта большая копия статуи стоит перед замком князя Паскевича-Эриванского, в маленьком еврейском городке Гомель, Могилевской губернии. Как попало это замечательное художественное произведение в Гомель? Вот задача, которую г-жа Половцова старалась разрешить. По поводу этой истории ходит множество легенд; так, например, немецкий историк Трейче рассказывает в своей „Истории XIX века“ (т. IV, стр. 91), будто бы князь Паскевич велел замкнуть в ней голову Понятовского своею собственною. Но другой легенды, эта статуя будто бы изображает не князя Иосифа Понятовского, маршала французской армии, а Станислава-Августа Понятовского, Польского короля. Наконец, третья легенда, которую принимает и г-жа Половцова, рассказывает, что эта замечательная статуя работы Торвальдсена уцелела почти чудесным образом. Дело в том, что она первоначально хранилась в Модлине (Ново-Георгиевской крепости), в подвалах, в нескольких огромных ящиках, которые, после польского восстания, были конфискованы в одном богатом польском поместьи. Офицер, случайно нашедший эти ящики, вскрыл их и увидел складные части конной статуи. Об этом было доложено императору Николаю I-му, который приказал „разбить и бросить“ статую. Почему-то приказание это не было исполнено: статуя попрежнему хранилась в ящиках. Уже впоследствии князь Паскевич попросил подарить ему эту статую. Император исполнил желание князя, который поставил ее около своего дворца в Гомель. Такова легенда, рассказанная г-жею Половцовой. Но оказывается, что она не заслуживает доверия. Действительно, статуя, во время

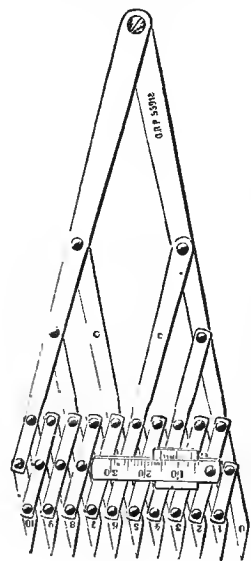
польского восстания 1830—31 годов и долго, впоследствии, хранилась в разобранном виде в крепости Модлин. Князь Паскевич, узнав об этом, приказал ее собрать к приезду в Модлин императора Николая. По государю повеле не приказал ее разбить, а подарил ее князю. Она была огорожена в гомельское поместье князя Паскевича водой, при чем по рѣкам и каналам плыла целых два года. В Гомель она прибыла только в 1846 году и была поставлена в саду, против замка, где находится и в настоящее время. Статуя, таким образом, стоит около 50 лет на том же самом месте, и она изображает маршала в том виде, в каком его представил Торвальдсен, т. е. на манер конной статуи императора Марка Аврелия, находящейся в Капитолии в Риме.

Статуя князя Понятовского была заказана Торвальдсену родственником князя и, как кажется, предназначалась для одной площади в Варшаве. Восстание 30 года помешало осуществлению этого проекта, и статуя, в разобранном виде, попала в Модлин. Торвальдсен исполнил эту статую в Копенгагене, после своего приезда из Рима, в 1820 году, — в тот самый год, когда он создал статую Коперника (находящуюся в Варшаве), мавзолей графа Потоцкого для кафедрального собора в Кракове и знаменитую вышнюю и внутреннюю декорацию церкви Богоматери в Копенгагене. Через два или три года после этого, все эти произведения были выставлены самим Торвальдсеном в Риме. Между скульптурными памятниками, конная статуя князя Понятовского считается одним из лучших произведений знаменитого датского скульптора. Рисунок этой статуи, между прочим, помещен в книге Эжена Пюна: „Thorwaldsen, sa vie et son oeuvre“ (1867 г.).

В. Чуйно.

Новое изобретение.

Г. Гольдшмидт изобрел новый геометрический инструмент, циркуль-дѣлитель, весьма интересный, как простотою своего устройства, так и своею практичностью. Удобство употреблений, математическая точность производимых им дѣлений прямых линий, при экономии времени — несомненные его достоинства.

Циркуль-дѣлитель.

Циркуль основан на механизме, так называемых, юрленбергских ножниц. К двум ножкам циркуля приделаны на шарнирах различной длины стальные пластинки, из которых нижняя заострена. По мере произвольного сближения или расширения ножек, нижняя пластинка совершенно равномерно сдвигается и раздвигается, и концы их остаются неизменно на одной прямой линии. Для определения желаемой цифры дѣления приспособлена небольшая скала, соответствующая нескольким сантиметрам; к ней прибавлен так называемый *нонус*, способствующий дѣлению сантиметра на желаемый подразделение. Скала эта служит специально масштабом.

Чтобы сделать этим циркулем какое-нибудь измерение, нужно на одной из крайних точек данного расстояния поместить ножку циркуля, обозначенную 0, а на другой — обозначенную цифрой 10. Полученное на скале число миллиметров нужно умножить на 10, и это последнее количество будет выражать величину измеряемого расстояния в сантиметрах. Дѣлится какой-нибудь линии, напр. АВ, при помощи этого циркуля, тоже не представляет никакой трудности. Пусть линия АВ равняется 13 сантиметрам, и нужно раздѣлить ее на 9 равных частей. Для этого стоит лишь ножку 0 поставить в точку В и ножку 9 в точку А, и все расстояние раздѣлится на 9 частей, первая часть будет равна $\frac{1 \times 13}{9}$ см., вторая — $\frac{2 \times 13}{9}$ см. и т. д. Циркуль эти дѣления двойкой или тройкой раздѣленные на 10 и на 20 частей, с большим или меньшим числом дѣлений. Их употребление особенно представляется практичным при преподавании геометрии, для географических чертежей и т. п. Патент на это изобретение взят фирмой Иосиф Фридман в г. Байрейт (Бавария). Этот циркуль издается в продаже в магазин Рихтера в Петербурге.

Смѣсь.

Из мемуаров Вернера фон-Сименса. В то время, как Сименс был занят установкой первого телеграфа между Берлином и Кельном (1850), к нему явилась дама с заплаканными глазами и сказала, что его телеграф совершенно погубил предприятие ее мужа, который до этих пор очень успешно содержал голубиную почту между Ахеном и Брюсселем, а теперь, ввиду печальной перспективы разорения, впасть в настоящую меланхолию. Сименс посоветовал молодой четѣ спокойно зажарить своих голубей и обещать им свою поддержку, если они переселятся в Лондон и откроют там новое справочное агентство. Молодой человек, разумеется, согласился; это был Рейтер, основатель известного телеграфного бюро, носящего его имя. (Б.)

Во время послѣдних путешествий по Центральной Африке было наблюдение, что туземцы вѣсто поварами соли употребляют, в качестве приправы к кушанью, выпаренный до-суха подный раствор соли некоторых растений. Соль эта оказалась смѣсью хлористых и сернокислых солей калия, которые, несмотря на предполагаемую ядовитость их, никакого вреда потребляющим их дикарям не причиняют. (Г. В.)

Французы Де и Дибос (Dex et Dibos) сочинили проект исследования внутренней Африки с помощью воздушного шара. Они полагают, что, пользуясь направлением господствующих там ветров и воздушных течений, можно пролететь с одного конца Африки до другого в несколько недель, при чем стоимость каждого такого путешествия не превысит 200,000 рублей. (Г. В.)

„Lucania“, новый гигантский пароход, построенный для плавания между Европой и Америкой, имеет в длину 88,25 сажень, в ширину 9,25 сажень, в глубину 6,12 сажень и поднимает 7,750,000 пудов груза. Его машины развивают 20,000 лошадиных сил и, как надѣются, должны дать „Lucania“ ходъ со скоростью 22 узла в часъ.

„Париж проваливается“ — такъ заявилъ недавно один французский геологъ, пришедший къ такому безотрадному заключению после сравненія опредѣленія высотъ различныхъ точекъ топографическаго рельефа Франціи, сделанныхъ много лѣтъ тому назадъ Бурдалу, съ результатами недавнихъ инвентаризационныхъ работъ инженеръ-топографа Лаллемана. Изъ этого сравненія выходитъ, что Югъ Франціи и преимущественно часть ея материка, прилегающая къ Нирейскому хребту, постепенно понижается надъ уровнемъ морской поверхности, тогда какъ Сѣверъ Франціи, отъ побережья до внутреннихъ провинцій, осѣдаетъ изъ года-въ-годъ. Лаллеманъ выяснилъ, что подъ Парижемъ почва опускается безъ малаго на 16 миллиметровъ въ годъ (милл.=0,72 линіи). При такомъ безостановочномъ понижении материка сѣверою половиною Франціи, по расчету того же Лаллемана, черезъ 3,000 лѣтъ вода Лааманскаго канала дойдетъ до того мѣста, гдѣ находится теперь соборъ Парижской Богоматери.

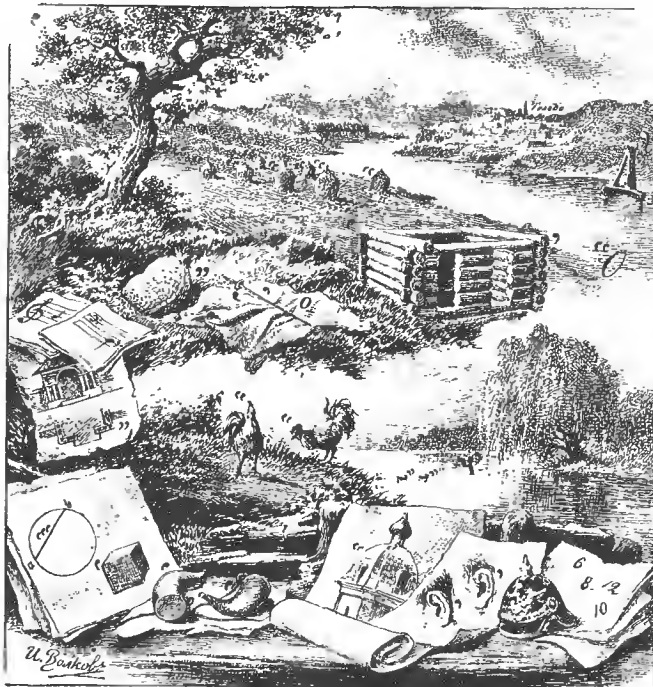
Дамские шлейфы, разносители холеры. Такъ какъ дамы, гуляя на улицѣ, захватываютъ шлейфомъ массу пыли, которую

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№ „Нивы“, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полную годовую подписную плату за „Ниву“ 1893 года, озаботиться своевременными срочными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Г.г. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероля, подъ которымъ получается ими „Нива“.

разнести и по своимъ знакомымъ, и къ себѣ домой. въ свое семейство, а, какъ извѣстно, въ пылу въ холерное время, находится масса холерныхъ зараженныхъ, то во многихъ иностранныхъ городахъ, по постановленію санитарныхъ совѣтовъ, рѣшено воспретить дамамъ поменіе шляфовъ на улицѣ. (х.)

Рекбусъ. Задача № 11.

Ренанъ и цырюльникъ. Противъ квартиры Ренана открылась новая парижская. Ренанъ пошелъ туда побриться и въ хозиншій ея встрѣтилъ скромнаго и предупредительнаго челоѣка. Когда этотъ послѣдній узналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, онъ попросилъ знаменитаго писателя написать ему какой-нибудь девизъ, который можно было бы поставить на его вывѣскѣ. Ренанъ съ минуту подумалъ, потомъ вынулъ изъ кармана карточку и написалъ на ней по-гречески слѣдующее: „Я брею хорошо и, кромѣ того, держу языкъ за зубами“. Вывѣску съ этой надписью можно видѣть еще и теперь въ улицѣ де-Туринъ въ Парижѣ. (б.)

Въ Парижѣ вышелъ переводъ стариннаго латинскаго сочиненія гениальнаго итальянскаго врача Жерома Фракастора о заразахъ, заразныхъ болѣзняхъ и ихъ леченіи. За 300 лѣтъ до Пастера (1546 г.) Фракасторъ, никогда не видѣвшій микробовъ, составилъ поразительно правильную теорію о сущности заразныхъ болѣзней, основанную на признакахъ невидимыхъ тѣлецъ, въ качествѣ носителей заразнаго начала. Теорія эта была совершенно забыта, и теперь Meunier напомнилъ о ней своимъ переводомъ, изданнымъ подъ заглавіемъ „Les Trois livres de Jérôme Fracastor“. (г. в.)

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Казань, Л. Фир—ву. Мелкія статьи и стихотворенія, признанныя удобными для печати, уничтожаются въ редакціи.

Псевдонимъ. Рукописи, не подписанныя полнымъ именемъ и фамиліей лица, обращающагося съ ними въ редакцію, не принимаются къ разсмотрѣнію.

Москва, баронессѣ Ц. Не вида рукописи, ничего сказать не можемъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній почтовый ящикъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Воля судьбы. Историческій романъ въ трехъ частяхъ Н. М. Н. Волконскаго. (Продолженіе). — Мертвое поле. Стих. І. Ясичнаго. — Искусство укрощенія и дрессировки животныхъ. Переводъ съ нѣмецкаго (съ 8 рис.). — Константинъ Гиньяръ. Разсказъ Ришпена. — Къ русскимъ: Рынокъ за „Желѣзной Брамой“ (съ рис.). — Возвращеніе на родину (съ рис.). — Маршировка новобранцевъ (съ рис.). — Богъ съ нами, отпусти! (съ рис.). — Е. Я. Головачева (съ портр.). — Юбилейныя почтовые марки Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ (съ 15 рис.). — Г-жа Адель Борги и г. Маттіа Баттинини (съ 2 портр.). — Гравюры Гёте (съ рис.). — Разныя извѣстія. — Подплатское обзавѣніе. — Научныя и техническія новости. — Искусство. Художественныя драгоцѣнности Малороссіи. — Новое изобрѣтеніе е. (съ рис.). — Сѣль. — Завѣщаніе. — Рекбусъ. — Почтовый ящикъ. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ Н. М. Н. Волконскій.

Новая американская скоропечатающая машина

„ГАЛЛЪ“.

№ 1228 (1)

Лучшая пишущая машина въ мірѣ. Одна и та же машина пишетъ на всѣхъ языкахъ, каждый языкъ по десяти и болѣе различныхъ шрифтовъ. Цѣна машины 75 р., каждого шрифта 3 р. Единственный представитель для всей Россіи Торговый домъ Э. ШТЕЙНПЕЛЬ въ Одессѣ.

Описание и пробныя шрифты безплатно. Приглашаются агенты во всѣхъ городахъ.

НЬЮ-ГОМЪ

оригинальная, американская усовершенствованная ШВЕЙНАЯ МАШИНА

Къ „НЬЮ-ГОМЪ“, въ Оранжъ (шт. Массачусеттс, Сш. Америка) пользуется всемірною извѣстностью; проста, прочна, изящна; отличается: высокимъ рукавомъ, новымъ удобнымъ регуляторомъ для натяженія нити и проч. Работаетъ легко, быстро и безъ шума; даетъ чистую, ровную, 2-ми нитками шитую строчку; употребляетъ пряжу (са-оставляющуюся (безъ мѣрки) нити; годна для домашняго и ремесленнаго употребленія; шьетъ все, отъ тончайшей кисеи до толстѣйшаго сукна.

ГАРАНТИЯ ВЪ ЛѢТЪ

Прейсъ-куррантъ и описаніе по требованію.

Складъ и контора „НЬЮ-ГОМЪ“, Москва, Мясницкая, д. Сыг-вахъ.

Главный представитель для всей Россіи:

Височ. утвержд. Товарищество „Работинскъ“.

Москва, Петербургъ, Кіевъ и Ташкентъ.

И. № 248

10 9

№ 254. Золотое кольцо. Шт. 4 р. 90 к., 2 за 9 р. 55 к., 3 за 13 р. 90 к.
№ 353. Золотыя серьги. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 8 р. 90 к.
№ 358. Золотыя серьги на винтикахъ. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 9 р. 43 к.
№ 401. Золотой браслетъ. Шт. 19 р. 75 к., 2 за 37 р. 80 к.
№ 307. Золотая брошка. Шт. 7 р. 55 к., 2 за 13 р. 90 к.
№ 303. Золотая булавка. Шт. 3 р., 2 за 5 р. 65 к.
Товаръ пересылаю наложеннымъ платежомъ.

БАЗАРЪ МАРОКЪ

С.-Петербургъ.

Невскій просп., № 20—31.

Главное депо часовъ

Б. АЛЬТШВАГЕРЪ.

Невскій просп. № 42. С.-Петербургъ.

Рекомендовать часы собственнаго производства прусской системы лицамъ, которымъ точный и вмѣстѣ съ тѣмъ недорогой измѣритель времени составляетъ существенную необходимость. Ручательство за вѣрность хода и прочности механизма на четыре года. Иллюстриров. прейсъ-куррантъ высылается безплатно.

Р. Глезеръ въ Ригѣ ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ

Вс. С. Соловьева.

Фабрика карандашей, грифелей и т. п.

Прейсъ-куррантъ высылается безплатно, коллекціи образцовъ за 1 рубль марками.

Самыя дешевыя фабричныя цѣны.

Самыя дешевыя фабричныя цѣны.

Самыя дешевыя фабричныя цѣны.

Самыя дешевыя фабричныя цѣны.

Самыя дешевыя фабричныя цѣны.

Самыя дешевыя фабричныя цѣны.

Самыя дешевыя фабричныя цѣны.

Самыя дешевыя фабричныя цѣны.

Самыя дешевыя фабричныя цѣны.

Самыя дешевыя фабричныя цѣны.

Самыя дешевыя фабричныя цѣны.

Самыя дешевыя фабричныя цѣны.

Самыя дешевыя фабричныя цѣны.

Самыя дешевыя фабричныя цѣны.

Самыя дешевыя фабричныя цѣны.

Самыя дешевыя фабричныя цѣны.

Самыя дешевыя фабричныя цѣны.

Самыя дешевыя фабричныя цѣны.

Самыя дешевыя фабричныя цѣны.

Самыя дешевыя фабричныя цѣны.

Самыя дешевыя фабричныя цѣны.

Самыя дешевыя фабричныя цѣны.

Самыя дешевыя фабричныя цѣны.

Самыя дешевыя фабричныя цѣны.

Самыя дешевыя фабричныя цѣны.

Самыя дешевыя фабричныя цѣны.

Самыя дешевыя фабричныя цѣны.

Самыя дешевыя фабричныя цѣны.

Самыя дешевыя фабричныя цѣны.

Самыя дешевыя фабричныя цѣны.

Самыя дешевыя фабричныя цѣны.

Самыя дешевыя фабричныя цѣны.

Самыя дешевыя фабричныя цѣны.

Самыя дешевыя фабричныя цѣны.

Самыя дешевыя фабричныя цѣны.

Самыя дешевыя фабричныя цѣны.

Самыя дешевыя фабричныя цѣны.

Самыя дешевыя фабричныя цѣны.

Самыя дешевыя фабричныя цѣны.

Самыя дешевыя фабричныя цѣны.

Самыя дешевыя фабричныя цѣны.

Самыя дешевыя фабричныя цѣны.

Романъ-хроника XVIII вѣка. Съ портретомъ Императора Петра II. Это разсказъ изъ времени юнаго Императора Петра II, царствовавшаго только 3 года.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ полн. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

КАТАЛОГ
на 1903 г.

АНГЛИЙСКІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ
старѣйшей фабрики
компаніи **РУДЖЪ** Ковентри
съ новостями на 1893 годъ.
Представлены для всей Россіи
Ц. № 6299 торг. домъ 8-6
АВАЧИНЪ И ОРЛОВЪ.
Москва, Мясницкая, д. Сытова.

ГЛАВ. СКОЛАДЪ, МОСКВА
У Л. Я.
СТОЛКІНДЪ.

КРУПНИКИ
УНИЧТОЖЕНІЯ
КРЫСЪ И МЫШЕЙ
ПРОФ. ФРОНШТЕЙНЪ
ПРОДАЕТСЯ "ВЪСЯДЪ"
по 30 и 50 к.
ФУРКАСОВЪ, ПЕР. Д. ОБИ. ИНОЙ

ШОКОЛАТЪ
ФАБРИКИ "СЪСЪЧЪКЪ"
НАХОДИТСЯ ВО ВСЯХЪ
ГОРОДАХЪ РУССІИ.

НАВОЖДЕНІЕ. Гол. изъ современн. жизни
Вс. Соловьева, Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

EAU, PÂTE, POUDRE
DENTIFRICES

DOCTEUR PIERRE
DE LA
FACULTÉ DE MEDECINE
DE PARIS
EN VENTE PARTOUT

Вышло новое изданіе **Ф. ПАВЛЕНОВА:**

ПО ВОЛНАМЪ
БЕЗКОНЕЧНОСТИ.

Астрономическая фантазія **Н. ФЛАММА-РІОНА.** Переводъ съ франц. В. Рандева. 350 страницъ съ портретомъ автора. Цѣна 80 коп. Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Главный складъ въ винномъ магазинѣ П. Луковникова (С.-Петербургъ, Лештуконъ пер., д. 2). М. № 6355

Д-ръ Волицкій лечитъ наружныя, кожныя, грудныя болѣзни, раны и язвы. Пен-скій, 57, кв. 5. Отъ 2-3 и 6-7 ч. в.

ТОЛЬКО ЗДѢСЬ

Кузмицкая трава : феодръ сѣкая, сухая, отборная борова по 3 руб за ф., стѣнная по 1 р. за ф. безъ пересылокъ: вышеслывающіе болѣе 3 ф. борова за пере-сылку не платятъ. Кто вышеслываетъ 3 ф. борова или 5 ф. стѣнной прилагается бро-шюра съ рисунками феодръ безлатно. Адресъ: г. Бузулукъ, Самар. губ., специ-альная торговля феодръ П. П. Гурова.

НА ЛѢТО

ТОЛЬКО 5 руб.
Высылаются настоящіе фотографическіе аппараты съ треножникомъ, не прутка, коимъ каждый, даже ребенокъ, можетъ спл-ывать съ натуры портреты, виды, ланд-шафты и проч., съ пробными снимками и руководствомъ. Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ новыхъ изобрѣтений, Пенскій пр. 4. Заказы немедленно. Каталогъ всѣхъ изобрѣтений за 10 к. марку. № 6361
Высылаются надѣжнымъ платежамъ.

ПОВАЯ ЗАМѢЧАТЕЛЬНАЯ КНИГА
У ВЪЗМСКАГО

издана въ Россійскомъ центральномъ книжномъ магазинѣ, въ Москвѣ, въ зда-ніи "Славянского Базара", на Покровской улицѣ, только что вышла и поступила въ продажу замѣчательно важная книга въ об-леченіи атласа и въ овертюрѣ доктрина. Окончательное доказательство о вѣчно-бессмертіи человѣка и со включеніемъ

ВЪКОВЫХЪ ТАЙНЪ
О ТОМЪ,

БУДЕМЪ-ЛИ МЫ ЖИТЬ ВЪ ЗАГРОБНОМЪ МІРѢ
ПОСЛѢ НАШЕЙ КОНЧИНЫ?

Эти окончательные вопросы о вѣдѣтельности и вѣчно-бессмертной жизни

ЧЕЛОВѢКА ЗА ГРОВОМЪ,

разрѣшеніе по неопровержимымъ выводамъ, на основаніи Св. Писанія и ученія Св. Писанія, съ указаніемъ на мѣста и древнихъ мудрецовъ. Объясненіе о состояніи души, что она испускаетъ, слышитъ и видитъ вокругъ себя въ тотъ страшный моментъ, когда она выходитъ изъ глы и куда и въ какія мѣста переносится. Книга составлена по историческимъ богословскимъ сочиненіямъ и по научнымъ гра-татамъ великихъ древнихъ и новыхъ философовъ, Иоанномъ Архангельскимъ. Издана трудами А. А. Земскаго. Москва. Цѣна съ пересылкой 2 руб., въ роскош-номъ переплетѣ 3 р. № 6359

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ.
КРАТКОЕ ИЗВЛЧЕНІЕ.

Великая тайна бессмертія. Голосъ истины изъ загробнаго міра. Начало вѣчного въ ве-щной и поистинѣ въ ней злыхъ душъ и ихъ тайная голоса изъ пренесенной. Мировой вопросъ, въ которомъ лежитъ глубокая тайна смерти въ жизни отъ начала творенія въ-своемъ въ отношеніи человеческихъ душъ, безъ различія племенъ и религіозныхъ вѣрованій. Геопрозрачные доказательства о томъ, что человекъ послѣ своей смерти, то есть по-отходѣ въ міръ загробный, продолжаетъ жить духовно и вполнѣ сознательно жизнью. Тайна первой великой религіи отъ созданія міра и въ чемъ она проявилась въ началѣ. Какъ живутъ души великихъ преступниковъ и души проклятыхъ, и души обыкновенныхъ преступниковъ. Гдѣ находятся души отверженныхъ и души проклятыхъ великихъ преступниковъ. Паденіе этихъ душъ и ихъ возрѣзаніе посредствомъ истинныхъ и неутан-но-бездарныхъ молитвъ передъ Богомъ. Вступленіе въ первый періодъ загробной жизни. Вступленіе праведныхъ въ жизнь небесную. Вѣчная жизнь и райское блаженство. Общее состояніе грѣшныхъ душъ и въ какихъ мѣстахъ онѣ пребываютъ до страшнаго суда. Милые древнихъ великихъ мудрецовъ и великихъ философовъ о вѣдѣтельности: существованіи душъ въ загробномъ мірѣ и неоспоримое доказательство по сему пред-мету и всѣхъ знаменитыхъ древнихъ философовъ и христіанскихъ писателей. Чужды-факты и историческія сказанія извѣстныхъ лицъ, не поддающихся ни малѣйшему сомнѣнію. Едѣ молитвы, по вѣдѣтельности молитвъ церкви и душъ усопшихъ. Предсмертныя пред-сказанія многихъ людей, которые предсказывали свою кончину; факты эти несомнѣны, какъ живые на историческихъ данныхъ. Неоспоримыя доказательства о существованіи демоновъ по кнѣгамъ Св. Писанія. Загадка и рѣшеніе этой великой тайны о соз-даніи человеческихъ душъ, на основаніи выводовъ изъ священной книги Библии, гдѣ находится вѣчная истина и великая тайна ея премудрости. Что ожидаетъ въ загробной жизни тѣхъ людей, которые отрицаютъ свѣтъ, истину и вѣчную истину, возбужда-ція на насъ безсмертія. Какія сомнѣнія иногда закрадываются въ нашу душу, въ отношеніи вѣры въ будущую загробную жизнь. Какія доказательства прилагаются не-убрѣждающіе къ отрицанію загробной жизни. Среди мракъ и пагубная невѣрія. Неостыжшая тайна молитвы. Жертвы погони и сѣти коварныхъ темныхъ силъ. Великая вѣра въ небесно-божественные догматы. Чрезвычайно интересное и замѣчате-льное заключеніе. Книга продается, какъ указано выше, въ книжныхъ магазинахъ Зем-скаго. Отъ Московскаго духовно-цензурнаго комитета печатаніе дозволяется. Цензоръ протоіерей Симеонъ Кишиковъ. Москва, 20-го февраля 189 года.

АГЕНТЫ ТРЕБУЮТСЯ

Петербургъ, Москва и провинція для продажи галантерейныхъ товаровъ. Предложенія адресовать: Варшавы, Почто-вая контора, "О. Г." до востребованія. На-отвѣтъ присылать съименованную марку.

5 Р. КРАСИВО ПИСАТЬ выучивъ всеаго ЗАОЧНО (по-средствомъ лицей корреспон-денцій) въ 10 уроковъ. ЗА УСПѢХЪ ГАРАНТІЯ. Подъ общее объясненіе припо-даніи высылаю за 3 семиполѣбныя марки. № 6341 26-2

10 Р. ДВОЙНОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ БУХГАЛТЕРІИ обучая ИНОГОРОДНЫХЪ вполнѣ и основательно въ 2-3 мѣсца. При оконча-ніи выдаю ученую СВИДѢТЕЛЬСТВО. Адресъ: Москва, Покровка, Учитель. нал. и сух. А. С. Шиманскому.

БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ.
С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египет-скаго моста, домъ № 7-2. 26-6
Иллюстрированные прейсъ-курранты по востребованію высылаются безвозмездно.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LONSE
Бѣлая и розовая вода для бѣлокурокъ. желтая вода для брюнетокъ.
Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 н.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIE NMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный парфюмеръ, 46. Егерштрассе, Берлинъ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ
дрогистовъ Россіи. № 6420 (27)

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ
СРЕДСТВО
для смягченія кожи рукъ и лица.
Цѣна 35 коп.
Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфю-мерныхъ магазинахъ. № 6271 14-8

Заказы изъ провинцій исполняются не-медленно и безуратно.

По получении востановки приблизительно 1/3 стоимости заказа требуется высчитаться с наложенным платежом на оставшуюся сумму.

СКРИПКИ
по 2, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40,
50, 60, 75, 100 р. в дорожке.
Скрипки для скрипки по 50 сол., 1 р, 1 л.
2, 3, 5, 10, 15, 20, 30 и 60 р.
Фугляры для скрипки по 3 л., 5, 7, 10, 15,
25, 40 и 60 р.
Струны, канцфоль и всё другие принадле-
жности.
Скрипки $\frac{3}{4}$, $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ величины для детей
по 75 л.-же центам, как и большие.

КОРНЕТЫ-А-ПИСТОНЫ
хорошей звягачичной работы въ 1^я,
15, 22, 25 и 35 руб., собственной С.-Пе-
тербургской фабрики въ 50, 60, 75 и 100 р.
Знаменитой фабрики Courtois въ 90 руб,
150 руб. и 250 руб.

ФЛЕЙТЫ
хорошей заграницной работы въ 2, 4, 6, 9, 15, 20, 30, 40 и 50 руб., собственной С.-Петербургской фабрики въ 60, 75, 85, 120 и 160 р. Флейты „модели Циммермана“ находящіяся въ употребленіи у первыхъ артистовъ по 85 и 120 руб.
Плакаты, прокламации — бесплатно.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ
ЦИММЕРМАНЪ
главное депо
музыкальных инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
Иосифа Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

Только что вышло изъ печати и поступило въ продажу новое изданіе
А. Ф. МАРКСА въ СПБ.:

СОЧИНЕНІЯ
М. В. ЛОМОНОСОВА

Подъ редакціей А. И. Введенскаго. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ Ломоносова, гравированнымъ на стали П. Ф. Дейншгеромъ въ Мюнхенѣ. Изданію изданный томъ in 8° (352 стр.) на лучшей бумагѣ. СПб. 1893 г. Ц. 1 р., а съ пересылкою 1 р. 30 к., въ роскошномъ козенкор. переплетѣ 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 60 к.

Постоящій томъ заключаетъ въ себѣ полное собраніе исключительно литературныхъ произведеній Ломоносова, въ которыхъ онъ является творцомъ русскаго литературнаго языка.

Тексты произведеній Ломоносова, которые были напечатаны при его жизни, тщательно сверены по послѣднему при немъ изданію 1757 года, внимательно исполненному имъ самимъ.

Съ требованіемъ на книгу слѣдуетъ обращаться въ СПБ—гѣ. въ Контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

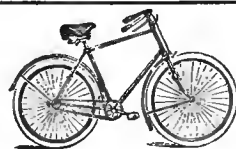
Вышелъ изъ печати и разосланъ подписчикамъ
ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫПУСКЪ
новаго роскошнаго періодическаго изданія, подъ названіемъ:
„ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА НИВЫ“.
годъ первый (1893), содержащій въ себѣ:
СКАЗКИ,
собранныя братьями Я. и В. ГРИММАМИ.
Переводъ подъ редакціей **Н. П. ПОЛЕВОВА.**
Иллюстраціи П. Гротъ-Юганна.
24 вып., каждый—въ розк. обложкѣ, по одному вып. черезъ каждыя двѣ недѣли.
Издане А. Ф. МАРКА въ С.-Петербургѣ.
Подписка продолжается и каждый новый подписчикъ
получаетъ изданіе полностью, т. е. начиная съ 1 го выпуска.
Цѣна за все изданіе (24 выпуска) 12 р., а съ пер. иногор. 14 р.
Безъ доставки въ Москвѣ (въ Конторѣ Н. П. Печковской)—13 р.
Допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ:
при подпискѣ—4 руб., къ 1-му мая—2 р., къ 1-му іюня—2 р.,
къ 1-му іюля—2 руб., къ 1-му августа—2 руб., къ 1-му сеп-
тября—1 руб. и къ 1-му октября—1 рубль.
Подписка на это изданіе принимается въ главной конторѣ
журнала „Нива“, въ СПБ., Невскій, № 6; въ Москвѣ, въ Конторѣ
Н. Н. Печковской, а также во всѣхъ книжн. и эстампныхъ магаз.
Желающимъ ознакомиться съ изданіемъ, 1-й выпускъ „Сказокъ“
высылается за 50 коп. почтовыми марками.

ИСУСЪ		ЦАРЬ-ДЪВВИЦА.	
Вс. Соловьева.		Вс. Соловьева.	
Ром.-хрон. XVII в., в 3 ч. Ром. отъто общи- зема. 58-ю грав. въ текетъ, по рис. худож. Земцова. С.-Петербургъ 1890 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 руб. 21 коп.		Ром.-хрон. XVII в., в 3 ч. Ром. отъто общи- зема. 58-ю грав. въ текетъ, по рис. худож. Земцова. С.-Петербургъ 1890 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 руб. 21 коп.	

Новое роскошное издание А. Ф. МАРКАС:
ИСТОРИЧЕСКИЕ РАЗСКАЗЫ И ПОВЕСТИ
П. Н. ПОЛЕВОГО,
украшенные множеством оригинальных рисунков и
выпоек художника **К. В. ЛЕБЕДЕВА.**

Появление въ свѣтъ настоящаго изданія было встрѣчено русскою
выдающеюся прессою весьма лестными отзывами: такъ, между прочимъ,
„НОВОЕ ВРЕМЯ“ говорить о книгѣ слѣдующее: „Надо отдать
справедливость г. Марку: онъ издалъ эту книгу очень издѣливо, съ
выпоями и картинками, парикованными съ большимъ вкусомъ и
знаніемъ русскихъ древностей молодыми художниками“. К. Лебедевъ.
Историческіе рассказы г. Полевого отличаются тѣмъ, между
прочимъ, отъ цѣлой массы подобныхъ рассказовъ, что въ нихъ со-
блюдается историческая вѣрность эпохѣ, такъ какъ авторъ пре-
красно изучилъ ту эпоху, изъ которой черпаетъ свои рассказы.
Примѣненные къ этимъ рассказамъ и рисунки являются не праз-
дными измысличеніемъ, а служатъ къ нимъ иллюстраціями, гдѣ вѣрно
соблюдаются костюмы и другія бытовья особенности“.

30Л. МЕДАЛИ, омагодарность Ко-
р. Въ 6 уроковъ выучиваю писать красиво
и скоро **Зачно.** За двѣ 7 коп. марк. вы-
сильно условія и пр. письма. Одесса, проф.
№ 6261 кат. **Воспитансь.** 6-4

3-й
ВЫИГРЫШ-
НЫЙ (Дворянский) заем,
1 мил. тираж, про-
даётся на условиях
депенших и добросовестных.

БАНКИРСКИЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
59, Невскій, Спб. (4-3)

1 марта с. г. на бюджет II займа
сер. 02031 № 25, купленный въ Банк.
Домъ съ задаткомъ 20 руб., илѣ
выигранныхъ 50000 рублей.

Фирма производит на европейских выставках десять золотых медалей и высшим выказом.

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЬ.

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Для чистоты и свежести лица; лицо остается всегда чистым. Цена банок 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Для предупреждения подделок, прошу обратить внимание на подписи А. Энглундъ ирисными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лаборатории. Получить можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли антиггарскими товарами, Казанская, 12, и во всѣхъ извѣстныхъ антиггарскихъ и парфюмерныхъ торгевляхъ Россійской Шперии. — Главнй складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Бассейная вѣ. 1, № 2.

Дозвол. цензур., СПб., 14 апрѣля 1893 г.

Изданіе А. Ф. Маркса, СПб., Невскій, 6.

Тип. А. Ф. Маркса, С-р. Подъяч., № 1.
Библиотека "Руниверс"

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРУЮ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и
Выданъ 24 апрѣля 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цена этого № 15 к., съ пер. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1893 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарейль (1/4 шир.
стр.) въ Глав. Кон. Ред. по
1 руб.—Загран.: для Франціи
у Agence Havas по 3 fr., для
Австр., Герман. и Швейц. у Rüd-
olf Mosse по 2 марки 50 pf.

Безъ доставки въ Петер-

бургъ.

Съ доставкою въ Петер-

бургъ.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд.

На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.

На 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р. 50 к.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл.

Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лия.

Съ пересылкой въ Москву и другіе го-

рода Россіи.

6 р.

7 р.

10 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленіи отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногород. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“ со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№ „Нивы“, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не внес-
шихъ полную годовую подписную плату за „Ниву“ 1893 года, озаботиться своевременными
срочными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Г.г. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ
прилагать печатный адресъ съ бандероля, подъ которымъ получается ими „Нива“.

Во время экзамена. Карт. Жоффруа, грав. Калій.

* * *

Тетрадка старая—бумага и
чернила

Въ ней выцвѣли давно, но
въ памяти моей

Она была дни и горе
воскресила,

И то, какъ плакалъ я
надъ ней!—

Какъ плакалъ я тогда надъ
каждою ошибкой,

И неутѣшною казалась мнѣ
печаль...

И я вздохнулъ съ неволь-
ною улыбкой—

И дѣтскихъ слезъ мнѣ
стало жалъ!...

Р. Н.

Воля судьбы.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолжение).

IX.

3-го ноября.

„Если хотите видѣть человѣка, съ которымъ бесѣдовали вы...“ повторялъ себѣ Артемій, не сомнѣваясь въ томъ, что онъ безусловно, непременно хочетъ увидѣть этого человѣка, и радуясь, что можетъ увидѣть его... Помимо того, что свиданіе это, само по себѣ, было заманчиво, но была еще возможность узнать, можетъ быть, что-нибудь объ Ольгѣ... Этотъ человѣкъ былъ тогда въ Проскуровѣ, значитъ, онъ могъ быть тамъ и впоследствии, и недавно, и, пожалуй, очень недавно.

„Не пужно увлекаться... не нужно увлекаться“, тутъ же останавливалъ себя Артемій, помня появленіе Торичіоли. Во всякомъ случаѣ, письмо не возбудило въ Артеміи никакихъ подозрѣній, ни сомнѣній, что это, можетъ быть, ловушка ему—онъ сразу рѣшилъ, что все, на самомъ дѣлѣ, такъ, какъ оно есть... Его таинственный покровитель (въ душѣ почему-то Артемію представлялся его незнакомецъ таинственнымъ покровителемъ) просто пріѣхалъ въ Кенигсбергъ, узналъ такъ же, какъ Торичіоли, гдѣ онъ живетъ, и прислалъ ему приглашеніе.

Проще этого быть ничего не могло.

Конечно, вѣрнѣе всего, что онъ только-что пріѣхалъ въ Кенигсбергъ—потому что, если-бы онъ жилъ здѣсь давно, онъ не назначилъ-бы пріидти Артемію только черезъ нѣсколько еще дней—3-го ноября... Да, онъ пріѣхалъ, но откуда?—очевидно, изъ Россіи, потому что сообщеніе съ Германіей было прервано непріятельскими войсками. Непосредственно оттуда почти было невозможно попасть... Значитъ, онъ явился изъ Россіи и могъ быть въ Проскуровѣ... и былъ тамъ—безъ сомнѣній, былъ, потому что монастырь, гдѣ пострижена эта русская, которая была когда-то дорога и ему и Торичіоли—расположенъ возлѣ.

Всѣ эти соображенія сильно занимали Артемія. Къ тому-же, докторъ посадилъ его опять дня на три дома безвыходно, найдя, что такъ часто нельзя еще бывать ему на воздухѣ, пока совсѣмъ не оправится. И Артемій его послушался. Онъ покорно высидѣлъ три дня дома, взявъ только съ Торичіоли обѣщаніе, что тотъ пришлетъ ему сказать, если будутъ какія-нибудь новости въ ретортѣ. Новостей однако никакихъ не оказалось, и Торичіоли ничего не присылалъ. Когда докторъ вынулъ снова Артемія,—Артемій первымъ дѣломъ отираялся не къ итальянцу, какъ этого слѣдовало ожидать, но туда, куда показывала стрѣлка на планѣ въ письмѣ. Ему хотѣлось хоть посмотреть самый домъ, сначала, куда его звали, и онъ пошелъ, питая однако тайную надежду, что вдругъ по дорогѣ или у двери онъ какъ-нибудь случайно можетъ встрѣтиться со своимъ незнакомцемъ.

Домъ, который отыскивалъ теперь Артемій, находился на островѣ, посреди Прегеля, въ самой старинной части Кенигсберга—Кнейпгофѣ, и былъ однимъ изъ тѣхъ узенькихъ семизатяжныхъ домовъ, которые вполнѣ сохраняли на себѣ средневѣковый характеръ. Найти его было не трудно по ясному обозначенію стрѣлки на планѣ. Нужно было миновать соборъ, пройти зданія университета и свернуть въ улицу, стѣсненную, какъ тисками, строгими каменными старцами подъ остроконечными кровлями, похожими на подбитой капюшонъ канудина... Все въ этомъ кварталѣ дышало преданіемъ и стариной... Артемій нашелъ домъ и довольно долго оставался передъ нимъ, ожидая, не выйдетъ-ли кто-нибудь или не войдетъ-ли въ него... Но маленькая дубовая дверь оставалась безмолвно занертою,

и никакого признака обитаемости не было замѣтно въ домѣ. Любопытство Артемія было задѣто. Онъ рѣшилъ постараться навести какія-нибудь справки. На противоположной сторонѣ улицы, подъ качающеюся ржавою желѣзною вывѣской, была лавочка. Артемій обратился туда. Толстый лавочникъ въ бумажномъ кофакѣ оказался очень словоохотливымъ добрымъ нѣмцемъ и готовъ былъ рассказать, не утаивая, все, что зналъ, но, къ сожалѣнію, свѣдѣнія его были довольно ограничены. Онъ могъ сообщить лишь, что домъ этотъ принадлежитъ доктору Шенningу, что самъ докторъ не живетъ въ Кенигсбергѣ и бываетъ очень рѣдко тутъ, и что въ настоящее время—онъ это знаетъ на вѣрное—докторъ не пріѣзжалъ еще.

— Но есть все-таки кто-нибудь, кто живетъ въ этомъ домѣ, вѣдь, не пустой же онъ стоитъ все время? спросилъ Артемій.

Лавочникъ опять очень обстоятельно объяснилъ, что, насколько ему извѣстно, въ домѣ живетъ старый слуга, который почти никогда не выходитъ—развѣ въ церковь по праздникамъ—и который, по всему, долженъ быть очень почтеннымъ человѣкомъ, хотя и не покупаетъ ничего въ его лавкѣ; впрочемъ, въ другихъ лавкахъ онъ тоже никогда ничего не покупаетъ, знакомства ни съ кѣмъ не заводитъ, у себя никого не принимаетъ и самъ никуда не ходитъ, даже въ пивной погребокъ, гдѣ собирается лучшее общество околотка и ведется всегда очень интересная бесѣда о политикѣ. Больше лавочникъ ничего не зналъ, а потому и сообщить ничего не могъ. Все это очень мало подвинуло Артемія впередъ.

„Да и Торичіоли называлъ его тоже докторомъ“, соображалъ онъ, возвращаясь домой, и это все-таки немного успокоило его. О томъ, что получить письмо, онъ никому не сказалъ—ни капрану, ни Торичіоли. Итальянецъ замѣтилъ, однако, что молодой его ученикъ какъ будто охладѣлъ къ ихъ опытамъ алхиміи, но думать, что это временно, и что причиной этому нездоровье Артемія. Артемій между тѣмъ съ петербургскимъ ждалъ, когда наступитъ 3-е число.

Наконецъ онъ опять заходилъ въ лавочку узнать, не пріѣхалъ-ли докторъ, но ничего положительнаго лавочникъ не могъ сказать. Наконецъ, ожидаемый день наступилъ, и Артемій задолго до восьми часовъ слѣдилъ уже за стрѣлками на большомъ, висѣвшемъ въ его комнатѣ, циферблатѣ. Ему казалось, что онъ двигался очень медленно. Было еще четверть восьмого, когда Артемій рѣшилъ, что пора, потому что въ письмѣ было сказано не „въ восемь часовъ“, а *къ восьми*. Онъ зпалъ уже наизусть это письмо. Онъ закутался въ свой плащъ и необыкновенно скорыми шагами, чуть-ли не бѣгомъ, добрался по знакомой уже дорогѣ до дома доктора Шенningа. Онъ долго впоследствии помнилъ то охватившее его вдругъ чувство, съ которымъ онъ, съ сильно бьющимся сердцемъ, брался за молотокъ у маленькой дубовой двери. Она отворилась совсѣмъ безъ шума, чего вовсе нельзя было ожидать, судя по ея ржавымъ, на первый взглядъ, петлямъ. На порогѣ явилась длинная, худая фигура старика-слуги, о которомъ рассказывалъ лавочникъ. Слуга держалъ въ рукѣ, приподнявъ ее, масляную лампу, освѣщавшую его худое, продолговатое лицо. Каріе, живые глаза старика такъ и впилсь, казалось, въ Артемія.

— Дома... можно видѣть? спросилъ Артемій, избѣгая, однако, называть имя того, кого ему пужно, потому что не былъ увѣренъ въ немъ.

— Вы пришли къ доктору Шёнингу? спросили его, именно спросили, потому что голосъ старика казался такъ тихъ, словно другой кто-то и гдѣ-то далеко спрашивалъ за него.

— Да... т. е. я не знаю, замялся опять Артемій. — У меня вотъ письмо...

И онъ вынулъ письмо изъ кармана.

Старикъ бѣгло глянулъ на печать.

— Пойдемте, сказалъ онъ, и повелъ Артемія вверхъ по каменной лѣстницѣ. Дверь какъ бы сама собою захлопнулась за ними.

И вдругъ, когда захлопнулась эта тяжелая дверь, Артемію стало жутко, и сердце его сжалось. Несмотря на то, что они шли не внизъ, а вверхъ по лѣстницѣ, ему казалось, что они точно спускаются въ подземелье. Воздухъ былъ сухъ и сжатъ и пропитанъ какимъ-то совсѣмъ особеннымъ запахомъ, не похожимъ на куренье, но, несмотря на это, скорѣе пріятнымъ, чѣмъ пѣть.

„Спросить его, или не спросить?“ думалъ Артемій, медленно перебирая ступени за старикомъ.

Онъ чувствовалъ неудержимое желаніе заговорить.

— А что докторъ, рѣшился спросить онъ, — пріѣхалъ?

„А вдругъ если онъ не отвѣтитъ!“ мелькнуло у него, и это показалось еще болѣе жуткимъ.

— Графа нѣтъ еще въ Кенигсбергѣ, вдругъ отвѣтилъ старикъ.

Артемій остановился.

— Какого графа? невольно вырвалось у него.

Онъ не зналъ теперь, идти-ли ему дальше.

Старикъ, не сѣша, обернулся къ нему, все попрежнему высоко держа свою лампу. И Артемій опять услышалъ его сдавленный, тихій голосъ.

— Вы въ домѣ, сказалъ этотъ голосъ, — графа Сень-Жермена. Для тѣхъ, кто тамъ (онъ показалъ на улицу), графъ — докторъ Шёнингъ; для тѣхъ, кто можетъ войти сюда, — онъ графъ Сень-Жерменъ.

Артемій понялъ теперь значеніе латинскихъ буквъ C. S. G., стоявшихъ на подписи письма.

„Но какъ же я пойду дальше, если его еще нѣтъ въ Кенигсбергѣ?“ сообразилъ онъ.

— Графъ пріѣдетъ въ девять часовъ, отвѣтилъ старикъ, какъ бы понявъ его мысли, и, миновавъ еще нѣсколько ступеней, открылъ дверь въ освѣщенную комнату, гдѣ нослышался сдержанный говоръ.

„Тамъ есть кто-то!“ удивился Артемій, и мимо оставившагося старика смѣло вошелъ въ комнату.

Въ этой, убѣгавшей вверхъ своими готическими сводами, комнатѣ, освѣщенной семью восковыми свѣчами въ стоявшей на столѣ канделябрѣ, вокругъ этого стола, на старинныхъ тонкихъ деревянныхъ стульяхъ, сидѣло нѣсколько человѣкъ молодыхъ русскихъ военныхъ.

Этого Артемій никакъ уже не ожидалъ. Онъ готовился встрѣтить здѣсь все, что угодно, но только не тѣ русскія лица и русскіе мундиры, которые онъ увидѣлъ здѣсь. И ошеломленный, ничего не понимающій, Артемій остановился въ нерѣшимости, подойти ему къ столу или нѣтъ. Онъ былъ сержантъ, остальные — офицеры. Офицеры замолкли, при его появленіи. Они, казалось, были удивлены не менѣе его. Наконецъ, одинъ изъ нихъ всталъ, подошелъ къ Артемію и, взявъ его за локоть, подвелъ къ столу.

— Это тотъ самый сержантъ седьмой роты Тарасовскаго полка, проговорилъ онъ, улыбаясь, при чемъ такъ и сверкнули жемчугомъ его ровные, бѣлые зубы, — тотъ самый сержантъ, который спасъ полковое знамя...

И онъ, потянувъ слегка локоть Артемія, заставилъ его тоже сѣсть.

„Гдѣ я видѣлъ его?“ вспоминалъ Артемій, глядя въ красивое, съ высокимъ, умнымъ лбомъ и яс-

ными глазами, лицо офицера. Осанистая фигура его дышала здоровьемъ и силою. Ее, казалось, увидавъ разъ, трудно было забыть.

И Артемій сейчасъ же вспомнилъ, что это былъ тотъ артиллерійскій офицеръ, который подошелъ къ нему съ привѣтствіемъ на полковомъ дворѣ, когда ему несчастливо въ вернута знамя.

Кромѣ артиллериста, къ которому уже Артемій почувствовалъ безграничную и безотчетную симпатію, онъ зналъ изъ всѣхъ присутствующихъ, и то только по фамилии, одного Пассека, бывшаго начальника дивизиона, который относился всегда къ нему съ крайнимъ уваженіемъ. Остальные все были незнакомые.

Артемій скромно прісѣлъ къ столу. Офицеры заговорили снова.

Изъ ихъ разговора сейчасъ же стало ясно, что они находились въ совершенно такомъ же почти положеніи, какъ Артемій, т. е. извѣстно имъ было тутъ немногимъ больше, чѣмъ ему.

— Да, и никакъ я не ожидалъ, заговорилъ Пассекъ (голосъ его былъ удивительно внятенъ и звучалъ раздѣльно-пріятно), — никакъ я не ожидалъ, чтобы докторъ Шёнингъ, тотъ самый докторъ Шёнингъ, съ которымъ мнѣ приходилось такъ часто бесѣдовать въ прошлый его пріѣздъ сюда, оказался знаменитымъ графомъ Сень-Жерменомъ.

„А-а! подумалъ Артемій, — онъ знаменитый, вотъ какъ!“

И ему хотѣлось ужасно узнать поскорѣе, чѣмъ былъ знаменитъ этотъ странный человѣкъ, у котораго они всѣ сидѣли пока въ гостяхъ безъ хозяина, но онъ не рѣшился спросить.

— А ты бывалъ у него здѣсь? обратился къ Пассеку артиллерійскій офицеръ.

— Нѣтъ, собственно, у него въ домѣ я въ первый разъ, потому-то я и говорю, что никакъ не ожидалъ: мнѣ только на лѣстницѣ сейчасъ этотъ старикъ съ тихимъ голосомъ сказалъ, что я въ домѣ графа Сень-Жермена.

„Вотъ какъ, и мнѣ тоже!“ опять подумалъ Артемій.

— И мнѣ, отвѣтилъ артиллеристъ, — тоже только сегодня этотъ старикъ, когда я пришелъ сюда, сказалъ, что я въ домѣ графа Сень-Жермена, а не доктора Шёнинга, какъ я думалъ прежде.

— А ты какъ-же съ нимъ познакомился?

— Ахъ, это цѣлая исторія!... Я только знаю, что я многимъ обязанъ этому человѣку, почти жизнью обязанъ...

— Ты однако никогда не говорилъ объ этомъ, замѣтилъ Пассекъ.

— И никогда не скажу — довольно того, что говорю только, что чего-бы онъ отъ меня ни потребовалъ — кажется, все сдѣлаю для него...

— И я, и я, все сдѣлаю, заговорилъ, вдругъ воодушевляясь, еще одинъ изъ присутствующихъ, — что-жъ? Я могу рассказать — разъ мы всѣ здѣсь соединены однимъ и тѣмъ-же человѣкомъ, одинаково для насъ симпатичнымъ. — Въ прошломъ году (мы стояли тоже здѣсь, въ Кенигсбергѣ) — скучница была страшная: дѣлать нечего; по-нѣмецки я только теперь кое-какъ говорить научился, а тогда просто дѣваться было некуда — все свои да свои полковые... Повалился я тогда ходить въ кости играть. Одинъ изъ товарищей по полку свелъ. Въ игорный домъ, должно быть, мы съ нимъ попали. Началъ я, разумеется, по маленькой. Потомъ больше и больше. Сначала выигрывалъ, — сдѣлалъ ставку по-крупнѣе, сорвали ее у меня; я еще — и еще сорвали, а потомъ и пошло... всѣ деньги, какія были у меня, проигралъ — вещи продавать началъ... Нѣтъ счастья, да и все тутъ. Какъ на грѣхъ пришелъ мнѣ замѣнить казначея въ полку... ну, тутъ рискнуть я изъ денежнаго ящика не попробовалъ, рискнулъ и ахнулъ, что я

XXI передвижная выставка. „Екатерининский канал“. Сь карт. проф. А. Боголюбова, грав. Флюгель.

Выставка въ Импер. Анад. Художествъ. „Бабушкинъ праздникъ“. Св. карт. А. И. Корзухина, грав. Хелмцкій.

падѣлать... Ну, думаю, все равно проиграть—авось отыграюсь... Отыгрался—как-же!—Мнѣ на другой день кассу сдавать, а въ ней всего одна сотня осталась... Никогда въ жизни не забуду, что я тогда пережилъ... одно оставалось—зарядить пистолетъ—другого выхода не было... Только дай, думаю, послѣднюю ужъ сотню снесу—и понесу. Это ужъ я знаю, что проиграю, такъ и шелъ съ тѣмъ и надежды даже на выигрышъ не имѣлъ... Ну, разумеется, и послѣдняя сотня къ остальнымъ пошла... Вышелъ я на улицу—чувствую лица на мнѣ пѣть—въ вискахъ стучить, голова кружится... Домой возвращаться и думать нечего... заряженный пистолетъ со мною... Ну, тутъ я первый разъ и встрѣтился съ докторомъ, то-есть съ графомъ... Онъ слѣдилъ за мной, подошелъ—это на улицѣ-то,—заговорилъ,—Богъ его знаетъ, откуда все уже извѣстно ему было,—и взять съ меня слово, что я никогда въ жизни больше, если останусь въ живыхъ, играть не буду. А какъ я могъ въ живыхъ остаться?—денегъ, говорю, ни отъ кого не возьму, ни отъ васъ, ни отъ кого, чтобы за меня другой вступилъ въ кассу, а самому мнѣ платить нечѣмъ... Опъ, однако, ничего не отвѣтилъ, повелъ меня назадъ въ игорный домъ этотъ. Тамъ игра въ полномъ разгарѣ шла, словно никто и не замѣтилъ моей-то гибели... золотомъ грудами на столахъ лежитъ, дымъ отъ трубокъ—не продохнешь; свѣчи догорѣли, и воску на нихъ натекло,—а лица кругомъ красныя, изуродованныя выраженіемъ этимъ особеннымъ, когда человѣкъ въ азартъ войдетъ, и глаза у него кровью нальются—словомъ все, какъ будто я и не проигрывалъ и не уходилъ вовсе... Сѣли мы. Я смотрю, что дѣлать будетъ мой Шеннингъ... Сидитъ опъ, молча, а глаза такіе страшные—все на столъ смотреть. Какъ увидѣлъ я опять, какъ это золото, звеня, изъ рукъ въ руки переходитъ, такъ сердце у меня и захолопало: Господи, думаю, и зачѣмъ я вернулся, повѣрилъ какому-то встрѣчному—ничѣмъ онъ мнѣ не поможетъ, а вотъ поставитъ-бы... оглянулся, а встрѣчный-то мой—ужъ не на столъ, а на меня глядитъ, и глаза все такіе-же,—кажется, въ самую душу смотреть... Вспомнилъ я слово свое, и стало мнѣ легче... Такъ выдержалъ опъ меня до конца вечера. Трудно мнѣ было побороть себя, однако я совладаю, началъ трезвѣть, банкометъ ко мнѣ раза два обратился—не желаю-ли я поставить?—я иромолчалъ. Только вижу одинъ отъ стола ушелъ—проигралъ, другой... Было тутъ нашихъ немного—остальные иѣмцы, молодые все, студенты больше... Всѣ проиграли... я-то ужъ зналъ, по себѣ, каково имъ теперь. Наконецъ, почти всѣ ушли—остались мы двое, банкометъ, да еще двое игроковъ. Мнѣ со стороны замѣтно уже было, что они ни въ чью сыграли... Банкометъ опять спрашиваетъ: „что-жъ, говорить, счастья не хотите попытать—можете быть, отыграетесь?“... Я смотрю на Шеннинга. А онъ раньше уже у меня спросилъ, сколько я проигралъ.—Подошелъ опъ къ столу,—идетъ, говоритъ, восемьсотъ шестьдесятъ талеровъ...“ Банкометъ ротъ разинулъ. Попросилъ деньги на столъ. Шеннингъ, не поморщившись, вынулъ, заставилъ, однако и банкомета положить. Я сижу чуть живой, ужъ мнѣ и свѣтъ не милъ—только свой пистолетъ крѣпче сжимаю... Кинулъ онъ кости, вышло четыре и три... Семь очковъ—шансы есть... Банкометъ поблѣднѣлъ слегка, когда взялъ кости въ руки, бросилъ ихъ въ стаканчикъ—одна мимо упала, опъ ее подпять, опять положилъ—перевернулъ стаканъ... смотрю шесть и пять—одинадцать... И все у меня спуталось, въ глазахъ потемнѣло... Вдругъ слышу ударъ—Шеннингъ по костямъ кулакомъ ударилъ и раскололъ одну. Такой силы я въ жизни не видывалъ... раскололась кость—а внутри ея свинцовый уголокъ... это меня на фальшивыхъ костяхъ обыграли... Въ первую минуту остоленѣли всѣ... потомъ и банкометъ, и эти два игрока, оставшіеся—кинулись къ Шеннингу...

Я только тогда понялъ, что игроки эти все одна компанія... Ну, онъ такъ отшвырнулъ ихъ отъ себя, что больше не полѣзли... Велѣлъ онъ мнѣ банкометовскія деньги взять—„опъ ваши, сказалъ, потому что были у васъ украдены“, а своей ставки со стола не тронулъ... Такъ и ушли мы...

Артемій слушалъ и невольно вспоминалъ свою исторію, вспоминалъ, какъ самъ тоже былъ спасенъ, но только спасенъ, правда, для того, чтобы продолжилъ его мученія...

Когда рассказчикъ кончилъ, заговорили другіе, и у всѣхъ у нихъ была своя исторія, и всякій изъ нихъ былъ, такъ или иначе, обязанъ графу Сепъ-Жермену, который являлся къ нимъ подъ именемъ доктора Шеннинга... Оказалось также, что всѣ получили за нѣсколько дней передъ тѣмъ, подобно Артемию, такіе-же, какъ и онъ, письма—прийти къ восьми часамъ, и каждому старикъ-слуга говорилъ, что въ девять придетъ графъ, котораго еще пѣтъ въ Кенигсбергъ...

Въ комнатѣ, въ простѣикѣ между двумя окнами, висѣли устроенные въ видѣ фигурной, готической башни часы. Ихъ узорныя стрѣлки подходили уже къ назначенному сроку.

— Однако скоро девять, сказалъ Пассекъ,—я не знаю, придетъ-ли графъ...

— Да и вообще, если его пѣтъ въ Кенигсбергъ, то довольно странно назначать такъ время, замѣтилъ кто-то,—тутъ и въ дѣлѣ можно ошибиться, когда именно придетъ, а ужъ въ часъ... и недавно... Шутка-ли сказать, изъ Парижа сюда приѣхать!

— А развѣ опъ въ Парижѣ?

— Кто?—графъ Сепъ-Жермень—конечно. Опъ тамъ играетъ видную роль въ обществѣ.

— Ну, тогда немислимо, чтобы опъ явился сегодня—нужно, вѣдь, ему черезъ непріятельскую армію проѣхать, потомъ къ намъ... Нѣтъ, это почти невозможно... намъ придется разойтись сегодня—вы увидите...

— Да, но этотъ человѣкъ, сказалъ опять Пассекъ,—полонъ загадочности; это именно въ его духъ... и мнѣ кажется, если опъ сказалъ...

— Да, но вѣдь противъ обстоятельствъ не пойдешь, нужно имъ подчиниться.

— Ну, въ этомъ отношеніи, кажется, не онъ подчиняется обстоятельствамъ, а они ему...

Въ это время вошелъ старый слуга поправить огонь, привѣтливо теплившійся въ большомъ каминѣ.

— Спросить развѣ его? продолжалъ Пассекъ, кивнувъ на присѣвшаго у камина слугу.

— Развѣ опъ скажетъ!—опъ имѣетъ видъ какой-то манины и кажется далеко не разговорчивъ... Да, все равно, вѣдь, не мыслимо приѣхать... смотрите, нять минутъ осталось только...

Они говорили по-русски, увѣренные, что копошившійся у огня человѣкъ не понимаетъ ихъ.

— Графъ будетъ ровно въ девять часовъ, отвѣтилъ вдругъ опъ, не поднимаясь,—хотя и съ трудомъ, но на правильномъ русскомъ языкѣ.

Всѣ переглянулись и притихли.

Одинъ только старый слуга продолжалъ непрежнему возиться у камина, какъ будто дѣло вовсе не касалось его, и не опъ совсѣмъ произнесъ свою русскую фразу.

Мѣрно и гулко раздался первый ударъ часовъ—и съ этимъ первымъ ударомъ послышался на улицѣ грохотъ подѣхавшей на полныхъ рысяхъ кареты и потомъ стукъ молотка въ наружную дверь.

„Быть не можетъ!“ мелькнуло у всѣхъ разомъ.

Но старикъ слуга спокойно поднялся и, не ускоряя шага, пошелъ открывать дверь.

Только-что смолкли мѣрные удары часовъ,—на порогѣ комнаты стоялъ графъ Сепъ-Жермень...

Х. Выздоровленіе.

Никогда за послѣднее время не чувствовалъ себя Артемій такъ хорошо, какъ послѣ вечера, проведеннаго у графа Сентъ-Жермена. Онъ вернулся домой почти совершенно другимъ человѣкомъ. И главное, ничего не произошло особеннаго въ этотъ, тѣмъ не менѣе, знаменательный для Артемія вечеръ. Они сидѣли и разговаривали просто, какъ пріятели, давно знавшіе другъ друга, хотя многіе здѣсь встрѣтились въ первый разъ. Графъ очень умно распорядился, пригласивъ ихъ раньше своего пріѣзда: пока они сидѣли одни и говорили о немъ,—они успѣли настолько сблизиться уже, что когда пріѣхалъ онъ—не могло явиться того неестественно напряженнаго состоянія, которое бываетъ, обыкновенно, у людей передъ незнакомыми имъ до тѣхъ поръ гостями... Несмотря на свою вѣроятную усталость послѣ дороги, графъ былъ такъ-же спокоенъ и веселъ, какъ будто онъ ѣздилъ лишь кататься по городу. Впрочемъ, онъ ничего не рассказывалъ о себѣ—ни откуда, ни какъ онъ пробрался въ Кенигсбергъ. Кто-то мелькомъ спросилъ его объ этомъ, онъ сдѣлалъ видъ, что не слышалъ... Графъ былъ очень пріятливымъ, милымъ хозяиномъ, принявшимъ своихъ гостей съ особенною вѣжливостью, которою отличались люди, если не выросшіе, то, по крайней мѣрѣ, вполнѣ обжившіеся въ условіяхъ парижскаго двора. Онъ угостилъ ихъ простымъ, но вкуснымъ ужиномъ, накрытымъ въ концѣ вечера на томъ-же столѣ, вокругъ котораго они сидѣли. И они разошлись сытые, довольные, ощущая въ себѣ сознаніе прекрасно проведеннаго времени.

О чемъ именно говорили они такъ послѣдовательно—Артемій не могъ помнить. Разговоръ былъ общій. Всѣ говорили. Но все было не только очень интересно, но, главное, искренно, правдиво и душевно... Большинство были такіе-же молодые, какъ Артемій, люди. Они ему всѣ очень понравились, но особенно симпатиченъ показался молодой артиллеристъ, назвавшій Артемія остальнымъ, когда тотъ пришелъ только и не зная, какъ ему быть. И когда уходили отъ графа—Артемій постарался не выпустить изъ виду офицера, и на улицѣ, догнавъ его, робко и перфшинительно спросилъ его имя, чтобы познакомиться ближе. Офицеръ добродушно взглянулъ на него и, нисколько не стѣсняясь его сержантскимъ мундиромъ, отвѣтилъ со своею пріятною улыбкой:

— Зовутъ меня Орловъ—Григорій Григорьевичъ... будемте знакомы...

И онъ протянулъ Артемію руку.

Только вернувшись къ себѣ, Артемій мало-по-малу сталъ przypomинать отрывки разговора и приводить ихъ въ ясность. Цѣлый вечеръ онъ ждалъ удобной минуты, чтобы спросить потихоньку у графа, не имѣлъ-ли онъ какихъ-нибудь свѣдѣній изъ Проскурова, но въ продолженіе всего вечера Сентъ-Жерменъ ни разу ни съ кѣмъ не заговорилъ отдѣльно, все время чрезвычайно искусно ведя общій разговоръ и всегда обращаясь ко всѣмъ вмѣстѣ сразу. О своемъ, о частномъ дѣлѣ Артемію заговорить было неудобно...

Теперь, когда казавшіяся сначала отрывочными, рѣчи графа вспоминались Артемію и комбинировались,—у него создавалась стройная система совершенно новыхъ для него положеній: „Богъ создалъ человѣчество, такъ говорилъ Сентъ-Жерменъ, или, вѣрнѣе, такъ вспоминалъ его рѣчи Артемій,—но каждое отдѣльное существо въ этомъ человѣчествѣ должно *создать само себя*... Создать само себя!—вотъ сущее призваніе человѣка, но для этого созиданія необходима побѣда надъ тѣлесною природою своею... Умѣй побѣдить ее, и ты будешь владѣть всѣмъ, чѣмъ захочешь... Страсти человѣка ведутъ его къ погибели, но на то данъ ему ра-

зумъ, чтобы онъ побѣдилъ ихъ, и тогда онъ послужать ему путемъ къ благу. Страсти эти даны намъ не на погибель, а на благо, поэтому не говори: я человѣкъ, а человѣкъ слабъ, и ему свойственно увлеченіе—пѣтъ: удовлетвореніе страстей своихъ пріятно, но оно грѣховно, и не для того тебѣ въ жизни данъ соблазнъ, чтобы ты, удовлетворивъ его,—получилъ пріятность и впалъ въ грѣхъ, а для того, чтобы ты устоялъ противъ него, выдержалъ-бы испытаніе и сталъ лучше. Не будь у людей этого испытанія, не было-бы у нихъ пути къ самоусовершенствованію, къ тому, чтобы они могли стать лучше, чтобы они дѣлали хорошее. А если-бы человѣкъ лишенъ былъ возможности дѣлать хорошее, то не было-бы въ состояніи достичь блага“...

„Все это хорошо“, думалъ Артемій, но все-таки ему ужасно хотѣлось узнать хоть что-нибудь объ Ольгѣ...

Графъ Сентъ-Жерменъ долженъ былъ имѣть свѣдѣнія объ ней. Увѣрился въ этомъ Артемій, еще когда собирався идти къ нему, и теперь эта увѣренность не оставила его... Но что-же было дѣлать, если, какъ нарочно, словно угадывая его желаніе, но не желая его исполнить, графъ избѣгалъ заговорить съ кѣмъ-нибудь отдѣльно. Артемій успокаивалъ себя тѣмъ, что время однако не ушло, и что можно будетъ пойти къ графу, постараться застать его одного и спросить прямо и откровенно обо всемъ. Это было и просто, и вполнѣ возможно. И Артемій долго не могъ заснуть въ эту ночь, обдумывая, какъ и когда пойти лучше къ графу...

„А вдругъ онъ уѣдетъ?“—словно молотомъ ударило его...

„Нѣтъ, нечего откладывать—завтра-же, рано поутру, какъ встану, пойду къ нему“. И онъ, въ сущности, остался очень доволенъ, что нашелъ причину, чтобы, не откладывая, удовлетворить свое терпѣніе...

На другой день утромъ, только-что вставъ, Артемій быстро одѣлся и такъ-же, какъ вчера, отправился въ узкую улицу за Прегель... Когда онъ шелъ и когда, придя къ знакомому дому, стучался въ его дверь—онъ боялся одного—а вдругъ Сентъ-Жерменъ уѣхалъ уже сегодня въ ночь?... Но вчерашній старикъ открылъ ему дверь и, нисколько не удивившись его приходу, потому что, казалось, ничему не удивлялся въ жизни—объявилъ ему, что графъ у себя, провѣлъ его не въ верхній этажъ, какъ вчера, а ниже, въ небольшую комнату, обшпиту дубовыми, почернѣвшими отъ времени, досками, и сказалъ, чтобы Артемій подождалъ здѣсь.

Старикъ ушелъ беззвучными, такими-же, какъ его говоръ, шагами, и Артемія охватила та особенная внушительная тишина, которая царитъ, обыкновенно, въ старинныхъ домахъ, не пропускающихъ сквозь свои толстыя стѣны никакихъ звуковъ извнѣ. И вдругъ въ этой тишинѣ послышался голосъ, который Артемій сейчасъ-же узналъ. Это говорилъ графъ Сентъ-Жерменъ.

— Какія-же еще новости у васъ? спрашивалъ онъ.

Артемій, оглядѣвшись, понялъ, что направо отъ него, вмѣсто стѣны, деревянная переборка, и что говорили на ту ее сторону.

— Еще есть свѣдѣнія объ итальянцѣ, который интересуется васъ, отвѣчалъ за переборкой чей-то совсѣмъ незнакомый Артемію голосъ.

— Торичіоли? спросилъ Сентъ-Жерменъ.

— Да.

Артемій вздрогнулъ. Ему ужасно было интересно знать, что они будутъ говорить про Торичіоли, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувство стыда, что онъ, хотя невольно, но все-таки подслушиваетъ то, чего, можетъ быть, при немъ и не говорили-бы,—заглушало въ немъ его любопытство.

Онъ двинулся и каплянулъ нарочно громче, чтобы дать знать о себѣ.

— Такъ какія-же свѣдѣнія? продолжалъ графъ, видимо, не обративъ вниманія на кашель Артемія, не слышать котораго не могъ онъ, очевидно.

— Опъ третій мѣсяць уже въ Кенигсбергѣ...
 — Чѣмъ онъ занимается?
 — Все тѣмъ-же...
 — Составленіемъ эликсировъ?
 — Нѣтъ, теперь пошелъ дальше... вдался въ алхимию...

— Понимаетъ что-нибудь?
 — Не болѣе тѣхъ сумасшедшихъ, которые въ средніе вѣка теряли здоровье, состояніе и самую жизнь въ поискахъ философскаго камня... Онъ доведенъ теперь до полной нищеты—но, по всей вѣроятности, не образумится: такое сумасшествіе развивается, обыкновенно, прогрессивно и перейдетъ въ форму совершенной некромагії, а тогда дни его сами собою будутъ сочтены...

Артемій почувствовалъ канли холоднаго пота у себя на лбу, — Торичіоли сумасшедшій... значитъ, и онъ самъ, тоже чуть было не увлекшійся, — на дорогѣ къ полумію!...

За переборкой водворилось молчаніе.

— Онъ долженъ жить... какъ-бы послѣ нѣкотораго раздумья протянулъ голосъ Сень-Жермена, — онъ въ душѣ человекъ не дурной—только неспособный владѣть своими страстями... при этомъ у насъ есть съ нимъ личные счеты. Я долженъ спасти его...

Теперь уже Артемій чуть дышалъ, весь обратился въ слухъ и во вниманіе.

— Что-же дѣлать съ нимъ? спросилъ тотъ, другой, незнакомый голосъ—и въ немъ слышалась полная готовность повиноваться.

— Мнѣ нужно, чтобы обстоятельства Торичіоли поправились, и чтобы онъ черезъ нѣкоторое время уѣхалъ въ Петербургъ; тамъ уже будутъ даны инструкции, какъ задержать его...

— И скоро онъ долженъ быть тамъ?

— Все равно, хотя-бы къ концу этой зимы...

— Вы мнѣ дадите приказаніе, какъ дѣйствовать, или я долженъ буду самъ найти путь?

— Нѣтъ—Торичіоли прежде всего долженъ излѣчиться отъ своего безумія. Вы найдете возможность внушить ему это. Потомъ онъ можетъ сдѣлать открытіе новаго взрывчатого вещества для примѣненія его къ военнымъ цѣлямъ. Я вамъ дамъ неизвѣстный еще никому рецептъ, который составитъ это открытіе Торичіоли... Со своимъ секретомъ онъ обратится здѣсь въ канцелярію главнокомандующаго, чтобы получить привилегію и деньги. Его отошлютъ въ Петербургъ, гдѣ затянется разсмотрѣніе его проекта настолько, насколько мнѣ нужно...

И вслѣдъ за этимъ, за переборкой послышалось, какъ звякнулъ полный монетами кошелекъ.

— Это на расходы по этому дѣлу, добавилъ Сень-Жермень.

— А относительно молодого сержанта? спросилъ другой голосъ.

— Объ немъ я позабочусь самъ... впрочемъ, онъ рядомъ, — и, вѣроятно, слышалъ все, что ему слѣдовало...

Эта послѣдняя фраза, относившаяся уже непосредственно къ Артемію, нмѣла на него дѣйствіе свалившейся вдругъ передъ нимъ бомбы. Голова его закружилась, и въ мысляхъ потемнѣло. Должно-быть, собесѣдникъ графа спросилъ его еще что-то, потому что онъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ,—во-первыхъ, онъ не расскажетъ, я знаю его; а во-вторыхъ, если-бы онъ и сталъ рассказывать,—самъ Торичіоли будетъ слишкомъ доволенъ своимъ открытіемъ, и не повѣритъ ему; а тамъ, гдѣ пужно, сочтется это сплетней... И голоса замолкли.

Артемій стоялъ, не двигаясь, какъ поднесъ руку ко лбу, закрывъ ею глаза, когда услышалъ такой увѣренный приговоръ себѣ и Торичіоли о сумасшествіи, такъ

и остался недвижимый. Наконецъ, сдѣлавъ надъ собою усиліе, увѣривъ себя, что, вѣдь, ничего онъ еще дурного и постыднаго не сдѣлалъ, онъ отнялъ руку и открылъ глаза.

Передъ нимъ стоялъ графъ Сень-Жермень.

— Я понимаю ваше тешее состояніе, проговорилъ онъ,—но вотъ вамъ еще хотя и маленькое, но все-таки испытаніе—наука умѣть владѣть собою... Постарайтесь прійти въ себя, постарайтесь не поддаваться никакому рѣзкому впечатлѣнію, будь это удивленіе или что-нибудь другое... удивительнаго на свѣтѣ ничего нѣтъ—сверхъестественнаго не бываетъ... Нельзя идти *противъ* природы и ея законовъ, но нужно лишь изучить эти законы, чтобы управлять природой...

Ласковость, съ которою говорили съ Артеміемъ, дѣйствовала на него ободряюще. Первая его мысль была сначала: „Господи, зачѣмъ это, и зачѣмъ я пришелъ!“ — но теперь онъ уже не думалъ такъ.

— Ну, вотъ сядемте и поговоримъ, продолжалъ графъ.—Неужели вы думали, что такъ вдругъ, только потому, что вамъ захотѣлось, вы возьмете да и откроете всѣ тайны?..

Онъ сѣлъ, положилъ ногу на ногу съ видомъ, что торонится ему некуда, и что у него есть еще время. Артемій остался, стоя.

— Да, но все-таки я же читалъ, вѣдь, занимался... наконецъ, я, вѣдь, никому не хотѣлъ зла...

— Не хотѣть никому зла — этого еще очень мало. Нужно, кромѣ того, желать добра. Вы какія книги читали?

— Изъ новыхъ: Исаака Голланда, Рената,—потомъ Раймонда Люлля,—и „Пламенѣющую звѣзду“ барона Чуди...

— А!—эта книга написана по копіи, которую Сендвигіусъ снялъ съ рукописи Парацельза, хранящейся въ Ватиканѣ... если бы вы могли понимать дивныя слова безсмертнаго Парацельза!

— Однако я читалъ очень внимательно и, кажется, дѣлалъ буквально все такъ, какъ тамъ сказано...

Графъ улыбнулся, какъ улыбается человекъ, которому приходится встрѣчаться съ чѣмъ-нибудь давно знакомымъ и извѣстнымъ.

— Въ томъ-то и дѣло, возразилъ онъ,—что вы, и почти всѣ такіе, какъ вы, всегда принимаютъ буквально то, что написано. Книги, которыя вы читали — опасныя книги. Онѣ ведутъ или къ сумасшествію, или, дѣйствительно, къ величайшему познанію... Нетвердый, неопытный умъ принимаетъ за чистую монету все, что тамъ сказано, увлекается, и тогда нѣтъ ему спасенія. Онъ самъ ведетъ себя къ гибели, какъ это случилось съ тысячами людей уже, и, вѣроятно, еще случится... Но, милый мой, неужели вы думаете, что тѣ величайшія познанія, о которыхъ идетъ рѣчь, будутъ достигнуты такъ легко, сразу, по прочтеніи нѣсколькихъ книгъ? — нѣтъ, дѣло въ томъ, что нужно научиться прежде *понимать* эти книги — нужно искать и найти ихъ аллегорію—и тогда станетъ понятенъ вамъ настоящій ихъ смыслъ... Вы искали философскій камень и мѣшали соль съ сѣрой и съ ртутью... бѣдные, слѣбые люди! — Да вѣдь „соль“, о которой читали вы, не та, что сыплется себѣ въ супъ за обѣдомъ,— „соль“ — означаетъ мудрость, а ее нельзя достать въ лавочкѣ за нѣсколько мѣдныхъ денегъ... Вы приготовляли соль, мѣшая ее съ водою и спиртомъ; а, на самомъ дѣлѣ, „приготовить соль“—это—стать мудрымъ, а тутъ нужны и вода другая совсѣмъ, и спиртъ другой... Вы искали камень философъ и не вдумались даже въ самое названіе это, легковѣрно отдавшись баснямъ, достойнымъ пониманія и разума черни... Камень философъ! — нужно, значитъ, прежде всего стать философомъ, чтобы обладать имъ. Камень есть основаніе. Найдите его. Я помогу вамъ. Есть два пути, чтобы удовлетворить свои желанія.

Выставка въ Импер. Акад. Художествъ. „Татарка съ ребенкомъ“.
Съ карт. Х. П. Платонова (исключ. право воспроизведенія принадлежитъ „Нивѣ“), грав. Хелмицкій.

Одинъ, — тотъ, который избирають перазумные, почти сумасшедшіе... Они ищутъ какого-то внѣшняго средства, чтобы имѣть, при его помощи, все, чего имъ хочется, и никогда не найдутъ. Другой путь, настоящій, заключается въ работѣ надъ самимъ собою; нужно уничтожить желаніе не потворствомъ ему, не удовлетвореніемъ, а силою воли, другими словами — достигните того, чтобы не имѣть желаній вовсе, и у васъ не будетъ неудовлетворенныхъ желаній, и вы станете счастливымъ, т. е. будете обладателемъ настоящаго философскаго камня...

Артемія слушалъ, и, словно, повязка упала съ его глазъ. Какъ это все было просто, ясно, и какъ правился ему этотъ новый міръ, въ который вводилъ его теперь таинственный графъ.

— Но есть желанія, сказалъ онъ, — которыя почти невозможно поборотъ, есть чувства...

— Есть желанія, перебилъ графъ, — которыя нельзя удовлетворить, но нѣтъ такихъ желаній, которыя нельзя бы было поборотъ...

— Чувство любви, продолжалъ Артемія, — неужели я долженъ и его уничтожить въ себѣ?..

Графъ опять улыбнулся.

— Любовь — великое слово! отвѣтилъ онъ, — но не та чувственная любовь, которую подразумѣваете вы... Любовь къ женщинѣ законна, но только къ одной, разъ навсегда избранной женщинѣ, какъ подругѣ этой жизни...

Артемія не могъ удержаться, чтобы не сказать, что онъ любитъ одну только ея, и никого на свѣтѣ не полюбилъ никогда.

— Да, но слѣдуетъ быть не рабомъ, а господиномъ этой любви. Не слѣдуетъ терять разсудка въ опьяненіи своею страстью... и тогда вы увидите, какъ все само собою пойдетъ лучше, чѣмъ вы могли бы даже сами придумать... Человѣкъ самъ строитель своего счастья, и оно зависитъ отъ него самого...

— Да, но что же слѣдуетъ для этого?..

— Научиться ждать, терпѣть, владѣть собою... и не идти по той дорогѣ, на которую вы чуть было не попали, такъ, что, можетъ быть, и вернуть васъ было бы поздно... Помните вы одинъ романъ Апулея?..

Артемія не замѣтилъ, какъ уже во время разговора онъ сѣлъ, облокотился на столъ и, не спуская глазъ со своего собесѣдника, жадно слушалъ, словно впитывая въ себя каждое его слово...

Это вниманіе нравилось графу.

— Какой романъ? спросилъ Артемія.

— Римлянинъ Люцій путешествуетъ въ Фессалію, гдѣ встрѣчается съ могущественной волшебницей... Онъ хочетъ достигнуть самъ ея тайныхъ знаній, но,

вмѣсто труда и работы, посредствомъ которыхъ она готова преподать ихъ ему, онъ подкупаетъ ея рабыню съ тѣмъ, чтобы та выдала тайну своей госпожи. Рабыня хочетъ раскрыть Люцію составъ, посредствомъ котораго волшебница можетъ обращаться въ птицу, но ошибается ящикомъ, беретъ не тотъ порошокъ, и Люцій превращается въ осла. Неловкая сообщница его утѣшаетъ однако тѣмъ, что стоитъ ему съѣсть розу, и онъ снова станетъ человѣкомъ... Но на дворѣ почъ. Темно. Трудно найти розу. Нужно ждать разсвѣта, и до него рабыня отводитъ осла въ конюшню. Являются воры, уводятъ его, и съ тѣхъ поръ — нѣтъ ему возможности даже приблизиться къ заветному цвѣтку. Розаны не для того, чтобы ихъ ѣлъ оселъ, и садовники гонять безжалостно его прочь...

— Ну! сдѣлалъ Артемія, какъ дѣти, когда они слушаютъ интересную сказку.

— Ну, вотъ вамъ полная аллегорія того, что чуть было не случилось съ вами... и вы хотѣли не достигнуть знанія, а похитить его и, вмѣсто птицы, т. е. вмѣсто того, чтобы возвысить свой умъ, были обращены въ грубое животное, и васъ чуть было не похитили воры, и вамъ было необходимо коснуться розы. Роза — цвѣтъ истиннаго знанія, а я тотъ садовникъ, который, вмѣсто того, чтобы отогнать васъ прочь, готовъ дать вамъ это знаніе...

— Да, я хочу его, хочу этого знанія, блестя глазами заговорилъ Артемія, — вы мнѣ дадите его...

— Для этого работайте, главное, сами и работайте сами надъ собою... вынесите съ достоинствомъ главное испытаніе жизни, испытаніе любви...

Артемія глубоко вздохнулъ, какъ будто вдругъ у него не хватило воздуха...

— Боже, проговорилъ онъ, — а я пришелъ къ вамъ съ надеждою узнать хоть что-нибудь про нее... вы знаете, о комъ я говорю, вы все знаете... вы, вѣрно, имѣете свѣдѣнія оттуда — скажите мнѣ хоть что-нибудь о ней, и тогда я уже начну...

Графъ съ новой улыбкою покачалъ головой.

— Ничего вы не начнете тогда, потому что будетъ сдѣлано уже плохое начало — любите ея, но владѣйте этой любовью...

— Но, можетъ быть, она умерла... я оставилъ ее больную... можетъ быть, она и здорова, можетъ быть, вспоминаетъ обо мнѣ, или забыла совсѣмъ...

Графъ всталъ со своего мѣста и положилъ руку на плечо Артемія.

— Повторяю вамъ, учитесь подчинять себѣ свою страсть, и вы будете счастливы, сказалъ онъ, какъ бы ставя точку ихъ разговору на сегодня...

(Продолженіе будетъ).

Литературныя бесѣды.

„Дворянское гнѣздо“, ром. Тургенева.

Среди произведеній Тургенева, „Дворянское гнѣздо“, быть можетъ, самое великое и многозначительнѣйшее. Въ немъ нѣтъ какихъ-либо специальныхъ типовъ, какъ Рудинъ и Базаровъ, но каждое лицо есть типъ, исполненный съ величайшею точностью и тонкостью. Единственный романъ, который можетъ быть противопоставленъ ему изъ всего написаннаго Тургеневымъ, это — „Отцы и дѣти“. Въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ разнѣтывается общая внутренняя картина тогдашней дворянской среды, и картина подробная, съ многообразными элементами, входящими въ нее. Тургеневъ писалъ этотъ романъ при такомъ настроеніи, въ которомъ звучали чисто-русскія струны; русскіе типы и русскіе идеалы занимали его въ то время, увлекали его, и въ этомъ смыслѣ многими страницами и образами, какъ увидимъ, онъ становился въ нѣкоторое противорѣчіе съ другими, и болѣе рафини, и позднѣйшими произведеніями своими. И кто знаетъ? быть-можетъ, именно художественное созерцаніе русской жизни и русскихъ бытовыхъ характеровъ, выведенныхъ въ романѣ, и создало это настроеніе, довело его до высшаго развитія, неожиданно для самого художника.

Каждое лицо романа настолько типично и полно значенія,

что заслуживаетъ пристальнаго вниманія. Главное лицо его, его герой, Лаврецкій представляетъ типъ чисто-русскаго человѣка, смягченнаго просвѣщеніемъ, со всѣми его достоинствами и тѣневыми сторонами. Это самый простой и обыкновенный человѣкъ. Присмотритесь же къ его дѣйствіямъ, къ его душевнымъ основамъ. Ему пзмѣняетъ жена; мало того, она, по общепринятому возрѣвію, позоритъ его, ставоясь „притчею во языцѣхъ“ почти въ буквальномъ смыслѣ, предметомъ скапдальной хроники въ Парижѣ. А онъ? Нечего и говорить, что онъ страдаетъ страшно; и тѣмъ не менѣе, ни бѣшеныхъ порывовъ, ничего кричащаго и громкаго: свои страданія онъ оставляетъ про себя. Онъ не зараженъ маніей теорій, не думаетъ о „свободѣ женщины“, о ея „правахъ“ — и тѣмъ не менѣе, сколько мягкости и справедливости въ его отношеніяхъ къ этой женѣ, разрушившей всю его жизнь. Конечно, онъ оставляетъ ее, во не мститъ ей; ея несправедливость не даетъ ему и мысли о возможности и съ его стороны несправедливости; возвращая ей всѣ свои права на нее, онъ, однако, не торгуется своими обязанностями и, какъ женѣ, отдаетъ ей то, что ей принадлежитъ по ея законнымъ отношеніямъ къ нему. И даже болѣе: когда онъ уже любитъ другую и надѣется еще

поправить свою жизнь, послѣ того, что получилъ вѣсть о смерти жены, а эта жена съ театральнымъ пафосомъ и внутреннимъ холодомъ является неожиданно къ нему просить „прощенья“, — и тогда онъ не помнитъ своей роли. Зналъ, что жизнь его теперь уже безвозвратно разбита, хорошо понимая всю „театральность“ поступковъ жены, онъ, однако, не считаетъ себя въ правѣ быть орудіемъ ей дальнѣйшей безпорядочной жизни, открывавшей ей путь возвращенія къ благородной и честной жизни, принимаетъ ее. Конечно, жена его, этотъ ядовитый дѣтокъ теплой петербургской жизни, скоро возвратилась къ своимъ страстямъ и распушенности; но онъ не ускорилъ этого момента и пережилъ свою новую мучительную любовь, молча и безъ ропота, не допуская возможности поставить любимую дѣвушку въ фальшивое и тяжелое положеніе, не допуская и мысли о томъ. Эта вѣрность своему долгу, это отрѣшеніе отъ своей личности — чисто-русскія величавыя черты, неизмѣнно превосходящія ту заботу главнымъ образомъ о себѣ, отстаиваніе непременно своихъ правъ, которое возводится въ идеалъ. Времена измѣнились, впрочемъ; но тогда русскій благородный человекъ не могъ и не долженъ былъ поступать иначе: самъ онъ былъ виноватъ въ неосмотрительномъ выборѣ жены, самъ разбилъ свою жизнь, и ужъ не имѣлъ ни малѣйшаго права рисковать счастьемъ и спокойствіемъ другихъ. Склонность видѣть въ Лаврецкомъ одного изъ тѣхъ русскихъ слабыхъ людей, которыхъ такъ часто изображалъ Тургеневъ, не имѣетъ за себя никакихъ серьезныхъ основаній; твердость воли познается не въ умѣнны во что бы то ни стало достигнуть удовлетворенія своихъ страстей, а въ умѣнны отказаться отъ нихъ — это сказано давно и останется вѣчно истиной.

Рядомъ съ Лаврецкимъ передъ нами Лиза. Это опять существо совершенно простое, обыкновенное, съ крупными русскими чертами, необыкновенно симпатичное, именно, въ этой простотѣ, не ей одной принадлежащей, а русской натурѣ. Полная чистой вѣры, сознанія своихъ обязанностей въ мирѣ, — обязанности простыхъ и ясныхъ для совѣсти и разума, она идетъ въ жизни терпимымъ путемъ, не отказываясь отъ личнаго счастья, насколько оно возможно безъ нарушенія счастья другихъ, но и не посягая съ ними, не выставляя своей личности, какъ что-то такое, чему счастье непременно должно быть дано. Полюбивъ всею душою Лаврецкаго, между прочимъ, прямо за его незаслуженныя страданія, она отдалась своему чувству навѣки, не понимая возможности отнестись къ нему иначе, какъ къ священному долгу, наложенному на нее судьбою. Жизнь ея стала было расцвѣтать въ тѣ немногіе дни, когда Лаврецкій могъ думать, что онъ свободенъ. Но вотъ появляется на сцену жена Лаврецкаго, и Лиза первая, съ внутреннимъ тяжелымъ горемъ, но съ твердостью и сознаніемъ своего долга, требуетъ отъ него, чтобы онъ не закрывалъ для своей жены выхода на путь чести. О себѣ, о своихъ правахъ, о своемъ счастьи она не думала, не ставя ихъ святотатственно выше долга, какъ она его понимала. Но чувству своему она не помѣнила; Богъ не судилъ ей счастья съ любимымъ человекомъ, — и она ушла въ монастырь. Такова простая, безхитростная история душевной жизни чистой дѣвушки, полной самоотверженнаго сознанія своихъ обязанностей.

Мы видимъ, что въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ Тургеневъ отождествилъ поэтически на тѣ чувства, которые лежали издавна въ основѣ русской жизни, столь часто осуждаемой. И не въ однихъ главныхъ лицахъ романа выказалъ Тургеневъ такое отношеніе къ русской жизни; оно послѣдовательно проведено чрезъ все произведеніе. Старушка-бабушка Лизы, пропикнутая тѣмъ же, что и она, идеями, вѣрнѣе: учительница Лизы въ этой сферѣ идей — существо немножко ворчливое, но кругомъ не расцвѣтаетъ жизнь, и каждое лицо становится радости.

Между тѣмъ мать Лизы, женщина болѣе поздняго поколѣнія, съ претензіями на европейское просвѣщеніе, скорѣе зло разливается вокругъ себя, чѣмъ добро; съ ней жить не легко. Но особенно характерно выразилось настроеніе Тургенева въ изображеніи Панина, „просвѣщеннаго“ петербургскаго чиновника, человека „западническихъ“ убѣжденій, благороднѣйшихъ на видъ представлений о „свободѣ“ человеческой и, конечно, полного полупрезрительнаго отношенія къ русской жизни, на почвѣ которой онъ возвращаетъ свои либеральныя убѣжденія. И Тургеневъ, самъ „западникъ“, заставляетъ Лаврецкаго вступить въ споръ съ этимъ просвѣщеннымъ европейцемъ, теоретикомъ либерализма и прогресса, — и разбить его на всѣхъ цункахъ, къ великому удовольствію бабушки. Но и не въ этомъ одномъ Тургеневъ выражаетъ свое отношеніе къ Панину. Оставаясь вполнѣ правдивымъ художникомъ, изображая психологически совершенно понятный и вѣрный самому себѣ характеръ, онъ надѣляетъ Панина далеко не возбуждающими симпатій чертами. Панинъ, въ сущности, добрый малый, человекъ очень не глупый, вполнѣ приличный. Но онъ — теоретикъ, какъ и подобаетъ быть послѣдователю теоретическихъ построений, не свѣренныхъ съ живою жизнью, и, въ качествѣ такового, отличается, какъ это всегда бываетъ съ теоретиками, замѣчательною сухостью сердца. Естественно, что при черствости сердца и преобладаніи надъ всѣмъ теоретической мысли, онъ мало склоненъ признать право на существованіе за благороднѣйшими чувствами, разъ они не подходятъ подъ теорію, признаваемыя имъ неподлежащими сомнѣнію. Изъ всѣхъ этихъ элементовъ получается замѣчательный субъектъ, посягающій въ себѣ типическія черты всѣхъ ему подобныхъ: онъ прежде всего эгоистъ и, какъ эгоистъ-теоретикъ, на первомъ планѣ держитъ знамя своихъ собственныхъ страстей. И вотъ, въ то время, какъ страдаетъ и Лиза, бывшая временно предметомъ его мечтаній, но лишившая его всякой надежды на взаимность, и Лаврецкій, устроившій свои дѣла съ женою на условіи ея постоянной жизни въ деревнѣ, что могло пріучить ее къ порядочности, — въ это самое время, съ полнымъ забвеніемъ внутренней порядочности, Панинъ появляется постояннымъ гостемъ у распушенной женщины въ упомянутой деревнѣ. Тамъ эти отырыски сухой петербургской почвы, сразу появившіе другъ друга и принадлежность свою къ общей имъ средѣ, сошлись на любви къ музыкѣ и на расхвѣваніи дуэтовъ. Кончается все это, конечно, тѣмъ, что жена Лаврецкаго, нарушая всѣ условія съ мужемъ, уѣзжаетъ въ Петербургъ, куда уѣхалъ и Панинъ еще раньше, по истеченіи срока своего отпуска.

Тургеневъ не часто выражалъ въ поэтическихъ образахъ свое отношеніе къ не русскимъ людямъ. Но, напр., въ повѣсти „Два пріятеля“, онъ выставилъ французскаго офицера въ чрезвычайно не симпатичномъ свѣтѣ, сухимъ и черствымъ, и безъ внутренней порядочности. Въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ есть тоже нѣчто подобное. Француженка, горничная Лаврецкой, является здѣсь въ крайне рѣзкомъ, несимпатичномъ освѣщеніи, и, къ удивленію читателя, и Лаврецкая, и Панинъ, представители идей европейскаго просвѣщенія, имѣютъ какъ-бы нѣчто общее съ этой представительницей народа просвѣщенной свроевской страны. Но зато нѣмецъ-музыкантъ, идеалистъ съ младенческой душой и умомъ мужа, является рѣшительнымъ сторонникомъ Лизы и Лаврецкаго, этихъ представителей простой и безхитростной, безъ теоретической подкладки, русской правдивости.

Изъ всего вышесказаннаго ясно, какое значеніе имѣетъ „Дворянское гнѣздо“ въ общемъ ходѣ умственной жизни русской. Характеренъ и фактъ, что именно этотъ романъ положилъ въ свое время главное основаніе поэтической славы Тургенева.

А. Введенскій.

Казненный Ибрагимъ.

Турецкій рассказъ.

I.

Никогда никто не видѣлъ посланія, подобнаго полученному султаномъ Селимомъ III сто лѣтъ тому назадъ отъ Карскаго пашы.

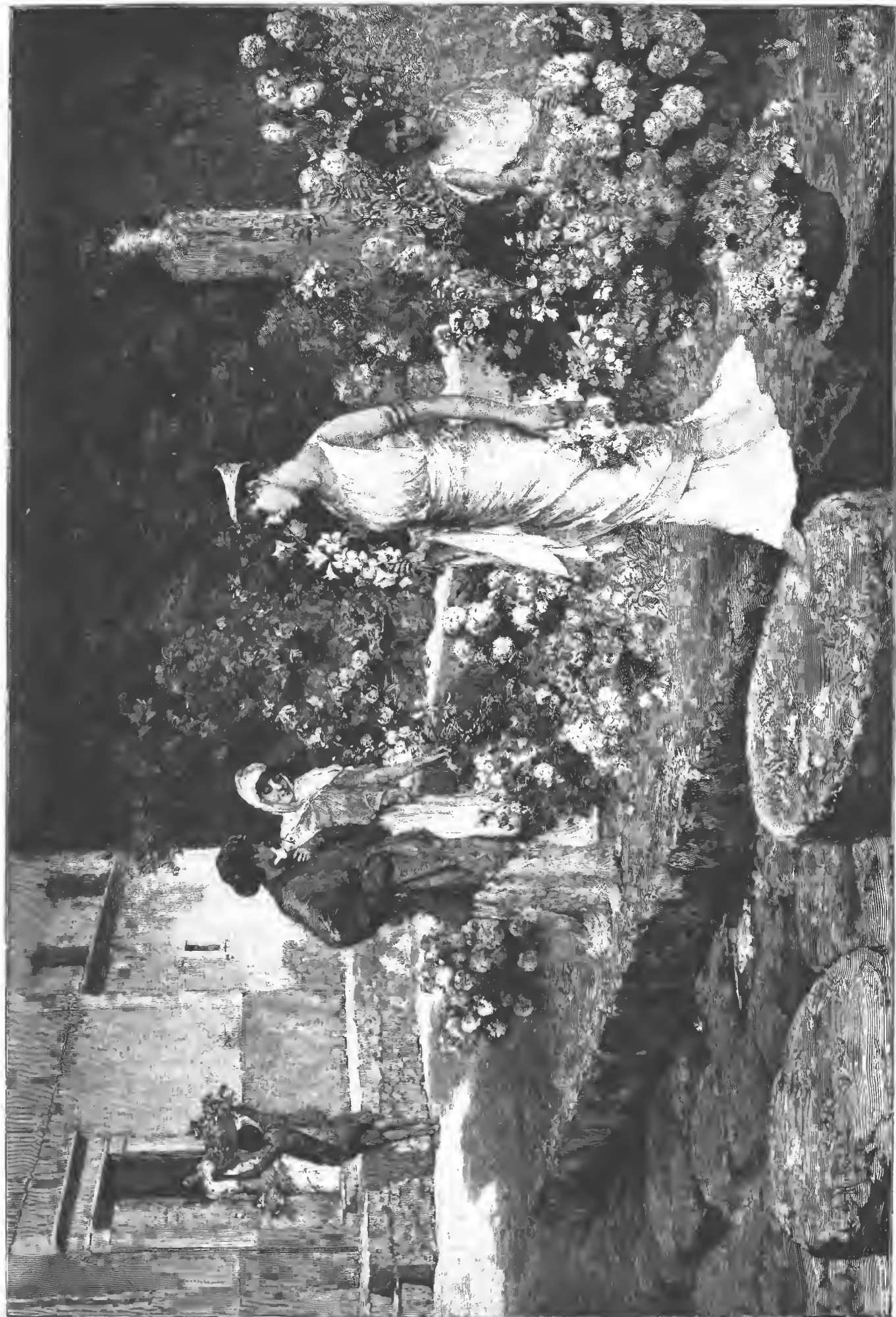
Это странное посланіе состояло изъ восьми знаковъ, составившихъ два слова, полныя ужаснаго значенія, и, читая его, султанъ пришелъ въ страшную ярость. Эти два слова были произнесены утромъ, при восходѣ солнца, пашою Карса, а вечеромъ, въ тотъ часъ, когда лучи заходящаго солнца золотили вершины минаретовъ и мечетей Стамбула, побѣдоносный Селимъ со страхомъ повторялъ ихъ въ своемъ дворцѣ.

Утромъ, по приказанію пашы, часовой, неподвижно стоявшій на зубцѣ крѣпости Карса, взявъ обѣими руками свой длинный черный плащъ и махнулъ имъ по воздуху. Солдатъ на слѣдующемъ сторожевомъ посту сдѣлалъ то же самое, и на протяженіи всей горной цѣпи и равнины Кизилъ-Ирмакъ до самаго Скутари развѣвались въ воздухѣ черные плащи. Писарь султана, стоявшій на самой высокой башнѣ серая и внимательно смотрѣвшій на горизонтъ, увидя этотъ сигналъ, написалъ на пергаментѣ букву Б. Затѣмъ часовой Карса, вы-

вернуть свой плащъ, махнулъ въ воздухѣ ярко-красной подкладкой. На разстояніи Кавказа до Золотого Рога сотни красныхъ плащей взвились въ воздухѣ, и слуга султана, видя этотъ знакъ, написалъ на своемъ пергаментѣ букву А. Въ продолженіе цѣлаго дня, на горныхъ вершинахъ продолжали развѣваться то красные, то черные плащи, слѣдуя условіямъ этой оригинальной азбуки. Муэдзинны уже сзывали правоверныхъ на молитву, когда писарь Селима написалъ на своемъ пергаментѣ послѣднюю букву летучаго посланія Карскаго пашы. „Барутъ жокъ“ — порохъ вышелъ — сообщилъ паша. Извѣстіе было чрезвычайно важно; если Карскій паша не имѣлъ больше пороха, то какимъ образомъ удастся ему отразить нападеніе русскихъ? Значитъ, ему придется сдаться, и Карсъ, этотъ ключъ Кавказа, очутится въ рукахъ солдатъ Екатерины Великой. Вѣдны секретарь Селима съ ужасомъ думалъ о послѣдствіяхъ этого извѣстія, напавляясь медленными шагами въ покои своего повелителя. И не даромъ боялся онъ, несчастный писарь; взглянувъ на пергаментъ, султанъ пришелъ въ страшную ярость и, первымъ дѣломъ, приказалъ дать писарю сорокъ палочныхъ ударовъ, по пяти съ каждой буквы. Вѣр-

Другъ въ нуждѣ. Съ карт. К. Рейхерга, грав. Герике.

Продавщица цвѣтовъ въ Помпеѣ. Съ карт. Мартини, грав. Іерикс.

ный слуга был по природе философ, и, потирая плечи, утешал себя, весьма основательно рассуждая: большое счастье для меня, что Карсский паши писал телеграфическим слогом; написавши он по формѣ, требуемой этикетомъ, мнѣ навѣрно пришлось бы распрощаться съ жизнью... Наказаніе секретаря не сморило гнѣвъ султана, и онъ велѣлъ позвать своего великаго визиря.

Великій визирь назывался Ибрагимъ; онъ былъ человекъ старый, некрасивый, но очень умный. Вошелъ онъ, согнувшись, съ безчисленными поклонами, требуемыми этикетомъ, и молостивый надишахъ, въ видѣ привѣтствія, бросилъ ему въ голову свою туплю.

Подобие начало не предвѣщало ничего хорошаго; Ибрагимъ сталъ кланяться еще ниже.

— Измѣнникъ! съ чувствомъ воскликнулъ надишахъ;—такъ-то ты заботишься о славѣ моей арміи! Какъ могло случиться, что начальникъ такой важной крѣпости, какъ Карсъ, ощущаетъ недостатокъ въ порохѣ?

— Это, вѣроятно, происходитъ отъ того, что онъ изстратилъ послѣдній зарядъ, остроумно замѣтилъ визирь, не смѣя поднимать головы.

— Ты говоришь вздоръ, Ибрагимъ, возразилъ Селимъ. — Если у Карскаго паши нѣтъ пороха, значитъ, онъ не имѣетъ достаточно денегъ, чтобы его купить, а потому завтра съ восходомъ солнца ты пошлешь ему тысячу кошельковъ золота.

Визирь задумался:

— У меня есть, конечно, сказалъ онъ,—тысяча кошельковъ, но откуда я возьму золота, чтобы наполнить ихъ?

— Это до меня не касается, и ты не даромъ мой великій визирь, сказалъ Селимъ.

— Да будетъ исполнена ваша воля, могущественный повелитель, отвѣтилъ съ покорностью Ибрагимъ.—Завтра тысяча кошельковъ будутъ отправлены въ Карсъ.

II.

Очень довольный тѣмъ, что отдѣлался дешево, великій визирь, выйдя изъ дворца, направился къ жилищу Гассана, у котораго надѣялся занять пужные ему тысячу кошельковъ. Гассанъ, хитрый персіянинъ, отличался большою предусмотрительностью и никакую сумму не выдавалъ изъ своей кассы, не вычитъ предварительно двадцать процентовъ. Подъ расписку въ тысячу кошельковъ, Гассанъ выдавалъ только восемьсотъ; это уже вошло у него въ привычку.

Великій визирь, не моргнувъ и ни мало не колеблясь, далъ расписку на двѣ тысячи кошельковъ и получилъ подъ нее тысячу шестисотъ. Придя къ себѣ, вѣрный Ибрагимъ вынулъ шестисотъ лишннихъ кошельковъ и спряталъ ихъ въ диванъ. Послѣ того онъ, призвавъ казначей, поручилъ ему отправить деньги по назначенію. Ибрагимъ представлялъ типъ настоящаго турецкаго чиновника, заботившагося о сохраненіи хорошихъ обычаевъ.

Онъ поглядѣлъ на кошельки и сказалъ себѣ: „Неужели этому золоту предназначено обратиться въ порохъ, который будетъ истребленъ пушками?.. И я ничего не сдѣлаю, чтобы помѣшать этому варварству! Если я не могу спасти всѣхъ кошельковъ, я спасу хотя нѣкоторые изъ нихъ“.

И въ одну минуту пятьсотъ кошельковъ присоединились къ шестистамъ, спрятаннымъ въ диванъ.

Странное дѣло! Какъ только казначей получалъ деньги, ему пришла въ голову мысль, походя на размышленія визиря:

„Клянусь Аллахомъ, подумалъ онъ,—если Карсскій паши не дуракъ, то онъ сумѣетъ сберечь свои военные припасы. Выбѣсто того, чтобы пускать заряды на далекое разстояніе, онъ долженъ ближе подпустить врага; при такихъ условіяхъ зарядъ, уменьшенный на половину въ объемѣ, произведетъ достаточное разрушеніе. Зачѣмъ же я помѣшаю этому славному паши доказывать свою храбрость и остроуміе? Я даже считаю своимъ долгомъ помочь ему въ этомъ. Двѣсти пятьдесятъ кошельковъ я оставляю у себя, и двѣсти пятьдесятъ честно отошлю ему“.

Начальникъ каравана, въ свою очередь, разсудилъ такимъ образомъ:

„Двѣсти пятьдесятъ кошельковъ слишкомъ тяжелая ноша для одного верблюда и слишкомъ легкая для двухъ. Какъ вѣрный послѣдователь Пророка, я не смѣю мучить животныхъ, Коранъ это запрещаетъ; а какъ догадливый слуга, я не долженъ напрасно брать двухъ верблюдовъ моего повелителя тамъ, гдѣ можетъ идти одинъ. Слѣдовательно, мой долгъ раздѣлить эту сумму пополамъ“.

Такъ и было сдѣлано.

Янычаръ, сопровождавшій съ нѣсколькими солдатами верблюда, нагруженнаго ста двадцатью пятью кошельками, наслѣ лишннихъ утрудять свой умъ принципіальнымъ предлогомъ, и, не роги думая, взялъ себѣ половину и безъ того уже сильно уменьшившагося сокровища.

Прихавъ въ Карсъ, онъ положилъ къ ногамъ паши шестьдесятъ два съ половиною кошелька, жалкіе остатки, уцѣлѣвшіе среди превратностей путешествія.

Спустя восемь дней, паши Карса послалъ султану Селиму новос законченное и ужасное посланіе. Въ этотъ разъ плащи часовыхъ недолго вѣдѣвались между вершинами Кавказа и баш-

ней Стамбула. Нѣсколькихъ знаковъ оказалось достаточно, чтобы сообщить повелителю правобѣрныхъ роковое извѣстіе: „взять“... Карсъ былъ взятъ.

III.

Несчастнаго паши немедленно вытребовали въ Константинополь и, заковавъ въ цѣпи, посадили въ тюрьму. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней, проведенныхъ имъ въ своей мрачной темницѣ, прежній начальникъ Карса успѣлъ выкинуть въ свое положеніе и приготовить къ защитѣ; когда въ одинъ прекрасный день его потребовали къ султану, паши былъ готовъ и не испугался. Онъ, не сморгнувъ, а главное, не возражалъ ни слова, выслушалъ потокъ брани и упрековъ; затѣмъ, когда нашла, что первые порывы гнѣва прошли, онъ началъ защищаться храбро и откровенно:

— Ты говоришь, повелитель, что послалъ мнѣ тысячу кошельковъ для покупки воиновъ снарядовъ. Конечно, если бы я ихъ получилъ, то могъ-бы заанести порохомъ и нанести пораженіе русскимъ. Карсъ былъ-бы еще въ твоей власти; но, клянусь Кораномъ, я получилъ только шестидесять два съ половиною кошелька. Тутъ скрывается тайна, могущая съ перваго взгляда показаться несобъяснимой, но, подумавъ немного, легко найти разгадку, и если ты позволишь твоему вѣрному слугѣ объяснить, то увидишь, что онъ не виноватъ. Ты, дѣйствительно, приказалъ выдать тысячу кошельковъ, но до меня дошли только шестидесять два съ половиною; это произошло отъ того что первоначальную сумму четыре раза дѣлили пополамъ. Другими словами—тебя обокрали четыре раза, могущественный надишахъ. Теперь, если ты хочешь знать воровъ, то это очень легко. Это тѣ, черезъ руки которыхъ прошли деньги. Первый, навѣрно, великій визирь, взявшій пятьсотъ кошельковъ; второй—казначей, утаившій двѣсти пятьдесятъ; третій—начальникъ каравана, и, наконецъ, четвертый—янычаръ конвоя, оставившій при себѣ шестидесять два съ половиною кошелька. Видишь, могущественный повелитель, какъ все это просто!..

Во время всего разсказа, спокойнаго и точнаго, султанъ Селимъ оставался неподвиженъ. Зная буйный характеръ султана, можно было подумать, что онъ придетъ въ страшный гнѣвъ, заставившій дрожать всѣхъ окружающихъ;—нисколько. Одна изъ страстиостей этого державнаго государя заключалась въ томъ, что онъ страшно сердился изъ-за пустяковъ, а въ важныхъ случаяхъ сохранялъ все свое хладнокровіе. Совершенно спокойнымъ голосомъ Селимъ сказалъ:

— Хорошо, Али, ты хорошій солдатъ, вѣрный слуга и честный человекъ; еще не научившійся лгать. Ты опять войдешь ко мнѣ въ милость, и я тебѣ возвращу всѣ твои прежнія привилегіи. Что-же касается этого Ибрагима, перваго и крупнейшаго вора изъ всѣхъ четырехъ, то онъ дорого заплатитъ за свой безчестный поступокъ. Я ему покажу, что дѣлаетъ султанъ Селимъ съ великими визирями, обрадовавшимся своего повелителя. Ты пойдешь къ нему сегодня вечеромъ до наступленія часа молитвы и передашь ему отъ меня этотъ красный шнурокъ. Онъ пойметъ. Иди!

IV.

Въ своемъ роскошномъ дворцѣ, сады котораго спускались террасами къ морю, отдыхалъ великій визирь Ибрагимъ, сидя на пяткахъ на грудѣ подушекъ и перебирая свои четки. Въ стоявшей передъ нимъ чашѣ тѣла смѣсь угольевъ алая и маины, распространяла въ комнатѣ чудное благовопіе. Другую тяжелая занавѣсь, скрывавшая дверь, поднялась, и на порогѣ показався Али-паши. При появленіи того, кого онъ считалъ погребеннымъ на много лѣтъ въ темницѣ, у Ибрагима явилось мрачное предчувствіе.

— Желаю, чтобы твой послѣдній часъ окончился хорошо, торжественнымъ голосомъ проговорилъ Али.

Ибрагимъ не ошибся въ смыслѣ этихъ словъ; онъ зналъ, что входящій къ нему и привѣтствовавшій его такимъ образомъ могъ только быть исполнителемъ смертнаго приговора; въ складкахъ его кафтана долженъ скрываться этотъ ужасный красный шелковый шнурокъ,—обычное для наией орудіе справедливости султана. Однако ни одинъ мускулъ не шевельнулся въ лицѣ Ибрагима; только въ его глазахъ вспыхнуло какой-то странный огонекъ. Медленно провелъ онъ по бородѣ своей бѣлой рукой.

— Да будетъ воля Аллаха! хладнокровно сказалъ онъ. — Аллахъ могущественъ, и мы передъ нимъ лишь презрѣнныя черви. Окажи мнѣ услугу въ послѣдній разъ и позволи докончить мои молитвы и омовеніе. Ты слишкомъ хорошій мусульманинъ, чтобы отказать мнѣ въ этой послѣдней просьбѣ; ты знаешь, Магомедъ сказалъ, что послѣдняя просьба умирающаго священна.

— Прости меня, отвѣтилъ Али рѣшительнымъ голосомъ. — Полученныя мною приказанія должны быть исполнены въ точности. Я не смѣю покинуть тебя ни на одну минуту. Да, впрочемъ, если даже ты и выйдешь изъ этой комнаты, то тебѣ это не поможетъ. Посмотри въ окно: болѣе тысячи янычаръ окружаютъ твой дворецъ; это стражи его величества, занявшіе всѣ залы и выходы. Теперь ты видишь, что не стоить стараться убѣжать.

— Я объ этомъ совсѣмъ и не думаю, возразилъ Ибрагимъ,—

хотя тяжело развостаться съ жизнью, не простившись съ женой и дѣтьми. Успокойся, Али, тебѣ не долго придется ждать; будь такъ добръ присѣсть на минуту.

Онъ три раза хлопнулъ въ ладоши. Два раба изъ Нубіи явились на этотъ зовъ; ихъ черныя лица стали пенельными отъ страха. Дрожа всѣми членами, они принесли кувшинъ, тазъ и коврикъ для молитвы. Тогда Ибрагимъ сплелъ свой плащъ и медленно припалъ за омовеніе. Видя его такимъ спокойнымъ, никто-бы не сказалъ, что черезъ нѣсколько минутъ роковой шиурокъ стянетъ его бѣлую шею, по которой теперь прозрачными каплями струилась вода.

Въ городѣ уже раздавалась съ высокихъ минаретовъ монотонная пѣснь муэдзиновъ, призывавшая правоверныхъ къ молитвѣ. Въ ту минуту, какъ великій визирь огулялъ свою голову въ чашу, Али вытаскилъ изъ кафтана шиурокъ и передалъ его одному изъ нубійцевъ. Рабъ молча склонился; онъ не нуждался въ объясненіяхъ.

V.

Великій визирь, окончивъ свое омовеніе, направился тихими шагами къ молитвенному коврику и сталъ на него. Онъ медленно поднималъ руки, закрывъ уши ладонями. Его можно было принять за статую размышленія, такъ прямо и неподвижно стоялъ онъ. Одни его черные глаза, съ пронзительнымъ и чарующимъ взглядомъ, странно блестя въ темнотѣ, казавшейся еще гуще, благодаря закрытымъ окнамъ. Глаза его устремлялись на Али-паху, и бѣдный мусульманинъ не зная, чему приписать эту странную позу. Почему приговоренный къ смерти не молился, какъ всѣ хорошіе мусульмане? Почему не слѣдовалъ онъ предписаніямъ Корана и не молился по направленію къ Меккѣ? „Зачѣмъ, спрашивалъ себя Али,—глаза его такъ пристально устремлены на меня?“

Бѣдный паша не долго оставался въ недоумѣніи; мало-помалу странное блаженство охватывало его; ему казалось, что его умъ и сердце отдѣлились отъ всего земного и витали въ пространствѣ, тихо укачиваемыя благовоющимъ дуновеніемъ вѣтерка. Глаза его медленно закрылись и голова склонилась на грудь; онъ спалъ глубокимъ сномъ. Ибрагимъ попрежнему стоялъ на молитвѣ; долго еще его суровый, сосредоточенный взглядъ покоился на снятомъ нагбѣ. Наконецъ, онъ подошелъ къ посланному султана и приподнял ему вѣки; глазъ представлялся совершенно мертвеннымъ, безъ жизни и выраженія.

— Онъ спитъ, радостно воскликнулъ великій визирь.

Затѣмъ, сѣвъ на диванъ противъ своей жертвы и не спуская съ нея глазъ, началъ говорить медленнымъ голосомъ, очевидно, желая, чтобы слова вѣзались въ памяти его слушателя:

— Когда я ему сообщилъ роковое извѣстіе, онъ началъ совершать свое омовеніе и затѣмъ долго молился, обратившись лицомъ къ Меккѣ. Окончивъ свою молитву, онъ сѣлъ на диванъ и взявъ веревку изъ рукъ раба, самъ сдѣлалъ петлю и надѣлъ себѣ на шею. Посмотрѣвъ на меня послѣдній разъ, онъ скрестилъ руки на груди и подалъ знакъ рабамъ; они схватили концы веревки и стали тянуть изъ всѣхъ силъ. Картина была ужасная: лицо его распухло, сперва сдѣлалось краснымъ, а потомъ приняло лиловатый оттѣнокъ; глаза, выкатившіеся изъ орбитъ, продолжали смотрѣть на меня; изо рта высовывался черный, неподвижный языкъ. Рабы удвоили усилія; можно было подумать, что душа этого преступника не хотѣла разстаться со своей земной оболочкой. Наконецъ, послѣднее содроганіе, послѣдняя конвульсія, голова опрокинулась, руки безжизненно опустились... все было кончено... Одинъ изъ рабовъ развязалъ шиурокъ. Какую ужасную черную полосу оставилъ онъ на бѣлой шеѣ. Трупъ накрыли плащомъ. Ваша сиревеллиность удовлетворена, могущественный султанъ!

Окончивъ свои слова, Ибрагимъ растянулся на землѣ, прибивъ его плащомъ и, подойдя къ Али, дунулъ ему два раза въ лицо. Проснувшись, паша обвелъ комнату мутнымъ взоромъ, какъ человѣкъ, не понимающій, въ чемъ дѣло. Рабъ, низко склонившись передъ нимъ, подалъ ему красный шелковый шиурокъ. Это совершенно отрезвило посланнаго султана: взявъ съ отвращеніемъ шиурокъ, онъ его спряталъ за кушакъ. Вставъ, онъ мелькомъ взглянулъ на человеческую фигуру, лежавшую на полу, и поспѣшно направился къ двери.

— Прости, господи, сказалъ старый негръ, удерживая папу за полу его одежды,—развѣ ты не хочешь на него взглянуть?

— Ни за что, воскликнулъ Али,—я способенъ лишиться сна на всю жизнь.

Онъ вышелъ и отпустилъ офицера съ солдатами, сказавъ, что смерть не нуждается въ стражѣ. На площади Али встрѣтилъ начальника янычаръ и велѣлъ ему вернуться во дворецъ, а самъ, вскочивъ на лошадь, помчался къ султану.

— Миръ ему, сказалъ Селымъ, выслушавъ донесеніе своего вѣрнаго слуги о смерти великаго визиря.

— И ты говоришь, что агонія была тяжелая, продолжалъ надгробныхъ.

— Ужасная, мой повелитель; казалось, что онъ обладалъ, по крайней мѣрѣ, семью душами, ни за что не хотѣвшими разстаться со своей земной оболочкой. Великій повелитель, прибавилъ Али,—я твой вѣрный рабъ и готовъ умереть для тебя. Скажи одно слово,—и я, не дрогнувъ, пойду навстрѣчу смерти, но умоляю тебя, не давай мнѣ больше подобныхъ порученій.

— Успокойся, мой вѣрный Али, я исполню твою просьбу; я возложу на тебя это тяжелое порученіе, вѣтренный, что могу положиться на моего вѣрнаго слугу. Кто знаетъ, можетъ быть, другой позволилъ бы ему убѣжать, такъ какъ, между нами будь сказано, онъ порядочный мошенникъ. Да будетъ надъ нимъ милосердіе Аллаха, прибавилъ Селымъ, въ видѣ надгробнаго слова.

VI.

Въ 12 часовъ ночи, когда луна уже скрыла за горы свой посеребренный дискъ, легкая тартана съ темными напусами быстро и бесшумно скользила по тихимъ волнамъ Босфора.

На палубѣ, окруженный своими женами и дѣтьми, сидѣлъ бывшій великій визирь Ибрагимъ.

— Сознайся, моя добрая Кадилѣ, сказалъ Ибрагимъ,—что съ моей стороны было бы очень глупо умереть изъ-за какихъ-то пятисотъ кошельковъ. Положительно я сдѣлалъ хорошее дѣло, купивъ тебя на рынкѣ въ Каирѣ; по крайней мѣрѣ, ты мнѣ открыла тайну египтянокъ, благодаря которой можно однимъ взглядомъ усыпить человѣка. Это совсѣмъ не трудно, и я удивляюсь, что такъ мало людей владѣютъ этимъ секретомъ. Усыпить этого бѣднаго Али съ его большими глупыми глазами не представляло для меня никакого затрудненія. Меня однако очень интересуетъ, какого рода казни придумаетъ для него султанъ, когда они завтра откроютъ, какую я сыгралъ съ ними штуку. Бѣдный Али! Жаль, что онъ такой честный, а то бы я взялъ его съ собой.

Съ этими словами, полный радужныхъ мечтаній, Ибрагимъ растянулся на цыновкѣ и заснулъ сномъ праведника..

Разсказъ этотъ былъ записанъ однимъ французомъ со словъ одного муэдзина и служилъ доказательствомъ, что опыты гипнотизма, интересующіе въ послѣднее время европейское общество, далеко не безызвѣстны у турокъ.

Новыя наблюденія въ области самозащиты животныхъ.

Очеркъ Г. С. Вольте.

Если насильственно удалить у живого рака (морского или рѣчного) одну изъ его клешней, какъ давно извѣстно, то, по прошествіи нѣкотораго времени, на мѣстѣ отнятой конечности вырастаетъ новая, которая отличается отъ прежней лишь меньшими размѣрами.

Наблюденіе это проверено было на опытѣ однимъ изъ выдающихся французскихъ ученыхъ еще прошлаго вѣка—Реомюромъ (его именемъ названа, между прочимъ, изобрѣтенная имъ скала термометровъ). Онъ взялъ нѣсколько живыхъ раковъ и у каждого оторвалъ по клешнѣ; затѣмъ онъ пустил ихъ плавать въ рыбный садокъ. Когда, по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, Реомюръ навѣстилъ своихъ пациентовъ, то ни одинъ изъ раковъ не обнаруживалъ уже ни малѣйшихъ слѣдовъ причиненнаго ему увѣчья. Ничѣмъ инымъ, какъ новымъ образованіемъ утерянныхъ членовъ, нельзя, конечно, объяснить этого явленія.

Понятно само собою, что вновь выросшая клешня не можетъ сразу принять размѣры старой клешни, и этимъ объясняется, что у всѣхъ раковъ обѣ переднія конечности нѣсколько разнятся между собою по величинѣ, у крабовъ же и омаровъ разница эта даже очень сильно бросается въ глаза. Въ то время, какъ одна клешня—массивная, сильная, усѣ-

янная крупными бугорками, другая часто представляетъ слаборазвитую конечность съ небольшими зубцами.

Эта легкость, съ которою восстанавливается утраченная конечность у рака, дѣлаетъ то, что онъ, въ случаѣ грозившей его жизни опасности, охотно разстается со своей клешней, если только этой жертвой онъ можетъ спасти себя отъ гибели.

Полагали сначала, что все дѣло здѣсь въ слабости связи, существующей между тѣломъ рака и его конечностью, и что достаточно животному сильно потянуть въ сторону, обратную той, куда тащить его врагъ, чтобы связь эта порвалась. Но опыты, произведенные надъ растяжимостью связокъ у мертвыхъ раковъ, показали, что предположеніе это не правильно. Если тянуть за ногу мертвого рака съ силою, превышающею вѣсъ всего его тѣла во сто разъ, то разрывъ все-таки не происходитъ. Требуется употребить для этого еще болѣе значительное усиліе, между тѣмъ какъ, въ случаѣ правильности указаннаго мнѣнія, надо было бы приписать къ ногѣ тяжесть, равную вѣсу животнаго.

Наблюдается еще одно существенное различіе. При опытахъ надъ растяженіемъ конечностей мертвого рака разрывъ происходитъ въ самыхъ различныхъ мѣстахъ ногъ, тогда какъ при естественныхъ условіяхъ, то есть, если схватить живого

рака за клешню пальцами, или, еще лучше, щипцами, то она *всегда* отрывается въ одномъ и томъ же мѣстѣ, на уровнѣ первого или основного членика ноги.

Въ настоящее время, при внимательномъ наблюдении за движеніями такого пойманнаго за ногу омара, удалось подмѣтить слѣдующее: основаніе ноги подводится подъ острый край папцры, съ силою прижимается къ нему, послѣ чего и происходитъ переломъ въ этомъ мѣстѣ, какъ бы отъ удара обь остріе. Такимъ образомъ, омаръ самъ, какъ-бы по своей инициативѣ, умышленно производитъ операцію, отрѣзая себѣ часть ноги, чтобы оставить ее ради своего спасенія въ рукахъ врага. Здѣсь, очевидно, мы имѣемъ дѣло съ цѣлесообразнымъ актомъ животного, съ однимъ изъ тѣхъ многочисленныхъ, на видъ совершенно сознательныхъ и разумныхъ, движеній, которые совершаютъ всѣ животные при испытываемыхъ ими внѣшнихъ раздраженіяхъ. Это такого же рода актъ, какой мы замѣчаемъ у лягушки, когда ущемляемъ ее ланку между пальцами, или смазываемъ ея ѣдкой кислотой: въ первомъ случаѣ лягушка отдергиваетъ раздражаемую ланку въ сторону, какъ бы стараясь уйти отъ врага, во второмъ же приближаетъ ее къ тѣлу, точь-въ-точь, какъ будто она хочетъ оберегать мокрую ланку и, такимъ образомъ, избавиться отъ раздражающей ее жидкости.

Изъ слѣдуетъ, однако, думать, что въ этихъ цѣлесообразныхъ движеніяхъ проявляется сознательная, обдуманная воля животного. Напротивъ, здѣсь нѣтъ и слѣдовъ сознания, а тѣмъ болѣе мысли. Весь актъ отъ начала до конца есть чисто механическій рефлексъ, какъ называютъ ученые подобныя безсознательныя движенія. Въ тѣлѣ животного оказывается замѣчательнымъ механизмомъ, дѣйствующій, какъ автоматъ, всякій разъ, когда его выведутъ изъ состоянія покоя. Раздражаемый органъ, какъ и вся внѣшняя поверхность тѣла животного, связанъ опредѣленнымъ нервнымъ волокномъ (оно называется чувствительнымъ нервомъ) съ однимъ изъ нервныхъ узловъ спинного мозга, а отъ этого послѣдняго отходитъ въ другую сторону второй нервъ, направляющійся къ тому же самому органу (называется онъ двигательнымъ). Раздраженіе, испытанное клешней рака, передается по чувствительному нерву въ спинной мозгъ, а оттуда, нѣсколько видоизмѣненное, оно бѣжитъ обратно уже по двигательному нерву и, достигнувъ мускула той же ноги, вызываетъ въ немъ соотвѣстственное сокращеніе. Различныя раздраженія вызываютъ и различныя мускульныя сокращенія.

Но какъ убѣдиться въ томъ, что всѣ движенія совершаются вполне безсознательно, безъ всякаго участія головного мозга

животнаго? Для этого имѣются нѣсколько способовъ. Одинъ изъ нихъ заключается въ томъ, что вырѣзываютъ весь головной мозгъ животнаго. Животное остается въ живыхъ и можетъ даже совершать разнообразныя движенія, но не по собственной инициативѣ и желанію, а лишь подъ влияніемъ привнесенныхъ возбужденій и раздраженій. Напримѣръ, птицу, лишенную большихъ полушарій мозга, вы можете кормить, насильно вливая ей пищу въ ротъ, но сама она, если ее не трогать, останется неподвижно на томъ же мѣстѣ и умретъ съ голоду. Лягушка съ вырѣзаннымъ головнымъ мозгомъ отвѣчаетъ на всѣ раздраженія точно такъ, какъ и до операціи. Другой способъ проверки изложенной теоріи состоитъ въ томъ, что животное подвергаютъ дѣйствію нѣкоторыхъ сильно ядовитыхъ веществъ, которые лишаютъ его сознания. Результаты получаются тѣ же. Такъ, если вы омара усыпите хлороформомъ, который вызываетъ немедленно остановку всѣхъ сознательныхъ движеній, то онъ все-таки отрѣжетъ себѣ ногу, какъ только вы причините ей сильное раздраженіе. Самое лучшее для этого отрѣзать ножницами кончикъ клешни. То же произойдетъ, если очень сильно сдавить его.

Рефлекторныя акты присущи всѣмъ живымъ существамъ. И мы совершаемъ ихъ чуть ли не ежеминутно. Миганіе глаза, подвѣшеніе вѣки, внезапнаго свѣта, быстро придвинутого къ нему предмета или, вообще, угрожающаго удара, есть такой же чистый рефлексъ, какъ переломъ клешни омара.

Въ заключеніе упомянемъ, что не одни только раки умѣютъ жертвовать своими членами для спасенія всего организма. То же самое давно замѣчалось у нѣкоторыхъ пресмыкающихся (ящерицъ, змѣй), пауковъ и насекомыхъ. Кому приходилось охотиться за мѣлкими мушками или ящерицей, тѣ не разъ испытывали досаду, когда пойманное за хвостъ животное нѣмощно исчезало, въ рукахъ охотника оставляя одинъ только хвостъ.

Еще болѣе знакомый всѣмъ примѣръ представляютъ стрекозы и кузнечики. Если быстро схватить насекомое за одну изъ его большихъ ножекъ, то никогда не удастся поймать его: ланка отрывается и остается между пальцами, а стрекоза улетаетъ. До сихъ поръ только не имѣли достаточнаго объясненія этого всѣмъ извѣстнаго факта, но теперь, благодаря наблюденію надъ производимой омаромъ надъ собою операціей, можно видѣть въ этой способности животныхъ къ отсѣченію собственныхъ членовъ, для спасенія всего организма,—одно изъ проявленій вѣчной и вездѣсущей борьбы за существованіе, одно изъ тѣхъ средствъ, которыми природа одарила слабые существа для сохраненія своей жизни среди множества угрожающихъ имъ отовсюду опасностей.

Къ рисункамъ.

Екатерининскій каналъ. (Рис. на стр. 392).

Небольшихъ размѣровъ, но замѣчательная по выполненію картина маститаго профессора живописи Алексѣя Петровича Боголюбова привлекала къ себѣ вниманіе всѣхъ посѣтителей послѣдней Передвижной выставки. Одни останавливались передъ нею, любясь неувядаемымъ талантомъ художника, другіе засматривались на эту мѣстность Петербурга, мало примѣчательную для обитателей столицы, хотя она и находится у самаго Невскаго проспекта, близъ Казанскаго собора. Но, главнымъ образомъ, картина эта являлась воочию доказательствомъ, что для таланта нѣтъ плохихъ и некрасивыхъ сюжетовъ. Екатерининскій каналъ, грязный и непривлекательный, подъ кистью Боголюбова, благодаря удачному освѣщенію и воздушной перспективѣ, сталъ точно другимъ, и являлся однимъ изъ лучшихъ пейзажей на выставкѣ.

Бабушкинъ праздникъ. (Рис. на стр. 393).

Академикъ живописи Алексѣй Ивановичъ Корзухинъ преимущественно останавливается въ своихъ картинахъ на различныхъ явленіяхъ повседневной русской жизни. Посѣтителямъ выставокъ хорошо памятенъ его „Поминки на кладбищѣ“, „Прелюдъ исповѣдью“, „Разлука“, „Въ монастырской гостиницѣ“, „Петрушка идетъ“ и множество другихъ, всегда интересныхъ картинъ. На послѣдней Передвижной выставкѣ была его картина „Бабушкинъ праздникъ“, гравюру съ которой можно пайти на стр. 393. Бабушка именниница. Въ гостинию только что отслужили молебень, и близкіе, и гости спѣшаютъ поздравить дорогую старушку съ торжественнымъ днемъ. На ея колѣняхъ сидитъ внучка и лелечетъ въ стихахъ поздравленіе, въ то время, какъ внукъ боязливо приближается съ подаркомъ къ строгой бабушкѣ, которая порою его бранитъ за шалости. Но въ этотъ день у ней только радость на душѣ, она всѣмъ довольна и весела, и ничто не нарушаетъ этого довольства.

Татарка. (Рис. на стр. 397).

Смуглая красавица Юга—малороссянка, болгарка, жидовочка, цыганка,—точно живая, выступаютъ изъ рамъ на картинахъ Харитона Платоновича Платонова. Въ нынѣшнемъ году на Академической выставкѣ въ числѣ другихъ его работъ,

была картина изображающая татарку, одну изъ тѣхъ татарокъ или цыганокъ, которыхъ нѣредко можно встрѣтить на южномъ берегу Крыма, расчесанныхъ во множество косичекъ красновато-рыжаго цвѣта, въ ситцевыхъ шальварахъ, съ полуоткрытою грудью и чулками на босую ногу, нѣредко съ ребенкомъ на загорѣлыхъ рукахъ или за спиною.

Другъ въ нуждѣ. (Рис. на стр. 400).

Дворовый песъ Барбось забрелъ какъ-то на парадное крыльцо, гдѣ на него набросилась цѣлая свора комнатныхъ блатовней хозяевъ. Сильное, добродушное животное даже испугалось, и не знало бы, что ему дѣлать, если бы на выручку не явилась одна изъ самыхъ маленькихъ собачекъ, которая по-своему бранитъ своихъ товарокъ за нерадушный приемъ сородича, какъ-бы сконфуженнаго своей неловкостью и неулыбчивостью въ томъ блестящемъ обществѣ, въ которое онъ попалъ.

Продавщица цвѣтовъ. (Рис. на стр. 401).

Былъ городъ цвѣтущій, населенный, благоустроенный, все въ немъ дышало роскошью и красотой,—не только храмы и дворцы были прекрасны, но каждый частный, маленькій домикъ отличался художественнымъ стилемъ своей постройки; тамъ даже подъ очагами, въ кухняхъ, стѣны расписывались фресками... И вотъ наступилъ страшный день, дохнул своимъ огненнымъ дыханіемъ Везувій, и потоки лавы залили и заживо погребли чудный, роскошный городъ, и все погибло... Въ одинъ день было уничтожено многолѣтнее сооруженіе рукъ человеческихъ!.. Невольно приходятъ эти мысли, при взглядѣ на помѣщаемую на стр. 401 картину Мартини, воскресшаго на своемъ полотнѣ одинъ изъ самыхъ поэтическихъ, живописно-удачныхъ уголковъ древней Помпеи:—Рынокъ цвѣтовъ... Молодая цвѣтощица разложила свой благоуханный товаръ и ищетъ смотритъ на богатую покупицу, которая, можетъ быть, не торгуясь, кинула ей дорогую монету за ничтожный цвѣтокъ,—въ ея сердцѣ невольно шевелится сожалѣніе, зачѣмъ и она, вмѣсто того, чтобы, продавая цвѣты, проводить цѣлый день на жаркомъ солнцѣ, не можетъ придти сюда лишь для того, чтобы бросить не жалѣя дорогую монету за ничтожный цвѣтокъ... Картина полна движенія и жизни, и эта жизнь еще болѣе заставляетъ вспомнить о неожиданной гибели цвѣтущаго города...

Серебряная свадьба Итальянской королевской четы.

Король Гумбертъ I. Съ фот. грав. Шюблеръ.

Королева Маргарита. Съ фот. грав. Шюблеръ.

Итальянскій король Гумбертъ I и королева Маргарита. (Портр. на этой стр.).

21 апрѣля новаго стиля въ Римѣ начался цѣлый рядъ торжественныхъ и пышныхъ празднествъ по поводу серебряной свадьбы Итальянской королевской четы. Отъ Имени Государя Императора привѣтствовали короля Гумберта и королеву Маргариту Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Владиміръ Александровичъ и Великая Княгиня Марія Павловна. Германскій императоръ Вильгельмъ съ императрицею Августой сами прибыли въ Римъ, чтобы пригласить свои искреннія поздравленія. Австрійскимъ представителемъ былъ эрцгерцогъ Рейнеръ, англійскимъ — эрцгер-

цогъ Йоркскій, греческимъ — принцъ Георгъ Греческій, черноморскимъ — наслѣдникъ принца Данилъ... Всѣ державные и высокіе гости были приняты въ высшей степени радушно и горячо. Народъ всюду съ энтузіазмомъ встрѣчалъ своего любимого короля и королеву и сердечно, радостно привѣтствовалъ ихъ дорогихъ гостей. Съ утра до полудня этого памятнаго для Италіи дня происходили представленія королю пословъ иностранныхъ державъ. Затѣмъ состоялись въ Капанаеллахъ, въ 9 верстахъ отъ Рима, скачки. Самое мѣсто скачекъ поражаетъ своей живописностью. Огромная равнина, окаймленная античными водопроводами, Албанскими горами и величественными Аппенинами, и надъ всѣмъ гордо тянутся къ небу ослабительныя снѣжныя вершины Монте-Саррато...

Видъ города Занте до землетрясенія. По рис. I. Z. грав. Рашевскій.

При тихой, ясной погодѣ, подъ золотыми лучами солнца, вся эта равнина съ безконечной вереницей тянущихся къ ней по вѣт Арриа блестящихъ экипажей и пѣшеходовъ въ яркихъ праздничныхъ костюмахъ, представляла, поистинѣ, очаровательное зрѣлище. На скачкахъ присутствовало около 70,000 человекъ. Король и королева и царственные гости были восторженно встрѣчены собравшимися итальянцами. Возвращеніе со скачекъ черезъ Латинскія ворота было не менѣе эффектнымъ. Вечеромъ былъ данъ народный спектакль въ театрѣ Аргентина. Шла новая опера Верди „Фальстафъ“. Въ театрѣ былъ снова сдѣланъ рядъ овацій королю и иностраннымъ гостямъ. По итальянскому обычаю, они были привѣтствованы оглушительными аплодисментами. Всѣ эти оваціи, все это празднество заставляють невольно перенестись въ прошлое, за двадцать пять лѣтъ.

22 апрѣля 1868 г. въ древнемъ египетскомъ городѣ Туринѣ, при радостныхъ кликахъ народа, состоялось бракосочетаніе старшаго сына короля Виктора-Эмануила II, послѣдшаго принца Гумберта съ его юной, семнадцатилѣтней двюродной сестрой Маргаритой Савойской. Принцу Гумберту было тогда 24 года. Принцесса Маргарита—дочь покойнаго брата короля Виктора-Эмануила, Фердинанда, герцога Генуэзскаго, и бывшій здравствующей Елисаветы, дочери Саксонскаго короля Иоганна. 11 ноября 1869 г. въ Неаполѣ, ихъ первой резиденціи, родился у нихъ сынъ, нареченный Викторомъ-Эмануиломъ-Фердинандомъ. Принцъ Викторъ-Эмануилъ, единственный сынъ бывшійшей королевской четы, резиденціей своей имѣетъ также Неаполь. До вступленія своего на престолъ, состоявшагося 15 лѣтъ тому назадъ, принцъ Гумбертъ велъ тихую, скромную жизнь. Сознавая всю трудность, важность и ответственность той роли, которую ему придется играть послѣ смерти своего великаго отца, онъ готовился къ этому старательно, исподволь. И дѣйствительно, вскорѣ по вступленіи его на престолъ, несмотря на разныя сильныя политическія волненія въ странѣ, народъ убѣдился, что король Гумбертъ представляетъ для Италіи идеаль монарха, вѣчно пекущагося о благѣ своихъ подданныхъ, принимающаго очень близко къ сердцу ихъ нужды и интересы, отзывчиваго на ихъ справедливыя требованія и желанія. Истинный сынъ своего великаго отца „объединителя Италіи“, выдѣлившійся еще въ юные годы своей храбростью и воинственными заслугами, во время войны съ Австріей въ 1866 г., твердо и умѣло державшій бразды правленія въ то время, когда Италія еще не была окрѣпшею, король Гумбертъ все время служилъ и служитъ оплотомъ своей родной страны, оцѣнившей и цѣнящей его по его безчисленнымъ заслугамъ. Королева Маргарита своимъ участливымъ отношеніемъ къ своему народу, своей заботливостью и благотворительностью извѣстна въ каждой итальянской хижинѣ. Королева считается одной изъ самыхъ рьяныхъ поборницъ женскаго высшаго образованія. Сама она посѣщала лекціи высшихъ наукъ для женщинъ. Скромно занимаясь, бывало, мѣсто посреди другихъ слушательницъ, она внимательно, съ тетрадкой въ рукахъ, слѣдила за лекціями. Строгалъ нѣсколько суровая виѣтность короля скрываетъ за собой сострадательное, нѣжное, любящее сердце. Королева, это—олицетвореніе доброты и милосердія, это идеаль жены, матери и благотворительницы. Въ годины бѣдствія своего народа, королевская чета проявляла трогательную о немъ заботливость, не жалѣя ни силъ, ни средствъ. Населеніе постигло несчастье—цѣлый островъ пострадалъ отъ землетрясенія—король лично ѣдетъ на мѣсто бѣдствія, распорядается оказаніемъ помощи, жертвуетъ денежныя средства, подымаетъ своей энергіей духъ населенія. Цѣлыя мѣстности облиты холерой, среди жителей страшная панника, отчего эпидемія усиливается еще болѣе. Король спѣшитъ въ самое гнѣздо заразы, ободряетъ здоровыхъ, посѣщаетъ больныхъ. Королева ничуть не отстаетъ на этомъ славномъ поприщѣ отъ своего царственнаго супруга. Подъ ея покровительствомъ состоятъ безчисленный рядъ благотворительныхъ и общепользовыхъ учреждений, въ интересъ и судьбы которыхъ она входитъ самолично. Масса среднихъ и высшихъ учебныхъ, главнымъ образомъ, женскихъ, заведеній весьма часто, даже періодично, удостоиваются высокой чести посѣщенія своей державной покровительницы. Всѣ свои дни королева только и проводитъ въ заботахъ о „малыхъ сихъ“—пуждающихся, бѣдныхъ, увѣчныхъ, сиротахъ, вдовахъ, имъ она посвятила всю свою жизнь, всѣ свои силы... Чему же удивляться, что видящій и чувствующій все это, народъ такъ громко ликуетъ, такъ радостно празднуетъ теперь „серебряную свадьбу“ своего дорогого короля и королевы...

Землетрясеніе на островѣ Занте.

(Рис. на стр. 405).

Островъ Занте или, по греческому названію, Закифъ, одинъ

изъ самыхъ живописныхъ и плодороднѣйшихъ острововъ Ионическаго моря.

Блага его богатой южной природы обезпечивали бы его жителямъ вѣчно пенарушимое безоблачное счастье, если-бы не происходило тамъ часто, слишкомъ даже часто, вулканическихъ изверженій. Эти гибельныя изверженія, главнымъ образомъ, происходятъ въ окрестностяхъ мыса Кіери. Вся почти почва иарята тамъ глубокими трещинами, изъ которыхъ время отъ времени бьютъ ключи жидкой смолы.

Самый островъ, со своими высокими скалистыми берегами, круто-обрывающимися къ тихому, задумчивому Ионическому морю, представляетъ собой площадь въ 438 кв. километровъ. На немъ 44.070 жителей. На восточномъ его берегу, на холмѣ, амфитеатромъ раскинулся главный городъ острова—Занте. По своему торговому значенію онъ считается лучшимъ городомъ Ионическихъ острововъ. Довольно густо населенный (16.250 жителей), онъ служитъ резиденціей греческаго архіерея и вмѣстѣ съ тѣмъ католическаго епископа.

Не разъ колебали Занте землетрясенія. Въ началѣ февраля 1642 и 1746 гг., а также въ предпослѣдній разъ въ 1840 г. происходили на островѣ сильныя колебанія земли, но ни одно изъ нихъ не можетъ сравниться по своимъ результатамъ, по тѣмъ опустошеніямъ и несчастьямъ, которыя они причинили несчастнымъ жителямъ, съ двумя землетрясеніями, случившимися въ текущемъ году. 31 января, новаго стиля, въ 5 ч. 34 м. утра, послѣдовалъ сильный подземный ударъ, потрясшій весь островъ. Нижняя часть города, состоявшая почти сплошь изъ крохотныхъ строеній, въ одинъ мигъ обратилась въ развалины; да и въ остальной части города ни одного дома не осталось не поврежденнымъ.

Въ 2 часа утра, ударъ повторился, и все, что еще какимъ-то чудомъ уцѣлѣло отъ прежнихъ колебаній почвы, погало и разрушилось. На слѣдующую ночь произошелъ новый ударъ, еще сильнѣе прежнихъ. Колебанія земли стали не только вертикальными, но и волнообразными. Это уже окончательно разрушило все—городъ, этотъ „перлъ Леванта“ (какъ называютъ островъ Занте итальянцы), представлялъ одиѣ руины, безформенныя кучи обломковъ. Во многихъ мѣстахъ зияли глубокия расщелины, улицы совершенно исчезли, гавани тоже не избѣгла общей участи. Масса историческихъ, древнихъ венеціанскихъ построекъ были превращены въ груду камней.

Въ послѣдующіе дни подземные толчки возобновлялись нѣсколько разъ, но въ болѣе слабой степени, а 7 и 8 февраля снова усилились. Къ тому-же еще присоединились въ эти дни сильный градъ и продолжительный проливной дождь. Болѣе 3000 домовъ разрушено до основанія, во всемъ городѣ не было ни одного дома, гдѣ можно было бы поселиться. Не обошлось и безъ человѣческихъ жертвъ. Въ самомъ городѣ насчитывается пятеро убитыхъ и нѣсколько сотъ раненыхъ; что-же касается окрестностей и другихъ селеній, то число человѣческихъ жертвъ довольно значительно.

Главнымъ пунктомъ землетрясенія, повидимому, былъ большой горячій источникъ Нафта, находящійся въ юго-восточной части острова, близъ мыса Кіери. Пять богатыхъ деревень, которыя были расположены въ его окрестности, стерты съ лица земли и представляють голый, обезображенный руинами, пустырь.

По утверждають также, что главный ударъ послѣдовалъ въ пяти миляхъ на востокъ отъ острова.

Убытки отъ землетрясенія равняются почти 1.500.000 драхмъ. Около 40.000 человекъ остались безъ крова и пищи, въ ужасающей нуждѣ. Греческій король Георгъ самъ прибылъ на островъ и учредилъ въ Афинахъ вѣдомательный комитетъ.

Государь Императоръ Всемилостивѣе разрѣшилъ открыть повсемѣстную подписку въ пользу пострадавшихъ заплѣтовъ.

Всѣ эти благія мѣры и довольно значительный притокъ пожертвованій дали жителямъ возможность выйти изъ безвыходнаго положенія нищеты и безпомощности. Снова мало-по-малу закинула работа, изъ развалинъ стали воздыматься жилища. Жители начинали мало-по-малу выходить изъ своего подавленнаго состоянія... И вдругъ, 17 апрѣля (новаго стиля), въ 7 ч. 6 м. утра, весь островъ всколыхало снова сильнѣйшее, ужаснѣйшее землетрясеніе. Была тихая и ясная погода. На лазурномъ небѣ не было ни одного облачка. Колебаніе продолжалось со страшной силой цѣлую почти минуту. Въ юго-восточной части острова, бывшей главнымъ пунктомъ послѣдшаго землетрясенія, отъ всѣхъ строеній не осталось камня на камнѣ, тамъ понадаются развалины въ 2 фута ширины. Землетрясеніе началось почти съ того же мѣста, что и въ прошлый разъ, и послѣдовало, какъ и тогда, ровно черезъ 8½ часовъ послѣ ряда предупредительныхъ толчковъ.

Бѣдность и нищета населенія до того сильна, что половина жителей, безъ крова и пищи, придется волей неволей удалиться съ острова. Теперь пока многотысячное населеніе ютится на холмахъ подъ открытымъ небомъ...

Государственный переворотъ въ Сербіи.

(Портреты на стр. 408).

Въ 1889 году Сербскій король Миланъ отрекся отъ короны въ пользу своего тринадцатилѣтняго сына, который и всту-

пилъ тогда на престолъ, подъ именемъ Александра I. Вслѣдствіе несовершеннолѣтія юнаго короля было учреждено въ

Сербии регентство, начавшее править отъ его имени.

Европейское и, въ особенности, русское общество съ живѣйшимъ интересомъ и участіемъ слѣдило за дальнѣйшею судьбою царственнаго отрока, оставленнаго, въ силу разнообразныхъ политическихъ и частныхъ, семейныхъ причинъ, на попеченіи хотя не чуждыхъ, но все-таки чужихъ ему людей. Кому не извѣстна екорбная, печальная исторія разлада родителей Александра I, — Милана Обреновича и супруги его, королевы Наталии, и кто изъ истинно-русскихъ людей не екорблъ душою вмѣстѣ съ несчастною королевой, безжалостно разединенной со своимъ единственнымъ, горячо любимымъ и дорогимъ ея сердцу сыномъ! — Теперь окончилось это ненормальное положеніе: „Милану и Наталиі — гсзорятъ газетныя извѣстія — послано по телеграфу уведомленіе объ отъѣздѣ короля Александра запрещенія имъ вѣзда въ Сербію“. Эта новость, съ которою пріявшіи нынѣ въ свои руки власть юный король Сербіи возвращаетъ въ отечественную страну изгнанныхъ политическихъ партій родителей своихъ, составляетъ одну изъ самыхъ трогательныхъ подробностей происшедшаго въ Сербіи событія.

Не менѣе трогательна, какъ говорятъ, была также минута, когда король Александръ съ горячностью и, какъ будто, демонстративно, публично и въ присутствіи Пашича, главы кабинета, выславшаго Наталию изъ Сербіи, благодарилъ Гарашанина за защиту его и единомыслихъ съ нимъ королевы магери. Возстановляя миръ въ своей семьѣ, юный король, будемъ надѣяться, возстановитъ миръ и среди окружающихъ его политическихъ партій, разлада которыхъ довела Сербію до такого положенія, что только совершившіеся нынѣ перевороты можетъ умиротворить ее.

День перваго апрѣля наступилъ въ Бѣлградѣ, какъ обыкновенно, и въ теченіе его не было замѣтно ничего особеннаго. Вечеромъ въ городскомъ театрѣ шелъ „Ревизоръ“. Тутъ показалось многимъ нѣсколько страннымъ отсутствіе, противъ обыкновенія, въ театрѣ министровъ. Ни одного изъ нихъ не было въ зрительномъ залѣ. Стали поглядывать, шептаться, спрашивать, что это значитъ, и головы всѣхъ чаще и чаще поворачивались къ министерской ложѣ. Вдругъ, ендѣвшей въ этой ложѣ женѣ перваго министра Авакумовича подали записку; она встала и сейчасъ же оставила театр... Къ одиннадцати часамъ ночи все уже въ городѣ знали, что случилось что-то изъ ряду вонъ выходящее: у дворца, у домовъ Ристича и Рибарица стояли войска... Новая ли это выходка Ристича, или Миланъ тайно вернулся въ Сербію, — или еще что-нибудь — никто не могъ сказать ничего опредѣленнаго... Ночь прошла въ тревогѣ, въ неизвѣстности. Почти никто въ городѣ не ложился спать. Во второмъ часу пополудни, разнесся слухъ, что король ѣдетъ, что его „увозятъ“... Началось волненіе, готовое уже перейти въ бунтъ... Но оно быстро ехшилось радостью, когда стало извѣстнымъ, что коляска короля останавлиаеъ у казармъ, гдѣ еодаты приносятъ ему ужъ прислугу; толпы народа бросились туда, другіе — ко дворцу, — и скоро улицы Бѣлграда огласились дружнымъ, восторженнымъ канкомъ, сопровождавшимъ экипажъ возвращающагося изъ казармъ короля: „Живіо, краль Александръ, живіо!“

Случилось, на самомъ дѣлѣ, вотъ что:

Капитанъ Милутинъ Митковичъ, командиръ одного отряда артиллерійской унтеръ-офицерской школы, явился около 8 часовъ вечера 1-го апрѣля въ большую казарму, въ которой помещается названная школа, и приказалъ, чтобы ему отобраны 28 человекъ и привели ихъ въ канцелярію. Когда они явились, Митковичъ объявилъ, что имъ предстоитъ въ этотъ вечеръ совершить блестящій подвигъ во славу короля и отечества.

Затѣмъ онъ велѣлъ имъ молчать, раздалъ каждому по 30 боевыхъ патроновъ и велѣлъ взять ружья и собраться въ одномъ пунктѣ. Оттуда онъ провелъ ихъ форсированнымъ маршемъ по улицамъ, мимо военной больницы, въ королевскій дворецъ и затѣмъ въ дворцовый садъ, гдѣ все остановились у водопровода. Передавъ начальство старшему послѣ себя, Митковичъ прошелъ во дворецъ, получилъ инструкціи отъ королевскаго адъютанта Кузича и затѣмъ, проведъ весь свой отрядъ по одному человѣку въ старый дворецъ и поставилъ его въ комнаты, отдѣляющей кабинетъ короля отъ етоловой, въ которой ужинали регенты и министры (за исключеніемъ отсутствоващаго по болѣзни министра полиціи). Въ это время ужинъ уже подходилъ къ концу. Когда все было готово, адъютантъ короля Чиричъ вошелъ въ етоловую и сказалъ королю: „Все готово!“

Черезъ нѣсколько минутъ король велѣлъ, взявъ въ руки бокалъ съ виномъ и сказалъ:

— Господа, благодарю васъ за услуги, оказанныя престолу и отечеству. Но я недоволенъ нынѣшнимъ управленіемъ и хочу положить ему конецъ. Огнись я беру королевскую власть въ свои руки.

Регенты Ристичъ и Велимарковичъ выразили протестъ, но король, не слушая ихъ, прошелъ изъ етоловой къ себѣ въ кабинетъ. Регенты и министры хотѣли послѣдовать за нимъ, но ихъ не пустили. Задержанные въ етоловой, они черезъ нѣсколько времени подписали принесенныя имъ прошенія объ отставкѣ. Первымъ подписалъ министръ юстиціи Величковичъ.

Когда все было кончено, пришелъ Докичъ (генеральный министр-президентъ), который до 12½ часовъ совѣщался съ королемъ и его адъютантами. Послѣ совѣта, король въ коляскѣ поѣхалъ въ казармы, гдѣ войска присягнули ему. Около 3-хъ часовъ пополудни регенты и министры были отведены въ новый дворецъ, гдѣ имъ были приготовлены постели для ночлега. Каждого вели поодиночкѣ, вперед и назадъ ихъ шли конвойные съ обнаженными штыками. Утромъ Богичевичъ пытался выйти изъ дворца, но это ему не удалось.

Одновременно съ происходившимъ во дворцѣ, майоръ Рашичъ занялъ комендантское управленіе, арестовалъ градоначальника и всѣхъ полицейскихъ приставовъ, занялъ въ десятомъ часу ночи телеграфъ и въ 11 часовъ послалъ письмо начальнику гоударственной типографіи выѣстъ ея текстомъ королевской прокламаціи къ народу для папечатанія, а типографію окружилъ часовыми, послѣ ареста регентовъ; прежній царь на этотъ вечеръ былъ замѣненъ царемъ „король и отечество“.

На другой день, 2 апрѣля, въ 11½ часовъ утра, министры и регенты были водворены въ ихъ домахъ, къ которымъ были представлены часовые.

Городъ былъ украшенъ флагами и иллюминированъ, въ теченіе трехъ вечеровъ, 2, 3 и 4 апрѣля.

Рядъ городскихъ празднествъ по поводу радостнаго для Сербіи событія закончился снѣгаклемъ въ бѣлградскомъ національномъ театрѣ, въ которомъ давалась въ этотъ день, въ присутствіи короля, историческая драма „Милошъ Обреновичъ“. Громкія рукоплесканія, оваціи и крики не разъ прерывали представленіе, но общій восторгъ достигъ выеаго предѣла, когда началась ецена, въ которой князь Милошъ наказываетъ тѣхъ изъ своихъ совѣтниковъ, которые попирали права народа. Прервавъ ходъ пьесы, весь театръ всталъ, какъ одинъ человекъ, и непритовленные, вылившіеся неволью у каждаго изъ присутствующихъ, торжественные звуки сербскаго гимна огласили залу. Все шло, все радовалось, восторгъ былъ всеобщій...

Разныя извѣстія.

— Государю Императору благоугодно было обратить вниманіе на то, что въ текущемъ году день священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, 15-го мая, падаеъ на субботу, наканунѣ Троицына дня, когда совершается торжественное всенепное бѣніе. Между тѣмъ, въ день коронаціи повсюду устраиваются вечерами иллюминаціи, гулянья съ музыкою, балаганы и т. п. увеселенія, доущеніе которыхъ въ этомъ году, когда все церкви наполнены молящимися, крайне неудобно. Въ виду этого, Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть, чтобы гражданское начальство сдѣлало распоряженіе о перенесеніи въ настоящемъ году всѣхъ увеселеній, устраиваемыхъ 15-го мая, на понедѣльникъ 17-го мая.

— Проживающая въ Петербургѣ итальянская колонія торжественно праздновала 10 апрѣля день серебряной свадьбы короля и королевы Итальянскихъ,

— Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія издано распоряженіе о переходѣ всѣхъ училищъ, находящихся при римско-католическихъ церквяхъ въ Имперіи, въ вѣдѣніе означеннаго Министерства.

— Отецъ Іоаннъ Сергѣевъ (кромштадтскій) устраиваетъ пынѣнныя лѣтотъ у себя на родинѣ, въ Архангельской губерніи, богатыню, пародію чингальню и шкату на 20 бѣдныхъ дѣтей.

— 8 апрѣля выѣхалъ въ Тобольскую губернію командированный отъ Медицинскаго департамента на переселенческіе пушкты, первый санитарный отрядъ.

— Пароходныя общества, совершающія рейсы по Волгѣ и ея притокамъ, рѣшили, по примѣру желѣзныхъ дорогъ, понизитъ тарифъ на 50% во всѣхъ трехъ классахъ, для проѣзда воспитанниковъ учебныхъ заведеній на канікулярное время.

— Съ 1 мая устанавливается льготный

тарифъ на проѣздъ пассажировъ всѣхъ трехъ классовъ, отирающихся на кавказскія имперальныя воды отъ всѣхъ станцій Владикавказской желѣзной дороги и обратно. Съ 1 мая же по 10 сентября установитъ булетъ тарифъ для лицъ, отирающихся на кумыс-лѣчебныя заведенія, расположенныя близъ станціи Самара.

— Съ 6 по 8 апрѣля непрерывно бушевала сѣжная буря на линіи Рязанско-Уральской желѣзной дороги. Послѣдствіемъ ея на участкахъ Останово-Козловъ и Рнщевъ явились громадные сѣжные заносы, сильно замедлившіе движеніе пассажирскихъ поѣздовъ и почти остановившіе движеніе товарныхъ. На линіи Ярославско-Вологодской желѣзной дороги сѣжная метель образовала также такіе заносы, что одинъ изъ товарныхъ поѣздовъ стоялъ на линіи въ сѣгу до тѣхъ поръ, пока не былъ взятъ вспомоательнымъ паровозомъ.

Политическое обозрѣніе.

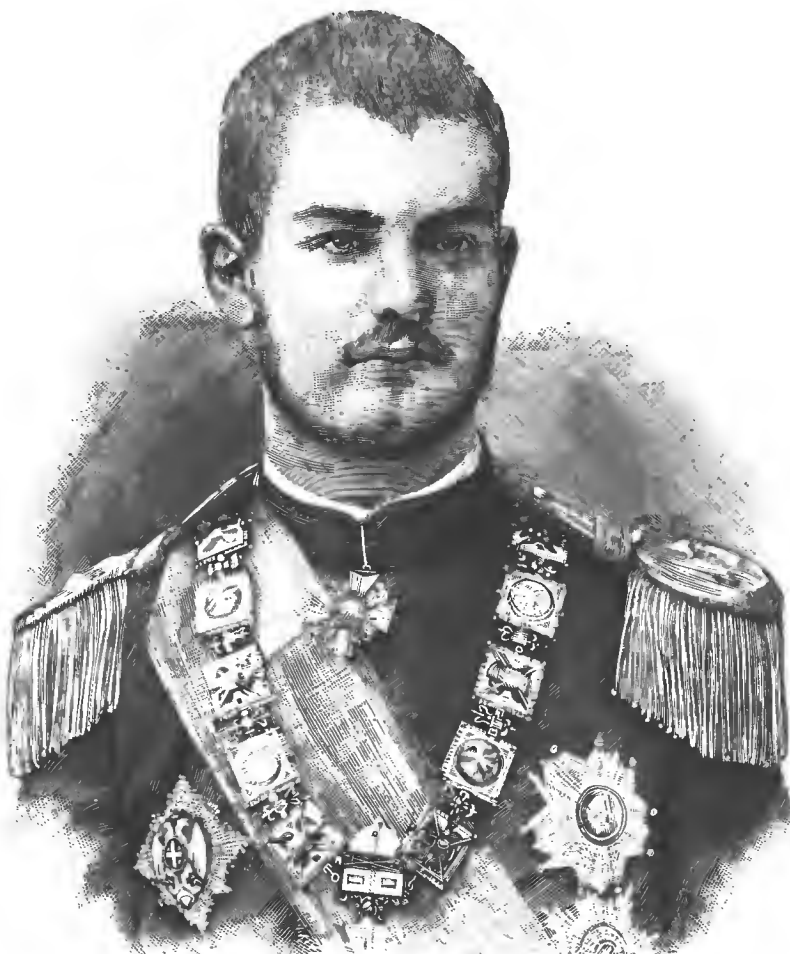
11-го апрѣля, нашъ министръ Иностранныхъ дѣлъ, статсъ-секретарь П. К. Гирсъ послѣ Лобановымъ-Ростовскимъ и всѣмъ посольствомъ. На другой день, въ полдень, министръ намѣревался выѣхать въ Петербургъ, но вслѣдствіе усталости отъ дороги отложилъ отъѣздъ на одинъ день. 12-го апрѣля, въ 5 часовъ, императоръ Австрійскій посетилъ статсъ-секретари Гирса въ „Grand Hôtel“. Визитъ императора статсъ-секретарю Гирсу, продолжавшійся двадцать минутъ, большая часть газетъ считала за доказательство дружественныхъ отношеній между Австро-Венгріей и Россіей, за выдающійся мирный символъ, за непосредственное отнѣшеніе, оказавшее русскому государственному дѣятелю. Вслѣдствіе неудовлетворительнаго состоянія здоровья, статсъ-секретарь Гирсъ никакихъ визитовъ не дѣлалъ, тогда какъ всѣ послы и посланники оставили у него свои карточки. Министръ былъ только у графа Казьюки и вечеромъ на обѣдѣ, данномъ въ его честь княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ.

Ирландскій билль Гладстона принятъ палатою общинъ во второмъ чтеніи большинствомъ 347 голосовъ противъ 304. Всего членовъ въ палатѣ 670, слѣдовательно на чтеніе члены палаты общинъ, какъ на генеральное сраженіе, собрались почти въ полномъ составѣ. Оппозиція приложила послѣднія, отчаянныя, усилія, чтобы не дать восторжествовать Гладстону, и главнымъ противникомъ его въ этомъ достопамятномъ засѣданіи, затянувшимся далеко за полночь, былъ Бальфуръ.

Въ германскомъ рейхстагѣ, 13-го апрѣля, обсуждалось предложеніе антисемита Альвардта о назначеніи коммисіи для проверки высказанныхъ документовъ, касающихся различныхъ злоупотребленій. Альвардтъ утверждаетъ, что нынѣшній министръ финансовъ Микель, будучи директоромъ Disconto-Gesellschaft, принималъ участіе въ дѣлахъ, вслѣдствіе чего германскій народъ потерялъ убытокъ въ нѣсколько миллионовъ. При учрежденіи германскаго инвазійнаго фонда тоже произошли злоупотребленія, но по этому дѣлу у него нѣтъ никакихъ документовъ, зато онъ располагаетъ документами, касающи-

ми другихъ дѣлъ. Микель отрицалъ заявленіе Альвардта и сказалъ, что въ рейхстагъ онъ возбудитъ судебное преслѣдованіе по поводу всѣхъ взводимыхъ на него обвиненій. Германскій статсъ-секретарь казначейства Мальцанъ выразилъ убѣжденіе, что требуемая Альвардтомъ коммисія послужитъ лишь къ доказательству лживости его заявленій. Рихтеръ сказалъ, что коммисія сдѣлаетъ Альвардта передъ рейхстагомъ и общественнымъ мнѣніемъ невозможнымъ человекомъ и выразитъ ему отвращеніе. Дальнѣйшія пренія имѣли очень оживленный характеръ, но предложеніе Альвардта о назначеніи двадцатипочленной коммисіи для разсмотрѣнія его документовъ было такъ принято.

8-го апрѣля утромъ, въ домовую церковь герцога Пармскаго на виллѣ Паланорѣ совершено бракосочетаніе принца Фердинанда Кобургскаго съ принцессою Маріей-Луизой Бурбонскою. Бракосочетаніе совершалъ архіепископъ Люксембургскій. Присутствовали принцесса Клементина Кобургская, восемь другихъ родственницъ обоихъ брачующихся принцевъ и принцессъ, Стамбуловъ и 16 другихъ болгаръ. Повоображеніе получила подарки, которые оцениваются въ 2 миллиона франковъ, въ томъ числѣ отъ супруга драгоценную корону Маріи-Антуанетты. Черезъ день принцъ Фердинандъ съ принцессой сѣли въ Снеци на пароходъ австрійскаго „Ллойда“ „Амфитрида“, для возвращенія въ Болгарію чрезъ Константинополь, гдѣ — по словамъ иностранныхъ газетъ — принцъ будетъ принятъ султаномъ. Полагаютъ, что происходившее 10-го апрѣля совѣщаніе графа Казьюки со здѣшнимъ турецкимъ посломъ Зия-Бесемъ, длившееся нѣсколько часовъ, касалось этого вопроса. По словамъ *Новаго Времени*, продолжительность путешествія принца Кобургскаго разсчитана такъ, чтобы принцъ могъ прибыть въ Варну и ступить на болгарскую почву уже послѣ принятія большинствомъ тырновскимъ собраніемъ проектированныхъ измѣненій въ конституцію — и пребываніе въ Константи-

Александръ I, король Сербіи. Съ фот. Пиру, грав. Шюблеръ.

нслѣ отъ супруга драгоценную корону Маріи-Антуанетты. Черезъ день принцъ Фердинандъ съ принцессой сѣли въ Снеци на пароходъ австрійскаго „Ллойда“ „Амфитрида“, для возвращенія въ Болгарію чрезъ Константинополь, гдѣ — по словамъ иностранныхъ газетъ — принцъ будетъ принятъ султаномъ. Полагаютъ, что происходившее 10-го апрѣля совѣщаніе графа Казьюки со здѣшнимъ турецкимъ посломъ Зия-Бесемъ, длившееся нѣсколько часовъ, касалось этого вопроса. По словамъ *Новаго Времени*, продолжительность путешествія принца Кобургскаго разсчитана такъ, чтобы принцъ могъ прибыть въ Варну и ступить на болгарскую почву уже послѣ принятія большинствомъ тырновскимъ собраніемъ проектированныхъ измѣненій въ конституцію — и пребываніе въ Константи-

М. Ристичъ.

Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

Генераль Белимарновичъ.

Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

Бывшіе регенты Сербіи.

нополѣ, какъ ожидается, должно оказать впечатлѣніе на рѣшеніе собранія. Въ Тырновѣ принцъ прибываетъ ко дню закрытія собранія.

Научныя и техническія новости.

— Для полученія фотографическихъ снимковъ въ прямомъ видѣ, совѣтуютъ употреблять чувствительной къ свѣту краски. Если такую пластинку повернуть къ свѣту задней стороны, то получается сразу прямое изображеніе, которое не надо уже переводить на бумагу.

Вышло новое издание Ф. ПАВЛЕНКОВА:

УСТАЛОСТЬ.

Популярно-научный беседы Професс. А. МОССО. Перев. съ итальянск. М. Меласе-инной. Съ 80 рис. Ц. 1 р. 25 к. Продается во всех книжн. магазинах. Главный складъ въ книжн. магазинъ П. Луковникова (СПБ., Лештуковъ пер., д. № 2). М. № 6374

Знаменитые велосипеды

„ДИАНА“ и друг.

предлагаютъ торговый домъ

ПОПОВА и К°.

Москва, Знаменка, домъ № 17-й.

Ильинка, д. Троицкой Лавры. 2-2

Прейс-курanty высылаются безплатно.

БИНТЫ ДЛЯ УСОВЪ

придающие неправильно растущимъ усымъ въ 10 минутъ красивый видъ и фасонъ, высылаются за 1 р. 10 к. шт. съ наложн. платежемъ. Адр.: въ Москву У. Пильцъ.

КРАСИВО ПИСАТЬ

выучивается всякій заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФИИ **А. КОССОДО.**

Методъ промывранъ на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ 32-й золотой медали. № 6208 52-14

За 2 семиконечныя марки высылаются пробное письмо и условія. Адресъ: Профессору каллиграфии Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

МИНИАТЮР. АХРОМАТИЧ. БИНОКЛЬ

ДИЛИПУТЬ

Безъ формы и фабрич. клейма поддѣлка.

со шнуръ, въ замшевомъ кошелькѣ. 8 р. 50 к. съ пер. въ Евр. Росс. 9 р., въ Азіат. 9 р. 50 к. „Дилипутъ“ удобно помѣщается въ карманѣ жилета или между пуговицами пиджакѣ и нигдѣ не замѣляется, какъ для полей, охоты, путешествія или театра, больше и тяжелѣе бинокля. 2-1

Е. КРАУСЪ и К°. № 6367

Спеціальн. фабр. оптич. инструментовъ Парижъ. Rue de Bondy, 32. Единственный складъ для Россіи С.-Петербургъ, Мойка, № 42.

Плюстр. прейс-кур. оптич. в фотогр. прибор. высыл. каждый за семикон. поч. марку.

4711

О-ДЕ-КОЛОНЪ.

СЪ ЗЕЛЕНО-ЗОЛОТИСТЫМЪ

Ц. № 6369 ЯРЛЫКОМЪ 2 1

Продается во всехъ лучшихъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи.

Требовать: ЗЕЛЕНО-ЗОЛОТИСТЫЙ ЯРЛЫКЪ.

ПОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДЪЛЮКЪ!!

НОВАЯ КНИГА У ЗЕМСКАГО,

книгопродавца, въ Россійскомъ центральномъ книжномъ магазинѣ въ Москвѣ, въ зданіи „Славянского Базара“, на Никольской улицѣ.

НОВАЯ ВЕСЬМА РЕДКАЯ И ЗАМѢЧАТЕЛЬНАЯ КНИГА.

Книга эта одна изъ тѣхъ рѣдкихъ, иррае важныхъ и полезныхъ книгъ, въ которую полонены великіе трактаты низинныхъ началъ глубинныхъ истинъ и вопросовъ, съ которыми приходится всѣмъ и каждому сводить итоги и постоянно считаться съ ними въ отищеніи высшихъ нравственныхъ цѣлей, подъ названіемъ:

ВЕЛИКІЕ ПРИНЦИПЫ

И ТРАКТАТЫ О ВАЖНЫХЪ ВОПРОСАХЪ И О КОНЕЧНЫХЪ ЦѢЛЯХЪ И НАЧАЛАХЪ МУДРОСТИ.

ВЫСШІЙ И ПРАВДЫВННІЙ ВЕЛИКІЙ ПУТЬ

КЪ УМУ, ЭНЕРГІИ И ГЕНІАЛЬНОСТИ.

Мысли великихъ писателей,

Сильная воля, Твердость характера, Непокоримость долга, Высшая справедливость, Даръ слова и Практическая высокая способность, Гражданскіе подвиги, Нравственныя начала, Мудрыя совѣты отъ МУДРЫХЪ.

Соч. Тайлоръ, Смайльсъ, Спенсеръ, Вольтеръ, Руссо, Рабле, д'Израэли, Бэнксъ, Гладстонъ, Сидней, Смитъ, Карлейль, Мишлзъ, Миль, Пасиаль, Боиль, Дарвинъ, Нэри, Прудонъ, Дреперъ и Льюисъ.

Собран. и издан. трудами А. М. ЗЕМСКАГО, подъ редакц. Бострема. 4-е изданіе съ большими дополненіями. № 6368

Цѣна МОСКВА, 1892—93. 2 руб.

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО
ДРА ЛЕНГИЛА
въ ВѢНѢ
для БѢЛЫХЪ СМЯГЧЕНІЯ
и ЧИСТОТЫ
КОЖИ, ЛИЦА
и РУКЪ
Тридае: Коже Сокрѣній Вудъ,
рекомендуется какъ
Хорошее Туалетное Мыло
НАСТОЯЩЕ ТОЛЬКО ЗА ПОДПИСЬЮ
ВАСИЛИ АУРИХЪ въ С. ПЕТУРЪ

L'ILLUSTRATION EUROPÉENNE

Journal international de la famille 16 pages grand format. Deux X-os colories de 24 pages (L'été et Noël) par an. Abonnement 6 roubles par an pour la Russie. Le meilleur moyen d'entretenir l'usage de la langue française dans les familles. X-o Specimen contre envoi d'un timbre de 10 kopecks à l'Éditeur, Bruxelles, Belgique. № 6363

ЗА ГРАНИЦУ!

Въ иностранныхъ магазинахъ продается:

РУССКІЙ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Слова и разговоры на русск., англійск., франц. и нѣмецкомъ яз. Изд. Ц. 1 р. 50 к.

ЭЛЕОПАТЬ

Пр. КИНУНЕНЪ

ДЛЯ ВОЛОСЪ.

ЭЛЕОПАТЬ Кинунена находится для продажи во всехъ больш. аптекахъ и космет. магазинахъ. Цѣна фла. содрж. 120 грамъ 1 р 50 и. безъ перес. № 6260 (5)

Провизоръ Кинуненъ.

Просьба обрабать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ флакона. Провизоръ Кинуненъ.

Главный складъ: Демидовъ пер., № 1.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ

Н. АНИЧКОВОЙ.

Всѣхъ. Въ провинціи, Дѣдушка Павелъ, Крестовская семья. Продаются во всехъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга, во всехъ больш. книжн. магазинахъ Россіи и во всехъ стапійныхъ жезлн. дорожн. Ц. 1 рубль.

ГЛАВ. СКАДЪ МОСКВА
У Л. Я.
СТОЛКНАДЪ.

ЦВѢТЧОЧНЫЙ ОДЕКОЛОРИ
УДОСТОЕННЫЙ
СЕРЕБРЯНОЙ МЕДАЛІ
НА ВСЕРОСС. МОСКОВС. ВЪСТАВКѢ 1892

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ

СРЕДСТВО

для смягченія кожи рукъ и лица.

Цѣна 35 коп.

Продается во всехъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. Ш. № 6371 14-9

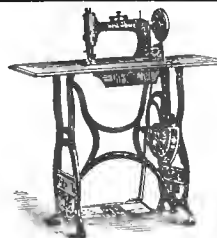
„КАПРИЗЪ НЕВЫ“ Д У Х И — „Капризъ Невы“ О-ДЕ-КОЛОНЪ „Капризъ Невы“ М Ы Л О — „Капризъ Невы“

„Мюскъ“ Духи послѣднія новости „Мюскъ“ Мыло С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ И О-ДЕ-КОЛОНЪ

ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ

Препараты „КАПРИЗЪ НЕВЫ“ отличаются прекрасными достоинствами и изготовлены для выставки въ ЧИКАГО. Ц. № 6281 13-5

СКЛАДЫ: С.-Петербургъ, площадь Александринскаго театра, 9. Москва, Никольская, д. Шереметева. В-ршава, Новый Свѣтъ, 37, и въ лучшихъ жезлн. дорожн. Пшери.

НЬЮ-ГОМЪ

оригинальная, американская усовершенствованная

ШВЕЙНАЯ МАШИНА

К° „НЬЮ-ГОМЪ“, въ Оранжъ (Шт. Массачусетс, Сѣв. Америка) пользуется всемирною извѣстностью; проста, прочна, изящна; отличается: высокимъ ругавомъ, повнмъ удобнымъ регуляторомъ для натяженія нити и проч. Работаетъ легко, быстро и безъ шума; даетъ чистую, ровную, 2-мя нитками шнтору строчку; употребляетъ пряжу (а о-вставляющуюся (безъ вѣрки) нгу; годна для домашнего и ремесленного употребленія; шьетъ все: отъ тончайшей кисеи до толстѣйшаго сукна.

ГАРАНТИЯ 5 ЛѢТЪ.

Прейс-курanty и описаніе по требованію.

Складъ и коптора „НЬЮ-ГОМЪ“, Москва, Мясницкая, д. Сытовыхъ.

Главный представитель для всей Россіи: „Работникъ“.

Высоч. утвержд. Товарищество. М.-скъ, Петербургъ, Кіевъ и Тамбовъ. 10-10

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ БЕРЛИНЪ,

Егерштрассе, 46, рекомендуетъ какъ повѣнее произведеніе качества и въ богатой уа-бовѣ парфюмерію

„BOUQUET RUSSE“.

Духи
ТУАЛЕТНАЯ ВОДА.

ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
Сапе.

Можно получить во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ магазинахъ, въ парфюмер-скихъ и у Дроздистовъ. № 5505 (25)

1865.

1882.

1870.

ТОВАРИЩЕСТВО

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАПУФАКТУРЫ

въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году.

просить при покупкѣ
обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ

№ 6372 26-1

въ особенности на ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГЕРБЪ

право пользованія которымъ принадлежитъ исключительно Товариществу Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры, и годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).

1860
Т.А.Р.М.
С.ПЕТЕРБУРГЪ

**3-й
ВЫГРЫШ-
НЫЙ**
(Дворянскій) заемъ,
1 мая тиражъ, про-
даетъ на условіяхъ
дешевыхъ и добросовѣстныхъ
БАНКИРСКИЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,

59, Цевскій, Спб. (4-4)

1 марта с. г. на билетъ II займа
сер. 02031 № 25, купленный въ Банк.
Домъ съ задаткомъ 20 руб., налъ
выигрываетъ въ 5000 рублей.

КАТАЛОГЪ
на 1893 г.

БЕЗПЛАТНО
АНГЛИЙСКІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ
старѣйшей фабрики
компаніи **РУДЖЪ** Ковентри
съ новостями на 1893 годъ.
Представители для всей Россіи
Ц. № 62/9 торговый домъ 8-7
АБАЧИНЪ и ОРЛОВЪ.
Москва, Мясницкая, д. Сытова.

ГЛИЦЕРИНОВОЕ
МЫЛО № 593
(8)
НА БЕРЕЗОВОМЪ СОКУ.
Носетина А. ЭНГЛУНДЪ.

Для излѣченія лица. Цѣна 50 коп. Осте-
регаться поддѣлокъ. Трѣбовать под-
писи **А. ЭНГЛУНДЪ** красными черни-
лами. Получать можно во всѣхъ извѣст-
ныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ
торговляхъ Россійской Имперіи.

EAU, PÂTE, POUDRE
DENTIFRICES

DOCTEUR PIERRE
DE LA
FACULTÉ DE MEDECINE
DE PARIS
EN VENTE PARTOUT

№ 6335 13-12

КУЗЬМИЧЕВСКАЯ ТРАВА.

Смолистый хвойникъ, по 1 р. ф. Отборная,
съ корнями по 2 р. ф. безъ пересылки. На-
ставленіе при посылкѣ нѣж. плат. Складъ
хвойника Пнк. А. Тетюкина, въ Бузулукѣ,
Сам. губ. Ищу агентовъ. № 6370

ЛЕШНИКЪ и ГЮЗНИКЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставля-
ютъ черную краску, которую печатается
иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2450.

ГЛАВНОЕ ДѢЛО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ (5)

Специалистъ хронометровъ.
СПбурѣ, Невскій пр. № 52
прот. Имп. Публ. Библиотеки.
Подробный иллюстр. прейсъ-
курантъ по запросу. Бесплат-
но. Пересылка на счетъ ма-
газина. Ручательство на 2 года. № 6383

КУЗЬМИЧЕВСКАЯ ТРАВА.

Смолистый хвойникъ, рѣдкость, съ ягодой по
2 р. ф. Боровая, майскаго сбора по 1 р. ф.
безъ перес.; съ подробн. наставл.; нудами
уступка. Бузулукъ, Самарской губ. Г. А.
Хохловой. Высылаю и нѣж. платежемъ.

УДОЧКИ

и всѣ вообще принадлежности для рыб-
ной ловли получены изъ Англіи въ боль-
шомъ выборѣ въ маг. С. И. Дойникова
Невскій просп.,
№ 27. Милютинъ рядъ. № 27.
С.-Петербургъ.
Иллюстрированный прейсъ-курантъ ры-
боловныхъ принадлежностей
высылается бесплатно.

PARFUMERIES
aux

Violettes de Parme
ED. PINAUD

Savon.... aux Violettes de Parme

Essences... aux Violettes de Parme

Huile.... aux Violettes de Parme

Poudre de Riz aux Violettes de Parme

37, BOULEVARD de STRASBOURG

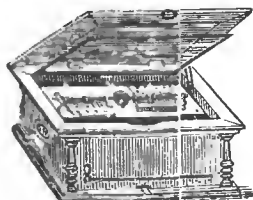
PARIS

GRAND PRIX

EXPOSITION-PARIS 1889

СИМФОНІОНЫ.

То тонко подходит къ швейцарскимъ музыкальнымъ инструментамъ; вмѣсто ваза у нихъ стальные нотные листы, которые легко мѣняются.

Съ ручной, безъ нотъ, 6 р. Ноты по 35 к.
Заводной, безъ нотъ, 16 р. Ноты по 35 к.
Заводной, 60 тонн., безъ нотъ, 30 руб.
Ноты по 60 коп.
Заводной, 84 тонн., безъ нотъ, 45 руб.
Ноты по 75 коп.
Заводной, 84 тонн., „Sublime Harmonie“, безъ нотъ, 80 р. Ноты по 1 руб.
Заводной, 100-тонный, „Sublime Harmonie Piccolo“, безъ нотъ, 125 р.
Ноты по 1 р. 50 коп.

Новости! Часы съ музыкой (съ механизмомъ 100-тоннаго симфоніона), безъ нотъ, 250 руб. Ноты по 1 р. 50 коп.
Каталоги нотъ для этихъ инструментовъ и иллюстрированный прейсъ-курантъ — курантъ бесплатно.

Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно.
По полученіи задатка приблизительно 1/3 стоимости заказа требуемое высылается съ наложеннымъ платежомъ на остальную сумму.

**ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ
ЦИММЕРМАНЪ**

главное депо
музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, В. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарина.

Leichner's Fettmilder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.

Пудра для вечера и дня, незаменима на кожѣ! Косметическое средство для улучшения красоты кожи! Цена коробки 1 рубль!

Театральная гримировка! Жирная румяна, бѣлота. Карандаши для бровей!

Получается во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ Бельгійскихъ Императорскихъ театровъ.

Главный складъ для всей Россіи: у В. Аурихъ, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

СТРАХОВАНИЕ ПАССАЖИРОВЪ ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ.

В. № 6201 8-8

Страховые билеты Общества „Россія“ выдаются во всѣхъ агентствахъ Общества и также на вокзалахъ Главныхъ станцій желѣзныхъ дорогъ предъ отходомъ поѣздовъ.

ПАВЕЛЬ БУРЪ

В. № 6331 6-8

поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, на Невскомъ просп., д. 23. Москва, „до В. Лубякъ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.

Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высылаю по требованію, бесплатно.

рекомендую новѣйшіе препараты высшаго качества моего собственнаго изобрѣтенія.

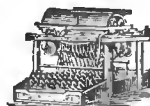
І. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

Шведскій зубной эликсиръ. . . фл. 80 к.
Шведскій зубной порошокъ . . . кор. 50 к.
Шведская зубная паста. . . кув. 30 к.
Шведская ароматическая вода . . . фл. 75 к.

Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи.

Главный складъ: Демидовъ пер., № 1. Спб.

Парфюмеръ І. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

ПИСЬМАННАЯ МАШИНА 25-15**РЕМИНГТОНА № 5**

„НОВѢЙШАЯ ИЗЪ ВСѢХЪ СУЩЕСТВУЮЩИХЪ СИСТЕМЪ“

признана лучшей въ свѣтѣ. Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежденій.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылаются безплатно. № 5999

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва, С.-Петербургъ, Варшава, Одесса, Екатеринбургъ, Кокандъ.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. За условіями обрац. письменно: Генрихъ Блоннъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59. 12-4

Введенныя нами въ продажу лѣтнія полуботиночки „ЛЕГКІЕ СКОРОХОДЫ“

ЧЕРНЫЕ, КОРИЧНЕВЫЕ И ЛАКИРОВАННЫЕ ДЛЯ МУЖЧИНЪ, ДАМЪ И ДѢТЕЙ

заслужили неожиданное одобреніе, а также и громадный спросъ на нихъ со стороны публики не далъ намъ возможности удовлетворить всѣхъ торговцевъ и поэтому много желающихъ имѣть эту превосходную для лѣта обувь должны были остаться безъ таковой; вслѣдствіе чего мы просимъ заказывать оную заблаговременно, потому что заказы будутъ нами изготовляемы по очереди ихъ вступленія, такъ что

КТО ПОЗДНО ЗАКАЖЕТЪ, — ПОЗДНО ПОЛУЧИТЬ.

Благодаря особенностямъ постройки, соответственно повѣшанью, возмѣрившимъ на счетъ механики движенія суставовъ стопы, получившимъ предлагаемаго образца соединяющихъ въ себѣ всѣ преимущества, какъ по отношенію къ требованіямъ, дающимъ возможность пѣшеходу совершать болѣе продолжительные переходы, безъ ущерба для себя, такъ и для цѣлости обуви. „Легкіе Скороходы“ предохраняютъ ноги въ жаркое время отъ потѣнія, не жмутъ, даютъ имъ возможность нормально развиваться и не теряютъ фасонъ.

„Легкіе Скороходы“ рекомендованы всѣмъ любителямъ удобной обуви.

№ 6371

ТОВ. СПБ. МЕХ. ПРОИЗВОД. ОБУВИ.

Р. Глезеръ въ Ригѣ

фабрика карандашей, грифель и т. п.

Прейсъ-курантъ высылается безплатно, коллекція образцовъ за 1 рубль марками.

Самыя дешевыя фабричныя цѣны.

АГЕНТЫ ТРЕБУЮТСЯ

въ Петербургѣ, Москвѣ и провинціи для продажи галавтерейныхъ товаровъ.

Предложенія адресовать: Варшава, Почтовая контора, „О. Г.“ до востребованія. На отвѣтъ присылать семикопѣечную марку.

Schlesischer Obersalzbrunnen

Oberbrunnen

Первоклассный алькалическій источникъ, съ успѣхомъ примѣняемый съ 1601 г.

Анализъ и подробное описаніе источника высылаютъ по почтѣ безплатно:

Контора отправки нѣмецкихъ минеральныхъ водъ въ ОБЕРЗАЛЬЦЕРУННЪ.

ФУРБАХЪ и СТИБОЛЬ, Зальцбруннъ, въ Силезіи.

10-1 Склады во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Ц. № 6873

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ 56-Й ПРОБЫ СЪ ИСКУССТВЕННЫМИ ПРЕВОСХОДНЫМИ БРІЛЛІАНТАМИ:

№ 254. Золотое кольцо. Шт. 4 р. 90 к., 2 за 9 р. 55 к., 3 за 13 р. 90 к.
№ 358. Золотыя серьги. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 8 р. 90 к. № 6289 10-8
№ 358. Золотыя серьги на шпигелькахъ. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 9 р. 49 к.
№ 401. Золотой браслетъ. Шт. 19 р. 75 к., 2 за 37 р. 80 к.
№ 307. Золотая брошка. Шт. 7 р. 55 к., 2 за 13 р. 90 к.
№ 508. Золотая булавка. Шт. 3 р., 2 за 5 р. 65 к.
Товаръ пересылаю наложеннымъ платежомъ.

БАЗАРЪ МАРКЪ
С.-Петербургъ,
Невскій просп., № 20-31.

PAPIER FAYARD et BLAUN

Пластичная бумага, разрѣшенная Медицинскимъ Департаментомъ. Требуется съ этикетками Fayard et Blau. Пишется во всѣхъ лучшихъ аптекахъ. №5983 (16-16)

АНГЛІЙСКІЕ ДУХИ ВЫСОКАГО ДОСТОИНСТВА ПРОБНЫЙ ФЛАКОНЪ 10 коп.

Парфюмерн. магазинъ Г. ПЮПА. Пассажъ № 52.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

НАЗВАНІЕ ЛУЧШИХЪ ДУХОВЪ:

Эссъ букетъ	Віолетъ де Парма	Бѣлая роза
Жюкей клубъ	Резеда	Милль-Флеръ
Букетъ Императрицы	Люби меня	Акація
Илангъ-Илангъ	Стенлей букетъ	Гладиолусъ
Майскій-Ландышъ	Ірисъ	Киссъ ме кивкъ
Бѣлая геліотропъ	Эдельвейсъ	Испанская ромашка
Бѣлая лилія	Жасминъ	Свѣжее сѣно
Сирень перс.	Опононъ	Черемуха
Лѣвкой	Шипръ	Lilas Henri
Фиалка	Букетъ де Цааръ	Lotus.

ПРОБНЫЕ ФЛАКОНЫ ВЫСЛАЮТСЯ НЕ МЕНѢЕ 10 ФЛАКОНОВЪ ЗА 1 р. 40 к. съ пересылкой во всѣ города Россіи. (Иромъ: СИБИРЬ)

Велосипеды англійскаго завода „Гумберъ и К°. Лмтд.“

лучше въ свѣтѣ!

предлагаетъ торговый домъ

Г. ЖЕМЧИЖА и К°.

Москва, Неглинный просп., доп. Едининой.

Прейсъ-курантъ — безплатно.

При этомъ не прилагается для гг. городскихъ подписчиковъ объявленіе отъ Банинскіи конторы Генрихъ Блоннъ въ Спб.

Дозвол. цензур., Спб., 21 апрѣля 1893 г.

Изданіе А. Ф. Маркса, Спб., Невскій, 6.

Тип. А. Ф. Маркса, Спб., Подъяч., № 1.

Библиотека „Гуниверс“

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН №№ съ 6—10 рис. въ каждомъ и еженѣсячн. даров. прилож. 12 книгъ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖСН. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис. и ЛИСТА ЧЕРТЕН. ВЫКРОЕЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Ц. этого № безъ (Сборника 20 к., съ пер. 25 к. Выданъ 1 мая 1893 г.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1893 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

въ „НИВѢ“ принимаются за строку нонпарейль (1/4 шпр. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 1 руб. — Загран.: для Франціи у Agence Havas по 3 fr.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 2 марки 50 pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петер-

бургъ

5 р.

Съ доставкою въ Петер-

бургъ

6 р.

50 к.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 10 р.

На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 н., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 75 н., съ перес. иногор. 1 р. 75 н.

На 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 н., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 н., съ перес. иногор. 3 р. 50 н.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин. 6 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе го- 7 р.

рода Россіи

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленія отъ тор- говыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городсинхъ подписчиковъ по особому соглашенію

При семъ № прилагаются: 1) СБОРНИКЪ „НИВЫ“ ЗА МАЙ. 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за МАЙ 1893 г. съ 36 рис. и отд. лист. съ 30 черт. выкр. въ натур. велич. и 45 рис. рукодѣльных работъ.

Пейзажъ. Карг. Ольдь-Кромъ, автотипія Ангерера и Зигель.

Воля судьбы.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе).

XI.

Factum — fatum est.

Около двухъ мѣсяцевъ провелъ Сень-Жерменъ въ Кенигсбергѣ, и, въ продолженіе этого времени, не только измѣнилась самая жизнь Артемія, но и внутреннее его состояніе стало инымъ. Онъ словно росъ съ каждымъ днемъ, съ каждою повою бесѣдой съ этимъ удивительнымъ человѣкомъ, взывшимъ его подъ свое покровительство.

Они видались часто, и съ истиннымъ удовольствіемъ ходилъ Артемій каждый разъ въ маленький домъ за Прегелемъ.

Здоровье его окончательно поправилось, опять-таки благодаря графу, который самъ давалъ ему лѣкарство.

Объ расформированіи Тарасовскаго полка не было и рѣчи послѣ того, какъ зная его было найдено.

Напротивъ, теперь тарасовцы комплектовали свой полкъ подходящими изъ Россіи новобранцами. Артемій вмѣстѣ съ дядей-капраломъ усердно занимался подготовленіемъ и обученіемъ ихъ, распределяя занятія по службѣ между чтеніемъ книгъ, которыя давалъ ему Сень-Жерменъ, и бесѣдами съ графомъ.

Мало-по-малу изъ тѣхъ незнакомыхъ прежде Артемію молодыхъ людей, которыхъ онъ увидѣлъ первый разъ, въ день приѣзда графа въ Кенигсбергъ, составился тѣсный кружокъ, связанный взаимною дружбой, и центромъ этого кружка сталъ, разумѣется, Сень-Жерменъ. Благодаря своему образованію, Артемій, несмотря на свой сѣражскій мундиръ, былъ тутъ вполне равноправнымъ...

Впрочемъ, со-дня-на-день ждали его производства въ слѣдующій, капральскій чинъ.

Болѣе другихъ Артемій сошелся съ Орловымъ, и болѣе другихъ сожалѣлъ поэтому, когда стало извѣстно, что Орловъ вмѣстѣ съ Зиновьевымъ будетъ сопровождать въ Петербургъ взятаго въ плѣнъ въ сраженіи при Цорндорфѣ адъютанта Прусскаго короля — Шверина.

Торичіоли тоже совсѣмъ измѣнился. Артемію невольно стало смѣшно, когда итальянецъ, не знавшій, разумѣется, чьихъ рукъ это дѣло, и не подозревавшій даже о присутствіи въ Кенигсбергѣ графа Сень-Жермена, пришелъ съ извѣстіемъ, что онъ разочаровался въ своихъ опытахъ.

— Но вы не безпокойтесь относительно вашихъ депешъ, сказалъ онъ Артемію, — я вамъ верну ихъ — будьте совсѣмъ, совсѣмъ спокойны — подождите немного, и я стану все-таки очень богатымъ человѣкомъ...

„Ну, вотъ онъ сейчасъ станетъ говорить про свое открытіе...“ подумалъ Артемій, и не ошибся.

— Вы знаете, продолжалъ Торичіоли, — я перешелъ отъ алхиміи на чистую химію и сдѣлалъ одно весьма важное открытіе... Теперь вся штука въ томъ, чтобы добиться привилегіи на него отъ русскаго правительства, и тогда мое состояніе обезпечено... Тогда я примусь за исполненіе своего плана!..

— Вы думаете добиться этого здѣсь? спросилъ Артемій, напередъ уже зная, что ему отвѣтить.

— Не думаю. Придется, вѣроятно, ѣхать въ Петербургъ. На это дѣло я достану хоть сейчасъ средства...

„Такъ, такъ и есть!“ опять подумалъ Артемій, и странно было ему слышать такой близкій и до смѣшного вѣрный откликъ расчетовъ графа.

„Боже мой, какъ люди просты, удивлялся онъ, — и какъ легко управлять ими...“

Съ пскрываемымъ восхищеніемъ разсказалъ онъ графу свой разговоръ съ Торичіоли.

— Васъ это удивляетъ? равнодушно спросилъ тотъ.

— Теперь — нѣтъ, но если бы это было раньше, конечно, оно показалось бы мнѣ поразительнымъ.

— Нужно умѣть, отвѣтилъ графъ, — сдѣлать расчетъ такъ, чтобы онъ совпадалъ съ необходимыми слѣдствіями фактовъ, и тогда нельзя ошибиться. Нужно изучить логику событій, которыя слѣдуютъ одно за другимъ въ вѣчной и неизмѣнной послѣдовательности. Я не про Торичіоли, разумѣется, говорю — расчетъ относительно его былъ слишкомъ ясенъ и простъ. Но во всемъ одинъ высшій разумъ направляетъ все. Каждый случившійся фактъ неизбеженъ, какъ предопредѣленіе, но это предопредѣленіе — слѣдствіе законовъ высшаго разума...

Артемій давно уже научился понимать, или, вѣрнѣе, отгадывать сжатый языкъ своего учителя, но слова Сень-Жермена о предопредѣленіи смущали его, и онъ невольно подумалъ о фатализмѣ.

— Нѣтъ, это не фатализмъ, сказалъ графъ, имѣвшій способность, которую Артемій зналъ и любилъ въ немъ — отвѣчать во время разговора не только на слова, но и на мысли своего собесѣдника. — Нѣтъ, это не фатализмъ. Фатализмъ былъ бы въ томъ случаѣ, если-бъ человѣку, при его рожденіи, заранѣе опредѣлялась судьба, отступить отъ которой онъ не имѣлъ возможности, какъ вѣрять магометане... На самомъ дѣлѣ, человѣкъ вполне способенъ сдѣлать изъ своей жизни все, что онъ вздумаетъ, но высшій, всевѣдущій разумъ предвидитъ заранѣе его дѣянія. Вотъ и все. Если кто-нибудь сказалъ бы про васъ, когда вы вдали въ свою алхимію, что вы сойдете съ ума, потому что вы на пути къ тому — и, дѣйствительно, вы лишились разсудка... Значило бы это, что вы лишились разсудка потому именно, что про васъ сказали такъ?.. Нѣтъ. Но про васъ сказали такъ потому, что вы стояли на пути къ сумасшествію. Справедливость не есть то, чего желаетъ Господь, но Господь желаетъ только того, что есть справедливость...

Пробывъ въ Кенигсбергѣ два мѣсяца, графъ Сень-Жерменъ простился съ новыми своими друзьями. Онъ сдѣлалъ все, что ему нужно было сдѣлать тутъ, и ѣхалъ обратно въ Парижъ.

Графъ всегда путешествовалъ одинъ, и никто не зналъ, какимъ образомъ совершаются эти его значительныя путешествія съ одного мѣста въ другое, но никогда онъ не пропустилъ назначеннаго имъ срока, и никогда не бывалъ въ дорогѣ дольше, чѣмъ нужно было для самаго скорого переѣзда.

И на этотъ разъ Сень-Жерменъ явился въ Парижъ ровно черезъ столько времени, которое оказалось необходимымъ, чтобы пара лошадей, нигдѣ не останавливаясь, провезла его карету отъ Кенигсберга до столицы Франціи, словно ни непріятельской арміи, ни дорожныхъ случайностей, ни дорожныхъ преградъ для него вовсе не существовало...

Въ Парижъ приѣхалъ онъ въ двѣнадцать часовъ, а въ половинѣ перваго сидѣлъ уже въ гостиной принцессы Цербетской, безъ тѣни усталости въ лицѣ, веселый, разодѣтый, блестя брильянтами и кружевами, какъ будто часа три, но крайней мѣрѣ, былъ уже занятъ сегодня своимъ туалетомъ.

— И неужели, говорила принцесса, обрадованная приѣздомъ его, — неужели вы, только что копчивъ ваше длинное путешествіе, чувствуете себя такъ же хорошо и бодро, какъ мы, другіе, не можемъ себя чувствовать даже послѣ вечера или бала, проведеннаго наканунѣ?..

— Какъ видите, принцесса...

— Ну, я очень рада васъ видѣть. Хотите знать парижскія новости?.. Я сейчасъ разскажу вамъ ихъ.

— Главная из них, принцесса, та, что маркиз Шуазель занял пост министра иностранных дел?

— Вы знаете это?

— Я думаю, и другие, менее важные, тоже... извѣстны мнѣ... Вы, конечно, знаете послѣдній разговоръ маркизы...

Принцесса открыла большіе глаза.

— Какой разговор? спросила она.

И графъ съ обычною своею спокойною улыбкою сталъ разсказывать ей весь разговоръ, который она, бывшая все время въ Парижѣ, не знала еще.

— Ну, я вижу, протянула она,—что вамъ не только извѣстно то, что и мнѣ, но даже больше... Положительно, вы необыкновенный человекъ!..

— Развѣ такъ необыкновенно знать, что случается въ столицѣ міра, какъ называютъ Парижъ?.. отвѣтилъ графъ.

— Нѣтъ, но оно, конечно, досадно... Я думала сама удивить васъ... Впрочемъ, у меня есть для васъ вещь, которая, можетъ быть, поразитъ васъ... Помните, бумага, которую вы мнѣ дали передъ вашимъ отъѣздомъ въ ложѣ, въ театрѣ?..

— Я никогда ничего не забываю, принцесса.

— Да, ее долженъ былъ подписать этотъ богатъ, старая развалина, маркизъ Каулуччи... Такъ вы просили?..

— И онъ подписалъ ее?..

— Вы и это знаете?

— Нѣтъ, принцесса, но предполагаю только—это зависѣло отъ васъ, а я увѣренъ, что если вы пожелаете, то все будетъ такъ, какъ вы захотите...

— На этотъ разъ ваша любезность справедлива, графъ,—бумага подписана... Маркизъ Каулуччи давалъ намъ балъ, онъ, дѣйствительно, ведетъ въ Парижѣ широкую жизнь... Онъ долженъ быть страшно богатъ...

И, говоря это, она встала со своего мѣста, подошла къ письменному столу со шкапиками розоваго дорогаго, съ инкрустаціями, дерева, достала оттуда сложенную бумагу и протянула ее графу.

— Вотъ она, и надись маркиза красуется на ней, добавила она.—Довольны-ли вы мной, графъ?

— Я не знаю, какъ благодарить вашу свѣтлость, тѣмъ болѣе, что случилось то, что я предполагалъ—самъ бы я не могъ добиться этого.

— А что?

— Маркизъ Каулуччи сегодня умеръ въ ночь.

Принцесса остановилась пораженная.

Это была уже вторая новость, которую ей сообщалъ этотъ только что пріѣхавшій въ Парижъ человекъ.

— Ахъ, это ужасно! проговорила она.—Я его вчера только видѣла...

И она грустно задумалась, ощущая то особенно неприятное чувство, которое испытываетъ человекъ при извѣстіи о внезапной смерти кого-нибудь, съ кѣмъ говорилъ и кого видѣлъ накануне.

Графъ замѣтилъ это ощущеніе и, чтобы отвлечь его, спросилъ принцессу, какимъ образомъ была подписана бумага.

— Вы мнѣ столько оказали услугъ, графъ, отвѣтила она,—что мнѣ было пріятно постараться исполнить вашу просьбу—и я ее исполнила. Какъ?—не все-ли вамъ равно... Случай помогъ мнѣ... вотъ и все. Но какой случай—пусть останется моею тайной...

Графъ не разспрашивалъ дальше. Онъ умѣлъ уважать чужія тайны.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Давнишніе пріатели.

Конецъ весны 1762 года стоялъ надъ Петербургомъ не только теплый, но жаркій, какой часто бываетъ здѣсь, когда солнце, словно предчувствуя, что спрячется лѣтомъ за сѣрыя облака дождливыхъ дней, си-

шить нагрѣть наступившій за зиму воздухъ и порадовать людей своими ласковыми, теплыми лучами.

— Ишь денекъ какой для пріѣзда выдался свѣтлый! говорилъ князь Андрей Николаевичъ Проскуровъ, расхаживая по не совсемъ еще оконченному устройствомъ комнатамъ новаго своего дома на рѣкѣ Фонтанной.

И этотъ свѣтлый день, какъ счастливое предзнаменованіе, радовалъ его, не нарушая внутренняго довольства, которое онъ испытывалъ теперь, а, напротивъ, соответствуя ему... Довольно былъ князь и новымъ домомъ своимъ, и Петербургомъ, сильно измѣнившимся къ лучшему, отстроившимся за тѣ долгіе годы, въ продолженіе которыхъ онъ не былъ здѣсь; пріятно было ему сознаніе оконченной длинной дороги, но самое важное, почему было весело и хорошо теперь на душѣ князя Андрея Николаевича, заключалось въ томъ, что, наконецъ, онъ, проведшій такъ много времени въ деревнѣ, въ глуши, былъ призванъ теперь въ столицу...

И, главное, онъ никого не просилъ объ этомъ, ни къ кому не обращался, а продолжалъ себя смирно сидѣть въ своемъ Проскуровѣ, и вотъ дождался наконецъ...

„Да, да, наступили свѣтлые дни!“ думалъ онъ, поглядывая и тоже радуясь тому, какъ дворня, подъ предводительствомъ стараго Ивана Пахомыча, ловко и споро работаетъ надъ устройствомъ его будущаго жилища, и жилище это быстро принимаетъ видъ роскоши, достойной для пріема не только кого угодно, но даже самого государя.

„Даже самого государя!“ самодовольно улыбнулся Проскуровъ, нарочно долѣе останавливаясь на этой мысли, какъ бы смакуя ее.

Теперь, въ своихъ занесшихся мечтахъ, онъ помышлялъ уже о пріемѣ у себя государя.

И все это оттого только, что его неожиданно вернули въ Петербургъ, со вступленіемъ на престолъ молодого императора Петра III, того самаго, котораго, вѣскольکو лѣтъ тому назадъ, удалось князю Андрею Николаевичу принять въ своемъ Проскуровѣ.

Проскуровъ, разумѣется, не зналъ, что его возвращеніе случилось гораздо проще, чѣмъ онъ думалъ:

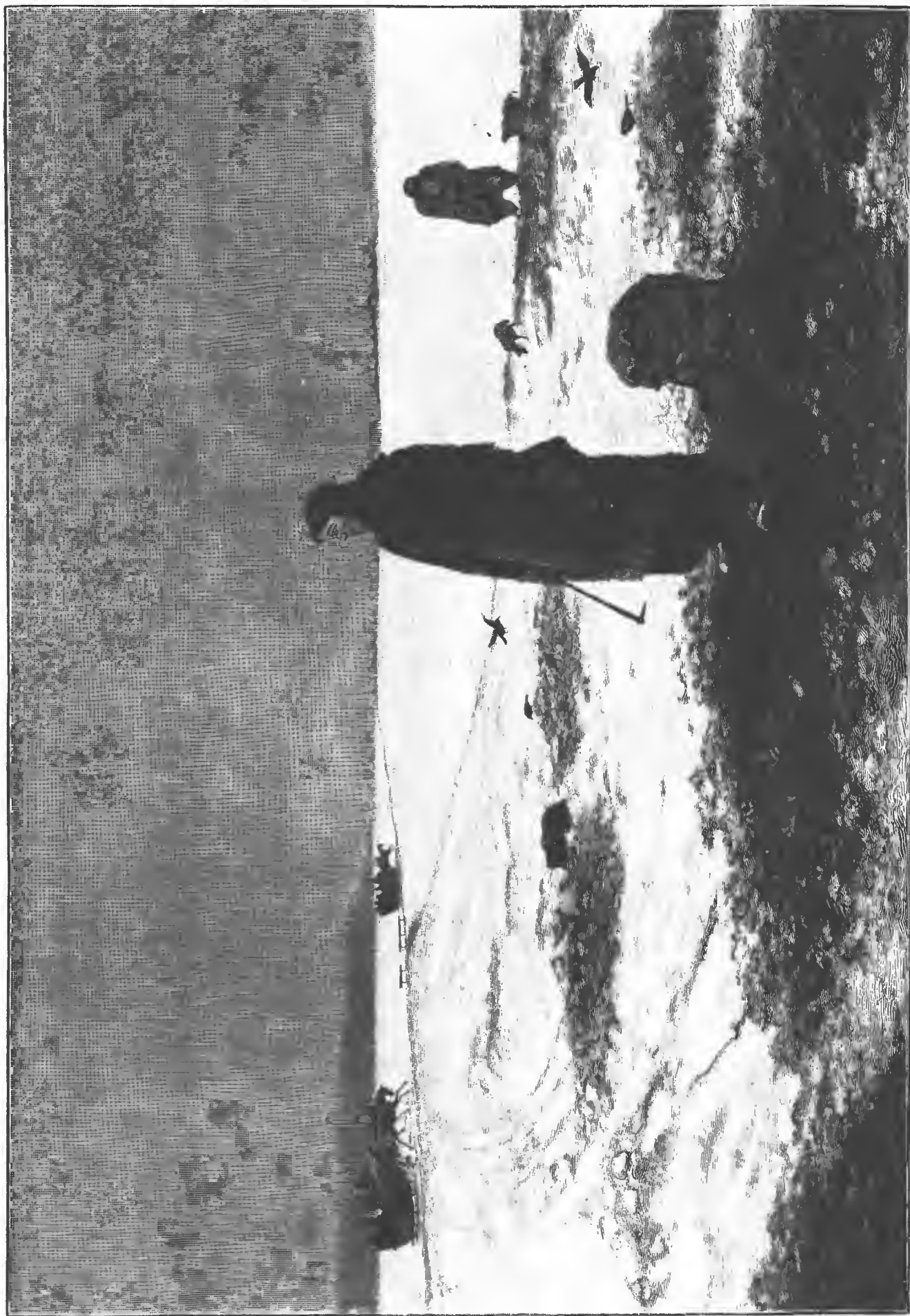
Императрица Елисавета Петровна скончалась 24 декабря 1761 года, и на другой же день рѣзко опредѣлился характеръ новаго царствованія: иностранцы Биронъ, Минихъ и Лестокъ тотчасъ же возвращены изъ ссылки. Единственно замѣтный изъ истинно-русскихъ людей, сосланныхъ, Бестужевъ-Рюминъ, сначала врагъ Екатерины, потомъ другъ, пострадавшій, главнымъ образомъ, изъ-за нея, остался не возвращеннымъ.

По совѣтники новаго императора, подъ влияніемъ которыхъ онъ дѣйствовалъ, и не въ интересахъ которыхъ было помилованіе Бестужева, человекъ совсѣмъ противнаго имъ направленія, понимали, что имена Бирона, Миниха и Лестока слишкомъ неприятно звучатъ для русскаго слуха, чтобы ограничить милости новаго царствованія одними ими... Нужны были еще какіе-нибудь пострадавшіе, но такіе, однако, которыхъ возвращенія бояться было бы нечего.

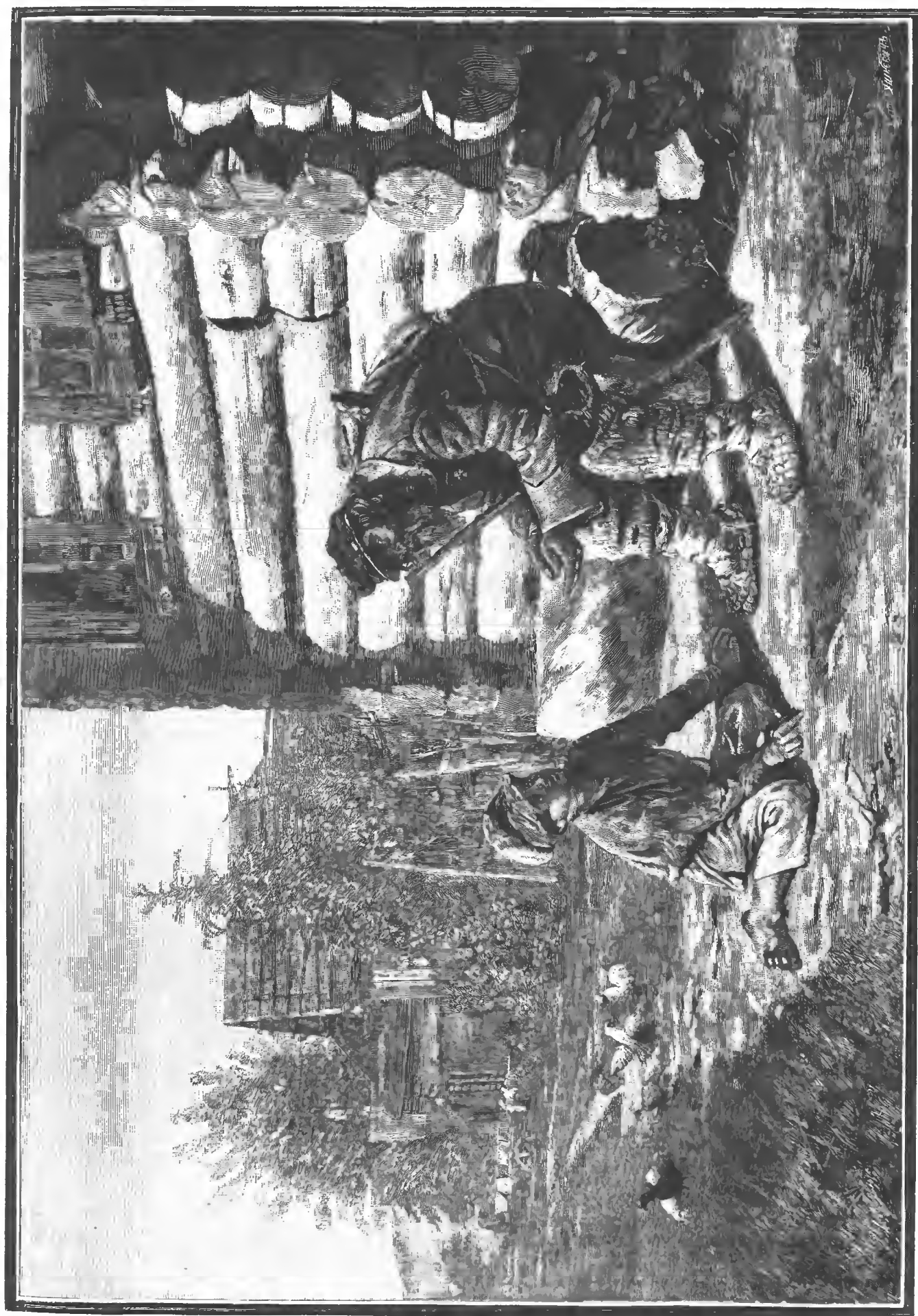
Князь Проскуровъ, вѣчный бригадиръ, вполне подходилъ подъ условія, и между прочими подобными ему вспомнили о немъ и послали указъ въ деревню князя.

Но тамъ, въ этой деревнѣ, указъ произвелъ совершенно иное впечатлѣніе.

Князь Андрей Николаевичъ рѣшилъ, разумѣется, что государь, вѣроятно, вспомнилъ о своемъ посѣщеніи Проскурова, вспомнилъ о немъ, старикѣ, и, нуждаясь въ опытныхъ совѣтникахъ (такъ думалъ старый князь), призвалъ его для дѣятельности, какъ человекъ, столько лѣтъ проведшаго въ провинціи и потому изучившаго ея нужды.

Выставка въ Импер. Акад. Художествъ. „Раннее утро за городомъ“.
Съ карт. А. Котляревскаго (исключительное право воспроизведенія принадлежитъ „Нивѣ“), грав. Рашевскій.

Выставка въ Импер. Акад. Художествъ. „Изъ прошлаго“.
 Съ карт. п. Коренева (исключительное право воспроизведенія принадлежитъ „Нивѣ“), грав. Пястункевичъ.

И какъ каждый мѣряетъ все на свой аршинъ, такъ и князь Проскуровъ ждалъ уже отъ новаго царствованія невѣдомыхъ благъ для Россіи, потому что самому ему, князю Проскурову, было хорошо теперь.

Перваго, кого пожелалъ видѣть князь по приѣздѣ въ Петербургъ, былъ старикъ Эйзенбахъ.

Онъ тогда еще, узнавъ о смерти Карла на войнѣ, написалъ письмо старому барону, которое возстановило между ними прежнія отношенія.

Теперь князь Андрей Николаевичъ, призванный въ Петербургъ, думалъ, что у него сейчасъ же явятся здѣсь болѣе серьезныя, чѣмъ баронъ Эйзенбахъ, связи, что онъ будетъ представленъ государю, познакомится съ лицами, близкими ему, но на первыхъ порахъ баронъ являлся очень удобнымъ человѣкомъ, чтобы узнать отъ него поподробнѣе, какъ отъ столичнаго старожила, въ какомъ положеніи, собственно, находятся дѣла, кто имѣетъ нынче силу, кого слѣдуетъ сторониться и съ кѣмъ дружить.

И Проскуровъ, не теряя времени, въ день же своего приѣзда послалъ сказать Эйзенбаху, что ждетъ его къ себѣ.

Положеніе барона было далеко не цвѣтущее. Разстройство денежныя дѣла и смерть сына сильно повліяли на него. Онъ опустился, постарѣлъ и пересталъ относиться къ жизни съ прежнею энергіей, чувствуя, что теперь не для кого ему стараться: тѣхъ крохъ, которыя остались у него, довольно было, чтобы кончить вѣкъ со старухой-женою, до сихъ поръ не забывшей еще потерю своего Карла, а больше этого, т. е. вотъ чтобы дотянуть остатокъ дней, баронъ ничего не желалъ.

Но извѣстію о приѣздѣ Проскурова обрадовался онъ все-таки очень. Все-таки приятно ему было повидать давнишняго пріятеля своего и посмотреть, какимъ онъ теперь сталъ, и Эйзенбахъ поспѣшно отправился къ князю.

— Ну, здравствуй, старый, встрѣтилъ его тотъ съ распростертыми объятіями. — Ты меня извини, не прибрано еще, ну, да для друзей ничего...

Они обнялись и крѣпко поцѣловались.

Князь Андрей Николаевичъ, въ особенности, въ сравненіи со старикомъ-барономъ, казался такимъ молодцомъ, что тотъ невольно удивился, глядя на его полныя, румяныя щеки и цвѣтущій, довольный видъ.

— Какимъ ты молодцомъ, однако, князь, сказалъ онъ, покачивая головою. — Ну, княжна что, здорова?

Целовко было не спросить про княжну, хотя при воспоминаніи о ней у Эйзенбаха снова, въ одинъ мигъ, поднялось все горе, которое онъ пережилъ послѣ неудачнаго сватовства сына. За этимъ сватовствомъ вѣдъ послѣдовалъ его отъѣздъ въ армію, потомъ смерть и всѣ несчастія.

Князь замѣтилъ это.

— Спасибо, голубчикъ, ничего, здорова, тоже прѣхала, она на своей половинѣ разбирается, отвѣтилъ онъ вскользь, боясь хотя бы чужимъ горемъ разстроить свѣтлое свое настроеніе.

Онъ взялъ барона подъ руку и провелъ черезъ нѣсколько комнатъ.

— Ну, вотъ, сядемъ здѣсь, сказалъ онъ, — тутъ намъ не помѣшаютъ. Ну, рассказывай, что новаго?

— Да что, князь, отвѣтилъ, садясь, Эйзенбахъ, — вотъ прежде всего тебя поздравить надо.

Князь Андрей Николаевичъ улыбнулся.

— Да, батюшка, наконецъ-то мы дождались царствованія благого, справедливаго и мудраго; наконецъ-то мужская рука взяла Россійскій скипетръ!

Баронъ угрюмо молчалъ, видимо, относясь вовсе не такъ ужъ восторженно къ этому новому царствованію, какъ Проскуровъ.

Ему было нечему радоваться теперь. Всѣ радости

его заключались въ сынѣ, котораго отняла отъ него служба, и съ тѣхъ поръ онъ ничѣмъ не могъ быть доволенъ.

— Что же, продолжалъ Проскуровъ, — молодой государь блестяще началъ: уничтожилъ тайную канцелярію, свободу вѣры объявилъ, теперь указъ о вольности дворянской...

Эйзенбахъ вздохнулъ.

— Ты чего вздыхаешь? спросилъ, готовый уже вспыхнуть, Проскуровъ.

Баронъ зналъ и помнилъ эти его вспышки, но теперь, когда ему рѣшительно уже было все равно и онъ не нуждался ни въ чемъ, онъ не боялся болѣе этихъ вспышекъ.

— Конечно, протянулъ онъ, — *намъ* теперь лучше будетъ житься: возлѣ государя стоятъ умные нѣмецкіе люди. Король Фридрихъ — другъ ему, но въ томъ-то и бѣда, что трудно ручаться за то, что удержится все хорошее, что они сдѣлаютъ...

— Какъ трудно ручаться?

— А у насъ такъ идетъ: что сдѣлаютъ сегодня, то раздѣлаютъ завтра... Совсѣмъ, какъ говорится, славны бубны за горами.

Несмотря на долгое пребываніе Эйзенбаха въ Россіи и несмотря на его довольно правильную русскую рѣчь, въ этой рѣчи все-таки проскакивали значительныя промахи. Такъ, онъ прилагательное „тучный“ примѣнялъ только къ „небу“, когда оно бывало покрыто тучами; называлъ иногда комнату „безнечною“, если въ ней не было печки, и вмѣстѣ съ тѣмъ очень любилъ, хотя и не всегда кстати, употреблять чисто-русскія пословицы.

— Вотъ, продолжалъ Эйзенбахъ, — указъ о вольности дворянской: ты знаешь, какъ онъ былъ написанъ? Говорятъ, самъ государь въ сенатѣ сказалъ: „я хочу объявить вольность дворянамъ“. Сенатъ сказалъ: „хорошо“. Генераль-прокуроръ Глѣбовъ предложилъ поставить золотую статую новому императору. Сенатъ сказалъ: „хорошо“, и пошелъ съ докладомъ о золотой статуѣ. Онъ получилъ въ отвѣтъ громкую фразу, что памятника не нужно — самыя дѣла будутъ памятникомъ... А о дѣлѣ и забыли. Прошелъ мѣсяцъ. Императоръ пожелалъ скрыть отъ Елизаветы Воронцовой, что по ночамъ онъ кутитъ...

— Отчего именно отъ Елизаветы Воронцовой?

— Какъ отчего? а ты не знаешь? она-же первое лицо теперь...

— Вотъ какъ! Что-жъ, хороша собою?

— Графа Романа Илларионовича дочь. Нисколько не хороша и не умна вовсе.

— Такъ какъ-же это такъ?

Эйзенбахъ пожалъ плечами только:

— Ну, вотъ онъ пожелалъ отъ нея скрыть и сказалъ, что пойдетъ заниматься важными дѣлами, а самъ ушелъ кутить и заперъ Волкова, тайнаго секретаря, въ комнатѣ, вмѣстѣ съ датскою собакой, сказавъ ему, чтобы къ утру онъ сочинилъ какой-нибудь важный указъ... Ну, вотъ Волковъ сидитъ, собака на него рычитъ, а онъ думаетъ, о чемъ-же онъ будетъ писать? Думалъ, думалъ и написалъ о вольности дворянской...

— Ну, можетъ, это все и врутъ... возразилъ Проскуровъ, которому не хотѣлось вѣрить этому разсказу.

— Нѣтъ, это правда. Штелингъ, Яковъ, — рассказывалъ мнѣ, что онъ, увидѣвъ бывшаго своего воспитанника, т. е. императора нынѣшняго, за пивомъ и съ трубкой, очень удивился, а тотъ ему отвѣтилъ: „чему ты удивляешься, глупая голова! развѣ ты видѣлъ хоть одного, настоящаго офицера, который-бы не пилъ и не курилъ?“ И это постоянно: англійское пиво и вино, — вино и англійское пиво...

Князь Андрей Николаевичъ покачалъ, въ свою очередь, головою.

— Но, вѣдь, все-таки дѣла-то идутъ, сказалъ онъ. — Пока, вѣроятно, другіе дѣлаютъ... ну, а потомъ онъ образумится, въ лѣта войдетъ...

— Однако ему тридцать третій пошелъ!.. и нельзя сказать, чтобы онъ не вмѣшивался—изъ-за этого-то и идетъ такая безтолковщина, что никто въ завтрашнемъ днѣ не увѣренъ!.. Было рѣшено перевести мануфактуръ-коллегію изъ Москвы въ Петербургъ, а потомъ опять указъ: оставить коллегію въ Москвѣ. Возьми еще: 9 января уничтожены полицеймейстеры въ городахъ, а 22 марта они возстановлены, и такъ много очень... И недовольныхъ много. Духовенство и черное, и бѣлое. Черное недовольно тѣмъ, что вотчины у монастырей отпаты, а бѣлое—что сыновей священниковъ забираютъ въ военную службу...

— Да, конечно—это мѣра опасная, согласился старый князь,—но что-жъ, найдутся совѣтники, которые смогутъ воздержатъ... выйдутъ новые люди...

Подъ этими совѣтниками, которые „сумутъ воздержатъ“, и новыми людьми онъ, видимо, разумѣлъ себя...

Эйзенбаху ясно было это...

— Ну, нынче и это трудно. Нынче на стариковъ иначе смотрятъ—прежде всего, всякій желающій служить долженъ идти въ военную службу... Это, говорю, чтобы па виду быть... А въ военной службѣ все на Голштинскій манеръ заведено... Не угодно-ли въ строю служить и маршировкой заниматься...

— То-есть учить, ученія производить, поправить князь Андрей Николаевичъ.

— Нѣтъ, самому маршировать, батюшка... Воиъ князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, сенаторъ, и тотъ исправно во всѣхъ орденахъ, съ лентою, въ мундирѣ съ золотыми нашивками, со своимъ эспантономъ маршируетъ наравнѣ съ молодыми, мѣситъ грязь передъ солдатами...

— Можетъ-ли это быть? опять удивился князь.

— Да на что ужъ гетманъ—младшій Разумовскій, Кирилла—долженъ теперь держать на дому у себя молодого офицера, который учить его новой прусской экзерциции...

Призадумался князь Андрей Николаевичъ, а что какъ вдругъ и его, старого, то же заставить продѣлывать? и его хорошее расположеніе духа быстро стало измѣняться...

Онъ уже не съ прежнимъ удовольствіемъ, какъ началъ, продолжалъ разспрашивать о новыхъ порядкахъ, и, чѣмъ больше рассказывалъ ему баронъ, тѣмъ грустнѣе становилось на сердцѣ—по всему было видно, что время переживается переходное, что такъ, какъ прожили со дня смерти покойной императрицы, жить нельзя долго, и что держава русская находится не въ рукахъ мужа, какъ думалъ сначала Прокуровъ, но въ рукахъ тридцати-трехъ-лѣтняго ребенка, неспособнаго никогда стать не только истинно-русскимъ правителемъ, но, вообще, сдержатъ на своихъ слабыхъ плечахъ тяжелое бремя власти...

— Куда-же ты? посиди еще... сталъ удерживать князь Эйзенбаха, когда тотъ, наконецъ, всталъ, чтобы про- ститься.

Эйзенбахъ просилъ извинить его и отказался отъ обѣда.

— Нѣтъ, пояснилъ онъ,—мнѣ домой пора, видишь-ли—мнѣ сказали, что на-дняхъ долженъ пріѣхать изъ арміи офицеръ того самого полка...

И баронъ не договорилъ, чаще заморгавъ глазами. Андрей Николаевичъ понялъ, что дѣло шло о полку, въ которомъ служилъ Карлъ...

— Ну, такъ вотъ, подхватилъ Эйзенбахъ, стараясь овладѣть собою,—мнѣ обѣщали прислать его ко мнѣ... и я тороплюсь, можетъ быть, онъ пріѣхалъ... до сихъ поръ я не имѣю никакихъ еще подробностей...

Эйзенбахъ заторопился, и, несмотря на уговоры князя, быстро ушелъ. Онъ и то уже засидѣлся слишкомъ долго...

II.

Мать и отецъ.

Офицеръ, о которомъ старикъ-баронъ говорилъ князю Прокурову и котораго онъ ждалъ со-дня-на-день, чтобы узнать, наконецъ, хоть что-нибудь о смерти сына, потому что до сихъ поръ, несмотря на всѣ старанія, это оказывалось невозможнымъ,—былъ присланный курьеромъ изъ арміи Артемій Прокуровскій, но Эйзенбахъ не зналъ, что это онъ, тотъ самый воспитанникъ князя Прокурова, изъ-за котораго разошлась свадьба Карла съ княжною.

Въ военной канцеляріи было извѣстно только, что теперь очередь пріѣхать одному изъ чиновъ Тарасовскаго полка, о чемъ и сообщили барону; знакомый Эйзенбаху начальникъ обѣщалъ прислать курьера къ нему—вотъ все, что онъ зналъ, и до самого офицера ему никакого, собственно, дѣла не было.

Главнымъ лицомъ, черезъ кого старикъ баронъ имѣлъ постоянныя справки изъ военной канцеляріи и даже изъ самого только что образованнаго военнаго совѣта, былъ нѣкогда рекомендованный имъ князю Прокурову итальянецъ Торичіоли.

Теперь Торичіоли, въ продолженіе трехъ лѣтъ возившійся въ правительственныхъ мѣстахъ, чтобы провести проектъ своего усовершенствованія взрывчататаго вещества, имѣлъ въ военныхъ кругахъ нѣкоторыя связи. Дѣло откладывалось съ мѣсяца на мѣсяцъ, но Торичіоли не особенно даже беспокоился этимъ. Видимо, онъ устроился отлично и подъ шумокъ, такъ сказать, своего дѣла обдѣлывалъ разныя дѣла, получая съ нихъ извѣстный доходъ. Положеніе его въ Петербургѣ было настолько хорошо, что Эйзенбахъ удивлялся измѣнчивости судьбы. Давно-ли, кажется, этотъ итальянецъ искалъ его протекціи, когда хотѣлъ попасть къ князю Андрею Николаевичу, и вдругъ теперь барону приходится самому обращаться къ нему съ просьбами. Но не только это, и матеріальное обезпеченіе Торичіоли было, по-видимому, благодаря его ловкости, гораздо лучше теперь, чѣмъ Эйзенбаха.

Одѣтъ онъ былъ всегда прекрасно, имѣлъ возможность бывать въ томъ-же обществѣ, гдѣ и баронъ бывалъ, и главное—умѣлъ стать необходимымъ сильнымъ людямъ.

— Теперь я, говаривалъ онъ,—живу со-дня-на-день, но когда проектъ мой будетъ утвержденъ—тогда уже стану я богатымъ человекомъ...

Съ перемѣною, происшедшею со вступленіемъ на престолъ Петра III, хитрый итальянецъ устроился еще лучше, и хотя проектъ его все-таки утвержденъ еще не былъ,—но деньги уже завелись у него, и довольно большія...

Никто не зналъ, откуда онъ.

Когда Эйзенбахъ вернулся отъ князя домой—оказалось, что онъ не даромъ торопился, потому что почти вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ Торичіоли.

— Ну, что, есть извѣстія? встрѣтилъ его баронъ.—Вы не знаете, явился въ Петербургъ курьеръ изъ арміи?

Торичіоли сказалъ, что явился.

— Тарасовскаго полка?

— Да.

— Что-же, пріѣдетъ онъ ко мнѣ?..

— Вотъ видите-ли, началъ Торичіоли,—когда я сегодня утромъ пришелъ въ канцелярію (слово это онъ произнесъ съ видимымъ пренебреженіемъ, какъ человѣкъ привычный), то сказали мнѣ, что курьеръ пріѣхалъ, но имя его Артемій Прокуровскій...

— Ну что-жъ изъ этого?

— А то, что это тотъ самый Артемій Прокуровскій, который былъ воспитанникомъ князя, и изъ-за котораго произошла вся исторія тогда...

Старый Эйзенбахъ опустил голову.

— Вотъ оно что! протянулъ онъ.—Ну и что-жъ, онъ не хотѣлъ пріѣхать ко мнѣ...

— Пѣтъ, я отправился къ нему. Мы, вѣдь, потомъ еще встрѣчались съ нимъ въ Кенигсбергѣ — пѣ я отправился, собственно, для васъ, потому что думалъ, что вамъ едва-ли будетъ пріятно в дѣть его...

— Ну? сдѣлалъ баронъ.

— Ну, и онъ мнѣ былъ очень благодаренъ. Ему уже приказали поѣхать къ вамъ, и онъ не зналъ, какъ это сдѣлать... онъ мнѣ все рассказалъ...

У двери въ это время послышалось шуршаніе женскаго платья, и старуха-баронесса, не выдержавъ, просунула въ комнату голову... Она не знала, можно-ли войти ей...

— Войди, Луиза, войди, тихо сказалъ ей мужъ, — вотъ Іосифъ Александровичъ привезъ извѣстіе...

Онъ, видимо, хотѣлъ подбодрить и себя, и жену, и какъ-то косо улыбнулся.

Отъ этой улыбки лицо его стало еще грустнѣе.

Баронесса вошла и, не поздоровавшись даже съ итальянцемъ, чтобы не задерживать его разказа, чуть слышно опустила на стулъ у самой двери.

Она такъ и впилась своими красными отъ слезъ глазами въ Торичіоли.

Торичіоли сталъ передавать то, что рассказалъ ему Артемій.

Страшно, при ихъ короткомъ, впрочемъ, сближеніи въ Кенигсбергѣ, они никогда не говорили о Карлѣ. Артемій словно избѣгалъ этого.

Но теперь онъ подробно рассказалъ все, что зналъ, нарочно выставляя въ самомъ лучшемъ свѣтѣ храбрость Карла и поведеніе его подъ пулями.

Торичіоли, передавая разказъ, разумѣется, въ свою очередь, не жалѣлъ красокъ.

— Скажите! не утерпѣлъ баронъ, — онъ былъ сержантомъ въ его ротѣ?... Какъ это странно, какъ это странно!.. и онъ уже офицеръ теперь?..

— О, да, онъ тоже очень храбрый молодой человекъ и вполне заслужилъ свой чинъ, сказалъ Торичіоли, какъ-бы заступаясь за Артемія.

„А все по храбрѣй нашего Карла!“ подумали старики Эйзенбахи.

— Герой, герой... шопотомъ повторялъ баронъ про сына, слушая Торичіоли.

Но когда тотъ дошелъ до того мѣста, когда Артемій увидѣлъ, какъ упалъ Карлъ и бросился къ нему — крѣпившійся до сихъ поръ Эйзенбахъ не выдержалъ и, закрывъ лицо руками, заплакалъ, какъ ребенокъ.

Баронесса не плакала. У нея слезъ не было. Она только осталась все въ той-же случайной и неловкой позѣ на стулѣ, какъ сѣла, и, казалось, забыла теперь все... забыла, что люди могутъ словъ утѣшенія, могутъ выразить, облегчить свое горе — только мускулы лица ея судорожно тряслись и изрѣдка вздрагивали ея худыя, тонкія руки.

Торичіоли казался тоже расчувствованнымъ и тронутымъ.

Но у него волненія хватило именно на столько времени, пока онъ сидѣлъ у Эйзенбаховъ. Долго оставался ему было у нихъ некогда. Онъ окончилъ свой разказъ, сказалъ нѣсколько словъ утѣшенія, и затѣмъ, вдругъ принявъ изъ грустнаго дѣловой видъ, поднялъ брови и началъ прощаться.

Каждый часъ у него былъ теперь расчитанъ, и онъ, сдѣлавъ, какъ онъ думалъ, для Эйзенбаховъ „все, что могъ“ — поспѣшилъ дальше. Было безъ четверти два, а ровно въ два онъ уже долженъ былъ увидѣться съ однимъ изъ земляковъ своихъ, пьемонтцемъ Одаромъ, бывшимъ прежде личнымъ секретаремъ новой императрицы и теперь управлявшимъ небольшою, принадлежавшею ей, мызой въблизи Петербурга.

Торичіоли всюду ухѣлъ пробраться.

(Продолженіе будетъ).

Казаки и ихъ тактика.

Послѣ разгрома Россіи монголо-татарами и въ первое время ея собиранія восточная часть южно-русскихъ степей представляла изъ себя обширную необитаемую степь, покрытую густой и высокой, въ ростъ человека, травой; по ней бродили только стада дикихъ животныхъ, а богатство почвы и всѣ дары природы этой благословенной страны лежали петроцутыми. Иногда видны были тамъ шайки свирѣлыхъ татаръ, прокрадывавшіяся волчьими тропами къ памѣченной мѣстности многострадающей русской окраины. Какъ степной ураганъ, налетали онѣ на села и деревни русскія и, послѣ дѣлаго ряда убійствъ и грабежей мирнаго населенія, отягощенные добычей и массой плѣнниковъ и плѣнницъ, возвращались къ своимъ кочевьямъ. Тяжелыя на подъемъ русскія княжескія дружины, большею частью, не успѣвали предупредить внезапнаго набега этихъ степныхъ хищниковъ, которые на своихъ быстрыхъ коняхъ легко ехривались безслѣдно, распродалая потомъ свой живой товаръ на рынкахъ Малой Азіи и даже Африки. Русскіе князья всѣмъ мѣрами старались оградить страну отъ подобныхъ опустошительныхъ набѣговъ, но трудно было бороться съ этимъ вседѣствующимъ и неуловимымъ врагомъ, и потому княжескія дружины оказывались въ подобныхъ случаяхъ совершенно несостоятельными.

Очевидно, что многочисленный, храбрый и способный русскій народъ не могъ мириться съ положеніемъ такого рода и онъ нашелъ для сего средство, создавъ *казачество*. Самою снзю вещей должны были выдвинуться впередъ совершенно новыя элементы для борьбы съ татарами, ибо того требовали наеущіишіе интересы нашего отечества. Казачество создано и выдвинулось на политическую сцену само-собой, вслѣдствіе жизненнаго запроса даннаго періода времени.

Приволье и богатство южныхъ степей давно уже манило къ себѣ смѣлыхъ людей, которые по тѣмъ или другимъ причинамъ не могли усидѣть на родинѣ. Въ этомъ, какъ и во всякомъ дѣлѣ, самое трудное было положить начало.

Есть темныя преданія, сохранившіяся въ пѣсняхъ, что начало Донскому казачеству положено было новгородской вольницей — ушкунниками, но это представляется сомнительнымъ.

Какъ-бы то ни было, но первый „станъ“ казачій былъ основанъ въ Раздорахъ (нынѣшняа Раздорская станица), и послужилъ ядромъ для первоначальнаго сложенія казачества. Казаки кое-какъ укрѣпили Раздоры и счастливо отбили первый нападѣніе татаръ, а вслѣдъ за еимъ и сами стали понемногу

дѣлать набѣги. Вскорѣ молва о привольномъ и удачномъ житѣ въ Раздорахъ стала привлекать со всѣхъ сторонъ толпы смѣлыхъ чачковъ, и поселеніе быстро возросло и окрѣпло. Казаки не были особенно требовательны въ отношеніи пришельцевъ и не справлялись о прошлой ихъ жизни, ставя непремѣнно одно только условіе — несомѣдываше православною вѣры.

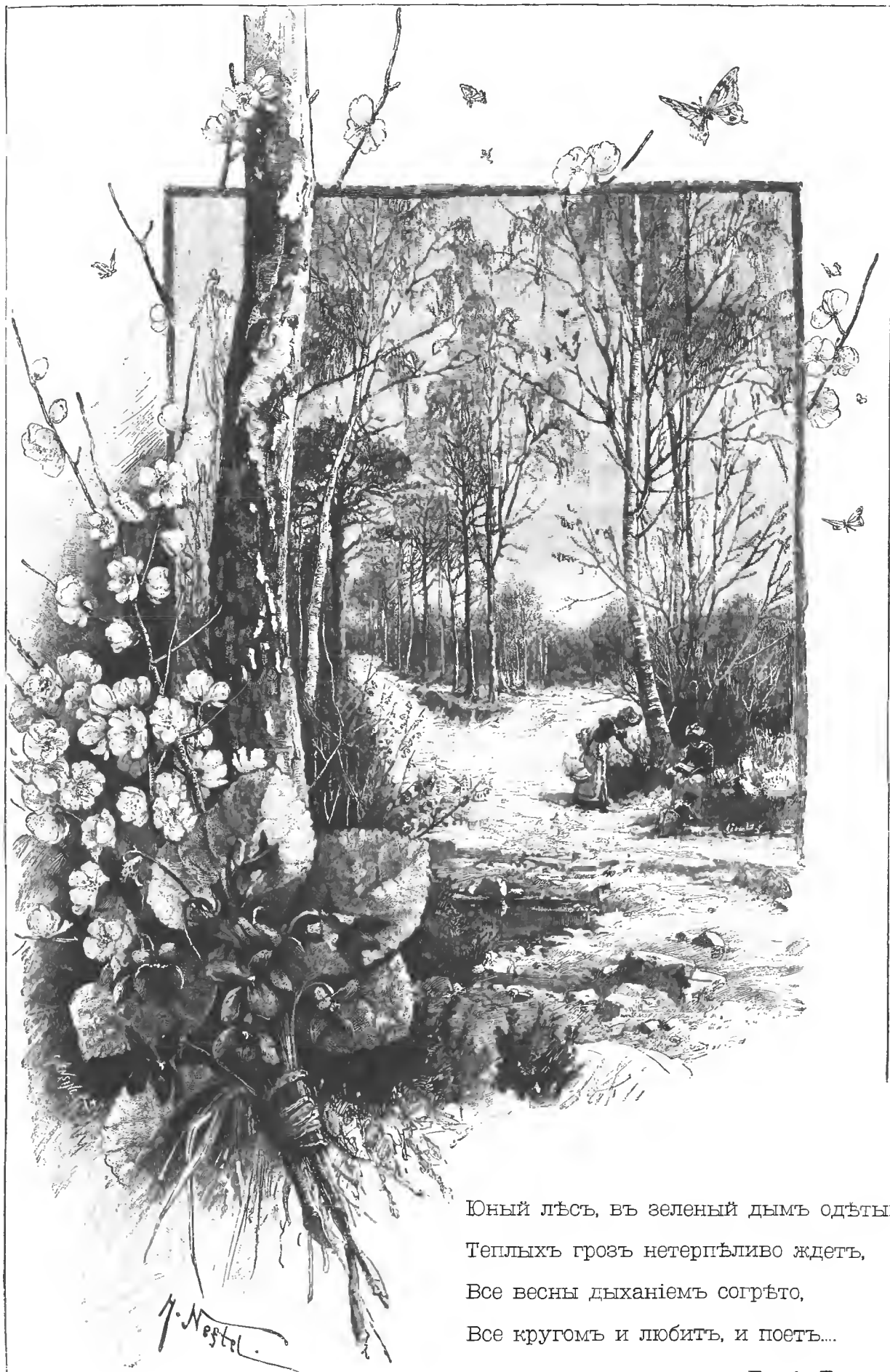
Первый сильный толчокъ росту и усилению казачества дали запорожцы — *черкасы*, пришедшіе изъ Запорожской сѣчи въ количествахъ нѣсколькихъ сотъ человекъ и основавшіе особый городокъ Черкасскъ, неподалеку отъ татарскаго оплота — крѣпости Азова.

Это переселеніе запорожцевъ вызвано было преслѣдованіями поляковъ и введеніемъ Уши и пмѣло рѣшающее вліяніе на послѣдующее развитіе и укрѣпленіе Донскаго казачества. Основавъ Черкасскъ, запорожцы начали дѣлать отчаянно смѣлыя набѣги на татаръ, и скорѣ слухи объ ихъ молодечествѣ и богатой добычѣ, которую они привозили съ собою изъ набѣговъ, стали собирать къ нимъ толпы удалцовъ и головорезовъ, искавшихъ волн и добычи. Черкасы были безшабашные гуляки и люди буйные; при безбрачій, которое они принесли изъ Запорожья, они прокучивали въ попойкахъ всю награбленную добычу, и потому въ Черкасскѣ установился веселый и воинственный образъ жизни. Молодежь, скучая суровой и строгой жизнью въ Раздорахъ, толпами устремлялась въ веселый Черкасскъ и поступала въ запорожскія дружины. Казачество, видимо, начинало тяготѣть къ этому новому стану, который искорѣ и сдѣлался средоточіемъ всей войсковой жизни.

Вторымъ сильнымъ толчкомъ къ увеличенію и укрѣпленію казачества послужило закрѣпощеніе крестьянъ на Руси. Всѣ не мирившіеся съ установившимся порядкомъ вещей, вся безпокойная и буйная молодежь, привлекаемая молвой о богатствѣ и удачной жизни казаковъ, хлынула на Донъ, входя въ образовавшіяся общества или основывая самостоятельные станы. Постепенно заселилось среднее теченіе Дона и его притоковъ съ преобладаніемъ великорусскаго племени; на нижнемъ теченіи явственно замѣчалась примѣсь малороссійскаго типа.

Низовые казаки, послужившіе ядромъ для образованія казачества, третировали нѣсколько свысока верховцевъ, называя ихъ пренебрежительнымъ „чига“.

Каждая станица управлялась атаманомъ, котораго выбирали

Юный лѣсъ, въ зеленый дымъ одѣтый,
Теплыхъ грозъ нетерпѣливо ждетъ,
Все весны дыханіемъ согрѣто,
Все кругомъ и любить, и поеть....

Гр. А. Толстой.

Весенній день. Рис. Г. Нестель, грав. Гензлингеръ.

въ кругу, а для выбора войскового атамана ежегодно собирався войсковой кругъ, гдѣ часто буйные казаки устраивали кровавыя расправы другъ съ другомъ. Казаки занимались рыболовствомъ и охотой, а земледѣліе находилось въ пренебреженіи, и первоначально существовали даже постановленія „бить батожемъ“ казаковъ, которые имъ занимались.

Не имѣя достаточно женщинъ въ своихъ военныхъ обществахъ, казаки приводили много плѣнныхъ татарокъ, и потому въ нѣкоторой части племени казачества, и особенно, по женской линіи, долго сохранялись типическія черты монгольской расы.

Казачество, постепенно окрѣпшее и сложившееся въ полунезависимую военную республику, представляло отличный оплотъ для Россіи отъ воровскихъ набѣговъ крымцевъ. Эта возникающая, поподобию татарской, конница могла соперничать съ татарами и, превосходя ихъ военными дарованиями, вскорѣ распространила свои набѣги въ самое сердце Крымской орды. Это была безпощадная ежедневная борьба, сопровождаемая убійствами и грабежомъ, и потому казакъ долженъ былъ постоянно паходиться на сторожѣ, постоянно предупреждать военныя хитрости врага и, въ свою очередь, возможно скрытно и внезапно производить свои набѣги.

Казаки непрерывно посылали въ степь развѣдчи и искали слѣдъ татаръ—сакму, и разъ татары были выслѣжены, они подвергались неминуемому уничтоженію. Вся жизнь казака проходила на конѣ, словно онъ срастался съ нимъ, какъ центавръ; постоянная же опасность закаляла его характеръ и выработала изъ него опаснаго и смѣлаго воина въ одиночномъ бою.

Вскорѣ казаки, не довольствуясь борьбой съ крымцами и турками на сушѣ, перенесли свою дѣятельность и на море. На небольшихъ лодкахъ, въ 10 паръ весель, они смѣло пускались въ море и грабили непріятельскія коммерческія суда, и не задумываясь нападать даже на большіе, вооруженные артиллеріей, военные корабли. Казачья флотилія, завидя издали непріятельское судно, и сама не будучи видима по малымъ размѣрамъ лодокъ, слѣдила все время за врагомъ и держалась въ отдаленіи до наступленія ночи. Затѣмъ казаки незаметно и безшумно подплывали къ судну, брали его на бордажъ, и съ пашками въ рукахъ штурмовали судно; добычу забирали съ собою, а корабль со всѣмъ въ немъ паходящимся пускали ко дну. Смѣлые набѣги свои казаки простирали до береговъ Малой Азіи и не разъ громили Транскаппадокію, Синопу и оустояли окрестности Константинополя. Всю захваченную добычу вели въ войско, и здѣсь уже „дувалили“ въ общественномъ кругу.

Эта безпощадная борьба на сушѣ и на морѣ, представлявшая непрерывную малую войну, глубоко повліяла на выработку типическихъ чертъ характера казака и дала ему столь оригинальный обликъ. Физическая сила и ловкость, лихое наѣздничество, безумная, не знающая препонъ, отвага, мастерское владѣніе оружіемъ и крѣпкій духъ товарищества были отличительными свойствами прежнихъ казаковъ. Вседневная опасность и необходимость сторожить и развѣдывать о непріятелѣ, напорили зрѣніе и слухъ казака и сдѣлали изъ него отличнаго сторожа и развѣдчика. Главныя основанія нынѣ существующаго устава развѣдывательной и сторожевой службы въ нашей арміи заимствованы отъ казаковъ.

Среди этого суроваго воинственнаго общества часто выдвигались люди энергичные, съ сильнымъ характеромъ, и, собиравъ вокругъ себя шайки головорѣзовъ, отправлялись грабить на Волгу и Каму, какъ на богатые торговые пути.

Въ царствованіе Ивана Грознаго шайки эти до того размножились, что на Волгѣ не было ни проходу, ни пробѣду, и вынудили царя послать воеводъ для ихъ поимки. Одинъ изъ такихъ атамановъ, Ермакъ, казакъ Качалинской станицы (нынѣ станція Грязе-Царицынской желѣзной дороги), скрываясь отъ царскихъ войскъ, пошелъ вверхъ по Камѣ и постигнулъ на службѣ къ Строгановымъ.

Мы не станемъ описывать великаго завоеванія имъ Сибири, хорошо известнаго изъ исторіи, скажемъ только, что его дружина положила основаніе *Сибирскому казачьему войску*. Успѣхъ быстрога завоеванія Сибири, помимо военныхъ дарованій Ермака и его казаковъ, кроется въ томъ, что они были вооружены *огнестрѣльнымъ оружіемъ*, неизвѣстнымъ тогда туземцамъ. Строгановъ снабдилъ Ермака 3 пушками и выдалъ казакамъ ружья съ 3 фунтами пороку и свинцу на каждаго.

Одновременно съ уходомъ Ермака въ Сибирь, въ концѣ XVI столѣтія, спасаясь отъ царскихъ воеводъ, ушли съ Волги и другіе казачьи атаманы. Такъ, атаманъ Гушнѣ со своей шайкой двинулся на Яикъ и положилъ основаніе Яицкому, нынѣ Уральскому, казачьему войску.

Другіе атаманы со своими сподвижниками осли на берегахъ Терека, и положили основаніе Гребенскому, нынѣ Терскому, казачьему войску.

Съ размноженіемъ казачества на новыхъ мѣстахъ и успѣхомъ ихъ численности, казаки по своей воинственной, неудачливой натурѣ начинаютъ цѣлый рядъ набѣговъ въ сосѣднія страны.

Какъ примѣръ безумно смѣлыхъ набѣговъ казаковъ, можеть служить походъ, который предприняли въ 1605 году яицкіе казаки, въ количествѣ всего 1,000 человекъ, на Бухару. Преодолевая страшныя трудности, они, наконецъ, добрались до Бухары, взяли столицу приступомъ, перебили массу народа и награбили богатую добычу; но на обратномъ пути, преслѣдуемые доведеннымъ до отчаянія непріятелемъ, они всѣ погибли отъ голоду и жажды въ безводныхъ пустыняхъ Средней Азіи.

Остатки казачья войска образовались значительно позже, болѣею частью, по инициативѣ правительства.

Таковы, въ общихъ чертахъ, условія, при которыхъ возникло казачество и жило въ теченіи многихъ вѣковъ. Что касается самой системы ихъ военныхъ дѣйствій, которую они заимствовали отъ монголо-татаръ, то для ея выясненія необходимо сдѣлать небольшое отступленіе.

Греки и римляне имѣли немного кавалеріи въ своихъ арміяхъ и мало ею пользовались; всѣ великія завоеванія послѣднихъ были произведены, преимущественно, пѣхотой. По послѣднѣмъ нападѣямъ Западной Римской имперіи, когда на историческую сцену явились новые варварскіе народы, въ ихъ арміяхъ начинается создаваться особый видъ тяжелой кавалеріи. Продолжая совершенствоваться, эта конница вылилась въ окончательной формѣ въ видѣ рыцарской кавалеріи, гдѣ всадники были прикрыты тяжелыми напидырами и плечами и сидѣли на громадныхъ коняхъ, тоже покрытыхъ предохранительнымъ вооруженіемъ. Главную силу своихъ боевыхъ дѣйствій эта кавалерія видѣла въ стремительномъ натискѣ на врага плотнымъ фронтомъ, дабы опрокинуть его паноромъ своихъ коней, такъ называемымъ *шокомъ*. Тенеринная регулярная кавалерія есть прямой потомокъ этой рыцарской конницы, конечно, значительно видоизмѣненный и уклонившійся отъ своего первообраза, сообразно современному состоянію военного искусства. Въ то время, какъ на Западѣ развивался и совершенствовался вышеуказанный типъ конницы, на Востокѣ, преимущественно, въ Азіи, господствовалъ совершенно другой типъ ея — легкой, естественная конница. Всадники, не имѣя тяжелаго предохранительнаго вооруженія, сидѣли на быстрыхъ и выносливыхъ лошадяхъ и были вооружены метательнымъ оружіемъ — луками и стрѣлами, а впоследствии ружьями и пистолетами.

При столкновѣніяхъ рыцарской конницы съ легкой восточной побѣда, болѣею частью, оставалась на сторонѣ этой послѣдней, употреблявшей противъ рыцарей особый способъ дѣйствій, возникшій въ Средней Азіи во времена Чингисъ-Хана.

Этотъ гениальный варваръ охоту называлъ школою войны и проводилъ эту идею въ жизнь съ неуклонною энергіей. Придавая охотамъ огромное воспитательное значеніе въ дѣлѣ подготовки войскъ къ бою, Чингисъ-Ханъ постоянно практиковалъ свои войска въ этомъ отношеніи, такъ что охоты въ его арміи имѣли значеніе современныхъ маневровъ. Выходя на охоту, монголы окружали цѣлью всадниковъ какого-либо крупнаго звѣря, напримѣръ, медвѣдя, и начинали пускать въ него стрѣлы съ криками „лау, лау“. Если звѣрь бросался противъ части всадниковъ, они усканивали отъ него, а другіе наѣдали, продолжая осыпая его стрѣлами. Когда звѣрь былъ достаточно замученъ и израненъ, монголы разомъ бросались на него съ копьями, при чемъ честь перваго удара предоставлялась начальнику.

Эти охоты послужили зародышемъ особаго способа военныхъ дѣйствій, доставившаго Чингисъ-Хану и его преемникамъ столько военныхъ успѣховъ и распространившагося по всему Востоку.

Не будучи въ состояніи противостоять плотному фронту тяжелой рыцарской кавалеріи, восточная конница разсѣивалась поодиночкѣ, осыпая атакующихъ рыцарей массою стрѣлъ, и, пользуясь быстротой своихъ коней, она легко уклонялась отъ ихъ ударовъ. Тяжелые рыцари на громадныхъ коняхъ скоро утомлялись въ погонѣ за этимъ неуловимымъ врагомъ, окружавшимъ ихъ со всѣхъ сторонъ, и сильно терпѣли отъ стрѣлъ. Когда рыцари были измучены, и многія лошади выведены изъ строя вслѣдствіе полученныхъ ранъ, мусульмане вдругъ стрѣлялись на врага и кончали съ нимъ рукопашной схваткой. Кромѣ того, восточные народы прибѣгали на войнѣ ко всевозможнаго рода хитростямъ; они часто обращались въ притворное бѣгство и устраивали засады.

Изъ этого мы видимъ, что монгольская конница въ основу своихъ боевыхъ успѣховъ клала доведенію до высшей степени подвижность каждаго всадника, подготовку атакъ метательнымъ оружіемъ и различнаго рода маневры, съ цѣлью замучить и извести своего противника.

Совершенно очевидно, что наше казачество принадлежитъ ко втораго рода конницѣ, такъ какъ главныя основанія отбыванія имъ военной службы передъ государствомъ таковы же, какъ и въ давно прошедшія времена. Что касается способа боевыхъ дѣйствій казаковъ, то они были совершенно тождественны съ только что описанными дѣйствіями монгольской конницы, ибо казачество складывалось подъ сильнымъ вліяніемъ монголо-татаръ. Эта возникавшая полая конница — ка-

закл, не имѣя своей собственной тактики и испытывавъ на своихъ плечахъ силу таковой у своего врага, быстро переняла ее, усовершенствовала и окончательно формулировала въ видѣ *лавы*, означающей у нихъ совокупность всѣхъ вышеуказанныхъ боевых дѣйствій на полѣ сраженія. Самое слово *лава*, какъ кажется, монгольскаго происхожденія. Принимая во вниманіе съ одной стороны, что слово *лава* сильно походитъ по созвучію на тѣ крики, которыми монголы пугали звѣря на охотахъ, а съ другой, что способъ военныхъ дѣйствій, означаемый этимъ словомъ, пришелъ къ казакамъ тоже отъ монголо-татаръ, сдѣланное нами предположеніе получаетъ довольно большую вѣроятность; если же это такъ, то и слово „облава“ тоже монгольскаго происхожденія.

Съ того времени, когда казачество органически вошло въ составъ нашего отечества, казаки появляются въ составѣ нашихъ армій на западно-европейскихъ театрахъ войны, гдѣ они встрѣчаются съ регулярной кавалеріей противника.

Они и здѣсь противъ новаго своего врага продолжаютъ употреблять съ успѣхомъ свой обычный способъ дѣйствій. Самой блестящей страницей дѣятельности казачества въ составѣ нашихъ вооруженныхъ силъ является Отечественная кампанія, во время которой они буквально извели французскую регулярную кавалерію. Всѣ выдающіеся участники *) войны 1812 года единогласно свидѣтельствуютъ, что казаки были страшнѣйшимъ для Наполеоновской кавалеріи и дѣйствовали противъ нея по монгольскому образцу. Вотъ, напримѣръ, что пишетъ о казакахъ Моранъ, одинъ изъ лучшихъ и храбрѣйшихъ генераловъ армій Наполеона:

„Движеніе великой французской арміи было замедлено казаками; отбѣжавъ ее отъ всякой помощи, они безпрестанно съ острѣвѣннѣею нападками на ея фланги, подобно разсвирѣпѣвшимъ пчеламъ, безчисленные уколы которыхъ замучиваютъ лва“. И далѣе:

„Какое чудное зрѣлище представляла эта европейская кавалерія, раскинувшая свои линіи на берегахъ Нѣмана, блестящая сталью и золотомъ на солнечныхъ лучахъ июльскаго дня и сіявшая пыломъ и храбростію! Какое горькое воспоминаніе оставили по себѣ тѣ бесполезныя, истощившія ее маневрированія, которыя она употребляла противъ казаковъ, прежде презираемыхъ, по сдѣланныхъ для спасенія Россіи болѣе, чѣмъ всѣ арміи этой пыреріи; ежедневно показывались они на горизонтѣ, растянувъ свою линію на громадномъ пространствѣ, а ихъ ловкіе наѣзники смѣло подѣзжали чуть не къ самымъ нашимъ шеренгамъ; мы стронились, шли на эту линію, но, когда уже совсѣмъ подходили къ пей, она исчезала, и на горизонтѣ видѣлись однѣ березы да сосны; но, часъ спустя, когда лошадямъ уже заданъ былъ кормъ, атака начиналась снова,—черная ихъ линія опять появлялась, и снова повторились тѣ-же маневры, приводившіе къ тѣмъ-же результатамъ. И такимъ образомъ, самая лучшая, самая храбрая кавалерія была замучена и изнурена людьми, которыхъ она считала недостойными для себя противниками, но которые, между тѣмъ, одни могли спасти государство, нашедшее въ нихъ истинную опору и единственныхъ освободителей. Къ довершенію нашего опорченія, нужно прибавить, что *наша кавалерія была многочисленнѣе казаковъ*, что она была поддержана самой легкой и доблестной артиллеріей и т. д. И, несмотря на это, казаки возвратились покрытые славой, съ богатой добычей, на плодородные берега Дона, между тѣмъ какъ поля Россіи были

устьяны трупами и оружіемъ нашихъ воиновъ, столь доблестныхъ и неустрашимыхъ и столь преданныхъ славію нашего отечества. Вотъ что значитъ организація, *вотъ въ чемъ заключается тайна побѣды Чингисъ-хана*“ и т. д.

Широкое развитіе партизанскихъ дѣйствій въ Отечественную войну доставило казакамъ возможность во всю ширь развить всѣ неоцѣнимыя боевыя качества, пріобрѣтенныя ими въ долгой и кровавой войнѣ съ татарами. Славныя имена нашихъ знаменитыхъ партизановъ: Дениса Давыдова, Фигнера, Сеславина, князя Вадбольскаго и др. неразрывно связаны съ дѣятельностью казаковъ.

Послѣ Отечественной войны наступилъ долгій мирный періодъ времени, боевыя традиціи казаковъ стали постепенно замирать и гложуть, а прежній способъ военныхъ дѣйствій началъ постепенно забываться, тѣмъ болѣе, что онъ не былъ регламентированъ какими-либо уставами или наставленіями. Съ развитіемъ среди казачества гражданственности и интересовъ мирной жизни, при отсутствіи какихъ-либо руководствъ для обученія казаковъ, военное образованіе въ казачьихъ полкахъ начало приходить въ упадокъ. Старослужилые казаки, учившіе молодыхъ казаковъ на собственномъ примѣрѣ, съ сокращеніемъ общихъ сроковъ службы, выбыли изъ рядовъ полковъ, между тѣмъ какъ военное дѣло, со введеніемъ наръзнаго оружія, быстро двинулось впередъ по пути развитія и усложненія.

Составившееся въ старину мнѣніе, что казаки, какъ народъ и воинственный, и военный, сами должны знать, какъ дѣйствовать на войнѣ, смѣнилось убѣжденіемъ въ настоятельной необходимости обучать ихъ на службѣ такъ-же, какъ и прочія войска.

Истинныя представленія о казачьей тактикѣ исчезли даже изъ казачьей среды, и потому не мудрено, что не знали, какъ и чему надо учить казаковъ на службѣ, тѣмъ болѣе, что военное министерство прошлаго царствованія всецѣло было поглощено крупными военными реформами и устройствомъ регулярной арміи на новыхъ началахъ всеобщей воинской повинности.

Въ виду вышеуказанныхъ причинъ, въ началѣ 70-хъ годовъ рѣшено было ввести казачьи полки въ составъ кавалерійскихъ дивизій и обучать ихъ такъ-же, какъ регулярную кавалерію. Такимъ образомъ, естественная конница со всѣми ея особенностями стала усваивать боевыя приемы конницы совершенно противоположнаго типа. Не говоря уже о многихъ другихъ условіяхъ, а принимая во вниманіе только мелкій сортъ казачьихъ лошадей, позволительно предположить, что наши казачьи полки будутъ поставлены въ весьма затруднительное положеніе въ борьбѣ съ регулярной кавалеріей нашихъ сосѣдей, сидящей на рослыхъ, отлично выѣзженныхъ, лошадяхъ, подобранныхъ въ расчетъ на извлеченіе наибольшей силы удара при атакахъ сомкнутымъ строемъ, по рыцарскому образцу. Естественно, что казачьи полки, по многимъ причинамъ, не могутъ развить такого сильнаго шока и стремительнаго удара въ сомкнутомъ строю, какъ регулярная кавалерія.

Въ настоящее время ненормальность такого положенія вещей сознается высшими компетентными военными кругами, и потому поднятъ вопросъ о необходимости вернуться къ прежнимъ способамъ веденія боя казаками.

В. Миткевичъ.

Дипломатическое сочинительство.

Истинное происшествіе.

I.

Это было еще въ началѣ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія.

Князь Талейранъ, бывшій въ то время французскимъ посланникомъ въ Лондонѣ, сидѣлъ у себя въ рабочемъ кабинетѣ и писалъ донесенія своему правительству. Вспыхнувшее въ это время, подъ влияніемъ польской революціи, возстаніе бельгійцевъ, противъ Нидерландскаго короля, причинило государственными людямъ и дипломатамъ великихъ державъ не мало хлопотъ. Въ Лондонѣ засѣдала конференція для мирнаго улаженія Бельгійскаго вопроса. Англичанамъ очень не нравилось, что принцъ Леопольдъ Кобургскій, въ качествѣ новобрачнаго Бельгійскаго короля, просилъ руки дочери Французскаго короля Людовика-Филиппа. Они надѣялись, что континентальныя великія державы не допустятъ этого брака, изъ опасенія чрезмѣрнаго усиленія французскаго вліянія. Талейранъ, въ своемъ донесеніи, совѣтовалъ правительству крѣпко держаться брачнаго проекта, такъ какъ возраженія англичанъ не имѣли поддержки у другихъ державъ.

Легкій стукъ въ дверь прервалъ тишину рабочаго кабинета, и въ комнату вошелъ господинъ, лѣтъ тридцати пяти. Это былъ начальникъ французской посольской канцеляріи, помѣшавшейся въ одномъ этажѣ съ кабинетомъ князя.

— Что скажете, милѣйшій Бертенъ? спросилъ Талейранъ, всегда относившійся ласково къ своимъ подчиненнымъ.

*) Наполеонъ, Моранъ, Де-Бракъ и друг.

— Ваша свѣтлость послали меня вчера въ англійское министерство иностранныхъ дѣлъ, началъ Бертенъ,—для переговоровъ по дѣлу о взысканіи съ этого министерства. Чиновникъ, съ которымъ я велъ переговоры, по окончаніи ихъ, объявилъ мнѣ, что его начальникъ, лордъ Сеймуръ, желаетъ меня видѣть.

— Лордъ Сеймуръ, спросилъ Талейранъ,—правая рука лорда Пальмерстона?

— Тотъ самый, ваша свѣтлость. Лордъ Сеймуръ былъ одинъ, когда я вошелъ къ нему. Очевидно, онъ желалъ говорить со мной безъ свидѣтелей, можетъ быть, для того, чтобы имѣть возможность, въ случаѣ надобности, отречься отъ своихъ словъ. Сдѣлавъ нѣсколько совершенно ненужныхъ замѣчаній по поводу нашего взысканія, онъ сразу перешелъ къ дѣлу, видимо, интересовавшему его гораздо болѣе взысканію. Онъ потребовалъ, чтобы я доставилъ ему копіи со всѣхъ писемъ, которыя ваша свѣтлость писали за послѣдніи недѣли прусскимъ и русскимъ государственнымъ людямъ, а также съ подчиненныхъ на нихъ отвѣтовъ. Онъ обѣщалъ уплатить мнѣ по 200 фунтовъ стерлинговъ за каждое письмо.

— Какая легкомысленная манера бросать деньги! воскликнулъ Талейранъ.—Что-же вы отвѣтили?

— Я долженъ сознаться, ваша свѣтлость, что въ первую минуту не могъ выговорить ни слова. Потомъ мнѣ пришлось въ голову, не давать пока лорду рѣшительнаго отвѣта, и я сказалъ ему, что долженъ прежде обдумать его предложеніе. Онъ

Выставка скульптурных произведений проф. Антокольскаго. „Ермакъ, покоритель Сибири“.

Съ фот. грав. Хелмицкій.

Библиотека "Руниверс"

XXI передвижная выставка. „Малороссійская дѣвочка“.

Съ карт Н. К. Бодаревскаго (исключительное право воспроизведенія принадлежитъ „Нивѣ“), грав. Мультановскій.

Библиотека "Руниверс"

выразилъ согласіе и присовокупилъ, что если я на-дняхъ припесу ему копій, онъ приметъ меня съ-глазу-на-глазъ у себя въ кабинетъ и тогда же выплатитъ мнѣ деньги. Я пришелъ къ вашей свѣтлости, чтобы вы сами рѣшили, какъ поступить въ этомъ случаѣ.

Такъ какъ Талейранъ отвѣтилъ не сразу, Бертенъ прибавилъ перѣшпительно:

— Не слѣдуетъ-ли намъ предать дѣло гласности и подпять шумъ въ газетахъ?

— Вы сами на половину принадлежите къ дипломатіи, милѣйшій Бертенъ, сказалъ Талейранъ и разсмѣялся. — Настоящій дипломатъ никогда не поднимаетъ шума, развѣ только если хочетъ скрыть собственное пораженіе. А въ сущности, г-нъ Бертенъ, отчего-бы вамъ не войти въ сдѣлку съ лордомъ Сеймуромъ?

Бертенъ взглянулъ на своего начальника, словно онъ имъ въ отъ удивленія.

— Вы хотите сказать... что... началъ онъ, запкаясь. — Вы не хотите сказать... что я, дѣйствительно, долженъ продать копій...

— Разумѣется, хочу сказать именно это, милѣйшій мой! проговорилъ князь совершенно спокойно. — Приходитъ завтра ко мнѣ въ этотъ самый часъ. Я уйду кататься, но кабинетъ мой будетъ не запертъ, точно такъ же, какъ и этотъ ящикъ въ письменномъ столѣ. Вы возьмете въ ящикѣ рукопись, которую тамъ найдете, переписите ее и отнесете коню послѣзавтра лорду Сеймуру. Въ рукописи будетъ пять писемъ, и вы получите за нихъ тысячу фунтовъ стерлинговъ. Скоро ваша свадьба; такъ вамъ и вашей молодой жень придется очень кстати на обустройство лишняя 1000 фунтовъ стерлинговъ. Никогда не надо мѣшать англичанину бросать деньги!

— Но, ваша свѣтлость, возразилъ Бертенъ, — вѣдь, это недобросовѣстно. Я десять лѣтъ служу въ англійскомъ посольствѣ и не хотѣлъ бы, чтобы меня считали человѣкомъ, котораго можно подкупить.

— Успокойтесь, г-нъ Бертенъ, сказалъ князь. — Я принимаю всѣ послѣдствія на себя. Такихъ людей, какъ лордъ Сеймуръ, надо побивать ихъ собственнымъ оружіемъ. И такъ вы поняли и запомнили, чего я отъ васъ желаю?

— Такъ точно, ваша свѣтлость.

Посланныкъ снова взялся за перо. Бертенъ поднялся съ мѣста, молча поклонился и вышелъ изъ комнаты.

II.

Окончивъ донесеніе, Талейранъ взялъ нѣсколько лежавшихъ передъ нимъ считыхъ листовъ бумаги и написалъ на первой страницѣ крупнымъ, четкимъ почеркомъ: *„Тайный обменъ писемъ между французскимъ посланникомъ, княземъ Талейраномъ, и графомъ Арнимомъ, прусскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Секретно“*. Затѣмъ, начавъ со второй страницы, онъ сочинилъ письмо, какъ-бы написанное Арнимомъ шесть недѣль тому назадъ, въ весьма враждебномъ Франціи духѣ, какъ могъ написать въ то время прусскій министръ. На него слѣдовалъ отвѣтъ самого князя. Талейранъ писалъ, въ качествѣ перваго дипломатическаго совѣтника короля Людовика Филиппа, и не уступалъ прусскому министру въ рѣзкости тона. Далѣе слѣдовало второе письмо Арниму и второй отвѣтъ Талейрана, и, наконецъ, третье письмо Арниму, которое, сохраняя свой частный характеръ, было тѣмъ не менѣе написано въ такомъ тонѣ, который, обыкновенно, предшествуетъ у дипломатовъ разрыву дипломатическихъ сношеній. Окончивъ всѣ пять писемъ, Талейранъ положилъ рукопись въ указанный имъ начальнику канцеляріи ящикъ письменнаго стола.

Два дня спустя, Бертенъ снова пришелъ въ кабинетъ своего начальника.

— Ваша свѣтлость, доложилъ онъ, — сдѣлка съ лордомъ Сеймуромъ приведена къ концу, и я получилъ обещанныя деньги.

— Очень хорошо, отвѣтилъ князь. — Теперь остается только посоветовать вамъ, чтобы выгоды не помѣстили эти деньги, взять индійскій заемъ. Это очень вѣрные бумаги и приносятъ пять процентовъ.

Прошло еще нѣсколько дней. Талейранъ приказалъ позвать къ себѣ младшаго секретаря посольства, графа Куронеля, который въ то же время былъ его частнымъ секретаремъ.

— Любезный графъ, началъ Талейранъ, попросивъ Куронеля садиться, — вѣдь, вы также получили приглашеніе отъ лорда и лэди Сеймуръ провести начало будущей недѣли у нихъ въ Марлигоузъ?

— Совершенно вѣрно, ваша свѣтлость.

— Такъ мы поѣдемъ вмѣстѣ въ Марлигоузъ, и, на время нашего пребыванія тамъ, я имѣю къ вамъ маленькое секретное порученіе.

Талейранъ рассказалъ графу о переговорахъ лорда Сеймура съ Бертеномъ, о продажѣ писемъ, и затѣмъ далъ нѣсколько указаній молодому дипломату, который тотъ выслушалъ съ внимательной улыбкой, готовый въ точности исполнить.

Въ Марлигоузъ, загородномъ домѣ лорда и лэди Сеймуръ, собралось блестящее общество, состоящее изъ дипломатовъ, высокопоставленныхъ иностранцевъ, знатныхъ англійскихъ землевладѣльцевъ, членовъ парламента, высшихъ должностныхъ лицъ и офицеровъ. Нѣкоторые изъ приглашенныхъ

уѣхали въ тотъ-же день, другіе остались дольше. Соответственно англійскому обычаю, каждый проводилъ время, какъ умѣлъ и какъ хотѣлъ, и только къ вечеру всѣ собиравшіе къ обѣду, за которымъ была хозяйкою сама лэди Сеймуръ.

Оба французскіе дипломата, пріѣхавшіе въ Марлигоузъ въ понедѣльникъ, намѣревались вернуться въ Лондонъ тогда же послѣ обѣда, въ среду. Лордъ Сеймуръ былъ въ этотъ день особенно любезенъ съ ними. Встрѣтивъ утромъ Талейрана въ паркѣ, онъ взялъ его подъ руку и заговорилъ конфиденціально:

— Скажите мнѣ, любезный другъ, съ той откровенностью, которая должна существовать между друзьями, какія въ настоящее время ваши отношенія къ Пруссіи?

— Къ Пруссіи? повторилъ князь самымъ невпнымъ тономъ. — О, превосходныя!

— Серьезно? спросилъ Сеймуръ.

— Совершенно серьезно, подтвердилъ Талейранъ. — Съ тѣхъ поръ, какъ Людовикъ-Филиппъ вступилъ на престолъ, мы никогда не были въ лучшихъ отношеніяхъ съ Пруссіей, точно такъ-же, впрочемъ, какъ и съ Австріей, и съ Россіей.

Лицо Сеймура приняло самодовольное выраженіе, и Талейранъ не хотѣлъ нарушать его пріятнаго настроенія. Сеймуръ былъ, очевидно, убѣжденъ, что онъ видитъ карты Талейрана, и собирався воспользоваться выгодами своего положенія.

„Ты меня не проведешь, думалъ онъ. — Мы не допустимъ свадьбы вашей принцессы съ Бельгійскимъ королемъ, развѣ, что узнали изъ твоихъ собственныхъ писемъ, что вы порвали сношенія съ Пруссіей, и вамъ угрожаетъ война со священнымъ союзомъ“.

„Посмотримъ, — кто будетъ смѣяться послѣднимъ“, думалъ между тѣмъ Талейранъ.

И французскій дипломатъ, перемѣнивъ разговоръ, началъ непринужденно расхваливать красоты парка.

III.

За обѣдомъ князь Талейранъ и графъ Куронель занимали почетныя мѣста, вблизи хозяйки. Лэди Сеймуръ была сама любезность. Когда она вышла изъ-за стола, оставивъ гостей однихъ, Куронель, согласно дашему ему Талейраномъ указанію, ловкимъ маневромъ придалъ разговору извѣстное направленіе. Онъ повелъ рѣчь о сочинительствѣ, и Сеймуръ съ величайшей готовностью поддерживалъ этотъ разговоръ, такъ какъ любилъ блеснуть своими литературными познаніями.

— Не находите-ли, милордъ, замѣтилъ Куронель, — что творческій талантъ и талантъ въ практической дѣятельности не совмѣстимы въ теоріи и никогда не соединяются въ дѣйствительности?

Сеймуръ началъ возражать, доказывая, что есть много примѣровъ того, что практически одаренные люди писали прекрасныя литературныя произведенія, и съ другой стороны — выдающіеся писатели отличались на государственномъ, научномъ или промышленномъ поприщѣ.

— О, милордъ! воскликнулъ Талейранъ, какъ-бы случайно вмѣшпваясь въ разговоръ. — Я совершенно принимаю вашу сторону, противъ графа Куронеля. Сейчасъ видно, милордъ, что вы знатокъ этого дѣла. Мнѣ самому, несмотря на то, что я такой прозаическій человѣкъ, случалось давать волю своей фантазіи и даже запечатлѣвать ее на бумагѣ.

Въ гостиной произошло движеніе:

— Творенія князя Талейрана! воскликнулъ лордъ Сеймуръ. — Князь Талейранъ-писатель — это ново...

— А! князь пишетъ... Стихотворенія князя Талейрана! Это интересно... Ваша свѣтлость, вѣроятно, не откажете намъ... послышалось со всѣхъ сторонъ.

Талейранъ улыбнулся счастливой, сконфуженной улыбкой.

— Если-бы я не боялся, началъ онъ съ непривычнымъ ему смущеніемъ, — жестоко разочаровать такого знатока, какъ лордъ Сеймуръ, и остальныхъ, то я прочелъ-бы маленькое дипломатическое сочиненіе, недавно мною написанное; оно наверху, у меня въ комнатѣ.

Всѣ въ одинъ голосъ стали снова просить его, и Талейранъ поднялся съ мѣста.

— Я сейчасъ принесу рукопись, сказалъ онъ, — дѣло въ томъ, что я плохо читаю. Могу я просить васъ, милордъ, прочесть эту маленькую игру моей фантазіи?

Лордъ Сеймуръ, разумѣется, согласился, и пока Талейранъ ходилъ къ себѣ въ комнату, приказавъ лакею приготовить въ столовой особый столикъ со свѣчами и кресломъ. Гости повернули свои стулья, такъ что могли со своихъ мѣстъ удобно видѣть чтеца. Талейранъ вскорѣ возвратился, передалъ Сеймуру рукопись и сѣлъ на свое мѣсто.

Сеймуръ помѣстился у маленькаго стола, развернулъ рукопись и прочелъ: *„Тайный обменъ писемъ между французскимъ посланникомъ, княземъ Талейраномъ, и графомъ Арнимомъ, прусскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ“*.

Сеймуръ замолчалъ. Блѣдный и растерянный, онъ откинулся на спинку кресла. Гости молчали, не понимая, въ чемъ дѣло.

— Почему вы не читаете дальше, милордъ? спросилъ Талейранъ любовнымъ тономъ.

Сеймуръ поднялся съ мѣста.

— Князь, вы умѣете метить! сказалъ онъ и вышелъ изъ комнаты.

Талейранъ взялъ свою рукопись, потомъ, вмѣстѣ съ Куропелемъ, поклонился гостямъ, простился съ лэди Сеймуръ, такъ какъ самъ лордъ болѣе не показывался, и оба дипломата въ тотъ-же день вернулись въ Лондонъ.

Лорду Сеймуре ничего не оставалось дѣлать, какъ разсказать на другой день, за обѣдомъ, еще оставшимся гостямъ о своей попыткѣ подкупить Бертена и всѣхъ ея послѣдствіяхъ.

— Да, господа, заключилъ онъ, — князь Талейранъ одержалъ надо мной рѣшительную побѣду. Я только-что получилъ отъ

него съ особымъ посланнымъ записку, которую сейчасъ прочту вамъ:

„Милорды! Какъ своему другу, я желаю сообщить вамъ первому о томъ, что свадьба нашей принцессы съ королемъ Леопольдомъ Бельгійскимъ состоялась въ прошлый понедѣльникъ. Вамъ, конечно, не безынтересно будетъ узнать, что и нашъ общій знакомый, начальникъ канцеляріи Бертенъ, также вступилъ въ бракъ. Онъ находилъ и раньше, что можетъ прокормить семью, но теперь въ особенностъ, съ тѣхъ поръ какъ ему открылся новый источникъ дипломатическихъ доходовъ. Всея ваша Талейранъ“.

Въ архипелагѣ Ліу-Кіу.

Къ сѣверо-востоку отъ большого острова Формозы и къ югу отъ Японіи поднимается изъ моря архипелагъ Ліу-Кіу, мало извѣстный и мало посѣщаемый влѣдствіе своей незначительности для мировой торговли. Въ немъ 36 острововъ, распадающихся на три группы. Населеніе—около 200,000 душъ—на половину китайскаго, на половину японскаго происхожденія и исповѣдуетъ буддійскую религію.

На главномъ островѣ, называемомъ Большою Ліу-Кіу, живетъ великій мандаринъ, правящій страной острововъ самымъ патриархальнымъ образомъ, повидимому, довольно независимомъ, какъ отъ японскаго, такъ и отъ китайскаго правительствъ, который заставляютъ притязаніе на господство надъ этими островами и получаютъ съ нихъ ничтожную дань. Уже 350 лѣтъ, какъ островитяне извѣстны съ самой выгодной стороны и по праву могутъ называться самыми добродушными, гостеприимными и услужливыми людьми на всемъ земномъ шарѣ.

Первый мореплаватель, сообщившій о нихъ подробныя свѣдѣнія, былъ извѣстный португальскій искатель приключеній Фернандъ-Мендецъ Пинто. Въ августѣ 1545 года онъ потерпѣлъ кораблекрушеніе близъ Большого Ліу-Кіу. Съ нимъ было тридцать человѣкъ экипажа. Когда они выбрались на берегъ, народъ бѣжалъ къ нимъ толпами и, видимо, былъ искренно тронутъ ихъ печальнымъ положеніемъ; женщины и дѣвушки громко плакали.

Пинто и его спутникамъ дали на островѣ убѣжище. Случилось такъ, что въ это время въ главную гавань Большого Ліу-Кіу зашелъ съ четырьмя джонками одинъ китайскій купецъ, котораго португальцы однажды ограбили до-чиста. Этотъ китаецъ выступилъ обвинителемъ противъ потерпѣвшихъ кораблекрушеніе и наговорилъ о нихъ столько зла, что мѣстный трибуналъ, состоявшій изъ старыхъ мудрыхъ мужей, составилъ себѣ о нихъ самое дурное мнѣніе и осудилъ ихъ на смерть.

Потерпѣвшіе крушеніе тщетно пытались оправдаться, утверждая, что не они, а другіе португальцы ограбили китайскаго купца. Наконецъ, когда они уже потеряли всякую надежду вымолить себѣ пощаду, спасеніе совершенно неожиданно пришло къ нимъ черезъ добрыхъ, сострадательныхъ женщинъ острова; сто самыхъ уважаемыхъ изъ нихъ соединились и отправили матери великаго мандарина слѣдующее замѣчательное прошеніе: „Священная жемчужина, найденная въ величайшей и прекраснѣйшей раковинѣ глубокой океана; огнемъ сверкающая ослѣпительная звѣзда; золотой, переплетенный розами, локопъ волосъ! Мы, жалкіе муравьи въ твоей кладовой, причушіеся въ забытыхъ тобою хлѣбныхъ крошкахъ; мы, женщины и дѣвушки, здѣсь подниавшія свои имена, обращаемся къ тебѣ съ просьбой. Въ страхъ моимъ мы тебѣ, какъ голодные младенцы свою мать, чтобы ты попросила своего сына сжалиться надъ этими чужеземцами и простить ихъ преступленіе“.

Это ходатайство, дѣйствительно, имѣло желанный успѣхъ. Пѣнные португальцы были освобождены; болѣе того, великій мандаринъ—или, какъ Пинто его называетъ, король Ліу-Кіу—подарилъ имъ хорошо снаряженную джонку и въ изобиліи снабдилъ ихъ съѣстными припасами, такъ что они могли отплыть немедленно. Они благополучно достигли Малакки и прибыли къ своимъ соотечественникамъ, которые имѣли тамъ большія факторіи.

Разсказъ Пинто о его въ высшей степени необычайныхъ путешествіяхъ и приключеніяхъ прежде долгое время считался вымышленнымъ; вносльдствіи, однако, выяснилось, что его описанія отнюдь не уклоняются отъ истины. Такимъ образомъ, описаніе добросердечія и великодушія островитянъ Ліу-Кіу вполне правдиво и согласно съ позднѣйшими отзывами другихъ терпѣвшихъ крушеніе у этихъ береговъ и точно такъ же радушно принятыхъ ими.

Со времени приключенія Пинто на Большомъ Ліу-Кіу, прошло 226 лѣтъ. Въ августѣ 1771 года въ водахъ архипелага Ліу-Кіу появился небольшой трехмачтовикъ съ флагомъ, каковаго ни до того, ни послѣ того не видѣли на морѣ. Это былъ флагъ польской конфедераціи. Командиръ судна, графъ Моринцъ-Августъ-Аладаръ Бенжовскій, не менѣе извѣстный искатель приключеній, чѣмъ нѣкогда Фернандъ-Мендецъ Пинто, былъ храбрымъ генераломъ конфедератовъ въ Польшѣ, попалъ

въ плѣнъ къ русскимъ и былъ сосланъ въ Камчатку. Тамъ, въ приморскомъ городкѣ Большевикѣ, онъ очень скоро сошелся съ другими ссыльными, по большей части, русскими, организовалъ заговоръ и, ставъ во главѣ восьмидесяти или девяностидесяти человѣкъ, разбилъ высланный противъ него отрядъ, послѣ чего сдѣлался хозяиномъ городка. Онъ овладѣлъ трехмачтовикомъ, стоявшимъ на якорѣ въ гавани, нагрузилъ его богатымъ запасомъ соборныхъ, лисныхъ и горностаевыхъ мѣховъ, взятыхъ имъ изъ государственныхъ магазиновъ, и пустился въ море вмѣстѣ съ другими бунтовщиками. Сначала буря отбросила трехмачтовикъ „Св. Петръ и Павелъ“ на сѣверъ, по направленію къ Алеутскимъ островамъ. Потомъ, поднявъ флагъ польской конфедераціи, графъ Бенжовскій направилъ свой путь къ югу, все время ведя борьбу съ различными невзгодами—бурами, голодомъ, недостаткомъ воды для питья, наконецъ, съ безпокойнымъ экипажемъ, не разъ возмущавшимся противъ своего командира. Послѣ долгихъ усилій достигъ онъ береговъ Японіи и былъ дружески принятъ японцами. На дальнѣйшемъ пути онъ былъ застигнутъ жестокимъ тайфуномъ, судно получило течъ, мачты сломались. Чтобы какъ-нибудь спасти жизнь, неопытные въ мореходномъ искусствѣ искатели приключеній посадили судно на мель близъ одного изъ острововъ архипелага Ліу-Кіу.

Островитяне чрезвычайно радушно приняли бѣглецовъ съ Камчатки. Въ числѣ русскихъ былъ одинъ, имѣвшій нѣкоторыя познанія въ японскомъ языкѣ. Такимъ образомъ, они могли нѣсколько объясняться другъ съ другомъ.

Во время своего пребыванія на островахъ Ліу-Кіу, Бенжовскій сумѣлъ приобрести такое вліяніе на туземцевъ, что они умоляли его остаться съ ними навсегда, предлагая дать ему и его товарищамъ земельныя владѣнія и построить для нихъ красивые дома. Онъ могъ выбрать себѣ въ жены прекраснѣйшую изъ молодыхъ островитянокъ. Но графъ отклонилъ всѣ предложенія, говоря, что ему необходимо вернуться въ Европу. Тогда японцы усердно принялись снаряжать своихъ гостей въ дорогу, помогли спастись судно съ мели и починить его, изготовили новыя мачты и реи, законпатили всѣ щели и снабдили судно провизіей и водою для продолжительнаго плаванія, все это самымъ безкорыстнымъ образомъ. Во время этихъ приготовленій, каждый день, послѣ дневныхъ трудовъ, давались большіе пиры и устраивались празднества въ честь чужеземцевъ.

Когда Бенжовскій оставилъ островъ съ тѣмъ, чтобы плыть сначала къ Формозѣ, потомъ въ Макао, онъ писалъ въ своемъ дневникѣ: „Добросердечіе этого народа навсегда останется въ моемъ воспоминаніи, я всегда буду жалѣть о томъ, что не могъ избрать своимъ постояннымъ мѣстопробываніемъ этихъ острововъ, гдѣ еще неизвѣстны европейскіе пороки и преступленія, и гдѣ форма правленія имѣетъ въ основѣ истинную гуманность“.

Какую ошибку сдѣлалъ польскій авантюристъ, не оставившись на островѣ у добрыхъ людей! Онъ не копчилъ бы такъ трагически пятнадцать лѣтъ спустя на Мадагаскарѣ, подъ пулями французскихъ солдатъ.

Снова прошло сто лѣтъ. Въ іюлѣ 1873 года нѣмецкая шкуна „Р. І. Робертсонъ“, управляемая капитаномъ Эдуардомъ Герисгеймомъ, сдѣлалась жертвою тайфуна между Формозой и архипелагомъ Ліу-Кіу. Море пѣнилось и ревѣло, волны съ страшной силой перекатывались черезъ судно, срывая на пути мачты и такелажъ и производя другія опустошенія. Многіе изъ экипажа были смиты волнами за бортъ и погнби; другіе, въ томъ числѣ самъ капитанъ, отлѣзались ранами и ушибами. Наконецъ, вѣтеръ началъ понемногу стихать, но ярость волнъ не унималась, все такъ же дико вздымали онѣ свои пѣнищіеся хребты, и съ непреодолимой силой гнали судно къ видѣвшейся на горизонтѣ темной массѣ берега, о которую бѣшено хлесталъ прибой. Всѣ усилія спасти шкуну отъ гибели были тщетны, крушеніе было неизбежно, и прекрасное судно, съ грузомъ чаи, цѣною въ 20,000 фунтовъ стерлинговъ, неминуемо должно было пойти ко дну. Къ счастью, доски корабельнаго кузова еще нѣсколько времени держались, а на берегу уже были видны туземцы въ японской одеждѣ, ласково махавшіе несчастнымъ въ видѣ ободренія своими нестрыми зонтиками. Когда буря немного стихла, островитянамъ удалось, съ боль-

шимъ трудомъ и опасностью, на нѣсколькихъ челнокахъ пробраться черезъ береговой бурунъ къ остоу разбитого корабля и благополучно доставить на берегъ весь экипажъ, не исключая тяжело раненныхъ. Векорѣ послѣ этого, засѣвшая на подводныхъ скалахъ шкуна была совершенно разрушена волнами.

Потерѣвшихъ крушеніе на берегу встрѣтили съ вѣжливыми поклонами и торжественными привѣтствіями нѣкоторыя саповныя лица острова. Для подкрѣпленія силъ имъ былъ поданъ горячій чай превосходнаго качества и теплый пшеница каша; бѣтъ пришлось сидѣть на цыновкахъ. Хозяева и гости могли объясняться лишь съ большимъ трудомъ. Капитанъ узналъ, что находится на островѣ Тиннисаанъ, самомъ восточномъ островѣ группы Майоко, самой южной изъ трехъ группъ, составляющихъ архипелагъ Му-Киу.

Европейцамъ было предоставлено для жилья просторный домъ, окруженный каменной стѣною. Полъ устлалъ соломенныя цыновки, деревянныя столбы поддерживали потолокъ. Высокая острокопечная крыша была изъ тростника. Внутреннее пространство раздѣлялось перегородками изъ цыновокъ на три отдѣленія. Обетановка состояла изъ нѣсколькихъ жаровень съ углемъ для зажиганія трубокъ — островитяне страстные курильщики и употребляютъ маленькія китайскія трубки съ мѣдными головками, — большой плетельницы, каменной чашечки съ тушью и принадлежащими къ ней кисточками для пшима, и японскаго бумажнаго фонаря. Въ небольшомъ флигелѣ находилась кухня съ очагомъ, сложеннымъ изъ камней.

Впрочемъ, европейцамъ совсемъ не приходилось заботиться о приготовленіи пищи, они ее получали уже готовою. Всегда лучшаго качества, какъ богатые и знатные дѣтрово: обыкновенно, рибъ съ жиромъ, мясо и рыбу. Собственно, народъ — т. е. низшія касты, ремесленники и кули или рабочіе — питается, главнымъ образомъ, пшеномъ, потребляя его въ огромномъ количествѣ.

Просто, какъ замѣтилъ капитанъ во время своихъ случайныхъ экскурсій по острову, дѣйствительно, является главнымъ произведеніемъ Тиннисаана; вмѣстѣ съ тѣмъ воздѣлываютъ и пшеницу, ячмень, сладкій картофель, бобы, дыни, очень хорошій табакъ и коноплю; рибъ — въ незначительномъ количествѣ, и недостатокъ его возмещается подвозомъ съ другихъ

острововъ. Большихъ деревьевъ на островѣ мало, почти исключительно кустарникъ. Островитяне бѣдны, при этомъ очень трудолюбивы и довольствуются малымъ. Вся земля, годная для воздѣлыванія, тщательно обработана. Источниковъ и ручьевъ на островѣ не существуетъ, ихъ замѣняютъ цистерны изъ известняка, куда собирается дождевая вода.

Въ теченіе послѣдующей недѣли многое съ разбитого корабля было выброшено волнами на берегъ; все это было испорчено и совершенно негодно къ употребленію. Тѣмъ не менѣе островитяне принялись неутомимо собирать приплывавшіе предметы и складывать ихъ въ особый запертой чашани, предназначенный въ распоряженіе европейцевъ. Всѣ увѣршилъ капитанъ, что это напрасный трудъ, такъ какъ чай въ разбитыхъ и поврежденныхъ ящикахъ подмоченъ морскою водою и совершенно испорченъ, не привели ни къ чему: добрые люди продолжали собирать и тащить въ магазинъ все, что выбрасывало море. Надемотрщики вели счетъ вещамъ и записывали своимъ кисточками для пшима каждую мелочь, измѣрили до точности каждый выловленный изъ воды обрывокъ каната. Такая, нѣсколько даже преувеличенная, добросовѣстность и заботливость по отношенію къ чужой собственности рѣзко отличается отъ такъ-называемаго „берегового права“ во многихъ другихъ странахъ, гдѣ прибрежные жители, какъ разбойники, бросаются на выбрасываемые моремъ предметы, считая ихъ своею собственностью.

Потерѣвшихъ крушеніе оставалось на островѣ 34 дня, въ продолженіе которыхъ ласковое обращеніе съ ними островитянъ не замѣнилось ни на йоту; по прошествіи этого времени, капитану сообщили, что представитель высшей власти на островѣ рѣшилъ подарить ему и его командѣ небольшую джонку, годную для морского плаванія и снабженную провизіею и всѣмъ необходимымъ, на которой они могутъ добраться до Китая, а оттуда ѣхать въ свое отечество.

Такимъ образомъ, съ потерѣвшихъ крушеніе экипажемъ нѣмешкаго судна случилось совершенно то же самое, что 328 лѣтъ тому назадъ на другомъ островѣ того же архипелага съ португальцемъ Пинто и его лѣтъ тому назадъ съ полякомъ Бенжовскимъ, рассказы которыхъ подтверждаются свидѣтельствомъ капитана Гернегейма.

Къ рисункамъ.

Одинокій дубъ. (Рис. на стр. 413).

Когда смотришь на этотъ пейзажъ Крома, певально хочется спросить: — а помните стихъ Фета? —

Смотри! ситѣя, другъ за другомъ
Какимъ широкимъ полукругомъ
Уходятъ правнучки твои.
Зачѣмъ же тѣны благотворной
Все кружишь ты, старикъ упорный,
По рубежамъ родной земли.
Все дальше, дальше съ каждымъ годомъ
Вокругъ тебя, незримымъ ходомъ,
Ползетъ просторъ твоихъ корней,
И въ ихъ кривые промежутки,
Глядясь, съ пригорка забываки
Глядятъ смѣле въ даль стѣней.

Когда-же водъ взломавъ оковы,
Весенній вѣтръ несетъ въ дубровы
Твои поблекшіе листы,
Съ нимъ вѣсти на просторъ широкой,
Что живъ ихъ пращуръ одинокой,
Ко внукамъ посылаешь ты...

Раннее утро за городомъ. (Рис. на стр. 416).

Картина Котляревскаго, которую воспроизводитъ наша гравюра, заставляла останавливаться передъ ней посѣтителей Академической выставки, какъ по своему непониманію, такъ и по полному глубокаго смысла содержанію: бѣдняки, застигнутые врасплохъ настуившею зимою, чуть свѣтъ вышелъ въ поле, чтобы выбрать послѣдній картофель. Трудятся они, не замѣчая мороза, посреди тишины ранняго утра, и вдругъ тишина эта нарушается рѣзкимъ звономъ бубенцовъ веселой тройки, на которой возвращаются люди, проведеніе ночь за городомъ и, можетъ быть, потратившіе за эту ночь столько денегъ, что ихъ хватило-бы на прокормленіе бѣднякамъ на цѣлый годъ. Контрастъ слишкомъ разительный, чтобы говорить о немъ еще...

Изъ прошлаго. (Рис. на стр. 417).

Молодымъ парнемъ ушелъ онъ въ солдаты и много лѣтъ служилъ вѣрой и правдой Царю и Отечеству. Когда вышелъ въ чину, онъ вернулся было на родину, но тамъ уже никого не было въ живыхъ изъ родныхъ и близкихъ сердцу. Тѣ, кто оставался въ живыхъ, непривѣтливо встрѣтили пришельца: лишний человекъ и отвыкшій отъ мужицкаго дѣла работникъ. И пошелъ изъ родного села бродить старый служивый по лицу земли родной. Какъ птица небесная, не знаетъ онъ крова и

питается, чѣмъ Богъ поелалъ. Правда, русскій человекъ гостеприименъ и радъ гостю, особенно такому бывалому, какъ старый русскій солдатъ. И за это рассказываетъ онъ, и старымъ, и молодымъ, про свои походы, сраженія и всевозможныя приключенія, которыми такъ богата боевая жизнь. Типъ такого солдата, рассказывающаго свои исторіи мальчугану, повидному тоже мечтающему, когда и онъ самъ пойдетъ, какъ этотъ „дяденька-служивый“, на войну — превосходно переданъ на картинѣ П. Коренева, бывшей на послѣдней Академической выставкѣ и воспроизводимой на нашей гравюрѣ.

Ермакъ, покоритель Сибири. (Рис. на стр. 424).

Бронзовая статуя „Ермака“, сдѣланная по заказу Государя Императора проф. Антокольскимъ, является однимъ изъ важнѣйшихъ произведеній нашего скульптора и была экспонирована на послѣдней выставкѣ его работъ, съ которыми читатели знакомы по снимкамъ, помѣщеннымъ въ предыдущихъ номерахъ „Нивы“. Статуя чрезвычайно типична и со стороны художественной, разумѣется, не оставляетъ желать ничего лучшаго, но люди военные дѣлаютъ одинъ упрекъ только въ томъ отношеніи, что Ермакъ у проф. Антокольскаго не пыхтитъ ружья, тогда какъ огнестрѣльное оружіе составляло весьма важный элементъ въ успѣхѣ завоеванія Сибири. Для дополненія характеристикъ исторической личности Ермака необходимо было дать ему ружье. Если не въ руку, то, по крайней мѣрѣ, на перевязи, за спиной, какъ поели казаки свои ружья въ походахъ. Несмотря, однако, на это, статуя производитъ несомнѣнное впечатлѣніе, о ней говорятъ и ею любятъ.

Въ самомъ дѣлѣ, теперь, когда наша Сибирь перестаетъ уже быть какою-то невѣдомымъ краемъ, когда желѣзнодорожная сѣтъ въ близкомъ будущемъ охватитъ все это „золотое дно“ однимъ стальнымъ кольцомъ, — теперь какъ-то особенно дорого становится воспоминаніе объ удачѣ Ермака, съ его эпическимъ Кольцомъ и другими, покорившимъ намъ это драгоценное „Бучуново царство“...

Малороссійская дѣвочка. (Рис. на стр. 425).

Николай Корнилевичъ Бодаревскій, членъ товарищества художественныхъ передвижныхъ выставокъ, на ряду съ портретами, охотѣе всего посвящаетъ свою кисть изображеніямъ того края, „гдѣ все обилемъ дышетъ“. На послѣдней, ХХІ передвижной выставкѣ находились его малороссійскіе пейзажи и одна, едва-ли не самая привлекательная его картина „Малороссійская дѣвочка“, гравюру съ которой можно найти на стр. 425. Черноокая и миловидная, она живо напоминаетъ тѣхъ красавицъ, которыми славится наша Малороссія

„Царь Эдипъ“, трагедія Софокла, разыгранная на греческомъ языкѣ учениками Николаевской Царскосельской гимназіи на сценѣ Китайскаго театра въ Царскомъ Селѣ. По ориг. рис. съ натуры Г. Бrolлингa, грав. Мульташовскій.

Общій видъ зрительной залы.

Старый пастухъ передъ Эдипомъ.

Жертвоприношеніе на „Фуниверс“

Хоръ.

Появленіе слѣпago Эдипа со своими дочерьми Антигоной и Исменой.

„Царь Эдип“ (Рис. на стр. 129).

„Царю Эдипу“ предшествует (до начала драмы у Софокла) цѣлая легенда, безъ которой непонятенъ глубокий трагизмъ положенія главнаго героя. Отцу Эдипа, оиванекому царю Лаю предсказано умереть отъ руки сына; когда родился Эдипъ отъ жены его Иокасты, Лай велѣлъ проколоть ему ноги и отнести на гору Кносронъ; рабъ ежалился надъ ребенкомъ и отдалъ его пастуху, который, въ свою очередь, огнесъ его коринѣскому царю Полибу, невѣвшему дѣтей отъ жены своей Меропы. Здѣсь Эдипъ и воспитывался; однажды кто-то его называть подкидышемъ, и, чтобы узнать истину, онъ отправился къ дельфійскому оракулу, предсказавшему, что ему суждено убить своего отца и жениться на своей матери. Считая своими родителями Полиба и Меропу, онъ обратно не возвратился и жившій ему доброды. По пути ему попался старикъ, не уступивъ Оивы тѣмъ времени онъ егоряча убилъ его.

Полу-женщина, полу-лѣдѣтило страшное чудовище, Сфинксъ дывалъ предложенной имъ пожирание всѣхъ, кто не отгадаетъ загадки всѣхъ загадокъ, и Эдипъ единственный бросился въ море. Въ награду за изреченное имъ чудовище го бѣдствія, народъ и правившій страной бѣгъ города отъ этого Лая, Креонтъ, предложилъ юности царство и руку царя Иокасты. Такимъ образомъ, исполнилось предсказаніе. Пятнадцать лѣтъ Эдипъ правилъ ечастливо, будучи любимъ и уважаемъ всѣми; въ течение этого времени у него родилось четверо дѣтей, но убійство Лая не было омыщено: боги, наконецъ, выяли мольбамъ разгнѣванной души его и послали на Оивы чуму. Съ этого момента, такъ сказать, съ самой ерединны дѣйствія, начинается трагедія Софокла, обыкновенно, сразу вводя зрителей въ трагическое положеніе своихъ дѣйствующихъ лицъ.

Народъ приноситъ жертвы богамъ, Эдипъ сообщаетъ, что онъ послалъ Креонта къ дельфійскому оракулу; появляется Креонтъ и увѣдомляетъ, что Аполлонъ велѣлъ казнить или познать убійцу Лая. Совѣтъ старцевъ предлагаетъ обратиться къ прорицателю Терезію; послѣдній отказывается назвать убійцу; Эдипъ настоятельно требуетъ его имени для избавленія народа отъ постигшаго бѣдствія; тогда Терезій называетъ его, Эдипа. Послѣдній думаетъ, что онъ подослалъ Креонту, желающему занять престолъ. Въ объясненіе между ними вышисывается Иокаста и, въ доказательство живности прорицаній, рассказываетъ, что и Лай предсказано было умереть отъ руки сына, а между тѣмъ его убили разбойники. Этотъ разговоръ напоминаетъ Эдипу о совершенномъ имъ убійствѣ старика; изъ подробностей онъ узнаетъ, между прочимъ, что одинъ изъ бывшихъ спутниковъ Лая живъ, и отъ него можно узнать истину. Иокаста тѣмъ временемъ приноситъ жертвы богамъ, и молить о прощеніи за выказанныя кощунственные слова по отношенію къ оракуламъ.

Появляется голецъ, сообщая о смерти коринѣекаго царя и о намереніи народа провозгласить Эдипа своимъ царемъ. Эдипъ, более предсказанія, что онъ долженъ жениться на матери и считая таковою Меропу, отказывается отъ престола и уже готовъ тоже смѣститься надъ прорицаніями, какъ разболтавшійся голецъ успокаиваетъ Эдипа, сообщивъ, что онъ самъ некогда принесть младенца къ Полибу и Меропѣ; Эдипъ убѣждается, что онъ не сынъ ихъ, а Иокаста узнаетъ въ немъ своего родного сына. Пастухъ же, передавшій гонцу ребенка, можетъ все рассказать, ибо онъ и былъ спутникомъ Лая, бѣжавшимъ послѣ убійства послѣдняго. Сцена съ пастухомъ, изъ которой Эдипъ узнаетъ, что онъ, — самая сильная во всей трагедіи; истина обнаруживается во всемъ своемъ ужасѣ. Древніе драматурги не допускали на сценѣ ничего не эстетичнаго, и поэтому никакихъ убійствъ на глазахъ зрителей не происходило; о развязкахъ трагедій, обыкновенно, извѣщалось кѣмъ-либо изъ дѣйствующихъ лицъ.

Такъ и тутъ, домоходецъ рассказываетъ о несчастіяхъ, постигшихъ царскій домъ: Иокаста повѣсилась между постелями своихъ двухъ мужей, а Эдипъ ослѣпилъ себя. Слѣпой Эдипъ появляется со своими дочерьми, Антигоной и Исменой. Царемъ становится Креонтъ, а Эдипъ, лишенный всего — царства, богатства, почестей, — умоляетъ Креонта позаботиться о дѣтяхъ и удаляется въ горы; хоръ, сочувствующій печальной судьбѣ столь славнаго и мудраго царя, высказываетъ, сопровождая удаляющагося Эдипа, извѣстную мораль шесы: „никто до смерти не можетъ считаться счастливымъ“.

Эта знаменитая трагедія Софокла, за напоминаніе содержанія которой читатели, надѣмся, не поѣтуютъ, была дана нѣсколько разъ на греческомъ языкѣ учениками Императорской Николаевской Царскоевѣльской гимназіи въ Китайскомъ театрѣ, при огромномъ етеченіи публики, въ текущемъ мѣсяцѣ. Разучена была трагедія съ музыкой къ ней Мендельсона, Пэна, Дюкне и г. Петрова, конечно, не могла быть приеособлена къ древне-греческимъ требованіямъ, тѣмъ не менѣе впечатлѣніе получилось въ обществѣ прекрасное: ученики отлично знали свои роли, хороводы, жертвоприношенія, шествія и церемоніи были прекрасно ерепетированы; исполнители главныхъ дѣйствующихъ лицъ очень пе-

дурно играли; не мало труда выпало на долю исполнители женской роли Иокасты. Костюмы и обстановка вполне есоотвѣтствовали эпохѣ. Нашъ рисунокъ воспроизводитъ видъ самой зрительной залы и главнѣйшія сцены трагедіи.

В. Баскинъ.

С. М. Духовской. (Портр. на стр. 432).

Наша восточная окраина, въ самый разгаръ своего культурнаго и экономического развитія, Высочайшею волею поручена заботамъ и руководству проевѣщеннаго государственнаго дѣятеля, какимъ является вновь назначенный Пріамурскій генералъ-губернаторъ, командующій войсками пріамурскаго военнаго округа и войсковой наказный атаманъ пріамурскихъ казачьихъ войскъ, генералъ-лейтенантъ Духовской. Военитаный въ боевой школѣ графа Евдокимова, извѣстнаго кавказскаго героя, Сергѣй Михайловичъ Духовской принадлежитъ къ семейству кавказскихъ героев-волякъ. Почти 20 лѣтъ своей службы С. М. провелъ на Кавказѣ, куда онъ переведенъ былъ, по окончаніи Академіи Генеральнаго штаба, въ 1862 году. Тогда же по прикомъ въ кавказскую армію, онъ былъ командированъ въ Дагестанъ для изслѣдованія нагорной части вновь покореннаго края и собранія на мѣстѣ етатистическихъ данныхъ, при чемъ со своимъ конвоемъ былъ однимъ изъ немногихъ русскихъ, проникшихъ въ глубь завоеванной страны до Ардидскаго койеу. Въ 1864 году С. М. Духовской, въ качествѣ начальника Духовскаго отряда, дѣйствовавшего на южномъ склонѣ Кавказскихъ горъ, подъ начальствомъ генерала Геймана, принималъ особенное активное участіе въ усмирении непокорныхъ черкесовъ. Славными дѣйствіями этого отряда завершился послѣдній актъ 60-ти-лѣтней кавказской войны. Оказанный С. М. Духовской мужество и храбрость въ этотъ періодъ его службы отмѣченъ чачальствомъ, и за жаркій бой на берегу Чернаго моря, у развалинъ православнаго монастыря и у кабановаго лѣса, 18-го мая 1864 года въ ераженіи съ убыхами (черкесское племя) онъ награжденъ орденомъ Св. Князя Владиміра 4-ой степени съ мечами и бантомъ. Начавшееся еще ранѣе переселеніе черкесовъ въ Турцію послѣ этого славнаго дѣла еще болѣе усилилось, а къ концу года послѣднее гнѣздо горцевъ на западномъ Кавказѣ, наиболѣе склонныхъ къ грабежамъ и разбоямъ — было разеяно.

Въ декабрѣ 1864 года капитанъ Духовской былъ назначенъ начальникомъ штаба 14-й пѣхотной дивизіи, расположенной въ Херсонской губерніи, а въ апрѣлѣ 1865 года — произведенъ въ подполковника, со старшинствомъ за отличіе при покореніи западнаго Кавказа съ 1864 года. Съ 1867 по 1870 гг. С. М. Духовской былъ на Кубани; въ чинѣ полковника онъ сначала назначенъ начальникомъ штаба войскъ Кубанской области, а потомъ, по упраздненіи должности командующаго войсками, начальникомъ войскового штаба Кубанскаго казачьяго войска. Въ 1870 г., С. М. назначенъ помощникомъ начальника штаба Кавказскаго военнаго округа. Въ 1872 году онъ былъ назначенъ состоять при Его Императорскомъ Высочествѣ Великомъ Князѣ Михаилѣ Николаевичѣ, главнокомандующемъ кавказскою арміей, при чемъ С. М. Духовскому поручено было заведываніе частью Генеральнаго штаба. Въ 1873 году онъ былъ произведенъ въ генералъ-майора, а въ 1876 году, во время послѣдней турецкой войны, былъ назначенъ начальникомъ штаба отдѣльнаго дѣйствовавшего корпуса на кавказской границѣ, подъ начальствомъ графа Лорисъ-Меликова. Участвуя во всѣхъ дѣлахъ этого корпуса, С. М. Духовской, 4 мая 1877 года, выказалъ особое мужество и храбрость, произведя блестящую рекогносцировку крѣпости Ардагана, съ большою опасностью, подъ выстрѣлами съ укрѣпленій; 5 мая, во время взятія открытымъ штурмомъ крѣпости Ардагана, когда нашими трофеями были 98 орудій и нѣсколько тысячъ пѣхотныхъ, одной изъ штурмовыхъ колоннъ командовалъ С. М. Духовской (другими двумя — генералы Гейманъ и Девель). За эти дѣла С. М. Духовской получилъ по двумъ статьямъ статута ордена Св. Георгія 4-й степени. Въ ноябрѣ 1877 года, С. М. командированъ былъ въ Саганлугскій отрядъ дѣйствующаго корпуса для командованія Хивескимъ отдѣльнымъ отрядомъ въ верховьяхъ Евфрата; отряду этому предстояло быть авангардомъ, на случай могущей возгорѣться войны въ Курдистанѣ, а въ февралѣ мѣсяцѣ 1878 года С. М. Духовской былъ назначенъ председателемъ особо учрежденной демаркаціонной комисіи, на которую возложено было, совместно съ такою же комисіей отъ оттоманскаго главнокомандующаго, составленіе подробныхъ условій перемирія на мало-азіатскомъ театрѣ войны, проведеніе демаркаціонныхъ линій и установленіе порядка очиненія Эрзерума турецкими войсками и занятія его войсками русскими. Велѣдъ затѣмъ С. М. Духовской состоялъ военнымъ губернаторомъ Эрзерумской области.

Въ это время въ Эрзерумской области свирѣпствовали страшный тифъ.

Развитіе болѣзненности въ войскахъ усложнило задачу администратіи до крайнихъ предѣловъ, какъ по обезпеченію больныхъ всѣмъ необходимымъ, такъ и по ихъ развѣшенію и эвакуаціи, при чемъ требовались необыкновенныя успія для прекращенія эпидеміи и асепизаціи зараженныхъ ея мѣстностей.

Въ это-то время правительственной поддержкой, ближайшей со-

трудностей и помощницей Сергѣя Михайловича въ Эрзерумѣ являлась его супруга, Варвара Федоровна Духовская, рожденная княжна Голицына, бывшая главной почительницей о больных и раненых и бытописательницей времени пребыванія русскихъ въ Эрзерумѣ. Записки ея, напечатанныя въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, затѣмъ вышли отдельной книгой подъ заглавіемъ „Изъ дневника русской женщины въ Эрзерумѣ, во время военнаго занятія его въ 1878 году“, изданной въ пользу средствъ Кавказскаго окружнаго управленія общества „Краснаго Креста“; книга написана интересно, живо и представляетъ прекрасную характеристику пережитого. По сдѣлѣ Эрзерума обратно туркамъ. С. М. Духовской возвратился къ мѣсту службы — состоятъ при Великомъ Князѣ Главнокомандующемъ. Наградами за участіе С. М. Духовскаго въ войнѣ 1877—1878 года, кромѣ ордена Св. Георгія 4 степени, были Императоромъ пожалованы ордена: Св. Анны 1 степени съ мечами и Св. Владимира 2 степени съ мечами, а Турецкимъ султаномъ пожалованъ орденъ Меджидіе созвѣздоу.

Въ 1879 г. С. М. Духовской назначенъ начальникомъ штаба Московскаго военнаго округа. Въ 1883 году С. М. Духовской былъ представителемъ нашей арміи въ Италіи на большихъ маневрахъ, начавшихся въ Сѣверной Италіи, въ долину рѣки По, у городка Пьяченца, и окончившихся въ Александріи. Въ 1885 году, по предположенію С. М. Духовскаго, въ нашей арміи впервые были примѣнены на практикѣ *подвижные сборы*, въ коихъ приняли участіе 35 тысячъ войскъ Московскаго военнаго округа; сборы эти окончились большимъ маневромъ у Бородина 26 августа, въ день празднованія годовщины знаменитой битвы. При С. М. Духовскомъ впервые также была произведена въ Московскомъ округѣ опытная боевая стрѣльба всѣхъ родовъ оружія въ Клементьевскомъ лагерѣ.

Князь Ал. М. Дондуковъ-Корсаковъ.

(Портр. на стр. 432).

15 апрѣля скончался въ своемъ имѣніи, Псковской губерніи, Порховскаго уѣзда, членъ Государственнаго Совета, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи, князь Александръ Михайловичъ Дондуковъ-Корсаковъ.

Князь Александръ Михайловичъ родился 12 сентября 1820 года. Высшее образованіе покойный получилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ по юридическому факультету. По окончаніи курса въ немъ, со степенію кандидата правъ, А. М. поступилъ въ январѣ 1841 г. на военную службу въ лейбъ-гвардіи кирасирскій Паслѣдника Цесаревича полкъ. Въ 1844 году, имѣя чинъ поручика, А. М. былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій къ командовавшему тогда отдельнымъ кавказскимъ корпусомъ генералу Нейдгардту, а съ 1845 г. къ замѣнившему Нейдгардта князю Воронцову. Подъ начальствомъ послѣдняго А. М. участвовалъ во многихъ дѣлахъ противъ горцевъ въ составѣ чеченскаго и дагестанскаго отрядовъ. За участіе въ Дагестанской экспедиціи онъ былъ награжденъ орденомъ Св. Анны 3 ст. съ бантомъ и золотой саблей „за храбрость“. Въ 1847 г. снова за боевые отличія въ дѣлахъ противъ горцевъ онъ получилъ орденъ Св. Владимира 4 ст. съ бантомъ. Въ 1848 г. за блестящее выполненіе порученія, съ которымъ онъ былъ командированъ въ Персію, А. М. удостоился получить орденъ Св. Анны 2 ст. Въ 1850 г. онъ произведенъ былъ въ ротмистры, а въ слѣдующемъ году въ полковники.

Во времени Крымской кампаніи князь А. М. появился въ первыхъ рядахъ нашихъ войскъ, сражавшихся противъ турокъ на мало-азіатскомъ театрѣ войны. Въ началѣ войны, въ 1854 г., назначенный командиромъ втораго дивизиона Нижегородскаго драгунскаго полка, А. М. отличился въ курюкаринскомъ сраженіи и былъ тяжело раненъ. За это сраженіе ему былъ пожалованъ орденъ Св. Георгія 4 ст. Въ 1855 г., командуя 44 драгунскимъ Нижегородскимъ полкомъ, онъ выказалъ чудеса храбрости при блокадѣ и штурмѣ крѣпости Карса, за что былъ награжденъ орденомъ Св. Владимира 3 ст. съ мечами и получилъ чинъ генералъ-майора. Въ 1857 г., за доблестное участіе въ дѣлахъ чеченскаго отряда, удостоился получить орденъ Св. Станислава 1 ст. съ мечами. Съ 1858 по 1863 г. А. М. занимать должность начальника штаба войска Донскаго, за что былъ награжденъ орденомъ Св. Анны 1 ст. съ мечами и въ 1867 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Сверхъ того, за введеніе крестьянской реформы на Дону, онъ получилъ знакъ за освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Страданія отъ полученныхъ ранъ вынудили его на время оставить службу. Съ 1868 г. А. М. опредѣленъ вновь на службу по армейской кавалеріи, съ причисленіемъ къ Министерству

Внутреннихъ дѣлъ. За цѣлый рядъ блестяще выполненныхъ порученій означеннаго министерства, онъ былъ удостоенъ ордена Владимира 2 ст. съ мечами. Черезъ годъ А. М. былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ къ Его Величеству и вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ высокое назначеніе на постъ кievскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора и таковымъ оставался до послѣдней Русско-турецкой войны.

За все это время ему были жалованы награды одна за другою. Въ 1872 г. ему былъ пожалованъ орденъ Бѣлаго Орла, въ 1873 г. объявлена ему Высочайшая благодарность, въ 1875 г. онъ былъ удостоенъ ордена Св. Александра Невскаго, и ему была снова объявлена Высочайшая благодарность. Въ 1877 г. онъ получилъ въ командованіе 13 армейскій корпусъ. Въ февралѣ слѣдующаго года онъ былъ назначенъ командующимъ восточнымъ отрядомъ и произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи. Послѣ окончанія послѣдней Русско-турецкой войны, въ апрѣлѣ 1878 г., по кончинѣ князя Черкаскаго, онъ получилъ высокій постъ Императорскаго комиссара въ Болгаріи. За труды по введенію гражданскаго управленія въ Болгаріи онъ былъ удостоенъ Высочайшаго рескрипта, награжденъ орденомъ Св. Владимира 1 ст. и назначенъ членомъ Государственнаго Совета. Затѣмъ, въ продолженіе 1880—1881 годовъ, А. М. послѣдовательно занималъ должности командующаго войсками Харьковскаго и Одесскаго военныхъ округовъ. 1 января 1882 г. онъ получилъ назначеніе главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ и командующаго войсками Кавказскаго военнаго округа, а въ 1885 г. — войскаго наказнаго атамана казачьихъ войскъ. А. М. оставался въ этихъ должностяхъ до 3 июля 1890 г., когда болѣзнь заставила его оставить этотъ отвѣтственный постъ. Такимъ образомъ, покойный закончилъ свою активную службу въ томъ краѣ, въ которомъ онъ началъ ее 50 лѣтъ тому назадъ. За время своего управленія Кавказскимъ краемъ, А. М. былъ награжденъ бриллиантовыми знаками Св. Александра Невскаго и орденомъ Св. Андрея Первозваннаго, и записанъ въ списки Кубанскаго и Терскаго казачьихъ войскъ.

Ю. Ив. Симашко. (Портр. на стр. 433).

Скончавшійся 14 апрѣля въ С.-Петербургѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ Юліанъ Ивановичъ Симашко стяжалъ себѣ большую извѣстность и популярность, главнымъ образомъ, на педагогическомъ поприщѣ.

Ю. И. родился въ Варшавѣ 21 марта 1821 г. и происходилъ изъ древняго дворянскаго рода Киевской губерніи. Получивъ образованіе въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ, покойный 4 октября 1838 г. занялъ уже мѣсто учителя математики въ Шлиссельбургскомъ уѣздномъ училищѣ, а въ 1844 году былъ назначенъ преподавателемъ естественной исторіи въ Павловскій кадетскій корпусъ. Тутъ онъ оказался вполне въ своей сферѣ; помимо службы, онъ посвящалъ все свое время занятіямъ естественными науками и въ теченіе 1845—47 гг. помѣстивъ массу своихъ статей въ бюллетеняхъ московскаго общества испытателей природы и Императорской Академіи Наукъ. Затѣмъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, онъ выпустилъ въ свѣтъ первое свое крупное сочиненіе „Русская фауна“. Слѣдующимъ его трудомъ былъ учебникъ зоологіи для гимназій, составленный имъ по порученію Министерства Народнаго Просвѣщенія. Послѣ того, три года, съ 1854 по 1857 г., Ю. И. проработалъ надъ своимъ знаменитымъ атласомъ всеобщей географіи. Тѣмъ не менѣе, онъ за все это время продолжалъ свою плодотворную преподавательскую дѣятельность въ первомъ и второмъ Павловскомъ кадетскихъ корпусахъ, въ школѣ гвардейскихъ юнкеровъ и подпрапорщиковъ. Кромѣ того, въ Лѣсномъ институтѣ покойный читалъ спеціальныя курсы лѣсной энтомологіи и орнитологіи. Съ 1856 по 1863 гг. и вторично съ 1869 по 1874 гг. Ю. И. состоялъ членомъ ученаго комитета при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія. Покойному Ю. И. принадлежала иниціатива учрежденія Энтомологическаго общества. Неустанно заботясь о правильной и цѣлесообразной постановкѣ у насъ первоначальнаго обученія, покойный, подъ псевдонимомъ Я. Фоссъ, выпустилъ болѣе 400 изданій по этому предмету. Бывшій начальникъ военно-учебныхъ заведеній, покойный генералъ-адъютантъ Исаковъ, во вниманіе къ этимъ его трудамъ, поручилъ ему устройство педагогическаго музея. Съ 1870 по 1878 гг. покойный работалъ надъ своимъ журналомъ *Семья и Школа*. Послѣ того онъ получилъ назначеніе окружнаго инспектора по надзору за занятіями малолѣтнихъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ и занималъ эту должность до 1884 г. Въ послѣднее время онъ исключительно занимался описаніемъ русскихъ метеорологовъ.

Разныя извѣстія.

— 17 апрѣля, въ день семидесятилѣтія рожденія въ Божѣ почивающаго Императора Александра II, въ Петропавловскомъ соборѣ совершены заупокойная литургія и панихида.

— Его Императорское Высочество Паслѣд-

никъ Цесаревичъ, въ память путешествія на дальній Востокъ, пожаловалъ каждому изъ офицеровъ, плававшихъ на эскадрѣ подъ флагомъ Его Императорскаго Высочества, по золотому жетону.

— Въ теченіе прошлаго года во всѣхъ

церквахъ Петербурга, согласно официальнымъ даннымъ, совершено 6460 браковъ лицъ разныхъ исповѣданій.

— Департаментъ таможенныхъ сборовъ циркуляромъ отъ 19 апрѣля разрѣшилъ таможеннымъ учрежденіямъ, производящимъ до

смотреть заграничных почтовых посылок, принимать от адресатов письменные заявления о производстве такового досмотра въ ихъ приуготовленіи и выдачу посылокъ изъ таможенъ во всякое время года.

— Въ половинѣ мая открывается въ Петербургѣ Всероссийская гигиеническая выставка, устраиваемая Русскимъ Обществомъ охраненія народнаго здравія. Число заявленныхъ экспонатовъ настолько велико, что подъ выставку занять Михайловскій манежъ и прилегающіе къ нему сады.

— Въ послѣднее время среди индустристовъ Каневского уѣзда, Киевской губернии, замѣтно движеніе въ пользу возвращенія въ лоно православія. Многие изъ этихъ сектантовъ, раскаявшись, покаявшись, въ своихъ заблужденіяхъ, снова стали посѣщать церковь и исполнять церковныя требы.

— По свѣдѣніямъ, собраннымъ о профессиональномъ образованіи, въ Россіи существуетъ 1500 школъ, съ устроенными при нихъ учебными мастерскими.

— Въ некоторыхъ епархіяхъ преосвященные предписали приходскимъ священникамъ, на случай появленія въ городахъ и селеніяхъ эпидемическихъ болѣзней, постъ каждого богослуженія читать и разъяснять народу наставленія, издавныя Медицинскимъ департаментомъ, о мѣрахъ предохраненія отъ этихъ болѣзней и способахъ поданія первой помощи.

Политическое обозрѣніе.

19 апрѣля или 1 мая, по новому стилю, носитъ на Западѣ названіе праздника рабочихъ и всегда внушаетъ тамъ мирнымъ гражданамъ безпокойства. Къ счастью, возбужденіе, которое замѣчалось у англичанъ, праздновавшихъ этотъ день, постепенно уменьшается и проявляется еще или въ мѣстахъ большого скопленія ихъ, или въ новыхъ мѣстностяхъ, гдѣ смугляны могутъ иногда найти широкое поприще для своихъ агитацій.

Въ этомъ году 1 мая почти повсюду прошло, сравнительно, очень спокойно.

Германская императорская чета нѣсколько ранѣе срока вернулась на родину. ко дню второго чтенія военнаго законопроекта въ рейхстагѣ. На пути, въ

Генераль-губернаторъ Примурскаго края, генераль-лейтенантъ С. М. Духовской. Съ фот. грав. Шюблеръ.

Князь Ал. М. Дондуковъ-Корсаковъ († 15 апрѣля 1893 г.). Съ фот. грав. Барановскій.

Швейцаріи, была остановка, съ торжественной встрѣчей и обмѣномъ добрыхъ пожеланій со стороны императора Вильгельма и президента союза. Къ дню возвращенія своего государя, рейхстагъ покончить съ предложеніемъ Альвардта. 16 апрѣля коммисія, обсуждавшая это предложеніе, представила свой докладъ, въ которомъ говорится, что предложенный Альвардтомъ матеріалъ нисколько не доказываетъ основательности его обвиненій. Это по большей части конія съ письмъ, изъ нихъ многія безграмотны и съ помарками. Вслѣдствіе такого заключенія, 20 апрѣля, рейхстагъ, не исключая присутствовавшихъ на засѣданіи антисемитовъ, единогласно принялъ резолюцію коммисіи, что представленныя Альвардтомъ документы не содержатъ доказательствъ взыскимыхъ на многихъ членовъ рейхстага и союзнаго совѣта обвиненій въ подкупности. Докладчикъ коммисіи предлагалъ Альвардту взять назадъ свои обвиненія, если только въ немъ сохранилась частица чести. Альвардтъ выразилъ готовность взять назадъ свои обвиненія, но протестовалъ противъ обращенія коммисіи съ нимъ и объявилъ, что приговору ея онъ не подчинится.

На другой день, по случаю второго чтенія военнаго законопроекта, рейхстагъ собрался въ такомъ сильномъ составѣ, какъ никогда не бывало въ теченіе нынѣшняго законодательнаго періода. Графъ Каприви сказалъ рѣчь, въ которой выразилъ, что дѣло идетъ о чести, существованіи и будущности Германіи. Отклоненіе военнаго законопроекта ухудшило бы политическое положеніе. „Даже дипломатическій гений князя Бисмарка, единственный за нѣсколько столѣтій, — продолжалъ канцлеръ, — считалъ усиленіе арміи необходимымъ. Пусть считается первеннымъ вопросомъ о томъ, достаточно-ли наша армія въ настоящее время хотя бы только для стратегическихъ и оборонительныхъ цѣлей противъ одной только Франціи; все-таки участь нашихъ пограничныхъ областей въ случаѣ войны для насъ не безразлична. Народъ хочетъ сохранить Эль-

заст.-Ютарингю. Въ день мобилизації наполненная патронная сумка дорожною поклажей. Отклонение законопроекта произвело бы за границей впечатлительные слабости.

Новому французскому министерству удалось провести в палате депутатов бюджет 1893 года, правда, подправив, отчасти, теми изменениями, на которые указали сенат, и перипетиях которых палатаю несколько времени тому назад рѣшило участь прежняго министерства.

Въ венгерскій сеймъ правительство внесло, 14 апрѣля, два церковно-политическіе законопроекта, которые касаются ведения метрическихъ записей о рожденіи гражданскими чиновниками и признанія еврейскаго вѣроисповѣданія, которому присвоиваются все права, принадлежащія исповѣданіямъ христіанскимъ; такимъ образомъ, допускается также и переходъ христіанъ въ іудейство.

Искусство.

В. Любке.

Наука объ исторіи искусства понесла невознаградимую потерю. 5 апрѣля (нов. ст.) умеръ широко известный своими трудами въ этой области Вильгельмъ Любке. Онъ родился 17 января 1826 года въ Дортмундѣ. Отецъ его былъ учителемъ народнаго училища, почему Любке съ дѣтства предназначался для преподавательской дѣятельности и поступилъ сначала на филологическій факультетъ въ Боинскій университетъ, гдѣ подъ влияніемъ Кинкеля въ немъ и опредѣлился вкусъ къ его послѣдующей специальности. Послѣ того, онъ учился у Куглера, Гуля, Шнассе, Ваагена, — и исторія искусства стала дѣломъ его жизни. Работы Любке, литературная дѣя-

Юліанъ Ивановичъ Симашко († 14 апрѣля 1893 г.).
Съ фот. Левинскаго, грав. Шюблеръ.

тельность которого началась съ 1853 года, представляютъ въ основаніи двѣ группы: спеціальныя труды по изученію памятниковъ нѣмецкаго искусства и труды по всеобщей исторіи художествъ. „Исследование о памятникахъ средневѣковаго искусства въ Вестфалии“, „Всеобщая исторія архитектуры“, „Исторія нѣмецкаго ренессанса“ и „Основы исторіи искусства“, суть капитальныя труды ученаго съ обширною эрудиціею и большимъ талантомъ; первыя три изъ нихъ пользуются высокою репутаціею въ спеціальныхъ кружкахъ, а послѣднее и въ средѣ образованной публики. Затѣмъ „Исторія искусствъ“, „Ренессансъ во Франціи“ и масса небольшихъ спеціальныхъ работъ по самымъ разнообразнымъ предметамъ изъ области исторіи искусства остаются послѣ него, какъ памятники его неутомимой дѣятельности. Въ числѣ послѣднихъ слѣдуетъ упомянуть, въ частности, мемуаръ о картинахъ Микель-Анджело въ спассинской капеллѣ и текстъ къ гравюрамъ Альбрехта Дюрера. Онъ много писалъ въ *Deutsches Kunstblatt*, *Zeitschrift für bildende Kunst, Nord und Süd* и др., а въ послѣднее время былъ постояннымъ сотрудникомъ мюнхенской *Allgemeine Zeitung*. Кроме того, Любке былъ выдающимся профессоромъ исторіи искусства въ теченіе 36 лѣтъ (съ 1857 г.) — сперва въ Берлинѣ, въ строительной академіи, потомъ въ Цюрихѣ, въ политехникумѣ, и, наконецъ, въ Карлсруэ, гдѣ онъ несъ также обязанности главнаго директора великогерцогскихъ художественныхъ собраній. Въ качествѣ сотрудника въ періодическихъ изданіяхъ, Любке писалъ иногда о литературѣ и музыкѣ, а отъ поры до времени отзывался и по современнымъ политическимъ вопросамъ.

В. А.

Научныя и техническія новости.

— Американецъ Муръ предлагаетъ новую систему воздухоплаванія. Аэростаты снабжаются электрическими двигателями и передвигаются вдоль воздушныхъ проводовъ, наподобіе электрическихъ трамваевъ, но на высотѣ отъ 5 до 14 саж.

— Въ городѣ Вольсвардѣ въ Голландіи 7 (19) іюля 1893 г. открывается выставка керосина и различныхъ приборовъ, дающихъ возможность употреблять его для освѣщенія, отопленія и получения двигательной силы.

— Александръ Франкъ-Мичель изобрѣлъ очень остроумный и дешевый двигатель: колесо внутри колеса, раздѣленное перегородками на нѣсколько отдѣловъ, при чемъ каждыя двѣ противоположныя камеры сообщаются между собою; весь же приборъ герметически запертъ. Въ камеры налита вода или кака-либо другая испаряющаяся жидкость, къ которой прибавлено иногда летучее вещество.

Если подвергнуть какую-нибудь часть окружности колеса дѣйствию солнечныхъ лучей или пламени маленькой газовой горѣлки, а то и просто теплоты руки, то этого совершенно достаточно, чтобы привести колесо въ движеніе: происходящее отъ нагреванія измѣненіе въ давленіи жидкостей или газовъ, заключенныхъ въ камерахъ, заставляетъ колесо вращаться съ силою, пропорціональною разницѣ между нормальной температурой воздуха и температурою источника тепла. Небольшое количество налитой жидкости можетъ поддерживать движеніе колеса въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

— Поразительное по простотѣ средство открыли теперь въ Америкѣ для предохраненія плодовыхъ деревьевъ отъ вредящихъ имъ червей: нужно только вбить въ каждое дерево по полдюжины желѣзныхъ гвоздей. По всей вѣроятности, при этомъ происходитъ окисленіе желѣза сокомъ растущаго дерева и про-

никновеніе образующагося соединенія во всѣ части растенія.

— Раль плодовыхъ деревьевъ, производимый микроскопическимъ грибомъ и проявляющийся въ отмирانіи коры, слѣдуетъ лечить такимъ образомъ: вся побурѣвшая, т. е. пораженная ткань должна быть вырѣзана, а поверхность сдѣланной раны замазана каменноугольною смолою, которая совершенно убиваетъ всѣ проникшія въ ткань дерева шти грибка. Послѣ операции позѣ надо хорошо дезинфицировать, вымывъ его въ чистомъ спиртѣ.

— Найдено прекрасное средство для сохраненія картофеля: надо вымочить его въ водѣ, къ которой прибавлено отъ 1,5 до 2 частей обыкновенной сѣрной кислоты на 100 частей воды. Прилѣ сохранивъ такимъ способомъ картофель въ теченіе полугода, при чемъ этотъ картофель не потерялъ нисколько своихъ питательныхъ свойствъ.

С М Ъ С Ъ.

Открытие всемірной выставки въ Чикаго состоялось, какъ было обѣщано ея устроителями, 1 мая новаго стilia. Выставка открыта президентомъ Кливлендомъ въ присутствіи несметной толпы

жителей. Всего собралось на это выдающееся международное торжество около 300,000 человекъ. Самое открытіе состоялось при необычной обстановкѣ. Президентъ ровно въ назначенный часъ на-

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№ „Нивы“, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полную годовую подписную плату за „Ниву“ 1893 года, озаботиться своевременными срочными взносами слѣдуемыхъ съ нихъ денегъ. Г.г. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероля, подѣ которымъ полчается ими „Нива“.

жалъ кнопку электрическаго аппарата и моментально съ свистомъ и грохотомъ завертѣлись всѣ машины и распустились всѣ колосальные флаги, украшающіе зданіе выставки.

Замѣчательно богатый золотой песенъ найденъ на острове Лешокеъ, лежащемъ близъ Огненной Земли (въ Южной Америкѣ). Приходящія отсюда извѣстія просто баснословны: одинъ золотоискатель въ теченіе одного только дня добылъ 27 фунтовъ золота, стоимостью до 26.000 долларовъ.

Статистика землетрясеній обнаружила интересный фактъ, что 60% всѣхъ землетрясеній приходится на зимніе мѣсяцы, при чемъ максимумъ падаетъ на январь, минимумъ же приходится на июль. Въ области Средиземнаго моря число землетрясеній, случающихся въ декабрь, январь и февраль, относится къ числу лѣтнихъ землетрясеній (июнь, июль и августъ), какъ 5 къ 2.

Изъ жизни Росснии. Росснии пріѣхалъ однажды въ Неаполь, пѣвчій импрессаріо Барбайя предложить къ его услугамъ весь свой домъ и предоставить ему приглашать къ себѣ друзей, однихъ словомъ, жить въ свое удовольствіе на его средства съ тѣмъ лишь, чтобы Росснии написалъ оперу. Росснии съ удовольствіемъ согласился на это, приглашать и угощать своихъ друзей, но объ оперѣ и не помышлялъ. Барбайя сталъ напоминать ему объ этомъ. Тогда Росснии принужденъ былъ поднестъ съ нимъ условіе, обязавшее его написать оперу въ шесть мѣсяцевъ. Прошло еще пять мѣсяцевъ. Росснии и не начиналъ оперы. Въ началѣ шестого мѣсяца Барбайя не вытерѣлъ, и въ одинъ прекрасный день залеръ знаменитаго композитора въ комнату и заявилъ, что онъ его не выпуститъ, пока тотъ не напишетъ оперы. Никакія просьбы и утѣшенія не помогли. Пришлось съѣсть за работу и исполнить обязательство. Къ вечеру перваго дня Барбайя получилъ уже увертюру къ новой оперѣ „Огелло“. Тотчасъ она была исполнена на ролѣхъ тутъ же, въ домѣ импрессаріо, и вызвала общій восторгъ. На слѣдующій день Росснии написалъ первый актъ, а черезъ три дня была скомпонована вся опера. Барбайя былъ въ восхищеніи. Черезъ восемь дней опера уже была съ успѣхомъ поставлена на сценѣ. Въ нуду восторга, отъ избытка чувствъ, Барбайя кинулся съ объятіями на композитора, но Росснии стѣжко уклонился отъ этого. На слѣдующій день Росснии почелъ изъ Неаполя, а вмѣстѣ съ нимъ и примадонна Барбайя, Кольбрайтъ. Барбайя былъ въ себя отъ гнѣва и успокоился тогда только, когда ему сообщили, что Кольбрайтъ стала женой Росснии. „Ну, по крайней мѣрѣ, я отомщенъ!“ воскликнулъ съ облегченіемъ Барбайя.

Визитныя карточки изъ алюминія. Во Франціи съ недавняго времени начали изготовлять изъ алюминія визитныя карточки, превосходящія бумажныя своей изящностью, изумительной легкостью, отчетливо и ясно выступающимъ на нихъ шрифтомъ и т. д. Онѣ могутъ служить также для благотворительныхъ цѣлей, такъ какъ имѣютъ свою нѣкоторую цѣнность, которой онѣ не теряютъ, попавъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Одинъ изъ нашихъ подписчиковъ, пріступая къ собиранію отечественныхъ писемъ и переговоровъ, проситъ лицъ, которыя пожелаютъ содѣлать ему въ этомъ, сообщить ему всякаго рода **мѣстныхъ** пословицъ, поговорокъ, присловья, скороговорки, присказки, поговорки, реченія, иносказанія, и всякаго рода другія выраженія и обороты устной рѣчи по слѣдующему адресу: Подпавъ. Д. Ст. С. Н. П. Тимофееву. Собственный домъ.

Портрѣ В. Ж. Руководство Цукерторта можете выписать черезъ любой книжный магазинъ. Портрѣ его у Veit & Co Leipzig.

С. Наволони. М. С. Одна задача годится.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежшій печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ предоставлять подписные билеты.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ.

Вс. С. Соловьева.

Историческая повесть въ двухъ частяхъ. Сюжетъ заимствованъ изъ русск. исторіи XVI в. Тѣмъ этотъ украинск. 20 рис. художника П. С. Павлова. Поданіе III. СПб. 1885 г. II. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ коленк. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 50 к.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ.
Невскій просп. № 42. С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Рекомендуетъ часы *собственного производства прусской системы.*
Лицамъ, которымъ точный и въмѣстѣ съ тѣмъ недорогой измѣритель времени составляетъ существенную необходимость, ручательство за вѣрность хода и прочность механизма на четыре года.
Иллюстриров. прейсъ-курты высл. лаются **БЕЗПЛАТНО**

и поелъ своего употребленія. Сотня такихъ карточекъ въ продажѣ стоитъ во Франціи отъ 4 до 5 франковъ. Тысяча же старыхъ карточекъ можетъ доставить собравшему ихъ два и, пожалуй, даже три франка.

Новѣйшія изслѣдованія ископаемыхъ животныхъ Черно-морскаго бассейна, произведенныя Вагъ Бенедикомъ, обнаружилъ присутствіе всѣхъ организмовъ, свойственныхъ ширѣ водамъ океана. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что къ концу миоценоваго періода вся центральная Европа перерѣзана была многочисленными морскими заливами, а Черное море доходило до Вѣны и даже до Констанцкаго озера. Къ концу же предшествовавшего современному третичнаго періода, вслѣдствіе значительныхъ подлігій суши, образовался Босфоръ, а воды Средиземнаго моря сосредоточились въ бассейнѣ, имѣвшемъ первоначально соединеніе съ Ледовитымъ океаномъ. Всѣ эти измѣненія способствовали появленію новой фауны, мало-по-малу вытѣснившей прежнюю. Только въ Каспійскомъ морѣ, которое отдѣлилось и замкнулось раньше, тѣмъ успѣли развиться новыя формы, сохранилось много видовъ прежней фауны, и въ немъ насчитываютъ до 45 видовъ рыбъ, не существующихъ ни въ Черномъ, ни въ Аральскомъ морѣ, и только шесть видовъ оказываются общими для этихъ морей.

Ребусъ. Задача № 12.

СОДЕРЖАНІЕ: Воля судьбы. Историческій романъ въ трехъ частяхъ. Нн. М. Н. Волонскаго. (Продолженіе).—Назани и ихъ тантика. Весенній день (рис.).—Дипломатическое сочинительство. Истинное просвѣщеніе.—Въ Архипелагѣ Луну.—Къ рисункамъ: Одинокій дубъ (съ рис.).—Раннее утро за городомъ (съ рис.).—Изъ прошлаго (съ рис.).—Ермакъ, покоритель Сибири (съ рис.).—Малороссійская дѣвочка (съ рис.).—„Царь Эдипъ“ (съ рис.).—С. М. Духовскій (съ портр.).—Князь Александръ Михайловичъ Дондуковъ-Корсаковъ (съ портр.).—Ю. И. Симашино (съ портр.).—Разныя извѣстія.—Политическое обозрѣніе.—Искусство. В. Любе.—Научныя и техническія новости.—Смѣсь.—Завлеченіе.—Ребусъ.—Почтовый ящикъ.—Объявленія.

При семь № прилагается: 1) СБОРНИКЪ „НИВЫ“ за МАЙ; 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за МАЙ 1893 г. съ 36 рис. и отд. листъ съ 30 чертенъ. выкр. въ натур. велнч. и 45 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Печатель А. Ф. Марнсъ.

Редакторъ Нн. М. Н. Волонскій.

Касимовская невѣста. Пет. ром. въ 3 ч., соч. Вс. Соловьева. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.; въ кол. пер. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 75 к.

EAU DENTIFRICE
BALSAMIQUE DE LONSE
БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полоснанія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5121 (26)

Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:

ГУ ТАВЪ ЛОЗЕ

46. Егерштрассе, Берлинъ. придворн. парфюмеръ.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

Кавказскій и крымскій копыякъ П. Л. ШУСТОВА съ С-мп.

Москва, Ермолаевская-Садовая, собств. домъ.

№ 63-5

401 307 503 358

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ 56-Й ПРОБЫ СЪ
искусственными **БРИЛЛИАНТАМИ.**

№ 254. Золотое кольцо. Шт. 4 р. 90 к., 2 за 9 р. 55 к., 3 за 13 р. 90 к.
№ 353. Золотые серьги. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 8 р. 90 к.
№ 358. Золотые серьги на винтиках. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 9 р. 43 к.
№ 401. Золотой браслет. Шт. 19 р. 75 к., 2 за 37 р. 80 к.
№ 307. Золотая брошь. Шт. 7 р. 55 к., 2 за 13 р. 90 к.
№ 503. Золотая булавка. Шт. 3 р., 2 за 5 р. 65 к.

БАЗАРЪ МАРОКЪ
С.-Петербургъ,
Невскій просп., № 20—31.

Товаръ пересылаю наложеннымъ платежемъ.

Иодисто-соляное КУПАНЬЕ ГАЛЛЬ. Верхняя Австрія.

Самыя крупныя Іодистая соль на континентѣ, противъ золотухи и всѣхъ общихъ и специальныхъ болѣзней, при которыхъ іодъ служитъ важнымъ лечебнымъ средствомъ. Превосходныя лечебныя приспособленія (купанья и минеральныя воды, водолѣченіе, вдыханіе, массажъ, кефиръ).

Весьма благоприятныя климатическія условія. Железнодорожная станція. Путь черезъ Линцъ на Дунай. СЕЗОНЪ съ 15-го мая по 30-е сентября.

Подробныя программы на разныхъ языкахъ высылаютъ безплатно
В. № 6273 4—3 Лечебное управленіе купанья ГАЛЛЬ.

74-Й ПѢХОТНЫЙ СТАВРОПОЛЬСКІЙ ПОЛКЪ

прислуга къ составленію полкового альбома для офицерскаго собранія, проситъ всѣхъ гг. генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, классныхъ чиновниковъ и лицъ духовнаго званія, когда-либо служившихъ въ семь полку, прислать свои фотографическія карточки съ надписью на нихъ времени служенія въ семь полку, въ г. Баттү, Нодольской губ. № 6382 3—1

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни
Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

271/2 версты въ 12 часовъ.

Англійскіе велосипеды заводъ:
Зингеръ и Ко. и Компания „Триумфъ“.

Представитель:
Георгій Георгиевичъ ЖЕМЛИЧКА.
Москва, уголъ Тверской и Газетнаго переулка, домъ Фалетъ-Фейнъ, маг. № 19.

КРАСКА
для волосъ
придворнаго парфюмера
АЛЕКСАНДРА ГЕРКЕ

окрашиваетъ въ черный и коричневый прочный цвѣтъ,—смотря по надобности свѣтлѣе и темнѣе. № 5924

Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

Главный складъ А. Энгльундъ, С.-Петербургъ, Басейналь, № 2. Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанскія, 12 и во всѣхъ павильонныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговыхъ Россійской Имперіи.

КАТАЛОГЪ
на 1893 г.

АНГЛІЙСКІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ
старѣйшей фабрики
компаніи **РУДЖЪ Ковентри**

съ новостями на 1893 годъ.
Представители для всей Россіи
Ц. № 6289 торговый домъ 8—8
АБАЧИНЪ и ОРЛОВЪ.
Москва, Мясницкая, д. Сытова.

КРАСКА для волосъ
В. № 6326 В. ГЕНА въ Пѣтѣ 8—3

изъ грецкихъ орѣховъ.
Безвредное средство для быстрого окрашиванія волосъ и бороды въ черный, русый, темно и свѣтло-каштановый цвѣтъ. Цѣна за флак. 3 р. съ пер. въ Евр. Росс. Главный складъ для Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ. Колодольная, 18.

ОХРАНИТЕЛЬНАЯ МАРКА.

ИЗЪЯНЫ ВОЛИ.

Романъ въ 3-хъ частяхъ

Н. Д. МАСЛОВА.

Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ.

Большой, издѣло изданный томъ, въ 371 стр. убористой печати, въ красной обложкѣ, съ виньеткою худож. Р. Штейна. СПб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к. съ перес.

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ.

Употребляется для мытья лица и рукъ. Способъ употребленія. При приготавленіи этого бальзама главное вниманіе обращено на то, чтобы въ составъ онаго вошли бы исключительныя вещества, не оказывающія дурнаго вліянія на кожу. Цѣна флакону 1 р. 65 н.; Бензоевое мыло 35 н. и 50 н. кусокъ; Олоупамада (тушь, колдѣ-крема) 1 р. Упаковка и перес. въ Европ. Россіи 70 н., въ Азіатск. 1 р. Главный складъ для всей Россіи у В. АУРИХА, въ С.-Петербургѣ, Колодольная, № 18—19. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптек. магаз. и аптек. Россіи.

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ

го вліянія на кожу. Цѣна флакону 1 р. 65 н.; Бензоевое мыло 35 н. и 50 н. кусокъ; Олоупамада (тушь, колдѣ-крема) 1 р. Упаковка и перес. въ Европ. Россіи 70 н., въ Азіатск. 1 р. Главный складъ для всей Россіи у В. АУРИХА, въ С.-Петербургѣ, Колодольная, № 18—19. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптек. магаз. и аптек. Россіи.

5 Р. КРАСИВО ПИСАТЬ выучивая всякаго ЗАОЧНО (по-средствомъ лекцій корреспондентіи) въ 10 уроковъ. ЗАУСПѢХЪ ГАРАНТІЯ. Подробное объясненіе преподаванія высылаю за 3 семикопѣечныя марки. № 6341 26—3

10 Р. ДВОЙНОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ БУХГАЛТЕРІИ обучаю ИНОГОРОДНЫХъ вполнѣ и основательно въ 2—3 мѣсяца. При окончаніи выдаю ученику СВИДѢТЕЛЬСТВО. Адресъ: Москва, Покровка, Учит. нал. и бух. А. С. Шиманскому.

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ
СРЕДСТВО
для смягченія кожи рукъ и лица.
Цѣна 35 коп.
Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. Ш. № 6271 14 10

ПРИГЛАШАЮТЪ
дѣятельныхъ агентовъ. За установленіемъ обрац. извѣстно: Генрихъ Блонинъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59. 12—5

ГЛАВ. СКАДЪ МОСКВА
УЛ. Я. СТОЛКІНДЪ.

КРУПНИКИ
для уничтоженія
КРЫСЪ и МЫШЕЙ
ПРОФ. ФРОНШТЕЙНЪ
ПРОДАЕТСЯ ВЪСѢДЪ
по 30 и 50 к.
ФУРКАСОВЕ. ПЕР. Д. ОБЪИНОИ

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ
ЖЖЕННЫЙ КОФЕ
ТЕРСКАЯ.
ДИ ОЛВЪ ИМПЕРІАЛЪ
ПОДЪ ОЛВЪ
А. ГИПЛУСЪ
ВЪ МОСКВѢ.
КОФЕ ЛЕ ПЕРВЪ
ТЕРСКАЯ ПЕРВЪ
ИМПЕРІАЛЪ
БЕЗПЛАТНО

Л. ФОРШТРЕМЪ
ЕЖЕДНЕВНО СВѢЖІЙ.

ТРЕБУЙТЕ НАСТОЯЩЕЕ МЫЛО
ПРОМ. ОЛВЪ
АМОСТРОУМОВА
ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТЫ
ИМПЕРІАЛЪ ПЕРВЪ
МАРКА ЗАМѢСЪ
ОСТЕРЛАНДЪ ПЕРВЪ

НОВОСТЬ!
ДИАМАНТИНЪ.
Гравированіе на стеклѣ.
Велкій, даже ребенокъ, можетъ гравировать, при посредствѣ простаго писма, обмолвутаго въ вѣтъ составъ, на любомъ стеклѣ, стеклянной и другой посудѣ, всякія инициалы, рисунки и т. п. Составъ расходуетъ по каплѣ, цѣна флакона 1 р. 50 к. Единственныя агентство: С.-Петербургъ, Складъ новыхъ изобрѣтеній, Невскій, 4. Каталогъ всѣхъ изобрѣтеній и подарковъ за 10 коп. марку. Занавъ высылаются немедленно; можно и наложеннымъ платежемъ. № 6379

ШОКОЛАТЬ
ФАБРИКИ ЕСТУКЪ
НАХОДЯТСЯ
ВО ВСѢХЪ
ГОРДАХЪ
РОССІИ

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ
ОТЪ ПОДЪИМАНІЯ
НАШЕЙ
МАРКИ.

EAU, PÂTE, POUDRE
DENTIFRICES

DOCTEUR PIERRE
DE LA
FACULTÉ DE MEDECINE
DE PARIS
EN VENTE PARTOUT

№ 6235 13—13

ПИАНО-МЕЛОДИКО.

Механический музыкальный инструмент со струнами, оригинально звучащий, тонкий, похожий на тон оркестра из мандолин.

Цена без нот 80 р. Ноты по 70 коп. за метр (= 1 1/2 яр.).

Каталог ншес для пиано-мелодико и пиано-ричард. ярейс-курантъ бесплатно. Заказы из провинции исполняются немедленно и аккуратно.

По получении задатка приблизительно 1/3 стоимости заказа требуемое высчитывается с наложенных платежей на остальную сумму.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ
ЦИММЕРМАНЪ

главное депо
музыкальных инструментов и нот.
С.-Петербург, Б. Морская, № 34 и 44.
Москва, Кузнецкий мост, д. Захарьина.

МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ.

ВАЗЕЛИНОВОЕ ТУАЛЕТНОЕ

для кожи лица и рукъ.
При покупке настоящего вазелинового мыла Голлендера, просимъ обращать внимание на утвержденную Правительствомъ фабричную марку и подпись Г. Голлендеръ и требовать всегда мыло Голлендеръ. Цена 30 к.

Вазелиновое жидкое мыло 60 к.
Вазелиновое мыло-кремъ 35 к.
Вазелиновое мыло 35 к.
Ландышевое мыло 1 р.

Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи.

ПАРФЮМЕРНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
Г. ГОЛЛЕНДЕРЪ. (2) № 6340
С.-Петербург, Демидовъ переулокъ, № 1.
Продажа въ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

ЗОЛ. МЕДАЛИ, благодарности ко-
роля Эллиновъ и
др. Въ 6 уроковъ научиться писать красиво и скоро заочно. За двѣ 7 коп. марк. высылку условия и пр. писма. Одесса, проф. № 6261 кал. Конидарисъ. 6-5

УДОЧКИ

и въ вообще принадлежности для рыбной ловли получены изъ Англіи въ большомъ выборѣ въ маг. С. И. Дойнинова

Невскій просп.,
№ 27. Милютинъ рядъ, № 27.
С.-Петербург.

Иллюстрированный прейс-курантъ рыболовныхъ принадлежностей высылается бесплатно.

ЦЕЗАРЬ и МИНКА.

Первый и самый обширный въ Европѣ питомникъ породистыхъ собакъ.

ЦЕНА въ Германіи.

Прейс-кур. на нѣм. и франц. яз. бесплатно.

Около 1000 велосипедовъ на складѣ. Кромѣ большинства полковыхъ болѣе 500 офицеровъ пользуются нашими велосипедными.

САМЫЙ ОВШИРНЫЙ въ Россіи складъ

ВЕЛОСИПЕДОВЪ.

Торговый домъ **Ж. БЛОКЪ.**

(основ. въ 1863 г.)
МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава,
П. № Кокандъ и Екатеринбургъ. 25-16
5982 Новый каталогъ 80 страницъ.

БЕЗПЛАТНО.

Доявол. цензур., СПб., 28 апрѣля 1893 г.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ

СЪ 10-Ю АКВАРЕЛЯМИ

исполненными fac-simile по оригиналамъ известнѣйшихъ художниковъ, а именно:

- 1) Профессора И. К. АЙВАЗОВСКАГО: „Лунная ночь на берегу Чернаго моря близъ Сухумъ-Кале“.
- 2) Академика А. Н. БЕНУА: „Вечеръ“.
- 3) Профессора А. П. БОГОЛЮБОВА: „Морской навалъ въ С.-Петербургъ“.
- 4) Профессора Н. Д. ДМИТРИЕВА-ОРЕНБУРГСКАГО: „У колодца“.
- 5) Натаніеля ЗИХЕЛЯ: „Фатима“.
- 6) А. М. КОТЛЯРЕВСКАГО: „Спряталась“. (Сцена изъ мажоресс. жизни).
- 7) Профессора Н. А. КОШЕЛЕВА: „Изъ дѣтства Петра Великаго“.
- 8) Профессора Л. Ф. ЛАГОРЮ: „Близъ Ай-Петри въ Крыму“.
- 9) Профессора К. Е. МАКОВСКАГО: „Бояринъ“.
- 10) В. И. НАВОЗОВА: „У яблоковъ“.

Картинки заключены въ роскошную папку (10 вершк. длины и 8 вершк. ширины; той-же величины и картины), украшенную акварелью акад. С. О. Александровскаго. Каждая картина въ альбомѣ печатана 15—20 красками, на лучшей бѣлой бристолю-ской бумагѣ, и представляетъ сама по себѣ отдѣльное художественное произведение, такъ что желающій видѣть ту или другую акварель у себя на стѣнѣ въ рамѣ—можетъ для этой цѣли выпнуть изъ альбома сколько угодно листовъ. На особомъ листѣ помѣщенъ объяснительный текстъ къ картинамъ и краткая характеристика ихъ авторовъ.

Цена 3 р. съ пер., для гг. подписчиковъ „Нивы“ 2 р. съ пер.

Требованія просить адресовать въ СПб.—г., въ Контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА,

изданное А. Ф. Марксомъ, подъ редакціею А. И. Введенскаго, съ биографіею и портретомъ Лермонтова, гравированнымъ на стали Ф. А. БРОКГАУЗОМЪ въ Лейпцигѣ.

Въ это издание вошло все до сихъ поръ известное по рукописямъ или печатному тенсту, А МНОГОЕ ВПЕРВЫЕ ПОЯВЛЯЕТСЯ въ ПЕЧАТИ. Въ то же время оно есть въ настоящемъ смыслѣ слова изданіе исправленное, тщательно сверенное съ рукописями или съ печатными текстомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній былъ установленъ самимъ авторомъ. Сочиненія напечатаны на лучшей бумагѣ и заключаются въ 4-хъ частяхъ, сброшюрованныхъ въ два тома въ 80, объемомъ въ 79 печатныхъ листовъ (1264 страницы).

Предлагаемое изданіе по полнотѣ содержания и изящной внѣшности занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду подобныхъ изданій.

Цена за экземпляръ полнаго собранія сочиненій 1 р. 50 к., а съ перес. 2 руб. Въ двухъ колѣнкорывыхъ, тисненыхъ красками, переплетахъ 2 руб., а съ пересылкою 2 руб. 50 коп.

Съ требованіями просить обращаться въ СПб., въ контору журнала „Нива“, Невскій, 6.

Д-ръ Волицкій лечитъ наружныя, кожныя, грудныя болѣзни, раки и электротер. Невскій, 57, кв. 5. Отъ 2—3 и 6—7 1/2 ч. в.

ЛЕНИНГЪ и ГЮЗНГЪ

выбюютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатаются иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2450

КРАСИВО ПИСАТЬ

выучивается всякій заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у ПРОФЕССОРА КАЛІГРАФИИ А. КОССОДО.

Методъ преподаванія на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ 30-лѣтней медали. № 6208 52-15

За 2 семикопѣчныхъ марокъ высылается пробное письмо и условія. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

ПАВЕЛЬ БУРЪ

поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, на Невскомъ просп., д. 23. Москва, по Б. Лубянской, № 8, противъ Кузнецкаго моста.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.

Новый иллюстрир. прейс-курантъ высыл. по требован. бесплатно.

БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7-2. 26-7

Иллюстрированные прейс-куранты по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

ЖИРНАЯ ПУДРА

лучшая для кожи лица и рукъ.
При покупкѣ просить обращать вниманіе на утвержд. фабрич. марку:

№ 4711.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДЪТОКЪ!

Получать можно во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и за-границы. Ц. № 6377

Велосипеды англійскаго завода „Гумберъ и К°. Лмтд.“

лучше въ свѣтѣ!

предлагаетъ торговый домъ **Г. ЖЕМТИЧКА и К°.**

Москва, Неглинный просп., домъ Ежикова. Прейс-курантъ—бесплатно.

БИНТЫ ДЛЯ УСОВЪ

придающіе непервильно растущимъ усамъ въ 10 минутъ красивый видъ и фасонъ, вы-сылаются за 1 р. 10 к. шт. съ палочкой. Вилитоверъ. Адр.: въ Москву У. Пилльцъ

ВЕЛОСИПЕДЫ

съ новѣйшими усовершенствованными луч-шими заграничными фабриками предлагаются по удешевленнымъ цѣнамъ

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

РОБЕРТА ГЕТЦЪ.

С.-Петербургъ,

уголъ Садовой и Гороховой, домъ ВОДЕНИКОВА.

Отновій складъ по 11 ротѣ Измайловскаго полка, въ собственномъ домѣ, № 6. Тутъ-же и продажа въ розницу. № 6376

Каталогъ высылается бесплатно.

НОВОЕ УПРАВЛЕНІЕ

Высочайшимъ указомъ призна-

ны имѣющими обществен-

ное значе-

ніе. Под-

робно-

сти поч-

товъ. Адр.: Самарская

губ., Почтов. Отдѣл. Криво-

лучье, въ контору Столыпина. мнн. водъ.

Сезонъ съ 25 мая по 10 августа.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО. №№ съ 6—10 рис. въ каждомъ и еженѣсячн. даров. прилож. 12 книгъ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖСК. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис. и листъ чертѣж. ВЫКРОЕНЫ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).
Выданъ 8 мая 1893 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1893 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ. НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
страну нонпарейль (1/4 шир.
страни въ Глав. Кон. Ред. по
1 руб. — Загран.: для Франціи
у Agence Havas по 3 fr.; для
Австр., Герман. и Швейц. у Ri-
dolf Mosse по 2 марки 50 pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петер-
бургъ 5 р.
Съ доставкою въ Петер-
бургъ 6 р. 50 к.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италию и друг. госуд. 10 р.
На 1/2 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 25 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.
На 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р. 50 к.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особая приложеніи при
„НИВѢ“ объявленій отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“, со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

Весна. Рис. Л. Перро, грав. Бодъ.

Поле зыблется цвѣтами...
Въ небѣ льются свѣта волны...
Вешнихъ жаворонковъ пѣнья
Голубыя бездны полны.

Взоръ мой тонетъ въ блескъ полдня...
Не видать пѣвцовъ за свѣтомъ...
Такъ надежды молодыя
Тѣшатъ сердце мнѣ привѣтомъ...

И откуда раздаются
Голоса ихъ, я не знаю...
Но, имъ внимая, взоры къ небу,
Улыбаясь, обращаю.

А. Н. Майковъ.

Воля судьбы.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе).

III.

Русскіе люди.

— Да, такъ вотъ какія дѣла... говорилъ Орловъ кенигсбергскому другу своему Артемію, сидя съ нимъ въ своей, довольно скромной, холостой квартирѣ. Былъ пятый уже часъ ночи, но ни тому, ни другому не хотѣлось спать.

Артемій, какъ пріѣхалъ въ Петербургъ, первымъ деломъ отыскалъ Орлова, что, впрочемъ, не трудно было сдѣлать ему.

Орловъ пользовался большою популярностью среди военныхъ, и почти всякій изъ нихъ зналъ домъ у Поллицейскаго моста, гдѣ жилъ Григорій Григорьевичъ.

Измѣнился Артемій за годъ своей военной жизни—измѣнился не много. Онъ окрѣлъ только, возмужалъ и развился. Въ глазахъ его появилось теперь что-то особенное. Они глядѣли сосредоточеннѣе, задумчивѣе, точно онъ въ душѣ знаетъ уже нѣчто такое, что ставило его выше остальныхъ людей.

Григорій Орловъ былъ для него человѣкомъ своимъ, близкимъ, знавшимъ то-же, что знаетъ самъ онъ, и духовно-развитымъ, можетъ быть, даже больше его самого, благодаря своей щедро одаренной судьбою природы.

Утромъ Артемій не засталъ Орлова. Ему сказали, что онъ вернется домой лишь къ вечеру. Артемій пріѣхалъ къ нему вечеромъ и засидѣлся до позднихъ часовъ.

— Такъ ты говоришь, продолжалъ спрашивать Орловъ,—что тамъ у васъ не довольны перемиріемъ?..

Артемій взмахнулъ руками.

— Да какъ-же быть довольнымъ!—ты представь себѣ пять лѣтъ лишений, труда, войны и страшныхъ усилий—и вдругъ, послѣ всего этого, вчерашній нашъ врагъ, который былъ уже почти въ нашихъ рукахъ, разбитъ, уничтоженъ—становится съ нами за напѣбрата, нашимъ союзникомъ: мы, побѣдители, словно побѣжденные, отдаемъ ему всѣ завоеванныя области, отдаемъ Пруссію и сами являемся чуть-ли не на послѣдкахъ у него...

Орловъ кивалъ головою почти на каждое слово Артемія.

Слова эти были отголоскомъ, дѣйствительно, подымавшегося неудовольствія въ заграничной нашей дѣйствующей арміи противъ заключеннаго нами вдругъ неожиданно мира съ Пруссіей на равныхъ условіяхъ. Миръ этотъ былъ результатомъ единственно безграничной преданности Петра III Фридриху и его восхищенія передъ нимъ. На другой-же день послѣ смерти Елизаветы Петровны было послано приказаніе о прекращеніи военныхъ дѣйствій.

— Да, ужасно, ужасно! подтвердилъ Орловъ, въ свою очередь.—О войнѣ кто говоритъ!—ее можно было прекратить—но намъ нуженъ былъ почетный миръ, Фридрихъ-бы согласился на всякія условія и даже былъ-бы радъ имъ,—а тутъ на-вотъ, иди!.. Мы-же и извиняемся, что побѣдили, мы просимъ прощенія... Скажи, пожалуйста, за что-же мы съ тобой рисковали жизнью, за что ты былъ раненъ, за что было убито столько нашихъ?..

Орловъ, разгораясь, всталъ со своего мѣста и, блещая своими красивыми большими глазами, сжимая свои сильныя руки, говорилъ быстро и гнѣвно.

— Да, я, признаюсь, не пойму ничего уже... возразилъ Артемій.—Слышалъ я про государя многое, но вѣрить боялся; онъ, говорятъ, совсѣмъ точно не въ своемъ умѣ...

Орловъ заходилъ по комнатѣ.

— Не одинъ миръ этотъ! продолжалъ онъ, занятый своими мыслями и не слушая того, что говоритъ Артемій,—ты посмотри, что у насъ тутъ дѣлается!.. Недавній мой арестантъ Шверинъ, котораго я привезъ сюда послѣ Цорндорфа—является съ полномочіями, какъ важное лицо,—и ты знаешь, кто теперь главный распорядитель судебъ нашей родины, нашей Россіи?—Пѣмецкій офицеръ—двадцати-шести-лѣтній Гольцъ, присланный сюда Фридрихомъ... Онъ пьетъ умѣетъ англійское пиво, да кнастеръ курить, и, среди чада этого пьянства и табачнаго дыма, полновластно хозяйничаетъ у насъ!...

— Быть не можетъ! не удержался Артемій.

— Да—учредили верховный совѣтъ, и въ немъ за-сѣдаютъ: его высочество герцогъ Георгъ-Людовигъ Голштинскій, его свѣтлость принцъ Голштейнъ-Бекскій и Минихъ... хорошо?.. Затѣмъ военная коммисія: опять герцогъ Георгъ, принцъ Бекскій и тутъ уже Унгернъ, генералъ-адъютантъ... а надъ всѣми ими все-таки Гольцъ... и опять Гольцъ... Я и противъ пѣмцевъ не былъ-бы,—отчего-же?—между ними есть умные парни—и у насъ были Остерманъ, тотъ-же Минихъ, Биронъ даже,—всѣ они блюли русскіе интересы, по-своему, можетъ быть—это статья особая, но все-таки блюли по своему разумѣнію честно выгоды страны, которою управляли... А теперь что-же это?—интересы чужихъ государствъ, Пруссіи и Голштиніи, ставятся выше нашихъ! Мы идемъ въ лакеи къ пруссакамъ и молимъ ихъ ига, какъ заслуженнаго счастья... мы согласны на позорный для Россіи миръ, чтобы вмѣстѣ съ Фридрихомъ идти отвоевывать у датчанъ клочокъ Голштинской земли...

— Какъ идти отвоевывать! развѣ новая война предположена?..

— Да, съ Даніей, изъ-за Голштиніи... развѣ у васъ не было извѣстно этого?

— Можетъ быть, въ штабѣ, а отъ строя держать это въ секретѣ—пока. Такъ что-же, для этой новой войны и несчастный миръ этотъ заключенъ?..

— А ты думалъ какъ-же иначе?..

— Ну, ужъ меня тамъ не будетъ—нѣтъ, довольно...

— Пошлишь, такъ пойдешь...

— Нѣтъ, не пойду... не бываетъ этому...

Орловъ вздохнулъ, улыбаясь.

— И не только „этому бывать“, вѣроятно, проговорилъ онъ,—но и хуже будетъ...

— Что-же еще?

— А то, что вѣру нашу перемирятъ.—Уже велѣно иконы изъ церквей выпести, священникамъ бороды обрить и платье носить такое, какъ у иностранныхъ пасторовъ. Начало хорошее. Дальше пойдутъ скоро...

Артемій тоже привсталъ. Онъ обѣими руками оперся на столъ и, вытянувъ шею, глядѣлъ на Орлова, словно вмѣсто него видѣлъ передъ собою смертельнаго врага. Лицо его было красно, жилы посинѣли и вздулись.

— Велѣно?—ты говоришь: велѣно... кому?.. вздоръ все это... быть не можетъ... проговорилъ онъ, едва переводя духъ.

По мѣрѣ все возрастающаго волненія Артемія, Орловъ, напротивъ, становился все спокойнѣе.

— Кому велѣно? отвѣтилъ онъ.—Дмигрію Сѣчену, Новгородскому архіерею...

— Ну и что-жъ онъ?

— Да пока еще ничего, Сѣчену, вѣроятно, не согласится—его смѣнять, и если не найдутъ право-

славного, который пойдет на это—призвать иностранного...

Артемию дѣлать напрасныя усилія совладать съ собою.

— Такъ нѣтъ-же, не бывать этому, не бывать!.. крикнулъ онъ и ударилъ по столу кулакомъ.

Орловъ вдругъ тихо засмѣялся, какъ-бы раззадоривая его этимъ смѣхомъ еще больше.

— Эхъ, милый мой! напрасно горячишься: здѣсь-то ты очень сердито по столу стучишь,—ну, а подумай, на самомъ дѣлѣ, что ты, маленький офицеръ, можешь подѣлать?..

Артемию провелъ рукою по лицу.

— Я не знаю, что я могу подѣлать, но увѣренъ, что не я одинъ чувствую то, что происходитъ теперь у меня въ душѣ,—вѣрно, каждый русскій человѣкъ чувствуетъ такъ...

Орловъ скрестилъ руки на груди и долго пристально смотрѣлъ прямо въ лицо Артемию.

— Но кто-же изъ истинно-русскихъ людей пойдетъ противъ своего государя?.. проговорилъ онъ, наконецъ, отчеканивая каждое слово.

Артемию оставался нѣкоторое время неподвиженъ, точно слова Орлова не сразу достигли его слуха, и потомъ безсильно снова опустился на стулъ...

— Да, но, вѣдь, другого выхода нѣтъ!..

Орловъ, попрежнему, смотрѣлъ на него.

— И ты-бы могъ идти, проговорилъ онъ опять,—ты, истинно-русскій человѣкъ, офицеръ, носящій съ честью свой честный, омытый и твоею кровью, и кровью товарищей, мундиръ?—Ты-бы могъ стать на ряду съ бунтовщиками, достойными висѣльцами!..

Артемию взялся за голову.

— Да, но что-же дѣлать, что-же дѣлать!.. повторялъ онъ.

— Только не бунтъ, только—не насиліе и не зло...

Артемию вдругъ поднять голову и, въ свою очередь, взглянулъ на Орлова. Нѣчто въ родѣ надежды блеснуло въ немъ.

— Послушай, Григорій Григорьевичъ, у тебя, вѣрно, готовъ уже выходъ изъ этого положенія— иначе ты слишкомъ спокоенъ...

Орловъ сталъ серьезенъ. Брови его сдвинулись, онъ подошелъ почти вплотную къ Артемию.

— Да, ты угадалъ, отвѣтилъ онъ, невольно понижая голосъ,—да, выходъ есть, есть надежда на спасеніе,—и не все еще пропало, пока жива государыня... и пока не заточена она въ монастырь... (Голосъ его дрогнулъ). Дѣло поставлено такъ, что надъ нею чуть-ли не издѣваются теперь, ее хотятъ заточить, чтобы промѣнять ее на другую, жалкую, недостойную, и тогда—тогда для насъ погибнетъ всякая надежда, потому что *противъ* государя мы не пойдемъ, а пойдемъ *за* государыню,—не на насиліе разсчитываемъ мы, по на призывѣ лица, которое имѣетъ право носить императорскую корону, на призывъ государыни, которая одна можетъ спасти Россію!..

— Да, но, вѣдь, она тоже иностранка, не сразу отвѣтилъ Артемию.

Орловъ вспыхнулъ.

Была минута, что онъ, казалось, не въ силахъ былъ сдерживать себя.

— Иностранка! почти крикнулъ онъ,—ты не видишь того, чего не знаешь...

По онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ и вернулся къ Артемию болѣе спокойнымъ.

— Ты знаешь, какая она иностранка? когда ее привезли для свадьбы въ Москву—она заболѣла тамъ. Ей пускали кровь. Въ обморокъ, разумѣется, не упала она—и спокойно смотрѣла, какъ производили ей операцію... Къ ней подошла императрица Елизавета и спросила, не больно-ли ей,—она улыбнулась и отвѣтила, что пусть течетъ эта ея, чуждая новой ея родинѣ, кровь, чтобы можно было ей здѣсь обновить ее и стать русскою... 1

это были не слова, а истинная правда—государыня Екатерина захотѣла и стала... Нужно совѣмъ не знать ее, какъ ты не знаешь, чтобы не удивляться ей...

Православную вѣру она приняла по убѣжденію твердому и ясному, понявъ величіе и цѣльность нашего православія... ты пойдѣ какъ-нибудь (я проведу тебя) въ дворцовую церковь, посмотри, какъ она молится...

И долго говорилъ Орловъ, рассказывая Артемию про государыню, и слова его дышали восторгомъ, невольнымъ передававшимся его слушателю...

IV.

Екатерина.

Въ то время, какъ тридцати-трехлѣтній Петръ Федоровичъ, словно ребенокъ, дорвавшійся до свободы дѣйствовать по своему, дѣтскому капризу, предавался съ утра до ночи и съ ночи до утра всякаго рода изнѣшествамъ,—Екатерина скромно жила на своей половинѣ во дворцѣ,—рѣдко являлась на людяхъ и показывалась лишь въ церкви, да на официальныхъ приемахъ. Она носила глубокий трауръ по покойной государынѣ и, казалось, ни во что не вмѣшивалась, ничего не дѣлала—жила совѣмъ въ сторонѣ...

Петръ Федоровичъ не только не любилъ ее, но, видя въ ней живой и молчаливый укоръ своимъ поступкамъ, старался или избѣжать, или, при встрѣчѣ, доказать, что онъ выше ея, сильнѣе. По слуху эту онъ умѣлъ проявить только грубостью, не понимая, что она унижаетъ его самого и въ глазахъ прочихъ возвышаетъ его презрѣемую жену-государыню.

Разница между ними и ею была скоро понята. Довольно было видѣть ихъ въ церкви во время богослуженія, чтобы сразу опредѣлить, каковъ былъ онъ, громко разговаривавшій, смѣющийся со своими нѣмцами во время совершенія таинствъ,—и она, тихая, прекрасная, величественная, не спускавшая глазъ съ иконы.

Капризное своеволие Петра съ каждымъ днемъ разгоралось сильнѣе, и жизнь Екатерины становилась тяжелѣе. Онъ уже дошелъ до того, что публично, на обѣдѣ въ честь заключенія мира съ Пруссіей, называлъ ее „дурой“... Слово „монастырь“ не разъ срывалось съ его губъ, когда онъ говорилъ о женѣ...

Между тѣмъ народное недовольство безпорядочными распоряженіями новаго царствованія росло. Всѣ понимали, что долго продолжаться такъ не можетъ.

Наслѣдникъ престола былъ еще ребенкомъ. Взоры всѣхъ невольно обращались къ государынѣ.

Но она, попрежнему, жила тихо и уединенно на своей половинѣ, переносила оскорбленія, и, новидимому, ничего не предпринимала.

Люди близкіе къ Петру, въ прямой выгодѣ которыхъ было заботиться о немъ, т. е., главнымъ образомъ, о сохраненіи за нимъ власти, которая была ихъ властью,—сбѣдники за Екатериной...

Но, судя по всему, безпокойство было напрасно.

Кромѣ лицъ самыхъ близкихъ, государыня никого не видала, ни съ кѣмъ не разговаривала. Уединеніе ея было у всѣхъ на виду. Она жила или въ Петербургѣ, или въ Петергофѣ, да изрѣдка ѣздила на пригородную мызу свою, гдѣ былъ управляющимъ пьемонтецъ Одаръ.

Хоть онъ казался человѣкомъ незначительнымъ вполнѣ, но все-таки, на всякій случай, наблюденіе за нимъ было поручено земляку его, итальянцу Торичіоли, вертѣвшемуся въ военной канцеляріи со своимъ дѣломъ.

Торичіоли, не скупясь, давалъ деньги, и думали, что все, значитъ, сдѣлано и обстоитъ благополучно, разъ открытъ кредитъ на такой-то предметъ, и есть человѣкъ, который его получаетъ.

Впрочемъ, Торичіоли доносилъ, что ничего пока не замѣтно тревожнаго,—да и что могъ сдѣлать какой-то пьемонтецъ, не знавшій ни слова по-русски?..

Боялись Шувалова, Мельгунова, которые были близки самому Петру, но не были иностранцами.

XXI передвижная выставка. „Въ опочивальнѣ“.
Съ карт. **Н. В. Лебедева** (исключ. право воспроизведенія принадлежить „Нивѣ“), грав. Мульгановскій.

Выброшенный на берег кашалот, окруженный песцами. Рис. Ф. Шлехт, грав. А. Шлехт.

А между тѣмъ гроза близилась и работа шла тайно, но дѣятельно, и именно тамъ, гдѣ ея вовсе не ожидали.

Одаръ являлся съ докладомъ къ государынѣ каждую недѣлю, прѣзжалъ для этого въ Петербургъ, каждый разъ съ нимъ видѣлся Ториціоли, разговаривалъ и все болѣе и болѣе убѣждался, что, рѣшительно, это мало-способный человекъ. Онъ даже находилъ пьомонца глупымъ, но деньги тѣмъ не менѣе получалъ изъ канцеляріи исправно...

На другой день, послѣ того какъ Ториціоли видѣлся по долгу службы со своимъ пьомонцемъ, поѣхавъ къ нему отъ Эйзенбаха, — Одаръ рано утромъ явился съ докладомъ къ государынѣ.

Онъ былъ уже своимъ человекомъ на ея половинѣ и, войдя въ небольшую, скромно-обставленную, приемную, велѣлъ доложить о себѣ.

Старый камердинеръ поклонился ему, какъ знакомому посѣтителю, и прямо открылъ дверь въ слѣдующую комнату, кабинетъ молодой государыни.

Екатерина ждала Одаря. Она сидѣла у стола, положивъ на него локти и опираясь подбородкомъ на сложенные руки... Здѣсь, у себя дома, она вовсе не имѣла того смиреннаго, покорнаго вида, который должна была принимать на той половинѣ дворца до поры, до времени. Ея умные глаза подъ нахмуренными бровями казались гнѣвы, и въ этомъ гнѣвѣ сквозила энергія, не свойственная, обыкновенно, женщинѣ.

Губы ея были сжаты, и гордая рѣшимость свѣтилась во всемъ ея молодомъ, прекрасномъ лицѣ...

— Садитесь, проговорила она Одару, поздоровавшись съ нимъ, — пѣтъ, — знаете, дольше продолжаться такъ не можетъ... Я не въ силахъ болѣе терпѣть...

И по тому, какъ встрѣтила Екатерина своего управляющаго, какъ заговорила съ нимъ, и какъ онъ сѣлъ на ея приглашеніе — сразу было видно, что связываютъ ихъ не незначительныя дѣла по хозяйству маленькой пригородной мызы, но есть между ними что-то болѣе серьезное и значительное.

Одаръ наклонился слегка.

— Нужно рѣшиться вашему величеству, отвѣтилъ онъ, какъ-бы продолжая не разъ уже повторявшійся разговоръ между ними.

Екатерина улыбнулась и этою улыбкой яснило словъ сказала, что не недостаткомъ рѣшимости удерживаетъ ее.

— Рѣшиться! — рѣшиться не трудно; но трудно привести въ исполненіе это рѣшеніе... Въ душѣ я знаю, что дѣло мое правое, что оно должно совершиться, именно потому, что правда на моей сторонѣ. Я не иду противъ власти, и тѣхъ, кто послѣдуетъ за мною, не поведу на бунтъ и на беззаконіе, нѣтъ — онъ своимъ поведеніемъ, своими поступками, своимъ пренебреженіемъ не только къ обычаямъ и вѣрованіямъ страны своей, но даже къ прямымъ и справедливымъ интересамъ ея — онъ идетъ самъ противъ царской власти своей, потому что потеряетъ ее и для себя, и для своего потомства... Я должна сдѣлать все, чтобы сохранить ее. Пѣтъ, я иду за власть, за сохраненіе моей второй родины, которую научилась уже любить и уважать, потому что иначе власть эта погибнетъ, а съ нею вмѣстѣ и великая страна... Да, я пойду съ сознаниемъ полной правоты своей и поведу за собою другихъ... я готова, во мнѣ нѣтъ колебанія... но теперь еще рано, а завтра, можетъ быть, будетъ поздно, — поздно потому, что каждую минуту могутъ отвезти силою меня въ монастырь — а рано потому, что пѣтъ еще вокругъ меня достаточно людей, во главѣ которыхъ должна стать я...

Одаръ съ восхищеніемъ смотрѣлъ на эту женщину, каждое слово которой дышало умомъ, и видно было, что все, что говорила она — было не только мучительно продумано, но пережито ею.

— Я знаю, продолжала она, — въ гвардіи есть у меня надежные слуги — тамъ Орловы, Пассекъ, Потем-

кинъ работаютъ умно, дѣльно и толково, большинство молодежи на моей сторонѣ, но, къ несчастію, именно все это молодежь. Довѣриться ей, одной ей — безразсудно. Правда, много недовольныхъ и въ народѣ, и среди духовенства, и среди высшихъ чиновъ, но все это недовольства отдѣльныя, не сплоченныя; нужно связать ихъ, — а какъ это сдѣлать? Самой — невозможно. Каждый шагъ мой наблюдается. Вы, иностранецъ, — должны, въ большинствѣ случаевъ, быть посредникомъ между мною и моими друзьями... Какія извѣстія о старикѣ Разумовскомъ?

Гетманъ Разумовскій, любимый гвардіей, былъ лицомъ, привлеченіе котораго на свою сторону казалось весьма важнымъ.

Алексѣй Орловъ, братъ Григорія, пѣсколько времени тому назадъ сдѣлалъ попытку обратиться къ нему съ намеками, осторожными и отдаленными, но гетманъ сразу понялъ ихъ, и посоветовалъ Орлову ѣхать „къ другому“, сказавъ: „опѣ умнѣе насъ“, потушилъ свѣчи и пожелалъ своему гостю покойной ночи.

— Тогда, отвѣтилъ Одаръ, — молодой Орловъ слишкомъ поспѣшилъ. Нужно было взять гетмана съ другой стороны. Теперь онъ нашъ.

— Правда? вамъ это поручили мнѣ передать... Какимъ же образомъ это выяснилось?.. съ радостнымъ, нескрываемымъ удивленіемъ переспросила Екатерина.

— Нужно было дѣйствовать черезъ любимца гетмана Теплова. Это былъ единственный путь, и мы достигли.

Екатерина вздохнула свободнѣй.

— Это очень важное извѣстіе, очень важное!.. проговорила она.

— Михаилъ Никитичъ Волконскій на нашей сторонѣ.

— Племянникъ Бестужева, — начальникъ конной гвардіи?

— Да.

— Объ немъ я думала и раньше. Черезъ Дашкову я имѣю тоже свѣдѣнія о Панинѣ.

— Ваше величество довѣряется ей безусловно?

— Кому?.. Дашковой?.. Вы думаете, что она съ сестрой имѣетъ что-нибудь общее?

Екатерина Романовна Дашкова, рожденная графиня Воронцова, была родною сестрой графинѣ Елизаветѣ Романовнѣ.

— О, нѣтъ! Я увѣренъ, что она предана вашему величеству, но, вѣдь, ей всего девятнадцать лѣтъ!

— Это другое дѣло, и, повѣрьте, я знаю, что сказать ей и что скрыть. Всего ей знать не годится. Все, что идетъ черезъ васъ — остается для нея неизвѣстнымъ.

Но извѣстіе объ участіи Разумовскаго въ переговорахъ интересовало Екатерину болѣе разговора о Дашковой.

— Да, продолжала она, — гетманъ Разумовскій, Волконскій, Панинъ, — это уже извѣстная сила. Но все-таки никто изъ нихъ не согласится взять въ свои руки всѣ нити, связать все, а безъ такого ума дѣло невозможно. Орловы! — они много дѣлаютъ, но боюсь я ихъ молодости. Сама я?.. Но боюсь тоже подчасъ своей самоувѣренности; къ тому же я связана по рукамъ и по ногамъ... Это-то меня и мучитъ... Нужно ждать отъѣзда въ армію, когда начнется война съ Даніей. Но до этого времени могутъ меня отослать въ монастырь. Если выдать приказъ сегодня, — нужно сегодня же дѣйствовать, нужно знать минуту, нужно, чтобы былъ человекъ, способный дать во-время сигналъ, по которому двинулось бы все...

— И только это затрудняетъ ваше величество? спросилъ Одаръ.

— Только это! Развѣ это „только“?.. Да, вѣдь, въ этомъ все... въ этомъ все дѣло...

— Такой человекъ есть къ услугамъ вашего величества.

Екатерина быстро подняла голову.

— Вы говорите, есть? Кто же онъ, кто? съ видимымъ перепугомъ произнесла она.

Одаръ улыбнулся.

— Вспомните, ваше величество, черезъ кого вы имѣли до сихъ поръ главнѣйшія свѣдѣнія: вспомните—у кого собираются нужные вамъ люди, кто вамъ докладываетъ всегда, что сдѣлано то или это, не говоря о томъ, кѣмъ оно сдѣлано; вспомните, наконецъ, кто постоянно вѣритъ въ вашу будущность и говоритъ вамъ о ней...

Обрадовавшаяся было Екатерина грустно опустила голову! Явно было, что пьемонтецъ намекалъ на себя самого. Правда, все, что онъ говорилъ, было справедливо—онъ дѣлалъ многое, но Екатеринѣ казалось, что этотъ скромный, рекомендованный ей Дашковой, иностранецъ, способенъ дѣйствовать только подъ чьимъ-нибудь руководствомъ. Она даже не могла ожидать отъ него такой самоуверенности и не могла думать, что онъ заговоритъ теперь о себѣ. Ей пуженъ былъ не неизвѣстный никому, малепькій, но преданный управляющій, подчиненный ей, а человѣкъ съ авторитетомъ, въ который могли бы не только повѣрить остальные, но и она сама. И самоуверенность Одаря не понравилась ей.

— Вы говорите о себѣ, отвѣтила она,—я вамъ очень благодарна, цѣлю ваши услуги и способности, но неужели вы думаете, что пьемонтецъ Одаръ—простите меня, дѣло слишкомъ важно, чтобы не говорить о немъ откровенно—можетъ исполнить ту роль, о которой я говорю.

Пьемонтецъ не обидѣлся на эти, можетъ быть, немножко жестокія слова, хотя и соотвѣтствовавшія смѣлости, которую онъ взялъ на себя.

— Неужели, ваше величество, не узнаете меня? сказалъ онъ только, но уже не на томъ ломанномъ французскомъ нарѣчій, на которомъ объяснялся до сихъ поръ, а на чистомъ французскомъ языкѣ, лишь съ едва замѣтнымъ пьемонтскимъ акцентомъ.

И, сказавъ это, онъ снялъ свои темныя очки, скинулъ парикъ, изъ-подъ котораго рассыпались черныя, какъ смоль, волосы, и далъ своему, до сихъ поръ растянному, рту нормальное положеніе.

Теперь, передъ смутившейся въ первую минуту этой перемены Екатериной, стоялъ не пьемонтецъ Одаръ, ея управляющій, а извѣстный, испытанный, давно преданный другъ ея покойной матушки—графъ Сентъ-Жерменъ, имя котораго повсемѣстно пользовалось громкою извѣстностью.

Екатерина сдѣлала невольное движеніе впередъ.

— Графъ, это вы, проговорила она,—неужели это вы!

— Ваше величество усомнились въ способностяхъ Одаря, можетъ быть, повѣрите болѣе графу Сентъ-Жермену, сказалъ онъ, низко опуская голову передъ нею.

Не вѣрить ему Екатерина не могла. Она помнила ихъ свиданіе во время дороги, принесшее ей много пользы, потому что ей указать былъ тогда Бестужевъ, котораго она считала врагомъ, а впоследствии оказалось противное. Она не могла не вѣрить общей молвѣ, создавшей таинственному графу такую громкую славу, и, главное, не могла не вѣрить письмамъ матери, въ которыхъ та всегда отзывалась о Сентъ-Жерменѣ, какъ о человѣкѣ, котораго она уважаетъ.

— Но зачѣмъ же тогда, спова заговорила Екатерина,—зачѣмъ же тогда не сразу, давно вы не сказали мнѣ, кто вы,—зачѣмъ это имя Одаря? Сколько времени вы при мнѣ, и я не знаю, что такъ часто вижу съ человѣкомъ, близко видѣвшимъ кончину матушки. О ея смерти я знаю лишь по письмамъ и донесеніямъ.

Всегда спокойная и необыкновенно ровная, несмотря на всѣ тревоги, которыя она переживала, Екатерина взволновалась теперь и говорила быстро, нервно.

— Не все ли равно вашему величеству, отвѣтилъ Сентъ-Жерменъ,—кто я и что я,—докторъ Шенипъ, Жерменъ или Одаръ, а, можетъ быть, ни то, ни другое и ни третье; по я человѣкъ, который общалъ нашей матушкѣ, передъ ея смертью, придти вамъ на помощь, по чѣмъ моихъ силъ, когда вы будете пугаться въ людяхъ, и я пришелъ, чтобы сдѣлать, что можно. Ни подъ именемъ графа Сентъ-Жермена, ни подъ другимъ какимъ-нибудь, я не могъ явиться ко двору. Это было бы слишкомъ явно и замѣтно,—теперь уже ищутъ именъ среди придворныхъ того, чего тамъ пѣть: бояться Шувалова, ни въ чемъ неповиннаго; но это скрываетъ настоящіе слѣды. Мнѣ пужно было получить скромное мѣсто управляющаго.

— По вамъ могли не дать его.

Сентъ-Жерменъ пожалъ плечами.

— Что должно сдѣлаться, то всегда дѣлается, сказалъ онъ.—Передъ вашимъ величествомъ я скрывалъ себя до сихъ поръ потому, что было преждевременно сказать, кто я, а потому я взялъ имя Одаря,—пусть скажетъ вамъ Орловъ или Пассекъ.

— Они знаютъ васъ? удивилась Екатерина.

— Давно, ваше величество.

— Знаютъ васъ, какъ графа Сентъ-Жермена?

— И не одни они, а большинство друзей вашихъ. Простите, что я долженъ былъ скрывать отъ васъ, но и сегодня я не открылся бы, если я не замѣтилъ бы вашему величеству колебанія.

— Колебанія! повторила Екатерина,—о, нѣтъ, теперь я не колеблюсь. Теперь я вѣрю вамъ и, въ доказательство моего довѣрія, ни съ кѣмъ не скажу никогда ни слова о нашемъ разговорѣ. Вы для меня останетесь прежнимъ Одаромъ до тѣхъ поръ, пока сами не захотите объявить своего имени.

Сентъ-Жерменъ поклонился.

— Я бы не хотѣлъ никогда объявлять его, ваше величество.

— Отчего же никогда?

— Пусть въ этомъ дѣлѣ не будетъ извѣстно, какое участіе принималъ въ немъ графъ Сентъ-Жерменъ.—Я служу вамъ,—потому что служу правдѣ—и большаго мнѣ не нужно. Пройдутъ года,—имя Одаря можетъ быть попадетъ въ чьи-нибудь записки, но на немъ будущій историкъ не остановится долго, и пропуститъ его, а имя Сентъ-Жермена слишкомъ громко, какъ...

— Какъ что? спросила Екатерина.

— Какъ шарлатана, ваше величество, досказалъ, понижая голосъ, графъ.—Такъ пусть рассказываютъ про меня разныя нелѣпности, а настоящее дѣло останется неизвѣстнымъ.

Екатерина вполне уже овладѣла собою.

— Но, во всякомъ случаѣ, отвѣтила она съ тою особенною своею улыбкою, которая притягивала къ себѣ каждого,—во всякомъ случаѣ, для меня вы останетесь другомъ принцессы, моей матушки,—расскажите же мнѣ о ней.

И Сентъ-Жерменъ сталъ рассказывать о послѣднихъ дняхъ принцессы Юанны, скончавшейся два года тому назадъ, въ маѣ 1760 года, въ Парижѣ.

V.

Потѣдка на мызу.

Послѣ разговора своего съ Орловымъ, Артемій оказался всей душою преданнымъ императрицѣ, чего, впрочемъ, вполне и ожидалъ Орловъ.

Онъ былъ увѣренъ въ молодомъ человѣкѣ, котораго зналъ давно и зналъ также, что онъ принадлежитъ къ кружку, образованному Сентъ-Жерменомъ въ Кенигсбергѣ, стѣдовательно и теперь, въ Петербургѣ, долженъ примкнуть къ нимъ. Поэтому онъ прямо сказалъ Артемію, что отвезетъ его на другой же день на мызу, недалеко отъ Петербурга, гдѣ собираются люди, одинаково мыслящіе съ ними.

Въ назначенное время Орловъ заѣхалъ за Артемѣемъ, и они, сѣвъ на лошадей, верхомъ поѣхали за городъ, какъ будто на прогулку.

Они ѣхали совсѣмъ рядомъ, по мягкому, обросшему кое-гдѣ травкой, берегу рѣки Фонтанной, минуя красовавшіеся по сторонамъ барскіе дома, съ ихъ садиками и широкими дворами за нарядными рѣшетками.

— Посмотри,—не дурна! толкнулъ локтемъ Орловъ Артемѣя и кивкомъ головы показалъ на садившуюся въ карету у одного изъ домовъ дѣвушку.

Артемѣй посмотрѣлъ... и невольно осадилъ лошадь.

Въ карету сѣдлась Ольга.

Онъ, казалось, княжну Проскурову узналъ бы не только такъ вотъ, какъ увидѣлъ ее,—прямо въ лицо, но если бы пришлось ему хоть за версту взглянуть на нее, онъ и тогда бы безъ ошибки сказалъ, что это она.

Но Ольга не могла его видѣть. Она слишкомъ скоро, не смотря въ его сторону, сѣла въ карету, гусары вскочили на запятки, и карета быстро укатилась, подхваченная четверкою рослыхъ копей.

Это была минута страшнаго испытанія для Артемѣя.

Сколько долгихъ, мучительныхъ лѣтъ онъ не только не видѣлъ ее, но даже не слышалъ о ней ничего—здоровая ли она, жива ли, что съ ней, гдѣ она... И вотъ, наконецъ, судьба сталкиваетъ ихъ опять, и она жива и здорова, и все такъ же прекрасна, какъ и прежде; нѣтъ—она лучше прежняго, еще прекраснѣе.

Первое чувство, охватившее Артемѣя, была радость.

Радость эта заключалась, во-первыхъ, въ томъ, что онъ видѣлъ ее здоровою, во-вторыхъ—что онъ, просто, видѣлъ ее и, наконецъ, и это было главное, въ томъ, что онъ любилъ ее попрежнему.

Да, онъ любилъ ее попрежнему, но научился теперь владѣть своимъ чувствомъ. Будъ это три года тому назадъ, онъ не зналъ, что могло произойти съ нимъ; но теперь, придерживавъ только лошадь, онъ сжался весь, и ни одинъ мускулъ лица его не тронулся, ни одно движеніе не выдало его,—только сердцу не могъ приказать онъ не забиться сильнѣе, и оно застучало, забилося, какъ пойманная птица въ клеткѣ.

Карета укатилась.

Орловъ спокойно повернулъ и подѣхалъ къ воротамъ, у которыхъ осталась прислуга, провожавшая княжну. Все это были люди новые для Артемѣя. Онъ ихъ не помнилъ по Проскурову, но узналъ на нихъ ливрею князя.

— Послушай—ка, красавецъ писаный, обратился Орловъ къ высокому рыжему парню въ веснушкахъ и съ попорченными оспою лицомъ,—чей это домъ, а?

Артемѣй издали слушалъ.

— А вамъ что собственно? переспросилъ парень, обидѣвшійся на „писанаго красавца“, потому что названіе это вызвало улыбку на лицахъ остальныхъ.

— Домъ этотъ князя Проскурова, съ важностью отвѣтили изъ толпы, оробѣвъ, должно быть, передъ важною, барскою осанкой молодого Орлова, поистинѣ, писанаго красавца.

— А это что же—княжна или княгиня будетъ сама?

Сердце Артемѣя забилося еще сильнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, Ольга могла выйти замужъ безъ него, и онъ, притаивъ дыханіе, какъ невинно судимый ждетъ оправданія или приговора, ждалъ отвѣта на сдѣланный Орловымъ вопросъ.

— А это княжна, дочь князя Андрея Николаевича, отвѣтили опять, и свѣтъ, и жизнь вернулись къ Артемѣю.

Орловъ засунулъ руку въ карманъ, вытащилъ горсть мѣдныхъ денегъ и, кинувъ ее въ толпу, толкнулъ ногою лошадь.

— Что съ тобою? спросилъ онъ, подѣхавъ къ Артемѣю.

„Ага, все-таки замѣтно!“ мелькнуло у того.

— Ничего.... Послѣ расскажу какъ-нибудь, отвѣтилъ онъ спокойно.

Орловъ еще разъ обернулся въ ту сторону, куда исчезла карета, и они поѣхали дальше.

„А отчего *посм*, зачѣмъ *посм*? думалъ Артемѣй,—рассказать ему сейчасъ... да, конечно...“

— Да я сейчасъ расскажу тебѣ, проговорилъ онъ вслухъ.—Ты знаешь ли, эта дѣвушка, которую мы видѣли сейчасъ... ну, словомъ, княжна Проскурова...

И онъ, не торопясь, передалъ Орлову всѣ свои, связанные съ княжною Проскуровою, воспоминанія, самъ радуясь имъ и съ любовью останавливаясь на каждой мелкой подробности.

Орловъ слушалъ его, не перебивая.

— Это бываетъ у женщинъ иногда, сказалъ онъ наконецъ, отвѣчая на главное, т. е. на то, что должно было составлять самую причину страданія Артемѣя,—внезапную перемѣну въ Ольгѣ при послѣднемъ ихъ свиданіи,—женщины, въ особенности дѣвушки,—такъ „капризны“, какъ называютъ это французы (вотъ у насъ подходящаго слова нѣтъ), что никогда не знаешь, какъ съ ними обходиться... и это ничего не значитъ, что княжна приняла тебя такъ послѣдній разъ... А хороша она, хороша... можно тебя поздравить—очень хороша...

— Ну, поздравлять еще не съ чѣмъ!.. перебилъ Артемѣй.

— Все устроится! протянулъ Орловъ,—дай только копчить наше дѣло, и тогда княжна будетъ твоею... я ручаюсь за это...

„А, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ!“ чувствуя, какъ, словно отъ удара молнии, встряхнулось все въ немъ, мысленно согласился Артемѣй,—„въ самомъ дѣлѣ“...

И соображеніе Орлова показалось ему настолько вѣроятнымъ вдругъ, что онъ боялся продолжать говорить о немъ.

— Ну, и хорошо, ну и не будемъ говорить объ этомъ, произнесъ онъ вслухъ. Ты сказалъ, какъ фамилія того управляющаго, къ которому мы ѣдемъ?..

— Одаръ... коротко отвѣтилъ Орловъ.

— А какъ онъ пишетъ свою фамилію этотъ Одаръ? спросилъ опять Артемѣй.

Орловъ глянулъ ему прямо въ глаза и назвалъ латинскія буквы: O, d, a, r, t.

Артемѣй снова задумался.

„Odart!“—наоборотъ выходило—„trado“, т. е. отдаю, передаю, *срочно*... У Плавта гдѣ-то сказано—„trado tibi regnum“,—передаю тебѣ царство... Мало того, Артемѣй зналъ, какая сила поситъ таинственное названіе „od“ (первая часть имени) и что значитъ остальное—art. Онъ умѣлъ уже читать это слово въ таинственномъ его смыслѣ... И вдругъ его поразило еще новое: если отъ пяти буквъ имени „Odart“, взявъ одну „d“, т. е. четвертую, священную букву алфавита, то останется „Oart“ или, при перестановкѣ, выйдетъ „taro, tora, rato, orat“, и еще болѣе таинственное значеніе этихъ четырехъ словъ было также извѣстно ему.

Но кто-же могъ носить такое имя, невольно долженствовало поразить всякаго посвященнаго. Простая случайность едва-ли тутъ могла быть?—Нѣтъ, это имя могъ избрать себѣ человѣкъ, знавшій то, что онъ дѣлалъ, а такимъ человѣкомъ могъ быть только одинъ.

— Григорій Григоричъ, вдругъ воскликнулъ Артемѣй,—„Odart“—вѣдь, это онъ!..

Орловъ опять посмотрѣлъ ему прямо въ глаза и утвердительно кивнулъ головою, съ улыбкой...

— Да? переспросилъ Артемѣй,—ну, такъ скорѣе къ нему!..

Они дали лошадямъ шпоры и тѣ, наскучивъ идти шагомъ, крупною рысью пустились по дорогѣ.

(Продолженіе будетъ).

Виставка 1-го дамского художественного кружка. „Возвращеніе рыбаковъ съ ловли въ Нормандіи.“
Съ картъ П. П. Куріаръ (собственность Е. И. В. Вел. Кн. Маріи Павловны), грав. Шлипперъ.

Учебные столы и скамьи.

Очерк профессора Харьковского университета А. Ө. Брандта.

Съ тѣмъ-же правомъ, съ какимъ мы склонны признавать справедливость поговорки „вѣтъ худа безъ добра“, мы могли бы признать справедливость и противоположнаго положенія: нѣтъ добра безъ худа. На самомъ дѣлѣ, частицы яда скрываются зачастую и въ самыхъ роскошныхъ цвѣткахъ; даже солнце, источникъ свѣта и жизни въ окружающей насъ природѣ, и оно не безъ темныхъ пятенъ. Приобрѣтеніе знанія, этого высшаго изъ земныхъ благъ, къ которымъ стремится человѣчество, омрачается на каждомъ, можно сказать, шагу разнообразными лишніями и горестями; мало того, оно неизбежно отражается невыгодно на здоровьи людей, въ особенности, въ дѣтствѣ и отрочествѣ. Усиленная дѣятельность мозга уже сама по себѣ отвлекаетъ кровь отъ остальныхъ органовъ и тѣмъ самымъ наноситъ ущербъ ихъ правильному, гармоническому развитію. Лишеніе учащихся въ теченіе многихъ часовъ свободныхъ движеній на свѣжемъ воздухѣ составляетъ, хотя и неизбежное, но большое зло. Послѣдствіемъ разлада между требованіями физической природы развивающагося организма и требованіями цивилизаціи является цѣлая группа весьма распространенныхъ болѣзней. Сюда причисляются: головныя боли, малокровіе, расстройство пищеварительныхъ и другихъ органовъ и, какъ особенно типичныя, близорукость и искривленія позвоночника. Задача школьной гігіены, иныиъ разросшейся въ цѣлую науку, заключается въ указаніи на всѣ эти опасности и въ выработкѣ тѣхъ правилъ и пріемовъ, которыми слѣдуетъ руководствоваться родителямъ и воспитателямъ для умаленія физическаго вреда, сопряженаго съ обученіемъ. Тяжко и горестно хлѣбъ всю жизнь, да и общество и государство пуждаются въ крѣпкихъ, здоровыхъ, а потому энергичныхъ дѣятеляхъ.

Въ низшіе классы училищъ почти всѣ дѣти поступаютъ съ глазами здоровыми, тогда какъ въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній близорукость можетъ сдѣлаться чуть-ли не поголовною. Это доказано многочисленными изслѣдованіями, какъ за границей, такъ и у насъ въ Россіи. Близорукость, въ свою очередь, предрасполагаетъ къ серьезнѣйшимъ глазнымъ болѣзнямъ, даже ведущимъ къ слѣпотѣ, а потому всегда является угрожающимъ симптомомъ. Относиться легкомысленно къ близорукости учащихся прямо непростительно для родителей и воспитателей.

Что касается причинъ порчи зрѣнія при школьныхъ занятіяхъ, то онѣ сводятся къ неправильному и недостаточному освѣщенію классной комнаты и затѣмъ, въ особенности, къ неправильной посадкѣ учащихся, сопряженной съ чрезмѣрнымъ приближеніемъ къ глазамъ книгъ и тетрадей и съ неодинаковымъ относительно послѣднихъ положеніемъ обоихъ глазъ.

Кособокость, сутуловатость и другія формы искривленія позвоночника (сколіоза) называются *Вирховымъ* прямо болѣзнями развитія школьнаго возраста. Что школа фактически является главнѣйшимъ рассадникомъ сколіоза, это уже давно было доказано ортопедистами. Въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ гражданскаго вѣдомства, по наблюденіямъ доктора А. С. Виреніуса, не менѣе трехъ четвертей учащихся одержимы неправильностями туловища. Стѣсненное дыханіе и давленіе на внутренности со всѣми ихъ послѣдствіями — вотъ главнѣйшій вредъ, наносимый организму искривленіями. Несомнѣнною причиною послѣднихъ заведомо являются продолжительныя неправильныя позы дѣтей во время классныхъ занятій.

Въ виду всего сказаннаго вопросъ объ устройствѣ учебныхъ столовъ и скамей или, такъ называемыхъ, „партъ“ занимаетъ не послѣднее мѣсто въ ряду вопросовъ, касающихся физическаго воспитанія.

Главною причиною дурной позы учащихся по справедливости считаются парты со *слишкомъ значительнымъ разстояніемъ между лавкой и конторкой*. Если ученикъ сѣлъ на такую парту какъ слѣдуетъ, т. е. прямо, то можетъ отчетливо видѣть шрифтъ книгъ или кончикъ пера не иначе, какъ напрягая зрѣніе. Поэтому онъ невольно подается на передній край лавки и наклоняется впередъ всѣмъ корпусомъ. Разъ онъ это сдѣлалъ, его туловище и голова оказываются уже не поддерживаемыми въ центрѣ тяжести, и ихъ приходится удерживать

въ неустойчивомъ равновѣсіи усиленнымъ напряженіемъ мускуловъ спины и затылка. Въ первую минуту или долю минуты это удастся, но вслѣдъ за тѣмъ мускулы устаютъ, ослабляются, и тѣло какъ бы валится на конторку.

При нормальной позѣ (рис. 1 и 3) туловище ученика находится въ отвѣсномъ положеніи и достаточно поддерживаетъ отвѣсную же или слегка наклоненную голову. Оно упирается въ лавку тазовыми буграми и затѣмъ бедрами. Послѣднія, стелся горизонтально по лавкѣ, изображаютъ собою какъ-бы дополнтельную подставку туловища, и, въ свою очередь, при посредствѣ голени и ступни, находятъ опору на полу. Углы, образуемые туловищемъ съ бедрами, бедрами съ голеними (колѣнными) и голеними со ступнями (пяточные), должны быть прямыми. вспомогаельными подпорами туловища, для болѣе устойчиваго сто равновѣсія, служатъ далѣе: сзади спинка, а спереди край конторки, въ который упираются предплечія.

Пронтекающія отчасти уже изъ только что сказаннаго требованія, концы должны удовлетворять парты, суть слѣдующія. а) Высота лавки должна равняться длинѣ голени выстѣ съ пяткой и коблуконъ ученика. б) Ширина (глубина) лавки должна, по возможности, приближаться къ длинѣ бедра. в) Ближайшій къ ученику край конторки *долженъ заходить за передній край лавки* на нѣсколько (отъ 3—5) сантиметровъ (т. наз. *отрицательное разстояніе*). г) Тотъ же край конторки долженъ, далѣе, находиться настолько выше уровня лавки, чтобы ученикъ могъ класть предплечія на конторку удобно и свободно, т. е. не приподнимая плечи (какъ при слишкомъ высокой) и не горбя спины (какъ при слишкомъ низкой конторкѣ). Край этотъ долженъ лежать на нѣсколько, примѣрно пять, сантиметровъ выше уровня опущенныхъ локтей, такъ какъ предплечія, надвигаясь, ради опоры, на конторку, влечутъ за собою локоть по восходящей дугѣ. — При соблюденіи требованій, выраженныхъ въ пунктахъ в. и г., глаза ученика оказываются отъ книгъ и тетрадей на разстояніи нормальнаго наилучшаго видѣнія.

На среднее учебное заведеніе желательно имѣть не менѣе восьми форматонъ или нумеровъ партъ, при чемъ въ каждомъ изъ классовъ должны находиться парты, по крайней мѣрѣ, трехъ изъ этихъ форматонъ. По мѣрѣ роста ученика, приходится ежегодно не менѣе одного раза замѣнять парту слѣдующимъ, высшимъ нумеромъ, что крайне дорого въ домашнемъ быту, или же пользоваться механическою партою.

Для размѣщенія учениковъ по партамъ сообразно роста, парты удобно приставлять къ намѣченному на стѣнѣ или дверяхъ масштабу, дѣленія котораго обозначены цифрами, соответствующими нумерамъ партъ. Темъ ученика прямо указываетъ потребный ему нумеръ. Пользуясь такимъ простымъ пріемомъ, за какіхъ-нибудь пять минутъ можно отмѣтить въ классномъ журналѣ подлѣ каждой фамиліи ученика соответственный нумеръ парты. Составленіе такоа масштаба весьма не трудно (рис. 2). Такъ, напр., примѣнительно къ форматамъ,

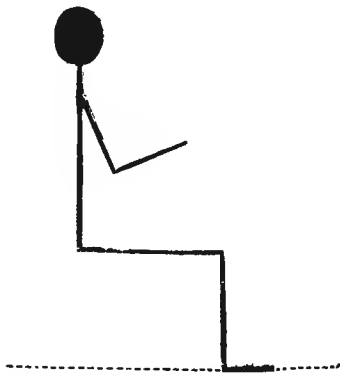
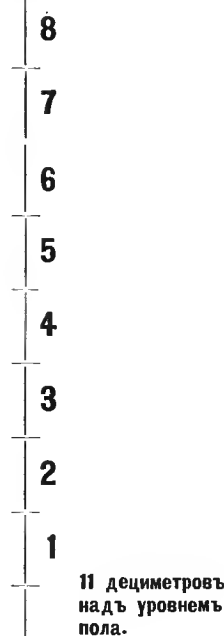

Рис. 1. Оси и углы тѣла при нормальномъ сидѣнн.

Уровень пола.

Рис. 2. Масштабъ для опредѣленія потребныхъ ученикамъ нумеровъ партъ.

установленным доктором *Шписом*, проводить по стѣнѣ на 11 дециметровъ выше пола горизонтальную черту, а начиная отъ нея, откладываютъ кверху 8 отдельныхъ дециметровъ, кои разграничиваютъ одинъ отъ другого чертами и обозначаютъ

экземпляровъ каждого нумера необходимо заказать, во избежаніе, съ одной стороны, недостатка, а съ другой, избытка и сопряженныхъ съ нимъ переплатъ. Эти затрудненія напередъ устранимы лишь въ томъ случаѣ, если устроитель школы останавливается на партахъ механическихъ или универсальныхъ, т. е. удобоприспособляемыхъ ко всякому росту. Къ сожалѣнію, многочисленныя, предложенныя до сихъ поръ, универсальныя парты, по своей сложности, дороговизнѣ или недостаточной прочности, примѣняются лишь въ семьяхъ, въ школахъ же распространенія получить не могли; мало того, нѣкоторые изъ лучшихъ знатоковъ, педагоговъ и врачей, высказывались неоднократно въ смыслѣ неразрѣшимости самой задачи создать целесообразный, пригодный также и для школы типъ такой парты. Последнее обстоятельство, признаюсь, послужило для меня стимуломъ испытать собственную изобрѣтательность, когда мнѣ пришлось, по обязанности члена правленія Харьковского общества распространенія грамотности въ народѣ, заняться вопросомъ объ улучшеніи классной мебели въ школахъ этого общества.

Сущность конструкціи моей парты (рис. 3) можетъ быть передана въ немногихъ словахъ. Представимъ себѣ деревянныя столбы, укрѣпленные въ отвѣсномъ положеніи. Черезъ столбы продѣты болты, на которыхъ надѣваются конторка и стулъ. Эти двѣ существенныя части могутъ скользить вверхъ и внизъ по столбу и быть фиксированы на немъ помощью гаскъ на любой высотѣ. Ширина (глубина) лавки и высота спинки регулируются одновременно тѣмъ, что спинка обладаетъ подвижностью по наклонной плоскости. — После этого краткаго общаго описанія, рассмотримъ каждую изъ упомянутыхъ частей парты въ отдѣльности. Столбъ (а) состоитъ изъ конца толстой доски и привинчивается къ подставкѣ или же прямо къ полу классной комнаты помощью металлическихъ (чугунныхъ или жѣзвѣнныхъ) уголниковъ (b). Онъ замѣняетъ собою сложную стойку обыкновенныхъ партъ. Болтъ для нацѣпленія конторки или стула, или же (въ школѣ) обѣихъ частей одновременно (рис. 4) проходитъ близъ верхняго конца столба. Въ составъ стула входятъ: какъ существенная часть, лавка или доска для сидѣнія (c) и, какъ части вспомоگательныя, два крошечейша (d) и связующая ихъ средняя или *соединительная доска* (e). Последняя прилегаютъ къ столбу и имѣетъ вертикальный прорѣзъ, служащій для нацѣпленія стула на упомянутый выше болтъ. Гайка съ шайбою служитъ для укрѣпленія стула на

Рис. 3 Универсальная парта для домашняго употребленія.

последовательно снизу вверхъ цифрами отъ 1 до 8. Эти цифры и соответствуютъ нумерамъ партъ названнаго автора. Аналогичные масштабы легко составить и примѣнительно къ форматамъ проф. *Эрисмана*, док. *Виреніуса* и другихъ авторитетовъ. Въ домашнемъ быту, при одномъ или, вообще, при немногихъ ученикахъ, потребныя для нихъ размѣры скамей могутъ быть найдены и безъ масштабовъ, на основаніи сказаннаго выше о нормальной позѣ.

Фактическое пользованіе каждымъ изъ учениковъ соответствующею его росту классною мебелью достигается проще всего при партахъ одностѣнныхъ. Онѣ-то и должны быть признаны наиболѣе целесообразными и желательными, несмотря на большую свою стоимость. Будучи сдвинуты между собою по двѣ, онѣ выѣтъ занимаютъ *точно такое же пространство, какъ и двустѣнные*.

Постройка разныхъ форматовъ партъ и ихъ распределеніе по классамъ рѣшительно затрудняютъ заведующихъ училищами. Даже добывъ литературныя источники съ указаніемъ размѣровъ отдельныхъ нумеровъ партъ, устроитель школы не можетъ предугадать, по сколько

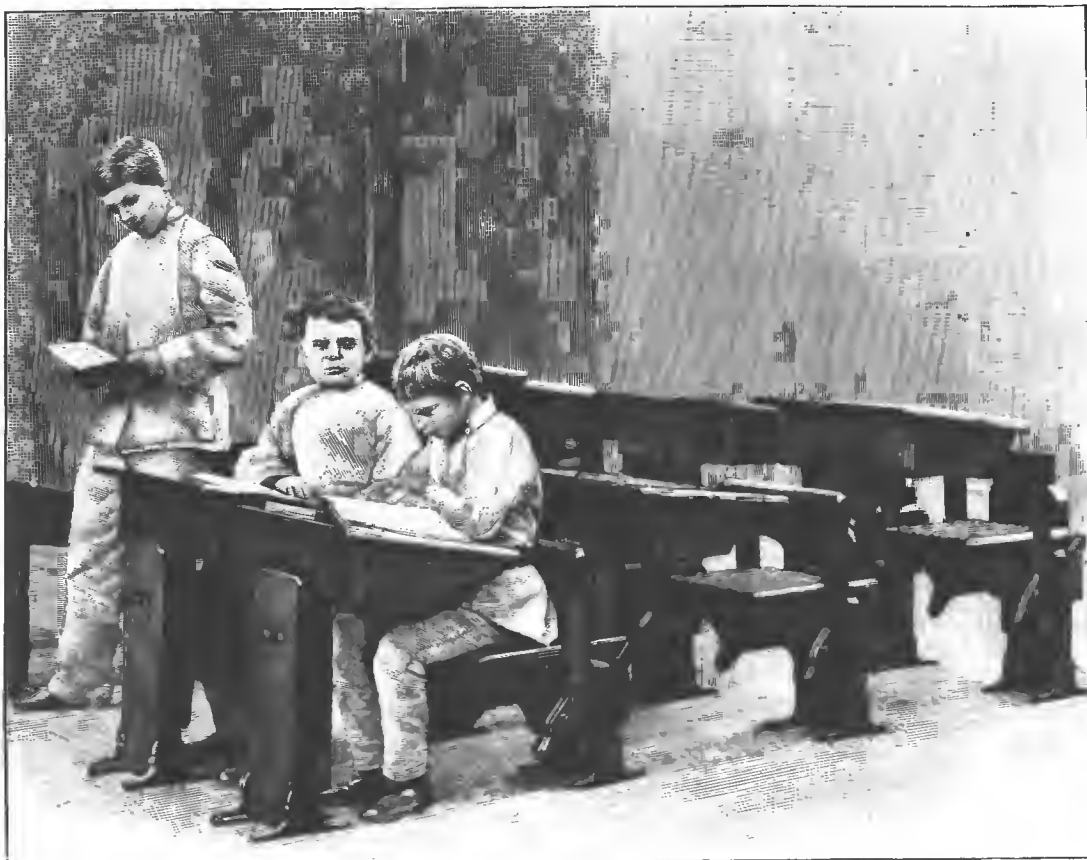
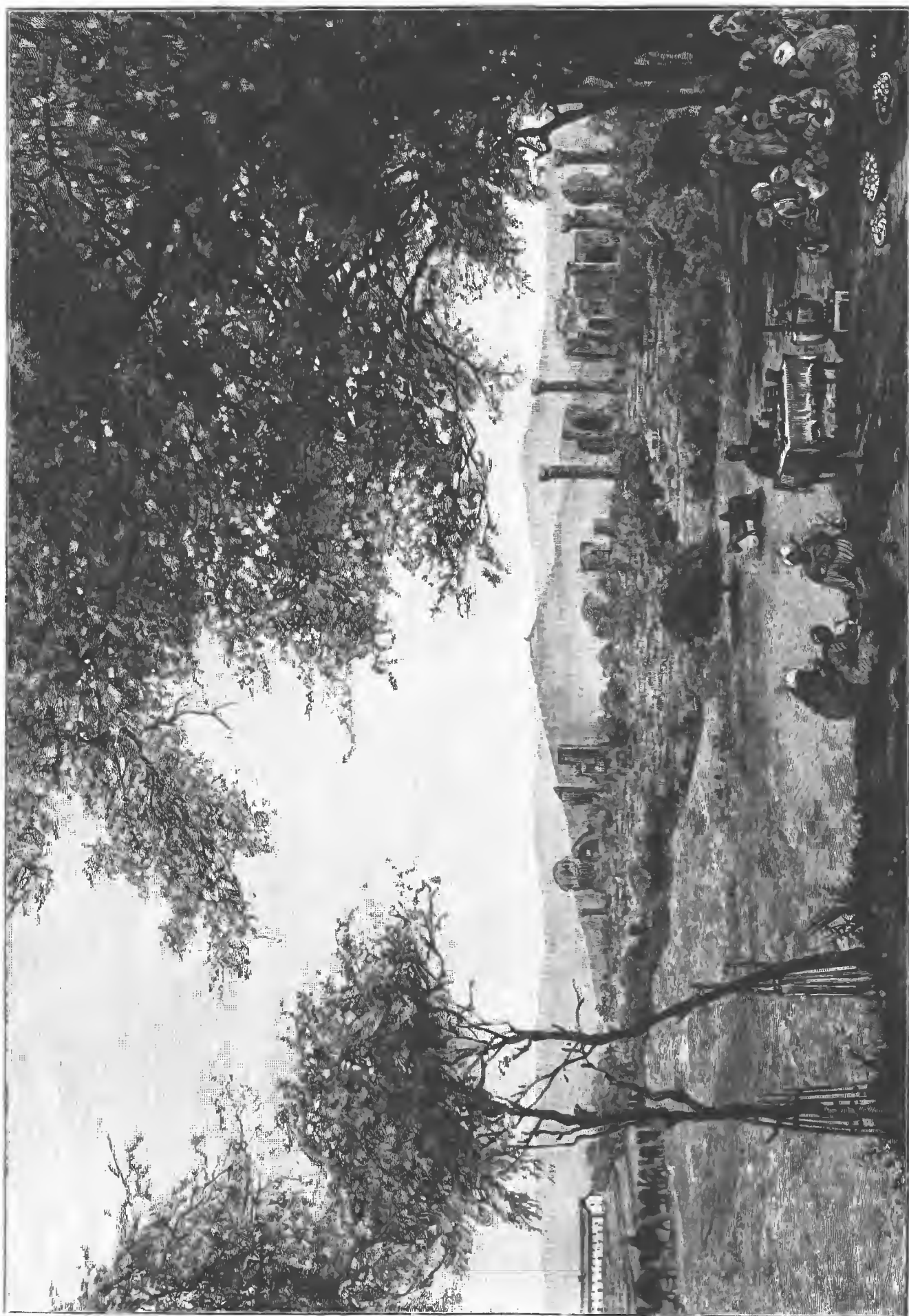
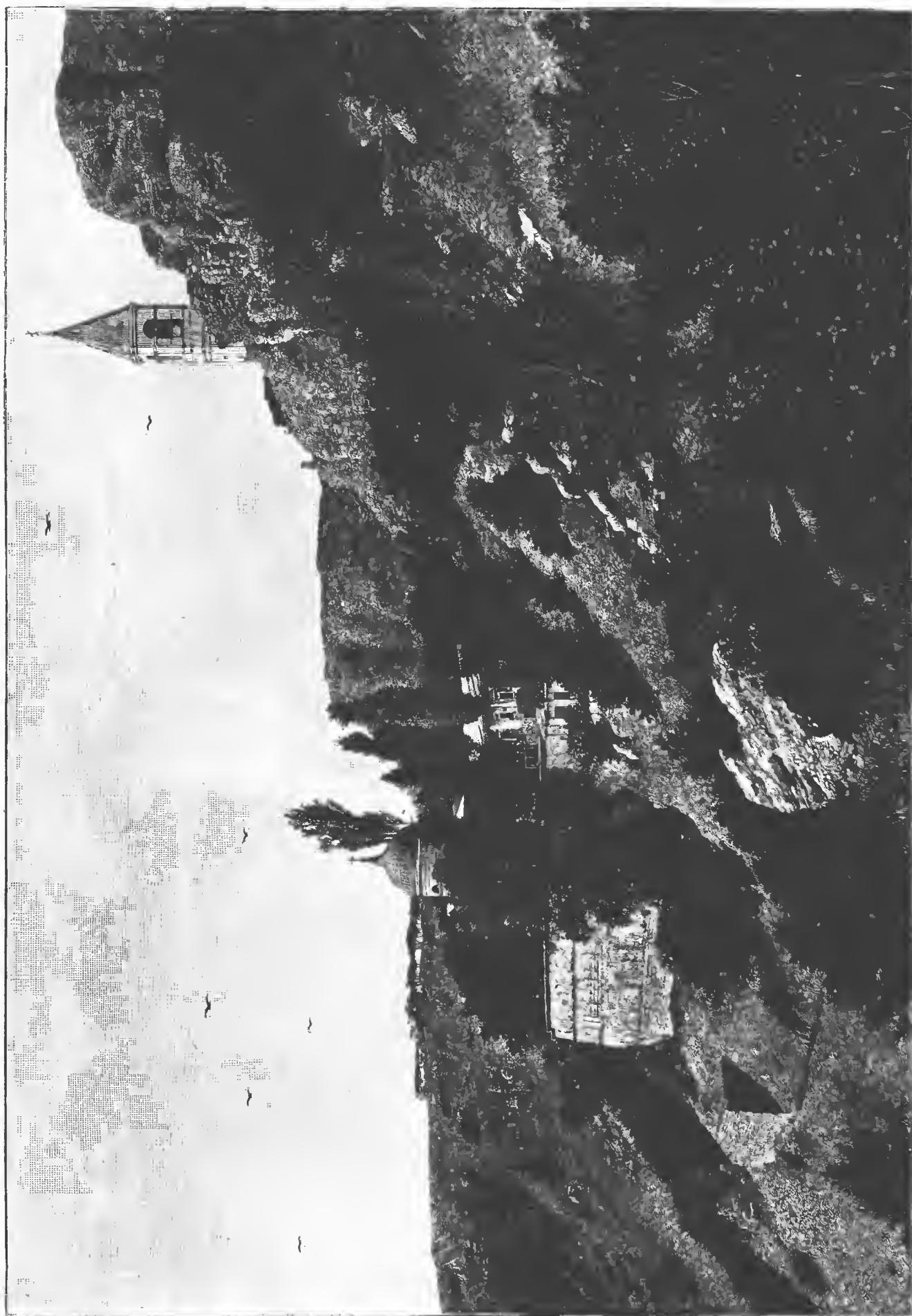

Рис. 4. Универсальныя парты въ школѣ.

Видъ азіатской части города Самарканда (по поводу 25-лѣтія взятія его русскими войсками, 2-го мая 1868 г.).
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) п. Я. Ласовскаго. грав. Флюгелъ.

Видъ Балаклавскаго Георгіевскаго монастыря въ Крыму. Съ фот. Миткина, грав. Рашевскій.

требуемой высоты. Для определения этой высоты въ соединительной доскѣ вдоль прорѣза вытиснены цифры отъ 1 до 8, соответствующія основнымъ форматамъ парты. Спинка стула состоитъ изъ существенной части, т. е. горизонтальной планки (f) и двухъ стоекъ (g). Последняя оканчивается снизу ланамъ (h), наклоненнымъ къ горизонту подъ угломъ въ 45°. Ланы скользятъ по планочкамъ-шпугамъ (i), запущеннымъ подъ тѣмъ же уклономъ въ бросштейны стула. Параллельно верхнему краю этихъ планочекъ-шпугъ въ крошечныхъ прорѣзахъ по щели, сквозь которыя проходить по болтику для закрѣпленія ланъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всей спинки, на требуемой высотѣ. Конторка (k) имѣетъ стержень (l) съ такимъ же вертикальнымъ и служащимъ для той же цѣли прорѣзомъ, какъ и соединительная доска стула. Вдоль прорѣза на соответственныхъ разстояніяхъ опять-таки вытиснены цифры отъ 1 до 8. Для устраненія шатающагося стороны въ сторону, какъ у стержня конторки, такъ равно и у соединительной доски стула, вдѣлаю ниже прорѣза по клинообразному шпугу, который ходитъ въ особомъ отвѣсномъ желобкѣ столба. Почти само собою разумѣется, что конторка снабжена черпальницею, желобкомъ для карандашей и перьевъ и, снизу, полкою для раппа или книгъ. О видѣ парты для домашняго употребленія рис. 3 даетъ достаточно отчетливое представленіе; что же касается постановки партъ въ школахъ, то столбы ихъ прививаются непосредственно къ полу комнаты, а въ случаѣ желанія беречь, по возможности, паркетные полы, къ длиннымъ доскамъ, въ свою очередь, лишь тамъ и слѣмъ прихватываемымъ къ полу шпитами. Какъ показываетъ рис. 4, въ школѣ столбы устанавливаются продольными рядами, при чемъ каждый изъ нихъ—за исключеніемъ лишь передняго и задняго—на одномъ и томъ же сквозномъ болтѣ держитъ спереди стулъ, а сзади конторку. Такимъ образомъ достигается сбереженіе въ количествѣ столбовъ.

Особая комиссія, назначенная Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія изъ директоровъ и врачей среднихъ учебныхъ заведеній для оцѣнки пригодности описанной парты, вполне

одобрила ея цѣлесообразность и соответствіе требованіямъ гигиены и дешевизны. Вслѣдствіе чего парты рекомендованы для учебныхъ заведеній.

На педагоговъ, обыкновенно, возлагается и безъ того столько нелегкихъ постоянныхъ обязанностей, что желательно какъ можно меньше затруднять ихъ непривычными новизнами. Поэтому размѣщеніе партъ по классамъ и приспособленіе ихъ къ росту каждого изъ учениковъ должны быть, по возможности, упрощены. Это соображеніе послѣднее было принято во вниманіе при конструированіи парты. Она не требуетъ никакихъ ежегодныхъ переносовъ изъ класса въ классъ и никакихъ коренныхъ видоизмѣненій по отдѣльнымъ классамъ. Столбы устанавливаются и прививаются разъ-навсегда во всѣхъ классныхъ комнатахъ на одинаковыхъ разстояніяхъ, которыя зависятъ отъ величины принятаго въ заведеніи разстоянія между стуломъ и конторкой. Классныя комнаты меблируются, лишь сообразно своей площади, большимъ или меньшимъ числомъ скамей, совершенно независимо отъ того, въ которой изъ комнатъ будутъ сидѣть ученики перваго, восьмого или какого-либо другого класса. Ежегодно, безъ всякаго затрудненія, каждому изъ классовъ отводится то помѣщеніе, которое ему подходитъ по числу учащихся мѣстъ. Затѣмъ, съ помощью упомянутого выше масштаба, передъ началомъ каждого полугодія определяются нумера, на которые должны быть установлены отдѣльныя парты соответственно росту учениковъ. Остальное предоставляется уже сторожу. Выметаніе сора, мытье или натирка пола совершаются достаточно удобно и подл партами, такъ какъ у нихъ нѣтъ ни подиожекъ, ни пороговъ, а вся стойка состоитъ изъ изолированныхъ столбовъ. При ремонтѣ класса, хотя бы и съ покраскою пола, прибираются одни лишь стулья и конторки, столбы же остаются на своихъ мѣстахъ. За неимѣніемъ особаго зала, и классная комната, несмотря на прививаемыя къ полу столбы, легко можетъ быть приспособлена къ публичному акту или какому-нибудь собранію: стоитъ только удалить одѣ конторки, чтобы имѣть готовые, достаточно удобные стулья.

Въ горахъ, на поѣздѣ.

Ночью звѣздной
Цѣпью горной
Мы надъ бездною
Мчимся черной.
Издаля
Гулъ потока
Къ намъ несется;
Вонъ онъ вьется,
Низвергаясь

Межъ скалами,
Разсыпаясь
Жемчугами.
Тщетно дали
Ищутъ взоры—
Горы, горы
Путь сковали...
Все блѣднѣе,
Все короче

Тѣни ночи;
Ярче грѣзы...
И яснѣе
Видитъ око,
Какъ съ востока
Сквозь туманы
Сыплетъ розы
Фебъ румяный.

Ф. Червинскій.

Наше движеніе на востокъ.

(По поводу 25-лѣтія взятія Самарканда русскими войсками).

Движеніе русскихъ на востокъ, начавшееся непосредственно послѣ паденія Казахскаго царства, зависить отъ весьма многихъ географическихъ, политическихъ, экономическихъ и другихъ причинъ. Обширная русская низменность, сливаясь съ неизмѣримыми степями и пустынями Средней Азіи, пѣхотѣ была ареной передвиженія народовъ съ востока на западъ; со времени же расселенія по ней русскаго племени и образованія могущественнаго государства, тѣ же географическія условія вступаютъ насъ къ расширенію сферы нашего вліянія вплоть до хребтовъ Гиндукуша и пустынь Центральной Азіи. Мелкіе народы и племена, кочевавшіе за Ураломъ, постепенно подчинялись нашему господству, обращаясь къ намъ за покровительствомъ и защитой отъ нападенія сильныхъ сосѣдей. Безпрерывныя вторженія этихъ дикихъ народовъ на нашу территорию заставляли Россію предпринимать походы въ глубь киргизскихъ степей и строить тамъ укрѣпленія для обузданія хищныхъ кочевниковъ. Съ другой стороны, экономическіе интересы нашей страны давно заставляли обращать вниманіе на богатые страны Востока для сбыта нашихъ товаровъ. Въ началѣ наступательнаго движенія на востокъ выдающуюся роль играла наша казачья волиница, а со времени Петра Великаго начался періодъ нашихъ правильныхъ походовъ въ Среднюю Азію. Быстрота нашего движенія на востокъ и прочность завоеваній зависить не столько отъ нашего военнаго могущества, сколько отъ особенностей нашего народнаго характера, отличающагося мягкостью и терпимостью, въ чемъ, собственно, и заключается великая ассимилирующая сила русскаго народа, всосавшаго и поглотившаго столько племенъ и народностей. Всѣмъ покореннымъ племенамъ Средней Азіи мы давали и

даемъ, взаимнѣе жестокаго деспотизма и произвола, правосудіе и покровительство мирному производительному труду.

Въ серединѣ 60-хъ годовъ мы уже прочно утвердились въ Туркестанѣ и заняли Ташкентъ. Мусульманское населеніе Туркестана, фанатизированное муллами, глухо волновалось, особенно, подъ вліяніемъ эмира Бухарскаго, не мирившагося съ нашими послѣдними завоеваніями и размышлявшаго по всѣмъ направленіямъ возбуждающія прокламаціи. Въ 1867 году туркестанскій генералъ-губернаторъ и командующій войсками генералъ-адъютантъ Кауфманъ, видя, что со стороны бухарцевъ дѣлаются непрерывныя нападенія на наши границы, началъ готовиться къ походу на Самаркандъ, гдѣ эмиръ формировать армію. Весна 1868 года началась тревожно. Эмиръ объявилъ газаватъ (священная война) и успѣлъ свои нападенія. Вскорѣ вооруженныя скопища бухарцевъ появились по всѣмъ направленіямъ, такъ что почти приходилось отправлять при сильныхъ конвояхъ; волненіе въ народныхъ массахъ росло, и наше положеніе во вновь завоеванномъ краѣ становилось опаснымъ. Къ счастью для насъ, генералъ-адъютантъ Кауфманъ былъ столь же искуснымъ военачальникомъ, какъ и способнымъ администраторомъ. Совершенно правильно разсудивъ, что для обороны обширнаго края у насъ войскъ недостаточно, онъ рѣшился дѣйствовать наступательно; быстрый ударъ на бухарцевъ былъ единственнымъ средствомъ спасти наше дѣло. Въ виду этого у Джизака было собрано 25 ротъ пѣхоты, 7 сотенъ казаковъ и 16 орудій, всего 3500 человекъ; 1-го мая отрядъ двинулся въ Зарышанскую долину. Бухарская армія въ количествѣ 40—50 тысячъ человекъ при 150 орудіяхъ была расположена на Чанана-

типских высот у Самарканда. Позиция бухарцев прикрывалась с фронта быстрой и многоводной рѣкой Заравшанъ съ тонкими берегами, перерѣзанными множествомъ арыковъ. Отрядъ нашъ выступилъ съ почта, сталъ приближаться къ полудню къ рѣкѣ Заравшанъ и былъ встрѣченъ непріятелемъ въ садахъ, которые тянутся по обоимъ берегамъ этой рѣки: наши стрѣлковыя цѣли постепенно тѣснили бухарцевъ и подвигались впередъ съ небольшою перестрѣлкой. Въ это время въ нашъ отрядъ явился парламентеръ, но генералъ Кауфманъ заявилъ ему, что оставитъ свои войска только на бивакѣ на той сторонѣ рѣки. Подойдя къ Заравшану и увидя массы бухарцевъ, расположенныхъ на горѣ и, повидимому, рѣшившихся защищать переправу, командующій отрядомъ приказалъ сообщить черезъ присланнаго парламентера, что если эмиръ не отвѣдетъ свои войска черезъ часъ, то русскіе возьмутъ позицію штурмомъ.

Между тѣмъ на нашемъ правомъ флангѣ собирались массы бухарцевъ, такъ что генералъ Кауфманъ принужденъ былъ послать полковника Штраудмана съ 4 сотнями казаковъ и 4 орудіями, чтобы разсѣять ихъ. Не взирая на орудійный огонь съ противоположныхъ высотъ, казаки лихо атаковали бухарцевъ, сбили и гнали ихъ нѣсколько верстъ.

Уже прошло болѣе 2-хъ часовъ, а посольство эмира не возвращалось съ отвѣтомъ, и не видно было никакихъ приготовленій со стороны бухарцевъ къ отступленію. Напротивъ того, они открыли огонь изъ орудій и начали стягивать свои войска для ближайшей защиты переправы черезъ р. Заравшанъ. Тогда генералъ Кауфманъ двинулъ наши войска впередъ двумя колоннами: генералъ-майора Головачева и полковника Абрамова. Подъ сильнымъ ружейнымъ и орудійнымъ огнемъ, угрожаемымъ къ тому же атаками съ фланговъ, обѣ колонны перешли по грудь въ водѣ нѣсколько рукавовъ рѣки Заравшанъ и отважно пошли на приступъ непріятельской позиціи, которая вся изрыта была траншеями для стрѣлковъ.

„Странный видъ представляли эти горсточки нашихъ солдатъ“, читаемъ въ „Обзорѣ войнъ“ *), „окруженные и разсѣченные тучами бухарскихъ всадниковъ, все подвигавшіяся къ позиціи, признававшейся непреступной и занятой въ десять разъ сильнѣйшимъ противникомъ. Но такова сила духа, такова познающая невозможнаго отвага русскихъ войскъ, что уже одно это безотлачно движение впередъ нашихъ колоннъ поколебало сердца бухарцевъ, стало представляться имъ неострашимымъ. Дѣйствительно, когда наши войска, перейдя послѣдній притокъ, съ крикомъ „ура“ бросились на длинныя линіи бухарцевъ въ штыки, все бѣжало, оставивъ намъ 21 орудіе и массу оружія“.

Потери наши были крайне незначительны, всего до 40 человекъ убитыми и ранеными. Жители Самарканда не пустили бѣжавшихъ бухарскихъ войскъ въ городъ и сдали на слѣдующій день, 2-го мая, свою священную столицу безъ выстрѣла.

Въ тѣсной связи со взятіемъ Самарканда находится его геройская защита нашими войсками противъ бухарцевъ, окончательно закрѣпившая за нами этотъ важный городъ.

Для упроченія нашего положенія въ долинѣ Заравшана, генералъ Кауфманъ отправилъ въ разные мѣста отряды для разбитія бухарскихъ скопищъ и для овладѣнія нѣкоторыми укрѣпленными пунктами. Наконецъ, и самъ командующій войсками принужденъ былъ двинуться 30 мая противъ эмира, оставивъ въ Самаркандѣ небольшою отрядъ.

Между тѣмъ, взятіе священнаго города дало новый сильный толчокъ мусульманскому фанатизму. Составился обширный заговоръ съ цѣлью произвестъ поголовное возстаніе мусульманъ въ нашихъ владѣніяхъ тотчасъ же послѣ отобранія Самарканда обратно отъ русскихъ. Однако въ самомъ Самаркандѣ не видно было приближенія собиравшейся грозы. Жизнь въ городѣ съ перваго же дня его занятія стала принимать свой прежній характеръ; лавки открылись, и между русскими и городскими жителями, повидимому, начали устанавливаться добрыя отношенія.

Но, съ уходомъ генерала Кауфмана, жители Самарканда, видя малочисленность оставленнаго гарнизона, легко поддались агитационной мулѣ. Уже утромъ 1-го июня жители города приняли угрожающее положеніе; на улицахъ видны были горожане съ батниками **), перебѣгавшіе изъ сакли въ саклю; на базарѣ шумѣла толпа и летѣли въ русскихъ съ крышъ камни, а за городскими стѣнами собирались огромныя скопища непріятеля, число котораго, какъ потомъ оказалось, простиралось до 65 тысячъ человекъ.

Въ Самаркандѣ остались 4 роты нѣхоты, одна рота саперъ, 2 орудія и 2 мортиры. Гарнизонъ состоялъ подѣ командою майора Штемпеля и представлялъ силу въ 658 штыковъ, считая въ томъ числѣ больныхъ и слабыхъ, не взятыхъ генераломъ Кауфманомъ съ собой. Самаркандъ окруженъ былъ полуразвалившейся глинобитной стѣной въ 3—4 сажени вышиной, которая шла вокругъ города, въ видѣ неправильнаго многоугольника. Внутри городской оградѣ, въ сѣверо-западномъ концѣ ея, на возвышенномъ мѣстѣ стояла цита-

дель, съ такими же глинобитными стѣнами, находившимися тоже въ полномъ разрушеніи. Въ цитадель вли двѣ вороты: бухарскія и самаркандскія. Къ стѣнамъ цитадели близко подходили городскія постройки, и потому впереди ихъ не было свободнаго пространства. Внутри цитадели находились дворцы, представлявшій довольно большія выгоды для обороны, какъ послѣдній оплотъ.

Не имѣя возможности защищать городъ по незначительности своихъ силъ, майоръ Штемпель отступилъ въ цитадель и распорядился привести ея въ оборонительное положеніе. Въ цитадель удалились множество еврейскихъ семействъ и наши купцы, принимавшіе дѣятельное участіе въ ея оборонѣ, какъ-то Хлудовъ, Трубочниковъ, Ивановъ и другіе, а также нашъ известный художникъ Верещагинъ.

2-го іюля непріятель, потрясая воздухъ дикими криками, при звукахъ зурнъ и барабановъ, ворвался въ городъ и разлился по всемъ направленіямъ; кое-гдѣ видѣлись разбѣжавшіеся значки начальниковъ. Вскорѣ непріятель, не взирая на нашъ огонь, огромными толпами бросился на стѣны цитадели, цѣпляясь за нихъ желѣзными кошками *).

Особенно стремительное нападеніе произведено было на самаркандскія ворота, которыя удалось непріятелю поджечь; но благодаря энергіи прапорщика Мамика и мужеству русскихъ, удалось отбить нѣсколько штурмовъ. Главныя успѣхи непріятеля обращены были противъ бухарскихъ воротъ, которыя тоже были подожжены съ помощью брошенныхъ подъ нихъ двухъ мѣшковъ съ порохомъ. Прибывшій на этотъ опасный пунктъ полковникъ Назаровъ, оставшійся по болѣзни отъ похода, напелъ ворота и прилегающія постройки въ огонь; горящие угли пересыпались на камышевые крыши соседнихъ саклей. Для тушенія горящихъ воротъ вызваны были охотники.

„Нельзя было надивиться этому, поистинѣ молодецкому подвигу“, пишетъ очевидецъ, поручикъ Черкасовъ. „Осыпанные градомъ пуль, охваченные пылающимъ огнемъ, охотники успѣли сбить ворота, бросить на землю и, такимъ образомъ, потушить ихъ. Между тѣмъ орудіе наше, поставленное позади воротъ, почти неумолкаемо дѣйствовало картечью по толпамъ непріятеля, бросавшагося въ ворота“.

На глазахъ непріятеля съ страшными успѣхами и потерями была устроена передъ воротами баррикада изъ земляныхъ мѣшковъ, и орудіе помѣщено за ней для лучшаго обстрѣливанія улицъ города. Надо замѣтить, что множество непріятельскихъ труповъ, обгорая въ огнѣ зажженныхъ городскихъ саклей, издавали невыносимое зловоніе, такъ что съ трудомъ можно было оставаться на баррикадѣ. Не прерывавшіяся въ теченіе цѣлаго дня штурмы, прекратились съ наступленіемъ темноты, и ночь прошла спокойно. Для утѣшенія генерала Кауфмана объ отчаянномъ положеніи осажденныхъ ночью былъ посланъ одинъ преданный намъ джигитъ, который для этого переодѣлся нищимъ.

На слѣдующій день съ разсвѣтомъ опять начались тѣ же отчаянныя приступы и тѣ же успѣхи непріятеля раздавить горсть русскихъ людей, но ненормальная энергія и стойкость защитниковъ вновь спасли дѣло. Ожесточенные штурмы продолжались до 3 часовъ, но безъ всякаго успѣха. Къ защитѣ воротъ и брешей въ стѣнѣ привлечены были больные и раненые. Многіе, превозмывая свои раны, добровольно вновь возвращались назадъ, многіе, получившіе по нѣскольку ранъ и залитые кровью, не хотѣли покидать своихъ товарищей и оставались въ рядахъ. Вечеромъ, около 6 часовъ, штурмы возобновились. Командуя, майоръ Штемпель, рѣшилъ, въ случаѣ необходимости, отступить во дворецъ, который поэтому дѣлательно приводился въ оборонительное положеніе. При невозможности устоять передъ напоромъ непріятеля и въ этомъ послѣднемъ оплотѣ, рѣшено было, по общему согласію, взорвать все на воздухъ, для чего въ ночь на 4-е іюня во дворецъ свезенъ былъ весь порохъ и снаряды. 4, 5 и 6 іюня непріятель хотя и предпринималъ частныя приступы, но энергія его, видимо, ослабѣла. Въ виду этого нашъ храбрый гарнизонъ сталъ самъ дѣлать вылазки и жечь городскія сакли.

7 іюня отъ генерала Кауфмана было получено извѣстіе о томъ, что онъ идетъ на выручку форсированнымъ маршемъ. Тотчасъ же эта радостная вѣсть облетѣла многострадальный гарнизонъ; громовое „ура“ раздавалось по всей цитадели, и защитники поздравляли другъ друга съ благополучнымъ окончаніемъ осады.

8 іюня непріятель сталъ посѣбно очищать, и послѣднія его толпы были атакованы гарнизономъ цитадели. Вскорѣ показались передовые казаки, а за ними генералъ Кауфманъ съ отрядомъ вошелъ въ городъ и горячо благодарилъ храбрый гарнизонъ, потерявшій болѣе трети своего состава, за героическую защиту цитадели.

Въ наказаніе жителей приказано было сжечь городской базаръ, какъ главную часть города. Такъ кончилась эта славная страница исторіи русской военной славы и доблестей русскаго офицера и солдата.

В. М.

*) „Обзоръ войнъ“ подъ редакціей Е. Л. Леера, ч. III, кн. 2.

**) Палка съ чугунною шарообразною головкой съ выступами.

*) Видѣанный изъ желѣза остроконечный, палочкообразный ружей.

Къ рисункамъ.

Въ опочивальнѣ. (Рис. на стр. 440).

К. В. Лебедевъ, талантливый изобразитель русской старины, на послѣдней передвижной выставкѣ, между прочимъ, выставилъ небольшой холстъ, служащій какъ-бы продолженіемъ его извѣстной картины, находящейся въ Москвѣ, въ галлерей Третьякова, „Боярская свадьба“. Въ новой картинѣ, носящей названіе „Въ опочивальнѣ“, только два лица—„князь съ княгинею“, т. е. женихъ съ невестою. Ихъ шумная толпа гостей проводила до опочивальни, сваха осыпала хмѣлемъ, дружки—хлѣбнымъ зерномъ, благословили иконою и теперь они одни. Петоропливо, какъ-бы замядая желанную минуту, приблизился новобрачный къ своей суженой и приподнимаетъ фату, изъ-за которой съ потупленными очами виднѣется лицо ея стыдливой и покорной молодой супруги.

Кашалотъ и песцы. (Рис. на стр. 441).

Среди морскихъ ископатающихся, китовъ, выдающееся по величинѣ мѣсто занимаетъ кашалотъ. Несмотря на значительную опасность охотиться за нимъ, громадное животное все-таки преслѣдуется изъ-за богатой добычи изъ него жира, кѣпной амбры и ворвани. Въ противоположность гренландскому киту, который робѣетъ передъ своими преслѣдователями и безъ сопротивления допускаетъ себя умертвить, кашалотъ мужественно сопротивляется и даже бросается на враговъ своихъ, опрокидывая или разбивая ихъ судно. Сила животного соответствуетъ величинѣ; взрослый самецъ достигаетъ 14 сажень въ длину при $5\frac{1}{2}$ сажень въ обхватъ. Главное отличие кашалота отъ кита заключается въ формѣ его головы, у которой нижняя челюсть относительно чрезвычайно мала. Вѣдѣние опасности, сопряженной съ приближеніемъ къ кашалоту, необходимо плавающему въ открытомъ морѣ, нѣтъ точныхъ свѣдѣній объ его образѣ жизни. Наблюдения ограничивались надъ животными, заброшенными бурей на берегъ, гдѣ они и погибали. Такой трупъ бываетъ на долгое время лакомымъ блюдомъ для птицъ и хищныхъ животныхъ. Особенною жадностью и хищничествомъ отличаются полярныя или каменные лисицы или песцы, близкій родичъ нашихъ хитицковъ. Обитая въ полярныхъ странахъ Старого и Нового Свѣта, они хорошо извѣстны изслѣдователямъ этихъ странъ. Меньше ростомъ нашей лисицы, они бываютъ лѣтомъ земляного или скалистого цвѣта, который замѣняется зимою бѣлымъ или коричнево-сѣрымъ. Эти хищники пожираютъ все живое, съ чѣмъ они могутъ справиться, но и не брезгаютъ также никакой мертвечиной. Такъ какъ море выбрасываетъ на берегъ не мало труповъ, то у этихъ животныхъ нѣтъ недостатка въ лакомствѣ, изъ-за котораго они первѣе вступаютъ въ кровавую драку. Замѣчательна дерзость, съ какою они нападаютъ на пристаивша путешественниковъ: у нихъ, во время сна, песцы пожираютъ даже оленьи шкуры, на которыхъ путешественники спятъ.

Пещерный храмъ въ Георгіевскомъ Балаклавскомъ монастырѣ.
Съ фот. Миткина, грав. Пикушевичъ.

Возвращеніе рыбаковъ съ ловли въ Нормандіи.

(Рис. на стр. 445).

Пелагея Петровна Куріаръ, председательница перваго дамскаго кружка, одна изъ самыхъ даровитыхъ русскихъ художницъ, кромѣ картинъ, передающихъ сѣверную природу, иногда выставляетъ картины изъ нормандской жизни. Въ этомъ году ею выставлена была работа, изображающая лодки нормандскихъ рыбаковъ, возвращающихся съ рыбной ловли домой. Заходящее солнце золотитъ тихую поверхность моря, но которому, точно усталыя, едва движутся эти лодки.

Видъ города Самарканда. (Рис. на стр. 448).

Посвящая въ настоящемъ номерѣ отдѣльную статью воспоминанію о взятіи Самарканда 25 лѣтъ назадъ русскими вой-

сками, мы даемъ на стр. 448 видъ части этого города съ остатками Тамерлановскихъ построекъ.

Самаркандъ—древній городъ Бухарскаго ханства (или Транс-Оксанія, т. е. За-Аму-Дарьинскаго государства *),—былъ его вторымъ главнымъ пунктомъ, такъ какъ владѣтели ханства, или эмиры, имѣли свою резиденцію городъ Бухару. И только знаменитый эмиръ Тимуръ, или Тимуръ Ленкъ (хромой Тимуръ), называемый въ Европѣ Тамерланомъ, полюбилъ Самаркандъ, въ которомъ и жилъ всегда, когда не бывалъ въ своихъ военныхъ походахъ.

Хотя съ того времени прошло пять вѣковъ, но имя его до сихъ поръ, можно сказать, ежедневно раздается на улицахъ Самарканда и въ его окрестностяхъ, гдѣ остались какіе-либо памятники этого знаменитаго азіатскаго полководца-завоевателя и не менѣе знаменитаго покровителя наукъ и искусствъ. Эта-то его любовь къ изящному и выразилась въ многочисленныхъ великолѣпныхъ зданіяхъ, каковыми онъ украсилъ свою столицу, и между которыми самыми величественными, по размѣрамъ, красотѣ и роскоши, являются три духовныя академіи, расположенныя по тремъ сторонамъ площади, называемой Ригистанъ.

Эти великолѣпныя зданія академій, стоящія и нынѣ, до сихъ поръ обитаемы: въ нихъ живутъ студенты и профессора, для чего они и были воздвигнуты по желанію и волю упомянутаго средне-азіатскаго мецената. Неподалеку отъ нихъ возвышаются развалины также некогда величественнаго зданія—дворца любимой жены Тамерлана, Биби-Ханымъ.

Потребовался бы цѣлый томъ, съ множествомъ раскрашенныхъ иллюстрацій, для того, чтобы дать понятіе объ этихъ памятникахъ древне-перскаго зодчества, хотя-бы въ томъ видѣ, въ какомъ они находятся теперь.

На рисункѣ-же, представляющемъ общій видъ Самарканда, какъ онъ открывается глазамъ зрителя, стоящаго на окраинѣ русскаго города, можно видѣть лишь относительное расположение, размѣры и общія очертанія этихъ зданій, возвышающихся надъ остальной массой одиобраз-

ныхъ глиняныхъ домиковъ съ плоскими крышами, какіе вообще характеризуютъ города Бухарскаго ханства.

Цитадель, въ которой такъ храбро защищались русскіе, находится тутъ же и цѣла до сихъ поръ. Часть ея видна въ лѣвой сторонѣ рисунка. Въ правой-же его сторонѣ, за деревьями проходитъ, такъ называемая, Ригистанская улица, соединяющая Сартовскій Самаркандъ съ русскимъ городомъ того-же имени. И на углу этой улицы, на разостланныхъ подъ тѣнью деревьевъ войлокахъ, коврикахъ или циновкахъ въ теченіе цѣлаго дня собираются сарты (или бухарцы) отдохнуть, понить чаю изъ русскаго *самовара* (такъ они произносятъ это слово), поѣсть лепешекъ изъ пшеничной муки (чурекъ) или орѣховъ и фруктовъ, продающихся здѣсь мѣстными бродячими торговцами.

Георгіевскій монастырь. (Рис. на стр. 449 и 452).

Георгіевскій Балаклавскій монастырь расположенъ на морскомъ берегу Крыма, близъ знаменитаго мыса Оленентъ, на которомъ въ древности былъ построенъ знаменитый храмъ Дианы-Тавропольской. Здѣсь морской берегъ представляетъ совершенно неприступныя, почти отвѣсныя скалы, край которыхъ образуетъ самую высокую часть мѣстности (2000—2500 футовъ).

Первый краеугольный камень этому монастырю былъ положенъ Св. Андреемъ Первозваннымъ, такъ какъ извѣстно—говоритъ Макарій **),—что св. Апостолы направлялись съ про-

*) Аму-Дарья называлась въ древности Оксусъ или Оксъ.

**) „Исторія церкви до Владимира“.

танная Н. В. Калачовымъ въ третей книгѣ *Архива историко-юридическихъ свидѣній, относящихся до Россіи* 1861 года. Онъ же, Н. В. Калачовъ, посоветовалъ Труворову переселиться въ С.-Петербургъ, гдѣ А. С. Пороховъ опредѣлилъ его, 24 іюня 1888 года, въ сотрудники Археологической комиссіи; затѣмъ Труворовъ былъ приглашенъ въ число членовъ Высочайше утвержденной 6 декабря 1865 года комиссіи для приведенія въ ясность и порядокъ дѣлъ Синодальнаго Архива, а 2 мая 1870 года Археологическая комиссія избрала Труворова въ число своихъ членовъ. Археологическій институтъ, принявъ во вниманіе заслуги Труворова въ области археологии, избралъ его, 2 января 1885 года, въ почетные члены. По кончинѣ директора Археологическаго института Ив. Еф. Алдреевскаго, совѣтъ и правленіе института, въ засѣданіи 24 мая 1891 года, избрали Труворова закрытою баллотировкой единогласно кандидатомъ на должность директора Археологическаго института, на что, въ 28-й день іюня того года, восполнѣствовало Высочайшее соизволеніе.

Юридическіе, археологическіе и литературные труды Труворова пользуются всею широкою извѣстностью, и намъ остается только пожелать почтенному юбилю продолжать ихъ еще долгіе и долгіе годы.

Телавографъ. (Рис. на стр. 453).

Въ нашъ вѣкъ новѣйшія изобрѣтенія идутъ такими быстрыми шагами, что далеко опережаютъ практику. Не успѣли мы освоиться съ телефономъ, не успѣли онъ получить еще должное широкое примѣненіе, какъ ему на смѣну является новостъ—въ видѣ изобрѣтеннаго знаменитымъ физикомъ Элизе Грессемъ, телавографа. Дѣло въ томъ, что телавографъ этотъ даетъ возможность въ точности воспроизводить всякое письмо на разстояніи. Идея воспроизведенія письма на разстояніи, блестяще развѣренная Грессемъ, занимала умы многихъ его знаменитыхъ предшественниковъ. Телеграфы Казелли, Леснуара и Мейера явились въ этомъ направленіи попыткой далеко, впрочемъ, неудачною. Въ настоящее время удалось вполне разрѣшить эту задачу Грею. Телавографъ его состоитъ, какъ и телеграфъ, изъ двухъ аппаратовъ: „отправителя“ и „принимателя“. Какъ видно на рисункѣ (рис. 1), у „отправителя“ прикреплена пингетъ, на которой помѣщается бѣлый листъ бумаги. На этой бумагѣ воспроизводить долженствующее быть переданнымъ на разстояніи письму, помощью штифтика, свободно двигающагося на шарнирѣ надъ бумагой. На „принимателѣ“ (рис. 2) имѣется тоже штифтикъ, который съ математическою точностью повторяетъ движенія штифта „отправителя“ и воспроизводитъ письмо на самодвижущейся лентѣ бумаги. О точности передачи можно судить по дальнему у насъ образцу (рис. 3), изображающему оригиналъ письма и видъ его послѣ передачи. Вся разница заключается лишь въ нѣкоторомъ утолщеніи. Самый механизмъ аппаратовъ составляетъ секретъ автора, который пока не желаетъ раскрыть его, сознавая всю важность своего изобрѣтенія. Телавографъ, дѣйствительно, является изобрѣтеніемъ столь же важнымъ, какъ телефонъ и фонографъ. Въ смыслѣ быстроты сношенія, онъ не можетъ, правда, замѣнить телефонъ, передающій, какъ извѣстно, живую рѣчь, за то все переданное имъ остается на бумагѣ и не проходитъ бесслѣдно. Для сношенія при помощи телавографа не требуется присутствія у аппарата лица, которому вы хотите сообщить что-нибудь. Если вашего корреспондента нѣтъ дома и вы лишены такимъ образомъ возможности говорить съ нимъ по телефону, вы пишете ему записку телавографомъ, и онъ находитъ ее по своему возвращеніи. Пользоваться телавографомъ можно и на большихъ разстояніяхъ чрезъ посредство промежуточныхъ станцій. Подобнаго рода попытка уже была, въ мартѣ нынѣшняго года, сдѣлана между Нью-Йоркомъ и Чикаго. На всемірной Колумбійской выставкѣ рѣшено ввести телавографъ въ употребленіе. Въ Нью-Йоркѣ организовалась громадная компанія капиталистовъ для эксплуатаціи телавографа.

Герцогъ Карль-Теодоръ Баварскій и принцесса Софія. (Портр. на стр. 456).

Герцогъ Карль Теодоръ Баварскій одинъ изъ самыхъ милосердныхъ людей нашего времени. Изучивъ медицину, онъ посвятилъ себя врачеванію глазныхъ болѣзней, и личными трудами и заботами приноситъ громадную пользу и облегченіе страждущему человечеству. Имъ основаны три лѣчебницы для лицъ, страдающихъ глазными болѣзнями: одна въ Мемлѣ, другая у Тегернзе, гдѣ славный окулистъ проводитъ большую часть года, а третья въ Мюнхенѣ. Доступъ къ нему открытъ всякому: бѣдному и богатому, и платы, конечно, никакой не взымаются: кто пожелаетъ, можетъ опустить небольшую денгу въ кружку у дверей, и деньги изъ нея идутъ на благотвореніе. Герцогъ, имѣя въ чинѣ генерала баварской арміи, родился въ 1839 году и приходится роднымъ братомъ Австрійской императрицѣ Елизаветѣ, супругѣ императора Франца-Иосифа. Въ 1874 году герцогъ Карль вторично вступилъ въ бракъ съ принцессой Браганцкой Маріей-Иозефой, которая не мало помогаетъ своему супругу въ его благотворительно-

сти. Его старшая дочь отъ этого супружества, принцесса Софія, также много помогаетъ отцу своему и является его главнымъ ассистентомъ. Съ 7 часовъ утра царственный врачъ начинаетъ принимать больныхъ, при чемъ всегда присутствуетъ принцесса Софія. Число сдѣланныхъ герцогомъ-операцией весьма значительно. Между прочимъ, онъ сдѣлалъ 2.000 операций снятія бѣлья.

В. Г. Басаргинъ. (Портр. на стр. 456).

Въ ночь на 16-е апрѣля, скончался въ г. Ялтѣ флагъ-капитанъ Его Императорскаго Величества, генералъ-адъютантъ Владиміръ Григорьевичъ Басаргинъ. За всю свою службу покойный, начиная съ мичмана до вице-адмирала, почти не сходилъ съ палубы военныхъ кораблей, сдѣлавъ на нихъ безочечное число миль по морямъ и океанамъ. Множество современныхъ моряковъ прошли черезъ школу В. Г. Басаргина, вынесши изъ нея наилучшія воспоминанія и глубокое уваженіе и любовь къ своему учителю.

В. Г. Басаргинъ, сынъ извѣстнаго моряка Григорія Гавриловича Басаргина, родился въ 1838 году. Окончивъ блестяще курсъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, В. Гр. вступилъ въ службу въ 1854 году и въ слѣдующемъ году былъ произведенъ въ мичманы; ему тогда минуло всего 18 лѣтъ. Выдающіяся способности молодого офицера обратили на В. Г. вниманіе начальства, и уже черезъ 7 лѣтъ службы и черезъ два года по производствѣ въ лейтенанты, В. Г. Басаргинъ командовалъ корветомъ *Рында* въ отрядѣ судовъ Тихаго океана, подъ флагомъ контръ-адмирала А. А. Попова. По возвращеніи въ 1865 году въ Россію и производствѣ въ томъ же году въ капитанъ-лейтенанты, В. Гр. плавалъ на новомъ броненосномъ фрегатѣ „Севастополь“, въ должности старшаго офицера, и вскорѣ былъ назначенъ командиромъ строящагося броненоснаго фрегата „Князь Пожарскій“, а затѣмъ въ теченіе 20 лѣтъ послѣдовательно командовалъ фрегатами „Князь Пожарскій“, броненоснымъ кораблемъ „Штуръ Великій“ и фрегатомъ „Дмитрій Донской“, проводя большую часть своего командованія въ иностранныхъ водахъ.

Въ 1885 году, въ чинѣ капитана 1-го ранга, В. Г. Басаргинъ командовалъ учебно-артиллерійскимъ отрядомъ и, наконецъ, въ слѣдующемъ 1886 году, съ производствомъ въ контръ-адмирала, получилъ назначеніе на постъ флагъ-капитана Его Императорскаго Величества. Въ этой должности адмиралъ удостоенъ былъ назначенія въ свиту Его Величества, а по производствѣ 1-го января 1892 года въ вице-адмирала, 15-го мая того же года, въ день священнаго коронаціи Ихъ Императорскихъ Величествъ, назначенъ генералъ-адъютантомъ Его Императорскаго Величества. Во время смѣлѣтняго пребыванія своего въ должности флагъ-капитана Его Величества, Вл. Гр. командовалъ ежегодно отрядомъ Императорскихъ яхтъ и другихъ судовъ, сосредоточивающихся на Петергофскомъ рейдѣ и въ гавани, во время пребыванія здѣсь Императорской Фамиліи. Почти ежегодно В. Г. Басаргинъ сопровождалъ Государя Императора и Августѣйшее Семейство во время плаванія по пихерамъ и за границу, а въ 1890 и 1891 гг.—Государя Наслѣдника Цесаревича во время дальняго плаванія Его Императорскаго Высочества на Востокъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ текущаго года, генералъ-адъютантъ Басаргинъ совершилъ свое послѣднее плаваніе, сопровождалъ Ихъ Императорскія Величества съ Августѣйшимъ Семействомъ при переходѣ по Черному морю отъ Севастополя въ Ялту, и, какъ передаютъ, во время этого перехода, стоя на мостикѣ парохода въ одномъ шюртукѣ, простудился, такъ какъ было въ этотъ день очень холодно и шелъ снѣгъ; заболѣвъ инфлуэнцой, В. Г. Басаргинъ, страдая еще съ прошлаго года болѣзью печени, слегъ въ постель, а въ ночь на 16-е апрѣля его не стало.

На портретѣ нашемъ генералъ-адъютантъ Басаргинъ изображенъ въ штатскомъ платьѣ, съ лучшей его карточкой, снятой во время пребыванія его въ Ниццѣ.

Сербскій министръ-президентъ Лазаръ Докичъ.

(Портр. на стр. 457).

Новый сербскій министръ-президентъ, д-ръ Лазаръ Докичъ, окончивъ медицинскій факультетъ въ Вѣнскомъ университетѣ, занялся врачебной практикой въ Бѣлградѣ. Вскорѣ онъ былъ приглашенъ въ бѣлградскую высшую школу занять катедру естественныхъ наукъ и физиологій. Въмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ назначенъ воспитателемъ къ юному наслѣднику престола, нынѣ Сербскому королю Александру I. Онъ преподавалъ ему естествознаніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлавъ за ходомъ общаго его образованія.

Однажды, какъ-то, маленький Александръ за обѣдомъ, послѣ нѣкотораго раздумья, спросилъ свою мать, у всѣхъ-ли дѣтей имѣются Докичи. Получивъ отъ королевы утвердительный отвѣтъ, принцъ со вздохомъ замѣтилъ: „Нечего дѣлать, я долженъ буду подчиниться этому“.

Послѣ 6-го марта 1889 года—дня отреченія отъ престола короля Милана, Докичъ получилъ назначеніе председателя государственнаго совѣта, и въ его распоряженіе были предоставлены всѣ имущественныя юнаго короля.

До этого времени Докич не вмешивался в политику и вел уединенную, спокойную жизнь ученого естествоиспытателя. Теперь, после происшедшего в Сербии переворота, он

назначен министром-президентом и став во главе государственного управления, заявил себя ревностным сторонником радикальной партии. Докичу теперь 49 лет.

Разныя извѣстія.

— 16-го апрѣля, Ихъ Императорскія Величества со всею Августѣйшею Семейю посѣтили Массандру. Государь Императоръ и Государыня Императрица съ Великою Княжною Ольгою Александровною позволили слѣдовать черезъ городъ Ялту въ коляскахъ, котору верхами сопровождали Наслѣдникъ Цесаревича, Великіе Князья Георгій и Михаилъ Александровичи и Великая Княжна Ксенія Александровна.

— 30 апрѣля Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Владиміръ Александровичъ и Великая Княгиня Марія Павловна

позволили возвратиться изъ-за границы.

— По Высочайшему повелѣнію, крѣпость Динамюнде переименована въ крѣпость Усть-Двинскъ.

— Въ Кіевѣ разрѣшено открыть въ текущемъ году, съ 1 по 10 августа, всероссійскій съѣздъ лѣсовладельцевъ и лѣсохозяевъ.

— Согласно циркуляру Министерства Народнаго Просвѣщенія, разрѣшено пользоваться льготнымъ проездомъ по желѣзнымъ дорогамъ каждому учащемуся не болѣе трехъ разъ въ годъ.

— Главнымъ управленіемъ Россійскаго

общества „Краснаго Креста“ роздано двѣнадцать медалей, съ подписью „за усердіе“, для поощенія на груди, сестрамъ милосердія казанскаго отдѣла общества, въ награду за ихъ самоотверженную дѣятельность во время борьбы съ холерой и тифозной эпидеміей.

— 25 апрѣля состоялось открытіе учрежденнаго при Императорской Военно-медицинской академіи Антропологическаго общества.

— Въ 25 верстахъ отъ Самарканда, близъ деревни Ибрагимъ-Огла, открыто третье въ Средней Азій мѣсто нахожденія бирюзы.

Политическое обозрѣніе.

Военный законопроектъ въ Германіи, видоизмѣненный въ предложеніи депутата центра Гюне, потерялъ несущаго, и рейхстагъ, по волю императора, распустилъ. Въ *Имперскомъ Указателѣ* напечатанъ императорскій указъ о назначеніи новыхъ выборовъ въ рейхстагъ на 3 (15) іюня. Повсюду въ Германіи, даже въ ея, эти событія произвели сильное впечатлѣніе; особенно въ Австріи они вызвали настоящій переносъ, и газеты съ тревогой высказываются, что берлинскій кабинетъ либо начнетъ настаивать, чтобы Австро-Венгрія усилила свои вооруженія, либо попытается войти въ особую дружественныя отношенія съ Россіей, что тотчасъ же стало бы замѣтно по отношенію къ восточному вопросу. Ихъ утѣшаетъ та мысль, что новый рейхстагъ иначе посмотритъ на военный законъ. Того же мнѣнія держится правительство въ Берлинѣ. Въ подтвержденіе послѣдняго предположенія можно привести извѣстіе *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, которая сообщаетъ, что, по окончаніи происходившаго 27 апрѣля военнаго смотра, императоръ сказалъ собравшимся генераламъ и штабъ-офицерамъ, что онъ, къ сожалѣнію, обманулся въ надеждѣ, что военный законопроектъ будетъ принятъ рейхстагомъ. Онъ надеется, однако, что будущій рейхстагъ вопируетъ законопроектъ, но если и на этотъ разъ надежды его окажутся тщетными, то онъ сдѣлаетъ все возможное для достиженія цѣли, такъ какъ онъ слишкомъ убѣжденъ въ необходимости военнаго законопроекта для сохраненія мира. Онъ не думаетъ, чтобы въ этомъ вопросѣ народъ допустилъ ввести себя въ заблужденіе. Ему, императору, извѣстно, что онъ составляетъ въ военномъ вопросѣ одно нераздѣльное цѣлое съ германскими государями, народами и войскомъ.

Итальянскій король послалъ 24-го апрѣля министру-президенту слѣдующій рескриптъ: „Любозный Джолитти! Двадцатипятилѣтняя годовщина моей свадьбы представила Италіи случай явить моему дому новое доказательство преданности. Королева и я глубоко тронуты, и радость наша усилилась при видѣ великодушнаго соревнованія въ дѣлахъ благотворительности, кои страна присоединила къ нашему семейному празднику, а также вслѣдствіе почестей, оказанныхъ ею августѣйшимъ гостямъ и посланъ иностранныхъ державъ. Послушая такъ, страна показала, что всѣ итальянцы одинаково исполнены чувствъ благотворительности и патриотизма. Я желаю, чтобы націи было извѣстно, что меня радуетъ все то, и что я горжусь всѣмъ тѣмъ, что сдѣлано въ эти дни итальянскими народами и его правительствомъ съ высокою цѣлью престижа націи. Прошу васъ быть выразителемъ моихъ чувствъ передъ страною и, особенно, передъ Римомъ, оказавшимъ на высотѣ своихъ традицій и своихъ новыхъ судьбъ.“

Въ Рио-Жанейро 21-го апрѣля открылся бразильскій конгрессъ. Президентъ республики заявилъ въ своей рѣчи о существованіи хорошихъ отношеній между Бразиліей и иностранными государствами и сказалъ, что предположается предпринять обширныя работы, съ цѣлью развитія переселенія иностранцевъ въ Бразилію. Финансовое положеніе республики, — прибавилъ президентъ, — улучшилось. Вслѣдъ за тѣмъ въ *New-York-Herald* телеграфируютъ изъ Вальпараисо, что, по полученнымъ тамъ изъ Монтевидео свѣдѣніямъ, между уругвайскими и бразильскими войсками произошелъ на границѣ стычка, въ которой убиты 43 бразильца и 12 уругвайцевъ.

Научныя и техническія новости.

— Иегеръ нашелъ особую бактерію *заразной желтухи* (Вейлевская болѣзнь) и полагаетъ, что болѣзнь эта распространяется въ видѣ эпидеміи тамъ, гдѣ люди кунаются въ водѣ, загрязненной болными птицами. У послѣднихъ встрѣчается иногда тотъ-же микробъ, который причиняетъ заразную желтуху у людей.

— Въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ полезнымъ усовершенствованіемъ является недавно изобрѣтенный и уже испытанный на практикѣ автоматическій смазчикъ колесъ *Mollerup Drevdal*. Изъ этого прибора стекаетъ масло лишь тогда, когда нужно, при чемъ управляетъ дѣйствіемъ смазчика сама машина, съ механизмомъ которой приборъ находится въ извѣстномъ соединеніи. Опасность пожара отъ загорѣвшейся оси теперь почти совсѣмъ устранена.

— Открытъ Бернардомъ въ Ликской об-

серваторіи (въ Калифорніи) новый спутникъ Юпитера теперь уже окончательно изученъ. Спутникъ этотъ гораздо меньше нашей луны: діаметръ его не превышаетъ тысячи километровъ, тогда какъ луна имѣетъ въ діаметрѣ 3.484 километра. Находится онъ на разстояніи 108.000 километр. отъ поверхности Юпитера и вращается вокругъ него со скоростью 26.400 метровъ въ секунду. Полный оборотъ вокругъ планеты спутникъ этотъ совершаетъ безъ малаго въ 12 часовъ, т. е. вдвое скорѣе нашей луны.

— *Известковая накипь*, образующаяся, обыкновенно, на стѣнкахъ паровыхъ котловъ, можетъ быть совершенно удалена, если насытитъ холодную воду, налитую въ котелъ, жидкой углекислотой: углекислая известь, главная составная часть накипи, растворяется, а на дно осаждаются гипсъ, также присутствующій въ накипи.

— Американецъ Куртене усовершенствовалъ автоматически *звучащій буй* такимъ образомъ, что болышая или меньшая чистота подаваемыхъ имъ свистковъ зависить отъ высоты омывающихъ приборъ волнъ. Новый аппаратъ предупреждаетъ, слѣдовательно, и о размѣрѣ волненія. Такой буй поставленъ уже въ гавани Амстердама.

— Предложено новое средство *леченія дифтерита*. Флаго (Flahaut) примѣнялъ его во Франціи съ большимъ успѣхомъ. Всѣ 40 человекъ, заболѣвшихъ въ городѣ, выздоровѣли, и эпидемія, по прошествіи 15 дней, прекратилась. Кисточки опускаютъ въ неочищенную нефть и слегка встряхиваютъ, чтобы капли жидкости не попали въ дыхательные пути, и затѣмъ каждый часъ или черезъ два часа смазываютъ ею дифтеритныя пленки, которая въ концѣ концовъ растворяется въ нефти. Операция эта совершенно безболѣзненна.

Библіографія.

Вѣстникъ иностранной литературы пчеловодства. Редакторъ-издатель Г. П. Кондратьевъ. Годъ первый. 1892—1893. С.-Петербургъ. Выходитъ восемь разъ въ годъ (съ 1-го сентября по 1 апрѣля). Цена съ дост. и перес. 1 рубль.

Пчеловодство съ давнихъ поръ составляло любимую и не безвыгодную статью въ Россіи, которая, однако, въ послѣднія десятилѣтія, въ деревняхъ нашихъ не развивается, а скорѣе падаетъ. Между тѣмъ, въ тѣ же послѣднія тридцать лѣтъ, въ Европѣ и въ Америкѣ пчеловодство получило широкое развитіе, доказавшее, между прочимъ, что помимо своей привлекательности, занятіе пчѣ можетъ имѣть большое значеніе, чисто коммерческо. Въ эти годы возникла цѣлая наука пчеловод-

ства, изучая характеръ и образъ жизни пчелъ, наиболѣе выгодныя условія ихъ существованія, изобрѣтались удѣльные устройства и т. д. Это движеніе не осталось чуждо и русскимъ людямъ. Цѣлый рядъ личностей, какъ покойный профессоръ Вагнеръ, Г. П. Кондратьевъ, священникъ Долиновскій, Вербицкій, Юшковъ, Успенскій и пр. явились дѣятелями на этой почвѣ. Всѣ эти обстоятельства дали страстному и искусному пчеловоду, извѣстному артисту Г. П. Кондратьеву, счастливаю мысль издавать журналъ, въ которомъ отражалось бы развитіе здравыхъ понятій о пчеловодствѣ, совершающемся за границей, — и предъ нами первый годъ этого изданія. Редакторъ-издатель является совершенно безкорыстнымъ дѣятелемъ, въ

своей сферѣ: о чемъ, какъ нельзя лучше, свидѣтельствуетъ ничтожная дѣна журнала. одинъ рубль за 8 годовыхъ помощи: онъ руководствуется исключительно „желаніемъ припестить дѣлу развитія пчеловодства у насъ въ Россіи посильную помощь“. Въ русскомъ народѣ есть повѣрье, что пчелы хорошо ведутся только у людей честныхъ, и что къ занятію пчеловодствомъ можетъ приступать только человекъ совершенно чистый. Обращая на этотъ фактъ вниманіе, г. Кондратьевъ не безъ основанія говоритъ о нравственномъ значеніи и вліяніи развитія этой отрасли домашняго хозяйства, и взываетъ къ священникамъ, къ учителямъ и другимъ близко стоящимъ къ народу людямъ, приглашая ихъ стать „проводниками“ пчеловодства въ народѣ. Нельзя не пожелать изданію г. Кондратьева возможно большаго распространенія среди лицъ, которые занимаются или могли бы заняться пчеловодствомъ, какъ нельзя не пожелать, чтобы эта отрасль деревенской дѣятельности получила у насъ въ Россіи широкое развитіе.

Герцогъ Карлъ-Теодоръ Баварскій, окулистъ-благотворитель. Съ фот. грав. Шюблеръ.

Даже такой слабый сюжетъ, какъ „Cosi fan tutte“, могъ вдохновить этого безсмертнаго гения. Вотъ на чемъ вращается драматическій интерес пьесы: два молодые офицера держатъ пари съ однимъ изъ своихъ пріятелей, что псевдоты ихъ, сестры Фьордализе и Дорабелла, сохранятъ имъ вѣрность даже въ томъ случаѣ, если ихъ подвергнуть разнымъ искушеніямъ. Они будто бы отправляются на войну, а, на самомъ дѣлѣ, являются передоцтymi къ своимъ псевдотамъ и начинаютъ за ними ухаживать. Псевдоты послѣ нѣкотораго колебанія сдаются и готовы выйти замужъ за своихъ

Принцесса Софія Баварская, дочь герцога Баварскаго. Съ фот. грав. Шюблеръ.

новыхъ поклонниковъ. Молодые сначала огорчаются и хотятъ ужъ покинуть ихъ, но потомъ прощаютъ своихъ нереческихъ и женятся на нихъ, а пріятель утѣшаетъ ихъ тѣмъ, что „все онѣ таковы“. Нѣкоторые изъ исполнителей-учениковъ кончаютъ въ этомъ году консерваторію; къ нимъ относятся г-жа Баулина и г. Ершовъ (сопрано и теноръ), дебютировавшие въ Маринскомъ театръ, — первая въ партіи Татьяна въ „Евгеніи Онегинѣ“, съ успѣхомъ, а второй — въ партіи Фауста.

В. Баскинъ.

Искусство.

Консерваторскій спектакль.

Для второго ученическаго спектакля консерваторія поставила никогда не игранную по-русски въ Петербургѣ оперу Моцарта „Cosi fan tutte“; опера эта по „Хроникѣ театровъ“ Вольфа шла на итальянскомъ языкѣ въ Большомъ театрѣ въ началѣ тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія. Опера разучена была прекрасно и прошла съ аплодисментами; ученики не путались, знали свои мѣста, держались свободно на сценѣ и пѣли очень мило. Словомъ, спектакль произвелъ очень благоприятное впечатлѣніе на присутствовавшихъ въ Александринскомъ театрѣ, гдѣ „Cosi fan tutte“ и была представлена 25 апрѣля, днемъ.

Замѣчательно, что опера эта до сихъ поръ никогда и нигдѣ особеннаго успѣха не имѣла; такіе добросовѣстные біографы Моцарта, какъ Ульбрихтъ (два тома „Новой біографіи Моцарта“ его вышли ужъ въ русскомъ переводѣ, — третій и послѣдній печатается), Писсенъ, Поль и др. утверждаютъ, что она выгдѣ не нравилась и, главнымъ образомъ, потому, что сюжетъ крайне пелѣный, растянутъ на восемь картинъ и требуетъ превосходныхъ исполнителей-вокалистовъ, а таковыхъ въ настоящее время все меньше и меньше.

По свидѣніямъ однихъ, сюжетомъ для „Cosi fan tutte“ послужили случившіеся въ Вѣнѣ факты съ двумя офицерами, настолько поправившіеся по своей смѣливой подкладкѣ императору, скептически относившемуся къ женщинамъ, что онъ поручилъ написать оперу Моцарту на эту фразу. Вѣрике намъ думается, однако, что сюжетъ этой оперы, иначе называемой „Школой влюбленныхъ“ (La scuola degli amanti) заимствованъ либреттистомъ изъ какой-нибудь старинной испанской комедіи въ духѣ Лопе-де-Руэды или позднѣйшихъ испанскихъ писателей, любившихъ прибѣгать къ разнымъ travesti, qui pro quo и прочимъ приемамъ легкихъ пьесъ, забавлявшихъ и веселившихъ уличную массу. Эта опера можетъ послужить, между прочимъ, новымъ подтвержденіемъ тому, что либретто въ оперѣ не играетъ первенствующей роли, какъ это пытаются доказать многие современные композиторы. Для Моцарта въ музыкѣ заключалась вся цѣль оперы; вотъ чѣмъ слѣдуетъ объяснить присутствіе въ данной оперѣ такой массы хорошей музыки, которой хватило бы на двѣ оперы современныхъ композиторовъ.

Владиміръ Григорьевичъ Басаргинъ († 16 апрѣля 1893 г.). Съ фот. грав. Шюблеръ.

Смѣсь.

Глаза перувианскихъ мумій. Въ августѣ 1868 г. берега Перу были страшно опустошены сильнѣйшимъ землетрясеніемъ и сопровождавшимъ его необычнымъ приливомъ. Проходившій въ 300 верстахъ отъ этихъ мѣстъ американскій пароходъ „Keatsargo“ послѣднѣе пристать къ берегу, чтобы оказать пострадавшему населенію посильную помощь. Однажды, по окончаніи обычныхъ занятій, офицеры этого парохода отправились на берегъ рассмотреть результаты недавней катастрофы и, кстати, собрать интересныя въ научномъ отношеніи коллекціи. И, дѣйствительно, среди развалинъ удалось имъ отыскать очень интересныя вещи, по самой важной изъ всѣхъ ихъ находокъ оказались впервые открыты здѣсь, перувианскія муміи. Ужасный приливъ сорвалъ потолки съ пещеръ, гдѣ онѣ находились, и, такимъ образомъ, вынесъ ихъ на свѣтъ Божій. И въ этомъ замѣчательномъ открытіи, какъ и во многихъ другихъ, случай сыгралъ главную роль.

Муміи эти, какъ извѣстно, сдѣланы иначе, чѣмъ египетскія: инка-мъ искусственныхъ способовъ для предохраненія тѣла отъ гніенія здѣсь не примѣнено: трупы просто были высушиваемы подобно тому, какъ это дѣлается въ С.-Бернардской обители и нѣкоторыхъ другихъ монастыряхъ Италіи.

Большую часть мумій найдены были въ сидячемъ положеніи, при чемъ подбородокъ касается коленъ, и руки обхватываютъ послѣднія. Вокругъ покойника, обыкновенно, расположены разныя предметы, очевидно, самые дорогие для даннаго лица: глиняная посуда, драгоценности, украшенія—возлѣ богатыхъ, орудія производства—возлѣ бѣдняковъ. Смотря по профессіи покойника, встрѣчаются то хлѣбныя зерна и земледѣльческія орудія, то рыболовныя сѣти и удочки. Вероятно и несокоченная еще работа, очевидно, та, надъ которой сидѣла умершая въ послѣдній день своей жизни, а также нѣкоторыя принадлежности туалета и украшенія лежатъ около жившихъ, и, наконецъ, игрушки—возлѣ дѣтей.

По самое интересное въ этихъ муміяхъ, это—такъ называемые, глаза инковъ.

Когда снимаютъ повязку съ головы перувианской муміи, то при этомъ выпадаютъ изъ нея два твердыя тѣла овальной формы, на одномъ концѣ сплюснутыя, радужнаго цвѣта: состоятъ они изъ

несколько концентрических слоев, расположенных вокруг центрального ядра, и легко разсыпаются. Это и есть глаза инков, которые, повидному, положены были уже после смерти на вѣки покойника. В. С. Миллеръ, исследовавъ эти глаза, предположилъ сначала, что они сдѣланы изъ какого-нибудь смолстаго вещества, но вскорѣ онъ самъ же отказался отъ этого предположенія: гистологическое изученіе размяченнаго въ глицеринѣ разрывъ глаза показало ему, что онъ имѣетъ здѣсь дѣло съ хрусталикомъ глаза животнаго. Но какого животнаго? (Лучай помогъ отвѣтить и на этотъ вопросъ. Несколько кусочковъ глаза оставлены были какъ-то въ дистиллированной водѣ, и здѣсь они пролежали день или два. Когда ученый вспомнилъ о забытыхъ имъ объектахъ и подошелъ къ сосуду съ водой, то пораженъ былъ запахомъ моря и морского животнаго, который приобрѣла вода. Такимъ образомъ, стало ясно, что загадочные глаза принадлежатъ не кому другому, какъ животному морскому, а затѣмъ догадываясь, что хозяиномъ ихъ былъ головоногий моллюскъ. Если подвергнуть вслѣдованію замѣчательно развитый и превосходно устроенный глазъ этихъ животныхъ, то можно различить въ немъ двѣ чечевичы, изъ которыхъ одна очень

Новый Сербскій министр-президентъ Лазаръ Доничъ.
Съ фот. грав. Шюблеръ.

объемистая и имѣетъ полушаровидную форму, очень напоминающую глаза инковъ.

Головоногие моллюски въ изобиліи встрѣчаются у береговъ Перу, и по-этому можно исполнѣ согласиться съ Миллеромъ, что древніе жители Перу вырывали глаза у этихъ животныхъ, чтобы помѣстить ихъ, — съ какою цѣлью, конечно, неизвѣстно, — на лицѣ покойниковъ.

Автографы Колумба, указы испанскихъ монарховъ о возложенныхъ на него порученіяхъ, подлинный договоръ его съ ними, заключенный передъ отправленіемъ въ первое путешествіе, и еще нѣкоторые другіе драгоцѣнные для исторіи документы будутъ вскорѣ доставлены на всемірную выставку въ Чикаго. Въ эти реликвіи, привезенныя недавно изъ Испаніи на особо откомандированномъ съ этой цѣлью пароходѣ американскаго флота, повезетъ изъ Нью-Йорка, гдѣ онъ теперь находится, въ Чикаго особый специальный поѣздъ.

Причина самопроизвольнаго загорания травы, повидному, открыта г. Капомъ изъ Бреславля. Виновникомъ этого оказывается паразитный грибокъ, *Aspergillus fumigatus*, извѣстный предметъ, который онъ причиняетъ прорастанію ячменя развиваемой имъ теплотой. Теплота, производимая дѣятельностью этого грибка, вызываетъ также и загораніе травы.

50/о съ выигр. заемъ Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка 1889 г.

7-й тиражъ 1 мая 1893 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.
30	12	500	2486	42	500	3888	16	500	5811	12	500	7911	39	500	9979	18	500
47	37	500	2488	19	500	3990	44	500	5825	37	500	7915	37	500	10010	25	500
113	37	500	2490	46	500	4021	1	1000	5829	43	1000	7954	18	500	10053	28	1000
179	45	5000	2628	47	500	4136	25	500	5851	24	500	7995	28	500	10081	32	500
199	9	500	2638	11	500	4142	50	500	5864	48	8000	8045	42	500	10099	11	500
271	16	500	2662	37	500	4243	50	500	5866	6	5000	8097	39	500	10133	38	500
325	43	500	2693	10	500	4342	34	500	5919	17	500	8367	36	500	10138	25	500
358	29	500	2699	25	500	4348	20	500	5929	34	500	8395	40	500	10293	19	5000
363	14	500	2715	36	500	4396	15	1000	5980	37	500	8599	20	500	10300	50	500
365	35	8000	2776	2	1000	4538	47	500	6049	26	500	8617	32	500	10352	10	75000
445	22	500	2851	33	500	4539	41	500	6052	29	500	8712	23	500	10405	14	500
531	17	500	2855	16	500	4540	40	500	6061	37	500	8732	40	500	10432	44	500
587	27	8000	2962	44	500	4542	50	500	6081	37	500	8772	14	500	10460	50	500
635	32	500	2962	50	500	4615	32	500	6390	11	500	8781	32	500	10473	48	1000
663	11	1000	2976	36	500	4656	6	500	6398	33	500	8808	48	500	10651	40	500
673	49	500	2990	15	500	4694	37	500	6391	42	500	8840	20	500	10748	41	500
723	45	500	3030	13	500	4742	38	500	6603	23	500	8947	48	500	10813	2	500
736	2	500	3057	23	500	4820	24	500	6750	34	500	9000	1	1000	10844	49	500
788	35	500	3080	14	1000	4842	15	500	6878	23	500	9134	9	500	10990	13	5000
821	7	500	3108	16	500	4868	12	500	6929	32	500	9159	24	500	10997	3	500
863	9	500	3111	36	500	4890	50	500	6970	16	1000	9169	14	500	11050	10	500
896	40	500	3164	26	1000	4909	8	500	7019	34	500	9184	3	500	11065	48	500
906	44	500	3174	39	1000	4914	2	500	7081	25	500	9266	9	500	11126	36	500
940	49	500	3204	45	500	4941	37	500	7131	18	500	9321	3	8000	11209	48	500
1245	1	1000	3251	46	1000	4963	19	500	7152	2	500	9356	10	500	11263	9	500
1319	7	500	3283	32	1000	5134	37	500	7162	44	25000	9397	22	500	11358	34	500
1321	16	500	3331	16	500	5162	50	500	7205	11	500	9571	35	500	11470	28	500
1322	20	500	3362	4	500	5311	36	500	7275	31	500	9573	39	500	11523	28	10000
1324	41	5000	3371	25	500	5312	44	500	7281	33	500	9614	27	500	11573	21	500
1406	47	500	3417	20	40000	5413	4	500	7376	45	500	9653	19	500	11581	2	500
1779	2	500	3488	36	500	5433	15	500	7380	4	500	9700	6	500	11630	27	500
1818	25	500	3542	9	500	5458	31	500	7458	34	500	9731	17	500	11653	50	500
1867	14	500	3564	17	500	5466	23	500	7509	37	500	9745	30	500	11681	26	500
1871	47	500	3570	49	500	5513	42	5000	7509	49	1000	9781	40	500	12299	45	500
1914	10	500	3690	19	500	5612	40	500	7580	50	500	9878	28	500	12347	31	500
2056	12	500	3717	20	500	5676	21	500	7552	12	500	9894	14	1000	12360	33	500
2199	32	1000	3830	44	500	5679	45	5000	7565	28	500	9938	7	500	12387	45	500
2404	47	500	3873	41	500	5688	19	500	7805	18	500						

Всего 300 выигрышей на сумму 600,000 рублей.

СОДЕРЖАНІЕ: Весна. Стих. А. Н. Майкова (съ рис.).—Воля судьбы. Историческій романъ въ трехъ частяхъ Кн. М. Н. Волконскаго. (Продолженіе).—Учебные столы и снамя. Очеркъ проф. Харьковскаго университета А. Ф. Брандта (съ 4 рис.).—Въ горахъ, на поѣздѣ. Стих. Ф. Червинскаго. — Наше движеніе на востокъ. (По поводу 25-лѣтія вѣзтія Самарканда русскими войсками.)—Къ рисункамъ: Въ опочивальнѣ (съ рис.).—Кашалотъ и песцы (съ рис.).—Возвращеніе рыбаковъ съ лова въ Нормандіи (съ рис.).—Видъ города Самарканда (съ рис.).—Георгиевскій монастырь (съ 2 рис.).—Н. А. Трубецкой (съ портр.).—Телеавтографъ (съ 3 рис.).—Герцогъ Карлъ Баварскій и принцесса Софія (съ 2 портр.).—В. Г. Басаргинъ (съ портр.).—Сербскій министр-президентъ Лазаръ Доничъ (съ портр.).—Разныя извѣстія. — Политическое обозрѣніе. — Научныя и техническія новости. — Библиографія. — Искусство. Консерваторскій спектакль. — Съѣздъ. — Тиражъ выигрышей въ Государственномъ Банкѣ. — Заявленіе. — Объявленіе.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Кн. М. Н. Волконскій.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№ „Нивы“, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полную годовую подписную плату за „Ниву“ 1893 года, озаботиться своевременными срочными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероля, подѣ которымъ получается ими „Нива“.

ПРУШИНСКИЙ Сиб., Невский, 20.
высывает за одетъ руб.
ВЕСЬ СЕКРЕТЪ КРАСИВАГО ПОЧЕРКА

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣлательныхъ агентовъ. За условіями
обращ. письменно: Генрихъ Блонкъ,
С.-Петербургъ, Невскій, 59. 12—6

искусственные жернова
фабрики **ЖЕЛТЫЙ**
не требуютъ ковки; въ
3—3 раза производятъ
мельче друг. жернов.
Главный представитель
В. Б. Жуковский.
СПБ. 10-я рота, д. 16

ЖЕЛТЫЙ и ГИЗНИНЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставля-
ютъ черную краску, которую печатается
иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2450

27 1/2 версты въ 12
часовъ.
Английскіе велоси-
педы заводовъ:
Зингеръ и Ко. и
Компан „Триумфъ“.
Представители:
Генрихъ Георгиевичъ ЖЕМЛИЧНА.
Москва, уголъ Тверской и Газетной пе-
реулка, домъ Фальцъ-Фейнъ, маг. № 19.

ЦВѢТОЧНЫЙ ОДЕКОЛОНЪ
УДОСТОЕННЫЙ
СЕРЕБРЯНОЙ МЕДАЛЛЪ
НА ВСЕРОССИЙСКОЙ
ВЫСТАВКѢ 1892 г.
А. С. УИКО
ПАРФЮМЕРІА
ВЫСШАГО КАЧЕСТВА
МОСКВА.
ЕМСЪ КУРАНТЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗЪ ПЛАТНО.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДЪЯЛОКЪ
КАУЧУКОВЫЙ
МОЗОЛЬНЫЙ ПЛАСТЫРЪ
А. БЕРГГОЛЬЦА.

Продается во всѣхъ лучшихъ аптекахъ,
аптекарскихъ и разнородныхъ магазинахъ.
Главное депо: Невская аптека магистра
А. Берггольца. Невскій проспектъ, 68, въ
С.-Петербургѣ. № 6262 П—4
Цѣна коробки 40 коп.

№ 4711

РОЗОВОЕ
ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО.

Самое нѣжное глицериновое мыло,
ПРОЗРАЧНОЕ
КАКЪ ХРУСТАЛЬ

благодаря своимъ отличнѣйшимъ качествамъ,
приобрѣло большую извѣстность.
Высокое содержаніе глицерина, эконо-
мія въ слѣдствіе обилія нѣжныхъ, нѣжныхъ за-
пахъ розы—вотъ качества, отличающія
это мыло въ высокой степени.

Издѣлія № 4711 можно получить въ
лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ
магазинахъ Россіи и за границей.

„КАПРИЗЪ ДУХИ — „Капризъ Невы“
НЕВЫ“ О-ДЕКОЛОНЪ „Капризъ Невы“
МЫЛО — „Капризъ Невы“

„Мюскъ“ Духи послѣднія новости „Мюскъ“ Мыло
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ и О-де-колонъ

ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

Препараты „КАПРИЗЪ НЕВЫ“ отличаются пре-
красными достоинствами и изготовлены для вы-
ставки въ ЧИКАГО. 13—6

СКЛАДЫ: С.-Петербургъ, площадь Александринскаго театра, 9.
Невскій, 69.
Москва, Пиколовская, д. 3. Пресметева.
Варшава, Новый Свѣтъ, 37, и въ лучшихъ магазинахъ Имперіи.

SINAPISME RIGOLLOT

Горчичники РИГОЛЛО или Горчичная Бумага.

ПРИНЯТЫ ВО ВСЕМЪ СВѢТѢ. —Требовать подписи
изобрѣтателя **P. RIGOLLOT**, отпечатанную краснымъ
цветомъ на каждой коробкѣ. *P. Rigollet*
№ 6303 НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ. 10—3

Продается оптомъ **P. RIGOLLOT et Cie**, 24, avenue Victoria. Парижъ.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ

EAU DE LYS DE LOHSE

Бѣлая и розовая вода для бѣлонурыхъ, желтая вода для brunetовъ.
Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ
дрогистовъ Россіи. № 5420 (28)

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ

СРЕДСТВО

для смягченія кожи рукъ и лица.

Цѣна 35 коп.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфю-
мерныхъ магазинахъ. Ш. № 6271 14—11

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы и у издательницы **А. Гр. До-**
стоевской (СПБ., Николаевская, уголъ Свѣтлаго пер., д. 47, кв. 4) продается
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО.

Четвертое, дешевое изданіе,
состоящее изъ двѣнадцати томовъ. Содержаніе ихъ слѣдующее: I. Повѣсти и рассказы.
Краткая биографія Ф. М. Достоевскаго, съ приложеніемъ портрета. II. Повѣсти и рас-
сказы. — III. „Записки изъ мертвого дома“. Повѣсти и рассказы. — IV. „Униженные и
оскорбленные“. Рассказы. „Вѣчный мужъ“. — V. Романъ „Преступленіе и наказаніе“. —
VI. Романъ „Идіотъ“. — VII. Романъ „Бѣсы“. — VIII. Романъ „Подростокъ“. — IX. „Дневникъ
писателя“ за 1878 г. — X. „Дневникъ писателя“ за 1876 г. — XI. „Дневникъ писателя“ за
1877 г. — XII. Романъ „Братья Карамазовы“.

Цѣна за всѣ двѣнадцать томовъ двѣнадцать руб. съ перес.—четыренадцать руб.
Лица, желающіе приобрести „Полн. собр. соч. Ф. М. Достоевскаго съ разсрочкою
платежа, платятъ первый взносъ два рубля, затѣмъ ежемесячно по рублю, причѣмъ за
каждый рубль получаютъ одинъ томъ.

Гг. служащіе могутъ подписываться съ разсрочкою по 1 рублю въ мѣсяцъ, при ру-
ководствѣ гг. казначеевъ, причѣмъ получаютъ при подпискѣ восемь томовъ, остальные
же—по мѣрѣ полученія взносовъ.

Приобрѣтать съ разсрочкою платежа можно лишь у издательницы **А. Гр. Дosto-**
евской, только до 1-го Іюня сего 1893 года. № 6380

„ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ“

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Въ составъ ея войдутъ биографіи 200 лицъ. Каждому изъ нихъ посвящается особая
книжка объемомъ отъ 80 до 100 и болѣе страницъ, снабженная портретомъ. Изъ біогра-
фій путешественниковъ, художниковъ и музыкантовъ прилагаются крошѣ того карты,
связанныя съ картинами и ноты. Ежемесячно выпускается 4 книжки.

До 20 апрѣля 1893 г. вышли слѣдующія 110 биографій: Аристотеля, Бай-
рона, БЕРНЕ, Бюкана, Вѣнискскаго, Каразъ Бэра, Беранже, БЕГЛОВЕНА, Боккаччо, Во-
марше, Боткина, Джордано Бруно, Рих. Вагнера, Леонардо да Винчи, Волкова (основа-
тель рус. театра), Воронцовыхъ, Галлелі, Гарвея, Гаррибальди, Гаррика, Гегеля, Гейне,
Гете, Гладстона, Глинки, Говарда, Гоголя, Григорія VII, А. Гумбольдта, Гуса, Гутен-
берга, Гюго, ДАГЕРРА и НІЗПА, Даламбера, Дитте, Дарвина, Демидовыхъ, Дефо,
Дженнера, Диккенсъ, Достоевскаго, Кальвина, КАННИНА, Каразина (основателя харк.
университета), Кардेलі, Кензера, Колумба, Конфуція, Кольцова, Конерника, Крамского,
Крылова, Кньюе, Лавуазье, Лапласа и Эйлеръ, ЛЕЙБНИЦА, Лермонтова, Лесинга,
Линнуса, Линкольна, Линнея, Лойолы, Лонка, Ломоносова, Либелля, Мейербергъ,
Микель-Анджело, Милли, Мишневича, Мольтера, МОНТЕСКЬЕ, Томаса Мора, Моцарта,
НИНИТИНА, Плиниа, Павликова, Платона, Пастера, Пестелюца, Пирогова, Потемкина,
Пржевальскаго, Прудона, Пушкина, Рабле, Рафаэля, Ринелле, Сакія-Муни (Будды), Салтыко-
ва, Синдта, Сенковскаго, В. Скотта, Сперанскаго, СТЕФЕНСОНА и ФУЛЬТОНА, СТРУВЕ,
Стэнли, Теккерея, Уатта, Фарадея, Фоминина, Франклина, Цингилі, Шиллера, Шонен-
гаузера, Шопена, Шумана, Эдисона и Морзе, Джорджъ-Эдмундъ, ЮМА. М. № 6388

Жирными автграфными буквами обозначены биографіи, вышедшія въ послѣдніе 2 мѣсяца.
Главный складъ изданій въ книжн. магазинѣ П. Дуковникова (Сиб. Лентуковъ пер., 2)
Вышедшія книжки продаются по 25 коп. во всѣхъ книжныхъ магазинахъ безразлично.

Фирма премпрована на европейскіхъ
выставкахъ десятью золотыми ме-
даллями и высшими знаками.
Косметические спермацетовые,
личныя № 5808

УТИРАЛЬНИКИ.

Косметина А. ЭНГЛУНДЪ.
При употребленіи спермацетовыхъ
утиральниковъ, кожа лица дѣлается
чистою. Удобное средство въ дорогѣ,
гдѣ лицо особенно подвержено влі-
янію пыли и вѣтра. Ихъ удобно всегда
имѣть при себѣ. Цѣна пакки 60 коп.,
съ перес. не менѣе двухъ пак.
2 руб., 4 пакки съ перес. 3 руб.
Для предупрежденія поддѣлокъ, про-
шу обратить вниманіе на подпись
А. Энглундъ—красными чернилами и
марку С.-Петербургской Косметиче-
ской Лабораторіи. Получать можно
въ Высочайше утвержденномъ рус-
скомъ обществѣ торговли аптекар-
скими товарами, Казанская ул., № 12
и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ
и парфюмерныхъ торговляхъ Рос-
сійской Имперіи. —Главный складъ
для всей Россіи **А. Энглундъ**, С.-Пе-
тербургъ, Бассѣйная ул., д. № 2

ЧТО
МОЖЕТЪ
БЫТЬ
ДЕШЕВЛЕ?
За два только руб.

высылаю во всѣ мѣста Россійской им-
періи всѣ нижеупомянутыя необ-
ходимыя для каждого вещи:

- 1) механическій нинелированный
штемпель (изъ листового каучука)
съ именомъ, отчествомъ и фамиліей
заказчика (по желанію и съ короною).
- 2) Механическій на андашъ. 3) Меха-
ническое перо. 4) Флаконъ штемпель-
ной краски. 5) 100 листовъ почтовой
бумаги. 6) 100 штукъ конвертовъ для
писемъ. 7) 25 штукъ перьевъ сталь-
ныхъ. 8) 25 листовъ почтовой бума-
ги съ пословицами. 9) 3 ручки для
перьевъ. 10) 3 карандаша. 11) 3 по-
здравительныхъ карточекъ. 12) 2 ни-
тересныхъ фокуса; въ вышеупомя-
нутыхъ вещи

За два только рубля

(за пересылку уплачивается по полу-
ченіи посылки).

По желанію, рѣшительная печать
быть изготовлена и сургучная печать
съ нинѣшними записками, за что слѣ-
дуетъ при заказѣ приложить 6 штукъ
7-копѣечныхъ почтовыхъ марокъ.

При требованіи пишу высылаю
денеги и обозначать имя, отчество и
фамилію, которая желаетъ получить
этотъ штемпель, и указать точный адресъ
для высылки ещѣ почтою.

Требованія и деньги пишу высылаю
по слѣдующему адресу:

въ гор. **НАРВУ** С.-Петербургской
губ., купцу **Вениамину Давидовичу**
Михайловскому.

Примѣчаніе: При заказѣ вышеозначен-
ныхъ вещей тремя лицами сразу опылъ
прилагается еще каждому по одному
портсигару **БЕЗПЛАТНО.**

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Вс. Соловьева.

Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ опи-
сываетъ эпоху правленія и изложеніи Черныи
София. Изд. 2-е. II. 2 р., съ перес. 2 р.
50 коп.; въ коленкор. перепл. 2 р. 75 к.,
съ перес. 3 руб. 25 коп.

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ 56-Й ПРОБЫ СЪ искусственными превосходными БРИЛЛИАНТАМИ:

№ 254. Золотое кольцо. Шт. 4 р. 90 к., 2 за 9 р. 55 к., 3 за 13 р. 90 к.
 № 353. Золотая серьга. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 8 р. 90 к. № 6289 10—10
 № 358. Золотая серьга на влитиках. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 9 р. 49 к.
 № 401. Золотой браслет. Шт. 19 р. 75 к., 2 за 37 р. 80 к.
 № 307. Золотая брошка. Шт. 7 р. 55 к., 2 за 13 р. 90 к. **БАЗАРЪ МАРОКЪ**
 № 503. Золотая булава. Шт. 3 р., 2 за 5 р. 65 к. С.-Петербург,
 Товаръ пересылаю наложеннымъ платежомъ. Невскій просп., № 20—31.

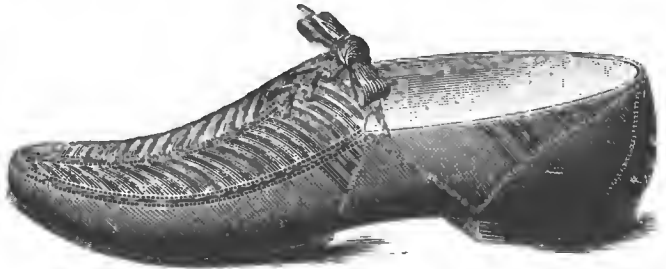
НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО Д-РА ЛЕНГИЛЯ

въ вѣнѣ
для Близны, смачивания
и чистоты
КОЖИ, ЛИЦА
и рукъ
Тридаеть Кожи Свѣжій Видъ,
рекомендуется какъ
Хорошее Туалетное Мыло
НАСТОЯЩЕЕ ТОЛЬКО ЗА ПОДПИСЬЮ
Василия Аурихъ въ С.-Пбурѣ
ЕДИНСТВЕННОГО АГЕНТА
для Россіи.

Schlesischer Obersalzbrunnen Oberbrunnen

Первоклассный алыкалическій источникъ, съ успѣхомъ примѣняемый съ 1601 г.
 Анализъ и подробности объ источникѣ высылаютъ по почтѣ безплатно:
 Контора отправки княжескихъ минеральныхъ водъ въ ОБЕРЗАЛЬЦБРУННЪ.
ФУРБАХЪ и СТИБОЛЬ, Зальцбруннъ, въ Силезіи.
 10 - 2 Склады во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Ц. № 6373

НАШИ СКОРОХОДЫ.

Въ виду громаднаго спроса на нихъ, во многихъ мѣстностяхъ были поддѣлываемы и снабжаемы клеемъ очень схожимъ съ нашимъ, какъ мы уже извѣщали публику въ № 15 журвала „Нива“.

Наши скороходы изобрѣтены и введены въ продажу повсемѣстно въ Россіи только нами.

Имѣя одни лишь хорошія качества, они приобрѣли въ Россіи вниманіе публики и вмѣстѣ съ тѣмъ большой спросъ, что доказываютъ многочисленныя письма отъ частныхъ лицъ изъ всѣхъ мѣстностей Имперіи.

Наши скороходы пригодны для всякаго возраста, очень удобны, прочны и изготовлены изъ самаго лучшаго матеріала.

Не желая, чтобы покупатели, приобретающіе гдѣ нибудь поддѣльные скороходы, считали что таковыя нашего производства, мы еще разъ просимъ обращать особенное вниманіе на наше фабричное клеймо, помѣщенное на подошвѣ каждого башмака, и сравнивать его съ напечатаннымъ въ нашемъ прейсъ-курантѣ.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ наши скороходы не имѣются въ продажѣ, мы высылаемъ по желанію покупателей нашъ иллюстрированный прейсъ-курантъ и руководство для спшмалія мѣрки—безплатно.

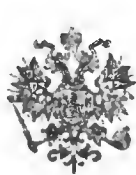
Фабричное клеймо.

№ 6392

ТОВ. СПБ. МЕХ. ПРОИЗВОД. ОБУВИ.

74-Й ПѢХОТНЫЙ СТАВРОПОЛЬСКИЙ ПОЛКЪ

приступая къ составленію полкового альбома для офицерскаго собранія, проситъ всѣхъ гг. генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, классныхъ чиновниковъ и лицъ духовнаго званія, когда-либо служившихъ въ семь полку, прислать свои фотографическія карточки съ надписью на нихъ времени служенія въ семь полку, въ г. Балту, Подольской губ. № 6382 3—2

1865.

1882.

ТОВАРИЩЕСТВО

1870.

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАПУФАКТУРЫ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году,

просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ**
обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 6372 26—2

въ особенности на ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГЕРБЪ

право пользованія которымъ принадлежитъ исключительно Товариществу Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры, и годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).

1860
Т.РА.Р.М.
С.ПЕТЕРБУРГЪ.

ЭЛЕОПАТЬ

Пр. КШУМЕНЪ

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXIV г.
№ 20

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIV
1893

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модъ, рис.) и
 Выданъ 15 мая 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕВЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цена этого № 15 к., съ пер. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1893 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
 въ „НИВѢ“ принимаются за
 строку нонпарейль (1/4 шир.
 стран) въ Глав. Кон. Ред. по
 1 руб.—Загран.: для Франціи
 у Agence Navas по 3 fr., для
 Австр., Герман. и Швейц. у Ru-
 dolf Mosse по 2 марки 50 pf.

Безъ доставки въ Петер-
 бургъ. **5 р.**
 Съ доставкою въ Петер-
 бургъ. **6 р. 50 к.**
 За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. **10 р.**
 На 1/4 года безъ дост. **1 р. 25 к.**, съ дост. въ П.-бургъ **1 р. 75 к.**, съ перес. иногор. **1 р. 75 к.**
 На 1/2 года безъ дост. **2 р. 50 к.**, съ дост. въ П.-бургъ **3 р. 50 к.**, съ перес. иногор. **3 р. 50 к.**

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл.
 Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лнн. **6 р.**
 Съ пересылкой въ Москву и другіе го-
 рода Россіи. **7 р.**

ПРИЛОЖЕНІЯ.
 Особые приложенія при
 „НИВѢ“ объявленіи отъ тор-
 говыхъ домовъ принимаются
 для иногородн. и городскихъ
 подписчиковъ по особому
 соглашенію.

Предательская шутка. Рис. Гуго Кауфмана, грав. Кнезингъ.

Воля судьбы.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолжение).

VI.

Агентъ.

Графъ Сень-Жерменъ, выйдя изъ кабинета императрицы и снова преобразившись въ управляющаго нѣмецка, подѣ парикомъ котораго никто не былъ-бы въ состояннн узнать его,—отправился прямо на мызу, гдѣ къ вечеру ждалъ къ себѣ гостей.

Онъ уѣхалъ въ одноколѣ, какъ и долженъ былъ это дѣлать скромный управляющнй, и по дорогѣ заѣхалъ даже въ лавки за кой-какими покунками для хозяйства.

Добравшись до своей мызы, онъ остановился у кузницы, поговорилъ съ кузнецомъ, насколько тотъ могъ понимать знаки и мимику не говорившаго ни слова по-русски иностранца-управляющаго, потомъ внимательно оглядѣлъ возвращавшееся съ поля стадо и только тогда уже подѣхалъ къ маленькому, низенькому домику въ двѣ комнаты подѣ соломенной крышей, гдѣ жить онъ.

Остановивъ свою лошадь у чистельскаго, дубоваго крылечка домика, графъ вышелъ изъ одноколѣ, поджидая, что ему навстрѣчу выбѣжитъ служившнй у него человекъ, который долженъ былъ слышать стукъ подѣхавшаго экипажа.

Но онъ не появлялся.

— Петручю! крикнулъ графъ.

Петручю былъ нѣсколько дней тому назадъ поступившнй къ нему слуга-итальянецъ, завезенный какими-то русскими бариниомъ изъ Италн и скитавшнйся безъ мѣста по Петербургу.

Своего человека Сень-Жермену пришлось отправить спѣшно съ порученнмъ за границу, и онъ взялъ на время безпрнотнаго Петручю.

Графъ позвалъ его еще разъ, но опять напрасно.

Это казалось подозрительнымъ.

Сень-Жерменъ, оставивъ лошадь, быстрыми шагами вошелъ на крылечко, миновалъ крошечную прихожую и отворилъ дверь въ первую комнату, служившую ему и прнѣмной, и кабинетомъ.

Первое, на что онъ взглянулъ, войдя въ комнату,—былъ стоявшнй въ углу дубовый крѣпкнй шкафъ, окованный желѣзными полосами.

Первая, паружная дверца этого шкапа заперлась простымъ замкомъ.

„Такъ и есть“, улыбнулся Сень-Жерменъ.

Эта дверца была открыта настежь. Но за нею была еще доска на секретномъ механизмѣ съ двумя мѣдными скобами, къ которымъ были проведены изнутри проводы отъ сильно заряженной лейденской банки, такъ что человекъ, не знавшнй, въ чемъ дѣло, но пожелавшнй проникнуть въ шкафъ, долженъ былъ взяться руками за скобы,—потому что иначе нельзя было открыть,—и, взявшись,—получить сильный электрическнй ударъ, соединивъ собою цѣнь и разряжая влѣдствне этого банку.

Сень-Жерменъ досталъ, такъ называемый, „разрядчикъ“, приложилъ его къ скобамъ,—искры не оказалось. Банка была уже разряжена.

Сомнѣннй не было больше, что Петручю, пользуясь отсутствнмъ графа, пытался забраться въ его шкафъ, и получилъ весь зарядъ электричества.

Сень-Жерменъ не могъ удержатъ новой улыбки, представивъ себѣ, что сдѣлалось съ любопытнымъ итальянцемъ въ первую минуту, когда его тряхнуло, и какую онъ скорчилъ, вѣроятно, при этомъ гримасу, считая полученный ударъ за сверхъестественную силу.

— Петручю! крикнулъ онъ опять.

Но отвѣта опять не было.

— Петручю! повторилъ Сень-Жерменъ, и на этотъ разъ голосомъ, въ которомъ слышалась такая сила приказаннй несокрушимой воли, что, казалось, прикажи онъ двннуться этимъ голосомъ стѣнѣ, и она-бы двннулась.

Въ каморкѣ за прихожей слышалось неуверенное движенне.

„А, наконецъ!“ подумалъ Сень-Жерменъ.

На порогѣ показался блѣдный, словно въ воду окунутый, Петручю.

Онъ не только боялся войти въ комнату теперь, но даже взглянуть въ тотъ уголъ, гдѣ стоялъ напугавшнй его шкафъ.

Онъ втянулъ голову въ плечи и не поднималъ опущенныхъ глазъ.

— Петручю, приказалъ спокойно графъ, какъ будто не произошло ничего особеннаго,—закройте, пожалуйста, эту дверцу у шкапа...

Петручю ничего не отвѣтилъ, но и не двннулся.

— Закройте, я вамъ говорю!..

Петручю покосился въ уголъ. Судорожная дрожь пробѣжала по всему его тѣлу, какъ будто онъ еще разъ коснулся этихъ заколдованныхъ скобокъ.

— Я не могу этого сдѣлать, сеньоръ! чуть слышно прошепталъ онъ.

— А, значитъ, вы пробовали уже, что такъ уверенно говорите, что не можете...

— Нѣтъ... я ничего не пробовалъ... нѣтъ, я ничего не дѣлалъ... я рег бассо не виноватъ, сеньоръ, клянусь вамъ своимъ патрономъ...

— Кто-же отворилъ дверцу, если не вы?

Петручю вдругъ всплеснулъ руками.

— Сеньоръ, заговорилъ онъ неожиданно быстро,—дверца эта была уже отворена, она не была заперта; я подошелъ и хотѣлъ только почистить эти блестящнй, мѣдныя скобки, и вдругъ со мной случилось что-то такое особенное, словно всѣ внутренности перевернулись во мнѣ, и страшный ударъ въ грудь оттолкнулъ меня... О, не подходите къ этому шкапу—въ немъ поселился духъ, вѣроятно, не подпускающнй къ себѣ. Мы живемъ въ заколдованномъ домѣ...

Но Сень-Жерменъ на глазахъ Петручю подошелъ къ шкапу, взялся обѣими руками за скобы и попробовалъ, крѣпко-ли держится доска на своемъ механизмѣ.

— Вы видите, обернулся онъ къ Петручю,—что, кто подходитъ безъ дурныхъ цѣлей, того духъ этого шкапа не трогаетъ...

Онъ оглядѣлъ наружную дверцу. Въ ея замкѣ оказался подѣльный ключъ, забытый тутъ, съ перенугу, Петручю.

— Ну, а ключъ этотъ тоже далъ вамъ духъ, или, можетъ быть, онъ заранѣе открылъ дверцу? спросилъ Сень-Жерменъ.

Теперь уже совсѣмъ не зналъ Петручю, что отвѣчать ему.

Онъ былъ окончательно пойманъ.

Графъ близко подошелъ къ нему.

— Откуда у васъ ключъ, Петручю?..

Тотъ все еще мялся, но затѣмъ вдругъ тряхнулъ головою и, словно рѣшившись, заговорилъ такъ, что слова потекли у него, точно вода изъ прорванной плотины.

— Сеньоръ, заговорилъ онъ,—въ этомъ ужъ я—свя-

тая сама Мадонна свидѣтельница — не виновать... Ключъ я получилъ отъ одного сеньора, который, какъ бѣсъ, — будь ему не хорошо на томъ свѣтѣ — соблазнилъ меня... Сеньоръ, простите, сеньоръ, но я бѣдный человѣкъ, сеньоръ... и вдругъ мнѣ дали большую сумму...

— Чтобы вы слѣдили за мною?..

— Вы это знаете, сеньоръ? удивился Петручіо.

Сень-Жерменъ пожалъ плечами.

— Мало-ли что я знаю; я знаю, можетъ быть, и имя того, кто панялъ васъ... Хотите, я вамъ назову его?

— О, сеньоръ!..

— Васъ панялъ тоже вашъ соотечественникъ, Джузепе Торичіоли... проговорилъ графъ.

Петручіо вновь вздрогнулъ, какъ будто новая электрическая искра пронизала его тѣло...

Онъ не только съ испугомъ, но съ какимъ-то подострастнымъ ужасомъ взглянулъ теперь на своего господина.

— Вы все знаете, сеньоръ, едва выговорилъ онъ, — вы все знаете и все можете... Сначала я удивлялся тому сеньору, сеньору Торичіоли, откуда у него отъ вашего шкапа ключъ, который онъ далъ мнѣ, а теперь я удивляюсь вамъ... простите меня...

Простодушіе Петручіо понравилось графу.

— Ключъ онъ достать очень просто. Когда онъ былъ у меня послѣдній разъ, онъ, воображая, что я не вижу этого — сдѣлалъ воскомъ слѣпокъ съ замка и заказалъ ключъ по этому слѣпку... вотъ и все... Ну, а какую сумму вамъ обѣщать платить сеньоръ Торичіоли?..

— Двадцать рублей въ мѣсяцъ...

Презрительная улыбка скользнула по губамъ Сень-Жермена.

— Я вамъ дамъ, раздѣльно произнесъ онъ каждое слово, — сто рублей въ мѣсяцъ, если вы сейчасъ-же отправитесь къ Торичіоли, скажете ему, что я прогналъ васъ за то, что вы разбили что-нибудь у меня, скажете, что вамъ некуда дѣваться, и попроситесь служить у него хоть даромъ, лишь-бы пилъ кровь, а сами аккуратно будете мнѣ доносить все, что дѣлаетъ сеньоръ Торичіоли...

Глаза Петручіо широко открылись.

— Сто рублей! проговорилъ онъ, — четыреста лиръ — вѣдь, это цѣлое состояніе...

— Оно будетъ ваше... но помните, что вы видѣли, что мнѣ извѣстно многое, и если малѣйшее уклоненіе будетъ съ вашей стороны — берегитесь духа...

— О, сеньоръ — я буду служить вамъ, я буду служить вамъ...

— Еще одно условіе. Всякому, кто покажетъ вамъ на своей рукѣ этотъ перстень — вы будете повиноваться, какъ мнѣ самому...

И онъ показалъ Петручіо большой агатовый перстень, на камнѣ котораго была вырѣзана змѣя, пентаграмма и буквы С. S. G.

— Да, я буду повиноваться... подтвердилъ Петручіо.

А черезъ полчаса онъ, получивъ отъ господина Одаря десять червонцевъ въ задатокъ за свою службу, — бѣжалъ уже въ городъ въ той-же самой одноколѣ, въ которой вернулся Одаръ на мызу...

VII.

Совѣщаніе.

Едва успѣлъ графъ отправить Петручіо, какъ на мызу къ нему съ разныхъ сторонъ стали съѣзжаться по-одиночкѣ и по нѣскольку за разъ гости, которыхъ онъ ждалъ къ себѣ.

Артемій съ Орловымъ явился позже другихъ, когда всѣ почти были въ сборѣ. Къ удивленію своему, онъ увидѣлъ себя здѣсь окруженнымъ людьми, большинство которыхъ было извѣстно ему по Кёнигсбергу: это оказался тотъ-же, хотя и разившійся съ тѣхъ поръ, кружокъ, знакомый Артемію три года тому уже назадъ.

Въ продолженіе этихъ трехъ лѣтъ связь кружка не только не сдѣлалась слабѣе, но, напротивъ, окрепла и развилась.

Графъ Сень-Жерменъ не забывалъ дома въ узенькой старинной улицѣ Кёнигсберга. Онъ патжалъ туда, каждый разъ, заранѣе назначая время своего прибытія и никогда не опоздывая ни на минуту противъ назначеннаго срока.

Артемій видѣлся съ нимъ и нрѣдка писалъ ему (всегда однако по одному и тому-же адресу — въ Парижъ) и получалъ отвѣты. При послѣднемъ свиданіи ихъ въ Кёнигсбергѣ, графъ сказалъ ему: „До свиданья, до Петербурга теперь“...

— Какъ до Петербурга? удивился Артемій, думая, что онъ ослышался.

— Да, до Петербурга, повторилъ Сень-Жерменъ, — мы встрѣтимся съ вами уже въ Петербургѣ...

Можетъ быть, прежде Артемій поразила-бы той увѣренности, съ которой это было сказано. Что графъ, свободный, видимо, вполне человѣкъ, могъ поѣхать въ русскую столицу, когда ему вздумается, это не могло показаться певѣроятнымъ, но какъ могъ туда понасть самъ Артемій — этого онъ не умѣлъ придумать.

Удивляться, однако, давно онъ уже разучился во всемъ, что касалось его руководителя и наставника, таинственнаго графа. Онъ привыкъ ему вѣрить.

Разъ было сказано, что такъ будетъ, — значитъ, оно и должно быть такъ...

И дѣйствительно, все случилось теперь, какъ по писанному: Артемія, совершенно неожиданно для него самого, послали курьеромъ въ Петербургъ, и почти немедленно по пріѣздѣ сюда онъ долженъ былъ отправиться съ Орловымъ къ въемонтцу Одару, подъ именемъ котораго ему легко было узнать по значенію составлявшихъ это имя буквъ, — графа Сень-Жермена.

Гостей своихъ, заключенныхъ въ нравственной цѣпи, главнымъ звеномъ которой являлся онъ самъ, — Сень-Жерменъ не боялся принимать, выходя къ нимъ не подъ парикомъ Одаря, а такъ, какъ они привыкли его видѣть ранѣе...

Очутившись на мызѣ среди знакомыхъ, своихъ лицъ, Артемію показалось, что онъ все еще въ Кёнигсбергѣ сидитъ у ихъ ласковаго хозяина, когда они, бывало, собирались къ нему по вечерамъ. Только обстановка комнаты была нѣсколько иная, и лица теперь, не исключая самого графа, были серьезнѣе и сосредоточеннѣе...

Въ окна глядѣли прозрачныя, сѣверныя сумерки, позволявшія не зажигать въ комнатѣ свѣчей и наполнявшія ее таинственной полутьмой, въ которой всѣ лица и предметы казались силуэтами.

Отсутствие свѣчей, впрочемъ, было одной изъ предосторожностей на случай внезапнаго пріѣзда какого-нибудь нежеланнаго гостя, хотя, правда, гости такіе на отдаленную ферму почти не заглядывали.

Ради предосторожности-же сидѣли не въ первой комнатѣ, выходящей окнами къ крыльцу, а въ слѣдующей, расположенной со стороны сада. Садъ былъ обнесенъ заборомъ, и калитка его заперта на ключъ.

У круглаго стола между оконъ сидѣлъ графъ. Возлѣ него было нѣсколько человѣкъ, остальные разговаривали, стоя. Орловъ съ братомъ сидѣлъ на низенькомъ подоконникѣ.

Артемій, какъ пріѣзжій, не могъ ничего рассказать новаго — развѣ только о недовольствѣ, господствовавшемъ въ арміи, откуда онъ пріѣхалъ; но разговоръ шелъ объ императрицѣ, и Артемію было любопытнѣе слушать, чѣмъ рассказывать самому. Онъ отошелъ въ сторону и остановился въ углу, прислонясь къ печкѣ. Отсюда ему была видна вся комната и всѣ находившіеся въ ней. Всѣ они казались взволнованы настоянко, однако, насколько можно было быть взволнованнымъ въ присутствіи графа. этого желѣзнаго, какъ казалось,

Съ открытіємъ навигаціи. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Х. Скорнякова. грав. Шюблеръ.

Скворецъ на весеннемъ привольѣ. Рис. Шмидтъ, грав. Арландъ.

человѣка, никогда ничѣмъ не волновавшагося и сообщавшаго свое удивительное спокойствіе всѣмъ, находившимся въ его обществѣ.

Сень-Жерменъ передалъ подробности своего сегодняшняго доклада у императрицы, положеніе которой во дворцѣ становилось все хуже и хуже съ каждымъ днемъ...

— Представьте себѣ, говорилъ преобразенецъ, останавливаясь среди комнаты и привлекая общее вниманіе, — Петръ открыто, не стѣсняясь, выражаетъ теперь свое благоволеніе къ Воронцовою, которая позволяетъ себѣ прямо относиться съ высокоуміемъ неизъяснимымъ къ государынѣ...

— Да, подтвердили у стола, — вы знаете, что на-дняхъ онъ прямо сказалъ Даниковой, что лучше ей держать сторону сестры своей...

— Хуже этого: вотъ дословно его обращеніе къ Дашковой (это при мнѣ было): „Будьте къ намъ, сказали онъ, немножко повнимательнѣй. Ваши интересы требуютъ, чтобъ вы изучили мысли сестры своей и старались снискать ея покровительство!“ И говорившій это всталъ и постарался передать слышанныя имъ слова съ тою-же интонаціей, съ какою они были сказаны Петромъ...

— *Ея покровительство!* слышалось кругомъ. — Это ужасно, просто ужасно!..

— А вы знаете подробности, заговорилъ еще кто-то, — объ обѣдѣ въ честь мира съ Пруссіей?..

Орловъ повернулся на подоконникѣ и сталъ угрюмо смотрѣть въ окно. Въ рукахъ онъ нервно вертѣлъ палку, которою подпирали раму, когда она бывала поднята...

— Когда пили за здоровье императорской фамиліи, продолжалъ начавшій рассказъ, — то послѣ тоста Петръ велѣлъ стоявшему за креслами Гудовичу спросить императрицу, отчего она не встала при тостѣ... Долженъ же онъ былъ знать, однако, что — государынѣ вставать и не приличествовало, разъ она принадлежитъ сама къ императорской фамиліи... или онъ не считаетъ, что она принадлежитъ; но когда Гудовичъ передалъ отвѣтъ императрицы, которая объяснила, что не встала согласно этикету, то онъ крикнулъ ей черезъ весь столъ: „дура“...

Палка крикнула въ рукахъ Орлова и сломалась пополамъ... Онъ не могъ слышать равнодушно рассказъ объ этомъ эпизодѣ, который былъ извѣстенъ ему уже ранѣе во всѣхъ подробностяхъ... Но въ числѣ присутствующихъ были и такіе, между прочимъ Артемій, которые ничего не слыхали еще...

— Да, что-жъ это! заговорили опять всѣ сразу. — Когда-же это кончится... дольше не можетъ-же это продолжаться... вѣдь, она, наконецъ, не вынесетъ всего этого... это въ гробъ уложить ее... или въ монастырь сослать... Пужно рѣшиться, наконецъ... нужно дѣйствовать... что-же мы сидимъ, разговариваемъ...

— Нужно дѣйствовать, графъ, рѣшительно поднимая голову и отбрасывая въ сторону куски сломанной палки, обратился Орловъ къ Сень-Жермену.

Сень-Жерменъ до сихъ поръ хранилъ свое молчаливое спокойствіе.

За Орловымъ и остальные обратились къ нему.

— Да, графъ, пужно дѣйствовать, нужно начать, пора. Вобщее возбужденіе росло.

Сень-Жерменъ, одинъ оставшійся, попрежнему, спокойнымъ, провелъ рукою по лицу.

— Нѣтъ, не пора еще, еще вы слишкомъ всѣ готовы разгорячиться.

— Да что мы! снова слышались голоса, — о насъ печего говорить, теперь не о насъ рѣчь...

— Да, но отъ васъ зависитъ успѣхъ дѣла. Малѣйшая неосторожность, малѣйшая горячность погубитъ его...

— Затѣмъ губить! громче остальныхъ проговорилъ Орловъ, — но нужно вспомнить только. каково ей!.. ей-то каково!.. и горы, кажется, двинутся ей на помощь, должны двинуться, по крайней мѣрѣ...

— О, — не слишкомъ, не слишкомъ! остановилъ разгорячившагося, было, совсѣмъ Орлова Сень-Жерменъ движеніемъ руки. — Вотъ видите — вы забыли главное.

— Что главное?.. переспросилъ Орловъ.

— То, что, чѣмъ хуже ей теперь — тѣмъ лучше... Ничего въ жизни не бываетъ случайно: случай — это неожиданность; но то, чего не ожидаетъ незнающій — то предвидитъ мудрый.

Сень-Жерменъ заговорилъ тѣмъ особенно музыкальнымъ своимъ голосомъ, слушать который такъ любилъ Артемій, и въ звукахъ котораго онъ съ радостью узналъ снова знакомую ему интонацію, такъ и льющуюся въ душу, умиротворяющую и успокаивающую.

И вдругъ, подъ влияніемъ этого голоса, стихло все кругомъ.

— Все, что происходитъ, продолжалъ графъ, — какъ все, что имѣетъ форму, — вытекаетъ изъ степенія, или равновѣсія извѣстныхъ силъ, — и силы эти можно выразить просто цифрами, посредствомъ которыхъ рассчитать — что должно случиться... Всякая рѣзкость — уравновѣшивается равной съ нею реакціей; смѣхъ влечетъ за собою слезы, и наоборотъ — слезы смѣняются радостью, а униженіе — возвышеніемъ. Бойтесь, когда вамъ весело, и предчувствуйте радость, когда вы плачете!.. Такъ, сегодня Павуходоносоръ объявляетъ себя равнымъ Богу, а завтра преобразуется въ бессмысленное животное... Сегодня торжествующій Александръ Великій входитъ побѣдителемъ въ Вавилонъ, и на алтаряхъ ему зажигается ладанъ, но наступитъ завтра — и онъ умретъ, убитый виномъ и униженный своимъ невозддержаніемъ... Будущность заключена въ прошедшемъ, и прошедшее въ будущемъ... Когда человѣкъ предвидитъ — онъ *вспоминаетъ* только!.. Но вы знаете, что человѣкъ своею волей можетъ измѣнить дѣль причинъ, вызывающихъ событія, и поступайте сообразно этому... Дѣло наше должно имѣть исходъ благоприятный, какъ выводъ изъ всего, что происходитъ теперь, но вы должны дѣйствовать не какъ слѣпцы, пробирающіеся ощупью, но какъ люди обладающіе свѣтлымъ и яснымъ зрѣніемъ... Когда слѣпецъ захочетъ сдѣлать хорошо — у него, въ большинствѣ случаевъ, выйдетъ дурно. Дыханіе невѣжды можетъ быть смертельно, — дыханіе мудраго — живоительно!.. Когда страдаетъ незнающій — онъ заставляетъ страдать другихъ, но мы... мы знаемъ, что это страданіе принесетъ великіе плоды...

Сень-Жерменъ поднялся со своего мѣста. Глаза его блеснули совершенно особеннымъ блескомъ, онъ поднялъ голову.

— Помните, заговорилъ онъ опять, — что не долго то время, когда вы будете сильными міра сего, васъ ждутъ возвышеніе, почести, награды... на васъ посыплются милости вашей новой, любимой, прекрасной и мудрой императрицы Екатерины, но не забывайте прожитого вами времени до сихъ поръ — времени, когда вы были неизвѣстными, маленькими людьми, — тогда къ вамъ придутъ за вашей помощью другіе маленькіе люди, голодные будутъ просить накормить ихъ и холодные — согрѣть ихъ, — не оттолкните отъ себя этихъ людей!.. Христосъ отдалъ свое тѣло пачаламъ и напоилъ землю своею кровью... Стремитесь къ Нему, старайтесь дѣлать доброе во имя Его, и тогда счастье не оставитъ васъ... Ну, а теперь къ дѣлу — будьте готовы по первому-же призыву дѣйствовать. Время окончанія нашего дѣла близится и наступитъ, можетъ быть, скорѣе, чѣмъ вы думаете... а пока я каждому изъ васъ отдѣльно скажу, что нужно предпринять теперь...

И съ этими словами графа разговоръ принялъ уже вполне характеръ дѣлового совѣщанія...

VIII.

Блаженны плачушіе!

Не прошло недѣли съ тѣхъ поръ, что Торичіоли былъ у стариковъ Эйзенбаховъ, чтобы передать имъ разсказъ Артемія,—какъ онъ снова явился къ нимъ, будто для того, чтобы провѣдать.

На дворѣ стоялъ жаркій солнечный день, вполне лѣтній. Войдя въ гостиную Эйзенбаховъ, Торичіоли не могъ не замѣтить теперь отсутствія въ ней того изящества чистоты, которымъ всегда отличалось жилище барона. До сихъ поръ все блестѣло въ этой гостиной, далеко не роскошной, но сохранившей еще нѣсколько дорогихъ вещей, какъ остатокъ прежняго величія барона: передъ диваномъ стоялъ столъ корельской березы, съ потолка свисалась мѣдная люстра съ стеклянными подвѣсками, въ простѣнкѣ висѣло большое зеркало, составленное изъ трехъ квадратовъ,—все это были вещи хорошія и дорогія... Но теперь зеркало потускнѣло отъ легкаго слоя пыли, сѣваго на него. Столъ былъ сдвинутъ,—на одномъ изъ оконъ забыта опущенная штора съ разрисованнымъ на ней рыцаремъ, похожимъ на пастуха, или пастухомъ, похожимъ на рыцаря... Вообще, по этой измѣнившейся обстановкѣ сразу было видно, что хозяйскія руки баронессы Луизы опустелись...

Торичіоли пришлось подождать немного. Онъ долженъ былъ нѣсколько разъ, по крайней мѣрѣ, пройтись по комнатѣ, пока, наконецъ, вышелъ къ нему баронъ.

— Вы насъ извините, заговорилъ онъ растерянно,—у насъ не прибрано... знаете, послѣ того дня... какъ... вы были у насъ, жена и я... очень дурно себя чувствуемъ... впрочемъ, садитесь.

Несчастный видъ барона, его небритая борода, растерянный говоръ и даже внезапныя слова „впрочемъ, садитесь“ вполне соответствовали всему окружающему.

Ясно было, что до подробнаго разсказа о томъ, какъ именно былъ раненъ и упалъ ихъ сынъ—старикъ Эйзенбахъ еще надѣялся... теперь всякая надежда оставила ихъ.

Торичіоли сѣлъ. Баронъ опустился на стулъ противъ него.

— Да... началъ, было, онъ опять, но тутъ уже не выдержалъ, глаза его заморгали чаще, и слезы закапали изъ нихъ.

— Вы все о сынѣ, о Карлѣ своемъ! проговорилъ Торичіоли очень-очень нѣжно и склонилъ голову на сторону.

Эйзенбахъ, сляясь удержать непослушныя слезы, глянулъ сквозь нихъ на итальянца, какъ будто говоря этимъ взглядомъ: „а развѣ я могу, развѣ мы съ моей Луизой можемъ думать теперь о комъ-нибудь другомъ?“

Торичіоли вздохнулъ.

— Но знаете, баронъ, иногда извѣстія, въ особенности, съ войны, бываютъ ложны, сказалъ онъ вдругъ.

Баронъ махнулъ рукою:

— Думали мы такъ... пробовали думать, но нѣтъ. Это вѣрно. Не утѣшайте напрасно... Вы, вѣдь, говорили, что тотъ молодой человѣкъ самъ видѣлъ...

— Но вашего сына могли непріатели поднять въ числѣ раненыхъ и держать затѣмъ, какъ плѣннаго.

Глаза старика барона, широко открытые, остановились на Торичіоли, онъ смотрѣлъ уже на него тѣмъ неподвижнымъ взглядомъ, какимъ смотрятъ люди, готовые помѣшаться.

— Да, продолжалъ неумолимо итальянецъ,—теперь плѣнные возвращаются, можетъ быть, и вашъ сынъ...

— Послушайте, вдругъ сорвавшимся голосомъ перебилъ баронъ,—то, что вы говорите—очень жестоко... послушайте, замолчите,—это только хуже мучить.

— Я только говорю, что теперь постоянный идетъ развѣдъ плѣнныхъ... государь на другой-же день послѣ воешествія на престолъ написалъ королю Фридриху:

„Не умедлить я нимало потребныя указы отравить, дабы плѣнные, въ моей державѣ находящіеся, немедленно освобождены и возвращены были“.

Торичіоли цитировалъ по памяти нисѣма Петра III, словно чувствуя потребность говорить, но, не зная, какъ это сдѣлать, говорилъ словами нисѣма.

Баронъ закрылъ лицо руками.

— Нѣтъ, нѣтъ, перебилъ онъ снова,—тогда-бы онъ давно вернулся... отчего ему было не вернуться давно... о, я знаю Карла, онъ все-бы сдѣлалъ, чтобы не замедлить ни минуты.

— Да, но, можетъ быть, его задержало выздоровленіе.

Такая настойчивость Торичіоли—начинала казаться странною.

— Да что вы знаете что-нибудь—вамъ извѣстно?... съ сердцемъ, точно относясь къ смертельному врагу своему, спросилъ баронъ у итальянца.

— Т. е. видите-ли, началъ тотъ,—я, собственно, т. е. я хочу только сказать, что все можетъ случиться.

Въ это время отъ двери прямо къ Торичіоли кинулась незамѣтно вошедшая старушка-баронесса.

Материнское сердце ея скорѣе и вѣрнѣе отца угадало истину.

— Онъ живъ, живъ мой Карлъ, крикнула она,—да—вы пріѣхали сказать намъ объ этомъ, вы пріѣхали...

Дальше—дыханія у нея не хватило, она не могла говорить, покачнулась... но баронъ во-время успѣлъ подержать ее.

— Да скажите-же ей, обернулся онъ къ Торичіоли,—что нѣтъ, что это неправда, что этого быть не можетъ, если это, въ самомъ дѣлѣ, не правда, а если... правда... то говорите... говорите...

Торичіоли молчалъ.

— Нѣтъ, не говорите... замахала руками старушка,—нѣтъ, не надо... сердце разорвется... Да что-же вы молчите, Негг Джузепе... Негг Джузепе... милый вы мой, милый... онъ живъ, вѣдь?... да? я угадала... я знаю, что онъ живъ... Гдѣ онъ?... Иосифъ... Иосифъ Александровичъ?

Она въ своемъ волненіи никакъ не могла наладить имени Торичіоли и, понавъ, наконецъ, на настоящее, приостановилась.

Впрочемъ, ей было не до имени теперь...

„А Негг Джузепе“ стоялъ на этотъ разъ, дѣйствительно, умиленинный, и губы у него дрожали, и подбородокъ трясся.

— Да, вы угадали... силился произнести онъ.

— Угадала!.. болѣзненно-радостнымъ стономъ вырвалось изъ груди старушки, и частыя рыданія заглушили ея голосъ.

Баронъ почему-то крѣпко держалъ ее за локти вмѣсто того, чтобы посадить, и усиленно шамкалъ губами, двигая ими во всѣ стороны.

Но онъ понималъ, что слезы жены—ея спасеніе въ настоящую минуту, и что испугъ неожиданной радости, чуть на мѣстѣ не убившій ее, пройдетъ вмѣстѣ съ этими слезами...

— Она *паяннитъ*, она *паяннитъ*, плакаетъ... проговорилъ онъ, теряя въ этотъ мигъ способность русской рѣчи и забывая слова, какъ баронесса забыла имя итальянца...

Но все-таки онъ оиомнился первый...

Онъ усадилъ, наконецъ, жену, велѣлъ принести для нея укусу; но все это было дѣломъ одной минуты, меньше минуты.

— Такъ у васъ есть письмо, есть извѣстія? вы знаете что-нибудь изъ военной канцеляріи?... сталъ спрашивать онъ, стараясь теперь скрыть свою радость, какъ за минуту передъ тѣмъ старался скрыть свое горе, и боясь произнести имя сына, чтобы опять не впасть въ новое безуміе своего слишкомъ большого счастья...

— Да, я имѣю свѣдѣнія, отвѣтилъ Торичіоли,—но ради Бога успокойтесь... Я и боялся, что извѣстіе произ-

ведетъ на васъ такое впечатлѣніе... по что-же будетъ, если онъ вернется...

— Онъ вернется!.. вы говорите, онъ вернется?.. такъ это мыслимо?.. о, да благословить васъ Богъ за одни эти слова... Ну, теперь ничего... теперь ничего, говорите, что знаете... стать молить баронъ, привыкнувъ уже къ своей радости и, дѣйствительно, овладѣвая ею...

— А что бы было, я спрашиваю только, продолжалъ Торичіоли, — что бы было, если-бы онъ уже вернулся? — свѣдѣнія мои настолько достовѣрны, что вы можете считать, какъ будто онъ уже вернулся...

Баронесса сложила на груди руки и шептала молитву... Она чувствовала уже, какъ передъ тѣмъ угадала, что ея сынъ живъ, что Торичіоли долженъ сказать о его прѣздѣ...

Какъ ни былъ опытенъ итальянецъ въ сношеніяхъ съ людьми, но невозможно было, чтобы его сбивчивыя все-таки рѣчи не были угаданы матерью...

— Гдѣ онъ, гдѣ онъ?.. спрашивала она.

— Онъ близко отъ васъ... отъ Петербурга... т. е. онъ подъѣзжаетъ... можетъ быть, подъѣхалъ... прѣхалъ... т. е. прѣхалъ со мною...

Голосъ Торичіоли дрогнулъ...

— Вотъ онъ! могъ только добавить онъ.

И дверь изъ прихожей отворилась, и Карлъ, живой и невредимый, быстрыми шагами ворвался въ комнату. Баронесса ахнула и упала въ раскрытыя широко его объятія... она припала къ нему и прижалась головой, охвативъ его шею, и дрожащими руками начала перебирать по его спинѣ, словно мало ей было видѣть его, нужно было еще чувствовать, трогать...

Худое, измученное тѣло ея колыхалось отъ все не унимавшихся рыданій.

Сегодня утромъ Карлъ, прѣхавъ въ Петербургъ, явился въ военную канцелярію по начальству, и, боясь испугать своимъ внезапнымъ возвращеніемъ мать и отца, рѣшился найти какого-нибудь общаго знакомаго, съ тѣмъ, чтобы тотъ предупредилъ его стариковъ и подготовилъ ихъ.

Въ канцеляріи онъ встрѣтился съ итальянцемъ Торичіоли, лучше котораго, казалось, нельзя было найти для нужнаго Карлу дѣла. И они прямо изъ канцеляріи поѣхали домой...

Карлъ остался въ живыхъ тѣмъ самымъ простымъ и естественнымъ путемъ, о которомъ говорилъ уже Торичіоли. Пруссакіи подняли его послѣ Цорндорфской битвы, раненаго, и, какъ офицера, отправили въ лазаретъ... Послѣ своего выздоровленія онъ долженъ былъ остаться въ числѣ плѣнныхъ... Дать знать о себѣ онъ никакъ не могъ, потому что всѣ сообщенія съ Россіей были прерваны...

Въ то самое время, когда въ домѣ стараго Эйзенбаха происходила радостная встрѣча Карла, — у князя Андрея Николаевича, въ его богатомъ дворцѣ, удача смѣнилась непріятностью.

Давно-ли, кажется, полный надеждъ и самыхъ радужныхъ плановъ, князь принималъ у себя Эйзенбаха и боялся, чтобы тотъ не разстроилъ его хорошаго расположенія духа, и теперь это расположеніе, не продолжавшееся и недѣлю, смѣнилось самымъ мрачнымъ...

Проскуровъ снова ходилъ изъ угла въ уголъ по своимъ отдѣльнымъ и устроенымъ комнатамъ, но теперь ничто уже не радовало его, и все казалось отвратительнымъ и гадкимъ.

— И нужно было сотни верстъ киселя ѣсть... нужно было очень прѣзжать... вотъ невидаль!.. какъ меня, князя Проскурова, принять такъ!.. ворчалъ онъ и опять ходилъ, и опять ворчалъ...

На немъ былъ его бригадирскій мундиръ, который онъ разстегнулъ только, но забылъ снять, только что вернувшись изъ дворца.

Дѣло было въ томъ, что государь принять его не только совсѣмъ не такъ, какъ ожидалъ этого Проскуровъ, но даже такъ, какъ и предположить онъ себѣ не могъ вовсе.

Прежде всего Петръ совсѣмъ не узналъ его. Онъ рѣшительно не помнилъ своего посѣщенія имѣнія князя, когда завтракалъ у него.

Князь увидѣлъ, что надѣялся напрасно на то, что это самъ государь приказалъ вернуть его изъ деревни.

Разговоръ затѣмъ у нихъ произошелъ самый странный.

Петръ, подойдя къ Проскурову (это была не отдѣльная аудіенція, а общее представленіе), остановился передъ нимъ и, видимо, затруднился, что бы ему такое сказать?..

Сердце князя сильно билось. Онъ уже видѣлъ по манерѣ, съ которою къ нему подошли, что нельзя ждать ничего добраго.

Петръ измѣнился мало съ тѣхъ поръ, какъ Андрей Николаевичъ видѣлъ его у себя. Тѣ же выпученные глаза, то же продолговатое лицо, и то же выраженіе на немъ застыившаго испуга.

„Вѣрно, въ дѣтствѣ испугали его!“ подумалъ князь, ничуть не удивляясь той смѣлости, съ которою онъ думаетъ про государя, стоя передъ нимъ... Но Петръ производилъ впечатлѣніе далеко не внушительное, напротивъ, въ немъ было замѣтно что-то слабое, болѣзненное, разстроенное, неестественно-жалкое.

— Ты курить умѣешь кнастеръ? вдругъ спросилъ онъ Проскурова, совершенно неожиданно для того.

Князь смутился этимъ вопросомъ.

— Нѣтъ, ваше величество, т. е. я... я не знаю... не вдумъ отвѣтилъ онъ...

— Ахъ, глупая голова! — развѣ ты не знаешь, что всякій человѣкъ долженъ курить кнастеръ, чтобы не быть бабой...

Князь, овладѣвъ собою, закусилъ губу, боясь отвѣтить, потому что отвѣтъ, который можно было дать ему, и который чуть не сорвался съ его языка, — могъ повлечь за собою еще большія непріятности.

Петръ все еще стоялъ передъ нимъ, слегка покачивая ногою.

— Ну, а службу на новый образецъ знаешь? а, знаешь?..

Проскуровъ вспомнилъ рассказъ барона про маршировку Трубецкаго.

Кровь прилила ему въ голову — несчастный гнѣвный припадокъ готовъ былъ овладѣть имъ... Но онъ крѣпился изъ всѣхъ силъ, чтобы сдержать себя...

Онъ смотрѣлъ прямо въ глаза Петра, стараясь не словами, но этимъ взглядомъ отвѣтить ему.

Тотъ не понялъ ни этого взгляда, ни выраженія лица князя...

— Да что-же онъ молчитъ? обернулся онъ къ стоявшему за нимъ тонкому и длинному придворному, совсѣмъ еще юношѣ. — Онъ совсѣмъ глупая голова!

И съ этими словами онъ повернулся и пошелъ дальше.

Все это произошло на глазахъ многихъ, на глазахъ стариковъ и молодежи...

— Видалъ я бирюзовскія времена, но эти еще хуже, злобно процѣдилъ сквозь зубы князь, и, не дождавшись конца пріема, вышелъ изъ залы.

Не были-ли слышны его слова, или не поняли ихъ, но, къ удивленію князя Проскурова, никто не остановилъ его, никто не удержалъ, какъ-будто все такъ и быть должно, и какъ-будто пріемъ происходилъ не во дворцѣ русскаго императора, а въ казармѣ...

Такое впечатлѣніе именно казармы и вынесъ князь Андрей Николаевичъ изъ своего посѣщенія дворца.

Въ одномъ онъ только былъ увѣренъ, что больше никогда не поѣдетъ туда.

(Продолженіе будетъ).

Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ III.

Сапфиръ Мирикѣвичъ.

Сказка Нота Мурлыки.

I.

— Съ юга вѣтерокъ — ласковый дружокъ; съ сѣвера снѣжокъ — строгій старичокъ... Такъ-то, мой паренекъ... Шагай, шагай, не заглядывайся!..

И бабушка сама шагала по талому снѣжку и по крѣпкому сизому черену. Гдѣ пасты обледенѣли, застеклялись, а гдѣ грязный снѣжокъ, какъ зола, насыпалъ. Почернѣлъ сердечный, туго ему пришлось, скоро въ землю провалится. А лужи, лужи! вездѣ, по дорогѣ, по полю... Съ деревьевъ слезы каплютъ... И грачи, мокры-мокрѣшеньки, всюду каркають. Весна! Весна пришла!..

— Бабушка, спрашиваешь внучекъ: — а ты мнѣ скажи, родненькая, отчего маслина разъ въ году бываетъ, и весна отчего разъ въ году приходитъ?..

— Шагай, шагай, дружокъ... Видишь, какъ всѣ заморозились... Зимой и на югѣ злое горе ширеетъ. Вѣтры студеные, выхри снѣжные, стужа злобая... Натерпится, намаяется, наплачется Божьи люди... И всѣ ихъ слезы несетъ весной къ намъ... Заплачутъ небеса, заплачетъ земля, и отъ этихъ теплыхъ слезъ и снѣжокъ весь пообжигитъ, распухнетъ и въ землю уйдетъ... Всѣ наши грѣхи въ землю уйдутъ... Затѣмъ, что снѣжку ужъ не мѣсто, пришла его пора. Отлуживала зима. Шабанъ ей! Идетъ весна-красна, теплая... Ворочается съ юга солнце горячее, къ намъ накатываетъ, съ каждымъ днемъ ближе и ближе подходитъ, выше и выше по небу ползаетъ... Такъ-то, мой милый паренекъ!.. Шагай, шагай, не задумывайся!

— Бабушка! Да ты мнѣ скажи, почему не весь круглый годъ маслина... Мы кажинный бы день ходили къ кумѣ Аленѣ, и кажнѣе день она бы насъ блинами съ масломъ и сметаной поштовала, угощала...

— Сегодня блины, завтра блины, послѣзавтра блины. Катайся, какъ сыръ въ маслѣ, круглый Божій годъ, безъ передышки!.. Ахъ, ты, радостная кроха моя... Все Божье дѣло! Вездѣ передышка нужна... А то безъ толку и въ маслѣ потопнешь, и сметаной захлебнешься... И порядокъ тоже нуженъ. Безъ порядка никакъ нельзя быть, никакъ невозможно... Коли бы безъ порядка, такъ все бы перемѣшалось въ одну кучу... И весна, и зима, и лѣто, и осень, все бы вмѣстѣ свалилось, и не разберешь, гдѣ одно, гдѣ другое...

— А развѣ, бабушка, не бываетъ зима среди лѣта?

— Ни, ни! Николѣ не бываетъ.

— А какъ же въ заиромлѣ-то году у насъ въ Духовъ день снѣжокъ выпалъ? Поминишь?

— Да это такъ себѣ, какой ни на есть шальной выискался, да и пошелъ... И тутъ же себѣ кануть приключилъ... Все его сѣло солнышко теплое... А ты шагай, шагай, торопись, дай мнѣ рученьку!

— Нѣтъ, бабушка... Я самъ...

— Да ты самъ пожками-то дѣйствуй, а мнѣ дай рученьку хороную. Она, вѣдь, ничего не дѣлаетъ... на счастье... Ну! Не упрямься, дай!.. Видишь, ты не разбираешь, гдѣ сухо, гдѣ мокро, все по лужамъ шагаешь. Гляди-ка, какъ саножки-то... мокры-мокрѣшеньки. Дай! Дай, хорошій, рученьку, а то я и сказку не буду говорить.

И внучекъ сейчасъ же протянулъ ручонку, какъ только услышать эту угрозу.

— Видишь, весь носикъ обмерзъ, покраснѣлъ, и глазки ясны покраснѣли.

И бабушка вытерла платочкомъ и поспѣхъ, и глазки. А внучекъ смотрѣлъ на бабушку этими ясными, голубыми глазами и ждалъ, скоро ли баба милая сказку начнетъ.

А кругомъ теплый вѣтерокъ подуваетъ, словно со сна, и бороздитъ, рябитъ воду въ лужахъ. И голыя рощи стоятъ, краснѣютъ, точно чего-то ждутъ не дождутся... И кучка мокрыхъ воробьевъ вдругъ налетѣла съ гамомъ, чирикалъемъ, пошла на снѣжокъ, на дорожку, и опять всорхнули всѣ и улѣтели... А въ небѣ высоко-высоко черныя кряквы летятъ, кричатъ, крыльями хлопаютъ...

— Ну, что же, бабушка? Сказку...

И бабушка, не выпуская изъ своей костлявой, шероховатой руки маленькую ручонку внука, начала свою сказку.

II.

„По низовьямъ низамъ хмары стелются, ползутъ, тащатся тучки Божіи, кому горе, кому радость, кому хворь и болѣсть, кому кладъ и богатство, все и всѣмъ несутъ и дарятъ тучки Божіи. По низовьямъ низамъ студеные туманы клубятся, кому красу, кому бѣдноту, кому уродство несутъ. Всякому люду отъ Бога доля дана. Кому каждый день масленица, кому цѣлый вѣкъ великій постъ.“

„За дальними морями, сизыми туманами, въ славномъ царствѣ могучаго царя Бендеря было дѣло великій грѣхъ... Одна была дочка у царя, чудо-юдо, краса невиданная и пестыханная, и неписанная, чудесованная, и звали ее царевна Милена душа, свѣтлый Божій день... Чего, чего не было у царевны прекрасной... И дворцы-терема, съ переходами, и сады, садикъ съ цвѣтниками махровыми, и деревцы изумрудныя съ во-

лотыми яблочками, и птички хохлатыя, хвостатыя, сладко-гласныя. Цѣлый день по кустикамъ порхаютъ, по садочкамъ летаютъ, поютъ пѣсни звонкія, Милену-душу тѣшатъ, потѣшаютъ. Вѣдутъ ручьи студеные, серебряные, съ высокихъ горъ катятся. Играетъ музыка невидимая, всѣ красу прекрасной царевны славятъ, а царевна душа, Милена краса, ходитъ хмурая, да не веселая... И не знаетъ царь-батюшка, чѣмъ свою доченьку развеселить, чего недостаетъ ей. Велитъ онъ своимъ скоморохамъ-шутамъ царевну потѣшать. Пляшутъ, кувыркаются передъ ней шуты потѣшныя, кричатъ голосами звѣринными, кто иѣтухомъ, кто по-несы лаеетъ, кто журавлемъ курлычетъ, представляютъ притчи и комедіи. Не могутъ развеселить, утѣшить царевны Милены... Зоветъ-кличетъ царь Бендерей мудрецовъ съ дальнихъ и ближнихъ странъ, заставляетъ ихъ думать думу глубокую, чѣмъ развлечь, распотѣшить его дочурочку прекрасную. Одна у него она, какъ перстъ единая, утѣха и радость въ жизни сей скоротечной. И засѣли думать мудрецы вѣдѣ думу могучую. Думали, думали, не много, не мало, цѣлыхъ тридцать три дня безъ трехъ часовъ. Одинъ мудрецъ говоритъ, надо царевну въ заморскія царства везти, ззую тоску по морямъ, по горамъ размыкать-страхнать, другой говоритъ, надо царевну три дня на зарѣ утромъ въ студеной водѣ кунать, и всю хмару тоску смоетъ Божья вода. Третій мудрецъ ничего не сказалъ. Онъ слушалъ изъ саду пѣсню птицы Кохлыги. Маленькая птичка, а голосъ куда звонче, лучше соловья. Въ окошечко косячатъ солнышко свѣтитъ, улыбаются, зелена роща глядитъ, и поетъ такъ сладко Кохлыга, птичка Божія. И вотъ говоритъ третій мудрецъ, а звали его Сапфиромъ Мирикѣвичемъ Мудрымъ. Былъ онъ можае всѣхъ, и была клюочомъ въ немъ кровь горячая. „Слушайте“, говоритъ: „братья мудрые. Знаю я, чего не хватаетъ царевнѣ молодой, мнѣ это птица Кохлыга повѣдала. Много кругомъ ея всякихъ утѣхъ, много золота, серебра, камней самоцѣтныхъ, много уборовъ нарядовъ парчевыхъ, дорогихъ, кружевъ серебряныхъ, много теремовъ-дворцовъ съ переходами, зелены сады кругомъ съ цвѣточками махровыми, птички Божіи порхаютъ, славятъ царевны красу. А ей все нудно да скучно кажется, холодно на сердцѣ. Выросло сердце царевны души, проситъ оно ласки отвѣтной отъ друга милаго, проситъ оно горячей любви.“

„И только что сказалъ, пропзвещъ молодой мудрецъ, прекрасный Сапфиръ Мирикѣвичъ, свой совѣтъ мудрый высказалъ, какъ всѣ мудрецы на него накинулись, руками замахали, затпгикали. „Что ты, дурень безнужный, придумалъ, выдумалъ“, кричатъ: „за такой совѣтъ всѣхъ насъ царь-государь велитъ казнить смертью лютою“. А царь-государь тутъ какъ тутъ. Все время онъ стоялъ позади дверей, все слушалъ, что великіе мудрецы думаютъ, совѣтуютъ объ его дорогой доченькѣ... Распахнулись двери створчаты, появился царь, появилась съ нимъ стража грозная. „Спасибо“, говоритъ царь: „тебѣ, молодой мудрецъ Сапфиръ Мирикѣвичъ, спасибо, что всѣхъ старыхъ падоумилъ ты. Давно ужъ я самъ домекалъ, чего, чего недостаетъ моей доченькѣ. Ты уразумѣлъ твоей мудрой прозорливостью...“ И тотчасъ же велѣлъ царь-государь по всей землѣ кличъ великій кликать, зывать, созывать всѣхъ принцевъ, королевичей, всѣхъ витязей, князей и царевичей. И вотъ ѣдутъ гости званые со всѣхъ четырехъ концовъ, съ сѣвера, съ подлѣя, съ восхода и запада, собираются на широкій царскій дворъ. Уставили слуги дворъ столами широкими, устлали ихъ скатертями самобранными. Въ тѣ поры какъ разъ была масленица. Посѣли гости по чинамъ, по рядамъ. Выходитъ царь Бендерей, выводитъ за ручку Милену красу. „Вотъ тебѣ, доченька“, говоритъ: „гости честные, гости званые, королевичи, принцы, царевичи, князья, витязи, рыцари удалые. Кого ошастливилъ выборомъ, который тебѣ поглянется, того я своимъ сыномъ назову, а твоимъ суженымъ. Всѣ поклонились ей низко-низкохонько. Посмотрѣла Милена на всѣхъ, глазами окинула. Помотала она головкой.

— „Тотъ мнѣ милъ, говоритъ: — кто можетъ за одинъ при- сѣсть сотню блиновъ съѣсть со сметаной.“

„Удивились гости, ахнули. А царь Бендерей:

— „Что-жъ, доченька, говоритъ: — мужъ-то у тебя будетъ обжора, россомаха ненасытная.“

„Но твердо стоитъ Милена на желаніи своемъ. А слуги стоятъ съ блинами и ждутъ, кому велѣтъ подавать. Встали многие гости, разгнѣвались, попили, не простясь, съ шра царскаго. „Что же“, говорятъ: — „намъ здѣсь дѣлать нечего; пусть царь Бендерей зоветъ, кличъ кличетъ, со всего царства обѣдаль, обжиралъ собираетъ въ женихъ къ своей дочкѣ насмѣшницѣ-падѣвницѣ, а мы къ ней въ пздѣвку пдти не хотимъ“. И пошли гости со двора царскаго. Слуги имъ дорожку смазали маслицомъ.

„Другіе поглядѣли на царевну Милену. Смерть она мила показалась имъ. „Ну, была не была“, думаютъ: „съѣмъ не съѣмъ сотенку блиновъ... Авось одолѣю, попробую“. А слуги сейчасъ же и подаютъ имъ блиновъ. Съѣли гости первый десятокъ, не-

подавились... Глядя, подумывают. Налили имъ слуги меду крѣпкого, а царевна Милена потчуетъ, угощаетъ:

— Покушайте, гости дорогие, покушайте блинковъ масляныхъ.

— Ради тебя, кричатъ: — царевна прекрасная! — И подали имъ слуги другой десертъ, по на этомъ десертѣ честные гости споткнулись, молча, вышли изъ-за стола и пошли втихомолочку. А слуги, вершники, прислѣшники имъ дорожку маслѣномъ смазали и сѣдъ ихъ сметанкой замели, затерли, загладили.

— Съ Богомъ! молъ. Проваливайтесь!

— Одинъ за однимъ уходили гости честные вонъ съ шира царскаго... Рѣдѣли ряды, опустѣлъ царскій дворъ. Остался одинъ королевичъ Меркитѣй Мерепонтовичъ. Наградилъ его Богъ и ростомъ, и дородствомъ. Девятисто восемь блиновъ прѣѣлъ, на девятисто девятомъ споткнулся. Сидитъ, глаза выпучилъ и дохнуть не можетъ. Такъ его слуги вѣрные бережненько принесли и въ дальній теремъ вѣжливенько отравили.

— Ну, вотъ, говоритъ царь Бендерей: — полюбуясь, доченька, милая! Всѣ женихи твои разошлись, разбѣжались. Никто не хочетъ быть объѣдакомъ, обжорою.

— Обѣдалъ и обжоръ, говоритъ царевна: — мнѣ не надобно. Найдѣмъ мы, можетъ-быть, себѣ жениха по сердцу. Поглядимъ, милый батюшка, кто это тамъ стоитъ у воротъ, возлѣ столба высокаго.

— Поглядѣлъ Бендерей и говоритъ: «Это тотъ, кто указалъ, велѣлъ мнѣ кличь кликать и жениховъ ко двору сзывать. Это молодой мудрецъ Сапфиръ Мирикіевичъ.»

— А молодой мудрецъ стоитъ, глядитъ очами черными. Черные кудри по плечамъ вьются. Глядитъ онъ прямо на прекрасную Милену, дочь Бендерей царя.

— Позови его ко мнѣ, царь-батюшка, мнѣ, говоритъ: — надо слова два перемолвить съ нимъ.

— И велѣлъ царь слугамъ кликнуть мудреца Сапфира Мирикіевича, кликнуть позвать къ царевнѣ Миленѣ душѣ. Пошла Милена въ горницу высокую. Привели къ ней Сапфира Мирикіевича.

— Гой! вы, говоритъ царевна Милена душа: — уйдите всѣ вы, слуги вѣрные, оставьте насъ вдвоемъ и стойте у дверей, никого не пускайте къ намъ. Мнѣ надо молвить Сапфиру мудрецу слово великое.

— И поклонились, ушли слуги вѣрные, одну царевну съ Сапфиромъ Мудрецомъ оставили.

— Какъ возговоритъ царевна Сапфиру Мудрецу: «Ты скажи мнѣ, скажи, мудрый мудрецъ, отчего не свѣтитъ всегда солнце ясное, отчего не всегда на сердцѣ весело, отчего сладкая пища прѣдается, отчего звонкая пѣсня припѣвается, и нарядное платье глазамъ онысѣлѣетъ. Скажи мнѣ, мудрецъ, отчего тоска, скука гложетъ сердце человеческое?»

— Призадумался мудрецъ, думалъ, гадалъ, какъ отвѣтъ Миленѣ держать.

— Оттого, говоритъ: — перво-на-перво, что плоть человеческая — брѣнная — персть земная...

— А что это такое, бабушка, допросилъ внучекъ: — брѣнная персть земли?

— А это плоть, тѣло наше... Изъ земли взято и въ землю обратится. А ты слушай дальше хоропохопко.

— Оттого, говоритъ мудрый мудрецъ Сапфиръ Мирикіевичъ: — что коли бы да солнце постоянно свѣтило, то всѣ бы мы отъ его свѣта почернѣли, какъ араны черные. Оттого, что плоть человеческая не можетъ стерпѣть вѣчной радости. Отъ того, что сердце наше къ землѣ влечетъ, ко всему смертному, преходящему тпнестся, а все преходящее, смертное насъ вводитъ въ ложь и обманъ. Отрекись, говоритъ: — царевна прекрасная, отъ ложныхъ утѣхъ... На брѣнной землѣ все здѣсь прахъ и ничтожество, все, какъ смачный блинъ: ѣшь его, — вкусно, а съѣшь — тяжело и горько... Всякая радость сама въ себѣ отраву несетъ. Звонкая пѣсня припѣвается, сладкій медъ припѣвается, и вернется здѣсь бѣдный человѣкъ, какъ въ дурманномъ свѣ, хватается за утѣхи земныя, чтобы ему было не скучно и не тоскливо жить...

— Задумалась прекрасная Милена, глядитъ на мудраго мудреца Сапфира. А мудрый мудрецъ стоитъ передъ ней, очь въ землю опустилъ, а перстами смпренно перебираетъ лѣстовку.

— Сапфиръ Мирикіевичъ, говоритъ царевна Милена душа: — есть одна радость земная, и она никогда не прискучить намъ, ибо радость эта вѣчная, съ земли на небо мостомъ тянется. Это любовь человеческая... Богъ создалъ человѣка и всякаго звѣря накроу, Богъ благословилъ союзъ человеческій... Сапфиръ Мирикіевичъ, Сапфиръ мудрый... Въ сердцѣ людскомъ вѣчнымъ свѣтомъ горитъ свѣтъ небесный, и все передъ нимъ прахъ, смерть и ничтожество, а свѣтъ любви нескончаемый.

— Задумался мудрецъ, а сама Милена глазки прекрасные въ землю потупила, и бѣлая грудь ея тяжело подымается... На глазкахъ слезинки блестятъ, на щечкахъ румянецъ горитъ, и вся она, ровно горюшка сияя, ровно яблочко румяное.

— Сапфиръ Мирикіевичъ, говоритъ она понономъ тихимъ да ласковымъ. — Сапфиръ Мирикіевичъ, мудрецъ прекрасный. Если бы царевна, дочь царская, прѣдъ тобою бы сердце открыла и посулила бы тебѣ жизнь радостную и любовь на

землѣ и въ небесахъ вѣчную. Отвернулся ли бы ты отъ нея, презрѣлъ бы ты ее ради вѣчной радости?

— Вздрыгнулъ весь Сапфиръ Мирикіевичъ, руки и ноги задрожали, взглянулъ онъ на царевну Милену, долго пристально посмотрѣлъ своими очами черными, и весь поблѣднѣлъ болѣе пзату блага.

— Не пскушай меня, говоритъ: — царевна прекрасная. Знаю и вѣрю я, что любовь твоя сладка и радостна. Но всякая любовь есть страсть и вѣга, сердца трепетъ, а я иду и жажду покоя вѣчнаго, холоднаго и безстрастнаго. Любовь земная проходитъ, какъ селѣный цвѣтъ, сгораетъ, какъ свѣча воску драго, блеснетъ звѣздочкой, потѣшнымъ огнемъ и погаснетъ, исчезнетъ; одинъ лишь неперъ холодный останется.

— Сапфиръ Мирикіевичъ, говоритъ царевна прекрасная: — не погаснетъ любовь истинная. До гробовой доски горитъ она, ровнымъ свѣтомъ теплится; а за гробомъ она тихой небесной радостью горитъ, слава Божьей радуется.

— Покачалъ головой Сапфиръ Мирикіевичъ: покачалъ и стоитъ передъ царевной, опустивъ голову, кожаную лѣстовку перебираючи. Вдохнулъ тжко молодой мудрецъ, вдохнувши, промолвилъ такъ:

— Все это сказка пустая, царевна прекрасная. Далека она отъ правды святой, отъ истины.

— Пѣтъ, вскричала царевна прекрасная: — вѣрнѣ ли ты въ Бога Создателя, вѣрнѣ ли ты въ любовь Его, въ Сына Божія, вѣрнѣ ли въ Духа Его святаго, великаго... А я вѣрю въ жизнь вѣчную, въ жизнь загробную. Есть на небесахъ и трепетъ, и радости. Пѣтъ тамъ покоя смерти холоднаго, вѣтъ тамъ смерти, ибо Богъ тамъ, Богъ живыхъ, а не мертвыхъ.

— И говоритъ тутъ Сапфиръ Мирикіевичъ:

— О! пусть же вѣра въ твоѣмъ сердцѣ горитъ, царевна Милена прекрасная, пусть согрѣваетъ она молодое сердце, ласковое. Въ каждой порѣ есть свои утѣхи и радости... А я отживу здѣсь свой срокъ, отсградоу и вкушу покоя сладостный.

— Удивилась царевна Милена прекрасная, ужаснулась она и горемъ тяжкимъ взгоревала, заплакала.

— Охъ! ты гой еси, говоритъ она: — Сапфиръ Мирикіевичъ. Пѣтъ въ сердцѣ твоѣмъ правды, истины. Ты не любишь жизни, Богомъ дарованной. Ты не вѣрнѣ въ жизнь вѣчную. Поди, спроси бѣлъ горючъ камень Алатырь, хочетъ ли онъ жить жизнью вѣчною.

— Поклонился Сапфиръ Мирикіевичъ царевнѣ Миленѣ, нашелъ онъ бѣлъ горючъ камень Алатырь и говоритъ ему:

— Камень ты, камень Алатырь, лежишь ты здѣсь 3330 лѣтъ, лежишь ты безмятежно, безтрепетно. Сладокъ ли твой покой, и не хочешь ли ты дышать и двигаться, не хочешь ли ты жить жизнью человеческой?

— Говоритъ камень Алатырь, отвѣчаетъ Сапфиру человѣческимъ голосомъ:

— Охъ, ты, неразумный мудрецъ, Сапфиръ Мирикіевичъ. Ты спроси воду быструю въ ручѣ или въ свѣтлой рѣчкѣ, что бѣжитъ по чистымъ камешкамъ, хорошо ли ей зимой подо льдомъ лежать. Не играетъ вѣтерокъ ея струйками, не блеститъ въ нихъ солнце и мѣсяцъ серебромъ и золотомъ. Ты поди, мудрецъ, къ дубу заморскому, что стоитъ на кручѣ горы крутой 330 лѣтъ, безъ пяти дней съ половиною. Ты спроси его, хорошо ли ему жить на горѣ крутой.

— И пошелъ мудрецъ Сапфиръ Мирикіевичъ. Пошелъ онъ къ дубу зеленому, что большимъ шатромъ раскинулся, разошелся вѣтвями во всѣ стороны. Допросилъ его Сапфиръ Мирикіевичъ:

— Ты скажи, скажи, дубъ могучій, мнѣ, не довольно-ль ты пожилъ на своемъ вѣку, посохли ужъ твои корни старые, покривились твои сучья корявые, понагнулись до земли сырой. Видно, хотятъ они въ землѣ нашей матушкѣ вкусить покой сладостный.

— Возгумѣлъ дубъ вѣтвями могучими, возговорилъ дубъ чело- вѣчьнымъ голосомъ:

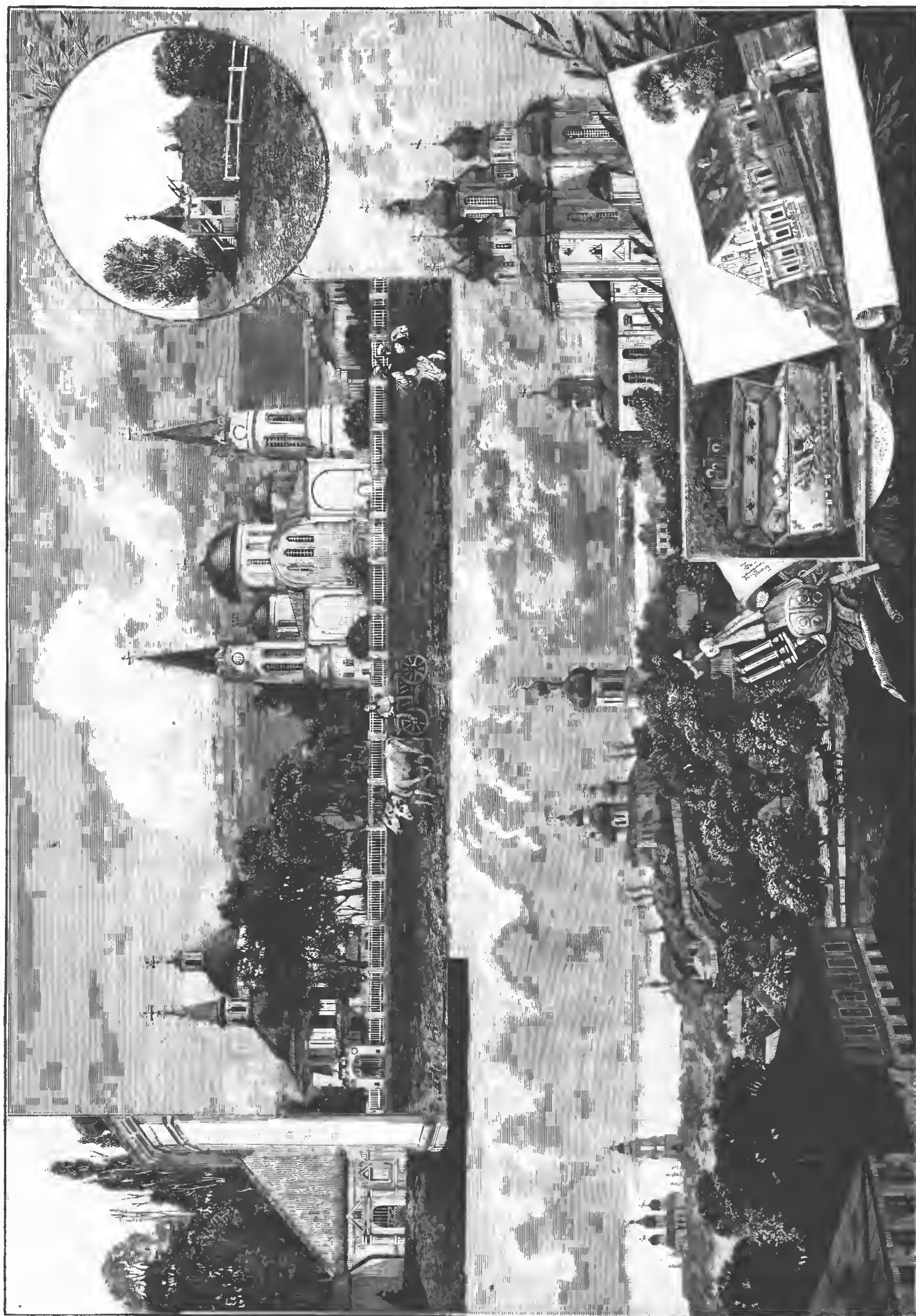
— Охъ, ты неразумный мудрецъ, Сапфиръ Мирикіевичъ. Кому жизнь не мила, кому смерть не страшна. Не моя воли привязала меня къ кручѣ крутой корнями крѣпкими; коли-бъ воли была моя, не стоялъ бы я здѣсь, о судьбѣ своей жалючи, ожидалъ каждый мигъ смерти лютыя; коли-бъ моя была воля, вспорхнулъ бы я легкой птиачкой, полетѣлъ бы я и вослѣлъ, прославилъ Творца моего, въ воздушныхъ тѣлахъ струяхъ купаючися. Ты поди, неразумный мудрецъ, спроси птицу Кохлыгу голосистую, мила ли ей жизнь многоцѣнная.

— И послушалъ дуба, пошелъ Сапфиръ Мирикіевичъ, допросилъ онъ птицу Кохлыгу хохлатую, птицу заморскую:

— Ты скажи мнѣ, скажи, птица сладкогласная, мила ли тебѣ жизнь на свѣтѣ семъ, и не желаешь ли ты покоя безмятежнаго, покоя вѣчнаго.

— Какъ возговоритъ ему птица Кохлыга чело- вѣчьнымъ голосомъ:

— Гой, ты, неразумный мудрецъ, Сапфиръ Мирикіевичъ! Ты вынь, изми изъ меня сердце горячее. Ты вложи, мудрецъ, въ грудь мою золотистую кусочекъ льда студеннаго и тогда меня спрашивай. А до тѣхъ поръ, пока во мнѣ сердце трепещетъ, хочу я вѣчнаго трепета. Влечу я на кручѣ крутой горы, сяду я на древо высокое, поднимусь я на крыльяхъ

Входъ въ пещеры Св. Антонія
Печерскаго.
Троицко-Ильинскій монастырь.

Борисоглѣбскій соборъ
1090—1123 года.

Елецкій монастырь.

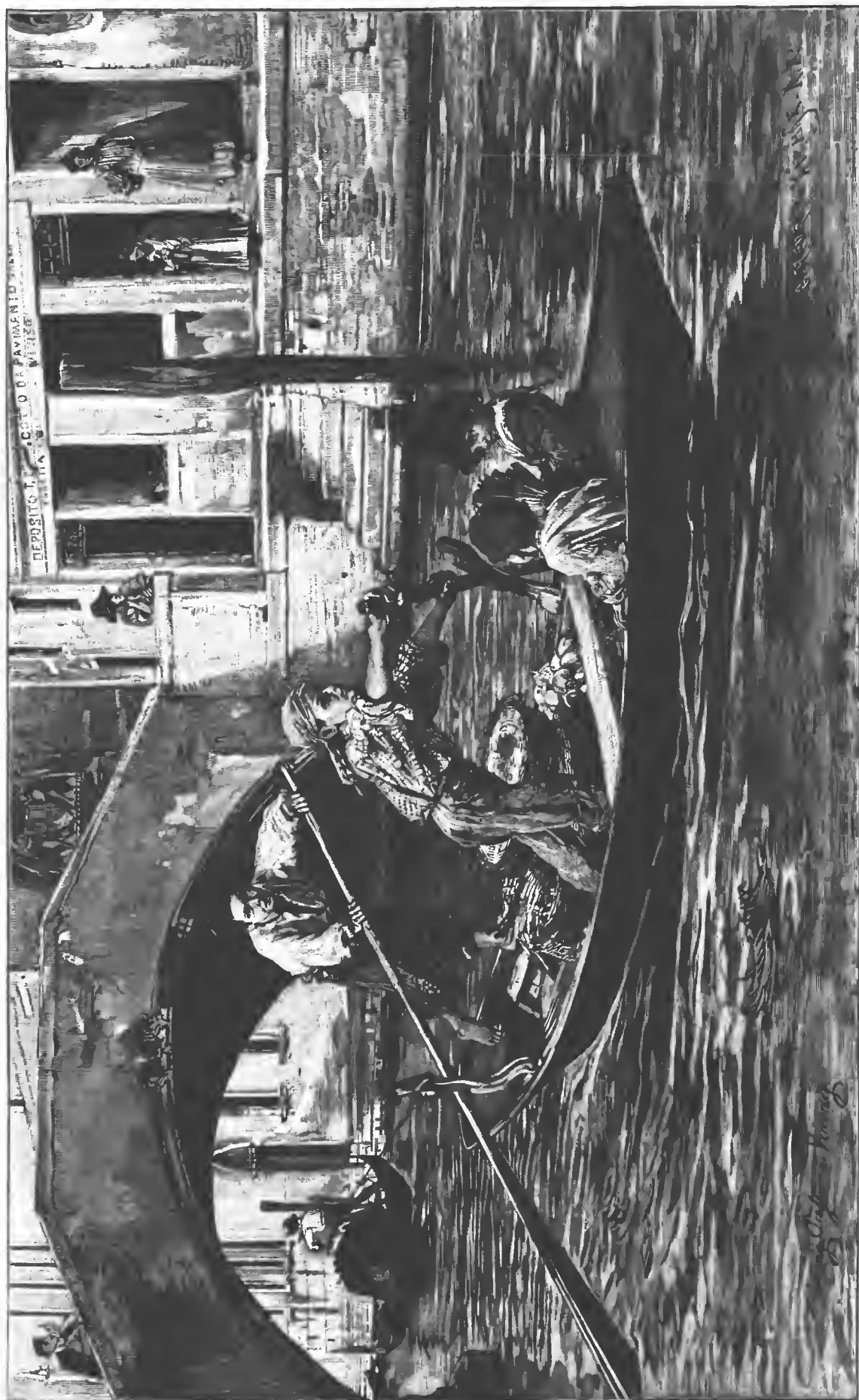
Спасо-Преображенскій соборъ 1024 г.

Мощи Св. Феодосія Углицкаго.

Курганъ-могила князя Чернаго и его дочери.
Екатерининская церковь.

Дворецъ Мазепы, нынѣ Архивъ.

Святѣни Чернигова. Къ предстоящему празднованію 900-лѣтія Черниговской епархіи. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) С. Живоногова, грав. М. Гашевскій.

Венеціанські разносчики. Рис. А. Пассині, по фот. Уніоні, грав. Кірмэс.

быстрыхъ на высь страшенную, далеко, далеко мѣръ Божій подо мною разстилается. Надо мною горитъ солнце яркое, опрокинуто небо синее, и мнится, что тамъ, въ этомъ небѣ сапфирномъ, пная жизнь, пной трепетъ, пная желанія. Сердце рвется туда, но вѣтъ у него крыльевъ ангельскихъ, полетѣтъ къ источнику жизни и свѣта и вѣчнаго трепета.

И вспорхнула птица Кохлыга, затреникала крыльями бѣлыми, и вспомнилась Сапфиру Мирикѣвичу царевна Милена прекрасная. Въ груди его сердце встрепенулося, потянуло его къ царевнѣ Миленѣ красавицѣ, потянуло его къ любви, жизни и трепету.

Идетъ онъ свѣтелъ и радостенъ, всѣ жилки его трепещутъ, дрожатъ. Воздухъ къ нему ласково ластится, солнышко грѣетъ привѣтливо, трава мурава зеленѣетъ параднымъ ковромъ, цвѣты махровы, лазоревы цвѣтутъ, благоухаютъ жизнерадостно. И птицы небесныя поютъ, заливаются, славословятъ жизнь и Творца ея. Остановился мудрецъ, заслушался. Въ груди у него сердце растеть, поднимается, вся душа его радостью, блаженствомъ переполняется. И слышитъ онъ, какъ трава растеть, слышитъ онъ, какъ жемчугъ въ морѣ далеко перекатывается, какъ цвѣты цвѣтутъ, и вся мать сыра-земля, и солнце, и луна, и звѣзды свѣтлыя славятъ Бога Творца. Заслушался Сапфиръ Мирикѣвичъ... А дни идутъ, идутъ, ползутъ, все мимо да мимо его проходятъ. Проходятъ года, проходятъ и тысячи лѣтъ... Все стоитъ, слушаетъ мудрый мудрецъ... И вдругъ проснулся Сапфиръ Мирикѣвичъ. Подушъ съ юга теплый вѣтерокъ, ласковый дружокъ, и очнулся, узрѣлъ и услышалъ Сапфиръ Мирикѣвичъ; оглянулся кругомъ и видитъ: стоитъ онъ середѣ пустыни пустой. Кругомъ его песокъ и камни нагромождены, навалены. Идетъ онъ, шатается, бредетъ, сиотыкается. Дошелъ до маленькой лужицы, испить захотѣлъ. Пагулся онъ къ лужицѣ, смотритъ, глядитъ, что тамъ, въ чистой

водѣ какой-то старецъ сѣдой глядитъ на него... Очнулся, оглянулся Сапфиръ Мирикѣвичъ. Отшатнулся онъ отъ воды-зеркала. Всталъ, дрожитъ, идетъ, шатается. „Куда я зашелъ, куда я попалъ?“ думу думаетъ. И встрѣлся ему на дорогѣ настухъ, такой же древній, какъ и онъ.

— Повѣдай ты мнѣ, добрый человекъ, говорить ему Сапфиръ Мирикѣвичъ: — что здѣсь за страна, и гдѣ, далеко ли престольный градъ царя Бендерей?

Глядитъ на него старецъ-настухъ.

— Нѣтъ, говоритъ: — у насъ никакого царя Бендерей, а отъ старыхъ древнихъ старцевъ я слышалъ, что былъ такой давнымъ-давно, и вотъ теперь видны развалины тамъ, гдѣ градъ его престольный стоялъ.

„Оглянулся Сапфиръ Мирикѣвичъ и, точно, увидалъ одиѣ развалины. И жалостью все сердце его наполнилось, и вспомнилъ онъ такъ живо и ярко дворцы, терема съ переходами. Вспомнилъ онъ и царевну Милену душу. И сердце въ немъ тоскою горькою всплакалось, поженъки его подкосились, опустился онъ на землю сыру, и чуетъ онъ, что смерть подходитъ къ нему.

„Солнце садится низехонько. Темная ночь за нимъ по пятамъ идетъ. Взглянулъ онъ на тихій закатъ, туда, гдѣ солнце ярко горитъ, и возмолвилъ; заплакала его душенька.

— Господи! говоритъ: — не дай мнѣ смерти вкусить. Я жить хочу. Дай мнѣ жизнь, вѣчнаго трепета въ вѣчныхъ селеніяхъ твоихъ, тамъ, гдѣ не заходитъ солнце славы твоей!“

— Бабушка! Бабушка! вскричалъ внучекъ, — смотри-ка, солнышко!

И, дѣйствительно, блѣдное, точно больное солнце глинуло сквозь тучи, и все заблестѣло, обрадовалось свѣту Божьему; засверкали лужицы, забѣлѣли свѣта, и тихо, тихо съ юга тянулись, летѣтъ журавли, звонкую пѣсню курлыкаютъ. Идетъ, грядетъ весна жизнерадостная!

Къ предстоящему празднованію 900-лѣтія Черниговской епархіи.

(Рис. на стр. 472).

Городъ Черниговъ принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ городовъ русскихъ и, по своему значенію археологическому, можетъ быть смѣло поставленъ наравнѣ съ Кіевомъ, Повгородомъ, Полоцкомъ, Ростовомъ и Переяславемъ, такъ какъ онъ, вмѣстѣ съ этими городами, упоминается уже и въ Несторовой лѣтописи, и въ торговомъ договорѣ Олега съ Греками (около 907 года).

Не вдаваясь въ мелкія частности историческаго прошлаго города Чернигова, упомянемъ только, что до половины XIII вѣка Черниговъ былъ столицею самостоятельнаго удѣльнаго княжества; съ половины XIII вѣка вошелъ въ составъ княжества Брянскаго, а затѣмъ, въ XIV вѣкѣ, подпалъ подъ власть Литвы и Польши, и только уже въ половинѣ XVII вѣка былъ присоединенъ къ городамъ Малороссійскимъ, отданнымъ по волю польскаго короля во власть Малороссійскаго гетмана, и сталъ мѣстопробываніемъ Черниговскаго казачьяго полка. Отъ всѣхъ этихъ различныхъ историческихъ эпохъ, пережитыхъ Черниговомъ, въ немъ остались слѣды и памятники, начиная отъ эпохи языческой, неизвѣстной въ исторіи, до эпохи казачества, такъ обильно проливавшего здѣсь кровь въ защиту русской народности и православной вѣры. Отъ эпохи языческой сохранились отдѣльные громадные курганы, въ родѣ, напр., того кургана-могилы, который находится въ саду Елецкаго монастыря и по преданію называется могилою „князя Чернаго и его дочери“—будто-бы основавшихъ самый городъ Черниговъ. Къ тому-же періоду относится, вѣроятно, и огромная группа могил-кургановъ, сохранившаяся на Болдиныхъ горахъ, близъ Троицкаго-Ильинскаго монастыря. Къ первымъ временамъ христіанства принадлежитъ такой драгоценный памятникъ, какъ пещера преподобнаго Антонія Печерскаго, ископанная имъ въ Болдиныхъ горахъ и упоминаемая Несторомъ въ его лѣтописи подъ 1074 годомъ (см. рис. на стр. 472). Ко временамъ удѣльныхъ князей Черниговскихъ относятся монастыри—Троицкій-Ильинскій (въ самомъ Черниговѣ) и Елецкій-Успенскій (близъ города), а также и городскіе соборы: Борисо-Глѣбскій и Старо-Преображенскій, представляющій собою одинъ изъ драгоценнѣйшихъ памятниковъ нашей церковной старины. Наконецъ, о временахъ казачества и гетманства напоминаютъ: Екатерининская церковь, построенная въ XVII вѣкѣ, при архіепископѣ Лазарѣ Барановичѣ (см. рис. на стр. 472) и домъ архива губернскаго правленія (см. рис. на стр. 472), построенный въ концѣ XVI или началѣ XVII вѣка, многими называемый (совершенно неправильно) дворцомъ Мазепы и несомнѣнно вмѣщавшій въ себя некогда канцелярію Черниговскаго полка. Скажемъ подробно о тѣхъ монастыряхъ и соборахъ, которые упомянуты нами выше и пріобрѣтаютъ особое значеніе по поводу предстоящаго празднованія 900-лѣтія Черниговской епархіи. Прежде всего сообщимъ важнѣйшее о Спасо-Преображенскомъ соборѣ, наиболѣе замѣчательномъ по древности и построенномъ въ началѣ XI вѣка. Онъ заложенъ въ вѣнчаніе Мстислава Тмутараканскаго (родного брата Ярослава Мудраго), въ 1024 году, и законченъ при князѣ Святославѣ Черниговскомъ въ 1054 г. Основатель собора былъ погребенъ въ

храмѣ, который онъ началъ строить, и который былъ доведенъ имъ, по выраженію лѣтописца, до такой высоты, „какъ можно достать рукою, стоя на концѣ“. Этотъ памятникъ церковнаго зодчества, воздвигнутый строителями, пришедшими изъ Византии, сохранился въ удивительной неприкосновенности. Стѣны собора чрезвычайно толсты и состоятъ изъ слоевъ толстаго (греческаго) квадратнаго кирпича, которые перемежаются рядами огромныхъ камней, залитыхъ древнимъ цементомъ, который такъ окрѣпъ отъ времени, что его и ломъ не беретъ. Внутри храма сохранились восемь мраморныхъ колоннъ, поддерживающихъ своды хоровъ или „церковныхъ полатей“; другія восемь колоннъ, на хорахъ, поддерживаютъ своды храма. Мраморъ колоннъ красноватаго, а капители и базы желтаго цвѣта. Высота отъ пола храма до середины купола равняется 15-ти саженьямъ. Одна изъ остроконечныхъ башенъ, украшающихъ фасадъ собора, существовала при немъ съ основанія храма и, вѣроятно, вмѣщала въ себѣ лѣстницу, которая вела на хоры или полати; другая пристроена въ концѣ прошлаго вѣка, при реставраціи собора „для симметріи“(!). Въ Спасо-Преображенскомъ соборѣ покоились некогда мощи Св. князя Михаила Черниговскаго, замученнаго въ Ордѣ, вмѣстѣ съ бояриномъ своимъ Θεодоромъ (20 сент. 1246 г.); но въ 1572 году царь Іоаннъ IV приказалъ перенести ихъ въ Москву. Древній храмъ много претерпѣлъ на своемъ долгомъ вѣку вслѣдствіе разореній, пожаровъ и грабежей, а потому въ ризницѣ его не сохранилось никакихъ древностей; самыя старинныя утвари и предметы церковнаго обихода, хранящіеся въ ризницѣ, не восходятъ далѣе конца XVII вѣка.

Борисо-Глѣбскій соборъ, стоящій недалеко отъ Спасо-Преображенскаго, построенъ около 1120 г., княземъ Давидомъ Святославичемъ, который здѣсь и погребенъ (княжилъ отъ 1090—1123 г.). Въ концѣ XIII вѣка соборъ возстановленъ митрополитомъ „всѣя Руси“ Максимомъ, который при немъ устроилъ мужской монастырь. Въ началѣ XVII вѣка поляки обратили храмъ и монастырь въ доминиканскій костелъ, ограбили его драгоценности и передали доминиканцамъ его имѣнія и земли. Только уже при Богданѣ Хмельницкомъ доминиканцы, въ свою очередь, были изгнаны изъ собора, который былъ вновь возвращенъ православію. Въ соборѣ почиваютъ подъ спудомъ мощи преподобнаго Θεодосія Углицкаго, архіепископа Черниговскаго († 1695 г.). Въ числѣ достопримѣчательностей собора нельзя не упомянуть о серебряныхъ царскихъ вратахъ, построенныхъ въ 1702 году иждивеніемъ гетмана Мазепы. Часть этихъ вратъ сдѣлана изъ серебра, найденнаго въ древнемъ кладѣ, при рытѣ фундамента для Спаской колокольни.

Елецкій-Успенскій монастырь (см. рис. на стр. 472), по первоначальной постройкѣ своей, относится къ первой половинѣ XI вѣка. Сначала онъ назывался просто *Богородицкимъ*, а *Елецкимъ* сталъ, по преданію, называться только съ 1069 года, когда на мѣстѣ нынѣшняго монастырскаго Успенскаго храма явилась икона Божіей Матери, на *ели*.

Ильинскій-Троицкій монастырь, близъ города Чернигова и неподалеку отъ Елецкаго-Успенскаго, также относится, по пре-

данію, къ XI вѣку. Въ 1237 году монастырь былъ разрушенъ татарами, болѣе 400 лѣтъ стоялъ въ запустѣніи, и только уже въ XVIII вѣкѣ его возобновилъ одинъ изъ Черниговскихъ полковниковъ, нѣкто Пободайло. Въ соборномъ храмѣ монастыря хранится чудотворная икона Ильинской Божьей Матери, ни-

санная въ 1658 году. Монастырь въ былое время славился своею типографіею, въ которой много было напечатано разныхъ духовныхъ книгъ.

Празднованіе 900-лѣтія Черниговской епархіи предстоитъ въ августѣ текущаго года. П.

Литературныя бесѣды.

«Наканунъ», ром. Тургенева.

Истинный и великій художникъ, Тургеневъ вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ до той или другой степени не отдать дань своему времени увлеченіями въ сторону идей, господствовавшихъ, или вѣрнѣе, начинавшихъ властно входить въ русское общество. Романъ „Наканунъ“ былъ именно такою данью, пріятною современникамъ, но которую потомки могутъ цѣнить уже по-своему. Тургеневу, какъ правдивому художнику, не свойственно было изображать тенденціозно выдуманные образы, односторонне собирать и соединять въ своемъ произведеніи факты и явленія, имѣющіе доказать извѣстную автору заранее мысль, и все персонажи романа „Наканунъ“ проникнуты жизненною правдою; съ этой стороны онъ остался истиннымъ художникомъ. Но эти живые, полные правды, образы, говорящіе сами за себя гораздо болѣе, чѣмъ могъ бы сказать словами, а не изображеніемъ, самъ авторъ, не свободны отъ извѣстнаго идеальнаго колорита, наложеннаго авторомъ именно словами, показывающими отношеніе къ нимъ съ его стороны.

Болгаринъ Инсаровъ, центральная фигура романа, имѣетъ значеніе почти идеала. Въ сопоставленіи съ нѣсколькими русскими людьми, по обыкновенію, у Тургенева слабыми волею и мало дѣятельными, хотя и очень талантливыми, какъ напр. художникъ Шубинъ, Инсаровъ представленъ мощною фигурою, полною страшной энергіи и безавѣтной преданности какой-то идее. Но въ томъ-то и состоитъ великое значеніе художественнаго образа, что онъ самъ свидѣтельствуетъ о себѣ истину, что бы авторъ ни говорилъ о немъ, въ каки бы краски онъ его ни облекалъ. И если мы взглянемъ въ личность Инсарова, впечатлѣніе получится отъ него нѣсколько иное, чѣмъ то, которое навѣваетъ романъ. Въ числѣ положительныхъ свойствъ Инсарова несомнѣнно нужно назвать замѣчательную энергичность. Но энергія его имѣетъ своимъ источникомъ не одну его натуру, но и страшную, безпредѣльную ненависть къ притѣснителямъ его страны, кровавые подвиги которыхъ онъ съ дѣтства видѣлъ своими собственными глазами; ненависть эту впиталъ онъ въ себя съ молокомъ матери и въ ней нашелъ свой патріотизмъ, свою любовь къ родинѣ, т. е., собственно, страстное желаніе выгнать изъ нея ненавистныхъ притѣснителей, — а это, нужно замѣтить, далеко еще не та святая любовь къ родинѣ, полная безкорыстія и преданности къ ней, которую можно идеализировать, это еще не преданность идеѣ родины. Вообще, неотразимо представляется вопросъ, возможно ли еще, чтобы изъ такого злого источника, какъ ненависть, могли возникнуть незапятнанные чувства и идеи. Естественнѣе скорѣе отрицательный отвѣтъ, и личность Инсарова оправдываетъ это предположеніе. Онъ суровъ и безпошадеи, несомнѣнный деспотъ — и даже эгоистъ, въ томъ смыслѣ, что передъ его чувствомъ ненависти все должно преклоняться, онъ все ей подчиняетъ, и не признаетъ ничего, что пошло бы противъ нея. Съ тѣхъ норъ, какъ написалъ романъ Тургенева, успѣло много уйти воды въ море жизни, и мы теперь знаемъ, что такое эти суровые и безпошадные „освободители Болгаринъ“; современная исторія этой страны даетъ хорошіе комментарии къ личности Инсарова, къ тѣмъ свойствамъ ея, о которыхъ мы сказали. А затѣмъ, что же мы видимъ въ немъ? Да, кромѣ этого — ничего. Въ романѣ Тургенева онъ прикрытъ со всѣхъ другихъ сторонъ таинственнымъ покрываломъ: мы не узнаемъ ни свойствъ его ума, ни направленія его мысли, ни свойствъ его сердца и настроенія душевнаго, — ничего, что такъ важно въ характеристикѣ человѣка, что и составляетъ „типъ“. Можно, вѣдь, ненавидѣть притѣснителей родины, вслѣдствіе этого быть энтузіастическимъ приверженцемъ освобожденія ея — и оставаться злѣреи, способнымъ принести той же родинѣ неизмѣримо больше печали, чѣмъ радости. И можно ли этого человѣка возводить въ идеалъ въ странѣ, люди которой съ такимъ безавѣтнымъ самоотверженіемъ, въ годъ Отечественной войны и позже на крымскихъ берегахъ, жертвовали своею жизнью, кровью и имуществомъ, исключительно, въ силу священнаго долга передъ родиной, и умѣли въ то же время проявлять чувство жалости и справедливости, какъ къ побѣжденному, такъ и къ побѣждавшему врагу. Каждый русский солдатъ могъ бы служить Инсарову примѣромъ болѣе возвышенныхъ чувствъ безстрашія и самоотверженности. И какой смѣсъ можетъ имѣть сопоставленіе Инсарова съ художникомъ Шубиннымъ, на примѣръ. Положенія ихъ совершенно различны, и дѣятельности ихъ не совпадаютъ. Если бы Шубинъ обладалъ въ тѣ же свойства, какія имѣлъ Инсаровъ, дать ему безпредѣльную ненависть къ чему либо, уборую единственную идею, онъ казался бы среди мирной своей обстановки просто маньякомъ, въ лучшемъ случаѣ — лицомъ комическимъ. И если въ немъ, дѣйствительно, присутствуютъ и слабость воли, и чрез-

мѣрная русская уступчивость, и вѣчное недоверіе къ своему же собственному дѣлу, и слишкомъ мирное, рядомъ съ этимъ, увлеченіе своимъ художествомъ, то какое же все это имѣетъ отношеніе къ Инсарову съ его идеями? Елена, конечно, могла отвертываться отъ подобныхъ ему и предпочитать Инсарова, — это ея дѣло, но правда не на сторонѣ Инсарова и Елены.

Елена — другая центральная фигура романа. Ею авторъ какъ бы говоритъ, что женская любовь, которая почитается такимъ счастьемъ, дается не тому, кто мирнымъ обывателемъ, среди маленькаго дѣла, проводитъ свою жизнь, а герою, какъ Инсаровъ, хотя геройство этого послѣдняго она видѣла близко, по правдѣ сказать, только въ сценѣ съ пьянымъ нѣмцемъ, котораго герой биистательно повергъ въ воду. Дѣло идетъ, притомъ, о любви такой женщины, которая можетъ составить предметъ безпредѣльнаго чувства и дать рѣдкое счастье. Такъ, по крайней мѣрѣ, выходитъ по всему смыслу романа.

Елена, дѣйствительно, принадлежитъ къ идеальнымъ русскимъ натурамъ, носящимъ на себѣ въ существенномъ многія тѣ же типическія черты, что и Лиза „Дворянскаго гнѣзда“. Основная черта ея характера все та же безграничная преданность долгу, уничтоженіе передъ нимъ своей личности. Разъ придя къ явному пониманію, чему она можетъ отдать свою любовь и всю жизнь свою, она, не колеблясь уже, вступаетъ на тотъ путь, который открывается передъ ней. Но только выросла она среди теченія другихъ, новыхъ идей, принадлежитъ другому времени и другому направленію, и, главнымъ образомъ, внѣшнія черты ея жизни нѣмнѣются до неузнаваемости. То было время стремленій къ „дѣятельности“ въ обществѣ, вырастали идеалы „новыхъ людей“, которые кореннымъ образомъ должны были отличаться отъ людей обыкновенныхъ. На почвѣ идеализированныхъ представлений о политической жизни Европы, каждый человѣкъ начиналъ считать себя призваннымъ ставить и рѣшать общественные „вопросы“, и не только рѣшать ихъ теоретически, но и требовать пракческаго примѣненія своихъ измысленій. Нѣсколько позже уже не было даже нпкого изъ „политически развитыхъ“ людей, кто бы не считалъ себя въ правѣ и въ возможности принять на себя управленіе государствомъ по министерствамъ и внутреннимъ, и внѣшнимъ дѣламъ, и финансамъ, и проч., и для всего этого требовалось немного болѣе, чѣмъ поступленія на первый курсъ высшаго учебнаго заведенія. „Идеальная стремленія“ этого рода создали совершенно особые отношенія къ жизни, къ дѣятельности. Человѣкъ въ тѣсной сферѣ личной жизни, какъ бы ни была полезна для общества его дѣятельность, уже не считался дѣятелемъ общественнымъ, — для послѣдняго необходимы были публичность и широкое, видное для всѣхъ поприще. Это была эпоха широкихъ замысловъ, необятныхъ задачъ. „Развитые люди“ носили въ своихъ головахъ не подлежащія сомнѣнію и критикѣ сѣмена „счастія всего человѣчества“, и только наиболѣе благоразумные соглашались ограничить свои задачи „счастіемъ“ своего отечества, родной страны. Когда писалось „Наканунъ“, это направленіе еще только назрѣвало, но Тургеневъ, съ обычной своей чуткостью, уже угадалъ его наступленіе. И Елена является въ романѣ уже съ печатью своеобразности особенностей новѣйшихъ идеаловъ и новѣйшей нравственности.

Инсаровъ былъ, повидимому, именно такой человѣкъ, который олицетворялъ собою „новаго“ человѣка, общественнаго дѣлателя, казался героемъ. Сфера его дѣятельности была для Елены областью неизвѣстной, частности этой дѣятельности были для нея закрыты, и эта таинственность именно должна была вліять особенно обаятельно, вводила въ область какъ бы „чистой идеи“. Будь Инсаровъ вполнѣ открытымъ, со всеми своими практическими, частными приемами борьбы, въ которыхъ много было, конечно, элементовъ интриги, вражды, соперничанія и т. п., и въ которыхъ ясно выразился бы для наблюдателя характеръ героя, какъ просто человѣка, — ореолъ чистаго борца за свободу, украшавшій его чело, могъ бы значительно потускнѣть. Но ничего этого не было — и Елена отдала Инсарову безповоротно свое чистое сердце. Былъ тутъ, въ этой любви, и чисто женскій элементъ, доуспокающій сближеніе Елены съ Натаней въ „Рудинѣ“, она слѣшшила „идею“ и стремленія человѣка съ самой личностью его, тогда какъ можно увлечься идеями, и совершенно не увлечься личностью человѣка, исповѣдующаго ихъ; она, конечно, не знала, что можно проповѣдывать съ полною искренностью и стойкимъ убѣжденіемъ превосходныя идеи, и быть въ то же время человѣкомъ лично дурнымъ и тяжелымъ, неспособнымъ составить ничье счастье. И Елена, если бы Инсаровъ остался

жить, — кто знает? — может быть, пришлось бы пережить горькія разочарованія.

Увлеченіе Елены исходило из источника чистаго. Можно сказать, что она отдавалась идеалисту и его идеям, а не человеку, и Тургеневъ подчеркнул это обстоятельство, заставивъ ее, послѣ смерти мужа, отдаться дѣлу, которому, по ее представленіямъ, онъ служилъ всю свою всдогую жизнь. И такъ и слѣдовало по новому кодексу нравственности, вхо- дившему тогда въ моду среди „развитыхъ“ и „новыхъ“ людей. По тому же кодексу, носившему печать полнѣйшаго космо- политизма и учений о „свободѣ“ человека, она безъ сожалѣній

и безъ борьбы оставила домъ, родину и все, чѣмъ жила до тѣхъ поръ, въ пользу дѣла, въ которое она вѣрила. Къ сожа- лѣнію, Тургеневъ ничего не говоритъ намъ, насколько дѣй- ствительность оправдала ее вѣру; мы, однако, знаемъ, что той самой родиной Елены, которую она бросила, не найдя въ ней удовлетворенія своимъ стремленіямъ, пришлось пожертво- вать жизнью и кровью тысячъ своихъ сыновъ за это самое дѣло, столь дорогое для нея — и снести черную неблагодар- ность. Такъ исторія опровергла идеализацию жизненнаго и съ художественною правдою изображеннаго явленія, столь увле- кающаго Тургенева и его современниковъ.

Арсеній Введенскій.

Въ память исполнившагося десятилѣтія Коронованія Государя Императора Александра III.

15-го мая 1883 года совершилось въ Москвѣ Свя- щенное Коронованіе нынѣ-благополучно царствующаго Императора Всероссийскаго Александра III. Ликованія древней первопрестольной столицы, собравшей въ стѣ- нахъ своихъ, ко дню этого торжества, избранныхъ гражданъ со всей Россіи, нашли себѣ, въ ту пору, го- рячій и глубоко-прочувствованный откликъ въ серд- цахъ всѣхъ русскихъ людей, на самыхъ отдаленныхъ окраинахъ нашего громаднаго отечества. Не было храма, изъ котораго, въ день этого многознаменательнаго тор- жества, не возносились-бы теплыя молитвы Всевышнему за здравіе, благоденствіе и долгодѣіе Царя, возла- гавшаго на себя Россійскую Императорскую корону, и твердою рукою принимавшаго державу и скипетры!.. Не было семьи, въ которой-бы не вспоминали съ вос- торгомъ о томъ, что совершалось въ Москвѣ, къ ве- ликому счастью и благу всей Россіи!.. Не было хи- живы, въ которой не радовались тому, что Государь Императоръ возлагаетъ на себя Вѣнецъ Царствія пред- ковъ и принимаетъ Св. Миропомазаніе, освящающее великій обѣтъ Царскаго званія!

Нынѣ исполнилось 10 лѣтъ съ того многознаменатель- наго и торжественнаго дня! Десять лѣтъ, прожитыхъ

Россією мирно, спокойно, благополучно, въ постоянной внутренней работѣ, обновляющей жизненные силы го- сударства и направляемой Державною Волею къ еди- ной цѣли—благу и процвѣтанію нашего дорогого оте- чества... Десять лѣтъ, въ теченіе которыхъ Всемогущая Десница Божія великимъ чудомъ избавляла Монарха нашего отъ неминуемой опасности, грозившей Ему и Августѣйшей Семьѣ Его, какъ бы указывая въ Немъ излюбленнаго Избранника Божія!.. Десять лѣтъ, въ те- ченіе которыхъ Монархъ нашъ поднималъ на мощныя плеча свои столько тяжелыхъ трудовъ, столько отече- скихъ заботъ о насущныхъ нуждахъ своего народа, и при- велъ его къ положенію исключительно-благопріятному по отношенію ко всѣмъ иноземнымъ державамъ, которыя, высоко цѣня миролюбіе Императора Всероссийскаго, счита- ютъ его лучшимъ залогомъ общеевропейскаго мира!

Вспоминаая все свершившееся на глазахъ нашихъ въ теченіе этихъ лѣтъ по волѣ и предначертаніямъ на- шего Державнаго Вождя, мы можемъ только отъ всей души молить Бога о томъ, чтобы благоденственное и мирное царствованіе обожаемаго Монарха продолжа- лось еще много и много лѣтъ, къ Его славы и къ про- цвѣтанію горячо любимой Имъ Русской Земли!

Къ рисункамъ.

Предательская шутка. (Рис. на стр. 461).

Живописецъ Гуго Кауфманъ, вмѣстѣ со многими другими выдающимися представителями нѣмецкаго искусства, Фр. Де- фрегеромъ, К. Рауномъ, М. Шмидтомъ, Эберле и другими, останавливается въ своихъ произведеніяхъ надъ изображе- ніемъ жизни обитателей Тироля и сосѣднихъ съ нимъ мѣст- ностей. Тонкій наблюдатель и превосходный рисовальщикъ, г. Кауфманъ всегда замѣчательнъ и по чувству, и, особенно, по безобидному юмору перѣдко превосходитъ перваго изъ упо- мянутыхъ мастеровъ и едва-ли не лучшаго живописца совре- менной Германіи. Избѣгая драматическихъ сюжетовъ, онъ больше останавливается на обычныхъ явленіяхъ своеобраз- ной жизни тиролецъ или нѣмецкихъ бюргеровъ, дѣлая гал- лерея которыхъ имъ изображена въ карандашныхъ рисункахъ. Въ своей картинѣ „Предательская шутка“ онъ изобразилъ, какъ подгулявшій дровосѣкъ выплываетъ изъ кружки пива въ трубу бродячаго музыканта, задремавшаго въ деревенскомъ кабацкѣ.

Съ открытіемъ навигаціи. (Рис. на стр. 464).

Пришла весна, пришла красна: съ полей сталъ свѣтъ, и подъ теплыми солнечными лучами рѣчка сбросила ледяные покровы. Запертая въ четырехъ стѣнахъ дѣтвора въ долгіе зимніе мѣсяцы высыпала на улицу, и каждый устраиваетъ потѣху на свой ладъ. Вотъ мальчуганъ, быть можетъ, будущій мореходъ, строитъ изъ лаята корабль, чтобы спустить его въ блистающей на солнцѣ рѣчкѣ.

Скворецъ на весеннемъ привольѣ. (Рис. на стр. 465).

Кто не знаетъ скворца, эту небольшую чернотатую птичку, вѣчно подвижную и покрывающую на разные голоса. Самою раннею несною прилетаютъ они съ юга, часто въ то время, когда еще лежитъ глубокій свѣтъ, и селятся обществу, по возможности, въ снороватыхъ мѣстахъ или въ „скворешникахъ“, которыхъ, въ видѣ небольшихъ домиковъ, выставляетъ забот- ливый хозяинъ на шестѣ или высоко на деревѣ. Привлечь эту птицу не трудно и крайне полезно, такъ какъ скворецъ въ изобиліи истребляетъ вредныхъ улитокъ, червей и наѣдокъ. По расчету натуралиста Ленца, пара старыхъ скворцовъ ежедневно должна истребить до 140 улитокъ, а къ концу лѣта, когда ихъ семья увеличится, число уничтожаемыхъ сна-

ней и т. п., должно дойти до 840 за день. Поэтому не удиви- тельно, что во многихъ мѣстахъ охотно привлекаютъ сквор- цовъ, и, благодаря ихъ плодovitости, число этихъ полезныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ птицъ увеличивается значительно. Такъ, въ герцогствѣ Готскомъ и по Тюрингенвалду за 3—4 года ихъ развелось до 180,000 штукъ, которые истребляли, по край- ней мѣрѣ, ежедневно 12.600,000 улитокъ, червей и наѣдокъ.

Въ цеволѣ скворецъ легко приручается и доставляетъ не мало развлеченія своею подвижностью, смѣшлостью и умѣньемъ перенимать всякіе звуки, даже человеческую рѣчь. Тотъ же натуралистъ пишетъ: „будучи мальчикомъ, я имѣлъ скворца, который напѣвалъ двѣ пѣсенки, перемѣнивая ихъ собственнымъ пѣніемъ и разными звуками и прерывая иногда ясно произносимымъ словомъ „мошенникъ!“ Когда его заго- няли въ уголъ и дразнили, онъ приходилъ въ настоящую ярость, поднимался, испустивъ клеваль во всѣ стороны, сви- стала изъ всей мочи или бранился: „мошенникъ, мошенникъ!“ Если я игралъ на дугу, скворушка была со мною и кукалса, гдѣ только могъ, или помогала отыскивать дождевыхъ червей; влѣзалъ-ли я на вѣтвиное дерево, скворушка садилась рядомъ и работала безъ усталости. Онъ, точно собака, повсюду былъ со мною, смотрѣлъ мнѣ въ лицо и понималъ мои слова...“

Венеціанскіе разносчики. (Рис. на стр. 473).

Каждое новое произведеніе знаменитаго акварелиста Луд- вига Пассини, о жизни и произведеніяхъ котораго читатели „Нивы“ найдутъ обстоятельный очеркъ въ № 35 за 1890 годъ, расходится во множествѣ гравюръ и оттисковъ по бѣлу-свѣту, украшая страницы иллюстрированныхъ журналовъ. На его картинѣ „Венеціанскіе разносчики“ съ большимъ искусствомъ изображены два подростка, которые развозятъ на лодкѣ „ве- неціанскіе“ овощи и провизію, захвативъ съ собою малень- каго братишку и сестренку, которая уже умѣетъ обмахиваться вѣеромъ, лукаво поглядывая на берега. Въ теченіе дѣла для раздѣла ихъ звонкій голосъ, и поздно вечеромъ возвра- щаются они домой въ то время, когда

По каналамъ посребренныя
Опрокинулись дворцы,
И блестятъ веселомъ безсоннымъ
Запоздалые гребны.

Высокопреосвященный Феоно́сть, архіеписко́пъ Новгородскій.

(Портр. на этой стр.).

Высочайшею Волею, 21 ноября 1892 года, на старѣйшую кафедру Новгородскую назначенъ архіепископомъ Феоно́сть, бывшій епископъ Владимірейскій и Суздальскій. Высокопреосвященный замѣчательнъ своею административно-педагогическою дѣятельностью въ нашемъ духовномъ мірѣ. Высокопреосвященный Феоно́сть — уроженецъ Тверской губерніи, Бѣжецкаго уѣзда, села Замытля, сынъ священника, въ мірѣ носилъ имя Георгія Лебедева. Родился въ 1830 году. Образование получилъ въ Тверской духовной семинаріи, а затѣмъ въ С.-Петербургской духовной академіи, гдѣ окончивъ курсъ со степенью магистра, принялъ монашество и посвятилъ себя педагогической дѣятельности. Первоначально онъ былъ смотрителемъ духовныхъ училищъ Кирilloвскаго (Новгородской губ.) и Петербургскаго; затѣмъ инспекторомъ Новгородской духовной семинаріи и ректоромъ Орловской и Подольской семинарій. Въ 1866 году онъ былъ назначенъ епископомъ Вяземскимъ, викаріемъ Подольской епархіи; въ 1870 году былъ самостоя-

Архіепископъ Новгородскій и Старорусскій Феоно́сть.
Съ фот. Здобнова, грав. Шюблеръ.

тельнымъ епископомъ въ Астрахани; въ 1874 г. въ Подольскѣ, а въ 1878 г. онъ былъ назначенъ во Владимірѣ.

Высокопреосвященный удостоенъ многими наградами: между прочимъ, орденомъ Св. Александра Невскаго, брилліантовымъ крестомъ на клобукѣ и неоднократно вызываемъ былъ для присутствованія въ Святѣйшій Синодъ.

Плоды дѣятельности высокопреосвященнаго ярко свѣтятся передъ глазами всѣхъ. Такъ, въ бытность свою во Владимірѣ, онъ основалъ несломнческіе классы съ обученіемъ чтенію и пѣнію, а также братство во имя Св. Александра Невскаго, на средства котораго учреждены въ епархіи 317 церковно-приходскихъ школъ, двѣ школы иконописи. Учредилъ также школу ичеловодства, братскую бібліотеку съ отдѣленіемъ книгъ противораскольническаго направленія и близко принимать къ сердцу дѣятельность миссіонеровъ. Какъ человекъ, высокопреосвященный Феоно́сть въ высшей степени добрый и гуманный. Такъ, для обезпеченія бѣднаго духовенства во Владимірѣ имъ учреждены приютъ для престарѣлыхъ и больныхъ лицъ духовнаго званія, почти на собственный капиталъ.

Нельзя также не упомянуть и о реставраціи Успенскаго со-

Пень гигантскаго дерева *Sequoia gigantea*, по окружности котораго свободно помѣщается 50 человекъ. Съ фот. грав. Флюгель.

бора во Владиміръ (XII вѣка). сдѣланной стараніями высокопреосвященнаго.

Итакъ вновь возстановленная древняя кафедра Повгородская имѣетъ достойнаго преемника въ лицѣ высокопреосвященнаго Θεогноста, право правящаго и исполняющаго на дѣлѣ истины учения Христова.

А. А. Зыбинъ.

Гигантское дерево (Sequoia gigantea).

(Рис. на стр. 477).

Рисунокъ нашъ на стр. 477 представляетъ колоссальный пень американскаго *Sequoia gigantea*, по одной окружности котораго можеть помѣститься до 50 человекъ. Секвойя, на ряду съ австралийскимъ эвкалиптовымъ деревомъ, считается самымъ большимъ деревомъ въ мірѣ. Эти паумительные великаны достигаютъ перфдо высоты Кельнскаго собора, и толщина ихъ ствола доходитъ до 40 футовъ въ діаметрѣ.

Секвойя, называемая также велигтоніей или ванингтоніей, была открыта впервые въ 1850 г. англійскимъ путешественникомъ Лаббомъ въ калифорнійской Сьеррѣ-Невадѣ. Специальныхъ рошъ или лѣсовъ исключительно изъ этихъ деревьевъ не обнаружено до сихъ поръ никѣмъ; секвойя встрѣчается среди другихъ хвойныхъ породъ разбросанная въ одиночку; чаще всего попадаются секвойи меншихъ размѣровъ—*Sequoia gedwood* и лишь гораздо рѣже—*Sequoia gigantea*. Разница между ними очень значительна. Въ то время, какъ стволъ первой породы даетъ среднимъ числомъ 75.000 досокъ въ квадр. футъ, пень ствола второй—можно добыть до 400.000 такихъ же досокъ. Такимъ образомъ, одно такое великанъ-дерево можеть на долгое время доставить работу цѣлому лѣсонильному заводу. Къ сожалѣнію, совсѣмъ не замѣчается новыхъ, молодыхъ деревьевъ этой породы, могущихъ явиться на смѣну старымъ великанамъ, доживающимъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, второе тысячелѣтіе, и потому, по всѣмъ вѣроятіямъ, эта дивная порода исчезнетъ совершенно вмѣстѣ съ послѣдними нещадно вырубляемыми старыми своими экземплярами.

Юлій Ивановичъ Феддерсъ. (Портр. на стр. 480).

Профессоръ пейзажной живописи Юлій Ивановичъ Феддерсъ родился 7-го іюня 1838 года въ Лифляндіи. Первоначальное общее образованіе онъ получилъ въ Рижской гимназіи, а потомъ въ частной гимназіи настора Бергмана. Несмотря на раннія проявленія художественнаго своего таланта, Ю. И. готовился сначала къ занятіямъ на медицинскомъ поприщѣ; но таившееся въ глубинѣ его души непреодолимое стремленіе къ искусству взяло, наконецъ, верхъ, и онъ, согласно своему

влеченію, направился въ Академію Художествъ, куда и поступилъ въ 1856 году.

Въ академіи онъ оставался шесть лѣтъ. Въ 1862 г., несмотря на успѣшный ходъ его занятій и на полученные имъ за свои работы двѣ серебряныя медали, Ю. И. долженъ былъ по домашнимъ обстоятельствамъ оставить академію, такъ какъ отецъ его скончался и матеріальное положеніе Ю. И. значительно намѣнилось. Вынужденный добывать средства къ существованію собственнымъ трудомъ, Ю. И. принялъ мѣсто учителя рисованія въ Митавскомъ реальномъ училищѣ.

Принявъ, однако, это мѣсто, онъ не оставилъ налитру и кисти, продолжалъ усердно работать, и въ маѣ 1863 года получилъ первый академическій дипломъ. Такимъ образомъ, въ текущемъ году исполняется ровно тридцать лѣтъ его официально, такъ сказать, признанной художественной дѣятельности. Но на выставкахъ, собственно, онъ участвуетъ съ 1862 г.

Въ 1872 году Ю. И. Феддерсъ было присуждено званіе класснаго художника 2-й степени, въ 1875 г. — то же званіе 1-й степени, а въ 1880 г. званіе академика. Въ нынѣшнемъ году, въ тридцатилѣтнюю годовщину своей дѣятельности, Ю. И. Феддерсъ получилъ званіе профессора.

Специальностью профессора Феддерса является пейзажная живопись, но онъ писалъ и портреты, которые также весьма художественны и могли бы составить сами по себѣ имя художнику. Академіей Художествъ для музея приобретены семь его картинъ и множество этюдовъ—для пейзажнаго класса.

Въ 1874 г. на Лондонской всемірной выставкѣ Ю. И. былъ удостоенъ пменной медали за картину „Смерть“ (соств. шаха Персидскаго). Картины его были выставлены въ 1882 г. на Всероссийской выставкѣ, на Берлинской юбилейной академической выставкѣ въ 1886 г. и на всемірной Парижской выставкѣ 1889 г.

Фотообъекты. (Рис. на стр. 481).

Одинъ изъ помѣщенныхъ на стр. 481 рисунковъ передаетъ точную копію съ женскаго портрета въ видѣ бюста. На другомъ рисункѣ наглядно изображено, какъ снимаются такіе портреты. Фотографируемое лицо помѣщается позади пустой колонны или пьедестала изъ крашеннаго дерева. Задрапировавъ модель въ бѣлую фланель или покрывъ ей голову каскою или другимъ какимъ-нибудь головнымъ уборомъ изъ бѣлаго картона, осыпавъ ей волосы и лицо рисовою пудрою. Позади модели помѣщаютъ фонъ изъ чернаго бархата. Получивъ негативъ, на немъ выцарапываютъ познкомъ всѣ тѣ части, которыя не должны быть видны, и затѣмъ на позитивѣ получается бѣлый бюстъ на черномъ фонѣ.

Разныя извѣстія.

— 6 мая, въ день рожденія Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, въ Исаакиевскомъ соборѣ, въ присутствіи Высочайшихъ Особъ, высокопреосвященнѣйшимъ Палладіемъ совершена была торжественная литургія.

— Въ *Правит. Вѣстникѣ* опубликовано Высочайшее повелѣніе о соединеніи въ одну линію Самаро-Златоустовской и Оренбургской жел. дорогъ, съ присвоеніемъ соединенной линіи наименованія „Самаро-Златоустовская жел. дорога съ Оренбургскою вѣтвью“.

— Древнѣйшій Софійскій соборъ въ Новгородѣ рѣшено реставрировать, и всѣ художественныя и техническія работы поручены академикъ архитектуры В. В. Суслову.

— Въ № 59 *Собранія узаконеній и распоряженій Правительства* напечатаны правныя о призывѣ прапорщиковъ запаса въ учебные сборы 1893 года и о предоста-

вленіи названнымъ лицамъ права, въ случаѣ призыва въ учебные сборы съ государственной гражданской службы, сохранять за собою должности по означенной службѣ и все присвоенное имъ по сямъ должностямъ содержаніе.

— Колоссальный нашъ крейсеръ „Витязъ“, стоившій около 6.000.000 р. и посланный для надзора за котиковымъ промысломъ, съѣз на камень въ бухтѣ Лазаревъ, у острова Завалишина. Несмотря на оказанную евоерменно изъ Владивостока помощь, вслѣдствіе свирѣпствовавшей непогоды, крейсеръ снасти не удалось. Большому зыбью, при снѣжмъ вѣтрѣ, „Витязъ“ жестоко било и ломало о камни; носъ крейсера до машины затопило. Никто изъ экипажа ничуть не пострадалъ, всѣ, по официальнымъ свѣдѣніямъ, совершенно здоровы.

— Очень многие значительные заводы и фабрики, въ разныхъ мѣстахъ Россіи, устраи-

ли въ нынѣшнемъ году, согласно донесеніямъ фабричныхъ инспекторовъ, колыбельни и пріюты, предназначенные для вскармливанія и первоначальнаго воспитанія малолѣтнихъ дѣтей фабричныхъ рабочихъ.

— По послѣднимъ, опубликованнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ по всѣмъ губерніямъ и областямъ Россіи, въ теченіе прошлаго года совершены 2.401 убійство, 1.736 самоубійствъ и 763 дѣтубійства.

— Профессоръ С.-Петербургскаго университета Ф. Ф. Мартенсъ избранъ въ члены королевской бельгійской академіи, на мѣсто покойнаго французскаго писателя Эмиля де-Лавета. Несмотря на то, что конкурентомъ почтеннаго профессора на это почетное званіе былъ знаменитый англійскій ученый Джонъ Леббокъ, большинство голосовъ оказалось на сторонѣ популярнаго за-границей своимъ ученымъ авторитетомъ Ф. Ф. Мартенса.

Политическое обозрѣніе.

18 мая, въ Герлицѣ, въ Пруссіи, состоялось торжественное открытіе конной статуи императора Германскаго Вильгельма I. При открытіи былъ и державный внукъ его, императоръ Вильгельмъ II, который на данномъ по этому случаю парадномъ банкетѣ произнесъ рѣчь, при чемъ высказалъ, что нынѣ дѣло идетъ объ обезпеченіи будущности отчества. „Для этого наши вооруженныя силы нуждаются въ укрѣпленіи. Я, — говорилъ императоръ, — приглашаю націю ассигновать нужныя на это средства; этотъ серьезный вопросъ, отъ котораго зависитъ существованіе нашей родины, стоитъ впереди всѣхъ другихъ вопросовъ. Пусть будетъ отброшено все, что разъединяетъ германскій народъ и что увлекаетъ личные взгляды на различные пути. Такъ какъ дѣло касается будущности отчества, то пусть Лауницъ, равно какъ и другія часты монархіи, вѣрою послужатъ династіи“.

Въ газетахъ, за нѣсколько дней до этого событія, появилось

извѣстіе, что якобы принцъ-регентъ Брауншвейгскій возбудилъ предъ императоромъ Вильгельмомъ вопросъ о приглашеніи Бисмарка къ открытію въ Герлицѣ статуи императора Вильгельма, но получилъ отказъ. По поводу этого извѣстія лица, находящіеся въ близкихъ отношеніяхъ къ Бисмарку, заявляютъ, что бывшій канцлеръ совершенно отказался отъ всякой мысли о дѣятельной политической роли, и что нельзя представить себѣ никакой случайности, никакого положенія или оборота, которые побудили бы князя нарушить необходимый для него покой.

Въ Вѣнѣ британскому послу Паджету, который уѣзжаетъ отсюда, англійская колонія поднесла, на прощанье, адресъ. Паджетъ, благодаря подносителей, произнесъ рѣчь, въ которой, въ деликатной формѣ, призвалъ стремленіе англійской политики пользоваться Австріею для защиты британскихъ интересовъ на Востокѣ; онъ заявилъ, что главную задачу политики Англійи составляетъ поддержаніе серьезной дружбы съ

ей „естественным союзником“—Австро-Венгріей, и указавъ на одинаковость восточной политики обоихъ государствъ.

Почти одновременно съ г. Пэдджетомъ покидаетъ Вѣну и нашъ военный агентъ, полковникъ Зуевъ. По этому случаю, корпусъ офицеровъ квартирующаго въ Вѣнѣ пѣхотнаго имени Императора Александра полка давалъ прощальный обѣдъ полковнику Зуеву. Командиръ полка полковникъ Баласъ провозгласилъ „босі“ въ честь Государя Императора. Тостъ, при звукахъ русскаго народнаго гимна, былъ многократно и восторженно привѣтствованъ офицерами. Затѣмъ, полковникъ Зуевъ провозгласилъ тостъ въ честь императора Франца-Иосифа, при чемъ въ своей заздравной рѣчи говорилъ о рыцарскихъ чувствахъ австрійскихъ офицеровъ, которые, будучи только воинами, а не дипломатами, не обращали вниманія на мимолетныя политическія теченія и относились къ нему, только какъ къ товарищу по оружію. Въ заключеніе полковникъ Зуевъ поднялъ бокалъ за пѣхотный имени Императора Александра полкъ и послѣднія слова рѣчи произнесъ на венгерскомъ языкѣ (полкъ рекрутируется въ Венгрію), что вызвало шумный восторгъ.

Во Францію возвратился изъ Дагомен генералъ Доддъ. Встрѣча его превышаетъ всякія ожиданія; въ Марселіи генерала привѣтствовали такъ, какъ привѣтствовали войска, возвращавшіеся послѣ итальянской кампаніи. Городъ и портъ украшены были флагами, путь генерала осыпали цвѣтами, народъ былъ въ себя отъ восторга. Во время „пунша“, на которомъ присутствовало 1,500 офицеровъ, въ томъ числѣ 16 генераловъ, исполненъ былъ русскій гимнъ, встрѣченный восторженно.

Библиографія.

Исторія 13-го Лейбъ-Гренадерскаго Эриванскаго Его Величества полка за 250 лѣтъ. М. О.—А. III. 1642—1892. Съ портретами, рисунками, изображеніями, картою походовъ въ Россіи и прочихъ странахъ, картою Кавказа и планами штурмовъ сраженій. Составилъ по архивнымъ документамъ и другимъ первоисточникамъ Генеральнаго Штаба генералъ-лейтенантъ П. О. Бобровскій. Часть третья. Егерь (1786—1816). 1893. Цѣна (тома) 10 руб.

На страницахъ нашего журнала уже говорилось о названномъ превосходномъ трудѣ генерала П. О. Бобровскаго, представляющемъ собою высокоцѣнное ученое сочиненіе. Третья часть, лежащая передъ нами, обнимаетъ эпоху жизни старѣйшаго полка русскаго арміи—необыкновенно интересную. Съ переводомъ на Кавказъ, онъ служитъ святому дѣлу защиты

Французскія газеты предостерегаютъ публику отъ неомѣрныхъ увлеченій, выставя на видъ, что, при безпорныхъ военныхъ способностяхъ, Доддъ все-таки не Тюрень и не Бонапарте, а также не слѣдуетъ въ немъ видѣть новаго Булашева.

Принцъ Кобургскій съ молодою супругою прибылъ въ Болгарію. Въ Константинополѣ ему не пришлось побывать и представить султану свою жену, и онъ, послѣ нѣсколькихъ дней плаванія, высадился въ Австрію, чрезъ которую и прибылъ въ Болгарію.

Египетскій вопросъ вступаетъ въ новый фазисъ, если вѣрить *Mémorial Diplomatique*. По свѣдѣніямъ этой газеты:—предполагаютъ весьма энергичныя усилія, направленные къ тому, чтобы склонить лондонскій кабинетъ къ отозванію британскихъ войскъ съ береговъ Нила. По этому поводу обнаруживались опасенія насчетъ образа дѣйствій Порты при такихъ обстоятельствахъ. Турецкое правительство глубоко убѣждено въ томъ, что лордъ Розберри склоненъ еще болѣе своего предѣлителя, лорда Салесбери, къ сохраненію британской оккупации Египта, и въ Константинополѣ полагаютъ, что потребуется не малая энергія для устраненія препятствій, встрѣчаемыхъ со стороны Foreign Office'a. Ни отъ единого изъ своихъ правъ султанъ не отречется; онъ, напротивъ, исполненъ рѣшимости требовать ихъ восстановленія и противопоставлять все ту же стойкость систематическимъ отказамъ Англіи. Порта намѣрена, попрежнему, обнаруживать твердость и не отступаться ни отъ малѣйшей части своихъ требованій относительно Египта.

Научныя и техническія новости.

— Изъ трепела (кремнистой накали или иффузорной земли), крахмала и ѣдкой щелочи можно приготовить *превосходный материалъ для постройки* шитья, стѣны и пр. На 76 частей воды прибавляютъ 16 частей картофельнаго крахмала и 8 частей ѣдкой щелочи. При смѣшеніи этихъ веществъ получается желатиноподобная масса, оказывающаяся отличнымъ цементомъ для скрѣпленія рыхлаго трепела. Послѣдняя прибавляютъ къ цементу до тѣхъ норъ, пока получится масса такой консистенціи, которая годится для пресовки и формовки. Она очень скоро высыхаетъ и образуетъ твердый камень, отличающійся большою легкостью и ничтожною теплопроводностью; онъ непроницаемъ для воды и сырости и отлично выдерживаетъ большія давленія.

— Для предохраненія *стины отъ сырости* совѣтуютъ обмазывать ихъ слѣдующимъ составомъ. На литръ воды (0,08 ведра) прибавляютъ 500 граммовъ (1,2 фунта) желатина и 50 граммовъ (0,12 ф.) двуххромистаго калия. То же самое получится, если въ шубномъ клѣ растворить 3% двуххромистаго калия. Подъ влияніемъ этого послѣдняго, клей или желатинъ, выставленный на солнце, дѣлается нерастворимымъ въ водѣ. Средство

это годится, слѣдовательно, только для стѣнъ, которыя въ теченіе дня освѣщаются солнцемъ; въ мѣстахъ же темныхъ, напримѣръ, погребахъ и пр., оно не имѣетъ силъ.

— Въ бромистомъ аммоніи найдено отличное *средство противъ морской болѣзни*. Принимать его надо три раза въ день по 10—15 гранъ на приемъ.

— Въ Соединенныхъ Штатахъ изобрѣтенъ приборъ, которымъ можно пользоваться въ военное время для охраны береговъ отъ неприятельскихъ судовъ, а въ мирное для предохраненія кораблей отъ угрожающей имъ опасности. Приборъ этотъ названъ *гидрофономъ* и состоитъ въ сущности изъ долазанаго колокола, снабженнаго микрофономъ. Движеніе, производимое въ водѣ винтомъ вращающаго парохода или торпедной лодки, уже на разстояніи получили сообщается микрофону и вызываетъ сигналъ въ видѣ ли колокольнаго звона или выстрѣла.

— Открытымъ недавно свойствомъ *парафиннаго воска* растворять при 100—110° Ц. гуттаперчу и каучукъ успѣли уже воспользоваться для приданія разнымъ тканямъ *непроницаемости для воды*. Достаточно смазать матерію растворомъ 15% каучука въ

парафиновомъ воскѣ, чтобы получить непроницаемое для воды платье.

— На сѣверномъ берегу Норвегіи жители употребляютъ въ качествѣ *штукатурки* — *ворвань навалы*, которая стоитъ тамъ очень дешево. На 120 вѣсовыхъ частей ворвани прибавляютъ 20 частей скипидара, 200 частей цинковой окиси (бѣлой цинковой краски), 13 частей желтой охры. Сдѣланные недавно опыты доказали, что составомъ этимъ очень полезно обмазывать деревянные дома для предохраненія ихъ отъ разрушительнаго дѣйствія сырой погоды.

— Простой кузнецъ изъ Квебека (въ Канадѣ) сдѣлалъ замѣчательное открытіе въ техники. Ему удалось найти секретъ *закаливанія бронзы*. Искусство это было извѣстно еще въ глубокой древности: его знали уже строители пирамидъ — древніе египтяне. Но когда желѣзо и сталь начали вытѣснять бронзу, то мало-по-малу забылось и искусство закаливанія этого металла. Прошло нѣсколько тысячелѣтій, пока кузнецъ Аллардъ снова напалъ на эту мысль. Въ настоящее время онъ приготовляетъ бронзовые топоры и другія острія орудія, не уступающія по твердости самой лучшей стали.

Искусство.

Проекты новаго театра.

Въ Обществѣ Поощренія Художествъ была недавно открыта выставка проектовъ зданія театра въ Иркутскѣ по конкурсу. Выставка эта любопытна во многихъ отношеніяхъ, но, главнымъ образомъ, она интересна тѣмъ, что даетъ наглядное и, въ общемъ, полное понятіе о художественной сторонѣ современной русскаго архитектуры, по преимуществу монументальной. Всѣхъ проектовъ театра, какъ оказывается, было прислано тридцать восемь, или

около того,—цифра, конечно, не большая, но если принять во вниманіе, что въ конкурсѣ, какъ это само собой разумѣется, приняли участіе наши лучшія архитектурныя силы, то эта цифра окажется довольно значительной и многозначительной. Я, разумѣется, говорю здѣсь исключительно о художественной сторонѣ дѣла, а вовсе не о строительныхъ и техническихъ подробностяхъ и приспособленіяхъ, могущихъ интересовать лишь специалистовъ.

Задача заключалась въ томъ, чтобы представить проектъ театра средней величины, — на 800 зрителей, — вѣроятно, недорогой по

сметѣ, вмѣстительный, въ техническомъ отношеніи соответствующій климату, а въ художественномъ — соответствующій общему характеру города. Но большинство проектов, присланныхъ на конкурсъ, созданы въ большей или меньшей степени по типу петербургскаго Марининскаго театра. Болѣе самостоятельными оказывается проектъ подъ девизомъ „16“, — тоже нечто въ родѣ цирка, на который похожъ Марининскій театръ, — но только съ острокопечными башенками русскаго стиля, на главномъ, лицевомъ фасадѣ. Такихъ проектовъ съ башенками есть нѣсколько; каждый изъ нихъ имѣетъ свои оригинальныя черты, но временамъ, довольно своеобразныя, но едва-ли вполне удовлетворяющія художественное чувство. Проектъ подъ девизомъ „Meus agitat molem“ очень своеобразенъ: это нечто въ родѣ многэтажнаго американскаго дома, четвероугольнаго, сильно вытянутаго вверхъ, напоминающаго собору большія зданія въ Чикаго повѣйшей постройки. Можетъ, со временемъ наша Сибирь и будетъ представлять нечто въ родѣ пынѣйшей промышленной Америки, но навѣрное можно сказать, что до сихъ поръ она этого характера не имѣетъ, такъ что и зданія по американскому типу пока совершенно не соответствуютъ практическимъ и художественнымъ потребностямъ страны. Еще болѣе оригинальнымъ представляется проектъ подъ девизомъ „Ермакъ“, въ боковомъ своемъ фасадѣ, это — очень длинное, притиснутое сверху зданіе съ крышей въ родѣ громадныхъ трубъ. Лучшими являются проекты подъ девизомъ „В“, „Opus X. 1893“, „Amico“ и треугольника съ красными кружкомъ внутри.

Общее впечатлѣніе, выносимое зрителемъ при внимательномъ осмотрѣ всѣхъ этихъ проектовъ сводится, въ общемъ, къ тому, что наши архитекторы избѣгаютъ извѣстныхъ стилей и даже извѣстныхъ типовъ; отъ стиля Renaissance они сохраняютъ только подробности; но больше всего увлекаются смѣшанными формами, отчасти, напоминающими средневековыя зданія, отчасти пользуясь тѣмъ или другимъ типомъ древне-русскаго стиля, но больше всего — антихудожественностью американскихъ грандіозныхъ построекъ, не имѣющихъ никакого *raison d'être* у насъ. В. Чуйко.

„Другъ Фрицъ“.

Петербургъ познакомился недавно со второй оперой Масканьи „Amico Fritz“, которую ловкій издатель Сондоно также старался раздуть въ геніальное произведение, по которой уже даже въ Италіи не пыла успѣха. Мы видѣли эту оперу въ „Opernhaus“, во время пребыванія на художественно-театрально-музыкальной выставкѣ въ Вѣнѣ, и мѣстная публика, вообще, очень пристрастная къ названному композитору, довольно-таки равнодушно слушала эту скучную новинку. Повидимому, русская печать болѣе была справедлива, не призывая въ Масканьи по одной одноактной оперѣ „Сельская честь“, „наместника Верди“, „юного свѣтила“, „генія Италіи“ и пр.; такими эпитетами щедро награждала италіанская печать и извѣстная часть вѣнской творца „Cavaleria rusticana“, благодаря неслыханнымъ рекламѣ его издателя.

На основаніи двухъ его оперъ (мы еще третей — „Братья Рапцау“ — не знаемъ, но иностранные отзывы о ней довольно-таки неопредѣлены) можно уже рѣшительно высказаться о степеняхъ дарованія этого появившагося кулира. Уже по „Сельской чести“ мы вынуждены были отмѣтить бѣдность мелодической изобрѣтательности у многошумнаго Масканьи; мы и тамъ не видали того родника вдохновенія и мелодій, который способенъ обшаривать нечто выдающееся въ начинающемъ композиторѣ. Но вотъ проходитъ полгода, въ теченіе котораго Масканьи работаетъ надъ „Фрицомъ“, а реклама не перестаетъ трубить о выходящемъ изъ ряду войъ новомъ произведеніи. Полгода для маленькой трехактной оперы слишкомъ громадный срокъ для композитора, котораго прямо объявили решимъ и замѣстителемъ Верди. Настоящіе геніи пишутъ шедевры въ нѣсколько недѣль; вспомнимъ хотя бы „Севильскаго Цырюльника“ Россини, написаннаго, оркестрованнаго и поставленнаго на сцену въ теченіе *тринадцати дней*.

Конечно, полгода покажется ничтожнымъ временемъ, если сравнимъ его съ періодомъ въ двадцать лѣтъ, который употребилъ Вагнеръ для „Кольца Нибелунговъ“ или нашъ покойный Бородинъ для „Князя Игоря“ (восемнадцать лѣтъ); но и для генія полгода серьезной и исключительной работы для трехактной, небольшой по объему, партитуры, каковую является „Другъ Фрицъ“ — за глаза довольно и, если-бы у Масканьи былъ, действительно, выдающийся талантъ, онъ-бы за это время далъ произведение, которое затмилъ-бы первую оперу; на самомъ-же дѣлѣ, случилось нечто обратное: „Фрицъ“ доказываетъ, что „Сельская честь“ куда лучше его; слѣдовательно, таланта его хватило только на одинъ актъ и то съ грѣхомъ пополамъ, такъ какъ

лучшія мѣста первой оперы весьма близки къ народнымъ мотивамъ, если не прямо заимствованы. Такъ или иначе, но слава Масканьи значительно пала послѣ второй оперы, знакомство съ которой было, однако, очень интересно и желательно.

Сюжетъ „Друга Фрица“, вѣроятно, всѣмъ извѣстенъ по талантливой повѣсти Эркмана-Шатриана или по сценической пьесѣ того же названія. Фрицъ и Сюзель, добродушный раввинъ Давидъ, имѣющій слабость всѣхъ женитъ, друзья Фрица — вотъ герои. Но что хорошо въ разсказѣ, то не всегда годно для сцены, требующей прежде всего дѣйствія: послѣдняго именно и нѣтъ, а разъ нѣтъ дѣйствія, — есть, что хотите, — талантливая жанровая картина, болѣе или менѣе удачный этюдъ, — но не драма. Иллюстрировать такое произведение музыкаю рискованный шагъ со стороны композитора, обладающаго сценическимъ чутьемъ, — и Масканьи напрасно рискнулъ сдѣлать изъ этого оперу: въ первомъ дѣйствіи разговариваютъ о любви, во второмъ тоже и въ третьемъ тоже; понятно, что разговоры должны, наконецъ, надобѣсть, что, дѣйствительно, и случается уже послѣ перваго акта, — ибо *музыка* почти совсѣмъ нѣтъ въ этой оперѣ; все речитативы и речитативы, и притомъ безталанныя, — безцѣльныя, поотвѣчающіе характерамъ героямъ.

Въ этой массѣ нумеровъ едва ли наберемъ четыре, болѣе или менѣе интересныхъ; сюда надо причислить скрипичное соло (за дулями) въ первомъ актѣ, любовный дуэтъ во второмъ, напоминающій таковой въ опереткѣ „Маскота“, и аріозо Фрица въ послѣднемъ. Старался еще авторъ охарактеризовать цыгана, но это ему мало удалось. Изъ оркестровыхъ нумеровъ назовемъ интересно къ послѣднему дѣйствію. Этого, во всякомъ случаѣ, не много для второй еще только оперы композитора, котораго такъ вознесли до небесъ за болѣе или менѣе удачную первую попытку.

В. Баскинъ.

Профессоръ живописи Ю. И. Федерскій.

По фот. грав. Шюблеръ.

Смѣсь.

Электрическое освѣщеніе съ воздушныхъ шаровъ. Одинъ изъ нью-йоркскихъ электрическихъ журналовъ сообщаетъ, что нѣкто Смитъ изъ С.-Франциско составилъ проектъ освѣщенія городовъ сверху, а именно — электрическими лампами, привѣшенными къ воздушнымъ шарамъ. Авторъ проекта употребляетъ въ своихъ опытахъ шары изъ алюминія, имѣющіе форму сигары, шириною въ 12 метровъ, 4,5 метра въ діаметрѣ. Такой шаръ выдерживаетъ тяжесть шести лампочекъ съ дугою. Можно употребить также лампочки накаливашія съ рефракторами, отражающими свѣтъ внизъ. Источникъ электричества находится на землѣ.

Въ германской арміи производятся уже опыты въ этомъ направленіи, но только съ настоящими воздушными шарами, управляемыми человекомъ, и во время ближайшихъ маневровъ предполагается освѣтить съ высоты 600 метровъ, сплошъ свѣта въ 5000 свѣтъ, пространство въ 500 метровъ въ діаметрѣ.

Основатель Чикагскаго университета, знаменитый американскій милліонеръ Джонъ Д. Рокфеллеръ принесъ въ даръ означенному университету еще милліонъ долларовъ. Такимъ образомъ, сумма его пожертвованій въ пользу этого университета равняется теперь 3.600.000 долларовъ. Директора университета обратились къ нему съ просьбой объ этомъ послѣднемъ пожертвованіи, въ виду настоятельной необходимости огромной суммы для развитія своихъ колоссальныхъ плановъ и предначертаній. Въ числѣ этихъ плановъ проектируется устройство морскаго училища. Всего за время годового существованія Чикагскаго университета принесено ему въ даръ разными лицами около 7.000.000 долларовъ. Въ немъ насчитывается 600 студентовъ. Учебный персоналъ состоитъ изъ 119 профессоровъ и преподавателей. Такимъ образомъ, своимъ огромнымъ богатствомъ этотъ юный университетъ далеко превосходитъ своихъ даже древнѣйшихъ собратьевъ въ Европѣ. Джонъ Рокфеллеръ, по его словамъ, въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ пожертвовалъ для воспитательныхъ, образовательныхъ и благотворительныхъ цѣлей болѣе 5.000.000 долларовъ.

Просьба о помощи для спасенія людей отъ слѣпоты. Слѣпота есть великое несчастіе въ жизни человѣка, между тѣмъ въ Россіи есть множество бѣдныхъ людей, которыхъ посредствомъ во-время сдѣланной операціи или иного рода лѣченія можно бы спасти отъ слѣпоты; но у насъ такъ мало специалитовъ по глазнымъ болѣзнямъ, что такая помощь доступна лишь весьма немногимъ, а большинство гибнетъ навсегда, теряя зрѣніе.

Понечительство о слѣпыхъ, сознавая весь ужасъ этого положенія, желало бы приступить къ образованію летучихъ отрядовъ, составленныхъ изъ молодыхъ окулистовъ, и командировать ихъ въ разныя мѣстности Россіи, для подачи пущей помощи страдающимъ глазнымъ болѣзнями; но, не имѣя на это свободныхъ средствъ, Поне-

чительство обращается къ частнымъ благотворителямъ съ просьбою оказать ему свое доброе содѣйствіе къ спасенію людей отъ слѣпоты. Припошениіа принимаются въ С.-Петербургѣ, въ Канцеляріи Попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ (Большая Конюшенная, № 1, кв. 24), у Предсѣдателя Совѣта Статсъ-Секретаря Грота, въ гомѣ же домѣ, и у члена Совѣта Николая Павловича Забугина (Департаментъ Таможенныхъ Сборовъ).

Изученіе политическаго дѣленія земли привело Оппеля къ слѣдующимъ результатамъ: 4 милліона квадратныхъ верстъ представляютъ территорію не населенную или никому не принадлежащую, 13 милліоновъ кв. верстъ лишены правильнаго государственнаго устройства, громадное же пространство въ 117 милліоновъ кв. верстъ организовано въ видѣ 65 государствъ, изъ которыхъ 18 занимаютъ 87% всей земной поверхности, остальные же очень малы.

Сѣть телеграфныхъ проволокъ вокругъ всего свѣта. Телеграфная сѣть обрывается въ настоящее время на западныхъ берегахъ Америки и восточныхъ Азіи и Австраліи; телеграфные кабели проложены только по дну Атлантическаго океана, между

этого устраняетъ всякую возможность поддѣлки, если составъ красящаго раствора будетъ сохраненъ въ тайнѣ. Сущность дѣла въ томъ, что бумага, опущенная въ смѣсь разныхъ красящихъ веществъ, пронитывается ими не одновременно и не съ одинаковою быстрою. Поэтому капля определенной смѣси, помѣщенная въ центрѣ билета, расплывется постепенно въ видѣ ряда концентрическихъ разноцвѣтныхъ круговъ различной, по определенной для каждой цвѣта величины.

Память по И. С. Тургеневѣ. Въ нынѣшнемъ году, 22 августа, исполнится десять лѣтъ со дня смерти И. С. Тургенева. По странному совпаденію, на нынѣшній же годъ приходится 75-ти-лѣтіе дня его рожденія (28 октября 1818 г.) и 50-ти-лѣтіе появленія первой повѣсти его „Параша“, вышедшей отдѣльною книжкою въ началѣ 1843 г. Обращая вниманіе на такое совпаденіе, полагаемъ, что оно не пройдетъ незамѣченнымъ въ интеллигентномъ обществѣ и въ нашемъ литературномъ мірѣ, который, вѣроятно, предприметъ что-нибудь по этому поводу.

Сила воды. Убѣдительное доказательство силы воды представляеть слѣдующій интересный опытъ, произведенный недавно въ одномъ

Способъ сниманія.

Образецъ снимка.

Фотоюбсты. Съ фот. грав. Турія.

Европой и Америкой; въ Тихомъ-же океанѣ кабелей нѣтъ. Вслѣдствіе этого жители Америки лишены были до сихъ поръ прямого телеграфнаго сообщенія съ Азіей, Африкой и Австраліей. Чтобы послать телеграмму изъ Санъ-Франциско въ Пекинъ, Сидней (въ Австраліи) или Капштадтъ (въ Африкѣ), приходится телеграфировать въ Европу и просить о передачѣ денешн въ другую часть свѣта. Сопраженія съ такимъ порядкомъ затрудненія и неспрѣтное чувство зависимости отъ старушки Европы заставили гордыхъ лини взяться за устройство непрерывной телеграфной линіи отъ восточныхъ береговъ Тихаго океана къ Сандвичевымъ островамъ, Новой Зеландіи и Австраліи. Начатіе уже давно переговоры между американцами и австрайлійскими колоніями о совместномъ участіи въ расходахъ предпріятія близятся теперь къ концу, и есть надежда, что и по дну Тихаго океана будетъ вскрытъ проложенъ кабель, и тогда вся земля опутается непрерывной сѣтью телеграфныхъ проволокъ.

Новый способъ приготовленія банковыхъ билетовъ предложилъ баварскому правительству нѣмецкій физикъ Гибра. Способъ

изъ восточныхъ городовъ Соединенныхъ Штатовъ. Посѣтителі одной гостиницы заспорили и, наконецъ, побились объ закладъ въ томъ, что даже очень сильный человѣкъ не въ состояніи выдержать, если ему на руку, приблизительно, съ высоты одного метра, станутъ лить по каплѣ кварту (около 1¹/₂ литра) воды. Одинъ коренастый сильный господинъ согласился на предложенное пари въ полной увѣренности, что подобная бездѣлица его нисколько не затруднитъ; однако, онъ выдержалъ лишь наденіе 500 капель и затѣмъ отдернулъ руку, говоря, что не въ состояніи довести опытъ до конца. Каждая капля, казалось ему, разможила его руку. На рукѣ образовался большой пузырь.

Международный словарь. Въ Берлинѣ вышелъ недавно словарь нѣмецкаго, англійскаго, французскаго и итальянскаго языковъ. Удобство его заключается въ томъ, что всѣ слова этихъ языковъ размѣщены въ одномъ алфавитномъ порядкѣ, такъ что нѣмецкія слова идутъ вперемежку съ французскими, англійскими и итальянскими. Вслѣдствіе этого словаремъ этимъ могутъ пользоваться съ

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№ „Нивы“, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полную годовую подписную плату за „Ниву“ 1893 года, озботиться своевременными срочными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Г.г. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероля, подъ которымъ получается ими „Нива“.

однаковыми удобствами люди всех указанных четырех народностей, но особенно полезен он может быть тем, кому приходится заниматься переводами со всех этих языков.

Цивилизация в Сиами. 14 января 1893 г. жители Сиамского королевства впервые увидели движущийся железнодорожный поезд. В этот день открыто было сообщение на первом участке строящейся железной дороги от Банкока на Корат. (г. в.)

Международная гонка вельботов и катеров состоялась недавно в Америке, в Нью-Йорке, на „North-River“. В гонку принимали участие команды всех национальностей с судов, стоящих на рейде. Интерес был всеобщий, потому что, как у самих участников, кроме собственного их самолюбия, работало самолюбие национальное, так и у всех зрителей несомненно билось сердце — чья возьмет? — На приз, состоявший, однако, из 70 долларов (140 р.), никто, разумеется, не обращал внимания, и никто не думал о нем... Наши русские моряки не выдали себя! Честно победил на этом международном состязании принадлежит им. Первый приз лихо взял вельбот с русского крейсера „Генерал-Адмирал“. Второй и третий призы взяли вельботы с английских судов „Blake“ и „Australia“.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Вл. Ал. Тр—ву.

„Не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель молодой,
Какъ извы болей вдохновенный...“

Тифлисы—подписчику. Какъ известно, молъ заводится обыкновенно в течение двухъ недель. Поэтому для сохранения отъ немъ мѣхонныхъ вещей, необходимо уложить ихъ (возможно плотно) въ хорошо сколоченный, чистый ящикъ или сундукъ и закрывать каждый день лѣдкой тщательно выколачивать мѣхъ. Вотъ единственное средство отъ молы, которыми пользуются мѣхонщики-специалисты.

Л. Н. И. (Харьковъ). Ваша задача будетъ помѣщена въ Сборникъ за Июнь.—Соборите Вашъ адресъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежний печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

ОБРАЗЦЫ И ФОРМЫ ДѢЛОВЫХЪ БУМАГЪ

(письма, прошенія, договоры, обязательства, судопроизв. бумаги, справки, свидѣнія).
Сост. Н. Мартыновъ. 1893 г. 50 к., въ колѣц. переплетѣ. съ тисненіемъ 75 к.
НОВЫЙ ЗАКОНЪ О ДѢТЯХЪ УЗАНОВЕННЫХЪ И УСЫНОВЛЕННЫХЪ съ разъясн. и образцами прошеній. Сост. Н. Мартыновъ. 1891 г. 40 к.
ПОЛОЖЕНИЕ О НАЗЕН. ПОДПЯДАХЪ И ПОСТАВНАХЪ, съ доволн. и разъясн. Сената. Сост. членъ Суд. Пал. А. Гауеръ. 1893 г. 60 к., въ кол. перепл. 80 к.
ИЗЪ ВОСПОМИНАНІИ СУД. СЛѢДОВАТЕЛЯ. Разсказъ В. Волкина. 1892 г. 50 к.
Выписывающіе изъ Юрид. кн. магазина Н. Н. Мартынова (СПБ., Б. Морская, 28) не платятъ за пересылку, кроме расхода на пошл. и платежъ. № 6413

Новая книга во всехъ книжн. магазинах:

ХРИСТОФОРЪ КОЛУМБЪ
истор. романъ изъ эпохи открытія Америки
Евгенія Шрекшпа,
въ 2-хъ частяхъ (312 стр.). Цѣна 2 руб.
Вногородные, выписывающіе изъ склада изданий П. П. Соколкина, СПб. Волгоченскій пр., № 47, за пересылку не платятъ.

Станки и машины
для разнообразной
обработки дерева завода
Крумрейна и Наца.
В. В. ЖУКОВСКИЙ.
С.-Петербургъ,
10 рога, 16.

938 верстъ сдѣлано
въ 42 часа на вело-
сипеда Руджъ.
Представители К. Руджъ
Абачицъ и Орловъ.
Москва, Мясницкая, домъ
Ситова. Ц. № 6393 3—2

Вышли изъ печати 2-мъ изданіемъ:
II т. о поземельн. устр. крестьянъ, А. Скорова. Ц. 4 р. I т. Горнаго устава, А. Скорова. Ц. 4 р. За всѣми изданіями адресоваться въ Москву, Мясницкая 14, Александру Флегонтовичу Скорову. Тамъ-же можно получать и I т. 3 изд. Крестьяне и ихъ узаконенія. Ц. 5 р. Почтается 2-е изд. Устава о частн. золотопром. Ц. 3 р. 50 к.

НАТУРАЛЬНАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА

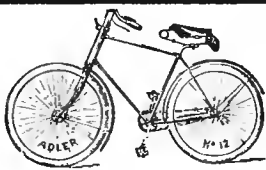

ФРАНЦЪ-ИОСИФЪ

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ: Въ послѣднее время появились въ продаж искусственныя воды подъ названіемъ „ФРАНЦЪ-ИОСИФЪ“, почему покорѣйше просимъ при покупкѣ нашей натуральной воды, обращать вниманіе на ярлыкъ съ короной.

Дирекція источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ „ФРАНЦЪ-ИОСИФЪ“ въ Будапештѣ.

Продается во всехъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и Заграницы. Дирекція въ Буда-Пештѣ.

Гейрихъ Клейеръ, велосипеды „Орелъ“
Франкфуртъ н/М. (отдѣлен. въ Гамбургѣ).
Спеціальная фабрика знаменитыхъ 24—8
велосипед. „Орелъ“.
На всемирной выставкѣ въ Чикаго въ группѣ 83.
Иллюстр. прейсъ-курантъ въ 10 коп. марку.

ШАХМАТЫ.

подъ редакціей Э. С. Шифферса.

Задача № 13.

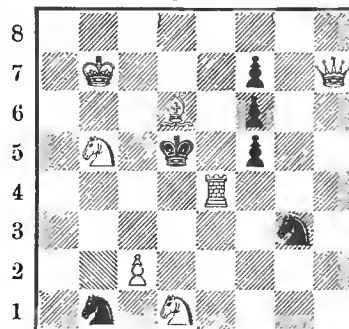
I. Kotrc (Praga).

Черные.

Задача № 14.

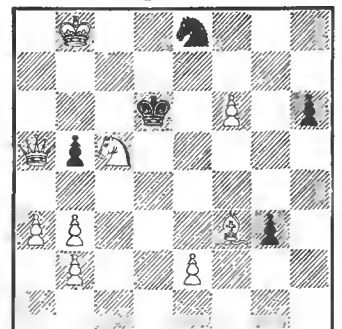
K. Stal (+) (Göteborg).

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

Рѣшенія задачъ № 8 „Нивы“ за 1893 г.

№ 5. Loyd (New-York). Матъ въ 2 хода.

1. Ф. b2—d1, ♘; Ф. Л ♚. Правильныя рѣшенія прислали: И. Ф. Вельдъ (Кіевъ); А. П. Сусликовъ, Л. К. Пестовинъ (Харьковъ); А. Коссово (Одесса).

№ 6. Этюдъ И. Бергера (Грацъ). Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ.

1. Л h5—h2 ♙, Кр. d1 a3 (если Кр. b3, то 2. К d2 ♙ и т. д.); 2. К e3 ♙, bc;

3. Кр. d3 и т. д. a1. 1... Кр. e1; 2. К e5 и т. д.

Рѣшилъ Л. К. Пестовинъ (Харьковъ).

СОДЕРЖАНІЕ. Воля судьбы. Историческій романъ въ трехъ частяхъ Нн. М. Н. Волконскаго. (Продолженіе).—Сапфиръ Мириневичъ. Сказка Нота Мурлыки.—Нѣ предстоящему празднованію 900-лѣтія Черниговской епархіи (съ рис.).—Литературныя бесѣды. „Наканунъ“, ром. Тургенева.—Въ память исполнившагося десятилѣтія Коронованія Государя Императора Александра III.—Къ рисункамъ: Предательская шутка (съ рис.).—Съ открытіемъ навигаціи (съ рис.).—Скворецъ на весеннемъ привольѣ (съ рис.).—Венеціанскіе разносчики (съ рис.).—Высокопресвященный Богословъ, архіепископъ Новгородскій (съ портр.).—Гигантское дерево (Sequoia gigantea) (съ рис.).—Ю. И. Федерсъ (съ портр.).—Фотообъекты (съ 2 рис.).—Разныя извѣстія.—Политическое обозрѣніе.—Библиографія.—Паутина и техническія новости.—Искусство. Прогнѣтъ новаго театра. „Другъ Фрицъ“.—Смѣсь.—Заявленіе.—Почтовый ящикъ.—О перемѣнѣ адреса.—Шахматы.—Объявленія.

Пздатель А. Ф. Марнсъ.

Редакторъ Нн. М. Н. Волконскій.

Въ Конторѣ изданій А. Ф. МАРКСА, въ СПб.
продаются слѣдующія пародныя иллюстрированныя изданія сочиненій

Н. В. ГОГОЛЯ:

1. Коляска	10 к.	8. Тарась Бульба	25 к.
2. Вечеръ на канунѣ Ивана Купала	10 к.	9. Пропавшая грамота	10 к.
3. Вій	20 к.	10. Ночь предъ Рождествомъ	20 к.
4. Майская ночь или утопленница	15 к.	11. Женитьба (соверш. четвертое событіе)	20 к.
5. Сорочинская ярмарка	15 к.	12. Шинель	15 к.
6. Носъ	10 к.	13. Занолдованное мѣсто	10 к.
7. Страшная мѣсть	20 к.	14. Ревизоръ	40 к.

Выписыв. отъ 1—3 брошюры прилаг. за перес. заказн. бандер. 15 к.

„ „ 4—8 „ „ „ „ „ „ 25 „

„ „ 9—13 „ „ „ „ „ „ 40 „

Выписывающіе одновременно не менѣ 14 книжекъ непосредственно изъ КОНТОРЫ ИЗДАНИЙ А. Ф. МАРКСА, СПб., Невскій, 6,—

за пересылку не платятъ.

5 Р. КРАСИВО ПИСАТЬ выучивая всякаго ЗАОЧНО (по-средствомъ лекцій корреспон-денціи) изъ 10 уроковъ. ЗА УСПѢХЪ ГАРАНТИИ. Подробное объясненіе преподаванія высылаю за 3 семинотечныя марки. № 6341 26—4

10 Р. ДВОЙНОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ БУХГАЛТЕРІИ обучая ИНОГОРОДНЫХЪ внолн и основательно въ 2—3 мѣсяца. При оконча-ніи выдаю ученику СВИДѢТЕЛЬСТВО. Адресъ: Москва, Покровка, Учнт. нал. и бух. А. С. Шиманскому.

БИЛЛИАРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7—2. 26—8

Иллюстрированныя прейсъ-куранты по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ.
НЕВСКІЙ ПРОСП. № 42. С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Рекомендуетъ часы собственнаго производства ПРУССКОЙ СИСТЕМЫ
Лицамъ которымъ точный и вѣрный съ тѣмъ недорогой измѣ-
ритель ВРЕМЕНИ. СОСТАВЛЯЕТЪ СУЩЕСТВЕННУЮ НЕОБХОДИМОСТЬ
РУЧАТЕЛЬСТВО ЗА ВѢРНОСТЬ ХОДА И ПРОЧНОСТЬ МЕХАНИЗМА НА ЧЕТЫРЕ ГОДА.
ИЛЛЮСТРИРОВ. ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Рекомендуемъ гг. фотографамъ и любителямъ фотографіи:

Извѣстная чрезвычайно чувствительная бромъ-желатинная ПЛАСТИНКА ЛЮМЬЕРА.

НОВУЮ БУМАГУ ЛЮМЬЕРА СЪ ЛИМОННО-КИСЛЫМЪ СЕРЕБРОМЪ для получения прямыхъ отпечатковъ (въ особенности для гг. любителей).

НОВЫЙ энергичный скорый проявитель ДИАМИДОФЕНОЛЬ Люмьера.

ЕДИНСТВЕННЫЕ ГЛАВНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ

для всей Россіи СЕГАЛЬ СЫНОВЬЯ, С.-Петербургъ,

№ 114, внутри Гостиного двора, № 114.

Продажа произведений фабрики А. Люмьера съ сыновьями во всѣхъ складахъ фотографическихъ принадлежностей. Мт. № 6402

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ СРЕДСТВО

для смягченія кожи рукъ и лица.

Цѣна 35 коп.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. Ш. № 6271 14—12

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ БЕРЛИНЪ,
Егерштрассе, 46,

рекомендуетъ какъ повѣрное произведеніе высшего качества и въ богатой упаковкѣ парфюмерию

„BOUQUET Russe“.

Духи
ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
ТУАЛЕТНАЯ ВОДА. Саше.

Можно получить во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ магазинахъ, въ парижскихъ и у дробистовъ. № 5505 (26)

Не проходить недѣли, чтобы мы не имѣли случая наблюдать подражанія нашихъ „Скорыходовъ“, доказывающія лишь, что введенная нами въ Россію обувь встрѣтила всюду и скоро общее одобреніе, иначе ей не старались-бы подражать, но такъ какъ всѣ подражанія, которыя нами были до сихъ поръ встрѣчены, должны, къ сожалѣнію, подорвать всеобщее одобреніе, то мы и находимъ необходимымъ указать на недостатки встрѣчающіеся въ подобной обуви не нашего производства:

1. Колодки не соответствуютъ своему назначенію, что каждый изъ покупателей замѣтитъ уже при прикосновеніи къ нимъ, и стѣсненіи съ нашими „Скорыходами“.

2. Передки либо жестки, либо слишкомъ пористы. Въ первомъ случаѣ они сильно жмутъ и скоро ломаются, въ послѣднемъ — не прочны.

3. Въ большинствѣ случаевъ для передковъ вмѣсто юфты употреблена баранья кожа, которой посредствомъ окраски и лака придаютъ видъ юфты. Желаящіе приобрести пару нашихъ образцовыхъ „Скорыходовъ“ должны обращать въ особенности вниманіе на фабричное клеймо, помѣщенное на подошвѣ каждого башмака, которое мы и приводимъ здѣсь для свѣдѣній публики.

Фабричное клеймо.

ТОВ. СПЕ. МЕХ.
ПРОИЗВ. ОБУВИ.
С.-Петербургъ,
Обводн. кан. 134.

№ 6403

ПАВЕЛЬ БУРЕ

В. № 6331
6—6

поставщикъ Двора Его Величества, С.-Петербургъ, на Невскомъ просп., д. 23. Москва, по Б. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода. Новый иллюстрир. прейсъ-куръ высыл. по требован. бесплатно.

АНГЛИЙСКІЕ
ДУХИ ВЫСОКАГО ДОСТОИНСТВА
ПРОБНЫЙ ФЛАКОНЪ 10 коп.

Парфюмерн. магазинъ Г. ПЮЛА. Пассаажъ № 52.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

НАЗВАНІЕ ЛУЧШИХЪ ДУХОВЪ:

Эссенция букетъ Жюкей клубъ	Вiolet de Parma	Бѣлая роза
Букетъ Императрицы	Розеда	Милль-Флеръ
Илангъ-Илангъ	Люби меня	Акація
Майскій-Ландышъ	Стенлей букетъ	Гіацинтъ
Бѣлый геліотропъ.	Idis	Киссъ ме кенкъ
Бѣлая лилія	Эдельвейсъ	Испанская кожа
Сиренъ перс.	Жасминъ	Саванъ сано
Лаванды	Олеонаксъ	Черемуха
Фіалка	Шилъ	Lilas Heuri
	Букетъ де Цааръ	Lotus.

ПРОБНЫЕ ФЛАКОНЫ ВЫСЛАЮТСЯ НЕ МЕНѢЕ 10 ФЛАКОНОВЪ ЗА 1 р. 40 к. съ пересылкой во всѣ города Россіи. (иномъ СИБИРИ.)

Leichner's Fettmilder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.

Пудра для вечера и дня, незаметная на кожѣ! Косметическое средство для утонченія красоты кожѣ! Цѣна коробки 1 рубль! В. № 6258 10—5

Театральная гримировка!

Жирная румяна, бѣлила. Нарандаши для бровей!

Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ Бельгийскихъ Императорскихъ театровъ.

Главный складъ для всей Россіи: у В. АУРИХЪ, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ.

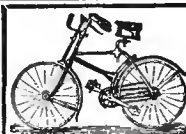
БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ
Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ

его вліяніе на кожу. Цѣна флакону 1 р. 65 н.; Березовое мыло 35 н. и 50 н. русовъ; Опономада (лучше колдъ-крема) 1 р. Угасовка и перес. въ Европ. Россіи 70 н., въ Азіатск. 1 р. Главныя склады для всей Россіи у В. АУРИХЪ, въ С.-Петербургѣ, Колокольная, № 18—19. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и апотенарск. магазин. и апотенарск. Россіи.

Р. № 6412

Лучше велосипеды по самымъ дешевымъ цѣнамъ „СТРЕЛА“
Первый спеціальный маг. велосипедовъ въ С.-Петербургѣ, Невскій пр. 26.
Каталогъ въ 15 к. маркам.

2712: пересы въ 12 часовъ.
Английскіе велосипеды заводскі:
Зингеръ и №. и Комап. „Грумфъ“.

Представитель:
Георгій Георгіевичъ ЖЕМЛИЧКА.
Москва, уголъ Тверской и Газетнаго переулка, докъ Фальцъ-Фейль, маг. № 19.

НА ЛѢТО

ТОЛЬКО 5 руб.

Высылается настоящий фотографическій аппаратъ съ треножникомъ, не играюща, снимъ каждый, даже ребенокъ, можетъ, снимъ съ натуры портреты, виды, ландшафты и проч., съ пробными снимками и руководствомъ. Адресъ: С.-Петербургъ. Складъ новыхъ изобрѣженій, Невскій пр., 4. Заказъ немедленно. Каталогъ всѣхъ изобрѣженій за 10 н. марку. № 6400. Высылается наложеннымъ платежомъ.

ФОТОГРАФИЧЕСКИЕ АППАРАТЫ
НАЧИНАЯ СЪ 12 РУБДО 500 РУБЛЕЙ

СОБСТВЕННЫМ МАСТЕРСКИМ,
УМЕРЕННЫМИ ЦЕНАМИ,
ИЛЛ. ПРЕСС-КУРАНТУ ЗА 40К. МАР.
СМЕТЫ БЕЗПЛАТНО.

БРУНО ЗЕНГЕРЬ и К^о
СЛЕТЕВУРЪ, НЕВСКИЙ ПР. № 25-1.
ОПТ. СКЛАДЪ, ФАБРИКА ФОТОГРАФ. ПРИНТ.

КРАСИВО ПИСАТЬ
выучивается всякий **заочно** (посредством переписки) въ 15 уроковъ у профессора **КАЛЛИГРАФИИ**
А. КОССОДО.

Методъ преподавания на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоившій 30-й золотой медали.
№ 6208 52 16
За 2 семиконечными зарп. высылается пробное письмо и условія. Адресъ: Профессору каллиграфии Адольфу Коссодо въ Бессѣ, Дербасовскій, д. № 19.

Фирма премирована на европейск. выставкахъ десятию золотыми медалями и высшими знаками.

(9) **МИНДАЛЬНОВ** № 5914

МЫЛЬНОЕ ТѢСТО

Приготовл. лаборат. **А. ЭНГЛУНДЪ.**

Миндальное мыльное тѣсто на березовомъ сокѣ, котораго обильная, освѣжающая и приятная пѣна, вытѣкающая въ кожу, придаетъ ей бѣлизну и мягкость; употребляется какъ мыло. Цѣна за кусокъ 35 п., съ пересыл. 6-ти кусковъ 2 р. 50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подпись **А. Энглундъ** красными чернилами и марку **С.-Петербургской Косметической Лабораторіи**. Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли антикварскими товарами, Казанская, 12 и во всѣхъ известн.хъ антикварск. и парфюмерн.хъ магазинахъ Россійской Имперіи. — Главный складъ для всей Россіи **А. Энглундъ**, С.-Петербургъ, Басейная ул., д. № 2.

„НОВОСТИ ДНЯ“

X годъ изданія

ежедневная газета; крозѣ общедоступной программы ежедневно даетъ прекрасно исполненные портреты государственныхъ и общественныхъ дѣятелей на зубу дня.

ПО СЛУЧАЮ

Колумбійской выставки

въ ЧИКАГО

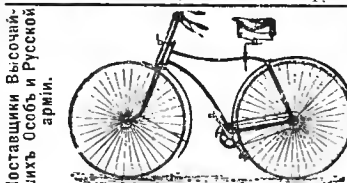
показываетъ портреты главныхъ дѣятелей ея.

Почтовая цѣна съ 1-го мая текущаго года по 1-ое января 1894 года, съ доставкой въ Москву 6 руб., на города — 6 руб. 50 коп. Москва, Мясницкая, контора ежедневной газеты Ц. № 6401

„НОВОСТИ ДНЯ“

⇒ **ЗАКАЖИТЕ**
ЛѢЧИТЬ УСПѢШНО **К. ЭРНСТЪ.**
Пропелить безвозмездно.

СПБ. Симеоновская, 5. Учебникъ 3 руб.

Поставщикъ Высочайш. шихъ Особ. и Русской арміи.

Около 1000 велосипедовъ на складѣ. Кромѣ большинства полныхъ болѣе 5000 офицеровъ пользуются нашими велосипедомъ.

САМЫЙ ОБШИРНЫЙ
ВЕЛОСИПЕДОВЪ.

Торговый домъ **Ж. БЛОКЪ.**
(основ. въ 1863 г.)
МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава,
И. № Копандъ и Екатеринбургъ. 25-17
5482 Новый каталогъ 80 страницъ.

БЕЗПЛАТНО.

Вышелъ изъ печати и разосланъ подписчикамъ

ПЯТЫЙ ВЫПУСКЪ

новаго роскошнаго періодическаго изданія, подъ названіемъ:

„ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА НИВЫ“.

годъ первый (1893), содержащій въ себѣ:

СКАЗКИ,

собранныя братьями **Я. и В. ГРИММАМИ.**

переводъ подъ редакцію **Н. Н. ПОЛЕВОВАГО.**

Иллюстраціи **П. Гротъ-Юганна.**

24 вып., каждый — въ розц., обложка, по одному вып. черезъ каждыя двѣ недѣли.

Изданіе **А. Ф. МАРКСА** въ С.-Петербургѣ.

Подписка продолжается и каждый новый подписчикъ

получаетъ изданіе полностью, т. е. начиная съ 1-го выпуска.

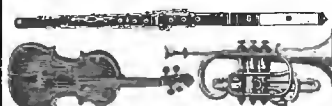
Цѣна за все изданіе (24 выпуска) 12 р., а съ пер. иног. 14 р.

Безъ доставки въ Москвѣ (въ Конторѣ **Н. П. Печковской**) — 13 р.

Допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ:

	безъ дост.	съ пер.		безъ дост.	съ пер.
при подпискѣ.	4 руб.	5 руб.	къ 1-му августа.	2 р.	2 р.
къ 1-му іаня.	2 "	2 "	къ 1-му сентября.	1 "	2 "
къ 1-му іюня.	2 "	2 "	къ 1-му октября.	1 "	1 "

Подписка на это изданіе принимается въ главной конторѣ журнала „Нива“ въ СПБ., Невскій, № 6; въ Москвѣ, въ Конторѣ **Н. Н. Печковской**, а также во всѣхъ книжн. и эстампныхъ магаз. Желаящихъ ознакомиться съ изданіемъ, 1-й выпускъ „Сказокъ“ высылается за 50 коп. почтовыми маркамп. каковая сумма при подпискѣ на все изданіе засчитывается, по желанію подписчика, въ счетъ подписной платы.

СКРИПКИ

по 2, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дороже.
Смычки для скрипки по 50 коп., 1 р., 1 1/2, 2, 3, 5, 10, 15, 20, 30 и 60 р.
Футляры для скрипки по 3 1/2, 5, 7, 10, 15, 25, 40 и 60 р.

Струны, канцель и всѣ другія принадлежности.
Скрипки 3/4, 1/2 и 1/4 величины для дѣтей по тѣмъ-же цѣнамъ какъ и большія.

Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно.

По полученіи заказовъ приблизительно, 1/2 стоимости заказовъ требующееся музыкальных инструментовъ и нотъ. 1/2 стоимости заказовъ требующееся музыкальных инструментовъ и нотъ. 1/2 стоимости заказовъ требующееся музыкальных инструментовъ и нотъ.

КОРНЕТЫ-А-ПИСТОНЪ

хорошей заграничной работы въ 12, 15, 22, 25 и 35 руб., собственной С.-Петербургской фабрики въ 50, 60, 75 и 100 р. Знаменитой фабрики Courtois въ 90 руб., 150 руб. и 250 руб.

ФЛЕЙТЫ

хорошей заграничной работы въ 2, 4, 6, 9, 15, 20, 30, 40 и 50 руб., собственной С.-Петербургской фабрики въ 60, 75, 85, 120 и 160 р. Флейты „модели Циммермана“, находящіяся въ употребленіи у первыхъ артистовъ, по 85 и 120 руб.

Иллюстриров. пресс-куррантъ — бесплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ

ЦИММЕРМАНЪ

главное депо музыкальных инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 36. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА,

изданное **А. Ф. Марксомъ**, подъ редакцію **А. И. Введенскаго**, съ біографіею и портретомъ Лермонтова, гравированнымъ на стали **Ф. А. БРОКГАУЗОМЪ** въ Лейпцигѣ.

Въ это изданіе вошло все до сихъ поръ известное по рукописямъ или печатному тексту, а **МНОГОЕ ВПЕРВЫЕ ПОВЯВЛЯЕТСЯ** въ ПЕЧАТИ. Въ то же время оно есть въ настоящемъ смыслѣ новое изданіе исправленное, тщательно соображенное съ рукописями или съ печатными текстами въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдніе были установлены съмысли авторомъ. Сочиненія вышатааны на лучшей бумагѣ и заключаются въ 4-хъ частяхъ, сдѣланныхъ въ два тома (и 8), объемомъ въ 79 печатныхъ листовъ (1264 страницы).

Предлагаемое изданіе по полнотѣ содержанія и изящной внѣшности занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду подобныхъ изданій.

Цѣна за экземпляръ полнаго собранія сочиненій **1 р. 50 к.** и съ пересл. **2 руб.** Въ двухъ колонкоронкахъ, тисненыхъ красками; переплетѣхъ **2 руб.** а съ пересылкою **2 руб. 50 коп.**

Съ требованіями просить обращаться въ СПБ., въ контору журнала „Нива“, Невскій, 6.

ЛЕНИНГЪ и ГИЗНИНЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставили черную краску, которую печатаются иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2450

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. За условіями обрац. письменно: **Генрихъ Блоннъ**, С.-Петербургъ, Невскій, 59. 12-7

Д-ръ Волицкій лечитъ наружныя, кожныя грудныя болѣзни, ракъ и электротер. Невскій, 57, кв. 5. Отъ 2—3 и 6—7 ч. в.

Вышло новое изданіе **Ф. ПАВЛЕНКОВА:**
ПЕССИМИЗМЪ.
Сочиненіе Сѣли. М. № 6406

Вопулярный обзоръ всѣхъ пессимистическихъ учевій. Пер. съ англійскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ **В. Яковлева**. Ц. 1 р. 50 коп. Продаётся во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Главный складъ въ книжномъ магазинѣ **П. Лукомникова** (СПБ. Лешуковъ пер., д. № 2).

МИКРОСКОПЪ
увеличив. въ 400 разъ, съ дуною. Цѣна съ пересл. во всѣ города Россіи 1 р. Кагаютъ въ 189 иллюстраціи новостей: карманн. часовъ и украшеній и 10 коп. Все за наличныя деньги русскими почтовыми маркамп. **D. Cleener. Zürich.** № 6407

МОИШАКСКОЕ ГРЯЗЕЛѢЧЕБНОЕ И ЛИМАННОЕ ЗАВЕЗЕНІЕ

въ городѣ Евпаторіи.

Открывается съ 20 мая по 20 августа. За подробностями просить обращаться въ гор. Евпаторію, Таврической губерніи, г. доктору **С. Н. Цеденевскому** или доктору **С. Н. Ходжану**. № 6402

ТРЕБУЙТЕ НАСТОЯЩЕЕ МЫЛО
ПРОИЗВОДА
А. МОСТРОУМОВА
ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТЫ
ИЛИ МАЛЕНЬКАГО ЗЕЛЕНАГО
ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ ПОДДѢЛОКЪ

Велоспеды англійскаго завода „Гумбертъ и К^о. Лмтд.“ лучше въ свѣтѣ! предлагаетъ торговый домъ **Г. ЖЕМЛЮЧКА и К^о.** Москва, Неглинный просп., домъ Ечкиной. Прейс-куррантъ — бесплатно.

СТАЛКИНДЪ. **КРУПНИКИ** для уничтоженія **КРЫСЪ и МЫШЕЙ** **ПРОВ. ФРОНШТЕЙНЪ** ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ по 30 и 50 к.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЯ КАМЕРЫ

въ громадн. выборѣ. Нов. иллюстр. прейс-куррантъ высылается. **МОМЕНТАЛЬНЫЯ ПЛАСТИНКИ**
„БЕРНАРТЪ“.

При складѣ имѣется лабораторія въ разл. астеніи при покупкѣ безвозмездно. 10-2

К. И. Фреландтъ.
С.-Петербургъ, у Казанскаго моста, д. № 30-16. Москва, Мясницкая, д. Соколова. Харьковъ, Мокроушскій уз., д. Шейфана.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

В. № 6326 В. ГЕПА въ Вѣнѣ 8-9

изъ грецкихъ орѣховъ. Безвредное средство для бѣлаго окрашиванія волосъ и бороды черной, русой, темной и свѣтло-каштановой цвѣт. Цѣна за флак. 3 р. съ пер. въ Европ. Росс. Главн. складъ для Россіи у **В. Аурихъ** въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.

ШОКОЛАТЪ
ФАБРИКИ **С. СТУИКО**
НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ ГОРОДАХЪ РУССІИ

XXIV г.
№ 21

г. XXIV
1893

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ съ 6—10 рис. въ каждомъ и ежемѣсячн. даров. прилож. 12 книгъ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖСН. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис. и
Выданъ 22 мая 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1893 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарейль (1/4 шир.
стр.) въ Глав. Кон. Ред. по
1 руб.—Загран.: для Франціи
у Agence Havas по 3 fr.; для
Австр., Герман. и Швейц. у Vi-
dolf Mosse по 2 марки 50 pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петер- бургъ	5 р.	Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин.	6 р.
Съ доставкою въ Петер- бургъ	6 р. 50 к.	Съ пересылкой въ Москву и другіе го- рода Россіи	7 р.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд.	10 р.		
На 1/2 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.			
На 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р. 50 к.			

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особая приложенія при
„НИВѢ“ объявленій отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“, со всѣми прилож.. Сборникомъ и пр.

Уличный гаеръ въ древнемъ Римѣ. Съ карт. Чифони, грав. Фрюгауфъ.

Воля судьбы.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе).

IX.

Забота Ольги.

Весь домъ уже зналъ, что князь Андрей Николаевичъ вернулся изъ дворца сердитымъ, такимъ сердитымъ, какимъ давно его не видали за послѣднее время.

Мелкая дворня попряталась, какъ это обыкновенно водилось, по угламъ. Иванъ Пахомычъ ходилъ въ буфетной, совершенно такъ-же, какъ это дѣлалъ князь, ходя по залѣ и гостинымъ, и лишь изрѣдка пробирался въ столовую, чтобы послушать, не утихъ-ли князь и нѣтъ-ли надежды, что гроза уляжется.

По надежды этой, повидимому, не было. Князь все ходилъ и ходилъ, и Иванъ Пахомычъ качалъ головою, вздыхалъ и на цыпочкахъ возвращался въ буфетную.

— Что, батюшка вернулся уже? услышалъ онъ голосъ княжны, когда, по крайней мѣрѣ, въ двадцатый разъ подходилъ къ дверямъ, ведущимъ изъ столовой въ залу.

Иванъ Пахомычъ закачалъ головою и заговорилъ чуть слышнымъ шопотомъ:

— Вернулся, но такимъ, что лучше, княжна, ваше сіятельство, и не ходите къ нимъ...

Княжна нахмурила брови.

— И не ходите!.. повторилъ Иванъ Пахомычъ. — Уже сколько годовъ не видѣлъ я ихъ такими, — оборони Богъ, теперь, какіе сердитые!.. Не подступиться!..

Но дѣло, съ которымъ княжна шла къ отцу, было, видимо, слишкомъ для нея серьезнымъ дѣломъ, чтобы вернуться назадъ.

Она не испугалась предупрежденія дворецкаго, и прошла мимо него въ залу.

Иванъ Пахомычъ боязливо пропустилъ ее въ дверь, и поспѣшилъ сейчасъ-же закрыть эту дверь.

Войдя въ залу, Ольга услышала сердитые шаги отца, приближавшагося ей навстрѣчу. Она остановилась въ ожиданіи. Старый князь показался въ дверяхъ.

Странныя отношенія установились между ними послѣ разыгравшагося въ Проскуровѣ происшествія. Ольга скоро оправилась отъ своей болѣзни, не подозревая, разумѣется, причины этого выздоровленія, — причины, которая оставалась неизвѣстна никому, но которая имѣла, кромѣ благотворнаго вліянія на здоровье Ольги, еще и другое, вполне дѣйствительное послѣдствіе: она забыла о своемъ чувствѣ къ Артемію, забыла такъ, какъ будто чувство это исчезло въ ней вмѣстѣ съ болѣзью. Она нигдѣ, ни съ кѣмъ не заговаривала о любившемъ ее молодомъ человѣкѣ: ни съ Дуняшей, ни съ отцомъ, словомъ, рѣшительно ни съ кѣмъ. Князь Андрей Николаевичъ замѣтилъ эту ея особенность, не могъ понять, отчего это происходитъ, не могъ объяснить себѣ ни быстрого исчезновенія болѣзни дочери, ни внезапной ея перемѣны въ отношеніи къ „найденшю“ и, наведя обстоятельное слѣдствіе, могъ убѣдиться лишь, что начало всего этого какъ разъ совпадаетъ со вторичнымъ посѣщеніемъ Ольги доктора Шеннига.

И онъ первый разъ въ жизни согласился, что доктора что-нибудь да понимаютъ.

Но съ Ольгой онъ тоже никогда не говорилъ объ Артеміи, и, мало того, старался избѣгать всякаго намека, такъ или иначе, касающагося этого больного мѣста въ сердцѣ дочери, какъ онъ думалъ.

Вслѣдствіе того, что былъ у нихъ предметъ, который они обходили въ разговорѣ, и происходили тѣ странныя отношенія, которыя установились между ними.

Искренности полной и чистосердечной никогда и прежде не бывало между княземъ и его дочерью, но теперь выраженіе этой искренности еще болѣе уменьшилось.

Съ другой стороны, однако, прибавилось, съ выздоровленіемъ Ольги, спокойствія князю. Спокойствіе это заключалось, главнымъ образомъ, въ томъ, что всѣ исканія Ольгиной руки, словно по волшебству, прекратились, ихъ какъ рукой сняло.

Такъ прожилъ князь послѣдніе года съ дочерью въ деревнѣ. Она почти никого не видала, и единственнымъ утѣшеніемъ для нея оставались поѣздки въ монастырь, который она и прежде любила.

Несмотря, однако, на свое уединеніе, Ольга не жаловалась на скуку и довольно равнодушно подчинялась ей. Когда отецъ сказалъ, что они ѣдутъ въ Петербургъ, она приняла это извѣстіе безъ радости, но и безъ сожалѣнія къ деревнѣ, которую должна была оставить.

Князь Андрей Николаевичъ, напротивъ, увозилъ ее въ Петербургъ съ собою, не безъ тайнаго намѣренія подыскать ей въ столицѣ блестящую партію.

Теперь, послѣ представленія государю, рушились однако всѣ надежды князя.

Остановившись въ дверяхъ, старый князь взглянулъ, изъ-подъ своихъ нависшихъ бровей, прямо въ упоръ на Ольгу, и все теперь не понравилось ему въ ней: и новый петербургскій нарядъ, сдѣланный у лучшей портнихи, которымъ онъ любовался еще вчера, и красивое, напоминавшее покойницу княгиню, лицо ея, и, вообще, весь ея видъ, смиренно-прѣстый, но полный достоинства.

— Чтѣ тебѣ нужно? спросилъ онъ.

— Мать Серафима пріѣхала изъ нашего монастыря, отвѣтила Ольга.

Князь дернулъ плечомъ.

— Какая мать Серафима?

— Изъ нашего монастыря. Она, по порученію обители, явилась сюда хлопотать о монастырскихъ земляхъ, — ихъ, говорятъ, у нихъ отнимаютъ...

— Ну такъ что-жъ, мнѣ-то какая печаль?

Князю теперь было рѣшительно все равно, хоть что угодно отнимай, и у кого угодно.

— Она теперь у меня сидитъ. Она пріѣхала прямо къ намъ и проситъ позволенія у насъ остановиться... Я уже распорядилась, но все-таки пришла спросить твоего разрѣшенія...

Князь быстро вскинулъ на нее глаза, и Ольга видѣла, какъ кровь хлынула ему въ голову, и какъ почти пурпурная краснота стала разливаться у него отъ затылка.

— Я уже распорядилась! крикливымъ голосомъ передразнилъ князь дочь, хватаясь обѣими руками за грудь.

Онъ, съ самаго своего пріѣзда изъ дворца, искалъ повода какого-нибудь, чисто внѣшняго предлога, чтобы вылить свое сердце, и точно обрадовался первому понапавшемуся, и спѣшилъ разсердиться.

— Распорядилась! повторилъ онъ. — Ну, если вы, государыня моя, знаете лучше меня, что дѣлать, и распорядяетесь, а ко мнѣ приходите для формы одной, ну, такъ и дѣлайте, какъ знаете, но только вотъ вамъ,

на этот раз, доказательство, что всегда вы своим умом напутаете.. вы распорядились, а мать Серафима ваша въ пустомъ домѣ сидѣть тутъ будетъ...

— Какъ въ пустомъ домѣ? удивилась Ольга, ничего не понимая.

— А такъ, что завтра мы уѣзжаемъ опять въ деревню—намъ здѣсь больше дѣлать нечего... понимаете! снова возвысилъ голосъ князь.—Намъ здѣсь дѣлать нечего...

Подобная вспышка гнѣва, которая охватила теперь князя, не повторялась съ нимъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ, взбѣшенный, приходилъ въ Проскуровъ на половину дочери, въ день, когда узналъ о ея любви къ Артемию.

Но у Ольги, вмѣстѣ съ самымъ чувствомъ, исчезло и воспоминаніе всего, что могло такъ или иначе относиться къ нему.

Теперь она глядѣла на отца, и что-то непонятное происходило въ ней. Она нерѣдко замѣчала въ себѣ это. Ей не то что казалось, что все это было когда-то, но вмѣстѣ съ тѣмъ она сознавала, что отецъ кричалъ на нее и совершенно вотъ такъ-же, какъ теперь, совсѣмъ такъ-же даже. Это чувство было мучительно, но отдѣлаться отъ него было нельзя. Слово въ настоящемъ оказывалось помимо воли Ольги какое-то прошедшее, но, что именно—она не могла уловить.

Теперь она видѣла, что не даромъ предупреждалъ ее Иванъ Пахомычъ.

Она стояла, втянувъ голову въ плечи, словно грозилъ ей чисто-физическій ударъ.

Старый князь въ своемъ бѣшенствѣ, видимо, ничего не сознавалъ.

Онъ тяжело перевелъ дыханіе, и новые потоки обидныхъ словъ готовы были вырваться у него, но дверь отворилась, и появившійся на порогѣ Иванъ Пахомычъ, съ лицомъ, которое бываетъ у людей, когда они рѣшаются броситься въ холодную воду—громко, гораздо громче обыкновеннаго, доложилъ:

— Докторъ Шеннингъ...

При другихъ условіяхъ онъ ни за что бы не рѣшился войти съ докладомъ къ князю во время его гнѣвнаго припадка, зная, что за это можетъ грозить такое наказаніе, которое можно было лишь придумать своему правному господину для своего крѣпостного, но теперь, помня болѣзнь княжны послѣ подобной-же исторіи, онъ, не колеблясь, пожертвовалъ собою, чтобы спасти ее и перевести грозу на себя.

— Какой тамъ докторъ... начать, было, князь, обернувшись къ дворецкому, какъ тотъ и ожидалъ этого, но не договорилъ и, взявшись снова за грудь, закрылъ глаза.

Иванъ Пахомычъ сдѣлалъ рукою знакъ Ольгѣ, чтобы она воспользовалась удобной минутой и ушла.

Не подвернись тутъ лакей съ лѣстницы, приближавшій сказать, что тамъ докторъ Шеннингъ проситъ доложить о немъ, Иванъ Пахомычъ вошелъ-бы съ чѣмъ-нибудь другимъ, но то обстоятельство, что доложилъ онъ именно о докторѣ, спасло его.

Князь остановился. И вдругъ, при имени доктора Шеннинга, передъ нимъ ясно пронеслось все происшедшее въ Проскуровѣ, когда являлся туда этотъ человѣкъ.

Вспомнилъ онъ тотъ припадокъ гнѣва свой, вспомнилъ, какъ заботилъ дочь, и, главное, вспомнилъ, что она опять теперь передъ нимъ, и что снова онъ рискуетъ ея здоровьемъ!

И словно варомъ обдало старого князя.

Да что, въ самомъ дѣлѣ, врагъ онъ своей Ольгѣ, палачъ ея, что-ли?..

Пу, тогда она была виновата еще, но за что-же теперь кричитъ онъ на нее?...

И вдругъ онъ отнялъ руки, открылъ глаза и совсѣмъ инымъ, новымъ и свѣжимъ голосомъ, приказалъ:

— Просить!—ты прими его, сказать онъ Ольгѣ,—это тотъ докторъ....

Но, не докончивъ фразы, онъ повернулся и пошелъ къ себѣ.

Иванъ Пахомычъ съ удивленіемъ поглядѣлъ ему вслѣдъ, потомъ глянулъ на образъ и перекрестился.

— Такъ прикажете просить, ваше сіятельство? спросилъ онъ у Ольги...

— Да, батюшкѣ угодно, чтобы я приняла... отвѣтила она и прошла въ гостицу.

— Вы узнаете меня, княжна? спросилъ Сень-Жерменъ, входя и здороваясь съ Ольгой.

Ольга не могла не узнать его. Лицо его нисколько не измѣнилось. На немъ былъ совершенно такой-же коричневый кафтанъ, такіе-же черные чулки и бабмаки грубой работы, какіе видала Ольга, когда онъ являлся къ нимъ въ Проскурово. Она ясно помнила доктора, но какъ, при какихъ условіяхъ и почему онъ былъ у нихъ въ деревнѣ—этого она рѣшительно не могла возстановить въ своей памяти...

Вѣроятно, усиліе, съ которымъ она старалась это сдѣлать, было замѣтно, потому что докторъ поспѣшилъ заговорить съ нею.

Онъ подробно сталъ разспрашивать ее о здоровьи, не чувствуетъ-ли она по временамъ слабости, головныхъ болей или головокруженія... Ольга отвѣчала, что особенно—нѣтъ, но по временамъ бываетъ съ ней нѣчто странное, безпокойство какое-то, иногда безпричинное, а иногда изъ-за какого-нибудь пустяка...

Докторъ слушалъ очень внимательно и серьезно.

Этотъ подробный разспросъ его тянулся очень долго. Очевидно, онъ интересовался состояніемъ здоровья Ольги. Нѣсколько разъ въ глазахъ его мелькнула даже тѣнь безпокойства... Но для Ольги ихъ затянувшаяся бесѣда вовсе не казалась длинною. Напротивъ, она съ большимъ удовольствіемъ отвѣчала этому человѣку, который, несмотря на то, что былъ совсѣмъ ей чужой, говорилъ съ нею съ такою ласкою, теплотою и участіемъ, какъ будто она была ему близкою. Онъ говорилъ съ ней и любовался, потому что ею нельзя было не любоваться—и это-то именно инстинктивно нравилось ей, хотя она и не сознавала того, что ей нравилось.

— Вы и сегодня какъ будто разстроены? спросилъ, наконецъ, Сень-Жерменъ, внимательно въ нее вглядываясь.

Она затруднилась отвѣтомъ.

— Да,—я немножко встревожена... была передъ вашимъ приходомъ, все-таки отвѣтила она.

Докторъ глазами спросилъ объясненія причины тревоги.

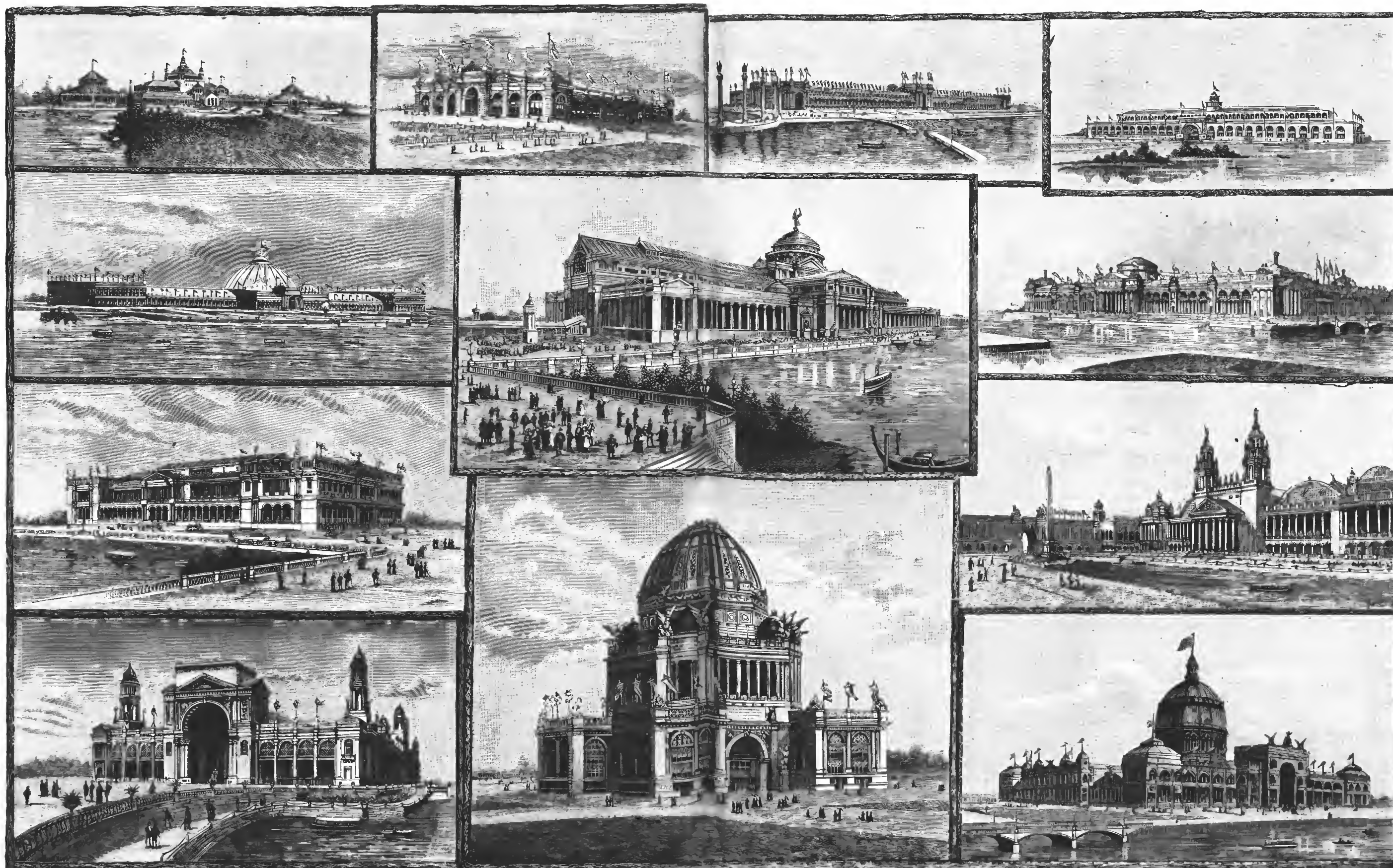
„Отчего однако не сказать? подумала Ольга.—Что-жъ, хуже отъ этого не будетъ“...

— Я была поставлена въ ужасно неловкое положеніе, пояснила она.—Возлѣ нашей вотчины есть монастырь, и я туда, живя въ деревнѣ, часто ходила къ одной монахинѣ, матери Серафимѣ.—Когда мы собирались въ Петербургъ, то я знала, что ей нужно будетъ тоже пріѣхать сюда (ее монастырь посылалъ)—и пригласила ее непременно остановиться у насъ... Сегодня она пріѣхала, а батюшка говоритъ, что мы вдругъ ѣдемъ, можетъ-быть, завтра обратно въ Проскурово. Я этого никакъ не могла подозрѣвать... Выходитъ ужасно неловко... я не знаю теперь, какъ вернуться къ себѣ на половину и какъ сказать... Мать Серафима рассказывала мнѣ, что давно бывала въ Петербургѣ, когда-то жила въ немъ (по всему видно, что она была въ лучшемъ обществѣ), но теперь у ней нѣтъ здѣсь такихъ близкихъ лицъ, у кого-бы она могла остановиться...

Сень-Жерменъ задумался.

— Хотите, княжна, проговорилъ онъ вдругъ,—я помогу вашему горю?

Ольга никакъ не ожидала этого.

Отдѣлъ рыболовства и рыбоводства.
Отдѣлъ садоводства.
Отдѣлъ женскаго труда.
Отдѣлъ элентротехники.

Горный отдѣлъ.

Отдѣлъ изящныхъ искусствъ
Зданіе администраціи выставки

Отдѣлъ промышленности.

Отдѣлъ перемѣщенія и транспортовъ.
Отдѣлъ сельскаго хозяйства и земледѣлія.
Машинный отдѣлъ.
Отдѣлъ правительственныхъ учрежденій Соединенныхъ Штатовъ.

Колумбійская всемірная выставка въ Чикаго. Зданія выставки. Съ фот. грав. Рашевскій.

— Вотъ какъ! — вы, значитъ, хотите оказывать помощь не только здоровью вашихъ пациентовъ, но помогать имъ и въ дѣлахъ... улыбаясь, сказала Ольга, увѣренная, что докторъ шутить.

— Я говорю серьезно, княжна, — самъ я здѣсь проѣздомъ, — и, вѣроятно, завтра тоже уѣду, но у меня есть здѣсь пріятель — пьемонтсецъ одинъ, Одаръ, — онъ служить управляющимъ въ имѣньи, небольшой мызѣ, государыни... Ея величество, насколько мнѣ извѣстно, весьма набожна и принимаетъ близко къ сердцу дѣла, касающіяся церкви... Можно попросить Одара, онъ человѣкъ почтенный и не только устроитъ здѣсь вашу гостю, но можетъ даже быть полезенъ ей въ дѣлахъ, если она пріѣхала сюда отъ монастыря...

Ольга протянула доктору руку.

— Благодарю васъ... я передамъ... да, она будетъ очень благодарна... но только съ какой стати вы сдѣлаете ей это одолженіе?...

— Я сдѣлаю его вамъ, княжна, по праву званія вашего доктора, а, вы знаете, доктора — это до нѣкоторой степени — домашнія животныя...

— Такія, какъ вы, поправила Ольга, — служить друзьями... такъ я буду вамъ очень благодарна... и мать Серфима тоже.

— Не забудьте только, княжна, съ разстановкой произнесъ Сентъ-Жерменъ, — сказать ей, что докторъ Шеннингъ рекомендуетъ ей господина Одара.

Х.

Списокъ.

Послѣ посѣщенія графа на мызѣ, Артемій всецѣло предавался одному желанію, одному стремленію — способствовать, по мѣрѣ силъ своихъ и возможности, благополучному окончанію задуманнаго „дѣйства“. — Онъ сжалъ въ себѣ, сильно сироталъ всѣ остальные чувства и желанія. Запретилъ себѣ думать пока объ Ольгѣ, именно только „пока“, потому что зналъ, что близится то время, когда придутъ въ исполненіе лѣтъянные столько лѣтъ мечты. Почему-то онъ былъ увѣренъ, что все устроится, что все будетъ хорошо, лишь-бы имъ окончить начатое дѣло. Ольга не могла въ дѣйствительности разлюбить его. Чтò съ нею было тогда — онъ не зналъ, но можно было предположить, что это произошло отъ болѣзни сѣ, безпокойства. Но главное — она была не замужемъ, и Артемій нашелъ цѣлую вереницу вполнѣ послѣдовательныхъ доводовъ, чтобы успокоиться.

И онъ успокоился и запретилъ себѣ думать объ Ольгѣ.

Его тянуло однако проѣхать хоть одинъ еще разъ мимо дома, гдѣ жила она, чтобы пощитать счастья, не увидитъ-ли онъ ее опять.

„Одинъ разъ — не бѣда,“ рѣшилъ онъ и все-таки поѣхалъ.

И чуть было не пришлось ему раскаться въ этомъ, чуть было онъ не надѣлалъ глупостей. На бѣду его, прямо передъ нимъ подъѣхала къ дому князя Проскурова изящная карета. Карета была безъ гусаръ и гайдуковъ — очевидно, это была не княжна, а кто-нибудь изъ мужчинъ.

И сердце снова забилося у Артемія, — кто могъ пріѣзжать такъ къ князю Андрею Николаевичу — ужъ не какой-ли нибудь молодой человѣкъ, искатель руки Ольги, счастливый соперникъ его, Артемія.

Карета остановилась, и изъ нея вышелъ графъ Сентъ-Жерменъ.

Это было какъ разъ въ тотъ день, когда графъ, подъ именемъ доктора Шеннинга, пріѣхалъ къ Проскуровымъ и засталъ разыгравшуюся между отцомъ и дочерью сцену.

Артемію, сейчасъ же узнавшему графа, стало стыдно за свою тревогу.

И чего было волноваться ему. Развѣ и помимо графа не могъ пріѣхать къ старому князю кто-нибудь по дѣлу

или, вообще, какъ знакомый, вовсе не имѣя никакихъ видовъ на княжну. А тутъ являлся графъ, человѣкъ далекій, какъ казалось Артемію, отъ всякихъ подозрѣній.

И ему стало такъ стыдно, что онъ имѣлъ слабость не выдержать характера и ѣхать подъ окна Ольги, что онъ быстро повернулъ лошадь и, какъ отъ погони, поскакалъ прочь, чтобы не встрѣтиться съ графомъ, который сейчасъ же пойметъ, въ чемъ дѣло.

Но зачѣмъ графу было пріѣзжать къ Проскуровымъ и притомъ не подъ видомъ Одара, а такимъ, какъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, и какимъ Артемій зналъ его въ Кенигсбергѣ?

Вопросъ этотъ мелькнулъ въ умѣ Артемія, но онъ сейчасъ же заглушилъ его. За три года своего знакомства съ Сентъ-Жерменомъ, онъ долженъ былъ привыкнуть къ дѣйствіямъ этого человѣка, иногда казавшимся на первый взглядъ страннымъ, но всегда имѣвшимъ строго разсчитанную причину и, вполнѣ, объяснявшимся рѣжимъ предвидѣніемъ и расчетомъ графа.

Съ графомъ Сентъ-Жерменомъ нельзя было ничему удивляться: разъ онъ дѣлалъ что нибудь — значитъ, такъ было нужно, и Артемій давно уже убѣдился въ этомъ.

И онъ постарался уничтожить въ себѣ свои сомнѣнія, постарался отогнать отъ себя даже пришедшую тоже въ его голову мысль: а что если графъ навѣщаетъ домъ Проскурова, работая въ его, Артемія, пользу!..

„Все будетъ, все будетъ хорошо! повторилъ себѣ Артемій, — лишь-бы устроилось наше главное, общее дѣло, а тогда и всѣ личныя дѣла придутъ къ желанному окончанію...“

И съ этихъ поръ онъ уже не безпокоился о себѣ, стараясь думать и безпокоиться только объ „общемъ ихъ дѣлѣ“.

Во время совѣщанія на мызѣ было положено, что Григорій Орловъ составитъ окончательный списокъ военныхъ, готовыхъ принять участіе въ этомъ ихъ дѣлѣ. Нужно было подвести итогъ, на кого имѣли они возможность разсчитывать, если-бы вдругъ понадобилось дѣйствовать спѣшно и неожиданно.

Предполагалось, собственно, воспользоваться отъѣздомъ Петра въ дѣйствующую армію для войны съ Даніей, которую онъ затѣвалъ изъ-за Голштиніи и въ которой лично желалъ предводительствовать войсками, „чтобы, какъ писалъ онъ Фридриху II, покрыть себя передъ коронаціей славой военныхъ подвиговъ“.

Изъ-за такого, не совсѣмъ скромнаго предположенія, Россія, и безъ того уже отягощенная пятилѣтнею борьбою съ пруссаками — борьбою, не принесшею вслѣдствіе заключеннаго мира никакихъ, кромѣ стыда, результатовъ, — должна была вступать въ новую борьбу.

Объ отправленіи въ армію Петра говорили уже, какъ о событіи рѣшенномъ, и имъ-то и хотѣли воспользоваться друзья Екатерины. Но она находилась сама въ такомъ положеніи, что не могла ручаться за завтрашній день. Каждая минута грозила ей заточеніемъ въ монастырь, и нужно было быть готовыми, слѣдовательно, каждую минуту.

Орловъ пользовался въ городѣ репутаціей кутилы и человѣка, любившаго пожить на широкую ногу, но не способнаго на что-нибудь серьезное... Отъ него и отъ его компаній менѣе всего можно было ожидать какихъ либо „дѣйствъ“, но въ этомъ-то и заключалась самая суть, т. е., что ударъ готовился отсюда, откуда его совсѣмъ не ждали.

Добродушный, хлѣбосольный, веселый, Орловъ подерживалъ эту репутацію и, подъ видомъ кутежа и пирушки, вербовалъ сторонниковъ государыни.

Вся гвардія знала и любила его. Это былъ лихой офицеръ, обладавшій буквально геркулесовскою силой, всегда веселый, по виду безпечный; съ нимъ было пріятно проводить время, и всѣ охотно шли къ нему.

Для того, чтобы составить свой списокъ, чтобы испытать, такъ сказать, тѣхъ изъ офицеровъ, на которыхъ онъ могъ рассчитывать,—Орловъ прибѣгъ къ давно испытанному средству, т. е. устроить у себя товарищеское, офицерское „пьяное сѣдѣніе“, какъ это называлось въ то время.

Собралось, разумѣется, много пароду, все военные, молодые люди, офицеры. И Орловъ съ ближайшими помощниками своими, между которыми былъ и Артемій,—усердно пилъ самъ, но заставлялъ пить и другихъ, подливая имъ вина и слѣдя между тѣмъ за ходомъ общаго разговора.

Говорили, разумѣется, о военныхъ, всѣмъ одинаково близкимъ, дѣламъ, которые шли теперь такъ, что кромѣ недовольства ничего не могли вызвать.

Орловъ все время внимательно прислушивался къ выраженію этого недовольства, стараясь подбодрить его и наблюдая за тѣмъ, кто и что говоритъ, и можно-ли положиться на каждого изъ собравшихся у него гостей.

Всѣ они, возбужденные виномъ и горячимъ разговоромъ, казалось, высказывались совершенно искренно, и съ удовольствіемъ можно было видѣть, что нѣтъ тутъ людей колеблющихся, но, напротивъ, готовы они хоть въ огонь и въ воду идти за императрицу.

А тутъ собрались представители отъ всѣхъ полковъ, отъ всѣхъ родовъ оружія — почти вся гвардія была, значить, на сторонѣ Екатерины...

Говорили объ уничтоженіи старой елизаветинской лейбъ-компаніи, — одною изъ первыхъ распоряженій новаго царствованія. Само по себѣ уничтоженіе этой „гвардіи въ гвардіи“ не могло вызвать еще неудовольствія, если-бы на ея мѣсто не была заведена новая голицинская, иностранная гвардія, явно отличаемая отъ русской, къ которой относились съ пренебреженіемъ. Говорили о томъ, что русскими офицерами и заслуженными генералами самовольно распоряжался иностранный принцъ Георгъ, не отличившійся еще никакими заслугами; повторяли слухъ о томъ, что и вовсе уничтожатъ русскую гвардію, распредѣливъ ее по армейскимъ войскамъ. Говорили про ненужную перемѣну формы, про частыя ученья и шагистіку по прусскому образцу. Говорили объ унижительной, непомѣрной приверженности Петра ко всему прусскому, а въ особенности, къ королю Фридриху, портретъ котораго постоянно Петръ носилъ при себѣ въ перстнѣ.

— Да, вѣдь, это поклоненіе, кричалъ одинъ, —передъ вчерашнимъ нашимъ врагомъ—доходить до фетишизма какого-то, это фетишизмъ—положительно...

— Помилуйте, подхватывалъ другой, —онъ (такъ называли, обыкновенно, въ обществѣ Орлова Петра III), онъ съ превеликою радостію хвастался передъ гетманомъ Разумовскимъ, что произведенъ Фридрихомъ въ генерал-майоры прусской службы!... каково это, а?..

— Ну, что-жъ гетманъ?

— Да что, вы знаете гетмана—за словомъ въ карманъ не полѣзетъ,—онъ ему и отвѣтилъ, что вы, дескать, ваше величество, можете *отомстить* съ лихвою королю Прусскому: —произведите его въ русскіе фельд-маршалы!

И много подобныхъ разсказовъ было передано у Орлова.

Гости засидѣлись до поздняго часу. Наконецъ, проводивъ послѣдняго гостя, совершенно пьяный Орловъ, какимъ онъ казался въ концѣ вечера, вдругъ отрезвѣлъ, поправилъ свои растрепанные курчавые волосы, провелъ рукою по лицу, и пьяные блуждающіе глаза его засвѣтились обычнымъ имъ выраженіемъ ума, доброты и ласковой мягкости.

Онъ отлично умѣлъ, когда нужно, казаться пьянымъ, но, на самомъ дѣлѣ, никогда не терялъ головы отъ вина.

Онъ вернулся изъ прихожей въ опустѣвшую комнату, гдѣ у стола, заставленнаго посудой, пустыми флягами

и бутылками, сидѣлъ Артемій, котораго Орловъ просить оstarся.

Артемій въ теченіе всего вечера дѣлалъ видъ только, что пьетъ, но почти совсѣмъ не пилъ.

— Уфъ, душно! проговорилъ Орловъ, вздохнувъ съ облегченіемъ,—онъ подошелъ и поднялъ окно...

Ранняя, лѣтняя петербургская заря уже забрезжилась на востокѣ, и синеватый свѣтъ ея былъ настолько уже силенъ, что передъ нимъ теряло свою яркость покрасившееся пламя догорѣвшихъ и оплывшихъ свѣчей,—двойная тѣнь легла отъ всѣхъ предметовъ.

Орловъ потушилъ свѣчи.

— И безъ нихъ будетъ видно, сказалъ онъ опять.— Ну, теперь къ дѣлу... Достань, братъ, у меня тамъ бумагу и чернила—нужно записать сегодня-же.

Артемій, съ видомъ своего, близкаго у Орлова чело-вѣка, прошелъ къ нему въ спальню, досталъ письменный приборъ и, отодвинувъ съ угла стола рюмки и стаканы, расположился на немъ, чтобы писать.

— Завтра утромъ—мнѣ некогда будетъ, снова заговорилъ Орловъ,—такъ ужъ тебѣ придется отвезти этотъ списокъ къ графу на мызу... ты свободенъ?

— Да мнѣ что-жъ дѣлать, отвѣчалъ Артемій,—конечно, свободенъ... ну, говори, что писать?

— Сначала, Преображенскій—пиши: Вредихинъ, капитанъ-поручикъ, —Баскаковъ, Протасовъ, Черковъ... Ступининъ, кажется, всѣ...

— А Дубянский, Захаръ... сказалъ Артемій.

— Да, пиши Дубянскаго... Теперь Измайловскій... Рославлевы два брата, Всеволожскіе, Голицынъ...

— Князь?

— Ну, да, Петька Голицынъ, Петръ Алексѣевичъ, Похвистневъ, Вырубовъ... Кто еще?..

Орловъ сталъ припоминать.

Артемій, облокотясь на руку, съ перомъ въ рукахъ, задумался...

— Кажется, всѣ, продолжалъ Орловъ,—пиши теперь конную гвардію... Что-жъ ты заснул? спросилъ вдругъ опъ, видя, что Артемій не двигается.

— Нѣтъ, знаешь... отвѣтилъ тотъ,—этотъ арапъ у меня изъ головы не выходитъ.

— Какой арапъ?

— Развѣ ты не слышалъ: сегодня Несвицкій разсказывалъ...

— Ахъ, вотъ Несвицкаго забыли—запиши его... Да, такъ что-жъ онъ разсказывалъ, я выходилъ, должно быть,—не слышалъ.

— У Петра арапъ есть, Нарцисъ...

— Знаю... процѣдилъ сквозь зубы Орловъ.

— Ну, и этотъ Нарцисъ напился пьянъ и подрался съ палачомъ на улицѣ—такъ это, видишь-ли, сочли безчестіемъ для пьянаго арапа и захотѣли его реабилитировать... Въ сѣни принесли знамена и покрыли ими арапа... Понимаешь, —полковыя знамена — вѣдь, это ужасъ!..

— Быть не можетъ? проговорилъ Орловъ, военное сердце котораго забилося при разсказѣ о такомъ оскорбленіи полковой святыни.

— Все это у Загряжскихъ въ сѣняхъ происходило, и самъ Петръ тутъ былъ.

— Ну, печого сказать... э... да что, тутъ все равно ничего не подѣлаешь—пиши дальше.

И Артемій, съ стиснутыми отъ новаго прилива злобы губами, наклонился опять надъ бумагой. Перо его вновь закричало.

Орловъ сталъ припоминать дальнѣйшихъ сторонниковъ императрицы, и чѣмъ больше припоминали они съ Артеміемъ, тѣмъ больше росъ ихъ списокъ, становившійся очень внушительнымъ по своимъ размѣрамъ.

Звонили уже къ ранней обѣдѣ, когда, наконецъ, ушелъ Артемій отъ Орлова съ готовымъ спискомъ въ карманѣ, чтобы на другой день отвезти его къ графу на мызу.

XI.

Двѣ встрѣчи.

На другой день Артемій, почти не спавший всю ночь, велѣлъ осѣдлать себѣ лошадей и поѣхать на мызу.

Чтобы не обращать на себя лишняго вниманія, онъ старался держаться не большихъ улицъ, а задворковъ.

Онъ пересѣкъ Невскую перспективу и свернулъ не прямо по Фонтанной, а нѣсколько дальше, позади садовъ, примыкавшихъ къ барскимъ домамъ, выходившимъ фасадомъ на набережную Фонтанной.

Здѣсь, справа отъ него, потянулись пустынные заборы этихъ садовъ; прохожіе попадались рѣдко, а проезжихъ совсѣмъ не бывало...

„Вотъ, должно быть, садъ князя Проскурова“, подумалъ онъ, глядя на деревянную, съ каменными столбами, рѣшетку, окопанную свѣжей канавой.

Утро было такое чудное, ясное; зелень, еще не успѣвшая потемнѣть и покрыться лѣтнею пылью, дышала полною жизнью и свѣжестью; городъ съ его каменными и деревянными, тѣспящимися другъ къ другу, домами остался далеко позади.

Что-то давно знакомое, милое, деревенское схватило за сердце Артемія... Онъ невольно пустил свою лошадь шагомъ... „Что это?“ остановился вдругъ Артемій, невольно обернувшись въ сторону рѣшетки—тамъ стоялъ кто-то въ бѣломъ платьѣ,—и Артемій сейчасъ же узналъ, кто былъ этотъ кто-то...

Ольга стояла, опершись руками на рѣшетку, и, положивъ на нихъ подбородокъ, смотрѣла прямо на него. Глаза ихъ встрѣтились. Артемій видѣлъ, что она узнала его...

Ихъ отдѣляла только одна не широкая канава, часть дороги и рѣшетка.

Артемій видѣлъ, что она узнала его, и что ему было дѣлать. Онъ снялъ шляпу и поклонился...

Она, весело улыбувшись, отвѣтила ему, поклонивъ голову.

— А я васъ узнала сейчасъ... проговорила она своимъ звонкимъ, милымъ голосомъ,—голосомъ, котораго Артемій не слышалъ столько лѣтъ,—я помню васъ по Проскурову, добавила она, видимо, обрадовавшись Артемию, какъ старому знакомому, но только, какъ знакомому—не больше...

„Забыла—все забыла!“ пронеслось въ головѣ Артемія—и, несмотря на то, что онъ чувствовалъ, что не слѣдуетъ этого дѣлать, онъ притянулъ къ себѣ поводья и остановилъ окончательно лошадь.

— А вы... проговорилъ онъ, въ свою очередь, не узнавая звука своего голоса,—хотя вы и очень *измѣнились*, но я тоже узналъ васъ сію минуту.

Онъ нарочно подчеркнуть слово *измѣнились*, слѣдя, какое это произведетъ дѣйствіе на Ольгу; но она словно и не замѣтила этого...

— Неужели я перемѣнилась?—говорятъ, напротивъ... а вы уже офицеръ, и мундиръ къ вамъ очень идетъ... вы давно въ Петербургѣ?..

— Нѣтъ, недавно, а вы?

— Мы тоже недавно—почти только что пріѣхали, и теперь вдругъ, нѣсколько дней тому назадъ, батюшка велѣлъ снова укладываться... и мы опять собираемся въ деревню...

— Какъ,—только-что пріѣхали и опять назадъ?

— Такъ угодно батюшкѣ...

— Когда-же вы ѣдете?..

— Не знаю, на-дняхъ—можетъ быть, завтра, можетъ, послѣзавтра...

„Боже!—какъ это глупо“, думалъ между тѣмъ Артемій, чувствуя, что они ведутъ какой-то нелѣпый, нескладный разговоръ, когда они послѣ долгихъ, послѣ столькихъ долгихъ лѣтъ разлуки опять наединѣ, и когда ему такъ много, много хочется сказать ей!..

Но онъ не могъ сказать ей такъ сразу всего, что

ему хотѣлось, и что поглощало всѣ его мысли теперь, а думать о другомъ онъ тоже не могъ и потому говорилъ, что на языкъ приходится.

— А вамъ *понравилась* Петербургъ? спросилъ онъ.

Слова его однако спрашивали: „Вамъ понравилась Петербургъ?“ а выраженіе ихъ говорило: — „а у васъ нѣтъ здѣсь никого, у васъ здѣсь нѣтъ ничего, что бы притягивало васъ къ Петербургу, или, напротивъ, манило назадъ въ деревню?“

— Нѣтъ, не понравилось мнѣ здѣсь, отвѣтила Ольга совсѣмъ просто, — въ этомъ городѣ душно какъ-то... ужасно душно... Я вотъ люблю сюда къ задней рѣшеткѣ сада приходиться — тутъ больше на деревню похоже... нѣтъ, я люблю деревню больше города...

— А у васъ этотъ садъ большой?

— Да, но все-таки меньше Проскуровскаго, зато онъ почти весь тутъ цвѣтами усаженъ...

„Нѣтъ, не могу я дольше говорить такъ!“ рѣшилъ Артемій и, несмотря на это рѣшеніе свое, все-таки не сказалъ прямо, что думалъ, а спросилъ:

— Розаны... розаны есть здѣсь у князя?..

На высокомъ, красиво округленномъ лбу Ольги между бровей появилась складка, которая служить у человека признакомъ извѣстнаго напряженія и усилія, когда онъ съ трудомъ воспоминаетъ что-нибудь, хочетъ и не можетъ припомнить...

Она помнила Артемию по Проскурову, какъ сказала она ему, но, помимо этого, она еще чувствовала, что должна была помнить еще что-то, но, что именно—она не знала и не могла дать въ томъ себѣ полного отчета.

Теперь, при звукѣ его голоса и, въ особенности, когда онъ сказалъ о розахъ—въ головѣ у ней, словно молнія, мелькнуло какое-то неясное, болѣзненное воспоминаніе; но это было именно болѣзненное, страшно тяжелое ощущеніе, которое исчезло, промелькнувъ, и снова она ничего не знала и не могла ничего вызвать изъ прошедшаго, кромѣ того, что такъ помнила.

— Да, какъ въ Проскуровѣ... отвѣтила она опять съ прежнею простотою на вопросъ Артемія о розахъ.

Онъ взглянулъ на нее такъ, что казалось: жизнь его зависитъ отъ того, какъ она посмотритъ на него теперь; но она смотрѣла невинными и ясными глазами прямо ему въ лицо, и глаза эти ничего не выражали особеннаго.

Что-жъ это было?—насмѣшка, рѣзкій и подчеркнутый опредѣленный намекъ на то, что прежнее все забыто, что окончательно оно вычеркнуто изъ памяти, но тогда было проще сразу уйти и не отвѣчать на поклонъ и не разговаривать...

За что-же такъ безжалостно мучить и казнить человека?..

„А если такъ, подумалъ Артемій, — то, что-жъ теперь дѣлать?—Уйти, скорѣе уйти... иначе съ ума сойти можно, если хоть мигъ, хоть секунду продолжится эта пытка!..“

И, какъ утопающій инстинктивно ловить воду руками, сжимая ихъ, чтобы спастись, онъ невольно, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ—толкнулъ лошадь шпорами. Она двинулась впередъ. Артемій, не ожидавшій этого движенія, качнулся на сѣдлѣ и, чтобы не свалилась его треугольная шляпа, схватился за нее рукою. Разъ она была у него въ рукѣ, онъ поднялъ ее для поклона...

— До свиданія!.. сказалъ ему голосъ Ольги.

Онъ крѣпче всадилъ свои шпоры и, справившись съ затоптавшеюся лошадью, поѣхалъ вскачь впередъ по поросшей травой дорогѣ, чувствуя, что глаза Ольги смотрятъ ему вслѣдъ.

Лошадь, не чувствуя дальнѣйшихъ попуженій, скоро перешла изъ размашистаго галона въ рысь и потомъ въ шагъ. Артемій не замѣтилъ этого.

Опомнился онъ только у городской рогатки, и то по-

XXI передвижная выставка. „Дѣти“. Съ карт. и. л. Горехова (исключ. право воспроизв. принадл. „Нивѣ“), грав. Шюблеръ.

тому, что солнце начало его сильно греть, и онъ, замѣтивъ, какъ высоко успѣло подняться оно—сообразилъ, что потерялъ слишкомъ много времени и что опоздаетъ на мызу, гдѣ можетъ не застать уже графа.

Все только-что случившееся было у него какъ во снѣ, словно онъ былъ теперь не наяву, а въ грезѣ; по страху не исполнить во-время порученія—отрезвилъ его.

Времени оставалось слишкомъ мало, чтобы принять обыкновенную предосторожность, соблюдавшуюся при поѣздкахъ на мызу. т. е. взять направление не по прямой дорогѣ, гдѣ могутъ быть неудобныя встрѣчи, а ѣхать окольнымъ путемъ. Артемій рѣшилъ ѣхать прямо по дорогѣ, и погналъ лошадь во всю скачь...

Полпути онъ не давалъ ей вздохнуть. Она стала

ослабѣвать. Артемій почувствовалъ, что не разсчиталъ ея силы и не соразмѣрилъ ихъ съ разстояніемъ.

Нужно было во что бы то ни стало сдѣлать остановку. Онъ зналъ, что тутъ близко долженъ быть быть заѣзжій дворъ, и разсчитывалъ на него.

У двора, когда подъѣхалъ къ нему Артемій, стояла сломанная одноколка.

„А! подумалъ онъ,—тутъ есть проѣзжій кто-то—отлично. Я узнаю у него, можетъ быть, который теперь часть...“

И онъ соскочилъ съ лошади, крикнувъ дворника...

Проѣзжій, у котораго намѣревался Артемій узнать, который часть—былъ итальянецъ Торичіоли...

(Продолженіе будетъ).

Лѣченіе сплина.

(Шутка. Переводъ съ шведскаго).

I.

Въ средней знаменитаго американскаго врача Бустера, свѣтила медицины, стояли два мавра въ пестрыхъ ливреяхъ. Ихъ невеселыя лица были до того безжизненно спокойны, что, при первомъ взглядѣ на нихъ, брало сомнѣніе, живые это люди или искусно сдѣланные восковые манекены. Въ такомъ сомнѣніи былъ и вошедшій въ переднюю молодой человекъ. Къ нему живо подскочилъ изящный камердинеръ, истый маркизъ по манерамъ и эланности, и помогъ ему снять пальто.

Когда пальто было снято, камердинеръ отдалъ его одному изъ мавровъ. Не успѣвъ онъ это сдѣлать, какъ другой мавръ ужъ держалъ наготовѣ пріемный очередной пумерокъ.

Пациентъ пренебрежительно взглянулъ на пумерокъ и коротко замѣтилъ:

— Я не желаю ждать.

Камердинеръ только плечами повелъ.

— Сэръ, возразилъ онъ,—самому даже президенту Соединенныхъ Штатовъ я и то могъ бы только вручить № 48.

Молодой янки вынулъ изъ кармана горсть долларовъ и подаль ихъ камердинеру. Это произвело надлежащее дѣйствіе.

— А, такъ! воскликнулъ тотъ и въ одинъ мигъ спряталъ золотые.

Нетерпѣливый пациентъ чрезъ минуту очутился въ бібліотечномъ залѣ доктора Бустера. Несмотря на доллары, сего, все-таки, не ввелъ сразу къ самому доктору. Разъ пациентъ не ждетъ пріема, онъ не можетъ питать довѣрія къ врачу. Бустеръ, знаменитый Бустеръ давно постигъ эту тайну. По-пятно, догадливый камердинеръ пригласилъ этого важнаго пациента не въ большой пріемный залъ, убранный съ изумительной роскошью и сплошь увѣшанный саженными, дорогими картинами, а ввелъ его именно въ высокій, немного мрачный даже, бібліотечный залъ. Ученостью несло отъ каждого уголка этой комнаты. Всѣ стѣны были уставлены массивными темными шкапами, изъ-за стеколъ которыхъ угрюмо глядѣли огромные латинскіе, ни разу не раскрывавшіеся, фолианты... Цѣлыя фаланги томовъ... Если бы не попадавшіеся мѣстамъ, въ промѣжуткахъ между шкапами, блестящіе бѣлые скелеты людей и животныхъ, не на чемъ было бы отдохнуть глазу... На двухъ мраморныхъ столахъ были симметрично расположены остро-отточенные стальные инструменты въ прозрачныхъ стеклянныхъ футлярахъ и приводили въ невольный трепетъ своимъ холоднымъ безстрастнымъ блескомъ. Все это производило такое подавляющее впечатлѣніе, что невѣроятно повышало сумму вознагражденія за просвѣщенный совѣтъ доктора, имѣвшаго такую внушительную обстановку. Бустеръ былъ знаменитый врачъ и... отличный психологъ.

Пациентъ нашъ не обратилъ однако ни малѣйшаго вниманія ни на что и нетерпѣливо зашагалъ по комнатѣ.

Вдругъ тихо и беззвучно отворилась обитая коврами дверь изъ кабинета.

— Пожалуйста! произнесъ докторъ Бустеръ.

Пациентъ вошелъ и опустился въ глубокое, мягкое кресло, какъ разъ противъ доктора. Бустеръ сѣлъ спиной къ окну, весь свѣтъ падалъ на краснощекое, здоровое, обрамленное густой бородой, лицо пациента. И пациентъ этотъ проговорилъ:

— Докторъ, исцѣлите меня, — я плачу вамъ десять тысячъ долларовъ гонора.

Бустеръ сдѣлалъ легкое движеніе рукой, точно отмахиваясь отъ чего-то. Движеніемъ этимъ онъ какъ бы хотѣлъ сказать: „я готовъ помочь всякому, если онъ только богатъ или хотя бы состоятеленъ“, по можно было объяснить то-же движеніе и въ такомъ смыслѣ: „мнѣ случалось получать и болѣйшій гонораръ“... Онъ прислонился къ спинкѣ своего рѣзного кресла, полузакрывъ глаза и спросилъ:

— Чѣмъ вы страдаете?

— Ничѣмъ!

— Ого! Бустеръ пристально посмотрѣлъ на своего пациента. — „Что это—дуракъ или шутникъ?“ подумалъ онъ невольно.

Но тотъ спокойно выдержалъ его взглядъ, и Бустеръ понялъ, что пациентъ его не дуракъ и не шутникъ.

— Объяснитесь, пожалуйста, опредѣлитесь, произнесите онъ уже болѣе мягко. — Только какъ можно короче.

— Буду кратокъ, докторъ. Я долженъ разсказать вамъ исторію моей жизни.

— Съ ума вы сошли?.. Меня ждутъ въ пріемной сорокъ семь человекъ.

— Удѣлите мнѣ пять минутъ — каждая минута, слѣдовательно, принесетъ вамъ двѣ тысячи долларовъ.

Докторъ вынулъ свои часы.

— Ну, разсказывайте!

— Когда я родился, у моего отца было состояніе ровно въ миллионъ долларовъ. Онъ заработалъ его на подтяжкахъ.

— На подтяжкахъ...

— Да. Ново-изобрѣтенныя мои отцомъ подтяжки. Вамъ, вѣрно, извѣстны подтяжки Виндалль...

— Да я ихъ самъ ношу.

— Такъ вотъ я Джонъ Хвакукъ Виндалль — сынъ изобрѣтателя.

Докторъ спряталъ часы въ карманъ.

— Съ этимъ миллиономъ, продолжалъ Виндалль-сынъ, — отправился мой отецъ въ Чикаго и занялся откармливаніемъ свиней. На этомъ дѣлѣ онъ заработалъ тридцать миллионъ долларовъ и умеръ. Я остался единственнымъ наслѣдникомъ.

— Очень радъ... Теперь, будьте столь добры, о вашей болѣзни, мистеръ Виндалль.

— Виновать, позвольте. Мнѣ тридцать лѣтъ, я свободенъ, богатъ, здоровъ, какъ быкъ, физически, по крайней мѣрѣ. И все-таки жизнь мнѣ въ тягость, въ невыносимую тягость. Съ отвращеніемъ провожу я день за днемъ. Все мнѣ надоѣло. Я скучаю, какъ двадцать два англійскихъ лорда взятые вмѣстѣ. Однимъ словомъ — силнѣ. Есть у васъ средство отъ этого — дайте мнѣ его. Если же нѣтъ, то отвѣчайте прямо, и это будетъ смертельнымъ мнѣ приговоромъ. Въ томъ и другомъ случаѣ вы получите ваши десять тысячъ долларовъ.

— Такъ-то, такъ, милый мой, но мнѣ нужно знать, что за средства употребляли вы раньше, до прихода ко мнѣ?

— Извольте. Все я испробовалъ: путешествія, самыя опасныя, самыя рискованныя, охота, игры, вино, удовольствія, развлеченія.

— Вы сказали, что свободны. Всегда были вы свободны?

— Нѣтъ, одно время была я обрученъ съ чуднымъ, несемнымъ созданіемъ, миссъ Лиліанъ Слйдъ, дочерью барона Слйдъ. Она любила меня чистою, безкорыстной любовью, — она была на 7—8 миллионъ богаче меня... Она отказала даже молодому Вандербильту, искавшему ея руки. Меня она обожала. Я покинулъ ее.

— Это почему?

— Въ одинъ изъ лѣтнихъ вечеровъ, какъ-то разъ, сѣдѣли мы въ ея паркѣ, стоящемъ болѣе 3 миллионъ долларовъ. Сѣдѣли мы на каменной террасѣ передъ замкомъ... Былъ лѣтній вечеръ... Ахъ, впрочемъ, я ужъ говорилъ. Гдѣ-то, въ кустахъ, пѣлъ соловей... Воздухъ былъ свѣжъ и душистъ... Свѣтилъ мѣсяцъ — и мнѣ стало скучно, невыразимо скучно съ ея любовью и съ ея миллиономъ. Я всталъ и заявилъ ей, что я держу большое пари, и завтра утромъ поэтому долженъ уѣхать немедленно въ Сибирь, въ Иркутскъ. Она меня поняла, — подала мнѣ съ пѣжымъ вздохомъ свою бѣлую руку, которую я прижалъ на прощанье къ губамъ. И такъ я отправился въ Иркутскъ. Когда я вернулся, она еще была не замужемъ. Она и теперь еще не замужемъ, хотя и знаетъ, что на меня ей разсчитывать нечего. Для меня она слишкомъ красива, чересчуръ добродѣтельна и богата. Однимъ словомъ: слишкомъ совершенна. Нѣтъ ничего тягостнѣе совершенства.

— Совершенно верно, мистер Виндалл. Но, ведь, существуют, кажется, женщины несколько далекие от совершенства...

— Знаю. Этих опять-таки я ненавижу, еще больше ненавижу, чем совершенных.

— Да, плохо дѣло, мистер Виндалл. Вы, понятно, пробовали заниматься и тяжелым физическим трудом.

— И это я дѣлалъ.

— Ну, да, это старое средство отъ силна.

— И все это не помогаетъ, доктор! Цѣлы мѣсяцы, въ бурю и непогоду, пасть я самъ своихъ свиней. Одно время работалъ и въ английскихъ каменноугольныхъ копяхъ. Кашлять сталъ, а силна, силна не разогналъ. То, что всѣхъ радуешь, меня не трогаетъ ничуть. Вы видите, такимъ образомъ, докторъ, у меня самая тяжелая форма силна.

— Совершенно верно, мистер Виндалл, совершенно верно.

— Вотъ изъ-за этого же совершенства пришлось мнѣ и бѣдность познать.

— Ахъ, тоже старое средство... Ну, и, понятно, уснѣха никакого?

— Ни малѣйшаго. Въ бытность свою въ Иркутскѣ, получилъ я извѣстie, что по несчастному стеченiю обстоятельствъ, изъ-за разныхъ банкротствъ и т. д., все мое состоянiе пошло яракомъ. Но и это не отрезывало меня, не придало энергiи. Я продолжалъ хандрить. Возвратившись, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ Америку, я узналъ, что все это была наглая ложь. Какъ разъ наоборотъ — состоянiе мое еще увеличилось. Можете представить мое удивленiе.

— Кому же это пришло въ голову сыграть съ вами такую ятку?

— Миссъ Лилланъ Слэдъ. Она хотѣла этимъ избавить меня отъ моей хандры. Она я придумала такое, чтобы меня за сердце хватили.

— Чисто по-женски.

— Ну, такъ вотъ, докторъ, я обращаюсь къ вамъ. Если и у васъ нѣтъ для меня средства, то ужъ, какъ хотите, не жалея и болѣе на бѣломъ свѣтѣ.

— Ну, къ чему такiе страхи... Вотъ что, мистер Виндалл, есть у меня средство для васъ...

— И помогите?

— Безусловно.

— Хорошо, если слова ваши оправдаются, кромѣ гонорара, вы получите еще цѣнный подарокъ.

Бустеръ сдѣлалъ прежнiй жестъ и произнесъ:

— Приходите завтра въ 1 часъ въ мою лѣчебницу Maiden Lane 12. Къ этому же времени приготовьте и принесите мнѣ документъ, въ коемъ вы удостовѣрите подписью своею и двухъ свидѣтелей, что все, что будетъ мною завтра съ вами сдѣлано, все это будетъ съ вашего желанiя и согласiя.

Виндалл, улыбувшись, замѣтилъ на это:

— Вы, видимо, считаете меня неизлѣчимымъ и придумали мнѣ сладкую смерть.

— Я васъ вылѣчу, спокойно возразилъ Бустеръ. — На всякiй случай не мѣшаетъ все-таки вамъ приготовить духовное завѣщанiе — васъ, надѣюсь, это не испугаетъ.

— Нисколько.

— Значитъ, завтра?

— Ровно въ часъ.

Бустеръ всталъ.

— Ахъ, да, мистер Виндалл... Вы принесете съ собою и чекъ на десять тысячъ долларовъ.

— Непременно.

Джонъ Виндалл въ нерѣшительности остановился у дверей.

— Вотъ что, докторъ... Ну, а если средство ваше не подѣйствуетъ, все равно пропадаютъ мои десять тысячъ.

— Понятно.

— Ну, а кто мнѣ порукой за этотъ опытъ?

— Мое имя! произнесъ спокойно и величественно выпрямившись Бустеръ, и, пренебрежительно отвернувъ дверь приемной, крикнулъ:

— Нумеръ второй!

Виндалл, уныложенный, пробормоталъ только:

— Я буду завтра.

И исчезъ.

II.

Ровно въ часъ, на слѣдующiй день, явился Хакукъ Виндалл въ лѣчебницу на Maiden Lane 12. Тотчасъ отвели его въ операционную комнату. Тамъ его уже ждалъ Бустеръ съ двумя своими ассистентами и съ двумя служителями.

— Все въ порядкѣ, Виндалл?

— Все, докторъ. Вотъ требуемый документъ, а вотъ чекъ.

— Отлично... Мистеръ Джонъ Хакукъ Виндалл — мистеръ Гамъ и мистеръ Эггъ — мои ассистенты. Мистеръ Виндалл, удостовѣрьте, пожалуйста, этимъ джентльменамъ, что вы, по своей доброй волѣ, вѣряете себя моему пользованiю. Удостовѣрьте мнѣ, что вы, какъ совершеннолѣтнiй гражданинъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, находясь въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, изъясняете полное свое согласiе на все, что я съ вами сдѣлаю.

— Удостовѣряю! произнесъ рѣшительно Виндалл.

— Ну, отлично. Раздѣнитесь!

Джонъ Хакукъ быстро раздѣлся. Здоровьемъ и силой вѣло отъ его мощной фигуры.

— Ложитесь сюда, на столъ! скомандовалъ Бустеръ.

Виндалл много исполнилъ его приказанiе.

— Губку! крикнулъ докторъ.

Ему подали губку, намоченную въ эфирѣ. Бустеръ поднесъ ее ко рту и къ носу Виндалла. Черезъ нѣсколько мгновенiй послѣднiй заснулъ.

Бустеръ сейчасъ же обратился къ своему помощнику и произнесъ повелительнымъ тономъ:

— Отнимите ему правую ногу!

Гамъ поклонился.

— Всю? спокойно спросилъ Эггъ.

— До колѣна!.. Мнѣ нужно ѣхать къ больнымъ. Я ужъ на васъ надѣюсь. Чтобы часто было мнѣ сработано, какъ слѣдуетъ. Отрѣзанную ногу положите въ спиртъ. До свиданiя!

— До свиданiя! отвѣтили Гамъ и Эггъ.

Первое, что почувствовалъ Джонъ, это невыносимую, ужасную боль въ правомъ колѣнѣ. Глаза у него еще были закрыты, но онъ стоналъ немовѣрно. Сначала ему показалось, что это во снѣ все. Но страшная боль слишкомъ была опутительна и ни на минуту не унималась... Онъ взглянулъ себѣ на ноги и обмеръ отъ ужаса... Моментально стало ему все ясно. Бустеръ лишилъ его ноги.

На счастье, Гаму вздумалось наклониться какъ разъ въ эту минуту къ Виндаллу, чтобы посмотреть, проснулся-ли онъ уже. Взбѣшенный Джонъ закатилъ ему со всего размаху пощечину.

Мистеръ Эггъ, видя это, глубокомысленно и хладнокровно записалъ въ больничнiй листокъ:

„Упадка сплъ у нациента не обнаружено“.

Мистеръ Гамъ, молча, отошелъ въ сторону. Онъ тотчасъ сообразилъ, что эта пощечина сильно улучшить его материальное существованiе. Дѣйствительно, обидя и боль былъ ему возмѣщены вполне — онъ получилъ за это 2.000 долларовъ. Виндалло не хотѣлось доводить этой исторiи до суда. Куда дешевле обошлось ему шинокъ ногой, которымъ онъ награждалъ одного изъ служителей. Черезъ часъ послѣ исторiи своей съ Гамомъ, Виндаллъ спросилъ служителя тихо и, видимо, хладнокровно:

— Душегубы, будьте вы трижды прокляты! Куда дѣли вы мою ногу?

— Напрасно вы беспокоитесь, господинъ, вѣжливо отвѣтилъ ему служитель. — У насъ ничего не пропадаетъ. Вотъ здѣсь ваша нога!..

Онъ показалъ на огромную бутылъ со спиртомъ. Служитель благообразно держался въ приличномъ отдаленiи отъ мощныхъ рукъ нациента, которымъ тотъ недавно далъ столько волн; но онъ вовсе не принялъ въ расчетъ лѣвой ноги нациента, и, дѣйствительно, сильный шинокъ не замедлилъ послѣдовать со стороны искалѣченнаго. Шинокъ этотъ причинилъ только легкое поврежденiе, и Виндалло удалось поэтому умножить служителя сравнительно дешево, 300 долларамъ.

Гдѣ же былъ Бустеръ?

Въ первый день, когда Джонъ Хакукъ рвалъ и металъ (волей-неволей пришлось его связать), великiй врачъ совсѣмъ не показывался. Когда его извѣстали, что нациентъ успокоился нѣсколько, онъ посѣтилъ его.

Навстрѣчу американской знаменитости посыпались самыя отборныя словечки...

— Ты, шакаль, плотояднiй коршунъ, я отрѣжу тебѣ оба уха, я распору тебѣ твой животъ.

Но докторъ былъ спокоенъ:

— Когда вы придете вполне въ себя, и будете вести себя, какъ истый джентльменъ, тогда я готовъ съ вами и бесѣдовать, тихо проговорилъ онъ, и направился къ выходу.

Вдогонку ему посыпалось градомъ безконечное количество зоологическихъ и яныхъ терминовъ.

Прошли цѣлыя три недѣли до того времени, пока Джонъ Хакукъ Виндалл сталъ вести себя по-джентльменски. У него была очень крѣпкая натура. Но онъ все-таки поддавался, наконецъ. Его вынудила къ этому тоска. Да, тоска, но не та тоска, которая мучила его прежде. Нѣтъ, это была тоска по жизни, по ея радостямъ и удовольствiямъ, это была тоска заключеннаго, томимаго по свободѣ, мечтающаго о лазурномъ свѣтлѣ небѣ, о просторѣ полей, о шумной, веселой городской жизни, кипучей дѣятельности... Съ жадностью лакидывался онъ на газеты, на отдѣлы спорта, въ которыхъ трактовалось о разныхъ состязанiяхъ въ крокетъ и знаменитую игру въ мячъ „lawn-tennis“.

Разныя свѣдѣнiя изъ Skating-Ring, сообщенiя объ имѣющихъ быть танцевальныхъ вечерахъ, приводили его въ страшное возбужденiе. Съ какой радостью готовъ былъ бы онъ побывать тамъ, но тамъ нужны здоровыя, крѣпкiя ноги. Эта грустная мысль довела его до того, что онъ написалъ вѣжливое, въ самомъ жалостномъ тогѣ, письмо доктору Бустеру, съ просьбой посѣтить его.

Знаменитый врачъ явился.

И горькимъ, тихимъ голосомъ спросилъ его Виндалл:

Выставка въ Импер. Акад. Художествъ. „Арестъ богатаго марана во время совершенія имъ обряда ветхозавѣтной пасхи.“ Съ карт. М. Маймана, грав. Ольшескій.

Лисица въ своей семьѣ. Карт. М. Корреджіо, грав. Герике.

— Так-то вы мнѣ окрасили жизнь — вы меня едѣлали на вѣки калѣйкой.

— Мой юный другъ, возразилъ Бустеръ, — жизнь — прекрасна, но каждому въ ней должно недоставать чего-либо. Вотъ къ какому убѣжденію я пришелъ...

— И вы лишили меня самого моего любимого: танцевъ, верховой ѣзды и бѣга взапуски.

— Мистеръ Джонъ, мы любимъ только то, чего имѣть не можемъ... Впрочемъ, я уже вошелъ въ переговоры съ однимъ замѣчательнымъ механикомъ. Онъ уже изготовляетъ теперь для васъ искусственную ногу, которая избавитъ васъ совершенно отъ костылей. Это будетъ чудо искусства. Никому никогда и въ голову не можетъ придти, что это у васъ не настоящая нога. Цѣна ей 8700 долларовъ.

— Нельзя сказать, чтобы дешево! оказалъ про себя Джонъ. Наступила пауза.

Джонъ на минуту задумался, и вдругъ спросилъ Бустера:

— А Лилланъ Слэйдъ знаетъ про мое убожество?

— Ни одна душа во всемъ Нью-Йоркѣ не знаетъ этого, кроме, понятію, моихъ молчаливыхъ ассистентовъ и служителей. Всѣ полагаютъ, что вы у вашихъ свиней въ Чикаго. Механикъ мой надѣется, что мѣсяца черезъ два, какъ вы привыкнете, вы сможете смѣло танцевать, ѣздить верхомъ, и даже на конькахъ кататься.

Слова доктора оправдались вполнѣ. Нога, сработанная замѣчательнымъ механикомъ, оказалась чудомъ искусства.

Черезъ полгода мистеръ Виндаль обвинялся съ миссъ Лилланъ Слэйдъ. Онъ былъ радикально вытѣсненъ отъ силлы.

И. З.

Добываніе золота и серебра изъ морской воды.

Очеркъ Г. С. Вольте.

О томъ, что вода морей и океановъ содержитъ въ растворѣ различныя соединенія металловъ, извѣстно было уже давно. Открытіе это, подобно множеству другихъ открытій, сдѣлано было совершенно случайно. У береговъ Чили, въ Тихомъ океанѣ, потонуло судно. Когда, по прошествіи многихъ лѣтъ, обломки его были извлечены изъ глубины морской, то на мѣдиной обшивкѣ его кузова замѣтили значительныя количества осѣвшего на ней серебра. Тогда же сдѣлали примѣрное вычисленіе, что общее содержаніе серебра во всѣхъ морскихъ бассейнахъ земли должно простираться до 12 билліоновъ пудовъ.

Долгое время, однако, сокровища эти лежали втунѣ, такъ какъ не могли сообразить, какимъ способомъ можно овладѣть ими. Было придумано и предложено множество способовъ для извлеченія драгоценнаго металла изъ морской воды, но всѣ они казались превосходными только въ теоріи; на практикѣ же оказывались никуда не годными уже по одному тому, что расходы, необходимыя на покрытие издержекъ производства, превышали количество возможной добычи. Такова была, на примѣръ, идея получать серебро путемъ испаренія воды. Можете себѣ представить, сколько надо было бы сжечь топлива для выпариванія воды, чтобы разыскать на днѣ котла нѣсколько крупинокъ блестящаго металла среди массы морскихъ солей.

Все дѣло, собственно, въ томъ и состоитъ, чтобы изъ громадныхъ массъ воды дешевымъ способомъ, не требующимъ большихъ затратъ, добывать содержащіяся въ нихъ въ ничтожномъ количествѣ хлористыя соединенія золота и серебра*). Процентное содержаніе золота въ морской водѣ опредѣляютъ въ 0,0000005 %о. Это значитъ, что надо выпарить 1 билліонъ пудовъ воды, чтобы добыть пять пудовъ золота. Если бы въ золотой росынкѣ содержалось такое ничтожное количество золота, то ни одинъ предприниматель даже не взглянулъ бы на нее, считая безумной затѣей промычку такихъ массъ песку.

Что касается серебра, то теперь находятъ выгоднымъ разрабатывать руды, содержащія всего 0,025 %о серебра, но такое производство требуетъ все-таки громадныхъ затратъ и сопряжено съ огромными трудностями. Послѣ этого станетъ понятнымъ, какую трудную задачу предстояло разрѣшить техникѣ, когда возникло желаніе добывать драгоценныя металлы изъ морской воды.

Пало къ тому еще имѣть въ виду, что соединенія золота и серебра, подобно другимъ металламъ и минераламъ, не равномерно распределены по воднымъ бассейнамъ вселенной: одни моря содержатъ ихъ въ большемъ количествѣ, другія — въ меньшемъ.

Въ этомъ трудномъ дѣлѣ, казавшемся уже совершенно безнадежнымъ, явилось вдругъ на помощь всемогущее и теперь вездѣсущее электричество.

Если бы люди сумѣли сразу понимать всѣ новыя явленія, замѣчаемыя ими въ природѣ, то мысль о примѣненіи электричества къ добычѣ золота изъ воды явилась бы имъ еще тогда, когда они увидѣли серебряный налетъ на мѣдиной обшивкѣ затонушаго у береговъ Чили парохода. Объяснить это явленіе можно было лишь предположеніемъ, что мѣдь обшивки, вступая въ соединеніе съ соленой водой, произвела электрическій токъ, разлагавшій воду и содержавшіяся въ ней вещества на ихъ составныя части. Совершался, слѣдовательно, тотъ же процессъ, какой мы видимъ въ каждой гальванической батарее, въ каждомъ гальваническомъ элементѣ. Такимъ-то путемъ и хлористое серебро морской воды разложилось на газообразный хлоръ, растворившійся въ водѣ, и серебро, осѣвшее въ видѣ крупинокъ на мѣди. Въ сущности это такая же операція, какая производится при искусствѣнномъ золоченіи или серебряніи предметовъ: ихъ кладутъ въ растворъ золотой или серебряной соли, погружаютъ туда электроды гальванической батареи и сейчасъ же изъ жидкости начинается равномерно выдѣляться чистое металлическое золото или серебро, плотнымъ и ровнымъ слоемъ покрывающее лежащій въ растворѣ предметъ.

*) Морская вода изобилуетъ различными соединеніями хлора и близкими ему веществамъ съ металлами: таковы хлористый натръ (поваренная соль), хлористый калий и др.

Оказывается, что и сама природа занимается гальванопластикой (какъ называютъ описанную выше операцію), съ той лишь разницей, что источникомъ электричества служитъ здѣсь самъ погруженный въ воду металлъ, въ мѣстѣ соприкосновенія съ омывающимъ его соленнымъ растворомъ дающій начало электрическому току.

Ассистентъ металлургической лабораторіи въ Христіаніи, Столинъ Норвегій, К. Мунстеръ догадался подражать природѣ. Система производства, которую онъ въ настоящее время рекомендуетъ, въ сущности своей представляетъ лишь практическое примѣненіе изложенныхъ выше принциповъ. Вдоль норвежскаго берега между двумя островами, находящимися въ 60 метрахъ *) другъ отъ друга, на особомъ фундаментѣ или подмосткахъ, подъ угломъ въ 30° къ морскому теченію, должны быть установлены 60 параллельно соединенныхъ между собою гальваническихъ элементовъ. Элементы эти состоятъ изъ желѣзныхъ досокъ, длиною въ 3 метра и шириною въ 2 метра, и такой же величины угольныхъ брусковъ, покрытыхъ дегтемъ и графитомъ. Черезъ нихъ пропускается электрическій токъ силою въ 300 амперовъ при 1,3—2 вольтахъ **). Токъ развивается динамомашинною, которая приводится въ движеніе керосиновымъ двигателемъ въ $\frac{1}{2}$ —1 лошадиную силу. Можно, однако, воспользоваться и какимъ-либо даровымъ двигателемъ, какъ напр. силою теченія воды или вѣтра.

Если пропустить такимъ способомъ черезъ воду токъ силою въ одинъ амперъ, то находящіяся въ растворѣ хлористыя соединенія золота начнутъ разлагаться, а золото и серебро осаждаются на положительномъ полюсѣ батареи (анодѣ), а именно по 0,6815 миллиграмма ***)) золота и 1,125 миллиграмма серебра въ каждую секунду.

Въ виду того, что изъ 300 амперовъ силы тока на осажденіе золота требуется, по расчету Мунстера, лишь 88 амперовъ, а остальные 212 амперовъ будутъ израсходованы на извлеченіе серебра, то каждую секунду должно получаться 60 миллиграммовъ золота и 240 миллиграммовъ серебра.

Принимая скорость морского теченія равную 4 метрамъ въ секунду, а ширину теченія — 60 метрамъ, Мунстеръ вычислилъ, что при такихъ условіяхъ мимо каждой пары элементовъ будетъ протекать въ секунду 12 кубическихъ метровъ воды, и въ теченіе года удастся извлечь изъ нея 1880 килограммовъ (113 пудовъ) золота и 7520 килограммовъ (451 пудъ) серебра. Добычу эту можно оцѣнить почти въ 2 милліона рублей золотомъ или 3 милліона рублей кредитныхъ (по нынѣшнему курсу).

Допустимъ, что Мунстеръ сильно увлекся въ своихъ расчетахъ, и предположимъ, что получится всего только сотая часть того, что онъ общаетъ. Все-таки валовой доходъ производства опредѣляется и тогда въ 20.000 рублей золотомъ, а за вычетомъ издержекъ, которыхъ предпологается не болѣе 5.000 рублей, должно остаться въ видѣ чистой прибыли 15.000 рублей золотомъ. И это не малая сумма для одного предприятия, дѣйствующаго на такомъ небольшомъ пространствѣ (какъ мы сказали выше — 60 метровъ или менѣе 30 сажень) и съ такимъ слабымъ двигателемъ (менѣе одной лошадиной силы). Если мы вспомнимъ, что золото это будетъ получаться изъ ничего не стоящей морской воды, то значеніе сдѣланнаго Мунстеромъ открытія предстанетъ предъ нами во всей своей силѣ.

Мунстеръ довольствуется однимъ теоретическимъ вычисленіемъ: онъ желаетъ въ самомъ непродолжительномъ времени испробовать свое открытіе на опытѣ. Съ этою цѣлью онъ заложилъ у норвежскаго берега описанные выше гальваническіе элементы. Избранная имъ для опытовъ мѣстность какъ нельзя лучше соответствуетъ необходимымъ для успѣха ихъ условіямъ. Морс здѣсь перекрещивается многочисленными

*) Метръ = 1,4 аршина.

**) Вольтомъ называется принятая въ практикѣ единица мѣры электровозбудительной силы; она почти равна электровозбудительной силѣ гальваническаго элемента Даниеля. Амперомъ же условились называть единицу мѣры гальваническаго тока, а именно такой токъ, который получается при одномъ вольтѣ и сопротивленіи проволоки, также равномъ единицѣ (омъ).

***)) Миллиграммъ = 0,022 доли; обозначается mg.

течениями, въ числѣ которыхъ находится мощный Гольфстромъ. Такимъ образомъ, теченіями этими приписаны постоянно все новыя и новыя массы воды и происходятъ довольно быстрое удаленіе матеріала, уже разложеннаго дѣйствующими гальваническими элементами, и такая же быстрая замѣна его свѣжимъ.

Если предприниматели Мунстеромъ опыты оправдаютъ надежды изобрѣтателя и докажутъ, что предпріятія такого рода могутъ дать значительные доходы, то, конечно, капиталы не замедлятъ направиться на это дѣло, и повсюду возникнутъ многочисленныя пріиски золота и серебра въ водѣ морей и океановъ. Такъ какъ серебра будетъ добываться гораздо больше, чѣмъ золота, то на немъ рѣзче всего обнаружится переворотъ, который должно произвести на мировомъ денежномъ рынкѣ полное открытіе.

Первымъ послѣдствіемъ его будетъ быстрое обезцѣненіе серебра. Второе, еще гораздо болѣе важное, — громадный прогрессъ техники. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ высокая цѣна этого металла не давала возможности пользоваться имъ въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ для цѣлей технической промышленности. Между тѣмъ серебро обладаетъ многими неоцѣненными свойствами, напримѣръ, сильнѣе всѣхъ прочихъ металловъ отражаетъ свѣтъ, лучше всѣхъ ихъ проводитъ электричество и теплоту и пр.

Серебру предстоитъ, слѣдовательно, въ недалекомъ будущемъ, замѣнить во многихъ случаяхъ мѣдь. Количество послѣдней на мировомъ промышленномъ рынкѣ окажется скоро недостаточнымъ, такъ какъ мѣдь потребуется теперь въ громадныхъ размѣрахъ для различныхъ цѣлей электротехники, а когда начнутъ воздвигать повсюду обширныя центральныя электрическія станціи, то спросъ на нее станетъ еще болѣе широкимъ. Тогда-то дешевое серебро и явится человѣчеству на помощь. Что вопросъ этотъ, дѣйствительно, очень серьезный, доказываетъ лучше всего примѣръ недавняго мѣднаго кризиса, когда мѣдь стала сильно повышаться въ цѣнѣ, и многіе предприниматели должны были потерпѣть громадные убытки.

Отчего же въ такомъ случаѣ не попытаться и мѣдь добывать изъ морской воды. Правда, соединенія мѣди также, какъ и марганца, кобальта и никкеля, содержатся въ морской водѣ въ незначительныхъ количествахъ. Добываніе-же этихъ металловъ гораздо труднѣе, чѣмъ полученіе золота и серебра. Для послѣдней цѣли требуются не особенно сильныя электрическія токи, тогда какъ для осажденія другихъ металловъ, въ томъ числѣ и мѣди, необходимо пустить въ ходъ токи такого громаднаго напряженія, что вмѣсто металлическихъ соединений начнетъ разлагаться сама вода. Къ тому же станутъ осаждаться одновременно самыя различныя составныя части морской воды, а отдѣлать потомъ эти вещества другъ отъ друга будетъ очень трудно.

Въ заключеніе, нѣсколько словъ о возможномъ вліяніи новаго производства на народное хозяйство. Прежде всего, конечно, страшно подымется цѣна прибрежной земли, и народы, владѣющіе наиболѣе длинною береговою линіею, приобретутъ еще одно важное преимущество предъ государствами континентальными.

Но, съ другой стороны, ядовитое газообразное вещество — хлоръ, который будетъ выдѣляться при этомъ производствѣ въ громадныхъ количествахъ и поглощаться окружающею водою, не замедлитъ оказать самое страшное, губительное вліяніе на всю окрестную растительность моря, на весь подводный міръ животныхъ. И тамъ, гдѣ еще недавно подымались съ морского дна роскошныя растенія, гдѣ жили тысячи рыбъ, и множество птицъ сновало вокругъ, — тамъ водворится глубокая тишина, мракъ смерти, и весь воздухъ наполнится удушливыми выдѣленіями миллионовъ разлагающихся организмовъ. А на берегу человѣкъ съ лихорадочною жадностью будетъ собирать осыпшія на электродахъ крупинки блестящаго металла. И по мѣрѣ того, какъ смерть будетъ все дальше и дальше разливаться вокругъ, все больше и больше будутъ расти на берегу груды добываемаго изъ воды золота.

Десять минутъ.

(Изъ монологовъ Коклена старшаго).

Хотя я не завидую счастливымъ, но имѣю полное на это право! И все мое несчастіе, собственно, такіе пустяки, о которыхъ говорить не стоитъ, по, тѣмъ не менѣе, оно преслѣдуетъ меня, это несчастіе...

Я родился 31-го декабря черезъ десять минутъ послѣ полуночи, слѣдовательно, официально мое рожденіе записано 1-го января. И вотъ, благодаря этому, я и съ совершеннѣйшимъ, и съ воинскою повинностью, и со всею жизнью опаздываю на годъ! — И всю жизнь меня преслѣдуютъ эти несчастныя десять минутъ...

Въ школѣ, каждый разъ, когда меня вызывалъ учитель — я вспоминалъ то, что долженъ былъ отвѣчать, только черезъ десять минутъ послѣ того, какъ учитель ставилъ мнѣ единицу, т. е. когда другой вызванный отвѣчалъ урокъ...

Стоитъ мнѣ поѣхать куда-нибудь — всегда та-же исторія: опоздаю, всего на десять минутъ опоздаю. — Являюсь въ театръ за билетомъ — послѣдній билетъ непременно взять десять минутъ тому назадъ!..

Хочу я посмотреть что-нибудь, — всегда закрыто десять минутъ тому назадъ — и я не могу явиться раньше — попробовалъ разъ: все равно, шина сломалась у извозчика!..

И влюбился... Она была прекрасна, воспитана, мила... Родни-

тели ея принимали меня очень любезно. И, разумеется, каждый разъ опаздывалъ къ нимъ на десять минутъ къ обѣду, но это ничего не значило...

Насъ оставили вдвоемъ, мы могли разговаривать, сколько хотѣли, но я все какъ-то не рѣшался высказаться... Однажды я рѣшился поцѣловать ея руку — она назвала меня „уродомъ!“ — это было восхитительно!.. На другой день я сдѣлалъ формальное предложеніе ея отцу...

— Ахъ, жалъ, очень жалъ, качая головой, отвѣтилъ онъ, — мы давно ждали, давно... мы замѣчали вашу привязанность... но потомъ рѣшили, что это простая дружба. Къ сожалѣнію, г-нъ X. посватался за нашу дочь, и я ему только-что далъ слово, — онъ сейчасъ былъ у меня... десять минутъ тому назадъ...

Я былъ огорченъ, я былъ виѣ себя, я не зналъ, что мнѣ дѣлать... Но вотъ проходитъ мѣсяцъ, я съ отчаяніемъ дѣлаю предложеніе другой, женюсь и узнаю потомъ, что за десять минутъ до моей свадьбы — г-нъ X. хватилъ ударъ!..

Десять минутъ! — Вѣчно тѣ-же самыя десять минутъ!.. И увѣренъ, что перестану опаздывать только черезъ десять минутъ послѣ своей смерти, но тогда это будетъ, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно!..

Къ рисункамъ.

Уличный гаеръ въ древнемъ Римѣ.

(Рис. на стр. 485).

Сила и ловкость въ древности, особенно, въ античной Греціи, гдѣ физическое развитіе человѣка стояло на недостижимой высотѣ совершенства, пользовались непопулярнымъ для насъ уваженіемъ и восхищеніемъ. Даже гаеры, фигляры и другіе потѣшники, и тѣмъ иногда воздавались особенныя почести; за то и искусство ихъ, по словамъ современниковъ, превосходило все, что мы видимъ въ наше время. Несмотря на то, что атлетизмъ былъ присущъ древности, все-таки попадались въ то время слапахи, которые обращали на себя вниманіе современниковъ. Такъ, Плиній старшій рассказываетъ, что нѣкто Сальвій, съ тяжестью въ 220 фунтовъ въ каждой рукѣ и на каждой ногѣ и грузомъ въ 440 фунт. на шею, подымался по лѣстницѣ. При Марціалѣ великанъ Гинъ послѣ во время своихъ представленій по 7—8 мальчиковъ на каждой рукѣ. Иногда, вмѣстѣ съ силою, такіе искусники проявляли не мало ловкости. Напримѣръ, атлетъ Масціонъ ставилъ себя на лобъ бревну, которое, по словамъ Златоуста, стояло неизменно, „какъ дерево, крѣпко и глубоко пустившее корни, — и на верхушкѣ бревна два мальчугана боролись. Еще замѣчательнѣе были разные ловчаки, которые и кружились, какъ птицы, въ воздухѣ, и строили изъ своихъ тѣлъ цѣлыя крѣпости“. По мнѣнію астрологовъ, такіе petauristae или petaminiarii могли

рождаться только подъ созвѣздіемъ Дельфина. Для своихъ упражненій они употребляли нѣчто въ родѣ современнаго тѣла или река, подъ названіемъ petauron, который иногда походилъ и на тѣ приборы, какіе мы видимъ у современныхъ акробатовъ, летающихъ въ воздухѣ. Не менѣе удивленія вызывали и танцоры на канатѣ или струнѣ (neurobates), которые, судя по рисункамъ на вазахъ, или по стѣнной живописи въ Помпеѣ, работали безъ шеста и продолжали невозможныя головоломныя штуки. Особенно замѣчательными были такъ-называемыя „бѣгуны“, или, скорѣе, ползуны по стѣнамъ. Этими искусствомъ пользовались также воры, и про одного изъ нихъ, Еврибата, рассказываютъ, что во время заключеній въ тюрьмѣ, онъ, по просьбѣ стражи показать свою ловкость, для чего былъ освобожденъ отъ оковъ, влѣзъ по стѣнѣ на домъ, и когда достигъ крыши, то на глазахъ у всѣхъ и былъ таковъ. Жонглеры или ventilatores и pilarii, по словамъ Квинтиліана, все, что имъ бросали, вновь ловили руками или заставляли падать тамъ, гдѣ желали. Они употребляли шары, кольца, мечи и другіе предметы. Такъ, сохранилось извѣстіе, какъ фиглярка, танцующая, играла одновременно 12 кольцами, бросая ихъ вверхъ и снова ловя.

Эти немногія указанія краснорѣчиво говорятъ о совершенствѣ древнихъ фигляровъ, и лучшею иллюстраціею тому можетъ служить гравюра на стр. 485.

Всемирная Колумбийская выставка в Чикаго. Здания главных отделов выставки.

(Рис. на стр. 488 и 489).

Достаточно сказать, что нынешняя всемирная выставка в Чикаго занимает больше пространства, чѣмъ Парижская 1889, Филадельфійская 1876 и Вѣнская 1873 годовъ, вмѣстѣ взятая, чтобы опредѣлить ея размѣры. Эта выставка, дѣйствительно, общается быть чудомъ конца XIX вѣка. Одинъ выставочные дворцы, вмѣщающіе въ себѣ разные главные отделы выставки, поражаютъ своей колоссальностью и изящностью. Архитектурный гений американцевъ сумѣлъ придать этимъ громадамъ легкость, поэзію... Искусство подало руку ремеслу и явило, буквально, чудо невиданное, неслыханное... Это выставка труда во всѣхъ его стадіяхъ, на всѣхъ поприщахъ...

Лучшій примѣръ тому зданіе отдѣла промышленности и свободныхъ искусствъ. Не уступаая по красотѣ ни одному изъ зданій прежнихъ всемирныхъ выставокъ, оно поражаетъ своими немовѣрными размѣрами. Обращенное фасадомъ къ озеру Мичиганъ и отдѣленное отъ него широкой ротоной, оно имѣетъ въ длину 1687 и въ ширину 787 футовъ. Центральная его галлерея, вся изъ одного желѣза, представляетъ огромное пространство въ 1280 футовъ длины и 380 футовъ ширины, увѣчанное однимъ сплошнымъ стальнымъ сводомъ. Высшій пунктъ этого изумительно искусно построеннаго свода отстоитъ отъ земли на 201 футъ. Крышу зданія поддерживаютъ остальные 22 купола, каждый 125 тоннъ (2.500.000 амер. фунт.) вѣсомъ. На всѣ эти купола израсходовано болѣе 5000 тоннъ стали. Однимъ словомъ, зданіе отдѣла промышленности и свободныхъ искусствъ въ три раза превосходитъ знаменитый соборъ Петра въ Римѣ.

Самымъ красивымъ, стильнымъ зданіемъ на выставкѣ считается зданіе администраціи выставки, построенное архитекторомъ Гунтомъ. Площадь этого зданія 250 квадратныхъ футовъ. Красивый куполъ, увѣчивающій всю его среднюю часть, въ 250 футовъ вышины, имѣетъ около 120 футовъ въ діаметрѣ. На четырехъ концахъ зданія высятся четыре навильона. Въ нижнемъ этажѣ перваго навильона помѣщается бюро пожарной команды и полиціи; втораго — врачебное управленіе, амбулаторіи, врачи, аптеки и проч.; нижній этажъ третьяго предназначенъ для банковскаго бюро и, наконецъ, четвертаго — занимаетъ ресторанъ. Въ верхнемъ же этажѣ помѣщаются приемныя комнаты президента выставки Томаса Пальмера и генералъ-директора Георга Дависа и огромное количество различныхъ бюро управленія выставки. Надъ зданіемъ администраціи выставки помѣщено на намѣстѣ рисункъ зданіе отдѣла изящныхъ искусствъ, вполнѣ гармонирующее своимъ вышнимъ видомъ съ тѣмъ, что оно предназначено въ себѣ вмѣщать, и выходящее фасадомъ на озеро. Оно состоитъ изъ трехъ корпусовъ, снабженныхъ разнаго рода украшеніями. Главный корпусъ имѣетъ крестообразную форму и увѣчанъ массивнымъ куполомъ. Надъ нимъ помѣщено у насъ, возведенное съ большимъ художественнымъ вкусомъ, зданіе горнаго отдѣла. Направо отъ отдѣла промышленности и свободныхъ искусствъ — тянется вдоль озера длинное красивое зданіе отдѣла перемѣщенія и транспорта. Подъ нимъ помѣщено одно изъ самыхъ выдающихся, какъ по своимъ колоссальнымъ размѣрамъ, такъ и по значенію, — зданіе отдѣла сельскаго хозяйства и земледѣлія. Ниже его — видѣется огромное зданіе машиннаго отдѣла, занимающее площадь въ 17½ акровъ и имѣющее 850 фут. длины и 500 фут. ширины. Все зданіе увѣчивается тремя большими куполами, каждый 130 фут. въ діаметрѣ и 50 фут. высоты. Стѣны его оюясаы снаружи широкими, длинными галлереями. Передъ нимъ на площади возвышается колоссальный обелискъ. Наконецъ, еще ниже, справа, высятся построенное наподобіе Вашингтонскаго капитолия — зданіе правительственныхъ учрежденій Соединенныхъ Штатовъ. Надъ его куполомъ гордо развѣвается національный американскій звѣздный флагъ.

Надъво отъ зданія выставочной администраціи помѣщается монументальное зданіе электротехническаго отдѣла. Надъ нимъ возвышается рядъ красивыхъ башенокъ. По своимъ размѣрамъ оно далеко уступаетъ другимъ — въ немъ лишь 690 футовъ въ длину и 345 фут. въ ширину. Надъ зданіемъ отдѣла электротехники въ послѣдовательномъ порядкѣ идутъ: зданіе отдѣла женскаго труда, садоводства, рыболовства и рыбоводства. Живописно расположенное на берегу озера зданіе отдѣла садоводства, съ своимъ красивымъ фасадомъ, съ выдѣляющеюся впередъ центральной частью, съ огромнымъ стекляннымъ куполомъ посрединѣ, поражаетъ своей грандіозностью и красотой. Передъ нимъ разбитъ полукругомъ гигантскій цвѣтникъ, посреди котораго бьетъ колоссальный фонтанъ. Возведенныя въ два этажа боковыя части зданія предназначены для тропическихъ растений. Передъ зданіемъ, на искусственно образованномъ среди озера островкѣ насаждено около 500.000 корпей разныхъ растений, для нагляднаго ознакомленія съ флорой всего земнаго шара. Зданіе отдѣла рыболовства и рыбоводства заслуживаетъ вниманія не столько по своимъ размѣрамъ, сколько по изяществу своей постройки, а также и благодаря мелкимъ искусно сдѣланнымъ украшеніямъ, кото-

рыми испещренъ весь его фасадъ. Оно поражаетъ также своимъ красивымъ высокимъ двѣнадцатиграднымъ куполомъ, отстоящимъ отъ земли на 152 фута.

Наконецъ, единственнымъ въ своемъ родѣ и поистинѣ неповторимымъ должно быть признано зданіе отдѣла женскаго труда. Зданіе это, очень красивое и монументальное, построено по проекту американскихъ женщинъ-архитекторовъ; всѣ его художественныя украшенія — творенія исключительно женскихъ рукъ. Отдѣлъ предназначенъ для предметовъ лишь женскаго труда и искусства и весь находится исключительно подъ управленіемъ и завѣдываніемъ женщинъ. Женщины, такимъ образомъ, на правахъ равноправныхъ членовъ, вошли въ число администраціи выставки. И американскія женщины очень гордятся этой своей побѣдой...

Дѣти. (Рис. на стр. 493).

Иванъ Лаврентьевичъ Гороховъ, художникъ изъ Можайска, въ первый разъ въ настоящемъ году, выставилъ свою работу на судъ публики на 21-й передвижной выставкѣ. Его картина „Дѣти“ правдиво передаетъ грустныя фигурки двухъ крестьянскихъ дѣтей, въ плохой одеждѣ, ожидающихъ, быть-можетъ, подалія.

Арестъ богатаго марака. (Рис. на стр. 496).

Большая картина молодого талантливаго художника М. Л. Маймана, гравюра съ которой помѣщена у насъ на стр. 496, была однимъ изъ самыхъ крупныхъ произведеній на академической выставкѣ этого года и доставила своему автору почетное званіе академика.

Картина эта переноситъ насъ въ средніе вѣка, къ концу XVI вѣка, въ Испанію. Она раскрываетъ одну изъ новѣйшихъ страницъ всемірной исторіи вообще и Испаніи въ особенности. Передъ нами встаетъ эпоха безжалостной инквизиціи, творившей во имя Бога, во имя Христа убійства, грабежи, изгонявшей неповинныхъ людей безъ различія пола и возраста лишь за то, что они родились евреями, маврами... Не словами святыхъ евангельскихъ истинъ возмужали они въ сердцахъ людей свѣточъ христіанства, — нѣтъ: они кощунственно призывали имя Спасителя, угрожали смертью и изгнаніемъ, равносильнымъ смерти, тѣмъ, кто не желалъ отречься отъ вѣры отцовъ своихъ... Безчисленное множество евреевъ и мавровъ, лишенныхъ денегъ и имущества, было отправлено изъ Испаніи на корабляхъ въ море и тамъ потоплено. По были и такіе евреи, которые рѣшились уступить силѣ, они приняли христіанство, но въ душѣ остались преданными своей религіи. Многие изъ нихъ занимали почетныя государственныя должности, были врачами, даже придворными врачами, учеными. И вотъ они рѣшили подчиниться. Они надѣялись, что, сохранивъ свои почетныя должности, они доставятъ своимъ соплеменникамъ разрѣшеніе вернуться назадъ на свою родину. Всѣ они тайно исповѣдывали свою религію, исполняли всѣ ея обряды. Такого рода ложно перешедшихъ въ христіанство евреевъ называли мараками. За образомъ жизни мараковъ инквизиція зорко слѣдила. Особенно усиливалась ея подозрительность, когда приближались годовые еврейскіе праздники, главнымъ образомъ, Пасха.

На картинѣ Маймана изображена, именно, сцена ареста богатаго марака, окруженнаго своей многочисленной семьей и срывающаго еврейскую Пасху. Въ укромномъ подвѣсье, освѣщенное массивными люстрами, врываються инквизиторы въ своихъ черныхъ кашюнонахъ, сопровождаемые воинами. Общее чтеніе молитвъ нарушено. Всѣ вскочили изъ-за стола въ страшномъ испугѣ. Всѣ знаютъ, что ихъ ждетъ: и смертельнымъ ужасомъ дышатъ ихъ лица. Одинъ изъ нихъ столпился у дверей. Они видятъ уже лезвія шнагъ, блестящія въ мрачномъ полусвѣтѣ фонарей. Одна изъ женщинъ лежитъ безъ чувствъ на креслѣ. Другая, повидимому, мать, прижимаетъ инстинктивно къ себѣ своихъ двухъ маленькихъ дѣтей. Ея мука, видимо, все еще надѣется скрыть слѣды своего преступленія и пытается сорвать скатерть и сбросить вышѣсь съ ней молитвенники. Другой, въ испугѣ, схватилъ канделябръ со свѣчами, желая, вѣроятно, потушить ихъ. Старуха съ молитвенникомъ въ рукахъ застыла въ ужасѣ. А самъ сѣдой глава семьи, въ бѣломъ праздничномъ балахонѣ, отверлъ глаза отъ молитвенника и молчаливо спокойно ждетъ рѣшенія своей участи.

Лисья семья. (Рис. на стр. 497).

Насколько жизнь взрослой лисы хорошо извѣстна всѣмъ сельскимъ жителямъ, настолько скудны свѣдѣнія о первыхъ мѣсяцахъ жизни этого хищника. Извѣстно, что лисята появляются на свѣтъ въ самомъ отдаленномъ мѣстѣ лисей норы, и первые дни, слѣпыя, остаются подъ призоромъ матери, которая ихъ почти совсѣмъ не покидаетъ, такъ какъ нищу приносить самецъ. Черезъ мѣсяцъ маленькіе красно-сѣрые звѣрьки, хорошенькіе и подвижные, рѣзвятся и грѣются на солнцѣ. Пищу, въ видѣ мышей, птицъ, лягушекъ и т. п., родители приносятъ имъ иногда еще живьемъ и учатъ будущихъ хищниковъ, какъ ихъ ловить и ѣсть. Любовь стариковъ къ своему потомству необычайна, и при первой опасности лисята уносятся своихъ дѣтей во рту на далекое разстояніе отъ опаснаго мѣста.

Принцесса Викторія-Марія Тэкъ, невѣста герцога Йоркскаго.
По фот. грав. Шюблеръ.

Принцъ Георгъ, герцогъ Йорксій, сынъ наслѣдника Англійскаго престола, принца Уэльскаго. По фот. грав. Шюблеръ.

Принцъ Георгъ, герцогъ Йорксій, и его невѣста, принцесса Викторія-Марія Тэкъ. (Портр. на этой стр.).

Педавно состоялась помолвка будущаго наслѣдника Англійскаго престола, сына принца Уэльскаго, принца Георга-Фридриха-Эрнста-Альберга, герцога Йоркскаго, съ принцессой Викторіей-Маріей Тэкъ, бывшей невѣстой покойнаго брата принца Георга, принца Альберта-Виктора, неожиданно скончавшагося послѣ кратковременной болѣзни въ полномъ расцвѣтѣ молодости и силѣ.

Принцъ Георгъ родился 3-го іюня 1865 г. Все свое дѣтство онъ провелъ вмѣстѣ со своимъ братомъ подъ руководствомъ гофмейстера Дальтона, въ Сапдринггамѣ, измѣниль отца, и въ Лондонѣ во дворцѣ Мальбру. Для того, чтобы приучить принцевъ къ морской службѣ, отецъ ихъ, принцъ Валлійскій, опредѣлилъ ихъ кадетами въ экипажъ судна „Бритація“ въ Дартмѣ-зъ. Имъ было отведено на кораблѣ отдѣльное небольшое, незатѣйливое помѣщеніе на шканцахъ; въ остальномъ же оба принца несли всѣ тяготы военно-морской службы и дисциплины. Нарѣдка и то лишь на какое-либо особое торжество, напризмѣръ, на раздачу награды и призовъ за силу, ловкость, проворство и усердную службу, корабль посѣщали августѣйшіе родители принцевъ. Въ 1879 г. принцы оглавились на кораблѣ „Бакхантъ“ въ дальнее плаваніе, продолжавшееся три года. За это продолжительное время принцъ Георгъ со своимъ покойнымъ

старшимъ братомъ въ совершенствѣ научили морское дѣло, подъ руководствомъ лорда Шарля Скотта и специально приглашенныхъ для обученія принцевъ преподавателей и морскихъ офицеровъ—лучшихъ знатоковъ своего дѣла.

Во время путешествія принцы вели дневникъ, вышедшій впоследствии въ свѣтъ подъ заглавіемъ „The Cruise of H. M. S. Bacchante 1879“, подъ редакціей и съ примѣчаніями гофмейстера Дальтона. Послѣ этого кругосвѣтнаго плаванія, принцъ

Георгъ совершилъ цѣлый рядъ другихъ морскихъ путешествій и изучилъ непосредственно и тщательно весь ходъ государственной общественной жизни Англіи и Индіи. Онъ пользуется огромной популярностью и любовью во всей Англіи, вообще, и среди моряковъ, въ частности. Особенно сильно сказалося это во время его тяжелой болѣзни (тифа), которую онъ счастливо перенесъ въ ноябрѣ 1891 г.

Принцесса Викторія - Марія, называемая принцессой Майей, — дочь Маріи - Аделаиды, принцессы Кембриджской

Памятникъ командору Берингу и домъ Товарищества котиновыхъ промысловъ въ г. Петропавловскѣ (Приморской области). Съ фот. грав. Шлипперъ.

герцога Франца Тэкъ, сына герцога Виртембергскаго Александра, и его морганатической супруги графини Клодины фонъ-Гогештейнъ, рожденной графини фонъ-Редей. Принцесса Майя родилась 26-го мая 1867 года въ Кенсингтонскомъ дворцѣ, въ Лондонѣ. Въ высшихъ придворныхъ кругахъ она занимаетъ одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ, благодаря необыкновенной, прирожденной остротѣ ума, веселому, энергичному характеру, своей широкой и неутомимой благотворительной

деятельности. Принцесса Майя родилась 26-го мая 1867 года въ Кенсингтонскомъ дворцѣ, въ Лондонѣ. Въ высшихъ придворныхъ кругахъ она занимаетъ одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ, благодаря необыкновенной, прирожденной остротѣ ума, веселому, энергичному характеру, своей широкой и неутомимой благотворительной

дѣятельности. Принцесса обладает недюжинными музыкальными способностями и очень мило рисуетъ. Помимо того, она умѣетъ отлично ѣздить верхомъ и править лошадыми и, вообще, по англійскому обычаю, хорошо знакома со всѣми отраслями спорта...

Помолвка эта была встрѣчена въ Англии очень сочувственно, даже съ энтузіазмомъ.

Бракосочетаніе принца Георга и принцессы Майн назначено на 2 іюня нов. стили.

Памятникъ Берингу. (Рис. на стр. 501).

Какъ часто, чуть-ли не каждый день приходится повторять старый вопросъ, умѣемъ-ли мы чтить достойно память людей, оказавшихъ несомнѣнныя заслуги не только своему народу, но и всему человѣчеству! Былъ смѣлый, отважный мореплавецъ Берингъ, родомъ датчанинъ, въ 1728 году поступившій на русскую службу. Онъ, какъ извѣстно, открылъ послѣдній его имя проливъ между двумя частями свѣта. По счастью, съ нимъ не повторилось того, что было съ Колумбомъ, открытая которымъ часть свѣта названа не по его имени, а по имени другого путешественника, Америго Веспуччи. Имя Беринга осталось, по крайней мѣрѣ, связаннымъ съ открытымъ имъ проливомъ и моремъ. Да еще на далекомъ Сѣверѣ, на окраинѣ, въ г. Петропавловскѣ, поставили неслыханный ему памятникъ—колодку съ шаромъ. Мы нарочно помѣщаемъ снимокъ (стр. 501) съ этого сооруженія. Но самая могила Беринга, скончавшагося отъ скорбута на одномъ изъ острововъ Берингова моря, была долгое время вовсе неизвѣстна. Мы уже имѣли случай упомянуть въ „Нивѣ“ о томъ, что только недавно офицерами русскаго транспорта „Алеутъ“ была найдена эта могила, и на собранную между ними подлинку сооруженъ на ней памятникъ...

Да кому въ сущности изъ обыкновенныхъ, занятыхъ повседневными мелочами людей и нужно вспоминать о томъ, что жилъ когда-то Берингъ, именемъ котораго названо какое-то далекое, невѣдомое море на холодномъ Сѣверѣ? Но жизнь, сама жизнь, однако, не даетъ намъ забываться, то и дѣло напоминаетъ о забытомъ! Въ настоящее время названіе Берингова моря почти у всѣхъ на языкѣ по поводу вопроса о котиковъ. У насъ этотъ вопросъ является нѣсколько уже тѣмъ однимъ изъ самыхъ жгучихъ и насущныхъ вопросовъ всей нашей дальней сѣверной окраины. Выгодность этихъ промысловъ была причиной того, что нѣсколько компаний и

товариществъ, въ томъ числѣ русская и американская, наперерывъ добивались полученія отъ нашего правительства, за значительное вознагражденіе, права производить убой котиковъ въ Беринговомъ морѣ и на прибрежныхъ Командорскихъ островахъ. Промыселъ котиковый настолько оказывается выгоднымъ, что, на ряду съ законнымъ пользованіемъ имъ, существуетъ особый родъ пиратства американскихъ и англійскихъ вольныхъ людей, воровски охотящихся въ русскіихъ водахъ на истребляющихъ до 20.000 котиковъ въ годъ. Несмотря на то, что для преслѣдованія этихъ хищниковъ нашимъ правительствомъ посылается ежегодно нѣсколько крейсеровъ („Алеутъ“, „Забѣлка“, потерпѣвшій недавно аварию „Витязъ“), все-таки многіе изъ пиратовъ умудряются пѣбгать отъ преслѣдованій и преспокойно продолжаютъ обогащаться своимъ хищническимъ промысломъ.

Нынѣ снова поднятъ вопросъ объ этомъ и проектируются мѣры борьбы съ этимъ зломъ, и въ томъ числѣ указывается на необходимое усиленіе малочисленной (30 чел.) береговой стражи на Командорскихъ островахъ. Вопросъ этотъ очень важный, такъ какъ касается всего бѣднаго населенія сѣвернаго побережья, только и поддерживающаго свое существованіе морскими звѣринными промыслами.

Въ Америкѣ тоже теперь живо интересуются котиковымъ вопросомъ, только нѣсколько съ иной точки зрѣнія. Америка ведетъ ожесточенный споръ съ Англійей, защищающей интересы Канады, о правѣ производить ловлю котиковъ въ томъ же Беринговомъ морѣ. Соединенные Штаты, пріобрѣтшіе въ 1867 г. отъ нашего правительства Аляску, граничащую съ Беринговымъ моремъ, заявили преимущественное право на котиковые промыслы, ссылаясь на то, что Берингово море есть „mare clausum“ (закрытое море). Англія же утверждаетъ, что Берингово море есть море открытое, и на него распространяются всѣ постановленія международнаго права. Кроме того, Англійское правительство заявило, что и Россія, пріемляя собственница Аляски, никогда прежде такого рода претензіи не заявляла. Объ спорящихъ стороны представили каждая съ своей стороны рядъ подтверждающихъ ихъ домогательствъ актовъ и документовъ. Дѣло это передано на рѣшеніе третейскаго суда, при чемъ третейскимъ судьей избрана Франція. Въ Парижѣ открыла по этому дѣлу 4 апрѣля новаго стили свои засѣданія особая конференція, подъ предѣтельствомъ графа Курсея. Представителемъ интересовъ Америки является на ней Джеймсъ Кэртеръ, а Англіи — сэръ Чарльзъ Россель.

Открытие Колумбійской всемірной выставки.

(Корреспонденція „Нивы“).

Чикаго, 1-го мая 1893 г.

Сегодня, въ 10^{1/2} часовъ утра, началась церемонія открытія выставки. Передъ главнымъ фасадомъ зданія Администраціи, „Administration Building“, — на особой трибунѣ размѣстились: президентъ Кливлэндъ, герцогъ Верагуа (потомокъ Колумба) и члены администраціи выставки. Тутъ же находились и представители дипломатическихъ миссій, между которыми были и русскій посланникъ, князь Каптакузскій, съ секретаремъ, Г. Боткинскимъ, и нашъ консулъ въ Чикаго—г. Таль. Русскіе комиссары и делегаты присутствовали на открытіи въ полномъ составѣ, съ своимъ генеральнымъ комиссаромъ, камергеромъ П. И. Глуховскимъ, во главѣ.

Всѣмъ присутствующимъ была роздана программа церемоніи открытія. Отпечатана она на листкѣ (in 8°) гладкой, бѣлой, но очень толстой бумаги, и на лицевой сторонѣ ея, въ величину нашего сребрянаго рубля, круглый медальонъ съ прекрасно выгравированнымъ профилемъ Колумба. Подъ нимъ, обыкновенною черною прописью отпечатано: *Всемирная Колумбійская Выставка, церемонія открытія 1-го мая 1893 г.*

На внутреннихъ двухъ страницахъ помѣщены нумера программы торжества, слѣдующаго содержанія.

ЦЕРЕМОНИАЛЬ

въ день открытія

Всемирной Колумбійской выставки,
1-го мая 1893 г.

На главной площади, съ восточной стороны зданія Администраціи.

Генераль-директоръ явится церемоніею въ торжества по слѣдующей программѣ:

1. Музыка.—Колумбовъ маршъ и гимнъ.—Джона К. Нэна.
2. Молитва.—Его препод. И. Г. Мильбергъ, д-ръ богословія.
3. Поэма.—„Пророчество“,—В. Д. Кроффта, прочтетъ миссъ Джеесн Кутунъ.
4. Музыка.—увертюра для оркестра „Рианци“,—Вагнера.
5. Рѣчь генераль-директора Всемирной Колумбійской выставки.
6. Рѣчь и открытіе Всемирной Колумбійской выставки президентомъ Соединенныхъ Штатовъ.
7. Машины приводятся въ движеніе.

Национальный салютъ.

8. Официальный пріемъ президента Соединенныхъ Штатовъ и представителей Всемирной Колумбійской комиссіи иностранныхъ комиссаровъ въ зданіяхъ: мануфактурномъ и свободныхъ искусствъ.

На послѣдней страницѣ напечатанъ только списокъ лицъ, вошедшихъ въ составъ Соединенной комиссіи церемоніала.

По исполненіи четырехъ нумеровъ этой программы и послѣ

рѣчи генераль-директора, полковника Дэвиса, въ которой онъ охарактеризовалъ прогрессъ Новаго Свѣта, вообще, всталъ съ своего мѣста президентъ Соединенныхъ Штатовъ Кливлэндъ. Онъ произнесъ прекрасную, краткую рѣчь, въ концѣ которой подалъ сигналъ къ приведенію въ дѣйствіе всѣхъ машинъ выставки, нажавъ золотую кнопку электрическаго, сигнальнаго звонка со словами: „подобно тому, какъ этимъ прикосновеніемъ приводятся въ дѣйствіе машины, дающія жизнь этой громадной выставкѣ, подобнымъ образомъ да сольются наши нѣвышнія надежды и стремленія въ силу, которая бы создала благосостояніе, достоинство и свободу человѣчеству“.

По открытіи выставки, состоялся завтракъ, радушно предложенный американской администраціей комиссарамъ и прочимъ приглашеннымъ. Послѣ этого завтрака президентъ прослѣдовалъ въ Мануфактурный отдѣлъ, а отсюда по средней, „Колумбовой“ аллеѣ, направился дальше, останавливаясь у фасада cadaго отдѣла иностранныхъ державъ, находя для cadaго изъ его представителей то дружескій „shake-hands“, то ласковое слово. Затѣмъ, въ красной гондолѣ, Кливлэндъ объѣхалъ кругомъ выставки по ея многочисленнымъ каналамъ и посетилъ женскій отдѣлъ „Women's Building“, гдѣ дамы пріѣхавшія его рѣчами. Безусловно, одной изъ лучшихъ была рѣчь нашей соотечественницы—княжны М. Шаховской.

Торжество открытія затнулось до 5-ти часовъ дня. Публика несмѣтными толпами наводнила обширное пространство „Jackson-Park'a“, занимающее болѣе 3-хъ квадратныхъ верстъ,—несмотря на то, что многіе отдѣлы не только не закончили устройствомъ, но даже только еще начинаютъ устраниваться. Въ виду чрезвычайнаго наплыва народа, сегодня же открыта новая электрическая „воздушная“ (elevated) желѣзная дорога объѣзжающая всѣ отдѣлы выставки.

Генеральный комиссаръ Русскаго отдѣла на выставкѣ, П. И. Глуховской, далъ парадный обѣдъ въ честь князя Каптакузена. Кроме посольства и консула, комиссаровъ и делегатовъ, на обѣдѣ присутствовали представители американской администраціи выставки во главѣ съ Уокеръ Фёрномъ (Walker Feairn), начальникомъ иностраннаго отдѣла выставки. Вскорѣ послѣдуетъ нѣкій рядъ подобныхъ обѣдовъ и раутовъ, какъ со стороны американцевъ, такъ и ихъ иностранныхъ гостей—генеральныхъ комиссаровъ европейскихъ державъ.

Политическое обозрѣніе.

Вслѣдъ за Греціей, гдѣ министерство г. Трикуписа, вслѣдствіе финансовыхъ затрудненій, вышло въ отставку и замѣнено новымъ министерствомъ, съ г. Сотиропуло во главѣ, и въ Италіи недовольство палаты, главнымъ образомъ, финансовою стороною управленія, вызвало частный министерскій кризисъ, послѣ отклоненія палатою бюджета министерства юстиціи. Но король не принялъ прошеній всѣхъ министровъ объ отставкѣ, а согласился только на отставку Боначчи и министра финансовъ Гримальди, при чемъ поручилъ министру-президенту Джиолитти указать лицо для пополненія кабинета. Сенаторъ Эйла согласился принять портфель министерства юстиціи, а сенаторъ Гальардо — портфель министерства финансовъ.

Въ чешскомъ сеймѣ, 5-го мая, когда должно было начаться обсужденіе вопроса объ учрежденіи нѣмецкаго окружного суда въ Траутенау, младочехи устроили чрезвычайно шумную сцену: стали колотить деревяшками по столамъ, не давая ораторамъ говорить и пр. Когда оберъ-ландмаршалъ подождалъ стенографа къ докладчику, чтобы тотъ продиктовалъ ему, среди общаго шума, свосъ предложеніе, чехи подбѣжали къ бюро, разорвали печатную стенографическую записку, доскутки ея стали швырять въ оберъ-ландмаршала, при чемъ черепбили чернильницы и избирательную урну, осыпали угрозами докладчика. Ландмаршалъ вынужденъ былъ тотчасъ же закрыть засѣданіе. Младочехи собрались на совѣщаніе, чтобы обсудить, какъ поступать далѣе и какъ предотвратить насиліе чешскаго народа нѣмецкими депутатами и партією крупныхъ землевладѣльцевъ. Этотъ небывалый въ лѣтописяхъ парламентской жизни скандалъ указываетъ на угнетенность тѣхъ, чьи представители не остановились даже предъ упомянутымъ насиліемъ. Совѣтъ министровъ посвятилъ нѣсколько засѣданій обсужденію положенія Чехіи; но вопреки догадкамъ нѣмецкихъ газетъ, правительство не жалеетъ возбуждать судебнаго преслѣдованія противъ младочешскихъ депутатовъ, устроившихъ скандалъ въ послѣднемъ засѣданіи сейма. Большинство здѣшнихъ газетъ заявляетъ, что судебное преслѣдо-

ваніе только обратило-бы младочешскихъ депутатовъ въ политическихъ мучениковъ! Совѣтъ министровъ предполагаетъ снова созвать чешскій сеймъ осенью, и въ видахъ окончательнаго рѣшенія этого вопроса, въ Вѣну вызванъ намѣстникъ Чехіи, который и прибылъ въ Вѣну 12 мая.

Насколько возбуждены противники прлавдской автономіи въ Англіи, указываетъ печальный случай, происшедшій съ главою нынѣшняго англійскаго министерства, министромъ Гладстономъ, при посѣщеніи имъ, по приглашенію принца Уэльскаго, недавно открытаго Императорскаго института. „Какъ только Гладстонъ, въ сопровожденіи перваго лорда адмиралтейства, лорда Спенсера, показался въ центральной галлерей, — телеграфируютъ въ *Times*, — раздались крики и свистки, къ которымъ примѣшивались, правда, кое-какія рукоплесканія. Премьеръ съ высоко поднятою головою шелъ твердымъ шагомъ, но лицо его нервно подергивало. Публика состояла изъ членовъ института или ихъ друзей, и вотъ эти господа такъ поступили съ восьмидесятилѣтнимъ старцемъ, занимающимъ въ четвертый разъ постъ перваго министра! Даже на иностранца сцена эта произвела удручающее впечатлѣніе, что-же испытывали тѣ изъ присутствующихъ англичанъ, которыхъ не ослѣпляютъ политическія страсти“. По этому случаю замѣчаетъ *Times*, что, какъ-бы тамъ ни было, инцидентъ все-таки должно признать прискорбнымъ, потому что г. Гладстонъ былъ, въ концѣ концовъ, гостемъ принца Уэльскаго. Къ тому-же, даже въ такомъ враждебномъ его нынѣшнимъ идеямъ обществѣ, какъ общество, проникнутое имперской идеей, онъ имѣлъ право на уваженіе, подобающее столь выдающемуся старцу.

Изъ Рио-ди-Жанейро телеграфируютъ, что между національными войсками генерала Желлеса и инсургентами, которыми командовалъ генералъ Таваресъ, произошло близъ Путчо-Вердс сраженіе, завершившееся пораженіемъ первыхъ. Артиллерія, военные припасы и обозъ достались въ руки инсургентамъ, которые идутъ на Бадже.

Разныя извѣстія.

— Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, Ихъ Императорскія Высочества Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великіе Князья Георгій Александровичъ и Михаилъ Александровичъ, Великіи Княжны Ксенія Александровна и Ольга Александровна, 8-го мая, въ 10 час. утра, отбыли изъ Ливадіи въ Ялту, откуда на броненосцѣ „Синое“, въ сопровожденіи судовъ эскадры черноморскаго флота, въ 11 ч. 30 мин., направились въ Севастополь, куда прибыли 8-го мая въ 4 ч. 30 м.

— Ихъ Величества, Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великіе Князья Михаилъ Александровичъ и Алексѣй Александровичъ и Великіи Княжны Ксенія и Ольга Александровны прибыли въ Спассовъ скитъ 11-го мая, въ 5 ч. пополудни. Посѣтивъ скитъ, строившійся въ немъ храмъ и часовню, Ихъ Величества и Высочества отбыли въ Москву, куда изволили благополучно прибыть 12 мая.

— 13 мая, въ 11 ч. утра, послѣдовалъ изъ

внутреннихъ покоевъ Большаго Кремлевскаго дворца Высочайшій выходъ въ Успенскій соборъ. Послѣ Богослуженія, Ихъ Величества возвратились во внутренние покои, а въ 1½ часа дня выѣзжали изъ Кремля и присутствовали при освещеніи Казаковскаго пріюта въ Поварской улицѣ; отсюда Государь Императоръ, Государыня Императрица и Наслѣдникъ Цесаревичъ прослѣдовали въ Троицкое подворье, гдѣ посѣтили Московскаго митрополита. Вечеромъ Ихъ Величества присутствовали на спектаклѣ въ Маломъ театрѣ.

— Высочайше повелѣно переименовать лицей Цесаревича Николая въ Москвѣ (такъ называемый „Катковскій“) въ „Императорскій лицей въ память Цесаревича Николая“.

— Въ № 64 *Соборнаго законодѣнія и распоряженій Правительства* напечатано Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта объ обложеніи вывоза и ввоза русскихъ кредитныхъ билетовъ таможенною пошлиною.

— По поводу исполняющагося 25-лѣтія Сла-

вянскаго благотворительнаго общества, Черногогорскій князь Николай I удостоилъ орденъ нашихъ маститыхъ поэтовъ А. П. Майкова и Я. П. Полонскаго, протопресвитера А. А. Желобовскаго, протоіерея В. Я. Михайловскаго, свящ. Поповичаго и проф. П. С. Пальмова. Король же Сербскій Александръ I по тому же случаю пожаловалъ орденъ Такова академику Бестужеву-Рюмину, В. П. Аристову, гг. Салертинскому и Платоновичу.

— 6 мая, въ Одессѣ, на Куликовомъ полѣ, состоялась закладка зданія судебныхъ учреждений. На сооруженіе зданія Министерствомъ Юстиціи ассигновано 400,000 р. Вся постройка должна быть закончена къ 1894 г.

— Недавно скончался въ Римѣ, 71 года, знаменитый фізіологъ, профессоръ римскаго университета, сенаторъ Яковъ Мошетовъ.

— Генералъ-адъютантъ К. П. Посетъ избранъ единогласно почетнымъ председателемъ французскаго общества спасанія на водахъ въ Перакѣ.

Сооруженіе соборнаго храма въ Варшавѣ.

Въ № 13 „Нивы“ мы своевременно помѣстили извѣстіе о Высочайше разрѣшенномъ сборѣ добровольныхъ пожертвованій на сооруженіе соборнаго храма въ Варшавѣ. Въ настоящее время, на основаніи такого разрѣшенія, Варшавскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Гурко сдѣлалъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* слѣдующее

Воззваніе.

Его Императорское Величество Государь Императоръ, въ Своей постоянной отеческой заботливости и попеченіи объ удовлетвореніи истинныхъ пудъ Своихъ вѣроноданныхъ, по всеподданнѣйшему докладу министра Внутреннихъ дѣлъ, послѣдовавшему въ слѣдствіе моего ходатайства, Всемилостивѣйше соизволилъ на открытіе по всей Имперіи сбора добровольныхъ пожертвованій на сооруженіе новаго православнаго соборнаго храма въ Варшавѣ, во имя Святаго Благовернаго Князя Александра Невскаго.

Такое мое ходатайство было вызвано тѣмъ печальнымъ и безвыходнымъ положеніемъ, въ какомъ находятся нынѣ православные русскіе люди въ Варшавѣ, громадное большинство коихъ лишено возможности удовлетворять свои религіозно-духовныя потребности въ храмахъ Божіихъ, вслѣдствіе крайняго недостатка ихъ въ этомъ городѣ.

Недостатокъ этотъ такъ великъ, что во всѣхъ варшавскихъ приходскихъ, домовыхъ и временныхъ военныхъ православныхъ церквахъ, по точному измѣренію ихъ внутреннихъ размѣровъ, можетъ помѣститься молящихся всего лишь отъ 5-ти до 7-ми тысячъ душъ, между тѣмъ какъ русскаго православнаго населенія въ Варшавѣ, состоящаго, по преимуществу, изъ служащихъ здѣсь военныхъ и гражданскихъ лицъ съ ихъ семействами, числится 43 тысячи. Такимъ образомъ, въ праздничные дни и, вообще, при каждомъ церковномъ богослуженіи отъ 36-ти до 38-ми тысячъ проживающихъ въ Варшавѣ православныхъ русскихъ лишены возможности присутствовать и возносить свои молитвы въ храмахъ Божіихъ.

Но и существующія въ Варшавѣ православныя приходскія церкви (всего 4) таковы, что, за исключеніемъ одной, на предметъ города — Прага, имѣющей наружный видъ православнаго храма, видѣть ихъ обидно и больно для религіознаго и національнаго чувства русскаго человека. Нынѣшній соборъ передѣланъ изъ упраздненнаго католическаго монастырскаго зданія и скрытъ между жилыхъ домовъ въ прямую линію улицы, а остальныя двѣ, устроенныя въ домахъ, внутри дворовъ, — тѣсныя, темныя, убогія и бѣдная церковною обстановкою, не имѣютъ даже никакихъ наружныхъ признаковъ церквей, тогда какъ рядомъ съ ними красуются громадные, старые и новые, католическіе костелы и лютеранскія кирки.

Можно поэтому судить каково здесь положение родителей, желающих воспитать детей своих в духе и обрядах своей родной, православной веры, и как тяжело, вообще, для верующего русского человека на этой окраине, удаленной от родины, не только лишение нравственного успокоения и утешения в божественной службе и в церковной молитве, но и обидное чувство приписания господствующей в Русском государстве православной религии пред другими инопольными исповеданиями этим крайним недостатком и этим убожеством православных церквей в этом центральном городе здешнего края.

Такова насущная, настоятельная нужда в сооружении нового православного соборного храма в Варшаву, и я глубоко верю и твердо уповаю, что православная Россия поможет мне создать здесь новый соборный храм, достойный величия и могущества русского народа, и к настоящему воззванию сочувственно откликнется и принесет свои посильные пожертвования все истинно русские люди — и православное духовенство, и благородное дворянство, и именитое купечество, и люди ученые и образованные, и простой русский народ, всегда отзывчивый на всякое доброе дело и общее благо, ведь каждый по мере своих средств и возможности.

Денежные пожертвования могут быть выслаемы или непосредственно на мое имя в Варшаву, или вносимы во все местные губернские и уездные казначейства, или же препровождаемы в те

редакции столичных и провинциальных газет, которые извещая на то согласие и опубликуют об этом; пожертвования же вещами для внутреннего украшения храма и предметами, необходимыми для церковных богослужений, как-то: иконы, лампады, Евангелия, на престольные кресты, чаши, церковные облачения и тому подобным, должны быть пересылаемы исключительно на мое имя.

Отчет о поступивших пожертвованиях будет публиковаться во всеобщее сведение в „Варшавском Дневнике“ и наиболее распространенных столичных газетах два раза в год, в январе и июле.

Покорнейше прошу редакцию всех русских газет столичных и провинциальных перепечатать настоящее воззвание и не отказать в своем содействии к наиболее широкому оглашению его и распространению среди своих читателей и подписчиков.

От имени всех православных русских в Варшаву

Варшавский генерал-губернатор, генерал-адъютант Гурко,
1-го мая 1893 года.
г. Варшава.

Вследствие вышеприведенного воззвания, редакция „Нивы“, в полной уверенности, что русские люди отзовутся с горячею посильностью на предпринимавшееся благое дело построения храма, открыла в своей копирке прием пожертвований, которые жертвователи благоволят высылать по следующему адресу: „Контора журнала „Нива“, Невский № 6, для пересылки на сооружаемый храм в город Варшаву“.

О пожертвованиях, принятых редакцией, будут опубликовываться, по мере их поступления, подробные отчеты.

Председатель Славянского благотворительного общества граф Н. П. Игнатьев (по поводу 25-летия со дня основания общества). С фот. грав. Барановский.

25-ти-лѣтіе Славянского благотворительного общества.

Во время „шестидесятых“ годов, в то знаменательное время движения политической мысли на Руси, представление о котором ясно в уме каждого интеллигентного современного человека, и которое, тем не менее, почти не поддается отчетливому, внятому точному определению — потому что трудно сказать, было ли это время только увлечения, брожения, неустойчивое и переходное, или оно послужило, наоборот, крѣпкой основой нашей дальнейшей жизни и деятельности, — в это время среди русских англоманов, либералов и западников явился небольшой кружок людей, не робѣвших высказывать свои взгляды, шедшие якобы в разрыв с господствовавшим тогда, модным общим стремлением. Стремление это было страстное, горячее, не терпящее противоречия. И всякое критическое отношение к нему считалось чуть ли не святотатственным отвержением священных идей культуры и прогресса. На А. С. Хомякова, братьев Кирѣевских, Ю. О. Самарина, Тютчева, Аксаковых и П. Я. Данилевского, являвшихся главными деятелями кружка, со всех сторон сыпались всевозможные обвинения, глумления, даже преследования... Их прозвали сначала в обиду и в насмѣшку „славянофилами“, но впоследствии это название осталось за ними, как почетное имя честных, искренних и славных деятелей! Простая, ясная до очевидности теперь нам мысль „славянофилов“ тогда не были поняты, их слушать не хотели... Англоманы, поклонившиеся всему английскому и наивно подражавшие обычаям англичан, рабски копируя их, не разумѣли убеждений славянофилов, которые говорили, что

истинное подражание англичанам должно заключаться в приверженности не к чужому английскому, но к своему родному. русскому, и что для того, чтобы быть похожим на идеальный тип англичанина, нужно любить свои русские обычаи и свою родную землю так же, как англичанин любит свои обычаи и свою старую Англию. Либералы, провозглашавшие свободу по отживавшим образцам западно-европейских учреждений, не хотѣли понять, что славянофилы вовсе не противники свободы, но что они хотѣли сказать только, что у нас есть свои исторические образцы поведения ее в жизни. Наконец, западники, видѣвшие только и свѣта, что в „прорубленном окнѣ в Европу“ Петром Великим, объявляли славянофилов, чуть ли не отверженцами общества за то, что они говорили, что мы должны перенимать у Запада только то, что есть там хорошего, а не преклоняться безусловно передъ всемъ заграничным, как лакей передъ господскою волей... С тех пор прошло не много времени, и вот мы с чувством глубокаго удовлетворения являемся свидетелями торжественнаго, открытаго праздника двадцатипятилѣтія деятельности „Славянскаго благотворительнаго общества“, участвовавшего свои идеи и принципы деятельности от неопыта в свое время кружка славянофилов.

Основателемъ этому обществу послужилъ учрежденный в Москвѣ Славянский благотворительный комитетъ, съ М. П. Погодинымъ во главѣ, и славянской сѣздъ 1867 года.

Когда в Петербургъ узнали тогда о предстоящемъ приѣздѣ славянскихъ гостей, то в небольшомъ кружкѣ петербургскихъ

членовъ Московскаго славянскаго благотворительнаго комитета явилось желаніе принять мѣры для достойнаго пріема славянскихъ представителей. Былъ устроенъ для этого благотворительный комитетъ, который, спустя годъ, былъ преобразованъ, по мысли В. И. Ламанскаго, въ с.-петербургскій отдѣлъ Московскаго славянскаго благотворительнаго комитета. Отдѣлъ, учрежденный въ 1868 г., просуществовалъ подъ этимъ именемъ до 1877 г. Затѣмъ онъ получилъ болѣе прочное устройство по опредѣленному уставу и началъ свою дѣятельность, подъ именемъ "С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества". Главный характеръ дѣятельности общества оставался благотворительнымъ, чуждымъ всякой такъ называемой "политики". Оно направляло и продолжаетъ направлять главные свои заботы на поддержаніе и развитіе дружественныхъ и миролюбивыхъ, духовныхъ и литературныхъ связей Россіи со всеми славянами, на распространеніе научныхъ свѣдѣній у славянъ о Россіи и въ Россіи—о славянахъ, заботилось объ облегченіи знакомства соплеменниковъ съ русскимъ языкомъ и литературой, помогало и помогаетъ матеріально достойнымъ молодымъ славянамъ, пріѣзжающимъ въ Россію для полученія высшаго образованія, и т. п. Для достиженія своихъ цѣлей, съ 1883 года общество стало издавать "Извѣстія С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества". Изданіе велось до 1889 года. Сверхъ періодическаго органа, общество издавало много отдѣльных капитальныхъ трудовъ.

Въ теченіе 25-ти лѣтъ своего существованія общество затратило на благотворительныя цѣли *два съ половиною милліона* рублей. Все-же, считая съ расходами по изданіямъ, общество израсходовало 2,408,379 руб. Приходъ его за 25-ти-лѣтіе состоялъ изъ 2,629,247 руб. Въ настоящее время основной капиталъ общества равнялся 108,695 руб. и запасный 104,165 рублей. Оно имѣетъ 30 почетныхъ членовъ, 70 пожизненныхъ и 360 дѣйствительныхъ.

Свое 25-ти-лѣтіе общество праздновало 11-го мая, въ день Свв. Кирілла и Меодіа, первоучителей славянскихъ. Торжество началось богослуженіемъ въ Исаакіевскомъ соборѣ. Была отслужена литургія, послѣ которой на молебнѣ вышли: высокопреосвященнѣйшій Палладій, митрополитъ С.-Петербургскій и Ладожскій, Антоній, архіепископъ Финляндскій, Николай, епископъ Гдовскій, Германъ, членъ Святейшаго Синода, и многочисленное духовенство. Вечеромъ состоялось торжественное засѣданіе въ большомъ залѣ дворцоваго собранія. Хоръ г. Архангельскаго исполнилъ тропарь Свв. Кирілла и Меодіа, и предсѣдатель общества, гр. Н. П. Игнатьевъ, открылъ собраніе рѣчью, въ которой охарактеризовалъ значеніе дня и празднество событія и сообщилъ краткій очеркъ дѣятельности общества за 25 лѣтъ. Были прочитаны также темы сочиненія на преміи имени Гильфердинга въ 3 тысячи и въ 1,000 рублей.

Затѣмъ начались рѣчи. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи

было отдано бывшему предсѣдателю общества, академику Бестужеву-Рюмину, который по болѣзни лично не могъ явиться въ засѣданіе, и рѣчь его была прочитана секретаремъ общества, Аристовымъ. Въ рѣчи этой почтенный дѣятель общества указалъ и напомнилъ заслуги бывшихъ дѣятелей—перваго предсѣдателя общества, проф. Гильфердинга, выдающагося ученаго, даровитаго писателя и—главное—человѣка, пдсѣ, А. Б. Иванникова, А. И. Фрейганга, Ор. Ф. Миллера, П. А. Кирѣева, геройскою смертию доказавшаго свою преданность идею славянства, М. О. Кояловича и, наконецъ, "одного изъ великихъ учителей русской земли", Ф. М. Достоевскаго.

Затѣмъ графъ Н. П. Игнатьевъ въ немногихъ словахъ упомянулъ о пинѣ здравствующихъ дѣятелей, много сдѣлавшихъ для славянства, вообще, и для Сиб. славянскаго благотворительнаго общества, въ частности. Графъ Игнатьевъ говорилъ о дѣятельности проф. В. И. Ламанскаго, имя котораго извѣстно всему славянскому міру, академика К. П. Бестужева-Рюмина, П. П. Дурново, высокопреосвященнѣйшихъ Іоанніи, митрополита Кіевскаго и Галицкаго, и Леонтія, митрополита Московскаго и Коломенскаго, высокопреосвященнаго Теодосіа, архіепископа Нижегородскаго, протопресвитера Янышева, В. К. Саблера, князя П. А. Васильчикова, М. А. Домонтовича, М. П. Островскаго, А. Ф. Бычкова, графа И. Д. Делянова, Я. К. Грота, Н. И. Стояновскаго, его высочества Николая, князя Черногорскаго, митрополита Михаила Сербскаго, М. Г. Чернышева (ему была устроена при этомъ всѣмъ присутствовавшимъ шумная овация); въ заключеніе Н. П. говорилъ о заслугахъ неутомимаго секретаря совѣта общества, В. И. Аристова.

Изъ послѣдовавшихъ затѣмъ рѣчей особенно глубокое впечатлѣніе произвела рѣчь сербскаго посланника при Русскомъ дворѣ, г. Алимія Васильевича. Онъ говорилъ отъ имени Сербскаго народа, засвидѣтельствовалъ, что самая трудная дѣятельность Славянскаго общества проявилась, именно, въ Сербіи 16 лѣтъ тому назадъ, когда маленькое Сербское княжество, въ союзѣ съ еще меньшимъ княжествомъ Черногорскимъ, объявило войну Турціи за независимость. Сербія вовсе не была тогда подготовлена къ войнѣ: вооруженіе ея было самое плохое: лишннихъ припасовъ не было и, что всего важнѣе, не было денегъ. Турція обложила тогда Сербію почти со всѣхъ сторонъ. Казалось, Сербія должна была быть черезъ нѣсколько дней порабощена. Но явилась сильная братская помощь со стороны Славянскаго общества, которое посылало въ Сербію добровольцевъ, врачей, сестеръ милосердія и деньги.

"Славянское благотворительное общество", заключилъ свою рѣчь сербскій представитель, "явилось въ эпоху священной борьбы великою братскою силою. Въ эту торжественную минуту приношу ему отъ имени сербскаго народа благодарности за его великія братскія услуги. Да здравствуетъ Сиб. славянское благотворительное общество! Да здравствуетъ его славное дѣло!"

Научныя и техническія новости.

— Краковскій врачъ Адамкевичъ предлагаетъ *лечить ракъ*, считавшійся до сихъ поръ неизлѣчимою болѣзью, подкожными впрыскиваніями *канкрона*. Жидкость эту онъ получаетъ, растирая свѣжую еще ткань самого рака съ дистиллированной и обезжележенной водою и фильтруя затѣмъ получающуюся при этомъ жидкую кашку. По свойствамъ своимъ канкронъ очень сходенъ съ грубымъ ядомъ и иверниномъ, продуктомъ распада бѣлковыхъ веществъ. Если нейтрализовать ивернинъ лимонною кислотою и затѣмъ растворить въ карболовой кислотѣ, то получающаяся жидкость соответствуетъ вполнѣ канкрону. Въ изслѣдованіяхъ своихъ Адамкевичъ исходилъ изъ того предположенія, что клѣточки раковой опухоли не что иное, какъ самостоятельные живые организмы, а именно паразиты изъ рода *Coccidium*. Они названы сарколитами. Выдѣляемый ими ядъ и служитъ причиною заболѣванія и смерти человѣка. По этимъ же ядомъ, впрыснутымъ подъ кожу больного, можно убить и самихъ виновниковъ болѣзни—

производящихъ ее паразитовъ—и тѣмъ остановить дальнѣйшее развитіе страданія. Сдѣланные до сихъ поръ опыты увѣщались успѣхомъ.

— Изобрѣтенный электрикомъ Тавернье *термостатъ* даетъ возможность больничному врачу слѣдить изъ своего кабинета за повышеніемъ температуры каждаго лихорадящаго больного, подъ мышкой котораго помѣщенъ измѣрительный приборъ. Передача совершается съ помощью электрическаго тока по проволокамъ, проведеннымъ къ клавишамъ съ нумерами кроватей больныхъ.

— Въ Германіи производятся теперь опыты съ новымъ *материаломъ*, предложеннымъ для изготовленія *телефонныхъ проволокъ*: алюминевой бронзой, покрытой мѣдной бронзой. Преимущество такой проволоки заключается въ малой сопротивляемости, оказываемой ею прохожденію электрическаго тока, и въ то-же время въ ея прочности.

— Клеммонъ даетъ легкій способъ *осаждать золото и серебро* изъ раствора золотыхъ и серебряныхъ солей, употребляемыхъ

для фиксированія и окрашиванія фотографическихъ негативовъ. Надо только сильно подкислить растворъ соляною кислотою и опустить туда кусочекъ алюминія. Сейчасъ же появляются пузырьки, и вся жидкость принимаетъ въ состояніе кипѣнія. На алюминіи же осаждается золото, въ видѣ бурого порошка. Мягкой кисточкой его сбрасываютъ на дно сосуда. Серебро осаждается въ видѣ хлопистой соли.

— Къ преимуществамъ *американскихъ виноградныхъ лозъ* предъ европейскими (онѣ не подвергаются нападенію филлоксеры) слѣдуетъ причислить еще одно: по новѣйшимъ наблюденіямъ онѣ превосходно выдерживаютъ холодъ даже въ 27° ниже нуля; французскія же лозы отъ этихъ опытовъ совсѣмъ погибли.

— Хорошимъ средствомъ противъ *мигрени, нервныхъ страданій* (неврастеній) и *надутой болѣзни* оказывается, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ доктора Смирнова, давно уже употребляемый въ народѣ отваръ листьевъ растения калупера (*Mentha romana*).

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№. „Нивы“, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полную годовую подписную плату за „Ниву“ 1893 года, озаботиться своевременными срочными взносами слѣдуемыхъ съ нихъ денегъ. Г.г. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандеролія, подъ которымъ получается ими „Нива“.

С М Ъ С Ъ.

Фабрика искусственного льда из перегнанной воды открывается в Варшавѣ, по образцу городов Западной Европы. Городъ постановилъ отвести подъ фабрику землю, со слѣдующими условіями: производство льда должно находиться подъ надзоромъ города и достигать не менѣе 1.000 пудовъ въ сутки; стоимость льда съ доставкой на домъ не должна превышать 25 коп. въ сутки.

Кстати прибавить, что въ Петербургѣ ледъ можно получить во всякое время въ анксахъ.

Самымъ маленькимъ взрослымъ человѣкомъ въ мірѣ слѣдуетъ признать мистера Роберта Гуджа, негра съ острова Аугвида, близъ британской Вестъ-Индіи. Ростъ Гуджа—28 дюймовъ (на 3 дюйма менѣе роста знаменитаго карлика Тома Тумба), а вѣсъ его 46 1/2 фунтовъ. Онъ пользуется отличнымъ здоровьемъ и приглашенъ на выставку въ Чикаго.

Имперскій институтъ Великобританіи, ея колоній и индійскихъ владѣній, торжественно открытъ недавно въ Лондонѣ, предназначенъ для коллекцій естественныхъ продуктовъ всѣхъ частей Британской имперіи и образчиковъ предметовъ торговли и промышленности ея колоній. Въ институтѣ, кромѣ того, будутъ происходить собранія и лекціи. Огромное зданіе его, стоявшее около 3.000.000 рублей, можетъ вмѣстить въ себѣ 4.000 чел. Управленіе институтомъ ввѣрено комитету изъ 125 лицъ.

Замѣчательный маякъ сооруженъ недавно въ Англіи, на Чанманской отмели, недалеко отъ устья р. Темзы. Маякъ представляетъ правильную усѣченную пирамиду, образуемую восемью стальными столбами, въ 4 вершка толщины каждый, установленными наклонно другъ къ другу и увеличеннымъ площадкой, на которой устроено помѣщеніе для служащихъ. Вверху высится огромный маячный фонарь и подъ нимъ привѣшенъ колоколь для подачи сигналовъ въ туманную погоду.

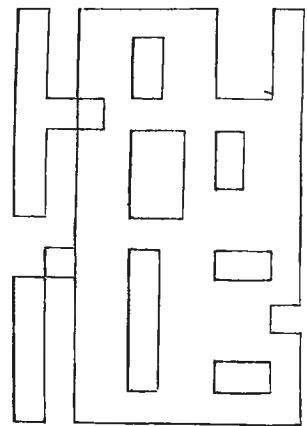
Для изслѣдованія высушихъ точекъ воздушнаго пространства, въ Парижѣ, 21 марта, подъ руководствомъ извѣстнаго математика Эрмита, былъ спущенъ „Union aerophile“ воздушный шаръ безъ воздухоплавателей, снабженный само-регистрающимъ барометромъ и термометромъ. Шаръ вмѣщалъ въ себѣ 113 куб. метровъ газа. Два года тому назадъ былъ пущенъ подобнаго рода шаръ, достигшій почти 14.000 метр. высоты; на этотъ разъ Эрмитъ думалъ достигъ 20.000 метр. высоты. Шаръ, пробывъ въ воздухѣ 6 ч. 35 м., тихо опустился у р. Луны, притока Сены. Судя по полученнымъ показаніямъ, шаръ достигъ крайней высшей

точки—15.500 метровъ, и температура въ этой точкѣ была 21 марта—50° Ц. Метеорологическія наблюденія на высотѣ 15.500 метровъ сдѣланы Эрмитомъ впервые. До него крайній высшій пунктъ, котораго могли достигъ, былъ 11.272 метра. На этой высотѣ получилъ свои наблюденія Гезеръ при своемъ знаменитомъ полетѣ 5 сентября 1862 г.

Первый пневматическій проводъ для передачи почты былъ открытъ недавно въ Филадельфіи. Онъ соединилъ главный почтамтъ города съ однимъ изъ почтовыхъ отдѣленій, находившихся на разстояніи полумили. Письма и посылки кладутся въ одинъ конецъ трубы и посредствомъ давленія накачиваемаго въ трубу воздуха выталкиваются въ другой конецъ. Первую посылку опустили самъ генералъ-почтмейстеръ Соединенныхъ Штатовъ. Это была библія, завернутая въ американскій флагъ. На посылкѣ сдѣлана была имъ слѣдующая надпись: „Первое употребленіе, которое сдѣлано было въ Соединенныхъ Штатахъ съ первымъ пневматическимъ почтовымъ проводомъ, состояло въ пересылкѣ экземпляра Священнаго Писанія, самаго возвышеннаго посланія, которое міръ когда-либо получалъ. Оно завернуто въ американскій флагъ—эмблему свободы 65 милліоновъ счастливыхъ людей“.

Задача № 15.

Раздѣлить фигуру четырьмя прямыми линиями такъ, чтобы получились буквы, составляющія фамилію одного извѣстнаго писателя.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Конторы журнала „Нива“ просятъ своихъ гг. подписныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, прислать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Воля судьбы. Историческій романъ въ трехъ частяхъ Кн. М. Н. Волконскаго. (Продолженіе).—Лѣченіе силина. (Шутка. Переводъ съ нѣмецкаго).—Добываніе золота и серебра изъ морской аоды. Очеркъ Г. С. Вольте.—Десять минутъ. (Изъ монологовъ Кокзана старшаго).—Къ рисункамъ: Уличный гаеръ въ древнемъ Римѣ (съ рис.).—Всемирная Колумбійская выставка въ Чикаго. Зданія главныхъ отдѣловъ выставки (съ рис.).—Дѣти (съ рис.).—Арестъ богатаго марака (съ рис.).—Лисья семья (съ рис.).—Принцъ Георгъ, герцога Гюркскій, и его невеста, принцесса Винторія-Марія Тэкъ (съ 2 портр.).—Памятникъ Бернгу (съ рис.).—Открытие Колумбійской всемірной выставки. (Корреспонденція „Нивы“).—Политическое обозрѣніе.—Разныя извѣстія.—Сооруженіе соборнаго храма въ Варшавѣ.—25-лѣтіе Славянскаго благотворительнаго общества (съ портр.).—Научныя и техническія новости.—Заявленіе.—Смѣсь.—Задача.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленіи.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Кн. М. Н. Волконскій.

Вышелъ изъ печати и разосланъ подписчикамъ

ПЯТЫЙ ВЫПУСКЪ

новаго роскошнаго періодическаго изданія, подъ названіемъ:

„ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА НИВЫ“.

годъ первый (1893), содержащій въ себѣ:

СКАЗКИ,

собранныя братьями Я. и В. ГРИММАМИ.

Переводъ подъ редакціею П. Н. ПОЛЕВОГО.

Иллюстраціи П. Гротъ-Юганна.

24 вып., каждый—въ розк. обложкѣ, по одному вып. черезъ каждыя двѣ недѣли.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

Подписка продолжается, и каждый новый подписчикъ получаетъ изданіе полностью, т. е. начиная съ 1-го выпуска.

Цѣна за все изданіе (24 выпуска) 12 р., а съ пер. иног. 14 р. Безъ доставки въ Москвѣ (въ Конторѣ П. Н. Печковской)—13 р. Допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ:

	безъ дост.	съ пер.		безъ дост.	съ пер.
при подпискѣ.	4 руб.	5 руб.	къ 1-му августа.	2 р.	2 р.
къ 1-му іюня.	2 „	2 „	къ 1-му сентября.	1 „	2 „
къ 1-му іюля.	2 „	2 „	къ 1-му октября.	1 „	2 „

Подписка на это изданіе принимается въ главной конторѣ журна „Нива“, въ СПб., Невскій, № 6; въ Москвѣ, въ Конторѣ Н. Н. Печковской, а также во всѣхъ книжн. и эстампныхъ магаз.

Желающимъ ознакомиться съ изданіемъ, 1-й выпускъ „Сказокъ“ высылается за 50 коп. почтовыми марками, каковая сумма при подпискѣ на все изданіе засчитывается, по желанію подписчика, въ счетъ подписной платы.

938 верстъ сдѣлано въ 42 часа на велосипедѣ Руджъ. Представители К. Руджъ Абачинъ и Орловъ. Москва, Мясницкая, домъ Сытова. Ц. № 6393 3-3

27 1/2 версты въ 12 часовъ. Английскіе велосипеды заводоу: Зингеръ и Ко. и Компан. „Триумфъ“. Представитель: Генрихъ Георгиевичъ ЖЕМЛИЧКА. Москва, уголъ Тверской и Газетнаго переулка, домъ Фальцъ-Фейна, маг. № 10.

ТРЕБУЮТЪ НАСТОЯЩЕЕ МЫЛО АМОСТРОУМОВА ОБОГЛОВОЙ ПЕРХОТЪ. ВСТРЕЧАЮТСЯ ПЕДЛОЖЪ.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ ИЗЪ ДЕРЕВА составленный Л. П. СЕРГѢЕВЫМЪ. ИЗДАНІЕ 2-е, дополненное новыми рисун. Цѣна въ литограф. оберткѣ 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 60 коп. Съ требованіями обращаться въ СПб., въ контору журн. „Нива“, Невскій, д. № 6.

УДОЧКИ и всѣ вообще принадлежности для рыбной ловли получены изъ Англіи въ большомъ выборѣ въ магазинахъ С. И. Дойникова въ СПб.-гѣ, Невскій пр., Милютинъ рядъ, д. Тѣсниковой № 27—13, и въ Гостиномъ дворѣ № 73 по Садовой. Иллюстр. прейсъ-куррантъ рыб. принадлежностей высылаются бесплатно.

Новая американская снопришущая машина „ГАЛЛЪ“. № 6228 (2). Лучшая пишущая машина въ мірѣ. Одна и та же машина пишетъ въ всѣхъ языкахъ, каждый языкъ по десяти и болѣе различнымъ шрифтовъ. Цѣна машины 75 р., каждая шрифта 3 р. Описание съ изображеніемъ машины въ натуральную величину и пробныя шрифты бесплатно. Единственный представитель для всей Россіи Торговый домъ З. ШТЕМПЕЛЬ въ г. Одессѣ. Приглашаются агенты во всѣхъ городахъ.

1865.

1882. ТОВАРИЩЕСТВО

1870.

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАПУФАКТУРЫ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году,

просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ**
обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 6372 26-8

въ особенности на **ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГЕРБЪ**

право пользованія которымъ принадлежитъ исключительно Товариществу Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры, и годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).

1860
Т.РА.РМ.
С.ПЕТЕРБУРГЪ.

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО
Д-РА ЛЕНГИЛЯ
въ ВѢНѢ
для БѢЛЫХЪ, СМЯГЧЕНІЯ
и ЧИСТОТЫ
КОЖИ, ЛИЦА
и РУКЪ
Придаетъ Кожи Совѣтской Визы,
рекомендуется какъ
Хорошее Туалетное Мыло
НАСТОЯЩЕЕ ТОЛЬКО ЗА ПОДПИСЬЮ
Василія Аурихъ въ С.-Пбурѣ
ЕДИНСТВЕННОГО АГЕНТА
для Россіи.

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ

СРЕДСТВО

для смягченія кожи рукъ и лица.

Цѣна 35 коп.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфю-
мерныхъ магазинахъ.

Ш. № 6271 14-13

EAU DENTIFRICE BALSAMIQUE DE LONSE

БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полосканія рта, уничтожаетъ
запахъ во рту. № 5421 (27)

Во избѣжаніе часто встречаемыхъ въ продажѣ под-
дѣломъ, требовать на этикетѣ полную фирму:

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

46. Егерштрассе, Берлинъ. придворн. парфюмеръ.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ
и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

4711

О-ДЕ-КОЛОНЪ.

СЪ ЗЕЛЕНО-ЗОЛОТИСТЫМЪ

Ц. № 6309 **ЯРЛЫКОМЪ** 2 2

Продается во всѣхъ лучшихъ
аптекарскихъ и парфюмерныхъ
магазинахъ Россіи.

Требовать ЗЕЛЕНО-ЗОЛОТИСТЫЙ ЯРЛЫКЪ.

!!ОСТОРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ!!

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ

Вс. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе.
Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

„КАПРИЗЪ НЕВЫ“ ДУХИ — „Капризъ Невы“
О-ДЕ-КОЛОНЪ — „Капризъ Невы“
МЫЛО — „Капризъ Невы“

„Мюсъ“ Духи | послѣднія новости | „Мюсъ“ Мыло
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ | и О-де-молонъ

ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

Препараты „КАПРИЗЪ НЕВЫ“ отличаются пре-
красными достоинствами и изготовлены для вы-
п. № 6281 ставки въ ЧИКАГО. 15-7

СКЛАДЫ: С.-Петербургъ, площадь Александринскаго театра, 9.
Невскій, 69.
Москва, Никольская, д. Шереметева.
Варшава, Новый Свѣтъ, 37, и въ лучшихъ магазинахъ Имперіи.

азовим. Оригинал, на язык. Русск. и Депо-ранто высшая пал. шт. за 1 р. 5 экз. М. И. Соловьев, Вольск, Саратов. № 6115

Рекомендуем новейшие препараты высшего качества моего собственного изобретения.

1. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

Шведский зубной эликсир. фл. 80 к.
Шведский зубной порошок кор. 50 к.
Шведская зубная паста. кус. 30 к.
Шведская амниконовая вода фл. 75 к.

Получать можно во всех аптекарских и косметических магазинах России.

Главный склад: Демидов пер., № 1. СПб.

Парфюмеръ И. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ (7)

Специалист хронометровъ. СПбургъ, Невскій пр. № 52 прот. Им. Публ. Библиотеки. Подробный каталогъ, прейск-курнтъ по востреб. безплатно. Пересылка на счетъ ма-газина. Ручательство на 2 года. № 6283

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ НАЧИНАЯ СЪ 12 РУБ. ДО 500 РУБЛЕЙ. СОБСТВЕННЫЯ МАСТЕРСКІЯ, УМЕРЕННЫЯ ЦѢНЫ, ИЛЛ. ПРЕЙСК-КУРАНТЪ ЗА 40 К. МАР. СМѢТЪ БЕЗПЛАТНО. БРУНО ЗЕНГЕРЪ и К^о СПЕТЕБУРГЪ НЕВСКІЙ ПР. № 25-1. ОПТ. СКЛАДЪ. ФАБРИКА ФОТОГРАФИИ.

ЭЛЕОНАТЬ

Пр. КИНУНЕНЪ

ДЛЯ ВОЛОСЪ.

ЭЛЕОНАТЬ Кинунена находится для продажи во всехъ больш. аптек. и космет. магазинах. Цѣна фл. содерж. 120 граммъ 1 р 50 н. безъ перес. № 6260 (7)

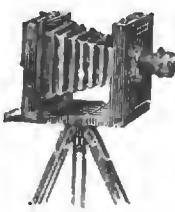
Провизоръ Кинуненъ.

Просимъ обращать вниманіе на илеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона. Провизоръ Кинуненъ.

Главный складъ: Демидов пер., № 1.

ФОТОГРАФИЧ. АППАРАТЫ

№ 6114 для Г. Г. любителей. 2-1

Всѣдствие новѣйш. изобрѣтѣн. фотограф. искусство такъ легко, что всякій безъ особенн. подготовк. можетъ снимать вполнѣ хорошіе портреты, группы и ландшафты. Цѣна прибора 15, 18, 25, 35, 50 руб. и др. Всѣ принадлеж. отъ 9 р. за наборъ.

Е. КРАУСЪ и К^о

фабр. въ Парижѣ, Rue de Bondy, 32.

КДНСТВ. СКЛАДЪ ДЛЯ РОССИИ

въ С.-Петербургѣ, Мойка № 42.

Поставленіе и иллюстр. прейск-курнтъ высылаются за сем. коп. почт. марку.

ПЕШИШКА МАШИНА 25-17

РЕМИНГТОНА № 5

„НОВѢЙШАЯ ИЗЪ ВСѢХЪ СУЩЕСТВУЮЩИХЪ СИСТЕМЪ“

признана лучшей въ свѣтѣ. Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всехъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд. Прейск-курнтъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительствъ и другихъ учреждений, высылаются безплатно. № 5899 Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва, С.-Петербургъ, Варшава, Одесса, Екатеринбургъ, Кокандъ.

НОВѢЙШІЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ,

играющие посредствомъ верченія ручки.

ПИАНО-МЕЛОДИКО Салонный органъ со струнами, играетъ всевозможныя пѣсни, имѣетъ очень пріятный и мелодичный тонъ, сходный съ оркестромъ изъ мандолинъ, и удобенъ какъ для салонной музыки, такъ и для танцевъ. Цѣна безъ пѣсь 80 руб., пѣсь по 70 коп. за черт. (около 1 1/2 арш.).

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ Салонный органъ съ гонимыми пѣсь, имѣетъ звучный тонъ и очень удобенъ для танцевъ. Цѣна 65 руб. Пѣсь по 1 р. 20 к., 2 р. 40 к. и др.

ФЕНИКСЪ-ОРГАНЪ Ручной органъ со стальными голосами и круглыми металлическими нотами. Цѣна 28 р. Пѣсь по 60 коп.

ГЕРОФОНЪ. Цѣна 26 рублей. Пѣсь по 50 коп.

Списки пѣсь высылаются **БЕЗПЛАТНО.** Также всѣ другіе музыкальные инструменты и принадлежности къ нимъ лучшаго качества по умѣреннымъ цѣнамъ рекомендуемъ.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ и НОТЪ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, д. № 34 и 40.—Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

ЛЕШИНГЪ и ГЮЗННЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается ил. истрированный журналъ „Нива“. № 2450

МОЙНАКСКОЕ

ГРЯЗЕЛЪЧЕБНОЕ И ЛИМАННОЕ

ЗАВЕДЕНІЕ

въ городѣ Евпаторіи.

Открывается съ 20 мая по 20 августа. За подробностями просимъ обращаться въ гор. Евпаторію, Таврической губерніи, г. доктору С. П. Цеценевскому или доктору С. П. Ходжашу. № 6402 (2)

МОЗОЛЬНЫЙ

ПЛАСТЫРЬ

А. ЦИГЛЕРА

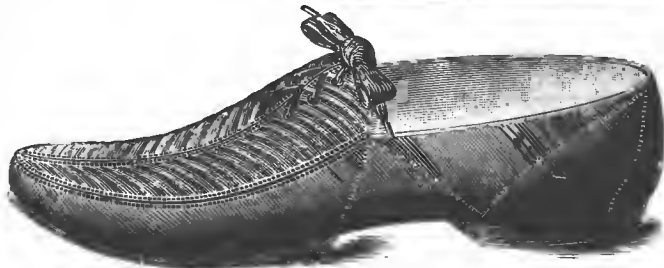
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ

КАС. МОСКВА, Мясницкая д. КИСТЫРГЪ

Кроме 30-50%

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. За условіями обрац. писемъ: Генрихъ Бломъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59. 12-8

ТОВАРИШЕСТВО

СПБ. МЕХАНИЧЕСКАГО ПРОИЗВОДСТВА ОБУВИ

предлагаетъ

какъ легкую и удобную лѣтнюю обувь чрезвычайной прочности

полуботинки

„ЛЕГКІЕ СКОРОХОДЫ“

ИЗГОТОВЛЯЮТСЯ № 6119

черные и коричневые

для мужчинъ, дамъ и дѣтей.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Благодаря какъ особому устройству нашихъ колодокъ, на которыхъ выдѣляется эта лѣтняя обувь, такъ и особому хорошему качеству кожи, мягкости и прочности которой отличн. известны каждому нашему покупателю, при посѣтѣ нашихъ „СКОРОХОДОВЪ“ никто никогда не можетъ имѣть мозолей, потому что обувь эта по своему особому удобству не только не жметъ ноги, но даже не допускаетъ натѣнія ихъ, что, какъ всякому извѣстно, способствуетъ образованію мозолей. Въ этой обуви ноги не чувствуютъ усталости. Обувь эта не теряетъ своего фасона до окончательнаго ея изнашивания; незамѣнима въ жаркое время лѣта; и вообще наши „СКОРОХОДЫ“ уже сами заслужили особое вниманіе публики вслѣдствіе особенн. постройки вполнѣ согласной съ гигиеной ногъ. И такъ какъ постою спросъ на нихъ все болѣе и болѣе увеличивается, то уже появились и подражатели, изготовляющіе полуботинки, къ сожалѣнію похожіе на наши „СКОРОХОДЫ“. Вслѣдствіе этого мы вынуждены обратиться къ уважаемой публикѣ съ настоящимъ предостереженіемъ, и просимъ желающихъ приобрести „дѣйствительно ЛЕГКІЕ СКОРОХОДЫ“ при покупкѣ обращать вниманіе на оттиснутое на подошвѣ наше фабричное клеймо.

Schlesischer Obersalzbrunnen

Первоклассный аналитический источникъ, съ успѣхомъ примѣняемый съ 1601 г. Анализы и подробности объ источникѣ высылаются по почтѣ безплатно. Кошторя отправли минеральныхъ водъ въ ОБЕРСАЛЬЦБРУННЪ.

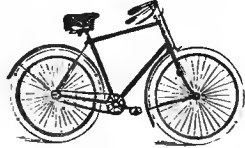
ФУРБАХЪ и СТИБОЛЬ, Зальцбруннъ, въ Силезіи.

10-8 Склады во всехъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Ц. № 6873

НОВОСТЫ!

Паяльный приборъ.

Приборомъ этимъ, содержащимъ все необходимое для луженія и спайки, всякій можетъ безъ малѣйшей подготовк. починить или выдѣлать свою посуду, какъ-то: самовары, кастрюли, и т. п. Цѣна прибора съ наставленіемъ 3 р. 50 к. и 5 р. Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій 4. Складъ новыхъ изобрѣтѣн. Каталогъ всѣхъ изобрѣтѣн. и подарковъ за 10 к. марку. Заназы исполняются немедленно, можно и наложеннымъ платежемъ. № 6117

Велосипеды англійскаго завода „Гумберъ и К^о. Лмтд.“

лучшіе въ свѣтѣ!

предлагаютъ торговый домъ

Г. ЖЕМЛИЧКА и К^о.

Москва, Неглинный просп., домъ Ежипной.

Прейск-курнтъ—безплатно.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЯ КАМЕРЫ

въ громадн. выборѣ.

Нов. пластм. прейск-курнтъ высылаются.

МОМЕНТАЛЬНЫЯ ПЛАСТИНКИ

„БЕРНАРТЪ“.

При складѣ имѣется лабораторія и разл. лсенія при покупкѣ безвозмездно. 10-8

К. И. Фреландтъ.

С.-Петербургъ, у Казанскаго моста д. № 30/16.

Москва, Мясницкая, д. Соколова.

Харьковъ, Московская ул., д. Штейфанъ.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

В. № 6326 В. ГЕПЪ въ Вѣнѣ 8-5

изъ грецкихъ орѣховъ.

Безвредное средство для быстрого окрашиванія волосъ и бороды въ черный, русый, темно и свѣтло-каштановый цвѣт.

Цѣна за флак. 3 р. съ пер. въ Евр. Росс. Главный складъ для Россіи у В. Ауринъ въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.

ОХРАНИТЕЛЬНАЯ МАРКА.

Фирма препроводана на европейскіхъ выставкахъ десятку золотыми медалями и высшими знаками.

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ.

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Для чистоты въ свѣжести лица; лицо остается всегда чистымъ. Цѣна банки 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратитъ вниманіе на подписи А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговл. антикарскими товарами, Казанская, 12, и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи.—Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Бассейная ул., д. № 2.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ.

„ЗАЯВЛЕНІЕ“

ЛѢЧИТЬ УСПѢШНО К. ЭРНСТЪ.

Проспектъ безвозмездно.

СПБ., Спасская, 5. Учебникъ 3 руб.

ЦВѢТОЧНЫЙ ОДЕКОЛОРЪ

УДОСТОЕННЫЙ СЕРЕБРЯНОЮ МЕДАЛЮ

НА ВСЕРОСС. МОСКОВС. ВЫСТАВКѢ 1892

А. С. УИКО

ПАРФЮМЕРІЯ

ВЫСОКАГО КАЧЕСТВА

МОСКВА.

Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговл. антикарскими товарами, Казанская, 12, и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи.—Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Бассейная ул., д. № 2.

Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговл. антикарскими товарами, Казанская, 12, и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи.—Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Бассейная ул., д. № 2.

Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговл. антикарскими товарами, Казанская, 12, и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи.—Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Бассейная ул., д. № 2.

Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговл. антикарскими товарами, Казанская, 12, и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи.—Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Бассейная ул., д. № 2.

Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговл. антикарскими товарами, Казанская, 12, и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи.—Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Бассейная ул., д. № 2.

Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговл. антикарскими товарами, Казанская, 12, и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи.—Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Бассейная ул., д. № 2.

Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговл. антикарскими товарами, Казанская, 12, и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи.—Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Бассейная ул., д. № 2.

Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговл. антикарскими товарами, Казанская, 12, и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи.—Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Бассейная ул., д. № 2.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ съ 6—10 рисъ въ каждомъ и ежемѣсячн. даров. прилож. 12 книгъ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и Выданъ 29 мая 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕН. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № 15 к., съ вер. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1893 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются оа строку нонпарейль (1/4 шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 1 руб. Загран. для Франціи у Agence Navas по 3 fr., для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 2 марн 50 pf.

Безъ доставки въ Петербургъ

5 р.

Съ доставкою въ Петербургъ

6 р. 50 к.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италию и друг. госуд. 10 р.

На 1/2 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.

На 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р. 50 к.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. И. П. Печковской, Петровск Торг. лии.

6 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи.

7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“ со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

Истокъ Волги близъ деревни Волговерховье. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Рябушнина, грав. Рашевскій.

Воля судьбы.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе).

ХІІ.

Неосторожность.

— А!.. вотъ кого я вижу, встрѣтилъ Торичіоли Артемія, который входилъ, нагибаясь, въ низкую дверь при-
давленной потолокомъ горницы заѣзжаго двора.

Итальянецъ сидѣлъ въ почетномъ углу у чистаго, выскребленнаго липоваго стола, на которомъ стояла передъ нимъ крынка съ молокомъ и лежалъ большой кусъ хлѣба.

— Вотъ давно не видались, продолжалъ онъ,—съ самаго прѣзда, съ вашего... ну, гдѣ вы и что вы, какъ устроились въ Петербургѣ, какъ живете?..

Торичіоли, у котораго сломалась одноколка, обреченный судьбою волей-неволей на то, чтобы пробыть на заѣзжемъ дворѣ, пока не починятъ ему экипажа, пробовалъ, было, развлечься, спросивъ себѣ крынку молока, но теперь для него, въ лицѣ Артемія, явилось еще болѣе интересное развлеченіе, и онъ ему очень обрадовался.

Но Артемій довольно холодно отвѣтилъ на его прѣтестіе. Ему, вообще, было неприятно въ томъ состояніи, въ которомъ онъ находился, встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь, а еще болѣе со знакомымъ.

Нужно будетъ разговаривать съ нимъ, отвѣчать на его вопросы, а именно Артемію хотѣлось, чтобы его оставили въ покоѣ и не трогали-бы его.

— А Эйзенбахъ-то, Карлъ, продолжалъ Торичіоли, котораго мы съ вами считали мертвымъ—помните, еще рассказывали мнѣ подробности,—живъ, вѣдь, оказался. Онъ вернулся въ числѣ возвращенныхъ плѣнныхъ... старички родители его такъ были рады.

— Да? равнодушно сдѣлалъ Артемій—и, пройдя мимо стола, сѣлъ не къ нему на лавку, а дальше, въ противоположный уголъ.

„Онъ сердится, сообразилъ Торичіоли,—зачѣмъ я до сихъ поръ не отдалъ ему его денегъ... съ самаго, съ Кенигсберга... вотъ оно что...“ Но сейчасъ-же онъ поспѣшилъ себя успокоить тѣмъ, что теперь не можетъ онъ отдать своего долга, но что отдастъ, какъ только сможетъ.

И съ видомъ тоже вполне равнодушнымъ онъ принялся ѣсть круглою, деревянною ложкой свое молоко.

— Который часъ, Іосифъ Александровичъ? спросилъ Артемій,—у васъ есть часы?..

Торичіоли, не спѣша, вынулъ часы и сказалъ, который часъ.

Было вовсе не такъ поздно, какъ думалъ Артемій; прямою дорогой и быстрою ѣздой—онъ наверсталъ настолько времени, что могъ уже не торопиться.

Это успокоило его по отношенію къ поѣздкѣ, но не могъ онъ, конечно, успокоиться совсѣмъ!.. Въ глазахъ его все время стояла Ольга. Она казалось ему такою прекрасной, какою онъ даже въ мечтахъ не помнилъ ее... Сегодня она особенно была хороша—и какъ бѣлое платье шло къ ней, и какъ красиво облокотилась она на рѣшетку, и зеленъ кругомъ, и самая рѣшетка эта, и все было красиво.

Въ виски Артемія стучало, кровь прилила у него къ головѣ. Онъ самъ усталъ отъ своей бѣшеной скачки; солнце такъ пекло,—что потъ съ него лилъ градомъ; мундиръ его былъ покрытъ толстымъ слоемъ пыли; въ низенькой горницѣ было жарко и душно.

Артемій и вошелъ-то сюда, чтобы вымыться только и омыть себя, помочивъ голову, но чего тутъ сидѣлъ Торичіоли?..

— Отчего вы на воздухѣ не остались? спросилъ онъ опять итальянца.

Тотъ отвѣтилъ, что тамъ еще хуже, потому что нѣтъ совсѣмъ тѣни и сѣсть некуда, а на солнцѣ просто невозможно оставаться...

— Сегодня такая жара, продолжалъ онъ,—что я жалѣю, что выѣхалъ; мнѣ хотѣлось навѣстить тутъ одного земляка—Одара—онъ управляющимъ на мызѣ... да вотъ одноколка сломалась—послалъ за кузнецомъ... А вы куда ѣдете?..

Странная вещь произошла теперь съ Артеміемъ: послѣ разговора своего съ Ольгой, онъ терялъ совсѣмъ внутреннее свое равновѣсіе. Самообладаніе исчезло въ немъ, и онъ чувствовалъ, что не можетъ владѣть собою настолько, чтобы скрыть то, что происходитъ въ душѣ у него...

Когда Торичіоли назвалъ Одара, онъ невольно взглянулъ на него, не успѣвъ скрыть удивленія въ своемъ взглядѣ.

— А вы тоже къ нему? подхватилъ тотъ.

И Артемій не имѣлъ силы не отвѣтить на этотъ вопросъ.

— Да, отвѣтилъ онъ,—я тоже къ Одари.

Онъ потому отвѣтилъ такъ прямо, что чувствовалъ, что Торичіоли все равно понялъ уже, что они ѣхали къ одному и тому же лицу, и что, если бы онъ далъ неопредѣленный отвѣтъ, то отвѣтъ этотъ еще хуже выдавалъ бы его.

Къ тому же они могли встрѣтиться и у самого Одара потомъ.

— Вотъ какъ! протянулъ итальянецъ,—значитъ, намъ по дорогѣ... я и не зналъ, что вы знакомы съ нимъ... Гдѣ-же вы познакомились и по какому поводу?..

— У меня—порученіе къ нему изъ Кенигсберга—тамъ одинъ докторъ проситъ передать ему письмо.

Въ это время чухонецъ-работникъ принесъ ведро холодной колодезной воды, глиняный тазъ и ручникъ.

— Та воду-то ринесь... заявилъ онъ, разставляя тазъ и ведро на лавку.

Артемій покосился на Торичіоли.

— Ахъ, пожалуйста—мойтесь при мнѣ, поспѣшилъ предупредить тотъ, понявъ, что молодой человѣкъ стѣсняется при немъ.

Артемій не заставилъ повторить приглашенія.

Онъ скинулъ мундиръ, засучилъ рукава и, ощущая освѣжающее прикосновеніе студеной воды, съ удовольствіемъ опустилъ въ нее руки и сталъ плескать себѣ въ лицо.

Въ дверь просунулась бородатая голова дворника.

— Ваше благородіе, баринъ милый,—съ лошадкой-то вашей что-то неладное... проговорилъ онъ Артемію.

Артемій поднялъ, нагнувшись надъ тазомъ, голову и обернулся къ двери.

— Я говорю, лошадка ваша... того... повторилъ дворникъ.

— Что того? нетерпѣливо сдѣлалъ Артемій и, видимо, безпокоясь о лошади, схватилъ ручникъ и, утираясь на ходу,—пошелъ, какъ былъ, въ одномъ камзолѣ, смотрѣть, что сдѣлалось съ нею.

Торичіоли въ избѣ остался одинъ.

Сильно его занимало—зачѣмъ Артемій, молодой офицеръ, человѣкъ военный, ѣдетъ къ пьемонтцу Одари, управляющему собственной мызой императрицы.

Объясненіе относительно доктора казалось ему подозрительнымъ.

Брошенный на скамейку мундиръ Артемія сильно соблазнилъ его.

Нѣсколько секундъ онъ просидѣлъ въ нерѣшимости. Артемій медлилъ возвращеніемъ.

Торичіоли всталъ, и на цыпочкахъ, точно его движенія могли быть слышны тамъ, на дворѣ, подкрался къ скамейкѣ. Осторожно, двумя пальцами приподнялъ онъ мундиръ и, перевернувъ его, бросилъ такъ, что лѣвый рукавъ высунулся паружу. Потомъ онъ прислушался, не идутъ-ли назадъ въ избу.

Ему послышались шаги. Онъ отскочилъ назадъ и подошелъ къ двери. Пріотворивъ ее, заглянулъ онъ на дворъ.

На противоположной сторонѣ двора, подъ навѣсомъ, стоялъ у лошади Артемій съ дворникомъ и что-то объяснялъ ему.

Чухонецъ-работникъ тащилъ охапку сѣна. Видимо, всѣ были заняты.

Торичіоли закрылъ дверь, быстро вернулся къ скамейкѣ, ощупалъ обшлагъ у рукава (тамъ ясно чувствовалась бумага) и, не теряя ни минуты времени, отстегнулъ пуговицы обшлага.

Бумага, лежавшая тамъ, оказалась вовсе не письмомъ. Это былъ сложенный вчетверо листъ.

— Впрочемъ, мелькнуло у Торичіоли, — если бъ тутъ было что-нибудь важное — онъ не оставилъ бы мундира.

И — былъ одинъ мигъ — онъ хотѣлъ сунуть бумагу обратно, боясь, что придутъ сейчасъ... но онъ держалъ ее въ рукахъ, и любопытство превозмогло.

Торичіоли развернулъ бумагу, длинный рядъ фамилій стоялъ на ней, — однихъ фамилій съ поименованіемъ полковъ — и только. Но этого „и только“ было больше, чѣмъ довольно, для Торичіоли. Онъ сразу понялъ, въ чемъ дѣло.

Одаръ — управляющій императрицы... офицеръ везетъ къ нему списокъ военныхъ, изъ разныхъ полковъ... Не даромъ, значитъ, доносили въ канцелярію о недовольствѣ въ гвардіи... вотъ оно что... теперь все ясно... а главное, ясно, что въ этомъ списокѣ заключается цѣлое состояніе, цѣлое богатство, въ видѣ награды тому, кто сумѣетъ воспользоваться имъ.

И Торичіоли, сунувъ бумагу къ себѣ въ карманъ, трясущимися отъ волненія пальцами сталъ застегивать обшлагъ.

ХІІІ.

Несчастіе.

Когда Артемій вернулся въ избу, Торичіоли, какъ ни въ чемъ не бывало, сидѣлъ на своемъ мѣстѣ у стола и равнодушно смотрѣлъ въ окно.

— Ну, что ваша лошадь? спросилъ онъ, какъ будто и, въ самомъ дѣлѣ, интересовался лошадыю, а не тѣмъ, чтобы поскорѣ уѣхалъ Артемій.

— Ничего — пустяки, отвѣтилъ тотъ, — она устала и дрожитъ — я велѣлъ обтереть ее водкой, и на ней хоть сейчасъ можно будетъ ѣхать дальше.

— Такъ вы ѣдете, значитъ?

— Да, я думаю...

И, говоря это, Артемій поспѣшно надѣлъ мундиръ, простился съ Торичіоли и вышелъ изъ горницы.

— Передайте, пожалуйста, Одару, что, вѣрно, я ужъ не попаду къ нему сегодня, сказалъ вслѣдъ ему итальянецъ.

Черезъ нѣсколько времени, онъ съ облегченнымъ сердцемъ увидѣлъ въ окно, какъ Артемій верхомъ уѣхалъ изъ воротъ, и какъ потомъ по дорогѣ закружилась пыль подъ погами его лошади.

Артемій ѣхалъ и все думалъ объ Ольгѣ. Что сдѣлалось съ нею, отчего она была така? — Комедіи она играть не могла, но и не могла она забыть, въ самомъ дѣлѣ, всего, что было между ними, — такъ забыть, чтобы и слѣда не оставалось въ ней; а между тѣмъ только при такомъ условіи могла она вести себя такъ...

Но что же это значило?..

И Артемій въ сотый разъ и на сотый ладъ переби-

ралъ всѣ обстоятельства, всѣ причины, въ силу которыхъ можно было объяснить поведеніе Ольги, но ни одна изъ этихъ причинъ не выдерживала мало-мальски серьезнаго обсужденія и сейчасъ же рушилась сама собою.

Артемій терялся въ догадкахъ и не могъ найти выхода изъ ихъ лабиринта.

„Посоветоваться развѣ съ графомъ, пришло ему въ голову, — рассказать ему?“ Но и эту мысль, на которой онъ остановился, было, въ первую минуту съ удовольствіемъ, — онъ тотчасъ-же отогналъ.

Ему показалось не только неудобнымъ, но и совершенно неумѣстнымъ лѣзть теперь со своимъ чисто личнымъ дѣломъ, въ то время, когда они, общими силами, работали надъ другимъ, болѣе важнымъ, конечно, не для Артемія, но для всѣхъ ихъ, дѣломъ...

„Да, потомъ, потомъ, повторялъ онъ себѣ, — потомъ, когда все устроится, тогда...“

Но тогда — она уже уѣдетъ, вѣроятно?..

„Ахъ, Боже мой — что же дѣлать, что дѣлать тутъ!..“ съ отчаяніемъ почти думалъ уже Артемій, подѣзжая къ мнѣ.

Онъ засталъ графа въ одеждѣ, парикѣ и очкахъ Одаря; онъ сидѣлъ у себя за письменнымъ столомъ первой комнаты и занимался, повидимому, счетами и книгами по хозяйству.

— Привезли? обернулся онъ къ Артемію, видя, что тотъ отстегиваетъ обшлагъ.

— Да, привезъ... отвѣтилъ Артемій, и вдругъ измѣнился въ лицѣ... Отстегнувъ пуговицы, онъ запустилъ за обшлагъ руку. Тамъ бумаги не было...

Онъ растерянно сталъ ощупывать себя... Глаза его остановились въ нѣмомъ ужасѣ... Потерять списка или выронить его было немыслимо — слѣдовательно... Кто-нибудь вынулъ его, растегнувъ обшлагъ... но кто?..

— Торичіоли! вдругъ громко крикнулъ Артемій... и, пошатнувшись, схватился за стулъ, чтобы не упасть...

Графъ поднялся со своего мѣста.

Въ этомъ растерянномъ и пораженномъ ужасомъ испуга молодомъ человѣкѣ онъ не могъ узнать прежняго ученика своего, Артемія, кажется, до сихъ поръ понимавшаго его уроки и вдругъ дошедшаго до того, чтобы потерять всякое самообладаніе.

— Что съ вами? опомнитесь! проговорилъ онъ, подходя къ Артемію.

Графъ... графъ... повторялъ тотъ внѣ себя, — все потеряно... все пропало... все кончено... это несчастіе... я несчастный человѣкъ... я погубилъ все... этотъ списокъ, который я везъ... гдѣ были записаны всѣ...

— Ну?

— Онъ у Торичіоли! крикнулъ опять Артемій, не только не владѣя собою, но не владѣя даже своимъ голосомъ, который то спадалъ, то повышался у него теперь помимо его воли.

Графъ нахмурилъ брови.

— Пройдемте сюда, сказалъ онъ и провелъ Артемія въ слѣдующую свою комнату, дверь которой заперъ, войдя, на ключъ.

— Сядьте и рассказывайте все по порядку, приказалъ графъ.

Для Артемія, какъ только онъ не нашелъ за обшлагомъ несчастнаго списка, все стало ясно въ ту-же минуту. Онъ помнилъ и отлично зналъ, что не забылъ его дома; но онъ помнилъ тоже, что имѣлъ неосторожность оставить мундиръ въ избѣ, когда выходилъ осматривать лошадь...

И въ краткихъ, едва понятныхъ и связанныхъ между собою, словахъ рассказалъ онъ самую суть дѣла.

— Графъ, заговорилъ онъ, не успѣвъ кончить разсказа, — ради Бога, поѣдемте сейчасъ вмѣстѣ, вы можете еще помочь... вы, все можете... я знаю... Я готовъ на все — возьмите жизнь мою... я отдамъ ее... только верните этотъ списокъ...

Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ.

Съ фот. Левицкаго, грав Шюблеръ

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Павловна

Съ фот. Левинскаго, грав. Шюблеръ.

Графъ, молча, не торопясь, но и не теряя времени, снялъ, слушая Артемія, свой парикъ, очки и платье, досталъ коричневый суконный кафтанъ изъ шкапа, черные чулки и башмаки, и не успѣлъ опомниться Артемій, какъ Сень-Жерменъ изъ Одара превратился въ доктора Шенинга.

— Мы ѣдемъ, мы ѣдемъ сейчасъ, мы догонимъ его на дорогѣ... съ проблескомъ радости воскликнулъ Артемій.—Я силой, понимаете, силой отниму у него.

Графъ подошелъ и положилъ руку ему на плечо.

— Прежде чѣмъ мы поѣдемъ, тихимъ голосомъ сказалъ онъ,—скажите мнѣ, что случилось съ вами?.. ваша неосторожность такъ несообразна, что я не могу допустить, зная васъ, что она была безъ какой-нибудь причины... и очень, вѣроятно, серьезной причины... Скажите мнѣ ес...

— Я не знаю, началъ было Артемій,—я понять не могу, но я потерялъ голову...

— Причину, причину, однимъ только словомъ... перебилъ его графъ, не отымая руки съ его плеча и трянувъ головою.

Артемій зналъ способъ того лаконическаго разговора, который любилъ графъ, и который былъ возможенъ только съ нимъ, понимавшимъ иногда не съ намека даже, а просто читавшимъ въ мысляхъ своего собеседника... и онъ чуть слышно отвѣтилъ ему однимъ словомъ:

— Ольга!..

— Вы видѣли ее?

— Да.

— Говорили?

— По дорогѣ у рѣшетки сада...

— А! сдѣлалъ графъ, и первый разъ въ жизни Артемій замѣтилъ въ немъ отдаленный намекъ на тревогу...

Странно было это. Онъ остался совершенно какъ всегда, спокоенъ, при извѣстїи о пропажѣ списка и вдругъ теперь—что-то случилось съ нимъ...

— И что-жъ она?.. спросилъ онъ снова.

Артемій пояснилъ, какова ему показалась Ольга—и что онъ чувствовалъ послѣ разговора съ ней.

Сень-Жерменъ закрылъ на минуту глаза.

— Да, проговорилъ онъ,—причина серьезна, и, можетъ быть, въ ней виноватъ я больше, чѣмъ вы... ѣдемте...

Черезъ четверть часа они уже сидѣли на свѣжихъ, осѣдланныхъ лошадяхъ и крупною рысю ѣхали по дорогѣ въ городъ.

Артемій думалъ, что они поскачутъ съ мѣста. Ему хотѣлось вихремъ понестись въ догону Торичіоли, но графъ держалъ все время рысь, и Артемій долженъ былъ слѣдовать за нимъ.

Они ѣхали, молча, не сказавъ другъ другу больше ни слова вплоть до заѣзжаго двора на половинѣ дороги.

У этого двора Артемій, къ радости своей, увидѣлъ сломанную одноколку Торичіоли, стоявшую еще тамъ...

XIV.

Старые счеты.

Артемій обрадовался, увидѣвъ у заѣзжаго двора одноколку Торичіоли, потому что считъ это признакомъ того, что итальянецъ еще не уѣхалъ...

— Онъ здѣсь!.. сказалъ онъ графу,—онъ здѣсь еще... видите это,—его сломанный экипажъ.

Но графъ, не отвѣчая, ѣхалъ дальше, не укорачивая и не прибавляя шагу своей лошади...

— Графъ!—Торичіоли здѣсь... повторилъ Артемій.

Отвѣта не было.

Артемій одинъ повернулъ ко двору.

Но Сень-Жерменъ и на этотъ разъ, какъ всегда, оказался правъ: нужно было ѣхать впередъ, не останавливаясь.

Артемію объяснилъ дворникъ, что господинъ, кото-

рый прїѣхалъ въ одноколку, сказалъ, что ждать ему надоѣло, и тотчасъ-же по отъѣздѣ Артемія,—вымѣнялъ у него, дворника, охотничье сѣдло на одноколку, велѣлъ осѣдлать лошадь и шибко поскакалъ въ городъ.

„Да, все кончено! снова ужаснулся Артемій,—все кончено, если онъ не поможетъ!“...

Единственная надежда его теперь была на графа.

И онъ, догнавъ его на дорогѣ, послушно уже поѣхалъ за нимъ, ожидая лишь приказанія, что дѣлать, и рѣшивъ оставить всякую личную инициативу въ спорѣ...

„Боже мой, думалъ, слѣдуя за графомъ, Артемій,—и зачѣмъ я поѣхалъ по этой дорогѣ, зачѣмъ я остановился на этомъ дворѣ, зачѣмъ встрѣтился съ Торичіоли!.. Да, не имѣй я слабости остановиться у забора Проскуровскаго сада—ничего-бы этого не было, можетъ быть... Конечно, не будь этой причины,—всѣ-бы обстоило благополучно... Но онъ назвалъ эту причину серьезной... Онъ сказалъ, что тутъ, можетъ быть, и его вина“...

И Артемій рѣшительно уже не могъ понять, какимъ образомъ Ольга могла по винѣ графа забыть его, Артемія, т. е. свое чувство къ нему...

Жаръ начиналъ спадать, когда они подѣхали къ Петербургу.

Только у самой рогатки Сень-Жерменъ обернулся къ Артемію.

— Поѣзжайте сейчасъ къ Орлову, сказалъ онъ ему, и ждите меня тамъ...

Сказавъ это, графъ повернулъ куда-то въ сторону и скоро исчезъ изъ глазъ Артемія.

Артемій опустилъ голову и тихо поѣхалъ къ Орлову.

Разставшись съ Артеміемъ, Сень-Жерменъ быстро сталъ поворачивать изъ одного закоулка въ другой, ни разу не сбившись въ путаницѣ заборовъ и домовъ, между которыми быди, въ этой отдаленной отъ центра части Петербурга, не улицы, а проѣзды неправильные и случайные. Но онъ пробирался между ними, словно ѣхалъ по родному ему, давно знакомому, городу, твердо зная направленіе, котораго слѣдовало ему держаться...

Вотъ онъ миновалъ, наконецъ, этотъ лабиринтъ закоулковъ, миновалъ небольшую роццу—остатокъ непроходимого когда-то лѣса, покрывавшаго сравнительно недавно—лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, эту часть Петербурга, и очутился на сравнительно отдаленномъ берегу рѣки Фонтанной... Здѣсь, за высокими, деревянными заборомъ, среди густой зелени стоялъ новый деревянный домикъ подъ тесовою, блестящею, какъ серебро, на солнцѣ крышею.

Подѣхавъ къ калиткѣ, графъ соскочилъ съ лошади и постучался въ кольцо,—черезъ нѣсколько секундъ послышались за калиткой по проложеннымъ къ ней мосткамъ тихіе шаги, засовъ звякнулъ, дверца открылась, и за нею показалась высокая фигура стараго кенигсбергскаго слуги Сень-Жермена...

Онъ поклонился графу и пропустилъ его.

„А что, какъ онъ вдругъ уѣдетъ! пришло внезапно въ голову Артемія, по дорогѣ къ Орлову,—мы выданы теперь, выхода нѣтъ—можетъ быть, теперь уже все извѣстно, и онъ, велѣвъ мнѣ ѣхать къ Орлову, самъ бѣжитъ изъ Петербурга, чтобы спастись самому, а насъ оставить на произволъ судьбы!“...

Но это былъ одинъ только мигъ, что у Артемія мелькнула эта мысль про графа, и онъ сейчасъ-же отогналъ отъ себя эту подлую мысль, стыдясь за нее самъ передъ собою...

„Вотъ какъ все-таки гадокъ человекъ! чувствуя, что краска покрываетъ его щеки, продолжалъ думать Артемій,—самъ кругомъ виноватъ—изъ-за меня все происходитъ, и самъ-же думаю про другихъ дурно, потому только, что самъ дурное сдѣлалъ“...

Войдя въ калитку дома, Сень-Жерменъ обернулся къ старику.

— Все-ли у васъ готово—по обыкновенію, Іоганнъ? спросилъ онъ его.

— Графъ собирается ѣхать сейчасъ? отвѣтилъ Іоганнъ вопросомъ,—въ такомъ случаѣ, карета, какъ всегда, къ услугамъ вашего сіятельства—и на всѣхъ пунктахъ остановокъ, вплоть до Парижа, ждутъ перемѣнные лошади...

— Да, мнѣ сейчасъ нужна карета, но только не для далекаго путешествія — я ѣду въ городъ, кучера не нужно. Вы сами сядете на козлы...

Іоганнъ, очевидно, давно приученный къ странному образу жизни графа,—не медля, не удивляясь и не расспрашивая—поспѣлъ исполнять его приказаніе.

Сень-Жерменъ, въ ожиданіи, облокотился на загородку, отдѣлявшую дворъ отъ разбитаго передъ домикомъ палисадника.

Ждать однако пришлось ему не долго.

Почти сейчасъ-же, словно бочка пожарной команды по сигналу,—изъ-за дома выѣхала парная карета съ старымъ Іоганномъ на козлахъ, вмѣсто кучера, а кучеръ бѣжалъ открывать ворота и отвести въ конюшню лошадей, на которой пріѣхалъ графъ.

— Къ Джузеппе Торичіоли, проговорилъ Сень-Жерменъ, садясь въ карету.

Джузеппе жилъ на лучшей улицѣ города, на Невскомъ, близи Казанскаго собора. Онъ занималъ очень приличное помѣщеніе, устроенное однако не на манеръ барскихъ жилищъ, а примѣнительно къ вкусамъ и привычкамъ иностранца.

Къ нему можно было попасть съ параднаго крыльца, не останавливаясь у него непременно въ дорогомъ экипажѣ съ гайдуками и гусарами, которые бѣжали докладывать о пріѣздѣ своего барина, встрѣчали на крыльцѣ лакеевъ хозяйна дома, и тѣ, въ свою очередь, шли докладывать пріѣзжему, что его просятъ пожаловать... Такъ водилось у баръ, и добрыхъ полчаса проходило въ этихъ докладахъ, церемоніяхъ и переходахъ... У Торичіоли-же просто, по заграничному образцу, висѣлъ у двери молотокъ, которымъ могъ постучать всякій.

Дверь открылъ Сень-Жермену знакомый ему Петручіо, служившій теперь у итальянца.

Но Петручіо, знавшій графа подъ видомъ Одара, не узналъ его теперь. Онъ никогда не видалъ настоящаго лица Сень-Жермена.

— Вашъ господинъ дома? спросилъ графъ по-итальянски.

Петручіо пожалъ плечами...

— Извините, сеньоръ — но сеньора Торичіоли нѣтъ дома...

— Развѣ онъ не вернулся еще?..

— О, нѣтъ, онъ вернулся, но сейчасъ-же уѣхалъ опять... рег бассо, сеньоръ, дома нѣтъ его...

До тѣхъ поръ, пока Петручіо не побоялся, было еще сомнѣніе—дома-ли Торичіоли и только не велѣлъ принимать никого, или онъ, дѣйствительно, ушелъ, но теперь,—можно было навѣрное сказать, что онъ дома.

— Сеньоръ Торичіоли, вѣрно, приказалъ лишь сказать вамъ такъ, возразилъ Сень-Жерменъ,—но меня вы можете провести къ нему...

— Рег бассо... началъ было опять Петручіо, но графъ не далъ говорить ему.

— Вы можете провести меня, повторилъ онъ и поднять руку, на которой у него на среднемъ пальцѣ было агатовое кольцо.

Увидавъ кольцо, Петручіо, не возражая больше, молча, поклонился и повелъ Сень-Жермена въ комнаты.

Они прошли небольшую прихожую, потомъ залу, столовую.

— Сеньоръ Торичіоли здѣсь... сказалъ шопотомъ итальянецъ-лакей, показавъ на дверь, ведущую въ слѣдующую комнату, и на цыпочкахъ поспѣшно скрылся.

Графъ взялся за ручку двери и быстро распахнулъ ее. Торичіоли сидѣлъ у бюро и спѣшно переписывалъ что-то... Не трудно было догадаться, что это заветный списокъ.

Когда Торичіоли слышалъ звукъ распахнувшейся двери—онъ прежде всего инстинктивнымъ движеніемъ закрылъ бюро и вскочилъ со своего мѣста, закрывъ его собою... Но когда онъ увидѣлъ на порогѣ комнаты Сень-Жермена, т. е. человека, съ которымъ у него были такіе давнишніе счеты, и который вторично уже появлялся словно изъ-подъ земли какъ разъ въ тотъ моментъ, когда готовы были исполниться планы его относительно внезапнаго богатства,—онъ вздрогнулъ весь и крѣпче прислонился къ своему бюро, потому что отступить было некуда.

Поразиться—Торичіоли поразился ужасно, но именно вслѣдствіе его необычайнаго испуга, изумленія, словомъ, чувства, охватившаго его,—вышло очень смѣшно все, что онъ сдѣлалъ при появленіи графа.

Руки его опустились, лицо вытянулось и глаза заморгали, словно онъ хотѣлъ смигнуть кажущееся ему видѣніе, въ дѣйствительность появленія котораго не вѣрить.

Но явившійся къ нему человекъ заговорилъ, и, услышавъ его голосъ, Торичіоли долженъ былъ убѣдиться, что передъ нимъ не обманчивый образъ, созданный его фантазіей, а вполне реальный человекъ.

— Вы узнали меня, конечно... проговорилъ графъ.

„А, подумалъ Торичіоли,—онъ теперь спрашиваетъ меня узналъ-ли я его—конечно, узналъ, еще-бы не узнать!—но только, теперь посмотримъ... выдержу-ли я“...

Теперь Торичіоли былъ совсѣмъ другимъ человекомъ, чѣмъ въ Проскуровѣ, и положеніе его было совсѣмъ иное.

Тогда онъ вполне зависѣлъ отъ другихъ, жилъ на жалованьи, на чужихъ хлѣбахъ, теперь онъ былъ самостоятеленъ, теперь у него въ Петербургѣ имѣлись знакомства и даже вліятельныя; онъ былъ своимъ человекомъ въ военной канцеляріи, его знали многіе, и чуть что — ему было теперь къ кому обратиться и у кого искать защиты и покровительства... Онъ имѣлъ возможность при случаѣ дойти и до самого государя...

Очевидно, что этотъ человекъ, врагъ его, врагъ, счастье котораго въ молодости разбилъ Торичіоли, пришелъ теперь къ нему не съ ласковымъ привѣтомъ, но, можетъ быть, даже для того, чтобы свести свои счеты съ нимъ...

— Да, я узналъ васъ! отвѣтилъ онъ, выпрямляясь и съ видимымъ усиліемъ разыгрывая видъ напускной смѣлости.

„Ну, и что-жъ изъ этого! говорилъ этотъ видъ Торичіоли,—ну-ка, попробуй, попробуй—подойди...“

Сень-Жерменъ сдѣлалъ шагъ впередъ.

— Я пощадилъ васъ, началъ онъ безъ малѣйшаго признака волненія, — тогда, въ Генуѣ — я думалъ, что вы свой поступокъ,—вы помните его,—загладите послѣдующей жизнью... Это было почти достигнуто... но вы поколебались—помните, въ имѣнны князя Проскурова... Только мое появленіе остановило васъ... тогда лучше намъ было не узнавать другъ друга,—теперь вновь, въ третій разъ, вы на краю гибели... Что вы хотите сдѣлать теперь, а?..

Легче было-бы Торичіоли, если бы упрекали его, грозили ему, проклинали, но этотъ тонъ убѣжденія, какъ голосъ совѣсти, былъ непріятенъ ему... На упрекъ онъ могъ-бы отвѣтить упрекомъ, на угрозы — угрозой, на проклятіе—проклятіемъ, но на суровое убѣжденіе, точно власть имѣющаго судьи, онъ не былъ въ состояніи возразить, потому что не имѣлъ достойнаго возраженія...

„Туда-же, внутренно усмѣхнулся онъ, словно надъ самимъ собою,—туда-же судить меня приходитъ—какъ будто у самого на душѣ нѣтъ ничего; у всякаго чело-

вѣка есть что-нибудь — и въ соборѣ Св. Петра не всѣ колонны правильны... Ну, что-жъ, что и за мною *былъ* грѣхъ, но *теперь* онъ сдѣлать ничего со мною не можетъ... да, не можетъ."

И, закинувъ голову, онъ поднялъ глаза на графа.

— Я все помню, проговорилъ онъ, — ну, и что-жъ изъ этого?—чего-же вы приходите ко мнѣ. Если я дурной, по-вашему, человекъ и снова будто-бы стою на краю гибели, то и пусть, — тѣмъ лучше для васъ, и оставьте меня въ покоѣ... пусть я гибну, что-ли — а вамъ нечего было приходиться ко мнѣ — незванымъ и непрошенымъ, я васъ видѣть не желаю и говорить съ вами не хочу... и уйдите изъ моего дома, и уйдите вонъ, говорю я вамъ...

И слова и видъ Торичіоли были дерзки, но онъ хотѣлъ казаться дерзкимъ, потому что не могъ быть смѣливымъ.

Дерзостью думать онъ прикрыть свою трусость.

Обращеніе Торичіоли не произвело никакого дѣйствія однако на графа.

Ни одинъ мускулъ спокойнаго лица его не дрогнулъ, онъ бровью не шевельнулъ.

— Если-бы дѣло касалось васъ, попрежнему, ровно и тихо сказалъ онъ, — можетъ быть, я не остановилъ-бы на этотъ разъ грозившій вамъ ударъ, который вы готовите сами себѣ, но тутъ, помню васъ, замѣшаны другіе и, наконецъ, совершенно невинный молодой человекъ...

Торичіоли сразу понялъ, что его незваному гостю извѣстна исторія со спискомъ, и что объ ней-то именно онъ и говорить теперь.

„И откуда онъ это узнаетъ всегда?“ мелькнуло у него, но сознаваться, разумѣется, не было у него ни причины, ни желанія.

— Какой молодой человекъ! какіе тутъ другіе... проговорилъ въ свою очередь Торичіоли.

— Развѣ вы не знаете — у васъ въ рукахъ теперь измѣнной доставшійся вамъ списокъ; вы намѣрены донести, какъ можно скорѣе... Я вамъ скажу: вы на вѣрномъ пути, и доносъ вашъ будетъ очень важенъ, очень... вы извлечете большую пользу изъ него для себя, но только подумайте — какая участь грозитъ тѣмъ, на кого вы донесете, и тому, главнымъ образомъ, у кого вы взяли этотъ списокъ.

„А, опять подумалъ итальянецъ, — я на вѣрномъ пути, я могу извлечь себѣ большую пользу — кто же себѣ врагъ“. И дерзче прежняго онъ снова отвѣтилъ:

— Оставьте меня въ покоѣ, повторяю вамъ — никакого списка у меня нѣтъ и ничего я не знаю... и никакого молодого человека, и ничего...

— Подумайте, продолжалъ графъ, — его будутъ пытать, его возьмутъ, отвезутъ въ крѣпость, и въ то время, какъ вы будете получать деньги за свое предательство — жертву вашу вздернутъ на дыбу, и кости его захрустятъ...

— Да вамъ-то что за дѣло! крикнулъ вдругъ Торичіоли.

Сень-Жерменъ скрестилъ руки на груди и остановилъ на итальянцѣ долгій и пристальный взглядъ.

Какая-то особенная, непонятная улыбка сложилась на его губахъ.

— Джузеппе Торичіоли, проговорилъ онъ, вдругъ измѣнившимся и тоже совсѣмъ особеннымъ голосомъ, — вы хотите знать, какое мнѣ дѣло до всего этого? — хотите, я вамъ дамъ отвѣтъ...

Торичіоли, подъ этимъ взглядомъ и при звукѣ этого голоса, почувствовалъ словно дрожь во всемъ тѣлѣ, и невольно отвѣтилъ:

— Да, я хочу этого!..

— Хорошо, я отвѣчу вамъ, но только не здѣсь...

„Что онъ говоритъ такое? силится сообразить Торичіоли, — не здѣсь, а гдѣ-же тогда?“

— А гдѣ-же? произнесъ онъ вслухъ.

— Мы сядемъ сейчасъ въ мою карету, и я отвезу васъ туда, куда нужно. Мы поѣдемъ вмѣстѣ...

Итальянецъ усмѣхнулся.

— Съ какой стати, зачѣмъ... вы думаете, я такъ и дамъ въ ловушку?.. почему я знаю, куда вы меня завезете...

Лицо Сень-Жермена выразило презрѣніе.

— Неужели Джузеппе Торичіоли такой трусъ, внятно произнесъ онъ, — что боится поѣхать съ человекомъ, которому онъ, кромѣ зла, ничего не сдѣлалъ, и который до сихъ поръ за это дѣлалъ ему только добро?..

Самолюбіе итальянца было задѣто. Иногда такіе люди, какъ онъ, вдругъ способны получить отчаянную смѣлость, именно, если сумѣтъ задѣть ихъ самолюбіе.

— Я васъ не боюсь, и никого не боюсь, отвѣтилъ онъ, — но если вы готовите мнѣ ловушку, то, вѣрите, что найдутся люди, которые заступятся за меня... Вамъ сколько угодно времени, чтобъ я далъ къ ваше распоряженіе?

— Часа полтора только...

— Будьте добры тогда подождать рядомъ въ столовой, — теперь безъ четверти четыре, ровно въ четыре часа я буду къ вашимъ услугамъ.

Графъ, удовлетворенный, кивнулъ головою и вышелъ въ столовую.

(Продолженіе будетъ).

Путешествіе Ихъ Императорскихъ Высочествъ Владиміра Александровича и Маріи Павловны за границу.

На торжественныхъ празднествахъ серебряной свадьбы Итальянской королевской четы, на которыхъ съѣхались въ Римъ, какъ извѣстно уже, представители всѣхъ царствующихъ домовъ Европы, при чемъ Германскій императоръ прибылъ лично съ супругою, представительство Россіи было возложено Государемъ Императоромъ на Августѣйшаго брата Своего, Его Императорское Высочество Великаго Князя Владиміра Александровича.

Великій Князь съ Августѣйшею супругою, Великой Княгиней Маріей Павловною, изволили отбыть изъ Петербурга 4 апрѣля, и черезъ три дня, съ вечернимъ поѣздомъ, пріѣхали въ Римъ 7-го числа. Ихъ Высочества были встрѣчены отъ имени короля на вокзалѣ принцемъ Псаполитанскимъ, наслѣдникомъ итальянскаго престола, и всѣмъ составомъ русскаго посольства вмѣстѣ съ русской колоніей.

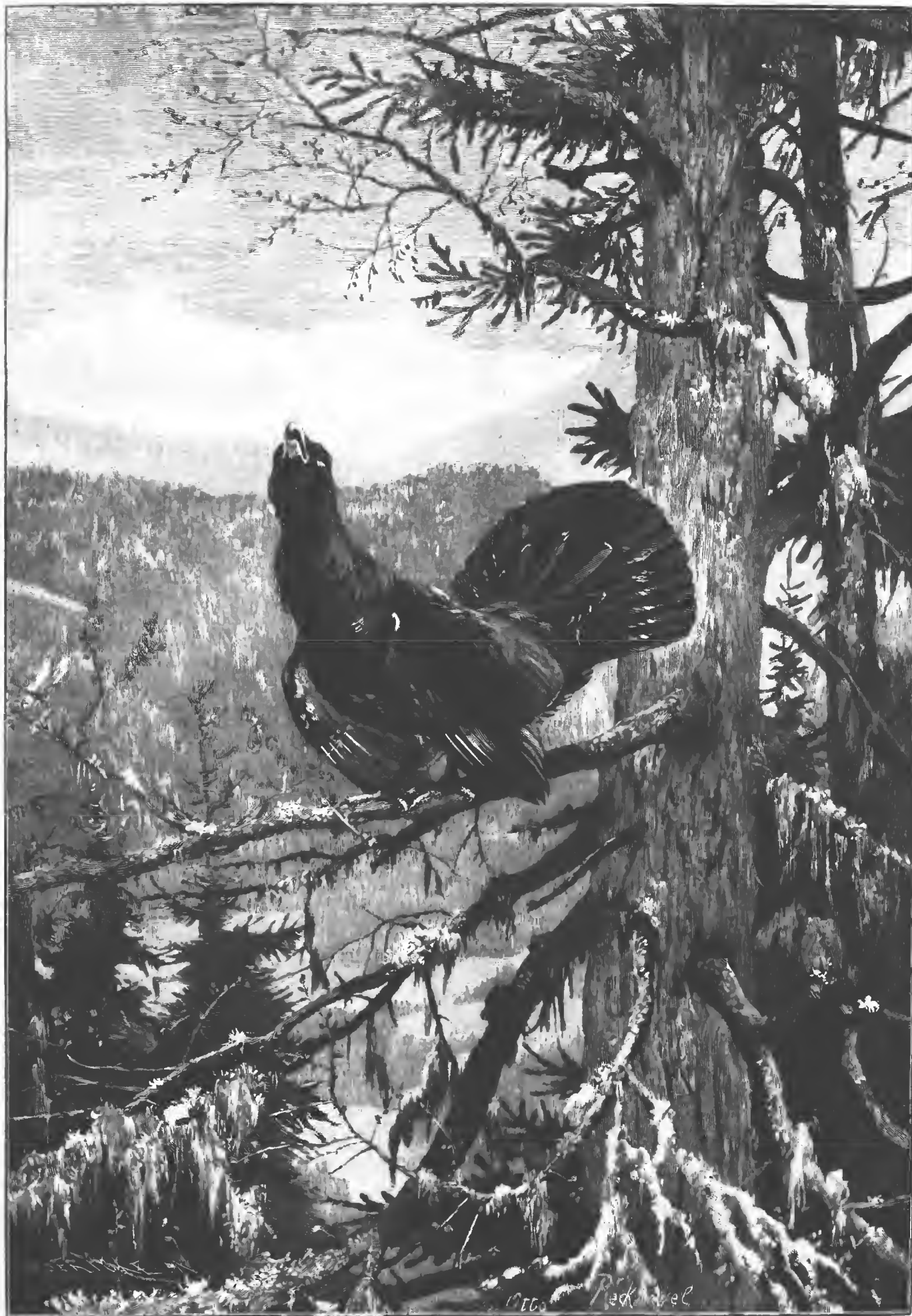
Съ вокзала Ихъ Высочества прослѣдовали въ домъ нашего посольства, гдѣ и изволили остановиться на время своего пребыванія въ Римѣ.

Празднества начались 9 (21) апрѣля, въ день годовщины основанія Рима. Утромъ былъ пріемъ короля, затѣмъ послѣ полудня въ Капанаеахъ состоялись скачки (королевскій Дерби), на которыхъ народъ, собравшійся въ количествѣ 70.000 человекъ, привѣтствовалъ появленіе своего короля и королевы

съ ихъ Августѣйшими гостями. Королевская трибуна скачекъ представляла, поистинѣ, блестящее зрѣлище; — военные мундиры всѣхъ странъ Европы, дворъ, посольства и великолѣпныя дамскіе туалеты... Императрица Августа была въ фиолетово-зеленомъ платьѣ, королева Маргарита въ свѣтло-желтомъ. Удивительно-красивый, подходящий по цвѣту къ платью королевы, нарядъ нашей Великой Княгини, но единогласному отзыву очевидцевъ, выдѣлялся изъ всѣхъ своимъ изяществомъ и вкусомъ. „Видѣли... вы видѣли русскую Великую Княгиню?“... слышалось въ толпѣ... Вообще, итальянцы очень радушно и тепло отнеслись къ намъ, и итальянскія газеты, служа вѣрными выразителями общественнаго мнѣнія, всѣ единогласно привѣтствовали прибытіе русскаго Великаго Князя и Великой Княгини.

Вечеромъ того-же дня въ театрѣ Аржентина былъ парадный спектакль, для котораго поставили новую оперу Верди „Фальстафъ“.

Собственно, официальные приемы въ Королевскомъ дворцѣ начались 10-го апрѣля. Утромъ этого дня были принесены поздравленія королевской четѣ, а на Квиринальской площади была сдѣлана привѣтственная демонстрація, въ которой участвовало до 500 ассоціацій Рима и провинцій. Затѣмъ во дворцѣ состоялся парадный обѣдъ на 220 кувертовъ По правую руку

Глухарь на току. Рис. О. Рекнагель, грав. Иерике.

отъ короля сѣдѣла императрица Германская и Великій Князь Владиміръ Александровичъ, а по лѣвую руку отъ королевѣ— эрцгерцогъ Рейнеръ и Великая Княгиня Марія Павловна. За обѣдомъ король произнесъ рѣчь, въ которой благодарилъ Августѣйшихъ гостей своихъ, и провозгласилъ тостъ за всѣхъ государей и главъ государствъ, выраженія привѣтствій которыхъ онъ получилъ.

11-го числа Германская императрица посѣтила Великую Книжницу Марію Павловну.

Въ девятomъ часу утра, 12-го числа, состоялся смотръ войскамъ на „Piazza d'Armi“ въ „Prati di Castello“. Въ парадѣ участвовало двадцать тысячъ человекъ. На всѣхъ улицахъ, ведущихъ къ мѣсту парада, стояли толпы народа, собравшагося, несмотря на покрытое тучами небо, чтобы еще разъ привѣтствовать своего короля и его гостей. Король Гумбертъ ѣхалъ рядомъ съ императоромъ Германскимъ, за ними слѣдовали остальные Высочайшія особы по четыре въ рядъ, причемъ въ первомъ ряду были: — принцъ Неаполитанскій, Великій Князь Владиміръ Александровичъ, герцогъ Рейнеръ и герцогъ Опертскій. Затѣмъ прослѣдовали въ придворныхъ экипажахъ императрица Августа, королева Маргарита, вдовствующая королева Португальская Марія, Великая Княгиня Марія Павловна и принцессы Итальянскаго королевскаго дома.

Парадъ происходилъ на площади, окруженной Тибромъ, Монте Маріо и Монте Пароди. Государи заняли мѣсто среди площади; противъ нихъ помѣстились офицеры, не находящіеся въ строю; послѣднихъ было очень много. Иѣхота проходила шагомъ, берсальеры — бѣглымъ шагомъ, а кавалерія и полевая артиллерія — галопомъ. Главнѣйшій интересъ возбуждала горная артиллерія, въ которой всѣ орудія разборныя, и возятся они на мулахъ. Парадъ прошелъ вполне блестяще.

Однимъ изъ самыхъ интересныхъ пунктовъ программы праздника былъ устроенный на другой день послѣ смотра историческій турниръ, происходившій на Вилла-Боргезе. Въ немъ принимало участіе болѣе трехсотъ всадниковъ, принадлежавшихъ къ высшимъ аристократическимъ семьямъ Италіи. Одѣты они были въ историческіе костюмы. Турниръ состоялъ изъ четырехъ отдѣленій, которыми руководили принцы

королевскаго дома: первымъ — герцогъ Аостскій, въ костюмѣ основателя Савойскаго дома, Гумберта; вторымъ — герцогъ Абрुцскій, въ костюмѣ Амедея, герцога Савойскаго, избраннаго въ Базель на папскій престолъ въ 1440 году; третьимъ — графъ Туринскій, изображавшій Виктора-Амедея II, перваго короля Сардиніи; и, наконецъ, четвертымъ — принцъ Неаполитанскій, въ великолѣпномъ бѣломъ съ золотомъ костюмѣ Амедея VI, основателя ордена Ануницяты.

Для королевской четы и высокыхъ гостей была устроена особая трибуна.

Публика (было до 20.000 человекъ) привѣтствовала Августѣйшихъ особъ, стоя, махала шляпами и оглашала воздухъ долго не смолкавшими кликами.

Турниръ кончился въ половинѣ шестого, послѣ чего Августѣйшія особы сѣли въ экипажи и направились къ Квириналу. Ѣхать пришлось шагомъ: — такъ много было народа на пути кортежа. Въ участвовавшихъ въ турнирѣ, въ томъ числѣ и принцы, слѣдовали верхами, въ костюмахъ турнира.

14-го апрѣля, императрица Германская и Великая Княгиня Марія Павловна осматривали въ Ватиканѣ музеи. Августѣйшія посѣтительницы были встрѣчены наемнымъ гофмейстеромъ, въ сопровожденіи камергера di сарра e sрада, графа Альбергетти и директора папскихъ музеевъ Висконти. Въ тотъ-же день король Гумбертъ и королева Маргарита сдѣлали визитъ Великому Князю Владиміру Александровичу и Великой Книжницѣ. На слѣдующій за тѣмъ день Ихъ Высочества посѣтили папу Льва XIII и были приняты со всѣми почестями, подобающими членамъ царствующихъ домовъ.

По окончаніи празднествъ, Ихъ Высочества посѣтили Тиволи и Субіако. Городъ Субіако былъ украшенъ флагами и муниципалитетъ встрѣтилъ Ихъ Высочества въ вокзалѣ, гдѣ собрались также прочія мѣстныя власти и воспитанники учебныхъ заведеній съ ихъ наставниками. Муниципальный хоръ музыки исполнилъ русскій народный гимнъ.

Ея Императорское Высочество Марія Павловна изволила отбыть изъ Рима въ Венецію 19-го апрѣля, а Великій Князь на другой день — 20-го.

30-го апрѣля Ихъ Высочества изволили вернуться въ Петербургъ.

Между жизнью и смертью.

Рассказъ Феликса Лилла.

Въ Англіи и въ Шотландіи съ середины прошлаго и до тридцатыхъ годовъ ишѣйшило столѣтіе существовали, такъ называемые, „воскресители“, профессиональные похитители труновъ, забравшіеся по ночамъ на кладбища, выкапывавшіе труны только-что погребенныхъ людей и продававшие ихъ за хорошую цѣну молодымъ медикамъ, анатомическое рвеніе которыхъ было непасытно, несмотря на строгія запрещенія закона. Даже когда извѣстный Вильбефоръ предложилъ въ палатѣ законопроектъ, по которому тѣла казненныхъ преступниковъ отдавались-бы въ распоряженіе медицинскихъ коллегій, парламентъ отклонилъ этотъ проектъ. При такихъ неблагоприятныхъ для науки условіяхъ и процвѣтало гнусное ремесло воскресителей. Даже самые уважаемые врачи не брезгали вступать въ сношенія съ подобными людьми, чтобы добывать необходимые для занятій труны.

Когда въ Эдинбургѣ открылось, что эти таинственные воскресители снабжаютъ трунами не только анатомовъ и студентовъ города, но и пересылаютъ ихъ учащейся молодежи въ Оксфордъ, Кембриджъ и Лондонъ, тщательнo запикновывав свои ужасныя посылки въ ящики, населеніе города приняло въ страшное волненіе. Было рѣшено охранять кладбища вооруженною стражей, такъ что воскресителямъ стало почти невозможно заниматься въ Эдинбургѣ своей опасной профессіей.

Двое изъ нихъ, самые отчаянные, Вильямъ Буркъ и Эдвардъ Гаръ, не хотѣли оставлять своего выгоднаго ремесла и пришли къ ужасной мысли: убивать прохожихъ и сбывать ихъ труны. Они стали выполнять свой звѣрскій планъ, преимущественно, на бѣдныхъ иностранцахъ, заходившихъ въ такъ называемый „Closes“, одинъ изъ тѣсныхъ и грязныхъ переулковъ стараго города. Много итальянскихъ мальчиковъ, маленькихъ уличныхъ музыкантовъ, исчезло загадочнымъ образомъ. Буркъ и Гаръ подстерегали ихъ въ темномъ переулкѣ, бросались на своихъ жертвъ, душили ихъ съ помощью смоляной маски и запрягивали въ приготовленные мѣшки.

Лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, дѣдъ мой, морякъ, побывавшій во всѣхъ моряхъ свѣта, находился въ гавани Эдинбурга, гдѣ велъ процессъ съ одною торговою фирмою. Его повѣренныи, адвокатъ Ліонель Вайтъ, былъ суровый, но чрезвычайно любезный человекъ, лѣтъ тридцати двухъ. Какъ разъ въ то время начался знаменитый процессъ Бурка и Гара, о которомъ такъ много толковали всѣ европейскія газеты, и который кончился казною убійцъ. Однажды Вайтъ сказалъ моему дѣду: „я счастливъ, что не мнѣ вышло на долю защищать этихъ безчеловѣчныхъ убійцъ, хотя Буркъ и Гаръ могли-бы смѣло указать на меня пальцами предъ судомъ и сказать:

„смотрите, судьи, если мы и душили десятки бродячихъ музыкантовъ, то вотъ стоитъ человекъ, который обманъ намъ жизнью!“ И они были-бы правы, потому что безъ нихъ я-бы умеръ самою страшною смертью, какую только можетъ вообразить себѣ фантазія человека“.

Изумленный дѣдъ мой попросилъ его объяснить свои загадочныя слова, и Вайтъ разсказалъ ему слѣдующее:

„Хоть я происхожу изъ знатной и богатой фамиліи, но родители мои, къ сожалѣнію, умерли, когда я былъ еще ребенкомъ, и все состояніе перешло въ руки старшаго брата, который вносилъ дѣлѣ мнѣ весьма незначительную часть его. Я долженъ былъ самъ пробивать себѣ дорогу, трудомъ зарабатывая хлѣбъ. Изъ всѣхъ наукъ меня привлекала болѣе всего юриспруденція, и я поѣхалъ въ Эдинбургъ, чтобы записаться въ число студентовъ юридическаго факультета. Это было лѣтъ десять тому назадъ.“

„Я былъ молодъ и искалъ наслажденій жизни. Не мудрено, что все свободное время я проводилъ въ обществѣ. Здѣсь на одномъ балу я влюбился въ Юдию Маклеанъ, дочь одной богатой вдовы. Она благосклонно принимала мои ухаживанія, и никто не сомнѣвался, что она скоро будетъ моею женою. Однако случилось иѣчто другое.“

„Со мной пріѣхалъ въ Эдинбургъ товарищъ моего дѣтства Томасъ Парри, избравшій медицинскій факультетъ. Онъ явился моимъ соперникомъ въ любви и былъ еще счастливѣе меня. Правда, счастье свое онъ пріобрѣлъ измѣной. Я получилъ отказъ въ вѣжливой формѣ. Помолвка ихъ была обрѣзана.“

„Отчаяніе овладѣло мною. Сильныя потрясенія и глубокая печаль вызвали у меня первую болѣзнь, которая въ концѣ концовъ сказала въ асфиксію или летаргическомъ снѣ. Въ этихъ случаяхъ прекращается вся жизненная дѣятельность, нульсъ перестаетъ биться, утрачивается всякая возможность произвольныхъ движеній, дыханіе становится незамѣтнымъ, пропадаетъ теплота тѣла, и взлѣтъ ея приходитъ полное холодное оцѣпенѣніе, какъ у мертвыхъ. Заснувшій летаргическимъ сномъ ничѣмъ не отдѣляется отъ умершаго.“

„Это случилось и со мной. Я лежалъ недвижный, утративъ способность говорить и чувствовать; въ моемъ распоряженіи, точно въ насѣнку или для усиленія страданій, оставались зрѣніе и слухъ. Глаза были полуоткрыты, и я могъ различать, было-ли темно или свѣтло, ночь или день. Точно также я слышалъ все, что происходило и что говорилось вокругъ меня, но не могъ ничего сказать, не могъ даже показать, что я живъ, и это усиливало весь ужасъ моего положенія.“

„Я слышалъ, какъ врачъ произнесъ роковыя для меня слова: „все кончено!““

— Надо извѣстить его знакомыхъ, сказала моя квартирная хозяйка. — Бѣдный молодой человекъ! Кто могъ ожидать это? Я уже написала брату его, и онъ скоро пріѣдетъ.

Послѣ этого разговора въ комнатѣ воцарилась тишина и стало мало-по-малу темнѣть. А я все лежалъ, покинутый всѣми, на своемъ печальномъ ложѣ. Въ комнату вдругъ внесли свѣчи, и я услышалъ прерывающійся плачъ брата.

Онъ наклонился ко мнѣ и вѣжно приподнял волосы, упавшіе мнѣ на лобъ. Затѣмъ я слышалъ, какъ онъ тихо разговаривалъ съ хозяйкою и давалъ распоряженія относительно похоронъ. Затѣмъ они вышли изъ комнаты, и я вновь остался одинъ, въ безпомощномъ, безсознательномъ положеніи.

Прошли еще день и еще ночь. Утромъ гробовщики принесли гробъ. Меня одѣли въ траурное платье и положили. Братъ мой самъ помѣстилъ мою голову на нарчевой подушкѣ. Я лежалъ въ гробу довольно долго. У изголовья горѣли подсвѣчники.

Приходило много моихъ друзей и знакомыхъ. Я слышалъ ихъ тихій шопотъ, почти всѣ отзывались обо мнѣ въ теплыхъ и задушевныхъ словахъ. Всѣ жалѣли меня. Только одинъ Томасъ Парри не явился. Но крайней мѣрѣ, я не слышалъ его голоса.

Во время этихъ похоронъ, кто-то замѣтилъ, что въ комнатѣ уже слышенъ трупный запахъ. До такой степени развита у людей сила воображенія! Окна, завѣшанныя бѣлыми льняными покрывалами, кадились ароматъ, запахъ деревяннаго гроба и, наконецъ, видъ миннаго труна—все это могло легко ввести въ заблужденіе и подѣйствовать на воображеніе.

Наступило время торжественнаго выноса. На гробъ положили крышку, и я слышалъ, какъ ее привинчивали. У воротъ съ шумомъ остановился катафалкъ. Гробъ вынесли и поставили. Затѣмъ похоронное шествіе медленно тронулось въ путь. Это было ровно въ 4 часа дня, но дорогѣ я слышалъ, какъ пробили часы на колокольшѣ церкви Св. Эгидіи. До меня смутно доносился говоръ провожавшихъ меня людей.

Черезъ четверть часа шествіе прибыло на кладбище. Вѣтъ холодный осенній вѣтеръ, шумѣвшій въ полувзрослыхъ листьяхъ столѣтнихъ вѣстовъ и печальныхъ березъ. Гробъ сняли съ катафалка, и носильщики стали медленно опускать его въ могилу на длинныхъ веревкахъ.

Затѣмъ говорились надгробныя рѣчи, изъ которыхъ я не слышалъ ни слова. Съ глухимъ шумомъ упали на крышку гроба первые три лопаты земли. За ними поспѣвало еще нѣсколько. Ихъ, очевидно, кидали желавшіе отдать мнѣ послѣдній долгъ. Затѣмъ земля уже посыпалась дождемъ, и скоро все утихло. Вокругъ меня царилъ непроницаемый мракъ. И я лежалъ, засыпанный землею, въ ненавистномъ гробѣ!

По моему расчету, я пролежалъ такъ около шести часовъ, именно съ 5 часовъ дня до 11 ночи. Не знаю, какимъ образомъ, но въ гробъ, вѣроятно, прониклъ какъ-нибудь воздухъ, иначе я бы задохнулся. Вѣроятно, мое соеогніе было подобно состоянію факировъ, которые велятъ зарывать себя въ землю на извѣстный срокъ, и по истеченіи его встаютъ изъ гроба, какъ ни въ чемъ не бывало.

По истеченіи упомянутого промежутка времени, я услышалъ легкій порошокъ. Мнѣ казалось, будто выкапываютъ изъ могилы землю. До меня скоро донеслись тихіе, подавленные голоса двухъ людей.

— Проворѣй, Недъ! сказалъ одинъ. — Чортъ возьми этихъ студентовъ, трутъ нуженъ имъ къ двѣнадцати часамъ.

— Стараясь и такъ во всю... отвѣчалъ другой. — Ну, и пока-же сегодня, закрой ее наугадъ! Дождь льетъ какъ изъ ведра. Вѣтеръ... Куда дѣвалась моя фляжка съ ромомъ, не мѣшало бы подкрѣпитъ.

— Они вновь принялись за работу.

Я догадался, что это были воскресители, желавшіе похитить мой трутъ. Чѣмъ же это должно было кончиться? Повойли жизнью или ужасною смертью подѣ анатомическимъ ножомъ? Къ счастью, въ моемъ тогдашнемъ положеніи я не испытывалъ ни страха, ни ужаса, ни страданій, ни надежды, ни даже любовнства.

Воскресители отвинтили крышку гроба и осторожно ее приподняли. Я замѣтилъ свѣтъ фонаря, вѣроятно, нотаго. Дождь хлесталъ въ открытый гробъ на меня и на обоихъ разбойниковъ.

— Эге, да онъ ловко сохранился! проворчалъ одинъ изъ нихъ. — Я лучше закопаю его назадъ, если намъ не дадутъ за него пятнадцати фунтовъ!..

— А ты сторговался на пятнадцать? спросилъ другой.

— Да, только на слѣдующіе раза будемъ брать подороже, трудно жить стало намъ, вотъ что, братецъ!

Они вынули меня изъ гроба и сузили въ большой мѣшокъ. Одинъ вновь заколотилъ гробъ, и они принялись поспѣшно засыпать могилу.

— Ну, сказалъ довольнымъ голосомъ одинъ изъ нихъ, непогода отлично докончить наше дѣло, и эти еобакн-сторожа ничего не увидятъ. А тамъ пускай шарятъ монументы надъ пустымъ мѣстомъ.

Онъ взвалилъ мѣшокъ на плечи и вынесъ его за ограду,

гдѣ стояла ручная телѣжка, на которую они бросили мѣшокъ и повезли по улицамъ города.

Телѣжка остановилась. Кто-то изъ воскресителей вновь взялъ мѣшокъ на плечи, и мнѣ казалось, что они идутъ по пустому сводчатому коридору, такъ глупо раздавались ихъ шаги. Они остановились у двери и постучались въ нее, положивъ мѣшокъ на-земь.

— А, наконецъ-то, Буркъ и Гаръ! Войдите! раздался знакомый мнѣ голосъ. Я узналъ голосъ Томаса Парри.

— Не опоздали ни капельки, заявили Буркъ. — Вотъ, какъ разъ бьетъ двѣнадцать. Деньги готовы у васъ?

— Послышался звонъ монетъ.

Мѣшокъ втащили въ комнату. Воскресители исчезли. Мой мнимый трутъ извелили изъ мѣшка и положили на столъ.

— Ба! услышалъ я чей-то удивленный голосъ. — Да, вѣдь, это Лйонель Вайтъ, нашъ общій другъ!

— Дѣйствительно! воскликнулъ другой. — Пеностижимо! Я только сегодня провожалъ его на кладбище.

— Эти негодни лучше-бы сдѣлали, если-бы доставили намъ другой трутъ! сказалъ третій.

— Что-же дѣлать?

— Пренеприятная исторія!

— Надо снова предать землѣ тѣло нашего друга! предложилъ кто-то.

— Но это не мыслимо! вырвалось у многихъ.

— Что толковать! нетерпѣливо прокричалъ Томасъ Парри. — Не даромъ-же бросать деньги. Мы купили его тѣло, и если-бы онъ былъ живъ, то самъ согласился-бы съ этимъ, въ качествѣ юриста. Да и кто узнаетъ, что Вайтъ прямо изъ могилы попалъ подѣ анатомическій ножъ?

— Послушай, Томасъ! послышался чей-то голосъ. — Подумаи-ка, что если послѣ твоей смерти и съ тобою выкинутъ такую штуку, а?

— Это меня не касается, холодно отвѣчалъ тотъ. — Пока я живъ—ладно, а умру, такъ будетъ все равно, что со мной ни дѣлай; что терять время въ пустыхъ разговорахъ!

— Ну, если ты настаиваешь...

— За работу, господа, за работу!

Студенты окружили меня со всѣхъ сторонъ.

— Давайте-ка, гальванизирuemъ трутъ! предложилъ одинъ молодой студентъ. — До сихъ поръ мнѣ приходилось дѣлать опыты только съдохлыми лягушками. А право интересно-бы прослѣдить вліяніе гальваническаго тока на человеческій трутъ.

— Попробуемъ! раздалось со всѣхъ сторонъ.

Принесли аппаратъ и привели его въ дѣйствіе, пустивъ въ меня гальваническій токъ.

Случилось то, чего я никакъ не могъ ожидать. Когда токъ проникъ въ мое тѣло, я почувствовалъ, какъ пробуждаются во мнѣ постепенныя жизненныя силы. Мускулы сократились, и я открылъ глаза.

Теперь я увидалъ себя въ маленькой затѣ, ярко освѣщенной двумя лампами и наполненной молодыми людьми, студентами и врачами.

— Что, каково! съ одушевленіемъ воскликнулъ юноша, предожившій опытъ. — Видите! Опытъ удался на рѣдкость!

— Ну, это обыкновенныя явленія, замѣтилъ другой.

— Безъ всякаго затрудненія я приподнялся на столъ.

— Это удивительно! воскликнулъ третій студентъ. — Я ничего не видѣлъ подобнаго и думаю, что даже и Вольтъ, и Гальвани пришли-бы въ изумленіе при этомъ зрѣлищѣ.

— Да это проретъ сама жизни! съ отѣшномъ испуга прошепталъ кто-то.

— Глупости! перебилъ Томасъ Парри. — Лйонель Вайтъ мертвъ, я увѣренъ въ томъ, какъ въ своей собственной жизни! Онъ приблизился ко мнѣ съ анатомическимъ ножомъ въ рукѣ. Тогда я поднялъ правую руку и ударилъ его по лицу, неостово закричавъ: «прочь, негодяй!»

Охваченный ужасомъ, онъ отскочилъ назадъ. Ко мнѣ-же вновь возвратились и жизненная сила, и движенія, и языкъ. Я былъ спасенъ!

Молодые люди стояли въ страшномъ волненіи. Я долженъ сказать, что всѣ эти юноши, жаждавшіе серьезныхъ занятій наукой, первые услышали этотъ мой рассказъ. Они заботились обо мнѣ, проявляя самую искреннюю дружбу.

Вернувшись чудеснымъ образомъ къ жизни, я выздоровѣлъ не сразу. Я болѣлъ горячкой и долгое время пролежалъ въ постели. Этотъ случай навсегда разстроилъ мое здоровье...

— Что-же случилось съ Юдьею Маклеанъ и Томасомъ Парри? спросилъ мой дѣдъ.

— Они обвѣчались, когда Парри окончилъ курсъ. Ему дали мѣсто госпитальнаго врача въ Индіи. Но корабль не достигъ береговъ ея. Онъ потерялъ крушеніе въ Бенгальскомъ заливѣ, при чемъ погибли всѣ пассажиры, а въ ихъ числѣ и Парри съ молодой женой. Къ счастью, латаргическій сонъ не повліялъ на мои умственные способности, такъ что я могу заниматься своимъ излюбленнымъ дѣломъ.

И мистеръ Вайтъ доказалъ это, выигравъ дѣду его процессъ съ торговой фирмой.

Литерат. альбомъ. „Цейксъ и Гальціона“, В. Жуковскаго. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Волкова, автогипс Ангерера.

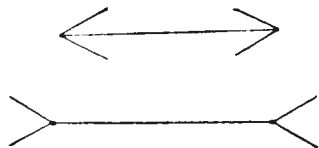

Марія Хлопова, невіста царя Михаила Теодоровича, обвиненная въ черной немочи.
Съ карт. Н. В. Неврева, грав. Хемпінгій.

Оптический обманъ.

Очеркъ.

Если провести двѣ совершенно равныя линіи въ некоторомъ разстояніи одну отъ другой, и на концѣ каждой изъ нихъ помѣстить по углу, обращенному отверстиями въ противоположныя стороны, какъ показано на чертежѣ (фиг. 1), то прямыя перестанутъ казаться равными, хотя длина ихъ не измѣнилась. Та изъ прямыхъ, на которой отверстия угловъ обращены внутрь, будетъ казаться значительно короче той, у которой углы обращены наружу.

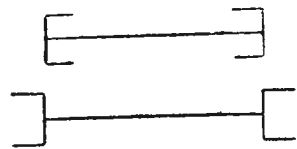
Фиг. 1.

Впервые обратилъ вниманіе на это явленіе Францъ Brentano, вѣнскій ученый. Въ журналь *Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane* онъ дѣлаетъ сводку всѣмъ объясненіямъ явленія. Такъ, предполагали, что въ первомъ случаѣ углы производятъ впечатлѣніе сжатія, а во второмъ — растяженія данныхъ прямыхъ.

На это г. Brentano возражаетъ вполне основательно, что, если растягивать или сжимать что-нибудь, дѣйствительно, получающееся растяженію, оно будетъ казаться длиннѣе или короче, но если производить опытъ надъ чѣмъ-нибудь нерастяжимымъ, то сколько ни стараться, иллюзія никакой не получится.

Къ тому-же, если вмѣсто угловъ поставить дуги — иллюзія сохранится всецѣло.

Другое объясненіе, по словамъ г. Brentano, заключалось въ томъ, что прибавка угловъ къ концамъ прямыхъ лишаетъ эти концы ихъ опредѣленности, такъ какъ въ одномъ случаѣ глазъ останавливается, не доходя до концовъ этихъ прямыхъ, въ другомъ — выходитъ за ихъ предѣлы.

Фиг. 2.

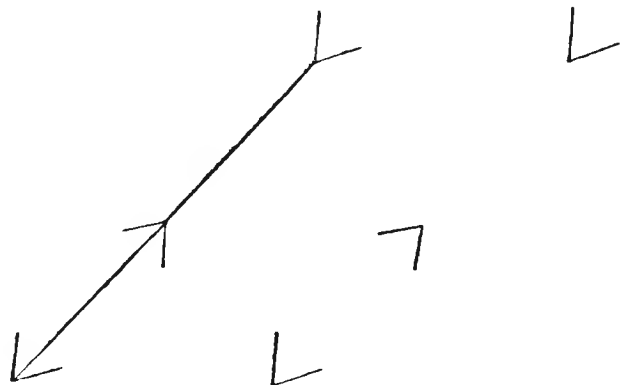
Но г. Brentano отвергаетъ и это объясненіе, доказывая, что иллюзія несколько не измѣнится, если прямые будутъ устроены вовсе и замѣнены пустыми промежутками (фиг. 3).

Третье объясненіе состоитъ въ томъ, что глазъ притягивается при помощи угловъ къ срединѣ первой прямой и къ наружнымъ концамъ второй, и потому одна кажется ему меньше, другая — больше.

Г. Brentano не соглашается, однако, и съ этимъ объясненіемъ, доказывая, что если замѣнить данные острые углы тремя линіями, расположенными подъ прямыми углами, иллюзія исчезаетъ совершенно, или, по крайней мѣрѣ, значительно ослабляется (фиг. 2).

Въ концѣ концовъ, г. Brentano предлагаетъ свое собственное объясненіе рассматриваемому оптическому обману. Явленіе это объясняется хорошо извѣстнымъ закономъ, по которому мы склонны, при сравненіи острыхъ и тупыхъ угловъ, преувеличивать величину первыхъ и уменьшать величину вторыхъ.

Чтобы доказать примѣнимость въ данномъ случаѣ названнаго закона, г. Brentano измѣняетъ нѣсколько примѣръ и дѣлаетъ его еще болѣе нагляднымъ, нанеся углы на одну и ту же наклонную прямую, или даже, не проводя прямой, просто, на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другого (фиг. 3).

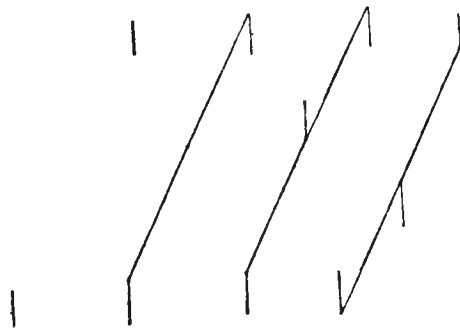
Фиг. 3.

Онъ указываетъ далѣе, что иллюзія сохраняется, хотя въ болѣе слабой степени, если отнять въ каждомъ изъ угловъ по одной сторонѣ (фиг. 4).

Г. Brentano полагаетъ, что такимъ образомъ онъ нашелъ причину иллюзіи; онъ видитъ ее въ прибавленіи наклонной черточки къ какой-нибудь линіи, будетъ-ли она изображена въ видѣ прямой, или въ видѣ обозначающихъ ея направление

двухъ точекъ. Эта наклонная черточка сбиваетъ насъ въ нашемъ сужденіи о положеніи одной изъ точекъ, потому что мы не въ состояніи правильно опредѣлить острый уголъ, образуемый линіей, мысленно проведенной между двумя точками и наклонной черточкой.

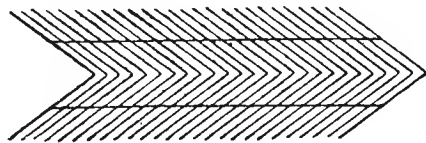
Эго же самое мы видимъ и въ такъ-называемой псевдоскопинѣ Вельера (фиг. 5). Тутъ двѣ параллельныя линіи, пересѣченныя слочкой расположенныхъ послѣдовательно угловъ, кажутся расходящимися въ сторону вершинъ этихъ угловъ. Впечатлѣніе, дѣйствительно, поразительное, и фигура показываетъ его очень наглядно. Только смѣривъ циркулемъ разстоянія между конечными точками линій убѣдишься, что разстоянія эти одинаковы, и линіи, дѣйствительно, параллельны. На томъ-же основаніи получается и слѣдующій обманъ: глазъ нашъ не можетъ уловить правильнаго продолженія прерванной

Фиг. 4.

двумя параллельными линіями слѣдующей. Такъ, на фиг. 6, продолженіемъ слѣдующей *abc* кажется не *bc*, какъ это есть на самомъ дѣлѣ, но *de*; и тоже, только приложивъ линейку, можно убѣдиться въ ошибкѣ.

Извѣстный обманъ зрѣнія, представляемый стрѣльчатымъ сводомъ, перерѣзаннымъ колонной, есть не что иное, какъ поразительное видоизмѣненіе того же явленія. Мы видимъ это на фиг. 7, гдѣ стрѣльчатый сводъ замѣненъ двумя парами наклонныхъ параллельныхъ линій. Трудно представить себѣ, чтобы эти пары могли при продолженіи встрѣтиться и сойтись на лѣвой изъ вертикальныхъ линій. Чѣмъ больше разстояніе между параллельными вертикальными, тѣмъ разннца замѣтнѣе, въ чемъ не трудно убѣдиться на опытѣ.

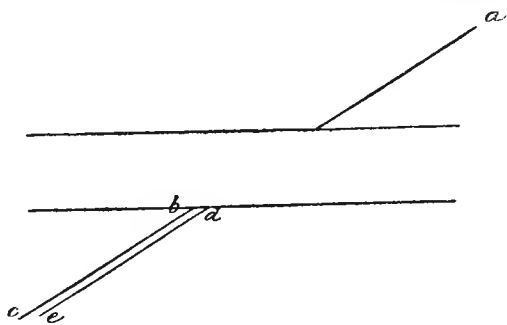

Фиг. 5.

Вотъ, въ краткихъ словахъ, всѣ суть статьи г. Brentano, обратившей на себя вниманіе очень многихъ заинтересовавшихся этимъ вопросомъ. Извѣстный французскій ученый Дальбефъ не согласенъ съ мнѣніемъ Brentano и склоненъ скорѣе къ объясненію, аналогичному съ тѣмъ, которое тотъ приводитъ третьимъ въ своемъ опроверженіи. „Это объясненіе сразу пришло намъ въ голову, говоритъ г. Дальбефъ, при первомъ нашемъ знакомствѣ съ рассматриваемой задачей“.

Въ одной изъ замѣтокъ, написанной Дальбефомъ болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, онъ пытался объяснить обманъ, въ который мы впадаемъ при опредѣленіи какой-либо величины, — тѣмъ притяженіемъ, какое оказываютъ на нашъ глазъ линіи, проведенныя на ровной поверхности. Онъ доказывалъ тогда, что посредствомъ прибавленія вспомогательныхъ круговъ, внутреннихъ или внешнихъ, къ двумъ окружностямъ, можно достигнуть того, что онѣ будутъ казаться равными даже въ томъ случаѣ, когда разннца въ ихъ диаметрахъ достигаетъ четверти диаметра меньшей окружности (фиг. 8). Наружный кругъ праваго чертежа равенъ внутреннему кругу лѣваго, хотя кажется меньше. Эго происходитъ оттого, что глазъ, измѣряя диаметръ окружности, какъ бы задерживается на своемъ пути внутреннимъ маленькимъ кругомъ; въ другомъ же случаѣ, измѣряя диаметръ, онъ какъ бы выходитъ за его предѣлы, привлекаясь внешней окружностью. Надо, впрочемъ, замѣтить, что явленіе уменьшенія менѣе замѣтно, нежели явленіе увеличенія, потому что внутренний кругъ, останавливая глазъ на его пути, заставляетъ его считать разстояніе длиннѣе, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности, и, такимъ образомъ, противодѣйствуетъ противоположной иллюзіи, которая заставляетъ глазъ считать разстояніе меньшимъ.

Дальбефъ находитъ, что обманъ зрѣнія, составляющій предметъ настоящей статьи, не имѣетъ никакого другого основанія, кромѣ указаннаго относительно круговъ. Обманъ этотъ обязанъ своимъ существованіемъ тому притяженію, которое

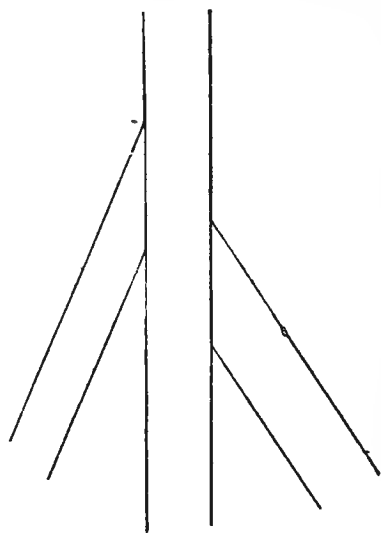
Фиг. 6.

оказываютъ на глазъ фигуры, —какой бы то ни было формы, —расположенныя по концамъ тѣхъ протяженій, которыя глазъ долженъ измѣрять.

Это доказывается до очевидности серіей нижеслѣдующихъ фигуръ:

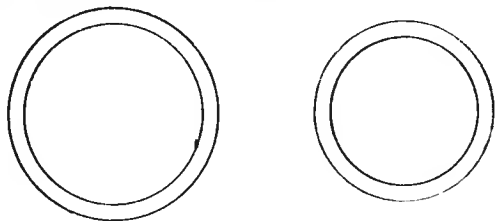
Фиг. 9, прежде всего, показываетъ намъ, что острый уголъ дѣйствуетъ сильнѣе тупого, такъ какъ съ большей силой притягиваетъ глазъ. Дѣйствительно, намъ кажется, что разница въ кажущемся различіи въ величинѣ линій куда значительнѣе при острыхъ углахъ, чѣмъ при тупыхъ.

Тѣмъ же путемъ, т. е. степенью большаго или меньшаго притяженія, или направленія впечатлѣнія нашего въ ширь или въ узину, если можно такъ выразиться, объясняются и обманы

Фиг. 7.

остается во всей своей силѣ, если прибѣгнуть не къ одиному лишь черточкамъ, но и къ другимъ способамъ искусственна-

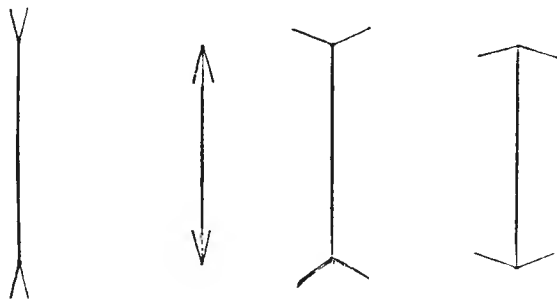

Фиг. 8.

го вызова большаго или меньшаго притяженія, о которомъ говоритъ Дальбефъ. Такъ, на фигурѣ 11, поразительное впечатлѣ-

тлѣніе обмана получается помощью круговъ, на фиг. 12 — помощью параллельныхъ. Чертежи фиг. 13 представляютъ видоизмѣненія тѣхъ-же фигуръ.

На этихъ послѣднихъ чертежахъ эффектъ, по мнѣнію Дальбефа, выступаетъ съ наибольшей силой, потому что здѣсь наша воля, заставляющая глазъ измѣрять и сравнивать большее разстояніе между двумя кругами съ правой стороны, и мень-

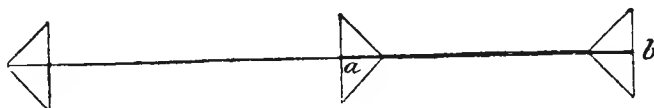

Фиг. 9.

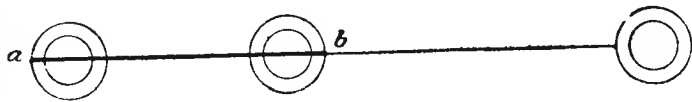
шее—между двумя кругами съ лѣвой—не можетъ заставить его себя повиноваться.

Такова гипотеза, которую Дальбефъ предлагаетъ замѣнить гипотезу г. Брентано.

Если она справедлива, то изъ этого слѣдуетъ, что глазъ не

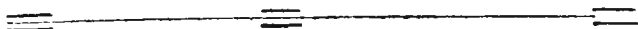

Фиг. 10.

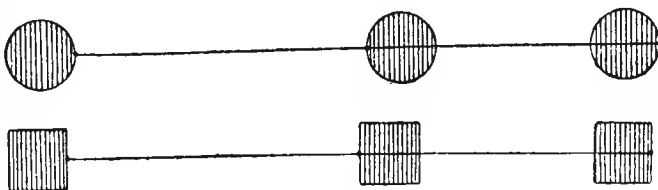
Фиг. 11.

можетъ составить себѣ отчетливаго представленія даже о простѣйшемъ изъ многоугольниковъ, какъ напр., о треугольнике, за исключеніемъ самыхъ правильныхъ формъ. Помню того, что глазъ, склоненъ искажать углы, онъ не можетъ су-

Фиг. 12.

дить правильно о положеніи вершинъ, такъ какъ каждая изъ нихъ въ различной мѣрѣ притягивается двумя остальными.

Фиг. 13.

Трудно, однако, сказать съ увѣренностью, что эта теорія можетъ имѣть обширное практическое примѣненіе. Впрочемъ, можетъ быть, прекрасныя придворныя дамы временъ Людовика XV умѣли инстинктивно примѣнять ее къ дѣлу, наклепывая мушки, чтобы придать характерность фizioноміи или замаскировать неправильности лица. Во всякомъ случаѣ, рѣшеніе этой маленькой задачи можетъ послужить нѣкоторымъ вкладомъ въ наши знанія, и выяснитъ хотя отчасти причины нашихъ ложныхъ представленій о протяженіяхъ.

Письма съ Колумбійской Всемірной выставки.

I. Чикаго, 4 мая.

Несмотря на то, что вотъ уже четыре дня, какъ выставка открыта, что ее посѣщаютъ тысячи народу, многіе отдѣлы ея, въ томъ числѣ и нашъ, русскій, далеко еще не готовы. Судя по ходу работъ, можно однако смѣло падѣяться, что черезъ мѣсяцъ вся выставка будетъ уже въ полномъ блескѣ. Экспонаты съ каждымъ днемъ прибываютъ, одинъ за другимъ.

Въ числѣ экспонатовъ, уже находящихся на выставкѣ, такъ много замѣчательнаго, что сразу даже не знаешь, съ чего начать?

Первое, что привлекаетъ взоры посѣтителя, это громадныя размѣры зданія и великолѣпныя гигантскія статуи. Первенствующее мѣсто въ глазахъ американца, поистинно, занимаетъ колоссальная бронзовая статуя Христофора Колумба. Но замѣчательнѣе ея, въ смелѣи древности проношенія, его портретъ, написанный испанскимъ художникомъ Моро и помещенный въ испанскомъ отдѣлѣ выставки. Написанъ онъ въ 1547 году и принадлежитъ монастырю Ла-Бреда (La Breda). Несмотря на то, что краски его потускнѣли, въ одномъ углу

картины можно еще различить подписи „Ch. Columbo“ и внизу, въ лѣвомъ углу, подпись художника: „Moro“. Перебѣ тѣмъ, какъ przeprowadить портретъ въ отдѣлѣ, эксперты выставочной комиссіи, разсматривая его въ лупу, замѣтили на козырь (на рукѣ Колумба) изображеніе цѣлаго герба, который и есть родовой гербъ Колумба; благодаря прекраснымъ увеличительнымъ аппаратамъ, удалось различить даже фигуры на гербѣ.

Для того, чтобы слить воедино нѣсколько памятниконъ старинны, чѣмъ бы то ни было связанныхъ съ историческими событиями „страны Колумба“, американцы поручили м-ру Менелли въ Нью-Йоркѣ сдѣлать огромныхъ размѣровъ колоколы; матеріаломъ ему служили всевозможныхъ видовъ, величинъ и достоинствъ золотые, серебряные и мѣдные предметы: монеты, поппа, вазы и т. п. Когда „Колумбовъ колоколъ“ былъ готовъ, его торжественно проводили изъ Нью-Йорка и торжественно встрѣчали въ каждомъ городѣ и городишкѣ, по дорогѣ его на выставку.

Грандиозна также статуя „Франціи“, изображенной въ видѣ женской фигуры въ сидячемъ положеніи. На ней падѣтъ панцырь; правая рука поднята къ пелу, а лѣвая покоится на столѣ. Широкий кушакъ (шарфъ) обвивъ вокругъ талии, и концы его завязаны узломъ на боку. Голова статуи стройна и красива, а надъ простой прической „Франціи“, въ видѣ діадемы, высится три символическія изображенія: Свободы, Равенства и Братства („Liberté, Egalité, Fraternité“). Самая статуя, безъ пьедестала, имѣетъ 1½ сажени въ вышину: пьедесталъ-же, въ 2 саж. вышины, украшенъ различными изображеніями изъ исторіи Французской революціи.

Въ нѣмецкомъ отдѣлѣ вниманіе американцевъ особенно привлекаетъ „Страннилице“, какъ они называютъ гигантское орудіе Круппа. Оно вѣситъ 24 тонны, а снарядъ его—1,600 ф. Длина = 35 калибровъ, а калибръ = 14 дюймамъ.

Изъ всѣхъ экспонатовъ по желѣзнодорожному дѣлу, безспорно, пальма первенства принадлежитъ Англіи, выставившей полный образцовый поѣздъ Лондонско-Сѣверозападной желѣзной дороги. Одного взгляда на него достаточно, чтобы признать его превосходство: колеса локомотива имѣютъ 7 футовъ въ діаметрѣ, а конструкция вагоновъ очень легка и удобна.

Сами американцы выставляютъ знаменитое изобрѣтеніе Симса и Эдисона, „торпедо-рыбу“, надъ которымъ производились опыты въ Виллетъ-Пойнтѣ (Willet-Point), въ Нью-Йоркѣ. „Торпедо-рыба“ имѣетъ въ вышину 4 саж., въ діаметрѣ—5 фут., въ центрѣ, и снабжена стальными острыми, прибавляющими еще въ длину по 1 фут. съ обѣихъ концовъ. Это подводное орудіе раздѣлено внутри на 4 отдѣленія. Въ первомъ помѣщается взрывчатый составъ и трубка; во второмъ—свертокъ каната, длиною въ 4 версты, который отматывается, по мѣрѣ удаленія „торпедо-рыбы“ отъ берега; въ третьемъ—динамическій аппаратъ, приводящій орудіе въ движеніе, и, наконецъ, въ четвертомъ—рулевой аппаратъ.

Много любопытнаго представитъ недѣли черезъ двѣ, для любителей астрономическихъ наблюденій, телескопъ Теркеа („Yerkes Telescope“); пока еще только идутъ работы по его установкѣ и по устройству обсерваторіи. По величинѣ своей, она не уступитъ и другимъ гигантскимъ сооружеціямъ. Такъ, напримѣръ, желѣзная колонна—подставка телескопа, имѣетъ 40 фут. въ вышину. Длиннѣйшій изъ спектроскоповъ будетъ въ 9 фут. длины, что составитъ общую длину инструмента въ 73 фут., т. е. почти 10½ сажени. Способъ управленія телескопомъ совершенная новость: всѣ перемѣны въ положеніи всего телескопа или только извѣстной части его будутъ производиться съ помощью электричества. Обсерваторія будетъ состоять изъ большой комнаты—10 саж. въ діаметрѣ; полъ ея съ помощью гидравлическаго приспособленія будетъ произвольно опускаться или подниматься на прострѣнствѣ 3-хъ саж. въ вышину. Куполъ надъ телескопомъ будетъ стальной, въ 12 саж. въ діаметрѣ, и, силою электричества, будетъ вращаться въ какомъ угодно направленіи. Съ одной стороны въ куполѣ будетъ отверстіе въ 2 саж. ширины, которое будетъ закрываться или открываться съ помощью электричества.

Этотъ экспонатъ, не посѣтившій къ открытію выставки, примѣръ далеко не единичный. Цѣлы, повторяемъ, ни одного отдѣла, гдѣ бы работы были вполнѣ закончены. И, несмотря на это, несмотря на пестрый хаосъ, царившій тогда въ Джэксонъ-Паркѣ, публика, еще за нѣсколько недѣль до открытія, осаждала выставку. Доступъ на нее былъ разуръшенъ за скромную сравнительно плату, и народъ толпами загромождалъ вагоны желѣзныхъ дорогъ и паровыхъ или конныхъ cable-car'овъ, Вопреки ожиданіямъ, цѣна за проѣздъ, на выставку, вполнѣ умѣренная. Такъ, напримѣръ, доѣхать изъ города Чикаго на выставку въ вагонѣ желѣзной дороги,—обыкновенной или „воздушной“,—стоитъ 10—15 центовъ, т. е. 20—30 коп., а на конкѣ—5 цент., т. е. 10 к. Зато пзвозчиковъ здѣсь почти вовсе нѣбываетъ. Они очень грубы и запрашиваютъ за конецъ въ версту до 10 рублей. Положимъ, есть возможность нѣсколько ухитрить ихъ пль къ наживѣ, это доѣхать до полисмена и спросить его, что слѣдуетъ заплатить за такой-то конецъ? Но не всякому пріятно дѣйствовать такимъ образомъ, и потому большинство предпочитаетъ конки или желѣзныя дороги.

Вообще, многое, на взглядъ европейца,—и особенно русскаго,—странно въ этой странѣ эксцентричностей. Странно, что надъ головой пѣшеходовъ катитъ цѣлый поѣздъ, будто висящій въ воздухѣ, и катитъ со скоростью 80 верстъ въ часъ; что дома здѣсь пепомѣрной вышины и насчитываютъ до 20 этажей, изъ которыхъ 3—4 расположены подъ землею; что кладовыя, пшвыны и другіе склады помѣщаются на крышахъ домовъ; что лѣстницы въ домахъ вовсе нѣтъ, а не переставая движется снизу вверхъ и сверху внизъ подѣмная машина... Но это еще лишь тысячная доля тѣхъ мелочей американской жизни, которые удивительны для европейца. Образцомъ, примѣромъ, взаимныхъ отношеній прислугъ и хозяевъ въ странѣ свободныхъ янки можетъ служить самое слово, служащее здѣсь для обозначенія понятія: „прислуга“. „Человѣкъ“ или „дѣвушка“ здѣсь замѣняются общепотребительнымъ словомъ: „help“, т. е. помощникъ, помощница (въ буквальномъ переводѣ, „help“—помощь). Вѣдь, не деликатно же называть своихъ согражданъ „слугами“? Здѣсь всѣ равны. По вотъ что наиболѣе поражаетъ насъ въ отношеніи самыхъ пустыхъ, будничныхъ потребностей,—это ихъ дороговизна. Мы привыкли, у себя дома, часто мѣнять бѣлье, въ Америкѣ же это оказывается затруднительнымъ: стирка крахмальной рубашки стоитъ 1 долл., т. е. на наши деньги 2 руб. сер.!

Такъ много было шума въ Европѣ (да и въ Америкѣ также) о предстоящей дороговизнѣ во время выставки, что большинство отелей рѣшило войти въ соглашеніе между собою—не „грабить“ прѣзжихъ, т. е. не увеличивать цѣнъ за комнаты противъ обыкновенныхъ.

Продаючися во всѣхъ отеляхъ билеты „souvenir“, для входа на выставку, раскупаются на расхватъ.

Всѣмъ дѣлами выставки управляетъ администрація (Administration), подраздѣляющаяся на нѣсколько отдѣльныхъ учрежденій.

Какіхъ громадныхъ суммъ стоитъ содержаніе всего этого персонала, можно судить по тому, что на вознагражденіе трудъ только экспертовъ предназначено 570.880 дол.

Стряпчий по дѣламъ казны, Олбей, постановилъ, чтобы эти 570.880 дол. считать подлежащими особому назначенію, но отнюдь не изытыми изъ тѣхъ 2.500.000 дол., которые ассигнованы на заготовленіе монетъ въ память выставки.

Однако, заботы о такихъ крупныхъ суммахъ не мѣшаютъ дѣльцамъ—администраторамъ выставки помнить и о болѣе скромныхъ цифрахъ, которыя, конечно, въ общей сложности, составятъ тоже большія суммы. Возникали долгіе и горячіе споры между американскими экспонентами и администраціей выставки, по поводу несчастныхъ 6 центовъ, которые должны взиматься съ каждой сотни фунтовъ экспоната за услуги при его установкѣ.

Въ концѣ концовъ, несмотря на ярлы протесты со стороны туземныхъ экспонентовъ, рѣшено шестипроцентный сборъ оставить въ силѣ.

Къ рисункамъ.

Истокъ Волги. (Рис. на стр. 309).

Весело бываетъ любоваться съ парохода на просторъ широкой красавицы Волги, гдѣ-нибудь подъ Астраханью, когда не знаешь самъ—ѣдешь-ли по рѣкѣ, или по большому озеру, окруженный точно безбрежнымъ, сверкающимъ, воднымъ прострѣнствомъ. По не менѣе пріятно побывать и на пестокѣ великой рѣки, поклониться ея колыбели, увидѣть ея первые, дѣтскіе шаги, послѣдить, какъ она спаряжается въ дальнюю путь-дорожку, по которой придется ей пройти около трехъ съ половиною тысячъ верстъ.

Родомъ наша красавица изъ Тверской губерніи, Осташковского уѣзда, Залѣсской волости, уроженка деревни Волговерховья. Колыбелью ей служитъ деревянный срубъ-колодезь, надъ которымъ поставлена небольшая часовенка. Кругомъ болото, питающее влагою небольшой, поворожденный ручеекъ,

который скромно пробрается подъ соседнимъ пригоркомъ и, сдѣлавъ два-три изгиба, исчезаетъ въ окружающемъ мѣстности лѣсу. Первая постройка на берегу Волги—старая кузница, позади которой, на пригоркѣ, раскинуто деревня Волговерховья. Деревня не велика, но расположена довольно живописно.

Выйдя изъ лѣса, Волга принимаетъ въ себя первый притокъ-ручей Перяшну, затѣмъ встрѣчаетъ на пути два озера: Малый и Большой Верхиты, за которыми проходитъ цѣлый рядъ большихъ озеръ: Стержъ, Овселукъ, Пено и Волгѣ. При выходѣ изъ послѣдняго, она навсегда прощается съ озерною страной и направляется ко Ржеву уже настоящимъ полноводною рѣкою.

И. Тюменевъ.

Глухарь. (Рис. на стр. 517).

Охотники тѣхъ странъ, гдѣ водятся глухари, хорошо знаютъ этихъ интересныхъ и вкусныхъ птицъ и на ряду съ натура-

пистами способствовали под-
потъ описаний жизни этой
птицы, въ особенности, во
время тока. — въ то время,
когда охота на нее стано-
вится самою привлекательною.

Токовать несвою глухарь
начинаетъ очень рано, правда,
только при благоприятной по-
годѣ, а въ ненастные ночи
глухарь почти никогда не то-
куетъ. Въ тихую лунную ночь,
при первомъ проблескѣ зари,
слышатся ужъ первыя пощел-
киванія или чмоканья глуха-
ри. При этомъ онъ вытяги-
ваетъ голову, нахохливаетъ
перья на шеѣ и головѣ, и все
чаще и чаще издаетъ звукъ
въ родѣ: „тѣд-тѣд-тѣд... ѣд-ѣ-
ѣд“, заканчивающіеся силь-
нымъ ударомъ, и затѣмъ глу-
харь начинаетъ „точить“. Звукъ, производимый имъ при
этомъ, не поддается подража-
нію и похожъ на теченіе же-
лѣза. Въ это время хвостъ
подымается и расширяется
вкорообразно, а крылья опу-
скаются и отстаютъ отъ ту-
ловища. Съ каждымъ звукомъ
глухарь больше и больше гори-
чится и забываетъ все окру-
жающее. Въ своемъ возбужде-
ніи онъ иногда кидается на
людей, клюется, вообще, не
находитъ себѣ мѣста во все
время тока, до самаго раз-
свѣта.

Виленскій генераль-губернаторъ генер.-лейтенантъ сенаторъ Петръ
Васильевичъ Оржевскій. Съ фот. Левинскаго, грав. Шюблеръ.

„Цейксъ и Гальціона.“ (Рис. на стр. 520).

Латинскій поэтъ Овидій Назонъ въ одной изъ своихъ „мета-

морфозъ“ рассказываетъ о не-
счастной судьбѣ Трахидскаго
царя Цейкса и его супруги
Гальціоны, дочери бога вѣ-
тровъ Эола. Цейксъ погибъ во
время кораблекрушенія, и
тѣло его было пригнано волна-
ми къ берегамъ родины. Когда
его увидѣла Гальціона, она

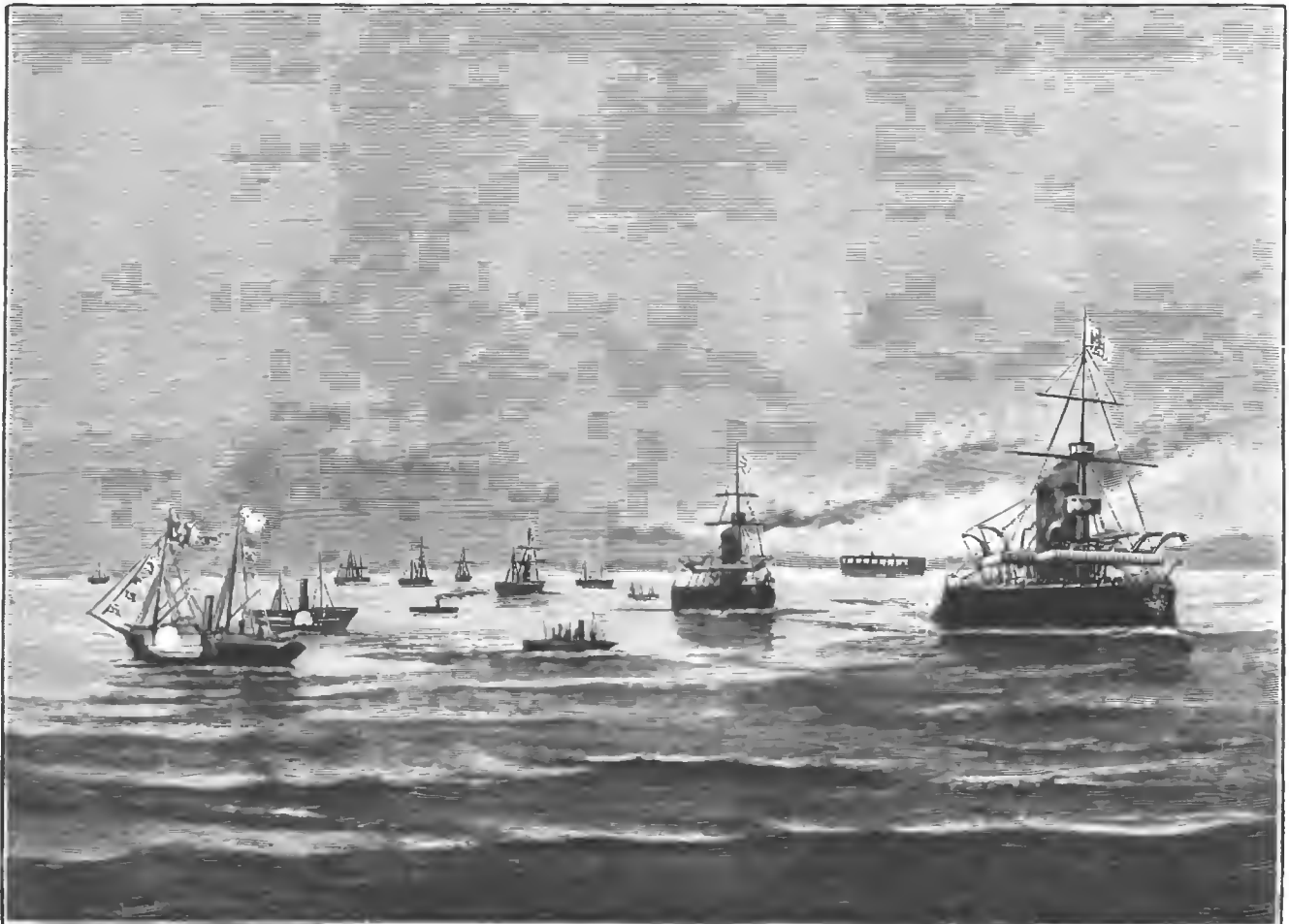
„Съ берега трепетны руки
простерла...“
повѣствуетъ В. А. Жуковскій
въ переводѣ этого „Овидіева
превращенія“.

„Въ томъ мѣстѣ плотина пѣ-
канья
Брегъ заслоняла высокой стѣ-
пой отъ приливнаго моря,
Въ бурю-же ярость и силу
напорной волны утомляла.
Съ той высокой стѣны въ пу-
чину стремглавъ Гальціона
Бросилась... Что-же? о чудо!
она взвилась, и надъ моремъ
Воздухъ свистѣющій внезапно-
раздѣвшимся крыломъ раз-
бивая,

Вдоль по зыбучимъ волнамъ по-
летѣла печальною птицей...“
Безсмертные боги обратили
ее въ зимородка, а затѣмъ,
сжались надъ ея одиноче-
ствомъ, обратили и Цейкса.

И донынѣ они
„Вѣтры бывалой любви, и поны-
нѣ ихъ бракъ не разорванъ.
Поздней зимней порою семь
дней безбурныхъ и ясныхъ
Мирно, безъ следа сидитъ на
плывучемъ гнѣздѣ Гальціона;

Море тогда безопасно; Эоль, заботясь о внукахъ,
Вѣтры смиряетъ, пловца бережетъ и воды спокойны.“

Посѣщеніе Государемъ Императоромъ Севастополя. Высочайшій смотръ Черноморскому флоту 9 мая 1893 года.

Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Протопопова, грав. М. Рашевскій.

Севскіа.
(Итальянскій станціонеръ)

Миноиска.

Чесма.

Синопъ

Марія Хлопова, невіста царя Михаила Феодоровича. (Рис. на стр. 521).

Маститый жанрист наш, художник Н. В. Невреву, написавший так много и так много потрудившийся для воплощения передъ нами многихъ сторонъ древне-русской жизни, въ этой картинѣ проявилъ все лучшее и наиболее симпатичныя стороны своего таланта. Самый выборъ сюжета уже выказываетъ въ художникѣ человека съ тонкимъ, изящнымъ чутьемъ, одареннаго глубокимъ чувствомъ и умѣющимъ оцѣнивать по достоинству извѣстныя намъ явленія нашего прошлаго и умѣющимъ разобраться въ ихъ частности и подробностяхъ.

Дѣйствительно, главное дѣйствующее лицо изображенной художникомъ сцены, Марія Хлопова—первая невіста царя Михаила Феодоровича—является однимъ изъ печальнѣйшихъ примѣровъ глубокаго коснѣнія и грубости нравовъ даже въ высшихъ слояхъ русскаго общества XVII вѣка. Избранная юнымъ царемъ изъ нѣсколькихъ сотъ дѣвицъ, свезенныхъ въ Москву, по его указу и по желанію матери-государыни, Марія Хлопова тотчасъ была объявлена царскою невістой и поставлена въ то особое, привилегированное и строго-замкнутое положеніе, въ которое обычно попадали все подобныя избранницы. Ближайшіе ко Двору боярскіе роды, надѣвшіеся на то, что изъ нихъ будетъ выбрана невіста царю—вознегодовали на выборъ Михаила Феодоровича. Для того, чтобы начать враждебныя дѣйствія противъ ни въ чемъ неповинной дѣвушки, употребили самое простое и неумное средство:—нарижали ее къ одному изъ выходовъ царскихъ, ей такъ крѣпко закрутили и перетянули ей всколѣнную косу, что съ нею произошелъ обморокъ... Этого было достаточно, чтобы объявить царскую невісту подверженною припадкамъ *черной немочи*, т. е. падучей болѣзни. Потребовалось освидѣтельствованіе болной, будто бы, Маріи Хлоповой, при посредствѣ лѣка-доктора и всякихъ бабъ-знахарокъ. Хотя врачъ и не нашелъ явныхъ признаковъ страшной болѣзни, однакоже не рѣшился принять на себя отвѣтственность за то, что Марія Хлопова виолѣ забавлена отъ ея припадковъ. Этого было достаточно для того, чтобы обвинить несчастную дѣвушку и ея родителей въ злобный укрывательствъ завѣдомаго недуга и въ намѣреніи обмануть царское величество. По общему времени, невіста и родители ея были преданы строжайшему слѣдствію и суду—и осуждены на ссылку въ Сибирь. По царю полюбилъ Хлопову и потому всѣми силами старался ее спасти и облегчить участь ея родителей:—нѣсколько времени спустя имъ разрѣшено было переѣхать на житіе въ Нижній. Прошелъ годъ и другой—царь не вступалъ въ бракъ, несмотря даже на все постоянныя свои матери, и тайкомъ даже справлялся о здоровьи своей бывшей невісты... Но дворская интрига одолѣла; настоянія матери царя успѣли, и бракъ царя былъ всѣми силами ускоренъ, лишь бы поскорѣе изгладить изъ его памяти милый образъ невинно-пострадавшей Маріи Хлоповой.

Виленскій генералъ-губернаторъ П. В. Оржевскій. (Портр. на стр. 525).

1 января текущаго года состоялось назначеніе генералъ-лейтенанта, сенатора, Петра Васильевича Оржевскаго на постъ Виленскаго генералъ-губернатора. Служебная дѣятельность его давно уже связана съ высшей правительственной администраціей, и потому онъ явился на свой высокий и отвѣтственный постъ, какъ государственный человекъ, умудренный долготѣннымъ опытомъ прежнихъ своихъ занятій по администраціи. Какъ извѣстно, на П. В., въ бытность его товарищемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, было возложено высшее руководство дѣятельности Департамента полиціи и всѣхъ дѣлъ вѣдѣнія жандармскаго управленія.

Службу свою П. В. началъ въ рядахъ нашей гвардіи, какъ строевой офицеръ. Воспитывался онъ въ Пажескомъ Его Императорскаго Величества корпусѣ, затѣмъ былъ произведенъ въ 1856 году въ корнеты Кавалергардскаго полка и поступилъ въ военную академію, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1860 году. Въ 1873 г. П. В. Оржевскій былъ назначенъ начальникомъ Варшавскаго жандармскаго округа, а 1882 году былъ призванъ на постъ товарища Министра Внутреннихъ дѣлъ, черезъ два года постъ чего получилъ званіе сенатора. Родился П. В. 11 августа 1839 года.

Высочайшій смотръ Черноморскому флоту. (Рис. на стр. 525).

Еще сравнительно недавно было то время, когда мы, по обстоятельствамъ, были стѣснены на Черномъ морѣ въ смыслѣ развитія нашихъ военно-морскихъ силъ. Но теперь стѣсненіе это, какъ извѣстно, отошло въ область исторіи и на нашихъ глазахъ съ каждымъ годомъ растетъ и развивается нашъ Черноморскій флотъ, давая надежду этимъ своимъ развитіемъ, что придетъ часъ, когда у насъ явится не Черноморскій и Балтійскій, а единый русскій, нераздѣльный флотъ.

9-го мая состоялся на севастопольскомъ рейдѣ Высочайшій смотръ Черноморскому флоту. На рейдѣ выстроились четыре громадные броненосца, четыре канонерскія лодки, одинъ

крейсеръ, одинъ минный транспортъ, два миные крейсера, нѣсколько военныхъ пароходовъ и 16 минопосцевъ; такимъ образомъ, всего было свыше 30 вымпловъ. До заглавнѣ объявленнаго смотра, флагманы и командиры всѣхъ судовъ были осыпаны приглашеніемъ на броненосецъ „Синпопъ“ къ Высочайшему завтраку. По окончаніи завтрака, Его Величество Государь Императоръ съ Царскою Семьею и Августѣйшимъ Генералъ-Адмираломъ, въ сопровожденіи свиты и начальствующихъ лицъ, позволили на гребномъ катерѣ отбыть съ „Синпопа“ на пароходъ „Эриклингъ“, съ котораго и производился Высочайшій смотръ. Стоя на пароходѣ наверху, Его Величество милостиво здоровался съ командами судовъ. Когда „Эриклингъ“ обошелъ все корабли, онъ остановился, и Ихъ Величества съ Ихъ Высочествами пересѣли на катеръ, доставившій Ихъ на минный крейсеръ „Казарскій“, считающійся самымъ быстроходнымъ изъ всѣхъ нашихъ судовъ этого типа. Его Величество, принявъ рапортъ, обходилъ выстроненныхъ офицеровъ, поздравлялся съ командой и выпалательно, подробно осматрѣлъ крейсеръ. Послѣ того такъ же былъ осматрѣнъ и минный транспортъ „Бугъ“. Съ него Ихъ Величества перешли на новый броненосецъ „Двѣнадцать Апостоловъ“, на которомъ, послѣ Высочайшаго осмотра, была пробита босвая тревога. Затѣмъ Императорскій катеръ отвалилъ отъ броненосца, съ котораго раздались салютъ, миновалъ линію минопосцевъ, повернулъ въ Южную бухту и подошелъ къ „Синпопу“. На „Синпопѣ“ вскорѣ послѣ этого былъ поднятъ сигналъ: „Изъявлено благозарность“.

Академикъ Г. И. Вильдъ. (Портр. на стр. 528).

Русскій ученый міръ, во главѣ съ Императорской Академіей Наукъ, торжественно чествовалъ 10 мая директора Главной физической обсерваторіи въ Петербургѣ, Германа Ивановича Вильда, по случаю его двадцатипятилѣтней научной дѣятельности въ Россіи. Торжество заключалось въ поднесеніи фотографическихъ альбомовъ, цѣнныхъ подарковъ и въ многочисленныхъ рѣчахъ, произнесенныхъ вице-президентомъ Академіи Наукъ, статсъ-секретаремъ Я. К. Гротомъ, академиками Ф. А. Бредихинымъ, Н. Ф. Дубровиннымъ, сенаторомъ П. П. Семеновымъ и другими. Ораторы привѣтствовали почтеннаго юбиляра отъ имени разныхъ ученыхъ учрежденій и обществъ: Академіи Наукъ, Главной физической, Пулковской и Гельсингфорской обсерваторій, Географическаго Общества и пр. Телеграммы и поздравительныхъ писемъ получена юбиляромъ масса изъ Москвы, Кіева, Одессы, Лондона, Парижа, Берна и другихъ городовъ.

Академикъ Г. И. Вильдъ принадлежитъ къ крупнѣйшимъ европейскимъ ученымъ. Его имя извѣстно каждому, занимающемуся оптическими, метеорологическими, магнитными и электрическими наблюденіями и опытами. Его научные труды пѣются на всѣхъ европейскихъ языкахъ, изобрѣтенные имъ инструменты пользуются примѣненіемъ во всѣхъ странахъ свѣта. Большой переворотъ въ области магнитныхъ изслѣдованій произвелъ изобрѣтенный юбиляромъ недавно индукціонный индикаторъ—приборъ для опредѣленія магнитнаго наклоненія. Этотъ приборъ уменьшалъ ошибку въ точности измѣренія съ 30 секундъ до 3 секундъ, т. е. въ 10 разъ. Еще раньше Г. И. Вильдомъ изобрѣтены многіе цѣнные инструменты, напримѣръ, приборъ для опредѣленія содержанія сахара въ жидкостяхъ, съ помощью оптики (поляризометръ). Имъ основана образцовая Константиновская магнитная и метеорологическая обсерваторія въ Павловскѣ, на которую привлекаютъ любоваться ученые всего міра, и многія обсерваторіи въ главнѣйшихъ городахъ Европы и Америки построены и до сихъ поръ строятся по образцу Константиновской. Главная физическая обсерваторія Императорской Академіи Наукъ, за время двадцатипятилѣтняго руководства ею Вильдомъ, преобразилась до неузнаваемости. По его инициативѣ было создано нѣсколько международныхъ метеорологическихъ конгрессовъ, и предприняты въ 1882 и 1883 гг. международныя изслѣдованія полярныхъ странъ. Последнія изслѣдованія обогатили ученіе о магнетизмѣ и прославили президента международной полярной комиссіи Г. И. Вильда. Благодаря успешной дѣятельности и заботамъ Г. И. въ Россіи организована въ 1884 г. специальная сеть дождевыхъ и грозныхъ станцій, число конхъ въ настоящее время достигло 1155. При Главной физической обсерваторіи учреждено особое дождевное отдѣленіе для обработки наблюденій этихъ станцій.

До Г. И. Вильда обсерваторія производила наблюденія только при 35 метеорологическихъ станціяхъ, къ концу же 1892 г. число ихъ возросло до 560. Въ 1874 г. по инициативѣ Г. И. Главная физическая обсерваторія стала посылать предостереженія о штормахъ въ наши порты Балтійскаго, а съ 1889 г.—Чернаго моря. Съ этого же времени дѣлаются систематическія предсказанія погоды за день впередъ въ бюллетеняхъ, издаваемыхъ обсерваторіей. Каждый желающій можетъ получать изъ обсерваторіи предсказанія по телеграфу, при условіи уплаты отвѣта въ 20 словъ. Съ 1890 г. посылаются обсерваторіей предсказанія сильныхъ вѣтровъ и метелей по линіямъ желѣзныхъ дорогъ.

Юбиліръ родился 17 декабря 1833 года въ Цюрихскомъ кан-

тонъ. Специальнымъ изученіемъ физики и метеорологіи онъ занимался въ Цюрихскомъ и Кенигсбергскомъ университетахъ, и въ которое время въ Гейдельбергскомъ, подъ руководствомъ извѣстныхъ профессоровъ Бунзена и Кирхгофа. Въ 1857 году Вильдъ былъ приглашенъ Цюрихскимъ университетомъ читать лекціи по физикѣ, но скоро перевелся въ Бернскій университетъ и получилъ въ завѣдываніе мѣстную физическую обсерваторію. Съ этой неутомимой и энергичной дѣятельности Вильда въ Бернѣ началась его извѣстность, съ каждымъ слѣдующимъ за 1858 годомъ захватывающая все болѣе и болѣе районъ поклонниковъ. Физическая обсерваторія въ Бернѣ была расширена и преобразована Вильдомъ въ метеорологическій институтъ, а съ 1861 г. онъ занимался проверкою мѣръ и вѣсовъ и проверкой и улучшеніемъ измѣрительныхъ приборовъ, вслѣдствіе чего избранъ въ 1870 г. членомъ международной комиссіи метра (Commission internationale de mètre). Его работы по оптикѣ уже указаны выше. По заслугамъ онъ производилъ термоэлектрическія изслѣдованія и сдѣлалъ точное опредѣленіе абсолютнаго сопротивленія (проверка формулы Ома). Значительная часть его метеорологическихъ работъ напечатана въ *Запискахъ Швейцарскаго Общества Естественныхъ Исследователей* и *Извѣстіяхъ Главной физической обсерваторіи*. По инициативѣ и подъ редакціей Г. И. Вильда издается Академіей Наукъ журналъ „Метеорологическій Сборникъ“. Изъ отдѣльныхъ сочиненій Г. И. заслуживаютъ особеннаго вниманія „Температура Россійской имперіи“ и „Осадки Россійской имперіи“. Юбиларъ состоитъ президентомъ имъ основаннаго вмѣстѣ съ лейпцигскимъ профессоромъ Бруномъ и вѣнскимъ профессоромъ Елинекомъ постоянного международного метеорологическаго конгресса. Г. И. Вильдъ далеко не старый европейскій дѣятель и несомнѣнно внесетъ еще много цѣнныхъ измѣненій и усовершенствованій въ область метеорологіи и, особенно, въ область земного магнетизма.

Н. Афанасьевъ.

Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Москвѣ.

Задолго до двѣнадцатаго мая начала украшаться наша Москва, приготовлялись къ встрѣчѣ Августѣйшихъ особъ. Въ назначенный день все было готово. Дома покрылись флагами, балконы украсились коврами, появились вензелевыя украшенія, транспаранты, черезъ улицы, отъ одного дома къ другому, перекинулись гирлянды цвѣтовъ, во многихъ мѣстахъ были поставлены триумфальныя арки, украшенныя зеленью, ламіонами, дорогими тканьями. Очевидцы говорятъ, что Москва такъ щеголяла своимъ убранствомъ, что едва ли кому прежде приходилось видѣть такое великолѣпіе. Двѣнадцатаго мая, вся Москва, и старъ, и младъ, высыпала на улицы, навстрѣчу Царю, Царицѣ и Членовъ Августѣйшаго Семейства. На дебаркадерѣ для встрѣчи былъ выставленъ, со знаменемъ и хоромъ музыкантовъ, почетный караулъ отъ роты Его Величества лейбъ-гвардерскаго Екатерининскаго полка. На всемъ пути отъ вокзала до Кремля стояли войска. Ровно въ 5 час. подошелъ Императорскій поѣздъ. Музыка заиграла встрѣчу. Изъ вагона-гостиной вышли Государыня Императрица, а за Ея Величествомъ Государь Императоръ, Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великія Княжны Ксентія и Ольга Александровны, Великіе Князья Михаилъ Александровичъ и Алексѣй Александровичъ, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Сергѣемъ Александровичемъ и Его Супругой, въѣзжавшими навстрѣчу Ихъ Величеству на станцію „Лопasnya“. Великая Княгиня Марія Павловна и Великіе Князья Владиміръ Александровичъ, Павелъ Александровичъ и Михаилъ Николаевичъ находились на вокзалѣ. Съ вокзала Ихъ Величества и Ихъ Высочества, при кликахъ „ура“ и звонѣ колоколовъ, отбыли въ открытыя экипажахъ въ Кремль, при чемъ на пути изволили останавливаться у часовни Иверской Божіей Матери и приложиться къ чудотворной иконѣ. На перепуть часовни, устланной краснымъ сукномъ, Ихъ Величества встрѣтило духовенство съ крестомъ и святой водой.

Въ 8 ч. вечера Ихъ Величества съ Августѣйшими Дѣтьми и Великіе Князья и Великія Княгини изволили присутствовать на семейномъ обѣдѣ у Великаго Князя Сергія Александровича. Народъ всюду на пути восторженно выражалъ свои привѣтствія, какъ могъ только. Клики „ура“ не умолкали. Вечеромъ по всей Москвѣ была зажжена иллюминація. Особенно красиво блестяла Красная площадь: это былъ—цѣлый огненный городокъ съ башнями и навѣсьями. Триумфальная арка на площади была залита огнями. Около 10 ч. вечера Ихъ Величества отбыли изъ генералъ-губернаторскаго дома при новыхъ неумоляемыхъ, радостныхъ кликахъ. Москва торжествовала, и торжество было трогательное, душевное.

На другой день всѣ залы Большого Кремлевскаго дворца съ 10 ч. утра стали наполняться лицами, имѣющими пріездъ ко Двору, военными и представителями городскихъ сословій. За Владимірской залой, въ Святыхъ сѣняхъ, что предъ Грановитой палатой, выходившихъ на Красное Крыльцо, собралось духовенство: хоругвеносцы кремлевскихъ и московскихъ собо-

Э. И. Эндеръ. (Портр. на стр. 529).

Императорскій Ботаническій садъ недавно, ровно чрезъ годъ послѣ смерти своего знаменитаго директора Э. А. Регеля, понесъ еще тяжелую утрату. 16 апрѣля скончался скоропостижно отъ паралича сердца старшій садовникъ Ботаническаго сада Эрисстъ Ивановичъ Эндеръ, посвятившій болѣе четверти вѣка этому учрежденію. Э. И. родился 15 (27) января 1837 г. въ г. Гроссенау, близъ Циттау, въ Саксоніи. Съ самаго ранняго возраста интересуясь садоводствомъ, достигнувъ шестнадцати лѣтъ, юноша рѣшился посвятить себя этой специальности. Первые годы своего ученія онъ провелъ въ Платцѣ: въ 1855 году онъ уже былъ приглашенъ знаменитымъ въ свое время придворнымъ садовникомъ Финтельманомъ на Пфаусшнвизель близъ Потсдама. Вслѣдствіи Э. И. посвятилъ ему, въ знакъ благодарности, свой первый трудъ: „Index Agroidearum“. Въ Россію Э. И. прибылъ въ 1861 году. Пѣсколько лѣтъ покойный прослужилъ въ Саратовской губ. старшимъ садовникомъ у одного богатаго помѣщика.

Будучи въ 1865 г. профессоромъ въ С.-Петербургѣ, онъ былъ представленъ покойному директору Э. А. Регелю, который, цѣня его многостороннія знанія и выдающіяся способности въ области садоводства, пригласилъ его на должность старшаго садовника въ Императорскій Ботаническій садъ, куда Э. И. Эндеръ прибылъ 1 мая 1865 г. Покойный состоялъ членомъ, казначеемъ и бібліотекаремъ Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства и пользовался большимъ уваженіемъ за свои труды. Онъ, кромѣ того, былъ почетнымъ членомъ цѣлаго ряда русскихъ и иностранныхъ ученыхъ Обществъ.

Кромѣ вышеупомянутаго труда Э. И. „Index Agroidearum“, имъ издано нѣсколько трудовъ о культурѣ пальмъ, папоротниковъ и пр. Вмѣстѣ съ д-мъ Регелемъ покойный составилъ „Всеобщую книгу садоводства“. Къ сожалѣнію, смерть прервала его обширный трудъ: „Index Orchidearum“, которому покойный посвятилъ послѣднія 15 лѣтъ своей трудовой жизни.

ровъ, протопресвитеръ и духовенство придворныхъ церквей въ золотыхъ облаченіяхъ.

Ровно въ 11 ч. слѣдовалъ Высочайшій выходъ. Все стихло. Шестіе открывали гофъ-фурьеры и камеръ-фурьеры въ красивыхъ мундирахъ по два въ рядъ; за ними шли камеръ-юнкеры, камергеры, церемоніймейстеры и оберцеремоніймейстеры, вторые и первые чины Двора. Затѣмъ слѣдовали Ихъ Величества и члены Царствующаго Дома.

Шестіе замыкали слѣдовавшие за Ихъ Высочествами придворныя дамы и высшіе сановники. Въ Георгіевской залѣ Ихъ Величества въ московскій городской голова Рукавишниковъ поднялись отъ города хлѣбъ-соль на рынкомъ деревниномъ блюдѣ. Отвѣчая на привѣтствіе московскаго городского головы, Государь Императоръ сказалъ:

„Очень вамъ благодаренъ. Я Самъ радъ быть въ Москвѣ и благодарю ее за радужный пріемъ. Счастливъ провести опять въ Москвѣ день Моей Коронаціи. Еще разъ благодарю“.

Въ Святыхъ сѣняхъ духовенство подняло Ихъ Величества въ хлѣбъ-соль на фарфоровомъ блюдѣ, хоругвеносцы кремлевскихъ соборовъ—большую просфору. Примо отсюда процессія вышла на Красное крыльцо. Гринузъ колоколъ Ивана Великаго, а за нимъ все кремлевскіе колокола, и раздались громко, долгое, дружное „ура“—увидавшей Царя и Царицу толпы. Въ дверяхъ Успенскаго собора Ихъ Величества встрѣтилъ замѣщающій митрополита епископъ Дмитровскій Александръ съ духовенствомъ. Отслушавъ литургію въ Успенскомъ соборѣ и приложившись къ св. мощамъ митрополита Алексѣя въ Чудовомъ монастырѣ, Ихъ Величества прослѣдовали изъ монастыря внутреннимъ ходомъ въ Николаевскій дворецъ. Въ 2 часа дня Ихъ Величества присутствовали на освященіи дворянскаго Казаковского пріюта. Затѣмъ Ихъ Величества изволили навѣстить застѣгнутого болѣзнью Московскаго митрополита, высокопреосвященнаго Леонтія.

Вечеромъ Ихъ Императорскія Величества изволили присутствовать на спектаклѣ въ Маломъ театрѣ.

14 мая, при свѣтлой и ясной погодѣ, при звонѣ колоколовъ, орудейныхъ выстрѣлахъ и раскатахъ громоваго „ура“, состоялась закладка памятника въ Бозѣ почившему Императору Александру Николаевичу. На закладкѣ присутствовали Ихъ Императорскія Величества и Императорскія Высочества Великіе Князья и Великія Княгини.

Послѣ завтрака Ихъ Величества посѣтили родовоснаго-тельное заведеніе. Затѣмъ Государь Императоръ изволил осматривать архивъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, а Государыня Императрица осчастливила Своимъ посѣщеніемъ Николаевскій епископскій институтъ. Вечеромъ состоялся балъ у Августѣйшаго Генералъ-губернатора.

15 мая, въ десятую годовщину Священнаго Коронаванія Ихъ Величествъ, съ самаго утра раздавался по Москвѣ звонъ колоколовъ, во всѣхъ церквяхъ совершались молебствія. Въ 10 часовъ состоялся Высочайшій выходъ въ Успенскій соборъ.

Пресвященный Александр торжественно совершил благодарственное молебствие, прочитав молитву, положенную на день Коронования, и, по возгласу диакона, все преклонили колѣна. Царь съ Семей и весь народъ—и благоговѣнно молились о благополучіи царства, Царя и державы Россійскихъ. Затѣмъ два клироса пѣвчихъ заплѣли „Тебѣ Бога хвалимъ“. Протодиакономъ возгласено многолѣтіе Царю и Царствующему Дому. Тотчасъ же загудѣли все кремлевскіе колокола, съ кремлевскихъ стѣнъ взвилась ракета и раздался салютъ съ Тайницкой башни въ Кремлѣ. Царь и Царская Семья прикладывались ко кресту. Затѣмъ, изъ собора Ихъ Величества, предшествуемые духовенствомъ и сопровождаемые Царской Семейю и всей свитой, вышли на площадь и прослѣдовали въ Архангельскій соборъ, поклониться святынямъ. Изъ собора вся процессія двинулась во дворецъ. Торжественно поднималась она по историческому Красному крыльцу. Государь остановился на верхней площадкѣ крыльца и, какъ десяти лѣтъ тому назадъ, три раза поклонился народу.

Какъ просто и малозначащи эти слова „поклонился народу“, въ сравненіи съ тѣмъ, что происходило тамъ, въ московскомъ Кремлѣ, гдѣ каждый уголокъ, каждый камешекъ—историческое воспоминаніе, дорогое русскому сердцу! Пужно быть истинно-русскимъ, чтобы почувствовать весь глубокий смыслъ этого Царскаго поклона, этого вѣщающаго знака сердечнаго единенія Царя со своимъ народомъ—и чтобы оцѣнить вполнѣ слышавшіяся въ это время, среди кликовъ, привѣтствій, сквозь слезы пронзавшіяся слова: „Царь-батюшка... все... все за Тебя, и жизнь положимъ...“ Въ этомъ единеніи русскаго народа съ своимъ Царемъ—

Директоръ Главной физической обсерваторіи акад. Генрихъ Ивановичъ Вильдъ (по поводу 25-ти-лѣтія научной дѣятельности).
По фот. Классена, грав. Шюблеръ.

наша сила, наша крѣпость и наша гордость, трогательное наслѣдіе прошлаго и залогъ нашего могущества на будущее время...

Въ 11 часовъ утра, на Театральной площади состоялся Высочайшій смотръ войскамъ Московскаго гарнизона.

Послѣ парада состоялся большой завтракъ, на который были приглашены придворныя дамы, высшіе чины и сановники Двора, и командиры частей.

Затѣмъ Государь съ Царской Семейю присутствовали на семейномъ обѣдѣ у Великаго Князя Сергія Александровича. Государь выходилъ на балконъ, и народъ еще разъ привѣтствовалъ ликующими кликами своего Царя.

16-го мая вся Царская Семья была у обѣдинъ въ придворной церкви Рождества Богородицы. Затѣмъ во дворцѣ состоялся завтракъ. Въ началѣ третьяго часа Ихъ Величества посѣтили клиники Московскаго университета на Девичьемъ полѣ. Послѣ обзора клиникъ Ихъ Величества и Ихъ Императорскія Высочества отбыли въ Третьяковскую картинную галерею. Въ 6 часовъ во дворцѣ состоялся обѣдъ для высшихъ чиновъ на 170 кувуртовъ. Вечеромъ, въ концѣ 9-го часа, Ихъ Высочества съ Ихъ Высочествами отбыли изъ Кремля. Весь городъ утопалъ въ огняхъ. Проѣздомъ къ вокзалу Ихъ Величества посѣтили Иверскую часовню и, поклонившись святыгѣ, припадъ папутьственную молитву. Въ 9¼ час. вечера Ихъ Величества простились съ присутствовавшими на вокзалѣ представителями Москвы и вошли въ вагонъ выѣстъ съ Августѣйшей Семейей. При далеко раскатывшемся „ура“ плавно и ровно тронулся Царскій поѣздъ, оставляя осчастливленную пребываніемъ Царя и Царицы Москву.

Разныя извѣстія.

— Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, съ Ихъ Императорскими Высочествами Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ и Великими Князьями Ксениемъ Александровною и Ольгою Александровною, прибыли 17 сего мая, по Николаевской желѣзной дорогѣ, изъ Москвы на станцію Тосно, откуда, по соединительной вѣтви, прослѣдовали въ Гатчину.

— 20 мая, Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица съ Ихъ Императорскими Высочествами Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великою Княжною Ксению Александровною прибыли изъ Гатчины въ С.-Петербургъ. Ихъ Величества съ Ихъ Императорскими Высочествами посѣтили Великаго Князя Алексѣя Александровича, по случаю дня Тезоименства Августѣйшаго Генералъ-Адмирала. Изъ Дворца Великаго Князя Ихъ Величества заѣзжали помолитъ-

ся въ Казанскій соборъ, а затѣмъ прослѣдовали въ Собственный Его Величества (Аничковъ) Дворецъ. Въ 3 ч. пополудни, Ихъ Величества съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великою Княжною Ксению Александровною отбыли въ Гатчину.

— Государь Императоръ Высочайше соизволилъ назначить „Обществу послѣдователей гомеопатіи“ пять тысячъ рублей въ пособіе на постройку гомеопатической больницы Имени въ Божѣ почивающаго императора Александра II.

— Святейшій Синодъ, въ изъявленіе признательности Его Импер. Выс. Велик. Князю Сергію Александровичу и Его Супругѣ за передачу въ вѣдѣніе снархіальнаго начальства трехъ благоустроенныхъ школъ въ имѣніяхъ Его Высочества—селахъ Пальнскомъ и Усовѣ, Звенигородскаго уѣзда Московской губерніи, поднесъ Ихъ Высочествамъ Святую Библию за подписью высокопреосвященнаго

митрополита С.-Петербургскаго, котораго Его Высочество почтить имѣлъ милостивымъ рескриптомъ.

— Министерство Народнаго Просвѣщенія приступило къ устройству зданій министерскихъ ремесленныхъ училищъ въ Архангельскѣ, Златоустѣ, Клиникахъ (Черниг. губ.), Павловѣ (Нижегородской губ.) и Петрозаводскѣ.

— Геологическимъ комитетомъ издана недавно геологическая карта Европѣйской Россіи, на 6 листахъ, въ масштабѣ 60 верстъ въ дюймѣ. Карта эта, являясь послѣднимъ словомъ научныхъ изслѣдованій, имѣетъ 45 отдѣльныхъ обозначеній и нѣсколько меньшее число красокъ.

— Во всѣхъ значительныхъ селахъ Петербургской губерніи нынѣшнимъ лѣтомъ рѣшено впервые устроить летучія бібліотеки изъ книгъ религіозно-нравственнаго содержания.

Политическое обозрѣніе.

Императоръ Францъ-Иосифъ, 15 мая, въ полдень, при приемѣ сначала венгерской, потомъ австрійской делегацій, въ своей тронной рѣчи между прочимъ сказалъ: „Съ искреннимъ удовольствіемъ принимаю увѣренія въ вашихъ вѣронозданіиическихъ чувствахъ и приношу вамъ сердечную благодарность. Немногомѣняющаго прошло съ тѣхъ поръ, какъ вы собрались совѣщаться въ делегаціяхъ. Политическое положеніе съ тѣхъ поръ не измѣнилось; наши весьма дружественныя отношенія ко всемъ державамъ неизмѣнно продолжаютъ, равно какъ и ослабно существуютъ, къ нашему удовольствію, и другія обстоятельства, благоприятствующія дальнѣйшему сохраненію мира“.

Австрійская и венгерская делегаціи состоятъ, какъ извѣстно, каждая изъ 60 делегатовъ, избираемыхъ въѣзными и местными парламентами; засѣдаютъ онѣ въ отдѣльности, выдѣляя изъ своего состава особенныя спеціальныя комис-

сіи военную, бюджетную и др., и соединяются въ общее собраніе делегацій только въ случаѣ какихъ-либо разногласій, прогнорвѣцій и при торжественныхъ приемахъ. Въ австрійской делегаціи министры даютъ объясненія по-нѣмецки, а въ венгерской—по-мадьярски, при чемъ засѣданія комиссій непубличны.

За 2 дня до представленія императору, австрійская делегація, въ первомъ своемъ засѣданіи, выбрала въ президенты графа Альфреда Виндштресса, а затѣмъ приступила къ избранію комиссій, при чемъ младоченискіе делегаты не попали ни въ одну изъ нихъ. По этому поводу делегатъ Герольдъ пронапесъ крайне возмущеннымъ голосомъ рѣчь, въ которой еказалъ, что исключеніе это наноситъ оскорбленіе народу, принесшему монархіи такъ много жертвъ имуществамъ и кровью. Затѣмъ онъ спросилъ военнаго министра, будетъ-ли чешскій народъ, устранимый отъ участія въ совѣщаніяхъ, освобожденъ

также и отъ платежа налоговъ и поставки солдатъ? На это военный министръ пожалъ плечамъ и указалъ рукою на делегатовъ гѣмецко-либеральной партіи. Пленеръ возразилъ, что младочехи исключены изъ комиссій вслѣдствіе недавнихъ происшествій въ чешскомъ сеймѣ; точно такъ же—прибавилъ онъ—будутъ поступать съ чехами и впредь. Младочешскіе депутаты Гарольдъ, Мазарикъ и Пачакъ разразились горючими рѣчами. Пачакъ заявилъ, что теперь съ гѣмецко-либеральной партіей невозможно уже никакого соглашенія, и остается только драться съ нею на ножахъ. Засѣданіе закрыто было среди величайшаго общаго возбужденія.

15 мая, преобразовавпос пталъ-ляское министерство представилось палатѣ, при чемъ Джіолитти произнесъ рѣчь въ защиту министерства и, въ заключеніе, предложилъ палатѣ заявить—способна-ли она или неспособна управлять страной. Предложеніе Форнисомъ и принятая кабинетомъ формула перехода къ очереднымъ дѣламъ, выражающая довѣріе къ кабинету и принимающая къ свѣдѣнію заявленія Джіолитти, была вотирована большинствомъ 227 голосовъ противъ 72, притомъ помѣннымъ голосованіемъ; 24 депутата воздержались отъ голосованія, въ томъ числѣ Криспи, Никотера и Сонинно.

Французской палатѣ депутатовъ предъявленъ новый бюджетъ, для предварительнаго ознакомленія съ которымъ назначена бюджетная комиссія. Въ составъ ея вошли 16 бывшихъ и 17 вновь избранныхъ членовъ, въ томъ числѣ Рувье, Бурдо, Пельтанъ и Жюль Рошъ. Въ комиссію избранъ только одинъ консерваторъ. Комиссія

Эрнестъ Ивановичъ Зандеръ († 16 апрѣля 1893 г.).
Съ фот. Вейеръ, грав. Шюблеръ.

единогласно признаетъ необходимость дѣйствовать быстро и исключить изъ бюджета всякіе посторонніе вопросы.

Кабинету Гладстона при проведеніи Ирландскаго билля приходится встрѣчаться со множествомъ препятствій, и силы сто и сторонниковъ мастиаго главы начинаютъ будто слабѣть. Такъ, 18 мая, палата общинъ, большинствомъ только 259 голосовъ противъ 238, отвергла поправку Уольмерса къ 3 параграфу ирландскаго билля, направленную къ тому, чтобы ирландское законодательное собраніе не могло вотивовать резолюцій по такимъ предметамъ, по которымъ оно не имѣетъ права

давать законовъ. Сокращеніе правительственнаго большинства до 21 члена вмѣсто прежде бывшихъ 47 было привѣтствовано оппозиціею восторженно.

Болгарская конституція, въ измѣненномъ видѣ, принята единогласно въ третьемъ чтеніи. Кромѣ 38 ст. о вѣроповѣданіи папскаго князя, перемѣны произошли и въ слѣдующихъ частяхъ: установленъ новый титулъ для болгарскаго князя, вмѣсто существующаго по конституціи „свѣтлости“, болгарскому князю присвоивается титулъ „высочество“, а теперь „царствующему“ Фердинанду Кобургскому „королевскаго высочества“. Въ Болгаріи устанавливаются не существовавшіе по старой конституціи ордена и знаки отличія мирнаго времени (за заслуги). Для утвержденія законопроектовъ признается достаточною $\frac{1}{3}$ депутатовъ народнаго собранія, которые по измѣненной конституціи будутъ избираться не на три, а на пять лѣтъ. Число министровъ увеличено, и число депутатовъ народныхъ собраній уменьшено на половину.

Научныя и техническія новости.

— Въ Соединенныхъ Штатахъ стали готовить теперь *зеркала изъ целлюлоды*. Прозрачная целлюлодная пластинка покрывается съ задней стороны серебромъ или другимъ металломъ, за которымъ помѣщаютъ слой непрозрачнаго целлюлода. Преимущество новыхъ зеркалъ заключается въ томъ, что они не такъ ломки, какъ стеклянные, и сохраняютъ всегда полированную поверхность, чего нельзя сказать о металлическихъ зеркалахъ, темнѣющихъ со временемъ вслѣдствіе окисленія металла при долгомъ соприкосновеніи съ воздухомъ.

— Изъ цинкового порошка и яичныхъ бѣлковъ приготавливаютъ составъ, который посредствомъ щетки намазывается на обыкновенную бумажную матерію. Высушиваютъ ее перегрѣтымъ паромъ и погружаютъ въ растворъ хлористаго олова. Получается *мужеская матерія*, на которой металлическій цинкъ осаждается въ видѣ мельчайшаго порошка. Выполоскавъ затѣмъ и высушивъ матерію, получаютъ красивые узоры.

— Во Франціи открытъ конкурсъ на сопоставленіе премій за лучшій проектъ *канала между Атлантическимъ океаномъ и Средиземномъ моремъ*. Срокъ представленія проектовъ—31 декабря нынѣшняго года.

— *Линя можно сохранять въ видѣ свѣжести*

въ теченіе 9—10 мѣс., располагая ихъ слонами въ деревянномъ или металлическомъ сосудѣ и наполняя свободные промежутки между ящиками жидкою смѣсью извести, подсолнечнаго масла и воды.

— *Потемнѣніе стеклянныхъ колпачковъ въ электрическихъ лампочкахъ* накаливанія объясняется, по Крамеру, тѣмъ, что платиновая проволока при очень сильномъ токѣ превращается въ паръ, и затѣмъ платина осаждается на внутренней поверхности колпачка въ видѣ тонкаго сѣроватаго слоя, въ значительной степени ослабляющаго прозрачность стекла.

— Французскій помѣщикъ Сарсѣ, на основаніи многолѣтнихъ опытовъ, произведенныхъ въ собственномъ его имѣніи, рекомендуетъ слѣдующій дешевый и простой способъ *оздоровленія и улучшения низменныхъ, болотистыхъ и торфянистыхъ почвъ*. Черезъ каждыя 10—20 сажень, смотря по мѣстоуложенію, надо выкопать канавы, глубиною до 1½ аршина и такой-же ширины, и обсадить ихъ съ обѣихъ сторонъ царскими тополями. Между деревьями долженъ оставаться промежутокъ приблизительно въ 2 сажени. Канавы должны быть всегда сухи. Благодаря дѣятельности корней, которые поглощаютъ воду изъ почвы, ислѣдствіемъ становится изодородной, ислѣстия же

тополей, усваивая большія количества углекислоты, которой такъ много въ мѣстностяхъ болотистыхъ и торфянистыхъ, очищаютъ тѣмъ самымъ окружающій воздухъ и дѣлаютъ его здоровымъ и годнымъ для жилья.

— Очень остроумное приспособленіе къ *компасу* придумалъ одинъ французскій лейтенантъ. Это двѣ маленькія свѣтящіяся стрѣлки, приделанныя къ компасу Томсона такимъ образомъ, что совпаденіе ихъ указываетъ правильнѣй, согласнѣй съ принятымъ курсомъ или парохода, а расхожденіе—уклоненіе отъ курса. Свѣтъ фонаря, помѣщеннаго на носу корабля, возлѣ нактоуза, совершенно достаточно для освѣщенія стрѣлокъ. Удобство этого прибора заключается въ томъ, что онъ даетъ возможность слѣдить ночью за курсомъ съ самымъ небольшимъ напряженіемъ вниманія, не прибѣгая каждый разъ къ освѣщенію компаса и не разводя постоянно огни на кораблѣ, возлѣ него, что, въ свою очередь стѣснительно для вахты. Наконецъ, вахтенный офицеръ можетъ постоянно контролировать рулевыхъ, не отдавая имъ никакихъ приказаній, такъ какъ они могутъ теперь сами слѣдить за курсомъ и не нуждаются въ полученіи повѣщеній отъ вахтеннаго о всякомъ уклоненіи судна отъ курса.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№ „Нивы“, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полную годовую подписную плату за „Ниву“ 1893 года, озаботиться своевременными срочными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Г.г. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероля, подъ которымъ получается ими „Нива“.

С М Ъ С Ъ.

Лукъ, какъ дезинфекціонное и предохранительное средство отъ заразныхъ болѣзней, заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Съ этой цѣлью большую луковицу разрезаютъ на дѣи, три или четыре части и кладутъ въ комнату больного на подоконникъ, шкафы и т. д., чрезъ каждые два дня ихъ слѣдуетъ сжигать и замѣнять новыми. Лица, которымъ приходится соприкасаться съ больными холерой или иными заразительными болѣзнями, могутъ въ значительной мѣрѣ предохранить себя отъ зараженія, натирая себѣ руки и губы сокомъ сырого лука. Еще въ средніе вѣка это простое предохранительное средство было извѣстно евреямъ. То же почти чудодѣйное значеніе приписываютъ и чесноку. Многіе народы, въ древности, съ этой же цѣлью натирали себѣ его сокомъ руки, лицо и подошвы ногъ. Эти два благодѣтельные растенія были такъ почитаемы у древнихъ египтянъ, что египтяне клялись ихъ названіемъ.

Молоко, въ качествѣ перевязочнаго средства въ хирургіи, стало съ недавняго времени употреблѣть извѣстный англійскій врачъ Далъ и достигъ блестящихъ, изумительныхъ результатовъ. Такъ, въ одномъ случаѣ, онъ примѣнилъ его при лѣченіи отъ сильнаго ожога. Онъ сильно смачивалъ полотношій компрессъ молокомъ и смѣнялъ его два раза въ день, утромъ и вечеромъ. На второй день обожженная поверхность была уже на половину заживлена и суха, спустя еще три дня вся рана, въ 14 сантиметровъ длины, совершенно затянулась и почти совсѣмъ зажила. Въ другомъ случаѣ Далъ сначала лѣчилъ рану масломъ и мазию, но безуспѣшно, тогда онъ пустилъ въ ходъ перевязку, смоченную въ молокѣ, и чрезъ нѣсколько дней получились невѣроятные, просто, результаты—больной совершенно оправился.

Новый термометръ для измѣренія низкихъ температуръ изобрѣлъ въ Мюнхенѣ баронъ фонъ-Лунина. При очень сильномъ холодѣ ртутный термометръ не удовлетворяетъ своему назначенію, такъ какъ при $-39,5^{\circ}$ ртуть замерзаетъ, и ее можно пилить и рѣзать, точно свинецъ. Для измѣренія же болѣе низкихъ температуръ, а также для вытѣрки минимальныхъ термометровъ, служилъ бы тотъ же поръ вмѣсто ртуты спиртъ. Но спиртные термометры страдаютъ, главнымъ образомъ, двумя недостатками: во-первыхъ, расширеніе спиртнаго пара не столь равномерно, какъ расширеніе ртуты; и, во-вторыхъ, въ трубкѣ спиртнаго термометра, при малѣйшей разницѣ температуры въ ея концахъ, на подобіе перегоннаго куба, выдѣляется отъ спиртнаго столба нѣкоторое количество этой жидкости, переходя въ паровобразное состояніе въ верхній конецъ трубки и тамъ снова сгущается; вслѣдствіе этого является ошибка въ указаніяхъ такого термометра почти на $3,6$ градуса. Этотъ послѣдній недостатокъ нѣкоторымъ образомъ устранялся весьма чувствительнымъ таллоловымъ (метило-бензоловымъ) термометромъ, но вполне свободенъ отъ него только сказанный термометръ Лунина, для показаній котораго служитъ сѣрная кислота. Главное его достоинство, что, согласно очень продолжительнымъ наблюденіямъ, сѣрная кислота совершенно почти не испаряется. Даже при нагреваніи сѣрной кислоты до $50-70^{\circ}$, по даніямъ мюнхенскаго профессора Зонке, испаряемости не замѣчается; если же обложить конецъ трубки льдомъ, то уже чрезъ 12 часовъ сѣрная кислота, сильно всасывающая обратно теряемая ею при незначительномъ испареніи крохотныя частицы воды, подымается въ трубкѣ снова. Расширеніе въ трубкѣ столба сѣрной кислоты также вполне равномерно. Такимъ образомъ, этотъ термометръ можетъ быть вполне удобно примѣняемъ для измѣренія низкихъ температуръ, вплоть до -80° .

Вліяніе пищи на ростъ волосъ. Англійскій врачъ, д-ръ Мапота, высказывается въ „British Medical Journal“ въ томъ смыслѣ, что многіе случаи выпаденія волосъ послѣ инфлуэнцы еще болѣе убѣдили его, что причина выпаденія волосъ вслѣдствіе развитія грибовъ и лѣченіе этой болѣзни въ многомъ зависитъ отъ діеты больного. Волосъ содержитъ 5% сѣры, его пепель—20% силиція и 10% желѣза съ марганцевой перекистью. Микстуры, содержащія въ себѣ мясной экстрактъ и крахмалъ, даже молоко,—словомъ, все, что предписывается больному при инфлуэнцѣ и другихъ лихорадочныхъ заболѣваніяхъ, не можетъ замѣнить этихъ элементовъ, слѣдствіемъ чего является ослабленіе корней волосъ и выпаденіе самихъ волосъ. Цвѣтъ и крѣпость шерсти у молодыхъ млекопитающихъ не могутъ вырабатываться, пока ихъ пища состоитъ исключительно изъ молока; напротивъ того, вліяніе желѣза на ростъ волосъ скоро замѣтно. Наиболѣе богаты вышеупомянутыми элементами пищевые продукты, это—различныя бѣлковые вещества и овесъ, пепель котораго содержитъ 22% силиція. Подъ условіемъ аккуратнаго употребленія, эти пищевые вещества могутъ быть рекомендованы и во время лихорадочныхъ болѣзней, когда бѣлокъ является

тою составною частью крови, которая болѣе всего страдаетъ отъ разстройства организма. Д-ръ Мапота часто наблюдалъ, какъ діета, состоявшая, главнымъ образомъ, изъ овсяной муки и чернаго хлѣба, способствовала росту волосъ, особенно, въ тѣхъ случаяхъ, когда выпаденію волосъ предшествовала закупорка и вялая дѣятельность капиллярныхъ сосудовъ. Человѣческія расы, потребляющія наибольшія количества мяса, отличаются самыми густыми волосами. Всѣмъ хорошо извѣстенъ фактъ, что питающіеся мясомъ четвероногія, птицы и змѣи въ зоологическихъ садахъ плохо сохраняютъ свою шерсть, перья или чешую, когда ихъ не кормятъ мясомъ. (В.)

Зебра до сихъ поръ считалась неукротимой и неспособной къ прирученію. Въ Трансваалѣ пѣкто Жанъ Пседедсбергъ, содержащій лошадей для почтового и пассажирскаго сообщенія между городомъ Преторіей и форткомъ Тули въ Машоналандѣ, сдѣлалъ удачную попытку воспользоваться зебрами для перевозки пассажировъ и товаровъ. Для этой цѣли онъ приобрѣлъ восемь юнхъ зебръ, которымъ было всего 4—5 мѣсяцевъ отъ роду и которыя были пойманы посредствомъ лассо. Зебры эти были совершенно дикі, и когда Пседедсбергъ напугалъ, было, на нихъ сбрую, онѣ съ бѣшенствомъ сбросили ее съ себя. Но вскорѣ онѣ стали неузнаваемы. Четыре изъ нихъ, самыя молодыя, уже отлично и исправно несутъ обязанности, въ которыхъ предназначались, на станціи Пегерсбергъ въ округѣ Цоутнайсбергъ. Онѣ спокойно и ровно идутъ въ упряжи, очень выносливы и выказываютъ огромную силу. Одна зебра въ состояніи свести цѣлый экипажъ. Онѣ очень цѣнятъ и понимаютъ ласковое обращеніе съ ними—самое дѣйствительное средство для ихъ прирученія. Другія четыре зебры хотя еще находятся въ трепсѣ, но, повидимому, не уступятъ своимъ предшественницамъ въ покорности, силѣ и выносливости. Пседедсбергъ намѣренъ для сказанной цѣли приобрести еще зебръ, такъ какъ, помимо ихъ достоинствъ, содержаніе ихъ требуетъ меньшихъ издержекъ, чѣмъ—лошадей и муловъ. Кроме того, зебры легко переносятъ жаркій климатъ Африки, вредно отзывающійся на мулахъ.

Китъ съ вонзеннымъ въ него гарпуномъ былъ недавно пойманъ въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ. Послѣ тщательнаго осмотра гарпуна, оказалось, что онъ принадлежалъ старому китобойному судну, болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ прекратившему промысляютъ ловой китовъ.

Число глухонѣмыхъ въ Россіи, согласно послѣднимъ свѣдѣніямъ, достигаетъ 56.000 чел. Такимъ образомъ, на 1800 слышащихъ приходится одинъ глухонѣмой. Замѣчено, что наибольшее число глухонѣмыхъ приходится на гористыя мѣстности.

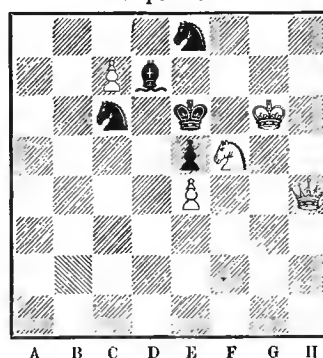
ШАХМАТЫ

подъ редакціей Э. С. Шифферса.

Задача № 16.

Г. Г. Сундуніаца (въ Тифлисѣ)
изъ „Шахматнаго обозрѣнія“.

Черные.

Бѣлые.

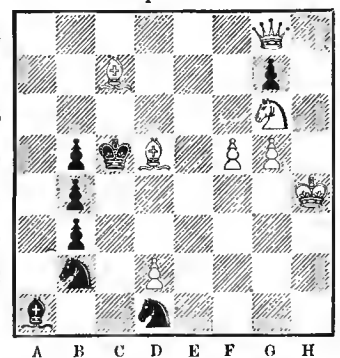
Матъ въ 2 хода.

Въ рѣшеніи задачи № 8 (№ 20 „Нивы“) напечатано: 1. Ф. b2—d1, должно быть: 1. Ф. b2—a1.

Задача № 17.

K. Stal (+) (Göteborg).
1-й призъ Коинкурса „Wart Land“.

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Буда, Черниговской губ. Порф. Ив. Ас—му. Относительно свѣдѣній о переработкѣ дѣти (смолы), можно указать на „Руководство по смолокурению“ К. Вебера. (Изд. Девриена, 1890 г. Ц. 90 к.).

СОДЕРЖАНІЕ: Воля судьбы. Историческій романъ въ трехъ частяхъ. Ни. М. Н. Волонский. (Продолженіе).—Путешествіе Ихъ Императорскихъ Высочествъ Владиміра Александровича и Маріи Павловны за границу (съ 2 портр.).—Между низинью и смертью. Рассказъ Феникса Лилла.—Оптический обманъ. Отерсъ (съ 13 чертежами).—Письма съ Колумбійской Всемирной выставки. Къ рисункамъ: Истѣнь Воли (съ ри.).—Глухарь (съ рис.).—Цейсъ и Гальциона (съ рис.).—Марія Хлопова, невеста царя Михаила Ѳеодоровича (съ рис.).—Виленискій генералъ-губернаторъ П. В. Орнѣвскій (съ портр.).—Высочайшій смотръ Черноморскому флоту (съ рис.).—Академикъ Г. И. Вильдъ (съ портр.).—Э. И. Эндеръ (съ портр.).—Прѣбываніе Ихъ Императорскихъ Высочествъ въ Москвѣ.—Разныя извѣстія.—Политическое обозрѣніе.—Научныя и техническія новости.—Завѣщеніе.—Смѣсь.—Шахматы.—Почтовый ящикъ.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ Ни. М. Н. Волонскій.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Въ Конторѣ изданій А. Ф. МАРКСА, въ СПБ.
продаются слѣдующія народныя иллюстрированныя изданія сочиненій

Н. В. ГОГОЛЯ:

1. Коляска	10 к.	8. Тарась Бульба	25 к.
2. Вечер накануне Ивана
Купала	10 к.	9. Пропашая грамота	10 к.
3. Вій	20 к.	10. Ночь перед Рождествомъ	20 к.
4. Майская ночь или утоп-
ленница	15 к.	11. Женихъ ба (госпрш. пе-
влючское событие)	20 к.
5. Сорочинская ярмарка	15 п.	12. Шинель	15 к.
6. Ночь	10 к.	13. Заколдованное мѣсто	10 к.
7. Страшная месть	20 к.	14. Ревизоръ	40 к.
Выписыв. отъ 1—3 брошюръ прилаг. за перес. заказн. бандер.			15 п.
" " 4—8 " " " " " " " "			25 "
" " 9—13 " " " " " " " "			40 "
Выписывающіе одновременно не менѣ 14 книжекъ непосредственно изъ КОНТОРЫ ИЗДАНИЙ А. Ф. МАРКСА, СПБ., Невскій, 6. — за пересылку не платятъ.			

Поступило въ продажу новое изданіе А. Ф. МАРКСА въ СПБ.:

СОЧИНЕНІЯ
М. В. ДОМОНОСОВА.

Подъ редакціей А. И. Введенскаго. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ Ломоносова, гравированнымъ на стали П. Ф. Дейнигеромъ въ Мюнхенѣ. Изданію изданнымъ томъ въ 8^о (352 стр.) на лучшей бумагѣ. СПб. 1893 г. Ч. 1 р., а съ пересылкою 1 р. 30 к., въ роскошномъ колѣсикѣ, перешлетъ 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 60 к.

Съ требованіямъ обращаться въ СПБ—гъ, въ Контору журнала "Нива" (Невскій, 6).

КРАСИВО ПИСАТЬ
выучивается вселяй **заочно** (посредством
переноски) в 15 уроков
у **ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФИИ**
А. КОССОЛО.

Методъ премпрованъ на Парижской все-
мирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ 30-
лотой медали. № 6208 52 - 17

За 3 семисотлѣтнихъ марки высылаются
пробное письмо и условия. Адресъ: Про-
фессору каллиграфии Адольфу Коссодо въ
Одессѣ. Терпавская, 3. № 19.

НАВОЖДЕНИЕ. Ром. изъ современн. жизни
Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ПРУШИНСКИЙ Спб., Невский, 20.
высылают за один руб.
ВСЕ СЕКРЕТЫ КРАСИВОГО ПОЧЕРКА.

ВЪ ЯЛТЪ

вблизи ЛНВАНЦ, въ 2-хъ верстахъ отъ
МОРЯ, продаю и отдаю въ наемъ недо-
рого ДВѢ ДАЧИ и одну—въ ГУРЗУФѢ
рядомъ съ имѣніемъ Д. Т. Сов. Рубинина.
Обратиться въ ЯЛТУ, къ г-ру Алек. Кол-
Геращенко. № 612

МОЗГОВЫЙ

**МУЗЫКАЛЬНЫЙ
ПЛАСТЫРЬ
А.ЦИГЛЕРА
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДЬ**

ЗАЙКАНЕ

СПБ., Симеоновская, 5. Учебник 3 руб.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ

EAU DE LYS DE LOHSE

Бѣлая и розовая вода для блѣкоурыхъ. желтая вода для брюнетокъ.
Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

**МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ**

Придворный парфюмер, 46, Егерштрассе, Берлин.
Можно получить во всех парфюмерных магазинах и у всех
дистрибуторов России. № 5420 (29)

Для лѣтняго сезона

Глицериновая пудра,
Глицеринъ Велуръ,
Глицериновые сливки,
Глицериновое молоко.

МОЛОКО ДЛЯ ЛИЦА
огуречное и зорное.

Мыло земляничное и зорное.

БРОКАРЪ и К^о.

Перекін, № 30.

№ 6424 3-1

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ

для смягченія кожи рукъ и лица.

Цѣна **35** коп.

Продается во всех аптекарских и парфю-
мерных магазинах. III. № 6271 14 - 14

БИЛЛИАРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7—2. 26—9

Иллюстрированные прейсъ-курранты по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ.

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВЪНѢ.

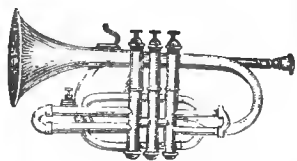
го впливля на кожу. Цына флакону 1 р. 65 к.; Бензоевое мыло 35 н. и 50 н. кусок; Омолажда (лучше комб.-крема) 1 р. Улатюшка и перек. из Европ. Росии 70 н., въ Азиатск. 1 р. Главныи складъ для всей Росии у В. АУРИХА, въ С.-Петербурга, Колодезныя. № 18 19. **Кибетсы во всѣхъ парюжени. и антесарск. "аггати. и антесакъ Росии**

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Б. АЛТШВАГЕРЪ.

НЕВСКИЙ ПРОСП. № 42. С-ПЕТЕРБУРГЪ

Рекомендовать часы собственного производства прусской системы Лицам, которым точный и вместе с тем недорогой измеритель времени составляет существенную необходимость. Ручательство за вёрность хода и прочность механизма на четыре года.

КОРНЕТЬ-А-ЛИСТОНЪ

хорошей заграничной работы въ 12, 15, 22, 30, 40 и 50 руб.; собственной с.-петербургской фабрики въ 50, 60, 75 и 100 р.; знаменитой фабрики Courtois въ 90 р., 150 р. и 250 р.

Школа-самоучитель Баганца въ 1 1/2 и 2 1/2 р.

Альторны, баритоны, басы и др.

ФЛЕЙТЫ хорошей заграничной работы въ 2, 4, 6, 9, 15, 20, 30, 40 и 50 руб.; собственной с.-петербургской фабрики въ 60, 75, 85, 120 и 150 руб. Флейты, модели Циммермана, находящиеся въ употреблении у первых артистов, по 85 и 120 руб.

Школа-самоучитель Келера по 1 1/2 и 2 1/2 р.

КЛАРНЕТЫ въ 6 р., 10 р., 15 р., 20 р., 25 р., 35 р. и собственной фабрики въ 45 р., 60 р. и 75 р.

Школа-самоучитель Нитцера по 2 1/2 и 4 р.

ПИКОЛО-ФЛЕЙТЫ въ 1 р. 50 к., 3 руб., 5 руб., 10 р. и 20 р.

Также все другіе музыкальныя инструменты и принадлежности въ громадномъ выборѣ.

Иллюстриров. прейсъ-курантъ — бесплатно.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ
ЦИММЕРМАНЪ

главное депо
музыкальных инструментовъ и котъ.
С.-Петербургъ, В. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарыина.

МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ.
ВАЗЕЛИНОВОЕ ТУАЛЕТНОЕ

Для божии лица и рукъ.
При покупке настоящаго вазелинового мыла Голлендера, просимъ обращать вниманіе на утвержденную Правительствомъ фабричную марку и подписи Г. Голлендеръ и требовать всегда мыло Голлендеръ. Цена 30 к.

Вазелиновая жирная пудра . . . бор. 60 к.
Вазелиновый кремъ-кремъ . . . бал. 35 к.
Вазелиновая помада . . . бал. 35 к.
Ландышевое мыло . . . фл. 1 р.

Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи.

ПАРФЮМЕРНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

Г. ГОЛЛЕНДЕРЪ. (3) № 6340

С.-Петербургъ, Демидовъ переулокъ, № 1.

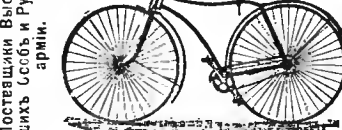
Продажа въ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

27 1/2 версты въ 12 часовъ.
Англійскіе велосипеды заводовъ:
Зингеръ и Ко. и
Компанъ „Трумфъ“.

Представитель:
Георгій Георгиевичъ ЖЕМЛИЧКА.
Москва, уездъ Тверской и Газетнаго переулка, домъ Фальцъ-Фейна, выг. № 19.

Д-ръ Волиций лечитъ парижскую, кожную, грудную болѣзнь, ракъ и электореръ. Невскій, 57, кв. 5. Отъ 2—3 и 6—7 1/2 ч. в.

Около 1000 велосипедовъ на складѣ.
Большинство полковъ, болѣе 500 офицеровъ пользуются нашими велосипедными.

САМЫЙ ОБШИРНЫЙ въ Россіи
ВЕЛОСИПЕДОВЪ.

Торговый домъ **Ж. БЛОКЪ.**
(основ. въ 1863 г.)

МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава.

Ц. № Кокаль и Екатеринбургъ. 25—18

5982 Новый каталогъ 89 страницъ.

БЕЗПЛАТНО.

Только что вышло въ свѣтъ и поступило въ продажу новое изданіе

А. Ф. МАРКСА въ СПб—гг:

ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ КНИЖКА
ДЛЯ ЛѢСНИЧИХЪ И ЛѢСОВЛАДѢЛЬЦЕВЪ.

Составили **Ф. Арнольдъ и Э. Нидергерферъ.**

2-е дополненное и пересмотрѣнное изданіе.

(СПБ. 1893 г. Цена въ изящномъ полнокровномъ переплетѣ 1 руб., а съ пересылкою 1 руб. 20 коп.

Настоящая книжка содержитъ въ себѣ таблицы для опредѣленія площади древесныхъ основаній и кубическаго содержанія какъ цѣлыхъ стволовъ, такъ и частей ихъ; таблицы площадей сѣченія круговъ и объемовъ цилиндра; временныя массовыя таблицы (для сосны, ели, дуба, березы и ольхи) и вообще всѣ тѣ таблицы, которыя необходимо всегда имѣть при себѣ лѣсничему, таксатору, лѣсовладѣльцу и лѣсоторговцу—при устройствѣ лѣсовъ, оцѣнкѣ лѣсовъ, изслѣдованіи полнодревесности деревь и соответствующихъ имъ видовыхъ чиселъ. Изданныя до сихъ поръ подобныя таблицы весьма неудобны по своему большому формату, вслѣдствіе чего ими не всегда можно пользоваться при работахъ, между тѣмъ какъ эта книжка издана въ форматѣ приспособленномъ для ношенія въ карманѣ и можетъ быть постояннымъ спутникомъ лѣсничаго и лѣсовладѣльца.

5 Р. КРАСИВО ПИСАТЬ выучиваю всякаго **340 ЧНО** (по-средствомъ лѣтъ) корреспонденціи въ 10 уроковъ. **ЗА УСПѢХЪ ГАРАНТІЯ.** Подробное объясненіе преподаванія высылаю за 3 семикопѣечныя марки. № 6341 26—5

10 Р. ДВОЙНОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ БУХГАЛТЕРІИ обучаю **ИНОГОРОДНЫХЪ** вполнѣ и основательно въ 2—3 мѣсяца. При окончаніи выдаю ученику **ВІДѢТЕЛЬСТВО.** Адресъ: Москва, Покровка, Учт. мал. и тух. А. С. Шиманскому.

ЛЕНИНГЪ и ГИЗНИНЪ
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатаются въ постр-прошлый журналъ „Нива“. № 2450

ШОКОЛАТЪ
ФАБРИКИ „ЕСТУКЪ“
НАХОДИТСЯ ВО ВСЕХЪ ГОРОДАХЪ РОССИИ

ПРИГЛАШАЮТЪ
дѣльныхъ агентовъ. За условіями обрат. письменно: **Генрихъ Блонкъ.**
С.-Петербургъ, Певскій, 59. 12—9

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО № 593 (9)

НА БЕРЕЗОВОМЪ СОКУ.

Косметиза А. ЭНГЛУНДЪ.

Для извѣстности лица. Цена 50 коп. Остерегитесь поддѣлокъ. Трѣбовать подписи А. ЭНГЛУНДЪ красными чернилами. Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговыхъ Россійской Имперіи.

Только что выпущенная

НОВОСТЬ!

Мужскіе штиблеты и дамскіе сапоги на подобіе

„ЛЕГКИХЪ СКОРОХОДОВЪ“

заявлено къ привилегированію.

Сортъ № 182. Мужскіе штиблеты изъ юфтовой кожи.

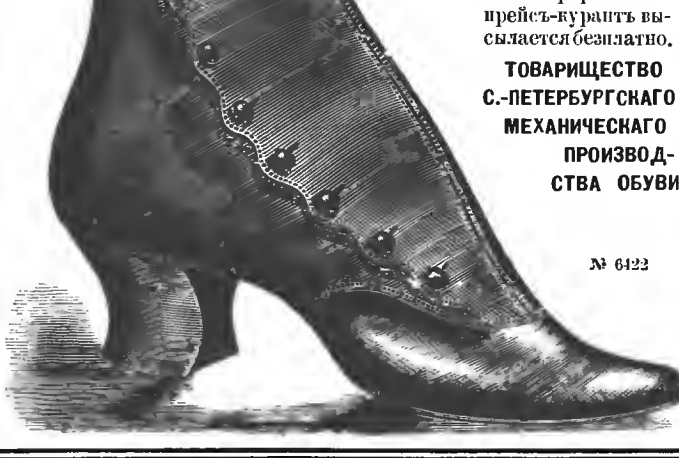
№ 184. Мужскіе штиблеты изъ лайки съ лакированной обшивкой.

№ 200 к. Дамскіе сапоги напудовичахъ изъ сафьяна, съ юфтовой обшивкой.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается бесплатно.

ТОВАРИЩЕСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО МЕХАНИЧЕСКАГО ПРОИЗВОДСТВА ОБУВИ.

№ 6422

МОЙНАКСКОЕ
ГРЯЗЕЛѢЧЕБНОЕ И ЛИМАННОЕ
ЗАВѢДѢНІЕ

въ городѣ Евпаторіи.

Открывается съ 20 мая по 20 августа. За подробностями просить обращаться въ гор. Евпаторію, Таврической губерніи, гг. доктору С. П. Цеценевскому или доктору С. П. Ходяшину. № 64(2) (3)

ФОТОГРАФИЧЕСКІЯ
КАМЕРЫ

въ громади, выборѣ. Нов. иллюстр. прейсъ-куранты высылаются.

МОМЕНТАЛЬНЫЯ ПЛАСТИКИ

„БЕРНАРТЪ“.

При складѣ имѣется лабораторія и раздѣленія при покупкѣ безвозмездно. 10—4

К. И. Фреландтъ.

С.-Петербургъ, у Каналискаго моста, д. № 30/16.

Москва, Мясницкая, д. Соколова.

Харьковъ, Московская ул., д. Штейфана.

ТРЕБУЮТЪ НАСТОЯЩЕЕ МЫЛО

АМОСТРОУМОВА

ОБЪЕДИНЕННЫМЪ ПЕРХОТЪ

УТВЕРЖЕН. ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ

ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ ПОДДѢЛОКЪ.

И. № 6302 12—12

Велосипеды англійскаго завода

„Гумберъ и Ко. Лмтд.“

лучшіе въ свѣтѣ!

предлагать торговый домъ

Г. ЖЕМЛИЧКА и Ко.

Москва, Неглинный просп., домъ Енгиной.

Прейсъ-куранты — бесплатно.

У КНИГОПРОДАВЦА-ИЗДАТЕЛЯ

Ф. А. Югансона въ Кіевѣ

поступили въ продажу новыя книги:

Мое водолѣченіе. Средство къ излѣченію в сохраненію здоровья, основанное на 35-ти лѣтней практикѣ **Севастіана Кнейпа.** Переводъ съ 41 издвнн, съ рисунками. К. 1893 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

Уходъ за больными и здоровыми дѣтми со дня рожденія и до ювенескаго возраста. **Севастіана Кнейпа** (автора „Мое Водолѣченіе“). К. 1893 г. Ц. 60 коп., съ пер. 80 к.

Лессингъ. Неванъ Мудрый. К. 1893 г. Ц. 25 коп. № 6423

8500 словъ. Словарь иностранныхъ словъ. Изд. 3-е. К. 1893 г. Ц. 35 к., съ пер. 50 к.

Снази русскіхъ писателей. Изд. 2-е. Въ сборникѣ вошли сочиненія Аксакова, Гоголя, Достоевскаго, Данилевскаго, Ершова, Одоевскаго, Тургенева, Толстого и мн. др. К. 1893 г. Ц. 30 коп., съ пер. 45 к.

Поставщики Высочайшихъ Особъ и Русской арміи.

Около 1000 велосипедовъ на складѣ.

Большинство полковъ, болѣе 500 офицеровъ пользуются нашими велосипедными.

САМЫЙ ОБШИРНЫЙ въ Россіи
ВЕЛОСИПЕДОВЪ.

Торговый домъ **Ж. БЛОКЪ.**
(основ. въ 1863 г.)

МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава.

Ц. № Кокаль и Екатеринбургъ. 25—18

5982 Новый каталогъ 89 страницъ.

БЕЗПЛАТНО.

При этомъ № прилагается для гг. иногородн. подписчиковъ объявленіе отъ Банкирскаго дома Генриха Блонкъ въ СПб.

Дозвол. цензур. СПб., 26 мая 1893 г.

Изданіе А. Ф. Маркса, СПб., Невскій, 6.

Тип. А. Ф. Маркса. Ср. Подъяч., № 1.

Библиотека „Гуниверс“

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ съ 6—10 рис. въ каждомъ и еженѣсячн. даров. прилож. 12 книгъ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и Выдаѣт. 5 июня 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕН. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Ц. этого № безъ Сборника 20 к., съ пер. 25 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1893 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за строку непарейль (14 шпр. стран) въ Глав. Кон. Ред. по 1 руб.—Загран.: для Франціи у Agence Navas по 3 fr., для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 2 марки 50 pf.

Безъ доставки въ Петербургъ.

5 р.

Съ доставкою въ Петербургъ.

6 р. 50 к.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 10 р.

На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.

На 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р. 50 к.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. П. П. Печковской, Петровск. Торг. лин. 6 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи. 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особія приложенія при „НИВѢ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

При семъ № предлагаются: 1) **СБОРНИКЪ «НИВЫ» ЗА ІЮНЬ.** 2) **„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“** за ІЮНЬ 1893 г. съ 35 рис. и отд. лист. съ 29 черт. выкр. въ натур. велич., 8 планами построекъ и 26 рис. вышитыхъ работъ.

Первый менуэтъ. Съ карт. І. Энгеля, грав. Паше.

Воля судьбы.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе).

XV.

Ловушка.

Все, что угодно, но только Торичіоли не хотѣлъ показаться трусомъ передъ человекомъ, который былъ врагомъ его. Ему хотѣлось бросить ему, какъ вызовъ, свою рѣшимость ѣхать съ нимъ, куда-бы онъ ни повезъ его; къ тому-же ужъ такого ничего особеннаго сдѣлать съ нимъ не могли: все-таки они жили въ столицѣ, гдѣ не такъ уже легко было исчезнуть такому лицу, какъ Торичіоли. Итальянецъ, вслѣдствіе завязавшихся у него послѣднее время отношеній, считалъ себя „лицомъ“ въ Петербургѣ.

Кромѣ того, онъ зналъ, съ кѣмъ ѣхать, и могъ принять нѣкоторыя предосторожности.

Ровно въ четыре часа они вышли съ крыльца и сѣли въ карету. Дверца захлопнулась, и Іоганнъ тронулъ.

Онъ зналъ, куда ѣхать, въ томъ случаѣ, если графъ не давалъ никакого приказанія.

Карета повернула по Невскому.

Торичіоли, чувствуя мягкое покачиванье рессоръ, удобно сидѣлъ въ своемъ углу, испытывая не безъ удовольствія ощущеніе быстрой ѣзды.

— Могу я узнать теперь, куда мы ѣдемъ? спросилъ онъ, наконецъ, послѣ продолжительнаго молчанія.

— Не все-ли вамъ равно, разъ вы рѣшились уже довериться мнѣ? спросилъ, въ свою очередь, графъ.

— Это, вѣдь, Фонтанная? продолжалъ итальянецъ, видя, что они поворачиваютъ на набережную.

— Да, Фонтанная...

Разговоръ прекратился.

Хотя Торичіоли и старался показать всѣмъ, чѣмъ могъ, что нисколько не боится, но въ глубинѣ души все-таки мучился неизвѣстностью.

— Однако, обратился онъ снова къ графу, черезъ нѣкоторое время,—я долженъ васъ предупредить, что принялъ извѣстныя предосторожности: въ моемъ кабинетѣ оставленъ пакетъ, и въ этомъ пакетѣ, адресованномъ на имя одного изъ моихъ друзей, между прочими важными бумагами, лежитъ записка о томъ, что я уѣхалъ именно съ вами, и, если я не вернусь ровно черезъ два часа домой, то пакетъ будетъ отнесенъ по назначенію моимъ слугою...

Графъ, молча, продолжалъ смотрѣть въ окно, словно не слыша того, что говорили ему.

Это дѣйствовало на Торичіоли раздражающимъ образомъ.

Онъ кашлянулъ нарочно громко.

— Если вы, опять заговорилъ онъ,—думаете, что одни вы имѣете возможность узнавать чужія тайны, то опять-таки я долженъ предупредить васъ, что мнѣ извѣстно ваше настоящее имя, я знаю, что вы вовсе не графъ Soltikoff, какъ васъ звали въ Генуѣ, и не докторъ Шёнингъ... я знаю ваше настоящее имя...

— Вы знаете мое настоящее имя, подчеркнул графъ,—какое-жъ оно?..

— Графъ Сень-Жерменъ, торжественно произнесъ Торичіоли,—да, вы тотъ самый и извѣстный въ Парижѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ графъ Сень-Жерменъ, который является подъ именемъ Шёнинга.

Торичіоли готовилъ, собственно, этотъ ударъ на всякій случай для болѣе удобнаго времени, когда нужно будетъ поразить графа, но не утерпѣлъ и „поразилъ“ теперь.

Расчеты, однако, его не оправдались. Графъ нисколько удивленъ не былъ.

Только глаза его глянули насмѣшливо.

— Ну, хорошо, вамъ не трудно было узнать, что докторъ Шёнингъ и графъ Сень-Жерменъ одно лицо, это вамъ могъ сказать хоть *пріятель* вашъ, пьемонтецъ Одаръ; но значить-ли это, что извѣстно вамъ мое настоящее имя?..

Оказалось, что Торичіоли, вмѣсто того, чтобы смутить графа, самъ очутился въ неловкомъ положеніи.

Свѣдѣнія свои онъ, дѣйствительно, получилъ отъ Одара, но графу и это было извѣстно даже.

— Во всякомъ случаѣ, заговорилъ итальянецъ,—чтобы выйти изъ неловкости, я говорю только вамъ, что въ моей запискѣ прямо сказано, что я уѣхалъ съ извѣстнымъ графомъ Сень-Жерменомъ, который находится въ Петербургѣ подъ именемъ доктора Шёнинга, и если что случится, то будьте покойны, васъ найдутъ—самъ государь будетъ знать объ этомъ.

Сень-Жерменъ продолжалъ смотрѣть въ окно. Насмѣшливая улыбка такъ и застыла у него на лицѣ.

— А вы знаете Одара развѣ? не успокоивался Торичіоли.

— Что значить *знаете*? Вы помните старое греческое изреченіе?

— Какое изреченіе?

— „Познай самого себя“—и это невозможно; какъ-же вы хотите, чтобы я *зналъ* Одара...

Больше они не разговаривали.

Карета подъѣхала къ деревянному домику на рѣкѣ Фонтанной, тому самому, откуда поѣхалъ Сень-Жерменъ къ итальянцу.

Іоганнъ остановилъ лошадей у воротъ и щелкнулъ три раза бичомъ,—ворота отворились. Карета въѣхала въ нихъ.

Графъ вышелъ первый и повелъ Торичіоли на крыльцо дома; оно было не заперто. Въ сѣняхъ оказалось двѣ двери, кромѣ входной внизъ, и неширокая, крѣпкая лѣстница вела на верхъ. На первый взглядъ домикъ этотъ былъ самымъ обыкновеннымъ домикомъ, скромнымъ и уютнымъ, какіе строили себѣ въ Россіи помѣщики средней руки.

Торичіоли доверчиво слѣдовалъ за графомъ. Тотъ повелъ его вверхъ по лѣстницѣ.

Тамъ наверху, въ мезонинѣ, оказалась одна только комната, подъ самой крышей.

— Милости прошу, проговорилъ графъ, открывая дверь этой комнаты.

Итальянецъ вошелъ. Дверь захлопнулась за нимъ. Онъ кинулся къ ручкѣ ея. Дверь была уже заперта снаружи.

Торичіоли попался въ ловушку.

— Что-же это? вслухъ произнесъ онъ,—ну, конечно... и нужно было ѣхать, нужно было поддаться...

Правда, комната, въ которой его заперли, не имѣла въ себѣ ничего страшнаго, ни угрожающаго.

Ея чистыя, новыя тесовыя стѣны, аккуратно и крѣпко обшитыя досками, не были ничѣмъ покрыты, но все-таки имѣли привѣтливый видъ. Полъ былъ тоже чистый, бѣлый. Изъ мебели только стояло нѣсколько стульевъ и столъ. Въ окна глядѣлись, почти вплотную заслоня ихъ, зеленныя вѣтви деревьевъ.

Торичіоли попробовалъ постучать ручкой и потрясти дверь. Она сидѣла плотно на петляхъ и не поддавалась.

Онъ попытался заглянуть въ окна, но они были такъ малы, что высунуться въ нихъ не представлялось возможности.

Выхода не было.

Торичіоли пришелъ въ отчаяніе.

Запереть его, запереть и оставить,—это было ужасно; главное, хуже всего казалась неизвѣстность. Неужели его завезли, чтобы кончить съ нимъ? По этого быть не можетъ, этотъ таинственный графъ предупреденъ, что черезъ два часа пакетъ отнесутъ, и все станетъ извѣстно, и станутъ искать Торичіоли и помочь ему.

И, соображая такимъ образомъ, итальянецъ, какъ звѣрь въ клеткѣ, ходилъ изъ угла въ уголъ, потому что сѣлъ, потому опять заходилъ.

Сначала онъ все соображалъ, потомъ сталъ припоминать дорогу, какъ они ѣхали, и рассчитывать, далеко ли онъ находится отъ центра города; затѣмъ онъ пришелъ совсѣмъ въ отчаяніе, но нашелъ опять утѣшеніе себѣ; потомъ сталъ молиться.

А время шло, между тѣмъ, и шло. Былъ уже шестой часъ, когда Торичіоли, наконецъ, усѣлся у стола и, положивъ на него часы передъ собою, безмысленно слѣдилъ за тѣмъ, какъ медленно двигались стрѣлки, подходя къ половинѣ, сроку назначенному имъ графу.

Да, если даже сію минуту его выпустятъ, то уже будетъ поздно, онъ не поспѣетъ доѣхать, и пакетъ будетъ отданъ.

„Ну, что-жъ, тѣмъ хуже для него!“ рѣшилъ Торичіоли и прислушался.

Ему показалось, что идутъ. Но онъ ужъ за время своего невольнаго заключенія столько разъ прислушивался и обманывался, что, должно быть, и на этотъ разъ было то же самое.

Но на лѣстницѣ ясно теперь уже слышались шаги, и не одного человѣка, а, по крайней мѣрѣ, двоихъ.

Торичіоли притаялъ дыханіе.

Съ лѣстницы подыались совсѣмъ на площадку; тамъ, по ту сторону двери, можно было различить шорохъ.

„Отпрутъ или не отпрутъ!“ съ забывшимся сердцемъ подумалъ Торичіоли.

Ему хотѣлось, чтобы отперли; но крайней мѣрѣ, въ продолженіе часа, что онъ сидѣлъ здѣсь, онъ только и желалъ этого; но теперь, когда слышались шаги, а потомъ шорохъ у самой двери—ему стало жутко, и онъ готовъ былъ почти крикнуть, чтобы не отворяли, что не надо, что онъ не хочетъ этого.

— Неужели безъ этого нельзя обойтись,—неужели это необходимо? услышалъ онъ слабый женскій голосъ за дверью.

— Да, это необходимо, отвѣтилъ голосъ Сентъ-Жермена, и вмѣстѣ съ этими словами графъ раскрылъ дверь, пропуская въ комнату впереди себя женщину въ черномъ монашескомъ одѣяніи.

Торичіоли въ это время стоялъ уже у стола, крѣпко ухватившись за него—прямо лицомъ къ двери.

Первое движеніе его было—защититься, но подыавшіяся для этого руки его, при взглядѣ на монахиню, вдругъ быстро опустились.

Это была та самая мать Серафима, которая, пострѣженная въ монастырь вблизи Проскурова, столько лѣтъ запрещала Торичіоли показываться себѣ на глаза,—та самая, которая давнымъ-давно, тамъ, на Югѣ, далеко въ Генуѣ, не носила еще этой черной рясы и въ міру казалась обыкновенною свѣтскою женщиной, русскою аристократкой, т.-е. не совсѣмъ обыкновенною, потому что красота ея сводила всѣ молодыя головы города; та самая, наконецъ, которая была героиней страшной исторіи, разыгравшейся между нею, Торичіоли и графомъ—и которая впоследствии стала матерью ребенка итальянца, ребенка, отыскиваемого имъ до сихъ поръ еще съ прежнимъ рвеніемъ, какъ единственное существо, на кого онъ могъ обратить всю любовь свою.

Давно прошла эта исторія—сильно измѣнились съ тѣхъ поръ и она, и Торичіоли, одинъ графъ, казалось, оставался прежнимъ, но если взглянуть и въ него, то

замѣтно было, какъ измѣнились не черты его лица, а выраженіе, ставшее совсѣмъ бездушнымъ, холоднымъ, застывшимъ.

И вотъ они снова всѣ трое встрѣтились послѣ столькихъ лѣтъ разлуки. А, вѣдь, и разлучились-то они для того, чтобы никогда не встрѣчаться. По, видно, такъ нужно было, нужно было сойтись имъ еще разъ... зачѣмъ?—это долженъ былъ сейчасъ узнать Торичіоли.

Она вошла и остановилась посреди комнаты съ опущенными руками, сплосъ закрытая своею черною мантией, глядя прямо передъ собою тѣмъ свѣтлымъ, безстрастнымъ взглядомъ, какимъ глядятъ на этотъ вышній „свѣтскій“ міръ люди, отрѣшившіеся отъ него. Но въ ея почти сквозномъ матовомъ лицѣ и, въ особенности, въ этихъ безстрастныхъ глазахъ—оставались еще слѣды той замѣчательной красоты, изъ-за которой Торичіоли пошелъ на преступленіе.

И теперь, глядя на нее, эта прежняя красота ея, какъ живая, воскресла въ памяти итальянца, и онъ смотрѣлъ на нее, и давно уже не бывшее сердце его забилося вновь такъ часто, что онъ схватился за него, словно желая остановить его безпокойные удары.

— Вы хотѣли... заговорила она по-итальянски, обращаясь къ Торичіоли; да, она заговорила по-итальянски, на томъ языкѣ, на которомъ онъ шепталъ ей когда-то слова любви, которыхъ она не хотѣла слушать—она не забыла этотъ языкъ.—Вы хотѣли знать, гдѣ... гдѣ... *этотъ* ребенокъ (она загнулась, потому что не хотѣла сказать ни *мой*, ни *вашъ*, ни *нашъ* ребенокъ, и сказала просто „этотъ“)—я пришла теперь назвать вамъ его...

Торичіоли кинулся впередъ.

Грудь его часто и неровно подымалась, онъ задыхался совсѣмъ.

— Понялъ я... едва выговаривая слова, перебилъ онъ,—понялъ я... это онъ васъ (онъ показалъ на графа), онъ васъ привелъ сюда и упросилъ, чтобы вы цѣною вашей тайны кушили у меня молчаніе о заговорѣ, въ которомъ онъ, очевидно, принимаетъ участіе... ему нуженъ этотъ списокъ... Я все отдамъ, все... я буду молчать, я согласенъ, если вы скажете мнѣ, гдѣ мое дитя,—для него мнѣ, т.-е. чтобы отыскать его,—мнѣ нужно были эти деньги, эта денежная награда, только для него... Если я буду знать, что мнѣ нужно—я на все согласенъ, и мнѣ тогда ничего не нужно...

Она ждала, не слушая, пока онъ кончитъ, чтобы продолжать свою прерванную рѣчь.

Торичіоли задохнулся и не могъ говорить больше.

— Этотъ ребенокъ, продолжала она,—былъ столько времени возлѣ васъ, вы знали его почти съ самаго дѣтства—и не подозревали этого, живя у князя Проскурова...

— У князя Проскурова? крикнулъ Торичіоли.—Я зналъ его съ дѣтства... онъ былъ возлѣ меня... кто-же это... Артемій?—воспитанникъ князя... да?..

— Да—воспитанникъ князя.

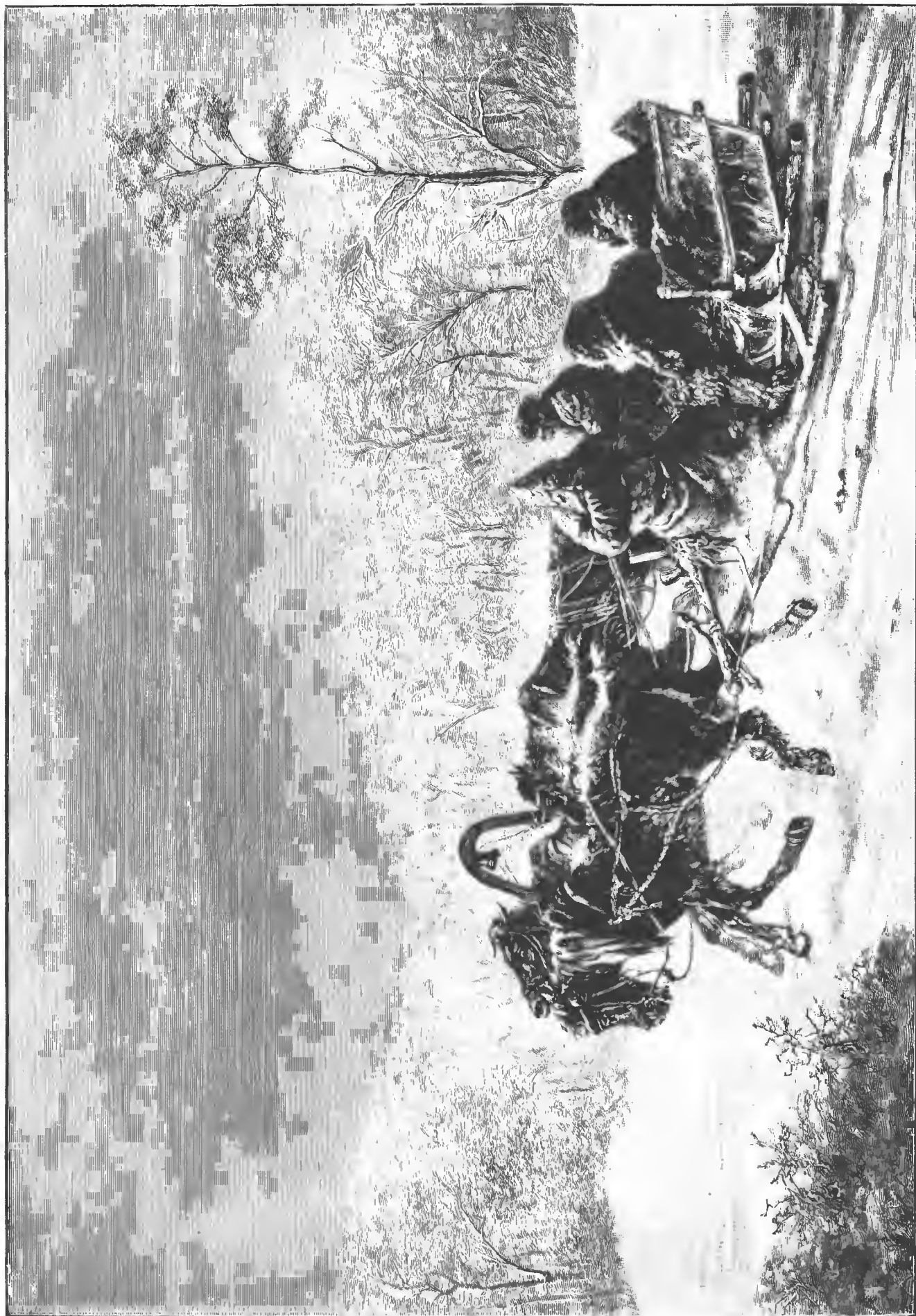
Мать Серафима перевела духъ, видно, и ей тяжело дышать было.

Сентъ-Жерменъ сдѣлалъ движеніе къ двери, какъ бы показывая этимъ, что теперь все, что просилъ онъ—исполнено, и эта мучительная сцена можетъ прекратиться; но Серафима остановила его.

— Нѣтъ, сказала она ему,—я думала, что мой грѣхъ и умретъ со мною, что не придется мнѣ никому, не только вамъ, рассказывать свою исповѣдь,—вижу, однако, это неизбежно—нужно кончить, какъ ни тяжело, нужно, нужно сказать... Да, я подкинула своего сына въ богатый княжескій домъ, потому что князь хотѣлъ имѣть мальчика.—Я знала, что ему тамъ хорошо будетъ... сама-же я не могла оставить его у себя—я боялась сплетенъ, я жила въ обществѣ, гдѣ злословіе считается добродѣтью, и я, ни въ чемъ не повинная, вслѣдствіе боязни своей и малодушія, стала тоже ви-

Выставка въ Импер. Акад. Художествъ. „Сельская школа“.
Съ карт. А. А. Ниселева (исключит. право воспроизв. принадлеж. „Нивѣ“), грав. Шеблеръ.

Выставка въ Импер. Анад. Художествъ. „Морозъ 25^я“.
Съ карт. проф. Н. Е. Свѣрчкова (исключит. право воспроизв. принадлеж. „Нивѣ“), грав. М. Рашевскій.

повною... Я отдала въ чужой домъ моего сына, и въ этомъ мой грѣхъ... Пока онъ былъ въ Петербургѣ и я жила здѣсь и бывала въ обществѣ—все было скрыто—миѣ еще жилось... Но князь Проскуровъ уѣхалъ въ деревню, и тогда начался мой муки. Сначала я не могла понять, любилъ-ли я этого ребенка, рожденнаго отъ отца, котораго я должна была испавидѣть... и только когда окончательно разлучили меня съ нимъ, только тогда я поняла, что люблю его, и какъ дороги миѣ были тѣ мимолетныя свиданія съ нимъ на улицѣ, когда его выносили гулять, и я потихоньку ждала его возлѣ дома... Да, тогда начался для меня мой мученія, и они привели меня въ монастырь...

Она съ трудомъ договаривала слова:

— Онъ былъ въ чужомъ домѣ, брошенный мной, лишенный матери... я не могла принять и взять его обратно—миѣ-бы его не дали и насмѣялись лишь надо мной... Раскаіііе измучило меня—я, постригшись, я взяла на себя послушаніе никогда не пытаться увидѣть его, моего сына, лишь-бы онъ былъ счастливъ... Довольны-ли вы теперь? совѣмъ ослабѣвшимъ голосомъ обратилась она къ графу.

Тотъ почтительно, какъ кланяется только низшій высшему, поклонился ей, и въ этомъ поклонѣ была выражена и благодарность, и просьба о прощеніи за тѣ минуты, которыя онъ заставилъ только что пережить мать Серафиму.

Она повернулась и вышла изъ комнаты.

— Мадонна! крикнулъ Торичіоли и кинулся за нею, но сильная рука графа Сень-Жермена остановила его.

— Не торопитесь, синьоръ Джузенне, проговорилъ онъ,—теперь мы съ вами одинъ на одинъ...

Торичіоли глянулъ на него въ упоръ совѣмъ безсмысленными глазами, какъ будто не узнавъ его, и рванулъ руку, но графъ крѣпче стиснулъ ее.

— Пустите! выговорилъ, наконецъ, Торичіоли, — вы слышали... мой сынъ... онъ мой сынъ... теперь... теперь...

— Теперь половина шестого уже прошла, оставаясь спокойнымъ, проговорилъ графъ.

Торичіоли сдѣлалъ движеніе къ столу, гдѣ лежали у него часы—Сень-Жерменъ отпустилъ его.

Часы показывали тридцать четыре минуты шестого.

Торичіоли схватился за голову.

— Вы не знаете, что вы сдѣлали, въ полномъ отчаяніи закричалъ онъ,—а вы не знаете, что вы сдѣлали!.. вѣдь, въ этомъ начетѣ, въ этомъ начетѣ, который теперь остановить нѣтъ возможности, потому что поздно — онъ сейчасъ будетъ въ рукахъ Эйзенбаха, и тогда все потеряно... въ этомъ начетѣ я донесъ на сына, на Артемія... а... я донесъ на него...

Бѣдный Торичіоли былъ похожъ на сумасшедшаго.

Онъ метался по комнатѣ—кидался то къ столу, къ часамъ, то къ двери.

— Да вы не вѣрите, можетъ-быть, что я говорю правду—клянусь вамъ, что этотъ списокъ у меня, и въ особой записочкѣ названъ Артемій, и рассказано, какъ взять этотъ списокъ.

Сень-Жерменъ стоялъ неподвижно, загораясь собою дверь, и слѣдить за движеніями Торичіоли.

— Я вѣрю вамъ, отвѣтилъ онъ,—я знаю, что вы говорите правду.

— А если такъ, то что же вы стоите, что-же вы... что-же... вѣдь, можетъ-быть, есть еще время... нужно поѣхать... остановить... да пустите-же меня...

И снова Торичіоли хотѣлъ прорваться силой, и снова графъ остановилъ его.

— О, пустите, сталъ просить тогда онъ, — пустите меня,—вѣдь, это ужасно, что вы дѣлаете... Столько лѣтъ я жилъ возлѣ него, не зная, что это онъ; столько лѣтъ я искалъ его... готовъ былъ на все—вѣдь, онъ для меня теперь все въ жизни... все... и вдругъ, въ тотъ самый мигъ, когда я узнаю, что это онъ, — я, я самъ, его

отецъ, дѣлаю на него доносъ... вѣдь, это же ужасно... вѣдь, его возмуть...

— И не одного его, и другихъ также.

— Да, но отъ этого не легче миѣ — вы сами говорили, что его могутъ взять и отдать въ пытку... въ пытку!.. пожалѣйте же его... пожалѣйте...

— Отчего-же вы не пожалѣли сами?

— Да, но я не зналъ тогда, я не зналъ тогда... помогите миѣ, пустите, я успѣю остановить Эйзенбаха; я побѣду, скажу, что все это ложь, что все это неправда... я все на себя возьму... Что вы дѣлаете со мною!.. это безжалостно, что вы дѣлаете!..

— Безжалостно! повторилъ Сень-Жерменъ, — а вы сами умѣли жалѣть другихъ?..

— Я не угадалъ!—ну что-жъ, но, вѣдь, въ такомъ положеніи, какъ я теперь, никто не былъ. Подумайте только: единственное существо, которое было для меня въ жизни дорого, единственное, и въ тотъ самый мигъ, когда я могъ назвать его своимъ, сказать ему, что я его отецъ, въ тотъ самый мигъ... вы отнимаете его у меня.

Графъ глубоко вздохнулъ.

— Вспомните, синьоръ Джузенне, сказалъ онъ,—что сегодня 27-е іюня; вспомните это-же число много лѣтъ тому назадъ, и тогда былъ человекъ, который готовъ былъ тоже любимое имъ существо,— не ребенка, не сына, а женщину, которая для него была все въ мірѣ, назвать своею, и вы въ этотъ день отняли ее у него, отняли обманомъ, преступленіемъ...

Торичіоли остановился и поднесъ руку ко лбу.

— Да... да... невятно проговорилъ онъ,—правда, сегодня 27-е іюня, то самое число... то самое... Такъ это мѣсть?—это ваша мѣсть... крикнулъ онъ.—Жестокая мѣсть, вы отомстили... но лучше-бы вы меня тогда-же убили... чѣмъ заставить дожить до сегодня...

— Я не хотѣлъ вамъ мстить — я два раза щадилъ васъ; я сегодня пріѣхалъ къ вамъ, уговаривалъ — вы не хотѣли слушать: вы сами себя отомстили.

— Да, но эта мѣсть скверная, ужасная, безчеловѣчная! кричалъ Торичіоли, хотя его голосъ срывался ежеминутно.—Вы миѣ мстите и губите другихъ... вы губите ихъ... васъ убить мало за это... убить!..

И онъ опять кинулся на Сень-Жермена, окончательно потерявъ голову.

Графъ, спокойно улыбаясь, глянулъ въ его остервенѣлые, налитые кровью глаза, и отвелъ его руки отъ себя.

Торичіоли чувствовалъ уже его силу и чувствовалъ также, что силой ничего нельзя сдѣлать съ нимъ.

— Ну, хорошо, заговорилъ онъ, стараясь сдержаться, и въ голосѣ его послышались слезы,—ну, хорошо—вы отомстили миѣ, довольно... но дайте-же возможность, насколько мыслимо, исправить миѣ свою вину... Пустите меня—откройте дверь—пустите... и я вѣкъ свой не забуду вашего благодѣлія; да, какъ на благодѣліе, я буду смотреть на это... Откройте миѣ дверь... можетъ-быть, еще не поздно...

Была минута, казалось, что Торичіоли станетъ на колѣни.

— Такъ вы хотите только, спросилъ Сень-Жерменъ,—чтобы я открылъ вамъ дверь?..

— Да... только...

— Ну, хорошо, синьоръ Джузенне,—я васъ не держу больше.

И онъ открылъ дверь настежь.

XVI.

Измѣна.

Петручіо стоялъ у перилъ Полицейскаго моста, спокойно оглядываясь и, видимо, съ нетерпѣніемъ ожидая кого-то. Каждую проѣзжавшую мимо карету онъ оглядывалъ съ искриваемымъ волненіемъ, и когда она проѣзжала мимо—снова разочарованно возвращался къ своему мѣсту. Волненіе его было настолько сильно, что онъ даже не дѣлалъ вида, что находится тутъ,

такъ, будто случайно, а прямо, не скрываясь уже, ждалъ—совершенно открыто.

Но вотъ, наконецъ, показалась на Певской перспективѣ карета графа Сень-Жермена, теперь уже съ кучеромъ, вмѣсто Іоганна, на козлахъ.

Петручіо сталъ вглядываться и въ нее, какъ вглядывался во всѣ проѣзжавшіе мимо экипажи—не тотъ-ли, который ждалъ онъ.

Вѣхавъ на мостъ, карета остановилась. Въ окнѣ ея показала голова Сень-Жермена.

Его-то и ждалъ Петручіо.

— Насилу-то, синьоръ!.. почти крикнуть онъ, подсккивая къ окну,—я васъ не могу дожидаться.

— Пакетъ у васъ? спросилъ отрывисто Сень-Жермень.

Петручіо изволнованно заговорилъ, тороясь словами и глотая ихъ.

— Синьоръ приказалъ мнѣ принести сюда этотъ пакетъ именемъ синьора Одаря — я вѣмъ сердцемъ служу синьору Одару, но я не могъ исполнить вашего приказанія. Клянусь Мадонной, я не могъ исполнить его... Скажите синьору Одару, что я клянусь Мадонной.

Петручіо не только словами, голосомъ и выраженіемъ, но жестами силится подтвердить невозможность исполненія возложеннаго на него порученія.

Онъ сильно размахивалъ руками, присѣдалъ и ворочалъ головою изъ стороны въ сторону.

— Отчего-же вы не могли исполнить приказанія,—значить, пакетъ остался на своемъ мѣстѣ? мягко спросилъ Сень-Жермень.

— О, если-бы онъ остался на своемъ мѣстѣ! воскликнулъ Петручіо,—онъ былъ-бы теперь въ рукахъ синьора. Клянусь святою Мадонной...

Дѣло становилось серьезнымъ.

Брови графа сдвинулись.

— Куда-же могъ дѣваться пакетъ? спросилъ онъ опять.

Петручіо снова замахалъ руками.

— На пакетѣ, синьоръ, былъ написанъ адресъ господину Эйзенбаху. Только что вы уѣхали съ синьоромъ Торичіоли изъ дому, какъ приходитъ молодой Карлъ фонъ-Эйзенбахъ. Онъ пріятель синьору Джузеппе — и бываетъ у него совѣмъ запросто. Я говорю — нѣтъ дома, а онъ мнѣ сказалъ — хорошо, я пройду въ кабинетъ его и напишу ему записку. Я не могъ его задержать, потому что онъ меня и не спросилъ — онъ прошелъ прямо въ кабинетъ и увидѣлъ пакетъ на своемъ имя, тогда онъ взялъ его...

— Нужно было остановить...

— Я останавливалъ — я сказалъ, что этотъ пакетъ мнѣ вѣрно отнести только черезъ полтора часа, но онъ мнѣ возразилъ: „Дуракъ!“ — онъ такъ и возразилъ мнѣ: „дуракъ! не все-ли равно черезъ полтора часа или теперь, если этотъ пакетъ мнѣ“.

— И онъ распечаталъ его?

— И онъ его распечаталъ, а когда посмотрѣлъ какія тамъ были бумаги — то схватилъ ихъ и сейчасъ-же убѣжалъ; онъ сдѣлалъ это очень быстро — мнѣ только оставалось придти сюда съ пустыми руками... Я и пришелъ.

— Вы говорите, что Эйзенбахъ пришелъ почти вслѣдъ за нами? проговорилъ Сень-Жермень.

Голосъ его измѣнился слегка.

— Да, почти сейчасъ-же.

Времени, значитъ, прошло не мало и, если молодой Эйзенбахъ не потерялъ его, то могъ многое уже сдѣлать.

— Синьоръ, продолжалъ Петручіо, — засвидѣтельствуйте синьору Одару, что я не виноватъ.

Но графъ не слушалъ уже его.

— Скорѣе — нѣтъ! подѣзжайте къ дому, сказалъ онъ кучеру, высунувшись изъ окна.

Пѣвю отъ Полицейскаго моста былъ домъ, гдѣ жиъ Орловъ.

Сень-Жермень выскочилъ изъ кареты на ходу.

Въ дверяхъ онъ встрѣтился съ Орловымъ, — тотъ, взволнованный и встревоженный, обрадовался появлению графа.

— Это вы графъ, — а я хотѣлъ идти къ вамъ навстрѣчу... вы знаете: — измѣна! Мнѣ сейчасъ прибѣжали сказать, что Пассекъ арестованъ.

— Уже арестованъ? проговорилъ Сень-Жермень.

— То-есть какъ „уже“? значить, вамъ извѣстно что-нибудь?

— Мнѣ извѣстно, что мы слишкомъ долго мѣшкали, и что сама судьба толкаетъ насъ дѣйствовать — значить, пора!.. Садитесь сейчасъ въ карету. Вы не знаете, государыня все еще въ Петергофѣ, а Петръ въ Ораніенбаумѣ?

— Да онъ все тамъ, а она въ Петергофѣ.

— Тѣмъ лучше. Садитесь сейчасъ въ мою карету, лошади должны выдержать; отправляйтесь въ Петергофъ и, не медля по пріѣздѣ, доложите государынѣ, что „все готово для ея провозглашенія“.

— Но никто еще не знаетъ ничего — мнѣ первому прибѣжали сказать о Пассекѣ... развѣ вы тутъ посидите...

— Въ то время, когда вы скажете государынѣ, что все готово, — будетъ, дѣйствительно, готово все... Садитесь... и не теряйте времени: вамъ нужно вернуться сегодня въ ночь.

Они уже были на крыльцѣ.

— Этовашъ кучеръ? спросилъ Орловъ. — Онъ надеженъ?

— Да, онъ надеженъ вполне, но все-таки лучше его замѣнить... Сержантъ у васъ?

„Сержантомъ“ продолжали звать въ близкомъ кружкѣ Артемія, несмотря на то, что онъ давно былъ уже офицеромъ.

— Онъ у меня, отвѣтилъ Орловъ, — но съ нимъ творится что-то странное. Онъ пріѣхалъ ко мнѣ давнымъ-давно, и сказалъ, что нужно ждать васъ; больше я ничего не могъ добиться отъ него — сидитъ, какъ убитый, не ѣстъ ничего... и заладилъ одно, что нужно ждать васъ, и тогда все объяснится.

— Ну, да — зовите его сюда... или нѣтъ, лучше пусть Іеронимъ подымется къ нему... Іеронимъ, обернувшись Сень-Жерменъ къ своему кучеру, — пройдите въ квартиру... вы спросите тамъ...

И онъ объяснилъ, что долженъ былъ сдѣлать Іеронимъ.

Черезъ нѣсколько времени — не успѣвъ графъ перекинуться нѣсколькими послѣдними пужными словами съ Орловымъ — выбѣжалъ на крыльцо Артемій въ одеждѣ кучера Сень-Жермена. Онъ не спрашивалъ уже, что нужно было ему дѣлать, онъ не разговаривалъ, но, понявъ, что графъ не успѣлъ остановить доноса, и что нужно какъ можно скорѣе приступить къ дѣйствию, послушно и безропотно рѣшилъ повиноваться и исполнять все, что отъ него потребуютъ. Онъ взглянулъ только на Орлова, чтобы узнать, извѣстно-ли тому, кто главной причиной происшедшаго, но по взгляду, который разсѣянно бросилъ на него Орловъ, онъ понялъ, что Сень-Жермень ничего не сказалъ ему.

Это ободрило Артемія.

— Куда ѣхать? спросилъ онъ, садясь на козлы.

— Въ Петергофъ, голубчикъ, за государыней, — съ Богомъ, какъ-то странно сказалъ Орловъ и перекрестился. Артемій тоже сдѣлалъ крестное знаменіе и, едва Орловъ сѣлъ въ карету — тронулъ лошадей.

Когда они двинулись — Сень-Жермена не было уже на крыльцѣ.

Артемій сейчасъ-же сообразилъ, какъ только явился къ нему кучеръ для пересѣданья, что ему предстоитъ участіе въ важной поѣздкѣ, но онъ не могъ думать, что за самой государыней поѣдутъ они!

Планъ былъ рискованный, но, вѣроятно, дѣло зашло такъ далеко, что нужно было рисковать... и радость наполнила сердце Артемія — радость загладить свою вину — радость пойти на прямую опасность. Что тамъ происходило теперь въ Петергофѣ, — что ихъ ждало

тамъ?—можетъ-быть, тамъ уже было все извѣстно, и они ѣхали на то, чтобы прямо арестовали ихъ. Но не этого, не за себя, и не за свой арестъ боялся, разумѣется, Артемій,—ничина его свобода и даже самая жизнь не дорога была ему, нѣтъ—онъ боялся, что случилось съ императрицей, что съ ней—и поспѣютъ-ли они во-время, прежде чѣмъ туда придетъ распоряженіе изъ Ораніенбаума.

Лошади бѣжали дружно, мѣрною рысью, несмотря на то, что Артемію иттицей хотѣлось-бы летѣть теперь въ Петергофъ, онъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ, стараясь употребить на то все способности существа своего,—за ходомъ лошадей, чтобы сохранить ихъ силы. Но онъ, видимо, отлично втянутый въ работу и гоньбу, словно понимали, какой имъ предстоитъ сдѣлать копецъ, и понимали тоже, что все зависить отъ того, вынесутъ-ли онъ или нѣтъ,—и Артемію казалось, что каждый взмахъ ихъ тонкихъ, словно точеныхъ, мускулистыхъ ногъ, говорилъ, что онъ вынесутъ и не выдадутъ. Онъ шли, словно разумныя существа, и Артемій не сдерживалъ ихъ и посылалъ впередъ только тогда, когда онъ просили посылка.

Ночь была тиха; дорога казалась пустыня — и въ этой пустынной тишинѣ слышался только звукъ быстро бѣгущихъ копытъ и вертящихся колесъ кареты.

— Береги лошадей! высунулся Орловъ.

Артемій оглянулся только на него, и Орловъ нопялъ, что онъ знаетъ, что ему дѣлать, и дѣлаетъ хорошо.

Ни верховыхъ, ни одноколокъ, ничего похожего на экстренныхъ посланцевъ не попадалось на дорогѣ: — хорошими знакомъ служило это.

Медленно, мучительно медленно тянулось время для Артемія, но, когда онъ оглядѣлся, чтобы сообразить мѣстность, невольно поразился онъ, какъ далеко отъѣхали они. Онъ самъ не ожидалъ этого.—хотя слѣдилъ за верстовыми столбами, мелькавшими по правой сторонѣ дороги, но сбился съ ихъ счета... цифры разсмотрѣть было трудно. По мѣстности однако они должны были уже проѣхать трактиръ, стоявшій въ сторонѣ отъ дороги,—и необитаемый домъ, крыша котораго торчала изъ-за зелени, и про который ходили таинственные вымыслы о привидѣніяхъ.

„Неужели это уже монастырская роща?“ удивился Артемій.

Но передъ нимъ, въ самомъ дѣлѣ, вдругъ на сумрачно-призрачномъ, блѣсоватомъ небѣ сѣверной лѣтней ночи—выныли золотыя наковки монастырской церкви.

— Монастырь виденъ! сказалъ Артемій въ карету и придержалъ лошадей, чтобы дать имъ вздохнуть.

Переѣздъ отъ монастыря къ Петергофу показался гораздо короче даже, чѣмъ обыкновенно.

Раннее солнце однако взошло уже, и, судя по немъ, былъ пятый часъ утра, когда они въѣхали въ Петергофъ. Онъ спалъ еще. Движенія пидѣ не было замѣтно... А что во дворцѣ? такъ же-ли тихъ и спокоенъ дворецъ, и не предупреждены-ли тамъ?

Но вотъ и дворецъ—и его длинное одноэтажное зданіе охвачено тѣмъ же безмолвіемъ—только высокія деревья, шурша на утреннемъ вѣтеркѣ съ моря, качаются вокругъ него своими вѣтвями и наклоняются другъ къ другу макушки, словно и они въ заговорѣ, и они перешептываются.

— Остановись здѣсь!.. слышитъ Артемій осторожный теперь, тихій голосъ Орлова... и натягиваетъ вожжи, и лошади, перебравъ погами, останавливаются.

Орловъ выходитъ, бережно закрывая за собою каретную дверцу, чтобы не стукнула она, и поспѣшно объясняетъ Артемію, куда онъ долженъ стать, въ аллею, и слушать троекратнаго свистка. Артемій слушаетъ его и невольно любитъ его красивой, огромной, дышащей силой фигурой, освѣщенной сегодня еще какими-то внутренними огнемъ; но, несмотря на этотъ огонь, несмотря на важность минуты — Орловъ, привычный

ко всякаго рода ночнымъ похождениямъ, имѣетъ рѣшимость шутить еще—„ты не засни, смотри!“ добавляетъ онъ Артемію, улыбаясь, и исчезаетъ куда-то, очевидно, хорошо знакомый со всеми ходами и выходами дворца.

„Совсѣмъ какъ въ романѣ! думаетъ Артемій.—Боже мой, неужели это возможно, неужели мы, дѣйствительно, привеземъ государыню въ Петербургъ, и завтра воцарится новая монархія въ Россіи—Екатерина Вторая!.. да, конечно, она уже будетъ „второю“.. первая была супруга Петра.. Великаго Петра... А какъ странно—этого тоже зовутъ Петромъ.. по, Боже, какая разница!..“

Думая такъ, Артемій ждалъ съ напряженнымъ вниманіемъ условленнаго свистка. Орловъ, исчезнувъ, пропалъ — и Артемій, которому почему-то представилось, что онъ долженъ сейчасъ же вернуться назадъ, никакъ не могъ сообразить, сколько времени пужко Орлову, чтобы, пропикнувъ во дворецъ, дать знать государынѣ и дать ей время одѣться, потому что, вѣроятно, она спала еще въ этотъ часъ.

Но какъ проникнуть, какъ дать знать, — когда на каждомъ шагѣ могли поймать его, ихъ выѣстъ, наконецъ—этого Артемій не могъ себѣ представить, и ему казалось уже, что они затѣяли сумасшедшую вещь, что этимъ сумасшествіемъ испортятъ только все... и что Орловъ схваченъ, и сейчасъ придутъ схватить и его... Ну, и пусть схватываютъ—пусть гибнетъ онъ самъ, это все, что ему остается, потому что другого исхода нѣтъ.

Вдругъ раздался въ воздухѣ осторожный, какъ голосъ Орлова, свистъ, повторившійся три раза.

Артемій дрогнувъ и посылать лошадей.

„Одинъ онъ или нѣтъ?—конечно, одинъ“, рѣшилъ Артемій, выѣзжая изъ аллеи.

Въ тѣни большой, разросшейся сирени стоялъ Орловъ—рядомъ съ нимъ стояла жепщина, окутанная въ черную мантію.

„Спаси ее Господь!“ мелькнуло у Артемія—и онъ чувствовалъ, какъ дрожь пробѣгаетъ по его тѣлу.

Какъ они сѣли, какъ онъ поѣхалъ, какъ выбрались они на Петербургскую дорогу—онъ не помнилъ,—онъ былъ словно во снѣ, словно въ грѣзѣ, и словно не онъ ехалъ на козлахъ и правилъ, а кто-то другой, но этотъ другой, однако, отлично слѣдилъ за лошадьми, отъ которыхъ теперь зависѣло все.

Онъ чувствовалъ, что волненіе его, точно токъ по проволокѣ, передавалось и имъ, и онъ разгорячился и шли уже совсѣмъ не такъ ровно и увѣренно, какъ прежде.

До монастыря еще можно было ѣхать спокойно, но, миновавъ его, Артемій сталъ съ тревогой прислушиваться къ все чаще и чаще повторявшемуся хрипу лошадей (онъ хрипѣли уже)—и поглядывать на ихъ усталыя, съ замѣтнымъ усиленіемъ двигавшіяся ноги.

— Гонь! высунулся Орловъ изъ кареты.

Артемій хлестнулъ бичомъ. Лошади дрогнувъ, крѣпче влегли въ оголовки, но ослабѣвшія силы ихъ снова скоро сказались опять.

Они проѣхали еще нѣсколько верстъ.

И вдругъ, къ ужасу своему, Артемій замѣтилъ, что, несмотря на посылъ, лошади идутъ тише и тише... еще нѣсколько шаговъ, и онъ остановились.

Бѣдныя, дрожавшія теперь, измученныя животныя сдѣлали все, что могли. Онъ выбились изъ послѣднихъ силъ и изъ послѣднихъ силъ протаскили карету, пока могли только—теперь онъ остановились, дрожа всемъ своимъ тѣломъ; каждый мускулъ, каждая жилка этого обезпеченнаго, покрытаго нѣжной тѣла тряслась и билась.

Орловъ высунулся снова изъ кареты, открылъ дверцу, вышелъ.—и, взглянувъ на лошадей, тоже ужаснулся ихъ виду.

Онъ не могли идти дальше. Онъ на мѣстѣ всталъ отъ усталости...

(Окончаніе будетъ).

Задумалась. Съ карт. Блаазъ. по фот Ангерера, грав. Кюссъ.

„Пропавший человек“.

(Факт).

Жарким июньским днем X-я батарея, вытянувшись гуськом, движется по Военно-Грузинской дороге.

В воздухе совершенно тихо. Пыль, поднятая людьми и лошадьми, так и стоит цѣлым облаком и покрывает сѣрою дымкой усталые и потные лица артиллеристов. Сѣрая лента ровная, как скатерть, шоссе змѣей вьется по уступамъ горъ, забѣгая въ ихъ изгибы. Справа и слева уходятъ въ облака громады Кавказскихъ горъ. Терекъ, сдавленный ихъ объятиями, бѣшено рвется, наполняя грохотомъ узкое и дикое ущелье. Дорога взбирается все выше и выше, а горы епановятся все страшнѣе и угрюмѣе, какъ будто парочко загромождавъ путь дерзкому человеку, который ползетъ на ихъ ебѣжные хребты. И въ душѣ шевелится тяжелое, щемящее чувство ничтожества...

— Ваше выеокордіе, докладываетъ фельдфебель командиру батареи, толстому полковнику съ жирнымъ лицомъ и заплывшими глазами, — Юрченко только что теперь прибѣлъ; на перекличкѣ не былъ; самый пропащій человекъ. Арестантъ, какъ есть арестантъ. Одинъ конфузъ для батареи...

По командиръ относится довольно безучастно къ словамъ фельдфебеля. Ему слишкомъ жарко, ему не до Юрченко еовсѣмъ и не до жалобъ на него. Онъ чувствуетъ только, какъ его грузное тѣло, съ уставленнымъ какъ-то впередъ въ стремени коротенькими ножками, безпомощно качается на сѣдлѣ. Жирная шея выползла изъ-за воротника, и ее горячо припекаетъ солнце. Онъ силится вспомнить про Юрченку и выкинуть въ то, что говоритъ фельдфебель.

Юрченко—балагуръ, заѣвало, гармонистъ и всеелъкакъ, по несправимымъ забудыга и пьяница. Гдѣ Юрченко — тамъ пѣсни, веселье, здоровый раскатистый хохотъ. Этотъ Юрченко, такъ и знали все, еоставлялъ какъ бы поэтический элементъ въ батареѣ среди хлопотъ, усталости и екуки повседневной рутинны еолдатекой жизни. Онъ крѣпко держался интересовъ своей батареи и всѣхъ людей раздѣлялъ на двѣ категоріи: солдаты и вольныхъ. По отношению первыхъ онъ еоблюдалъ по возможности всѣ требованія солдатской этики, по съ вольными, особенно, съ туземцами, позволялъ себѣ всевозможныя гадости, доходя до крайняго предѣла. Его неугротимая энергія и беззаботное легкомысліе никакъ не мирились со строгимъ режимомъ военной елужбы, и ни мѣрами строгости, ни кротостью нельзя было добиться отъ него исправнаго поведения. Товарищи его любили за неподдѣльную веселость и врожденный юморъ.

Теперь онъ, приведенный фельдфебелемъ, стоялъ передъ командиромъ батареи, опустивъ глаза, и смотрѣлъ куда-то въ бокъ, забѣгая взглядомъ начальника и перемываясь съ ноги на ногу. Его красное, покрытое веснушками лицо, со вздернутымъ кверху носомъ, съ евопаленнымъ отъ ночного разгула и пьянства глазами, выражало поное равнодушіе и покорность еудѣбѣ. Жара, головная боль съ похмеля, страшная усталость (ему пришлое бѣгомъ догонять батарею), и ередстоющая „расекающія“ начальства приводили его въ еамое отвратительное расположение духа, что случалось съ нимъ очень рѣдко.

— Гдѣ ты былъ, каналья; кто тебѣ позволялъ; гдѣ шатался, бродяга? кричалъ на него командиръ батареи, искусственно напекая на себѣ евпрѣность.

— Такъ точно, ваше выеокордіе, загулялъ, мрачно отозвался Юрченко и еще ниже опуелтъ свою рыжую голову.

Полковникъ былъ нѣсколько озадаченъ. Онъ, собственно, ожидалъ отъ Юрченка что-вибудъ въ родѣ лжи и заипрательства. Откровенная простота ировниваагося еокончательно емигчила его, и онъ, безпомощно махнувъ рукой, отѣхалъ въ сторону. А Юрченко, хитро улыбаясь, отправился на свое мѣсто...

Прошло полтора мѣсяца:—

Батарея участвуетъ въ ераженіи и, расположившись на ебольшомъ пригоркѣ, пуекаетъ снаряды по ееребѣгающимъ турецкимъ колоннамъ. Полковникъ, еспотѣвший и красный отъ волненія, въ расстегнутомъ еюртукѣ, катается, какъ шаръ на своихъ коротенькихъ ножкахъ и кричитъ: „жги его, жари его!“ и потираетъ руки отъ удовольствія, когда снарядъ понадеетъ въ цѣль.

Вотъ отъ третьяго орудія быстро отскочилъ номеръ съ крючкомъ, грохнувъ выстрѣлъ, и орудіе тяжело откинуло назадъ.

Командиръ батареи, казало, замеръ, слитъ въ одно цѣлое съ биноклемъ, вытягивая свою короткую шею и приподнимая даже на цыпочки, чтобы лучше разглядѣть поражение, нанесенное снарядомъ.

— А та, та, та! въ самую кучу! въ самую кучу! кричалъ онъ съ неподдѣльнымъ восторгомъ, весь озаряясь широкой улыбкой.

Юрченко етоялъ ящичнымъ 2-го орудія и подносилъ снаряды и заряды для стрѣльбы. по обыкновению, пускалъ остроты и кривляясь на всевозможныя лады. Его веселое настроеніе еообщилось и остальнымъ еолдатамъ еоединихъ орудій, и они съ шуточками и прибаутками ловко и емѣло еполняли свое дѣло.

Вдругъ неприяельскій снарядъ, съ рѣзкимъ евнетомъ прорѣзавъ воздухъ, бухнулся въ Юрченковъ ящикъ; раздался оглушительный трескъ; ѣздовой съ еывраннымъ бокомъ етопалъ на землѣ и епился приподняться; двѣ лошади были изуродованы, а третья, чудомъ уцѣлѣвшая, дико билась и евалась изъ постромакъ.

Со всѣхъ еторонъ люди бросились къ ящику, крича и размахивая руками... По тутъ же, еейчасъ раздался зловѣщій трекъ: „горитъ, горитъ!“—и людская волна быстро отхлынула назадъ, енаеаясь отъ грозящей бѣды.

Изъ открытаго заряднаго ящика, гдѣ было нѣсколько пузовъ пороку и болѣе 50 снарядовъ, бѣжали вверхъ въ разныхъ мѣстахъ тоненькія струйки дыма и тали въ епокойномъ и тихомъ воздухѣ. Небольшія искорки пробѣгали кое-гдѣ по поверхности ящика, съ минуты на минуту етановясь еильнѣе и чаще. Стрѣльба прекратилась, и все съ искаженными ужасомъ лицами, въ пѣломъ оцѣненіи етановились и ждали...

Страшно, тяжело и безконечно казало,е это ожиданіе.

По вотъ кто-то отдѣлился отъ толпы и бросился къ ящику. на ходу енимая шапку и ебѣняя себѣ крестнымъ знаменіемъ...

— Юрченко, Юрченко... раздался испуганный голоеа, — назадъ!..

По онъ етоялъ уже на ееп ящика, наполовину окутанный дымомъ, и пытался затушить огонь руками, шапкой, наконецъ, легъ веѣмъ корпусомъ на ящикъ.

Еще еекунда и изъ ящика полетѣли одинъ за другимъ кожаные мѣшки съ орудійными зарядами. Стенувъ зубы, отчетливо, не теряя секунды времени, выбрасывали ихъ Юрченко, забывъ о себѣ... Опасность миновала, наконецъ. Вся накла, въ которую были упакованы снаряды, благополучно еыгорѣла. Ящикъ былъ енаенъ.

Юрченко, весь черныи отъ дыма, въ прожженномъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ мундирѣ, безъ шапки, егоилъ безмолвно около своего ящика, дико озираясь вокругъ и не отдавая себѣ отчета во всемъ пропшедшемъ. Вдругъ веѣ бросился къ нему, окружили его, и со всѣхъ еторонъ еоелышался говоръ, шумъ, одобренія и восклицанія, все что-то другъ другу еогорили, махали руками, показывали на ящикъ... Командиръ батареи волновался и еоричился больше всѣхъ. Онъ обиялъ Юрченка и кажетъ предлагалъ ему деньги, но тотъ уорно отказывался и еговорилъ:

— Я должнъ былъ, потому мой ящикъ!

Ееорѣ все пришло въ обычный порядокъ, и етрѣльба продолжала, еъ тѣмъ же одушевленіемъ, только Юрченко, еерой дня, потерялъ всегдашнюю веселость и былъ до крайности еоередоточенъ, особенно дѣловито и серьезно есполняя свою еобязанности. Къ вечеру бой затихъ, и батарея при общемъ еаестуленіи ееремѣнила позицію, оставшись бивакировать на полѣ ераженія.

Нѣжная, теплая южная ночь енуеллась на землю. Милліоны звѣздъ засверкали въ бархатно-еннемъ небѣ. Въ воздухѣ тихо, только епрѣдка раздается надъ батареей богатырскій хрипъ какого-нибудъ еолдатика, езмаываагося за день, да тихій шелестъ еѣна, еережеываемаго лошадьми.

Офицерство, подъ ередѣлательствомъ командира батареи, закусываетъ на травѣ, при свѣтѣ фонаря...

Нѣсколько впередъ батареи собралась кучка еолдатъ, и тамъ слышится рѣзкій голоеа енова еовееелѣвааго Юрченка, покрываемый раскатистымъ хохотомъ.

Полковникъ наесторожилъ уши.

— Чтѣ тутъ такое, ты опять куда бѣгалъ? еспросилъ онъ, еподходя съ развалкой къ кучкѣ еолдатъ и ебращаясь къ Юрченку...

Тотъ, казало, еуелѣтъ енова еакурелесить... Отъ него сильно пахло водкой.

— Тыфу, проклятый! ты опять за свое, сталъ ебранить его полковникъ, но, не еоговоривъ, еовернулся и отошелъ...

— Арестантъ, какъ есть арестантъ, заворчалъ подошедшій фельдфебель, — три чаеа былъ какъ слѣдуетъ, а теперь опять за свое! Пропавшій человекъ и больше ничего!

Полковникъ еернулся и енова подеѣлъ къ закускѣ...

А вдаль енова еослышался голоеа Юрченка, и одобрительныя восклицанія его остроумно: „Ахъ, чортъ! Ахъ, волкъ ты заѣшь!“ еопровождаемыя здоровымъ еолдатекиымъ хохотомъ... „Пропавшій человекъ“ ееселлъ всю еоманию...

В. М.

Собственная теплота человеческого тѣла.

Физиологическій очеркъ д-ра Паркера.

Въ противоположность животнымъ, защищеннымъ отъ вліянія погоды шерстью, перьями или роговымъ покровомъ, человекъ долженъ искусственнымъ образомъ прикрывать свое тѣло одеждою, чтобы имѣть возможность примѣняться къ постоянно колеблющейся температурѣ окружающаго воздуха. Хотя значеніе одежды—предохранять не только отъ холода, но и отъ слишкомъ яркихъ лучей солнца, преимущества ея, если она вполнѣ целесообразна, познаются, особенно, въ холодное время года. Тѣмъ не менѣе, это искусственное согреваніе человеческого тѣла было бы далеко недостаточно для предохраненія внутреннихъ органовъ отъ вліянія на нихъ холода, если бы человеческій организмъ не обладалъ свойствомъ самостоятельно вырабатывать теплоту, которую поэтому называютъ *собственной* *сво* *теплотой*. Собственная теплота человека равняется при обыкновенныхъ условіяхъ отъ 37° до 37,5° Ц. Несмотря на усилія организма поддерживать эту температуру непрерывно, она все-таки испытываетъ постоянныя колебанія, начиная съ того, что различныя части тѣла не имѣютъ совершенно одинаковой температуры. Такъ Т° органовъ нижней части тѣла выше, чѣмъ Т° мозга и легкихъ; въ желудкѣ теплота на полградуса меньше, чѣмъ въ кишечникѣ, который, такъ же, какъ и пузырь, на цѣлый градусъ теплѣе разменной впадины, гдѣ обыкновенно измѣряется температура тѣла. Подъ языкомъ, при закрытомъ ртѣ, *собственная теплота* также почти на полградуса выше, чѣмъ въ разменной впадинѣ. Разница всего замѣтна въ соединительной ткани кожи: Т° этой ткани болѣе, чѣмъ на два градуса, ниже Т° мускуловъ.

Разница температуръ отдѣльныхъ частей тѣла происходитъ частью отъ усиленнаго или ослабленнаго притока къ нимъ крови, частью отъ интенсивности происходящаго въ органахъ обменъ веществъ. Ясно, что, чѣмъ дѣятельнѣе въ какомъ-нибудь органѣ обменъ веществъ, тѣмъ болѣе органъ работаетъ, тѣмъ болѣе теплоту онъ развиваетъ.

Подобно различнымъ частямъ тѣла, и кровь не всегда имѣетъ одинаковую температуру. Когда она проходитъ черезъ органы съ дѣятельнымъ обменомъ веществъ,—какъ напр. печень, почки, слюнные железы, мускулы,—температура ея повышается; напротивъ того, Т° ея ниже средней въ кожныхъ венахъ, такъ какъ кровь уже отдала часть своей теплоты кожѣ. Точно также кровь, возвращающаяся къ сердцу изъ верхнихъ частей тѣла, которая скорѣе охлаждается, нѣсколько менѣе тепла, чѣмъ кровь, поднимающаяся къ сердцу изъ нижней части тѣла. Изъ этого видно, что кровь всегда принимаетъ теплоту тѣхъ органовъ, по которымъ проходитъ, выполняя, такимъ образомъ, очень важную задачу регулированія собственной теплоты человеческого тѣла въ различныхъ органахъ: охладившись въ какой-нибудь части тѣла, она уже дѣйствуетъ понижающимъ образомъ на болѣе высокую температуру другого органа, и наоборотъ. Это регулированіе тѣмъ важнѣе, что отклоненіе температуры мускуловъ, нервовъ и железъ на нѣсколько градусовъ выше или ниже нормы вызываетъ существенное нарушеніе правильности этихъ функций.

Какъ сказано выше, собственная теплота взрослыхъ равняется отъ 37° до 37,5° С. У новорожденнаго она доходитъ до 37,8°, дѣти между 5 и 6 годами показываютъ 37,5°, юности отъ 12 до 20 лѣтъ—37,3°. Итакъ въ этотъ длинный періодъ развитія организма, несмотря на всѣ совершившіяся въ немъ важныя перемѣны, естественная теплота его не подвинулась хотя бы на полградуса впередъ или назадъ. Если же подобныя значительныя фазы развитія сопровождаются самыми ничтожными измѣненіями температуры тѣла, то, наоборотъ, каждое необыкновенное колебаніе этой послѣдней предполагаетъ какіе-нибудь чрезвычайно важные процессы въ организмѣ.

Въ возрастѣ отъ 20 до 24 лѣтъ собственная теплота равняется 37,2°, отъ 25 до 30 лѣтъ она спускается на 36,9°, потомъ опять поднимается, и въ 40 лѣтъ достигаетъ 37,1°. Отъ 40 до 50 лѣтъ она составляетъ 36,8°, къ 60 годамъ падаетъ на 36,3°, въ 80 лѣтъ еще разъ поднимается до 37,4°. Старческий возрастъ, слѣдовательно, въ отношеніи собственной теплоты опять приближается къ дѣтскому возрасту.

На собственную теплоту человеческого тѣла имѣетъ вліяніе не только составъ и количество, но и время поступленія въ организмъ пищи. Замѣчено, что температура тѣла повышается непосредственно вслѣдъ за пріемомъ пищи, что она всего ниже ночью, когда желудокъ бездѣйствуетъ, и всего выше въ періодъ послѣобѣденнаго пищеваренія. Изъ этого слѣдуетъ, что питаніе является чуть-ли не самымъ важнымъ источникомъ тепла для собственной температуры тѣла.

Поэтому составъ и количество принимаемой пищи имѣетъ очень большое значеніе для суммы тепла, которую организмъ располагаетъ въ извѣстное время. Чѣмъ хуже составъ пищи, и чѣмъ меньше ея количество, тѣмъ скорѣе человекъ расходуетъ собственную теплоту. Отсюда ясно, отчего выздоравливающіе и старики мерзнутъ скорѣе, чѣмъ здоровые взрослые люди. На основаніи опытовъ дознано, что каждый килограммъ

нашего тѣла, при пищѣ мало питательной, совершенно лишеной бѣлковыхъ веществъ, производитъ въ одинъ часъ 1.198 единицъ тепла, при сѣбашной пищѣ—1.369, и при исключительно мясной пищѣ—1.654 единицы тепла.

Трудъ, какъ умственный, такъ и физическій, также вызываетъ легкія колебанія собственной теплоты. По знаменитымъ изслѣдованіямъ Дэви, усиленная, вслѣдствіе умственныхъ занятій, дѣятельность нервовъ повышаетъ температуру тѣла приблизительно на 0,3°, продолжительное напряженіе мускуловъ повышаетъ ее на 0,7°.

Какъ можно предвидѣть, въ выработкѣ организмомъ тепла не мало значить и климатъ. Достаточно питающійся человекъ, при умѣренной дѣятельности, располагаетъ подъ тропиками въ теченіе сутокъ слишкомъ 1.800 единицами тепла; въ умѣренномъ климатѣ, при тѣхъ же условіяхъ, организмъ вырабатываетъ 2.500 единицъ тепла, въ холодномъ климатѣ—свыше 4.500. Слѣдовательно, тамъ, гдѣ внѣшняя температура всего ниже, принятая пища доставляетъ организму наибольшую сумму тепла.

Важные источники собственного тепла, это дыханіе и обменъ веществъ. Всѣ жизненные процессы связаны съ разложеньемъ матеріи тѣхъ органовъ, въ которыхъ они происходятъ. Разложеніе само по себѣ есть уже важный источникъ тепла, но значеніе его еще усиливается, благодаря тому способу, какимъ организмъ удаляетъ изъ себя продукты разложенія. Извѣстно, что они соединяются съ поступающимъ въ кровь черезъ дыханіе кислородомъ и, обратившись въ воду и углекислоту, выделяются изъ организма различными путями, черезъ легкія и кожу. Такъ какъ это превращеніе въ дѣйствительности не что иное, какъ медленный процессъ горѣнія, то понятно, что горѣніе является очень значительнымъ источникомъ тепла.

Кромѣ этого, выработкѣ тепла отчасти содѣйствуетъ и треніе, происходящее отъ движеній мускуловъ, натягиванія сухожилій, напора легкихъ на грудныя стѣнки при дыханіи, и отъ движенія кровяной массы въ сосудахъ.

Собственная теплота несравненно легче подчинялась бы вліяніямъ внѣшней температуры, если бы организмъ не обладалъ приспособленіями для поддержанія своей температуры на соответствующей высотѣ. При каждомъ вліяніи на кожу холода, тонкіе кровеносные сосуды сжимаются и суживаются, вслѣдствіе чего принимаютъ меньше крови. Благодаря этому, кровь болѣе приливаетъ къ внутреннимъ органамъ; эти послѣдніе сильно нагрѣваются и такимъ образомъ избѣгаютъ простуды. Если же охлажденіе идетъ дальше и захватываетъ болѣе глубокіе слои организма, то отпоръ даетъ подкожная клетчатка, болѣе или менѣе снабженная жиромъ. Жиръ не имѣетъ значенія для болѣе важныхъ функций человеческого тѣла, зато онъ представляетъ прекрасную защиту отъ холода. Мы знаемъ по опыту, что тучныя особы гораздо менѣе страдаютъ отъ холода, чѣмъ худощавыя.

Человѣческій организмъ можетъ защищать себя не только отъ холода, но и отъ чрезмернаго жара. Если внѣшняя температура слишкомъ высока, то ближайшимъ слѣдствиемъ сильнаго нагрѣванія кожи будетъ ослабленіе находящихся въ ней кровяныхъ сосудовъ. Они уже не въ состояніи дать должный отпоръ приливающей къ нимъ крови, и эта послѣдняя наполнитъ ихъ въ усиленной степени. На взглядъ это обиліе крови проявляется краснотой кожи, для организма же важно то обстоятельство, что, благодаря усиленному притоку крови къ оконечностямъ кровеносныхъ сосудовъ, облегчается охлажденіе, такъ какъ кровь можетъ отдать часть своей теплоты окружающей болѣе низкой атмосферѣ.

Гораздо важнѣе другое слѣдствіе избытка крови. Кровь уже при обыкновенныхъ условіяхъ выделяетъ часть заключающейся въ ней воды черезъ кожныя поры. Если же маленькіе кровеносные сосуды наполнены кровью болѣе обыкновеннаго, то ихъ натянутыя стѣнки дѣлаются толще, и отдача воды наружу совершается легче и обильнѣе, при этомъ кожа на ощупь влажна. При содѣйствіи нервовъ, выдѣленіе воды можетъ быть настолько обильно, что поверхность кожи покрывается большими каплями влаги. Мы называемъ это явленіе испариной.

Испаряющаяся изъ крови посредствомъ поръ влага освобождаетъ организмъ отъ излишка собственной теплоты и уравновѣшиваетъ эту послѣднюю. Еще одинъ регуляторъ внутренней теплоты мы имѣемъ въ чувствѣ жажды, удовлетвореніе котораго, мы даемъ возможность нашему тѣлу выдѣлять тѣмъ болѣе влаги черезъ кожу и охлаждаться. Такимъ образомъ, между утоленіемъ жажды и охлажденіемъ нашего тѣла существуетъ взаимодѣйствіе. Вотъ причина, почему выдѣленіе испарины усиливается, когда мы пьемъ.

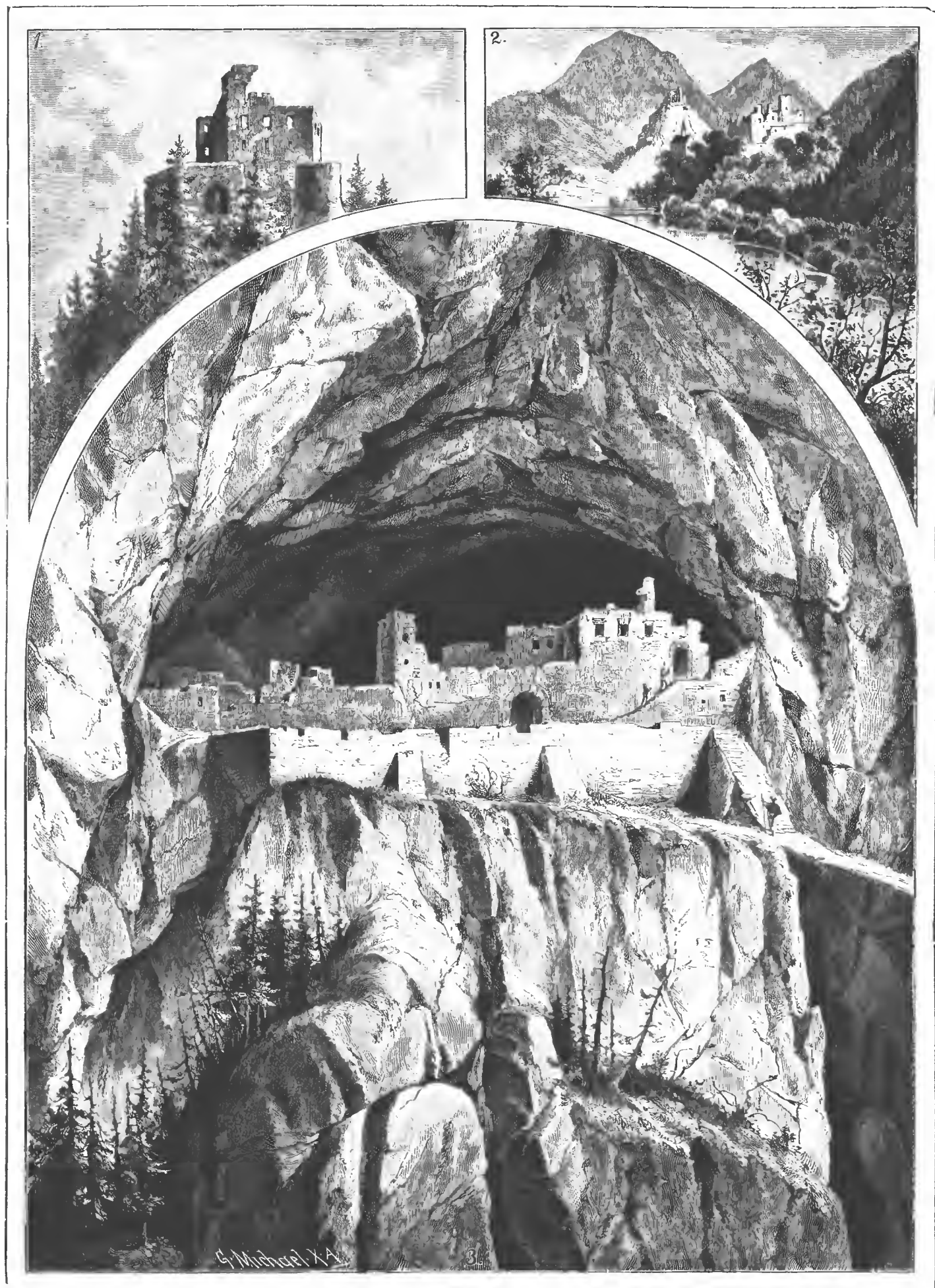
Несмотря на всѣ эти приспособленія, человеческій организмъ не въ состояніи дать отпоръ вредному дѣйствію на него, обыкновенно, низкой или высокой температуры.

Интересно сообщеніе Кэна, путешествовавшего по поляр-

Рысь, захватившая лося. По ориг. эскизу Домбровского, рис. Ф. Шиехт, грав. А. Шиехт.

Библиотека "Руниверс"

Развалины замка Шаллаунъ въ Штиріи. Рис. Вольштегеръ, грав. Михаэль.

1) Старый Тейфенбахъ.

3) Замокъ Шаллаунъ.

2) Развалины Пукса и Кача.

Библиотека "Руниверс"

нымъ странамъ, о трехчасовомъ переходѣ, совершенномъ имъ вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ спутниковъ при температурѣ въ 41° ниже нуля. „Я не могу сказать, рассказываетъ Кэнтъ,— сколько времени продолжался этотъ переходъ, такъ какъ мы были въ какомъ-то странномъ оцѣнѣннѣи и совершенно не сознавали времени. Мы были не въ полной памяти, и пережитое представляется намъ очень смутно, какъ во снѣ. Мы подвигались впередъ, хорошо не понимая, что вокругъ насъ происходило. Медведь и какъ онъ съ ожесточеніемъ рвалъ и трепалъ лежавшую на дорогѣ, наваленную оброшенную нами лѣхую куртку. Животное, впрочемъ, никакого пѣзъ насъ не тронуло. Я помню еще мое смутное опасеніе за цѣлость нашей палатки и оставшихся въ ней припасовъ. Мой спутникъ могъ даже видѣть вдаль, что медведь обращается съ нашей палаткой такъ же безпощадно. Миѣ казалось, что и я это вижу, но мы были словно въ чадѣ отъ страшнаго холода и продолжали спокойно идти впередъ, не умѣя—сколько миѣ помнится— наши шаги“. Эта всеобщая летаргія— ясный признакъ сильнаго пониженія собственной теплоты. Когда эта послѣдняя падаетъ еще больше, сознание мало-по-малу совершенно теряется, и наступаетъ смерть черезъ замерзаніе.

Замѣтимъ при этомъ, что ходичее мѣнѣе, будто алкоголь согреваетъ въ холодную погоду, лишено всякаго основанія. Приемъ алкоголя только усиливаетъ сердцебиеніе, вслѣдствіе чего кровь обильнѣе приливаетъ къ сосудамъ кожи, и является временное ощущеніе теплоты въ наружныхъ покровахъ, ошибочно принимаемое за согреваніе всего организма. На самомъ же дѣлѣ, чѣмъ больше кровь приливаетъ къ кожѣ, тѣмъ меньше ея остается во внутреннихъ органахъ. Кроме того, вмѣстѣ съ усиленнымъ притокомъ крови увеличивается и отдача тепла черезъ кожные поры такъ, что запасъ собственной теплоты въ тѣлѣ расходуется скорѣе обыкновеннаго. Опытомъ установлено, что даже умѣренные приемы алкоголя

при тѣлесномъ покоѣ и вяломъ желудкѣ понижаютъ собственную теплоту. Этимъ объясняется, почему наибольшій процентъ замерзающихъ въ нашемъ климатѣ даютъ скудно одѣтые и плохо питающіеся пьяницы.

Человѣкъ не выноситъ не только чрезвычайнаго холода, но и слишкомъ высокой температуры. Правда, при условіи совершенно сухого воздуха люди могутъ нѣкоторое время выдерживать 79° Ц. Вергеръ и де-ла-Рошъ оставались въ сухомъ воздухѣ даже отъ 8 до 16 минутъ при температурѣ 100—127°, при чемъ ихъ собственная температура повышалась всего на какой-нибудь одинъ градусъ; но пребываніе въ такой жарѣ возможно только, когда окружающій воздухъ совершенно сухъ, и на кожѣ происходитъ сильное испареніе выделяющейся черезъ поры влаги. Если же, напротивъ того, воздухъ насыщенъ водяными парами, то кожа моментально обжаривается, какъ въ кипяткѣ.

О дѣйствіяхъ вѣннннго тепла на собственную температуру человеческого тѣла мы слышимъ каждое лѣто. Въ сильную жару, при работѣ, требующей напряженія мускуловъ, какъ напр. полевые работы или военные маневры, въ особенности, когда изотоприлегающая, прогрѣтая солнцемъ, одежда мѣшаетъ отдачѣ тепла черезъ поры,—собственная теплота можетъ усиливаться до такой степени, что наступаетъ тяжелое заболѣваніе или смерть отъ удара. Смерти отъ жары, какъ и смерти отъ холода, предшествуетъ общее изнеможеніе и сонливость, потомъ умираютъ нервы, мускулы и кѣтки железъ, наконецъ, засыхаютъ бѣлковыя вещества. Предѣлъ повышенія собственной теплоты человеческого тѣла 42,5° Ц. Дальше смерть.

То обстоятельство, что собственная теплота нашего тѣла не зависитъ отъ состояній вѣннннй температуры—кромѣ какихъ-нибудь необычайныхъ измѣненій этой послѣдней—даетъ человеческому роду возможность населять всю землю, иначе тропическія и холодныя страны оставались бы необитаемыми, и распространеніе человечества должно было бы ограничиваться относительно небольшими пространствами.

Великій изобрѣтатель.

Рассказъ Альберта Родериха.

Во время пугествія м-ра Эдиссона по южнымъ штатамъ Америки, въ одномъ довольно большомъ городѣ, въ которомъ проѣздомъ онъ остановился, устроены были въ честь его торжественный обѣдъ. Находившійся на этомъ праздникѣ, въ числѣ прочихъ, газетный репортеръ м-ръ Пеннибахъ, вскорѣ послѣ обѣда, обратился къ знаменитому изобрѣтателю съ разсиромомъ, касавшимся его спеціальныхъ запитій, сумѣлъ завлечь его въ разговоръ, и вскорѣ они окружены были цѣлою толпою любопытныхъ.

— Не трудно-ли вамъ было вначалѣ находить покупателей для вашихъ изобрѣтеній? спросилъ м-ра Эдиссона ревностный собиратель газетныхъ матеріаловъ.

— О, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, отвѣтилъ м-ръ Эдиссонъ— мой первый большой успѣхъ... гм... это, впрочемъ, цѣлая исторія и весьма замѣчательная исторія.

— Расскажите, расскажите ее! раздалось со всѣхъ сторонъ.

М-ръ Эдиссонъ улыбулся, немнѣжко подумавъ и началъ свой рассказъ: „Я былъ тогда еще молодъ, всего 23 лѣтъ, и успѣлъ уже сдѣлать нѣсколько моделей моихъ изобрѣтеній, но убѣжденію моему весьма важныхъ, но не оказалось ни одного человѣка, который согласился-бы дать миѣ средства для практическаго ихъ осуществленія.—Мои же небольшія средства на дорожно-стоиціе опыты скоро истощились.—И вотъ, въ такомъ состояніи, унави духомъ, бродилъ я однажды по улицамъ Нью-Йорка, съ послѣднимъ долларомъ въ карманѣ. Въ это время, на одной изъ лучшихъ улицъ вниманіе мое было привлечено роскошнымъ экипажемъ, остановившимся у одного изъ великолѣпныхъ дворцовъ города, въ который два лакея въ дорогихъ ливреяхъ усадили вышедшую изъ этого дворца чудной красоты молодую даму, одѣтую съ большимъ вкусомъ.—Кто эта дама? спросилъ я у одного изъ лакеевъ.— Тотъ взглянулъ на меня съ какою-то невольнымъ удивленіемъ.— „Это миссъ Циннебеллина Смартъ“, отвѣтилъ миѣ, выѣсто лакея, кто-то изъ прохожихъ, остановившійся, какъ и я, поглядѣть на отъѣздъ молодой леди.— „А здѣсь не живетъ-ли м-ръ Іенкинъ Смартъ?“ спросилъ я, указывая на дворецъ.— И миѣ отвѣтилъ, что „здѣсь“. Я зналъ по газетамъ, да и со словъ знакомыхъ, что м-ръ Іенкинъ Смартъ одинъ изъ первѣйшихъ богатѣй Нью-Йорка, и что миссъ Циннебеллина была единственною его дочерью.

„Задумавшись на мгновеніе, я поднялся по мраморной лѣстницѣ дворца и скоро пробрался въ кабинетъ, встрѣтившись лицомъ къ лицу съ м-ромъ Іенкинномъ Смартымъ. Это былъ человекъ лѣтъ 50, высокаго роста, крѣпкаго тѣлосложенія, съ лицомъ свѣтло-желтымъ, какъ воскъ, и такимъ же спокойнымъ и безжизненнымъ, какъ у восковой фигуры; оно, повидимому, не выражало ни гнѣва, ни ласки, ни досады, ни радости, въ какомъ расположеніи духа бы онъ ни былъ.

„Только однажды удалось кому-то подмѣнить легкую усмѣшку

на этомъ лицѣ, и именно въ тотъ моментъ, когда онъ получилъ извѣстіе о банкротствѣ главнаго его конкурента. Дѣло было такъ: этотъ соперникъ провѣдалъ двумя часами ранѣе его, м-ра Смартъ, о разрѣшенной постройкѣ новой желѣзной дороги, отъ одного маленькаго городка, въ 100 миляхъ отъ Нью-Йорка, и тотчасъ же купилъ въблизи этого городка нѣсколько земельныхъ участковъ на 10 миллионъ долларовъ. Дорога, дѣйствительно, была построена, и участки поднялись въ цѣнѣ до 15 миллионъ долларовъ. Тогда м-ръ Іенкинъ Смартъ купилъ всю дорогу, приоستانовивъ на ней всякое движеніе на три года. Цѣнность участковъ на четвертый годъ до того уже понизилась, что за нихъ нельзя было выручить и одного миллиона долларовъ, и конкурентъ м-ра Смартъ потерялъ все свое состояніе. И вотъ тогда-то промелькнулъ лучъ усмѣшки на безжизненномъ лицѣ этого человѣка.

„Первымъ вопросомъ м-ра Смартъ, когда я остановился предъ его конторкою, былъ: „Что вамъ угодно?“— „Искренне на вашей дочерѣ.“— „Вотъ что—кто же вы такой?“— „Изобрѣтатель.“— „Что же вы изобрѣли?“— „Я не могу представить еще ни одной модели моихъ изобрѣтеній, но недостатку къ тому средствъ.“— „Какого же рода ваши изобрѣтенія?“— „Я работаю надъ электричествомъ.“— „Вотъ что.“— У самой конторки стоялъ растворенный настежь, металлическій шкафъ, поразившій меня своимъ громаднымъ размѣрами.— „М-ръ Смартъ“, спросилъ я, „считаете-ли вы этотъ шкафъ надежною гарантіею отъ воровъ?“— „О, нѣтъ, нисколько, но крайній мѣрѣ, пока живъ тотъ слесарь, который его сдѣлалъ. Одинъ замокъ стоитъ миѣ 6000 долларовъ, но сдѣла-ли онъ годенъ.— Врывался ко миѣ уже четыре раза.“

— „Поэтому вы, м-ръ Смартъ, должны находиться постоянно въ тревожномъ состояніи?“— „Едва замѣтная морщинка появилась на его восковомъ лицѣ.

— „Что вы скажете, м-ръ Смартъ, если я придѣлаю къ вашей кассѣ такой механизмъ, что всякій взломъ окажется невозможнымъ, да и самъ преступникъ, при первомъ покушеніи, тутъ же попадется въ ваши руки.“— „Да, если-бы это было возможно.“— „Я попытаюсь, но въ случаѣ успѣха, отдадите-ли вы за меня вашу дочь?“— „Въ такомъ случаѣ я уйду отъ васъ тысячу долларовъ.“

— „Сожалѣю, но остаюсь при своемъ требованіи.

— „Хорошо, сказать онъ, наконецъ,— въ случаѣ успѣха я даю мое согласіе на бракъ вашъ съ моею дочерью.

— „Превосходно, сегодня же вечеромъ я сдѣлаю вашу кассу вполнѣ недоступною для всякихъ покушеній.

„Въ продолженіе 27 минутъ, послѣ 8 часовъ вечера, устроилъ я свой механизмъ при кассѣ, на глазахъ самаго м-ра Смартъ. — На слѣдующій день, въ 10 часовъ утра, отправился я опять въ его дворецъ и при самомъ входѣ встрѣченъ былъ камердинеромъ, получившимъ приказаніе тотчасъ же провести

меня въ кабинетъ. — „Вашъ господинъ“, сказала я этому чело-
вѣку, — „эту ночь, кажется, былъ псздоровъ?“ — „Такъ точно,
очень псздоровъ и въ безсознательномъ положеніи“. — „А
теперь?“ — „Теперь онъ совсѣмъ оправился и, по обыкновенію,
занимается въ своемъ кабинетѣ“.

„Войдя въ его комнату, я не могъ замѣтить ни въ немъ, ни
на восковомъ лицѣ его, ни малѣйшей перемѣны. — „Какъ вы
чувствуете себя, м-ръ Смартъ?“ спросилъ я. — „Благодарю;
по почему вы объ этомъ спрашиваете?“ — „М-ръ Смартъ, вчера,
точно въ полдень моего ухода, въ половинѣ девятого, вы пора-
жены были у вашей кассы электрическимъ ударомъ и впади
въ безчувственное состояніе“. — „Это такъ“. — „А сегодня
утромъ, опять въ половинѣ девятого, вы очнулись, не такъ-ли?“
— „Все это совершенно вѣрно“. — „И то же самое, м-ръ Смартъ,
случится съ каждымъ, кто вздумалъ бы пробраться къ вашей
кассѣ, не зная моей электрической западни“.

— „Но я могъ и совсѣмъ не очнуться?“ — „О, насчетъ этого я
совершенно спокоенъ, несмотря даже на то, что падъ чело-
вѣкомъ этотъ мой опытъ былъ первымъ“. — „И вы могли знать
въ точности, сколько времени продлится такое безчувственное
состояніе?“ — „Съ математическою точностью. Продолжитель-
ность вашего обморока ограничена была моимъ приборомъ на
12 часовъ, и точно такъ же она могла быть установлена на 24

часа, на 9 часовъ и даже на 5 минутъ и 6 секундъ“. — „От-
лично“. — „Стало-быть, вы соглашаетесь, м-ръ Смартъ, что объ-
щанное мною въ точности исполнено?“ — „Вполнѣ“. — „Позвольте
же надѣяться, что и ваше обѣщаніе будетъ исполнено, и что
вы не откажете мнѣ въ рукѣ вашей дочери“. — „Я никогда не
измѣняю данному слову. Я сказалъ вамъ, что даю свое со-
гласіе на бракъ вашъ съ моей дочерью“. — „Да, такъ какъ
же?“ — „Но моя дочь своего согласія на это не дастъ. — Мо-
лодой челоѣкъ, не обижайтесь: я покуюна въ ваши изобрѣ-
тенія и выдаю авансомъ сто тысячъ долларовъ“.

„Вотъ, милостивыя государыни и милостивые государи, —
такъ заключилъ м-ръ Эдиссонъ свой рассказъ, — та исторія,
которой я обязанъ моимъ первымъ успѣхомъ“.

— Интересная, замѣчательная исторія, заговорили со всѣхъ
сторонъ слушатели, выражая, вѣстѣ съ тѣмъ, признатель-
ность м-ру Эдиссону за разсказанное. — Неугомонный же га-
зетный репортеръ добавилъ еще вопросъ: продавалъ-ли Эдис-
сонъ м-ру Смарту послѣ этого даяніи свои изобрѣтенія?

— Ну, вѣтъ, отвѣтилъ м-ръ Эдиссонъ, — этого я не могъ
сдѣлать: я слишкомъ много изобрѣлъ. — Видите-ли, и эту исто-
рію, которая только что мною разсказана...

— Ну?

— И эту исторію я тоже изобрѣлъ...

Къ рисункамъ.

Первый менуэтъ. (Рис. на стр. 533).

Персичивость дѣтей всѣмъ извѣстна, и игры ихъ въ „боль-
шіе“ всегда зашиты. Художники нерѣдко выбираютъ эту
сторону дѣтской жизни для своихъ картинъ, и такіа картины
намъ милы и дороги, какъ напоминаніе о лучшей порѣ нашей
жизни. У художника Ангеля, на его картинѣ, ребятишки ста-
рательно выплясываютъ менуэтъ, извѣстный и распростра-
ненный танецъ прошлаго вѣка, подъ непрощенную музыку
одного изъ участниковъ дѣтской затѣи, покинутого своей мо-
лодой дамой, быть можетъ, за неудачный реверансъ.

Сельская школа. (Рис. на стр. 536).

Помѣщенная на стр. 536 гравюра, съ замѣтной публичкой
на послѣдней Академической выставкѣ картины А. А. Кисе-
лева, переноситъ насъ въ даліе село, въ незатѣйливую,
полную ребятишекъ, сельскую школу. Подъ умѣлымъ руко-
водствомъ преданной всею душою своему дѣлу учительницы,
работа въ школѣ кипитъ, каждый поглощенъ своимъ заня-
тіемъ. И невольно, при взглядѣ на эту тихую, какъ бы незы-
мѣтную дѣятельность вноминаются слова:

Сѣйте разумное, доброе, вѣрное,
Сѣйте! — Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ...

Морозъ 25°. (Рис. на стр. 537).

„Морозъ 25°“ — такъ называется одна изъ послѣднихъ
работъ маститаго профессора Н. Сверчкова. И безъ этого
названія на зрителя такъ и вѣстѣ убійственнымъ холодомъ,
при которомъ приходится иногда путникамъ пробираться по
снѣжнымъ сугробамъ нашей матушки Россіи, въ ея студеная
долгія зимы.

Задумалась. (Рис. на стр. 541).

Весною степь зеленая
Цвѣтами вся разубрана,
Вся птичками легучими,
Шѣвучими полнымъ-полна;
Ночью онѣ и день, и ночь.
То пѣсенки чудесны!
Ихъ слушаетъ красавица
И смысла ихъ не вѣдаетъ,
Въ душѣ своей не чувствуетъ,
Что пѣсенки тѣ — волшебныя:
Стоитъ она, задумалась,
Дыханьемъ чаръ овѣяна;
Завала въ грудь любовь-тоска,
Нейдегъ съ души тяжелый вздохъ;
Грудь бѣлая волнуетъся,
Что рѣченька глубокая...

А. Нольцовъ.

Рысь, захватившая лося. (Рис. на стр. 544).

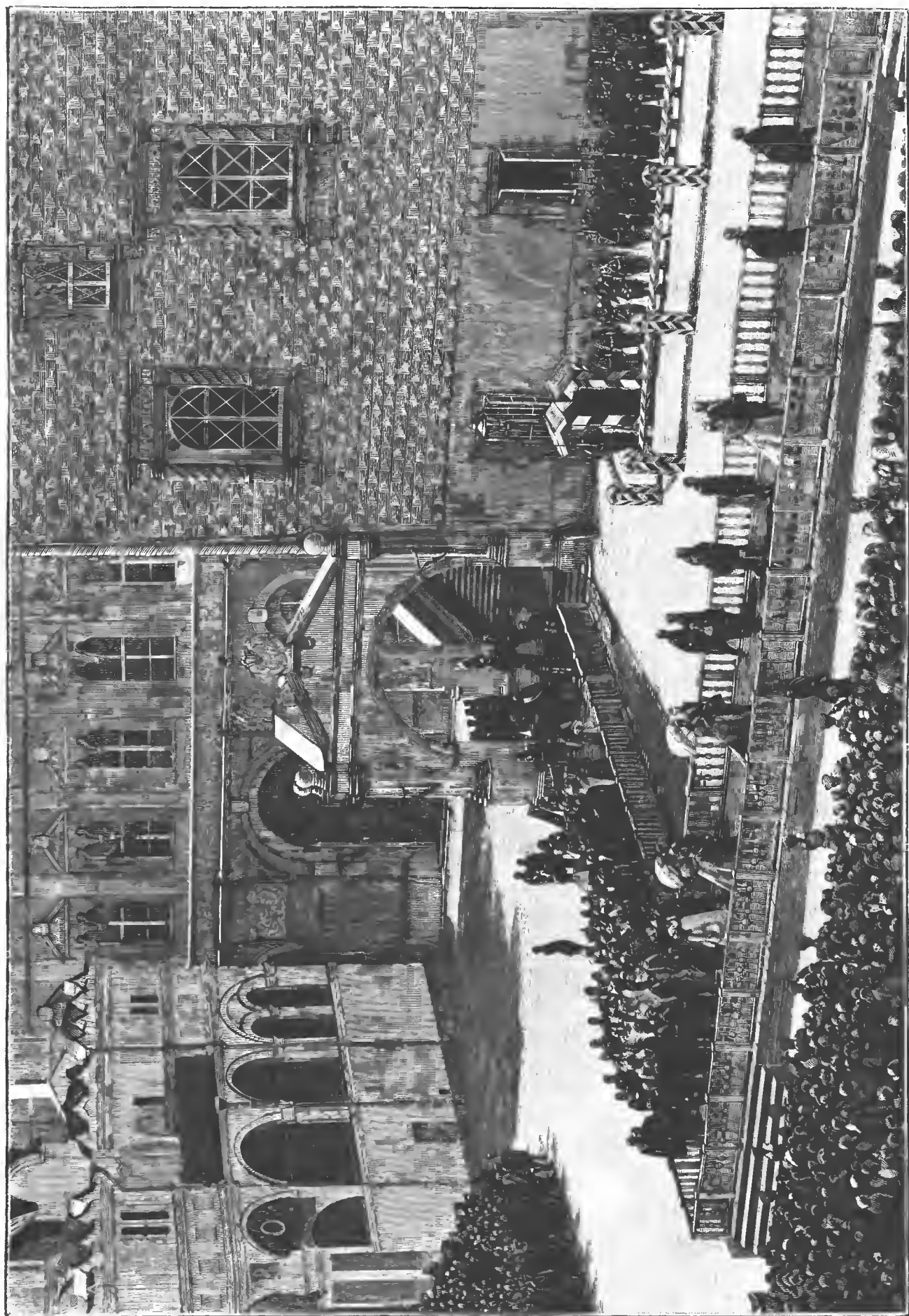
Встрѣчающася еще до сего времени въ сѣверныхъ странахъ
Европы рысь напоминаетъ по хищности и кровожадности сво-
ихъ сородичей, обитающихъ въ теплыхъ странахъ; отличается
она отъ этихъ представителей кошачьей породы по внѣшнему
виду, главнымъ образомъ, короткимъ хвостомъ и кисточками
на ушахъ. Рысь знавала еще въ древнемъ Римѣ, и указанія о
ней можно найти у Плинія. Въ то время она водилась въ
средней полосѣ Европы: въ Германіи и Швейцаріи она напе-
далась, но рѣдко, еще въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка.
Послѣдняя рысь была убита въ Виртембергѣ въ 1846 году.

Въ Швеціи и Норвегіи, а также и у насъ, въ Россіи, рысь
попадаеся до сего времени въ лѣсахъ, гдѣ она приноситъ не
мало вреда дичи. Скрытую въ чащѣ, въ густой травѣ или ка-
мышкахъ, а гдѣ скалы, то въ ущельяхъ и пещерахъ, ее трудно
замѣтить и выслѣдить. Напротивъ, обладавъ превосходнымъ зря-
ніемъ, которое даже вошло въ пословицу, и чутьемъ, которое
лучше, чѣмъ у другихъ кошекъ, сама хищница не упуститъ
изъ вида ни одной жертвы съ кровожадности. Благодаря своей
силѣ и ловкости, рысь можетъ одолѣть не только мелкую
дичь, но справляется съ косулями и оленями, и даже лосями,
какъ это изобразжено на нашемъ рисункѣ. Выслѣдивъ, она
осторожно къ нимъ подбѣгаетъ и затѣмъ двумя-тремя
прыжками, сажени по 2 каждый, она вскакиваетъ на спину
жертвы, запускаетъ свои когти и прокусываетъ шейныя арте-
рии. Она сидитъ на животномъ, пока оно не пердохнетъ, и
остается на немъ, куда-бы оно ни побѣжало отъ страха и
боли. Тѣтъ рысь немногочисленна, и остатки убитаго животного доѣда-
ютъ лисцы и волки. Только вслѣдствіе испомѣрной кровожад-
ности рысь заѣдаетъ столько животныхъ, сколько сможетъ,
оттого вредъ, приносимый ею, чрезвычайно великъ, и совер-
шенное истребленіе ея весьма желательное.

Развалины замка Шаллаунъ въ Штиріи.

(Рис. на стр. 545).

Обыкновенно, величественныя развалины замковъ вѣща-
ютъ горныя вершины. Совершенно своеобразное исключеніе
представляютъ изъ себя развалины замка Шаллаунъ въ
Пуксовомъ ущельѣ, въ зеленой Штиріи. Развалины распо-
ложены недалеко отъ станціи Шейффлингъ, лежащей на желѣзно-
дорожной линіи, соединяющей Брукъ съ Виллахомъ. Остатки
замка, какъ видно на рисункѣ, находятся изъ широкомъ входѣ
въ пещеру, лежащую на значительной высотѣ въ откосѣ
скалы, почти недоступной челоѣку. Въ могучей Пуксовой
горѣ, спускающейся къ Муру почти отвѣсною стѣною, на вы-
сотѣ нѣсколькихъ сотенъ футовъ надъ долиною, замѣтно
углубленіе, подобное громадной черной пещерѣ. Это входъ въ
обширную пещеру, углубляющуюся, какъ говорятъ, на нѣзые
часы пути въ глубь горы. Въ этомъ углубленіи рѣзко вырисовы-
ваются на темномъ фонѣ пещеры бѣлыя, старыя стѣны замка
Шаллаунъ. Собственно, названіе пещернаго замка было когда-
то Veste Chalon, но нынѣ онъ болѣе извѣстенъ подъ вышес-
приведеннымъ именемъ или Ruher Luegg. Безъ сомнѣнія, за-
мокъ нѣкогда служилъ пристанищемъ какому-нибудь рыцарю
изъ тѣхъ, кто занимался разбоемъ, и про кого въ народѣ со-
хранилось не мало страшныхъ разсказовъ. Тѣ, кому удастся
добраться до развалинъ, не могутъ удержаться отъ содро-
ганія при взглядѣ сквозь пустыя окна и безжизненные об-
ломки въ черную пещеру. Но разсказамъ, пещера оро-
шена подземною рѣкою, что, само собою разумѣется, было
послѣднимъ при осадѣ замка, которымъ и безъ того трудно
было овладѣть. Въ незначительномъ отдаленіи отъ замка Шал-
лаунъ лежатъ еще вѣскольکو замковъ и развалинъ. Неболь-
шой рисунокъ № 1 представляетъ живописный видъ на раз-
валины стараго Тейфенбаха, расположеннаго противъ Шал-
лауна на другомъ берегу Мура. Ниже, въ долинѣ, лежатъ
новый замокъ Тейфенбахъ съ селомъ того же имени. Если
посмотрѣть изъ стараго Тейфенбаха къ сѣверо-западу, гдѣ
Пуксова гора кончается низкими отрогами, то легко можно
замѣтить у самаго Мура вершину, обросшую зеленью. На
откосѣ вершины стоитъ церковь, а на вершинѣ развалины.
Это Пуксъ, противъ котораго виденъ Качъ, какъ это изобра-
жаетъ рисунокъ № 2.

Пребывание Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Москвѣ. Десятилѣтіе священнаго коронованія.
Большой выходъ на Красное крыльцо. Съ фот. К. Финшера, грав. Шюбгертъ.

Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Москвѣ. Торжественная закладка памятника Императору Александру II, 14-го мая 1893 г. По фот. Г. Фишера, грав. М. Раппевскій.

Пребывание Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Москвѣ. (Рис. на стр. 548 и 549).

Помните стихи Хомякова:

Народомъ полонъ Кремль великій,
Народомъ движется Москва,
И слышны радостные клики,
И звонъ и громы торжества.
Нашъ Царь въ стѣнахъ издревле славныхъ,
Среди ликующихъ сердецъ...

Сами собою напрашиваются на воспоминание стихи эти, когда приходится говорить о послѣднихъ торжествахъ, по случаю десятилѣтія коронаціи, происходившихъ въ Москвѣ, во время пребыванія тамъ Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Членовъ Августѣйшаго Дома. Торжествамъ этимъ мы посвятили въ прошломъ номерѣ „Нивы“ подробную статью; теперь даемъ гравюру (стр. 548) съ чрезвычайно удачно снятаго фотографіей момента большого выхода на Красное крыльцо. Впечатлѣніе передано поразительно вѣрно. Народная толпа и торжественное шествіе по устланному краснымъ сукномъ помосту, а на фонѣ этой залитой солнцемъ картины — величественныя зданія Кремля, все это наглядно представлено на рисункѣ. Подробности самаго выхода были описаны въ упомянутой выше статьѣ. На помѣщаемой на стр. 549 гравюрѣ изображенъ моментъ закладки памятника Императору Александру II, происходившей 14 мая, въ Кремлѣ, на Дворцовой площади.

Для закладки на дѣѣ обширной выемки подготовительныхъ земляныхъ работъ — былъ пастзанъ полъ, а на пемъ устроенъ открытый шатеръ. Съ восточной его стороны была установлена глыба гранита, обтесанная и полированная, въ которой сдѣлано углубленіе для закладки. Къ шатру, вшитъ, веда лѣстница на пологому скату, гдѣ были устроены мѣста для почетныхъ зрителей. Въ половинѣ одиннадцатаго часа утра съ крестнымъ ходомъ изъ Успенскаго собора пришло духовенство.

Кругомъ, на насыпяхъ выемки и по всему пути отъ входа къ мѣсту закладки выстроены были войска. Внизу, на дѣѣ выемки, справа отъ помоста вытянулся въ своихъ высокихъ медвѣжьихъ шапкахъ, караулъ роты дворцовыхъ гренадеръ, все великоросые старые ветераны, служившіе при покойномъ Государѣ.

Его Императорское Высочество Августѣйшій генералъ-фельдцейхмейстеръ, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ обходилъ войска и здоровался.

Въ 11 часовъ прибыли Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, Ихъ Императорскія Высочества Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великій Князь Михаилъ Александровичъ, Великія Княжны: Ксенія Александровна, Ольга Александровна, Великіе Князья: Владиміръ Александровичъ съ супругою Великою Княгинею Марією Павловною, Кириллъ Борисъ и Андрей Владиміровичи, Алексѣй Александровичъ, Сергій Александровичъ съ супругою Великою Княгинею Елисаветою Теодоровною, Павелъ Александровичъ. Царская Фамилія, прѣхавъ нѣсколько раньше, встрѣтила Ихъ Величествъ у входа, гдѣ были собраны, съ Августѣйшимъ генералъ-губернаторомъ во главѣ, комитетъ по построенію памятника. Члены комитета поднесли Государынѣ и Великимъ Княгинямъ букеты живыхъ цвѣтовъ.

При прибытіи Ихъ Величествъ, войска взяли на караулъ, заграли встрѣчу и затѣли „Боже, Царя храни“. Ихъ Величества и свита спустились въ шатеръ, и преосвященный Александръ началъ молебствіе, войска взяли на молитву; послѣ чтенія Евангелія и молитвы преосвященный взялъ золоченую закладную доску и прочиталъ вслухъ ея надписи: „Въ лѣто отъ рожденія Бога Слова 1893 г., мая 14-го дня, при державѣ Благочестивѣйшаго Самодержавѣйшаго Великаго Государя Нашего Императора Александра Александровича всея Россіи, при Супругѣ Его Благочестивѣйшей Государынѣ Императрицѣ Маріи Теодоровнѣ, Наслѣдникѣ Его

Благовѣрному Государѣ Цесаревичѣ Николаѣ Александровичѣ и при Благовѣрномъ Великомъ Князѣ Сергіи Александровичѣ, генералъ-губернаторѣ Московскомъ, заложенъ сей памятникъ, почившему въ Божѣ, въ лѣто 1881-е, марта въ 1-й день, Великому Государю Нашему Императору Александру Николаевичу всея Россіи, сооруженный добродѣтельнымъ лждивеніемъ русскаго народа въ Кремлѣ Московскомъ, по чертежамъ и подѣ наблюдѣніемъ художника Павла Жуковскаго и зодчаго Султанова“. Затѣмъ преосвященный окропилъ мѣсто закладки, Государя, Государыню и вся Царская Фамилія положили туда монеты, преосвященный прикрылъ доскою, Его Величеству подали на блюдахъ: академикъ Опекушинъ (отлвняющій изъ бронзы статуя въ памятникѣ) растворъ извести, художникъ Жуковский — кирпичъ, архитекторъ Султановъ — молотокъ. Его Величество положилъ первый кирпичъ памятника. Съ Тайницкой башни Кремля ударила пушка, и начался салютъ, подѣ громъ котораго въ томъ же порядкѣ продолжали закладку: Государыня Императрица и Члены Царской Семьи. Затѣмъ положили камни: преосвященный Александръ и члены комитета. Архіерей окончилъ молебствіе и протоіакобъ возгласилъ вѣчную память Императору Александру II. Государь, всѣ присутствовавшіе оцѣтились на колѣни.

Торжество закончилось провозглашеніемъ многолѣтія Государю и Царствующему Дому.

Проектъ сооружаемаго въ Кремлѣ памятника Императору Александру II. (Рис. на стр. 552 и 553).

Сооружаемый нынѣ въ московскомъ Кремлѣ памятникъ Императору Александру II будетъ состоять, какъ это видно на помѣщаемыхъ на стр. 552 и 553 рисункахъ проекта, изъ трехъ частей: 1) террасы, или громаднаго постамента, напоминающаго кремлевскую башню и возвышающагося отъ кремлевскаго сада вплоть до уровня Дворцовой площади; 2) галереи съ арками, окаймляющей верхнюю часть террасы и 3) шатра, или сѣни, подѣ которой помѣщается бронзовое изображеніе въ Божѣ почившаго Императора, обращенное лицомъ къ кремлевскимъ соборамъ. По обѣимъ бокамъ террасы устроены лѣстницы, ведущія съ Дворцовой площади въ кремлевскій садъ. Изъ-подъ галереи будетъ открываться живописный видъ на Замоскворѣчье; ночью, освѣщенная блестящею электрическими фонарями, галерея будетъ какъ-бы свѣточемъ, возвышающимся надъ Москвой. Памятникъ будетъ однимъ изъ высочайшихъ зданій столицы, такъ какъ голова орла, вѣнчающаго сѣнь, будетъ находиться на одной вышинѣ съ вторымъ ярусомъ колоколовъ колокольни Ивана Великаго, то-есть на 81 аршинѣ отъ земли.

Подготовительныя земляныя работы по сооруженію памятника шли три уже года. Наносная почва покрывала глубокіе слои песка и глины, недостаточно устойчивые, чтобы на нихъ осововать фундаментъ такого грандіознаго сооруженія, какое задумано, для увековѣченія памяти Императора Александра II. Приходилось врываться глубоко въ землю, чтобы дойти до скалы, служащей основаніемъ Москвы, для чего потребовалось сдѣлать выемку въ восемь саженъ глубины и вырыть около восьми тысячъ кубическихъ сажень грунта. Теперь на этой основной скалѣ выведены уже своды, на которыхъ будетъ выложенъ фундаментъ.

Во время работъ было найдено множество остатковъ старинны и древнихъ изразцовъ самыхъ оригинальныхъ рисунковъ.

Найдены также черепя и кости на двухъ кладбищахъ, о существованіи которыхъ не имѣлось никакихъ указаній. Часть этихъ останковъ древнихъ обитателей Москвы заключена была въ гробахъ, часть — въ выдолбленныхъ колодахъ, а много остоновъ найдено сваленными въ кучи, какъ-бы погребенными во время эпидеміи или послѣ битвы. Описание археологическихъ находокъ изготавляется строителемъ памятника Н. В. Султановымъ и составитъ отдѣльный томъ подготавляемаго имъ труда — исторіи работъ по постройкѣ памятника Александру II.

Яковъ Карловичъ Гротъ.

† 24-го мая 1893 года.

Въ прошломъ году, въ началѣ сентября, въ № 36 „Нивы“, были помѣщены портретъ и біографія ординарнаго академика, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, вице-президента Императорской Академіи Наукъ, Якова Карловича Грота, по поводу празднованія Академіей 60-ти-лѣтней годовщины вступленія его на поприще литературной и ученой дѣятельности. Несмотря на свои лѣта (81 годъ), маститый ученый нашъ былъ тогда въ полной силѣ и, трудясь съ обычною ему живою энергіей, казалось, заставлялъ забывать свой преклонный возрастъ. Популярная, почтенная дѣятельность его была для насъ, русскіхъ людей, до того изодворна, до того мы привыкли къ ней, что о возможномъ предѣлѣ ея какъ-то трудно было подумать, а тѣмъ болѣе ожидать, что предѣлы этотъ близокъ. Еще утромъ 24-го мая Я. К. всталъ совсѣмъ здоровымъ, работалъ по обыкновенію и въ четыре часа, прилегши послѣ

небольшой прогулки отдохнуть, почувствовалъ ознобъ. Послали за докторами. Къ 7 часамъ вечера температура больного поднялась до 40°. Но онъ былъ въ полной памяти и свободно разговаривалъ съ близкими, увѣряя ихъ, что у него вичего не болитъ, и что онъ чувствуетъ себя хорошо. Черезъ часъ онъ скончался тихо и почти безболѣзненно.

На всеподданѣйшемъ донесеніи министра Народнаго Просвѣщенія о кончинѣ Я. К. Грота, Государь Императоръ изволилъ собственноручно начертать: „*Меня эта смерть весьма огорчила. Я зналъ Я. К. Грота болѣе 35-ти лѣтъ и привыкъ любить и уважать эту достойную личность.*“

Эти слова выраженія Царской печали, по поводу кончины маститаго ученаго, высказали то, что вмѣстѣ съ своимъ Царемъ чувствуетъ все русское общество послѣ понесенной утраты. Всѣмъ извѣстный, всѣмъ уважаемый, Я. К. Гротъ

много принесъ пользы въ продолженіе своей многолѣтней дѣятельности.

Кончивъ курсъ въ Императорскомъ Александровскомъ лицѣ съ золотой медалью, Я. К. предпочелъ открывавшейся ему блестящей административной карьерѣ—ученую и литературную. Поэтъ и литераторъ въ молодые годы, онъ 28 лѣтъ былъ уже облеченъ званіемъ профессора, благодаря своимъ научнымъ трудамъ. И съ этихъ поръ онъ, замѣчательный знатокъ русской словесности, стоялъ, можно сказать, на стражѣ нашего языка, охраняя его чистоту, силу и красоты.

Къ самымъ выдающимся трудамъ покойнаго принадлежатъ его цѣнные сочиненія, статьи и замѣтки по русской грамматикѣ и лексикологій, сгруппированныя въ его знаменитыхъ „Филологическихъ разысканіяхъ“; затѣмъ его огромный трактатъ „О

спорныхъ вопросахъ русскаго правописанія“ по праву далъ ему первостепенное мѣсто въ почетныхъ рядахъ русскихъ филологовъ. Извѣстное его руководство „Русское правописаніе“ стало настольною книгою всякаго грамотнаго русскаго человѣка.

Порученное Я. К. Академіею Наукъ и блестяще выполненное имъ изданіе сочиненій Державина, лившееся филодомъ его 20-ти-лѣтнихъ трудовъ, а также и главное редактированіе новаго академическаго изданія „Словаря русскаго языка“, сдѣлали его имя незабвеннымъ въ русской литературѣ. Последняя много ему обязана еще тѣмъ, что онъ ознакомилъ ее съ поэтическими сокровищами шведской и финской литературы и въ то же время открылъ шведамъ и финнамъ широкій доступъ къ изученію нашего языка и литературы. Сочиненія Я. К. переведены на многіе иностранные языки.

Разныя извѣстія.

— 22 мая, Ихъ Императорскія Величества позволили присутствовать въ Петропавловскомъ соборѣ на заупокойной литургіи, отслуженной по въ Божѣ почивающей Императрицѣ Маріи Александровнѣ.

— Съ Высочайшаго соизволенія учреждено въ Тульской епархіи викаріатство, съ наименованіемъ викарія епископомъ Каширскимъ.

— Призывъ новобранцевъ для пополненія арміи и флота опредѣленъ въ нынѣшнемъ году въ 262,000 человекъ.

— Въ № 69 „Собр. узак.“ напечатаны Высочайше утвержденныя правила для принятія предупредительныхъ противъ заноса эпи-

демическихъ болѣзней мѣръ по морскимъ границамъ Имперіи.

— 15 мая, въ посадѣ Новая-Прага, Александрійскаго уѣзда, Херсонской губ., состоялось открытіе изыщной колоніи, сооруженной на средства мѣстнаго земства въ память пребыванія Ихъ Императорскихъ Величествъ въ губерніи, въ 1888 г.

— Попечителемъ Юрьевскаго учебнаго округа издано распоряженіе объ устройствѣ при всѣхъ народныхъ школахъ Прибалтійскаго края русскихъ учительскихъ библиотекъ.

— 26 іюня открывается въ г. Венденѣ

(Лифляндской губ.) всероссійская выставка скотоводства, птицеводства, пчеловодства, продуктовъ сельскаго и лѣснаго хозяйства, сельскохозяйственныхъ орудій и предметовъ кустарнаго производства. При выставкѣ будетъ устроенъ базаръ илеменного скота.

— Управленіе казенныхъ желѣзныхъ дорогъ сдѣлало распоряженіе о бесплатной перевозкѣ рабочихъ по всѣмъ казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ въ мѣста появленія са-ранчи.

— 23 мая, въ Рыбинскѣ, въ присутствіи г. министра Финансовъ, праздновалось пятидесятилѣтіе мѣстной биржи.

Политическое обозрѣніе.

Выдающимися событіями истекшей недѣли являлись заявленія графа Кальноки, сдѣланныя имъ комиссіи по иностраннымъ дѣламъ въ венгерской делегаціи.

Въ своей рѣчи министръ иностранныхъ дѣлъ, между прочимъ, высказалъ: „Удивительно, что газеты пугали въ обращеніе лозунгъ о неупоминаніи тройственнаго союза въ тронной рѣчи. Въ союзѣ никакихъ перемѣнъ не произошло, прочности его такая же, какъ прежде, только чувство увѣренности въ сохраненіи мира успило. Не должно, однако, упускать изъ виду мѣста тронной рѣчи, относящагося къ преобразованію военной силы имперіи. Преобразование это обуславливается не столько настроеніемъ державъ, сколько общимъ положеніемъ съ военной точки зрѣнія. Должно надѣяться, что чувство увѣренности въ сохраненіи мира окажется долговѣчнымъ. Что касается неупоминанія балканскихъ государствъ въ тронной рѣчи, то если однажды въ тронной рѣчи упомянуто было о Болгаріи—это сдѣлано было потому, что Болгарія стояла на первомъ планѣ, и общественное мнѣніе было нѣсколько встревожено. Персмѣны въ Сербіи произошли такъ спокойно, и ими народъ такъ доволенъ, что ихъ никакъ нельзя назвать революціей. Партийныя страсти породили въ Сербіи такое настроеніе умовъ, что политика Ристича стала непримѣнимой. Австро-Венгрія политикой въ Сербіи не занимается, она придаетъ значеніе лишь фактическому проявленію дружескихъ чувствъ въ области какъ личныхъ, такъ и торгово-политическихъ сношеній. Въ Италіи громадное большинство населенія высказалось за союзъ, и въ виду лояльнаго образа дѣйствій римскаго правительства „претендента“ не представляеть значенія. Общее международное положеніе осталось неизмѣненнымъ. Особую важность для политики представляютъ отличныя отношенія къ Россіи“. При этомъ министръ счелъ возможнымъ представить увѣреніе въ томъ, „что по отношенію къ Австро-Венгріи, какъ у императора Александра III, такъ и у правительства, преобладаютъ лишь

доброжелательныя намѣренія и, конечно, было бы отрадно, если отношенія къ Россіи, бывшія, впрочемъ, и прежде хорошими, еще улучшатся. Въ будущемъ такія отношенія окажутся однимъ изъ важнѣйшихъ мотивовъ къ прекращенію господствующей нынѣ въ Европѣ напряженности военныхъ приготвленій и къ тому, чтобы увеличенію военной силы во всѣхъ государствахъ былъ положенъ конецъ, и чтобы наступили такіе нормальные порядки, какіе мы, стремящіеся лишь къ мирной политикѣ, считаемъ своею цѣлью. Въ этомъ отношеніи имперія дѣйствуетъ съ большою осторожностью, принимая въ особое вниманіе положеніе финансовъ. Создается именно такая организація, которая, во всякомъ случаѣ, останется въ силѣ“.

Отмѣчая эту рѣчь, нашъ *Journal de St. Pétersbourg* пишетъ: „Общественное мнѣніе приметъ съ живымъ удовольствіемъ заявленія, которыя такъ хорошо составлены для его успокоенія и которыя освѣщаютъ нынѣшнія условія общаго положенія дѣлъ“.

Предположенію этому не суждено было оправдаться всецѣло, ибо въ Германіи и въ Англіи заявленія графа Кальноки были встрѣчены совсѣмъ не дружелюбно.

Такъ, *National Zeitung* прямо злобствуетъ, находя, что мирная рѣчь графа Кальноки и возбужденный делегатомъ Лупузомъ вопросъ о разоруженіи подстрекаютъ оппозицію противъ германскаго военнаго законопроекта. Коль скоро отношенія Австріи къ Россіи такъ прекрасны, говоритъ газета, то ничто не мѣшаетъ Германіи устроить свои отношенія къ Россіи на основаніи взгляда, установившагося въ силу давнишнихъ и только съ 1890 г. прерванныхъ традицій—взгляда, что Германія и Россія—сосѣди, не имѣющие въ высшей политикѣ никакихъ дѣйствительно противорѣчивыхъ интересовъ. Въмѣсто войны на два фронта, усиленіе арміи въ такомъ случаѣ приведетъ еще къ болѣе дѣйствительному превосходству Германіи передъ Франціей. Да и въ Италіи, вѣроятно, останутся довольны такимъ упрощеніемъ положенія въ Европѣ.

Смѣсь.

Гигантскій мостъ собираются построить англичане между островомъ Цейлономъ и материкомъ для желѣзнодорожнаго пути. Цѣль этой постройки—стратегическая.

Воспитаніе дѣтей въ Японіи. Кормленіе молокомъ продолжается тамъ нѣсколько лѣтъ. Когда у ребенка начинаютъ прорѣзываться зубы, ему даютъ, кромѣ материнскаго молока, еще особую пищу, приготовленную изъ рыбы и маленькихъ раковъ. Цѣловать дѣтей у японцевъ строго запрещено, и это очень разумный обычай, который слѣдовало бы ввести и у насъ. Подѣлу дѣтей между собою или съ взрослыми служатъ самымъ частымъ способомъ передачи заразныхъ болѣзней. Интересно, что скарлатина въ Японіи очень рѣдкая болѣзнь. Не обладаетъ-ли этотъ народъ особой невосприимчивостью къ этому бичу нашихъ дѣтей?

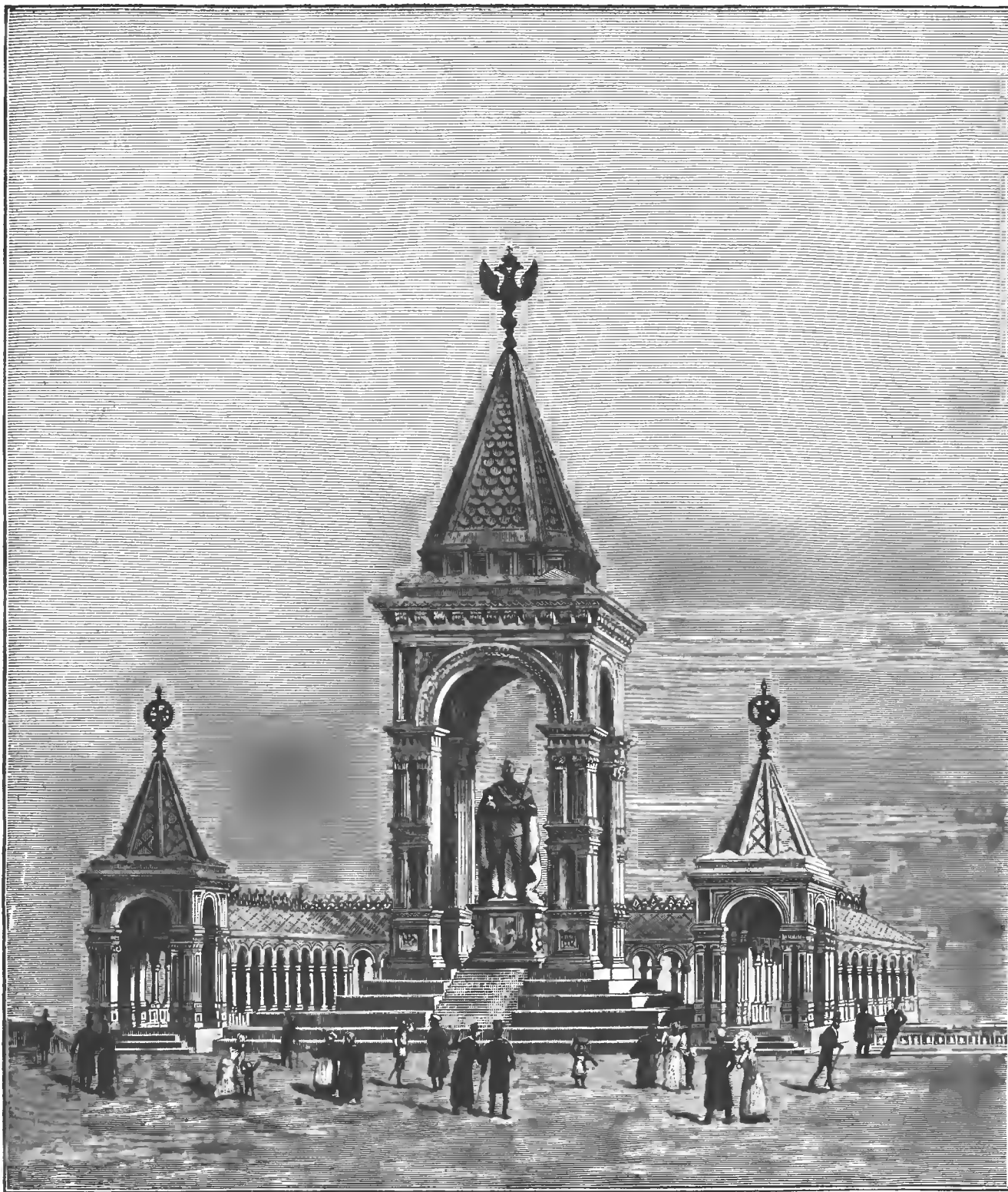
Огромная стерлядь была поймана недавно въ Дунаѣ, близъ венгерскаго города Гіенгіе. Она оказалась длиною 1½ сажени, а вѣсомъ 22 пуда. Чучело ея хранится въ Вѣнскомъ музеѣ.

Оливковое масло добывается въ наибольшемъ количествѣ въ Испаніи. Тамъ ежегодное производство этого продукта достигаетъ среднимъ числомъ 2.750.000 литровъ, въ то время какъ въ Италіи добывается его лишь 1.750.000, во Франціи 380.000 и, наконецъ, въ Калифорніи 51.000 литровъ. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ этихъ четырехъ странъ производства оливковаго масла, Испанія добываетъ болѣе всѣхъ остальныхъ, вмѣстѣ взятыхъ.

Постоянное электрическое освѣщеніе Атлантическаго океана, на всемъ пути отъ Европы до Сѣверной Америки, собирается устроить образовавшееся для этой цѣли во Франціи общество. Довольно смѣлый проектъ этотъ предполагается привести въ исполненіе въ самомъ узкомъ мѣстѣ океана, а именно, между Ирландіей и Нью-Фаундлендомъ. Въ двухъстахъ англійскихъ миляхъ другъ отъ друга поставлены будутъ на якоряхъ десять большихъ пловучихъ маяковъ, въ видѣ башенъ, снабженныхъ гигантскими электрическими рефлекторами.

Зеленая окраска жабры и щупальцев у некоторых устриц происходит, как оказывается из последних исследований, благодаря маленьким зеленым растеньицам, служащим им в пищу. Красящее начало этих водорослей. — нерастворимыя зеленныя зер-

шихся в этомъ городѣ освѣтительныхъ проволокъ съ телефонными. Соприкосновение этихъ проволокъ вызвало такой сильный токъ, что во всѣхъ телефонныхъ спайкахъ расплавились предохранители, что и послужило причиной пожара на фабрикѣ.

**Проектъ сооружаемаго въ Московскомъ Кремлѣ памятника Императору Александру II.
Лицевая сторона, обращенная къ Дворцовой площади.**

По рис. съ модели, сдѣланной по работ. П. Жуковскаго. Султанова и акад. Опекунина, грав. Хелмницкій.

нышки, — поступаая въ кровь устрицы, причиняетъ, должно быть, вредъ организму животнаго, вслѣдствіе чего оно стремится удалить ихъ изъ тѣла. Кровяныя тѣла захватываютъ въ себя зеленныя зернышки, направляются съ ними къ жабрамъ и щупальцамъ, проникаютъ въ самый наружный слой клетокъ, а оттуда выходятъ уже наружу, выводъ, такимъ образомъ, изъ организма вредное вещество, — явленіе, вполне аналогичное борьбѣ фагоцитовъ (бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ) съ бактеріями въ тѣлѣ высшихъ животныхъ и человека. (г. в.)

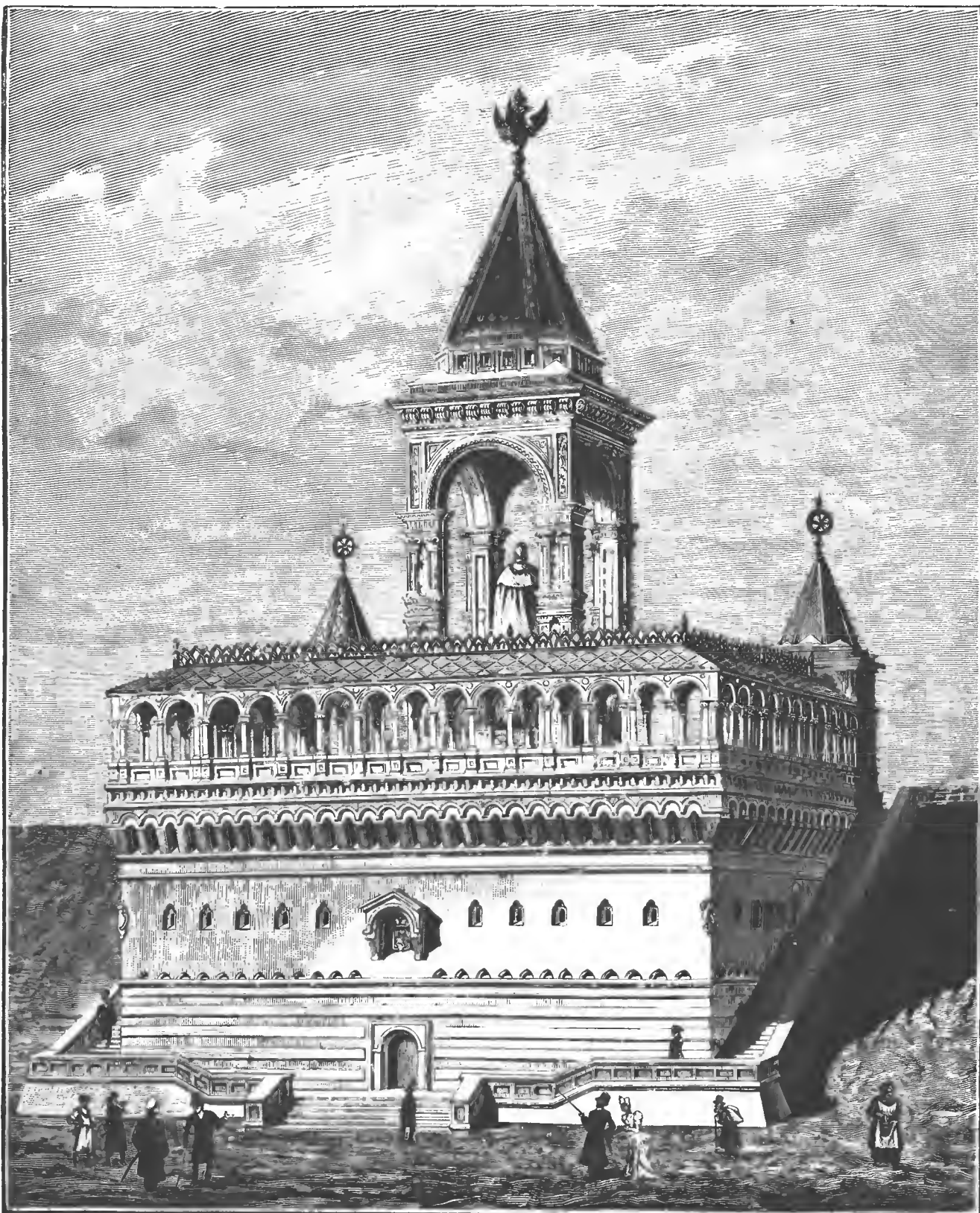
Пожаръ по телеграфу произошелъ недавно въ Америкѣ, на одной фабрикѣ, въ 30 миляхъ отъ г. Банханалтона, отъ спутан-

наго экскурсіи туристовъ на островъ Шпицбергенъ организуется этимъ лѣтомъ въ Норвегіи. Островъ, какъ извѣстно, лежитъ всего въ 10 градусахъ отъ сѣвернаго полюса въ Ледовитомъ океанѣ. Уже нанято специальное судно, снабженное всѣми жслательными удобствами. То, что считалось недавно подвигомъ, теперь становится развлеченіемъ, увеселительной прогулкой любителей.

Убѣжище для обиженныхъ женъ. Законъ Магомета предоставляетъ женѣ, терпящей обиду отъ своего мужа, оставить послѣдняго и избрать себѣ убѣжище, въ которое тотъ не имѣетъ права вступить. Согласно этому велѣнію своего пророка, турчанки

избрали съ этой цѣлью небольшую мѣстность, въ которой каждая обиженная мужемъ жена можетъ найти себѣ пріютъ и спастись отъ его преслѣдованій. Такое почетное назначеніе получило селеніе Мадара, въ 8 километрахъ отъ Шумлы. Въ селеніи этомъ про-

живаетъ теперь около 2,500 „униженныхъ и оскорбленныхъ“ женъ. Первой явившейся сюда была Фатима, родственница самого Магомета. Выгнанная изъ дому своимъ супругомъ Абубекромъ, она кое-какъ добралась до Болгаріи и поселилась близъ Шумры—нынѣшней

**Проектъ сооружаемаго въ Московскомъ Кремлѣ памятника Императору Александру II.
Терраса и галерея, обращенныя къ Замоскворѣчью.**

По рис. съ модели, сдѣланной по работ. П. Жуковского, Султанова и акад. Опекушина, грав. Флюгель.

ЗАЯВЛЕНІЕ

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№ „Нивы“ Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полную годовую плату за „Ниву“ 1893 года, озаботиться своевременными срочными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Г.г. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероля, подъ которымъ получается ими „Нива“.

Шумлы — въ одинокой избушкѣ. Въ скоромъ времени къ ней присоединилось еще пѣсколько левинныхъ жертвъ семейной неурядицы... Число членовъ этой женской общины къ вѣщему стыду турецкихъ мужей, все росло и росло... Образовалась цѣлая женская республика, гражданки которой научились даже владѣть оружіемъ на случай нападенія на нихъ болгаръ. Къ началу XIV вѣка община эта, разросшаяся въ селеніе и назвавшаяся Мадарой, насчитывала около 400 женщинъ. По присоединеніи Болгаріи къ Турціи, вопреки ожиданію, султанъ Магометъ II издалъ въ 1478 году специальное прѣдѣ, по которому Мадара и всѣ направляющіяся въ это убѣжище жены, похъ условіемъ вѣрности ихъ исламу, приняты на вѣчныя времена

подъ высокое покровительство падишаха. Кромѣ того, жительницы Мадары совершенно освобождены отъ всѣхъ налоговъ и повинностей и имъ предоставлена полная свобода дѣйствій въ границахъ дозволеннаго кораломъ. Эта привилегія сохранилась за ними до сихъ поръ въ полномъ объемѣ. Онѣ живутъ общиной, не платятъ и теперь никакихъ налоговъ и, несмотря на приму приверженности исламу, не покрываютъ лица чадрой. Такимъ образомъ, подъ покровительственной сѣнью Мадары ютятся женщины самыхъ разнообразныхъ общественныхъ классовъ и изъ разныхъ мѣстностей Оттоманской имперіи — всѣхъ ихъ уравниваетъ здѣсь семейное горе. (н. э.)

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городские подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНИЕ: Воля судьбы. Историческій романъ въ трехъ частяхъ Нн. М. Н. Волконскаго. (Продолженіе). — Пропавшій человекъ. (Фантаст.). — Собственная теплота человѣческаго тѣла. Физиологическій очеркъ д-ра Паринера. — Великій изобрѣтатель. Разсказъ Альберта Родериха. — Къ рисункамъ: Первый менуэтъ (съ рис.). — Сельская школа (съ рис.). — Морозъ 25° (съ рис.). — Задумалась (съ рис.). — Рысь, захватившая лося (съ рис.). — Развалины замка Шаллаунъ въ Штири (съ рис.). — Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Москвѣ (съ 2 рис.). — Преніе сооружаемаго въ Кремлѣ памятника Императору Александру II (съ 2 рис.). — Я. Н. Гротъ. — Разныя извѣстія. — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Завѣтаніе. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

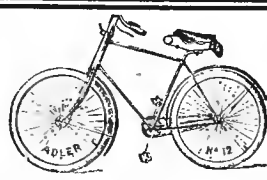
При семъ № прилагаются: 1) СБОРНИКЪ „НИВЫ“ за ЮНЬ; 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ЮНЬ 1893 г. съ 35 рис. и отд. листъ съ 29 чертѣ. вынр. въ натур. велч., 8 планами построекъ и 26 рис. египетскихъ работъ.

Надатель А. Ф. Марксъ.

Редвкторъ Нн. М. Н. Волконскій.

L'ILLUSTRATION EUROPEENNE

Journal international de la famille 16 pages grand format. Deux N-os colorés de 24 pages (Ete et Noël) par an. Abonnement 6 roubles par an pour la Russie. Le meilleur moyen d'entretenir l'usage de la langue française dans les familles. N-o Spécimen contre envoi d'un timbre de 10 copecks à l'Editeur, Bruxelles. Belgique. № 6363

Гейнрихъ Клейеръ. велосипеды „Орель“ Франкфуртъ н М. (отдѣлен. въ Гамбургѣ).

Спеціальная фабрика знаменитыхъ 24—9

велосипед. „Орель“.

На всемірной выставкѣ въ Чикаго въ группѣ 83.

Иллюстр. прейс-курнтъ за 10 коп. марку.

ГЛАВНОЕ ДѢЛО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ (8)

Специалистъ хронометровъ. СПбургъ, Невскій пр. № 52 прот. Пыл. Публ. Библиотека. Подробный иллюстр. прейс-курнтъ по востреб. безплатно. Пересылка на счетъ на- газлив. Ручательство на 2 года. № 6283

АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ ИЗЪ ДЕРЕВА

составленный Л. Н. СЕРГѢЕВЫМЪ. ИЗДАНИЕ 2-е, дополненное новыми рисун. Цѣна въ литограф. оберткѣ 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 60 коп. Съ требованіемъ обращаться въ СИБ., въ контору журн. „Нива“, Невскій, д. № 6.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. За условіемъ обрат. письменно: Генрихъ Блонкъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59. 12—10

ЭЛЕОПАТЬ

Пр. КИНУНЕНЪ

ДЛЯ ВОЛОСЪ. ЭЛЕОПАТЬ Кинуна находится для продажъ во всѣхъ больш. вытек. и космет. магазинахъ. Цѣна фл. содерж. 120 граммъ 1 р. 50 к. безъ перес. № 6260 (8)

Провизоръ Кинуненъ.

Проситъ обращать вниманіе на нѣлмо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона. Провизоръ Кинуненъ. Главный складъ: Демидовъ пер., № 1.

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

ЖЖЕНЫЙ КОФЕ

ТЕРСКОЙ. ПОЛНОЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ. А. ГИППИУСЪ. КОМЪ ПОСРЕДНИ. ПЕРВОМУ ПОСРЕДНИ. БЕЗПЛАТНО. Л. ФОРШТРЕМЪ. ЕЖЕДНЕВНО СВЯЖИТЪ.

ЦВѢТОЧНЫЙ ОДЕКОЛОНЪ УДОСТОЕННЫЙ СЕРЕБРЯНОЙ МЕДАЛИ НА ВСЕРОСС. МОСКОВС. А. С. УИКО. ПАРФЮМЕРІА ВЫСШАГО КАЧЕСТВА МОСКВА. РЕИСКУРАНТЪ ВЫСЛАЕТСЯ БЕЗЪ ПЛАТНО.

Leichner's Fettmilder
ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.
Пудра для вечера и дня, незамѣтная на кожѣ! Косметическое средство для уту- шенія красоты кожѣ! Цѣна коробки 1 рубль! Театральная гримировка! Жирныя румяна, бѣлѣла. Нарандаши для бровей! Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ Бельгійскихъ Императорскихъ театровъ. Главный складъ для всей Россіи: у В. Аурихъ, Болотная, № 18. С.-Петербургъ.

EAU DENTIFRICE BALSAMIQUE DE LOHSE БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5121 (28) Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму: ГУСТАВЪ ЛОЗЕ 46. Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ. Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и въ всѣхъ аптекахъ Россіи.

НАТУРАЛЬНАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ: Въ послѣднее время появились въ продажѣ искусственныя воды подъ названіемъ „ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ“, почему настоятельно просимъ при покупкѣ нашей натуральной воды, обращать вниманіе на ярлыкѣ съ короной. Дирекція источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ „ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ“ въ Будапештѣ. Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и Заграницы. Дирекція въ Будапештѣ.

Schlesischer Obersalzbrunnen Oberbrunnen

Первоклассный алькалическій источникъ, съ успѣхомъ примѣняемый съ 1601 г. Анализъ и подробности объ источникѣ выслаются по почтѣ безплатно: Контора отпраши киянскихъ минеральныхъ водъ въ ОБЕРЗАЛЬЦБРУННЪ. ФУРБАХЪ и СТРЕБОЛЬ, Зальцбруннъ, въ Силезіи. 10—4 Склады во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Ц. № 6873

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ! КАЧУКОВЫЙ МОЗОЛЬНЫЙ ПЛАСТЫРЪ А. БЕРГГОЛЬЦА. Продаются во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ и резниковыхъ магазинахъ. Главное дѣло: Невская аптека магистра А. Берггольца. Невскій проспектъ 68, въ С.-Петербургѣ. № 6262 11—5 Цѣна коробки 40 коп.

МОЗОЛЬНЫЙ ПЛАСТЫРЪ А. ЦИМЕРА ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ ГЛАВ. МОСКВА, МЯСНИЦКАЯ Д. КОСТЫРЕВОЙ

УДОЧКИ и всѣ вообще принадлеж- ности для рыбной ловли полу- чены изъ Англіи въ боль- шомъ выборѣ въ магазинахъ С. И. Дойникова въ С.-П.-г., Невскій пр., Милостивъ радъ, д. Лес- никовой № 27—18, н въ Гостиномъ дворѣ № 73 по Садовой. Иллюстр. прейс-курнтъ рыбол. принадлежностей выслаются безплатно.

ЗАИКАНІЕ ЛѢЧИТЪ УСПѢШНО К. ЭРНСТЪ. Проспектъ безвозмездно. СПб., Симеоновская, 5. Учебникъ 3 руб.

ТРЕБУЕТЕ НАСТОЯЩЕЕ МЫЛО АМОСТРОУМОВА отъ головной перхотѣ

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ НАЧИНАЯ СЪ 12 Р. ДО 500 РУБЛЕЙ СОБСТВЕННЫЯ МАСТЕРСКІЯ, БРУНО ЗЕНГЕРЪ И К° СПЕЦИАЛЬН. НЕВСКІЙ ПР. 25-1. ОПТ. СКЛАДЪ.

ФОТОГРАФИЧ. АППАРАТЫ

№ 6414 для Г.Г. любителей. 2-2

Всѣдѣствіе новѣйш. изобрѣтѣн. фотограф. искусство такъ легко, что всякій безъ особенн. подготовки, можетъ снимать вполнѣ хорошіе портреты, группы и ландшафты. Цена прибора 15, 18, 25, 35, 50 руб. и др. Всѣ принадл. отъ 9 р. за наборъ.

Е. КРАУСЪ и К^о

фабр. въ Парижѣ, Rue de Bondy, 32.

ЕДИНСТВ. СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ

въ С.-Петербургѣ, Мойка № 42.

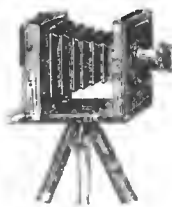
Наставленіе и пдлостр. прейсъ-курнтъ вы-
сылаются за сзми коп. почт. марку.

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО
Д-РА ЛЕНГИЛЯ
въ вѣнѣ для БЛИЗКИ, СМЯЧЕНІЯ
и ЧИСТОТЫ
КОЖИ, ЛИЦА
и РУКЪ

Придаетъ Кожи Свѣжій Видъ,
рекомендуется какъ
Хорошее Туалетное Мыло
НАСТОЯЩЕЕ ТОЛЬКО ЗА ПОДПИСЬЮ
ВАСИЛІЯ АУРИХЪ въ С.ПЕТУРГѢ

ЕДИНСТВЕННАГО АГЕНТА
для Россіи.

271²/₃ версты въ 12 часовъ.
Англійскіе велосипеды заводоу:
Зингеръ и № и
Козманъ „Триумфъ“.
Представитель:
Генрихъ Георгиевичъ ЖЕМЛИЧКА.
Москва, уголъ Тверской и Газетнаго переулка, домъ Фалалѣ-Фейтъ, яг. № 19.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЯ КАМЕРЫ

въ громадн. выборѣ.
Нов. иллюстр. прейсъ-
курнтъ высылаются.

МОМЕНТАЛЬНЫ ПЛАСТИНКИ**„БЕРНАРТЪ“.**При складѣ имѣет-
ся лабораторіи и раз-
леченія при покупкѣ
безвозмездно. 10-5**К. И. Фреландтъ.**

С.-Петербургъ, у Казанскаго моста д. № 30. 16.

Москва, Мясницкая, д. Соколова.

Харьковъ, Московская ул. д. Штейфана.

КОНТОРА
ЕГОРА МАЙЕРЪ
въ Москвѣ

(учрежденная въ 1872 г.)

СТРАХУЕТЪ отъ тиражей пога-
шенія билеты 1-го и 2-го выст-
рѣпныхъ съ выигрыш. займовъ.

Владѣльцевъ билетовъ, застра-
хованныхъ въ означенной кон-
торѣ и вышедшихъ въ предше-
ствовавшие тиражи погашеній, по-
корѣйше просить предъявить
неотлагательно (хотя расчетъ по
обмѣну производится конторою въ
теченіе 10 лѣтъ) чрезъ корреспон-
дентовъ или прямо въ контору
въ Москвѣ эти билеты для
обмѣна на другіе, невредимые
въ тиражѣ. III. № 6427

Порученія изъ провинціи испол-
няются съ обратною почтою.

Всѣя справки о процентныхъ
бумагахъ высылаются немедленно,
если на отвѣтъ будутъ приложены
четырнадцать коп. почт. марками.

SINAPISME RIGOLLOT**Горчичники РИГОЛЛО или Горчичная Бумага.**

ПРИНЯТЫ ВО ВСЕМЪ СВѢТѢ. Требуется подписи
изобрѣтателя P. RIGOLLOT, отпечатанную краснымъ
цвѣтомъ на каждомъ листѣ и на каждой коробкѣ.
№ 6303 ПХОДНТСЯ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ. 10-4

Продается оптомъ P. RIGOLLOT et Cie, 24, avenue Victoria, Парижъ.

ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА
ДУХИ: „ПЕРСИДСКАЯ СИРЕНЬ“
„ЛЮБИ МЕНЯ“
„КОРИЛОПСИСЪ“
„ИСПАНСКАЯ КОЖА“
„КОНЕЦЪ ВѢКА“
„ЛѢСНОЙ ЛАНДЫШЪ“.

НОВОСТЬ! Прелестная туалетная
вода „О-де-БРОКАРЪ“

ФАБРИКЪ

Брокаръ и К^о.

Невскій, д. 30, СПБ. № 6423 3-1

КРАСКА

для волосъ

ПРИДВОРНАГО ПАРФЮМЕРА

АЛЕКСАНДРА ГЕРКЕ

окрашивается въ черный и коричневый
прочный цвѣтъ, смотря по надобности
(9) свѣтлѣе и темнѣе. № 5924

Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

Главный складъ А. Энгельмундъ, С.-Пе-
тербургъ, Бассейная, № 2. Получать
можно въ Высочайше утвержденномъ
русскомъ обществѣ торговли аптекар-
скими товарами, Казанская, 12 и во
всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфю-
мерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи.

1865.

1882.

1870.

ТОВАРИЩЕСТВО

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАПУФАКТУРЫ**въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,**

учрежденное въ 1860 году,

просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ**
обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 6372 26-4

въ особенности на **ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГЕРБЪ**

право пользованія которымъ принадлежитъ исключительно Товариществу Россійско-Американской
Резиновой Мануфактуры, и годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).

1860
Т.РА.РМ.
С.ПЕТЕРБУРГЪ.

Новое издание А. Ф. МАРКСА въ СПБ.

Только что вышло изъ печати и поступило въ продажу

НОВОЕ, ОДИННАДЦАТОЕ ИЗДАНИЕ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ Н. В. ГОГОЛЯ,

ЗНАЧИТЕЛЬНО ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ,

подъ редакціею академика, профессора Н. С. Тихонравова, съ приложеніемъ двухъ портретовъ Н. В. Гоголя, гравированныхъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ, съ двумя автографами Гоголя и иѣсколькими его собственноручными рисунками.

Это, по счету одиннадцатое, а по полнотѣ первое, собраніе сочиненій Н. В. Гоголя издано въ пяти большихъ томахъ in 8°, заключающихъ въ себѣ около 170 печатныхъ листовъ, на лучшей бумагѣ, и отпечатано четкимъ красивымъ шрифтомъ.

При редактированіи настоящаго одиннадцатаго изданія было обращено вниманіе на устраненіе главныхъ недостатковъ тѣхъ изданій „Сочиненій Гоголя“, которыя вышли съ 1873 по 1888 годъ включительно, а болѣе всего, на полноту собранія и на правильность печатаемаго текста.

Въ настоящее изданіе вошли все доселѣ напечатанныя „сочиненія“ Гоголя, при чемъ не было сдѣлано никакихъ отступленій отъ плана, начертаннаго самимъ Гоголемъ для полнаго собранія его сочиненій.

Въ настоящее одиннадцатое изданіе вошли не помѣщенные въ прежнихъ изданіяхъ отрывки, наброски и тексты неоконченныхъ произведеній: 1) стихотвореніе „Непогода“, 2) „Отрывокъ изъ неоконченной повѣсти“, 3) „Начало неоконченной повѣсти“, 4) „Дополненіе къ развязкѣ Ревизора“, 5) „Женихи“, 6) „Выдержки изъ карманныхъ записныхъ книжекъ“ и 7) „Предувѣдомленіе для тѣхъ, которые пожелаю бы сыграть, какъ слѣдуетъ, „Ревизора““.

Сочиненія, вышедшія въ свѣтъ при жизни Гоголя, напечатаны въ настоящемъ изданіи въ окончательныхъ редакціяхъ; тѣ изъ его поэтическихъ произведеній, которыя подверглись коренной, въ теченіе многихъ лѣтъ, переработкѣ, помѣщены въ двухъ редакціяхъ — первоначальной и окончательной. Мелкіе варианты текста, напечатанные въ десятомъ изданіи „Сочиненій Гоголя“, въ настоящее изданіе не включены, но отдѣльныя мѣста, и цѣлыя страницы, переѣланные или по личнымъ соображеніямъ автора, или по требованію старой цензуры, помѣщены въ „примѣчаніяхъ редактора“.

Цѣна за все 5 томовъ — 6 рублей, съ пересылкою 7 руб. 50 к., а въ пяти роскошныхъ коленкоровыхъ переплетахъ 8 руб. 50 к., съ пересылкою 10 руб. 50 к.

Требованія и деньги адресовать въ С.-Петербургъ, въ Контору изданій А. Ф. Маркса, Невскій, д. 6.

Въ Москвѣ, у Н. Н. Печковской, Петровскія линіи.

Изданіе это можно получить также у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Только что вышло изъ печати и поступило въ продажу новое изданіе

А. Ф. МАРКСА, въ СПБ.—гѣ:

„РУССКІЙ ЛѢСЪ“.

Соч. Э. К. АРНОЛЬДА.

ТОМЪ I.

ВТОРОЕ пересмотрѣнное и значительно дополненное изданіе. Большой томъ, отпечатанный на лучшей бумагѣ, съ приложеніемъ 2-хъ картъ, изображающихъ лѣсистость — одна Россія, по отдѣльнымъ уѣздамъ, другая — западно-европейскихъ государствъ, также пересмотрѣнныхъ и исправленныхъ.

Первое изданіе этого тома разошлось въ очень короткое время, а между тѣмъ спросъ на него не уменьшается. Такой успѣхъ изданія слѣдуетъ конечно приписать своевременному появленію книги, подробно тракующей вопросы лѣсного хозяйства и лѣсоохраненія.

Въ этомъ томѣ подробно разъясняются новые законы о сохраненіи лѣсовъ и вызванныя ими административныя распоряженія. Статистическія свѣдѣнія замѣнены новыми данными; усилено вниманіе читателей на санитарное значеніе лѣсовъ; помѣщенъ вышедшій до мая 1893 г. Циркулярный предписаніи г. Министра Государ. Имуществъ; новыя правила для составленія упрощенныхъ плановъ хозяйства и для снабженія частныхъ лицъ древесными сѣменами и саженцами и проч., и проч., и проч.

Предварительно печатаніи 2-го изданія, 1-й томъ „Русскаго Лѣса“ былъ тщательно пересмотрѣнъ. Пользуясь указанными пяти-лѣтнимъ опытомъ примѣненія лѣсоохранительнаго закона, составители признали необходимымъ частью исключить все то, что перешло въ исторію и оказалось изжившимъ въ настоящее время, частью же дополнить и изменить разъясненіями народившіеся новые вопросы, а преніе освѣтить въ духѣ новыхъ утвержденій взглядовъ.

Желая по возможности сдѣлать книгу доступною для каждаго, издатель намѣлъ возможнымъ понизить цѣну ея съ 5 р. на 4 р., съ пересылкой 4 р. 50 к.

Также выфотелъ въ продажѣ 2-й и 3-й томы „Русскаго Лѣса“. Цѣна за все три тома 14 р. съ пересылкой.

Съ требованіями обращаться въ СПБ., въ Контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

Иодисто-соляное КУПАНЬЕ ГАЛЛЬ. Верхняя Австрія.

Самая крѣпкая іодистая соль на континентѣ, противъ золотухи и всѣхъ общихъ и спеціальныхъ болѣзней, при которыхъ іодъ служитъ важнымъ лѣчебнымъ средствомъ. Превосходныя лѣчебныя приспособленія (купанья и минеральныя воды, водолѣченіе, вдыханіе, массажъ, мефуръ).

Весьма благопріятныя климатическія условія. Железнодорожная станція. Путь черезъ Линцъ на Дунай. СЕЗОНЪ съ 15-го мая по 30-е сентября.

Подробныя программы на разныхъ языкахъ высылаются бесплатно R. № 6273 4—4 Лѣчебное управленіе купанья ГАЛЛЬ.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОМЕОПАТИЧЕСКАЯ АПТЕКА

(существо. съ 1834 г.) С.-Петербургъ, Гороховая, 15.

Гомеопатическія аптечки: домашнія, карманныя и проч. отъ 3 р. (Противохолерныя съ руководствомъ — 1 р. 50 к., 2 р. 25 к., 3 р. и 7 р.). Главный складъ руководствъ по гомеопатіи на всѣхъ языкахъ. Редакція ежемѣс. популярнаго журн. „Врачъ-Гомеопатъ“ (3 р. въ годъ съ перес.).

Немедлен. и аккуратная отправка заказовъ во все мѣста Имперіи, по желанію нал. и тележ.

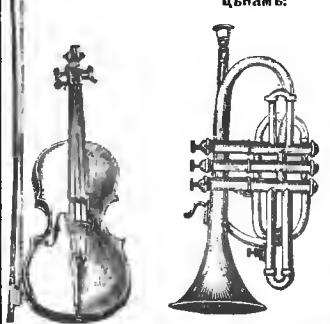
ГОМЕОПАТИЧЕСКАЯ ЛѢЧЕБНИЦА

Гороховая, 15, кв. 4 (надъ центральною гомеопатическою аптекою).

№ 6429

Пріемъ больныхъ ежедневно, кромѣ суббота, отъ 2 1/2 до 4 час. Плата 30 к.

Лучшаго качества по умѣреннымъ цѣнамъ:

СКРИПКИ

по 2, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дороже.

Смычки для скрипки по 50 коп., 1 р., 1 1/2, 2, 3, 5, 10, 15, 20, 30 и 60 р.

Футляры для скрипки по 3 1/2, 5, 7, 10, 15, 25, 40 и 60 р.

Струны, капифоль и все другія принадлежности.

Скрипки 3/4, 1/2 и 1/4 величины для дѣтей по тѣмъ же цѣнамъ какъ и большія.

КОРНЕТИ-А-ЛИСТОНЪ

хорошей американской работы въ 12, 15, 22, 25 и 35 руб., собственной С.-Петербургской фабрики въ 50, 60, 75 и 100 р.

Знаменитой фабрики Connors въ 90 руб., 150 руб. и 250 руб.

Все другія музыкальныя инструменты въ громадномъ выборѣ, лучшаго качества и также по дешевымъ цѣнамъ.

Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно.

По полученіи задатка приблизительно 1/3 стоимости заказа требуется высчитывается съ наложеннымъ платежомъ на остальную сумму.

Шлюстрпорт. прейсъ-куррантъ — бесплатно.

Юлій ГЕНРИХЪ

ЦИММЕРМАНЪ

главное депо

музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.

С.-Петербургъ, В. Морская, № 34 и 40.

Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

ЛЕНИНГЪ и ГИЗНИНЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатаются иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2450

1-й ВЫИГРЫШНЫЙ
заемъ, 1 июля тиражъ, продается на условіяхъ дешевыхъ и добросовѣстныхъ
БАНКИРСКИЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
59, Невскій, СПб. (4—1)
1 марта с. г. на билетъ II займа, сер. 02031 № 25, купленный въ Банк. Домъ съ задаткомъ 20 руб., налѣ выигрышъ въ 5000 р. и 1 мая с. г. на билетъ III (Дворянскаго) займа 05413, № 04 выигрышъ въ 500 р.

ПИСУЩАЯ МАШИНА 25—18

РЕМИНГТОНА № 5
„новѣйшая изъ всѣхъ существующихъ системъ“
принадлежитъ лучшей въ свѣтѣ. Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота.
Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежденій.
Прейсъ-куррантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительствъ и другихъ учреждений, высылаются бесплатно. № 5999
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва, С.-Петербургъ, Варшава, Одесса, Екатеринбургъ, Кокандъ.

XXIV г.
№ 24

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIV
1893

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и
Выданъ 12 июня 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цена этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1893 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку конпарейль (1/4 шир.
стр.) въ Глав. Кон. Ред. по
1 руб.—Загран. для Франціи
у Agence Navas по 3 fr., для
Австр., Герман. и Швейц. у Ri-
dolf Mosse по 2 марки 50 pf.

Безъ доставки въ Петер-
бургъ.

5 р.

Съ доставкою въ Петер-
бургъ.

6 р. 50 к.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 10 р.

На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.

На 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р. 50 к.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл.
И. И. Мещковской, Петровск. Торг. лпн.

6 р.

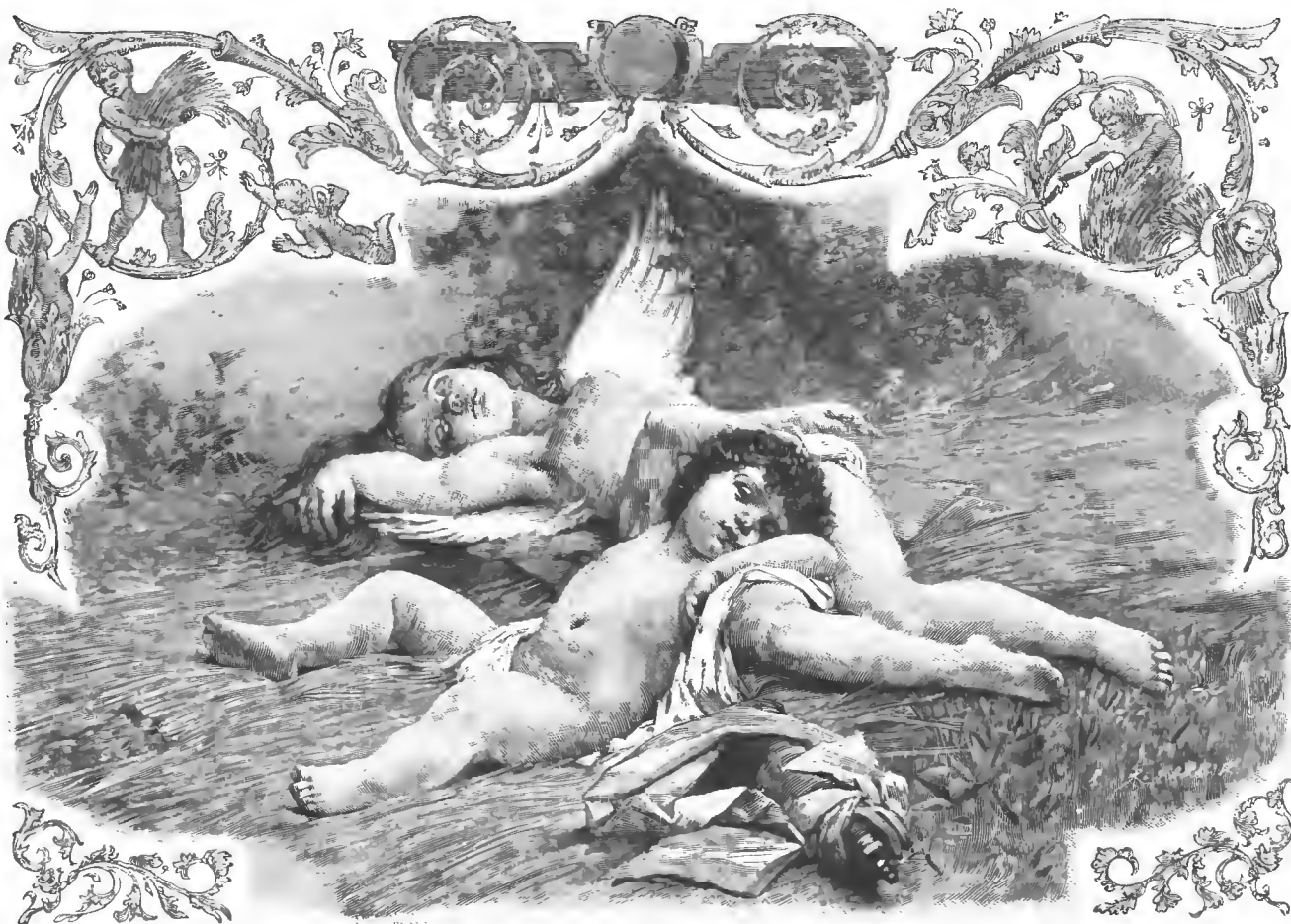
Съ пересылкой въ Москву и другіе го-
рода Россіи.

7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особыя яриложенія при
„НИВѢ“ объявленій отъ тор-
говыхъ домовъ яринмаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“ со всѣми прилож.. Сборникомъ и пр.

Лѣто. Рис. Л. Перро, грав. Бодѣ.

Воля судьбы.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Кн. М. Н. Волконскаго.

(Окончаніе).

ХVІІ.

Безвыходное положеніе.

Выпущенный на свободу, Торичіоли кинулся внизъ по лѣстницѣ и, найдя самъ дорогу, выбѣжалъ за ворота; точно боясь погони, которая остановитъ его — онъ выбѣжалъ и безъ оглядки бросился впередъ, подалеже отъ этого дома, гдѣ онъ провелъ нѣсколько ужасныхъ для него часовъ.

Прежде всего ему именно хотѣлось только уйти какъ можно далѣе.

На пустынномъ берегу Фонтанной, по которому пришлось ему пробираться—трудно было найти какой-нибудь другой, кромѣ собственныхъ ногъ, способъ передвиженія: извозчики, городскіе, не заѣзжали сюда—и даже понутнаго крестьянина съ возомъ нельзя было встрѣтить.

Торичіоли шелъ сначала бодро, почти бѣжалъ, но скоро ноги его стали ослабѣвать, спотыкаться и подкашиваться.

Волненіе, страхъ, безпокойство, желаніе спасти сына, который по его винѣ можетъ пострадать, отнимало у бѣднаго итальянца энергію, и онъ напрасно силился обдумать, что предпринять ему теперь; всѣ мысли путались у него, какъ у пьянаго, и онъ чувствовалъ, что начинаетъ шататься, какъ пьяный.

Онъ не зналъ уже, сколько времени шелъ онъ, и много-ли ему оставалось еще до самаго города, но чисто физическая уже усталость присоединилась ко всему остальному, и онъ, не отдавая себѣ отчета въ ней, удивлялся лишь, отчего идти ему все труднѣе и труднѣе, и ноги отказываются повиноваться, и подымать ихъ также тяжело, какъ будто къ нимъ привѣшены пудовыя гири.

Но все-таки онъ дѣлалъ почти сверхъестественныя усилія и подвигался впередъ.

Добравшись онъ такимъ образомъ уже до барскихъ домовъ, глядѣвшихъ своими щегольскими, одинъ лучше другого, фасадами въ воды тихой рѣки, и ему стало легче,—значитъ, не далеко уже сравнительно Невскій, значитъ, главный и самый трудный путь пройденъ.

Но это облегченіе оказалось только кажущимся, и, напротивъ, послѣ него-то усталость дала себя знать съ особенною, почти уже несокрушимою силою.

— Глянь-ко—глянь, Митрій, слышалъ онъ чей-то голосъ, — баринъ-то, баринъ идетъ и совсѣмъ пьянъ, пьянехонекъ!

Торичіоли обернулся: нѣсколько человѣкъ дворовыхъ сидѣли у воротъ на лавочкѣ и показывали на него пальцами.

— Голубчики, обернулся къ нимъ итальянецъ, — дайте воды напиться.

Среди дворовыхъ послышался смѣхъ.

— Чего, того, кого прочаго?.. спросилъ одинъ изъ нихъ, видимо, самый шутникъ и забавникъ, выходя впередъ, подбоченясь на удовольствіе остальной компаніи.

— Напиться, воды... повторилъ Торичіоли.

— Напиться просить! обернулся парень-шутникъ къ своимъ, словно тѣ не слышали, и словно онъ имъ объяснялъ и показывалъ въ Торичіоли заморскаго звѣря.

— А не угодно-ли вашей милости къ рѣчкѣ вотъ приступить, продолжалъ онъ уже къ итальянцу, — оно куда прохладнѣе будетъ... мы подсобимъ...

— Воды!! вдругъ крикнулъ Торичіоли, побагровѣвъ, — я вамъ дамъ, анаемы!!

И откуда онъ вспомнилъ это слово, и откуда взя-

лась у него еще сила крикнуть, но крикнулъ онъ такъ громко и зычно, что парень, нѣсколько сконфуженный, попятился.

Среди дворовыхъ произошло смятеніе.

— Воды, воды просить... послышался робкій шопотъ.

Но Торичіоли больше ничего не слышалъ, приливъ впазаннаго гнѣва доканалъ его совсѣмъ, и онъ, какъ спонъ, повалился на землю.

Очнулся онъ только поздно ночью. Должно быть, была уже ночь, потому что въ окно, маленькое, съ зелеными бутылочными стеклами, чуть проникалъ мутный сумракъ юньской петербургской ночи, или, вѣрнѣе, утра, потому что въ это время заря съ зарей сходились.

Помѣщеніе, въ которомъ очнулся Торичіоли, казалось очень страннымъ.

Комната была похожа на чуланъ, съ косымъ потолкомъ, словно она была подъ лѣстницей. Грязныя стѣны пестрѣли тараканами, на полу валялась солома, на которой и лежалъ Торичіоли.

„Сапта Лучія, подумалъ онъ,—гдѣ я и что со мною?..“

И онъ началъ съ усиліемъ припоминать все, что случилось съ нимъ со вчерашняго вечера.

Разговоръ въ этомъ тесовомъ домикѣ онъ помнилъ, разумѣется, превосходно—онъ не могъ забыть этого разговора, сколько-бы онъ ни прожилъ теперь... потому... этотъ ужасный переходъ, пѣшкомъ, по берегу рѣки... потомъ, что-то дерзкіе люди говорили... они припиали за пьянаго... онъ упалъ... да, онъ вспомнилъ ясно, какъ упалъ онъ, и тогда понялъ все:

Его подняли, какъ пьянаго, и отнесли или отвезли въ полицейскій домъ. Онъ запертъ теперь въ полицейскомъ домѣ,—сомнѣнія нѣтъ.

Торичіоли поднялся, оглядѣлъ себя, въ ужасномъ видѣ былъ его кафтанъ, чулки и башмаки. Онъ поискалъ шляпы—шляпы не было. Ему захотѣлось по-смотреть, который часъ—часовъ въ карманѣ тоже не оказалось, и Торичіоли не могъ припомнить, оставили ли онъ ихъ тамъ на столѣ, въ домѣ, куда его привезъ Сень-Жерменъ, или у него вытащили ихъ потомъ.

Но теперь, въ сущности, ему было не до часовъ и не до шляпы.

Что было дѣлать теперь ему, какъ выбраться?

Стучать, звать кого-нибудь, онъ зналъ, что это напрасно, что все равно его не выпустятъ до утра, т. е. до появленія начальства.

Торичіоли попробовалъ дверь, она была дощатая, еле сколоченная.

„А-а“,—обрадовался онъ, и хотѣлъ было попробовать плечомъ, не подастся-ли она, но остановился, сообразивъ, что этого сдѣлать нельзя безъ шума.

Онъ осмотрѣлъ щель, которая оставалась, потому что дверь не была приперта плотно. Съ наружной стороны былъ одинъ только засовъ.

Попробовалъ Торичіоли его подвинуть пальцами. Засовъ подался, онъ сдѣлалъ еще нѣсколько движеній, и дверь открылась. Тогда онъ осторожно, на цыпочкахъ, вышелъ въ длинный коридоръ, потому что дверь отворялась туда, и, не соображая еще, что и какъ ему дѣлать, инстинктивно пошелъ, не озираясь, по коридору.

Времени ему терять было некогда, его и такъ ужъ ушло слишкомъ много.

На концѣ коридора дверь оказалась не запертою. Она вела прямо на дворъ.

На дворѣ, у калитки, спалъ съ блаженною улыбкой на лицѣ сторожъ, обхвативъ свою длинную, пеструю алебарду. Торичіоли свободно прошелъ мимо него и очутился на улицѣ.

Никто не слышалъ и не видалъ его побѣга. Только гдѣ-то сзади, на дворѣ, пѣтухъ на нашестѣ, проспавшись, прокричалъ протяжно и громко; на его крикъ откликнулись другіе, и все снова затихло.

Теперь Торичіоли слѣдовало рѣшить, что дѣлать?

Идти домой? (это первое, что пришло ему въ голову) но до дому было слишкомъ далеко, и онъ былъ въ такомъ видѣ, что ночные сторожа могли приять его за вора и снова взять.

Оглядѣвшись, Торичіоли узналъ мѣстность: тутъ было не далеко до Петергофской рогатки.

Онъ не сомнѣвался, что пакетъ, оставленный имъ на столѣ, былъ, вчера еще вечеромъ, въ рукахъ Эйзенбаха. Слѣдовательно, тотъ далъ знать, вѣроятно, уже куда слѣдуетъ. Государь былъ въ Ораніенбаумѣ, и къ нему, вѣроятно, посланъ уже гонецъ съ докладомъ о заговорѣ. Слѣдовательно, важно теперь быть не въ городѣ, а именно въ самомъ Ораніенбаумѣ, дойти до государя и искать у него спасенья для Артемія.

Объ остальныхъ Торичіоли не заботился.

Рогатка была не далеко. Нужно было идти къ пей, по дорогѣ напять, за какія угодно деньги, перваго чухонца, ѣдущаго въ городъ, и ѣхать на немъ въ Ораніенбаумъ, гдѣ были у Торичіоли друзья.

Этотъ планъ составилъ у него самъ собою.

И онъ, стараясь припомнить мѣстность (онъ часто ѣздилъ по петергофской дорогѣ и зналъ эти мѣста), сталъ пробираться къ рогаткѣ.

Утренняя свѣжесть, разлитая въ воздухъ, ободрила его. Мѣстность была довольно пустынна, но, по мѣрѣ того, какъ подвигался Торичіоли впередъ, и въ ней начинала просыпаться жизнь.

Раза два уже понались прохожіе, съ удивленіемъ оглянувшись на итальянца, истерзанный видъ котораго не могъ не поразить ихъ; одинъ изъ нихъ такъ остановился даже и долго смотрѣлъ ему вслѣдъ.

Понался выѣхавшій на промыселъ извозчикъ. Торичіоли обрадовался ему страшно, и сталъ напимать въ Ораніенбаумъ. Извозчикъ подумалъ, почесалъ затылокъ, зѣвнулъ и потребовалъ деньги впередъ.

Торичіоли сталъ шарить по карманамъ и нашелъ въ нихъ одну только семитку. Извозчикъ махнулъ рукою и поѣхалъ дальше.

Это обезпокоило, было, Торичіоли. Если никто не польстится на его уговоры и откажется везти?

Но онъ почти сейчасъ-же нашелъ себѣ утѣшеніе: только обратиться ему до рогатки, а тамъ можно будетъ объявить, кто онъ, и потребовать, чтобы его доставили въ Ораніенбаумъ, къ государю, самому, къ которому онъ имѣетъ важное дѣло.

И ободренный этимъ, Торичіоли, купилъ еще по дорогѣ сайку на свою семитку и съ удовольствіемъ сталъ жевать ея теплое еще, рыхлое и вкусное тѣсто.

Оказалось только, что дорогу онъ вовсе зналъ не такъ хорошо, какъ думалъ.

Онъ запутался въ какихъ-то огородахъ и долго блуждалъ между ними, пока не встрѣтилъ какого-то мужика, который подозрительно оглядѣлъ его, но, какъ пройти къ рогаткѣ, все-таки объяснилъ.

Наконецъ, только постѣ порядочныхъ успій, Торичіоли вышелъ, куда ему нужно было.

У рогатки стояли солдаты, загораживая путь. Ружья ихъ были составлены, но сами они держались наготовѣ. Два офицера въ полной формѣ прохаживались въ сторонѣ.

На проспектѣ, который начинался тутъ, замѣтно было непривычное движеніе.

Торичіоли сейчасъ-же сообразилъ, что это значить. Иначе и быть не могло.

Видимо, противъ заговора припимались свѣшныя и энергичныя мѣры, были отданы строгія распоряженія за ночь; но Торичіоли думалъ, что для него они не опасны.

Онъ рѣшилъ подойти прямо къ офицеру и, показавъ, что ему извѣстно дѣло, убѣдить его въ своей близости къ тѣмъ сферамъ, о принадлежности къ которымъ нельзя было судить по его костюму.

— Вы меня извините, началъ онъ, приближаясь,—но, вѣроятно, вы здѣсь по дѣлу о заговорѣ.

Офицеръ посмотрѣлъ на него, съ ногъ до головы, и нахмурилъ брови.

— А вамъ какой въ томъ интересъ, государь мой? спросилъ онъ.

— А я именно, отвѣтилъ Торичіоли,—по поводу этого дѣла могу доставить императору важныя свѣдѣнія...

— Императору? переспросилъ офицеръ.

— Да, самому его величеству, и прошу васъ дать мнѣ возможность немедленно отправиться въ Ораніенбаумъ, если императоръ тамъ еще...

— Императора, вдругъ проговорилъ офицеръ,—нѣтъ больше, а есть-съ императрица Екатерина Алексѣевна!..

И не успѣлъ Торичіоли опомниться, какъ офицеръ крикнулъ: „Сидоренко! убери-ка мнѣ этого молодчика!“—и дюжий утеръ, котораго, очевидно, звали Сидоренкой, захватилъ итальянца, протащилъ до караулки и, втолкнувъ его тамъ въ темный чуланъ, засунулъ дверь на засовъ и подперъ ее колышкомъ.

За эти сутки Торичіоли очутился третій разъ подъ запоромъ.

XVIII.

28-е іюня.

Положеніе было ужасно, когда измученныя лошади кареты, въ которой ѣхала Екатерина, остановились среди дороги.

Оставалось всего пять верстъ до Петербурга, только пять верстъ, но теперь онѣ дѣлались неизмѣримымъ уже пространствомъ.

Орловъ и Артемій осмотрѣли лошадей. Надежды не было, что онѣ оправятся. Это было видно и понятно безъ словъ, и Артемій съ Орловымъ ничего не сказали другъ другу. Они только взглянули, какъ-то сразу, такъ что глаза ихъ встрѣтились, и этотъ молчаливый взглядъ казался краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

Ѣхать дальше не было возможности,—оставаться тоже было нельзя.

Артемій боялся прямо заглянуть въ карету, гдѣ сидѣла государыня, но онъ только мелькомъ, угломъ глаза посмотрѣлъ на нее.

Она сидѣла строгая и прямая, и, казалось, не обращала вниманія на ихъ остановку, словно ей не было до этого никакого дѣла, словно она чувствовала, что время дѣйствовать ей еще не наступило, что скоро наступитъ оно, и тогда она покажетъ себя, а теперь она довѣрилась имъ; они взялись довести ее до города и должны это сдѣлать, какъ?—ей было рѣшительно все равно, но она вѣрила въ нихъ и вѣрила, что они сдѣлаютъ свое дѣло.

Эта величавая увѣренность и спокойствіе могли дать силы кому угодно, не только такимъ людямъ, каковы были Орловъ и Артемій.

— Нужно дать лошадямъ вздохнуть (это было все равно ни къ чему, но нельзя было не сказать этого), сказалъ Орловъ.—Или подождать, не пройдетъ-ли кто, и тогда взять лошадей за деньги или силой.

Видъ города Нашина. Съ фот. Козопальникова, грав. Шюберъ.

Послѣднія минуты. Съ карт. Г. Мослера, по фог. Фр. Гаффингеля, грав. Герике.

— Посмотри! вдругъ показалъ Артёмъ впередъ по дорогѣ.—Видишь?

По дорогѣ прямо на нихъ скакалъ всадникъ. Это былъ офицеръ.

Орловъ весь обратился въ зрѣніе, стараясь узнать, кто это.

— Можетъ быть, это посланный *оттуда*, проговорилъ опять Артёмъ, — можетъ быть, ужъ за ночь все стало извѣстно, и съ Ораніенбаумомъ завели сообщеніе. Это гонецъ.

Орловъ продолжалъ смотрѣть.

— Тѣмъ лучше, отвѣтилъ онъ, — мы возьмемъ гонца и узнаемъ, что везетъ онъ... Да пѣтъ-же, это Бибииковъ! вдругъ радостно добавилъ онъ, узнавъ скакавшего офицера.

Бибииковъ приблизился настолько уже, что лицо его было видно. Завидѣвъ на дорогѣ карету, онъ пустилъ лошадь быстрѣе.

Орловъ махнулъ ему вверхъ три раза шляпой. Бибииковъ на ходу отвѣтилъ тѣмъ же.

— Слава Богу, все благополучно пока! успокоительно произнесъ Орловъ.

Бибииковъ на полныхъ рысяхъ подъѣхалъ прямо къ дверцѣ кареты.

Екатерина глянула на него своими прекрасными, строгими глазами, въ которыхъ виднѣлся вопросъ — другъ-ли явился къ ней теперь, или врагъ?

— Пріѣхалъ доложить вашему величеству, проговорилъ молодцовато, но все-же съ трудомъ переводя дыханіе отъ быстрой ѣзды, Бибииковъ, — что вслѣдъ за мною навстрѣчу вамъ ѣдетъ другой экипажъ, со свѣжими лошадьми.

Артёмъ перекрестился.

Почти сейчасъ-же показала на дорогѣ карета, о которой говоритъ Бибииковъ.

Когда она подъѣхала, въ ней оказались старшій Алексѣй Орловъ и Бярятинскій.

Екатерина пересѣла въ новый экипажъ, и бодрья, свѣжія лошади быстро помчали ее въ столицу.

Въ Петербургѣ она направилась прямо къ казармамъ Измайловскаго полка.

Барабанщикъ пробилъ тревогу. Выбѣжали солдаты къ своей государынѣ, и ихъ радостному восторгу не было выраженій, не было предѣла — они цѣловали руки, ноги императрицы и платье ея.

Двое изъ нихъ вели уже подъ руки священника для присяги.

И Измайловскій полкъ первый присягнулъ императрицѣ Екатеринѣ II.

Потомъ, въ предшествіи священника въ полномъ облаченіи и съ крестомъ, Екатерина отправилась въ Семёновскій полкъ. Онъ вышелъ навстрѣчу съ криками „ура!“

Сопровождаемая измайловцами и семёновцами, государыня отправилась въ Казанскій соборъ.

Здѣсь ждалъ ее архіепископъ Дмитрій. Тотчасъ-же начался молебенъ, на екстенияхъ котораго провозглашали *самодержавную* императрицу Екатерину Алексѣевну и наслѣдника Павла Петровича.

Между тѣмъ явились преображенскіе.

— Виноваты, что позже пришли, кричали они, — не пускали насъ!..

Явилась и копейная гвардія.

А въ пово-отстроеномъ зимнемъ дворцѣ собрался уже синодъ и сенатъ.

Дѣйствительно, *все было готово* уже къ провозглашенію самодержавія Екатерины!..

Въ зимнемъ дворцѣ, куда направилась она изъ собора, были составлены манифестъ и присяга.

Войска окружили дворецъ, и семёновцы запыли каравулы.

Кандиеръ Воронцовъ явился, было, съ упрекомъ къ Екатеринѣ — зачѣмъ она оставила Петергофъ, но его повели въ церковь для присяги.

Потомъ пріѣхали изъ Петергофа Трубецкой и Шуваловъ. Они хотѣли увѣриться въ расположеніи войскъ, и, если нужно, начать расправу, но и ихъ повели присягать безъ дальнихъ разговоровъ.

Вечеромъ Екатерина, во главѣ гвардіи, сама выступила къ Петергофу.

Она ѣхала съ Дашковой, верхомъ, въ преображенскомъ мундирѣ стараго образца и съ дубовыми вѣтвями на шляпѣ.

Ночью во время пути повстрѣчался гонецъ изъ Ораніенбаума. Петръ III, окруженный полтора тысячею голштинцами въ своемъ Ораніенбаумѣ, прислалъ отреченіе отъ престола, который передавалъ Екатеринѣ.

Артёмъ хотя не имѣлъ службы, собственно, въ строю, но участвовалъ въ этомъ походѣ.

Въ числѣ прочихъ офицеровъ онъ увидѣлъ тутъ и Карла Эйзенбаха, который ѣхалъ, окруженный молодыми сослуживцами, не бывшими заблаговременно въ заговорѣ и примкнувшими къ нему, по внезапному влеченію, которымъ были охвачены все — и громко, нарочно громко рассказывалъ имъ подробности всего дѣла и называлъ имена участниковъ.

Артёмъ, слышавшій это издали, видѣлъ, что никакихъ подробностей молодой Эйзенбахъ не знаетъ и говорить, видимо, по догадкамъ, по вмѣстѣ съ тѣмъ имена участниковъ онъ называлъ совершенно вѣрно.

Артёмъ не могъ понять, откуда Карлъ могъ получить эти свѣдѣнія.

Онъ не могъ понять, потому что не зналъ, что спиксъ, перехваченный Торичіоли — попалъ къ Эйзенбаху, и что произошло потомъ.

Придя случайно къ Торичіоли и увидя на свое имя пакетъ на его столѣ, Карлъ распечаталъ, увидѣлъ, въ чемъ дѣло, и, захвативъ бумаги, — бросился домой.

Свѣдѣнія были для него слишкомъ цѣнны, чтобы дѣлиться ими съ кѣмъ-нибудь.

Онъ рѣшилъ лично отправиться къ государю, доступъ къ которому можно было найти черезъ кого-нибудь изъ голштинцевъ.

Ѣхать сейчасъ было поздно — Эйзенбахъ положилъ подождать до утра.

Но, чтобы кто-нибудь раньше его не сдѣлалъ предупрежденія, онъ написалъ безымянный доносъ коменданту — и отрѣзалъ фестономъ уголь у своей бумаги съ тѣмъ, чтобы, когда дѣло вскроется — придти съ отрѣзаннымъ угломъ и доказать такимъ образомъ, что и эти свѣдѣнія даны имъ.

Но на другое утро оказалось уже поздно. Екатерина была провозглашена императрицей, и Карлъ, видя, что партія Петра III слишкомъ малочисленна, и дѣло его окончательно проиграно, одинъ изъ первыхъ закричалъ у Казанскаго собора „ура!“ самодержавной императрицѣ Екатеринѣ.

Онъ, разумѣется, принялъ тоже участіе въ Петергофскомъ походѣ и здѣсь извлекалъ изъ имѣвшихся у него свѣдѣній всю ту пользу, которую могъ извлечь, то есть дѣлалъ видъ, что былъ однимъ изъ дѣятельныхъ пособниковъ государыни, въ доказательство чего можетъ назвать всѣхъ своихъ остальныхъ товарищей по именамъ.

Эйзенбахъ дѣлалъ собственную свою карьеру и касался политики лишь настолько, насколько могла она касаться его.

XIX.

Розы.

Двадцать девятаго утромъ Екатерина, получивъ отреченіе Петра III, вернулась въ Петербургъ несомненной уже распорядительницей судебъ обширной Россіи.

Артёмъ, не спавшій двѣ ночи подъ-рядъ, едва добрался до дому послѣ похода, упалъ на постель и заснулъ крѣпкимъ, непробуднымъ сномъ.

Теперь онъ могъ спать спокойно.

Задуманное ими „дѣйство“ совершилось—Россія была спасена отъ добровольнаго иностраннаго ига.

Цѣлый день проспалъ Артемій, не просыпаясь,—но вечеромъ его разбудилъ страшный шумъ и гамъ на улицѣ.

„Что это? вскочивъ и ничего не понимая, подумалъ Артемій,—ужь не пожаръ-ли?“

Онъ прислушался, не слыхатъ-ли набата, но колокола нигдѣ не было слышно.

А на улицѣ гудѣлъ пугмолчный гамъ, и стоишь стоялъ отъ криковъ и возгласовъ.

„Боже мой—что случилось?“ забеспокоился Артемій,—времена были безпокойныя, и хотя все казалось хорошо, но трудно было еще ручаться за слѣдующую минуту.

Ни деньщика своего, ни квартирной хозяйки, ни коноха—онъ не могъ дозваться, всѣ они исчезли куда-то.

Артемій вскочилъ и, быстро одѣвшись, вышелъ на улицу.

Причиною шума оказалась толпа, собравшаяся у погребка, гдѣ шло пиршество, — солдаты и солдатки въ неистовомъ восторгѣ носили ушатами вино, водку, пиво и медъ, лили все вмѣстѣ безъ разбору въ кадки и боченки, что у кого случилось.

„Ишь ихъ—радуются!“ успокаиваясь, подумалъ Артемій, и не пытаясь остановить веселья, прошелъ мимо, крикнувъ солдатамъ:—„живете, братцы!“...

— Рады стараться!..прокричали солдаты.

Артемій пошелъ дальше и вездѣ увидѣлъ повтореніе все тѣхъ-же сценъ. Вездѣ шло веселье и радость. Сначала оно нравилось ему, но, чѣмъ болѣе подвигался онъ, тѣмъ болѣе буйный характеръ принимало это веселье.

Народъ оныянѣлъ и сталъ уже разносить кабаки и трактиры.

Показались конные разъѣзды, но они ничего не могли подѣлать.

Буйство разыгрывалось. Стекла звенѣли, ревъ дикихъ пѣсенъ, хохота, ругани и радостныхъ возгласовъ стоялъ въ воздухѣ.

Такъ великъ оказался произведенный въ этотъ день разгромъ, что впоследствии, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, купцы били челомъ „о возвращеніи имъ за растащенныя, при благополучномъ восшествіи ея императорскаго величества на императорскій престолъ, панитки и вина проторей и убытковъ“...

Но впоследствии можно было вернуть эти протори и убытки, когда оказалось, что кромѣ нихъ ничего не случилось болѣе тревожнаго,—въ самый-же день буйства, трудно было сказать, чѣмъ оно могло кончиться.

Артемію, когда онъ шелъ по улицѣ, пришлось уже нѣсколько разъ сторониться къ стѣнкѣ отъ пьяныхъ, и пьяные, расходившіеся солдаты не узнавали въ немъ офицера.

Артемій шелъ, собственно, безъ опредѣленной цѣли, беспокоиться ему было не о чемъ: ни дома, ни добра, которое могли-бы растащить, у него не было; но онъ хотѣлъ пробраться ко дворцу, чтобы посмотреть, что дѣлается тамъ.

На одномъ изъ перекрестковъ онъ увидѣлъ карету. Она не могла пробраться сквозь сгустившуюся въ этомъ мѣстѣ толпу.

Артемій поглядѣлъ, кто сидитъ въ ней, чтобы помочь, если это была женщина, и, заглянувъ, узналъ Сень-Жермена.

Ни особенной радости, ни волненія, не было замѣтно на его лицѣ—онъ оставался, попрежнему, такимъ-же невозмутимымъ, какимъ видалъ его Артемій въ Кенигсбергѣ, и какимъ онъ видѣлъ его вчера, третьяго дня ночью, когда они уѣзжали въ Петергофъ.

— Это вы, сержантъ? узналъ его графъ.—Ну, что, можно поздравить васъ?..

— Да, проговорилъ Артемій,—по эта толпа,—что они дѣлають—это ужасъ...

Графъ улыбнулся своею особенною улыбкой.

— Эта толпа! повторилъ онъ,—а что-же вы бездѣйствуете... если эта толпа разоидется совсѣмъ, то послѣ кабаковъ начнутъ разносить барскіе хоромы...

У Артемія не было барскихъ хоромъ и защищать ему было нечего и нечего.

— А Ольга! вдругъ проговорилъ Сень-Жерменъ,—идите къ ней, можетъ быть, она нуждается въ эту минуту въ помощи... Неужели вы хотите, чтобы другой кто-нибудь помогъ ей...

Словно варомъ обдало Артемія. Ольга!.. онъ забылъ о ней въ эту минуту, онъ, въ чьихъ мысляхъ жила она столько лѣтъ нестлочно, и забылъ именно тогда, когда нужнѣе всего было вспомнить о ней.

И ему живо представилось, въ какомъ она теперь, можетъ быть, положеніи.

Полупьяная дворня разбѣжалась, старый князь, вѣроятно, во дворцѣ, никого нѣтъ возлѣ нея—она одна, одна! Богъ знаетъ, что выйдетъ изъ этого пьянства, и если, дѣйствительно, оно приметъ размѣры полнаго уже безпорядка. Да, онъ правъ, какъ всегда онъ правъ—нужно идти къ пей...

— Ну, вотъ видите, подтвердилъ графъ, и, высунувшись изъ окна, потому что кучеръ, пользуясь удобной минутой для свободнаго проѣзда, тронулъ лошадей, добавилъ, кивнувъ Артемію:—до свиданія. Если захотите меня видѣть, то найдете въ большомъ дворцѣ съ крайняго подѣзда.

Но Артемій уже машинально воспринялъ его слова, машинально отвѣтилъ на его поклонъ поклономъ; теперь у него была цѣль, куда идти, и онъ весь отдался этой цѣли.

Рѣшеніе, какъ поступить, у него составилось быстро:

Прямо, съ параднаго крыльца, онъ не пойдетъ къ Проскуровымъ—во-первыхъ, потому, что это будетъ похоже на какой-то, довольно странный визитъ, а во-вторыхъ, просто потому, что двери параднаго крыльца могутъ быть заперты,—нѣтъ, нужно зайти съ другой стороны дома, къ той рѣшеткѣ сада, гдѣ онъ видѣлъ уже Ольгу, и тамъ, въ саду, ждать, если будетъ нужна его помощь: если-же—нѣтъ, то никто не узнаетъ о томъ, былъ онъ или нѣтъ.

Артемій ускорилъ шагъ, и, не чувствуя ногъ подъ собою, шелъ быстро впередъ, чуть-ли не обгоняя экипажи, которые постоянно задерживались толпою.

Онъ вздохнулъ свободнѣе и легче, когда повернулъ въ пустынный проѣздъ, на который выходили заборы садовъ.

Здѣсь не было кабаковъ, не было трактировъ и не было толпы, пьяный гулъ которой доносился теперь лишь издадека.

Онъ уходилъ отъ этого гула, оставляя его за собою и приближаясь къ знакомой уже рѣшеткѣ Проскуровскаго сада.

Вотъ, наконецъ, и рѣшетка эта. Она стоитъ такъ же безмолвно, какъ стояла и третьяго дня, и густыя вѣтки опустились надъ нею такъ же.

День былъ красный, жаркій, и вечеръ его смѣнилъ удивительный, тихій. На небѣ ни облачка, въ воздухѣ ни малѣйшаго движенія. И тишина эта, вдали того гама, изъ котораго только что вышелъ Артемій, еще болѣе отчѣненная этимъ гамомъ, казалась полна чарующей, волшебной прелести.

Артемій оглядѣлся. Хорошо было тутъ. Пустынный проѣздъ терялся въ отдаленіи. Ни души не было видно тутъ.

Артемій перескочилъ канаву и легко, словно его подобралъ кто—перебрался черезъ рѣшетку.

Онъ очутился въ саду... въ ея саду, гдѣ она гуляла, ходила каждый день, гдѣ каждый шагъ долженъ былъ напоминать объ ней.

И онъ, дѣйствительно, напоминалъ—такая святая тишина и прелесть, именно прелесть царила кругомъ!.. По куда было идти?

Артемию пошелъ паугадъ.

Не расчищенная, заросшая травой аллея вела вглубь сада. Артемій выбралъ ее.

Въ концѣ аллеи оказался розовый цвѣтникъ: одуряющій, сладкій запахъ розановъ такъ и обдалъ Артемия, такъ и напомнилъ ему такой-же цвѣтникъ и такіе-же розы въ далекомъ Проскуровѣ, въ далекомъ и миломъ Проскуровѣ, гдѣ онъ провелъ такіе счастливые годы.

Вернется-ли это счастье вновь?..

Да, вернется, словно сказалъ какой-то голосъ въ сердцѣ Артемия, и онъ смѣлѣе вошелъ въ цвѣтникъ.

Тамъ на скамейкѣ сидѣла Ольга.

Она сидѣла, точно ни о чемъ не думая, далекая отъ всѣхъ волненій, отъ всего, что происходило тамъ, въ городѣ, далекая, какъ далеко казался и этотъ тихій садъ отъ шумнаго шума и безпорядка.

Она не испугалась и не вздрогнула при появленіи Артемия. Глаза ея остановились на немъ, но остановились безмысленно, безъ всякаго выраженія; въ ней, казалось, что-то страшное, но тихое, страшное происходило внутри, она прислушивалась точно сама къ себѣ, искала чего-то въ себѣ и не могла найти.

Такой взглядъ бываетъ у помѣшанныхъ.

Но Артемій, глянувъ ей въ глаза, могъ замѣтить только одно, что въ нихъ все еще не было того выраженія любви, котораго искалъ онъ. О томъ, что въ нихъ не было никакого выраженія, онъ вовсе и не думалъ.

— Ольга Андреевна... Оля... вдругъ проговорилъ онъ,—неужели все кончено, все забыто... неужели (онъ приблизился къ ней)... Боже мой, неужели безслѣдно прошли тѣ счастливые часы, которыми мы жили въ Проскуровѣ... Неужели забыла ты, что жизнь моя въ тебѣ одной, въ одной тебѣ, моя прелесть, моя радость.

Колѣно его согнулось само собою, и онъ сталъ, глядя ей прямо въ глаза: голосъ его былъ нѣженъ, тихъ; казалось, онъ не говорилъ, а дышалъ только, и это дыханіе его была она, потому-что въ ней заключалась вся жизнь его.

Розы пахли чуднымъ своимъ одуряющимъ ароматомъ... и вдругъ, какъ парочно, словно онъ ждалъ этой минуты, гдѣ-то недалеко, вблизи, запѣлъ соловей.

Ольга вытянула шею, прислушиваясь... Эти розы, этотъ влюбленный шопотъ, эта нѣснь соловья напоминали ей что-то, и это что-то было именно то, чего она мучительно никакъ не могла вспомнить... все время не могла и не могла понять, что это и когда это было съ нею, здѣсь-ли въ этомъ-ли мірѣ, или когда она еще не родилась и жила, вѣрно, въ иномъ, болѣе счастливомъ мірѣ.

Теперь, сегодня это близкое ей, но не разгаданное воспоминаніе такъ и жгло ее...

Она внимательно и долго глядѣла Артемию прямо въ глаза, слушая и не отвѣщая ему... и вдругъ... вспомнила-ли она, или новое чувство охватило ее, но она, всплеснувъ руками и крикнувъ, упала на грудь Артемию.

Она была спасена—она любила вновь.

XX.

Предательство.

Всѣ участники „дѣйства“ 28-го июня получили щедрую награду. Орловъ сталъ первымъ лицомъ. Чины, ордена, деньги и пенсіи такъ и сыпались въ первые дни Екатерининскаго царствованія.

Государыня награждала всѣхъ, со всѣми была ласкова.

За старикомъ Бестужевымъ былъ посланъ уже гонецъ для возвращенія его изъ ссылки.

Непосредственные пособники переворота, молодые и старые гвардейцы получали придворныя званія, ленты и звѣзды.

Одинъ Артемій не зналъ еще, какая участь ожидаетъ его.

Онъ не шелъ ни во дворецъ, никуда, онъ не старался найти пріятеля своего Орлова, потому-что жилъ теперь отъ вечера до вечера—отъ одного свиданія съ Ольгой до другого.

Да, они теперь видѣлись каждый день, счастливые снова, снова любящіе и радостные, видѣлись украдкой въ саду, но это не мѣшало прелести ихъ свиданій.

И свиданія эти были для Артемия жизнью, а все, что было внѣ ихъ и между ними—казалось сномъ, прозябаніемъ какимъ-то; онъ не могъ еще придти въ себя, не могъ опомниться отъ своего счастья.

Но страшное, однако, мучительное отрезвленіе готовилось ему:

Прийдя, какъ обыкновенно, на свиданіе съ Ольгой, счастливый и радостный Артемій, засталъ ее въ слезахъ... и, плача, она рассказывала ему, что сегодня прислали за отцомъ ея во дворецъ, что его приняла тамъ сама государыня, что она была милостива, обласкала его и вызвалась сама посватать его дочь... Старый князь былъ въ восторгѣ отъ пріема и просилъ лишь императрицу назвать угоднаго ей жениха...

И императрица назвала маркиза Каулуччи...

Это была старинная итальянская фамилія, по при русскомъ дворѣ въ первый разъ еще слышали ее... никого не было тутъ, кто-бы носилъ это имя.

Кто этотъ маркизъ Каулуччи, откуда онъ?.. По старому князь не спрашивалъ заранее,—разумѣется, далъ свое согласіе...

Какъ сумасшедшій, вернулся Артемій домой, не помня, какъ онъ добрался туда, не помня и не понимая ничего...

Неужели мукъ его еще не кончились, неужели онъ не заслужилъ еще своего счастья, и неужели это счастье отнимется вновь отъ него и тогда, когда оно было снова такъ близко и возможно...

Мысли Артемия путались, онъ не могъ уже сообразить ничего... онъ былъ словно помѣшанный...

Нужно было пойти къ кому-нибудь, нужно было, чтобы другой кто-нибудь помогъ разобраться, научить, что дѣлать... самъ Артемій не могъ думать...

Во всякомъ случаѣ, онъ рѣшилъ, что не отдастъ Ольги никому,—кто-бы ни былъ этотъ неизвѣстно откуда взявшійся маркизъ... но онъ увезетъ ее силой, онъ потихоньку обѣщается съ ней—такъ рѣшили они уже.

Но нужно дѣйствовать скорѣе, нужно дѣйствовать, а силъ нѣтъ... нужно, чтобы помогъ кто-нибудь...

Орловъ?—конечно, онъ поможетъ, но теперь у него все время занято... онъ что-то дѣлаетъ тамъ... у нихъ тамъ какія-то дѣла... государственные... перевороты...

„И какъ они могутъ заниматься всѣмъ этимъ, въ отчаяніи думать Артемій,—когда мы погибаетъ!“

Сень-Жерменъ?—графъ?—да, онъ, конечно, долженъ помочь, онъ можетъ все сдѣлать, если захочетъ...

И вдругъ, вспомнивъ о Сень-Жерменѣ, Артемій вскопчилъ, точно каленымъ желѣзомъ коснулись его.

Его поразила вдругъ явившаяся у него мысль:—а что если этотъ неизвѣстный до сихъ поръ маркизъ Каулуччи не кто иной, какъ самъ графъ?..

И, остановившись на этой мысли, соображеніе Артемия стало работать въ ея направленіи...

Прежде всего Ольга была такою прелестью, что всякій долженъ былъ видѣть это и не могъ не полюбить ее, слѣдовательно, и графъ, видѣвшій ее, долженъ былъ полюбить...

Послѣдняя преграда. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Р. Штейна, грав. Шюблеръ.

А онъ не только видѣлъ ее, но и бывалъ у князя. Артемій помнилъ, какъ онъ собственными глазами смотрѣлъ, какъ Сень-Жерменъ выходилъ изъ кареты у дома князя Проскурова.

Потомъ, что значили эти слова графа о томъ, что онъ почему-то виноватъ, что Ольга забыла Артемія...

Мало того, онъ послалъ въ день опасности бунта Артемія къ Ольгѣ—ясно, потому, что ему самому было необходимо быть во дворцѣ, а между тѣмъ онъ успокоился о ней и послалъ вѣрнаго человека...

Потомъ онъ просилъ государыню, какъ единственную награду за свое участіе въ дѣлѣ—устроить его свадьбу съ княжною Проскуровою.

Некому и быть другому—что онъ назвался теперь маркизомъ Каулуччи, нѣтъ сомнѣнія—онъ постоянно мѣняетъ имена, и, вѣроятно, устроилъ какъ-нибудь, чтобы получить эту фамилію...

Все это ясно...

По неужели графъ, этотъ безупречный до сихъ поръ человекъ, способенъ на все это?

А почему нѣтъ?—Какъ знать людей, какъ влѣзть въ ихъ душу—наконецъ, чего не сдѣлаетъ любовь... вѣдь, любилъ-же онъ когда-то, значитъ, могъ вновь полюбить...

„О, если такъ, рѣшилъ Артемій,—я сейчасъ-же пойду къ нему, я узнаю истину, и если только онъ не сознается мнѣ—я убью его, да, я убью его на мѣстѣ—все равно, другого выхода нѣтъ мнѣ...“

И весь разгоряченный, словно боявшійся, чтобы не остылъ его гнѣвъ, Артемій выскочилъ на крыльцо, бросился на перваго попавшагося извозчика и велѣлъ везти себя во дворецъ.

Теперь онъ вспомнилъ, гдѣ графъ велѣлъ искать себя, когда понадобится онъ Артемію.

А еще-бы теперь не нуженъ былъ онъ ему!..

И не помня себя, влѣтѣлъ Артемій въ подъѣздъ, крикнулъ, чтобы его сейчасъ провели къ графу... Его не поняли... Онъ вспомнилъ, что нужно спросить Одаря (онъ готовъ былъ уже спросить маркиза Каулуччи), и потребовалъ Одаря...

Его повели по коридору...

— Не надо доклада, крикнулъ онъ опять и, оттолкнувъ лакея отъ двери, вошелъ въ комнату.

Комната, которую занималъ теперь графъ, была очень скромною.

Тутъ-же была постель, тутъ-же было и бюро, у котораго сидѣлъ Сень-Жерменъ.

— Что за тревога, что за шумъ? спросилъ онъ, поднимаясь навстрѣчу Артемію. — Что съ вами, вы на себя не похожи?..

— Сейчасъ-сейчасъ вы узнаете, что со мной, заговорилъ Артемій. — Маркизъ... маркизъ Каулуччи—вы, вы?..

— О, не такъ сердито, и, главное, не будемъ торопиться, улыбнулся графъ.

— Я васъ спрашиваю только, вы-ли этотъ Каулуччи... я-то знаю, что вы,—но скажите, да или нѣтъ?..

— Это очень грозно, мой другъ! съ новой улыбкой отвѣтилъ графъ.

— Да, или нѣтъ,—говорю я вамъ...

Сень-Жерменъ, все продолжая улыбаться, со своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ смотрѣлъ на него.

„Это спокойствіе! бѣшено подумалъ Артемій,—смотреть точно правый, а самъ не говорить!.. ну, такъ вотъ-же—это онъ... да... вотъ-же!“

И окончательно не владѣя собой, онъ выхватилъ изъ кармана короткій финскій ножъ, попавшійся ему подъ руку передъ отъѣздомъ изъ дому, и, не успѣвъ опомниться—ударилъ въ грудь графа...

Въ глазахъ у него потемнѣло...

Только нанесъ ударъ, онъ опомнился, что онъ сдѣлалъ—но опомнился онъ еще отъ страшной физической боли, съ которою сжимали ему вооруженную руку.

Онъ открылъ глаза. Графъ все такъ же, спокойный, цѣлый и невредимый, стоялъ передъ нимъ и держалъ его руку.

Пожь скользнулъ по падѣтой на графѣ подъ камзолomъ кольчугѣ и не принесъ никакого вреда.

— Вы хотѣли убить маркиза Каулуччи, проговорилъ графъ,—вы хотѣли убить себя...

Артемій стоялъ, шатаясь...

„Какъ себя?“ подумалъ онъ...

— Да, продолжалъ Сень-Жерменъ,—потому что сегодня утромъ вы получили имя маркиза Каулуччи...

И отстранивъ руку Артемія, онъ, не сгибша, подошелъ къ бюро, досталъ оттуда сипую, сложенную вчетверо бумагу и подаль ее Артемію...

Бумага эта была та самая, которую графъ три года тому назадъ оставлялъ въ Парижѣ на заботу принцессы Юанны.

Старый маркизъ Каулуччи, умершій тогда въ Парижѣ, былъ отецъ Торичіоли.

По въ бумагѣ имени Торичіоли не было упомянуто,—тамъ было сказано лишь, что маркизъ Каулуччи усыновляетъ воспитанника русскаго князя Проскурова, Артемія, и передаетъ ему послѣ смерти все его состояніе.

Отецъ Торичіоли получалъ свой титулъ и богатство послѣ того, какъ сынъ его, Джузеппе, уѣхалъ въ Россію, и они потеряли изъ виду другъ друга.

Теперь завѣщаніе старика маркиза было признано и утверждено правительствами Итальянскимъ и Русскимъ.

Въ дѣлѣ происшедшаго 28-го въ Петербургѣ „дѣйства“ была также заведена переписка „объ опасныхъ и противныхъ царствованію ея императорскаго величества лицахъ“—и въ числѣ ихъ былъ упомянутъ иностранецъ, итальянскій подданный Торичіоли, пытавшійся прорваться, въ знаменательный день, черезъ петергофскую рогатку для сообщенія подозрительныхъ свѣдѣній.

На третій-же день новаго царствованія онъ былъ посланъ изъ Россіи безъ права когда-нибудь вѣхаться сюда.

Артемій, получивъ новый титулъ и богатство, женился на своей Ольгѣ и счастливо прожилъ съ нею въ деревнѣ, куда уѣхалъ немедленно послѣ свадьбы.

Объ отцѣ своемъ онъ не узналъ никогда, и, кто былъ усыновившій его маркизъ Каулуччи—для него осталось тайной.

Изъ всѣхъ участниковъ событія 28-го іюня только онъ и графъ Сень-Жерменъ отказались отъ всякихъ почетныхъ и, вообще, какихъ-нибудь наградъ.

У Артемія въ лицѣ Ольги были самыя высшія награды, и большаго, какъ жить съ нею въ тиши и вдали отъ всякаго шума—онъ не желалъ...

Сень-Жерменъ-же дѣйствовалъ не ради награды и былъ человекомъ, который не пужался въ ней...

Онъ зналъ, очевидно, нѣчто такое, что было тоже больше всякихъ наградъ, и довольствовался своимъ знаніемъ.

Въ иностранныхъ источникахъ сохранилось свидѣтельство маркиграфа д'Ансахъ о томъ, что, встрѣтившись въ 1772 году вмѣстѣ съ Сень-Жерменомъ въ Нюрнбергѣ съ княземъ Григоріемъ Орловымъ—князь называлъ Сень-Жермена „mio cago padre“ и говорилъ маркиграфу, что этотъ человекъ игралъ выдающуюся роль въ дѣлѣ 1762 года...

конецъ.

Улыбка.

Перев. съ франц. В. Карпинской.

I.

Десять часовъ вечера. Театръ „Французской комедіи“ ярко освѣщенъ. Сейчасъ поднимутъ занавѣсъ. Идетъ пьеса „Зять г. Пуарье“. Въ залѣ цѣлое собраніе рецензентовъ и критиковъ, собравшихся сегодня сюда, ради дебюта Фредерика де Пантейль въ роли маркиза.

Онъ далеко не веселъ, бѣдный Пантейль, высокій, красивый молодой человѣкъ, лѣтъ 25, съ большими, ясными глазами и бѣлокурыми усами. Робко ждетъ онъ въ кулисахъ страшный, жуткій моментъ своего появленія на сценѣ. Напрасно старается онъ овладѣть собой, подавить свое волненіе, которое заставляетъ его сердце усиленно и тревожно биться въ груди.

Какъ-бы радъ онъ былъ увидѣть тамъ, среди публики въ залѣ, старика отца и мать, главное, мать... Пусть-бы они убѣдились, что не даромъ бились они и работали всю жизнь, чтобы въ одинъ прекрасный день прочитатъ на афишѣ театра „Французской комедіи“ имя своего единственнаго любимого сына, напечатанное большими буквами.

Но судьба судила иначе: старая Пантейль больна, около шести недѣль не встаетъ съ постели, страдая полнымъ истощеніемъ силъ, а отецъ молодого человѣка остался подлѣ больной. Было рѣшено, съ общаго согласія, обмѣниваться весь вечеръ телеграммами, увѣдомляющими мать — объ успѣхахъ сына, а сына — о здоровьи матери!

Три традиціонныя стука... и занавѣсъ поднялся медленно и величественно. Первая сцена пьесы, очень небольшая, шла быстро. Дебютантъ ожидалъ своего выхода.

— Пожалуйте на сцену, г-нъ Пантейль!

И маркизъ появился на сценѣ.

Ронотъ пробѣжалъ по залѣ. Онъ былъ очень красивъ, этотъ молодой дебютантъ, съ симпатичной фizioноміей, въ скрутокъ отъ хорошаго портокало. Только легкая дрожь въ голосѣ выдавала его волненіе. Онъ прекрасно провелъ сцену съ Монтмейранъ и ушелъ, уступивъ мѣсто другимъ дѣйствующимъ лицамъ.

Едва Пантейль вошелъ за кулисы, — ему подали телеграмму: „Мать встала. Все идетъ прекрасно. Скушала два яйца“.

Молодой человѣкъ облегченно вздохнулъ, его волненіе исчезло. И зато съ какимъ искусствомъ въ слѣдующей сценѣ подсмѣивался онъ и тирнулъ надъ Пуарье, любителемъ картинъ! Лучше и ярче трудно было передать остроумныя выходки и шутки маркиза, довольнаго и веселаго...

Даже „критика“ обмѣнивалась между собою похвальными замѣчаніями. Занавѣсъ опустился.

Дебютантъ получилъ вторую телеграмму: „Матери лучше“.

Онъ отвѣтилъ: „Все благополучно“.

Совершенно успокоенный, дебютантъ вполнѣ отдался своей роли. Остальная часть представленія — была для него цѣлымъ рядомъ вполнѣ заслуженныхъ овацій. Онъ не былъ похожъ на зауряднаго новичка.

Эта публика первыхъ представлений, избалованная и лѣнивая, теперь, казалось, зарилась вдохновеніемъ и увлеченіемъ красиваго, молодого дебютанта.

Оглушительныя рукоплесканія раздались послѣ знаменитаго монолога маркиза къ Монтмейрану. Побѣда была одержана, и Пантейль сразу составилъ себѣ имя. Судьба его была рѣшена, и „малышъ“, сынъ торговцевъ изъ улицы Лешикъ, долженъ былъ прославить имя Пантейль, поставить его на ряду съ такими именами, какъ Кокзъ, Мопе-Сюлли... О, какое счастье! Съ какимъ восторгомъ бросился Пантейль въ объятія своего учителя Делоне, который, самъ растроганный до слезъ, дожидаясь своего ученика, по окончаніи пятаго акта. Съ закрытыми глазами, подписалъ Пантейль ангажементъ, предложенный ему администраціей театра, и стараясь поскорѣе скрыться отъ всѣхъ этихъ поздравленій и рукопожатій, онъ прыгнулъ въ факръ и крикнулъ кучеру:

— Скорѣ! 43, улица Лешикъ! Сто су на чай, скорѣ.

II.

„Боже! Какъ она будетъ счастлива, бѣдная мама, когда узнаетъ объ этомъ успѣхѣ!“

Молодому Пантейлю ясно представилась маленькая лавочка въ улицѣ Лешикъ: отецъ, согнувшійся надъ своей расходной книгой, высчитывающій цѣлыя столбцы цифръ, и сѣяющій, когда оказывался хотя маленькій барышъ. И мать, прежде бодралъ и здоровая, теперь больная, но выздоравливающая.

„Добрыя, честныя люди! Сколько часовъ провели они за прилавкомъ, продавая штукки, пуговицы и другую мелочь. Часто выходилъ изъ дому, чтобы отдохнуть — имъ не приходилось... „Сынчикъ“ стоилъ не дешево... еще бы — артистъ. Ему необходимо было свѣжее, хорошее бѣлье, хорошая обувь, перчатки, карманные деньги!“

Только теперь онъ вполнѣ созналъ, оцѣнилъ молчаливое самопожертвованіе стариковъ, которые безропотно подчинились своей тяжелой долѣ, ради того, чтобы будущее ихъ единственнаго, любимого сына, улыбалось ему, было усыпано цвѣтами, окружено ореоломъ славы и извѣстности.

Да, теперь онъ добился этой славы! Онъ является теперь посредникомъ между гениемъ поэтовъ и шумной, непостоянной толпой. Эти любимыя публикой авторы, эти могучіе, владѣющіе даромъ творчества, умы, полные яркой, игривой фантазіи, теперь они будутъ работать для него, обрисовывая и отдѣлывая роли въ своихъ пьесахъ.

И онъ выступитъ борцомъ за нихъ на первыхъ представленіяхъ, когда ему придется выводить на свѣтъ и поддерживать неизвѣстное еще публикѣ произведеніе.

А потомъ, во время канікулъ, онъ вздохнетъ свободно, увезетъ своихъ стариковъ куда-нибудь подальше, въ цвѣтущій уголокъ Бретани, къ подножію береговыхъ утесовъ, гдѣ вѣчно рокочетъ и бурлитъ неугомонное море.

— Улица Лешикъ, 43, мы пріѣхали, раздался голосъ кучера, останавливавшая эккиажъ.

Пантейль выскочилъ изъ коляски, лихорадочно позвонилъ и исчезъ въ темной аллеѣ, ведущей къ дому.

Въ тотъ моментъ, когда онъ взялся за ручку двери, ему почудился глухой, сдержанный стонъ.

III.

Ни души въ столовой. Только тамъ, въ маленькой спальнѣ, его мать, его милая, дорогая, родная, неподвижная, распростертая на своей кровати, лежала, улыбаясь мертвой, застывшей улыбкой.

Уткнувшись лицомъ въ одеяло, старикъ горько рыдалъ возлѣ умершей.

Тогда Пантейлю стало понятно все. Жертва была принесена до конца; телеграммы, присылаемыя ему въ театрѣ, обманывали его. Покойная, эта чистая, святая душа, до конца довела свое самопожертвованіе... Она желала, чтобы ея сынъ былъ спокоенъ и владѣлъ собой на сценѣ.

Любящая мать побѣдила въ себѣ желаніе увидѣть сына, обнять его въ послѣдній разъ...

Въ то время, какъ Парижъ шумно аплодировалъ ему, она билась въ мукахъ предсмертной агоніи...

Безъ слова, безъ звука, сынъ опустился на колѣни подлѣ усопшей.

Долго, долго смотрѣлъ онъ въ ея милое, блѣдное, словно восковое лицо.

Ему казалось, что улыбка на губахъ усопшей становилась все явственнѣе, все свѣтлѣе и радостнѣе, что ея мсхудалое, измученное страданіемъ лицо озарилось выраженіемъ неизлечимаго счастья.

И мертвая она, казалось, радовалась счастьемъ своего сына, которому отдала всю свою жизнь!

Современная гигиѣна,

представленная на Первой Всероссійской гигиѣнической выставкѣ въ С.-Петербургѣ.

Очеркъ Г. С. Вольте.

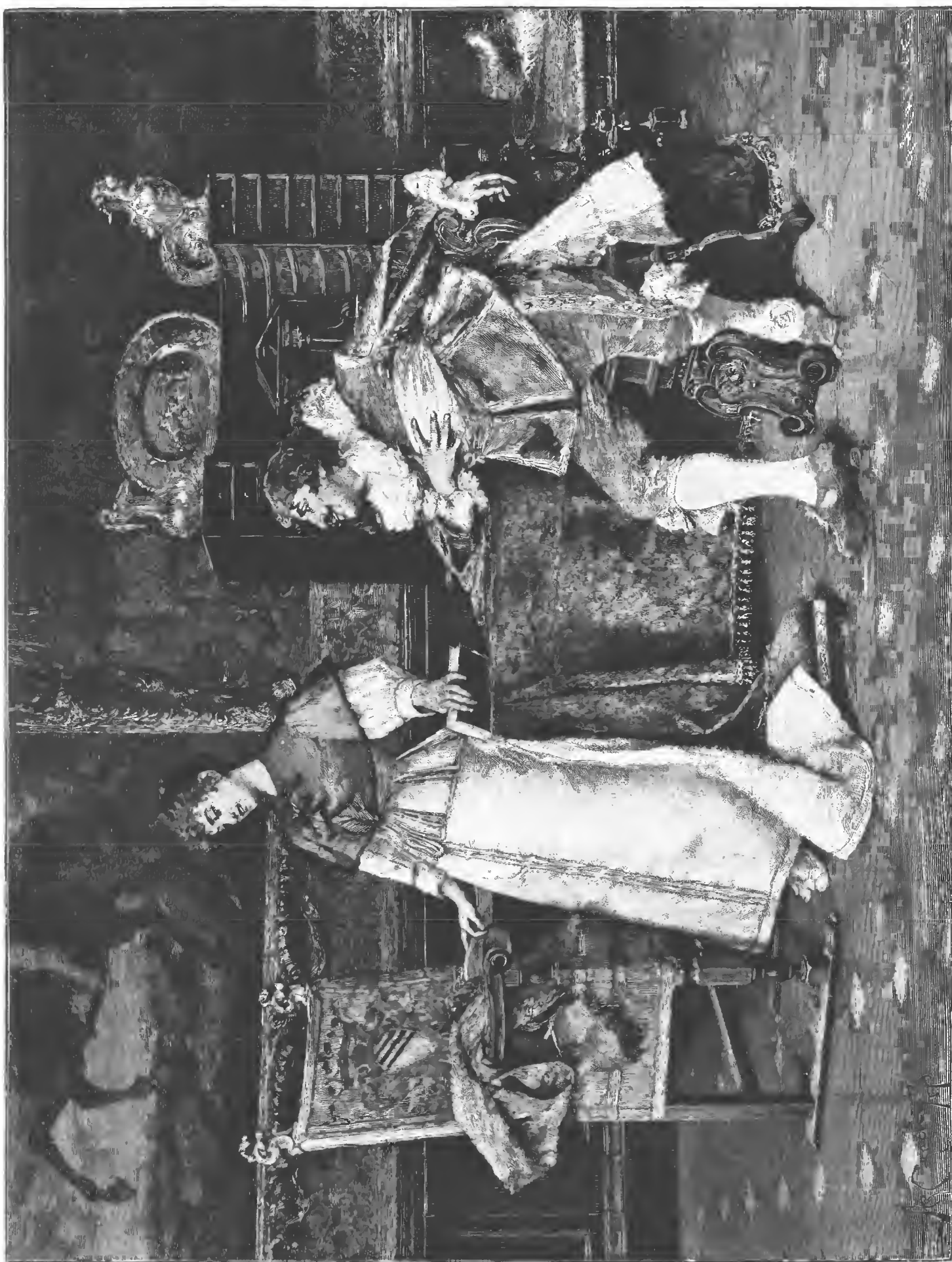
Гигиѣна — это добрая нянька, которую наука приставила къ человѣку, чтобы оберегать его жизнь и здоровье отъ всевозможныхъ послѣдствій его собственной безбечности, неосторожности, легкомыслія, пзлшшества и пр., а также отъ многочисленныхъ угрожающихъ ему извѣстнхъ разнообразныхъ опасностей. Она становится у изголовья новорожденнаго ребенка, неотступно и зорко слѣдитъ за его развитіемъ, провожаетъ всюду взрослагаго человѣка, какъ добрый другъ-совѣтникъ, до самой могилы, пока не осядетъ его праха въ землю. Наука была бы, однако, беспомощна помочь человѣку, если бы осуществленіе ея совѣтовъ и наставленій не взяли въ свои руки сильныя своею властью принужденія, богатые матеріальными средствами и располагающіе многочисленнымъ штатомъ исполнителей организованные союзы чловѣческаго общества: раз-

личныя благотворительныя общества, учрежденія общественнаго самоуправленія и, наконецъ, правительственныя, какъ отдѣльных государствъ, такъ и всего международнаго союза. Совокупными силами всѣхъ этихъ могущественныхъ дѣятелей удастся спасти жизнь и здоровье не одной сотни тысячъ безпомощныхъ, обездоленныхъ и невѣжественныхъ людей, которые не знаютъ, какъ помочь себѣ, и не имѣютъ къ тому никакой возможности.

У бѣдной работницы-поденщицы, тяжелой трудомъ зарабатывающей себѣ насущный кусокъ хлѣба и часто не пьющей своего угла для почлега, долженъ родиться ребенокъ. И вотъ, въ критическую минуту, когда матеръ пуженъ уходъ, а часто и помощь врача, она находитъ и то, и другое въ благотворительномъ учрежденіи, устроенномъ на государствен-

Цѣнители музыки. Съ карт. М. Штоксъ, по фот. О. Вейраусъ, грав. Геданъ.

Предложеніе. Съ карт. А. Цехи, грав. Іерике

ных, общественных или частных средства какого-либо жертвователя. Посмотрите, какая чистота, какая удобота, какая заботливость окружают женщину с момента ее поступления хотя-бы в С.-Петербургское Падеждинское родовспомогательное заведение, одно из многочисленных Учреждений Вѣдомства Императрицы Маріи. На Всероссийской гигиенической выставкѣ, въ особомъ павильонѣ, занятѣмъ этими учрежденіями, выѣтается, между прочимъ, также образецъ палаты, со всей ея обстановкой и съ кроваткой для новорожденнаго.

Заглянувъ въ одну изъ слѣдующихъ комнатъ того же павильона Учреждений Вѣдомства Императрицы Маріи, вы увидите тамъ модель замѣчательнаго въ своемъ родѣ учрежденія. Это ясли, устроенныя въ городѣ Керчи. Въ выходящей на улицу стѣнѣ зданія устроены небольшія деревянные двусторчатныя дверцы. Когда ихъ открываютъ, выдвигается самъ собою наружу небольшой деревянный ящикъ, куда бѣдная мать кладетъ своего ребенка. Дверцы захлопываются, ящикъ вдвигается обратно внутрь, а ребенокъ, нажимая тяжестью своего тѣла на дно ящика, производитъ электрической звонокъ. Тотчасъ же является служащая въ ясляхъ женщина, беретъ ребенка, и тутъ же омываетъ въ ваннѣ приготовленной и всегда находящейся здѣсь ванночкѣ. Проходитъ нѣсколько лѣтъ, и изъ этихъ несчастныхъ дѣтей, уже при самомъ рожденіи своему обреченныхъ на смерть, вырастаютъ честные и полезные труженики на пользу общества. Посмотрите на развѣшанныя подлѣ на стѣнахъ фотографіи. Вы увидите мальчонку и дѣвочку, принесенныхъ когда-то съ улицы и положенныхъ въ ясли; теперь же они, подлѣ руководства учителей и учителейницъ, обучаются въ школѣ, устроенной при тѣхъ же ясляхъ.

Если вы хотите узнать, какъ устроена жизнь этихъ призраваемыхъ благотворительностью младенцевъ, войдите въ отдѣленіе павильона, изображающее комнату С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома. Вы увидите кроватку, устроенную специально для преждевременно родившихся дѣтей. Это маленькая ванночка съ двойными стѣнками, между которыми наливается теплая вода, окружающая такимъ образомъ постельку младенца и доставляющая необходимую для его развитія теплоту. Рядомъ чистенькая, хорошенькая кроватка другихъ воспитанниковъ Дома и кровать кормилицы. А вотъ и она сама съ ребенкомъ на рукахъ. Маленькіе восковые сдѣланы такъ удачно, что пазлака можно принять ихъ за живыхъ. Подлѣ—вѣсы для взвѣшиванія всѣхъ припосымаемыхъ въ Воспитательный Домъ дѣтей и столѣнокъ для приготовленія молока тѣмъ дѣтямъ, которыхъ приходится прикармливать изъ рожка. Здѣсь же шкафикъ со всѣми принадлежностями для осматриванія, ванна для купанія дѣтей и столъ для чаянія. Изъ учрежденій, посвятившихъ себя уходу и лѣченію дѣтей, страдающихъ хроническими болѣзнями, останавливается вниманіе замѣчательная въ своемъ родѣ „Дѣтская санитарная станція“, устроенная на Хаджибейскомъ лиманѣ Обществомъ попеченія о больныхъ дѣтяхъ города Одессы. Здѣсь содержится въ тепліе лѣтнихъ мѣсяцевъ дѣти отъ 2-хъ до 15-ти-лѣтняго возраста, страдающія золотухой, ревматизмомъ, англійской болѣзью, искривленіемъ позвоночника и другими органическими болѣзнями. Средствами лѣченія, кромѣ здороваго, обильнаго питанія и чистаго воздуха, служатъ ванны, купанья въ лиманѣ, грязевыя ванны. Результаты оказываются въ высшей степени благоприятными: половина всѣхъ переболевшихъ на станціи дѣтей (562) выздоровѣла совершенно, 38% поправилось.

Къ сожалѣнію, экспонаты выставки далеко не вполне обнимаютъ всю область гигиены ребенка. Гигиена эта представляетъ теперь, правда, слишкомъ обширный, научно разработанный отдѣлъ, который содержитъ массу полезныхъ указаній о всѣхъ подробностяхъ ухода за дѣтми, о питаніи ребенка, его одеждѣ, обуви... Чрезвычайно полезно было бы продемонстрировать на выставкѣ различные употребительные въ народѣ и обществѣ суррогаты женскаго молока, съ оцѣнкой ихъ качества, выставить приборы для стерилизаціи и варки молока, а также для изслѣдованія его. Вопросъ о нормальной одеждѣ ребенка, относительно которой такъ грѣшатъ многія матери, больше заботящихся объ удовольствіи капризовъ моды, чѣмъ о здоровьѣ своего ребенка, также вполне заслуживаетъ вниманія устроителей выставки.

Что касается области слѣдующей за дѣтской, школьной гигиены, то здѣсь на первомъ планѣ стоитъ, конечно, забота о правильномъ и согласномъ съ требованіями гигиены обученіи дѣтей. Современное общество создало, наконецъ, ошибки и заблужденія нашихъ отцовъ въ этомъ вопросѣ, и старается ихъ устранить, но возможности, причины того зла, которое причиняла учащимся старая школа. Вспомните сырые, темныя, холодныя, тѣсныя, душныя и грязныя школьныя помѣщенія добраго стараго времени, розгу воспитателя, ужасную зубрилку никому и ни для чего ненужныхъ предметовъ, постоянныя простуды и болѣзни учениковъ, и сравните все это съ новыми роскошными училищными зданіями и классами, гуманное обращеніе съ учениками, рациональную систему преподаванія, заботу о физическомъ и умственномъ здоровьѣ учащихся,—услѣхъ очевидный и несомнѣнный. На выставкѣ множество плановъ, фотографиче-

скихъ снимковъ и моделей, которыми увѣщаны и обставлены стѣны громаднаго павильона Министерства Народнаго Просвѣщенія. Сколько мѣста, воздуха и свѣта въ классахъ, какая удобная и гигиеническая школьная мебель, какіе обширные дворы для игръ и физическихъ упражненій дѣтей! На стѣнахъ цѣлыя альбомы видовъ разныхъ министерскихъ и общественныхъ гимназій и другихъ учебныхъ заведеній изъ всѣхъ округовъ—имѣется даже панка изъ Зап.-Сибирскаго учебнаго округа. По модному теперь вопросу о переутомленіи учащихся, Министерство выставило громадныя стѣнныя картограммы, гдѣ графически представлены сравнительныя данныя о числѣ часовъ сна у учащихся дѣтей въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ шведскихъ и русскихъ, о числѣ часовъ занятій классныхъ и въ-классныхъ у дѣтей, учащихся преимущественно въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ какъ Россіи, такъ и западныхъ странъ (въ Пруссіи, какъ видно по картѣ, ученики занимаются гораздо меньше, чѣмъ въ Россіи), о распределеніи дня у учащихся дѣтей въ Россіи и на Западѣ, и, наконецъ, данныя о степени развитія нервной слабости (исцѣпленіи) у учащихся, по наблюденіямъ за трехлѣтіе 1890—92 гг.

Среди многочисленныхъ экспонатовъ отдѣла школьной гигиены особенно интересна модель лѣтней колоніи для дѣтей въ имѣніи Сумскомъ. Громадная модель эта наглядно показываетъ, чѣмъ занимаются дѣти въ этой колоніи. Здѣсь въ полномъ разгарѣ полевыхъ работъ: дѣвочки сгибаютъ граблями сѣно, собираютъ и вяжутъ снопы, мальчики тащатъ ихъ на скирду, а оттуда сверху распоряжается работами ихъ старшіи товарищи; тамъ дѣти съ полнымъ рвеніемъ отдаются занятіямъ огородничества, въ другомъ мѣстѣ двое мальчишекъ пилятъ дрова, другіе перемалываютъ на ручной мельницѣ муку, а вотъ и маленькій плотникъ усердно трудится за своимъ станкомъ.

Дѣти и рабочіе—вотъ о комъ печется больше всего современная гигиена, главная цѣль которой помочь всѣмъ безпомощнымъ. Модель домовъ для рабочихъ, выставленная фирмой В. Руже и Эндеръ, имѣющей фабрики въ городѣ Набианцахъ Петровской губерніи (Лодзинскій районъ), служитъ иллюстраціей господствующаго нынѣ среди самихъ фабрикантовъ стремленія создать для рабочихъ человѣческія условія жизни. Въ желѣзнодорожномъ отдѣлѣ вы найдете свидѣтельствующіе о томъ же стремленіи планы жилищъ для служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ рабочихъ. По особенную заботливость о здоровьѣ и благосостояніи рабочихъ проявляетъ теперь само правительство, какъ въ особомъ фабричномъ законодательствѣ, такъ и въ установленныхъ системахъ надзора за фабриками и заводами въ лицѣ особыхъ органовъ—фабричныхъ инспекторовъ,—и что представляемая къ фабрикантамъ требованія правительства само добросовѣстно выполнять, это лучше всего видно изъ обстоятельныхъ и подробныхъ картограммъ, выставленныхъ Экспедиціей заготовленія государственныхъ бумагъ. Здѣсь вы найдете свѣдѣнія и о составѣ, температурѣ, влажности воздуха, которымъ дышатъ рабочіе, и о качествахъ потребляемой ими воды, и о питательности предлагаемой имъ пищи и, наконецъ, о перенесенныхъ ими болѣзняхъ.

Одну изъ самыхъ существенныхъ задачъ гигиены рабочихъ представляетъ достиженіе такихъ условій и порядковъ производства, при которыхъ число несчастныхъ случаевъ съ рабочими сведено было бы до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ. По что въ этомъ направленіи придется еще много поработать правительству, доказываютъ составленныя врачами Никольскимъ таблицы, на которыхъ графически обозначены какъ количество всѣхъ бывшихъ за время съ 1872 по 1890 годъ несчастныхъ случаевъ съ рабочими на горныхъ заводахъ, рудникахъ и промыслахъ въ Россіи, такъ и самыя причины полученныхъ поврежденій.

Не меньшее значеніе имѣетъ организація врачебной помощи для рабочихъ, какъ на самихъ фабрикахъ и заводахъ, такъ и, вообще, въ городахъ и уѣздахъ.

Особенно важно для общественной гигиены, чтобы всякій, заболевшій какою-либо заразною болѣзью, былъ тотчасъ-же изолированъ отъ общенія съ здоровыми. Задача этой стараются удовлетворить особыя, устраиваемыя теперь повсемѣстно, бесплатныя больницы специально для заразныхъ больныхъ. Образцомъ такой больницы можетъ служить С.-Петербургская городская больница въ память Боткина, устроенная по новѣйшей барачной системѣ, съ отдѣльными бараками для каждой заразной болѣзни. Модель ея выставлена при самомъ входѣ на выставку, предъ павильономъ С.-Петербургской городской думы. Вообще, больничный отдѣлъ представляетъ очень широко на Всероссийской гигиенической выставкѣ. Обозрѣватель ея можетъ ознакомиться со всѣми новѣйшими усовершенствованіями науки въ этой области по многочисленнымъ моделямъ, какъ въ миніатюрѣ, такъ и въ настоящихъ величинахъ, по множеству плановъ и фотографій и, наконецъ, по обстановкѣ самыхъ палатъ и другихъ помѣщеній для больныхъ, которая перенесена на выставку и установлена въ томъ самомъ видѣ, какъ она имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности. Стѣны, полы и мебель выкрашены бѣлой масляной краской, такъ что—малѣйшая пыль, малѣйшее пятно обнаруживается и тотчасъ же удаляется. Постель и одежда больныхъ, костюмы прислуги и врачебнаго персонала, все это тщательно приспособлено къ

тому, чтобы все бывшее въ соприкосновеніи съ заразнымъ больнымъ, всякій источникъ зараженія были немедленно удалены или уничтожены.

Чрезвычайно интересную коллекцію больничныхъ кроватей для больныхъ воспитанниковъ институтовъ выставило Вѣдомство Учрежденій Императрицы Маріи. Здѣсь наглядно представлена исторія постепеннаго усовершенствованія ихъ, при чемъ вмѣстѣ съ удобствами для больной увеличивалась и гигиеничность кроватей въ смыслѣ мельчайшаго и скорѣйшаго ихъ обеззараживанія.

Мы привыкли думать, что больной или раненый солдатъ или матросъ не пользуется ни сотою долею той гуманной заботливости и ухода, которыми окружаютъ больныхъ въ больницахъ гражданскаго вѣдомства. Но, посетивъ гигиеническую выставку, вы убѣдитесь, что о солдатѣ и матросѣ начальство его заботится не меньше, чѣмъ администрація городской больницы, и дѣлаетъ все, конечно, зависящее, чтобы уменьшить его страданія и улучшить его положеніе. Напримѣръ, въ отдѣлѣ Морскаго вѣдомства имѣется интересная модель, изображающая, какъ матросы спускаютъ въ люкъ своего больного товарища на особые носилкахъ, образецъ которыхъ стоитъ здѣсь же рядомъ, при чемъ, дѣйствительно, переносъ этотъ совершается съ наименьшимъ безпокойствомъ для страдальца. Возлѣ—мачта съ привѣшенной къ ней на веревкахъ больничной койкой, лежа на которой, больной не испытываетъ такой ужасной качки и толчковъ, какіе неизбежны во время сильнаго волненія на морѣ.

Военное вѣдомство и его главный помощникъ во время войны — „Красный Крестъ“ выставили также цѣлую коллекцію приспособленій для лучшаго помѣщенія больныхъ и раненыхъ. На дворѣ выставки выстроены въ натуральную величину различныя типы переносныхъ и разборныхъ барачковъ и палатокъ, сколачиваемыхъ или составляемыхъ наскоро въ походѣ или во время маневровъ. Особенно интересны разнообразныя способы, къ которымъ прибѣгаютъ, чтобы возможно спокойнѣе перевозить больныхъ и раненыхъ солдатъ при самыхъ различныхъ условіяхъ мѣстности. Чаще всего

приходится имѣть дѣло съ вагонами желѣзныхъ дорогъ, и здѣсь избѣрательность врачей и санитаровъ имѣла наибольшее примѣненіе. Изъ одного вагона рядъ кооекъ подвѣшенъ вдоль стѣнъ на веревкахъ или ремняхъ, въ другомъ—на резиновыхъ подпорахъ, въ третьемъ—на пружинахъ; расположеніе самихъ кооекъ тоже очень разнообразно. Далѣе разставлены модели передѣланныхъ и приспособленныхъ для перевозки раненыхъ тяжелыхъ южно-русскихъ фуръ, великорусскихъ телѣгъ, двухколесныхъ одноколокъ и, наконецъ, верблюда пустыни, по обѣимъ сторонамъ котораго подвѣшены больничныя койки. Для водяной транспортировки пользуются баржами. Цѣлая серия носилокъ дополняетъ эту картину дѣятельности Краснаго Креста.

Для перевозки по желѣзнымъ дорогамъ больныхъ заразныхъ, холерныхъ и другихъ въ мирное время существуютъ такъ-называемые санитарные вагоны. Различныя типы этихъ послѣднихъ представлены подлинными экземплярами такихъ вагоновъ, которые доставлены были на гигиеническую выставку во временно проложеннымъ рельсамъ, которые переносились съ мѣста на мѣсто нѣсколько почей подъ ридъ. Когда войдешь внутрь этихъ вагоновъ, то просто поражаешься этой изумительной чистотой, порядкомъ и удобствами, о какихъ еще недавно никто не смѣлъ и мечтать. Во всемъ виднѣсь примѣненіе послѣдняго слова науки и техники.

О дѣятельности желѣзныхъ дорогъ, казенныхъ и частныхъ, специально въ холерное время можно составить себѣ довольно отчетливое представленіе по многочисленнымъ экспонатамъ этихъ дорогъ, занявшимъ огромный навиллонъ на выставкѣ. Здѣсь вы найдете и поѣздныя холерныя аптечки, и носилки, и кровати для больныхъ, и всевозможныя типы дезинфекціонныхъ камеръ и аппаратовъ въ моделяхъ и чертежахъ, напр., большую модель камеры-вагона для дезинфекціи перегрѣтымъ паромъ, проведеннымъ изъ паровика желѣзнодорожнаго поѣзда, особо устроенный переносный пульверизаторъ для дезинфекціи карболовою кислотой, нефтяную переносную печь для уничтоженія выдѣленія больныхъ и пр.

(Оконч. въ слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Лѣто. (Рис. на стр. 557).

...Солнце поднимаетъ
Изъ-за сосенъ шаръ свой. Сильно припекаетъ.
Жатву. Сладко пахнетъ въ воздухѣ гречихой.
По ржаному полю утреничекъ тихій,
Вѣтерокъ, гуляя, росу отрясаетъ,
Быть дождю или ведру—но росъ гадаетъ,
И шуршитъ соломой, словно безпокоясь,
И ему колоса кланяются въ полюсъ...

Я. Полонскій.

Городъ Кашинъ. (Рис. на стр. 560).

Городъ Кашинъ принадлежитъ къ самымъ древнимъ городамъ Тверской губ. Преданіе относитъ его основаніе ко временамъ языческимъ, даже указываетъ мѣста, гдѣ стояли идолы: одно изъ нихъ находится неподалеку отъ Клобукова монастыря, въ концѣ города, съ восточной стороны, это—недоступный по земле, желѣзистый родникъ; другое—три родника рядомъ, тоже желѣзисто-сѣрые, съ западной стороны города; третье—тоже содержащій желѣзо родникъ, называемый „Веселево“, верстахъ въ 4-хъ отъ города на сѣверо-западъ, близъ деревни Серьговки и села Страшкова. На это Веселево, по старинному обычаю, ведущемуся съ незапамятныхъ временъ, въ день Всѣхъ Святыхъ, жители города и окрестныхъ деревень собираются на гулянье. Такъ какъ день Всѣхъ Святыхъ бываетъ въ началѣ лѣта, то есть основаніе предполагать, что во времена дополовколенія, на этомъ мѣстѣ жители древняго Кашина устраивали празднества въ честь бога любви „Ладо“. Это божество наши предки всегда чествовали въ началѣ лѣта, (отъ 25 мая по 25 іюня), вслѣдствіе чего, вѣроятно, и уцѣлѣлъ обычай собираться туда на гулянья именно въ это время.

Въ исторіи названіе Кашина въ первый разъ упоминается въ началѣ XIII вѣка, когда Батій въ 1238 году, одновременно съ Тверью, выжегъ и разорилъ Кашинъ. Здѣсь до сихъ поръ хорошо сохранился земляной валъ, служившій, по преданію, укрѣпленіемъ и защитой для жителей города; впоследствии Кашинъ подвергался набѣгамъ татаръ, Литвы, поляковъ и шведовъ. Въ 1248 году Кашинъ выдержалъ 9-дневную осаду союзныхъ войскъ: Дмитрія Переяславскаго, Андрея Городецкаго, Даниила Московскаго, Дмитрія Ростовскаго и повгородцевъ, но не сдался. Во времена княженія Михаила Ярославича Тверскаго Кашинъ принадлежалъ Тверскому княжеству. Послѣ смерти Св. Благовернаго Князя Михаила Ярославича, замученнаго въ ордѣ ханомъ Узбекомъ въ 1318 году, въ городѣ Кашинѣ сталъ отдѣльно княжить сынъ его Василій Михайловичъ вмѣстѣ со своею матерью Св. Благоверной Княгиней Анной, которая впоследствии, сдѣлавшись монахиней,

умерла въ одномъ городѣ. Въ Кашинскомъ Воскресенскомъ соборѣ въ великолѣпно украшенной драгоцѣнной ракѣ покоится ея Св. мощи, почитаемая жителями г. Кашина, какъ величайшая святыня. Мощи эти были открыты въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича и въ присутствіи его были положены въ раку. Съ тѣхъ поръ Св. Преподобная Княгиня Анна стала почитаться жителями, какъ молитвенная помощница и покровительница города.

Самостоятельность Кашинскаго княжества длилась около столѣтій, онъ опять вошелъ въ составъ Тверскаго княжества. Въ 1486 г. Іоаннъ Васильевичъ III, великій князь Московскій, присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Кашинъ вмѣстѣ съ Тверью. Со времени царствованія Петра I до 1776 года Кашинъ былъ городомъ Московской губерніи, Угличской провинціи, а съ 1776 г. былъ отнесенъ въ уѣздные города Тверскаго намѣстничества.

Въ Кашинѣ имѣлся свой историческій матеріалъ,—лѣтописи, которыя, къ несчастію, сгорѣли во время одного изъ опустошительныхъ пожаровъ. Въ первый разъ Кашинъ сгорѣлъ весь до тла въ 1392 г. Преданіе говоритъ, будто-бы въ прежнія времена въ немъ было до 15 монастырей.

Мѣстоположеніе Кашина довольно живописно. Мѣстность возвышенная, и по ней пробѣгаетъ до причудливости извилистая рѣчка Кашника со своими четырьмя притоками; двѣ изъ нихъ Маслянка и Вонжа впадаютъ въ Кашнику внутри города, остальные двѣ—Печыпара и Кистъ за городомъ. Со времени царствованія Николая I до 60-ти-десятихъ годовъ Кашинъ славился „вырабатываемыми“ тамъ винами.

Въ настоящее время г. Кашинъ представляетъ изъ себя маленькій красивый городокъ, занимающій пространство не болѣе 6-ти квадрат. верстъ и разбросанный по холмамъ, ложбинамъ и крутымъ берегамъ тоже маленькой рѣчки Кашники, которая своими изгибами проходитъ черезъ весь городъ, доставляя воду всѣмъ безъ исключенія жителямъ. Кругомъ центра города Кашника обтекаетъ колыбелью такъ, что самый центръ находится какъ-бы на полуостровѣ съ узкимъ перешейкомъ, по которому могутъ разѣхаться не болѣе, какъ двѣ тройки лошадей. Съ остальнымъ городомъ центръ сообщается черезъ рѣку посредствомъ 3-хъ мостовъ и 5-ти мостковъ для пѣшеходовъ. Обиліе воды, даваемое рѣкою и ея притоками, дополняется еще множествомъ прудовъ и колодезевъ. Кашинцевъ издревле зовутъ должно быть за это „водохабами“. Въ Кашинѣ насчитывается около 1200 домовъ, изъ нихъ большая часть деревянныя, но не мало и каменныхъ. Улицы и площади въ городѣ вымощены камнемъ. Церквей 24—всѣ православныя и содержатся съ должнымъ благоуваженіемъ.

Кромѣ того, въ городѣ имѣются три монастыря. Два мужскіе съ архимандритами, содержаніе которымъ пожертвовано давно умершей кашинской купчихой А. В. Вончаковой; и одинъ мо-

настырь женский, прекрасно устроенный и имьющий болѣе 300 сестеръ. Этотъ монастырь находится въ концѣ города, на южной сторонѣ, и занимаетъ высокую мѣстность, а по красотѣ своего большого храма, видимаго со всѣхъ концовъ города, можетъ соперничать, по словамъ жителей города, съ какими угодно сооружениями въ этомъ родѣ. Изъ городскихъ церквей самое первое мѣсто по весьма красивой архитектурѣ, по обширности и по мѣстоположенію занимаетъ Воскресенскій соборъ, видимый за 10 верстъ отъ города.

Въ Камниѣ имѣются минеральныя источники углекисло-железисто-сѣрнаго свойства; эти источники благотѣльно дѣйствуютъ отъ многихъ болѣзней, сопряженныхъ съ малокровіемъ. При источникахъ сдѣланы приспособленія для пользующихся. Хочется вѣрить, что со временемъ эти минеральныя воды получатъ должную извѣстность у насъ. Подробное ихъ описаніе сдѣлано докторомъ А. В. Алексѣевскимъ („Медицинское Обозрѣніе“ за 1884-й г. № 10). Въ торговомъ отношеніи Камниѣ, главнымъ образомъ, занимается теперь продажей льна, котораго ежегодно вывозится болѣе чѣмъ на миллионъ руб. Жителей въ Камниѣ всего около 8000.

Живучесть мѣстоположенія города увеличивается зеленью садовъ, которыхъ въ Камниѣ очень много. Изъ нихъ три общественыя, городскія. Очень красивъ и до нѣкоторой степени оригиналенъ садъ при минеральныхъ водахъ, расположенный по склону горы. Вообще, Камниѣ по всей справедливости можно назвать однимъ изъ красивѣйшихъ уголковъ Россіи; онъ лежитъ въ 125 вер. отъ Твери и 180 вер. отъ Москвы. Въ 12 вер. отъ Камнина находится Сергіевская пристань; тутъ и останавливаются жсающіе ѣхать въ Камниѣ. Отъ желѣзной дороги Камниѣ находится въ 55 верстахъ.

Послѣднія минуты.

(Рис. на стр. 561).

Послѣднія минуты! — человекъ отходитъ въ вѣчность. прощается съ жизнью, кругомъ него плачутъ, и даже доктора, видящіе на своемъ вѣку много умирающихъ, и тѣ стараются занять неспущенными уже теперь большому лѣкарствами, чтобы скрыть свое смущеніе... Но взгляните въ лицо самого умирающаго — кака я тихая и ясная улыбка освѣщаетъ его! Онъ, словно уже увидѣвшій отблескъ того новаго міра, въ который ему придется вступить сейчасъ, какъ будто удивляется — зачѣмъ плачутъ и горюютъ кругомъ, когда ему такъ хорошо и покойно, когда его безсмертный духъ готовъ уже оставить эту временную, тѣлесную оболочку и, точно изъ тюрьмы, вырваться на свободу. Смерть есть рожденіе въ лучшую, болѣе свѣтлую жизнь, и счастливъ тотъ, кто заслужитъ кончину блаженную, мирную, неспешную, какъ молится Церковь о послѣднихъ часахъ на землѣ своихъ вѣрующихъ сыновъ!..

Послѣдняя преграда. (Рис. на стр. 565).

Рисунокъ Р. Штейна переноситъ насъ въ эпоху среднихъ вѣковъ и представляетъ одну изъ сценъ борьбы славянскихъ воиновъ съ соседнимъ какимъ-нибудь нѣмецкимъ рыцаремъ. Сраженіе кончилось. Победа была на сторонѣ славянъ. Молодой рыцарь отбился отъ своихъ, замедливъ на полѣ битвы для того, чтобы поднять къ себѣ на сѣдло старика-отца, раненаго удачнымъ ударомъ противника. Онъ скакалъ теперь наугадъ, куда глаза глядѣли — лишь бы не попасться во власть побѣдителей. Казалось, это удастся ему; онъ чувствовалъ по хлану лошадей потогн, что онъ утомленъ уже, а его конь болѣе полонъ еще силъ и могъ выдержать долго, не измѣняя своего бѣга. Но вдругъ онъ на лету сразу остановился, упершись передними ногами... Пропали всѣ успія: — море, плещущее волнами о каменистый берегъ, преградило имъ дорогу. Это была страшная, роковая, непреодолимая, послѣдняя преграда!.. Враги настигли, съ ними трудно было бороться; но рыцарь не сдался легко: онъ отбивался до тѣхъ поръ, пока не палъ подъ ударами тяжелыхъ мечей... И стало однимъ храбрецомъ меньше среди доблестныхъ рыцарей, но за то одно лишнее славное имя прибавилось къ числу тѣхъ, о которыхъ пѣли народу долго потомъ миннезингеры...

Цѣнители музыки. (Рис. на стр. 568).

Много словъ не надо для этой хорошенькой картинки. Она сама за себя говоритъ и всякій съ удовольствіемъ полюбуется нашими бѣлыми котятками, забавляющимися со скрипкой.

Предложеніе. (Рис. на стр. 569).

Работы современныхъ итальянскихъ художниковъ, въ подлинникахъ или гравюрахъ, только за послѣднее время получили должную извѣстность и начали появляться на страницахъ не итальянскихъ журналовъ, къ немалому ихъ украшенію. Искусно написанныя до мелочей, онѣ въ то-же время всегда привлекательны въ общемъ. Образцомъ можетъ служить картина А. Чеки, на которой изображено ухаживаніе пзичаго кавалера за миловидною дѣвушкою въ костюмахъ современныхъ Людовика XIII.

Профессоръ И. Я. Фойницкій. (Портр. на этой стр.).

Перваго іюня исполнилось двадцать пять лѣтъ учено-литературной дѣятельности ординарнаго профессора С.-Петербургскаго университета по кафедрѣ уголовного права, Ивана Яковлевича Фойницкаго, имя котораго пользуется общевропейской извѣстностью. Фойницкій съ первыхъ шаговъ своей ученой дѣятельности высказалъ точный и опредѣленный взглядъ на

Профессоръ Иванъ Яковлевичъ Фойницкій (по поводу 25-ти-лѣтія ученой дѣятельности). Съ фот. грав. Шюльбергъ.

уголовное право, какъ на науку о личномъ состояніи преступности въ его выраженіяхъ... преступныхъ дѣяній, въ его условіяхъ — космическихъ (почва, климатъ, раса, питаніе, полъ, возрастъ), общественныхъ (общественныя бѣдствія, война и т. п.) и индивидуальныхъ (особый складъ волевой дѣятельности человека) и въ его послѣдствіяхъ — наказанійхъ. Этотъ взглядъ, сочувственно встрѣченный лучшими европейскими юристами, легъ въ основаніе повѣйшихъ и весьма важныхъ направленій въ области философской разработки уголовно-юридическихъ явленій. Разсматривая ученіе о наказаніи, Фойницкій высказывался за мѣры индивидуальныя, примѣненіе которыхъ превратило бы негоднаго члена общества въ годнаго полезнаго для общества. „Охраненіе правопорядка — говоритъ Фойницкій въ своемъ научномъ трудѣ „Ученіе о наказаніи“ — можетъ быть достигнуто или мѣрами объективными, или мѣрами личнаго воздѣйствія, субъективными. Является неизбежный вопросъ: почему же для охраненія правопорядка объективными, а не болѣе совершенными и дѣйствительными? Почему кражамъ пужно и можно противопоставлять тюрьму и, какъ думали, даже розги, а не устройство въ голодные эпохи народныхъ столовыхъ, не раздачу съѣстныхъ припасовъ, улучшеніе подвоза и т. п. История права уже во многихъ случаяхъ успѣла регистрировать переходъ отъ мѣръ субъективныхъ къ объективнымъ, и такая смѣна есть одинъ изъ крупныхъ признаковъ прогресса“. Высказываясь такимъ образомъ за объективныя мѣры, Фойницкій не довольствуется, однако, ими и требуетъ пополненія ихъ мѣрами индивидуальными, основанными на изученіи личности наказуемаго. „Пѣть болѣзней, есть болѣныя“ — было сказано въ медицинѣ, „пѣть преступленій, есть преступники“ — провозгласилъ Фойницкій, и выдвинулъ изученіе личности преступника на первый планъ. Въ настоящее время это положеніе захватываетъ себѣ все болѣе болѣе районы поборниковъ и несомнѣнно окажется богатымъ значительными послѣдствіями.

Работы по специальному курсу тюремновѣдѣнія, возложенныя на И. Я. Фойницкаго юридическимъ факультетомъ С.-Петербургскаго университета, и изслѣдованія въ области института ссылки, открыли Фойницкому архивы Министерства Юстиціи, Государственнаго Совета и Сибирскаго комитета и дали ему возможность собрать интересныя данныя для освѣщенія нашей исторіи не только тюрьмы и ссылки, но и смертной казни, а также выяснитъ значеніе многихъ памятныхъ нашего законодательства. Какъ извѣстно, Фойницкій высказывался противъ ссылки, какъ мѣры наказанія, и противъ примѣненія такой тюрьмы, которая не исправляетъ преступника, а скорѣй развращаетъ его. Исправленіе преступника — вотъ что является государственною необходимостью, и это положеніе ученія Фойницкаго подкрѣпляется огромнымъ числомъ рецидивистовъ при существующемъ респективномъ режимѣ. Наоборотъ, опыты учрежденій для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ показываютъ, что общество выигрываетъ, когда на доставленіе пользы наказуемому и исправленіе его личности дѣйствуютъ рациональныя мѣры.

Иванъ Яковлевичъ Фойницкій родился въ 1847 г., первона-

чальное воспитание получилъ въ гимназіяхъ Черниговской и Могилевской. Въ 1864 году онъ поступилъ на юридическій факультетъ С.-Петербургскаго университета, гдѣ кончилъ блестяще курсъ въ 1868 году и получилъ золотую медаль за сочиненіе „О мѣрахъ пресѣченія обвиняемыхъ способомъ уклоняться отъ сѣдствія и суда“. Послѣ удачной защиты Фойницкимъ магистерской диссертациі, подъ заглавіемъ „Мошенничество по русскому праву“, онъ былъ избранъ въ 1871 году С.-Петербургскимъ университетомъ штатнымъ доцентомъ по кафедрѣ уголовного права и отправился за границу для усовершенствованія, гдѣ находился до 1873 года. Защитивъ въ 1881 г. блестяще докторскую диссертацию „О ссылкѣ на западъ“, И. Я. занялъ кафедру уголовного права сперва въ качествѣ экстраординарнаго профессора, затѣмъ ординарнаго.

Н. Афанасьевъ.

Донъ Кристоаль Колонъ, герцогъ Верагуа. (Портр. на этой стр.).

Всемирная Колумбійская выставка въ Чикаго выдвинула на сцену міровой публичности интересующаго теперь весь цивилизованный міръ Старого и Нового Свѣта дона Кристоала Колона, герцога Верагуа, прямого потомка (въ десятомъ поколѣніи) Христофора Колумба. На открытіи выставки ему было предоставлено почетнѣйшее мѣсто рядомъ съ самимъ президентомъ Кливлендомъ. Герцогъ Верагуа явился по приглашенію Америки на міровое празднество и былъ встрѣченъ съ неопровержимымъ восторгомъ, почетомъ и радостіемъ.

Въ Нью-Йоркѣ и Чикаго устраивался въ честь него рядъ овалій и торжествъ. Герцогъ Верагуа на открытіи выставки былъ въ адмиральской формѣ. Его стройная, немного художавшая фигура, строгая осанка, дѣлали его очень симпатичнымъ. Несмотря на то, что ему за пятьдесятъ лѣтъ теперь, его темнорусые волосы чуть серебрятся сѣдиной, а голубые глаза смотрятъ весело и жизнерадостно. Въ общемъ герцогъ внѣшностью своей скорѣе напоминаетъ англичанина, чѣмъ испанца. Точно такъ же очень мила и симпатична его 18-лѣтняя дочь, герцогиня Марія дель Пиларъ Колонъ Агвилера. Въ Америкѣ она обществуется подъ пменемъ миссъ Колумбусъ, и такъ же, какъ и отецъ, своими длинными блондинскими волосами и голубыми глазами напоминаетъ скорѣе дочь Альбіона, чѣмъ испанку.

Внутренній видъ вагона - гостиной на желѣзной дорогѣ изъ Нью-Йорка въ Чикаго.

(Рис. на этой стр.).

На американскихъ желѣзныхъ дорогахъ совсемъ иные порядки, чѣмъ на нашихъ. Газетъ не даютъ ни звонковъ; ни свистковъ; каждый пассажиръ долженъ знать, что поездъ отходитъ въ известную часть и, слѣдовательно, къ этому вре-

мени долженъ явиться на вокзалъ и сѣсть въ вагонъ. Во всѣхъ поѣздахъ Мичиганской центральной желѣзной дороги есть особые вагоны перваго класса (Wagner Palace Car. Co), удовлетворяющіе самымъ изысканнымъ требованіямъ комфорта, поражающіе своими удобствами и богатымъ убранствомъ. Это цѣлыя роскошныя салоны, украшенные дорогими сморщенными коврами, шелковыми запавѣсами, уставленные мягкими, уютными подвижными креслами. Для курящихъ имѣется въ вагонѣ курительная комната, затѣмъ — умывальная, бюро, въ которомъ къ услугамъ пассажировъ находится пишущая машинка. Затѣмъ слѣдуетъ, соединенный съ первымъ вагономъ крытымъ ходомъ, вагонъ-столовая и, наконецъ — вагонъ-снальный.

Желѣзнодорожный путь изъ Нью-Йорка въ Чикаго идетъ на значительномъ разстояніи вдоль берега рѣки Гудзона. У города Албани путь пересѣкаетъ эту рѣку и идетъ далѣе по живописной долинѣ Могака. Мѣстность весьма живописна и ею можно любоваться изъ зеркальныхъ оконъ вагоновъ, дѣйствительно, обставленныхъ по-царски.

Политическое обозрѣніе.

Въ Германіи начались выборы въ рейхстагъ. Избирательное движеніе, въ общемъ, прошло спокойно, если не считать нѣсколькихъ случаевъ нарушенія порядка социаль-демократами, послѣдствіемъ чего было закрытіе отдѣльныхъ сходбищъ.

Кассационная камера въ Парижѣ разсмотрѣла дѣло о „панамцахъ“ по ихъ жалобѣ и вынесла постановленіе, въ которомъ сказано, что сѣдствіе по судопроизводству противъ Шарля Лессенса, Фонтана и Эйфели лишены законнаго основанія и не дѣйствительны. Камера пахотитъ лишнимъ новое разбирательство дѣла другою судебною палатою. Фонтанъ и Эйфель освобождены изъ-подъ стражи, но Шарль Лессенсъ долженъ еще отбыть наказаніе за подкупъ.

Враждебныя толкованія большаго германскихъ газетъ рѣчей графа Кальноки, равно неблагоприятныя отзывы значительной части англійской прессы заставили перваго министра Австріи сдѣлать нѣсколько разъясненій своей предшествующей рѣчи и тѣмъ уменьшить благоприятное впечатлѣніе, сдѣланное ею на прочіихъ неслыхователей ея значенія. По официальному отчету о заявленіяхъ графа Кальноки въ бюджетной комиссіи австрійской делегаціи министръ сказалъ: „Съ величайшимъ сожалѣніемъ я замѣтилъ, что въ нѣкоторыхъ германскихъ газетахъ мои заявленія толкуютъ вовсе несоотвѣстственно. На болѣе или менѣе оскорбительныхъ обвиненіяхъ отдѣльныхъ газетъ я останавливаться не намѣренъ, но для того, чтобы относително нашей политики не могли произойти въ Германіи какія-либо недоразумѣнія, полагаю

Донъ Кристоаль Колонъ, герцогъ Верагуа (прямой потомокъ Христофора Колумба въ десятомъ поколѣніи). Съ фот. грав. Шюблеръ.

Внутренній видъ вагона-гостиной на желѣзной дорогѣ изъ Нью-Йорка въ Чикаго. Грав. Флюгель.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№ „Нивы“, Контора покортѣше проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полную годовую подписную плату за „Ниву“ 1893 года, озаботиться своевременными срочными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Г.г. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероля, подъ которымъ получается ими „Нива“.

долгомъ повторить, что союзы наши существуютъ, попрежнему, въ прочномъ и неизмѣнномъ видѣ. Изъ моихъ заявленій объ упрочившихся надеждахъ на сохраненіе мира и о нашихъ дружественныхъ отношеніяхъ къ Россіи выведенъ былъ антагонизмъ съ точкою зрѣнія берлинскаго кабинета“.

Загѣлъ министръ повторилъ, что онъ энергично ратовалъ за дальнѣйшее развитіе вооруженныхъ силъ и что въ проведеніи военныхъ мѣръ со стороны германскаго правительства онъ видѣлъ гарантію мира рѣшающаго характера. „Мои заявленія—продолжать министр—о нашихъ отношеніяхъ къ Россіи были по непониманію истолкованы, какъ объявленіе о политической пережѣлѣ фронта. Союзныя правительства всегда держались правила, что поддержаніе хорошихъ отношеній къ другимъ державамъ со стороны державъ, участвующихъ въ союзѣ, не исключается. Самъ князь Бисмаркъ, осно-

ватель союза, постоянно говорилъ, что возможно болѣе дружественныя отношенія къ Россіи служатъ лучшею гарантіею сохраненія мира. Вотъ почему всѣ шаги берлинскаго кабинета въ этомъ направленіи мы всегда сопутствовали полнымъ до- вѣрjemъ и лучшими пожеланіями“.

На сдѣланный ему запросъ по поводу заявленія германскихъ газетъ, что въ военныхъ приготовленіяхъ Австро-Венгрія не идетъ въ ногу съ Германіей, графъ Кальноки отвѣтилъ, что упрекъ этотъ несправедливъ и несостоятеленъ, такъ какъ каждое союзное государство напрягаетъ свои вооруженныя силы соответственно своимъ финансовымъ средствамъ. Со стороны германскихъ военныхъ авторитетовъ такихъ упрековъ никогда не дѣлалось; къ тому же въ берлинскихъ высшихъ сферахъ не существуетъ по этому предмету никакихъ недоразумѣній.

Разныя извѣстія.

— 3-го іюня, Ихъ Императорскія Величества съ Августѣйшими Дѣтьми, въ 3 ч. 50 м. дня, перѣхали изъ Гатчины на лѣтнее пребываніе въ городъ Петергофъ. Городъ былъ украшенъ флагами, вокзалъ былъ убралъ красной матеріей и гирляндами зелени съ вѣтками сирени. Съ вокзала Ихъ Величества пробѣжали на дачу „Александрія“.

— Назначены: ординарный профессоръ, докторъ политической экономіи А. Антоновичъ—товарищемъ министра Финансовъ; Московскій губернаторъ, въ званіи камергера Двора Его Императорскаго Величества, дѣй-

ствительный статскій совѣтникъ Сипягинъ—товарищемъ министра Государственныхъ Имуществъ; командиръ 2-й бригады 17-й пѣхотной дивизіи, генералъ-майоръ Маміевскій—губернаторомъ Забайкальской области.

— Отъ департамента полиціи объявляется, что, по распоряженію германскаго правительства, русскіе эмигранты въ заокеанскія страны будутъ впредь пропускаться исключительно черезъ Бременскій портъ.

— 30-го мая, въ 3 часа дня, въ Кіевѣ состоялась торжественная закладка капальницъ.

— При монастыряхъ, въ которыхъ стекаются тысячи богомольцевъ, рѣшено устроить правильно организованныя больницы съ постоянными при нихъ врачами.

— По докладу министра Внутреннихъ дѣлъ, постановило Высочайшее соизволеніе на присвоеніе художественной коллекціи П. и С. М. Третьяковыхъ, ирисенной ей владѣльцами въ даръ городу Москвѣ, наименованія „Городской художественной галлерей П. и С. М. Третьяковыхъ“. Галлерей въ настоящее время принята въ вѣдѣніе города и въ половинѣ іюля будетъ открыта для публики.

Библиографія.

Сочиненія Н. В. Гоголя. Изданіе одиннадцатое. Редакція Н. С. Тихомирова. Съ двумя портретами Гоголя, гравированными на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ, двумя авторграфами и тремя собственноручными рисунками Гоголя. Тома I—V. СПб. Изд. А. Ф. Маркса. 1893. Цѣна 6 руб., съ перес. 7 р. 50 к.; въ 5 перепл. 8 р. 50 к., съ перес. 10 р. 50 к.

Только горькими привѣтствіями можетъ быть встрѣчено это прекрасное изданіе. Несравненный художникъ слова, печатъ котораго легла на все слѣдовавшее за нимъ движеніе русской литературы, долго не былъ представленъ многочисленнымъ почитателямъ его великаго таланта въ такомъ видѣ, который былъ бы достоинъ его памяти. Въ теченіе почти четырехъ десятилѣтій произведенія его печатались искаженными или старою цензурою, или произволомъ лицъ, считавшихъ себя въ правѣ „поправлять“ Гоголя, или, наконецъ, небрежностью типографій, а послѣднія изданія „наслѣдниковъ Гоголя“ представляли прогрессивную порчу текста“ ихъ. Въ изданіи, лежащемъ передъ нами, мы имѣемъ Гоголя такимъ, каковы онъ былъ въ дѣйствительности, со всѣми отбѣнками его мысли и душевныхъ движеній. Еще въ 1889—1890 гг. появилось болѣе полное, чѣмъ всѣ предыдущія, изданіе (десятое, нынѣ уже разошедшееся), въ которое знаменитый профессоръ, академикъ Н. С. Тихомировъ внесъ результаты своего огромнаго труда, тщательнаго изученія и провѣрки съ подлинными рукописями и первоначальными изданіями всѣхъ текстовъ произведеній Гоголя, снабдивъ каждый томъ въ концѣ всевозможными вариантами. Одиннадцатое изданіе и представляетъ точное воспроизведеніе текстовъ десятаго, но съ присоединеніемъ нѣсколькихъ новыхъ, отысканныхъ произведений Гоголя (именно: въ I-мъ томѣ стихотвореніе „Непогода“ и два отрывка изъ неоконченныхъ повѣстей; въ IV томѣ „Предвѣдомленіе для тѣхъ“, которые пожелали бы сыграть, какъ слѣдуетъ, „Ревизора“, „Сцена, введенная авторомъ въ печатныя изданія „Ревизора“, и „Женщины“—первоначальные наброски комедій „Женитьба“, въ V томѣ „Выдержки изъ карманныхъ книжекъ“ и „Строки, написанныя за нѣсколько дней до кончины“).

Какъ и въ десятомъ изданіи, сочиненія, вышедшія въ свѣтъ при жизни Гоголя, напечатаны въ окончательныхъ редакціяхъ, а тѣ, которыя были переработаны позже авторомъ,—въ двухъ редакціяхъ, первоначальной и окончательной, отдѣльныя мѣста и цѣлыя страницы, передѣланныя авторомъ, также вошли въ изданіе, въ „Примѣчанія редактора“, а мелкіе варианты, занимавшіе много мѣста, но имѣющіе значеніе исключительно для исторіи и критики текста Гоголя, а не для обыкновеннаго чтенія и изученія произведеній творца „Мертвыхъ Душъ“ и „Ревизора“, исключены, какъ бесполезно для массы читателей увеличивающіе цѣну изданія.

Вѣщность одиннадцатаго изданія не оставляетъ желать ничего лучшаго. Два прекрасно исполненные портрета представляютъ Гоголя въ два различные періода его жизни: одинъ въ тотъ моментъ, когда онъ отправился за границу, а другой, когда уже онъ удручаемъ былъ тяжелымъ недугомъ. Два авторграфа знакомятъ съ изгнаннымъ характеромъ почерка Гоголя въ тѣ же моменты. Особенно любопытны и цѣны новоявляющіеся въ первый разъ въ изданіи три превосходно переданные собственноручные рисунка Гоголя, относящіеся къ послѣдней главѣ „Ревизора“ и изображающіе: первый—весь чиновный міръ городка, взволнованный письмомъ Хлестакова, въ моментъ появленія жандарма, второй—тотъ же чиновный міръ постѣ объявленія жандарма о приѣздѣ настоящаго ревизора, а третій—Марью Антоновну и Марью Андреевну, пораженныхъ вѣстіями о Хлестаковѣ. Каждый томъ для желающихъ облеченъ въ красивый и прочный тисненый переплетъ, и внутреннія бумаги переплета представляютъ прекрасно отпечатанные арабески, съ отдѣльными мѣстами для надписи, кому книга принадлежитъ.

Въ общемъ изящное и весьма дешевое одиннадцатое изданіе сочиненій Гоголя, самое полное изъ всѣхъ существовавшихъ въ отношеніи важныхъ основныхъ текстовъ, вполне достойно памяти великаго писателя и можетъ удовлетворить самаго взыскательнаго читателя.

А. Введенскій.

Научныя и техническія новости.

— Вернонъ-Буа изобрѣлъ приборъ для фотоскопирования на лету ружейныхъ пуль и ядеръ. Весь приборъ состоитъ изъ большого электрическаго конденсатора и лейденской банки, соединенныхъ влажною проволокою. Пролетающій мимо банки снарядъ производитъ разрядъ электричества, при чемъ получается маленькая искра. Эта искра лейденской банки, перескакивая на кругъ большого конденсатора, производитъ сильный разрядъ и яркую большую искру, которая освѣщаетъ ядро. Пролетающая же при этомъ по другую сторону тѣнь падаетъ на пластинку фотографическаго аппарата, и снимокъ готовъ. Посредствомъ аппарата Буа достигнуто было,

наконецъ, казавшееся до сихъ поръ невозможнымъ соединеніе быстроты и яркости искусственнаго свѣта, необходимыхъ для воспроизведенія быстро движущихся предметовъ.

— Чикаго отапливаютъ теперь болотными газомъ, который собираютъ въ 200 верстахъ отъ Чикаго въ мѣстности, гдѣ онъ выделяется въ большихъ количествахъ. Газъ этотъ, дающій много тепла, съ помощью насосовъ накачиваютъ въ трубы и, такимъ образомъ, проводятъ его въ дома, мастерскія, заводы и пр. Кубическій метръ этого природою даннаго топлива обходится не дороже 4-хъ копеекъ.

— Жители штата Коннектикутъ въ С.

Америкѣ употребляютъ жемъ зорьковъ, какъ средство противъ тяжелыхъ формъ крупа, воспаленія легкихъ и ревматическихъ страданій.

— Американскій инженеръ Nichborn придумалъ остроумный способъ сигнализаций на морѣ. Спасительная бочка снабжена отверстиемъ, по которому вода проникаетъ въ особый ірімпинокъ, напоянный фосфористымъ кальціемъ, и разлагаетъ послѣдній. При этомъ образуется фосфористоводородный газъ, который, вырываясь изъ двухъ трубокъ наружу, при смѣшеніи съ воздухомъ воспламеняется и даетъ яркое бѣлое пламя, поднимающееся на аршинъ надъ водою.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

5 Р. КРАСИВО ПИСАТЬ выучиваю всякаго ЗАОЧНО (по-денцій) въ 10 уроковъ. ЗА УСПѢХЪ ГАРАНТІЯ. Средствомъ лекцій корреспонденціи высылкаю за 3 семиклѣбныя мари. № 6341 28—6

10 Р. ДВОЙНОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ БУХГАЛТЕРІИ обучаю ИНОГОРОДНЫХЪ вполнѣ и основательно въ 2—8 мѣсяца. При оконча-ніи выдаю ученику СВИДѢТЕЛЬСТВО. Адресъ: Москва, Покровка, Учнт. нал. н бухг. А. С. Шинманскому.

БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкія вр., близъ Египет-скаго моста, домъ № 7—2. 26—10
Иллюстрированные прейсъ-курранты по вос-требованіямъ высылаются безвозмездно.

ЛУЧШЕ ВЕЛОСИПЕДЫ
по самымъ дешевымъ цѣнамъ
„СТРЕЛА“.
Первый специальный маг. велосипедовъ
въ С.-Петербургѣ, Невскій пр. 26.
Каталогъ за 15 к. марканн.

П. № 6432 3—1

Велосипеды англійскаго завода „Гумберъ и К^о. Лмтд.“
лучшіе въ свѣтѣ!
предлагаетъ торговый домъ
Г. ЖЕМЛИЧКА и К^о.
Москва, Явлинскій просп., домъ Ечкиной.
Прейсъ-курранты — безплатно.

ТОВАРИЩЕСТВА „ГИГИЕНА“
ЛИЗОЛИНЪ
ДЕЗОРИЗАЦИОННАЯ
ЖИДКОСТЬ
Разр. С.П.Б. Врачеб. Управ. Прод. въ лучш. аптеч. магаз.
Оптов. продажа въ
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ
С.П.Б. н.о.ц. Александринск. театра, 9.
Москва, Никольская, д. Шверетъева.
Варшава, Новый свѣтъ, 37. 8—4

СТРАХОВАНИЕ ЖИЗНИ ВЪ СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ „РОССІЯ“

Высочайше утвержденномъ въ 1881 году.

Основный и запасный капиталы 18.500,000 руб.

Примѣръ. Отецъ семейства, 38-ми лѣтъ отъ роду, страхуетъ 10,000 руб., которые должны быть выданы женѣ и дѣтямъ немедленно послѣ смерти. За такое страхование онъ уплачиваетъ трехлѣтнюю премію въ 77 руб. 50 коп. и пользуется участіемъ въ прибыляхъ Общества.

Страхованія принимаются на суммы отъ 1,000 до 100,000 руб. на жизнь одного лица. Застрахованный капиталъ вы-дается и въ случаѣ смерти отъ холеры или другой эпидеми-ческой болѣзни.

Дивидендъ страхователей за 1892 г. — 12%.

Первый дивидендъ страхователямъ назначается послѣ третьяго года страхованія.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣ-дѣнія сообщаются въ Правленіи въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, собств. домъ № 37) и агентами Общества въ го-родахъ Имперіи.

№ 6434 6—1

СОДЕРЖАНИЕ: Воля судьбы. Историческій романъ въ трехъ частяхъ Нн. М. Н. Волконскаго. (Окончаніе). — Улыбка. Пзрв. съ франц. В. Карпинской. — Современ-ная гнѣна, представленная на Первой Всероссийской гнѣнческой выставкѣ въ С.-Петербургѣ. Очеркъ Г. С. Вольте. — Къ рисункамъ: Лѣто (съ рис.). — Городъ Кашинъ (съ рис.). — Последніи минуты (съ рис.). — Последняя преграда (съ рис.). — Цѣнтелн музынн (съ рис.). — Предложеніе (съ рис.). — Профессоръ И. Я. Фой-нцннцн (съ портр.). — Дочь Крнстоаль Нолонъ, герцога Верагу (съ портр.). — Вну-тренній андъ вагона-гостной на желѣзной дорогѣ нзъ Нью-Йорка въ Чикаго (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Заявленія. — Разныя извѣстія. — Библиографія. — Научныя и техническія новости. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ Нн. М. Н. Волконскій.

ЛЕВНИНГЪ и ГЮЗНИНЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставля-ютъ черную краску, которою печатаются иллюстрированный журналъ „Нива“ № 2150

Новое изданіе Юргенсона. ОПЕРЫ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО

въ 2 руки.

Новое роскошное изданіе въ 4-ю д. л.

Цѣна 1 р. 50 коп.

Тангейзеръ. Робертъ. Пророкъ (Іоаннъ Лейденскій). Гугеноты.

Москва, у П. Юргенсона.

СПБ. у П. Юргенсона. Варшава — Г. Зеце-вальдъ. П. № 6431

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

В. № 6326 В. ГЕНА въ Вѣнѣ 8—6

ОХРАНИТЕЛЬНАЯ
МАРКА.

нзъ грецкихъ орѣховъ. Безвредное сред-ство для быстрого окрашиванія волосъ и бороды въ черныи, русый, темно и свѣтло-каштановый цвѣтъ. Цѣна за флак. 3 р. съ пер. въ Евр. Росс. Главныи складъ для Россіи у В. Аурихъ въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.

Schlesischer Obersalzbrunnen

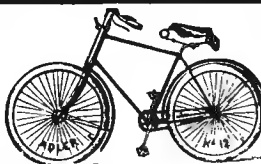

Первоклассный алыкалческій источникъ, съ успѣхомъ принимаемый съ 1601 г. Анализы и подробности объ источникѣ высылаются по почтѣ безплатно: Контора отправки книжескихъ минеральныхъ водъ въ ОБЕРЗАЛЬЦБРУННЪ.
ФУРБАХЪ и СТИБОЛЬ. Зальцбруннъ. въ Силезіи.
10—5 Склады во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. П. № 6373

НАТУРАЛЬНАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА

ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ
ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ: Въ послѣднее время появились въ про-дажѣ искусственныя воды подъ названіемъ „ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ“ почему покорѣйше просимъ при покупкѣ нашей натуральной воды, обращать вниманіе на ярлыкъ съ короной.
Дирекція источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ „ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ“ въ Будапештѣ.
Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магази-нахъ Россіи и Заграницы. Дирекція въ Буда-Пештѣ.

Гейнрихъ Клейеръ, велосипеды „Орелъ“
Франкфуртъ н/М. (отдѣлен. въ Гамбургѣ).
Спеціальная фабрика знаменитыхъ 24—10
велосипед. „Орелъ“.
На всемірной выставкѣ въ Чикаго въ группѣ 83.
Иллюстр. прейсъ-куррантъ за 10 коп. марку.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ EAU DE LYS DE LOHSE

Бѣлая и розовая вода для блѣнокрутыхъ, желтая вода для брюнетокъ.
Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

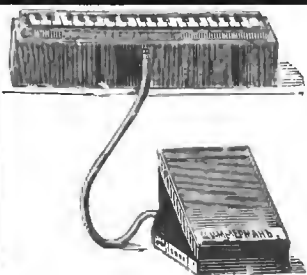
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“ ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ
дрогистовъ Россіи. № 5420 (30)

АНГЛИЙСКІЕ
ДУХИ ВЫСОКАГО ДОСТОИНСТВА
ПРОБНЫЙ ФЛАКОНЪ 10 коп.
Парфюмерн. магазинъ Г. ПЮПА. Пассажъ № 52.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
НАЗВАНІЕ ЛУЧШИХЪ ДУХОВЪ:

Эссенъ букетъ	Виллозъ де Парма	Бѣлая роза
Жюкеи глѣбъ	Резеда	Милль-Флеръ
Букетъ Императрицы	Люби меня	Англія
Илангъ-Илангъ	Стенанъ букетъ	Гиацинтъ
Майскій-Ландышъ	Ігіз	Киссъ ме квинъ
Бѣлый геліотропъ	Эдельвейсъ	Испанская кома
Бѣлая лилія	Жасминъ	Сѣвское сѣно
Сирень перс.	Опопанакъ	Черемуха
Левкой	Шипръ	Lilas heurt
Фиалка	Букетъ де Царь	Lotus.

Пробыныя флаконы высылаются не менѣе 10 флаконовъ за 1 р. 40 к. съ пересылкой во всея города Россіи (иномъ: Сибиріи)

НАРОДНЫЙ ГАРМОНИФЛЮТЪ.

Новый общедоступный музыкальный инструментъ, заключающій въ себѣ объемъ полной хроматической гаммы. Голоса приводятся въ движение дуваніемъ воздуха въ № 3950 ртомъ, на № 3956 и № 3958 поному недалеко.

№ 3950 въ 2 октавы 5 р.
№ 3956 " 3 октавы, съ педалью. 17 р.
№ 3958 " 4 " " " 23 р.

Самозвучитель. Маковского 1 руб. 2 тетради по 1 руб.
Прейс-куррантъ **БЕЗПЛАТНО**.
По полученіи задатка приблизительно 1/3 стоимости заказы требующее высылается съ наложеннымъ платежомъ по остальной суммѣ.

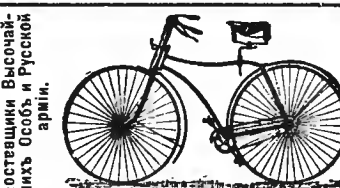
**ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ
ЦИММЕРМАНЪ**

главное депо
музыкальных инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
Москвѣ, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

**МОЗОЛЬНЫЙ
ПЛАСТЫРЬ
А. ЦИМЕРА**
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
ГЛАВ. МОСКВА, Мясницкая д. Костырево

**1-й
ВЫИГРЫШ-
НЫЙ**
заемъ, 1 июля тиражъ, продается на условияхъ дешевыхъ и добросовѣстныхъ
**БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,**
59, Невскій, Спб. (4-2)
1 марта с. г. на билетъ II займа, сер. 02031 № 25, купленный въ Банк. Домъ съ задаткомъ 20 руб., палъ выигрѣвъ въ 5000 р. и 1 мая с. г. на билетъ III (Дворянскаго) займа 05413, № 04 выигрѣвъ въ 500 р.

Поставщики Высочайшихъ Особъ и Русской Арміи.
Около 1000 велосипедовъ на складѣ. Кромѣ большинства полковыхъ болѣе 500 офицеровъ пользуются нашими велосипедными.
**САМЫЙ ОБШИРНЫЙ
ВЕЛОСИПЕДОВЪ.**
Торговый домъ **Ж. БЛОКЪ**,
(основ. въ 1863 г.)
МОСКВА. С.-Петербургъ, Одесса, Варшава,
П. № Покандъ и Екатеринбургъ. 25-19
5983 Ценой каталогъ 80 страницъ.
БЕЗПЛАТНО.

Новое изданіе А. Ф. МАРКСА, въ СПБ. Только что вышло изъ печати и поступило въ продажу НОВОЕ, ОДИННАДЦАТОЕ ИЗДАНІЕ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІИ Н. В. ГОГОЛЯ,

ЗНАЧИТЕЛЬНО ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ,
подъ редакцію академика, профессора Н. С. Тихонова, съ приложеніемъ двухъ портретовъ Н. В. Гоголя, гравированныхъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ, съ двумя автографами Гоголя и нѣсколькими его собственноручными рисунками.

Это, по счету одиннадцатое, а по полнотѣ первое, собраніе сочиненій Н. В. Гоголя издано въ пяти большихъ томахъ in 8°, заключающихъ въ себѣ около 170 печатныхъ листовъ, на лучшей бумагѣ, и отпечатано четкимъ красивымъ шрифтомъ.

При редактированіи настоящаго одиннадцатаго изданія было обращено вниманіе на устраненіе главныхъ недостатковъ тѣхъ изданій „Сочиненій Гоголя“, которыя вышли съ 1873 по 1888 годъ включительно, а болѣе всего, на полноту собранія и на правильность печатаемаго текста.

Въ настоящее изданіе вошли всѣ доселѣ напечатанныя сочиненія Гоголя, при чемъ не было сдѣлано никакихъ отступленій отъ плана, начертаннаго самимъ Гоголемъ для полнаго собранія его сочиненій.

Цѣна за всѣ 5 томовъ—6 руб., съ пересылкою 7 руб. 50 коп., а въ пяти роскошныхъ коленкорныхъ переплетѣхъ 8 р. 50 к., съ пересылкою 10 р. 50 к. Требования и деньги адресовать въ С.-Петербургъ, въ Контору изданій А. Ф. Маркса, Невскій, д. 6.

Въ Москвѣ, у Н. Н. Печниковой, Петровскія линіи.
Изданіе это можно получить также у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Вышли изъ печати и разосланы подписчикамъ

6-й и 7-й ВЫПУСКИ „ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА НИВЫ“.

нового роскошнаго періодическаго изданія, подъ названіемъ:

годъ первый (1893), содержащій въ себѣ:
СКАЗКИ,
собранныя братьями Я. и В. ГРИММАМИ.

переводъ подъ редакцію П. П. ПОЛЕВОГО.
Иллюстраціи П. Гротъ-Юганна.

24 вып., каждый—въ роск. обложкѣ, по одному вып. черезъ каждыя двѣ недѣли.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

Подписка продолжается, и каждый новый подписчикъ получаетъ изданіе полностью, т. е. начиная съ 1-го выпуска.

Цѣна за все изданіе (24 выпуска) 12 р., а съ пер. иногор. 14 р.

Только что вышло изъ печати и поступило въ продажу новое изданіе
А. Ф. МАРКСА, въ СПБ.—гѣ.

„РУССКІЙ ЛѢСЪ“.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ВТОРОЕ пересмотрѣнное и значительно дополненное изданіе.

Большой томъ, отпечатанный на лучшей бумагѣ, съ приложеніемъ 2-хъ картъ, изображающихъ лѣсность—одна Россія, по отдѣльнымъ уѣздамъ, другая—западно-европейскихъ государствъ, также пересмотрѣнныхъ и исправленныхъ.

Первое изданіе этого тома разошлось въ очень короткое время, а между тѣмъ спросъ на него не уменьшается. Такой успѣхъ изданія слѣдуетъ конечно приписать своевременному появленію книги, подробно трактующей вопросы лѣсного хозяйства и лѣсоохраненія.

Въ этомъ томѣ подробно разъясняются новые законы о сбереженіи лѣсовъ и вызванныя ими административныя распоряженія. Статистическія свѣдѣнія замѣнены новѣйшими данными; усилено вниманіе читателей на санитарное значеніе лѣсовъ; помѣщены вышедшія до мая 1893 г. Циркулярныя предписанія г. Министра Госуд. Имуществъ; новыя правила для составленія упрощенныхъ плановъ хозяйства и для снабженія частныхъ лицъ древесными сѣменами и саженцами и проч., и проч.

Предварительно печатанія 2-го изданія, 1-й томъ „Русскаго Лѣса“ былъ тщательно пересмотрѣнъ. Пользуясь указаніями пяти-лѣтняго опыта примѣненія лѣсоохранительнаго закона, составители признали необходимымъ частью исключить все то, что пережило свою исторію и оказалось излишнимъ въ настоящее время, частью же дополнить новыми разъясненіями народившіеся новые вопросы, а прежніе освѣтить въ духѣ нынѣ утвердившихся взглядовъ.

Желая по возможности сдѣлать книгу доступною для каждаго, издатель нашелъ возможнымъ понизить цѣну ея съ 5 р. на 4 р., съ пересылкой 4 р. 50 к.

Также имѣются въ продажѣ 2-й и 3-й томы „Русскаго Лѣса“. Цѣна за всѣ три тома 14 р. съ пересылкой.

Съ требованіями обращаться въ СПБ., въ Контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

КРАСИВО ПИСАТЬ выучиваетъ всякій заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФИИ А. КОССОДО.

Методъ преподаванія на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. № 6208 52-18

За 2 семиконечныя мѣрки высылаются пробное письмо и условія. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дерибасовскан, д. № 19.

Фирма премированная на европейскихъ выставкахъ десятию золотыми медалями и высшими знаками.
Косметические спермацетовые, личинки № 5898

УТИРАЛЬНИКИ.

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи спермацетовыхъ утиральниковъ, кожа лица дѣлается чистою. Удобное средство въ дорогѣ, гдѣ лицо особенно подвержено вліянію пыли и вѣтра. Ихъ удобно всегда имѣть при себѣ. Цѣна пачки 60 коп., съ перес. не менѣе двухъ пач. 2 руб., 4 пачки съ перес. 3 руб. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подпись А. Энглундъ—красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получите можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская ул., № 12 и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговыхъ Россійской Имперіи. Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Бассейная ул., д. № 2.

PARFUMERIES
IXORA
ED. PINAUD
Savon... à l'IXORA
Essences... à l'IXORA
Huile... à l'IXORA
Poudre de Riz à l'IXORA
37, BOULEVARD de STRASBOURG
PARIS
GRAND PRIX
EXPOSITION-PARIS 1889

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ
размѣръ съ 12 Рубл. до 500 Рублей
СОБСТВЕННЫЯ МАСТЕРСКІЯ,
БРУНО ЗЕНГЕРЬ И К^о
СПЕЦИАЛЬН. НЕВСКІЙ ПР. 25-1.
ОПТ. СКЛАДЪ. ЗАБІРАЮТЪ ЗАКАЗЫ.

ПРИГЛАШАЮТЪ
дѣятельныхъ агентовъ. За условіями
обращ. письменно: Генрихъ Блокъ,
С.-Петербургъ, Невскій, 59. 12-11

**ФОТОГРАФИЧЕСКІЯ
КАМЕРЫ**
въ громад. выборѣ.
Нов. иллюстр. преис-
куррантъ высылаются.
**МОМЕНТАЛЬНЫЯ
ПЛАСТИНКИ**
„БЕРНАРТЪ“.
При складѣ имѣется
лабораторія и раз-
леченія при ооунокъ
безвозмездно. 10-6
К. И. Фреландтъ.
С.-Петербургъ, у Казанскаго моста д. № 30/16.
Москва, Мясницкая, д. Соколова.
Харьковъ, Московская ул., д. Штейфанта.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и
Выдаѣтъ 19 іюня 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1893 г. КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ		ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:		ПРИЛОЖЕНІЯ.	
въ „НИВѢ“ принимаются за строку нонпарейль (1/4 шир. строкъ) въ Глав. Кон. Ред. по 1 руб.—Загран.: для Франціи у Agence Navas по 3 фр., для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 2 марки 50 пф.	Безъ доставки въ Петербургъ.	5 р.	Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. П. Н. Печковской, Петровск. Торг. лии.	6 р.	Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленій отъ торговыхъ домоовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.
	Съ доставкою въ Петербургъ.	6 р. 50 к.	Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи.	7 р.	
	За границу: съ перес.	въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 10 р.			
	На 1/4 года безъ дост.	1 р. 25 к., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.			
	На 1/2 года безъ дост.	2 р. 50 к., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р. 50 к.			

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“ со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

Зюлейка.

Въ ея чертахъ—
Краса и младость,
И на устахъ—
Улыбки радость;

Огнемъ горить
Взглядъ, полный грёзы,
Ея ланитъ
Румянецъ—розы...

Станъ—райскихъ
дѣвъ,
Стройна, какъ колось,
Ея напѣвъ—
Небесный голось...

Р. Н.

Зюлейка. Съ карт. І. Понпа, грав. Іерике.

СИЛЬНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Романъ К. Орловскаго.

I.

Когда я познакомился съ Семеномъ Андреевичемъ Конотоповымъ, ему было уже за 50 лѣтъ. Случилось это вотъ какъ. Зимой 188* года мнѣ неожиданно пришлось съѣздить въ губернский городъ Т. Я только что получилъ наслѣдство отъ дяди, стараго холостяка, безвыѣздно проживавшаго въ своемъ Т—скомъ имѣніи, и волей-неволей надо было собираться за тридевять земель ради неизбѣжныхъ хлопотъ по судебнымъ мѣстамъ. Я думалъ, впрочемъ, что въ какіе-нибудь три или четыре дня раздѣлаюсь съ неизбѣжными формальностями, да не тутъ-то было. Обнаружилось, что покойный дядюшка, завѣщавшій мнѣ свою родную Подлиповку, самъ никогда не былъ введенъ во владѣніе ею, и мнѣ вдругъ пришлось доказывать не только, что я законный наслѣдникъ дяди, но что самъ этотъ дядя, извѣстный цѣлой губерніи куролесникъ и хлѣбосоль, Павелъ Авдѣевичъ Безсоновъ состоялъ ея законнымъ владѣльцемъ.

Провозился я съ этимъ безъ малаго недѣли три и все наталкивался на какія-то негаданныя затрудненія.

Отсылали меня изъ канцеляріи суда къ старшему нотаріусу, а оттуда въ какой-то допотопный архивъ, и толку изъ этого не выходило никакого. „Нельзя-съ, никакъ нельзя“, твердили мнѣ угрюмые чиновники, которымъ я успѣлъ порядкомъ надоѣсть, и, тыкая перомъ въ какую-то бумагу, отворачивались отъ меня съ недовольнымъ видомъ. Нетерпѣніе меня разбирало, и понемногу я ожесточался и противъ „законныхъ“ порядковъ, будто для того только придуманныхъ, чтобы создавать на каждомъ шагѣ затрудненія, отъ которыхъ пользы нѣтъ никому, и противъ самого покойника дяди, поставившаго меня въ такое тупое положеніе.

Разъ, когда я выходилъ изъ зданія суда, окончательно взбѣшенный и преисполненный самыхъ неблагоприятныхъ чувствъ, мнѣ попался на улицѣ давнишній товарищъ, Константинъ Константиновичъ Бурдасовъ, котораго я лѣтъ восемь не видалъ и никакъ уже не рассчитывалъ встрѣтить въ богоспасаемомъ городѣ Т. Онъ тотчасъ меня узналъ.

— Ба, кого я вижу?! накинута оная на меня съ распростертыми объятіями. Бурдасовъ былъ отставной гусарь, и, какъ оно и подобаетъ гусару, всегда отличался необыкновенно порывистымъ нравомъ.

— Откуда и куда? Говори! принялся онъ меня обнимать. — Ъдемъ обѣдать, хочешь? Я тебя не выпущу... столько лѣтъ не видались.

Мой видъ показался, должно быть, господину Бурдасову нѣсколько холоднымъ. Я не выказалъ ему особенной радости, да и, въ самомъ дѣлѣ, неожиданная встрѣча меня не восхитила нисколько. По опыту я зналъ, что такія встрѣчи, обыкновенно, кончались просьбою о деньгахъ. Я попробовалъ было отказаться отъ приглашенія, да не тутъ-то было.

— Вотъ еще! Отпѣкиваться вздумалъ. Говорятъ тебѣ, не пущу. Да что ты такимъ кисляемъ глядишь? Или не радъ меня видѣть?

Бурдасовъ меня такъ-таки и не выпустилъ. Часъ спустя за вторымъ блюдомъ онъ былъ уже изрядно пьянъ и успѣлъ выпросить у меня пятьдесятъ рублей. Тѣмъ временемъ онъ мнѣ повѣдалъ, что у него въ Т.... ой губерніи есть имѣніе, конечно, разоренное, что хозяйничаетъ онъ безуспѣшно уже пятый годъ, но что все это пустяки, такъ какъ и въ Т. есть славные ребята, съ которыми можно выпить отлично. Разспрашивалъ онъ, разумѣется, и меня, только отвѣчать я ему неохотно, такъ какъ вовсе не надѣялся съ его по-

мощью найти исходъ изъ канцелярскихъ дебрей. Тутъ я, впрочемъ, ошибся.

— Ага, вотъ какъ! воскликнулъ онъ, откидываясь на спинку кресла и закуривая десятую изъ своихъ необыкновенно зловонныхъ папиросъ. Изводятъ тебя эти чернильные души? Да оно и понятно: не такъ за дѣло взялся, нашихъ порядковъ не знаешь. Тутъ, братецъ мой, законнымъ путемъ ничего не подѣлаешь. Я тебя выручу, хочешь? Ты съ нашимъ предводителемъ знакомъ, съ Конотоповымъ, Семеномъ Андреевичемъ? Неужели нѣтъ? Вотъ тоже человекъ! Одна изъ первѣйшихъ у насъ головъ... молодецъ, какихъ мало. А онъ про него и не слыхалъ. Я тебя съ нимъ сведу, непременно завтра же сведу. У насъ теперь земское собраніе идетъ, ты, конечно, слыхалъ?

— А ты гласный? спросилъ я, перебивая.

— Гласный, какъ же, по милости Семена Андреевича, даже одинъ изъ вѣрнѣйшихъ столповъ его партіи. Въ земскомъ дѣлѣ я смыслю, положимъ, немного, — да ну его къ чорту, земство! Я и въ собраніи-то бываю не часто, тогда только, когда Семена Андреевича поддержать надо. Вотъ завтра будетъ такой случай. Идетъ тамъ какой-то вопросъ, важный очень... не знаю хорошенько, въ чемъ дѣло, только противъ Семена Андреевича интрига собирается. Ну, такъ мы съ тобою вмѣстѣ пойдемъ. Послушаешь краснобаевъ нашихъ... Первѣе всѣхъ Семенъ Андреевичъ самъ. Вѣдь, какъ говорить, братецъ мой, какъ говорить! Всѣмъ собраніемъ вертеть. Ну да, я васъ познакомлю... Только ты смотри ужъ!..

Бурдасовъ словно вспомнилъ о чемъ-то.

— Скажи, пожалуйста, ты вѣдь тоже здѣшній?..

— Буду здѣшнимъ, размѣлся я, — когда меня въ наслѣдствѣ утвердятъ.

— Ну, вотъ и отлично. Утвердятъ тебя, мой милѣйшій, въ двадцать четыре часа: Семену Андреевичу стоитъ только захотѣть. И непременно ужъ дай мнѣ слово — остаться на дворянскіе выборы. Будетъ это черезъ недѣлю. И Семену Андреевичу положи направо. Говорю тебѣ, противъ него интрига.

Бурдасовъ выпилъ залпомъ стаканъ хереса и съ разгорѣвшимся отъ вина лицомъ принялся рассказывать про Семена Андреевича. Рассказывалъ онъ очень нескладно, а я его все-таки заслушался, очень ужъ загадочнымъ выходилъ по его описанію Семенъ Андреевичъ. Это былъ, очевидно, человекъ недожиннаго ума, способный на все, въ томъ числѣ и на дѣло, пожалуй, не совсѣмъ чистое. Опытавшій Бурдасовъ не взвѣшивалъ словъ. Его герой оказывался-то благороднѣйшей натурой, необыкновенно щедрой и великодушной, то ловкимъ аферистомъ сомнительной честности. Трудно было разобраться въ этихъ противорѣчіяхъ, но какъ разъ поэтому стоило поближе узнать этого страннаго человека, умѣйнаго вызвать къ себѣ такую горячую преданность. Мы просидѣли съ Бурдасовымъ слишкомъ до 10 часовъ, и я простился съ нимъ, сговорившись на другой день вмѣстѣ поѣхать въ собраніе.

II.

Въ собраніе мы пріѣхали съ Бурдасовымъ уже въ исходѣ перваго часа, но засѣданіе еще не начиналось. Почтенные земцы не успѣли отзавтракать. Въ провинціи вообще торопиться не любятъ. Длинные зеленые столы, разставленные „покоемъ“, внушительно красовались среди огромной пустой залы. Только на галлерей уныло расхаживали какіе-то господа, вѣроятно, изображавшіе изъ себя публику. Зато въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ находился буфетъ, стоялъ оживленный го-

воръ. Бурдасовъ второпяхъ перезнакомилъ меня съ двумя-тремя изъ мѣстныхъ дѣятелей и поспѣшилъ скрыться за облакомъ табачнаго дыма. Лишь изрѣдка мелькали вдали его длинные усы, да раздавался его громкій басъ: онъ, очевидно, велъ бесѣду съ другими клевретами Семена Андреевича. Да я и не прочь былъ на время отдѣлаться отъ его общества, чтобы на свободѣ производить свои наблюденія. Гласные то попарно, то кучками часто шмыгали мимо стола, гдѣ я усѣлся, таинственно шушукаясь и недоувѣрчиво, съ видомъ заговорщиковъ, озираясь вокругъ. За другимъ столомъ четверо господъ, распивая шампанское, чокались бокалами и вполголоса обмѣнивались какими-то зловѣщими тостами. Мои новые знакомые оказались несообщительными, но кое-что я отъ нихъ все-таки разузналъ. Противъ Семена Андреевича, вотъ уже второе трехлѣтне соединявшаго съ предводительствомъ должность председателя управы, поднялась цѣлая коалиція. До сихъ поръ его господства не оснаивалъ никто, да и нельзя было не признать, что велъ онъ земское дѣло блестящимъ образомъ. При немъ всегда была полная касса и порядокъ отмѣнный. Потребуются ли деньги на крупную затрату, онъ всегда найдется, и ничьи карманы отъ того даже не пострадаютъ. Благодаря ему, земство приобрѣло просто чудомъ какимъ-то большіе капиталы. Въ прошломъ году еще строитель новой желѣзной дороги отсчиталъ земству цѣлыхъ четыреста тысячъ.

— Вотъ, представьте себѣ, говорилъ одинъ изъ моихъ собесѣдниковъ, — неблагодарность какая! Изъ-за самыхъ этихъ четырехсотъ тысячъ поднимается теперь противъ Семена Андреевича интрига. Распустили тамъ слухи разные... Ну, да что толковать! Сами увидите... Конечно, интересы земства тутъ одинъ предлогъ. Есть у насъ такіе господа, которымъ просто надобно чувствовать надъ собой превосходство Семена Андреевича, и надѣются они спихнуть его съ мѣста, благо у нихъ теперь и жоакъ отыскался — адвокатъ одинъ изъ Москвы — человекъ юркій, говорить умѣть. Только гдѣ ему съ Семеномъ Андреевичемъ тягаться...

— Гдѣ ему?! Разуѣтся... стали поддакивать остальные.

Какъ разъ въ эту минуту за дверями послышался шумъ, и оттуда нахлынуло разомъ нѣсколько человекъ. Впереди всѣхъ шелъ не совсѣмъ уже молодой господинъ, полный и рослый, съ тою рѣшительностью на лицѣ и въ движеніяхъ, которую придаетъ долгая привычка властвовать надъ окружающими. Черты его сразу меня поразили: я тотчасъ отгадалъ, что это былъ Конотоповъ. Все въ этихъ чертахъ было выразительно и крупно, и большая голова съ густыми, хорошо обстриженными темными волосами, въ которыхъ едва пробивалась сѣдина, и твердо сложенные, изогнутыя губы, и подбородокъ, немного выдававшійся впередъ, и самый взглядъ большихъ черныхъ глазъ, сосредоточенныхъ и въ то же время спокойныхъ. Сейчасъ было видно, что рѣдко кто бы устоялъ противъ этого взгляда въ такую минуту, когда воспламененный гнѣвомъ онъ метнулъ бы на противника искрами того скрытаго огня, который чувствовался изъ-за этихъ съ виду спокойныхъ глазъ. И глубокая борозда между густыми бровями тоже говорила, что бровямъ этимъ часто приходилось грозно и повелительно сдвигаться.

Въ комнатѣ, гдѣ мы завтракали, всѣ засуетились.

— Господа, пожалуйста въ залу, прошу васъ, мѣрнымъ, низкимъ голосомъ проговорилъ Конотоповъ, проходя мимо.

Всѣ поднялись съ мѣсть и шумно посыпали въ залу. Я хотѣлъ послѣдовать за прочими, какъ вдругъ подбѣжалъ ко мнѣ Бурдасовъ.

— Итъ, братецъ, проговорилъ онъ торопливо. — Пикакъ до сихъ поръ не могъ тебя съ нимъ познако-

мить. Занять онъ былъ по горло, да вдобавокъ страшно не въ духѣ, да и есть изъ-за чего...

— Ну, въ такомъ случаѣ онъ мастеръ владѣть собою, отвѣтилъ я.

— Еще бы не мастеръ... Послѣ, во время перерыва улучу минуту... А теперь подожди.

Но дожидаться мнѣ не пришлось. Въ самыхъ дверяхъ залы Семенъ Андреевичъ круто повернулъ назадъ, и всѣ мигомъ передъ нимъ разступились. Онъ подошелъ къ той самой кучкѣ, гдѣ стоялъ я, и обратился къ одному изъ моихъ застольныхъ собесѣдниковъ. Онъ говорилъ необыкновенно отчетливо и въ то же время тихо. Поразительно мягкія, почти ласкающія ноты звучали въ его низкомъ голосѣ, хотя чувствовалось, что голосъ этотъ могъ иногда доходить почти до громовыхъ раскатовъ.

Бурдасовъ толкнулъ меня за локоть.

— Коли хочешь, можно сейчасъ, шепнулъ онъ мнѣ на ухо и тутъ же обратился къ Конотопову. — Семенъ Андреевичъ, позвольте васъ познакомить съ однимъ моимъ пріятелемъ... Роевъ, Николай Филипповичъ, от-рекомендовалъ онъ меня, — тоже изъ „нашихъ“. — Онъ намѣренъ сдѣлать удареніе на этомъ словѣ. — Имѣніе недавно получилъ въ наслѣдство...

На мигъ глаза Семена Андреевича устремились на меня, пронизывающіе и въ то же время холодные. Онъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ съ равнодушной вѣжливостью:

— Вы наслѣдникъ Павла Авдѣевича Безсонова... Я его зналъ хорошо. Надѣюсь, вы къ намъ совсѣмъ... намѣрены поселиться здѣсь?

— Не знаю еще, Семенъ Андреевичъ... Пока меня задерживаютъ дѣла.

Улыбка скользнула по губамъ Конотопова.

— Разговоръ нашъ, кажется, задерживаетъ этихъ господъ, сказалъ онъ, еще разъ пожимая мнѣ руку, и движеніемъ головы пригласилъ всѣхъ бывшихъ тутъ перейти въ залу.

Въ немногихъ его словахъ, обращенныхъ ко мнѣ, не было и тѣни задушевности, а между тѣмъ я почему-то сразу почувствовалъ себя какъ-бы въ плѣну у этого совсѣмъ незнакомаго мнѣ человека, до того было что-то обаятельное въ спокойной увѣренности его взгляда, въ самомъ звукѣ его умнаго голоса.

„Да, такимъ голосомъ, подумалъ я, — можетъ владѣть только очень умный человекъ. И какой же онъ долженъ быть мастеръ очаровывать, коли того захочетъ“.

Минуту спустя я занялъ свободное мѣсто въ галлерей и принялся внимательно слушать.

III.

Начало засѣданія, какъ оно всегда и бываетъ, прошло очень скучно. Читали какой-то протоколъ, котораго не слушалъ никто. Въ публикѣ громко разговаривали. Дамы при этомъ выражали нетерпѣніе, точно, пріѣхавъ сюда, онѣ приобрѣли право на ожидаемый скандалъ и могли негодовать на кого-то, потому что скандала не происходило. Но ихъ нетерпѣніе было скоро удовлетворено. Поднялся съ мѣста маленький господинъ съ желтымъ лицомъ и совсѣмъ гладкими, точно приклеенными волосами. Это былъ Павелъ Антоновичъ Шмыгаевъ, тотъ самый московскій адвокатъ, про котораго мнѣ говорили за завтракомъ. Его тонкій, пискливый голосокъ очень неприятно, по за то чрезвычайно отчетливо раздавался среди общаго вниманія. Сразу трудно было догадаться, чего собственно добивался этотъ глава оппозиціи. Рѣчь шла о какомъ-то земскомъ банкѣ, учрежденномъ въ прошломъ году по инициативѣ Конотопова, и Шмыгаевъ, повидимому, расточался въ похвалахъ насчетъ этого банка. А между тѣмъ, скрытые намеки на что-то

Фальшивая нота. Съ карт. Мантеганца, грав. Воллмерманъ.

Возвращеніе изъ школы. Съ карт. С. Гюкліха, грав. Герике.

очень некрасивое слышались изъ-за его одобрительных словъ. И по выражению лицъ слушающихъ тотчасъ было видно, что намеки эти подхватывались всѣми. Злобное хихиканье раздавалось вокругъ оратора, а на противоположной сторонѣ, гдѣ сидѣла партія Конотопова, читалось на лицахъ гнѣвное, петрифическое возбужденіе. Мнѣ тотчасъ бросились въ глаза внѣшніе признаки различія въ составѣ обѣихъ партій. На сторонѣ Конотопова были все больше люди молодые, притомъ нѣсколько растрепанные, съ густыми бородами и одѣтые довольно-таки неряшливо. Многіе изъ нихъ, судя по огромнымъ усамъ и по рѣшительной осанкѣ, изобличали отставныхъ военныхъ. Были тутъ и два старика съ густыми сѣдинами, но далеко не почтенные на видъ: не то проигравшіеся шулера, не то закорюзные, не совсѣмъ удачные дѣльцы. Къ другой партіи, напротивъ, принадлежали все люди солидные, одѣтые тщательно, иные съ приличною дородностью, какая пріобрѣтается благодаря спокойной, обеспеченной жизни; другіе, напротивъ, изящно-сухощавые, съ гладко выбритыми подбородками и съ столичными манерами. Цвѣтъ губерніи, мѣстные тузы, были, очевидно, не на сторонѣ Конотопова.

— Такъ чего же вы собственно хотите? не выдержалъ, наконецъ, одинъ изъ клеветовъ Семена Андреевича, громко перебивая рѣчь Шмыгаева. — Говорите прямо! А то водите насъ вокругъ да около...

— Я имѣю честь предложить собранію, волюнѣ спокойно отчеканилъ Шмыгаевъ, — выбрать ревизионную комиссію, дабы имѣть возможность волюнѣ сознательно выразить Семѣну Андреевичу нашу глубокую благодарность.

— Комиссію?!.. Зачѣмъ комиссію?! Просто благодарить... слышалось съ разныхъ сторонъ. — На что намъ ревизію?!

— А па то, господа, чтобы разсѣять всѣ недоразумѣнія и ярко обпаружить безупречность правленія банка.

Тутъ собраніе сразу взволновалось. Потребовали слова сразу двѣнадцать человѣкъ.

— Комиссію!.. Да, да, обревизовать!.. Не надо!.. Мы и такъ довѣряемъ!.. Стыдитесь, господа!.. одновременно сыпались противорѣчивыя восклицанія.

Я съ любопытствомъ взглянулъ на Семена Андреевича. Онъ сидѣлъ величавый и спокойный, точно дѣло до него и не касалось, и лишь слегка презрительныя искорки мелькали въ его немного прищуренныхъ глазахъ. Минутой двѣ онъ не останавливалъ бушевавшихъ земцевъ. Но вотъ звонокъ его раздался повелительно, и отчетливый его голосъ, покрывая общій гулъ, мѣрно произнесъ:

— Господа, потрудитесь не мѣшать ходу преній. Слово принадлежитъ Ардаліону Пантелѣвичу Недоскокипу.

Господишъ Недоскокинъ, лысый брюнетъ съ короткими щетиноватыми усами и Георгіевскимъ крестомъ въ петличкѣ, рѣшительно поднялся, заговорилъ бойко, но оскѣся на первыхъ же десяти словахъ и понесъ чепуху невообразимую.

Это былъ одинъ изъ клеветовъ Семена Андреевича, и его неудачная попытка облѣить своего патрона, видимо, обрадовала оппозицію. Слѣдующій ораторъ, принадлежавшій къ партіи недовольныхъ, уже совсѣмъ прозрачно намекнулъ на какія-то неблагоприятныя дѣйствія „тѣхъ лицъ“, какъ онъ выразился, „которые за послѣдніе года овладѣли у насъ диктаторскою властью“. Онъ не смѣлъ еще обвинять Конотопова въ единственномъ числѣ.

— Позвольте узнать, закончилъ онъ, — когда мы, наконецъ, добьемся отчета въ суммахъ, полученныхъ отъ строителя желѣзныхъ дорогъ, и когда собраніе узнаетъ, какъ была исполнена смѣта на постройку земской больницы.

Тутъ опять шумъ поднялся неописанный. Громкія, негодующія восклицанія посыпались въ отвѣтъ смѣлкачу, а въ рядахъ оппозиціи нѣкоторые уже не стѣснялись произносить имя Семена Андреевича. Страшное дѣло, Конотоповъ будто и не слушалъ. Глаза его, все такіе же спокойныя, медленно обводили взглядомъ ряды сидѣвшихъ вдоль зеленыхъ столовъ, и какая-то непонятная увѣренность запечатлѣлась на его безстрастномъ лицѣ, точно онъ смотрѣлъ на заволановавшееся собраніе, какъ опытный укротитель оглядываетъ клѣтки ревущихъ звѣрей.

Но вотъ къ предсѣдательскому столу подошелъ какой-то молодой человѣкъ и съ почтительнымъ видомъ подалъ Конотопову какой-то запечатанный конвертъ.

— Извините, господа, произнесъ Семенъ Андреевичъ, и пробѣжалъ только-что принесенную бумагу.

Улыбка мелькнула по его губамъ, и, позволивъ, онъ спросилъ у собранія, желаетъ-ли оно продолжать пренія или рѣшить вопросъ баллотировкой.

— Продолжать, конечно, продолжать! закричали нѣкоторые изъ сторонниковъ предводителя.

Но тутъ Конотоповъ сдѣлалъ совершенно неожиданное заявленіе.

— Господа, сказалъ онъ (и я былъ пораженъ, какъ мгновенно притихло собраніе), — едва ли новыя пренія прибавятъ что-нибудь къ тому, что мы уже слышали, а время наше между тѣмъ дорого. Намъ предстоитъ еще много работы, господа... И я съ своей стороны позволяю себѣ присоединиться къ предложенію гласнаго Шмыгаева. Я прошу васъ, нѣтъ, я требую, господа, — здѣсь онъ неожиданно возвысилъ голосъ, — чтобы вами была выбрана ревизионная комиссія. Побольше свѣта, господа: намъ его нечего бояться. Я, по крайней мѣрѣ, за дѣятельность правленія банка всю отвѣтственность принимаю на себя, и не за это одно я принимаю на себя такую отвѣтственность. Вы будете судьями всей дѣятельности управы. Слагаю съ себя званіе предсѣдателя, такъ какъ на предстоящихъ выборахъ я баллотироваться не стану...

Конотоповъ пріостановился на мигъ и громогласное: „Просимъ, просимъ... всѣ обязаны баллотироваться“, грянуло изъ рядовъ его партіи. Но, помолчавъ съ минуту и при этомъ чуть наклонивъ голову, Конотоповъ продолжалъ, какъ будто до его слуха и не дошли эти возгласы:

— Слагая съ себя должность предсѣдателя управы, я хочу, чтобы моя дѣятельность за эти шесть лѣтъ подверглась вашему всестороннему суду. Кто-то заявилъ здѣсь, — отгнѣнокъ пренебреженія вдругъ послышался въ его голосѣ, словно онъ съ какой-то гадливостью упоминалъ про это, — что не представленъ еще вамъ отчетъ о постройкѣ больничнаго дома. Отчетъ этотъ будетъ вамъ представленъ сегодня же, и, надѣюсь, онъ удовлетворитъ васъ. А теперь, господа, передъ избраніемъ комиссіи, предлагаю вамъ сдѣлать перерывъ, чтобы дать вамъ сговориться между собой. Полагаю, это не будетъ лишнимъ.

И не дождавшись выраженія согласія, Конотоповъ быстро поднялся съ мѣста. Прочіе встали тоже. Возражать никто не нашелся. Собраніе, очевидно, все еще находилось подъ его обаяніемъ. Но меня его постоупокъ озадачилъ. Мнѣ казалось, что онъ постарался только приличнымъ образомъ прикрыть свое отступленіе. Но ужъ двадцать минутъ спустя, когда засѣданіе возобновилось, я могъ убѣдиться въ своей ошибкѣ. Конотоповъ открылъ его заявленіемъ еще болѣе неожиданнымъ, чѣмъ первое.

— Прежде чѣмъ вы приступите къ избранію комиссіи, началъ онъ, — позвольте вамъ сообщить одно извѣстіе, только что полученное мною. Строитель нашей дороги, г. Литовскій, только что сообщилъ мнѣ письменно, что принимаетъ на своей счетъ устройство и

содержаніе земской ремесленной школы, на которую прошлое собраніе ассигновало по 30000 въ годъ. Такимъ образомъ, безъ новаго обремененія земства удастся выполнить давнишнее ваше желаніе.

Взрывъ рукоплесканій покрылъ слова предсѣдателя, и я не могъ не замѣтить, какъ поразительно сократилось число протестующихъ: хлопало гораздо болѣе половины гласныхъ. Выраженія радости всегда заразительны, по Конотоповъ и тутъ остался равнодушнымъ къ вызванному имъ восторгу и холодно продолжалъ:

— А теперь не угодно ли вамъ будетъ выслушать отчетъ о постройкѣ больничнаго дома.

И сказавъ это, онъ откинулся на спинку кресла, дѣлая видъ, что не слушаетъ вовсе отчета. А съ этимъ отчетомъ вышелъ новый сюрпризъ. Оказалось, что противъ смѣты было сдѣлано сбереженіе въ слишкомъ десять тысячъ. И почтенный членъ управы, деревяннымъ голосомъ докладывавшій про это, казался совершенно растеряннымъ, до того разительнo было произведенное впечатлѣніе.

— Слышите, слышите?! Вотъ онъ отчетъ-то, раздавалось на предводительской сторонѣ.—А не довѣряли, требовали ревизіи... Какая тамъ еще ревизія?!

Оппозиція была посрамлена и уничтожена. Первый разъ я былъ свидѣтелемъ тому, какъ толпа подчиняется охватившему ее неожиданному чувству. Люди, полчаса передъ тѣмъ дышавшіе недовѣріемъ къ Семену Андреевичу, теперь, казалось, готовы были вынести его на рукахъ изъ собранія и тутъ же ему предоставить полную, безконтрольную власть.

Выборы въ комиссію дали блестящій результатъ: въ нее попали одни сторонники Семена Андреевича. Но этимъ не ограничились торжество Конотопова. Въ томъ же засѣданіи былъ поднятъ другой вопросъ, уже чисто принципиальнаго свойства. И здѣсь, когда Шмыгаевъ попробовалъ вторично блеснуть ораторскими способностями, Семенъ Андреевичъ разбилъ его на голову, доказавъ, что всѣ его доводы неосновательны, всѣ цифры, приведенныя, невѣрны. И свою пространную рѣчь, переполненную фактами, Конотоповъ произнесъ, не споткнувшись ни разу, не заглянувъ даже въ какую-нибудь книгу или записку. Слова текли ровно, легко и убѣдительно.

Пять минутъ спустя послѣ того, какъ онъ замолкъ, его противника не было въ залѣ. Шмыгаевъ незамѣтно скрылся.

И какъ ласково, почти скромно торжествовала свою побѣду Конотоповъ. Во всѣхъ онъ теперь готовъ былъ видѣть какъ бы друзей, всѣмъ пожималъ руки, и я увѣренъ, что многіе изъ его недавнихъ противниковъ въ эту минуту искренно воображали, что сдѣлались его друзьями. Вдругъ, къ моему удивленію, онъ обратился ко мнѣ:

— Николай Филипповичъ Бурдасовъ мнѣ говорил про ваше дѣло. Постараюсь его уладить. Черкну словечко представителю суда. И знаете что—онъ весь сіялъ добродушіемъ, говоря это,—пріѣзжайте ко мнѣ отобѣдать сейчасъ вотъ. Такъ, въ холостой компаніи. У меня кое-кто собирается изъ здѣшнихъ. Будете?

Я, разумѣется, согласился и часъ спустя подѣзжалъ къ дому Семена Андреевича, одному изъ наиболѣе красивыхъ домовъ на главной улицѣ города.

IV.

У Семена Андреевича было настоящее разливанное море, и мнѣ сказали, что такъ повторялось у него каждый день, въ особенности, когда въ городѣ онъ проживалъ одинъ безъ семейства. Любовь Петровна Конотопова не была охотницей до пріемовъ, и въ ея присутствіе гостейпримыя наклонности мужа не могли такъ широко развѣтываться. Теперь она съ дочерью находилась въ деревнѣ.

За столомъ пастъ было всего двѣнадцать. Все мѣстные дѣятели, конечно, изъ числа ближайшихъ сторонниковъ Семена Андреевича. Но о томъ, что случилось въ собраніи, у насъ рѣчь не заходила: мое присутствіе было, вѣроятно, тому причиной. Едва заикнулся объ этомъ одинъ изъ гостей, Семенъ Андреевичъ его остановилъ:

— Нѣтъ, ужъ, господа, увольте. Мы здѣсь собрались отвести душу, а не объ дѣлахъ толковать. И такъ, я думаю, намъ всѣмъ это успѣло надоесть. Сегодня, кстати, вечерняго засѣданія не будетъ. Такъ давайте же говорить о чемъ угодно, но только не о дѣлахъ. И Николая Филипповича уважить падо—онъ человѣкъ посторонній, наши семейныя дразги его не интересуютъ...

И все время обѣда любезный хозяинъ былъ неистощимъ въ забавныхъ анекдотахъ. Онъ такъ легко и остроумно шутилъ, что, казалось, никакой задней мысли, никакихъ заботъ у него и быть не могло. Приходилось дивиться необыкновенной упругости его натуры, необычайному умѣнию стряхнуть съ себя гнетъ докучливыхъ воспоминаній. Отличное вино, которое намъ усердно подливали, сдѣлало свое дѣло. Подъ конецъ обѣда—пили, чего грѣха таить, очень много—лица разгорѣлись. Голоса стали громче, шутки вольнѣе и смѣялись мы, часто сами хорошенько не зная чему. Не опьянѣлъ одинъ только хозяинъ; и взглядъ его, все такой-же ясный и спокойный, съ чуть-чуть пасмѣшливой снисходительностью обводилъ сидѣвшихъ за столомъ гостей.

Едва кончился обѣдъ, принялись, какъ и слѣдуетъ, за карты. Хозяинъ, однако, играть не сталъ и троихъ изъ насъ, въ томъ числѣ меня, увелъ съ собою въ кабинетъ.

— Вы до картъ не охотникъ? спросилъ я Семена Андреевича.

— Вотъ уже лѣтъ десять, какъ въ руки не беру, весело покачалъ онъ головой.—Не денегъ жаль, а времени. Жизнь, впрочемъ, та-же игра, да и ставки въ пей покрупнѣе. А было время...

Онъ задумался на мигъ, и брови у него даже при этомъ насунулись. Должно-быть, не совсѣмъ пріятнаго свойства были воскресія передъ нимъ воспоминанія. Но онъ отогналъ ихъ тотчасъ.

— Ахъ, господа, господа! заговорилъ онъ опять, принимаясь крупными шагами ходить по обширной комнатѣ.—Сколько-бы сдѣлать можно въ нашей странѣ, кабы не были мы такими мастерами тратить попусту время! Вѣдь, нигдѣ, какъ у насъ, такого простора нѣтъ, была-бы лишь охота работать. Иной разъ, какъ нахожусь я въ дорогѣ и оглянусь случайно всю эту нашу ширь да гладь, гдѣ все будто спитъ заколдованнымъ сномъ, просто обидно становится за родную землю. Вѣдь, считаемъ мы себя смѣшленнымъ народомъ, и не даромъ считаемъ, а посади на наше мѣсто иныхъ людей, хотя-бы нѣмцевъ, надъ которыми привыкли мы трунить, чего, чего-бы ни натворили они... И такъ-бы хотѣлось расшевелить, растолкать эту вѣчную дремоту...

— Да вы многое и сдѣлали, Семенъ Андреевичъ! вставилъ одинъ изъ слушавшихъ.— Чѣмъ была наша губернія прежде, за шесть лѣтъ назадъ, и чѣмъ стала теперь: двѣ новыя желѣзныя дороги, земскій банкъ, да сколько больницъ да школъ. Намъ на косность жаловаться грѣшно.

Говорившій это былъ Викторъ Александровичъ Надеждинъ, мой пріятель еще съ университетской скамьи, нѣкогда горячій энтузіастъ, одинаково способный и къ безудержному кутежу, и къ самымъ восторженнымъ увлеченіямъ, а теперь поостывшій, остепенившійся, должно-быть, оттого, что убылъ и въ деньгахъ, и въ энергіи давала себя чувствовать въ немъ. А наклонность подтрунить надъ собою, да и надъ другими, осталась въ немъ, какъ единственное послѣдствіе минувшихъ кипучихъ годовъ.

Семенъ Андреевичъ повелъ плечами.

— Полпоте, возразилъ онъ, — что это за мизерные успѣхи! Ну, а коли я и достигъ чего-нибудь, пустяковъ тамъ разныхъ, много-ли это значить для цѣлой Россіи. Такихъ, какъ я, должны-бы у пастъ быть десятки, сотни; да и есть они, есть, только спѣться они не умѣютъ. И два только голоса мы слышимъ вѣчно; одни твердятъ: „давайте намъ починъ сверху, да подачекъ, какъ можно больше подачекъ, вѣдь, это главное“. Привыкли мы на чай себѣ просить. А отъ другихъ только и слышно постоянное безпомощное брюзжаніе, жалобы эти нелѣпныя, то на бѣдность нашу, то на отсталость, то на помѣхи какія-то... Эхъ, господа, господа. Богатъ русскій человѣкъ, и смѣткою, и силой, и терпѣніемъ; однимъ только обдѣлила его природа—умѣніемъ знать, чего онъ хочетъ, идти прямо, не оглядываясь и не отставая на пути.

— А когда у насъ отыщется энергичный человѣкъ, неосторожно замѣтилъ я, — вотъ, какъ вы, напримѣръ, ему помѣхи ставятъ, противъ него интригуютъ, какъ этотъ господинъ Шмыгаевъ сегодня...

Семенъ Андреевичъ остановился, услыхавъ это имя, и такъ и обдалъ меня взглядомъ своихъ воспламенившихся глазъ.

— Шмыгаевъ! воскликнулъ онъ. — Вотъ ужъ, право, пашли мнѣ соперника! Что такое Шмыгаевъ? Болтуншка, готовый продать кому угодно свое адвокатское красноречіе... Итъ, не Шмыгаевъ какой-нибудь опасенъ, а тѣ, кто за нимъ стоятъ и кому смѣлости не хватаетъ выступить противъ меня прямо. Ну, да мы и съ ними справимся. Шестъ лѣтъ они молчали и рады теперь, что отыскали подручнаго говоруна. Труссы, жалкіе труссы! Хотѣ-бы бросили они мнѣ прямо въ лицо свои грязныя обвиненія, я-бы смаялъ ихъ, уничтожилъ. А то такъ причудся, намеки исподтишка пускаютъ и ждутъ, какъ-бы наброситься на меня, коли замѣтятъ, что я ослабъ, или готовъ на сдѣлку пойти. Итъ, имъ не дожидаться этого, не дожидаться...

Раздраженіе, копившееся весь этотъ день на душѣ у Семена Андреевича, вырвалось теперь, пробужденное моими неосторожными словами. Но онъ скоро опомнился и овладѣлъ собою. Голосъ вернулъ себѣ обычную ровность, только черные глаза долго еще сыпались безпокойными, гнѣвными искрами.

Разговоръ нашъ былъ прерванъ лакеемъ, появившимся въ дверяхъ. Онъ перѣшительно, даже боязливо про что-то докладывалъ Семену Андреевичу.

— Кто, ты говоришь, пришелъ? Кто меня спрашиваетъ? громовымъ голосомъ воскликнулъ Копотовъ. — Мерзавецъ этотъ Гуричевъ? Что ему надо?!

— Васъ спрашиваютъ, ваше превосходительство. Говорить, что вы...

— Гони его. Сто разъ тебѣ говорилъ—негодяя этого не впускать.

— Не идетъ, ваше превосходительство; Христомъ Богомъ просить, говорить, что послѣдняго хлѣба лишился, и вы не откажетесь помочь... Потому сами знаютъ они, говорить, что по ихъ милости я пострадалъ...

— По моей милости?! Зови его сюда. Скажу ему разъ навсегда... Да ступай...

Лакей вышелъ, а Семенъ Андреевичъ такъ и остался неподвижнымъ передъ дверью, за которою тотъ скрылся. Минуты двѣ спустя дверь растворилась, и вошелъ человѣкъ невысокаго роста съ лицомъ, обросшимъ безпорядочными кочьями волосъ, неровно торчавшими во кругъ подбородка.

— Чего вамъ надо? удивительно спокойно, почти мягко спросилъ Копотовъ, за мигъ передъ тѣмъ какъ завѣсивъ такимъ разгнѣваннымъ.

Вошедшій заговорилъ не сразу. Онъ обводилъ комнату пугливыми глазами и, казалось, весь сгорбился передъ сокрушающимъ взглядомъ Семена Андреевича.

— Чего вамъ отъ меня надо? повторилъ свой вопросъ Копотовъ. — Вы знаете, что съ вами у меня счесть сведены, что, только благодаря мнѣ, васъ не упрятали въ тюрьму.

— Знаю, ваше превосходительство, съ какою-то припущенною и въ то же время злобою радостью проговорилъ Гуричевъ. — И то я знаю, что по вашей милости я хлѣба долженъ былъ лишиться...

— Хлѣба? Да вы должны мнѣ быть вѣчно благодарны, что васъ не отдали подъ судъ, какъ слѣдовало по-настоящему.

— Слѣдовало то или нѣтъ, все съ тѣмъ же приниженнымъ схиствомъ продолжалъ маленькій человѣкъ, — это Богу извѣстно, а со службы вы меня выплатъ изволили, Семенъ Андреевичъ. Потому вамъ угодно было внять клеветамъ на безвиннаго человѣка.

— Какъ?! Вы были уличены въ утайку денегъ, постукившихъ въ управу, и вы еще жалуетесь, что васъ уволили?!

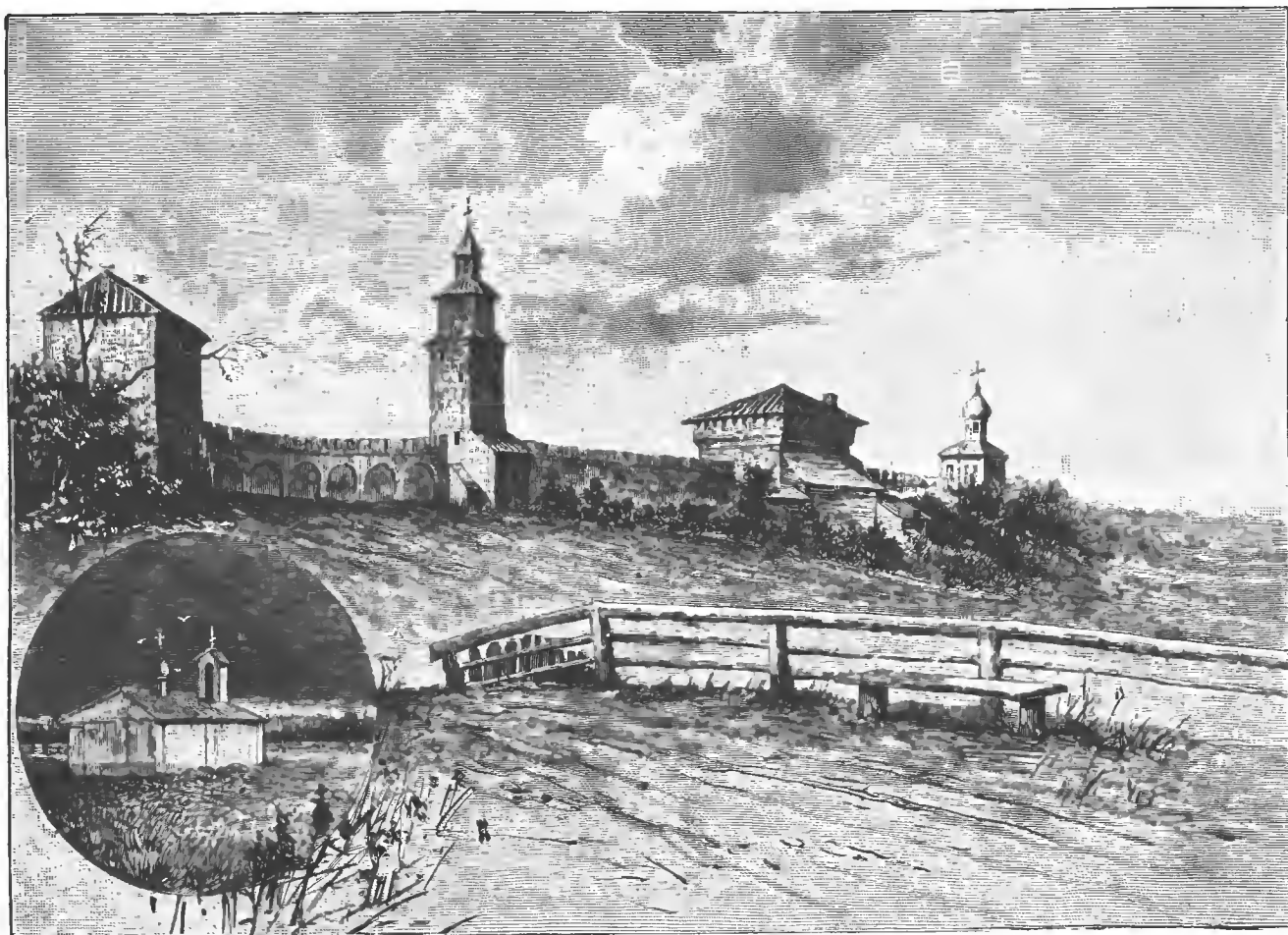
— Да я не жаловаться пришелъ. Жаловаться теперь поздно... да и гдѣ мнѣ, маленькому человѣку, съ вами тягаться. Я пришелъ доложить вамъ, зная щедрость вашу и великодушіе, что бьюсь я вотъ цѣлый годъ, чтобы семью поддержать. Сами знаете, четверо дѣтей, мать-мала-меньше, да жена больная, да старуха-мать... легкое ли дѣло одному человѣку справиться, да еще человѣку ошельмованному, какъ я вотъ. А тутъ на грѣхъ дѣти у меня заболѣли, одинъ за другимъ. Одного, самаго маленькаго, на кладбище свезли. Слава Богу, однимъ несчастнымъ меньше. Другіе кое-какъ оправились, а теперь вотъ матушка слегла... лѣчить нечѣмъ. Въ больницу хотѣлъ свезти въ земскую: говорить, мѣста нѣтъ, не пускаютъ. А дома, вѣрите ли, сегодня куска хлѣба нѣтъ, не то, чтобы доктору платить. А матушкѣ моей за семьдесятъ лѣтъ, хоть се то пожалеете...

И вдругъ маленький человѣчекъ разомъ такъ и бухнулся на колѣни, поднимая къ Семену Андреевичу свое не то молящее, не то озлобленное лицо. Копотовъ простоялъ нѣсколько минутъ молча и неподвижно, точно раздумывая что-то, и въ глазахъ его, устремленныхъ на просителя, читалось какое-то странное безпокойство, точно говорили они о происходившей въ немъ борьбѣ. Вдругъ онъ быстрымъ движеніемъ изъ бокового кармана досталъ бумажникъ, развернулъ его и вынулъ оттуда нѣсколько ассигнацій, не считая. Была ихъ, помнится, цѣлая пачка, должно-быть, на довольно таки крупную сумму.

— Ну, вотъ вамъ, берите, глухо проговорилъ онъ, и сунулъ Гуричеву деньги. И сказавъ это, онъ отвернулся, не слушая изъявленій благодарности, въ которыхъ разсыпался проситель. — Ступайте теперь, ступайте, сказалъ онъ только съ отгнѣнкомъ нетерпѣнія, не глядя на Гуричева.

Тотъ поднялся на ноги, поклонился и вздохнулъ. Съ минутой онъ еще простоялъ на мѣстѣ, какъ бы недоумѣвая, потомъ спряталъ въ карманъ скомканную пачку денегъ и вышелъ изъ комнаты, едва держась на ногахъ.

Семенъ Андреевичъ точно преобразился. Сморщенный лобъ сгладился, и опять ровно и весело, какъ за обѣдомъ, потекли его рѣчи. Иногда только, прерывая оживленную бесѣду, онъ вглядывался въ лицо Надеждина, какъ бы высматривая, что за впечатлѣніе произвела на Виктора Александровича только что происшедшая сцена. Никто изъ пастъ, разумѣется, объ ней не заикнулся, только на лицѣ третьяго нашего собесѣдника читалось открытое восхищеніе поступку Семена Андреевича съ Гуричевымъ. Это былъ совсѣмъ еще молодой человѣкъ, съ открытымъ, хорошимъ лицомъ, на которомъ быстро и отчетливо всегда отражалось каждое впечатлѣніе. У него были сѣрые, честные,

Новгородская старина. (Рис. 1) Часть стѣны Новгородскаго дѣтинца съ внутренней стороны. Съ ориг. рис. (собств. „Нивы“) грав. Рашевскій. Церковь Св. Великомуч. Андрея Стратилата.

Новгородская старина. (Рис. 2) Церковь Двѣнадцати апостоловъ „на пропастяхъ“, въ загородномъ концѣ. Съ ориг. рис. (собств. „Нивы“) грав. Рашевскій.

легко вспыхивавшие глаза, прямой носъ и мягко очерченные губы, немного черезчуръ мягкія, думалось мнѣ, хотя улыбка, часто пробѣгавшая по нимъ, придавала имъ что-то особенно привлекательное. Звали его Борисомъ Павловичемъ Вьюгинымъ, и принадлежалъ онъ къ самымъ горячимъ сторонникамъ Конотопова. Вьюгинъ занималъ должность мирового судьи въ одномъ изъ сосѣднихъ уѣздовъ.

Разговоръ нашъ длился за полночь: мы и не замѣтили, какъ пробѣжало время. Играющіе встали изъ-за ломберныхъ столовъ. Кое-кто сталъ уже прощаться.

— Нѣтъ, господа, я васъ не отпущу, весело сказалъ Семенъ Андреевичъ,—поужинать надо. И знаете что— вмѣсто того, чтобы въ душныхъ комнатахъ сидѣть, давайте-ка поѣдемте всѣ цыганъ послушать... У насъ здѣсь хоръ прелестный, изъ Москвы, обратился онъ ко мнѣ. — Ну, такъ рѣшено, ѣдемъ, значитъ. Я сейчасъ за тройками пошлю... Ночь кстати чудесная.

Семенъ Андреевичъ хлопнулъ въ ладоши.

— Гаврило, крикнулъ онъ.

Рослый парень показался въ дверяхъ.

— Двѣ тройки, и, главное, поживѣй.

Четверть часа спустя тройки уже стояли у подъѣзда. И, странное дѣло, хотя Семенъ Андреевичъ былъ старше насъ всѣхъ, онъ, казалось, всѣхъ сплывъ былъ охваченъ желаніемъ надыхаться морознымъ воздухомъ и скоротать ночь среди возбуждающихъ ощущеній. Какая-то юношеская волна подмывала его. Видно было, что слишкомъ въ пятьдесятъ лѣтъ онъ не утратилъ отзывчивости на все, что дастъ жизнь въ молодые годы, что въ немъ ни одна струна не перестала звучать.

Бурдасовъ взялся быть распорядителемъ, и, благодаря ему, ужинъ у цыганъ вышелъ на славу. Къ полсотнѣ рублей, которые онъ выпросилъ у меня наканунѣ, у него еще набралось столько-же послѣ карточной игры, и онъ спѣшилъ показать всю свою гусарскую прыть. Я начиналъ уже сомнѣваться, не отзовется-ли, чего добраго, наша пирушка на завтрашнемъ засѣданіи, лишивъ Семена Андреевича подлужины его ближайшихъ приверженцевъ, но Конотоповъ во-время спохватился и не далъ развернуться кутежу.

— Ну, господа, нора, сказалъ онъ, вставая,—надо и честь знать...

Было, въ самомъ дѣлѣ, уже слишкомъ три. Пьянымъ оказывался, впрочемъ, одинъ только Бурдасовъ. Мы собирались выйти, какъ вдругъ къ подъѣзду подкатили извозчичьи санки, и минуту спустя на порогѣ явился какой-то человекъ въ синемъ армякѣ.

— Кузьма, окликнулъ его Семенъ Андреевичъ,—ты какъ сюда попалъ?

— Да прямо изъ Новоспасскаго съ письмомъ къ вашей милости... Въ домѣ мнѣ сказали сюда ѣхать, что ваша милость здѣсь будетъ.

Пріѣхавшій говорилъ все это такъ равнодушно и просто, точно пайтъ барина въ три часа ночи среди пьяной компаніи въ трактирѣ казалось ему совершенно въ порядкѣ вещей.

— Давай сюда... Отъ кого? живо спросилъ Конотоповъ.

— Должно быть, отъ ея превосходительства.

И Кузьма, пошаривъ въ карманѣ, досталъ оттуда запечатанный конвертъ.

Семенъ Андреевичъ подошелъ къ висѣвшей на стѣнѣ лампѣ и пестерѣльнымъ движеніемъ распечаталъ письмо. Брови его мгновенно сдвинулись, когда онъ прочелъ первыя слова.

— Завтра будутъ, стало-быть?... Ничего тебѣ не приказывали? спросилъ онъ посланнаго.—И Анна Семеновна тоже пріѣдетъ?... Ничего тебѣ не говорено?

— Никакъ нѣтъ-съ. Барышня изволили сказать, что тоже сюда будутъ. Ихъ превосходительство сперва этого не пожелали, но Анна Семеновна непремѣнно захотѣли пріѣхать.

— А, вотъ какъ.—Конотоповъ мгновенно повеселѣлъ.—Хорошо сдѣлалъ, что привезъ сюда письмо,—спасибо тебѣ.

И накинувъ шубу, онъ съ живостью молодого человека вышелъ на крыльцо и вскочилъ въ ямскія сани. Случайно я взглянулъ на лицо Вьюгина, когда Семенъ Андреевичъ упомянулъ о своей дочери. Краска мгновенно показалась на его щеккахъ. Повидимому, молодой Вьюгинъ не научился еще скрывать своихъ ощущеній.

(Продолженіе будетъ).

Новгородская старина.

И. Тюменева.

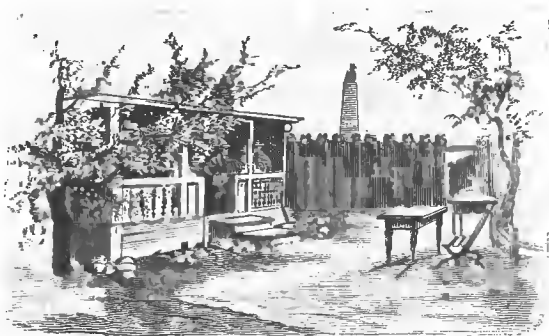
„На Святой Руси былъ и была, только быльемъ давно поросла...“ припоминается стихъ покойнаго Мей, при взглядѣ на древнюю столицу Сѣвера, спящую пылѣ безпробуднымъ сномъ, а когда-то, въ продолженіе цѣлыхъ шести столѣтій, кипѣвшую такою бурною, шумною жизнью, какой, пожалуй, не бывало ни въ стольномъ Кіевѣ, ни даже впоследствии въ самой Бѣлокаменной, не говоря уже о другихъ городахъ древней Руси. Слѣды этого мпнувшаго, своеобразнаго бытія и посейчасъ еще встрѣчаются въ Новгородѣ, чуть не на каждомъ шагѣ, въ видѣ старыхъ монастырей, храмовъ, иконъ, утвари, надписей; они остались даже въ самомъ планѣ города и въ названіяхъ улицъ.

Извѣстно, что Новгородъ, еще съ давнихъ поръ, дѣлится на двѣ стороны: Софійскую и Торговую. Софійская сторона (на лѣвомъ берегу Волхова), въ свою очередь, подраздѣлялась въ старину на три конца: Неревскій, Загородскій и Людинъ или Гончарскій; Торговая (на правомъ берегу) дѣлилась на концы. Славянский и Плотницкій. На Софійской сторонѣ находились и городской кремль или дѣтинецъ, заключавшій въ себѣ главную святыню города—храмъ Св. Софіи Премудрости Божіей, уже извѣстный каждому русскому и по рисункамъ, и по описаніямъ. Въ свѣщенныхъ стѣнахъ этого собора жила душа Господина Великаго Новгорода.

Рядомъ съ Софійскимъ соборомъ помѣщался Владычєнь дворъ новгородскихъ архіепастырей; донынѣ еще возвышается на томъ дворѣ воздвигнутая однимъ изъ нихъ, извѣстная Евфиміевская башня. Южная часть дѣтница, заселенная духовенствомъ, боярами и богатыми торговыми людьми, носила названіе Околотка, которое часто прилагалось и ко всему дѣтнцу вообще. Недалеко отъ юго-восточнаго угла дѣтница находился древній волховской мостъ, свидѣтель столькихъ кровавыхъ схватокъ между Торговлянами и жителями Софійской стороны; дорога къ нему изъ Околотка шла черезъ ворота въ Спасскую башню, нынѣ уже несуществующія; уцѣлѣла только икона Спасителя, находившаяся надъ ними на наружной стѣнѣ. При-

лагаемый рисунокъ (1) снятъ изъ-подъ арки этой Спасской башни; онъ изображаетъ юго-западную часть стѣны дѣтница съ внутренней стороны. Когда-то вся громадная площадь у подножія этой стѣны была занята домами, дворами и лавками богатаго многолюднаго околотка; теперь она пуста и своимъ унылымъ видомъ производитъ тяжелое впечатлѣніе. Самая высокая изъ видныхъ на рисунокѣ башенъ есть въ то же время самая высокая стѣнная башня во всемъ дѣтницѣ; она имѣетъ нѣсколько названій: Кокуй, Чоргова, Ныточная. Правѣе отъ нея виднѣтся Покровская башня, имѣвшая нѣкогда ворота, которыя вели въ Загородскій конецъ. (Путь въ Гончарскій конецъ шелъ черезъ Спасскую башню, ворота же въ Неревскій конецъ находились позади Софійскаго собора). Подлѣ Покровской башни видна глава Покровской церкви, построенной въ XIV вѣкѣ. Церковь эта находилась близъ двора княжескихъ помѣстниковъ, а потомъ дьяковъ, которые слушали въ ней богослуженіе съ верхнихъ комнатъ надъ притворомъ, сохранившихся и донынѣ. По пути отъ Спасской башни къ Софійскому собору встрѣчается другая древняя церковь во имя Св. Великомученика Андрея Стратилата. Эта церковь, по преданію, обиденная, т. е. построенная въ одинъ день, во время свирѣпствовавшей въ городѣ моровой язвы, которая въ тотъ же день и прекратилась. Размѣры церкви настолько малы, что она скорѣе похожа на часовню и оказывается едва ли не самою мнѣшаторною изъ всѣхъ новгородскихъ церквей. Близъ нея, въ древности, находился первый соборъ въ честь Св. Софіи, деревянный, о 13 верхахъ, а потомъ построенная на его мѣстѣ каменная церковь Св. Бориса и Глѣба. Изъ остальныхъ храмовъ дѣтница упомянемъ о церкви Іоанна, Архіепископа Новгородскаго, на владычєнь дворѣ, устроенной въ первой четверти нашего столѣтія, въ стѣнахъ древней градопитой палаты новгородскихъ владыкъ. Рядомъ съ нею находятся и келіи святителя Іоанна, расписанныя по стѣнамъ изображеніями событій изъ его жизни. Въ одной изъ келій, въ нынѣ

хранится рукомошникъ, принадлежавшій, по преданію, святому архимастырю (рис. 3). Съ этимъ рукомошникомъ связана слѣдующая легенда: однажды, въ вечерней часъ, свѣтитель, по обыкновению, стоялъ на молитвѣ. Вдругъ, среди окружающей тишины, онъ ясно слышалъ, какъ зашлепала вода въ рукомошникѣ, — это бѣсъ хотѣлъ смутить старца и парусить его богомыслие. Іоаннъ подошелъ къ рукомошнику и осушилъ его крестнымъ знаменіемъ. Въ водѣ послышались жалобные стоны и молебны связаннаго крестою силою бѣса. Свѣтитель согласился, наконецъ, освободить его, но подъ условіемъ осуществленія давнишней мечты своей — побывать въ Іерусалимѣ и поклониться гробу Господню. Освободившись изъ рукомо-

(Рис. 18) Садъ софійской гостиницы и памятникъ 1812 г. въ Новгородѣ.

шника, бѣсъ черезъ минуту уже стоялъ у архіепископскаго крыльца въ видѣ коня, ослѣднанаго и готоваго въ дальшій путь. Съ быстротою молніи перенесъ онъ праведника въ святой городъ, гдѣ, при входѣ свѣтителя въ храмъ Воскресенія, сами собою отворились предъ нимъ двери и зажглись свѣчи и лампады. Поклонившись живописному гробу, святой пустился въ обратный путь и къ утру былъ уже опять въ своей келіи. Это чудесное путешествіе изображено въ цѣломъ рядѣ композицій на стѣнахъ по близости нины, въ которой помѣщается рукомошникъ.

Самымъ аристократическимъ концомъ древняго Новгорода считался Загородскій. Онъ состоялъ всего изъ двухъ улицъ: Прусской и Чудинцевой, но былъ силенъ населенъ мѣстными боярами и знатно, и составлялъ самую аристократическую часть города. И въ наше время существуютъ еще на его мѣстѣ улицы Прусская и Чудинцева, но теперь онѣ покрыты заборами и жалкими лачужками. Сохранилась на огородахъ и древняя церковь 12 апостоловъ, находившаяся подѣлва, раздѣливавшая эти двѣ улицы, и отсюда получившая названіе „на пропастяхъ“ (рис. 2). Съ нею соединены воспоминанія о грустныхъ дняхъ Великаго Новгорода. Въ 1230 г. здѣсь была поставлена скудельница по случаю страшнаго голода случившагося въ Новгородѣ; „и разидеся градъ нашъ и волость наша“, говоритъ лѣтописецъ: „и полни была чужіи грады и страны братьи нашихъ и сестеръ, а останокъ нача измирати. О, братіе, да аще кто не прослезится о семъ видѣше мертвеца по улицамъ и младенцы отъ немъ изыдаемы.“ „А немъ“, прибавляетъ другой: „влячаху главы и руки, и ноги, и наметана скудельницу у 12 Апостолъ на Пруской 3030 человекъ, а по нѣмъ улицамъ и Богъ вѣсть“. Въ народѣ сохранилось преданіе и о моровомъ поветрѣи (сообщаемое г. Кругловымъ), связанное съ этою же церковью. Снова здѣсь, для погребенія умершихъ, была вырыта большая, общая яма. Смертность была настолько велика, что не успѣвали хоронить покойниковъ, и умирающихъ приходилось самимъ заботиться о себѣ. Они приходили сюда и, въ ожиданіи смерти, ложились на доску, на краю ямы; являлись новые страдалцы, сталкивали трупы въ яму и занимали ихъ мѣсто. Иные сбрасывались въ могилу еще живыми, но ждать было некогда. Мѣстность эта издавна принадлежала архіерейскому дому и въ старину называлась Митрополитичьимъ островомъ; здѣсь останавливались московскіе митрополиты, когда наѣзжали въ Новгородъ. Покидая Софійскую сторону, упомянемъ о двухъ памятникахъ, возникшихъ на ней уже въ наше столѣтіе. Одинъ изъ нихъ, извѣстный памятникъ тысячелѣтія Россіи, помѣщается противъ Софійскаго собора, другой, въ память 1812 года, находился прежде въ кремлѣ, на мѣстѣ первого, но теперь перенесенъ въ городъ, на площадь передъ домомъ дворянскаго собранія. (Верхняя часть его видна на рисункѣ, сдѣланномъ въ саду Софійской гостиницы, выходящей на означенную площадь).

На Торговой сторонѣ Софійскому дѣтницѣ соответствовало по значенію Ярославово дворще, — новгородскій форумъ, — оглашаемое въ древности могучими звуками вѣчевого колокола, отголоски которыхъ далеко разносились по Ручей. Въ настоящее время оно запущено, обращено въ мѣстную толкучку и складъ разныхъ товаровъ; осталась на немъ только башня, называемая Ярославовою, но, во всякъ вѣроятіи, принадле-

жащая болѣе позднему времени (рис. 9). Позади дворща возвышается цѣлый рядъ древнихъ церквей: Николо-Дворищенскій соборъ, церковь Св. Жень-Мироносицъ, Св. мученика Проконія, Св. Параскевы-Пятницы и др. Николо-Дворищенскій соборъ построенъ въ началѣ XII вѣка; вотъ, кстати, сказаніе о его возникновеніи: князь Новгородскій Мстиславъ, сынъ Владиміра Мономаха, человекъ еще молодой, заболѣлъ общимъ разслабленіемъ членовъ, которое день-отъ-дня принимало все болѣе и болѣе угрожающіе размѣры. Большой со слезами молился Богу и призывалъ на помощь Св. Чудотворца Николая, мощи котораго, незадолго передъ тѣмъ, были перенесены изъ Миръ-Ликійскихъ въ Баръ-градъ. Свѣтитель явился ему во снѣ и велѣлъ послать въ Кіевъ за своєю иконою, илѣвшею, по его словамъ, круглую форму, при чемъ обозначилъ ея размѣры и даже мѣсто нахожденія. Мстиславъ немедленно послалъ въ Кіевъ своего свещенника и боярина, съ причетомъ и слугами, но сильная буря на Ильменѣ остановила ихъ въ самомъ же началѣ путешествія и загнала къ острову Липно, въ 7 верстахъ отъ Новгорода. Три дня бушевала буря, задерживая пословъ на островѣ, когда же, на четвертый день, они собрались въ путь, то, къ изумленію своему, увидѣли, что икона свѣтителя, вполнѣ сходная съ даннымъ изъ описаніемъ, сама плыветъ по водѣ навстрѣчу ихъ ладьямъ (рис. 10). Торжественно была встрѣчена св. икона въ Новгородѣ, и когда Мстиславъ приложился къ ней, то почувствовалъ себя настолько окрѣпшимъ, что могъ проводить ее до церкви, гдѣ, послѣ окропленія святою водою, которою была омыта икона, исцѣлился совершенно и далъ обѣщаніе воздвигнуть храмъ во имя Николая Чудотворца. Въ качествѣ придворной церкви, соборъ имѣлъ въ себѣ нѣкоторые особые преимущества. Причтъ его подчинялся болѣе князю, нежели новгородскимъ владыкамъ; въ немъ произносились торжественныя клятвы, въ него заключали виновныхъ для испытанія совѣсти, въ немъ же находили убѣжище и лица, преслѣдуемые вѣчею.

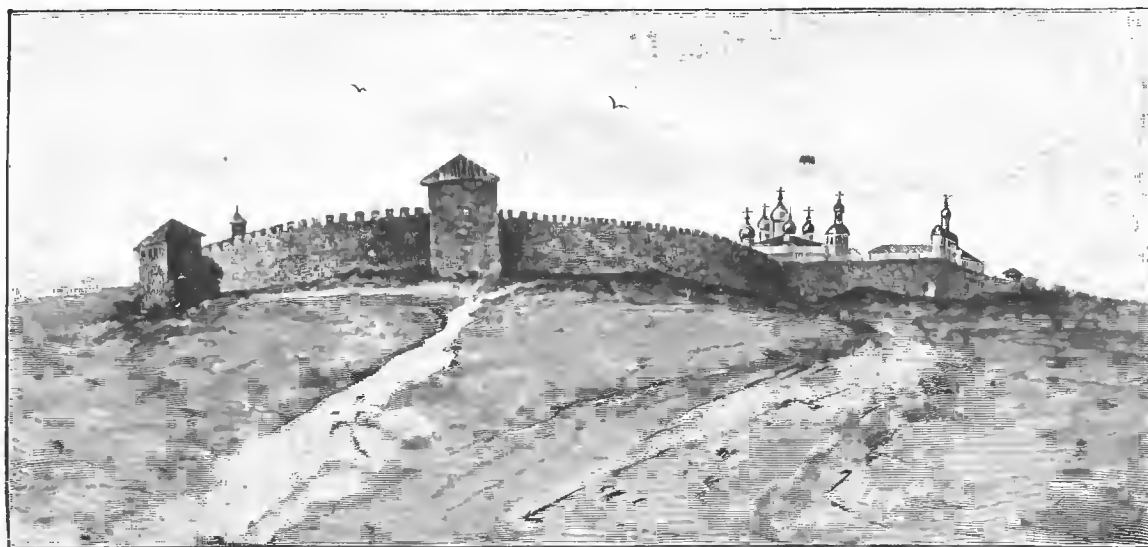
Церковь Св. Жень-Мироносицъ упоминается въ лѣтописяхъ еще подъ 1299 годомъ, и свѣдѣнія о ней начинаются извѣстіемъ о пожарѣ, во время котораго она сгорѣла. На мѣстѣ погибшей въ пламени, деревянной церкви построили каменную, существующая же нынѣ церковь поставлена уже въ 1455 г., на старомъ основаніи. Вблизи нея находилась въ старину дворъ богатыхъ московскихъ гостей Сырковыхъ, которые неоднократно возобновляли ее и украшали. Особенно извѣстенъ одинъ изъ Сырковыхъ, — Федотъ Дмитріевичъ; онъ устроилъ въ городѣ и окрестностяхъ 12 монастырей, не считая отдѣльныхъ церквей, и погибъ страдальческою смертію во время новгородскаго погрома при Грозномъ. Имъ устроенъ и Сырковъ монастырь (въ 6 верстахъ отъ города), къ которому приписана теперь Мироносицкая церковь. Интересенъ полъ въ алтарѣ и передъ иконостасомъ этого храма: онъ состоитъ изъ остроугольныхъ кирпичей, илѣвъ не связанныхъ между собою и уложенныхъ на основаніи изъ глиняныхъ горшечковъ, наполненныхъ пескомъ. Но по поводу этихъ горшечковъ, старушка, при-сматривающая за церковью, рассказываетъ, что они, въ древности, принесены однимъ горшечникомъ, который былъ застигнутъ на Ильменѣ бурей и обидѣлся, въ случаѣ избавленія отъ неминуемой смерти, пожертвовать весь свой товаръ въ храмъ Св. Мироносицъ. Архимандритъ Макарій, авторъ „Археологическаго описанія церковныхъ древностей Новгорода“, дѣлаетъ предположеніе, что горшки поставлены подъ поломъ для очищенія воздуха и уравненія тепла. Мѣстная, древняя икона Св. Жень-Мироносицъ очень интересна и по композиціи, и по илѣву. Полъ подъ нею разбитъ и погнулся, многие кирпичи поломаны. „Это у насъ еще съ давнихъ временъ ведется“, поясняетъ старушка: „что песочекъ нашъ при родахъ помогаетъ, и много берутъ его изъ-подъ иконы-то, шь какъ развоевано!“ (рис. 11).

Упомянемъ еще о церкви Св. Параскевы Пятницы, построенной, по словамъ лѣтописи, заморскими купцами въ XII вѣкѣ. Святая Параскева издревле почиталась покровительницею торговыхъ сношеній. Илѣвшіяся церкви (рис. 12) построена въ 1340 г. Здѣсь замѣчательна большая, древняя икона Св. Параскевы, съ крестомъ въ одной рукѣ и сосудомъ въ другой. Интересны также: свѣчной ящикъ, украшенный рѣзными аркатурами, и зеленая стойка, долженствующая изображать, за всеночной въ пещлю Вайи, дерево, съ котораго молящіеся разбираютъ пучки вербы (рис. 13, 14).

Подаеко отъ Ярославова дворща пролегалъ по Словенскому

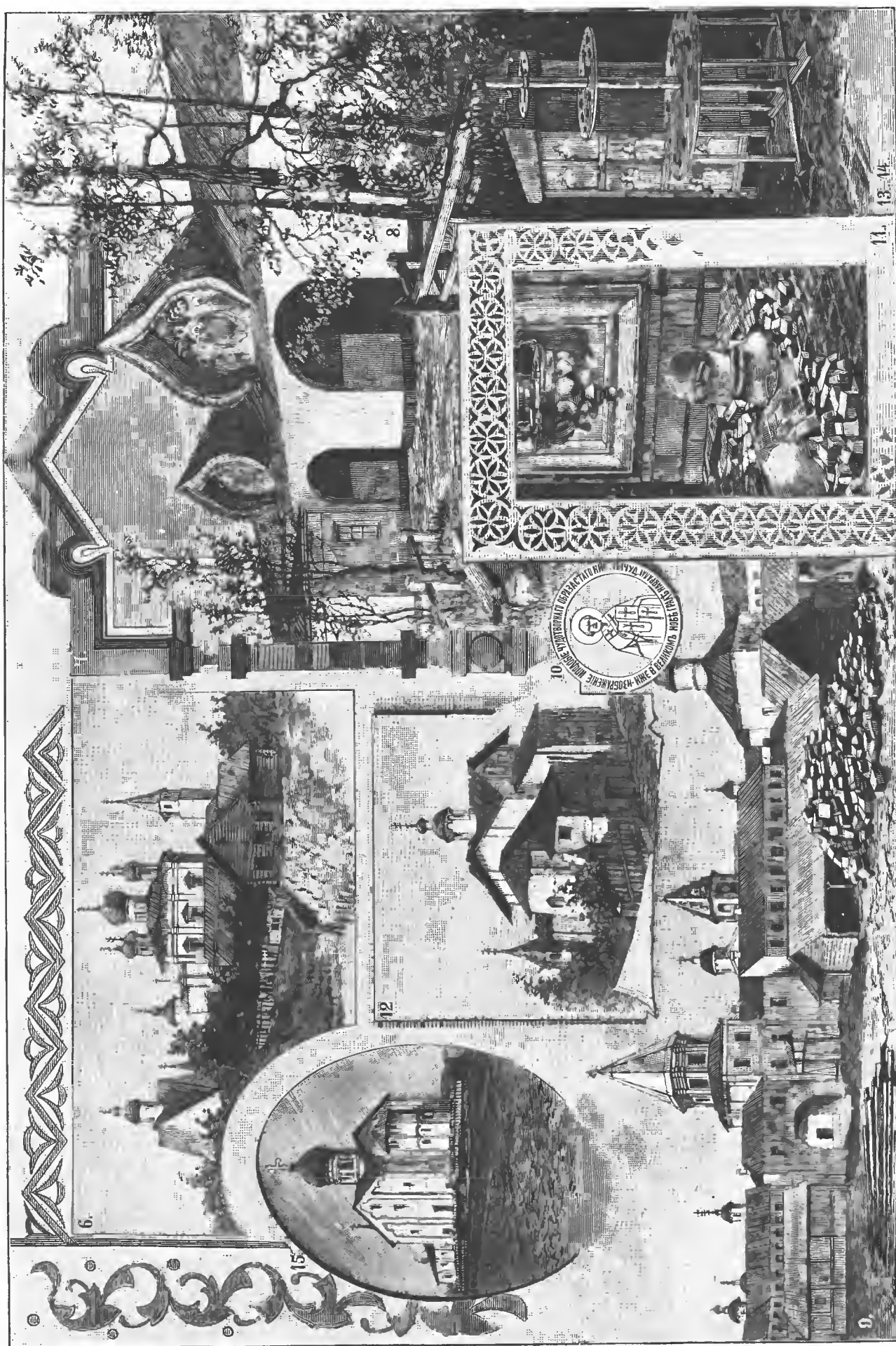
Новгородская старина. (Рис. 3) Рукомошникъ Св. Іоанна Архіепископа.

Новгородская старина. (Рис. 4) Дѣтинець съ юговосточной стороны. Съ ориг. рис. (собств. „Нивы“) грав. Рашевскій.

Новгородская старина. (Рис. 5) Рождественскій храмъ въ Антоніевскомъ монастырѣ. Икона Св. Антонія надъ камнемъ. Съ ориг. рис. (собств. „Нивы“) грав. Рашевскій.

Новгородская старина. (Рис. 6) Видъ на Знаменскій и Преображенскій соборы съ городского вала. (Рис. 7) Деталь облицовки оконъ въ Знаменскомъ соборѣ. (Рис. 8) Святая икона въ Знаменского собора, съ внутренней стороны. (Рис. 9) Ярославово дворще. (Рис. 10) Икона Св. Николая въ Николо-Дворищенскомъ соборѣ. (Рис. 11) Поле подъ мѣстною иконою въ церкви Св. Жень Мироносицъ. (Рис. 12) Церковь Св. Параскевы Патницы. (Рис. 13 и 14) Священъ ящикъ и вербная стойка въ Патницкой церкви. (Рис. 15) Церковь

концу Ильина улица, поднимавшаяся от Волхова к Спас-ской церкви, уцѣлѣвшей до нашего времени. Первое летописное упоминание об этой церкви относится к 1169 году и связано с чудом избавления Новгорода от Суздальской рати. Здесь мы опять встречаем знакомого уже нам архиепископа Иоанна. Когда городъ былъ осажденъ немѣтными силами суздальцевъ и ихъ союзниковъ, свититель дежно и пощю молился объ избавленіи града, предъ иконою Спасителя, сохранившеюся и донынѣ на стѣнѣ, въ сѣняхъ грановитой палаты. На третью ночь онъ услышалъ отъ иконы голосъ: „Иди въ храмъ Спаса, на Ильиной улицѣ, возьми отсюда икону Богоматери, неси на стѣну города, и узриши спасеніе“. Лишь только Іоаннъ, въ торжественномъ крестномъ ходѣ, съ иконою въ рукахъ, поднялся на городскую стѣну, неприятель пустилъ въ него тучу стрѣлъ; въ то же мгновенье ликъ Богоматери отвернулся отъ суздальцевъ, и въ очажъ ея показались слезы, которыми свититель принялъ на свою фелонь. Въ глазахъ у осаждающихъ потемнѣло; на нихъ напалъ невѣдомый страхъ, и они бросились бѣжать отъ города, преслѣдуемые новгородцами. Въ память этого событія, какъ извѣстно, установленъ праздникъ Знаменія Пресвятой Богородицы. Икона Богоматери была помѣщена за престоломъ того же Спасо-Преображенскаго храма, изъ котораго была взята, но въ 1354 г. для нея устроили особый храмъ, рядомъ съ Преображенскимъ, „и тогда“, прибавляетъ летописецъ: „молитвами Пресвятыя Богородицы, велие чудо сотворися въ великомъ Новѣградѣ, что новгородскіе люди рыбу руками ѣли на у брега, сколько кому надобно“; пылкій же Знаменскій соборъ построенъ уже при державѣ государей Петра и Іоанна Алексѣевичей въ 1682 г. (Видъ Знаменскаго и Преображенскаго храмовъ помѣщенъ на рис. 6, снятомъ съ вала, огибающаго Торговую сторону. Рис. 7 изображаетъ деталь облицовки оконъ Знаменскаго собора, а рис. 8 — святые ворота этого собора съ внутренней стороны).

На рис. 6, между Знаменскимъ и Преображенскимъ соборами, виднѣются вдали главы еще двухъ церквей: Св. Филиппа Апостола и Ильи Пророка. Этотъ Ілья Пророкъ, на Торговой, въ Словенскомъ концѣ, назывался Сухимъ, а на Софійской сторонѣ, въ Переверскомъ концѣ, былъ другой Ілья Пророкъ — Мокрый; къ Сухому Ільѣ ходили молиться о вѣдрѣ и сухой погодѣ, къ Мокрому же совершали крестные ходы во время засухи, съ молитвою о своевременномъ дождѣ.

Изъ церквей Ипотичнаго конца отмѣтимъ церковь Св. Великомученика Оеодора Стратилата (рис. 15). Построенная во второй половинѣ XIV вѣка, она съ тѣхъ поръ мало измѣнилась въ своей внѣшности, и, вмѣстѣ съ Преображенскимъ соборомъ, можетъ служить типичною представительницею новгородскаго церковнаго стиля. Въ ней достоинъ замѣчанія приделъ Св. Симеона Дивногорца, устроенный надъ диаконникомъ и до того крохотный, что просто не вѣрителю, какъ онъ могъ помѣщаться на такомъ тѣсномъ пространствѣ; пылъ приделъ этотъ уже упрямъ, остался въ немъ только камень, вѣроятно, служившій престоломъ. Въ диаконникѣ церкви хранится глиняный горшокъ со слѣдующею надписью: „Храмъ Св. Великомученика Оеодора Стратилата построенъ въ 1360 г., возобновленъ и освещенъ въ 1880 г., 24 іюня усердіемъ и стараніемъ купеческой вдовы Елисаветы Алексѣевны Васильевой“; на другой сторонѣ: „горшокъ этотъ взятъ изъ купола сего храма, такъ какъ куполъ этотъ устроенъ изъ подобныхъ ему горшковъ“. По всей вѣроятности, горшокъ этотъ не что иное, какъ одинъ изъ голосниковъ, зачастую помѣщавшихся въ куполахъ и сводахъ древнихъ церквей, для усиленія резонанса. Архимандритъ Макарій упоминаетъ о древней клеовой живописи на стѣнахъ храма, но, увы! — при возобновле-

ніи, усердіемъ и стараніемъ г-жи Васильевой, живопись эта забыта.

Въ концѣ Торговой стороны, за Никольскою слободою находится монастырь Св. Антонія Римлянина, основанный въ 1106 году, незадолго до построенія Николо-Дворищенскаго собора. Преподобный Антоній родился въ Римѣ и, по смерти родителей, вступилъ въ одинъ изъ итальянскихъ монастырей. Передъ тѣмъ онъ роздалъ большую часть своего имѣнія нищимъ, остальную же (золото, серебро, церковные сосуды и пр.) положилъ въ бочку и бросилъ въ море. Въ монастырь онъ пробылъ около 20 лѣтъ, но, по причинѣ гоненій католиковъ, (послѣ раздѣленія Церквей) удалился на берегъ моря, гдѣ и прожилъ около года въ уединеніи. Однажды, когда онъ молился, стоя на камнѣ, внезапно нахлынувшая волна оторвала камень отъ берега и понесла въ море, вмѣстѣ съ угодникомъ. Черезъ два дня камень прибылъ въ Новгородъ и остановился у берега противъ того мѣста, гдѣ теперь обитель. Черезъ нѣсколько времени рыбаки, закидывая сѣть, вытащили и бочку съ имуществомъ преподобнаго, который основалъ монастырь на свои средства, построилъ каменный храмъ Рождества Богородицы. Въ притворѣ этого храма находится камень Св. Антонія, на которомъ онъ приплылъ изъ Италіи; вверди камня помѣщено, на вырѣзанной доскѣ, изображеніе угодника, плывущаго по морю съ пучкомъ морской травы въ рукѣ. Здѣсь повѣшенъ колоколъ и небольшое ланкадилье изъ имущества преподобнаго (рис. 5). Расположеніе главъ на этомъ Рождественскомъ храмѣ крайне характерно и, вообще, встречается довольно рѣдко. Изъ трехъ главъ, вѣнчающихъ зданіе, одна находится въ центрѣ, а обѣ остальные помѣщены въ углахъ западной стороны фасада. При чемъ сѣверозападная глава крупнѣе юго-западной и помѣщается на особой башнѣ, выступающей изъ стѣны храма. Подобное расположеніе главъ встречается еще на Георгіевскомъ соборѣ Юрьева монастыря (постр. въ 1119 г.), и здѣсь также сѣверозападная глава покоится на особой башнѣ, въ которой хранится богатая монастырская ризница. Подъ высокими сводами Георгіевскаго собора помѣстѣсь собѣ вѣчное упокоеніе князь Дмитрій Юрьевичъ Шемка (†1453); здѣсь же, на правомъ клиросѣ, почиваетъ мать Александра Невскаго, великая княгиня Оеодосія, во иночествѣ Евфронія. Въ надписи надъ ея гробницею (рис. 17) сказано, что она положена подлѣ сына своего, князя Оеодора, но сына теперь уже нѣтъ съ нею. Св. князь Оеодоръ Ярославичъ, скончавшійся въ самый день своей свадьбы, на 14-мъ году отъ рожденія, дѣйствительно, былъ положенъ сначала въ Юрьевъ монастырь, но въ 1614 г., мощи его, во избѣжаніе поруганія отъ шведовъ, перенесены въ Софійскій соборъ, гдѣ почиваютъ и донынѣ.

Недалеко отъ Юрьева, на берегу Волхова, находится древняя церковь Спаса Передѣлы (рис. 16). Въ старину здѣсь пролегла большая дорога изъ Москвы въ Новгородъ и находился Спасо-Передѣльскій монастырь, нынѣ упрямъ. Уцѣлѣвшая церковь его, — ровесница древнѣйшимъ новгородскимъ святынямъ, — построена въ 1198 году. Въ ней сохранилась драгоценная, по древности, фресковая живопись, современная построенію самого храма; въ числѣ другихъ изображеній здѣсь находится и портретъ князя Ярослава, строителя храма, въ точно воспроизведенномъ костюмѣ того времени. Интересны также деревянные хоры (по старому, полати) съ двумя каюрами по правую и по лѣвую сторону. Сводъ и стѣны храма обильно снабжены вмазанными въ нихъ голосниками.

Разставаясь съ Новгородомъ, взглянемъ еще разъ на знаковую уже твердыню дѣтница съ блестящими вдали куполами Св. Софій (рис. 4), и простимся, глубокимъ поклономъ, со священной памятью предковъ.

Современная гигиѣна,

представленная на Первой Всероссийской гигиенической выставкѣ въ С.-Петербургѣ.

Очеркъ Г. С. Вольте.

(Окончаніе).

Какъ извѣстно, дезинфекція считается теперь однимъ изъ сильнѣйшихъ орудіи въ борьбѣ съ заразными болѣзнями. Объ этомъ свидѣлствуетъ уже одно обиліе эквипаментовъ на гигиенической выставкѣ по этому отдѣлу. Модели и образцы камеръ для дезинфекціи бѣлья и одежды заразными болѣзнями представляются на выставку и болѣзнями учреждений, и частными лицами. Институтъ экспериментальной медицинѣ выстроилъ на дворѣ выставки настоящія дезинфекціонныя камеры нѣсколькихъ типовъ: землянку съ кирпичною печью, куда наливается вода, и паръ проникаетъ заперты въ землянкѣ вещи; деревянную бочку съ рѣшеткой на нѣкоторомъ растояніи отъ дна, куда кладутся вещи для дезинфекціи паромъ, проходящимъ подъ рѣшетку; камеру, вдоль стѣнъ котла и пола которой проведены чугунныя трубы, изъ многочисленныхъ отверстій которыхъ валитъ паръ, обеззараживающій загрязненныя вещи. Въ самомъ же выставочномъ манежѣ нѣтъ переносной дезинфекціонный аппаратъ системы профессоровъ Доброславина и Штрёма и, наконецъ, приборъ, гдѣ дезинфекція производится не теку-

щимъ перегрѣтымъ паромъ, а паромъ, находящимся подъ сильнымъ давленіемъ. Что касается дезинфекціонныхъ составовъ, то и здѣсь техника чуть ли не каждый день изобрѣтаетъ и предлагаетъ новыя и новыя средства, еще болѣе дѣйствительныя, еще болѣе дешевыя, еще болѣе безвредныя и пріятныя. Конкуренція между изобрѣтателями въ полномъ разгарѣ. Борьба не ограничивается выставкой рекомендуемыхъ произведеній, она перешла уже на литературную почву, и въ особомъ брошюрѣхъ, безплатно раздаваемыхъ обозрѣвателямъ выставки, каждый изобрѣтатель расхваливаетъ свой товаръ и раскритиковываетъ чужой подъ самыми научными соусами. Вась нагружаютъ цѣлою кучею рекламъ, въ которыхъ горячо проповѣдуется, что сапозкротъ (смѣсь 25 или 50° крезола со мыльнымъ мыломъ) и карболовый порошокъ московскаго фармацевта Келера — самыя лучшія и выгодныя изъ всѣхъ существующихъ дезинфекціонныхъ средствъ, что жидкость, порошокъ и мыло лондонскаго фабриканта Джейса — суть послѣднее слово дезинфекціи, помимо того, что они предохраняютъ и вылѣчиваютъ отъ самыхъ различныхъ болѣзней, какъ людей, такъ и живот-

ных, и т. д. В качестве дезодорирующих средств, т. е. веществ, уничтожающих дурной запах, на выставку фигурируют порошок Затова и изготовляемый на С.-Петербургском Камешковом торфяном заводе торфяной порошок или сфагнум. Выставлены даже матрацы из сфагнума. В отделе Департамента земледелия и сельской промышленности Министерства Государственных Имуществ находится модель, изображающая торф в естественном виде, как он встречается в природе, приготовленная из него подделка и орудия производства. Манекен дезинфектора, с погребом головы закрытого платком из парусины и с губкою, пропитанною обеззараживающей жидкостью, вокруг рта, дополняет картину дезинфекционного дела, представленного на выставке.

Удаление нечистот и отбросов из черты города представляет не менее существенную задачу общественной гигиены. Интересный проект представило Высочайше утвержденное общество костеобжигательных заводов и выделки из кости других продуктов (костяного клея, угля, удобрений, желатина и пр.): указывая на то, что интересы костяного производства и, вообще, тряпичного дела совпадают с целями санитарными, состоящими в удалении из населенных мест всего, что служит источником гигиенических процессов, директор общества, технолог Глезмер, в составленной им книге предлагает воспользоваться тряпичниками, как естественным санитарным отрядом, численность которого достигает во всей России, по всей вероятности, до 100,000 человек. Об одной из употребительных ныне систем канализации, а именно, сливной системы инженера Липделя, примененной в городе Варшавы, обозреватель гигиенической выставки может составить себе отчетливое представление по модели, устроенной в натуральную величину в прилегающем к манежу садике. В городе Одессы сливные kloачные воды отводятся на обширную безплотную низменность, лежащую между берегом моря и лиманами, так-называемую „Пересыпь“, и орошают или поля. На выставке, в особой витрине одесского городского управления, имеются образцы kloачной воды до поступления ее в почву и дренажной—после прохождения ее через слой земли: первая жидкость отвратительно-грязная, черная, другая—почти совершенно прозрачная, лишь немного окрашенная. Вместе с тем безплотная раньше пустошь, с тех пор, как сточные воды разлились по ней, стали годными для разведения овощей, хлѣбов и всевозможных растений, и здесь же на витрине разложены превосходные образцы получаемых с дренажных полей произведений. Замечательное всего, что для населения этой части города такое орошение не принесло никакого вреда: смертность на Пересыпи даже понизилась значительно в последние годы. Что же касается остальных частей города, то результаты рациональной канализации и правильного водоснабжения не замедлили сказаться тотчас же на общей смертности городского населения и, в особенности, на проценте смертности от брюшного тифа, который сильно понизился, уменьшаясь с каждым годом. В отведенном городу Варшавы садике при манеже выставлено также модель центрального водопроводного фильтра Варшавы из нескольких слоев песка и камней. На выставке имеются также экспонаты нескольких типов домашних фильтров. О том, что творится в канале неочищенной неведкой воды, обозреватель выставки может узнать, взглянув на выставленный в биологическом отделе рисунок этой канли под микроскопом: обрывки тканей, мелкие животные и растения, микробы—все это перемешано здесь и толчется в невообразимом хаосе.

Чистый воздух не менее нужен человеку, как и чистая вода. С помощью особых приборов, например, находящегося на выставке аппарата Козлова и Баженова, можно убедиться, какая масса микроорганизмов носится в окружающем нас воздухе. Система вентиляции существует теперь множество. Из представленных на выставке аппаратов интересна модель нового вентиляционного разборного аппарата, изобретенного мастером Михайловым. Аппарат этот вентилирует и сжигает заразный воздух тех помещений, где таковой образуется, например, больницы и госпиталей, где лежат больные заразными болезнями, служа в то же время и обыкновенной вентиляцией комнат.

Источником заражения и заболѣвания бывает не одна только вода и воздух, но очень часто и пища, главным образом—молоко и мясо. Потребляемая в пищу домашняя животноя страдают многими болезнями, свойственными также и человеку, дают убѣжище разного рода паразитам, усиленно развивающимся и в теле человека. В этом отношении имеются замечательные препараты, выставленные городским мясным патологическим музеем при С.-Петербургской скотобойне.

Не меньший вред для здоровья человека могут представлять различные продукты, изготовляемые современной промышленностью и пускаемые в продажу под видом естественных произведений земли: мы говорим о всевозможных видах фальсификации. Анализ проданных припасов и напитков, производимый теперь во многих городах устро-

енными на средства общественного управления лабораториями, имеет поэтому очень важное значение для здравоохранения городских жителей. Не всегда, впрочем, подделка естественного продукта есть дело торгового обмана; иногда сам человек сознательно, вынуждаемый голодом или недостатком хорошего хлѣба, вводит в свой организм различные суррогаты хлѣба с примесью песка, сорных трав и проч. Образцы такого хлѣба выставлены, между прочим, в витрине устроенного профессором Петри антропологического отдела. Но и неподдельная пища может быть не особенно питательна для организма: все зависит от ее состава, от относительного количества образующих ее составных веществ, из которых одни более необходимы и полезны для организма, лучше усваиваются им, другие—менее и хуже. Чрезвычайно любопытно поэтому взглянуть на выставленные химической лабораторией Императорской Военно-Медицинской академии препараты: в больших стеклянных трубках вдоль прибитых к стене досок размещены по группам отдельные составные части каждого пищевого средства: разного рода хлѣбов, овощей, разных сортов мяса, сыра, кофе, чая, вина, водок и разных напитков. В одной трубке, например, помещаются белки, в другой—жиры, в третьей—крахмал, в четвертой—сахар, в пятой—соли, при чем каждое вещество различается легко по цвету и виду, а высота столбов в трубках наглядно представляет относительное количество входящих в состав данного пищевого средства веществ. Из обзора этих трубок видно, например, что хлѣбов, т. е. вещества, наиболее важного в экономии организма, содержится в самом большем количестве не в мясе, а в Честерском сыре. В отделе питания на особом столике посетитель выставки найдет очень интересный экспонат: крупяные рисовки, не приготавливаемые и незасквашенные растения из семейства злаков, которые стали с недавних пор разводиться на юге России, где она встречается и в диком состоянии. Состав и пищевое значение этого нового пищевого средства, могущего оказывать большую услугу крестьянину при неурожае других хлѣбов, прекрасно разъяснены в изследовании доцента Медицинской академии А. А. Липского. Отведено не мало места естественным и искусственным минеральным водам. Особенно красивы навальновы кавказские минеральные воды; научный интерес представляет модель, изображающая в разрезе горные породы, по которым течет Ессентукский источник. В витрине города Ялты имеется модель окружающих его Таврических гор. Вообще, отдел бальнеологии, устроенный профессором Павловым, отличается полнотой и дает понятие о главнейших минеральных водах России. Къ гигиене питания примыкает гигиена одежды и обуви. Как известно, для окраски разных тканей (материй), обоев и проч. употребляются те или другие промышленники, вопреки закону, ядовитые соединения мышьяка и тому подобный вредные для здоровья летучие вещества, которые при вдыхании способны вызвать отравление. Не малое значение приобретают поэтому приборы, дающие возможность произвести химический анализ ткани и таким способом открыть хотя бы ничтожные количества ядов. Один из таких аппаратов, а именно, изобретенный инженером-химиком Малышницким, для открытия и определения мышьяка, имеется и на гигиенической выставке. Что касается формы и покрова платья, то, главным образом, имеют значение они для здоровья женщин, так как некоторые из принадлежностей их туалета представляют прямой вызов гигиене. Заслуживают поэтому внимания всякая попытка ослабить вредное влияние таких вещей, как например, изготовление корсетов без швов, демонстрируемое в витрине М-ме Паулинь. Сюда же следует отнести изобретенный профессором Лебедевым „общедоступный визаный брюшной корсет-бандаж для беременных и для страдающих отвислым животом“. Известный Иегер также экспонировал образцы нормальной одежды. Пышные обувь, например, до такой степени уродует ногу, что нормальную ногу встретить почти невозможно, о классических же погах древних и мечтать нам нельзя. Все дело в том, что об половинки нормальной человеческой ноги не равны, сапожник же делает колодку для обуви симметричной формы. Притом громадное большинство саножников пользуется колодками типичными, т. е., средними для многих людей, не сообразуясь с индивидуальными особенностями каждого заказчика. Поэтому заслуживают поощрения все те, которые стараются, наконец, принять во внимание требования гигиены. В витрине Высочайше выставлены гигиенические колодки, приготовляемые особо для каждого заказчика соответственно всем неуровням его ноги, при чем для мозолей делается в обуви необходимый выступ кожи.

Нам следовало бы теперь перейти къ гигиене жилищ, но выставка очень бедна экспонатами по этому отделу, и мы коснемся только чрезвычайно интересных данных, представленных городом Варшавою на основании сделанной в 1891 году общей переписи всех городских квартир и их обитателей. В тех частях города, где население скучено в тесных и плохо устроенных квартирах, там и

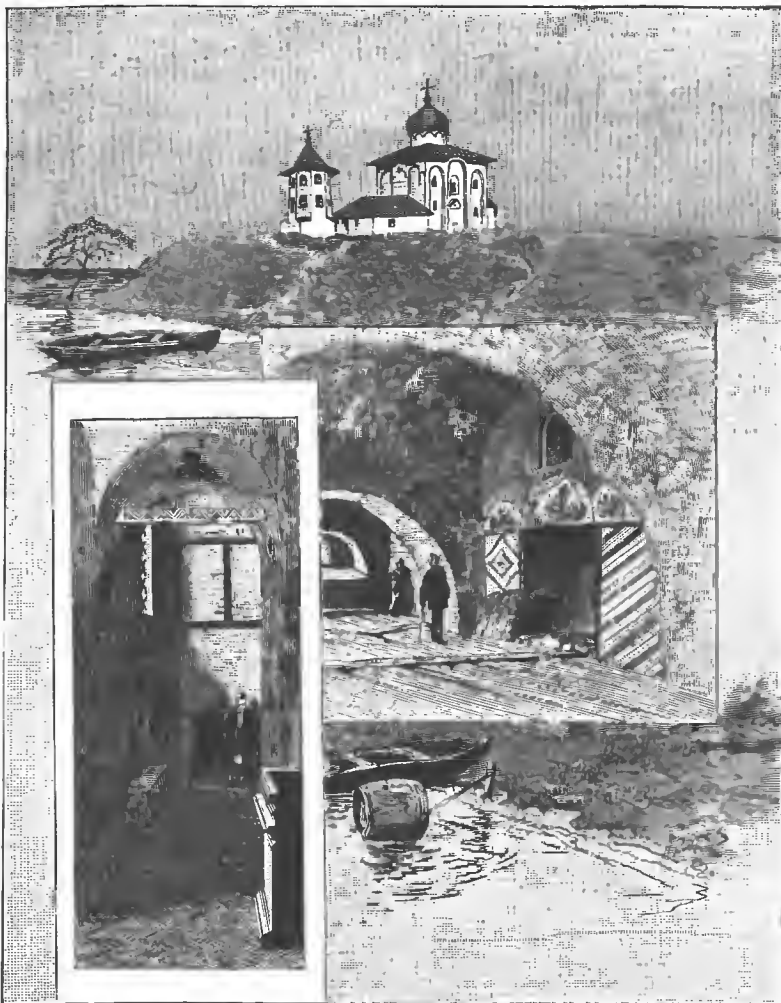
болѣзненность, и смертность отъ заразныхъ болѣзней гораздо выше.

Статистика имѣетъ, въ особенности, громадное значеніе въ дѣлѣ изученія заразныхъ болѣзней, причинѣ ихъ развитія и распространенія, имѣетъ борьбу съ ними. Напримеръ, картограмма, гдѣ нанесены числа заболѣваній въ прошломъ году холерою въ Ригѣ и размѣры колебаній почвенной воды и количество выпавшихъ осадковъ въ этомъ городѣ во время развитія эпидеміи, показываетъ, что между явленіями этими существуетъ тѣсная зависимость. Петербургское городское управленіе сообщило между прочимъ свѣдѣнія по общей статистикѣ столичнаго населенія на основаніи послѣдней переписи. Изъ этихъ свѣдѣній оказывается, что въ настоящее десятилѣтіе 1881 — 1890 гг. возрасло преимущественно населеніе петербургскихъ окраинъ: Петербургской, Выборгской, Александровской и Рождественской частей; въ Адмиралтейской же и Казанской частяхъ населеніе убывало. Другой интересный фактъ: число вдовъ въ Петербургѣ гораздо больше числа вдовцовъ, т. е., мужей умираетъ въ столицѣ больше, чѣмъ женъ.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о гигиенѣ профилактической, т. е., о предохранительныхъ прививкахъ нѣкоторыхъ заразныхъ болѣзней. Ознакомитесь наглядно съ культурами бактерий, ихъ формою и цвѣтами, и способами ихъ приготовленія, можно, благодаря участію въ выставкѣ Института экспериментальной медицины, который выставилъ цѣлую батарею приборовъ и пр. съ чудными бактериологическими препаратами, итпательными средами, разливками и пр. На выставкѣ имѣется также цѣлый освѣщенный навѣсъ, гдѣ собраны всѣ приборы для получения телячьей лимфы и самого оснопрививанія. Укажемъ, кстати, на изобрѣтенный Де-Дюинимъ новый хирургическій инструментъ для прививки оспы, очень удобный и гигиеничный.

Мы коснулись, кажется, всѣхъ отдѣловъ гигиены, надеюсь, что выставка эта сослужитъ большую службу нашему отечеству, показавъ, что уже сдѣлано у насъ по части народнаго здраво-

охраненія, и что предстоитъ еще сдѣлать, чтобы Россія могла по праву занять и въ этомъ отношеніи подобающее ей среднѣвропейскихъ державъ высокое мѣсто.

Новгородская старина. (Рис. 16) Церковь Спаса Нередицы. Древнія полати въ западной части храма и входъ на нихъ.
Съ ориг. рис. (собств. „Нивы“) грав. Рашевскій.

Новгородская старина. (Рис. 17) Гробница Вел. Кн. Феодосія въ Юрьевѣ монастырѣ.
Съ ориг. рис. (собств. „Нивы“) грав. Рашевскій.

Новый товарищъ министра извѣстенъ своими научными трудами и журнальною дѣятельностью. Его взгляды на финансовое право, на теорію цѣнности и бумажно-денежнаго обращенія оригинальны, жизненно-практичны и свидѣтельствуютъ о значи-

Къ рисункамъ.

Фальшивая нота.

(Рис. на стр. 580).

Картины извѣстнаго художника Мантегацца всегда отличаются жизненною правдивостью и естественностью изображаемыхъ на нихъ фигуръ; при этомъ искусная рука мастера видна во всемъ; ничего рѣжущаго глазъ, ничего неувѣличающаго, безнормальнаго, ни одной, такъ сказать, кривящей краски, фальшивой ноты въ гаммѣ подобранныхъ красокъ. Такъ и въ картинѣ, снимокъ съ которой помѣщенъ на стр. 580, вы не найдете иной „фальшивой ноты“, кромѣ той, которою нарушилъ репутацию любительскаго концерта неудачный кларнетистъ-любитель, вѣроятно, самъ же напросившійся играть...

Возвращеніе изъ школы.

(Рис. на стр. 581).

Экзамены кончены. Лѣто наступило. Пора разстаться съ книгами и тетрадками. Повсюду жизнь одинакова, и дѣти — всѣхъ дѣти, будь это у насъ или въ чуждой землѣ, изъ жизни которой выхвачена сценка, изображенная на картинѣ С. Глюклина. Дѣвочки возвращаются домой степенно и чинно, находясь еще подъ вліяніемъ наставленій, полученныхъ въ школѣ, а мальчишки успѣли уже затѣять драку въ то время, какъ два старшіе ихъ товарища заняты обсужденіемъ важнаго вопроса, куда идти на рыбную ловлю, или гдѣ можно найти побольше спѣлыхъ ягодъ...

Товарищъ министра Финансовъ А. Я. Антоновичъ.

(Портр. на стр. 593).

Высочайшимъ приказомъ отъ 28 мая сего года назначенъ ординарный профессоръ университета Св. Владиміра, докторъ политической экономіи и статистики Апполонъ Яковлевичъ Антоновичъ товарищемъ министра Финансовъ.

тельной эрудиции и наблюдательности дѣятельнаго ученаго. Онъ въ своихъ многочисленныхъ учено-литературныхъ работахъ настаиваетъ на необходимости развитія народнаго труда при помощи хозяйственнаго и промышленно-предпринимательскаго кредита и развитія нашей внутренней производительности путемъ таможеннаго покровительства. По его мнѣнію, государство чрезъ свои финансовыя органы должно содѣйствовать національнымъ торгово-промышленнымъ оборотамъ, основаннымъ на государственныхъ и общественныхъ потребностяхъ, и отнюдь не примѣнять при существующей производительности ту экономическую систему, принципъ которой, *laissez faire, laisser passer*. Какъ выдающійся ученый, Апполонъ Яковлевичъ былъ привлеченъ въ прошломъ году къ участию въ коммисіи по преобразованію Государственнаго Банка и представилъ тщательно обработанный проектъ этого преобразования.

А. Я. Антоновичъ родился въ 1848 году. Отецъ его былъ священникъ въ Волынской губерніи. По окончаніи курса въ Кіевской духовной семинаріи А. Я., не чувствуя призванія къ духовной священной дѣятельности, поступилъ въ университетъ Св. Владиміра на юридическую факультетъ и въ 1873 г. блестяще окончилъ курсъ со степенью кандидата юридическихъ наукъ. Советъ университета рекомендовалъ талантливаго кандидата Пого-Александрійскому институту сельскаго хозяйства и лѣсоводства, въ качествѣ лица, достойнаго занять катедру политической экономіи, статистики и законодѣнія. Читая лекціи, молодой ученый посвятилъ свои досуги болѣе обстоятельному выясненію той части экономической науки, которая была наиболѣе полезна для хозяйственной дѣятельности агрономовъ и лѣсодоводовъ — студентовъ института.

Въ 1877 году А. Я. съ успѣхомъ защитилъ диссертацию „Теорія цѣнности“, на степень магистра политической экономіи, и въ 1879 г. напечаталъ свои лекціи: „Основанія политической экономіи“, издавныя въ двухъ выпускахъ. Пого-Александрійскій институтъ избралъ его членомъ правленія и поручилъ ему завѣдываніе своимъ пѣніемъ. Въ 1882 г. профессоръ Антоновичъ перешелъ въ Кіевскій университетъ доцентомъ полицейскаго права и былъ приглашенъ администраціей мѣстныхъ женскихъ курсовъ читать политическую экономію и статистику. Съ тѣхъ поръ въ продолженіе болѣе десяти лѣтъ А. Я. былъ однимъ изъ лучшихъ профессоровъ университета Св. Владиміра, признавъ въ 1883 г. за диссертацию: „Теорія бумажно-денежнаго обращенія и государственныя кредитныя билеты“ достойнымъ ученой степени доктора политической экономіи и статистики и званіи ординарнаго профессора, и припаявъ въ томъ же году дѣятельное участіе въ мѣстной ежедневной прессѣ, сперва, въ качествѣ редактора „Кіевлянина“ (1883 и 1884 годы), затѣмъ съ 1887 г. — издателя и публициста „Кіевского Слова“. Въ 1886 г. имъ изданъ обширный „Курсъ политической экономіи“ — лекціи, читанныя въ университетѣ. Несомнѣнно, что въ новомъ поприщѣ проф. Антоновичъ явится безусловно полезнымъ дѣятелемъ и цѣннымъ знатокомъ практическихъ потребностей общественной и государственной жизни.

Н. Афанасьевъ.

Распоряженіе министра Внутреннихъ дѣлъ по почтовой части.

„Въ виду Высочайше утвержденного, 29-го марта 1893 года, мнѣнія Государственнаго Совѣта объ обложеніи таможенною пошлиною русскихъ кредитныхъ билетовъ при ввозѣ и вывозѣ ихъ чрезъ европейскую границу, — временно воспрещается, съ 1-го іюня сего года, пересылать вышеупомянутые кредитныя билеты въ иностранныя государства, чрезъ европейскую границу, въ простыхъ и рекомендованныхъ письмахъ, въ ЗАКРЫТЫХЪ цѣнныхъ пакетахъ и въ посылкахъ. Въ случаѣ обнаруженія потаеннаго вложенія въ означенную корреспонденцію кредитныхъ билетовъ, взыскивается 25% съ потаенно-вложенной суммы. Затѣмъ, съ вышеозначеннаго срока

(1-го іюня), русскіе кредитныя билеты могутъ быть пересылаемы изъ Россіи за границу (чрезъ европейскую границу) исключительно въ денежныхъ и цѣнныхъ пакетахъ, подаваемыхъ на почту ОТКРЫТЫМИ, для перчета вложенія“.

Въ виду вышеприведеннаго распоряженія, просимъ заграничныхъ подписчиковъ „Нивы“, при посылкѣ денежныхъ взносовъ въ контору нашей редакціи, отправлять ихъ, во избѣжаніе 25% штрафа, не въ заказныхъ (*recommandé*), а исключительно въ денежныхъ и цѣнныхъ пакетахъ, съ обозначеніемъ количества вложенія.

Политическое обозрѣніе.

Выборы въ германскій рейхстагъ окончены и въ 396 округахъ окончательныхъ избранныхъ оказывается 213, а перебаллотировокъ предстоитъ 183. Въ единственномъ округѣ, откуда извѣстій еще не получено, избирался до сихъ поръ представитель вельфовъ. Избраны окончательно: 50 консерваторовъ, 1 членъ союза сельскихъ хозяевъ, 9 членовъ имперской партіи, 18 національ-либераловъ, 81 членъ центра, 24 социаль-демократы, 3 члена свободомыслящаго сообщества, 13 поляковъ, 2 антисемиты, 1 датчанинъ, 6 эльзасцевъ, 4 члена южно-германской партіи и 1 дикій. Изъ свободомыслящей народной партіи и изъ вельфовъ никто не избранъ. Въ перебаллотировкахъ примутъ участіе: 59 консерваторовъ, 9 членовъ союза сельскихъ хозяевъ, 10 членовъ имперской партіи, 73 національ-либерала, 32 члена центра, 84 социаль-демократы, 14 членовъ свободомыслящаго сообщества, 37 членовъ свободомыслящей народной партіи, 11 поляковъ, 16 антисемитовъ, 9 вельфовъ, 1 эльзасецъ, 10 членовъ южно-германской партіи и 1 дикій. Исходъ выборовъ несомненно указалъ на возрастаніе социаль-демократовъ, которые почти во всѣхъ округахъ, откуда получены свѣдѣнія, баллотировались съ кандидатами другихъ партій, и при первомъ голосованіи получили наибольшее число полномочій. Болѣе всѣхъ потеряли свободомыслящіе, которые до сихъ поръ не могли провести ни одного кандидата,

Профессоръ А. Я. Антоновичъ. Съ фот. грав. Шюблеръ.

даже въ тѣхъ берлинскихъ округахъ, которые считали за собою обезпеченными, и въ этихъ округахъ имъ придется баллотироваться съ социаль-демократами, притомъ съ малыми шансами на успѣхъ. Успѣхъ предстоящаго военнаго законопроекта можно назвать благоприятнымъ въ томъ смыслѣ, что сторонники этой реформы участвуютъ почти во всѣхъ 183 перебаллотировкахъ. Съ другой стороны, исходъ выборовъ можетъ быть неблагоприятнымъ для экономической политики правительства, такъ какъ въ большинствѣ стоящихъ за военный законопроектъ преобладаютъ члены аграрной партіи и протекціонисты. Все зависить отъ того, какое положеніе приметъ партія центра.

Въ Бѣлградѣ скупщина открыта кородемъ 4 іюня. Въ тронной рѣчи, между прочимъ, сказано, что 1 апрѣля король исполнилъ безусловный свой долгъ, такъ какъ призваніе Обреновичей — охранять противъ всякихъ посягательствъ конституцію и конституціонныя права сербскихъ гражданъ.

По прочтеніи тронной рѣчи король присягнулъ на вѣрность конституціи. При пріѣздѣ и отъѣздѣ короля встречали восторженными криками.

Парижъ удрученъ извѣстіемъ, что открыты документы, которыми французскіе дѣятели обвиняются въ полученіи денегъ отъ англійскаго правительства за разныя услуги. Подъ впечатлѣніемъ этихъ слуховъ, распушенныхъ газетою *Coccard*, произошло бурное застѣваніе въ палатѣ 7-го іюня, въ которомъ Мильеуа и Дерулякъ рѣзко нападали на Клемансо и кричали ему: „Вы взяточникъ, вы агентъ чужой страны, вы не имѣете права говорить!“ Черезъ два дня палата имѣла возможность ближе ознакомиться съ упомянутыми документами, послѣ чего палата большинствомъ 489 голосовъ противъ 4 приняла фор-

ЗАЯВЛЕНІЕ

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№ „Нивы“, Контора покорнѣе проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полную годовую подписную плату за „Ниву“ 1893 года, озаботиться своевременными срочными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Г.г. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероля, подъ которымъ получается ими „Нива“.

музу перехода къ очереднымъ дѣламъ, въ которой порицаетъ гнусныя клеветы и выражаетъ сожалѣніе по поводу того, что

потеряла цѣлое засѣданіе на ознакомленіе съ документами, лишеннымъ всякаго серьезнаго значенія.

Разныя извѣстія.

— Именнымъ Высочайшимъ Указомъ повелѣно г. управляющему Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ начертать и внести на обсужденіе Государственнаго Совѣта проектъ о преобразованіи помѣнутаго министерства въ Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.

— Въ № 113 *Правительств. Вѣстн.* и № 114 *Русскаго Инвалида* принечтана подробная публикація Канитула Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ о тѣхъ кавалерахъ и соизвѣщенныхъ къ орденамъ, которые вступили въ настоящее время въ комплектъ пенсіонеровъ по орденамъ.

— Съ предстоящаго учебнаго года рѣшено допускать въ желѣзнодорожныя училища

исключительно русскихъ подданныхъ въ возрастѣ отъ 14 до 18 лѣтъ.

— 1 іюля открывастся въ Петербургѣ главная палата мѣръ и вѣсовъ для сохраненія въ государствѣ единообразія, вѣрности и взаимнаго соответствія мѣръ и вѣсовъ и всякаго рода измѣрительныхъ приборовъ, примѣняемыхъ въ промышленности и торговлѣ.

— Предстоящею осенью открывастся въ Гамбургѣ международная выставка работъ фотографовъ-любителей. Желающіе принять въ ней участіе могутъ обратиться по адресу: Hambourg, Schwanenwik, 33, au Comité de l'Exposition de la Société des Photographes Amateurs.

— Изъ Козлова отъ 5-го іюня получена газетами слѣдующая телеграмма:—На 161-й

верстѣ Козлово-Саратовской дороги остановленъ товарный поѣздъ тучами ползущаго черезъ полотно черя. Съ помощью усилки нескормъ рельсовъ и расцѣпленія вагоновъ по частямъ поѣзда удалось стащить. Пасѣкомое въ окрестномъ лѣсу истребило на деревьяхъ листья.

— Въ Крыму, близъ Тушанбазара, на Алуштинскомъ шоссе, снозла нагорная часть около десяти десятинъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ.

— Однимъ изъ нижнихъ чиновъ 25-й пѣхотной дивизіи, Архиповымъ, изобрѣтенъ остроумный приборъ, служащій для быстрого взлѣзанія на деревья и названный „самолазомъ“. На опытахъ приборъ оказался вполнѣ пригоднымъ для военныхъ цѣлей.

Библиографія.

Русскій лѣсъ. Составилъ О. К. Арнольдъ. Томъ I-й. Изданіе второе. Изданіе А. Ф. Маркса. СПб. 1893. Цѣна 4 р., съ перес. 4 руб. 50 коп.

Посмотря на свой строго спеціальнѣйшій-характеръ, „Русскій лѣсъ“ г. Арнольда, вышедшій первымъ изданіемъ около двухъ только лѣтъ назадъ, уже распроданъ. Такой успѣхъ свидѣтельству о высокихъ достоинствахъ этого сочиненія, представляющаго изъ себя, какъ намъ приходилось уже въ свое время сказать, настоящую „энциклопедію русскаго лѣса“, заключающую притомъ общедоступно, перѣдко съ колоритомъ поэтическимъ. Авторъ знаетъ лѣсное русское царство превосходно и исполненъ любви къ дѣлу лѣсоводства въ нашемъ отечествѣ, и эти два обстоятельство, наложившія на книгу яркую печать, дѣлаютъ ее явленіемъ въ своей сферѣ исключительнымъ. Первый томъ „Русскаго лѣса“ во второмъ изданіи является тщательно пересмотрѣннымъ и совершенно переработаннымъ. Съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ въ 1888 году новый законъ о сохраненіи лѣсовъ, практика успѣла внести въ возвращенія на дѣло не мало измѣненій, а выѣстъ съ тѣмъ и названный законъ

подвергся дополненіямъ, вызвавъ соответствующія измѣненія въ административныхъ распоряженіяхъ; къ настоящему моменту появились болѣе новыя статистическія данныя; наконецъ, вопросъ о санитарномъ значеніи лѣсовъ подвинулся впередъ въ своей разработкѣ; со стороны Министерства Государственныхъ Имуществъ послѣдовали новыя циркулярныя предписанія, новыя правила для составленія упрощенныхъ плановъ хозяйства и для снабженія частныхъ лицъ древесными сѣменами и саженцами, и проч. и проч. Всѣ эти факты не могли быть оставлены безъ вниманія, и второе изданіе I тома доводитъ книгу до полнаго соответствія современнымъ требованіямъ, о которыхъ, конечно, не могло быть и рѣчи во время выхода перваго изданія. Приложенія къ тому картѣ лѣсности — одна—Россія, по отдѣльнымъ уѣздамъ, другая—западно-европейскихъ государствъ, также пересмотрѣны и исправлены. Новое изданіе книги г. Арнольда есть новая заслуга въ дѣлѣ распространенія знанія и здравыхъ понятій о лѣсоводствѣ въ Россіи, и, конечно, необходимо всѣмъ практикамъ этого дѣла.

А. В.

Смѣсь.

Американская изобрѣтательность. Въ одной изъ корабельныхъ верфей, находящейся на берегу Мичигана въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, выстроены были пароходъ для цѣлаго нью-йоркскаго судоходства. Когда его отправили къ мѣсту назначенія, то на пути встрѣтилось неожиданное препятствіе: длина парохода (свыше 40 саженъ) оказалась больше разстоянія между шлюзами, устроенными на рѣкѣ Св. Лаврентія, по которой предстояло плыть пароходу. Находчивый капитанъ не долго размышлялъ надъ представившейся задачей: сейчасъ же распорядился онъ разрубить судно на двѣ части. Задняя, кормовая часть, содержащая машины, составила особый самостоятельный ботъ, передняя же (носовая) часть пошла на буксирѣ. Послѣ того дальнѣйшій пароходъ совершился вполнѣ безпрепятственно, а въ Монреалѣ обѣ части судна вновь соединились и, какъ ни въ чемъ не бывало, прибыли въ Нью-Йоркъ. (г. в.)

Слонъ-карликъ, вывезенный съ острова Суматры, показывается теперь въ Берлинѣ. Слону этому въ настоящее время три года; росту онъ всего только 20 вершковъ, длина тѣла 1½ аршина, а вѣсъ около 4½ пудовъ. Между тѣмъ нормальный вѣсъ этихъ животныхъ достигаетъ 200 пудовъ. (г. в.)

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Зюлейна. Стих. Р. Н. (съ рис.).—Сильный человѣкъ. Романъ Н. Орловскаго.—Новгородская старина. И. Тюменева (съ 18 рис.).—Современная гигиена, представленная на Первой Всероссийской гигиенической выставкѣ въ С.-Петербургѣ. Очеркъ Г. С. Вольфа. (Окончаніе).—Къ рисункамъ: Фальшивая нота (съ рис.).—Возвращеніе изъ школы (съ рис.).—Товарищъ министра Финансовъ А. Я. Антоновичъ (съ портр.).—Распоряженіе Министра Внутреннихъ дѣлъ по почтовой части.—Политическое обозрѣніе.—Заявленіе.—Разныя извѣстія.—Библиографія.—Смѣсь.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Международная выставка искусствъ и промышленности въ Мадридѣ будетъ открыта, какъ сообщаетъ испанская миссія въ Петербургѣ,—въ будущемъ 1894 году съ 1-го апрѣля по 1-е ноября. Подробности объ этой выставкѣ можно получить въ канцеляріи миссіи. Работы по возведенію выставочныхъ зданій уже начались.

Кладбище собакъ. Въ Туринѣ недавно сдѣлаю курьезное откритіе. При передѣлкахъ въ подвальномъ этажѣ найдено до десяти маленькихъ гробовъ съ костями. Каменщики предположили, что это дѣтскіе гробики, и быстро вокругъ дома собралась большая толпа. Явившаяся полиція констатировала, что это были остатки похороненныхъ здѣсь собакъ. Въ одномъ гробѣ найдена дощечка съ надписью: „Вѣрная собака. Скончалась 10 сентября 1876 г.“ Оказалось, что ранѣе этотъ домъ принадлежалъ одной графинѣ, страстной любительницѣ собакъ.

Курьезный инцидентъ на выставкѣ въ Чикаго. Привезенные туда для показыванія публикѣ эскимось не желаютъ болѣе носить своихъ традиционныхъ мѣховыхъ одеждъ и требуютъ себѣ тиковыхъ платьевъ, которыя они находятъ болѣе удобными, чѣмъ свой національный костюмъ, въ томъ климатѣ, куда они попали этой весною. (г. в.)

Новое изданіе А. Ф. МАРКСА, въ СПБ.

Только что вышло изъ печати и поступило въ продажу
НОВОЕ, ОДИННАДЦАТОЕ ИЗДАНІЕ

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

Н. В. ГОГОЛЯ,

ЗНАЧИТЕЛЬНО ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ,

подъ редакцію академика, профессора Н. С. Тихонравова, съ приложеніемъ двухъ портретовъ Н. В. Гоголя, гравированныхъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ, съ двумя автографами Гоголя и нѣсколькими его собственноручными рисунками.

Цѣна за всѣ 6 томовъ—6 руб., съ пересылкою 7 руб. 50 коп., а въ нѣтъ роскошныхъ коленкоровыхъ переплетахъ 8 р. 50 к., съ пересылкою 10 р. 50 к.

Требованія и деньги адресовать въ С.-Петербургъ, въ Контору изданій А. Ф. Маркса, Невскій, д. 6.

Въ Москвѣ, у П. Н. Печковской, Петровскія линіи.

Изданіе это можно получить также у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

УДОЧКИ

и всё вообще принадлежностей для рыбной ловли получены из Англии въ большомъ выборѣ въ магазинахъ С. И. Дойникова въ СПб.-г., Невскій пр., Милютинъ рядъ, д. Лесниковой.

№ 27—18, и въ Гостиномъ дворѣ № 73 по Садовой. Иллюстр. прейсъ-курранты рыбол. принадлежностей высылаются бесплатно.

„МЕЛЬНИКЪ“

журналъ мукомольныхъ новостей, 4 р. въ годъ съ пересылкой. Москва, Чернышевскій переулокъ. Выходить 2 раза въ мѣсяцъ.

Д-ръ Волиций лечитъ наружныя, кожныя, грудныя болѣзни, ракъ и электротер. Невскій, 57, кв. 5. Отъ 2—3 и 6—7½ ч. в.

ЗАКАНИЕ

лѣчить успешно К. ЭРНСТЪ. Проспектъ безвозмездно. СПб., Симеоновская, 5. Учебникъ 3 руб.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. За условными обрац. письменно: Генрихъ Блокъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59. 12—12

ЦВѢТОЧНЫЙ ОДЕ КОЛОНЪ
УДОСТОВЕРЕННЫЙ
СЕРЕБРЯНОЙ МЕДАЛЛ
НА ВСЕРОСС. МОСКОВСКОМЪ
ВЫСТАВЛЕН. 1882 г.

А. СІУЧКОВЪ
ПАРФЮМЕРІА
ВЫСШАГО КАЧЕСТВА
МОСКВА.

ТРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗЪ ПЛАТНО.

НАТУРАЛЬНАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА

ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ: Въ послѣднее время появились въ продажѣ искусственныя воды подъ названіемъ „ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ“, почему покорнѣйше просимъ при покупкѣ нашей натуральной воды, обращать вниманіе на ярлыкъ съ короной.

Дирекція источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ „ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ“ въ Будапештѣ.

Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и Заграницы. Дирекція въ Буда-Пештѣ.

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ СРЕДСТВО

для смягченія кожи рукъ и лица.

Цѣна 35 коп.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. Ш. № 6271 14—15

ЛОЗЕ MAIGLÖCKSCHEN

Эссенція для платновъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра —
Брильянтинъ — Духи для комнатъ № 6442 (1)

НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:

ЛОЗЕ *Mimosa*

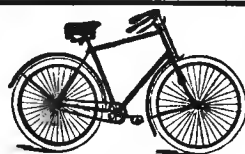
ЛОЗЕ *Ixora-viola*

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.

ЛЕВНИНЪСЪ и ГИЗИНЪСЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2450

Велосипеды англійскаго завода „Гумберъ и К°. Лмтд.“

лучшіе въ свѣтѣ!

предлагаютъ торговый домъ

Г. ЖЕМЛИЧКА и К°.

Москва, Неглинный просп., домъ Ечкиной.

Прейсъ-курранты — бесплатно.

МОЗОЛЬНЫЙ ПЛАСТЫРЬ

А. ЦИГЛЕРА

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ

В. С. МОСКВА, Мясницкая д. Костырева

1-й ВЫИГРЫШ- НЫЙ

заемъ, 1 іюля тиражъ, продается на

условіяхъ дешевыхъ и добросовѣстныхъ

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,

59, Невскій, СПб. (4—3)

1 марта с. г. на билетъ II займа,

сер. 02031 № 25, купленный въ Банк.

Домъ съ задаткомъ 20 руб., надъ

выигрышъ въ 5000 р. и 1 мая с. г.

на билетъ III (Дворянскаго) займа

05413, № 04 выигрышъ въ 500 р.

1865.

1882.

ТОВАРИЩЕСТВО

1870.

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНОФАКТУРЫ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году,

просить при покупкѣ

обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ

№ 6372 26—5

въ особенности на ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГЕРБЪ

право пользованія которымъ принадлежитъ исключительно Товариществу Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры, и годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).

ОРИГИНАЛЬНЫЙ
музыкальный инструментъ
ПАЛКА-ФЛЕЙТА.

Служить тростью при прогулкѣ и музыкальнымъ инструментомъ, на которомъ можно легко выучиться играть.

Верхняя часть изъ металла, нижняя изъ камыша. 1 р.
Верхняя часть изъ металла, нижняя изъ бамбука. 2 р.
Краснаго или амагантоваго дерева. 3 р.
Чернаго дерева со столовой костью. 5 р.

Кратко наставленіе бесплатно.

Самоучитель 1 руб.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо
музыкальных инструментовъ и нотъ
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнец. мостъ, д. Захарьина.

ЭЛЕОПАТЬ
Пр. КИНУНЕНЪ

для волосъ.

ЭЛЕОПАТЬ Кинунена находится для продажи во всѣхъ больш. антек. и космет. магазинах. Цѣна фл. содерж. 120 граммъ 1 р. 50 н. безъ перес.

№ 6260 (9)

Провизоръ Кинуненъ.

Просьба обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ флакона. Провизоръ Кинуненъ.

Главный складъ: Демидовъ пер., № 1.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ (9)

Специалистъ хронометровъ.
СПБургъ, Невскій пр. № 52
Проз. Им. Публ. Библиотеки.
Подробный иллюстр. прейскурантъ по астроб. бесплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 6283

ПРУШИНСКИЙ Спб., Невскій, 20.
высываетъ за сдѣлк. руб.
ВЕСЬ СЕКРЕТЪ КРАСИВАГО ПОЧЕРКА

ФОТОГРАФИЧЕСКІЯ
КАМЕРЫ

въ громадн. выборѣ.
Нов. иллюстр. прейскуранты высылаются.
МОМЕНТАЛЬНЫЯ
ПЛАСТИНКИ
„БЕРНАРТЪ“

При складѣ имѣется лабораторія и разясненія при покупкѣ безвозмездно. 10-7

К. И. Фреландтъ.
С.-Петербургъ, у Казанскаго моста д. № 30/16.
Москва, Мясницкая, д. Соколова.
Харьковъ, Московская ул., д. Штейфанъ.

ПЕШИЩАЛА МАШИНА 25-19

РЕМИНГТОНА № 5
„новѣйшая изъ всѣхъ существующихъ системъ“

признана лучшей въ свѣтѣ. Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд. Прейскурантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылаются безвлатно. № 5996

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва, С.-Петербургъ, Варшава, Одесса, Екатеринбургъ, Кокандъ.

Только что вышло изъ печати и поступило въ продажу новое изданіе
А. Ф. МАРКСА, въ СПБ.—гѣ:
„РУССКІЙ ЛѢСЪ“.
СОЧ. О. К. АРНОЛЬДА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.
ВТОРОЕ пересмотрѣнное и значительно дополненное изданіе.

Большой томъ, отпечатанный на лучшей бумагѣ, съ приложеніемъ 2-хъ картъ, изображающихъ лѣсистость—одна Россія, по отдѣльнымъ уѣздамъ, другая—западно-европейскихъ государствъ, также пересмотрѣнныхъ и исправленныхъ.

Первое изданіе этого тома разошлось въ очень короткое время, а между тѣмъ спросъ на него не уменьшается. Такой успѣхъ изданія слѣдуетъ, конечно, приписать своевременному появленію книги, подробно трактующей вопросы лѣсного хозяйства и лѣсоохраненія.

Въ этомъ томѣ подробно разъясняются новые законы о сохраненіи лѣсовъ и вызванныя ими административныя распоряженія. Статистическія свѣдѣнія замѣнены новѣйшими данными; усилено вниманіе читателей на санитарное значеніе лѣсовъ; помѣщены вышедшія до мая 1893 г. Циркулярныя предписанія г. Министра Госуд. Имуществъ; новыя правила для составленія упрощенныхъ плановъ хозяйства и для снабженія частныхъ лицъ древесными сѣменами и саженцами и проч., и проч.

Предварительно печатанія 2-го изданія, 1-й томъ „Русскаго Лѣса“ былъ тщательно пересмотрѣнъ. Пользуясь указаніями пяти-лѣтняго опыта примѣненія лѣсоохранительнаго закона, составители признали необходимымъ частью исключить все то, что пережило свою исторію и оказалось излишнимъ въ настоящее время, частью же дополнить новыми разъясненіями народившіеся новые вопросы, а прежніе освѣтить въ духѣ нынѣ утвердившихся взглядовъ.

Желаю по возможности сдѣлать книгу доступною для каждаго, издатель нашелъ возможнымъ понизить цѣну ея съ 5 р. на 4 р., съ пересылкой 4 р. 50 н.

Также имѣются въ продажѣ 2-й и 3-й томы „Русскаго Лѣса“. Цѣна за всѣ три тома 14 р. съ пересылкой.

Съ требованіями обращаться въ СПБ., въ Контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ въ СПБ., Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ продается новая книга:
№ 6438

ТАНЦОВАЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ
для взрослыхъ и дѣтей 12-2
выучиваетъ добросовѣстно, дешево и скоро. Переговоры до 12 ч. дня.
Загородный просп., д. № 26, кв. № 41.

Гейрихъ Клейеръ, велосипеды „Орель“
Франкфуртъ н/М. (отдѣлен. въ Гамбургѣ).
Спеціальная фабрика знаменитыхъ 24-11
велосипед. „Орель“.
На всемірной выставкѣ въ Чикаго въ группѣ 83.
Иллюстр. прейскурантъ за 10 коп. марку.

Новая американская скоропишущая машина
„ГАЛЛЪ“. № 6228
(3)

Лучшая пишущая машина въ мірѣ. Одна и та же машина пишетъ на всѣхъ языкахъ, каждый языкъ по десяти и болѣе различныхъ шрифтовъ. Цѣна машины 75 р., каждаго шрифта 3 р. Описание съ изображеніемъ машины въ натуральную величину и пробные шрифты бесплатно. Единственный представитель для всей Россіи Торговый домъ Э. ШТЕМПЕЛЬ въ г. Одессѣ.
Приглашаются агенты во всѣхъ городахъ.

Для лѣтняго сезона
Глицериновая пудра,
Глицеринъ Велуръ,
Глицериновые сливки,
Глицериновое молоко.
МОЛОКО ДЛЯ ЛИЦА
огуречное и зорное.
Мыло земляничное и зорное.
БРОКАРЪ и К°.
Невскій, № 30. № 6424 3-2

ТОЛЬКО 4 Р. 90 н.; 2 за 9 р. 55 н.;
3 за 13 р. 90 н.
ПРЕЛЕСТНОЕ ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО 56-й ПРОБЫ
съ нсусств. ПРЕВОСХОДНЫМЪ БРИЛЛАНТОМЪ
БЕЗЪ ФОЛГИ ИЛИ ПОДКЛАДКИ, такъ что трудно
узнать отъ настоящаго брилліанта. № 6440 2-1
Перес. налож. платжемъ. **БАЗАРЪ МАРОКЪ** С.-Петербургъ, Невскій, № 20-31.

ДМ. БОРТНЯНСКАГО
35 концертовъ.

Переложеніе для фортепiano или гармоніума (съ полнымъ текстомъ)
въ 3-хъ томахъ
Томъ I №№ 1—12. II №№ 13—24.
T. III №№ 25—35.
По 1 рублю за томъ.

Москва у П. ЮРГЕНСОНА.
СПБ. I. Юргенсонъ. Варшава Г. Зенневальдъ. п. № 6436

НОВОСТИ КОШЕЛЕКЪ-ПОРТМОНЭ
Тинъ Монъ
превосходно сдѣланъ изъ тюленевой кожи съ 3 отдѣл., съ никелирован. замкомъ. Изящной и прочной работы.

Секретъ азамъ сообщается только покупателю и только онъ сумѣетъ открыть Тинъ-Монъ.
Дамскій: шт. 2 р. 75 к.; 2 за 4 р. 95 к.
Мужской: шт. 3 р. 25 к.; 2 за 5 р. 75 к.
Гармоній: бока раздвигаются какъ у гармоніи, очень изящный: шт. 3 р. 75 к.; 2 за 6 р. 75 к. № 6439 6-1

3 разное, по одному отъ каждаго, 8 р. 75 к.
Пересылаю наложеннымъ платежемъ.
БАЗАРЪ МАРОКЪ С. Петербургъ, Невск. пр., № 20-31.

Фирма премирована на саронейскихъ выставкахъ десятию золотыми медалями и высшими знаками.
(10) **МИНДАЛЬНОЕ** № 5914
МЫЛЬНОЕ ТѢСТО
Приготовилъ лаборат. А. ЭНГЛУНДЪ.
Миндальное мыльное тѣсто на березовомъ соеѣ, котораго обильная, освежающая и пріятная пѣна, апитывалась въ кожу, придаетъ ей мягкость и нежность; употребляется какъ мыло. Цѣна за кусокъ 35 к. съ пересыл. 6-ти кусковъ 2 р. 50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подписи А. Энглундъ, нрасными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская, 12 и во всѣхъ пзвѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговыхъ Россійской Имперіи. —Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Бассейная ул., д. № 2.

ТРЕБУЮТЪ НАСТОЯЩЕЕ МЫЛО
АМОСТРОУМОВА
ПРОИЗВЕДЕНІЕ
ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТЫ
УТВЕРЖДЕНО ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ
ОСТЕРЪ

КОНТОРА
ЕГОРА МАЙЕРЪ
въ Москвѣ
(учрежденная въ 1872 г.)

СТРАХУЕТЪ отъ тиражей погашенія билеты 1-го и 2-го внутреннихъ съ выигрыш. займовъ.

Владельцевъ билетовъ, застрахованныхъ въ означенной конторѣ и вышедшихъ въ предшествовавшіе тиражи погашеній, покорнѣе проситъ предъявить ипотлагательно (хотя расчѣтъ по общему производится конторою въ теченіе 10 лѣтъ) чрезъ корреспондентовъ или прямо въ контору въ Москвѣ отъ оплаты для общаго на другіе, неимѣющіе въ тиражѣ. III. № 6427 (2)

Порученія изъ провинціи исполняются съ обратною почтою. Всякія сирваніи о процентныхъ бумагахъ высылаются немедленно, если на отвѣтъ будутъ приложены четырнадцать коп. почт. марками.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИНС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модъ, рис.) и
Выдаѣтъ 26 июня 1893 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1893 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
стороню нонпарейлъ (1/4 шир.
страни) въ Глав. Кон. Ред. по
1 руб.—Загран.: для Франціи
у Agence Havas по 3 fr., для
Австр., Герман. и Швейц. у
Rudolf Mosse по 2 марн 50 пф.

Безъ доставки въ Петер-

бургъ

5 р.

Съ доставкою въ Петер-

бургъ

6 р. 50 к.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 10 р.

На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.

На 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р. 50 к.

Безъ дост. въ Москвѣ чр конт. объявл.

Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лпц. 6 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе го-

рода Россіи 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“ со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

Возвращеніе въ лагерь послѣ стрѣльбы. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Э. Сооловскаго, грав. Ш. Липперъ

СИЛЬНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Романъ Н. Орловскаго.

(Продолженіе).

V

На слѣдующій день были назначены земскіе выборы. Исходъ ихъ меня живо интересовалъ и, покончивъ утромъ со своими дѣлами, я уже сиѣлилъ въ собраніе, какъ неожиданно вошли ко мнѣ Надеждинъ и Вьюгинъ.

— Что вы торопитесь, успѣете! сказалъ Викторъ Александровичъ. — Засѣданіе еще не такъ скоро начнется. Вы нашихъ порядковъ не знаете. Когда у насъ выборы идутъ, собираются поздно. Настоящая стражня всегда за кулисами происходитъ. Теперь всѣ наши почтенные дѣятели по разнымъ угламъ шушукуются. А въ собраніи ни души еще нѣтъ.

— Ну, а вы оба, спросилъ я съ удивленіемъ, — какъ же не отправились на сборище своей партіи?

— У насъ дѣло слажено: Семенъ Андреевичъ придетъ блистательнѣйшимъ образомъ. На этотъ счетъ и сомнѣнія быть не можетъ.

— Какъ пройдетъ?! Да онъ вчера отказался отъ баллотировки?..

— Ого, да вы, я вижу, совсѣмъ еще повичокъ! воскликнулъ Надеждинъ. — Неужто вы такъ и повѣрили, что Конотоповъ выпустить добровольно изъ своихъ рукъ кормило? Плохо же вы его знаете! Какъ разъ теперь, когда противъ него образовалась партія, онъ не уступитъ ни за что... Ему надо смять, уничтожить своихъ враговъ. Понимаете-ли? — самолюбіе разыгралось, да и расчетъ имѣется не малый...

— Расчетъ? Полноте, Викторъ Александровичъ! У Семена Андреевича расчетъ? И это говорите вы, вы, одинъ изъ главныхъ столповъ его партіи!..

Надеждинъ разсмѣялся.

— Что-жъ такое изъ этого? Я его сторону держу, конечно, и держать буду. Но вѣдь не слѣной же я человекъ, и насчетъ Семена Андреевича иллюзій себѣ не дѣлаю.

Тутъ Вьюгинъ, до сихъ поръ молчавшій, съ жаромъ заступился за своего вождя.

— Ахъ вы, молодой человекъ, потренилъ его по плечу Надеждинъ. — Влюблены вы, что-ли, въ Семена Андреевича?

Вьюгинъ опять покраснѣлъ, какъ наканунѣ вечеромъ.

— Понравился вамъ человекъ, продолжалъ Надеждинъ, — такъ вы хотите въ немъ неперемѣнно увидѣть какое-то идеальное существо. Идеальныхъ людей не бываетъ, да и не нужно ихъ совсѣмъ. Тогда только и можно уберечься отъ разочарованія, когда принимаешь людей, какъ они есть на самомъ дѣлѣ. А кумиры, по вѣрѣе мнѣ, рано или поздно разлетаются въ прахъ... Знаете что, Роевъ, до засѣданія еще цѣлый часъ. Такъ отзавтракаемъ здѣсь у васъ, да потолкуемъ. Коли вы, какъ слышно, хотите быть изъ нашихъ, васъ просвѣтитъ надо насчетъ здѣшнихъ порядковъ. А то, я вижу, нашъ кудесникъ успѣлъ ужъ васъ обворозить совсѣмъ, хоть и нѣтъ у васъ тѣхъ же поводовъ слѣно ему до вѣряться, какъ у Бориса Павловича.

Сказано-сдѣлано. Я позволилъ и велѣлъ подать завтракъ. Когда мы усѣлись, Надеждинъ, залпомъ опрокинувъ стаканъ краснаго вина, принялся меня „просвѣщать“, какъ онъ выразился.

— Для васъ Семенъ Андреевичъ пока загадка, сказалъ онъ. — Хотите, я вамъ къ этой загадкѣ дамъ ключъ?.. Это человекъ съ огромными способностями и съ рѣдкой энергіей, которому у насъ тѣсно здѣсь въ провинціи. А такъ какъ въ Петербургѣ ему ходу не даютъ, — онъ тамъ, вѣдь, не на совсѣмъ хорошемъ счету, вы знаете? — онъ и силится всею мощью своей необу-

зданной натуры раздвинуть наши тѣсныя рамки. И вотъ отчего въ его головѣ, что ни день, то новая затѣя. Этимъ онъ намъ и дорогъ; этой силой воспользоваться надо. Ну, а, извѣстное дѣло, любая сила ломится впередъ, не разбирая. И держать съ нимъ ухо надо востро...

— Это не только сила, возразилъ я, — это волшебникъ настоящій, — вы сами, вѣдь, такъ его называли, — въ немъ есть обаяніе какое-то. Этого человека либо ненавидѣть можно, либо страстно любить, а оставаться къ нему равнодушнымъ нельзя. И какъ разъ въ Россіи, гдѣ всѣ такіе вялые, дряблые, это рѣдкая способность всѣмъ интересоваться, не забывать даже мелочей среди полного разгара борьбы. Вотъ я, кажется, для него совершенно посторонній человекъ, а представьте себѣ...

И я рассказалъ Надеждину, какъ Семенъ Андреевичъ наканунѣ ввспомнилъ про мое крошечное дѣло и въ точности сдержалъ обѣщаніе: вечеромъ онъ вручилъ мнѣ записку къ предсѣдателя суда. И я могъ убѣдиться, что за магическое дѣйствіе производитъ его слово. Всѣ затрудненія, до сихъ поръ не дававшія мнѣ шагу ступить среди канцелярскихъ дебрей, мигомъ разсѣялись, когда я въ это самое утро заѣзжалъ въ судъ. То, что наканунѣ было еще совершенно невозможно, обратился сегодня въ пустую формальность, обойти которую не стоило ничево.

— Да, что и говорить, задабривать людей онъ мастеръ великій, разсмѣялся въ отвѣтъ Надеждинъ. — Вы замѣтили, я думаю, вчера, какъ ловко онъ цѣлое собраніе повернулъ въ свою сторону. Вы догадались, конечно, какъ мастерски онъ передернулъ. Недочетъ по исполненію смѣты на больницу, вѣдь, на самомъ-то дѣлѣ былъ, и даже очень порядочный...

— Да какъ же? возразилъ я, — оказался, напротивъ, остатокъ...

— А, очень просто... Семенъ Андреевичъ въ какихъ-нибудь полчаса успѣлъ передѣлать всѣ цифры и вышло, разумѣется, все гладко. А разницу онъ пополнилъ изъ своего кармана. Ну, а розовѣи наши, конечно, готовы его прославлять на всѣ лады...

Борисъ Павловичъ вспыхнулъ.

— Такъ все можно перстолковать, воскликнулъ онъ, — во всякомъ поступкѣ, даже самомъ благородномъ, грязную изнанку найти... Какъ? Семенъ Андреевичъ своими деньгами пожертвовалъ, а вы...

— Не безпокойтесь, милый мой... Онъ эти деньги вернетъ: Семенъ Андреевичъ не мелко плаваетъ, знаетъ, когда раскошелиться надо. Вы думаете, Литовскій ему не отсчитаетъ лишній кушъ за то, что онъ за нимъ обезпечилъ концессию дороги. Съ такимъ козыремъ въ рукахъ можно конейку не считать. Вѣдь, посмотрите, какъ онъ расправилъ крылья за эти шесть лѣтъ. Состояніе у него было не ахти какое, а теперь два завода выстроилъ, имѣніе прикушилъ, да посмотрите, какъ домъ отдѣлалъ и какъ широко живетъ. Конечно, если бы хорошо подсчитать, неизвѣстно еще, въ какомъ положеніи его дѣла. Онъ, вѣдь, изъ тѣхъ людей, которые либо цѣлые милліоны загребаютъ, либо, въ концѣ концовъ, остаются безъ гроша. Ну, да онъ вывернется, я за него не боюсь...

По мѣрѣ того, какъ говорилъ Надеждинъ, Семенъ Андреевичъ становился для меня все болѣе загадочнымъ. Для меня было что-то до того обаятельное въ его широкой, размашистой натурѣ, что видѣть въ немъ ловкаго игрока, беззастѣнчиваго на средства, я рѣшиться не могъ.

— Какъ хотите, сказалъ я, — а это не дюжинный,

не сухой человекъ. Коли пѣтъ въ немъ, быть можетъ, мѣшанской щенетильности, за то въ немъ сердца много и щедрости тоже. Помните вчерашнюю исторію съ этимъ человекомъ, который такъ пагло у него просилъ денегъ, послѣ того какъ онъ былъ уличенъ въ разныхъ продѣлкахъ...

— Ахъ, это исторія темная... Еще вопросъ, не пострадалъ ли этотъ Гуричевъ безвинно, и не взвалилъ ли на его голову Семенъ Андреевичъ собственные грѣшки...

— Да какъ же постѣ этого, воскликнуть негодующимъ голосомъ Вьюгинъ,—вы сами то были всегда на сторонѣ Копотопова? Будь я одного съ вами мнѣнія о немъ, убѣдись я когда-нибудь, что онъ нечестный человекъ, могу васъ увѣрить, я бросилъ бы прямо ему обвиненіе въ глаза и открыто перешелъ бы на сторону его противниковъ...

— Вы? Ну, на этотъ счетъ позвольте усомниться, прищуривъ глаза, отвѣтилъ Надеждинъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я горячо предаю Копотонову, всю душою предаю. Но съ той самой минуты, когда мнѣ даны были бы доказательства его вины...

— Сколько вамъ лѣтъ, Вьюгинъ? перебилъ его Надеждинъ. — Всего двадцать восемь, кажется? Ну, въ ваши годы, быть-можетъ, и я бы такъ думалъ, особенно, если у меня были бы тѣ же поводы, что и у васъ...

Вьюгина передернуло. Яркая краска показалась на его лицѣ, и запальчивый отвѣтъ готовъ былъ у него вырваться, но Викторъ Александровичъ его остановилъ.

— Не кипятитесь, милый мой, не стану больше, не стану... Это ваши личные дѣла. А на свой счетъ я вотъ что вамъ скажу. Копотопова я вижу насквозь и все-таки за него стою и стоять буду, потому что, какъ-то онъ ни на есть, а земству онъ все-таки полезенъ: такой свѣтлой головы не скоро отыщешь. А теперь, господа, пора, пойдете...

Мы вышли на улицу и пѣшкомъ отправились въ собраніе. День былъ ясный, солнечный. Все ярко бѣлѣло вокругъ, и спѣтъ на улицѣ, и дома, и самое небо, гдѣ блѣдная лазурь чуть-чуть просвѣчивала сквозь морозную пыль, наполнявшую воздухъ.

— А, вѣдь, и у Семена Андреевича, продолжалъ разсуждать Надеждинъ,—есть своя Ахиллесова пята. Если когда-нибудь надъ нимъ бѣда стрясется, знаете, откуда она придетъ? Отъ его семьи... да, именно отъ семьи. Онъ, который въ цѣлой губерніи распорядится, какъ дома, съ женой и съ дѣтьми сладить не можетъ. И замѣтите, это почти всегда такъ бываетъ... Кто у насъ въ общественномъ дѣлѣ полномочный хозяинъ, тотъ у себя дома, обыкновенно, безсиленъ...

— У Семена Андреевича, кажется, всего только двое дѣтей? перебилъ я Надеждина.

— Двое, сынъ и дочь... И на ихъ воспитаніе онъ не жалѣлъ ни денегъ, ни заботъ, и, какъ на зло, единственный его сынъ и наследникъ вышелъ такимъ безпардоннымъ шалонаемъ, что, кажется, Семенъ Андреевичъ на него теперь рукой махнулъ. Чего, чего онъ ни дѣлалъ, чтобы своего Мишу урезонить и поставить на прямую дорогу... А все напрасно... И не глухой, вѣдь, мальчикъ, ловкій, красивый такой, собою молодецъ, а толку изъ него не вышло, слышать ничего не хочетъ, твердитъ одно: „пусть раскошеляется папаша“, за его шалости платить. Попробовалъ Семенъ Андреевичъ къ мѣрамъ строгости прибѣгнуть, да не тутъ-то было. Пошли долги, векселя. И такъ прямо и грозитъ сыночекъ: „Не заплатите, скверная будетъ исторія, изъ полка выгонятъ“... А ему и горя мало. „Срамъ“, говоритъ, „на папашу обрушится“. Чтѣ съ такимъ сыномъ подѣлаешь!?

— За то у него дочь, Анна Семеновна, продолжалъ я разспрашивать,—говорятъ, дѣвушка замѣчательная и по уму, и по красотѣ...

— Да, чтѣ и говорить, барышня замѣчательная. Въ дочкѣ Семенъ Андреевичъ души не чае. Вышла она совсѣмъ въ него, такая же умница, ну, и характеромъ тоже, даромъ что ей всего девятнадцать лѣтъ... всѣмъ домомъ вертитъ, и папаша ея, какъ будто, побаивается. А отчего все такъ?... оттого, что супруга его, Любовь Петровна, хотя передъ Семеномъ Андреевичемъ никуда не смѣетъ — на то свои причины имѣются — втайнѣ спокойно такъ, исподтишка противодействуетъ мужу во всемъ и дѣтей противъ него восстанавливаетъ... Она-то и есть настоящее большое мѣсто въ жизни Семена Андреевича... У нея своя особая метода—ни въ чемъ открыто не противорѣчить, но и не соглашаться ни на что. И, какъ оно всегда и бываетъ, могучій нравъ Семена Андреевича оказывается безсильнымъ противъ этой тихой оппозиціи...

— Вы сейчасъ сказали, замѣтилъ я,—что есть на то свои особые причины... и вы, конечно, знаете, какія?

— А, это дѣло темное... Слухи разные ходятъ... Я когда-нибудь вамъ разскажу, а теперь нельзя. Видите, карета подѣхала сейчасъ и вышла оттуда барышня? Это сама Анна Семеновна или, какъ всѣ ее называютъ, Аня... Что, какова? А взгляните-ка на Бориса Павлыча: вѣдь, макова цвѣта краснѣе...

И говоря это, Надеждинъ подмигнулъ въ сторону Вьюгина.

Вышедшая изъ кареты дѣвушка показала мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, особой весьма замѣчательной. Невысокаго роста, совсѣмъ еще худенькая, глѣдывшая почти ребенкомъ, она была въ то же время до того сложена на диво, что и въ поступи ея, и въ движеніяхъ виднѣлось что-то законченное, совсѣмъ несвойственное очень молодымъ дѣвушкамъ. Курчавые черные волосы, остриженные довольно коротко и завивавшіеся за ушами, придавали ей видъ мальчика-подростка. И въ смугломъ ея личикѣ, съ маленькимъ прямымъ носикомъ и необыкновенно алыми губками, тоже было что-то, какъ бы напоминавшее мальчика-цыганенка, что-то шаловливое и въ то же время необузданно страстное. А между тѣмъ, большіе темные глаза, совсѣмъ не блестящіе, а спокойно задумчивые и глубокие, и правильныя дуги густыхъ и гордыхъ бровей говорили о чемъ-то совершенно иномъ, объ умѣ, пріучившемся отчетливо мыслить, и о сознательно установившейся волѣ. „Да“, подумалъ я, взглянувъ на нее, „эта барышня особъ статья и, повидимому, она совсѣмъ въ отца уродилась“.

Примѣтивъ насъ, дѣвушка остановилась на самомъ порогѣ магазина, куда собиралась зайти, и, повернувшись въ нашу сторону, весело кивнула головой. Она стояла на каменной ступени, вся озаренная солнцемъ, бившимъ ей прямо въ лицо и вызывавшимъ золотистыя искорки въ темныхъ кудряхъ ея волосъ. Вьюгинъ и Надеждинъ подошли къ ней и поздоровались. Она поочередно имъ обоимъ протянула свою узенькую, изящную ручку. Я остановился немного поодаль. Краска радостнаго смущенія на лицѣ Вьюгина еще усилилась. А на ея чертахъ играла все та же спокойная улыбка, и большіе ея глаза даже не моргнули отъ яркаго солнечнаго блеска.

— Что, въ собраніе идете? заговорила Аня низкимъ груднымъ контральто, въ которомъ тоже звучало что-то южное, теплое, почти цыганское.

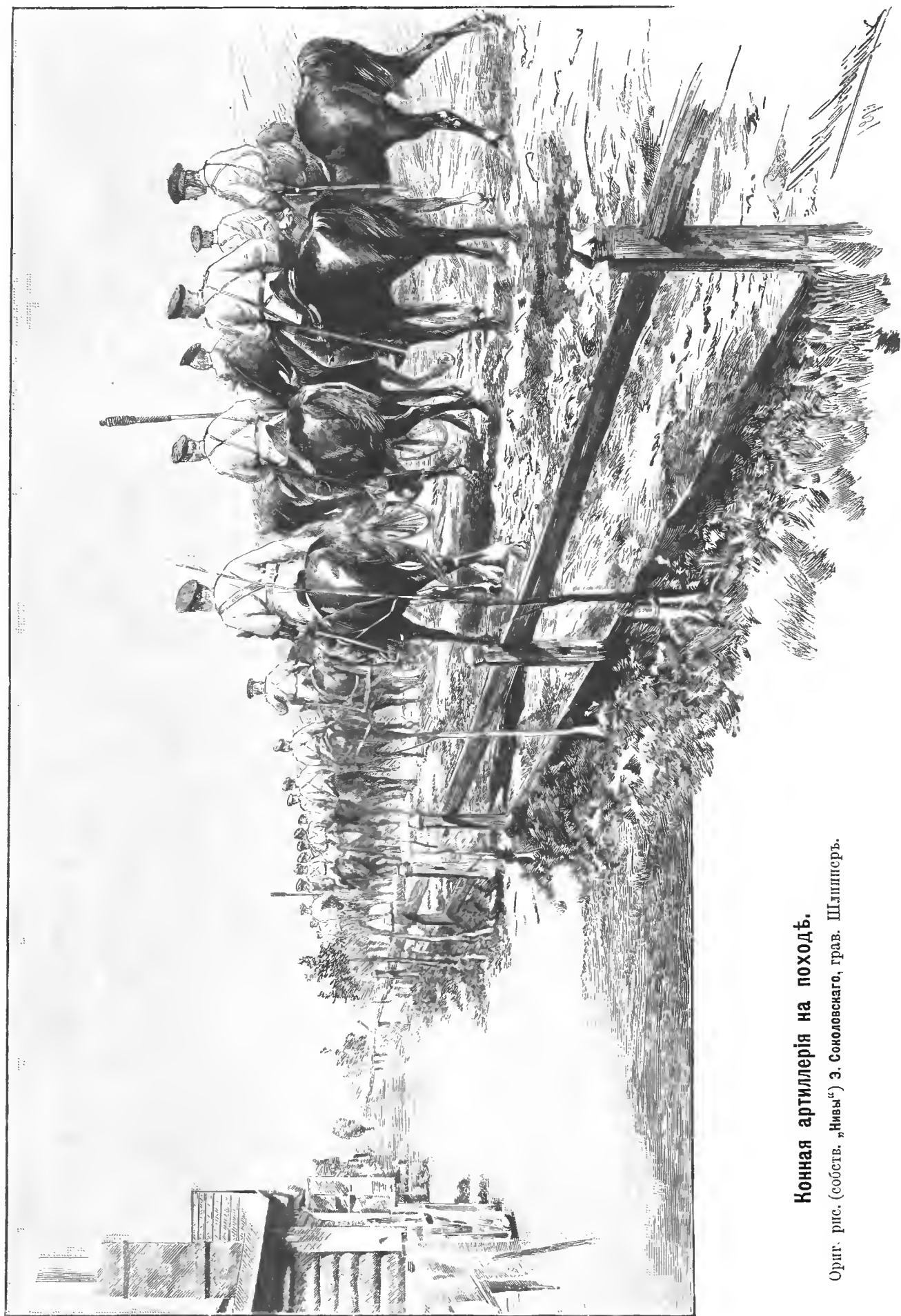
— Конечно, въ собраніе, поспѣшилъ отвѣтить Борисъ Павловичъ. И вы тамъ будете, разумеется?

— Буду черезъ полчаса. Вы знаете, мы только сегодня утромъ прѣхали?..

— Знаю, знаю... И не устали, повидимому, ни сколько?

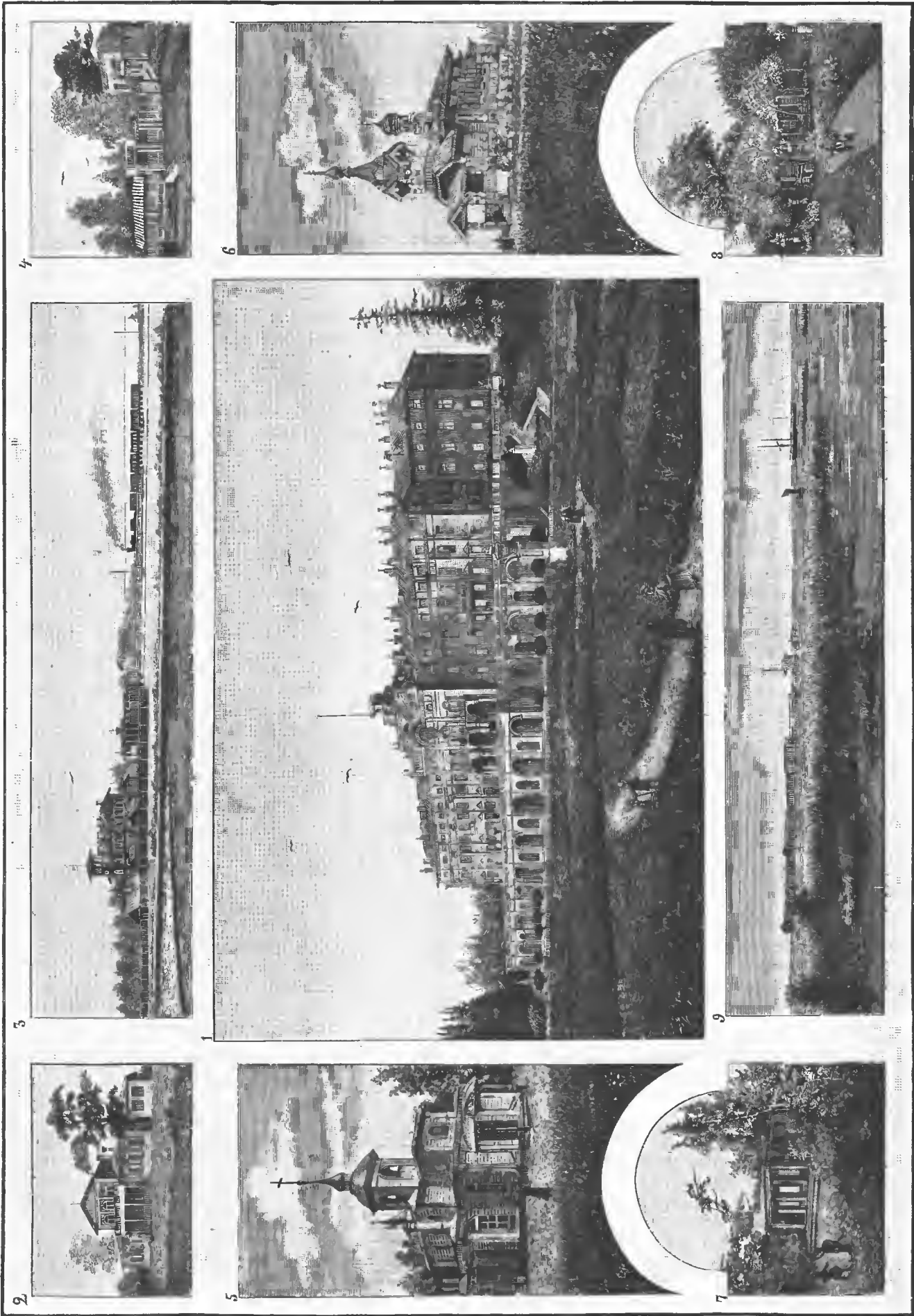
Этимъ совсѣмъ зауряднымъ словамъ Вьюгинъ придавалъ какой-то отбѣнокъ нѣжной заботливости.

— Вотъ еще! разсмѣялась она, но разсмѣялась необыкновенно спокойно.—Во-первыхъ, я ни отъ чего не

Конная артиллерія на походѣ.

Ориг. рис. (собств. „Нивы“) з. Соколовскаго, грав. Шлипперъ.

Виды Стрѣльны. Ориг. рис. (собств. "Нивы") В. Лорисъ-Меликовой, грав. Рашевскій.

1) Великокняжескій дворецъ. 2) Дворецъ Петра Великаго. 3) Желѣзнодорожная станція. 4) Дворцовая купальня въ верхнемъ паркѣ. 5) Спасо-Преображенская придворная церковь, основанная Петромъ Великимъ. 6) Церковь на взморьѣ во имя Успенія Пресв. Богородицы. 7 и 8) Рука и чайный домикъ на пчельникѣ. 9) Часть дамбы и морскія купальни.

устаю, а во-вторыхъ, что за диковинка, какихъ нибудь тридцать верстъ, да еще по такой гладкой дороге. А что, обратилась она вдругъ къ Надеждину, и улыбку на ея лицѣ смѣнило заботливое, сосредоточенное выраженіе, — какъ вчера все это кончилось? Я знаю, была цѣлая партія противъ отца... онъ, кажется, доволенъ. Но, вѣдь, онъ никогда не говоритъ о своихъ дѣлахъ, а по лицу его не узнаешь его настоящихъ мыслей.

— Не безпокойтесь, Анна Семеновна, шутиливо возразилъ Надеждинъ, — все идетъ отлично. Семень Андреевичъ побѣдилъ, какъ всегда.

— Только побѣдилъ? и бровки ея чуть-чуть сдвинулись. — Значитъ, все-таки въ побѣдѣ не были увѣрены. О, я бы на мѣстѣ отца не стерпѣла этого и все бросила бы, все.

И глаза ея, показавшіеся мнѣ такими безмятежными, неожиданно сверкнули при этихъ словахъ.

— Да вы, Анна Семеновна, продолжалъ Надеждинъ, — извѣстное дѣло, особа несговорчивая, своенравная. Въ главы партіи вы бы не годились...

— Не знаю, на что я рожусь, удивительно гордо и холодно возразила она, — но всѣ эти ваши партіи... Она не договорила и только презрительно повела плечами. — А теперь, до свиданья, добавила она. — Я васъ, кажется, задерживаю. Да и у меня, какъ видите, есть дѣло. И опять быстро кивнувъ головкой, она скрылась за дверью магазина.

— Ну, что, правится она вамъ? спросилъ меня Надеждинъ, когда мы опять пошли рядомъ.

— Да, вы были правы, отвѣтилъ я, — это, въ самомъ дѣлѣ, барышня не заурядная...

Вьюгинъ, казавшійся весь погруженный въ какую-то неотвязную думу, поднялъ голову, услышавъ мои слова, и въ глазахъ его я прочелъ что-то очень похожее на негодованіе. Я поспѣлъ коснуться его кумира, и отзывъ мой о немъ оказался ему, должно быть, недостаточно почтительнымъ. Но онъ не сказалъ ничего, и мы уже молча дошли до собранія: въ его присутствіи намъ казалось неудобнымъ продолжать разговоръ объ Аниѣ Семеновнѣ.

VI.

Надеждинъ оказался пророкомъ. Выборы въ управу прошли блистательно. Какъ водится, Семень Андреевичъ сперва отказывался отъ баллотировки, но поднялись такіе всеобщіе, такіе неудержимые крики „просимъ, просимъ“, что онъ не считъ даже нужнымъ долго настаивать на своемъ отказѣ. Торжествующая и чуть-чуть презрительная улыбка мелькнула на мигъ въ его глазахъ, и глаза эти устремились на одинъ изъ промежутокъ между колоннами, гдѣ сидѣли его дочь и жена. Я уловилъ этотъ взглядъ и тоже посмотрѣлъ на Аню. Яркій румянецъ загорѣлся на ея смугломъ лицѣ, и самая восторженная радость, говорившая о страстной привязанности къ отцу, свѣтилась на ея подвижныхъ чертахъ. Зато поразительно равнодушною глядѣла сидѣвшая съ нею рядомъ Любовь Петровна. Странное лицо было у этой женщины. Въ красотѣ ему отказать было нельзя, несмотря на то, что время успѣло его обезцвѣтить. Въ свѣтло-блѣкучихъ волосахъ просвѣчивали уже серебристыя нити, и что-то усталое, что-то неподвижно-холодное было и въ блѣдно-сѣрыхъ глазахъ, и въ такой же блѣдной улыбкѣ губъ, точно застывшихъ на своей недовѣрчиво-иронической улыбкѣ. Но спокойное выраженіе этого лица не говорило о примиреніи съ жизнью, о покорности, какую приносить съ собою опытъ. Нѣтъ, затаенный, безпомощный и потому насмѣшливый протестъ ясно читался на лицѣ этой женщины, и, глядя на нее, можно было догадываться, что скрытый огонь въ пей все еще тлѣлъ, готовый при случаѣ разгорѣться яркимъ пламенемъ.

Пока шла баллотировка Семени Андреевича въ председатели, онъ уступилъ другому свое мѣсто у избирательнаго ящика и, съ видомъ полного равнодушія, подошелъ къ своимъ. Я сидѣлъ недалеко отъ нихъ, но словъ, которыми онъ обмѣнивался съ ними, я разлышать не могъ: гулъ въ залѣ покрывалъ ихъ голоса. Я замѣчалъ только быструю смѣну выраженія на лицѣ Конотопова, когда онъ заговаривалъ то съ женою, то съ дочерью. Что-то явно насмѣшливое, почти даже враждебное показывалось у него, какъ скоро онъ обращался къ первой. Зато, лишь взглядъ его усаживалъ встрѣтиться съ глазами Ани, мигомъ загоралась въ немъ искра нѣжнаго чувства.

Счетъ голосовъ былъ оконченъ. Когда провозглашенъ былъ результатъ — Семень Андреевичъ получилъ семьдесятъ шаровъ противъ восьми, — раздались оглушительныя рукоплесканія. Такой побѣды не ожидалъ никто, и послѣдовательные въ своемъ отступничествѣ вчерашніе враги торжествовали не менѣе шумно, чѣмъ заисные сторонники Конотопова. Вѣроятно, они и взаправду ощущали въ эту минуту искренній взрывъ радостнаго сочувствія.

— А хорони ваши земцы, испугнулъ я подонешнему ко мнѣ Надеждину.

— А, это вамъ въ диковинку? возразилъ онъ съ обычною насмѣшливостью. — Въ измѣнѣ, вѣдь, тоже бываетъ своего рода оныяненіе. Только не совѣтовалъ бы я Семени Андреевичу слишкомъ полагаться на свое большинство.

Конотоповъ ровною и медленною походкой направился къ предсѣдательскому мѣсту и произнесъ нѣсколько словъ, которыя въ такихъ случаяхъ приято называть глубоко-прочувствованными. Онъ поблагодарилъ собраніе за выказанное ему довѣріе, по мнѣ въ его благодарности носышалась иронія.

— А васъ еще не познакомили съ Любовью Петровной и ея дочерью? спросилъ меня Надеждинъ. — Хотите, я васъ представлю?

И Викторъ Александровичъ подвелъ меня къ дамамъ. Не могу похвастаться, чтобы онѣ мнѣ выказали особенную любезность. Любовь Петровна спросила, правда, надолго ли я въ ихъ краяхъ, но въ тонѣ ея вопроса было столько нескрытаго, почти обиднаго равнодушія, что я поспѣшилъ что-то пророботать въ отвѣтъ и обратился къ Аниѣ. Молодая дѣвушка посмотрѣла на меня пристально и сказала, что видѣла меня, кажется, утромъ на улицѣ, но руки мнѣ не протянула. И все-таки, хотя было что-то гордое, почти неприступное въ ея обращеніи, разсердиться за то мнѣ и въ голову не пришло. Не знаю, почему, — съ первой же нашей встрѣчи какая-то невольная симпатія влекла меня къ этой дѣвушкѣ. Я инстинктивно чувствовалъ въ пей неохоту принуждать себя, даже въ мелочахъ, ко всему, походившему на условность и неискренность. И эта черта мнѣ нравилась въ пей. Она до того была занята отцомъ и его побѣдой, что разговоръ со мной ея, очевидно, интересовалъ не могъ. И она обратилась съ какимъ-то вопросомъ къ Надеждину, разговаривавшему съ Любовью Петровной. Онъ намѣренно, должно быть, настаивалъ на всеобщей радости по случаю избранія ея мужа, и мнѣ показалось, что при этомъ у него на губахъ недобрая улыбка. Онъ, какъ будто, хотѣлъ подразнить супругу Конотопова, наслаждавшуюся, повидимому, тѣмъ, что выраженіе ея лица ничуть не вторило его похваламъ Семени Андреевичу. И я обѣщалъ себѣ разспросить Надеждина, когда представится случай, что за отношенія существуютъ между Конотоповымъ и его женой. Я угадывалъ между ними что-то очень похожее на взаимную вражду.

По вотъ къ намъ подошелъ Вьюгинъ, и лицо Ани мгновенно преобразилось. Что-то доброе, счастливое за-свѣтилось на немъ, и она заговорила съ молодымъ че-

ловкомъ о побѣдѣ отца съ такою откровенною живостью, что, очевидно, она и не сомнѣвалась въ его горячемъ сочувствіи. Это было тѣмъ поразительнѣе, что мать ея съ неменьшей откровенностью выказывала ему свое явное нерасположеніе. Я глядѣлъ на Вьюгина почти съ завистью. Мнѣ онъ казался совсѣмъ зауряднымъ малымъ и не заслуживалъ, по-моему, такого счастья.

Надеждинъ, между тѣмъ, что-то отвѣтилъ вполголоса на обращенный къ нему вопросъ Любови Петровны, и супруга Конотонова, за мигъ передъ тѣмъ встрѣтившая меня съ такою холодною, подарила меня вдругъ необыкновенно внимательнымъ взглядомъ своихъ недобрыхъ, загадочныхъ глазъ. Трудно было, въ самомъ дѣлѣ, по этимъ глазамъ догадаться, что за мысли скрывались за ихъ пристальной холодною.

— Я и не подозрѣвала, своимъ ровнымъ, безстрастнымъ голосомъ обратилась она ко мнѣ, — что вы стали нашимъ ближайшимъ сосѣдомъ.

Она упомянула о моемъ покойномъ дядюшкѣ, какъ о человѣкѣ, котораго знала давно и высоко цѣнила — не знаю, право, чѣмъ онъ заслужилъ такую похвалу, — спросила потомъ, намѣренъ ли я поселиться въ своемъ имѣніи.

— Буду наѣзжать, отвѣтилъ я, — только едва ли надолго. А вы живете здѣсь круглый годъ?

Мой вопросъ, должно быть, показался ей нескромнымъ. Первый мигъ, по крайней мѣрѣ, она посмотрѣла на меня съ какимъ-то гордымъ удивленіемъ, но затѣмъ, предложивъ гнѣвъ на милость, она отвѣтила:

— Я давно не бывала въ Петербургѣ... Пора бы Аню вывозить, да она что-то не хочетъ...

Аня разспышала эти слова.

— Мнѣ и здѣсь хорошо, сказала она.

И тотчасъ затѣмъ ея улыбающіеся глаза повернулись въ сторону Вьюгина, точно они говорили ему, что онъ знаетъ не хуже ея, отчего ее не тянетъ въ столицу.

Любовь Петровна, уловившая этотъ взглядъ, тотчасъ поднялась съ мѣста.

— Я думаю, сказала она Надеждину, — интереснаго ничего болѣе не будетъ?

— Смотри по тому, отвѣтилъ тотъ, — интересно-ли вамъ, кто попадетъ въ члены управы.

Она нетерпѣливо повела плечами и, почти строго проговоривъ: „Аня, поѣдемъ“, высокомерно кивнула головой Вьюгину, а съ меня взяла слово, что я непременно у нихъ побываю на этихъ дняхъ.

— Ну, поздравляю, сказалъ мнѣ Надеждинъ, взявъ меня подъ руку. — Вы сразу, кажется, завоевали себѣ благосклонность Любови Петровны.... Погодите, она станетъ васъ, еще чего добраго, прочить въ женихи дочери.

— Меня?... Что за вздоръ! расхохотался я. — Съ какой стати такая милость.

— Да просто оттого, что вы получили наследство. А она, вдобавокъ, только и мечтаетъ, какъ бы отъ Вьюгина отдѣлаться. Я шепнулъ ей, что вы новый владѣлецъ Подлиновки, и вы замѣтили, какъ тотчасъ перемѣнился ея тонъ?

— Полноте, что я за женихъ! Мнѣ тридцать пять стукнуло, у меня давно сѣдипа пробивается. И кстати сказать, очень лестно для меня, что внезапную любезность г-жи Конотоновой вы объясняете полученнымъ мною наследствомъ.

Я хотѣлъ придать своимъ словамъ шутливо-небрежное выраженіе, но, должно-быть, попытка вышла не совсѣмъ удачною, только зоркіе глазки Виктора Александровича прищурились и взглянули на меня недоумчиво.

— Ну, тамъ, лестно оно или нѣтъ, засмѣялся онъ, — но быть вамъ у ножекъ Анны Семеновны. Я даромъ

ничего не пророчу. Кстати, вы замѣтили, что у ней за прелестныя ножки?

— Перестаньте, какъ вамъ не стыдно? отвѣтилъ я почти сердито.

— Вотъ видите! — уже требуете отъ другихъ почти-тѣльного тона по отношенію къ своему будущему предмету. Только предупреждаю васъ, что дѣло будетъ не легкое. Эта дѣвочка... ой, ой! Забрала она себѣ въ голову, что милѣе Вьюгина никого для нея на свѣтѣ нѣтъ, и разубѣдить ее въ этомъ не всякому подь-силу.

— Да чѣмъ же обворожилъ ее нашъ другъ, Борисъ Павловичъ? невольно вырвалось у меня.

Мы давно шли вдвоемъ по улицѣ, гдѣ въ этотъ часъ — вечеръ успѣлъ наступить — не было почти ни души, и разговора нашего не могъ слышать никто.

— Чѣмъ? О, великій знатокъ женскаго сердца! Да развѣ на такой вопросъ отвѣтъ возможенъ?.. Развѣ на любовь девятнадцатилѣтней дѣвочки имѣется другая причина, кромѣ этой самой любви? Впрочемъ, поживете, увидите. А я вамъ отъ души желаю по уши влюбиться въ Аню. За одно поручиться могу: коли забереетъ васъ сія барышня въ свои тоненькія ручки, она ужъ такимъ васъ не выпуститъ изъ нихъ, какимъ вы были до того.

— Нѣтъ, вы мнѣ лучше вотъ что скажите, перебилъ я его, желая придать иной оборотъ нашей бесѣдѣ. — Что за тайна такая въ прошлыхъ отношеніяхъ Любови Петровны къ ея мужу? Что тайна есть, я въ этомъ не сомнѣваюсь...

Надеждинъ лукаво взглянулъ на меня и, промолчавъ немного, отвѣтилъ:

— Сказать вамъ? Впрочемъ, нѣтъ, лучше сами постарайтесь догадаться. Потому что вы, вѣдь, сблизитесь съ ними, я это напередъ знаю, и для васъ самихъ интереснѣе будетъ понемногу разгадывать ихъ семейную жизнь. Только объ одномъ васъ предупреждаю: не нѣрьте слухамъ, какіе будутъ до васъ доходить. Знаютъ про эту исторію всего только трое...

— Въ томъ числѣ вы?... Да?... Ну, такъ расскажите же!..

— Эге, какъ вамъ приспичило! Говорятъ вамъ, — успѣете разузнать. А теперь, батенька, до приятнѣйшаго! Вы, вѣдь, уѣзжать не собираетесь, хотя дѣло ваше улажено уже теперь. Ну, да что толковать, разумѣется не уѣдете.

И Надеждинъ предоставилъ меня собственнымъ размышленіямъ надъ загадочною исторіей Семена Андреевича и его жены.

Надеждинъ и тутъ пророчествовалъ вѣрно. Несмотря на благополучное окончаніе моихъ дѣлъ, я не торопился уѣхать. Правда, я говорилъ себѣ, что исполню только долгъ благодарности передъ Семеномъ Андреевичемъ, пользуясь своимъ избирательнымъ правомъ, чтобы подать за него голосъ на дворянскихъ выборахъ. Но была у меня и другая причина, въ которой я передъ собой не такъ охотно сознавался. Меня сильно интересовала Аня. Странная прелесть этой дѣвушки не то чтобы вскружила мнѣ голову — моя тридцатилѣтняя голова не легко поддавалась дурману женскихъ обольщеній, — а вызвала у меня порывъ любопытства поближе узнать ее, разгадать ея сложную, не сразу уловимую натуру. Да, это было именно только любопытство — иного названія для моего чувства не подыщешь. Никакой тревоги я, вѣдь, не испытывалъ, встрѣчаясь съ нею, и все-таки я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи возобновлять эти встрѣчи какъ можно чаще, всматриваться въ ея темные, загадочные глаза, то вспыхивавшіе страстью, то безмятежно спокойные, и все-таки такъ мало объяснявшіе мнѣ ея внутреннее настроеніе. Удивительное самообладаніе было у этой дѣвушки; такъ и чувствовалось, что стоило ей захотѣть, и она совсѣмъ замкнется въ себя и ни за что

не выдать своего настоящего чувства. А между тем столько причудливо-своевольного, почти необузданного было в ее нрав, так откровенно она выказывала быстро сменявшиеся в ней ощущения, и нетерпеливый гнев, и антипатию, и предающую любовь, что порой она совсем глядела каким-то диким, хоть и красивым звѣрком. И диву я давался, как это свободное дитя природы, очевидно, не сносившее узды, так мастерски умѣло притворяться. Особенно замѣтна была необыкновенная ее сдержанность в обращеніи съ матерью. Въ присутствіи Любви Петровны глаза ее как-то сразу потухали и становились нѣмыми. А между тем и передъ нею — я замѣтилъ это уже въ собраніи, въ первый день нашего знакомства — Аня порой не стѣснялась и, какъ бы желая бросить вызовъ матери, нарочно говорила и дѣлала все ей наперекоръ. Не трудно было догадаться, что Выюгинъ, хоть онъ и не переставалъ бывать у Копотовыхъ, далеко не пользовался расположеніемъ Любви Петровны. И та самая Аня, которая, увидавъ его въ собраніи, такъ недвусмысленно выразила свою радость, дома выказывала ему столько равнодушнаго безучастія, что всякій могъ бы обмануться насчетъ ее чувствъ.

И со мной было то же. Послѣ нашей первой встрѣчи, когда она обошлась со мной такъ нелюбезно, наступила вдругъ нежданная переменѣ. Мы разговорились живо, доверчиво, какъ старинные знакомые. Когда она того хотѣла, въ обращеніи съ была простота необыкновенная, и простота эта такъ и вкрадывалась въ сердце. Я неосторожно поддался этой приманкѣ — и раскаялся очень скоро.

Въ слѣдующій же разъ — видѣлся я съ Копотовыми почти каждый день — Аня будто меня и не примѣчала. Къ чему ей угодно было разыгрывать эту комедію и съ Выюгинымъ, и со мною, я тогда рѣшительно не понималъ. Вѣрнѣе всего это была причуда избалованнаго ребенка, котораго природа надѣлила, правда, сильной волей, но который все-таки пока не знаетъ еще, куда дѣвать и на что направить эту волю. Скрываться и двусмысленничать ей было не зачѣмъ. Я не замѣчалъ, что ее къ чему-нибудь приневоливали-бы. Да и начини Любовь Петровна стѣснять ее свободу, отецъ этого бы не допустилъ. Стоило Анѣ приласкаться къ нему, и неподатливый Семенъ Андреевичъ, привыкшій надъ всеми властвовать, во всемъ уступалъ своей любимицѣ.

(Продолженіе будетъ.)

Литературныя бесѣды.

„Отцы и дѣти“, ром. Тургенева.

Въ тѣ дни, когда въ русскомъ мыслящемъ обществѣ начинала преобладать мысль о необыкновенномъ умственномъ прогрессѣ новаго поколѣнія, вступавшаго въ шестидесятые годы, когда, казалось, мы „созрѣли“ — фраза, осмѣливая Добролюбовымъ; — когда возникъ культъ естественныхъ наукъ и положительныхъ знаній и основаннаго на нихъ общественнаго образованія, — въ русской литературѣ появился тургеневскій романъ „Отцы и дѣти“, изображавшій несовершенство нормальнаго хода нашего „прогресса“. Это былъ громъ, упавшій среди яснаго и тихаго дня. Впечатлѣніе его было необычайно, какъ на общество, такъ и на литературу, — подаркомъ появленіе его вызвало и страстные толки, и еще болѣе страстную полемику въ тогдашней журналистикѣ, въ критической литературѣ.

Нужно сказать, что вліяніе его объясняется не одною новостью сюжета и главнаго героя его, Базарова, но и необыкновенною художественностью. Только въ двухъ своихъ произведеніяхъ Тургеневъ достигъ необыкновенной высоты, обнаружившей во всемъ объемѣ его огромный талантъ, — въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ и въ „Отцахъ и дѣтяхъ“. Последнее произведеніе въ глазахъ современниковъ имѣло то преимущество, что въ немъ сразу обнаружилось два свойства тургеневскаго дарованія: и необыкновенная художественность изображенія, и та чуткость къ теченіямъ въ общественной мысли русской, дозволявшая художнику подмѣчать и ярко изображать не однѣ только установившіяся формы быта и мысли, а только еще нарождавшіяся и не окрѣпшія явленія. Изображалъ явленія новый, не всегда, какъ въ „Рудинѣ“ и, особенно, въ „Наканунѣ“, устанавливая для себя смыслъ ихъ, Тургеневъ могъ становиться тенденціозенъ въ той или другой степени, могъ и колебаться въ объясненіи и изображеніи факта, и это неизбежно отражалось на той внутренней и важнѣйшей художественности, которая одназначна съ соединеннымъ понятіемъ жизненной правды и полноты, всесторонности. Но „Отцы и дѣти“ написаны твердою рукою, безъ малѣйшихъ колебаній, съ очевиднымъ полнымъ высшимъ сознаніемъ; они поражаютъ стройностью фабулы и всѣхъ деталей, полны пластичности и выѣстъ съ тѣмъ глубины психологическаго созерцанія.

Базаровъ — типъ необыкновенно сложный, и въ то же время, въ изображеніи тургеневскомъ — ясный и ясный. Прежде всего, онъ русскій человѣкъ до мозга костей; онъ „ни въ чемъ середины не знаетъ“, говоря словами современнаго Тургеневу поэта, — и потому-то его отрицаніе получаетъ такой острый характеръ. Базаровъ ни передъ чѣмъ не остановится, не будетъ трусливо стремиться примирить привычное старое съ новымъ, разъ ему умъ и совѣсть диктуютъ невозможность компромисса и уступокъ старому возвращенію. Такие характеры и умы свойственны нашей родинѣ преимущественно. Одни изъ известнѣйшихъ публицистовъ русскихъ, долго преклонявшійся передъ Западомъ, но послѣ близко познакомившійся съ бытомъ и съ обычаями, а не теоретическимъ строемъ мысли европейскіхъ народовъ, отмѣтивъ въ нихъ яркую способность и стремленіе къ всяческимъ компромиссамъ и примиреніямъ непримиримаго, невольно воскликнулъ: „Россия никогда не будетъ золотою серединою“. Вотъ эти именно слова примѣнимы къ Базарову.

Русскій человѣкъ онъ и въ другомъ смыслѣ. Онъ не при-

надлежитъ къ той полубезличной средѣ русской интеллигенціи, которая все свое образованіе получила изъ рукъ иностранцевъ-учителей, научилась мыслить по еврпейскимъ теоріямъ, по отвлеченіямъ только отъ живой дѣйствительности, да еще притомъ чуждой, и потому потеряла связь съ родной, не приобрѣвши никакихъ другихъ прочныхъ связей. Базаровъ, напротивъ, человѣкъ русской жизни, выросшій подъ ея непосредственными вліяніями, съ дѣтства узнавшій суровую русскую дѣйствительность со всеми ее мрачными сторонами; въ этомъ смыслѣ онъ сынъ русскаго народа не по происхожденію только.

Эти духовныя русскія свойства героя при извѣстныхъ условіяхъ получили бы иное развитіе и направленіе. Но судьба привела его въ сферы мысли, которыя неизбежно создавали изъ него то, чѣмъ онъ сдѣлался. Въ наукѣ того времени и въ естествознаніи, преимущественно, господствовало крайнее материалистическое направленіе, которое широко волной захватывало и всѣ другія сферы мысли; подъ вліяніемъ ихъ должна была увянуть всякая вѣра въ Базаровѣ, и онъ провелъ свое отрицаніе въ этой области послѣдовательно до конца. Въ общественную жизнь вліянія были не лучше.

Русская народная жизнь, издавна заброшенная интеллигенціей, представляла безпорядочный хаосъ многообразныхъ золь на ея поверхности, а тѣ внутренніе корни ея, на которыхъ могла еще создаваться нравственная жизнь и общественный порядокъ, естественно, были въ глазахъ Базарова простымъ суевѣріемъ; жизнь интеллигентныхъ классовъ, народа не знавшихъ и, по замѣчанію Базарова, толковавшихъ объ искусствѣ и безсознательномъ творчествѣ, вмѣсто практической дѣятельности въ пользу народа, тогда какъ „грубѣйшее суевѣріе насъ душитъ“, — эта жизнь представляла Базарову еще болѣе поле для отрицанія. Въ концѣ концовъ, вокругъ себя онъ не находилъ ничего, на чемъ бы онъ могъ остановиться безъ отрицанія. И опять во всѣхъ смыслахъ онъ довелъ это отрицаніе до конца. Не даромъ онъ, основываясь на личномъ знакомствѣ съ русской жизнью, предлагалъ Павлу Кирсанову найти въ ней хоть одно явленіе русской жизни, которое не вызвало бы безпощаднаго приговора.

Но любопытнѣйшею чертою его мысли и характера, тонко замѣченнаго и отмѣченнаго Тургеневымъ, является то, что его мучаетъ отсутствіе чего бы то ни было, на чемъ бы онъ могъ остановиться съ довѣріемъ. Въ различныхъ мѣстахъ романа невозможно не видѣть, что Базарова гнететъ скрытая тоска. Какъ умъ сильный и послѣдовательный, онъ ясно видитъ всю шаткость и того, что ему дано, какъ нѣчто достовѣрное: онъ мало вѣритъ даже въ свою медицину и во всю ту науку, которая послужила ему исходною точкою для безпощаднаго анализа явленій жизни и мысли. И на нихъ онъ кладетъ печать недовѣрія и отрицанія, и то онъ лихорадочно работаетъ, то совершенно опускаетъ руки. И эта тоска и недовѣріе даже къ своему дѣлу приводятъ его только къ признанію одного въ жизни — матеріальнаго наслажденія. Но эта-то матеріальная жизнь Базарова, какъ настоящую русскую натуру, не можетъ удовлетворить; напрасно онъ говоритъ о ней съ отгнѣкомъ цинизма даже — она внушаетъ ему только одно явное презрѣніе. Недобрую штуку сыграло съ этимъ силь-

Смерть Норвежского короля Зигурда Ринга. По рис. Р. Эдельбюттеля, грав. Пэне.

ным человеком материалистическое направление западной науки, поселив в нем странную раздвоенность и несогласованность душевных элементов. Тургенев чутко угадал это и изобразил с поражающею правдою. Базаров — лицо глубоко трагическое и мало годится в идеалы, какими его хотѣли понимать Писаревъ, и еще меньше в карикатурные образы русского молодого поколѣнія того времени, какъ его хотѣли недомыслию понимать противники Писарева.

Исторія любви Базарова къ Одинцовой служитъ яркимъ комментариемъ къ его характеру. Онъ не признаетъ ничего „романтическаго“, ничего такого, что можетъ быть прямо изслѣдовано и наблюдемо. Онъ смѣется надъ возможностью „загадочнаго взгляда“, разъ его нельзя пайти въ анастомъ глаза; по его мнѣнію — все это „романтизмъ, гиль, художество“. Такъ же онъ смотритъ и на любовь; анастомъ тоже не можетъ ему дать никакихъ признаковъ и основъ „романтической“ любви. И вдругъ эта самая „романтическая“ любовь обнаруживаетъ въ немъ свою власть. Тщетно онъ борется съ фактомъ, онъ долженъ признать, что любитъ „глупо, безумно“. Та же трагическая картина раздвоенности возникаетъ передъ нами; по материалистическимъ воззрѣніямъ онъ не долженъ любить, но натура, натура русская, глубокая, чуждая увлеченіямъ одной чувственности, влечетъ его къ глубокому „романтическому“ чувству, какъ и отсутствие предметовъ для вѣры поселяетъ въ его душѣ глубокую скрытую тоску.

Въ лицѣ Базарова — дѣти; молодого Кирсанова можно и совѣтъ не брать во вниманіе, какъ блѣдное подражаніе герою, скоро къ тому же исчезнувшее, а карикатурная фигура Ситникова и свободомыслящей Кукиной показываютъ только, что „материализмъ“ сына Базарова можетъ стать источникомъ простой распущенности и мелкой развращенности для неумныхъ и пустыхъ. Но что же такое „отцы“? Смыслъ роли, которую они играютъ въ романѣ, совершенно не оправдываетъ той мысли, будто бы Тургеневъ въ спорѣ переменяющихся поколѣній былъ на сторонѣ „отцовъ“. „Старички Кирсановы“, въ томъ видѣ, какъ они изображены

художникомъ, говорятъ плѣтѣ иное. И, главное, — они никакъ не меньше во многихъ отношеніяхъ „отрицатели“, и только чуть-ли не отъ самихъ себя скрываютъ это свойство своихъ представленій о жизни. Они столь же мало вѣруютъ, какъ и Базаровъ, по считаютъ вѣру необходимой для народа, для поддержанія его нравственности. Не много находятъ они и живой дѣятельности въ обществѣ, на которой они остановились бы съ довѣріемъ и знаніемъ, и создаютъ для себя искусственные идеи и идеалы. Это особенно рѣзко сказывается на Павлѣ Кирсановѣ, поставившемъ своею жизненною задачею условную, и даже болѣе вѣшную порядочность, джентльменство, и въ чистѣ погтей видащемъ, т. е. собственно до безсознательности желающемъ видѣть чуть-ли не свое высшее призваніе. И какъ легко уступаетъ онъ Базарову въ спорѣ объ основахъ и учрежденіяхъ русской жизни, очевидно, самъ внутренно сомнѣвающійся, по заглушающій въ себѣ сомнѣнія въ правотѣ своихъ воззрѣній. Даже болѣе мягкій братъ его, не умѣющій управиться съ хозяйствомъ и создающій себѣ не совѣтъ безыскусственный для него интересъ въ игрѣ на виолончели, обнаруживаетъ тѣ же черты. Такія „дѣти“, какъ Базаровъ, только и могли возникнуть на почвѣ такихъ „отцовъ“, и противоположность между ними далеко не такъ велика, какъ это кажется. Тотъ духъ европейскаго материализма, который обуялъ Базарова, далеко имъ не чуждъ, но они не имѣли смѣлости провести его открыто и послѣдовательно до новыхъ конечныхъ выводовъ. Базаровъ является ихъ смѣлымъ разоблаченіемъ. И потому-то, можетъ быть, умный Павелъ Кирсановъ, только не хотѣвшій сознаться самому себѣ въ раздвоенности своей жизни и фальшивости своихъ интересовъ, чувствовалъ, что Базаровъ видитъ ихъ насквозь, — потому-то онъ такъ и не влюбилъ нашего героя. Въ романѣ „Отцы и дѣти“ указывается, такимъ образомъ, не противоположность смѣнявшихся поколѣній, а ихъ внутренняя родственность, послѣдовательная преемственность ихъ общаго духа.

Арсеній Введенскій.

Стихотвореніе Розенгейма Нечволодовой *).

Въ собраніе стихотвореній покойнаго поэта Михаила Павловича Розенгейма не попало одно, очень задушевное, вызванное старинными воспоминаніями его о Кавказѣ. Любопытное само по себѣ, стихотвореніе приобретаетъ особенный интересъ, благодаря замѣчательной женщинѣ, которой оно посвящено и память о которой понынѣ живетъ на Кавказѣ, вмѣстѣ съ разсказами о ея трагической судьбѣ.

Въ двадцатыхъ годахъ, во времена Ермолова, казаки напали разъ на какой-то аулъ горскаго племени Абадзеховъ. Населеніе, т. е., собственно, женщины съ дѣтьми, оставшіяся въ немъ въ тотъ моментъ, бросилось въ ближайшій дѣсъ. Казаки настигли, между прочимъ, какую-то старушку съ маленькою внучкой, убили ее, а дѣвочку увезли съ собою. Сатанпа — имя дѣвочки, одно изъ любимыхъ церковскихъ именъ, часто встрѣчающихся въ эпическихъ сказаніяхъ горъ, — попала въ Вѣлорѣченскую станицу; здѣсь ее окрестили подъ именемъ Катя и поселили въ зажиточной казачьей семьѣ. Дѣвочка оказалась существомъ страстнымъ, гордымъ и безстрашнымъ, имѣющимъ самое преувеличенное понятіе о родномъ своемъ племени, и это заставляло догадываться, что родители ея были „уорки“, т. е., по нашей мѣркѣ — дворяне, отличающіеся высокимъ развитіемъ именно этой сословной и національной гордости и безавѣтнаго мужества. Но ужасы, пережитые ею въ роковой для нея день, такъ странно поразили ея впечатлительную душу, что до конца дней своихъ она не могла слышать равнодушно выстрѣла. Дѣвочка помнила хорошо своихъ родителей и сестру; послѣдняя была даже съ нею и бабушкой во время бѣгства; но что со вѣтми ними сталося, никогда узнало не было, и это обстоятельство тяжелымъ камнемъ всю жизнь лежало на душѣ ея.

Катѣ предстояла обычная, довольно печальная судьба плѣнныхъ черкешенокъ, сели бы не случай. Въ Вѣлорѣченской станицѣ былъ въ то время нѣкто Нечволодовъ, замѣчательный офицеръ еще Суворовскаго похода въ Италію и потомъ Наполеоновскихъ войнъ, по какому-то невыясненному обстоятельству уже второй разъ разжалованный въ рядовые. Какъ разъ къ этому времени, послѣ цѣлаго ряда боевыхъ отличій, онъ въ третій разъ выслужилъ знолеты, и рѣшившись навсегда остаться на Кавказѣ, поступилъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, стоявшій тогда въ Царскихъ Колодцахъ. Жена Нечволодова, урожденная графиня Тышкевичъ, жила въ Петербургѣ, собиравая теперь ѣздить къ мужу, писала ему, что желала бы, проѣздомъ черезъ линію, взять на воспитаніе маленькую черкешенку изъ плѣнныхъ, — собственныхъ дѣтей у нихъ не было. Выборъ Нечволодова палъ на хорошенькую Катю, которую онъ встрѣчалъ на рѣчкѣ; казаки охотно отдали ему ее.

Перспектива имѣть опять „мать“ странно поразила малень-

кую черкешенку; она заочно привязалась къ ней и терпѣливо ждала ея пріѣзда. Когда станичныя дѣти пріѣзжали сообщить ей, что ея новая мама пріѣхала, Катя, не помня себя, бросалась на почтовую станцію, и тамъ, охвативъ руками колѣна Нечволодовой, истерически разрыдалась; дѣвочку едва могли успокоить. Нечволодова была тронута; Катя стала родной въ семьѣ. Вѣдной спротивъ суждено было, однако, осиротѣть вторично. На пути къ мѣту службы Нечволодова, во Владикавказѣ, жена его скоропостижно умерла отъ разрыва сердца. Странно пораженный, Нечволодовъ дѣвочку, однако, не оставилъ, и съ нею пріѣхалъ въ Царскіе Колодцы. Катя сдѣлалась въ полномъ смыслѣ „дочерью полка“. Офицеры баловали ее, а вмѣстѣ съ тѣмъ позаботились и объ образованіи ея. Въ Нижегородскомъ полку тогда было не мало людей просвѣщенныхъ, потому появились въ немъ декабристы, и дѣло пошло на ладъ. Въ числѣ учителей Катя была, между прочимъ, Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ, братъ нашего великаго поэта, и младшій Бестужевъ, братъ извѣстнаго писателя, Маринскаго по псевдониму. Они снабжали ее книгами, и любовь къ чтенію сдѣлалась на всю жизнь господствующей страстью плѣнной черкешенки.

Въ 1830 году Екатерина Григорьевна была уже взрослою дѣвушкою; ей исполнилось 15 лѣтъ, — а южныя женщины зрѣютъ рано. Нечволодовъ, тогда уже полковникъ, былъ привязанъ къ ней страшно, — и она не знала ничего, кто былъ бы ей такъ дорогъ, какъ этотъ пріютившій ее человекъ, отдавшій ей всю вѣжливость, все чувство, на которое способно было его любящее сердце. И какъ ни велика была разница ихъ лѣтъ, они рѣшили не разлучаться и стали мужемъ и женой. Домъ Нечволодова, съ его радушнымъ хозяйствомъ и молодой прелестью хозяйкой, сдѣлался сборнымъ пунктомъ для офицеровъ не только Нижегородскаго полка, а и всего Закавказья. Каждый, кто попадалъ въ Царскіе Колодцы по какому-либо обстоятельству, непременно пытался и радостіе Нечволодовыхъ. Къ нимъ шелъ всякій и съ горемъ, и съ радостью, твердо увѣренный, что встрѣтитъ искреннее участіе.

Такъ прошли годы. Въ сороковыхъ годахъ Нижегородскій полкъ ушелъ въ сѣверныя предгорья Кавказа, но Нечволодовъ вышелъ въ отставку и остался въ Царскихъ Колодцахъ, и домъ его игралъ все ту же роль теплаго пріюта для всякаго, кого судьба забрасывала въ этотъ тогда тревожный уголокъ Грузіи. Умеръ Нечволодовъ, Екатерина Григорьевна состарилась, но роль ея не перемѣнилась. Проживая въ собственной маленькой усадьбѣ, она всегда была рада гостямъ; офицеры Нижегородскаго полка, съ которыми такъ тѣсно связана была судьба ея, оставались для нея всегда близкими родными, офицеры другихъ полковъ — друзьями. И ряды военныхъ поколѣній, проходившіе мимо нея, платили ей искреннѣйшей привязанностью. Понавъ въ Царскіе Колодцы, всякій считалъ долгомъ навѣстить „бабушку“, пока она была жива, и зайти

* Изъ матеріаловъ, собранныхъ для исторіи Нижегородскаго полка.

на ся могилу, когда ея не стало. Въ теченіе долгихъ лѣтъ, въ день полкового праздника нижегородцевъ, ей непремѣнно посылались поздравленія, какъ будто это былъ ея семейный праздникъ. Солдаты тѣхъ полковъ, которые стояли въ Царскихъ Колодцахъ, ее боготворили, и, идя съ ученья мимо ея сада, считали своимъ долгомъ „порадовать бабушку“—трубачи играли Нижегородскій маршъ, въ качествѣ привѣтствія ей, и такъ какъ это дѣлалось въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, то играть этотъ маршъ на пути съ ученья превратилось, наконецъ, въ мѣстный обычай, соблюдавшійся и послѣ смерти „бабушки“. Умерла Нечволодова всего нѣсколько лѣтъ назадъ собою старошкой, именно въ 1887 году.

Вотъ этой-то замѣчательной женщины, привлекавшей къ себѣ всѣхъ и своею трагическою судьбою, и замѣчательно развитымъ умомъ, и необыкновенной добротою и отзывчивостію въ чужое горе и радость, и посвящено стихотвореніе М. П. Розенгейма. Съ ноября 1843 г. по январь 1846 годъ ему довелось служить въ Закавказьѣ, въ 19-й артиллерійской бригадѣ; какъ и всѣ, онъ былъ принятъ и обласканъ Нечволодовыми, и память объ этомъ сохранилъ на всю жизнь. Въ 1883 году онъ послалъ Екатеринѣ Григорьевнѣ экземпляръ изданнаго передъ тѣмъ собранія своихъ стихотвореній, при письмѣ, оригиналъ котораго хранится у дочери покойной Нечволодовой. Въ письмѣ этомъ, между прочимъ, написано и слѣдующее стихотвореніе:

Е. Г. Нечволодовой.

Пословицы—вездѣ плодъ мудрости народной,
Въ нихъ выразились весь народный смыслъ и духъ;
И этотъ духъ, всегда правдивый и свободный,
Гласитъ, что старый другъ надежнѣе новыхъ двухъ.

Вотъ въ этомъ качествѣ—цу, ежелю не друга,
То все-жъ стариннаго знакомаго,—отнять
Рѣшился я у васъ минутой дѣль досуга,
И въ вашей памяти немного приподнять

Бури сѣвернаго полушарія.

Метеорологическимъ управленіемъ Соединенныхъ Штатовъ опубликованы, подъ редакціею ген. Грива (въ отчетѣ управленія за 1891 г.), данныя о буряхъ въ сѣверномъ полушаріи нашей планеты, въ періодъ времени съ 1878 по 1885 г.

Число бурь, которыя удалось наблюдать и записать въ эти восемь лѣтъ, достигаетъ 42.719.

Изъ нихъ приходится:

	Въ Атлантической четверти полушарія.	Въ Тихоокеан- ской.	В С Е Г О.
На январь	3.389	608	3.997
„ февраль	3.055	534	3.589
„ мартъ	3.451	748	4.199
„ апрѣль	2.753	922	3.675
„ май	2.489	851	3.340
„ июнь	2.206	574	2.780
„ июль	2.224	599	2.823
„ августъ	2.324	601	2.925
„ сентябрь	2.675	762	3.437
„ октябрь	3.005	775	3.778
„ ноябрь	3.170	732	3.902
„ декабрь	3.564	710	4.274
Всего	34.305	8.414	42.719

Очевидно, что въ общемъ наименьшее число бурь, 2.780, выпадаетъ на мѣсяцъ лѣтняго солнцестоянія, — июнь, а наибольшее, 4.274, на мѣсяцъ зимняго солнцестоянія, — декабрь. Далѣе, также и на мѣсяцъ весенняго равноденствія приходится большое число ихъ, именно, 4.199, такъ что мартъ лишь немногимъ уступаетъ декабрю. Увеличеніе числа бурь въ мартѣ, а также значительное число ихъ въ слѣдующемъ весеннемъ мѣсяцѣ, апрѣлѣ, вносятъ особую черту въ ходъ нарастанія и уменьшенія бурь въ цѣломъ, ибо хотя послѣ июньскаго относительнаго затишья число бурь постепенно возрастаетъ съ наступленіемъ осени и зимы, достигая наибольшей высоты, какъ указано, въ декабрѣ, а затѣмъ начинается понижаться съ повышеніемъ солнца къ лѣту, но весною (въ мартѣ) происходитъ рѣзкое повышеніе числа ихъ, и лишь послѣ того ходъ дѣлъ получаетъ характеръ постепеннаго движенія къ июньскому затишью. Эта въ высшей степени любопытная картина несомнѣнно даетъ указаніе, что измѣненіе лѣтняго положенія дѣлъ къ зимнему, сопутствующее переходомъ изъ жидкой части воды въ сѣверномъ полушаріи изъ жидкаго состоянія въ твердое, происходитъ постепенно, между тѣмъ какъ въ движеніи отъ зимы къ лѣту, связанномъ съ возвратомъ мерзлой воды къ жидкому состоянію, обнаруживается крутая и рѣзкая волна, въ томъ именно мѣсяцѣ (мартѣ), когда въ большей части сѣвернаго полушарія происходитъ освобожденіе почвы и воды отъ снѣговаго и ледяного покрова.

Указанная волна замѣтна, въ частности, и въ Атлантической четверти полушарія (т. е., между 120° зап. и 60° вост. долг.); и здѣсь также въ мартѣ обнаруживается сильное повышеніе числа бурь, 3.451, послѣ котораго идетъ постепенное уменьшеніе его къ июню,—2.206, смѣняющееся также постепеннымъ увеличеніемъ къ декабрю,—3.564, за которымъ слѣдуетъ еще разъ правильное пониженіе этого числа до указаннаго рѣзкаго подъема въ мартѣ.

* * *
Давно минувшихъ лѣтъ далекая преданья
О, можетъ-быть, давно забытой старинѣ,
И, пробуждая въ васъ о ней воспоминанье,
Напомнить вамъ немного обо мнѣ.

* * *
Все это старая исторія, конечно;
Но я его люблю до сей поры сердечно —
Былое время, то, когда, лихой судьбой
Заброшенный на Югъ, изгнанникъ молодой,

* * *
По дальнемъ Сѣверѣ душою я томился,
Попавъ на Царскіе Колодцы, на Кавказѣ,
Гдѣ въ скоромъ времени навѣрно бы сбѣгнулся
Со злости и тоски, когда-бъ не встрѣтилъ васъ!

* * *
Когда-бъ не встрѣтилъ въ вашемъ домѣ
Радущаго самаго сердечнаго привѣта;
Объ этомъ истинно участливомъ приѣмѣ
Я память берегу отъ конопесныхъ лѣтъ.

* * *
Да, помню я вашъ домъ радущимъ знаменнымъ,
Пріютъ гонимыхъ всѣхъ суровой судьбой,
Для всѣхъ изгнанниковъ привѣтливо открытый,
Съ его прекрасною хозяйкой молодой!

* * *
Съ его хозяйномъ, Суворовскимъ служакой,
Живую хрощку о тѣхъ великихъ дѣлахъ,
Отважнымъ Платова соратникомъ, рубакой,
Покрытымъ ранами въ безчисленныхъ бояхъ.

* * *
Почтенный старина, подобно Цинцинату,
Отъизнѣ отслуживъ, не легъ онъ отдыхать,
А саблю промѣнявъ на заступъ и лопату,
Усердно принялся надъ садомъ хлопотать...

М. Розенгеймъ.

Но въ Тихоокеанской четверти (между 60° вост. и 120° зап. долготы) обнаруживается отступленіе отъ этого гина: наибольшее число бурь здѣсь оказывается въ апрѣлѣ и въ октябрѣ,—въ мѣсяцахъ, слѣдующихъ за мѣсяцами равноденствій, или, иначе, около середины весны и осени. Наименьшее же число бурь приходится на февраль 534, и затѣмъ, послѣ спада, хотя и не рѣзкаго повышенія въ апрѣлѣ (ибо ему предшествуетъ сильное повышеніе въ мартѣ, а за нимъ слѣдуетъ слабое пониженіе въ маѣ), въ июнѣ обнаруживается пониженіе, сближающее ходъ явленій въ Тихоокеанской четверти съ ходомъ явленій въ Атлантической. Причину этого пучно, повидимому, искать въ томъ, что связь океана въ Атлантической четверти съ полярнымъ океаномъ полнѣе, чѣмъ въ Тихоокеанской, гдѣ Великій океанъ соединяется съ Ледовитымъ моремъ посредствомъ воротъ Берингова пролива, такъ что вліяніе годовыхъ измѣненій въ состояніи полярныхъ льдовъ должно прямѣе и шире отражаться именно на Атлантическомъ океанѣ. Въ Тихомъ океанѣ это вліяніе ослабляется тѣмъ, что, во-первыхъ, оно прорывается къ югу прежде всего лишь черезъ узкую форточку пролива Беринга, а во-вторыхъ, тотчасъ же видоизмѣняется подъ дѣйствіемъ строя условій въ Беринговомъ морѣ, который долженъ представлять извѣстную степень устойчивости, ибо Берингово море представляетъ бассейнъ, замкнутый съ юга полуостровомъ Аляскаю и сплошною цѣнью Алеутскихъ острововъ, занимающихъ около $\frac{2}{3}$ всего разстоянія между материками Азіи и Америки. Повидимому, открытая связь съ полярнымъ океаномъ есть важный факторъ въ дѣлѣ образованія бурь, такъ какъ въ болѣе закрытой съ сѣвера Тихоокеанской четверти, даже и все число бурь болѣе, чѣмъ въ четвери, меньше числа бурь въ Атлантической четверти. Въ силу этого, общею чертою для Атлантической и Тихоокеанской половины полушарія остается лишь лѣтній (июньскій) періодъ пониженія числа бурь.

Большой интересъ представляютъ, затѣмъ, данныя о распредѣленіи бурь (42.220) въ различныхъ широтахъ полушарія.

Изъ предѣлахъ сѣверной ши- роты.	Наблюдалось и записано бурь.	Что на 100 бурь составить.
Отъ 0° до 5°	0	0
„ 5° „ 10°	16	0
„ 10° „ 15°	114	0
„ 15° „ 20°	217	1
„ 20° „ 25°	311	1
„ 25° „ 30°	686	2
„ 30° „ 35°	1.663	4
„ 35° „ 40°	3.595	8
„ 40° „ 45°	5.814	14
„ 45° „ 50°	8.557	20
„ 50° „ 55°	6.816	16
„ 55° „ 60°	5.716	14
„ 60° „ 65°	4.304	10
„ 65° „ 70°	3.353	8
„ 70° „ 75°	991	2
„ 75° „ 80°	2	0

Спасены! Съ карт. Морзона, по фот. Брауна, грав. Ушюш

Этими цифрами очерчиваются совершенно отчетливая и типическая картина. Правда, как въ при-экваториальных частях Атлантического океана, так и въ глухих мѣстах Тихаго, несомнѣнно, должны быть поправки въ записяхъ, въ силу чего въ выводы входятъ нѣкоторыя неточности; но ихъ, во всякомъ случаѣ, нельзя считать водяными, ибо число паровыхъ и парусныхъ судовъ на поверхности морей, а также и наблюдательныхъ станцій значительно въ каждую данную минуту, и отъ наблюдений могутъ ускользнуть лишь непродолжительныя и слабыя бури.

Типъ, вытекающій изъ приведенныхъ цифръ, выражается, какъ видно, тѣмъ, что начиная отъ штилевой полосы при экваторѣ, — достигая, въ среднемъ, ширины 5, число буръ постепенно возрастаетъ къ полюсу между 45° и 50° градусами сѣверной широты, гдѣ и проносятся *пять* часть всѣхъ буръ сѣвернаго полушарія. Отсюда, даже къ сѣверу, число ихъ снова понижается съ приближеніемъ къ полюсу, при чемъ, съ одной стороны, пониженіе идетъ нѣсколько круче, чѣмъ нарастаніе отъ экватора до пояса 45°—50° с. ш., а съ другой, слишкомъ малое число буръ, наблюдавшихся между параллелями 75° и 80°, во всякомъ случаѣ, зависитъ скорѣе отъ недостаточности наблюдений въ столь высокихъ широтахъ, чѣмъ представляетъ выраженіе дѣйствительнаго положенія дѣлъ: самая рѣзкая прыжка съ 991 на 2 даетъ указаніе именно въ этомъ направленіи. Въ основаніи намѣченная схема, конечно, отсюда не составляетъ новаго открытія, ибо карта распределенія буръ, не мало послужившая практикѣ мореплаванія въ періодъ преобладанія парусныхъ судовъ, была составлена еще Морн, но новая масса собранныхъ наблюдений тверже устанавливаетъ основныя черты типа и отчетливѣе выясняетъ детали.

Въ виду приводимыхъ фактовъ, казалось-бы, легко сдѣлать практическій выводъ, что наибудобѣйшая полоса для перехода черезъ океанъ, отъ материка Стараго Свѣта къ матеріку Новаго, есть при-экваториальный поясъ, гдѣ всего меньше можно опасаться буръ. По ни въ парусный, ни въ паровой періодъ мореплаванія практикѣ не приходилось серьезно пользоваться удовольствіемъ плаваній по безмятежно колышущемуся океану. Въ парусный періодъ рѣдко волнующееся море около экватора было тою страшною, штилевою полосой, ко-

торую каждый корабль стремился пересѣчь возможно скорѣе и въ самомъ узкомъ мѣстѣ (такъ какъ полоса штилей лишь въ среднемъ можетъ опредѣляться, напр. 5°—15° сѣв. шир. для сѣвернаго полушарія, имѣя въ дѣйствительности различную ширину подъ различными меридіанами и въ разное время года). Иначе ему грозила опасность потери времени. — со всѣми послѣдствіями этого относительно задачъ судна, продовольствія и здоровья команды, а экипажу — тяжелая перспектива утомительнаго бездѣйствія подъ отвѣсными лучами тропическаго солнца. Для паровыхъ судовъ, конечно, это не представляло-бы неудобствъ, но паровой періодъ судоходства засталъ направленіе преобладающихъ морскихъ путей и мѣста важѣйшихъ пунктовъ, между которыми совершается особенно живое сообщеніе черезъ Атлантическій и Тихій океаны, уже опредѣлившимися логикою историческихъ событий. Кратчайшіе пути между Американскими Штатами и Европою, съ одной, и Азіею, съ другой стороны, оказались, приблизительно, между 40° и 50° сѣв., т. е., именно какъ разъ въ полосѣ буръ, а стало быть, для той части человечества, которая должна совершать передвиженія въ указанныхъ направленіяхъ, безповоротливо и на неизвѣстныхъ времена, досталась въ удѣлъ самая тряская дорога черезъ океанъ.

Возможность припоровленія плаваній къ болѣе спокойнымъ временамъ года, какъ легко видѣть, вообще, ограничена, особенно, въ полосѣ буръ, гдѣ число ихъ значительно даже въ юнѣ, — да и, кромѣ того, необходимость постоянныхъ сношеній почти совершенно уничтожаетъ практически значеніе относительно спокойныхъ мѣсяцевъ для мореплаванія.

Поэтому, искусственные пріемы, каковы усиленіе размѣра, прочности и скорости судовъ, совершенство маневрированія, возможность съ достаточною достовѣрностью предвидѣть наступленіе бури, чтобы встрѣтить ее наготовѣ къ борьбѣ, или, если можно, переждать въ безопасныхъ условіяхъ и пр., остаются единственными средствами облегченія условій неизбежно непокойнаго плаванія: — масса буръ, притомъ наибольшая для сѣвернаго полушарія, все-таки будетъ встрѣчать и сопровождать суда, напѣвая имъ пассажирамъ свои буйныя пѣсни и качивая ихъ въ колоссальныхъ колебательхъ, — до разнообразныхъ степеней морской болѣзни. В. А.

Рчерки порубежной жизни.

Очеркъ Морганъ. — (Переводъ съ англійскаго).

I.

Какъ мы ловили убійцу Скрода.

Въ то бывшее время, когда я еще процвѣталъ въ Зенитъ-Сити, какъ издатель-редакторъ „Трубы“ — одной изъ мѣстныхъ газетъ, тамъ безчинствовалъ нѣкій Скродъ. Этотъ Скродъ теперь отошелъ въ лучшій міръ, и я могу уже смѣло сказать о немъ всю правду: Скродъ былъ не джентльменъ, — совсѣмъ не джентльменъ. Какъ вѣтеръ прерилъ, онъ не зналъ границъ и позволялъ себѣ самыя невозможныя выходки противъ своихъ согражданъ.

Ему долго сходило это съ рукъ, наконецъ, однако, онъ перешелъ всѣ предѣлы. Практикуясь, какъ-то вечеромъ, по своему обыкновению, въ стрѣльбѣ изъ револьвера на улицахъ города, онъ нечаянно всадилъ пулю въ лобъ китайцу Спинг-Еку. Чувствуя, что на этотъ разъ онъ зашелъ дальнѣе, чѣмъ слѣдовало, мистеръ Скродъ внезапно исчезъ изъ города.

Строго говоря, это убійство китайца, которое при нѣсколькихъ обстоятельствахъ проило-бы сравнительно безвѣстно, само по себѣ не могло поднять негодованія жителей Зенитъ-Сити. Но явившись послѣ цѣлаго ряда безчинствъ и преступленій, оно оказалось тою каплею, которая переполнила чашу. Весь городъ поднялся на ноги. „Охранительный комитетъ“ купилъ новую веревку для предстоящей казни и предложилъ 15 долларовъ вознагражденія тому, кто доставитъ ему Скрода, — живого или мертваго, но предпочтительнѣе, однако, — мертваго.

Вѣсть объ этомъ скоро распространилась по округу, и къ вечеру слѣдующаго дня въ редакцію моей газеты явился Кнодъ Кнодсонъ — переселенецъ изъ Швеціи — и таинственно сообщилъ, что, по всей очевидности, Скродъ скрывается на фермѣ одного своего пріятеля, жившаго неподалеку отъ Скалистыхъ горъ. Не медля ни минуты, я посѣщивъ къ фотографу Даббсу, въ сотрудничествѣ съ которымъ я не разъ зарабатывалъ, при посредствѣ газеты, хорошія деньги: я въ такихъ случаяхъ предоставлялъ литературный матеріалъ, а онъ — фотографическіе снимки, иллюстрирующіе описываемыя мною событія.

Мы сейчасъ-же рѣшили взяться за поимку мистера Скрода, и на слѣдующее же утро, на разсвѣтѣ, тронулись въ путь. Кнодъ Кнодсонъ вооружился стариннымъ, изукрашеннымъ мѣдными бляхами, широкоствольнымъ мушкетомъ, изъ котораго его дѣдушка стрѣлялъ когда-то въ Швеціи дикихъ гусей и пингвиновъ; Даббсъ — своею камерою и револьверомъ; я — записною книжкою и тоже револьверомъ. Кромѣ этого, Кнодъ несъ на плечѣ длинную веревку.

Нашъ планъ, при всѣй своей простотѣ, былъ замѣчательный. Мы должны были поимать убійцу и связать его по рукамъ и по

ногамъ; затѣмъ я долженъ былъ его интервюировать, а Даббсъ фотографировать. Я долженъ былъ не только дать въ своей газетѣ потирающій отчетъ о его поимкѣ, но и съ нѣкоторою отчаянною борьбою, но и добыть отъ него исповѣдь, которая-бы ярко рисовала жизнь и нравственныя понятія этого печальнаго ада. Даббсъ долженъ былъ снять цѣлый рядъ портретовъ злодѣя во всѣхъ позахъ и видахъ, — не исключая самаго момента его плѣненія.

Мы надѣялись, что эта операція принесетъ намъ не меньше 50 долларовъ. Что касается до 15 долларовъ, обѣщанныхъ „Охранительнымъ комитетомъ“ за поимку Скрода, — ихъ рѣшено было уступить Кноду. Теперь, такимъ образомъ, оставалось только привести нашъ планъ въ исполненіе, что мы, конечно, и сдѣлали-бы, если-бы намъ не разстроилъ всего Скродъ, который, какъ я уже сказалъ выше, оказался совсѣмъ не джентльменомъ.

Онъ захватилъ насъ совершенно врасплохъ, когда мы мирно завтракали въ укомной лодчѣ, безмятежно считая наши будущіе барыши. Кнодъ никакъ не могъ рѣшиться, купить-ли ему за его 15 долларовъ страховую полицію или мѣсто на кладбищѣ; Даббсъ хотѣлъ выписать для своей фотографіи кое-какіе новые приборы; я же предполагалъ купить на свои 25 долларовъ шелковую шляпу и новую пару платя.

И вотъ, въ самый интересный моментъ нашей оживленной бесѣды, прямо надъ нашими головами появился на гребнѣ утеса самъ Скродъ, верхомъ на тощемъ пони. Въ обѣихъ рукахъ его было по револьверу, обращенному дуломъ въ нашу сторону. Онъ, казалось, былъ прекрасно знакомъ съ цѣлью нашего путешествія. Сойдя со своего пони — не отводя револьверовъ, — онъ преспокойно сѣлъ нашъ завтракъ, взявъ изъ нашихъ кармановъ все, что намѣлъ, и — въ довершеніе униженія — потренилъ каждого изъ насъ за носъ.

Затѣмъ онъ погналъ насъ куда-то по преріи, все время попусая насъ самымъ обиднымъ образомъ; наконецъ, онъ остановился; привязавъ насъ Кнодовому веревкою къ телеграфной проволоцѣ; и затѣмъ громко прочелъ направленную противъ него громовую статью, авторомъ которой былъ я. Онъ, казалось, былъ очень обиженъ тѣмъ, что „Охранительный комитетъ“ назначилъ за его поимку такое мизерное вознагражденіе.

Затѣмъ онъ снялъ съ насъ фотографію при посредствѣ Даббсовой камеры, и, наконецъ — это было самое ужасное — вынулъ изъ-подъ своего сѣдла длинный бычачій клубъ. Первая очередь была моя. Скродъ откинулъ меня отъ проволоки, и... я получилъ, наконецъ, свободу... Но она далась мнѣ не сразу: на протяженіи, по крайней мѣрѣ, $\frac{3}{4}$ мили Скродъ безжалостно подгонялъ меня своимъ клубомъ, въ которомъ я — убѣжденъ въ

этомъ — была вполтена желѣзная проволока... Между тѣмъ Даббсъ долженъ былъ снимать эту унижительную сцену...

Когда я, наконецъ, скрылся вдали, покинутый моимъ мучителемъ, онъ продолжалъ ту же операцію надъ Клодомъ; Даббсъ опять принужденъ былъ фотографировать. Послѣ этого Скродъ кинулся на Даббса и сломалъ на его спинѣ его аппаратъ. Вдосталь надругавшись, онъ отпустилъ, наконецъ, и свою послѣднюю жертву, не позабывъ, однако, дать ей послѣддокъ въскозь ударовъ кнута.

Пока мы сидѣли подъ городомъ въ лѣсу, выжидая ночи, чтобы незаметными вернуться домой, мы поклялись никому не рассказывать о нашихъ злоключеніяхъ. Но Скродъ былъ такъ безстыденъ, что не удовлетворился своимъ торжествомъ возлѣ Скалистыхъ горъ. Онъ послалъ самый комичный отчетъ о послѣднемъ актѣ нашей безвременной экспедиціи моему злѣйшему врагу — издателя „Свѣточа“, который, конечно, не преминулъ опубликовать его со всеми подробностями и даже со своими собственными добавленіями.

Скроду показалось мало и этого, и онъ отослалъ снятые Даббсомъ подъ дуломъ револьвера негативы фотографу сосѣдняго поселенія, который отпечаталъ ихъ и выставилъ на продажу въ нашемъ городѣ. Можно представить, какъ бойко шла ихъ продажа!

Черезъ 6 мѣсяцевъ наступила пора выборовъ въ мэры города. Я былъ давно уже кандидатомъ, и мой выборъ казался обезпеченнымъ. Несомнѣнно, я былъ бы выбранъ, но какъ разъ въ самый критическій моментъ мой соперникъ-издатель пустилъ въ обращеніе сотни фотографій, изображавшихъ меня въ тотъ моментъ, когда я бѣжалъ по преріи, преслѣдуемый весело смѣющимся человѣкомъ съ длиннымъ кнутомъ въ рукѣ. Понятно, что я былъ единогласно проваленъ.

Но, по крайней мѣрѣ, Скродъ не могъ болѣе наслаждаться моимъ пораженіемъ. Не болѣе чѣмъ черезъ недѣлю послѣ нашей экспедиціи онъ-таки попалъ на приготовленную для него веревку. Теперь, когда его болѣе нѣтъ въ живыхъ, не будетъ клеветы, если я скажу, что онъ — не былъ джентльменъ.

II.

Порубежное правосудіе.

Порубежное правосудіе не безъ основанія можетъ быть уподоблено животному, именуемому Кенгуру: никогда нельзя сказать насчетъ его вѣсноты, — куда и какъ далеко оно прыгаетъ. На это размысленіе меня навело воспоминанье объ одномъ событіи, извѣстномъ мѣсто въ нашемъ Зенитъ-Сити, — гдѣ, какъ извѣстно, я издавалъ свою газету „Труба“.

Пікто Алкали Айкъ, на котораго спиртные напитки производили, обыкновенно, самое нежелательное дѣйствіе, застрѣлилъ на улицѣ среди бѣла дня піктого Бозанко, — человѣка въ нашемъ городѣ совершенно новаго. Преступленіе было совершено въ присутствіи цѣлой толпы уважаемыхъ гражданъ, вопліи достойныхъ довѣрія, въ качествѣ свидѣтелей.

При этомъ было вполне удостовѣрено, что Бозанко не поддалъ ни малѣйшаго повода къ ссорѣ. Айкъ просто выбѣжалъ изъ-за угла улицы и выстрѣлилъ изъ своего револьвера, положивъ Бозанко на мѣстѣ.

Айкъ былъ, конечно, арестованъ и въ свое время преданъ суду. Для него, очевидно, не было никакого спасенія. Въ дѣлѣ не было и тѣни показанія, которое свидѣтельствовало-бы о провокаціи, объ эмоциональномъ помѣшательствѣ, объ аффектѣ, или иномъ какомъ смягчающемъ обстоятельстве. Было весьма интересно, что скажетъ защитникъ въ пользу подсудимаго. Но вдругъ онъ совершенно неожиданно для всѣхъ основалъ свою защиту на почвѣ „убійства намѣреннаго и законнаго“. Онъ ясно доказалъ, что Айкъ ничего ровню не имѣлъ и не могъ имѣть противъ Бозанко, но зато имѣлъ много, и очень много, противъ піктого „Гона“ Водкинса, названнаго такъ потому, что онъ какъ-то странно прыгалъ при ходьбѣ, — что, въ свою очередь, объяснялось тѣмъ обстоятельствомъ, что одна нога у него была на 18 дюймовъ короче другой.

И дѣйствительно, по тщательномъ изслѣдованіи было установлено, что въ тотъ именно моментъ, когда Айкъ выскочилъ изъ-за угла и, увидѣвъ передъ собою своего злѣйшаго врага Гона Водкинса, выстрѣлилъ въ него изъ револьвера, Гонтъ сдѣлалъ послѣдній шагъ, благодаря чему его голова вдругъ опустилась на 18 дюймовъ, — „какое обстоятельство и позволило ему пройти не черезъ твердый черепъ, а черезъ атмосферу, и въ своемъ дальнѣйшемъ движеніи встрѣтить голову подвернувшася Бозанко и пробить ее“.

На этомъ основаніи защитникъ утверждалъ, что убійство Бозанко было чистою случайностью, отвѣтственность за которую падала не на Айку, а на... Гона.

„Господа присяжные, — сказалъ онъ, обращаясь къ жюри, — Алкали Айкъ не имѣлъ ничего противъ Бозанко. Пѣтъ ни одного свидѣтельства, которое указывало-бы на то, что Бозанко когда-нибудь чѣмъ-нибудь обидѣлъ моего кліента. Мой кліентъ стрѣлялъ не въ него; это очевидно. Онъ стрѣлялъ въ Гона Водкинса, несвоевременное отклоненіе головы коего отъ линіи движенія пули причинило смерть Бозанко.“

„Человѣкъ, который сознательно и коварно наноситъ палкою ударъ другому, наказуется — и наказуется справедливо — за побой, имѣ причиненные. Но если вашъ цвинный ребенокъ, играя въ верхнемъ этажѣ, выпадаетъ печально изъ окна и, упавъ на кого-нибудь, проходящаго внизу, разобьетъ ему носъ или еще что-нибудь, — неужели же у васъ подилася-бы рука наказать ребенка?.. Зло, причиненное намѣренно, есть преступленіе; ненамѣренное же зло есть только несчастная случайность, которую можно оплакивать, но не наказывать. Алкали Айкъ не имѣлъ намѣренія причинить зло Бозанко. Онъ даже не зналъ, что какой-то Бозанко существуетъ на свѣтѣ. И такъ, кого же надо винить въ этомъ дѣлѣ? Я, не колеблясь, утверждаю, что винить надо Гона Водкинса, и одного Водкинса...“

„Несомнѣнно, что человѣкъ имѣетъ право жить и вести себя, какъ хочетъ, пока его поведеніе не оказывается прямо или косвенно зловернымъ для его окружающихъ. Человѣкъ можетъ имѣть какую ему угодно походку, но разъ эта походка оказывается постоянно угрозою для его согражданъ, онъ долженъ замѣнить ее, или совершенно перестать выходить на улицу, если измѣнить ее онъ почему-нибудь не въ состояніи. Если же онъ упорствуетъ, — вся вина за возмозжныя отсюда послѣдствія должна пасть исключительно на него. Гонтъ Водкинсъ никогда, насколько я знаю, не считался пдіотомъ. Напротивъ, я пдѣюсь доказать вамъ неоспоримо, что онъ не только не пдіотъ, а самый отчаянный, коварный и хитрый человѣкъ, — я-бы долженъ былъ сказать — демонъ... У него есть въ нашемъ городѣ много враговъ, кромѣ Айку, — враговъ неумолимыхъ и ожесточенныхъ. Каково же было всегда его поведеніе по отношенію къ нимъ? Былъ-ли въ этомъ поведеніи элементъ героическаго вызова? Пѣтъ! Его поведеніе — олицетворенная засада. Да, засада! и, мало этого — вѣчная угроза для всѣхъ насъ...“

„Кто изъ насъ, въ самомъ дѣлѣ, можетъ поручиться, что онъ не падетъ завтра такою же случайною жертвою малой пули, какою палъ Бозанко, — и, оиать-таки, какъ несчастный Бозанко, изъ-за внезапнаго прыганья Гоновой головы въ моментъ выстрѣла какого-нибудь изъ его многочисленныхъ враговъ? И Гонтъ знаетъ это лучше насъ всѣхъ! Онъ прекрасно знаетъ, что онъ держитъ въ своей власти м о очисленныхъ жизни своихъ согражданъ, знаетъ, и все-таки упорно продолжаетъ ходить по улицамъ нашего города своею измѣничивою, коварною, убійственною и преступною походкою!.. Господа присяжные, не Айкъ, а Гонтъ Водкинсъ — убійца несчастнаго Бозанко. Противъ Гона я требую вашего правосудія!..“

Аргументація защитника (это былъ извѣстный впоследствии майоръ Шарпъ) была такъ очевидно правильна, что Айкъ былъ тутъ же торжественно оправданъ, а Гонтъ Водкинсъ едва успѣлъ набѣгнуть вѣсплнцы.

Былая весна.

Стихотвореніе К. Медвѣдскаго.

Перекликался, соловьи
Отвѣта ласковаго просить
И пѣгу томную любви
Въ весеннемъ воздухѣ разносить.

Еще свѣжа душа моя,
Еще сдержатъ волненіе трудно,
И сердцемъ рвусь навстрѣчу чудной,
Влюбленной пѣсни соловья!

Чѣмъ жизнь разумнѣй и скучнѣе,
Чѣмъ меньше остается грезъ,
Тѣмъ слаще робкій шумъ березъ
И полумракъ нѣмой аллен.

Иду — куда ни заведетъ:
Къ рѣкѣ, къ поросшему обрыву
Иль на воздѣланную пиву,
Гдѣ зеленѣетъ ранній всходъ.

Какимъ волшебнымъ обаяньемъ
Весна надъ сердцемъ пронеслась,
Какимъ огнемъ, какимъ желаньемъ
Она въ душѣ отзывалась!

Раскрылось сердце для надежды,
Тоска и страхъ у тишины.
И ночью золотые сны
Мнѣ ласково смыкаютъ вѣжды...

Къ рисункамъ.

Возвращение въ лагерь послѣ стрѣльбы и конная артиллерія на походѣ. (Рис. на стр. 597 и 600).

Si vis pacem — para bellum — „если хочешь мира — готовься къ войнѣ“, говоритъ мудрая латинская пословица, и пословица эта сама просится на языкъ, когда приходится говорить о современныхъ вооруженіяхъ. Сколько денегъ, сколько тратъ поглощаютъ они, эти вооруженія! На первый взглядъ кажется, и этого взгляда держатся многіе, что траты эти отягощаютъ казну и по своей непроизводительности не могутъ искупить дѣлаемыхъ для нихъ жертвъ. Но такъ ли это? Дѣло въ томъ, что расходы, которые ложатся на страну во время войны, несравненно значительнѣе дѣлаго ряда вмѣстѣ взятыхъ за нѣсколько лѣтъ ежегодныхъ тратъ на усиленіе военныхъ силъ. Теперь — если эти ежегодныя постепенныя траты могутъ отодвинуть, заставить отложить, устрашая сосѣдей, объявленіе войны съ ея немедленными огромными расходами, то цѣль и выгода будетъ достигнута. Лучше ежегодно тратить сравнительно немного, постоянно готовясь къ войнѣ, чѣмъ, съ экономивъ эти ежегодныя траты — быть вынужденнымъ вдругъ сразу ввалить себѣ на плечи матеріальныя тягости этой войны. Но расходы, несомнѣе страшною на армію, имѣютъ безусловное значеніе не только въ смыслѣ приготовленій къ войнѣ, но и въ смыслѣ чисто-мирныхъ культурныхъ цѣлей. Какъ ни странно это, какъ ни кажется оно парадоксомъ, но на самомъ дѣлѣ оно такъ. Армія, въ особенности, съ современной системой призыва для исполненія воинской повинности, служитъ лучшей школою для народной массы, школою, какъ въ отношеніи образованія, такъ и воспитанія. Молодой новобранецъ, уйдя изъ деревни, что называется, совсѣмъ „сѣрымъ“, отбывъ воинскую повинность, возвращается домой грамотнымъ, дисциплинированнымъ, привыкшимъ къ строгому порядку, словомъ — нерасовитаннымъ, и уроки этого воспитанія будутъ пригодны ему на всю жизнь. Возраженіе, — что солдаты отыкаютъ отъ своего крестьянскаго дѣла, несправедливо, потому что изъ практики извѣстно, что подобныя факты составляютъ исключеніе и, во всякомъ случаѣ, искупаются обратнымъ явленіемъ, т. е. очень часто встрѣчающимся примѣрами исправленія прежде порочныхъ людей помощью военной дисциплины. Служба и рядомъ приходится встрѣчаться въ деревняхъ съ очень отпаднымъ явленіемъ, — импровизированными школами, открываемыми солдатами, которые прекрасно ведутъ свое дѣло. Уже это одно составляетъ многое. Можно ли говорить послѣ этого о непроизводительности расходовъ на потребности арміи?

Объ этой пользѣ, приносимой арміей странѣ, можно разсуждать, дойти до нея умозаключеніемъ, но у насъ есть еще involuntary сердечныя симпатіи, которыя пробуждаются каждый разъ при видѣ строя бравыхъ молодцовъ, составляющихъ пану силу и готовыхъ пожертвовать жизнью за защиту родины. Мы involuntary любимъ имъ и всегда съ удовольствіемъ встрѣчаемся со сценой изъ военной жизни — будь то хоть на картинкахъ, два образчика которыхъ мы даемъ на стр. 597 и 600.

Виды Стрѣльны. (Рис. на стр. 601).

На 19-й верстѣ отъ Петергофской дороги, на рѣкѣ „Стрѣлка“ стоитъ на берегу Финскаго залива загородный дворецъ „Стрѣлка“. Петръ Великій здѣсь предполагалъ устроить фонтаны на подобіе версальскихъ, построить палаты и основать лѣтнюю свою резиденцію. Но фельдмаршалъ Минихъ представилъ Петру болѣе удобную для этого мѣстность — гдѣ теперь лежитъ Петергофъ. Тогда планъ относительно Стрѣльны былъ оставленъ, и государь приказалъ выстроить тутъ пару „пабъ“ для пріѣзда, птичій и скотный дворъ и „ежели возможно, то хотя маленькую сажалку для рыбы“. Это было въ 1711 году.

Но въ 1721 году Берггольцъ видѣлъ эту дачную резиденцію Петра, и вотъ какъ онъ ее описываетъ:

„На мысѣ Стрѣльнѣ находится большою, еще строящейся дворецъ, стоитъ очень высоко и на прекрасномъ мѣстѣ; противъ фасада дома протекаетъ рѣка, а передъ нею расположена чудная рошча. Три террасы необыкновенной длины, спускающіяся уступами съ горы въ садъ, уже готовы и снабжены надлежащими трубами для фонтановъ, которые будутъ бить тамъ со всѣхъ концовъ, что царю, какъ я слышалъ, уже теперь стоило значительныхъ суммъ. На серединѣ верхней террасы, которая, какъ и обѣ другія, длиною во всю ширину сада, заложены уже фундаментъ обширнаго дворца, который, говорятъ, будетъ лучше версальскаго дворца, полная модель котораго, сдѣланная изъ дерева, стоитъ въ царскомъ саду. Отъ главнаго корпуса зданія, черезъ всѣ террасы спускается въ садъ большою широкію каскадъ, со сводомъ внутри, изъ котораго выйдетъ нѣчто въ родъ грота.“

Охлаждая къ Стрѣльнѣ и занявшись постройкою Петергофа, Петръ подарилъ се своей дочери, великой княгинѣ Аннѣ Петровнѣ, въ 1722 году.

„Преданіе гласитъ“, говоритъ М. Пыляевъ („Заб. прошл. окрестн. Петербурга“), что будто Петръ I, послѣ бракосочетанія своего, въ 1707 году, въ маленькой екатерингофской

церкви, повелѣлъ церковь эту перенести въ Стрѣльну. Изъ этой церкви теперь устроенъ придѣлъ въ пылѣншемъ стрѣльнинскомъ храмѣ, находящейся на правой сторонѣ, при входѣ въ него. Царскія врата и многія иконы и сосуды по сейчасъ здѣсь сохраняются отъ того времени. По преданію, самъ Петръ участвовалъ при рубкѣ стрѣльнинской церкви. По другому разсказу, она была прежде нѣмецкою киркой и по приказанію Петра обращена въ православную церковь. Она была выстроена изъ сосноваго лѣса и была окрашена безъ обшивки; въ 1708 г., какъ значится на старомъ антимисѣ, освящена Варлаамомъ, митрополитомъ кievскимъ и галицкимъ.

„Церковь посвящена Преображенію, съ придѣломъ во имя Св. Николая Чудотворца. Есть преданіе, что, спустя нѣсколько времени послѣ постройки главнаго корпуса, пристроены съ боковъ двѣ большія четвероугольныя цнпц, въ видахъ расширенія церкви, а по бокамъ алтаря — компатки для ризницы, для камина и понамарской; въ послѣдней устроены входъ прямо въ алтарь. До 1837 года храмъ былъ крайне запущенъ. Въ 1855 году пострѣдовали въ немъ капитальныя передѣлки.“

Въ четырехъ стахъ сажняхъ отъ каменнаго дворца Петръ построилъ для себя лично небольшой деревянный домикъ, въ длину 16, въ ширину 6 и въ вышину 2 сажени. Въ немъ были 2 залы и 8 комнатъ съ свѣтскою; здѣсь помѣщался постель и шкафъ орѣховаго дерева, съ старинными голландскими чашками. Есть извѣстіе, что на мѣстѣ этого дворца была старая шведская мыза съ садомъ. Тутъ, недалеко отъ оранжерей, находится огромная липа, подъ которою Петръ часто сидѣлъ. Невдалекѣ отъ этой липы былъ заведенъ государемъ пчельникъ и устроены огородъ съ медоносными растениями.

При императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ стрѣльнинскій дворецъ сгорѣлъ, а при Екатеринѣ II мѣстность эта почти пришла въ запустѣніе. Въ 1797 г. императоръ Павелъ подарилъ Стрѣльну великому князю Константину Павловичу, который поручилъ привести ее въ порядокъ г. Энгельману. По каменному дворцу опять сгорѣлъ въ 1803 году и былъ возобновленъ архитекторомъ Воронихинымъ, а затѣмъ Руссо, по плану Петра I. Въ послѣдствіи Стрѣльна была подарена императоромъ Николаемъ I великому князю Константину Николаевичу, супругу котораго, Александра Іосифовна, и превратила Стрѣльну изъ урюмаго замка въ прелестный загородный дворецъ.

Въ настоящее время Стрѣльна одно изъ любимыхъ дачныхъ мѣстъ петербуржцевъ, о красотѣ и живописности котораго можно судить по видамъ, помѣщеннымъ на стр. 601.

Кончина короля Ринга. (Рис. на стр. 605).

Устные преданія глубокой старины въ петербургскихъ полны небывалаго и чудеснаго, гдѣ были смѣшаны небывалыя и правда сплетена съ вымысломъ. Таковы многіе у древнихъ грековъ, былины у насъ, саги у норвежцевъ и псаландцевъ. Въ одной изъ нихъ разсказывается про могучаго короля Зигурда Ринга, побѣдителя въ кровопролитномъ бравальскомъ сраженіи, въ 730 году по Р. Хр., который, на старости лѣтъ, влюбился въ прекрасную дочь короля Альфа, прозванную за свою красоту Альфовымъ солнцемъ.

Старый Альфъ долженъ былъ уступить домогательствамъ Ринга, но сыновья Альфа воспротивились браку „зимы съ весною“. Оскорбленный властитель пошелъ тогда на нихъ войною и, вторгнувшись въ Альфово царство, побѣдилъ его храбрый народъ и убилъ сыновей короля. Съ огнемъ и мечемъ проникъ онъ въ царскій дворецъ, чтобы силою увести оттуда свою возлюбленную. Но братья ея, предчувствуя пораженіе, отравили ее. Въ отчаяніи Рингъ велѣлъ съ большими почестями перенести тѣло красавицы на свой корабль, распустилъ на немъ паруса и поджегъ его, а людямъ удалиться на берегъ, и когда Рингъ съ тѣломъ невесты былъ въ открытомъ морѣ, онъ умертвилъ себя у трупъ „Альфова солнца“. Эта драматическая сцена изображена на стр. 605.

Спасены. (Рис. на стр. 608 и 609).

Корабль разбитъ. Изъ обломковъ его кое-какъ сколочены плотъ, и на немъ наши себѣ пристанище три человѣка изъ экипажа. Не мало дней и ночей носились они по бующему морю, безъ пищи и сна, и только горячія молитвы поддерживали ихъ утѣшающія силы. Но „молитва за Богомъ не пропадаетъ“ — уже видна падали приближающаяся лодка, слышались на помощь потерпѣвшимъ кораблекрушенію. Еще минула, и спасательный кругъ, который видѣлся теперь вдали въ рукахъ матроса на подоспѣвшей, хотя и поздно, но все-таки во-время, лодкѣ, — будетъ брошенъ настрѣчу погибающимъ... Вотъ незамысловатый, но въ сѣть съ тѣмъ весьма сложный сюжетъ картины, гравюру съ которой мы помѣщаемъ на стр. 608 и 609. И посмотрите, съ какимъ чувствомъ и знаніемъ дѣла трактовать этотъ сюжетъ: художникъ выказалъ себя не только прекраснымъ жанристомъ, давъ характерныя, позныя выраженія фигуры, но и пейзажистомъ, превосходно исполнивъ фонъ картины. Такая разнородность таланта весьма рѣдка.

Коневецкій монастырь. (Рис. на этой стр.).

12 июня исполнилось 500 лѣтъ съ того времени, какъ повгородскій монахъ Арсеній поселился на находящемся въ Ладожскомъ озерѣ островѣ Коневцѣ. Въ 1393 г., при княженіи московскаго великаго князя Василія Дмитріевича, по прибытіи на Коневецъ, Арсеній построилъ тамъ на горѣ, въ густой чащѣ лѣса, себѣ келью. Вокругъ къ нему стали собираться монахи и селиться вокругъ него. Черезъ 6 лѣтъ Арсеній вмѣстѣ съ другими монахами построилъ деревянную церковь и обнесъ деревянной оградой келью и церковь. Въ 1421 году вода въ Ладожскомъ озерѣ поднялась чрезвычайно высоко и подошла къ самымъ строениямъ. Это побудило перенести обитель въ болѣе возвышенное мѣсто, занимаемое ею въ настоящее время. Здѣсь воздвигнутъ былъ уже каменный храмъ, при чемъ членъ братіи увеличивалось съ каждымъ годомъ. Монахи святаго, преставившагося 12 июня 1444 г., почитаютъ при церкви Рождества Богородицы. По преставленіи прендобнаго Арсенія, основанная имъ Коневецкая обитель мирно процвѣтала въ теченіе 126 лѣтъ, но затѣмъ настали тяжелые дни отъ постоянныхъ войнъ со шведами, и только въ 1718 г., при Петрѣ Великомъ, послѣдовало возобновленіе обители, разрушенной шведами. Съ тѣхъ поръ монастырь сталъ быстро застраиваться и обзаводиться полнымъ хозяйствомъ. Теперь въ монастырѣ подвизаются до 200 монаховъ.

На празднованіи торжества 500-лѣтія монастыря присутствовали Антоній, архіепископъ Финляндскій.

Политическое обозрѣніе.

Перебаллотировки въ Германскій рейхстагъ окончены, и оказались избранными 25 консерваторовъ, 10 членовъ имперской партіи, 35 національ - либераловъ, 10 членовъ свободомыслящаго сообщества, 21 членъ свободомыслящей народной партіи, 7 членовъ южно-германской народной партіи, 9 членовъ центра, 7 поляковъ, 14 антисемитовъ, 20 социаль-демократовъ, 7 вельфовъ, 1 протестующій альянсѣцъ.

Въ виду такихъ результатовъ многія германскія газеты заявляютъ, что слѣдуетъ ожидать благоприятнаго военному законопроектъу большинства, тѣмъ болѣе, что часть депутатовъ центра оставила за собою свободу дѣйствій. *Vossische Zeitung* полагаетъ, однако, что большинство въ пользу законопроекта нельзя считать еще вполне обезпеченнымъ, но что, судя по положенію

дѣлъ, проектъ все-таки пройдетъ, хотя не совсѣмъ гладко и не въ правительственной редакціи.

Документы, прочитанные во французской палатѣ депутатовъ и надѣлавшіе въ ней, а затѣмъ и во всей Франціи столько шума, оказываются поддѣльными. Нѣкто Портошъ создалъ въ ихъ изготавленіи, при чемъ заявилъ, что онъ ихъ поддѣлалъ по наущенію и указаніямъ редактора *Cocard*, Дюкрэ. Оба они арестованы.

Билль объ ирландскомъ самоуправленіи въ англійскомъ парламентѣ подвигается очень медленно, вслѣдствіе всяческихъ затягиваній противниковъ его, испостающихъ терпѣніе правительства и въ концѣ вѣснѣ надѣвшихъ. Носему Морлей 17-го июня изложилъ въ палатѣ общины объявленный Гладстономъ планъ обсужденія ирландскаго билля по статьямъ. По этому плану обсужденіе статей отъ 5-й до 8-й должно быть окончено 6-го іюля вечеромъ, отъ 9-й до 26-й — 13-го іюля ранѣе 10 ч. веч., отъ 27-й до 40-й — 20-го іюля.

Отложеніямъ же обсужденіемъ статьи и дополнителныя статьи, которыя могутъ быть предложены при дальнѣйшихъ преніяхъ, рѣшено прямо внести на голосованіе, безъ обсуждения. Заявленіе Морлея встрѣчено общими сочувствіемъ. Руссель заявилъ въ томъ же засѣданіи палаты, что онъ будетъ осматривать предложеніе Гладстона, такъ какъ, по его мнѣнію, ирландскій билль представляетъ новую конституцію, наносящую продолжательный ущербъ правамъ великобританскихъ подданныхъ. Палатѣ, заключить ораторъ, не слѣдуетъ одобрить предложенія, нарушающаго свободу парламентскихъ преній.

Въ Рагузѣ, 14 іюня, въ присутствіи тысячи гостей, въ томъ числѣ многихъ сербовъ, открытъ памятникъ Гундуличу. На церемоніи присутствовали и далматинскій намѣстникъ, фельдмаршалъ-лейтенантъ фонъ-Давидъ. Изъ Хорватіи и Далмачіи

прислано 165 вѣнковъ. Особенно роскошный вѣнокъ прислалъ Сербскій король.

Въ *Новое Время* телеграфируютъ изъ Вѣны, что по свидѣніямъ изъ Софіи, бывшіе министры — Тончевъ, Стражскій, Радославовъ и Начевичъ, основавшие оппозиционную газету, повели рѣшительную кампанію противъ Стамбулова; они заявляютъ, что намѣрены поддерживать правленіе принца Кобургскаго, но возстаютъ противъ насилія и диктатуры перваго министра. Новая оппозиція, повидимому, пользуется сочувствіемъ и денежной поддержкой австрійской дипломатіи и, вѣроятно, также принца Фердинанда.

Коневецкій монастырь (по поводу 500-лѣтія со дня его основанія).
Рис. Веберъ, грав. Бреддамуръ.

Разныя извѣстія.

— 15 іюня, Ихъ Императорскія Величества посетили первую всероссійскую гигиеническую выставку.

— Ихъ Императорскія Величества съ Ихъ Императорскими Высочествами Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ и Великою Княжною Ксенією Александровною, 16 іюня, отбыли изъ Петергофа, на паровомъ катерѣ, на Императорскую яхту „Царевна“, для слѣдованія въ финляндскія шхеры.

— 15 іюня, Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ отбылъ за границу и 18-го прибылъ въ Лондонъ.

— Высочайше разрѣшено Таганрогской городской думѣ открыть повсемѣтную по Им-

періи подписку на сооруженіе въ г. Таганрогѣ памятника императору Петру Великому.

— 14 мая Высочайше утверждено положеніе о государственномъ квартирномъ налогѣ, а 24 мая законъ о ростовщическихъ дѣйствіяхъ.

— 1 іюня состоялось Высочайшее повелѣніе о введеніи двойного таможеннаго тарифа. На основаніи этого узаконенія, нынѣ дѣйствующій тарифъ будетъ примѣняться лишь къ товарамъ, составляющимъ произведенія почвы и промышленности странъ, предоставляющихъ русскимъ товарамъ наиболѣе льготныя условія ввоза и транзита. Къ товарамъ прочихъ странъ новый тарифъ будетъ при-

мѣняться съ надбавкою 30, 20 и 15% (по роду товаровъ).

— Въ *Правит. Вѣстн.* опубликовано о новомъ изданіи I, II, VI, XII и XVI томовъ свода законовъ.

— 13 іюня праздновался двухсотлѣтній юбилей сооруженія церкви въ подмосковномъ селѣ Покровскомъ, что на Филиахъ.

— Въ нынѣшнемъ учебномъ году въ кіевскомъ учебномъ округѣ шестой и восьмой классы гимназій должны вторично держать письменные экзамены по древнимъ языкамъ, такъ какъ обнаружилось, что темы по латинскому и греческому языкамъ были извѣстны ученикамъ до экзаменовъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№ „Нивы“, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полную годовую подписную плату за „Ниву“ 1893 года, озаботиться своевременными срочными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Г.г. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероля, подъ которымъ получается ими „Нива“.

Научныя и техническія новости.

— Однимъ изъ московскихъ врачей сдѣлано наблюдение, что у больныхъ *брюшнымъ тифомъ* соответственныя *бактеріи*, носители этой болѣзни, — уничтожаются выделяемой больными испариной. Если наблюдение это подтвердится, то оно послужитъ указаніемъ мѣръ предохраненія отъ этой болѣзни.

— Для предохраненія растений отъ всякаго рода *паразитовъ*, будь то организмы растительной природы (грибы) или животныя, слѣдуетъ поливать ихъ 1% воднымъ растворомъ *алкали-нафтолита*, который получается,

если къ расплавленному нафтолу прибавить кали или натра.

— По изслѣдованіямъ Симмонса число *всѣхъ* существующихъ на землѣ *видовъ насѣкомыхъ* достигаетъ громаднаго числа 750,000, изъ нихъ болѣе 100,000 жуковъ. Гумбольдту извѣстны были въ его время только 150,000 видовъ, остальные открыты были послѣ него. Сюда не входятъ еще виды паразитическіе.

— Разнаго рода *карандаши* для письма, рисованія и финифтяной живописи можно готовить слѣдующимъ образомъ: на 100

частей парафиннаго воска прибавляютъ отъ 2 до 10 частей дамарака или вѣселака, 1—2 частей дукромокислаго кали, 50—100 ч. листового золота или порошка бронзы (золотой, мѣдной или изъ другого металла) и 5—20 ч. нафтола. Если хотѣть получить цветной карандашъ, то примѣшиваютъ еще нѣкоторое количество соответственной краски. Всѣ эти вещества перемѣшиваютъ хорошо въ сосудѣ и пагрѣваютъ. Полученную массу высушиваютъ, пока она не получитъ консистенцію, годную для формовки.

Библиографія.

Ө. Арнольдъ и Э. Нидергерферъ. Вспомогательная книжка для лѣсничихъ и лѣсовладѣльцевъ. 2-ое дополненное изданіе. СПб. Изданіе А. Ф. Марка. 1893 г. Цѣна 1 руб.

Первое изданіе этой книги разошлось въ теченіе трехъ лѣтъ, что, очевидно, служитъ лучшимъ доказательствомъ пригодности этой книги. Дѣйствительно, заглавіе книги вполне оправдывается содержаніемъ. Съ одной стороны, цѣль книги: издать лѣсничаго и лѣсовладѣльца отъ массы мѣлкотныхъ вычисленій, сберечь его время при устройствѣ лѣсовъ, оцѣнкѣ лѣсообѣкта, строительнаго и всякаго другого лѣсного матеріала, при опредѣленіи доходности лѣсного участка, или расходовъ на лѣсоразведеніе и проч.; съ другой, — дать эти свѣдѣнія въ возможно сжатомъ, но наглядномъ видѣ въ компактной печати и въ форматѣ, удобномъ для укладыванія въ боковой карманъ. Что касается разработаннаго матеріала, то, понятно, что въ почти данныхъ можно найти разбросанными въ

другихъ спеціальныхъ сочиненіяхъ, но послѣдовательность и цѣлесообразность распределенія всего матеріала является, по меньшей мѣрѣ, однимъ изъ главныхъ достоинствъ книги. При томъ всѣ цифровыя данныя не просто заимствованы или перепечатаны, а проверены и дополнены и, болѣею частью, приведены въ новую систему. Наконецъ, „Вспомогательная книжка“, подобно всѣмъ другимъ сочиненіямъ старѣйшаго и опытѣйшаго нашего ученаго лѣсовода, отличается лясностью и краткостью изложенія. Существеннымъ добавленіемъ второго изданія является: „Таблица для опредѣленія процента прироста на деревьяхъ по способу Пресселера“, необходимая для таксаторовъ удѣльнаго вѣдомства. Далѣе прибавлены къ прежнимъ, отчасти дополненнымъ, даннымъ таблицы объемовъ и вѣса разныхъ древесныхъ породъ и продуктовъ лѣсного хозяйства, и таблица для опредѣленія капитальной цѣнности періодическаго дохода.

С М Ъ С Ъ.

Число афишъ, расклеенныхъ во время выборовъ въ Парижѣ. Во время недавнихъ муниципальных выборовъ въ Парижѣ всѣ свободныя мѣста постоянно заклеивались афишами разныхъ партій.

Такою расклейкой афишъ занимались 1,800 человекъ день и ночь. Они отдыхали лишь урывками въ конторахъ подрядчиковъ по расклейкѣ афишъ. Они огиралялись, обыкновенно, партіями въ шесть человекъ, изъ которыхъ одинъ несъ лѣстницу, а остальные афиши и клейстеръ. За расклейку 250 афишъ платилось по 5 франковъ, такъ что каждый афишера зарабатывалъ по 25 франковъ въ сутки въ теченіе трехъ недѣль. Всего было до 600 кандидатовъ въ члены муниципалитета, и за каждого кандидата расклеено до 15,000 афишъ, такъ что всего расклеено до 9,000,000 афишъ, и на расклейку ихъ употреблено около 11,000 пудовъ клейстера. Кромѣ того, каждый кандидатъ разыскалъ своимъ избирателямъ въ особыхъ конвертахъ свое *profession de foi*. Писаніемъ однихъ адресовъ на конвертахъ занято было 1,900 человекъ по 3 франка въ день.

Не безынтересна борьба нѣкоей 1-жи Доспъ съ афишерами. Эта госножа терпѣть не можетъ афишъ и не доускала наклепки ихъ противъ своего дома. Но афишеры ухитрялись это дѣлать, а ея слуги тотчасъ-же, какъ замѣтатъ, срывали эти афиши. (х.)

Кожа аллигаторовъ (американскихъ крокодиловъ) въ громадныхъ количествахъ стала употребляться для выдѣлки портсигаровъ, обивки сумочковъ и ящичковъ и тому подобныхъ издѣлій. Спросъ на этотъ новый матеріалъ производства до такой степени возросъ, что аллигаторамъ въ нѣкоторыхъ водахъ грозило полное истребленіе. Выбѣсъ съ тѣмъ водяныя крысы размножились въ ужасающемъ количествѣ и стали уничтожать растительныя насажденія и луга вдоль береговъ рѣки. Въ виду этого правительство штата Флориды (въ Сѣверной Америкѣ) издало постановленіе, ограничивающее право охоты на этихъ животныхъ извѣстнымъ временемъ года; во время же кладки яицъ охота запрещена. Теперь только стало понятнымъ, почему египтяне считали нильскихъ кро-

кодиловъ священными животными, умерщвленіе которыхъ считалось страшнымъ преступленіемъ: они приносили несомнѣнную пользу жителямъ Египта, истребляя опасныхъ для хлѣбныхъ злаковъ водныхъ крысъ.

Аклиматизировавшіеся въ Австраліи кролики обнаруживаютъ, по наблюденіямъ Зегетмейера, любопытныя особенности, указывающія на постепенную приспособляемость этихъ животныхъ къ новымъ условіямъ жизни. Лапки ихъ стали легче, когти вытянулись и заострились, и кролики становятся настоящими *лазунами*: то и дѣло излѣзаютъ они на деревья, чтобы поискать себѣ пищи.

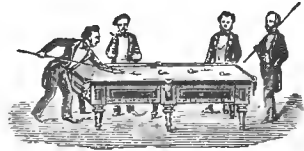
Гигантскій нумеръ выпустила издающаяся въ Чикаго газета „Inter-Ocean“ по случаю вступленія въ 21-й годъ своего существованія. Нумеръ этотъ содержитъ 60 страницъ убористой печати, по 8000 словъ на каждой. Такая масса печатнаго матеріала нормально размѣщается на 1000 страницахъ книги обыкновеннаго формата, такъ что всѣ сообщенія въ тотъ день газею свѣдѣнія: телеграммы со всего свѣта, мѣстныя новости, научныя статьи, объявленія и проч., можно было бы издать въ видѣ двухъ объемистыхъ томовъ по 500 стр. въ каждомъ.

Химическій анализъ азолита, упавшаго недавно въ штатѣ Миссури, въ Сѣверной Америкѣ, обнаружилъ присутствіе значительнаго количества (25% всей массы) неизвѣстнаго до сихъ поръ на землѣ металла. При спектральномъ же анализѣ вещество это дало тѣ же линіи, какія характеризуютъ предполагаемое астрономами въ солнечной атмосферѣ простое тѣло (элементъ), названное ими гелиемъ.

Два вида американскихъ пальмъ даютъ теперь матеріалъ для нѣсколькихъ обширныхъ производствъ. Изъ корневыхъ волоконъ стали дѣлать превосходныя головныя щетки; съ помощью одной только машины можно приготовить до 36,000 штукъ въ день. Свѣжіе листья идутъ для набивки матрасовъ и подушекъ, изъ нихъ дѣлаютъ также опахала и соломенные шляпы. Наконецъ, деревомъ этихъ пальмъ мостятъ улицы въ нѣкоторыхъ городахъ Сѣверной Америки.

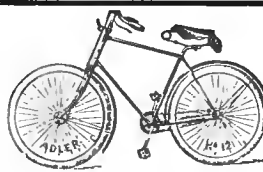
О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

**БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ.**

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7—2. 26—11
Иллюстрированные прейсъ-курранты по требованіямъ высылаются безвозмездно.

Гейнрихъ Клейеръ, велосипеды „Орель“
Франкфуртъ н/М. (отдѣлен. въ Гамбургъ).

Спеціальная фабрика знаменитыхъ 24—12
велосипед. „Орель“.

На всемірной выставкѣ въ Чикаго въ группѣ 83.
Иллюстр. прейсъ-куррантъ за 10 коп. марку.

Д-ръ Волицкий лечит наружные, кожные, грудные болезни, рак и экзотер. Певский, 57, кв. 5. Отъ 2—3 н 6 7¹2 ч. в.

ЛЕПНИНГЪ и ГЮЗНИНГЪ

нмють честь сообщить, что они доставляют черную краску, которую печатается на иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2450

„ЭКСИЖКАТОРЪ“

уничтожаетъ грибокъ; необходимо для каждой постройки. Адресъ: Риттеръ, Варшава. Брошюры бесплатно.

СВЯЖИ МАЙСКАЯ

по 3 руб. фунтъ въ цѣту! и 1 руб. фунтъ обыкновенную (за пересылку особо) № 6445 траву Кузмица „Эфедру“ съ кореньями высылаютъ и допускаютъ наложеннымъ платежемъ, съ приложениемъ способа употребленія. При требованіи 3-хъ фунтовъ прилагаю бесплатно брошюру Портанскаго отъ крышаго „Эфедру“. Иона Ефимовичъ Матвѣевъ, въ г. Бузулукъ, Самар. губ.

НОВОСТИ! КОШЕЛЕКЪ-ПОРТМОНЪ

Типъ Тонъ превосходно сдѣланъ изъ телячьей кожи съ 3 отдѣл., съ никелирован. замкомъ. Изящной и прочной работы.

Секретъ замка сообщается только покупателю и только онъ смѣлится открыть Типъ-Тонъ. Дамскій: шт. 2 р. 75 к.; 2 за 4 р. 95 к. Мужской: шт. 3 р. 25 к.; 2 за 5 р. 75 к. Гармонный: бока раздвигаются какъ у гармоніи, очень выстигательный: шт. 3 р. 75 к.; 2 за 6 р. 75 к. № 6439 6—2 3 разные, по одному отъ каждого, 8 р. 75 к. Пересылаю наложеннымъ платежемъ. С. Петербургъ, **БАЗАРЪ МАРОКЪ** Невск. пр., № 20-31.

МОЗОЛЬНЫЙ ПЛАСТЫРЬ А.ЦИМЛЕРА

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ

ИСК. МОСКВА, МЯСНИЦКАЯ Д. КОСТЫРЪ

КРАСИВО ПИСАТЬ выучивается вслѣдъ заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФИИ **А. КОССОДО.**

Методъ преподаванія на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. н удостоенъ золотой медали. № 6208 52—19 За 2 семиконечныя марки высылаются пробное письмо и условія. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссоду въ Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

1-й ВЫИГРЫШНЫЙ

заемъ, 1 июля тиражъ, продается на условіяхъ дешевыхъ и добросовѣстныхъ **БАКІРСКИЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОККЪ,** 59, Невскій, Спб. (4—4) 1 марта с. г. на билетъ II займа, сер. 02031 № 25, купленный въ Банк. Домъ съ задаткомъ 20 руб., нал. выигрышъ въ 5000 р. н 1 мая с. г. на билетъ III (Дворянскаго) займа 05113, № 04 выигрышъ въ 500 р.

ТОЛЬКО 4 Р. 90 к.; 2 за 9 р. 55 к.; 3 за 13 р. 90 к.
ПРЕЛЕСТНОЕ ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО 56-й ПРОБЫ съ искусств. ПРЕВОСХОДНЫМЪ БРИЛЛАНТОМЪ
БЕЗЪ ФОЛЬГИ ИЛИ ПОДКЛАДКИ, такъ что узнать отъ настоящаго брилліанта. № 6140 2—2
Перес. налож. платежемъ. **БАЗАРЪ МАРОКЪ** С.-Петербургъ, Невскій, № 20-31.

ДУХИ: „ПЕРСИДСКАЯ СИРЕНЬ“ „ЛЮБИ МЕНЯ“ „КОРИЛОПСИСЪ“ „ИСПАНСКАЯ КОЖА“ „КОНЕЦЪ ВЪКА“ „ЛѢСНОЙ ЛАНДЫШЪ“.

НОВОСТЬ! Прелестная туалетная вода „О-де-БРОКАРЪ“

ФАБРИКН **Брокаръ и К°.**

Невскій, д. 30, СПб. № 6428 3—2

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ.

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВЪНѢ

Употребляется для мытья кожи, лица и рукъ. Способъ употребленія. При приготовленіи этого бальзама главное обращено на то, чтобы въ составъ оного вошли бы исключительно вещества, не оказывающія дурнаго вліянія на кожу. Цѣна флакону 1 р. 65 к.; Безоноевое мыло 35 к. и 50 к. кусокъ; Опономада (лучше колыб-према) 1 р. Упаковка и перес. въ Европ. Россіи 70 к., въ Азіатск. 1 р. Главный складъ для всей Россіи у В. АУРИХА, въ С.-Петербургѣ, Колокольная, № 18—19. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарск. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

НАТУРАЛЬНАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА ФРАНЦЪ-ИОСИФЪ

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ: Въ послѣднее время появились въ продажѣ искусственныя воды подъ названіемъ „ФРАНЦЪ-ИОСИФЪ“, почему покорнѣе просимъ при покупкѣ нашей натуральной воды, обращать вниманіе на ярлыкъ съ короной.

Дирекція источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ „ФРАНЦЪ-ИОСИФЪ“ въ Будапештѣ. Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и Заграницы. Дирекція въ Буда-Пештѣ.

Leichner's Fettmilder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.

Пудра для вечера и дня, незаменима на кожѣ! Косметическое средство для утонченія красоты кожи! Цѣна коробки 1 рубль! В. № 6258 10—7

Театральная гримировка! Жирныя румяна, бѣлила. Карандаши для бровей! Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ Бельгійскихъ Императорскихъ театровъ. Главный складъ для всей Россіи: у В. АУРИХА, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

EAU DENTIFRICE BALSAMIQUE DE LOHSE

БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5121 (29)

Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

46. Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ. Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ГЛАВНЫЙ СКАДЪ ХВОЙНИКА ЭФЕДРА (Ephedra vulgaris).

К. С. Шерстинкова, въ Бузулукъ, Самарской губ., лучшіе, отборные сорта хвойника эфедра (травы Кузмица) собственнаго свѣжаго сбора, специально приготовленные для розничной продажи, высылаютъ во всѣ мѣста Россійской Имперіи по 1 руб. за фунтъ безъ пересылки, съ приложеніемъ наставленія. Высылака производится и съ наложен. платеж. Желающимъ ознакомиться съ подробнымъ описаніемъ хвойника, его свойствъ и способомъ употребленія, на каждые 3 ф. высыл. по одной и на 5 ф. по двѣ брошюры П. П. Портанскаго бесплатно. Адресъ для телегр.: БУЗУЛУКЪ, ШЕРСТНИКОВУ. № 6144

СТРАХОВАНИЕ ЖИЗНИ

ВЪ

СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ

„РОССІЯ“

Высочайше утвержденомъ въ 1881 году.

Основной и запасный капиталы 18.500.000 руб.

Примѣръ. Отецъ семейства, 38-ми лѣтъ отъ роду, страхуетъ 10.000 руб., которые должны быть выданы женѣ и дѣтямъ немедленно послѣ смерти. За такое страхованіе онъ уплачиваетъ трехмѣсячную премію въ 77 руб. 50 коп. и пользуется участіемъ въ прибыляхъ Общества.

Страхованія принимаются на суммы отъ 1.000 до 100.000 руб. на жизнь одного лица. Застрахованный капиталъ выдается и въ случаѣ смерти отъ холеры или другой эндемической болѣзни.

Дивидендъ страхователей за 1892 г.—12⁰/₀.

Первый дивидендъ страхователямъ назначается послѣ третьяго года страхованія.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, собств. домъ № 37) и агентами Общества въ городахъ Имперіи.

№ 6431 6—2

Заказы из провинции исполняются немедленно и аккуратно.
По получении заказа приблизительно из стоимости заказа требуемое высылается с наложенным платежом по остальной сумме.

СКРИПКИ

по 2, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дороже.
Смычки для скрипки по 50 коп., 1 р., 1 1/2, 2, 3, 5, 10, 15, 20, 30 и 60 р.
Бутылки для скрипки по 3 1/2, 5, 7, 10, 15, 25, 40 и 60 р.

Струны, капрофон и все другие принадлежности.
Скрипки 2, 4, 6 и 8 величин для детей по тем же ценам как и большие.

КОРНЕТЫ-А-ПИСОНЫ

хорошей заграничной работы в 1 1/2, 15, 22, 25 и 35 руб., собственной С.-Петербургской фабрики в 50, 60, 75 и 100 р. Знаменитой фабрики Connors в 90 руб., 150 руб. и 250 руб.

ФЛЕЙТЫ

хорошей заграничной работы в 2, 4, 5, 9, 15, 20, 30, 40 и 50 руб., собственной С.-Петербургской фабрики в 60, 75, 85, 120 и 160 р. Флейты "модели Циммермана", находящиеся в употреблении у первых артистов, по 85 и 120 руб.

Иллюстриров. прейс-курант — бесплатно
ЮЛИЙ ГЕНРИХ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо
музыкальных инструментов и ноты:
С.-Петербург, Б. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнец. мост, д. Захарьина.

П. № 6432 8-3

Велосипеды английскаго завода
„Гумберъ и К^о. Лмтд.“
лучше въ свѣтѣ!
предлагаетъ торговый домъ
Г. ЖЕМЛЕНЧЕКА и К^о.
Москва, Петинский просп., домъ Ежиковой.
Прейс-куранты — бесплатно.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЯ КАМЕРЫ

въ громадн. выборѣ.
Нов. иллюстр. прейс-куранты высылаются.
МОМЕНТАЛЬНЫЯ ПЛАСТИНКИ „БЕРНАРТЪ“.
При складѣ имѣется лабораторія и разлѣзненія при покупкѣ безвозмездно. 10-8

К. И. Фреландтъ.

С.-Петербург, у Казанскаго моста д. № 30/16.
Москва, Мясницкая, д. Соколова.
Харьковъ, Московская ул., д. Штейфанъ.

Поставщик Высочайшихъ Особъ и Русской арміи.

Около 1000 велосипедовъ на складѣ.
Большинство полковъ болѣе 500 офицеровъ пользуются машинами велосипедовъ.
въ Россіи складъ

САМЫЙ ОБШИРНЫЙ ВЕЛОСИПЕДОВЪ.

Торговый домъ **Ж. БЛОКЪ.**
(основ. въ 1863 г.)

МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава,
Ц. А. Кокандъ и Екатеринбургъ. 25-20
5982 Новый каталогъ 80 страницъ.

БЕЗПЛАТНО.

НАВОЖДЕНІЕ. Розн. изъ современн. жизни
Вс. Соловьева, Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 10 к.

Вышли изъ печати и разосланы подписчикамъ

6-й и 7-й ВЫПУСКИ

новаго роскошнаго періодическаго изданія, подъ названіемъ:

„ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА НИВЫ“.

годъ первый (1893), содержащій въ себѣ:

СКАЗКИ,

собранныя братьями Я. и В. ГРИММАМИ.

переводъ подъ редакцію П. Н. ПОЛЕВОГО.

Иллюстраціи П. Гротъ-Юганна.

24 вып., каждый — въ роск. обложкѣ, по одному вып. черезъ каждыя двѣ недѣли.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

Подписка продолжается, и каждый новый подписчикъ получаетъ изданіе полностью, т. е. начиная съ 1-го выпуска.

Цѣна за все изданіе (24 выпуска) 12 р., а съ пер. иногор. 14 р.

Допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ:

безъ дост. съ пер.	безъ дост. съ пер.
при подпискѣ. 6 р. 8 р.	къ 1-му сентября. 2 р. 2 р.
къ 1-му августа. 2 р. 2 р.	къ 1-му октября. 2 „ 2 „

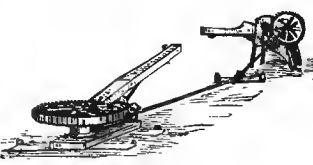
Подписка на это изданіе принимается въ главной конторѣ журнала „Нива“, въ СПб., Невскій, № 6; въ Москвѣ, въ Конторѣ Н. Н. Печковской, а также во всѣхъ книжн. и эстампныхъ магаз.

Для ознакомленія съ изданіемъ, вновь отпечатанный 1-й выпускъ „СКАЗОКЪ“ высылается всѣмъ желающимъ за 50 коп. почтовыми марками.

ДЕПО МАШИИ и МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ

Франца Θεодоровича УРЛАУБА въ С.-Петербургѣ

Васильевскій островъ, 1 линія, домъ № 2—предлагаетъ:

АМЕРИКАНСКУЮ СЛОЖНУЮ МОЛОТИЛКУ „МАЛЫЙ ВЕЛИКАНЪ“ обмолачивающая и одновременно сортирующая хлѣбъ при 3 до 4 лошади. тяги. Цѣна съ 4 коп. привода, 690 р.
УЛУЧШЕННУЮ МУКОМОЛЬНУЮ МЕЛЬНИЦУ „ТРИУМФЪ“ съ вертикальными жерновами 14 1/2 18 1/2 20 1/2 24 1/2 и 28 1/2 діам., очень простая и прочная, не требующая мелника. Ручная и конная мельница Корбета 90 р. и 145 руб.

Ручная и конная молотилки, конные приводы, вѣялки и сортировки.

КРОСТОНА тарелочн. бороны съ дисками-американ. мн 18 1/2 и 16 1/2 діам.; ею можно двинуть и тронуть; задымлять сѣмена, рыхлить почву и дробить влажные глины. Лучшая бороны. Цѣна 75 и 90 руб.

КАЛА-пружинная бороны — глибодробъ-МАЗУ съ 18 стальными зубьями — единственная успѣшная для каменитыхъ, глинистыхъ и тяжелыхъ почвъ. Задымляетъ сѣмена, разбиваетъ комья и рыхлитъ всю почву. Цѣна 55 руб.

НОРВЕЖСКАЯ РЫЧАЖН. БОРОНЫ, БОРОНЫ ЗИГЪ-ЗАГЪ, ВАЛЬСУРА и пр. СОЛОМОРЪЗКИ отъ 18 р. и до 100 руб. БѢЛЫЕ КАТКИ, ПРАЧЕШН. МАШИНЫ.

„НЕВА“ — новѣйшая пожарная труба систем. завода Ф. О. Урлауба, удостоенная на пожарной выставкѣ въ С.П.Б. 1892 г. „серебряной медали“, единственная у которой можно безъ примѣненія гаснаго ключа во всякое время вынуть клапаны. Выбрасываетъ болѣе воды, чѣмъ какал-либо другая, требуетъ меньше прислуги, прочнее и прочее. Дѣлается 5 размѣровъ на 600, 900, 1200, 1800 и 2400 ведръ воды въ часъ. Цѣна отъ 120 р. и до 600 руб.

РУССКАЯ ПОЖАРН. ТРУБА УРЛАУБА, выбрасывающая въ часъ 600 ведръ воды, стоитъ съ рукавами только 110 руб. — очень прочна и проста.

НАСОСЫ РЕМИНГТОНА амер. для колодезь отъ 30 руб.

ЛЕТАЮЩІЙ 3-колесный американ. плугъ голланд. съ сидѣньемъ. При 3 лошадей и 1 рабочемъ дѣлаетъ ту же работу, на которую потребны 3 обычныхъ.

Иллюстр. каталогъ высылаю за 10 коп. марку.

Фирма существуетъ съ 1870 года.

№ 6446

НОВОСТИ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО

Фантазія на мотивы изъ оперы „Юланта“ 50 к.
Фантазія на мотивы изъ оперы „Пиковая дама“ 40 к.
Иллюстрація на мотивы балета „Щелкунчикъ“ 60 к.
Элегія изъ серенады П. Чайковскаго переложенная для ф. п. Т. Нирхне-рми 50 к.

Пять русскихъ романсовъ перел. для ф. п. Н. фонъ-Вильма.

1. Душека дѣвца 30 к. 2. Ожиданіе 30 к. 3. Мнѣ твердили на балѣ 30 к. 4. Прости меня, Одерова 40 к. 5. Къ солнышку, Моношко 20 к.

Москва у П. ЮРГЕНСОНА.

СПБ. у Ю. Юргенсона, Варшава-Г. Зенемальдъ.

Фирма препринорована на европейскія выставкахъ десятию золотыми медалями и высшимъ знаками.

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ.

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Для вѣжливости и свѣжести лица; лицо остается всегда чистымъ. Цѣна банки 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ, прому обратитъ вниманіе на подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли антикарскими товарами, Казанская, 12, и во всѣхъ избѣстныхъ антикарскихъ и парфюмерныхъ торговыхъ Россійской Имперіи. Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Васильевскій ул., д. № 2.

PARFUMERIES

aux

Violettes de Parme

ED. PINAUD

Savon.... aux Violettes de Parme

Essences... aux Violettes de Parme

Huile.... aux Violettes de Parme

Poudre de Riz aux Violettes de Parme

37, BOULEVARD de STRASBOURG

PARIS

GRAND PRIX

EXPOSITION-PARIS 1889

ФОТОГРАФИЧЕСКІЯ АППАРАТЫ

НАЧИНАЯ СЪ 12 РУБ. ДО 500 РУБЛЕЙ

СОБСТВЕННЫЯ МАСТЕРСКІЯ,

УСТРОЕННЫЯ ДВѢИ,

ДЛЯ ПРЕИМУЩЕСТВЕННАГО

БРУНО ЗЕНГЕРЪ и К^о

СПЕЦИАЛЬНЫМЪ СПОСОБОМЪ

ПОСТ. СКАЛА. РАБ. РАБ. РАБ. РАБ.

ТРЕБУЙТЕ НАСТОЯЩЕЕ МЫЛО

ПРОИЗВОД.

АМОСТРОУМОВА

ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТЫ

УСТРОЕННЫЯ ДВѢИ,

ОСТЕРЕЖАЮЩАЯ ПОДДѢЛОКЪ

ШОКОЛАТЪ

ФАБРИКИ „ЕСТУКЪ“

НАХОДЯТСЯ ВО ВСѢХЪ ГОРОДАХЪ

РОССІИ. МАРКА.

ОСТЕРЕЖАЮЩАЯ ПОДДѢЛОКЪ

ОСТЕРЕЖАЮЩАЯ ПОДДѢЛОКЪ

ОСТЕРЕЖАЮЩАЯ ПОДДѢЛОКЪ

ОСТЕРЕЖАЮЩАЯ ПОДДѢЛОКЪ

ОСТЕРЕЖАЮЩАЯ ПОДДѢЛОКЪ

ОСТЕРЕЖАЮЩАЯ ПОДДѢЛОКЪ

ОСТЕРЕЖАЮЩАЯ ПОДДѢЛОКЪ

ОСТЕРЕЖАЮЩАЯ ПОДДѢЛОКЪ

ОСТЕРЕЖАЮЩАЯ ПОДДѢЛОКЪ

ОСТЕРЕЖАЮЩАЯ ПОДДѢЛОКЪ

